ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ ПЕРЕДОЛЬСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ СXII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXII.

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1908

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1908 года).

логіи и исторіи искусствъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Съ 40 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. В. Р—ва.—30) А. С. Пушкинъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его произведеній для учащихся. Составилъ Ал. Соловьевъ. Спб. 1908. Н. Л.— 31) Покровскій, В. И. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1908. Я. Бирюкова.—32) М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908. Н. Л. — 33) А. И. Яцимирскій, привать-доцентъ с.-петербургскаго университета. Новѣйшая польская литература отъ возстанія 1863 года до нашихъ дней, т. I, 420 стр.; т. II—494 стр.; ц. 4 р. Спб. 1908. Б. Г. — 34) Проф. А. Л. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли (1863 — 1907). Спб. 1907. Андрея Сиротинина.—35) Вѣстники Грузіи. Кн. I. Тифлисъ. 1907. Цѣна 60 к. А. Хаханова. — 36) Густавъ Лебонъ. Психологія соціализма. Полный переводъ съ французскаго 5-го изданія. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ его къ русскому изданію. Спб. 1908. Л. Н.—37) А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908. А. М. Нечаева.—38) Ник. Вашкевичъ. Исторія хореографія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. Выпускъ 1-й. Москва. 1908. Б. В. — 39) А. Розенбергъ. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ О. Ѳ. Павловской подъ редакціей проф. А. А. Павловскаго. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. А. Павловскаго. Спб. 1907. Выпускъ I. А. Я.— 40) Русскій біографическій словарь. Бетанкуръ-Бякстеръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцева. Спб. 1908. С. Ш.—41) Профессоръ Евгеній Бобровъ. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ. 1907. Профессора М. Красножена.— 42) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ 3-й (II-й). Годъ третій. М. 1907. В. Р—ва. — 43) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1908 годъ. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1908. Л. Н. Павленкова.— 44) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 123-й. Спб. 1907. В. Р—ва. — 45) Романъ императрицы. Екатерина II императрица всероссійская. К. Валишевскаго. Съ 35 портретами на отдѣльныхъ листахъ Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1908. Ц. 5 р. Н. А. Энгельгардта.—46) К. Дьяконовъ. Духовныя школы въ царствованіе императора Николая I. Сергіевъ посадъ. 1907. Ѳ. Благовидова.—47) Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 гг.). Томъ IV. Царствованіе Екатерины II (1762—1795 гг.). Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій (1780—1783 гг.). Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1907. А. Я. — 48) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XII. Юрьевъ. 1907. П—ра.—49) Извѣстія тамбовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 52. Подъ редакціей правителя дѣла Н. А. Щеглова. Тамбовъ. 1906. В. Рудакова. — 50) Записки Восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемыя подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Т. XVIII, вып. I (съ приложеніемъ 3 таблицъ и одного портрета). Спб. 1907. А. Миронова. — 51) Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ (за 1880—1904 гг.). Составилъ Б. М. Городецкій. Спб. 1908. Стр. VI+744. Ц. 5 р. А. — 52) Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. К. Ф. Ординъ. Т. I. Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Спб. 1908. 301 стр. Ц. 2 р. М. Майкова. — 53) М. Газенкампфъ. Мой дневникъ. 1877.—1878 гг., 5 приложеній. Спб. 1908. Л. Н.—54) Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Спб. 1908. Стр. 273, ц. 1 р. 25 к. Б. Г.—55) Алексѣй Ремизовъ. Лимонарь сирѣчь Лугъ Духовный. Издательство «Оры». Спб. 1907. А. Я.—56) Проф. Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. Спб. 1907. А. Фомина.— 57) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. III. Примѣчанія В. И. Саитова. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1908. Н. Л. — 58) Проф. Н. И. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Москва. 1908. А. Б—лова.—59) Проф. Т. Д. Флоринскій. Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ. 1907. А. Сиротинина.—

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1908 г.

СТРАН.

(См. слѣд. стран.).

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1].

Историческій романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXVIII.

Путь къ славѣ.

Совершенно неожиданно и противъ воли получивъ адъютантство при свѣтлѣйшемъ, бывшее предметомъ вожделѣній всякаго гвардейца того времени, Павелъ Корнильевичъ Радожицкій не зналъ, радоваться ему или печалиться. Одинъ поворотъ колеса слѣпой фортуны, повиновавшейся одноглазому своему любимцу, поставилъ молодого человѣка впереди множества искателей случая. Долженъ былъ онъ принести требуемую субординаціей и учтивостью благодарность свѣтлѣйшему. Но проговорилъ какъ во снѣ въ такихъ обстоятельствахъ принятыя слова, самъ не отдавая себѣ отчета въ ихъ значеніи. Между тѣмъ Потемкинъ, милостиво и особливо отъ прочихъ кивнувъ головой новому адъютанту, удалился въ свои покои.

Къ Радожицкому подошелъ намѣстникъ и, поздравляя съ производствомъ, ласково заговорилъ съ нимъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXI, стр. 769.

Подошли и другія особы.

Всѣ тѣснились къ счастливцу, всѣ поздравляли его. Рой прочихъ адъютантовъ Потемкина знакомился съ новымъ своимъ сотоварищемъ. Особую любезность къ нему проявилъ правитель дѣлъ Поповъ, заявившій, что заступничество его за стараго майора показываетъ въ немъ прямо благородное и полное человѣколюбія сердце. При этомъ грекъ смотрѣлъ въ лицо Радожицкому черными, сладкими, оливообразными глазами. Въ толпѣ свидѣтелей необыкновеннаго производства шли толки втихомолку. Удивлялись смѣлости и ловкости молодого человѣка. Не мало устремлялось на него и косыхъ, горящихъ завистью взглядовъ. Уже, видимо, подъ черепомъ у многихъ завозилась мысль, какимъ бы образомъ ископать яму выскочкѣ и ловко столкнуть его туда... Павелъ Корнильевичъ продолжалъ, какъ въ туманѣ, отвѣчать на любезные вопросы, благодарить за поздравленія. Онъ все еще не могъ оцѣнить свое новое положеніе и найтись въ немъ. Свѣтлѣйшій выслалъ чиновника сказать, что въ этотъ день пріема больше не будетъ никакого. Толпа съ оживленнымъ говоромъ двинулась къ выходамъ залы. Увлеченный общимъ движеніемъ, послѣдовалъ за толпой и Павелъ Корнильевичъ.

Товарищи-адъютанты съ обѣихъ сторонъ наперерывъ приглашали его вечеромъ, чтобы отпраздновать назначеніе и выпить бокалъ вина. Онъ, конечно, не могъ отказать. Въ дверяхъ добродушный могилевскій губернаторъ, видимо отъ сердца, трижды заключилъ его въ объятія и расцѣловалъ. Возлѣ стояли его жена и прелестная, златокудрая дочь. Онѣ тоже улыбались юношѣ и поздравляли его. Николай Богдановичъ сказалъ, что сейчасъ пошлетъ нарочнаго въ Хорошенки съ тѣмъ, чтобы извѣстить о радостномъ событіи его родителя и матушку.

— Вѣдь такъ и не пріѣхалъ упрямый вашъ родитель въ Могилевъ! — говорилъ губернаторъ. — Но я въ письмѣ буду просить его, хотя ради учтивости, послать свѣтлѣйшему благодарность, означивъ себя больнымъ!

— Едва ли батюшка въ этомъ уступитъ,— сказалъ Павелъ Корнильевичъ.— А вотъ матушка чрезвычайно обрадуется! Она спала и видѣла меня адъютантомъ свѣтлѣйшаго.

— Да, видно, материнская молитва доходна до Бога,— сказалъ губернаторъ.—Правду молвить, полагалъ я, услыша ваше заявленіе свѣтлѣйшему, что онъ васъ въ рядовые разжалуетъ. Вышло иначе. Однако впредь остерегайтесь повторять таковое сальтомортале...

Тутъ Павелъ Корнильевичъ попалъ въ объятія своей замужней сестры и бригадира Шептунова, въ это утро прибывшихъ въ Могилевъ. Вмѣстѣ съ ними, въ радостной бесѣдѣ, спускался онъ по широкой лѣстницѣ губернаторскаго дома, намѣреваясь пройти въ

личные покои Николая Богдановича, когда шумныя восклицанія, остановили его:

— Вотъ онъ, главный матедоръ!

— Вотъ такъ спонтировалъ, нечего сказать!

— И безъ «старичка» обошелся! Видно, ему слѣпая бабушка ворожитъ!

То были—Уланіусъ, Поппе и капитанъ Ходоровскій. Наперерывъ принялись они обнимать Павла Корнильевича, отвѣчавшаго, однако, весьма сдержанно и холодно на ихъ товарищескій порывъ. Они тоже приглашали его на обѣдъ къ генералу Пушкову. Тутъ появился и самъ новоиспеченный «генералъ отъ пиротехніи». Хотя заступничество Попова унесло и вторую половину родового его имѣнія, онъ сіялъ, справедливо убѣжденный, что въ скорости возвратитъ затраты десятерицею. Но старался однако сохранять важное спокойствіе, и слова, обращенныя имъ къ Павлу Корнильевичу, были наставительны и сдержанны. Онъ сказалъ, что самъ бы присоединился къ аттестаціи майора Полчанинова, сдѣланной Радожицкимъ, если бы не стоялъ слишкомъ далеко, въ послѣднихъ рядахъ. Но что онъ еще будетъ имѣть случай особливо о семъ докладывать свѣтлѣйшему. Улыбка, скользнувшая при этомъ по толстымъ губамъ «генерала отъ пиротехніи», выдала, какого рода будетъ докладъ его о старомъ «румянцовцѣ».

— Вотъ, вѣдь, что значитъ случай!—продолжалъ онъ.—Не говорилъ ли я вамъ? Все, казалось, пропало. Вдругъ васъ вдохновило сдѣлать необыкновенное свѣтлѣйшему представленіе. И сами успѣли, и меня передвинули въ главную генералъ-фельдмаршальскую квартиру. Но все же и наша галерея не осталась незамѣченной свѣтлѣйшимъ! Да! да! Усердіе наше не осталось безъ плода. Что значитъ — великій человѣкъ! Какой глазъ! Какая память! Сколько ни былъ недоволенъ по случаю испуга глупыхъ буцефаловъ — галерею оцѣнилъ! Хочу просить свѣтлѣйшаго помощниками мнѣ по пиротехнической части сихъ господъ офицеровъ и поручика Вандуру. Господинъ Поппе! запишите насчетъ поручика Вандуры. Прошу пожаловать отобѣдать ко мнѣ!—заключилъ рѣчь свою Пушковъ и, снявъ парикъ, принялся утирать потъ, изобильно покрывавшій его черепъ и толстое лицо.

— А послѣ трапезы заложимъ ломберъ, другой, третій!—не утерпѣлъ ввернуть, потирая руки, капитанъ Ходоровскій.

Но Павелъ Корнильевичъ столь же сдержанно и холодно благодарилъ генерала, сказавъ, что приглашенія его, къ сожалѣнію, принять не можетъ, такъ какъ уже обѣщалъ товарищамъ-адъютантамъ. Съ учтивымъ поклономъ Радожицкій удалился.

— Ишь ты,—проворчалъ капитанъ:—нашего брата больше и знать не хочетъ, какъ выскочилъ въ адъютанты! Теперь мы ему не компанія!

— Посмотримъ, долго ли еще будетъ его адъютантство,—сказалъ генералъ Пушковъ, недовольный отказомъ.—Разъ ляпнулъ—удалось! Но ежели въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ свѣтлѣйшему и впредь подносить такіе сюрпризы, то не долго продлится его случай!

Пушковъ совсѣмъ забылъ о роковыхъ послѣдствіяхъ собственнаго «сюрприза» на большой могилевской дорогѣ, которыя отвратилъ только счастливый случай.

— Правдолюбъ нашелся! Выскочка! — ворчалъ генералъ отъ «пиротехніи» и, нахлобучивъ парикъ, удалился съ офицерами изъ губернаторскаго дома.

Въ покои Николая Богдановича, куда направился съ нимъ Радожицкій, его сестра и честный бригадиръ, скоро прошелъ и правитель канцеляріи намѣстника Гамалѣя.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ торжественно, обращаясь къ Павлу Корнильевичу,—вы вступаете нынѣ на путь честей и славы. Не забывайте, однако, что путь сей обставленъ многими западнями и превратностями! Впрочемъ, чистое ваше сердце будетъ вамъ путеводителемъ.

Павелъ Корнильевичъ скромно повторилъ, что ищетъ лишь прямой службы, а не почестей и отличій, впрочемъ, поступая согласно съ наставленіемъ родительскимъ: ни на что не навязываться, но и ни отъ чего добраго не отказываться.

— Я сказалъ, что чистое ваше сердце есть вамъ путеводитель,—повторилъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.—Всевидящее око Строителя вселенной, несомнѣнно, вознаградитъ васъ за благородное вмѣшательство въ судьбу несчастливцевъ, встрѣчающихся на вашемъ пути, которымъ ищете всегда въ мѣру силъ своихъ благотворить. Николай Богдановичъ!—обратился Гамалѣя къ губернатору:—прикажите ввести сюда того человѣка, который присланъ къ вамъ съ письмомъ отъ графа Мелина, и извѣстную вамъ дѣвушку.

Губернаторъ далъ знакъ слугѣ, и черезъ минуту въ покой вошелъ крестьянскій парень въ бѣлой свитѣ и съ нимъ дѣвушка-крестьянка.

Съ волненіемъ узналъ въ нихъ Павелъ Корнильевичъ тѣхъ несчастныхъ сельскихъ любовниковъ, участью которыхъ столь былъ тронутъ и о комъ писалъ старому графу.

Дѣвушка и парень, заливаясь слезами, пали на колѣни и, цѣлуя полу кафтана Павла Корнильевича, въ жаркихъ, простодушныхъ словахъ благодарили его за заступничество. Павелъ Корнильевичъ поднялъ парня и дѣвушку, самъ чувствуя слезы на рѣсницахъ, и сказалъ, что должно имъ благодарить не его за устройство ихъ счастья, но Бога и добраго своего господина.

XXIX.

Движеніе Потемкина.

Хотя свѣтлѣйшій взялъ въ адъютанты Павла Корнильевича, какъ прямого человѣка, способнаго говорить ему правду, но самъ не выказывалъ никакого желанія потребовать отъ него исполненія сей щекотливой обязанности, а если бы Радожицкому вздумалось это по собственному почину и побужденію, то онъ не нашелъ бы подходящей минуты, до того предался Потемкинъ кипучей, всепоглощающей дѣятельности. Только теперь понялъ Павелъ Корнильевичъ какъ гигантскій захватъ предпріятій свѣтлѣйшаго, такъ и неутомимость, и необыкновенную продуктивность его энергіи. Въ этой дѣятельности свѣтлѣйшій не отвелъ тѣмъ не менѣе никакого мѣста новому своему адъютанту, и Радожицкій рѣшительно ничѣмъ не былъ занятъ, что скоро стало томить его. Однако, единственный глазъ Потемкина всякій разъ отыскивалъ Павла Корнильевича въ толпѣ, непрестанно возраставшей по мѣрѣ движенія къ театру военныхъ дѣйствій, прочихъ его адъютантовъ. Казалось, свѣтлѣйшему доставляло удовольствіе и отдыхъ покоить взоръ свой на честномъ, открытомъ лицѣ молодого энтузіаста. При этомъ онъ каждый разъ, на тайную зависть присутствующимъ, милостиво кивалъ Радожицкому головой. Дѣятельность Потемкина во истину не знала ни предѣловъ, ни устали. Три арміи—бѣлорусская, малороссійская и екатеринославская—одновременно были предметомъ его попеченій. Огромныя поставки провіанта, фуража и аммуниціи заставляли его постоянно сноситься со всевозможными поставщиками и подрядчиками. Подвигаясь постепенно къ югу, свѣтлѣйшій въ различныхъ мѣстечкахъ дѣлалъ смотры частей войскъ, собравшихся на рандеву. Въ то же время огромная переписка велась имъ по внутреннимъ и заграничнымъ дѣламъ. Онъ пересылался курьерами съ пріятелемъ своимъ графомъ Мирабо и особенно пристально слѣдилъ за разгоравшейся во Франціи революціей. Всѣ части турецкой монархіи, гдѣ воцарился 7 апрѣля того года молодой, исполненный честолюбивыхъ замысловъ и реформаторскихъ побужденій султанъ Селимъ, были изучены имъ въ совершенствѣ. Свѣтлѣйшій переписывался съ Булгаковымъ о русско-турецкомъ торговомъ договорѣ, въ то же время чрезъ таинственныхъ лицъ сносясь съ матерью-султаншей и докторомъ Лоренцо, итальянскимъ хирургомъ, пользовавшимся огромнымъ довѣріемъ восемнадцатилѣтняго султана. Не одна Турція занимала Потемкина. Онъ зналъ обо всемъ, что происходило въ дунайскихъ княжествахъ и на Кавказѣ. Всюду тамъ имѣлъ онъ своихъ агентовъ и велъ переписку, между прочимъ, съ родственникомъ своимъ, Павломъ Потемкинымъ, — о дѣлахъ

Грузіи, склоняя царя Ираклія перейти въ русское подданство, а съ академикомъ Палласомъ—о военныхъ поселеніяхъ на Кавказѣ; занимали его и персидскія дѣла, но въ смыслѣ конкуренціи его планамъ; возвышавшіеся при дворѣ Зубовы старались привлечь вниманіе императрицы къ Персіи. По полученіи всемилостивѣйшаго манифеста, Потемкинъ почиталъ «тылъ» свой въ Петербургѣ обезпеченнымъ и всецѣло отдался грандіозному движенію на Днѣстрѣ и Бугѣ. Открывавшаяся кампанія должна была окончательно сокрушить Оттоманскую Порту и предать въ русскія руки самый Стумбулъ и проливы, куда уже мысленно свѣтлѣйшій велъ свой черноморскій флотъ. Переговоры съ графомъ Мирабо должны были передать Россія протекторатъ надъ островомъ Мальтой въ Средиземномъ морѣ, и затѣмъ военно-морское могущество Россіи было бы обезпечено. Уже Потемкинъ видѣлъ свои корабли идущими отъ Мальты дальше, сквозь Гибралтаръ и огибающими западъ Европы, при нѣмомъ изумленіи Альбіона, проходящими Нѣмецкое и Балтійское моря и подплывающими къ Зимнему дворцу... Онъ заранѣе переживалъ торжественную минуту, когда Екатерина выйдетъ изъ дворца, и адмиралъ прибывшаго флота поднесетъ ей колѣнопреклоненно ключи города Константинополя... Но среди мечтаній его всегда появлялись предъ нимъ два темныхъ, враждебныхъ образа. То были — австрійскій полномочный посланникъ графъ Кобенцель, сырой, толстый, рыжій неряха, вѣчно занятый, по видимости, актерствомъ, постановкой комедій, въ которыхъ игралъ, набивъ карманы костюма полученными и еще не распечатанными и не прочтенными дипломатическими депешами,— на самомъ дѣлѣ неутомимый въ пронырствахъ, коварнѣйшій интриганъ. Другое лицо — англійскій дипломатъ Гаррисъ. Въ глаза Петемкинъ и Гаррисъ называли себя друзьями... Но свѣтлѣйшій великолѣпно зналъ, что Гаррисъ такъ же лживъ, коваренъ и безсовѣстенъ, какъ вся политика Англіи. Потемкинъ былъ бы не прочь обезопасить себя въ отношеніи Англіи, заключивъ торговый договоръ съ нею Россіи; но предпочиталъ онъ манить Гарриса этимъ договоромъ и тянуть время, въ то же время предоставивъ русскому посланнику въ Парижѣ, Симолину, огромныя суммы на подкупъ депутатовъ національнаго собранія и, особенно, Мирабо-бочки, съ цѣлью побудить ихъ содѣйствовать разрыву Франціи съ Англіей. Кобенцеля и Гарриса долженъ былъ Потемкинъ встрѣтить въ лагерѣ своемъ подъ Яссами, равно какъ и французскаго посла графа Сегюра. А въ «тылу» полной безопасности не было... Другой англійскій дипломатъ, лордъ Витвортъ, дѣйствовалъ въ Петербургѣ, и свѣтлѣйшій зналъ, какую нерѣшительность выказывала Екатерина въ отношеніи англійскихъ дѣлъ. Какое торжество было бы разрушить планы гордаго Аль-

біона, обезличить его и мимо острова провести побѣдоносный русскій флотъ!

Особая личная причина заставляла Потемкина ненавидѣть Англію и алкать торжества надъ нею. Уже давно Потемкинъ, украшенный всѣми главными орденами Европы, домогался англійскаго ордена Подвязки. Дипломатъ Гаррисъ даже ходатайствовалъ объ этомъ передъ королемъ Георгомъ III. Послѣдній же не только не удостоилъ Потемкина этой чести, но даже сдѣлалъ выговоръ Гаррису за такую просьбу! Этого не могъ забыть и простить свѣтлѣйшій... Гаррисъ это зналъ и негодовалъ на короля Георга, говоря, что тотъ пропустилъ удобную минуту привязать Потемкина «подвязкой» къ государственному кораблю Британіи и вести его за собою плѣнникомъ странной мелочности честолюбія этого гиганта по замысламъ и дѣламъ.

У Потемкина въ описываемое время было два «тыла»: кромѣ Петербурга, еще и Варшава. Онъ зналъ, что поляки ведутъ переговоры съ Австріей и непремѣнно, въ тылу русской арміи, затѣютъ нѣкое «шиканство», хотя магнаты и вели къ Днѣстру полки, какъ союзники Россіи.

Молодой адъютантъ, подхваченный, какъ листокъ, мчащимся потокомъ, былъ свидѣтелемъ грандіознаго движенія русскихъ силъ на югъ. Съ каждымъ переходомъ чувствовалось нарастаніе этихъ силъ по увеличенію поѣзда Потемкина. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались прекрасныя дамы, желавшія свидѣться съ мужьями, находившимися въ арміи, и многія, снискавшія хотя мимолетное вниманіе свѣтлѣйшаго, его милостивое слово и взглядъ, отправлялись въ толпѣ другихъ. Но главными звѣздами-спутницами великолѣпнаго свѣтила были особенно близкія къ Потемкину красавицы, обычно появлявшіяся къ раннему его завтраку, которымъ свѣтлѣйшій начиналъ свой день. Во время завтрака, состоявшаго изъ рюмки ликера и чашки шоколада, въ то время, какъ нѣжная роговая музыка смѣнялась пѣніемъ духовной кантаты пѣвцами, подъ управленіемъ несравненнаго маэстро Сарти, шесть красавицъ — истыя граціи по внѣшности и обхожденію — княгиня Екатерина Долгорукая, рожденная Барятинская, Прасковья Андреевна Потемкина, рожденная Закревская, супруга оберъ-шенка, графиня Варвара Николаевна Головина, рожденная княжна Голицина, княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая, графиня Самойлова и прелестное дитя, которую просто величали то Амура, то Pauvrette,—краснорѣчивыми взорами отвѣчали на пламенѣющій взглядъ влюбленнаго во всѣхъ ихъ сразу великолѣпнаго Циклопа! Дамы, съ штатами горничныхъ и компаньонокъ, съ сундуками, хранящими ихъ наряды, въ каретахъ, колякахъ, берлинахъ, ѣхали вслѣдъ за Потемкинымъ, громадный поѣздъ котораго все возрасталъ, какъ лавина, и при передвиженіи заста-

влялъ заранѣе освобождать путь, отъ станціи до станціи, отъ безконечныхъ обозовъ, тянувшихся со всей Россіи туда же, на югъ, къ Днѣстру! Ночью пылающія смоляныя бочки освѣщали путь. Среди дня часто останавливались лагеремъ въ живописной мѣстности, подъ сѣнью дубовъ и липъ, на берегу быстраго ручья, на зеленой, нѣжной муравѣ. Разбивались шатры. Устраивались различныя веселости, спектакли, гдѣ кулисами служили натуральные кусты и деревья, охоты, танцы, игры. Гремѣла музыка. Генералъ Пушковъ и поручикъ Вандура отличались, соревнуя съ другими мастерами, по пиротехнической части. Число генераловъ. чиновниковъ, адъютантовъ возросло неимовѣрно. Однихъ адъютантовъ было до семидесяти человѣкъ. Общее число хорошенькихъ женщинъ было не меньшее. Въ этомъ обществѣ вращался Павелъ Корнильевичъ, вспомнивъ время пребыванія въ Шкловѣ у Зорича и въ уборныхъ сержантахъ и принужденный то и дѣло упражнять способности свои по части контрдансовъ и менуэта. Шла и сильнѣйшая игра. Но Павелъ Корнильевичъ даже и не подходилъ къ ломберному столу, и въ этомъ отношеніи оставался непреклонно твердъ. Впрочемъ, и въ отношеніи вѣрности той, образъ которой скрывалъ на груди, онъ былъ безупреченъ. Собраніе столь разнообразной, рѣдкостной красоты женщинъ оставляло его равнодушнымъ, хотя не одна изъ нихъ поощряла на вольности красиваго, стройнаго юношу, проявившаго столь рыцарственно-благородный характеръ. Немало такта проявилъ при этомъ Радожицкій, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ велись подъ него ухищренные подкопы... Павелъ Корнильевичъ привыкъ еще уборнымъ обращаться въ средѣ неустанныхъ интригъ, не задѣвая силковъ и сѣтей, раскладываемыхъ кругомъ и не попадая между встрѣчными минами.

Но какъ ни роскошенъ былъ женскій цвѣтникъ поѣзда Потемкина, какъ ни блистали красотой шесть избранницъ его пресыщеннаго вкуса, мысли его были далеко, съ тою, которую князь ожидалъ найти на Днѣстрѣ. «Прекрасная фанаріотка» всецѣло занимала воображеніе князя, тѣмъ болѣе, что она являлась центромъ многихъ политическихъ комбинацій, держала въ ручкахъ своихъ концы многихъ нитей европейской политики, и не даромъ ее сопровождалъ австрійскій дипломатическій агентъ принцъ де-Линь и польскіе магнаты — Щенсный-Потоцкій, Ржевускій, Браницкій. Вслѣдъ за свѣтлѣйшимъ и всѣ приближенные его только и говорили, что о прекрасной гречанкѣ, и почти ежедневно поражаемое именемъ Софіи Витте и подробностями удивительной ея жизни воображеніе Павла Корнильевича наконецъ создало образъ земного совершенства, нѣчто дѣйствительно подобное античной Еленѣ Прекрасной.

XXX.

Счастливая покупка Боскампа Лясопольскаго.

Это было еще въ апрѣлѣ 1778 года. Сынъ каменецъ-подольскаго коменданта, шефъ пѣхотнаго полка, майоръ Іосифъ Витте выѣхалъ въ Жванецъ во главѣ отряда артиллеріи, подъ сильнымъ эскортомъ кавалеріи разнаго рода, въ живописныхъ мундирахъ, отличавшихъ всегда наѣздниковъ короны польской. Цѣлью выѣзда Витте была встрѣча королевскаго посла, вельможнаго Боскампа Лясопольскаго, возвращавшагося изъ Стамбула. Во многихъ экипажахъ, за каретой посла, слѣдовали чиновники и кавалеры его свиты, на многихъ повозкахъ, въ фурахъ съ холщевымъ верхомъ служители везли пожитки посла. Витте привѣтствовалъ Боскампа Лясопольскаго и занялся приготовленіемъ переправы его черезъ полноводный Днѣстръ. Сооружены были нарочитые, огромные паромы, и началась погрузка людей, вещей и экипажей. Витте охранялъ переправу, такъ какъ всегда можно было ожидать въ тѣ бурныя времена нападенія на отъѣзжающаго посла бродячей шайки или иррегулярныхъ войскъ Порты Оттоманской, находившейся, какъ и Польша, въ состояніи полной анархіи. Вдругъ посолъ, пребывавшій между тѣмъ въ лучшемъ домикѣ мѣстечка, нарочито приготовленномъ для него, призываетъ къ себѣ распорядительнаго пѣхотнаго шефа.

— Любезный господинъ Витте!—сказалъ посолъ, когда шефъ явился, соблюдая должное почтеніе къ высокой особѣ посла.— Любезный господинъ Витте! въ обозѣ моемъ находится контрабанда, которую я не рѣшаюсь провезти черезъ имперію Маріи-Терезіи!

— Какого же рода эта контрабанда, что ясновельможный панъ посолъ питаете такія опасенія?—спросилъ Витте.

— Контрабанда особаго рода!—улыбаясь, отвѣчалъ Боскампъ Лясопольскій.—Это—двѣ дѣвочки-гречаночки, купленныя мною въ Стамбулѣ, на невольничьемъ рынкѣ.

— А-а-а! Вотъ въ чемъ дѣло!—смѣясь сказалъ Витте.—Но почему же ясновельможный панъ посолъ опасается везти этихъ дѣвочекъ черезъ Австрію?

— Любезный господинъ Витте! вы знаете, что король Станиславъ-Августъ высокій и тонкій знатокъ, цѣнитель и любитель красоты рисованной, изваянной и особенно живой. Желая привезти ему изъ Стамбула лучшій подарокъ, я навелъ справки относительно продававшихся на рынкѣ красавицъ. Мнѣ рекомендовали этихъ двухъ дѣвочекъ. Старуха-мать ихъ, дошедшая до крайней нищеты и преслѣдуемая должниками, вывела ихъ на рынокъ. Впрочемъ, другіе говорили, что она и не мать ихъ, что это цыганка

или жидовка, и выкрала дѣвочекъ еще младенцами гдѣ-то въ Архипелагѣ, у родителей-грековъ, обѣднѣвшихъ, но чуть ли не принадлежавшихъ къ древнему роду Главони, Геличе или Маврокордато... Конечно, провѣрить эти разсказы у меня не было ни времени, ни возможности. Вы знаете, что турки не допускаютъ на невольничій торгъ насъ, гяуровъ, какъ они называютъ. Мнѣ пришлось послать чиновника, переодѣтаго правовѣрнымъ и прекрасно говорящаго по-турецки. Кромѣ того, главный евнухъ султанскаго сераля тоже высмотрѣлъ дѣвочекъ и предполагалъ пріобрѣсти ихъ для повелителя правовѣрныхъ. Мнѣ удалось, однако, изъ-подъ носу мѣшкотнаго и скупого евнуха, десять разъ осматривавшаго и ощупывавшаго дѣвочекъ и безъ конца торговавшагося, перехватить прелестныхъ грацій. Красота ихъ оказалась по истинѣ замѣчательной и достойной вниманія короля Рѣчи Посполитой! Въ особенности несравненно хороша младшая, Софія, которой еще нѣтъ и пятнадцати лѣтъ. Старшая, Марія, шестнадцатилѣтняя, при своей сестрѣ меркнетъ, какъ утренняя звѣзда въ пурпурѣ зари. Сама по себѣ она обѣщаетъ красавицу, но въ присутствіи Софіи это... это... грубый кусокъ мрамора возлѣ статуи Фидіаса! Софія—истинное воплощеніе греческой красоты и отвѣчаетъ всѣмъ тридцати требованіямъ совершенно прекрасной женщины, которыя перечислены въ извѣстныхъ латинскихъ стихахъ. Какъ это?..

> Triginta haec habent quae vult formosa videri
> Femina: sic Helenam fama fuisse refert.
> Alba tria et totidem nirga, et tria rubra puellae...

— Не знаю, сестры ли даже дѣвочки? Не похищены ли онѣ мегерой, выдававшей себя за ихъ мать, изъ двухъ разныхъ семей? Въ Софіи, дѣйствительно, чувствуется кровь знатнаго, быть можетъ, царственнаго рода. Это—характеръ, исполненный великимъ чувствомъ свободы и гордости, столь понятнымъ намъ, полякамъ, новымъ сѣвернымъ эллинамъ, между тѣмъ какъ Марія рождена быть одалиской гарема и рабыней восточнаго властелина.

— Конечно, когда главный евнухъ узналъ, что гяуръ купилъ дѣвочекъ, которыхъ онъ торговалъ, то распалился неутолимой злостью. Но такъ какъ гяуръ оказался посломъ Польши, то прямо дѣйствовать не посмѣлъ, хотя ему только стоило донести о случившемся мулламъ, и они подняли бы чернь Константинополя и разнесли домъ, гдѣ мы находились. По политическимъ обстоятельствамъ, это было невозможно. Евнухъ пытался похитить дѣвочекъ, но по моему приказанію ихъ берегли подъ крѣпкой стражей, и онѣ

---

[1]) Прекрасная женщина должна обладать слѣдующими тридцатью свойствами, какими слава надѣляетъ Елену: три у нея бѣлы, столько же черныхъ и три— красныхъ...

не выходили далѣе садика, наполненнаго розами, во внутреннемъ дворѣ нашего дома. Тамъ былъ водометъ, въ свѣжихъ прозрачныхъ струяхъ котораго прелестныя дѣвочки нерѣдко безпечно купались. Евнухъ пустилъ въ дѣло интриги. Но на моей сторонѣ былъ юный племянникъ султана Абдулъ-Гамида; помогалъ мнѣ и французскій посланникъ Шуазель, хотя и зарился сильно на мою покупку, вздыхая о томъ, что такія прелестныя произвели бы еще болѣе сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Какъ бы то ни было, мнѣ удалось отстоять свои права на дѣвочекъ и довезти ихъ благополучно до границы. Но, какъ я это уже и говорилъ вамъ, любезный господинъ Витте, далѣе везти я ихъ не рѣшаюсь!

— Почему же, ясновельможный панъ посолъ?

— Потому что евнухъ успѣлъ возбудить противъ меня австрійскаго посла и тотъ извѣстилъ о покупкѣ мною для короля Станислава-Августа двухъ христіанокъ королеву-императрицу и императора римскаго Іосифа. Послѣдній находитъ безчеловѣчнымъ мой поступокъ. Какъ! купить на рынкѣ двухъ дѣвочекъ! Но вѣдь ихъ купилъ бы все равно злой евнухъ? Наконецъ, всякая страна имѣетъ свои обычаи. Іосифъ, мечтающій о прекращеніи правъ господъ на крѣпостныхъ людей, ничего не хочетъ знать. А королева-императрица тоже! Вы знаете набожность и строгость нравовъ Маріи-Терезіи, ея непорочное вдовство, котораго не могла коснуться самая клевета, всегда свивающая гнѣздо около трона и чернящая самыхъ добродѣтельныхъ владыкъ! Марія-Терезія нашла неприличнымъ, что черезъ ея владѣнія везутъ купленныхъ дѣвочекъ въ подарокъ польскому королю! Въ этомъ она усматриваетъ нѣчто безнравственное, какое-то оскорбленіе, наносимое ей лично. Меня увѣдомили, что если я повезу въ Австрію дѣвочекъ, меня ожидаетъ самый холодный пріемъ въ Вѣнѣ. Что же дѣлать! Политическія обстоятельства въ данную минуту таковы, что я не могу пренебрегать настроеніемъ Вѣны. Поэтому я рѣшилъ дать иное назначеніе для моихъ дѣвочекъ. Я намѣренъ ихъ подарить хотинскому пашѣ, чѣмъ, конечно, пріобрѣту его дружбу, весьма нужную намъ. И я именно вамъ поручаю, любезный господинъ Витте, эту миссію. Дѣвочки будутъ сейчасъ сданы вамъ на руки. Смотрите, берегите ихъ тщательно. И какъ только я переправлюсь за Днѣстръ, подъ сильной охраной свезите обѣихъ въ Хотинъ и вручите ихъ пашѣ, отъ моего имени, въ подарокъ и во свидѣтельство дружескихъ моихъ къ пашѣ чувствъ.

XXXI.

Прекрасная фанаріотка и майоръ Витте.

Порученіе было довольно необыкновенное, однако Витте не могъ тказать послу. Дѣвочки, которыхъ везли въ одной изъ фуръ,

оказались сидящими на берегу Днѣстра, на грудѣ чемодановъ посла. Востокъ и превратности судьбы пріучили ихъ къ покорности. Совершенно закутанныя, такъ что изъ-подъ широкой ткани, покрывавшей ихъ съ головой, смотрѣли только большіе, печальные глаза, дѣвочки сидѣли молча, рядомъ. При нихъ была женщина-христіанка, нанятая посломъ для сопровожденія до границы. Витте сейчасъ же препроводилъ дѣвочекъ въ мѣстечко и, помѣстивъ въ домъ одного обывателя, поставилъ сильную охрану изъ офицера и нѣсколькихъ солдатъ, съ строжайшимъ приказомъ беречь подарокъ для хотинскаго паши со всею тщательностью. Самъ Витте занялся между тѣмъ переправой посла, его людей и. имущества черезъ Днѣстръ. Къ вечеру переправа кончились, и посолъ двинулся дальше. Витте поспѣшилъ въ домъ, гдѣ находились юныя гречанки. Движимый естественнымъ чувствомъ любознательности, онъ пожелалъ посмотрѣть на покупку Боскампа Лясопольскиго. Такъ какъ дѣвочки, кромѣ новогреческаго, знали нѣсколько турецкій языкъ, а Витте, служа на границѣ, имѣлъ случай познакомиться съ нимъ, то галантный полякъ обратился къ прекраснымъ плѣнницамъ на этомъ языкѣ, прося ихъ снять окутывавшія ихъ съ головы до ногъ покрывала и показаться ему, такъ какъ онѣ христіанки и не должны слѣдовать обычаямъ невѣрныхъ.

При этомъ онъ объяснилъ, что посолъ передалъ ихъ его попеченіямъ. Сколь охотно исполнила просьбу господина Витте старшая изъ гречанокъ, Марія, столь неохотно, и лишь послѣ вторичныхъ настояній, медленно опустила покрывало младшая Софія.

Марія была очень хороша собою. Но когда шефъ пѣхотнаго полка увидѣлъ Софію, онъ понялъ слова посла, что это статуя Фидіаса около грубаго обломка необдѣланнаго мрамора. Съ перваго же взгляда Витте безумно влюбился въ дивное дитя и тутъ же про себя рѣшилъ, что въ Хотинъ отправитъ одну Марію, а Софіи пашѣ не видать, какъ своихъ ушей. Однако, сначала пожелалъ онъ вызнать расположеніе самихъ дѣвочекъ и сообщилъ имъ, что, по порученію посла, долженъ отвезти обѣихъ къ хотинскому пашѣ для его гарема.

Марія приняла это извѣстіе совершенно равнодушно. Но Софія пришла въ отчаяніе и, проливая слезы, умоляла не отдавать ее невѣрному. Слезы сдѣлали ее еще прекраснѣе. Витте сказалъ, что не исполнить приказанія посла ему почти невозможно, но что ради нея онъ все готовъ претерпѣть, только и она должна за это наградить его...

— Успокойся, я не повезу тебя въ Хотинъ, и пашѣ ты не достанешься!—сказалъ Витте.

Слезы мгновенно изсякли, и улыбка расцвѣла на устахъ дѣвочки; и если она была прелестна, когда плакала, то улыбающеюся напоминала гурій Магометова рая и христіанскихъ ангеловъ. Витте не

могъ удержаться, и поцѣловалъ ее. Софія не противилась. Быть можетъ, невинный ребенокъ думалъ, что это и составитъ всю награду ея покровителю.

Отправивъ съ офицеромъ, при письмѣ, хотинскому пашѣ Марію, шефъ пѣхотнаго полка отвезъ Софію въ Каменецъ-Подольскъ. Здѣсь онъ, конечно, постарался ее скрыть, какъ отъ строгаго родителя, такъ и отъ знакомыхъ, помѣстивъ на окраинѣ, въ уединенномъ домикѣ, у одной почтенной польки, пожилой и умѣвшей хранить повѣряемыя ей тайны. Но когда онъ пожелалъ получить полную награду за великодушное покровительство, то встрѣтилъ упорное и непреодолимое сопротивленіе, которое вновь подтвердило слова Боскампа Лясопольскаго о живущемъ въ прекрасномъ ребенкѣ гордомъ духѣ свободы. Софія внезапно обнажила тонкій и острый кинжалъ и, приставивъ его къ сердцу, сказала, что если только ее тронутъ, она съ собою покончитъ; если же у нея успѣютъ отнять кинжалъ, удавится своими косами,— а золотисто-каштановые волосы у нея были до пятъ; если же ей косы обрѣжутъ, то уморитъ себя голодомъ. Видя такую рѣшимость, разсчитывавшему на легкую побѣду шефу каменецъ-подольскаго пѣхотнаго полка оставалось только повторить стихъ Гафиза:

Кюшàди гунчè-и-диль калдỳ биръ бегарà дахỳ—

то-есть: раскрытіе почекъ розана сердца еще разъ осталось до будущей весны.

Надо прибавить, что, кромѣ новогреческаго цѣломудрія, причиной суроваго отпора могло быть и то, что если Софія напоминала античную Елену Прекрасную или даже изъ пѣны рожденную Афродиту, то майоръ Витте внѣшностью походилъ не столько на богоравнаго троянскаго Александра, сколько на ахейскаго Терсита. Красавцемъ его никакъ нельзя было назвать: мѣшковатый, съ горбатыми лопатками, съ длиннымъ неуклюжимъ туловищемъ на кривыхъ ногахъ наслѣдственнаго кавалериста, съ лица смуглый, съ огромнымъ, но приплюснутымъ носомъ, съ кудрявыми, но шерстистыми, какъ у негра, волосами, онъ ходилъ покачиваясь и загребая колесообразными ногами, походкой хромого Вулкана, роль котораго ему и предстояло играть около Афродиты—Софіи. Величественный гнѣвъ прелестной, явившій красоту ея въ новомъ, но столь же поражающемъ совершенствѣ, ея сопротивленіе довели страсть майора до высшей степени. Онъ рѣшился итти другимъ путемъ, и, подавивъ шляхетскій гоноръ, предложилъ безвѣстной, нищей дѣвочкѣ, купленной на невольничьемъ рынкѣ, руку и сердце. Но предварительно хотѣлъ онъ схизматичку-гречанку привлечь въ лоно единой, спасающей католической церкви, и обратился къ пріятелю своему, ксендзу Антонію Хмѣлевскому, каменецкому каѳедральному канонику, человѣку свѣтскому, образован-

ному «горацiанцу» и «грацiалисту». Каноникъ принялъ самое теплое участiе въ судьбѣ прелестной овечки, и прежде всего занялся обученiемъ ея польскому языку, а затѣмъ сталъ постепенно наставлять въ истинахъ вѣры. Особой приверженности къ схизмѣ дѣвочка не выказала, такъ какъ названная мать ея—цыганка или жидовка,—конечно, не заботилась о ея религiозномъ воспитанiи. Къ тому же каноникъ Хмѣлевскiй отличался самой привлекательной внѣшностью, и каменецкiя дамы въ высшей степени охотно посѣщали его конфессiоналъ. Бѣдная, одинокая, неопытная гречаночка легко отдалась духовной власти обаятельнаго каноника и наконецъ согласилась на перемѣну религiи. Тогда въ тайну была посвящена одна изъ каменецкихъ дамъ, варшавянка, опытная въ свѣтской жизни, жена полковника Фелицiя Лосская. Софiя была помѣщена у нея. Каноникъ между тѣмъ сообщилъ каменецкому бискупу, Адаму Красинскому, о прiобрѣтенной имъ прозелиткѣ. Бискупъ прiѣхалъ къ Фелицiи Лосской, видѣлъ Софiю, бесѣдовалъ съ ней, восхищался ея несравненной красотой, умомъ и естественной грацiей, соединенной, однако, еще съ новогреческой простотой манеръ. Лосская сообщила ему и о намѣренiи майора Витте, тайно отъ родителей, вступить въ бракъ съ Софiею. Адамъ Красинскiй выразилъ свое согласiе. Онъ зналъ, какой ударъ гордости каменецъ-подольскаго коменданта стараго Витте нанесетъ женитьба сына на нищей, безъ роду и племени, купленной на константинопольскомъ базарѣ, хотя бы и очень привлекательной по внѣшности. А бискупъ Адамъ Красинскiй имѣлъ счеты со старымъ Витте еще со времени Барской конференцiи и съ наслажденiемъ готовъ былъ ему насолить.

Дѣло было за самой Софiей. Если она скорѣе соглашалась лишить себя жизни, чѣмъ имѣть майора любовникомъ, то и въ качествѣ мужа онъ не внушалъ ей особой симпатiи. Но каноникъ Хмѣлевскiй прибѣгъ къ духовной власти своей надъ новообращенной, представивъ ей всю необходимость имѣть фамилiю, положенiе и покровителя, съ чиномъ и состоянiемъ. Съ своей стороны, Фелицiя Лосская объяснила ей европейскiе обычаи и сколь они несхожи ни съ новогреческими, ни съ нравами гаремовъ Востока. Она объяснила дѣвочкѣ, что именно бракъ и даетъ европейской женщинѣ совершенную свободу. Доводы ли каноника, или свѣтской матроны подѣйствовали на Софiю, неизвѣстно, но, еще поплакавъ, она согласилась.

14 iюня 1779 года ксендзъ Антонiй Хмѣлевскiй, каноникъ каѳедральный каменецкiй, повѣнчалъ Iосифа Витте съ Софiей. Когда же надо было ихъ записать въ церковной книгѣ, каноникъ, не долго размышляя, противъ имени гречанки проставилъ: «nata Glavoni-Gelitce-Mavrocordato», и, такимъ образомъ, единымъ почеркомъ гусинаго пера укрѣпилъ за прелестной царственное происхожденiе. Свидѣтелями при семъ были—капитанъ

Игнатій Прыбышевскій и шляхтичъ Симеонъ Квятковскій, мѣстный обыватель каменецкій.

Укрѣпивъ въ церковномъ актѣ за Софіей происхожденіе отъ византійскихъ императоровъ, каноникъ самъ въ него повѣрилъ, и изобрѣтательная голова его принялась работать надъ вопросомъ, какую пользу для святой церкви можетъ принести обращенная имъ изъ схизмы красавица.

Воображеніе быстро начертало ему огромный планъ. Почему бы не выставить эту гречаночку претенденткой на престолы Стамбула и Аѳинъ? Ея сородичи, томящіеся подъ игомъ невѣрныхъ, конечно, съ радостью повѣрятъ въ прелестную, а красота ея столь совершенна, что можетъ преклонить къ ея ногамъ всѣхъ сильныхъ міра. Каноникъ Хмѣлевскій поспѣшилъ доложить свои политическіе планы и комбинаціи бискупу Адаму Красинскому. Бискупъ пришелъ въ восхищеніе. Они долго совѣщались и рѣшили, что Софія должна посѣтить главные дворы Европы, въ качествѣ претендентки на византійскій престолъ. А что касалось доказательствъ ея правъ, то оба рѣшили, что лучшей грамотой послужитъ ея красота.

XXXII.

Красотѣ все доступно.

Гнѣвъ и отчаяніе стараго, гордаго коменданта, когда онъ узналъ о мезальянсѣ сына, не имѣли предѣла. Онъ послалъ сказать майору, чтобы тотъ и на глаза ему не показывался, что Іосифъ опозорилъ ихъ родъ и шляхетскую фамилію, что онъ проклинаетъ непослушнаго и безнравственнаго сына и видѣть его не хочетъ!...

Кстати сказать, фамилія эта происходила отъ нѣмецкихъ выходцевъ и отъ наименованія мелкой монеты «witte» — цѣнностью что-то около трехъ копеекъ, — существовавшей въ одномъ изъ германскихъ княжествъ. Комендантъ объяснялъ, что то были бароны, получившіе такую фамилію отъ императора Максиміліана за то, что, служа при его дворѣ и завѣдуя императорской казной, не присвоили себѣ «ни единаго витта», ни монеты, цѣною въ три копейки. Однако это комендантъ не подтверждалъ никакими документами.

А злые языки намекали, что такую фамилію нѣмецкіе выходцы, предки каменецкаго коменданта, получили уже въ Польшѣ и именно потому, что прибыли они изъ своего отечества «безъ единаго витта». Но, конечно, генеалогическіе вопросы — одни изъ самыхъ трудныхъ, и происхожденіе фамиліи коменданта было не менѣе темно, чѣмъ происхожденіе Софіи, жены его сына. Но такъ какъ каноникъ Хмѣлевскій, не долго думая, помѣтилъ ее въ церковной книгѣ рожденной Главони-Геличе-Маврокордато, то

Іосифъ Витте и имѣлъ возможность послать отцу выпись и указать въ почтительныхъ выраженіяхъ, что хотя онъ и тяжко виноватъ, рѣшившись жениться, не испросивъ согласія родителя, къ чему его побудила безумная любовь, но что касается происхожденія супруги его, то предки ея—Маврокордато—византійскіе императоры.

Это ли обстоятельство, или какое другое повліяло на стараго коменданта, но въ скорости онъ смягчился и позволилъ сыну явиться съ женой. Молодая парочка бросилась въ ноги коменданту, а старикъ, поднявъ Софію, поцѣловалъ ее въ лобъ и объявилъ:

— Ты столь хороша, что не удивляюсь сыну, сдѣлавшему такую глупость! Прощаю!

Такимъ образомъ все обошлось къ общему благополучію. Старый Витте снабдилъ молодого достаточной суммой для обзаведенія всѣмъ необходимымъ. А бѣдной гречанкѣ, кромѣ красоты принесшей съ собою только ветхое покрывало, все было необходимо... Жена полковника, Фелиція Лосская, занялась воспитаніемъ Софіи, отесала ее отъ новогреческихъ манеръ и познакомила съ тономъ высшаго общества. Домъ Витте наполнился мѣстными шляхтичами и офицерами каменецкихъ полковъ. Но пограничный городокъ не могъ удержать такую красавицу. Ее увидѣлъ герцогъ Шуазель-Гуфье, французскій посланникъ, возвращавшійся изъ Стамбула. Онъ и тамъ еще зналъ о покупкѣ Боскампа и жалѣлъ, что Софія отправится въ Варшаву вмѣсто Парижа. Найдя ее замужней женщиной въ Каменцѣ, онъ сталъ убѣждать и ее, и мужа, и полковницу Лосскую, что такой брильянтъ достоинъ короны Франціи, что Софія непремѣнно должна ѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ брался представить ее ко двору и ввести въ лучшіе дома, какъ происходящую отъ фамиліи, нѣкогда занимавшей византійскій тронъ.

Софія не могла устоять предъ восхитительной картиной парижской жизни, столь краснорѣчиво изображенной герцогомъ. Майоръ Витте, мужъ ея, сказалъ, что не считаетъ себя въ правѣ губить жизнь прекрасной женщины въ захолустьѣ, среди грубоватой пограничной шляхты. Итакъ, выѣхали во Францію. Тогда Парижъ особенно увлекался двумя личностями—Месмеромъ, всѣхъ сведшимъ съ ума магнетизированіемъ, и таинственнымъ графомъ Каліостро, магомъ и учредителемъ египетскаго масонства. Герцогъ Шуазель исполнилъ свое обѣщаніе и ввелъ Софію Витте въ лучшіе дома Парижа, какъ происходящую отъ византійскихъ императоровъ. Это ему всѣ охотно повѣрили. Но небесная красота Софіи была лучшимъ патентомъ на общее вниманіе. Скоро весь Парижъ заговорилъ о «прекрасной фанаріоткѣ». Сложили длинную фантастическую исторію о ея пребываніи въ Константинополѣ.

На бульварахъ, на гуляньяхъ, когда «la belle fanariote» появлялась, толпы ходили за ней, очарованныя ея прелестью.

Тогдашнее общество было чувствительнѣе къ женской красотѣ. Къ тому же Софія нерѣдко появлялась въ греческомъ костюмѣ или въ блестящихъ, восточныхъ уборахъ. При дворѣ успѣхи ея были чрезвычайны. Monsieur графъ Прованскій (будущій Людовикъ XVIII) боготворилъ ее. Конечно, мужъ Софіи былъ настолько либеральный и просвѣщенный человѣкъ, чтобы не настаивать на исключительныхъ правахъ своихъ на красавицу, которая озаряла, какъ солнце, своею прелестью, всѣхъ. Къ тому же бывшая бѣдная гречаночка, безъ роду и племени, быстро освоилась въ парижскомъ обществѣ, привыкла ко всеобщему поклоненію, независимый характеръ ея быстро развернулся, а греческій умъ и способность къ интригамъ нашли сейчасъ же примѣненіе. Молва называла нѣсколькихъ, осчастливленныхъ ея вниманіемъ. Роскошь, окружавшая ее, конечно, была не по карману сыну каменецкаго коменданта. Однако огромныя суммы, проживаемыя ею, откуда-то находились. Все, что она желала, немедленно являлось, какъ по волшебству. Когда она посѣтила Месмера, то знаменитый магнетизеръ объявилъ, чего красота ея одарена такой магнетической силой, что способна внести въ міръ ту гармонію, которую онъ искалъ съ помощью большого чана и магнетической цѣпи сходившихся у него мужчинъ и женщинъ. Сношенія, въ которыя прекрасная фанаріотка вступила съ графомъ Каліостро, поставили ее въ центрѣ политическихъ тайнъ. Гречанка пріобрѣла чрезвычайное значеніе, и дипломаты всѣхъ странъ толпились въ ея салонахъ. Тамъ появлялись писатели, поэты, художники, ученые, философы, «энциклопедіи скептическій причетъ». Именно у нея на обѣдѣ писатель Жакъ Казотъ произнесъ свое знаменитое пророчество Кондорсе, Шамфору, Бальи, Мальзербу, Рушеру, что одни покончатъ самоубійствомъ, другіе умрутъ на эшафотѣ, что присутствовавшая герцогиня Грамонъ будетъ обезглавлена и что послѣдній казненный, которому позволятъ призвать священника въ послѣднія минуты, будетъ король Франціи!...

Легкомысленнымъ смѣхомъ отвѣчало безпечное общество на зловѣщія предсказанія сѣдовласаго старца. И одной улыбки «la belle fanariote» было достаточно, чтобы разсѣять тягостное чувство, закравшееся отъ выходки Казота.

Изъ Парижа Софія предприняла поѣздку по всей Европѣ, посѣтила Римъ и Вѣну и наконецъ явилась въ Варшавѣ при дворѣ Станислава-Августа. Боскампъ Лясопольскій, такъ еще недавно считавшій ее своей собственностью, немало смутился, встрѣтивъ ее знаменитой красавицей, окруженной раболѣпной толпой поклонниковъ и оказывавшей огромное вліяніе на европейскую по-

литику. Софія представлялась королю, и стоявшій у ступеней трона магнатъ Потоцкій-Щенсный не спускалъ съ нея глазъ, придворный поэтъ камергеръ Тромбецкій написалъ въ честь ея нѣсколько мадригаловъ и по-польски и по-латыни. Во время путешествія Екатерины Софія вмѣстѣ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ выѣзжала на путь ея слѣдованія и была представлена государынѣ, обласкавшей ее. Тутъ впервые познакомился съ ней и Потемкинъ.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Имя прекрасной фанаріотки продолжало гремѣть въ Европѣ и извѣстіе, что она ѣдетъ въ лагерь подъ Яссы съ супругой принца Нассау и дипломатическимъ агентомъ принцемъ де-Линь, довело общее любопытство поѣзда свѣтлѣйшаго до высшаго напряженія.

XXXIII.

Встрѣча на Днѣстрѣ.

Русскія силы медленно подходили къ Днѣстру со всѣхъ сторонъ, грозно нарастая, какъ катящаяся лавина.

Безконечные обозы, тянувшіеся по всѣмъ дорогамъ, войска всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ націй — не только великороссійскія, бѣлорусскія и малороссійскія, но и польскія, союзныя австрійскія, татарскіе, кавказскіе всадники—дѣлали это грандіозное движеніе силъ похожимъ на переселеніе народовъ или на древніе походы, по великому пути «изъ Варягъ въ Греки», первыхъ русскихъ князей. И убѣжденіе, что году не пройдетъ, какъ русскіе войдутъ въ Стамбулъ, было общее.

Царствованіе Екатерины достигало наивысшей точки подъема. И свѣтлѣйшій шелъ во главѣ этого развитія всѣхъ силъ неизмѣримой имперіи къ достиженію величайшей задачи. Повторяли слова императрицы о Потемкинѣ:

«Онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ; о томъ только не вдругъ мнѣ скажите».

«Греческій вопросъ», возстановленіе на мѣстѣ разрушавшейся Оттоманской Порты — Византійской имперіи, входилъ въ общій проектъ, и встрѣча свѣтлѣйшаго на Днѣстрѣ съ «la belle fanariote», въ жилахъ которой предполагалось присутствіе царственной крови византійскихъ самодержцевъ, какъ бы наглядно олицетворяла воскресеніе Эллады. Употребивъ іюнь и іюль на сосредоточеніе силъ, подвозъ провіанта, фуража и боевыхъ запасовъ, Днѣстра достигъ Потемкинъ въ половинѣ августа. Стояла чудная пора, теплая, но не жаркая. Безграничныя степи кругомъ жили фантастической жизнью. Всюду двигались отряды. Стояли безчисленныя палатки. Паслись табуны. Съ утра до ночи въ разныхъ концахъ

степей гремѣли барабаны, звучали трубы у наведенныхъ плавучихъ мостовъ, черезъ которые безостановочно проходили массы войскъ и багажу. Остановившись со всѣмъ поѣздомъ въ шатрахъ на берегу Днѣстра, свѣтлѣйшій медлилъ, ожидая прибытія съ супругою принца Нассау и де-Линемъ прекрасной гречанки.

Наконецъ примчался курьеръ, возвѣстившій ея приближеніе, какъ бы августѣйшей особы. Потемкинъ вышелъ изъ раззолоченнаго шатра, въ сопровожденіи дамъ и адъютантовъ. Но и все, что двигалось и шевелилось вокругъ надъ сверкавшими водами вольно катившейся рѣчки, устремило глаза на широкую дорогу, на которой долженъ былъ показаться экипажъ Софіи.

Вышедшія вслѣдъ за свѣтлѣйшимъ шесть избранницъ—Долгорукая, Потемкина, Головина, Гагарина, Самойлова и неизвѣстное дитя, которую именовали просто Амура и Pauvrette, горѣли нетерпѣніемъ и любопытствомъ увидѣть новую соперницу, терзаемыя въ глубинѣ сердца опасеніями, завистью и ненавистью.

— Положительно, эту авантюристку встрѣчаютъ, какъ августѣйшую особу!—произнесли около Потемкина одни алыя уста.

— А между тѣмъ еще такъ недавно она переѣзжала черезъ этотъ самый Днѣстръ на чемоданахъ Боскампа Лясопольскаго! — отозвались другія прелестныя уста.

— Вы ошибаетесь, княгиня, вы ошибаетесь. Боскампъ покинулъ бѣдняжку на томъ берегу, несмотря на ея мольбы и слезы, предназначая ее для подарка какому-то пашѣ!—прибавили третія уста.

— Пашѣ ли она тогда предназначалась, или его любимому раскуривателю трубокъ, съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Первыя розы давно отцвѣли, тѣмъ болѣе, что эта бродяжка усиленно цвѣла во всѣхъ столицахъ Европы. Elle est deja usée, mesdames!—заключили четвертыя уста.

Но свѣтлѣйшій казался не только кривымъ на одно око, но и глухимъ на то ухо, возлѣ котораго испарялись съ алыхъ губокъ и перловыхъ зубокъ ядовитыя эти рѣчи. И не только единственный его глазъ, но, казалось, всѣ его чувства, все существо были устремлены вдоль широкаго пути, на которомъ должна была появиться гречанка.

Смотрѣли туда и всѣ адъютанты. Смотрѣлъ не безъ холоднаго любопытства и Павелъ Корнильевичъ, считавшій себя охраненнымъ отъ чаръ прелестницъ всего міра таившимся на груди его талисманомъ. Наконецъ показался поѣздъ. Впереди скакалъ отрядъ пикинеровъ въ алыхъ кафтанахъ. За ними три экипажа: двѣ закрытыя кареты, запряженныя восьмерками, съ форейторами, и открытая коляска, которую везла русская тройка съ дугой и подборомъ малиноваго звона колокольчика и бубенцовъ. Русскій бородатый кучеръ-артистъ, нарочно съ этой тройкой и коляской высланный свѣтлѣйшимъ подъ гречанку и ея спутниковъ, лихо

правилъ тройкой. Въ коляскѣ, на чрезвычайно возвышенномъ, тронообразномъ сидѣньи, утвержденномъ на львинообразныхъ фигурахъ, сидѣла Софія Витте и супруга принца Нассау, рожденная княжна Сангушко. На низкой скамеечкѣ напротивъ, почти у самыхъ башмаковъ обѣихъ дамъ, помѣщался австрійскій дипломатическій агентъ, принцъ де-Линь, сухой, скорченный человѣчекъ, въ пудреныхъ букляхъ, съ нервной, носатой, птичьей и истинно французской физіономіей, съ горящими глазами и солдатской серьгой въ ухѣ.

По бокамъ коляски, на чистокровныхъ арабскихъ коняхъ съ золотыми удилами и украшенными драгоцѣнными каменьями чапраками и сѣдлами, скакали магнаты — графы Феликсъ Потоцкій-Щенсный, Ксаверій Браницкій, Северинъ Ржевускій, въ великолѣпныхъ національныхъ гетманскихъ костюмахъ, сверкавшихъ брильянтами, отороченныхъ драгоцѣнными мѣхами, съ откидными рукавами, съ богато изукрашенными саблями на боку и шапками на вельможныхъ головахъ. Слѣдовавшія за кабріолетомъ кареты эскортировало еще съ дюжину всадниковъ въ разнообразныхъ мундирахъ; то были представители первѣйшихъ фамилій Европы: владѣтельный князь Нассау-Зигенъ, всемірно-извѣстный авантюристъ, полковникъ Рожеръ де-Дамасъ и герцогъ Ришелье-Фронсакъ — древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій Франціи, полковникъ принцъ Гессенъ-Филипстальскій, ханъ ширванскій и шемаханскій Измаилъ-Бей, графъ Жерминьянъ, сынъ принца де-Линь, извѣстный подъ уменьшительнымъ Чарли, съ прибавкой прозвища «львенокъ», и нѣкоторые другіе. Кортежъ красавицы заключалъ отрядъ польскихъ крылатыхъ гусаръ въ серебряныхъ доспѣхахъ, на тяжкихъ вороныхъ коняхъ, которые напоминали крылатыхъ пегасовъ, благодаря бѣлымъ перьямъ, распростиравшимся за спинами всадниковъ.

Едва кортежъ сталъ приближаться къ шатрамъ свѣтлѣйшаго, какъ грянула пушка, и вслѣдъ за тѣмъ скрытый за шатрами огромный оркестръ духовыхъ инструментовъ подъ управленіемъ маэстро Сарти заигралъ торжественную фанфару. Пушечная пальба служила оригинальнымъ аккомпаниментомъ оркестру, и казалось, что самъ Юпитеръ во образѣ свѣтлѣйшаго гремитъ перунами и наполняетъ землю и небо гармоничными и торжественными грохотами, благодаря дивному искусству звуковыхъ сочетаній, изобрѣтенныхъ Сарти, ласкающими слухъ и поднимающими духъ восторгомъ. Въ то же время по всей степи, насколько лишь глазъ могъ досягнуть, затрубили трубы, послышались крики «ура», сдѣлалось движеніе, поскакали въ разныя стороны всадники, засверкали обнажаемыя сабли, задвигались въ разныя стороны, сходясь, расходясь и переплетаясь въ сложныхъ построеніяхъ и перестроеніяхъ части конницы и пѣхоты, все кипѣло жизнью, все ликовало, какъ

будто приближавшаяся въ коляскѣ, вольно раскинувшаяся въ ней красавица была богиней, сошедшей съ Олимпа, одинъ взглядъ которой все живилъ и призывалъ къ дѣятельности.

Въ то же время отъ противоположнаго берега Днѣстра отдѣлилась и поплыла, вкось пересѣкая широкій плесъ, закрытая шлюпка, во всемъ подобная султанской, украшенная золоченой прихотливой рѣзьбой, ажурной, подобной кружеву, сквозь которую просвѣчивалъ переливчатый шелкъ занавѣсокъ. Шлюпка неслась, приводимая въ движеніе скрытыми въ трюмѣ гребцами, и только весла поднимались и опускались, какъ мокрыя крылья чайки.

— Да это шлюпка, въ которой государыня каталась въ Севастополѣ!—прошепталъ одинъ изъ адъютантовъ, стоявшій около Радожицкаго.

XXXIV.

Графъ и графиня Священной Римской имперіи.

Экипажъ Софіи Витте остановился противъ мѣста, гдѣ стоялъ свѣтлѣйшій.

Музыка и пальба прекратились. Наступила полная тишина; всѣ взоры были устремлены на гречанку. Смотрѣлъ и Радожицкій. Но первое впечатлѣніе не соотвѣтствовало тому представленію о европейски-извѣстной красавицѣ, которое составило его воображеніе, можетъ быть, потому, что, согласно ученію Платона, нашъ разумъ способенъ припоминать самыя идеи вещей и всегда создаетъ и чувствуетъ болѣе совершенное, чѣмъ каковы отпечатки духа въ бренной матеріи... По этой ли философской причинѣ, или по другой какой, но Павла Корнильевича прежде всего поразилъ костюмъ Софіи, скорѣе восточный, турецкій, чѣмъ греческій. Красавица была въ шелковыхъ шароварахъ оранжеваго цвѣта. Непривычка видѣть женщину въ шароварахъ произвела то, что въ первую минуту Павлу Корнильевичу показалось, что онъ видитъ танцовщицу или акробатку странствующаго театра, пріѣхавшую лично возвѣстить публикѣ о предстоящихъ спектакляхъ, какъ тогда было вообще въ обычаѣ.

Но тутъ вокругъ Радожицкаго поднялся гулъ восторженныхъ похвалъ:

— Какъ хороша! удивительно! Какой плѣнительный нарядъ! Какія глаза! Какія ножки! Какое богатство и роскошь! Это сама Венера! Восхитительна! Изумительна! Божественна! Несравненна!

Особенно восхищался камергеръ Тромбецкій, придворный поэтъ Станислава Понятовскаго, пріѣхавшій, по его словамъ, съ тою цѣлью, чтобы наблюдать событія и потомъ изобразить въ эпической поэмѣ побѣду христіанъ надъ невѣрными.

— Это въ полномъ смыслѣ слова совершенство красоты!—говорилъ Тромбецкій.—Эти каштановые волосы, распущенные на свободѣ, могли бы покрывать все ея тѣло, какъ волосы прекрасной Гризельды! Шелковая сѣтка ихъ сдерживаетъ, но отдѣльныя пряди вырываются и прелестно развѣваются въ струяхъ зефира! И при каштановыхъ волосахъ—глаза черные, какъ ночь! И неотразимыя рѣсницы — навѣсы роскошной нѣги глазъ, сихъ пламенѣющихъ алтарей страсти! Лобъ бѣлъ, какъ паросскій мраморъ и... довольно низокъ...

Тромбецкій захлебнулся отъ восторга, и на мгновеніе умолкъ. Радожицкій смотрѣлъ: лобъ красавицы былъ въ самомъ дѣлѣ бѣлъ и довольно низокъ.

Но Тромбецкій уже перевелъ духъ и залился еще восторженнѣе:

— Щеки—цвѣта зари заходящаго солнца! Маленькая верхняя губка!.. О, губка! Блаженъ тотъ смертный, который удостоится пить сладкій медъ этой губки!

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ похвалъ и привыкнувъ къ необыкновенному наряду гречанки, Павелъ Корнильевичъ, дѣйствительно, сталъ находить необыкновенно прекрасной женщину, полулежавшую въ экипажѣ. На ней сверху надѣта была джелика — родъ пенюара, застегнутаго одной пуговицей у горла и расходящагося такъ, что золотисто-пурпурная, легкая ткань ея только оттѣняла и выдвигала вольно раскинувшееся тѣло. Бѣло-розово-голубая рубашка прилипала къ ея груди, обрисовывая контуры бюста. Воздушное покрывало вѣяло около ея стройной головы; страннымъ показалось нѣсколько варварское обиліе золотыхъ браслетовъ и перстней съ камнями, украшавшихъ гречанку. Перстни были на каждомъ пальцѣ, а золотые браслеты не только у кистей рукъ, но и на ногахъ, выше подъема, надъ остроносыми восточными туфельками. Однако, вслѣдъ затѣмъ Павелъ Корнильевичъ нашелъ, что такъ и должна быть украшена совершенная красавица.

Нѣкоторый диссонансъ съ Софіей составляли сидѣвшая рядомъ съ ней принцесса Нассау-Зигенъ, съ ея воланами, мушками, высокой пудреной прической, принцъ де-Линь и русскій кучеръ съ бородой. Къ тому костюму, который былъ на госпожѣ Витте, шла болѣе обстановка восточнаго дворца или сераля.

Свѣтлѣйшій подошелъ къ экипажу и протянулъ руку, чтобы помочь красавицѣ выйти. Когда она поднялась, можно было оцѣнить всю гармоническую стройность ея тѣла. Она медлила, стоя въ экипажѣ, опираясь на руку свѣтлѣйшаго, улыбаясь и давая всѣмъ насладиться ея необычайными совершенствами, и видъ ея какъ бы говорилъ: «Бѣдные смертные! я дарю вамъ блаженство видѣть меня, которою восхищались всѣ дворы и столицы Европы! пользуйтесь! торопитесь!»

— Какъ я счастливъ видѣть васъ, дорогая графиня!—громко сказалъ свѣтлѣйшій, когда гречанка вышла наконецъ изъ экипажа.

— Съ какихъ это поръ она стала графиней?—произнесъ кто-то возлѣ Радожицкаго.

— Надѣюсь, что дороги намѣстничества васъ не очень безпокоили, прелестная графиня!—продолжалъ свѣтлѣйшій.

Тутъ алыя, какъ двѣ половинки разрѣзаннаго плода граната (сравненіе, которое успѣлъ подобрать камергеръ Тромбецкій), уста гречанки раскрылись, обнаруживъ перлы зубовъ, и она произнесла на странномъ французскомъ языкѣ слѣдующія слова:

— Нисколько, но я боялась, что отъ пыли заболятъ мои прекрасные глаза!

Послѣ созерцанія внѣшности красавицы хотѣлось услышать ея голосъ; поэтому Павелъ Корнильевичъ приготовился слушать ея первыя слова и сейчасъ же послѣ ихъ произнесенія почувствовалъ разочарованіе. «Однако, какъ это глупо!» подумалось ему. Но въ то же мгновеніе вокругъ поднялся хоръ восторговъ.

— Какъ это наивно! Какъ это очаровательно! Мои прекрасные глаза! Совершенное дитя натуры!

А свѣтлѣйшій въ восхищеніи расцѣловалъ всѣ, горѣвшіе перстнями, пальчики на обѣихъ рукахъ красавицы.

Затѣмъ онъ далъ знакъ, и выступилъ адъютантъ съ золотымъ блюдомъ. На немъ лежалъ свитокъ хартіи съ привѣшенной на шнуркахъ большою печатью.

— Позвольте поздравить васъ, прелестная!—сказалъ свѣтлѣйшій.—Это—дипломъ, которымъ по моему представленію и по просьбѣ нашей общей матери и моей благодѣтельницы государыни императрицы, императоръ Іосифъ возводитъ мужа вашего въ достоинство графа Священной Римской имперіи! Примите, графиня, сію хартію!

— Ахъ, я теперь графиня! Какъ это мило!—сказала гречанка.—Мужъ! Графъ! Графъ! Іосифъ! Мужъ!—вдругъ довольно визгливо крикнула она.

Стеклянная дверь одной изъ каретъ, подъѣхавшей вслѣдъ за экипажемъ красавицы, отворилась, и показалась неуклюжая фигура полковника Іосифа Витте, нынѣ графа Священной Римской имперіи.

По приказанію свѣтлѣйшаго, одинъ изъ адъютантовъ побѣжалъ направить кареты къ переѣзду. И скоро онѣ отъѣхали, съ пикинерами впереди и сопровождаемыя крылатыми гусарами. Эскортъ вельможныхъ и аристократическихъ всадниковъ спѣшился около экипажа графини Софіи. Свѣтлѣйшій знакомилъ ее съ дамами, и онѣ обнимали и цѣловали гречанку, наперерывъ восхищаясь восточнымъ нарядомъ и ея прекрасными глазами. Она спокойно принимала это восхищеніе, какъ должную дань.

Тромбецкій, котораго она узнала и протянула ему ручку для поцѣлуя, воскликнулъ:

— Богиня Грида! Хороша, какъ богиня Грида!—очевидно, истощивъ уже миѳологію античныхъ народовъ.

Взглядъ красавицы скользилъ по группѣ адъютантовъ свѣтлѣйшаго и вдругъ встрѣтился съ взглядомъ Павла Корнильевича. Нѣсколько мгновеній черные, какъ ночь, глаза ея смотрѣли прямо въ открытый взоръ Радожицкаго. Какая-то сладкая до боли и зловѣщая нѣга перелилась изъ глазъ гречанки въ неосторожно распахнутую душу юноши. Со страхомъ онъ почувствовалъ, что этотъ взоръ накидываетъ на него незримую сѣть, хотѣлъ отвернуться и не могъ. Но красавица, сама вдругъ улыбнувшись, отвернулась и, взявъ подъ руку свѣтлѣйшаго, пошла съ нимъ къ шлюпкѣ, причалившей уже къ устланной коврами пристани. Рѣзной верхъ шлюпки былъ увитъ гирляндами изъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Свѣтлѣйшій спустился внутрь шлюпки и протянулъ руку Софіи. Она подала свою и на мгновеніе остановилась, обернувшись. Павелъ Корнильевичъ смотрѣлъ на нее, не отрываясь. Въ этотъ мигъ она, дѣйствительно, была чудно хороша, на фонѣ лазурнаго неба, сверкающей поверхности рѣки, золотого кружева восточной рѣзьбы великолѣпной шлюпки, въ живописномъ костюмѣ, улыбающаяся. И опять ея черныя, не улыбающіяся очи остановились на юношѣ, и вторично сердце его охватила жгучая истома, и вдругъ вся она, ея руки, ея ноги, охваченныя золотыми обручами, показались столь вожделѣнными юношѣ, что онъ готовъ былъ бы сейчасъ пасть къ этимъ, обутымъ въ остроносыя восточныя туфельки ножкамъ.

Красавица отвела взоръ, повернулась и спустилась въ наполненную переливчатыми тѣнями глубину шлюпки. За ней сошли дамы и, громко смѣясь и разговаривая, гремя шпорами и саблями, магнаты и избранныя особы эскорта графини Священной Римской имперіи. Попалъ туда и камергеръ Тромбецкій. Шлюпка отчалила и понеслась черезъ Днѣстръ.

Для адъютантовъ подана была другая, простая шлюпка.

Скоро все приняло прежній видъ на перевозѣ. Безостановочно переходили по мосту войска, переѣзжали фуры и телѣги, солдаты и слуги убирали шатры свѣтлѣйшаго и его приближенныхъ, маэстро Сарти ѣхалъ на сѣромъ осликѣ, сопровождаемый построившимися въ длиннѣйшую колонну музыкантами. Только три фурштата, простые мужики въ домашней крашенинѣ, перевозившіе инструменты и ноты оркестра на длинныхъ дрогахъ, посмотрѣли вслѣдъ сверкавшей золотомъ шлюпкѣ, бывшей уже на срединѣ Днѣстра.

— Ишь ты,—сказалъ одинъ изъ нихъ, вынувъ изо рта трубочку, распространявшую терпкій духъ корешковъ, и сплевывая подъ мостъ,—ишь ты! Никакъ сёмую нелегкая-те принесла!

— Эта, братцы, всѣхъ переклюкаетъ,—замѣтилъ другой:—потому въ штанахъ!

— Извѣстно, походная!—угрюмо заключилъ третій.

Но тутъ съ грохотомъ подъѣхали пушки, аккомпанировавшія оркестру Сарти, и офицеръ, крутясь на конѣ и свистя нагайкой надъ головой, неистово ругаясь, налетѣлъ на фурштатовъ, требуя скорѣе переѣзжать и дать мѣсто орудіямъ. Фурштаты зачмокали, задергали вожжами и тронули впередъ по хлопавшему о воду мосту.

XXXV.

Волшебный челнъ.

Избранное общество, наполнявшее золотую шлюпку, казалось, отправлялось не на театръ жестокой и кровопролитной войны, не въ военный лагерь, а на пріятную, увеселительную прогулку. Всѣ сидѣли на низкихъ, восточныхъ диванахъ, обитыхъ великолѣпными коврами. Въ прозрачномъ сумракѣ рѣзного навѣса играли переливы тѣней и красокъ. Шлюпка неслась по сверкающимъ водамъ. Пріятно журчала вода за кормой. Прохладный вѣтерокъ распахивалъ занавѣски и освѣжалъ.

Потемкинъ сидѣлъ у ножекъ Софіи, по восточному полулежавшей на диванѣ, склонивъ прелестную голову на руку, опертую о расшитую подушку. Вокругъ сѣли магнаты—Потоцкій, Браницкій и Ржевускій. Остальныя дамы: Долгорукая, Головина, Потемкина, Самойлова, Гагарина, принцесса Нассау—вступили въ пріятную бесѣду съ Рожеромъ де-Дамасомъ, герцогомъ Ришелье, графомъ Жерминьяномъ, принцемъ Гессенъ-Филипстальскимъ и другими. Французскій языкъ трещалъ какъ въ любой гостиной Вѣны или Петербурга. Передавались извѣстія объ общихъ знакомыхъ европейской международной аристократіи.

— Et bien, mon prince-colosse Potemkin!—вскричалъ возбужденно принцъ де-Линь, нахмуривая черныя, широкія брови, который одинъ, казалось, зараженъ былъ воинственнымъ азартомъ, полонъ военныхъ и дипломатическихъ соображеній и плановъ и принималъ геройскія позы и размашистыя движенія, какъ будто сейчасъ предстояло ему распорядиться всей кампаніей.—Вотъ я и опять съ вами, и надѣюсь скоро дѣйствовать въ мундирѣ русскаго генерала-аншефа, съ турецкой саблей на боку и съ австрійскимъ перомъ въ рукѣ!

— Я имѣю съ собой письмо императора,—хлопая себя по боковому карману, продолжалъ принцъ де-Линь,—въ которомъ изложенъ весь планъ войны! Je voudrais, prince, que notre devise fut tonner et étonner! [1]).

---

[1]) Я желаю, князь, чтобы нашимъ девизомъ было—гремѣть и удивлять.

— Вы сами внимали, любезный де-Линь, какъ вся земля гремѣла еще четверть часа тому назадъ,—сказалъ герцогъ Ришелье-Фронсакъ.—Что касается удивленія, то оно еще впереди. Этотъ волшебный челнъ, конечно, привезетъ насъ въ волшебную страну!

— Въ обстоятельствахъ, среди которыхъ мы находимся,—возразилъ свѣтлѣйшій,—я заранѣе долженъ предупредить, большихъ удобствъ и благоустройства найти невозможно. Я самъ живу въ землянкѣ, гдѣ и буду принужденъ принять это избранное общество. Прошу не пенять на меня!—скромно извинялся свѣтлѣйшій:—ничего не подѣлаешь—война!

Вѣсть о землянкѣ всѣхъ изумила. Всѣ, однако, промолчали, въ то же время опасливо соображая, не пришла ли въ голову свѣтлѣйшему варварская затѣя въ самомъ дѣлѣ поселить ихъ вдругъ всѣхъ въ простыхъ солдатскихъ землянкахъ, подвергая осеннему холоду и сырости. Чудаческая выходка подобнаго рода, какъ мгновенная прихоть, всегда могла прійти въ голову Потемкину.

— Волшебный челнъ!—подхватилъ де-Линь между тѣмъ выраженіе герцога, желая обратить разговоръ къ другой темѣ.—Волшебный челнъ! Въ самомъ дѣлѣ—это волшебный челнъ, напомнившій мнѣ истинно волшебное путешествіе Екатерины и Іосифа—двухъ великихъ монарховъ, въ страну восточныхъ галюцинацій! Ахъ, Потоцкій,—обратился де-Линь къ графу:--помните ли встрѣчу короля польскаго? Господа, прошу у васъ позволенія разсказать вамъ это событіе, что, вѣроятно, сократить намъ время переѣзда.

— Ахъ, разскажите, разскажите, милый принцъ!—просили дамы.

— Король польскій насъ ожидалъ въ Каневѣ на Борисѳенѣ. Онъ потратилъ три мѣсяца и три милліона, чтобы видѣть императрицу три часа. Les grands seigneurs de l'empire пріѣхали за нимъ въ великолѣпной шлюпкѣ. Поставивъ въ нее ногу, онъ сказалъ имъ съ невыразимой очаровательностью своей милой фигуры и пріятнаго звука голоса: «Господа, король Польши поручилъ мнѣ рекомендовать вамъ графа Понятовскаго».

— Прелестно! Восхитительно!—сказали дамы.

— Обѣдъ былъ чрезвычайно веселый. Пили здоровье короля при тройномъ залпѣ всей артиллеріи нашего флота—этого роскошнаго флота сѣверной Астреи, водами Борисѳена плывшей по неизмѣримому царству, которое она сдѣлала счастливымъ! Выходя изъ-за стола, король искалъ шляпу и никакъ не могъ ее найти. Императрица, болѣе проворная, увидѣла, гдѣ была шляпа, и подала ему. «Deux fois couvrir ma tête»! [1])--сказалъ галантно король.—Ахъ! madame, это чрезмѣрно осыпаетъ меня благодѣяніями и обязываетъ неизмѣряемой благодарностью!»

---

[1]) «Два раза покрыть мнѣ голову»—т. е. первый разъ польской короной, а второй—шляпой.

— Восхитительно! Прелестно!—сказали дамы.

— Могущество императрицы Екатерины можетъ не только возводить и низводить королей на тронахъ, но можетъ нѣчто большее! Я самъ былъ свидѣтелемъ тому, какъ Екатерина, подобно розоперстой Эосъ у Гомера, однимъ щелчкомъ пальца разрушила могущество Оттоманской имперіи и отворила врата Востока!

— Разскажите, милый князь, пожалуйста разскажите это намъ?—просили дамы.

— Когда императрица приближалась къ цѣли своего путешествія, принцъ Нассау, нашъ несравненный принцъ Нассау, который здѣсь и можетъ подтвердить мой разсказъ, явился съ извѣстіемъ, что десять турецкихъ кораблей помѣстились противъ устья Днѣпра, какъ будто бы съ цѣлью, съ дерзкою цѣлью остановить императрицу! Объ этомъ сообщилъ Нассау. А вы знаете Нассау! Я потомъ видѣлъ волонтера, который выигралъ четыре морскія баталіи, который съ пятнадцати лѣтъ искалъ славы блестящихъ приключеній, неутомимый, неутолимый боями! Онъ покинулъ, ради кругосвѣтнаго путешествія, всѣ наслажденія, въ которыхъ утопалъ, пользуясь благосклонностью королевы Отаити, въ Азіи; по возвращеніи въ Европу, онъ то полковникъ полка французской инфантеріи, то полка нѣмецкой кавалеріи, не зная по-нѣмецки, глава экспедиціи, капитанъ корабля, почти сожженный и потопленный на службѣ Испаніи, генералъ-майоръ испанской арміи, оберъ-офицеръ на службѣ трехъ странъ, языка которыхъ онъ не знаетъ, самый блестящій вице-адмиралъ, какой только бывалъ у Россіи Nassau-Siegen по рожденію, онъ сталъ Nassau-Sieger по подвигамъ! Вы знаете, что Sieger по-нѣмецки значитъ—побѣдитель!

— Прелестно! Восхитительно!—прошептали дамы, и слегка похлопали принцу Нассау, который всталъ и низко имъ поклонился.

— Этотъ Нассау-Зигеръ, Нассау-побѣдитель приходитъ къ великой Екатеринѣ, побѣдительницѣ побѣдителей, и докладываетъ о турецкихъ корабляхъ. Когда императрица увидѣла положеніе этихъ дерзкихъ кораблей на маленькой картѣ, Нассау предложилъ ей свои услуги по очищенію устья Днѣпра отъ турецкаго флота. Императрица дала щелчокъ бумагѣ и улыбнулась. Я понялъ это тогда, какъ милый прологъ хорошенькой войны. Не я не разсчиталъ силы щелчка Екатерины—онъ повалилъ Очаковъ, перенесъ русскую армію за Днѣстръ, скоро повалитъ Измаилъ, а за нимъ... Кто знаетъ, что еще онъ повалитъ! Я повторяю: пальчикъ Екатерины, подобно розовому персту Авроры, отворилъ врата Востока!

— Врата Востока открыты, можетъ быть,—замѣтилъ герцогъ Ришелье-Фронсакъ, dont nous n'avons pas ouvert les portes de

Stambul avec des doigts de rose, comme l'Aurore, mais avec des doigts de feu! [1]).

— Вы ошибаетесь, герцогъ,—сказалъ де-Линь:—именно розовые персты Авроры отворятъ намъ врата Стамбула! И эта прелестная Аврора, эта заря возрожденія Византійской имперіи и Эллады, въ розовыхъ перстахъ которой алѣетъ кровь древнихъ властелиновъ Востока, съ нами въ этомъ золотомъ волшебномъ челнѣ, везущемъ счастье Потемкина!

Взоры всѣхъ обратились къ прекрасной гречанкѣ.

— Кюшàди гунчѐ-и-диль калды̀ биръ бегарà дахы̀! — сказала восточная красавица и загадочно улыбнулась, обнаживъ перлы зубовъ.

XXXVI.

Землянка.

Шлюпка причалила къ берегу. Всѣ вышли на пристань.

Вслѣдъ за шлюпкой причалили и адъютанты. Экипажи и лошади уже дожидались. Скоро все общество двинулось по широкой, наѣзженной дорогѣ.

Совершенно плоская и голая, съ выжженной лѣтнимъ зноемъ травою унылая пустая степь простиралась во всѣ стороны. Не видно было ни дерева, ни кустика, ни холма, ни углубленія, только мѣстами росъ колючій бурьянъ.

— Вы сами видите, принцъ,—сказалъ герцогъ Ришельд-е-Фронсакъ теперь тоже сѣвшему на коня и ѣхавшему рядомъ съ нимъ де-Линю:—вы сами видите, что страна, въ которую ведутъ врата Востока, ничего не заключаетъ въ себѣ волшебнаго. Эта пустыня наводитъ уныніе, а предувѣдомленіе свѣтлѣйшаго о лагерной жизни въ землянкѣ не обѣщаетъ ничего хорошаго. Я думаю, что мысль вдругъ помѣстить привыкшихъ къ роскоши гостей въ переполненныхъ прыгающими и ползающими насѣкомыми солдатскихъ землянкахъ должна нравиться воображенію этого восточнаго сатрапа.

— Я не боюсь землянки,—отвѣчалъ принцъ де-Линь. — Думаете ли вы, что въ осень взятія Очакова мы не знали лишеній? Напротивъ. Смѣю васъ увѣрить, герцогъ, что положеніе наше было далеко не изъ пріятныхъ. Ваша жизнь тогда, мой милый герцогъ, въ Парижѣ, наоборотъ, походила на райское блаженство. Вы если и сгорали, то лишь страстью къ прекраснымъ женщинамъ; а я жарился шесть мѣсяцевъ, абсолютно жарился изъ-за этихъ гнусныхъ турокъ. Вообразите двѣ линіи огня, раздирающія простран-

---

[1]) Мы не отворимъ врата Стамбула розовыми пальцами, какъ Аврора, но лишь огненными пальцами.

ство! Два пламенныхъ занавѣса! Весь воздухъ, объятый пожаромъ, и небо, которое дьявольски похоже на адъ!

Принцъ де-Линь такъ увлекся разсказомъ, что пересталъ править лошадью, и едва не слетѣлъ съ сѣдла, когда она попала одной ногою въ выбоину.

Герцогъ поддержалъ его, и, поблагодаривъ кивкомъ головы, принцъ продолжалъ описанія лѣта и осени осады Очакова.

— Но мы жарились не только на пушечномъ огнѣ. Зной лѣтнихъ дней былъ хуже и, быть можетъ, опаснѣе. Когда я надѣялся подышать свѣжимъ вѣтромъ, то отворялъ дверь моей хижины, но такъ какъ вѣтеръ ничего не приносилъ мнѣ, кромѣ клубовъ жгучей суши, то я поскорѣе ее захлопывалъ! Змѣи, ящерицы и тарантулы ползли къ моей палаткѣ, сквозь высохшую траву, бывшую выше меня ростомъ, въ морѣ которой мы тонули со всей арміей, палатками, пушками и самимъ колоссомъ-Потемкинымъ! Затѣмъ начались собачьи холода. Дровъ для кухни стало не хватать. Я сжегъ наконецъ весь мой экипажъ: дышло пошло на обѣдъ, колесо на ужинъ... Порою я говорилъ себѣ: быть можетъ, сегодня начинаются балы у королевы... Да! Но на насъ, быть можетъ, завтра нападутъ татары, которые могутъ переправиться черезъ Бугъ, такъ какъ онъ замерзъ. Эта рѣчка нѣкогда называлась Гипанисъ. Quel beau nom pour l'histoire!

— Балы королевы! Едва ли теперь мы скоро дождемся возобновленія этихъ плѣнительныхъ баловъ!—сказалъ герцогъ Ришелье-Фронсакъ.

— Да, да! Парижъ во власти черни, которая устраиваетъ кровавые балы на Гревской площади, заставляя дворянъ Франціи плясать на фонарныхъ столбахъ, — подхватилъ Рожеръ де-Дамасъ.

— Лучшія фамиліи бѣгутъ изъ Франціи и находятъ пріютъ въ степяхъ Россіи. Если такъ будетъ продолжаться, — говорилъ герцогъ,—я ни за что не ручаюсь! Жизнь короля и королевы въ рукахъ уличной толпы!

— Господа, объ этомъ мы еще побесѣдуемъ,—сказалъ принцъ де-Линь. — Я надѣюсь на Екатерину и моего милаго колосса-Потемкина.

— Который въ дружбѣ съ Мирабо-бочкой, этимъ клубкомъ пороковъ, этимъ обитателемъ всѣхъ государственныхъ тюремъ Франціи, куда приводило его столько разъ безпутство и любострастіе, и теперь руководителемъ національнаго собранія! Князь Потемкинъ въ постоянной перепискѣ съ Мирабо— я знаю это отлично.

— Мой колоссъ-Потемкинъ—эмблема Россійской имперіи: Il-y-a les mines d'or et des diamants et des steppes dans l'un et dans

l'autre! [1])—сказалъ принцъ де-Линь, вѣрный своей привычкѣ все превращать въ матеріалъ для блестящей игры словъ.

— Можетъ быть, но этотъ колоссъ лучше упитанъ, нежели имперія, эмблемой которой онъ служитъ!—возразилъ Ришелье.—Но, кажется, мы приближаемся къ лагерю.

Впереди показались земляные валы лагеря, изъ-за которыхъ видны были верхи палатокъ. Въѣхали внутрь и скоро достигли обширнаго плаца, посреди котораго было возвышеніе съ дверью, напоминавшее земляной погребъ.

— Вотъ моя землянка!—сказалъ свѣтлѣйшій, когда дамы вышли изъ экипажей. Я предупреждалъ, что условія лагерной жизни и военнаго времени не позволяютъ пользоваться удобствами. Прошу не взыскать.

Дверь была отворена и глазамъ всѣхъ представились земляныя ступени, ведущія въ низкій и темный ходъ.

— Прошу пожаловать!—сказалъ свѣтлѣйшій и взялъ подъ одну руку графиню Софію, а подъ другую Екатерину Васильевну Долгорукую.

Дамы испустили легкій крикъ изумленія и страха, но принуждены были слѣдовать за свѣтлѣйшимъ.

— Это подобно нисхожденію Орфея въ подземныя жилища Плутона!—сказалъ де-Линь.

— Съ тою разницею, что Орфей искалъ тамъ Эвридику, а наша Эвридика—спускается въ мрачныя нѣдра вмѣстѣ съ нами!

Нѣдра были въ самомъ дѣлѣ мрачныя, особенно послѣ дневного свѣта.

Всѣ шли, держась другъ за друга, опасаясь оступиться, и нагибали головы, чтобы не стукнуться о нависающій сводъ.

Но вдругъ въ глубинѣ хода открылась дверь, и изумленнымъ глазамъ гостей представилась обширная подземная зала, выложенная бѣлымъ мраморомъ съ золочеными украшеніями и венеціанскими зеркалами въ стѣнахъ. Рядъ драгоцѣнныхъ яшмовыхъ и лапись-лазуревыхъ колоннъ подпиралъ потолокъ и отдѣлялъ ее отъ остальной части «землянки». Великолѣпныя занавѣси висѣли между колоннами. Множество восковыхъ свѣчей въ канделябрахъ на длинныхъ, великолѣпно сервированныхъ обѣденныхъ столахъ по срединѣ залы и въ бра отражались въ зеркалахъ. А зеркала были такъ искусно расположены, что зала удваивалась во всѣ стороны, обманывая взоры, и казалось, что попалъ въ какой-то волшебный подземный лабиринтъ, полный роскоши! Общій крикъ изумленія и восторга вырвался у всѣхъ.

— Вотъ такъ землянка!—Какое великолѣпіе!

— Какія зеркала!—Чудесно!—Невѣроятно!

---

[1]) И тутъ, и тамъ розсыпи золота, брильянтовъ и пустыя степи.

— Волшебно!—Сама Шахеразада не могла бы придумать ничего восхитительнѣе!

Поэтъ Тромбецкій сейчасъ же вытащилъ бумажникъ и сталъ набрасывать польскіе стихи въ честь великолѣпной «землянки». Самъ хозяинъ подземнаго чертога выказывалъ полное равнодушіе и ушелъ за колонны, уведя съ собою и Долгорукую съ Софіей. Появившійся камердинеръ свѣтлѣйшаго просилъ мужчинъ пожаловать въ салонъ направо, гдѣ они могли привести въ порядокъ передъ обѣдомъ свой костюмъ. Дамъ онъ просилъ послѣдовать за свѣтлѣйшимъ, за колонны и царственныя занавѣси, тяжелыми складками ниспадавшія между ними.

Въ ту же минуту толпа лакеевъ въ пудрѣ и золотыхъ глазетовыхъ кафтанахъ наполнила залу и принялись суетливо готовить столы, которые, повидимому, и безъ того были готовы.

XXXVII.

Парижскіе башмачки.

Въ салонѣ направо, столь же великолѣпно, какъ и обѣденная зала, отдѣланной подземной комнатѣ, находилось нѣсколько генераловъ и другихъ лицъ фельдмаршальской квартиры. Прибывшіе знакомились съ ними и общей темой разговора была великолѣпная «землянка» свѣтлѣйшаго и то, какъ искусно подготовленъ былъ эффектъ.

— Галюцинація! Галюцинація!—повторялъ принцъ де-Линь.

Онъ развивалъ ту мысль, что вся Россія—такая же волшебная землянка, полная роскоши, скрытая среди голыхъ, пустыхъ степей. Кажется, на взглядъ европейца, что ничего нѣтъ въ этой неизмѣримой странѣ, кромѣ пастуховъ и пахарей, кромѣ крытыхъ соломой хижинъ и бѣдныхъ, грязныхъ городовъ. И вдругъ картина измѣняется. Находятся неизсякаемыя силы, неизмѣримыя богатства! Страна галюцинацій! Страна волшебныхъ превращеній!

— Ваша остроумная характеристика, принцъ, совершенно справедлива,—сказалъ генералъ-майоръ Мелиссино, прибывшій изъ Яссъ и находившійся въ подземномъ салонѣ «землянки»:—ваша характеристика справедлива, но только нужно прибавить, что эти богатства и силы тогда лишь бьютъ неудержимымъ потокомъ изъ голыхъ степей, когда по нимъ ударитъ волшебный жезлъ, находящійся въ рукахъ великой монархини!

— Или ея достойнаго сподвижника, генералъ!—подхватилъ камергеръ Чертковъ.—И откуда только, Боже Ты мой, у него все берется! Извольте видѣть, чортъ побери, посреди пустыря—вдругъ землянка изъ мрамора, золота и венеціанскихъ зеркалъ! Истинный волшебникъ!

Общій хоръ похвалъ и восторженнаго изумленія предъ изобрѣтательностью и всемогуществомъ свѣтлѣйшаго покрылъ этотъ обмѣнъ остроумныхъ замѣчаній. Подъ гулъ ихъ Павелъ Корнильевичъ подошелъ къ генералу Мелиссино и, представившись ему, сказалъ, что при немъ имѣется письмо графа Мелина.

Лицо Мелиссино мгновенно выразило самое теплое участіе и симпатію къ молодому адъютанту.

— Рекомендація графа Мелина обязываетъ меня отнестись къ вамъ, милѣйшій юноша, какъ къ другу и брату!—сказалъ Мелиссино.—Располагайте мной. Но письмо вы передадите мнѣ потомъ. Здѣсь неудобно его читать. Завтра поутру я самъ зайду въ ту палатку, гдѣ васъ помѣстятъ.

Мелиссино прибавилъ еще, что знаетъ достойнаго батюшку Павла Корнильевича, а на вопросъ адъютанта, гдѣ теперь графъ Румянцовъ, къ которому тоже имѣется у него письмо, Мелиссино сказалъ, что отставной полководецъ проживаетъ недалеко за Днѣстромъ, въ имѣніи молдаванскаго боярина, въ сельской обстановкѣ, отдыхая отъ боевыхъ подвиговъ, подобно древнему Цинцинату. Мелиссино предложилъ Радожицкому вмѣстѣ съ нимъ съѣздить къ старому фельдмаршалу.

— Впрочемъ,—шепнулъ онъ Павлу Корнильевичу:—лучше не будемъ въ этомъ подземномъ пріютѣ роскоши упоминать имени графа!

Въ эту минуту въ салонъ вошелъ правитель дѣлъ свѣтлѣйшаго Поповъ. Всѣ взоры устремились на него.

Поповъ подошелъ къ Павлу Корнильевичу и громко сказалъ:

— Господинъ адъютантъ, пожалуйте къ свѣтлѣйшему! Онъ требуетъ васъ къ себѣ!

Всѣ взоры съ интересомъ обратились теперь на Радожицкаго.

Онъ всталъ и пошелъ за Поповымъ.

Черезъ маленькую дверь Поповъ провелъ его въ узкій коридорчикъ и потомъ за колонны обѣденной залы «землянки». Здѣсь потолокъ былъ сведенъ куполомъ, задрапированъ шелковой, нѣжныхъ переливовъ, матеріей, спускавшейся затѣмъ по стѣнамъ прихотливыми складками. Въ куполѣ висѣлъ золоченый кругъ съ хрустальными подвѣсками и множествомъ фарфоровыхъ лампіоновъ, въ которыхъ горѣли толстыя и короткія восковыя свѣчи, озаряя всю эту устланную смирнскимъ ковромъ келью роскоши и нѣги. Множество свѣчей горѣло еще по сторонамъ въ бра и на столахъ въ канделябрахъ. Въ глубинѣ стоялъ подъ балдахиномъ диванъ, крытый золотой матеріей. На немъ возлежала Софія. Видимо, она была въ разстроенномъ состояніи; на прекрасномъ лицѣ ея выступали красныя пятна гнѣва; она рвала пальцами кружевной платокъ и била ножкой по дивану. Вокругъ на креслахъ сидѣли съ разнообразными лицами остальныя шесть красавицъ. Онѣ насмѣшливо переглядывались и перешептывались.

Въ центрѣ круга прекрасныхъ грацій, на низенькомъ пуфѣ помѣщался самъ свѣтлѣйшій. Огромное тѣло его было облечено теперь въ просторный домашній шлафрокъ, или халатъ, или наконецъ капотъ—трудно было опредѣлить, что именно,—изъ зеленой шелковой матеріи.

Лицо Потемкина тоже было угрюмо и разстроено—и зрячій глазъ его, пламенѣя, вращался въ орбитѣ.

— Прекрасные порядки въ вашей странѣ, князь!—говорила довольно крикливымъ голосомъ прекрасная гречанка, на необыкновенномъ своемъ французскомъ языкѣ, когда Поповъ вошелъ съ Радожицкимъ.—Прекрасные порядки! Отрѣзали мой чемоданъ съ кареты! А въ немъ всѣ мои парижскіе башмаки! мнѣ нечего надѣть! Іосифъ! графъ!—обратилась она къ мужу, стоявшему съ растеряннымъ видомъ поодоль.—Какъ ты допустилъ отрѣзать чемоданъ?! Какъ ты допустилъ?...

Графъ Витте держалъ восточный башмачокъ супруги съ загнутымъ носкомъ, которымъ она только что запустила въ него, собираясь надѣть къ обѣду европейскій костюмъ и къ нему парижскіе башмаки и узнавъ, что съ задка кареты воры ухитрились срѣзать чемоданъ.

— Я положительно могу утверждать,—трепетнымъ голосомъ сказалъ графъ:—что чемоданъ былъ цѣлъ до послѣдней станціи, когда вы, Софи, пересаживались съ принцессой Нассау въ присланный экипажъ.

— Еще лучше! Значитъ, чемоданъ отрѣзали въ вашемъ лагерѣ, быть можетъ, во время той пышной встрѣчи, которой вы насъ, князь, почтили! Я бы предпочла, чтобы не было такого грохота при этомъ, но мои башмаки были цѣлы! О, варвары! О, дикари! Нѣтъ, я еще должна цивилизовать васъ, князь, и вашихъ бородатыхъ московитовъ! Я должна васъ цивилизовать!

— Поповъ!—хрипло сказалъ свѣтлѣйшій, вращая пламенѣющимъ окомъ.—Передай мое приказаніе сейчасъ разслѣдовать, какой такой мерзавецъ нашелся, что подъ носомъ у меня графининъ чемоданъ срѣзалъ, а ?!..

— Такъ точно, ваша свѣтлость, распоряженіе дано!—отвѣчалъ безстрастно Поповъ.

— Чтобъ былъ разысканъ негодяй! Слышишь! Нарядить надъ нимъ военный судъ и повѣсить въ примѣръ всѣмъ ворамъ за Днѣстромъ на виду! Слышишь!

— Точно такъ, слышу. Воръ будетъ найденъ и повѣшенъ,— столь же безстрастно отвѣчалъ Поповъ:—если только чемоданъ срѣзанъ послѣ послѣдней станціи, то найдутъ и чемоданъ.

— Я не знаю, найдутъ ли вора и мой чемоданъ. Я только знаю, что даже въ Польшѣ чемоданъ былъ цѣлъ, что до самаго вашего лагеря, князь, чемоданъ проѣхалъ безопасно, а здѣсь

исчезъ! И мнѣ невозможно надѣть мое новое вѣнское платье, такъ какъ къ нему у меня нѣтъ парижскихъ башмаковъ,—продолжала гнѣваться гречанка.

— У меня есть нѣсколько запасныхъ паръ башмаковъ,—сказала княгиня Долгорукая,—и я охотно подѣлюсь ими съ вами, милая графиня. Правда, эти башмаки сшиты не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ, но у башмачника, который шьетъ на самое государыню. Но только я опасаюсь,—продолжала, невинно улыбаясь, княгиня:— что мои башмаки будутъ вамъ не впору! И она выставила для сравненія прелестнѣйшую въ мірѣ, миніатюрную ножку. Гречанка взглянула, вспыхнула, поспѣшно поджала ножки и, кинувъ княгинѣ: «благодарю! я чужихъ башмаковъ не ношу!»—отвернулась.

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости,—сказалъ Поповъ,—что графъ изволитъ, видимо, ошибаться. Я уже разспросилъ сопровождавшихъ карету. Они положительно показали, что приняли ее на послѣдней станціи безъ чемодана на задкѣ. Изъ сего должно заключить, что срѣзанъ онъ гдѣ-то на пути и, можетъ быть, еще за границей Россійской имперіи. Ежели сіе подтвердится, то разыскать вора и чемоданъ будетъ не столь легко.

— Искать по всему пути! Послать агентовъ за границу,—закричалъ бѣшено свѣтлѣйшій.—Но только чтобы найти. Роди, а найди! Живъ не хочу остаться, коли не найдешь!

— Ахъ, какъ онъ меня пугаетъ, этотъ московитъ!—томно сказала гречанка, устремляя прекрасный взоръ на стоявшаго около Попова пораженнаго всей сценой Павла Корнильевича.

— Чтобъ было найдено!—повторилъ грозно свѣтлѣйшій.—Но во всякомъ разѣ вы, графиня, безъ парижской обуви не останетесь,—продолжалъ онъ.—Вотъ что, господинъ Радожицкій,—обратился онъ къ молодому адъютанту:—вы говорили, что ищете прямой службы; ну, вотъ вамъ прямая служба! Прямо отсюда отправляйтесь въ Парижъ нарочнымъ за башмачками для графини. Она вамъ скажетъ, гдѣ купить, и мѣрку дастъ! Ступайте!

XXXVIII.

Нарочный въ Парижъ.

Когда Павелъ Корнильевичъ возвратился въ салонъ, его обступили адъютанты-товарищи и закидали нетерпѣливыми вопросами:

— По какому дѣлу тебя вызывалъ свѣтлѣйшій?

— Что онъ приказалъ? Въ какомъ онъ расположеніи?

— Видѣлъ la belle fanariote?—Какое странное у него выраженіе лица! Видно, слышалъ и видѣлъ нѣчто изумительное!—Да разсказывай, не мучь! полно корчить хитреца!—такіе и подобные вопросы сыпались на Радожицкаго.

— Ничего особеннаго, господа,—отвѣчалъ молодой адъютантъ. Какъ ни былъ онъ пораженъ необыкновенной командировкой и порученіемъ свѣтлѣйшаго, привычка къ придворной жизни, пріобрѣтенная въ уборныхъ сержантахъ, помогла ему овладѣть собою и противопоставить любопытству товарищей всесокрушающее равнодушіе.—Ничего особеннаго. Свѣтлѣйшему угодно меня отправить нарочнымъ,—говорилъ онъ.

— Нарочнымъ! Куда?—воскликнули хоромъ, съ оттѣнками самыхъ разнообразныхъ чувствъ—удивленія, зависти, сочувствія и недоброжелательства—искатели случая и фортуны.

— Въ Парижъ,—отвѣчалъ Радожицкій.

— Въ Парижъ? Но съ какимъ порученіемъ?—горя любопытствомъ, спрашивали адъютанты.

— За башмаками для графини Софіи, господа,—спокойно отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.

— За башма... За башмаками?!...—Въ Парижъ?!... Когда же ты ѣдешь?!... И когда вернешься?!... Какъ ни привыкли всѣ къ необыкновеннымъ выходкамъ Потемкина, но посылка въ Парижъ нарочнаго за башмаками черезъ всю Европу, почти съ порога Азіи всѣхъ повергла въ изумленіе.

— Я ѣду, господа, сейчасъ же по полученіи отъ графини мѣрки. А когда вернусь, это зависитъ это многихъ обстоятельствъ. Конечно, я приложу все усердіе, чтобы выполнить возложенное на меня порученіе возможно въ короткій срокъ и вернуться къ началу главныхъ военныхъ предпріятій. Но путь не близокъ, а въ Парижѣ, вы сами знаете, революція.

Новость о посылкѣ свѣтлѣйшимъ адъютанта Радожицкаго въ Парижъ нарочнымъ за башмаками для графини Софіи, мгновенно обошла всѣхъ бывшихъ въ салонѣ. Важные генералы и знатные иностранцы выказали чрезвычайный интересъ и къ новости, и къ личности нарочнаго. Во всякомъ случаѣ такая посылка выдвигала молодого адъютанта изъ среды его товарищей и успѣшное выполненіе порученія, конечно, открывало ему путь къ дальнѣйшему служебному движенію. Они подходили и съ различными оттѣнками восхищеннаго изумленія грандіознымъ чудачествомъ князя Таврическаго разспрашивали Павла Корнильевича.

— Узнаю безбрежную, какъ степь, и полную неожиданностей натуру моего колосса-Потемкина въ этой посылкѣ изъ Азіи въ Европу отъ вратъ Востока къ вратамъ Запада нарочнаго за бездѣлицей, за башмачками для прекрасной ножки!—воскликнулъ принцъ це-Линь.—И я не удивлюсь, если въ этой странѣ волшебныхъ галюцинацій найдутся семимильные сапоги, и князь ими снабдитъ своего посланца, такъ что онъ совершитъ путь до Парижа и обратно до заката солнца сегодняшняго дня, или, самое позднѣе, до утренней

зари завтрашняго! И очаровательная эллинка поутру, открывъ очи, увидитъ у роскошнаго восточнаго своего ложа модное издѣліе французскаго мастера!

— Волшебникъ! Чародѣй! Все ему, чортъ побери, подвластно!— восклицалъ и камергеръ Чертковъ.—Вѣдь придетъ же въ голову, Боже ты мой, спосылать въ Парижъ, въ этотъ, можно сказать, всемірный Вавилонъ, за башмачками! Кто еще, чортъ побери, такое или даже подобное предпринять можетъ?—по обыкновенію мѣшая имя Бога съ именемъ злого духа, вопрошалъ Чертковъ.

— Но позвольте освѣдомиться,—сказалъ Мелиссино:—что вызвало недостатокъ въ обуви для прелестной, такъ что посылать за нею столь далеко даже пришлось, и неужели въ предѣлахъ имперіи, ничѣмъ остальной Европѣ въ правленіе столь премудрой монархини не уступающей, не находится достаточно искуснаго кравца для постройки башмачковъ, достойныхъ ножки особы, хотя бы и происходящей отъ византійскихъ императоровъ?

Это смѣлое патріотическое замѣчаніе вскорѣ нашло большое сочувствіе. Посыпались указанія на лучшихъ башмачныхъ мастеровъ Петербурга. Подняли споръ, лучшіе ли теперь мастера въ Парижѣ: нѣкоторые утверждали, что лучшіе, а другіе говорили, что лучшая обувь въ Вѣнѣ, третьи—въ Лондонѣ, а магнатъ графъ Феликсъ Потоцкій-Щенсный надменно и рѣзко заявилъ, что лучшій во всемъ мірѣ башмачникъ живетъ не гдѣ-либо, а именно въ Варшавѣ, — то Килиньскій! — говорилъ онъ. — Первый кравецъ всей Эуропы!

— О, да! Килиньскій!—подтвердили Ржевускій и Браницкій, съ важностью расправляя усы и движеніемъ плечъ откидывая рукава великолѣпныхъ своихъ кунтушей, и кладя руки на осыпанные драгоцѣнными камнями эфесы сабель, какъ будто готовы были оружіемъ защищать превосходство кравца Килиньскаго. Никто не зналъ варшавскаго башмачника Килиньскаго, но спорить съ магнатами, конечно, не стали.

— Если князю понадобилась обувь,—говорилъ Потоцкій:—то я сейчасъ могу послать въ Варшаву къ Килиньскому и доставить хоть десять дюжинъ паръ башмачковъ для графини Софіи!

— Но все же, почему оказался недостатокъ обуви въ гардеробѣ графини?—опять повторилъ вопросъ свой Мелиссино.

Тутъ Павелъ Корнильевичъ передалъ исторію пропажи чемодана съ парижской обувью.

— Чемоданъ желтой кожи! Знаю!—воскликнулъ принцъ де-Линь.—Именно необыкновенный цвѣтъ его бросился мнѣ въ глаза, и я этотъ чемоданъ замѣтилъ. Но я положительно могу утверждать, что похищенъ онъ еще за нѣсколько станцій до лагеря, такъ какъ я именно обратилъ вниманіе, что вдругъ желтый цвѣтъ не поражаетъ меня на запяткахъ кареты!

Въ эту минуту вошли въ салонъ графъ Іосифъ Витте и дѣлопроизводитель свѣтлѣйшаго Поповъ. Они услышали послѣднія слова принца де-Линь и съ живостью обратились къ нему, такъ какъ показаніе его объ исчезновеніи чемодана желтой кожи еще за нѣсколько станцій до лагеря снимало нареканіе, что чемоданъ ухитрились срѣзать чуть не во время самой торжественной встрѣчи претендентки на византійскій престолъ.

Но зато отвѣтственость въ большей мѣрѣ падала теперь на мужа красавицы, не обратившаго во время вниманіе, что такая драгоцѣнность, какъ необходимые для европейскаго туалета парижескіе башмачки, похищена...

Тутъ двери салона распахнулись, и дворецкій доложилъ, что кушать подано. Всѣ двинулись въ столовую. Одновременно изъ другого салона вошли дамы и особы свиты Потемкина и генералъ-фельдмаршальской квартиры, прибывшіе нѣсколько позднѣе, а изъ-за колоннъ выступилъ въ зеленомъ капотѣ свѣтлѣйшій, ведя подъ одну руку графиню Софію, а подъ другую княгиню Долгорукую; остальныя Граціи окружали ихъ прелестнымъ вѣнкомъ.

Прекрасная фанаріотка, за неимѣніемъ парижскихъ башмачковъ къ европейскому костюму, принуждена была появиться опять въ азіатскомъ, но еще болѣе фантастическомъ и переливавшемъ нѣжными тонами шелковыхъ тканей и драгоцѣнностями. Голову ея покрывала чалма изъ восточной кисеи, украшенная діадемой, горѣвшей брильянтами, рубинами и изумрудами. Въ этомъ нарядѣ, среди великолѣпной обстановки подземной столовой, при блескѣ множества восковыхъ свѣчей, отражавшихся въ венеціанскихъ зеркалахъ, она была сказочно прекрасна и, дѣйствительно, напоминала восточную царевну.

Молодой «нарочный» съ упоеніемъ любовался прелестной, забывъ о связывавшихъ его клятвахъ вѣрности и о талисманѣ, скрытомъ на груди и вдругъ потерявшемъ силу предъ чарами гречанки. А она едва вошла и сѣла, едва обвела дивными очами избранное общество, разсаживавшееся вокругъ, явно остановила взоръ свой на молодомъ человѣкѣ, и Павлу Корнильевичу показалось, что нѣжное и жгучее пламя мгновенно озарило ея взоръ. И она обратила глаза въ другую сторону.

Принцъ де-Линь поспѣшилъ выразить графинѣ Софіи соболѣзнованіе по поводу необъяснимой пропажи.

— Впрочемъ, мы только должны быть благодарны хищнику. Благодаря ему, мы видимъ васъ въ этомъ несравненномъ восточномъ нарядѣ, конечно, затмевающемъ всѣ выдумки европейскихъ портныхъ! Что касается вашего наряда, князь,—обратился онъ къ свѣтлѣйшему, — то этотъ зеленый капотъ мой старый другъ! Я лично помню его еще съ осени осады Очакова.

Потемкинъ угрюмо закусилъ ногти и не отвѣчалъ ни слова. Видимо, настроеніе его опять перемѣнилось. Эта «ногтоѣда» свѣтлѣйшаго, или, какъ про себя опредѣлялъ принцъ де-Линъ, une mélancolie hypocondriaque et profonde, тоже отлично была ему извѣстна.

Роскошный банкетъ въ «землянкѣ» проходилъ въ оживленной непринужденности, несмотря на меланхолію хозяина, которую всѣ старались не замѣчать. Разнообразіе тонкихъ винъ и изысканныхъ кушаній, чудная, незримая музыка, драгоцѣнные бокалы, вазы высокой чеканки, севръ, золотая и серебряная посуда, нѣжнѣйшіе фрукты, дождь благоуханныхъ розъ, внезапно просыпавшійся съ потолка на графиню Софію, къ зависти прочихъ дамъ, волшебная красота гречанки, разнообразная прелесть ея соперницъ, ихъ которыхъ каждая, на этомъ турнирѣ красоты, выказывала все, что только было въ ней плѣнительнаго, все дѣлало этотъ пиръ на отдаленныхъ предѣлахъ необозримой имперіи, на порогѣ Востока и Азіи, въ голыхъ степяхъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ непріятельскихъ войскъ, чѣмъ-то дѣйствительно необыкновеннымъ и не поддающимся описанію.

— Галюцинація! — повторялъ принцъ де-Линь. — Упоительная сказка Шахеразады изъ «Тысяча и одна ночь!..»

XXXIX.

Освобожденный изъ Бастиліи.

За столомъ передавались подробности пропажи желтаго чемодана и посылки нарочнымъ въ Парижъ за парой башмачковъ молодого адъютанта. Всѣ дамы при этомъ обращали взоры въ сторону Радожицкаго, и онъ сталъ героемъ минуты. Долгорукая хорошо его знала и помнила еще въ шкловскомъ благородномъ училищѣ генерала Зорича, когда онъ остался побѣдителемъ на карусели. Тогда, впрочемъ, чтобы польстить самолюбію бывшаго на празднествѣ магната Радзивилла, Павла Корнильевича выдали за поляка, о чемъ онъ и не свѣдалъ. Долгорукая сказала, что воспользуется случаемъ и съ своей стороны попроситъ нарочнаго потрудиться и кое-что закупить для нея въ Парижѣ. Сейчасъ же и другія дамы обезпокоились и каждой что-либо понадобилось купить въ Парижѣ, спѣшили пересылать черезъ сосѣдей просьбы «нарочному» непремѣнно передъ отъѣздомъ зайти къ такой-то за порученіями.

— Вижу, что миссія господина Радожицкаго будетъ не изъ легкихъ! — замѣтилъ принцъ де-Линь. — Угодить вкусу стольких красавицъ—задача чрезвычайно сложная и тонкая.

— Задача трудна уже и потому, что въ настоящее время смута, охватившая Парижъ и Францію, благодаря излишней добротѣ и уступчивости короля, привела въ полное разстройство искусства, мастерства и промыслы нашей прекрасной страны,—замѣтилъ герцогъ Ришелье.—Все въ смятеніи! Все дико, нестройно! Хозяева потеряли власть надъ подмастерьями и учениками. Буйная чернь наполняетъ Парижъ оргіей самосуда, кровавыхъ расправъ. Иностранцы покинули Парижъ. Художники, артисты, искусные ремесленники уѣзжаютъ изъ Франціи — они ищутъ пріюта и примѣненія талантовъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ гражданскій порядокъ не нарушенъ, гдѣ существуетъ личная и имущественная безопасность. Они ѣдутъ въ Англію, старую нашу соперницу, въ Голландію, въ Россію, подъ скипетръ премудрой монархини. Такъ Франція оскудѣваетъ людьми искусства и таланта. Третье сословіе при помощи ракаліи Гревской площади думало низвергнуть лишь насъ, старую сеньорію Францію. Но ракалья теперь видитъ аристократа въ каждомъ, кто обладаетъ собственностью. И буржуа, фабриканты, хозяева мастерскихъ испытаютъ ту же участь, которую они приготовили сеньоріи.

— Я полагаю, что сіе временно, пока все не устроилось, — важно замѣтилъ графъ Іосифъ Витте.—Все это смущеніе, бѣгство дворянъ и даже, какъ вы утверждаете, герцогъ, промышленниковъ, продолжится лишь до тѣхъ поръ, пока національное собраніе не провозгласитъ незыблемыхъ началъ свободы, равенства и братства. Мы, поляки, — продолжалъ графъ, — раньше всей Европы создали свободныя учрежденія и прониклись духомъ вольности. Наша золотая свобода...

— Къ чему же доброму привела Польшу золотая свобода? — перебилъ графа Ришелье.

— Я, впрочемъ, удалился отъ предмета бесѣды, — поспѣшно сказалъ графъ, замѣтивъ, что три магната недовольно нахмурили брови, слыша либеральную рѣчь его. — Дѣло, по-моему, весьма просто. Парижане перемѣняютъ свою constitution. Что тутъ особеннаго?

— Для поляковъ, конечно, ничего особеннаго,—вставилъ принцъ де-Линь:—такъ какъ они, кажется, каждыя десять лѣтъ перемѣняютъ свою constitution!

— Какъ больной постоянно мѣняетъ положеніе, думая, что отъ того ему будетъ легче!—сказалъ принцъ Нассау.

— Вся причина смуты—въ нерѣшительности короля и министровъ,—продолжалъ графъ.—Надо рѣшиться и смѣло порвать со старыми предразсудками, провозгласить тѣ великія начала, тѣ великія истины, которыя открыты философами Франціи и которыми давно просвѣщеннѣйшая часть французскаго общества и обще-

ства всей Европы замѣнила устарѣлыя начала гражданскаго неравенства.

— Да! да! И эти великія истины еще двадцать лѣтъ тому назадъ провозглашены въ Россіи нашей монархиней въ премудромъ ея «Наказѣ», который завѣщала она властямъ своимъ твердить почаще!—подхватилъ генералъ Мелиссино.

— Какъ только сіи великія истины будутъ провозглашены,—продолжалъ графъ:—начнется преображеніе Франціи, все придетъ въ стройный порядокъ, въ гармонію! Солнце правды засіяетъ, и вчерашній рабъ обнимется съ господиномъ! Великія сіи истины, яко огонь неопаляющій, охватятъ умы и сердца и спаяютъ всѣхъ въ великое братство!

— Но вы забыли объ ужасныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ взятіе Бастиліи! Вы забыли, что, несмотря на всѣ уступки, кровь льется и нынѣ, Парижъ и самые синдики его во власти рыночныхъ бабъ и подонковъ черни, выходцевъ съ галеръ, и никакого успокоенія не наступаетъ, пожаръ больше и больше разгорается!

— Все это временно, временно!—твердилъ графъ Іосифъ.—Еще немного, взойдетъ солнце правды и...

— Русская-то пословица молвитъ,—замѣтилъ кто-то изъ русскихъ генераловъ:—что пока солнце взойдетъ—роса глаза выѣстъ.

— Я удивленъ, что слышу за этимъ столомъ защиту бунта и возмущенія неблагодарныхъ подданныхъ противъ великодушнѣйшаго и кротчайшаго изъ королей!—сказалъ принцъ де-Линь.—Эти пики, несущія отрубленныя головы, эта кровавая заря дикой свободы, это общее варварство, въ которое столь быстро погружается нація, до сихъ поръ бывшая образцомъ вкуса, людскости, изящества, рыцарства, вѣжливости. Эта трехцвѣтная кокарда...

— Подобная небесной радугѣ, которая появляется лишь послѣ бури!—вставилъ принцъ Гессенъ-Филипстальскій, видимо, бывшій на сторонѣ графа Іосифа Витте.

— Нѣтъ, принцъ, буря еще не отшумѣла! будущее чревато грозными событіями!—возразилъ де-Линь.—Дворянство покидаетъ враждебную ему Францію...

— И короля... короля!—многозначительно напомнилъ принцъ Гессенъ.

— Да, короля, который объявилъ себя мѣщаниномъ и украсилъ свою грудь трехцвѣтной кокардой буржуазіи и бунта! Дворянство уходитъ, желая сохранить непорочной бѣлизну своей кокарды!

— Споръ о цвѣтахъ!—пожавъ плечами, сказалъ графъ Іосифъ.—На сторонѣ трехцвѣтной кокарды—великія истины лучшей части человѣчества, на сторонѣ бѣлой—отжившіе предразсудки!

— Чортъ побери!—крикнулъ Рожеръ де-Дамасъ.—Вы оскорбляете нашу бѣлую кокарду, графъ! Не забудьте, что всѣ мы, здѣсь

присутствующіе, покинули наше несчастное отечество лишь потому, что не могли допустить оскверненія бѣлой лиліи!

— Я не хотѣлъ оскорбить ни васъ, ни прочихъ господъ съ бѣлой кокардой и лиліей,—поспѣшно отвѣтилъ графъ.—Я лишь высказывалъ, что великія истины, принятыя большинствомъ передового человѣчества, однѣ могутъ внести миръ и счастье въ взволнованную Францію, ибо разъ онѣ будутъ провозглашены, — всѣ удовлетворятся, общее желаніе будетъ исполнено, страсти утихнутъ, король явится отцомъ среди любящихъ, признательныхъ дѣтей, и вы, господа, спокойно возвратитесь въ ваше цвѣтущее, блаженное отечество!

— Чортъ побери!— опять закричалъ Дамасъ.—Говорятъ вамъ, что ваши великія истины уже провозглашены краснобаями національнаго собранія, а кровь попрежнему льется, и все бѣжитъ изъ Франціи! Первыя фамиліи, великія имена, звучавшія въ вѣкахъ нашей исторіи, больше уже не французскія имена! Они усвоены Италіей, Савойей, Англіей.

— И Россіей, если вспомнить хотя бы ваше имя, дорогой Рожеръ!—любезно вставилъ де-Линь.

— Общее бѣгство! Въ Швейцаріи, особенно въ Бернѣ, столько изгнанниковъ, что квартиры стали дороги, какъ въ Женевѣ. Въ Кобленцѣ молодежь надѣла голубое платье, красный плащъ, желтыя «culottes» и носитъ пуговицы арміи эмигрантовъ съ цвѣткомъ лиліи. Въ нашихъ замкахъ остались лишь старцы, не желающіе умирать внѣ отечества. Ежедневно муниципалитетъ выдаетъ до 200 заграничныхъ паспортовъ. Объ иностранцахъ нечего и говорить. Въ Парижѣ осталось только трое англичанъ...

— И одинъ русскій,—сказалъ генералъ Мелиссино.—Молодой Строгановъ со своимъ наставникомъ Роммомъ изучаетъ на практикѣ пружины гражданской машины, столь наглядно обнажающіяся во время смуты.

— Живописцы, скульпторы, граверы—l'art émigré! Et la danse émigré!—воодушевленно продолжалъ Дамасъ. — Обервaль и Дидло уѣхали въ Лондонъ. И, наконецъ, весь Парижъ взволновался, узнавъ, что и самъ великій Вестрисъ его покидаетъ!

— Говорятъ, на Гревской зато отлично пляшутъ карманьолу!— сказалъ графъ Іосифъ Витте.

Сдѣлалось зловѣщее молчаніе. Либерализмъ графа перехватилъ черезъ край.

— Я начинаю подозрѣвать, что необычайное сочувствіе графа ъ парижскимъ смутьянамъ небезкорыстно,—съ злой улыбкой сказ лъ наконецъ герцогъ Ришелье-Фронсакъ.—Да не сидѣли ли вы, афъ, въ Бастиліи, когда чернь, мѣсяцъ тому, осадила и взяла у государственную тюрьму, а?

— Я? Въ тюрьмѣ? Что вы говорите, герцогъ! — воскликнулъ графъ Витте.

— Я потому это сказалъ, что, какъ извѣстно, въ Бастиліи, давно упраздненной тюрьмѣ, сидѣло лишь три лица, которыхъ чернь и освободила, взявъ Бастилію, когда измѣнникъ-комендантъ, по дѣломъ поплатившійся за это головой, открылъ толпѣ ворота крѣпости, съ цѣлью дать ей возможность убѣдиться, что тамъ никого не содержится. Одинъ изъ освобожденныхъ носилъ вашу фамилію—Whyte [1])... Вотъ я и думалъ, что если вы обязаны черни Гревской площади освобожденіемъ изъ Бастиліи, то ваши странныя симпатіи легко объясняются естественнымъ чувствомъ благодарности.

Всѣ смотрѣли на графа Іосифа, который совершенно смѣшался и не зналъ, что ему сказать.

— Впрочемъ, я ошибаюсь, конечно,—безпечно продолжалъ, выждавъ нужное время для эффекта, злой Ришелье.—Да, да! я, конечно, ошибаюсь! Освобожденный изъ Бастиліи Витте оказался сумасшедшимъ. Это явно не вы.

— Помилуйте, герцогъ,—смѣясь сказалъ де-Линь.—И по числамъ не выходитъ. Я могу засвидѣтельствовать alibi графа. Въ день взятія Бастиліи мы съ нимъ безпечно наслаждались прогулкой въ благоухающихъ садахъ загороднаго дворца Фавориты въ Вѣнѣ!

Всѣ улыбались. Улыбнулся и графъ, рѣшивъ принять выходку герцога за острую невинную шутку.

XL.

Новая Автономія.

— Въ самомъ дѣлѣ, господину Радожицкому будетъ не легко выполнить порученія дамъ,—говорилъ де-Линь, желая отвлечь вниманіе общества отъ исторіи съ плѣнникомъ Бастиліи. Торговцы модами еще раньше балетныхъ танцоровъ покинули столицу Франціи. Наша византійская царевна помнитъ еще прежній упоительный Парижъ. А между тѣмъ моя милая пріятельница маркиза де-Z., рѣшающаяся еще оставаться въ Парижѣ, мнѣ пишетъ, что принуждена выписывать изъ провинціи платья, чепчики, ленты и цвѣты. Тамъ еще есть оазисы прежняго искусства! Такъ что потеря желтаго чемодана съ издѣліями башмачниковъ стараго режима можетъ быть невознаградима, если только не удастся въ провинціи отыскать какого-нибудь стараго мастера.

---

[1]) См. Луи Бланъ. Исторія французской революціи. Томъ II. Стр. 304 русскаго перевода Рѣдкина, 1907 г.

— Да, да, вы совершенно правы, принцъ,—поддержалъ герцогъ Ришелье-Фронсакъ:—французская промышленность умираетъ!

— Потому что исчезли цѣнители — дворянство, утонченные, просвѣщенные клирики! Гдѣ этотъ ареопагъ вкуса, роскоши, грацій и нѣжности, эти «arbitres de la toilette», весь этотъ міръ деликатныхъ строителей модъ, славные кліенты Пале-Рояля, аккредитировавшіе предъ публикой всѣ новости вкуса, всѣ эти habitués парфюмерій, эти «raffinès», профессора изящной жизни, «cette école de la vie coquette», эти глашатаи и панегиристы коммерціи, цивилизаціи? Ихъ не стало. Пале-Рояль наполненъ демагогами, политиканами, клубистами, тамъ проповѣдуетъ напыщенно Камиль Демуленъ, съ парой пистолетовъ въ рукахъ! Какая скука! Какое однообразіе! Какіе сѣрые мѣщанскіе будни! Какъ эти добродѣтельныя тупицы томительны съ ихъ равенствомъ безвкусія и бездарности! Парижская промышленность убита. Эта промышленность плѣнительныхъ бездѣлицъ, безполезной фантазіи, du rien, очарованія глазъ, разсѣянія и отдыха утомленныхъ чувствъ!

Принцъ умолкъ съ печальнымъ вздохомъ.

— Не могу согласиться съ вами,—вдругъ на дурномъ французскомъ языкѣ сказалъ пожилой англичанинъ, съ лицомъ квакера, въ черной, поношенной одеждѣ и бѣломъ жабо, траурнымъ цвѣтомъ выдѣлявшійся среди роскошной радуги разнообразныхъ, великолѣпныхъ костюмовъ избраннаго общества, пировавшаго въ «землянкѣ». Онъ сидѣлъ около генерала Мелиссино и внимательно слушалъ все время.

— Не могу согласиться,—повторилъ онъ.

— Съ чѣмъ не можете согласиться? Съ тѣмъ, что парижская промышленность умираетъ?—спросилъ принцъ.

— Нѣтъ, не о томъ рѣчь,—важно возразилъ англичанинъ.— Можетъ быть, производство предметовъ роскоши и упало, но я не стану объ этомъ сожалѣть. Нѣтъ, господа, не стану. Если парижскіе торговцы модами разоряются, причиной тому перемѣна вкусовъ. А вкусы перемѣнились, благодаря перемѣнѣ умовъ. Наступаетъ преображеніе человѣчества, господа! Остановить его не въ вашихъ силахъ. Новый духъ вѣетъ повсюду. Онъ ниспровергаетъ старое, отжившее. Явятся новые люди, новое, свободное человѣчество. И я счастливъ тѣмъ, что здѣсь, въ Россіи, какъ въ лицѣ мудрой императрицы, такъ и ея генералъ - фельдмаршала, нашего хозяина князя Потемкина, нахожу полное сочувствіе новому духу времени, новымъ идеямъ, новому плану преображенія, перевоспитанія ветхаго человѣка въ новаго, свободнаго человѣка!

— Новый планъ преображенія ветхаго человѣка въ новаго! Это весьма любопытно, что вы говорите, мистеръ... мистеръ?

— Мистеръ Захарія Клейшботамъ,—важно кивнувъ головой, назвалъ себя англичанинъ.

— Да, это весьма любопытно, мистеръ Захарія. Если найденъ планъ превращать ветхаго, изношеннаго, потасканнаго человѣка въ новаго, юнаго, кипящаго силами, то много можно дать за такой чудесный планъ!

— Съ игривостью легкаго француза вы изволите обращать мои слова въ шутку, мистеръ Линь,—сказалъ англичанинъ невозмутимо.—Но шутка ваша неожиданно провозглашаетъ великую истину. Да, именно открытъ способъ, великая тайна преобразить одряхлѣвшее, зараженное пороками, падшее духовно и тѣлесно человѣчество въ новое, очищенное, просвѣщенное, добродѣтельное, прекрасное, цвѣтущее тѣломъ и духомъ, счастливое человѣчество!

— Бога ради, не томите насъ, мистеръ Захарія! Откройте сей удивительный способъ!—насмѣшливо вскричалъ принцъ де-Линь.

Англичанинъ угрюмо посмотрѣлъ на скептическаго француза.

— Тутъ нѣтъ никакой тайны,—сказалъ онъ наконецъ.—И мною поданы мемуары и планы преображенія порочныхъ, невѣжественныхъ и физически больныхъ людей, преступниковъ, да, преступниковъ съ галеръ, въ невинныхъ, мудрыхъ и прекрасныхъ сыновъ свѣта и свободы! Планы и мемуары эти мною поданы какъ императрицѣ, такъ и князю Потемкину. Суть же дѣла вотъ въ чемъ. Мистеръ Захарія отпилъ сельтерской воды—единственный напитокъ, которымъ онъ утолялъ жажду, нарочно для него поставленный [1]), и продолжалъ:

— Естественный человѣкъ добръ и мудръ. Изъ рукъ Творца онъ вышелъ совершеннымъ. Злымъ и преступнымъ сдѣлали его учрежденія. Вотъ истина, незыблемо утвержденная несравненнымъ Жанъ-Жакомъ Руссо. А посему, достаточно освободить человѣка отъ учрежденій, отъ цѣпей законовъ, отъ рабства предразсудкамъ, достаточно поселить его на лонѣ доброй матери натуры съ невинной подругой и предоставить ему жить по велѣніямъ натуры и Бога, и первоначальный планъ бытія его возстановится. Дикія страсти утихнутъ. Невинность очиститъ его разумъ. Тогда въ разумѣ проступятъ оттиски вѣчныхъ истинъ, при мірозданіи въ немъ начертанныхъ великимъ Архитекторомъ вселенной. Человѣкъ обрѣтетъ первобытное райское блаженство, мудрость, юность. Сіе есть основаніе плана.

Англичанинъ важно умолкъ.

— Но скажите, мистеръ Захарія, гдѣ вы найдете на землѣ такое мѣсто, свободное отъ законовъ, гдѣ можно было бы поселить вашего преобразуемаго человѣка?—спросилъ принцъ де-Линь.—Вся земля занята, размежевана, всюду идетъ за нее споръ между народами.

---

[1]) Если читатель отнесется скептически къ возможности появленія сельтерской воды въ «землянкѣ» Потемкина, то мы сошлемся на упоминаніе этого напитка въ одахъ Державина. Прим. авт.

Свободны развѣ острова Тихаго океана, заселенные однѣми пока черепахами.

— Нѣтъ, не черепашьи острова,—рѣзко отвѣтилъ англичанинъ:— а именно здѣсь, въ этихъ безграничныхъ степяхъ предположено мною устройство колоніи! Здѣсь, въ Новороссіи!

— Помилуйте, мистеръ Захарія! Да здѣсь черезъ нѣсколько дней загремятъ пушки и польется кровь!

— Пушки не будутъ гремѣть вѣчно. Кровь не всегда будетъ литься. И весьма возможно, что благородное и человѣколюбивое посредничество Англіи скоро пресѣчетъ распрю народовъ Востока и Запада. Миръ, вожделѣнный обѣимъ сторонамъ, наступитъ. Какъ бы то ни было, планы мои приняты и одобрены. Вотъ что я предложилъ,—и россійскій посланникъ въ Лондонѣ вполнѣ одобряетъ мои мысли и далъ мнѣ на сей предметъ рекомендательныя письма!— я предложилъ заселить степи Новороссіи, переименовавъ эту провинцію въ Новую Автономію, почитаемыми закономъ и предразсудками за преступниковъ изъ англійскихъ тюремъ и галеръ [1]). Я утверждаю, что при полной свободѣ, предоставленные натурѣ и естественнымъ склонностямъ, не встрѣчая гоненій, не угрожаемые произволомъ, они въ три года совершенно переродятся, и мы увидимъ новую породу людей!

— Опытъ занимательный, что и говорить! Но откуда вы найдете для нихъ женъ? Можетъ быть, тоже съ галеръ и изъ рабочихъ домовъ, куда помѣщаютъ щипать смоляной канатъ безпокойныхъ жрицъ наслажденія?—спросилъ де-Линь.

— Это было бы великой ошибкой,—не смущаясь отвѣчалъ устроитель Новой Автономіи.—По большей части эти женщины заражены неизлечимыми болѣзнями и неспособны дать здороваго поколѣнія. Но князь съ разрѣшенія императрицы по всей имперіи вызываетъ женщинъ и дѣвушекъ, желающихъ переселиться въ Новороссію. Я слышалъ, что желающихъ множество. Вотъ какъ быстро въ человѣчествѣ распространяется духъ обновленія и стремленіе къ свободѣ!

---

[1]) Проектъ заселенія нѣкоторой части Новороссіи англійскими преступниками существовалъ. Идеологическія основанія проекта могли быть схожи съ идеями почтеннаго мистера Захаріи. Напомнимъ, что знаменитый Іеремія Бентамъ и братъ его, Самуилъ, оба были въ Россіи. Самуила Бентама пригласилъ Потемкинъ для насажденія разнаго рода техническихъ производствъ въ Бѣлоруссіи, именно въ огромномъ имѣніи около Кричева, мѣстечка на югъ отъ Мстиславля, Могилевской губ. Іеремія Бентамъ посѣтилъ брата въ 1786 г. Самуилъ, между прочимъ, изложилъ ему проектъ устройства идеальной фабрично-ремесленной рабочей фаланстеры, долженствовавшей устроить разъ навсегда судьбу выросшаго на «пушнинѣ» и «бульбяномъ хлѣбѣ» крестьянина-бѣлорусса. Фаланстера, кажется, не осуществилась. Но Іеремія Бентамъ потомъ создалъ проектъ идеальной тюрьмы, примѣнивъ въ немъ основанія фаланстеры Самуила.

Прим. авт.

Никто не нашелъ возможнымъ что-либо возразить англичанину, разъ его планы нашли одобреніе у государыни и свѣтлѣйшаго, и мистеръ Захарія Клейшботамъ, съ побѣдоносным видомъ принялся за сельтерскую воду.

Къ тому же вниманіе всѣхъ отвлекъ появившійся въ пиршественной залѣ пѣвецъ въ костюмѣ греческаго паликара, въ фустанелѣ съ кинжалами и пистолетами за поясомъ, въ фескѣ и съ древне-греческой лирой въ рукахъ. То былъ Ригасъ, уроженецъ Фелестины, греческій патріотъ и поэтъ. Прошлое Эллады жило въ его душѣ. Онъ лелѣялъ планъ объединить всѣхъ грековъ въ великій союзъ противъ угнетателей христіанъ—османовъ. Вдохновенныя пѣсни его распространялись по всей Греціи. Теперь надежды его ожили. Онъ нашелъ поддержку у свѣтлѣйшаго, желавшаго къ тому же доставить пріятный сюрпризъ графинѣ Софіи.

Итакъ, Ригасъ, снявъ феску и поклонившись князю, графинѣ Софіи и всему обществу, ударилъ по струнамъ лиры и запѣлъ на ново-эллинскомъ языкѣ пламенный гимнъ. Содержаніе его осталось непонятнымъ большинству присутствующихъ, но пѣніе столь было выразительно, полно такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣ испытали обаяніе этой импровизаціи. Гречанка вся отдалась, казалось, чувству и то закрывала лицо, то простирала руки къ пѣвцу, и крупныя слезы, подобно жемчужинамъ, перебѣгали на ея длинныхъ, черныхъ, какъ ночь, рѣсницахъ. При этомъ она была столь прекрасна, что еще больше пѣнія паликара Ригаса всѣхъ увлекала ея красота. Казалось, то было воплощеніе Эллады.

Ригасъ пѣлъ о величіи прошлаго эллиновъ, о счастливыхъ островахъ, гдѣ родился золотой Фебъ, гдѣ Діонисъ выжималъ гроздья винограда, гдѣ толпы дивныхъ мраморныхъ изваяній Фидіаса и Праксителя наполняли Акрополь. Онъ пѣлъ о трехстахъ спартанцахъ, защитникахъ Ѳермопилъ, и молилъ священную землю Эллады возвратить хотя бы трехъ изъ этихъ древнихъ героевъ, чтобы они стали впереди паликаровъ и повели ихъ на подвигъ освобожденія отечества! Тутъ сталъ онъ оплакивать паденіе и униженіе Греціи, проклинать позоръ рабства, въ которомъ она пресмыкается, терпя удары бичомъ и пинки ногой поработителей! Фаланги! фаланги! возстаньте и низриньте проклятыхъ невѣрныхъ! Пусть каждый камень сулійскихъ скалъ превратится въ вооруженнаго воина! Женщины и юныя прекрасныя дѣвы возьмутъ въ руки кинжалъ и саблю и вонзятъ ихъ въ грудь врага! Возстань, о Грецiя, ты не одна! Великій сѣверный орелъ покрываетъ тебя могучимъ крыломъ!—и Ригасъ въ великолѣпныхъ метафорахъ сталъ прославлять освободительницу Эллады и Константинополя царицу Екатерину и князя Таврическаго. Онъ уже видѣлъ храмъ св. Софіи освобожденнымъ, крестъ на его вершинѣ; онъ

слышалъ православныя молитвы подъ его тысячелѣтнимъ куполомъ...

Ригасъ кончилъ. Всѣ воодушевленно рукоплескали пѣвцу.

XLI.

Магическій садъ.

Правитель дѣлъ свѣтлѣйшаго Поповъ переводилъ принцу де-Линь слова патріотическаго гимна Ригаса.

— Но эта ода, по благородству чувствъ и мыслей, не уступаетъ первымъ поэтамъ Франціи! — сказалъ удивленный военно-дипломатическій агентъ императора Іосифа.—Кто бы могъ думать, что въ Архипелагѣ и въ порабощенной Элладѣ, въ остаткахъ племени, истощеннаго вѣками страданій, таится пламя свободы!

Обѣдъ между тѣмъ кончился.

Свѣтлѣйшій, поднявшись съ угрюмымъ видомъ, хотѣлъ уйти за колонны, но ему доложили, что прибыли и дожидаются его приказаній два брата Кузьмины, ротмистры кавказскаго корпуса. О нихъ прошла слава, что мастера плясать по-цыгански, и свѣтлѣйшій ихъ сейчасъ приказалъ выписать, дабы самолично удостовѣриться въ ихъ искусствѣ.

Потемкинъ кивнулъ головой и, взявъ опять подъ одну руку графиню Софію, а подъ другую княгиню Долгорукую, двинулся изъ «землянки». За нимъ пошли и всѣ гости, съ своими дамами, попарно.

— Что такое? Какіе Кузьмины?—справлялись шопотомъ.

— Ротмистры. По-цыгански плясать будутъ. Идемте смотрѣть.

— Гдѣ же они будутъ плясать?

— Да пустого мѣста, кажется, достаточно. Кругомъ землянки хоть шаромъ покати — голое поле.

— Правда! Есть гдѣ плясать. Мѣсто ровное — носкомъ не зацѣпишь.

По знакомому уже длинному и темному ходу всѣ выбрались изъ землянки. Но когда глянули кругомъ, то невольный крикъ изумленія вырвался у всѣхъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ раньше былъ голый пустырь, теперь раскидывался великолѣпный садъ. Изумрудные газоны устилали его. Благоухающіе партеры гармонически сочетали въ красочный коверъ тысячи цвѣтовъ. Появились боскеты, куртины, бесѣдки и наконецъ даже весьма толстыя деревья, какъ фруктовыя, осыпанныя плодами, такъ и всякихъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Тамъ и сямъ воздушно круглились бѣлыя формы мраморныхъ богинь и били фонтаны, увлажняя воздухъ. По усыпаннымъ разноцвѣтными песками дорожкамъ прогуливались павлины, гордо развертывая разноцвѣтные хвосты.

Солнце клонилось къ закату, и лучи его скользили по газонамъ и партерамъ, играли въ струяхъ и капляхъ фонтановъ и придавали всей картинѣ особую прелесть и жизнь. Нѣжная, истинно небесная музыка незримаго оркестра разливалась вокругъ, и дивный теноръ пѣлъ итальянскую арію, призывавшую къ блаженству пасторальной жизни съ нѣжной, кроткой и снисходительной на всѣ требованія пламеннаго любовника пастушкой.

— Изумительно! Невѣроятно! Непостижимое уму чародѣйство! Вы, князь, богъ! Да, богъ, единымъ словомъ вызывающій среди пустой степи дивныя произрастенія! — раздался хоръ восторженныхъ похвалъ.

Потемкинъ угрюмо посмотрѣлъ кругомъ, кусая ногти, и, съ небрежностью промолвивъ: «Какъ? Что? Развѣ же здѣсь раньше этого не было?» — пошелъ по дорожкѣ къ усыпанному голубымъ пескомъ кругу, гдѣ ждали его плясуны.

— Галюцинація! — воскликнулъ принцъ де-Линь. — Узнаю въ этомъ моего колосса-Потемкина, lui, dans un jardin vraiment magique, avait fait transplanter des arbres étrangers aussi gros que lui! [1])

Садъ былъ удивительный. Но еще поразительнѣе были дворцы, храмы, перспективы зданій, обелиски, колоннады, которыя его со всѣхъ сторонъ окружали. Конечно, то были лишь декораціи, но столь искусно расположенныя, что казались настоящими. Они изображали главнѣйшія зданія древнихъ Аѳинъ и Константинополя. Лишенный минаретовъ куполъ св. Софіи съ крестомъ надъ полумѣсяцемъ господствовалъ надъ этими архитектурными массами.

— Волшебникъ! богъ! Все ему подвластно! — кричалъ камергеръ Чертковъ.—Захотѣлъ—и, чортъ побери, на голой плѣши садъ развелъ! Повелѣлъ—и, Боже ты мой милостивый!—воздвиглись зданія, храмы, дворцы! Это, чортъ знаетъ, какъ только онъ все сіе производитъ! Изумительно! Кружится разумъ, и языкъ въ роту коломъ становится!

— Да, именно такимъ и подобнымъ чародѣйствомъ заселилъ, засадилъ и застроилъ князь Новороссію!—замѣтилъ со странной улыбкой герцогъ Ришелье.

— Именно такъ! — подхватилъ Чертковъ.—Такъ! такъ! Гдѣ ничего не было—откуда что взялось! Помнится мнѣ, государыня тогда изволила выразиться: «Степь сія весьма плодородна. Гдѣ садятъ, тамъ принимается и растетъ». Да у него и безъ сѣмянъ выраститъ, и безъ корней, чортъ побери, примется! Просто вотъ возьметъ черешневый чубукъ, ткнетъ въ землю, скажетъ: — расти! —

---

[1]) Который въ истинно магическомъ саду пересадилъ чужестранныя деревья, такой же толщины, какъ и онъ самъ.

и, Боже мой!—растетъ! И черезъ часъ онъ ужъ съ этого, чортъ побери, чубука черешни рветъ и кушаетъ! Прямо сказать—богъ!

— Вы богъ, князь! — подхватили дамы и всѣ гости хоромъ.— Богъ! богъ! богъ!

Но «богъ» шелъ себѣ впередъ, ни на что не обращая вниманія, нечесанный, лохматый, въ зеленомъ своемъ капотѣ и порою безъ церемоніи рукою, на которой повисала красавица-гречанка, скребъ у себя на груди.

Знатокъ и любитель садоводства, принцъ де-Линь пустился въ оцѣнку цвѣтовъ и деревьевъ, рисунковъ клумбъ, разбивки всего ковра растительности и боскетовъ и, припоминая классическую долину Сабинскую и гораціанскій Тибуръ, декламировалъ оду безсмертнаго античнаго пѣвца:

Qua pinus ingens, albaque populus,
Umbram hospitalem consociare amant
Ramis, et obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo [1]).

— Но любовь къ садамъ перешла съ юга Европы на сѣверъ,— говорилъ принцъ,—et la législatrice du plus grand des empires sème elle même ses gasons! [2])

— Но какъ же, однако, успѣли въ теченіе трехъ часовъ насадить садъ на пустомъ мѣстѣ?—недоумѣвали нѣкоторые.

Правитель дѣлъ Поповъ съ тонкой улыбкой объяснилъ, что все было заготовлено заранѣе—цвѣты, газоны въ низкихъ, длинныхъ ящикахъ, деревья и кусты въ кадкахъ, боскеты въ особыхъ рамкахъ, статуи, фонтаны, легкія переносныя бесѣдки, наконецъ декораціи. И во время обѣда въ землянкѣ тысячи рукъ, по командѣ, стройно внесли все это и поставили на свое мѣсто. При этомъ все поле было заранѣе спланировано и разбито колышками на шахматныя клѣтки. На колышкахъ значились нумера и на вносимыхъ предметахъ тоже. Итакъ, каждая партія носильщиковъ легко находила нужное мѣсто. Къ тому же передъ пріѣздомъ свѣтлѣйшаго нѣсколько разъ произведены были репетиціи сооруженія сада. Такимъ-то образомъ не то что за три часа, а въ какія-нибудь полчаса все было поставлено на мѣсто. Другая партія разнесла и разсыпала по дорожкамъ цвѣтные пески, фонтаны, привинченные къ трубкамъ, проведеннымъ къ особому водохранилищу, были пущены, а декораціи поставлены по краямъ сада. На все это времени трехъ часовъ было достаточно съ излишкомъ.

---

[1]) Гдѣ пинія съ горделивой головой и бѣлый тополь любили сочетать госте ріимную тѣнь, а прозрачный ручей, убѣгая вдаль отъ берега, разглашалъ кругомъ ропотъ струй.

[2]) И законодательница величайшей имперіи сама сѣетъ свои лужайки.

— Но, значитъ, заранѣе надо было соорудить огромныя оранжереи, парники и питомники для цвѣтовъ и деревьевъ?—спрашивали Попова.

— Само собой разумѣется,—отвѣчалъ правитель дѣлъ.—Извольте обратить вниманіе на эти персиковыя деревья! Плоды ихъ превосходны. А груши! Нѣжнѣйшіе сорта!

И Поповъ, проходя, срывалъ плоды и раздавалъ желавшимъ отвѣдать произведенія магическаго сада князя Таврическаго.

XLII.

Цыганская пляска и Израилевскій батальонъ.

Братья Кузьмины стояли на площадкѣ, усыпанной голубымъ пескомъ. Они были наряжены—одинъ цыганомъ, а другой—цыганкой. Смуглыя лица, сверкающіе бѣлки глазъ и все выраженіе ихъ лицъ свидѣтельствовали, что въ жилахъ ихъ несомнѣнно текла цыганская кровь. Въ самомъ дѣлѣ, мать ихъ была египтянка.

Стояли они вытянувшись по военному, ожидая свѣтлѣйшаго, и особенно цыганка, съ проклюнувшими усиками, производила солдатской своей выправкой странное впечатлѣніе. Нельзя было представить, какъ этотъ ротмистръ въ юбкѣ пустится въ плясъ и не насмѣшитъ всѣхъ. Въ рукахъ цыгана была гитара. Цыганка держала букетъ. Свѣтлѣйшій остановился противъ этой странной пары ряженыхъ и нѣкоторое время угрюмо ихъ разсматривалъ кусая ногти.

Потомъ спросилъ:

— Вы—братья Кузьмины?

— Такъ точно, ваша свѣтлость!—гаркнули братья.

— Ротмистры кавказскаго корпуса?

— Такъ точно, ваша свѣтлость!

— А раньше какъ?

— Были конной гвардіи вахмистры, ваша свѣтлость!

— Умѣете плясать цыганскую?

— Такъ точно, ваша свѣтлость, умѣемъ!

— А пропляшите—ну!

— Рады стараться, ваша свѣтлость!

Въ то же мгновеніе съ братьями произошло чудесное преображеніе. Младшій Кузьминъ, изображавшій цыганку, въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ весь женскій складъ. Станъ его сталъ гибокъ и эластиченъ. Онъ ударилъ въ бубенъ и вдругъ сталъ, извиваясь змѣей, дрожать мелкой дрожью, по обычаю пляшущихъ цыганокъ.

Старшій Кузьминъ досталъ изъ рукава листоваго табаку и, закусивъ листокъ, взялъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и, продолжая съ необыкновенной отчетливостью выдѣлывать пичикато пальцами, ногами принялся выписывать самые прихотливые вензеля, подхлопывая себя пятками и точно дразнясь листочкомъ табаку, трепетавшимъ на его чувственныхъ, красныхъ губахъ. Цыганка дрожала, кидалась изъ стороны въ сторону, откидывалась такъ, что почти касалась затылкомъ пятъ, билась въ судорогѣ неистовой, возраставшей страсти, а цыганъ дразнился и подходилъ мелкимъ бѣсомъ.

Должно было отдать справедливость мастерству господъ Кузьминыхъ: лучшей цыганской пляски на свѣтѣ не было видано. Огненная эта пляска увлекла всѣхъ смотрѣвшихъ на нее мужчинъ, мало-по-малу ставшихъ поощрять плясуновъ восклицаніями:

— Ловко! Лихо! Вотъ такъ цыганка! Такая пляска мертваго подниметъ! и т. д.

Одинъ свѣтлѣйшій оставался равнодушенъ, и взглядъ его попрежнему былъ угрюмъ. Наконецъ силы танцоровъ истощились, и они кончили и стали, обливаясь потомъ и тяжко дыша.

— Да, изрядно!—сказалъ свѣтлѣйшій.—Вы точно весьма изрядно танцуете, господа ротмистры.

Онъ помолчалъ. Цыганка стала улыбаться во весь ротъ, показывая бѣлые, какъ кипень, зубы и ожидая награды за усердіе и искусство.

— Да,да, изрядно, господа ротмистры,—повторилъ свѣтлѣйшій.— Ну, а теперь можете себѣ отправляться въ кавказскій корпусъ. Прощайте, господа ротмистры.

Ротмистры поклонились и съ вытянутыми лицами удалились.

— Теперь, господа, прошу васъ на смотръ новаго сформированнаго мною Израилевскаго эскадрона, — сказалъ свѣтлѣйшій и пошелъ къ стоявшей въ концѣ сада декораціи, изображавшей ипподромъ византійскихъ царей. За нею былъ широкій плацъ, усыпанный пескомъ, достаточный, дабы произвести эволюціи хотя бы цѣлому полку.

— Что это за Израилевскій батальонъ?—шопотомъ вопрошали въ свитѣ свѣтлѣйшаго.

Никто не зналъ. Но когда батальонъ внезапно выѣхалъ на арену, безъ объясненій всѣ поняли, что это было за войско.

Потемкину пришла въ голову единственная въ своемъ родѣ идея—сформировать полкъ изъ евреевъ, который и наименовать Израилевскимъ коннымъ его высочества герцога Фердинанда Брауншвейскаго полкомъ, конечно, въ томъ случаѣ, если бы герцогъ согласился быть шефомъ столь необычайной войсковой части.

Покамѣстъ представлялся свѣтлѣйшему одинъ эскадронъ будущаго полка. Въ лапсердакахъ, съ столь же длинными бородамии

пейсами, сколь коротки были ихъ стремена, скорченные отъ страха на сѣдлѣ, іудеи представляли разительную картину. Въ ихъ маслиноподобныхъ глазахъ читалась мучительная тревога, а длинныя казацкія пики, которыя они держали въ тощихъ рукахъ, колебались и безтолково качались, кивая желтыми значками въ разныя стороны. Однако батальонный ихъ командиръ, серьезнѣйшій нѣмецъ, употребившій не мало трудовъ, чтобы обучить сколько-нибудь сыновъ Израиля искусству верховой ѣзды и военнымъ эволюціямъ, командовалъ, и все шло по уставу порядкомъ. Особенно хорошъ былъ батальонъ, когда поскакалъ въ атаку. Комическія фигуры, съ развѣвавшимися пейсами и полами лапсердаковъ, терявшія стремя и пантофли и скакавшія съ копьями наперевѣсъ, заставили гречанку разразиться неудержимымъ смѣхомъ, къ которому присоединился сдержанный смѣхъ прочихъ дамъ и улыбки кавалеровъ.

Кажется, этого только и добивался свѣтлѣйшій. Онъ прекратилъ эволюціи, поблагодаривъ батальоннаго командира.

— Ничего, они уже недурно держатся въ сѣдлѣ и если еще подучатся, изъ нихъ выйдетъ отличное войско,—пресерьезно говорилъ Потемкинъ.

И онъ сталъ развивать ту мысль, что когда имперія Османовъ будетъ наконецъ разрушена, Константинополь и проливы въ русскихъ рукахъ, то и Іерусалимъ болѣе не во власти невѣрныхъ. А тогда должно въ Палестину выселить всѣхъ евреевъ, такъ какъ отъ нихъ въ Европѣ происходятъ однѣ плутни. На родинѣ же своей они возродятся. И вотъ въ предвидѣніи сего и подготовляется будущее палестинское войско.

Мистеръ Захарія Клейшботамъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ сего проекта и сталъ одушевленно развивать прекрасную и человѣколюбивую, какъ онъ выражался, мысль свѣтлѣйшаго. Между тѣмъ смеркалось. Солнце, багровое, огромное, утопало въ туманномъ горизонтѣ степи. Вернулись въ садъ. Тамъ оказались опять-таки точно по волшебству явившіеся столы съ закусками и винами и собранными съ деревьевъ лучшими, сочнѣйшими плодами въ вазахъ. Воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Солнце гасло, заливая пурпуромъ волшебный садъ, и чашечки алыхъ цвѣтовъ казались огненными.

Дамамъ принесены были великолѣпныя шали, чтобы закутаться отъ свѣжести, быстро разливавшейся въ нагрѣтомъ за день воздухѣ. Драгоцѣннѣйшую и великолѣпнѣйшую шаль поднесли гречанкѣ, и свѣтлѣйшій самъ набросилъ ее на прелестный станъ красавицы. Звѣзды выступили на потемнѣвшемъ западѣ и зенитѣ. Вдругъ взвилась ракета и, лопнувъ съ трескомъ, написала огненными литерами въ небѣ имя «Софія». Взвилась вторая и написала имя

«Екатерина»,—думать должно, имя Долгорукой... Затѣмъ огоньки побѣжали по декораціямъ, и архитектурныя линіи дворцовъ, колоннадъ, храмовъ и обелисковъ загорѣлись тысячами восковыхъ шкаликовъ, работы генерала отъ пиротехніи и его даровитыхъ помощниковъ.

Вино запѣнилось въ бокалахъ. Грянулъ оркестръ, и невидимый хоръ запѣлъ гимнъ въ честь Потемкина [1]).

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Великолѣпная «землянка», почти мгновенныя посадки садовъ и парковъ, цыганская пляска ротмистровъ, Израилевскій батальонъ—всѣ эти затѣи Потемкина описаны современниками. Что касается еврейскаго батальона, то въ польскихъ войскахъ въ концѣ XVIII столѣтія таковой имѣлся подъ начальствомъ храбраго полковника Берковича, природнаго іудея, изрубленнаго въ одномъ дѣлѣ австрійцами и погребеннаго въ Вильнѣ на еврейскомъ кладбищѣ.

Прим. авт.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА. [1]

VII.

Мой плохой почеркъ является препятствіемъ къ поѣздкѣ съ княземъ Меншиковымъ за границу.—Усердное занятіе чистописаніемъ устраняетъ это препятствіе.—Неосторожное слово и его послѣдствія. — Путешествіе и разсказы князя Меншикова.—Подробности смерти Моро. — Пребываніе въ Карлсбадѣ. — Князь Меттернихъ.—Графиня Разумовская.—Оригинальный разговоръ ея съ Меншиковымъ.—Объясненіе ея съ княземъ Рейсъ.—Киселева.—Ея выходка.

Въ 1833 году государь, собираясь въ Мюнхенгрецъ и желая видѣть тамъ князя Меншикова, позволилъ ему взять съ собой чиновника, который могъ бы быть и писаремъ. Князь, предупредивъ меня о томъ еще въ мартѣ, изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ взять меня, оттого что у меня дурной почеркъ (онъ былъ едва разборчивъ). Каково было мое положеніе? Путешествіе за границу, идеалъ недосягаемый, лежитъ передо мной, и я не могу завладѣть имъ; я испытывалъ участь Тантала, но какъ боги на меня не гнѣвались, то и окончилась она скорѣе, чѣмъ для Тантала. Я принялся писать, чистописать, часа по 4 въ день. Когда мнѣ казалось, что почеркъ мой чистъ, я воспользоваться порученіемъ написать указъ капитулу, переписалъ его самъ и подалъ съ прочими докладами князю. Онъ никогда не любилъ почерка кантонистовъ; увидя указъ, онъ съ любопытствомъ спросилъ:

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXI, стр. 796.

— Кто это переписывалъ?

— Находите, ваша свѣтлость, что нехорошо переписано?

— Напротивъ, прекрасно.

— Это я писалъ.

— Давно ли за вами такая добродѣтель? — спросилъ меня князь.

— Началась съ тѣхъ поръ, — отвѣчалъ я: — какъ вы сказали мнѣ, что почеркъ мой препятствуетъ мнѣ быть съ вами за границею.

— Поѣдемте, поѣдемте!—кончилъ князь.

И поѣхали. О, восторгъ!

Но въ Мюнхенгрецъ я все-таки не попалъ! По особому глупому случаю. Князь поѣхалъ прежде въ Карлсбадъ, черезъ Дрезденъ (гдѣ мы останавливались). Тамъ, гуляя съ графомъ Фелпедичемъ, съ которымъ я сблизился, употребилъ въ разговорѣ имя государя. Едва я выговорилъ слово l'empereur, обратился ко мнѣ съ испугомъ одинъ изъ гулявшихъ передъ нами, это былъ князь Меншиковъ. Дома онъ не могъ скрыть нѣкоторой принужденности и, когда пришлось ему ѣхать въ Мюнхенгрецъ, онъ оставилъ меня въ Дрезденѣ, и потомъ велѣлъ мнѣ ѣхать въ Штеттинъ, ожидать его, и въ Мюнхенгрецъ поѣхалъ одинъ. Я убѣжденъ, что князь Меншиковъ опять струсилъ, чтобы я не проговорился, «не надѣлалъ коммеражей» (любимое его выраженіе).

Къ моему великому счастью, во время первой его поѣздки за границу желѣзныхъ дорогъ еще не было. Князь ѣхалъ въ дормезѣ, одинъ или со мною, шестерикомъ, а за нимъ коляска парою, съ его сыномъ 16-ти лѣтъ, со мной, или, когда я садился съ княземъ, съ камердинеромъ; мы ѣхали по шоссе и по пескамъ; ѣдали на станціяхъ порядочно, или довольствовались дурнымъ супомъ Kalte Schale; наслаждались видомъ мѣстностей и скучали отъ медленной ѣзды по однообразнымъ равнинамъ Пруссіи или подымаясь на горы въ Богеміи, словомъ, мы ощущали, мы были путешественниками, а не поклажею. Проѣзжая черезъ Саксонію, театръ послѣднихъ битвъ съ Наполеономъ, князь разсказывалъ мнѣ подробности на мѣстахъ, и какъ разсказывалъ! Это чистѣйшій классицизмъ: ни одного отборнаго слова, ни одной гиперболы, ни восклицанія. Рѣчь лилась спокойно, просто, даже лѣниво, а между тѣмъ она отпечатывала во мнѣ образы такъ глубоко, такъ отчетливо, что я въ состояніи былъ подумать, что знаю не разсказанное, а видѣнное. Тутъ въ первый разъ узналъ я, что разсказъ, будто Моро сказалъ государю: «Отодвиньтесь, въ васъ мѣтятъ», и когда государь отодвинулся, то Моро былъ раненъ ядромъ,—есть вымыселъ. Меншиковъ былъ въ свитѣ государя, какъ и Моро. Государь, осмотрѣвъ позиціи, повернулся и поскакалъ галопомъ со всею свитою; отъѣхавъ саженъ 100, онъ замѣтилъ, что Моро нѣтъ, и послалъ Меншикова узнать, отчего онъ отсталъ. Меншиковъ

нашелъ его лежащимъ безъ ногъ (или безъ ноги—не помню), поскакалъ доложить государю, который воротился и отъ Моро услышалъ, что ядро его ранило въ то время, когда онъ поѣхалъ за государемъ, посмотрѣвъ еще съ минуту на непріятеля. Въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ мы были на самой короткой ногѣ; строго запрещено мнѣ было титуловать князя; переѣзжая черезъ Эльбу, мы садились въ гондолу, какъ «обыкновенные смертные», сидѣли и ждали, пока подойдутъ другіе пассажиры, и платили, какъ и всѣ, по 2 или 3 гроша; въ загородномъ кафе я острилъ съ прислужницами, нисколько не церемонясь, что со мною мой министръ, и князь хохоталъ безпрестанно. Въ Карлсбадѣ общество рѣзко раздѣлялось на два класса. Аристократія собиралась въ Sächsischer Saal [1]), а мѣщанство въ Böhmischer Saal [2]). На вечера или на балы перваго дамы пріѣзжали въ низкихъ платьяхъ, кавалеры въ башмакахъ и черныхъ чулкахъ (подъ длинными панталонами), съ орденскими ленточками или цѣпочками въ петлицѣ. Князь Меншиковъ продѣвалъ цѣпочку, тянувшуюся отъ одной петли въ другую и состоявшую изъ 12-ти звѣздъ. Здѣсь я видѣлъ князя Меттерниха, чистенькаго старичка небольшого роста, съ серебристыми сѣдыми волосами, между которыми было еще, можетъ быть, $^1/_5$ часть не посѣдѣвшихъ. Можетъ быть, при близкомъ изслѣдованіи лица я открылъ бы въ немъ черты геніальности и изящную дипломатическую отдѣлку, но, сколько я могъ разглядѣть его мимоходомъ, или когда онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, въ его физіономіи не видно было ни того ни другого: тщательная прическа, острая бритва и хитрые глаза; и въ поступи не было ничего замѣчательнаго. Если бы я не зналъ никого изъ присутствовавшихъ, и мнѣ предоставили бы отгадать, который изъ нихъ Меттернихъ, я, не задумавшись, указалъ бы на князя Меншикова. Видѣлъ тучнаго короля вюртембергскаго, который, подходя къ дамамъ, выдѣлывалъ ногами па́, какъ въ менуэтѣ. Изъ русскихъ дамъ были тогда въ Карлсбадѣ Разумовская и Киселева. Разумовская озадачивала меня нѣсколько разъ. Въ первый разъ я увидѣлъ ее окруженною кавалерами, верхомъ на пылкомъ ворономъ жеребцѣ. Амазонка обращена была ко мнѣ спиною, рослая, стройная, въ черномъ платьѣ, граціозно и смѣло сдерживающая коня, который не хотѣлъ стоять спокойно и грызъ удила съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; другіе всадники держались подлѣ, ожидая чего-то, чтобы тронуться. Мнѣ пришло неодолимое желаніе видѣть лицо амазонки; я зашелъ почти бѣгомъ впередъ, и далеко впередъ, чтобы имѣть болѣе времени насладиться зрѣніемъ лица, прекраснаго, какъ я себя увѣрилъ; но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ старуху за 60 лѣтъ,

---

[1]) Саксонскій залъ.

[2]) Богемскій залъ.

съ огромнымъ носомъ и съ лицомъ грязно-желтаго цвѣта, какъ старая незолоченая бронза. Въ другой разъ князь Меншиковъ, гуляя со мной и съ сыномъ, встрѣтился съ нею. Разумовская остановила князя и пригласила его представить ей сына.

— Dites lui, que je suis sa grand mère... [1])

Князь сказалъ сыну:

— La comtesse a été épouse de votre grand oncle, qui l'a vendue pour 25 m. roubles...

— Ce n'est pas vrai, le mauvais sujet m'a cédée pour 60 m. roubles [2]).

И князь выговорилъ эту, скандализировавшую меня, фразу, какъ самое обыкновенное привѣтствіе, графиня, выслушавъ ее, какъ обыкновенное «bonjour», отвѣчала спокойно и серьезно, глядя на мальчика, такъ точно, какъ бы она говорила ему, что въ Дрезденѣ не 25, а 60 тысячъ жителей.

На балѣ Разумовская была дуэньею дамъ и вела себя прекрасно. Въ то время была тамъ молоденькая красавица-княжна Абамеликъ (теперь Барятинская), съ которою очень любезничалъ князь Рейсъ, сорокъ который—не помню. По прошествіи трехъ или четырехъ недѣль Разумовская подозвала его къ себѣ на балѣ и стала поздравлять съ прекраснымъ выборомъ. Долговязый Рейсъ смутился и пробормоталъ, что онъ никакого выбора не дѣлалъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала ему графиня,—ваше поведеніе невеликодушно; прелестная, милая дѣвушка, прекрасной фамиліи, могла бы сдѣлать здѣсь хорошую партію, но молодые люди, видя передъ собою такого соперника, какъ вы, князь, конечно, не рѣшатся вступить въ состязаніе. Если же вы любезны съ княжною со скуки, то я обязана предупредить васъ, что эта дѣвушка выше орудія препровожденія времени.

Князь Рейсъ на другой день уѣхалъ. Не такъ вела себя Киселева. Она влюбилась въ графа А. Г. Строганова (о вкусахъ спорить нельзя), и когда онъ собирался ѣхать, то она просила его остаться для нея. Получивъ отказъ на балѣ, она отправилась топиться въ рѣчку Тепль, въ которую фіакры въѣзжали для того, чтобы обмыть колеса. Страстная Киселева могла, стало быть, замочить только фалбалы на своемъ платьѣ, что она и сдѣлала. Я видѣлъ ее на обратномъ пути ночью въ платьѣ, которое билось съ всплескомъ около ногъ и оставляло за собою мокрый слѣдъ. На другое утро весь городъ видѣлъ окна ея завѣшанными турецкими

---

[1]) — Скажите ему, что я его бабушка.

[2]) — Графиня была супругою вашего двоюроднаго дѣда, который продалъ ее за 25 тысячъ рублей...

— Неправда, негодяй уступилъ меня за 60 тысячъ рублей.

шалями, красною, бѣлою, черною и пр. по числу окошекъ. Въ знойные дни она раздѣвалась донага и прохаживалась по комнатамъ,—и тогда окна не завѣшивались. Впрочемъ, она жила во второмъ этажѣ на Alte Wiese, слѣдовательно, безъ vis-à-vis, но съ другой набережной, Neue Wiese, можно было видѣть ее въ зрительную трубку.

VIII.

Поѣздка съ княземъ Меншиковымъ въ Стокгольмъ.—Король шведскій Карлъ XIV, его семья и дворъ.—Составъ нашего посольства.—Графъ Сухтеленъ.—Бодиско.—Свита князя Меншикова.—Глазенапъ и его курьезное объясненіе съ королемъ.—Представленіе наше королевской фамиліи.—Мой разговоръ съ королевой и объясненіе съ княземъ Меншиковымъ.—Вечеръ при дворѣ.—Веселаго.—Вліяніе на меня князя Меншикова.—Холера.—Государь на Сѣнной площади.—Болѣзнь князя.—Заботы о немъ государя.—Письмо государя къ князю.—Мое новое служебное назначеніе.

Въ 1835 году князь посланъ былъ въ Стокгольмъ благодарить короля Карла XIV за присылку чрезвычайнаго посла графа Левенгіельна къ открытію Александровской колонны. Карлъ XIV (Бернадоттъ) былъ еще бодрый старикъ, сухощавый, довольно высокаго роста, тонкой, хитрой физіономіи съ саркастическою улыбкою—принадлежностію всѣхъ очень узкихъ губъ—и очень просто одѣтый: въ темно-синемъ мундирѣ безъ шитья, съ маленькими золотыми пуговицами и въ высокихъ узкихъ сапогахъ. Орлиный носъ, курчавые, съ просѣдью, стального цвѣта, волосы и романскій выговоръ представляли въ немъ чистый типъ гасконца. Королева — толстая, полнокровная марселька, простыхъ пріемовъ и типъ добродушія. Наслѣдный принцъ Оскаръ — хорошъ собою, тоже чистый гасконецъ, съ бóльшимъ, чѣмъ у отца, выраженіемъ шарлатанства; вообще, по наружности онъ довольно близко подходилъ подъ типъ Ив. Матв. Толстого, или французскаго парикмахера. Супруга его, принцесса Лейхтенбергская, прекрасная ростомъ и лицомъ, привлекательная всѣми своими движеніями, тонъ рѣчи скромный, почти застѣнчивый. Дворъ великолѣпный, разумѣется, великолѣпіе не въ золоченыхъ карнизахъ, а въ осанкѣ, пріемахъ и наружности придворныхъ. Первое мѣсто между ними занималъ графъ Браге (Brahe), начальникъ штаба, смуглый, но чистый лицомъ, какъ поблекнувшій каррарскій мраморъ, рослый и стройный, лѣтъ за 50, рыцарской наружности, въ голубомъ мундирѣ съ золотымъ шитьемъ по бѣлому воротнику, въ бѣлыхъ, съ широкимъ золотымъ лампасомъ, панталонахъ; на сапогахъ огромныя золотыя шпоры; на треугольной шляпѣ широкая золотая изъ бити кокардная петля и трехцвѣтный, сине-желто-бѣлый султанъ изъ страусовыхъ перьевъ. Дамъ не было,—кромѣ двухъ-трехъ свиты королевы и принцессы. Кромѣ нѣсколькихъ голубыхъ мундировъ (генералъ-адъютантскихъ), дер-

жавшихся у самаго подножія троннаго возвышенія, на первой ступени котораго сталъ король, стояла по сторонѣ трона далѣе первыхъ группа кавалеровъ въ синихъ фракахъ съ форменными пуговицами и золотымъ кантомъ по бархатному отложному воротнику; это были полковники, вмѣстѣ съ тѣмъ камергеры. Браге отличался отъ всѣхъ не только важностью и рельефностью своей фигуры, но и золотою тростью, эмблемою штаба. Нашу миссію представляли: графъ Сухтеленъ, очень маленькій и дряхлый старичокъ, безцеремонный, безъэтикетный, какъ будто выжившій изъ ума. Онъ опоздалъ; король и королева были уже въ тронной, когда прибылъ Сухтеленъ; онъ подошелъ къ королевѣ, почти сзади, такъ, что она не замѣтила его приближенія, взялъ ея руку и сталъ цѣловать ее, скоро, скоро; поцѣловалъ разъ 5 или 6. Королева, обернувшись къ нему, привѣтствовала его: «Ah, cher comte!» [1]) такимъ тономъ, какимъ привѣтствуютъ маленькихъ дѣтей. Бодиско, совѣтникъ посольства, — говорили, умный человѣкъ, — весьма невзрачнаго лица, но довольно видный ростомъ, воткнувшій свою шею въ огромный, тугой галстукъ до самыхъ ушей. Былъ тамъ еще Бодиско, полковникъ артиллеріи, состоявшій при нашей миссіи,—какой-то шутъ краснощекій, ci-devant jeune homme [2]). Онъ сочинилъ себѣ мундиръ по своему вкусу; носилъ панталоны и шляпу, какъ шведскіе генералъ-адъютанты, только съ другими цвѣтами перьевъ, и, застигнутый врасплохъ чрезвычайнымъ посольствомъ, явился въ этомъ фантастическомъ костюмѣ, къ величайшему негодованію его двоюроднаго брата или дяди, совѣтника. Онъ хотѣлъ, кажется, похвастать дипломатичностью своего тона, начавъ какую-то рѣчь съ графомъ Сухтеленомъ, въ которой слово excellence составляло четыре пятыхъ. Сухтеленъ, однако, прервалъ его словами: «Allez-vous en au diable avec vos excellences, polisson!» [3])— и полиссонъ отступилъ сконфуженный. Мы выстроились въ рядъ, но не въ іерархическомъ порядкѣ. При князѣ были въ свитѣ капитанъ перваго ранга Веселаго, толстый, необразованный, русскій купчина по манерамъ, адъютанты Глазенапъ (теперь главный командиръ Черноморскаго флота) и Веригинъ; чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, молоденькій, хорошенькій Кудрявскій и я. Пароходомъ командовалъ Твериновъ, хорошій морякъ, но необразованъ, какъ мужикъ, и съ тономъ рѣчи хуже,—у мужика что-то скромное, мягкое, у Тверинова—угрюмо-дерзкое и, что называется по-нѣмецки,—Rücksichtloses [4]). Бодиско, взятый на пароходъ за его фамилію; Окуловъ, лейтенантъ, сынъ русскаго плацъ-майора,

---

[1]) А, дорогой графъ!
[2]) Нѣкогда молодой человѣкъ.
[3]) Убирайтесь къ чорту съ вашими сіятельствами, повѣса...
[4]) Ничего не уважающій.

женившагося на финляндкѣ, которая воспроизвела свой типъ на сынѣ: широкое мѣщански-румяное лицо, огромные, широкіе зубы, большіе, очень свѣтло-голубые глаза съ бѣлыми рѣсницами и бровями; въ тонѣ что-то наивно-нахальное, — и Краббе (нынѣшній управляющій морскимъ министерствомъ), исправлявшій должность шута. Князь Меншиковъ называлъ королю каждаго. Король остановился передъ Глазенапомъ, у котораго вся грудь завѣшана была крестами русскими: Станислава, Анны, Владимира и Георгія.

— Je vous félicite, — сказалъ ему король:—si jeune et déjà si décoré [1]).

Глазенапъ былъ очень наивенъ, онъ сталъ объяснять королю, за что онъ получилъ каждую декорацію.

— La croix de St. Georges, Sire, m'a été donnée pour 25 campagnes, mais je ne les ai pas faites; j'ai été deux fois autour du monde et cela compte pour 24 campagnes, parce qu'il y en avait 12; celui-ci pour avoir accompagné le prince N. N. jusqu'à Memel, celui-là pour avoir conduit le prince N. N. jusqu' à Stettin [2]), и такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Князь стоялъ какъ на угольяхъ; судороги корчили его лицо, а король выставлялъ болѣе и болѣе сарказма на уста свои, по мѣрѣ своего назиданія рѣчью Глазенапа, который такъ углубился въ номенклатуру своихъ подвиговъ, что не замѣчалъ ни высочайшей улыбки, ни свѣтлѣйшихъ гримасъ. Когда онъ кончилъ, король, проходя къ слѣдующему, сказалъ, сохраняя ту же улыбку: «Le mérite et la valeur n 'attendent pas le nombre des années!» [3]) чѣмъ Глазенапъ былъ очень доволенъ и съ сладкою улыбкою отвѣсилъ низкій поклонъ. Послѣ того представляли насъ королевѣ, наслѣдному принцу и принцессѣ вдругъ; пока одни представлялись одной особѣ, другіе другой. Принцесса пошла съ «хазоваго конца», но тутъ-то и напала на Веселаго и Тверинова; въ недоумѣніи она пошла далѣе, проходя мимо нѣсколькихъ, и остановилась передъ Окуловымъ, заключивъ, вѣроятно, изъ смѣло устремленныхъ на нее огромныхъ бѣло-голубыхъ глазъ, что по-французски собаку съѣлъ. Она съ нимъ заговорила, а этотъ во все горло прокомандовалъ ей: «Jag talar icke frenska, jad talar på svenska». Такъ какъ Стокгольмъ открыто изъявлялъ свои претензіи за то, что кронпринцесса не говоритъ по-шведски, то она отъ такого отвѣта совсѣмъ переконфузилась. Между тѣмъ въ свитѣ былъ Веригинъ,

---

[1]) Поздравляю васъ, такъ молоды и уже пожалованы многими орденами.

[2]) Георгіевскій крестъ, ваше воличество, данъ мнѣ за 25 кампаній, но я ихъ не сдѣлалъ; я сдѣлалъ два раза кругосвѣтное плаваніе, и это считается за 24 кампаніи, потому что ихъ было 12; этотъ мнѣ данъ, потому что я сопровождалъ принца N N въ Мемель, а тотъ, потому что я провожалъ принца N N въ Штеттинъ.

[3]) Заслуга и доблесть не ждутъ числа лѣтъ.

образованный и очень остроумный; случилось, что съ нимъ никто не заговаривалъ. Не знаю, отчего выборъ королевы палъ на меня, безъэполетнаго, въ невзрачномъ адмиралтейскомъ мундирѣ. Она спросила меня, былъ ли я въ Марсели? Я отвѣчалъ, что не былъ, но что воображеніе мое такъ занято прелестями южной Франціи etc. Королева вошла въ экстазъ, и разговоръ нашъ заставилъ короля ждать, потому что пріемъ кончился. Взоръ мой встрѣтился съ княземъ; я видѣлъ на лицѣ его безпокойство. Когда я воротился домой, князь прибѣжалъ ко мнѣ.

— Mon cher, comment avez-vous pu retenir toute la cour par votre loquacité, et qu'avez-vous pu dire aussi long à la reine [1]).

Мнѣ стало досадно, я отвѣчалъ ему:

— Il me serait assez difficile de donner à la reine la mesure de son entretien; quant au sujet, n'ayant pas autant de décorations que Glasenapp, je n'ai pas eu l'occasion de parler politique; aussi je ne parlais que de la Suisse saxonne [2]).

Князь обрадовался, что не было говорено «о политикѣ»,—и послѣ полуночи вошелъ въ нашу комнату, гдѣ мы, четверо свиты его, ужинали. Князь пресерьезно сказалъ мнѣ:

— К. Ив.! одѣвайтесь скорѣе! Королева прислала за вами ѣздового.

За пріемомъ намъ подавали чай; чашки китайскаго фарфора были разставлены на золоченой пирамидѣ, въ родѣ старинныхъ plateau для конфетъ. Веригинъ совѣтовалъ мнѣ не брать чашки, предостерегая меня отъ локтей моихъ ловкихъ товарищей; я послѣдовалъ этому совѣту, и мы двое не пили чаю. На другой день былъ балъ. КнязьМеншиковъ уговаривалъ храбраго Тверинова держаться подальше,—но моряку этому море было по колѣно. Онъ пригласилъ фрейлину на мазурку и танцовалъ съ нею какъ медвѣдь въ зимнихъ сапогахъ. Послѣ бала собрались всѣ въ нашей «свитской» комнатѣ. Князь пенялъ Тверинову.

— Ничего, ваша свѣтлость, вѣдь я недурно «откалывалъ» мазурку, и по-французски говорилъ, да, говорилъ! Je marie, и дѣти есть, да, quatre!—при этомъ онъ поднялъ руку, прижалъ большой палецъ къ ладони, а остальные четыре пальца растопырилъ.

— Ну, полно, братецъ,—сказалъ князь, совершенно растерявшійся.

— Ничего, ваша свѣтлость, фрейлина прехорошенькая; я ее смѣшилъ!

---

[1]) Любезный, какъ вы могли задерживать вашею болтливостью весь дворъ о чемъ могли вы такъ долго говорить королевѣ.

[2]) Мнѣ было бы довольно трудно назначить королевѣ предѣлъ ея разгора; что касается предмета разговора, то, не имѣя столько орденовъ, какъ Глазапъ, я не имѣлъ случая говорить о политикѣ, и говорилъ только о саксоной Швейцаріи.

Черезъ два дня былъ приглашенъ къ обѣду короля Веселаго. Король извинялся, что не можетъ приглашать всю свиту, потому что этикетъ не допускалъ къ королевской трапезѣ лицъ, чиномъ ниже полковника. Вечеромъ Веселаго разсказывалъ:

— А я сидѣлъ между камергерами, да по-французски—такъ и каталъ, такъ и каталъ!—хвасталъ онъ, сопровождая свои слова движеніемъ руки, какъ бы играя на контрабасѣ.

Князь страдалъ мученическими муками, а я думалъ себѣ: ништо, по дѣломъ. Затѣмъ прислали намъ ложу въ оперу, и мы обѣдали у Сухтелена и у Браге. Вѣжливость шведскихъ придворныхъ того времени была замѣчательной тонкости и изящества; женщины—всѣ красавицы, даже и служанки: темносиніе глаза, черныя брови и темные волосы, при бѣлизнѣ лица ослѣпительной. Притомъ очень впечатлительны и, какъ бы сказать, безъ предразсудковъ. Дегалетъ, котораго я было забылъ, сдѣлалъ эффектъ своею греческою красотою, и красавица, въ полномъ смыслѣ слова, графиня Гюльденстольпе (кажется) удостоила его своей благосклонности до самыхъ крайнихъ предѣловъ, подаривъ ему при прощаніи перстень съ бирюзою, рублей въ 10.

Такъ, мало-по-малу, пріобрѣталъ я политическую опытность и самостоятельный кругъ дѣятельности. Бывъ простымъ орудіемъ чужой воли, я старался трудомъ пріобрѣсти способность годнаго орудія. Разсужденія и пренія съ княземъ, въ которыхъ я былъ столько твердъ, чтобы не уступать своихъ убѣжденій волѣ начальства, а начальникъ столько благороденъ, чтобы не требовать отъ подчиненнаго дисциплины убѣжденій, укрѣпили мои силы. Пользуясь свѣтомъ ума и опорою благородства этого начальника, я твердѣлъ въ убѣжденіяхъ, и мои душевныя влеченія пріобрѣтали большій просторъ. Во мнѣ рождалась полная самостоятельность; ко мнѣ близился 30-тилѣтній возрастъ, я все еще былъ только темнымъ спутникомъ большой планеты, но мои духовныя движенія избавились уже отъ господствующаго вліянія планетной силы. 1831-й годъ посвятилъ меня въ нѣкоторыя таинства царскаго сердца. Когда государь получилъ извѣстіе о бунтѣ на Сѣнной площади, онъ забылъ холеру, опасность и кордоны, сѣлъ въ коляску съ Меншиковымъ и Козарскимъ и поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ, по громкому слову государя: «Н а к о л ѣ н и!» бунтующая пятитысячная толпа опустилась на колѣни, какъ одна сплошная масса. По возвращеніи въ Петергофъ, уже около 11 часовъ вечера, государь прямо изъ коляски вошелъ въ Монплезирѣ въ хлоровую ванну, чтобы не занести заразы въ семейство, и его спутники сдѣлали то же. У Меншикова въ этотъ день начиналъ развиваться припадокъ подагры. Онъ, вѣроятно, застудилъ ее, и она бросилась въ брюшную полость. Черезъ сутки раздуло животъ изумительно; это сопровождалось сильнымъ жаромъ, и

Арендтъ объявилъ государю, что Меншиковъ находится на крайней степени опасности. Государь обнаружилъ величайшую тревожность, пріѣзжалъ иногда два раза въ день справляться, спрашивалъ Дегалета и меня, при встрѣчахъ на улицѣ, о здоровьѣ князя, и когда князю стало получше, онъ пріѣзжалъ къ нему, садился у его постели, вынималъ изъ кармана донесенія о ходѣ усмиренія польскаго мятежа и читалъ ихъ вслухъ. Кто бы думалъ, что государь былъ такъ сильно тогда озабоченъ послѣ той увѣренности, какую онъ чувствовалъ еще за годъ передъ тѣмъ. Въ 1830 году молнія ударила въ павильонъ адмиралтейства. Князь Меншиковъ писалъ ему: «Флагштокъ разгромленъ вдребезги, но флагъ Вашего Императорскаго Величества остался невредимъ». Это обстоятельство было весьма естественно. Флагтухъ бываетъ или шелковый, или шерстяной; въ томъ и другомъ случаѣ изъ непроводниковъ электричества, но государь принялъ это въ другомъ смыслѣ. Онъ написалъ на запискѣ князя:

«Слава Богу, слава намъ,
Hoc est signum Dei!»

Теперь, годъ спустя, тотъ же государь изливалъ передъ Меншиковымъ, со всею живостью своей души, заботы и огорченія.

— Дай Богъ, дай Богъ,—говорилъ онъ съ жаромъ:—чтобы это бѣдствіе скорѣе прекратилось; только объ этомъ молю Его.

Эти слова я слышалъ изъ сосѣдней комнаты. Въ эту же эпоху его силы, когда генералъ-фельдмаршалъ повергалъ къ стопамъ его Варшаву, когда кабинеты великихъ державъ несмѣло заявляли свои требованія относительно правъ усмиренной Польши, родился у него младшій сынъ. Вотъ что написалъ государь на поздравительной запискѣ князя Меншикова:

«Благодарю тебя, любезный князь. Еще одного слугу поставляю на службу Россіи. Дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливѣе своего измученнаго отца!»

Показывая мнѣ записку, князь Меншиковъ сказалъ:

— Посмотрите, это историческія слова.

Узнаетъ ли исторія объ этомъ выраженіи скорби государя, окруженнаго наружнымъ величіемъ?

Съ 1835 года поручена мнѣ канцелярія комитета образованія флота, преобразованная потомъ въ канцелярію свода морскихъ постановленій, и особенная канцелярія финляндскаго генералъ-губернатора. Кромѣ того, за мной остались по морскому вѣдомству редакціи всеподданнѣйшихъ отчетовъ и мнѣній въ государственный совѣтъ и переписка, въ которой неумѣстна была канцелярская стилистика.

IX.

Объѣздъ княземъ Меншиковымъ финляндскаго прибрежья. — Золотая рыбка.— Финляндскіе сенаторы.—Разсужденія о внутреннемъ положеніи Россіи.—Аварія близъ Свеаборга.—Або и Бомарзундъ.— Новые штаты крѣпостныхъ укрѣпленій.— Помощникъ финляндскаго генералъ-губернатора.—Графъ Штевенъ.—Теслевъ. — Мое пребываніе въ Гельсингфорсѣ.—Положеніе Финляндіи.

Посланный въ Стокгольмъ, князь Меншиковъ воспользовался этимъ случаемъ объѣхать прибрежье Финляндіи и пройти по тѣмъ шхернымъ фарватерамъ, по которымъ флотъ нашъ мало плавалъ. Движимый необыкновенною любознательностью и легко подозрѣвающій шарлатанство или неотчетливость въ другихъ, князь любилъ испытывать все самъ; такъ, прочитавъ что-либо о дѣйствіи новаго лекарственнаго средства, онъ тотчасъ принималъ самъ это лекарство для опыта; если газеты рекомендовали новый лакъ, новый клей, новыя чернила, онъ лакировалъ тѣмъ лакомъ, клеилъ тѣмъ клеемъ, писалъ тѣми чернилами, чтобы испытать новость. Такъ въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ провѣрить лично карты Финскаго залива. Экспедиція его состояла изъ парохода и люгера—судна безъ шпангоутовъ. Онъ плылъ на люгерѣ, а пароходъ сопровождалъ его. Отправясь изъ Кронштадта въ началѣ октября, мы сильно качались; войдя за Выборгомъ въ шхеры, мы пошли по фарватерамъ, не видавшимъ военнаго судна. Подъ Выборгомъ видѣли мы издали маленькую финскую ладью, — какъ моряки говорятъ, скорлупу, борющуюся съ безпокойнымъ моремъ; завидя насъ, несчастный мореплаватель бросился опять къ морю, несмотря на видимую опасность. Князь догадался, что это былъ контрабандистъ, везшій, можетъ быть, боченокъ водки. «Утонетъ, бѣдный,—сказалъ князь,—надо ему показать, что мы за нимъ не гонимся»,—приказалъ поворотить, и вслѣдъ за тѣмъ ладья направилась опять къ берегу. Въ Гельсингфорсѣ сдѣланъ былъ князю торжественный пріемъ; у помощника генералъ-губернатора, Теслева, необыкновенно скупого, былъ обѣдъ, за которымъ сидѣли представители всѣхъ властей, съ женами, именитые купцы и золотая рыбка. Въ Свеаборгѣ былъ булочникъ-нѣмецъ, Стерке, у котораго была очень хорошенькая дочка. Мичмана хаживали любоваться ею украдкою, а чтобы имѣть къ этому благовидный предлогъ, они глядѣли въ колодезь, бывшій передъ окнами булочника, и искали въ немъ золотую рыбку. Тамошній купецъ Синебрюховъ далъ этой барышнѣ тщательное образованіе; она проводила по цѣлымъ днямъ время у доброй г-жи М. Вальронтъ, жены свеаборгскаго главнаго командира порта, и съ этою дамою она пріѣхала и на церемоніальный обѣдъ, за которымъ затмила многихъ командиршъ красотою лица и приличіемъ пріемовъ. Финляндскій сенатъ былъ въ то время очень приличнаго состава. Баронъ

Клинковстремъ, румяный, рослый старикъ, съ отпечаткомъ высшаго стокгольмскаго общества, знакомый съ княземъ Меншиковымъ со времени пребыванія послѣдняго въ Стокгольмѣ; князь Меншиковъ участвовалъ въ похищеніи женщины, которая была потомъ баронессой Клинковстремъ, онъ былъ переодѣтъ лакеемъ и сажалъ прекрасную въ карету, которая изъ театра привезла ее къ Клинковстрему. Гартманъ, худощавый, болѣзненный, лѣтъ 45-ти, государственный человѣкъ, какихъ нѣтъ теперь ни въ Финляндіи, ни въ Россіи, дипломатъ по тону рѣчи и тѣлодвиженіямъ, былъ тоже сенаторомъ, но въ то же время и абоскимъ губернаторомъ, ожидалъ князя въ Або. Карлъ Кронштетъ, сынъ коменданта, который сдалъ намъ Свеаборгъ въ 1807 году, гордый, независимый, гнетомый мыслію, что онъ сынъ отца, считаемаго измѣнникомъ,— и подъ этимъ вліяніемъ враждебный всему, что представляло власть русскую. Валленъ, генералъ-прокуроръ, либералъ и сепаратистъ, и проч. Весь этотъ составъ достался намъ готовый отъ Швеціи, воспитанный въ конституціонной атмосферѣ просвѣщеннаго народа и выражавшій свою духовную независимость или вольнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ съ ген.-губернаторомъ, какъ Клинковстремъ, или достоинствомъ осанки, какъ Кронштетъ. Въ то время, какъ я это пишу, они вымерли; ихъ замѣстили другіе, съ тѣми же правами, съ тѣми же чинами, но эти другіе — чиновники, не только по ихъ пріемамъ передъ начальствующими, но по узости взглядовъ и по всему складу ума,—оттого, что родились на иной почвѣ и надышались воздухомъ бюрократической Россіи. Не въ регламентахъ и положеніяхъ кроются зародыши мужей государственныхъ; ихъ производитъ историческое, культурное развитіе народа: этого мы, русскіе, не хотимъ понять и думаемъ, что перо, бумага и царская подпись могутъ вдругъ дать намъ то, что другіе выработали себѣ вѣками умной и трудолюбивой народной жизни. Французы хотѣли преобразоваться на основаніи философическихъ принциповъ Руссо, Дидро и Вольтера, — не умѣя читать, перерѣзали другъ друга,—а въ культурѣ не подвинулись. И теперь то же варварство осталось во Франціи, какое было до революціи,—та же подлость передъ властью изъ-за шитаго мундира, та же дерзость передъ безнаказанностью, и то же смиреніе передъ палкою: только нравы испортились. Мы идемъ тѣмъ же путемъ; не посовѣтовавшись съ уровнемъ народнаго просвѣщенія и отдавшись на вѣру доморощеннымъ философамъ, правительство освободило крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а они остались въ душѣ тѣми же холопами, только холопами своевольными; сочинили народныхъ депутатовъ подъ именемъ гласныхъ, а эти гласные, эти управы—тѣ же чиновники, только чиновники болѣе дерзкіе, оттого, что нѣтъ надъ ними единоличнаго начальства; вывели на свѣтъ независимыхъ судей, а эти судьи—такіе же пристрастные, такіе же

кутилы, только въ большемъ размѣрѣ, оттого, что меньше страху и больше жалованья. Отмѣнили тѣлесное наказаніе, а за двугривенный каждый позволитъ себя высѣчь и еще въ ноги поклонится; заводимъ народныя школы—въ этихъ школахъ будутъ читать памфлеты и прокламаціи. Изъ гнилого матеріала нельзя строить твердое зданіе, каковъ бы ни былъ архитекторъ. Не такъ совершаются реформы. Лютеръ не по высочайшему повелѣнію проповѣдывалъ противъ папизма; паства его убѣждалась не циркулярами. Пасторы проповѣдывали въ томъ же смыслѣ противъ высочайшихъ повелѣній: реформація осуществилась въ общественной совѣсти, вопреки правительству и несмотря даже на гоненія, она осуществилась, требуя правительственной санкціи и, когда достигла санкціи, установилась безъ недоразумѣній, потому что ее уразумѣлъ народъ прежде признанія ея правительствами. Правительства не предписывали ее, а только признали,—и то поневолѣ. А у насъ: по какому побужденію бояре сбрили бороды, по какому надѣли фраки? По волѣ царя; зато и до сихъ поръ цивилизація заключается только въ бритомъ подбородкѣ и во фракѣ,—а подъ нимъ — варварство. По какому побужденію даны надѣлы, дана одноличная власть мировымъ судьямъ, отданы уѣзды на расхищеніе управъ? Оттого, что Милютинъ сказалъ, что это будетъ хорошо! Чѣмъ руководствуются власти въ проведеніи реформъ: буквою циркуляровъ; а какъ они понимаются каждымъ различно, то и вышло, что «кто въ лѣсъ, кто по дрова!» Оттого общая неурядица: хотѣли улучшить бытъ крестьянъ— онъ ухудшился; полагали ввести судъ правый—вышелъ Шемякинъ; желали облагодѣтельствовать земство — оно разоряется. Сказано: «да будетъ свѣтъ!»—и бысть... тьма! Но еще не кончено! чѣмъ болѣе карабкаемся въ болотѣ, тѣмъ глубже вязнемъ. «Облагодѣтельствованные» крестьяне ропщутъ и на надѣлы, и на оброки, и на судей, и на земскія учрежденія,—и до сихъ поръ ропотъ ихъ не уменьшился, но усиливается.

Изъ Гельсингфорса поплыли мы такими же невѣдомыми путями черезъ шхеры въ Або. Немного отойдя отъ Свеаборга, люгеръ наскочилъ на камень, который, давъ люгеру лихорадочную дрожь, оборвалъ килевую мѣдную обшивку,—къ великому ужасу старика Веселаго. Князь былъ очень доволенъ этимъ событіемъ; онъ видѣлъ въ немъ полезное открытіе. Камень былъ тотчасъ нанесенъ на карту, и тутъ же князь принялъ рѣшеніе снарядить экспедицію для новаго промѣра шхерныхъ фарватеровъ. Пароходъ, за нами шедшій, сидѣлъ не такъ глубоко въ водѣ, какъ люгеръ, и прошелъ черезъ гребень безъ соприкосновенія. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою Веселаго (доставшійся князю въ наслѣдство отъ адмирала Сенявина) рѣшился наконецъ сказать:

— Ваша свѣтлость, малъ люгеръ для осенняго плаванія.

— Кому угодно, можетъ пересѣсть на пароходъ!—отвѣчалъ князь съ насмѣшливою улыбкою.

День былъ сквернѣйшій, мрачность, дождь и вѣтеръ. Часовъ въ 10 вечера командиръ объявилъ, что ничего не видно. Князь приказалъ слѣдовать впередъ до перваго возвышеннаго острова съ нордвеста, чтобы укрыться отъ вѣтра и зыби. Проплывъ еще съ часъ, мы остановились за лѣсистымъ островомъ. Темнота такая, что «хоть глазъ выколи». Вѣтеръ дулъ нещадно; дождя не было, но какая-то мокрая пыль льнула и примерзала къ одеждѣ. Князь сошелъ внизъ, а офицеры и мы остались наверху; я потому, что на палубѣ переносилъ качку, а въ каютѣ дѣлалась тошнота. Когда зрачки наши достаточно расширились, предметы, насъ окружавшіе, начали слегка очерчиваться въ видѣ силуэтовъ, и мы увидѣли въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя что-то черное въ родѣ судна. Спустили шлюпку, послали мичмана для осмотра, оказалось, что рядомъ съ нами стоялъ транспортъ съ порохомъ,—а у насъ на палубѣ мичманъ Краббе (теперь управляющій морскимъ министерствомъ) курилъ сигару. Веселаго опять всполошился:

— Краббе, брось сигару! брось, купидонъ, вспомни, что мы веземъ его свѣтлость, начальника главнаго морского штаба!

— А что дадите?

— Ну, брось, дамъ 2 сигары.

— Мало, давайте 10.—И далъ десятокъ сигаръ старикъ, чтобы заставить повѣсу бросить сигару въ море, съ противной транспорту стороны.

На другое утро прибыли мы въ Або; на берегу стояли мѣстныя власти, во главѣ ихъ благородная фигура Гартмана, и нѣсколько экипажей, для князя и для свиты его. Мы отправились въ гофгерихтъ и нашли его въ полномъ засѣданіи, въ древнемъ зданіи съ высокою, крутою кровлею. Проходя черезъ залу присутствія, князь сказалъ шутку, довольно неумѣстную, по-французски:

— Le plafond va crouler et écraser ces messieurs [1]).

— Monseigneur,—отвѣчалъ Гартманъ съ улыбкой, въ которой было и серьезное выраженіе,—nous espérons que la providence qui veille sur la Finlande, ne laissera pas périr ces dignes magistrats [2]).

Насъ помѣстили въ прекрасномъ просторномъ домѣ аптекаря Юлинъ, который угостилъ насъ завтракомъ отличнымъ, хотя не по нашему вкусу, какъ, напримѣръ, холодная телятина съ сладкимъ соусомъ,—а потомъ былъ обѣдъ человѣкъ на 60, съ музыкой. Послѣ тостовъ финляндцы, изъ вниманія къ князю Меншикову,

---

[1]) Потолокъ обрушится и раздавитъ этихъ господъ.

[2]) Милостивѣйшій государь, мы надѣемся, что Провидѣніе, заботящееся о Финляндіи, не дастъ погибнуть этимъ достойнымъ судьямъ.

заиграли, какъ финалъ, русскую арію, не подозрѣвая, что играютъ: «Ты поди, моя коровушка, домой». Черезъ нѣсколько часовъ отъ Або проходили мы мимо строившихся тогда укрѣпленій въ Бомарзундѣ,—прескверныхъ, не дающихъ никакой защиты, какъ они и доказали въ 1854 г., сдавшись французамъ безъ выстрѣла. Бомарзундскія укрѣпленія начали строиться при Закревскомъ, на счетъ финляндскихъ суммъ и, какъ обыкновенно, съ содержаніемъ плановъ въ величайшей тайнѣ. Когда выводимые фундаменты указали расположеніе крѣпости, люди свѣдущіе увидѣли несообразность плана. Графа Армфельтъ сообщилъ ихъ замѣчанія великому князю Михаилу, который, разсмотрѣвъ ихъ, объявилъ: «c'est trop tard!» [1]) Хорошъ поводъ достроивать! Вообще Финляндія страдала больше отъ обороны, чѣмъ отъ непріятеля. Въ 1854 году возложена была оборона ея береговъ на великаго князя Константина, который и пошелъ по-своему; сформировалъ какой-то вольный флотъ изъ наемныхъ судовъ и наемныхъ матросовъ. Набрали разныхъ бродягъ, не видавшихъ моря и не нюхавшихъ пороху; этотъ знаменитый флотъ спрятался въ шхеры при видѣ англійскаго пароходишка—aviso, котораго въ Экнесѣ отбили кольями и плохими ружьями мужики подъ предводительствомъ купца, а между тѣмъ истрачена была вся экономія, собранная княземъ Меншиковымъ въ 22 года управленія. Я представлялъ вслѣдствіе этого докладъ государю, въ которомъ доказывалъ, что Выборгъ, Фридрихсгамъ и Свеаборгъ защищаютъ столько же Россію, Ревель, Петербургъ, сколько Финляндію, и что потому было бы правильнѣе возлагать на финляндскую казну расходы только по оборонѣ Ботническаго берега, отнеся защиту Финскаго залива на государственное казначейство имперіи. Государь передалъ это Костѣ: c'est tout dire! [2]).

Ничто не можетъ быть живописнѣе Аландскаго архипелага; онъ объясняетъ возможность перехода Каменскаго по морю къ Стокгольму. Острововъ здѣсь болѣе, чѣмъ моря. Князь велѣлъ сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; каждый оставлялъ за собою долгіе перекаты грома, а три-четыре выстрѣла, слѣдующіе другъ за другомъ каждую секунду, произвели грохотъ эхо изумительный. Стокгольмъ величаво выходитъ изъ моря передъ приближающимся мореплавателемъ.

Года черезъ три, если не ошибаюсь, послѣ нашего перваго посѣщенія Финляндіи военное министерство передѣлало штаты крѣпостныхъ управленій. Изъ шести плацъ-майоровъ Свеаборга оставлены были два, а четверо переведены въ другія мѣста, и какъ милостиво. Въ Свеаборгѣ оставленъ полковникъ Штрикеръ, бывшій ординарцемъ у Петра III-го. Екатерина воцарилась въ 1762 году,

---

[1]) Слишкомъ поздно.
[2]) Этимъ все сказано.

слѣдовательно Штрикеръ былъ офицеромъ не позже 1759 году, слѣдовательно въ 1835 году 76 лѣтъ офицеромъ, и Чаплинскій—65 лѣтъ отъ роду. Полковникъ Енишъ—80 лѣтъ—назначенъ комендантомъ въ Геленджикъ. Другой, лѣтъ за 50, котораго фамиліи никакъ не припомню, куда-то еще дальше. Енишъ былъ смолоду адъютантомъ генерала Клейнмихеля, сына эстляндскаго мужика и отца нынѣшняго графа; этотъ былъ въ то время ребенкомъ и нерѣдко прибѣгалъ къ адъютанту за бумажкой или карандашикомъ. Енишъ строилъ на этомъ свои надежды; явился къ дежурному генералу, генералъ-адъютанту Клейнмихелю, который встрѣтилъ съ удивленіемъ, что онъ уже полковникъ, поздравлялъ его съ успѣшною службою и съ прекраснымъ мѣстомъ, восхваляя геленджикскій климатъ. Разобиженный Енишъ пришелъ ко мнѣ со слезами; жаловался на несправедливость, что его отсылаютъ въ Геленджикъ, а Чаплинскаго, мальчишку, оставили въ Свеаборгѣ. Князь опредѣлилъ Ениша въ Николаевъ, Херсонской губерніи, давъ ему средства къ переѣзду и обзаведенію. Черезъ нѣсколько дней входитъ ко мнѣ беременная женщина съ тремя малютками и четвертымъ на рукахъ. Это была жена другого переводимаго полковника. Я упросилъ князя дать ему мѣсто въ Петербургѣ; его сдѣлали командиромъ двухъ ластовыхъ ротъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ и расписывался командиръ всѣхъ ротъ. Глупости былъ неимовѣрной. Надоѣдалъ мнѣ жестоко своими праздничными визитами. Каждый разъ, входя, говорилъ онъ мнѣ: Morgenstunde hat Gold im Munde [1]), а уходя: Berge kommen nicht zusammen, aber Menschen kommen zusammen [2]). Странно что я совсѣмъ забылъ его фамилію.

Помощникомъ генералъ-губернатора былъ, по выбору князя Меншикова, генералъ Теслевъ, человѣкъ ограниченный и скупъ до мерзости. Онъ объѣзжалъ Финляндію изъ спекуляціи, бралъ прогоны на 12 лошадей, а ѣхалъ на двухъ. Послѣ него былъ Рокасовскій, gentilhomme, но тоже простъ. Удивительно, какъ наши министры и главноуправляющіе считаютъ зыбкимъ свое положеніе. Если имъ приводится выбирать товарища или помощника, они ищутъ его не между умными, а между дураками; они боятся умнаго, чтобы не столкнулъ; страхъ этотъ такъ великъ, что въ это время всѣ дураки кажутся имъ слишкомъ умными. Опытъ показалъ однако князю, что и дураки не всегда полезны. Теслевъ, не понявъ, что онъ сидитъ въ сенатѣ на креслахъ генералъ-губернатора, что онъ только рупоръ его, alter ego, вздумалъ присоединяться къ оппозиціи. Князь былъ недоволенъ имъ, а Теслевъ, съ

---

1) Утренній часъ—золотой часъ.

2) Горы не сходятся, но люди сходятся.

своей стороны, вообразилъ, что онъ человѣкъ необходимый и сталъ просить прибавки жалованья. Тогда князь рѣшился смѣнить его, если найдется другой кандидатъ. При Закревскомъ командовалъ дивизіей въ Финляндіи генералъ Штевенъ, женившійся на дочери прежняго генералъ-губернатора графа Штейнгеля и получившій при этомъ фамилію графъ Штевенъ-Штейнгель—очень хорошій человѣкъ. По смерти графини Штейнгель онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ прекрасномъ имѣніи жены за Выборгомъ. Родной братъ его Штевенъ былъ выборгскимъ губернаторомъ. Князь приказалъ мнѣ проситься въ Финляндію для осмотра водопада на Иматрѣ, и подъ этимъ предлогомъ проѣхать мимо графа Штевена, заѣхать къ нему и предложить ему мѣсто помощника генералъ-губернатора. Ежели онъ приметъ предложеніе, то я долженъ былъ воротиться тотчасъ въ Петербургъ; если нѣтъ, то мнѣ поручено было уговорить Теслева остаться, но не именемъ князя, а, напротивъ, внушеніемъ, что князь охотно уволитъ его. Въ гостиную графа Штевена проходилъ я черезъ прекрасную залу, всю въ стеклахъ, какъ галерея, уставленную камеліями, рододендрами, кактусами. Предложеніе мое выслушалъ Штевенъ съ видимымъ волненіемъ, былъ имъ менѣе польщенъ, чѣмъ нораженъ, считая, что свѣтъ давно забылъ объ его существованіи, но за обѣдомъ онъ оправился и, видимо, наслаждался какъ памятью о немъ князя, такъ и представлявшеюся новою карьерою; я ночевалъ у губернатора. На другое утро губернаторъ получаетъ письмо отъ брата, которымъ онъ отказывается отъ предложенія, извиняется передо мною въ непослѣдовательности, извиняется, что пишетъ не ко мнѣ, и приводитъ въ оправданіе, что ему было совѣстно объявить мнѣ причину отказа, причину въ глазахъ свѣта ребяческую, но имъ непреодолимую; ему стало жаль разстаться съ взлелѣянными имъ растеніями. Я понималъ его, но князь Меншиковъ не понялъ бы, и потому я ограничился сообщеніемъ князю, что Штевенъ не принялъ предложенія, и поѣхалъ въ Гельсингфорсъ къ Теслеву подъ видомъ свиданія съ моимъ пріятелемъ барономъ Котенъ, который, по моему ходатайству, недавно былъ назначенъ директоромъ канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора. Я совѣтовалъ Теслеву подумать, что онъ дѣлаетъ, говорилъ, что князь очень охотно его уволитъ, съ пенсіею по закону, и онъ получать будетъ 3 тысячи рублей вмѣсто нынѣшнихъ 12 тысячъ рублей ассигнаціями. Теслевъ струсилъ; сталъ обнимать меня (при Котенѣ), потомъ выбѣжалъ изъ гостиной въ кабинетъ и вынесъ оттуда два апельсина, одинъ, побольше, далъ мнѣ, а маленькій—Котену. Апельсины эти оказались худосочными. Въ это время я имѣлъ уже въ Финляндіи значеніе весьма рельефное. Вѣсть о моемъ пріѣздѣ разошлась скоро по Гельсингфорсу. Ко мнѣ пріѣхали баронъ Клинковстремъ, Кронштетъ, дивизіонный начальникъ, кажется, Петерсенъ,

и губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Армфельтъ; всѣ пригласили меня къ себѣ; такъ я пробылъ еще дня три въ Гельсингфорсѣ и на вечерахъ этихъ лицъ познакомился и съ другими, дотолѣ мнѣ незнакомыми. Баронъ Котенъ былъ тогда женатъ на красавицѣ Гартманъ. Легко увлекаемый честолюбивыми мечтаніями, онъ купилъ себѣ домъ и помѣстился въ немъ очень комфортабельно, но молодая красавица недовольна была судьбою; она жаловалась мнѣ, что мужъ ея поглощенъ честолюбіемъ и для семейства негоденъ. Недолго искала она земного счастія; прахъ ея покоится на дрезденскомъ кладбищѣ. Городъ Або былъ нѣкогда сердцемъ Финляндіи; прекрасная почва губерніи, удобный портъ, близость Стокгольма, изъ котораго Финляндія всасывала въ себя черезъ Або европейскую цивилизацію, университетъ, гофгерихтъ, бывшіе въ Або, и резиденція архіепископа дѣлали изъ Або средоточіе духовной, умственной и политической жизни Финляндіи; поэтому именно онъ не могъ нравиться нашему правительству. Государь Александръ I не былъ вовсе зараженъ славянофильствомъ; онъ, напротивъ, старался привлекать иностранцевъ, чтобы русскіе позаимствовали у нихъ свѣдѣнія, понятія и нравы, но Александръ видѣлъ независимость чиновъ на сеймѣ; онъ боялся нападенія со стороны Швеціи и поэтому перенесъ центръ тяжести въ Гельсингфорсъ, прикрываемый Свеаборгомъ, слѣдовательно, русскимъ гарнизономъ и русскимъ флотомъ. Сначала посаженъ въ Гельсингфорсъ сенатъ, генералъ-губернаторъ и штабъ россійскихъ войскъ (финскія войска упразднены); потомъ перевели туда же университетъ. Въ 1837 г., по особому случаю, о которомъ я говорю въ другомъ мѣстѣ, сформированъ въ Выборгѣ гофгерихтъ, вслѣдствіе чего доктрины абоскаго гофгерихта перестали быть едиными юридическими путеводителями. Оставался тамъ еще губернаторъ Гартманъ, своею личностью составлявшій центръ тяжести. Когда Гартмана назначили начальникомъ финансовой экспедиціи сената, онъ, желая оставаться нравственно хозяиномъ и покровителемъ Абоской губерніи, выхлопоталъ, чтобы преемникомъ его былъ Антонъ Кронштетъ, старшій братъ сенатора, изъ русскихъ военныхъ, дуракъ и plat-pied. Онъ покорился Гартману, но губернія потеряла послѣдній свой блескъ и вскорѣ сдѣлалась настоящею провинціею. Однако Гельсингфорсъ не замѣнилъ Або; онъ развился подъ другими условіями, созданъ не исторіею, а высочайшими указами, и потому уподобился нашимъ губернскимъ городамъ: много признаковъ власти и очень мало симптомовъ цивилизаціи. Вслѣдъ за городомъ Або сталъ упадать и финляндскій сенатъ. Императоръ Александръ I такъ высоко цѣнилъ достоинства графа Армфельта (сѣвернаго Алкивіада), графа Аминова и графа Тролля, что не только слѣдовалъ ихъ внушеніямъ по вопросамъ, исключительно касавшимся Финляндіи, но по ихъ направленію разрѣшалъ и

вопросы международные, не стѣсняясь принципами юридической равноправности, но по взвѣшеніи политическихъ вліяній. Такимъ образомъ, финляндскіе дворяне признаны дворянами россійскими, но не наоборотъ; жителямъ Олонецкой губерніи запрещено ходить въ Финляндію для разносная торга, а финляндцамъ дозволено ходить и промышлять во всѣхъ городахъ и уѣздахъ имперіи. Русскіе, или, вѣрнѣе, только русскіе считали это несправедливостью, но тогда русскихъ было мало; теперь—не такъ бы возопили, но основанія такихъ неравноправностей были правильны. Дворяне русскіе и финляндскіе сходны только по созвучію, а не по смыслу: это омонимы, а не синонимы. Дворяне финляндскіе представляли собою настоящихъ потомковъ древнихъ рыцарскихъ родовъ, а какъ и самъ державный государь не можетъ никому повелѣть быть потомкомъ того, кто ему не предокъ, то дворянство финляндское означало роды, которыхъ размноженіе или прекращеніе зависѣло отъ воли Божіей. Оттого въ Финляндіи Сакленъ, бывшій 24 года министромъ финансовъ и 16 лѣтъ тайнымъ совѣтникомъ, былъ не дворянинъ. Въ Россіи дворяне, односвойственные съ финляндскими, совершенно смѣшаны съ дворянами по праву ордена или чина, полученнаго ими или отцами ихъ, а какъ количество орденовъ и чиновъ зависитъ совершенно отъ произвола человѣческаго, то въ такіе дворяне можно обратить весь родъ человѣческій. Ясно, что нельзя было уподобить ихъ, какъ нельзя уподобить Траянову колонну каждому каменному столбу. Крестьяне-разносчики бродили по захолустьямъ Финляндіи, сбывали фальшивыя деньги и заражали сифилисомъ; потомъ собирались группами и грабили обывателей. Финляндцы же никуда не выходили; даже въ Петербургѣ бывали только выборгцы. Затѣмъ распоряженіе, о которомъ я упомянулъ, имѣло двоякую цѣль: защитить Финляндію отъ лицъ, которыхъ теперь назвали бы русскимъ элементомъ, и сблизить вновь присоединенный къ россійскому скипетру народъ съ имперіею. Независимый сенатъ былъ преданъ государю; преданность независимаго и лестнѣе и прочнѣе, чѣмъ покорность раба; оттого государю нравилась эта независимость. Въ послѣдніе годы царствованія взгляды государя Александра измѣнились; при Николаѣ Павловичѣ, при Закревскомъ, еще болѣе. Закревскій не любилъ вольнодумцевъ, но въ его вооруженіи было только два оружія: палка и шпіонство, и какъ палка была тутъ слишкомъ неумѣстна, то онъ только шпіонилъ. Князь Меншиковъ отвергъ рѣшительно шпіонскую систему, однако, видимо, не жаловалъ людей, способныхъ противостоять произволу; самъ онъ положительно противостоялъ ему, охранялъ конституцію всѣми своими силами, но не хотѣлъ, чтобы оппозиція являлась въ сенатѣ, опасаясь послѣдствій слишкомъ крутыхъ. Когда Гартманъ поступилъ въ сенатъ, онъ, по тѣмъ же побужденіямъ,

которыя руководили имъ при выборѣ преемника въ Або, старался ослабить нравственный вѣсъ сената; пошли награды, кресты людямъ ничтожнымъ; другіе, не видѣвшіе большого достоинства въ орденахъ, но тѣмъ не менѣе оскорблявшіеся, когда были обходимы, притихли; время дѣлало тоже свое дѣло; мало-по-малу старики сходили со сцены и замѣнялись людьми, выросшими подъ бюрократическимъ направленіемъ Закревскаго. Такъ, сенатъ обращался постепенно въ скопище чиновниковъ, бездарныхъ, низкопоклонныхъ, и духъ независимости перемѣстился изъ сената въ среду профессоровъ, журналистовъ и студентовъ: событіе неблагопріятное государству, ибо въ такихъ обстоятельствахъ на мѣстѣ практическихъ политическихъ взглядовъ являются отвлеченныя доктрины, своекорыстные расчеты партій и заблужденіе юношества. Мое вліяніе, весьма значительное въ отдѣльныхъ случаяхъ, не распространялось на личныя симпатіи и антипатіи князя Меншикова, ни на общую его политику; притомъ въ то время я не имѣлъ и достаточной зрѣлости понятій; мои общіе взгляды на дѣла явились уже послѣ; что я теперь вижу, я вижу ретроспективно; а въ то время я занятъ былъ почти исключительно вопросами административными, и если останавливалъ князя въ реакціонныхъ его побужденіяхъ, то это относилось все-таки къ отдѣльнымъ случаямъ, не обнимавшимъ всего политическаго горизонта. Рокасовскій, самъ по себѣ ничтожный, былъ подъ вліяніемъ жены своей, женщины малообразованной, но желавшей играть роль; къ ней прильстились либералы новѣйшей школы, люди, ищущіе во что бы то ни стало свободы ругательной или развратительной прессы, а она поддерживала ихъ втихомолку. Когда князь Меншиковъ уѣхалъ въ Константинополь, Рокасовскій открыто выступилъ покровителемъ либерализма, изъ котораго возникъ неофиннизмъ. Эти новые финны, какъ всѣ доктринеры, стали сбрасывать не только иго русскаго вліянія, но и давленіе шведской цивилизаціи; презрѣвъ историческое развитіе края, они вводили чухонство, и изъ чухонскаго народнаго языка стали созидать языкъ политическій, со всѣми глупыми послѣдствіями насилованія исторіи для проведенія новаго принципа національности. Бергъ, замѣнившій Рокасовскаго, обратился къ своей системѣ, système du double jeu [1]); казался либераломъ, а между тѣмъ завелъ шпіонство; искалъ въ чиновникахъ своего іерархическаго возвышенія, дѣлая изъ секретарей сенаторовъ; искалъ популярности въ уѣздѣ, осыпая наградами землевладѣльцевъ, которые сообщали ему тайныя свѣдѣнія, словомъ, ища славы путемъ подлымъ, развратилъ въ нѣсколько лѣтъ край настолько, что и вѣками не исправить утраченную нравственность.

---

[1]) Система двойной игры.

Если теперь сравнить Финляндію новѣйшую съ тѣмъ, чѣмъ она была въ день присоединенія ея къ россійскому скипетру, окажется, что она принарядились внѣшними покровами, дворцами, храмами, желѣзными дорогами, но утратила всѣ свои внутреннія добродѣтели, народную нравственность, духовную независимость, утратила способность воспроизводить людей политическихъ и тѣ рыцарскія личности, которыя давали ей блескъ въ исторіи Швеціи. Sic transit gloria mundi!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАМУЧЕННЫЙ.

(Записки незаконнорожденнаго) [1]).

XI.

ВЪ ПЕРВЫЙ годъ моего пребыванія у Карпова я въ мастерской намазывалъ клейстеръ на картонъ; на второй годъ я дѣлалъ коробки, картонки и проч., а также приносилъ изъ лавокъ матеріалъ, который приходилось большею частію носить на головѣ, а его тяжесть иногда доходила до трехъ пудовъ. Теперь я аккуратно началъ посѣщать и Человѣколюбивое общество, куда я, какъ питомецъ, былъ обязанъ являться каждое воскресенье. Въ Человѣколюбивомъ обществѣ насъ, воспитанниковъ, учили наукамъ, заставляли дѣлать гимнастику и давали намъ хорошій обѣдъ; кромѣ того, воспитанники могли пользоваться книгами изъ библіотеки. Я же съ дѣтства любилъ читать и доставалъ книги въ лавкахъ, кіоскахъ и у барышень въ кондитерскихъ, куда я относилъ заказы. За мою любовь къ чтенію меня мастеровые часто поднимали на смѣхъ, и я мало-помалу началъ отдаляться отъ своихъ товарищей, у которыхъ любимымъ удовольствіемъ было посѣщеніе трактировъ.

Въ дѣтствѣ моими любимыми книгами были тѣ, въ которыхъ говорилось о богатыряхъ и герояхъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXI, стр. 819.

Я часто мечталъ сдѣлаться богатыремъ, а теперь мнѣ уже хотѣлось быть героемъ Скобелевымъ, на бѣломъ конѣ, о которомъ тогда всѣ говорили и портретъ котораго я купилъ и приклеилъ на стѣнѣ въ нашей мастерской. Мои мечты охотно слушала одна Акулина Степановна. Съ нашей хозяйкой я жилъ въ дружбѣ и любилъ съ ней разговаривать; и она сама повѣряла мнѣ свои тайны—разсказывала про свою разлучницу и посылала меня слѣдить за своимъ мужемъ. Я заводилъ съ хозяйкой разговоры и о тетѣ Нинѣ, и, хотя самъ на нее жаловался, мнѣ было всегда непріятно, если хозяйка скажетъ:

— Худая у тебя, Павлушка, мать — вотъ уже пошелъ второй годъ, какъ ты живешь у насъ, а она за все это время къ тебѣ и глазъ не показала.

Но о моемъ отцѣ хозяйка всегда говорила съ уваженіемъ — она (какъ и Ефимовна) была почему-то увѣрена, что онъ важный генералъ и очень богатый. Между нами было рѣшено, что, когда онъ явится въ нашу мастерскую, то подаритъ Акулинѣ Степановнѣ за то, что она меня бережетъ, сторублевую бумажку, а мнѣ купитъ сапоги съ калошами, и тогда я вмѣстѣ съ нимъ поѣду къ тетѣ Нинѣ.

И вдругъ со мной случилось слѣдующее происшествіе. Разъ днемъ, когда мы, мастеровые, работали, къ намъ впопыхахъ вбѣжала Акулина Степановна.

— Павелъ,—кричала она:—иди скорѣй, къ тебѣ генералъ пріѣхалъ,—вѣрно, твой отецъ!

Я такъ испугался и вмѣстѣ обрадовался, что даже въ первую минуту не могъ побѣжать и при этомъ такъ сильно поблѣднѣлъ, что обратилъ на себя вниманіе окружающихъ.

— Нашъ Павелъ отъ радости совсѣмъ ошалѣлъ, — смѣялись мастеровые.

Но когда Акулина Степановна догадалась спрыснуть меня холодной водой, мнѣ стало легче и я вмѣстѣ съ хозяйкой пошелъ въ нашу чистую комнату. Тамъ стоялъ въ пальто и фуражкѣ видный изъ себя, но уже съ просѣдью, офицеръ. Когда я, изъ робости, остановился у двери, онъ самъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Это ты Павелъ Николаевъ?

— Да-съ—это я.

Офицеръ нѣсколько минутъ стоялъ молча и, видимо, меня разсматривалъ; потомъ тихо произнесъ:

— Да, это навѣрно онъ—я узнаю ея глаза и волосы.

И, наклонившись близко ко мнѣ, онъ все такъ же тихо спросилъ:

— Мальчикъ, какъ зовутъ твою тетю, которая опредѣлила тебя въ Человѣколюбивое общество?

— Тетей Ниной,—началъ было я, но, вспомнивъ, что это ея уменьшительное имя, громко добавилъ:—Антониной Львовной!

— Тише,—остановилъ меня офицеръ и съ испуганнымъ лицомъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояли мастеровые и хозяйка.

— Скажите пожалуйста,—обратился офицеръ къ Акулинѣ Степановнѣ:—отчего у васъ этотъ мальчикъ такой худой и блѣдный? вѣрно, вы его дурно кормите.

Хозяйка съ минуту молчала, потомъ обиженнымъ голосомъ заговорила:

— Что сами ѣдимъ, то и онъ ѣстъ, вѣдь за него намъ Человѣколюбивое общество не Богъ знаетъ какія деньги платитъ.

Офицеръ въ раздумьѣ походилъ по комнатѣ, потомъ съ улыбкой подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ, Павлуша, говорили, что ты большой шалунъ.

— Ну, вотъ ужъ враки-то!—вмѣшалась Акулина Степановна:—Павлушка у насъ малецъ тихій, послушный, а вотъ здоровьемъ онъ, правда, плохъ, все на голову да на животъ жалится.

— Да, да, онъ слабенькій,—глядя на меня, согласился и офицеръ и при этомъ, дотронувшись рукой до моей груди, продолжалъ:—Эхъ, братецъ, грудь-то у тебя какая узкая,—въ военную службу не будешь годенъ. А скажи, ты хотѣлъ бы быть офицеромъ?

При этомъ вопросѣ я весь просіялъ и, чтобы показаться передъ нимъ молодцомъ, вытянулся и по-солдатски громко и весело произнесъ:

— Хочу, ваше благородіе!

Моя выходка офицеру понравилась.

— Да какой же ты молодецъ! — смѣясь и гладя меня по головѣ, воскликнулъ онъ.—Подожди, мальчикъ, время придетъ, и ты будешь офицеромъ,—а пока вотъ тебѣ два рубля на пряники.

Офицеръ ушелъ, и я до сихъ поръ не знаю, былъ ли это родственникъ или просто знакомый тети Нины; но только его пріѣздъ дурно повліялъ на меня. Я уже неохотно сталъ клеить коробки, важничалъ передъ мастеровыми, называлъ себя генеральскимъ сыномъ и громко мечталъ, что когда-нибудь буду офицеромъ. Теперь, когда мастеровые меня били, то всегда приговаривали:

— Вотъ тебѣ, будущій офицеръ, вотъ тебѣ, генеральскій сынокъ!

Не помню, черезъ сколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда офицера, меня снова посѣтили, но въ этотъ разъ уже дама. Я работалъ въ мастерской, рядомъ съ Петей, когда къ намъ вошла нарядно одѣтая, пожилая дама, въ сопровожденіи нашей хозяйки.

— Подождите, подождите, — сказала дама, останавливаясь посреди мастерской:—не говорите мнѣ, который изъ нихъ Павлуша, я сама хочу его узнать!

И дама посмотрѣла въ лорнетъ, сначала на Петю, потомъ на меня.

— Вотъ, вотъ онъ, Павлуша, живой портретъ нашей Нины!— воскликнула она и, подбѣжавъ, протянула мнѣ свою руку для поцѣлуя.

— Тебя, мальчикъ, легко было узнать,—ты очень похожъ на свою мать,—и при этомъ дама подняла глаза вверхъ и вздохнула.

Помолчавъ немного, она продолжала:

— Пусть другіе думаютъ, что хотятъ, но я всегда была очень благородна и теперь объявляю тебѣ, что я твоя тетя—зови меня тетей Аней. Ахъ, Боже мой, какъ ты похожъ на сестру Нину— тѣ же синіе глаза, тѣ же каштановые кудри.

И тетя Аня начала меня разспрашивать: часто ли ко мнѣ пишетъ тетя Нина? Я отвѣтилъ, что уже больше года, какъ не видалъ тети Нины, и за все это время не получалъ отъ нея ни одного письма, хотя самъ писалъ ей нѣсколько разъ на ея квартиру, въ Эртелевъ переулокъ...

Мои слова привели тетю Аню въ изумленіе.

— Развѣ ты не знаешь,—воскликнула она:—что сестра Нина уже съ годъ какъ не живетъ въ Петербургѣ, а живетъ въ Харьковѣ; ея мужъ перевелся въ другой полкъ и онъ очень боленъ, доктора говорятъ, что умретъ; да и Богъ съ нимъ,—махнула она рукой:—тяжелый онъ человѣкъ, и сестра измучилась съ нимъ, а тутъ еще бѣдность, долги, живутъ на одно жалованье; ты, Павлуша, ее не осуждай—сестра Нина очень несчастна! а что она любитъ тебя, я приведу доказательство. Когда она узнала, что я ѣду въ Петербургъ, сейчасъ же прислала мнѣ твой адресъ и просила непремѣнно заѣхать и узнать, хорошо ли тебѣ живется; но тебѣ вѣдь хорошо, не правда ли?—и, не дождавшись моего отвѣта, продолжала:—конечно, въ настоящую минуту ты грязный, но вѣдь я понимаю, у тебя и работа грязная, а вечеромъ, когда ты будешь собираться къ намъ, помойся, надѣнь получше платье; только я тебя предупреждаю, что если ты увидишь у насъ гостей, тогда меня тетей не называй—ты вѣдь мальчикъ простой, мужичокъ; а я, видишь, барыня; это я не для себя говорю, а для сестры Нины, потому что гости сейчасъ же начнутъ разспрашивать, кто ты и кто твоя мать; а я не хочу срамить сестру.

— Мой мужъ,—продолжала тетя Аня,—мнѣ говорилъ, чтобы я лучше тебѣ здѣсь дала денегъ на гостинцы, а въ номеръ къ намъ тебя не брала, но я хочу сдѣлать удовольствіе моей дочери Сонѣ, которая только и твердитъ одно: «хочу видѣть Павлушу».

Потомъ уже, обращаясь къ хозяйкѣ, тетя Аня начала ее просить отпустить меня сегодня вечеромъ къ нимъ въ гостиницу «Россія», гдѣ она съ мужемъ и дочерью остановилась.

— По мнѣ пущай идетъ,—отвѣтила хозяйка:—я рада, что у нашего Павлушки благородная родня находится!

Прощаясь со мной, тетя Аня опять мнѣ напомнила, чтобы я, идя къ нимъ, почище одѣлся.

Я же поспѣшилъ ее успокоить, что достану хорошее платье.

Стоитъ ли говорить, что въ то время я многое изъ словъ тети Ани не понялъ и пропустилъ мимо ушей, я только радовался, что у меня нашлись благородные и богатые родные и что сегодня вечеромъ я буду у нихъ въ гостяхъ. Озабочивало меня только одно: дастъ ли мнѣ знакомый мальчикъ надѣть свой новый пиджакъ и брюки?

XII.

Когда я шелъ въ гостиницу «Россія» на свиданіе со своими родственниками, то былъ совершенно увѣренъ, что не сконфужу ихъ своимъ костюмомъ: на мнѣ былъ пиджакъ знакомаго мальчика, за который онъ при мнѣ въ Александровскомъ рынкѣ заплатилъ полтора рубля, а также на моихъ ногахъ были калоши, которыя мнѣ одолжилъ одинъ изъ нашихъ мастеровыхъ; кромѣ того, когда на нашемъ дворѣ узнали, что я иду въ гости къ богатымъ родственникамъ, нашъ дворникъ самъ мнѣ предложилъ надѣть свои серебряные часы, а мои непокорные вихры хозяйка примазала сальной свѣчкой.

Въ томъ мірѣ, въ которомъ я тогда вращался, кто носилъ калоши и имѣлъ часы, считался большимъ щеголемъ, вслѣдствіе этого я, довольный собой, пришелъ въ гостиницу «Россія», смѣло поднялся по лѣстницѣ и также смѣло вошелъ въ коридоръ и началъ разыскивать 40-ой номеръ.

Вдругъ кто-то сзади схватилъ меня за плечи и спросилъ:

— Ты, мальчишка, зачѣмъ въ грязныхъ калошахъ къ намъ залѣзъ? — Развѣ не видишь, что въ коридорѣ постланы новыя дорожки.

Я объяснилъ номерному, что свои калоши вытеръ еще на крыльцѣ, и спросилъ, гдѣ находится сороковой номеръ.

— Да ты не сапожникъ ли?—въ свою очередь, опросилъ номерной:—тутъ барыня, въ сороковомъ номерѣ, тебя поджидаетъ,—и, указавъ мнѣ на дверь въ концѣ коридора, онъ ушелъ, не подозрѣвая, что меня сильно огорчилъ, принявъ за сапожника, когда я былъ увѣренъ, что въ моемъ костюмѣ я похожъ на барина.

Теперь я уже съ меньшимъ апломбомъ шелъ по коридору и, дойдя до сорокового номера, не догадался предварительно постучать въ дверь, а просто повернулъ ручку и вошелъ въ комнату.

Комната была большая и вся загромождена чемоданами, корзинами и пакетами, пакеты лежали даже на стульяхъ и креслахъ.

Тетя Аня сидѣла на диванѣ, рядомъ съ пожилой дамой, на которой была надѣта шляпка; я догадался, что это гостья. Предъ

диваномъ, на кругломъ столѣ кипѣлъ мѣдный самоваръ; а возлѣ него суетилась въ розовомъ ситцевомъ платьѣ хорошенькая бѣлокурая дѣвочка лѣтъ тринадцати, это была Соня, дочь тети Ани.

Въ комнатѣ еще былъ тетинъ мужъ, Николай Гавриловичъ, невысокаго роста, широкоплечій мужчина съ длинными черными усами и военной выправкой; на немъ было статское платье.

Когда я вошелъ, онъ первый меня замѣтилъ и спросилъ:

— Чего тебѣ, мальчикъ, надо?

Но въ это же самое время и тетя Аня меня увидѣла.

— Оставь его, Коля, оставь!—властно крикнула она:—это Павлуша—и, обращаясь къ своей гостьѣ, сказала:

— Вы, Ольга Степановна, помните нашу няню, Андреевну, этотъ мальчикъ ея сынъ; онъ здѣсь отданъ въ ученье, и представьте, какая я добрая, — чтобы только угодить нашей нянѣ сегодня сама его разыскала и даже, какъ видите, позволила ему къ намъ въ номеръ прійти. Вы ужъ извините, Ольга Степановна, если онъ при васъ сядетъ. Павлуша, сними съ котораго-нибудь стула пакетъ и садись, ничего садись, Ольга Степановна тебѣ это позволяетъ.

Тутъ и гостья заговорила.

— Вы, Анна Львовна, говорите, что этотъ мальчикъ сынъ вашей Андреевны, но вѣдь той лѣтъ подъ семьдесятъ, а этому мальчику, ну, лѣтъ тринадцать или четырнадцать.

Тетя Аня съ минуту молчала, а потомъ со смѣхомъ сказала:

— Что дѣлать!—знаете пословицу: «Сѣдина въ бороду...» Только вы ошибаетесь, что нашей Андреевнѣ семьдесятъ лѣтъ—ей всего шестьдесятъ, этому же мальчику четырнадцать. Женщина въ сорокъ шесть лѣтъ еще легко можетъ имѣть ребенка.

Въ это время ко мнѣ подбѣжала Соня и, дотронувшись своимъ пальчикомъ до моего плеча, тихо сказала:

— Я отъ Андреевны о тебѣ, Павлуша, много слышала, она мнѣ разсказывала, что когда ты былъ вотъ этакій маленькій, то, чтобъ никто изъ гостей не слышалъ, какъ ты кричишь, тебя въ русскую печку прятали и заслонкой заставляли. Андреевна тебя очень любитъ,—продолжала Соня,—и она просила меня передать тебѣ поклонъ.

Я же, слушая, что кругомъ меня говорили, задавалъ себѣ вопросъ: кто же моя мать, тетя Нина или Андреевна?—и при мысли, что тетя Нина можетъ оказаться не моей матерью, у меня на душѣ сдѣлалось такъ грустно, словно я потерялъ что-нибудь очень дорогое.

Гостья встала и начала прощаться, но когда она проходила мимо меня и Сони, то остановилась и сначала взглянула на меня, потомъ на Соню и, обращаясь къ тетѣ Анѣ, сказала:

— Вы не обижайтесь на меня, Анна Львовна, но этотъ мальчикъ, я нахожу, имѣетъ сходство съ вашей Соней; вы замѣтьте, у нихъ обоихъ форма рта совершенно одинакова, точно братъ и сестра.

— Ну, барыни, договорились!—сердито произнесъ, вставая со стула, все время молчавшій Николай Гавриловичъ и съ нахмуренными бровями началъ нервно ходить по комнатѣ.

Тетя Аня старалась доказать гостьѣ, что между мной и Соней не только нѣтъ сходства, но его и не можетъ быть.

— Какое же можетъ быть сходство,—съ негодованіемъ говорила она:—Соня моя дочь, а Павлуша нянькинъ сынъ!

— Да вы, кажется, обидѣлись,—замѣтила гостья:—а я вѣдь это нарочно сказала, для шутки, а все-таки, вы посмотрите хорошенько на мальчика, лицо у него не простое...

Прощаясь, гостья поцѣловалась съ тетей Аней; а эта, затворивъ за нею дверь, громко воскликнула:

— Ишь, язва! ты слышалъ, Коля, что она говорила?

— И во всемъ ты сама, матушка, виновата,—разводя руками, заговорилъ Николай Гавриловичъ:—не зачѣмъ было разыскивать этого мальчишку; теперь я увѣренъ, что Ольга Степановна распуститъ слухъ между нашими знакомыми, что Павлушка твой незаконный сынъ и вотъ дождались, вотъ и прекрасно, премного благодарю васъ!—и Николай Григорьевичъ низко поклонился своей женѣ.

— Этого никто про меня не смѣетъ сказать!—гордо поднявъ голову, воскликнула тетя Аня.—Въ нашемъ городѣ всѣ знаютъ, какъ я себя вела въ дѣвицахъ, а также всѣ помнятъ исторію сестры Нины и что у нея родился сынъ Я увѣрена, что Ольга Степановна намекала на Нину, а не на меня, а что касается сходства между Павлушей и Соней, то тутъ ничего нѣтъ удивительнаго—они двоюродные.

Во время этого разговора я весь превратился въ слухъ и при послѣднихъ словахъ, что у тети Нины былъ сынъ, я успокоился и уже съ интересомъ началъ поглядывать на столъ, гдѣ на одной тарелкѣ лежали булки, а на другой колбаса, а тутъ кстати и Соня своимъ тоненькимъ голоскомъ звала меня:

— Павлуша, иди съ нами чай пить.

Когда я пододвинулъ свой стулъ къ столу, Соня предложила мнѣ варенья, но я отъ него отказался, ссылаясь на то, что у меня болятъ зубы.

— У такого молодого и ужъ зубы болятъ,—удивился Николай Гавриловичъ.

— У меня во рту и зубовъ-то мало осталось, всѣ выбиты,—сказалъ я.

Когда же онъ мнѣ не повѣрилъ, я началъ разсказывать, какъ во всѣхъ мастерскихъ бьютъ мальчиковъ, и упомянулъ о томъ, что у меня проломлена голова.

Тетя Аня во время моего разсказа ахала и осуждала тетю Нину, зачѣмъ та мало обо мнѣ заботится.

— Она могла отдать тебя на воспитаніе которой-нибудь изъ насъ, своихъ сестеръ—говорила она.

Но Николай Гавриловичъ былъ съ нею несогласенъ и спорилъ, что тетя Нина тогда хорошо сдѣлала, спрятавъ меня ото всѣхъ глазъ, иначе ея скандальная исторія могла дурно отразиться на ея сестрахъ.

— Но теперь—продолжалъ Николай Гавриловичъ,—я, пожалуй, могъ бы къ себѣ и взять Павлушу, но съ однимъ условіемъ, чтобы онъ въ моемъ домѣ жилъ не какъ родственникъ, а какъ работникъ, и тогда я не держалъ бы дворника.

— Что это, папа!—капризнымъ голосомъ воскликнула Соня:— ты, кажется, изъ Павлуши хочешь дворника сдѣлать—Павлушѣ учиться нужно наукамъ, а не мести дворъ.

Ее поддержала и тетя Аня.

— Въ самомъ дѣлѣ,—начала она:—Павлуша несчастный мальчикъ. Почему бы сестрѣ Нинѣ не сдѣлать изъ него барина, вѣдь онъ по крови, какъ со стороны матери, такъ и отца—благородный.

— Не всѣмъ быть благородными,—замѣтилъ Николай Гавриловичъ: — зато Павлуша теперь будетъ хорошимъ мастеровымъ, а когда онъ кончитъ ученье, мы пригласимъ его къ себѣ погостить, только жаль, что онъ не столяръ, мнѣ бы много что нужно было сдѣлать, ну, да дѣлать нечего! будемъ довольствоваться и даровымъ коробочникомъ—онъ намъ надѣлаетъ картонокъ. Правду я, Павлуша, говорю?—подойдя ко мнѣ и хлопнувъ ласково меня по плечу, спросилъ Николай Григорьевичъ, но вдругъ сморщилъ носъ и брезгливо произнесъ:

— Ну, и сапожищи же, братецъ, у тебя, ты ими намъ всю комнату продушилъ—и, взглянувъ на свои карманные часы, прибавилъ:

— Не пора ли тебѣ, мужичокъ, и восвояси?

Я сконфуженный поднялся со стула и началъ прощаться.

— Подожди, Павлуша,—сказала Соня:—тебѣ на память книжку подарю,—и, подбѣжавъ къ одному изъ чемодановъ, достала изъ него маленькую, въ старомъ переплетѣ, книжку «Оливеръ Твистъ» и, подавая ее мнѣ, сказала:

— Когда я эту книжку читала Андреевнѣ, она плакала и говорила: «Вотъ, можетъ быть, и нашъ Павлуша такъ же на свѣтѣ мается, какъ и этотъ мальчикъ».

— А я Павлушѣ кое-что получше книжки дамъ,—произнесъ Николай Гавриловичъ и протянулъ мнѣ серебряный рубль.

Я отнѣкивался и не хотѣлъ брать денегъ; но тетя Аня и Николай Гавриловичъ настояли, чтобъ я ихъ взялъ.

Поцѣловавъ руку у тети Ани и по ея приказанію также у Николая Гавриловича, я хотѣлъ пойти къ двери, какъ Соня воскликнула:

— Мама, я поцѣлую Павлушу!

И, не дожидаясь позволенія матери, она обняла меня и поцѣловала.

— Какая Соня добрая! Вся въ меня,—сказала тетя Аня.

Но Сонинъ поступокъ не понравился ея отцу.

— Вольничаетъ наша барышня!—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ онъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:—Ну, братецъ, проваливай, тебѣ уже пора.

Когда я вышелъ изъ номера, то слышалъ, какъ Николай Гавриловичъ громко сказалъ:

— Отворяйте скорѣй форточку—у насъ пахнетъ мужикомъ...

Пріемомъ своихъ родственниковъ я не былъ доволенъ и съ тяжелымъ сердцемъ вернулся домой. Мастерская была полна народу, въ ней сидѣли: наши мастеровые, мальчикъ, давшій мнѣ пиджакъ, и нашъ дворникъ. Я же постарался войти въ мастерскую съ веселымъ лицомъ.

— Вотъ вамъ всѣмъ на угощенье!—сказалъ я, кладя на столъ рубль, подаренный мнѣ Николаемъ Гавриловичемъ.

— А сколько ты для себя-то спряталъ?—спрашивали мастеровые.

— Съ меня довольно,—махнулъ я весело рукой, но, чувствуя, что слезы подступаютъ къ моему горлу, поспѣшилъ скрыться.

XIII.

Знакомство съ родственниками, также какъ и посѣщеніе неизвѣстнаго мнѣ офицера, не внесло въ мою жизнь улучшенія, а, наоборотъ, только еще больше ее испортило. Теперь не только хозяинъ и мастеровые, но и наши дворники и даже ихъ дѣти, всѣ узнали, что я незаконнорожденный, и при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшили мнѣ бросить въ лицо ту же самую позорную кличку, какой меня обозвалъ мужъ тети Нины. Окружающіе также ставили мнѣ въ вину и то обстоятельство, что мои богатые родные ничего для меня не сдѣлали, даже сапоговъ новыхъ не купили. Хозяйка держала мою сторону, но и эта часто обвиняла тетю Аню, зачѣмъ она пріѣхала и меня взбаламутила.

Въ ея словахъ была правда: послѣ знакомства съ родственниками я сталъ чувствовать себя еще больше обиженнымъ и брошеннымъ, и жизнь въ мастерской мнѣ до того опротивѣла, что иногда мнѣ приходило въ голову лишить себя жизни.

Помню, разъ, стоя на Николаевскомъ мосту, я долго глядѣлъ на бушующія волны Невы и при этомъ думалъ: «не лучше ли будетъ для тебя, Павелъ, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ мастерскую, броситься въ эти волны», и только городовой, который

ходилъ недалеко и поминутно посматривалъ въ мою сторону, помѣшалъ мнѣ тогда покончить съ собой.

Но такъ какъ ничего нѣтъ вѣчнаго, то и отчаяніе мое мало-по-малу начало проходить, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась надежда, что жизнь моя еще можетъ перемѣниться къ лучшему, и эту надежду во мнѣ сильно поддерживала Акулина Степановна.

Нужно сказать, что, когда я вернулся отъ своихъ родственниковъ, я все откровенно разсказалъ хозяйкѣ и даже ей похвасталъ, что моя двоюродная сестра Соня на прощанье меня поцѣловала.

Еще тогда Акулина Степановна рѣшила, что, когда я выросту и хорошо окончу свое мастерство, Соня, навѣрно, не побрезгуетъ мною и выйдетъ за меня замужъ.

Слова хозяйки глубоко запали мнѣ въ душу, тѣмъ болѣе, что ласка, оказанная мнѣ Соней, и ея милое личико произвели на меня сильное впечатлѣніе. Теперь, думая о Сонѣ, я съ удовольствіемъ вспоминалъ, что Николай Гавриловичъ, по окончаніи ученья, приглашалъ меня къ себѣ въ гости.

Окончить свое коробочное мастерство мнѣ не удалось,—я вдругъ серьезно заболѣлъ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: нашъ хозяинъ получилъ большой срочный заказъ, который мы, мастеровые, работали не только днемъ, но иногда приходилось работать и ночью; когда же заказъ былъ конченъ, мы, мальчики, относили его на Садовую. Стояла холодная погода; а на мнѣ одежда была, какъ говорится, «вѣтромъ подбита»; кромѣ того, хозяинъ требовалъ, изъ экономіи времени, чтобы мы съ товаромъ не шли, а бѣжали. Отъ быстрой ходьбы я вспотѣлъ, потомъ, когда мы стали сдавать заказъ, мнѣ пришлось стоять очень долго въ коридорѣ, на сквозномъ вѣтрѣ, и я уже тогда почувствовалъ боль въ лѣвомъ боку и, вернувшись домой, сейчасъ же повалился на кровать и заснулъ; хозяинъ замѣтилъ, что я лежу въ сильномъ жару, растолкалъ меня и приказалъ итти съ однимъ мастеровымъ въ баню; а тому наказалъ влѣзть со мною на полокъ и хорошенько меня вѣникомъ выпарить. Когда послѣ бани мнѣ стало еще хуже и я уже потерялъ сознаніе, хозяинъ свезъ меня на извозчикѣ въ Обуховскую больницу. Дежурный докторъ нашелъ, что у меня воспаленіе легкихъ.

Не знаю, сколько времени я находился въ больницѣ безъ сознанія; когда же пришелъ въ себя, то лежавшій рядомъ со мною старичокъ-чиновникъ разсказывалъ, что я въ бреду вспоминалъ тетю Нину.

Здѣсь я не могу не упомянуть о добротѣ этого старика, моег сосѣда по кровати.

Онъ за мной больнымъ ухаживалъ, какъ родной, и дѣлился с мною всѣмъ, что ему приносила его жена. Этому старичку я разск

залъ всю свою исторію, онъ посовѣтовалъ мнѣ увѣдомить тетю Нину о моей болѣзни черезъ Человѣколюбивое общество, гдѣ навѣрно извѣстенъ ея адресъ; онъ же снабдилъ меня почтовой бумагой и конвертомъ, и, подъ его диктовку, было написано письмо, которое въ этотъ же день жена старичка и отнесла въ Человѣколюбивое общество. Чрезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили, что изъ Человѣколюбиваго общества уже обо мнѣ справлялись у члена нашего общества, находящагося при больницѣ.

Я поправлялся очень медленно.

Разъ, во время пріемныхъ часовъ для родственниковъ и знакомыхъ, я увидѣлъ вошедшую въ нашу палату высокую даму въ траурѣ. Я тотчасъ же узналъ тетю Нину. Отъ радости я поднялся съ подушки, но былъ еще такъ слабъ, что снова упалъ, и только съ сильно бьющимся сердцемъ смотрѣлъ на подходившую ко мнѣ тетю Нину. Еще раньше, чѣмъ она успѣла ко мнѣ подойти, я уже расплакался; а тетя, гладя меня ласково по головѣ, спокойно говорила:

— Чего ты, дурачокъ, расплакался, ну, тише, перестань,—видишь, на насъ чужіе люди смотрятъ.

Но я не унимался и рыдалъ все громче и громче и, уже когда прибѣжала сестра милосердія и дала мнѣ выпить успокоительныхъ капель, я нѣсколько успокоился и началъ слушать, что тетя мнѣ разсказывала.

Она мнѣ объяснила, что ей раньше невозможно было пріѣхать: сначала вслѣдствіе тяжелой болѣзни ея мужа, а потомъ его смерти и похоронъ; между прочимъ тетя спросила: получалъ ли я деньги, которыя она присылала мнѣ на имя Карпова? Я отвѣтилъ, что ни писемъ, ни денегъ въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ я отъ нея не получалъ, а также разсказалъ, что Карповъ воръ и, вѣрно, утаилъ отъ меня ея деньги. Но больше всего я заинтересовалъ тетю разсказомъ о посѣтившемъ меня офицерѣ. Съ раскраснѣвшимися щеками и блестящими глазами тетя разспрашивала меня о его наружности, потомъ съ радостнымъ смѣхомъ воскликнула:

— Знаю, теперь знаю, кто у тебя былъ, это баронъ!—и сейчасъ же, перемѣнивъ разговоръ, начала разспрашивать о пріѣздѣ тети Ани.

Во время нашего разговора мой сосѣдъ, чиновникъ, одѣтый въ больничный халатикъ, сидѣлъ на своей кровати и съ веселымъ лицомъ посматривалъ то на меня, то на тетю; наконецъ вытащилъ изъ-подъ своей подушки свидѣтельство о бѣдности, которое онъ всегда подносилъ хорошо одѣтымъ посѣтителямъ и теперь поднесъ его тетѣ Нинѣ; та съ минуту повертѣла бумагу въ рукахъ и, возвращая ее, со сконфуженнымъ лицомъ проговорила:

— Извините, у меня съ собою нѣтъ денегъ.

Но, должно быть, ей стало совѣстно своего безденежья — она сейчасъ же заторопилась уходить, при этомъ наскоро мнѣ сообщила, что ей сегодня же нужно уѣхать изъ Петербурга.

Когда она начала со мной прощаться, мнѣ вдругъ стало грустно, и я порывисто, обнявъ ее руками и не выпуская отъ себя, повторялъ:

— Тетя, не уходите, не бросайте меня!

Она старалась вырваться изъ моихъ объятій и все твердила, что она скоро опять пріѣдетъ и возьметъ меня совсѣмъ отъ коробочника.

Наконецъ вырвалась и, поцѣловавъ меня наскоро въ голову, пошла къ двери, но не прошла и двухъ шаговъ, какъ снова вернулась и уже крѣпко меня обняла. Теперь тетя цѣловала мой лобъ, щеки, голову и со слезами въ голосѣ говорила:

— Прощай, мой дурачокъ, Господь съ тобой, выздоравливай, а я на лѣто постараюсь устроить тебя къ тетѣ Анѣ. Поправляйся же, моя дѣтка, будь умницей...

Въ ея голосѣ я первый разъ услышалъ любовь и ласку, и у меня на душѣ вдругъ стало свѣтло и отрадно и, когда она ушла, я еще нѣсколько минутъ въ блаженномъ состояніи лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ потолокъ. Старичокъ потомъ мнѣ разсказывалъ, что у меня на лицѣ была такая написана радость, словно я видѣлъ ангеловъ.

Теперь, послѣ посѣщенія тети, и силы мои стали возвращаться быстрѣе; когда же я настолько окрѣпъ, что могъ ходить по палатѣ, я добровольно началъ всѣмъ больнымъ прислуживать и вслѣдствіе этого сдѣлался общимъ любимцемъ; понравился я и сестрѣ милосердія за то, что помогалъ ей ставить градусники и выписывать для больныхъ порціи на обѣдъ; при этомъ я никогда не забывалъ и для себя выписать клюквеннаго киселя, который въ больницѣ мнѣ очень нравился; но въ особенности въ нашей палатѣ полюбилъ меня одинъ студентъ, фамилія его была Панкратовъ. Разъ онъ услышалъ, какъ я декламировалъ передъ сосѣдомъ-чиновникомъ стихи Некрасова «У парадняго подъѣзда». Панкратовъ подозвалъ меня къ себѣ, и потомъ мы уже съ нимъ часто о многомъ бесѣдовали; отъ него я въ первый разъ узналъ, что нѣтъ никакого позора быть незаконнорожденнымъ, а также, что люди между собою всѣ равны и что, будучи неблагороднымъ по рожденію, можно имѣть благородную душу и наоборотъ. Жизнь въ больницѣ мнѣ очень нравилась, и я съ ужасомъ думалъ, что наступитъ время, когда меня отсюда выпишутъ и, пожалуй, еще отправятъ опять къ коробочнику. Но этого, слава Бóгу, не случилось—тетя Нина прислала ко мнѣ свою знакомую, которой было поручено отправить меня на житье въ провинцію, къ тетѣ Анѣ.

Передъ моимъ выходомъ изъ больницы докторъ долго выслушивалъ мою грудь, потомъ сказалъ:

— Смотри, мальчикъ, будь остороженъ, главное—не простуживайся, а то съ твоими легкими ты недолго протянешь.

XIV.

Когда я уже сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы ѣхать въ уѣздный городъ X., гдѣ жили мои родственники, я чувствовалъ себя не только здоровымъ, но и счастливымъ и уже мечталъ, какъ за мои услуги меня полюбятъ тетя Аня и Николай Гавриловичъ; но самой завѣтной моей мечтой была Соня. Для нея я уже мысленно дѣлалъ хорошенькія бонбоньерки, гулялъ съ нею по полямъ и вмѣстѣ мы читали книги. Когда же на другой день, въ восемь часовъ утра, нашъ поѣздъ подошелъ къ станціи X., я еще спалъ; меня разбудилъ кондукторъ и объявилъ, что мнѣ здѣсь выходить. Я вскочилъ съ лавки и выглянулъ въ окно. Утро было ясное, теплое, и хотя вокзалъ былъ маленькій, невзрачный, но вокругъ него росли высокія березы, и ихъ молодая зелень ласкала мои глаза.

Приведя въ порядокъ свой костюмъ и причесавъ волосы всей пятерней (такъ мы выражались въ мастерской), я снялъ съ полки узелокъ, въ которомъ лежало все мое имущество: одна перемѣна чистаго бѣлья, попорченная гармоника, перочинный ножикъ и нѣсколько книжекъ, купленныхъ мною въ кіоскахъ. Между ними находилась и книжка, подаренная мнѣ Соней, «Оливеръ Твистъ», которую, въ эти полтора года, я тщательно берегъ и самъ ее переплелъ.

Завязавъ узелъ покрѣпче, я взялъ его подъ мышку и вышелъ изъ вагона. Найти домъ моихъ родственниковъ было не трудно— уѣздный городъ X. маленькій, и въ немъ Николай Гавриловичъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ зажиточный; дорогу къ его дому мнѣ показалъ первый встрѣчный человѣкъ. Я съ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторой гордостью подходилъ къ дому, въ которомъ надѣялся долго пожить. Домъ былъ, хотя одноэтажный, но прекрасно отдѣланъ рѣзьбой и выкрашенъ въ тѣльный цвѣтъ, окна, съ зеркальными стеклами и кружевными занавѣсками, въ эту минуту были открыты, на подоконникахъ стояли большіе цвѣты, и между ними, въ клѣткахъ, пѣли канарейки. Я любовался и большимъ тѣнистымъ садомъ, въ которомъ уже цвѣли яблони и вишни. Въ это майское утро садъ и домъ были залиты солнцемъ и весело и гостепріимно глядѣли на меня.

Я смѣло взошелъ на парадный подъѣздъ и позвонилъ.

Дверь мнѣ отворила сама тетя Аня и прежде, чѣмъ со мною поздороваться, сдѣлала мнѣ выговоръ, зачѣмъ я пришелъ съ параднаго хода.

— Могъ бы и со двора войти, — сказала она: — у насъ нѣтъ швейцаровъ отворять для тебя двери.

Тетя была въ капотѣ и не причесана, и мнѣ бросилось въ глаза, что она за это время постарѣла.

Заперевъ на ключъ парадную дверь, тетя повела меня въ столовую и теперь уже ласково заговорила:

— Вотъ и хорошо, Павлуша, что сестра Нина тебя къ намъ прислала, а вѣдь это я, по добротѣ сердца, устроила—уговорила Николая Гавриловича взять тебя къ намъ, и не изъ корысти мы тебя беремъ: сестра Нина обѣщается платить за тебя только двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, а ты, навѣрно, намъ будешь стоить вдвое дороже.

Когда мы вошли въ столовую, тамъ уже былъ Николай Гавриловичъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, съ папиросой въ рукахъ, и пилъ изъ стакана кофе.

— Ну, вотъ и нашъ коробочникъ явился, здравствуй, братецъ, здравствуй!—веселымъ голосомъ привѣтствовалъ онъ меня, но, когда я подошелъ ближе, воскликнулъ:

— Какой же ты, братъ, худой! ужъ не умирать ли ты, Павлушка, къ намъ пріѣхалъ, смотри, не надѣлай намъ хлопотъ!..

Я постарался улыбнуться и сказалъ:

— Я, дяденька, былъ боленъ, лежалъ въ больницѣ, но теперь, слава Богу, совсѣмъ здоровъ.

Но Николай Гавриловичъ, продолжая смотрѣть на меня, неодобрительно качалъ головой. Потомъ, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, Аня, что онъ слабый.

— Ничего, поправится, я его молокомъ отпою,—увѣренно произнесла тетя Аня.

— Ну, а что это за куртка!—уже вставъ со стула и рванувъ меня за рукавъ, продолжалъ Николай Гавриловичъ:—неужели Нина, отсылая тебя къ намъ, не могла сдѣлать тебѣ лучшаго платья.

— У него, можетъ быть, есть новый костюмъ въ узелкѣ,—сказала тетя Аня.

Я отвѣтилъ, что моя одежда вся на мнѣ, а въ узлѣ только одна перемѣна бѣлья, а то все книги и гармоника.

— Это ужасно!—воскликнула тетя Аня:—не можемъ же мы тебя одѣвать и кормить все на эти несчастные двѣнадцать рублей, которыя намъ за тебя будетъ платить сестра Нина.

— Да еще заплатитъ ли!—ѣдко замѣтилъ Николай Гавриловичъ:—Нина мѣста еще не получила, оно ей только обѣщано.

Этотъ разговоръ огорчалъ меня, я стоялъ передъ ними съ опущенной головою, какъ виноватый, и только изрѣдка подлядывалъ въ отворенную дверь, не идетъ ли Соня.

Между тѣмъ Николай Гавриловичъ продолжалъ:

— Надѣюсь, Аня, что этого рванаго синьора мы не будемъ выдавать за нашего родственника?

— Между нами давно рѣшено, что мы будемъ выдавать Павлушу за сына нашей Андреевны,—сказала тетя Аня.

Едва успѣла она произнести эти слова, какъ на порогѣ появилась въ грязномъ платьѣ, съ засученными по локоть рукавами, высокая сѣдая старуха. Лицо у нея было злое и, обращаясь къ тетѣ Анѣ, она дерзко заговорила:

— Ишь, что выдумала, на старости лѣтъ меня срамить—чужого сына мнѣ прикидывать; я въ дѣвкахъ до шестидесяти пяти лѣтъ прожила и про меня никто худого слова не смѣлъ сказать, а тутъ наткося—Павлуша мой сынъ. Свои грѣхи на меня валите, и, подбѣжавъ къ Николаю Гавриловичу, старуха продолжала:

— Давай мнѣ расчетъ—не хочу у васъ жить! Я служу у васъ одной прислугой и только три рубля получаю, а меня намедни исправничиха перезывала, пять рублей сулила!

— Что ты, что ты, Андреевна, успокойся!—заговорили вмѣстѣ Николай Гавриловичъ и тетя Аня.—Если не хочешь выдавать Павлушу за своего сына, мы ему другую мать найдемъ,—и, подумавъ немного, тетя Аня уже заискивающимъ голосомъ начала:

— Что ты, няня, скажешь, если мы будемъ выдавать Павлушу за сына твоей покойной сестры Авдотьи,—она вѣдь была замужемъ.

— И сестрину память не хочу срамить,—уже безъ злобы сказала Андреевна и, подперевъ рукой свою щеку, продолжала:

— Ишь, какъ онъ вытянулся-то! только попомните мое слово, не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ!—и, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Небось, не знаешь, что я тебя за пазухой носила крестить въ чужой приходъ. Охъ, малецъ, лучше бы ты тогда померъ, чѣмъ на свѣтѣ такъ маяться... Мать я тебѣ крестная, вотъ я тебѣ кто,—да пущай!—махнула она рукой,—зови меня хоть крестной, хоть теткой—все равно!

И, уже обращаясь къ Николаю Гавриловичу, Андреевна спросила:

— За столъ съ собой будете Павлушу сажать, али онъ въ кухнѣ со мной будетъ обѣдать?

— Меня увольте отъ такого сосѣда,—брезгливо произнесъ Николай Гавриловичъ и пошелъ изъ столовой.

— Ты, няня, сама разсуди,—начала опять заискивающимъ голосомъ тетя Аня:—у насъ въ городѣ большое знакомство и, кажется, за Соню скоро посватается женихъ, офицеръ; если мы

посадимъ Павлушу съ нами за одинъ столъ, сейчасъ начнутъ спрашивать: кто этотъ мальчикъ?—а если онъ будетъ съ тобою въ кухнѣ обѣдать, тогда можно сказать, что онъ твой племянникъ. Только ты никому не проговорись...

— Да ужъ не заговаривай хоть мнѣ-то зубы!—сердито прервала ее Андреевна:—сами вы лучше лишняго не болтайте, да и Дарьѣ Львовнѣ закажи, чтобы она держала свой языкъ за зубами—у нея онъ съ дыркой: ужотко увидитъ Павлушу, всѣмъ его подноготную распишетъ!.. Пойдемъ, малецъ, со мной въ кухню, небось съ дороги ѣсть хочешь—я тебѣ вчерашнихъ щей разогрѣю.

— Ты его лучше чаемъ напой, вотъ чай и сахаръ,—крикнула намъ вслѣдъ тетя Аня.

— У меня и свой чай да сахаръ для него найдется,—ворчала Андреевна, входя въ кухню.

Послѣ всего, что я слышалъ и видѣлъ, я какъ-то сразу упалъ духомъ и теперь уже чувствовалъ себя больнымъ и несчастнымъ. Сначала я хотѣлъ спросить Андреевну, гдѣ Соня и какой офицеръ за нее сватается, но мысль, что Соня выйдетъ замужъ была для меня такъ непріятна, что объ этомъ заговорить у меня языкъ не поворачивался, и я только сказалъ Андреевнѣ, что я ѣсть не хочу и чтобы она не хлопотала разогрѣвать для меня щи.

— Да ты никакъ, малецъ, дремлешь,—замѣтила Андреевна:—поди лягъ на мою кровать да выспись, а потомъ мы вмѣстѣ и чай будемъ пить.

Я сейчасъ же воспользовался приглашеніемъ и ушелъ въ темный чуланъ, гдѣ стояла ея кровать; я долго плакалъ, не давая даже себѣ отчета, о чемъ я плачу, наконецъ заснулъ.

Меня разбудилъ громкій женскій голосъ, который говорилъ:

— Гдѣ же Павлуша, покажи скорѣй, Андреевна, мнѣ Павлушу!

Думая, что это говоритъ Соня, я поспѣшно всталъ съ кровати и вошелъ въ кухню, но, къ моему сожалѣнію, это оказалась не Соня, а тетя Даша...

Увидавъ меня, она бросилась ко мнѣ и начала цѣловать и въ то же время говорила:

— Ахъ, какъ ты похожъ на моего мужа! но только на тебя, Павлуша, я не сержусь; ты, конечно, не виноватъ, я тебя люблю, зови меня тетей Дашей, несчастной тетей Дашей!

Предоставивъ тетѣ Дашѣ мои щеки для поцѣлуевъ, я, хотя и слушалъ ее, но смысла ея словъ не понималъ, только успѣлъ замѣтить, что она бѣдно одѣта и лицо у нея грубое, а также, что она не похожа на барыню, какъ тетя Аня; когда же она повела меня въ садъ и, гуляя со мной по аллеѣ, начала бранить и проклинать тетю Нину за то, что она будто-бы погубила ее и разстроила ея семейную жизнь, то тетя Даша сдѣлалась мнѣ противна и я только и думалъ, какъ бы поскорѣй отъ нея уйти.

Когда мы вышли изъ аллеи, я вдругъ замѣтилъ на лугу общество изъ дамъ и офицеровъ. Двѣ молоденькія барышни въ соломенныхъ круглыхъ шляпкахъ, отдѣлившись отъ этого общества, играли съ однимъ офицеромъ въ крокетъ. Въ одной изъ этихъ барышень я узналъ Соню, и въ это же время тетя Даша говорила:

— Павлуша, посмотри на Соню, какая она кокетка, ей еще нѣтъ и шестнадцати лѣтъ, а она уже себѣ жениховъ ловитъ, не то, что моя Варя. Моя Варя красивѣе Сони...

Но я ее уже не слушалъ. Всѣ мои мысли были возлѣ Сони, мнѣ хотѣлось, чтобы она меня замѣтила и подошла ко мнѣ; для этого я опередилъ тетю Дашу и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ играли въ крокетъ. Теперь Соня не могла меня не замѣтить, и хотя она уже перестала играть и бросила взглядъ въ мою сторону, но ко мнѣ не подходила, продолжая весело болтать съ офицеромъ. Но зато ко мнѣ подошелъ Николай Гавриловичъ, и съ нимъ два маленькихъ мальчика, одинъ шести, а другой восьми лѣтъ; они оба были одѣты въ матросскіе костюмчики.

— Я тебѣ, Павлуша, хочу объяснить твои обязанности,—подойдя ко мнѣ, сказалъ Николай Гавриловичъ:—покамѣстъ ты слабъ и не можешь работать тяжелой работы, то займись съ нашими дѣтьми, будь для нихъ дядькой или нянькой, только не забудь, что они благородные и не сдѣлай изъ нихъ такихъ же мужиковъ или мастеровыхъ, какъ ты самъ.

Въ это время я замѣтилъ, что Соня оставила офицера одного и направляется въ нашу сторону и, когда она бѣжала, веселая, смѣющаяся, мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, она потому весела, что меня увидѣла. Эта мысль была такъ пріятна, что я даже не обидѣлся словами Николая Гавриловича и отвѣтилъ:

— Я дѣтей очень люблю и охотно присмотрю за вашими мальчиками.

Соня до насъ добѣжала, но подошла не ко мнѣ, а къ своему отцу и, лишь проходя мимо меня, кивнула головой и небрежно сказала:

— Здравствуй, Павлуша, какой ты сталъ худой!

Подойдя къ Николаю Гавриловичу, Соня съ оживленнымъ лицомъ начала ему говорить, что Константинъ Петровичъ предлагаетъ ей учиться верховой ѣздѣ подъ его руководствомъ и спрашиваетъ, согласенъ ли на это ея папа.

Я все еще думалъ, что Соня ко мнѣ подойдетъ, но она взяла отца подъ руку и, не оборачиваясь, пошла съ нимъ по аллеѣ; я остался одинъ съ мальчиками, которые уже дергали меня за платье и требовали, чтобы я игралъ съ ними въ лошадки.

Но мнѣ было не до игры. Я убѣжалъ въ темный чуланъ къ Андреевнѣ, чтобы спрятаться отъ всѣхъ людей, которыхъ въ эту минуту ненавидѣлъ!

XV.

Пока я жилъ въ мастерскихъ, я еще не зналъ, что могу быть такимъ обидчивымъ и самолюбивымъ, какимъ я сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ поселился у своихъ родственниковъ. Вѣроятно, отъ чужихъ людей несправедливыя нападки и обиды не такъ были для меня чувствительны, какъ отъ родныхъ; отъ послѣднихъ же меня все оскорбляло, не только слово, но и намекъ; я обижался и за себя и за тетю Нину, если родные о ней дурно говорили или упрекали ее въ томъ, что она мало присылаетъ за меня денегъ. Но больше всего меня обижало обращеніе со мной Сони, которую я больше всѣхъ любилъ и отъ которой многаго ожидалъ. Но мои ожиданія не сбылись: Соня, какъ я уже говорилъ, встрѣтила меня холодно и потомъ почти совсѣмъ на меня не обращала вниманія. Когда у нихъ не было никого постороннихъ, она еще разговаривала со мной и даже называла меня двоюроднымъ братомъ, но довольно было появиться кому-нибудь изъ гостей, особенно поручику Голубеву (тотъ самый офицеръ, который въ день моего пріѣзда игралъ съ нею въ крокетъ), какъ ея обращеніе со мной сейчасъ же мѣнялось и она начинала меня третировать такъ же, какъ и другіе. Сонино презрительное со мной обращеніе я теперь приписываю вліянію Голубева, которому я, видимо, не нравился, и онъ самъ всегда обращался со мной свысока. Для его характеристики я скажу только одно, что въ полку ему дано было прозвище «Маніакъ Величавый», но зато Голубевъ имѣлъ состояніе, былъ красивъ и въ X. считался завиднымъ женихомъ. Сонѣ онъ нравился, и тетя Аня ожидала со дня на день, что онъ сдѣлаетъ ея дочери предложеніе.

Я также не могъ заслужить (хотя и старался) расположеніе Николая Гавриловича: отъ него мнѣ другого имени не было, какъ «мужикъ» или «коробочникъ». Нужно сказать, что онъ былъ человѣкъ больше чѣмъ расчетливый и любилъ только тѣхъ людей, которые приносили ему очевидную пользу; я же, хотя и работалъ, но былъ слабъ здоровьемъ и не могъ, какъ онъ хотѣлъ, замѣнить ему дворника. Тетя Аня мнѣ часто высказывала, что если бы они раньше знали, что я такой слабосильный, они никогда бы не согласились взять меня къ себѣ. Они также упрекали меня и за мой, на ихъ взглядъ, большой аппетитъ. Нужно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ тетя Нина выслала мнѣ приличное платье, мнѣ было разрѣшено, когда не было гостей, обѣдать и пить чай за общимъ столомъ.

Чтобы не услышать нареканія, что я много ѣмъ, я стѣснялся при родныхъ ѣсть досыта. Даже мои маленькіе двоюродные братья, Саша и Петя, вѣроятно, наслушавшись, что говорятъ

обо мнѣ большіе, тоже часто упрекали меня, что я много ѣмъ и сижу на шеѣ у ихъ отца.

Между тѣмъ тетя Нина, послѣ смерти своего мужа и послѣдняго свиданія со мной въ больницѣ, видимо, начала заботиться обо мнѣ; по ея настоянію, я былъ опредѣленъ въ городское училище и, будучи достаточно уже подготовленнымъ, въ Человѣколюбивомъ обществѣ, поступилъ въ старшій классъ и усердно началъ заниматься. Кромѣ того, одинъ изъ посѣщавшихъ насъ офицеровъ снабжалъ меня книгами изъ полковой библіотеки.

Теперь я такъ полюбилъ чтеніе, что за книгами проводилъ цѣлыя ночи, пользуясь тѣмъ, что спалъ въ кухнѣ и Андреевна запасала для меня свѣчные огарки. Но вскорѣ умственный трудъ и безсонныя ночи неблагопріятно отозвались на моей разбитой головѣ—у меня снова начались нервныя головныя боли, отъ которыхъ я ужасно страдалъ. Я не любилъ, если въ это время со своими сожалѣніями ко мнѣ подходила тетя Даша. Признаюсь, я ее ненавидѣлъ за то, что она, при всякомъ удобномъ случаѣ, чернила мою мать; кажется, въ Х. не было ни одной кухарки, которая бы не была тетей Дашей посвящена въ нашу семейную тайну; но ея дочь, Варя, мнѣ нравилась—она казалась болѣе искренней, чѣмъ ея мать. Варя меня не любила и не скрывала этого и была недовольна, что сходство между мною и ею бросалось всѣмъ въ глаза. Варя, какъ и всѣ, ошибалась, думая, что въ городѣ никто не знаетъ, что я ихъ родственникъ. Благодаря болтовнѣ моихъ двухъ тетокъ, всѣ наши знакомые знали, чей я былъ сынъ; сосѣди же, видя, какъ я таскаю на дворѣ дрова или достаю изъ колодца ведрами воду, подходили ко мнѣ, высказывали участіе и осуждали Николая Гавриловича за то, что онъ держитъ племянника своей жены, такого же барина, какъ онъ самъ, въ черномъ тѣлѣ.

Мнѣ нравилось, когда сосѣди признавали меня бариномъ, и я старался быть на него похожимъ—перенималъ отъ офицеровъ ихъ манеры и разговоръ, и къ концу года уже всѣ говорили, что во мнѣ прежняго Павлушу трудно и узнать. Кромѣ того, отъ чтенія я умственно развивался; когда же у насъ собирались гости и заходилъ разговоръ о какомъ-нибудь историческомъ событіи, я, зная довольно порядочно русскую исторію, иногда осмѣливался вмѣшиваться въ разговоръ и поражалъ окружающихъ своею ученостью.

Въ это время Николай Гавриловичъ говорилъ:

— Каковъ сталъ у насъ коробочникъ! это я его обтесалъ.

Тетя Аня гордилась тѣмъ, что она меня отпоила молокомъ и я пополнѣлъ. Я уже начиналъ приноравливаться къ характеру всѣхъ окружающихъ, когда мой злой рокъ снова началъ меня преслѣдовать; разъ, катая въ салазкахъ по снѣгу моихъ двою-

родныхъ братьевъ, я такъ сильно простудился, что слегъ въ постель; температура у меня была высокая, и призванный докторъ нашелъ у меня плевритъ; когда же моя болѣзнь затянулась, докторъ объявилъ, что у меня чахотка.

Съ этихъ поръ моя жизнь у родственниковъ стала еще тяжелѣе. Николай Гавриловичъ былъ очень мнителенъ и страшно боялся смерти; услыхавъ, что у меня чахотка и при томъ еще скоротечная, прилипчивая, онъ испугался, какъ бы я ихъ не заразилъ.

Между тѣмъ для хроническихъ больныхъ въ X. не было больницъ, а на дворѣ у него не было такого зданія, чтобы меня можно было отъ всѣхъ отдѣлить. До сихъ поръ я спалъ въ кухнѣ, но теперь, чтобы чахоточныя бациллы не попали въ кушанье—меня устроили въ парадной прихожей, за шкапомъ, откуда черезъ тонкую перегородку я слышалъ, какъ Николай Гавриловичъ проклиналъ ту минуту, когда онъ взялъ меня въ домъ.

Мнѣ были даны отдѣльная тарелка и стаканъ; а когда мнѣ стало нѣсколько лучше, Николай Гавриловичъ, чтобы избавиться отъ меня, подъ предлогомъ, что мнѣ вредно сидѣть въ комнатѣ, гналъ меня на улицу, даже въ сырую погоду, при этомъ входъ въ ихъ комнаты и даже въ садъ, чтобы я не развелъ чахоточныя бациллы,—мнѣ былъ строго запрещенъ.

Во время моей болѣзни за мной ходила Андреевна; она не признавала никакихъ заразъ и злила Николая Гавриловича тѣмъ, что постоянно повторяла:

— Если Богомъ назначено кому помереть, то куда ни спрячься, хоть подъ горшокъ, а смерть тебя найдетъ!

Между тѣмъ предсказаніе доктора не сбылось: онъ говорилъ, что я умру черезъ шесть недѣль, а я еще раньше этого времени началъ поправляться. Николай Гавриловичъ мало-по-малу началъ успокаиваться, хотя еще долго, встрѣчаясь со мной, закрывалъ носъ и ротъ носовымъ платкомъ.

Когда настали снова теплые лѣтніе дни, вся наша семья, въ обществѣ офицеровъ и дамъ, часто каталась на лодкахъ и устраивала въ лѣсу пикники. Я одинъ съ Андреевной оставался дома. Читать книги я еще былъ слабъ—боялся, чтобы не вызвать чтеніемъ головныхъ болей, и въ это время моимъ единственнымъ развлеченіемъ было прійти въ кухню, къ Андреевнѣ, и поговорить съ ней о старинѣ. Я не скажу, чтобы Андреевна любила меня больше, чѣмъ остальныхъ членовъ нашей семьи. Нужно сказать, что всѣ въ домѣ, даже Николай Гавриловичъ, къ старухѣ относились хорошо.

Андреевна была крѣпостная моей бабки и вырастила на своихъ рукахъ ея трехъ дочерей: Анну, Дарью и Антонину. Послѣ уничтоженія крѣпостного права Андреевна не ушла отъ своей барыни и продолжала служить у нея попрежнему. Послѣ же ея смерти

перешла жить къ тетѣ Анѣ и у этой не только вынянчила дѣтей, но и завѣдывала всѣмъ домомъ.

Андреевна не сразу согласилась меня посвятить въ нашу семейную драму, о которой мнѣ уже такъ много намекала тетя Даша.

Старушка на мои просьбы сурово отвѣчала:

— Не гоже тебѣ, мальцу, про эти дѣла знать,—или же говорила:—Не тебѣ, сыну, судить отцовскіе грѣхи!

Но разъ, когда тетя Даша при ней и при мнѣ начала обвинять тетю Нину за то, что та отняла отъ нея мужа, Андреевна вышла изъ себя и сказала:

— Ты въ своемъ несчастьи не Антонину, а себя вини,—Антонинѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, а тебѣ двадцать пять, не молоденькая ты была, могла присмотрѣть за младшей сестрой и не давать ее въ обиду своему мужу!

И когда я остался одинъ съ Андреевной, то съ отчаяньемъ сказалъ:

— Кто же мнѣ скажетъ правду про моего отца и про мою мать!

Андреевна взглянула на меня и угрюмо произнесла:

— Ужъ такъ и быть, малецъ, разскажу я тебѣ всю подноготную, по крайности отъ меня ты узнаешь всю правду!

И, сѣвъ со мною въ кухнѣ у стола, Андреевна начала свой разсказъ:

XVI.

Бабушка твоя, Авдотья Степановна Губина, жила въ своей деревнѣ Малиновкѣ и имѣла пятьдесятъ душъ. Овдовѣла она еще не старая—сорока лѣтъ, и осталась послѣ смерти мужа съ тремя дочерьми. Старшей, Аннѣ Львовнѣ, шелъ восемнадцатый годъ и, когда ея отецъ померъ, она еще была въ институтѣ. Другія двѣ дочери жили при матери: Дарьѣ шелъ шестнадцатый, а Антонинѣ шестой годъ. У нашей барыни послѣ мужа большихъ денегъ не осталось, а если какія и были, то она ихъ всѣ порастрясла на приданое старшей дочери. Анна Львовна и въ дѣвицахъ себя въ обиду не давала,—бывало, скажетъ:

— Когда мнѣ, маменька, женихъ найдется, вы должны наградить меня больше, чѣмъ остальныхъ дочерей, я вѣдь старшая и, если вы за мной дадите хорошее приданое, тогда и другія мои сестры въ дѣвкахъ не засидятся.

Анна Львовна живо себѣ жениха нашла. Николай Гавриловичъ тогда становымъ служилъ и зналъ лучше нашей барыни, сколько у насъ было десятинъ земли, и кругомъ ее обобралъ.

Барыня ужъ потомъ спохватилась, что за старшей дочкой въ приданое дала и крестьянъ и земли больше, чѣмъ у самой оста-

лось. Когда мать начала пенять старшей дочери, у той на все былъ одинъ отвѣтъ:

— Я старшая дочь—мнѣ больше и надо.

Но все-таки Анну Львовну Богъ наказалъ за ея жадность. Первыми родами она двое сутокъ мучилась, и ребенокъ у нея не живой родился. А мы съ барыней и съ двадцатью пятью душами, слава тебѣ Господи, жили, хоть и небогато, а сыто: у другихъ помѣщиковъ дворовые люди ѣли хлѣбъ съ мякиной; а у нашей барыни хлѣбъ былъ всегда хорошій, и всю зиму мы хлебали щи съ солониной.

А ужъ меня за то, что я всѣхъ ея дѣтей вынянчила, барыня такъ берегла, что отъ своего рта сладкій кусокъ отнимала и его мнѣ отдавала. Барыня не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ своимъ крестьянамъ была добрая: собственноручно никого не била, развѣ только горничныхъ за косы, бывало, оттаскаетъ, если онѣ заданныхъ саженей нитокъ на чулкахъ не свяжутъ. Мужики же и бабы всегда шли къ барынѣ, какъ къ матери родной; она была у насъ не гордая и лечила ихъ; больные зубы молитвой заговаривала; а лихорадку, трясучку, выгоняла клопомъ живымъ: поймаетъ потихоньку живого клопа, завернетъ его въ мякишъ и дастъ больному проглотить—и болѣзнь какъ рукой сниметъ.

Такъ мы жили, пока нашъ лакей Максимка изъ бѣговъ не вернулся; убѣжалъ онъ еще при покойномъ баринѣ, тотъ хотѣлъ его за кражу выдрать. Три года Максимка пропадалъ и теперь, когда вернулся, то барынѣ въ ноги повалился и такъ ее своимъ языкомъ разжалобилъ, что барыня его даже высѣчь не приказала.

Въ бѣгахъ Максимка научился разному мастерству, былъ и столяръ, и слесарь, и даже женскія платья брался перешивать, за то и барынѣ понравился; чуть что ей понадобится, сейчасъ и кричитъ: «Бѣгите за Максимушкой, вы всѣ безъ него ничего не сумѣете сдѣлать».

И такъ Максимка подольстился къ нашей барынѣ, что для нея лучше его человѣка не стало, и ему барыня совсѣмъ еще хорошее пальто покойнаго барина подарила, а затѣмъ въ скорости надъ мужиками его и старостой поставила. Нашимъ мужикамъ стало обидно, что на нихъ Максимка прощалыга какъ баринъ покрикиваетъ, даже за бороды ихъ началъ таскать и такими поборами обложилъ, о которыхъ и барыня не знала.

Разъ въ храмовой праздникъ Максимка во хмелю началъ передъ мужиками похваляться милостями нашей барыни и про нее такое сморозилъ, что ему бы за это рыжему псу и въ Сибири мѣста мало.

Услыхала я и побѣжала въ комнаты: такъ и такъ, говорю, сударыня; а барыня ни единому моему слову не повѣрила.

— Ты, говоритъ Паша, кого не взлюбишь, то этого человѣка готова въ ложкѣ воды утопить.

Обидно мнѣ стало, залилась я слезами и говорю:

— Попомните, барынька, мое слово, что Максимка насъ всѣхъ погубитъ..

Такъ по-моему и вышло—мы изъ-за Максимки и нашего рая Малиновки, лишились.

Когда царь всѣмъ крестьянамъ далъ волю, мужики Максимку перестали бояться и за всѣ его неправды разъ такъ отдули, что его на нашъ дворъ принесли на носилкахъ.

Когда Максимка отлежался, то на нашихъ мужиковъ началъ барынѣ наговаривать, будто они хотятъ ее съ дѣтьми убить и все ея село до тла сжечь, и совѣтовалъ какъ можно скорѣй переѣхать на житье въ городъ. Перепугалась наша барыня и сейчасъ же заторопилась укладывать на подводы вещи, и въ эту же ночь мы ихъ отправили въ городъ, а утромъ барыня съ дѣтьми и со мной сѣла въ бричку, и мы выѣхали изъ Малиновки.

Встрѣчавшіеся намъ мужики снимали передъ барыней шапки, бабы ей низко кланялись; а барыня, когда видѣла нашихъ мужиковъ, со страху тряслась и приказывала кучеру гнать лошадей во всю мочь.

Я же, по своей деревнѣ, сидя въ бричкѣ, слезами заливалась; а наши барышни радовались, что ѣдутъ на житье въ городъ. Дарья Львовна думала, что въ городѣ къ ней скорѣе женихъ посватается. Лицомъ она не была такая красавица, какъ ея старшая сестра Анна или младшая Антонина. И не однимъ только лицомъ наша Дарья Львовна не вышла, она была и не хозяйственна и не рукодѣльна и такъ же, какъ теперь, только бы ей побольше покушать да поспать... Младшихъ двухъ барышень мы и учили мало. Одно время жила у насъ гувернантка и то потому, что ей ея господа, наши сосѣди, отказали. Моя барыня съ ней въ церкви познакомилась и у себя на время приголубила. Когда эта гувернантка отъ насъ уѣхала, барыня своихъ дочерей учить больше не захотѣла.

— Я, говоритъ, и сама была не ученая, а за штабсъ-капитана замужъ вышла.

Антонину мы хоть и мало учили, а только она на все была шустрая—на каждое вязанье только, бывало, взглянетъ, сейчасъ же пойметъ. Антонина и маленькая была боецъ: бывало, гулять съ ней пойду и не успѣю оглянуться, а ея уже и слѣдъ простылъ; тогда и ищи ее или на деревѣ, или на заборѣ, а то запряжетъ деревенскихъ мальчиковъ въ ихъ же кушаки и, погоняя ихъ кнутомъ, мчится вдоль улицы...

Съ первыхъ же дней, какъ мы переѣхали въ городъ, моя милая барыня отъ скуки мѣста себѣ не находила.

Малиновскіе же мужики насъ и въ городѣ нашли и начали въ базарные дни къ намъ заѣзжать. Всѣ они къ своей барынѣ относились съ почтеніемъ, а другіе даже привозили намъ и деревенскихъ гостинцевъ. Тогда барыня увидѣла, что Максимка намъ про мужиковъ навралъ и только попусту согналъ насъ съ насиженнаго гнѣзда. Своимъ же мужикамъ наша барыня, бывало, не нарадуется—водкой, чаемъ и́хъ поила и ни единый отъ насъ голоднымъ не ушелъ. Бывало, наши мужики у насъ въ кухнѣ обѣдаютъ, а барыня къ нимъ выйдетъ, сядетъ рядышкомъ и про свою Малиновку съ ними говоритъ, не наговорится, и навѣрно мы давно бы уѣхали назадъ въ свою деревню, если бы нашимъ барышнямъ ужъ очень городъ не полюбился; у Дарьи Львовны даже сонъ въ городѣ пропалъ,—по цѣлымъ днямъ по бульварамъ и садамъ бѣгала и младшую сестру вездѣ съ собой таскала.

Антонинѣ тогда шелъ четырнадцатый годъ и она была выше старшей сестры цѣлой головой и, должно быть, въ городѣ ей про ея красоту много напѣвали: дома она отъ зеркала не отходила.

У обѣихъ нашихъ барышень только и дѣла было, что прически себѣ разныя придумывать и новыя шляпки да бантики примѣрять, а вотъ свои отрепанные подолы онѣ никогда, бывало, не подошьютъ, все на меня надѣялись; я же должна была и кушанье готовить, и комнаты убирать, а жалованье мнѣ и послѣ воли не шло—барыня говорила, что я дворовая и должна даромъ два года у нея жить. Хваленый же ея Максимка былъ взятъ у насъ за лакея служить, и жалованье ему отъ барыни шло, а въ городѣ работы отъ него уже никакой не было, только любилъ въ лавки за покупками бѣгать и, бывало, въ деньгахъ всегда недочетъ: то ихъ потеряетъ, то лавочникъ ему не додастъ...

У насъ въ городѣ и сосѣди были нехорошіе, все на смѣхъ насъ поднимали: барыню они осуждали за то, что она своихъ дочерей по садамъ и бульварамъ безъ себя пущаетъ гулять. Наши же барышни мать не слушались: онѣ безъ спроса и кавалеровъ къ намъ въ домъ приглашали. Сначала одного офицера привели, барономъ его звали. Изъ себя баронъ былъ бѣлобрысенькій и не изъ богатыхъ. Когда онъ повадился къ намъ ходить, то все норовилъ попасть къ нашему обѣду. Прежде мы думали, что баронъ хочетъ жениться на Дарьѣ Львовнѣ, и изъ-за этого мы его и прикармливали; а тутъ вышло совсѣмъ другое.

Разъ баронъ признался барынѣ:

— Я, говоритъ, влюбившись въ вашу дочь Антонину; пускай она дастъ мнѣ свое слово, а я ее два года подожду—у насъ въ Нѣметчинѣ женихи невѣстъ ожидаютъ по десяти лѣтъ.

Барыня пришла ко мнѣ въ кухню скучная-прескучная и говоритъ:

— Вѣрно, Паша, мы нашу Дарью Львовну замужъ и въ городѣ не выдадимъ, останется она у насъ на рукахъ.

Вдругъ Дарья Львовна такого себѣ жениха подцѣпила, что мы даже ахнули.

Разъ ставлю я въ кухнѣ самоваръ и, зыркъ въ окно, вижу, наши барышни съ прогулки идутъ, а съ ними баронъ и еще какой-то баринъ въ енотовой шубѣ.

Я бѣгу къ барынѣ; а та уже раньше меня въ окно гостя увидѣла и сама уже кричитъ:

— Паша, подай мнѣ шаль.

Пока я ходила за шалью, новый баринъ вошелъ въ комнаты; Максимка снялъ съ него шубу и за это получилъ цѣлковый.

Я еще тогда подумала, что даромъ рубли никто не бросаетъ и этотъ баринъ навѣрно будетъ женихомъ нашей Дарьи Львовны.

Когда же я осталась одна въ кухнѣ, ко мнѣ прибѣжала Антонина, вся раскраснѣвшись.

— Няня,—сказала барышня:—какъ жалко, что мнѣ года еще не вышли—Межуевъ на мнѣ навѣрно бы женился; онъ маменькѣ сейчасъ сказалъ, что такой красавицы, какъ я, онъ еще никогда не видывалъ.

А я ей на это и говорю:

— Твое, воструха, еще время не ушло, пущай старшая сестра прежде тебя выходитъ замужъ, ей будетъ стыдно, если ты, младшая, выйдешь, а она въ дѣвкахъ останется.

Всѣ въ городѣ говорили, что Межуевъ баринъ богатый, и мы были радешеньки, когда онъ за нашу Дарью Львовну посватался.

Только я въ скорости замѣтила, что онъ льнулъ не къ своей невѣстѣ, а къ Антонинѣ, и по темнымъ уголкамъ чаще сидѣлъ съ ней, чѣмъ съ Дарьей Львовной.

Это же самое замѣтилъ и баронъ. Бывало, онъ, сердечный, придетъ ко мнѣ въ кухню и на Антонину со слезами жалится, что она на него не смотритъ, а все разговариваетъ съ Межуевымъ.

Я его бывало и утѣшу:

— И, милый, скажу, служи хорошенько въ полку да денегъ на приданое Антонинѣ запасай, а она отъ тебя не уйдетъ...

Когда Дарья Львовна съ Межуевымъ вѣнчалась, Антонина была въ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ, а въ рукахъ она держала букетъ изъ свѣжихъ розъ. Въ церкви народъ не на невѣсту, а на нее любовался, и въ одинъ голосъ всѣ говорили, что лучше бы рядомъ съ Межуевымъ не Дарью Львовну, а ее поставить, тогда была бы ихъ пара. На другой день послѣ свадьбы, когда молодые уѣзжали въ свое имѣнье, они звали съ собой и Антонину, но та чего-то раскапризилась и съ молодыми не поѣхала.

Послѣ свадьбы своей второй дочери барыня хотѣла сейчасъ же уѣхать назадъ въ Малиновку. Вдругъ наша Антонина заартачилась:

— Я, говоритъ, не хочу свою красоту похоронить въ деревнѣ, лучше я къ сестрѣ Дашѣ поѣду; меня и Петръ Георгіевичъ давно приглашаетъ къ нимъ жить.

Антонина хотѣла, чтобы я ее довезла до Межуевыхъ; моя же барыня безъ меня остаться съ Максимкой побоялась; теперь она знала, что онъ воръ.

— Боюсь, говоритъ, Паша, я остаться одна съ Максимкой не обокралъ бы онъ меня. Я давно замѣчаю, что у меня изъ комода деньги пропадаютъ.

Поговорили мы между собой и рѣшили отправить Антонину одну съ ямщикомъ. Да и чего намъ было за нее бояться, ямщикъ намъ былъ знакомый, ѣхать до села Межуева приходилось всего тридцать верстъ и ѣхала барышня не въ чужой домъ, а къ своей родной сестрѣ.

XVII.

Когда мы свою барышню отправили къ Межуевымъ, то сейчасъ же послали наказъ и къ нашимъ мужикамъ, чтобы тѣ прислали подводы подъ наши вещи.

Максимка увидѣлъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ перебираемся въ Малиновку; обозлившись, пришелъ къ барынѣ и объявилъ, что онъ ей больше не слуга и отъ нея уходитъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день онъ забралъ свои вещи и ушелъ.

Когда же мы уложились, то стали поджидать подводы; а вмѣсто ихъ изъ деревни намъ вѣсть пришла, что нашъ господскій домъ до тла сгорѣлъ и что накавунѣ пожара одна баба Максимку видѣла, какъ онъ въ сумерки ходилъ по господскому двору.

Барыня отъ огорченія такъ захворала, что у нея сразу ротъ на сторону скривился, и потомъ она больная нѣсколько мѣсяцевъ въ постели пролежала и каждый-то день она меня просила свезти ее помирать въ нашу Малиновку. Только, слава Богу, моя милая барыня поправилась и хоть ротъ у нея и остался кривоватъ, но она уже начала и въ церковь выходить, когда пришло письмо отъ Антонины, что она ни минуты не хочетъ оставаться у Межуевыхъ и чтобы мать за ней не медля пріѣзжала.

Мы думали, что Антонина повздорила съ сестрой изъ-за какихъ нибудь пустяковъ.

Барыня хотѣла ей отвѣтить, чтобы она не капризилась—жила у зятя, а потомъ надумала сама поѣхать къ Межуевымъ — посмотрѣть, какъ живутъ молодые, но прежде о своемъ пріѣздѣ ихъ письмомъ увѣдомила.

На станціи Межуевъ самъ насъ встрѣтилъ и сейчасъ же пересадилъ мою барыню изъ кибитки въ свой экипажъ и до села я уже одна съ ямщикомъ доѣхала. Вижу, домъ у Межуева большой

и постройки кругомъ хорошія, кухня на дворѣ. Я въ кухню и вошла.

Во всю свою жизнь я, кажется, столько сраму не перетерпѣла, какъ тогда въ этой кухнѣ отъ межуевской прислуги. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что наша Антонина отбила у своей сестры мужа и что онѣ обѣ тяжелыя.

Невмоготу мнѣ стало слушать людскія сплетни, побѣжала я въ господскій домъ, чтобы собственными глазами взглянуть на Антонину.

Въ угловой комнатѣ сидѣла моя барыня съ обѣими дочерьми. Дарья Львовна плакалась на сестру, что та еще раньше ея замужества отбила отъ нея Межуева и что онъ еще женихомъ ее просилъ уговорить Антонину жить вмѣстѣ съ ними. Я слушала ихъ и глазъ не спускала съ Антонины; за это время она вытянулась, только въ ея лицѣ не стало ни кровинки, глаза еще больше сдѣлались и словно два угля горѣли. Тутъ вдругъ Антонина меня увидѣла и какъ бросится ко мнѣ.

— Нянюшка милая, зачѣмъ ты со мной не поѣхала, зачѣмъ отъ злодѣя не уберегла...

Зятекъ же нашъ въ это время, чтобы тещу развеселить, набралъ въ залу деревенскихъ дѣвокъ и парней; а самъ въ бархатной поддевкѣ и красной шелковой рубашкѣ вбѣжалъ къ намъ.

— Пойдемте, говоритъ, маменька, послушайте моихъ пѣсенниковъ.

Моя же барыня поднялась съ кресла и вдругъ стала такая важная, какой я ее еще никогда не видала.

— Прежде, говоритъ, сударь, чѣмъ я пойду слушать вашихъ пѣсенниковъ, давайте мнѣ отчетъ въ горькихъ слезахъ моихъ обѣихъ дочерей.

А Межуевъ взглянулъ на нее, да какъ прыснетъ со смѣху.

— Мерзавецъ!—крикнула на него барыня:—знаешь ли ты, что тебѣ будетъ за мою погубленную малолѣтнюю дочь.

Межуевъ на минуту пересталъ смѣяться.

— Вы, маменька, говоритъ, лучше, чѣмъ меня пугать, уговорите Дашу дать мнѣ разводъ; а я хоть сейчасъ готовъ жениться на Антонинѣ.

— Я не хочу за тебя выходить, я тебя ненавижу!—закричала Антонина.

Межуевъ съ минуту постоялъ, посмотрѣлъ то на одну, то на другую и опять, прыснувъ со смѣху, убѣжалъ изъ комнаты.

Послѣ этого моя барыня до того плакала, что ей сдѣлалось худо, и я боялась, какъ бы она опять не занемогла. Тутъ и ночь подошла, свою Божью старушку я раздѣла и въ постель уложила. Одѣяла у Межуева были шелковыя, стеганыя, простыни изъ гол-

ландскаго полотна; на такой-то постелькѣ моя барынька не долго ворочалась—заснула.

Заснула крѣпко и Дарья Львовна, только моя безсчастная Антонина всю ноченьку глазъ не сомкнула; меня уложила на свою постель, и я ночью, какъ ни открою глаза, а она, не раздѣваясь, въ своемъ черненькомъ платьицѣ по комнатѣ, словно маятникъ, взадъ и впередъ ходитъ и всю ночь такъ и проходила.

Утромъ мы узнали, что Межуевъ ночью уѣхалъ, а куда—никто не зналъ.

На четвертый день Дарья Львовна письмо отъ мужа получила. Онъ писалъ, что только тогда въ свой домъ вернется, когда Дарья уступитъ въ немъ свое мѣсто Антонинѣ, до тѣхъ поръ чтобы его не ждали.

Дарья Львовна прочитала письмо и слезами залилась.

— Какъ, говоритъ, я могу ему дать разводъ, когда мнѣ и самой на дняхъ родить.

И не прошло послѣ этого и недѣли, какъ Богъ послалъ ей дочку.

Въ это же время мы съ барыней надумали начать лечить Антонину, но сначала я распустила слухъ, что больная Дарья Львовна призналась матери, что она въ сердцахъ на мужа сестру оболгала и что теперь Антонина отъ больной сестры ни на шагъ не отходитъ и даже у нея дочь крестила; а сама я затяну Антонину въ корсетъ и на нее дворовымъ людямъ и показываю.

— Смотрите, говорю, какая тонкая талія у моей барышни, и— прости Господи мое прегрѣшеніе—сколько разъ я со стѣны образъ снимала и его при людяхъ цѣловала, чтобы свою барышню изъ бѣды выгородить; а тутъ, на наше счастье, Антонина и простудилась—начала кашлять; мы за докторомъ послали, а потомъ разсказывали, что докторъ велѣлъ нашей Антонинѣ не выходить изъ комнаты.

Въ это же время я бѣгала по окружнымъ деревнямъ, разыскивала знахарокъ; а эти знахарки надъ нашей барышней чего только не дѣлали: на животъ ей каменья клали, въ банѣ, взявши ее за ноги, съ полка головой внизъ встряхивали и такое ей давали питье, что потомъ ее всю сводило; разъ мы ее такъ замучили, что она цѣлый часъ обмерши лежала, думали, померла, наконецъ пришла въ себя и говоритъ:

— Маменька, не мучайте вы меня больше, пусть со мною будетъ, что Господу угодно.

А мы съ барыней все-таки думали, что послѣ всего, что мы надъ Антониной продѣлали, младенецъ у нея долженъ родиться мертвымъ...

Мы уже начали собираться домой, когда въ село Межуева наѣхали чиновники, а съ ними и купецъ. Они по всѣмъ комнатам походили и потомъ уѣхали.

Между крестьянами прошелъ слухъ, что село Межуевское скоро за долги будетъ продаваться; а самъ Межуевъ будто купилъ въ таборѣ цыганку и укатилъ съ ней въ Петербургъ. Своей же женѣ онъ опять прислалъ письмо, гдѣ увѣдомлялъ, что имѣніе продалъ, и приказывалъ, чтобы она со своей родней убиралась изъ дома куда хочетъ.

Межуевскіе мужики любили Дарью Львовну; она съ крестьянами, какъ и наша старая барыня, была не гордая, разговорчивая, и, когда до мужиковъ дошелъ слухъ, что ихъ бывшій баринъ приказалъ женѣ изъ своего села убираться вонъ, они собрались на господскій дворъ, вызвали на крыльцо Дарью Львовну и сказали:

— Не плачь, барыня, мы уже міромъ порѣшили построить тебѣ избу и купить корову.

Дарья Львовна поблагодарила мужиковъ, поклонилась имъ въ поясъ и, обливаясь слезами, пошла въ комнаты.

А съ нами опять бѣда стряслась; Антонина прежде времени тебя родила. Родился ты наканунѣ зимняго Павла, и такой былъ слабый, что еле дышалъ; чтобы тебѣ не дать помереть не крещеному, я прочитала надъ тобой молитву и назвала Павломъ. Когда я поднесла тебя къ твоей матери, она и взглянуть на тебя не захотѣла.

— Прочь, прочь,—говорила она:—унесите его отъ меня—не хочу его видѣть.

По правдѣ сказать, тогда мы всѣ хотѣли, чтобы ты померъ, и думали, что къ утру навѣрно скончаешься, а когда утро пришло и ты былъ живъ, мы рѣшили, что я снесу тебя потихоньку отъ дворовыхъ окрестить въ чужой приходъ, за пятнадцать верстъ.

Надѣла я на себя нагольную шубу, положила тебя къ себѣ за пазуху, и перекрестившись на образа, хотѣла уже итти, когда ко мнѣ подошла старая барыня и ласково сказала:

— Вотъ, Пашенька, хорошо бы было, если бы ты его по дорогѣ кому-нибудь изъ мужиковъ подкинула.

Я видѣла, что имъ обѣимъ хотѣлось отъ тебя отдѣлаться; а мнѣ вдругъ жалко тебя стало. Пойду, думаю, приведу его въ христіанскую вѣру, и захватила для тебя въ пузырекъ молочка, чтобы по дорогѣ погрѣть его во рту и тебя чрезъ рожокъ напоить. На дворѣ въ этотъ день большущій былъ морозъ; чтобы мнѣ вмѣстѣ съ тобой не замерзнуть, я почитай всю дорогу бѣгомъ бѣжала; бѣгу, а самой вдругъ страшно станетъ, не лежитъ ли у меня за пазухой мертвый младенецъ. Наконецъ прибѣжала на погостъ и прямо къ попу; а онъ старый и сурьезный; я начала ему разсказывать, что моя племянница тебя въ дѣвкахъ родила.

Попъ смотритъ на меня такъ пронзительно и говоритъ:

— Грѣхъ священнику лгать, говори правду, чей этотъ младенецъ?

И такъ-то онъ эти слова строго сказалъ, что я ему какъ на духу всю правду и разсказала.

Послѣ этого попъ тебя окрестилъ, и воспріемниками при купели были: я и церковный сторожъ Николай, за это онъ у меня тогда еще двугривенный выпросилъ.

Когда я внесла тебя опять къ твоей бабушкѣ и матери, онѣ обѣ на меня накинулись, зачѣмъ я тебя опять назадъ къ нимъ принесла. Тутъ злость меня на нихъ взяла.

— Не задушить же мнѣ его было,—сказала я.

— Ты зачѣмъ его по дорогѣ какому-нибудь мужику не подкинула,—сердилась барыня.

— Да какъ же я могла его подкинуть, если уже попу извѣстно, чей онъ сынъ. И тутъ я показала имъ твою метрику, которую тогда же мнѣ попъ и написалъ.

Прочитали онѣ ее, да какъ обѣ вмѣстѣ ахнутъ! Въ метрикѣ стояло, что ты сынъ дѣвицы, дочери штабсъ-капитана Антонины Львовны Губиной.

На тебя Антонина такъ разсердилась, что наотрѣзъ отказалась кормить тебя своей грудью, и мы со старой барыней рѣшили растить тебя на рожкѣ, а для того, чтобы изъ дворовыхъ никто не догадался, что ты на свѣтъ родился, твоя бабушка всѣмъ разсказывала, что посылаетъ меня раньше себя въ Малиновку.

Я же выбрала ночку потемнѣе, положила тебя опять за пазуху и ушла изъ Межуевскаго села. Подводу наняла только за десять верстъ и въ чужой деревнѣ. Вѣрно, правду говорится, что «хорошая слава подъ лавкой лежитъ, а худая—далеко бѣжитъ», такъ случилось и съ нашей барышней

Когда я пришла въ Малиновку, тамъ уже вся деревня всю подноготную знала и, когда увидѣли, что я пришла не одна, а съ тобой, всѣ въ одинъ голосъ сказали, чей ты сынъ. Когда я бабамъ разсказала, что родная мать тебя не хочетъ своей грудью кормить, бабы тебя очень пожалѣли и у которыхъ были свои грудные ребята, обѣщались мнѣ хоть разъ въ день приходить и тебя кормить.

Въ Малиновкѣ намъ всѣмъ жилось хорошо: мужики свою прежнюю барыню уважали; бывало, дровецъ намъ изъ лѣсу привезутъ и каждый день отъ нашей избы снѣжные сугробы отметали, а также ни масла, ни яицъ мы не покупали—намъ все это, какъ и въ крѣпостное время, бабы приносили. Старая барыня попрежнему мужиковъ лечила и рубахи имъ шила и чулки вязала; одна только наша барышня ото всѣхъ себя особнякомъ держала, сначала все плакала, а потомъ счеты въ лавкѣ достала и все на нихъ щелкала. У старой же барыни только и разговору было, какъ бы ей зятя-лиходѣя извести; одинъ разъ говорила, что она на него губернатору прошеніе напишетъ, другой разъ—къ царю и, когда

писала письма къ Дарьѣ Львовнѣ, и ту пугала, что ея мужа за то, что погубилъ малолѣтнюю Антонину, она въ Сибирь упрячетъ.

Дарья Львовна испугалась за своего мужа и къ матери слезное письмо написала:

«Не подавайте, молъ, прошенія на моего мужа, онъ теперь ко мнѣ вернулся, и мы живемъ съ нимъ хорошо; а если сестра Антонина несчастна и плачетъ, то она сама виновата въ своемъ несчастьи—не нужно ей было отбивать мужа отъ сестры».

Послѣ этого письма моя барыня еще больше обозлилась, зачѣмъ Дарья Львовна обвинила не своего мужа, а нашу Антонину, и опять къ ней письмо послала и въ этотъ разъ даже прилгала, что на зятя губернатору она уже подала прошеніе... А ты за это время у шести-то мамокъ такой сталъ крѣпышъ, что на тебя всѣ бабы любовались. Къ нимъ кормить я тебя носила въ другую избу, чтобы ни твоя мать, ни бабушка не видали: обѣ онѣ думали, что ты растешь на коровьемъ молокѣ и, — вѣчная память моей старой барынѣ,—только она передъ Господомъ Богомъ дастъ за меня отвѣтъ,—часто дочерній грѣхъ на меня сваливала и приплетала Максимку мнѣ въ полюбовники.

Такъ жили мы мѣсяца два, и вдругъ Антонина заговорила, что хочетъ уѣхать въ Петербургъ.

— Вы, говоритъ, маменька съ няней и Павлушей здѣсь живите, а я уѣду въ Петербургъ, поступлю на мѣсто и буду каждый мѣсяцъ высылать вамъ деньги.

Только Господь все устроилъ не такъ, какъ она думала.

Это было зимой, и вечеромъ въ избѣ у насъ было холодно; старая барыня озябла и влѣзла на печку погрѣться; я сидѣла на сундукѣ, тебя въ люлькѣ качала, Антонина сидѣла на лавкѣ, передъ ней на столѣ горѣла свѣчка, и она, какъ всегда, что-то на счетахъ считала. Вдругъ, слышимъ, колокольчикъ; я Антонинѣ и говорю:

— Не къ намъ ли, барышня, гости ѣдутъ?

Она покачала головой и, вздохнувши, сказала:

— Нѣтъ, няня, это не къ намъ, насъ люди всѣ забыли.

А колокольчикъ все ближе и ближе,—трахъ! возлѣ нашей избы и замолчалъ. Антонина сразу, какъ писчая бумага, побѣлѣла вскочила съ лавки и бросилась къ окну, а сама мнѣ шепчетъ:

— Няня, это, вѣрно, баронъ, это онъ пріѣхалъ!

Окно было замерзши, и мы обѣ въ него ничего не разсмотрѣли. Тогда Антонина подбѣжала къ печкѣ и начала мать будить.

— Маменька, вставайте, никакъ къ намъ баронъ, Иванъ Карловичъ пріѣхалъ! — и зыркъ въ это время на твою люльку, да какъ всплеснетъ руками, да ахнетъ.

— А мальчишка-то!—и тутъ взмолилась она мнѣ.—Няня, голубушка, дорогая, унеси ты его поскорѣй хоть въ другую избу.

Унести тебя я не успѣла, дверь распахнулась, и въ избу, весь запорошенный снѣгомъ, въ енотовой шубѣ, вбѣжалъ Межуевъ.

Когда онъ увидѣлъ Антонину, то бросился къ ней и началъ ее обнимать; а та отъ него вырвалась, схватила со стола счеты, да какъ въ него пуститъ, а сама за меня схоронилась и дрожитъ, какъ осиновый листъ.

Счетами Антонина только Межуеву плечо задѣла; онъ поднялъ ихъ и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Нехорошо, барышня, такъ сердиться, вѣдь я только за вами и пріѣхалъ, поѣдемте вмѣстѣ въ Петербургъ, хочу свезти васъ повеселиться.

Въ это время старая барыня уже слѣзла съ печки.

Антонина отъ меня къ ней бросилась.

— Маменька,—закричала она:—защитите меня, выгоните его вонъ!

Тутъ старая барыня къ затю.

— Ты, гость непрошенный, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ? Знаешь ли ты, что тебѣ въ Сибири мало мѣста и что я на тебя губернатору прошеніе подала.

Межуевъ, въ шубѣ и шапкѣ, сѣлъ на лавку и учтиво съ тещей заговорилъ:

— Вы, маменька, чѣмъ срамить меня и вашихъ обѣихъ дочерей, возьмите лучше назадъ ваше прошеніе и уговорите Дашу дать мнѣ разводъ; а я жену и свою дочь хорошо обезпечу и женюсь на Антонинѣ...

— Ахъ, злодѣй, ахъ, разбойникъ!—бѣгая по избѣ, кричала барыня:—что онъ выдумалъ! обижать свою законную жену; да за нее всѣ дворяне заступятся, а твое мѣсто въ Сибири!

Межуевъ поднялся съ лавки, взглянулъ на Антонину и спросилъ:

— Ну, а теперь ваше, барышня, какое мнѣ будетъ послѣднее слово?

— Вонъ, вонъ, вонъ!—замахала на него руками Антонина.

— Въ Сибири сгніешь, въ Сибири!—подскочивши къ зятю, кричала и старая барыня.

Межуевъ посмотрѣлъ сначала на одну, потомъ на другую, ехидно улыбнулся и сказалъ:

— Охъ, сударыни вы мои, не сгнить бы вамъ обѣимъ раньше меня,—и, сказавши эти слова, онъ быстро пошелъ къ двери и уже съ порога крикнулъ:

— Я тутъ, маменька, въ избѣ рядомъ съ вами переночую. Покойной ночи вамъ, маменька и сестрица!

Когда за нимъ затворилась дверь, вся удаль моей барыни пропала, подбѣжала къ Антонинѣ, обняла ее, да какъ въ голосъ заплачетъ:

— Безсчастное ты мое, загубленное дитятко!

На нихъ глядючи, и я завыла.

Барыня до того плакала, что у нея въ горлѣ пересохло, и она пить захотѣла.

— Поди, говоритъ, Паша, наставь намъ самоварчикъ.

Я сейчасъ же взяла съ полки самоваръ и пошла въ сѣни его наставлять, изъ сѣней и въ другую избу заглянула; тамъ нашъ зятекъ въ переднемъ углу сидѣлъ и угощалъ водкой своего ямщика и нашего хозяина.

Ко мнѣ въ сѣни вышла хозяйка, я ей и говорю:

— Маланьюшка, когда закипитъ нашъ самоваръ, ты его принеси.

Маланья была баба сговорчивая.

— Иди, говоритъ, Паша, качай Павлушку, а я за вашимъ самоварчикомъ пригляну.

Не прошло и полчаса, какъ самоваръ вскипѣлъ и Маланья внесла его къ намъ въ избу, поставила на столъ и говоритъ:

— Я вашего гостя звала къ вамъ пить чай, да не хочетъ, а сначала самъ возлѣ вашего самовара хлопоталъ, два раза выходилъ въ сѣни угли раздувать, а теперь, должно быть, отъ угольевъ-то у него голова и разболѣлась, спать легъ въ нашей пустой избѣ и просилъ никого къ нему не пущать, а вотъ его ямщику вы, барыня, дайте чайку.

— Дай,—говоритъ барыня,—Паша, другой чайникъ, я залью для ямщика чаю, вотъ и сахару ты, Маланьюшка, ему отнеси.

Маланья ушла, а барыня начала пить чай съ медомъ, а также налила чашку и для Антонины и поставила ее передъ ней. Антонина хлебнула два раза изъ чашки и, сейчасъ же, ее рукой отъ себя оттолкнула.

— Что это, говоритъ маменька какой у насъ сегодня чай горькій?

А та ей на это:

— Не чай, дитятко, горекъ, а у тебя отъ горя во рту стало горько...

Тутъ и меня барыня къ столу позвала.

— Иди, говоритъ, Паша, выпей чашечку съ липовымъ медкомъ.

А я ей на это:

— Пейте сначала вы сами, матушка барыня, а я потомъ, послѣ васъ напьюсь.

Такъ сидимъ мы да разговариваемъ, какъ вдругъ къ намъ вбѣгаетъ Маланья.

— Ямщикъ, говоритъ, помираетъ; дайте, барынька, ему какого-нибудь лекарства, благимъ матомъ кричитъ!

Тутъ и сама барыня за животъ схватилась, а Антонину рвать начало.

Думаемъ, что за оказія!

Барышня первая догадалась.

— Бѣгите, говоритъ, за фельдшеромъ, насъ, вѣрно, Межуевъ отравилъ.

Фельдшеръ жилъ недалеко, я мигомъ за нимъ слетала. Когда онъ пришелъ, ямщикъ ужъ умеръ, а фельдшеръ сейчасъ же сказалъ, что всѣ отравлены мышьякомъ.

На кого мнѣ было жалко смотрѣть, такъ это на мою милую барыню, всѣхъ, кто только къ ней подходилъ, Христомъ Богомъ просила не дать ей помереть.

— Мнѣ бы, говоритъ, хоть Павлушу поднять, за него Богъ меня и наказалъ, не была я для него родной бабушкой!

На Антонину сонъ напалъ, а фельдшеръ только и хлопоталъ, чтобы мы не давали ей спать. Онъ тоже говорилъ, что нашу барышню еще можно спасти, а барыня непремѣнно помретъ.

Маланья собравшимся мужикамъ разсказывала, какъ баринъ Межуевъ, когда узналъ, что въ сѣняхъ поставленъ нашъ самоваръ, точно никогда и самоваровъ не видалъ, сейчасъ же побѣжалъ на него посмотрѣть, а потомъ опять раза два выходилъ въ сѣни и раздувалъ уголья.

Фельдшеръ попробовалъ воду въ самоварѣ и сказалъ, что она отравлена. Тогда мужики сейчасъ же оцѣпили избу, гдѣ спалъ Межуевъ, но когда они въ нее вошли, отъ нашего зятька и слѣдъ простылъ; его не только въ избѣ, но и во всей деревнѣ тогда не нашли. Утромъ на моихъ рукахъ скончалась моя милая барышня. На похоронахъ ни одной изъ ея трехъ дочерей не было. Антонина еще лежала больная, а другія не пріѣхали. Зато мужики свою бывшую барыню съ честью похоронили, ея гробъ несли на своихъ плечахъ пять верстъ, а ужъ я по моей барынѣ такъ плакала, что два раза обмерла...

Когда Антонина поправилась, сейчасъ же съ тобой уѣхала въ Петербургъ; я думала, что она тебя въ деревнѣ оставитъ, такъ куда тебѣ!

— Мнѣ, говоритъ, его въ Петербургѣ будетъ легче куда-нибудь пристроить.

Потомъ по тебѣ у меня долго сердце болѣло, думала, что ты померши, и ни Антонину, ни тебя я съ тѣхъ поръ не видала.

XVIII.

Разсказъ Андреевны произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я только теперь понялъ, что со дня моего рожденія былъ для моей матери тяжелымъ бременемъ и что за это она меня не любила. Когда я думалъ, что она еще и теперь, получая двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, платитъ за мое содержаніе двѣнадцать

рублей, мнѣ дѣлалось стыдно, являлось желаніе избавить ее отъ расходовъ, скрыться отъ всѣхъ моихъ родственниковъ, чтобы меня никто не могъ найти. Мнѣ хотѣлось безъ ихъ помощи выбиться на дорогу и только своимъ трудомъ пріобрѣсти состояніе, которымъ, прежде всего, я хотѣлъ подѣлиться съ моей матерью. Я даже любилъ представлять себѣ ту минуту, когда я богатый явлюсь передъ нею и скажу:

— Вотъ тебѣ, мать, богатство отъ нелюбимаго и судьбой навязаннаго тебѣ сына!

И, чтобы осуществить эту мечту, я началъ, гдѣ только могъ, пріобрѣтать знанія: читалъ учебники и присматривался къ разнымъ ремесламъ, для чего я свелъ знакомство со слесаремъ и часовымъ мастеромъ и въ свободныя минуты бѣгалъ къ нимъ, чтобы посмотрѣть, какъ они работаютъ.

Разъ, къ удивленію моихъ родственниковъ, я поправилъ стѣнные часы, которые за негодностью были брошены и валялись на чердакѣ. Когда окружающіе меня похвалили, я воспрянулъ духомъ и вспомнилъ, что могу зарабатывать деньги и своимъ мастерствомъ, но, чтобы удостовѣриться вполнѣ въ моемъ знаніи, я пошелъ къ Николаю Гавриловичу и сказалъ:

— Отчего вы не купите матеріалу, я могу дѣлать чемоданы и переплетать книги.

Онъ моимъ предложеніемъ былъ доволенъ и упрекнулъ меня, зачѣмъ я раньше ему объ этомъ не сказалъ.

— Я думалъ,—сказалъ Николай Гавриловичъ:—что ты умѣешь дѣлать только однѣ коробки; мнѣ же давно нуженъ чемоданъ, и на него я съ удовольствіемъ куплю матеріалъ.

Я съ такимъ стараніемъ принялся за работу, что даже по ночамъ вставалъ и работалъ. Мнѣ казалось, что если я хорошо сдѣлаю этотъ чемоданъ, тогда судьба моя рѣшится, я могу жить своимъ трудомъ и не буду уже въ зависимости отъ своихъ родственниковъ. Когда же я окончилъ чемоданъ, то не удовольствовался похвалами моихъ родственниковъ и ихъ знакомыхъ, а снесъ свою работу въ магазинъ кожаныхъ издѣлій, гдѣ меня не только похвалили, но и предложили работать поштучно.

Теперь я былъ въ восторгѣ, а мои родственники завалили меня работой; тетѣ Анѣ нужно было сдѣлать саквояжъ, Сонѣ картонку для плюшевой кофты, тетя Даша притащила мнѣ два старыхъ чемодана для починки.

Хотя я и собирался убѣжать изъ Х., все-таки былъ готовъ угодить на прощанье своимъ родственникамъ; но, къ несчастью, опять заболѣлъ. Въ этотъ разъ у меня распухли руки и свело пальцы. Моя болѣзнь такъ была мучительна, что я уже не могъ работать.

Докторъ, посѣщавшій домъ Николая Гавриловича, нашелъ у меня суставной ревматизмъ на нервной почвѣ; другой докторъ, къ

которому я ходилъ посовѣтоваться въ земскую больницу, разспросивъ меня, при какихъ условіяхъ я росъ и питался, назвалъ мою болѣзнь худосочіемъ.

Мнѣ же было все равно, какъ моя болѣзнь ни называлась; для меня было важно одно, что я не могъ работать и, слѣдовательно, всѣ мои мечты о самостоятельномъ трудѣ разлетѣлись, какъ дымъ. Я такъ упалъ духомъ, какъ никогда не падалъ... Когда я принесъ тетѣ Анѣ неоконченный саквояжъ, она на меня обидѣлась.

— Никогда не повѣрю,—сказала она:—чтобы у тебя такъ болѣли руки, что ты даже не можешь окончить мой саквояжъ.

Я показалъ ей свои сведенные пальцы и пошелъ.

А тетя крикнула мнѣ вслѣдъ:

— Хотя пальцы у тебя и болятъ, но аппетитъ твой не уменьшился...

Теперь снова всѣ родственники начали называть меня лѣнтяемъ и дармоѣдомъ.

Только одна Андреевна мнѣ сочувствовала и была увѣрена, что я боленъ съ глазу.

— Ты зачѣмъ своимъ чемоданомъ передъ всѣми хвастался,—распекала она меня:—вотъ тебя люди и сглазили.

Отъ глазу Андреевна лечила меня неожиданнымъ прысканьемъ; а по вечерамъ, когда я уже лежалъ въ постели, что-то шептала надо мной и при этомъ сплевывала.

Больной, я только и сидѣлъ въ ея чуланѣ—это было единственное мѣсто, гдѣ я могъ спрятаться отъ упрековъ въ моей лѣности.

Но вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ все въ отношеніи меня измѣнилось. Мои родственники не только стали ко мнѣ добры, но даже нѣжны.

Сплю я не въ кухнѣ и не въ передней за платянымъ шкапомъ, а въ самой лучшей въ домѣ комнатѣ—въ кабинетѣ Николая Гавриловича. Въ ней масса воздуха, три окна, два выходятъ въ садъ, а изъ третьяго видна широкая рѣка.

Кругомъ меня мягкія тахты, обитыя дорогой восточной матеріей, и за большимъ письменнымъ столомъ я каждый день занимаюсь со студентомъ Кирьяковымъ, который взялся въ короткій срокъ приготовить меня въ юнкерское училище, и я опять мечтаю, что настанетъ время, когда я буду офицеромъ.

Все это со мной произошло вслѣдствіе того, что тетя Нина вышла замужъ за барона, того самаго барона, который когда-то приходилъ въ кухню къ Андреевнѣ и со слезами ей жаловался, что тетя Нина его не любитъ, и это тотъ самый баронъ, который навѣстилъ меня, когда я жилъ у коробочника, и далъ мнѣ два рубля на пряники.

Что тетя Нина вышла замужъ за человѣка, всю жизнь ее любившаго, это еще не самое главное—важно то, что баронъ еще

до женитьбы получилъ отъ какого-то родственника состояніе и теперь за мое содержаніе платитъ Николаю Гавриловичу сто рублей въ мѣсяцъ...

Студентъ, который со мной занимается, находитъ, что я очень способенъ къ наукамъ, и говоритъ, что черезъ полгода я непремѣнно выдержу экзаменъ; но меня одно безпокоитъ—мое здоровье. Хотя пальцы у меня уже теперь и не болятъ, но зато мой лѣвый бокъ снова болитъ, я кашляю и по вечерамъ меня лихорадитъ, а ночью—сильный потъ.

Всѣ окружающіе говорятъ, что у меня нѣтъ чахотки. Я этому готовъ повѣрить, иначе Николай Гавриловичъ (такой мнительный) побоялся бы приходить ко мнѣ въ комнату. Между тѣмъ онъ почти каждый день ко мнѣ заходитъ, хотя сидитъ у меня не долго—не больше пяти минутъ—и при этомъ изо рта не выпускаетъ сигары. И какъ онъ ласковъ со мной—теперь иначе меня и не называетъ, какъ «нашъ милый мальчикъ». Тетя же Аня—это одна доброта, и какъ она теперь безпокоится, что я мало ѣмъ. Соня тоже ко мнѣ приходитъ, помогаетъ приготовлять уроки и вслухъ читаетъ. Бѣдная Соня, у нея горе—поручикъ Голубевъ такъ ей и не сдѣлалъ предложенія, и въ городѣ говорятъ, что онъ женится на богатой купчихѣ. Соня до сихъ поръ его любитъ и сердится за его измѣну, только не на него, а на богатую купчиху, которая будто поймала его въ свои сѣти.

Вчера я признался Сонѣ, что, когда я ѣхалъ въ X, то мечталъ, выйдя когда-нибудь въ офицеры, жениться на ней. При этомъ Соня печально взглянула на меня и сказала:

— Ахъ, если бы ты только поправился, тогда все было бы хорошо: тетя Нина недавно писала мамѣ, что она такъ теперь богата, что можетъ тебя содержать не только въ пѣхотѣ, но и въ гвардіи; а я очень бы хотѣла выйти замужъ за гвардейца.

Сонины слова мнѣ были непріятны: значитъ, она не за меня, Павла Николаева, хотѣла бы выйти замужъ, а только за гвардейца.

Впрочемъ, Соня мнѣ уже не нравится, и я самъ, пожалуй, на ней бы не женился...

Теперь, когда я пожилъ съ родственниками, я заключаю, что между родными прежде всего денежный интересъ. Возьму для примѣра хоть тетю Дашу. Давно ли она ненавидѣла мою мать и считала ее причиной всѣхъ своихъ несчастій,—а теперь, когда та стала богата и отъ нея родственникамъ можно поживиться, тетя Даша говоритъ о ней, если не съ любовью, то во всякомъ случаѣ съ уваженіемъ и все меня проситъ напомнить моей матери, что она бѣдна и нуждается въ деньгахъ. Но кто удивляетъ меня, такъ это Варя. Прежде она казалась мнѣ правдивой дѣвушкой—мнѣ нравилось, что она не притворялась передо мною, какъ ея мать, любящей. Варя даже ненавидѣла меня за сходство съ собой, а это

сходство бросается всѣмъ въ глаза. Между тѣмъ теперь она до приторности со мной нѣжна, даже, здороваясь и прощаясь, цѣлуетъ меня и часто говоритъ:

— Я тебѣ, Павлуша, по отцу родная сестра, и тетѣ Нинѣ грѣшно меня забывать, тѣмъ болѣе, что я ея крестница. Напиши, Павлуша, мамѣ крестной, что у меня нѣтъ ни золотыхъ часовъ, ни золотого браслета; а также пусть мама крестная не забудетъ меня помѣстить и въ свое духовное завѣщаніе.

Я слушалъ ихъ, но все это мнѣ такъ непріятно.

XIX.

Въ послѣднее время я сильно прихворнулъ и вотъ уже съ мѣсяцъ какъ не писалъ въ своей тетради.

Сегодня мнѣ значительно лучше—дышу свободно, и меня докторъ обрадовалъ, сказавъ, что опасность теперь миновала и мое лѣвое легкое начинаетъ рубцеваться; но какъ я похудѣлъ! Сегодня утромъ, переодѣвая бѣлье, я случайно взглянулъ въ зеркало и испугался своей худобы, — я сталъ совершенный скелетъ...

Какъ мнѣ хочется жить—теперь жизнь мнѣ улыбается, я скоро буду самостоятельнымъ...

Зачѣмъ докторъ настоялъ, чтобы отъ меня отобрать всѣ учебныя книги,—я могу заниматься.

Кирьяковъ увѣряетъ, что я еще успѣю свое наверстать и выдержу блестяще экзаменъ; но я въ себѣ не увѣренъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось ни отъ кого не зависѣть—не брать подачекъ, даже если эти подачки и отъ моей матери.

Мать пишетъ ко мнѣ ласковыя письма и называетъ меня «своимъ бѣднымъ замученнымъ мальчикомъ».

Одно мнѣ въ ея письмахъ не нравится, зачѣмъ она и теперь подписывается «любящая тебя тетя Нина».

Кажется, могла бы назвать себя хоть теперь моей матерью. Обѣщаетъ скоро пріѣхать, со мной повидаться; давно пора—я ее очень хочу увидѣть; но еще больше, чѣмъ свою мать, я хотѣлъ бы увидѣть Софью Александровну: никто въ моей жизни такъ не былъ ко мнѣ добръ, какъ эта дѣвушка. Въ послѣднее время я часто думаю о ней—жива ли она!.. Какъ давно я не выходилъ на воздухъ, а въ саду у насъ такъ хорошо, сирень цвѣтетъ! Но сегодня итти гулять уже поздно—солнце заходитъ и какой чудный закатъ! Все небо въ лилово-розовыхъ облакахъ, и между ними золотисто-багровое солнце; оно спускается къ горизонту, и кажется, что вотъ сейчасъ потонетъ въ рѣкѣ. Рѣка блеститъ миріадами огней, и въ ней отражаются и небо и солнце... Мнѣ опять худо—тяжело дышать, начинаетъ лихорадить...

Мнѣ страшно, неужели это солнце я вижу въ послѣдній разъ?!..

М. Е. Васильева.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННО-СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ [1].

II.

Дѣло воеводы Петко.

Въ ДЕКАБРѢ 1877 года, когда отрядъ генерала Скобелева 2-го, черезъ неприступныя скалы и засыпанныя снѣгомъ пропасти, по козьимъ тропинкамъ, переходилъ Балканы, чтобы добить армію Вессель-паши, заслонявшую намъ путь въ Восточную Румелію, въ отрядѣ этомъ было много добровольцевъ-болгаръ, которые, идя впереди его въ качествѣ проводниковъ или лазутчиковъ, доставляли подробныя и точныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Въ числѣ этихъ лазутчиковъ былъ болгаринъ Петръ Кирьяковъ, уроженецъ села Дуванъ-Иссаръ Адріанопольскаго округа, присоединившійся къ отряду еще на Зеленыхъ горахъ, подъ Плевной. Беззавѣтно храбрый, смѣтливый, распорядительный и обожающій Бѣлаго генерала, котораго считалъ вторымъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, капитанъ Петко, какъ называли его Скобелевъ и офицеры отряда, предводительствуя нѣсколькими юнаками, исполнялъ самыя трудныя порученія генерала. Снять часового, высмотрѣть расположеніе отряда, пересчитать орудія и число таборовъ, затѣять перестрѣлку въ тылу непріятеля и отвлечь его вниманіе отъ нашихъ силъ,—все это казалось для Пётко такими пустяками, о которыхъ не стоило говорить.

---

[1] См. «Истор. Вѣстн.», т. CXI, стр. 855.

Завѣтною его мечтою было вмѣстѣ съ русскими войсками дойти до Царьграда, водрузить крестъ на храмѣ св. Софіи и въ этомъ храмѣ возблагодарить Создателя за освобожденіе болгаръ отъ турецкаго ига и изгнаніе турокъ изъ Европы. Для осуществленія этой мечты онъ готовъ былъ на всякія жертвы. Раны холоднымъ оружіемъ во время рукопашныхъ схватокъ его маленькой четы съ отрядами башибузуковъ не останавливали его отъ дальнѣйшихъ подвиговъ; перевяжетъ ихъ тряпицей, предварительно посыпавъ порошкомъ изъ извѣстныхъ ему сушеныхъ травъ, явится, весь обвязанный, съ докладомъ объ исполненіи порученія и на замѣчаніе начальника, что надо отдохнуть и полечить раны, умоляетъ дать новое порученіе.

Когда армія Вессель-паши была разбита и взята въ плѣнъ, Петко присоединился къ кавказской казачьей бригадѣ и вмѣстѣ съ нею сдѣлалъ дальнѣйшій походъ. Судьба щадила его, но незадолго до заключенія мира шальная пуля прострѣлила ему легкое, и онъ былъ отправленъ въ русскій военный госпиталь. Долго продолжалось леченіе, врачи признавали рану смертельной, но богатырская натура поборола болѣзнь, и въ началѣ мая Кирьяковъ пріѣхалъ въ Санъ-Стефано.

Здѣсь онъ встрѣтилъ своего обожаемаго Бѣлаго генерала и много знакомыхъ русскихъ офицеровъ. Проводя время на аванпостахъ, занятыхъ 16-ю пѣхотною дивизіею и посматривая издали на Константинополь, онъ, вмѣстѣ со многими своими русскими соратниками, лелѣялъ надежду, что Берлинскій конгрессъ, на которомъ тогда рѣшалась участь завоеванныхъ русскими войсками турецкихъ земель, разойдется, по невозможности установить какое-либо соглашеніе безобидное для достоинства Россіи, и тогда возобновится война, первымъ актомъ которой будетъ занятіе въ теченіе сутокъ Константинополя, къ каковому занятію всѣ приготовленія, по его мнѣнію, уже сдѣланы. Но надежды эти не осуществились, и прочный миръ былъ заключенъ между Россіей и Турціей.

Вспыхнуло возстаніе въ Родопскихъ горахъ. Отбросы разбитыхъ турецкихъ армій, скрывшіеся въ этихъ горахъ, соединились въ разбойничьи шайки и стали грабить и убивать христіанскихъ жителей пограничныхъ съ Румеліей македонскихъ селеній, переходя иногда границу и внося ужасъ и разореніе на территорію, занятую нами по праву войны и еще не переданную вновь устраиваемой провинціи, получившей названіе Восточной Румеліи.

Изъ Адріанополя и Филиппополя были посланы сильные отряды нашихъ войскъ, которые заняли границу и оттѣснили разбойничьи шайки въ предѣлы Македоніи, гдѣ ихъ должны были уничтожить и водворить спокойствіе регулярныя турецкія войска, двинутыя черезъ Салоники.

Не утерпѣлъ капитанъ Петко, уѣхалъ изъ Санъ-Стефано и быстро направился въ Родопскія горы. Черезъ нѣсколько недѣль, принявъ титулъ воеводы, онъ сформировалъ дружину въ шестьсотъ слишкомъ человѣкъ и раздѣлилъ ее на отряды, начальство надъ которыми ввѣрилъ испытаннымъ въ бояхъ дружинникамъ перваго набора болгарскаго ополченія. Эти отряды заняли въ Македоніи всѣ опасные пункты, откуда производились нападенія на христіанскія поселенія, жителей которыхъ они привлекли къ сторожевой службѣ. Въ короткое время удачными дѣйствіями противъ башибузуковъ дружина Петко навела на нихъ такой страхъ, что они не рѣшались на открытыя нападеніи и лишь небольшими шайками прорывались чрезъ ущелья горъ, чтобы напасть на христіанъ, жившихъ въ Румеліи. Въ этихъ случаяхъ Петко немедленно посылалъ гонцовъ къ начальникамъ русскихъ отрядовъ, предупреждая, въ какихъ мѣстахъ можно ожидать нападенія.

Извѣщенія съ благодарностью принимались начальниками отрядовъ, и своевременно посланныя войска уничтожали прорвавшіяся шайки. Штабъ Петко, состоявшій изъ него самого и секретаря (онъ же адъютантъ) болгарина Николова, былъ расположенъ на самой границѣ близъ Ортакіоя, откуда начальники ортакіойскаго и другихъ ближайшихъ отрядовъ неоднократно вызывали его на совѣщанія, всегда съ уваженіемъ относясь къ его мнѣніямъ и предположеніямъ, и въ свою очередь указывали ему, въ какихъ мѣстахъ нужно усилить наблюдательные посты и содержать караулы; при этомъ начальникъ ортакіойскаго отряда разрѣшилъ ему преслѣдовать башибузуковъ, если они прорвутся на румелійскую территорію и по близости не будетъ нашихъ войскъ.

Между тѣмъ присланныя для водворенія порядка регулярныя турецкія войска не только бездѣйствовали, но поощряли разбойниковъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ границы. Выведенные изъ терпѣнія македонскіе христіане обратились къ воеводѣ Петко, прося его прибыть съ храброй дружиной для защиты ихъ и наказанія разбойниковъ. Петко откликнулся на просьбы единоплеменниковъ и, образовавъ два летучихъ отряда, по 150 человѣкъ въ каждомъ, двинулся во внутрь страны. Оба отряда по гористой мѣстности прошли болѣе пятидесяти верстъ въ сутки и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, подойдя къ пылающимъ христіанскимъ селамъ, бросились на грабителей и почти всѣхъ ихъ перерѣзали. Въ числѣ погибшихъ грабителей было около пятидесяти человѣкъ регулярныхъ турецкихъ войскъ, ни по одеждѣ, ни по вооруженію, не отличавшихся отъ башибузуковъ.

Дѣло было раздуто дипломатическими агентами до невѣроятныхъ размѣровъ. Заскрипѣли перья и посыпались донесенія, въ которыхъ русскія власти обвинялись во вторженіи въ турецкую провинцію и въ предательскомъ нападеніи, несмотря на заклю-

ченный миръ, на турецкій отрядъ, который былъ уничтоженъ. Главнокомандующаго запросили, на какомъ основаніи допущены въ мирное время военныя дѣйствія.

Я былъ тогда въ Санъ-Стефано по дѣлу Ходжи-Арифа, и завѣдующій судною частью предупредилъ меня, что въ Родопскія горы для разслѣдованія этого дѣла командированъ состоящій при штабѣ генералъ, по возвращеніи котораго начальники пограничныхъ отрядовъ, допустившіе вторженіе въ Македонію, будутъ преданы филиппопольскому военному суду. Вѣроятно, собранныя свѣдѣнія убѣдили въ неосновательности обвиненія начальниковъ передовыхъ отрядовъ въ участіи въ этомъ нападеніи, такъ какъ никакого дознанія я не получилъ, и никто изъ начальниковъ передовыхъ отрядовъ не былъ преданъ суду.

15 сентября 1878 г. императорскій комиссаръ князь Дондуковъ-Корсаковъ потребовалъ меня къ себѣ. Я тотчасъ пошелъ къ нему и засталъ князя въ сильномъ волненіи.

— Полюбуйтесь,—сказалъ онъ мнѣ:—что опять надѣлалъ Тотлебенъ, это просто возмутительно: человѣка, преданнаго Россіи, храбреца, дравшагося въ передовыхъ отрядахъ, неоднократно раненаго, схватили и связаннаго доставили сюда, требуя преданія суду за разбой и убійства.

Я взялъ рапортъ начальника отряда, который по командѣ доносилъ, что задержаннаго, по приказанію главнокомандующаго, въ Родопскихъ горахъ воеводу Петра Кирьякова, вмѣстѣ съ отобранными отъ него письмами и документами, при семъ представляетъ, для преданія военному суду за убійства и разбои.

Никакой жалобы на Кирьякова, ни дознанія не было приложено къ рапорту, а потому не представлялось возможности установить, въ какихъ преступныхъ фактахъ выразились дѣянія обвиняемаго, а равно порождало сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ преданъ суду, такъ какъ по смыслу рапорта Петко только задержанъ по приказанію главнокомандующаго.

Князь сообщилъ мнѣ, что онъ немедленно сдѣлаетъ распоряженіе объ освобожденіи Кирьякова и что пригласилъ меня для разъясненія, нѣтъ ли въ судѣ какого-либо дѣла о немъ.

Я отвѣтилъ, что ни въ судѣ, ни у меня, ни у слѣдователей нѣтъ никакого дѣла о Кирьяковѣ, но освободить послѣдняго, задержаннаго по приказанію главнокомандующаго, нельзя безъ его разрѣшенія.

— Ваше сіятельство,—продолжалъ я:—поручите кому-нибудь изъ подвѣдомственныхъ вамъ офицеровъ допросить обвиняемаго, который, можетъ быть, что-нибудь выяснитъ, а я сейчасъ же пошлю депешу завѣдующему судною частью съ просьбой разъяснить, у кого въ производствѣ дѣло о немъ и дѣйствительно ли состоялось распоряженіе о преданіи суду.

— Опросъ доставленнаго сюда Кирьякова и производство дознанія по этому дѣлу поручаю вамъ,—сказалъ князь.

Я доложилъ, что прокуроры не имѣютъ права производить дознаніе и что мнѣ придется давать заключеніе по этому дѣлу или составлять обвинительный актъ.

Никакіе резоны не были приняты во вниманіе княземъ, и онъ настоятельно потребовалъ, чтобы я немедленно приступилъ къ производству дознанія.

Зная обширныя полномочія князя, въ силу которыхъ онъ могъ давать порученія чинамъ всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы по роду службы они ихъ не касались, я рѣшилъ исполнить неустановленное закономъ требованіе, принявъ въ соображеніе, что дальнѣйшее направленіе оконченнаго дознанія можетъ быть поручено другому лицу прокурорскаго надзора. Немедленно была послана срочная телеграмма завѣдывающему судною частью о разъясненіи дѣла Петко и о томъ, что дознаніе поручено мнѣ, а потому необходимо командировать другое лицо для составленія обвинительнаго акта.

Петко былъ освобожденъ княземъ отъ ареста и поселился въ квартирѣ штабнаго офицера, соратника по зимнему походу за Балканы.

Въ тотъ же вечеръ я приступилъ къ допросу обвиняемаго, показаніе котораго помѣщаю здѣсь цѣликомъ:

«Зовутъ меня Петръ Кирьяковъ, 33-хъ лѣтъ, болгаринъ, православный, уроженецъ селенія Дуванъ - Иссаръ Адріанопольскаго санджака. Къ русскимъ войскамъ я присоединился подъ Плевной и состоялъ въ отрядѣ генерала Скобелева на Зеленыхъ горахъ, исполняя всевозможныя порученія какъ самого генерала, такъ и другихъ офицеровъ отряда. О дѣятельности моей распространяться не буду; если хотите познакомиться съ нею, прочитайте многочисленныя благодарственныя записки, которыя лежатъ въ отобранномъ отъ меня портфелѣ. Послѣ перехода русскихъ войскъ за Балканы, я дѣлалъ походъ съ кавказской казачьей бригадой, съ которой былъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ и лишь за нѣсколько дней до заключенія мира раненъ пулею въ грудь навылетъ, отъ каковой раны лечился въ русскомъ военномъ госпиталѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Выздоровѣвъ, я пріѣхалъ въ Санъ-Стефано, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ изъ скобелевскаго отряда и проводилъ все время на аванпостахъ 16-й пѣхотной дивизіи, гдѣ исполнялъ разныя порученія; нѣсколько разъ, вдоль Сладкихъ водъ, незамѣтно пробирался въ Константинополь и обратно.

«Одинъ изъ русскихъ генераловъ, фамилію котораго теперь забылъ, представилъ меня главнокомандующему Тотлебену, который милостиво принялъ меня, разспрашивалъ о боевыхъ подвигахъ и удивился, что на мнѣ нѣтъ георгіевскаго креста. Узнавъ, что въ

Родопскихъ горахъ турки обижаютъ христіанъ, я уѣхалъ изъ Санъ-Стефано и сформировалъ чету изъ молодыхъ людей пограничныхъ селеній и старыхъ дружинниковъ болгарскаго ополченія. Навѣрно не скажу вамъ, какъ велика была чета, но, во всякомъ случаѣ, болѣе шестисотъ человѣкъ. По деревнямъ мы поставили караулы, чтобы предупреждать нападенія башибузуковъ и своевременно доносить о набѣгахъ передовымъ русскимъ отрядамъ, съ которыми я находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Начальникъ ортакіойскаго отряда, майоръ, по фамиліи мнѣ неизвѣстный, выдалъ мнѣ бумагу, которой мнѣ разрѣшалось преслѣдовать башибузуковъ въ предѣлахъ передовыхъ позицій, расположенныхъ въ Восточной Румеліи, но мнѣ не удалось воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ разбойничьи шайки отступили внутрь страны, соединившись съ редифами. Бумагу эту вы найдете въ моемъ портфелѣ. Отъ всѣхъ жителей пограничныхъ болгарскихъ селъ я постоянно получалъ благодарственныя письма (они въ портфелѣ), удостовѣряющія, что жизнь ихъ сдѣлалась много лучше послѣ учрежденія карауловъ.

«Всѣ русскіе начальники любили меня и приглашали для совѣта, какъ человѣка, знакомаго съ мѣстностью, на которой имъ приходилось дѣйствовать. Названіе «капитанъ Петко» получилъ я отъ генераловъ и русскихъ офицеровъ, порученія которыхъ исполнялъ. Задержали меня при слѣдующихъ обстоятельствахъ: дня четыре тому назадъ я получилъ записку отъ мухтара села Левачова, въ которой онъ сообщилъ, что прибывшій къ нимъ русскій капитанъ желаетъ поговорить со мною по весьма важному дѣлу. Не подозрѣвая, что меня хотятъ схватить, я, въ сопровожденіи секретаря Николова, при которомъ былъ портфель съ бумагами, немедленно отправился въ Левачово для совѣщанія съ вызвавшимъ меня офицеромъ, но едва я пріѣхалъ, какъ былъ схваченъ, связанъ и мнѣ объявили, что я арестованъ и буду судиться за разбой и убійства. При задержаніи отъ меня отобрали золотые часы съ цѣпочкой, а отъ секретаря взяли портфель съ дѣлами, письмами и документами, а равно мою кассу, въ которой находились семьдесятъ одинъ полуимперіалъ и на три рубля мелкой монеты. Какое преступленіе я совершилъ и за что арестованъ— не знаю. Спросите жителей селъ Чиниларе, Левачово и другихъ, отъ которыхъ вы узнаете, что никого изъ нихъ я не обидѣлъ, а, напротивъ, защищалъ пограничныхъ христіанъ отъ нападенія башибузуковъ. Я знаю, что царь Александръ помирился съ султаномъ, а потому въ предѣлахъ Румеліи и Болгаріи я не дѣйствую съ своею четою. Я воевалъ въ турецкой провинціи Македоніи, и пусть турки ловятъ меня, судятъ и разстрѣливаютъ, а до тѣхъ поръ я не перестану защищать моихъ единовѣрцевъ не противъ законнаго ихъ правительства, а противъ разбойничьихъ

шаекъ, съ которыми правительство не хочетъ или не можетъ справиться. Выпустите меня поскорѣй, какъ неправильно задержаннаго, иначе, во время моего отсутствія, моя молодежь оставшаяся безъ главаря, пропуститъ гдѣ-нибудь башибузуковъ, и тогда даромъ прольется много христіанской крови».

По окончаніи допроса Петко долго разсказывалъ мнѣ и присутствовавшимъ тутъ офицерамъ о своей боевой дѣятельности и въ особенности о зимнемъ переходѣ черезъ Балканы. Онъ воодушевился, глаза его горѣли, съ восторгомъ упоминалъ онъ фамиліи Скобелева, Панютина и другихъ, мечталъ объ объединеніи всѣхъ славянъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, послѣ чего совокупными ихъ силамъ Турки будутъ изгнаны и образуется, подъ покровительствомъ Россіи, мощное южно-славянское государство, которое будетъ стоять на стражѣ славянъ и православія. Бесѣда затянулась далеко за полночь.

Возвратившись домой, я принялся за разборъ писемъ, бумагъ и документовъ, заключавшихся въ отобранномъ портфелѣ.

Документы эти подраздѣлялись на три категоріи. Къ первой относились многочисленныя донесенія мѣстныхъ жителей пограничныхъ съ Румеліей македонскихъ деревень, въ которыхъ они увѣдомляли воеводу Петко о приближеніи башибузуковъ и просили его помощи; сюда же относятся еженедѣльные рапорты подчиненныхъ воеводѣ отрядныхъ начальниковъ объ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, о стычкахъ съ непріятелемъ и о числѣ убитыхъ и раненыхъ. Ко второй категоріи отнесены документы, указывающіе на сношенія воеводы Петко съ начальниками передовыхъ русскихъ отрядовъ, отъ которыхъ онъ, между прочимъ, получалъ предложенія на безплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ сопровожденіи своихъ юнаковъ, а равно и предложенія на отправленіе раненыхъ и больныхъ въ полковые лазареты и военные госпитали. Третья категорія заключалась въ благодарственныхъ письмахъ сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ за оказанную помощь въ отраженіи враговъ христіанства и въ перепискѣ Петко съ друзьями и знакомыми, въ которой высказывалась надежда на блистательную будущность цѣлокупной Болгаріи. Къ письмамъ приложены фотографическія карточки разныхъ болгарскихъ дѣятелей и многочисленныя фотографіи русскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, съ собственноручными надписями; въ числѣ ихъ былъ большой портретъ М. Д. Скобелева съ надписью: «Храбрѣйшему Петко отъ М. Скобелева», и фотографія Всеволода Ѳедоровича Панютина, на оборотной сторонѣ которой написано: «Нашему общему другу, капитану Петко, отъ любящаго и благодарнаго В. Панютина». Документы, отобранные отъ секретаря Николова, состояли изъ принадлежащихъ ему долговыхъ обязательствъ, счетовъ и торговыхъ свидѣтельствъ, относившихся къ времени,

предшествовавшему войнѣ, когда Николовъ вмѣстѣ съ Петко проживалъ въ Одессѣ.

Разсмотрѣвъ всѣ эти документы, я уложилъ ихъ въ томъ же порядкѣ въ портфель и затребовалъ по телеграфу свѣдѣній, гдѣ находятся отобранные отъ Петко часы съ цѣпочкой и отъ секретаря его денежная касса съ 71 полуимперіаломъ и тремя рублями, о возвращеніи которыхъ ходатайствовалъ Петко.

Утромъ 16 сентября, явившись къ князю, я доложилъ ему о результатахъ допроса Петко и испросилъ разрѣшенія, по полученіи депеши завѣдывающаго судною частью, выѣхать на подставныхъ лошадяхъ отъ полковъ 31-й пѣхотной дивизіи въ передовые отряды, расположенные въ Родопскихъ горахъ, для производства на мѣстѣ дознанія. По возвращеніи домой я засталъ телеграмму Ахшарумова, въ которой сообщалось, что такъ называемый капитанъ Петко арестованъ по приказанію главнокомандующаго за сформированіе въ Румеліи разбойничьей шайки, съ которой онъ вторгнулся въ турецкую провинцію, производя грабежи и убійства. Дѣло это подсудно филиппопольскому военному суду, если произведеннымъ дознаніемъ обвиненіе подтвердится. Мнѣ разрѣшено произвести дознаніе, которое при рапортѣ представить императорскому комиссару; въ случаѣ преданія суду, для составленія обвинительнаго акта и обвиненія на судѣ будетъ командированъ помощникъ военнаго прокурора.

Въ двѣнадцать часовъ дня въ прекрасной коляскѣ, запряженной тройкой рѣзвыхъ лошадей, выѣхалъ я изъ Филиппополя по Станимакскому шоссе, вдоль котораго расположены знаменитые виноградники, дающіе великолѣпное станимакское и дермендерское вино. Часть лозъ была еще съ плодами, кисти которыхъ алѣли на солнцѣ, и добродушные братушки, срѣзывавшіе виноградъ, подходили къ экипажу, предлагая мнѣ и нижнимъ чинамъ— кучеру и ординарцу—лучшія кисти, которыми мы съ благодарностью утоляли жажду. Въ Станимакѣ перемѣнили лошадей, пообѣдали у гостепріимнаго командира полка и черезъ часъ поѣхали дальше, а къ шести часамъ вечера прибыли на границу, гдѣ расположены передовые отряды. Сейчасъ же я послалъ гонцовъ въ пограничныя македонскія деревни съ предложеніемъ мухтарамъ, выборнымъ и мѣстнымъ священникамъ прибыть, по возможности завтра, въ нашъ отрядъ для собранія отъ нихъ свѣдѣній о дѣятельности воеводы Петко, а пока сталъ допрашивать офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ о томъ, гдѣ и какъ сформировалась чета, и въ какихъ мѣстностяхъ она дѣйствовала?

Единогласными показаніями допрошенныхъ установлено, что чета воеводы Петко сформирована въ Македоніи, въ которой она сражалась съ башибузуками, грабившими и убивавшими христіанскихъ жителей болгарскихъ селеній. На территоріи Румеліи чета

эта не воевала и границы нашей не переходила. Изъ юнаковъ, входившихъ въ составъ дружины, наши знали воеводу Петко, его секретаря Николова и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, георгіевскихъ кавалеровъ, изъ распущенныхъ послѣ окончанія войны болгарскихъ дружинниковъ, которыхъ Петко присылалъ къ начальникамъ нашихъ отрядовъ для предупрежденія о приготовленіяхъ башибузуковъ къ нападенію на деревни, находящіяся въ мѣстностяхъ, занятыхъ нашими войсками. Прибылъ начальникъ ортакіойскаго отряда, который объяснилъ, что предложенія на перевозку по желѣзной дорогѣ Петко и его юнаковъ, а также предложенія о помѣщеніи въ русскихъ лазаретахъ раненыхъ и больныхъ болгаръ онъ выдавалъ по приказанію корпуснаго командира, который уполномочилъ его оказывать помощь больнымъ и раненымъ болгарамъ, бѣженцамъ изъ Македоніи, и въ случаѣ надобности содѣйствовать къ помѣщенію ихъ въ русскіе военные госпитали. Петко и его юнакамъ онъ выдавалъ предложенія не какъ дружинникамъ, а какъ раненымъ и больнымъ болгарамъ.

Къ вечеру 17 сентября стали подходить свидѣтели, вызванные изъ-за границы. Всѣ они показали, что Петко и его дружина были ихъ защитниками отъ башибузуковъ; что чета состоитъ изъ болгаръ, жителей Македоніи, набранныхъ воеводой и обученныхъ имъ и его помощниками, отставными болгарскими ополченцами; что родопское возстаніе мусульманъ поощрялось турецкимъ правительствомъ, регулярныя войска котораго не только не усмиряли башибузуковъ, но, побросавъ свои воинскіе доспѣхи, присоединялись къ шайкамъ и вмѣстѣ съ ними оперировали противъ христіанъ. Отряды изъ дружины Петко никого не грабили, убивали лишь въ сраженіяхъ и если удавалось отобрать похищенное имущество, передавали его мухтарамъ и выборнымъ для возвращенія потерпѣвшимъ. Всѣ недоумѣвали, за что арестованъ Петко, вѣрнѣйшій другъ Россіи и безкорыстнѣйшій человѣкъ, и умоляли поскорѣй освободить его, такъ какъ Турки, узнавъ объ его арестѣ, не преминутъ возвратиться въ пограничныя христіанскія селенія, которыя опять запылаютъ, и опять прольется христіанская кровь. Секретарь Николовъ, несмотря на двукратный вызовъ съ гарантіею, что не будетъ лишенъ свободы, не явился, очевидно, не довѣряя русскимъ, арестовавшимъ его воеводу, а потому и не допрошенъ. Черезъ посланнаго онъ просилъ прислать ему или передать воеводѣ отобранныя денежныя обязательства, по которымъ, возвратясь въ Россію, онъ можетъ взыскать съ должниковъ причитающіяся ему суммы денегъ. Ни часы, ни деньги, отобранные при задержаніи Кирьякова, несмотря на самые тщательные поиски, не были найдены. Сначала подозрѣвали, что они похищены во время пути въ Филиппополь, но конвойный унтеръ-офицеръ доказалъ, что ему передали только препроводительную бумагу въ

штабъ полка и обвязанный веревкою и опечатанный портфель, часы же съ цѣпочкой и ящичекъ съ деньгами остались въ канцелярской палаткѣ. Допросили дежурнаго писаря, который объяснилъ, что при арестованіи Кирьякова и при отправленіи его въ полкъ не присутствовалъ и ни денегъ, ни часовъ не видѣлъ. Я предупредилъ начальника отряда, что князь Дондуковъ-Корсаковъ высказалъ негодованіе свое по поводу этой пропажи и грозилъ отвѣтственностью виновнымъ въ небрежномъ исполненіи обязанностей службы, если часы и деньги не будутъ найдены, а потому просилъ его принять энергическія мѣры къ разысканію пропавшаго, сообщивъ мнѣ депешей въ Филиппополь о результатахъ поиска.

18-го сентября, въ 6 часовъ пополудни, я вернулся въ Филиппополь и тотчасъ приступилъ къ составленію рапорта о всемъ обнаруженномъ при дознаніи. Рапортъ этотъ 19 сентября за № 438 я лично представилъ императорскому комиссару. Подробно изложивъ обстоятельства дѣла, основанныя на показаніяхъ многочисленныхъ свидѣтелей и переименовавъ документы, характеризирующіе личность задержаннаго, я въ концѣ рапорта высказалъ слѣдующее свое мнѣніе:

Принимая во вниманіе, что дружина (чета), начальникомъ которой былъ Петръ Кирьяковъ, сформирована въ Македоніи и дѣйствовала за границей, въ мѣстности, не занятой русскими войсками, что Кирьяковъ не обвиняется въ совершеніи какого-либо общеуголовнаго преступленія въ предѣлахъ Румеліи или во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ, я, на основаніи прокламаціи главнокомандующаго, нахожу, что дѣянія Петра Кирьякова не подсудны русскимъ полевымъ военнымъ судамъ и за сформированіе дружины за границей, въ мѣстности, не занятой нашими войсками, и за нападеніе въ Македоніи на шайки башибузуковъ и черкесовъ, онъ не можетъ быть наказанъ по русскимъ законамъ.

Выслушавъ докладъ, князь сейчасъ же на рапортѣ написалъ слѣдующую резолюцію: «Противъ воеводы Петко уголовнаго преслѣдованія не возбуждать и сегодня же препроводить его за границу Румеліи, куда онъ пожелаетъ. Начальника отряда за нерадѣніе къ службѣ, послѣдствіемъ котораго была пропажа часовъ и денегъ, отобранныхъ отъ Кирьякова, арестовать на гауптвахтѣ на пять сутокъ и взыскать съ него, въ порядкѣ административномъ, стоимость часовъ и пропавшую сумму денегъ».

По прочтеніи резолюціи я доложилъ князю, не слѣдуетъ ли, прежде отправленія Кирьякова, донести главнокомандующему, что обвиненія не подтвердились и что нѣтъ основанія для возбужденія уголовнаго преслѣдованія.

— Нѣтъ,—засмѣялся князь:—я это сдѣлаю завтра, когда Петко перейдетъ румелійскую границу.

— Ваше сіятельство, копію съ моего рапорта о неподсудности дѣла я сегодня отправлю къ завѣдывающему судною частью.

— Хорошо, это ваше дѣло; благодарю васъ за труды.

Въ тотъ же вечеръ были устроены торжественные проводы. На площади собралась многочисленная толпа. Нѣсколько хоровъ военной музыки чередовались съ пѣсенниками, причемъ поминутно раздавались мотивы: «Шумти Марица». Героемъ праздника былъ Петко; молодыя болгарскія дѣвушки украсили его зелеными вѣтвями и цвѣтами. Почетные болгары пили съ нимъ вино и восхваляли его мужество и любовь къ родинѣ. Поэты тутъ же слагали патріотическіе стихи. Когда стемнѣло, зажгли смоляныя бочки, и началась безконечная болгарская хора, въ которой, кромѣ болгаръ и болгарокъ, приняли участіе русскія дамы, генералы и престарѣлые полковники разныхъ войсковыхъ частей. Князь, среди нѣсколькихъ дамъ, стоялъ на балконѣ и рукою отбивалъ тактъ; онъ прислалъ Кирьякову сто полуимперіаловъ и чудные золотые часы взамѣнъ, какъ сказано, потерянныхъ при ошибочномъ его задержаніи, а также возвратилъ портфель съ бумагами и документами; кромѣ того, отъ русскихъ и болгаръ ему подаренъ конь съ сѣдломъ.

Когда погасли смоляныя бочки, прибыли шесть казаковъ съ урядникомъ и вмѣстѣ съ Петко отправились къ границѣ, сопровождаемые ружейными выстрѣлами, музыкой и криками «ура».

О дальнѣйшей участи воеводы Петко я ничего не знаю.

III.

Подложная жалоба.

Послѣ Берлинскаго конгресса, для выработки органическаго статута провинціи, получившей названіе Восточной Румеліи, образована была европейская комиссія, въ составъ которой вошли представители всѣхъ великихъ державъ.

Комиссія собралась въ Филиппополѣ, гдѣ и открыла свои засѣданія. По наказу она должна была выработать порядокъ и правила будущаго устройства провинціи, но не имѣла права вмѣшиваться въ современное управленіе, находившееся въ вѣдѣніи оккупаціонныхъ русскихъ войскъ.

Попытки отдѣльныхъ членовъ комиссіи выйти изъ предѣловъ предоставленныхъ полномочій и вмѣшаться въ распоряженія русскихъ властей встрѣчали энергическій отпоръ со стороны генералъ-губернатора Столыпина и нашего перваго уполномоченнаго, флигель-адъютанта полковника Шепелева, вслѣдствіе чего мѣстные жители, убѣдившись, что комиссія не пользуется никакими правами, перестали обращаться къ ней.

Началась подпольная агитація. Стали поступать коллективныя анонимныя жалобы на турецкомъ языкѣ, въ которыхъ излагались просьбы вступиться за попранныя религіозныя и имущественныя права мусульманъ и обуздать русскихъ солдатъ, самовольно вторгавшихся въ дома турокъ для грабежей и насилій. Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ комиссія передавала губернатору, который не имѣлъ возможности дать имъ дальнѣйшій ходъ, такъ какъ жалобы ни по формѣ, ни по содержанію не давали повода для предварительнаго слѣдствія. Всѣ онѣ писались въ общихъ выраженіяхъ, безъ указанія времени совершенія преступленія, обвиняемыхъ, даже части войскъ, въ которой обвиняемые состоятъ на службѣ. Эти анонимныя жалобы, содержаніе которыхъ губернаторъ докладывалъ генералу Столыпину, вызывали негодованіе послѣдняго, и онъ неоднократно просилъ меня дознаться, кто ихъ пишетъ, и возбудить противъ виновныхъ уголовное преслѣдованіе; но, несмотря на стараніе полицейскихъ агентовъ, имъ не удалось обнаружить составителей пасквилей.

Сначала непонятна была цѣль посылки въ комиссію такихъ анонимныхъ прошеній, но она выяснилась, когда въ англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ газетахъ появились корреспонденціи изъ разныхъ городовъ Восточной Румеліи, въ которыхъ сообщалось, что европейская комиссія завалена жалобами мусульманъ на притѣсненія, чинимыя имъ русскими властями, но не можетъ принять никакихъ мѣръ къ облегченію участи жалобщиковъ, такъ какъ лишена права разбирать жалобы. Корреспонденты доказывали, что необходимо предоставить членамъ комиссіи право контроля надъ дѣйствіями окружныхъ начальниковъ и губернаторовъ, иначе къ концу оккупаціи Восточной Румеліи турецкое населеніе, систематически разоряемое, вынуждено будетъ вновь бѣжать изъ Румеліи, чего, повидимому, и добиваются нынѣшніе правители.

Представители державъ предсѣдательствовали въ комиссіи по очереди, и въ декабрѣ 1878 г. очередь дошла до злѣйшаго врага Россіи, англійскаго уполномоченнаго сэра Генри Друмондъ-Вольфа, который, неожиданно для себя, далъ возможность обнаружить источникъ ложныхъ жалобъ на русскія власти.

11/23 декабря сэръ Друмондъ-Вольфъ увѣдомилъ генерала Столыпина, что турки филиппопольскаго квартала Ибни-Кассимъ подали въ европейскую комиссію жалобу на русскихъ солдатъ, разрушившихъ мечеть и училище, выстроенное во дворѣ мечети, а также ихъ дома, лишивъ ихъ крова въ суровое время года. Къ письму приложена копія перевода прошенія на французскій языкъ и указаны имена семи турокъ, подписавшихъ это прошеніе по довѣренности общества.

Наконецъ-то явилась возможность разъяснить дѣло, и генералъ-губернаторъ немедленно назначилъ дознаніе. Къ удивленію,

мечеть, школа и жилища оказались не разрушенными, а подписавшіеся подъ прошеніемъ турки показали, что никакой жалобы на русскихъ солдатъ они не приносили, живутъ съ ними въ полномъ согласіи и очень благодарны, что русскія власти защищаютъ ихъ отъ попытокъ болгаръ завладѣть ихъ имуществомъ. Они подписали (приложили печати) прошеніе, написанное Османъ-Эффенди, въ которомъ ходатайствовали о выдачѣ имъ пособія на обновленіе школы и мечети, пришедшихъ въ упадокъ во время бѣгства ихъ изъ Филиппополя, изъ фонда, переданнаго въ комиссію благотворителемъ Лонгомъ на устройство турецкихъ селеній, пострадавшихъ во время войны. Никакой другой просьбы въ прошеніи, прочитанномъ Османъ-Эффенди и лично ими поданномъ въ европейскую комиссію, не заключалось. Генералъ Столыпинъ потребовалъ къ себѣ турокъ, удостовѣрившихъ подложность прошенія, и лично, чрезъ переводчика Гешова, допросилъ ихъ, а когда они подтвердили показаніе, данное на дознаніи, Столыпинъ послалъ ихъ со своимъ правителемъ канцеляріи Неклюдовымъ и Гешовымъ къ Друмондъ-Вольфу, чтобы они въ присутствіи послѣдняго засвидѣтельствовали, о чемъ именно ходатайствовали въ прошеніи.

Вслѣдъ затѣмъ началась переписка на французскомъ языкѣ между генералъ-губернаторомъ и сэромъ Друмондъ-Вольфомъ, копія которой мнѣ передана для свѣдѣнія. Привожу эту переписку въ русскомъ переводѣ:

«Филиппополь, 17/29 декабря 1878 г.

«Господинъ генералъ-губернаторъ!

«Третьяго дня господинъ Неклюдовъ въ сопровожденіи г. Гешова и турокъ, подписавшихъ прошеніе въ европейскую комиссію, о которомъ я имѣлъ честь сообщить вамъ 11/23 декабря, посѣтили меня.

«Я приказалъ допросить турокъ въ присутствіи гг. Неклюдова и Гешова, и они удостовѣрили, что въ прошеніи, къ которому приложены ихъ печати, не было ни жалобъ на русскія власти, ни обвиненія русскихъ солдатъ въ разрушеніи мечети, училища и жилищъ.

«Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, препровождаю жалобу на турецкомъ языкѣ съ переводомъ, вновь сдѣланнымъ г. Леономъ, однимъ изъ секретарей французскаго уполномоченнаго, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ петиціи, адресованныя въ европейскую комиссію.

«Примите, господинъ генералъ-губернаторъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

(подписано) Г. Друмондъ-Вольфъ».

Присланное при письмѣ прошеніе гласило слѣдующее:

«Его превосходительству г. предсѣдателю европейской комиссіи въ Восточной Румеліи.

«Нижеподписавшіеся жители квартала Ибни-Кассимъ гор. Филиппополя приняли мѣры къ поправкѣ мечети нашего квартала и къ пристройкѣ къ ней школы для нашихъ дѣтей. Три дня тому назадъ посланные русскими властями солдаты стали ломать стѣны, панели, шкапы и другія столярныя работы не только въ школѣ но и внутри мечети, обѣщая все разрушить въ теченіе трехъ дней. Кромѣ того, они разрушаютъ дома, въ которыхъ живутъ собственники-мусульмане, причиняя убытки и ставя въ безвыходное положеніе домохозяевъ въ настоящее суровое время года.

«Безсильные остановить эти жестокости, мы прибѣгаемъ къ защитѣ вашего превосходительства и просимъ вмѣшательства съ цѣлію прекращенія этихъ насилій и жестокостей, которыя не только нарушаютъ нашъ покой, но мѣшаютъ намъ исполнять религіозные обряды. Къ прошенію приложены печати жителей квартала Ибни-Кассимъ, турокъ: Гассана, Ибрагима, Шевкета, Сеидъ-Османа, Мустафы, Махмуда и Сеидъ-Ахмета».

Въ отвѣтъ на письмо отъ 17 декабря, къ которому была приложена вышеизложенная жалоба, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ 18/30 декабря послалъ Друмондъ-Вольфу слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь!

«Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 17/29 декабря, вмѣстѣ съ адресованною предсѣдателю европейской комиссіи жалобой турокъ, о которой вы мнѣ сообщили 11 декабря.

«Ни минуты не сомнѣваясь въ точности французскаго перевода жалобы, я былъ увѣренъ въ вымышленности событій, изложенныхъ въ прошеніи, и въ томъ, что содержаніе прошенія не было извѣстно туркамъ, приложившимъ къ нему свои печати.

«Упомянутые турки и мнѣ и вамъ объявили, что у нихъ не было повода жаловаться на мѣстныя русскія власти, что никогда жилища ихъ не разрушались и что они обратились въ европейскую комиссію лишь съ просьбой помочь имъ поправить школу и мечеть, пришедшія въ упадокъ во время войны.

«Изъ изложеннаго вытекаетъ, что, по всей вѣроятности, жалоба написана какимъ-нибудь уличнымъ адвокатомъ, съ преступною цѣлію ввести комиссію въ заблужденіе относительно дѣйствій русскихъ властей, а обманутые турки приложили къ ней свои печати, предполагая, что подаютъ просьбу о пособіи.

«Имѣя въ виду прекратить подобныя злоупотребленія, я счелъ долгомъ передать дознаніе военному прокурору филиппопольскаго военнаго суда, съ просьбой препроводить его къ подлежащему

военному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія и привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности.

«Не нахожу словъ благодарить васъ, милостивый государь, за доставленную возможность выяснить этотъ инцидентъ, который могъ послужить поводомъ къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ.

«Полагаю, что авторы подобныхъ подложныхъ прошеній, вводящіе въ заблужденіе своихъ неграмотныхъ кліентовъ и осмѣливающіеся напрасно безпокоить представителя ея величества королевы великобританской, подлежатъ строжайшему наказанію.

«Примите увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи

(подписано) Столыпинъ».

Письмо это, очевидно, не понравились Друмондъ-Вольфу, и онъ отвѣтилъ на него коротко и сухо:

«20 декабря 1878 г. (1 января 1879 г.).

«Господинъ генералъ-губернаторъ!

«На письмо отъ 18/30 декабря увѣдомляю, что вслѣдствіе заявленія турокъ, въ присутствіи гг. Неклюдова и Гешова о несоотвѣтствіи перевода съ поданнымъ ими прошеніемъ, я счелъ своимъ долгомъ переслать вамъ прошеніе съ новымъ переводомъ его, сдѣланнымъ г. Леономъ.

«Не считаю себя въ правѣ интересоваться мѣрами, принятыми вами по этому дѣлу.

«Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи

(подписано) Друмондъ-Вольфъ».

Присланное генералъ-губернаторомъ дознаніе было въ тотъ же день передано военному слѣдователю Филиппопольскаго округа, который и принялъ его къ своему производству.

На другой день мы вмѣстѣ выѣхали въ отдаленное филиппопольское предмѣстье Ибни-Кассимъ, гдѣ приступили къ слѣдствію. Допрошенные турки подтвердили свои показанія, записанныя въ актѣ дознанія, и дополнили ихъ слѣдующими данными. Узнавъ, что въ Филиппополь пріѣхалъ благотворитель мистеръ Лонгъ, щедрою рукою помогавшій, безъ различія національностей, всѣмъ пострадавшимъ отъ войны, они, по уполномочію общества, пошли на вокзалъ, гдѣ въ своемъ вагонѣ жилъ мистеръ Лонгъ, но оказалось, что послѣдній уже выѣхалъ въ Сливно, довѣренный же его сообщилъ, что Лонгъ вернется въ Филиппополь не ранѣе весны, и что передъ отъѣздомъ Лонгъ передалъ значительныя суммы въ европейскую комиссію, для помощи всѣмъ пострадавшимъ. Когда они разсказали обществу о результатахъ поѣздки, имъ предложено было подать прошеніе въ европейскую комиссію о пособіи на исправленіе мечети и школы, изъ оставленнаго Лонгомъ фонда.

Они обратились къ уважаемому муллѣ ихъ квартала Османъ-Эффенди и упросили его написать прошеніе. На другой день, 9 декабря, отправились въ европейскую комиссію, гдѣ подали прошеніе брюнету съ окладистой бородой, небольшого роста, очень полному, повидимому, греку или армянину, который, принявъ прошеніе, велѣлъ имъ обождать въ передней. Часа черезъ два тотъ же брюнетъ, хорошо говорящій по-турецки, вышелъ опять въ переднюю и сказалъ имъ, что прошеніе написано не по формѣ, оно должно быть адресовано не въ европейскую комиссію, а предсѣдателю оной, для передачи мистеру Лонгу и что завтра они должны явиться, захвативъ свои печати, такъ какъ прошеніе имъ перепишутъ. Не подозрѣвая обмана, 10 декабря они опять явились въ комиссію, и тотъ же господинъ приложилъ ихъ печати къ готовому прошенію, взыскавъ съ нихъ десять франковъ пошлинъ и за переписку.

Мулла Османъ-Эффенди, по предъявленіи ему прошенія, категорически заявилъ, что оно писано не имъ и по содержанію своему не соотвѣтствуетъ прошенію, написанному имъ для жителей Ибни-Кассимъ. Ему предложено снять копію съ прошенія, что онъ исполнилъ.

Эксперты каллиграфіи, мулла и улемъ (учитель), сличивъ прошеніе съ копіею, изготовленною Османъ-Эффенди, объяснили, что документы эти писаны разными почерками и что по конструкціи фразъ въ прошеніи они утверждаютъ, что оно писано лицомъ, изучившимъ турецкій языкъ, но не знатокомъ арабской стилистики, каковую отлично усвоилъ извѣстный ученый мулла Османъ-Эффенди. Если бы онъ составлялъ это прошеніе, то не употребилъ бы многихъ неправильныхъ оборотовъ рѣчи. Эти неправильныя фразы подчеркнуты экспертами и замѣнены другими. Въ свою очередь, Османъ-Эффенди, въ снятой имъ копіи съ прошенія, подчеркнулъ тѣ же неправильности въ конструкціи предложеній.

Въ присутствіи понятыхъ мы осмотрѣли мечеть, школу и турецкіе дома. Все оказалось въ цѣлости, только недоставало необходимой школьной мебели. Присутствовавшіе при осмотрѣ турки объяснили, что бѣжали изъ Филиппополя 1 января 1878 г., а когда вернулись въ октябрѣ того же года, школьной мебели не нашли; вѣроятно, она уничтожена поселившимися въ ихъ кварталѣ болгарами, которыхъ, послѣ возвращенія ихъ, собственниковъ домовъ, русскія власти выселили изъ квартала Ибни-Кассимъ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ у Аркадія Дмитріевича Столыпина, разсказалъ ему добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ данныя, убѣждающія въ томъ, что прошеніе подмѣнено въ европейской комиссіи, и просилъ содѣйствія къ полученію разрѣшенія допросить канцелярскихъ чиновниковъ этой комиссіи, для выясненія, кто изъ нихъ 9 декабря принялъ прошеніе, а 10 декабря замѣ-

нилъ его другимъ—подложнымъ. Я былъ убѣжденъ, что предсѣдатель комиссіи, Друмондъ-Вольфъ, сошлется на экстерриторіальность служащихъ и откажется выслать ихъ къ слѣдователю.

Очень довольный результатами слѣдствія, генералъ Столыпинъ вмѣстѣ со мною поѣхалъ къ флигель-адъютанту полковнику Шепелеву посовѣтоваться, какъ успѣшнѣе добиться допроса чиновниковъ. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили, что завтра я отправлюсь одинъ къ Друмондъ-Вольфу, объясню ему, что предварительнымъ слѣдствіемъ выясненъ подмѣнъ прошенія въ пріемной комнатѣ европейской комиссіи, и буду просить разрѣшенія слѣдователю послать повѣстки чинамъ канцеляріи, бывшимъ дежурными 9 и 10 декабря. Въ случаѣ отказа Шепелевъ предлагалъ обождать недѣли двѣ, когда кончится срокъ предсѣдательскихъ полномочій Друмондъ-Вольфа, и обратиться съ тою же просьбою къ новому предсѣдателю, кажется, итальянскому уполномоченному, который, несомнѣнно, уважитъ просьбу; если же и здѣсь встрѣтится какое-нибудь затрудненіе, то онъ внесетъ мое предложеніе въ общее собраніе комиссіи, гдѣ надѣется быть поддержаннымъ большинствомъ, такъ какъ во вчерашнемъ засѣданіи многіе негодовали и высказывались за необходимость принять мѣры къ выясненію невинности чиновниковъ; если же окажется виновный, не скрывать его проступка, а предать суду того государства, которое его командировало.

На слѣдующій день, въ 11 ч. утра, я поѣхалъ къ предсѣдателю европейской комиссіи, который принялъ меня очень любезно и внимательно выслушалъ просьбу о разрѣшеніи послать повѣстки чиновникамъ канцеляріи.

— Повидимому, дорогой полковникъ, вы забываете, что всѣ служащіе въ европейской комиссіи не подвѣдомственны русскимъ судамъ и что противъ нихъ вы не въ правѣ возбуждать уголовнаго преслѣдованія.

— Нѣтъ, дорогой сэръ, я объ этомъ не забылъ, и лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что я обратился къ вамъ за разрѣшеніемъ вызвать свидѣтелей, а не вызвалъ ихъ повѣстками. О возбужденіи противъ кого-либо изъ служащихъ въ европейской комиссіи уголовнаго преслѣдованія до сихъ поръ не было рѣчи; если же обнаружится преступный фактъ, будьте увѣрены, что о немъ сообщимъ, въ установленномъ закономъ порядкѣ, тому иностранному правительству, которое его аккредитовало, сами же никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій не сдѣлаемъ.

— Ни въ какомъ случаѣ не считаю себя въ правѣ разрѣшить русскому военному слѣдователю производить слѣдствіе о служащихъ въ экстерриторіальной европейской комиссіи, а потому, къ крайнему сожалѣнію, вынужденъ вамъ отказать и не позволю

никому изъ чиновъ канцеляріи отвѣчать на вопросы вашего слѣдователя.

— Я уже докладывалъ вамъ, сэръ, что слѣдствіемъ установлено, что подмѣнъ прошенія произведенъ въ пріемной комнатѣ комиссіи, у насъ есть и примѣты лица, подмѣнившаго прошеніе, неужели вы и ваши товарищи-уполномоченные допустите, чтобы подозрѣніе въ такомъ позорномъ преступленіи тяготѣло надъ неповинными служащими, когда есть возможность обнаружить виновнаго.

— Однако, дорогой полковникъ, вы ставите вопросъ ребромъ. Выходитъ, если я откажу вамъ въ просьбѣ обнаружить виновника, то самъ буду укрывателемъ позорнаго преступленія.

— Я этого не говорилъ.

— Въ случаѣ отказа, конечно, въ европейскія газеты полетятъ корреспонденціи о томъ, что русской слѣдственной власти удалось установить, что подложныя прошенія пишутся въ пріемной европейской комиссіи, но предсѣдатель этой комиссіи, изъ никому не понятныхъ побужденій, не далъ возможности выяснить, кто написалъ прошеніе.

— Очень можетъ быть, что будутъ и корреспонденціи; дѣло получитъ большую огласку, и многіе, узнавъ о вашемъ отказѣ, будутъ недоумѣвать, чѣмъ онъ вызванъ.

— А вы сами, полковникъ, не станете внушать эти корреспонденціи, какъ это было по дѣлу Арифа-Ходжи. Мнѣ извѣстно, что судъ давалъ справки корреспондентамъ?

— Дѣло разсматривалось въ публичномъ засѣданіи, а судъ давалъ такія справки, которыя разрѣшены закономъ.

— Сознайтесь, дорогой полковникъ, что вы ненавидите англичанъ?

— Ошибаетесь сэръ, съ пяти до шестнадцати лѣтъ меня воспитывалъ почтенный гувернеръ-англичанинъ. Ему я обязанъ твердостью характера, трудолюбіемъ и работоспособностью, непоколебимостью въ выработанныхъ взглядахъ на разные жизненные вопросы, и онъ же укоренилъ во мнѣ страстную любовь къ родинѣ. Всѣ эти качества присущи англичанамъ, а потому я не могу ихъ ненавидѣть, но очень сожалѣю, что по всѣмъ политическимъ вопросамъ они принципіально дѣйствуютъ, какъ враги Россіи.

Раздались слова: «all right, all right, my dear», послѣ которыхъ Друмондъ-Вольфъ всталъ и, потирая руки, долго ходилъ по комнатѣ.

Наконецъ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

Формальнаго допроса чиновниковъ я своею властью разрѣшить не могу, пусть вашъ уполномоченный предложитъ этотъ вопросъ на обсужденіе комиссіи, и тогда—что она постановитъ, то и исполнимъ. Теперь же, такъ какъ вамъ извѣстны примѣты чиновника, принявшаго 9 декабря прошеніе и замѣнившаго его

10 декабря другимъ, не признаете ли вы полезнымъ выслушать секретарей комиссіи, которыхъ я буду приглашать сюда и спрашивать, не знаютъ ли они, кто подходитъ къ этимъ примѣтамъ.

— Я буду вамъ очень благодаренъ, сэръ, и пока ничего другого не желаю.

Первымъ былъ вызванъ секретарь Друмондъ-Вольфа, который заявилъ, что лицо съ указанными примѣтами онъ часто видѣлъ въ пріемной комнатѣ комиссіи, но не знаетъ, состоитъ ли онъ въ числѣ служащихъ чиновниковъ или агентовъ. Секретарь германскаго уполномоченнаго, подтверждая, что почти ежедневно встрѣчалъ въ пріемной лицо съ такими примѣтами, объяснилъ, что по профессіи это адвокатъ или переводчикъ, объясняющійся съ просителями, не говорящими на европейскихъ языкахъ. Секретарь итальянскаго уполномоченнаго показалъ, что 9 декабря онъ былъ дежурнымъ и видѣлъ господина, подходящаго къ описаннымъ примѣтамъ, бесѣдовавшимъ съ группой турокъ, которыхъ онъ увелъ изъ пріемной; полагаетъ, что это одинъ изъ переводчиковъ, не состоящій на службѣ въ комиссіи, но приглашаемый для объясненій съ просителями. Секретарь французскаго уполномоченнаго удостовѣрилъ, что 10 декабря прошеніе подалъ ему господинъ съ указанными примѣтами, который хотя не состоитъ чиновникомъ комиссіи, но ежедневно до 15 декабря бывалъ въ пріемной комнатѣ и занимался составленіемъ прошеній на турецкомъ, армянскомъ и еврейскомъ языкахъ, когда просители должны были, вмѣсто словесныхъ объясненій, подавать письменныя прошенія.

Допросомъ этихъ лицъ былъ выясненъ составитель прошенія, оставалось только разыскать его и привлечь въ качествѣ обвиняемаго, и хотя никто не зналъ его имени и фамиліи, но я былъ увѣренъ, что личность его въ непродолжительномъ времени будетъ выяснена.

Горячо поблагодаривъ Друмондъ-Вольфа за участіе въ открытіи преступника, я объяснилъ ему, что вопросъ о разрѣшеніи послать повѣстки чиновникамъ канцеляріи пока не будетъ возбужденъ, если виновность составителя подложнаго прошенія, послѣ поимки его, будетъ установлена свидѣтельскими показаніями турокъ и сравненіемъ почерка его съ таковымъ же почеркомъ, которымъ написано прошеніе.

Сходя съ лѣстницы, я увидѣлъ, что внизу у входныхъ дверей стоятъ два болгарскихъ жандарма. Это навело меня на мысль, что преступника должны были видѣть тѣ жандармы, которые стояли у входныхъ дверей 9 и 10 декабря, если только постъ этотъ постоянный. Спрошенные жандармы объяснили, что со времени открытія засѣданій комиссіи ежедневно, отъ 11 до 5 часовъ пополудни, наряжаются ко входнымъ дверямъ два жандарма.

По требованію слѣдователя полицеймейстеръ выслалъ четырехъ жандармовъ, которые были дежурными 9 и 10 декабря. На допросѣ они установили, что обвиняемый извѣстенъ подъ именемъ Кара-Янъ-ага, что онъ неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ и подвергался аресту за обманы и вымогательство денегъ. Жандармы, дежурившіе 10 декабря, видѣли, какъ турки передавали ему, послѣ продолжительнаго торга, десять франковъ, несмотря на предупрежденіе ими турокъ, что никакихъ пошлинъ въ комиссіи не берутъ.

Послѣ составленія постановленія о привлеченіи Кара-Янъ-аги въ качествѣ обвиняемаго въ подлогѣ, была послана повѣстка о явкѣ его къ военному слѣдователю, но повѣстка не могла быть вручена за выѣздомъ обвиняемаго изъ Филиппополя.

Сдѣлана публикація о розыскѣ его; посланы отношенія во всѣ полицейскія управленія Восточной Румеліи съ примѣтами обвиняемаго. Черезъ дипломатическое агентство генералъ-губернаторъ просилъ адріанопольскаго генералъ-губернатора Реуфъ-пашу, предупредительно исполнявшаго русскія требованія, задержать Кара-Яна на родинѣ его въ Адріанополѣ, но всѣ поиски ни къ чему не привели, и обвиняемый безъ вѣсти пропалъ.

Полицейскимъ дознаніемъ выяснено, что Кара-Янъ-ага выѣхалъ изъ Филиппополя 18 декабря вечеромъ, т. е. въ тотъ день, когда Друмондъ-Вольфъ получилъ письмо Столыпина, извѣщавшее, что составитель подложнаго прошенія будетъ преданъ военному суду и понесетъ суровое наказаніе. Тѣмъ же дознаніемъ обнаружено, что обвиняемый не числился на службѣ въ комиссіи, но въ числѣ многихъ агентовъ англійскаго отдѣла канцеляріи исполнялъ разнообразныя порученія чиновниковъ, состоявшихъ при англійскомъ уполномоченномъ. Дѣятельность его была провокаторская, и его нѣсколько разъ задерживали за подговоръ возвратившихся въ Румелію турокъ къ противодѣйствію русскимъ властямъ. Изъ присланной копіи судебнаго приговора усмотрѣно, что съ мая по августъ 1878 г. онъ отбывалъ тяжкое тюремное заключеніе за обманы и вымогательство денегъ.

Въ первый день Рождества Христова Друмондъ-Вольфъ былъ у меня съ визитомъ и пригласилъ на офиціальный обѣдъ, который онъ давалъ членамъ комиссіи и представителямъ русской власти. Въ разговорѣ я сообщилъ ему, что личность обвиняемаго установлена, что онъ былъ въ числѣ агентовъ англійскаго отдѣла канцеляріи, что онъ подговаривалъ турокъ подавать завѣдомо-ложныя анонимныя жалобы на русскія власти, и что по сравненію почерка, которымъ писаны большинство жалобъ, таковой оказался схожимъ съ несомнѣннымъ почеркомъ Кара-Яна. Друмондъ-Вольфъ отвѣтилъ, что чинамъ его канцеляріи часто приходится давать

порученія разнымъ лицамъ, на которыхъ смотрѣли какъ на посыльныхъ, не интересуясь фамиліею ихъ и степенью благонадежности.

Дѣло пролежало у слѣдователя шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ препровождено для храненія въ штабѣ, впредь до поимки обвиняемаго.

Послѣ 10 декабря въ европейскую комиссію не поступило ни одной жалобы на русскія власти.

Н. Мордвиновъ.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XII.

Во Владыкинѣ на дачѣ.—Знакомые артисты.—Духовенство.

МНОГО прошло времени, но нѣкоторыя впечатлѣнія и картины до сихъ поръ ярки и свѣжи въ памяти. Какъ живая, милая деревушка, безъ дачъ, безъ всякихъ полукультурныхъ приспособленій. Дачники ютились по крестьянскимъ хатамъ и пристройкамъ, а то попросту проживали даже въ сараяхъ. Тогда чистымъ воздухомъ, ласковымъ ландшафтомъ можно было пользоваться задешево. А прогулки? Въ трехъ верстахъ была Петровская академія со своимъ чуднымъ огромнымъ паркомъ, въ противоположную сторону, за Лихоборку, шли березовыя рощи, вплоть до Останкина. Но дачники рѣдко пользовались такими прогулками. Они слишкомъ свыклись, сроднились съ деревенькой и проводили вечера или у старой мельницы, или на берегахъ рѣки, гдѣ были сложены копны душистаго свѣжаго сѣна.

Мнѣ такъ понравилась эта простая, не безъ поэзіи, обстановка, что я поселился у крестьянина Филиппа Михайлова въ какомъ-то чуланѣ съ маленькимъ одинокимъ окошкомъ, выходящимъ на рѣчку. Столъ, табуретка и сколоченная на скорую руку кровать—вотъ и

---

[1] Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXI, стр. 878.

все, что мнѣ было нужно и что составляло мое удобство. Молока, яицъ было вволю, отношенія съ хозяевами были прямо дружескія, и я рѣдко ходилъ на фабрику къ Фалинымъ, которые приглашали меня обѣдать ежедневно. Зачѣмъ, когда въ жару лучше быть дома, въ своей прохладной комнатѣ, съ книгой и пить холодное молоко съ пахучимъ ржанымъ хлѣбомъ, а вечеромъ въ обществѣ артистовъ проводить время.

Фалинъ самъ ежедневно приходилъ къ вечеру. Бывало, мы просиживали до восхода солнца у старой мельницы и кваканье лягушекъ казалось намъ не лишеннымъ своеобразной поэзіи. Въ непосредственной жизни было столько прелести!..

Надо, однако, познакомить читателя съ дачниками Владыкина. Облюбовалъ это мѣстечко нѣкто Волковъ, завѣдывавшій освѣщеніемъ Малаго театра. Онъ былъ женатъ, дѣтей не было и никто не мѣшалъ ему предаваться любимому рыболовству. Рыба, дѣйствительно, и при томъ разнообразная, водилась въ рѣчкѣ Лихоборкѣ. Волковъ былъ въ восторгѣ отъ мѣстечка, тѣмъ болѣе, что человѣку нетребовательному простота деревенской жизни была и по душѣ и по карману. Разсказами о деревенькѣ и особенно о рыбной охотѣ смутилъ онъ своего товарища по службѣ, суфлера Малаго театра Ермолова, который, побывавъ во Владыкинѣ и намѣтивъ дачу, весной переѣхалъ туда съ своимъ семействомъ, которое состояло изъ жены и трехъ дочерей. Младшая, еще дѣвочка, училась въ театральной школѣ, средняя кончила курсъ въ гимназіи, а старшая уже была артисткой Малаго театра съ нѣкоторымъ именемъ, ибо выступала въ отвѣтственнымъ роляхъ съ успѣхомъ. Совершенно случайно выдвинулся талантъ, который въ скоромъ времени расцвѣлъ и вылился въ совершенно опредѣленную форму сильнаго драматическаго характера. Кто не знаетъ М. Н. Ермолову? Случайность ея появленія на сценѣ еще ученицей школы была такова: въ бенефисъ Медвѣдевой («Эмилія Галотти» Лессинга) заболѣла одна участвовавшая, и бенефиціантка замѣнила ее Ермоловой, способности которой были ярки, оригинальны, несмотря на блестящую въ то время труппу — такихъ именъ, какъ Самаринъ, Шумскій, Провъ Садовскій, Федотова, Никулина и другіе. Благодаря случайному спектаклю М. Ермолова не попала въ балетъ, куда она предназначалась, а была зачислена въ штатъ Малаго театра съ жалованьемъ, кажется, 15 руб. въ мѣсяцъ. Впрочемъ, въ скоромъ времени окладъ артистки выражался въ 600 р. въ годъ, чѣмъ она и отецъ были крайне довольны.

Въ то время Марьѣ Николаевнѣ было 19 лѣтъ. Семья Ермоловыхъ была простая, по отцу строгая. М. Н., повидимому, боялась послѣдняго и повиновалась ему безусловно. Это была слабая, симпатичная дѣвушка съ религіознымъ и поэтическимъ настроеніемъ. Она была сдержанна и нервна. Ея походка, подергиванье плечами

внѣшнимъ образомъ указывали на нервную натуру. Мрачный и нелюдимый былъ ея родитель, страстный и вѣчный рыболовъ. Бывало, по цѣлымъ днямъ торчитъ гдѣ-нибудь у мельницы или около заводи рѣки, не спуская глазъ съ поплавка удочки.

— Что, клюетъ, Николай Алексѣевичъ?—спросишь, случайно наткнувшись на него.

Не сразу отвѣтитъ рыболовъ, посмотрѣвъ непривѣтливо.

— Плохо,—отвѣчаетъ онъ, сердито выхватывая изъ воды удочку, затѣмъ, потеребивъ и поплевавъ на червяка, снова съ яростью забрасываетъ далеко красный поплавокъ.

Всякій, конечно, спѣшилъ оставить въ покоѣ угрюмаго рыболова.

Волковъ тотъ, напротивъ, былъ веселый рыболовъ и безъ водочки и закусочки рѣдко когда ходилъ на охоту.

На дачѣ проживали еще двѣ молодыя артистки, подруги по театральной школѣ Ермоловой—А. В. Аристова и В. В. Топольская. Первая, очень недурная собой брюнетка, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ, была прикомандирована къ Большой оперѣ, а Топольская къ балету, что совершенно не подходило къ внѣшности дѣвушки и ея настроенію, серьезному и вдумчивому. Она была некрасива и очень худа при большомъ ростѣ. За исключеніемъ двухъ сестеръ артистки М. Н. Ермоловой, эти дѣвушки составляли дружный, хотя маленькій кружокъ, съ которымъ, кромѣ меня и Фалина, былъ близокъ еще артистъ, тоже Малаго театра, М. В. Лентовскій. Послѣдній жилъ въ сараѣ вмѣстѣ съ артистомъ Пономаревымъ, имѣвшимъ, какъ мы увидимъ ниже, влеченіе постоянное къ водкѣ. Это былъ типъ провинціальнаго актера изъ неудачныхъ, но добраго, неглупаго малаго.

Въ сельцѣ своя деревенская жизнь шла по шаблону. Содержатель кабака Егоровъ былъ кулакъ, пріятель полицейскихъ и ненавистникъ мужиковъ, которыхъ онъ избивалъ въ пьяномъ ихъ видѣ.

— Не видали кабатчика?—спросилъ меня при встрѣчѣ Пономаревъ.

— Нѣтъ, а что?

— Увидите, присмотритесь на ихнее личико и на бородку... раздѣланъ на совѣсть!..

— Почему? кто раздѣлалъ?

— Вчерашній день Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій!.. Подъ вечеръ, возвращаясь, мы услыхали крики. И что жъ? видимъ, какъ изъ Капернаума вылетѣлъ пьяный трупъ Матвѣя Прохорова, котораго хозяинъ съ сыновьями начали топтать ногами... да какъ?! Ну, Михаилъ Валентиновичъ не выдержали, да и давай... хорошая пьеска вышла... Посмотрите на личико-то!—заключилъ Пономаревъ.

Проходя мимо дома кабатчика, я увидалъ совершенно жалкую его физіономію съ укороченной бородой и синяками. Егоровъ вѣжливо поклонился.

Мнѣ остается теперь сказать два слова о духовенствѣ. Священникъ былъ старый и глухой, дьяконъ молодой и безпокойный человѣкъ.

— Совсѣмъ было юнкеромъ въ полкъ назначеніе выходило, а вотъ видите, куда попалъ!—разсказывалъ онъ.—А отчего? позвольте васъ спросить? изъ-за нея... да-съ!—и дьяковъ показывалъ на высокаго роста дьяконицу съ печальнымъ лицомъ.

Еще былъ нижній чинъ духовенства—это церковный и кладбищенскій сторожъ, человѣкъ многосемейный и запойный. Случайно поздно вечеромъ я видѣлъ его сраженіе съ чертями, которыхъ онъ бомбардировалъ чѣмъ ни попало, направляя свои удары въ убогое жилище, гдѣ жена и дѣти дрожали отъ страха.

Вотъ и вся внѣшняя характеристика жителей, постоянныхъ и временныхъ, Владыкина. Крестьяне были обыкновенные подмосковные, развязные и съ хитрецой.

Чудное, нѣсколько свѣжее утро. Сторожевой церковный колоколъ пробилъ шесть часовъ. Я раздѣваюсь на берегу, чтобы по обыкновенію выкупаться. Отъ кладбищенской рощи тянутся къ рѣкѣ еще длинныя тѣни. Слышу голоса влѣво, гдѣ на противоположномъ берегу въ лознякѣ мелькаютъ голыя тѣла.

«Го! го! го!..» проносится вдоль рѣки.

«Кто бы это?» думаю я, всматриваясь. Но снова тихо, затарахтѣлъ мостъ, кто-то поднимался по дорогѣ въ городъ, въ извозъ или съ молокомъ. Въ тѣни около сарая съ сѣномъ уже приготовленъ небольшой столъ, кипитъ самоваръ, около котораго кринка молока съ холоднымъ налетомъ погреба, горбушка хлѣба, чашки и полотенце.

Филиппъ Михайловъ выходитъ съ вилами изъ сарая. Садимся пить чай и ѣсть молоко. Луговина, вся освѣщенная солнцемъ, спускается къ рѣкѣ, на крутомъ берегу которой высится роща, стройная, веселая, березовая. На свѣжемъ воздухѣ пахнетъ кусокъ хлѣба, рука невольно тянется къ горбушкѣ и къ холодному густому молоку. Весь организмъ въ покоѣ отъ этого тихаго утра, отъ добродушнаго вида хозяина съ его прищуренными глазами и привѣтливой улыбкой.

— Хорошо, Михайлычъ! право, хорошо!

— Благодать!—отвѣчаетъ онъ, оглядываясь по сторонамъ и смотря вверхъ на небо.—Самое время для покоса, хорошее, мягкое сѣно будетъ!.

— Да, сѣно...—повторяю я.—И такъ хорошо!.. взглядываю я на собесѣдника.

— И для души пріятно!—точно угадываетъ мои мысли Филиппъ.

Именно для души, которая невидимо, но непосредственно соединилась съ этой прелестью синяго неба и зеленыхъ луговъ. Нѣтъ, нѣтъ, да пахнетъ съ рѣки вѣтерокъ. «Го! го! го!..»

— Что это? кто кричитъ?

Филиппъ засмѣялся и сказалъ:

— Цѣлую ночь дьяконъ съ актеромъ гуляютъ на рѣчкѣ.

— Надо пойти къ Лентовскому,—говорю я.

— Небось, еще спитъ,—замѣчаетъ Филиппъ.—А что тебѣ хочу сказать, Иванычъ, больно охота мнѣ поглядѣть, какъ это Михаилъ Валентинычъ и Марья Николаевна играютъ въ театрѣ? Очень это для меня любопытно!..

— Вотъ въ началѣ сентября пойдемъ вмѣстѣ.

— Взаправду?

— А что жъ? и за билеты платить не будемъ, а въ Москвѣ у матери ты и ночуешь...

— Слышь, старуха,—обратился Филиппъ къ женѣ:—въ театръ съ Иванычемъ пойдемъ, смотрѣть, какъ тамъ играютъ.

— И, и! на старости-то лѣтъ! чего задумалъ...

Довольный смѣется Филиппъ Михайловичъ, довольна въ сущности и его баба, довольны всѣ, благодаря этому чудному іюльскому дню. Нѣтъ желанія сидѣть съ книгой, тянетъ въ лѣсъ, къ рѣкѣ, вообще куда-нибудь. Хочется движенія, жаль разстаться съ чистымъ небомъ, съ яркимъ солнцемъ. Я иду къ Лентовскому. Сарай его открытъ,—значитъ, дома. Еще лежитъ дачникъ въ кровати, Марѳа несетъ ему кринку молока.

— Слышали?—спрашиваетъ.—На рѣчкѣ-то?

— Гуляютъ Пономаревъ съ дьякономъ...

— Цѣлую ночь... Пріѣхалъ вчера изъ города, а наливки моей какъ ни бывало... Утромъ приходили, еще что-то взяли изъ-подъ кровати, спички тоже... рыбу, изволите видѣть, жарятъ... Купались?..

— Еще бы... я и чаю уже напился...

— Пойдемте, посмотримъ, что дѣлаютъ наши чудаки... Кстати я и выкупаюсь... Гдѣ ихъ вы видѣли?

— Недалеко, гдѣ осока и лознякъ, на той сторонѣ.

— А, а... рыбное мѣсто!.. Видали, какъ дьяконъ рыбу ловитъ?.. не правда ли—ловко?

— Какъ же!.. голыми руками...

Мы пошли къ тому мѣсту, откуда утромъ раздавалось «го! го!..» Но нѣтъ, «пріятелей» и слѣдъ простылъ. На наши окрики отвѣта не было.

— Что жъ, не пойти ли намъ въ рощу?

Я охотно согласился. Уже солнце начинало припаливать, а въ рощѣ было прохладно. Когда поднялись въ гору и посмотрѣли вдоль рѣки, мы замѣтили далеко, тамъ, гдѣ былъ поворотъ Лихоборки и заводи, дымокъ.

— А вѣдь это «они» костеръ развели и уху варятъ,—сказалъ Лентовскій, показывая по тому направленію.

Въ рощѣ тихо и прохладно, а съ М. В. Лентовскимъ не скучно. Его разсказы, полные живого юмора, и интересны, и оригинальны. Въ самомъ дѣлѣ, что ни городъ, то приключенія. И слезы и смѣхъ!..

— А вотъ меня въ Одессѣ за поджигателя приняли...

— Какъ такъ?—удивился я.

— Еще хорошо отдѣлался, а то избили бы до полусмерти! а говорятъ—культурный городъ!... Нѣтъ, культура не въ Россіи, а за границей, а у насъ кулакъ—вотъ что! Пріѣхалъ я въ Одессу, когда тамъ каждый день были пожары. Лѣто стояло знойное, жара страшная, и я одѣлся, не помню хорошо, въ какой костюмъ, но только чудно, въ прозрачныя этакія ткани, и шляпу на головѣ пристроилъ особенную. Иду себѣ въ театръ на репетицію, а за мной народъ, мальчишки бѣгутъ... Слышу, кричатъ: «Вотъ онъ!.. поджигатель самый!» Какой-то мастеровой замахнулся было, но быстро отлетѣлъ кубаремъ на мостовую. Шумъ, крики растутъ, толпа увеличивается, приходится защищаться... Наконецъ полиція, паспортъ спрашиваетъ, а у меня никакого документа... Ну, въ участокъ и за рѣшетку. Сижу и слышу: «Гдѣ онъ? посмотрѣть бы... отродясь поджигателя не видѣла, пусти!»..—«Начальство не приказало!» отвѣчаетъ полицейскій. «На вотъ двугривенный, я одну минуточку!..»—«Хорошо, только скорѣича». Смотрю, за рѣшеткой старушка, еще какой-то мѣщанинъ глядятъ на меня. Старуха крестится и бормочетъ: «Ишь, какой страшный!».. а мѣщанинъ молча кулакъ показываетъ. Много набрала полицейская душа двугривенныхъ и гривенниковъ, а я часа три поджигателя изображалъ, пока наконецъ антрепренеръ не выручилъ. И то насъ подъ конвоемъ до театра проводили!

Много Лентовскій разсказывалъ о знаменитомъ Щепкинѣ, который ему покровительствовалъ и у котораго онъ жилъ въ Москвѣ. Онъ хранилъ портретъ артиста съ надписью: «Не зарывай своего таланта, работай, учись!» Но натура Михаила Валентиновича была слишкомъ живая, открытая, чтобы сжиться съ интригами и чиновнымъ міромъ императорскаго театра. Эта личность была оригинальная, не терпящая рутины и такъ называемаго мѣщанства. Оригинальность выражалась во всемъ, въ самыхъ мелочахъ жизни, костюмѣ и проч. Кто, въ самомъ дѣлѣ, имѣя средства, сталъ бы жить въ сараѣ безъ оконъ, безъ всякаго удобства? А это именно ему и нравилось.

— Что же, у меня пообѣдаете? или кашу пойдете ѣсть?—спросилъ онъ, когда мы выходили изъ рощи.

— Пожалуй!—согласился я.

— Вчера привезъ фисташекъ, краснаго вина, миндалю немного... Сушки любите?..

Дѣйствительно, оригинальные были обѣды у Лентовскаго: молоко, творогъ, сметана, непремѣнно фисташки и красное вино. Ни хло-

потъ, ни сервировки!.. Послѣ обѣда, въ самую жару, мы отдыхали и потому разошлись. До вечера каждый жилъ своей жизнью, а затѣмъ наступала общественная, и всѣ собирались у сарая Лентовскаго, откуда вмѣстѣ шли досиживать до бѣлаго утра въ поле или къ старой мельницѣ, а то и на кладбище. Около жилища Лентовскаго вечеромъ стояли столикъ и скамейка, а на землѣ, на пледѣ, благодушествовалъ самъ хозяинъ.

— Ко мнѣ, господа, нельзя... «они» спятъ!

— Кто?

— Пономаревъ, вѣрнѣе, «ихъ» тѣло, которое принесли и уложили... Нечего сказать, надѣлали съ дьякономъ дѣлъ! Ко мнѣ батюшка приходилъ, говорилъ, что это невозможно...

— Въ чемъ же дѣло?—спросили мы.

— Сожгли все имущество дьяконицы.

— Какъ такъ?..

— Въ отмщеніе за доносъ! Видите,—продолжалъ, смѣясь, Лентовскій:—дружба завелась между ними самая прочная и немудрено: водочка ихъ объединила. Дьяконъ совсѣмъ забросилъ домъ, хозяйство, а съ женой скандалы... «Я бы, можетъ быть, теперь ротой командовалъ, а изъ-за тебя у глухого попа въ дьяконахъ состою!»—говоритъ онъ и дерется и плачетъ... плачетъ и дерется!..

— Бѣдная женщина!—проговорили дамы.

— Ну, вотъ,—разсказывалъ Михаилъ Валентиновичъ,—эта бѣдная женщина и пошла къ священнику жаловаться на мужа, просить, чтобы онъ разлучилъ его съ актеромъ. Священникъ строго отнесся къ дьякону, пригрозивъ, что донесетъ о его поведеніи архіерею... Ну, вотъ!

— И слѣдуетъ,—опять выступили въ защиту потерпѣвшей наши дамы.

— Не знаю, слѣдуетъ, или нѣтъ, но доносчица, вѣрно, очень жалѣетъ теперь... еще бы! женщинѣ лишиться всѣхъ своихъ костюмовъ! я думаю, это ужасно... Говорятъ, и шелковое платье, подаренное фабрикантомъ, и то сожгли, а оно было совсѣмъ новое!

— Какъ сожгли? объясните?!—раздались голоса.

— Вѣроятно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ,—отвѣчалъ разсказчикъ.—Всю эту ночь они гуляли на рѣкѣ. Вы знаете, какой дьяконъ рыболовъ? Сейчасъ голыми руками рыбы наловитъ, «мой»—костеръ разведетъ, водка въ запасѣ, ночь теплая, пріятная... Чего лучше?.. Позавидовать имъ можно въ такой поэтической обстановкѣ! я самъ думаю съ ними ночку-другую провести...

— Какъ же сожгли-то костюмы?—спрашивали съ нетерпѣніемъ.

— А вотъ слушайте! Утромъ они сдѣлали осаду укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря, засѣвъ въ кустарникѣ, ближайшемъ къ дому. Увидѣвъ дымокъ изъ трубы, они терпѣливо стали ждать... Дьяконица, растопивъ печку, поставивъ горшки со щами и кашей,

отправилась «на минутку» поговорить о своей судьбѣ къ сосѣдкѣ-попадьѣ. Тогда они въ домъ и за ухваты... Горшки разбили въ печкѣ, въ которую и стали пихать костюмы доносчицы, и платья, и платки и кофточки... Печка, знаете, огромная...

— Вотъ свинство,—замѣтила Анна Васильевна:—какой дуракъ! свое же жечь...

— Надо помочь дьяконицѣ,—прибавила Марья Николаевна: — что-нибудь устроить ей, а то бѣдной и въ церковь не въ чѣмъ пойти...

Топольская смѣялась. Смѣялись и мы.

— Устроимъ для дьяконицы подписку, великолѣпный костюмъ, шляпу купимъ съ красными перьями,—предлагалъ Лентовскій.

— Они и шляпу сожгутъ,—замѣтилъ я.—Лучше ихъ помирить какъ-нибудь! Вы это можете сдѣлать, Михаилъ Валентиновичъ?!.

Инцидентъ былъ исчерпанъ. Подали самоваръ, фисташки, сушки и вино. Темнѣло, еще не показывалась изъ-за рощи луна, замолкло щебетанье птицъ, лягушки лѣниво начинали свой концертъ. Скоро на рѣкѣ, стройно переливаясь, раздался дуэтъ тенора и меццо-сопрано:

«Не говори о прежнемъ словѣ...» неслись звуки въ березовую рощу.

«Въ душѣ моей одно волненье...»

«А не любовь, а не любовь»...» разносилось по рѣкѣ страстная исповѣдь больного сердца.

И мы слушали, полные смущенія и именно любви, которою были переполнены наши сердца въ поэтическомъ очарованіи наступившей ночи и великолѣпнаго, производящаго сильное впечатлѣніе пѣнія. Наши сердца были открыты, мы чувствовали непосредственно всю прелесть жизни, радости, поэтизированнаго горя и страданія.

«Подъ душистою вѣткой сирени»—грустно передавался извѣстный романсъ, а затѣмъ «Дитятко» Пасхалова производило трепетъ на наши растроганныя души. Еще и еще... декламировали Некрасова «Парадный подъѣздъ», изъ «Мороза» и другіе, а послѣ этого, усталые отъ впечатлѣній, молчали, и это молчаніе было такъ понятно, такъ нужно. Молчала и ночь. Ясныя звѣзды мигали съ высоты темной выси, мигали загадочнымъ блескомъ, словно желая освѣтить наши чистыя сердца.

О, дивныя, тихія ночи! О, молодость, вѣрующая, любящая, восторженная!..

Когда мы расходились, недалеко отъ старой мельницы раздался глухой звукъ, и упало въ оврагъ что-то темное, большое. Мы подошли. Тамъ былъ человѣкъ, склонившійся надъ лошадью, сломавшей себѣ при нечаянномъ паденіи ногу.

— Вѣдь это лошадь Василія Грязнаго,—сказалъ намъ человѣкъ.—Теперь пропалъ мужикъ! совсѣмъ пропалъ!..

Василій Грязный былъ самый бѣдный крестьянинъ сельца Владыкина, вдовый, съ кучей маленькихъ дѣтей, грязныхъ, рваныхъ. Его изба, скорѣй землянка, съ крохотными, разбитыми окошками была намъ знакома, какъ и Грязный и его дѣти. Лошадь была дѣйствительно единственнымъ источникомъ его и дѣтей пропитанія: Грязный ѣздилъ ломовымъ извозчикомъ въ Москву каждый день и привозилъ заработки.

— Вмѣсто красной-то шляпки дьяконицѣ не помочь ли намъ этому бѣдняку?—предложилъ кто-то.

Разговоровъ по этому случаю не было, но на другой день собрали для Грязнаго болѣе ста рублей на лошадь. Въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ хлопотали дьяконъ и Пономаревъ, они даже не прикасались и къ водочкѣ и, кажется, результатомъ сбора были довольны больше насъ всѣхъ. Они дѣйствительно были чуткіе и хорошіе люди, какъ всѣ русскіе пьяницы, которымъ чуждъ эгоизмъ.

XIII.

Петербургъ.—Разбросанность мысли, неясность задачъ и будущаго.—Исканія.—Новые знакомые.

Мнѣ жаль было покидать Москву. Мысль о переходѣ въ Петровскую академію бродила у меня въ головѣ все лѣто и была близка къ осуществленію, если бы не нѣкоторыя домашнія обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше? По близости, даже по сосѣдству съ Владыкинымъ, вообще знакомыми мѣстами, недалеко отъ московскихъ друзей, заниматься мирнымъ, хозяйственнымъ дѣломъ!

Мнѣ кажется теперь, что моя поѣздка въ Петербургъ и опять несимпатичный горный институтъ были ошибкой. Что тогда меня влекло туда? Желаніе многое выяснить и надежда, что именно тамъ для меня откроются задачи жизни и я займу опредѣленное положеніе и по отношенію къ офиціальной наукѣ, и къ молодому, свѣжему движенію въ народъ, и ко многому другому. Я, какъ всякій увлекающійся молодой человѣкъ, не думалъ, что у меня нѣтъ еще характера, крѣпкихъ убѣжденій, а имѣются только симпатіи къ дѣлу и къ людямъ. Дѣло было сложное, большое, люди хорошіе, но... но только малосердечные, по шаблону опредѣленные. Въ то время радикалъ былъ нѣчто въ родѣ сектанта. Замкнутый, конспирирующій, относящійся ко всѣмъ буржуазнымъ привычкамъ и къ обществу съ какой-то ненавистью, а съ недовѣрчивостью непремѣнно. Правда, либеральная часть общества къ движенію

70-хъ годовъ относилась далеко не съ симпатіей, даже до нѣкоторой степени враждебно. Либералы много ждали отъ только что народившихся реформъ и потому всякую пропаганду въ народѣ или среди рабочихъ считали вредной, какъ могущую вызвать своей революціонной дѣятельностью реакцію со стороны правительства, что, конечно, могло отразиться на ихъ дѣятельности: введеніи въ жизнь этихъ реформъ. Правы они, или нѣтъ, мы здѣсь не станемъ говорить, но, несомнѣнно, тогдашняя бюрократія того не понимала, что между молодежью и обществомъ въ сущности въ дѣлѣ пропаганды, организаціи кружковъ и нелегальной литературы не было ничего общаго. Это общее создала администрація послѣ нелѣпыхъ репрессій надъ юными идеалистами, но не революціонерами, которыхъ было немного, даже очень. Толпа молодежи была увлечена итти въ народъ, помогать народу, учить его, но не революціонизировать. Правда, были противоправительственныя книжки Л. Тихомирова «Сказка о 4-хъ братьяхъ», «Хитрая механика», Лермонтова передѣлка [1]) «Исторіи крестьянина» и др., но, во-первыхъ, эти книжки появились послѣ, а, во-вторыхъ, ими не всѣ пропагандисты пользовались. Мало того, я знаю нѣкоторые случаи, когда пропагандисты брали съ собою вмѣсто нелегальной литературы такія, напримѣръ, книги, какъ сочиненія митрополита Иннокентія.

Итакъ, снова Петербургъ, и я живу опять съ Фалинымъ. Съ филатовскимъ кружкомъ не имѣю почти никакого дѣла, присматриваюсь и вхожу временно въ другіе кружки или, вѣрнѣе, знакомлюсь съ ихъ членами. Между прочимъ я сталъ посѣщать лѣсной институтъ, въ которомъ студенческая солидарность и товарищество выдѣлялись среди другихъ категорій студенчества.

«Лѣшій»—такъ звали высоченнаго роста студента Гнѣвышева—былъ замѣчательно добрѣйшей души человѣкъ, какъ и его товарищъ П., благородный идеалистъ и джентльменъ. Какая противоположность съ послѣднимъ! Лохматый, съ порядочной бородой, въ костюмѣ лѣсного человѣка и вдобавокъ часто въ синихъ очкахъ, Гнѣвышевъ дѣйствительно казался страшнымъ и, можетъ быть, по первому впечатлѣнію, рѣзкимъ человѣкомъ, но, повторяю, это былъ душевный и крайне деликатный студентъ-семинаристъ. Говорю, что былъ, потому что онъ уже давно погибъ въ равелинѣ Петропавловской крѣпости отъ чахотки. Арестованный по подозрѣнію, какъ членъ кружка и какъ энергическій общественный дѣятель лѣсного института, мнѣ кажется, онъ своею внѣшностью пугалъ и дѣйствовалъ сильно на воображеніе жандармовъ и прокуроровъ, Гнѣвышеву придавали большое значеніе, а его знакомство со многими скомпрометированными лицами, несомнѣнно, повліяло не въ его пользу. Къ тому же это былъ крайне искренній

[1]) Эркмана-Шатріана.

человѣкъ, относившійся хорошо и душевно къ тѣмъ, которыхъ онъ уважалъ и любилъ, и мрачно-молчаливо, къ которымъ не лежало его сердце.

Не мало симпатичныхъ людей было среди студенчества, не принадлежавшаго къ радикальному лагерю и потому не дисциплинированныхъ въ извѣстномъ, чисто внѣшнемъ отношеніи. Это были попросту товарищи, у которыхъ душа нараспашку, готовые, ни минуту не задумываясь, подѣлиться съ товарищемъ послѣднимъ. Это будущіе скромные труженики, люди, занимавшіеся наукой усердно и любившіе при случаѣ въ товариществѣ выпить и облегчить свою душу пѣніемъ.

Въ такой средѣ я чувствовалъ себя хорошо, совершенно спокойно, не думая о жгучихъ, острыхъ вопросахъ, бередившихъ постоянно сердце и тревожившихъ умъ. Встаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ такой кружокъ товарищей-медиковъ: Соколовъ, Соловьевъ, Буренинъ и другіе. Всѣ эти люди относились съ большимъ уваженіемъ къ радикальному движенію, но сознательно не принимали въ немъ непосредственнаго участія, говоря: «мы люди маленькіе и будемъ дѣлать свое маленькое дѣло, лечить всѣхъ безъ различія убѣжденій и партій... Вѣдь въ сущности всѣ люди — всѣ человѣки!.. не выпить ли намъ по этому случаю?» И на гроши, собранные между собою, товарищи устраивали скромную закуску и выпивку и были довольны и хорошо и душевно проводили время. Радикалы, а особенно ихъ генералы, къ такимъ студентамъ, а особенно къ кружкамъ относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ, называя такихъ студентовъ пьяницами. По моему мнѣнію, это было жестоко и несправедливо. Не указывая случаевъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ «эти пьяницы» выручали этихъ самыхъ радикаловъ попросту и не придавая этому никакого значенія. Можетъ быть, радикальное сектантство и нѣкоторое самомнѣніе и рѣзкая самонадѣянность и отталкивали добродушную часть студенчества отъ движенія 70-хъ годовъ, въ которомъ, повторяю, тогда не было революціоннаго характера, кромѣ развѣ сочувствія къ крайнимъ идеямъ, но и то на теоретической почвѣ. Помнится, когда меня посѣщали эти медики, то я, конечно, старался быть гостепріимнымъ хозяиномъ: записка и выпивка всегда у меня бывала послѣ чая. Мой сожитель Фалинъ не принималъ въ нашемъ скромномъ ужинѣ участія, онъ ничего не пилъ, даже пива, но, конечно, противъ гостепріимства не имѣлъ ничего и былъ всегда милъ и любезенъ съ моими гостями. Но когда въ такое время заходили знакомые радикалы, выключая Милоглазкина, они очень косо смотрѣли на выпивку, пожимали плечами, перешептывались и скоро уходили. Признаюсь, въ такихъ случаяхъ я чувствовалъ себя непріятно, и моя симпатія въ то время была вполнѣ на сторонѣ моихъ пьющихъ, а не трезвыхъ гостей.

Мы ходили обѣдать по принципу въ народныя кухни, а эти добродушные студенты, жившіе цѣлой коммуной, часто сидѣли на одномъ чаѣ и хлѣбѣ и находили такой порядокъ почти обыкновеннымъ. Помню, зашелъ какъ-то вечеромъ къ нимъ въ коммуну. Сидятъ всѣ дома и довольно молчаливые. Заказали самоваръ. Начали бесѣдовать, но нѣкоторое смущеніе сказывалось.

— Какъ же быть, товарищи, вѣдь у насъ и хлѣба нѣтъ?.. Какъ-нибудь надо достать...

— Тебѣ надо самому, Сергѣй Ивановичъ, въ лавку сходить!.

— Что жъ, я пойду сейчасъ!.. Извините, я на минутку,—обратился студентъ ко мнѣ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и предложилъ изъ своей небольшой суммы денегъ. Была взята скромная половина, на которую купили: чаю (3 коп.), сахару (5 к.), хлѣба (15 к.), колбасы (10 к.) и водки (12 к.)—однимъ словомъ, чайный столъ былъ сервированъ съ закуской. Молодежь нуждалась, денегъ и работы не было, все позаложили, даже подушки; но это пустяки, пройдетъ ненастье и наступитъ вёдро! Въ такихъ коммунахъ не было ни тайнъ, ни конспирацій—это товарищество въ полномъ смыслѣ этого слова, совершенно непосредственное. Другое дѣло—радикальная коммуна, вполнѣ приличная, трезвая, но холодная, безъ тѣсныхъ, искреннихъ отношеній между собою. Въ одной комнатѣ весело и живой разговоръ, въ другой угрюмое молчаніе и видимое раздраженіе. Что говорить, молодежь идейная жила нервною жизнью, и непосредственность натуры сдерживалась въ радикальныхъ рамкахъ.

Конечно, годы измѣняли и характеръ и настроеніе нѣкоторыхъ, даже многихъ, которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ обыкновенными людьми, отлично приспособившимися къ буржуазной обстановкѣ. Но были и другіе, крайне несимпатичные, которые при послѣднихъ условіяхъ не разстались съ конспираціей и посредствомъ послѣдней совершали обычныя житейскія дѣла и даже устраивали себѣ карьеру. Такіе типы, не знаю почему, и до сихъ поръ въ обществѣ пользуются успѣхомъ. Покойный писатель Н. К. Михайловскій очень покровительствовалъ такому субъекту изъ прежнихъ радикаловъ. Къ воспоминаніямъ того же далекаго времени относится еще одно знакомство съ недюжинной личностью, тогда студентомъ медико-хиругической академіи послѣдняго курса В. С. Ивановскимъ, извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Василія Великаго. Онъ завѣдывалъ студенческой библіотекой и вообще былъ очень популяренъ среди молодежи.

Случайно я его встрѣтилъ въ Лѣсномъ у Гнѣвышева и былъ пораженъ, когда передо мною оказались два великана. Такого же гигантскаго роста, Ивановскій былъ плотнѣе, крѣпче Гнѣвышева. Въ ихъ манерѣ и повадкѣ было много похожаго. Правда, они оба были изъ духовнаго званія и воспитывались въ семинаріи. Добро-

душіе, оригинальность и полная самостоятельность сказывались въ этихъ «великихъ» фигурахъ, непосредственность которыхъ не могла быть сломлена даже архи-конспираціей.

Судьба Василія Великаго не безъ трагизма, хотя и не такого мрачнаго, какъ его друга Гнѣвышева. Получивъ докторскій дипломъ, Ивановскій не долго жилъ въ Россіи. Близкій къ народническому движенію, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Москвѣ въ Басманную часть, откуда благополучно бѣжалъ въ Румынію, въ которой сдѣлался очень популярнымъ народнымъ врачомъ. Но я думаю, что это сильная непосредственная натура скучаетъ по Россіи, вспоминая мужика и русскую деревню, гдѣ онъ мечталъ работать для народа. Гдѣ онъ и что съ нимъ, не знаю? Вѣроятно, писатель Короленко, на сестрѣ котораго онъ женатъ, въ своихъ воспоминаніяхъ отведетъ мѣсто Василію Великому. Помню, я встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ въ довольно многолюдномъ обществѣ. Говорили обо всемъ и между прочимъ объ отдыхѣ.

— Организмъ человѣческій никогда не отдыхаетъ вполнѣ,—говорилъ докторъ Ивановскій,—даже во снѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ или другіе мускулы должны работать, смотря по тому, какое положеніе занимаетъ тѣло, а шейные въ работѣ больше другихъ. Надо, по-моему, измѣрить человѣка точно и устроить такую постель, чтобы выдающіяся части организма были въ углубленіяхъ и т. д. Вы понимаете? Однимъ словомъ, достигнуть такой постели, чтобы ни одинъ мускулъ не работалъ. Вотъ тогда полный отдыхъ организма.

Нѣкоторые смѣялись и возражали, другіе думали, что все-таки это оригинально и, пожалуй, справедливо.

Вообще этотъ вечеръ былъ такой интересный и оживленный, что до сихъ поръ остался въ моей памяти, какъ и докторъ Ивановскій, котораго я видѣлъ въ послѣдній разъ.

XIV.

Мой арестъ и самочувствіе въ одиночномъ заключеніи.

Тогда я не жилъ съ Фалинымъ, занимая крохотную комнату на углу Екатерингофскаго и Садовой, въ квартирѣ старой еврейки. Комната была совершенно отдѣльная, но крайне мрачная, съ однимъ окномъ, упирающимся въ каменную грязно-желтаго цвѣта стѣну. Впрочемъ, днемъ я совсѣмъ не бывалъ дома, а по вечерамъ кто-нибудь заходилъ непремѣнно, чаще всего Милоглазкинъ и Фалинъ. Я не принадлежалъ тогда ни къ какой партіи, изъ которыхъ начали опредѣляться «лавровисты» и «бакунисты», т. е. государственники и анархисты.

Моя душа, какъ и теперь, не лежала къ партійной дѣятельности. Я тогда присматривался и, по правдѣ сказать, не могъ себѣ

дать яснаго отчета въ движеніи, среди котораго жилъ и которое осложнялось разными оттѣнками. Одно могу сказать, что твердой практической почвы подъ ногами не было: шли въ народъ, не зная народа. Небольшой успѣхъ, впрочемъ, имѣли нѣкоторые пропагандисты среди петербургскихъ заводскихъ рабочихъ. Этотъ годъ (1873) былъ, пожалуй, подготовительный къ широкой пропагандѣ среди земледѣльческаго народа. Я жилъ созерцательной жизнью, чувствовалъ себя спокойнымъ, работалъ, занимался, нѣкоторые товарищи называли меня «самистомъ».

— Что это такое?—спрашивалъ я.

— Значитъ, самъ по себѣ, внѣпартійный!—отвѣчали они.

Какъ-то вечеромъ собралось у меня человѣкъ пять. Провели очень пріятно время и засидѣлись долго. Оставшись одинъ, я легъ быстро и крѣпко уснулъ. Не знаю, сколько прошло времени, когда я открылъ глаза. Что это? вся моя комната была наполнена людьми. Люди тутъ, около меня, люди у двери, люди за дверью, въ коридорѣ.

— Вставайте, вставайте—слышалъ я голоса.—Мы должны произвести у васъ обыскъ!..

Я всталъ и началъ «на всемъ этомъ народѣ» одѣваться. Съ ночнымъ визитомъ меня посѣтили: товарищъ прокурора Масловскій, жандармскій офицеръ Оноприенко, другой жандармскій офицеръ, фамиліи котораго не помню, мѣстный частный приставъ, околоточный, управляющій домомъ, дворники и понятые. Какая пропасть народа!.. Начали обыскивать и ничего преступнаго не нашли. Составили объ этомъ протоколъ. Всѣмъ было неловко и душно. Въ самомъ дѣлѣ, надо было стоять, потому что въ комнатѣ было только два стула, изъ которымъ я занималъ одинъ. Можетъ быть, подумаютъ: какой негостепріимный хозяинъ, но я такихъ гостей не приглашалъ.

— Теперь я васъ попрошу поѣхать съ нами, — обратился ко мнѣ Масловскій, прибавивъ:—мы можете довѣрить свое имущество хозяйкѣ или прикажете его описать?

Описывать нѣсколько штукъ бѣлья и полдюжину книгъ? я, конечно, довѣрилъ хозяйкѣ, которая, помню, плакала, и мнѣ это было пріятно. Мы медленно, огромной толпой, покинули комнату и спустились во дворъ, гдѣ ожидала насъ карета. Я и Масловскій сѣли рядомъ, противъ насъ два офицера. Поѣхали, не знаю куда. Черезъ четверть часа остановка. Оказалось, на углу Екатерининскаго и Невскаго упала одна изъ лошадей. Насъ попросили выйти, и мы разсѣлись по парамъ (я съ офицеромъ) по извозчикамъ и благополучно прибыли къ Цѣпному мосту на Пантелеймоновскую улицу. Меня ввели въ какое-то зданіе на дворѣ и вручили дежурному офицеру, который пригласилъ слѣдовать съ нимъ, спросивъ, за что я попался.

— Право, не знаю!—отвѣчалъ я.

Мы стали подниматься по крутой узкой лѣстницѣ на третій этажъ.

— Отворить второй нумеръ!—приказалъ офицеръ.

Зазвенѣли ключи, загремѣли замки, и мы вошли въ комнату-тюрьму.

— Ну, вотъ вы и на новосельи,—сказалъ офицеръ, предлагая портсигаръ.

Я взялъ папиросу, но онъ любезно предложилъ взять нѣсколько и ушелъ. Меня заперли.

Я слегка осмотрѣлся. Небольшая квадратная комната была въ два окна. Въ углу стоялъ какой-то металлическій цилиндръ, въ надобности котораго я скоро убѣдился, столъ, два стула и кровать съ подушкой, матрацемъ и байковымъ одѣяломъ. «Ничего,—подумалъ я:—не хуже моей комнаты!» Въ это время опять зазвенѣли ключи, заскрипѣли затворы, моя дверь отворилась, и на порогѣ сталъ жандармъ съ обнаженной саблей, около него унтеръ съ ключами и солдатъ-слуга съ узломъ.

— Раздѣвайтесь!—сказалъ унтеръ.

Признаюсь, я повиновался не сразу. Сердце мое забилось, и ужасная мысль съ быстротой молніи пронеслась въ головѣ. Я рѣшилъ сопротивляться.

— Что же,—повторилъ унтеръ,—надѣвайте казенную одежду!

Тогда я повиновался, снявъ верхнее платье.

— Все, все снимайте!—продолжалъ тюремщикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я облачился во все казенное. Надо отдать справедливость, бѣлье было тонкое, сѣрый халатъ изъ тонкаго приблизительно сукна, туфли безъ пятокъ, не забытъ и носовой платокъ. На каждой штукѣ бѣлья большими буквами помѣчено ш. к. ж., что означало швальня корпуса жандармовъ.

Итакъ, я устроился на казенномъ иждивеніи, чего никоимъ образомъ не предполагалъ. Мнѣ было и грустно и ново. Я вновь осмотрѣлся. На столѣ въ простыхъ подсвѣчникахъ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, которыя я потушилъ, когда легъ спать.

Опять загремѣли, завизжали двери. Вошелъ жандармъ и молча зажегъ огонь. Я потушилъ опять и уже сталъ засыпать. Застучали двери и отворились. Зажгли опять свѣчи, и унтеръ внушительно сказалъ: «нельзя гасить, а то доложу офицеру!» Я покорился и, еще не засыпая, видѣлъ, какъ къ маленькому окошку въ двери приближалось и смотрѣло одно «изъ славныхъ русскихъ лицъ».

Утро. Семь часовъ, восьмой. Дѣйствуютъ ключи и двери. Входитъ «троица», двое насторожѣ.

— Пожалуйте умываться!—говоритъ солдатъ-слуга, предлагая кусокъ мыла и полотенце.

Готово! Приборы мытья уносятся, и двери на замкѣ. Проходитъ полчаса, опять двери, опять картина обнаженной сабли, связки ключей, суровыхъ физіономій.

— Пожалуйте кушать чай!—слышится голосъ прислуги.

«Какое любезное обращеніе!»

На столѣ подносъ, два стакана, наполненные чаемъ, восемь кусковъ сахара и бѣлый французскій хлѣбъ.

Двери работаютъ.

Берутъ посуду. Спрашиваютъ, нужны ли папиросы? Я отвѣчаю утвердительно. Черезъ нѣкоторое время опять открываются двери, и мнѣ приносятъ 25 папиросъ и коробку спичекъ. Я спрашиваю, нельзя ли получить какую-нибудь книгу? Мнѣ любезно отвѣчаютъ, что завтра получу, что доложатъ дежурному офицеру.

Я лежу, думаю, вспоминаю.

Вѣжливое обращеніе не разстраиваетъ, но въ глубинѣ сердца родились тоска и печаль, которыя начинаютъ властно завладѣвать моимъ настроеніемъ. Печаль особенная, не испытанная до сихъ поръ. «За что и что я сдѣлалъ?» Я жилъ не такъ, какъ «имъ» надо, во мнѣ бродили мысль и чувства, которыя привели меня сюда, за крѣпкіе замки. Меня нѣтъ для жизни, для семьи, для друзей. Что я теперь? обуза для самого себя! Лежи, ходи, пей, ѣшь и спи! и такъ изо дня въ день... до которыхъ поръ?

«Нѣтъ, нѣтъ, недолго... навѣрно, скоро освободятъ»!

Привычно лѣзетъ въ замокъ ключъ. Опять обстановка съ саблей и ключами. Тотъ же человѣкъ вноситъ обѣдъ: супъ и нарѣзанная на куски котлета, ни ножа, ни вилки, одна только ложка. Обѣдъ недурный и достаточный для положенія плѣнника. Посуда прибрана, и я дремлю. Открывая глаза, постоянно вижу въ окошкѣ лицо съ безсмысленнымъ взглядомъ. Это дѣйствительно раздражаетъ. А тамъ въ сердцѣ сверлитъ тоска, но я ее отгоняю, ловлю и собираю мысли, чтобы сосредоточиться. Я дѣлаю попытку съ «ихъ» стороны произвести надъ собою самое строгое слѣдствіе, и мой мозгъ работаетъ, хорошо возстановляя память. Всѣ мои шаги, всѣ замыслы передо мною, и ничего, ничего нѣтъ такого... Но, можетъ быть... Еще и еще я напрягаю всѣ мои воспоминанія, припоминая малѣйшія дѣла и отношенія... Вотъ знакомства... Да, я знаю многихъ, но это все-таки не преступленіе: я студентъ и живу въ Петербургѣ. Вотъ если бы я жилъ гдѣ-нибудь «у чорта на куличкахъ», посреди какого-нибудь болота, гдѣ нѣтъ людей, тогда, да тогда я былъ бы правъ!.. Надо бѣжать, бѣжать изъ Петербурга, во что бы то ни стало!

Въ семь часовъ отворяются двери и приносятъ такъ же, какъ утромъ, чай съ хлѣбомъ. Пью, чувствую себя лучше. Какъ досадно, что нѣтъ книги, а то бы ничего! Что теперь дѣлать? усталъ я думать, быть надъ собою слѣдователемъ! Печаль принимаетъ нѣ-

сколько иную форму: нѣтъ, нѣтъ и рѣзанетъ по сердцу... Уснуть бы! Закрываю глаза, но скоро ихъ открываю, потому что чувствую, что на меня глядитъ дуракъ. Дѣйствительно, какая глупая рожа! Кому лучше: ему или мнѣ? Эта мысль меня успокаиваетъ, и я засыпаю.

Утро, судя по матовымъ стекламъ оконъ, должно быть ясное, солнечное. Но для меня нѣтъ солнца!.. И вотъ съ замѣчательной ясностью вспоминаются именно яркіе солнечные дни, вспоминается лѣто во Владыкинѣ, и мысль бѣжитъ, бѣжитъ, фантазія разыгрывается и думается: если бы я былъ мужикомъ, пахалъ, косилъ, работалъ бы, то не попалъ сюда? Въ это время толстая рожа въ окошкѣ, собственно верхняя часть ея лица,—и мысль выкрикиваетъ: а попалъ бы въ такомъ видѣ!

Обѣщали книгу, не несутъ. Вотъ, должно быть!.. Но команда входитъ съ узломъ. Что такое?

— Одѣвайтесь!—приказываетъ (иначе я не могу выразиться) унтеръ.

Повинуюсь. Но что это? верхнее платье мое, а бѣлье остается казенное. Приходитъ дежурный офицеръ, не тотъ, который меня принималъ, а другой, болѣе суровый. Молча приглашаетъ рукой за двери, и мы идемъ въ тотъ домъ, куда меня привезли сначала, до тюрьмы. Меня привели на допросъ. Это любопытно! За длиннымъ столомъ въ очень большой комнатѣ сидятъ полковникъ Новицкій и товарищъ прокурора Масловскій. Сажусь и пишу, кто такой, сколько лѣтъ и пр. Полковникъ молчитъ, разсматривая какія-то бумаги. Масловскій задалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ.

— Это вы писали письмо?—сурово спрашиваетъ меня Новицкій, подвигая ко мнѣ листъ почтовой бумаги, исписанный мнѣ незнакомымъ почеркомъ и съ подчеркнутыми синимъ карандашомъ мѣстами. Я смотрю, и радость охватываетъ мое сердце.

— Для того, чтобы убѣдиться, что это писано не мною, достаточно сличить мой и этотъ почеркъ,—говорю я твердо и рѣшительно.

— А кто же тогда писалъ?

— Почемъ я знаю,—отвѣчаю я рѣзко, смотря въ глаза и на красное лицо полковника.

— Не знаете,—говоритъ Новицкій.—Не можетъ быть!.. Говорите, кто, если не вы, писалъ это письмо!?

Я молчу, усмѣхаясь. Полковникъ звонитъ, и меня снова уводятъ въ мое помѣщеніе.

На столѣ въ моей камерѣ лежала старая книга журнала «Вѣстника Европы», но мнѣ было не до чтенія. Какъ? за то, что кто-то писалъ какое-то письмо, меня заперли въ № 2 третьеотдѣленской

тюрьмы и будутъ держать... да, чортъ возьми! и будутъ держать, пока хотятъ. За что же, помилуйте! Письмо писалъ не я, и не мнѣ оно адресовано. Правда, почеркъ похожъ на писанье Милоглазкина и въ письмѣ имѣются кой-какія рѣзкія фразы. Но что же изъ этого?

И сталъ я сидѣть да посиживать.

Прошла недѣля, другая, третья, меня, вѣроятно, забыли! Я свыкся съ однообразной до тошноты жизнью. Въ матовыя стекла ничего не видно, но, позвольте, имѣется форточка... Я началъ слѣдить за дежурнымъ съ саблей солдатомъ, дежурство котораго продолжалось три часа, когда онъ смѣнялся, шопотомъ докладывая: «все благополучно, № 1-й лежитъ, 2-й ходитъ и т. д.». Всѣхъ №№ въ коридорѣ было шесть, жандармъ медленно ходилъ, заглядывая въ форточку-окошко каждаго. Я точно разсчиталъ время (короткое) жандармскаго оборота до моего окошка въ двери и скакалъ къ окну, открывалъ форточку и минуту или, можетъ, меньше смотрѣлъ на небо. Для прыжковъ я поставилъ столъ близко къ окну съ форточкой. Это меня занимало и въ то же время служило гимнастикой. Разъ, два, три! и клочокъ голубого неба хоть минуту ласкалъ мой взоръ. Но часто было пасмурно, и я видѣлъ сѣрыя тучи и мокрыя желѣзныя крыши. Тогда мои прыжки не были такъ энергичны. Душевное состояніе день ото дня становилось хуже, я дѣлался раздражительнымъ, озлобленнымъ, чувствуя подавленность и тяготу. На молодого 20-тилѣтняго юношу даже кратковременное одиночное заключеніе производитъ сильное впечатлѣніе отрицательнаго характера. Еще хорошо, когда озлобленіе, но если раскаяніе, то дѣло дрянь. А со мной порой было нѣчто въ родѣ этого, когда я думалъ, что по выходѣ прекращу всякія знакомства съ идейными людьми, женюсь, открою табачную или овощную лавочку и буду наживать деньги. Въ самомъ дѣлѣ, на что Россіи общественная дѣятельность? это государство рабовъ, рабовъ по рожденію, рабовъ по воспитанію, по положенію!.. Въ самомъ дѣлѣ, кто не рабъ? развѣ мы, запертые на замокъ!? Итакъ, въ рабы, въ лавочники!.. Но это были рѣдкія минуты отчаянія моей странной неопредѣленности. Если бы я былъ арестованъ за что-нибудь, тогда другое дѣло, а то здорово живешь, не понравилась физіономія Новицкому!

Однако на допросъ больше не призывали, и я прыгалъ днемъ, а ночью спалъ. Сонъ былъ крѣпкій, спокойный. Но вотъ въ одно дѣйствительно прекрасное утро, часовъ въ одиннадцать, отворяется дверь, устанавливается стража, и человѣкъ съ узломъ говоритъ: «Пожалуйте одѣваться!» Что это? и мое сердце забилось надеждой. Принесли не только мое платье, но и бѣлье. Я, конечно, спѣшилъ и скоро былъ готовъ. Затѣмъ, осмотрѣвшись, я забралъ папиросы и по обыкновенію сунулъ носовой платокъ въ карманъ. Внизу

ждалъ офицеръ, который отвелъ въ мрачное зданіе допросовъ, гдѣ встрѣтилъ меня г. Масловскій очень любезно, и сейчасъ же заговорилъ: «Вотъ теперь вы свободны, арестованъ авторъ письма... Совѣтую вамъ быть осторожнымъ, знаете, такое время тревожное!.. А, кстати, вдругъ обратился онъ ко мнѣ быстро, вы къ какой партіи принадлежите?»

— Я безпартійный,—отвѣчалъ я.

— А не къ кружку Лермонтова?.. Вы знакомы съ нимъ?

— Встрѣчалъ разъ или два, не помню.

И Масловскій смотрѣлъ на меня загадочнымъ взглядомъ. А я думалъ: «Итакъ, Милоглазкинъ арестованъ... Пропалъ, совершенно пропалъ человѣкъ! Если меня, непричастнаго къ роковому письму, держали столько времени, то Милоглазкина, автора... Что-то будетъ съ нимъ?»

— Можете итти,—сказалъ, раскланиваясь, товарищъ прокурора.

Этого повторять не нужно было, и я пустился бѣгомъ, кажется, по чугунной лѣстницѣ внизъ и черезъ мгновеніе былъ за воротами, повернувъ направо по Пантелеймоновской улицѣ. Я почти бѣжалъ, радостный, полный здоровой энергіи, въ головѣ моей мелькало: «Куда? къ кому теперь зайти?» Вдругъ сзади меня послышались крики: «стой!» Я невольно обернулся назадъ и увидалъ двухъ жандармовъ безъ шапокъ, въ однихъ сюртукахъ, быстро бѣжавшихъ. «А, а,—подумалъ я,—опять, вѣрно, запрутъ меня, но нѣтъ! хоть одинъ день на волѣ, да мой!» И я пустился бѣжать. Меня остановили посторонніе люди, а жандармы, запыхавшись и догнавъ меня, сказали: «Ваше благородіе, вы казенный платокъ захватили!» Чортъ возьми! дѣйствительно, по ошибкѣ платокъ былъ въ моемъ карманѣ. Конечно, собралась небольшая толпа, въ которой говорили: «Вора поймали, платокъ, вишь, слимонилъ!»

Я нанялъ извозчика и поѣхалъ домой. Вечеромъ узналъ объ арестѣ Милоглазкина, котораго черезъ два или три дня выпустили. Когда я его увидѣлъ, то выразилъ свое удовольствіе, прибавивъ: «А я не думалъ васъ скоро такъ встрѣтить на свободѣ!»

— А что?—отвѣчалъ онъ.—Ничего особеннаго, только одно письмо, неважное...

XV.

Нѣчто о литературѣ.—Сборы «въ народъ».

Послѣ ареста нѣкоторое время, по вечерамъ особенно, я находился въ безпокойномъ настроеніи. Часто просыпался ночью, прислушивался и съ трудомъ засыпалъ снова. Неужели мои нервы пошатнула благообразная тюрьма?

Въ тотъ годъ циркулировала и росла нелегальная литература, съ которой я жадно знакомился, поглощая толстыя книги журнала

«Впередъ» и другія брошюры. Статьи въ этомъ журналѣ помѣщались тяжелыя, написанныя далеко не живымъ литературнымъ языкомъ, тенденціозныя. Отдѣлъ корреспонденцій велся гораздо живѣе и представлялъ дѣйствительный интересъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, со временемъ журналъ обратился въ газету нашего еженедѣльнаго образца и, пожалуй, сталъ интереснѣе, а главное доступнѣе. Изъ легальныхъ брошюрокъ, распространяемыхъ среди рабочихъ, чаще всего попадались: «Дѣдушка Егоръ», не знаю автора, «Клодъ Ге» В. Гюго, «Безоброчный» Ф. Нефедова и другія. Упомянутыя три брошюры пользовались и, прибавлю отъ себя, заслуженнымъ успѣхомъ: эскизы авторовъ были художественны по своей сжатости и простотѣ. Книжечка Иванова «О небѣ и землѣ», прекрасно составленная, была распространена тоже въ большомъ количествѣ.

Мнѣ хотѣлось въ такомъ дѣлѣ принять участіе, я даже задумалъ написать для народа небольшой очеркъ, но изъ этого ничего не вышло, да и къ кружку, занимающемуся такими изданіями, я не стоялъ близко. Вѣдь въ Россіи во всемъ нужна протекція, даже въ революціи. Такой мы странный народъ!

Къ тому времени относится мое знакомство съ Каблицемъ, извѣстнымъ послѣ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Юзова. Мнѣ нравился этотъ, теперь уже покойный, человѣкъ, и мнѣ кажется, что онъ понималъ народъ, который не мечтаетъ, какъ думаютъ теоретики-революціонеры, о журавлѣ въ небѣ, желая лучше получить синицу въ руки. Каблицъ появился въ Петербургѣ изъ Черниговской губерніи, гдѣ онъ былъ письмоводителемъ у мирового судьи-радикала (кажется, у Кавалика). Воспитаніе онъ получилъ въ кіевскомъ университетѣ по юридическому факультету. Живой, очень сообщительный, онъ говорилъ: «Толкуютъ, спорятъ, собираются итти въ народъ и ни съ мѣста! народъ вездѣ, вездѣ онъ нуждается въ людяхъ, которые бы ему помогли!.. ну, и что жъ!»

Каблицъ очень скоро поступилъ рабочимъ въ наборную какой-то типографіи и крайне былъ доволенъ не только отношеніями къ нему рабочихъ, но и своимъ юридическимъ авторитетомъ. Онъ очень успѣшно защищалъ интересы рабочихъ у мировыхъ судей. Скоро практика его стала обширной, и не мудрено, онъ былъ свой человѣкъ въ рабочей средѣ! Дѣятельность его была довольно шумная, и человѣкъ онъ былъ экспансивный, но въ высшей степени деликатный. Онъ узналъ какъ-то, что его ищутъ и хотятъ арестовать. Каблицъ скрылся, что дѣлали нѣкоторые изъ разыскиваемыхъ. Мало того, была одно время мода жить на нелегальномъ положеніи. Можетъ быть, какихъ-нибудь двѣ-три недѣли ареста, и человѣкъ отдѣлался бы, но онъ скрывался и въ концѣ концовъ (если были средства) становился въ ряды эмигрантовъ.

Печальное явленіе!

Помню, тогда ходилъ по рукамъ списокъ разыскиваемыхъ пропагандистовъ. Этотъ списокъ какимъ-то манеромъ былъ выкраденъ изъ 3-го отдѣленія, отпечатанъ и производилъ среди молодежи смѣхъ: до того были неостроумны и нелѣпы характеристики лицъ! Напр., поручикъ Рогачевъ: «отличается необыкновенной физической силой». Извольте разыскать такого человѣка, не драться же и не бороться агентамъ-шпіонамъ съ подозрѣваемымъ. Относительно Каблица прямо великолѣпно!! такая характеристика: «кривъ на одинъ глазъ, отличается необыкновенно буйнымъ характеромъ». Не правда ли, такого субъекта нужно искать по кабакамъ и вертепамъ, не иначе? Каблицъ, дѣйствительно, былъ кривой, ходилъ въ темныхъ очкахъ, былъ человѣкъ болѣзненный, совершенно и всегда трезвый, но большой идейный спорщикъ. Развѣ есть что-либо похожее?

Повторяю, мнѣ нравился Каблицъ-Юзовъ. Онъ былъ искреннимъ человѣкомъ, умнымъ и наблюдательнымъ. Въ литературѣ потомъ онъ стоялъ особнякомъ и подвергался частымъ нападеніямъ со стороны Михайловскаго.

Во время репрессій Каблицъ покинулъ Россію и нѣкоторое время жилъ въ Америкѣ, гдѣ вставилъ себѣ глазъ. Послѣ, когда онъ легально жилъ въ Петербургѣ, я встрѣтилъ на Невскомъ солидно одѣтаго человѣка въ цилиндрѣ. Неизвѣстный остановился, назвалъ мое имя и поздоровался со мной. Я былъ въ недоумѣніи.

— Не узнаете?—спросилъ онъ.—Не узнаете Каблица?

Я продолжалъ молча смотрѣть на него, думая: «Какъ? у этого Каблица два глаза?» Очевидно, онъ догадался и объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Потомъ мы съ нимъ видались часто и вспоминали былое. Смерть его, какъ въ литературномъ, такъ и въ революціонномъ мірѣ прошла незамѣтно, Каблицъ умеръ одинокій. Повторяю, онъ былъ живой и умный человѣкъ, безъ всякаго фанатизма.

Какъ молодежь въ то время относилась къ легальной литературѣ и журналистикѣ?

Нельзя сказать, чтобы съ особеннымъ интересомъ. Направленіе отрицательное цѣнилось, и читались больше журналы. Щедринъ, Гл. Успенскій были популярными авторами, Н. К. Михайловскій только что восходилъ. Газетной литературой молодежь почти не интересовалась. Хорошая книга дѣло другое, также и художественна беллетристика.

Театръ посѣщался преимущественно драматическій, но того вліянія, какъ въ Москвѣ, онъ не имѣлъ и такой популярностью не пользовался. Дѣйствительно, московскій Малый театръ въ 70-хъ годахъ былъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ, если вспомнить знаменитую труппу и драматурга А. Н. Островскаго, ставившаго свои новыя пьесы только въ Москвѣ. Я помню то трудно передаваемое впечатлѣніе, которое производилъ на публику Провъ Садовскій въ

Любимѣ Торцовѣ, послѣ я не видѣлъ ничего подобнаго: слезы, сдержанныя всхлипыванья и нерѣдко рыданья. Что могутъ сдѣлать настоящіе, искренніе таланты!..

Но я удаляюсь нѣсколько въ сторону.

1873—74 гг. можно разсматривать, какъ время массоваго движенія молодежи въ народъ, и—замѣтьте—въ народъ земледѣльческій, т. е. по селамъ и деревнямъ, въ роляхъ бродячихъ работниковъ, коробейниковъ и проч. Привлекали пропагандистовъ главнымъ образомъ волжскія губерніи, а также центральныя. Западныхъ и южныхъ губерній народническая пропаганда коснулась мало. Къ этому времени относится массовый уходъ идейной молодежи изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Покидали науку по принципу, и покидали не только студенты первыхъ курсовъ, но старики, которымъ до полученія дипломовъ оставалось немного времени. Подъемъ духа въ этомъ направленіи былъ огромный, увлеченіе невѣроятное, чѣмъ и объясняется непрактичность этого движенія. Я вполнѣ увѣренъ, что большинство молодежи не думало, что тамъ будетъ, въ какомъ положеніи они очутятся, но шли, шли, точно въ крестовый походъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ, и даже многихъ, походъ этотъ по послѣдствіямъ былъ дѣйствительно крестовымъ.

Собирались. Приготовлялись. Спрашивали меня.

— А вы пойдете?

— Не знаю, право,—отвѣчалъ я въ смущеніи.

Смущеніе это было искреннее, потому что я не зналъ народа au naturel, не понималъ, чего онъ хочетъ. Я думалъ о народѣ, какъ объ огромномъ сложномъ организмѣ, который и надо и трудно изучить. Рѣшать такіе вопросы теоретически по меньшей мѣрѣ неудобно и странно. И я не зналъ, что мнѣ дѣлать, куда дѣваться, ибо города, особенно Петербургъ, мнѣ опротивѣли и страстно хотѣлось воли, простора, однимъ словомъ, непосредственной природы.

Я былъ молодъ и силенъ. Меня манила, звала жизнь. Я почти рѣшилъ итти, знакомиться съ народомъ, пройти пѣшкомъ по Россіи, сколько могу и сколько было бы охоты. Я сталъ разспрашивать «народниковъ» объ ихъ маршрутѣ. У нихъ это было неясно, неопредѣленно. Одни рѣшили доѣхать до Рыбинска, другіе до Твери, до Москвы, и оттуда, отъ этихъ городовъ, начать.

Для меня огромнымъ препятствіемъ служило одно обстоятельство, а именно фальшивый паспортъ. Итти со студенческимъ билетомъ немыслимо, съ чужимъ же паспортомъ или фальшивымъ само по себѣ преступленіе, за которымъ для администраціи должна была скрываться злостная пропаганда. Мнѣ бы тогда сказали:

— А почему изучать народъ вы пошли съ фальшивымъ, а не своимъ паспортомъ? Это подозрительно!..

Но если бы я предъявилъ «въ народѣ» свой студенческій билетъ, то мнѣ указали бы тоже подозрительность моего хожденія

по деревнямъ и отослали бы по мѣстожительству, по этапу или съ жандармами. Положеніе и въ томъ и въ другомъ случаѣ было критическое.

Проходила зима, казенный Петербургъ казался мнѣ въ эту пору особенно непривѣтливымъ, я сталъ какъ-то бояться этого холоднаго каменнаго города и уже окончательно рѣшилъ перейти изъ горнаго института въ Москву, въ Петровскую академію.

Тогда зачѣмъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ здѣсь оставаться? Тамъ проживу съ матерью. Москва все-таки свой городъ, попроще, безъ 3-го отдѣленія, безъ Петропавловской крѣпости, которая на меня даже на волѣ производила гнетущее впечатлѣніе. Побывавъ въ институтѣ, я получилъ письма, въ числѣ которыхъ одно изъ Крыма, отъ Зотова. Хорошій человѣкъ звалъ меня, звалъ крайне убѣдительно пріѣхать на лѣто и даже предлагалъ выслать на дорогу денегъ. Подумавъ, я рѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, такимъ въ сущности заманчивымъ. Вездѣ шли разговоры, предположенія о будущей скоро практической дѣятельности. Молодежь смотрѣла бодро впередъ. Разбивались на небольшіе, но тѣсные кружки, собираясь итти въ народъ вмѣстѣ, чтобы держаться другъ подлѣ друга. Болѣе серьезные и философски настроенные предпочитали дѣйствовать въ одиночку. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Милоглазкинъ, съ которымъ я продолжалъ видѣться довольно часто.

— Согласитесь,—говорилъ я ему въ этотъ вечеръ:—что мы не знаемъ народа, а идемъ къ нему съ готовой программой. Какъ же это? Я, признаться, не понимаю.

— Такое настроеніе,—отвѣчалъ Милоглазкинъ,—немного донъкихотское, но и симпатичное. Горевать о томъ, что не знаютъ народа, нечего, пусть узнаютъ въ натурѣ, въ непосредственныхъ условіяхъ, что весьма поучительно!

— Налетомъ, на скорую руку, развѣ можно что понять и изучить?.

— Однако, экономическое положеніе, безправность деревни, невѣжество будутъ налицо!. Слѣпой только не увидитъ..

— А вы пойдете?—спросилъ я.

— Думаю,—отвѣчалъ Милоглазкинъ.—У меня вопросы намѣчены, и я думаю завести съ деревней связи на будущее время. А вы?

Я откровенно высказался по этому поводу. Милоглазкинъ долго смѣялся и потомъ сказалъ:

— Видите, какой вы революціонеръ и пропагандистъ, когда фальшиваго паспорта боитесь!..

— Я не боюсь, а, знаете, какъ-то неловко...

— На первое время—конечно, а потомъ ничего, привыкнете!

Кто-то постучался, и въ комнату вошла лѣтъ 26—27 женщина съ замѣчательно грустнымъ лицомъ, просто одѣтая и довольно полная. Это была довольно богатая землевладѣлица Лешернъ-фонъ

Герцфельдъ, близкій человѣкъ къ кружку Лермонтова. Разговоръ продолжался въ томъ же направленіи.

— Хочу познакомиться съ волжскимъ народомъ,—говорила вновь пришедшая,—и думаю пробраться на Волгу. Вы, К. Р., не составите ли мнѣ компанію?

— Извольте,—отвѣчалъ Милоглазкинъ:—поѣдемъ вмѣстѣ, я васъ направлю, но потомъ до свиданія!

— А что такое?

— Думаю среди народа быть въ одиночествѣ. Да это и удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и для дѣла и въ административномъ смыслѣ.

— Пожалуй, вы правы,—согласилась Лешернъ и задумалась.

Я поглядѣлъ на ея склоненную фигуру. Большіе печальные сѣрые глаза смотрѣли неопредѣленно, но въ нихъ сказывалась упорная дума, которая была далеко, далеко отъ нашего общества. Можетъ быть, и тогда она предчувствовала свою судьбу и смерть въ далекой Сибири, въ качествѣ безсрочной каторжанки. Послѣ я читалъ романъ (не помню заглавія) извѣстнаго беллетриста Засодимскаго, въ которомъ выведена Лешернъ-фонъ-Г., когда она не была еще революціонеркой и устраивала въ своемъ имѣніи мастерскія и потребительныя общества. Въ романѣ выведена интеллигентная молодежь, но героя, центральную фигуру изображалъ сознательный крестьянинъ-пропагандистъ. Романъ тенденціозный, но онъ читался тогда молодежью, какъ и романъ Омулевскаго «Свѣтловъ». Эти произведенія похожи другъ на друга съ той только разницей, что въ одномъ герой крестьянинъ, въ другомъ интеллигентъ, но настроеніе почти одинаково выразилось, какъ у Омулевскаго (Федорова), такъ и у Засодимскаго. Нужно прибавить, что оба романа, несмотря на тенденціозность, полны искренней простоты и сердечности ихъ авторовъ. Мнѣ приходилось встрѣчать этихъ писателей, которые въ то время вращались среди молодежи. Федоровъ еще тогда уѣхалъ на родину въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ. Засодимскій немало подвергался всевозможнымъ карамъ со стороны администраціи, но уже въ 80-хъ годахъ.

Оба они были безусловно честные дѣятели, относившіеся къ русской литературѣ, какъ къ святому, чистому дѣлу. Покойный редакторъ журнала «Дѣло» Шеллеръ-Михайловъ тоже былъ близокъ къ идейнымъ студенческимъ кружкамъ, но съ нимъ мнѣ не приходилось встрѣчаться, хотя часто слышалъ о немъ отъ Лермонтова. Кажется, съ нимъ знакомъ былъ Фалинъ, съ которымъ мы теперь далеко не часто видѣлись.

— Что же ты рѣшилъ тоже пойти?—спрашивалъ я своего друга.

— Куда мнѣ,—смѣялся слабый человѣкъ.—Двѣ версты пройду и задыхаюсь..—какой-нибудь пудъ съ трудомъ поднимаю!. Я не ты..

— А я думаю въ Крымъ поѣхать,—замѣтилъ я.

— Вотъ какъ! знаешь, вѣдь всѣ идутъ!.

— Ну, что же?

— А ты говорилъ объ этомъ съ Лермонтовымъ?

— Говорилъ!. Онъ сказалъ, что поѣздка интересная. Самъ онъ, кажется, за границу ѣдетъ..

— Да? знаешь, и мнѣ представляется случай поѣхать во Францію.

— Вотъ и прекрасно. Кстати я сообщу свой крымскій адресъ и, если хочешь, туда можно пріѣхать—Зотовы, ты знаешь, богатые холостяки и будутъ рады.

— Хорошо бы, но не знаю,—отвѣчалъ, записывая адресъ, Фалинъ.

Въ это время зашелъ Чарушинъ.

— Вотъ бы мнѣ пожить въ Крыму,—говорилъ онъ:—какъ весна, такъ и плохо себя чувствую...

Дѣйствительно, худой, высокаго роста, съ узкой грудью и плечами, Чарушинъ не отличался здоровьемъ.

— Что жъ,—отвѣчалъ я:—это можно устроить.

— Въ самомъ дѣлѣ? Тогда напишите.

— А со мной вмѣстѣ не поѣдете? Я думаю черезъ мѣсяцъ...

— Нѣтъ, дѣла у меня... Вотъ въ іюнѣ могу...

С. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АГРАРНОМЪ ДВИЖЕНІИ 1902 ГОДА, ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Разсказъ потерпѣвшаго).

Зима 1902 года особенно была тревожна и безпокойна для насъ, сельскихъ хозяевъ: участились конокрадства, которыя въ ту зиму приняли какой-то эпидемическій характеръ; участилось обокрадываніе мельницъ, амбаровъ съ хлѣбомъ. Не помогалъ и ночной сторожъ со своею клепалкою(колотушкою), которою онъ, по обыкновенію своему, усердно стучалъ подъ окнами, если къ тому же замѣчалъ еще свѣтъ въ окнахъ, что доказывало, что въ домѣ еще не спятъ. Зная привычку своего сторожа зарываться чуть не съ головою гдѣ-нибудь въ соломѣ, приготовленной съ вечера для корма скота, и засыпать тогда крѣпчайшимъ сномъ, предоставивъ мѣстнымъ экспропріаторамъ работать, что называется, во всю, я часто, не слыша долго клепалки, выходилъ ночью во дворъ разыскать и разбудить моего старика и, помню, въ одну изъ безконечныхъ, темныхъ осеннихъ ночей съ моросившимъ безпрерывно холоднымъ дождемъ я, выйдя во дворъ, увидѣлъ гдѣ-то далеко на горизонтѣ большое зарево пожара. На зовъ мой сторожъ немедленно откликнулся. Очевидно, старикъ не спалъ, чему я не мало удивился.

— Какой ужъ тутъ сонъ, вотъ поглядите, что дѣлается,—говоритъ онъ мнѣ, указывая на все разгоравшійся пожаръ.—Вѣдь это такъ почти каждую ночь,—прибавилъ онъ.—Горитъ то тамъ, то здѣсь, и по обыкновенію пожаръ начинается, когда всѣ уже обоснутъ. Въ такое-то время (былъ на исходѣ ноябрь) и въ такую-то погоду... Добро бы это лѣтомъ, въ сушь, молотьбу хлѣба, а

теперь это прямо диво. Нѣтъ, это не къ добру,—закончилъ свою рѣчь мой пессимистически настроенный дѣдъ.

Впечатлѣніе видѣннаго мною пожара, слова дѣда, что это случается часто, чуть не каждую ночь, и что все это—не къ добру, заставило меня быть насторожѣ и все чаще выходить по ночамъ къ своему собесѣднику. Въ одну изъ такихъ ночей дѣдъ мой сообщилъ мнѣ, что всѣ эти пожары, какъ слыхалъ онъ на селѣ, производятъ «скубенты»; у нихъ есть такія трубки, изъ которыхъ они выпускаютъ огненнаго змія, и летитъ тотъ змій къ намѣченному мѣсту, долетитъ до него, крутнетъ своимъ хвостомъ, и пожаръ готовъ, и что кое-кто изъ мужиковъ это и видѣлъ, добавилъ какъ-то таинственно мой разсказчикъ, а кто именно видѣлъ, такъ я и не могъ добиться отъ своего старика. Пущенный гдѣ-то и кѣмъ-то слухъ, нелѣпый, фантастическій, обратился въ нѣчто реальное, правдоподобное. Народъ искалъ причину столь частыхъ пожаровъ, когда ни время года, ни состояніе погоды, ничто не указывало на возможность безпричиннаго ихъ возникновенія; вотъ и пошла гулять по деревнѣ сказка про огненнаго змія. Какъ я ни старался убѣдить моего старика въ нелѣпости подобныхъ слуховъ, онъ непоколебимо оставался при своемъ мнѣніи, что палятъ «скубенты» и именно при посредствѣ трубокъ.

Отдаленные вначалѣ пожары стали потомъ виднѣться все ближе; районъ ихъ началъ все увеличиваться, и дѣдъ мой сталъ уже называть мнѣ и мѣста пожаровъ. Опасность приближалась, но въ успокоеніе говорили, что сгорѣлъ такой-то владѣлецъ, слишкомъ ужъ одолѣвавшій рабочихъ своихъ штрафами; сгорѣлъ такой-то арендаторъ изъ-за неладовъ съ сосѣдними крестьянами. Словомъ сказать, указывалась личная месть, а о какомъ-либо массовомъ движеніи, движеніи, носящемъ характеръ какъ бы политическаго, вначалѣ и рѣчи не было. Личная, единичная месть или неосторожность—вотъ чѣмъ объясняли пожары нѣкоторые, не постигавшіе тогда еще сущности дѣла, истинной причины пожаровъ. Мнѣніе этого «меньшинства» мало вносило успокоенія, а со всякимъ новымъ пожаромъ росла уже тревога и за себя лично, тѣмъ болѣе, что начали уже носиться слухи, и довольно упорные, что поджоги производятъ не мѣстные люди, а какіе-то сторонніе и что какіе-то молодые люди въ видѣ странниковъ, нищихъ, ходятъ по селамъ, раздаютъ народу какія-то книжки возмутительнаго содержанія; что народъ, начитавшись подобныхъ книжекъ и наслушавшись рѣчей агитаторовъ, ждетъ только весны, чтобы начать дѣйствовать, а какъ дѣйствовать—держалось въ такой строгой тайнѣ, что ни наша исполнительная власть, ни большинство изъ насъ, живущихъ съ крестьянами бокъ-о-бокъ, не могли въ точности ничего знать. Усадьба моя чуть не вплотную прилегала къ усадьбамъ сосѣдей моихъ, крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ добраго, гуманнаго, по

разсказамъ крестьянъ, помѣщика X., который при освобожденіи крестьянъ надѣлилъ ихъ полнымъ надѣломъ, двумя выгонами и роскошными усадебными мѣстами, какихъ я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ многихъ осмотрѣнныхъ мною, съ цѣлью покупки, имѣній. Крестьяне въ общемъ жили безбѣдно; не безъ того, конечно, что находились между ними и бѣдняки, но въ общей массѣ это было не замѣтно.

Въ 1897 году, какъ помнится мнѣ, поднятъ былъ вопросъ о переселеніи не то въ Уссурійскій край, не то въ Акмолинскую область. Охотникамъ предложено было записываться въ волости, и народу записалось тогда много, но изъ нашей деревушки охотниковъ не нашлось. Это одно уже говорило за тô, что, если не было большихъ достатковъ, то не было и большой, кричащей нужды, которая заставляетъ людей бросать свои родныя, насиженныя мѣста и въ далекомъ, невѣдомомъ краю искать своей лучшей доли. Жилось тогда съ народомъ и мирно и тихо, но агитація, а съ нею и усиленные слухи о грядущихъ событіяхъ сказались и на этихъ мирныхъ жителяхъ небольшой деревушки. Народъ началъ нервно прислушиваться ко всякимъ разговорамъ то пришлыхъ агитаторовъ, то своихъ односельчанъ, приносившихъ изъ города новости, а за таковыми остановки не было. Чего-чего только не говорили на деревнѣ, — «мелютъ всякую чепуху», какъ сообщилъ мнѣ, однажды мой приказчикъ, который тоже не лишенъ былъ любознательности, но, повидимому, слухамъ особенно не довѣрялъ. Агитація велась, какъ я уже упомянулъ, преимущественно пришлыми молодыми людьми. Помню я такой случай. Является ко мнѣ во дворъ, — это было уже подъ весну — одинъ молодой человѣкъ съ узелкомъ подъ рукою. Одѣтъ онъ былъ попросту, бѣдно, но лицо интеллигентное. На мой вопросъ, что ему нужно, онъ отвѣтилъ, что онъ портной и ищетъ соотвѣтствующей работы. «Починочка, можетъ быть, какая есть?» переспросилъ онъ меня. «Чинятъ у меня,—отвѣтилъ я ему, указавъ на одного изъ присутствовавшихъ тутъ моихъ служащихъ,—вотъ эти господа. Свои поношенныя вѣщи я имъ отдаю». «Портной» улыбнулся, вѣжливо раскланялся и ушелъ; а потомъ мнѣ говорили, что онъ заходилъ въ избу къ одному мужику, у котораго разспрашивалъ о моихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, объ ихъ экономическомъ положеніи и еще что-то «плелъ», какъ говорили мнѣ, но что именно—объ этомъ мнѣ, конечно, не сказали. Этого же самаго молодого человѣка я замѣтилъ гораздо позже на площади среди толпы крестьянъ, когда карательный отрядъ во главѣ съ губернаторомъ производилъ экзекуцію надъ виновниками погромовъ, но тогда онъ былъ одѣтъ въ мужичью свитку съ бараньей шапкой на головѣ. Я его сейчасъ же узналъ. Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ незамѣтно затереться въ толпѣ. Конечно, это былъ не единственный молодой человѣкъ. Ходило ихъ

въ ту зиму немало, то въ видѣ портныхъ, какъ у меня, то подъ видомъ офеней и тряпичниковъ. Длинные зимніе вечера такъ были удобны для собесѣдованій съ крестьянами и, какъ говорили впослѣдствіи, на такихъ вечерахъ этими «странниками» читались книжки, брошюры, прокламаціи то на русскомъ языкѣ, то на малороссійскомъ. Народъ въ теченіе всей зимы готовился къ веснѣ.

Наступила желанная весна. Начались обычныя полевыя работы. Приступилъ къ работамъ и покупщикъ моего имѣнія, которому я еще съ осени запродалъ его, предоставивъ ему право, впредь до утвержденія купчей крѣпости и полной расплаты со мною, приступить весною къ полевымъ работамъ. Покупщикъ мой былъ изъ простолюдиновъ, мѣстныхъ казаковъ. Принадлежалъ онъ къ такому типу простыхъ людей, которыхъ крестьяне охарактеризовали однимъ именемъ «полупанокъ», т. е. до пана не приставшій, а отъ мужика отставшій. Крестьяне всегда недолюбливали такихъ господъ. — «Хай бы уже бувъ панъ, а бо мужикъ,—какъ выражались про него мои хохлы:—а то ни тэ, ни сэ». Этотъ «полупанокъ» приторговалъ у меня землю, какъ впослѣдствіи оказалось, не съ цѣлью веденія хозяйства лично, а со спекулятивною цѣлью перепродажи ея въ другія руки по болѣе высокой цѣнѣ, что онъ съ успѣхомъ для себя и сдѣлалъ черезъ годъ своего владѣнія. Благодаря такимъ барышникамъ, спекулянтамъ, а ихъ въ то время развелось великое множество, цѣнность земли росла въ ужасающей прогрессіи, а съ увеличеніемъ покупной цѣнности земли увеличивалась и арендная плата за нее, увеличивались для крестьянъ и отработки за всякое пользованіе землею, и глухое, скрытое недовольство росло, а этимъ недовольствомъ агитаторы легко могли воспользоваться для своихъ цѣлей. Вопросъ, какъ быть, рѣшался агитаторами очень просто: выкурить, изгнать помѣщиковъ изъ ихъ владѣній, заставить уйти, да такъ уйти, чтобы дать на дорогу «только торбу съ сухарями», какъ думали нѣкоторые ужъ очень враждебно настроенные крестьяне; но такихъ было немного.

Спекуляторъ, кулакъ, покупая у владѣльца землю, норовилъ какъ бы ее сейчасъ же и продать по болѣе высокой цѣнѣ. Охотниковъ купить землю между мѣстными крестьянами въ такихъ случаяхъ не находилось; оставалось при помощи маклера-еврея набирать себѣ покупщиковъ со стороны. Въ такихъ случаяхъ составлялись цѣлыя товарищества, преимущественно изъ казаковъ, которыя въ силу закона и мѣстныхъ условій, могли распродавать свои небольшіе участки земли своимъ же однообщественникамъ-казакамъ по значительно высшей цѣнѣ, чѣмъ просилъ съ нихъ покупщикъ имѣнія: за одну проданную десятину своей усадебной земли казакъ покупалъ себѣ двѣ десятины полевой земли, и вотъ купленная барышникомъ земля населялась цѣлымъ обществомъ, члены котораго большею частью владѣли нормою земли, не превышающею трудовой,

тутъ-то и наступала для мѣстныхъ крестьянъ настоящая бѣда:— «ужъ не то что по недорогой цѣнѣ, а никакъ не добудешь себѣ ни земельки, ни скотинки не выпасешь, а уже о заработкѣ какомъ нечего и думать». Владѣлецъ мелкой собственности самъ и вспашетъ, самъ и засѣетъ, самъ и сожнетъ и смолотитъ хлѣбъ, самъ и въ городъ его свезетъ на рынокъ. Мои сосѣди-крестьяне, не имѣя возможности сами купить землю, такъ какъ банкъ отказывалъ имъ въ просимой ссудѣ, а наличныхъ денегъ у нихъ не было, очень были рады тому, что у меня купилъ имѣнiе «одинъ» человѣкъ и, слѣдовательно, все будетъ по старому,и каково было ихъ разочарованiе, когда оказалось впослѣдствiи, что этотъ «одинъ» купилъ съ тѣмъ, чтобы распродать землю стороннему товариществу, а до распродажи онъ приступилъ къ пользованiю землею. У меня былъ небольшой выгонъ между моею усадьбою и усадьбами крестьянъ. Выгонъ этотъ принадлежалъ исключительно владѣльцу имѣнiя, но въ силу хозяйственныхъ и сосѣдскихъ соображенiй, я въ теченiе восьми лѣтъ моего владѣнiя никогда его не вспахивалъ. Покупщикъ мой посмотрѣлъ на это дѣло иначе и порѣшилъ использовать выгонъ: вспахалъ и засадилъ картофелемъ, оставивъ все-таки для крестьянъ только прогонъ возлѣ ихъ усадебъ. Дѣло сдѣлалъ законное, на правахъ собственности, и въ другое время крестьяне не обратили бы на это никакого вниманiя; но, благодаря неспокойному настроенiю, въ которомъ они находились все послѣднее время, большинство изъ нихъ отнеслось къ дѣйствiю моего покупщика крайне враждебно. Дождавшись ближайшаго воскресенья, когда всѣ крестьяне деревни были въ полномъ сборѣ и могли сообща обсудить дѣло вспашки выгона, порѣшили они на сходкѣ своей принять репрессивныя мѣры по отношенiю моего покупщика и съ этою цѣлью собрались въ полномъ своемъ составѣ на выгонъ, потребовавъ къ себѣ для отвѣта казака моего. Отвѣтъ его, вѣроятно, не удовлетворилъ крестьянъ, и они послали своего старосту «требовать» и меня на выгонъ. Явившiйся ко мнѣ староста такъ и сказалъ: «Общество васъ «требуетъ» на выгонъ». Всегда вѣжливый, тихiй староста на этотъ разъ показался мнѣ крайне грубымъ и вызывающимъ и по тону своего голоса и по манерѣ держать себя. Ввалился прямо въ комнаты съ «требованiемъ», но тогда было не до того и съ настроенiемъ народа нужно было считаться. Я немедленно пошелъ. Застаю общество крайне взволнованнымъ. Крикъ, шумъ, гвалтъ раздаются по всей площади. Казакъ мой, припертый въ буквальномъ смыслѣ къ стѣнѣ занимаемой имъ избы на томъ же выгонѣ, давалъ имъ какiе-то несуразные отвѣты и пугливо озирался по сторонамъ. Увидѣвъ меня, онъ бросился ко мнѣ и сталъ просить меня какъ-нибудь успокоить «общество».—«Какъ смѣлъ онъ вспахать выгонъ?» кричали нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ.—«Мы ему этого не простимъ», грозили другiе, поднимая

свои руки. «Онъ говоритъ, что это вы ему разрѣшили вспахать выгонъ, а почему вы сами этого не дѣлали?» начали обращаться ко мнѣ. Очевидно, мой казакъ, припертый, что называется, къ стѣнѣ, взвалилъ вину свою на меня, вотъ почему, подумалъ я, общество и «потребовало» меня къ отвѣту. Мнѣ стоило большихъ усилій успокоить разволновавшееся общество, склонить враждебныя стороны къ миру и согласію, результатомъ котораго немедленно же явились плугъ и вѣхи, и широкая дорога, какъ требовало общество, была вырѣзана посрединѣ выгона для проѣзда ихъ самихъ и прогона скота. На томъ дѣло и порѣшили, и я, успокоенный такимъ благополучнымъ исходомъ дѣла, ушелъ къ себѣ домой.

Наступилъ вечеръ. Приходитъ ко мнѣ взволнованный, внѣ себя, покупщикъ мой и со слезами на глазахъ умоляетъ позволить ему перебраться съ семьей въ домъ, который, въ силу нашего договора, долженъ былъ находиться въ исключительномъ моемъ пользованіи впредь до выѣзда моего изъ имѣнія.

— Ради Бога позвольте,—взмолился онъ:—вы этимъ спасете жизнь нашу, такъ какъ мнѣ сообщили, что крестьяне эту же ночь собираются подпалить занимаемую мною избу. Это ужасно!.. это ужасно!..—волновался онъ.

Мнѣ что-то не вѣрилось, чтобы наши мужики способны были на такой невѣроятный по своей жестокости поступокъ, но въ гнѣвѣ своемъ человѣкъ бываетъ неволенъ, а молодежь, вѣчно буйная, разнузданная, могла угрозу свою и привести въ исполненіе. Я старался, конечно, успокоить его, но слова мои не убѣждали, и онъ одно просилъ—спасти его, Какъ мнѣ ни непріятно было впускать его въ домъ для совмѣстнаго сожительства, но я согласился. Порѣшили мы съ нимъ избрать для переселенія его такое время вечера, когда «улица» расходится по домамъ. Это было обыкновенно время «вечери» (ужина). Нужно было сдѣлать это по возможности секретно, такъ какъ толпа буяновъ, отчаянныхъ головъ, которыхъ среди молодежи бываетъ не мало въ каждой деревнѣ, замѣтивъ его переселеніе, могла легко не допустить исполненія его и тѣмъ разрушить нашъ планъ «спасенія». Переселеніе было вполнѣ удачнымъ, безъ всякихъ инцидентовъ, а для дальнѣйшаго были приняты мною кое-какія мѣры предосторожности, включительно съ приказаніемъ моему сторожу не отлучаться въ продолженіе всей ночи отъ дому и въ случаѣ приближенія предполагаемаго непріятеля къ дому дать намъ знать стукомъ въ окно. Сами же мы, вооружившись, кто чѣмъ могъ, порѣшили оказать сопротивленіе, если бы банда парней вздумала атаковать домъ; но сверхъ нашихъ ожиданій ночь прошла благополучно. Утромъ сторожъ сообщилъ мнѣ, что, когда въ деревнѣ всѣ уже облегли и «когда пер-

вые пивни проспѣвали»[1]), толпа парней подходила къ избѣ моего покупщика, но, вѣроятно, узнавъ отъ кого-нибудь,—возможно, что отъ того же самаго сторожа,—что онъ переселился ко мнѣ въ домъ, ушла, сорвавъ свой гнѣвъ на окнахъ, гдѣ перебила нѣсколько стеколъ, къ дому же подступить не рѣшилась. На другой день съ утра вся эта буйствующая, праздная наканунѣ толпа парней разошлась опять до слѣдующаго воскресенья по экономическимъ работамъ; страсти понемногу улеглись, и мы успокоились, но покой нашъ, какъ показали дальнѣйшія событія, былъ недологъ. Гроза со своими зловѣщими ударами уже надвигалась... Чрезъ нѣсколько уже дней начали ходить слухи о какихъ-то волненіяхъ среди крестьянъ въ смежномъ съ нашимъ уѣздѣ. Заговорили объ избіеніи гдѣ-то урядника, старшины; что движеніе началось съ такого-то села, но такъ какъ село это было отъ насъ довольно далеко и наши крестьяне не имѣли съ нимъ никакого общенія, то непосредственныхъ вѣстей оттуда никто изъ насъ получить не могъ, а слухамъ не всегда можно было довѣрять. Бывали и раньше всякіе конфликты между крестьянами и тѣмъ или другимъ владѣльцемъ; конфликты эти обострялись, доходя иногда до бунтовъ. Возможно, что и въ данномъ случаѣ было что-нибудь подобное, а изъ мухи уже слона сдѣлали. Такъ думалось въ свое успокоеніе и думалось такъ не только нѣкоторымъ изъ насъ, но и тѣмъ, кому надлежало знать истинное въ то время настроеніе деревни. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ высказали свои опасенія относительно такого опаснаго настроенія деревни кое-кому изъ власть имущихъ, но въ отвѣтъ, какъ говорили мнѣ, получали: «Это вы все, господа, преувеличиваете»,—но ближайшіе дни показали, что преувеличеннаго тутъ ничего не было. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ движеніе охватило какъ-то сразу нѣсколько волостей. Изъ единичныхъ случаевъ движеніе приняло массовый характеръ. Волна движенія не докатилась еще до нашего мѣста, когда я былъ по дѣламъ въ городѣ. Это было въ послѣднихъ числахъ марта. Прямо отъ глазного врача съ перевязкою на глазу я отправился по дѣламъ въ одно изъ учрежденій. Не успѣлъ я войти туда, какъ накинулись на меня нѣкоторые изъ служащихъ съ вопросомъ: «Что это, вы ранены?» Я не понялъ этого вопроса. «Да какъ же,—говорятъ мнѣ:—вѣдь у васъ тамъ началась цѣлая революція: жгутъ, грабятъ и даже убиваютъ, какъ носятся слухи. Да вотъ послушайте, что говоритъ дама, пріѣхавшая только изъ деревни». Я подошелъ къ группѣ служащихъ, окружившихъ тѣснымъ кольцомъ даму, которая, сильно волнуясь, разсказывала о тѣхъ ужасахъ, которые творились по деревнямъ сосѣдняго уѣзда. Движеніе уже подступаетъ къ самой

[1]) Пѣтухи, а по-малороссійски «пивни», обыкновенно поютъ въ продолженіе ночи 2 раза; первый разъ часовъ въ 12 ночи, а второй—передъ свѣтомъ.

Карловкѣ (имѣніе великихъ герцоговъ); многія ея управительства уже разграблены и что уже высланы войска для защиты этой самой Карловки съ ея многочисленными заводами. Извѣстіе это прямо-таки поразило меня. Вчера еще я, уѣзжая изъ дому, ничего подобнаго не слыхалъ. Очевидно, событія шли такимъ быстрымъ темпомъ, что вчерашнее еще невѣроятное сегодня уже дѣлалось совершившимся фактомъ. Карловка не такъ далеко была отъ меня, и поэтому, естественно, меня взялъ страхъ и за имущество свое, и, главнымъ образомъ, за семью, оставшуюся въ деревнѣ. Мое присутствіе дома было необходимо, и поэтому я, наскоро справившись со своимъ дѣломъ, поспѣшилъ домой.

Ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ и избралъ хотя и неудобный, но кратчайшій путь, чтобы скорѣе доѣхать до дому. По дорогѣ то и дѣло попадались мнѣ навстрѣчу мужичьи фуры, нагруженныя то всякимъ живьемъ, до домашней птицы включительно, то мѣшками съ хлѣбомъ, то сѣномъ, то разнымъ сельско-хозяйственнымъ имуществомъ. Все это добро везлось какъ-то поспѣшно, безпорядочно. Мужики какъ-то странно, дико озирались по сторонамъ и все понукали своихъ уже пристававшихъ клячъ; ихъ растерянныя лица показывали, что тутъ творится что-то неладное. Я высказалъ подозрѣніе своему кучеру насчетъ принадлежности этого добра самимъ возницамъ, но кучеръ мой еще въ городѣ былъ освѣдомленъ относительно происходящихъ въ деревняхъ грабежей и съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ мнѣ, что везутъ они «награбленное» и спѣшатъ поскорѣе сбыть его въ городѣ перекупщикамъ. Одной изъ встрѣчныхъ партій кучеръ мой прямо задалъ вопросъ: «Кого ограбили?»—Одинъ изъ болѣе смѣлыхъ прямо отвѣтилъ: «Помѣщика А.»—Владѣлецъ этотъ изъ купечества; имѣлъ въ городѣ большую желѣзную торговлю, и имѣніе его было верстахъ въ 30 отъ меня, недалеко отъ знаменитаго села Лисичьяго, откуда и началось движеніе. Движеніе это было организовано, какъ говорили потомъ, студентомъ А., жившимъ всю ту зиму въ имѣніи своей матери, якобы для поправленія здоровья, а въ сущности занимавшимся политическимъ воспитаніемъ крестьянъ и приготовленіемъ ихъ къ весеннему выступленію. Имѣніе это было въ арендѣ. Владѣлица, мать студента, не жила въ немъ, и громадный барскій домъ былъ предоставленъ въ распоряженіе сына, который и использовалъ его для собесѣдованія съ крестьянами въ продолженіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Впослѣдствіи студентъ этотъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, затѣмъ былъ взятъ на поруки своимъ состоятельнымъ родственникомъ, судимъ, сосланъ. и свою дѣятельность закончилъ психіатрической лечебницею.

Встрѣчныя подводы съ награбленнымъ добромъ производили удручающее впечатлѣніе. Чѣмъ ближе подвигался я къ дому, тѣмъ большая тревога охватывала меня. «Ну, что какъ и у насъ уже

ограбили?» выразилъ я свое безпокойство моему возницѣ. Но тотъ, съ свойственнымъ малороссу хладнокровiемъ, вынимая каждый разъ изо рта свою традицiонную люльку (трубку), которую онъ вѣчно сосалъ, отвѣчалъ мнѣ: «Та ни... мабуть (вѣроятно) ще...» И дѣйствительно, прiѣхавъ домой, я отъ встрѣтившаго меня приказчика узналъ, что пока у насъ все обстоитъ благополучно, но по сторонамъ мужички уже начали «пошаливать», и подтвердилъ все то, что слышалъ я въ городѣ относительно Карловки. Слыхалъ онъ и про высланныя туда войска, которыя отбили, молъ, нападенiе мужиковъ, и что есть тамъ и раненые и убитые со стороны экономическихъ служащихъ. И вправду ужасы творятся въ деревнѣ,—вспомнилъ я разсказъ дамы. Давно ли, не дальше, какъ вчера, я оставилъ свои мѣста какъ бы въ полномъ спокойствiи; давно ли старались увѣрить взволнованныхъ владѣльцевъ, что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно и что «вы все, господа, преувеличиваете», а сегодня уже происходятъ чуть не цѣлыя сраженiя, съ убитыми и ранеными... Событiя, какъ я уже сказалъ, шли быстрымъ темпомъ. Сегодня нельзя съ увѣренностью сказать, что будетъ завтра, и поэтому я началъ было настаивать, чтобы семья моя немедленно уѣхала въ городъ. Я одинъ хотѣлъ встрѣтить опасность, которой, очевидно, нельзя было никакими силами и средствами ни отвратить, ни избѣгнуть. Помощи, защиты искать было не у кого. Вся наличная полицiя была гдѣ-то въ бѣгахъ, да и что она, малочисленная, могла сдѣлать противъ громадной озвѣрѣлой толпы. Семья моя наотрѣзъ отказалась оставить меня одного и пришлось вмѣстѣ переживать ужасные дни ожиданiя... Мысль—какъ будетъ вести себя толпа, которая съ часу на часъ можетъ явиться и къ намъ,—ограничится ли она расхищенiемъ хлѣба и всякаго добра, имущества, находящагося внѣ дома, или она ворвется и въ самый домъ и тогда, быть можетъ, предастся всякимъ вакханалiямъ, насилiямъ—не давала покоя и въ особенности тревожны были проводимыя почти безъ сна ночи, въ тишинѣ которыхъ всякiй шорохъ, стукъ, отдаленный лай собаки казались въ настроенномъ воображенiи чѣмъ-то ужаснымъ. Насилiй со стороны своихъ мужиковъ ждать нельзя было; ну, а если явятся чужiе—тѣ не пощадятъ. Эти неотвязныя, тревожныя мысли не давали покоя. День за днемъ проходилъ въ такомъ томительномъ ожиданiи. Каждый новый день приносилъ и новыя извѣстiя, одни другихъ тревожнѣе. Нервы были до крайности взвинчены и желалось тогда, страстно желалось, чтобы гроза эта со своими зловѣщими ударами поскорѣе надвинулась надъ нашими головами... Силы уже не выдерживали дольше ждать, а бросить все и уйти подальше отъ опасности было и неумѣстно по отношенiю своихъ служащихъ, которые во все время пережитыхъ дней оказали себя стойкими, честными и преданными людьми, и слишкомъ уже было

малодушно—бросить все свое достояніе на расхищеніе толпы, которая въ присутствіи владѣльца, казалось, все-таки будетъ нѣсколько сдержаннѣе. Долгъ подсказывалъ оставаться, что называется, на своемъ посту, а тамъ—будь что будетъ. Въ такомъ душевномъ состояніи намъ пришлось прожить всѣ послѣдніе дни марта, а 1 апрѣля толпа грабителей порѣшила и съ нами.

Я не забуду этого дня. Солнце еще не взошло, когда я вышелъ изъ дому во дворъ. Приказчикъ мой былъ уже на ногахъ. Увидѣвъ меня, онъ подходитъ ко мнѣ своею скорою походкою, что дѣлалъ каждый разъ, когда хотѣлъ сообщить мнѣ что-нибудь немаловажное. Какъ-то таинственно, вполголоса сообщаетъ онъ мнѣ, что наши мужики сегодня къ чему-то готовятся. «А по чему ты это замѣчаешь?» спрашиваю его. «Да вотъ пожалуйте за мною». Мы съ нимъ пришли къ спуску горы, откуда видна была вся наша деревушка, пріютившаяся у подножья взгорья. На площади, недалеко отъ этого взгорья, былъ общественный колодезь, гдѣ всегда можно было по утрамъ наблюдать толпу бабъ, то несущихъ ведрами воду, то полощущихъ у корыта бѣлье свое. На этотъ разъ эта мирная идиллія деревенской жизни представляла изъ себя совершенно иную картину. У колодца сгруппировалась кучка мужиковъ; дальше другая, третья... Въ мужикахъ этихъ я узнаю все знакомыя лица: то Иванъ такой-то, то Петръ, то Семенъ... Всѣхъ ихъ я зналъ и по имени и по фамиліямъ. Кучка эта перебѣгала то къ одной группѣ, то къ другой; шумѣла, кричала, жестикулировала... Вотъ вижу—одинъ изъ нихъ вскакиваетъ на самый колодезь (чтобы его виднѣе было) и что-то кричитъ толпѣ, но что именно—за шумомъ нельзя было разслышать; но очевидно, что слова этого оратора были такъ убѣдительны, внушительны, что толпа опрометью ринулась къ своимъ дворамъ, и не успѣлъ я обмолвиться со своимъ приказчикомъ нѣсколькими словами, какъ она уже выѣхала на площадь на своихъ повозкахъ (телѣгахъ) и стройно, какъ бы по командѣ, выстроившись въ линію, съ гиканіемъ и свистомъ двинулась изъ деревни по направленію села В.

— Уѣхали... да вѣдь какъ и уѣхали, и лба-то никто не перекрестилъ. Видно, не на хорошее дѣло...—закончилъ свои слова приказчикъ мой.

— Ну, а старосту нашего не замѣтилъ ты между ними?—спросилъ я его.

— Что-то не въ примѣтку было.

Ну, и слава Богу, подумалъ я. Слова мои, значитъ, подѣйствовали на него. А дѣло было такъ. Возвратившись тогда изъ города подъ впечатлѣніемъ всего наслышаннаго, я позвалъ къ себѣ нашего старосту, чтобы поговорить съ нимъ о злободневныхъ событіяхъ. Староста былъ человѣкъ умный, тихій, разсудительный, какимъ я его всегда зналъ, и къ тому же и состоятельный.

— Ну, что у насъ слышно въ деревнѣ, какъ наши мужики относятся къ производимымъ «чужими» безпорядкамъ? — спрашиваю его.

— Да у насъ, слава Богу, ничего этого не слышно. Галдятъ понемногу, но ничего такого не слышно,—повторилъ онъ.

— Ты, Никита,—говорю ему,—съ мужиками поговори хорошенько, да вразумительно, чтобы они не вздумали, по примѣру прочихъ, заняться грабежами. Дѣло это беззаконное, отвѣчать за него придется; опасное и для васъ, болѣе состоятельныхъ людей. Не хватитъ владѣльцевъ, станутъ и своихъ грабить.

— Да я это и самъ хорошо понимаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Но когда наши мужики совмѣстно съ чужими грабили адмирала С., то и его сынъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Таково уже стадное чувство, которому подчиняются и благоразумные люди. «И знаешь, что дѣлаешь дѣло незаконное, и жутко, и страшно на душѣ, а идешь», какъ говорилъ мнѣ по окончаніи грабежей одинъ изъ очень порядочныхъ мужиковъ, тоже участвовавшій въ грабежахъ. А нѣкоторые, правда, немногіе, такъ и не принимали участія въ грабежахъ; въ силу ли того, что это были все люди безлошадные—на своихъ плечахъ много не снесешь,—или тѣ, которые придерживались выжидательной тактики: «Посмотримъ еще, что изъ этого выйдетъ...» Одинъ изъ такихъ, во время моего ограбленія, явившись во дворъ вмѣстѣ съ толпою, прямо такими словами и спросилъ меня: «А что за то будетъ?»—«По головѣ не погладятъ. Отвѣчать, конечно, придется», сказалъ я ему. «Гм... да...» промычалъ онъ, да и отошелъ себѣ въ сторонку—подальше отъ соблазна.

— Эхъ, народъ, народецъ!.. крещенный и небось православный...—укоризненно покачавъ головой, произнесъ мой приказчикъ вослѣдъ уѣзжающимъ на «недоброе дѣло» нашимъ мужичкамъ... Долго и я смотрѣлъ вослѣдъ имъ и желаніе было крикнуть, остановить ихъ; но толпа и вереница подводъ все дальше и дальше удалялась отъ меня, и не прошло, вѣроятно, нѣсколькихъ минутъ, какъ я увидѣлъ одно лишь густое облако пыли по большей дорогѣ, ведущей къ селу В. Чудное, безоблачное, благоухающее весеннее утро такъ не гармонировало съ настроеніемъ этого взбаламученнаго моря людскихъ страстей... Солнце поднималось надъ горизонтомъ, окутанное облаками пыли, которая неслась, какъ ураганъ, со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ направленіямъ... Это аграрники спѣшили на свое «дѣло», которое совершали они съ поразительною быстротою. Не прошло, вѣроятно, и часа времени, какъ я уже увидѣлъ своихъ мужиковъ, возвращающихся домой съ награбленной добычей.—«Кого ограбили?» спрашиваю я подошедшаго ко мнѣ одного изъ служащихъ. «Помѣщика П.», былъ отвѣтъ.

Сваливъ кое-какъ впопыхахъ мѣшки свои съ хлѣбомъ, эта ватага обезумѣвшаго народа, напоивъ наскоро у колодца своихъ

лошадей, съ тѣмъ же дикимъ свистомъ, гиканіемъ быстро понеслась опять по тому же направленію. Смотря опять вслѣдъ этой толпѣ, я охваченъ былъ какимъ-то сложнымъ чувствомъ: и чувство жалости къ этимъ обманутымъ кѣмъ-то людямъ, съ которыми я сжился въ продолженіе моей восьмилѣтней жизни съ ними и къ которымъ такъ всегда любовно относился, приходя къ нимъ часто на помощь во всякой ихъ нуждѣ, и чувство досады, злобы къ тѣмъ изъ нихъ, которые подбили ихъ на это «дѣло», а остальные поддались на увѣщанія вожаковъ своихъ и изъ добрыхъ, мирныхъ людей сдѣлались такими злобными, ненавистными. Страшно тяжело стало на душѣ. Изъ тяжелаго душевнаго состоянія я былъ выведенъ неистовымъ крикомъ женщины. Крикъ несся со двора одной недалекой отъ меня избы. Я оглянулся въ сторону крика и увидѣлъ выходящаго со двора мужика, котораго женщина всячески ругала, приговаривая: «Люди по сорока карбованцівъ (рублей) въ день заробляютъ, а ты що? двадцать копіекъ... Паньскій урывокъ!» упрекнула она своего мужа за вѣрную его службу «пану». Мужикъ, стараясь поскорѣе уйти отъ своей разсвирѣпѣвшей супруги, направился прямо ко мнѣ во дворъ. Это оказался одинъ изъ моихъ служащихъ, которому, дѣйствительно, въ день приходилось по 20 к. и которому жена его не могла простить того, что онъ не участвуетъ въ грабежахъ. Баба относилась съ большою завистью къ тѣмъ женамъ, мужья которыхъ навезли столько хлѣба, и не могла простить своему мужу такого равнодушія къ благосостоянію своей семьи. Кроткій, смирный мужичекъ мой оставался стойкимъ и на грабежъ не пошелъ. Я вошелъ въ домъ, чтобы разсказать семьѣ своей объ этомъ эпизодѣ, какъ является приказчикъ съ сообщеніемъ, что мужики, какъ узналъ онъ, отправились грабить адмирала С. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ нашего района владѣльцевъ, стоящихъ на линіи движенія, которое шло планомѣрно въ одномъ направленіи, съ востока на западъ вдоль р. Коломакъ. Рѣка эта служила какъ бы главною магистралью движенія; всѣ побочныя линіи сходились къ этой главной. Будто кто-то одинъ руководилъ этимъ движеніемъ, направляя его то въ ту, то въ другую сторону, но, конечно, недисциплинированная толпа не всегда подчинялась своему руководителю и, ослѣпленная успѣхомъ своего дѣла, бросалась изъ стороны въ сторону, грабя на своемъ пути и тѣхъ изъ своихъ же болѣе зажиточныхъ крестьянъ, которые въ планъ «дѣйствія» и не входили. Побѣдоносная орда, не встрѣчая на своемъ пути никакого сопротивленія, подвигалась все ближе и ближе къ самому городу. Полиція или отсутствовала, или являлась въ такомъ ничтожномъ числѣ, что ей приходилось быть только свидѣтелями всего происходящаго. Такъ обстояло дѣло, пока не высланы были въ помощь полиціи нѣсколько батальоновъ солдатъ при сотнѣ уральскихъ казаковъ, вызванныхъ

спѣшно изъ Харькова. Движеніе тогда прекратилось, а пока толпа успѣла ограбить адмирала С. и меня, но объ этомъ потомъ, а сейчасъ замѣчу, что движеніе это направлено было преимущественно противъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ, а если грабились по дорогѣ и «свои», то это, думаю я, случайно подвернувшіеся подъ руку. «Случайныя жертвы», какъ называли ихъ въ то время.

Въ народѣ еще живетъ то непріязненное чувство къ землевладѣльцу, дворянину, которое онъ съ крѣпостныхъ временъ унаслѣдовалъ отъ отцовъ своихъ, и много, много лѣтъ еще пройдетъ, пока выросшее новое поколѣніе забудетъ тяжелую исторію крѣпостныхъ временъ; пока дѣды и отцы не отойдутъ въ вѣчность, и молодое поколѣніе не будетъ слышать отъ нихъ грустные тяжелые разсказы о пережитыхъ ими временахъ. Я припоминаю разсказъ одного старика-нищаго. Это было сравнительно недавно, всего въ 1895 г., когда я купилъ это злополучное имѣніе. Рѣки у насъ не было, и поэтому приходилось пользоваться купаніемъ въ сосѣдней небольшой деревнѣ, которая граничилась небольшою рѣкою. Туда-то мы и ѣздили купаться. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ на берегу рѣки мы встрѣтили очень старенькаго мужика-нищаго, который протянулъ намъ свою костлявую, всю испещренную какими-то темными пятнами руку. Я спросилъ его о происхожденіи этихъ пятенъ на рукѣ. Тутъ онъ и повѣдалъ намъ ту жизнь свою тяжелую, горемычную, которую онъ претерпѣлъ въ крѣпостное право.—«Помѣщикъ нашъ,—говорилъ онъ,—былъ лютый да клятый. Это онъ мнѣ пекъ раскаленнымъ желѣзомъ руки. Все здоровье мое отобралъ и на старости лѣтъ сдѣлалъ меня калѣкою никуда негоднымъ». Разсказъ свой онъ сопровождалъ слезами, но какими-то странными, неестественными; словно эти слезы онъ старался выдавить изъ орбитъ своихъ глазъ. Голосъ его дрожалъ, а голову его какъ-то подергивало изъ стороны въ сторону. Масса дѣтишекъ, окружавшихъ этого «бандуриста» грустныхъ пѣсенъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушала исторію инквизиціонныхъ пытокъ. Мы очень заинтересовались судьбою этого несчастнаго «дѣда Гришки», какимъ именемъ называли его присутствовавшіе мужики и дѣти. Я началъ разспрашивать мужиковъ про него самого, про ту исторію его жизни, которую онъ повѣдалъ намъ, про того лютаго помѣщика, который жилъ во времена молодости Гришки. Мужики, смѣясь, отвѣчали мнѣ, что все это Гришка нарочно выдумалъ, чтобы разжалобить насъ и тѣмъ большую дань получить, что ихъ когда-то крѣпостной помѣщикъ Ч. былъ человѣкъ очень сердечный, народъ никогда не обижалъ и рѣдко жилъ въ деревнѣ, а все больше въ городѣ, откуда когда и пріѣзжалъ, то съ гостинцами и со всякимъ угощеніемъ. Послѣ этого Гришка въ нашихъ глазахъ потерялъ если не все, то очень много, и если я ему и помогалъ, то какъ вообще бѣдняку-нищему, но не изъ

состраданія къ мученику крѣпостныхъ временъ. Какое впечатлѣніе могли вынести, какъ глубоко могъ запасть въ душу дѣтскую разсказъ этихъ всѣхъ «Гришекъ», которые, какъ калики перехожіе, переходя съ одного двора въ другой, съ мѣста на мѣсто, пѣли одну пѣснь ненависти къ одному классу владѣльцевъ, которые,— если не сами они, то отцы ихъ,—владѣли когда-то крѣпостными людьми, а для этого нужно было именоваться дворяниномъ. Такимъ непріязненнымъ чувствомъ крестьянъ къ дворянамъ вообще агитаторы могли легко пользоваться для своихъ цѣлей и всѣми правдами и неправдами поднять крестьянъ противъ нелюбимаго ими сословія, продолжающаго владѣть если не крѣпостными, то землею, которая заставляла ихъ, крестьянъ, быть въ экономической зависимости отъ тѣхъ же помѣщиковъ, а зависимость—не добрый другъ. Мнѣ могутъ сказать, что я ужъ очень сгустилъ краски, что такого непріязненнаго чувства, о которомъ упомянулъ я, у крестьянъ къ помѣщику нѣтъ, что есть недружелюбное чувство, проявляющееся въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ. Отчасти это такъ, но только отчасти, какъ показало аграрное движеніе, о которомъ я веду свой разсказъ. Грабили всѣхъ, но съ той только разницею, что злыхъ, недобрыхъ помѣщиковъ и грабили зло, а добрыхъ и грабили по доброму, и если кто остался не ограбленнымъ, то по какой-то счастливой случайности, по счастливому совпаденію обстоятельствъ. Адмиралъ С., о которомъ я упомянулъ выше, былъ для крестьянъ и добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, простымъ настолько, что даже часто подавалъ крестьянамъ руку; тѣмъ не менѣе ограбили и его, быть можетъ, въ силу того же, что «пановъ грабить было дозволено»...

Въ ограбленіи этого самаго С. участвовала почти вся наша деревня за немногими исключеніями. Ограбленіе его совершилось такъ быстро, что къ 12 часамъ все уже было готово, и мужики радостные, съ пѣснями, возвращались домой. Въ это время мы сѣли обѣдать, но не успѣли проглотить первую ложку супу, какъ входитъ взволнованный приказчикъ и подноситъ мнѣ записку, врученную ему какимъ-то мальчикомъ. Въ запискѣ этой безграмотною рукою написано было, что насъ придутъ грабить въ 3 часа дня. Кто передалъ эту записку, свой ли мальчикъ, или чужой; кѣмъ была написана записка—тогда было не до того. Возможно, что кто-нибудь изъ доброжелательныхъ мужиковъ, слыша намѣренія грабителей, во время постарался насъ объ этомъ предупредить и дать намъ возможность подготовиться къ приходу незванныхъ гостей,—все это такъ и осталось не разъясненнымъ, но фактъ тотъ, что насъ придутъ грабить, ужасно взволновалъ насъ. Было не до обѣда, который подавался только для проформы, но не для ѣды. Сердце тревожно билось въ ожиданіи этого часа, и

каждый изъ сидящихъ за столомъ, нѣтъ, нѣтъ, да и взглянетъ на стрѣлку часовъ—скоро ли она приблизится къ этому роковому часу, когда рѣшится и участь нашего имущества, а быть можетъ и жизни... смотря по тому, кто придетъ грабить: свои ли, чужіе, и между этими послѣдними, быть можетъ, найдутся и отчаянныя головы, которыя полѣзутъ и въ домъ съ требованіемъ денегъ. Въ этомъ томительномъ ожиданіи мысли одна другой мрачнѣе лѣзли въ голову. Мы бросили свой обѣдъ и стали готовиться. Не долго намъ пришлось ждать. Роковой часъ еще не пришелъ, какъ вошедшій къ намъ приказчикъ сообщилъ, что народъ уже подходитъ къ воротамъ, а вбѣжавшій вслѣдъ за нимъ мальчикъ сообщилъ мнѣ, что народъ уже во дворѣ и «требуетъ» меня къ себѣ. Приказчикъ мой пошелъ предварительно узнать, кто явился—чужіе или свои—и когда онъ сообщилъ мнѣ, что свои, то я уже спокойно вышелъ къ нимъ.

Когда я подходилъ къ нимъ, то вся эта толпа все знакомыхъ мнѣ людей начала одинъ за другимъ выходить со двора и, устроившись за воротами, какъ-то вопросительно начала поглядывать на меня—словно ждала отъ меня перваго слова. Я это замѣтилъ и велѣлъ приказчику пригласить народъ войти во дворъ. Толпа начала входить во дворъ одинъ за другимъ, какъ-то нерѣшительно, крадучись, все посматривая больше по сторонамъ, словно избѣгала моего всгляда... Все это тѣ же Петры, Семены, сосѣди мои, которыхъ мнѣ не разъ случалось выручать изъ какой-нибудь ихъ бѣды и съ которыми я дружно жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ моей жизни съ ними; все знакомыя лица, но что за ужасные были ихъ глаза теперь... Эти глаза, которые такъ еще недавно смотрѣли на меня и кротко, и добро, и довѣрчиво... Блуждающій, дикій взглядъ какъ-то исподлобья, бѣгающій растерянно по сторонамъ, не останавливающійся опредѣленно ни на одномъ предметѣ, выражалъ ихъ какое-то особенное душевное состояніе. Въ данный моментъ люди эти казались мнѣ страшными. На вопросъ мой: зачѣмъ пришли они ко мнѣ?—«Требовать отъ васъ хлѣба... чтобы хлѣбъ свой отдали вы намъ»,—отвѣтило мнѣ разомъ нѣсколько голосовъ. «Значитъ, вы пришли меня грабить?» спросилъ я ихъ вторично. «Какъ хотите, такъ и думайте; грабить, то и грабить», отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ толпы, молодой парень, стоявшій все время молча въ сторонѣ. Я не выдержалъ и напомнилъ имъ то, чѣмъ я былъ для нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ моей совмѣстной съ ними жизни. «Ну, что же дѣлать, мы не отъ себя,—отвѣтило мнѣ какъ-то разомъ нѣсколько голосовъ, но отвѣтило уже болѣе спокойнымъ, добрымъ голосомъ.—Не отъ себя,—повторили голоса,—а отъ царя».—«Приказъ таковъ отъ царя вышелъ», подтвердилъ одинъ голосъ изъ толпы. «Генералъ развозилъ по волостямъ такой приказъ отъ царя», отозвался еще кто-то изъ толпы.

Нужно замѣтить, что въ началѣ этого движенія въ народѣ упорно ходили слухи о какомъ-то генералѣ, пріѣхавшемъ изъ Петербурга отъ самого Царя, съ порученіемъ объявить народу какой-то манифестъ, писанный «золотыми буквами». Возможно, что въ такое смутное время, какое переживали мы тогда, и являлся подобный самозванецъ, для пущей важности и убѣдительности одѣтый въ форму генерала. Говорятъ, что по селамъ въ то время ѣздило немало мнимыхъ урядниковъ, которые раздавали народу какіе-то приказы отъ начальства. Народъ, вѣдь, всегда легко вѣрилъ тому, что такъ или иначе касалось его личнаго интереса; могъ онъ легко повѣрить и чьимъ-то разсказамъ про генерала, котораго, въ сущности, никто ни изъ моихъ сосѣдей-крестьянъ, ни изъ служащихъ моихъ не видѣлъ; а «кто-то другой» видѣлъ, и этого было достаточно, чтобы народъ увѣровалъ въ существованіе подобныхъ самозванцевъ и въ ихъ прямую миссію.

— Ну, что же, баринъ, своимъ не хотите отдавать—чужіе заберутъ; а узнаютъ чужіе, что вы уже ограблены — не полѣзутъ. Отъ насъ худого ничего для васъ не выйдетъ, а отъ чужихъ еще неизвѣстно, что будетъ.

Такими словами толпа закончила свое «требованіе» хлѣба, сдѣлавъ движеніе какъ бы къ выходу. Толпа эта колебалась... Колебался и я въ своемъ рѣшеніи; но вѣроятность увидѣть въ своемъ дворѣ «чужихъ» заставила меня согласиться съ доводами «своихъ», и я приказалъ приказчику открыть амбаръ. Цѣлая вереница и старыхъ и малыхъ и бабъ потянулась къ амбару съ мѣшками подъ рукой. Я сталъ наблюдать, стоя въ сторонѣ, прислонившись къ стѣнѣ дома. Я видѣлъ, какъ толпа тихо, безшумно шла за приказчикомъ, все оглядываясь по сторонамъ, словно боясь, чтобы какая-нибудь невидимая рука не остановила ее, не помѣшала ей совершить желаннаго дѣла. Я видѣлъ, какъ она какъ-то нервно, нетерпѣливо слѣдила за движеніемъ руки моего посланца, когда онъ прикасался къ замку, чтобы открыть амбаръ. Я видѣлъ, какъ вся эта толпа стремительно бросилась къ дверямъ амбара, когда открылись онѣ, и съ жадностью накинулась на результатъ и моего труда и моихъ денежныхъ затратъ и стала поспѣшно выносить изъ амбара хлѣбъ. Мнѣ грустно, безконечно тяжело было смотрѣть на эти самодовольныя лица мужиковъ, которые по темнотѣ своей, по невѣдѣнію своему обратились изъ мирныхъ, хорошихъ людей въ какихъ-то озвѣрѣлыхъ грабителей, не понимающихъ въ большинствѣ своемъ и самой преступности своего поступка. Зачѣмъ, къ чему все это? подумалъ я. Зачѣмъ понадобилось небольшой кучкѣ утопистовъ взбаламутить это море, кот рое, какъ разъяренная стихія, грозила гибелью и большому корабл и малому суденышку... Я задумался. Изъ такого моего душевна состоянія вывелъ меня подбѣжавшій ко мнѣ одинъ изъ грабителе

— Пожалуйста, баринъ,—проговорилъ онъ скоро: — придите подѣлить насъ, а то у насъ тамъ порядку нѣтъ,—кто много беретъ, а кому и ничего не попадаетъ.

Я удивился такой наивности моего просителя.

— Вы пришли меня грабить, и я же пойду дѣлить васъ... Подумалъ ли ты, о чемъ просишь—отвѣтилъ я ему.

Наивный мой мужичокъ, Игнатъ Кишекъ, какъ сейчасъ помню его, сконфуженно ушелъ отъ меня. Изъ любопытства подошелъ я поближе къ амбару. Слышу, народъ тамъ шумитъ, кричитъ, чуть не до драки дѣло доходитъ. Счастливцы, успѣвшіе уже наполнить свои мѣшки хлѣбомъ, выходили поспѣшно изъ амбара, а на смѣну имъ подходили все новые. Вотъ вижу, выходитъ мой старый знакомый, плотникъ Николаенко. Подъ тяжестью набраннаго имъ цѣлаго куля муки онъ едва передвигаетъ ноги, но веселъ, бодръ и какъ бы не замѣчаетъ своей непосильной ноши.

— Поглядите-ка на нашего Клима,—говоритъ мнѣ приказчикъ, указывая на старика.—На работу-то слабъ, а тутъ, чай, пудовъ съ шесть навалилъ на себя, да и ничего—пошелъ...

Да, какой подъемъ духа нужно имѣть, чтобы такому малосильному старику да поднять этакую тяжесть. Очевидно, что бодрый духъ и плоть сдѣлалъ мощною. А вотъ, вижу, подходитъ къ амбару съ мѣшкомъ подъ плечомъ небольшая тщедушная женщина, почти слѣпая отъ природы, вдова съ многочисленнымъ семействомъ. Мужъ ея умеръ эту осень, прослуживши у меня нѣсколько лѣтъ. Несчастная полуголодная семья осталась безъ кормильца своего, и я, придя къ ней на помощь, снабдилъ семью эту такимъ количествомъ хлѣба и топлива, чтобы хватило съ нея на всю зиму до весны, когда открываются повсюду работы и дѣти, между которыми были и подростки, могли уже заработать на свое пропитаніе. Благодаря моей помощи, семья эта могла безъ нужды прожить всю зиму, и вотъ я вижу женщину эту тоже соучастницею моего ограбленія. Несчастная полуслѣпая женщина не замѣтила, конечно, моего присутствія у амбара и смѣло уже заносила свою ногу на ступеньки его, когда я ее остановилъ за руку, сказавъ ей: «и ты пришла грабить меня». Она, какъ затравленный звѣрекъ, заметалась во всѣ стороны, приговаривая со слезами на глазахъ: «Научили, научили меня лихіе люди, а я не хотѣла, я долго не хотѣла... заставили и меня...» Стадное чувство и тутъ сыграло, думаю я, свою роль: всѣ идутъ, пошла и она. Вотъ, вижу, выходитъ изъ амбара мой ближайшій сосѣдъ—тихій, кроткій, всегда послушный мужичокъ Іосифъ. Веселый, довольный, съ мѣшкомъ на плечѣ, наполненнымъ мукою, онъ подходитъ ко мнѣ и, низко кланяясь, благодаритъ меня за лучшую пшеничную муку, которую набралъ онъ въ амбарѣ. Мука эта приготовлена была для печенія пасохъ.

— Спасибі, дай Боже вамъ здоровья та счастья,—говоритъ онъ мнѣ.—Теперь и у мэнэ будэ пасочка, та і ще яка... Я, бачете (видите),—понизивъ голосъ, какъ бы шопотомъ сообщаетъ онъ мнѣ,—бравъ и у генерала, та тилки міні тамъ досталась сама житна мука, а туть пшенична. Ну, и славна та біла будэ у мэнэ пасочка...—какъ-то восторженно произнесъ онъ.—Дай Боже вамъ здоровья и счастливо діждаті Великдня,—закончилъ, уходя, слова свои этотъ наивный человѣкъ, который самовольно взялъ у меня хлѣбъ мой, ограбилъ меня и считалъ все-таки долгомъ своимъ поблагодарить меня за это.

Насмѣшка ли это, или простота сердечная подсказала ему эти слова? Думаю—второе. Большинство же уходило молча, какъ-то угрюмо, сосредоточенно, словно исполнивъ долгъ свой; многіе были и недовольны и даже поругивались съ товарищами, а одинъ даже пригрозилъ другому за явно несправедливый дѣлежъ. «Уже завтра разберемся, а сегодня пусть уже будетъ и такъ», произнесъ онъ, уходя.

Но завтрашній день принесъ моимъ грабителямъ полное разочарованіе Случилось нѣчто непредвидѣнное ими. Уже съ утра разнесся слухъ, что идутъ войска; а къ полудню явился батальонъ солдатъ съ отрядомъ полицейскихъ, сопровождавшихъ телѣгу, наполненную прутьями розогъ. Отрядъ этотъ въ ожиданіи губернатора расположился на площади села Ч., въ трехъ верстахъ отъ нашей деревни. Еще рано утромъ, а то и ночью, были арестованы вожаки движенія, тѣ изъ крестьянъ, во главѣ которыхъ толпа шла на грабежъ. Изъ нашихъ тоже оказалось человѣка два-три, которые были главными зачинщиками грабежа не у меня, а у сосѣдняго помѣщика С.: ихъ замѣтили полиція и экономическіе служащіе; они тоже были арестованы и приведены всѣ на ту же площадь. Съ прибытіемъ солдатъ грабежи нашего района сразу прекратились, а появленіе полицейскихъ съ розгами произвело на мужиковъ ошеломляющее впечатлѣніе. Вчера еще такая веселая, самодовольная, воодушевленная деревня сегодня какъ-то сразу перемѣнила свой тонъ. Ходятъ всѣ скучные, угрюмые, все больше въ одиночку, какъ бы сторонясь другъ друга. У всѣхъ только одно на устахъ: «Будутъ наказывать, привезли два воза розогъ...» Кто-то распространилъ слухъ, что въ первую голову будутъ сѣчь сельскихъ старостъ. Слухъ этотъ, конечно, неправдоподобный, какъ и большинство въ то время слуховъ, страшно поразилъ, взволновалъ нашего старосту, небольшого тщедушнаго человѣчка Никиту. Прибѣгаетъ онъ ко мнѣ, весь трясясь отъ волненія, бросается въ ноги и съ рыданіемъ началъ умолять меня заступиться за него. «Я человѣкъ слабый, сердце у меня больное, начнутъ сѣчь—не выдержу... Заступитесь, скажите исправнику, что я не участвовалъ въ грабежахъ, что я бол....»—Тутъ голосъ его об-

рвался, онъ упалъ ницъ, истерически рыдая. Вся семья моя приняла участіе въ немъ. Дали ему возможность оправиться, успокоиться, и я, съ своей стороны, обѣщалъ походатайствовать за него, если бы оказалась въ томъ надобность, и тѣмъ охотнѣе обѣщалъ сдѣлать это, что, какъ мнѣ было извѣстно, онъ лично дѣйствительно не участвовалъ въ грабежахъ. «Розги», какъ сказалъ я, произвели ужасное впечатлѣніе на аграрниковъ. По улицамъ нашей деревни ѣздилъ верхомъ какой-то мальчикъ и выкрикивалъ: «Отъ царя получена телеграмма, что тѣлесному наказанію никого не подвергать, на то будетъ судъ». Эта послѣдняя попытка агитаціи воздѣйствовать, взволновать крестьянъ нелѣпой, вымышленной телеграммой успѣха уже не имѣла. Искра еще разъ была брошена, но негорючій матеріалъ не произвелъ уже пламени... Къ вечеру староста нашъ принесъ мнѣ приказъ, кажется, отъ нашего исправника, явиться на экзекуціонную площадь. «Приказъ этотъ былъ данъ всѣмъ владѣльцамъ, потерпѣвшимъ отъ погрома. Приказъ явиться «немедленно» заставилъ меня тотчасъ же отправиться на площадь села Ч. На площади я засталъ и войска и полицію и потерпѣвшихъ въ полномъ сборѣ. Не было только губернатора, который съ дороги еще возвратился обратно въ городъ, получивъ извѣстіе о смерти министра Сипягина. Прождали мы его до вечера, да такъ и уѣхали «не солоно хлебавши». «Зачѣмъ насъ вызываютъ?» спросилъ я одного изъ потерпѣвшихъ. «Да, видите ли,—отвѣтилъ онъ:—будетъ своего рода судъ, а на судъ вызываются всѣ стороны». Отвѣтъ этотъ меня не удовлетворилъ, и я такъ и уѣхалъ, не понявъ приказа. На другой день съ утра уже начали являться ко мнѣ мужики и бабы, неся на своихъ плечахъ взятый ими у меня хлѣбъ. Оказалось, что имъ приказано было возвращать обратно владѣльцамъ награбленный хлѣбъ и въ возвратѣ его получать отъ владѣльцевъ расписки. Мужики все медлили,—авось, думали, дѣло обойдется безъ отдачи, къ тому же многіе уже успѣли и хлѣба понапечь изъ награбленной муки и на половину и поѣсть его, а тутъ приказъ: «отдавай». Почесали въ затылкахъ, да дѣлать нечего.

Возвращали мужики обратно хлѣбъ, какъ я уже и сказалъ, неохотно и притомъ не тотъ чистый, хорошій хлѣбъ, который забирали, а большею частью сорную муку, съ примѣсью и песку и глины; хлѣбъ, оказавшійся, въ большинствѣ случаевъ, годнымъ только для корму свиней, но не людей. Но тутъ уже какимъ-либо спорамъ, пререканіямъ не было мѣста. Какой бы ни возвратилъ, т и ладно. Но и возвращали не весь, а только часть ограблен[illegible]о. Возвращая, просили отъ меня расписки для представленія п[illegible] начальству. Пришелъ за распискою и упомянутый мною раньше п[illegible]тчикъ Н. Я спросилъ приказчика, много ли онъ возвратилъ

муки. «Да пуда два, а взялъ пудовъ 5—6, не меньше». Я было отказалъ ему въ выдачѣ расписки, но несчастный, жалкій старикъ упалъ въ ноги и, рыдая, началъ приговаривать: «Поѣли мы этотъ хлѣбъ, добрый баринъ... поѣли.. пять душъ дѣтей, да насъ двое... Пожалѣйте семью, пожалѣйте, добрый баринъ», все приговаривалъ онъ, заливаясь слезами. Мнѣ стало жаль этого бѣднягу, который, увлеченный общимъ потокомъ, пошелъ на такое дѣло, которое исполнилъ подъ общимъ гипнозомъ, подъ общимъ въ то время настроеніемъ... Я выдалъ ему соотвѣтствующую расписку, приказавъ приказчику дополнить его мѣшокъ. Старикъ былъ женатъ второй разъ и, имѣя кучу малыхъ дѣтишекъ отъ второго брака, жилъ бѣдно, вѣчно нуждаясь въ насущномъ кускѣ хлѣба. Мнѣ часто ему приходилось помогать, на этотъ разъ онъ пожелалъ самъ себѣ помочь.

Управившись съ этими расписками, я опять отправился на площадь. Губернатора все еще не было, но ждали его съ минуты на минуту. Исправникъ, говорятъ, поѣхалъ уже навстрѣчу ему. Въ ожиданіи пріѣзда нашего начальства я подошелъ къ стоящей особнякомъ группѣ потерпѣвшихъ. Между ними я замѣтилъ и своего недалекаго сосѣда, очень состоятельнаго мужика.

— Какъ, и васъ ограбили?—удивленно спросилъ я его.

— Да, не помиловали и мене, простого мужика. Уставъ я, якъ водится, раненько—ще до сходъ соньца,—разсказываетъ дальше потерпѣвшій:—звелівъ нагодувати коней, набрати въ чувалы (лантухи) зерна, сіялку пидмазаты... Сготовився якъ мается буть, та и кажу сыну: ну, іди же собі съ Богомъ... А сынъ мій и кажэ:—тату! а подывітся що робітся на дорозі...—Зиркъ (глядь), а народу тамъ якъ черви въ гнилій боцці. Хто босый, а хто въ чоботяхъ (сапогахъ), хто на повозці, а хто і пішій съ оклункомъ (мѣшкомъ) підъ рукою... Та швыдко (скоро), швыдко біжать, попережаючи другъ дружку. А курище таке зробылы по дорозі—ажъ світа Божьяго не видно: «мовъ вовкъ отару (стадо) овецъ жене». Я і пытаю сына: куды це воны? «Пана, каже, мабуть, якогось-то побиглі грабоваты».—А робітникъ мій якъ зарегоче, якъ заскаче... Я до нёго: дурный, кажу, чего ты радіишь, а якъ насъ прійдутъ грабоваты.—«Та ні, каже, хіба вы панъ,-то тилькі панівъ».—Та вже жъ (да конечно) панівъ, подумавъ я, та і пішов собі въ хату снідаты (завтракать). Тільки за ложку, а тутъ, дівлюсь, біжить съ поля другій мій робітникъ, та прямо до мене:—«о такъ і такъ, кажэ, грабують і насъ; позаберали уже увесь хлібъ шо бувъ на поле, біжать, кажэ, уже и до двору»... Не успівъ я выйте изъ хаты, якъ воны уже і тутъ.—Вітчіняй (открывай), кажутъ, мерщій (скорѣй) гамазэй свій, та вітдавай хлібъ, а то сами возьмемъ. Пана П. уже ограбовали люды, намъ хліба тамъ не стало.— Я давай съ ными спориться... Такъ куды тобі... «Вітчіняй мерщій,— загомонили воны,—а то буде і тобі...», та і сунулись до мене съ тімъ що и быты мене... Нічего було робіть, не сила моя... Довелось

витдаваты... Позаберали усе, вражьи сыны, до послідняго зерна... Отака сторія случилась. Хай бы панівъ, а то и мене...—закончилъ онъ, покачавъ какъ-то безнадежно головою [1]).

Его характерное выраженіе: «хай бы панівъ», показывало, что онъ въ сущности ничего не имѣлъ противъ ограбленія «пановъ», но когда дѣло дошло до него, «простого мужика», то онъ запротестовалъ, но, подчиняясь силѣ, долженъ былъ уступить.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ чьимъ-то замѣчаніемъ, что, кажется, ѣдетъ губернаторъ... Вдали мы замѣтили облако пыли по дорогѣ, ведущей къ нашему мѣсту. Въ облакахъ пыли, какъ силуэты, выдѣлялись фигуры всадниковъ; за ними виднѣлась коляска, запряженная тройкой, а еще дальше—опять всадники. По мѣрѣ приближенія къ намъ этого кортежа всѣ находившіеся на площади начали какъ-то подтягиваться. Солдаты вытянулись въ шеренгу; разгуливавшіе по площади офицеры стали у своихъ частей; галдѣвшая толпа мужиковъ замолкла, а арестованные аграрники опустились на колѣни. Вся площадь приняла какой-то необычайно таинственный видъ и замерла въ ожиданіи...

Вотъ выходитъ изъ коляски губернаторъ, своею скорою походкою подходитъ къ арестованнымъ аграрникамъ и зычнымъ голосомъ произноситъ:

— Кто научилъ насъ, мерзавцы, пуститься на грабежи?

— Чужіе люди, ваше превосходительство,—отвѣчаютъ ему въ одинъ голосъ аграрники.

— А гдѣ же эти чужіе люди?—переспрашиваетъ ихъ губернаторъ.

— Не знаемъ, ваше превосходительство,—отвѣчаютъ аграрники.

Допросъ конченъ. «Дайте списокъ!» обращается губернаторъ, кажется, къ чиновнику особыхъ порученій. Тотъ подаетъ списокъ, который губернаторъ бѣгло прочитываетъ и по порядку по фамиліямъ начинаетъ вызывать арестованныхъ грабителей. Экзекуція началась...

Я отошелъ въ сторону и сталъ вблизи церковной ограды. Тамъ замѣтилъ я небольшую кучку незнакомыхъ мнѣ мужиковъ, все больше пожилыхъ людей, явившихся сюда или по приказанію, какъ мы, или, быть можетъ, изъ любопытства. Среди нихъ особенное вниманіе обращалъ на себя высокій сухопарый старикъ съ большою сѣдою бородою. Онъ безпокойно топтался на одномъ мѣстѣ и особенно внимательно слѣдилъ за тѣми, кто ложился «подъ розги».—«Вінъ! (онъ). Вінъ самый!» какъ бы прошипѣлъ старикъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, когда начали класть

---

[1]) Я цѣликомъ воспроизвелъ разсказъ этого типичнаго малоросса, который, съ свойственнымъ своей націи юморомъ, нарисовалъ такъ оригинально картину своего ограбленія.

уемистаго мужика съ рыжей окладистой бородою. Мужикъ какимъ-то растеряннымъ взглядомъ посмотрѣлъ по сторонамъ и, перекрестившись, какъ показалось мнѣ, легъ. «Разъ!... два!... три!... четыре!...» методично произносили полицейскіе, отсчитывая положенные ему удары. «Такъ его! такъ его!» закричалъ неистово сухопарый старикъ.—«Дужче! (крѣпче) дужче его!» то поднимая, то опуская руку въ тактъ ударовъ, захлебываясь отъ злости, произнесъ старикъ, слѣдя внимательно за каждымъ движеніемъ рукъ наказующихъ. «За что вы его сѣчете?» спросилъ я у старика. «А за тэ,—отвѣтилъ онъ мнѣ:—що вінъ не вітдавъ міні коропа за семигривенника (20 коп.). Четвертака (25 к.) требовавъ съ мэнэ, вражій сынъ... отожъ ему за тэ... Ще его, ще его!...» заволновался старикъ, когда увидѣлъ, что рыжій поднимается уже со своего ложа, чтобы встать. «Та будэ уже вамъ, діду», произнесъ кто-то изъ стоящихъ тутъ мужиковъ, взявъ за руку неугомоннаго старика. Старикъ, тяжело дыша отъ пережитаго имъ волненія, какъ-то грузно опустился на ступеньку церковнаго крыльца. Рыжій мужикъ оказался рыбалкою, и старикъ сводилъ съ нимъ свои старые счеты, вообразивъ себя въ роли экзекутора.

А вотъ, смотрю, отъ кучки потерпѣвшихъ отдѣляется приземистый, немного сутуловатый человѣкъ, одѣтый полуинтеллигентомъ, полупростолюдиномъ. Человѣкъ этотъ, выступя впередъ поближе къ аграрникамъ, началъ что-то неистово выкрикивать, приговаривая: «Вотъ этого! вотъ этого!...» Его протянутая рука указывала на одного изъ стоявшихъ на колѣняхъ мужиковъ. Тотъ нервно повернулся къ нему всѣмъ своимъ туловищемъ и вперилъ въ него свои глаза. Страшно какъ-то стало за этого человѣка,—столько ненависти, злобы было въ его глазахъ. Казалось, будь онъ на свободѣ, разсчитался бы онъ по своему съ этимъ маленькимъ Францемъ, какъ называли его по-имени мужики, но арестованный въ безсильной злобѣ могъ издать только какой-то глухой звукъ. Губернатору, очевидно, не понравилась такая выходка потерпѣвшаго, и онъ движеніемъ головы остановилъ его. Очередь до этого мужика такъ и не дошла, такъ какъ губернаторъ послѣ нѣсколькихъ наказанныхъ прекратилъ экзекуцію. Доброму, гуманному В., какъ говорили потомъ, не по душѣ былъ подобный способъ возмездія, и онъ, какъ замѣтилъ я, во время экзекуціи поворачивалъ въ сторону свою голову, чтобы не видѣть непріятнаго процесса наказанія.

Послѣ нѣсколькихъ наказанныхъ экзекуція была закончена. Губернаторъ, сдѣлавъ какія-то распоряженія, уѣхалъ дальше. Всѣ начали расходиться по домамъ. Уѣхалъ домой и я. По дорогѣ я нагналъ возвращавшихся съ площади своихъ мужиковъ, между которыми былъ и наказанный молодой парень Кирила.

Этотъ здоровый, сильный парень, по силѣ котораго не было у него соперниковъ въ деревнѣ, оказался самымъ невыносливымъ въ перенесеніи наказанія. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ, какъ силачъ, вырвался изъ рукъ державшихъ его и при общемъ гоготѣ толпы удралъ, кажется, безъ костюма... Я спросилъ его, за что его наказывали, такъ какъ въ числѣ моихъ грабителей я его не видѣлъ и казалось мнѣ, что этотъ, въ сущности добрый, кроткій парень, какъ большинство силачей, и неспособенъ былъ на какія-нибудь незаурядныя выходки, но толпа его, какъ силача, заставила снять ворота у адмирала С., что онъ и исполнилъ моментально, за что и пострадалъ. Итакъ, первый актъ этой разыгравшейся драмы былъ законченъ. Наступилъ второй—судъ съ его предварительнымъ слѣдствіемъ.

Я нѣсколько разъ вызывался то къ одному, то къ другому слѣдователю, которые особенно интересовались узнать отъ меня фамилію того мужика, который сказалъ мнѣ, что «былъ такой приказъ отъ царя». Выходя къ толпѣ въ такомъ нервномъ, угнетенно-подавленномъ состояніи духа, въ какомъ находился я въ тотъ моментъ, я естественно не могъ замѣтить лица произносившаго тѣ слова и поэтому, сознавая серьезность, важность моего показанія, по совѣсти не могъ указать того мужика. А знать это, очевидно, было очень важно для слѣдствія, которое постепеннымъ ходомъ разслѣдованія, путемъ показаній и потерпѣвшихъ и свидѣтелей, могло дойти до первоначальнаго источника этого движенія, гдѣ имя царя умышленно ложно фигурировало какъ стимулъ движенія.

Грабежи въ нашемъ районѣ закончились. Деревушка наша совершенно уже притихла. На улицѣ не видно было ни бабъ, собирающихся въ кучку и кричащихъ неистово: «конецъ панству!... конецъ панству пришелъ!» ни ораторствующихъ мужиковъ. Изъ крестьянъ нашей деревни на особомъ замѣчаніи у начальства было немного, что-то человѣка два или три; изъ нихъ одинъ былъ «наказанъ», до другого не дошла очередь, а третій заблаговременно исчезъ куда-то и явился домой только тогда, когда все было кончено. Остальные оставшіеся на свободѣ мужики были вызваны для передвиженія солдатъ. Въ деревнѣ остались только старъ, да младъ, да бабы. Староста нашъ тоже отсутствовалъ, находясь вѣчно въ бѣгахъ по распоряженію начальства, а присутствіе его въ деревнѣ было даже необходимымъ, т. к. начали появляться снова какіе-то проходимцы съ воззваніями къ мужичамъ; но послѣдніе относились къ нимъ не только съ недовѣріемъ, но даже враждебно, какъ показалъ нижеслѣдующій случай. На второй или третій день послѣ «площади» я пошелъ въ поле. Не успѣлъ я и версты отойти отъ дому, какъ нагоняетъ меня одинъ изъ моихъ служащихъ.

— Вернитесь скорѣе домой,—говоритъ онъ мнѣ.—Тамъ народъ привелъ къ вамъ какихъ-то двухъ «скубентовъ».

Подходя къ дому, я еще издали замѣтилъ стоящую у воротъ толпу бабъ и дѣтей съ какимъ-то незнакомымъ для меня человѣкомъ на конѣ. Когда я подошелъ къ этой толпѣ, то увидѣлъ, что вся эта импровизированная стража держала за руки двухъ молодыхъ людей, видъ которыхъ ужъ никакъ не былъ похожъ на студентовъ. Какіе-то простые мальчишки лѣтъ 16 — 17, одѣтые, правда, скорѣе по-городски, чѣмъ по-деревенски. Я спросилъ толпу эту, въ чемъ дѣло, на что мужикъ на конѣ отвѣтилъ мнѣ, что «скубенты эти опять подбиваютъ народъ къ смутамъ и что они заходили къ нему въ избу и говорили присутствующимъ при этомъ бабамъ, чтобы мужики «не потурали» (не обращали вниманія) на розги, дѣло свое чтобы продолжали, что не дальше какъ послѣ съемки хлѣба вся земля перейдетъ въ руки мужиковъ, что «манифестъ» объ этомъ уже написанъ. «Я не былъ дома,—продолжалъ обвинитель:—а то бы я тамъ уже арестовалъ ихъ. Мы кровь свою изъ-за нихъ проливали, — горячился все всадникъ,—а они опять за старое». Мужикъ этотъ, какъ оказалось изъ разспросовъ моихъ, былъ изъ недалекаго отъ меня казачьяго хуторка. Изъ присутствовавшихъ здѣсь людей никто его не зналъ и къ тому же онъ былъ даже и очень навеселѣ. Я удивился тому, что онъ привелъ ко мнѣ этихъ «скубентовъ», но онъ объяснилъ это тѣмъ, что на селѣ, кромѣ бабъ, никого нѣтъ, а что у меня есть люди, которымъ я могу и даже «долженъ» дать приказаніе арестовать этихъ людей. Взять на себя функцію полицейской власти и «незаконнымъ образомъ» лишить свободы людей изъ-за оговора полупьянаго человѣка я, конечно, не рѣшился и дѣйствовать своею властью отказался, предложивъ всаднику во что бы то ни стало разыскать нашего старосту, приказавъ въ то же время этимъ молодымъ людямъ не трогаться съ мѣста до прибытія старосты. Послѣ долгихъ усилій незнакомцу моему удалось наконецъ разыскать старосту, который немедленно и явился со своимъ знакомъ на груди. Послѣ опроса молодые люди оказались, по ихъ словамъ, одинъ кузнецомъ изъ города, а другой ученикомъ земскаго училища. Шли они изъ города домой и взводимую на нихъ вину категорически отрицали. Паспортовъ при нихъ не оказалось, и поэтому староста въ сопровожденіи всадника и еще двухъ взятыхъ имъ стариковъ отправилъ ихъ въ станъ. Солнце уже опустилось за горизонтъ, когда послѣдняя фигура всадника, завершавшаго это оригинальное шествіе группы «скубентовъ», сопровождаемыхъ сгорбленными старичками с длиннѣйшими палками вмѣсто ружей въ рукахъ, скрылось за ве хушкой взгорья. Толпа бабъ долго еще не расходилась, все смотрѣла вслѣдъ удаляющимся арестованнымъ «скубентамъ»

что-то приговаривала. «Вона какія стали бабы-то наши, —говоритъ мнѣ приказчикъ.—Малехонькія да смирнехонькія; а вумныя-то какія. Сами стали хватать этихъ самихъ «сицилистовъ» да по начальству доставлять; а давно ли сами первыя мужичковъ поджучивали... И такъ и сякъ учили ихъ, а теперь-то... А все «розга» сдѣлала,—убѣжденно заключилъ мой руссакъ. — Вотъ тетка-то Маланья, какъ Кирюшку вздули-то, такъ, небось, сама «сицилиста» за воротъ потянула», пояснялъ онъ мнѣ, указывая на одну изъ присутствовавшихъ здѣсь бабъ.—«Тьфу, проклятыя...» закончилъ онъ, уходя отъ бабъ. Ушелъ и я.

Этимъ послѣднимъ инцидентомъ закончилось время того невыносимо тяжелаго душевнаго состоянія, въ вѣчномъ ожиданіи чего-то ужаснаго, въ которомъ находились мы и которое пришлось пережить намъ, благодаря вспыхнувшему революціонному движенію. Оно окончилось для насъ сравнительно благополучно, и это могло служить утѣшеніемъ, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ проявленіе этихъ эксцессовъ революціи было гораздо печальнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Намъ еще съ мѣсяцъ пришлось прожить послѣ того въ деревнѣ, а затѣмъ, покончивъ свои дѣла съ моимъ покупщикомъ, переѣхалъ я въ городъ и выѣхалъ изъ деревни навсегда, чтобы болѣе никогда, ни при какихъ условіяхъ не возвращаться въ нее и къ любимому моему дѣлу—сельскому хозяйству, которому я посвятилъ всѣ лучшіе мои годы жизни, начиная со студенческой скамьи. Эти долгіе годы, прожитые въ деревнѣ, среди въ то время хорошаго, добраго народа, среди чудной гармоніи природы, въ томъ благородномъ трудѣ, гдѣ зависимость—только отъ Бога, пролетѣли какъ лучшій, волшебный сонъ, какъ грезы, мечты о лучшемъ невозвратномъ прошломъ...

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ «движенія», охватившаго потомъ большую часть южныхъ губерній, я по одному дѣлу долженъ былъ ѣхать въ Екатеринославъ. Путь мой шелъ на Кременчугъ, а тамъ Днѣпромъ до Екатеринослава. Теплые лучи весенняго солнца такъ и манили всѣхъ на палубу. Пароходъ нашъ шелъ вблизи праваго берега Днѣпра, гдѣ мѣста между Кременчугомъ и Верхнеднѣпровскомъ были особенно живописны. Здѣсь встрѣчались и густыя поросли лѣсовъ, расположившихся красиво въ ущельяхъ горъ, и заливные луга, стелющіеся по самому берегу рѣки, и живописно расположенныя хатки-мазанки крестьянъ. Взоръ какъ-то не хотѣлъ оторваться отъ этой чудной картины, которая со всякимъ поступательнымъ движеніемъ парохода мѣняла и свой фонъ и свои богатыя краски. Мы уже приближались къ Верхнеднѣпровску, продолжая все любоваться берегами Днѣпра.

— А не угодно ли вамъ, господа, полюбоваться такимъ видомъ,— отозвался одинъ изъ пассажировъ, указывая рукою на когда-то богатую помѣщичью усадьбу.—О вандалы!—воскликнулъ онъ.— Что сдѣлали они съ нею?!.

Предъ нашими глазами, совсѣмъ близко, показалась усадьба, вѣроятно, еще такъ недавно какого-нибудь помѣщичьяго гнѣзда. Обгорѣлыя стѣны богатыхъ, цѣнныхъ, какъ видно, кирпичныхъ построекъ, которыхъ огненная стихія коснулась, но разрушить, уничтожить не могла, стояли какъ тѣни среди большого парка, расположеннаго у самаго берега Днѣпра. Это мертвое царство съ его тѣнями прошлаго и съ укоромъ будущему произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. При одномъ видѣ этой картины душа болѣла, а каково было вынести, пережить всѣ эти ужасы бывшимъ обитателямъ этого чуднаго уголка, гдѣ, быть можетъ, и счастливо, и легко, и безпечно жилось многіе годы, пока не нагрянулъ и на нихъ «девятый валъ» освободительнаго движенія... Сколько нужно было имѣть ненависти, демонической злобы, чтобы все это предать уничтоженію и не пощадить даже вѣкового парка, который на половину былъ выжженъ. А вотъ дальше. У склона горы пріютилась небольшая усадьба, очень небольшого, видно, владѣльца, судя и по количеству и по качеству построекъ; онѣ были, безъ сомнѣнія, деревянныя, мазанки. Остались отъ нихъ только лишь обгорѣлыя сохи по угламъ. Трудовой рукой насаженъ былъ около дома и садикъ; маленькій лужокъ протянулся отъ него къ берегу. Маленькій, а какой уютный былъ уголокъ этого, видно, совсѣмъ маленькаго владѣльца, котораго тоже не пощадили... Къ большому могла быть и зависть и все, что хотите, ну, а къ этому?

— Мы живемъ въ какомъ-то чаду, переживаемъ какой-то психозъ,—пояснилъ стоявшій тутъ же врачъ.—Народъ съ ума сошелъ, а въ подобномъ состояніи человѣкъ невмѣняемъ, какъ учитъ насъ медицина,—закончилъ онъ свою рѣчь, затянувшись удушливой сигарой.

Пароходъ нашъ причалилъ уже къ Верхнеднѣпровску, и всѣ мои собесѣдники-пассажиры вышли тамъ. Ушелъ и я въ свою каюту [1].

М. С.

[1] Въ приведенныхъ мною въ этомъ разсказѣ словахъ мужиковъ для однихъ я сохранилъ текстъ малороссійской рѣчи, для другихъ русскій. Произошло это оттого, что нѣкоторые изъ хохловъ, стараясь поддѣлаться подъ рѣчь «пана» говорили съ нимъ по-русски, а другіе придерживались всегда своего родного языка.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ ВЪ ОМСКОЙ КАТОРГѢ И ПОЛЯКИ.

Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго встрѣчается очень много сокращенныхъ фамилій его товарищей по каторгѣ. Между страницами съ такими сокращеніями въ настоящей статьѣ насъ интересуютъ тѣ, гдѣ нашъ писатель говоритъ о своихъ товарищахъ-полякахъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая: «Въ сѣняхъ, въ кухнѣ, мнѣ встрѣчается Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его... («Зап. изъ Мертв. дома» по изд. Маркса. 1894 г., т. III, 266 стр.).

Подчеркнутыя нами фамиліи товарищей Достоевскаго поляковъ встрѣчаются и въ другомъ мѣстѣ «Записокъ», именно: «Разойдясь съ Б—кимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—кимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, разсказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ жаль. Т—кій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный человѣкъ, однимъ словомъ...» (Тамъ же, стр. 274).

Молодой человѣкъ, о которомъ говоритъ Достоевскій въ цитированныхъ отрывкахъ изъ «Записокъ» не иной кто, какъ Шимонъ Токаржевскій, умершій въ Варшавѣ 1-го іюля 1900 года. Въ

прошломъ (1907) году въ Варшавѣ же напечатаны его воспоминанія, подъ заглавіемъ: «Семь лѣтъ каторги» [1]).

Вспоминая свою жизнь въ омской каторгѣ, Токаржевскій удѣляетъ особую главу Достоевскому, который осужденъ былъ на четыре года въ ту же каторгу. Кромѣ того, въ своихъ воспоминаніяхъ Токаржевскій говоритъ подробно о своихъ друзьяхъ-полякахъ, которыхъ называетъ и Достоевскій, говоритъ и о многомъ другомъ, что вошло въ «Записки изъ Мертваго дома». Такимъ образомъ книга «Семь лѣтъ каторги» является интересною во многихъ отношеніяхъ. Она даетъ нѣсколько свѣдѣній для сужденія о молодыхъ годахъ Достоевскаго, о его настроеніи въ каторгѣ, равно служитъ прекраснымъ комментаріемъ къ произведенію нашего писателя, явившемуся результатомъ жизни въ каторгѣ. Въ послѣднемъ отношеніи книга «Семь лѣтъ каторги» представляетъ матеріалъ для сужденія о силѣ творчества, обнаруженной авторомъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома».

Въ виду указанной важности книги Токаржевскаго необходимо познакомиться хотя кратко съ авторомъ ея.

Шимонъ Токаржевскій, внукъ барскаго конфедерата Шимона, уроженецъ Люблинской губерніи, куда дѣдъ его переѣхалъ послѣ перваго раздѣла Польши изъ Гродны. Будучи ученикомъ щебрешинской школы, Ш. Токаржевскій познакомился съ ксендзомъ Сцѣгеннымъ, пламеннымъ патріотомъ, мечтавшимъ добыть свободу своей отчизнѣ при помощи могучихъ рукъ народа. Подъ вліяніемъ этого ксендза Сцѣгеннаго, Т—вскій далъ клятву итти по слѣдамъ тѣхъ польскихъ патріотовъ, которые въ 30-хъ годахъ XIX ст. извѣстны были въ Варшавѣ подъ кличкою «святокрестовики» (Świętokzyzci). Схваченный русскими властями, осужденный за политическія дѣянія на десять лѣтъ каторги, наказанный пятьюстами шпицрутеновъ, Шимонъ съ 1849 г. водворенъ былъ вмѣстѣ съ другими своими соотечественниками въ омской каторгѣ. По восшествіи на престолъ Александра II, онъ возвращается на родину въ 1857 г.; но событія въ царствѣ Польскомъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія снова увлекаютъ Токаржевскаго въ Сибирь, откуда онъ возвратился въ Варшаву только въ 1883 г. Скитальческая жизнь превратила нѣкогда цвѣтущаго и сильнаго юношу въ изможденнаго, разбитаго старика.

Съ Достоевскимъ познакомился Шимонъ Т—кій въ 1850 г., такъ какъ въ этомъ году привезенъ былъ изъ Петербурга въ омскую каторгу нашъ писатель вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Дуровымъ.

И Достоевскій и Дуровъ, по словамъ Т—каго, прибыли въ каторгу слабыми, больными, «пропитанными іодомъ и меркуріемъ какъ аптекарскія банки».

---

[1]) Sedom lat katorgi. Pamiętniki Szymona Tokarzewskiego. Warszawa. 1907.

Проведя нѣсколько лѣтъ съ Достоевскимъ подъ одной кровлей, Т—вскій, спустя почти сорокъ лѣтъ (1850—1889 г., годъ написанія воспоминаній), не могъ забыть то непріятное впечатлѣніе, какое произвелъ на него нашъ писатель. Свои воспоминанія о Достоевскомъ Ток—скій начинаетъ рядомъ вопросовъ: «какъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться конспираторомъ? какъ могъ принимать участіе въ демократическомъ движеніи онъ, гордый сознаніемъ, что принадлежитъ къ привилегированному классу? какъ могъ желать освобожденія народа тотъ, кто признавалъ одинъ только классъ—дворянство—достойнымъ руководителемъ народа? Достоевскій всегда и вездѣ повторялъ: «дворянство», «дворянинъ», «я дворянинъ», «мы дворяне» и т. п.

Иногда онъ обращался къ товарищамъ-полякамъ съ словами: «мы дворяне». Токаржевскій въ такихъ случаяхъ скромно замѣчалъ ему: «Позвольте, я полагаю, что въ этомъ острогѣ нѣтъ дворянъ, а только есть каторжники, люди безправные». Съ пѣною у рта отъ злости Достоевскій отвѣчалъ Токаржевскому:

— Видно, панъ радъ, что онъ каторжникъ.

Однимъ словомъ, Токаржевскій и поляки-товарищи приходили къ мысли, что Достоевскій помимо воли поддался вѣянію времени, какъ помимо воли досадовалъ, что конспиративная волна унесла его въ омскую каторгу.

Нерасположеніе поляковъ-товарищей возбуждалъ нашъ писатель тѣмъ, что открыто высказывалъ свою ненависть къ полякамъ. «Если бы я зналъ, что въ моихъ жилахъ течетъ хоть капля польской крови, тотчасъ велѣлъ бы ее выпустить», говоритъ онъ.

Полякамъ прискорбно было слышать изъ устъ этого сторонника свободы и прогресса признаніе, что онъ тогда почувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ, когда всѣ народы покорятся власти Россіи

Еще тяжелѣе было имъ слышать, что Достоевскій признавалъ Украйну, Волынь, Подолію, Литву исконною собственностью Россіи, а не захваченными землями. Онъ считалъ дѣломъ Божеской справедливости подчиненіе ихъ власти русскаго царя, потому что эти провинціи не могли бы существовать самостоятельно и еще бы долго оставались въ состояніи темноты, варварства и нужды. По мнѣнію Достоевскаго, Прибалтійскій край, Сибирь и Кавказъ—все, все это земли чисто русскія.

За такія рѣчи поляки-каторжники считали нашего писателя помѣшаннымъ на нѣкоторыхъ идеяхъ. А онъ, какъ бы въ подтвержденіе ихъ предположенія, твердилъ, что Константинополь давно уже долженъ бы принадлежать Россіи, равно какъ и Европейская Турція, которая вскорѣ сдѣлается цвѣткомъ Россійской имперіи. Разъ онъ прочиталъ даже товарищамъ-полякамъ оду на прославленіе предполагаемаго вступленія побѣдоносной русской арміи въ Константинополь. Хотя ода была удачное произве-

деніе, но поляки не спѣшили съ похвалами. Токаржевскій же спросилъ:

— А нѣтъ ли у васъ оды на возвратный путь?

Достоевскій обезумѣлъ отъ гнѣва. Онъ клеймилъ Токаржевскаго именемъ невѣжды и варвара, и кричалъ такъ сильно, что среди разбойниковъ разнеслась вѣсть: «Политическіе бьются!»

Непріятная сцена прервана была уходомъ поляковъ изъ камеры на острожный дворъ.

Вообще Достоевскій признавалъ, что во всемъ мірѣ только одинъ русскій народъ предназначенъ выполнить великую миссію.

— Французы,—утверждалъ онъ,—еще нѣсколько похожи на людей, но англичане, нѣмцы, испанцы просто-напросто карикатуры.

Не признавалъ онъ и литературъ другихъ народовъ, считая ихъ пародіями настоящей литературы, каковою считалъ русскую. Онъ никакъ не могъ повѣрить сообщенію Токаржевскаго, что въ 1844 г. въ Польшѣ объявлена была подписка на переводъ «Вѣчнаго жида»; не повѣрилъ и Дурову, который подтвердилъ справедливость утвержденія Шимона. Не вѣрилъ онъ словамъ Токаржевскаго и Дурова потому, что въ его натурѣ заложено было стремленіе отнять у каждаго народа, не говоря уже о ненавистныхъ ему полякахъ, все великое, прекрасное и благородное, съ цѣлью доказать парадоксальную мысль о превосходствѣ русскаго народа надъ народами всего свѣта.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что Достоевскій былъ невыносимъ во время спора.

Самомнительный и грубый, онъ заподозрѣлъ, что поляки-товарищи не желаютъ съ нимъ спорить и вообще разговаривать. И приходилось имъ «скрывать радость и гнѣвъ и становиться, какъ пустыня, молчаливыми».

Весьма возможно, что неровность характера и вспышки темперамента были у Достоевскаго явленіями болѣзненными, ибо онъ прибылъ въ каторгу съ весьма разстроенными нервами и больной. По собственному признанію нашего писателя товарищамъ-полякамъ, онъ попалъ въ каторгу благодаря чтенію. Увлеченъ былъ онъ французскою революціонною литературою; въ сочиненіяхъ великихъ западныхъ мыслителей нашелъ онъ возвышенныя идеи, которыя проникли въ его мозгъ и охватили его сердце. Но это увлеченіе было несерьезное. Онъ позволилъ увлечь себя на дорогу, съ которой старался какъ возможно скорѣе своротить.

Недаромъ же онъ, по отбытіи каторги и опредѣленіи въ военную службу, когда началась Крымская кампанія, написалъ изъ Семипалатинска стихотвореніе, въ которомъ до небесъ прославилъ Николая I, и усиленно хлопоталъ о напечатаніи его въ газетахъ. Быть можетъ, онъ надѣялся такимъ путемъ снискать уменьшеніе наказанія, а можетъ быть, мечталъ за диѳирамбъ получить и на-

граду. Въ заключеніе своихъ воспоминаній о Достоевскомъ Токаржевскій говоритъ, что все вышесказанное имъ о нашемъ писателѣ служитъ показателемъ сужденія, составленнаго о немъ интеллигентными поляками, которымъ суждено было встрѣтиться съ нимъ въ Сибири. По мнѣнію ихъ, Достоевскій былъ человѣкъ слабаго и низкаго характера. Они прощали ему ненависть къ полякамъ и не искали его дружбы.

Токаржевскій былъ уже въ пути на каторгу, когда разразилось дѣло петрашевцевъ, и онъ могъ судить о Достоевскомъ за предѣлами цивилизованнаго свѣта, гдѣ сталкиваются убѣжденія и взгляды, гдѣ изъ самыхъ фактовъ можно извлечь ясное понятіе о событіяхъ.

«Какими были другіе дѣятели, извѣстные подъ именемъ «петрашевцевъ», я не знаю; но то мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ небольшой кучкѣ просвѣщенныхъ русскихъ, съ которыми я встрѣчался въ Сибири, дѣло петрашевцевъ не возбуждало ни симпатіи, ни интереса. Нѣчто иное были декабристы...» такъ заканчиваетъ Токаржевскій свои воспоминанія о Достоевскомъ.

Помимо свѣдѣній о нашемъ писателѣ, воспоминанія Токаржевскаго интересны, какъ комментарій къ «Запискамъ изъ Мертваго дома». Прежде всего эти воспоминанія пополняютъ то, что Достоевскимъ сказано о полякахъ-каторжникахъ. «Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б—кій, М—кій и старикъ Ж—кій». (Тамъ же, стр. 273).

Къ сказанному у Достоевскаго объ этихъ лицахъ дополнимъ изъ воспоминаній Токаржевскаго слѣдующее:

Старикъ Юзефъ Жоховскій (ср. «Зап. изъ М. д.», 273, 274, 275 стр.) присоединился къ партіи Токаржевскаго въ Тобольскѣ 11 августа 1848 г. При богослуженіи ксендза Юргелевича въ Устькаменогорскѣ въ январѣ 1849 г. Жоховскій вмѣстѣ съ Богуславскимъ исполнялъ роль министранта. Въ сентябрѣ, по приказу изъ Омска, онъ вмѣстѣ съ Токаржевскимъ и Богуславскимъ былъ отправленъ изъ Устькаменогорска въ омскую каторгу.

По прибытіи въ Омскъ, при первой встрѣчѣ съ плацъ-майоромъ Василіемъ Григорьевичемъ Кривцовымъ, съ нимъ случилась непріятность.

Указывая на него, «Васька», какъ звали арестанты плацъ-майора, сказалъ: «А этотъ! что это такое? это настоящій бродяга!» Жоховскій, задѣтый такою неправдою, отвѣтилъ повышеннымъ тономъ:

— Я политическій преступникъ!

Кромѣ брани, Жоховскому за его отвѣтъ назначено было 300 розогъ.

Наказанный на другой день, онъ вошелъ въ казематъ съ блѣднымъ, какъ алебастръ, лицомъ и съ каплями крови на губахъ,

но онъ не бранился, не жаловался, не плакалъ, а палъ на колѣни и молился. За это его каторжники прозвали «святой». Тихій, спокойный, онъ ежедневно молился, вызывая сочувствіе и уваженіе со стороны каторжниковъ [1]).

Олехъ Мирецкій (ср. «Зап. изъ М. д.», 273, 283 стр.) прибылъ въ Омскъ въ 1846 г. Вышеупомянутый плацъ-майоръ Кривцовъ сильно ненавидѣлъ Мирецкаго. Взявъ у него всѣ его пожитки, «Васька» приказалъ назначить его на самыя тяжелыя работы, провѣряя, чтобы его приказаніе исполнялось въ отношеніи Олеха самымъ точнымъ образомъ. Приходя нѣсколько разъ днемъ и вечеромъ въ казематъ, плацъ-майоръ набрасывался на Мирецкаго съ бранью и разъ приказалъ дать ему сто розогъ. За что? ни Мирецкій, никто другой, даже самъ «Васька» не зналъ этого. Къ счастью наказываемаго, дежурный офицеръ Купленниковъ принадлежалъ къ порядочнымъ людямъ и не наказалъ Мирецкаго, строго наказавъ солдатамъ хранить тайну.

Поводъ къ такой ненависти навсегда остался неизвѣстнымъ. «Васька» всегда повторялъ Мирецкому:

— Ты мужикъ—тебя бить можно!

Когда прибыли въ каторгу Токаржевскій и другіе поляки, Мирецкій исполнялъ самую непріятную и унизительную работу: онъ былъ «парашникомъ». Очищеніе клоакъ происходитъ обыкновенно ночью—отъ десяти часовъ вечера далеко за полночь. Не разъ несчастный Олехъ на веревкахъ спускался на дно тѣхъ мерзкихъ мѣстъ. Въ этой работѣ онъ утратилъ обоняніе. При Токаржевскомъ Мирецкій исполнялъ обязанности парашника въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ съ краткимъ перерывомъ [2]).

Іосифъ Богуславскій (ср. «Зап. изъ М. д.», 273 стр.) присоединился къ партіи Токаржевскаго въ Устькаменогорскѣ. Ему вмѣстѣ съ Токаржевскимъ и Жоховскимъ пришлось въ 1846 г. отправиться въ Омскъ. Въ это время онъ былъ очень боленъ, такъ боленъ, что не могъ держаться на ногахъ. Его товарищи просили унтеръ-офицера позволить положить больного на повозку съ пожитками; но тотъ отказалъ. Тогда Токаржевскій взялъ больного на руки и несъ. Авторъ воспоминаній былъ молодъ и силенъ, а привязанность къ Богуславскому увеличивала его силы. Больной охватилъ руками шею друга и, приблизивъ свое воспаленное лицо къ лицу его, какъ дитя, стоналъ: «Добрый Шимекъ! добрый и дорогой! чѣмъ я тебя отблагодарю?

— Тѣмъ, что скоро выздоровѣешь,—отвѣчалъ товарищъ.—Богуславскій болѣлъ горячкою, но недолго: до Омска онъ уже оправился. По прибытіи въ Омскъ, Богуславскій первый подвергся

---

[1]) Sed. lat. katorgi, стр. 69, 98, 104, 145.

[2]) Sed. l. k., 133 и д. стр.

операціи превращенія въ каторжника: ему первому обрили бороду, усы и половину головы. Каторжники прозвали Богуславскаго «больной», потому что онъ во все пребываніе въ Омскѣ почти постоянно хворалъ и видъ имѣлъ тяжко больного человѣка[1]).

Многія страницы «Записокъ изъ Мертваго дома» находятъ себѣ параллели въ простомъ и близкомъ къ дѣйствительности разсказѣ Токаржевскаго о томъ, что у Достоевскаго получило иное освѣщеніе подъ вліяніемъ господствующей идеи. Интересные выводы для пріемовъ творчества нашего писателя можно сдѣлать на основаніи сравненія такихъ эпизодовъ, какъ разсказы Достоевскаго и Токаржевскаго о майорѣ Кривцовѣ («Зап. изъ М. д.», 32 и 33 стр.; «Sed l. k.», 117 и 120—127 стр.), о кавказскихъ горцахъ («Зап. изъ М. д.», 62—63 и сл.; «Sied. l. k.», 168—172), о жидкѣ Исаѣ Бумштейнѣ («Зап.», 68 и слѣд.; 119; «Sed. l. k.», 170 и слѣд.), о работахъ каторжниковъ («Зап.», 231 и д.; «Sed. l. k.», 163 и д.) и много другихъ. Мы остановимся, какъ на образчикѣ, на разсказѣ Токаржевскаго объ Аристовѣ, о которомъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ говоритъ Достоевскій въ своихъ «Запискахъ» (стр. 78 и слѣд., 289 и др.).

Разбросанное по «Запискамъ» Достоевскаго объ Аристовѣ у Токаржевскаго собрано въ одномъ мѣстѣ («Sied. l. k.», 203—212) и представляетъ много подробностей, о которыхъ умолчалъ нашъ писатель.

Аристовъ, 19-тилѣтній юноша, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, носящимъ явные слѣды тяжкой болѣзни, прибылъ въ омскую каторгу изъ Петербурга на десять дней раньше Токаржевскаго и другихъ его товарищей-поляковъ. Когда его спросилъ Олехъ Мирецкій, почему на немъ такое отрепье, онъ отвѣчалъ, что въ Тобольскѣ его соединили съ партіей негодяевъ, и тѣ его обокрали. Онъ не желалъ сообщить, за что его осудили въ каторгу, но давалъ понять, что терпитъ за свои политическія убѣжденія. Онъ часто вспоминалъ какую-то графиню Завадовскую, прикрывался тайною и разыгрывалъ роль преслѣдуемаго агитатора. Милый Олехъ подѣлился съ Аристовымъ своимъ ничтожнымъ имуществомъ, такъ какъ его пожитки, отданные конвойнымъ съ просьбой скрыть ихъ отъ мойора, послѣдніе присвоили себѣ. Однимъ словомъ, разсказы Аристова показались Мирецкому правдоподобными, и онъ предлагалъ Токаржевскому и другимъ полякамъ принять его въ свое товарищество и жить съ нимъ, какъ съ братомъ. Если бы не Іосифъ Богуславскій, внимательно всмотрѣвшійся въ этого шалопая и воспротивившійся предложенію Олеха, эта змѣя влѣзла бы въ пазуху полякамъ.

[1]) Sed. l. k., стр. 101, 105, 124, 145.

— Я не стану отталкивать его,—говорилъ Богуславскій:—но не хочу дружить съ человѣкомъ невѣдомымъ. Богъ знаетъ, что онъ такое?

И поляки, хотя обходились съ Аристовымъ лучше, чѣмъ съ другими каторжниками, однако не сходились съ нимъ близко.

По прибытіи въ Омскъ Дурова и Достоевскаго, поляки замѣтили, что въ отношеніяхъ новоприбывшихъ и Аристова что-то скрывается. Немного спустя они узнали объ Аристовѣ слѣдующее.

Былъ онъ дворяниномъ изъ Тамбовской губерніи, поступилъ на службу юнкеромъ, но за разнаго рода проступки былъ удаленъ. Прибывъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ здѣсь продолжалъ разгульную жизнь. Въ это время отецъ его умеръ, мать отказалась отъ него. Предоставленный самому себѣ, 19-тилѣтній юноша, не имѣя средствъ къ жизни, пустился на отвратительный промыселъ. Онъ обратился къ князю Орлову и Дубельту и сообщилъ, что затѣвается политическое общество, имѣющее цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка; что нѣкоторые второстепенные участники ему извѣстны (это дѣло происходило въ 1848 г.), а главныхъ онъ могъ бы найти въ Москвѣ. Князь Орловъ, обрадованный мыслью, что ему удастся захватить въ свои руки нити заговора, приказываетъ Аристову отправиться въ Москву и ассигнуетъ ему на дорогу и на жизнь значительную сумму. Императоръ Николай I былъ увѣдомленъ о новомъ заговорѣ. Проживъ въ Москвѣ казенные рубли, Аристовъ возвращается въ Петербургъ, является снова къ князю Орлову и тысячами клятвъ и обѣщаній выпрашиваетъ снова большую сумму денегъ—и снова ее прогулялъ. Такъ прошелъ годъ. Во время масленицы увидѣлъ князь Орловъ пьянаго Аристова въ театрѣ и приказалъ привести его къ себѣ. На вопросъ князя, что онъ узналъ о конспираціи, Аристовъ попросилъ денегъ.

— Ты пьянъ!—закричалъ Орловъ.

— Да,—спокойно отвѣчалъ Аристовъ:—я нахожусь съ конспираторами въ постоянныхъ тѣснѣйшихъ связяхъ, они пьютъ, и я долженъ пить.

Князь Орловъ признаетъ такой отвѣтъ основательнымъ, Аристовъ получаетъ въ третій разъ деньги (300 руб.) и обѣщаетъ черезъ нѣсколько дней доставить списки заговорщиковъ.

Не теряя духа, Аристовъ отправляется въ самую лучшую кофейню въ Петербургѣ, садится за столикъ, приказываетъ подать кофе и ликеры и присматривается къ собравшейся публикѣ, состоявшей преимущественно изъ офицеровъ гвардіи и важныхъ чиновниковъ. Записавъ ихъ фамиліи, Аристовъ отдалъ князю Орлову. И вотъ по Петербургу разнеслась ужасная вѣсть: гвардейцы, члены знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій, хранители трона, заключены въ Петропавловскую крѣпость. Самая энер-

гичная работа военнаго суда и агентовъ тайной полиціи не открыли ничего. Оказалось, что заключенные—вѣрные слуги царя.

Скомпрометированный князь Орловъ проклялъ и заключилъ въ тюрьму ложнаго доносчика, приказалъ судить и сурово наказать Аристова. Невинно пострадавшіе были призваны царемъ, обласканы, награждены и съ изумленіемъ повторяли:

— Вотъ чудеса! Насъ, именно насъ заподозрѣли въ антимонархической конспираціи!

Аристова наказали розгами и сослали въ Сибирь на десятилѣтнюю каторгу.

Прибывъ въ Нижній-Новгородъ, Аристовъ призываетъ жандармскаго полковника и сочиняетъ ему бредни о заговорахъ и конспираціяхъ. Полковникъ доноситъ о томъ шефу жандармовъ князю Орлову, но получаетъ строгій нагоняй за свое легковѣріе. Въ Омскъ, куда сосланъ Аристовъ, пришелъ приказъ—не вѣрить никакимъ доносамъ этого лжеца и за каждую клевету карать его самымъ суровымъ наказаніемъ.

Всякій другой, послѣ такой неудачи, бросилъ бы навсегда доносы, но Аристовъ не унялся.

Въ каторгѣ прозвали Аристова «Крапо».

Осмотрѣвшись немного, онъ началъ искать повода къ новымъ доносамъ и шпіонству.

Прежде всего онъ старался пріобрѣсти расположеніе плацъ-майора. Для этого онъ рекомендовалъ себя художникомъ-портретистомъ и началъ рисовать портретъ «Васьки». Добившись расположенія начальника, «Крапо» нашелъ возможность употребить въ дѣло свои шпіонскія способности. Онъ доносилъ «Васькѣ» обо всемъ, что дѣлалось въ каторгѣ, и о томъ, чего никогда не было, никого не щадя. Бѣдный Мирецкій, подѣлившійся съ Аристовымъ остатками своего имущества, благодаря клеветническимъ доносамъ его, съ каждымъ разомъ терпѣлъ все большія преслѣдованія со стороны «Васьки», выслушивалъ все большія обвиненія, проводя дни и ночи въ карцерѣ. И другихъ поляковъ не щадилъ Аристовъ за то, что они оттолкнули его отъ себя.

Васька узнавалъ черезъ Крапо, кто играетъ въ карты, кто проноситъ и продаетъ водку въ каторгѣ; но онъ не узналъ, что Крапо его обманываетъ, обкрадываетъ. Крапо возбуждалъ противъ поляковъ всю каторгу, называя ихъ доносчиками и шпіонами. Онъ противъ нихъ соединился съ отъявленными бродягами, которые заискивали въ немъ, такъ какъ онъ бывалъ по цѣлымъ днямъ въ домѣ плацъ-майора, развлекая послѣдняго розсказнями о Петербургѣ и рисуя съ него портретъ. Портретъ этотъ подорвалъ авторитетъ Аристова. Почти годъ позировалъ Васька передъ «Крапо», изъ-подъ кисти котораго вмѣсто фигуры и лица Кривцова выходило какое-то безформенное чудовище. Увидѣвъ себя

обманутымъ, «Васька» сильно разсвирѣпѣлъ, повалилъ псевдоартиста на полъ, избилъ его ногами, приказалъ конвойнымъ отправить его въ тюрьму и назначать на самыя тяжелыя работы. Сравнивъ пачкотню «Крапо» съ рисунками Бема и Богуславскаго, плацъ-майоръ возымѣлъ о полякахъ высокое понятіе, что выразилъ по-своему: велѣлъ созвать арестантовъ во дворъ и сообщилъ, что Аристовъ—доносчикъ и клеветникъ, что поляки наилучшіе люди, что кто осмѣлится оклеветать ихъ, тотъ получитъ 500 розогъ.

Заключенный подъ арестъ, презираемый всѣми каторжниками, Аристовъ не покаялся: онъ поддѣлывалъ паспорты, дѣлалъ фальшивыя деньги и, наконецъ, составилъ планъ побѣга изъ каторги.

Онъ подговорилъ кучера генералъ-майора Воробьева, цыгана, каторжника Кулешова и конвойнаго. Кучеръ долженъ былъ выѣхать съ экипажемъ генерала и поджидать за городомъ въ условленномъ мѣстѣ. Все было хорошо обдумано, приготовлено, но Воробьевъ какимъ-то образомъ узналъ о планѣ побѣга и сообщилъ коменданту. Произвели обыскъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ работалъ Аристовъ, и нашли нѣсколько готовыхъ печатей, формы для фальшивыхъ денегъ, бумагу для паспортовъ. Присудили Аристова къ 300 розогъ, но онъ получилъ только 70, потому что экзекуторъ не могъ примириться, что можно сѣчь дворянина. Послѣ наказанія розгами Аристовъ сблизился съ однимъ изъ заключенныхъ, по фамиліи Котляръ. Котляръ наказанъ былъ за то, что изъ-подъ его конвоя бѣжали три уголовныхъ. И вотъ въ 1853 г., когда Котляръ съ какимъ-то рекрутомъ конвоировалъ «Крапо», Кулешова и Громова на работы, то убѣжали: Котляръ, Аристовъ и Кулешовъ. «Крапо» раньше приготовилъ уже паспорта; бѣглецамъ оставалось найти мѣсто, гдѣ они могли бы укрыться, пока отрастутъ усы и волосы на головѣ. Гдѣ они скрывались, неизвѣстно; но черезъ 17 дней они были схвачены и отданы подъ судъ. Кулешову присудили 500 палокъ, «Крапо»—1000, Котляру—2000; кромѣ того, всѣмъ назначено 10 лѣтъ работъ въ Усткаменогорскѣ.

Трудно описать, что дѣлалось въ казематахъ послѣ побѣга Аристова съ товарищами! Произвели ревизію, но ничего не нашли, а пожитки арестантовъ пропали...

С. Н. Браиловскій.

ПАМЯТИ В. С. ПЕРЕДОЛЬСКАГО.

(1833—1907).

I.

Въ НОВГОРОДѢ 11 марта 1907 года тихо скончался извѣстный археологъ и коллекціонеръ, Василій Степановичъ Передольскій.

Смерть его прошла почти незамѣченной въ печати. Напрасно стали бы вы искать біографическихъ свѣдѣній о немъ и въ нашихъ энциклопедическихъ лексиконахъ. Даже въ лучшемъ изъ нихъ, «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза, Передольскому не посвящено ни строчки, хотя покойный былъ недюжинною личностью и лучшимъ знатокомъ новгородскихъ древностей.

Происходилъ Василій Степановичъ изъ «Божьей родни», какъ самъ онъ говаривалъ, и родился 26 декабря 1833 года въ погостѣ Передольскомъ, Лужскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи, въ семьѣ дьячка. Мать его, Августа Семеновна, приходилась двоюродною сестрой знаменитому настоятелю новгородскаго Юрьева монастыря, архимандриту Фотію. Въ молодости Василій Степановичъ очень походилъ лицомъ на своего родственника.

Спустя шесть недѣль послѣ рожденія сына, отецъ Василія Степановича умеръ, оставивъ вдову съ четырьмя малыми ребятами.

Житье вдовы-просвирни послѣ смерти мужа было трудное, но, несмотря на многочисленныя матеріальныя лишенія въ раннемъ

дѣтствѣ, выпавшія на долю будущаго археолога, онъ съ любовью вспоминалъ потомъ о своихъ дѣтскихъ годахъ. Зимою съ черепкомъ въ рукахъ мальчику приходилось бѣгать за огнемъ къ сосѣду или сидѣть день-деньской дома голоднымъ и сторожить убогое хозяйство матери, когда она уходила на работу, заперевъ сынишку на замокъ.

Играя съ товарищами, маленькій Вася уже тогда любилъ собирать разныя диковинки, въ родѣ вычурныхъ камешковъ или старыхъ монетъ, которыя нерѣдко попадались въ землѣ погоста, богатаго могильниками временъ войнъ новгородцевъ со шведами въ первой половинѣ XIII вѣка.

II.

Настоящая фамилія Василія Степановича была Колумбовъ; но, отдавая мальчика въ петербургскую бурсу, помѣщавшуюся, тогда на Петербургской сторонѣ, близъ Троицкой церкви, родственники перемѣнили фамилію Васи, изъ боязни, что его не примутъ на казенный счетъ. Опасенія были основательны,—два старшіе брата мальчика были уже исключены изъ училища за свое «злонравіе»...

Кончивъ духовное училище, Вася перешелъ въ петербургскую духовную семинарію. Но здѣсь его ждала крупная непріятность.

Выросшій въ деревнѣ, на свободѣ, мальчикъ любилъ природу, любилъ весну съ ея длинными днями и свѣтлыми ночами. Эта-то любовь и была причиной изгнанія его изъ семинаріи. Однажды весной Вася вышелъ ночью незамѣтно, желая погулять въ семинарскомъ саду,—что было строго запрещено семинарскими правилами,—и, на бѣду, нарвался на архимандрита. Архимандритъ былъ очень близорукъ. Надѣясь на это, виновный хотѣлъ было скрыться; но монахъ замѣтилъ его и сурово приказалъ подойти къ нему. Мальчикъ перевернулъ фуражку козырькомъ на затылокъ, разсчитывая, чисто по-дѣтски, что архимандритъ подумаетъ, что преступникъ подходитъ къ нему, а въ это время тотъ сумѣетъ удрать отъ начальства. Но цѣпкая рука поймала Васю, и, въ отчаяніи, онъ плюнулъ, мѣтя монаху въ лицо и думая скрыться, пока онъ будетъ протирать глаза... Къ несчастью для себя, мальчикъ попалъ начальству не въ лицо, а въ клобукъ.

И вотъ за нарушеніе семинарскихъ правилъ и непростительную дерзость въ отношеніи архимандрита Васю немедленно исключили изъ четвертаго класса семинаріи, хотя онъ учился хорошо.

Неудивительно, что о своемъ ученіи въ семинаріи покойный не любилъ разсказывать, равно какъ и о годахъ, проведенныхъ въ бурсѣ. Изъ этого времени его жизни въ его памяти сохранились развѣ воспоминанія объ его поѣздкахъ изъ бурсы домой и обратно

съ обозами, возчики которыхъ относились къ ребенку любовно, оберегая его отъ стужи и голода. Изъ семинаріи же Передольскій вынесъ антипатію къ духовенству, не покидавшую его до конца.

Выйдя изъ семинаріи, Вася поступилъ въ четвертый классъ новгородской гимназіи, гдѣ учился его старшій братъ. Перейдя въ пятый классъ, мальчикъ все лѣто готовился къ экзамену въ шестой и успѣшно сдалъ его осенью.

III.

Кончивъ новгородскую гимназію, Василій Степановичъ въ 1851 году поступилъ въ петербургскій университетъ.

Въ матеріальномъ отношеніи жизнь молодого человѣка въ столицѣ была такъ же не обезпечена, какъ и въ Новгородѣ. Во время прохожденія Передольскимъ гимназическаго курса ему приходилось существовать на собственныя средства, перебиваясь уроками за грошевую плату или за столъ и комнату. То же было и въ Петербургѣ. И здѣсь молодому студенту неоткуда было ждать матеріальной помощи и приходилось самому заботиться о себѣ. Кромѣ того, на его рукахъ была мать.

Тѣмъ не менѣе о студенческой жизни покойный навсегда сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Студентовъ было немного. Благодаря этому, профессора знали ихъ ближе и относились къ нимъ сердечнѣе. Василій Степановичъ любилъ разсказывать, какъ университетскій швейцаръ на свои средства сдѣлалъ ему и насильно надѣлъ на него теплую шинель взамѣнъ лѣтней, въ которой молодой человѣкъ щеголялъ въ трескучіе морозы. Тотъ же швейцаръ, но уже по распоряженію инспектора, купилъ Передольскому калоши, которыя полагалось носить студентамъ по формѣ.

Въ 1855 году Василій Степановичъ кончилъ университетъ и поступилъ на службу въ канцелярію святѣйшаго синода, но вскорѣ долженъ былъ уйти оттуда изъ-за скандала, который учинилъ его прямой начальникъ. Послѣдній грубо обругалъ членовъ синода и былъ принужденъ покинуть свое мѣсто, а съ нимъ и его подчиненные.

Василій Степановичъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и черезъ нѣсколько времени былъ назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Новгородѣ, гдѣ его мѣсто занималъ раньше Герценъ.

Вскорѣ, однако, Василій Степановичъ окончательно бросилъ службу съ чиномъ «вѣчнаго» титулярнаго совѣтника и въ 1861 году уѣхалъ за границу съ семьей графа В. П. Орлова-Давыдова, въ качествѣ воспитателя его сына.

IV.

Побывавъ въ Германіи и въ Лондонѣ, Передольскій пріѣхалъ съ семьей графа въ Парижъ, гдѣ и занялся юриспруденціей.

О жизни за границей—и преимущественно въ Парижѣ—Василій Степановичъ вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Западная культура произвела на него неизгладимое впечатлѣніе.

И въ столицѣ Франціи онъ жилъ на свои средства, только на этотъ разъ не терпѣлъ нужды. Благодаря рекомендаціямъ извѣстнаго протоіерея І. В. Васильева, настоятеля русской парижской церкви, приходившагося Василію Степановичу дальнимъ родственникомъ, онъ имѣлъ много уроковъ.

Въ Парижѣ будущій археологъ интересовался рѣшительно всѣмъ: слушалъ Ренана, присутствовалъ на лекціяхъ медицинскихъ свѣтилъ тогдашней Франціи, напримѣръ, хирурга Нелатона, посѣщалъ музеи, театры и участвовалъ даже въ спиритическихъ сеансахъ, къ которымъ кстати относился съ нескрываемымъ недовѣріемъ.

Въ то время, какъ онъ жилъ за границей, умерла въ Петербургѣ его мать.

Вернувшись въ Россію, Василій Степановичъ въ 1866 году вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, женился и навсегда поселился въ Новгородѣ.

V.

Теперь онъ съ жаромъ отдался юридической дѣятельности и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ талантливый защитникъ. Онъ зарабатывалъ много, но и трудиться ему приходилось не покладая рукъ. Семья почти не видѣла его. Утро онъ проводилъ съ кліентами, день—въ судѣ; остальное время проходило въ работѣ и разъѣздахъ. Въ 1873 году его посѣтило семейное горе—онъ потерялъ жену.

Больше всего любилъ покойный уголовные процессы и велъ ихъ удачно, выступая въ роли защитника. Частые оправдательные приговоры въ своей практикѣ Василій Степановичъ объяснялъ недостатками предварительнаго слѣдствія. Онъ умѣлъ выставлять на первый планъ эти недостатки передъ присяжными засѣдателями и, благодаря этому, добивался оправдательнаго приговора для своихъ кліентовъ. Свой взглядъ Передольскій проводитъ въ своихъ очень интересныхъ «Запискахъ защитника», которыя, къ сожалѣнью, остались въ рукописи въ его семьѣ. Онѣ относятся къ первымъ годамъ его адвокатской дѣятельности.

Какъ адвокатъ, онъ пользовался широкою извѣстностью и за предѣлами Новгорода. Ему случалось выступать въ разныхъ городахъ Россіи и, между прочимъ, въ Петербургѣ. Столичные старожилы говорятъ, что онъ былъ грозою прокуроровъ, особенно начинающихъ. Его мѣткія «крылатыя слова» и остроуміе вообще не разъ служили предметомъ разговоровъ въ обществѣ.

VI.

Проведшій свое дѣтство среди народа и всегда скорбѣвшій объ его умственной темнотѣ, Василій Степановичъ сохранилъ до конца дней своихъ горячую любовь къ нему. Несмотря на свою извѣстность,

Музей Передольскаго.

какъ юриста, онъ никогда не отказывалъ въ своей помощи кліентамъ изъ народа, но и никогда не запрашивалъ много за свою защиту. Когда, въ переговорахъ съ кліентами, заходила рѣчь о суммѣ гонорара, Василій Степановичъ въ этихъ случаяхъ былъ всегда нерѣшителенъ и бралъ за защиту меньше другихъ.

Никого не щадившій въ своихъ рѣчахъ, Передольскій не могъ не возбуждать неудовольствія администраціи и власть имущихъ. Особенно не любилъ онъ новгородскихъ губернаторовъ изъ «инородцевъ»—Лерхе, Эйлера, Штюрмера и позже Медема. Антипатія была взаимная. Василію Степановичу дважды угрожала высылка

въ «мѣста не столь отдаленныя» — сперва въ Колу, а осенью 1879 года—въ Вятку.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Въ Тихвинѣ покойный произнесъ рѣчь въ защиту крестьянъ, обвиняемыхъ въ сожженіи колдуньи. Передольскій объяснялъ преступленіе темнотой и невѣжествомъ массы и просилъ оправданія, но прокуроръ Суходольскій взглянулъ на дѣло иначе, и защитнику обвиняемыхъ угрожала административная высылка въ Вятку за «потрясеніе основъ». Товарищи Василія Степановича, присяжные повѣренные округа с.-петербургской судебной палаты, сочувственно отнеслись къ нему и предложили въ его распоряженіе денежныя средства, чтобы онъ могъ уѣхать за границу. Но Передольскій не рѣшился покинуть любимый имъ Новгородъ. Спасло его заступничество наслѣдника цесаревича Александра Александровича, аудіенцію у котораго Василій Степановичъ получилъ благодаря хлопотамъ Вѣры Васильевны Желѣзновой, жены извѣстнаго ботаника Николая Ивановича, владѣльца новгородскаго имѣнія Наронова. Вѣра Ивановна приходилась родною сестрой извѣстному генералъ-адъютанту Николаю Васильевичу Зиновьеву.

Эта печальная исторія оправдала извѣстное изреченіе о добрыхъ друзьяхъ. Въ тяжелое для Василія Степановича время почти вся новгородская интеллигенція и мѣстное общество, какъ и старые знакомые, отвернулись отъ Передольскаго. Послѣдняго этотъ фактъ глубоко уязвилъ, и съ тѣхъ поръ онъ замкнулся въ своей семьѣ. Впрочемъ, его адвокатская дѣятельность продолжалась еще до 1888 года, послѣ чего онъ почти всецѣло отдался археологическимъ изысканіямъ.

VII.

Любовь къ занятіямъ исторіей вообще и исторіей Новгорода въ частности проявилась у Василія Степановича очень рано.

Первую искру этой любви заронилъ въ душу будущаго ученаго его учитель исторіи въ новгородской гимназіи, Иванъ Ивановичъ Красовъ, родной братъ поэта, бывшій позже директоромъ псковской гимназіи и скончавшійся въ 1888 году. Перу Красова принадлежитъ магистерская диссертація «О мѣстоположеніи древняго Новгорода» и статья «Разборъ мнѣній о населеніи древняго Новгорода».

Въ свободное отъ занятій время Красовъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ отправлялся въ экскурсіи по Новгороду и его окрестностямъ. Любовь къ старинѣ незамѣтно вкрадывалась въ душу будущаго ученаго. Тогда же началось и собираніе имъ предметовъ древности, насколько, конечно, позволяли скромныя средства, находившіяся въ его распоряженіи.

Въ университетѣ Передольскій, продолжая заниматься юриспруденціей, попрежнему отдавался изученію исторіи. На экзаменѣ онъ привелъ въ восторгъ своего профессора отвѣтомъ объ источникахъ русской исторіи.

Обладая феноменальной памятью, Василій Степановичъ зналъ наизусть новгородскія лѣтописи и не разъ приводилъ въ изумленіе даже присяжныхъ ученыхъ, напримѣръ, профессора Сергѣевича, своими цитатами изъ лѣтописи.

VIII.

Собирать предметы старины Передольскій началъ, какъ мы говорили, давно, на школьной скамьѣ.

Сперва собраніе не отличалось богатствомъ. Въ коллекцію поступали главнымъ образомъ предметы древняго вооруженія и быта, рукописи, иконы стариннаго письма и проч. Постепенно собраніе увеличивалось и пріобрѣтало извѣстность. Въ 1886 году коллекцію Передольскаго впервые осматривали слушатели с.-петербургскаго археологическаго института съ директоромъ Ив. Е. Андреевскимъ во главѣ. Своихъ гостей Василій Степановичъ возилъ по Новгороду и знакомилъ съ памятниками старины и топографіей древняго города. Послѣ этого посѣщенія Передольскій былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ археологическаго института и въ 1889 году, по защитѣ реферата, получилъ званіе почетнаго члена.

Слушатели института осматривали коллекцію Василія Степановича еще нѣсколько разъ. Затѣмъ собраніемъ заинтересовались студенты естественнаго факультета петербургскаго университета, осматривавшіе его подъ руководствомъ покойнаго профессора Э. Ю. Петри.

До 1887 года собираніе Передольскимъ предметовъ древности имѣло случайный характеръ. Василію Степановичу, какъ любителю, приносятъ и продаютъ предметы старины и, между прочимъ, орудія каменнаго вѣка, попадавшіяся въ землѣ при работахъ или постройкахъ въ Новгородѣ. Послѣднее обстоятельство и заставило Передольскаго предпринять цѣлый рядъ поѣздокъ въ окрестности Новгорода и заняться тщательнымъ изученіемъ береговъ Волхова.

IX.

Его труды увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Въ 1888 году ему удалось открыть въ урочищѣ Коломцахъ, въ шести верстахъ отъ Новгорода, по рѣкѣ Волхову, на берегу рѣчки Малой Гнилки, впадающей въ Волховъ при самомъ его истокѣ изъ озера Ильменя, несомнѣнные слѣды поселенія людей ледниковаго періода.

На глубинѣ двухъ и болѣе саженъ обрушившагося берега Передольскій собралъ съ большими трудностями, въ теченіе пяти лѣтъ, болѣе 45.000 предметовъ каменнаго вѣка. Здѣсь вы видите орудія аборигеновъ Новгородской земли—топоры, долота, скребки, пилы, остроги, затѣмъ предметы вооруженія—наконечники стрѣлъ и копій или принадлежности домашняго хозяйства — глиняные сосуды съ незатѣйливымъ орнаментомъ, привѣски, амулеты, украшенія и, наконецъ, черепа и кости животныхъ.

Среди амулетовъ интересна вырѣзанная изъ кости головка человѣка. Это едва ли не единственный образецъ художественнаго произведенія эпохи каменнаго вѣка не только въ собраніи Передольскаго, но и въ главныхъ коллекціяхъ Западной Европы. Между костями допотопныхъ животныхъ есть экземпляры, тоже не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ западныхъ музеевъ, какъ и вообще такимъ огромнымъ количествомъ остатковъ времени каменнаго вѣка не владѣетъ ни одна коллекція въ цѣломъ мірѣ.

Въ 1862 году, въ самый разгаръ работъ по открытію памятника 1000-лѣтія Россіи и приготовленій къ празднованію этого юбилея, береговая часть стѣны новгородскаго кремля отъ ветхости упала. Изъ стѣны выпало нѣсколько каменныхъ фигуръ, отчасти напоминающихъ грубыя изображенія человѣка. Нѣсколько подобныхъ фигуръ—очевидно, геніевъ-покровителей мѣста—и находится въ собраніи Василія Степановича. Это образцы древнѣйшихъ славянскихъ идоловъ.

X.

Въ слѣдующемъ, 1889 году Василій Степановичъ нашелъ въ Боровичскомъ уѣздѣ, въ бывшей Бѣжецкой пятинѣ, близъ знаменитаго села Кончанскаго, хорошо сохранившіеся курганы каменнаго вѣка. Они даютъ возможность возстановить представленіе о погребальныхъ обрядахъ каменнаго вѣка.

Но вѣнцомъ палеонтологической коллекціи Передольскаго являются девять череповъ допотопнаго человѣка,—опять-таки богатѣйшее собраніе череповъ каменнаго вѣка.

Въ одной изъ комнатъ музея съ полокъ смотритъ на васъ «съ улыбкой вѣчной и нѣмой» рядъ череповъ, частью потемнѣвшихъ отъ времени. Долго лежали они подъ землею,—нѣкоторымъ изъ нихъ болѣе тридцати тысячъ лѣтъ. Они принадлежали древнѣйшимъ обитателямъ Новгородскаго края, Коломцевъ и самаго Новгорода, или же найдены въ юрьевскомъ «жальникѣ» Боровичскаго уѣзда. Четыре черепа вырыты въ Новгородѣ.

Вотъ черепъ, имѣющій 214 миллиметровъ. Это уникъ, и имъ особенно интересовался знаменитый Вирховъ, осматривавшій коллекцію Передольскаго.

Черепа не всѣ сохранились въ цѣлости. Нѣкоторые изъ нихъ реставрированы, при чемъ по оставшимся частямъ Василій Степановичъ старался возстановить цѣлое. Недостающія части замѣнены пробкой. Надъ возстановленіемъ нѣкоторыхъ пострадавшихъ череповъ покойный ученый трудился по два года. Занимаясь этимъ, онъ просиживалъ дни и ночи, не разгибаясь, не спалъ какъ слѣдуетъ по нѣскольку сутокъ и обѣдалъ наспѣхъ. Работа его—не спеціалиста по кранологіи—была однакожъ настолько совершенна, что приводила въ изумленіе и восторгъ того же Вирхова въ Москвѣ, на международномъ антропологическомъ конгрессѣ, и нашего анатома П. Ф. Лесгафта.

Въ 1896—7 гг., при производствѣ земляныхъ работъ по устройству въ Новгородѣ водопровода, Василію Степановичу удалось собрать огромную коллекцію череповъ, до восьмисотъ экземпляровъ, и тщательно изучить ихъ. Составленное покойнымъ описаніе череповъ осталось, къ сожалѣнію, тоже въ рукописи.

По его мнѣнію, новгородскіе черепа имѣютъ признаки общеевропейскихъ—развитіе черепа въ длину значительно больше, чѣмъ въ ширину, т. е. они длинноголовые. Затылокъ—выдающійся, затылочная длинноголовость—съ указателемъ до 80. Коломецкіе же черепа являются прототипомъ новгородскихъ.

Изученіе череповъ коломецкихъ и новгородскихъ, наряду съ находками каменнаго вѣка вообще, привело Василія Степановича къ убѣжденію, что мы, русскіе, не пришельцы изъ Азіи, а коренные обитатели Европы и что колыбель человѣчества—Сѣверъ. Цвѣтъ лица и нашей кожи доказываетъ въ достаточной степени, что мы—уроженцы льдовъ и снѣговъ; что Сѣверъ—колыбель нашей бѣлой арійской расы. Послѣднюю гипотезу раздѣляютъ, какъ извѣстно, многіе новѣйшіе гео- и палеонтологи, и между ними—знаменитый Катрфажъ.

Одни изъ западно-европейскихъ ученыхъ относятъ коломецкое поселеніе къ ново-каменному вѣку, другіе, напримѣръ, баронъ де-Бай, — къ его началу, третьи — къ переходному періоду отъ древняго къ ново-каменному, но считаютъ коломецкія находки древнѣе датскихъ пьёкkенмеддинговъ. Послѣдняго взгляда придерживается чешскій антропологъ Люборъ Нидерле. По мнѣнію Д. Н. Анучина, коломецкое поселеніе относится къ древне-каменному вѣку.

О томъ, какъ относились новгородскія власти къ занятію Передольскаго кранологіей, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій фактъ. Губернаторомъ *** было приказано полиціи не давать череповъ и сейчасъ же послѣ находки снова зарывать ихъ, а супруга губернатора, особа очень благочестивая, обращалась къ прокурору за совѣтомъ, нельзя ли Передольскаго привлечь къ судебной отвѣтственности... за кощунство! Если Василію Степановичу и удалось

собрать такое громадное количество череповъ, то, благодаря исключительно расположенію къ нему рабочихъ-копалей, къ которымъ онъ всегда относился сердечно.

Сочувствіе администраціи къ работамъ Передольскаго выражалось и въ другой формѣ. Зачастую въ кабинетѣ ученаго труженика огонь не гасился до утра. Это, конечно, не укрывалось отъ бдительнаго полицейскаго ока. Начались выслѣживанія, не ведется ли изъ квартиры Василія Степановича антиправительственная пропаганда. Шпіоны наѣзжали даже подъ видомъ археологовъ. Между тѣмъ Передольскаго можно было упрекнуть развѣ въ горячей любви къ наукѣ, ради которой онъ не берегъ себя.

XI.

Открытіе Передольскимъ коломецкаго поселенія побудило археологическую комиссію выдать ему открытый листъ на производство раскопокъ на земляхъ общественныхъ, съ тѣмъ, чтобы образцы находокъ доставлялись, согласно правиламъ, въ комиссію.

Желая познакомить ея членовъ со своимъ собраніемъ, Василій Степановичъ привезъ его въ С.-Петербургъ. Здѣсь предсѣдатель комиссіи, графъ Бобринскій, и ея члены пришли въ восторгъ отъ коллекціи. И чего только не насулили они ея собственнику! Увѣрили, что его находки будутъ выставлены для высочайшаго обозрѣнія; что онѣ непремѣнно заинтересуютъ государя; что Передольскаго навѣрное вызовутъ въ столицу для объясненія коллекціи... Но высочайшаго обозрѣнія собранія Василія Степановича не состоялось, а въ заключеніе комиссія потребовала, чтобы коллекція Передольскаго была предоставлена въ ея собственность. Василій Степановичъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи, такъ какъ всѣ предметы каменнаго вѣка были найдены на частной землѣ, владѣлица которой, А. А. Багрова, любезно разрѣшила покойному производить раскопки.

Въ 1889 году коллекція выставлялась для обозрѣнія въ археологическомъ институтѣ, въ 1892 году—на международномъ антропологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ слѣдующемъ году—въ Николаевскомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ и въ 1899—въ Петербургѣ же, въ Соляномъ Городкѣ, на франко-русской выставкѣ. Выставка 1893 года могла состояться только благодаря матеріальной помощи со стороны присяжныхъ повѣренныхъ с.-петербургскаго судебнаго округа. Они же выхлопотали для нея и помѣщеніе въ Николаевскомъ дворцѣ.

Всѣ эти выставки усердно посѣщались многочисленною публикой.

Описанію и объясненію всѣхъ предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Коломцахъ, посвященъ трудъ Василія Степановича—

«Бытовые остатки насельниковъ ильмено-волховского побережья и земель велико-новгородскаго державства каменнаго вѣка». Эта работа вышла въ 1893 году въ Петербургѣ.

Коломецкое собраніе доставило Передольскому славу замѣчательнаго археолога не только въ России, но и за границей,—онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ лейпцигскаго этнографическаго музея.

XII.

Съ этого времени начинается серьезное увлеченіе Василія Степановича изученіемъ каменнаго вѣка въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, доисторической жизни обитателей береговъ Ильменя и Волхова. Почти шестидесятилѣтній старецъ принимается за книгу, за изученіе анатоміи, описательной и сравнительной геологіи, антропологіи и палеонтологіи. Лѣто посвящается раскопкамъ, зима — изученію и научному объясненію найденнаго. Не забыта и археологія,—пріобрѣтается все, что представляетъ научный интересъ, все, что такъ или иначе относится къ прошлому Великаго Новгорода, все, что было возможно пріобрѣсти при постепенно уменьшавшихся матеріальныхъ средствахъ труженика науки.

Увлеченіе археологіей охватываетъ всего его. Адвокатура, которою онъ занимался и жилъ болѣе двадцати лѣтъ, отходитъ на задній планъ. Передольскій отказывается отъ веденія многихъ процессовъ, лишь бы имѣть возможность отдаваться любимой наукѣ, и мало-по-малу теряетъ, благодаря этому, своихъ кліентовъ.

Въ 1898 году появляется новый, замѣчательный, хотя, къ сожалѣнію, написанный тяжелымъ языкомъ, трудъ Василія Степановича «Новгородскія древности. Записка для мѣстныхъ изысканій», напечатанный въ Новгородѣ. Изданіе остановилось на первомъ выпускѣ, несмотря на то, что былъ собранъ богатый матеріалъ для окончанія этой цѣнной работы. Предполагалось издать три части. Во второй части авторъ проектировалъ помѣстить рисунки предметовъ старины и человѣческихъ череповъ своего собранія. Третья часть «Записки» должна была состоять изъ приложеній и объяснительныхъ указателей. Коломецкимъ, новгородскимъ и другимъ находкамъ предметовъ каменнаго вѣка авторъ отводилъ отдѣльную главу. Несмотря на нѣкоторыя увлеченія Василія Степановича, приходится пожалѣть, что «Записка» осталась неоконченной. Всѣ его просьбы казенной субсидіи для довершенія его труда были отклонены.

XIII.

Въ 1893 году, при преосвященномъ Θеогностѣ, позже митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ, началась реставрація одного изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ нашего церков-

наго зодчества—храма св. Софіи Новгородской. Реставрація производилась нѣсколько лѣтъ и закончилась въ 1900 году новымъ освященіемъ собора. Работы были поручены академику архитектуры В. В. Суслову, такъ какъ требовали огромнаго знанія археологіи, но въ дѣйствительности главнымъ лицомъ при реставраціи собора былъ М. П. Боткинъ, какъ извѣстно, историческій живописецъ.

Реставрація собора перепортила много крови какъ Василію Степановичу, такъ и прочимъ любителямъ родной старины. Восемьсотъ пятьдесятъ лѣтъ стоялъ соборъ, уцѣлѣвшій отъ погромовъ вѣковъ удѣльныхъ, татарскихъ и литовскихъ,—для того, чтобы, въ концѣ концовъ, жестоко пострадать отъ рукъ просвѣщенныхъ русскихъ невѣждъ XIX вѣка.

Работы производились келейно, людьми чуждыми Новгороду и возбуждали ропотъ или, вѣрнѣе,—общее негодованіе. Ѳеогностъ въ реставраціи собора не принималъ ближайшаго участія, какъ бы слѣдовало, мѣстные же археологи не допускались въ храмъ для наблюденія за реставраціей. Фактически ею завѣдывали такія лица, которыя, въ большинствѣ случаевъ, думаютъ развѣ объ увеличеніи церковныхъ доходовъ и являются поэтому злѣйшими врагами старины. Неудивительно, что за рабочими былъ слабый надзоръ.

Результаты сказались очень быстро. Въ пылу усердія такъ называемые «реставраторы» уничтожили множество остатковъ сѣдой древности—кирпичей, голосниковъ и проч.—и повредили даже знаменитую святыню собора, съ которой связано извѣстное преданіе, чудотворный образъ Спасителя, писанный al fresco, въ главномъ куполѣ храма. Чугунный полъ собора и древняя крыша «веницейской» работы исчезли неизвѣстно куда [1]).

Съ не меньшимъ уваженіемъ отнеслись «реставраторы» и къ гробницамъ князей Новгорода и его государственныхъ дѣятелей.

Прокладывая трубы для парового отопленія, рабочіе наткнулись въ придѣлѣ св. Стефана архидіакона, на гробницу княгини Александры, супруги строителя храма св. князя Владимира Ярославовича. Кости были выкинуты и вынесены вмѣстѣ съ мусоромъ.

Въ Предтеченскомъ придѣлѣ тѣже рабочіе нашли подъ поломъ, на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, гробницу изъ камня и кирпича. Въ гробницѣ лежали кости человѣка, одѣтаго въ красное шелковое платье. Вѣроятно, это былъ прахъ князя Изяслава Владимировича, сына строителя собора, павшаго на полѣ сраженія въ 1096 году и погребеннаго въ Софійскомъ храмѣ. Гробница оставалась открытой нѣ-

---

[1]) Проектируется реставрація другой знаменитой святыни Новгорода—Знаменскаго собора. Здѣсь, по горькому опыту съ реставраціей храма св. Софіи необходимъ строжайшій контроль надъ работами.

сколько дней. Въ нее продолжалъ сыпаться мусоръ и щебень отъ работъ, и только чудомъ она спаслась отъ разрушенія.

Въ третій разъ рабочіе напали на большой каменный саркофагъ изъ плитъ съ такимъ же ящикомъ внутри, гдѣ оказались два скелета, лежавшіе одинъ возлѣ другого. Ящикъ мѣшалъ работѣ, и, недолго думая, рабочіе разрушили его,—надгробныя плиты разбили, чтобы легче выносить мусоръ, а кости выкинули въ общую кучу, въ яму, вырытую возлѣ кремлевской стѣны...

Такимъ путемъ попали въ собраніе Василія Степановича черепъ юродиваго св. Василія, архіепископа новгородскаго, и черепъ князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго, намѣстника новгородскаго, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Первый изъ череповъ замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что его обладатель былъ кривошеимъ, что ясно видно на черепѣ. Св. Василій, въ мірѣ Григорій Калѣка, былъ архіепископомъ новгородскимъ съ 25 августа 1331 г. по 3 іюля 1352 года.

Кое-что о подвигахъ реставраторовъ Василій Степановичъ передалъ въ своихъ «Новгородскихъ Древностяхъ»; но большинство его разсказовъ не могло попасть въ печать, по цензурнымъ условіямъ и другимъ соображеніямъ. Не хотѣлось «гусей дразнить». Впрочемъ, смоленское духовенство чрезъ десять лѣтъ побило рекордъ неуваженія къ церковнымъ святынямъ, распродавая открыто предметы, хранившіеся въ соборныхъ ризницахъ...

XIV.

Между тѣмъ собраніе Василія Степановича все болѣе и болѣе увеличивалось. Кромѣ антропологической коллекціи и богатаго собранія предметовъ каменнаго вѣка, въ немъ можно было встрѣтить и старинныя вещи до начала русской лѣтописи, предметы вѣковъ бронзы, мѣди и желѣза, наряду съ предметами исторической эпохи—церковными вещами, старинными образами, фарфоромъ, бронзою, картинами, гравюрами, монетами и денежными знаками, портретами царей, вышивками, утварью и предметами домашняго обихода (въ числѣ послѣднихъ вещей особенный интересъ возбуждаетъ кресло знаменитаго Никона и предметы обстановки изъ покоевъ графини А. А. Орловой-Чесменской и графа Аракчеева), предметами торговли, промысловъ, быта, книгами и рукописями.

Въ отдѣлѣ рукописей обращаетъ на себя вниманіе грамота Василія Іоанновича, синодикъ липецкаго Никольскаго монастыря, писанный Шушеринымъ, современникомъ Никона и авторомъ подробнаго его жизнеописанія,—въ синодикѣ двадцать лицевыхъ изображеній; здѣсь же родъ дьяка Шушерина, писавшаго синодикъ,—жизнь Никона, сочиненная въ 1706 году дьякономъ Ни-

коло-Теребейскаго монастыря, Никитой Хваловскимъ, множество писемъ различныхъ государственныхъ дѣятелей Аракчееву, болѣе пятидесяти писемъ западныхъ ученыхъ извѣстному нумизмату Я. Я. Рейхелю и проч.

Коллекція увеличивается, а помѣщеніе остается тѣмъ же. Вещи хранятся въ небольшой квартирѣ, въ деревянномъ домѣ, частью въ подвалахъ, сараяхъ и кладовыхъ, портятся отъ сырости или страдаютъ отъ мышей. Годъ отъ году умножаясь въ числѣ, онѣ постепенно заняли всю квартиру Василья Степановича. Громоздкіе предметы портили полы. Домовладѣльцы, негодуя, выселяли нашего археолога изъ квартиръ; на новыя его не пускали. Волей-неволей Василію Степановичу приходилось думать о постройкѣ собственнаго дома.

Предварительно, однако, въ 1894 г., онъ обратился въ новгородскую городскую думу съ ходатайствомъ о предоставленіи ему безплатнаго помѣщенія для устройства музея. Городъ былъ готовъ исполнить его желаніе; но губернаторъ Штюрмеръ и вице-губернаторъ Эйлеръ, никогда не видѣвшіе собранія Василія Степановича и незнакомые съ послѣднимъ лично, опротестовали постановленіе думы, а вице-губернаторъ, въ бумагѣ, присланной на имя городского головы, даже позволилъ себѣ оскорбить покойнаго ученаго, объясняя его ходатайство о предоставленіи безплатнаго помѣщенія для музея какими-то задними цѣлями. Привожу эту бумагу въ подлинникѣ:

М. В. Д.

—

Новгородскій губернаторъ.

По губернскому по городскимъ
и
земскимъ дѣламъ присутствію.

—

28-го іюня 1894 г. № 688.

Вслѣдствіе постановленія за № 1400, имѣю честь увѣдомить ваше высокородіе, что постановленіе новгородской городской думы, состоявшееся 31 минувшаго мая, мною просмотрѣно. Къ сему обязываюсь присовокупить, что постановленіе городской думы, ст. XI, о предоставленіи г. Передольскому нижняго этажа въ городскомъ домѣ, бывшемъ Кузнецова, для размѣщенія принадлежащей ему коллекціи новгородскихъ древностей, съ цѣлью ознакомленія съ ними новгородской публики, но при условіи отвода безплатной квартиры для самого г. Передольскаго въ томъ же помѣщеніи, при всемъ сочувствіи намѣченной цѣли, я не могу однакоже признать соотвѣтственнымъ нуждамъ и интересамъ города, такъ какъ, предлагая публикѣ обзоръ древностей лишь подъ своимъ непосредствен-

нымъ руководствомъ и при томъ въ свободное для сего время, г. Передольскій, очевидно, имѣетъ въ виду только личную выгоду—имѣть даровое помѣщеніе для себя и своей коллекціи, не обязываясь даже назначеніемъ определенныхъ часовъ для пріема посѣтителей, а потому означенное постановленіе, согласно ст. 86 городового положенія, будетъ передано мною на разсмотрѣніе губернскому по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствію. За губернатора вице-губернаторъ Эйлеръ. Секретарь Колумбовъ.

Лишь незадолго до смерти—въ концѣ 1900 года—удалось Василію Степановичу пристроить свое любимое дѣтище—выстроить на углу Ильинской и Ново-Николаевской улицъ свой домъ. Конечно, отъ собственника музея нельзя было, въ данномъ случаѣ, требовать строгой систематизаціи отдѣльныхъ залъ, распредѣленія предметовъ по эпохамъ; стѣны дома простыя бревенчатыя; ничего лишняго нѣтъ, да и скромныя средства не позволяли думать объ изяществѣ. Но порядокъ, въ общемъ, былъ образцовый. Съ особенною любовью размѣстилъ покойный свои коломецкія находки. На доскахъ, оклеенныхъ краснымъ сукномъ, висятъ эти предметы, которыми могъ бы гордиться любой музей, не только провинціальный, но и столичный.

XV.

Теперь у стараго археолога былъ «свой» музей, и каждый праздникъ съ 10—1 ч. его двери гостепріимно отворялись для пріема посѣтителей. Василій Степановичъ самъ давалъ имъ необходимыя объясненія и дѣлился своими теоріями и наблюденіями всегда интересными и оригинальными.

Въ посѣтителяхъ недостатка не было. Не мало заброшенныхъ судьбою въ тихій Новгородъ или просто туристовъ шли къ Передольскому даже не въ часы пріема. Кромѣ сельскихъ учителей, гимназистовъ и семинаристовъ, въ музей заходили и крестьяне, пріѣзжавшіе въ городъ въ базарные дни. Отъ многихъ получались благодарственные адреса. Музей незамѣтно выполнялъ свою просвѣтительную миссію.

Въ послѣдній разъ пишущій эти строки посѣтилъ музей Василія Степановича въ августѣ 1906 года. Хозяинъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но и на этотъ разъ не отказался показать свои коллекціи моей старшей дочери.

Суровый съ виду, Передольскій былъ въ душѣ добрякомъ и радушнымъ и внимательнымъ хозяиномъ. Это былъ чисто русскій человѣкъ и горячій патріотъ, даже въ отношеніи костюма. Онъ носилъ русское платье и каждый разъ приходилъ въ дурное настроеніе, когда ему надо было надѣвать «нѣмецкое» платье. Даже въ своей рѣчи онъ избѣгалъ употребленія иностранныхъ словъ,

находя, что и научные термины легко могутъ быть замѣнены русскими выраженіями.

Говорилъ Василій Степановичъ простымъ, общепонятнымъ языкомъ, говорилъ такъ, что, несмотря на серьезныя темы его рѣчей, ими заслушивались даже дѣти. О своемъ любимомъ дѣтищѣ онъ былъ въ состояніи толковать съ утра до ночи.

Въ своихъ изысканіяхъ онъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, холоднымъ аналитикомъ. Достаточно было слышать отъ него хотя бы реальное и вполнѣ правдоподобное объясненіе извѣстной легенды о св. Іоаннѣ, архіепископѣ новгородскомъ. Рѣчь свою Василій Степановичъ иногда пересыпалъ сарказмами.

Въ религіи онъ былъ отчасти libre penseur. Близкое знакомство съ современнымъ духовенствомъ оставило въ душѣ на всю жизнь память о себѣ, убивъ въ немъ всякое уваженіе къ церковнымъ обрядамъ, исполняемымъ недостойными служителями алтаря. Современное духовенство своимъ корыстолюбіемъ и жизнію далеко отошло, по мнѣнью покойнаго, отъ завѣтовъ своихъ предковъ. Отъ своей антипатіи онъ не могъ отрѣшиться до конца. Глубоко вѣруя въ Бога, въ Высшую Правду, онъ ходилъ въ церковь только въ Христову утреню и не былъ на исповѣди, по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ.

Духовенство, въ свою очередь, не оставалось въ долгу. Покойному археологу, между прочимъ, ставилось въ вину, какъ видъ особой ереси, толкованіе имъ древняго изображенія Премудрости Божіей Софіи Новгородской, въ Софійскомъ соборѣ. Въ этомъ изображеніи Василій Степановичъ видѣлъ соединеніе буддизма съ христіанствомъ.

XVI.

Если раскопки въ Коломцахъ сильно пошатнули матеріальное благосостояніе Передольскаго, то постройка дома подорвала его окончательно. Домъ пришлось заложить въ городскомъ банкѣ. Проценты вносились неаккуратно. Правда, городъ давалъ отсрочки; но Василія Степановича неотступно преслѣдовала мысль, что домъ могутъ продать съ торговъ и все, что онъ собралъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ трудомъ, будетъ выброшено на улицу.

Онъ обращается въ академію наукъ съ просьбой дать его музею подходящее помѣщеніе. Академія снеслась съ новгородскими властями, и Передольскому предложили для храненія собранія одну изъ башенъ дѣтинца, готовую рухнуть, потрескавшуюся, безъ дверей и оконныхъ рамъ...

За два года до смерти Василій Степановичъ обратился съ аналогичной просьбой въ министерство народнаго просвѣщенія. Командированный министерствомъ директоръ археологическаго института

предложилъ уступить собраніе Новгороду и взамѣнъ посулилъ выхлопотать семидесятидвухлѣтнему старцу... пожизненное пособіе въ 1000—1500 р. въ годъ! Передольскій съ негодованіемъ отвергъ подобное предложеніе.

Несмотря на цѣлый рядъ и другихъ неудачъ, «упрямый новгородецъ», какъ любилъ называть себя Василій Степановичъ, не терялъ надежды. Неисправимый мечтатель, онъ все чего-то ждалъ. Онъ продолжалъ писать всюду и въ такихъ случаяхъ каждый разъ надѣялся, что теперь-то его просьбу исполнятъ. Только такое ожиданіе лучшаго и позволяло старому ученому забывать на время безотрадную, суровую дѣйствительность...

Но приходили письма, и онъ читалъ въ нихъ одни сухіе офиціальные отказы... Да и окружавшая его обстановка, казалось, должна была бы убить въ немъ всякую вѣру въ лучшее. Ему и семьѣ приходилось буквально голодать, питаться хлѣбомъ съ чаемъ, давиться картофелемъ, мерзнуть въ холодѣ и выносить оскорбленія отъ лавочниковъ и мясниковъ, отказывавшихъ теперь въ кредитѣ. Часто въ домѣ не было ни копейки. Не на что было купить керосину, спичекъ или табаку. Семьѣ Василія Степановича приходилось исполнять черную работу, а самъ старый ученый пилилъ дрова для печей, жалѣя дочерей, которыхъ онъ, по его словамъ довелъ до такой жизни. И когда, бывало, семья, доведенная до отчаянія долгимъ голоданьемъ и жалѣя его самого, просила его продать какую-нибудь изъ музейныхъ вещей, онъ говорилъ съ грустью: «Продавайте! Я не могу!..»

И продажа откладывалась.

Наконецъ Василій Степановичъ обратился къ городу съ ходатайствомъ обратить ссуду—4000 рублей—въ долгосрочную съ погашеніемъ, но отвѣта не дождался: смерть освободила его отъ новыхъ заботъ.

XVII.

Его музей не только разорилъ его, но и свелъ въ могилу. Передольскій пользовался прекраснымъ здоровьемъ, но суровая зима 1906—1907 года, когда въ музеѣ и жилыхъ комнатахъ было только 3° тепла, доканала Василья Степановича. Въ ноябрѣ 1906 года онъ простудился въ своемъ музеѣ. Работая въ немъ надъ установкой старинныхъ часовъ, онъ пробылъ часовъ шесть въ холодѣ и въ жилыя комнаты вернулся совсѣмъ застывшимъ. Сдѣлался сильный бронхитъ; но Василій Степановичъ не обратилъ на него вниманія. А тутъ пріѣхалъ для осмотра музея выпускной классъ гимназіи Гедда. Передольскій не рѣшился отказать гостямъ въ пріемѣ и часа три давалъ объясненія на холоду. Бронхитъ распространился и перешелъ въ катарральное воспаленіе легкихъ. Одиннадцатаго февраля 1907 года Василій Степановичъ слегъ въ постель, а ровно черезъ мѣсяцъ его не стало.

Все время болѣзни онъ былъ въ памяти и до конца сохранилъ свой ясный умъ. Въ послѣднія минуты въ немъ пробудилась досада «обманутыхъ надеждъ». «Глупо я прожилъ жизнь,—сказалъ онъ, умирая.—Похороните меня въ какомъ-нибудь углу кладбища, какъ послѣдняго бѣдняка. Не тратьтесь! Объявленій не надо. Спустя двѣ недѣли пусть сынъ напишетъ, что въ Новгородѣ умеръ Передольскій...»

Умеръ онъ, какъ и жилъ, философомъ-бѣднякомъ. У него не было денегъ даже на исповѣдь.

Схоронили его 15 марта, съ особаго разрѣшенія губернскаго начальства, въ оградѣ церкви Филиппа Апостола, противъ его любимаго музея, — раньше онъ говорилъ, что хотѣлъ бы быть здѣсь погребеннымъ. На гробъ было возложено нѣсколько вѣнковъ отъ разныхъ учрежденій и корпорацій. Единственную рѣчь на могилѣ произнесъ редакторъ «Волховского Листка» г. Богдановскій.

Духовной Василій Степановичъ не оставилъ и, умирая, завѣщалъ дѣтямъ—сыну и двумъ дочерямъ—раздѣлить все поровну.

Онъ жилъ недаромъ. Русское общество лишилось въ его лицѣ одного изъ образованнѣйшихъ своихъ членовъ, русская наука—выдающагося знатока новгородскихъ древностей, крупнаго работника, согрѣтаго любовью къ родной старинѣ. Она должна помянуть и помянетъ его добромъ.

— Мало назвать его учителемъ,—говорится въ одномъ некрологѣ о немъ:—онъ былъ волшебникомъ, обворожителемъ, увлекавшимъ серьезную молодежь на путь изслѣдованія и разработки памятниковъ старины.

XVIII.

Забытымъ, заброшеннымъ и непристроеннымъ стоитъ его осиротѣлый музей. Онъ находится подъ охраной сторожа, живущаго съ семьей на кухнѣ. Его богатѣйшія коллекціи погибнутъ въ неотапливаемомъ домѣ отъ сырости, въ особенности черепа. Было бы очень грустно, если бы собраніе Передольскаго не пріобрѣло какое-либо изъ нашихъ ученыхъ учрежденій. Но всего лучше было бы купить казнѣ эти коллекціи для новгородскаго музея,—городъ не имѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе ихъ,—который по богатству предметовъ и образцовой ихъ классификаціи принадлежитъ къ числу лучшихъ провинціальныхъ учрежденій подобнаго рода въ Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что большинство вещей музея Передольскаго относится къ Новгородскому краю. Пріобрѣтеніе ихъ именно для Новгорода будетъ прекраснымъ памятникомъ покойному археологу. Да и самъ онъ хотѣлъ сохранить свое собраніе для того города, который такъ любилъ при жизни.

В. А. Алексѣевъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ.

КРѢПОСТНИЧЕСКІЙ строй, который придавалъ окраску всей русской жизни въ продолженіе долгаго времени, требовалъ отъ общества безпрекословнаго повиновенія и молчанія: правящія сферы прекрасно сознавали, что прочность крѣпостнической машины тѣсно связана съ народнымъ безмолвіемъ, что критика освященныхъ традиціей порядковъ можетъ привести къ ихъ разрушенію. Поэтому не дать возможности обществу выражать въ печати свои мысли—было одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ заботъ и оттого на цензуру обращается самое серьезное вниманіе, она возводится на степень государственнаго института. Такимъ образомъ, литература тѣсно связывается съ цензурой.

Эта тѣсная связь литературы и цензуры, созданная извѣстными историческими условіями русской дѣйствительности, привела къ тому, что нельзя изучать исторію литературы безъ изученія цензуры, такъ какъ, только изучая послѣднюю, можно составить себѣ вѣрное представленіе о положеніи первой. Изученіе цензуры важно еще въ томъ отношеніи, что цензурныя дѣла даютъ понятіе и о тѣхъ плодахъ общественной мысли, которые не увидѣли свѣта и были запрещены къ печатанію, и, такимъ образомъ, яснѣе передъ нами вырисовывается картина умственнаго состоянія общества, его настроенія и исканій. Изучая одну лишь литературу, такой законченной картины не получится, потому что она, въ силу цензурныхъ условій, не отражала всѣхъ думъ общества.

Изъ всего сказаннаго дѣлаются ясными громадное значеніе и цѣнность трудовъ по исторіи цензуры. Недавно появилась большая работа въ этой области г. Лемке—«Николаевскіе жандармы

и литература 1826—1855 гг.», въ которой онъ опубликовалъ дѣла, хранящіяся въ архивѣ бывшаго III отдѣленія и касающіяся цензуры николаевской эпохи. Несмотря на то, что книга представляетъ сухое изложеніе и передачу фактовъ, она даетъ яркое представленіе о положеніи нашей литературы того времени, о той обстановкѣ и условіяхъ, въ которыхъ зародилась и окрѣпла наша реальная художественная литература. Изъ сухихъ фактовъ слагается замѣчательно колоритная картина. Мы хотимъ, пользуясь этой интересной книгой, а также другими источниками, дать читателямъ въ общихъ чертахъ представленіе о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась наша литература и журналистика въ николаевское время.

Послѣдній періодъ царствованія Александра I, какъ извѣстно, ознаменовался жестокой реакціей. Преисполненный въ молодости либеральныхъ намѣреній, Александръ I рѣзко перемѣнилъ курсъ, какъ только въ обществѣ стало обнаруживаться стремленіе къ воплощенію теоретическихъ идеаловъ въ жизнь. Надъ Россіей нависла черная туча политической реакціи, на историческую сцену пришла аракчеевщина со всѣми ея развѣтвленіями. Декабрьское возстаніе показало преемнику Александра I, что мѣры, принятыя имъ, были недостаточны. Такимъ образомъ, общее направленіе внутренней политики Николая I опредѣлилось съ перваго же дня вступленія его на престолъ—императоръ считалъ, что нужно еще болѣе внимательное наблюденіе за обществомъ, что нужно усилить мѣры надзора за нимъ. И Николай I поставилъ своей первой задачей создать такое учрежденіе, которое крѣпко бы сохраняло незыблемость общественнаго уклада и личнаго спокойствія. Ему помогъ вылить намѣренія въ реальныя формы его генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ.

Еще въ 1821 году онъ представилъ Александру I записку, въ которой предупреждалъ о готовящемся заговорѣ, но государь оставилъ ее безъ вниманія. Такая же участь постигла Бенкендорфа, когда онъ вскорѣ послѣ этого выступилъ съ проектомъ широкой организаціи высшей полиціи. Когда разразилось декабрьское возстаніе, Николай I рѣшилъ приблизить къ себѣ Бенкендорфа, увидя, что Александръ I дѣлалъ ошибку, относясь безъ вниманія къ его проектамъ. Между тѣмъ Бенкендорфъ не медлилъ и въ январѣ 1826 года подалъ «Проектъ объ устройствѣ высшей полиціи» новому императору. Николай I одобрилъ проектъ и 25 іюня 1826 года подписалъ указъ объ основаніи жандармеріи, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго установленія, а 3-го іюля того же года особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ была преобразована въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. Оба учрежденія были отданы подъ начальство Бенкендорфа. Такъ возникло знаменитое «неудобозабываемое», какъ его называлъ

Герценъ, III отдѣленіе, державшее русское общество въ своихъ желѣзныхъ тискахъ въ продолженіе долгаго времени.

Посмотримъ, что былъ за человѣкъ создатель и первый глава этого учрежденія. Баронъ Корфъ, близко знавшій Бенкендорфа, говоритъ: «Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ, и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ... При очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ, и даже никакой грамоты не зналъ порядочно, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его»[1]). Это свидѣтельство цѣнно тѣмъ, что заподозрѣть Корфа въ пристрастіи къ Бенкендорфу нельзя. Характеристики его, сдѣланныя другими современниками, въ общихъ чертахъ сходятся съ сдѣланной Корфомъ. Даже Н. И. Гречъ, расточая въ своихъ «Запискахъ» похвалы Бенкендорфу, награждаетъ его такими эпитетами, какъ «безтолковый», «добрый, но пустой», «безтактный» и т. п. Бенкендорфъ работалъ очень мало, всѣ дѣла лежали на его помощникѣ М. Я. фонъ-Фокѣ, довольно умномъ и способномъ человѣкѣ, свѣтскомъ и общительномъ.

Въ 1839 году ближайшимъ сотрудникомъ Бенкендорфа дѣлается Дубельтъ. Это былъ человѣкъ также довольно умный, но ужасно хитрый. Герценъ характеризовалъ его такъ: «Дубельтъ—лицо оригинальное; онъ, навѣрное, умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ отдѣленій собственной канцеляріи». Въ 1844 году, послѣ смерти Бенкендорфа, шефомъ жендармовъ и начальникомъ III отдѣленія былъ назначенъ А. Ѳ. Орловъ. Онъ былъ человѣкъ крайне лѣнивый, честолюбивый, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ Николая I. Если при Бенкендорфѣ фактически вѣдали III отдѣленіемъ Фокъ, Мордвиновъ и Дубельтъ, тѣ при Орловѣ все III отдѣленіе лежало на плечахъ послѣдняго.

Наиболѣе интенсивная дѣятельность III отдѣленія въ области цензуры относится къ 1826—1848 гг. Въ 1848 году европейскія событія, боязнь отклика ихъ въ Россіи привели Николая I къ учрежденію особаго «Комитета для высшаго надзора за духомъ и направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи произведеній», подъ предсѣдательствомъ Меншикова, котораго вскорѣ смѣнилъ знаменитый Бутурлинъ. Съ этого времени дѣятельность III отдѣленія въ обла-

---

[1]) «Изъ записокъ барона М. А. Корфа», «Русская Старина», 1899, кн. XII.

сти цензуры нѣсколько ослабѣваетъ, хотя оно попрежнему стоитъ во главѣ ея.

Окидывая общимъ взглядомъ всю дѣятельность III отдѣленія въ области печати за періодъ царствованія Николая I, которая, какъ въ калейдоскопѣ, проходитъ передъ нами въ книгѣ г. Лемке, мы видимъ, что оно въ буквальномъ смыслѣ стремилось парализовать всякое свободное выраженіе общественнаго мнѣнія, литература должна была думать такъ, какъ это хотѣлось вдохновителямъ III отдѣленія. Слово «правительство» было совершенно изгнано изъ русскаго литературнаго языка, о немъ нельзя было говорить даже съ похвалой, правительственныя распоряженія, уже не говоря о томъ, что критиковать ихъ, но и одобрять было нельзя. Строго карался откликъ на всякія живыя явленія современности и общественной жизни. Печать также не могла касаться самыхъ важныхъ явленій западно-европейской жизни, о которой нельзя было сообщать даже просто одни факты. Въ виду этого печать молчала о самыхъ важныхъ событіяхъ эпохи и русской жизни. III отдѣленіе считало, что удѣломъ печати только и могутъ быть — сплетни, анекдоты, театры, трактиры и т. п. Очень любопытенъ разсказъ П. Каратыгина, близкаго пріятеля Булгарина. «Въ началѣ сороковыхъ годовъ,—разсказываетъ онъ, — происходила перестройка Аничкова моста. На Фонтанкѣ, около постройки сдѣлана была перемычка съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ было пріостановлено теченіе рѣки. Вода въ лѣтнія жары зацвѣла, издавая зловоніе; рыба въ садкахъ дохла. Булгаринъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, восхваляя будущій мостъ, смиренно намекнулъ, что-де безъ жертвъ дѣло не обходится, и вотъ на первый случай Фонтанка «возсмердѣла». На другой же день Ѳаддея Венедиктовича зовутъ къ Леонтію Васильевичу Дубельту.

— Ты что?—сурово встрѣтилъ онъ фельетониста, покручивая свои длинные сѣдые усы.

— Ничего, отецъ командиръ,—попробовалъ отшутиться оторопѣвшій Булгаринъ.

— Какъ ничего?—воскликнулъ Дубельтъ, и его лицо сдѣлалось еще суровѣе.—А кто писалъ, что Фонтанка воняетъ?

— Да что же дѣлать, если она пованиваетъ?

— А тебѣ какое дѣло носъ совать? Что рѣка воняетъ, это всякій знаетъ и безъ тебя, а вооружать обывателей противъ правительственныхъ распоряженій нечего. Объявляю тебѣ строгое замѣчаніе отъ имени его величества.

На слѣдующее лѣто, по поводу какого-то правительственнаго распоряженія, Булгаринъ воспѣлъ въ своей «Пчелкѣ» самый восторженный диѳирамбъ... Опять зовутъ его къ Леонтію Васильевичу.

— Что ты разлюбезничался?—встрѣчаетъ онъ Булгарина.— Съ какой стати вздумалъ писать комментаріи на Высочайшее

повелѣніе да восхвалять правительство? Оно въ твоихъ похвалахъ не нуждается: что приказано, то и быть должно...

— Но, ваше превосходительство, о чемъ же тогда писать?

— Театръ, выставки, гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія...—насчитывалъ Дубельтъ,—вотъ твоя область, а дальше ея не моги ни шагу» [1]).

Эти строчки весьма характерны для взгляда III отдѣленія на печать, ея задачи. Столь просвѣщенный взглядъ III отдѣленія опредѣлялъ характеръ тогдашней печати. Это особенно печально отражалось на ежедневной прессѣ, которая носила поразительно мелкій уличный характеръ, доходила до беззастѣнчивой рекламы театровъ и магазиновъ. Это было удѣломъ не только такихъ газетъ, какъ «Сѣверная Пчела» Булгарина, но этимъ не брезгала самая чистоплотная и серьезная газета того времени—«С.Петербургскія Вѣдомости».

Но какъ ни была стѣснена область тѣхъ вопросовъ, которыхъ могли касаться журналы и газеты, какъ ни безпощадны были цензора, на печать все-таки сыпались жестокіе удары. Самыя безвинныя статьи, прошедшія цензуру, вызывали гнѣвъ III отдѣленія. Для составленія представленія о положеніи тогда печати достаточно привести лишь нѣсколько фактовъ изъ громаднаго количества опубликованныхъ г. Лемке. Въ 1826 году послѣ приговора надъ декабристами великій князь Константинъ Павловичъ сообщалъ Бенкендорфу: «Мнѣ попалъ въ руки 109 нумеръ политической и литературной газеты «Journal de St.-Pétersbourg». Я замѣтилъ тамъ одну нелѣпость, которую крайне необходимо исправить. Въ той статьѣ, гдѣ идетъ рѣчь о смягченіи наказаній, дарованномъ Его Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ по случаю его коронованія, передъ словомъ каторжные, которыхъ касается это смягченіе, поставленъ титулъ господа (sieurs). Но всякому извѣстно, что человѣкъ, осужденный на каторжную работу, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казнѣ на эшафотѣ! «Journal de St.-Pétersbourg» — газета политическая, полуофиціальная; все, что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и даже, можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя, или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна, и какъ я теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за границей, но и внутри Россіи». Бенкендорфъ согласился съ княземъ, и редакторъ получилъ строгое внушеніе. Трудно даже

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1882, № 5.

представить, какъ можно было такому пустяку придать столь важное значеніе!

Въ статьѣ «Антропологическая прогулка», помѣщенной въ мартѣ 1829 года въ «Атенеѣ», между прочимъ находились такія строчки: «Возьмемъ, напримѣръ, нашихъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе кажутся для меня неизъяснимыми аномаліями... Взгляните на ихъ щегольской нарядъ, на ихъ изнѣженность, на принужденность ихъ обращенія. Посмотрите, какъ они убиваютъ цѣлые дни въ самыхъ пустыхъ занятіяхъ; по три, по четыре часа сидятъ за деликатнымъ столомъ; разбираютъ съ утомительной подробностью достоинства какого-нибудь новаго блюда; проводятъ часть вечера съ хорошенькой модисткой или зѣваютъ въ оперѣ. Всѣ ихъ ученыя занятія ограничиваются чтеніемъ новаго романа и ихъ одностороннее существованіе пробуждается только за карточнымъ столомъ. Вѣроятно, нельзя выдумать образа жизни, болѣе способнаго питать трусость и превратить самого Марса въ сибарита. Но возгорѣлась война, и сіи раздушенные щеголи летятъ въ армію. Одной минуты довольно превратить ихъ въ героевъ: они не думаютъ о трудностяхъ похода; стремятся въ опасности; презираютъ смерть; они готовы итти цѣлый день, бодрствовать цѣлую ночь; они спятъ тамъ тогда, когда можно, ѣдятъ какъ собаки, и сражаются какъ львы»...

Такая характеристика гвардіи показалась столь дерзкой, что немедленно былъ сдѣланъ строгій выговоръ цензору и редактору журнала, извѣстному проф. Павлову. Бенкендорфъ сдѣлалъ такой отзывъ о статьѣ: «Хотя сія статья по строгомъ разбирательствѣ не можетъ быть признана умышленно дерзновенною и преступною, но нельзя не замѣтить, съ одной стороны, неосторожность и даже глупость цензора, оную пропустившаго, а съ другой — неосмотрительность и, можно сказать, невѣжество издателя журнала г. Павлова, который занимаетъ мѣсто профессора въ московскомъ университетѣ». Признаніе извѣстнаго профессора, имѣвшаго солидное научное имя, невѣждой, а цензора В. Измайлова, человѣка для своей эпохи довольно образованнаго, просто «глупымъ» — шедевръ николаевской цензуры.

Большой шумъ въ цензурѣ произвелъ слѣдующій фактъ, случившійся въ 1841 году. Петербургское дворянское собраніе употребило въ своей программѣ неудачное выраженіе. Именно, что собраніе учреждено «для соединенія лицъ обоихъ половъ». Въ «Библіотекѣ для чтенія» была помѣщена довольно серьезная научная статья—«Свѣтящіеся червячки», въ которой разбирался вопросъ о сіяніи червяковъ, связанномъ съ половыми отправленіями. Сенковскій, редакторъ журнала, прибавилъ отъ себя одну фразу, желая осмѣять неудачность выраженія въ упомянутой программѣ дворянскаго собранія. «Одинъ монпольскій натуралистъ,—говори-

лось въ статьѣ,—взялъ ночью самку Lampyridis noctilucae и черезъ окно выставилъ ее на ладони въ садъ: спустя нѣсколько минутъ прилетѣлъ къ ней самецъ, какъ кажется, съ той же цѣлью, для какой, по словамъ печатной программы, учреждено и с.-петербургское дворянское собраніе, т. е. для соединенія лицъ обоихъ половъ. Лишь только эти насѣкомыя исполнили програму почтенаго собранія, свѣтъ самки тотчасъ погасъ». Въ этой фразѣ сейчасъ же усмотрѣли «дерзостное оскорбленіе дворянства», и Бенкендорфъ писалъ министру народнаго просвѣщенія Уварову: «Нельзя видѣть безъ негодованія, какой оборотъ даетъ господинъ сочинитель этой статьи выраженію, употребленному въ программѣ одного изъ дворянскихъ собраній, и до какой степени онъ презираетъ приличіями и нравственной стороной дворянства для того, чтобы только сказать красное слово. Выходка эта не должна и не можетъ быть скрыта отъ государя императора, и, не постигая, какъ можетъ быть допущена у насъ къ напечатанію подобная статья, я полагаю, что сочинитель оной долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію, кромѣ воспрещенія печатать статьи свои, а цензоръ—выговору, ежели еще не большему взысканію». Возникло цѣлое дѣло, вплоть до доклада императору. Къ счастью для Сенковскаго, ему удалось выбраться сравнительно дешево изъ бѣды; цензора Крыловъ и Ольдекопъ получили строгіе выговоры.

Итакъ, мы видимъ, что преслѣдовались отдѣльныя слова, выраженія, что возбуждались дѣла по пустякамъ, которые не имѣли никакого значенія. Интересно отмѣтить, что такой другъ и пріятель III отдѣленія, какъ Булгаринъ, пользовавшійся расположеніемъ Бенкендорфа, сдѣлавшій рядъ услугъ III отдѣленію, не избѣгалъ цензурныхъ преслѣдованій. III отдѣленіе терроризировало цензоровъ, которыхъ постигали суровыя кары за пропуски совершенно безвинныхъ статей. За пропускъ въ альманахѣ «Сто русскихъ литераторовъ» статьи и портрета декабриста А. А. Бестужева-Марлинскаго цензоръ А. Н. Мордвиновъ, довольно вліятельный человѣкъ, былъ изгнанъ со службы. Постоянныя преслѣдованія цензоровъ совершенно сбивали ихъ съ толку, и они, боясь потерять мѣсто, запрещали все казавшееся имъ мало-мальски опаснымъ. Весьма характерны для обрисовки цензуры того времени записки, подаваемыя Булгаринымъ въ III отдѣленіе, показывающія, что даже благонамѣренный Булгаринъ выходилъ изъ себя отъ цензуры. Вотъ какъ, напримѣръ, въ одной изъ этихъ записокъ, поданной Бенкендорфу, характеризуетъ цензуру другъ и пріятель III отдѣленія. Нападая на нее, Булгаринъ говоритъ: «Цензура не позволяетъ даже извѣщать публику, безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія, о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляніяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и феноменахъ природы, въ раз-

ныхъ мѣстахъ Россіи случающихся. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министра внутреннихъ дѣлъ; о данномъ графомъ Милорадовичемъ фейерверкѣ въ Екатерингофѣ надлежало получить позволеніе самого графа; объ экзаменахъ частнаго пансіона нельзя извѣстить родителей безъ согласія самого начальника пансіона и т. п. Отъ этого періодическія изданія теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій, и мы только изъ иностранныхъ журналовъ почерпаемъ ложныя и ошибочныя извѣстія о Россіи... Трудно повѣрить, что наша цензура почитаетъ вреднымъ правительству. Одинъ писатель при взглядѣ на гранитныя колоссальныя колонны Исаакіевскаго храма восклицаетъ: «Это, кажется, столпы могущества Россіи!» Цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что столпы Россіи суть министры. Другой писатель, описывая гробъ генерала де-ла-Круа въ Ревелѣ, сказалъ, что ножки гроба изображаютъ орловъ — цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что орелъ есть гербъ Россіи, потому и нельзя говорить о немъ такимъ образомъ... Повѣсть, въ которой жидъ представленъ добродѣтельнымъ человѣкомъ (хотя въ той же повѣсти ни одинъ христіанинъ не представленъ злымъ), почтена безнравственною, потому что жиды не могутъ и не должны быть добродѣтельны. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту, вмѣсто онъ любилъ ее—должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. п.».

Въ другой запискѣ, поданной Дубельту въ 1846 году, Булгаринъ такъ характеризуетъ тогдашнихъ цензоровъ: «Взгляните,— пишетъ онъ,—на нынѣшнихъ цензоровъ. Кто съ бора, кто съ сосенки!... Цензоръ Крыловъ признанъ негоднымъ занимать мѣсто адъюнкта статистики въ университетѣ, куда дѣвать его? Въ цензора! Этотъ человѣкъ почти идіотъ, тупъ, какъ бревно. Что онъ запрещаетъ и что онъ позволяетъ, удивитъ и разсмѣшитъ мертваго!... Другой, настоящій идіотъ—цензоръ Фрейгангъ. Невѣжество его выше всего, что можно себѣ представить, а сверхъ того, онъ слабъ въ русскомъ языкѣ и мараетъ даже слова, которыхъ не понимаетъ. Недавно онъ вымаралъ слово «исполать вамъ», думая, что исполать (т. е. здравствовать, быть въ чести) значитъ бранное и непристойное слово. На мѣсто Корсакова опредѣлили шведа Михелина, который едва знаетъ по-русски. Куторга, профессоръ скотоврачеванія, сирѣчь коновалъ,—литературный цензоръ! Народъ этотъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты, и держится правила, чтобы запрещать все, что не понимаетъ...» Если такія строчки написалъ осторожный Булгаринъ, то нужно только представить, насколько тяжелъ былъ гнетъ цензуры.

Если преслѣдовались «зловредныя и дерзкія» статьи и суровыя кары постигали провинившихся писателей и цензоровъ, то авторы благопріятныхъ для правительства произведеній награждались и поощрялись. Не говоря уже о Булгаринѣ, который часто получалъ за статьи благодарности и солидныя денежныя награды, подачки III отдѣленія получали и другіе, причемъ это дѣлалось довольно открыто. Напечатанная въ «Телескопѣ» статья Погодина о правахъ Россіи на Литву понравилась III отдѣленію, и оно оффиціально сообщало ему объ этомъ и спрашивало: «Чего желаетъ авторъ за статью, которая читана и понравилась?»

Раздавая подачки, III отдѣленіе считало себя въ правѣ въ буквальномъ смыслѣ дѣлать заказы писателямъ. Одно изъ самыхъ опредѣленныхъ занятій Булгарина было писать по заказу III отдѣленія. Когда появлялась какая-либо книжка «вредная», которую случайно пропускала цензура, то, кромѣ внушенія цензору, пропустившему ее, и автору, нерѣдко дѣлался заказъ Булгарину раскритиковать книгу. Но приказанія такого рода дѣлались не только Булгарину, съ которымъ III отдѣленіе совершенно не церемонилось, но и другимъ писателямъ, напримѣръ, Загоскину. II августа 1836 года Бенкендорфъ пишетъ ему черезъ свою канцелярію: «Шефъ жандармовъ, командующій императорской главною квартирою, генералъ-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа къ двѣнадцати часамъ утра для помѣщенія оной въ газету «Сѣверная Пчела». Загоскинъ безпрекословно повиновался, и статья была имъ немедленно написана, доставлена Бенкендорфу и отослана имъ въ «Сѣверную Пчелу». Такого рода приказаніе Загоскинъ получилъ и въ 1839 году. Нѣкій Владиславлевъ, служившій въ III отдѣленіи и пользовавшійся расположеніемъ Бенкендорфа, издавалъ «Альманахи». Бенкендорфъ старался поддержать своего пріятеля, рекомендовалъ его альманахи учрежденіямъ и, наконецъ, пишетъ письмо Загоскину, предлагая ему принять участіе въ изданіи, прибавляя, что «всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ будетъ принято мною съ искренней благодарностью». Конечно, Загоскинъ не осмѣлился не послушать всесильнаго начальника III отдѣленія и сдѣлался сотрудникомъ альманаха. Иногда попросту Бенкендорфъ предлагалъ писателю вставить что-либо въ его произведеніе. Характерный случай разсказываетъ сынъ извѣстнаго артиста Каратыгина: «Когда въ 1831 году отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль «Знакомые незнакомцы», имѣвшій блестящій успѣхъ, и особенно по-

нравившійся императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа В. В. Мусина-Пушкина, сказалъ ему глазъ на глазъ:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хотите, можете много выиграть и въ мнѣніи его величества и въ вашей авторской карьерѣ. Вставьте въ вашъ водевиль куплеты патріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій—польскаго мятежа и недавней холеры въ Москвѣ» [1]).

Каратыгинъ, однако, постарался избавиться отъ выполненія предложенія.

Нужно еще прибавить, что дѣятельность цензуры была тѣсно связана съ сыскомъ. И. В. Кирѣевскій, издававшій въ 1833 году журналъ «Европеецъ», навлекъ немилость III отдѣленія. Сейчасъ же было предписано Бенкендорфомъ генералу Волкову, начальнику второго московскаго округа корпуса жандармовъ, учредить надъ Кирѣевскимъ наблюденіе. Старанія Волкова не увѣнчались успѣхомъ и онъ доносилъ объ этомъ своему начальнику, сообщая, что «истощилъ уже всѣ возможные средства и предлоги, изъ которыхъ подъ однимъ, въ видѣ сватовства богатой невѣсты за Кирѣевскаго, сведено знакомство и даже дружество съ его камердинеромъ».

Таково было положеніе русской литературы и атмосфера, окружавшая писателя, въ первую половину царствованія Николая I: приведенные факты относятся къ этому времени. Положеніе еще болѣе ухудшилось во второй періодъ, начавшійся послѣ 1848 года, когда броженіе въ Западной Европѣ, боязнь отклика ихъ въ Россіи, какъ мы знаемъ, привели къ учрежденію «комитета для высшаго надзора за духомъ и направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи произведеній», извѣстнаго подъ названіемъ «Бутурлинскаго». Съ учрежденіемъ этого комитета цензурный гнетъ достигъ своего апогея: Бутурлинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова бичомъ литературы. Извѣстны его слова, что «если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, надобно было бы цензурѣ исправить ее».

Новый періодъ ознаменовался прежде всего тѣмъ, что сыскъ былъ вмѣненъ въ непремѣнную обязанность цензорамъ циркуляромъ графа Орлова въ маѣ 1848 года. Замѣчая, что «дѣйствія цензоровъ ограничиваются тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный

[1]) П. Каратыгинъ «Бенкендорфъ и Дубельтъ».—«Историч. Вѣстникъ», 1887, кн. X, стр. 165—166.

образъ мысли», Орловъ доводилъ до свѣдѣнія цензоровъ, что въ виду этого «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы тѣ изъ воспрещенныхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ или въ нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ негласнымъ образомъ въ III отдѣленіе с. е. и. в. канцеляріи съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры предупрежденія вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе».

Какъ происходило «наблюденіе» до 1848 года, мы уже отмѣтили выше, говоря о преслѣдованіяхъ Кирѣевскаго, когда, какъ мы знаемъ, «въ видѣ сватовства богатой невѣсты за Кирѣевскаго, сведено знакомство и даже дружество съ его камердинеромъ», какъ повѣствуетъ офиціальная бумага. Такой же характеръ носили «наблюденія» и послѣ 1848 года. Послѣ отмѣченнаго циркуляра надъ одними изъ первыхъ «наблюденіе» было учреждено надъ издателями «Современника» Некрасовымъ и Панаевымъ. Какъ оно происходило, видно изъ воспоминаній Панаевой. «У насъ служилъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, круглый сирота,—разсказываетъ она.—Этотъ мальчикъ вдругъ началъ по вечерамъ пропадать изъ дому. Я сперва молчала, но потомъ разсердилась и объявила ему, что если онъ еще разъ уйдетъ безъ спросу, то я болѣе его держать не буду. Онъ поблѣднѣлъ и горько зарыдалъ, повторяя: «Я не виноватъ, ей-Богу, не виноватъ: мнѣ велятъ, я не смѣю». Меня удивили его слова, испугъ и слезы, и я начала разспрашивать, кто ему велитъ уходить изъ дому, но онъ не отвѣчалъ и только горько плакалъ. Онъ любилъ меня, да и я возилась съ нимъ много, уча его читать, писать и ухаживая во время болѣзни. Я дала ему слово, что никто не узнаетъ, если онъ мнѣ откроетъ, кто велитъ ему каждый день убѣгать изъ дому. Оказалось, какія-то личности настращали его и обязали каждый день доносить обо всемъ, что дѣлается у насъ»[1]).

Какъ ни было печально положеніе печати до 1848 года, послѣ этого года оно еще болѣе ухудшилось. Для характеристики цензуры послѣднихъ годовъ дореформенной эпохи достаточно привести одинъ лишь тотъ фактъ, что «вредными» признавались даже сочиненія Жуковскаго, пользовавшагося, какъ извѣстно, большимъ расположеніемъ царской фамиліи. Дубельтъ въ 1850 году сдѣлалъ такой отзывъ о сочиненіяхъ Жуковскаго: «Хотя, съ одной стороны, уже одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненія, съ другой — результатъ всѣхъ его сужденій стремится къ тому, чтобы обличить съ вѣрою въ Бога удалившагося человѣка отъ религіи и представить превратность существующаго нынѣ

[1]) «Русскіе писатели и артисты», стр. 202—203.

образа дѣлъ и понятій на Западѣ, тѣмъ не менѣе вопросы его сочиненія духовные — слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе—слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобы можно было безъ опасенія и вреда предоставить ихъ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ: свобода, равенство, реформа, частое возвращеніе къ понятіямъ: движеніе вѣка впередъ, вѣчныя начала, единство народовъ, собственность есть кража и тому подобнымъ, останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія: звуки — отголоски, иногда невѣрные. Благоразумнѣе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ Западномъ мірѣ и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла—удалить самое понятіе о немъ». Этотъ отзывъ весьма характеренъ для обрисовки цензуры за періодъ 1848—1855 гг. Мы видимъ, что она совершенно не вдавалась въ разборъ литературнаго сочиненія по существу, не обращая вниманія на проводимую идею; это стояло для цензуры какъ-то въ сторонѣ, для нея важнѣе были отдѣльныя слова, выраженія. Достаточно было употребить слово «свобода», какъ цензура признавала статью вредной, опасаясь-какъ бы это слово не вызвало въ читателѣ, «дерзновеннаго посягательства на существующіе порядки». Такимъ образомъ, даже самую благонамѣренную статью постигало запрещеніе, если авторъ неосторожно употреблялъ какое-либо «дерзкое» слово. А такъ какъ кругъ такихъ словъ въ понятіи III отдѣленія былъ весьма обширенъ, и ихъ нельзя было обойти, какова бы ни была статья, то гнетъ цензуры одинаково чувствовался представителями всѣхъ литературныхъ лагерей. Не избавляла отъ него ни близость ко двору, какъ это было съ Жуковскимъ, ни близость къ III отдѣленію, какъ это было съ Булгаринымъ.

Особенное вниманіе III отдѣленія въ послѣднюю половину дореформенной эпохи привлекаютъ славянофилы. Они кажутся очень опасными, и надъ ними учреждается «наблюденіе». Любопытенъ отзывъ Дубельта о славянофилахъ, который онъ подалъ въ 1854 году министру народнаго просвѣщенія Норову. «Славянофилы наши,—писалъ Дубельтъ,—подражая ученымъ Западной Европы, заботятся о сохраненіи памятниковъ древности, о возстановленіи собственной народности, языка и литературы и объ изгнаніи изъ нашихъ нравовъ всего иноземнаго. Это направленіе, съ одной стороны, похвальное, но съ другой, выходя изъ своихъ предѣловъ, иногда порождаетъ событія, несоотвѣтственныя настоящему порядку дѣлъ. У насъ славянофильство сдѣлалось замѣтно сначала въ Москвѣ. Изъ приверженцевъ этого ученія до 1847 года были тамъ извѣстны: бывшій профессоръ университета Бодянскій, профессоръ Шевыревъ, писатели: Кирѣевскій, Хомяковъ, К. Акса-

ковъ и другіе. Одни изъ нихъ носили простонародную русскую одежду и отпускали себѣ бороду, негодуя на императора Петра I, который, по ихъ мнѣнію, унизилъ Россію въ собственномъ ея народномъ началѣ, отдѣливъ высшее сословіе отъ низшаго одеждой и наружностью; иные въ преувеличенныхъ возгласахъ разсуждали о всемірномъ вопросѣ насчетъ славянъ, будто бы обратившемъ на себя вниманіе Европы, о необыкновенно великомъ значеніи славянъ, которые рано или поздно сдѣлаются первенствующимъ народомъ въ образованномъ мірѣ, и тому подобномъ.

«Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нерѣдко заставляли сомнѣваться, не кроется ли подъ ихъ патріотическими возгласами цѣлей, противныхъ нашему правительству. Константинъ Аксаковъ въ 1846 году, по случаю 700-лѣтія существованія Москвы, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью, въ которой называлъ Москву народной столицей, говорилъ о земской думѣ, собранной при Іоаннѣ IV со всей землѣ русской, о спасеніи русской земли въ 1812 году народомъ и проч... Въ 1847 году обнаружено, что славянофильство можетъ принять и преступное направленіе. Въ Кіевѣ кандидатъ Гулакъ, адъюнктъ-профессоръ Костомаровъ и кандидатъ Бѣлозерскій учреждали тайное общество, подъ названіемъ «Общество св. Кирилла и Меѳодія»... Цѣль этого общества сначала заключалась въ томъ, чтобы, возстановляя народность, языкъ и литературу славянскихъ племенъ, приготовлять эти племена къ соединенію подъ одну державу, но какъ всѣ члены общества были уроженцы Малороссіи, то вскорѣ славянофильство ихъ обратилось въ украйнофильство, и они перешли къ предположеніямъ о возстановленіи Малороссіи въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до присоединенія къ Россіи... Тогда обращено было вниманіе и вообще на славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ находились при воспитаніи юношества. Сверхъ того, лица, прикосновенныя къ украйно-славянскому дѣлу, оправдывали себя именно тѣмъ, что они считали дѣятельность свою согласной съ видами правительства: ибо само учебное начальство, поощряя изысканія о славянскихъ древностяхъ и нарѣчіяхъ, отправляя путешественниковъ въ земли западныхъ славянъ и предписывая собирать въ Малороссіи и другихъ областяхъ Россіи мѣстныя слова, пословицы и др., какъ бы поощряло ихъ къ изученію науки славянской. Вслѣдствіе этого, по высочайшему повелѣнію, шефомъ жандармовъ сообщено было Уварову, дабы наставники и писатели отнюдь не допускали ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ и журналахъ никакихъ предположеній о присоединеніи иноземныхъ славянъ къ Россіи и вообще ни о чемъ, что принадлежитъ правительству, а не ученымъ; чтобы всѣ выводы ученыхъ и писателей клонились къ возвышенію Россійской имперіи, чтобы цензора обращали строжайшее вниманіе особенно на московскія,

кіевскія и харьковскія періодическія изданія и на всѣ книги, сочиненныя въ славянофильскомъ духѣ, не допуская даже тѣхъ полутемныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыя хотя не заключаютъ въ себѣ злоумышленной цѣли, но могутъ приводить читателя къ предположеніямъ неблагонамѣреннымъ...»

Если прежде кругъ затрагиваемыхъ печатью вопросовъ былъ ограниченъ, то теперь онъ сузился еще болѣе. Это сразу отразилось на журналистикѣ. Ежедневная печать помельчала еще болѣе, чѣмъ была раньше. Ей оставалось только все свое вниманіе сосредоточивать на сплетняхъ, сообщеніяхъ о пріѣздѣ въ какой-нибудь городъ благочиннаго, о прибытіи транспорта севрюги, о бабѣ, разрѣшившейся тройней, и т. п. Этимъ событіямъ иногда посвящались цѣлыя статьи. Ежемѣсячная журналистика, которая ранѣе давала хорошія и довольно живыя статьи, дѣлается теперь совершенно безжизненной. Не имѣя возможности въ полномъ смыслѣ слова откликаться на жизненныя явленія, журналы начинаютъ заполнять свои страницы спеціальными изслѣдованіями. «Чѣмъ-то анекдотическимъ отзывается обширнѣйшій отдѣлъ «Наукъ» въ журналахъ 1848—1855 гг.,—говоритъ г. Венгеровъ.—Заботясь теперь единственно о томъ, чтобы статьи были «посерьезнѣе» и «подѣльнѣе», журналы не стѣснялись цѣликомъ вваливать въ «Науки» тяжеловѣсные ученые трактаты, съ цифрами, таблицами, спеціальными рисунками. И не только трактаты, а также техническія руководства. «Москвитянинъ» въ 1852 году помѣщалъ у себя обширное руководство къ приготовленію торфа съ многочисленными рисунками машинъ. Тамъ же появилось подробное изложеніе «Новаго способа дубленія кожи». «Библіотека для чтенія» печатала «Исторію тонкоруннаго овцеводства», «Современникъ»—трактатъ о рыболовствѣ. «Сынъ Отечества» знакомилъ своихъ читателей съ «Переугливаніемъ лѣсовъ»... Шелгуновъ поучалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» «Укрѣпленію летучихъ песковъ», а въ той же самой книжкѣ капитанъ Звѣгинцевъ помѣстилъ «Графическій способъ дѣленія дуги на три части» съ формулами и геометрическими чертежами. «Современникъ» помѣщалъ спеціальнѣйшія рецензіи съ упоминаніемъ логариѳмовъ и интеграловъ о такихъ книгахъ, какъ «Теорія паровыхъ машинъ», «Курсъ высшей и низшей геодезіи», «Измѣренія для опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей». «Отечественныя Записки» цѣликомъ перепечатывали на 120 страницахъ сибирскія лѣтописи XVI и XVII столѣтія и т. д.» [1]).

Эта полная отрѣшенность отъ жизни являлась характерной чертой журналистики конца дореформенной эпохи. Довольно вѣрно обрисовано состояніе нашей литературы къ концу сороковыхъ годовъ въ извѣстномъ стихотвореніи, приписываемомъ Некрасову:

---

[1]) «Очерки по исторіи русской литературы», стр. 39—40.

Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ: безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла.
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она, погрязнувъ, поглупѣла.
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время, какъ въ родномъ краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распѣвала.

Таково было положеніе нашей литературы въ николаевскую эпоху. Знакомящагося съ нимъ поражаетъ одинъ фактъ, стоящій въ противорѣчіи съ только что нарисованной картиной цензурныхъ гоненій того времени. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что, несмотря на цензурныя условія, «Отечественныя Записки» и «Современникъ» до 1848 года были довольно хорошими органами, помѣстившими на своихъ страницахъ рядъ прекрасныхъ произведеній. Нѣкоторые матеріалы, впервые опубликовываемые г. Лемке, даютъ ключъ къ объясненію этого явленія. Причина его, безъ сомнѣнія, кроется въ ловкости ихъ издателей. Какъ Краевскій, такъ и Некрасовъ, какъ можно судить вполнѣ опредѣленно на основаніи опубликованнаго фактическаго матеріала, имѣли покровителей среди цензурнаго міра и довольно сильную поддержку въ III отдѣленіи. Когда предсѣдатель знаменитаго Бутурлинскаго комитета подалъ записку III отдѣленію о вредномъ направленіи «Современника», III отдѣленіе составило, въ свою очередь, записку въ его оправданіе, чего, конечно, быть не могло, если бы Некрасовъ не имѣлъ поддержки. Хотя онъ получилъ выговоръ, и подпалъ подъ надзоръ полиціи, но журналъ остался цѣлъ. Если Некрасовъ умѣлъ лавировать между подводными камнями, то еще больше обладалъ этой способностью Краевскій. По дѣламъ, опубликованнымъ г. Лемке, онъ вырисовывается въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова проныра, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, чтобы сохранить «Отечественныя Записки» и вмѣстѣ съ тѣмъ свое благосостояніе. Онъ имѣлъ сильную руку какъ въ цензурномъ комитетѣ, такъ и въ III отдѣленіи. Когда Булгаринъ, стремясь во что бы то ни стало погубить своего конкурента, подалъ въ 1846 году Дубельту записку, въ которой старался показать «зловредность» журнала, то чиновникъ III отдѣленія Гедеоновъ, которому было поручено составить докладъ по этому дѣлу, представилъ записку, въ которой опровергалъ обвиненія Булгарина и защищалъ «Отечественныя Записки». Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что своимъ характеромъ «Современникъ» и «Отечественныя Записки» были обязаны ловкости и изворотливости Некрасова и

Краевскаго, которые замѣчательно хорошо умѣли выходить сухими изъ воды. Но если они умѣли придавать журналамъ сравнительно живой характеръ до 1848 года, то послѣ и имъ пришлось потерпѣть пораженіе, и журналы измѣняютъ свой обликъ, сравниваются съ остальными и дѣлаются безсодержательными.

У познакомившагося съ условіями существованія русскаго общества и литературы въ николаевскую эпоху не можетъ не возникнуть еще другой вопросъ: чѣмъ можетъ быть объяснено, что мрачные годы николаевскаго царствованія совпали съ расцвѣтомъ нашей реальной художественной литературы, что въ это время былъ созданъ цѣлый рядъ прекрасныхъ произведеній нашего русскаго пера. Укажемъ только на нѣкоторыя: «Бориса Годунова» (1830 г.), «Евгенія Онѣгина» (1831 г.), «Пѣсню про купца Калашникова» (1838 г.), «Героя нашего времени» (1839 г.), «Мертвыя души» (1842 г.), «Бѣдныхъ людей» (1846 г.), «Обыкновенную исторію» (1846 г.), «Кто виноватъ?» (1847 г.), «Антона Горемыку» (1847 г.), «Записки охотника» (1851 г.), «Дѣтство и отрочество» (1852 г.) и др. Что цѣлый рядъ хорошихъ произведеній появился въ печати, нужно объяснить ловкостью издателей «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» Краевскаго и Некрасова (почти всѣ выдающіяся произведенія эпохи появились въ этихъ журналахъ), но что эти произведенія создались въ эту мрачную эпоху, объяснить труднѣе. Это, по нашему мнѣнію, можно объяснить такъ. Въ николаевскую эпоху русское общество достаточно развилось духовно, расширилась сфера его чувствъ и думъ. Созрѣвшія силы искали выхода, чтобы осуществиться въ жизни, но всѣ области, въ которыхъ общество могло бы осуществить своею моральную стоимость, были закрыты предъ нимъ, оставалась одна лишь изящная литература. Естественно, что около нея сосредоточились всѣ духовныя силы общества, и она, какъ фокусъ, собирала весь результатъ русской мысли, чувства. Это, по нашему мнѣнію, объясняетъ, почему литература въ эту эпоху дала много прекраснаго и яркаго.

А. Фоминъ.

ПАМЯТИ А. И. ЧУПРОВА.

НАША небогатая талантами и выдающимися научными силами отечественная дѣйствительность понесла новую крупную утрату: 24 февраля с. г. скончался въ Мюнхенѣ извѣстный ученый и популярный общественный дѣятель, Александръ Ивановичъ Чупровъ. Тяжкая болѣзнь грудной жабы еще съ 1899 года побудила его покинуть каѳедру въ родномъ московскомъ университетѣ и переѣхать за границу, гдѣ онъ съ того времени неизмѣнно и пребывалъ, переѣзжая изъ Франціи въ Италію и Швейцарію, но главнымъ образомъ имѣя осѣдлость въ Германіи—Дрезденѣ и Мюнхенѣ, гдѣ при немъ постоянно находился кто-нибудь изъ членовъ семьи, сынъ или одна изъ дочерей. Еще минувшей осенью онъ въ состояніи былъ сдѣлать поѣздку въ Римъ, по возвращеніи откуда энергично принялся за свое ученое писательство въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», коихъ состоялъ пайщикомъ-издателемъ и долголѣтнимъ постояннымъ сотрудникомъ, и посылаетъ сюда обширный трактатъ «Соціальныя послѣдствія разрушенія общины». Близкіе, друзья и почитатели радовались возстановленію силъ выдающагося русскаго ученаго экономиста и надѣялись, что еще услышатъ не разъ его столь нужный въ наше время компетентный голосъ по многимъ вопросамъ современной взбудораженной дѣйствительности, но судьбѣ угодно было другое: 24 февраля его скоропостижно не стало во время визита къ мюнхенскому экономисту проф. Лотцу. Чудное, чуткое, любвеобильное сердце мгновенно прекратило свою работу, и Россія лишилась одного изъ своихъ лучшихъ сыновъ, который ее такъ горячо любилъ и ей отдалъ всю полноту своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ.

Александръ Ивановичъ Чупровъ былъ сынъ священника, родился 6-го февраля 1842 г. и провелъ все свое дѣтство въ гор. Масальскѣ Калужской губерніи. Образованіе получилъ въ калужской семинаріи, по окончаніи курса въ которой былъ посланъ за отличные успѣхи въ петербургскую духовную академію, но пробылъ въ ней только годъ и перешелъ затѣмъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. Здѣсь онъ заинтересовался особенно политическою экономіей и статистикой и по окончаніи курса въ 1866 г. былъ оставленъ по предложенію профессора Бабста при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1872 г. Чупровъ былъ командированъ за границу и пробылъ тамъ около двухъ лѣтъ, слушая лекціи въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ и Вѣнѣ (Рошера, Кнаппа, Лоренца-Штейна, Шмоллера и др.). По возвращеніи изъ-за границы въ 1874 г. онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ московскомъ университетѣ по политической экономіи, а спустя два года и по статистикѣ. Въ 1875 г. онъ сдалъ экзаменъ на магистра и былъ удостоенъ этого званія по защитѣ диссертаціи «Желѣзнодорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношеніе къ интересамъ страны», послѣ чего былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ политической экономіи. Въ 1878 г. Александръ Ивановичъ былъ удостоенъ университетомъ степени доктора политической экономіи и статистики по защитѣ диссертаціи, посвященной дальнѣйшей разработкѣ темы о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ («Условія, опредѣляющія движеніе и сборы по желѣзнымъ дорогамъ; валовой доходъ и его факторы; количество товарныхъ грузовъ»), и въ томъ же году былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Эти работы выдвинули молодого ученаго въ рядъ первыхъ спеціалистовъ по теоріи желѣзнодорожнаго хозяйства, вслѣдствіе чего въ 1878 г. онъ былъ приглашенъ къ работамъ въ комиссіи графа Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго хозяйства въ Россіи. Въ 1881—1882 гг. А. И. принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ и выполненіи плана переписи населенія Москвы, причемъ главные результаты этой переписи изложилъ въ статьѣ «Характеристика Москвы по переписи 1882 г.». Въ 1883 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ образованнаго при московскомъ юридическомъ обществѣ статистическаго отдѣленія, изъ котораго онъ создалъ центръ земскихъ статистиковъ, способствовавшій объединенію ихъ работъ по изученію условій сельско-хозяйственнаго и экономическаго быта населенія. Еще въ 60-хъ годахъ А. И. началъ принимать участіе и въ журналистикѣ, сперва въ газетахъ «День» и «Молва», издававшихся И. С. Аксаковымъ, а затѣмъ съ 70-хъ годовъ сосредоточился главнымъ образомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ помѣстилъ множество статей по экономическимъ вопросамъ, а въ 1883 г. вступилъ и въ товарищи по изданію газеты. Въ

1888 г. онъ былъ приглашенъ къ участію въ правительственной комиссіи по изслѣдованію причинъ паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и совмѣстно съ г. Мусницкимъ составилъ записку объ упорядоченіи тарифовъ по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Въ 1889 г. на университетскомъ актѣ А. И. прочиталъ рѣчь «О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса въ Западной Европѣ». Въ серединѣ 90-хъ годовъ вмѣстѣ съ А. С. Посниковымъ А. И. редактировалъ извѣстное двухтомное изданіе министерства финансовъ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства», обработавъ спеціальный отдѣлъ о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности.

Посвящая большую часть своего времени и силъ университету, покойный принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ широкое участіе и въ другихъ видахъ общественной дѣятельности. Такъ, онъ читалъ нѣсколько лѣтъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ; былъ одно время секретаремъ московскаго общества сельскаго хозяйства, въ дѣятельности котораго принималъ участіе и послѣ, а въ молодые годы состоялъ нѣкоторое время секретаремъ мануфактурнаго совѣта. Живое участіе принималъ также покойный въ обществѣ распространенія техническихъ знаній и его учебномъ отдѣлѣ, въ комитетѣ грамотности, въ обществѣ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ и въ обществѣ вспомоществованія учащимся женщинамъ, котораго былъ первымъ предсѣдателемъ; былъ также членомъ юридическаго общества, общества любителей россійской словесности, общества любителей естествознанія и географическаго его отдѣленія, писалъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и другихъ журналахъ, принималъ дѣятельное участіе въ международныхъ статистическихъ съѣздахъ (Петербургѣ, Лондонѣ, Берлинѣ), въ торгово-промышленныхъ съѣздахъ, въ лондонскомъ гигіеническомъ конгрессѣ, многихъ комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и т. д. Но особенно плодотворной была его дѣятельность въ университетѣ, гдѣ онъ поставилъ преподаваніе политической экономіи и статистики на должную высоту, привлекая слушателей, какъ содержаніемъ и изяществомъ своихъ лекцій, такъ и организованными имъ семинаріями для направленія и обсужденія работъ студентовъ. Его лекціи по политической экономіи, ея исторіи, статистикѣ, записанныя слушателями и имъ редактированныя, выдержали рядъ изданій и продолжаютъ печататься вновь и теперь. Многіе изъ учениковъ покойнаго заявили себя цѣнными научными трудами и занимаютъ нынѣ каѳедры въ университетахъ.

Заслуги покойнаго, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, были отмѣчены еще въ 1895 году, когда въ Москвѣ, 3-го ноября, праздновался юбилей его 25-тилѣтней учено-литературной дѣятельности. По этому поводу были собраны суммы (около 10,000 руб.), на

которыя была учреждена стипендія его имени при университетѣ и устроена народная библіотека-читальня въ его родномъ Масальскѣ. Вскорѣ послѣ того, однако, А. И. почувствовалъ первые признаки той болѣзни, сердечной жабы, которая свела его теперь въ могилу. Первый припадокъ случился съ нимъ въ октябрѣ 1898 г., а лѣтомъ слѣдующаго 1899 года онъ рѣшилъ оставить университетъ и поѣхать за границу. Здѣсь-то его и настигла, какъ сказано выше, безвременная кончина. Таковъ формальный жизненный путь нашего ученаго. Обозрѣвая его даже бѣглымъ взоромъ, мы сразу приходимъ къ заключенію, что жизнь покойнаго ученаго была полна плодотворнаго труда, гдѣ каждая часть и сторона послѣдняго имѣла цѣлію пользу отечества, заботу о народномъ благѣ и благосостояніи въ ихъ практическихъ реальныхъ постановкахъ жизненнаго вопроса. Одаренный отъ природы широкимъ умомъ и чуткимъ сердцемъ, вооруженный обширными познаніями и отличаясь удивительною работоспособностью, Александръ Ивановичъ подходилъ къ разрабатываемымъ вопросамъ не какъ сухой доктринеръ или тенденціозный искатель дешевой популярности, а какъ истинный печальникъ своей родины и ея обездоленныхъ сыновъ, преслѣдуя въ своихъ изысканіяхъ и научно-практическихъ начинаніяхъ цѣли одновременно и этико-соціальныя и реально-утилитарныя.

Характеризуя своего скончавшагося товарища по московскому университету, профессоръ М. Ковалевскій говоритъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 47): «Все, что дѣлалъ, говорилъ и писалъ А. И. Чупровъ, находитъ себѣ прямое объясненіе въ его духовномъ обликѣ. Занимая каѳедру политической экономіи, онъ искалъ въ ея законахъ и эмпирическихъ обобщеніяхъ указаній насчетъ того направленія нашей хозяйственной дѣятельности, которое пошло бы на пользу русскому крестьянству. Врагъ всякаго навязыванія народу чуждыхъ ему формъ быта, онъ не только высказывался противъ искусственнаго разложенія мірской общины, но постоянно былъ озабоченъ мыслію о томъ, какъ приспособить къ ней требованія высшей сельско-хозяйственной культуры. Такъ какъ забота о русскомъ «сѣятелѣ и хранителѣ» была его высшей заботой, то немудрено, если во всѣхъ своихъ научныхъ трудахъ онъ постоянно имѣлъ ее передъ глазами. Отсюда его внимательное отношеніе къ тѣмъ послѣдствіямъ, къ какимъ въ народномъ хозяйствѣ ведетъ возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ, сказывающееся прежде всего въ недоѣданіи русской крестьянской семьи. Отсюда—его заботливость о томъ, чтобы желѣзнодорожные тарифы не становились препятствіемъ къ правильному обслуживанію хлѣбныхъ рынковъ. Отсюда же—сравнительное изученіе имъ способовъ поднятія сельско-хозяйственной техники и его интересъ къ земледѣльческимъ синдикатамъ, къ мелкому меліоративному кредиту и народ-

нымъ банкамъ, къ сельско-хозяйственнымъ школамъ и чтеніямъ странствующихъ профессоровъ агрономіи. Отсюда, наконецъ, его опредѣленное, не допускающее никакихъ компромиссовъ отношеніе къ обязанности государства прійти на помощь земельной нуждѣ крестьянства, между прочимъ въ формѣ частичнаго и обязательнаго выкупа частновладѣльческихъ имѣній».

Сосредоточивая свое вниманіе на реальныхъ нуждахъ и запросахъ народной жизни, Чупровъ, и какъ ученый-профессоръ, и какъ выдающійся общественный дѣятель, обращалъ особенное вниманіе на правильную постановку и развитіе у насъ земской статистики, изъ данныхъ которой онъ и искалъ указанія средствъ врачеванія этихъ нуждъ и отвѣта на эти запросы. Поэтому въ его университетскихъ курсахъ, ученыхъ трудахъ, общественныхъ рѣчахъ и практическихъ начинаніяхъ вопросы статистическихъ методовъ изслѣдованій получали всегда выпуклое освѣщеніе, твердую постановку и цѣлесообразное развитіе. Отсюда самая тѣсная связь его имени съ дѣломъ русской земской статистики и городскихъ переписей. Отмѣчая эту сторону научно-общественной дѣятельности А. И. Чупрова, небезызвѣстный московскій статистикъ Н. А. Каблуковъ въ томъ же нумерѣ «Русскихъ Вѣдомостей» говоритъ: «Первые шаги земской статистики въ Московской губ. связаны были съ его участіемъ, его помощью, совѣтомъ, указаніями. Затѣмъ появленіе первыхъ же трудовъ покойнаго В. И. Орлова по земской статистикѣ А. И. привѣтствовалъ, давъ между прочимъ отзывъ, на основаніи котораго была присуждена В. И. Орлову премія имени Ю. Самарина. И по мѣрѣ того, какъ земско-статистическія изслѣдованія охватывали все большее и большее количество губерній и уѣздовъ, А. И. все болѣе и болѣе проявлялъ заботы о томъ, чтобы результаты этихъ изслѣдованій были использованы наиболѣе широко въ интересахъ науки и жизни. Въ 1882 г. при непосредственномъ участіи А. И. было организовано при московскомъ юридическомъ обществѣ статистическое отдѣленіе, безсмѣннымъ предсѣдателемъ котораго А. И. и оставался все время. Всѣмъ участникамъ работъ отдѣленія памятно, конечно, какъ много времени и силъ отдавалъ покойный этому учрежденію. Онъ постоянно почти предсѣдательствовалъ во всѣхъ обычныхъ засѣданіяхъ отдѣленія и нерѣдко дѣлалъ сообщенія какъ о выходящихъ статистическихъ трудахъ, такъ и по методологическимъ вопросамъ. При этомъ А. И. постоянно проводилъ мысль о важномъ значеніи объединенія программъ земско-статистическихъ изслѣдованій и объ использованіи опубликованныхъ матеріаловъ для освѣщенія условій жизни русскаго крестьянства. По его иниціативѣ и подъ его руководствомъ происходили совѣщанія для осуществленія этой послѣдней цѣли, и результатомъ этого было затѣмъ появленіе двухъ томовъ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи», заключающихъ въ себѣ работу В. В. «Кре-

стьянская община» со вступительной статьей А. Ѳ. Фортунатова (т. I) и работу Н. А. Карышева «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды» (т. II). Не жалѣя, однако, времени и трудовъ на текущую работу отдѣленія, А. И. не останавливался и передъ тѣмъ, чтобы устраивать экстренныя засѣданія отдѣленія въ усиленномъ составѣ съ земскими статистиками, съѣзжавшимися со всѣхъ концовъ Россіи. Съѣзды эти, повторявшіеся нѣсколько разъ, тянулись, однако, каждый разъ не менѣе недѣли, и тутъ уже А. И. изо дня въ день посвящалъ имъ все свое время, поражая всѣхъ своей неутомимостью. Онъ принималъ въ работахъ съѣзда и его отдѣльныхъ секцій самое живое участіе, руководилъ преніями на общихъ засѣданіяхъ, вносилъ сообщенія и, можно сказать, бывалъ обыкновенно душою всего дѣла, участвуя въ засѣданіяхъ днемъ и вечеромъ. Когда въ 1894 г. при IX съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ было учреждена подсекція статистики (при секціи географіи, этнографіи и антропологіи), А. И. въ качествѣ завѣдующаго ею опять-таки принималъ самое живое, непосредственное участіе въ работахъ подсекціи. Все это много содѣйствовало объединенію программы земско-статистическихъ изслѣдованій, возникновенію такихъ сторонъ народной жизни, которыя оставались дотолѣ въ тѣни. Этимъ, однако, далеко не исчерпывается то значеніе, которое А. И. имѣлъ для развитія и правильной постановки земской статистики въ Россіи. Его личный примѣръ, его личное вліяніе, его оцѣнка тѣхъ или другихъ работъ, вся его личность, глубоко гуманная, широкообразованная, безмѣрно-преданная интересамъ русскаго народа и науки, — все это оставляло такой глубокій слѣдъ въ сердцахъ и умахъ соприкасавшихся съ нимъ, что надолго оживляло ихъ дѣятельность и укрѣпляло все то идейное, что заключаютъ въ себѣ земско-статистическія изслѣдованія. И если въ исторіи русской статистики земская статистика занимаетъ весьма видную страницу, то, конечно, имя А. И. Чупрова останется навсегда тѣсно связаннымъ съ исторіей развитія статистики въ Россіи.

«Но имени А. И. Чупрова нельзя вычеркнуть изъ исторіи статистики въ Россіи не потому только, что покойный имѣлъ такое большое значеніе для постановки и развитія земской статистики и для ознакомленія русскаго общества съ результатами ея изслѣдованія. А. И. въ качествѣ профессора статистики въ университетѣ воспиталъ не одно поколѣніе статистиковъ и притомъ вполнѣ подготовленныхъ къ своему дѣлу. Его курсъ теоріи статистики по точности и ясности изложенія представляетъ собою лучшее, что по этой части имѣется на русскомъ языкѣ. Глубоко и всесторонне освѣщено въ немъ и значеніе статистики для обществовѣдѣнія. И это стоитъ въ тѣсной связи съ той цѣльностью, которую представляла собою натура покойнаго. Для А. И. наука не была сама по

себѣ, а жизнь сама по себѣ. Нѣтъ, для него все это связывалось въ одно органическое цѣлое, и статистика, какъ изслѣдовательница живой народной жизни, давала матеріалъ для уясненія явленій послѣдней и для болѣе правильной постановки и точнаго выясненія тѣхъ или другихъ научныхъ проблемъ, а наука, въ свою очередь, давала указанія, что и какъ нужно выяснить въ явленіяхъ общественной жизни. Это ясно сказалось въ первомъ же болѣе крупномъ трудѣ А. И.—его магистерской диссертаціи «Желѣзнодорожное хозяйство», гдѣ на статистическомъ матеріалѣ выяснялись многія экономическія явленія Россіи. Разработка же этого матеріала и внесеніе въ нее со стороны А. И. Чупрова строго-научныхъ пріемовъ отразились, въ свою очередь, и на болѣе правильной постановкѣ желѣзнодорожной статистики у насъ. Немало обязана А. И. Чупрову и постановка городской статистики въ Москвѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе при производствѣ переписи населенія Москвы въ 1872 г. и затѣмъ въ 1882 г., когда онъ состоялъ членомъ существовавшаго въ то время городского статистическаго отдѣла и, участвуя въ переписномъ комитетѣ,—говорю безъ всякаго преувеличенія,—проводилъ дни и ночи въ совѣщаніяхъ и трудахъ по руководительству этой переписью».

Въ единомысліи оцѣнки покойнаго по его значенію для статистическаго дѣла въ Россіи сходится съ г. Каблуковымъ и другой видный русскій статистикъ Д. И. Рихтеръ, который въ № 51 «Русскихъ Вѣдомостей», вспомнивъ роль Чупрова на IX съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, говоритъ:

«Какъ теперь помню громадную залу Дворянскаго собранія въ Москвѣ, биткомъ наполненную членами съѣзда и публикой. Когда на высокую каѳедру вошелъ А. И., раздались громовыя рукоплесканія. Это Москва привѣтствовала своего любимца. Когда рукоплесканія утихли, А. И., по обыкновенію своему, поправилъ очки и свойственнымъ ему задушевнымъ голосомъ началъ говорить. Воцарилась мертвая тишина, не нарушавшаяся во время всей его рѣчи, довольно-таки длинной и по содержанію своему, казалось, узко-спеціальнаго характера. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками печатнаго экземпляра этой замѣчательной рѣчи-лекціи, а потому вкратцѣ изложу ее на память. А. И. указалъ, что многія естественныя науки, основанныя главнымъ образомъ на наблюденіяхъ, немыслимы безъ широкаго примѣненія статистическаго метода; указалъ на роль статистики въ медицинѣ и, наконецъ, считая самое обществовѣдѣніе однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи наукъ, указалъ на неизбѣжность статистическаго метода при точномъ описаніи явленій общественныхъ, безъ котораго невозможно слѣдить за ходомъ и измѣненіями жизни общества, а, слѣдовательно, и уяснить его нужды и потребности. Статистика возможна лишь при коллективномъ трудѣ многихъ, а потому нуждается въ

общеніи ея дѣятелей, слѣдовательно, и съѣзды статистиковъ являются настоятельно необходимыми, такъ какъ при помощи ихъ можетъ быть достигнута болѣе правильная организація изслѣдованій, и разъ имѣется связь между статистикою и естествознаніемъ, то понятно и самое появленіе ея на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Это у насъ пока новость и можетъ, какъ таковая, пожалуй, вызвать недоумѣніе; на Западѣ подобному факту никто не подивится: тамъ связь статистики съ естествознаніемъ—признанный фактъ. Еще въ половинѣ XVI вѣка, т. е. болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до нашего времени, когда въ Лондонѣ основалось такъ называемое королевское общество наукъ, посвященное главнымъ образомъ разработкѣ естествознанія, въ него былъ внесенъ мемуаръ, посвященный статистическому изслѣдованію Лондона; затѣмъ, въ началѣ XIX вѣка, когда въ Англіи возникла британская ассоціація, въ ней рядомъ съ секціями математики и естественныхъ наукъ была открыта и секція статистики, продолжающая дѣйствовать и по настоящее время. Когда А. И. кончилъ, его проводили еще болѣе громкими и долго продолжавшимися рукоплесканіями; это было уже привѣтствіе не однихъ москвичей, не части присутствовавшихъ въ залѣ земскихъ статистиковъ, а всей двухтысячной аудиторіи всего съѣзда. И никому до Чупрова и послѣ его на съѣздѣ не было устроено такой шумной оваціи. Для всѣхъ стало ясно, что А. И. убѣдилъ въ справедливости своихъ взглядовъ, казавшихся сначала многимъ довольно-таки сомнительными.

«И время оправдало слова А. И.: на послѣдующихъ съѣздахъ статистика вошла какъ часть, органически связанная съ другими отраслями естествознанія, и число самыхъ статистиковъ-участниковъ (почти исключительно земскихъ) съѣздовъ, несмотря на всѣ невзгоды переживаемаго безвременья, все увеличивалось: на слѣдующемъ кіевскомъ съѣздѣ ихъ было 120, и на петербургскомъ—390.

«Если окинуть взглядомъ послѣднія два десятилѣтія только что истекшаго столѣтія, когда русская жизнь, казалось, была совершенно пришиблена, на фонѣ глуши этой жизни нельзя не замѣтить возникновенія величаваго зданія земской статистики. Надъ постройкой этого зданія на ряду съ нами, заурядными работниками, трудилось не мало выдающихся людей. Немало, а можетъ быть и болѣе другихъ, къ этому дѣлу приложилъ свой трудъ и покойный А. И.: онъ служилъ тѣмъ связующимъ цементомъ, который былъ необходимъ для прочности постройки; онъ былъ и тѣмъ зодчимъ, который придалъ зданію его величавость и стройность».

Крупный ученый, энергичный и закаленный общественный дѣятель, Александръ Ивановичъ по свойству своей удивительно чистой духовной организаціи оставлялъ неизгладимые слѣды на всѣхъ тѣхъ жизненныхъ путяхъ, куда его судьба становила. Нравственное его вліяніе на всѣхъ окружающихъ было огромное, и пе-

редъ его авторитетомъ, какъ ученой силы и какъ безукоризненно чистаго человѣка, не признающаго никакихъ компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, преклонялись не только ученики, порою бурная аудиторія молодыхъ взволнованныхъ страстей, но и товарищи по профессурѣ, по редакціи, по литературѣ. Для всѣхъ имя Чупрова было чѣмъ-то очень дорогимъ, много говорящимъ сердцу, вызывающимъ умиленіе и рой чудныхъ воспоминаній и впечатлѣній. И недаромъ еще лѣтъ 12 тому назадъ К. К. Арсеньевъ въ «Вѣстникѣ Европы», привѣтствуя А. И. Чупрова съ исполнившимся 25-лѣтіемъ его ученой писательской дѣятельности, утверждалъ, что Александръ Ивановичъ является въ наши дни тѣмъ, чѣмъ были въ свое время Грановскій и Кудрявцевъ въ Москвѣ, Мейеръ—въ Казани, Каченовскій — въ Харьковѣ, Павловъ — въ Кіевѣ; Кавелинъ—въ Петербургѣ: «учителемъ и наставникомъ въ лучшемъ и самомъ широкомъ смыслѣ слова, живымъ примѣромъ служенія наукѣ неотдѣлимо отъ жизни».

Когда въ 1897 г. Чупровъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для участія въ преніяхъ въ вольно-экономическомъ обществѣ по поводу изданной имъ вмѣстѣ съ А. С. Посниковымъ книги «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» и когда на авторовъ этой работы посыпались многія недостойныя нареканія вплоть до заподозрѣванія въ своекорыстной угодливости тогдашнему всесильному министру финансовъ С. Ю. Витте, почитатели московскаго ученаго устроили въ его честь банкетъ, на которомъ одинъ изъ ораторовъ остроумно замѣтилъ, что нападки на Александра Ивановича напоминаютъ до нѣкоторой степени судьбу Аристида, за изгнаніе котораго изъ отечества аѳиняне только потому давали свой голосъ, что имъ надоѣло слышать со всѣхъ сторонъ отзывы о его честности и безукоризненности.

Старый товарищъ А. И. Чупрова по редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» проф. Д. Анучинъ такъ опредѣляетъ его духовный обликъ и его значеніе для окружающихъ («Р. В.», № 47):

«Какъ о человѣкѣ, объ Александрѣ Ивановичѣ можно говорить много, но можно сказать и кратко: это былъ одинъ изъ лучшихъ людей во всѣхъ отношеніяхъ, воплощавшій въ себѣ лучшія и благороднѣйшія черты человѣческой природы и индивидуальности. Онъ могъ сказать о себѣ: homo sum et nihil humanum a me alienum puto. Чего только онъ не зналъ, чѣмъ не интересовался, какая была у него широта ума и глубина чувства! Къ нему обращались и изъ офиціальныхъ, и изъ общественныхъ сферъ, онъ пользовался широкой извѣстностью и у насъ, и въ кругахъ дѣятелей по политической экономіи, статистикѣ, сельскому хозяйству за границей. Массы людей обращались къ нему за указаніями, совѣтомъ, помощью, посылали ему свои печатные труды, искали съ

нимъ бесѣды, и никому онъ не отказывалъ въ посильномъ указаніи, совѣтѣ, поддержкѣ. Когда онъ жилъ и работалъ въ Москвѣ, эта его общительность, готовность на помощь и на служеніе ближнимъ отзывалась неблагопріятно на немъ самомъ въ томъ отношеніи, что отнимала у него массу времени, мѣшала его научной работѣ, подрывала его силы. Его увлекали въ разныя общества, приглашали къ литературной работѣ, звали во всевозможныя комиссіи, искали бесѣды съ нимъ, обращались къ нему за совѣтомъ и помощью, и онъ, безконечно добрый и отзывчивый, не считалъ себя въ правѣ отказываться, не отталкивалъ никого, не имѣлъ свободной минуты, вѣчно трудился, дѣйствовалъ, хлопоталъ, помогалъ. Если бы онъ продолжалъ жить такою жизнью, оставаясь у насъ, и въ послѣднія 8—9 лѣтъ, онъ, вѣроятно, давно бы сошелъ въ могилу; сердце его отказалось бы служить, разорвалось бы отъ избытка думъ, заботъ, огорченій». Его нравственный обликъ очень характерно обрисовывается изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ альбомъ дочери, гдѣ выраженъ его взглядъ на счастіе, на природу, на трудъ, на отношенія къ людямъ. Стихотвореніе это появилось послѣ смерти автора на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 65). Вотъ оно:

СОВѢТЪ.

Коль хочешь жизнь прожить разумно и счастливо,
Старайся съ раннихъ лѣтъ искать къ тому пути.
Въ богатствѣ, почестяхъ, въ забавахъ суетливыхъ
Надежныхъ радостей, повѣрь, нельзя найти.
Не нужно забывать: лишь тѣ залоги счастья
Способны вѣрное довольство подарить,
Которыхъ ни людей капризное участье,
Ни злой судьбы игра не могутъ насъ лишить.
Намъ къ счастью прочному открыты три дороги.
Одна изъ нихъ: любить природы красоту,
Цѣнить и солнца блескъ и грозныхъ бурь тревоги,
Спокойный видъ долинъ, горъ дальнихъ высоту.
Кто съ юныхъ дней привыкъ съ любовью и вниманьемъ
Въ былинкѣ и цвѣткѣ, во всемъ, что видитъ глазъ,
Подмѣтить прелесть формъ и жизни трепетанье,
Тотъ чистыхъ радостей всегда хранитъ запасъ.
Другой есть путь къ тому жъ, то—трудъ имѣть любимый.
Въ искусствѣ, ремеслѣ, въ познаніи наукъ,—
Вездѣ бодрящихъ силъ залогъ неистощимый,
Когда съ охотой имъ мы отдаемъ досугъ.
Кузнецъ иль камнотесъ возьмутъ ли молотъ въ руки,
Иль пахарь на зарѣ спѣшитъ съ своей сохой,
Хоть тяжекъ ихъ удѣлъ, они не знаютъ скуки,
Въ успѣхѣ дѣлъ простыхъ ихъ счастье и покой.
Умѣть любить людей и въ радости и въ горѣ,
Съ участьемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлить.

Въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ, иль въ братскомъ разговорѣ
Умѣть всегда себя съ другой душою слить,—
Вотъ новый къ счастью ключъ: онъ тоже въ нашей волѣ.
Кто ключъ тотъ къ двумъ другимъ заботливо примкнетъ,
Тотъ дней своихъ чреду при всякой въ жизни долѣ
Спокойно, весело и съ пользой проведетъ.

Успенское,
17-го августа 1893.

Доброта Александра Ивановича и его отзывчивость къ чужому горю и бѣдѣ были безконечны. Достаточно сказать, что около подъѣзда дома, гдѣ онъ жилъ, всегда толпились бѣдняки, ожидавшіе его выхода, зная, что въ карманѣ профессора для нихъ всегда приготовлена мелочь, которую онъ и спѣшилъ разсовать ожидающимъ его, прося только, чтобы они не шумѣли, не ссорились изъ-за подаянія и не причиняли окружающимъ безпокойства. И пишущему эту краткую некрологическую памятку пришлось въ жизни испытать удивительную отзывчивость Александра Ивановича, воспользоваться ею и до извѣстной степени спасти тѣмъ одно общественное дѣло.

Это было въ 1896 г., когда, по службѣ въ одномъ частномъ желѣзнодорожномъ правленіи, мнѣ пришлось совершенно неожиданно для себя быть командированнымъ въ Москву для обслѣдованія ея въ торгово-промышленномъ отношеніи, въ цѣляхъ желѣзнодорожнаго строительства. Посылка въ Москву спеціальной экономической комиссіи, программа ея будущихъ работъ держались правленіемъ почему-то въ глубокой тайнѣ, той тайнѣ, которая обыкновенно имѣетъ задачей всѣхъ перемудрить и создать нѣчто неожиданное, глубоко-остроумное и изъ чего никогда ничего не выходитъ серьезнаго. И вотъ послѣ того, какъ «программа обслѣдованія» была утверждена, составъ комиссіи опредѣленъ и предсѣдатель ея назначенъ правленіемъ, дѣйствующимъ лицамъ было наконецъ объявлено о выѣздѣ на работу на слѣдующій день, причемъ указано, что съ задачами работы они ознакомятся на мѣстѣ. Въ курсѣ дѣла былъ только предсѣдатель комиссіи, человѣкъ очень неглупый, образованный, но не имѣвшій за собою никакого опыта въ дѣлѣ статистико-экономическихъ обслѣдованій. И вотъ въ знойный іюньскій день комиссія очутилась на мѣстѣ дѣйствія, ознакомилась съ обширнѣйшей программой, которую надо было выполнить, и... замерла въ неизвѣстности, съ чего начать свою работу, какъ ее производить, къ кому обратиться за помощью, содѣйствіемъ и указаніями. Положеніе получилось въ высшей степени глупое и безнадежное. М[illegible]ьше всего въ курсѣ вопроса оказался самъ чудакъ-предсѣдате[illegible]ь. Дня два мы протоптались на мѣстѣ, проводя время въ бе[illegible]конечныхъ преніяхъ, не относящихся къ дѣлу и по обыч[illegible] русскихъ людей главнымъ образомъ задѣвающихъ «лично-

сти». Одинъ изъ членовъ комиссіи собирался уже телеграфировать въ Петербургъ съ просьбой объ отозваніи его и съ докладомъ, что при настоящемъ положеніи дѣла изъ работы комиссіи ничего толковаго, кромѣ скандала, выйти не можетъ. Но въ этотъ самый критическій моментъ мнѣ пришла въ голову счастливая мысль: въ Москвѣ имѣется Александръ Ивановичъ Чупровъ, съ которымъ я нѣсколько знакомъ, и если онъ еще не уѣхалъ на лѣто куда-нибудь, то дѣло поправимо. Онъ поможетъ, вывезетъ и наставитъ. Предсѣдатель запротестовалъ противъ моего намѣренія обратиться къ ученому профессору, но другого выхода не было, и я, несмотря на протесты, поѣхалъ отыскивать Александра Ивановича. На мое счастье, онъ еще оказался въ городѣ, но наканунѣ отъѣзда, такъ что мнѣ удалось съ величайшимъ трудомъ перехватить его и изложить горестное и безнадежное положеніе желѣзнодорожной комиссіи. Профессоръ заволновался: что онъ можетъ существеннаго для насъ сдѣлать, когда его чемоданы уже уложены, билеты взяты, а тутъ еще въ послѣдніе часы его разрываютъ на части! Тѣмъ не менѣе онъ согласился ознакомиться съ программою, обдумать ее и дать соотвѣтствующія указанія, для чего пригласилъ заѣхать къ нему вечеромъ.

И дѣйствительно, въ то короткое время, которое было въ его распоряженіи, Александръ Ивановичъ выяснилъ все самымъ обстоятельнымъ образомъ по всѣмъ многочисленнымъ рубрикамъ вопросовъ обслѣдованія, отмѣтилъ, гдѣ можно получить по нимъ соотвѣтствующія статистическія данныя, къ кому для сего надо обратиться, далъ разрѣшеніе широко пользоваться своимъ именемъ, короче—поставилъ совершенно чуждое ему дѣло на твердую почву, далъ ему направленіе, толчокъ и движеніе. Мы въ полномъ смыслѣ слова были спасены и, только благодаря его мягкой отзывчивости, не допускавшей возможности отказа, разъ идетъ вопросъ о помощи въ нужномъ случаѣ, получили возможность привезти въ Петербургъ нужный желѣзнодорожному правленію статистическій матеріалъ.

Прошло послѣ того нѣкоторое время, и вотъ мнѣ снова пришлось обратиться къ Александру Ивановичу тоже съ ходатайствомъ, но уже по другому совершенно случаю и съ отрицательнымъ на этотъ разъ исходомъ въ моихъ исканіяхъ. Въ Петербургѣ въ одномъ литературномъ кругѣ, изъ котораго многіе нынѣ уже отошли въ вѣчность, возникла идея изданія газеты. Люди собирались, толковали, обдумали программу, установили направленіе, намѣтили администрацію и выбрали для соотвѣтствующихъ отдѣловъ завѣдующихъ ими и сотрудниковъ. Все на бумагѣ и словахъ было готово, и остановка была за однимъ немногимъ, обо что сплошь да рядомъ разбиваются многія и многія пылкія мечты и благія пожеланія, а именно за презрѣннымъ металломъ. Даже воз

можность полученія разрѣшенія на предполагаемое изданіе казалось вполнѣ вѣроятнымъ, но вотъ: откуда взять необходимыя для издательскаго дѣла средства? Хотя много было говорено относительно организаціи работы съ вознагражденіемъ ея изъ «будущихъ барышей», но все же безъ основного фонда, хотя бы въ десятокъ-другой тысячъ рублей, невозможно было и думать приступить къ дѣлу. Задача пріисканія этого фонда между прочимъ возложена была и на меня, которому въ будущемъ литературномъ предпріятіи, помимо сотрудничества, предназначалась видная административно-хозяйственная и организаторская роль. Въ числѣ мѣстъ, куда мнѣ рекомендовалось обратиться, называлась и Москва, гдѣ, по словамъ опытныхъ и свѣдущихъ людей, всегда можно найти пайщиковъ-издателей. Петербургъ городъ сотрудниковъ и литературныхъ работниковъ, а Бѣлокаменная—спеціальное средоточіе капиталистовъ-издателей, тароватыхъ на поддержаніе журнальныхъ предпріятій. Гдѣ тамъ найти такихъ благодѣтелей, въ чьихъ карманахъ къ услугамъ писателей лишнія ассигнаціи, не указывалось, но самая реальность и правдивость таковой легенды не оставлялась въ подозрѣніи. Обдумывая, къ кому изъ москвичей обратиться за указаніемъ нужнаго денежнаго центра, я случайно встрѣтился на Невскомъ съ А. И. Чупровымъ, который пріѣхалъ въ Петербургъ по какимъ-то учено-общественнымъ дѣламъ. Узнавъ, гдѣ онъ остановился, я къ нему и направился, въ полной увѣренности, что если любимецъ и самый популярный человѣкъ Первопрестольной мнѣ не поможетъ, то всякія легенды о московскихъ меценатахъ пустые разговоры. Профессоръ встрѣтилъ меня по своему обыкновенію чрезвычайно привѣтливо и ласково, выслушалъ внимательно цѣль моего прибытія, задалъ нѣсколько вопросовъ по существу дѣла и его деталямъ и въ концѣ концовъ, сначала грустно задумавшись, мягкимъ, душевнымъ голосомъ сказалъ:

— Нѣтъ, не просите меня и не настаивайте на моей помощи о содѣйствіи. Вы знаете, я отказывать не умѣю, а тутъ еще вы и товарищи могутъ подумать, что я, отклоняя отъ себя вашу просьбу, опасаюсь конкуренціи для «Русскихъ Вѣдомостей». Могу васъ увѣрить, что личныя соображенія тутъ никакой роли не играютъ. Я просто не вѣрю въ осуществимость вашего замысла, и не потому, что не считаю васъ и лицъ, вами названныхъ, неспособными для организаціи и веденія большого литературнаго предпріятія, а потому, что убѣжденъ въ неблагопріятности для этого даннаго момента. Вы сами знаете, какое тяжелое время переживаетъ печать и какъ ея положеніе шатко, неопредѣленно и зависитъ отъ произвола лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ она находится. Если мы, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», работая при относительно благопріятныхъ обстоятельствахъ, и то не увѣрены въ прочности и безопасности нашего завтрашняго дня, то вы всѣ, новые люди,

дѣйствуя на самыхъ глазахъ правительства, очевидно, не выдержите нужнаго курса и вынуждены будете или «перемѣнить направленіе», или подвергнуться закрытію и запрещенію. Въ обоихъ случаяхъ я буду отвѣтственъ передъ тѣми, кому я бы могъ васъ рекомендовать, и въ конечномъ результатѣ для всѣхъ наступитъ разочарованіе и крушеніе свѣтлыхъ надеждъ. Зачѣмъ же искусственно и напередъ зная, что случится, создавать въ жизни ненужное горе?. Ваши намѣренія прекрасны, достойны сочувствія и уваженія, но они не опираются на твердыхъ основахъ, и я по необходимости, съ величайшимъ для себя огорченіемъ—повѣрьте моей искренности—вынужденъ устраниться. Повторяю, я отказывать не умѣю, но не насилуйте меня и освободите отъ непосильной для меня задачи; при этомъ, если вы передадите вашимъ товарищамъ о нашей бесѣдѣ, убѣдительнѣйше прошу васъ разъяснить имъ истинныя побужденія, руководящія мною въ данномъ случаѣ, и отсутствіе съ моей стороны какихъ-либо невысказанныхъ соображеній.

На этомъ кончился нашъ разговоръ; я, конечно, «не настаивалъ»—вопросъ былъ исчерпанъ—и удалился, храня съ умиленіемъ образъ человѣка, отклонившаго мою просьбу. И посейчасъ, когда я пишу эти строки, передо мною, какъ живое, вырисовывается его лицо съ умными, задумчиво-грустными очами, одухотворенными какимъ-то особеннымъ ласкающимъ свѣтомъ, слышится его тихая, плавная и задушевная рѣчь... И вотъ, перебирая въ умѣ значительное количество разныхъ людей, съ которыми жизнь такъ или иначе меня сводила, мнѣ кажется, что я видѣлъ настоящаго праведника на землѣ, одного изъ тѣхъ людей, про которыхъ сказано въ священномъ писаніи: блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. До нѣкоторой степени именно этимъ отличительнымъ признакомъ духовнаго облика покойнаго ученаго можно объяснить тотъ взрывъ общей скорби, который проявился въ нашемъ обществѣ, когда изъ Мюнхена пришло печальное извѣстіе о кончинѣ А. И. Чупрова.

Стоитъ только просмотрѣть нумера «Русскихъ Вѣдомостей» съ 26 февраля и въ теченіе всей первой половины марта, чтобы убѣдиться, какое громадное количество отдѣльныхъ лицъ, разныхъ группъ, общественныхъ и ученыхъ учрежденій откликнулось на грустное событіе и въ какихъ всѣ благоговѣйныхъ выраженіяхъ поспѣшили выразить одушевляющія ихъ чувства по адресу почившаго общественнаго дѣятеля и ученаго изслѣдователя нуждъ народной жизни. Во всѣхъ сочувственныхъ письмахъ, телеграммахъ, статьяхъ звучитъ одинъ общій мотивъ: Россія лишилась одного изъ своихъ лучшихъ сыновъ, который былъ ея украшеніемъ, славой и гордостью.

Поэтому необыкновенно торжественно, при громадномъ стеченіи народа протекли и похороны Александра Ивановича, по прибытіи

его тѣла въ печальномъ вагонѣ изъ-за границы 4-го марта. Отпѣваніе происходило въ университетской церкви, куда собрались многочисленныя депутаціи изъ разныхъ городовъ и отъ разныхъ учрежденій съ вѣнками при соотвѣтствующихъ надписяхъ. Отпѣваніе закончилось около 12-ти часовъ, и въ началѣ перваго часа гробъ съ останками А. И. вынесли изъ церкви ректоръ университета А. А. Мануиловъ, деканъ юридическаго факультета А. С. Алексѣевъ, профессоры М. М. Ковалевскій, А. С. Посниковъ, К. А. Тимирязевъ, Д. Н. Анучинъ и др. Гробъ поставили на колесницу, и похоронный кортежъ направился по Большой Никитской, чрезъ Кудринскую площадь, Прѣсней, къ Ваганьковскому кладбищу. Процессію открывали пять слѣдовавшихъ одна за другой колесницъ съ вѣнками. Много вѣнковъ, кромѣ того, было размѣщено на колесницѣ по сторонамъ гроба. Громадный хоръ изъ студентовъ и учащихся женщинъ, идя передъ гробомъ, всю дорогу пѣлъ «Святый Боже». За гробомъ шли родственники покойнаго, большинство изъ присутствовавшихъ при отпѣваніи и громадная толпа почитателей и учащихся. Процессія, въ которой участвовало нѣсколько тысячъ человѣкъ, замыкаясь вереницей экипажей, растянулась на значительное протяженіе. Всю дорогу царилъ полный порядокъ, поддерживаемый самими участниками процессіи, образовавшими по сторонамъ ея двигавшуюся длинную безпрерывную цѣпь. На всемъ пути слѣдованія кортежа стояли группы любопытныхъ. Движеніе экипажей и конокъ временно пришлось прекратить. Только въ $2^1/_2$ часа дня процессія приблизилась къ вратамъ кладбища, но задолго до этого часть кладбища около мѣста могилы А. И. Чупрова была уже заполнена представителями ученаго и литературнаго міра, различными депутаціями и учащимися. За полчаса до прибытія тѣла прибыли колесницы съ вѣнками, и послѣдніе были перенесены студентами и курсистками, шедшими попарно къ склепу. Гробъ съ тѣломъ А. И. подняли съ колесницы студенты и послѣ литіи, совершенной мѣстнымъ духовенствомъ у воротъ кладбища, перенесли къ приготовленной могилѣ.

Въ 2 ч. 45 мин. дня похоронная процессія приблизилась къ могилѣ, и въ нее былъ опущенъ гробъ. По совершеніи литіи надъ раскрытой могилой послѣдовали рѣчи. Говорили на могилѣ С. А. Муромцевъ, ректоръ университета А. А. Мануиловъ, П. Н. Милюковъ, проф. А. С. Посниковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. Н. А. Каблуковъ, бывшій депутатъ И. Ѳ. Савельевъ, М. Е. Шатерниковъ, П. А. Садыкинъ, студентъ г. Мининъ, С. И. Васюковъ и др. Отъ лица періодической печати и литературы произнесъ слово И. М. Поповъ, сказавшій:

«Отъ лица русской печати и двухъ ея обществъ—дѣятелей періодической печати и литературы и кассы взаимопомощи уче-

ныхъ и литераторовъ—я пришелъ сюда поклониться не только высокоталантливому профессору, выдающемуся общественному дѣятелю и обаятельному человѣку, но и публицисту, тѣсно связанному съ нашей печатью. Покойный дорогъ всей Россіи, какъ это указали предыдущіе ораторы, но онъ особенно дорогъ и намъ, дѣятелямъ печати. Почти полувѣковая его дѣятельность тѣсно связана съ тѣмъ органомъ печати, который и въ моменты упадка общественнаго настроенія, и во время подъема его высоко держалъ знамя русской печати, русской общественности. Со временъ эпохи великихъ реформъ это знамя ни разу не склонялось, ни разу не было забрызгано грязью, и среди рукъ, держащихъ это знамя, были однѣми изъ самыхъ сильныхъ руки А. И. Чупрова. Онъ въ области повременной печати служилъ истинѣ и правдѣ, и въ то же время во главу угла своей многосторонней дѣятельности онъ поставилъ интересы народа. Всего 3 недѣли тому назадъ раздался его голосъ въ защиту народныхъ интересовъ отъ тѣхъ экспериментовъ, посредствомъ которыхъ стараются привить народу чуждыя ему формы. Представитель рабочихъ ярко обрисовалъ его отношеніе къ интересамъ трудового крестьянства и рабочихъ. Съ не меньшимъ вниманіемъ онъ относился и къ интересамъ печати. Къ печати онъ заповѣдывалъ намъ приступать съ открытымъ сердцемъ и чистыми руками. Этотъ завѣтъ мы свято сохранимъ, а грядущія поколѣнія сохранятъ память дорогого публициста А. И. Чупрова. Тихо спи, нашъ дорогой учитель, дорогой товарищъ. Память о тебѣ не умретъ въ грядущихъ поколѣніяхъ, и они будутъ высоко держать то знамя, которое ты пронесъ чистымъ до могилы».

Послѣ похоронъ Александра Ивановича состоялось собраніе его былыхъ товарищей по профессурѣ, почитателей, друзей и учениковъ, гдѣ былъ поставленъ вопросъ о наилучшемъ способѣ увѣковѣченія памяти скончавшагося. Пока еще опредѣленнаго рѣшенія по сему предмету не высказано, но, повидимому, общій голосъ сходится на томъ, что лучшей памятью А. И. Чупрова будетъ созданіе на собранныя по подпискѣ деньги просвѣтительнаго учрежденія имени незабвеннаго московскаго ученаго.

Б. Г.

СВЯТОПОЛКЪ ЧЕХЪ.

(1846—1908 гг.).

ОДИНЪ изъ наиболѣе цѣнимыхъ чешскихъ поэтовъ, гордость и краса Златой Праги, Святополкъ Чехъ, скончался... 17 февраля (1 марта) останки его были торжественно преданы землѣ въ Пантеонѣ пражскаго музея, при чемъ городъ, вблизи котораго (въ деревнѣ Троѣ) жилъ и работалъ любимый писатель, принялъ на свой счетъ устройство похоронъ, носившихъ исключительно національный характеръ.

Рапсодія «Гусситъ на балтійскомъ побережьи», напечатанная въ студенческомъ альманахѣ «Ruch» (1868 г.), была первымъ стихотвореніемъ молодого поэта, обратившимъ всеобщее вниманіе.

Изъ отдѣльныхъ изданій Чеха не мѣшаетъ отмѣтить слѣдующія: 1) стихотворенія 1874 г. («Básně»), куда вошли, между прочимъ, поэмы: «Буря», «Сны», «Ангелъ», «Сыны Адама» (исторія чешскаго религіознаго братства, учрежденнаго послѣ гусситскаго движенія и уничтоженнаго таборитами), 2) стихотворенія 1880—86 г.г. съ поэмами: «Европа» (своего рода гимнъ въ честь французской революціи), «Черкесъ», «Подъ тѣнью липъ» (бесѣды сельскихъ обывателей на политико-соціально-экономическія темы), 3) «Ваплавъ изъ Михаловцъ», поэма изъ временъ движенія католичества противъ реформаціи послѣ сраженія, памятнаго для Чехіи на Бѣлой горѣ въ 1620 г., 4) юмористическая поэма «Петркличе», 5) современный соціальный эпосъ «Лешетинскій кузнецъ», 6) «Мартышка» («Hanuman»), сатира на космополитовъ, 7) «Мать-Слава» («Slavia»), эпическое стихотвореніе, рисующее печальное положеніе славянскаго міра, благодаря розни убѣжденій, несогласіямъ и пр., 8) «Дагмара», повѣсть о чешской королевнѣ Маркетѣ-Драгомирѣ, дочери Пршемысла Отакара, выданной за короля Даніи Вольдемара и

воспѣтой подъ этимъ именемъ въ датскихъ народныхъ легендахъ, 9) «Правда», сатира, 10) «Утреннія пѣсни» и страстныя «Пѣсни раба», оказавшія неоцѣненныя услуги младочехамъ въ борьбѣ съ феодальнымъ клерикализмомъ и ставшія достояніемъ всего австрійскаго пролетаріата, 11) «Новыя пѣсни» на патріотическіе мотивы, 12) «Разсказы, очерки и шутки» въ 4 томахъ (1878—84 г.), 13) «Кандидатъ въ безсмертные», юмористическій романъ, 14) «Воспоминанія о Востокѣ» (1884 г.) изъ путешествія по Россіи и Кавказу, 15) «Юмористическіе очерки, эскизы и сатиры», 16) «Экскурсія пана Броучка на луну и возвратъ его къ XV-му вѣку» (1887—8 г.), сатирическіе очерки общественно-литературной жизни въ Чехіи и много другихъ. Полное собраніе сочиненій Святополка Чеха издано въ 1902 г. въ Прагѣ.

Отличительной чертой характера Чеха была всегдашняя скромность, переходившая нерѣдко въ какую-то мучительно-странную боязнь за себя, въ недовѣріе къ своему таланту, такъ что зачастую онъ не рѣшался даже подписываться подъ новымъ произведеніемъ и прибѣгалъ къ различнымъ псевдонимамъ. Между тѣмъ Чехъ одинаково мастерски владѣлъ и стихомъ, и прозаической рѣчью. Это былъ поэтъ-индивидуалистъ, не лишенный въ то же время яркой эпической окраски. Онъ—лучшій выразитель чешской души съ ея панславизмомъ, гусситствомъ и руссофильствомъ, доступный пониманію широкой публики и всегда чуждый человѣконенавистническихъ идей, такъ часто идущихъ рядомъ съ націонализмомъ. Выдержанность художественныхъ образовъ и неподдѣльное вдохновеніе при безукоризненной чистотѣ языка дѣлаютъ его произведенія, проникнутыя то добродушнымъ и тонкимъ юморомъ, то ѣдкимъ сарказмомъ, то захватывающимъ драматизмомъ,—близкими сердцу каждаго чеха, не склоннаго вообще къ рефлексіи и къ космополитическимъ вѣяніямъ.

Въ патріотическихъ пѣсняхъ поэтъ высказываетъ настолько горячее участіе къ борьбѣ своихъ братьевъ съ онѣмеченіемъ, что его, несомнѣнно, надо отнести къ самымъ ярымъ приверженцамъ того лагеря чеховъ, которые видятъ грядущее спасеніе въ родственной Россіи.

Пророчество поэта относительно этого будущаго съ особенной рельефностью выступаетъ въ поэмѣ «Зимняя фантазія» [1]).

Россія, по мнѣнію автора, объединитъ подъ своей защитой всѣ славянскія племена. Поэтъ символизируетъ ее въ образѣ спящей царицы, живущей въ ледяномъ замкѣ (т. е. въ Москвѣ), также погруженномъ въ сонъ. Враги царицы, ненавистники славянъ, выведены подъ видомъ злого бога. Въ лицѣ этихъ враговъ Свято-

---

[1]) Переводъ этого стихотворенія и др. см. въ сборникѣ В. Уманова-Каплуновскаго «Славянская муза» (3-е изданіе 1904 г.).

полкъ Чехъ разумѣлъ прежде всего покойнаго теперь «желѣзнаго канцлера», бывшаго наверху славы во время написанія «Зимней фантазіи».

На вопросъ путника, попавшаго въ неизвѣстный край:

... скажи мнѣ, братъ,
Отчего тутъ всѣ лежатъ,
Обращенные въ дремоту,
Просыпая дни безъ счету?»

Колдунъ-ямщикъ даетъ такой отвѣтъ:

— «Это—мощная царица.
Ненасытный дикій богъ
Ополчился на чертогъ,
Разогналъ ея народы
По далекимъ сторонамъ,
Далъ зарокъ лишить свободы,
Не гнушался драться самъ.
Разбрелись остатки свиты,
Сыновья жъ—одни[1]) разбиты
(Зависть ихъ сломила мечъ),
Имъ пришлось въ могилы лечь,
А другіе[2]) погибають
Въ вихрѣ жгучемъ, боевомъ,
А иные[3]) подъ ярмомъ,
Въ рабствѣ тягостномъ сгниваютъ;
У царицы жъ лютый богъ
Жезлъ державный взять не могъ
(Все прикладывалъ умѣнье—
Сокрушить высокій тронъ!)...
И послалъ тяжелый сонъ
Ей въ отместку за презрѣнье.

«Зимняя фантазія» заканчивается примирительнымъ аккордомъ:

Слава-мать придетъ, я знаю,
Кончитъ долгую борьбу,
Волю дастъ родному краю...
Можетъ, буду я въ гробу,
Какъ настанетъ день желанный,
Но исполнятся мечты,
И съ весной благоуханной
Къ намъ, царица, выйдешь ты!...

Поэтъ былъ полонъ лучезарныхъ надеждъ и вѣрилъ въ свой народъ.

Мы—ничтожны, слабы... Эхъ, слова пустыя!
Только тотъ ничтоженъ, въ комъ надежды нѣтъ.
Вспомни Римъ, Элладу, дни ихъ золотые!
Имъ блеснулъ не скоро вѣчной славы свѣтъ.

---

[1]) Сербы и болгары.
[2]) Словинцы, чехи, хорваты.
[3]) Лужичане, познанскіе поляки и др.

На войнѣ былъ жалокъ предокъ нашъ съ цѣпами [1]);
Тучей грозовою врагъ висѣлъ надъ нимъ;
Но слѣпецъ-воитель [2]) выступилъ съ войсками,
И вознесся Таборъ [3]), и склонился Римъ.
Разъ охватитъ сердце доблестная сила,—
Мы—непобѣдимы, что лихая рать!
Слабы тѣ, кому лишь вѣра измѣнила,
Кто высокой цѣли не хотѣлъ избрать.

Трудно заподозрѣть поэта въ неискренности, а тѣмъ болѣе шовинизмѣ. Онъ могъ, конечно, ошибаться, но не могъ лукавить у того алтаря, на служеніе которому посвятилъ всю свою жизнь.

Съ гордостью сознавая значеніе Чехіи въ будущемъ, поэтъ, однако, убѣждаетъ своихъ земляковъ «никому не вѣрить», такъ какъ «всюду угрожаютъ недруги лихіе, подъ одеждой свѣтлой прячется кинжалъ», и обращается къ читателямъ съ такимъ совѣтомъ:

Вѣрьте въ трудъ и силу нашихъ убѣжденій!
Вѣрьте въ лучъ надежды, что у насъ въ сердцахъ,
И, быть-можетъ, скоро всеславянскій геній
Прогремитъ побѣдой на родныхъ стѣнахъ!
Вѣрьте, что народъ нашъ вновь подыметъ знамя
Братства и славянства, и заря, какъ пламя,
Заблеститъ побѣдно въ нашихъ небесахъ!..

Въ стихотвореніи «Наше орудіе» Святополкъ Чехъ прямо указываетъ на то, чѣмъ будетъ силенъ его народъ:

Въ защитники намъ данъ судьбой
Языкъ живой—нашъ вѣрный мечъ;
Онъ за народность въ страшный бой
Пойдетъ колоть, рубить и сѣчь...
И побѣдитъ,
И прогремитъ
Родная наша рѣчь.

И поэтъ оказался до извѣстной степени пророкомъ. Изъ всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ чехи дѣйствительно являются самымъ интереснымъ народомъ. Вѣчная борьба съ нѣмцами на поприщѣ политики, религіи и экономическихъ вопросовъ хотя развила въ чехахъ нѣсколько меркантильный характеръ, но въ то же время и закалила ихъ, сдѣлала стойкими. Эгоизмъ идетъ у нихъ рука объ руку съ чувствомъ долга и преданностью отечеству. Чувство солидарности въ вопросахъ, касающихся общественнаго быта, также развито въ высшей степени. Литература, наука, техническія свѣдѣнія, сценическое искусство, музыка, живопись и скульптура

---

[1]) Чехи, возставшіе подъ предводительствомъ Жижки, не имѣли другого оружія, кромѣ молотильныхъ цѣповъ.

[2]) Жижка.

[3]) Городъ въ южной Богеміи, мѣстопребываніе Жижки.

сдѣлались общимъ достояніемъ любого чеха, принадлежащаго даже къ низшему классу. Этому и Россія могла бы позавидовать, да еще какъ!... «Пѣсни раба», бичевавшія современниковъ за добровольную приниженность, культурную и политическую, привели къ благимъ результатамъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о жизни покойнаго писателя.

Святополкъ Чехъ родился въ Остредкѣ (въ Таборскомъ краю) въ 1846 г.; окончивъ гимназію, онъ поступилъ на юридическій факультетъ пражскаго университета и началъ писать, еще будучи студентомъ. Страсть къ литературѣ побѣдила всѣ другія склонности. Чехъ бросилъ адвокатуру, которой было занялся, сталъ сотрудничать въ журналѣ «Světozor» (1873—76 г.) и редактировалъ вмѣстѣ со своимъ другомъ С. Геллеромъ беллетристическій журналъ «Květy». Въ 1881 г. академія въ Мадридѣ присудила ему золотую медаль на конкурсѣ за лучшее стихотвореніе въ память 200-лѣтія со дня рожденія Кальдерона, которое было переведено на испанскій языкъ. Отъ званія члена чешской академіи, когда оно было ему предложено, поэтъ категорически отказался, даже не принялъ депутаціи, когда она явилась къ нему. Будемъ думать, что это была его обычная скромность, а не то смиреніе, о которомъ говорятъ, что оно «паче гордости». Не мѣшаетъ прибавить, что за выпускъ «Пѣсенъ раба» мѣстныя власти подняли гоненіе на автора, и ему даже пришлось покинуть Вѣну и бѣжать въ Италію.

Вернувшись изъ добровольной ссылки, онъ жилъ отшельникомъ въ пражской деревнѣ Троѣ, отклонилъ отъ себя званіе «гражданина города Праги» и наотрѣзъ отказался быть членомъ палаты господъ. Святополкъ Чехъ никому не продавалъ своей независимости, раздѣляя завѣтъ Пушкина, обращенный къ поэту:

«Ты—царь,—живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ».

Сочиненія Святополка Чеха переведены почти на всѣ европейскіе языки.

Имѣется немало переводовъ и на русскомъ, особенно въ прозѣ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЭПОХА РЕФОРМЪ[1].

(Историческіе очерки).

XIII.

Страстныя и негодующія рѣчи Герцена и Огарева падали на благопріятную почву: общественныя силы изъ мертвеннаго состоянія въ николаевскую эпоху пришли уже въ сильное броженіе за періодъ времени 1855—1860 года, а къ началу 1861 года, открывшемуся знаменательнымъ событіемъ освобожденія крестьянъ, они находились въ фазѣ открытаго кипѣнія, долженствующаго рано или поздно реализоваться моментами активной оппозиціи существующему порядку вещей и правительственному курсу. И тѣмъ болѣе, что послѣдній все менѣе и менѣе отвѣтствовалъ еще недавнимъ ожиданіямъ, вспыхнувшимъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Крестьянская реформа, неумѣло проведенная, съ значительными уступками въ пользу былого рабовладѣльческаго сословія, корыстно обидѣла однихъ, не удовлетворила другихъ и обозлила третьихъ. Самое крестьянство, довольное и счастливое пришедшей къ нему свободой личности, оставалось, однако, въ состояніи нѣкотораго недоумѣнія и смутнаго еще сознанія, что изъ кабалы соціальной оно, съ наступленіемъ эпохи воли, неминуемо попадаетъ въ еще, пожалуй, болѣе тяжкую кабалу—кабалу экономическую, которая въ самомъ недалекомъ будущемъ должна привести его жизнь въ полное разстройство и упадокъ, вслѣдъ за чѣмъ естественно имѣетъ наступить въ качествѣ неизбѣжной и логической послѣ-

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXI, стр. 622.

довательности, оскудѣніе и всей Россіи. Вслѣдъ за великимъ актомъ 19 февраля 1861 г., явившимся результатомъ личной воли царя и работы общественныхъ элементовъ, долженъ бы былъ наступить періодъ широкаго административнаго и государственнаго творчества съ характеромъ радикальнаго преобразованія всѣхъ основъ управленія. Требовался большой государственный размахъ, требовалось привлеченіе всѣхъ общественныхъ элементовъ къ совмѣстной творческой работѣ, дабы въ увлеченіи историческимъ моментомъ эти элементы лишены были почвы для какой-либо оппозиціонной и антиправительственной дѣятельности. Нужно было смѣлое и открытое принятіе одной изъ выработанныхъ предыдущими годами программъ—или славянофильской съ ея земско-народными принципами соборности, или западнической, если не ясно еще въ тѣ дни формулированной въ деталяхъ, то намѣченной еще въ конституціонныхъ программахъ декабристовъ. Въ своей извѣстной запискѣ, поданной Александру II при восшествіи на престолъ, Константинъ Аксаковъ, какъ бы предвидя тѣ черные дни, которые неминуемо скоро наступятъ въ нашемъ отечествѣ, такъ формулировалъ историческую задачу момента [1]):

1. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

2. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

3. Взамѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

4. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

5. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)-- неограниченная власть государственная, политическая; народу— полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это мнѣніе (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

6. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

7. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно, при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

8. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

9. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала), но

---

[1]) «Русь» 1881 г., изд. И. С. Аксакова.

были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо тотъ и другой гибельны, одинъ въ матеріальномъ и нравственномъ, другой—въ одномъ нравственномъ отношеніи.

10. Итакъ, нарушеніе со стороны правительства русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ— вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

11. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

12. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію,—оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства,—оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная—свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный, существенно-жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

13. Но какъ же это привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

14. Итакъ, свобода слова: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльна, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

15. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали въ важныхъ случаяхъ общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того земскіе соборы, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе только мнѣнія, которое государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго... вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ, практическое указаніе: что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее его состояніе.

Именно:

Полная свобода слова устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и земскій соборъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣніе страны.

Внутренній общій союзъ жизни... до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе полутора столѣтней деспотической системы правительства, что земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: въ

настоящую минуту, т. е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе—вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа земскій соборъ.

Эта записка была подана Александру II въ 1855 г. и, помимо своего назначенія—опредѣленнаго политическаго profession de foi, высказаннаго въ видѣ желаемой программы для основъ новаго государственнаго строительства, она являлась шагомъ предупрежденія и голосомъ предсказанія того, что дѣйствительно получило свое осуществленіе въ русской жизни. Западническая фракція, въ лицѣ Герцена, на первыхъ порахъ новаго царствованія устранилась отъ указаній и требованій политическаго характера и сосредоточила всю силу нападокъ и убѣжденій на вопросахъ этико-соціальнаго порядка, имѣя прежде и прежде всего въ виду крѣпостной вопросъ. Мы видѣли, какъ развернулись событія: программа общелиберальная (безъ различія ея политическихъ оттѣнковъ) была правительствомъ до извѣстной степени усвоена и въ извѣстныхъ ея частяхъ принята къ исполненію, но не въ цѣляхъ радикальнаго обновленія всего отечественнаго строя, а въ интересахъ постепеннаго залечиванія тѣхъ ранъ, которыя уже слишкомъ явно бросались въ глаза и давали себя болѣзненно чувствовать. Объ органическомъ обновленіи всего государственнаго механизма не было поставлено и вопроса, и прочность и цѣлесообразность существующаго порядка вещей не вызывали никакого сомнѣнія. Признана была только необходимость нѣкоторой замѣны однѣхъ служилыхъ рукъ другими, причемъ и эти-то послѣднія руки должны были быть привлечены не изъ общественныхъ сферъ и классовъ, а изъ все той же испытанной бюрократической среды. Что касается частичнаго осуществленія либеральной программы, почти цѣликомъ вышедшей изъ западническаго лагеря, то и въ этомъ отношеніи правительство не считало нужнымъ торопиться и еще менѣе дѣлиться своими намѣреніями по сему предмету съ взволнованными и нетерпѣливыми элементами общественности. Все замышлялось, намѣчалось и творилось въ тиши бюрократическихъ канцелярій, и только въ 1862 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ по указанію государственной канцеляріи счелъ необходимымъ повѣстить населеніе въ основанной имъ къ тому времени офиціозной газетѣ «Сѣверная Почта» о намѣчаемой къ осуществленію правительственной программѣ реформъ. Но это случилось лишь въ 1862 г., чреватый же послѣдствіями 1861 г. оставался совершенно не освѣщеннымъ административнымъ фонаремъ, а

именно въ этотъ-то періодъ и окрѣпла, развернулась и фактически начала выполняться та сторона опасности, на которую пророчески указалъ вождь славянофильства.

XIV.

Тотъ земскій соборъ, который въ туманномъ абрисѣ и общихъ чертахъ выставлялъ Аксаковъ, какъ средство врачеванья всѣхъ нашихъ историческихъ недуговъ, не могъ привлечь къ себѣ благосклоннаго вниманія полунѣмецкаго нашего правительства, не умѣвшаго распознать его идейнаго смысла и приписывавшаго ему значеніе конституціоннаго порядка, гдѣ, во-первыхъ, кладется предѣлъ бюрократическому произволу и, во-вторыхъ, ограниченіе верховнымъ правамъ самодержца. Пожалуй, о послѣднемъ, въ связи съ тѣми теченіями, которыя выяснились среди дворянскихъ организацій въ 1862 г., заботы было менѣе, но первое преисполняло сердца страхомъ, а потому, какъ и въ предыдущую эпоху, противъ славянофиловъ мы наблюдаемъ слишкомъ явное нерасположеніе и предубѣжденіе, несмотря на вѣрноподданнѣйшій характеръ исповѣданія ихъ политической вѣры. А вмѣстѣ съ тѣмъ теперь, на протяженіи полувѣка, мы должны признать, что никто изъ представителей нашей общественности не попадалъ въ тѣ дни такъ мѣтко и дальновидно въ цѣль, какъ Константинъ Аксаковъ. Сдѣлай дѣйствительно правительство Александра II попытку созыва народныхъ представителей въ моментъ освобожденія крестьянъ или сейчасъ вслѣдъ за нимъ, объяви даже только свое намѣреніе въ этомъ отношеніи во всеуслышаніе, и лѣтопись отечественной жизни, можно навѣрное сказать, освободилась бы отъ тѣхъ печальныхъ страницъ, гдѣ обозначены нынѣ и каракозовскій выстрѣлъ 1866 г., и 1-е марта 1881 года, и тѣ многочисленныя кровавыя событія, которыми полна наша жизнь до нашихъ дней включительно. Но голосъ великаго патріота услышанъ не былъ, и событія развернулись именно въ той послѣдовательности, неминуемость которой онъ предсказалъ: «впереди... деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искорененіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь». Правительство, давъ свободу крестьянамъ, не дало никакой свободы обществу, и послѣднее бросилось на добываніе ея насильственнымъ путемъ, опредѣлило, частью ко[венно], частью непосредственно, революціонные методы борь[бы] и къ исходу 1905 года поставило опредѣленное требованіе ко[н]ституціи, на каковое требованіе правительство и отвѣтило акто[мъ]

17 октября 1905 года со всѣми вытекающими изъ него нынѣ послѣдствіями. Весь ходъ этихъ событій и промежуточныхъ историческихъ моментовъ могъ быть легко предупрежденъ, но, повторяемъ, для того требовалось наличіе крупнаго государственнаго творчества, широкаго политическаго размаха, а ихъ-то у окружающихъ Александра II лицъ совершенно не хватало. У самого же Царя-Освободителя хватило энергіи лишь на смѣлый подъемъ крѣпостного вопроса, а послѣдующія реформы протекли при уже нѣсколько вяломъ и усталомъ его настроеніи. Онъ какъ бы разочаровался въ русскомъ обществѣ, въ русской жизни, а тутъ наступили, быстро слѣдуя другъ за другомъ, трагическіе моменты его личной жизни. Государь сдѣлался объектомъ самой страшной травли, которую когда-либо видѣла исторія вѣнценосцевъ, когда каждый день его жизни дышалъ на него ужасомъ кровавой смерти, когда на очередь гибели была поставлена не только личность его самого, но его семьи, его сотрудниковъ, его близкихъ. И прелюдія къ этому ужасному наступившему въ русской жизни историческому періоду начала разыгрываться именно въ 1861 г., почти вслѣдъ за обнародованіемъ акта 19 февраля и раздавшимися въ Казанской губ. выстрѣлами по беззащитной крестьянской толпѣ. Вотъ почему на этомъ 1861 годѣ, какъ равно и на слѣдующемъ 1862 году мы должны остановиться нѣсколько подробнѣй. Въ эти годы обозначилось и опредѣлилось въ значительной мѣрѣ то, что получило свое реальное осуществленіе послѣ каракозовскаго выстрѣла въ 1866 г., который, будучи дѣйствіемъ единоличнымъ и внѣ рѣшенья какой-либо партіи, явился, однако, громкимъ сигналомъ для начала послѣдующихъ революціонныхъ выступленій и террористическихъ актовъ, получившихъ характеръ систематически проводимой программы въ слѣдующемъ десятилѣтіи.

Мы отмѣтили въ предыдущихъ главахъ, при какомъ общественномъ настроеніи протекла крестьянская реформа, и, со словъ князя Мещерскаго, обрисовали душевное настроеніе въ день 19 февраля самого государя императора, а также зарегистрировали въ рядъ описываемыхъ событій, что имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ и что вызвало взрывъ негодованія руководителей «Колокола».

Какъ уже сказано выше, ни у самого Александра II, ни у его совѣтчиковъ и сотрудниковъ не возникало и мысли о необходимости радикальнаго преобразованія всего государственнаго строя, но насущность нѣкоторыхъ перемѣнъ въ составѣ руководителей нашей внутренней политики и педагогической системы была дѣломъ рѣшеннымъ. И вотъ вскорѣ послѣ 19 февраля на постъ министра народнаго просвѣщенія, вмѣсто подавшаго въ отставку Е. Ковалевскаго, былъ назначенъ адмиралъ Путятинъ, а на постъ министра внутреннихъ дѣлъ бывшій сотрудникъ Муравьева, статсъ-

секретарь П. А. Валуевъ. Выборъ Путятина мотивировался желаніемъ подтянуть молодежь и внести въ строй высшихъ учебныхъ заведеній начало дисциплины. Что же касается назначенія Валуева, то таковое, несомнѣнно, было сдѣлано подъ давленіемъ консервативной группы высшей бюрократіи, самого Муравьева и «какъ желаніе государя—по словамъ біографа Александра II [1])—въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже отчасти пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи». Что таково именно было значеніе состоявшейся министерской перемѣны,—говоритъ Татищевъ—«подтверждалось и одновременнымъ удаленіемъ Николая Милютина съ должности товарища министра, хотя съ производствомъ въ сенаторы, но и съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ. Дѣятельнѣйшіе изъ сотрудниковъ Милютина въ средѣ редакціонныхъ комиссій, Самаринъ и князь Черкасскій, тогда же оставили Петербургъ и въ качествѣ мировыхъ посредниковъ занялись примѣненіемъ къ дѣлу на мѣстѣ выработанныхъ ими законоположеній. Изъ участниковъ ихъ вліятельнаго кружка остался во главѣ земскаго отдѣла одинъ Соловьевъ, но и тотъ ненадолго. Валуевъ приступилъ къ отправленію новыхъ своихъ обязанностей «мягко и уклончиво»—говорили его политическіе противники, въ дѣйствительности же съ такою программою: строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеніе 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ».

Валуевъ сыгралъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ значительную роль, о коей еще придется говорить, а потому пока остановимся на его личности, какъ обрисовываетъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ хорошо знавшій его князь Мещерскій, которому, какъ историку той эпохи, нельзя отказать въ сочности красокъ и рельефности контуровъ выведенныхъ имъ портретовъ.

«Валуевъ былъ интересный типъ своей эпохи,—говоритъ князь Мещерскій [2]).—Я впервые съ такимъ типомъ встрѣчался, и долженъ сказать, что послѣ повторенья этого типа никогда не встрѣчалъ поднесь... Онъ былъ, несомнѣнно, и образованный, и начитанный, и до извѣстной степени въ умственномъ отношеніи импозантный или представительный человѣкъ. Таково было первое впечатлѣніе; но потомъ, при сближеніи съ нимъ, онъ производилъ странное впечатлѣніе тѣмъ, что казался обожателемъ музыки словосочетанія, и этотъ культъ фразы звонкой и громкой ставилъ выше

---

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», С. С. Татищева, томъ I.

[2]) «Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», ч. I (1850—1865 гг.).

всѣхъ остальныхъ къ нему предъявлявшихся ожиданій и требованій. Рядомъ съ этимъ онъ представлялъ въ отношеніи характера и всей его духовной личности изумительное спокойствіе, спокойствіе безъ пристрастія и какъ будто равнодушіе къ убѣжденіямъ... Онъ не зналъ, что значитъ что-нибудь принимать къ сердцу; и такимъ квіетистомъ онъ былъ въ семейной и частной жизни. Физіономія спокойная, безстрастная, скорѣе добрая, чѣмъ равнодушная, мягкая и привѣтливая, съ тонкими, красивыми губами, всегда наготовѣ говорить—физіономія эта никогда не измѣнялась. Злость, негодованіе, ненависть, радость, восторгъ, нѣжность—всѣ эти элементы духовной жизни никогда не находили отраженія или выраженія на лицѣ Валуева; барометръ у него какъ будто стоялъ постоянно на ясной погодѣ, beau fixe, и вотъ именно это въ постоянныхъ отношеніяхъ производило извѣстное тягостное впечатлѣніе. Душа возмущалась отъ этого постояннаго maestoso moderato, какъ отзвукъ человѣка, и такъ и рвалась крикнуть: да выйдите хоть разъ изъ себя, да разсердитесь же.

«Такое же странное впечатлѣніе производилъ Валуевъ относительно мыслей. Его умъ не зналъ простой мысли, какъ не зналъ онъ тоже простого силлогизма, какъ не зналъ онъ простого разрѣшенія мыслію вопроса... Валуевъ, какъ членъ государственнаго совѣта, какъ посолъ, какъ предсѣдатель какого-либо важнаго учрежденія, могъ удовлетворить главнымъ требованіямъ, будучи образованнымъ человѣкомъ, будучи спокойнымъ собесѣдникомъ, будучи внимательнымъ слушателемъ; но администраторомъ, призваннымъ постоянно брать иниціативу вопросовъ и постоянно напрягать умъ къ рожденію ихъ, Валуевъ никогда не могъ быть.

«Но такова была... игра судьбы. Изъ Ростовцева, никогда не видавшаго вблизи ни мужика, ни деревни, она сдѣлала главнаго дѣятеля крестьянской реформы; изъ Замятина, выбраннаго Панинымъ въ товарищи изъ-за роста, она сдѣлала судебнаго реформатора; Валуеву она поручила вести крестьянское дѣло, вводить земскую реформу. Затрудненія въ предстоящемъ ему дѣлѣ для Валуева заключались въ томъ, что онъ очень мало зналъ Россію, въ ея внутренней жизни. Онъ былъ губернаторомъ въ Остзейскомъ краѣ, и только тамъ познакомился съ пружинами губернской жизни, а между тѣмъ Остзейскій край въ то время мало походилъ на русскій край. Но, при всемъ томъ, Валуевъ былъ, какъ начальникъ, весьма почтенный и симпатичный человѣкъ. Помпезный въ рѣчи, онъ былъ въ обращеніи простъ и доступенъ; онъ уважалъ свободу мнѣнія и чужія убѣжденія, онъ со всѣми всегда былъ джентльменомъ, былъ безусловно честнымъ человѣкомъ и не зналъ, что значитъ придворное холопство.

«Впрочемъ, чтобы оставаться честнымъ и добросовѣстнымъ лѣтописцемъ того времени, я долженъ сказать, припоминая время и отношеніе къ его задачамъ тогдашнихъ людей, что назначеніе

Валуева и его личность имѣли свой историческій смыслъ. Разумѣется, государственный человѣкъ, ближе знавшій Россію, съ твердою и ясною программою, съ цѣльнымъ характеромъ и съ желѣзною энергіею, былъ бы гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ въ то время, чѣмъ Валуевъ... Но въ то время, когда кругомъ все кипѣло какимъ-то озлобленіемъ къ дворянству и какимъ-то нетерпѣливымъ и лихорадочнымъ стремленіемъ ко всему новому, очень была серьезная опасность для государства отъ назначенія на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ какого-нибудь молодого генія, по внушенію или Михайловскаго, или Мраморнаго дворца [1]), который повелъ бы министерство внутреннихъ дѣлъ въ духѣ либерализма tambour battant. Выборъ, павшій на Валуева, выборъ самого государя, который успѣлъ съ нимъ познакомиться, какъ съ докладчикомъ по комитету министровъ, и за котораго былъ такой вѣскій голосъ, какъ М. Н. Муравьева, его недавняго начальника, выборъ этотъ, говорю я, былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что онъ поставилъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ того времени призваннаго стать въ первенствующую въ ряду министровъ роль, человѣка внѣ партій, человѣка спокойнаго и хладнокровнаго, человѣка безусловнаго преданнаго Государю и слишкомъ образованнаго и джентльмена, чтобы симпатизировать начинавшимъ зарождаться Базаровымъ, какъ кандидатамъ для государственныхъ должностей.

«На русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое имѣетъ смыслъ при оцѣнкѣ людей; это французское слово: comme il faut. Валуевъ былъ типомъ этого comme il faut, и потому именно, что онъ имъ былъ, онъ никогда не могъ восхищаться черными ногтями и нечесанными волосами, какъ признаками новыхъ политическихъ убѣжденій. И я нисколько не преувеличиваю, нисколько не грѣшу даже противъ оттѣнковъ истины, если, отдавая себѣ отчетъ въ личности Валуева въ то время, я именно эту личность со всѣми ея недостатками признаю въ отрицательномъ смыслѣ полезною, какъ причину, почему многое, что при какомъ-нибудь князѣ Черкасскомъ, напримѣръ, могло прямо привести Россію къ соціальной революціи, при Валуевѣ и благодаря ему шло съ горы заторможеннымъ. Валуевъ явился невольнымъ тормазомъ. Его сладкозвучная фраза получила свою историческую роль».

XV.

Въ приведенной выдержкѣ изъ «воспоминаній» князя Мещерскаго имѣются важныя указанія касательно устанавливавшагося въ тотъ періодъ общаго политическаго курса: 1) правительство

---

[1]) Т. е. по внушенію великой княгини Елены Павловны или великаго князя Константина Николаевича.

считаетъ необходимымъ искать поддержки въ дворянствѣ и желаетъ такою политикою компенсировать его за причиненныя ему эмансипаціей огорченія—политическія, нравственныя и матеріальныя; 2) вліянію либеральныхъ круговъ, не исключая отсюда вліянія Михайловскаго и Мраморнаго дворцовъ, кладется конецъ; 3) на сцену государственнаго дѣйствія выдвигаются элементы консервативные съ назначеніемъ для нихъ быть тормазомъ прогрессивныхъ общественныхъ теченій; 4) министерству внутреннихъ дѣлъ отводится главное вліяніе въ дѣлѣ государственнаго управленія; 5) въ обществѣ народился уже типъ нигилиста, какъ предтечи революціи, угрожающаго общественному спокойствію.

Наступленіе эры «дворянской политики», хотя и далеко не въ столь конкретныхъ формахъ и реальныхъ проявленіяхъ, какъ то имѣло мѣсто въ восьмидесятыхъ годахъ слѣдующаго царствованія, усматривается не только въ назначеніи П. А. Валуева, но и въ тѣхъ нѣкоторыхъ рѣчахъ, которыя государь счелъ долгомъ произнести представлявшимся ему депутаціямъ дворянъ и крестьянъ во время своего лѣтняго путешествія въ Россіи въ томъ же 1861 году. Такъ, въ Тулѣ Александръ II сказалъ, обращаясь къ помѣстному дворянству: «Господа, я изъявилъ благодарность дворянству въ манифестѣ за то добровольное пожертвованіе, которое оно принесло и которымъ пособило мнѣ, съ Божьею помощью, совершить великое дѣло; теперь снова повторяю эту благодарность. Прежнія отношенія ваши къ крестьянамъ прекращены, къ нимъ возвратиться болѣе нельзя; но то положеніе, которое мною установлено взамѣнъ стараго порядка, должно приводиться въ исполненіе добросовѣстно, къ упроченію быта владѣльцевъ и крестьянъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете; надѣюсь, что дворянство и въ этомъ дѣлѣ выкажетъ себя такимъ же, какимъ оно было всегда, то есть точнымъ исполнителемъ воли государевой». Обратившись къ волостнымъ старшинамъ, государь по поводу слуховъ, обильно ходившихъ въ то время, что настоящая царская воля подмѣнена дворянами, попами и администраціей волей помѣщичьей, строго сказалъ: «Ко мнѣ доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ. Исполняйте, чего требуетъ законъ и положеніе! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ».

Что касается новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то въ первый годъ своего назначенія онъ слабо проявляетъ начала своей самостоятельной политики и, повидимому, еще не твердо остановился на курсѣ, который ему предстояло взять. Единственное орудіе, которое онъ выдвигаетъ, по собственной иниціативѣ, въ своей борьбѣ съ кипѣвшей страстями общественностью, это орудіе воздѣйствія печатнымъ словомъ, въ каковыхъ цѣляхъ въ концѣ 1861 г., когда

многія явленія революціонной дѣйствительности уже обозначились и опредѣлились, основываетъ офиціозную газету «Сѣверная Почта», редакцію которой онъ поручаетъ профессору и либеральному цензору А. В. Никитенкѣ.

Въ «Дневникѣ» послѣдняго подъ 28 октября записано[1]): «Послѣ обѣда я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ предложилъ мнѣ быть редакторомъ газеты, которую министерство рѣшило издавать съ новаго года. Я высказалъ ему свое мнѣніе, что газета должна, прежде всего, имѣть свой опредѣленный характеръ, должна выражать какое-нибудь направленіе. А направленіе это, я полагаю, не можетъ быть иное, какъ умѣренно-либеральное. Если я возьму на себя редакцію газеты, буду ли я въ состояніи поддерживать это направленіе въ видахъ самого правительства? Министръ отвѣчалъ, что тутъ надо будетъ дѣйствовать осторожно. «Вы знаете, — прибавилъ онъ,—что само правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ». Подъ 18 ноября: «Докладъ министру внутреннихъ дѣлъ о газетѣ. Разрѣшены нѣкоторые вопросы. Главное, мнѣ хотѣлось еще объясниться насчетъ направленія. Я рѣшительно и опредѣлительно высказалъ мои мысли относительно правдивости. Мнѣ сказано, что это быть иначе не можетъ, и дано торжественное увѣреніе, что министерство ничего противнаго этому не потребуетъ. Я замѣтилъ, что, «кромѣ убѣжденій вашего высокопревосходительства и моихъ, того требуетъ и выгода самого дѣла». На слѣдующій 1862 годъ Никитенко заноситъ въ «Дневникъ» 5 февраля: «Непріятное, о, какое непріятное дѣло! Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ губернаторамъ, чтобы тѣ, посредствомъ полиціи, заставляли подписываться на «Сѣверную Почту», такъ какъ эта газета правительственная и должна противодѣйствовать русской прессѣ! Такъ сказано въ циркулярѣ. Это меня глубоко огорчило. Надо принять противъ этого мѣры». 6 февраля: «Я прочиталъ сегодня двумъ моимъ главнымъ сотрудникамъ, Ржевскому и Арсеньеву, проектъ моего письма къ министру съ изложеніемъ нашего протеста противъ принудительной подписки на газету и особенно противъ того, какъ въ его циркулярахъ мотивированы эти нелѣпыя мѣры. Они безъ малѣйшаго колебанія согласились подписать мое письмо. Завтра оно будетъ отправлено по назначенію». 7 февраля: «Отправилъ письмо къ Валуеву съ подписями: моею, Ржевскаго и Арсеньева. Письмо, мнѣ кажется, написано убѣдительно и сильно. По крайней мѣрѣ, я не стѣснялся. Письмо было отправлено около четырехъ часовъ, а отвѣтъ я получилъ въ шесть. Отвѣтъ показываетъ, что министръ почувствовалъ непри-

---

[1]) А. В. Никитенко. «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». «Записки и дневникъ» 1804—1811 г.

личіе своего поступка, но, какъ поправить его трудно, то онъ кое-какъ изворачивается. Впрочемъ, онъ обѣщается дать циркуляру поясненіе, благопріятное для нашихъ идей».

Такимъ образомъ, въ теченіе 1861 г. политика новаго министра внутреннихъ дѣлъ далеко еще не опредѣлилась и носила на себѣ туманные абрисы: съ одной стороны, онъ склоняется къ «умѣренно-либеральному» курсу, обѣщаетъ «правдивость», а рядомъ съ этимъ открыто беретъ на себя борьбу съ крайностями общественнаго мнѣнія, въ видахъ чего уже къ марту 1862 г. сосредоточиваетъ въ своемъ вѣдѣніи цензурное вѣдомство и становится на путь репрессій по отношенію печати и выдвигаетъ на первую очередь систему строго-карательную. Но если въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ мы наблюдаемъ программу нерѣшительности, колебанія и неопредѣленности, то иная картина намъ нарисуется, когда мы хоть вкратцѣ ознакомимся, что дѣлалось въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, которому въ тотъ годъ на долю выпала трудная задача организаціи жизни и упорядоченія теченія научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По настоящему предмету «Дневникъ» Никитенки даетъ богатый матеріалъ, позволяющій слѣдить за ходомъ дѣлъ въ этомъ министерствѣ чуть-ли не по днямъ и часамъ.

Волненія въ нашихъ университетахъ и явное въ нихъ броженіе, не носившее на себѣ на первыхъ порахъ, однако, явно-политическаго характера, начали проявляться еще съ 1857 г., но по чисто домашнимъ, такъ сказать, случаямъ и предлогамъ. Съ теченіемъ времени и особенно съ 1861 г. эти волненія принимаютъ очень широкіе размѣры, принимаютъ характеръ политическій, вливаются въ общія явленія оппозиціоннаго характера того времени, вызываютъ серьезныя опасенія правительства и являются для него предметомъ особенной заботы и напряженнаго вниманія. Рядомъ съ нѣкоторыми явленіями изъ жизни нашей литературы, легальной и нелегальной, вопросъ о молодежи, объ университетахъ, можно сказать, заслонилъ собою всѣ прочія стороны нашей внутренней жизни и, въ связи съ польскимъ политическимъ броженіемъ, обнаружившимся въ Варшавѣ, ослабилъ даже до нѣкоторой степени интересъ къ дѣлу эмансипаціи и къ тому, какъ она протекала, составивъ настоящую злобу 1861 года.

Безпорядки въ университетахъ послужили предметомъ особаго обсужденія въ совѣтѣ министровъ весною 1861 г., причемъ многіе голоса здѣсь раздались въ пользу повсемѣстнаго закрытія университетовъ, впредь до ихъ реформы. Съ такого рода мнѣніемъ не соглашался тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, какъ не соглашался съ этимъ и самъ Александръ II. Тѣмъ не менѣе Ковалевскій подалъ въ отставку, и на его мѣсто, не безъ содѣйствія московскаго митрополита Филарета, былъ назначенъ

адмиралъ Путятинъ, въ качествѣ человѣка, отличавшагося особенною набожностью. Противъ такого назначенія протестовалъ, по слухамъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, по званію генералъ-адмирала знавшій способности и характеръ своего подчиненнаго. Ходъ событій въ «Дневникѣ» Никитенки изложенъ такъ: Апрѣля 15-го: «Въ четвергъ въ совѣтѣ министровъ происходили пренія объ университетахъ, министръ нашъ встрѣтилъ страшныя нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ сослался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку министра о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ. Вотъ и дождался Евграфъ Петровичъ! Графъ Строгановъ, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ: «Что сдѣлали бы вы, если бы какой-нибудь профессоръ въ вашемъ присутствіи началъ бы читать лекцію о конституціи въ Россіи?» 25-го: «Безконечные толки о кризисѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ всѣ видятъ торжество реакціонной партіи, и Ковалевскій мало-по-малу выростаетъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не только оскорбленъ, но и озлобленъ. Я, однако, полагаю, что онъ не совсѣмъ правъ. Ему давно и серьезно слѣдовало бы подумать объ университетскихъ безпорядкахъ. Теперь же, когда для разсмотрѣнія его предложеній назначенъ тріумвиратъ, ему, конечно, ничего болѣе не остается, какъ выйти въ отставку. Ковалевскій человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно, по настоящимъ временамъ, смѣлаго и обширнаго ума. Но все-таки онъ уменъ, а главное честенъ — и это уже много. Прочіе не такъ умны, а о добросовѣстности уже и говорить нечего. Каково, однако, положеніе государя: не имѣть возможности положиться ни на умъ, ни на честность окружающихъ его».

Постъ министра послѣдовательно предлагали графу Строганову, Литке, М. Корфу, но въ концѣ концовъ рѣшительный выборъ остановился на графѣ Путятинѣ, при которомъ и разыгрались главные студенческіе безпорядки 1861 г. и про котораго Валуевъ говорилъ, что это—«человѣкъ ограниченный, неспособный возвыситься до извѣстныхъ понятій и осилить своего положенія». По случаю отставки Ковалевскаго Никитенко писалъ въ «Дневникѣ» (19 мая): «Ковалевскаго всѣ восхваляютъ за то, что онъ оставляетъ министерство съ такимъ блескомъ, поддержавъ въ совѣтѣ министровъ принципъ прогресса и пр. Я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе. На меня это производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ пожертвовалъ государемъ за добрую молву, за лестный отзывъ со сторон людей извѣстнаго лагеря. Слѣдовало ли ему въ такую серьезну минуту покидать добраго, честнаго, благонамѣреннаго государя

вся вина котораго въ томъ, что вокругъ него нѣтъ людей достойныхъ. Но, возражаютъ мнѣ, что же было дѣлать Ковалевскому, если государь не приглашалъ его остаться и, видимо, склонялся на сторону противной партіи? Такъ, но Ковалевскій еще раньше, послѣ Аксаковскаго дѣла, самъ оттолкнулъ его отъ себя. Да и въ университетскомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ, по меньшей мѣрѣ, нерадиво. Университеты уже года три, видимо, падали въ экономическомъ, учебномъ и нравственномъ отношеніи. Предпринялъ ли Ковалевскій что-нибудь для ихъ улучшенія? Ковалевскій точно боялся приняться за это дѣло, какъ бы изъ боязни нареканій, что онъ противится либеральному движенію, если бы ему пришлось прибѣгнуть къ какой-нибудь ограничительной мѣрѣ въ отношеніи студентовъ. Онъ, если можно такъ сказать, поставилъ себя въ положеніе нейтральное, заботясь только о томъ, чтобы въ публикѣ его бездѣйствіе не было приписано его винѣ. Не знаю, но, на мой взглядъ, онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ государственный человѣкъ, который долженъ бороться съ трудностями, ожидающій благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее. Теперь онъ попалъ въ мученики за правое дѣло. Но что скажетъ объ этомъ будущее?...»

XVI.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ сразу же сталъ сторониться тѣхъ изъ дѣятелей вѣдомства, въ коихъ усматривалъ начала либерализма, и искалъ себѣ опоры въ элементахъ консервативной бюрократіи. По словамъ Никитенки, у него бродили странныя идеи, напримѣръ: «что преподаваніе въ нашихъ училищахъ надо подчинить духовенству; что въ университетахъ слѣдуетъ отдѣлить вольнослушателей отъ студентовъ... онъ думаетъ, что министерство должно опираться не на идеи и разумъ государственный, а на бюрократію... онъ въ нынѣшнемъ движеніи умовъ видитъ только пошлый либерализмъ, а не видитъ въ немъ настоящихъ потребностей народа и времени, и что онъ хочетъ стать въ упоръ этому движенію». Вотъ съ такими-то взглядами на положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ и съ такою программою вступилъ графъ Путятинъ въ отправленіе своихъ обязанностей и, конечно, задача управленія пришедшимъ въ полное разстройство вѣдомствомъ оказалась ему не по плечу, и къ концу года онъ, что называется, окончательно сгорѣлъ, оставивъ по себѣ память въ исторіи нашей общественности рядомъ неудачныхъ мѣропріятій, результатомъ которыхъ были волненія во всѣхъ университетахъ и въ особенности петербургскомъ, гдѣ настроеніе учащейся молодежи сказалось очень бурно и характерно.

Исторія въ петербургскомъ университетѣ 1861 г. находится въ тѣсной связи съ общимъ движеніемъ, охватившимъ въ тотъ періодъ все русское общество, во всѣхъ его интеллигентныхъ пластахъ, и является типичнымъ барометрическимъ показателемъ его настроенія, его чаяній и порывовъ. Эта исторія нашла себѣ откликъ по всей тогдашней Россіи, гулко отозвалась на берегахъ Темзы, въ редакціи «Колокола» и выдѣлила изъ стѣнъ университета въ общественную среду немало будущихъ дѣятелей, какъ носителей активной оппозиціи и борцовъ за освободительныя начала. Нѣтъ надобности слѣдить за развитіемъ студенческой исторіи во всѣхъ ея деталяхъ—университетскія событія общеизвѣстны и на страницахъ «Историческаго Вѣстника» они находили себѣ не разъ уже то или иное упоминаніе и изображеніе. Для насъ важно въ настоящемъ случаѣ представить психологическую сторону дѣла, поскольку оно отражало на себѣ развитіе тогдашнихъ либеральныхъ идей и съ своей стороны придало этому развитію особый свѣтъ и оттѣнокъ. Поэтому разсматривать студенческую исторію 1861 г. внѣ связи съ явленіями тогдашней общественной жизни не представляется возможнымъ, въ видахъ чего мы и остановимся прежде всего на посильномъ изображеніи этихъ явленій, поскольку именно они выражали собой значеніе переживаемой эпохи, ея смыслъ и задачи.

Свидѣтель той эпохи, ея дѣятельный участникъ, извѣстный публицистъ Н. В. Шелгуновъ даетъ слѣдующую ей обрисовку въ своихъ воспоминаніяхъ «Изъ прошлаго къ настоящему» [1]). «До 1860 года общественное вниманіе было занято освобожденіемъ крестьянъ,—повѣствуетъ онъ:—теперь же, когда всѣ основанія освобожденія опредѣлились, и шла редакціонная работа положенія 19 февраля, у общества явился досугъ подумать и о другомъ. Поэтому съ 1860 г. начинается какъ бы иной «періодъ» въ работѣ общественной мысли. Работа эта не представляла особенной трудности, потому что ея программа была очень проста и заключалась всего въ одномъ словѣ «свобода». Внизу освобождались крестьяне отъ крѣпостного права, вверху освобождалась интеллигенція отъ служилаго государства и отъ старыхъ московскихъ понятій. И болѣе великаго момента, какъ этотъ переходъ отъ идеи крѣпостного и служилаго государства къ идеѣ государства свободнаго,—въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ. Мы, современники этого перелома, стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что-нибудь великое или невеликое. Мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать, единоличная, потом.

---

[1]) Сочиненія Н. В. Шелгунова, изд. 3-е, т. II.

что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и для себя, но именно отъ этого общественное движеніе оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникала повсюду, и совершалось дѣйствительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили въ отставку, чтобы завести лавочку или магазинъ бѣлья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ... Освободительный порывъ только и поддерживался общественно-гуманными идеалами, только они создали всѣ реформы, и только благодаря освободительнымъ, гуманнымъ идеаламъ Россія шестидесятыхъ годовъ выдвинула такую массу замѣчательныхъ людей въ литературѣ, въ журналистикѣ, въ художествѣ, въ музыкѣ, на общественномъ поприщѣ и въ сферѣ государственнаго преобразованія. Въ короткій періодъ трехъ-четырехъ лѣтъ обществу была дана такая масса идей, понятій и знаній, большая часть которыхъ до сихъ поръ не дождалась практическаго осуществленія. Къ этому же времени принадлежитъ первая попытка женщинъ къ высшему образованію... Былъ поднятъ даже вопросъ о вольномъ университетѣ. Однимъ словомъ, общество напрягло всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной иниціативы на себя. И правительство (по крайней мѣрѣ вначалѣ) не видѣло въ этомъ ничего несогласнаго съ его желаніемъ. Правительство сознавало, что при новыхъ усложненныхъ требованіяхъ болѣе развитой жизни продолжать старую систему казеннаго управленія у него недостаетъ силъ, и оно стало продавать или закрывать казенные фабрики и заводы, поощряло и поддерживало акціонерныя предпріятія, создало Русское общество пароходства и торговли, открыло возможность учрежденія частныхъ банковъ, передало постройки желѣзныхъ дорогъ частнымъ предпринимателямъ. Однимъ словомъ, реакція противъ прежняго всепоглощающаго государственнаго вмѣшательства и казеннаго руководительства была не только всеобщей, но и легла въ основу общественно-экономическихъ реформъ и всей системы государственнаго хозяйства прошедшаго царствованія. Но и въ то время, богатое людьми смѣлыми, энергическими, рѣшительными, людей почина было не особенно много». Отмѣтивъ взаимодѣйствіе и взаимовліяніе печати и общества, о чемъ мы еще будемъ говорить нѣсколько далѣе, Шелгуновъ останавливается на той сторонѣ тогдашней жизни, которая обнимала собою семейный вопросъ, — отношенія между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, и приходитъ къ выводу, что «съ шестидесятыхъ годовъ семейныя отношенія испытали полную революцію: все стало въ нихъ гуманнѣе, порядочнѣе, чище, главное—правдивѣе. Правдивость, искренность и свобода сдѣлали русскую семью ровнѣе, ближе, счастливѣе и создали ей внутренній миръ, какого она прежде не знала. Такой сравнительно

полный успѣхъ получился, нужно думать, оттого, что семейный переворотъ, предоставленный собственнымъ силамъ общества не испытывалъ внѣшняго вмѣшательства. Никакой доморощенный химикъ не стоялъ надъ нимъ, чтобы руководить броженіемъ или чтобы закрыть крышку котла, когда это показалось бы нужнымъ химику. Котелъ работалъ свободно и до сихъ поръ продолжаетъ еще свою нескончаемую работу. Старая и вѣчно новая исторія стремленія человѣка къ личному счастью!»

Въ этомъ вешнемъ бурленіи общественныхъ силъ, гдѣ переоцѣнивались всѣ старыя цѣнности, гдѣ ребромъ ставились вопросы о счастіи общественномъ и личномъ, о благѣ соціальномъ и индивидуальномъ, руководящую роль играла литература, и тогдашній представитель печатнаго слова являлся настоящимъ «учителемъ жизни», который, почерпая изъ нея мотивы и сюжеты и перерабатывая ихъ въ лабораторіи личнаго творчества и своего научнаго знанія, давалъ ей тонъ и направленіе. Никогда въ исторіи нашего общественнаго развитія взаимодѣйствіе литературы и жизни не было такъ сильно, какъ именно въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, несмотря даже на то, что предѣлы литературной работы были очень узки, что многія стороны дѣйствительности были изъяты изъ круга ея сужденій, и надъ ней продолжала тяготѣть карательная рука цензора, хотя нѣсколько и растерявшагося, но все же далеко немилостиваго и не ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ строгими рамками законности.

Характеризуя общими и нѣсколькими грубыми чертами обликъ литературы шестидесятыхъ годовъ, покойный критикъ, такъ рано сошедшій въ могилу, Евг. Соловьевъ (Андреевичъ) въ своей книгѣ «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка» говоритъ: «При переходѣ отъ литературы 40-хъ годовъ къ литературѣ 60-хъ вы чувствуете разницу въ тонѣ, идеяхъ, настроеніяхъ, что если бы не звено — Бѣлинскій, такъ странно соединившій въ себѣ барина и разночинца, эстетика и поклонника пользы, — вы бы сказали, что имѣете дѣло съ литературой другого народа. Однако эта литература только другого класса общества. Идеалистъ и теоретикъ-баринъ 40-хъ годовъ уступилъ мѣсто интеллигенту-разночинцу. Отвлеченная этика, стержнемъ которой была идея личнаго самосовершенствованія, уступила мѣсто этикѣ утилитарной. Красота была отодвинута на второй планъ — пользой, вопросы отвлеченно-философскіе уступили мѣсто чисто практическимъ и т. д. Призванный къ жизни разночинецъ задавалъ тонъ всему, и больше — онъ дѣйствительно былъ руководителемъ эпохи. Онъ внесъ въ свою работу свою философію, свое міровоззрѣніе, въ свои взгляды — совершенно понятное нетерпѣливое желаніе овладѣть жизнью и ея благами — наукой, искусствомъ, обезпеченностью (для себя и другихъ, конечно), которыя еще наканунѣ казались ему чѣмъ-то не

достижимымъ. Онъ внесъ и раздраженіе противъ вчерашнихъ господъ, передъ которыми онъ долженъ былъ такъ долго молчать. Его любовь къ обездоленному и униженному собрату была равносильна его ненависти къ тому, кто обездоливалъ, развращалъ и унижалъ. Часто онъ просто мстилъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что врагъ, хотя и сбитый съ позиціи, все еще живъ и надѣется рано или поздно восторжествовать. И онъ торопился въ своихъ презрительныхъ и, увы, совершенно заслуженныхъ, гнѣвныхъ насмѣшкахъ излить накипѣвшую злобу и отомстить за свое вынужденное раньше молчаніе. Вотъ основы его міросозерцанія:

«1) Матеріализмъ въ философіи. Въ жизни ичеловѣка и общества все просто объясняется естественно-механическими законами.Все— матерія. Внѣ этого нечего искать. Всякое исканіе безплодно и даже вредно, такъ какъ отвлекаетъ человѣка отъ общественныхъ задачъ. Матеріализмъ вообще боевой кличъ эпохи въ ея схваткахъ съ офиціальнымъ оппортунизмомъ.

«2) Утилитаризмъ въ этикѣ. Главныя силы человѣка въ его разумѣ, разсудкѣ. Путемъ науки, знанія онъ достигаетъ побѣды надъ природой и собственнаго благополучія и счастья. Но собственное благополучіе и счастіе возможны лишь при счастьѣ всѣхъ. Поэтому санкціей нравственности должна быть польза общества и стремленіе его къ такому его состоянію, которое обезпечиваетъ для каждаго равную долю въ пользованіи жизненными благами.

«3) Утилитаризмъ въ искусствѣ. Роль искусства подчиненная. Самостоятельнаго значенія оно не имѣетъ. Оно одинаково должно служить счастью всѣхъ. Единственный источникъ прекраснаго — жизнь, дѣйствительность. Всякое ея украшеніе, всякая неосуществимая мечта вредна, потому что прежде всего надо сосредоточить всѣ силы людей на устройствѣ земного благополучія. Въ литературѣ 60-хъ годовъ слышится даже «вопіяніе» противъ красоты, которая отвлекаетъ человѣка отъ его прямыхъ земныхъ обязанностей».

Послѣ такой формулировки міросозерцанія «шестидесятниковъ» г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Однако все это временное, случайное, историческими обстоятельствами вызываемое и исчезаемое вмѣстѣ съ ними. Но вотъ святое и вѣчное подъ этой случайной оболочкой: уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка, каковъ бы онъ по своему происхожденію ни былъ,—признаніе полнаго равенства и полной равноправности между людьми во всей совокупности общественныхъ отношеній. И все это слилось въ одномъ маленькомъ и даже чуждомъ для насъ словѣ — эмансипація. Это ключъ къ пониманію эпохи. Эмансипировались крестьянинъ отъ помѣщика, женщина отъ семейной кабалы, гражданинъ отъ государства, мысль отъ преданій и кумировъ прошлаго. Былъ порывъ, была страсть, было вдохновеніе. И въ этомъ красота эпохи, несмотря на грубую и часто неуклюжую форму».

Таковъ общепринятый смыслъ эпохи въ ея историко-философскомъ освѣщеніи. Несмотря на наличіе стихійнаго элемента въ томъ періодѣ, когда все приводилось въ движеніе и бурлило подобно вешнимъ водамъ, только что сбросившимъ съ себя ледяныя оковы, необходимо отмѣтить и тѣхъ виднѣйшихъ представителей ея, около которыхъ группировались тѣ или иныя общественныя элементы и съ именемъ которыхъ связывались задачи времени, его цѣли и импульсы. Толпа требовала себѣ героевъ, родила, выдвинула ихъ, поклонилась имъ и пошла за ними, какъ за провозвѣстниками правды жизни.

XVII.

До 1861 года властителемъ думъ современниковъ былъ Герценъ, который давалъ съ «того берега» пароли и лозунги своимъ соотечественникамъ и съ именемъ котораго соединялось представленіе о всемъ томъ передовомъ, прогрессивномъ, чего такъ жаждало истомленное николаевскою эпохою общество, какъ равно и о всемъ томъ оппозиціонномъ, черезъ которое необходимо пройти для достиженія лучшаго соціальнаго, экономическаго и политическаго будущаго. Но уже съ наступленіемъ дней свободы его имя начинаетъ какъ бы нѣсколько тускнѣть, между нимъ и передовыми соотечественниками, остающимися на родномъ берегу, пробѣгаетъ черная кошка; онъ не удовлетворяетъ уже всѣмъ запросамъ родного времени во всю ширь послѣдняго, его философское міросозерцаніе оказывается уже отсталымъ, а съ 1863 года, послѣ того, какъ онъ связалъ тѣснѣйшимъ образомъ свое имя съ польскимъ возстаніемъ, его всероссійская слава и популярность начинаютъ итти къ закату. Въ жизни Герцена наступаетъ драма—онъ не удовлетворяетъ ни «лѣвыхъ», ни «правыхъ», остается въ значительной мѣрѣ одинокимъ и какъ бы переживаетъ самого себя, какъ носителя соціальныхъ и политическихъ вожделѣній русскаго общества.

Въ предыдущихъ нашихъ очеркахъ мы немало приводили цитатъ изъ произведеній Герцена, такъ что, надѣемся, читатели составили себѣ достаточно ясное представленіе, какія задачи полагалъ онъ русской жизни къ разрѣшенію и какими путями онъ надѣялся достигнуть этого разрѣшенія. Намъ остается еще отмѣтить положеніе и роль Герцена въ общемъ развитіи критико-философской русской мысли, чтобы яснѣе стало понятнымъ, почему именно, какъ носитель опредѣленной философской доктрины, онъ пересталъ удовлетворять современниковъ и въ чемъ заключалось преимуществ передъ нимъ въ глазахъ интеллигентной массы новыхъ общественныхъ кумировъ, явившихся ему на смѣну.

По мѣткому опредѣленію г. Иванова-Разумника[1]), «соціологическій индивидуализмъ западничества и этическій индивидуализмъ славянофильства былъ синтезированъ Герценомъ путемъ философско-историческаго индивидуализма, съ этого синтеза и беретъ свое начало народничество». Народничество Герцена, по словамъ изслѣдователя «исторіи русской общественной мысли» прежде всего—«отрицательное отношеніе къ современному политико-экономическому развитію Западной Европы, а потому и требованіе примата соціальныхъ реформъ надъ политическими, чтобы избѣжать мѣщанскаго пути развитія Запада. Затѣмъ народничество—это вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи, основанное, въ свою очередь, на убѣжденіи въ анти-мѣщанствѣ и небуржуазности «крестьянскаго тулупа» и на признаніи общиннаго устройства краеугольнымъ камнемъ русскаго быта; поэтому народничество—это отрицательное отношеніе къ буржуазіи, строгое раздѣленіе понятій «націи» и «народа» и ожесточенная борьба съ экономическимъ либерализмомъ. Въ то же время народничество—это неизбѣжная постановка той или иной «утопіи» въ началѣ соціологическихъ концепцій, одинаково далекихъ отъ соціологическаго идеализма, такъ и соціологическаго ультраноминализма». Средняя позиція между западничествомъ и славянофильствомъ и требованіе первенства соціальныхъ реформъ надъ политическими, чтобы избѣжать буржуазнаго разьитія Запада—вотъ, пожалуй, та Ахиллесова пята, которая сослужила печальную службу въ популярности Герцена, какъ вождя русскаго общества послѣ 1861 года. Какъ-никакъ, а соціальная реформа была уже осуществлена, исправленіе ея внѣ вліянія политическихъ факторовъ тутъ, очевидно, было невозможно, а редакторъ «Колокола» медлилъ отвѣтомъ на постановку именно политическихъ заданій. Отсюда, помимо конкретныхъ обстоятельствъ жизненнаго характера, нетерпѣніе въ отношеніи его со стороны крайнихъ элементовъ и преобладаніе симпатій къ тѣмъ, кто былъ имъ роднѣе—по духу и плоти, кто былъ къ нимъ ближе и кто явственнѣе и шире отвѣчалъ на задачи времени. Центральною личностью такихъ общественныхъ симпатій явился Николай Гавриловичъ Чернышевскій, который въ своей личности, въ своей дѣятельности и даже трагической судьбѣ отразилъ всю эпоху шестидесятыхъ годовъ со всѣми ея причудливыми переливами отъ свѣтло-яркихъ къ темныхъ тонамъ.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже было говорено[2]) о жизни и литературной дѣятельности вліятельнаго публициста и идейнаго вдохновителя «Современника», а потому во избѣжаніе по-

---

[1]) Ивановъ-Разумникъ, «Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка», т. I.

[2]) «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., книги 5 и 6, статья А. Фомина. «Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли».

твореній остановимся лишь на значеніи Чернышевскаго для общественнаго развитія Россіи, въ связи съ общей задачей нашей работы, какъ дѣятеля, имѣвшаго въ виду перейти и отчасти успѣвшаго перейти отъ работы теоретической къ дѣятельности практической, на поприщѣ политическомъ. Будучи поклонникомъ нѣмецкаго философа Фейербаха, Николай Гавриловичъ по своимъ убѣжденіямъ былъ соціалистомъ чистой воды и революціонеромъ по своимъ политическимъ тенденціямъ, которыя по цензурнымъ условіямъ того времени онъ, конечно, не могъ развивать, но которыя были извѣстны тогдашнимъ широкимъ кругамъ русской интеллигенціи, не только столичной, но и провинціальной. Будучи народникомъ, подобно Герцену, онъ въ основу своего міросозерцанія, по формулировкѣ г. Иванова-Разумника, полагалъ «общую норму—благо личности и принципъ примата народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ». Слѣдствіемъ этого являлась его борьба съ либеральнымъ доктринерствомъ, съ россійскимъ популярнымъ тогда фритредерствомъ, обращающимъ главное вниманіе на увеличеніе производства страны и тѣмъ самымъ подавляющимъ человѣческую личность; отсюда его предпочтеніе реформъ соціальныхъ передъ экономическими, и борьба за «общинное начало, какъ соблюдающее интересы реальной личности и отвѣчающее примату народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ». Это у него сопровождалось, по словамъ г. Разумника, «вѣрой въ возможность для Россіи миновать капиталистическій фазисъ развитія, вѣрой въ ея особый путь, въ буквальномъ значеніи этого слова». Но если Герценъ, вѣруя въ самобытность Россіи, относился съ пренебреженіемъ къ «мѣщанству» Западной Европы, то, въ противность ему, Чернышевскій былъ горячимъ сторонникомъ западной культуры и цивилизаціи, вѣрилъ въ жизненность и продуктивность ея силъ и былъ далекъ отъ поклоненія «мужицкому тулупу».

Обладая блестящимъ перомъ, отзываясь осторожно и тонко по всѣмъ вопросамъ тогдашней отечественной дѣйствительности, поскольку ее возможно было затрогивать, онъ по каждому случаю и поводу умѣло распространялъ среди читателей свое исповѣданіе вѣры, пріобрѣтая съ каждой статьей все большій и большій кругъ почитателей. Отдавъ своему единомышленнику и товарищу по «Современнику» Н. А. Добролюбову отдѣлъ критики, Чернышевскій спеціально сосредоточился на работѣ научной и публицистической, твердо завоевавъ себѣ всеобщее вниманіе и вызывая своими статьями ненависть, злобу и страхъ однихъ и обожаніе и поклоненіе другихъ. Въ 1861 году имя Чернышевскаго было самымъ популярнымъ въ литературѣ—онъ владѣлъ умами молодежи, являлся авторитетомъ въ глазахъ литературной братіи и рисовался правительству, какъ грозная сила, которая въ состояніи увлечь за собою все русское общество на путь активной борьбы съ

властью подъ революціоннымъ знаменемъ, во имя торжества соціалистическихъ началъ. И Чернышевскій, повидимому, сознавалъ свои силы, понимая, что правительство его не переоцѣниваетъ, вслѣдствіе чего уже въ 1861 г., если не раньше еще, пришелъ къ выводу, что литературная работа въ тиши редакціоннаго кабинета задача для него слишкомъ узкая, не соотвѣтствующая требованіямъ историческаго момента. Его біографъ, г. Русановъ (Н. Е. Кудринъ), говоритъ [1]): «Николай Гавриловичъ былъ слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы не видѣть въ Россіи 60-хъ годовъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія со старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкомъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій. Это рѣшеніе имъ было принято, — говорилъ, напримѣръ, мнѣ Шелгуновъ, — не безъ долгаго колебанія, не безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія аргументовъ за и противъ. Но, разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже не сходилъ съ нея. И та фраза, которою онъ характеризовалъ однажды свое отношеніе къ литературнымъ врагамъ: «Я мертвъ для репутаціи, какую могу имѣть въ вашихъ глазахъ», — эта фраза вполнѣ можетъ характеризовать его отношеніе и къ врагамъ политическимъ. Удовлетворивъ своей теоретической добросовѣстности, удовлетворивъ потребности своего неумолимо анализирующаго ума и придя къ извѣстному рѣшенію, онъ становился мертвъ къ тому, что могли сказать или сдѣлать его жизненные противники. Отнынѣ разсудокъ уступалъ мѣсто энергіи воли и лишь сохранялъ за собой право ясно замѣчать тѣ препятствія, какія лежали на пути къ достиженію цѣли. И здѣсь величіе, здѣсь трагизмъ личности Чернышевскаго, который со второй половины 1861 года не могъ не видѣть торжества крѣпчающей реакціи, равно какъ сильной вѣроятности пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, но твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи. Отличаясь осторожностью, но лишь тамъ, гдѣ осторожность могла быть полезна дѣлу, не любя бравированія понапрасну опасностью, чуждаясь фанфаронства, уменьшающаго шансы на успѣхъ, онъ, наоборотъ, безъ колебаній дѣлалъ тѣ шаги, которые вынуждались самымъ ходомъ великаго историческаго столкновенія между старой и молодой Россіей. Отсюда страшная непріязнь къ Чернышевскому, котораго одни считаютъ «брульономъ» (это прекраснодушные либералы), другіе—

[1]) Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ) «Соціалисты Запада и Россіи».

очень ловкимъ и тонкимъ злодѣемъ, подъ котораго и иглы не подточишь (это люди реакціи)».

Послѣ ареста Чернышевскаго, когда его судили, то въ обвинительномъ актѣ, между прочимъ, было отмѣчено, что управляющимъ III отдѣленіемъ было въ свое время получено анонимное письмо, въ коемъ правительство предостерегалось отъ Чернышевскаго, «этого коновода юношей, хитраго соціалиста»: онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи проводятся уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные, отдалились отъ него. «Если не удалите Чернышевскаго,—пишетъ авторъ письма,—быть бѣдѣ, будетъ кровь; эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы, эта «молодая Россія» высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія наклонности; можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте куда хотите, но поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія»

XVIII.

Строго послѣдовательно, полно и обстоятельно Чернышевскій нигдѣ въ своихъ статьяхъ не высказалъ своего политическаго и соціалистическаго credo. Уразумѣніе послѣдняго почерпается только изъ сопоставленія многочисленныхъ мѣстъ въ его работахъ, какъ научнаго характера, такъ и публицистическаго. Идейная сѣть «уловленія умовъ» современниковъ плелась имъ чрезвычайно искусно, и репутація умнѣйшаго и вліятельнѣйшаго общественнаго вождя, при всей его личной замкнутости и скромности, установилась за нимъ непоколебимо. Герценъ, Катковъ, Достоевскій, всѣ видные представители нашего общества, не исключая и чиновъ администраціи, къ нему апеллируютъ по разнымъ вопросамъ жизни, въ особенности когда идетъ вопросъ объ успокоеніи умовъ и о воздѣйствіи на молодежь. Безошибочно можно сказать, что ни до Чернышевскаго, ни послѣ него наша литература не выдвигала никого, кто бы такъ сильно и властно овладѣлъ умами современниковъ и воплотилъ бы въ своей личности отвѣтъ на запросы своей эпохи. Мы уже отмѣтили, что рядомъ съ нимъ по вопросамъ критики и сатирической полемики работалъ чрезвычайно талантливый его единомышленникъ, молодой писатель Добролюбовъ, который в своихъ статьяхъ развивалъ съ удивительнымъ блескомъ тѣ же соціально-политическіе мотивы, что и Чернышевскій, что въ значи

тельной степени облегчало имъ обоимъ общественную пропаганду и воспитаніе поколѣній, въ особенности молодежи, въ опредѣленномъ оппозиціонномъ направленіи и нервномъ настроеніи.

Опредѣляя значеніе Добролюбова въ нашей общественной жизни, С. А. Венгеровъ въ своемъ «Общемъ очеркѣ исторіи новѣйшей литературы» [1]) говоритъ: «...въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ, потому что всегда ненавидитъ сильно тотъ, кто сильно любитъ. Молодость сыграла весьма крупную роль въ созданіи добролюбовской рѣзкости и непримиримости. Не переживъ самъ николаевской эпохи, онъ не могъ чувствовать того умиленія отъ перемѣны политической атмосферы, которое охватило людей, живо помнившихъ недавніе дни безправія и мрака. Идеалы его шли гораздо дольше. Ученикъ Чернышевскаго, онъ никакъ не могъ удовлетвориться умѣренными требованіями эпохи, а стадность внезапно... народившагося всероссійскаго «прогресса» ему прямо претила. Слишкомъ глубоко преданный идеѣ дѣйствительнаго прогресса, онъ не выносилъ показной и репетиловски-шумливой прогрессивности, и вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч., разныхъ Розенгеймовъ, Бенедиктовыхъ, Львовыхъ, Соллогубовъ, которымъ вторили даже откупщикъ Кокоревъ и разные ловители рыбы въ мутной водѣ, его крайне раздражали. Въ серьезную борьбу онъ не вступалъ съ этою стадностью, но въ знаменитомъ «Свисткѣ» — сатирическомъ приложеніи къ «Современнику» (заведенъ въ 1858 году), гдѣ онъ принялъ дѣятельное участіе, Добролюбовъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и разъ навсегда провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между людьми, либеральничающими, потому что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни—священный лозунгъ всѣхъ ихъ духовныхъ стремленій». Откидывая опредѣленіе Добролюбова, какъ «разрушителя» по преимуществу, г. Венгеровъ продолжаетъ: «Несправедливо... усматривать въ Добролюбовѣ разрушителя «эстетики» и упразднителя искусства. И то и другое можетъ быть пріурочено только къ Писареву. Самъ же онъ является не провозвѣстникомъ публицистическаго искусства, а основателемъ **публицистической критики**. Съ него начинается та полоса русской критики, не закончившаяся и понынѣ, когда чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяютъ на оцѣнку произведенія: его оцѣниваютъ, по преимуществу, какъ факторъ прогресса или регресса... Начиная съ Добролюбова, литературные критики наши—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить свои общественные идеалы. Добролюбовъ создалъ особый родъ критическихъ статей «по поводу», которыя очень мало занимались

---

[1]) С. А. Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы».

эстетическою стороною произведенія... и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты новаго міросозерцанія».

«Современникъ», предводительствуемый Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, являлся въ эпоху 60-хъ годовъ тою вліятельною и все-рѣшающею политическою трибуною, откуда безапелляціонно давались общественныя директивы, откуда наносились безжалостные удары по представителямъ казеннаго прогресса, гдѣ клеймился регрессъ и гдѣ намѣчались соціалистическіе пути развитія общественной жизни. Не таково было значеніе другого вліятельнаго ежемѣсячника—Кушелевскаго «Русскаго Слова», сыгравшаго въ тогдашней дѣйствительности тоже крупную роль. Отсюда выступилъ на арену русской жизни «мыслящій реалистъ», родной братъ и предтеча уже нарождавшагося въ ту пору «нигилиста», оставившаго по себѣ въ развитіи нашего умственнаго движенія такой своеобразный слѣдъ.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, главный дѣятель журнала, въ противоположность Чернышевскому и Добролюбову, вышедшимъ изъ духовной среды, былъ по всѣмъ первоначальнымъ наклонностямъ, воспитанію и вкусамъ отпрыскомъ дворянства, но, попавъ въ передѣлку редактора «Русскаго Слова» Благосвѣтлова, этого типичнаго представителя «бурсацкой озлобленности» ко всему привилегированному, быстро скинулъ со всѣмъ пыломъ своей высокодаровитой натуры съ себя всѣ традиціи соціальнаго прошлаго и сталъ во главѣ крайняго направленія; его лозунгомъ было — сплошное отрицаніе и разрушеніе всего, что хоть чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь было связано съ наслѣдіемъ прошлаго, съ традиціями отцовъ и дѣдовъ. Немного какъ бы влюбленный въ Писарева, покойный Андреевичъ-Соловьевъ его лучшій біографъ, такъ характеризуетъ главнаго идейнаго вдохновителя «Русскаго Слова» [1]): «Писаревъ,—говоритъ онъ,—никогда не формулировалъ ясно своего общественнаго идеала, но у него былъ «герой», въ выясненіи индивидуальности котораго и заключается суть его критическихъ статей. Этотъ герой—мыслящій реалистъ, нашедшій свое литературное воплощеніе въ типѣ Базарова. Писаревъ облюбовалъ этотъ типъ, облюбовалъ, какъ эстетикъ, потому что для него жизнь мыслящаго реалиста не только самая полезная, но и самая красивая. Въ мыслящемъ реалистѣ на первомъ планѣ стоитъ его ярко выраженная индивидуальность. Онъ вѣритъ только въ умъ, знаніе, науку. Онъ врагъ всякихъ предразсудковъ, стѣсняющихъ всякую свободу, онъ врагъ всякихъ сословныхъ, кастовыхъ перегородокъ, мѣшающихъ человѣку работать въ сферѣ истиннаго своего призванія, «гдѣ онъ

---

[1]) «Очекри по исторіи русской литературы XIX вѣка».

только и можетъ принести наибольшую пользу обществу съ наибольшимъ наслажденіемъ для себя». Онъ имѣетъ дѣло прежде всего съ дѣйствительностью, которая, вслѣдствіе нищеты и невѣжества людей, требуетъ постоянныхъ улучшеній и настойчивой работы. Эта работа, руководимая и вдохновляемая всѣмъ прежнимъ реальнымъ опытомъ человѣчества,—истинное ея назначеніе. Но во имя чего станетъ работать мыслящій реалистъ? Во имя долга? Конечно, нѣтъ, такъ какъ Писаревъ не признавалъ долга. Во имя нравственной отвѣтственности передъ людьми? Тоже нѣтъ, потому что реалистъ такой отвѣтственности не знаетъ. Во имя общественной пользы? Польза, конечно, будетъ, но не она вдохновляетъ къ труду. Вдохновляетъ лишь красота самой работы, наслажденіе, получаемое отъ нея, вдохновляетъ творческое осуществленіе цѣли и вліяніе на жизнь.

«Этимъ Писаревъ какъ бы замыкаетъ кругъ рѣшенія задачи о смыслѣ жизни. Все выходитъ изъ личности, все возвращается къ ней. Она не требуетъ для себя никакой опеки, никакого руководства, кромѣ руководства науки и знанія. Внѣ себя она не ищетъ ни опоры, ни цѣли. Она совмѣщаетъ въ себѣ весь полный Божій міръ, и даже работа, которую она отдаетъ обществу, возвращается къ ней въ видѣ наслажденія и вліянія. Ея первая, главная, единственная цѣль—собственное развитіе, собственное совершенствованіе. Внѣ личности, важнѣе личности нѣтъ ничего; все, что отвлекаетъ личность отъ самой себя,—все это вредно. И Писаревъ всею силою возставалъ противъ мистики, говорящей о началахъ высшихъ, чѣмъ личность, и противъ схоластики и метафизики, т. е. той же мистики, только преображенной, введенной въ логическія схемы и формулы. Личность мыслящаго реалиста есть нѣчто самоцѣнное и самодовлѣющее, значитъ, нѣчто такое, что можетъ пользоваться абсолютной, безграничной свободой и полной безотвѣтственностью. Реалистъ всегда поступаетъ за свой счетъ и на свой страхъ. Если разумъ и наука оправдываютъ его поведеніе, то никакого другого оправданія ему не нужно. И Писареву въ сущности оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы дойти до «потребляющей ближнихъ своихъ» личности Штирнера или даже до сверхъ-человѣка Ницше. Но этого шага онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Сынъ 60-хъ годовъ, ученикъ Чернышевскаго, Писаревъ долженъ былъ считаться съ идеей общественной пользы и интересовъ массы, т. е. господствующей, центральной идеей эпохи,—такой даже, которая составляла истинное ея содержаніе, ея одухотворяющее начало. И эту идею онъ принялъ также цѣльно, также органически, съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ и идею личной свободы».

Не касаясь вопросовъ политическихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и останавливая свое вниманіе лишь на вопросѣ соціальномъ,

Писаревъ полагалъ, что этотъ соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только «мыслящимъ пролетаріатомъ», что судьба многомилліоннаго русскаго народа находится въ рукахъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, идеалъ каковыхъ и былъ имъ выдвинутъ для воплощенія современникамъ съ образцомъ подражанія въ лицѣ тургеневскаго Базарова, этого перваго литературнаго «нигилиста», какъ героя своего времени.

Ученіе Писарева, или, какъ просто говорится, «писаревщина», увлекло собою значительную часть общества, въ особенности молодежь, и освобожденіе отъ всякихъ «предразсудковъ», этическихъ, эстетическихъ, соціальныхъ и политическихъ, стало девизомъ эпохи въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи, бывшей и остающейся всегда падкою на всякое подражаніе и повтореніе чужого голоса, на которомъ лежитъ хоть нѣкоторая печать оригинальности, а въ особенности рѣзкости и хлесткости. Голосъ Писарева, поддержанный довольно талантливымъ хоромъ прочихъ сотрудниковъ изъ редакціи «Русскаго Слова», пришелся по вкусу русской толпѣ, которая въ упоеніи призрачной наступившей общественной свободой поспѣшила принять къ исполненію велѣнія своего талантливаго учителя, выбрасывая за бортъ обихода всѣ свои обязанности—религіозныя, семейныя, гражданскія, какъ ненужные предразсудки, стоящіе искусственною преградою на пути къ достиженію счастія индивидуальнаго, къ использованію даровъ жизни въ ихъ наибольшей полнотѣ. Писаревъ твердилъ, раздувая инстинкты толпы: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть». И впечатлительная толпа, нервно взвинченная всѣми вѣяніями эпохи, съ упоеніемъ внимала этому крику, нанося въ какомъ-то дикомъ изступленіи удары—и родительской власти, и семейному союзу, и Венерѣ Милосской, и Мадоннѣ Рафаэля, плевала на все прекрасное и изящное, обезображивала свой наружный обликъ и доводила до «скотства» свои потребности физическія и моральныя. Что-то дикое и антикультурное вошло въ жизнь, внеся въ нее грубость нравовъ и пониженіе умственнаго общественнаго уровня, обезцѣненіе духовнаго естества человѣка и главенство надъ всѣмъ и вся интересовъ матеріальныхъ и утилитарныхъ.

XIX.

Исторически-послѣдовательно говоря, Базаровъ собственно не былъ настоящимъ нигилистомъ, каковой во весь свой ростъ, нечесаный, немытый, грязный и циничный сталъ передъ русскимъ обществомъ и русскою литературою во весь свой ростъ

лишь во вторую половину 60-хъ годовъ. Создавая своего героя, Тургеневъ и по поводу его самого, и по поводу самаго произведенія, и по поводу разноголосицы критики въ ея отношеніи къ роману «Отцы и дѣти» писалъ К. К. Случевскому въ письмѣ, отъ 14 апрѣля 1862, только нынѣ появившемся въ печати [1]):

1) «Базаровъ все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа (Катковъ находилъ, что я въ немъ представилъ апоѳеозу «Современника»). Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое,—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей,—а вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ? Stoff und Kraft онъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. пустую книгу; дуэль съ П. П. именно введена для нагляднаго доказательства пустоты элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически, и какъ бы онъ отказался отъ нея; вѣдь П. П. его побилъ бы. Базаровъ, по-моему, постоянно разбиваетъ П—а П—а, а не наоборотъ; и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать революціонеромъ.

2) То, что сказано объ Аркадіи, о реабилитированіи отцовъ и т. д., показываетъ только,—виноватъ!—что меня не поняли. Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса. Вглядитесь въ лица Н—я П—а, П—а П—а, Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хорошихъ представителей дворянства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновниковъ, генераловъ, грабителей и т. д. было бы грубо, le pont aux anes — и невѣрно. Всѣ истинные отрицатели, которыхъ я зналъ, безъ исключенія (Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей. И въ этомъ заключается великій смыслъ; это отнимаетъ у дѣятеля, у отрицателей всякую тѣнь личнаго негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни. Графиня Сальясъ неправа, говоря, что лица, подобныя Н. П—ву и П—у П—у,—наши дѣды: Н. П. это—я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П. Столыпинъ, Есаковъ, Россети—тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ, и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать ихъ несостоятельность. Представить съ одной стороны взяточника, а съ другой—идеальнаго юношу—эту картину пускай рисуютъ другіе... Я хотѣлъ бо́льшаго. Базаровъ въ одномъ мѣстѣ у меня говорилъ (я это выкинулъ для цензуры) Аркадію, тому самому Аркадію, въ которомъ ваши гейдельбергскіе товарищи видятъ болѣе удачный типъ: «твой отецъ—честный малый, но будь онъ расперевзяточникъ,—ты все-таки дальше благороднаго смиренія или кипѣнія не дошелъ бы, потому что ты—дворянчикъ»...

4) Смерть Базарова (которую графиня Сальясъ называетъ геройскою и потому критикуетъ) должна была, по-моему, наложить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. А ваши молодые люди и ее находятъ случайной! Оканчиваю слѣдующимъ замѣчаніемъ: если читатель не полюбитъ Базарова со всей его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью,—если онъ его не полюбитъ, повторяю я,—я виноватъ и не достигъ своей цѣли. Но «разсыропиться», говоря его словами,—я не хотѣлъ, хотя черезъ это я бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ. Я не хотѣлъ напрашиваться на попу-

[1]) «Щукинскій Сборникъ», выпускъ VII.

лярность такого рода уступками. Лучше проиграть сраженіе (и, кажется, я его проигралъ), чѣмъ выиграть его уловкой. Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная,—и все-таки обреченная на погибель,—потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго,—мнѣ мечтался какой-то странный pendant Пугачевымъ и т. д. А мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: «Ты, братецъ, опростоволосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ,—напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился». Мнѣ остается сдѣлать, какъ въ цыганской пѣснѣ: «снять шапку да пониже поклониться». До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намѣренія, только два человѣка—Достоевскій и Боткинъ».

Писаревъ, увлекшись личностью Базарова, усматривалъ въ немъ именно тѣ самыя черты, которыя наложилъ на свой литературный типъ самъ его создатель—Тургеневъ, окрестившій его именемъ «нигилиста». Базаровъ былъ собственно «мыслящимъ реалистомъ», предтечею «нигилизма», который, явившись на аренѣ русской дѣйствительности нѣсколько позже, воплотилъ въ себѣ всю полноту мѣщанскаго эгоизма съ культомъ собственнаго «я». Появленіе этого сорта людей рисуется Н. К. Михайловскимъ такъ [1]: «Пришли люди, не мучившіеся надъ выработкой (грубыхъ формулъ), не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допускала бы практическаго паденія, несмотря на односторонность теоретическихъ положеній. Пришли эти люди и подобрали наши краткія и ясныя формулы, и пустили ихъ въ оборотъ... Боже, что они изъ нихъ сдѣлали! Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы реалисты; а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы реалисты; а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей собственной утробы... Мы реалисты; а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма наука должна служить практикѣ и сама по себѣ цѣны не имѣетъ, то мы пускаемъ ее въ ходъ для обдѣлыванія своихъ практическихъ дѣлишекъ... И т. д., и т. д. Словомъ, пришлые люди, подобравъ наши краткія и ясныя формулы, уединивъ ихъ отъ процесса ихъ выработки, навѣсили на нихъ всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую низость...»

Въ качествѣ историко-философскаго противовѣса нигилизму, въ качествѣ реакціи этому общественному явленію явился въ семидесятыхъ годахъ политическій идеализмъ, отвлекшій массу молодежи отъ проповѣди чистаго эгоизма къ политическому

---

[1]) Полное собраніи сочиненій, т. IV.

катехизису альтруизма, къ стремленію положить душу свою за ближняго, особенно за меньшого брата въ лицѣ той многомилліонной массы, для которой 19 февраля 1861 года принесло одновременно и столько радости и столько горя... Но движеніе семидесятыхъ годовъ могло осуществиться лишь послѣ того, какъ пути движенія были пріуготовлены, и въ этомъ отношеніи и «реализмъ» Писарева, и «нигилизмъ» его эпигоновъ сыграли свою роль, хотя бы и отрицательную. Ихъ вызовъ сильнаго на общественную арену былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и призывомъ къ борьбѣ. Кирсановы, Лаврецкіе, Рудины—эти представители уходившей въ историческую даль дворянской Россіи—не были способны на подвиги активной борьбы. Для этого потребовались люди съ закваской Базарова, но безъ его узкаго profession de foi. И они явились и взяли на себя громадную тяжесть непримиримой борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, гдѣ потребовались жертвы, жертвы и жертвы... Нигилизмъ былъ тою заразною общественною болѣзнью, той maladie d'enfance, послѣ которой наступаетъ исцѣленіе и нарастаніе рвущихся наружу силъ. И этими силами нужно было умѣло и во̀ время воспользоваться, но... правительство все никакъ не могло «уяснить своихъ видовъ», своего историческаго національнаго призванія, и кровавая драма съ ужасающею послѣдовательностью развернулась, поглотивъ въ своемъ развитіи массу жизней и средствъ и принеся въ жертву этой борьбѣ на многіе годы культурное благополучіе русскаго народа, какъ то и предсказывалъ въ свое время К. С. Аксаковъ.

Соціалистическая проповѣдь Чернышевскаго, оппозиціонные призывы Герцена и разрушительные методы борьбы Писарева подъ общій аккомпаниментъ ихъ литературныхъ единомышленниковъ сыграли въ жизни русскаго общества шестидесятыхъ годовъ рѣшающую роль[1]). Оно какъ-то сразу поднялось, почуяло свою силу и изъ состоянія неопредѣленнаго броженія съ туманными задачами въ будущемъ и неопредѣленною программою дѣйствій въ настоящемъ, очень скоро очутилось на революціонномъ пути съ готовностью итти на борьбу съ правительствомъ, благо это правительство, по признанію самого министра внутреннихъ дѣлъ, еще не уяснило себѣ своей ближайшей задачи и было сбито съ своего вѣковѣчнаго пути подавленія путемъ репрессій всякихъ проявленій свободнаго духа и свободной мысли. И предвѣстниками начала активныхъ общественныхъ выступленій революціоннаго характера послужили появившіяся лѣтомъ и осенью 1861 года прокламаціи — «Великоруссъ», «Къ молодому поколѣнію» и др., а также волненія студентовъ университетовъ. Студенты именно съ этого

---

[1]) О либеральной и консервативной журналистикѣ будетъ рѣчь далѣе.

Прим. авт.

историческаго момента берутъ на себя роль летучихъ отрядовъ русской революціонной арміи, нащупывающихъ настроеніе правительственныхъ сферъ, создающихъ администраціи постоянныя затрудненія и выдѣляющихъ изъ своей среды уже побывавшихъ въ дѣйствіи борцовъ для самой арміи.

До лѣта 1861 года мы имѣли дѣло лишь съ зарубежною печатью, хотя обильно и просачивавшейся въ русскую публику, но все же испытывавшей въ своемъ распространеніи немало затрудненій и препятствій, или съ печатью подцензурною, стѣсненною въ своей свободѣ рѣчи, вынужденною говорить междустрочіемъ и «эзоповымъ» языкомъ. Теперь мы становимся лицомъ къ лицу съ «печатью подпольною», которая съ величайшими жертвами для ея создателей получаетъ широкое распространеніе по всей Россіи и является «вольнымъ голосомъ» русскихъ людей у себя дома, на родномъ берегу. № 1 «Великорусса», напечатанный въ тайной типографіи, появился въ іюлѣ 1861 г. и открылъ собою первую главу изъ исторіи отечественной нелегальной литературы. Слѣдующіе нумера появились въ августѣ и сентябрѣ, а въ промежуткѣ этого времени распространилась въ обществѣ привезенная изъ-за границы крайне рѣзкая по тону и полемическая по адресу «Великорусса» прокламація «Къ молодому поколѣнію». Оба этихъ литературныхъ произведенія, къ ознакомленію съ которыми намъ надлежитъ сейчасъ обратиться, повлекли за собою политическіе процессы съ участіемъ въ нихъ, какъ обвиняемыхъ, представителей литературы, они же открыли собою длинный рядъ послѣдующихъ политическихъ процессовъ съ ихъ печальными жертвами и трагическими эпилогами.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МОГИЛА КНЯГИНИ ДАРЬИ МИХАЙЛОВНЫ МЕНШИКОВОЙ.

Выѣхавъ изъ Казани около десяти часовъ утра, въ двѣнадцать я уже былъ въ Верхнемъ Услонѣ. Село это лежитъ на Услонскихъ горахъ, на правомъ берегу рѣки Волги, почти напротивъ древней столицы татарскаго царства. Поднимаясь по направленію къ церкви, я окликнулъ первую встрѣчную бабу съ просьбой указать мнѣ мѣстонахожденіе могилы княгини.

— Вамъ барыню Меншикову, стало быть, надоть? Ступайте прямо, наверхъ; въ оградѣ она у насъ въ церковной зарыта.

Я послѣдовалъ совѣту и въ скоромъ времени отыскалъ могилу, хотя и не въ оградѣ, но недалеко отъ послѣдней, во дворѣ священника. Вся заслоненная новыми постройками, могила не видна съ Волги, несмотря на то, что находится на высокомъ берегу ея. На мѣстѣ могилы построена часовня. Видъ одинокій и унылый... Кирпичи обваливаются, штукатурка вывѣтрилась и мѣстами опала, желѣзные куполъ и крестъ заржавѣли и потускнѣли... Сдѣлавъ снимки, я направился къ священнику: у него, вѣрно, найдутся какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ историческомъ памятникѣ. Я не ошибся, въ церковныхъ лѣтописяхъ имѣлись довольно цѣнныя указанія. «Есть въ Услонѣ историческій памятникъ, находящійся въ саду мѣстнаго священника и поставленный надъ могилой княгини Дарьи

Михайловны Меншиковой, умершей на пути въ ссылку. Преданіе объ этомъ разсказываетъ слѣдующее: князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, слѣдуя въ ссылку, проѣзжалъ черезъ село Верхній Услонъ въ 1728 г. Съ нимъ была и его супруга княгиня Дарья Михайловна. Въ дорогѣ она захворала и лишилась зрѣнія, а потомъ умерла около селенія «Вязовыя Горы». Князь привезъ тѣло своей супруги въ Услонъ. Здѣсь онъ своими руками ископалъ для дорогой покойницы могилу, самъ читалъ надъ ней молитвы и самъ предалъ землѣ тѣло ея. Когда тѣло усопшей княгини было привезено въ село, говоритъ преданіе далѣе, и приходскій священникъ спросилъ находившагося при ссылаемыхъ пристава, какъ поминать усопшую при отпѣваніи, то послѣдній отвѣтилъ, что нѣтъ никакой надобности спрашивать объ этомъ. Надъ прахомъ княгини сначала былъ положенъ камень и изсѣчена на немъ надпись, а потомъ была сооружена церковь, впослѣдствіи сгорѣвшая. Камень во время пожара растрескался, а потомъ, отъ дѣйствія воздуха и связанныхъ съ этимъ перемѣнъ, искрошился, такъ что изъ надписи, находившейся на немъ, можно было разобрать только слѣдующія слова: «Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д... sic transit gloria mundi». Въ 1863 г. надъ могилой княгини былъ построенъ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Меншиковымъ существующій и въ настоящее время памятникъ въ видѣ одноглавой часовни. На немъ надпись слѣдующаго содержанія: «Въ память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, почившей здѣсь на пути въ ссылку». Это на западной сторонѣ памятника, надъ выходными дверьми. На восточной же сторонѣ его помѣщается другая надпись, слѣдующаго содержанія: «Построенъ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Меншиковымъ въ 1863 году». Въ часовнѣ находится икона св. мученицы Дарьи, написанная на золотомъ чеканномъ фонѣ, въ деревянномъ, траурномъ, простомъ кіотѣ, за стекломъ.

Что же касается камня, положеннаго надъ прахомъ княгини и находящагося внутри памятника, то въ настоящее время на немъ нѣтъ и слѣда какой-либо надписи. Поддерживался памятникъ сначала родомъ князей Меншиковыхъ, но за прекращеньемъ его по прямой линіи (извѣстны родственники князей Меншиковыхъ по боковой линіи Войцѣховскіе) памятникъ ниоткуда поддержки не получаетъ.

Въ сноскахъ «лѣтописи» я нашелъ указаніе, что данныя относительно могилы Дарьи Михайловны имѣются еще у Бантыша-Каменскаго въ его «Словарѣ достопамятныхъ людей» (изданіе 1847 г., часть II) и у Чернова въ его «Указателѣ Казани» (изданіе 1841 г., отдѣлъ X, стр. 102—103). Первую книгу я отыскалъ въ городской казанской библіотекѣ, но тамъ имѣется лишь краткая замѣтка о мѣстонахожденіи могилы. «Указатель Казани» въ на-

Могила княгини Д. М. Меншиковой въ селѣ Услонѣ.

стоящее время, очевидно, представляетъ изъ себя библіографическую рѣдкость, такъ какъ въ Казани его не имѣетъ ни одна общественная библіотека (включая сюда и богатѣйшую библіотеку духовной академіи). Нѣсколько строчекъ объ этомъ историческомъ памятникѣ можно найти еще въ «Волгѣ отъ Твери до Астрахани», (изданіе общества «Самолетъ», 1862 г., стр. 255—256), а также въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1861 г. (томъ I, стр. 84, статья Г. В. Есипова «Ссылка князя Меншикова»).

Евгеній Геркенъ.

ПО ТАЙНОМУ СВЯЩЕНСТВУ [1].

V.

Манефина обитель.—Могильный памятникъ.—Матрона Филатьевна.—Пѣніе по крюковымъ нотамъ.—О конечныхъ временахъ.—Моленная.—Осмотръ обители.—Лѣсная дорога.—По тайному священству.—Благоуханная ночь.—Божій человѣкъ—Разбойники въ Хохломѣ.

ПОБЛАГОДАРИВЪ настоятельницу Игнатьевской обители за ея внимательный пріемъ, мы пожелали воспользоваться ея любезностью и въ дальнѣйшемъ обозрѣніи другихъ обителей.

— Марія Михайловна, не проведете ли вы насъ и въ Манефину обитель? Мы опасаемся, приметъ ли насъ манефинская мать такъ хорошо, какъ вы.

Марія Михайловна охотно согласилась и повела насъ по зеленому лугу. Въ сосѣдней обители было все то же самое, что и въ Игнатьевской, но, пожалуй, нѣсколько въ большемъ масштабѣ: такой же рядъ избъ, сараи, садъ, огородъ и копанный прудъ.

Подошли къ могилѣ старой Манефы, основательницы обители. Марія Михайловна истово помолилась съ поясными поклонами и потомъ попросила насъ подождать ее здѣсь, пока она доложитъ о нашемъ приходѣ настоятельницѣ Матронѣ Филатьевнѣ.

Мы заинтересовались могилою Манефы, главною святынею здѣшней обители. Каменный памятникъ, въ видѣ гроба, окруженъ деревяннымъ помостомъ. Надъ нимъ сѣнь-крыша на четырехъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXI, стр. 1049.

столбахъ. Кругомъ кусты и деревья. Рядомъ другія могилки съ голубцами.

На памятникѣ Манефы высѣчены надписи:

«Духовная моя сестры и спостницы, не забудьте меня, егда молитеся. Но, видѣвши мой гробъ, поминайте мою любовь и молитеся Христу, да учинитъ духъ мой съ праведными».

«Сооруженъ сей памятникъ усердіемъ преданнаго духомъ къ покойной московскаго первой гильдіи купца Филиппа Яковлева Косаткина. Посланъ 1818 года, іюня 3 дня. Москва».

Была, говорятъ, еще одна надпись въ изголовьи гробницы. Вѣроятно, имя почившей старицы. Но ее стерли будто бы по приказанію П. Ив. Мельникова. Трудно повѣрить, чтобы изслѣдователь русской старины самъ приказывалъ заметать слѣды письменныхъ указаній!

Не успѣлъ я занести эту надпись въ книжку, какъ приходитъ настоятельница Матрона Филатьевна, въ сопровожденіи Маріи Михайловны. Мы поздоровались и просили разрѣшить намъ осмотрѣть обитель.

Звонкимъ, веселымъ голосомъ мать Матрона любезно пригласила насъ въ кельи. Сравнительно съ скромной игнатьевской настоятельницей она казалась молодою, бойкой женщиною. И костюмъ у ней нѣсколько отличался. Матрона Филатьевна была въ сарафанѣ съ рядомъ пуговицъ посрединѣ, съ темнымъ передникомъ, кокетливо подобраннымъ на сторону, въ широкой бѣлой рубахѣ съ пышными рукавами. На шерстяномъ коричневомъ платкѣ блестѣла шелковая ярко-голубая кайма.

Когда мы сидѣли у нея въ кельѣ, поднялись обычные разспросы: кто? откуда? когда? Разсматривая обстановку комнаты, я замѣтилъ на стѣнѣ большую раму съ вложеннымъ въ нее рукописнымъ листомъ. Это было пророчество Исаіи о послѣднихъ временахъ. Каждая строка, писанная уставомъ, связана съ крюковыми нотами. Я признался, что, хотя и знакомъ съ церковною музыкою, по крюкамъ пѣть не умѣю. Марія Михайловна стала объяснять мнѣ значеніе старинныхъ крюковыхъ нотъ (она была когда-то головщицей или регентомъ скитскаго женскаго хора), а потомъ вдругъ обращается къ Матронѣ Филатьевнѣ:

— Давай, мать, споемъ!... Утъ-ре-ми! —задала она тонъ и запѣла.

И вотъ двѣ игуменьи-настоятельницы, какъ двѣ древнія пророчицы, стали нараспѣвъ рисовать страшную картину послѣднихъ дней жизни человѣчества. Нѣсколько заунывный тонъ усугублялъ впечатлѣніе отъ этой своеобразной музыки съ частыми руладами. Голоса поющихъ то сходились вмѣстѣ, то расходились, но онѣ ни разу не сбились.

«Тамъ, въ Игнатьевской обители, — подумалъ я, — была проповѣдь о послѣднихъ временахъ, здѣсь же она повторилась въ

поэтическомъ прорицаніи. Вотъ они, настоящіе наши русскіе адвентисты! Врядъ ли гдѣ на Руси такъ живутъ мыслію о конечныхъ временахъ и скоромъ пришествіи Спаса, какъ здѣсь, за Волгою, въ скромныхъ забытыхъ скитахъ старовѣровъ!»

Мы попросили показать намъ, гдѣ скитницы собираются на молитву. Здѣшняя моленная значительно обширнѣе Игнатьевской, да и образовъ на трехъ стѣнахъ, пожалуй, вдвое больше. Нѣкоторыя иконы въ окладахъ. Сама Матрона Филатьевна указывала наиболѣе древнія изъ нихъ.

Мы обратили вниманіе на значительную толщину бревенъ, изъ которыхъ срублена эта «домашняя церковь».

— Изъ стариннаго лѣсу,—объяснила хозяйка.—До разоренья скитовъ этотъ срубъ былъ келарней, а когда Мельниковъ разрушилъ здѣшнюю моленную, эту келарню передѣлали на новую моленную.

«Разореніе скитовъ» въ этомъ краю—эра, отъ которой мѣстные жители ведутъ счетъ годамъ. Если хотятъ сказать, что такое-то событіе случилось очень давно, то говорятъ: «Это было до разоренья скитовъ, до Мельникова!» Тутъ память Мельникова какъ бы «при Понтійстѣмъ Пилатѣ».

— А читали ли вы,—спрашиваемъ настоятельницъ,—книги Андрея Печерскаго «Въ лѣсахъ» и «На горахъ»?

— Нѣтъ, не читали.

— Да, вѣдь, онъ писалъ про ваши обители!

— Мы читаемъ только церковныя, старопечатныя книги.

Побывали въ келарнѣ, осмотрѣли огородъ, садъ, копанный прудъ. Здѣсь все крупнѣе и больше, чѣмъ въ Игнатьевской обители, но красотою мѣстность много уступаетъ.

Съ каждымъ шагомъ прошлая жизнь Манефиной обители, такъ интересно описанная Андреемъ Печерскимъ, вставала въ моей памяти. Среди зеленыхъ деревьевъ и цвѣтущихъ кустовъ, среди скученныхъ сѣрыхъ избъ-келій, я мысленно рисовалъ себѣ строгую, сдержанную мать Манефу, бойкую огненную ея дочь Фленушку, добродушную мать Виринею, толстую уставщицу Аркадію. Нельзя забыть и московскаго посла Василія Борисыча съ его непрестаннымъ «искушеніемъ». Но... въ дѣйствительности передъ нашими глазами были только двѣ матери-настоятельницы: степенная Марія Михайловна, молчаливо сопровождающая насъ съ заложенными руками назадъ, да бойкая Матрона Филатьевна, быстро отвѣчающая на наши многочисленные вопросы.

— Я и забыла васъ угостить на дорогу!—спохватилась манефинская настоятельница и быстро побѣжала въ келарню.

Священники усѣлись передъ окнами обители на обрубкѣ толстаго дерева. Вскорѣ хозяйка вынесла стеклянный кувшинъ съ квасомъ и стаканъ.

Пока мы угощались и громко бесѣдовали, маленькія окна сосѣднихъ келій полуоткрылись, и показались ихъ обитательницы. Я замѣтилъ, съ какимъ напряженіемъ одна скитница выставила изъ-за ставня окна свое ухо, чтобы не проронить ни одного слова.

Обходъ двухъ обителей въ жаркій день порядочно утомилъ насъ, и мы, попрощавшись съ Матроной Филатьевной, направились по деревяннымъосткамъ чрезъ мокрый лугъ къ нашимъ лошадямъ.

Марія Михайловна далеко провожала насъ, разсказывая про современную жизнь скитовъ. Богатые купцы-благодѣтели сюда не заѣзжаютъ. Изрѣдка позволяютъ себѣ нѣкоторыя настоятельницы сами заглянуть въ Нижній-Новгородъ къ извѣстному радѣтелю старообрядчества, Н. А. Бугрову, но вообще онѣ чувствуютъ себя покинутыми.

— Это, пожалуй, и лучше,—замѣчаетъ ей священникъ:—чѣмъ дальше міръ съ его земными богатствами и соблазнами, тѣмъ ближе небо и благодать Господня.

Въ это время изъ ближайшей деревни, изъ-за косогора показалась группа любопытствующихъ крестьянъ.

— Ну, вотъ, — тихо сказала мнѣ Марія Михайловна:—теперь меня будутъ допекать они, зачѣмъ я никоніанскихъ поповъ принимала въ обители.

Раньше она подавала намъ руку, но теперь, прощаясь въ виду прихожанъ ея моленной, она оттопырила ладони и просила извинить ее.

Въ комаровскомъ скиту я разстался и со священниками. Мнѣ хотѣлось объѣхать весь районъ лѣсовъ Семеновскаго уѣзда, гдѣ сосредоточены старовѣрческіе скиты, и я отправился далѣе на западъ, а мои спутники повернули назадъ домой. Мы сговорились снова встрѣтиться въ городѣ Семеновѣ, чтобы вмѣстѣ отправиться на мѣсто собранія старообрядцевъ у береговъ Свѣтлаго озера.

— Большое вамъ спасибо!—горячо поблагодарилъ меня о. Николай: — Живу, кажется, рядомъ, а никогда не заглядывалъ въ здѣшніе скиты: вѣдь не знаешь, какъ примутъ матери. Особенно пріятно мнѣ было увидѣть Игнатьевскую обитель. Говорятъ, наша церковь въ селѣ Рождественѣ сдѣлана изъ бывшей молельни этой обители.

Съ верховьевъ рѣки Люнды мой путь лежалъ чрезъ сплошные лѣса къ верховьямъ другого волжскаго притока—Узолы. Я спѣшилъ добраться засвѣтло до большого торговаго села Хохломы. Въ Зубовѣ мѣнялъ лошадей. Узнавъ, что я завтра же возвращаюсь изъ Хохломы въ Семеновъ, почтосодержатель упросилъ меня на его лошадяхъ безсмѣнно сдѣлать весь этотъ объѣздъ. Я согласился ѣхать на долгихъ, но потомъ много разъ раскаивался.

Могила матери Манефы.

Дорога шла на Митишину и Кошелеву, по краю обильнаго болотами лѣса. Часто встрѣчались мосты, настланные по мокрымъ мѣстамъ изъ сосновыхъ бревенъ. Солнце опустилось за деревья. Рѣзкія тѣни исчезли. Яркость зелени и краски цвѣтовъ поблекли. Лѣсъ сталъ затягиваться легкою мглою отъ болотныхъ испареній. Сильный ароматный запахъ смолы, смѣшанный съ прѣлью гнилушекъ, кружитъ голову. Вѣетъ влажнымъ тепломъ, вызывающимъ сладкую истому. За высокими толстыми стволами сосенъ темнѣетъ таинственная глубина. Тамъ, среди болотъ, въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ютились бѣглые и странники, не имѣющіе «здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскующіе». Къ непроходимымъ болотамъ прижались и многочисленные скиты бѣглопоповцевъ.

— Мы по тайному священству!

Сколько мистическаго скрывается въ этомъ названіи! Въ скитахъ жалко было разстаться съ той обстановкой религіознаго культа, которую создали неослабныя гоненія петровскихъ временъ. Несмотря на настойчивыя предложенія московскихъ старообрядцевъ, скитскія матери не приняли новой бѣлокриницкой іерархіи. Онѣ попрежнему довольствовались священниками, поставленными никоніанскими іерархами, но перешедшими въ старообрядчество. Такихъ священниковъ правительство преслѣдовало, ссылало въ Сибирь или заключало въ одну изъ монастырскихъ тюремъ. Гонимое священство укрывалось въ глухихъ керженскихъ и чернораменскихъ лѣсахъ или перебѣгало изъ одного города въ другой.

Многіе старообрядцы остались безпоповцами. Благодать священства, по ихъ ученію, отнята со временъ Никона. Въ мірѣ царитъ антихристъ. Остается только положиться на одного Спаса.

— Самъ, Исусе Христе, спаси насъ, «ими же вѣси судьбами»!

— Зачѣмъ намъ ваше видимое священство, которое гонитъ истинныхъ христіанъ?—говорятъ другіе.—Теперь должно быть невидимое священство, тайное, по чину Мелхиседекову. Первое, ветхозавѣтное священство, отъ Аарона, было доступно по рожденію немногимъ сынамъ Израилевымъ. Второе священство, новозавѣтное, по благодати, доступно немногимъ избраннымъ среди вѣрующихъ. Теперь же третье священство, тайное, отъ самого Бога, независимое отъ рукоположенія, по чину Мелхиседекову. Оно обѣщано **всѣмъ вѣрующимъ** во Христа, какъ объ этомъ говоритъ тайновидецъ Іоаннъ Богословъ.

Это ученіе о тайномъ священствѣ захватываетъ все болѣе и болѣе лѣсныхъ бѣглопоповцевъ. Теперь они не очень стараются переманить къ себѣ никоніанскаго священника. «Зачѣмъ намъ его, когда мы всѣ становимся тайными священниками отъ самого Бога?»

Наступила тихая благоуханная ночь. Но еще свѣтло: въ іюнѣ заря съ зарей сходится. Глубины «Божьихъ лѣсовъ» какъ бы наполнились таинственными призраками. Тамъ, въ заросшихъ полянахъ, «подъ темными лѣсами, подъ ходячими облаками, подъ частыми звѣздами», курятся ароматы-ладаны незримой святыни.

За всю дорогу этого дня встрѣтился только одинъ странный человѣкъ. Безъ шапки, босикомъ, съ палкой въ рукахъ, въ лохмотьяхъ.

— Кто это?—спрашиваю ямщика.

— Божій человѣкъ. Онъ переходитъ изъ деревни въ деревню. Денегъ не беретъ. Его всѣ знаютъ, кормятъ...

Божій человѣкъ остановился, посмотрѣлъ на насъ, что-то промычалъ и отправился дальше.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ Кошелевой находится деревня Казанцева, бывшее имѣніе П. Ив. Мельникова. Населеніе старообрядческое.

Подъѣзжая среди ночи къ Хохломѣ, я разсчитывалъ застать все село въ глубокомъ снѣ. Къ моему удивленію, у волостного правленія стояла большая толпа возбужденныхъ крестьянъ.

— Что случилось? Что такое?

Разомъ нѣсколько голосовъ, волнуясь и перебивая другъ друга, разсказали мнѣ, какъ утромъ, во время разгара базара (въ Хохломѣ базарные дни по средамъ), трое разбойниковъ изъ Сормова стали разспрашивать маленькую дѣвочку, кто побогаче изъ сельскихъ жителей. Дѣвочка передала свой разговоръ отцу, а отецъ— полиціи. За разбойниками стали слѣдить и арестовали ихъ въ чайной. Почти одновременно со мною пріѣхалъ становой приставъ изъ Чистаго Поля для составленія протокола. Отобраны были вещественныя доказательства: револьверъ и кинжалы.

Я остановился въ заѣзжей комнатѣ волостного правленія и былъ невольнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ перипетій хохломскаго происшествія.

Черезъ полгода Хохлома ознаменовалась убійствомъ содержателя земской почты, М. А. К., извѣстнаго своимъ вниманіемъ къ часовнѣ-церкви австрійскаго согласія въ деревнѣ Кошелевой.

VI.

Утренняя дорога.—Осяновскій монастырь.—Обращеніе старовѣрческихъ монастырей въ единовѣрческіе.— Мать Агнія.— Большое хозяйство.— Постриженіе молодыхъ дѣвицъ. — Шарпанскій скитъ. — Опять въ гор. Семеновѣ.— Чернухинскій скитъ.— «Ярое Око».— Земельный вопросъ.— Керженецъ.

На другой день, рано утромъ, я уже ѣхалъ обратно въ Семеновъ, но уже другимъ путемъ, съ сѣверной стороны лѣсного района, черезъ деревни и села: Пискома, Мишина, Вихорева, Горева и Донская.

Утренняя заря краше вечерней. Настроеніе бодрое, радостное. Взошло солнце, и засверкала роса на ярко-зеленой травѣ. Въ лѣсу опять обдалъ запахъ смолы и цвѣтовъ. Громкое пѣніе птицъ.

Подъѣзжаемъ со стороны большого поля къ Осиновскому монастырю, широко раскинувшемуся на краю лѣса, близъ самой границы Костромской губерніи.

— Кому принадлежатъ всѣ эти окружающіе луга, поля и вдали виднѣвшійся лѣсъ?

— Все монастырю. Да это что! У него еще за лѣсомъ много земли. Богатѣйшій монастырь!

Съ этимъ впечатлѣніемъ о богатствѣ Христовой обители я и въѣхалъ въ ея ограду.

Въ половинѣ XIX вѣка было предложено тремъ старообрядческимъ монастырямъ, Осиновскому, Керженскому и Медвѣдевскому, перейти въ единовѣріе, иначе угрожали совершенно закрыть ихъ. Расчетъ «разорителя скитовъ» былъ вѣрный. Убѣжденные приверженцы старины, конечно, не согласятся; но съ ними нечего и церемониться: удалить ихъ изъ Семеновскаго уѣзда! Оставшимся же братіямъ или сестрамъ отдать монастыри и посулить еще покровительство свыше. Такъ оно и вышло. Разогнавъ старообрядцевъ, всѣ монастырскія угодья отдали немногимъ перешедшимъ въ единовѣріе, да еще прибавили имъ казенныхъ луговъ и лѣсовъ. Мельниковъ позаботился украсить новые единовѣрческіе монастыри чудотворными иконами, насильственно отнятыми отъ скитницъ. Такъ, изъ Шарпанскаго скита была взята чтимая икона Божіей Матери и отдана въ мужской Благовѣщенскій единовѣрческій монастырь на р. Керженцѣ, а чудотворная икона св. Николая угодника изъ обители Глафириныхъ Комаровскаго скита отдана въ женскій единовѣрческій Осиновскій монастырь.

Долго надо было мнѣ стучать и звонить въ помѣщеніе игуменьи, чтобы дозваться и объясниться съ ея келейницею. Наконецъ, повидался и съ самою матерью Агніею, настоятельницею монастыря. Полная, низенькаго роста, вся въ черномъ, съ вѣнчикомъ на головѣ, покрытымъ креповою наметкой, но безъ красныхъ кантовъ на мантіи. Она сама потрудилась обойти со мною весь монастырь. Осмотрѣли мы оба храма, новыя постройки, садъ. Все говоритъ о богатствѣ, довольствѣ, о многочисленности населенія. Одинъ только огородъ, на которомъ мы застали пеструю картину поливки грядъ, свидѣтельствуетъ о широкомъ размахѣ хозяйства. До сотни женщинъ, а, можетъ быть, и побольше, весело таскали воду и разливали ее по лейкамъ.

Все это было красиво, а въ присутствіи игуменьи — чинно, стройно. Видна во всемъ опытная хозяйская рука. Проходящія мимо насъ монахини низко, до земли кланялись настоятельницѣ. Въ церкви шла обѣдня. Весь народъ на послушаніяхъ. Казалось бы, лучше не надо. Но... на все я здѣсь смотрѣлъ спокойными глазами. Это былъ монастырь самаго обыкновеннаго типа, какихъ у насъ много на Руси, а не глухой, забытый въ лѣсахъ скитъ. Наѣзжаетъ сюда время отъ времени и духовное начальство; имѣ-

Осиновскій единовѣрческій монастырь.

ются у монастыря покровители и благодѣтели въ столицахъ, а одна добрая душа даже проживаетъ здѣсь въ обители постоянно. Сама игуменья, ея комната и обстановка монастыря, — все это такъ обыкновенно, что я не находилъ нужнымъ здѣсь задерживаться.

Угощая меня настоемъ сушеной моркови, вмѣсто чая, мать Агнія долго разсказывала о нуждахъ монастыря. Вспоминала, какъ въ былое время, вскорѣ послѣ насильственнаго обращенія обители въ единовѣріе, подвели вновь назначенную игуменью въ Нижнемъ-Новгородѣ къ путешествовавшему тогда по Волгѣ наслѣднику Николаю Александровичу. Онъ предоставилъ ей право просить у него все, что она найдетъ нужнымъ для своего монастыря. Игуменья скромно попросила немного лѣсу. Наслѣдникъ подивился, что она мало назначила, и самъ предлагаетъ ей взять больше.

— Куда намъ! Съ насъ и этого хватитъ за глаза!

Свидѣтель этого разговора, П. Ив. Мельниковъ, помоталъ головою и выразительно пожалъ плечами.

— А теперь, — говоритъ мать Агнія, — какъ была бы кстати намъ эта земля!

И она стала развивать мысль о необходимости увеличить монастырскія угодья.

Кромѣ матери Агніи, я бесѣдовалъ еще съ двумя-тремя монахинями. Одна, узнавъ, что я изъ Петербурга, объявила себя землячкой и стала задавать обычные вопросы: на какой улицѣ я живу? гдѣ служу? давно ли выѣхалъ изъ столицы? скоро ли вернусь домой? и т. п. Задалъ и я ей вопросъ: почему въ монастыряхъ постригаютъ молодыхъ дѣвушекъ, чуть не дѣтей? Что же будетъ съ ними, когда онѣ выростутъ?

— Нашъ монастырь особенный: у насъ нѣтъ соблазновъ, а потому наши дѣвицы совершенно невинны и чисты сердцемъ до старости.

Я усомнился въ ея словахъ. Что осиновскія дѣвицы тихонько нашиваютъ себѣ цвѣтныя кофточки, въ отсутствіи игуменьи наряжаются въ нихъ и уходятъ на прогулки въ лѣсъ, это, конечно, не можетъ служить имъ укоромъ; но и вѣрить нельзя, чтобы онѣ были совершенно изолированы отъ міра: жизнь свое беретъ, пробивается всюду.

— Простите, матушка, все-таки я противъ постриженія молодыхъ. Да вѣдь и апостолъ Павелъ строго устанавливаетъ лѣта женщинъ, которыя могутъ жить въ обители на средства церкви. Эти женщины въ первые вѣка христіанства посвящали себя Богу и пребывали въ молитвахъ день и ночь.

— Сколько же лѣтъ онъ имъ назначаетъ?

— Шестьдесятъ.

— Старухи!

— Да. Онъ называетъ ихъ «истинными» вдовицами, въ отличіе отъ молодыхъ, которымъ предлагаетъ выйти замужъ.

Отъ Осиновскаго монастыря мой путь сталъ склоняться къ юго-востоку. Около деревни Фундриковой находился Улангерскій скитъ.

Близъ небольшой рѣчушки Козленецъ встрѣчаю веселую гурьбу дѣвицъ съ ножами и съ веревками.

— Куда это вы съ ножами?

— По вѣники!—смѣются дѣвицы.

Я прошу указать мѣсто, гдѣ стоялъ Улангерскій скитъ. Не знаютъ. Скоро вышли изъ народной памяти разрушенные скиты.

Въ пяти верстахъ отъ Улангера показываютъ мѣсто, гдѣ сгорѣлъ Варлаамъ, а къ югу отъ него—могилу Голиндухи.

Проѣхавъ Клыкову и Палому, ямщикъ повернулъ на югъ. Около деревни Ѳедосѣевой поискали Шарпанскій скитъ.

— Сгорѣлъ нашъ скитъ,—грустно повѣдалъ сѣдовласый старецъ въ черномъ длиннополомъ кафтанѣ.—Недавно сгорѣлъ. Теперь по новому строимся. Вонъ новые срубы-то бѣлѣются! Это и есть нашъ Шарпанъ.

— А вы же гдѣ теперь помѣщаетесь?

— Да пока по избамъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Около деревень Зиновьевой и Ларіоновой встрѣчались возвращающіяся телѣги съ базара изъ города (въ Семеновѣ базарные дни по четвергамъ). Я полюбопытствовалъ, что покупаютъ здѣшніе крестьяне.

Огородную зелень!

Въ этомъ краѣ всѣ такъ «ушли въ ложку» и другія кустарныя производства, что огородами имъ некогда заниматься.

Въ гор. Семеновѣ гостепріимные о. Александръ и его жена встрѣтили меня по русскому обычаю баней и обѣдомъ. У нихъ я познакомился съ мѣстными педагогами. Вечеромъ большой компаніей мы поѣхали въ Чернухинскій скитъ, кажется, единственный въ этомъ краѣ, принявшій бѣлокриницкую іерархію. Надо было проѣхать около пяти верстъ лѣсомъ. Нѣкоторые предпочли пройтись пѣшкомъ среди зеленыхъ березъ и душистыхъ сосенъ.

Кончилась лѣсная дорога, и предъ нами предсталъ большой Медвѣдевскій монастырь, очень богатый, въ родѣ Осиновскаго. Отъ него мы повернули вправо, проѣхали деревню и остановились предъ глухимъ заборомъ. Это и есть Чернухинскій скитъ, когда-то игравшій большую роль въ заволжской жизни.

Начинаемъ стучать въ ворота. Оконъ на дорогу нѣтъ. Всѣ они выходятъ внутрь скита. Послѣ долгихъ усиленныхъ стуковъ вышла, наконецъ, сама настоятельница обители, мать Александра. Поверхъ бѣлаго апостольника, на ея головѣ сидѣла лиловая бархатная шапочка-вѣнчикъ, съ отверстіемъ посрединѣ.

Меня и моихъ спутниковъ, которые оказались давнишними знакомыми, мать Александра привѣтливо пригласила въ свою

келью и предложила чаю. Чтобы долго не задерживаться здѣсь, такъ какъ наступили сумерки, мы отказались отъ угощенія.

Общій характеръ обители и въ частности келій такой же, какъ и Комаровскаго скита. Множество переходовъ, боковушъ, чуланчиковъ, кладовыхъ. Всѣ сѣни и комнаты щеголяютъ чистотою. Всюду половики. Келья настоятельницы приблизительно съ такими же раздѣленіями и убранствомъ, какъ въ другихъ обителяхъ.

Моленная тоже мало чѣмъ отличается; но здѣсь больше чувствуется близость города: многіе образа въ ризахъ, подсвѣчники не деревянные крашенные, а металлическіе; виситъ посеребренная люстра-паникадило. Мое вниманіе обратили на икону Николая Чудотворца. Она помѣщалась довольно высоко, въ правомъ углу моленной. Пришлось притащить лѣстницу-стремянку. Намъ помогала сама мать Александра. Съ зажженой свѣчой я поднялся наверхъ и увидѣлъ легендарную икону святителя Божія. У него такой поворотъ лица, что темные глаза кажутся нѣсколько скошенными, и они грозно сверкаютъ большими бѣлками. Народъ прозвалъ ее «Никола Ярое Око», за его яко бы гнѣвный взглядъ. Указывали и на другія интересныя иконы, но въ сумеркахъ при тоненькой восковой свѣчкѣ трудно было разсмотрѣть ихъ.

Мать Александра провела насъ на колодезь, вышедшій въ послѣднее время за границу ея владѣній.

— Вся окрестность,—разсказала она,—принадлежала Чернухинскому скиту. Прежде за Волгой относительно владѣнія землею было довольно свободно. Мѣстная полиція была подкуплена, а потому никто не оспаривалъ землю у скитовъ. За грѣхъ считалось и подумать причинить какой-либо ущербъ скитницамъ. А если у кого была бумага на землю, то она пряталась въ кіотъ одной изъ дорогихъ иконъ и часто забывалась тамъ. Съ разореніемъ скитовъ отняли отъ насъ нѣкоторыя земли. Крестьяне ближайшихъ деревень тоже стали тѣснить и насильно отнимать клочокъ за клочкомъ скитскія земли. Вотъ видите,—осталось всего-на-всего тридцать саженъ. Но и эту они грозятъ отнять у насъ. Наложили арендную плату. Потомъ увеличили ее. Теперь требуютъ еще больше. Чего же дальше ждать? Совсѣмъ выживаютъ. Заступиться некому. Московскіе или нижегородскіе благодѣтели къ намъ почти не наѣзжаютъ. Не знаю, что и дѣлать?!

— А вы къ какому согласію принадлежите?

— Мы принимаемъ бѣлокриницкое священство, но «окружное посланіе» отметаемъ.

— Ну, вотъ видите! Вашъ скитъ здѣсь единственный представитель австрійской іерархіи. Неужели никто не захочетъ защитить, поддержать васъ и нравственно, и матеріально?! Положимъ, можно и здѣсь похлопотать вамъ и освободиться отъ крестьянской зависимости. Но стоитъ ли ссориться со своими сосѣдями? Если они

озлобятся, то вамъ и совсѣмъ отъ нихъ не станетъ житья. Тѣмъ не менѣе необходимо скорѣй установить законныя границы скита и выяснить, насколько вы зависимы отъ здѣшняго крестьянства.

Мои спутники стали проектировать разные пути для защиты скита отъ насильниковъ. Мать Александра вся обратилась въ слухъ. Видно, ея распря съ крестьянами доставляетъ ей много горя и волненій.

Темнѣло. Обойдя всѣ постройки скита, мы поспѣшили уѣхать домой. Не заѣзжали и въ Медвѣдевскій монастырь. Для меня, послѣ осмотра Осиновскаго монастыря, онъ не могъ дать чего-нибудь новаго.

Тою же дорогою чрезъ лѣсъ мы вернулись въ городъ Семеновъ, гдѣ насъ ждали миссіонеры, прибывшіе изъ Нижняго-Новгорода. Завтра назначенъ походъ на Свѣтлое озеро, къ невидимому граду Китежу.

Рано утромъ, 22 іюня, мы выѣхали по страшно пыльной почтовой дорогѣ къ востоку. Въ Быдреевкѣ переѣхали рѣку Керженецъ, прославленную своими лѣсами, въ которыхъ укрывались старообрядцы. Но теперь въ этомъ мѣстѣ все голо: поля и поля. Лѣса сохранились еще кое-гдѣ ниже по теченію, а изъ скитовъ только и остался на самой рѣкѣ одинъ древній монастырь—Благовѣщенскій. Теперь онъ обращенъ въ единовѣрческій; но вся его обстановка, одѣяніе монаховъ и характеръ богослуженія остались прежніе. Всѣ старовѣрческіе мужскіе монастыри и скиты здѣсь со временемъ сдѣлались женскими. Единственный Керженскій Благовѣщенскій удержался въ прежнемъ положеніи, вѣроятно, потому, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ группы описанныхъ женскихъ скитовъ. Самый ближайшій къ нему Оленевскій скитъ на правомъ притокѣ Керженца.

Въ Шалдежѣ сдѣлали остановку для смѣны лошадей. Далѣе ѣхали по проселочной дорогѣ чрезъ Малиновку, Николаевку, Быдрей и Шадрино. Кругомъ все поля и поля. Когда-то знаменитые лѣса давно здѣсь повырублены и сплавлены по Керженцу въ Волгу: Въ два часа пополудни показалась роща, за которой пряталось Свѣтлое озеро.

VII.

Матеріальный погромъ отъ нечестивыхъ.—Духовный разгромъ отъ своего брата.—Грядущій градъ.—Видѣніе Новаго Іерусалима.—Скрытая въ землѣ церковь.—Невидимый градъ Китежъ.—Сказаніе о князѣ Георгіи.—Неземная жизнь въ Китежѣ.—Объединяющій народы градъ Божій.—Село Владимирское.—Свѣтлое озеро.—Православные миссіонеры.

Неожиданно, какъ грозовая туча, налетѣли Богъ вѣсть откуда страшные татары на русскую землю, пролили цѣлое море христіанской крови и сожгли города и села. Оставшіеся въ живыхъ

разбѣжались по лѣсамъ и болотамъ и, по примѣру гонимыхъ первыхъ христіанъ, говорили: «Мы странники и пришельцы на землѣ. Не имѣемъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ».

Ожиданіе или исканіе «грядущаго града», гдѣ царитъ спокойствіе и довольство, стало главнымъ положеніемъ вѣры русскаго человѣка.

Прошло слишкомъ четыреста лѣтъ послѣ нашествія татарской тучи,—явилась новая бѣда, новое гоненіе отъ своего же брата — русскаго человѣка. Раскололась русская вѣра на двѣ половины.

При татарахъ былъ матеріальный разгромъ, говорили предки, а потомъ, съ расколомъ,—духовный разгромъ.

Куда итти? въ какую сторону?—Будемъ держаться старинки,— рѣшили простецы. — Были же среди дѣдовъ и отцовъ по старой вѣрѣ преподобные и праведные люди. Значитъ, угодна была прежде Богу наша вѣра. Какъ отцы наши жили, такъ и насъ благословили.

И опять разбѣжавшіеся по пустыннымъ лѣсамъ вспомнили про «грядущій градъ».

— Сокрытъ онъ, — говорятъ православные, — отъ грѣшныхъ глазъ. Немногіе удостоились его видѣть. Только чистые сердцемъ могутъ иногда узрѣть видѣніе чуднаго града и то какъ бы въ притчѣ. Видѣлъ его и Іоаннъ Богословъ, когда онъ сосланъ былъ за вѣру Христову на островъ Патмосъ. Онъ описалъ свое чудное видѣніе въ Божественномъ Апокалипсисѣ. Городъ былъ, пишетъ онъ, чистое золото, прозрачное, подобно чистому стеклу. Стѣна его построена изъ ясписа. Да и все въ немъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Основаніе стѣны изъ двѣнадцати разныхъ самоцвѣтовъ. Ворота изъ драгихъ бисеровъ. Престолъ его изъ сапфира. Надъ нимъ радуга изъ изумрудовъ. И самъ Господь Богъ, сидящій на престолѣ, благоволилъ явиться подъ видомъ двухъ камней: ясписа и сардиса. Таковъ грядущій съ неба градъ Божій — Новый Іерусалимъ. Иногда онъ для благочестивыхъ людей отражается въ воздухѣ, иногда въ водѣ. Праведный Ездра видѣлъ его въ пустынѣ, когда онъ питался въ ней только отъ травъ полевыхъ. Ему ангелъ Уріилъ повелѣлъ выйти на поле Ардаѳъ, гдѣ не было никакого строенія. «Ибо,—объяснилъ ему ангелъ,—не могло дѣло человѣческаго созиданія существовать тамъ, гдѣ начиналъ показываться городъ Всевышняго». Этому же премудрому мужу Ездрѣ объяснено было, какъ трудно войти въ этотъ городъ сынамъ Адамовымъ. «Представь себѣ,—сказалъ ему ангелъ:—городъ построенъ и расположенъ на равнинѣ и наполненъ всѣми благами; но входъ въ него тѣсенъ и расположенъ на крутизнѣ такъ, что по правую сторону огонь, а по лѣвую—глубокая вода. Между ними, то-есть между водою и огнемъ, лежитъ лишь одна стезя, на которой можетъ помѣститься не болѣе, какъ только ступень

Чернухинскій скитъ.

человѣка. Если городъ этотъ будетъ данъ въ наслѣдство человѣку, то какъ онъ получитъ свое наслѣдство, если никогда не перейдетъ лежащей на пути опасности?»

Въ каждомъ народѣ найдется въ томъ или другомъ видѣ сказаніе о чудесно скрытомъ городѣ или даже цѣлой странѣ. У грековъ было древнее преданіе объ Атлантидѣ, погруженной въ водахъ океана. Въ жаркихъ странахъ естественное явленіе миража или фата-морганы располагаетъ къ подобнымъ сказаніямъ, и тамъ они понятны. Но есть похожія легенды и у сѣверныхъ народовъ, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ. У русскихъ, напримѣръ, есть древнее сказаніе о скрытой церкви, опоэтизированное А. Толстымъ:

> Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
> Что церковь въ землю нѣкогда ушла,
> На мѣстѣ жъ томъ образовалась яма;
> Церковищемъ народъ ее зоветъ.
> И ходитъ слухъ, что, въ тихую погоду,
> Во глубинѣ звонятъ колокола
> И клирное въ ней пѣнье раздается...

Но самою красивою легендою въ этомъ родѣ можно считать преданіе старины глубокой о чудесно скрытомъ городѣ Великомъ Китежѣ. Происхожденіе этой легенды, вѣроятно, надо отнести къ до-татарскому періоду на Руси; но въ послѣднее время нашлись книжники, которые постарались эту поэтическую легенду пріурочить къ историческому событію. Въ 1238 году было страшное нашествіе Батыя на берега верхней Волги. Великій князь Георгій Всеволодовичъ ушелъ изъ стольнаго города Владимира къ рѣкѣ Сити и тамъ, несмотря на малочисленность русскихъ войскъ, сразился съ татарами. Самъ онъ былъ убитъ, а его войско разсѣяно. Со смертью великаго князя Георгія погибла независимость русской земли. Православнымъ людямъ пришлось хорониться отъ татаръ въ глухіе лѣса и непроходимыя болота. Вотъ на этой-то почвѣ и выросло сказаніе, какъ великій князь Георгій ушелъ за рѣку Керженецъ, въ городъ Китежъ, какъ нѣкто Гришка Кутерьма указалъ къ нему путь татарамъ, какъ милостію Божіею градъ Китежъ скрылся отъ глазъ нечестивыхъ и доселѣ стоитъ невидимымъ на холмистомъ берегу Свѣтлаго озера.

Эту легенду до сихъ поръ поддерживаютъ досужіе книжники, переписывая ее изъ одного цвѣтничка въ другой; но простой народъ мало интересуется пристегнутымъ къ ней историческимъ событіемъ. Онъ удержалъ въ своей памяти одно главное: надъ озеромъ скрывается «святой градъ» съ башнями, съ церквами, съ теремами; мѣсто это свято и обойти съ молитвою вокругъ Свѣтлаго озера—все равно, что въ Іерусалимъ сходить.

Старый типъ монаха Керженскаго монастыря.

Всѣ идеалы старинной Святой Руси были связаны съ представленіемъ дивнаго города, хранимаго Богомъ. Тамъ излюбленные храмы-соборы: Благовѣщенскій, Успенскій, Воздвиженскій. Тамъ красный звонъ многопудовыхъ колоколовъ. Тамъ ангельское пѣніе чинныхъ церковныхъ хоровъ. Тамъ благолѣпное служеніе сонма служителей Божіихъ. Это не земная жизнь, съ ея заботами и скорбями. Въ невидимомъ градѣ Китежѣ царитъ полное спокойствіе,

чинность, братолюбіе. Въ немъ князья и горожане составляютъ одну мирную семью. Младшіе послушны старшимъ, и всѣ проникнуты взаимною любовію и уваженіемъ. У нихъ нѣтъ ни распри, ни дѣлежа, потому что они всѣмъ довольны. Вѣра ихъ непререкаемая, истинная. Крестятся тамъ настоящимъ большимъ крестомъ. Люди въ невидимомъ градѣ не умираютъ. Они кормятся отъ дивныхъ деревьевъ, приносящихъ плоды двѣнадцать разъ въ годъ, и услаждаются пѣніемъ райскихъ птицъ Сирина и Алконоста. Только при второмъ пришествіи Господнемъ откроются очи всѣхъ смертныхъ, и всякая плоть узритъ дотолѣ невидимый градъ Китежъ, гдѣ непрестающія тишина и спокойствіе, радость и веселіе.

И въ настоящее время грѣха и всякой неправды нѣкоторые благочестивые люди сподобляются видѣть чудесно скрытый городъ и слышать колокольный звонъ въ немъ. Есть одна ночь въ году на землѣ, на самый красный день среди лѣта, недѣли черезъ двѣ послѣ солнцестоянія, на Аграфену-купальницу, когда у вѣрующихъ раскрываются глаза и уши, какъ у слуги пророка Елисѣя, и они видятъ и слышатъ жизнь таинственнаго города на берегахъ Свѣтлаго озера.

Таково сказаніе и такова вѣра нашего простодушнаго народа, берегущаго преданія глубокой старины. Но что сокрыто и утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ. Простой народъ изъ поэтической легенды выбросилъ позднѣйшее наслоеніе и повернулъ ее къ древнему началу—къ таинственному городу Іерусалиму, видѣнному немногими пророками и апостолами. У него есть въ душѣ инстинктивное стремленіе къ этому Божіему граду, онъ смутно ищетъ его въ пустыняхъ и лѣсахъ, онъ знаетъ, что настоящая земная жизнь его временная; онъ сейчасъ какъ бы въ изгнаніи, но вѣритъ, что есть гдѣ-то родной домъ, есть городъ-отечество, гдѣ онъ будетъ жить въ мирѣ и радости безконечныя времена. До сихъ поръ дѣтски вѣрующій народъ со всѣхъ сторонъ идетъ по лѣснымъ звѣринымъ тропамъ на восточную сторону отъ Керженца, къ невысокимъ горамъ Свѣтлаго яра, и благоговѣйно, съ молитвою и со свѣчами, обходитъ его берега. Тутъ невидимый градъ Китежъ объединяетъ всѣ окрестныя народности, всѣ христіанскія вѣры, какъ и новый Небесный Іерусалимъ соединяетъ въ себѣ всѣ племена земныя.

Стремился и я поспѣть во-время къ собранію никоніанъ, старообрядцевъ и сектантовъ у сокрытаго града Китежа.

Лѣсные жители Заволжья не даромъ остановили свою мысль на красивомъ озерѣ среди зеленаго лѣса. Съ одной стороны его подымаются горы, съ другой—разстилается луговая равнина. Отъ Волги озеро отдѣлено малопроходимыми лѣсами и огромными болотами, охватившими пространство около четырехъ тысячъ квад-

ратныхъ верстъ! Съ сѣвера растянулись далекіе костромскіе лѣса. Есть гдѣ схорониться!

Минуя озеро, мы проѣхали прямо въ сосѣднее село Владимирское (Макарьевскаго уѣзда, у самой границы съ Костромской губерніей, въ верховьяхъ рѣки Люнды, притока Ветлуги). Завтра, 23-го іюня, здѣсь храмовой праздникъ Владимирской иконы Божіей Матери и большая сельская ярмарка. Повсюду необычайное движеніе. Около трактировъ стоятъ толпы народа. Много повозокъ, и пустыхъ и съ товарами. На широкихъ улицахъ устраиваютъ временныя лавки и лари для торговли.

Я остановился на почтовой станціи. Въ этомъ же домѣ хозяинъ содержитъ и трактиръ. Ему не до меня: со всѣхъ сторонъ его осаждаетъ прибывающій народъ. Моя комната въ безпорядкѣ и сильно пропахла пивомъ. На столѣ недопитые стаканы и пустыя бутылки. Помывшись послѣ страшно пыльной дороги, я немедленно отправился къ Свѣтлому озеру.

Было три часа дня. На главной улицѣ меня увлекла струя паломниковъ, двигавшихся въ одномъ направленіи. При выходѣ изъ села многіе изъ нихъ останавливались, чтобы выкупаться въ заводяхъ рѣки Люнды. Отсюда до озера будетъ версты полторы. Подходя къ нему съ восточной стороны, я встрѣтилъ столбъ съ надписью: «Сибирская дача А. С. Зеленова». Владѣтель озера недавно умеръ, и наслѣдство перешло къ малолѣтнимъ дѣтямъ. Надъ ними опекуномъ дядя ихъ, С. С. Зеленовъ, здѣшній лѣсопромышленникъ.

Озеро лежитъ въ темно-зеленой рамѣ изъ смѣшаннаго лѣса. Берега низкіе, отлогіе, и только на югѣ они подымаются въ два холма. Еще съ утра, покрытые парусиной возы торговцевъ растянулись двумя лентами по обѣимъ сторонамъ дороги, вдоль юговосточнаго берега озера. Тутъ же на лугу пасутся лошади. Много купающихся. Больше женщинъ и дѣтей. На травѣ сидятъ группы отдыхающихъ съ дороги паломниковъ. Около возовъ задымили большіе самовары. Въ балаганахъ длинные столы накрыты узкими холстами. На нихъ разставляютъ чашки и стаканы для горячаго сбитня и чая. Продаютъ съѣстные припасы, много разныхъ сластей, красный товаръ и деревянную посуду. Около торговли толчется народъ.

Одна группа за другой дѣлаетъ обходъ озера «посолонь». Вотъ прошли черемисы въ бѣлыхъ балахонахъ, въ лаптяхъ съ черными шерстяными онучами. Издали по ихъ однообразному платью не различишь, бабы ли прошли, или мужики. Нѣкоторые обходятъ со свѣчами въ рукахъ. Немногія женщины ползутъ на колѣняхъ. Онѣ временами останавливаются и молятся. Самое оживленное мѣсто у горъ. Тутъ стоятъ иконы, тутъ поютъ и читаютъ, тутъ же продаютъ и восковыя свѣчи.

Вдругъ надвинулась грозовая туча съ сѣвера. Зашумѣла парусина палатокъ. Нѣсколько капель дождя упало на землю. Вотъ-вотъ хлынетъ ливень. Но вскорѣ снова показалось солнце: туча отошла въ сторону.

Спѣшно прошли православные миссіонеры на первый, болѣе высокій холмъ. Половина ихъ въ священническихъ рясахъ. Народъ повалилъ за ними на вершину холма, къ деревянной часовнѣ, гдѣ мѣстный священникъ давно уже служилъ молебны Владимирской иконѣ Божіей Матери.

Миссіонеры выставили аналои около часовни, возложили на себя эпитрахили и открыли собесѣдованія съ народомъ. Устанетъ одинъ священникъ, его смѣняетъ другой; другого—третій; и такъ непрерывно до самой ночи. Здѣсь, на правомъ, если смотрѣть съ юга на сѣверъ, холмѣ, народъ мало возражалъ. Онъ болѣе слушалъ и поучался. Примѣняясь къ современному языку, здѣсь больше правыхъ, принимающихъ ученіе православной церкви безъ протеста. На другомъ, лѣвомъ холмѣ, болѣе широкомъ, обыкновенно собираются старообрядцы и сектанты, то-есть оппозиція господствующей церкви, или лѣвые.

Вотъ двѣ горы, въ своемъ родѣ библейскія Гаризимъ и Гевалъ, на которыхъ читаютъ книжники «законъ» и произносятъ «благословенія» и «проклятія».

Чтобы перейти съ одного холма на другой, надо спуститься сначала въ небольшую ложбину, занятую молящимся народомъ около парусинной палатки съ Владимирскою иконою, взятой на этотъ вечеръ изъ сельской церкви. Проходящіе старообрядцы, съ кожаными лѣстовками въ рукахъ, не спрашиваютъ, кто выставилъ икону. Они усердно крестятся двумя перстами и ставятъ на подсвѣчникъ свѣчи. Иные ходятъ все время со свѣчами въ рукахъ.

Я присѣлъ на полугорѣ, чтобы отдохнуть и полюбоваться озеромъ. Оно круглой формы, не велико, не больше версты въ діаметрѣ. Только съ южной стороны на обоихъ холмахъ сохранился сосновый лѣсъ. По низкимъ берегамъ озера тянутся березы и ивы. Вдали виднѣется лодка. Нѣсколько портитъ картину прижавшійся къ правому холму кирпичный заводъ, замаскированный со стороны озера рядомъ деревьевъ. Но далеко кругомъ, куда только хватаетъ глазъ, все поля и поля.

Подходитъ дѣвочка и предлагаетъ землянику. Тарелкой послужилъ широкій листъ лопушника. Кругомъ меня пестрый коверъ цвѣтовъ. Знакомая ромашка, фіолетовые колокольчики, двуцвѣтныя Иванъ-да-Марья. Среди нихъ торчатъ пахучіе бѣлые султаны. Кругомъ сверкаютъ и жужжатъ блестящія мушки и пчелы... Прелестный уголокъ! Не хочется подыматься отсюда. Но надо итти: вѣдь я пріѣхалъ сюда слушать пренія о вѣрѣ.

Старцы, начетчики и уставщицы заволжскихъ скитовъ.

VIII.

Въ нерукотворенномъ храмѣ.—Библейскія сказанія.—Погибшіе города въ водѣ и огнѣ.—Чтеніе «цвѣтничковъ».—Всеисцѣляющее снадобье.—Обходъ озера.—Пренія о вѣрѣ.—Обличеніе архіереевъ.—Вызовъ никоніанамъ.—Вмѣшательство молодежи.—Сектанты-немоляки.—Политическій митингъ.—Священная ночь.

Въ четыре часа на лѣвомъ холмѣ еще не было религіозныхъ преній. Главная масса народа занята молитвою. По всей рощѣ группы старообрядцевъ разныхъ согласій, со своими иконами и свѣчами, поютъ старинными напѣвами, вперемежку съ чтеніемъ, молебны и акаѳисты Божіей Матери или служатъ вечерню.

Любопытные тихонько переходятъ отъ одной группы къ другой, стараясь не помѣшать молиться. Начетчики тоже медленно двигаются среди народа, нащупывая себѣ соотвѣтствующаго противника. Святость мѣста и молитвенное настроеніе старообрядцевъ сдерживаютъ здѣсь всю массу народа отъ рѣзкихъ выкриковъ, шумнаго смѣха или просто громкаго разговора. Всѣ чувствуютъ себя, какъ въ обширномъ храмѣ, подъ однимъ общимъ голубымъ куполомъ. Кругомъ высятся естественныя колонны — высокія деревья съ зелеными кронами-капителями. Всѣ стоятъ на общемъ зеленомъ коврѣ, изукрашенномъ пестрыми цвѣтами. Наверху виситъ золотое паникадило, яркое солнце, освѣщающее весь нерукотворенный храмъ Божій, а внизу, въ ряби водъ свѣтлаго озера, оно переливается въ тысячѣ дрожащихъ огоньковъ. На вершинѣ холма, какъ на церковномъ амвонѣ, стоитъ кучка паломниковъ, увлеченныхъ мыслію къ небу, и вспоминаютъ они гимны нашихъ русскихъ пустынниковъ:

Днемъ и ночью у насъ служба воскресная,
Днемъ и ночью темьяны да ладаны;
Днемъ сіяетъ намъ солнышко ясное,
Ночью звѣзды, какъ свѣчки, затеплятся.
День и ночь у насъ пѣнье умильное,
Что на всѣ голоса ликованіе,—
Птицы, звѣри, дыханіе всякое
Воспѣваютъ прекрасенъ Господенъ свѣтъ:
«Тебѣ слава во вѣкъ, небо свѣтлое,
Богу Господу чуденъ высокъ престолъ!
Та же слава тебѣ, земля-матушка,
Ты для Бога подножіе крѣпкое!» [1]).

Земля и небо—это двѣ страницы Великой Книги Бога, которыя онъ открываетъ «младенцамъ». «Премудрые и разумные» предпочли обратиться къ толстымъ фоліантамъ, написаннымъ

---

[1]) Изъ «Сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ» Вл. Ив. Бѣльскаго.

крупнымъ стариннымъ уставомъ. Они старательно вычитываютъ труднопонимаемую отжившую рѣчь нашихъ предковъ и требуютъ другъ у друга объясненія чуть ли не каждаго слова.

Одинъ старецъ читалъ, какъ сирійскій царь искалъ погубить пророка Елисѣя. Царю указали на городъ Доѳаимъ, гдѣ скрывается пророкъ.

«.... И посла тамо кони и колесницы и силу тяжку: и пріидоша нощію и окружиша градъ. И урани рабъ Елисѣевъ востати, и изыде: и се сила обступи градъ, и кони и колесницы. И рече отрокъ его къ нему: о, господине, что сотворимъ? И рече Елисѣй: не бойся, яко множае яже съ нами, нежели съ ними. И помолися Елисѣй и рече: Господи, отверзи нынѣ очи отрока, да узритъ. И отверзе Господь очи его, и видѣ: и се, гора исполнь коней, и колесница огненна окрестъ Елисѣя...»

Далѣе онъ прочелъ, какъ по молитвѣ пророкъ поразилъ сирійцевъ слѣпотою и отвелъ ихъ отъ города Доѳаима.

— Вотъ такъ было, — комментируетъ писаніе старецъ, — и здѣсь, когда Батый подошелъ къ Великому Китежу, Господь окружилъ благочестивый градъ силою небесною, и очеса татаръ поразилъ слѣпотой.

— Дѣдушка, — спрашиваетъ молодой парень, — а какъ же у насъ въ Малой Шалдежкѣ говорятъ, что городъ здѣшній ушелъ въ воду? Будто бы наши дѣды задѣли сѣтями за церковные кресты и съ тѣхъ поръ перестали ловить здѣсь рыбу?

— Не слышалъ я такого сказанія, — степенно отвѣтилъ старецъ.—Но то знаю, что воднымъ потопомъ наказываются Господомъ и люди и страны. Первый міръ за свое нечестіе погибъ въ водахъ потопа. И нечестивые города Содомъ и Гоморра тоже покрыты горькими водами Мертваго моря. Иногда Господь попаляетъ грады огнемъ, какъ это недавно случилось съ Сызранью, а еще того страшнѣе—съ французскимъ городомъ на океанскомъ островѣ. А богоспасаемый градъ Китежъ стоитъ здѣсь на этихъ самыхъ горахъ, и праведные люди удостаиваются зрѣть его святыни...

— Правду говоришь ты, дѣдушка!—перебилъ его коренастый пахарь въ красной рубахѣ: — у насъ варнавинская блаженная издали увидѣла золотые кресты церквей у Свѣтлаго озера, но, какъ только объ этомъ сказала, они пропали изъ ея глазъ, и больше она ихъ не видѣла.

— А давно это было, какъ городъ сталъ невидимъ?—спрашиваетъ опять молодой парень старика.

— Порядочно. Въ третьемъ году я былъ здѣсь, такъ тогда одинъ учитель вычислялъ, что съ нашествія злочестиваго Батыя, который при князѣ Георгіи опустошилъ русскую землю, прошло шестьсотъ шестьдесятъ шесть лѣтъ.

— Шестьсотъ шестьдесятъ шесть лѣтъ! — хоромъ удивленно воскликнули слушатели и переглянулись между собою.

— Да, антихристово число!—продолжалъ разсказчикъ.—Тогда еще пріѣзжалъ сюда изъ Петербурга одинъ писатель съ женой. Чернавый такой, маленькаго роста. А жена у него тоже пишетъ книжки. Самъ-то гораздъ говорить. Въ то лѣто много онъ толковалъ здѣсь на озерѣ объ Антихристѣ, да о новой церкви по Апокалипсису.

— А что означаетъ это самое слово Китежъ?

— Разно говорятъ. Поминается въ Библіи земля Киттійская, но она лежала при морѣ, въ которомъ корабли плаваютъ. А здѣсь вѣдь небольшое озерко.

— У насъ, въ Вятской губерніи,—вставляетъ крестьянинъ съ палкою въ рукѣ, съ котомкою на плечахъ, — китецъ означаетъ старообрядческаго скитника.

На него искоса кинулъ задумчивый взглядъ старикъ и ничего не сказалъ.

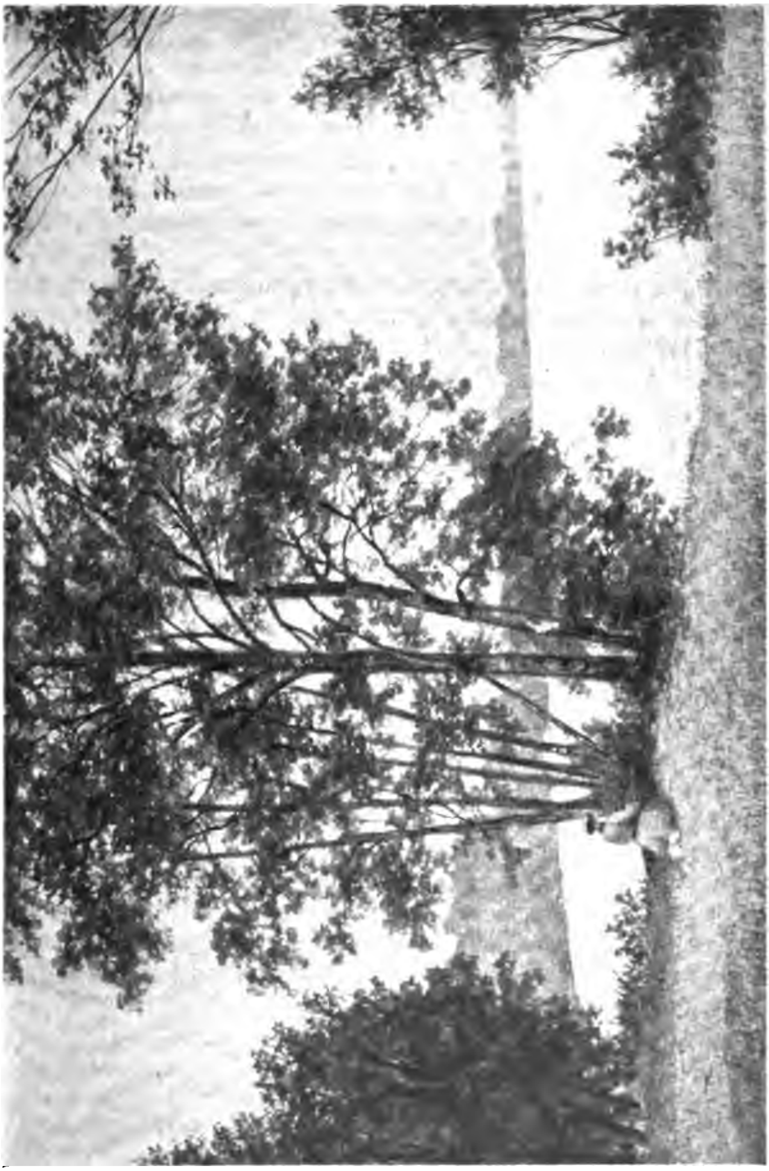
Когда я сталъ отходить отъ группы бесѣдующихъ, меня нагналъ одинъ изъ слушателей и тихонько спросилъ:

— А что, господинъ, можетъ ли это быть, о чемъ здѣсь говорили?

Я ему постарался объяснить, что, дѣйствительно, исчезаютъ отъ потопа или землетрясенія цѣлые страны и города. Особенно часто это мы наблюдаемъ на морскихъ островахъ. Но случается и обратно: появляются новые острова тамъ, гдѣ раньше была страшная глубина. Правда и то, что иногда въ одинъ день засыпаются цѣлые города дождемъ горячаго пепла или заливаются расплавленной лавой, какъ итальянскіе Геркуланумъ и Помпея. Въ нѣкоторыхъ озерахъ находятся остатки древнихъ селеній изъ цѣлаго ряда домовъ, построенныхъ на сваяхъ. Было ли что подобное въ Свѣтломъ озерѣ, намъ неизвѣстно. Но можно положительно сказать, что на этихъ холмахъ прежде стоялъ городъ. Въ древности умышленно выбирали такія красивыя возвышенныя мѣста для селенія. Какъ-то дѣлали здѣсь раскопки и нашли много стрѣлъ и другихъ остатковъ былого присутствія людей.

Въ другой группѣ тоже старикъ медленно читалъ старинный «Цвѣтникъ»—сборникъ разныхъ изреченій, выбранныхъ составителемъ изъ святоотеческихъ книгъ. Тутъ возраженій и комментаріевъ не было. Всѣ слушали съ большимъ напряженіемъ. Но вдругъ старикъ беретъ рукописную засаленную тетрадку и проситъ послушать сказаніе:

«Мимо раю, мимо свѣтлаго, пролегала путь-дороженька, да никто-то по ней да не хаживалъ. Только шли-прошли два ангела, два архангела. Провели жъ они душу грѣшную. Денной ангелъ возгласилъ:



Южная половина Свѣтлаго озера.

«— Что ты, душа, мимо раю шла, что жъ ты, душа, въ рай не зашла? Али ты, душа, ты за скупостью? Али ты, душа, ты за глупостью? Али ты, душа, ты за спесiю? Али ты, душа, ты за бродростью? Али ты, душа, ты за гордостью? Али ты, душа, ты за одеждою? Али ты, душа, ты за цвѣтною?

«Ничего жъ та душа не отвѣтила, только горько заплакала. Ночной ангелъ возгласилъ:

«— Что ты, душа, мимо раю шла, что жъ ты, душа, въ рай не зашла? У насъ въ раю житье хорошо, у насъ въ раю все сады стоятъ. Въ садахъ древеса кипарисовыя, отросточки серебряные, сучечки на нихъ позолоченные. На сучечкахъ цвѣточки лазоревые; на цвѣточкахъ сидятъ пташки райскія, поютъ стишки херувимскіе; поютъ онѣ, воспѣваютъ, въ рай голоса подаваютъ, праведныхъ душъ ввеселяютъ. Праведныя души ввеселяются, а грѣшныя ужасаются».

Женщины располагались въ особыя группы. Большинство пѣли духовныя «псальмы». Вдали отъ главнаго сборнаго пункта сидѣли у кустовъ четыре женщины и слушали свою землячку, которая вычитывала имъ медленно, нараспѣвъ сказаніе о почитаніи родителей. Очень часто повторялась угрожающая фраза за непочитаніе отца и матери:

«Проклятіемъ вы прокляты...»

Слушательницы тяжко вздыхали при каждой такой угрозѣ.

Меня привлекла большая толпа внизу, у подножья холма. Разбита маленькая палатка, а въ ней икона. Женщина въ монашескомъ одѣяніи читаетъ нараспѣвъ псалтирь. Проходящій народъ останавливается, молится и ставитъ свѣчи. Я прошелъ съ народомъ далѣе вдоль берега.

Сидитъ древняя старуха съ корзиною какихъ-то странныхъ чешуйчатыхъ корешковъ.

— Что продаешь, бабушка?

— «Петровъ-крестъ», батюшка! Очень пользительно отъ разныхъ недуговъ.

И она обстоятельно разсказала нѣсколько случаевъ особеннаго исцѣленія. Собралась толпа паломниковъ. Одинъ странникъ вытащилъ изъ-за пазухи небольшую книжку.

— А вотъ послушайте! я вамъ прочту, какъ надо лечиться.

Мигомъ странника окружили тѣснымъ кольцомъ. Высокимъ поющимъ тенoромъ онъ началъ:

Возьми корень нищеты духовныя,
На немъ же вѣтви молитвенныя
Процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія,
Изсуши его постомъ воздержанія,
Изотри его терпѣливымъ безмолвіемъ,
Просѣй ситомъ чистой совѣсти,
Насыпь въ котелъ послушанія
И налей водою слезною.
Покрой покровомъ любви,
Подпали теплотою сердечною
И, разжегши огнь молитвы,
Подмѣшай ѳиміама благодаренія.

> И, упаривши довольнымъ смиренномудріемъ,
> Влей на блюдо разсужденія.
> Довольно простудивши братолюбіемъ,
> Часто прикладывай на раны сердечныя.
> И тако уврачуеши болѣзни душевныя
> Отъ множества грѣховъ твоихъ.

Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ берега, старенькій запущенный колодезь. Надъ нимъ столъ съ иконою, свѣча горитъ передъ нею. Сѣдой старецъ черпаетъ деревяннымъ ковшомъ мутную воду и подаетъ проходящимъ.

Выбравъ прохладный уголокъ подъ тѣнью кудрявой березы, я залегъ въ густой травѣ и сталъ записывать свои впечатлѣнія. Подходитъ дѣдъ въ красной рубахѣ, въ цилиндрической поярковой шляпѣ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукахъ.

— Откуда, дѣдушка?

— Мы—варнавинскіе.

Я поднялся и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ обходъ озера. Перелѣзли черезъ изгородь, примыкающую къ самому берегу, и вышли въ поле. Озеро и лѣсъ принадлежатъ лѣсопромышленнику Зеленову, а кругомъ его поля разныхъ владѣльцевъ.

Въ сторонѣ кричитъ во ржи перепелъ.

— Мало кричитъ,—замѣчаетъ дѣдъ.—Старики говорили: сколько разъ крикнетъ перепелъ, столько мѣръ съ овина принесешь. Все, слышу, три раза кричитъ.

— Какой вѣры-то?

— Христіанской. Большимъ крестомъ крестимся, а не щепотью.

— И въ церковь ходите?

— Ходимъ и причащаемся.

— Священникъ вашъ—единовѣрецъ, значитъ?

— Зачѣмъ? Онъ щепотью крестится. Теперь люди стали все напротивъ итти. Нашъ священникъ съ евангеліемъ или съ чашею противъ солнца идетъ и вѣнчаетъ и креститъ противъ солнца.

— Ну, а какъ хлѣбъ сѣете?

— Хлѣбъ не съ руки посолонь. Противъ солнца сѣемъ.

Народъ усердно черпаетъ воду прямо съ берега, наполняетъ ею свои деревянные бураки, чтобы подѣлиться «святою водою» и въ дальнихъ деревняхъ, откуда они пришли.

— Оскудѣло благочестіе!—вздыхаетъ дѣдъ.—Видано ли это, чтобы сегодня, въ этотъ святой день, кто-нибудь купался въ озерѣ? Мы пьемъ эту воду, а тутъ цѣлый день голыя бабы баламутятъ ее на виду у всѣхъ.

Подходимъ съ другой стороны къ возамъ. Картина принимаетъ видъ ярмарки, гулянья. Склоны горъ запестрѣли яркими ситцами. Народу все болѣе и болѣе прибавляется. Стали подходить группы

барышень, со студентами во главѣ. Большинство пришли сюда пѣшкомъ. Головы дѣвицъ обвязаны ситцевыми платками, въ рукахъ палки. У нѣкоторыхъ узелки за плечами. Онѣ вносятъ сюда смѣхъ и веселье.

На вершинѣ лѣваго холма замѣтно движеніе. Туда перешла часть миссіонеровъ. Народъ разступился передъ священникомъ и далъ ему мѣсто у большого ствола раскидистаго дерева. Другіе миссіонеры разбрелись по рощѣ, переходя отъ одной группы бесѣдующихъ къ другой, ища по себѣ достойнаго борца. Споры и пренія загорались то въ одной кучкѣ бесѣдующихъ, то въ другой. Въ лѣсу множество отдѣльныхъ кружковъ богомольцевъ и богомолокъ. Заунывное пѣніе старовѣровъ смѣшивается съ общимъ шумомъ тысячи голосовъ собесѣдующихъ. Главная масса народа на вершинѣ холма раздѣлилась на двѣ половины. Въ одной старообрядцы сгрудились около православнаго священника и закидывали его непрерывающимися вопросами, въ другой—сектанты-иконоборцы спорили съ иконопочитателями. Страсти быстро разгорались. Слышны были и рѣзкіе выкрики. Среди крестьянскихъ зипуновъ и черныхъ длиннополыхъ кафтановъ все чаще и чаще стали мелькать темныя рубахи и шляпы интеллигентной молодежи. Народные учителя, студенты, семинаристы стараются овладѣть вниманіемъ каждой кучки собесѣдующихъ. Но степенные старообрядцы ворчали и уходили отъ нихъ все дальше и дальше въ глубину лѣса.

Толпа особенно налегала на отца-миссіонера.

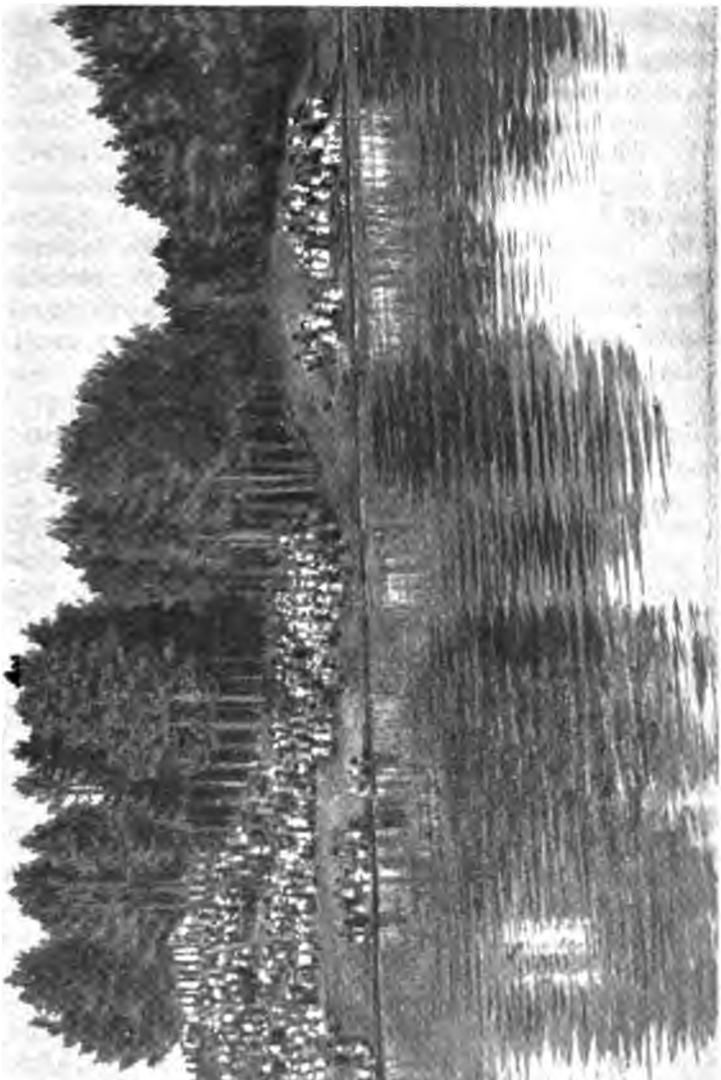
— Гдѣ въ писаніи сказано, чтобы архіерей получалъ тысячи, когда народъ чуть не околѣваетъ съ голоду? Ты читалъ ли въ Евангеліи, кто одѣвается пышно и роскошно живетъ въ чертогахъ царскихъ? Нѣтъ, ты скажи,—настаиваетъ спрашивающій, не дожидая отвѣта на рядъ уже высказанныхъ вопросовъ:—почему архіереи называются монахами и не исполняютъ своихъ монашескихъ обѣщаній? Гдѣ ихъ нестяжаніе? Гдѣ цѣломудріе? Гдѣ сказалъ Христосъ, чтобы апостолы или епископы украшались орденами, какъ генералы?..

Буквально припертый къ дереву, отецъ-миссіонеръ подъ градомъ обвиненій выжидалъ, когда ему дадутъ сказать хоть одно слово. Со всѣхъ сторонъ несутся крикливые вопросы. Но тутъ протерся сквозь толпу высокій старообрядецъ въ длиннополомъ кафтанѣ, и не столько сильнымъ голосомъ, сколько своей властной фигурой остановилъ нападающую толпу:

— Погодите! Что вы объ архіереяхъ его спрашиваете? Онъ— бѣдный сельскій священникъ и самъ трепещетъ архіерея не хуже, чѣмъ мужики станового...

Кто-то громко разсмѣялся.

— Лучше мы спросимъ его, чему онъ обязанъ учить народъ. Пусть намъ объяснитъ, почему въ древнія времена на Руси, при



Народное собраніе на холмахъ Свѣтлаго озера, 22 іюня.

старыхъ книгахъ и при старыхъ обрядахъ, многіе люди изъ разныхъ сословій спаслись и церковь причислила ихъ къ лику святыхъ? Почему на древнихъ иконахъ писалось двоеперстіе, и оно не помѣшало имъ быть чудотворными? Почему же теперь вы на-

стаиваете на перемѣнѣ старинныхъ обрядовъ, заповѣданныхъ святыми отцами? Если сложеніе перстовъ, какъ вы говорите, все равно какое, то зачѣмъ же было мѣнять двоеперстіе и тѣмъ поселять вражду въ русскомъ народѣ, раздѣлить Христову церковь на двѣ половины? Ну-ка, скажи!

— Зачѣмъ мы будемъ опрокидывать вопросы? Ставить ихъ вверхъ ногами? Начнемъ мы свою бесѣду о церкви Божіей. Но надо строить домъ снизу, съ основанія, а не съ крыши, какъ вы хотите. Сперва вырываютъ яму, закладываютъ ее бутомъ, потомъ воздвигаютъ стѣны и уже надъ ними ставятъ стропила и покрываютъ крышей. Послѣ этого домъ обдѣлываютъ внутри и украшаютъ его рѣзьбою. Такъ и всякій христіанинъ сперва долженъ вынуть изъ сердца все земное, чтобы положить въ него основаніе вѣры, на которой зиждется ученіе апостольское. Вотъ порядокъ! А вы хотите восходить на небо по лѣстницѣ съ верхней ступени внизъ. Вы начинаете бесѣду не съ основанія вѣры, а съ одной изъ подробностей, такъ сказать, съ украшенія дома Божія, съ двоеперстія.

— Это не малая вещь! — многозначительно замѣтилъ старообрядецъ.

— Сказано Спасителемъ, что лучше безъ правой руки войти въ жизнь вѣчную, чѣмъ съ обѣими руками быть ввержену въ геенну огненную. Что мы будемъ говорить о пальцахъ, когда безъ цѣлой руки можно войти въ Царствіе Божіе!

— Виноватъ, я перебью васъ, — останавливаетъ священника молодой человѣкъ въ шляпѣ, подошедшій къ толпѣ въ группѣ другихъ молодыхъ людей, повидимому, студентовъ или народныхъ учителей. — Вѣдь то, что вы говорили, это аллегорія. Притчи и аллегоріи были, пожалуй, нужны въ свое время, а теперь, когда наука выработала опредѣленныя формы для соціальной жизни, всѣ эти побасенки пора бы оставить. Мнѣ кажется, нравственное ученіе Христа, оставаясь въ силѣ у всѣхъ культурныхъ народовъ, не имѣетъ уже нужды въ защитѣ со стороны представителей духовенства. Роль государственной церкви кончилась. Во Франціи религія...

Когда заговорилъ молодой ораторъ, старообрядцы насторожили уши, но, услышавъ незнакомый языкъ, стали понемногу таять.

Въ другой большой толпѣ спорили сектанты-немоляки. Здѣсь, за Волгой, гдѣ такъ развито иконопочитаніе, гдѣ такъ привыкли молиться только въ присутствіи святыхъ образовъ, явилась другая крайность—рѣзкое отрицаніе всякаго признака изображенія Бога.

— Если у нихъ нѣтъ иконъ,—рѣшилъ заволжскій народъ:— значитъ, они и не молятся.

Отсюда и прозвали ихъ немоляками. Въ сущности же эти сектанты одного типа съ другими русскими, такъ называемыми

евангелическими христіанами, отвергающими православную церковь и всѣ ея обрядовыя установленія. Они болѣе охотно прислушивались къ политическимъ рѣчамъ учащейся молодежи, которая переходила отъ одного кружка бесѣдующихъ къ другому и всюду врывалась со своими вопросами и объясненіями. Пробовали ихъ остановить, замѣчая имъ, что нехорошо этотъ единственный въ году день отымать у народа. Онъ собрался здѣсь исключительно для бесѣды о вѣрѣ. Каждый изъ приходящихъ сюда приноситъ въ сердцѣ своемъ все, чѣмъ онъ жилъ цѣлый годъ. Толкованіе писаній, размышленія о судьбахъ міра, разные недоумѣнные вопросы,—все это приносится сюда, на берегъ Свѣтлаго озера, чтобы въ кругу такихъ же вѣрующихъ простецовъ обсудить совмѣстно, подѣлиться новыми откровеніями и разойтись съ коробомъ новыхъ думъ и впечатлѣній до слѣдующаго лѣта.

Стало смеркаться. Тутъ-то вотъ и должно начаться обхожденіе озера съ зажженными свѣчами, съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ, съ пусканіемъ горящаго воска на воду. Тутъ-то вотъ и должны приникнуть ухомъ къ землѣ, чтобы услышать звонъ колоколовъ невидимаго города. Но... народъ сталъ уходить съ горы въ сосѣднее село Владимирское. Пришлые же издалека полегли рядами спать на травѣ.

— Куда вы? Погодите, побесѣдуемъ еще о вѣрѣ!

— Какая тутъ бесѣда! Мѣшаетъ молодежь. Она все хочетъ говорить о политикѣ. У насъ и дома довольно такихъ разговоровъ. Не для этого я шагалъ двѣсти верстъ.

Какъ тѣни замелькали между деревьями конные стражники. Вотъ они подходятъ къ вершинѣ лѣваго холма и полукольцомъ обхватили толпу спорящихъ. Выдѣляется гурьба молодежи. Кто-то полѣзъ на дерево.

— Товарищи!—раздался звонкій голосъ сверху.

Полиція плотнѣе прижалась къ толпѣ. Съ дерева полилась свободная рѣчь о правдѣ, справедливости, о лучшемъ устройствѣ государственной жизни. Сначала соціальное ученіе предлагалось, какъ Христово ученіе, а потомъ Христосъ былъ забытъ и полились обличительныя рѣчи современнымъ условіямъ русской жизни.

— Я вамъ передаю то же самое ученіе, что и Христосъ проповѣдывалъ,—ораторствуетъ съ вершины дерева.

— Ты намъ проповѣдуй,—ворчитъ старикъ-старообрядецъ,— не ученье, а Христа, распятаго за грѣхи наши.

— Мы всѣ братья, равны между собою...

— Какое братство съ врагами Христа?!—продолжаетъ критиковать старообрядецъ.—Равенства нѣтъ и въ Царствѣ небесномъ. Тамъ разныхъ девять чиновъ ангельскихъ. Сказано: звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ.

— Всѣ матеріальныя богатства надо раздѣлить правильно между всѣми людьми...

— Это вы по наукѣ хотите дѣлить, а Христосъ отказывается дѣлить братьевъ. Раздѣли ихъ сегодня, а завтра опять споръ и борьба, нужно снова дѣлить ихъ. Христосъ заповѣдалъ намъ любовь имѣть между собою, тогда и дѣлить насъ не надо.

— Вы должны отстаивать свои права, бороться за нихъ...

— У христіанина нѣтъ правъ на землѣ. Онъ не отъ міра сего. Его жительство на небесахъ. Тамъ его отечество, тамъ его и гражданство.

— Христосъ говоритъ: «Продай одежду твою и купи мечъ». Онъ самъ былъ причтенъ къ злодѣямъ...

— Послушай, Дмитрій Ивановичъ, пойдемъ отсюда. Намъ здѣсь больше нечего дѣлать.

— Браво, браво!—аплодировала толпа.

Полѣзъ другой ораторъ на дерево. Митингъ разгорался. Полиція безпокоится. Пѣніе въ рощѣ давно прекратилось. Миссіонеры ушли въ село. Склоны праваго холма, усѣянные спящими паломниками, замолкли. Запоздалая группа старообрядцевъ стала спускаться въ полутьмѣ на дорогу. Внизу тишина. Послѣдніе огни погасли. На горѣ осталась только молодежь да немного любопытныхъ. Полиція дала понять, что пора и имъ расходиться.

Вершина холма опустѣла. Наступила тихая теплая ночь. Показались блѣдныя звѣздочки. На сѣверѣ небо свѣтлѣется узкой полосой вдоль горизонта. Пахнетъ смолой и какими-то душистыми травами. А утомленный долгимъ путешествіемъ народъ крѣпко спитъ на берегахъ Свѣтлаго озера и снится ему Великій градъ Китежъ, гдѣ райскія птицы Сиринъ и Алконостъ [1]) сладостно поютъ о будущемъ блаженствѣ.

Обѣщалъ Господь людямъ ищущимъ,
Людямъ страждущимъ, людямъ плачущимъ:
«Будетъ, дѣтушки, вамъ все новое.
Небо новое дамъ хрустальное,
Землю новую дамъ нетлѣнную...
Се сбывается слово Божіе,
Царство свѣтлое нарождается,
Градъ невидимый созидается,
Несказанный свѣтъ возжигается.
Люди, радуйтесь, здѣсь обрящете
Всѣхъ земныхъ скорбей утѣшеніе,
Новыхъ радостей откровеніе.

Ив. Ювачевъ.

---

[1]) Изъ «Сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ» Владиміра Ивановича Бѣльскаго.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 1908.

ПОСЛѢ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва проф. Ключевскій выпустилъ въ свѣтъ дальнѣйшую (третью) часть своего «Курса русской исторіи». Въ ней изложеніе ведется по прежнему плану въ видѣ отдѣльныхъ лекцій. Всѣхъ лекцій здѣсь 18 (XLI — LVIII, 476 стр.). Хронологически онѣ захватываютъ собой почти весь XVII вѣкъ.

Давая вначалѣ общій взглядъ на новый періодъ нашей исторіи (отъ начала XVII вѣка и до средины XIX, точнѣе до 1855 г.), проф. Ключевскій отмѣчаетъ новые факты, которые обнаружились въ этомъ періодѣ: «это—новая династія, новые предѣлы государственной территоріи, новый строй общества съ новымъ правительственнымъ классомъ во главѣ (дворянствомъ), новый складъ народнаго хозяйства».

Соотношеніе этихъ фактовъ, по словамъ автора, способно вызвать недоумѣніе, такъ какъ факты нашей исторіи не укладывались въ обычныя общія рамки, «у насъ дѣло шло въ обратномъ порядкѣ». Такъ, 1) «у насъ по мѣрѣ расширенія территоріи вмѣстѣ съ ростомъ внѣшней силы народа все болѣе стѣснялась его внутренняя свобода»; 2) «трудъ становится тѣмъ менѣе свободенъ, чѣмъ болѣе дѣлается производителенъ»; 3) «демократизація управленія сопровождалась усиленіемъ соціальнаго неравенства и дробности». Всѣ эти неправильности,—по автору,—имѣли одинъ общій источникъ—неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа; народныя силы въ своемъ развитіи отставали отъ задачъ, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе его ускореннаго внѣшняго роста,

духовная работа народа не поспѣвала за матеріальной дѣятельностью государства: государство пухло, а народъ хирѣлъ».

Охарактеризовавъ общій ходъ дѣла и отмѣтивъ ростъ политическаго сознанія, авторъ подробнѣе останавливается на исторіи смуты и ея ближайшихъ послѣдствіяхъ. «Въ смутѣ,—по автору,—послѣдовательно выступаютъ всѣ классы русскаго общества и выступаютъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они жили въ тогдашнемъ составѣ русскаго общества, какъ были размѣщены по своему сравнительному значенію въ государствѣ на соціальной лѣствицѣ чиновъ. На вершинѣ этой лѣствицы стояло боярство: оно и начало смуту». Гдѣ же, частнѣе, зародилась мысль о самозванствѣ?

Авторъ дѣлаетъ предположеніе, что, по всей вѣроятности, мысль о самозванствѣ была высижена въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства съ Романовыми во главѣ. Здѣсь въ Москвѣ, въ замкнутыхъ хоромахъ боярскихъ самозванецъ былъ «заквашенъ», а «въ польской печкѣ только испеченъ». «Большимъ боярамъ нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потомъ низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу одному изъ своей среды. Они такъ и сдѣлали».

Говоря о царѣ-заговорщикѣ В. Шуйскомъ и его подкрестной записи, В. О. Ключевскій даетъ иное толкованіе этой записи сравнительно съ тѣмъ, какое имѣется въ «Очеркахъ смуты» С. Ѳ. Платонова. По Платонову, крестоцѣловальная запись Шуйскаго не есть ограничительная, по Ключевскому же эта запись ограничивала власть царя. «Запись, — говоритъ онъ, — слишкомъ сжата, производитъ впечатлѣніе спѣшнаго чернового наброска», однако «при всей неполнотѣ своей она есть новый, дотолѣ небывалый актъ въ Московскомъ государственномъ правѣ: это первый опытъ построенія государственнаго порядка на основѣ формально ограниченной верховной власти. Въ составъ этой власти вводился элементъ или, точнѣе, актъ, совершенно измѣнявшій ея характеръ и постановку. Мало того, что царь Василій ограничивалъ свою власть: крестной клятвой онъ еще скрѣпилъ ея ограниченіе и являлся не только выборнымъ, но и присяжнымъ царемъ» (45 стр.).

Въ послѣдствіяхъ смуты авторъ отмѣчаетъ: «новыя политическія послѣдствія съ новымъ, освѣженнымъ составомъ правительственнаго класса, новую постановку верховной власти съ новымъ характеромъ земскаго собора; глубокую перемѣну въ экономической жизни и въ настроеніи общества». «Новой династіи,—читаемъ,—приходилось имѣть дѣло съ инымъ обществомъ, далеко не похожимъ на то, какимъ правили прежніе цари. Тревоги смутнаго времени разрушительно подѣйствовали на политическую выправку этого общества: съ воцареніемъ новой династіи въ продолженіе всего XVII вѣка всѣ общественныя состоянія немолчно жалуются на свои бѣдствія, на свое обѣднѣніе, разореніе, на злоупотребленія властей, жалуются на то, отъ чего страдали и прежде, но о чемъ прежде терпѣливо молчали. Изъ бурь смутнаго времени народъ вышелъ гораздо впечатлительнѣе и раздражительнѣе».

XVII вѣкъ въ нашей исторіи былъ временемъ народныхъ мятежей.

Затѣмъ авторъ подробно останавливается на законодательствѣ (Уложені и новоуказныя статьи) и управленіи, воеводскомъ и земскомъ; на состав

общества, при чемъ крестьянамъ и развитію крѣпостного права отводитъ значительное мѣсто. Здѣсь авторъ въ общемъ повторяетъ тѣ самые выводы о происхожденіи крѣпостного права, какіе были имъ въ свое время высказаны въ спеціальныхъ статьяхъ о томъ же предметѣ («Рус. Мысль», 1885 г., 8 и 10).

Крѣпостному праву авторъ даетъ рѣзкую оцѣнку. «Крѣпостное право, составившееся изъ холопьей и крестьянской неволи, было самымъ ѣдкимъ элементомъ сословнаго взаимоотчужденія. Нравственное дѣйствіе этого права было шире юридическаго. Оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности, и безъ того очень невысокій». «Допущенное закономъ и поддерживаемое полицейской властью, крѣпостное право дѣлало самихъ душевладѣльцевъ холопами наличной власти, расположенной къ такой поддержкѣ, и врагами всякой власти иного направленія».

Однимъ изъ слѣдствій обособленія сословій проф. Ключевскій считаетъ прекращеніе созыва земскихъ соборовъ. «Едва земскій соборъ сталъ складываться въ выборное всенародное представительное собраніе, какъ изъ состава его выпало почти все сельское земледѣльческое населеніе. Земскій соборъ потерялъ подъ собой земскую почву, сталъ представлять только службу и посадское тягло съ ихъ узкими сословными интересами. Принося къ престолу мысль лишь немногихъ классовъ, онъ не могъ привлечь къ себѣ ни должнаго вниманія сверху, ни широкаго довѣрія снизу». А между тѣмъ развились приказное чиновничество и централизація. Все это и подкосило земскіе соборы. «Значитъ,—заключаетъ авторъ,—земское представительство пало вслѣдствіе усиленія централизаціи въ управленіи и государственнаго закрѣпощенія сословій».

Въ дальнѣйшемъ разобравъ финансовое и хозяйственное положеніе государства, податную систему, проф. Ключевскій отмѣчаетъ «общее чувство тяжести положенія». «Дворъ, личный составъ династіи и внѣшняя политика доводили это чувство до глубокаго народнаго недовольства ходомъ дѣлъ въ государствѣ».

«Что-то роковое тяготѣло надъ новой династіей: судьба рѣшительно не хотѣла, чтобы выходившіе изъ новаго царскаго рода носители верховной власти дозрѣвали до престола» (306). Общее недовольство выразилось въ критикѣ общественныхъ порядковъ и въ указаніи новыхъ путей, которыя намѣчались тогдашними писателями и общественными дѣятелями. Авторъ даетъ цѣлую галерею публицистовъ XVII вѣка. Здѣсь предъ читателемъ проходятъ кн. Хворостининъ, «отдаленный духовный предокъ Чаадаева», патріархъ Никонъ, «верховный блюститель доморощеннаго порядка церковно-нравственнаго», Котошихинъ, московскій приказный, Ю. Крижаничъ, хорватъ католикъ и патеръ, «горячій панславистъ». За ними слѣдуютъ: «государственные люди преобразовательнаго направленія»: Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ, «родоначальникъ практическихъ дѣльцовъ петровскаго времени», и В. В. Голицынъ, съ чертами «либеральнаго и нѣсколько мечтательнаго екатерининскаго вельможи». Но среди предшественниковъ Петра проф. Ключевскимъ великолѣпно нарисована во весь ростъ привлекательная фигура царя Алексѣя Михайловича, который «одной ногой еще крѣпко упирался въ родную православную

старину, а другую уже занесъ за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ положеніи».

Таково въ бѣглымъ чертахъ содержаніе книги. Проф. Ключевскій и въ ней строитъ свой обзоръ на указанія и подчеркиваніи своеобразныхъ сторонъ русскаго историческаго процесса, отличающихъ его отъ западно-европейскаго. Это подчеркиваніе «своеобразности», «контраста» и «отличій» уже вызвало критику со стороны Н. П. Сильванскаго (см. Феодализмъ въ др. Руси, 25—35).

Нельзя не отмѣтить того, что въ рецензируемой книгѣ далеко не во всѣхъ отдѣлахъ использована существующая литература. Напримѣръ, эпоха смуты можетъ быть представлена въ болѣе полномъ и точномъ видѣ послѣ изслѣдованія С. Ѳ. Платонова. Отчасти то же можно сказать и про крестьянскій вопросъ; здѣсь не использованы труды В. И. Сергѣевича и М. А. Дьяконова. Сошлемся на слѣдующее: по Ключевскому, крестьянинъ былъ крѣпокъ владѣльцу по писцовымъ, переписнымъ книгамъ и «инымъ крѣпостямъ» (стр. 230). Здѣсь пропущенъ самый фактъ жительства на крестьянскомъ участкѣ, который при извѣстныхъ условіяхъ былъ юридическимъ основаніемъ для закрѣпощенія, фактъ, создававшійся, напр., благодаря рожденію въ крестьянствѣ и «указнымъ лѣтамъ» (см. Уложеніе, XI, 8; Дьяконова, Очерки, 39 и 52 стр.)

Пристрастіе Ключевскаго къ выпуклымъ образамъ, къ вычеканеннымъ формамъ иногда приводитъ автора къ тому, что онъ говоритъ больше, чѣмъ нужно. У него читаемъ о земскихъ соборахъ: «исторія земскаго собора въ XVII вѣкѣ есть исторія его разрушенія» (270 стр.). Но въ его же книгѣ находимъ: «смута (т. е. начало XVII вѣка) создала условія, которыя дали выборному элементу рѣшительное численное преобладаніе надъ должностнымъ и тѣмъ сообщили земскому собору характеръ настоящаго представительнаго собранія» (105). Царствованіе Михаила Ѳеодоровича, по мнѣнію проф. Загоскина, раздѣляемому почти всѣми историками, было «золотымъ вѣкомъ земскихъ соборовъ» (Исторія права, т. I, 246). О разрушеніи земскаго представительства въ первой половинѣ XVII вѣка говорить совершенно не приходится.

В. О. Ключевскій, какъ историкъ, настолько извѣстенъ, что о его заслугахъ лишне говорить. И въ этой книгѣ его талантъ развернулся вполнѣ. Здѣсь съ неподражаемымъ искусствомъ нарисованы картины общественной жизни, съ удивительной яркостью охарактеризованы типичные представители эпохи. Читатель, даже хорошо знакомый съ построеніями и образами проф. Ключевскаго, въ этой книгѣ найдетъ для себя много новаго и любопытнаго.

М. К—въ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Томъ VI. Спб. 1908.

Шестой томъ этого капитальнаго изданія великаго князя Николая Михаиловича заключаетъ въ себѣ неофиціальныя донесенія на французскомъ языкѣ генерала Коленкура, бывшаго посломъ при русскомъ дворѣ въ царствованіе Александра I, и донесенія его преемника, генерала Лористона. Чрезвы-

чайно интересныя и характерныя замѣтки Коленкура, озаглавленныя «Nouvelles et On Dit» обнимають періодъ времени съ 13 января 1808 г. по 8 мая 1811 г. Чуть не ежедневно онъ записывалъ все, что слышалъ и подмѣчалъ, не только относящееся до политики, но и частной, интимной жизни свѣтскаго общества. Въ предисловіи говорится: «Коленкуръ мѣтко характеризовалъ не только отдѣльныя личности, но и игриво освѣщалъ всякія злобы дня, касающіяся не только петербургской жизни и извѣстій изъ Россіи, но и всѣхъ тѣхъ слуховъ, которые проникали изъ Европы о дѣйствіяхъ французовъ и намѣреніяхъ императора Наполеона».

Что же касается донесеній генерала Лористона отъ 12 мая 1811 г. по 28 іюня 1812 г., то они совершенно иного характера. Преемникъ Коленкура былъ военный генералъ, а не дипломатъ, что онъ и самъ часто подчеркиваетъ въ своихъ письмахъ. «Весь характеръ донесеній Лористона,—продолжаетъ издатель,—носитъ отпечатокъ нервности вслѣдствіе обостренныхъ отношеній, а также неопытности генерала, неожиданно для себя выступившаго на дипломатическое поприще. Насколько письма Коленкура были обстоятельны и обдуманны, настолько донесенія Лористона передаютъ лишь собственныя впечатлѣнія, лишенныя всякой прозорливости».

Депеши Лористона относятся къ послѣдней эпохѣ дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіей, отъ 12 мая 1811 г. по 28 іюня 1812 г., т. е. до разрыва между этими государствами.

Въ своихъ замѣткахъ о петербургскихъ событіяхъ и о выдающихся дѣйствующихъ лицахъ русскаго двора и высшаго общества наибольшее вниманіе Коленкуръ обращаетъ на извѣстную въ свое время Марію Антоновну Нарышкину, любимицу Александра, и свѣдѣнія о ней онъ сообщаетъ чуть не на каждой страницѣ, хотя очень краткія. Но мы ихъ не приводимъ въ виду того, что будемъ говорить объ этомъ въ другомъ отдѣлѣ журнала, «Иностранцы о Россіи».

Въ началѣ своихъ замѣтокъ Коленкуръ упоминаетъ о предстоящемъ бракѣ Наполеона съ великою княгиней Екатериной Павловной, сестрой Александра I. Посланникъ сообщаетъ, что великая княгиня говорила: «Напрасно сожалѣютъ, что Россія лишится меня: я буду залогомъ вѣчнаго мира для своего отечества и выйду замужъ за величайшаго человѣка, который когда-либо существовалъ». Въ Петербургѣ ходили слухи, что императоръ даже самъ ее отвезетъ во Францію въ маѣ мѣсяцѣ, и что императрица-мать была этимъ довольна, чему приписываютъ ея хорошее обращеніе съ французскимъ посломъ. Напротивъ, царствовавшая императрица негодовала. Впрочемъ, у Коленкура попадаются свѣдѣнія, которыя имъ же опровергаются; да и трудно повѣрить ему, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что императрица-мать противодѣйствовала осуществленію этого плана Александра и Наполеона. Впослѣдствіи и самъ Коленкуръ опровергаетъ этотъ слухъ.

Англійскій король вполнѣ сочувствовалъ въ этомъ отношеніи императрицѣ и писалъ Александру, что готовъ признать нейтральность Балтійскаго моря и возвратить деньги и фрегаты, взятые какъ военный призъ, если русскій императоръ обяжется не выдавать своей сестры за Наполеона. По увѣреніямъ

Коленкура, Александръ показалъ ему это письмо и сказалъ, что съ этой минуты Екатерину Павловну можно считать за француженку. Посолъ увѣряетъ, что въ Петербургѣ запрещено полиціей объ этомъ говорить, но толки о наполеоновскомъ бракѣ не только не умаляются, но усиливаются. Наконецъ 28 февраля 1808 г. Коленкуръ утвердительно замѣчаетъ, что Екатерина Павловна выходитъ за Наполеона, и приводитъ вѣское доказательство — «потому что она учится танцовать французскую кадриль».

Однако, чрезъ мѣсяцъ онъ уже увѣдомляетъ Наполеона, что въ Петербургъ пріѣхалъ принцъ Ольденбургскій, родственникъ русскаго императорскаго семейства. «Общество,— говоритъ Коленкуръ,—хочетъ, чтобы онъ женился на великой княгинѣ Екатеринѣ, несмотря на родство». Посолъ, шутя, спросилъ Румянцова, справедливъ ли этотъ планъ, и графъ отвѣчалъ, что хотя православная вѣра ставитъ родство препятствіемъ къ браку, но были примѣры подобныхъ разрѣшеній. Австрійское посольство увѣдомило, что, узнавъ отъ графа Головкина объ этомъ планѣ, вполнѣ его одобряетъ. Шли слухи, что предпочтеніе отдаютъ принцу Ольденбургскому, такъ какъ онъ служитъ въ Россіи и, какъ младшій въ семействѣ, останется въ этой странѣ, что утвердитъ мѣстопребываніе великой княгини, которую мать хочетъ сохранить при себѣ, въ виду того, что ея имя и умъ напоминаютъ ея бабушку Екатерину II, къ величайшему удовольствію всѣхъ русскихъ.

Далѣе посолъ извѣщалъ, что принцъ Ольденбургскій произведенъ въ русскіе генералъ-лейтенанты и постоянно живетъ у императрицы-матери въ Петергофѣ. Однако, въ то же время, 5 ноября, онъ пишетъ, что бракъ императора Наполеона и великой княгини Екатерины произойдетъ въ будущемъ сентябрѣ мѣсяцѣ, одновременно съ свадьбой великой княгини Анны, которая вступитъ въ бракъ съ баварскимъ наслѣдникомъ. Но чрезъ нѣсколько дней Коленкуръ сообщаетъ о свадьбѣ Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ, какъ о вопросѣ уже окончательно рѣшенномъ. По его словамъ, высшая аристократія недовольна этимъ бракомъ, такъ какъ дѣти будущей державной четы займутъ высокія должности. «Что съ ними сдѣлать? Какое мѣсто они займутъ? Зачѣмъ встанетъ между трономъ и аристократіей это нѣмецкое отродье?» Другіе считали этотъ бракъ слѣдствіемъ самолюбія императрицы-матери, которая желаетъ оставить въ Россіи дорогую для народа личность и, въ случаѣ необходимости, замѣнить ею авторитетъ своего сына. Принцъ въ описаніи Коленкура «роста маленькаго, тщедушный, некрасивый, весь въ прыщахъ и говоритъ очень плохо». Согласно однимъ слухамъ, великая княгиня Екатерина въ него влюблена; а по мнѣнію другихъ, она только играетъ комедію. Относительно Франціи она перемѣнила мнѣніе и увѣряла, что себѣ въ мужья предпочла бы простого попа государю страны, находящейся подъ вліяніемъ Франціи.

Коленкуръ сообщалъ Наполеону свѣдѣнія о приданомъ, которое состояло изъ брильянтовъ, серебра и проч.—на сумму 2.600.000 р.; кромѣ того, великая княгиня получала 200.000 ежегоднаго дохода, а ея мужъ 100.000; да еще ей подарили великолѣпно меблированный домъ въ Петербургѣ. На церемоніи обрученія главную роль играла императрица-мать, а не Александръ,

который казался частнымъ человѣкомъ. На торжество пріѣхали король и королева прусскіе. По словамъ посла, всѣ съ удивленіемъ обратили вниманіе на то, что императоръ послѣ церемоніи обрученія подошелъ къ матери и подалъ ей перчатки, которыя она положила на колонну предъ тѣмъ, какъ пойти къ алтарю для благословенія жениха и невѣсты. Стоявшая возлѣ нея Елизавета Алексѣевна не подошла взять ихъ. Въ концѣ описанія торжества обрученія Коленкуръ замѣчаетъ: «Многіе видятъ въ поведеніи великой княгини широкіе планы на будущее. Она поддерживаетъ переписку со многими значительными генералами, ухаживаетъ за выдающимися ранеными офицерами и разговариваетъ о наукѣ, литературѣ и художествахъ съ членами русской партіи. Повидимому, она старается доказать, что способна возобновить воспоминаніе, соединенное съ ея именемъ. Даже своимъ вкусомъ и манерами Екатерина Павловна пытается быть болѣе русской, чѣмъ вся ея семья. Она разговариваетъ со всѣми и ведетъ себя съ самоувѣренностью сорокалѣтней женщины. Это не ускользаетъ отъ вниманія нѣкоторыхъ наблюдателей, видящихъ въ ней агента своей матери, которую считаютъ честолюбивой, а императора слишкомъ довѣрчивымъ».

19 августа 1809 г. Коленкуръ сдѣлалъ такого рода сообщеніе своему правительству: «Александръ оставался въ Петергофѣ, опасаясь, чтобы въ Петербургѣ его не лишили престола. Говорятъ, что во главѣ правительства поставятъ императрицу-мать до совершеннолѣтія великаго князя Николая. Другіе увѣряютъ, что великая княгиня Екатерина, вышедшая замужъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, будетъ провозглашена императрицей. Нѣкоторыя лица говорятъ, что императоръ добръ, но глупъ, а Румянцовъ просто дуракъ. Ни тотъ, ни другой не могутъ на что-нибудь рѣшиться: императора надо сдѣлать монахомъ, для поддержанія спокойствія въ обители, а Румянцова торговцемъ квасомъ».

Въ январѣ слѣдующаго года Александръ ѣздилъ въ Москву съ Екатериной Павловной, желая, какъ говорили, показать первопрестольной столицѣ внучку Екатерины Второй. Обѣ императрицы, по слухамъ, были этимъ недовольны; но Москва пришла въ восторгъ. Императоръ въѣхалъ въ Первопрестольную верхомъ, и народъ стекался такими толпами для встрѣчи его, что Александру было необходимо останавливаться на каждомъ шагу. Народъ цѣловалъ его ноги, колѣни и даже лошадь. Мало того, массы народа становились на колѣни и не хотѣли вставать. «Посторонитесь!» кричалъ Александръ, а ему отвѣчали: «Проѣзжайте по толпѣ; вы не можете насъ ранить—вы святой; мы понесемъ васъ на рукахъ». Эти сцены были такъ трогательны, что императоръ нѣсколько разъ принимался плакать. Ежедневно онъ катался съ сестрою по улицамъ; днемъ давалъ обѣды знатнымъ особамъ, а по вечерамъ присутствовалъ на балахъ, даваемыхъ дворянствомъ, купечествомъ и во дворцѣ. «Говорятъ, — продолжаетъ Коленкуръ: — что великая княгиня держала себя сдержанно, а императоръ обращался хорошо со всѣми москвичами, которые совершенно преобразились въ наполеонистовъ, чтобы понравиться императору, бывшему попрежнему безъ ума отъ Наполеона».

Въ это же время распространились слухи о бракѣ Наполеона съ великой княгиней Анной; особенно въ Парижѣ всѣ объ этомъ толковали, поздравляя

русскихъ съ ожидаемымъ событіемъ. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ открыто стали говорить, что Наполеонъ женится на австрійской эрцгерцогинѣ. Такъ какъ Марія Θеодоровна была противъ брака французскаго императора, какъ съ великой княгиней Екатериной, такъ и съ ея сестрою Анной, то Александръ Павловичъ первый увѣдомилъ ее о предстоявшей свадьбѣ Наполеона съ дочерью австрійскаго императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что ей будетъ непріятно извѣстіе о томъ, что ея дочери не удастся быть императрицей, хотя ранѣе она сама противилась этому, что и заставило его поторопиться сообщеніемъ этого извѣстія. Онъ же самъ, по словамъ Коленкура, былъ очень недоволенъ неудавшимся бракомъ Наполеона ни съ одной изъ его сестеръ. Что же касается русскаго общества, то, по увѣреніямъ Коленкура, оно было раздосадовано не только поведеніемъ императрицы-матери относительно французскихъ браковъ, но и замужествомъ Екатерины Павловны. Русскіе негодовали на принца Ольденбургскаго, котораго называли «русскимъ Кретэ» (Кретэ, графъ Шампмоль, былъ начальникъ путей сообщеній во Франціи, слѣдовательно управлялъ тѣмъ же вѣдомствомъ, какъ и принцъ Ольденбургскій въ Россіи). «Вообще,—говоритъ Коленкуръ,—всѣ возставали противъ Маріи Θеодоровны за ея любовь къ нѣмцамъ и увѣряли, что она мѣшала императору дѣлать добро для Россіи».

Что же касается вообще Ольденбургской четы, то 22 іюля 1810 г. Коленкуръ сообщалъ, что въ Стокгольмѣ громко говорятъ о предложеніи принцу Ольденбургскому и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ наслѣдовать шведскій престолъ, если Россія отдастъ Швеціи Финляндію.

За послѣдніе мѣсяцы въ «On Dit» упомянуто между прочимъ, что прусская королева умерла отъ горя оттого, что Наполеонъ внушалъ прусскому королю отречься отъ престола. Коленкуръ разсказываетъ также, что Александръ, назначая Балашова министромъ полиціи, говорилъ: «Я знаю его достоинства, но всѣ находятъ, что онъ скотина». Кто-то при этомъ сказалъ, что Балашовъ замѣчателенъ только тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, а императоръ отвѣчалъ: «Здѣсь это важнѣе всего, потому что рѣдко встрѣчается».

Въ послѣднемъ своемъ «On Dit» отъ 8 мая 1811 г. Коленкуръ снова возвращается къ принцу Ольденбургскому. «Онъ очень умѣренный и осторожный человѣкъ,—говоритъ онъ,—и его поведеніе чрезвычайно нравится императору; увѣряютъ, что, по его мнѣнію, Россія не должна придавать важности ольденбургскимъ дѣламъ, и что при теперешнихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ жертвовать крупными интересами въ пользу мелкихъ; онъ собирается уѣхать изъ Твери на югъ Россіи».

Среди подобныхъ слуховъ въ «On Dit» попадаются довольно игривые, въ родѣ: «Демидовъ отослалъ свою жену въ Петербургъ, такъ какъ она слишкомъ много тратитъ денегъ и любитъ драгунъ».

Депеши Лористона, преемника Коленкура, отличаются офиціальнымъ, сухимъ характеромъ и въ нихъ преимущественно разсказывается о придворныхъ обѣдахъ, на которыхъ онъ участвовалъ, и приводятся слова Александра, чрезвычайно однообразныя и почти всегда заключающія въ себѣ похвалу Наполеону и увѣренія въ преданности своему державному другу. Такъ, въ

первой депешѣ упомянуто, что Александръ сказалъ послу: «Передайте императору, что я не хочу войны, что я буду защищаться, если онъ нападетъ на меня; что я держусь континентальной системы крѣпче, чѣмъ когда-либо, и что нашимъ единеніемъ мы добьемся мира, но чтобы онъ не дѣйствовалъ въ противоположномъ смыслѣ этому союзу и Тильзитскому трактату, который я хочу соблюдать во всей его чистотѣ». Въ послѣднемъ своемъ разговорѣ 10 апрѣля 1812 г. императоръ, между прочимъ, произнесъ: «Предупредите вашего повелителя, что я на дняхъ ѣду осматривать свои войска, которыхъ уже давно не видѣлъ. Я надѣюсь вернуться чрезъ непродолжительное время въ Петербургъ; но гдѣ бы я ни былъ, на границѣ или въ Тобольскѣ—вездѣ Наполеонъ, если ему угодно, найдетъ во мнѣ своего добраго друга и союзника, готоваго сдѣлать болѣе тѣснымъ нашъ союзъ всѣми средствами, которыя не противорѣчатъ чести. Скажите же это ему. Императоръ къ этому прибавилъ нѣсколько любезностей относительно моего поведенія, — пишетъ Лористонъ, — и сказалъ, что глубоко меня уважаетъ и надѣется найти меня въ Петербургѣ по своемъ возвращеніи. Послѣ этого онъ меня поцѣловалъ на прощаніе».

Однако слова императора не исполнились, такъ какъ Лористонъ былъ отозванъ изъ Россіи въ концѣ іюня мѣсяца, прежде возвращенія императора изъ Вильны. В. Т.

Отечественная война 1812 года. Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Т. VIII—IX. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году. Мѣсяцы январь и февраль. Спб. 1907—1908. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба.

Черезъ четыре года завершится столѣтіе со времени Отечественной войны 1812 года. Какова бы ни была выработанная для чествованія этой достопамятной въ исторіи русскаго народа эпохи программа, лучшимъ для нея вкладомъ было бы систематическое описаніе знаменитой войны, которая до сихъ поръ еще не имѣетъ своего историка, ибо сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, Бутурлина и Богдановича не отвѣчаютъ требованіямъ здраваго критико-историческаго метода. Намъ неизвѣстно, готовится ли такое описаніе къ столѣтнему юбилею, но мы можемъ отмѣтить работы въ этомъ направленіи, предпринятыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашимъ генеральнымъ штабомъ, начавшимъ печатать богатый матеріалъ, заключающійся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

Въ настоящее время имѣются въ продажѣ уже девять томовъ «Матеріаловъ», изъ коихъ одинъ томъ заключаетъ въ себѣ подготовку къ войнѣ въ 1810 году, пять томовъ—подготовку въ 1811 году и три тома—ту же подготовку въ 1812 году (январь и февраль); кромѣ того, отдѣльными томами изданы: «Переписка маршала Даву» и «1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ»—оба тома подъ редакціей ген.-м. Харкевича.

Въ двухъ только что вышедшихъ томахъ—VIII и IX—находится переписка по подготовкѣ къ войнѣ русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежде-

ній, а также свѣдѣнія о французскихъ войскахъ и положеніи дѣлъ во Франціи, Германіи, Польшѣ и западныхъ губерніяхъ.

По своему содержанію документы касаются слѣдующихъ военно-историческихъ вопросовъ: 1) организаціи, комплектованія, обученія и дислокаціи какъ русскихъ, такъ и французскихъ войскъ, вмѣстѣ съ ихъ союзниками; 2) укрѣпленія и обороны нашихъ западныхъ границъ; 3) заготовленія, храненія и перевозки запасовъ; 4) тайной агентуры, доставки свѣдѣній и депешъ, пограничныхъ столкновеній и т. п.; 5) плановъ, проектовъ и мнѣній касательно военныхъ дѣйствій и политическихъ вопросовъ и, наконецъ, изобрѣтеній, предложенныхъ правительству. Въ одномъ изъ писемъ къ военному министру Барклаю-де-Толли графъ Ливенъ, находившійся въ то время въ Берлинѣ, предлагаетъ, между прочимъ, устроить на широкихъ основаніяхъ агентуру не только съ цѣлью доставленія свѣдѣній, но и для агитаціи въ провинціяхъ Европы, расположенныхъ въ тылу французскихъ войскъ. Предложеніе это было принято и на организацію дѣла ассигнованы были соотвѣтственныя средства. Въ концѣ каждой книги приложены подробные алфавитные указатели: именной, географическій и войсковыхъ частей, военныхъ, государственныхъ и административныхъ заведеній и учрежденій. Все это облегчаетъ пользованіе документами при военно-историческихъ изысканіяхъ.

Изданныя книги послужатъ хорошимъ матеріаломъ при составленіи исторіи славной Отечественной войны 1812 года. **Л. Н.**

Левъ Лыщинскій. Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословій, Спб. 1907.

Испытывалъ ли ты, читатель, величіе историческаго момента, когда передъ твоими взорами вырисовывается нѣчто таинственное, великое, на чемъ лежитъ видимая печать промысла Божія? Нѣтъ, не испытывалъ? Жаль. Возьми книгу Льва Лыщинскаго и ознакомься съ нею. Вся сѣдая историческая старина развернется передъ тобою въ лицѣ своихъ великихъ вѣнценосцевъ, титулованныхъ вельможъ, легендарныхъ мужей древности, таинственныхъ миѳологическихъ героевъ: царство Озириса, языческое (до Р. Х.) королевство Паннонское, имперія Карла Великаго, королевства итальянскія, англо-саксонскія, скандинавскія, византійская имперія и т. д., и т. д., вплоть до царства Московскаго и костромскихъ лѣсовъ, откуда прибылъ въ Кремль Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ для возложенія на свою юную главу шапки Мономаха... Что? какова историческая перспектива? Но этого мало: надо всѣмъ этимъ рѣетъ библейская тѣнь Ноя и его сына Хама: они какъ бы освѣщаютъ собою длинную вереницу «племенъ, нарѣчій, состояній» и возлагаютъ свое благословеніе на училище правовѣдѣнія, гдѣ обрѣтается г. Левъ Лыщинскій. Да, мы не знали до сихъ поръ, что на Фонтанкѣ противъ Лѣтняго сада въ одномъ лицѣ сосредоточена вся исторія человѣчества отъ виноградныхъ лозъ, которыми упился, по преданію, когда-то Ной, до гранитной набережной Зимняго дворца А между тѣмъ это такъ. Какъ стыдливый подснѣжникъ, послѣ того какъ

земля обнажится отъ своего суроваго покрова, предстаетъ передъ нашими взорами во всей своей цѣломудренной красѣ, такъ выступаетъ нынѣ передъ россійскими обывателями г. Левъ Лыщинскій съ трогательною повѣстью о своемъ происхожденіи, подтвержденною составленными имъ генеалогическими таблицами, поколѣнными росписями, сводными и перекрестными родословными. И каждая страница его труда свидѣтельствуетъ, что да—онъ правъ: онъ потомокъ Ноя, Хама, Озириса, Карла Великаго и пр. и пр. земныхъ царей до благополучно царствующаго нашего Государя Императора включительно, которому онъ радостно и объявляетъ вѣсть, что онъ «императоръ Николай II приходится одиннадцатиюроднымъ дядей составителю сей книги Льву Лыщинскому, родившемуся 12 февраля 1888 г. въ г. С.-Петербургѣ и въ 1902 г. поступившему въ училище правовѣдѣнія». Черезъ пространство вѣчности юный правовѣдъ протягиваетъ руку своему вѣнценосному дядѣ... Трогательно, величественно и эффектно. Вотъ только присутствіе Хама какъ-будто немного портитъ торжество. И бѣднаго Ноя въ свое время Хамъ такъ неделикатно устыдилъ, и становится боязно, чтобы и настоящій историческій моментъ не былъ испорченъ присутствіемъ его сына, ему одноименнаго... А, впрочемъ, быть можетъ, г. Лыщинскій считаетъ этого своего родственника наиболѣе себѣ близкимъ и дорогимъ! Кто знаетъ сердце человѣческое, особенно такое, гдѣ сконцентрирована историческая кровь, которая обязательно должна бить въ голову и воспалять мозгъ и не такого молодого изслѣдователя, какъ 20-тилѣтній ученикъ правовѣдѣнія.

Читатель спроситъ о серьезности самаго родословнаго изслѣдованія, о научности методовъ и достовѣрности источниковъ, коими пользовался авторъ. Ахъ, оставьте, пожалуйста! Какіе праздные вопросы и до нихъ ли теперь: площадь полна ликующаго народа, пушки палятъ, колокола звонятъ: «славься, славься, Левъ Лыщинскій!», родители смотрятъ съ умиленьемъ на свое умное дитя, начальство правовѣдѣнія стоитъ въ почтительномъ отдаленіи, государственная типографія спѣшитъ набрать послѣднюю строчку родословной, а самъ авторъ, скромно раскланиваясь на всѣ привѣтствія, стыдливо твердитъ: «я потомокъ Озириса и Хама...» Жаль, что не дожилъ до этого славнаго дня блаженной памяти Поприщинъ: онъ прижалъ бы къ своему любящему сердцу скромнаго юношу и воскликнулъ: братъ Лыщинскій, теперь въ исторіи литературы только *ты* да *я*, ѣдемъ въ редакцію «Стрекозы!» Г.

А. И. Соловьевъ. Стенька Разинъ и его сообщники въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи. Изданіе симбирской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1908.

Образъ грознаго атамана Степана Разина продолжаетъ жить въ преданіяхъ и пѣсняхъ низоваго Поволожья, и до сего времени о немъ говорятъ съ не меньшимъ интересомъ и удивленіемъ, чѣмъ встарину. Простому народу извѣстно его легендарное имя по пѣснямъ и смутнымъ преданіямъ; интеллигенція охотно читаетъ все новое, что связано съ разиновскимъ бунтомъ. Брошюра

подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ также не лишена нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ по исторіи и быту того времени. Рисуя полную историческую картину мятежа въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, авторъ пользовался не только имѣющимися уже въ печати свѣдѣніями, но также не изданными еще подлинными документами, хранящимися въ архивѣ министерства юстиціи, преимущественно подъ № 1573. Документы эти заключаютъ въ себѣ «отписки» воеводъ, «распросныя рѣчи» губныхъ старостъ и стрѣльцовъ, «сказки воровскихъ казаковъ» и т. п. Всѣ они дословно приведены авторомъ въ видѣ приложеній и подробно знакомятъ съ движеніемъ въ краѣ мятежныхъ шаекъ, столкновеніемъ ихъ съ правительственными войсками, бѣгствомъ ихъ и плѣненіемъ и показаніями на допросахъ вовлеченнаго въ мятежъ мирнаго населенія. Брошюра изложена языкомъ общедоступнымъ и не страдаетъ тенденціозностью.

П. Ал—овъ.

Д. И. Троицкій. Домонгольская Русь. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907.

Книга г. Троицкаго предназначена, очевидно, для внѣкласснаго чтенія учениковъ церковно-приходскихъ школъ. Этимъ опредѣляются планъ и содержаніе ея. Начиная со скиѳовъ, которые «не то, чтобы ужъ были очень воинственны» (стр. 5), авторъ переходитъ къ восточнымъ славянамъ, быту, нравамъ, вѣрованіямъ ихъ, добирается до призванія князей и дальше пересказываетъ исторію князей до Андрея Боголюбскаго. Пересказъ сдѣланъ примѣнительно для дѣтскаго пониманія, съ примѣчаніями, довольно ясно и толково, исключая развѣ случайно забредшее «не то, чтобы ужъ были очень»... Правда, иногда можно запнуться не только за слогъ, но и за фактическую сторону содержанія. Упомянемъ хотя бы о примѣчаніи, объясняющемъ терминъ «изгой». «Изгоями,—говоритъ авторъ,—назывались сыновья князей, умершихъ ранѣе достиженія ими кіевскаго престола великокняжескаго. Они не имѣли права на старшинство и даже иногда не получали вовсе удѣловъ». Взявъ задачу нарисовать картину домонгольской Руси, хотя бы и для учениковъ церковно-приходскихъ школъ, авторъ все-таки могъ бы упомянуть, что изгои происходили не только въ томъ случаѣ, «аще князь осиротѣетъ», но также и если поповъ сынъ грамотѣ не обученъ и когда купецъ задолжаетъ. Даже для ученика народной школы небезполезно знать, что православная церковь еще въ древнія времена ревниво слѣдила за благочестіемъ, особенно въ средѣ священниковъ. Не знающій грамоты поповъ сынъ становился изгоемъ, а положенія изгоя, какъ всякаго изверженнаго изъ общества или сословія, было, конечно, далеко незавиднымъ.

Отъ Андрея Боголюбскаго авторъ переходитъ къ Новгороду, описываетъ его гражданское устройство, торговлю, безпорядки, князя Мстислава Удалого: затѣмъ идетъ описаніе Пскова, Ливонскаго ордена, борьбы русскихъ съ орденомъ. Изъ владѣній Новгорода описывается, вѣроятно, вслѣдствіе мѣстнаго патріотизма, одна только Вятка. Далѣе—Галицкое княжество, мелкія княжества и послѣдняя глава—«Жизнь нашихъ предковъ». Большая часть книги

написана въ видѣ діалоговъ, содержаніе отдѣльныхъ рѣчей—довольно близко къ лѣтописнымъ повѣствованіямъ, но, конечно, на русскомъ языкѣ. Г. Троицкій не ограничивается только политической исторіей древней Руси. Гдѣ можно, онъ вставляетъ краткія свѣдѣнія и о культурномъ развитіи русскаго общества, упоминаетъ даже и объ искусствѣ, главнымъ образомъ древне-русскомъ зодчествѣ.

Передача историческихъ фактовъ, хотя бы и неполная, но съ сохраненіемъ духа и колорита эпохи, умѣлое пользованіе беллетристической или, вѣрнѣе, діалогической формой, наконецъ, выдвинутая на надлежащее мѣсто такъ часто забываемая у насъ мысль о сравнительно высокой культурности древней Руси—все это придаетъ компиляціи г. Троицкаго извѣстную цѣнность, имѣя въ виду содержательное, полезное и интересное внѣклассное чтеніе.

И. Александровъ.

И. Н. Ждановъ. Сочиненія. Томъ II. Спб. 1907.

Въ свое время мы дали отзывъ о первомъ томѣ сочиненій покойнаго проф. И. Н. Жданова, одного изъ видныхъ представителей историко-литературной школы академика А. Н. Веселовскаго; тамъ же мы сдѣлали общую характеристику Жданова-ученаго и намѣтили пріемы изданія работъ его отдѣленіемъ русскаго языка и словесности академіи наукъ. Вмѣстѣ съ выходомъ второго тома заканчивается все изданіе сочиненій И. Н. Жданова. Здѣсь нашли себѣ мѣсто мелкія работы о Н. И. Гнѣдичѣ, Л. А. Меѣ, Д. И. Фонвизинѣ, А. А. Котляревскомъ, «Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы», «Памяти В. Г. Бѣлинскаго», «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ», «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера», «О трудахъ Ѳ. И. Буслаева по исторіи русской словесности», «Учено-литературная дѣятельность Л. Н. Майкова», «Къ исторіи русскаго стихосложенія», «Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію» и др., въ томъ числѣ—кое-что изъ рецензій, какъ всегда у Жданова,—основательныхъ, живыхъ, необыкновенно чуткихъ и доброжелательныхъ.

Нѣсколько забытые и теперь снова напомнившіе о прекрасномъ педагогѣ и недюжинномъ ученомъ, труды И. Н. Жданова даютъ матеріалъ для представленія о цѣльной физіономіи покойнаго историка русской литературы. Болѣе полно историко-литературные взгляды Жданова отразились въ его публичной лекціи 1892 года—«Борисъ Годуновъ». Здѣсь Ждановъ съ успѣхомъ опровергаетъ установившееся мнѣніе о зависимости пушкинской драмы отъ историческихъ взглядовъ Карамзина. Это мнѣніе послѣдовало отъ Полевого и Бѣлинскаго. По мнѣнію Полевого, Карамзинъ, которому рабски слѣдовалъ Пушкинъ, не понялъ коренныхъ измѣненій теченія русской исторіи, начиная ъ Грознаго. Описаніе царствованія Бориса Годунова—одно изъ неудачныхъ ѣстъ «Исторіи» Карамзина. Говоря о Годуновѣ, Карамзинъ хотѣлъ лишь «соґавить разительную картину: мщеніе Божіе за кровь невинную». И Пушинъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, описываетъ несчастіе Бориса, «какъ исполэніе приговора, уже подписаннаго судьбою... Вмѣсто того, чтобы изъ жребія

Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою—мы видимъ только приготовленія его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника». Интересно отмѣтить, что по существу это мнѣніе вполнѣ совпадаетъ съ полицейской критикой III отдѣленія, куда была представлена драма. Анонимный сыщикъ-критикъ писалъ о «Годуновѣ»: «Въ пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это—отдѣльныя сцены, или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI т. «Исторіи Государства Россійскаго», сочиненія Карамзина, передѣланные въ разговоры (sic!). Характеры, происшествія—все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сценѣ...» Позднѣе Бѣлинскій писалъ, что Пушкинъ «увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покорился ему... Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того проникся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ Исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто, какъ Исторію, но какъ политическій и государственный коранъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нельзя лучше и для нашего времени и остаться такимъ навсегда». Ждановъ сопоставляетъ «Бориса Годунова» съ «Исторіей» Карамзина и наглядно доказываетъ, что Пушкинъ не могъ быть рабскимъ подражателемъ исторіографа, а въ изображеніи несчастій Бориса шелъ вполнѣ самостоятельной дорогой, «на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть его путеводителемъ». Горячая защита Пушкина объясняется тѣмъ, что великій поэтъ былъ любимѣйшимъ для Жданова. Въ Пушкинѣ Ждановъ цѣнилъ его объединяющую и всепримиряющую натуру. «Онъ зналъ,—говоритъ авторъ,—какую-то волшебную тайну, которая давала ему средство самые рѣжущіе диссонансы разрѣшать въ своеобразную художественную гармонію... Пушкинъ былъ художникъ-миротворецъ».

Такую же «примиряющую» точку зрѣнія Ждановъ стремился проводить почти во всѣхъ трудахъ лекціяхъ и рѣчахъ, посвященныхъ Л. А. Мею, Д. И. Фонвизину, Бѣлинскому и др. Въ этой примирительной тенденціи сказался, быть можетъ, человѣкъ кабинетной работы, который по натурѣ стремился къ «академизму», къ удаленію отъ всякихъ потрясеній и эксцессовъ.

Кромѣ хорошо исполненнаго фототипическаго портрета И. Н. Жданова, ко второму тому приложенъ обширный и тепло составленный «Біографическій очеркъ», замѣтка С. Ольденбурга о черновой рукописи III части изслѣдованія о «Валтасарѣ» и конспектъ лекцій Жданова, которыя академія наукъ не нашла возможнымъ напечатать цѣликомъ, какъ литографированныя по замѣткамъ слушателей и потому не авторизованныя лекторомъ.

А. И. Яцимирскій.

Л. Н. Спасская. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Опытъ характеристики. Вятка. 1908.

Очеркъ г-жи Спасской составленъ какъ по сочиненіямъ М. Е. Салтыкова имѣющимъ автобіографическій характеръ, такъ и главнымъ образомъ п[illegible] личнымъ воспоминаніямъ родителей авторши. Отецъ Л. Н. Спасской Ник Вас. Іонинъ (выведенный въ «Губернскихъ Очеркахъ» подъ именемъ Вас

Ник. Проймина) былъ врачомъ въ гор. Вяткѣ въ то самое время, когда тамъ жилъ въ ссылкѣ М. Е. Салтыковъ. Послѣдній очень скоро послѣ своего пріѣзда въ Вятку сошелся съ семействомъ Іониныхъ и сталъ потомъ у нихъ ежедневнымъ гостемъ. Самой авторши тогда еще не было на свѣтѣ; но мать ея (Вѣра Готлибовна Проймина «Губернскихъ Очерковъ»), со словъ которой и писаны воспоминанія, здравствуетъ понынѣ и прекрасно помнитъ то время. Вотъ почему всѣ сообщенія г-жи Спасской о жизни М. Е. Салтыкова въ Вяткѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Періодъ жизни знаменитаго писателя, протекшій въ далекомъ «Крутогорскѣ», недостаточно извѣстенъ біографамъ. Въ существующихъ біографіяхъ М. Е. Салтыкова немало на этотъ счетъ невѣрнаго и неточнаго. Не говоря уже о розсказняхъ г. Скабичевскаго, который умудрился «заморозить» М. Е. Салтыкова въ маѣ мѣсяцѣ, хотя послѣдній былъ въ шубѣ,—достаточно упомянуть, что и гг. Арсеньевъ и Кранихфельдъ (послѣдній въ 1904-мъ году) приписываютъ освобожденіе М. Е. Салтыкова изъ ссылки вятскому губернатору Ланскому, тогда какъ такого губернатора на Вяткѣ никогда не бывало.

Л. Н. Спасская исправляетъ всѣ подобныя неточности въ имѣющихся біографіяхъ М. Е. Салтыкова и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ немало новыхъ фактовъ изъ вятской жизни знаменитаго писателя.

Мать авторши, Софью Карловну Іонину, М. Е. Салтыковъ называлъ иногда, въ личныхъ разговорахъ съ нею на Вяткѣ, «Вѣрою Готлибовною», т. е. тѣмъ самымъ вымышленнымъ именемъ, подъ которымъ впослѣдствіи онъ вывелъ ее въ своихъ «Губернскихъ Очеркахъ». Отсюда съ большою увѣренностью можно заключить, что часть «Губернскихъ Очерковъ» написана была еще во время пребыванія М. Е. Салтыкова въ Вяткѣ.

Герои «Губернскихъ Очерковъ» почти всѣ списаны съ вятскихъ чиновниковъ—сослуживцевъ и добрыхъ знакомыхъ М. Е. Салтыкова. Такъ, въ лицѣ князя Чебылкина съ семьею вятчане легко узнали своего губернатора, Ник. Ник. Семенова; въ лицѣ генерала и генеральши Голубовицкихъ — другого губернатора же, по фамиліи Середу, съ женою; въ семействѣ Размановскихъ семью прокурора Шиллинга. Многіе оригиналы типовъ «Губернскихъ Очерковъ» сильно обидѣлись, узнавъ себя. Особенно оскорблялся совѣтникъ питейнаго отдѣленія Григ. Ив. Макаровъ, котораго Салтыковъ изобразилъ въ лицѣ Порф. Петр. Харченко. М. Е. приписалъ ему происхожденіе отъ какого-то пьянаго причетника и безнравственной жены его, чего Макаровъ, родители котораго были люди весьма почтенные, не могъ перенести и принялъ, какъ жестокую личную обиду. «Не знаю,—продолжаетъ Л. Н. Спасская:—писалъ ли объ этомъ М. Е. самъ Макаровъ, или кто-нибудь другой, но М. Е. сильно смутился и даже просилъ моего отца постараться нѣсколько оправдать его передъ Макаровымъ, увѣряя, что онъ и не думалъ изображать его, а только случайно придалъ Харченко нѣкоторыя его черты».

«Вообще М. Е. были описаны въ «Губ. Очеркахъ» люди, у которыхъ онъ часто бывалъ въ гостяхъ, обѣдалъ, игралъ въ карты, они, оказывая ему гостепріимство, никакъ не ожидали, что будутъ увѣковѣчены въ литературѣ

въ такомъ непривлекательномъ видѣ и находили, что это со стороны его чрезвычайная коварность, хоромъ поносили его и возмущались его «черною неблагодарностью».

Въ вятскомъ обществѣ М. Е. Салтыковъ былъ принятъ вообще очень радушно, главнымъ образомъ какъ человѣкъ съ большими средствами, сынъ помѣщика и съ хорошимъ образованіемъ, т. е. очень завидный женихъ для мѣстныхъ невѣстъ. Чрезвычайно раздражительный и нетерпѣливый, М. Е. Салтыковъ, по изображенію г-жи Спасской, не особенно церемонился съ своими вятскими знакомыми и въ бытность свою на Вяткѣ, бывая почти ежедневно у Іониныхъ, онъ при малѣйшемъ противорѣчіи съ ихъ стороны, «сейчасъ же хватался за шапку и убѣгалъ, бормоча про себя: «ну, и чортъ съ вами! нога моя больше не будетъ въ этомъ проклятомъ домѣ!» Но не проходило и полчаса, какъ смущенная физіономія М. Е. показывается изъ-за двери и онъ спрашиваетъ съ виноватой и робкой улыбкой: «Ну что, вы очень на меня сердитесь? Ну, ради Бога, не сердитесь! Простите же меня! Чѣмъ я виноватъ, что у меня такой проклятый характеръ?...» Или послѣ обѣда у тѣхъ же Іониныхъ иной разъ «начиналъ безъ милосердія критиковать обѣдъ и бранить угощавшихъ его хозяевъ: «Свинство звать гостей обѣдать и кормить ихъ дрянью!..»

Пребываніе среди добродушныхъ вятчанъ не могло не оказать нѣкотораго вліянія на суровый характеръ молодого писателя. «Проживши въ Вяткѣ нѣсколько лѣтъ,—пишетъ Л. Н. Спасская:—М. Е. бросилъ понемногу свою угрюмость, сталъ несравненно разговорчивѣе, гораздо веселѣе и былъ большимъ любителемъ пошутить, посмѣяться, подурачиться—словомъ, замѣтно смягчился, но отъ своей раздражительности никакъ не могъ избавиться».

Многочисленныя письма М. Е. Салтыкова Ник. Вас. Іонину, котораго онъ называлъ своимъ «искреннѣйшимъ другомъ», сгорѣли при пожарѣ 1895 года. Но у нѣкоторыхъ другихъ сослуживцевъ и знакомыхъ М. Е. Салтыкова на Вяткѣ, скоро разсѣявшихся по Россіи, или у ихъ потомковъ должны храниться письма знаменитаго писателя или воспоминанія о немъ. На этотъ случай г-жа Спасская приложила къ своему очерку списокъ сослуживцевъ М. Е. по вятскому губернскому правленію.

Кромѣ того, къ очерку приложены: прошеніе М. Е. на имя вятскаго губернатора 19 дек. 1852 г. объ освобожденіи его изъ ссылки (подлинникъ, написанный собственной рукою писателя, хранится въ архивѣ вятскаго губ. присутствія); статья М. Е. о вятской сельско-хозяйственной выставкѣ, «распорядителемъ» которой былъ писатель (въ статьѣ есть и общія разсужденія о значеніи выставокъ), а также нѣсколько замѣчаній полемическаго характера.

Очеркъ г-жи Спасской напечатанъ въ малодоступномъ провинціальномъ изданіи («Памятная книжка Вятской губ. на 1908 годъ»), т. е. сразу же почти сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ очеркъ этотъ необходимъ для каждаго, кто интересуется біографіею М. Е. Салтыкова. **Д. З.**

И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія. Спб. 1907 г.

Книга г. Замотина представляетъ собою вторую часть его магистерской диссертаціи «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ». Отъ литературной теоріи романтизма, разобранной въ первой части его сочиненія, авторъ переходитъ здѣсь къ конкретному выраженію романтическаго міровоззрѣнія конца XVIII и начала XIX столѣтія въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія.

Работа г. Замотина отличается стройнымъ планомъ, который даетъ возможность читателю сразу овладѣть предметомъ научнаго изслѣдованія. Первая глава опредѣляетъ сущность романтическаго идеализма конца XVIII и начала XIX столѣтія въ западно-европейской литературѣ. Авторъ строитъ весьма простую по формѣ, но въ то же время глубокую по содержанію схему величественнаго міровоззрѣнія романтизма. Опираясь на иностранныхъ изслѣдователей даннаго вопроса, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, г. Замотинъ выясняетъ сущность романтизма, какъ извѣстнаго момента духовной культуры конца XVIII и начала XIX столѣтія съ точки зрѣнія отношенія романтиковъ къ человѣческому индивидууму, къ индивидуальной націи и къ универсальному человѣчеству. Особенное вниманіе читателя въ этой главѣ обращаетъ на себя выясненіе связи между культомъ личности и культомъ національности въ романтизмѣ и вопросъ о примиреніи въ романтическихъ утопіяхъ націонализма и космополитизма, индивидуализма и соціализма. Конечныя задачи и мечты романтизма принадлежатъ будущему, но онѣ во всякомъ случаѣ еще не умерли и продолжаютъ жить и развиваться въ тѣхъ идеалистическихъ порывахъ, которые по временамъ такъ мощно захватываютъ и искусство, и науку, и общественную жизнь; поэтому очень кстати авторъ книги даетъ въ этой главѣ попытки освѣтить по существу культурный смыслъ романтизма, отъ чего до сихъ поръ русскіе изслѣдователи этого вопроса замѣтно уклонялись.

Во второй главѣ г. Замотинъ на живомъ, конкретномъ матеріалѣ воспоминаній, дневниковъ и писемъ современниковъ разбираемой эпохи и на отголоскахъ и отзывахъ тогдашней печати о современныхъ событіяхъ слѣдитъ за постепеннымъ проникновеніемъ въ русское общество и литературу начала XIX столѣтія литературы романтизма и за усвоеніемъ у насъ основныхъ мотивовъ западнаго романтическаго идеализма конца XVIII и начала XIX столѣтія. Въ этой главѣ, которая, повидимому, по мысли автора, является только общей и вводной, какъ и первая, рисуется, однако, сложная и содержательная картина того, какъ природный русскій идеализмъ откликнулся на первыхъ же порахъ на идеи и формы западно-европейской романтики, и какъ новыя идеалистическія вѣянія боролись сначала съ литературной и общественной стариной.

Въ остальныхъ трехъ главахъ, составляющихъ главную, спеціальную часть сочиненія, г. Замотинъ анализируетъ проявленія на русской почвѣ отдѣльныхъ мотивовъ романтическаго идеализма въ лицѣ нѣкоторыхъ рус-

скихъ писателей данной эпохи. Какъ представитель романтическаго индивидуализма, разсматривается А. А. Бестужевъ (Марлинскій). По его письмамъ и отзывамъ объ немъ современниковъ авторъ возстановляетъ передъ читателемъ своеобразную индивидуальность Марлинскаго, чрезвычайно характерную для русскаго Sturm und Drang 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ, по разсказамъ и повѣстямъ Марлинскаго, г. Замотинъ излагаетъ романтическія воззрѣнія этого писателя на «высшую натуру» съ ея возвышенными культурными задачами, воззрѣнія, которыя сложились какъ подъ вліяніемъ личнаго характера А. А. Бестужева, такъ и при воздѣйствіи западно-европейской романтики, которая дала выраженіе порывистой идеалистической натурѣ Марлинскаго.

Въ четвертой главѣ данъ анализъ знаменитаго романа М. Н. Загоскина «Юрій Милославскій», какъ произведенія, выразившаго собою сущность романтическаго національзма. Національное направленіе этого романа выясняется г. Замотинымъ изъ коренныхъ свойствъ характера его автора и изъ націоналистическаго настроенія современнаго роману русскаго общества; форма же романа и пріемы художественнаго воспроизведенія народнаго духа и быта поставлены въ связь съ литературною манерою В. Скотта, который далъ русскому національзму романтическое выраженіе. Въ пятой главѣ разсмотрѣнъ одинъ изъ представителей самаго широкаго порыва въ романтизмѣ, именно ученія романтиковъ о грядущемъ общечеловѣческомъ счастьѣ. Этотъ романтическій универсализмъ, по мнѣнію автора книги, отразился у насъ, между прочимъ, въ лицѣ кн. В. Ѳ Одоевскаго. По его юношескимъ наброскамъ, а также на основаніи главнаго его произведенія «Русскія ночи» и нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ, г. Замотинъ выясняетъ романтическій идеалъ универсальной жизни, сложившійся у кн. Одоевскаго подъ вліяніемъ философіи Шеллинга; наиболѣе интересуютъ читателя въ этой главѣ взгляды романтика-Одоевскаго на культурныя задачи науки, искусства и на общественныя отношенія, которыя онъ характеризуетъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія взаимопомощи, «взаимнаго застрахованія» противъ разныхъ бѣдъ и золъ, въ частности противъ пауперизма.

Въ научномъ отношеніи книга г. Замотина представляетъ несомнѣнный интересъ не только со стороны тѣхъ выводовъ, которые проливаютъ свѣтъ на далеко еще не изслѣдованный вопросъ о русскомъ романтизмѣ, но и со стороны изученнаго имъ матеріала, какъ-то: журналовъ начала XIX столѣтія, русскихъ и иностранныхъ, воспоминаній, дневниковъ и писемъ, разсѣянныхъ за послѣднія 20—30 лѣтъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», «Русскаго Архива» и «Русской Старины», рукописныхъ матеріаловъ объ А. А. Бестужевѣ, М. Н. Загоскинѣ и особенно бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, наконецъ и самыхъ произведеній названныхъ писателей. Но при своихъ научныхъ достоинствахъ трудъ г. Замотина представляетъ интересъ и для широкой публики, такъ какъ заполняетъ въ живомъ изложеніи нѣсколько любопытныхъ страницъ нашей исторіи, литературы и общественности начала XIX столѣтія. Въ заключеніе нельзя не выразить пожеланія, чтобы нѣкоторыя части этой интересной книги вошли и въ нашу учебную литературу.

А. М—нъ.

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908.

Въ исторіи русской общественности имя Чаадаева одно изъ самыхъ популярныхъ, и его знаютъ наиболѣе широкіе круги русской интеллигенціи. Около этого имени создалась своеобразная легенда и заволокла туманомъ дѣйствительную фигуру Чаадаева. Мистикъ, философъ въ духѣ христіанской церковности, Чаадаевъ всегда числился тѣмъ, чѣмъ никогда и не думалъ быть, — политическимъ дѣятелемъ. Авторъ знаменитаго «философическаго письма», которое, по выраженію Герцена, прозвучало, какъ «выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь», вовсе не былъ либераломъ, даже въ скромномъ масштабѣ русскаго либерализма первой половины XIX вѣка, не былъ политическимъ вольнодумцемъ... Тѣмъ не менѣе, подоплека его письма, его духъ были вѣрно поняты и обрушившимся на смѣлаго автора правительствомъ — какъ грозное предвѣщаніе, и сразу признавшимъ Чаадаева обществомъ—какъ жгучій призывъ опомниться, сознать себя, опредѣлить свои стремленія. Онъ не побоялся нанести ударъ національному чувству: «прекрасная вещь — любовь къ отечеству, но есть нѣчто еще прекраснѣе—любовь къ истинѣ», писалъ онъ. «Самыя условія, составляющія въ другихъ странахъ необходимую рамку жизни, въ которой такъ естественно размѣщаются всѣ событія дня, и безъ чего такъ же невозможно здоровое нравственное существованіе, какъ здоровая физическая жизнь безъ свѣжаго воздуха, — у насъ ихъ нѣтъ и въ поминѣ».

Авторъ показалъ себя талантливымъ біографомъ-критикомъ. Въ стройномъ, сжатомъ изложеніи, не загроможденномъ, какъ это сплошь да рядомъ водится, горами библіографическихъ матеріаловъ (такихъ матеріаловъ для исторіи Чаадаева много), г. Гершензонъ прослѣдилъ и личную жизнь Чаадаева, впрочемъ, не особенно сложную и разнообразную, и исторію происхожденія и развитія его идей, весьма сложную и трудную для изслѣдованія съ психологической стороны. Изъ католической философіи 20-хъ годовъ вывелъ Чаадаевъ свои историко-философскіе взгляды—вѣру, что въ жизни человѣчества дѣйствуетъ имманентный духъ Божій, и что цѣль историческаго процесса—сліяніе человѣчества съ Божествомъ; ему была чужда идея личнаго спасенія, о значеніи отдѣльной личности Чаадаевъ и не задумывался; онъ вѣрилъ въ спасеніе человѣчества какъ единаго цѣлаго — и обосновалъ соціальный мистицизмъ. Этой системѣ онъ навсегда остался вѣренъ, и его пламенная вѣра ни разу не смутилась сомнѣніемъ: «у меня,—писалъ онъ Пушкину,—всего одна идея, и если бы ненарокомъ въ моемъ мозгу оказались еще какія-нибудь идеи, онѣ, конечно, тотчасъ бы прилѣпились къ той одной...» На фонѣ неприглядной русской дѣйствительности николаевской эпохи ярко выдѣляется эта грустная фигура одинокаго мыслителя, затеряннаго въ не понимающей его средѣ. Не понялъ его и геніальнѣйшій изъ русскихъ людей—Пушкинъ.

Н Л.

Генріетта Роландъ-Гольстъ. Этюды о соціалистической эстетикѣ. О жизни, красотѣ и искусствѣ. М. 1907.

Марксистское міровоззрѣніе оказало огромное вліяніе на исторію и всѣ науки, болѣе или менѣе соприкасающіяся съ нею, какъ, напримѣръ, право, философію, филологію, этику и даже эстетику. Въ области послѣдней новыя эстетическія теоріи строятся уже не на исключительно идеалистическихъ основаніяхъ, а также и на основаніяхъ реалистическихъ, матеріальныхъ. Великолѣпнымъ образцомъ приложенія матеріалистическаго метода къ эстетикѣ можетъ служить отчасти и теорія Тэна, поставившая въ основу своихъ положеній такіе матеріальные факторы, какъ раса, климатъ, среда. Но буржуазная эстетика, какъ замѣчаетъ извѣстная дѣятельница голландской рабочей партіи Генріетта Роландъ-Гольстъ, можетъ быть построена на реалистическихъ основахъ лишь до извѣстной степени, такъ какъ она «не можетъ не слѣдовать по нисходящей линіи духовнаго движенія буржуазіи нашего времени, которая, убѣгая отъ раціонализма, впадаетъ въ мистику, стремясь познать себя, отдаетъ себя во власть непостижимаго и тамъ ищетъ утѣшенія и спасенія». Этотъ процессъ духовной эволюціи буржуазіи объясняется и идетъ параллельно съ процессомъ ея экономической, соціальной и политической деградаціи, а послѣдняя приведетъ къ торжеству новаго общественнаго класса—пролетаріата. Сознаніе своего разложенія, перспектива быть побѣжденной и уйти съ арены общественной жизни и вызываетъ, по мысли автора, подобное духовное настроеніе буржуазіи, проявляющееся и въ области эстетики. Здѣсь, признавая за реальной жизнью лишь нѣкоторое значеніе для искусства, она ставитъ послѣднее все же за предѣлами жизни: искусство «вѣчное, божественное», жизнь измѣнчива, преходяща... Получающійся отсюда выводъ, что «искусство—выше жизни», и приводитъ къ теоріямъ чистаго искусства, которыя такъ распространены въ новѣйшей художественной литературѣ.

Доказательству обратнаго положенія, именно зависимости искусства отъ жизни, точнѣе—жизни общественной, и посвящена брошюра Генріетты Роландъ-Гольстъ. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе подробностей доводовъ, приводимыхъ въ защиту этого взгляда, и укажемъ только, что кардинальное различіе между эстетикой буржуазной и соціалистической авторъ видитъ въ слѣдующемъ. «Изслѣдовать законы, по которымъ абстрактное понятіе красоты заполняется конкретнымъ, всегда мѣняющимся содержаніемъ, значитъ положить въ основу теоріи искусства исторію искусства, въ продуманной и сознанной связи съ исторіей общества. Это составитъ задачу соціалистической эстетики, въ то время, какъ буржуазная, наоборотъ, противопоставляетъ другъ другу теорію и исторію, постоянное абстрактное понятіе—и измѣнчивое конкретное содержаніе». Далѣе авторъ говоритъ о красотѣ, какъ сущности искусства, о томъ, какъ росло, развивалось, вообще эволюціонировало это понятіе красоты параллельно съ эволюціей культуры. Въ послѣднемъ этюдѣ разбирается эстетика Канта. Въ концѣ книги авторъ бросаетъ ретроспективны[illegible] взглядъ на искусство «утренней зари буржуазно-капиталистическаго развитія» и на искусство эпохи уже развитаго капитализма. «На зарѣ» соціальны

идеалъ свободы и равенства, провозглашенный буржуазіей, ярко горѣлъ и зажигалъ въ душѣ художника пламя воодушевленія. «Шелли, этотъ величайшій поэтъ восходящаго современнаго буржуазнаго міра, во всемъ блескѣ его юношеской свѣжести и гордаго мощью новыхъ производительныхъ силъ,—чертилъ идеалъ красоты не въ созерцательномъ эстетизмѣ, а въ соціальномъ идеализмѣ». Когда же, съ развитіемъ капитализма и укрѣпленіемъ вызванныхъ имъ противорѣчій интересовъ разныхъ общественныхъ слоевъ, идеалъ свободы и равенства потускнѣлъ,—наступила иная эпоха: «наиболѣе чуткія и искреннія натуры усматривали прекрасное или лишь—по аналогіи съ истиной—въ истинѣ, понятой въ естественно-научномъ смыслѣ, въ представленіи о человѣкѣ и природѣ, или же въ мірѣ чисто чувственныхъ и личныхъ чувствъ и ощущеній, въ лучшемъ случаѣ—въ неопредѣленномъ состояніи». Другими словами, въ эту эпоху появились, съ одной стороны, натурализмъ, съ другой—всякаго рода виды символизма, индивидуализма и т. д.

Книжка читается легко, затрагиваетъ много интересныхъ вопросовъ и, если рѣшаетъ ихъ иногда слишкомъ поверхностно, то все же оригинально.

А. Я.

Лассеръ, А. Коллективное участіе женщинъ въ великой французской революціи. Переводъ съ французскаго Эльтъ. С.-Петербургъ. 1907.

Издавая свою книгу «Коллективное участіе женщинъ въ великой французской революціи», авторъ снабдилъ ее очень интереснымъ введеніемъ, изъ котораго мы видимъ, какъ сильно его интересовала «вообще исторія вмѣшательства женщинъ во время французской революціи». До него этотъ вопросъ почти никѣмъ не былъ разработанъ, не было ни одной книги, которая давала бы «исторію участія женщины въ такомъ грандіозномъ движеніи, за исключеніемъ развѣ Мишле, который, впрочемъ, въ своей «Les femmes de la Révolution et les soldats de la Révolution» «даетъ лишь краткій и неполный эскизъ, мало связанный, какъ онъ и самъ признаетъ, съ общимъ содержаніемъ его прекраснаго труда по исторіи революціи». Между тѣмъ «полная иллюстрація женскаго движенія за эти годы героической борьбы должна», по мнѣнію Адріана Лассера, «включать въ себя въ общихъ чертахъ всѣ факты, касающіеся дѣятельности женщины, была ли эта дѣятельность благопріятна дѣлу революціи, или нѣтъ. Исторія участія женщины въ революціи,—продолжаетъ авторъ—разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, является въ своемъ родѣ поучительной, хотя обзоръ ея и представляетъ нѣкоторыя трудности». Для наиболѣе удачнаго завершенія такого обзора, какъ и вообще, историку, по мнѣнію Лассера, «необходимо обладать обширной эрудиціей, быть терпѣливымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ и умѣлымъ колористомъ». Ввиду этого онъ и не рѣшается принять на себя подобную задачу. «Я беру», говоритъ онъ, «въ этомъ случаѣ на себя только то, что доступно мнѣ по средствамъ и свѣдѣніямъ, которыми я располагаю, а потому, собравъ нѣкоторый мате-

ріалъ, я хочу внести этимъ мою дань для облегченія болѣе обширнаго и совершеннаго труда, который долженъ появиться рано или поздно въ будущемъ».

Собирая матеріалы для своего труда, авторъ главнымъ образомъ пользовался «журналами, мемуарами и другими документами, сохранившимися въ библіотекахъ, архивахъ и частныхъ коллекціяхъ той эпохи», и результаты изслѣдованія, по словамъ г. Лассера, даютъ «удивительное освѣщеніе роли и значенія женщинъ въ этотъ періодъ общественнаго и политическаго возрожденія».

Что касается самаго «изслѣдованія», то должно замѣтить, что авторъ здѣсь «старался объединить только то, что составляетъ активъ въ дѣятельности женщинъ», т. е. только то, что ими были сдѣлано «для общаго дѣла обновленія», съ каковою цѣлью онъ отыскивалъ факты такого участія женщины въ революціи, которое проявлялось бы «въ коллективной формѣ», такъ какъ «душа женщины», по его мнѣнію, «ярче обнаруживается въ дѣятельности коллективной единицы», когда ясно выступаютъ инстинкты, страсти и ея природныя способности. Тѣмъ не менѣе авторъ не игнорируетъ «индивидуальные поступки скромныхъ, неизвѣстныхъ, анонимныхъ дѣятелей или тѣхъ изъ женщинъ, которыя едва упомянуты, но являлись часто героинями»; имена же «великихъ женщинъ», біографіи, поступки и «мнимые подвиги» которыхъ можно встрѣтить въ словаряхъ и каталогахъ революціи, авторъ упоминаетъ лишь тамъ, гдѣ событія связаны съ ихъ именами въ числѣ другихъ женщинъ. «Конечно, я не пренебрегаю ими,—говоритъ г. Лассеръ:—но такъ какъ онѣ уже велики, то, слѣдовательно, и извѣстны». Въ общемъ авторъ не благоволитъ къ отдѣльнымъ «героинямъ» революціи, ибо «онѣ блистали,будучи звѣздами революціи, не освѣщая ея, не вліяя значительно на ея судьбы». Вотъ что говоритъ по этому поводу онъ: «Внимательно изучивъ женскіе персонажи, я пришелъ къ убѣжденію, что ихъ поступки были въ общемъ скорѣе вредны, чѣмъ благопріятны для революціоннаго прогресса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно приглядѣться къ портретамъ въ ихъ галереѣ, которая не представляетъ святилища, и остановиться передъ тѣми, роль которыхъ была вполнѣ очевидна, не вникая даже въ ихъ дѣятельность и не подводя ей итога». Дѣйствительно, вотъ «красивая обывательница Льежа Теруань де-Мерикуръ», которую «ея горячая любовь къ дѣлу освобожденія быстро реабилитировала отъ пятенъ слишкомъ веселаго ея прошлаго»—что она сдѣлала, появившись въ кульминаціонный, такъ сказать, моментъ эпохи, именно 10 августа? Забывая о всякомъ великодушіи, въ порывѣ мести къ Сюло она «ударила его, и если не убила его сама, то указала на него убійцамъ», и такимъ образомъ «побѣдоносный день 10 августа сдѣлался для нея только днемъ случая отомстить и этимъ омрачилъ ея память». «Позже,—продолжаетъ авторъ,—она сдѣлалась жертвою жестокаго униженія, опозорившаго его исполнителей, затѣмъ она опустилась, сошла съ революціонной сцены и кончила сумасшествіемъ»; она никогда, «ни на одну минуту не была богиней, геніемъ революціи». Затѣмъ авторъ разсматриваетъ дѣятельность мада[illegible]ь де-Сталь, которая, несмотря на свое образованіе и недюжинный умъ, «все же [illegible]е могла подняться до идеала ея времени и понять его». Въ особенности г. Л[illegible]-

серъ винитъ ее за то, что она содѣйствовала въ занятіи поста военнаго министра графу де-Нарбонъ, человѣку «отсталому, закоснѣлому въ старыхъ военныхъ традиціяхъ», въ то время, когда «грозила опасность извнѣ». Затѣмъ идутъ Олимпія де-Гужъ, которая «въ общемъ больше удивляла собою во время революціи, чѣмъ служила ей», Ета Пальмъ Эдлеръ, голландка по происхожденію, но француженка въ душѣ, еще болѣе преданная феминизму, чѣмъ Олимпія де-Гужъ; потомъ Луиза Роберъ—объ обѣихъ послѣднихъ авторъ отзывается если не съ похвалою, то во всякомъ случаѣ не съ порицаніемъ. Что же касается Шарлотты Корде, убійцы Марата, то авторъ такъ отзывается о ней: «Я воздержусь и не назову ея поступка поступкомъ сумасшедшей, убившей опаснаго сумасшедшаго, потому что, несмотря на ея мрачную иллюзію, взгляды потомства со странной симпатіей обратились къ этой красивой молодой дѣвушкѣ съ душою римлянки», хотя слѣдствіемъ ея ужаснаго поступка было то, что число тирановъ увеличилось, а «ярость ихъ удвоилась посредствомъ работы эшафота». «Коллективное участіе женщинъ въ великой французской революціи» авторъ разсматриваетъ въ такомъ порядкѣ: 1) Дѣятельность женщины на зарѣ революціи, 2) Женщины въ первые дни революціи, отъ 14 іюля до 4 августа 1789 г., 3) Франція, обновленная при помощи женщинъ, 4) Парижанки и возстаніе 5—6 октября 1789 г., 5) Граждане-патріоты и движеніе федерацій, 6) Участіе женщинъ въ организацяхъ со дня бѣгства короля въ Варенъ, 7) Патріотическое самоотверженіе француженокъ вовремя національной обороны и первыя войны революціи. **Я. Вирюковъ.**

Г. Зоргенфрей. Вопросы современной школы. Спб. 1907.

Книга Г. Зоргенфрея представляетъ собой сборникъ статей, печатавшихся раньше въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ «Русской Школѣ». Всѣ онѣ посвящены одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современности—школьной реформѣ. Не входя въ разсмотрѣніе реальныхъ условій школьной реформы, авторъ разбираетъ тѣ теоретическіе принципы, которые должны лечь въ ея основу. Ихъ разработкѣ посвящена первая статья—«Что намъ нужно».

Само собою разумѣется, что бюрократически-канцелярское рѣшеніе вопроса автора не удовлетворяетъ. «Нужно стремиться отъ тѣхъ полумѣръ,— говоритъ онъ: — которыя спасеніе школы видѣли въ перенесеніи предмета изъ одного класса въ другой, въ увеличеніи или уменьшеніи числа уроковъ на одинъ или два недѣльныхъ часа, въ замѣнѣ экзаменаціоннаго перевода на древніе языки переводомъ съ древнихъ языковъ и т. п.». Авторъ стоитъ за радикальное преобразованіе существующаго школьнаго строя. Послѣдній необходимо, по его мнѣнію, передѣлать въ томъ направленіи, чтобы общество извлекло изъ этого наибольшую пользу. Если признать это положеніе, если признать, «что въ интересахъ общества — надлежащее, возможно полное развитіе силъ всѣхъ его членовъ», то прежде всего нужно демократизировать школу, уничтожить ея сословно-классовую структуру, сдѣлать ее

доступной всему народу. Во-вторыхъ, школьное образованіе необходимо раздѣлить на три стадіи. Стадія первоначальнаго обученія, одинаковая для всѣхъ, должна быть признана и общеобязательной. «Тогда будетъ у насъ національная школа, — говоритъ далѣе авторъ, — и первоначальная народная школа перестанетъ существовать, какъ какая-то исключительно пролетарская школа, противоположная школамъ для дѣтей привилегированнаго общества». Послѣдующія двѣ стадіи школьнаго образованія должны быть предоставлены питомцамъ первоначальной школы исключительно въ зависимости отъ ихъ способностей и наклонностей, обнаруженныхъ ими въ періодъ первоначальнаго образованія. Способности — условіе возможности попасть въ среднюю школу, влеченіе—условіе для выбора того или иного типа средней школы. И то, и другое въ соединеніи приведетъ къ тому, что девизомъ школьнаго образованія станетъ: «дорогу способнѣйшему!».

Понятно, что при такой постановкѣ школы общество, какъ цѣлое, только выиграетъ. Но, къ сожалѣнію, отъ этого проиграютъ отдѣльныя личности, и притомъ тѣ, которыя играютъ доминирующую роль въ современномъ обществѣ. Поэтому, вполнѣ признавая симпатичность воззрѣній автора на школьный вопросъ, мы должны признать ихъ слишкомъ утопичными, слишкомъ идеальными. Вѣдь для того, чтобы воплотить подобный проектъ въ дѣйствительность, необходимо кардинально перестроить и послѣднюю. Ну, а это возможно... въ очень отдаленномъ будущемъ.

Большею реальностью въ смыслѣ осуществимости высказываемыхъ авторомъ взглядовъ отличаются другія статьи. Вотъ ихъ перечень: «Равноцѣнность разныхъ типовъ средней школы (реформа средней школы въ Германіи)», «Новый типъ классическихъ гимназій», «Совмѣстное обученіе», «Половое просвѣщеніе», «Эстетическое образованіе». Не входя въ разборъ содержанія этихъ статей, скажемъ лишь, что онѣ говорятъ объ очень важныхъ сторонахъ школьнаго вопроса, и что поэтому познакомиться съ ними необходимо всякому, кто не чуждъ нашей школы.

Въ послѣдней статьѣ, вошедшей въ сборникъ и озаглавленной «Тогда и теперь», Г. Зоргенфрей проводитъ интересную историческую параллель постановки и разработки въ педагогическихъ и бюрократическихъ мірахъ «тогда», т. е. послѣ Крымской войны, и «теперь», т. е. Японской. Оказывается, что нашъ педагогическій міръ въ лицѣ Пирогова, Стоюнина и других уже въ то время высказалъ все то хорошее, что выработала европейская наука о воспитаніи, и оказывается, что нашъ бюрократическій міръ и теперь ничего еще не усвоилъ изъ этого. Заключается статья извѣстными словами Стоюнина, сказанными имъ о состояніи нашей школы, въ какомъ она была до Крымской войны: «Если прусскій фельдмаршалъ Мольтке утверждалъ, что нѣмцы, торжествуя надъ своими врагами, обязаны тѣмъ школьному учителю, то мы должны признаться, что за свои неудачи и пораженія (Крымская война) мы обязаны нашей школѣ. Только виновенъ тутъ былъ и школьный учитель, а та давняя фальшь, которая была положена въ основа[illegible] нія школы, та полицейская педагогія, которая развилась у насъ въ школ[illegible] номъ дѣлѣ, то неправильное отношеніе государства къ воспитанію, образов[illegible]

нію и вообще къ народному просвѣщенію». Эта цитата написана въ 1861 году, но и въ наше время, какъ справедливо отмѣчаетъ Г. Зоргенфрей, она не утеряла значенія неоспоримой истины. И. Александровъ.

В. И. Сергѣевичъ. Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Спб. 1908.

Государственное обновленіе Россіи поставило на очередь реформу весьма многихъ сторонъ нашей жизни. Для правильнаго преобразованія ихъ, въ свою очередь, потребовалось ихъ историческое изученіе, а это изученіе нерѣдко приводило и продолжаетъ приводить къ весьма неожиданнымъ и любопытнымъ открытіямъ. Давно ли, напримѣръ, осужденіе виновнаго супруга при расторженіи брака на безбрачіе считалось непоколебимымъ церковнымъ канономъ, идущимъ чуть не отъ временъ апостольскихъ. И вдругъ при внимательномъ изученіи исторіи этого закона оказалось, что церковь тутъ вовсе ни при чемъ, и что тутъ мы имѣемъ дѣло съ простымъ правительственнымъ распоряженіемъ, появившимся лишь въ царствованіе Петра I.

Такимъ же историческимъ недоразумѣніемъ готовится, повидимому, оказаться и наше общинное землевладѣніе. Сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что наша крестьянская община возникла во времена сѣдой древности, что она какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу народа и что посягать на нее значитъ посягать на свое родное, исконное и самобытное. Устранить это общее мѣсто, пріобрѣвшее отъ частаго повторенія видъ истины, взялъ на себя извѣстный ученый, знатокъ нашихъ юридическихъ древностей профессоръ В. И. Сергѣевичъ. Въ минувшемъ февралѣ онъ прочиталъ въ петербургскомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей небольшой рефератъ на тему о времени возникновенія у насъ крестьянской поземельной общины. Рефератъ этотъ, къ счастью, не остался лишь въ памяти членовъ клуба, но изданъ по стенограммѣ въ видѣ отдѣльной брошюры книгоиздательствомъ «Сельскаго Вѣстника».

Путемъ анализа писцовыхъ книгъ, крестьянскихъ наказовъ, данныхъ депутатамъ Екатерининской комиссіи, а также и другихъ документовъ почтенный историкъ доказываетъ, что до Петра Великаго у насъ было лишь общинное землевладѣніе, но землепользованіе было частное: каждый имѣлъ отдѣльный участокъ, передѣловъ не было, участки можно было продавать и наслѣдовать, какъ частную собственность. Введенная Петромъ вмѣсто подворной подушная подать заставляетъ правительство по возможности уравнивать участки. Частное владѣніе ими стѣсняется. Межевая инструкція императрицы Елизаветы Петровны 1754 г. окончательно отмѣняетъ право личнаго распоряженія крестьянъ, право наслѣдованія и наконецъ право продавать свои астки, причемъ вся земля объявляется государственной собственностью.

Наконецъ изданный въ 1781 г. Екатериной II указъ вводитъ обязательюсть земельныхъ передѣловъ и такимъ образомъ даетъ общинному владѣнію тъ видъ, въ которомъ мы застаемъ его теперь.

«Въ проектѣ положенія о крестьянскомъ землевладѣніи 15 ноября 1907 г.,— пишетъ профессоръ,—говорится, что есть деревни, гдѣ уже 25 лѣтъ владѣютъ безъ передѣла. Сколько же времени въ общихъ чертахъ дѣйствовало у насъ общинное землевладѣніе? Какихъ-нибудь 100 лѣтъ!»

Такимъ образомъ, по взгляду автора, всякія разсужденія о древности и самобытности у насъ общины, пущенныя въ ходъ барономъ Гакстгаузеномъ, свидѣтельствуютъ лишь о недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей развитія у насъ землевладѣнія и теперь, когда историческая наука располагаетъ болѣе обширными матеріалами для освѣщенія этого вопроса, должны отпасть сами собою.

А. В.

Романъ Исидоровичъ Кондратенко. Жизнь и боевая дѣятельность. Систематическое описаніе осады и обороны Портъ-Артура. Составили В. Миткевичъ и Д. Дубенскій. Спб. 1908.

Крупная фигура Р. И. Кондратенки, одного изъ свѣтлыхъ геніевъ печальной эпопеи Портъ-Артура, приковываетъ къ себѣ общественное вниманіе и во всѣхъ безчисленныхъ толкахъ о пережитыхъ военныхъ злоключеніяхъ и сдачѣ Портъ-Артура Р. И. Кондратенко выступаетъ въ ореолѣ національнаго русскаго героя. Составители этого труда говорятъ: «Графъ Левъ Толстой создалъ въ «Войнѣ и Мирѣ» типъ капитана Тушина, скромнаго и милаго, и этотъ типъ наилучшимъ образомъ характеризуетъ душевныя свойства покойнаго Р. И. Кондратенки. До послѣдней войны никто не подозрѣвалъ, какія могучія нравственныя силы таятся въ этомъ задумчивомъ и спокойномъ человѣкѣ, но наступившія грозныя событія вызвали ихъ наружу и создали ореолъ героизма около имени Кондратенки. Не будь этихъ событій, онъ, вѣроятно, сошелъ бы въ могилу неоцѣненнымъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ появляются впервые въ настоящемъ изданіи, составители котораго товарищи Р. И. Кондратенки по воспитанію и служебной карьерѣ. Воспоминанія ихъ рисуютъ юнаго Кондратенку религіознымъ, спокойнымъ мальчикомъ, съ меланхолической и нѣжной натурой. По окончаніи инженерной академіи Кондратенко попадаетъ въ Батумъ, гдѣ ему поручается сразу отвѣтственная работа по составленію проекта укрѣпленія Батума съ сухого пути въ дополненіе къ существовавшимъ уже береговымъ батареямъ. Затѣмъ Кондратенко служилъ въ виленскомъ военномъ округѣ и за три года до начала войны онъ назначенъ въ пріамурскій военный округъ, гдѣ детально знакомится съ условіями обороны нашей дальне-восточной окраины. Находясь въ кампаніи 1900—1901 гг. въ составѣ десантнаго корпуса, выступившаго противъ китайцевъ. Кондратенко видѣлъ близко японскія войска, съ которыми въ скоромъ времени ему пришлось вступить въ отчаянную борьбу на веркахъ Портъ-Артура.

Съ начала осады Портъ-Артура Кондратенко является начальникомъ с хопутной обороны. Онъ ведетъ оборону крѣпости почти самостоятельно, и генералъ Стессель мало интересовался этимъ дѣломъ. Кондратенко подв галcя серьезной опасности въ атакованныхъ непріятелемъ пунктахъ. Но

его не безпокоило. Днемъ и ночью онъ былъ озабоченъ дѣлами обороны, но сохранялъ спокойствіе и добродушіе. Многіе спрашивали, когда этотъ человѣкъ спитъ. Онъ вѣчно былъ на ногахъ. Въ противоположность всѣмъ генераламъ Кондратенко былъ близокъ съ подчиненными и не стѣснялся спрашивать у нихъ совѣта. «Имъ тамъ на мѣстѣ виднѣе, какъ поступить и что сдѣлать», говорилъ онъ. Приказанія онъ отдавалъ нерѣдко въ вопросительной формѣ: «Не найдете ли вы необходимымъ сдѣлать то-то?» и такія приказанія побуждали подчиненнаго вдумчиво и внимательно отнестись къ ихъ исполненію. Авторы книги отмѣчаютъ рѣдкое радушіе и хлѣбосольство Кондратенки, которыя привлекали къ нему всѣхъ участниковъ обороны. Въ опасныя минуты за стаканомъ вина обсуждались детали, разрабатывались проекты и создавался планъ дѣйствій по оборонѣ крѣпости. Кондратенко имѣлъ шансы все выполнить прекрасно. Но кругомъ его была нескладица. Недоразумѣнія между генералами и неясное положеніе коменданта крѣпости вредно отражались на оборонѣ. Вслѣдъ за старшими начальниками раздѣлились на два лагеря и подчиненные. Такое положеніе во время войны вело къ плачевнымъ результатамъ. Любопытно, что обѣ враждовавшія стороны цѣнили Кондратенку, стоявшаго внѣ партій. Руководя обороной, Кондратенко только изрѣдка дѣлалъ доклады Стесселю и Смирнову. Онъ видѣлъ полную неготовность крѣпости выдержать осаду, поэтому хлопоталъ объ усиленіи ея оборонительной способности. Но увы, не пришлось ему довести дѣло до конца. Воздвигнутыя по иниціативѣ Р. И. Кондратенки укрѣпленія передовой обороны на время отдалили ударъ, но только на время. Японцамъ, хотя и съ громадными потерями, удалось овладѣть этими укрѣпленіями и подойти къ главной линіи обороны. По настоянію Кондратенки въ Портъ-Артурѣ изготовлялись ручныя гранаты, которыя наносили непріятелю большой вредъ. Въ маленькомъ домѣ Кондратенки ежедневно собирались не офиціальные, но дѣйствительные совѣты обороны.

2 декабря 1905 года, въ девять часовъ вечера генералъ Кондратенко палъ жертвою долга! Эта смерть произвела подавляющее впечатлѣніе не только на защитниковъ крѣпости, но и на жителей города. Всѣ поняли, что настаетъ конецъ обороны и что убитъ не только генералъ Кондратенко, но и сила крѣпости. Крѣпость до дня сдачи переживала агонію.

Книга написана довольно тепло, въ живыхъ краскахъ. Она снабжена множествомъ рисунковъ, воспроизводящихъ обстановку, а частью и эпизоды портъ-артурской эпопеи и, что самое цѣнное, заключаетъ собственноручныя письма покойнаго Кондратенки къ его женѣ, нѣсколько его приказовъ и одно факсимиле, воспроизводящее секретное письмо покойнаго (теперь уже потерявшее характеръ секрета) къ генералу Стесселю.

Н. Лнд.

А. Сталь. Пережитое и передуманное студентомъ, врачомъ и профессоромъ. Быль. Книга первая—Студенчество. Спб. 1908.

Подъ такимъ нѣсколько длиннымъ и неуклюжимъ заглавіемъ и съ эпиграфомъ «Какъ мало прожито, какъ много пережито» вышли чрезвычайно интересные очерки-воспоминанія писателя, скрывшагося подъ вымышленнымъ именемъ, относящіеся до быта и строя медико-хирургической академіи начала семидесятыхъ годовъ. Здѣсь въ легкой повѣствовательной формѣ авторъ ставитъ читателя лицомъ къ лицу съ главнѣйшими моментами изъ жизни этого высшаго учебнаго заведенія, обстоятельно знакомитъ съ выдающимися представителями его научной корпораціи, обрисовываетъ послѣднихъ, какъ служителей науки, дѣятельныхъ членовъ академическихъ конференцій, какъ лекторовъ и наставниковъ обширной группы учащейся молодежи. Передъ читателями ярко и рельефно возстаютъ образы профессоровъ Сѣченова, Бородина, Зинина, Ландцерта, Грубера, Руднева, Эйхвальда, Склифасовскаго, Богдановскаго, Боткина, Мультановскаго и многихъ другихъ, причемъ въ книгѣ даны обстоятельныя указанія на заслуги всѣхъ этихъ видныхъ дѣятелей медицинской науки, какъ передъ русскимъ обществомъ, такъ и академіей въ частности. Г. Сталь разсматриваетъ выводимыхъ имъ лицъ въ разныхъ положеніяхъ, заставляетъ читателей изучать ихъ характеры на дѣлахъ ихъ, на отношеніяхъ между собою, къ студентамъ и общимъ явленіямъ тогдашней русской общественности. Отсюда получается большая жизненность нарисованныхъ имъ портретовъ, гдѣ краски и позы оригиналовъ говорятъ сами за себя, безъ натянутыхъ экспликацій и толкованій самого фотографа. Въ одномъ только мѣстѣ авторъ не удержался и пустился въ разсужденія, нѣсколько даже полемическаго характера. Мѣсто это, повидимому, для него больное и относится къ той сторонѣ дѣятельности С. П. Боткина, которая имѣла цѣлью его извѣстную борьбу въ академіи съ ея нѣмецкимъ элементомъ и созданіе національной русской школы врачей. Тутъ авторъ книги обрушивается на покойнаго знаменитаго профессора, читаетъ ему нотацію и пускается въ разсужденія относительно заслугъ передъ Россіей лицъ съ иностранными фамиліями и иноземнаго происхожденія и не только на научномъ, но и на прочихъ общественныхъ поприщахъ. . Не касаясь затронутаго вопроса по существу и даже въ примѣненіи его къ покойному Боткину, отмѣтимъ лишь, что эта искусственно введенная часть не соотвѣтствуетъ ходу изложенія и содержанія: врядъ ли въ воспоминаніяхъ «студента» такому принципіальному вопросу можно отвести мѣсто. И ужъ если вопросъ надо было поставить по поговоркѣ «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», то надо было съ этой рѣчью удержаться до слѣдующихъ частей, когда авторъ представится передъ читателями въ болѣе сознательномъ возрастѣ и независимомъ положеніи «врача и профессора», какъ о томъ онъ обѣщаетъ даже въ самомъ заглавіи книги.

Большого вниманія заслуживаютъ и тѣ главы, гдѣ г. Сталь знакомитъ насъ съ студенчествомъ семидесятыхъ годовъ, его настроеніями, его бытомъ, его исканіемъ соціальныхъ идеаловъ, его привязанностями, симпатіями и антипатіями. Это самое студенчество взято авторомъ не изолированно о

общихъ условій всей совокупности тогдашней русской жизни, но поставлено именно въ связь съ послѣднею, вслѣдствіе чего и вся выведенная имъ масса учащейся молодежи получаетъ въ его повѣствованіи значеніе живой массы съ ея плотью и кровью, массы въ движеніи и соотвѣтствующихъ порывахъ. Благодаря такой манерѣ повѣствованія работа г. Сталя получаетъ характеръ интереснаго историческаго описанія жизни одного изъ крупныхъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, сыгравшихъ въ исторіи русской общественности крупную роль, еще далеко не оцѣненную и освѣщенную въ нашей литературѣ. Для этого освѣщенія и оцѣнки книга «Пережитое и передуманное» можетъ послужить своего рода матеріаломъ и источникомъ. Изданіе изящное и недорогое по цѣнѣ (1 р. 60 к.), оно иллюстрировано многочисленными портретами видныхъ дѣятелей академіи, а потому, несомнѣнно, привлечетъ къ себѣ вниманіе не только спеціальныхъ читателей изъ медицинскаго персонала, связанныхъ своею жизнью и воспоминаніями съ академіей, но и прочихъ широкихъ круговъ интеллигенціи, которые найдутъ для себя здѣсь занимательное и полезное чтеніе.

В. Г.

Ольгердъ Вильчинскій. Исторія Руси по сказаніямъ современниковъ, документамъ и памятникамъ (839—1078). Съ рисунками. Вильна. 1908.

Трудно понять, для какого рода читателей авторъ предназначалъ эту свою книжку. Въ качествѣ популярнаго изложенія древнѣйшихъ иностранныхъ свидѣтельствъ и археологическихъ данныхъ о начальной исторіи нашего отечества трудъ г. Вильчинскаго совсѣмъ непригоденъ. Лѣтописная манера изложенія, въ порядкѣ годовъ, причемъ тѣ или другія свѣдѣнія о культурѣ народа разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по поводу случайнаго упоминанія о нихъ какого-нибудь путешественника или лѣтописца,— подобная манера равносильна въ наше время полному отсутствію всякой системы. А главное, авторъ, видимо, задался цѣлью произвести «переоцѣнку цѣнностей» въ области нашей отечественной исторіи: онъ совсѣмъ не признаетъ нашихъ лѣтописей, «оставляетъ въ сторонѣ всѣ позднѣйшія сказанія о варяго-руссахъ, внесенныя въ русскія лѣтописи въ исходѣ XI столѣтія», зато къ иностраннымъ свидѣтельствамъ относится очень довѣрчиво. Цѣлый рядъ общепризнанныхъ русскими историками фактовъ г. Вильчинскій просто-напросто замолчалъ, зато высказалъ немало новыхъ воззрѣній, можетъ быть, очень оригинальныхъ и очень радикальныхъ, но большею частью нелѣпыхъ и ненаучныхъ.

Такова прежде всего красною нитью проходящая черезъ всю книжку г. Вильчинскаго дикая мысль, будто малоруссы, съ одной стороны, и великоруссы, съ другой, представляютъ собою двѣ совершенно различныхъ народности: одни (малоруссы вмѣстѣ съ бѣлоруссами) будто бы славяне, а другіе (великоруссы) — ославянившіеся готы! Но кто же теперь сомнѣвается въ томъ, что на зарѣ русской исторіи не было еще ни малоруссовъ, ни великоруссовъ, а былъ одинъ русскій народъ, языкъ котораго является роднымъ

отцомъ всѣхъ теперешнихъ русскихъ нарѣчій, его сыновей. Великоруссовъ авторъ поставилъ на мѣсто тѣхъ «варяговъ», о которыхъ говорятъ отвергаемыя имъ лѣтописи, и, конечно... оказался въ смѣшномъ положеніи.

Для ученыхъ спеціалистовъ иныя мысли г. Вильчинскаго и могли бы представить нѣкоторый интересъ. Но, предназначая свою книжку для спеціалистовъ, авторъ долженъ былъ бы избрать совсѣмъ иной путь: не писать пространную лѣтопись съ изложеніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ, напримѣръ, объ обрядахъ погребенія у древнихъ «руссовъ» по арабскимъ источникамъ, объ именахъ днѣпровскихъ пороговъ по Константину Багрянородному и т. п.,—а подвергнуть научной критикѣ оспариваемыя имъ воззрѣнія и научно обосновать свою новую точку зрѣнія. Теперь же врядъ ли у многихъ спеціалистовъ найдется столько терпѣнія, чтобы разыскать въ кучѣ общеизвѣстнаго и нелѣпаго крупицы оригинальной истины.

Вотъ почему книжку г. Вильчинскаго приходится назвать «холостымъ выстрѣломъ», хотя авторъ ея много и добросовѣстно потрудился надъ излагаемымъ предметомъ и не чуждъ эрудиціи, правда, не всегда стоящей на уровнѣ вѣка. **Z.**

Атласъ по исторіи древняго искусства, составленный профессоромъ А. А. Павловскимъ. Одесса. 1907.

Профессоръ императорскаго новороссійскаго университета А. А. Павловскій, выпустившій недавно небольшой, но весьма содержательный «Курсъ исторіи древняго искусства», первое изданіе котораго въ короткое время разошлось безъ остатка, а второе нынѣ печатается въ болѣе полномъ видѣ, издалъ только что весьма полезное дополненіе къ «Курсу»—атласъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Этотъ атласъ содержитъ 50 фототипическихъ таблицъ съ 642 рисунками по всѣмъ отраслямъ и разновидностямъ древняго искусства. Распредѣленіе рисунковъ соотвѣтствуетъ распредѣленію матеріала, принятому въ «Курсѣ». Такимъ образомъ, передъ нами послѣдовательно проходятъ, въ своихъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ памятникахъ и произведеніяхъ искусства, древній Египетъ (табл. I—V), Мессопотамія (VI—VIII), доисторическая Греція (Микены и Критъ, IX—XI), Финикія, Малая Азія, Кипръ и Персія (XII—XIII), историческая Греція (вазовая живопись, архитектура, скульптура и живопись (XII—XLI), Этрурія и Римъ до временъ Траяна (XLII—L). Такимъ образомъ, принято во вниманіе искусство древняго Востока, Эллады и Рима, что даетъ возможность легко и удобно прослѣдить постепенное развитіе древняго искусства отъ его первобытныхъ, первоначальныхъ ступеней до высшаго развитія у Фидія и Праксителя и наступившій затѣмъ упадокъ. Умѣлый подборъ и удачное большею частью, несмотря на неизбѣжную миніатюрность, исполненіе памятниковъ дѣлаютъ это изданіе само по себѣ весьма полезнымъ и цѣннымъ. Но для полной оцѣнки его з[illegible] ченія необходимо добавить, что оно является у насъ въ Россіи единственны[illegible] и такимъ образомъ удачно заполняетъ досадный пробѣлъ, особенно дававг[illegible] себя чувствовать въ нашей средней школѣ, какъ общей, такъ и спеціальн[illegible]

Правда, въ школѣ исторія искусства какъ особый предметъ отсутствуетъ, но она входитъ все же въ извѣстной мѣрѣ какъ необходимая составная часть въ курсъ исторіи. Преподавателю исторіи, особенно древней исторіи, нерѣдко приходится въ большей или меньшей мѣрѣ касаться отдѣльныхъ фактовъ и даже цѣлыхъ отдѣловъ исторіи искусства, причемъ на каждомъ шагу ощущается потребность не ограничиваться только словами, но ясно и твердо запечатлѣть въ сознаніи учащихся архитектурный стиль, статую, картину, о которыхъ идетъ рѣчь. И въ этомъ случаѣ нерѣдко довольно трудно было, особенно въ провинціи, помочь дѣлу и не только разсказать, но и показать требуемый памятникъ. Еще большее значеніе атласъ проф. Павловскаго будетъ имѣть для тѣхъ, кто долженъ пройти полный систематическій курсъ исторіи древняго искусства, т.-е. для студентовъ-филологовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, а равно учениковъ и ученицъ спеціальныхъ (напр., художественныхъ) училищъ, для которыхъ онъ явится весьма полезнымъ и вполнѣ доступнымъ по цѣнѣ пособіемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что къ атласу приложенъ указатель къ рисункамъ, въ которомъ авторъ, кромѣ пояснительной надписи къ каждому рисунку, указываетъ мѣсто, гдѣ нынѣ находится данное произведеніе искусства, и тѣ изданія, въ которыхъ можно найти лучшее воспроизведеніе даннаго памятника. Послѣднее важно не только для учащихся, но и для преподающихъ исторію искусства, такъ какъ облегчаетъ имъ отыскиваніе матеріала для иллюстрированія ихъ курса, на что всегда приходится непроизводительно тратить не мало времени даже въ томъ случаѣ, если имѣются подъ рукою всѣ изданія, большею частью весьма громоздкія и дорогія. Въ виду сказаннаго слѣдуетъ признать атласъ проф. Павловскаго полезнымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу.

Ив. Дусинскій

Древности Восточныя. (Труды восточныхъ комиссій императорскаго московскаго археологическаго общества). Томъ III, выпускъ I, съ 6 снимками въ текстѣ. М. 1907.

Въ настоящій выпускъ вошли слѣдующія работы: Ѳ. Е. Корша, «Происхожденіе формы настоящаго времени въ западно-турецкихъ языкахъ»; В. Ѳ. Минорскаго, «Національныя стихотворенія Эминъ-Бея въ связи съ новымъ направленіемъ османской поэзіи»; А. Е. Крымскаго, «Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи, XVI—XVIII вѣк.»; Л. З. Маріанца, «Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи» и А. С. Хаханова, «Грузинское апокрифическое евангеліе Никодима изъ Цачерскаго сборника XVI вѣка». Сверхъ того, въ протоколахъ приводятся in extenso доклады М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, В. О. Миллера, М. В. Никольскаго, А. Гляйде и др. Не входя въ изложеніе вышеназванныхъ работъ, помѣщенныхъ въ «Древностяхъ Восточныхъ,» скажемъ только, что онѣ въ нашу скудную науку по изученію Востока вносятъ свою лепту и пробуждаютъ интересъ къ востоковѣдѣнію, дѣлающему столь блестящіе успѣхи въ Западной Европѣ.

А. С. Хахановъ.

Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословій. Томъ I. Князья Черниговскіе. Часть 3-я. Составилъ Г. А. Власьевъ. Съ 6 таблицами родословій въ отдѣльной книгѣ. Спб. 1907.

Мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» о первыхъ двухъ частяхъ этого капитальнаго труда Г. А. Власьева и теперь съ особымъ удовольствіемъ останавливаемся на новой, только что отпечатанной третьей его части. Въ этотъ обширный томъ, свыше 540 стр., вошли родословныя князей Долгоруковыхъ, князей Щербатовыхъ, князей Тростенскихъ и князей Волконскихъ. Хотя родословія князей Долгоруковыхъ и Волконскихъ имѣютъ свои печатные сборники, но и имъ въ трудѣ Г. А. Власьева отведено весьма значительное мѣсто, къ чему побуждала нашего автора, съ одной стороны, большая неточность въ прежнихъ печатныхъ сборникахъ, а съ другой—имѣющіяся у него дополнительныя свѣдѣнія. Послѣднія дали, напримѣръ, къ родословію князей Долгоруковыхъ новыхъ 56 лицъ мужского пола и 162 женскаго, изъ которыхъ 83 дочери и 79 женъ. Всего въ родѣ князей Долгоруковыхъ имъ помѣщено 287 лицъ мужского пола и 201 женскаго; въ родѣ князей Щербатовыхъ—170 лицъ мужского пола и 122 женскаго (это первая наиболѣе полная родословная рода Щербатовыхъ), князей Волконскихъ—488 мужского и 296 женскаго. Послѣ каждаго родословія напечатаны и пространныя примѣчанія. По поводу послѣднихъ я позволяю себѣ указать только на одно. Подъ послѣднимъ нумеромъ авторъ всюду приводитъ выписки изъ печатнаго сборника «Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ», изданные департаментомъ герольдіи. По поводу послѣднихъ я уже не разъ заявлялъ въ печати, что въ нихъ много неточностей и что по неудачной системѣ изложенія они являются мало отвѣчающими своей задачѣ. Дѣло въ томъ, что въ нихъ послѣ цѣлаго ряда датъ сенатскихъ опредѣленій, часто смѣшиваемыхъ съ сенатскими указами и нерѣдко перевираемыхъ, приводятся безъ всякой системы имена лицъ, утвержденныхъ вышеприведенными опредѣленіями; благодаря такому изложенію, читатель не въ состояніи уловить, кто какимъ опредѣленіемъ былъ утвержденъ и кто въ какомъ родствѣ находится съ другими приводимыми лицами, а это, между прочимъ, должно было бы быть главною цѣлью подобнаго сборника. Въ частности по отношенію къ родамъ Долгоруковыхъ, Волконскихъ и Щербатовыхъ мы случайно въ этихъ выпискахъ нашли слѣдующее. Приведено имя поручика князя Петра Владимировича Долгорукова въ числѣ утвержденныхъ лицъ, а самого опредѣленія отъ 3 октября 1857 г., которымъ онъ и утвержденъ, не указано. Указано затѣмъ опредѣленіе сената отъ 25 января 1888 г., которымъ сопричисленъ князь Леонидъ Николаевичъ Волконскій, но почему-то пропущена утвержденная тѣмъже опредѣленіемъ его мать Елизавета Аркадьевна. Нѣтъ, затѣмъ, вовсе опредѣленія, отъ 5 декабря 1877 г., о сопричисленіи сына д. с. с. князя Григорія Алексѣевича Щербатова—Алексѣя, родившагося въ 1848 г., и т. д. Ввиду сказаннаго, я полагалъ бы, что эти безъ всякихъ поправокъ выписки являются лишнимъ балластомъ. Заканчивая свою краткую замѣтку исправленіемъ года смерти Якова Петровича Чаадаева, умершаго

въ дѣйствительности въ 1807 г.[1]), а не въ 1797 г., какъ сказано на стр. 284, подъ № 60, я могу только привѣтствовать появленіе въ печати труда Г. А. Власьева и вполнѣ присоединиться къ тѣмъ, которые принимаютъ его за цѣнный научный вкладъ въ нашу историко-генеалогическую литературу.

В. Рудаковъ.

Ал. Харузинъ. Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Вильна. 1907.

Для научнаго изслѣдованія быта русскаго народа сдѣлано пока весьма мало. Матеріалъ собранъ громадный, но онъ собранъ случайными любителями, работавшими безъ опредѣленной программы, и потому не полонъ; къ тому же онъ разсѣянъ по самымъ разнообразнымъ изданіямъ. Старыя попытки исчерпывающихъ предметъ изслѣдованій, напримѣръ, «Бытъ русскаго народа» Терещенко, давнымъ-давно устарѣли; новыхъ же изслѣдованій обобщающаго характера почти совсѣмъ не появляется.

Книга г. Харузина принадлежитъ къ числу такихъ именно, рѣдкихъ въ наше время, обобщающихъ изслѣдованій. Вопросъ о русскомъ жилищѣ разсмотрѣнъ въ нѣй всесторонне, въ связи съ жилищемъ другихъ славянскихъ народовъ. При изслѣдованіи авторъ привлекъ очень много новыхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ лично и взятыхъ изъ различныхъ рукописныхъ источниковъ. По обилію прекрасно исполненныхъ рисунковъ (202 №№) и чертежей (плановъ жилищъ) книга г. Харузина является въ своемъ родѣ единственною.

Авторъ въ своей книгѣ преслѣдуетъ одновременно двѣ главныхъ цѣли— изложить исторію развитія славянскаго жилища вообще и описать бѣлорусское жилище въ частности. Эта двойственность главной задачи помѣшала ему достигнуть желательной полноты при разрѣшеніи обѣихъ поставленныхъ задачъ. Другая слабая сторона книги въ томъ, что авторъ ея не придаетъ должнаго значенія вопросу о культурныхъ заимствованіяхъ; въ жилищѣ, точно такъ же, какъ и въ костюмѣ, у всѣхъ народовъ весьма мало самобытнаго; славяне нѣкогда позаимствовали у своихъ сосѣдей не только «комнату» и «избу» (оба названія нѣмецкія, а нѣмцами взяты отъ римлянъ), но и хижину, и хату, и хлѣвъ, и овинъ.

При всемъ томъ авторомъ сдѣлано весьма многое. И книгу г. Харузина— кстати замѣтить, роскошно изданную и недорогую (3 р.)—съ удовольствіемъ и съ пользою прочтетъ всякій, кто только интересуется бытомъ русскаго народа, первобытною славянскою культурою и народною архитектурою.

Д. Зеленинъ.

---

[1]) См. мою ст. «Къ біографіи П. Я. Чаадаева» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 907 г., № 11.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МНѢНІЕ француза о трудахъ русскаго археологическаго общества въ Константинополѣ. — Недавно на страницахъ «Figaro» появилось письмо изъ Константинополя француза М. Барейля, въ которомъ онъ сообщаетъ о трудахъ русскаго археологическаго общества въ Константинополѣ и о сдѣланной его директоромъ, М. Т. Успенскимъ драгоцѣнной находкѣ въ библіотекѣ Топъ-Капускаго сераля, состоящей изъ рукописной библіи XI вѣка, иллюстрированной миніатюрами. Этотъ сераль, прежняя резиденція оттоманскихъ государей, до теперешняго времени былъ недоступенъ для иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ его библіотеку, всегда возбуждавшую любопытство иностранныхъ ученыхъ, допускались нѣкоторые путешественники, въ большинствѣ случаевъ французы. Было основаніе питать надежду, что въ ней могутъ оказаться драгоцѣнныя рукописи, происходящія изъ глубины Византіи, которыхъ Западъ, со времени паденія Константинополя въ 1459 г., не могъ добиться, исключая нѣкоторыхъ незначительныхъ рукописей. Но ожиданія ученыхъ не оправдались: ихъ поиски, особенно въ XVIII вѣкѣ, оказались безуспѣшны. Однако нашъ соотечественникъ М. Т. Успенскій былъ счастливѣе иностранныхъ археологовъ: ему удалось найти тридцать шесть греческихъ рукописей, содержаніе которыхъ онъ возстановилъ; но драгоцѣннѣе этихъ документовъ оказалась найденная библія XI вѣка, въ довольно плачевномъ видѣ, но полная, въ 568 страницъ пергаментныхъ. Желая ознакомить иностранныхъ ученыхъ съ этою находкою, Успенскій выпустилъ ея описаніе и на французскомъ языкѣ.

Въ предисловіи къ библіи находится знаменитое письмо Аристея къ Филократу, касающееся исторіи перевода св. писанія семидесяти двухъ толковниковъ, на первой же страницѣ—краткое изложеніе этого письма на средневѣковомъ греческомъ языкѣ съ заглавіемъ, въ которомъ объяснено, что «предисловіе Ветхаго Завѣта, растянутое и неясное въ оригиналѣ, было сокращено и выяснено Исаакомъ Порфиророднымъ, сыномъ великаго Алексѣя I Комнена». Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ уже смѣло можно было заключить, что найденная библія принадлежитъ сыну этого императора; но что еще болѣе утверждаетъ подобное предположеніе, это замѣтка, которой оканчивается краткое изложеніе, не оставляющая никакого сомнѣнія относительно справедливости вышеприведеннаго вывода. Въ ней говорится: «Это произведеніе, написанное мною, состоитъ изъ семи листовъ». А такъ какъ количество листовъ сокращеннаго изложенія именно семь, то можно съ увѣренностью сказать, что найденная библія есть оригиналъ Исаака Комнена и рукопись происходитъ изъ библіотеки Комненовъ. Къ тому же въ палеографическомъ отношеніи удостовѣряется, что эта рукопись начала XII столѣтія.

Исаакъ Комненъ Порфирородный былъ человѣкъ культурнаго ума, страстно предававшійся литературѣ и изящной словесности. Доказательства его умственнаго развитія находятся въ самомъ заглавіи его сокращеннаго изложенія, которое совсѣмъ не критика, но просто, какъ онъ самъ выражается, «ясное и краткое сокращеніе письма Аристея». Изъ его трудовъ извѣстны также толкованія Гомера, изданныя въ одномъ томѣ, и нѣсколько другихъ работъ, скрывающихся по разнымъ библіотекамъ. Онъ былъ старшій сынъ Алексѣя Комнена I отъ его второго брака съ Ириною и способствовалъ своему брату воцариться на тронѣ, но затѣмъ за свои интриги противъ него онъ былъ удаленъ въ изгнаніе въ Гераклею Понтійскую и возвратился въ Константинополь только при воцареніи Мануила Комнена. Новая опала заставили его отправиться въ изгнаніе, и большую часть своей жизни онъ провелъ при иностранныхъ дворахъ. Изъ его рода вышли династіи трапезундскихъ императоровъ и деспотовъ, которые одно время царствовали на островѣ Кипрѣ. О послѣднихъ дняхъ его жизни есть нѣкоторыя свѣдѣнія, благодаря открытію, сдѣланному Луи Пети, настоятелемъ монастыря въ память Успенія въ Кади-Кени. Онъ нашелъ въ Вирѣ монастырь Типиконъ, близъ Эноса, посвященный св. Дѣвѣ «Космосотира», основанный Исаакомъ Комненомъ. М. Т. Успенскому удалось доказать, что мѣстность Вира тождественна съ современнымъ Фереджикомъ, станціею желѣзной дороги Дэдэ Агату. Церковь, прилегавшая къ монастырю, была впослѣдствіи обращена въ мечеть. Онъ видѣлъ описаніе похоронъ, гдѣ смутно говорится о деспотѣ, который много страдалъ въ своей жизни. Поэтому можно предположить, что этотъ деспотъ былъ не кто иной, какъ Исаакъ Комненъ, который, утомленный треволненіями, наполнявшими его жизнь, основалъ это благочестивое убѣжище, чтобы кончить въ немъ свои дни.

Авторъ письма въ «Figaro» говоритъ, что предисловіе къ библіи служитъ предметомъ глубокаго изученія съ точки зрѣнія исторіи и библейской экзегетики на страницахъ отчета русскаго константинопольскаго археологическаго обще-

ства. Особенно онъ расхваливаетъ альбомъ фототипій, представляющихъ миніатюры библіи. Всѣ изображенія исполнены въ немъ съ рѣдкимъ совершенствомъ членомъ русскаго археологическаго общества Клуге, которому поручена эта техническая работа. Онъ исполнилъ свою задачу такъ же талантливо, какъ и въ прошедшемъ году, когда общество выпустило въ свѣтъ фотографическіе снимки съ чудесныхъ мозаикъ Кахріеской мечети XIV вѣка въ Константинополѣ. Тѣмъ болѣе пріятно имѣть снимки съ этой мечети,—замѣчаетъ Барейль:—что вскорѣ она обратится въ развалины! Не меньшее удовольствіе выражаетъ онъ по поводу появленія въ этомъ году отчета русскаго археологическаго общества и на французскомъ языкѣ — нововведеніе, за которое всѣ будутъ признательны. Не менѣе похвально онъ отзывается и о работахъ Кондакова и Стрзиговскаго.

«Рядъ матеріаловъ, собранныхъ цѣною громадныхъ жертвъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русскимъ археологическимъ обществомъ въ Константинополѣ,—въ заключенье говоритъ Барейль,—ясно доказываетъ, какая господствующая идея руководитъ его работами. Надѣемся, что вскорѣ выйдетъ живое произведеніе, которое покажетъ намъ наконецъ Византію въ ея настоящемъ видѣ».

— Столѣтній юбилей Давида Штрауса. — 28 января настоящаго года Германія праздновала столѣтіе одного изъ своихъ величайшихъ писателей XIX столѣтія. Онъ составилъ себѣ вѣчную славу знаменитыми трудами въ области богословской экзегетики. По случаю его юбилея, нѣмецкіе журналы «Deutsche Rundschau» и «Deutsche Revue» посвятили на своихъ столбцахъ хвалебные отзывы автору «Жизни Іисуса». Особенно интересна характеристика Штрауса, написанная профессоромъ Германомъ, который лично познакомился съ Штраусомъ въ 1868 г. Въ любопытномъ разговорѣ, происшедшемъ между ними, Штраусъ выразилъ мнѣніе, что онъ не понимаетъ, какъ можно вѣрить въ безсмертіе; по его убѣжденію, странно было предполагать, что изъ всѣхъ Божьихъ созданій одинъ человѣкъ желалъ бы продлить свое существованіе навѣки вѣковъ. На заданный ему кѣмъ-то вопросъ: напишетъ ли онъ жизнь Лютера?— великій богословъ отвѣчалъ, что онъ уважаетъ Лютера за его германское мужество и за непреклонную вѣру въ Бога во время борьбы съ католичествомъ, но такъ какъ центральный пунктъ вѣроисповѣданія и жизни Лютера былъ не историческій Христосъ, а предметъ старинной христіанской доктрины, то онъ не могъ понимать такого человѣка или симпатизировать ему, а слѣдовательно ему недоставало перваго условія для хорошей біографіи.

Знаменитое произведеніе Штрауса «Жизнь Іисуса», по словамъ профессора Германа, составляя вдохновенное сочиненіе, было центральнымъ фактомъ научной дѣятельности и всей жизни одного изъ величайшихъ германскихъ ученыхъ. Въ 1833 г. Штраусъ совершенно оставилъ всѣ свои обязанности - сосредоточилъ свою энергію на этомъ трудѣ. Книга появилась въ 1835 г., чрезъ двадцать пять лѣтъ Штраусъ писалъ, что съ внѣшней стороны о[н]
только причинила ему вредъ. Благодаря ей, онъ былъ изгнанъ съ педагогич[е]скаго поприща, которое было его призваніемъ и гдѣ онъ высказалъ много т

ланта. Въ виду этого онъ принужденъ былъ вести неестественную жизнь, одинокую и уединенную. Но если бы, по его словамъ, онъ уничтожилъ въ себѣ сомнѣнія, возбужденныя въ немъ этимъ трудомъ, то причинилъ бы себѣ серьезный вредъ, такъ какъ, благодаря этой книгѣ, сохранилось здоровье его духа и ума, потому что она написана отъ чистаго внутренняго убѣжденія и съ искреннимъ намѣреніемъ, безъ всякой страсти или личныхъ цѣлей.

Въ 1870 г. возникла его переписка съ Ренаномъ, впослѣдствіи напечатанная подъ заглавіемъ «Война и Миръ». Счастливымъ окончаніемъ этихъ писемъ онъ былъ обязанъ своему большому другу принцессѣ Алисѣ Гессенской. Дѣло было въ томъ, что, по словамъ Штрауса, сердце германскаго народа не стремилось къ военнымъ завоеваніямъ, а, напротивъ, къ созданію мирной имперіи изъ объединенныхъ германскихъ странъ: Баваріи, Саксоніи, Гессена и друг. «Если,—говорилъ Штраусъ,—Франція могла бы направить свою энергію къ внутреннимъ дѣламъ, то Европа была бы совершенно довольна новымъ положеніемъ дѣлъ». Штраусъ былъ обязанъ многимъ принцессѣ Алисѣ еще за другой свой мастерской трудъ: «Біографія Вольтера», и зимою 1869 — 70 гг. Штраусъ читалъ ей вслухъ свое сочиненіе въ продолженіе шести вечеровъ. Одно изъ послѣднихъ писемъ Штрауса къ принцессѣ Алисѣ было передано ей въ присутствіи скульптора Копфа, лѣпившаго ея бюстъ. Онъ замѣтилъ, что рука принцессы дрожала, когда она распечатала письмо, и слезы полились изъ ея глазъ при чтеніи его. «Не отложить ли намъ сеансъ?» спросилъ скульпторъ. «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала принцесса:—но выслушайте, что вашъ соотечественникъ только что написалъ мнѣ. Онъ благодаритъ меня за мою доброту и дружбу къ нему, а потомъ онъ прощается со мною. Когда эти строки дойдутъ до моихъ рукъ, то онъ полагаетъ, что его уже не будетъ въ живыхъ. Поэтому онъ чувствуетъ необходимымъ написать въ виду смерти, что онъ не отвергаетъ ни одного слова изъ всего того, что онъ когда-нибудь говорилъ мнѣ о религіи. Въ концѣ концовъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы я была счастлива и не забывала его».

Что касается до жизни Штрауса, то о ней можно сказать очень мало. Онъ родился въ 1808 г. въ Людвигсбургѣ (въ Вюртембергѣ), изучалъ богословіе въ тюбингенскомъ университетѣ и окончилъ свое образованіе въ Берлинѣ, слушая лекціи Гегеля и Шлейермахера. Затѣмъ онъ началъ свою практическую карьеру въ званіи сельскаго пастора, но чрезъ годъ уже поступилъ профессоромъ въ мольбронскую семинарію. Чрезъ три года, въ 1835 году, вышла въ свѣтъ его знаменитая «Жизнь Іисуса», надѣлавшая неимовѣрный шумъ во всей Германіи и побудившая вюртембергское правительство удалить его съ каѳедры. Спустя нѣсколько лѣтъ Цюрихъ предложилъ ему университетскую каѳедру догматики и христіанской исторіи, но вся Швейцарія взволновалась, и Штраусъ принужденъ былъ подать въ отставку. Съ тѣхъ поръ и до своей смерти въ 1874 году онъ предался исключительно богословскимъ и философскимъ сочиненіямъ, а попытка выступить на политическое поприще ему не удалась. Избранный въ члены вюртембергскаго сейма, онъ оказался, къ общему удивленію, не либераломъ, а консерваторомъ, и вскорѣ удалился съ политической арены.

— Переписка графа Нессельроде съ различными лицами отъ 1813—1818 гг. [1]).—Пятый томъ «Писемъ и бумагъ» канцлера графа Нессельроде заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные документы, извлеченные изъ архива русскаго дипломата XIX столѣтія. Корреспондентами Нессельроде были самыя разнообразныя личности; начиная съ императора Александра I, князя Меттерниха и графини Нессельроде, урожденной Гурьевой, мы тутъ встрѣчаемъ пестрый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ государственныхъ людей всевозможныхъ странъ: прусскаго и австрійскаго дипломата Фридриха фонъ-Генца, графа Разумовскаго, графа Поццо ди-Борго, герцога Ришелье и проч. Конечно, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ то, что писалъ самъ Нессельроде къ лицамъ, съ которыми онъ находился въ перепискѣ, а также приведенныя изъ его архива три письма королевы Гортензіи къ Нессельроде и ея брату и неофиціальное письмо къ императору Александру отъ 15 іюля 1815 г. Послѣднія два письма не дошли по адресу и оказались въ архивѣ графа Нессельроде, такъ что они теперь впервые обнародованы. Но въ виду того, что эти документы, а также свѣдѣнія, сообщаемыя въ письмахъ графа и графини Нессельроде о Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, будутъ подробно разсмотрѣны въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала, здѣсь мы о нихъ ничего не скажемъ. При началѣ означенной переписки графъ Нессельроде не былъ еще офиціальнымъ руководителемъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, потому что его главою состоялъ графъ Румянцовъ, хотя въ сущности только номинально, такъ какъ внѣшней политикою управлялъ графъ Нессельроде. 9 мая 1813 г. онъ подписалъ бреславльскую конвенцію и 13 іюня слѣдующаго года—трактатъ о субсидіяхъ съ Англіей. На Пражскомъ конгрессѣ, хотя онъ и не участвовалъ, какъ уполномоченный, но ему удалось переманить Меттерниха на сторону коалиціи. 1 марта 1814 г. отъ имени императора онъ подписалъ, со всѣми министрами союзныхъ державъ, шомонскій трактатъ и пришелъ къ соглашенію съ лордомъ Кастльре относительно платежа жалованья войскамъ и другихъ расходовъ. Вмѣстѣ съ Поццо ди Борго онъ внушилъ Александру вернуть французскій престолъ Бурбонамъ. Онъ же подписалъ декларацію 13 марта 1815 г., по которой Наполеонъ былъ исключенъ изъ числа европейскихъ государей, и, благодаря его вліянію на императора Александра, Франція послѣ Ватерлоо не была раздроблена и подвержена слишкомъ тяжелой контрибуціи. Наконецъ, въ 1816 г. графъ Румянцовъ подалъ въ отставку, и Нессельроде сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранивъ званіе статсъ-секретаря.

Въ первомъ письмѣ къ своей женѣ отъ 3 января 1813 г. Нессельроде писалъ: «Все идетъ прекрасно. Наполеонъ, должно быть, рѣшился говорить правду о своемъ положеніи, сознавшись въ своемъ послѣднемъ бюллетенѣ, что его кавалерія и артиллерія уничтожены, пѣхота погублена, дисциплина совершенно исчезла изъ его арміи. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ французскими сенаторами по этому случаю, указано на необходимость остаться Наполеону во

[1]) Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode, 1813—1818. Tome V. Paris. 1908.

Франціи. Такимъ образомъ, нельзя предположить, чтобы онъ когда-нибудь вернулся къ намъ съ визитомъ, тѣмъ болѣе, что достаточно упомянуть при французѣ имя Россіи, чтобы онъ побѣлѣлъ, какъ снѣгъ, причинившій ему столько горя! Какія дурныя извѣстія ты сообщаешь мнѣ о нашихъ должникахъ! Но все это безразлично; когда удалось побить Бонапарта, то ничего болѣе не надо, и да здравствуетъ радость!»

Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ Фридрихъ фонъ-Генцъ, бывшій правой рукою Меттерниха, между прочимъ писалъ Нессельроде: «Вы знаете Меттерниха. Вамъ извѣстно, что на него невозможно имѣть прямого вліянія, а еще менѣе прочнаго вліянія; поэтому я не буду такъ глупъ, чтобы придавать себѣ видъ, будто обладаю такимъ преимуществомъ. Но я могу сказать, не удаляясь отъ правды, что теперь нѣтъ никого, кто бы его зналъ ближе меня, кто бы его изучилъ съ бо́льшимъ успѣхомъ и кто бы постигъ болѣе моего его хорошія и дурныя стороны, всѣ средства и пружины его политики. Слѣдовательно, кажется, ясно, что никто не можетъ вамъ дать свѣдѣній болѣе точныхъ, подробныхъ и достовѣрныхъ, какъ тѣ, какія я въ состояніи вамъ доставить о расположеніи этого кабинета. У меня никогда не будетъ недостатка въ доброй волѣ; я никогда не измѣню своихъ принциповъ, согласно обстоятельствамъ. Только дайте мнѣ средства быть вамъ полезнымъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ тотъ же дипломатъ прибавляетъ, что, кромѣ него, графа Гарденберга и Гумбольдта, нѣтъ человѣка болѣе близкаго къ Меттерниху. Тутъ же онъ распространяется о великихъ качествахъ русскаго императора, которыя, по его словамъ, во всей своей чистотѣ, умѣренности и безкорыстіи перейдутъ въ исторію. «Вѣчная слава вашему обожаемому монарху», прибавляетъ онъ.

Одной изъ главныхъ причинъ преданности Генца русскому императору были «щедрыя милости» послѣдняго, и Генцъ пишетъ Нессельроде, что, ввиду благодѣяній императора, онъ «принадлежитъ ему тѣломъ и душою». Конечно, изъ приличія онъ увѣряетъ, что его преданность русскому императору основана не на личной благодарности, а на томъ, что Россія дѣйствуетъ въ интересахъ просвѣщеннаго міра.

Графиня Марія Нессельроде послѣдовала за мужемъ въ Германію, и первое ея письмо было изъ Теплица отъ 3 мая 1813 г. Въ немъ она упоминала, что въ этомъ городѣ было много неблагонамѣренныхъ поляковъ, которые забавлялись распространеніемъ дурныхъ о русскихъ слуховъ. Вообще, поляки, по ея словамъ, вели себя недостойно, и не проходило дня, чтобы они не совершали какой-нибудь гнусности. Далѣе она извѣщала Нессельроде о пріѣздѣ къ императору великой княгини Екатерины. «Богъ знаетъ, для чего онъ ее выписалъ,— говоритъ графиня Нессельроде:—она провела съ нимъ весь вчерашній день и, получивъ извѣстіе о взятіи Дрездена, тотчасъ уѣхала. Сестра ея Марія также уѣзжаетъ. Я не полагаю, однако, чтобы здѣсь была какая-нибудь опасность. Хотя великая княгиня Екатерина Павловна расхваливала мнѣ прелести Праги, я все-таки предубѣждена противъ этого города, и если довольна отъѣздомъ туда, то лишь потому, что буду имѣть скорѣе извѣстія отъ тебя. Мы находимся въ очень критическомъ положеніи. Я имѣю мало надеждъ: ты знаешь, какъ я

боюсь таланта Наполеона. А ты, мой милый, на что ты надѣешься. Будете вы еще и еще отступать? Справедливо говорятъ, что вы напрасно двинулись впередъ до Эльбы, не имѣя поддержки ни Саксоніи, ни Австріи. Я вижу минуту, когда вы пуститесь наутекъ». Чрезъ три дня графиня очень рѣзко и гнѣвно писала о саксонскомъ королѣ, который, по ея словамъ, былъ лакеемъ Наполеона и позоромъ своей страны и всего человѣчества. «Онъ просто сумасшедшій,—прибавляетъ она:—вообще я такъ презираю саксонцевъ, которые ухаживаютъ за Наполеономъ, что если мы когда-нибудь вернемся въ Дрезденъ, то я желала бы, чтобы отъ него не осталось камня на камнѣ и чтобы всѣ картины изъ дрезденскаго музея перевезли въ нашъ Эрмитажъ. Мягкостью ничего не сдѣлаешь».

Какъ извѣстно, графиня Нессельроде была женщина очень рѣзкая, а потому неудивительно, что въ письмѣ изъ Праги она отзывается неодобрительно даже о русскомъ императорѣ. «Я желала бы знать,—писала она:—по чему императоръ такъ нерасположенъ къ Витгенштейну, что дозволяетъ генераламъ нарочно болѣть, а Винцингероде не командовать, болѣе изъ непріязни къ своему начальнику. Такимъ образомъ теряютъ сраженія и даже имперіи. Я хотѣла бы также узнать отъ вашего превосходительства, благодаренъ ли ему императоръ за прекрасное дѣло, которое онъ окончилъ или на дняхъ окончитъ я хочу сказать о союзѣ съ Австріей. Или императоръ полагаетъ, что онъ самъ сумѣлъ до этого довести дѣло». Самъ императоръ Александръ 18 мая обратился къ Нессельроде съ инструкціей. «Если я рѣшился послать васъ въ Вѣну въ такую минуту, когда ваше присутствіе мнѣ необходимо, то обстоятельства были серьезныя. Вы знаете все, что до сихъ поръ сдѣлано, положеніе арміи, принципы, которыми мы руководствуемся, вы знаете особенно безграничное довѣріе, питаемое мною къ его величеству австрійскому императору Поэтому совершенно излишне, чтобы я снабдилъ васъ въ этомъ отношеніи инструкціей, такъ какъ вы ежедневно имѣли случай ознакомиться съ подробностями. Теперь пришло время примѣнить ихъ на дѣлѣ. Все сводится къ двумъ пунктамъ: обнажитъ ли Австрія свой мечъ, если Франція не приметъ четырехъ предложеній, которыя вѣнскій кабинетъ считаетъ исключительно австрійскими, и когда Австрія начнетъ военныя дѣйствія? Я предоставляю вашей проницательности все, что касается обсужденія этихъ двухъ главныхъ вопросовъ».

Въ концѣ того же мѣсяца Меттернихъ описалъ въ письмѣ къ Нессельроде свое свиданіе съ Наполеономъ въ Дрезденѣ. При входѣ князя въ кабинетъ императора, его встрѣтилъ Бертье и шепнулъ ему на ухо: «Не забудьте, что Европѣ необходимъ миръ, и что Франція только и хочетъ мира». Напротивъ, Наполеонъ, принимая Меттерниха, произнесъ съ очень мрачнымъ лицомъ: «Вы хотите войны? Ну, хорошо, мы будемъ воевать. Въ Люценѣ я уничтожилъ прусскую армію, а въ Бауценѣ—русскую; вы желаете своей очереди, и потому мы увидимся въ Вѣнѣ. Люди неисправимы: опыта для нихъ не существует . Я три раза возвращалъ императору Францу его престолъ; я обѣщалъ бы съ нимъ въ мирѣ всю мою жизнь, я женился на его дочери. Я увѣрялъ се[illegible] прежде, что сдѣлаю этимъ большую глупость, но я ее сдѣлалъ и теперь [illegible]

этомъ раскаиваюсь». Эти слова Наполеона, по увѣренію Меттерниха, онъ выслушалъ съ сознаніемъ значительнаго могущества своего положенія, какъ представителя всѣхъ общественныхъ силъ, тогда какъ императоръ показался ему мелкимъ. Затѣмъ онъ объяснилъ своему собесѣднику, что отъ него зависитъ миръ или война, и что сегодня онъ можетъ заключить его, а, быть можетъ, завтра это будетъ невозможно. Наполеонъ возразилъ: «Чего же вы хотите отъ меня: чтобы я обезчестилъ себя? Никогда! Я сумѣю умереть, но не уступлю ни пяди земли. Ваши государи, рожденные на престолахъ, могутъ быть разбитыми двадцать разъ и все-таки каждый разъ возвратятся въ свои столицы; я же, сынъ счастья, я перестану царствовать въ тотъ день, когда потеряю силу и перестану внушать къ себѣ уваженіе. Я сдѣлалъ огромную ошибку, не внеся въ свои расчеты то, что мнѣ стоило потери прекраснѣйшей арміи, какая только была на свѣтѣ: я умѣю сражаться съ людьми, но не съ природою. Меня погубилъ холодъ; въ одну ночь я потерялъ 30.000 лошадей; я лишился всего, кромѣ чести и сознанія, чѣмъ я обязанъ храброй націи, которая послѣ столькихъ бѣдъ дала мнѣ доказательство, что я одинъ могу ею управлять. Я верну прошлогоднія потери; посмотрите на мою армію послѣ побѣдъ, мною одержанныхъ. Я сдѣлаю для васъ смотръ».

Тутъ Меттернихъ перебилъ императора замѣчаніемъ, что именно его армія и требуетъ мира, а Наполеонъ съ живостью возразилъ: «Не армія, а генералы. У меня нѣтъ болѣе генераловъ: московскій холодъ ихъ деморализовалъ. Я видѣлъ, какъ плакали самые храбрѣйшіе изъ нихъ; у нихъ уже не было ни физическихъ, ни нравственныхъ силъ. Пятнадцать дней тому назадъ, я могъ заключить миръ, но сегодня это невозможно. Я выигралъ два сраженія, и сдѣлать этого я не могу». Меттернихъ отвѣчалъ, что слова императора доказываютъ несоотвѣтствіе его особы съ Европой. Онъ и она бросили другъ другу перчатку, по увѣренію Меттерниха, и оба ее подняли, но не Европа погибнетъ въ предстоящей борьбѣ. — «Вы хотите,—отвѣчалъ Наполеонъ,— погубить меня коалиціей? Сколько у васъ собрано народовъ? Четыре, пять, шесть, двадцать? Чѣмъ васъ болѣе, тѣмъ мнѣ лучше; я принимаю вызовъ и назначаю вамъ,—прибавилъ онъ съ искусственнымъ смѣхомъ,—свиданіе въ Вѣнѣ въ будущемъ октябрѣ. Мы увидимъ, гдѣ будутъ къ тому времени ваши друзья пруссаки и русскіе. Надѣетесь вы на Германію? Но посмотрите, что она сдѣлала въ 1809 г. Чтобы удержать германскіе народы, мнѣ достаточно моихъ солдатъ и народной боязни въ невѣрность ихъ государей. Объявите свой нейтралитетъ, если хотите вооруженный, а я соглашусь на переговоры въ Прагѣ. Оставьте сто тысячъ вашихъ солдатъ въ Богеміи, а я повѣрю слову вашего императора, что онъ не будетъ воевать до окончанія переговоровъ».

Меттернихъ замѣтилъ, что его императоръ предложилъ державамъ не нейтралитетъ, а посредничество, и если Франція отъ него откажется, то онъ будетъ считать себя освобожденнымъ отъ всѣхъ своихъ обязательствъ. Нѣмецкій дипломатъ прибавилъ еще, что у Австріи было двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ въ Богеміи, но они могли тамъ находиться нѣсколько недѣль, а не нѣсколько мѣсяцевъ. Наполеонъ возразилъ, что, въ сущности, Австрія можетъ собрать въ Богеміи только 75.000 солдатъ; а когда Меттернихъ сказалъ, что

эта цифра несправедлива, то Наполеонъ повелъ его въ сосѣднюю комнату, свой рабочій кабинетъ, и показалъ ему основательное донесеніе о состояніи всей австрійской арміи подробно, по полкамъ.

Вслѣдъ за этимъ императоръ вернулся въ свой пріемный кабинетъ и пустился въ безконечные разговоры о политикѣ, о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Россіи и о настоящемъ своемъ положеніи со времени возвращенія во Францію. Меттернихъ терпѣливо его выслушалъ и замѣтилъ, что счастье можетъ ему измѣнить и во второй разъ, какъ это было въ 1812 г. На увѣреніе Меттерниха, что теперешніе французскіе солдаты были совершенными дѣтьми, Наполеонъ поблѣднѣлъ и, бросивъ свою шляпу на полъ въ уголъ комнаты, воскликнулъ, что, какъ военный, онъ мало заботится о судьбѣ милліоновъ людей. «Впрочемъ,— прибавилъ онъ:—французамъ нечего жаловаться на меня: жалѣя ихъ, я давалъ убивать нѣмцевъ и поляковъ; я потерялъ въ московской кампаніи 300.000 человѣкъ, но изъ нихъ только 30.000 французовъ».

Потомъ Наполеонъ снова началъ говорить объ ошибкѣ, сдѣланной имъ относительно своего брака съ дочерью Франца-Іосифа. Онъ увѣрялъ, что имѣлъ въ виду соединить средневѣковые предразсудки съ учрежденіями его вѣка; но онъ ошибся, и эта ошибка можетъ стоить ему престола, хотя онъ похоронитъ весь свѣтъ подъ его развалинами. Бесѣда Наполеона съ Меттернихомъ продолжалась девять часовъ и обнимала самые разнообразные и не относившіеся до дѣла предметы. Наконецъ въ 8½ ч. вечера онъ отпустилъ Меттерника и, проводивъ его до дверей комнаты, сказалъ: «А хотите вы знать, что случится? вы не будете воевать со мною».

— Вы погибли, ваше величество,—отвѣчалъ Меттернихъ:—я предчувствовалъ это, являясь сюда, а, покидая васъ, я совершенно въ этомъ убѣжденъ.

На возвратномъ пути Меттернихъ снова встрѣтилъ Бертье, и на его вопросъ: доволенъ ли онъ императоромъ?—отвѣтилъ: «Очень; онъ просвѣтилъ мое сознаніе: теперь я считаю его погибшимъ человѣкомъ».

Пока Нессельроде осенью 1813 г. сопровождалъ императора Александра по различнымъ городамъ Германіи вслѣдъ за союзной арміей, графиня Нессельроде проводила большую часть времени въ Вѣнѣ, посѣщая русскихъ великихъ княгинь и австрійскую императрицу. «Послѣдняя,—пишетъ она,—меня не поразила ни въ какомъ отношеніи; это не лестно для нея, но справедливо: въ мизинцѣ нашихъ великихъ княгинь болѣе достоинства, чѣмъ во всей ея особѣ. Я не нахожу, что она хорошенькая, а въ ея манерахъ нѣтъ ничего благороднаго, и то же можно сказать о ея разговорахъ: вообще она болѣе походитъ на актрису, чѣмъ на государыню. Ты найдешь, что я ее слишкомъ отдѣлала, но я въ томъ не виновата, что не могу иначе относиться къ ней». Когда же Нессельроде вмѣстѣ съ Александромъ очутился въ январѣ 1814 г. въ сердцѣ Франціи, то его жена перебралась въ Швейцарію, откуда писала мужу, что французы, несмотря на свое пораженіе, дерутся какъ львы, а Наполеонъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія. Во всякомъ случаѣ она находила, что наконецъ колоссъ расшатанъ и конецъ войны недалекъ. «Меня увѣряютъ, — пишетъ она отъ 6 февраля изъ Базеля:—что всѣ желаютъ возвращенія на престолъ старой династіи Бурбоновъ, но у меня нѣтъ въ томъ положительныхъ

доказательствъ, и я не вѣрю этому. Скажи мнѣ хотя словечко, что вы вернете во Францію Бурбоновъ и что вся страна этого желаетъ». Чрезъ нѣсколько дней она прибавляетъ, что, по ея мнѣнію, лучше всего, чтобы остался Наполеонъ, если онъ заключитъ миръ и согласится на сокращеніе своей имперіи, такъ какъ если Франція согласится терпѣть Наполеона, то необходимо избѣгнуть междоусобной войны.

Изъ того же Базеля графиня Нессельроде писала своему мужу въ началѣ апрѣля, когда онъ уже находился въ Парижѣ, очень любопытную и злобно-саркастическую характеристику Меттерниха. «Позволь мнѣ, милый другъ,—пишетъ она,—поговорить съ тобою откровенно о человѣкѣ, который сумѣлъ возбудить къ себѣ твое довѣріе, хотя далеко его не заслуживаетъ. Я тебѣ достаточно его обозначу, сказавъ, что его фамилія начинается съ той же буквы, какъ мое имя»(Меттернихъ и Марія). Ты не можешь себѣ представить, какъ я страдала по его милости, особенно во время нашего пребыванія въ Шомонѣ. Я избѣгала разговоровъ со всѣми, потому что видѣла въ ихъ глазахъ, что тобою были недовольны за твою близость съ нимъ; всѣ громко говорили, что онъ руководилъ политикой и парализовалъ главнокомандующихъ; его старанія были неясны; въ этомъ ты самъ долженъ сознаться. Здѣсь есть австрійскій генералъ Коллоредо, который не стѣсняется говорить непріятныя вещи, основанныя на правдѣ. Онъ говорилъ мнѣ о немъ съ ненавистью и увѣрялъ, что поведеніе этого человѣка совершенно унизило его во мнѣніи всей Австріи. Остерегайся его, всякаго произносимаго имъ слова и всякой написанной имъ строки. Это прескверный хитрецъ, который старается тебя приголубить, чтобы потомъ сыграть плохую шутку».

«Меттернихъ завидуетъ преимуществу нашего императора,—продолжаетъ графиня,—и отъ всего, что произошло, онъ скорѣе теряетъ, чѣмъ выигрываетъ. Ты находишься въ отличномъ положеніи, и твоей роли всѣ будутъ завидовать. Признаюсь, что ты велъ себя во всемъ самымъ великолѣпнымъ образомъ, но очень откровенно предупреждаю тебя, что ты раскаешься, если не отдалишься отъ этого человѣка. Изъ твоей дружбы онъ сдѣлаетъ себѣ оружіе противъ тебя же самого. Если ты хочешь знать мнѣніе публики, то помни пословицу: «Скажи, съ кѣмъ ты знаешься, и я скажу, кто ты таковъ». Провидѣніе, наперекоръ ему, направило дѣло такъ, какъ никто не ожидалъ. Воспользуйся теперешной минутой, чтобы хорошо изслѣдовать эту личность, и ты найдешь, что за человѣкъ скрывается подъ его маской. Всѣ успокоились и обрадовались, узнавъ, что Меттернихъ не былъ при въѣздѣ въ Парижъ, но когда распространилось извѣстіе о томъ, что онъ собирается туда, то всякій побоялся послѣдствій его вульгарнаго ума. Перемѣни мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, прошу тебя объ этомъ на колѣняхъ, и повторяю тебѣ, что если ты меня не послушаешь, то придетъ время, когда ты будешь объ этомъ сожалѣть. Если твоя дружба тебя ослѣпляетъ, то обратись къ своему разуму, чтобы онъ убѣдилъ тебя, что ты обязанъ принести въ жертву твою дружбу, ради занимаемаго тобою поста и твоего отечества. Ты знаешь, что несправедливость главный недостатокъ въ свѣтѣ и особенно, смѣю сказать, въ нашей странѣ, и ты ей совершенно предался бы, если бы сохранилъ свои отношенія къ означенному

лицу. Я узнала, что въ главной квартирѣ одно время раздавался ропотъ по этому поводу, и я убѣждена, что то же случится и въ Петербургѣ. Ты не можешь публично изложить своихъ причинъ, которыя не могутъ не быть справедливыми, и доказать, что твоя дружба съ этимъ человѣкомъ не повредила дѣламъ. Въ эпоху, къ которой часто приходится возвращаться въ этомъ письмѣ, обстоятельства были совершенно противными. Ты слишкомъ чистъ душою, чтобы вѣрить въ ложность подобнаго поведенія, а я, которая далеко тебя не стою, слишкомъ въ этомъ убѣждена. Мое завѣтное желаніе, чтобы ты просвѣтился насчетъ этой подозрительной личности, и когда я думаю, мой добрый и преданный другъ, что Меттернихъ чернитъ твою репутацію и омрачаетъ даже твои рѣдкія качества, то это меня очень огорчаетъ».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ графиня Нессельроде была короткое время въ Лондонѣ вмѣстѣ съ мужемъ, сопровождавшимъ императора, и писала своей сестрѣ, графинѣ Еленѣ Гурьевой, что всѣ англичане въ восторгѣ отъ русскаго государя и всѣхъ окружающихъ его лицъ, которымъ они ежеминутно жмутъ руки до боли. Въ концѣ же года Нессельроде съ женою переѣхалъ въ Вѣну по случаю конгресса и оставался тамъ при императорѣ до возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Графиня замѣчаетъ по этому случаю, что Наполеонъ больше, чѣмъ когда, императоръ, но она надѣется, что Богъ не продлитъ новой борьбы, тѣмъ болѣе, что Франція невообразимо деморализована. Результатъ ста дней быстро разыгрался, и графиня Нессельроде была въ восторгѣ отъ подвига Веллингтона. Ея мужъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ возвратился въ Парижъ и былъ чрезвычайно доволенъ назначеніемъ Ришелье главою французскаго министерства. Поццо ди Борго, по его словамъ, имѣлъ твердость отказаться отъ участія въ этомъ министерствѣ и онъ совершенно правъ, такъ какъ его положеніе было бы слишкомъ щекотливо». Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа Нессельроде съ Александромъ Павловичемъ онъ писалъ, что даже положеніе Ришелье было настоящей каторгой, хотя его назначеніе очень популярно и онъ могъ бы долго держаться, если бы злой геній, который паритъ надъ половиной королевской семьи, не вмѣшивался въ дѣло. «Они совершенно неисправимы,- -продолжаетъ Нессельроде:—а король такъ слабъ въ отношеніи ихъ, что это ни на что не походитъ. Вотъ грустная картина теперешней Франціи, какъ я вижу ее изъ своей комнаты, потому что никуда изъ нея не выхожу, чтобы не слышать непріятныхъ, отвратительныхъ споровъ».

Фридрихъ фонъ-Генцъ былъ такого же мнѣнія о положеніи Франціи, какъ Нессельроде, и увѣрялъ послѣдняго, что для благополучія Франціи необходима революція, въ родѣ той, что совершилась въ Англіи въ 1688 г., такъ какъ неограниченная власть, однажды низверженная въ этой странѣ, никогда не возстановится, и прежніе Бурбоны не могутъ и не должны царствовать. Далѣе въ перепискѣ Нессельроде главное мѣсто занимаетъ въ 1816—17—18 годахъ тотъ же Генцъ, за исключеніемъ одного письма герцога Ришелье и двухъ писемъ графини Нессельроде. Что же касается до Генца, то его письма за означенное время главнымъ образомъ содержатъ въ себѣ ясное изложеніе механизма финансовыхъ операцій, которыми Австрія возстановила свой кре-

дить въ ту эпоху. Послѣдній документъ въ V томѣ архива Нессельроде заключаетъ въ себѣ письмо Фридриха фонъ-Генца отъ 27 января 1818 г. Въ концѣ этого письма онъ увѣдомляетъ о своемъ отъѣздѣ въ Аахенъ на конгрессъ союзныхъ державъ.

— Изъ переписки императора Франца-Іосифа съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV.—Помѣщаемое здѣсь письмо [1]), въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго текста, появившагося въ журналѣ «Oesterreichische Rundschau» отъ 15 іюля 1907 года, касается дипломатической миссіи графа А. Ф. Орлова ко дворамъ берлинскому и вѣнскому въ январѣ 1854 г. Цѣль этой миссіи состояла въ предложеніи Пруссіи и Австріи, со стороны петербургскаго кабинета, подписать протоколъ о сохраненіи сими державами нейтралитета въ надвигавшейся войнѣ Россіи съ Турціею и, въ крайнемъ случаѣ, въ поддержкѣ нейтралитета этого оружіемъ. Предложеніе это было отклонено Пруссіею, о чемъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Мантейфель увѣдомилъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, а король непосредственно императора австрійскаго. Предлагаемое здѣсь письмо императора Франца-Іосифа служитъ отвѣтомъ на то, съ которымъ обращался къ нему, по тому же вопросу, Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

«Вѣна. 6 февраля 1854 года.

«Письмо отъ 31 января съ выраженіемъ дружественныхъ чувствъ вашего величества совершенно меня осчастливило. Ничто не въ состояніи было такъ меня обрадовать, какъ то искреннее довѣріе, съ которымъ вы, мой дорогой дядя, обратились ко мнѣ въ минуту столь тяжкихъ и прискорбныхъ обстоятельствъ. Съ тѣмъ же самымъ довѣріемъ и тою же самою откровенностію желаю объяснить вашему величеству положеніе, въ которомъ нахожусь, и тотъ путь, которому намѣренъ я слѣдовать.

«Графъ Орловъ сдѣлалъ мнѣ, отъ имени своего государя, тѣ же самыя предложенія, которыя баронъ Будбергъ повергнулъ на ваше воззрѣніе. Что мнѣ, такъ же, какъ и вашему величеству, трудно отказать въ исполненіи желаній нашего общаго друга и союзника, вы хорошо постигнете, ибо во всѣхъ случаяхъ, когда на пути нашемъ встрѣчались подводные камни, императоръ Николай оставался вѣрнѣйшимъ моимъ оплотомъ, и я ему за то вѣчною благодарностію обязанъ.

«Изъ вполнѣ обоснованнаго письма, съ которымъ ваше величество обратились къ русскому императору и содержаніе котораго вы такъ милостиво мнѣ сообщили, я усматриваю полнѣйшую солидарность взглядовъ нашихъ въ предстоящемъ намъ общемъ планѣ дѣйствій. Въ глазахъ моихъ, однако, существуютъ и другія основанія, вытекающія изъ особеннаго положенія, въ которомъ находится Австрія и съ которымъ находятся также связанными и интересы Германіи. Дозвольте мнѣ, ваше величество, подробно изложить вамъ этотъ вопросъ.

[1]) Письмо это сообщено намъ г. П. Вигель-Панчулидзевымъ.

«Главнымъ основаніемъ принятаго вашимъ величествомъ рѣшенія является договоръ [1]) съ Англіею, безспорно, для Германіи благопріятный, но который— позвольте мнѣ, многоуважаемый дядя, откровенно здѣсь высказаться—не привелъ бы къ исключительному наложенію обязательствъ на ваше величество, но явился бы гарантіею вмѣстѣ съ симъ также и для Австріи, вѣрнѣйшаго союзника вашего, если бы, и чего я очень желалъ, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ сообща съ нами. Мои окончательныя рѣшенія не находятся въ зависимости отъ какихъ-либо заранѣе принятыхъ мною обязательствъ, и вотъ главные мотивы сихъ рѣшеній. Съ момента перехода русскою арміею Дуная—роковой шагъ, который, къ сожалѣнію, отмѣнить, кажется, нельзя—христіанское населеніе на правомъ берегу Дуная тотчасъ же, безъ сомнѣнія, поголовно возстанетъ на защиту православія и нѣтъ возможности предвидѣть ни конца этой борьбы, ни послѣдствій оной. Подобное броженіе вблизи нашихъ границъ затрагиваетъ самые существенные наши интересы и вслѣдствіе сего я затребовалъ въ Петербургѣ положительныхъ гарантій, обезпечивающихъ настоящее политическое положеніе въ земляхъ Европейской Турціи. Моя воля непреклонна въ сохраненіи status quo въ этихъ земляхъ, и на основаніи сего я повелѣлъ приступить къ стягиванію вдоль сербской границы войскъ моихъ. Но тѣмъ не менѣе я приложу всѣ старанія, дабы остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею, и вполнѣ увѣренъ, что ваше величество въ дѣлѣ этомъ не откажете въ своемъ содѣйствіи. Ваше величество совершенно вѣрно изволили замѣтить, что мы не собьемся съ пути, оставаясь въ согласіи съ чувствами германскаго народа, и пользу сего въ значительной степени докажемъ, соблюдая согласіе въ дѣйствіяхъ нашихъ. Особенно разсчитываю, что ваше величество въ данномъ случаѣ вполнѣ проникнетесь германскою національною идеею.

«Не откажите мнѣ, ваше величество, въ вашей драгоцѣнной дружбѣ, на которую возлагаю съ особеннымъ довѣріемъ мои упованія, и будьте увѣрены, что въ настоящее тяжелое переживаемое нами время совмѣстная политика Пруссіи и Австріи является самымъ надежнымъ якоремъ спасенія.

«Преисполненный чувствъ неизмѣнной привязанности остаюсь ваше величество искренно и совершенно преданный братъ и племянникъ Францъ-Іосифъ».

— Чему насъ можетъ научить Скандинавія?—Подъ этимъ заглавіемъ въ мартовской книжкѣ «World's Work» появилась статья неизвѣстной писательницы Мэри Гартъ, и популярный публицистъ Стэдъ заявилъ, что онъ едва ли когда-нибудь читалъ болѣе блестящее и полезное произведенія. Авторъ начинаетъ съ того, что разсматриваетъ, какъ Швеція признала принципъ физическаго развитія. Въ этой странѣ гимнастическія упражненія сдѣлались настоящей религіей. Не только дѣти и взрослые одинаково занимаются

[1]) Изъ четырехъ державъ, представители которыхъ собрались въ Вѣнѣ, Пруссія отличалась наибольшимъ руссофильствомъ. Король прусскій, повидимому, намѣревался пренебречь протоколомъ отъ 5 декабря 1854 года вѣнской конференціи и рѣшался тѣмъ оказать еще большую поддержку Россіи, предложив посредничество свое по отношенію къ с.-джемскому кабинету. Однако дипломатическая попытка эта никакихъ послѣдствій не имѣла. (Примѣчаніе редакціи «Oesterreichische Rundschau»).

гимнастикой, но даже преступникамъ назначается часъ для ежедневнаго упражненія. Общества для игръ на чистомъ воздухѣ завѣдуютъ всѣми городскими садами и устраиваютъ публичныя упражненія въ ловкости, быстротѣ и точности движеній. Правительство назначаетъ субсидіи этимъ обществамъ и помѣщаетъ учителей гимнастики въ каждую первоначальную школу. Всякій ученикъ обязательно обучается гимнастикѣ и плаванію. Поэтому молодые шведы превосходятъ всѣ націи въ проворствѣ, гибкости и физическомъ совершенствѣ. Дѣти городскихъ трущобъ ежегодно лѣтомъ отправляются въ деревню на два мѣсяца, а больныя и слабыя грудью проводятъ цѣлое лѣто въ горахъ. Благотворительныя общества принимаютъ на себя расходы, а правительство возитъ дѣтей даромъ по желѣзнымъ дорогамъ. Такимъ образомъ, молодое поколѣніе въ Швеціи вступаетъ въ жизнь вполнѣ развитое физически.

Замѣчательно еще, говоритъ миссъ Гартъ, что въ Швеціи не платятъ докторамъ за леченіе болѣзней, а разъ въ годъ каждый гражданинъ посылаетъ доктору сумму денегъ, количество которыхъ зависитъ отъ его собственнаго усмотрѣнія. Бѣдные платятъ мало, а нищіе—ничего. Въ бѣдныхъ округахъ правительство беретъ на себя платежъ докторамъ всей или части слѣдуемой имъ суммы. Надо еще замѣтить, что въ Швеціи никто не получаетъ медицинскаго диплома прежде одиннадцатилѣтней практики. Стоитъ обратить вниманіе на то, что и въ художественномъ отношеніи въ Швеціи энергично дѣйствуетъ около дюжины обществъ, которыя обучаютъ крестьянъ различнымъ искусствамъ и украшаютъ стѣны ихъ жилищъ художественными произведеніями. Въ шведскихъ школахъ ученики пользуются даровыми книгами, обѣдами, банями, леченьемъ, зубными и глазными врачами. Дѣти горожанъ постоянно посѣщаютъ деревни, а деревенскія—города. Въ каждой школѣ имѣются даровыя библіотеки. Кромѣ того, въ Швеціи пользуются телефонами за самую низкую плату. Въ Стокгольмѣ платится $1^1/_2$ пенса за разговоръ по телефону, а годовая плата—три фунта стерлинговъ и восемь шиллинговъ. Относительно пожаровъ шведы и норвежцы чрезвычайно строги; нѣсколько разъ въ годъ обязательно осматриваются и очищаются домовыя трубы; что касается ѣды, то въ этихъ обѣихъ странахъ находятся автоматическія кофейни и дешевые рестораны, которые кормятъ одинаково, какъ бѣдныхъ, такъ и университетскихъ профессоровъ за 4 и 5 пенсовъ.

Переходя къ Даніи, миссъ Гартъ находитъ, что ея система обращенія съ бѣдными неизмѣримо выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ. Каждый датскій городъ имѣетъ особый фондъ для бѣдныхъ, не имѣющихъ работы, и датскіе чиновники по благотворительности не только добываютъ бѣднымъ работу и дешевое жилище, но и защищаютъ ихъ отъ жестокихъ домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, которыхъ они наказываютъ лишеніемъ ихъ избирательныхъ правъ, а даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ права жениться. Съ другой стороны, каждый бѣднякъ обязанъ принимать доставляемую ему работу и[illegible] подвергается наказанію, т. е. насильственной работѣ въ смирительныхъ [illegible]махъ. При этомъ его лишаютъ обѣда, табака, права переписки съ знако[illegible]ми и пріема ихъ; честные бѣдняки получаютъ въ 60 лѣтъ пенсію и, кромѣ [illegible]го, пользуются даровыми жилищами, въ которыхъ устроены библіотеки и

курительныя комнаты. Въ Даніи существуютъ высшія школы для фермеровъ и ихъ женъ, гдѣ обучаютъ кулинарному искусству, сельскому хозяйству и т. д. По всей странѣ распространены кооперативныя молочныя, банки, булочныя и т. д. Странствующіе юристы даютъ даромъ совѣты бѣднымъ людямъ, нуждающимся въ нихъ, а университетскіе студенты ходятъ по деревнямъ и читаютъ лекціи по всевозможнымъ предметамъ.

— Свадесизмъ.—Въ февральскомъ нумерѣ [1]) «Larousse mensuel illustré» Пьеръ Кора объясняетъ происхожденіе свадесизма, или свадешизма, который не въ далекомъ будущемъ доставитъ англійскому правительству немало заботъ и затрудненій. Слово свадесизмъ происхожденія англо-индійскаго, съ санскритскаго языка—sva, т. е. свой, и deça—страна, т. е. «своя страна». Этимъ словомъ обозначается бойкотъ европейскихъ товаровъ въ Индіи, но въ общемъ смыслѣ—національное движеніе, девизъ котораго—«желаніе дѣлать все самимъ и разсчитывать только на себя». Воспоминанія о возстаніи 1857 г. развили прежній антагонизмъ среди индусовъ и мусульманъ. Но между тѣмъ, какъ послѣдніе, прославившіеся своею преданностью англійскому правительству и оказанными ему услугами во время репрессій, безъ ограниченій и не выражая никакихъ желаній, приняли всѣ условія англійскаго подданства, индусы, какъ болѣе умственно развитые и дѣятельные, давно старались вернуть себѣ власть въ Индіи. Съ этою цѣлью они переполняли англійскія гимназіи, чтобы достать себѣ университетскій дипломъ, а затѣмъ добились мѣстъ въ офиціальныхъ учрежденіяхъ и даже заняли офиціальныя должности; остальные честолюбцы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, бросились въ журнализмъ и адвокатуру. Такимъ образомъ получилась новая категорія т. н. «внѣ кастовыхъ», baboos, алчныхъ, требовательныхъ и шумливыхъ. Долго правительство относилось равнодушно къ этимъ взаимнымъ пререканіямъ, которыя, несмотря на свою буйность, не находили отклика въ народной массѣ. Оно отказалось считать совѣщательнымъ собраніемъ національный конгрессъ, основанный индусомъ Наороджи, гдѣ въ 1885 г. на три дня въ году собиралось все, что Индія насчитывала интеллектуальнаго. Тамъ велись экономическіе, политическіе и административные споры, высказывались пожеланія въ родѣ cahiers генеральныхъ штатовъ 1789 г.

Тогда индусы поняли, что надо заставить бояться себя, чтобы ихъ услышало правительство; поэтому экономическое завоеваніе Индіи ея обитателями должно было явиться необходимымъ вступленіемъ къ политическому освобожденію, или, по крайней мѣрѣ, къ самоуправленію. Индусскія газеты начали распространять ученіе, проводимое на національномъ конгрессѣ; они выхваляли свои фабричныя, заводскія и прочія произведенія, иностранные же товары подвергали бойкоту во имя религіозныхъ вѣрованій и патріотизма, который старались развить въ народѣ. Поощряя туземныя произведенія и имѣя цѣлью знакомить съ ними народъ, они стали устраивать ежегодныя выставки. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, проводимымъ энергичными, честолюбивыми и осторожными людьми, какъ, напримѣръ, Ромешъ Дуттъ, Наороджи

[1]) «Swadeshism. Par Pierre Khorat. «Larousse Mensuel illustré». Fevrier. 1908

Гакхале и пр., вмѣсто тринадцати заводовъ, существовавшихъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, образовалось 300, и вмѣсто 300,000 работавшихъ ткацкихъ веретенъ—6 милліоновъ. Со свойственнымъ англичанамъ уваженіемъ къ свободѣ, вице-короли Индіи присутствовали на открытіяхъ національныхъ выставокъ, хотя прекрасно знали ихъ цѣль. Но съ 16 октября 1905 г. свадесизмъ перестаетъ быть борьбой на коммерческой почвѣ; онъ преобразовался въ бойкотъ иностранныхъ произведеній. Раздѣленіе Бенгаліи на двѣ провинціи (одна была создана для охраненія интересовъ мусульманъ, которыхъ было въ этой области большинство и которыми при прежней организаціи пожертвовали для индусовъ) послужило сигналомъ для этой эволюціи, въ принципѣ рѣшенной 17 августа на митингѣ въ калькуттской ратушѣ. Газеты, которыми руководили «внѣкастовые», еще болѣе разжигали индусовъ. Формы правленія, администраторы и законы — все англійское осмѣивалось, ко всему относились съ презрѣніемъ и злословіемъ. Свобода печати давала возможность открыто призывать къ революціи и печатать самыя грубыя обвиненія противъ правительства. Благодаря этому, по деревнямъ шли слухи, что англичане отравляютъ источники, распространяютъ заразныя болѣзни и вооружаютъ мусульманъ для избіенія индусовъ. Стали разсылать петиціи съ требованіемъ удаленія сэра Фуллера, перваго губернатора новой провинціи, что заставило его подать въ отставку. На заводахъ устраивались поджоги, а англійскія плантаціи въ теченіе шести мѣсяцевъ потерпѣли убытку на 40,000,000. Движеніе на желѣзныхъ дорогахъ прекращалось вслѣдствіе внезапныхъ забастовокъ. Въ одной изъ пагодъ былъ коронованъ, какъ императоръ, нѣкій Сурендра Натъ Банерджее. Выставка въ Калькуттѣ потерпѣла неудачу вслѣдствіе бойкота. На конгрессѣ, собранномъ 27 декабря 1906 г., старый Наороджи слѣдующимъ образомъ выразилъ желанія своихъ соотечественниковъ: «Управленіе Индіей должно быть довѣрено индусамъ, одинаково какъ и разсмотрѣніе налоговъ и бюджета. Логическимъ слѣдствіемъ свадесизма долженъ являться «сварахъ», т. е. самоуправленіе». Во время засѣданій крайніе, руководимые Банерджее, сдѣлали самыя невѣроятныя предложенія и, несмотря на оппозицію умѣренныхъ, утвердили тѣсное единеніе свадесистовъ и національнаго конгресса.

Англійское общественное мнѣніе въ Индіи забило тревогу. Новая форма бойкота пробудила купцовъ и промышленниковъ, которые до тѣхъ поръ съ улыбкою читали отчеты о засѣданіяхъ конгресса. Дѣйствительно, свадесисты съ этого времени являются создателями революціи, соперниками русскихъ террористовъ и преемниками членовъ французскаго народнаго конвента. У нихъ составилось могущественное секретное общество «Золотая Бенгалія», съ офиціальнымъ органомъ «Привѣтъ, родина мать» и своими солдатами, національными добровольцами. Съ помощью газетъ и добровольцевъ они старались увлечь массы и подготовить возстаніе. «Мы хотимъ автономнаго правительства, освобожденнаго отъ англійскаго контроля», говорилъ ихъ офиціальный органъ.

«Ихъ пылъ,—говоритъ авторъ,—зажигательныя статьи патріотическихъ журналовъ, возбужденіе, вызываемое чудовищными митингами, на которыхъ

любимые публикою ораторы и студенты открыто проповѣдывали возмущеніе должны были произвести неизбѣжныя послѣдствія. Въ нѣсколько недѣль было сдѣлано пятнадцать покушеній на европейцевъ на одной только линіи Ассама, гдѣ многіе были убиты. Въ Камиллѣ 6 марта 1907 г. набобъ Дака, одинъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ англичанъ, подвергся нападенію, и его свита разсѣялась послѣ кровавой схватки; въ Пиндѣ 3 мая забастовщики разбили окна въ англійскихъ магазинахъ, оскверняли церкви, ограбили почты, поджигали магазины и отступали только передъ многочисленнымъ войскомъ. Въ Лагорѣ 8 мая было настоящее возмущеніе вслѣдствіе ареста пяти индусскихъ адвокатовъ и юридическаго преслѣдованія противъ журнала «Пунжабъ»; въ Коконидѣ былъ уничтоженъ и ограбленъ англійскій клубъ бандой студентовъ, и офицеры съ чиновниками, находившіеся тамъ, должны были обратиться въ бѣгство. Въ Калькуттѣ 3 октября возмущеніе длилось два дня и почти овладѣло нѣкоторыми кварталами. Повсюду составлялись банды; въ области Баризаль, Мимензингъ царили грабежи, въ Бенгаліи и Ассамѣ свирѣпствовали мятежи; они угрожали Деккану, и по улицамъ Мадраса должны были ходить патрули для поддержанія спокойствія. Полицейскіе рапорты отмѣчали ловкую и опасную пропаганду среди туземныхъ войскъ Пенджаба, извѣстнаго своею преданностью; черезъ Бомбей и Шандернагоръ дѣятельно провозилось контрабандное оружіе. Противники англійскаго правительства, пользуясь невѣжествомъ и легковѣріемъ народа, недобросовѣстностью эмиссаровъ, приводили съ постоянно увеличивающимся успѣхомъ всѣ аргументы, которые могли произвести впечатлѣніе на массы, какъ, напримѣръ чуму, въ продолженіе первой четверти 1907 г. похитившую 1,060,067 человѣкъ во всей Индіи, изъ которыхъ 632,953 падали на Пенджабъ; постоянно возрастающія обложенія, которыя только для поземельныхъ налоговъ увеличились съ 495,157,625 франковъ въ 1855—56 гг. до 718,757,975 франковъ 1905—1906 гг.; въ военные расходы возросли съ 122,800,000 франковъ на пятьдесятъ новыхъ милліоновъ для слѣдующаго года. Въ Симлѣ вице-король не скрывалъ тяжелаго положенія, которое еще болѣе осложнялось вмѣшательствомъ въ дѣло политическихъ партій англійскаго парламента.

Ирландцы и соціалисты пользовались всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать оппозицію правительству и особенно Морлею, государственному секретарю Индіи. Прежніе крупные чиновники имперіи, какъ сэръ Коттонъ, оставались въ сношеніяхъ съ начальниками свадесизма, оказывая имъ поддержку своими спеціальными знаніями. Раздѣленіе Бенгаліи, вся административная система, понудительныя мѣры, предложенныя или принятыя лордомъ Минто, служили предлогомъ жестокихъ преній, которыя мѣшали вице-королю дѣйствовать. Въ сентябрѣ и октябрѣ глава рабочей партіи Кэиръ Харди посѣтилъ Индію, еще увеличивъ смѣлость и надежды агитаторовъ, прельщенныхъ его программою: «Я приму всѣ усилія, чтобы дать Индіи правительство, аналогичн канадскому: что хорошо канадцамъ, должно быть хорошо индусамъ». П этомъ сравнивали англійское правленіе съ русскимъ произволомъ и турецки деспотизмомъ въ Арменіи.

На счастье Англіи, мусульмане отдѣлили свое дѣло отъ индусскаго. Инциденты, послѣдовавшіе за раздѣленіемъ Бенгаліи, подчеркнули еще болѣе ненависть, раздѣлявшую съ 1857 г. двѣ главныя составныя части населенія Индіи. Напрасно свадесистская пресса и національный конгресъ призывали къ единенію. Мусульмане недовѣрчивы, а ихъ газеты указывали имъ, какая ихъ ждетъ судьба, если восторжествуютъ индусы. Они хотѣли бы отказаться отъ своей традиціонной бездѣятельности, сгруппироваться и цивилизоваться, чтобы сдѣлаться сильными, основать подъ защитою набоба Дака общій союзъ индійскихъ мусульманъ, открыть мусульманскій университетъ, на который эмиръ афганскій дастъ необходимыя средства. Но они безпрестанно увѣряли англичанъ въ своей вѣрности, и на дакской конференціи они такимъ образомъ опредѣляли свою программу: 1) Возбуждать въ мусульманской Индіи вѣрность Англіи и опровергать ложныя толкованія, которыя могутъ быть даны поступкамъ правительства. 2) Преслѣдовать политическіе интересы мусульманъ посредствомъ почтительныхъ просьбъ, представляемыхъ англійскому правительству. 3) Побѣждать дурное чувство относительно другихъ общинъ Дѣйствительно, одинъ изъ ихъ главарей, наиболѣе вліятельныхъ, объявилъ, что у его единовѣрцевъ достаточно здравой логики, чтобы не охладѣть къ правительству: англичане спасли мусульманскую имперію отъ разрушенія, и единственно господство англичанъ еще разъ спасетъ Индію отъ анархіи. Глава братства золотого храма Амритзори расхваливалъ благодѣянія англійскаго правленія, во время котораго «тигръ и коза могутъ пить изъ одного источника».

Увѣренный въ мусульманахъ, лордъ Минто, какъ только пріѣхалъ въ Индію сталъ прежде всего строго обуздывать всѣ попытки индусскаго національзма но Морлей, подъ впечатлѣніемъ шумной агитаціи членовъ парламента, которыхъ индусы сумѣли заинтересовать своимъ дѣломъ, стоялъ за осторожность и кротость. Многочисленные приведенные факты, которые не попали въ печать по случаю ихъ важности, но, по всей вѣроятности, особенно проектъ мирнаго соглашенія съ индусами, принятый 8 мая 1907 г. мусульманской конференціей въ Дакѣ, наконецъ указали на необходимость немедленно дѣйствовать. Вице-король старался водворить въ имперіи спокойствіе, наказывая агитаторовъ, и сохранить миръ, введя прогрессивныя реформы, сдѣлавшіяся необходимыми.

Въ сомнительныхъ и возмутившихся областяхъ были собраны войска; въ Бенгаліи и Ассамѣ произведены массовые аресты; извѣстные писатели и ораторы были задержаны, залоговъ отъ нихъ не приняли, и ихъ соціальное положеніе не предохранило ихъ отъ тюремнаго заключенія и штрафа отъ 2000 до 10000 рупій. Газеты преслѣдовались и арестовывались, несмотря на безпорядки и возмущенія, вызываемые иногда этими мѣрами; ихъ издатели и ...дакторы, очень часто простые статисты, заключались въ тюрьму. Удачные ...реговоры съ завѣдывающимъ французскими учрежденіями въ Индіи дали ...зможность, несмотря на протесты шандернагорскихъ купцовъ, ограничить ...трабанду оружіемъ, стѣсненную, кромѣ того, безпрестанными захватами. ...конецъ, чтобы отнять возможность у двухъ агитаторовъ, Ладжпатъ Раи и

Ажитъ Синга, противъ которыхъ имѣлись лишь моральныя доказательства, но пропаганда которыхъ среди туземныхъ солдатъ въ Пенджабѣ становилась опасной, вице-король возобновилъ законъ 1818 г., примѣненіе котораго оппозиціоннымъ партіямъ палаты общинъ показалось нарушеніемъ личной свободы. Онъ издалъ суровый приговоръ противъ индусскихъ студентовъ (исключеніе изъ университета), участвовавшихъ въ политическихъ манифестаціяхъ, и, чтобы обезпечить уличное спокойствіе, примѣнилъ законъ 1861 г. о публичныхъ сборищахъ, какъ въ Бенгаліи, такъ и въ Ассамѣ. Это распоряженіе, однако, обнародованное сначала на шесть мѣсяцевъ, оказалось недѣйствительнымъ, законодательный совѣтъ вице-короля сдѣлалъ его болѣе рѣшительнымъ, усиливъ его подъ именемъ закона о предупрежденіи мятежей 1907 г., и допустилъ его примѣненіе во всей Индіи, согласно тому, какъ потребуютъ обстоятельства. Уличные ораторы и популярные трибуны, не будучи болѣе увѣрены въ безнаказанности, исчезли, и мало-по-малу спокойствіе водворилось. Лордъ Китченеръ получилъ разрѣшеніе увеличить на шесть бригадъ двѣ арміи, сѣверную и южную, которыя съ 17 іюня замѣнили прежнюю военную организацію Индіи, и съ помощью увеличенія жалованія и пенсій укрѣпилъ преданность туземныхъ войскъ.

Въ то же время Морлей, согласившись съ лордомъ Минто, рѣшилъ попытаться ввести реформу и сдѣлать осторожныя уступки представительному правительству. Была составлена слѣдственная комиссія, въ которой участвовалъ одинъ индусъ Ромешъ Дуттъ, назначенный королемъ, для изслѣдованія, можетъ ли улучшиться или упроститься административная система посредствомъ децентрализаціи или другихъ средствъ. Циркуляромъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи, хорошо изучившаго дѣло, народъ былъ извѣщенъ о предстоящемъ провинціальномъ совѣщательномъ собраніи при вице-королѣ, гдѣ туземный элементъ будетъ имѣть достаточно представителей. Законадательный совѣтъ увеличится членами, назначенными по выбору изъ капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ.

Эта смѣсь разумной предусмотрительности, говоритъ авторъ, и твердости дала вскорѣ счастливые результаты. Съ августа мѣсяца около сотни земиндаровъ и бенгальскихъ раджъ подписали манифестъ, порицающій насилія и теоріи свадесистовъ, и этотъ манифестъ сдѣлалъ для умиротворенія страны больше, чѣмъ тысячи юридическихъ преслѣдованій и присылка многочисленныхъ войскъ: онъ остановилъ успѣхъ агитаторовъ, которые производили впечатлѣніе на народъ завѣреніемъ, что богатые и вліятельные люди поддержатъ ихъ. Умѣренные торжествовали на засѣданіяхъ комитета для пріема на національный конгрессъ 1907 г. Президентомъ былъ назначенъ д-ръ Рашъ Бехари Готъ, и, для избѣженія возобновленія агитаціи, было рѣшено, что конгрессъ соберется въ Суратѣ, а не въ Нагпорѣ, какъ было ранѣе предположено. Политическая агитація была исключена изъ программы, и умѣренные обѣща-- замѣнить ее усиленіемъ промышленной дѣятельности. Объявленныя рефор были благопріятно истолкованы прессой, сдѣлавшейся менѣе рѣзкой. Споко ствіе воцарилось въ странѣ; законъ о публичныхъ собраніяхъ примѣнял

только въ одномъ округѣ, и въ ноябрѣ 1907 г. вице-король призналъ положеніе настолько улучшеннымъ, чтобы освободить знаменитаго Ладжпатъ Раи, сосланнаго въ изгнаніе въ Мандаль за шесть мѣсяцевъ предъ этимъ. По окончаніи законодательнаго собранія вице-король поблагодарилъ англо-индійскую армію за ея прекрасное поведеніе во время безпорядковъ, объявилъ, что виновники безпорядковъ будутъ всегда строго наказываться, и подтвердилъ искренность правительства въ административной и политической эволюціи Индійской имперіи.

Авторъ, оканчивая статью, говоритъ, что изъ всего приведеннаго онъ заключаетъ, что индусскіе націоналисты не успѣли въ своихъ попыткахъ по многочисленнымъ причинамъ, изъ которыхъ главныя: различіе кастъ, апатія массъ, преданность правительству мусульманъ и арміи, несогласіе и неточность программъ и особенно благоразуміе правительства. Отсутствіе духа самопожертвованія было гибелью для главарей свадесизма; ихъ противорѣчія и ихъ боязливость, когда имъ угрожали или преслѣдовали, лишили ихъ многихъ партизановъ. Въ виду тюремной камеры или каторги ихъ великое слово «самоуправленіе» теряло свое значеніе правительства безусловно туземнаго, или политическаго первенства арійскихъ индусовъ безъ контроля иностранцевъ. Вице-король сумѣлъ ловко использовать эти противорѣчія.

Но если свадесисты кажутся еще въ теченіе долгаго времени неспособными силою уничтожить господство англичанъ, ихъ экономическая и политическая дѣятельность была не безплодна. Учрежденіе совѣщательныхъ собраній, расширеніе законодательнаго совѣта—послѣдствія ихъ агитаціи—первые шаги къ представительному собранію въ Индіи. Со временемъ вліяніе туземныхъ элементовъ заставитъ одержать верхъ протекціонизмъ, выгодный для индусскихъ производителей. Сэръ Чарльзъ Дильке дѣйствительно былъ хорошимъ пророкомъ, когда утверждалъ въ палатѣ общинъ въ февралѣ 1907 г., что Морлей съ своими проектами административнаго преобразованія едва не закрылъ индійскіе рынки для заводчиковъ Ланкастера и Іорка. Британскому правительству потребуется вся его ловкость въ близкомъ будущемъ, чтобы избѣжать разрѣшенія столкновенія интересовъ насильственными путями.

— Смерть Эдмонда Стэдмана, Тэ-Вити и Эдмондо де-Амичиса. Недавно сошла съ литературнаго поприща оригинальная личность американскаго поэта, журналиста и критика Эдмонда Стэдмана, замѣчательная еще тѣмъ, что онъ всю свою жизнь былъ богатымъ банкиромъ. Родился Стэдманъ въ 1833 г. въ Гарфордѣ въ штатѣ Коннектикутъ и воспитывался въ уэльскомъ университетѣ. Съ одной стороны, онъ былъ постоянно финансистомъ, а съ другой—писателемъ, главнымъ образомъ, критикомъ англійскихъ и американскихъ современныхъ поэтовъ. Особенно обращали на себя вниманія его сочиненія о Готорнѣ и Эдгарѣ По. Самъ онъ также былъ поэтомъ, но его поэзія не отличалась большимъ достоинствомъ; зато, какъ критикъ чужихъ поэтическихъ произведеній, онъ занималъ видное мѣсто въ американской литераурѣ, и его книга «Поэты Америки» заслуживаетъ всяческихъ похвалъ.

Ново-зеландскія газеты приводятъ съ большою похвалою характеристику недавно умершаго главы маорійской расы Тэ-Вити. Онъ напоминаетъ сильно романтичныхъ героевъ Фенимора Купера, съ тою только разницею, что онъ не былъ великимъ воиномъ, какъ краснокожій, а, напротивъ, всю свою жизнь проповѣдывалъ миръ и, такимъ образомъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ Толстого антиподовъ. Съ юности онъ прославился тѣмъ, что спасъ въ 1862 г. отъ кораблекрушенія англійскій пароходъ «Лордъ Вульслэй» во время сильной бури. Доставивъ всѣхъ спасенныхъ пассажировъ въ сосѣдній городъ, Тэ-Вити отказался отъ всякой награды, какъ для себя, такъ и для своихъ соотечественниковъ. Онъ не хотѣлъ ни денегъ, ни почестей, и вся его проповѣдь среди маоріевъ была—«не проливать крови» и «распространять миръ по всей землѣ». По его словамъ, вскорѣ наступитъ золотой вѣкъ нравственной жизни и матеріальной жертвы. Онъ проповѣдывалъ, что вскорѣ блѣдлицые удалятся, и маори станутъ повелѣвать всею страною. Въ ожиданіи этой счастливой эпохи, онъ собиралъ у туземцевъ деньги и ему удалось собрать до 750.000 франковъ, которые онъ спряталъ въ селеніи Парихакѣ. Но наступило время, когда блѣднолицые принялись истреблять племя, въ которомъ проповѣдывалъ маорійскій Толстой. Возмущенные туземцы рѣшились дѣйствовать воинственно, но ихъ пророкъ старался усмирить ихъ мстительность, проповѣдуя, что Богу угодно непротивленіе злу. Туземцы повиновались ему, и организовалась мирная борьба. Но, конечно, это не привело ни къ чему, и мѣстный губернаторъ, составивъ отрядъ въ 1500 человѣкъ, осадилъ въ 1881 г. Парихаку, которую и взялъ, а Тэ-Вити захватилъ въ плѣнъ. При этомъ послѣдній вовсе не сопротивлялся и на вопросъ англійскаго офицера, что онъ думалъ о своемъ арестѣ, отвѣчалъ: «Можетъ ли очищенный для жаренія картофель разсуждать на сковородѣ».

Два года спустя ново-зеландскаго пророка мира выпустили на свободу. Онъ вернулся въ свое селеніе, но тюрьма повредила его вліянію на маоріевъ. Все-таки они съ удовольствіемъ собирались слушать его проповѣди. Онъ увѣрялъ, что европейская нравственность была гораздо ниже, чѣмъ у туземной расы маоріевъ. Они до сихъ поръ ждутъ своего освобожденія, но ихъ пророкъ неожиданно скончался въ Парихакѣ, и все племя оплакиваетъ послѣдняго изъ своихъ могиканъ.

11 марта внезапно скончался отъ разрыва сердца популярный итальянскій писатель Эдмондо де-Амичисъ Бордигери. За исключеніемъ Манцони, онъ былъ самымъ распространеннымъ авторомъ въ послѣднія три четверти вѣка. Родившись въ Онегліи въ 1846 г., Амичисъ былъ по происхожденію генуэзецъ и воспитывался въ Кони въ Пьемонтѣ, откуда перешелъ въ военную школу въ Моденѣ, курсъ которой окончилъ въ 1865 г. Во время войны 1866 г. онъ былъ выпущенъ изъ школы съ чиномъ подпоручика и присутствовалъ при несчастномъ боѣ подъ Кустоцой. По окончаніи войны онъ сдѣлался издателемъ «Italia militare» во Флоренціи и совершенно предался литературѣ. Сн чала онъ писалъ военные очерки и повѣсти, которыя имѣли большой успѣхъ; главнымъ образомъ Амичисъ писалъ, кромѣ военныхъ воспоминаній, описан

различныхъ путешествій по Испаніи, Голландіи, Марокко, Константинополю, Франціи и Англіи. Онъ также сочинялъ романы, изъ которыхъ «Сердце» разошлось въ Италіи въ 34.000 экземпляровъ. Еще большую популярность имѣла его книжка «L'Idioma gentile», прославлявшая гибкость и силу итальянскаго языка. Въ послѣднее время Амичисъ проповѣдывалъ соціалистическія идеи, и тѣмъ не менѣе публика всевозможныхъ убѣжденій одинаково его читала и уважала. Послѣднее свое сочиненіе, которое Амичисъ писалъ въ минуту смерти, было катехизисомъ соціализма, подъ заглавіемъ «1-е Мая», но онъ его не окончилъ, потому что постоянно передѣлывалъ съ цѣлью придать больше значенія своей «лебединой пѣснѣ».

СМѢСЬ.

Годичное собраніе русскаго историческаго общества. 11 марта, въ 9 часовъ вечера, состоялось въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владимира Александровича и Николая Михаиловича, годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. Въ собраніи присутствовали дѣйствительные члены общества: А. А. Половцевъ, А. Н. Куломзинъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. И. Сергѣевичъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, А. П. Извольскій, А. Н. Филипповъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій, С. Ѳ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ, А. З. Мышлаевскій, С. А. Панчулидзевъ, В. С. Иконниковъ, Г. В. Форстенъ и В. В. Щегловъ. По открытіи засѣданія былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества слѣдующаго содержанія: «Дѣятельность общества выразилась со времени послѣдняго собранія въ выпускѣ томовъ 123, 124 и 125 «Сборника» и тома русскаго біографическаго словаря. Новый томъ русскаго біографическаго словаря содержитъ біографіи лицъ на букву Б; онъ является двѣнадцатымъ по порядку изданія. Томъ 123-й «Сборника», изданный подъ редакціею члена совѣта В. И. Сергѣевича, является продолженіемъ тома 115-го и составляетъ одиннадцатую часть изданія бумагъ Екатерининской комиссіи для сочинен[illegible] проекта новаго уложенія. Томъ 124-й «Сборника», отпечатанный подъ реда[illegible] ціею члена общества А. Н. Филиппова, является продолженіемъ тома 120-г[illegible] содержитъ «бумаги кабинета министровъ» за вторую половину 1739

Томъ 125-й изданъ подъ редакціею предсѣдателя общества. Онъ примыкаетъ по своему содержанію къ тому 109-му и содержитъ донесенія австрійскихъ уполномоченныхъ при русскомъ дворѣ за время отъ 1772 по 1776 гг. Дальнѣйшія работы по изданію сборника находятся въ слѣдующемъ положеніи. Почти уже закончены печатаніемъ три тома. Одинъ изъ нихъ содержитъ дипломатическія сношенія Московскаго государства со Швеціей въ царствованіе Іоанна Грознаго. Другой—донесенія русскихъ представителей въ Парижѣ и французскихъ въ Петербургѣ за время императора Александра Павловича; томъ этотъ является третьимъ въ своей серіи. Наконецъ третій томъ содержитъ бумаги кабинета министровъ за первую половину 1740 г. и составляетъ девятый томъ обширной серіи, которая будетъ вполнѣ закончена изданіемъ еще съ двухъ томовъ, изъ которыхъ одинъ уже начатъ печатаніемъ. Печатаются еще два тома: одинъ, посвященный дипломатической перепискѣ императрицы Екатерины II за 1774 и слѣдующіе годы; томъ этотъ является восьмымъ въ одной изъ драгоцѣннѣйшихъ и важнѣйшихъ серій изданій общества; второй томъ посвященъ перепискѣ цесаревича Константина Павловича съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Кромѣ того, подготовляются къ печати продолженіе бумагъ екатерининской комиссіи и томъ, который будетъ заключать переписку императрицы Екатерины II съ принцемъ прусскимъ Генрихомъ. Наконецъ, собраны и подготовляются къ печати бумаги конференціи при высочайшемъ дворѣ, возникшей въ царствованіе Елизаветы Петровны, незадолго до начала Семилѣтней войны, и игравшей важную роль во всемъ государственномъ управленіи вплоть до времени императора Петра III Θеодоровича. Послѣ прочтенія отчета произведены были выборы: въ члены совѣта на новое трехлѣтіе избраны В. И. Сергѣевичъ, С. Θ. Платоновъ и А. З. Мышлаевскій, а Н. Д. Чечулинъ—въ члены совѣта и секретаремъ. Въ дѣйствительные члены общества избраны: тайный совѣтникъ К. А. Губастовъ, магистръ русской исторіи С. В. Рождественскій, завѣдующій собственными Его Величества библіотеками дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Щегловъ и архиваріусъ архива государственнаго совѣта статскій совѣтникъ А. А. Гоздаво-Голомбіевскій. Въ заключеніе были прочитаны доклады: Н. Д. Чечулина «Частная переписка въ допетровской Руси», А. З. Мышлаевскаго «Русская армія въ началѣ XVIII вѣка по даннымъ приказа военныхъ дѣлъ», его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича «Изъ переписки императрицы Елизаветы Алексѣевны съ ея родительницею» и его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича «Письмо короля шведскаго Густава III къ императору Александру Павловичу въ 1808 г.».

Въ обществѣ любителей древней письменности 16 февраля, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, состоялось общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности. Передъ началомъ засѣданія, по предложенію предсѣдателя, присутствовавшими была почтена память скончавшагося В. В. Шереметева, одного изъ старѣйшихъ членовъ-корреспондентовъ. Первое сообщеніе «Паисій Величковскій и Нилъ Сорскій» принадлежало М. С. Боровковой. Оба инока, уроженцы Россіи, сыграли

большую роль въ дѣлѣ обновленія монашества, одинъ въ XV вѣкѣ на Руси, а другой въ XVIII вѣкѣ въ Молдавіи; одно изъ главныхъ средствъ къ тому оба старца видѣли въ «умномъ дѣланіи». Изъ отмѣтокъ на нѣкоторыхъ рукописяхъ видно, что онѣ принадлежали Паисію, и очевидно, что онъ былъ знакомъ съ трудами своего предшественника; сопоставленіе трудовъ Нила и Паисія еще болѣе подтверждаетъ фактъ знакомства Паисія съ трудами Сорскаго, а также и фактъ его вліянія на Паисія черезъ 200 лѣтъ. Можно предположить, что вліяніе Сорскаго старца отразилось и на другѣ Паисія — Василіи, по крайней мѣрѣ на двухъ рукописяхъ XVIII вѣка, заключающихъ въ себѣ «Уставъ Сорскаго, есть указаніе, что надсловіе къ уставу и «пристиженіе» написано старцемъ Василіемъ въ скиту въ Унгровлахскомъ княженіи. Второе сообщеніе, о фрескахъ Ѳерапонтова монастыря XV вѣка, было доложено В. Т. Георгіевскимъ. Храмы этого монастыря, построеннаго учениками св. Кирилла Бѣлозерскаго Мартиніаномъ и Ѳерапонтомъ въ XIV вѣкѣ, являются образцомъ замѣчательной архитектуры, хотя въ настоящее время они и находятся въ полуразрушенномъ состояніи; не менѣе замѣчательны и фрески монастыря. Изъ надписи на аркѣ сѣверной двери можно установить, что онѣ были написаны въ 1492—1500 гг., при Іоаннѣ III, при архіепископѣ Тихонѣ знаменитымъ иконописцемъ Діонисіемъ. Изъ лѣтописей извѣстно, что Діонисію принадлежали и другія работы (1481 г.—въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, 1484 г. — въ церкви Волоколамскаго монастыря и 1486 г. — въ церкви на Ростовѣ для владыки Вассіана), но изъ всѣхъ произведеній Діонисія уцѣлѣли только выше указанныя фрески, которыя, такимъ образомъ, являются весьма цѣннымъ художественнымъ памятникомъ въ исторіи древне-русскаго искусства, не очень богатаго хорошо обслѣдованными и характерными памятниками для XIV и XV столѣтій. Сообщеніе сопровождалось демонстрированіемъ снимковъ съ фресокъ съ помощью волшебнаго фонаря.

Въ томъ же обществѣ, 29 февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, общее собраніе. Въ этомъ собраніи А. И. Соболевскій прочелъ сообщеніе, распадающееся на двѣ части; въ первой онъ остановился на вопросѣ: кто былъ Зосима, авторъ посланія къ дщери Анастасіи (изд. 1862 г. Невоструевымъ), по даннымъ языка относящагося къ домонгольскому періоду; предполагая, что Анастасія этого посланія и Анастасія извѣстнаго посланія Симона, епископа владимирскаго, одно лицо съ Анастасіей, упоминаемой въ лѣтописяхъ XII вѣка, дочерью Всеволода Большое Гнѣздо, академикъ Соболевскій высказалъ догадку, что авторъ того и другого посланія — одно лицо, и что Зосима является лишь порчей имени Симонъ, которое встарину писалось Симанъ. Во второй части сообщенія А. И. Соболевскій, указавъ, что въ русской письменности есть рядъ произведеній, надписывающихся именемъ Петра черноризца, Петра черница, Петра нѣкоего, далъ рядъ свѣдѣній, устанавливающихъ фактъ существованія Петра, царя болгарскаго, умершаго въ монашескомъ чинѣ и написавшаго какое-то учительное сочиненіе; такимъ образомъ, можно предположить тождество упомянутаго Петра черница съ Петромъ, царемъ болгарскимъ, а также сдѣлать догадку, что прозваніе «нѣкоего» произошло изъ непонятной на Ру[с]

формы «инокааго», имѣщейся въ Зографскомъ Трефолоѣ XIII вѣка, гдѣ подъ 30 января сказано: «память св. о. н. Петра инокааго, бывшаго царемъ болгаръ». Второе сообщеніе прочелъ Хр. М. Лопаревъ; оно касалось новаго памятника древне-русской литературы, а именно руководства о вѣрѣ. Референтъ предположилъ, что это руководство было составлено для царевича Ивана Ивановича, основаніемъ для чего послужило: 1) предположеніе, что рукопись, заключающая въ себѣ руководство, написана въ XVI вѣкѣ, 2) указаніе, что часть руководства, переводъ «Бесѣды патр. Геннадія Схоларія съ турецкомъ султаномъ Магометомъ» былъ сдѣланъ около 1563 г., и 3) самое содержаніе руководства, неоднократно толкующее, какимъ долженъ быть царь. Сообщеніе вызвало замѣчанія А. И. Соболевскаго и С. П. Розанова, отмѣтившихъ, что по своему составу рукопись должна быть отнесена къ XVII вѣку, и В. М. Истрина, не считавшаго возможнымъ по формѣ и содержанію видѣть въ сочиненіи «о вѣрѣ» учебное руководство.

Юбилейная выставка печати. Русское библіографическое общество, въ память 200-лѣтія введенія въ Россіи гражданскаго шрифта, 8 марта открыло выставку соотвѣтствующихъ произведеній печати и портретовъ въ своемъ помѣщеніи (старое зданіе университета). Главный интересъ на выставѣ представляютъ книги, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ; ихъ насчитывается болѣе 100 книгъ; среди этихъ книгъ находится и фотографическій снимокъ съ первой гражданской азбуки, оригинальный экземпляръ которой хранится въ Петербургѣ. Большая витрина занята позднѣйшими изданіями какъ XVIII вѣка, такъ и современными, касающимися библіографіи петровскихъ изданій. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія книги: прекрасно выполненное обществомъ любителей древней письменности изданіе азбуки съ поправками Петра Великаго, два рѣдкія изданія палаты академіи наукъ, рѣдкій экземпляръ каталога хранящимся въ императорской публичной библіотекѣ публичнымъ изданіямъ всѣхъ трехъ его видовъ и многія другія. На стѣнахъ размѣщено много древнихъ портретовъ и картинъ, изъ которыхъ особенно выдѣляются: портретъ Петра Великаго, исполненный масляными красками, знаменитые портреты Петра Великаго и Екатерины I, исполненные на шелку Хубраненомъ, нѣсколько видовъ домика Петра I въ Саардамѣ, сдѣланныхъ по заказу князя Львова въ бытность его посланникомъ въ Голландіи, гравюры, изображающія разныя баталіи временъ Петра Великаго, аллегорическіе портреты императора Петра I и Екатерины I, портреты извѣстныхъ дѣятелей петровскаго времени на поприщѣ просвѣщенія и библіофиловъ той эпохи, портреты первыхъ академиковъ, портреты иностранцевъ, содѣйствовавшихъ въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ Петру I, и гравированные и литографированные портреты авторовъ, писавшихъ о просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и по библіографіи петровскихъ изданій. Все помѣщеніе выставки, бставленное книжными шкапами библіографическаго общества, украшено юстами русскихъ классическихъ писателей. Въ тотъ же день состоялось пубичное собраніе, на которомъ были прочитаны рефераты, посвященные возниковенію въ Россіи гражданскаго шрифта.

Театральная выставка. 2 марта въ фойе и залахъ Панаевскаго театра открылась «Первая русская театральная выставка». Для членовъ литературно-художественнаго общества и для театральныхъ критиковъ эта выставка была открыта наканунѣ, въ 9 часовъ вечера. Откликнулись очень немногіе, преимущественно столичные театры и коллекціонеры. Самый интересный матеріалъ далъ извѣстный московскій театралъ Бахрушинъ. Московскій Художественный театръ, располагающій массой портретовъ, фотографическихъ снимковъ съ постановокъ пьесъ, артистовъ въ главныхъ роляхъ, съ мебели, аксессуаровъ, не откликнулся на приглашеніе устроителей выставки гг. Бѣляева и Протопопова. На выставкѣ преобладали портреты: портреты масляными красками и акварельные дагеротипы, большіе портреты-гравюры, литографическіе, фотографическіе портреты и карточки. Въ балетномъ отдѣленіи—портреты балеринъ: Бріанцы, Фанни Эльснеръ, М. С. Петипа, Тальони, Карлотты Гризи, Вирджиніи Цукки, Богдановой, Адріановой, Феррари, Комарго, Истоминой, Леньяни, Кшесинской и др., гг. Леона, Перро и др. На столахъ подъ портретами разставлены бронзовыя статуэтки разныхъ балеринъ. Обращала на себя вниманіе коллекція башмаковъ прима-балеринъ Бріанцы, Леньяни, Фанни Эльснеръ, М. Кшесинской и В. Цукки. Старые атласные башмаки-туфельки съ чернильными надписями на внутренней сторонѣ подошвы о принадлежности ихъ той или другой балеринѣ. Въ большомъ фойе размѣщены портреты и рукописи и разные предметы, имѣющіе отношеніе къ оперно-драматическимъ театрамъ и артистамъ императорскихъ театровъ. Здѣсь на ширмахъ, обтянутыхъ бѣлымъ полотномъ, развѣшаны портреты изъ залъ императорскихъ театровъ и частныхъ коллекціонеровъ. Мы видѣли портреты артистовъ Волкова, А. Яковлева, Щепкина, И. В. Самарина, Прова Садовскаго, И. Сосницкаго, Вас. Каратыгина, В. В. Самойлова и всей артистической семьи Самойловыхъ, Мар. Вальберховой, Дюръ, М. Г. Савиной, Жулевой, Асенковой и др. Въ стеклянныхъ шкапахъ можно видѣть костюмы, которые носили Самаринъ, Шумскій, Живокини, Цукки (корсажъ), Аделина Патти (платье изъ «Травіаты»), Тамберликъ и др. На столахъ виднѣются: шапка Мономаха, которую надѣвалъ Шумскій, вѣнецъ Василія Темнаго—изъ головныхъ уборовъ Самарина, шлемы Шаляпина и др. Въ столахъ-витринахъ размѣщены письма Сосницкаго, Каратыгина, Шумскаго, В. В. Самойлова, Асенковой; подарки, полученные В. В. Самойловымъ, М. Г. Савиной и др. Здѣсь же хранились подлинныя афиши 1833 г. изъ разныхъ казенныхъ театровъ. На стѣнахъ развѣшаны гравюры и акварели, изображающія разные столичные театры въ первобытномъ ихъ состояніи. Здѣсь же висѣла картина пожара московскаго Большого театра.

Художественная галерея имени И. Н. Крамского въ Острогожскѣ. Имя И. Н. Крамского пользуется заслуженной извѣстностью, какъ выдающагося портретиста, увѣковѣчившаго своей кистью многихъ знаменитыхъ русскихъ людей, и одного изъ видныхъ дѣятелей реализма въ искусствѣ. В прошломъ году исполнилось 70 лѣтъ со дня его рожденія и 20 лѣтъ — дня кончины. На его родинѣ въ городѣ Острогожскѣ, Воронежской губерн

правленіемъ мѣстной общественной библіотеки возбужденъ вопросъ почтить память покойнаго устройствомъ художественной галереи его имени. Библіотека и небольшой при ней музей по естествовѣдѣнію находятся въ настоящее время въ чужомъ помѣщеніи, безплатно для нихъ отводимомъ г. Бабенковымъ. Теперь же имѣется въ виду соорудить собственное зданіе и туда помѣстить библіотеку, музей и галерею. Послѣднюю рѣшено составить изъ хорошихъ образцовъ (живопись, рисунокъ, гравюра и скульптура) русской реальной школы, сторонникомъ которой и былъ И. Н. Крамской. Предположено затѣмъ организовать отдѣлъ художественной промышленности, и, кромѣ того, собирается литература, касающаяся почившаго мастера. Оборудованіе вышеупомянутаго зданія обойдется въ 10,000 руб., да и тѣ предметы, которые составятъ галерею, должны стоить немалыхъ суммъ. Сама острогожская библіотека не располагаетъ средствами привести въ исполненіе задуманный планъ, и безъ общественной поддержки дѣло не можетъ быть сдѣлано. Правленіе библіотеки открыло поэтому сборъ пожертвованій деньгами для зданія и соотвѣтствующими произведеніями для галереи. Пока собрано 1,300 руб. Поступили пожертвованія и для послѣдней: отъ вдовы Крамского (рисунки и портреты его кисти), скульптора Гинцбурга, художниковъ Е. Е. Волкова и Е. М. Бемъ и др. Такимъ образомъ уже положено основаніе полезному культурному начинанію, и отъ того сочувствія, съ которымъ отнесутся къ нему лица, дорожащія интересами искусства и знанія, будетъ зависѣть его дальнѣйшій успѣхъ. Общественная библіотека въ городѣ Острогожскѣ существуетъ около 40 лѣтъ и имѣетъ уже 5,000 томовъ по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Если къ ней и упомянутому музею явится возможность присоединить художественную галерею, то это учрежденіе станетъ для мѣстныхъ жителей настоящимъ культурнымъ центромъ.

Столѣтіе нижегородской гимназіи. 12 марта исполнилось столѣтіе нижегородской гимназіи. За пережитое столѣтіе она выпустила изъ своихъ стѣнъ многихъ представителей науки и видныхъ общественныхъ дѣятелей. Среди нихъ отмѣтимъ такія имена, какъ П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), авторъ очерковъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», онъ былъ въ гимназіи учителемъ исторіи, воспитанникъ выпуска 1834 г.; профессоръ петербургскаго университета, извѣстный синологъ В. Васильевъ; профессоръ исторіи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и С. В. Ешевскій (оба выпуска 1845 г.); извѣстный писатель-беллетристъ П. Д. Боборыкинъ (выпуска 1853 г.); профессоръ зоологіи Э. Линдеманъ; профессоръ, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ; профессоръ казанскаго университета Н. В. Высоцкій; профессоръ харьковскаго университета А. П. Грузинцевъ; П. О. Морозовъ—извѣстный ученый (выпуска 1871 г.); А. М. Ляпуновъ—членъ академіи наукъ; профессоръ физики новороссійскаго университета Н. П. Кастеринъ; извѣстный писатель В. В. Розановъ, А. С. Гацисскій, видный мѣстный общественный дѣятель; А. А. Савельевъ, видный мѣстный земскій дѣятель; Д. А. Вѣнскій, извѣстный мѣстный докторъ, и многіе другіе. Главное торжество по празднованію столѣтія переносится на сентябрь мѣсяцъ текущаго года, въ каковому времени гимна-

зія перейдетъ въ новое помѣщеніе. Къ тому времени будетъ составленъ историческій очеркъ гимназіи за сто лѣтъ ея существованія. Ко дню столѣтія гимназіи пріурочивается открытіе общества вспомоществованія недостаточнымъ ея ученикамъ.

Отъ комитета почина для чествованія 80-лѣтія рожденія графа Л. Н. Толстого. Члены комитета почина учредили его, считая необходимымъ сорганизовать желающихъ чествовать восьмидесятую годовщину рожденія великаго писателя и выразить ему въ этотъ день любовь и благодарность многихъ милліоновъ его восторженныхъ почитателей. Въ отвѣтъ на первое же оповѣщеніе положительно со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы стали поступать заявленія о желаніи участвовать, предложенія программъ, услугъ и пожертвованій. Представители прессы, объединившись въ бюро, члены котораго вошли въ составъ комитета, испросили разрѣшеніе надлежащей власти созвать всероссійскій съѣздъ печати для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ участіемъ печати въ чествованіи Л. Н. Толстого. Москва учредила отдѣленіе комитета и стала вырабатывать программу чествованія. Многіе провинціальные города послѣдовали ея примѣру. Заявленія поступали не только изъ сосѣднихъ европейскихъ странъ, но и отъ самыхъ отдаленныхъ народовъ другихъ частей свѣта, изъ Индіи, Канады, Японіи, Новой Зеландіи. При личныхъ переговорахъ въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ всюду встрѣчено не только горячее сочувствіе идеѣ комитета почина, но полная готовность немедленнаго активнаго содѣйствія. Въ организаціонные комитеты намѣчались самыя громкія и популярныя имена. Приглашенія не только не встрѣтили ни одного отказа, но самые занятые, маститые литераторы, художники, ученые сами настаивали на своемъ участіи. Въ Англіи въ 4 дня (26 — 30 марта нов. стиля) успѣли напечатать воззваніе во всѣхъ лондонскихъ и провинціальныхъ газетахъ, образовался комитетъ изъ самыхъ выдающихся лицъ и открылась подписка на толстовскій фондъ въ банкирскомъ домѣ Messrs Barclay's. Казалось, горячее желаніе всѣхъ откликнуться на призывъ комитета почина и восторженный подъемъ чувства обѣщалъ превзойти своимъ выраженіемъ когда-либо бывшія международныя чествованія и явить поразительное зрѣлище поклоненія цѣлаго міра, всѣхъ объединившихся народовъ одному великому человѣку за то, что онъ положилъ всю свою долгую жизнь и свой геніальный талантъ на подъемъ человѣческаго духа, на истолкованіе правды въ человѣческихъ чувствахъ и правды жизни. Но этому величественному чествованію не суждено осуществиться по волѣ того, кому оно посвящалось. Секретарь комитета получилъ отъ графа Толстого письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ говоритъ: «...Обращаюсь съ большой, большой просьбой. Просьба моя въ томъ, чтобы прекратить этотъ затѣянный юбилей, который, кромѣ страданія, и — хуже чѣмъ страданія — сознанія дурного поступка, не доставитъ мнѣ ничего иного. Вы знаете, что и всегда, и особенно въ мои годы (когда такъ близокъ къ смерти), нѣтъ ничего дороже любви людей. И вотъ эта любовь, я боюсь, будетъ нарушена этимъ юбилеемъ. Я вчера получилъ письмо, въ которомъ пишутъ, что всѣ православные люди будутъ оскорблены этимъ чествованіемъ

Я никогда не думалъ про это, но то, что мнѣ пишутъ, совершенно справедливо. Не у однихъ этихъ, а у многихъ другихъ людей чествованіе вызоветъ недоброе чувство ко мнѣ. И это для меня самое больное, Тѣ, кто любитъ меня (я знаю ихъ и они меня знаютъ), для тѣхъ не нужно никакихъ внѣшнихъ формъ для выраженія ихъ чувствъ. Такъ вотъ моя великая просьба. Сдѣлайте, что можете, чтобъ отмѣнить этотъ юбилей и освободить меня. Навѣки вамъ буду очень, очень, очень благодаренъ»... Великій художникъ отмѣняетъ не только самое заслуженное, но и самое внушительное чествованіе, всѣми восторженно предпринятое. Привѣтъ и поклоненіе цѣлаго міра не утѣшатъ великой души мудраго старца, если они могутъ привести къ раздраженію, злобѣ и оскорбленному чувству другихъ людей. Онъ самъ— свой высшій судъ. Его рѣшенію благоговѣйно подчиняется всякій чуткій человѣкъ, и комитетъ почина и бюро печати считаютъ долгомъ прекратить свою дѣятельность. Члены бывшаго комитета почина, закрытаго вслѣдствіе рѣшенія самого графа Л. Н. Толстого не праздновать своей восьмидесятилѣтней годовщины и отклонить предположенное грандіозное международное чествованіе, уговорились въ засѣданіи 27 марта основать «Общество Льва Толстого», въ которое они всѣ входятъ членами-учредителями. Рѣшено безотлагательно разработать, согласно закона 4-го марта 1906 г., и представить для надлежащаго утвержденія уставъ общества, сходнаго въ общихъ чертахъ съ существующими уже гетевскими, дантовскими, пушкинскими и шекспировскими обществами. Главная цѣль общества — увѣковѣченіе имени Толстого путемъ устройства музея, собиранія и разработки матеріаловъ объ его жизни и дѣятельности и т. д. Проектъ устава поручено разработать П. И. Вейнбергу, Д. А. Дрилю, М. М. Ковалевскому, М. А. Стаховичу, А. А. Столыпину и А. А. Шаховскому.

Памятникъ М. Д. Скобелеву. По всеподданнѣйшему докладу начальника генеральнаго штаба въ 26-й день февраля сего года послѣдовало высочайшее соизволеніе нынѣ же приступить къ подготовительнымъ работамъ по возведенію памятника генералъ-адъютанту Скобелеву въ Москвѣ. Для образованія фонда на памятникъ Скобелеву высочайше разрѣшено объявить повсемѣстную въ имперіи подписку, а также прибѣгать и къ другимъ дозволеннымъ законамъ способамъ сбора средствъ для этой цѣли. Часть средствъ, собранныхъ для памятника Скобелеву въ Москвѣ, въ размѣрѣ 15—20%, будетъ выдѣлена для возведенія памятника ему же въ городѣ Скобелевѣ. Для составленія проекта памятника Скобелеву въ непродолжительномъ времени будетъ объявленъ конкурсъ, непремѣннымъ условіемъ котораго явится изображеніе М. Д. Скобелева верхомъ на конѣ. Согласно высочайшему соизволенію всѣ труды по сбору пожертвованій, объявленію конкурса на проектъ памятника и его сооруженію возложены на Николаевскую академію генеральнаго штаба. Врядъ ли является необходимымъ доказывать желательность и своевременность постановки памятника Михаилу Дмитріевичу Скобелеву. Достаточно вспомнить, что славная борьба наша съ Турціей за освобожденіе славянскихъ народовъ своимъ блестящимъ концомъ во многомъ обязана просвѣщенной и талантливой дѣятель-

ности Михаила Дмитріевича, который въ короткое время сталъ грозой турокъ и одно имя котораго наводило на нихъ паническій ужасъ. Исторія завоеваній нашихъ среднеазіатскихъ владѣній также неразрывно связана съ именемъ М. Д. Скобелева. Закончившаяся присоединеніемъ къ Россіи значительной территоріи и прочно утвердившая могущество наше въ Средней Азіи ахалъ-текинская экспедиція 1881 г. свидѣтельствуетъ о выдающемся полководческомъ талантѣ Михаила Дмитріевича, ставя его въ этомъ отношеніи на одно изъ первыхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ, носителемъ русскихъ идей, въ немъ въ полной мѣрѣ проявилась богатая русская натура, онъ горячо любилъ родину, былъ всей душою преданъ ей, всѣми силами стремился служить Россіи и русскому народу и не мало принесъ пользы нашему отечеству, способствуя укрѣпленію могущества Россіи и возвеличенію русскаго имени, распространяя славу русскаго народа и его державныхъ вождей. Наконецъ нельзя не вспомнить, что Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ искренно любилъ нашего солдата, этого истиннаго сына русскаго народа, и особенно заботился о немъ, а въ бою умѣлъ затронуть лучшія чувства русской души и, поднявъ его нравственное настроеніе до наивысшаго напряженія, подвинуть его на стремительный ударъ въ штыки. Въ тяжелыя же минуты боя Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, не щадя своей жизни, самъ становился во главѣ батальоновъ и непосредственно велъ ихъ на врага. Все это и сдѣлало Михаила Дмитріевича Скобелева—Бѣлаго Генерала—народнымъ героемъ и даетъ ему право на увѣковѣченіе его памяти. Однимъ изъ средствъ для этого въ соотвѣтствіи съ значеніемъ и мѣстомъ, которое Скобелевъ занимаетъ въ чувствахъ народныхъ, и является сооруженіе ему достойнаго памятника. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій русскій, кому дороги величіе и слава Россіи, кто въ сердцѣ своемъ питаетъ признательность къ человѣку, всего себя отдавшему на служеніе родинѣ и ея народу, пожелаетъ принять участіе въ этомъ высоко патріотическомъ дѣлѣ, сдѣлавъ хотя бы небольшое пожертвованіе для сооруженія памятника М. Д. Скобелеву. Пожертвованія принимаются въ конторѣ газеты «Новое Время» (Невскій, 40) и въ канцеляріи академіи генеральнаго штаба (Суворовскій проспектъ, д. № 32-б).

Къ положенію архивныхъ комиссій. Въ настоящее время всѣми губернскими учеными архивными комиссіями получено отъ директора императорскаго археологическаго института извѣщеніе, что онъ намѣренъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о назначеніи ежегодной правительственной субсидіи губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ въ размѣрѣ приблизительно 2000 рублей на каждую. При этомъ директоръ срочно запрашиваетъ отъ комиссій свѣдѣнія о ихъ бюджетѣ и дѣятельности за все время ихъ существованія. Остается, конечно, надѣяться, что давнишнія и неоднократно заявлявшіяся просьбы архивныхъ комиссій о матеріальной помощи наконецъ получатъ удовлетвореніе. Но это вниманіе къ нимъ правящихъ сферъ, помимо матеріальнаго значенія, еще болѣе дорого тѣмъ, что оно является первымъ за все почти

двадцатипятилѣтнее ихъ существованіе со времени состоявшагося о нихъ высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 г. положенія комитета министровъ. Итакъ, блеснулъ лучъ надежды во мракѣ полнаго забвенія... блеснулъ тогда, когда, видимо, прекратились всякія уже попытки вызвать помощь и вниманіе... А это такъ. Даже настоящій починъ директора археологическаго института не возбудилъ въ печати ни отклика, ни признательности... Ужъ не безнадежность ли снова?.. А важно, чтобы въ настоящій именно моментъ печать подала голосъ за поддержку архивныхъ комиссій и выяснила ихъ дѣйствительную роль въ служеніи историко-археологической наукѣ. Невозможно, разумѣется, въ настоящей краткой замѣткѣ охарактеризовать сколько-нибудь полно заслуги архивныхъ комиссій въ научномъ отношеніи, но взглядъ на положеніе ихъ финансовъ, несомнѣнно, отвѣчаетъ моменту. Прежде всего приходится отмѣтить фактъ удивительной жизнеспособности архивныхъ комиссій. Въ самомъ дѣлѣ, вышеупомянутое «положеніе» возлагаетъ на нихъ: 1) разборъ дѣлъ и документовъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ и храненіе ихъ въ историческихъ архивахъ и 2) разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины. Другими словами говоря, архивныя комиссіи должны, помимо неплатныхъ трудовъ своихъ членовъ, дать благоустроенныя архивныя помѣщенія, такія же помѣщенія для музеевъ, содержать служебный персоналъ (сторожа, письмоводителя), предпринимать разъѣзды, и т. д. И то же «положеніе» указываетъ источники на покрытіе связанныхъ со всѣмъ этимъ денежныхъ издержекъ: «Расходы, необходимые на содержаніе и занятія губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора археологическаго института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки». На практикѣ это значитъ вотъ что. Укажу для примѣра на одну изъ архивныхъ комиссій, съ которой близко соприкасаюсь. За тринадцатилѣтнее свое существованіе отъ директора археологическаго института она не получила въ пособіе ни одной копейки, а пожертвованій сбирала ежегодно въ среднемъ отъ 750 до 900 рублей. Но она не только не умерла, но содержитъ вполнѣ благоустроенный историческій архивъ, обширный музей и выпустила въ свѣтъ до 35 изданій трудовъ своихъ членовъ. Но есть архивныя комиссіи и гораздо бѣднѣе ея денежными средствами. Это ли не живучесть, наглядно показывающая, чего можетъ достичь любовь къ дѣлу при наихудшихъ матеріальныхъ условіяхъ. Такимъ ли учрежденіямъ отказывать въ скромной денежной поддержкѣ? А между тѣмъ, начиная съ 1899 года, когда на XI кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ впервые раздались сѣтованія архивистовъ на полное невниманіе къ нимъ высшихъ сферъ, до настоящаго времени сферы эти оставались совершенно глухи. Архивовѣды же не переставали заявлять о своихъ нуждахъ какъ на всероссійскихъ, такъ и на областныхъ археологическихъ съѣздахъ, но, видя тщетность всякихъ усилій въ этомъ направленіи, въ концѣ концовъ какъ будто признали полную безнадежность ходатайствъ и умолкли... Въ послѣдніе же три года, когда интересъ и денежныя средства общественныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій, главнымъ образомъ пи-

тающихъ денежными ссудами архивныя комиссіи, отвлечены были крупными событіями внѣшней и внутренней политики государства, фонды архивныхъ комиссій сократились до жалкаго минимума, прежнія мечты о всесторонней архивной реформѣ смѣнились жгучимъ вопросомъ о самой возможности дальнѣйшаго существованія... При такомъ-то положеніи настоящій шагъ, сдѣланный директоромъ археологическаго института къ поддержкѣ, хотя бы только матеріальной, архивныхъ комиссій, послѣднія должны привѣтствовать, какъ зарю своего лучшаго будущаго, когда, несомнѣнно, осуществится и общая архивная реформа.

НЕКРОЛОГИ.

АНТОНОВИЧЪ, В. Б. Русская наука понесла крупную утрату въ лицѣ скончавшагося 8 марта извѣстнаго историка и археолога, заслуженнаго профессора университета св. Владимира въ Кіевѣ — Владимира Бонифатіевича Антоновича. Съ именемъ покойнаго связано много цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи юга Россіи. Въ теченіе почти полувѣка онъ усердно трудился на избранномъ имъ поприщѣ и успѣлъ обнародовать массу богатѣйшихъ матеріаловъ, таившихся до него подъ спудомъ, въ разныхъ музеяхъ и архивахъ. Уроженецъ Кіевской губерніи, В. Б. среднее свое образованіе получилъ во 2-ой одесской гимназіи, послѣ чего поступилъ на медицинскій факультетъ университета св. Владимира. Но врачомъ онъ не сдѣлался, хотя пробылъ на этомъ факультетѣ цѣлыхъ пять лѣтъ. Съ 1855 г. онъ посвящаетъ себя уже всецѣло изученію филологическихъ наукъ и спустя еще четыре года оканчиваетъ университетскій курсъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета. Затѣмъ недолгое время покойный состоялъ преподавателемъ въ первой кіевской гимназіи и кадетскомъ корпусѣ, а въ 1863 г., перейдя на службу въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора, работалъ во временной комиссіи по разбору древнихъ актовъ. Богатая эрудиція и проявленная имъ уже тогда любовь къ архивному труду скоро помогли ему занять въ этой комиссіи отвѣтственное по своей научной дѣятельности мѣсто — главнаго редактора, которое онъ и сохранялъ за собой до 1880 года. Въ 1870 году В. Б. за диссертацію «Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра» получилъ отъ кіевскаго университета степень магистра русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе быть доцентомъ по этой каѳедрѣ, а въ

1878 г., послѣ защиты докторской диссертаціи («Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго»), былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Съ 1880 по 1883 г. покойный состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ — предсѣдателемъ кіевскаго историческаго «Общества Нестора-лѣтописца». Литературно-ученая дѣятельность В. Б., начавшаяся въ 1863 году изслѣдованіями о прошломъ русскаго казачества и о происхожденіи шляхетскихъ родовъ, выразилась затѣмъ въ длинной вереницѣ такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ: «Объ уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII до XVIII столѣтія» (1871 г.), «Гайдамачество» (1876 г.), «О промышленности Юго-Западнаго края въ XVIII столѣтіи» (1882 г.) и много другихъ. Изъ послѣднихъ работъ покойнаго нужно отмѣтить составленную имъ «Археологическую карту Кіевской губерніи» (Москва, 1895 г., приложеніе къ XV тому Древностей) и брошюру «Къ вопросу о галицко-русской литературѣ («Кіевъ, 1900 г.). Своими трудами В. В. зарекомендовалъ себя, какъ одинъ изъ яркихъ представителей «документальнаго» направленія въ разработкѣ исторіи Юго-Западной Россіи. Архивными изысканіями онъ усиленно занимался не менѣе 15 лѣтъ. Не ограничиваясь кіевскимъ центральнымъ архивомъ, онъ предпринималъ частыя поѣздки и въ другіе города, опять-таки съ цѣлью архивныхъ изысканій. Вмѣстѣ съ К. Козловскимъ покойный издалъ грамоты великихъ князей литовскихъ; единолично открылъ и напечаталъ цѣлый сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи западной и южной Россіи, нѣсколько мемуаровъ (Балыни, Освѣцима, Евлашевская); вмѣстѣ съ Ф. Терновскимъ выпустилъ сборникъ разнообразныхъ матеріаловъ по исторической географіи города Кіева, а вмѣстѣ съ М. Драгомановымъ—двѣ книги историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа (императорская академія наукъ наградила это изданіе уваровской преміей). Какъ богато одаренный и разносторонній научный дѣятель, покойный, безъ сомнѣнія, оставляетъ за собою глубокій слѣдъ въ исторіи изученія южной Россіи. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1908 г., № 60).

† **Векшинскій, А. Н.** Въ С.-Ремо 15 февраля скончался одинъ изъ талантливѣйшихъ зодчихъ нашихъ Александръ Николаевичъ Векшинскій. Почти цѣлый годъ онъ тяжко хворалъ, но продолжалъ неустанно и непосильно работать и только осенью прошлаго года по настоятельному требованію врачей уѣхалъ въ Италію, откуда не суждено было ему вернуться. Смерть явилась если не неожиданно, то во всякомъ случаѣ преждевременно. Ему не было 50-ти лѣтъ. Въ его лицѣ общество потеряло даровитаго, честнаго труженика, многочисленные сослуживцы—добраго товарища, а ученики—добросовѣстнаго, внимательнаго и всегда отзывчиваго учителя. Родомъ изъ дворянъ Псковской губерніи, А. Н. по окончаніи курса псковскаго реальнаго училища поступилъ въ 1878 г. на архитектурный отдѣлъ академіи художествъ. Здѣсь онъ скоро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ А. И. Резанова и Д. И. Гримма и сталъ въ первые ряды академистовъ. Послѣдовательно получивъ всѣ медали до большой золотой включительно, былъ удостоенъ заграничной поѣздки на 4 года. Первые два года своего пенсіонерства онъ посвятилъ изученію византійскихъ памятниковъ Ближняго Востока и храмовъ

древней Греціи. Работалъ въ Константинополѣ, Салоникахъ, Старомъ Аѳонѣ, работалъ и собралъ много цѣннаго матеріала въ Аѳинахъ, Элевсисѣ, Эгинѣ, Аргосѣ, Микенахъ, Коринѳѣ, Олимпіи и съ туго набитыми портфелями, большими альбомами изъ античнаго міра онъ прямо перенесся въ Парижъ въ самый разгаръ выставки 1889 года. Изъ Парижа онъ прислалъ крайне во всѣхъ отношеніяхъ обстоятельный и интересный отчетъ о своей поѣздкѣ. Здѣсь же онъ обработалъ весь собранный имъ матеріалъ, среди котораго выдающееся мѣсто занимали изслѣдованія колоннъ Парѳенона и детальные чертежи Эрехтея. Слѣдующіе два года онъ провелъ въ Германіи и въ Италіи. Вернувшись въ концѣ 1892 г. въ Россію, получилъ отъ совѣта академіи похвалу за серьезное отношеніе къ возложенной на него работѣ, званіе академика и съ января 1893 года занялъ мѣсто адъюнктъ-профессора въ архитектурныхъ классахъ академіи; съ этого же времени онъ работалъ въ министерствѣ юстиціи. Черезъ два года онъ назначенъ профессоромъ искусствъ въ академіи, а еще черезъ годъ—членомъ техническаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ академіи, читаетъ курсъ въ электротехническомъ институтѣ и возводитъ новое зданіе института, строитъ нѣсколько церквей и загородныхъ домовъ; ко всей этой колоссальной работѣ съ января 1904 г. прибавляется служба по городской управѣ, гдѣ ему была предоставлена тяжелая и отвѣтственная должность старшаго техника. Еще два года этого сверхчеловѣческаго труда, и организмъ не выдержалъ, а сдаваться не хотѣлось. Живая натура требовала все новой и новой дѣятельности. Наконецъ силы окончательно измѣнили. А. Н. поѣхалъ искать здоровья на югъ, въ дорогую Италію, откуда шестнадцать лѣтъ назадъ онъ ѣхалъ въ Россію полный жизни, энергіи, надеждъ; но, увы, было уже поздно. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11477).

† **Димитрій, архіепископъ.** 17 марта скончался въ Казани архіепископъ казанскій и свіяжскій Димитрій. Сынъ протоіерея воронежской епархіи, въ мірѣ Димитрій Ивановичъ Самбикинъ, покойный пользовался широкой извѣстностью въ области русской церковной исторіи и археологіи. Его печатный трудъ: «Мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ», въ 12 вып., составляетъ капитальное сочиненіе, громадное по богатству историческаго, біографическаго и библіографическаго матеріала, затѣмъ «Соборъ св. 70 апостоловъ», въ 3-хъ вып.—солидное агіографическое изслѣдованіе и мн. др. По окончаніи въ 1865 г. въ числѣ первыхъ курса въ петербургской духовной академіи, покойный началъ свою духовно-учебную службу въ должности преподавателя въ воронежской духовной семинаріи; въ санѣ протоіерея въ 1872 году назначенъ ректоромъ тамбовской семинаріи; овдовѣвъ, въ 1877 г. покойный постригся въ монашество. 4 января 1887 г. хиротонисанъ во епископа балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, позже былъ епископомъ балтскимъ, подольскимъ, тверскимъ, гдѣ 6 мая 1898 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1904 г. архипастырь удостоенъ за свои литературные труды степени доктора церковной исторіи. Съ 26 мая 1905 года покойный состоялъ архіепископомъ казанскимъ. Скончался 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.501).

† **Мержеевскій, И. П.** Въ Парижѣ скончался въ преклонныхъ уже годахъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ врачей-психіатровъ, тайный совѣтникъ академикъ Иванъ Павловичъ Мержеевскій. Покойный родился въ г. Енджеевѣ Радомской губ. въ 1838 г., окончилъ курсъ медицинской академіи въ Петербургѣ и былъ оставленъ при академіи для подготовленія къ профессорскому званію. И. П. посвятилъ себя изученію душевныхъ болѣзней и занимался въ клиникѣ профессора Балинскаго. Въ началѣ 70-хъ годовъ И. П. для усовершенствованія въ избранной спеціальности работалъ нѣсколько лѣтъ въ клиникахъ и лабораторіяхъ различныхъ западно-европейскихъ университетовъ. Въ 1877 г. И. П. занялъ послѣ Балинскаго мѣсто директора клиники душевныхъ болѣзней. Покойный много сдѣлалъ для разработки науки психіатріи, ему принадлежатъ цѣнныя изслѣдованія объ идіотизмѣ, алкоголизмѣ, прогрессивномъ параличѣ. Много статей его печаталось и въ заграничныхъ изданіяхъ. Другая заслуга И. П. заключается въ подготовкѣ ряда выдающихся врачей-психіатровъ, вышедшихъ изъ его клиники, многіе его ученики занимаютъ теперь каѳедры или составили себѣ имя въ качествѣ завѣдующихъ психіатрическими лечебницами. Блестящія лекторскія способности и громадная эрудиція привлекали въ аудиторію И. П. массу слушателей, а клиническія лекціи его, отличаясь всегда полнотой, законченностью, яркостью и глубиной анализа оставляли громадное впечатлѣніе. Лекціи дополнялись обходами нервнаго и психіатрическаго отдѣленій, гдѣ, ласково бесѣдуя съ больными, И. П. совершенно незамѣтно для послѣднихъ, подчеркивалъ то, на что важно было обратить вниманіе студентовъ, и въ краткихъ словахъ знакомилъ ихъ съ различными формами заболѣваній; больные, какъ психическіе, такъ и нервные, боготворили И. П. Даже для неистовыхъ и буйныхъ посѣщеніе профессора было настоящимъ праздникомъ: все смирялось передъ нимъ, все улыбалось, отовсюду протягивались къ нему руки, и въ глазахъ больныхъ выражалась вѣра въ его заступничество, помощь и исцѣленіе. Любили И. П. и студенты, и не только преклонялись передъ нимъ, какъ передъ научнымъ авторитетомъ, но глубоко уважали его, какъ человѣка независимыхъ убѣжденій и поборника правды. Извѣстно было, что Мержеевскій въ конференціи академіи не принадлежалъ ни къ какой партіи и высказывалъ свое мнѣніе свободно, считаясь только со своей совѣстью и не задумываясь надъ послѣдствіями сказаннаго. Со студентами было то же самое. Охотно бесѣдуя съ нами, онъ не гнался за популярностью (она создавалась сама собой) и всегда говорилъ то, что онъ думалъ, не сообразуясь, понравится сказанное молодежи, или нѣтъ, называя вещи своими именами и строго оцѣнивая поступки и дѣйствія молодежи по существу. «Наука—для науки» былъ его девизъ! И въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ «стаи славныхъ», занимавшихъ каѳедры въ медико-хирургической академіи въ восьмидесятыхъ годахъ. Консультація съ Мержеевскимъ была истиннымъ наслажденіемъ, ибо онъ не являлся безапелляціоннымъ, безконтрольнымъ вершителемъ судебъ больного, а былъ дѣйствительн старшимъ по опыту совѣтчикомъ. Прежде, чѣмъ назначить леченіе, онъ скромн и терпѣливо выслушивалъ мнѣніе врачей, участвовавшихъ въ консультаціи, и, только строго взвѣсивъ все высказанное, дѣлалъ заключеніе, каково

въ осторожной, ласковой формѣ доводилось до свѣдѣнія больного или его окружающихъ. Въ случаяхъ запутанныхъ, тяжелыхъ для діагноза, Мержеевскій не считалъ унизительнымъ для себя откровенно сознаться, что онъ недостаточно выяснилъ себѣ данное заболѣваніе и что еще требуется время для дальнѣйшаго наблюденія. И. П. Мержеевскій былъ человѣкъ большого ума, колоссальной начитанности, обладавшій богатой работоспособностью, а при томъ въ высшей степени скромный, воспитанный, добрый и отзывчивый на всякое несчастье, кого бы оно ни коснулось. Каѳедру И. П. оставилъ въ 1893 г. за выслугой лѣтъ. Покойный значительно оживилъ и поднялъ дѣятельность общества врачей-психіатровъ, во главѣ котораго стоялъ много лѣтъ. Съ 1898 г. покойный состоялъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ 1883 г. онъ издавалъ журналъ «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи». На первомъ съѣздѣ психіатровъ въ 1887г. И. П. былъ избранъ предсѣдателемъ. Несмотря на старость уже, И. П. до конца дней сохранялъ чисто-юношескую живость и необычайный интересъ ко всему относящемуся до научной области, въ которой онъ работалъ. Если врачу вообще, то невропатологу и психіатру особенно нужно обладать способностью, талантомъ, чтобы умѣть подойти къ больному, сумѣть въ короткій срокъ опроса заручиться полнымъ его довѣріемъ и вызвать вѣру въ себя. Этой счастливой способностью Мержеевскій обладалъ всецѣло и талантливо пользовался ея, индивидуализируя леченіе. Такъ успокоить, такъ ободрить, такъ утѣшить и поднять духъ больного (а въ этомъ половина успѣха леченія), какъ это дѣлалъ Мержеевскій, могутъ только немногіе, и въ этомъ едва ли кто могъ съ нимъ поспорить. Даже у неизлечимыхъ, безнадежныхъ, умирающихъ послѣ посѣщенія профессора Мержеевскаго вспыхивала надежда на спасеніе, воскресали силы и являлся подъемъ для борьбы съ захватившимъ недугомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., №№ 11488 и 11490).

† **Некрасовъ, Н. Я.** Въ Ялтѣ скончался 18 февраля Николай Яковлевичъ Некрасовъ, составитель нѣсколькихъ учебниковъ и учебныхъ руководствъ для начальныхъ школъ. Эти руководства въ настоящее время широко распространены. Покойный былъ сперва сельскимъ учителемъ въ Псковской губерніи, затѣмъ учителемъ одного изъ начальныхъ городскихъ училищъ Петербурга и вечернихъ классовъ для рабочихъ. Въ 1900 г. онъ оставилъ учительство и занялся книгоиздательствомъ, ставъ во главѣ фирмы «Петербургскій учебный магазинъ» и принимая участіе въ обществѣ книгопродавцевъ и издателей, въ которомъ былъ послѣднее время предсѣдателемъ. Умеръ онъ 51 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11477).

† **Николаи, Л. Ѳ.** Скончался 11 марта с. г. заслуженный профессоръ Леопольдъ Ѳедоровичъ Николаи. Начавъ службу въ институтѣ, Л. Ѳ. вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ назначеніе на мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ технико-инспекторскомъ комитетѣ департамента желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія, гдѣ онъ вскорѣ и выдвинулся, какъ дѣльный инженеръ и неутомимый работникъ, и исключительно только вслѣдствіе этихъ своихъ личныхъ достоинствъ былъ оцѣненъ В. В. Саловымъ, бывшимъ въ то время предсѣдателемъ

техническо-инспекторскаго комитета департамента желѣзныхъ дорогъ. Въ 1878 г., послѣ смерти профессора мостовъ Энрольда, ему было поручено читать курсъ мостовъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ то же время онъ былъ приглашенъ въ горный институтъ читать курсъ строительной механики. Благодаря дарованіямъ и трудамъ Л. Ѳ., институтъ инженеровъ путей сообщенія получилъ курсъ мостовъ, какого въ прежнее время не было по своей обширности и глубинѣ затрагиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Въ 1881 г. Л. Ѳ. былъ избранъ конференціей института экстраординарнымъ профессоромъ съ порученіемъ ему и руководительства студентовъ по составленію ими проектовъ мостовъ. Съ образованіемъ въ министерствѣ путей сообщенія временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ онъ дѣлается членомъ этого управленія и здѣсь также оцѣнивается, какъ замѣчательный работникъ, между прочимъ и однимъ изъ предсѣдателей этого управленія, заслуженнымъ профессоромъ Н. П. Петровымъ, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, который при министрѣ путей сообщенія С. Ю Витте былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго тогда инженернаго совѣта. Н. П. Петровъ, высоко цѣня способности Л. Ѳ., предложилъ ему быть членомъ инженернаго совѣта, гдѣ онъ и продолжалъ состоять по день своей смерти. Л. Ѳ. за всѣ 16 лѣтъ пропустилъ только нѣсколько засѣданій совѣта, когда былъ командированъ въ комиссію Н. П. Петрова для осмотра строившейся Сибирской желѣзной дороги. Каждое засѣданіе Л. Ѳ. дѣлалъ одинъ, два, а иногда и три доклада, всегда отличавшіеся шириною мысли и дѣловитостью. Громадная часть работы инженернаго совѣта за его 16-лѣтнее существованіе вынесена на плечахъ Л. Ѳ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Ѳ. находилъ время для научныхъ своихъ изслѣдованій, которыми онъ обогатилъ технику, и для занятій со студентами, которыхъ обучалъ съ большою любовью, на что удѣлялъ время часто и у себя на дому. Въ 1901 году онъ былъ назначенъ директоромъ института, по указанію бывшаго директора М. Н. Герсеванова. Начавшіеся въ то время студенческіе безпорядки глубоко задѣвали за живое Л. Ѳ., онъ въ это время много волновался, и волненія эти оставили слѣдъ на его здоровьи. Онъ не вступилъ въ образовавшійся въ 1905 году академическій союзъ, и когда была введена въ октябрѣ 1905 года такъ называемая автономія, то онъ не былъ избранъ въ директоры института,—въ то время, какъ и на всѣхъ поприщахъ, побѣждали заранѣе сорганизовавшіеся въ союзы лѣвые. Это обстоятельство его сильно поразило и пошатнуло его здоровье. Будучи лютераниномъ, онъ, уроженецъ Вятской губерніи, былъ совершенноискренно русскимъ человѣкомъ. Дѣлая добро, онъ скрывалъ отъ лѣвой руки, что творила правая. Во всѣ свои начинанія, во всѣ дѣла, къ которымъ Л. Ѳ. имѣлъ касательство, онъ всегда вносилъ честное, благородное отношеніе; во всѣхъ его сужденіяхъ всегда сквозила корректность, гуманность, снисходительность къ другимъ. Въ исполненіи же своего долга онъ всегда былъ къ себѣ неумолимо строгъ. Л. Ѳ. обладалъ большой математической и инженерной эрудиціей, но онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, ему доступны были самыя разнообразныя знанія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11494).

† **Рихтеръ, О. Б.** 2 марта скончался на 78 г. жизни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, состоявшій при особѣ Государя Императора, членъ государственнаго совѣта, ген.-отъ-инф. Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. Воспитаніе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ при окончаніи курса записанъ былъ на мраморную доску. Въ 1845 г. О. Б. поступилъ корнетомъ въ л.-гв. Конный полкъ. Во время войны съ Венгріей онъ находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи. Уволенный въ 1852 г. по болѣзни отъ службы, онъ въ слѣдующемъ году вновь опредѣленъ былъ на службу съ чиномъ ротмистра въ ахтырскій гусарскій его королевскаго высочества Карла Прусскаго полкъ. За отличное мужество и храбрость въ войнѣ съ турками при осадѣ крѣпости Силистріи О. Б. получилъ орденъ Анны 3-й степени съ бантомъ. Въ 1855 г онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ барону Ливену, генералъ-квартирмейстеру штаба его императорскаго величества, а въ слѣдующемъ году вновь переведенъ въ л.-гв. Конный полкъ и назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ кн. А. И. Барятинскому. На Кавказѣ около двухъ лѣтъ О. Б. участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ, находясь въ чеченскомъ отрядѣ въ Большой Чечнѣ, и за новыя отличія былъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Куринскій пѣхотный полкъ. Въ слѣдующемъ году, при занятіи Аргунскаго ущелья на Большой Чечнѣ, онъ командовалъ правою колонною и былъ награжденъ золотою саблею «за храбрость» и назначенъ состоять при наслѣдникѣ цесаревичѣ великомъ князѣ Николаѣ Александровичѣ. Въ 1859 г. О. Б. съ оставленіемъ при его высочествѣ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ императору Александру Николаевичу. Находясь при наслѣдникѣ цесаревичѣ, О. Б. Рихтеръ сопровождалъ великаго князя въ его поѣздкахъ по Россіи и за границей. Въ 1866 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами императорской главной квартиры, а также начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа и членомъ главнаго комитета по устройству и преобразованію войскъ. Въ томъ же году онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ государя къ императору Францу-Іосифу, а затѣмъ съ высочайшимъ порученіемъ въ Копенгагенъ. Въ 1868 г. генералу Рихтеру повелѣно было состоять военнымъ агентомъ при императорской россійской миссіи во Флоренціи. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ командующимъ 13-ю пѣхотною дивизіей съ пожалованіемъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Когда вспыхнула русско-турецкая война, генералъ Рихтеръ находился,—по словамъ «Новаго Времени»,—въ составѣ войскъ, охранявшихъ Черноморское побережье, и былъ при перестрѣлкѣ севастопольскихъ береговыхъ батарей съ двумя турецкими броненосцами, преслѣдовавшими пароходъ «Ливадію» отъ Варны. Въ эту самую кампанію и послѣ нея до окончанія эвакуаціи больныхъ и раненыхъ съ театра военныхъ дѣйствій генералъ Рихтеръ состоялъ главнымъ начальникомъ военныхъ госпиталей въ Севастополѣ, служившихъ для пріема больныхъ и раненыхъ съ театра войны. Въ 1879 г. О. Б. Рихтеръ былъ назначенъ командиромъ 7-го армейскаго корпуса, а въ 1881 г. командующимъ главною квартирою и членомъ комиссіи для обсу-

жденія вопросовъ объ устройствѣ высшаго военнаго управленія. Въ 1883 году ему было повелѣно присутствовать въ комиссіи по разработкѣ дѣла объ упраздненіи комиссіи прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, и составленіи проекта узаконеній по этому предмету. Въ томъ же году на него, какъ на командующаго императорскою главною квартирою, возложено было принятіе и направленіе прошеній и жалобъ, приносимыхъ на высочайшее имя. Произведенный въ 1886 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, О. Б. въ слѣдующемъ году былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1888 году, по высочайшему повелѣнію, онъ трудился въ комиссіи для окончательнаго обсужденія положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время. Генералъ Рихтеръ имѣлъ всѣ высшіе ордена русскіе и много иностранныхъ и состоялъ почетнымъ старикомъ Баталпашинской станицы, Кубанской области, и почетнымъ членомъ императорскаго русскаго техническаго общества. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1907 г., № 52).

† **Сизова, А. К.** Въ ночь на 5-е февраля въ Москвѣ скончалась Александра Константиновна Сизова. И преждевременная кончина ея, и погребеніе на Калитниковомъ кладбищѣ прошли совсѣмъ почти не отмѣченными, хотя почившая была даровитой писательницей для юношества, произведенія которой вошли въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ и другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, равно какъ въ народныя и безплатныя городскія читальни. Большинство ихъ издано Д. И. Тихомировымъ, извѣстнымъ педагогомъ и редакторомъ журнала «Дѣтское Чтеніе» («Юная Россія»). Какъ писательница, А. К., кажется, разъ навсегда избрала девизомъ слова пушкинскаго Пимена: «да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу» и неустанно, много потрудилась въ этомъ направленіи. Добросовѣстно изучивъ старый русскій укладъ, искусно вороша историческія событія угаснувшихъ вѣковъ, покойная рисовала мягкою, любовною кистью всѣмъ намъ дорогія картины разнообразнаго содержанія. Вотъ неполный, впрочемъ, списокъ главнѣйшихъ произведеній покойной привлекательной беллетристки: «Великій печальникъ русской земли» (митрополитъ Филиппъ), «Добрый бояринъ стараго времени», «Дочь солнца», «Крымъ-Гирей-ханъ и Далира Бикечъ», «Наканунѣ лихолѣтья», «Мать русскаго богатыря», «Новгородскіе невольники», «Ярче свѣтъ—мрачнѣе тѣни» и друг. Какъ человѣкъ, А. К. обладала высшими качествами женской натуры, въ особенности неутомимой жаждою быть полезною. Больше всего она тяготѣла къ простому люду, порывающемуся къ теплу и свѣту знаній и, завѣдывая до смерти 4-ю безплатной библіотекою общества распространенія полезныхъ книгъ, влила много живой воды въ народное море. Эта библіотека, благодаря ей, и возникла, покойная же всячески заботилась и о ростѣ ея. Народъ долго будетъ помнить Александру Константиновну Сизову, доброе сердце которой перестало биться.

† **Степановъ, П. Т.** Скончался одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, извѣстный зоологъ Павелъ Тихоновичъ Степановъ. Покойный, уроженецъ Харькова, родился 16 октября 1839 г., воспитывался во 2-й мѣстной гимназіи, а затѣмъ, по окончаніи курса естественнаго отдѣленія въ тамошнемъ же университетѣ,—отдался педагогической дѣятельности:

сперва онъ состоялъ преподавателемъ первой харьковской гимназіи; потомъ, получивъ золотую медаль за изложеніе «Анатоміи и исторіи развитія пластинчато-жабернымъ сем. Unionidae», былъ прикомандированъ къ университету для преподаванія естественныхъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ, кромѣ того, читалъ лекціи по минералогіи. Въ 1862 г. П. Т. отправился съ научною цѣлью за границу и тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ работалъ въ лабораторіи Рудольфа Лейкарта въ Гиссенѣ, посѣщая на ряду съ этимъ зоологическія учрежденія Германіи, Франціи и Англіи. По возвращеніи на родину, покойный получилъ степень магистра зоологіи и одновременно былъ опредѣленъ доцентомъ. Удостоенный въ 1868 году, за сочиненіе «Исторія развитія Calyptraea», степени доктора, онъ въ слѣдующемъ же году получилъ званіе экстраординарнаго профессора зоологіи, а спустя еще годъ—ординарнаго. Періодъ съ 1888 по 1891 г. покойный состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета. П. Т. не замыкался въ узкихъ рамкахъ исключительно кабинетной работы: онъ любилъ принимать самое дѣятельное участіе въ трудахъ различныхъ ученыхъ кружковъ и обществъ, состоя, между прочимъ, дѣйствительнымъ членомъ московскаго общества испытателей природы (съ 1873 г.) и харьковскаго общества естествоиспытателей при мѣстномъ университетѣ. Среди многочисленныхъ изслѣдованій покойнаго, создавшихъ ему крупную популярность въ ученомъ мірѣ, нужно отмѣтить: «Основанія гистологіи животныхъ» (два выпуска), «О паразитизмѣ зародышей наядъ» (1871), «О первоначальномъ происхожденіи организмовъ» (актовая рѣчь 1872 г.), «Паразиты саранчи» (1880 г.), «Враги хлѣбнаго жука» (1881 г.), «Фауна Вейсова озера» (1885 г.), «Матеріалы къ изученію славянскихъ соляныхъ озеръ» (1886 г.) и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1908 г., № 61.

† **Сухоровскій, М. Г.** Въ послѣднихъ числахъ февраля скончался въ Петербургѣ отъ болѣзни сердца извѣстный художникъ, академикъ живописи, Марцелій Гавриловичъ Сухоровскій. Имя его пользовалось широкой извѣстностью въ Россіи и за границей. Покойный—питомецъ нашей академіи художествъ. Онъ выступилъ на художественное поприще 35 лѣтъ тому назадъ. Въ 1883 г. М. Г. выставилъ въ Петербургѣ первую свою большую картину «Нана», которая дала ему имя. Эта картина имѣла успѣхъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, куда пріобрѣвшіе ее антрепренеры возили ее послѣ выставки въ Петербургѣ. Популярность М. Г. росла. Это былъ большой талантъ. Напрасно было бы думать, что М. Г. искалъ популярности помощью остраго исключительнаго сюжета своего произведенія и съ этою цѣлью трактовалъ такія темы. М. Г. слѣдилъ за жизнью, за литературой и отовсюду черпалъ сюжеты для своихъ произведеній. Картина «Нана», которою онъ такъ удачно дебютировалъ передъ большой публикой, была написана подъ впечатлѣніемъ романа Зола, прогремѣвшаго въ то время. Чуткій и воспріимчивый художникъ увлекся мыслью передать на полотнѣ интересную героиню романа, вдохнуть въ нее жизнь и воплотить въ ней тѣ чарующія формы женской красоты, которыя онъ воспроизводилъ съ такимъ искусствомъ. М. Г. былъ мастеромъ старой школы, поклонникомъ изящныхъ формъ и кра-

соты въ жизни и въ природѣ. Онъ былъ врагомъ декадентства и импрессіонизма, которыми такъ увлекается молодое поколѣніе художниковъ. Женская красота была его спеціальностью. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ французскихъ художниковъ, которые въ своихъ произведеніяхъ, появляющихся на ежегодныхъ выставкахъ парижскаго «Салона», проводятъ цѣлый культъ служенія красотѣ и женщинѣ, какъ перлу созданія. «Нана» М. Г.—это былъ гимнъ женщинѣ. М. Г. нѣсколько идеализировалъ прозаическую героиню Зола, и эта идеализація сквозила въ его чудныхъ краскахъ, въ широкой трактовкѣ сюжета. Какъ это ни странно, М. Г. за всю свою тридцатипятилѣтнюю дѣятельность написалъ весьма немного картинъ. «Нана» дала ему не только имя, но и состояніе, но еще болѣе она обогатила тѣхъ предпріимчивыхъ людей, которые пристроились къ таланту и къ имени М. Г. Они нажили на ней два милліона. Картину первоначально купилъ издатель гравюръ Анри Гревсъ, который перепродалъ ее англичанину Сотенъ. Сравнительно немного получилъ самъ художникъ. Странная судьба постигла другія произведенія талантливаго М. Г. Второй крупной его картиной была «Магдалина», которая, вполнѣ готовая, по капризу случая такъ и не увидала свѣта. Она сгорѣла въ собственной мастерской художника въ Гунгербургѣ. Большая картина «Сонъ на яву» была продана М. Г. въ Гамбургъ и увезена въ Америку, гдѣ безслѣдно пропала. Художникъ искалъ эту картину, но не могъ открыть ея мѣстопребыванія. Наконецъ, картина «Въ ожиданіи властелина», воспроизводившая красавицу гарема, увезенная на выставку въ Сенъ-Луи, была продана тамъ за долги выставочнаго антрепренера г. Гринвальда, за которымъ пропало такимъ же образомъ 153 картины другихъ художниковъ. М. Г. написалъ рядъ другихъ прелестныхъ вещей, которыя менѣе извѣстны. Онъ пробовалъ себя въ области жанра. Его картина «Вездѣ мечты» составляла очень удачную попытку въ этомъ родѣ. Картина изображала мечтательницу въ прозаической обстановкѣ кухни, среди плиты, кастрюль и утюговъ, и только вдохновенные глаза женщины горѣли мечтою. Другая вещь въ этомъ же родѣ тоже удалась художнику (картина «Опять укладываться», изображавшая молодую артистку, укладывающуюся въ дорогу). Годы шли, извѣстность М. Г. временами тускнѣла (когда онъ ничего не писалъ) и вновь возрождалась съ появленіемъ его новыхъ картинъ. Судьба готовила ему тяжелую старость. Матеріальное благополучіе, созданное ему его первыми произведеніями, благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, пошатнулось и въ то же время къ бодрому и жизнерадостному художнику подкралась неизлечимая болѣзнь, которая шагъ за шагомъ подтачивала его силы. Марцелій Гавриловичъ однако не бросалъ кисти. Въ томъ же Гунгербургѣ, гдѣ онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, имъ была въ послѣдніе годы написана картина «Дочь Нана», ровно черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его первой картины, создавшей ему извѣстность. Картина эта недавно была выставлена въ Петербургѣ. М. Г. въ это же время принималъ участіе въ созданіи въ Петербургѣ большого художественнаго журнала «Европейская Жизнь», въ первыхъ номерахъ котораго появились его прекрасныя картины. И «Дочь Нана» и журналъ пережили своего вдохновителя и procвѣли. Выставка картины дала блестящіе результаты, но это была ле-

бединая пѣснь талантливаго художника. М. Г. умеръ... Однимъ блестящимъ представителемъ искусства стало меньше. Въ лицѣ покойнаго Марцелія Гавриловича угасъ не только крупный художникъ, но и милый, сердечный, богато одаренный душевными качествами человѣкъ, о которомъ знавшіе его сохранятъ самое теплое и симпатичное воспоминаніе.

† **Хованская, А. А.** 4 марта, въ 5 час. утра, скончалась редакторъ-издательница журнала «Филологическія Записки» Антонина Алексѣевна Хованская, отъ паралича сердца. Она приняла изданіе послѣ смерти отца и съ честію вела издательское дѣло; журналъ попрежнему пользовался извѣстностью, и крупныя профессорскія силы не переставали въ немъ сотрудничать. Къ несчастію, «освободительное движеніе» тяжело отразилось на редакціи. Рабочими были предъявлены неимовѣрныя условія, выходъ книжекъ задерживался, работа усложнялась. Все это отразилось на здоровьи покойной. Министерство народнаго просвѣщенія поддерживало изданіе субсидіей въ 400 р. Покойная надѣялась на частную поддержку высокихъ лицъ, къ которымъ обращалась въ послѣднее время. Завѣтной ея идеей было довести изданія до 50-лѣтняго юбилея. Тяжелая работа отразилась на ея зрѣніи, и послѣдній мѣсяцъ покойной предписано было проводить въ темной комнатѣ. Она давно страдала сердечными болями, и послѣднія неудачи привели къ роковой развязкѣ. Изданію идетъ 48-й годъ. Сестры покойной рѣшили продолжать изданіе своими силами. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 58).

† **Явнисъ, К.** 25 февраля 1908 года умеръ знаменитый литовскій лингвистъ Казимиръ Явнисъ. Родился онъ 6 мая 1849 года въ деревнѣ Лембы, Хвейданской парафіи. Посѣщалъ классическую гимназію въ Ковнѣ, окончилъ католическую духовную семинарію въ 1879, а въ 1882 духовную академію въ Петербургѣ. Съ 1885 по 1892 былъ въ ковенской (или ворненской) семинаріи профессоромъ латинскаго языка и каноническаго права и, кромѣ того, послѣ А. Барановскаго читалъ лекціи по грамматикѣ литовскаго языка, по каѳедрѣ гомилетики. Лекціи эти нынѣ печатаются въ типографіи императорской академіи наукъ. Въ 1893 году оставилъ службу въ ковенской епархіи и перешелъ въ могилевскую, въ которой, между прочимъ, въ Казани, занялъ мѣсто пробоща-настоятеля. Съ 1899 по 1906 годъ состоялъ профессоромъ въ духовной академіи по каѳедрѣ греческаго и латинскаго языковъ, а затѣмъ древне-еврейскаго. Вышелъ въ отставку въ 1906 году, и провелъ послѣдніе годы жизни своей въ бѣдности и болѣзняхъ. Занимаясь съ 1893 года по 1900 болѣе интенсивно литовскими говорами, онъ издалъ въ памятныхъ книжкахъ Ковенской губерніи рядъ описаній говоровъ Россіенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, а затѣмъ статьи объ интонаціяхъ гласныхъ. Въ послѣдніе годы своей жизни былъ занятъ изслѣдованіемъ о «генетическомъ родствѣ семито-индо-европейскихъ языковъ». Считая себя ученикомъ Авг. Шлейхера, сочиненія котораго подъ руководствомъ профессора Лукіана Мюллера (бывшаго профессора филологическаго института и духовной академіи) дали ему лингвистическое образованіе, Каз. Явнисъ, зорко слѣдя за прогрессомъ сравнительнаго языкознанія, придерживался во всѣхъ своихъ семито-индо-европейскихъ изслѣдованіяхъ неукоснительно строго-научнаго метода.

Покойный отецъ Казимиръ, одинъ изъ великихъ ученыхъ литовскаго народа, считался первымъ авторитетомъ по національной грамматикѣ (съ его одобренія состоялась нормализація языка новой литовской письменности) и даровитымъ лингвистомъ, разысканія котораго по сравнительной грамматикѣ до сихъ поръ не обнародованы. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1908 г., № 52).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу претензіи г. Филимонова.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ отставной генералъ-лейтенантъ Филимоновъ, усмотрѣвъ въ воспоминаніяхъ Одаховскаго, мною оглашенныхъ въ январской книжкѣ журнала, «клевету» по отношенію къ отцу его, грозитъ привлечь меня за это къ «законной отвѣтственности».

Пишу настоящее объясненіе мое не потому, чтобы я испугался подобной угрозы: совѣсть моя совершенно чиста. Кромѣ того, мнѣ, какъ юристу, хорошо извѣстно, что для привлеченія кого-либо къ суду за такую некрасивую вещь, какъ «клевета», мало одного желанія лица обиженнаго, а требуются многія условія, и формальнаго, и юридическаго характера...

Наконецъ, нельзя изъ статьи выхватывать одну-двѣ отдѣльныхъ фразы, игнорируя общій ея смыслъ, цѣль, намѣренія автора!..

Смыслъ же статьи моей «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ» для всякаго безпристрастнаго читателя—ясенъ! Я хотѣлъ привести примѣръ того, какъ можно, набрасывая свои воспоминанія въ старческомъ возрастѣ, многое перепутать, даже исказить, добросовѣстно заблуждаясь и воображая, что пишешь правду.

Такъ понялъ статью и графъ Л. Н. Толстой, не подумавшій обижаться за искаженные въ отношеніи его Одаховскимъ факты, а только, ихъ опровергнулъ, и то въ мягкой формѣ.

Уже одно то, что рядомъ съ замѣтками Одаховскаго помѣстилъ я и опровергающія ихъ примѣчанія Толстого, ярко иллюстрируетъ личный взглядъ мой на степень достовѣрности всего оставленнаго Одаховскимъ документа...

Передавая въ журналъ воспоминанія стараго ветерана, я ни минуты не колебался въ томъ, что и сообщенное имъ о капитанѣ Филимоновѣ подлежитъ большому сомнѣнію, не желая въ то же время бросать тѣнь на репутацію покойнаго. Таковъ мой взглядъ на вопросъ и въ данную минуту.

Итакъ, въ чемъ же я, въ сущности, виноватъ по отношенію къ сыну Филимонова—генералу С. В. Филимонову?... Въ томъ, что, приведя отзывъ полковника Одаховскаго объ его отцѣ, тутъ же оговорился, что отзывъ этотъ, какъ и все, написанное Одаховскимъ, надо оставить подъ сомнѣніемъ...

Вотъ, если бы я взялъ на себя снабдить воспоминанія Одаховскаго примѣчаніемъ, поручившись за достовѣрность сказаннаго имъ по отношенію къ капитану Филимонову, то могъ бы возникнуть вопросъ у наслѣдниковъ капитана о неосторожномъ обращеніи моемъ съ истиною.

Генералъ Филимоновъ, между прочимъ, желаетъ привлечь меня къ законной отвѣтственности и за то, что я «не провѣрилъ» сообщеній Одаховскаго объ его отцѣ...

Подобную провѣрку можно требовать, касаясь такихъ отдаленныхъ событій, какъ эпоха севастопольской кампаніи, отъ авторовъ историческихъ документовъ,—если они, конечно, живы,—а не отъ оглашающихъ эти документы.

При иной точкѣ зрѣнія—въ какое положеніе были бы поставлены редакціи историческихъ журналовъ, ежемѣсячно сообщающихъ — по отношенію къ давно прошедшему — о сотняхъ личностей сотни фактовъ, иногда непріятныхъ потомкамъ тѣхъ, до кого они касаются!.. Никакая историческая литература, при вѣчной боязни издателей уголовной отвѣтственности за сообщаемые мемуары современниковъ, была бы не мыслима.

Такое именно отношеніе налицо въ статьѣ моей о мемуарахъ Одаховскаго.

Развѣ можетъ, напримѣръ, самъ генералъ Филимоновъ документально провѣрить, доказать или опровергнуть въ данную минуту многое изъ жизни отца своего въ періодъ севастопольской кампаніи?

А. Жиркевичъ.

Г. Смоленскъ.
16 марта 1908 г.

II.

Письмо въ редакцію [1]).

Въ мартовскую книжку «Историческаго Вѣстника» (въ статью «Заграничныя историческія новости», стр. 1135) вкралась досадная неточность.

Въ сношеніяхъ съ Листомъ была кн. Сайнъ-Витгенштейнъ, рожденная Ивановская, а недавно изданныя «Воспоминанія» написала всѣми глубокоуважаемая кн. Сайнъ-Витгенштейнъ, рожденная княжна Барятинская. Эти двѣ личности смѣшивать не слѣдуетъ.

Такъ какъ при этомъ упоминается и обо мнѣ, то я прошу редакцію возстановить фактическую истину.

Пирлингъ.

---

[1]) От редакціи: Нашъ сотрудникъ, составляющій «Заграничныя историческія новости и мелочи», заимствовалъ свѣдѣнія объ ухаживаніи княгини Сайнъ-Витгенштейнъ, урожденной княжны Барятинской, за аббатомъ Листомъ изъ «Journal des Débats» («Revue Hebdomadaire») 29 ноября 1907, который и отвѣчаетъ за помѣщенное на его столбцахъ извѣстіе.

III.

Къ статьѣ «Литературные обѣды».

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ въ статьѣ «Литературные обѣды» П. И. Вейнберга, между прочимъ, говорится:

«Четвертый, пятый и шестой обѣды совпали съ распространившимися тревожными слухами о появившейся на югѣ Россіи чумѣ,—слухами, получившими авторитетность, благодаря подтвержденію ихъ знаменитымъ врачомъ Боткинымъ, который лично ѣздилъ въ Ветлянку и обрѣлъ тамъ нѣкоего Наума Прокофьева, по его освидѣтельствованію, зачумленнаго...»

Это не вѣрно. Чумная эпидемія разыгралась въ Ветлянкѣ въ концѣ 1878 г. (съ октября), и въ февралѣ уже почти закончилась. Переболѣло тамъ до 500 человѣкъ, изъ которыхъ умерло около 80%. Вначалѣ болѣзнь не признавалась за чуму, благодаря чему всѣ три командированныхъ туда врача (Кохъ, Григорьевъ и Морозовъ) погибли одинъ за другимъ вслѣдствіе непринятія мѣръ предосторожности. Въ разгаръ эпидеміи въ Ветлянку была командирована особая чумная «комиссія» во главѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, а съ ней вмѣстѣ и профессоръ медико-хирургической академіи—Эйхвальдъ. Профессоръ Боткинъ въ Ветлянку лично не ѣздилъ и Наума Прокофьева тамъ не обрѣталъ. Наумъ Прокофьевъ проживалъ въ Петербургѣ и служилъ дворникомъ въ Инженерномъ замкѣ, откуда въ февралѣ 1879 г. и поступилъ въ клинику баронета Виліе, гдѣ проф. Боткинъ и распознаЛъ у него такъ называемую «бубонную чуму».

Исторія эта, надѣлавшая въ то время шуму на всю Европу, изложена мною въ статьѣ «С. П. Боткинъ и чума», напечатанной въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 г. **Д-ръ П. А. Граціановъ.**

IV.

Къ статьѣ «По Пушкинскимъ мѣстамъ».

На стр. 1042 мартовской книжки «Историческаго Вѣстника» третью строку сверху слѣдуетъ читать: «...совершенно напоминаетъ книгу для записи постояльцевъ любой уѣздной гостиницы». **П. М. Устимовичъ.**

— Гмъ! — сказалъ онъ тономъ знатока: — это гормисейское... Юліусъ-Юніусъ, пью за твое президентство, паденіе тирана и воцареніе свободы и равенства...

— Спасибо, — отвѣчалъ Ренаръ, чокаясь съ нимъ: — пью за уничтоженіе фельяновъ, аристократовъ и приказныхъ.

— Граждане, будемъ галантны, — торжественно предложилъ въ свою очередь Генріо, — выпьемъ за богиню, даровавшую намъ этотъ нектаръ!

— За ваше здоровье, господа! — отвѣтила въ отвѣтъ Нанина.

Она осушила свой стаканъ и сказала, обращаясь къ Юссено:

— Кстати о чиновникахъ. Прокуроръ-синдикъ Божаръ, повидимому, разбавилъ свое республиканское вино водой умѣренности?.. Послѣ 20 іюня онъ обвинялъ Ренара въ оскорбленіи короля, а теперь перемѣнилъ свой цвѣтъ и ведетъ интригу для избранія его въ конвентъ...

— До сего времени, — объявилъ типографщикъ, — Божаръ велъ себя, какъ настоящій патріотъ... Гарніе увѣряетъ, что онъ только и занимается военными вопросами.

— Да, — перебилъ саркастически Юліусъ-Юніусъ, — знаемъ мы этого лицемѣра. Онъ борется съ внѣшними врагами и пока что — мирится съ врагами внутренними. Это лжепатріотъ, и я сорву съ него маску... Въ прошломъ году, на зло мнѣ, онъ освободилъ отъ народнаго суда двухъ аристократокъ, замѣшанныхъ въ Варенскомъ дѣлѣ. Благодаря этому, бывшая канонисса д'Эризель и измѣнникъ Вандіеръ плетутъ теперь интриги въ войскахъ Конде.

— Ты мнѣ никогда не говорилъ объ этомъ, — замѣтила Нанина.

— Для чего же говорить? Дѣло кончилось неудачей... Мнѣ удалось проникнуть въ гнѣздо заговорщиковъ, и національная гвардія овладѣла уже канониссой, когда нечаянно подоспѣлъ Божаръ... Кажется, онъ не совсѣмъ-то равнодушенъ къ прекраснымъ глазамъ этой интриганки и потому предпочелъ измѣнить націи, чѣмъ допустить арестъ...

— Его любовницы... Это ясно, ей-Богу! — досказала Жилоттъ съ загорѣвшимися глазами. Въ ней шевельнулась ревность къ этой канониссѣ, которая сумѣла привлечь къ себѣ человѣка, отвернувшагося отъ нея. Женщины, даже наиболѣе легкомысленныя, испытываютъ тайную злобу противъ тѣхъ, кто займетъ ихъ мѣсто въ сердцѣ ихъ прежняго любовника.

— Его любовницы? — повторилъ Юссено съ грубымъ смѣхомъ: — онъ, такой суровый человѣкъ, и обольщенъ аристократкой?.. Вы меня удивляете!

— Суровый!.. — вскричала Жилотъ: — вы шутите, говоря о его суровости. Мы лучше васъ знаемъ его. Онъ лучше другихъ умѣетъ быть скрытнымъ, вотъ и все. Запомните, что я вамъ скажу: это

негодяй; если вы не устраните его съ вашего пути, онъ сядетъ вамъ на шею!

— Ну, нѣтъ!—возразилъ Юссено:—я обладаю слишкомъ крѣпкой кожей для того, чтобы можно было меня раздавить, и я сумѣю постоять за себя. Если Божаръ будетъ мнѣ мѣшать... то я покончу съ нимъ счеты!

— Нужно постараться объ этомъ—холодно объявилъ Юліусъ-Юніусъ.

— Прокуроръ-синдикъ представляетъ собою сухую вѣтку на соціальномъ деревѣ, и остріе топора должно съ нею покончить, — продекламировалъ Генріо, пришедшій отъ вина въ веселое настроеніе духа.

За бараниной съ чеснокомъ слѣдовали форель и раки, сильно приправленные пряностями. Ихъ запивали большими стаканами легкаго, но хмельнаго вина съ холмовъ Орнена. По мѣрѣ того, какъ собесѣдники поглощали эти лакомыя блюда, ихъ головы начинали горячиться. Они говорили громче и развязнѣе. Двѣ лампы ярко освѣщали ихъ лица, раскраснѣвшіяся отъ споровъ и плотнаго обѣда: Нанину съ блестящими глазами, расширенными ноздрями и вызывающимъ ртомъ; развеселившагося, но важнаго, несмотря на хмель, Генріо; разгорячившагося, съ рыжей бородой Юссено, глаза котораго совсѣмъ скрылись подъ лохматыми бровями; замкнутаго Юліуса-Юніуса, который старался воспользоваться возбужденіемъ своихъ коллегъ и склонить ихъ къ сильнымъ мѣрамъ. По своей молодости онъ не могъ и думать теперь же попасть въ конвентъ, но втайнѣ питалъ надежду замѣнить тамъ въ удобный моментъ какого-нибудь галантнаго депутата, который, на его счастье, выйдетъ въ отставку. Съ этою цѣлью онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы на будущихъ выборахъ провести какого-нибудь ничтожнаго человѣка, который потомъ былъ бы отъ него въ зависимости. Кромѣ того, онъ боялся, какъ бы Франсуа Божаръ не попалъ въ составъ депутатовъ отъ Мааса и горячо настаивалъ на томъ, чтобы выбирались только лица, которыя будутъ указаны клубомъ якобинцевъ.

Только клубы и являются суверенами, объяснялъ онъ, они-то представляютъ собой самую чистую эссенцію гражданскихъ добродѣтелей; ихъ рѣшенія должны исполняться безъ всякихъ возраженій. Граждане, которые подъ предлогомъ соглашенія и личнаго патріотизма послали бы въ конвентъ умѣренныхъ, или фельяновъ, совершили бы преступленіе.

При этихъ словахъ на древней колокольнѣ августинцевъ пробило девять часовъ, и въ то же самое время послышался звонокъ и вновь прибывшій вмѣстѣ съ Манонъ поднялся по лѣстницѣ.

— Наконецъ-то! Это Гарніе,—воскликнулъ Нанина, поднимаясь съ мѣста навстрѣчу запоздавшему гостю.

Высокаго роста, плотно сложенный, Клодъ Гарніе былъ одѣтъ въ каштановаго цвѣта камзолъ съ широкими отворотами и бѣлый жилетъ, на который спускались концы небрежно повязаннаго галстука. На его бритомъ продолговатомъ лицѣ выдавался длинный носъ, выпуклые глаза и капризный ротъ. На этомъ открытомъ лицѣ лежалъ отпечатокъ честности, но узкій и покатый лобъ указывалъ на экзальтированное выраженіе и твердость, переходящую въ упрямство.

— Гарніе, — воскликнулъ классикъ Генріо Лагекуръ, — tarde venientibus ossa, т. е. тѣмъ, кто опоздалъ, достаются лишь однѣ кости. Нѣтъ ни форели, ни раковъ, но есть еще вино. Давай, чокнемся!

Клодъ Гарніе, повидимому, не былъ расположенъ къ шуткамъ. Онъ отодвинулъ предложенный ему стулъ.

— Товарищи!—началъ онъ взволнованно, но важно.—Теперь не до смѣха. Наступило время принять серьезныя рѣшенія. Вчера пруссаки перешли черезъ границу и стоятъ уже у воротъ Лонгви. Ихъ батальоны жгутъ уже деревни.

— Канальи!—пробормоталъ Юссено.

— Какія же мѣры приняты правительствомъ?—спросилъ, поблѣднѣвъ, Юліусъ-Юніусъ.

— Правительство исполнитъ свой долгъ. Оно дѣятельно вербуетъ добровольцевъ...

— Первой мѣрой, которую слѣдовало бы принять, должно быть, по моему мнѣнію,—продолжалъ Ренаръ,—уничтоженіе заговоровъ аристократовъ. Кругомъ насъ кишатъ измѣнники. Въ нѣдрахъ самого правительства есть очень подозрительные субъекты. Въ департаментѣ Мааса одинъ прокуроръ-синдикъ осмѣлился даже потребовать распущенія народныхъ обществъ.

— Ради Бога,— пылко воскликнулъ Гарніе,—довольно внутреннихъ раздоровъ и несвоевременныхъ теперь подозрѣній. Я отвѣчаю за патріотизмъ своихъ товарищей, какъ за свой собственный. Мы готовы отдать свою жизнь за отечество и думаемъ теперь только о томъ, какъ бы отразить враговъ. Всѣ добрые граждане должны подражать намъ. Люди, могущіе носить оружіе, должны вооружиться ружьями. Женщины должны посылать своихъ мужей и жениховъ на границу. Ты самъ, товарищъ, долженъ пролить кровь за отечество, и я надѣюсь, что завтра ты присоединишься къ отряду добровольцевъ которые идутъ на защиту Вердена. Что касается мѣръ для обузданія аристократовъ, то будь покоенъ... Я обѣщаю тебѣ первый расправиться со всякимъ, кто вздумаетъ шевелиться. Жить свободнымъ или умереть—вотъ нашъ лозунгъ. Пусть каждый французъ храбро подставитъ штыкамъ свою грудь, и отечество будетъ скоро очищено отъ враговъ, которые его оскверняли.

Всѣ молчали, невольно заражаясь энтузіазмомъ этого торговца полотномъ, воодушевленнаго патріотическимъ жаромъ. Гарніе подошелъ къ столу взялъ полный стаканъ и, поднявъ его, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ нація! Теперь,—продолжалъ онъ, осушивъ стаканъ залпомъ,—я возвращаюсь къ дѣлу. Засѣданіе правительства будетъ продолжаться сегодня всю ночь. Прощайте и не падайте духомъ.

Новости, которыя принесъ съ собою Гарніе, отбили аппетитъ у гостей Жилотъ. Генріо Лагекуръ и Юссено, отрезвѣвшіе при извѣстіи объ ожидаемомъ вторженіи, думали только о томъ, какъ бы добраться до своихъ жилищъ.

— Мы пойдемъ съ тобою,—сказалъ типографщикъ.—Спокойной ночи, гражданки. Манонъ, будьте добры намъ посвѣтить.

Мрачный и озабоченный Юліусъ-Юніусъ приготовился уже слѣдовать за своими товарищами, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за руку.

— Останься,—прошептала ему на ухо Нанина.

Онъ уперся на перила лѣстницы, и когда дверь лавки была снова заперта, вернулся къ Нанинъ.

— Что тебѣ нужно отъ меня? — нетерпѣливо спросилъ онъ, вытирая свой влажный лобъ.

— А вотъ что,—сказала, подбоченясь, Жилотъ:—твое мѣсто здѣсь, а не на границѣ. Надѣюсь, ты не послѣдуешь совѣтамъ этого хитраго Гарніе?

— Но,—возразилъ онъ съ неудовольствіемъ,—если другіе пойдутъ, мнѣ неудобно будетъ оставаться.

— Полно, пожалуйста. Ты президентъ народнаго клуба и ты не можешь покинуть свой постъ. Развѣ ты не видишь, что Гарніе старается тебя удалить изъ опасенія, что ты помѣшаешь осуществленію его плановъ? Если тебя не будетъ, то его избраніе обезпечено, точно такъ же, какъ и Божара... Если ты хочешь сыграть въ руку своего врага, то тебѣ надо только взять мушкетъ и итти въ Верденъ и подставлять спину!

— Но если я не примкну къ добровольцамъ, умѣренные будутъ обвинять меня въ недостаткѣ патріотизма, и Божаръ воспользуется этимъ поводомъ, чтобы погубить мою популярность... Ахъ, эта бестія, какъ я его ненавижу!

— Не больше, чѣмъ я,—пробормотала Нанина сквозь зубы.— Божаръ сталъ намъ поперекъ дороги. Тебѣ не надо ѣхать, а надо удалить и скомпрометировать его самого. Дай мнѣ подумать... Я найду средство. Я вѣдь, кажется, тебѣ всегда давала хорошіе совѣты?

— Конечно, Нанина, ты умна. Но прокуроръ-синдикъ слыветъ за горячаго патріота, и пока пруссаки угрожаютъ Маасу, его положеніе прекрасно, тѣмъ болѣе, что въ немъ нуждаются.

— Этимъ-то хваленымъ патріотизмомъ намъ и нужно воспользоваться, чтобы разставить ему ловушку!

— Ловушку! — воскликнулъ, Ренаръ, просвѣтлѣвъ. — У тебя есть какой-нибудь планъ, Нанина?

— Нѣтъ еще, но будетъ. А пока не уѣзжай. Притворись больнымъ... Если ты согласишься итти, ты погибъ. Или съѣсть, или самому быть съѣденнымъ—средины тутъ нѣтъ!

Изрекши эту аксіому, которая въ сущности выражаетъ въ грубой формѣ окончательный итогъ всѣхъ революцій, Нанина поцѣловала своего любовника и простилась съ нимъ.

II.

Лагерь эмигрантовъ.

Императорскія и королевскія войска вступили во Францію 19 августа. Но небольшая армія эмигрантовъ, пышно величавшая себя Центральной арміей, еще не переходила границу. Подъ начальствомъ маршаловъ де-Брольи и Кастри она стояла лагеремъ въ Люксембургѣ. Главная квартира принцевъ находилась въ одномъ изъ замковъ. Расположившись въ грязи и подъ проливнымъ дождемъ, линейные полки, королевскіе отряды и батальоны, сформированные изъ провинціальныхъ союзниковъ, бранясь, ожидали приказа выступать. 26 августа всю ночь лилъ дождь. Къ утру онъ пересталъ на короткое время. Сильный западный вѣтеръ гналъ по небу темныя тучи цвѣта сажи. Хотя по временамъ по топкимъ дорогамъ и скользилъ блѣдный лучъ солнца, но видно было, что прояснилось ненадолго и что днемъ опять польетъ дождь.

Тѣмъ не менѣе, пользуясь этимъ проясненіемъ, на маленькой четыреугольной площадкѣ между церковью, гостиницей и зданіемъ почты собирались многочисленныя группы офицеровъ и солдатъ. Покрытые грязью, мокрые, кавалеры ордена св. Людовика сами вели лошадей на водопой или шли обратно въ лагерь, сгибаясь подъ тяжестью сѣна. Одинъ старый нобиль съ высокомѣрнымъ лицомъ, одѣтый въ лохмотья и обутый въ дырявые башмаки, съ трудомъ несъ ведро воды, а въ это время одинъ изъ высшихъ офицеровъ, наклонившись надъ корытомъ, мутная вода котораго служила ему зеркаломъ, брилъ себѣ бороду на открытомъ мѣстѣ. Передъ церковью взводъ молодыхъ солдатъ, почти дѣтей, которые послѣдовали за своими отцами, упражнялся въ ружейныхъ пріемахъ подъ руководствомъ сѣдовласаго дворянина съ отталкивающимъ лицомъ. Во время перерыва эти юнцы вытаскивали изъ кармановъ черный хлѣбъ и ѣли его съ пренебреженіемъ, предварительно выщипавъ весь мякишъ на шарики, которыми бросали другъ другу въ носъ.

Въ противоположность съ этой нищетой, на мокрой равнинѣ, которая тянулась противъ площади, вытянулась цѣлая линія золоченыхъ каретъ съ гербами. То были экипажи женъ или любовницъ важныхъ эмигрантовъ. Убѣжденные, что эта война будетъ не болѣе, какъ тріумфальной прогулкой, они захватили съ собою семьи и любовницъ. Дочери, жены и ребята двигались вслѣдъ за ними, заграждая путь и замедляя движеніе войскъ. Въ деревняхъ не хватало домовъ, чтобы размѣщать всѣхъ женщинъ, и эмигрантки, старыя и молодыя одинаково, ютились по гумнамъ, или же спали въ каретахъ. Тутъ онѣ на виду у всѣхъ и занимались подробностями своего туалета, къ великому изумленію крестьянъ, смущенныхъ такой безцеремонностью. Даже въ такое время фланеры, собиравшіеся около почты, смотрѣли въ лорнетъ, какъ какая-нибудь дама прихорашивалась въ каретѣ. Въ одной короткой юбкѣ и въ корсетѣ, напудривъ въ изобиліи волосы и нисколько не заботясь о нескромныхъ наблюдателяхъ, она румянила свои щеки при помощи кусочка ваты, насаженнаго на палочку.

Дворяне всякаго возраста толкались около почтоваго ящика, куда падалъ цѣлый дождь писемъ.

— Эге!—сказалъ какой-то капитанъ въ голубой, подбитой горностаемъ формѣ бретонскаго полка,—вотъ встаетъ маркиза де-Фрего.

— У ней еще аппетитныя плечи, несмотря на то, что ей уже за сорокъ,—замѣтилъ другой офицеръ.

— А, это вы, Жаржей! Какія новости вы намъ привезли?

— Превосходныя. Лонгви сдался третьяго дня и крѣпость занята батальономъ австрійцевъ, подъ командою Маттисена; я узналъ это отъ курьера, который привезъ донесеніе принцу Прованскому.

— Да здравствуетъ король! — закричалъ бретонскій офицеръ, размахивая своей треуголкой:—менѣе чѣмъ черезъ три недѣли мы будемъ въ Парижѣ.

— Вы думаете? — съ безпокойствомъ спросилъ какой-то кавалеръ св. Людовика, въ рыжемъ парикѣ, тощій и отрепанный; онъ осторожно опускалъ въ почтовый ящикъ большой конвертъ.

— Конечно,—подтвердилъ де-Жаржей:—я въ этомъ такъ увѣренъ, что написалъ уже своему управляющему приготовить для меня къ срединѣ сентября мое помѣщеніе въ улицѣ Бельшассъ.

— Жаржей правъ! — прибавила маркиза де-Фрего. Она уже окончила свой туалетъ и явилась, завитая, нарумяненная и наряженная, въ шелковомъ платьѣ и въ башмакахъ съ высокими каблуками: — я настолько раздѣляю его убѣжденіе, что еще сегодня утромъ я заказала себѣ прекрасной мастерицѣ, у m-lle Тейляръ, новое домашнее платье: я вовсе не желаю при возвращеніи имѣть такой видъ, какъ будто я возвращаюсь отъ Гуроновъ!

— Но вѣдь если Лонгви взятъ, — сказалъ мрачно человѣкъ въ желтомъ парикѣ: — то мы, французскіе дворяне, должны нахо-

диться впереди, а не въ хвостѣ иностранныхъ войскъ... Почему, чортъ возьми, насъ заставляютъ околачиваться здѣсь?

— Почему!.. Спросите объ этомъ у герцога Брауншвейгскаго... Развѣ не онъ отдаетъ приказанія выступать въ походъ? Развѣ не онъ назначаетъ губернаторовъ въ покорившихся провинціяхъ?

— Какой стыдъ,—протестовала маркиза де-Фрего:—неужели и принцы переносятъ эти униженія?

— Принцы,—отвѣтилъ съ горечью кавалеръ св. Людовика:—принцы получили отъ Австріи двѣ сотни тысячъ флориновъ и катаются, какъ сыръ въ маслѣ. У нихъ собственные адъютанты, курьеры и повара... Они веселятся въ то время, когда мы страдаемъ отъ голода, мы, подвергавшіе опасности наше имущество и нашу шкуру для нихъ... Вчера вечеромъ я видѣлъ стараго графа де-Буаюберъ, который съ большимъ трудомъ догонялъ свою роту, босоногій, увязая въ грязи. Свои сапоги онъ несъ на концахъ штыка для того, чтобы ихъ сберечь. Это ужасно!

— Принцы смѣются надъ нашей нищетой!

— Ихъ эгоизмъ безграниченъ!

— Господа, ради Бога,—воскликнулъ Жаржей,—не будьте такъ строги!.. Вспомните о томъ, что нашъ король въ плѣну и что мы должны объединиться для его освобожденія!

Не успѣлъ онъ сказать, какъ въ концѣ деревни раздался барабанный бой, и на дорогѣ, которая шла вдоль луга, появился весь блестящій главный штабъ, сопровождавшій коляску, запряженную четверкою лошадей. Это выѣхалъ изъ главной квартиры графъ Прованскій съ герцогомъ Брольи.

Полный, съ умнымъ лицомъ, братъ короля былъ одѣтъ въ сѣрый камзолъ съ золотыми эполетами, блестѣвшими на солнцѣ. Онъ казался очень веселымъ и тащилъ за собою маршала Брольи, худощавое лицо котораго представляло полную противоположность съ дородствомъ принца. Почти тотчасъ же между стоявшими на площадкѣ группами пронесся слухъ, что его высочество отправляется въ Лонгви. Эта новость сейчасъ же произвела во всѣхъ замѣтную перемѣну настроенія.

Братъ короля, ѣдущій по французской дорогѣ во главѣ своего главнаго штаба, возбудилъ энтузіазмъ этихъ экзальтированныхъ дворянъ, помѣшанныхъ на парадахъ и торжествахъ. Головы обнажались, шляпы летѣли вверхъ, и радостные крики: «Да здравствуетъ его высочество! Да здравствуетъ король!» долго неслись за коляской.

— Господа, — сказалъ Жаржей: — будемъ надѣяться. У меня есть предчувствіе, что мы здѣсь не заплѣсневѣемъ. Черезъ нѣсколько дней мы побѣдимъ и вернемся въ среду своихъ вассаловъ, униженныхъ и терзаемыхъ раскаяніемъ.

— Да услышитъ васъ Богъ!—сказалъ дворянинъ въ желтомъ парикѣ.—Мнѣ только хочется раздѣлаться съ этими презрѣнными якобинцами.

— Франціи нуженъ урокъ,—замѣтилъ аббатъ.

— Мы прогонимъ всѣхъ священниковъ-интригановъ, — объявилъ бретонскій офицеръ.

— Мы посадимъ въ клѣтку республиканскихъ волковъ и волчатъ и накажемъ этотъ непослушный сбродъ, — воскликнула мадамъ де-Фрего.

— А пока, маркиза,—весело возразилъ Жаржей,—будемъ брать жизнь, какъ она есть. Вы будете сегодня за партіей въ фараонъ у принцессы Монакской?

— Конечно, я пріѣду. Я совсѣмъ безъ денегъ, и мнѣ очень и очень нужно отыграться.

— А я,—прибавилъ капитанъ королевскихъ драгунъ,—я явлюсь туда ради одной прекрасной особы, въ честь которой я сложилъ сегодня утромъ мадригалъ.

Вдругъ онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть въ лорнетъ на молодую женщину, которая выходила изъ гостиницы подъ руку съ пожилымъ широкоплечимъ человѣкомъ.

— Господа, вотъ новоприбывшая... И какая прелесть. Не знаетъ ли кто-нибудь ее?

— Ба,—вскричалъ Жаржей,—это канонисса д'Эризель со своимъ рыцаремъ, кавалеромъ де-Вандіеромъ. Пойду поцѣловать ей ручку и узнаю всѣ мельчайшія новости, такъ какъ она въ перепискѣ съ прусскимъ королемъ.

Онъ быстро побѣжалъ къ Гіацинтѣ и ея спутнику, которые дружески съ нимъ поздоровались. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся обратно къ группѣ, стоявшей около почтоваго ящика, и съ веселымъ лицомъ сказалъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Я имѣлъ основанія надѣяться. Господа, собирайте пожитки. Маркиза, укладывайте ваши туалеты. Въ главной квартирѣ получено приказаніе выступать. Завтра ночью мы будемъ спать во Франціи.

Всѣ вокругъ него закричали «браво!» и разошлись, поздравляя другъ друга.

Эти легкомысленные люди, которые только что негодовали, теперь перешли отъ гнѣва къ надеждѣ. Страданія были забыты. Всѣ мечтали только о томъ, какъ они побѣдоносно вступятъ въ Парижъ.

Канонисса подъ руку съ кавалеромъ Вандіеромъ направилась къ лугу, разыскивая карету, которая доставила ихъ въ лагерь эмигрантовъ. Отыскавъ ее, она поручила кавалеру условиться съ почтальономъ относительно отъѣзда и пошла одна по улицамъ деревни.

Ей также хотѣлось вернуться во Францію. Извѣстіе о первыхъ удачахъ союзныхъ войскъ дало просторъ ея восторженнымъ мечтамъ. Несмотря на дождливое небо и грязныя дороги, въ ней поднималась ясная заря и освѣщала ей будущее. Франція, очищенная отъ загрязнившихъ ее мятежниковъ, освобожденный король, возстановленная во всей своей славѣ монархія, торжества и празднества въ Версали—весь этотъ миражъ мерещился ей сквозь грозное ближайшее будущее.

Но эти честолюбивыя намѣренія не захватывали ее цѣликомъ. Въ глубинѣ своего сердца она чувствовала иногда большую нѣжность при мысли о свиданіи съ Божаромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ подъ вязами Фуръ-о-Муана депутатъ страстно прижалъ ее къ своей груди, въ душѣ ея происходила медленная эволюція. Сильная любовь Божара мало-по-малу сообщилась и молодой женщинѣ и вызывала въ ней новыя, еще не испытанныя ощущенія.

Хотя она жила въ такомъ мѣстѣ, гдѣ галантность, такъ сказать, примѣшивалось даже къ воздуху, канонисса была внѣ всякихъ упрековъ. Она любила, чтобы за нею ухаживали, знала обаяніе своей красоты, она вращалась въ преисполненной чувственности атмосферѣ, гдѣ не признавали ея добродѣтели проходившіе передъ нею. Любовныя интриги въ этомъ обществѣ эмигрантовъ развили въ ней осторожность, не развративъ ея сердца. Она была слишкомъ горда и не могла соблазниться удовольствіями, которымъ предавались вокругъ нея, слишкомъ деликатныя и галантныя предложенія, грубость которыхъ едва прикрывалась сентиментальными и цвѣтистыми фразами, не могли увлечь ее. Ее волновала только мужественная страсть Божара. Она преклонялась передъ энергической волей этого человѣка, который, несмотря на свою страсть къ ней, настолько владѣлъ собою, что имѣлъ силы уйти отъ нея. Часто она вспоминала это короткое свиданіе подъ вязомъ. Ей представлялось серьезное и выразительное лицо депутата, нѣжно склонившееся къ ней. Иногда ей было досадно, что на прощанье она не дала ему поцѣлуя, котораго, казалось, онъ молча просилъ. Дрожь пробѣгала по ней при этомъ воспоминаніи, и наканунѣ возвращенія во Францію Гіацинта чувствовала странное волненіе при мысли о возможной встрѣчѣ съ Божаромъ. Развѣ не онъ управлялъ департаментомъ, черезъ который раньше другихъ она пройдетъ съ побѣдоносной арміей? Молодая женщина испытывала глухую радость при мысли, что она можетъ утѣшить этого побѣжденнаго республиканца, сознавшись на этотъ разъ въ своей любви къ нему.

Начавшійся дождь принудилъ ее вернуться въ гостиницу, гдѣ она занимала съ г-жею де-Ронъ маленькую комнатку.

Ея тетка сидѣла съ молитвенникомъ на колѣняхъ въ этой плохо меблированной, выбѣленной известью комнатѣ, съ одной кушеткой

и двумя стульями. Закутавшись въ плащъ, г-жа де-Ронъ скучала, видя, какъ дождь льетъ до самаго горизонта.

— Наконецъ-то ты возвращаешься,—сказала она, вздыхая,—и очень кстати. Время тянется такъ медленно... Когда я вижу дождь, то у меня не находится ни на грошъ мужества и мнѣ начинаетъ казаться, что мы никогда не вернемся домой!

— Милая тетя,—отвѣчала Гіацинта, цѣлуя ее,—отгоните ваши мрачныя мысли. Мы трогаемся завтра, и кавалеръ де-Вандіеръ пошелъ условиться съ почтальономъ. Мы направляемся прямо на Верденъ, который сдастся, какъ и Лонгви, при первомъ же выстрѣлѣ изъ пушки. Черезъ недѣлю вы будете у себя дома, гдѣ для васъ потечетъ обычная жизнь.

— Ахъ, если бы это было такъ? Но мы уже четырнадцать мѣсяцевъ таскаемся по дорогамъ, и у меня всякая надежда пропала. Я такъ и жду, что съ нами случится новое какое-нибудь несчастіе.

Какъ и предсказывала канонисса, вышелъ приказъ выступать на другой день. Съ утра двинулся впереди всѣхъ отрядъ эмигрантовъ. Полки, почти сплошь составленные изъ дворянъ, шли по размокшей дорогѣ. Несмотря на не перестававшій дождь, шли бодро. Ковыляли и старики-эмигранты, опираясь на палку или поддерживаемые сыновьями. Время отъ времени, какъ бы не обращая вниманія на дождь, пѣли «Pauvre Jacques» или «O Richard, omon roi!» Длинныя, узкія повозки съ полотняными навѣсами везли больныхъ и набившихъ себѣ ногу. Въ концѣ двигались въ двѣ линіи, ныряя по колеямъ, раззолоченныя кареты съ женщинами и дѣтьми.

Нѣкоторые изъ этихъ экипажей, на верху которыхъ были нагромождены картоны и ящики, подъ дождемъ имѣли довольно печальный видъ и каждую минуту грозили опрокинуться. Иногда загроможденіе было настолько велико, а дорога такъ дурна, что происходили внезапныя остановки, причемъ никто не зналъ, какъ двинуться дальше. Лошади брыкались, кучера бранились и переругивались, женщины стонали. Сквозь шумъ дождя слышались испуганные крики, ржанье, хлопанье бича, отчаянныя ругательства. Все это сливалось въ одинъ хоръ, не очень ободрявшій путешественницъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ томительныхъ ожиданій наконецъ тронулись въ дальнѣйшій путь. Наступило относительное спокойствіе, и когда просвѣчивало солнце, всѣ забывали путевыя непріятности и съ радостью предавались мечтамъ о возвращеніи.

Къ пяти часамъ пополудни достигли границы. Вступленіе на французскую почву было ознаменовано пѣніемъ и криками «ура».

Гіацинта, въ своемъ нетерпѣніи не переносившая медленнаго движенія экипажей съ ихъ частыми остановками, ѣхала верхомъ рядомъ съ Даніелемъ де-Вандіеромъ, скорчившимся подъ проливнымъ

дождемъ. То она ѣхала рядомъ съ каретой, гдѣ сидѣла закутавшись отъ холода г-жа де-Ронъ, то, раздражаясь продолжительнымъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, скакала рысью по лугу, представивъ Даніелю заботиться о ея теткѣ.

Перейдя границу, корпусъ эмигрантовъ направился на Тіонвилль; фургоны, повозки и большая часть экипажей съ гербами слѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ отдаленіи. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и экипажъ г-жи де-Ронъ, оставивъ Лонгви направо, повернули къ Аранси, гдѣ стояла прусская армія.

По этой дорогѣ, которая была загромождена менѣе, ѣхать было легче, и Гіацинта могла вмѣстѣ съ кавалеромъ ѣхать рысью впереди экипажей. Вѣтеръ стихъ. Послѣ ливня наступилъ мелкій дождь, который покрывалъ непроницаемой сѣрой пеленой поле и придорожныя деревья. Сквозь эту пелену путники на поворотѣ вдругъ замѣтили худого, длиннаго всадника въ нахлобученной войлочной шляпѣ. Новоприбывшій ѣхалъ на длинноногой клячѣ, такой же тощей, какъ онъ самъ, и мало-по-малу приближался къ каретѣ.

— Странная фигура!—замѣтилъ де-Вандіеръ.—Сдается, что я гдѣ-то видѣлъ его!

— Да,—отвѣчала канонисса.—Если бы Данлупа не убили у меня на глазахъ, я готова была бы поклясться, что это онъ.

Всадникъ былъ уже въ десяти шагахъ. Можно было различать его лицо съ широкими скулами, испещренное шрамами, на которомъ сіяли два вытаращенные отъ удивленія глаза.

— Вотъ такъ встрѣча!—закричалъ онъ охрипшимъ голосомъ.— Добраго здоровья!

— Съ нами крестная сила,—пробормоталъ Вандіеръ.—Это призракъ Іереміи!

— Это самъ Іеремія во плоти,—возразилъ всадникъ,—или по крайней мѣрѣ то, что отъ него осталось послѣ этихъ каналій-революціонеровъ. Добрый вечеръ, г-жа Гіацинта! у меня просвѣтлѣло на сердцѣ, когда я васъ встрѣтилъ въ добромъ здоровьѣ.

— Милѣйшій Іеремія,—сказала канонисса, пожимая ему руку.— Вы ли это?

— Я явился съ того свѣта. Негодяи совсѣмъ изрѣшетили меня, и другой такъ бы тамъ и остался. Но у меня здоровый корпусъ и, благодаря моему другу Парфондрюпту, который прискакалъ ко мнѣ на помощь, когда разбойники удалились, я пришелъ въ себя... Только, чортъ возьми, эта исторія не способствовала моему украшенію...

Онъ снялъ шляпу и показалъ свое лицо. Оно было покрыто ужасными рубцами.

— Видите,—продолжалъ онъ,—мое лицо испещрено шрамами; но негодяи мнѣ отвѣтятъ за побои!.. Когда мы узнали, что союз-

ныя войска уже въ Лонгви, то Курувръ, Парфондрюптъ и я отправились туда, чтобы принять участіе въ походѣ съ принцами.. Товарищи остались въ Аранси, а я поскакалъ впередъ наугадъ... Хорошо, что такъ вышло и я встрѣтилъ васъ.

— Армія принцевъ направляется въ Тіонвилль,—отвѣтила Гіацинта:—а мы догоняемъ штабъ герцога Брауншвейгскаго, который идетъ на Варенъ. Поѣдемъ же съ нами, Іеремія; пруссаки—наши союзники и съ ними такъ же хорошо, какъ и съ принцами. Случай быть полезнымъ королю вамъ еще представится.

Іеремія Данлупъ сдѣлалъ гримасу, которая, благодаря его покрытой рубцами физіономіи, была особенно выразительной.

— Я не очень люблю этихъ тупицъ, — проворчалъ онъ: — но ничего не подѣлаешь!.. Я не хочу покидать ваше общество... Куда пойдете вы, туда пойду и я.

Онъ поѣхалъ рысью рядомъ съ канониссой. Экипажъ г-жи де-Ронъ свернулъ съ большой дороги и направился по дорогѣ въ Аранси. Три всадника дали ему дорогу. Дождь мало-по-малу переставалъ моросить; на востокѣ позади одной деревушки, затерявшейся между тополями, просвѣчивало небо, и широкая полоса лучей окрашивала въ красный цвѣтъ луга и шоссе, обсаженное вязами.

Вдругъ трое спутниковъ услышали позади себя топотъ многочисленныхъ лошадей. Обернувшись, они замѣтили длинную вереницу всадниковъ. То былъ прусскій король, ѣхавшій съ своимъ штабомъ къ Пильону.

Раззолоченные мундиры блестѣли въ лучахъ заходящаго солнца. Слышался звонъ сабель. Сопровождавшіе короля уланы гарцовали, держа вверхъ сверкавшія копья съ развѣвающимися на нихъ флажками. Блестящій королевскій кортежъ прошелъ, словно ослѣпительный ураганъ, и исчезъ за откосомъ. Въ свою очередь, и солнце зашло за облако, какъ будто оно появилось только для того, чтобы привѣтствовать эту военную кавалькаду.

— Эти пруссаки,—пробормоталъ Данлупъ,—грабятъ вездѣ, гдѣ проходятъ. Я понимаю, что они идутъ на помощь королю и что война есть война... Но все-таки не слѣдовало бы выносить соръ изъ избы и было бы гораздо лучше, если бы мы устроили все сами.

III.

Торжество Ренара.

Управленіе Маасскаго департамента помѣщалось на полдорогѣ изъ нижняго города въ верхній, въ зданіи бывшаго герцогскаго дворца, въ которомъ раньше помѣщалась счетная палата Бара Съ конца августа мѣстныя власти во главѣ съ президентомъ Терно

и съ прокуроромъ-синдикомъ Франсуа Божаромъ находились тамъ безвыходно, такъ какъ событія развивались съ трагической быстротой. Ежечасно курьеръ за курьеромъ въѣзжали на Попову гору и привозили важныя новости: Верденъ 29 августа обложенъ прусскими войсками, послѣ 24-часовой бомбардировки городъ сдался, несмотря на сопротивленіе коменданта Борепера и лейтенанта Марсо. Въ ту же ночь Борепера покончилъ съ собой, предпочитая смерть постыдной сдачѣ. Его нашли на полу его комнаты, въ формѣ національнаго гвардейца, съ саблей на боку. На головѣ зіяли двѣ огнестрѣльныя раны.

Слухъ о второй удачѣ вражеской арміи разнесся очень скоро. Населенію мѣстнаго центра, охваченному ужасомъ и вспоминавшему объ угрозахъ герцога Брауншвейгскаго, только и представлялись грабежи и пожары. 4 сентября утромъ передъ зданіемъ бывшаго герцогскаго дворца стали собираться шумныя кучки. Подъ окнами управленія охваченная страхомъ толпа настойчиво требовала извѣстій и, раздосадованная безмолвіемъ властей, кричала уже объ измѣнѣ. Въ залѣ совѣта власти, блѣдныя послѣ безсонно проведенной ночи, нервно читали депеши, доставленныя послѣднимъ курьеромъ. Взволнованные шумомъ на улицѣ, нѣкоторые изъ нихъ прислушивались больше къ крикамъ, долетавшимъ снаружи, чѣмъ къ содержанію депешъ, которыя читалъ мрачнымъ голосомъ президентъ Терно.

Холодный свѣтъ сѣраго дождливаго неба тускло освѣщалъ черезъ окна съ мелкимъ переплетомъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ, за которымъ сидѣли члены совѣта. Несмотря на тусклый полусвѣтъ, тѣмъ не менѣе можно было различить на стѣнѣ позади кресла президента бѣлѣвшуюся пятномъ «декларацію правъ человѣка», а сверху ея надпись большими буквами: «Жить свободнымъ или умереть».

— Граждане! — говорилъ Терно, — курьеры привезли сегодня утромъ дурныя вѣсти. Пруссаки начали свою месть. Вечеромъ третьяго дня отправились два отряда, одинъ на Сенъ-Мишель, другой въ Варенъ, чтобы захватить тамъ гражданъ, которые помогали задержать короля. Къ счастью, они не застали уже патріота Соса, но г-жа Сосъ отъ испуга бросилась при видѣ солдатъ въ колодезь, откуда ее извлекли безъ признаковъ жизни. Что касается до достоуважаемаго мэра Варена, доблестнаго Жоржа, то злодѣи заковали его въ кандалы и увели въ Верденъ.

Лица всѣхъ нахмурились. Слушая эти подробности, нѣкоторые чувствовали, какъ дрожь пробѣжала у нихъ по спинѣ. Франсуа Божаръ, замѣтивъ волненіе товарищей, поднялся и сталъ говорить:

— Господа, населеніе Бара и такъ уже черезчуръ возбуждено и вы, конечно, понимаете не хуже меня, что не слѣдуетъ разглашать эти печальныя вѣсти. Поэтому я требую, чтобы каждый изъ васъ далъ клятву не разглашать ничего, что происходитъ здѣсь.

— Божаръ правъ,—сказалъ Гарніе.—Страхъ не долженъ смущать сердца республиканцевъ. Я знаю Жоржа. Это молодчина... Онъ скорѣе умретъ, чѣмъ согнется передъ угнетателями. Будемъ брать примѣръ съ него, не дадимъ запугать себя подлой местью. Пусть у каждаго изъ насъ въ глубинѣ сердца будетъ девизъ, который написанъ здѣсь на стѣнѣ: «Свобода или смерть!»

Пока онъ говорилъ, въ передней, примыкавшей къ залѣ засѣданій, послышались шумъ и пререканія. Дверь внезапно открылась, и на порогѣ появился привратникъ Юстинъ Кюрель, взволнованный и красный отъ гнѣва.

— Господинъ президентъ,—вскричалъ онъ:—несмотря на ваши приказанія и мое сопротивленіе, въ переднюю проникла депутація отъ народнаго клуба. Делегаты клуба настойчиво требуютъ, чтобы ихъ приняли.

Президентъ Терно, видимо, растерявшійся отъ этого вторженія, сталъ совѣтоваться съ прокуроромъ-синдикомъ.

— Скажите делегатамъ, — отвѣчалъ онъ: — что мы не можемъ принять ихъ въ эту минуту.

— Скажите имъ, — прибавилъ Божаръ: — что защита націи поглощаетъ все наше время. Благо народа прежде всего!..

Но въ эту минуту дверь внезапно открылась и пропустила Юліуса-Юніуса. Сзади него виднѣлись Генріо Лагекуръ, типографщикъ Юссено и нѣкій переплетчикъ, по имени Коко Жано, который ради такого случая счелъ долгомъ напялить на себя красный колпакъ.

— Граждане!—дерзко возразилъ Ренаръ:—народный клубъ потому и послалъ насъ, что этого требуетъ благо народа! Демонъ войны уже сбросилъ съ себя цѣпи и потрясаетъ факеломъ. Прусскихъ уланъ видѣли уже въ разстояніи одного лье отъ города у Нева, гдѣ они разграбили одинъ домъ. Патріоты въ тревогѣ, а аристократы въ ихъ убѣжищѣ предаются радости. Въ такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ клубъ желаетъ знать, какія мѣры приняты управленіемъ департамента, съ одной стороны, для огражденія нашихъ согражданъ противъ враговъ и, съ другой стороны, для подавленія заговоровъ бывшихъ дворянъ. Какъ представители народа, мы предлагаемъ вамъ...

— Мы облечены довѣріемъ департамента, — сухо прервалъ его Божаръ, — и мы сумѣемъ его оправдать. Но прежде всего мы требуемъ, чтобы намъ не мѣшали совѣщаться. Моментъ очень важный и намъ некогда терять время въ праздныхъ разговорахъ.

— Къ тому же, — отвѣчалъ Терно тономъ совѣта, — наши сограждане могутъ быть спокойны. Генералъ Келлерманъ, который идетъ на Линьи, отрядилъ для защиты нашего города три полка стрѣлковъ и одинъ батальонъ гренадеровъ. Дюмурье занялъ проходы въ Аргоннѣ и выпустилъ къ населенію Мааса и Арденнъ воззваніе, достойное древнихъ.

— Прочтите его, гражданинъ-президентъ, — сказалъ Гарніе.— Не худо всѣмъ познакомиться съ нимъ.

Терно прочелъ взволнованнымъ голосомъ воззваніе, подписанное въ Гранпре, которое оканчивалось такимъ энергичнымъ обращеніемъ: «Если пруссаки и австрійцы приблизятся съ цѣлью занять охраняемые мною проходы, я велю звонить въ набатъ во всѣхъ приходахъ передъ и позади Арденскихъ лѣсовъ. При этомъ зловѣщемъ звукѣ пусть каждый изъ васъ, у котораго есть огнестрѣльное оружіе, выступитъ изъ своего прихода на опушку лѣса; другіе же, вооружившись лопатами и топорами, пусть рубятъ лѣсъ и дѣлаютъ засѣки. Такимъ путемъ вы спасете свою свободу и поможете намъ внести смерть въ ряды тѣхъ, кто хочетъ отнять у васъ эту свободу...

— Вотъ это называется говорить! — воскликнулъ Гарнье. — Излеттъ и Гранпре станутъ, какъ предсказываетъ Дюмурье, Ѳермопилами Франціи, а генералъ будетъ счастливѣе Леонида.

— Нужно,—строго прибавилъ Божаръ:—чтобы каждый гражданинъ, какъ приказываетъ главнокомандующій, брался за оружіе и шелъ впередъ. Населенію Бара нечего бояться, если каждый исполнитъ свою обязанность. Передайте это членамъ вашего общества и посовѣтуйте имъ подать примѣръ!

Юліусъ-Юніусъ закусилъ губы.

— Довольно,—грубо сказалъ онъ:—народный клубъ оцѣнитъ отвѣтъ административныхъ властей.

Въ эту минуту вошелъ Юстинъ Кюрель, ведя за собою человѣка, одѣтаго въ блузу.

— Вотъ курьеръ изъ Вердена,—сказалъ онъ,—съ депешей къ господину президенту.

Члены совѣта подняли голову и съ любопытствомъ глядѣли на этого неожиданнаго вѣстника. По обличью и манерамъ онъ походилъ на одного изъ тѣхъ нѣмецкихъ евреевъ, которые пріѣзжали на ярмарку въ Верденъ съ лошадьми и рогатымъ скотомъ; съ плоскими волосами, косыми глазами, плоскимъ носомъ и толстыми хитрыми губами. Его синяя блуза оставляла открытой грудь. Согнувъ свою гибкую спину, онъ приблизился къ президенту съ низкими поклонами и передалъ ему четыреугольный конвертъ, запечатанный красною печатью.

Терно повертѣлъ въ рукахъ посылку и съ безпокойствомъ показалъ прокурору-синдику на красную печать.

— Это депеша изъ главной квартиры пруссаковъ,—замѣтилъ Божаръ.

Всѣ члены совѣта вскочили съ своихъ мѣстъ. Ими овладѣло такое волненіе, что никто и не обратилъ вниманіе на то, что делегаты клуба, вмѣсто того, чтобы удалиться, продолжали оставаться тутъ же въ углу залы.

Президентъ разорвалъ конвертъ. Пробѣжавъ бумагу, онъ поблѣднѣлъ и пробормоталъ:

— Дѣйствительно, это отъ герцога Брауншвейгскаго.

— Читайте! Читайте! кричали со всѣхъ сторонъ.

Терно повиновался и въ глубокой тишинѣ сталъ читать не своимъ голосомъ:

«Мы, члены военнаго совѣта его величества короля прусскаго, именемъ его величества и по приказанію главнокомандующаго его войска герцога Брауншвейгскаго повелѣваемъ президенту Маасскаго департамента Терно и прокурору-синдику Божару явиться безъ всякихъ отговорокъ завтра, 4 сентября, ровно въ три часа пополудни, въ Верденъ, по дѣламъ департамента, подъ страхомъ военнаго суда, личнаго наказанія и конфискаціи имущества».

Глухой ропотъ пробѣжалъ вокругъ зеленаго стола, и взоры всѣхъ устремились на обоихъ членовъ совѣта, которые были поименованы въ бумагѣ. Изъ своего темнаго угла Ренаръ пристально смотрѣлъ на физіономію прокурора-синдика, и злобная радость выступила на его невзрачномъ лицѣ.

Красный, съ негодующимъ взоромъ поднялся Франсуа Божаръ:

— Господа!—закричалъ онъ.—Я не знаю, какое рѣшеніе приметъ мой товарищъ Терно, но что касается меня, то я отказываюсь повиноваться этому приказанію. Вы знаете чувства, которыми обусловливалось мое поведеніе. Свободный и, смѣю сказать, достойный свободы, могу ли я сдѣлаться орудіемъ врага, возгордившагося нѣкоторымъ случайнымъ успѣхомъ и осмѣливающагося обращаться съ приказаніями къ представителю свободнаго народа? Могу ли я быть слугою деспота, чтобы передавать отъ него приказанія моимъ товарищамъ? Я не могу согласиться на такое униженіе, я хочу уйти прочь и прошу совѣтъ уволить меня отъ должности, которую я не могу уже исполнять съ честью.

— Я присоединяюсь къ просьбѣ прокурора-синдика,—заявилъ президентъ Терно.

— Я раздѣляю справедливое негодованіе обоихъ моихъ товарищей,—бурно воскликнулъ Гарнье.—Однако, граждане, продолжалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ перепуганнымъ членамъ совѣта, если мы не должны подчиняться приказаніямъ враговъ, то тѣмъ болѣе мы не должны принимать отставки Божара и Терно. Я требую, чтобы совѣтъ въ закрытомъ засѣданіи обсудилъ отвѣтъ на это дерзкое требованіе, и предлагаю постороннимъ удалиться.

По знаку Ренара, делегаты клуба вышли, горя нетерпѣніемъ подѣлиться съ толпившимися на улицѣ гражданами этой крупной новостью. Привратникъ увелъ курьера, и, когда двери закрылись за нимъ, приступили къ обсужденію.

Съ самаго начала рѣчи приняли какое-то двусмысленное направленіе. Ошеломленные сначала неожиданными приказаніями

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

МАЙ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1908 г.

(См. слѣд. стран.).

(Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ).

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ[1].

Историческій романъ.

XLIII.

Полезные совѣты вѣрнаго Митрофана.

МОЖНО сказать, что героемъ вечера въ магическихъ садахъ свѣтлѣйшаго былъ Павелъ Корнильевичъ, за которымъ установилось титло «нарочнаго графини Софіи». Дамы наперерывъ просили его не забыть передъ отъѣздомъ въ Парижъ зайти за порученіями. Гречанка явно отличала бравaго «нарочнаго». Ея прекрасные глаза часто останавливались на немъ, и, какъ мотылекъ летитъ на огонь, представляя его великолѣпнымъ цвѣткомъ, такъ и чувства молодого человѣка влеклись къ прелестной. Уходя въ концѣ празднества въ землянку подъ руку съ свѣтлѣйшимъ, сохранявшимъ все время угрюмость, гречанка обернулась и, кивнувъ головкой Радожицкому, улыбнулась ему невыразимой улыбкой, сулившей такъ много, что кровь бурной волной прихлынула къ его сердцу и голова закружилась. Онъ стоялъ, ничего не видя и не слыша, полный своимъ чувствомъ. Кругомъ него, при тускломъ свѣтѣ брез-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 5.

жившаго надъ степью утра, шумѣли гости свѣтлѣйшаго, расходясь по заготовленнымъ для нихъ шатрамъ и палаткамъ, которые имъ указывала толпа суетившихся и толкавшихся лакеевъ въ пудрѣ, чулкахъ и глазетовыхъ золотыхъ кафтанахъ. Иллюминаціонныя плошки, догорая, чадили. Сѣрыя облака поднимались съ запада, пророча ненастную погоду. Павелъ Корнильевичъ очнулся только при обращенномъ къ нему вѣжливомъ вопросѣ лакея, угодно ли пожаловать въ отведенную ему палатку? Онъ отправился вслѣдъ за нимъ въ поселеніе, нѣсколько смахивавшее на цыганскій таборъ, благодаря обилію повозокъ и экипажей съ неразобранными на нихъ вещами и шнырявшимъ между шатрами знатныхъ дамъ ихъ камеръ-юнгферамъ. У входа въ палатку стоялъ вѣрный Митрофанъ, успѣвшій уже соорудить внутри покойное ложе своему господину. Раздѣвшись при помощи молчаливаго служителя, утомленный впечатлѣніями дня, Павелъ Корнильевичъ растянулся на походной постели. Но заснуть онъ не могъ. Кровь бурлила въ его жилахъ и стучала въ вискахъ. Палатка была полна сумерками ранняго утра, которое проникало въ нее сквозь полотно сдвинутыхъ полъ входа и разлагало свѣтъ на странную радугу тѣней и красокъ. Снаружи доносились голоса, ржаніе коней, глухой шумъ уже пробуждавшагося военнаго лагеря и мало-по-малу успокаивавшагося роскошнаго «лагеря острова Цитеры», какъ выразился, уходя изъ магическаго сада, принцъ де-Линь. Радожицкій закрылъ глаза. И сейчасъ же закачались, поплыли, сверкая тысячами солнечныхъ искръ, мимо него воды Днѣстра, и закачалась передъ нимъ золотая, рѣзная шлюпка, и въ ней предсталъ образъ красавицы-гречанки. Онъ видѣлъ ея очи, ея головку, ея станъ, всю ее, манящую, улыбающуюся ему. Съ силой прижалъ онъ къ груди руки, будто обнимая скользящій въ золотѣ рѣзьбы и въ блескѣ водъ волшебный образъ. Что-то хрустнуло на груди его! То былъ утратившій силу талисманъ; то былъ портретъ его невѣсты, то былъ завѣтный даръ графини Анны... Юноша затрепеталъ и, поднявшись на ложѣ, схватилъ голову руками въ отчаяніи! Какъ это съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ гречанку на берегу сверкающей рѣки и вплоть до этого мгновенія, онъ даже и не вспомнилъ о той, которая до тѣхъ поръ всевластно наполняла и умъ и сердце его? Онъ измѣнилъ даннымъ клятвамъ, измѣнилъ, даже безъ всякой борьбы! Поспѣшно досталъ онъ съ груди до тѣхъ поръ столь благоговѣйно хранимый миніатюръ и въ сумракѣ палатки вглядѣлся въ черты дѣвушки, отдавшей ему первый трепетъ расцвѣтающаго цѣломудреннаго сердца, и съ ужасомъ почувствовалъ, что образъ ея поблекъ для него, что онъ уже не находитъ недавнихъ чувствъ въ сердцѣ, что тамъ живетъ внезапно, какъ зараза какая, вселившееся новое чувство, полное

знойной страсти! Попытался молодой человѣкъ воскресить въ воображеніи своемъ картину прощанья съ милой дѣвушкой, тамъ, на далекой родинѣ, въ поемной долинѣ Днѣпра, попытался представить бесѣдку и видный вдали отеческій домъ и граціозный образъ графини Анны... Но та картина возникала въ поблекшихъ краскахъ, и вдругъ ворвались въ его воображеніе блескъ водъ, блики солнца въ рѣзьбѣ золотой ладьи и образъ гречанки, съ ея восточной нѣгой движеній, въ поэтическомъ, странномъ нарядѣ, образъ, начертанный огнемъ страстнаго вожделѣнія, властный, неодолимый, влекущій... И молодой человѣкъ понялъ, что онъ рабъ этой женщины отнынѣ, и горькая слеза выжалась изъ воспаленнаго его взора и канула на миніатюръ, который онъ все еще сжималъ въ трепетной рукѣ... Откинувшись на походную свою кровать, Павелъ Корнильевичъ лежалъ безъ мысли, закрывъ глаза, разбитый, раздавленный налетѣвшей внезапно и смявшей его слабую волю страстью. Наконецъ онъ забылся и заснулъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ, безъ всякихъ сновидѣній.

Проснулся онъ, когда солнце уже высоко стояло надъ палаткой, и то благодаря featureвознѣ, поднятой около вьюковъ Митрофаномъ.

— Что ты развозился?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ, потягиваясь.

— Васъ же въ Парижъ собираю,—недовольно отвѣтилъ Митрофанъ, повертывая къ нему длинное, желтое лицо свое.—Отъ свѣтлѣйшаго уже ординарецъ торопить приходилъ.

— Въ Парижъ!

Павлу Корнильевичу мгновенно припомнилось все, происшедшее наканунѣ. Но успокоительное ли для нервовъ дѣйствіе молодого сна теперь сказалось, или и въ самомъ дѣлѣ вчерашнее было мимолетнымъ увлеченіемъ, но только представилось Павлу Корнильевичу совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ мнилось, засыпая. Конечно, гречанка была прекрасна и очень ему нравится. Но вѣдь она никогда не будетъ ему принадлежать. И мало ли прекрасныхъ дамъ въ поѣздѣ свѣтлѣйшаго, съ которыми онъ и обращался, и танцовалъ, и любезничалъ въ пути. Изъ этого еще не слѣдовало, что онъ измѣнялъ клятвамъ, даннымъ графинѣ Аннѣ.

— Въ Парижъ!—повторилъ громко и весело Радожицкій, спуская съ походной кровати ноги на остывшій въ тѣни палатки земляной полъ ея.—Такъ ужъ ты знаешь, что меня свѣтлѣйшій посылаетъ въ Парижъ нарочнымъ?

— Я же вашему благородію докладываю, что отъ свѣтлѣйшаго ординарецъ торопить приходилъ,—неохотно отвѣчалъ Митрофанъ, возясь около вьюковъ.

— Да! да! снаряжайся живѣе, Митрофанъ. Къ вечеру надо и въ путь. А мнѣ еще необходимо получить распоряженія отъ свѣтлѣйшаго и порученія другихъ особъ.

Митрофанъ обернулся, сидя на корточкахъ.

— Не изволите вы меня никогда слушать, — сказалъ онъ. — Между тѣмъ я всегда полезный совѣтъ дать могу.

— Какой же ты мнѣ дашь теперь совѣтъ?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ весело, принимаясь одѣваться.

— А такой совѣтъ, что собраться, да вмѣсто города Парижа воротиться къ себѣ домой, а службу эту пусть другой исполняетъ, кто хочетъ.

— Ну, любезный, совѣтъ твой подлинно слушать не стоило. Съ чего же это я вдругъ откажусь отъ службы?

— А какая же это служба для побродяги за башмаками въ Парижъ трепаться россійскому дворянину?—сказалъ Митрофанъ и поднялся съ пола, съ важностью взирая на молодого господина.

— Ну, ты полегче!—сказалъ Радожицкій:—не забывайся! Она не побродяга, а графиня.

— Графи-и-ня!—пренебрежительно скосивъ губы, протянулъ Митрофанъ.—А шаровары носитъ, какъ турчанка! невѣдомо какой земли, какой вѣры.

— Она гречанка, и даже, можетъ быть, царской крови, а ты—дуракъ!—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Я, можетъ быть, и дуракъ, но только слово мое разумное. Изволите говорить сами—гречанка. Значитъ, изъ цыганъ тамъ, или изъ жидовъ. А вы за башмаками ей поѣдете въ Парижъ! А я вотъ крѣпостной, подневольный человѣкъ и всегда готовъ васъ и разуть и обуть, какъ есть вы мой природный господинъ, но гречанку или тамъ турчанку... нѣтъ, я не могу!

Митрофанъ развелъ руками.

— Экъ я въ самомъ дѣлѣ тебя избаловалъ!—вспыхивая, сердито сказалъ Радожицкій.—Ты болтаешь всякій вздоръ, въ чемъ не понимаешь ничего.

— Нѣтъ, это не вздоръ, что въ Парижѣ бунтъ и дворовая челядь, холопы и площадная чернядь на фонари господъ своихъ вѣшаетъ!—серьезно и наставительно отвѣчалъ Митрофанъ.

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Слухомъ земля полнится, сами знаете. Французы противъ своего короля бунтуютъ, заворовали, да и всегда были фальшивый народъ. А насчетъ всѣхъ дѣловъ въ Парижѣ мнѣ французъ-лакей князя Линева сказывалъ. Онъ самъ видѣлъ своими глазами полтора мѣсяца назадъ, какъ острогъ брали и короля кланяться на площади заставляли, и подъ шпагами его водили, и такую свободу сдѣлали, что намъ теперь ѣхать въ Парижъ прямо

на вѣрную смерть! Жулики ограбятъ и зарѣжутъ, какъ пить дадутъ.

Павелъ Корнильевичъ расхохотался, сообразивъ, что въ князья Линевы произвелъ Митрофанъ принца де-Линь. Познанія во французскомъ языкѣ вѣрнаго служителя были ему давно извѣстны.

— Если ты боишься, то я тебя домой отправлю, а возьму человѣка съ воли, — сказалъ онъ.

Митрофанъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на молодого своего барина, ничего не сказалъ, отвернулся и принялся возиться около вьюковъ.

Вдругъ въ палатку вошелъ сынъ принца де-Линь, прозванный Чарли-львенокъ, хорошенькій, пылкій мальчикъ, но уже отличившійся при взятіи крѣпости Сабацъ. Онъ передалъ Павлу Корнильевичу просьбу принца-родителя прійти въ его палатку позавтракать. Павелъ Корнильевичъ охотно согласился. Они пошли вмѣстѣ.

XLIV.

Въ палаткѣ принца де-Линь.

Въ палаткѣ принца де-Линь сидѣлъ прибывшій въ это утро въ лагерь свѣтлѣйшаго австрійскій посланникъ при россійскомъ дворѣ славный графъ Людовикъ де-Кобенцель. То былъ огромный, жирный, косоглазый, рыжій и нечистоплотный даже въ самомъ блестящемъ туалетѣ человѣкъ, страстный актеръ по призванію, казалось, не столько занятый дипломатіей, сколько разучиваніемъ ролей, примѣриваніемъ костюмовъ, гримировкою и постановкой пьесъ. Но подъ распущенной внѣшностью и въ безпорядочной сутолокѣ удовольствій онъ таилъ изворотливый, коварный и многоопытный умъ стараго политическаго интригана. Теперь, глазъ на глазъ съ принцемъ де-Линь, онъ смотрѣлъ угрюмо и озабоченно, сидя за бутылкой вина и паштетомъ у походнаго стола, состоявшаго изъ доски на двухъ боченкахъ. Принцъ тоже казался другимъ человѣкомъ. Въ сердитой фигурѣ быстро прохаживавшагося взадъ и впередъ, насколько позволяла тѣснота шатра, принца никто бы не узналъ вчерашняго остроумнаго разсказчика-бонмотиста, соединявшаго въ стилѣ рѣчи утонченность вкуса и остроты стараго французскаго салона съ гиперболизмомъ и цвѣтистыми фигурами восточной поэзіи. Ему казалось, что среди русскихъ бояръ, въ фантасмагорической ставкѣ колосса-Потемкина, въ присутствіи восточныхъ красавицъ иначе и нельзя было выражаться. Но теперь шла дѣловая бесѣда двухъ посвященныхъ въ глубочайшія тайны австрійской политики.

Они говорили о полномъ разстройствѣ здоровья императора Іосифа.

— Вы знаете,—говорилъ Кобенцель:—что прошлогодняя кампанія въ жаркой и болотистой мѣстности, въ связи съ неустанными трудами разрушила здоровье императора. Головокруженія, нарывы на головѣ лишили его совершенно волосъ. Нынѣ у него оказалась малярія и грудная жаба. Онъ съ трудомъ поднимается съ постели и то рѣдко.

— Императоръ переутомился,—сказалъ принцъ де-Линь.—Усталость—здоровая вещь, но переутомленіе—самоубійство. Да, да,—съ глубокимъ вздохомъ продолжалъ принцъ,—императоръ Іосифъ несчастнѣйшій государь. Все, что онъ любитъ, у него отнято. Живой по характеру—онъ не можетъ двинуться; изнывающій безъ работы—онъ съ трудомъ подписываетъ бумаги; властный и неумолимо строгій—онъ кругомъ видитъ бунтъ и неповиновеніе; славолюбивый—онъ напрасно губитъ армію; страстно преданный общему благу—онъ чувствуетъ, что всѣ его ненавидятъ.

— Союзъ съ россійской императрицей преподнесъ императору un fameux pied de nez (славный кукишъ),—озлобленно сказалъ Кобенцель, накладывая себѣ паштета.—Отъ турецкаго пирога мы получили ничтожно мало,—прожевывая кусокъ, проговорилъ посолъ.—По крайней мѣрѣ въ Вѣнѣ всѣ громко говорятъ объ этомъ, и публика смѣется надъ тѣмъ, какъ императора надула катеринизированная принцесса Цербстская... Онъ тогда напрасно съ ней скакалъ и плылъ въ глубь татарскихъ степей,—изъ этой прогулки «къ пользѣ» не вышло никакой для насъ пользы. Настоянія Екатерины не отдали намъ Баваріи. Обмѣнъ ея на Бельгію не состоялся. А бельгійцы насъ возненавидѣли, а турки втянули въ войну. Мы воевали въ прошломъ году. Русскіе получили, а мы ничего, кромѣ потерь и расходовъ. Воюемъ и теперь. И что получимъ. Опять кукишъ. Ха! ха!

Кобенцель непріятно засмѣялся, обнажая нечищенные, плоскіе и широкіе зубы, и опрокинулъ полкубка въ жирный кадыкъ.

— Я говорилъ тогда, что императору не слѣдуетъ сопровождать въ Крымъ Екатерину. Меня не послушали, даже вы мнѣ не вѣрили. Le suis toujours—vox clamans in deserto [1]).

— Все это старый Кауницъ,—безнадежно развелъ руками де-Линь.—Старый, перепуганный Кауницъ. Онъ боялся разсердить избалованную до крайности императрицу.

— Пусть во всемъ виноватъ Кауницъ, но только турки, возбуждаемые прусскимъ и англійскимъ резидентами, кинулись на насъ послѣ этого славнаго путешествія, какъ разъяренные псы. Сѣверная Семирамида насъ перехитрила! Какъ въ 1784 году ей достались всѣ выгоды, а императору только труды, такъ и въ прошлогоднюю кампанію разореніе и стыдъ пораженія выпали на нашу долю, а Потемкинъ, ничего не дѣлая, получилъ Очаковъ.

---

[1]) Я всегда—«гласъ вопіющаго въ пустынѣ» (библейское выраженіе).

— Да, да! Проклятый циклопъ меня замучилъ бездѣйствіемъ! Ему хорошо было, отдѣленному необъятными степями отъ непріятеля. Между тѣмъ въ болотистыхъ и жаркихъ придунайскихъ равнинахъ наши батальоны стали таять, какъ воскъ подъ лучами солнца, болѣя отъ злокачественныхъ лихорадокъ; половина солдатъ лежала въ госпиталяхъ; подоспѣвшіе турки набросились на нашъ порѣдѣвшій кордонъ, прорвали его, зашли Іосифу во флангъ, и тотъ долженъ былъ поспѣшно отступить, отдавъ на разграбленіе ордамъ башибузуковъ цвѣтущій Банатъ. Ужасные, ужасные дни!—говорилъ, бѣгая по шатру, принцъ де-Линь.

Кобенцель громко чавкалъ, жуя жирный паштетъ.

— Національное собраніе крайне враждебно настроено противъ Австріи,—сказалъ онъ, запивая паштетъ новымъ огромнымъ глоткомъ вина:—въ Парижѣ вообще ненавидятъ сестру императора, королеву Марію-Антуанетту. Можете представить, какъ это дѣйствуетъ на Іосифа! Если внутренняя смута мѣшаетъ Франціи намъ вредить, то каково сознавать императору, что сестра его въ рукахъ парижской ракальи.

— Когда еще въ началѣ 1787 г. созвано было собраніе нотаблей, императоръ пожималъ плечами, наблюдая за этимъ фарсомъ!—сказалъ принцъ де-Линь.—Но пожимать плечами было мало.

— Взятіе Бастиліи удручило больного! Побѣда мѣщанства надъ суверенной властью монарха его устрашаетъ! Онъ боится за жизнь и честь сестры! Онъ предсказываетъ, что парижская ракалья станетъ деспотически править Франціей. Онъ убѣжденъ, что ничего уже нельзя подѣлать съ нахалами и бѣсноватыми, опьяненными шумихой громкихъ словъ о свободѣ. Ужасное будущее всей Европы представляется его взору. Онъ видитъ всѣ троны и алтари потрясенными. Но я вижу только потрясенной монархію Габсбурговъ. Наши лучшія силы на Дунаѣ, а прусская армія уже мобилизована къ южной границѣ. Какъ же мы будемъ вести войну на два фронта!

— Да! да! Я предчувствую, что Потемкинъ всю кампанію пропируетъ здѣсь на Днѣстрѣ, въ своей землянкѣ, а насъ на Дунаѣ будутъ громить турки. Весною, вѣроятно, предстоитъ война противъ поляковъ и пруссаковъ; прибавьте сюда безсиліе Франціи и ея недоброжелательство, лукавый эгоизмъ Россіи, бунтъ въ Нидерландахъ, мятежный духъ въ Галиціи и въ Венгріи...

— Да, даже въ Венгріи!—кивнулъ головой Кобенцель и откусилъ половину огромной груши, при чемъ сокъ потекъ по его тройному подбородку на кружевное жабо.

— Мы истощены. Насъ всѣ ненавидятъ, даже Испанія! Швейцарія въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ итальянскими княжествами; папская курія къ намъ враждебна, вся почти Германія недоброжелательна, и союзъ князей грозитъ намъ всякими непріятностями!—восклицалъ, бѣгая по шатру, принцъ де-Линь.

— Прибавьте сюда... м-м-м...—разминая грушу во рту, мямлилъ Кобенцель:—прибавьте затаенное злопамятство Даніи, не забывшей о попыткѣ захватить Никобарскіе острова.

— Все это бросаетъ въ дрожь! — топая ногой, крикнулъ де-Линь:—мы будемъ обязаны только чуду, если выберемся цѣлыми!

Тутъ де-Линь сѣлъ на ящикъ, служившій стуломъ, и, придвинувшись къ Кобенцелю, заговорилъ вполголоса:

— Поляковъ можно обезвредить. Сейчасъ придутъ трое, которыхъ я обхаживаю. Они уже почти приручены. Французскіе эмигранты, изгнанные революціей,—вотъ второе оружіе. Вы сейчасъ увидите двоихъ. Необходимо поднять шумъ у всѣхъ дворовъ Европы и организовать коалицію для спасенія трона Людовика. Надо внушить, что дѣло французскаго короля—общее дѣло всей Европы, что надо тушить пожаръ, пока огонь мятежа не перекинулся изъ Франціи въ другія страны. Это можетъ отвлечь силы Пруссіи, которая, конечно, соблазнится возможностью, туша парижскій пожаръ, пограбить богатую сосѣдку. Но... Потемкинъ что-то задумалъ. Я знаю, что онъ въ сношеніяхъ съ Мирабо. Теперь онъ посылаетъ нарочнаго въ Парижъ, будто бы за башмаками для Софіи Витте. По обыкновенію, чудаческой формой онъ прикрываетъ какой-то планъ... Посланецъ, молодой адъютантъ, будетъ у меня сейчасъ, надо думать,—я послалъ его пригласить Чарли, — и вы его пощупаете. Съ виду это совершенно добродушный малый, но русскіе тѣмъ коварнѣе, чѣмъ безхитростнѣе кажутся. Въ концѣ концовъ все зависитъ отъ Софіи. La belle fanariote прибираетъ къ рукамъ сладострастнаго циклопа. Нарочный, повидимому, тоже опьяненъ ею мгновенно. Когда онъ будетъ снимать мѣрку съ ея ножки, она, конечно, постарается имъ распорядиться. Но вотъ что дурно—она сама ненадежна. Ея сестра замужемъ за пашей, и теперь въ его гаремѣ, въ Измаилѣ. Греки, молдаване—все это такой предательскій народъ... Но вотъ входятъ мои поляки!

Въ самомъ дѣлѣ въ шатеръ шумно вошли магнаты—Потоцкій, Браницкій и Ржевускій, въ великолѣпныхъ своихъ національныхъ костюмахъ, сверкая драгоцѣнными камнями эфесовъ сабель, крутя длинные усы, грозя очами, раскидывая рукава. Сейчасъ же за поляками вошли Ришелье и Дамасъ, а потомъ и Чарли съ Радожицкимъ.

XLV.

Письмо маркизѣ де-Z*.

Оба дипломата, подобно протеямъ, мгновенно измѣнили выраженіе лицъ. Кобенцель казался теперь лишь добродушнымъ обжорой и чавкалъ огромную грушу, брызгаясь и обливаясь сладкимъ сокомъ плода. Принцъ де-Линь съ безпечностью любопытнаго пу-

тешественника, собирающаго впечатлѣнія экзотической жизни, кинулся навстрѣчу полякамъ, улыбающійся и жизнерадостный:

— Vivat, messieurs les Polonais!—закричалъ онъ.—Я говорилъ о васъ и о вашей странѣ сейчасъ съ моимъ добрымъ Кобенцелемъ, въ то время какъ онъ боролся съ добрымъ паштетомъ, доброй бутылкой и доброй грушей изъ магическаго сада моего колосса-Потемкина; я говорилъ ему то же самое, что и вамъ всегда говорю: N'allez, messieurs, ni à Vienne, ni à Pétersbourg, ni à Berlin; restez Polonais [1]). Желая свергнуть иго Россіи, не ищите нѣчто болѣе опасное—палку прусскаго капрала!

Магнаты разгладили усы, откинули движеніемъ плечъ рукава и положили съ гордой независимостью руки на эфесы сабель.

— Et vous, messieurs les Français! Vivat!—продолжалъ принцъ де-Линь, встрѣчая герцога Ришелье-Фронсака и Рожера де-Дамаса.— Je vois un phénomène, et un joli phénomène: un Français de trois siècles [2]). Онъ обладаетъ рыцарствомъ одного, учтивостью другого и веселостью третьяго. Франциснъ I, великій Конде и маршалъ де-Саксъ желали бы имѣть сына, подобнаго ему. Въ прошлую кампанію мы проводили съ нимъ превесело время подъ турецкими пулями. Chanteur impitoyable, me glapissant les plus beaux airs d'opéra, au milieu des coups de fusil... [3]) Два раза раненъ въ схваткахъ съ янычарами и въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ со спагами... Ахъ, мой милый герой Рожеръ! Скоро ли мы съ вами, развернувъ бѣлое знамя, войдемъ въ Парижъ и избавимъ короля и королеву и съ ними Францію отъ наглой, зазнавшейся мѣщанской ракальи!

— А вотъ и мой Чарли съ нарочнымъ въ Парижъ за башмачками для византійской царевны!—продолжалъ де-Линь, обращаясь къ слѣдующимъ вошедшимъ въ палатку гостямъ. — Фантасмагорія! Галюцинація! Я видѣлъ русскихъ, которые пѣли и танцовали въ траншеѣ, посреди ружейной пальбы и пушечной канонады, среди снѣга и грязи! Это стоитъ фіоритуръ и ритурнелей добраго моего Рожера на приступѣ Хотина и груши милаго моего Кобенцеля, занимающей его больше дипломатіи двухъ величайшихъ имперій, которую онъ держитъ въ карманѣ. Господинъ Радожицкій! я все еще не сомнѣваюсь, что вы, отправляясь за башмачками, получите отъ свѣтлѣйшаго семимильные сказочные сапоги и вернетесь къ намъ изъ Парижа къ первому сраженію! Поэтому я рекомендую вамъ моего сына Чарли, прозваннаго львенкомъ, нынѣ

---

[1]) Господа, не ходите на поклонъ ни въ Вѣну, ни въ Петербургъ, ни въ Берлинъ; оставайтесь поляками.

[2]) И вамъ, господа французы, привѣтъ! Я вижу рѣдкость и пріятную рѣдкость: француза трехъ вѣковъ.

[3]) Немилосердный пѣвецъ, вывизгивая мнѣ прекраснѣйшія оперныя аріи среди ружейной перестрѣлки...

счастливаго жениха прелестной польской розы—la princesse Massalska! Не краснѣй, мой львенокъ! Твое мужество не страдаетъ отъ обожанія очаровательной польки! Любовь и битва—нераздѣлимы. Битва—это ода Пиндара! Но гдѣ поэзія, тамъ и красота. Гдѣ красота, тамъ и любовь! Но знаете, о комъ думалъ мой Чарли, первый всходя на парапетъ первой крѣпости, при штурмѣ которой ему пришлось быть?

— И надѣюсь— не послѣдней!—искусственнымъ басомъ вставилъ мальчикъ.

— О, конечно, Чарли, конечно! Но твое письмо изъ Сабаца я помню наизусть: «Мы взяли Сабацъ. Я получу крестъ. Вы отлично чувствуете, папа, что я думалъ о васъ, всходя первый на парапетъ». И все. Онъ—кратокъ, онъ еще юнъ и кратокъ. Но я скрылъ отъ княжны Массальской, что онъ думалъ, всходя на непріятельскую крѣпость, не о ней, но о старомъ отцѣ! Спасибо, мой милый сынъ, спасибо!—обнимая Чарли, говорилъ принцъ, и даже слезинка выступила въ углу его лѣваго глаза.

Гости размѣстились на ящикахъ и чемоданахъ, и Кобенцель выразилъ согласіе подѣлиться съ ними паштетомъ, виномъ и фруктами, такъ какъ самъ уже насытился.

— Мой добрый Кобенцель сытъ! Иначе онъ не уступилъ бы вамъ, господа, осаду этого паштета, на парапетъ котораго взобрался первымъ! О чемъ онъ думалъ при этомъ, господа?

— Вѣроятно, о какой-нибудь новой роли,—улыбаясь, сказалъ герцогъ Ришелье.—Я знаю, что разъ графъ среди насъ, то мы наканунѣ спектакля.

— Несомнѣнно. И занимательнѣйшаго! — подхватилъ принцъ де-Линь. И при общемъ смѣхѣ онъ сталъ разсказывать, какъ однажды въ Петербургѣ графъ Кобенцель вышелъ въ костюмѣ еврея, котораго долженъ былъ играть въ этотъ вечеръ, къ курьеру, привезшему ему изъ Вѣны депеши Маріи-Терезіи, и какъ курьеръ не хотѣлъ отдать ему депешъ, не вѣря, что передъ нимъ посолъ...

— Это было, господа,—подтвердилъ Кобенцель:—не могу вспомнить безъ смѣха физіономію курьера, когда я вышелъ къ нему въ ермолкѣ, длинномъ кафтанѣ и парикѣ истаго сына Израиля!..

— Но другой случай еще болѣе забавенъ,—говорилъ де-Линь.— Кобенцель въ костюмѣ Пандольфа, гримированный, поздно ночью изучаетъ роль передъ зеркаломъ. Наконецъ онъ усталъ, захотѣлъ спать и какъ былъ, въ костюмѣ и гримѣ, ложится въ постель и засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Утромъ въ обычный часъ входятъ слуги. Господинъ ихъ просыпается, поднимается съ постели, и слуги съ крикомъ ужаса бѣгутъ изъ спальни, крича: «Чортъ! чортъ въ кровати его сіятельства!» Дѣло въ томъ, что за ночь гримировка размазалась и лицо графа приняло въ самомъ дѣлѣ діаболическое выраженіе. Слуги вообразили, что чортъ отправилъ

ихъ господина за грѣхи въ адъ, а самъ намѣренъ отправлять его посольскую должность и спать въ его кровати!

— Дипломатія Европы до того спуталась,—сказалъ Ришелье:— что и чортъ въ ней сломитъ себѣ ногу! Кстати, я слышалъ, что императоръ Іосифъ сильно боленъ?

— Неужели?—беззаботно спросилъ де-Линь.—Напротивъ, я думаю, что силы его величества, въ самомъ дѣлѣ переутомленнаго царственными трудами, возстановляются. Такъ я сужу по его послѣднему письму ко мнѣ. Въ живыхъ краскахъ вспоминаетъ онъ славное путешествіе въ Новороссійское намѣстничество и Крымъ въ обществѣ великой Сѣверной Семирамиды, которое намъ всѣмъ принесло столько яркихъ впечатлѣній и столько пользы! Императоръ Іосифъ вспоминаетъ и про васъ, мой добрый Кобенцель! Онъ вспоминаетъ, какъ въ силу признательности къ императрицѣ, въ силу услужливости и по собственному вкусу и въ силу дружбы къ императору, его добрый посланникъ порою бралъ свою кадильницу. «Вы тогда,—пишетъ онъ мнѣ: — тоже бросали туда довольно часто зерна ѳиміама, благодареніе Богу, въ честь насъ обоихъ. Графъ де-Сегюръ строилъ комплименты bien spirituels et bien français, а добрый англійскій посланникъ, съ своей стороны, время отъ времени, какъ бы противъ воли, вставлялъ тонкія черты лести, эпиграмматическій оборотъ которой только сообщалъ ей особую пикантность! Да, мы умѣли льстить, но вѣдь кому же мы и льстили! Екатерина и Іосифъ! Не часто на небосводѣ человѣчества соединяются два такихъ свѣтила! Но вотъ что! Господинъ Радожицкій, и у меня есть къ вамъ просьба, которая, полагаю, не будетъ вамъ въ тягость,—продолжалъ принцъ де-Линь, обращаясь къ Павлу Корнильевичу:—такъ какъ, благодаря ей, вы познакомитесь съ прелестнѣйшею изъ женщинъ Парижа. Я попрошу васъ захватить и передать мое письмо къ маркизѣ Z*.

— Новое письмо къ маркизѣ Z*!.. — вскричали хоромъ гости принца.—Но, ради всего святого, прочитайте намъ это новое письмо. Конечно, это шедевръ!..

Всѣ знали, что уже не одинъ годъ принцъ ведетъ литературную, изящную переписку съ таинственной красавицей, скрывающейся подъ иниціаломъ маркизы де-Z*. Эти письма время отъ времени принцъ читалъ въ избранномъ обществѣ.

— Если вы этого требуете, господа!..—покорно наклоняя голову, сказалъ принцъ и досталъ листокъ бумаги изъ-за обшлага кафтана.

— Непремѣнно! Просимъ васъ, принцъ, просимъ!

«Знаете ли, почему я о васъ сожалѣю, маркиза? — читалъ принцъ:—потому, что вы не похожи на другихъ женщинъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ вы будете госпожою де-Дефанъ по пикантности, госпожою Жофренъ по разуму и маршальшей де-Мирпуа по утонченности вкуса. Въ двадцать лѣтъ вы обладаете итогомъ трехъ вѣковъ, которые составляетъ возрастъ этихъ дамъ...»

— Вотъ женщина, созданная для васъ, Рожеръ, если вы тоже совмѣщаете, какъ сказалъ принцъ при нашемъ входѣ, три столѣтія!—улыбаясь, замѣтилъ Дамасу герцогъ Ришелье.

«Vous êtes la plus aimable femme et le plus joli garçon! Что за судьба, маркиза! Я васъ оставилъ среди дюжины обожателей, которые васъ совсѣмъ не слушаютъ, по той простой причинѣ, что они васъ видятъ. А я, способный васъ понять, я давно уже васъ не слышу. Я отдѣленъ огромнымъ пространствомъ отъ вашихъ прелестей!...»

Письмо было длинное и все въ такомъ родѣ. Слушатели смаковали утонченности эпистолярнаго стиля принца, считавшагося неподражаемымъ въ гостиныхъ всѣхъ столицъ Европы.

Окончивъ чтеніе, принцъ вложилъ въ кувертъ листокъ и передалъ письмо Радожицкому, въ свою очередь спрятавшему его за обшлагъ кафтана и обѣщавшему, по прибытіи въ Парижъ, немедленно доставить его по адресу.

— Счастливецъ! Онъ узнаетъ таинственную маркизу, соединяющую прелести трехъ вѣковъ!—сказалъ Кобенцель, и круглые, тонувшіе въ складкахъ вѣкъ глаза его при этомъ смѣялись.

XLVI.

На развалинахъ храма Діаны.

— Давно ли, князь,—спросилъ Рожеръ де-Дамасъ,—вы посѣщали ваше крымское имѣніе, подарокъ императрицы Екатерины?

— Года два тому назадъ мы съ Чарли совершили туда прелестную прогулку верхомъ,— отвѣчалъ принцъ де-Линь:—но съ тѣхъ поръ я тамъ не былъ.

— Что это за имѣніе?—освѣдомился графъ Потоцкій.

— Какъ, вы не знаете, графъ?—удивился Кобенцель.—Въ такомъ случаѣ мы должны услышать разсказъ о поѣздкѣ въ Крымъ!

— Непремѣнно! Просимъ! Просимъ!—поддержали всѣ гости, угощаясь между тѣмъ паштетомъ, виномъ и фруктами.

Неутомимый разсказчикъ, де-Линь привыкъ очаровывать общество, въ которомъ находился, остроуміемъ утонченныхъ оборотовъ своего стиля, и не заставилъ долго просить себя.

— Имѣніе мое, подарокъ Семирамиды сѣвера,—началъ онъ,—находится на серебряномъ берегу Чернаго моря и надъ разсѣлиной, куда низвергаются всѣ потоки Чатырдага. Тамъ мы покоились съ Чарли, осѣненные двумя гигантскими орѣхами, какіе только существуютъ на землѣ, и старыми, какъ міръ. Надъ нами возносилась скала, гдѣ еще видна колонна, печальный остатокъ храма Діаны, столь прославленнаго жертвоприношеніемъ Ифигеніи... мо-

жетъ ли быть еще мѣстность болѣе прекрасная, болѣе интересная? Мы лежали на турецкомъ коврѣ, окруженные татарами. Я писалъ посланіе моей маркизѣ; татары смотрѣли, какъ я пишу, и въ восхищеніи поднимали глаза къ небу, какъ будто я былъ вторымъ Магометомъ. Мой взоръ открывалъ счастливые берега древней Идаліи и края Анатоліи. Пальмы, сливы, вишни, абрикосы и персиковыя деревья въ цвѣту распространяли сладкій ароматъ.

«Морскія волны катили къ моимъ ногамъ брильянты, изумруды, сапфиры неисчерпаемыхъ сокровищницъ Востока... Если бы все это богатство не расплывалось пѣной, я превосходилъ бы богатствомъ набобовъ Индіи... Сквозь листву я видѣлъ обиталища туземцевъ и ихъ самихъ, курящихъ на плоскихъ крышахъ; далѣе виднѣлось кладбище; благодаря положенію, которое всегда выбираютъ для своихъ кладбищъ поклонники пророка, оно давало идею о древнихъ Елисейскихъ поляхъ. Это кладбище было на берегу ручья, но въ томъ мѣстѣ его ложа, гдѣ камни наиболѣе задерживаютъ стремленіе струй, ручей расширялся и спокойно отражалъ фруктовыя деревья, простиравшія надъ мертвыми гостепріимную тѣнь. Ихъ спокойное убѣжище отмѣчали камни, увѣнчанные тюрбанами; иные изъ нихъ были позолочены; мѣстами ихъ замѣнялъ родъ мраморныхъ урнъ, грубой отдѣлки... Нѣтъ, я не могу передать того, что происходило въ моей душѣ; я чувствовалъ себя новымъ существомъ... Обозрѣвая огромную панораму, развертывавшуюся передъ моими жадными взорами, я думалъ, что вижу пародію на искушеніе сатаны! Клянусь! сатана не могъ показать ничего прекраснѣе нашему Спасителю... я однимъ взглядомъ окидывалъ Азовское и Черное моря, Сивашъ и Кавказъ! Мнѣ казалось, что я сплю, когда я видѣлъ юныхъ кавказскихъ князей, почти покрытыхъ серебромъ, на коняхъ сверкающей бѣлизны; когда я видѣлъ ихъ вооруженными лукомъ и стрѣлами, мнѣ мнилось, что я живу во времена Кира Младшаго,.. Да, здѣсь я видѣлъ отряды черкесовъ, прекрасныхъ, какъ день, съ таліей болѣе стройной и узкой, чѣмъ талія госпожи Ламбаль! Я встрѣчалъ здѣсь мурзъ, прекраснѣе одѣтыхъ, нежели герцогиня Шуазель на былыхъ балахъ королевы Антуанетты; казачьихъ офицеровъ, которые съ большимъ вкусомъ располагаютъ складки шароваръ, нежели mademoiselle Bertin драпируется, и мебели, ковры, ткани, столь же гармоничныя, какъ на картинахъ madame Lebrun! Можете измѣрить степень моего изумленія!..»

Слушатели горячими рукоплесканіями показали, что послѣднее остроумное сопоставленіе ими вполнѣ оцѣнено.

— Быть можетъ, здѣсь Овидій писалъ свои элегіи; быть можетъ, онъ сидѣлъ именно тамъ, гдѣ сижу теперь я... Его элегіи называются Понтійскими: вотъ Понтъ Эвксинскій! Этотъ берегъ когда-то принадлежалъ понтійскому царю Митридату. Сумерки

наступили. Онѣ были очаровательны. Море, утомленное движеніемъ, въ которомъ находилось въ теченіе дня, стало вдругъ столь покойно, что походило на огромное зеркало, въ которомъ я видѣлъ самого себя до сокровеннѣйшей глубины моего сердца. Прозраченъ былъ сумракъ быстраго вечера, и я находилъ въ моихъ мысляхъ ту же ясность, которая царила на небѣ и на волнѣ. Я спрашивалъ себя, что я тутъ дѣлаю. Турецкій ли я плѣнникъ? Выброшенъ ли я на этотъ берегъ бурею? Изгнанъ ли, подобно Овидію? или сюда привели меня страсти? Я искалъ и отвѣчалъ себѣ: ничего подобнаго. Послѣ моего милаго сына и двухъ или трехъ женщинъ, которыхъ я люблю, или воображалъ любить безумно, мои сады, вотъ единственное, что изъ всего міра доставляетъ мнѣ наибольшее удовольствіе. Я былъ бы счастливъ работать въ моихъ садахъ, чтобы еще ихъ украсить.

«И я почти никогда въ нихъ не бываю. Мнѣ не удалось ни разу попасть въ мои сады въ пору цвѣтенія, когда мои рощицы драгоцѣнныхъ деревьевъ наполняютъ благовоніемъ воздухъ. Я отдѣленъ тысячами верстъ отъ всего этого. Владѣлецъ земель на берегу Атлантическаго океана, я нахожусь въ моихъ владѣніяхъ на берегу Эвксина. Письмо императрицы Екатерины перебросило меня съ Атлантики къ Эвксину! Она вспоминаетъ наши бесѣды о прекрасныхъ временахъ древности; она предлагаетъ мнѣ слѣдовать за нею въ волшебный край, которому даетъ имя Тавриды, и, въ награду, зная мое пристрастіе ко всѣмъ Ифигеніямъ—въ строфахъ и въ звукахъ,—Эврипида и Расина, Глюка и Пуччини,— она даритъ мнѣ мѣсто храма, въ которомъ жрицей была дочь Агамемнона!

«Теперь, забывая о всѣхъ могуществахъ земли, о «тронахъ» и «господствіяхъ», я испытывалъ то сладкое самоуничтоженіе, которое столь люблю, когда сознаніе вдругъ успокаивается, когда едва замѣчаешь, что оно существуетъ... Что тогда съ душою? Я не могу сказать. Но я мечтаю и строю планы. Искушенному почти всѣмъ, что только извѣстно въ мірѣ, почему бы не остаться мнѣ здѣсь? Какая потеря, говорилъ я себѣ тогда, что рвеніе византійскаго христіанства разрушило самые остатки культа боговъ, столь сладостные воображенію!.. Но эти прекресныя мѣста еще ласкаютъ взоръ бѣлыми минаретами, высокими и тонкими трубами въ формѣ иголъ и особымъ родомъ восточной архитектуры, которая придаетъ свой милый стиль даже скромнѣйшей хижинѣ... Да, остаться бы здѣсь навсегда—жить, любить... Любить? Какое слово я произнесъ! Самъ не зная почему, я прослезился... но какъ сладки были эти слезы! Я плакалъ, не будучи несчастнымъ.

«Вечеръ сходилъ на воды и землю. Солнце, какъ огненная роза, потонуло въ водахъ, и, точно опавшіе лепестки, поплыли послѣднія розовыя отраженія угаснаго свѣтила. Бараны, которые паслись

около моего турецкаго ковра, призывали татаръ; тѣ важно спускались съ крышъ, чтобы запереть ихъ вмѣстѣ со своими женами, окутанными непроницаемыми покрывалами. Муллы призывали въ мечеть правовѣрныхъ, крича съ высоты минаретовъ. Невольно я ощупывалъ на лицѣ восточную бороду, но гладкій подбородокъ напомнилъ мнѣ о западѣ...»

— Прелестно! — Очаровательно! — Истинно мастерской разсказъ!—Какая нѣжная меланхолія чувствъ!—Какія вѣрныя краски!—раздались восклицанія слушателей.

Принцъ де-Линь поклонился и продолжалъ.

XLVII.

Гора орловъ и домикъ въ пустынѣ.

— Изъ моего античнаго имѣнія съ развалинами храма Діаны мы поѣхали съ Чарли на верховыхъ лошадяхъ горами и степями волшебной Тавриды. Проѣзжая мимо одной вершины, мы услышали надъ собою громкіе крики множества орловъ. Вершина была населена мощными птицами древняго Кроніона-Зевса. Мнѣ показалось это счастливымъ предзнаменованіемъ. Я ждалъ только удара грома. Грохотъ обрушившихся въ бездну камней замѣнилъ громъ. Говорилъ не Зевсъ, но подземный владыка Аидъ. Мы съ Чарли рѣшились подняться на орлиную вершину, чтобы посмотрѣть поближе на царственныхъ птицъ и на подоблачное ихъ жилище. Увы, насъ ожидало великое разочарованіе.

«Когда, послѣ долгаго, медленнаго и труднаго восхожденія мы достигли орлинаго пріюта, невыразимое зловоніе поразило наше обоняніе... Обитавшія вершину олимпійскія птицы сносили отовсюду, въ пищу себѣ, своимъ подругамъ-орлицамъ и крикливымъ орлятамъ смрадную падаль. Мы хотѣли поспѣшно удалиться, убѣдясь, что поэтическая и прекрасная издали птица, когда вы смотрите, какъ она свободно и гордо ширяетъ въ небесномъ пространствѣ, въ своей домашней и семейной обстановкѣ вызываетъ глубокое отвращеніе. Но взоръ нашъ упалъ на одну изъ разсѣлинъ скалы, и ужасъ оковалъ наши члены. Тамъ виднѣлись два трупа, связанные веревкой, впившейся въ нихъ, истерзанные когтями и клювами орловъ, но еще сохранившіе обликъ человѣка. То были—мощный юноша и женщина, съ великолѣпными черными волосами и дивной грудью. Но увы! ея глаза, вѣроятно, при жизни сіявшіе, какъ пламенная звѣзда Ремфанъ, были выклеваны орлами, и страшныя, черныя дыры зіяли на мѣстѣ ихъ... Кто были они? Вѣроятно, жертвы восточной ревности. Влюбленный юноша проникалъ въ святилище гарема, въ розовые сады его и вку-

шалъ небесныя наслажденія въ объятіяхъ прелестной женщины, жены важнаго, длиннобородаго правовѣрнаго. Были ли въ заговорѣ прислужницы, или самъ черный скопецъ—стражъ рая наслажденій суроваго господина? И какъ открылась тайна? Кто выдалъ ее? Кто предупредилъ властелина? Но несчастные изобличены, схвачены, и страшная казнь послужила искупленіемъ за мгновенія блаженнаго опьяненія. Ихъ, удавленныхъ тонкимъ шелковымъ шнуркомъ и связанныхъ вмѣстѣ, равнодушные рабы швырнули въ полночь въ море. Оно долго носило тѣла любовниковъ и качало ихъ на зеленыхъ волнахъ! Казнь была ужасная, но великодушная: мститель не разлучилъ послѣ смерти ихъ, при жизни соединенныхъ безуміемъ страсти!.. Но вотъ море выбросило ихъ на берегъ, и орлы унесли трупы на свою вершину, чтобы напитать ими орлятъ... Отвративъ взоры отъ ужасныхъ останковъ, смущенные, стали мы безмолвно спускаться съ орлиной вершины и потомъ долго намъ воображалась погибшая чета, когда мы мчались степью, съ жадностью дыша воздухомъ свободы» [1]).

Принцъ де-Линь умолкъ на минуту и сидѣлъ, какъ бы погруженный въ печальныя думы о жертвахъ страсти и ревности. Всѣ молчали подъ разительнымъ впечатлѣніемъ трагическаго разсказа.

Наконецъ принцъ поднялъ голову, улыбнулся и продолжалъ:

— Судьба, однако, хотѣла насъ подарить новой и уже пріятной находкой. Мы думали, что грезимъ, когда увидѣли вдругъ домъ среди степи, душистой, но ровной и зеленой, какъ бильярдъ. Мы продолжали протирать себѣ глаза, находя, что этотъ домикъ въ пустынѣ прекрасно выстроенъ, стѣны его бѣлы, чисты, онъ окруженъ культурнымъ участкомъ, одна половина котораго была подъ виноградникомъ, а другая подъ огородомъ, черезъ протекалъ чистѣйшій и быстрый источникъ. Но изумленіе наше было безгранично, когда вдругъ изъ домика вышли двѣ небесныя фигуры, одѣтыя въ бѣлыя платья, и предложили намъ сойти съ лошадей и сѣсть на верандѣ за убранный цвѣтами столъ, на которомъ стояло масло и сливки. Мнѣ вспомнились завтраки, описываемые обыкновенно въ англійскихъ романахъ. Въ самомъ дѣлѣ наши прелестныя хозяйки съ глазами, подобными глубинѣ ихъ источника и бѣлокурыми кудрями, были англичанки. То были дочери богатаго фермера, которыхъ русскій посолъ въ Лондонѣ прислалъ князю Потемкину для опытовъ англійской агрикультуры въ Тавридѣ. Мы провели прелестно нѣсколько часовъ съ ними въ живой бесѣдѣ. Прелестныя фермерши были образованы, читали Руссо, Попа, Драйдна, Адисона и древнихъ. Мы говорили объ искусствѣ, о лондонскомъ те-

---

[1]) Je me suis avancé jusqu'au mont d'où j'ai été repoussé par l'odeur du repaire des aigles, qui l'habitent, et qui y apportent toutes les bêtes mortes qu'ils trouvent. Prince de Ligne. Mémoires. Tome I. Pag. 149. Paris. 1827.

атрѣ... Среди степей, среди дикихъ ордъ татаръ мы нашли дивный культурный оазисъ. Въ то время, какъ я бесѣдовалъ съ старшей, Чарли осматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ съ младшей виноградникъ и огородъ, хотя до сихъ поръ я и не замѣчалъ въ немъ наклонностей ни къ огородничеству, ни къ виноградарству... Наступалъ вечеръ. Милыя пустыножительницы предлагали намъ гостепріимство, но мы не рѣшились подвергнуть возможности нареканій ихъ скромность. Мы сѣли на коней и, простясь съ прелестными, потерялись въ сумрачной степи. Но едва отъѣхали версты полторы, Чарли сказалъ, что онъ забылъ у отшельницъ... Что ты забылъ тогда у нихъ, Чарли?

— Я не помню, батюшка, — отвѣчалъ юный герой, опуская глаза и краснѣя.

Всѣ улыбались.

— Впрочемъ, это все равно. Чарли вернулся за забытой вещью, прося меня ѣхать пока шагомъ... Но я не исполнилъ его просьбы. Я такъ былъ нелюбезенъ, что поѣхалъ рысью, и мы свидѣлись съ нимъ только черезъ недѣлю въ Яссахъ.

Всеобщій смѣхъ покрылъ неожиданное заключеніе. Чарли совершено смутился и выбѣжалъ вонъ изъ палатки.

— Истый рыцарь-храмовникъ,—сказалъ Ришелье:—съ воинской отвагой онъ соединяетъ цѣломудріе и скромность.

— Въ Яссахъ я помѣстился въ одномъ изъ великолѣпныхъ дворцовъ,—продолжалъ принцъ де-Линь,—которые бояре строятъ въ восточномъ вкусѣ и какихъ болѣе полутораста высится надъ прочими зданіями столицы Молдавіи.

«Прелестныя женщины, почти всѣ изъ Константинополя и изъ древнихъ греческихъ фамилій, небрежно сидѣли на диванахъ, запрокинувъ голову или поддерживая ее бѣломраморной рукой. Мужчины, пришедшіе къ нимъ съ визитомъ, почти лежали около нихъ. Въ высшей степени легкая и короткая юбка воздушно покрывала плѣнительныя формы красавицъ, и газъ чудесно обрисовывалъ очаровательные контуры ихъ персей. На головѣ черная или огненнаго цвѣта ткань сверкаетъ брильянтами, которые украшаютъ этотъ родъ тюрбана или чепчика. Прекраснѣйшей бѣлизны перлы на шеѣ и рукахъ. На нѣкоторыхъ же платье украшено цехинами и дукатами. Я насчиталъ до трехъ тысячъ на одной. Прочія части ихъ восточнаго костюма залиты серебряной и золотой канителью... Жены бояръ такъ же, какъ и султанши, перебираютъ родъ четокъ изъ брильянтовъ, жемчуговъ, ковалловъ, лаписъ-лазури, агата или рѣдкаго дерева. Эти четки въ ихъ рукахъ служатъ для бальныхъ разговоровъ подобно вѣеру въ рукѣ европейской красавицы. Онѣ играютъ зернами, перебирая ихъ быстрыми пальцами, ногти которыхъ окрашены карминомъ, и любовникъ проникаетъ въ значеніе этого языка любви.

«Константинополь даетъ тонъ Яссамъ, какъ Парижъ—провинціи. Любимый цвѣтъ султанши—желтый. И онъ сталъ въ модѣ у женщинъ въ Яссахъ. Большія трубки съ длиннѣйшимъ черешневымъ чубукомъ замѣнили въ Константинополѣ чубуки жасминоваго дерева. И въ рукахъ молдаванскихъ бояръ дымятся черешневые чубуки. Эти господа никогда не ходятъ пѣшкомъ. Они лѣнивы, какъ турки. Молодые прислужники и прислужницы, юноши и дѣвушки, стройные и привлекательные, костюмы которыхъ ничѣмъ, кромѣ богатства, не отличаются отъ одѣянія ихъ господъ, приносятъ блюдечки съ тертыми розами въ сахарѣ, сжигаютъ благовонія или льютъ духи, приносятъ душистый кофе и кристальную холодную воду... И въ моихъ рукахъ дымится черешневый чубукъ. И послѣ четвертой трубки я становлюсь истымъ туркомъ...

Внезапно въ палатку вошелъ ординарецъ Потемкина и прервалъ разсказъ хозяина, заявивъ, что свѣтлѣйшій немедленно требуетъ къ себѣ «нарочнаго въ Парижъ».

— А, ступайте, милый мой, ступайте скорѣе!—сказалъ принцъ Радожицкому.—Мой колоссъ-Потемкинъ васъ призываетъ, чтобы снабдить на дорогу семимильными сапогами!

XLVIII.

Кредитивъ.

У входа великолѣпнаго шатра свѣтлѣйшаго Радожицкій нашелъ правителя дѣлъ его, генерала Василія Степановича Попова, въ полной формѣ по обыкновенію.

— Пожалуйте, голубчикъ,—сказалъ Поповъ.—Свѣтлѣйшій въ эту ночь страдалъ безсонницею и постоянно о васъ напоминалъ, чтобы послѣ завтрака дать вамъ наказъ относительно парижской поѣздки. Когда введу, извольте вытянуться и молча стоять, пока свѣтлѣйшій сами о васъ спросятъ,—продолжалъ правитель дѣлъ.— Они терпѣть не могутъ напоминаній, и никогда ничего не забываютъ. Которое дѣло почему-либо медлятъ исполнять, значитъ такъ тому должно быть.

Продолговатый шатеръ свѣтлѣйшаго нѣсколько напоминалъ скинію ветхозавѣтную израильтянъ въ пустынѣ и раздѣлялся занавѣсями на три части: какъ бы притворъ, гдѣ толпились адъютанты, иностранные дипломатическіе агенты, начальники и чиновники, дожидая вызова въ среднюю часть шатра—святилище; а самъ свѣтлѣйшій, занятый государственными дѣлами, одинъ сидѣлъ въ третьей части шатра. Передъ входомъ въ шатеръ снаружи помѣщались гетманскія инсигніи—булава, бунчукъ и литавры,—свѣтлѣйшій носилъ между прочимъ титулъ гетмана всѣхъ новороссійскихъ, донскихъ и черноморскихъ казаковъ.

Поповъ провелъ Павла Корнильевича въ среднюю часть, мимо адъютантовъ, кивавшихъ съ льстивыми улыбками счастливому товарищу, и разнообразныхъ важныхъ и неважныхъ лицъ, дожидавшихся въ притворѣ. Въ средней части не было никого. Поповъ молча поставилъ Радожицкаго какъ разъ противъ разрѣза занавѣси, за которой скрывался Потемкинъ, самъ подошелъ неслышными шажками и чуть заглянулъ во внутрь.

— Попова!—вдругъ раздался громкій, хриплый голосъ Потемкина.

Поповъ распахнулъ края занавѣси, мгновенно очутился за нею и вновь запахнулъ за собою «святая святыхъ». При этомъ оттуда на Павла Корнильевича пахнуло сильнымъ запахомъ лавандовой воды. Это возвѣщало опытнымъ въ привычкахъ свѣтлѣйшаго, что онъ не въ духѣ, страдаетъ головной болью и лобъ его повязанъ платкомъ съ лавандой.

Павелъ Корнильевичъ остался одинъ подъ сумрачнымъ сводомъ шатра, освѣщеннаго приспособленными въ боковыхъ его полостяхъ окошечками съ цвѣтными стеклами, благодаря чему «святилище» наполнялось красочными тѣнями и бликами.

Прошло минутъ десять, показавшіяся безконечными «нарочному». Вдругъ Поповъ опять вынырнулъ изъ за-занавѣски. Въ обѣихъ рукахъ онъ держалъ множество лоскутковъ бумажныхъ. Подойдя къ оконцу, принялся разбирать ихъ, прочитывая набросанные карандашомъ Потемкина слова, строки, каракули, шифры и условные знаки. То были плоды ночныхъ и утреннихъ размышленій свѣтлѣйшаго. Разобравъ лоскутки, правитель дѣлъ ушелъ въ «притворъ» и не возвращался добрыхъ полчаса. Въ это время мертвое молчаніе царило въ шатрѣ. Павелъ Корнильевичъ стоялъ на вытяжку передъ таинственной занавѣсью, въ цвѣтномъ сумракѣ и невольно отдавался нахлынувшимъ мыслямъ и предчувствіямъ. Ему стало казаться, что за этой занавѣсью скрывается самъ Рокъ, отецъ Фортуны и Случая, играющій его жизнью, что тамъ таится все его будущее...

Вдругъ вошелъ Поповъ и, взявъ Павла Корнильевича за локоть, сталъ ждать...

— Попова!—опять раздался хриплый, громкій голосъ.

Поповъ, распахнувъ занавѣсь, вошелъ самъ и ввелъ «нарочнаго» къ свѣтлѣйшему.

Эта часть шатра сведена была куполомъ и убрана шелковыми восточными тканями; круглыя окошки въ куполѣ ее освѣщали.

Свѣтъ падалъ сверху на большой столъ и сидѣвшаго за нимъ въ профиль Потемкина. Въ томъ же зеленомъ капотѣ, повязанный по лбу краснымъ платкомъ, онъ сидѣлъ, оперши огромную, косматую голову истаго Голіаөа на руку.

При входѣ Попова зрячій глазъ свѣтлѣйшаго глянулъ изъ-подъ пальцевъ, усыпанныхъ драгоцѣнными перстнями, и опять

скрылся. Склонивъ голову надъ столомъ, Потемкинъ принялся писать на клочкѣ бумаги карандашомъ. Потомъ отодвинулъ клочокъ и, хотя Поповъ стоялъ сзади него всего въ трехъ шагахъ, опять громко закричалъ:

— Попова!

Поповъ подошелъ неслышно, взялъ съ края стола клочокъ бумаги съ низкимъ поклономъ и удалился изъ «святая святыхъ».

Наступила тишина. Павелъ Корнильевичъ стоялъ вытянувшись у занавѣси. Онъ видѣлъ профиль Потемкина, его мощныя, крупныя, красивыя, но нѣсколько обрюзгшія черты, выражавшія удивительное смѣшеніе генія со звѣрствомъ, «золотыхъ и брильянтовыхъ розсыпей съ безводными песками и степями», какъ выражался принцъ де-Линь.

На столѣ передъ Потемкиномъ лежали, кромѣ клочковъ бумаги и карандаша, маленькая пилка и прутокъ серебра, коробочка съ драгоцѣнными камнями разной формы и цвѣта.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ угрюмой неподвижности, Потемкинъ взялъ серебро и сталъ его обтачивать пилкой, причемъ усиленно сопѣлъ носомъ.

Лицо его при этомъ выражало странное напряженіе, сосредоточенность и работу мысли. Глубокія морщины появлялись и пропадали; крупныя капли пота текли по длинному и тонкому носу.

Вдругъ онъ съ досадой бросилъ пилку и серебро на столъ и опять въ угрюмой неподвижности, съ расплывшимся въ выраженіи брезгливаго отвращенія чертами лица, сидѣлъ и размазывалъ по столу пальцемъ серебряную пыль, насыпавшуюся съ пилки.

Потомъ взялъ коробочку, высыпалъ драгоцѣнные камни и съ важнымъ, глубокомысленнымъ видомъ сталъ ихъ, концами тонкихъ и длинныхъ пальцевъ, которые держалъ, какъ играющій на клавесинѣ, располагать разными фигурами. Красные, какъ кровь, смарагды, зеленые изумруды, сверкающіе брильянты двигались, складывались въ странныя сочетанія, переливаясь огнями, и Потемкинъ походилъ на теософа, совершающаго магическія гаданія. Долго передвигалъ Потемкинъ камни.

Вдругъ съ досадой смѣшалъ ихъ и опять всыпалъ въ коробочку.

Еще посидѣлъ, подперши кулакомъ челюсть,—съ звѣрскимъ выраженіемъ лица. Вдругъ рѣшительно досталъ изъ коробочки красный и зеленый камни, подбросилъ и поймалъ ихъ оба на наружную часть ладони. Мгновенно лицо его просіяло и, повернувшись къ Радожицкому, онъ уставилъ на него зрячій, весело блиставшій глазъ.

Павелъ Корнильевичъ стоялъ вытянувшись и ждалъ вопроса свѣтлѣйшаго.

— Ну, что, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ наконецъ:—довольны вы прямой службой, къ которой я васъ предназначаю?

— Какъ ваша свѣтлость даже адъютантомъ меня изволили взять съ тою нарочитою цѣлью, чтобы говорить вамъ правду,— смѣло отвѣтилъ Радожицкій:—то и долженъ я вамъ объявить, что хотя отъ службы, къ которой меня предназначаете, я и не отказываюсь, но довольнымъ ею быть не могу.

— Вотъ какъ!—совершенно весело и привѣтливо сказалъ Потемкинъ.—Почему же вы недовольны?

— Прямой службой назвалъ бы я возможность быть въ передовыхъ частяхъ дѣйствующей арміи, подъ огнемъ непріятельскимъ, ваша .свѣтлость! А какая же это прямая служба, для которой должно сдѣлать многія сотни верстъ крюку отъ Яссъ до Парижа!

— Такъ! такъ!—сказалъ Потемкинъ, посмѣиваясь и покачивая лохматой и повязанной платкомъ огромной головой. —И подумать, что былъ въ уборныхъ сержантахъ! Соскочилъ съ луны! Соскочилъ съ луны!—повторялъ Потемкинъ, морщась отъ смѣха, просившагося на его выразительныя красивыя губы.

Потомъ сталъ важенъ и глубокомысленъ.

— Совершенно понимаю благородство чувствъ вашихъ, рѣдкостныхъ въ столь развращенномъ нашемъ вѣкѣ,—сказалъ онъ:— но подъ огнемъ арміи непріятельской побывать еще успѣете, ибо мы не столь быстро будемъ вести кампанію, какъ вѣнскіе стратеги его величества императора Іосифа ведутъ въ своихъ прожектахъ. Тише ѣдешь—дальше будешь. Но прямая служба отечеству не въ однихъ воинскихъ состоитъ подвигахъ и не одними прямыми путями доходитъ до пользы, но весьма извитыми и спутанными. Такъ вамъ хотя и предстоитъ сдѣлать крюкъ отъ Яссъ до Парижа, но крюкъ сей прямо приведетъ къ пользѣ отечества и общей нашей матери, державной моей благодѣтельницы. Итакъ, молодой человѣкъ, отправляйтесь и, прибывъ въ Парижъ, явитесь первымъ долгомъ къ банкиру, на имя коего написанъ сей кредитивъ, и получите по немъ на расходы по исполненію препорученій графини Софіи и прочихъ нашихъ красавицъ. Помните при этомъ— que la femme veut—Dieu le veut! И въ особенности разъ дѣло касается покупки принадлежностей дамскаго наряда, то выполненіе требуется наиточнѣйшее! Женская диспозиція къ непремѣнному исполненію принимается и строже есть даже воинской. Вотъ, возьмите кредитивъ!—закончилъ Потемкинъ и, взявъ съ полочки надъ столомъ бумагу, протянулъ ее Павлу Корнильевичу.

Взглянувъ на сумму кредитива, Радожицкій остолбенѣлъ отъ изумленія: такъ громадна была проставленная цифра.

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости, что сумма чрезвычайно огромна, между тѣмъ путь дологъ, а во Франціи—революція, и Парижъ наполненъ убійцами и бандитами. Опасаюсь поэтому за цѣлость кредитива, хотя и буду беречь его наитщательно,— сказалъ Радожицкій.

Потемкинъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать! Парижскіе модные уборы большихъ денегъ стоятъ! Впрочемъ, не вся сумма пойдетъ на уборы. Что отъ покупки башмачковъ останется, вы отдадите маркизѣ де-Z. лично отъ меня. А затѣмъ она уже скажетъ, что вамъ мнѣ передать. Полагаю, что о сей маркизѣ вы уже слышали?

— Точно такъ, ваша свѣтлость, слышалъ отъ принца де-Линь,— отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ:—который мнѣ вручилъ и письмо для передачи ей.

— Ага! де-Линь посылаетъ съ вами письмо маркизѣ де-Z.!— сказалъ зловѣще Потемкинъ.—Посмотримъ, что окажется дѣйствительнѣе, его письмо или мой кредитивъ! Но надѣюсь, что вы, господинъ правдолюбъ, устоите предъ чарами сей маркизы, которая столь опасна, какъ древняя Цирцея! Ну, храни васъ Богъ! Попова!—крикнулъ Потемкинъ.

Поповъ мгновенно появился.

— Отвести господина адъютанта въ шатеръ графини Софіи для полученія имъ препорученій ея сіятельства! Да заготовить ему въ Парижъ подорожную. Онъ къ ночи отъѣзжаетъ.

XLIX.

Мѣрка византійской ножки.

Какъ страдающій неизлечимой болѣзнью, когда она вдругъ отступаетъ, притаившись въ организмѣ, исполненный радостной надежды, полагаетъ, что совершенно отъ нея избавился, и вдругъ глухая, но знакомая боль возвѣщаетъ ея присутствіе, такъ и Павелъ Корнильевичъ послѣ ночныхъ видѣній проснулся съ ощущеніемъ полной независимости отъ мгновеннаго увлеченія гречанкой и затѣмъ все утро о ней даже не вспоминалъ, но едва свѣтлѣйшій назвалъ ея имя и предстояло увидѣть красавицу, зараза страсти съ новой силой охватила молодого «нарочнаго», и когда онъ съ Поповымъ подходилъ къ роскошному шатру графини Софіи, всѣ его желанія, всѣ его мысли были устремлены къ прекрасной и онъ боялся одного—выдать волновавшія его чувства.

Графиня Софія по восточной привычкѣ приняла Попова полулежа на низкомъ диванѣ.

— Свѣтлѣйшій приказали мнѣ доложить вашему сіятельству, что нарочный готовъ въ путь и ожидаетъ вашихъ приказаній,— почтительно доложилъ Поповъ.

— Гдѣ онъ?—съ живостью спросила гречанка.

— Онъ дожидается разрѣшенія войти.

— Пошлите его ко мнѣ сюда, а сами можете итти,—приказала графиня.

Когда Павелъ Корнильевичъ вошелъ, гречанка съ улыбкой приподнялась и устремила на него прекрасный взоръ, точно золотою сѣтью окинувшій юнаго рыцаря. Сердце въ груди его почти остановилось, но потомъ забилось тяжко и громко, кровь прихлынула къ головѣ, и все мгновенно исчезло изъ его памяти, воображенія, даже зрѣнія, кромѣ небеснаго и въ то же время вожделѣнно-земного образа, улыбавшагося ему. Такъ онъ на себѣ доказывалъ справедливость восточной пословицы: «Никто не можетъ держать въ рукѣ огонь и въ то же время думать о снѣгахъ Кавказа».

— Ахъ, вы уже ѣдете,—на своемъ французскомъ языкѣ сказала графиня Софья.—Я очень благодарна вамъ. Вы бывали въ Парижѣ?

— Ни разу въ жизни, графиня,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ,—я еще не выѣзжалъ изъ предѣловъ россійской монархини.

— А я была,—наивно похвасталась гречанка.—Я вездѣ была: въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ, въ Варшавѣ, въ Стамбулѣ... Вы не были въ Стамбулѣ?

— Я имѣлъ честь доложить вамъ, графиня, что не выѣзжалъ изъ предѣловъ россійскихъ,—улыбаясь, отвѣчалъ Радожицкій.— Впрочемъ, мы ожидаемъ, что къ веснѣ храбрыя войска нашей монархини займутъ Стамбулъ, и тогда я тамъ побываю, конечно, если вражьи пули меня помилуютъ.

— Займутъ Стамбулъ?—переспросила красавица и перестала улыбаться.—Не надо! Нѣтъ, нѣтъ—не надо!

Перпендикулярная морщинка появилась на ея бѣлоснѣжномъ лбѣ.

— Какъ же не надо занимать Стамбулъ?—удивился Радожицкій.—Мы всѣ этого ожидаемъ. Крестъ засіяетъ на Св. Софіи...

— Не надо! Не надо!—топая ножкой по дивану, капризно повторила красавица.—И Стамбулъ не надо. И Измаилъ не надо. Тамъ моя сестра живетъ у паши въ гаремѣ. Русскимъ итти дальше не надо. Тогда Молдавія свободна, Валахія свободна, Греція свободна. Мнѣ обѣщалъ англійскій посолъ.

Она посмотрѣла изъ-подъ дивныхъ бровей на молодого человѣка и вдругъ стала улыбаться и манить его пальчикомъ.

— Подойдите. Сядьте. Вотъ сюда.

Она указала на низенькую табуретку, всю рѣзную, съ золотомъ и инкрустаціями.

— Курите нергиле!—говорила она, подавая ему янтарь.—Я сейчасъ держала его въ губахъ!—низкимъ таинственнымъ груднымъ шопотомъ произнесла она и сама вложила янтарь въ его губы, причемъ коснулась ихъ рукою такъ, что онъ какъ бы поцѣловалъ ея душистую, бѣлую ладонь.

— Кушайте розы!—подавая ему ложечку, продолжала она, указывая на хрустальную вазу, раздѣленную на ячейки, съ разными

восточными лакомствами въ нихъ.—Кушайте! Вы мнѣ нравитесь. Вы—добрый, храбрый, великодушный. Но будьте и послушный, совсѣмъ послушный, во всемъ и всегда. И тогда будетъ хорошо. Очень хорошо-о-о...

Она заглянула ему въ глаза, разсмѣялась, покраснѣла и отвернулась.

Голова пошла кругомъ у бѣднаго Павла Корнильевича. Онъ сидѣлъ, курилъ, наслаждался близостью прекрасной, не размышляя больше ни о чемъ.

— Вамъ нужно мѣрку, чтобы заказать въ Парижѣ башмаки,— наконецъ сказала графиня Софья, протягивая на диванѣ ножки, облеченныя въ шальвары и башмаки съ загнутыми носками.— Сумѣете ли вы снять мѣрку съ ноги?

— Не пробовалъ,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.—Я не обучался башмачному ремеслу.

— Попробуйте. Тутъ нѣтъ ничего труднаго. Вотъ вамъ лента, смѣряйте ею подъемъ и длину отъ пятки до носка.

Она скинула восточный башмачокъ.

Павелъ Корнильевичъ, самъ не понимая, что онъ дѣлаетъ, опустился на одно колѣно, взялъ ленту и едва прикоснулся къ стройной, прелестной ножкѣ красавицы (прелестной, хотя она и не захотѣла наканунѣ мѣриться съ Долгорукой), какъ пламень пробѣжалъ по его жиламъ.

— Что же вы?—спросила графиня Софія.

Она смотрѣла сверху на колѣнопреклоненнаго рыцаря.

Трепещущими руками Павелъ Корнильевичъ смѣрялъ ея ногу, но прикосновеніе къ тѣлу красавицы наполнило его такой слѣпой страстью, что онъ вдругъ напечатлѣлъ поцѣлуй на крутомъ подъемѣ ноги, которой суждено было отнынѣ попирать его человѣческое достоинство.

Графиня Софья осторожно приняла ногу.

— Встаньте!—повелѣла она.

Радожицкій поднялся. Преклонилъ онъ колѣни предъ гречанкой еще свободнымъ человѣкомъ. Всталъ—рабомъ. Сознаніе этого на мгновеніе пронзило его сердце невыразимой скорбью. Но вслѣдъ за тѣмъ ощущеніе рабства стало для него сладко. Ему хотѣлось, чтобы ноги красавицы топтали его.

— Теперь вы можете ѣхать,—заговорила гречанка, и голосъ ея звучалъ повелительно и властно. Она не улыбалась. Откинувъ станъ на подушки дивана, она съ равнодушнымъ удовлетвореніемъ наблюдала за нимъ. А онъ стоялъ въ покорной позѣ, весь въ ея власти.

— Только вотъ еще что,—продолжала она.—По дорогѣ въ Парижъ вы заѣдете въ Венецію. Вотъ возьмите это письмо и храните его, какъ собственную душу.

Она достала изъ-за шелковой ткани, облекавшей ея совершенно-античную грудь, письмо, сложенное треугольникомъ и запечатанное золотымъ сургучомъ съ изображеніемъ чаши и выходящей изъ нея змѣи съ высунутымъ жаломъ. Адресъ былъ написанъ по-гречески.

— Вы знаете греческій алфавитъ?—спросила графиня Софья.

— Знаю,—принимая письмо, отвѣчалъ Радожицкій.

— Прочтите адресъ.

Онъ прочелъ. Она поправляла его произношеніе и объясняла, гдѣ лежитъ та мѣстность и находится домъ, указанный въ адресѣ, причемъ съ такой подробностью описывала Венецію, что видно было, что и въ этомъ городѣ она жила достаточно долгое время.

Какъ свѣтлѣйшій находилъ, что крюкъ отъ Яссъ до Парижа не нарушаетъ прямого пути къ пользѣ отечества, такъ и гречанка полагала, что Венеція лежитъ по дорогѣ въ Парижъ.

— Тотъ, кому вы отдадите мое письмо,—продолжала она,—дастъ вамъ для меня одну вещь. Затѣмъ уже вы можете ѣхать въ Парижъ, но знайте, что если вы привезете мнѣ парижскіе башмаки, но не достанете той вѐщи, которая мнѣ нужна въ Венеціи, я уже не буду больше васъ считать моимъ нарочнымъ... Если же вы исполните въ точности мое порученіе и потомъ будете послушны, то...

Она посмотрѣла въ глаза молодому человѣку такъ сладко и многообѣщающе, что Радожицкій затрепеталъ и осмѣлился взять ея руку и поднести къ жаркимъ устамъ.

Она отняла руку, отступила и, указавъ на выходъ, произнесла:

Кюшàди гунчѐ-и-диль калдѝ
Биръ бегарà дахы!..

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

X.

Моя дѣятельность по завѣдыванію финляндскими дѣлами.—Отношенія къ князю Меншикову.—Я дѣлаюсь властью.—Возрастающее вліяніе Чернышева.—Его антагонизмъ съ Меншиковымъ.—Назначеніе Перовскаго оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.—Увольненіе министра внутреннихъ дѣлъ и финляндскаго генералъ-губернатора Закревскаго.—Назначеніе князя Меншикова финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.—Характеристика его.—Перемѣна въ государѣ.—Интриги приближенныхъ къ нему лицъ.—Новые министры.—Воронцовъ.—Посылка меня въ Николаевъ.—Неудачные смотры.—Отставка Муравьева.—Мое знакомство съ Клейнмихелемъ.—Моя служба у графа Орлова. — Князь Друцкой-Любецкій. — Паденіе ассигнацій.—Комитеты.—Анекдоты о Паскевичѣ.

ВСТУПИВЪ въ завѣдываніе финляндскими дѣлами, производившимися въ Петербургѣ, я ограничивался сначала принятіемъ приказаній князя Меншикова и ихъ исполненіемъ, но при этомъ я, какъ и прежде бывало, позволялъ себѣ съ нимъ спорить; въ морскихъ дѣлахъ предметы моего сопротивленія были ничтожны; въ финляндскихъ же, гдѣ дѣла были посерьезнѣе, я не только оспаривалъ, но и не соглашался, до тѣхъ поръ отлагая исполненіе, доколѣ не истощалъ всѣхъ способовъ убѣжденія. Очень часто, даже по большей части, я одерживалъ верхъ. Князь былъ такъ уменъ, и такъ благороденъ, что вовсе не сердился за то, что я доказывалъ ему неправильность его взгляда; напротивъ, послѣ каждой моей побѣды онъ усугублялъ свое ко мнѣ довѣріе и расширялъ кругъ моего полномочія. Не прошло года, какъ я перемѣнилъ весь порядокъ теченія дѣлъ: я не доклады-

---

[1]) Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 58.

валъ ему вступающихъ бумагъ; распечатывалъ ихъ, собиралъ свѣдѣнія, приготовлялъ исполненіе, и, когда все было готово, докладывалъ, какая поступила бумага, какія я требовалъ свѣдѣнія, къ какому пришелъ заключенію и въ какомъ содержаніи приготовилъ бумаги для его подписанія. Князь выслушивалъ проекты, дѣлалъ въ редакціи измѣненія, или подписывалъ ихъ тотчасъ. Такимъ образомъ я вошелъ въ непосредственное сношеніе съ мѣстными властями. Сперва сношенія мои ограничивались запросами или требованіями отъ имени его свѣтлости, потомъ я вошелъ въ партикулярную переписку съ губернаторами, сенаторами, епископами и архіепископами. Вообще, кругъ дѣйствія петербургской канцеляріи измѣнился. До меня управлялъ ею Бахтинъ; предметы канцеляріи были: секретная переписка и передѣлка редакціи. При мнѣ, когда собираемыя мною свѣдѣнія наводили меня на мысли объ улучшеніи или поддержаніи какой-либо части, канцелярія принимала инипіативу. Нѣсколько распоряженій по мыслямъ, родившимся въ Петербургѣ, хотя князь тщательно скрывалъ ихъ мѣсторожденіе, побудили многихъ лицъ пріѣзжать для объясненія со мной, и даже, если они являлись для объясненій съ княземъ,—прежде стараться уговорить меня. Скромное мое жилище въ домѣ начальника морского штаба наполнялось посѣтителями, статскими—большею частью по дѣламъ общественнымъ, военными русскихъ войскъ — почти исключительно по дѣламъ наградным. Переписка расплодилась ужасно (почтовая) на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Статсъ-секретарь финляндскій присылалъ ко мнѣ безпрестанно своихъ первыхъ секретарей; все, что нужно было выпросить у князя, выпрашивалось прежде у меня: я сдѣлался властью. Къ такому положенію моему содѣйствовало и то, что кредитъ князя началъ съ 1835 г. понижаться, что его безпокоило и часто поглощало. Съ 1835 г. начало возрастать вліяніе графа Чернышева. Приготовляя перомъ Позена новые проекты военнаго управленія или войсковыхъ заготовленій,—вѣрнѣе, подписывая проекты Позена,—Чернышевъ—вѣрнѣе Позенъ—умѣлъ очень ловко выманивать у государя солидарность его въ этихъ вымыслахъ, и какъ государь любилъ единство, и даже только однообразіе, имѣвшее видъ единства, то все, что онъ утверждалъ по военному вѣдомству, приказывалъ распространять и на морское. Такимъ образомъ Меншиковъ изъ самостоятельнаго начальника морскихъ силъ становился копіистомъ Чернышева. Этого одного было достаточно, чтобы взволновать его самолюбіе, но, кромѣ того, подъ этою копировкою скрывались ве-л[ич]айшія затрудненія. Если на морское вѣдомство распространялось ч[то]-нибудь хорошее, заслуга оставалась за Чернышевымъ; если д[урн]ое—флотъ ропталъ на Меншикова; а Меншиковъ, отстаивая ф[л]отъ, терялъ расположеніе царя; такъ кредитъ его обрушивался с[ъ] двухъ концовъ. Но что еще хуже—Чернышевъ лгалъ государю

съ изумительною наглостью, а князь этого не умѣлъ. Не могу забыть доселѣ одинъ случай. Чернышевъ представилъ государю, что существующій порядокъ казенныхъ заготовленій черезъ русскихъ подрядчиковъ вреденъ; что они обходятся дорого казнѣ, а барыши не дѣлятся съ крестьянами и другими первыми производителями, что гораздо лучше покупать изъ первыхъ рукъ, хоть по мелочамъ; что военное министерство сдѣлало опытъ, и онъ удался необыкновенно,—и всѣ мужички благословляютъ государя. Государь въ восхищеніи. Посылаетъ докладъ къ князю Меншикову съ приказаніемъ немедленно ввести такой порядокъ и по морскому вѣдомству. Князь проситъ Чернышева прислать ему правила или инструкціи для такого способа заготовленій. Отвѣта нѣтъ; пишетъ вторично,— Чернышевъ отвѣчаетъ, что такихъ правилъ нѣтъ; справляется, какъ и гдѣ заготовленъ послѣдній провіантъ для войскъ,—оказывается, что вся поставка отдана одному Кузину, милліона два четвертей муки! Это значило купить изъ первыхъ рукъ! Князь ненавидѣлъ доносы, но въ этомъ случаѣ дѣло шло не о доносѣ, а о невозможности исполнить монаршую волю. Князь, при первомъ докладѣ, сказалъ государю, въ какомъ положеніи дѣло, т. е. что правилъ нѣтъ и что заготовленія дѣлаются еще по старому, умолчавъ изъ деликатности о томъ, что новость заготовленія состояла въ отдачѣ почти всего продовольствія арміи въ однѣ руки. И это сошло съ Чернышева, какъ съ гуся вода; вѣроятно, отолгался! Между тѣмъ борьба между ними сдѣлалась ожесточеннѣе; Меншиковъ усилилъ насмѣшки надъ парикомъ Чернышева, а тотъ, гораздо практичнѣе, подрывалъ грунтъ подъ ногами Меншикова. На сторонѣ князя была правда, на сторонѣ Чернышева — сила. Князь имѣлъ одинъ докладъ въ недѣлю; Чернышевъ ходилъ съ докладомъ ежедневно. Меншиковъ безпрестанно отказывалъ дамамъ высоко стоящимъ въ ихъ покровительныхъ просьбахъ; Чернышевъ шелъ этимъ просьбамъ навстрѣчу. Первый сидѣлъ съ утра до вечера за бумагами, послѣдній посѣщалъ всѣ вечера и вездѣ закидывалъ удочки себѣ, рогатины князю. Въ 1835 году Перовскій сдѣланъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, и это играло важную роль въ политической жизни Меншикова. Перовскій пылкій, chevalier sans peur et sans reproche [1]), обожавшій князя Меншикова. Его franc-parler [2]) было всѣмъ извѣстно. Узнавъ о какомъ-нибудь наговорѣ на князя Меншикова, Перовскій былъ въ состояніи вбѣжать къ государю безъ доклада, чтобы сказать ему, что это ложь. Онъ былъ такъ же дѣятеленъ въ посѣщеніяхъ свѣта, какъ и Чернышевъ, но умнѣе его и неизмѣримо уважительнѣе. Оттого Перовскій былъ щитомъ Меншикова. Съ отъѣздомъ Перовскаго оплотъ

---

[1]) Рыцарь безъ страха и упрека.

[2]) Свобода слова.

князя Меншикова сокрушился. Къ Чернышеву присоединился князь Воронцовъ, тоже лгунъ,—этотъ ловчѣе, тотъ наглѣе. Къ нимъ пристала старая месть Грейга; подъ его предсѣдательствомъ сочинили нормальную смѣту морского министерства, по которой ассигновано было: на балтійскій флотъ, съ 27 экипажами, съ 27 линейными кораблями, со всѣмъ главнымъ управленіемъ и съ флотиліями каспійскою, байкальскою, охотскою и архангельскою—11 милліоновъ рублей ассигнаціями, а на черноморскій флотъ, съ 15 экипажами и 15 линейными кораблями, 9 милліоновъ рублей ассигнаціями, всего 20 милліоновъ ассигнаціями, или меньше 7 милліоновъ рублей серебромъ (теперь безъ черноморскаго флота 23 милліона рублей серебромъ), отчего, естественно, суда балтійскія были плохи, и офицеры балтійскіе менѣе довольны княземъ Меншиковымъ, чѣмъ черноморскіе—Лазаревымъ. Закревскій былъ тоже врагомъ Меншикова, которому приписывалъ свое увольненіе отъ службы, но совершенно неосновательно. Я, какъ сегодня, помню разсказъ князя Меншикова, воротившагося отъ государя. Меншиковъ говорилъ мнѣ озабоченно: Закревскій написалъ государю письмо, которымъ проситъ увольненія отъ званія министра внутреннихъ дѣлъ и финляндскаго генералъ-губернатора (въ 1831 г. послѣ холеры) въ предположеніи, что государь имъ недоволенъ. Между строчками это значило: я надѣялся получить ленту, но не получилъ; дайте мнѣ ее, пожалуйста. Письмо это подано государю въ то время, когда ему докладывалъ Меншиковъ. Государь, подумавъ, сказалъ:

— Закревскій просится въ отставку; я никого не удерживаю; министръ внутреннихъ дѣлъ у меня есть. Меншиковъ! возьми Финляндію. Я всегда думалъ, что это управленіе ближе всего входитъ въ тѣ руки, въ которыхъ мои морскія силы.

Меншиковъ отозвался государю, что онъ не можетъ взяться за это, что онъ все еще учится морскому дѣлу, котораго не зналъ вовсе, когда его величество далъ ему это управленіе; что онъ не знаетъ и Финляндіи, и опять долженъ учиться, а между тѣмъ не имѣетъ довольно времени и для дѣлъ морского управленія. Государь поручилъ ему назвать кандидатовъ. Князь говорилъ мнѣ: «я увѣренъ, что это комедія, что государь не приметъ моихъ кандидатовъ и навяжетъ мнѣ Финляндію». На слѣдующее воскресенье князь позванъ къ государю; онъ назвалъ троихъ, изъ которыхъ помню Дена и Берга, но государь никого не принялъ, и Финляндія возложена на князя Меншикова. Закревскій, выйдя въ чистую отставку, разсердилъ государя. Однакоже, давая великолѣпные балы, онъ понемногу привлекъ къ себѣ царскую фамилію и получилъ вѣсъ. Такъ, Чернышевъ, Воронцовъ, Закревскій, Грейгъ и куча недовольныхъ особъ женскаго пола составляли батарею противъ Меншикова; за нимъ, или съ нимъ—ни души! Ибо если нельзя безъ вопіющей несправедливости сказать, что Меншиковъ не былъ

вполнѣ благороденъ по правиламъ, то нельзя также, безъ слѣпоты, не сознаться, что онъ обладалъ особеннымъ искусствомъ отталкивать отъ себя людей теплаго чувства; довольно было сдѣлать ему слабую демонстрацію дружбы, чтобы онъ скривилъ ротъ, или выпустилъ шуточку. Это послѣдствіе философіи Ларошфуко, которой онъ начитался въ молодости, и тѣхъ обмановъ, которыхъ неоднократно былъ жертвою. Добрыя волненія души возбуждали въ немъ ложный стыдъ. Мнѣ случилось войти къ нему вслѣдъ за Перовскимъ, приходившимъ прощаться; увидя меня, князь нагнулся, какъ будто отыскивая что-то на нижней полкѣ этажерки, и утеръ слезу. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ старается скрыть то, что изобличаетъ доброе человѣческое чувство и притворяется худшимъ.

— Ah, mon cher ami,—отвѣчалъ князь, — quand vous aurez atteint mon âge, vous verrez que l'humanité ne mérite point qu' on se soucie de son approbation [1]).

Съ 1835 года, по моему мнѣнію, началъ совершаться переворотъ и въ самомъ государѣ. Изъ министровъ перваго десятилѣтія его царствованія Меншиковъ былъ одинъ, возстановленный государемъ; прочіе достались ему въ наслѣдство.

Нессельродъ, лицо историческое, котораго достоинство оспаривать никому и на мысль не приходило; Канкринъ, предъ высокою личностью котораго государь смирялся и предъ которымъ охотно сознавался въ своей финансовой несостоятельности; Лобановъ, министръ юстиціи, Закревскій, внутреннихъ дѣлъ, люди пустые, но они выбыли мимо воли государя.

Дашковъ и Блудовъ замѣстили уже впослѣдствіи ихъ, и были рекомендованы Карамзинымъ. Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ. Все были люди безупречные, не доктринеры, не реформаторы, не временщики. Государь не имѣлъ надобности направлять ихъ. Когда Чернышевъ, своею пронырливостью и безстыдно-ловкимъ перомъ Позена, проложилъ себѣ дорогу къ государю, начались проекты и преобразованія, которыхъ заднею мыслію была систематическая нажива на казенныхъ заготовленіяхъ. L'appétit vient en mangeant [2]).

Провіантскія и комиссаріатскія операціи стали тѣсны для дѣятельности прожекторовъ; надо было дать что-нибудь и полевымъ инженерамъ, и выдумали постройки; нужны были деньги больше смѣтныхъ,—сочинили займы министерствъ, и назвали такія постройки въ долгъ—«даромъ потомству», а чтобы оградить себя отъ протестовъ Канкрина, стали шептать государю, что теперь онъ

---

[1]) Ахъ, мой дорогой другъ, когда вы доживете до моихъ лѣтъ, то увидите, что человѣколюбіе не заслуживаетъ, чтобы заботились объ его одобреніи.

[2]) Чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше ѣсть хочется.

самъ можетъ судить о финансовыхъ мѣрахъ и не всегда слушать совѣтовъ человѣка, безспорно, умнаго, но, очевидно, упрямаго. Проекты Позена съ изумительною наглостью были названы въ докладахъ и положеніяхъ «мыслями, преподанными вашимъ императорскимъ величествомъ», и подъ этою фирмою они не могли уже подвергаться той рѣзкой критикѣ, какой заслуживали.

Такъ, Чернышевъ, самъ орудіе Позена, вливалъ ежедневно тонкій ядъ въ патріотическое сердце государя и раздувалъ жаръ его врожденныхъ слабостей. Государь любилъ все колоссальное. Онъ, по страсти, строилъ бы все зданія монументальныя, какою была собственная его особа, но его честное сердце не дозволяло ему удовлетворять эту страсть. Коварство приближенныхъ успѣло извратить въ немъ понятія о государственномъ хозяйствѣ, а лесть увѣрила его, что эти понятія непогрѣшительны,—и онъ, безукоризненный по намѣреніямъ, сталъ «дарить потомству» монументальныя зданія и монументальные долги. Въ это же время пріѣхалъ въ Петербургъ и Киселевъ (игравшій весьма подозрительную роль въ смутахъ 2-й арміи въ 1825 году). Добиваясь министерства, онъ сталъ рисовать государю мрачными красками бытъ государственныхъ крестьянъ, поднялъ ужасный шумъ, что департаментъ государственныхъ имуществъ, въ 30 лѣтъ существованія, накопилъ 15 т. дѣлъ нерѣшенныхъ,—и ради ихъ рѣшенія изъ одного департамента выростили министерство изъ 4-хъ департаментовъ и 60-ти палатъ. Князь Друцкой-Любецкій тоже интриговалъ противъ министра финансовъ. Спокойный Канкринъ шелъ какъ левъ между лающими на него бульдогами и шавками, но отзывы государя, что онъ и самъ понимаетъ уже финансы, и въ особенности изъятіе изъ его вѣдомства государственныхъ имуществъ, сломили волю утомленнаго трудами и борьбою министра. Здѣсь онъ измѣнилъ своей личности; ему слѣдовало бы сдѣлать изъ вопроса о государственныхъ имуществахъ условіе своей службы и не слушать никакихъ утѣшеній. Онъ поддался на лестныя слова, остался,—и, кажется, тотчасъ же увидѣлъ самъ, что сдѣлалъ промахъ. Съ этихъ поръ замѣтно въ немъ равнодушіе къ будущности Россіи; можетъ быть, и не равнодушіе, а безнадежность; онъ одинъ разъ отвѣчалъ Меншикову на замѣчаніе, зачѣмъ онъ допустилъ расходъ: «Eh, cher prince! cela ne vaut pas la peine! On a beau faire, la Russie sera toujours un f.... banqueroutier» [1]).

О себѣ говоритъ въ путевыхъ запискахъ 1840 года: «Mein Leben war thätig, aber freudenlos» [2]).

---

[1]) «Ахъ, дорогой князь! Не стоитъ! Что ни дѣлай, Россія всегда будетъ банкротомъ».

[2]) Моя жизнь была дѣятельная, но безотрадная.

Онъ старался только замазывать финансовые изъяны, чтобы поддержать растрескивающееся финансовое зданіе и не попасться подъ жестокій ударъ гнѣвнаго царскаго слова. Иногда, конечно, срывались у него сарказмы; напримѣръ, онъ сказалъ государю, что «денегъ нѣтъ, а между тѣмъ два полка разъѣзжаютъ по всѣмъ городамъ Россіи два раза въ годъ на почтовыхъ тройкахъ».

— Какіе два полка?

— Образцовые, государь.

Всматриваясь во все мною видѣнное и слышанное, я назвалъ бы 1835 годъ новою эрою царствованія Николая Павловича, началомъ второго его періода. Съ 1825 по 1835 годъ государь приводилъ въ порядокъ государство, вспомогаемый людьми, болѣе или менѣе даровитыми, но вообще матеріально и нравственно безкорыстными или стыдящимися обнаружить свою корысть, преданными ему и сосредоточивавшими свои силы на томъ, чтобы дѣла шли стройно. Успѣвали ли они всѣ въ этомъ, или нѣтъ,—это другой вопросъ, но никого нельзя было обвинять въ проведеніи своихъ тайныхъ замысловъ, ни даже въ подлой лести. Съ 1835 года сцена перемѣняется; почтенные дѣятели сходятъ постепенно со сцены или парализуются интригами дѣльцовъ новой школы. Первымъ изъ такихъ дѣльцовъ является Чернышевъ, т. е. Позенъ въ шкурѣ Чернышева, проводившій усовершенствованную систему организованнаго хищничества чиновниковъ. Вторымъ дѣльцомъ выступаетъ Киселевъ, подрывающій самодержавіе и его опору, поземельное дворянство. Къ нимъ присоединяется Любецкій, чтобы, по внушенію польскаго патріотизма, споить Россію. Первою жертвою этой компаніи былъ Канкринъ; за нимъ утратили свое вліяніе Меншиковъ и Бенкендорфъ; первый,—устраненіемъ его отъ участія въ вопросахъ внутренней политики, второй — ничтожный, разсѣянный въ дѣлѣ администраціи, но опасный—какъ рыцарь вѣрности и чести. Между тѣмъ выплывали на вѣтеръ Орловъ и Клейнмихель. Орловъ — себялюбивый и ко всему, кромѣ своей особы, равнодушный; угодить государю, разсмѣшить его и обмануть, гдѣ и сколько можно,—въ этомъ заключалась вся его политика. Клейнмихель стоитъ, по моему убѣжденію, несравненно выше Орлова въ нравственномъ смыслѣ. Онъ эгоистъ, какъ Орловъ, но не заходилъ такъ далеко, какъ онъ, за средствами къ удовлетворенію эгоизма; притомъ самая натура эгоизма была чище; онъ жаждалъ власти изъ тщеславія, а тотъ искалъ власти какъ средства къ утоленію страстей грязныхъ. Онъ тоже обманывалъ государя, но дѣлалъ это не изъ предательства, а изъ страха, какъ дитя обманываетъ своего вспыльчиваго отца, если по неосторожности изломало вещь, имъ любимую. Онъ гналъ людей, непріятныхъ государю, не изъ расчетовъ, а какъ рабъ, удаляющій отъ барина своего все, что можетъ нарушить доброе расположеніе

его духа. По приказанію государя, Клейнмихель, дежурный генералъ, являлся ежедневно къ государю съ личнымъ докладомъ, несмотря на то, что Чернышевъ, его прямой начальникъ, имѣлъ самъ ежедневные личные доклады. Даже болѣе—государь поручалъ иногда Чернышеву передать свое приказаніе Клейнмихелю по дѣламъ военнаго вѣдомства. И при всемъ томъ Чернышевъ, завистливый и тщеславный Чернышевъ, не ссорился съ Клейнмихелемъ! Объясняю себѣ этотъ случай тѣмъ, что Чернышевъ былъ совершенно поглощенъ хозяйственными дѣлами, что онъ самъ желалъ ограничиваться ими; доклады по этимъ дѣламъ были и интереснѣе и безопаснѣе, потому что государь не интересовался живо хозяйственными вопросами, да и не былъ въ нихъ компетентнымъ судьею. Съ своей стороны, Клейнмихель вовсе не желалъ вліянія на дѣла хозяйственныя, потому что не участвовалъ, какъ Чернышевъ, въ разныхъ спекуляціяхъ, и вообще былъ безкорыстенъ; онъ исполнялъ приказанія по строевой части и исполнялъ очень быстро. Чтобы личные доклады свои изъ экстренныхъ обратить въ ежедневные, Клейнмихель возилъ къ государю всякія дрязги, образчики сукна для выпушекъ, или краски для кроватей, водилъ солдатиковъ, на которыхъ примѣрялись новыя фуражки, новые мундиры. Оба были вредные государю люди. Чернышевъ былъ проводникомъ воровскихъ системъ, и первый осмѣлился возвести въ высокія званія человѣка, крещеннаго еврея, извѣстнаго всей Россіи за наглаго вора.

Когда Позену пожаловали титулъ статсъ-секретаря, въ городѣ сочинили загадку: «Кто мудрѣе Бога?» Отвѣтъ: «Чернышевъ: Богъ создалъ человѣка изъ земли, а Чернышевъ дѣлаетъ людей изъ г....». Даже братъ государя говорилъ сатиры на награды Позена. Когда ему дали табакерку съ портретомъ, великій князь Михаилъ объяснилъ, что это сдѣлалъ государь «pour mieux voir dans ses poches». Клейнмихель пріучилъ государя заниматься мелочами и видѣть въ своихъ приближенныхъ не министровъ, не мужей государственныхъ, не сотрудниковъ по управленію колоссальною имперіею, а портныхъ, маляровъ, курьеровъ и, по большей мѣрѣ, секретарей. При такой обстановкѣ люди серьезные чувствовали себя въ ложномъ положеніи; они парализовались на службѣ, а когда выбывали изъ службы, то замѣнялись людьми, далеко не похожими на нихъ ни умомъ, ни доблестью. Это составляетъ отличительную черту второго десятилѣтія царствованія Николая, а благодаря этому, государь, самый честный человѣкъ во всей имперіи, самый ревностный слуга Россіи изъ всѣхъ ея служителей, сталъ впадать въ ошибки и неловкости. Съ 1840 года началось сильнѣйшее движеніе личностей государственныхъ сверху

[1]) Чтобы лучше видѣть въ его карманахъ.

внизъ по внутреннему достоинству. Благородный Дашковъ, министръ юстиціи, замѣненъ гр. Панинымъ, который ввелъ по министерству капральское управленіе; просвѣщенный графъ Толь, авторитетъ по военной и технической части, независимаго, прямого характера, оставилъ управленіе путей сообщенія въ наслѣдство Клейнмихелю, невѣждѣ и безхарактерному. Безпечный, но честный Бенкендорфъ замѣнился столь же безпечнымъ, но и безчестнымъ Орловымъ. Въ кресла всеобъемлющаго умомъ Канкрина сѣлъ Вронченко, великанъ по росту, пигмей въ сердцѣ, принесшій къ подножію престола малороссійскую хитрость вмѣсто ума и холопскую смѣтливость въ замѣну просвѣщенія. Сообразно съ свойствами этихъ государственныхъ дѣятелей пошли и дѣла государственныя. Самимъ министрамъ приходилось плохо. Угадалъ умный Дружининъ, когда предостерегалъ знакомыхъ ему лицъ, видя, что они стали забавлять государя мелочами, игрушками. «Не играйте, — говорилъ онъ, — съ русскимъ царемъ: русскій царь добръ, но онъ богатырь, не подъ стать вамъ; станетъ играть съ вами, плохо вамъ будетъ; возьметъ васъ за руку шутя—руки нѣтъ; возьметъ за голову — голова долой». Такъ министра императорскаго двора обругалъ государь при всѣхъ за то, что поваръ приготовилъ слишкомъ мало для завтрака на пароходѣ; Клейнмихелю щипалъ онъ руки до крови, если на какой-нибудь станціи худо двигалась оконная задвижка. Министры перестали быть мужами государственными; они сдѣлались чиновниками, или, еще хуже, угождали государю по-лакейски и обманывали его, какъ лакеи. Государь, видя самъ, что повелѣнія его не исполняются, что онъ повсюду окруженъ обманомъ, лицемѣріемъ, декораціями, лишился того спокойствія духа и той важности дѣйствія, которыя нужны и присущи монарху; онъ сталъ брать на себя роль полицейскую, которая часто оканчивалась публичнымъ fiasco, потому что отъ него ускользали подробности и послѣдствія. Такъ, одинъ разъ государь видѣлъ издали, что два солдата вошли въ кабакъ вопреки строжайшему запрещенію впускать ихъ въ кабаки. Государь вышелъ изъ саней, вошелъ въ кабакъ и сталъ отыскивать солдатъ, которые спрятались въ другой комнатѣ. Повелѣно было отдать откупщика подъ слѣдствіе, но Бенардаки и К° пріѣхали къ Вронченкѣ, доказывали ему, что они не могутъ отвѣчать за поведеніе солдатъ, что поводъ къ слѣдствію незаконный и что если не прекратятъ его немедленно, то они отказываются отъ всѣхъ своихъ откуповъ, а ихъ было милліоновъ на 20. Вронченко подалъ въ отставку, — и государь, самодержецъ всероссійскій, долженъ былъ взять свое повелѣніе назадъ предъ угрозою Бенардаки и К°. Никому не пришло въ голову, что вторая комната при кабакѣ составляла уже законный поводъ къ преслѣдованію откупщика. Въ другой разъ, государь, открывъ случайно товары въ ящикѣ,

присланномъ изъ-за границы подъ адресомъ Expédition officielle, самъ сталъ ихъ досматривать со всѣми обрядами таможенной службы, дѣлая изъ себя досмотрщика. Желая вывести воровъ изъ службы, онъ сталъ разсматривать формуляры и, замѣтивъ благопріобрѣтенныя имѣнія, приказывалъ спрашивать, какъ они пріобрѣтены. Отвѣты попадались насмѣшливые или нагло-плутовскіе, напр.: «Имѣніе пріобрѣтено женою на подарки, полученные ею въ молодости отъ графа Бенкендорфа». Чѣмъ безуспѣшнѣе были его усилія, тѣмъ болѣе онъ раздражался. Бѣдный государь! Одинъ нѣмецъ, путешествовавшій по Россіи, кажется, Kohl, правду сказалъ: «Императоръ русскій, вмѣшиваясь въ мелочи, часто компрометируется, но надобно войти въ его положеніе: онъ приведенъ къ убѣжденію, что во всей имперіи онъ — единственный честный человѣкъ, а между тѣмъ любитъ правду выше всего: поневолѣ онъ сдѣлался полицеймейстеромъ». Раздраженіе государя обрушивалось тяжко только на людей честныхъ; плутамъ оно было ни почемъ, и интрига торжествовала. Такъ это было уже въ 1838 году. Когда государь собирался ѣхать осматривать южныя военныя поселенія и черноморскіе порты, дошло до него донесеніе Муравьева, корпуснаго командира, что въ войскахъ, подчиненныхъ новороссійскому генералъ-губернатору Воронцову, господствуютъ величайшія злоупотребленія, особенно въ греческомъ батальонѣ, котораго командиръ, Ломброзо-Каччіоне, пользовался расположеніемъ графа; чины этого батальона не получали законнаго содержанія и поочередно работали на хуторѣ Ломброзо. Государь разгнѣвался и объявилъ, что не хочетъ быть ни въ Одессѣ, ни на южномъ берегу Крыма, чтобы не видѣть Воронцова. Въ то время я ничего еще не зналъ о Воронцовѣ, кромѣ того, что онъ отлично жилъ и отлично принималъ въ Одессѣ, и что Пушкинъ написалъ его портретъ:

> «Полумилордъ,
> Полукупецъ,
> Полумудрецъ,
> Полуневѣжда;
> Полуподлецъ,
> И есть надежда,
> Что будетъ цѣлый наконецъ».

Приготовительная переписка по вояжу государя поручена была мнѣ графомъ Орловымъ, съ которымъ познакомилъ меня Меншиковъ. Маршрутъ былъ уже совершенно готовъ, какъ прискакалъ въ Петербургъ вельможа Воронцовъ и, сдѣлавъ нѣкоторые визиты въ Петербургъ, поѣхалъ на 9-ю версту петергофской дороги, на дачу, поздравить съ рожденіемъ—Позена! Дня черезъ три Орловъ посылаетъ за мною:

— Mon cher ami, tout est changé! L'empereur reste trois jours à Odessa; l'imperatrice passe deux journées à Aloupka chez Worontsoff [1]).

Все передѣлано. Меня послали на курьерскихъ въ Николаевъ; черезъ сутки прибылъ туда князь Меншиковъ, а вслѣдъ за нимъ и государь. Въ Николаевѣ вывелъ Муравьевъ на смотръ пѣхотный полкъ; государь — не въ духѣ. На бѣду въ ту самую минуту, когда государь произнесъ первое слово команды, выбѣжала на площадь какая-то женщина, бросилась ему въ ноги и подала просьбу! Государь вышелъ изъ себя:

— Quelle est cette femme? Emportez-moi cette femme! [2])—закричалъ онъ по-французски громовымъ голосомъ.

Женщину схватили и увлекли, какъ бѣшеную собаку. Полкъ двинулся. Государь сталъ бранить полкъ, и еще болѣе Муравьева. Вся свита понурила голову, и смотръ кончился, какъ похороны. Всѣ приписывали несчастный исходъ смотра неумѣстному появленію женщины: это утѣшало гордаго Муравьева. Поѣхали въ Севастополь. Тамъ смотръ обошелся еще хуже. Передъ всѣмъ полкомъ, передъ многочисленною свитою, государь, обратясь къ флигель-адъютанту Астафьеву, сказалъ:

— Астафьевъ! я оставляю тебя здѣсь и поручаю тебѣ возстановить, если можно, войска, которыя истребилъ этотъ генералъ,—указавъ на Муравьева.

Все это я видѣлъ и слышалъ изъ окна. Муравьевъ хотѣлъ тутъ же сказаться больнымъ, но адмиралъ Лазаревъ, возмущенный такими сценами, убѣждалъ генерала подождать; онъ увѣрялъ его, что подобную сцену должно разсматривать какъ апогей царскаго гнѣва, что затѣмъ должна наступить реакція; что въ этихъ случаяхъ государь, сознаваясь, что «погорячился», старается обыкновенно загладить свою несправедливость усиленнымъ выраженіемъ благоволенія. Уговорили Муравьева; но въ Керчи повторились тѣ же сцены, и лучшій русскій генералъ вышелъ изъ службы! Винить ли государя? Конечно, нельзя оставить такое поведеніе безъ упрека, но нельзя судить царей, какъ людей частныхъ; они въ другомъ положеніи. У каждаго изъ насъ есть враги, но есть и друзья; когда враги готовятъ намъ козни, друзья разрушаютъ ихъ; когда мы выходимъ изъ такта, они берутъ друга подъ руки и удерживаютъ въ равновѣсіи. Государь—одинъ, или, окруженный толпою предателей, онъ опутывается сѣтью невидимою, но ощущаемою, не видя рукъ, ее плетущихъ. Онъ не прогрызаетъ этой сѣти втихомолку, какъ мышь, но мечется и рвется, потому что

---

[1]) Дорогой другъ, все перемѣнено! Императоръ останется три дня въ Одессѣ; императрица проведетъ два дня въ Алупкѣ у Воронцова.

[2]) Какая это женщина? Уведите эту женщину.

онъ—левъ. Предатели предлагаютъ ему лекарство, но вмѣсто него подаютъ ему ядъ. Онъ, отуманенный, поражаетъ тѣхъ, которыхъ считаетъ за злодѣевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ранитъ самого себя. Такъ я понималъ государя Николая Павловича.

Кажется, въ 1839 году я познакомился съ Клейнмихелемъ и увидѣлъ въ первый разъ его пріемы и его порядки. Они поразительны тѣмъ, что Клейнмихель былъ типъ тогдашняго времени. Меншиковъ послалъ меня къ нему для какого-то объясненія: Клейнмихель былъ тогда дежурнымъ генераломъ. Я пріѣхалъ въ инспекторскій департаментъ часовъ въ 12, и, между толпою офицеровъ разнаго оружія, увидѣлъ впереди трехъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ: князя Долгорукова (теперь шефъ жандармовъ), Крузенштерна (теперь сенаторъ); кто былъ третій—не помню, кажется, Урусовъ. Узнавъ, что Клейнмихель будетъ не скоро, я уѣхалъ и воротился во второмъ часу: Долгоруковъ и Крузенштернъ все еще были тамъ, въ полной формѣ, ботфортахъ и шарфахъ. Черезъ полчаса объявлено мнѣ, что дежурнаго генерала не будетъ и что можно его видѣть вечеромъ въ 7 часовъ, на дачѣ по Каменноостровскому проспекту. Я пріѣхалъ туда; флигель-адъютанты были уже тамъ; у дверей стояло 4 фельдъегеря съ сумками на груди. Черезъ полчаса вышелъ генералъ, протирая, какъ со сна, глаза, кивнулъ головой флигель-адъютантамъ, кивнулъ мнѣ, нѣсколько любезнѣе, и подошелъ къ фельдъегерямъ, спросилъ каждаго, кто куда ѣдетъ, когда полагаетъ доѣхать на мѣсто, и отпустилъ ихъ словами: «съ Богомъ». Потомъ подошелъ ко мнѣ очень любезно (потому что я не у него служилъ) и въ заключеніе просилъ меня мимоѣздомъ зайти въ его канцелярію и у правителя оной, Заики, потребовать тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ нужны. Это было въ іюнѣ; вечеръ великолѣпный, какъ бываетъ у насъ въ этомъ мѣсяцѣ; 8 часовъ вечера. Я очень наивно сказалъ: «Я заѣду завтра,—теперь, конечно, не застану г. Заики ни въ канцеляріи, ни дома въ такой прекрасный вечеръ».—«Какъ не застанете? — отвѣчалъ съ удивленіемъ генералъ: — Заика долженъ быть въ канцеляріи **всегда**!» Я вытаращилъ глаза. Клейнмихель, протянувъ мнѣ руку, прибавилъ: «Заѣзжайте-ка, застанете непремѣнно!» Съ странными впечатлѣніями поѣхалъ я въ канцелярію дежурнаго генерала: тамъ торчалъ кантонистъ, стоя у окна, разстегнутый. Такъ какъ я вошелъ очень скромно, то онъ, не поворачивая ко мнѣ передняго фасада своей персоны, спросилъ грубо: «Что вамъ надо?»—«Г. Заика здѣсь?»—«Какой теперь г. Заика; приходите завтра утромъ, извѣстно!»—«Мнѣ Петръ Андреевичъ сказалъ, что я найду его сегодня». Писарь встрепенулся, какъ подстрѣленный коршунъ, и, застегиваясь, проговорилъ впопыхахъ: «Онъ здѣсь, онъ сейчасъ будетъ, онъ пошелъ до вѣтру». Черезъ 5 минутъ прибѣжалъ, запыхавшись, Заика. Смуглое, исхудалое,

доброе и смышленое лицо малороссійскаго типа, съ огромнымъ улыбающимся ртомъ, выказывающимъ два ряда крупныхъ, здоровыхъ зубовъ, зеленыхъ у корня и оканчивающихся очень бѣлыми, какъ будто наточенными рѣзцами; обѣ руки держалъ онъ поднятыми и прижатыми къ груди, съ опущенными книзу кистями, напоминая собачекъ, стоящихъ на заднихъ лапкахъ. «Извините, я только что вышелъ проглотить чашку чаю!» сказалъ онъ мягкимъ голосомъ. Бѣдняжка! Впослѣдствіи я узналъ ближе этого Заику: препочтенный человѣкъ, но загнанный и потерявшій уже тѣ струны души, на которыхъ волнуется и звучитъ чувство оскорбленія. Я благодарилъ Бога, что Онъ не поставилъ меня подъ такую желѣзную руку, и говорилъ себѣ: лучше съ голоду умереть, чѣмъ прикоснуться къ подобному начальнику. L'homme propose et Dieu dispose [1]).

Въ 1838 году князь Меншиковъ отрекомендовалъ меня графу Орлову для переписки по вояжу государя. Съ 1839 года начались мои безпрестанныя сношенія съ графомъ Орловымъ и длились до самаго отправленія его въ Парижъ для заключенія мирнаго трактата въ 1855 году. Съ 1839 года онъ избиралъ меня постоянно въ правители дѣлъ всѣхъ комитетовъ, которыхъ онъ былъ предсѣдателемъ. Первый комитетъ былъ пустой по своему достоинству, но весьма важный по цѣли: разорившійся богатый архангельскій купецъ Поповъ представилъ проектъ о способахъ возведенія русскаго торговаго судоходства и русской биржи на уровень независимости. Вздоръ! Второй комитетъ возбужденъ критикою князя Любецкаго на систему питейнаго сбора Канкрина. Князь Друцкой-Любецкій былъ человѣкъ замѣчательный и по уму и по наружности. Маленькаго роста, на толстыхъ короткихъ ногахъ, онъ поворачивался всѣмъ тѣломъ, какъ бы вырубленный изъ одного куска. На короткой шеѣ сидѣла огромная голова, лысая по всей передней части черепа, осѣняясь только на вискахъ и затылкѣ сѣдо-русыми волосами. Его лицо, чистое, бѣлое, блѣдное, загоралось румянцемъ нѣжнаго тона, когда онъ воодушевлялся; когда въ немъ закипали чувства, румянецъ собирался въ видѣ яркаго пятна на каждой щекѣ. Носъ орлиный; большіе голубые глаза. Общій типъ выраженія: проницательность, скрытность и желѣзная воля. Говорилъ онъ медленно, плавно, изысканно по-французски, съ отличнымъ французскимъ произношеніемъ; отчетливо по-русски, съ капризною акцентуаціею словъ русскихъ. По мѣрѣ теченія рѣчи голосъ становился сильнѣе, слова текли быстрѣе,—онъ былъ бы истинный ораторъ, если бы его правильныя французскія фразы не прерывались вставками: бо и терась. Когда потокъ рѣчи его доходилъ до кульминаціи, Любецкій переходилъ въ жесты, и съ

---

[1]) Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

той минуты онъ дѣлался смѣшнымъ. Впрочемъ, я лично не находилъ въ немъ ничего смѣшного; я слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, несмотря на его ежѐли, какъ слушалъ я и Канкрина, несмотря на его сакѻнъ; наши государственные люди были подъ другими впечатлѣніями; они ловили только ошибки просодіи въ рѣчахъ Любецкаго и награждали ихъ улыбочками. Орловъ забывалъ, что его хошà вмѣсто хотя было гораздо тривіальнѣе, чѣмъ Любецкаго ежѐли, да и Киселева кой часъ вмѣсто коль скоро не отличался изяществомъ.

Со времени Тильзитскаго мира ассигнаціи банка стоили ровно четверть своей нарицательной цѣны. За десятирублевую бумажку давали два цѣлковыхъ и полтинникъ. Этотъ курсъ установился такъ твердо, что публика забыла уже паденіе ассигнацій и считала 25 коп. сер. за рубль, а рубль серебряный за 4 рубля, т. е. въ народѣ сталъ монетною единицею рубль бумажный, а не серебряный. При Канкринѣ, когда оживленная промышленность потребовала большаго числа оборотныхъ знаковъ, ассигнаціи стали предпочитать серебряной монетѣ; десятирублевая бумажка мѣнялась на 2 цѣлковыхъ съ полтинникомъ не даромъ, а получала преміи гривенникъ,—она стала дороже. Чѣмъ бы радоваться возстановляющемуся довѣрію къ долговымъ обязательствамъ правительства, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло въ этомъ дѣйствіи обманъ и силою хотѣло заставить народъ вѣрить правительству менѣе, чѣмъ онъ вѣрилъ. Это уродливое воззрѣніе облеклось въ другую мантію: «берутъ произвольный лажъ». Государь хотѣлъ издать указъ, строго запрещающій лажъ, а Канкринъ представлялъ, что по подписаніи такого указа лажъ непосредственно удвоится. Государь обидѣлся. «Посмотримъ,—сказалъ онъ:—я покажу, что въ Россіи есть еще самодержавіе». Однакоже указа не было. Ограничились административнымъ запрещеніемъ лажа выше 1%; мѣняльныя лавки тотчасъ исчезли, какъ мухи на холоду, и лажъ въ три дня достигъ до 6, 7, 9 и 10%. Что дѣлать, бѣда! Бѣда, что векселя стали выше, и объ этомъ плакалъ векселедатель, которому еще нужны были деньги! Какъ мнѣ кажется, Канкринъ надулъ тутъ своихъ мудрыхъ товарищей. Онъ видѣлъ средство наполнить сундуки казначейства серебромъ, и предложилъ измѣненіе монетной системы; остановились на вопросѣ, въ какомъ курсѣ принимать ассигнаціи. Канкринъ давалъ 1 рубль сер. за 3 руб. 50 коп. ассигнаціями, оттого что въ то время ассигнаціи стоили столько на биржѣ. Любецкій предлагалъ курсъ 3,60, оттого, что это число имѣетъ наибольшее число дѣлителей. Канкринъ одержалъ верхъ, и на эту тему Любецкій билъ и питейный сборъ. Тутъ, дѣйствительно, Канкринъ былъ неправъ, ибо при монетной искомѣ, приноровленной къ десяткамъ и половинамъ, плата тою монетою на серебро становилась невозможною. Даже на сценѣ

театра появились на это пасквили: мѣщанинъ, пріѣхавшій на извозчикѣ за 10 копеекъ, рылся долго въ кошелькѣ, прибиралъ и перебиралъ монеты, и, наконецъ, отдавъ съ досадою монету извозчику, прибавилъ: «$^2/_7$ на водку!» Весь партеръ захлопалъ, равно какъ и самъ государь, Григорьеву, этому русскому Бомарше. Любецкій порицалъ также мѣру и пробу вина.

— Ведро,—говорилъ онъ:—что такое ведро? Ежѐли ведро вина, то 80 чарокъ; ежели водка, то 100 чарокъ!! Вы меня спросите: что такое рубль, а я вамъ скажу: назовите мнѣ прежде, что вы покупаете; ежѐли книгу, то 80 копеекъ, а ежѐли бумагу, то 100 копеекъ. Что бы вы сказали про такой рубль?

«Проба, отжигательница Траллеса. Надобно сжечь спиритъ, чтобы узнать, хорошъ ли онъ: хороша проба! Я купилъ спиритъ и пробую: онъ весь выгорѣлъ! Жаль, говорю я, что сжегъ спиритъ! Хорошъ былъ!»

Въ этомъ тонѣ онъ критиковалъ Канкрина. Случалось, однако, что Любецкій смѣшилъ и въ другомъ смыслѣ. Канкринъ, разумѣется, не смущался такими и даже болѣе серьевными обвиненіями. Въ одномъ совѣтѣ, при государѣ, послѣ длинной обвинительной рѣчи Любецкаго, на вопросъ государя, что онъ на это скажетъ,—Канкринъ преспокойно возразилъ: «Это все пустяки!» и тѣмъ кончился диспутъ.

Комитетъ положилъ: 1) Установить постоянную чарку въ $^1/_{100}$ ведра. 2) Вмѣсто отжигательницы ввести аэрометрическій спиртомѣръ. 3) Мѣдную монету переименовать: грошъ въ полкопейки серебра, пятакъ въ полторы копейки, гривну въ 3 копейки. 4) Узаконить тѣ злоупотребленія въ продажѣ питей, за которыми невозможно усмотрѣть. Меня произвели при этомъ случаѣ въ статскіе совѣтники, 34-хъ лѣтъ, что было въ то время довольно рѣдкимъ случаемъ. Затѣмъ былъ комитетъ о финансахъ неизвѣстнаго. Нетрудно было отгадать имя этого неизвѣстнаго. Записка начиналась слѣдующими словами: «Страсть къ золоту есть сильнѣйшая изъ всѣхъ страстей человѣческихъ; для удовлетворенія этой страсти человѣкъ не щадитъ ничего, даже своея жизни, etc.». Такой афоризмъ указывалъ прямо на автора-еврея, слѣдовательно на Позена. Позенъ предлагалъ отдать Россію большимъ компаніямъ, считая каждаго компаньона чиновникомъ въ родѣ Receveur général [1]): онъ хотѣлъ соединить полезное съ пріятнымъ. Любецкій сильно поддерживалъ проектъ, имѣя въ виду, что при такомъ устройствѣ можно ad libitum или разорять Россію, или взволновать ее. Князь Меншиковъ такъ прозрачно выразилъ возможность задней мысли этого рода, что Любецкій онѣмѣлъ,—и проектъ похоронили.

---

1) Главный сборщикъ.

Было много другихъ комитетовъ, но самый замѣчательный изъ нихъ: о способахъ поощренія торговли и промышленности; это было уже при Вронченкѣ. Какъ только биржа узнала объ этомъ комитетѣ,—все бросилось къ Орлову, а Орловъ отсылалъ всѣхъ ко мнѣ, отзываясь, что «Фишеру извѣстны всѣ его мысли, и что онъ далъ Фишеру подробную программу». Entre nous soit dit [1]), какъ говорится, программа графа Орлова была слѣдующая. Я пріѣзжалъ къ нему наканунѣ собранія комитета съ подготовленнымъ журналомъ и разсказывалъ, какія заключенія я вывелъ изъ свѣдѣній и какое мнѣніе полагаю правильнымъ. Орловъ говорилъ мнѣ: «Eh bien donc, demain lorsque le comité se mettra à l'ouvrage, je dirai à ces messieurs...» [2]) и старался повторить все, что я говорилъ. Когда онъ зарапортовывался, я останавливалъ его: «Pardon, m-r comte! il y a une petile nuance... [3]) (эта petite nuance значило: diamétralement opposé) [4]) и снова объяснялъ ему. Тогда онъ снова говорилъ, а на другой день, передъ засѣданіемъ, онъ еще разъ дѣлалъ себѣ репетицію. Комитету онъ объяснялъ въ предисловіи: «Я съ правителемъ дѣлъ занимался разсмотрѣніемъ... и мы нашли...» Пожалуй, пусть такъ, но случилось, что среди пересказа Орловымъ урока, который я въ него задалбливалъ, доложили о князѣ А. М. Голицынѣ. Когда Голицынъ вошелъ, Орловъ протянулъ мнѣ руку и, отпуская, сказалъ:

— Eh bien, mon cher ami, donnez à toutes ces idées une forme convenable; j'espère que vous m'avez compris [5]).

Какой цинизмъ! Въ комитетѣ обращались съ Вронченкою какъ съ шутомъ или лакеемъ. Мы, т. е. Орловъ, Меншиковъ и Киселевъ, по моему соображенію, настаивали на томъ, чтобы отпускная пошлина съ сала и пеньки была уменьшена на половину, а Вронченко, опровергая, приводилъ въ опору Листа! Князь Меншиковъ замѣтилъ наивно: «Знаю! Извѣстный піанистъ!»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость, не тотъ!» заревѣлъ Вронченко, поднявъ руки и приложивъ ихъ къ обѣимъ сторонамъ головы. «C'est son cousin!» [6]) прибавилъ Меншиковъ тѣмъ же наивнымъ тономъ (bruyante hilarité) [7]). Потомъ, разбитый со всѣхъ сторонъ, Вронченко разсудилъ, что тарифные вопросы нельзя рѣшать въ многочисленныхъ комитетахъ (у насъ были только министры), что это вопросъ то бѣ

---

[1]) Между нами будь сказано.

[2]) Итакъ, завтра, когда комитетъ примется за работу, я скажу этимъ господамъ...

[3]) Извините, графъ! здѣсь есть маленькій оттѣнокъ.

[4]) Совершенно противоположно.

[5]) Ну, мой дорогой другъ, дайте всѣмъ этимъ мыслямъ надлежащую форму; надѣюсь, что вы меня поняли.

[6]) Это его двоюродный братъ!

[7]) Шумный смѣхъ.

или не бѣ! (To be or not to be) [1]), что въ Англіи министры не знали даже, что̀ будетъ говорить Пиль, когда онъ провозгласилъ торговую реформу. Орловъ сказалъ ему на это грубо: «Такъ ты думаешь, что ты Пиль? Давай намъ Пиля; мы сейчасъ разойдемся!» Вронченко струсилъ. «Извините, ваше сіятельство, ради Бога, если я сказалъ что-нибудь неловко; право, безъ намѣренія». Что было мнѣ съ нимъ возни! Я его упрашивалъ согласиться на 1 рубль пошлины съ берковца пеньки вмѣсто 2 р. «А откуда я возьму 200 тысячъ рублей?—отвѣчалъ онъ:—теперь пенька даетъ мнѣ 400 тысячъ, а тогда будетъ давать 200 тысячъ рублей». Я возражалъ: вывезутъ по крайней мѣрѣ на 40% больше; вы получите не 200, а 280 тысячъ рублей, на цѣну избытка вывоза привезутъ иностраннаго товара, съ котораго вы берете 20%; вы будете въ барышахъ. «Извините, ваше превосходительство, меня учили, что дважды два четыре, и 1/2 четырехъ два!..»—«Такъ потрудитесь подписать журналъ».—«Не могу».—«Отчего же?»—«Вы меня очень критикуете».—«Но вѣдь я написалъ и ваше возраженіе».—«Да вы такъ положительно меня обвиняете!»—«Я ничего не дѣлаю, я записалъ то, что происходило, развѣ вы находите, что я что-нибудь пропустилъ или прибавилъ?»—«Я этого не говорю».—«А если журналъ написанъ точно, то потрудитесь подписать».—«Не могу!» Наконецъ уломалъ я его. Между тѣмъ Орловъ, восхищенный «своими идеями», сказалъ государю, что онъ получитъ журналъ прелюбопытный, и что «мы» разбили въ пухъ министра финансовъ. «Ну, однако, вы мнѣ не обижайте моего добраго старика!» сказалъ государь. Орловъ пишетъ мнѣ: «Il faudra modifier le protocole; venez me voir» [2]). Я какъ громомъ пораженный бѣгу къ нему. Онъ пересказываетъ мнѣ разговоръ съ государемъ и заключаетъ рѣшительнымъ тономъ: «il faudra mitiger». [3]) Mitiger подписанный уже журналъ. Мы митижировали, митижировали и составили наконецъ нѣчто въ родѣ Zuckerwasser [4]). Комитетъ кончился ничѣмъ, а сколько онъ стоилъ мнѣ работы! Самый результатъ ея казался мнѣ, и доселѣ кажется, заслуживавшимъ вниманія. Это значитъ: толочь воду. Спрашиваю себя: кто виноватъ? Орловъ или государь? Не такъ дѣйствовалъ Паскевичъ. Въ 1848 году, въ венгерскую кампанію, на настойчивыя приказанія государя спѣшить впередъ во что бы ни стало фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Не пойду, пока не обезпечу армію продовольствіемъ и госпиталями», и не пошелъ, а все-таки остался фельдмаршаломъ. Пока перо мое писало имя фельдмаршала, память выдвинула анекдотъ того времени.

---

[1]) Быть или не быть.

[2]) Надо измѣнить протоколъ; приходите ко мнѣ.

[3]) Надо будетъ смягчить.

[4]) Сахарная вода.

Извѣстно, что Бергъ интриговалъ противъ него и возстановилъ на него даже австрійскаго императора. Послѣ кампаніи въ Варшавѣ былъ выходъ у намѣстника; въ многочисленной толпѣ генераловъ былъ и Бергъ. Фельдмаршалъ, подойдя къ нему, произнесъ знакъ удивленія: «А!..» потомъ повертѣлъ пальцемъ передъ лбомъ своимъ и тономъ сожалѣнія прибавилъ: «Слышалъ, слышалъ!» и пошелъ далѣе. Это разсказалъ мнѣ Одинцовъ. Старикъ Корсаковъ разсказывалъ мнѣ другой случай въ этомъ родѣ. Какой-то ничтожный генералъ, весь покрытый крестами и медалями, былъ на выходѣ намѣстника. Онъ передъ нимъ остановился, сосчиталъ вполголоса кресты, указывая на каждый пальцемъ, и, не сказавъ генералу ни слова, пошелъ далѣе.

XI.

Моя служба въ комитетахъ.—Отношеніе ко мнѣ Киселева и Клейнмихеля.—Смѣты по постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.—Возобновленіе Клейнмихелемъ Зимняго дворца.—Выходка актера Григорьева.—Назначеніе мое директоромъ канцеляріи комитета и комиссіи по постройкѣ Николаевской дороги.—Интриги Чевкина.—Мое объясненіе съ нимъ.—Расколъ во мнѣ.—Составъ комитета подъ предсѣдательствомъ цесаревича.—Положеніе цесаревича.—Рѣчь графа Бенкендорфа подрядчикамъ.—Клейнмихель и Бенкендорфъ.—Объясненіе съ Бенкендорфомъ.—Засѣданіе комитета.—Графъ Канкринъ.—Моя просьба объ увольненіи.—Объясненіе съ Клейнмихелемъ.—Оригинальный способъ скорой переписки бумагъ.—Фрейлина Нелидова.—Разсказъ объ Аракчеевѣ.—Семейныя отношенія Клейнмихеля.—Князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.—Характеристика графа Клейнмихеля.—Еще разсказъ объ Аракчеевѣ.

Комитеты, въ которыхъ я работалъ, познакомили меня и съ министрами, и съ крупными торговыми лицами. Многіе на моемъ мѣстѣ не упустили бы такого случая утвердить свои отношенія; но я, вслѣдствіе мизантропизма, отголоска вліяній, дѣйствовавшихъ на меня въ первую молодость, вышелъ изъ этихъ комитетовъ столько же неизвѣстнымъ, какимъ былъ и до ихъ открытія; я никому не дѣлалъ визитовъ, ни съ кѣмъ не объяснялся по дѣламъ: садился за столъ, читалъ и разсылалъ къ подписанію журналы. Только Киселевъ иногда говорилъ со мной вполголоса въ комитетахъ, потому что я сидѣлъ подлѣ него. Вспоминаю одно наивное его откровеніе. Споръ шелъ объ уменьшеніи отпускныхъ пошлинъ съ нашихъ сырыхъ произведеній, въ виду возникающихъ новыхъ соперниковъ; я представилъ комитету поразительныя свѣдѣнія. Въ Австраліи сдѣланъ опытъ скотоводства: въ 1839 г. привезено оттуда сала въ Англію 200 бочекъ; въ 1840—600 бочекъ, въ 1841—1600 бочекъ, въ 1842—4000 бочекъ. Если мы продолжать будемъ дорожиться нашимъ саломъ, его бросятъ. Министръ финансовъ соглашался на спускъ пошлинъ, но съ тѣмъ, чтобы и

Англія спустила пошлины съ предметовъ, которые намъ нужны. Всѣ нашли это совершенно раціональнымъ закономъ взаимности. Тогда я шепнулъ Киселеву, что здѣсь нѣтъ вопроса о взаимности: не Англіи нужно наше сало, а мы просимъ ее, чтобы она брала его у насъ. Киселевъ съ живостью обратился къ сочленамъ: «Это правда. Господа! какой вздоръ мы говоримъ! etc.» Подобные эпизоды не были рѣдкостью въ нашихъ высшихъ коллегіяхъ. Перовскій, генералъ, одинъ разъ не согласился въ государственномъ совѣтѣ (шутя) на выпускъ новой серіи билетовъ государственнаго казначейства, на что всѣ прочіе были согласны. Его спросили, на какомъ основаніи онъ протестуетъ? «Для того, чтобы Россія не сказала про насъ, что мы всѣ за—серіи».

Итакъ, одинъ Киселевъ узналъ меня ближе. Я пользовался его благоволеніемъ. Кромѣ него, Клейнмихель считалъ меня за человѣка способнаго, потому что сознавалъ умъ князя Меншикова и зналъ, что у него я имѣлъ кредитъ. При всемъ томъ, про меня говорили въ высшихъ кружкахъ то, чего я, однако, вовсе не зналъ. Только два случая открыли мнѣ это: одинъ разъ, при открытіи какой-то важной вакансіи,—если не ошибаюсь, управляющаго дѣлами комитета министровъ,—князь Меншиковъ мнѣ сказалъ:

— Вакансія замѣщена и—не вами!

Я удивился этому выраженію и объявилъ князю, что и не думалъ объ этомъ мѣстѣ, и не ожидалъ его.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ:—но о васъ была рѣчь.

Около этого же времени на вечерѣ у Княжевича (впослѣдствіи министра финансовъ) сенаторъ Челищевъ просилъ его, чтобы его со мною познакомили. Княжевичъ повторилъ мнѣ при этомъ слова его: «Познакомьте меня съ этою восходящею звѣздою!»—1841 годъ былъ эпохою моего служебнаго апогея.

Въ 1841 г. Абаза и графъ А. А. Бобринскій составили проектъ желѣзной дороги отъ Рыбинска до Тверцы, гдѣ она пересѣкаетъ московское шоссе,—дороги самой простой и дешевой—изъ деревянныхъ рельсовъ, обитыхъ листовымъ желѣзомъ, по которымъ предполагалось возить хлѣбъ на тройкахъ. Они просили разрѣшенія составить компанію и разсчитывали, что дорога будетъ стоить 6 или 7 милл. руб. Государь предложилъ имъ строить желѣзную дорогу до Москвы съ паровыми двигателями. Тутъ втерся Чевкинъ и съ Мельниковымъ (теперь министръ путей сообщенія) составилъ смѣту въ 37 милл. руб. Государь обрадовался, составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, и Чевкинъ, начальникъ штаба горныхъ инженеровъ, сдѣланъ членомъ комитета. Смѣта была составлена самымъ наглымъ образомъ фальшиво; вагонъ, напр., цѣнился въ 350 руб., но государю было это пріятно, потому что ограниченность расхода служила къ его оправданію; къ займамъ тогда еще не привыкли, и потому важнымъ считалось

начать съ займа незначительнаго. Князь Меншиковъ сталъ доказывать невѣрность смѣты, подкрѣпляя свои доводы отчетами иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ, привезенными съ собой. На 4-й или 5-й статьѣ смѣты государь прервалъ его, сказавъ, что онъ самъ повѣритъ смѣту, и тѣмъ кончились пренія. Канкринъ и, если не ошибаюсь, Толь, говорили, что Россія нуждается прежде всего въ шоссе, что желѣзная дорога не можетъ имѣть должнаго вліянія на народное богатство, когда къ ней нельзя подъѣхать; Чернышевъ путался, Левашовъ говорилъ общія мѣста изъ политической экономіи. Проектъ утвержденъ въ началѣ 1841 г.; затѣмъ учреждены; комитетъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги подъ предсѣдательствомъ цесаревича и комиссія построеній С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги подъ предсѣдательствомъ Бенкендорфа. Первый долженъ былъ рѣшать главные вопросы, вторая—исполнять. Исполненіе было изъято изъ вѣдомства путей сообщенія на томъ основаніи, что если начальникъ не сочувствуетъ мысли, то нельзя ожидать, чтобы подчиненные исполнили ее съ усердіемъ. Это служило наружнымъ поводомъ къ изъятію. Истинный поводъ заключался въ томъ, что Чевкинъ надѣялся проложить себѣ дорогу этимъ путемъ, а Клейнмихель, только что окончившій возобновленіе Зимняго дворца, считалъ себя спеціалистомъ по части великихъ сооруженій и надѣялся захватить дѣло въ свои руки. Такимъ образомъ, оба дѣйствовали здѣсь заодно, чтобы не оставить дѣла при Толѣ.

Спеціализмъ Клейнмихеля былъ очень подозрительнаго свойства. Кажется, въ 1839 г. сгорѣлъ Зимній дворецъ. Государь собралъ лучшихъ архитекторовъ и просилъ ихъ «починить ему домъ скорѣе». Они единогласно объявили, что скорѣе двухъ лѣтъ никакъ нельзя кончить эту работу,—и не уступали никакимъ настояніямъ государя. Тогда Клейнмихель, завѣдывавшій казарменною строительною частью, вызвался возобновить дворецъ въ одинъ годъ,—и ему дана carte blanche [1]). Клейнмихель не тужилъ о деньгахъ, далъ строительнымъ средствамъ насильственное развитіе; наставилъ сотни желѣзныхъ и чугунныхъ печей, чтобы сушить кирпичную кладку и штукатурку; 10 тыс. человѣкъ работали во дворцѣ зимою при 10—20° морозу снаружи, и 20—25° тепла внутри, штукатурили, полировали, золотили! Дворецъ былъ готовъ черезъ годъ, но готовъ только для смотра, а не для обитанія. Усиленная нелѣпо, невѣжественно топка высушила наружныя оболочки, заперевъ ими исходъ внутренней сырости. Какъ только эта топка замѣнилась нормальною, сырость стала выступать, позолота и штукатурка стали отваливаться и, наконецъ, обрушился весь потолокъ Георгіевской залы, два часа послѣ окон-

---

[1]) Полномочіе.

чанія бывшаго въ ней какого-то собранія. Тогда возобновилась работа съ новою яростію; нѣсколько тысячъ рабочихъ перемерло отъ горячки, вслѣдствіе перехода изъ жары въ стужу. Смѣтныя суммы были далеко передержаны, а чтобы въ этомъ не сознаться, Клейнмихель не платилъ подрядчикамъ; весь городъ кричалъ о злоупотребленіяхъ, а между тѣмъ, еще до провала потолка, Клейнмихель возведенъ въ графское достоинство: въ гербѣ, ему данномъ при этомъ случаѣ, изображенъ дворецъ, а надпись гласитъ: Усердіе все превозмогаетъ!—Такой девизъ и медали, данныя рабочимъ, обнаружили, что государь смотрѣлъ на починку дворца, какъ на государственный подвигъ. Актеръ Григорьевъ едва ли не первый открылъ смѣшную сторону этого дѣла; пуская остроты каждый разъ, когда игралъ роль щукинодворца въ пьесѣ «Ложа 1-го яруса» и получая за нихъ даже подарки отъ государя, онъ позволилъ себѣ явиться на сцену съ медалью; сцена представляла кассу Большого театра. Сторожъ этой кассы, увидя медаль, спросилъ: подъ Туркомъ ли онъ получилъ медаль, или подъ Варшавой? Григорьевъ отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ-съ, въ Зимній (дворецъ) пясокъ возили!» Весь партеръ захлопалъ, но Григорьева посадили на гауптвахту.

Въ это же время началась связь государя съ В. А. Нелидовой, родственницей графини Клейнмихель, и Клейнмихель игралъ здѣсь значительную роль посредника: это усиливало его кредитъ. Зато всѣ его возненавидѣли, одни изъ зависти, другіе изъ страха предъ будущимъ его вліяніемъ, но почти всѣ скрывали свои чувства или умѣряли ихъ, кромѣ Бенкендорфа, который выходилъ изъ себя, принималъ жалобы отъ обиженныхъ подрядчиковъ, доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія всѣ несправедливости Клейнмихеля,—и чѣмъ безплоднѣе оказывались его усилія опрокинуть Клейнмихеля, тѣмъ болѣе ожесточался Бенкендорфъ,—и вдругъ узнали, что Клейнмихель назначенъ членомъ и комитета и комиссіи желѣзной дороги! Чевкинъ сталъ эксплоатировать страсти. Онъ вызвался быть управляющимъ канцеляріею комитета и комиссіи, на что согласились и оба предсѣдателя. Расчетъ его былъ вѣренъ. Ни цесаревичъ, ни Бенкендорфъ не были спеціалисты; ни цесаревичъ, ни Бенкендорфъ не рѣшились бы докладывать государю техническіе вопросы. Очевидно, что они брали бы съ собою къ государю Чевкина для докладовъ или посылали бы его одного,—а ему только того и хотѣлось. Но и Клейнмихель не дремалъ: онъ уже нашепталъ государю, что при разсѣянномъ Бенкендорфѣ нельзя ожидать скораго исполненія, если канцелярія не будетъ поручена дѣятельному лицу. Было условлено, что главнымъ начальникомъ канцеляріи будетъ Клейнмихель. Первый примѣръ отстраненія предсѣдателя отъ начальства надъ канцеляріей. Клейнмихель обратился къ князю Меншикову, чтобы онъ «уступилъ» ему Фишера; я

отозвался, что не хочу этого мѣста, но князь уговорилъ меня. Онъ говорилъ: «вы проработаете не долго; черезъ годъ не хватитъ денегъ—и вы освободитесь, но между тѣмъ успѣете сблизиться съ цесаревичемъ». Поднесли государю указъ о моемъ назначенiи, и я сталъ директоромъ канцелярiи комитета и строительной комиссiи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Этотъ указъ измѣнилъ видъ всей комедiи. До этого акта велась противъ графа Толя одинокая интрига; подъ него рылъ мину Чевкинъ, въ надеждѣ, что будетъ докладывать государю дѣла желѣзной дороги и понемногу столкнетъ Толя, на котораго государь дулся за то, что онъ не аплодировалъ проекту; ту же участь раздѣляли князь Меншиковъ и Канкринъ, но послѣднiй уступилъ tacitement[1]), принявшись за совершенiе займа, а первые двое сохранили за собою славу людей несочувствующихъ. Чевкинъ сладилъ, что въ комитетъ и комиссiю посажены были Дестремъ и Готманъ, генералы путей сообщенiя. Назначенiе въ главный комитетъ директоровъ департаментовъ при главноуправляющемъ было такою же ненормальностью, какъ потомъ подчиненiе канцелярiи не предсѣдателю. Послѣ того представили государю, что полковники Крафтъ и Мельниковъ, проектировавшiе дорогу, будутъ въ фальшивомъ положенiи подъ начальствомъ Толя,—и, вслѣдствiе этого, высочайше повелѣно состоять имъ при особѣ его величества; всю эту интригу велъ Чевкинъ черезъ Бенкендорфа, между тѣмъ какъ Клейнмихель велъ свою мину противъ нихъ: мое назначенiе было для Чевкина камуфлетомъ, покуда ему одному, потому что Бенкендорфъ не понялъ важности этого факта. Клейнмихель послалъ меня тотчасъ къ Чевкину «за бумагами», потому что Чевкинъ управлялъ уже недѣли три канцелярiею. Когда я къ нему явился, очень скромно,—онъ спросилъ меня, гдѣ я воспитывался, и я имѣлъ глупость отвѣчать ему на это; но едва глупость эта была совершена,—я понялъ ея размѣры, и мнѣ стало досадно. На слѣдующiй его вопросъ: знаю ли я по-англiйски? я отвѣчалъ съ намѣренiемъ отрицательно. Чевкинъ замѣтилъ: «Любезный! безъ англiйскаго языка тутъ быть нельзя! Мы выписываемъ совѣщательнаго инженера, который говоритъ только по-англiйски!» Меня взорвало, и я объявилъ его превосходительству, что прiѣхалъ къ нему не для экзамена, а за бумагами. Чевкинъ отозвался, что не получилъ еще указа, и потому бумаги мнѣ отдать не можетъ. Я поѣхалъ къ Клейнмихелю, разсказалъ ему, что было, и объявилъ, что если каждый членъ комитета будетъ считать себя моимъ начальникомъ и трактовать меня, какъ Чевкинъ, то я не останусь ни одной минуты, хотя бы мнѣ предложили весь капиталъ, ассигнованный на сооруженiе дороги. Клейнмихель потиралъ себѣ руки, пригова-

---

[1]) Молча.

ривая: «Я его, каналью, заставлю просить у васъ прощенья». На другое утро поѣхалъ онъ къ Чевкину, объяснилъ ему съ участіемъ, что я считаю себя имъ обиженнымъ и прошусь прочь; что онъ не знаетъ, какъ доложить государю, и проч. Рѣшили, что Клейнмихель дастъ Чевкину случай со мной объясниться. Вечеромъ я былъ приглашенъ къ Клейнмихелю для совѣщанія о штатахъ. Тамъ нашелъ я и Чевкина. Черезъ четверть часа вызвали Клейнмихеля, и когда я остался одинъ съ Чевкинымъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Константинъ Ивановичъ! не сердитесь на меня. Я поступилъ неблагоразумно, но я былъ подъ вліяніемъ гнусной интриги, веденной противъ меня; когда вы ближе узнаете лицъ, съ которыми будете имѣть дѣло,—вы увидите сами, что я не худшій...

Мы поцѣловались.

Такъ я попалъ въ новую колею, но, вступивъ въ нее, не согласился оставить князя Меншикова: это было условіемъ sine qua non. Такъ навалилъ я на себя дѣла финляндскія всѣ, морскія образовательныя, морскую кодификацію и дѣла по сооруженію желѣзной дороги,—не считая комитетовъ, гдѣ я былъ правителемъ дѣлъ. Финляндія меня наиболѣе интересовала, но экстренность дѣлъ по желѣзной дорогѣ меня болѣе поглощала матеріально; во мнѣ произошелъ расколъ.

Укрѣпившись въ своемъ новомъ положеніи, Клейнмихель началъ и самъ интриговать противъ Толя. Онъ увѣрялъ государя, что офицеры, нужные на постройку желѣзной дороги, не могли оставаться въ вѣдѣніи главноуправляющаго, у котораго особенная часть, шоссе и каналы: человѣкъ 30 офицеровъ были отчислены отъ вѣдомства корпуса путей сообщенія и введены въ вѣдѣніе Клейнмихеля, оставаясь въ списочномъ отношеніи по тому корпусу,—третья аномалія. Но едва Толь померъ, что послѣдовало въ то же лѣто 1842 года, а за нимъ и Бенкендорфъ, едва Клейнмихель заступилъ мѣсто Толя, какъ онъ же доказалъ государю несообразность отдѣленія желѣзныхъ дорогъ отъ завѣдыванія главноуправляющаго путями сообщенія; строительная комиссія упразднена, а ея канцелярія обращена въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, котораго я назначенъ директоромъ, безъ моего вѣдома. Такъ попалъ я въ рядъ чиновниковъ, въ первый разъ по оставленіи министерства финансовъ, однакоже и тутъ я настоялъ на томъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оставался по особымъ порученіямъ при начальникѣ главнаго морского штаба и финляндскомъ генералъ-губернаторѣ.

Съ этихъ поръ въ памяти моей роятся воспоминанія о событіяхъ моей тройственной службы. Начну съ желѣзной дороги.

Главный комитетъ желѣзной дороги, подъ предсѣдательствомъ цесаревича, состоялъ изъ Канкрина, Левашова, Бенкендорфа, Ор-

лова, князя Меншикова, Киселева, графа Толя, Клейнмихеля, Дестрема, Готмана, Чевкина и графа Бобринскаго. Толь вскорѣ померъ, какъ и Бенкендорфъ, а черезъ годъ Вронченко замѣнилъ Канкрина, то есть не замѣнилъ, а только замѣстилъ. Передъ кабинетомъ цесаревича, въ первой комнатѣ за пріемною, ставили рядъ столовъ, если не ошибаюсь, ломберныхъ, покрытыхъ сукномъ. Цесаревичъ садился посрединѣ длинной стороны, подлѣ него справа—Канкринъ, слѣва—Левашовъ, первый—насупленный, неподвижный, съ зеленою ширмою на глазахъ, второй—чопорный, накрахмаленный, или, какъ выражался князь Меншиковъ, заимствуясь изъ «Энеиды» Котляревскаго: «якъ на арканѣ жеребецъ». Прямо противъ цесаревича было мое мѣсто, какъ правителя дѣлъ, подлѣ меня, справа, садился, ниже своего чина, Киселевъ—мой тогдашній пріятель, слѣва—Клейнмихель. Изъ всего этого состава только четверо исполнены были любви къ дѣлу: самъ предсѣдатель, видимо, польщенный своимъ званіемъ (это было едва ли не первое важное дѣло, ему ввѣренное), но молодой, неопытный, онъ, видимо, затруднялся останавливаться на рѣшеніи, въ виду заявленій разногласящихъ; потомъ Канкринъ, Киселевъ и Бобринскій—полны желанія помочь дѣлу. Орловъ былъ величайшій невѣжда, искавшій преимущественно случая позабавить цесаревича. Левашовъ подбиралъ звучныя фразы изъ политической экономіи, и ихъ плотностью старался возмѣстить жидкость идей, въ родѣ того, какъ китайцы вывѣшиваютъ передъ своими батареями изображенія огнедышащихъ чудовищъ, чтобы сдѣлать страшнѣе свою артиллерію. Бенкендорфъ являлся въ комитетъ какъ на раутъ, en charmant cavalier, со всѣми вѣжливый и обязательный, всегда разсѣянный, но съ четверти второго часа приходившій въ тревожное состояніе; тревожность доходила до лихорадочнаго состоянія послѣ половины второго, а въ три четверти второго онъ просилъ позволенія ѣхать по важнымъ дѣламъ службы; едва онъ затворялъ за собою дверь, слѣдовалъ общій смѣхъ, потому что всѣ знали, что въ 2 часа каждый день онъ являлся къ m-me Krüdener. Меншиковъ казался мало заинтересованнымъ, или, вѣрнѣе, имѣлъ видъ, какъ будто пригласили его принять участіе aux petits jeux,—и если говорилъ, то шутя или иронически. Вронченко разыгрывалъ роль шута. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ, то обратился къ Дестрему, такому же волокитѣ, какъ и онъ самъ: «Мусью Дестремъ; кесъ ке cé? Ву ангресіé, et moi, же мегрю?..—Cela prouve, m-r le ministre, que les choses, qui vous font maigrir, me font engraisser» [1]).—(Общій смѣхъ). Вронченко сдѣлалъ на это очень мастерски такую мину, что показался еще глупѣе, чѣмъ былъ. (Гомерическій смѣхъ).

---

[1]) Что это? Вы толстѣете, а я худѣю?—Это показываетъ, г-нъ министръ, что, отчего вы худѣете, я оттого полнѣю.

Когда я прочитывалъ статьи новой смѣты, то послѣ каждой произнесенной цифры Вронченко дѣлалъ на стулѣ комическіе прыжки, и чѣмъ болѣе смѣялись, тѣмъ болѣе онъ кривлялся. Клейнмихель и Чевкинъ имѣли видъ сосредоточенный, оба равно подъ вліяніемъ преобладающей мысли, какъ бы другъ друга укусить; въ свободныя отъ этой мысли минуты Чевкинъ вторилъ Левашову въ теоріяхъ политической экономіи, но съ нѣкоторою приправою металлургіи. А. А. Бобринскій вообще говорилъ рѣдко; онъ вставалъ почти исключительно pour les questions d'opportunité [1],— и тогда говорилъ съ жаромъ. Кто зналъ его ближе, тому онъ извѣстенъ былъ за человѣка кроткаго и въ высокой степени приличнаго, но въ голосѣ его была какая-то жесткость, которая незнакомымъ могла выказывать его за человѣка, что называется cassant [2]). Клейнмихель выходилъ изъ себя каждый разъ, когда Чевкинъ и Бобринскій начинали говорить. Злобу его на Чевкина я понимаю, но что вооружало его противъ Бобринскаго, — это осталось для меня загадкою. Дестремъ, гасконецъ въ полномъ смыслѣ слова, издавалъ звуки, какъ Мемнонова статуя предъ солнечнымъ лучомъ. Добрый и честный, но апатичный Готманъ былъ невиннымъ эхомъ Дестрема. Предсѣдатель цесаревичъ смотрѣлъ на дѣло съ любовью, но и съ неопытностью юноши. Вся его личность производила на меня глубокое впечатлѣніе; я проникался чувствомъ живѣйшаго участія предъ его взоромъ, исполненнымъ кротости и доброты, и одушевлялся глубокою признательностью къ его необыкновенно привѣтливому обращенію со мною (къ живѣйшей досадѣ графа Клейнмихеля, котораго онъ трактовалъ, видимо, не такъ дружески, какъ меня). Какъ все перемѣнилось! Государемъ онъ принялъ на себя видъ суровый, неподходящій къ его натурѣ. Въ отношеніи ко мнѣ онъ не только пересталъ быть привѣтливымъ, но, казалось, былъ ко мнѣ недоброжелателенъ,—а за что?— не знаю и не постигаю. Трудна была его задача! Понимать дѣло въ существѣ онъ не могъ, потому что никто не показывалъ ему Россіи,—а научиться дѣлу въ этой пестрой сходкѣ надутыхъ ораторовъ, остряковъ, шутовъ, интригановъ и невѣждъ было еще менѣе возможно. Лучше бы оставили его наединѣ съ Канкринымъ, Киселевымъ и Бобринскимъ, между критикою глубокаго ума, хотѣніемъ ума впечатлительнаго и практическимъ знаніемъ промышленныхъ силъ Россіи. Живость Киселева и Бобринскаго возбуждала бы его духовныя силы, а холодность Канкрина служила бы конденсаторомъ мечтаній, иногда парообразныхъ, первыхъ двухъ. Это было бы сочетаніе классицизма съ романтизмомъ; скептицизма,

---

[1]) Своевременные вопросы.
[2]) Рѣзкій.

сангвинизма и гуманности, а прочихъ бы—кромѣ Толя и Меншикова—въ балаганъ. Этихъ двухъ скоро спустили.

Собрался главный комитетъ; прочитали указъ о моемъ назначеніи. Я, по свойственной мнѣ нелюдимости, не сдѣлалъ ни одного визита; представился только цесаревичу, который принялъ меня очень благосклонно и объявилъ мнѣ, что если мнѣ нужно будетъ его видѣть, то я могу являться въ 10 часовъ утра; если же желаю говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, то въ 6 часовъ, послѣ обѣда. Я не поѣхалъ даже къ Бенкендорфу до того времени, пока нужно было собрать комиссію. Бенкендорфъ понялъ уже, что противъ него сдѣлано. Когда главный комитетъ положилъ заготовить отъ казны землекопные инструменты, Бенкендорфъ назначилъ присутствіе у себя, а не въ комнатѣ, которую Клейнмихель приготовилъ для этой цѣли въ зданіи экзерциргауза, у Зимняго дворца, гдѣ помѣщалась тогда канцелярія, а теперь гвардейскій штабъ. Въ комиссіи засѣдали графъ Клейнмихель, Чевкинъ, графъ Бобринскій, Дестремъ, Готманъ, Крафтъ и Мельниковъ. Когда собрались подрядчики, Бенкендорфъ сказалъ имъ рѣчь:

— Господа! прежде всего я обязанъ предупредить васъ, что васъ здѣсь не будутъ обсчитывать; вы будете имѣть дѣло съ людьми честными, и мы надѣемся, что будемъ имѣть дѣло съ такими же. Я для того именно и посаженъ сюда государемъ, чтобы наблюдать за справедливостью расчетовъ съ вами.

Это было не въ бровь, а въ глазъ. Клейнмихель поблѣднѣлъ, однакоже не сказалъ ни слова Бенкендорфу послѣ засѣданія. Я было забылъ, что въ то время, когда я поѣхалъ къ Бенкендорфу съ просьбою собрать комиссію, онъ не зналъ еще, что канцелярія офиціально поручена вѣдѣнію графа Клейнмихеля. На докладъ мой, что графъ Клейнмихель поручилъ мнѣ просить etc., онъ взволнованнымъ голосомъ отозвался, что не графъ, а онъ предсѣдатель, что это его дѣло, что я обязанъ былъ спрашивать его приказанія, а не графа,—говорилъ это съ большою живостью жеста, то устремляя указательный палецъ на меня, то ударяя имъ себя въ грудь. Когда онъ кончилъ, я доложилъ ему, что канцеляріи объявлено высочайшее повелѣніе на дняхъ быть въ вѣдѣніи графа Клейнмихеля, что я считалъ обстоятельство это уже извѣстнымъ его сіятельству и являюсь сегодня къ нему, какъ посланный отъ своего прямого начальника. Бенкендорфъ смягчился и отпустилъ меня довольно милостиво.

Между тѣмъ Клейнмихель подрывался подъ кредитъ Бенкендорфа средствами чисто экзекуторскими. Чтобы заставить предсѣдателя ѣздить къ нему въ канцелярію, а не собирать комиссіи у себя, онъ составилъ планъ расположенія комнатъ канцеляріи, а одну залу отдѣлилъ для присутствія комиссіи; на планѣ было это написано, и государь утвердилъ его. Очень нужно было за-

нимать самодержавнаго разстановкою мебели и развѣшиваніемъ ярлыковъ надъ дверьми! Копію съ высочайше утвержденнаго плана препроводилъ онъ къ Бенкендорфу и затѣмъ поручилъ мнѣ доложить ему, что въ канцеляріи собралось довольно много дѣлъ къ докладу и потому не угодно ли будетъ назначить день для собранія комиссіи. Бенкендорфъ назначилъ число и прибавилъ: «у меня». Въ это время Клейнмихель пошелъ еще болѣе въ гору. Чернышевъ посланъ въ Грузію съ Позеномъ устраивать таможнюю администрацію, равно какъ и въ землю донскихъ казаковъ устраивать (читай: разорять) этотъ край, и на время его отсутствія Клейнмихель сдѣланъ управляющимъ военнымъ министерствомъ. Когда я пріѣхалъ къ нему отъ Бенкендорфа, онъ сидѣлъ въ домѣ военнаго министерства, въ кабинетѣ министра, и слушалъ докладъ директора канцеляріи, М. М. Брискорна. Сцена, возбужденная моимъ донесеніемъ, была одною изъ самыхъ оригинальныхъ. Графъ Клейнмихель взбѣсился:

— Да какое же онъ имѣетъ право собирать у себя комиссію, скотина!. Какое право онъ имѣетъ, каналья! По какому праву (такой-сякой). Какое право?—повторялъ графъ, смотря пристально на Брискорна, возвышая постепенно голосъ и пересыпая эти вопросы крупными русскими междометіями.

Директоръ спокойно замѣтилъ: «Не имѣетъ никакого права!» Только что Брискорнъ выговорилъ эти слова, графъ съ яростью сталъ повторять: «Не имѣетъ никакого права!» дополняя эту фразу крупными словами и глядя на директора такъ гнѣвно, какъ будто онъ-то и былъ всему виною. Брискорнъ опять съ прежнимъ спокойствіемъ замѣтилъ: «Рѣшительно никакого права!»

— Рѣшительно никакого права! — загремѣлъ опять управляющій военнымъ министерствомъ, повторяя это разъ десять. Затѣмъ онъ началъ было успокаиваться и замѣтно упавшимъ голосомъ сказалъ:—И надпись есть на дверяхъ: «Присутствіе строительной комиссіи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги».

— Такъ и надпись есть? — спросилъ хитрый директоръ, сдѣлавъ видъ удивленія: — послѣ этого какое же онъ имѣетъ право?

Это заключеніе произвело дѣйствіе огня, въ который вспрыснута вода. Клейнмихель опять сталъ кричать:

— И надпись есть: при-сут-ствіе etc. Какое же право? Каналья!

Сцена была impayable![1]). Съ одной стороны—очевидные сарказмы, не замѣчаемые только тѣмъ, кого они поражали; съ другой—яростное повтореніе сарказмовъ на самого себя. Клейнмихель послалъ за Дубельтомъ, начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, и просилъ его растолковать Бенкендорфу, что комиссія должна

---

[1]) Преуморительная.

собираться въ залѣ, высочайше для того назначенной, но Дубельтъ отозвался, что это не его дѣло и онъ не смѣетъ въ него вмѣшиваться. Наконецъ Клейнмихель обратился ко мнѣ съ просьбою уговорить графа Бенкендорфа. Я отправился къ нему, доложилъ содержаніе дѣлъ, назначенныхъ къ докладу, и, собирая бумаги, прибавилъ:

— Votre excellence a voulu que la commission soit rassemblée chez elle! c'est un coup qui me frappe. A peine entré en fonction, je n'ai pas encore pris connaissance des affraires qui m'ont précédées; si on me demande quelques renseignements là dessus je risque de rester court, tandis qu'ayant ma chancellerie à côté, je pourrais consulter l'archive.

— En bien!—отвѣчалъ добрый графъ:—je viendrai chez vous, mais ce n'est que pour vous! [1]).

Такъ я оказалъ услугу Клейнмихелю,—сознаюсь себѣ,—не совсѣмъ рыцарскую: первый фактъ, внушившій мнѣ отвращеніе къ моему новому званію послѣ примиренія съ Чевкинымъ. Потомъ было бурное засѣданіе главнаго комитета: рѣшался вопросъ, вести ли дорогу прямо, или съ колѣномъ на Новгородъ. Левашовъ, Киселевъ и, сколько помню, графъ Толь, котораго я только разъ видѣлъ въ комитетѣ, находили, что желѣзная дорога должна связывать города, не гоняясь за прямизною линіи; Чевкинъ, Клейнмихель и другіе настаивали на краткости пути. Канкринъ и Меншиковъ молчали. Когда цесаревичъ спросилъ Меншикова, какого онъ мнѣнія, князь отвѣчалъ:

— Такъ какъ 34 милліона достаточны будутъ только верстъ на 150, то я полагаю лучше вести дорогу на Новгородъ, и тѣмъ кончить, чѣмъ остановиться на концѣ, упирающемся въ непроходимое болото.

Всѣ расхохотались, но цесаревичъ принялъ этотъ отзывъ неблагосклонно и сказалъ съ досадой:

— Я знаю, что вы противникъ желѣзной дороги.

Рѣшено: миновать Новгородъ. Съ этихъ поръ Меншиковъ не ѣздилъ болѣе въ комитетъ. Затѣмъ разсматривали въ комитетѣ проекты столичныхъ станцій: Мельниковъ нарисовалъ великолѣпныя картины, изображавшія с.-петербургскую товарную станцію. Предполагалось подъ невскимъ монастыремъ вырыть большой бассейнъ, окружить его тремя рядами каменныхъ магазиновъ, могу-

---

[1]) — Ваше сіятельство желали бы, чтобы комиссія собралась у васъ! Для меня это ударъ! Только что вступивъ въ должность, я не успѣлъ еще ознакомиться съ предшествовавшими дѣлами; если у меня спросятъ какую-нибудь справку, я рискую не знать, что отвѣчать; между тѣмъ, имѣя возлѣ мою канцелярію, я могъ бы справиться въ архивѣ.

— Ну! я пріѣду къ вамъ, но это только для васъ!

щихъ вмѣстить до 20 милліоновъ пудовъ товара, и соединить эти склады рельсовою вѣтвію съ главнымъ путемъ. Бенкендорфъ всталъ, разглядывалъ сквозь лорнетъ рисунки, восклицалъ: charmant! [1]) и «дѣлалъ ручки» Мельникову, приставляя лорнетъ къ губамъ и потомъ наклоняя его передъ авторомъ; Орловъ провозглашалъ свои русскіе комплименты: «молодецъ, хватъ» и т. п. Клейнмихель улыбался, какъ будто онъ самъ былъ сокровенный авторъ этого проекта; Меншикова и Толя не было. Канкринъ съ зеленою ширмою надъ глазами сидѣлъ подлѣ цесаревича, насупя голову, и молчалъ. Наслѣдникъ придвинулъ къ нему планъ и сказалъ ласково: «Егоръ Францовичъ! что вы объ этомъ думаете?» Канкринъ, взглянувъ на планъ исподлобья, спросилъ Мельникова, не копія ли это съ лондонскаго или другого англійскаго? Мельниковъ сказалъ, что нѣтъ, покраснѣвъ. Тогда Канкринъ сказалъ цесаревичу, что такіе проекты разоряютъ государства и для Россіи вовсе не годятся; что наши громоздкіе товары отпускаются моремъ, что барки идутъ съ ними до устьевъ Невы и тамъ складываются въ буяны, стоившіе городу большихъ капиталовъ, и прямо идутъ въ Кронштадтъ; что если заставить барки сгружаться подъ Невскимъ, то доставка ихъ до устьевъ посредствомъ желѣзной дороги вдоль Обводнаго канала до Гутуева острова (какъ предположено) обойдется въ десять разъ дороже, чѣмъ проплытіе тѣхъ же барокъ по Невѣ до буяновъ; что эти буяны останутся безъ употребленія и городъ лишится дохода, безъ котораго онъ не можетъ существовать. Кто-то замѣтилъ, что эти пакгаузы понадобятся для склада иностранныхъ товаровъ, впредь до отправленія ихъ въ Россію по желѣзной дорогѣ, но Канкринъ прибавилъ, что иностранные товары можно перевозить съ биржи на извозчикѣ прямо въ вагонъ. Все это онъ говорилъ протяжно, спокойно, однозвучно, какъ отвѣты оракула. Въ заключеніе Канкринъ сказалъ:

— Ваше высочество! я вижу, что мы идемъ въ подражаніе Англіи и Америкѣ, но сравнивать насъ съ этими странами все равно, что сравнивать англійское сукно съ солдатскимъ. Мы видимъ, что англійская королева начала уже просить милостыню по воскресеньямъ (ссылка на то, что, по случаю неурожая, пасторы послѣ обѣдни вызывали прихожанъ къ благотворительности именемъ королевы), а если мы станемъ подражать Англіи, то скоро придется намъ просить милостыню и по буднямъ.

Все молчало, не было ни смѣху, ни возраженій, ни даже резолюціи по этому вопросу. Наслѣдникъ перешелъ къ другому вопросу. Съ тѣхъ поръ не было помину о товарной станціи съ бассейномъ и пакгаузами; ея нѣтъ и доселѣ (въ 1864 году), черезъ 22 года послѣ описаннаго здѣсь засѣданія.

---

[1]) Прелестно.

Прошло мѣсяца три со времени моего назначенія. Клейнмихель прислалъ ко мнѣ высочайшее повелѣніе и подписанную уже имъ исполнительную бумагу, не мною заготовленную, съ тѣмъ, чтобы я скрѣпилъ ее и отправилъ. Мнѣ казалось, что въ бумагѣ повелѣніе выражено не точно. Я поѣхалъ къ графу; онъ былъ у государя. Пріѣхавъ домой, онъ спросилъ меня коротко: «что такое?» Когда я сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, отъ отвѣчалъ съ дурно сдержаннымъ нетерпѣніемъ: «Такъ вы, стало быть, не читали высочайшее повелѣніе!» При словѣ «не читали» сдѣлалъ быструю присядку, согнувъ оба колѣна, и, разстегивая мундиръ, сказалъ камердинеру: «сними мундиръ!» Я вышелъ въ смущеніи, пріѣхалъ домой и написалъ графу, что вслѣдъ за моимъ опредѣленіемъ я объявлялъ ему, что ни за какія блага не останусь въ настоящемъ званіи, если моя служба сопровождаться будетъ обстоятельствами, несовмѣстимыми съ моими правилами и свойствами, что теперь такія обстоятельства наступили, и что потому я прошу уволить отъ званія директора канцеляріи, если мнѣ не будетъ дана увѣренность въ томъ, что я не буду впредь встрѣчаться съ ними. Записка моя не застала его въ Петербургѣ. Ее отправили въ Петергофъ, и оттуда онъ прислалъ ко мнѣ фельдъегеря; на моей запискѣ изъявлялось, что онъ не понимаетъ записки и проситъ пріѣхать къ нему въ Петербургъ вечеромъ. Я выразилъ ему безъ церемоніи, что не привыкъ къ такому тону, въ какомъ онъ говорилъ со мною, что начальники при мнѣ не раздѣвались, что если его другіе подчиненные терпятъ подобное, то они, вѣроятно, люди недобросовѣстные, но что ни я, ни другой честный человѣкъ не согласится быть на службѣ въ оскорбительномъ положеніи. Клейнмихель приводилъ въ оправданіе, что онъ заваленъ дѣлами, измученъ, съ 5-ти часовъ утра до обѣда не имѣлъ времени напиться чаю и пр. На это я объяснилъ, что вполнѣ понимаю его утомленіе, удивляюсь даже, какъ онъ можетъ переносить подобные труды, но никакъ не могу вслѣдствіе этого подчиняться оскорбленіямъ. Пошли разныя нѣжности; графъ повелъ меня къ графинѣ, представилъ ей меня, какъ его вѣрнаго помощника и друга, котораго онъ любитъ и уважаетъ, etc. Я пилъ у него чай. Потомъ пошли мы въ кабинетъ. Прощаясь, я ему сказалъ, что все-таки лучше было бы намъ теперь же разстаться; что, какъ я замѣтилъ, онъ пріученъ уже своими подчиненными къ lasser-aller [1]), котораго я переносить не въ состояніи, но онъ далъ мнѣ слово, что никогда подобнаго столкновенія не повторится, и, надо отдать ему справедливость, онъ сдержалъ слово. Въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ случай выяснить себѣ привычки и взгляды графа Клейнмихеля въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Когда я прочиталъ ему

---

[1]) Непринужденность.

ректоръ типографіи военныхъ поселеній, вздрогнулъ и взглянулъ на меня съ какимъ-то трепетомъ.

— Что съ вами? — спросилъ я.

— Ахъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ участіемъ.—Надобно быть въ пріемныхъ очень осторожнымъ; я разскажу, что со мной случилось. Ждалъ я въ пріемной у графа Алексѣя Андреевича, ждалъ часа два,—ну, молодъ былъ; дѣла была пропасть; вотъ я и сказалъ: «Ахъ, скоро ли приметъ меня графъ?» Адъютантъ входилъ къ графу и выходилъ; звали къ нему того, другого,—а я жду. Передъ обѣдомъ графа адъютантъ объявляетъ мнѣ, что его сіятельство приказалъ мнѣ прійти завтра въ 8 часовъ. Пришелъ. Жду, жду. Въ 2 часа графъ проходитъ мимо, со шляпой, не глядя на меня; ѣдетъ со двора, въ 4 возвращается, проходитъ мимо, не глядитъ на меня,—а я дошелъ почти до обморока. Слышу: сѣлъ обѣдать. Въ 6 часовъ приказываетъ мнѣ явиться завтра въ 7 часовъ; я смекнулъ, въ чемъ дѣло. Иду на другой день, взялъ въ карманъ корочку хлѣба и нѣсколько мятныхъ лепешекъ,—опять жду, но уже спокойнѣе. Наконецъ, въ 12 часовъ зовутъ меня къ графу. Когда я вошелъ въ кабинетъ, графъ говоритъ мнѣ: «Ну что, любезный, привыкъ?»

Какъ ученикъ такого воспитателя, Клейнмихель былъ еще мягкосердеченъ. Таковъ онъ былъ и у себя дома при второй женѣ. Первая жена его была Кокошкина, вышедшая за него противъ воли родителей. Онъ оказался несостоятельнымъ обратить эту дѣвицу въ супругу и вдобавокъ требовалъ отъ нея благосклоннаго пріема волокитства Аракчеева; онъ насильно сажалъ ее къ окну, когда Аракчеевъ проѣзжалъ мимо, и щипками заставлялъ ее улыбаться. Такъ по крайней мѣрѣ разсказывала она сама. Начались домашнія распри, въ которыхъ утѣшилъ ее двоюродный ея братъ Булдаковъ. Клейнмихель жаловался Аракчееву, и Булдакову было высочайше запрещено жить въ томъ городѣ, въ которомъ живетъ г-жа Клейнмихель, но она сама стала ѣздить туда, гдѣ жилъ Булдаковъ: отсюда—юридическая компликація. Наконецъ, Клейнмихель, вѣроятно, не имѣвшій уже прежнихъ интересовъ держать у себя непокорную жену, вошелъ съ нею въ сдѣлку. Она уступала ему свое приданое, а онъ обязывался быть виновнымъ въ нарушеніи брачной вѣрности, и они развелись. M-me Kleinmichel вышла за Булдакова, съ которымъ она была очень несчастна, а Клейнмихель женился на вдовѣ Хорвата, рожденной Ильинской, богатой, милой женщинѣ, по вдовьему положенію своему облегчившей новому мужу способы исполнять супружескія обязанности. Съ этихъ поръ Клейнмихель измѣняетъ совершенно свой характеръ семьянина; сначала онъ долженъ былъ сдерживать порывы въ опасеніи, чтобы не ссориться съ богатою женою и съ родственницею Нелидовыхъ, которыхъ сестра Варенька уже

начинала нравиться государю; потомъ, подъ вліяніемъ кротости жены и самъ будучи не злой человѣкъ, отвыкъ отъ домашнихъ ругательствъ, и когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ добрый мужъ, нѣжный отецъ и довольно кротокъ съ своею личною прислугою; злымъ оставался онъ только къ прислугѣ, состоящей на казенномъ жалованьѣ, да еще вопросъ, не столько ли же виноваты въ томъ и эти слуги отечества, которые добровольно унижали себя до уровня лакеевъ. Со мной Клейнмихель былъ всегда вѣжливъ и остороженъ.

Клейнмихель хвастался быстротою своей работы и, вслѣдствіе этого, не оставлялъ на своемъ письменномъ столѣ ни одной бумаги: всѣ, дескать, исполнены! Но дѣло въ томъ, что всѣ бумаги были отдаваемы Заикѣ, который былъ всегда въ канцеляріи, помѣщенной въ томъ же домѣ, слѣдовательно, бумаги были на столѣ, но только не въ кабинетѣ. При началѣ сооруженія желѣзной дороги государь былъ такъ занятъ этою мыслію, что по десяти разъ въ день посылалъ къ графу Клейнмихелю вопросы, или требовалъ планы, а онъ посылалъ ко мнѣ за свѣдѣніями. Чтобы выйти изъ положенія, которое угрожало мнѣ, положенія подобнаго тому, въ какомъ находились Заика и телеграфный офицеръ, я приготовилъ нарядный планъ желѣзной дороги, реестръ распоряженій, предписанныхъ главнымъ комитетомъ, и сводъ различныхъ свѣдѣній и представилъ ихъ Клейнмихелю, съ просьбою оставить это у себя на случай вопросовъ отъ государя, но онъ не хотѣлъ принимать бумагъ:

— На что мнѣ? я не люблю столовъ съ бумагами; понадобятся, такъ я пришлю къ вамъ за ними.

На это я замѣтилъ графу, что государь спрашиваетъ очень часто по вечерамъ; что я никакъ не могу обѣщать ему быть по вечерамъ дóма; что у меня есть обязанности свѣтскія и семейственныя,—да притомъ есть и обязанности по другой службѣ, что я и отъ своихъ начальниковъ отдѣленія могу требовать утро, а не вечеръ. Графъ, казалось, былъ скандализованъ такимъ «фармазонствомъ», однакожъ принялъ бумаги.

Я все-таки думаю, что графъ Клейнмихель выше своей репутаціи и лучше большинства своихъ сверстниковъ. Онъ льстилъ страстямъ государя и позволялъ себѣ интриги, но много ли людей у насъ, которые, въ его положеніи, этого бы не сдѣлали. Чернышевъ и Воронцовъ далеко перещеголяли его и въ томъ и въ другомъ, только дѣлали это не такъ грубо, но чѣмъ независимѣе и воспитаннѣе они были, тѣмъ постыднѣе ихъ дѣйствія. Клейнмихель былъ совершенно чуждъ тѣхъ познаній, какія нужны въ должностяхъ, имъ занимаемыхъ, — но зачѣмъ назначали его въ эти должности; много ли, опять спрошу, у насъ людей, которые отказались бы отъ высокаго званія, по сознанію

своей неспособности? Онъ былъ грубъ съ своими подчиненными,—но какіе же подлецы и эти подчиненные: не говорю о Заикѣ, бѣдномъ, имѣющемъ огромное семейство,—но о Кролѣ, Арцыбушевѣ, Кривошеинѣ. Даже князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій велъ себя неприлично своему имени. Онъ взялъ на себя званіе полицейскаго инспектора по линіи работъ желѣзной дороги. Узнавъ, что будетъ графъ, князь Бѣлосельскій велѣлъ усыпать пескомъ всѣ тѣ проходы, по которымъ, по его расчету, пройдетъ Клейнмихель, и обсадить ихъ съ обѣихъ сторонъ ёлками: жандармамъ и лекарямъ лазаретовъ,—не казеннымъ, а содержимымъ подрядчиками,—далъ писанныя инструкціи, въ которыхъ были изложены программы, гдѣ стоять, какъ поклониться, и какъ отвѣчать на каждый вопросъ. Послѣ каждаго продиктованнаго отвѣта, Бѣлосельскій прибавлялъ въ инструкціи слова: «и болѣе ни слова!» или: «и болѣе ни полслова!» Священникамъ походныхъ церквей приказалъ выходить навстрѣчу съ крестомъ. Священники спросили, однако, по этому предмету архимандрита, который запретилъ исполнять это приказаніе. Мнѣ жаль, что я не сохранилъ экземпляра этой инструкціи; но она была переведена и напечатана въ какомъ-то парижскомъ «Revue». Лаваль, пріѣхавъ обѣдать къ Бѣлосельскому, сказалъ ему:

— J'ai été furieux hier en lisant une feuille dans laquelle le coquin de journaliste vous fait faire des bêtises indignes d'un gentilhomme! [1])

Слава Клейнмихеля заключалась единственно въ точномъ и скоромъ исполненіи; за всякую неточность государь «распекалъ» его, и онъ боялся его до безумія. Поставленный на должность техническую, сознавая свою техническую неспособность, онъ опасался ошибокъ тѣмъ болѣе, что самъ не умѣлъ ихъ видѣть. Въ такомъ положеніи онъ полагалъ свирѣпостью внушить подчиненнымъ столько страху, чтобы они сами опасались ошибки. «Дѣлайте, какъ знаете, я дѣла не понимаю; но бѣда вамъ, если сдѣлано будетъ дурно»—такъ можно опредѣлить систему его поведенія съ подчиненными, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что подтверждается его домашнимъ бытомъ, въ которомъ онъ не былъ обязанъ давать отчетъ другимъ; съ слугами, за исключеніемъ минутъ вспыльчивости, онъ былъ даже слишкомъ мягокъ. Я помню, что на мое замѣчаніе, что въ кабинетѣ угарно, онъ сказалъ камердинеру открыть трубу; камердинеръ находилъ это ненужнымъ, и, несмотря на повторенное приказаніе, не открылъ ея и вышелъ. Графъ сказалъ только вслѣдъ ему: «экая каналья!» Но въ графѣ Клейнмихелѣ есть и хорошія качества, какими не могутъ похвалиться

---

[1]) Я былъ золъ вчера, читая газету, въ которой мошенникъ-журналистъ приписываетъ вамъ глупости, недостойныя дворянина.

многіе и многіе изъ высокихъ особъ Онъ сердился на противорѣчія, не допускалъ никакого сопротивленія по принципу, однакоже цѣнилъ независимость мнѣнія. При разсмотрѣніи въ технической комиссіи проекта моста черезъ Волховъ произошло разногласіе: Мельниковъ составилъ проектъ моста безъ разводной части, достаточной высоты арокъ для прохода судовъ съ сѣномъ и дровами въ обыкновенныя весеннія воды; я полагалъ, что разводная часть необходима, чтобы сѣнной и дровяной промыселъ, съ одной стороны, и снабженіе столицы, съ другой, не могли подвергаться опасности; Мельниковъ доказывалъ, что высокія вешнія воды, при которыхъ барки не прошли бы подъ мостъ, случаются въ 20—25 лѣтъ одинъ разъ, а разводная часть требуетъ 40 тысячъ рублей лишняго расхода, а я говорилъ, что когда правительство рѣшается строить въ долгъ 600 верстъ желѣзной дороги для облегченія сообщеній, то странно было бы этимъ самымъ дѣломъ запирать другой путь сообщенія. Бобринскаго и Чевкина не было въ комиссіи, а инженеры всѣ, par esprit de corporation[1]), пристали къ Мельникову: я остался одинъ. Графъ Клейнмихель ужасно боялся разногласій; они могли подать государю поводъ заговорить съ Клейнмихелемъ о подробностяхъ, гдѣ онъ легко могъ выразить слишкомъ ясно мѣру своего невѣжества. Онъ сталъ меня упрашивать присоединиться къ другимъ, и какъ упрашивать! Разумѣется, трудъ былъ напрасенъ. Между прочимъ я сказалъ графу, что не признаю даже, что за Мельникова большинство, что за него Дестремъ да и то лишь для того, чтобы не быть за меня противъ своего ученика, а что всѣ другіе подписались съ Дестремомъ безсознательно. Мы разстались довольно дурно, а графъ принялся, вѣроятно, за другой конецъ. Черезъ недѣлю Дестремъ, войдя въ комиссію, началъ рѣчью, въ которой доказывалъ или излагалъ, что умный человѣкъ никогда не постыдится сознанія въ своей ошибкѣ, а честный, сознавшись въ оной, не можетъ оставаться при ней изъ самолюбія, что онъ обдумалъ дома вопросъ о волховскомъ мостѣ, убѣдился въ правильности мнѣнія г. директора и охотно отказывается отъ своего; за нимъ отказались другіе, и журналъ состоялся единогласный, по моему мнѣнію. Привожу я на другой день журналъ къ Клейнмихелю, докладывая, что онъ безъ разногласія.

— Какъ?

— Дестремъ перешелъ къ моему мнѣнію.

— А другіе?

— Всѣ пошли за Дестремомъ.

Графъ, сложа руки, уставя на меня глаза и потряхивая голову въ одну сторону, повторялъ:

---

[1]) По духу корпораціи.

— Каково! Каково!—усиливая постепенно голосъ, и наконецъ съ чувствомъ отчаянія воскликнулъ:—И вотъ люди, которыми я окруженъ! вотъ съ кѣмъ я долженъ работать! за кого я долженъ отвѣчать государю!—и сталъ цѣловать меня.

Я сказалъ ему шутя:

— Графъ, вы оскорбляете меня! Будучи такого мнѣнія о людяхъ съ аккоммодаціями, вы меня уговаривали отступиться отъ своего мнѣнія.

Конечно, Аракчеевъ, Воронцовъ, Чернышевъ, Орловъ, поступили бы со мною иначе.

Графъ Клейнмихель стоилъ много денегъ государству азіатскими аллюрами въ службѣ и лишними угодами государю, но онъ не воровалъ; онъ стоилъ государству меньше, чѣмъ Чернышевъ и Орловъ, которые служили ширмою для организаціи воровъ, расплодившихся подъ ихъ кровомъ изумительно и развившихъ свою наглость до уродливости. Я спорилъ съ Клейнмихелемъ 8 лѣтъ; онъ бранилъ меня за глаза; я бранилъ его, а чаще хвалилъ:

Tu dis du mal de moi,
J'ai dit du bien de toi,
Mais si grand malheur est le nôtre
On ne nous croit, ni l'un ni l'autre [1]).

Но прошли годы; я по одному случаю заѣхалъ къ нему лѣтъ черезъ пять; онъ этимъ хвасталъ. Въ нынѣшнемъ году (1864) давалъ онъ вечеръ государю, но въ его небольшой квартирѣ онъ не могъ помѣстить болѣе 120 человѣкъ; графиня работала и не могла разрѣшить задачи: или 70 человѣкъ, или 300; вотъ дилемма. Графъ говорилъ ей: «Зови кого хочешь, но чтобы К. И. Фишеръ былъ тутъ!»—И этого не сдѣлалъ бы не только Врангель, но и Меншиковъ.

Трепетъ передъ государемъ былъ въ Клейнмихелѣ ужасенъ. Мы условились, что онъ не будетъ посылать курьеровъ отыскивать меня, когда меня нѣтъ дома. Разъ, когда я обѣдалъ у Дружинина, пріѣзжаетъ въ дождь-ливень курьеръ отъ графа, съ просьбою, ради Бога, сейчасъ къ нему пожаловать. Нахожу я его въ истерическомъ состояніи. Онъ разсказываетъ мнѣ, что пріѣхалъ съ дороги полицейскій дистанціонный начальникъ, полковникъ Игнатьевъ, съ донесеніемъ, что у барона Корфа, подрядчика земляныхъ работъ по сѣверной половинѣ желѣзной дороги, хлѣба для рабочихъ остается на три дня и мяса на день, и что онъ опасается голода. Клейнмихель разсказывалъ это, ходя по комнатѣ и прерывая себя вздохами: «Боже, Боже, что со мною будетъ!»—хо-

---

[1]) Ты говоришь обо мнѣ дурно, я говорилъ о тебѣ хорошо, но на наше несчастье намъ не вѣрятъ, ни тому, ни другому.

дилъ, ходилъ и вдругъ, остановясь предо мной, сказалъ съ горечью:

— Какой счастливый у васъ характеръ, вамъ можно позавидовать! 15 тысячъ человѣкъ умираютъ съ голоду, а вы—улыбаетесь! Вы, стало быть, не знаете, какъ мнѣ досталось отъ государя, когда 200 человѣкъ рабочихъ пришли въ Царское Село жаловаться, что подрядчикъ имъ не платитъ,—а теперь, когда 15 тысячъ человѣкъ придутъ, и столица можетъ быть въ опасности... что будетъ!

Я отвѣчалъ ему, что не улыбаюсь, да и не унываю: если бы нужда была такъ велика, то Корфъ, вѣроятно, пришелъ бы ко мнѣ просить денегъ, но онъ ничего не просилъ.—«А, впрочемъ,—прибавилъ я:—напрасно ваше сіятельство не объяснили государю на жалобу 200 человѣкъ, что департаментъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ дѣло съ подрядчиками; рабочіе же должны приносить жалобу на ихъ нанимателей—губернатору, который отъ васъ не зависитъ. Вообще, мнѣ кажется, что Игнатьевъ сдѣлалъ фальшивую тревогу; прискакалъ сюда какъ брандмейстеръ, но пожара я еще не вижу!

— Ахъ, дай Богъ! да что онъ, каналья, не ѣдетъ, я послалъ его къ Корфу, чтобы онъ притащилъ ко мнѣ этого мошенника за шиворотъ.

Послѣ четверти часа лихорадочнаго ожиданія возвратился Игнатьевъ съ жалобой:

— Не ѣдетъ, ваше сіятельство! Я сказалъ ему, что вы приказали притащить его за шиворотъ, а онъ опустилъ голову на обѣ руки и сидитъ передъ столомъ; я бы его потащилъ, да онъ—въ халатѣ.

Я не могъ вынести такой возмутительной рѣчи и, не женируясь графомъ, сказалъ Игнатьеву, что непростительно ему передавать приказанія въ выраженіяхъ, сказанныхъ въ минуту гнѣва, глазъ на глазъ; что баронъ Корфъ—статскій совѣтникъ, и что вообще вы, г. полковникъ, встревожили графа опасностями, которыя, можетъ быть, только въ вашемъ воображеніи (Графъ стоялъ, какъ ягненокъ). Игнатьевъ смѣшался и просилъ графа не безпокоиться, что онъ самъ распорядится раздачею порцій и надѣется, что хлѣба хватитъ дней на шесть. Я опять замѣтилъ, что, во-1-хъ, онъ не имѣетъ права раздавать порціи изъ чужой провизіи; во-2-хъ, если онъ можетъ разверстать хлѣбъ на 6 дней, то, конечно, самъ подрядчикъ, отвѣчающій состояніемъ и личностью, распорядится еще лучше,—и что, словомъ, весь шумъ вы сдѣлали изъ пустяковъ.—«А мясо?» спросилъ графъ. Въ этотъ моментъ пришло мнѣ на память, что черезъ день наступаетъ постъ. Когда я это сказалъ, Игнатьевъ ударилъ себя по лбу, со словами: «Ахъ! виноватъ! забылъ!» Только что онъ выговорилъ эти слова, Клейнмихель закипѣлъ:

— Ахъ ты, брандмейстеръ! Ахъ, ты, брранд-мей-сте-ёръ!! Вонъ!!!

Игнатьевъ бросился растерянный изъ комнаты. Графъ вдругъ вздохнулъ и сталъ мягокъ, такъ мягокъ, что глазамъ своимъ я не вѣрилъ. Обнималъ меня, цѣловалъ, говоря: «Спасибо, спасибо, любезный Константинъ Ивановичъ».

Таковъ былъ Клейнмихель, росшій во времена Павла I и прошедшій службу подъ начальствомъ Аракчеева! Это обстоятельство должно служить великимъ ему оправданіемъ, если вѣрна пословица: «dis-moi qui tu hantes, je te dirai, qui tu est!» [1]) Объ Аракчеевѣ знаетъ вся Россія, какъ о деспотѣ, безчеловѣчномъ, свирѣпомъ; я случайно узналъ и виновника его возвышенія и мѣру его безкорыстія.

Апрѣлевъ, отецъ сенатора И. Ф. Апрѣлева, былъ при Екатеринѣ начальникомъ арсенала. Наслѣднику престола, Павлу, понадобились въ Гатчину двѣ маленькія пушки. Онъ обратился о томъ къ Апрѣлеву, и этотъ исполнилъ его просьбу. Случай рѣдкій! Такъ какъ великій князь былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ матерью-императрицею, то отказывать ему въ просьбахъ, даже дѣйствовать ему на зло—было въ модѣ. Великій князь, по открытіи вакансіи начальника артиллеріи въ Гатчинѣ, просилъ Апрѣлева принять это мѣсто, но Апрѣлевъ отозвался, что императрица благоволитъ къ нему, и онъ не имѣетъ ни повода, ни мужества проситься изъ Петербурга; вмѣсто себя онъ рекомендовалъ Павлу Аракчеева. Аракчеевъ взятъ, а черезъ годъ или два Павелъ воцарился. Аракчеевъ былъ пожалованъ въ бароны, съ девизомъ въ гербѣ: «Безъ лести преданъ», который публика потомъ передѣлала въ другой: «Бѣсъ, лести преданъ!» Въ 1850 году слышалъ я о немъ отъ маленькаго человѣка, чиновника VIII класса Свячова, у котораго я купилъ землю. Этотъ чиновникъ характеризовалъ мнѣ Аракчеева, самъ того не зная. Онъ продалъ землю оттого, что 20 лѣтъ не имѣлъ хорошаго урожая; года черезъ два по продажѣ видитъ онъ мои великолѣпныя поля и, приписывая это исключительно благословенію Божію («никто, какъ Богъ!»), разсказываетъ мнѣ случай, въ которомъ онъ видѣлъ явно Божіе покровительство, который и касался Аракчеева только объективно. Разсказъ его такъ оригиналенъ, что я замѣтилъ его себѣ слово въ слово. «Въ 1824 году дали мнѣ богатую заготовку сѣна, пудовъ тысячъ до 500. Передъ моимъ отъѣздомъ генералъ-провіантмейстеръ Абакумовъ зоветъ меня къ себѣ и говоритъ: «Купи сѣно у графа Алексѣя Андреича, да смотри, не надѣлай глупостей! подъ судъ отдамъ!»—«Слушаю, ваше превосходительство!» Поѣхалъ въ Грузино, къ управляющему; ведутъ къ самому. Вхожу, кланяюсь. «Здравствуй, любезный! тебѣ сѣно надо. Бери, сѣно у меня хоро-

---

[1]) Скажи, съ кѣмъ ты другъ, а я скажу, кто ты таковъ.

шее, 40 коп. пудъ. Ну, ступай!—показать ему сѣно!»— Посадилъ меня управляющій въ телѣжку и повезъ по лугамъ; кажетъ на траву да похваливаетъ! «А каково сѣно?»—Я такъ и обомлѣлъ! и говорю: «Вѣдь это трава!»—«Выкоси да высуши, сѣно будетъ; зато и цѣна какая!» Господи помилуй! думалъ я,—ну, да, признаться, думаю: вѣдь губернаторъ не промахъ; дастъ справочную цѣну гривенъ шесть.—Нанялъ людей, стали косить, убирать, а я къ губернатору! Этотъ заломался! 35 копеекъ, да 35 копеекъ, — за эту цѣну, говоритъ, милліонъ пудовъ поставлю!—Плакалъ, плакалъ, и то и сё... нѣтъ! Что дѣлать! принялъ сѣно, всѣ денежки свои (разумѣя тѣ, которыя думалъ украсть) ухлопалъ, а 70 тысячъ пудовъ не хватаетъ! Пришелъ къ графу. «Ну, что, говоритъ, принялъ?»—«Принялъ, ваше сіятельство!»—«А вѣдь славное сѣно, а?»—«Прекрасное, ваше сіятельство!» Подошелъ къ конторкѣ, вынулъ 1000 рублей и даетъ мнѣ. «На, говоритъ, бери!»—«Помилуйте, ваше сіятельство, за что?»—«Когда я даю, говоритъ, такъ бери!» Взялъ, поклонился, ушелъ, да и взрыдалъ, какъ ребенокъ. Господи! думаю, чѣмъ я Тебя прогнѣвалъ! (это спрашивалъ человѣкъ, 30 лѣтъ обокрадывавшій казну). Явился къ генералу Абакумову: «Ну, что?» говоритъ.—«Да что! бѣда, ваше превосходительство...»— «Молчать, говоритъ, подъ судъ отдамъ!»—Господи, Господи, Боже мой! Поѣхалъ въ Новгородскій монастырь; отслужилъ молебенъ и молился Господу: Господи спаси! въ отставку выйду! четыре дѣвки (дéуки, какъ выговаривалъ этотъ 70-лѣтній малороссъ) въ монастырь дамъ! Спаси и помилуй!—И что жъ вы думаете, генералъ?—Тутъ онъ пріостановился, обвелъ глазами всѣ четыре угла комнаты; не найдя ни въ одномъ образа, уставилъ глаза въ потолокъ, медленно изобразилъ крестное знаменіе, относя руку во всю ея длину, такъ что она описала широкія дуги, отъ лба къ брюху, и отъ праваго плеча къ лѣвому,—и продолжалъ: «Послалъ Господь Богъ наводненіе; барки мои разбило, я показалъ погибшимъ полное количество; приняли на счетъ казны, и я—какъ добрый христіанинъ—тотчасъ подалъ въ отставку»—«Какъ?—сказалъ я: — наводненіе 7-го ноября 1824 года?»—«То самое, генералъ».—Вотъ черта изъ жизни намѣстника Россійской имперіи въ ту эпоху, когда царь чертилъ на медаляхъ: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ГРѢХЪ“ БАБУШКИ.

Разсказъ.

I.

Въ ТИХІЙ іюньскій вечеръ поѣздъ подходилъ къ большой станціи Дубровкѣ; оставался еще полустанокъ, но пассажиры уже засуетились, стали собирать вещи, толкали другъ друга, хлопали дверями, высовывались въ окна. Одна изъ пассажирокъ оставалась равнодушной къ поднявшейся суетѣ: не отрываясь, смотрѣла она въ открытое окно на мелькавшіе виды, стараясь признать забытые уголки, испытывая грустно-умиленное чувство, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ при возвращеніи въ родныя, давно покинутыя мѣста. Рой воспоминаній изъ поры дѣтства и юности, грезы и мечтанія, пережитыя разочарованія, все забытое въ сутолокѣ столичной жизни, которая была наполнена только трудомъ, лишеніями и стремленіемъ къ достиженію намѣченной цѣли,—ярко и живо вставали передъ ея глазами.

«Вотъ роща, — вспоминала пассажирка: — за ней должно быть озеро; тамъ впервые испытывала я чувство жгучей ревности, когда гимназистъ Ѳедя (первая ребяческая любовь) уѣхалъ на лодкѣ съ пріѣзжей кузиной; тамъ монастырь, куда насъ возили на богомолье, что являлось веселой экскурсіей, полной новизны и впечатлѣній. А это полуразрушенная усадьба на горѣ; чья-то она теперь, въ чьи она руки перешла? Тамъ жилъ старикъ-помѣщикъ, кото-

раго прозвали вольтерьянцемъ: онъ не ходилъ въ церковь и обладалъ прекрасной библіотекой, служившей для меня источникомъ большихъ наслажденій; жадно были перечитаны всѣ романы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ, и дошло дѣло даже до «Космоса» Гумбольдта, въ которомъ я, конечно, ничего не поняла... А тамъ, дальше, у старой мельницы, подъ развѣсистымъ вязомъ, гдѣ просиживала часами, какія картины свѣтлаго будущаго рисовались, когда я сдѣлаюсь врачомъ и вернусь въ эту темную среду, вооруженная знаніями, сколько было свѣтлыхъ плановъ, сколько фантастическихъ иллюзій... И какъ хороша была эта пора ранней весны и какъ жестоко были разбиты первые шаги на этомъ пути...»

Воспоминанія и думы были прерваны возгласомъ кондуктора: «Станція Дубровка, остановка 8 минутъ».

Пассажирка, высунувшись въ окно, стала искать на платформѣ знакомыхъ, но ее уже замѣтила молоденькая дѣвушка, вскочившая въ вагонъ съ радостнымъ крикомъ: «Наконецъ-то, тетя Вѣра, мы ужъ въ третій разъ выѣзжаемъ тебя встрѣчать. Сергѣй, бери вещи!»—скомандовала она, обнимая и цѣлуя пріѣзжую.

— Здравствуй, здравствуй, Маша, мнѣ очень совѣстно, что я такъ опоздала, но меня задержали больные и дѣла...

— Все больные да дѣла, пора тебѣ отдохнуть отъ нихъ! Бабушки стосковались, ожидая тебя,—торопливо говорила Маша, собирая вещи.

— Здравствуйте, барышня, — окликнулъ Сергѣй, маленькій, юркій человѣкъ и, осмотрѣвъ Вѣру, прибавилъ:—ну, и не помолодѣла же ты тамъ въ Питерѣ; видно, плохо жить на чужой сторонѣ?..

— Но зато ты все тотъ же,—отвѣчала Вѣра, съ радостью привѣтствуя стараго слугу, знавшаго ее съ дѣтства.—Я ужъ не думала его увидѣть,—обратилась она къ Машѣ, идя по платформѣ.— А помнишь, Сергѣй, какъ ты заперъ меня въ чуланъ за то, что испортила пилу?

— Ну ужъ, что тамъ,—отвѣчалъ на ходу Сергѣй, таща вещи:— озорница была извѣстная.

Вѣру все болѣе и болѣе охватывало радостное, веселое настроеніе, что-то родное, нѣжное просыпалось въ душѣ, смѣняя ощущенія отчужденности, натянутости и искусственности, владѣвшія ею тамъ, далеко, въ Петербургѣ; точно теплая струя смывала ощущеніе холода, и таяла, молодѣла душа...

— Боже мой! и начальникъ станціи все тотъ же!—воскликнула она, останавливаясь.

— Да что ты это, тетя, точно ожидала, что мы всѣ тутъ должны перемереть безъ тебя!—изумилась Маша.

— Да ты не знаешь, не понимаешь, какъ весело всѣхъ васъ видѣть!...

И дѣйствительно, Машѣ, всегда жившей въ деревнѣ, трудно было понять настроеніе Вѣры. «А вотъ кучеръ другой, — объяснила она Вѣрѣ, когда вышли садиться въ экипажъ: — Василій отошелъ, а это Иванъ, рекомендую».

— А собаки. Босой, Жучка живы?

— Волки задрали,—отвѣчалъ Сергѣй.—Да садитесь же вы, барышни,—торопилъ онъ:—надо засвѣтло добраться.

Лошади быстро подхватили, и старая коляска понеслась по дорогѣ, усаженной березами. Замелькали огоньки въ деревняхъ; съ визгомъ лаяли собаки, дразня лошадей; у воротъ поджидали дѣти, крича: «копеечку»; навстрѣчу шли бабы и мужики, возвращаясь съ работъ; вдали раздалась пѣсня, и воздухъ, чистый, свѣжій, возбуждалъ и опьянялъ. «Господи! какъ хорошо!—воскликнула Вѣра:— и всего этого я была такъ долго лишена!.. Скажи, Маша, какъ у насъ крестьяне, спокойны?»

— У насъ все тихо,—отвѣчала Маша:—появился какъ-то «развиватель»; такъ мужики послушали, послушали, а потомъ рѣшили: «неладное онъ говоритъ, братцы!» и свели его въ волость.

— А кулаки попрежнему притѣсняютъ и спаиваютъ народъ?

— Да, они большая сила,—отвѣчала Маша:—и пьянство у насъ ужасное...

— Ну, а кто же у насъ въ Холмахъ гоститъ, кого я увижу?

Холмы—старое барское помѣстье, владѣтели котораго (двѣ тетушки и дядя Вѣры) никогда его не покидали и вели патріархальную, жизнь, любили крестьянъ, ихъ не обижали и пользовались всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ у окрестныхъ жителей. Зимой они закупоривались, застывали въ своихъ стѣнахъ, читая журналы и газеты и изрѣдка посѣщая церковь, лѣтомъ оживали, съ весны поджидая наплыва родственниковъ, преимущественно молодежи, которая стремилась, какъ къ центру, въ милые Холмы, зная, сколько ласки и тепла она встрѣтитъ у гостепріимныхъ стариковъ и сколько оживленія внесетъ въ ихъ однообразную жизнь.

Туда же ѣхала и врачъ Вѣра Николаевна Емжина отдохнуть отъ тяжелаго труда и общественныхъ дѣлъ и повидать родныхъ стариковъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки. Давно ждала она этой возможности, мечтая окунуться въ атмосферу ласки и баловства, отъ которой отвыкла въ суровой обстановкѣ Петербурга.

Маша стала перечислять всѣхъ кузинъ и кузеновъ и прочихъ родственниковъ, пріѣхавшихъ въ Холмы. «И бабушка Ольга Петровна здѣсь,—прибавила она.—Ты ее помнишь, тетя?»

Въ памяти Вѣры началъ вставать образъ величавой пожилой тетушки, извѣстной подъ именемъ бабушки Ольги, которую она видѣла всего разъ въ жизни и имя которой такъ чтилось въ семьѣ, хотя и было окружено какой-то непроницаемой завѣсой. Ее считали очень умной, образованной, ею гордились, но о прошломъ ея

никогда не говорили. И въ то время, когда письма всѣхъ родныхъ громко читались при всѣхъ, о письмахъ бабушки Ольги только объявлялось, содержаніе же становилось извѣстнымъ лишь старшимъ.

Сколько разъ Вѣра, въ годы своихъ первыхъ стремленій къ самостоятельной жизни, пыталась узнать отъ тетушекъ и дяди, что за личность Ольга Петровна, какъ она добилась образованія и независимости, какое ея соціальное положеніе, однако всѣ эти вопросы настойчиво замалчивались.

— Она очень достойная особа, испытавшая много несчастій въ прошломъ, а ты очень любопытна, и нѣчего тебѣ знать,—этимъ оканчивались всѣ разговоры о бабушкѣ Ольгѣ.

Одинъ разъ, въ то время, когда Вѣра переживала мучительную борьбу съ родными, противившимися ея намѣренію уѣхать учиться, когда всѣ рѣшительно возстали противъ этой «безумной» идеи, грозившей, по ихъ мнѣнію, чуть не гибелью для молоденькой дѣвушки, и ни въ комъ не находила она поддержки, совершенно неожиданно пришло на ея имя письмо отъ Ольги Петровны. «Иди своей дорогой,—писала она:—учись, стремись къ свѣту, выдержи борьбу и не останавливайся на полпути, никто тебѣ не замѣнитъ и не вернетъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, когда познаешь, что такое свобода, свѣтъ знанія и свой кусокъ хлѣба». Эти слова блеснули, какъ лучъ въ окружающей тьмѣ, и сильно поддержали духъ Вѣры. Съ торжествомъ прочла она эти строки родственникамъ, надѣясь на авторитетъ Ольги Петровны, но совершенно неожиданно вызвала противоположный эффектъ, — сонмъ родственниковъ произнесъ страшныя слова: «Если ты хочешь покрыть свое имя позоромъ и отравить близкимъ жизнь, такъ слѣдуй ея примѣру...» Тогда Вѣрѣ было не до объясненій чужой жизни, когда своя загоралась, она въ концѣ концовъ все-таки уѣхала, добилась своей цѣли, родные примирились съ фактомъ, и воспоминаніе о тетушкѣ Ольгѣ Петровнѣ почти совсѣмъ стушевалось въ памяти Вѣры. Но теперь оно проснулось, и Вѣра обрадовалась, что увидитъ наконецъ таинственную старушку.

Вотъ и густая липовая аллея, какъ шатеръ закрывающая дорогу къ дому, вотъ и столѣтняя развѣсистая ракита среди двора, а вотъ и движущіяся фигуры родныхъ людей на высокомъ крыльцѣ, и Вѣра переходитъ изъ однихъ объятій въ другія.

— А гдѣ же тетя Ольга Петровна?

— Она уже спитъ, устала, завтра увидишь; она просила тебя поцѣловать,—объяснила одна изъ тетушекъ.

— А какой букетъ приготовила тебѣ бабушка!—съ торжествомъ объявилъ младшій братъ Маши.

— Молчи, пожалуйста, Володя, ты вѣчно суешься не въ свои дѣла,—остановила его сестра.

Вѣру повели кормить и поить съ дороги.

II.

На другое утро Вѣра проснулась поздно, благодаря глубокой тишинѣ, водворенной въ домѣ, чтобы ее не разбудить.

Быстро вскочивъ съ постели, она открыла балконъ, выходившій въ садъ, весь залитый солнцемъ, и съ восторгомъ прошептала: «вотъ наслажденіе!» Но другой голосъ поднялся въ душѣ: не избалуйся, не окунись опять въ барство и эпикурейство, отъ которыхъ съ трудомъ избавилась.

— Нѣтъ,—твердо заявила себѣ Вѣра: — я только отдохну для новой работы, да и здѣсь найду ее. А это кто же?

Между клумбами цвѣтовъ тихо двигалась, опираясь на палку, фигура сгорбленной старушки; сѣдые волосы окаймляли ея умное, строгое лицо, глаза, еще не утратившіе своего блеска, проницательные и живые, перебѣгали отъ цвѣтовъ къ небу, устремляясь вдаль. Все въ ней дышало особой привлекательностью и, какъ показалось Вѣрѣ, носило отпечатокъ глубоко и сильно пережитаго.

«Вся въ прошломъ!—подумала Вѣра, разглядывая старушку:— какой интересный типъ!» Обернувшись назадъ, она замѣтила на столѣ чудный букетъ изъ бѣлыхъ розъ, съ запиской: «Привѣтствую дорогую Вѣру, горжусь вами. Старушка Ольга».

Быстро одѣвшись и напившись кофе, Вѣра отправилась желать всѣмъ добраго утра. Всѣ были заняты и вразбродѣ: одну тетушку нашла она на скотномъ дворѣ, другую въ кладовой, дядюшку около конюшни, молодежь сама прибѣжала здороваться и проводила въ комнату бабушки Ольги, которая сидѣла въ креслѣ съ книгой въ рукахъ.

— Здравствуйте, тетя Ольга, какая вы милая, прислали мнѣ такія чудныя розы,—привѣтствовала ее Вѣра.

— Здравствуй, или здравствуйте,—отвѣчала Ольга Петровна:— не знаю, какъ называть, вѣдь вы теперь важное лицо—докторъ.

— Зовите меня, какъ назвали въ томъ письмѣ, въ которомъ меня благословляли на трудъ и новую жизнь.

— Ахъ, ты не забыла! Ну, дай же на тебя посмотрѣть, вѣдь я въ первый разъ вижу женщину-врача. Я очень рада, что мнѣ удалось увидать, какія теперь новыя женщины, передовыя.

— А вы развѣ не были въ свое время новой женщиной?

— Да, я шла противъ вѣка,—сказала Ольга Петровна, вздохнувъ, — и очень много потерпѣла, но и теперь я живу вашими интересами, хотя для многаго ужъ устарѣла и не все понимаю... Вотъ, напримѣръ, читаю теперь Чехова,—она показала книгу его разсказовъ,—какой талантъ, какой симпатичный наблюдатель! Но какъ жаль, что все у него сѣренькое, однотонное, даже унылое. Нѣтъ ни силы, ни яркости въ его типахъ, нѣтъ совсѣмъ силь-

ныхъ людей, героевъ идеи... Ну, стоитъ ли описывать этихъ «сестеръ», кому онѣ нужны, что бодраго, свѣжаго внесутъ онѣ въ душу читателя? Только одну жалость къ себѣ вызовутъ...

Вѣра, большая почитательница Чехова, начала возражать, и сразу завязался споръ.

— Вотъ ты какая горячая,—сказала, наконецъ, старушка:— вѣдь я не нападаю на талантъ Чехова, считаю его выдающимся писателемъ, но упрекаю его, что онъ не даетъ молодежи сильныхъ примѣровъ. Вспоминаю я, какой подъемъ духа возбуждали въ наши времена Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Тургеневъ, Чернышевскій,—это были вожди къ идейному, будильники, а теперь— поклоняетесь Марксу, чтите Горькаго, Андреева, а какой свѣтъ, какое идейное credo внесли они въ души молодежи?..

Тетушка задумалась и замолчала.

Вѣрѣ не хотѣлось продолжать спора, она поняла, что старушка нравственно страдаетъ, сравнивая свое идейное, свѣтлое прошлое съ настоящимъ, которое для нея такъ чуждо, для нея, оставшейся вѣрной своимъ идеаламъ, которые, какъ свѣточи, не меркнутъ и въ настоящемъ.

«А мы, — подумала Вѣра, — будемъ ли мы такъ же молиться въ старости на нашихъ нынѣшнихъ боговъ?.. Или замѣнимъ ихъ новыми?..»

Съ этого дня начались ежедневныя бесѣды Вѣры со старушкой Ольгой, которыя для обѣихъ представляли много интереса. Жизнь въ Холмахъ протекала тихо, однообразно, «гастролеры» (какъ, смѣясь, называла Вѣра молодежь и себя) вносили оживленіе и суету, но развлеченій особыхъ не было, и никто о нихъ не сожалѣлъ.

— Тебѣ скучно у насъ?—спрашивали иногда Вѣру тетушки:— въ Петербургѣ твоемъ лучше?

Но Вѣра искренно увѣряла, что ей живется хорошо, подъ обаяніемъ ласки и спокойствія, и настолько хорошо, что когда вспоминался далекій Петербургъ съ его вѣчными заботами и непрерывнымъ движеніемъ, то дѣлалось грустно при мысли, что скоро придется разстаться съ этой нѣгой деревенской беззаботной жизни. А пора уже приближалась, отпускъ кончался, и у родныхъ вытягивались лица и усиливалось баловство при напоминаніи о разлукѣ.

Однажды, послѣ обѣда, когда всѣ старики ушли отдыхать по своимъ комнатамъ, молодежь разбѣжалась по лугамъ, Вѣра ушла съ книгой въ рощу и, усѣвшись подъ старой липой, наслаждалась видомъ на извилистую рѣку, обросшую орѣшникомъ.

Птички звонко чирикали, съ луга несся ароматъ меда цвѣтовъ, лнце свѣтило и грѣло нѣжно, мысль отъ книги унеслась далеко, на душѣ было свѣтло и ясно.

Долго ли продолжалось это блаженное созерцаніе Вѣры, но она ıнулась, услыхавъ легкій шумъ, и увидала приближающуюся ıбушку Ольгу.

— Вотъ и я,—сказала та:—какъ далеко сегодня зашла! Не помѣшаю, если отдохну возлѣ тебя?

— Да я очень рада,—отвѣчала Вѣра:—здѣсь такъ уютно и поэтично!

Старушка усѣлась и, отдохнувъ, спросила Вѣру:

— Ты ужъ скоро уѣзжаешь?

— Да, къ сожалѣнію.

— А я хотѣла съ тобой поговорить передъ разлукой, вѣдь, можетъ, больше никогда и не увидимся...

— Что такое, тетя Ольга?

— Да видишь ли, ты мнѣ очень полюбилась, вижу, что, кажется, и ты ко мнѣ чувствуешь симпатію, и меня мучитъ совѣсть, что ты не знаешь: кто я такая? Знаешь ли, какой я грѣхъ совершила и какой цѣной его искупила?... Однако, если бы можно было вернуть прошлое, я бы и теперь сдѣлала то же самое. Мнѣ хочется облегчить душу и сказать тебѣ все, все... Вѣдь ты уважать за это меня не перестанешь, какъ мои современники и современницы? Нынѣшнее поколѣніе смотритъ иначе. А прежде? Даже твои тетушки и дядя отвернулись отъ меня и только понемногу примирились и простили,—произнесла она съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.—Это было давно, и если хочешь выслушать меня и узнать, какъ тяжело жилось въ наше время дѣвушкѣ, осмѣлившейся имѣть свою волю, то запасись терпѣніемъ или снисходительностью,—улыбнулась старушка.

Вѣра порывисто выразила желаніе выслушать исповѣдь Ольги Петровны. «Я такъ давно хотѣла узнать о вашемъ прошломъ и счастлива, что вы довѣряете мнѣ!» воскликнула она.

Въ этой идиллической обстановкѣ, подъ шелестъ старыхъ липъ и чириканье птицъ начала Ольга Петровна свой разсказъ, или, скорѣе, автобіографію, въ которой, рядомъ съ характеристикой и изображеніемъ прошлой эпохи, живо обрисовывались страданія женской души, рвавшейся къ свободѣ, борьба съ цѣпями и оковами и тяжкія испытанія за попытку къ освобожденію личности, за право самостоятельно чувствовать и жить.

Подобныхъ исторій въ жизни нашихъ бабушекъ немало, всѣ онѣ кончались смиреніемъ мятежныхъ душъ, монастыремъ или новымъ порабощеніемъ, но драма Ольги Петровны интересна тѣмъ, что женщина побѣдила, хотя эта побѣда и досталась слишкомъ дорогой цѣной.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, старушка, начавъ свой разсказъ, такъ волновалась, что скоро устала, и Вѣра предложила отложить продолженіе до завтра.

— Мнѣ трудно говорить о прошломъ,—согласилась Ольга Петровна:—я какъ бы вновь все переживаю... Знаешь что? Я дамъ лучше тебѣ свои записки, разберись въ моихъ воспоминаніяхъ, изъ нихъ ты узнаешь все.

Въ тотъ же вечеръ Вѣра получила нѣсколько исписанныхъ тетрадей, и вотъ разсказъ о «грѣхѣ» бабушки, составленный Вѣрой по запискамъ теперь уже умершей Ольги Петровны.

III.

Ольга была рано оставшейся безъ матери, на рукахъ отца, помѣщика П-ой губерніи, единственной дочерью. Богатый, независимый, нелюдимый и съ жесткимъ характеромъ, онъ обожалъ свою дочь, но никогда не выражалъ ей своихъ чувствъ, никогда не ласкалъ ее, не признавая никакихъ нѣжныхъ проявленій по отношенію къ дѣвочкѣ.

Дѣтская душа Ольги жаждала ласки и тепла, которыхъ не могла найти ни у наемныхъ иностранокъ, воспитывавшихъ ее, ни у суроваго отца, и ее рано потянуло въ ту сферу, гдѣ ее любили и жалѣли, въ среду крѣпостныхъ слугъ и дворовыхъ; ихъ общество она любила и, несмотря на запрещенія отца, постоянно убѣгала въ избы и жила интересами бабъ и мужиковъ. Гувернантки жаловались отцу, онъ дѣлалъ выговоры дочери; но ничто не могло удержать отъ демократизаціи дворянскую дочку.

Вторымъ притяженіемъ для нея была библіотека, гдѣ она жадно перечитала всѣ романы, подъ вліяніемъ которыхъ въ ней рано развились мечтательность, избытокъ фантазіи и чувствительности. Иногда ее заставали гдѣ-нибудь въ саду, въ далекомъ уголкѣ, до того увлекшейся чтеніемъ, что она не слыхала ни приближенія, ни зова. Въ другихъ случаяхъ ее ловили въ какой-нибудь избѣ, гдѣ ее окружала цѣлая аудиторія дѣвочекъ и мальчишекъ и горничныхъ, которымъ она громко читала стихи или какой-нибудь разсказъ.

Несмотря на запрещенія и наказанія, тяготѣніе Ольги къ простому народу и къ чтенію не только не заглушалось, но съ каждымъ годомъ все росло, къ ужасу гувернантокъ и огорченію отца.

Одинъ разъ, когда Ольга опоздала къ обѣду, отецъ, раздраженный ея пребываніемъ въ избахъ, крикнулъ: «Позвать сюда кучера Ѳедота!» Тотчасъ явился Ѳедотъ, блѣдный отъ страха и волненія. «Возьми барышню, — приказалъ отецъ, — и веди ее въ людскую обѣдать, тамъ ей больше нравится, чѣмъ съ нами...» Но едва сконфуженная дѣвочка подошла къ кучеру, какъ отецъ рванулъ ее за руку и посадилъ на стулъ, проговоривъ: «Мнѣ стыдно за мою дочь... ступай, Ѳедотъ!»

Гувернантки цѣлый день осыпали ее упреками: «quelle honte, quelle conduite!» — но дворня отнеслась къ этому инциденту совершенно иначе, и Ольгу утѣшали и защищали, радуясь, что, когда выраститъ, она будетъ ихъ «заступой». И на самомъ дѣлѣ, дѣ-

вочка очень часто брала на себя проступки, совершенные по неосторожности горничными или дѣвчонками «на побѣгушкахъ», и переносила съ геройствомъ незаслуженное наказаніе.

Однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ отцу Ольги былъ его старый камердинеръ Борисъ, преданный барину душой и тѣломъ. Любовь барина къ старику-слугѣ простиралась до такой степени, что онъ опредѣлилъ на свой счетъ въ гимназію его сына Николая, мальчика, отличавшагося выдающимися способностями къ ученію. Онъ жилъ въ городѣ и пріѣзжалъ въ Каменку (такъ называлось помѣстье, гдѣ жила Ольга съ отцомъ) только лѣтомъ. Гимназистъ Николка, стройный юноша, съ глубокими, красивыми глазами, отлично учился и мечталъ итти дальше—въ университетъ, чтобы сдѣлаться докторомъ. Баринъ радовался успѣхамъ своего крѣпостного и не имѣлъ ничего противъ, чтобы онъ вышелъ въ люди и былъ ему полезенъ своими знаніями.

Ольгѣ было пятнадцать лѣтъ, когда 22-лѣтній Николай, студентъ университета, пріѣхалъ на каникулы домой. Какъ началась робкая, идиллическая любовь между этими двумя юными существами, столь различными по соціальному положенію и воспитанію! Ихъ потянула другъ къ другу какая-то невѣдомая сила, какъ тянетъ цвѣтокъ къ цвѣтку...

Ольга удивилась, увидавъ во время обѣдни на клиросѣ пѣвчихъ молодого человѣка, бросавшаго украдкой робкіе взгляды на нее, и во взглядахъ этихъ чувствовалось восхищеніе,—онъ точно впервые увидалъ Ольгу.

«Неужели это Колька... Николай?... Да, это онъ, какой большой, красивый, точно герой изъ романа», подумала она.

Взгляды перекрещивались, въ нихъ чувствовалось смущеніе, робость, но въ то же время они вливали неизвѣданную, горячую струю въ душу, хотѣлось и молиться, и смѣяться, и сдѣлать что-нибудь пріятное окружающей толпѣ. У Ольги и Николая въ этотъ день завязался прологъ къ поэмѣ любви, превратившейся изъ чистаго дѣтскаго влеченія въ серьезное чувство, сдѣлавшееся для обоихъ роковымъ.

Молодая пара не видѣлась вблизи, не разговаривала между собой, но каждый изъ нихъ чувствовалъ присутствіе другого вдали, на разстояніи. Ольга выходила на горку въ саду, Николай показывался на кладбищѣ, расположенномъ напротивъ, за садомъ, оба дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга, но слова, неслышныя ими самими, какъ эѳирныя волны, соединяли ихъ существа, и шелъ разговоръ мелодичный и безсвязный. Иногда «она» садилась съ книгою у окна, изъ котораго было видно озеро, «онъ», какъ бы случайно, прыгалъ въ лодку, чтобы охотиться за утками, и толкался въ камышахъ, а неслышные разговоры все шли и шли...

Однажды они неожиданно столкнулись въ аллеѣ въ саду; оба такъ смутились, растерялись, испытали такую неловкость, что, даже не поклонившись другъ другу, разбѣжались въ разныя стороны. Другой разъ Ольга, увидавъ на деревѣ вырѣзанные свои инициалы, разсердилась и цѣлый день не выходила на извѣстные имъ пункты свиданій; на слѣдующій день инициалы были стерты, но подъ деревомъ, въ кустахъ, бѣлѣла книга. Ольга съ волненіемъ развернула ее. Это былъ VIII томъ Бѣлинскаго, съ разборомъ сочиненій Пушкина и главнымъ образомъ «Евгенія Онѣгина», причемъ самыя выдающіяся мысли талантливаго и великаго критика о женщинахъ, по поводу Татьяны, были подчеркнуты.

Трудно описать наслажденіе, которое испытала Ольга, читая впервые такую серьезную, увлекательную книгу; передъ ея глазами открывался новый міръ, зарождался новый смыслъ жизни, выростали крылья, чтобы летѣть къ смутно мелькавшимъ вдали идеаламъ.

За этой книгой послѣдовали другія, передаваемыя тѣмъ же способомъ. Ольга перечитала потихоньку, и по ночамъ, нѣсколько романовъ Жоржъ-Зандъ, «Кто виноватъ?» Герцена, «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго, Марка Вовчка, Помяловскаго— «Мѣщанское счастіе», «Обломова» и, наконецъ, Тургенева. И основная идея всѣхъ этихъ авторовъ, изображавшихъ дѣвушекъ и женщинъ, стремящихся къ выходу изъ эгоистическаго сытаго прозябанія на самоотверженную дѣятельность, пробудила въ молодой душѣ стремленіе къ самостоятельной идейной жизни и жажду знанія. Кромѣ идейныхъ романовъ, Николай доставалъ для нея и нѣсколько популярно-научныхъ статей Льюиса, Фохта, Гексли, пробудившихъ интересъ къ изученію явленій природы и окружающаго міра.

«Сеничкинъ ядъ» попалъ на благопріятную почву, пытливый умъ искалъ объясненій, сердце жаждало живого общенія. Ольга сначала стала подчеркивать мѣста въ книгахъ, имѣвшія для нея особый смыслъ, а затѣмъ рѣшилась приписывать и вопросы для объясненій непонятаго ею. Николай исписывалъ въ отвѣтъ цѣлыя поля книгъ, и такъ установилась между ними переписка, въ которой словами любимыхъ авторовъ они передавали другъ другу свои мысли. Но ни онъ, ни она не могли себѣ представить, что̀ бы они стали говорить другъ другу, если бы встрѣтились лицомъ къ лицу...

Наступалъ конецъ августа, и всѣ радости этой чудной поэмы должны были кончиться: Николай уѣзжалъ въ Москву для продолженія курса въ университетѣ. Передъ отъѣздомъ онъ пришелъ проститься къ барину въ кабинетъ; Ольга рѣшительно выбѣжала въ переднюю, услышавъ его шаги, и остановилась въ смущеніи; онъ тоже молчалъ; наконецъ, неловко поклонившись,

подалъ ей книгу и исчезъ. Въ книгѣ Ольга нашла записку: «Не гасите стремленій духа, не увлекайтесь пустотой свѣта, любите народъ. Я всегда къ вашимъ услугамъ, книги буду высылать черезъ мать». Прощаніе ихъ было безъ словъ, но глаза Ольги, смотрѣвшіе изъ окна на уѣзжавшаго Николая, сказали ему то, что онъ желалъ.

Потянулись унылые, сѣрые осенніе дни. Ольга замѣтно грустила, и отецъ, принявъ это за стремленіе развлечься, рѣшилъ повезти дочь въ Москву, чтобы показать свѣтъ. Въ Москвѣ она была сдана на попеченіе тетушки Додо, одинокой свѣтской и легкомысленной дамы, съ наказомъ возить племянницу только на симфоническіе концерты и небольшіе балы. Ольга скучала въ Москвѣ, въ особенности на вечерахъ, гдѣ нужно было танцовать съ офицерами и студентами-шаркунами. Она вездѣ искала встрѣтить Николая, жаждала услышать серьезный разговоръ, но ее окружала тѣснымъ кругомъ пустота; студенты, подобные Николаю, въ тетушкину среду не допускались.

— Послушай, Pierre,—сказала, послѣ одного выѣзда, тетушка Додо своему брату:—что ты сдѣлалъ изъ Ольги? Ты, кажется, готовишь изъ нея «синій чулокъ?» Она не любитъ танцовать, не умѣетъ вести causerie съ кавалерами, отгоняетъ ихъ своимъ air maussade и только ищетъ забиться въ уголъ съ книгой... Богъ знаетъ, что такое! Вѣдь это ненатурально: не любить танцевъ въ шестнадцать лѣтъ! Да я въ это время...—и тетушка пустилась въ воспоминанья.

— Надо замужъ скорѣе выдать,—отвѣтилъ сердито братъ:— подождемъ слѣдующаго зимняго сезона. Вѣрно, не пришла еще пора,—успокоилъ онъ себя.

А время шло, дѣлясь для Ольги на два періода: скучная, пустая зима въ Москвѣ, и волшебное лѣто, когда пріѣзжалъ Николай и возобновлялась полная поэзіи и умственныхъ наслажденій жизнь.

IV.

Въ одинъ весенній вечеръ, когда Ольга сидѣла на балконѣ съ отцомъ и читала ему скучный англійскій романъ, вошелъ старый Борисъ и, остановившись у двери, произнесъ:

— Осмѣлюсь я, баринъ, попросить васъ меня выслушать.

— Что тебѣ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да я насчетъ сына Николая пришелъ посовѣтоваться и узнать, какая будетъ воля ваша насчетъ дальнѣйшаго; вѣдь онъ скоро кончаетъ университетъ.

Ольга вся превратилась въ слухъ и такъ вспыхнула, что скорѣе отвернулась, чтобы скрыть волненіе.

— Да вѣдь я же сказалъ: онъ теперь свободный, не крѣпостной, я отпустилъ его на волю; пусть пріѣзжаетъ домой, лечитъ больныхъ мужиковъ, я ему положу жалованье, фельдшеръ нашъ совсѣмъ выстарѣлся,—онъ замѣнитъ его.

Борисъ молчалъ, видимо, не рѣшаясь что-то сказать.

— Что же ты молчишь, развѣ этого мало?

— Да нѣтъ, сударь, мы ужъ такъ довольны вашими милостями, что и словъ нѣтъ, а вотъ только Николай пишетъ... да ужъ извольте вы сами лучше прочесть, мнѣ не разсказать.

Петръ Ивановичъ взялъ письмо и прочелъ про себя.

— Гм... это пустыя бредни,—вырвалось у него.—Передай ему, чтобы ни о какихъ заграницахъ не смѣлъ и думать. Скажите пожалуйста, будущій доцентъ, ассистентъ!.. Профессора вскружили ему голову, а онъ и вообразилъ себѣ Богъ знаетъ что. Пусть ѣдетъ домой и займется здѣсь дѣломъ, не вѣкъ же учиться!

Борисъ молча поклонился и вышелъ. Ольгу точно что-то больно укололо, и она, глядя прямо въ глаза отцу, воскликнула

— Какъ тебѣ не совѣстно, отецъ, почему ты хочешь помѣшать ученой карьерѣ Ник... сына Бориса?

Отецъ строго взглянулъ на нее, на лбу образовалась извѣстная ей складка гнѣва, и, проговоривъ: «Я тебѣ не позволяю мѣшаться въ чужія дѣла», вышелъ, хлопнувъ дверью.

Хотя Ольга и знала, что разъ отецъ вспылилъ, то можно надѣяться, что онъ одумается, тѣмъ не менѣе она провела всю ночь безъ сна, обдумывая, какъ помочь Николаю сдѣлаться ученымъ, профессоромъ, знаменитостью, и къ утру успокоилась, рѣшивъ, что въ крайнемъ случаѣ Николай, получившій уже вольную отъ отца, какъ полноправный гражданинъ, можетъ обойтись и безъ согласія своего бывшаго барина. Что же касается до средствъ на ученіе, то она ихъ добудетъ, продавъ черезъ разносчика-еврея свои драгоцѣнности, и вырученныя деньги отправитъ «отъ неизвѣстнаго» на имя одного изъ профессоровъ для командировки врача Борисова за границу. Но къ этому ребяческому плану не пришлось прибѣгать; на другое утро, за чаемъ, отецъ при ней сказалъ Борису:

— Я обращусь въ университетъ, и если правда, что пишетъ твой Николай, то пусть осенью поѣдетъ дальше учиться, но если онъ тамъ за границей испортится, ты будешь за это отвѣчать, такъ и напиши ему.

Борисъ почтительно приложился къ рукѣ барина и хотѣлъ продѣлать ту же процедуру съ барышней, но она уклонилась. Ей хотѣлось тоже расцѣловать отца, но она сдержала свой радостный порывъ и поспѣшила уйти, чтобы порадоваться на свободѣ.

Наступилъ день, когда Николай съ дипломомъ лекаря пріѣхалъ и явился представиться «барину», чтобы выразить ему бла-

годарность. Ольга не вышла на эту церемонію, но, придя къ обѣду, съ изумленіемъ замѣтила лишній приборъ и стоявшаго у окна Николая. Молодой врачъ почтительно поклонился, Ольга смущенно перевела глаза на Бориса, чтобы не выдать своего волненія. Борисъ съ важнымъ видомъ заявилъ: «Папашенька приказали, чтобы Николаша обѣдалъ теперь съ господами». Ольга еще болѣе зардѣлась, Николай тоже покраснѣлъ, но въ это время вошелъ отецъ и всѣ остальные, и усѣлись за столъ. Никогда Ольга не была такой разсѣянной, какъ въ этотъ разъ; она все проливала, роняла и не знала, куда повернуть глаза. Тетушка Додо, несмотря на непрерывную болтовню, даже раза два строго на нее взглянула. Николай держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и заслужилъ благосклонное вниманіе тетушки Додо, шепнувшей одной изъ бывшихъ гувернантокъ, оставшейся у нихъ жить: «Mais il est tout-à-fait bien, comme un noble».

Когда Борисъ, обнося второе кушанье, подошелъ съ нимъ къ сыну, тотъ взялъ у него изъ рукъ блюдо и, положивъ себѣ на тарелку, поставилъ блюдо на другой столъ. Это былъ протестъ,— сынъ не могъ допустить, чтобы отецъ оставался слугой за тѣмъ столомъ, гдѣ онъ сидѣлъ, какъ баринъ. Всѣ застыли отъ страха, ожидая взрыва гнѣва со стороны Петра Ивановича, но онъ обратился къ Борису: «Чего ты все суетишься, старый? Мало у тебя дѣла? Вели подавать Ильѣ...»

Тетушка Додо трещала цѣлый день, какъ ей понравился этотъ эпизодъ, и какой почтительный сынъ Николай.

Съ этого дня Ольга и Николай стали встрѣчаться часто и, наконецъ, начали разговаривать другъ съ другомъ, но, конечно, не наединѣ. Доставленіе же книгъ и переписка продолжались попрежнему. Кругозоръ идей Ольги все расширялся, мысль усиленно работала, просыпались новые запросы, и сильно поднимался протестъ противъ окружающаго режима, въ особенности противъ ненормальнаго закрѣпощеннаго положенія близкихъ ей людей. Когда одной изъ горничныхъ за легкомысленное поведеніе отрѣзали косу, а другую продали сосѣднему помѣщику, когда она слышала, что у сосѣда Черепова крестьянъ водятъ на конюшню, гдѣ сѣкутъ розгами (у отца этого наказанія не производили), она сильно возмущалась, плакала, но сознавала свое безсиліе къ устраненію этого ужаса и произвола.

Ея страстной мечтой было, когда она сдѣлается самостоятельной, отпустить людей на волю, самой уѣхать учиться, а затѣмъ отдать свои силы на просвѣщеніе народа. Но для осуществленія этой мечты нужно прежде всего пріобрѣсти личную свободу, сбросить иго барства, уйти отъ отца и отъ всей этой обстановки, которая съ каждымъ днемъ дѣлалась для нея невыносимѣе. Какъ же это сдѣлать?.. Можно ли для пріобрѣтенія личной свободы, хотя бы

для благихъ цѣлей, пожертвовать чужимъ счастьемъ, а можетъ быть и жизнью?..

Надѣяться, что отецъ добровольно отпуститъ ее, невозможно' уйти потихоньку, бѣжать,—отецъ умретъ отъ горя и стыда. Одинъ Николай могъ бы ее поддержать, разрѣшить ея сомнѣнія, ему она повѣритъ. Эти мысли постоянно мучили Ольгу, не давая ей покоя.

Разъ, поздно вечеромъ, одна съ своими думами, Ольга вышла изъ сада въ калитку, ведущую въ лѣсъ. Ночь была свѣтлая, все въ природѣ принимало меланхолически-грустный видъ,—прощанія и разлуки; была та пора наступленія осени, когда хочется крикнуть природѣ: остановись, замедли твое увяданіе, подожди надѣвать холодныя одежды!..

На холму, противъ сада, сидѣлъ Николай, до того углубившійся въ свои мысли, что не замѣтилъ приближенія Ольги. Но она такъ обрадовалась, что увидала того, къ кому стремилась за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ, что, забывъ смущеніе, приблизилась къ нему. «Вы... здѣсь?» воскликнулъ онъ съ изумленіемъ. Оба, радостные отъ неожиданной встрѣчи, стояли другъ передъ другомъ и молчали. Первая очнулась Ольга и волнующимся голосомъ, боясь потерять моментъ, спросила:

— Скажите мнѣ, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Мнѣ стыдно—ничего не дѣлать. Я богата, но это богатство меня тяготитъ, я хочу учиться, быть полезной для другихъ, хочу дать свободу нашимъ рабамъ... Вѣдь вы помогли моему развитію, вы и ваши великіе учителя вселили въ меня эти идеи, но какъ я могу ихъ осуществить? Имѣю ли я нравственное право бросить отца, а вѣдь онъ не позволитъ...

Николай не сразу отвѣчалъ на эту горячую тираду. Въ его головѣ поднялся цѣлый хаосъ мыслей, сердце усиленно билось, ему хотѣлось отвѣтить ей: «пойдемъ со мной на трудную жизненную борьбу, я люблю тебя и защищу тебя отъ всѣхъ и всего, отдадимся вмѣстѣ служенію человѣчеству и завоюемъ свободу и счастье, счастье безъ конца!» Но не эти слова произнесъ онъ, онъ не смѣлъ, не могъ сказать того, что хотѣлъ. Сталъ говорить о назначеніи человѣка исполнять свой долгъ передъ ближними, о необходимости борьбы за свободу, за убѣжденія, что жертвы необходимы для искупленія.

— Такъ, по-вашему, я должна итти на все, чтобы пріобрѣсти свободу?—спросила Ольга.

— Да, если у васъ твердыя убѣжденія... Но, Боже мой,—вмѣстѣ съ тѣмъ подумалъ онъ,—я ей читаю проповѣди, какъ менторъ какой-то, но сказать о томъ, что бьется въ душѣ, нѣтъ, я не смѣю.

И Ольга безсознательно ждала чего-то другого, опредѣленнаго и живого. Но то, что ясно чувствовалось, въ слова, однако, не вливалось. Молча шли они, углубляясь все дальше и дальше въ лѣсъ,

наэлектризованные присутствіемъ другъ друга и полнымъ одиночествомъ. Вблизи залаяла собака и послышались шаги. Ольга спохватилась:

— Какъ далеко мы зашли, вернемся скорѣе!

Она побѣжала назадъ.

— Прощайте, Ольга Петровна,—крикнулъ ей вслѣдъ Николай:— вѣдь это въ первый и послѣдній разъ!

Она обернулась, споткнулась о пень и чуть не упала, ее поддержалъ подбѣжавшій Николай.

Этотъ мигъ открылъ имъ все, открылъ ту завѣсу, за которой чувство переходитъ въ страсть... Безмолвно дошли они до калитки сада.

— Ужъ свѣтаетъ,—прошептала Ольга:—прощайте!

— Нѣтъ, здравствуйте! — страстно воскликнулъ Николай: — развѣ вы не чувствуете, развѣ не знаете, что я васъ давно, съ дѣтскихъ лѣтъ, люблю, люблю.

Ольга прижалась къ нему, и первый поцѣлуй, какъ жгучій и нѣжный аккордъ, закончилъ прелюдію къ ихъ поэмѣ любви. Услыхали этотъ звукъ просыпавшіяся птички и радостно защебетали, подняли весело головки овлаженные росой цвѣты, зашевелились въ воздухѣ былинки, раздвинулся туманъ, и поднималась, занималась заря, привѣтствуя радость юной любви, и лишь деревья что-то мрачно нашептывали, бросая на землю желтые листья.

V.

Ольга встала поздно, ни минуты не сомкнувъ глазъ для сна, переживая сладкія воспоминанія и строя воздушныя грезы. Не дождавшись горничной, она вышла въ дѣвичью комнату, но на порогѣ остановилась, услышавъ громкій споръ и свое имя. Говорили о ней и о Николаѣ; ихъ видѣли около сада ночью.

— Небось, ты и барину ужъ донесла?—спрашивала ея горничная Маша фаворитку отца, Наталью.

— А то что же, молчать?—дерзко отвѣчала та:—долго ли до грѣха. А потомъ отвѣчай, какъ бѣда случится, зачѣмъ не доглядѣли. И съ кѣмъ связалась-то барышня, съ бывшимъ дворовымъ, съ мужикомъ. Срамъ какой! Баринъ и вѣрить не хотѣлъ, чуть не прибилъ меня.

Возмущенная грязными подозрѣніями, такъ унижавшими ея чистое, поэтическое настроеніе, Ольга съ гнѣвомъ захлопнула свою дверь и заперлась отъ всѣхъ, ожидая страшной бури.

Первая ворвалась къ ней тетушка Додо. Чего-чего она ни наговорила. И про позоръ, и про гнѣвъ и стыдъ отца, котораго поступокъ Ольги чуть не убилъ, и про ужасную будущность, и

про que dira le monde, и что съ ней сдѣлался нервный припадокъ. Ольга выслушала все молча, но когда тетушка назвала Николая подлецомъ, заплатившимъ за всѣ благодѣянія отца соблазномъ его дочери, Ольга возмутилась, заявивъ тетушкѣ, чтобы она оставила ее въ покоѣ. У нея одинъ судья,— отецъ, которому она сама все объяснитъ. Тетушка съ побѣлѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ выбѣжала, а вслѣдъ за нею появилась Маша и подала Ольгѣ записку.

«Я уѣзжаю сейчасъ,—писалъ Николай: — помните, что я весь вашъ и по первому зову вашему явлюсь, что бы съ вами ни случилось. Вѣрьте и надѣйтесь».

Ольга рѣшила объясниться тотчасъ съ отцомъ, разсказавъ ему все откровенно и про свои планы, и открыть свое сердце. Но при первыхъ словахъ ея о любви къ Николаю онъ пришелъ въ состояніе близкое къ ярости; съ разсвирѣпѣвшимъ, искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ онъ закричалъ:

— Уходи. Я лучше увижу тебя мертвой, чѣмъ женой холопа...

Съ убитыми надеждами подѣйствовать на отца, въ полномъ отчаяніи и одиночествѣ проводила Ольга тоскливые дни, и непроглядная тьма закрывала для нея будущее. Оставалось одно — бѣжать; но отецъ не задумается вернуть ее, куда бы она ни укрылась. Да кто и приметъ бѣглую дочь, безъ бумагъ, безъ средствъ?... Къ Николаю? Но гдѣ онъ? Обременить его жизнь, испортить его карьеру. Исхода не было. А «исторія» уже разнеслась. Кругомъ говорили про ея «связь» съ лакейскимъ сыномъ, и злые языки точили свои жала, не жалѣя скандальныхъ подробностей. Петръ Ивановичъ не только немедленно выгналъ Николая, который отказался отъ лошадей барина и уѣхалъ на нанятой подводѣ, но даже вся семья его была скоро переселена въ другое имѣніе и лишена всѣхъ барскихъ милостей. Борисъ и жена его напрасно молили о прощеніи, клянясь, что они ничего не знали,—баринъ былъ неумолимъ. Черезъ нѣсколько времени состоялось рѣшеніе: уѣхать въ Москву, гдѣ, по словамъ тетушки Додо, Ольга забудетъ о своихъ бреднях, скоро выйдетъ замужъ, и «позоръ» будетъ покрытъ. Это казалось единственнымъ исходомъ.

Прошло два года. Ольга замужъ не выходила, она отклоняла предложенія всѣхъ претендентовъ, чѣмъ приводила въ отчаяніе отца. Она вела двойную жизнь—внѣшнюю, посвященную обязательнымъ выѣздамъ и пустотѣ свѣтской жизни, и внутреннюю, въ своемъ интимномъ міркѣ, съ книгами, мыслями о Николаѣ и мечтами о свободѣ. Одно приводило ее въ отчаяніе: отсутствіе извѣстій о любимомъ человѣкѣ. Николай не писалъ ей, и никто о немъ ничего не зналъ; имя его въ домѣ никогда не произносилось. Ольга рѣшила спросить профессора, протежировавшаго Николаю, гдѣ находится теперь молодой врачъ, но письмо ея оста-

лось безъ отвѣта. Конечно, тайная полиція въ лицѣ отца и тетушки и лицемѣрно преданной Ольгѣ гувернантки, на имя которой она просила отвѣчать, дѣйствовала очень энергично, и письма Николая конфисковались.

Потихоньку отъ всѣхъ Ольга стала готовиться на домашнюю учительницу, но дѣло безъ руководителя шло не успѣшно; одна изъ подругъ, которой Ольга сообщила подъ секретомъ, что она учится, стала приводить своего брата, охотно взявшагося помогать Ольгѣ, и дѣло быстро двинулось впередъ. Но не долго: тетушка Додо узнала, сообщила отцу, учебники были отобраны, и «учителя» попросили удалиться. Между дочерью и отцомъ воздвигалась стѣна, которая съ каждый днемъ дѣлалась выше и перейти ее становилось невозможнымъ. Столкнулись два сильные характера, боровшіеся одинъ насиліемъ, другой—пассивнымъ сопротивленіемъ. Нравъ Петра Ивановича рѣзко измѣнился, и по отношенію къ Ольгѣ онъ становился все болѣе и болѣе несправедливымъ и придирчивымъ, а порою въ глазахъ отца и дочери свѣтилось столько враждебности и злобы, что присутствовавшимъ дѣлалось жутко. Все, что было дорого и свято Ольгѣ, постоянно вызывало ядовитыя и злыя насмѣшки со стороны отца, онъ искалъ случая, чтобы сдѣлать ей больно. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ позвалъ Ольгу въ кабинетъ и рѣзко спросилъ ее:

— Ты, конечно, съ нетерпѣніемъ ждала моей смерти, чтобы броситься на шею своему возлюбленному?... Напрасно. Лучше бы сдѣлала, если бы вышла замужъ за человѣка изъ нашего круга... А теперь г-нъ Борисовъ, — ядовито усмѣхнулся онъ, — изволилъ предупредить меня. Вотъ убѣдись, прочти письмо его отца.—И онъ протянулъ ей письмо.

Едва понимая, но предчувствуя что-то страшное, Ольга взяла письмо. Безграмотной рукой сообщалось, что Николай, сынъ Бориса, умеръ за границей отъ горячки, о чемъ родители его просятъ доложить барину. Не дочитавъ до конца, Ольга бросила письмо и въ полубезсознательномъ состояніи выбѣжала изъ кабинета. Ей не могло прійти въ голову, что это извѣстіе можетъ быть ложное, изобрѣтенное съ цѣлью убить сразу всѣ ея надежды и заставить согласиться на замужество, единственное, о чемъ мечталъ отецъ, и на что онъ направлялъ всю свою аттаку. Послѣ взрыва отчаянія, послѣдовавшаго за извѣстіемъ о смерти Николая, на Ольгу напало тупое равнодушіе: ея свѣточъ погасъ, заколдованный кругъ замкнулся, и пока живъ отецъ, она знала, что ей изъ него не выбраться, желать же его смерти она считала грѣхомъ и не смѣла останавливаться на этой мысли. Отказавшись отъ личнаго счастья, которое теперь у нея было отнято, она стала мечтать о дѣлѣ въ память того, кто открылъ ей свѣтъ, и эта мечта спасла ее отъ нравственнаго самоубійства.

— Уйти, бросить все... А дальше что? Смерть отца и вѣчныя терзанія совѣсти...

А свобода такъ манила, окружая свѣтлымъ ореоломъ благое дѣло, посвященное памяти Николая. Ея душа вся изломалась отъ терзаній, мысль работала въ одномъ направленіи, а исхода все не было.

Случайно или намѣренно, чтобы кольнуть Ольгу, тетушка Додо стала разсказывать, за однимъ изъ скучныхъ обѣдовъ, о grande nouvelle—о скандалѣ, случившемся на дняхъ въ «обществѣ».

— Представьте, Вольдемаръ Бѣжецкій обвѣнчался съ Мари Сѣвцевой и сейчасъ же послѣ вѣнца проводилъ ее за границу, она поѣхала учиться, «тѣла рѣзать» и, конечно, попадетъ въ нигилистки,—прибавила она, бросивъ взглядъ на Ольгу.

— А Вольдемаръ что?—спросилъ отецъ.

— Онъ остался въ Москвѣ и теперь уѣхалъ въ деревню.

— Зачѣмъ же онъ женился? Я не понимаю.

— Ахъ,—объяснила тетя Додо:—вѣдь онъ изъ новыхъ, увлекающихся, у нихъ это называется фиктивнымъ бракомъ, онъ женился для виду, чтобы дать Мари свободу, такъ какъ ея родители, конечно, не разрѣшали ей этой глупости.

— Дуракъ, идіотъ! Далъ трепать свое имя безумной дѣвчонкѣ,—произнесъ отецъ и, бросивъ салфетку, вышелъ изъ-за стола.

Этотъ эпизодъ навелъ Ольгу на мысль: есть же благородные люди, которые даютъ свободу бѣднымъ невольницамъ, и она стала обдумывать; и теперь, когда Николай умеръ, когда мечты о личномъ счастьѣ исчезли, возможность найти подобнаго благороднаго мужа казалась ей единственнымъ исходомъ изъ ея положенія. Ольга жестоко ошиблась, остановивъ свой выборъ на Алексѣѣ Александровичѣ Муратовѣ, который давно уже искалъ ея руки, не столько ради нея самой, какъ ради ея приданаго. Онъ притворился горячо сочувствующимъ ея идеямъ, обѣщалъ дать ей возможность учиться за границей и распоряжаться собой, какъ она захочетъ, но, получивъ согласіе, предупредилъ отца о затѣяхъ своей невѣсты, результатомъ чего было переведеніе приданаго Ольги на его имя, что составляло значительную сумму денегъ. Ольга, ничего не подозрѣвая, шла къ вѣнцу, какъ къ желанному освобожденію для осуществленія своихъ мечтаній, вѣря въ благородство своего нареченнаго. Свадьбу пышно отпраздновали. Отецъ и тетушка Додо были вполнѣ удовлетворены сознаніемъ исполненнаго долга и увѣренностью, что Муратовъ выбьетъ «дурь» изъ головы Ольги. Въ день вѣнчанія молодые уѣхали за границу.

Разочарованіе наступило довольно быстро, и обманъ обнаружился во всей полнотѣ. Не молодой и чувственный Муратовъ не долго оставался въ роли «благороднаго» мужа; близость молодой, красивой дѣвушки, бывшей юридически его женой, ея холодность

и недоступность возбудили въ немъ страстныя желанія, и онъ не только не желалъ оставаться фиктивнымъ мужемъ, но, страстно влюбившись въ Ольгу, искалъ момента, чтобы овладѣть ею. Пошлыя ласки, гривуазные разсказы, посвященіе въ грязь разврата, все было пущено въ ходъ съ цѣлью возбудить чувственность у молодой чистой дѣвушки... Отпоръ и выраженіе отвращенія со стороны Ольги еще болѣе раздражали Муратова и доводили его до бѣшенства. Проявленія чисто животной страсти, тираніи, унизительной ревности со стороны мужа доводили часто Ольгу до истерическихъ припадковъ. Съ каждымъ днемъ все дѣлалось хуже, и Ольга горько раскаивалась въ своемъ шагѣ. Къ тому же Муратовъ много пилъ, и вино его совсѣмъ «озвѣряло».

Это былъ не voyage de noce, а похороны чистоты и дѣвственности Ольги. Послѣ одной изъ самыхъ дикихъ сценъ, происходившихъ между Муратовымъ и Ольгой, она вся въ слезахъ, со словами: «Я никогда не буду вашей женой», выбѣжала изъ отеля, рѣшившись послать телеграмму отцу, что она возвращается въ Каменку.

— Пусть будетъ, что будетъ,—рѣшила она:—лучше смерть, чѣмъ эта пытка.

Это было въ Гейдельбергѣ, гдѣ молодые остановились проѣздомъ. И вдругъ на одномъ изъ поворотовъ улицы она столкнулась лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кого она считала умершимъ. Передъ ней стоялъ Николай. «Чудо или галюцинація?» пронеслось въ ея головѣ. Онъ стоялъ ошеломленный, повторяя въ умѣ ту же фразу.

— Вы, вы живы?—прошептала Ольга, не вѣря глазамъ.

— Ольга... ты, вы здѣсь... Что случилось? Отчего не отвѣчали ни на одно мое письмо?..

Ольга говорить не могла, она была близка къ обмороку. Замѣтивъ ея состояніе, Николай взялъ ее подъ руку и, усадивъ совсѣмъ ослабѣвшую въ проѣзжавшій экипажъ, увезъ къ себѣ на квартиру. Тамъ, въ скромной одинокой комнатѣ ученаго, Ольга понемногу пришла въ себя и въ нѣсколькихъ словахъ разсказала Николаю всю трагедію пережитаго.

— Бѣжать, сейчасъ бѣжать,—промелькнула одна и та жа мысль у обоихъ.—Унесемъ свое вернувшееся счастье и начнемъ жить.

Когда всѣ недоразумѣнія объяснились,—и конфискація писемъ Николая, и подложность извѣщенія объ его смерти, и послѣдующія затѣмъ событія,—чувство глубокой радости овладѣло ими, судьба свела, и теперь никто ужъ не разлучитъ.

— Но мужъ, т. е. Муратовъ,—встрепенулась Ольга:—онъ подниметъ на ноги всю мѣстную полицію... меня поймаютъ. Куда скрыться?..

— Успокойся, дорогая,—отвѣчалъ Николай:—разъ чудо насъ свело, оно и спасетъ. Я придумалъ исходъ.

И черезъ нѣсколько минутъ онъ увозилъ Ольгу къ одному женатому коллегѣ, на его виллу, гдѣ она должна была пробыть, внѣ всякихъ подозрѣній, нѣсколько дней, пока онъ покончитъ свои дѣла съ университетомъ, а затѣмъ рѣшено было отправиться въ страну свободы — Швейцарію. Планъ этотъ вполнѣ удался, и черезъ мѣсяцъ они уже жили въ Женевѣ, гдѣ Ольга нашла себѣ уроки, а Николай занимался переводами медицинскихъ работъ, и этого заработка совершенно хватало на ихъ скромную по потребностямъ жизнь.

VI.

Казалось, что обрѣтенное счастье, послѣ стольких невзгодъ, будетъ полнымъ и безоблачнымъ. Такъ и было первое время. Но послѣ краткихъ мгновеній безумной радости, восторженнаго состоянія, въ душу Ольги понемногу стали проникать мрачныя мысли, и отрава горечи по каплямъ, какъ медленный ядъ, разрушала блаженное настроеніе. Ольга начинала сознавать, что своимъ вмѣшательствомъ въ жизнь Николая она погубила его будущность, обрѣзала крылья его ученой дѣятельности: вмѣсто того, чтобы двигать науку впередъ, найти въ этомъ высшее удовлетвореніе, онъ дѣлался заурядным кропотливымъ труженикомъ; вмѣсто открытія тайнъ природы, вмѣсто просвѣщенія молодежи, какъ будущій профессоръ, онъ долженъ передавать чужія мысли, какъ переводчикъ и референтъ, работать только для денегъ, ради куска хлѣба...

А она сама? Къ чему привели ея мечты о самоотверженной дѣятельности на пользу общества и народа, ея стремленія учиться!.. Къ эгоистической, счастливой, но буржуазной жизни, которую ведутъ всѣ окружающія швейцарскія женщины, всѣ gemüthliche Hausfrauen, и къ разлукѣ съ родиной, на служеніе которой она хотѣла посвятить свои силы...

Эти мучительныя минуты раздумья, болѣзненное состояніе души Ольги не могли ускользнуть отъ вниманія Николая.

— Что съ тобой, Ольга,—спрашивалъ онъ, пытливо заглядывая въ ея глаза:—ты о чемъ-то сожалѣешь, въ чемъ-то раскаиваешься?

— Нѣтъ, милый, я не раскаиваюсь, но жалѣю тебя, — я оторвала тебя отъ науки и не въ состояніи замѣнить ее.

Онъ старался ее разувѣрить, успокоить, но въ душѣ сознавалъ, что она права, что его научная самостоятельная дѣятельность, его надежды на профессуру — разбиты. Они оба страдали, скрывая другъ отъ друга эти страданія, и только мысль, что

можетъ совершиться опять какое-нибудь чудо, что они вернутся въ Россію, гдѣ начнутъ дѣятельность, къ которой ихъ тянуло, освѣщала ихъ жизнь и вносила въ нее радостныя минуты. Они не были страстными любовниками, для которыхъ любовь — все, для нихъ идея была выше, и полнаго удовлетворенія въ одной любви, безъ освященной идеей дѣятельности, они не находили, и страдали.

Изъ дома изрѣдка доходили печальныя извѣстія: Петръ Ивановичъ, узнавъ о побѣгѣ дочери отъ мужа, проклялъ ее въ припадкѣ гнѣва, выдержалъ нервный ударъ и заперся отъ всѣхъ въ своемъ имѣніи, гдѣ доживалъ послѣдніе дни, одинокій и больной. Муратовъ скитался по заграничнымъ отелямъ и игорнымъ домамъ, проживая женино приданое, оставивъ всякую мысль о преслѣдованіи Ольги. Мать Николая умерла, а Борисъ писалъ отчаянныя письма сыну, умоляя оставить Ольгу Петровну, чтобы она вернулась съ повинной домой. Ольга рѣшилась написать отцу; разсказавъ все чистосердечно, она просила простить ее за все горе, которое причинила ему,—отвѣта на письмо не было.

Но доходили иногда и радостныя вѣсти съ родины, наполнявшія сердца добровольныхъ изгнанниковъ свѣтлыми надеждами. Ожидаемая съ восторгомъ реформа освобожденія крестьянъ совершилась, рабовъ на Руси не стало, и Ольга почувствовала громадное облегченіе, что ея завѣтная мечта, уничтоженіе крѣпостного права, осуществляется, и тѣмъ сильнѣе потянуло на родину, гдѣ открывалось широкое поле для культурной дѣятельности. И когда, черезъ нѣсколько времени, пришло извѣстіе о смерти Петра Ивановича, Ольга и Николай рѣшили вернуться въ Россію.

Первый пріемъ родины былъ довольно любезный и милостивый. Поселившись въ одномъ изъ губернскихъ университетскихъ городовъ, Николай доканчивалъ свою научную работу и зарабатывалъ понемногу частной практикой; Ольга готовилась сдать экзаменъ на домашнюю учительницу и давала уроки языковъ. Но недолго продолжался милостивый пріемъ родины, — скоро обнаружились полицейскія притѣсненія и гнетъ отечественнаго режима.

Право Ольги на жизнь, на отдѣльный видъ зависѣло отъ Муратова, человѣка вполнѣ чуждаго ей, но котораго законъ признавалъ ея господиномъ, и который могъ вытребовать ее по первому заявленію.

«Такъ я такая же крѣпостная, — думала Ольга: — какъ мои бывшіе крестьяне!..»

По совѣту одного изъ товарищей Николая, адвоката, пришлось начать дѣло о разводѣ. Смерть отца развязала Ольгѣ руки, но судъ общественный явился еще строже и несправедливѣе. Едва узнали соотечественники и соотечественницы, что Ольга не жена

доктора, а «любовница», ей не только отказали отъ уроковъ благовоспитаннымъ дѣвицамъ, но стали открыто осыпать насмѣшками, распускать злыя сплетни, касаясь не только чести ея, но и политической благонадежности. Дѣло о разводѣ не двигалось, а между тѣмъ Ольга почувствовала первые признаки беременности. Радостное чувство имѣть ребенка смѣнялось ужасомъ при мысли, что онъ будетъ незаконнорожденный, лишенный всякихъ правъ, жертвой искупленія эгоистическихъ чувствъ родителей. Эти удручающія мысли и безвыходность положенія довели до рѣшенія переѣхать въ маленькій уѣздный городокъ, гдѣ, въ одной изъ захолустныхъ церквей, Николай и Ольга тайно обвѣнчались.

Судьба, однако, не исчерпала еще всѣхъ ударовъ,—послѣдовалъ новый: кто-то донесъ, что Ольга вышла замужъ при живомъ мужѣ; бракъ расторгли, а ее заключили въ монастырь для церковнаго покаянія. Отбывъ наказаніе, Ольга вернулась къ Николаю съ радостью въ душѣ — стать скоро матерью. Чувство материнства заслонило временно всѣ другіе планы, представляя ближайшую задачу—воспитаніе и сохраненіе будущаго ребенка, какъ самую главную. У нихъ родилась дочь. Черезъ нѣкоторое время Ольга стала замѣчать, что Николай часто продѣлываетъ какіе-то опыты съ дѣвочкой, показывая ей блестящіе предметы, поднося свѣчку къ глазамъ, послѣ чего дѣлался очень задумчивымъ.

— Почему ты такъ всматриваешься въ глаза нашей Муси, что тебя тревожитъ? ты замѣчаешь какую-нибудь неправильность? спрашивала съ безпокойствомъ Ольга.

Николай отмалчивался, не смѣя поразить мать сообщеніемъ, что ихъ ребенокъ слѣпорожденный. Но скоро истина обнаружилесь и для матери.

«Проклятіе отца!»—промелькнула у нея ужасная мысль.

Новая рана открылась въ душѣ несчастной, и быстро назрѣло рѣшеніе: искупить вину передъ ребенкомъ, сдѣлать все, чтобъ вернуть ему зрѣніе, какихъ бы жертвъ это ни стоило.

Подъ вліяніемъ этой idée fixe, она, безъ вѣдома Николая, котораго стала подозрѣвать въ равнодушіи къ ребенку, написала одному изъ богатыхъ братьевъ ея отца, умоляя дать ей средства, чтобы спасти ребенка. Дядя отвѣчалъ согласіемъ, но при условіи, что она разстанется съ Николаемъ и вернется къ роднымъ. Прежде, чѣмъ открыться Николаю, Ольга, переживъ страшную муку, уже рѣшила, что она пожертвуетъ своимъ личнымъ счастьемъ и приметъ это условіе.

Спокойный и уравновѣшенный Николай въ первый разъ потерялъ самообладаніе и всѣми силами воспротивился намѣренію Ольги тѣмъ болѣе, что онъ скептически относился къ возможности излеченія дочери: онъ и сердился, и плакалъ, и грозилъ, отго-

варивая ее, но, вернувшись разъ домой, онъ не нашелъ ни Ольги, ни ребенка,—она бѣжала съ нимъ къ дядѣ, оставивъ Николаю письмо съ мольбой о прощеніи и забвеніи, но «иначе поступить она не могла».

VII.

Николая спасла отъ самоубійства его любовь къ научнымъ изслѣдованіямъ, за которыя онъ принялся съ новымъ рвеніемъ, убивая въ себѣ всякія воспоминанія о быломъ счастьѣ. Ольга увезла ребенка за границу, гдѣ всѣ лучшіе окулисты признали оперативный путь сомнительнымъ. Пока несчастная мать придумывала способы, къ кому еще обратиться за радикальной помощью, ребенокъ самъ разрѣшилъ этотъ вопросъ: заразившись корью, онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ и избавилъ себя отъ предстоявшей тяжелой жизни.

Потерявъ все дорогое въ жизни, Ольга поселилась въ глухой деревнѣ у дяди, не смѣя вернуться къ Николаю.

«Вотъ результатъ моей борьбы, моихъ стремленій, — думала она:—я всѣмъ принесла горе, ничего не достигла, а жизнь уже скоро будетъ прожита».

Она стала учить грамотѣ ребятишекъ, помогала матерямъ, много читала и все чего-то ждала. Но вотъ пришло неожиданное извѣстіе о смерти Муратова. Сначала она отнеслась къ этому факту равнодушно, а когда поняла, что она получила давно желанную свободу, самостоятельность и средства, которыми могла свободно располагать, то въ ней воспрянули опять надежды, жажда дѣятельности и стремленіе выполнить свой нравственный долгъ.

Уединеніе, въ которомъ она жила, дало возможность сосредоточить мысли, и понемногу острая боль пережитаго горя, муки оскорбленнаго самолюбія, страданія о разбитомъ счастьѣ смягчились подъ наплывомъ ободряющихъ моментовъ, которые вырисовывались впереди.

«Я обязана посвятить свою свободу и средства на служеніе той идеѣ, которая свѣтила мнѣ всю жизнь и осуществить которую до сихъ поръ была не въ силахъ, »— писала она Николаю: — и если вы можете простить меня, то сдѣлайте это ради дѣла. Помогите мнѣ начать дѣятельность, которая должна быть посвящена ближнимъ—нашему темному народу. Вы единственный человѣкъ, который можетъ мнѣ помочь, кругомъ я встрѣчаю враждебное или скептическое отношеніе къ моимъ намѣреніямъ».

Отвѣтъ Николая былъ довольно сухой и краткій,—въ немъ сквозили и горечь еще непережитой обиды, и страданіе одиноче-

ства. «Зачѣмъ разбиты двѣ жизни,—заключалъ онъ свое письмо;—кому это нужно?..»

Переписка продолжалась, и тонъ ея дѣлался все мягче и сердечнѣе. Чувство любви другъ къ другу не было убито, несмотря на всѣ ломки, и желаніе итти рука объ руку въ дѣлѣ помощи народу вновь соединило этихъ одинокихъ людей, горячо вѣровавшихъ въ свои идеалы.

Черезъ нѣсколько времени, въ имѣніи Каменка, тамъ, гдѣ когда-то зародилась ихъ первая любовь, Николай и Ольга скромно обвѣнчались и начали свою трудовую общественную жизнь.

Ольга учительствовала въ устроенной ею школѣ для дѣвочекъ и мальчиковъ, пользуясь любовью дѣтей, къ которымъ относилась по-матерински, устроила рукодѣльную мастерскую для крестьянокъ, и цѣлый день была занята дѣломъ. Николай безъ устали работалъ въ построенной имъ больницѣ, безплатно лечилъ всѣхъ окрестныхъ крестьянъ и мечталъ объ устройствѣ просвѣтительныхъ курсовъ для народа, которые пока замѣнялись бесѣдами на дому и привлекали въ зимніе вечера очень многихъ слушателей. Мѣстное начальство косилось на эти новыя затѣи, сосѣди-помѣщики злобствовали, распуская слухи, что Борисовы портятъ народъ, прививая вольнодумныя идеи, но Ольга съ Николаемъ продолжали свое дѣло, чувствуя полное удовлетвореніе и видя, какъ хорошо къ нимъ относятся крестьяне. Чуждаясь сосѣдей-помѣщиковъ, съ которыми у нихъ не было ничего общаго, Борисовы вполнѣ довольствовались обществомъ крестьянъ, въ среду которыхъ они вносили много свѣтлаго и полезнаго.

Такъ шла жизнь, жизнь полная труда, отдыхомъ отъ котораго служили книги и обмѣнъ мыслей о будущихъ планахъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ изъ больницы прибѣжали за Николаемъ съ извѣстіемъ, что привезли тяжело-больного, задыхающагося ребенка. Оказалось, что у него дифтеритъ, осложненный крупомъ. Николай съ фельдшеромъ провозились всю ночь у постели больного ребенка, испытавъ всѣ средства (въ ту пору серотерапія еще не была извѣстна, и болѣзнь эта считалась безпощадной), наконецъ была сдѣлана трахеотомія, и, несмотря на это, ребенокъ погибъ.

Черезъ нѣсколько дней заболѣлъ и самъ врачъ,—у него обнаружились зловѣщіе признаки дифтерійной заразы.

Ольга созвала всѣхъ окрестныхъ врачей, энергично боровшихся съ болѣзнью коллеги, но катастрофа наступила быстро. Николай, сознавая приближеніе смерти, спокойно встрѣтилъ ее и, умирая на рукахъ у Ольги, завѣщалъ ей продолжать ихъ дѣло, не отчаиваться и вѣрить въ успѣхъ просвѣщенія народа.

Ольга осталась вѣрной этимъ завѣтамъ. И до послѣднихъ дней жизни, одинокая, постарѣвшая, она продолжала начатую съ «нимъ»

дѣятельность; она вела ее при помощи другихъ, болѣе молодыхъ силъ; испытала много терній на этомъ пути, но находила силы для борьбы въ сознаніи, что служитъ идеѣ въ память того, кто указалъ ей путь къ добру и къ свѣту.

Здѣсь кончаются записки Ольги Петровны. Слѣдуетъ прибавить, что землю свою она передала еще при жизни крестьянамъ, а оставшійся капиталъ завѣщала на поддержаніе школы и больницы имени Николая.

А. Шабанова.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XVI.

На югѣ.—Крымскіе люди и впечатлѣнія.

ГДѢ ЛУЧШЕ, читатель, на сѣверѣ или югѣ? По-моему, югъ роскошнѣе, по своимъ силамъ производительнѣе, разнообразнѣе, на югѣ сильнѣе, ярче солнце и гуще, интенсивнѣе краски жизни. Правда, поэзія сѣверной природы дышитъ грустною прелестью задумчивыхъ рѣчекъ и тихихъ луговъ и перелѣсковъ, сѣверъ роднѣе славянину, гдѣ складывалась его исторія, гдѣ жили его дѣды и отцы!.. Но все-таки на югѣ больше жизни, а что можетъ быть величественнѣй, грандіознѣй ея проявленій?

На югѣ забывается сѣверная природа, стушевываются недавнія впечатлѣнія подъ постояннымъ напоромъ свѣжихъ, яркихъ картинъ, окружающихъ условій. Весной на югѣ празднично, весело, жить хочется такъ, какъ никогда. Южная весна сильная, шумная, горячая весна, почти незамѣтно переходящая въ знойное лѣто.

Я пріѣхалъ въ Крымъ поздней весной въ концѣ апрѣля, когда все было зелено, росло, укрѣплялось. Послѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомился съ ранней весной на югѣ... Какая поэзія! Нѣжная и тонкая! Не сразу, но постепенно развертываются силы жизни, вдумчиво, осторожно начинается творческая дѣятельность,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 138.

власть которой безгранична. Я помню первыя впечатлѣнія горъ и моря, помню тотъ праздникъ, который совершался въ моей душѣ, помню, какъ все мое существо отвѣчало на призывъ жизни. Боже! какъ хороша жизнь! Сколько въ ней радости и правды! А мы?.. И передъ моими глазами промелькнула, какъ тѣнь, вся та безтолочь, среди которой я жилъ, мучился и не находилъ себѣ выхода. Живи, работай и пропагандируй жизнь, свѣтъ и радость!

Веселый, сильный пріѣхалъ я тогда къ Зотовымъ въ ихъ горы, въ дикій, уютный Орталанъ. Оба брата приняли меня такіе радостные, гостепріимные... На первыхъ порахъ они не знали, съ чего начать, что мнѣ показать въ своемъ хозяйствѣ... Надо, чтобы я посмотрѣлъ и лошадей, дѣйствительно замѣчательныхъ, и фруктовый садъ, больше тридцати десятинъ, и недалеко въ горахъ прелестный водопадъ съ холодной и чистой, какъ хрусталь, водой. Я не усталъ и все хотѣлъ видѣть... И мы ходили повсюду, веселые, какъ дѣти, несмотря на то, что крымское, хотя и весеннее, солнце палило весьма основательно.

Приходили и уходили по дѣламъ люди, мы встрѣчали поселянъ большой деревни—это были греки и татары.

— Татары хорошіе люди,—говорилъ Алексѣй:—а греки хитрый народъ!

Здѣсь говорили по-татарски, этотъ языкъ былъ преобладающимъ. По-русски татары не знали, а русскіе всѣ говорили по-татарски. Я прислушивался къ не совсѣмъ благозвучному говору и рѣшилъ учиться оригинальному языку. Въ первый день столько впечатлѣній, которымъ я, какъ плѣнникъ, подчинился безусловно. И я думалъ, засыпая: «Вотъ гдѣ настоящая свобода, свобода въ природѣ и среди природы!»

Горный лѣсъ, утесы и скалы, тѣнистые уюты и вершины подъ яркимъ солнцемъ и свободнымъ свѣжимъ вѣтромъ. Вся эта горная прелесть, съ которой я знакомился изо дня въ день, раскрывала передо мной все новыя перспективы разнообразныхъ красокъ и картинъ. Мы справляли первое мая въ горахъ. На разведенномъ кострѣ старый объѣздчикъ татаринъ Сарафъ готовилъ шашлыкъ изъ молодого барашка. На импровизованнаго повара надѣли вѣнокъ изъ горныхъ цвѣтовъ, и онъ такъ важно, такъ серьезно поливалъ кушанье краснымъ виномъ. Были и гости, молодые, веселые, двоюродные братья хозяевъ—тоже Зотовы, сосѣди изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, народъ и интеллигентный, и рабочій, съ загорѣлыми лицами и сильными руками. Наканунѣ пріѣхала сестра моихъ пріятелей вмѣстѣ съ подругой. Однимъ словомъ, молодость встрѣчала веселый мѣсяцъ май. Мѣсто было у подножья горъ. Передъ нами разстилалась долина, по которой вилась дорога, дальше сверкала рѣчка, а тамъ высились горы съ ихъ темными перевалами и угрюмыми балками. Живой разговоръ и пѣніе на

время прекратились: верховой привезъ изъ города письма и газеты. Мнѣ было письмо отъ Чарушина изъ Петербурга. Онъ писалъ о плохомъ своемъ здоровьѣ и спрашивалъ, можно ли ему пріѣхать въ Орталанъ? Я передалъ Зотовымъ содержаніе письма, сказавъ, кто такой Чарушинъ и какъ все это произошло.

Признаюсь, мнѣ было нѣсколько неловко и я не ожидалъ такого скораго пріѣзда Чарушина, но Зотовы были очень рады и торопили меня непремѣнно завтра же отправить отвѣтъ.

Я привезъ съ собой книги, думая продолжать самообразованіе, но было невозможно приняться за такое дѣло при такой обстановкѣ: даже въ дождливое время мы не уставали бесѣдовать и дѣлиться всякими, самыми простыми мыслями. Искренность и сердечное отношеніе никогда насъ не покидали въ этомъ миломъ, гостепріимномъ мѣстечкѣ.

Женскій элементъ внесъ прелесть и разнообразіе въ нашу холостую жизнь. Одинъ только Алексѣй бурчалъ и былъ какъ будто недоволенъ, что ему приходилось заботиться о костюмѣ. Вообще Алексѣй ходилъ въ туфляхъ и косовороткѣ.

Между двумя братьями, Алексѣемъ и Захаромъ, была большая разница, какъ во внѣшности, такъ и въ характерѣ. Высокаго роста, съ порядочной русой бородой и сѣрыми глазами, Алексѣй былъ стройный и красивый мужчина, лѣтъ тридцати. Захаръ, напротивъ, при полной фигурѣ средняго роста съ цѣлой шапкой курчавыхъ на головѣ волосъ и безъ всякой растительности на лицѣ, не отличался красотой и стройностью. Фигура Алексѣя, особенно на охотѣ, въ горахъ, въ моемъ воображеніи напоминала образъ Вильгельма Телля. Въ первые годы открытія Петровской академіи Алексѣй слушалъ тамъ лекціи, но послѣ смерти отца и послѣ раздѣла, пріѣхавъ въ Крымъ, оттуда не возвратился болѣе въ Москву. Двумъ братьямъ по добровольному съ матерью и сестрами раздѣлу досталось богатѣйшее, около 3.000 десятинъ, имѣніе Орталанъ, остальныя земли и виноградники были раздѣлены между матерью и сестрами по равной приблизительно части. Семья была дружная, и споровъ не было. Братья, ставъ хозяевами большой экономіи, раздѣлили труды поровну, а именно: одинъ завѣдывалъ полгода и другой такое же время. Вотъ здѣсь-то и обнаружилась разница въ ихъ характерахъ. Доходы во время управленія Алексѣя были значительно меньше, нежели въ періодъ завѣдыванія Захара. Алексѣй почти никому не отказывалъ въ помощи и его немало эксплоатировали. Въ графѣ расходовъ значилось: дано такому-то столько. Почему? на какомъ основаніи?—неизвѣстно. Дано на покупку воловъ,—а кому? Имя написано неразборчиво, и хозяинъ забылъ. Ко всему этому Алексѣй не обнаруживалъ ни

иниціативы, ни склонности къ организаціи и порядку въ хозяйствѣ. Такихъ промаховъ Захаръ не допускалъ, управляющихъ держалъ въ струнѣ, зорко охраняя интересы экономіи. Захаръ былъ сдержаннѣе, практичнѣе Алексѣя, хотя его доброта находилась внѣ всякаго сомнѣнія. Алексѣй представлялъ собой большого ребенка и жилъ исключительно сердцемъ, которое было великодушно. Немудрено, что онъ скоро совершенно отказался отъ завѣдыванія хозяйствомъ, передавъ управленіе Захару. Такъ жили и такой былъ порядокъ въ Орталанѣ, когда я посѣтилъ его впервые.

Чѣмъ же кончили эти помѣщики-демократы?

Судьба обоихъ братьевъ была печальна, хотя и неодинакова. Алексѣй, непосредственный идеалистъ, искалъ, или, вѣрнѣе, желалъ такого дѣла, которое увлекло бы его совершенно, такъ сказать, безъ остатка. Между тѣмъ къ революціонерамъ его душа не лежала, не переваривая ихъ конспираціи и вѣчной политики. Это былъ человѣкъ прежде всего правды и искренности, не справляясь съ тѣмъ, нужны ли, тактичны ли эти качества въ томъ или другомъ случаѣ? Онъ былъ такого мнѣнія, что съ врагомъ нужно бороться открыто, лицомъ къ лицу. Кстати сказать, Алексѣй отличался необыкновенной физической силой, которой не пользовался, какъ будто самъ боялся ея. Однажды изъ-за добродушной насмѣшки его ударилъ вспыльчивый человѣкъ.

— Отчего же, Алексѣй, ты не отвѣтилъ?—спросили его.

На этотъ вопросъ онъ только засмѣялся, махнувъ рукою.

Наступила несчастная война Сербіи съ Турціей. Алексѣй встрепенулся. «Вотъ оно гдѣ, настоящее дѣло». Алексѣй хлопоталъ и собирался итти въ защиту слабой Сербіи противъ сильной Турціи. Онъ собралъ отрядъ добровольцевъ, одѣлъ и даже вооружилъ свою дружину, которую повезъ за свой счетъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, которыя только что начинались. Я помню, когда его мы провожали черезъ Ѳеодосію моремъ въ Одессу. Передъ его отъѣздомъ случился маленькій секретный эпизодъ, въ которомъ по его просьбѣ я принималъ участіе. Дѣло въ томъ, что проживала нѣсколько лѣтъ назадъ прислугой у его матери дѣвушка, вышедшая послѣ замужъ. Съ этой дѣвушкой, говорятъ, очень бѣдовой и далеко нескромной, Алексѣй имѣлъ, такъ сказать, интригу, которую вспомнилъ передъ войной, вспомнилъ какія-то обязательства. Въ это время она съ мужемъ проживала въ городѣ, дѣтей у нихъ не было, жили недурно. И вотъ я долженъ былъ къ ней тогда поѣхать, переговорить и вручить ей десять тысячъ рублей. Меня долго не понимали и не брали денегъ. Какъ это ни странно и не знаю, какъ случилось, при этихъ секретныхъ переговорахъ присутствовалъ и супругъ далеко некрасивой, худой женщины. Наконецъ деньги были приняты. Вечеромъ же оба, мужъ и жена, явились къ намъ въ гостиницу благодарить Алексѣя. Они плакали,

стараясь поцѣловать его руку, заклинали и просили не ѣздить на войну и пр. Алексѣй не зналъ, что дѣлать и какъ отъ нихъ отвязаться. Ему было и горько и неловко.

— Зачѣмъ она привела мужа? зачѣмъ?—говорилъ онъ послѣ и былъ не совсѣмъ доволенъ мною за исполненіе слишкомъ откровенно его порученія.

Съ легкой руки Алексѣя эта семья открыла приличный магазинъ и черезъ нѣсколько лѣтъ разбогатѣла; жена поправилась и потолстѣла, а мужъ набрался важности и былъ выбранъ гласнымъ.

Во время отъѣзда Алексѣя не покидали живость и рѣшительность. Имъ тогда можно было любоваться—это былъ поистинѣ русскій богатырь! Алексѣй уѣхалъ со своимъ отрядомъ и поступилъ въ кавалерійскій отрядъ, которымъ командовалъ нѣкто Л—въ. Очень скоро произошелъ инцидентъ на почвѣ какихъ-то растраченныхъ Л. денегъ. Алексѣй публично выразилъ начальству свое мнѣніе, за что немедленно былъ арестованъ и посаженъ въ блиндажъ. Бѣдный Алексѣй думалъ, что всѣ защитники свободы сербовъ должны быть такими же честными и чистыми, какъ онъ, этотъ крымскій идеалистъ! Русскій доброволецъ подлежалъ военно-полевому суду, но послѣдній почему-то не состоялся, и Алексѣй съ жандармами былъ отправленъ на границу, откуда благополучно прибылъ въ сербской военной формѣ въ Орталанъ, больной и безъ копейки денегъ. Послѣ этого случая съ нимъ произошла огромная перемѣна: пропалъ интересъ къ жизни, онъ постоянно повторялъ, что правды нѣтъ, что каждый живетъ своими личными интересами. Онъ сталъ пить и становился смирнѣе и смирнѣе, пока совсѣмъ не затихъ, внезапно скончавшись отъ разрыва сердца. Похороны были многолюдныя, почтить память покойнаго собрались татары со всѣхъ ближайшихъ горныхъ ауловъ, что среди татаръ составляло рѣдкое явленіе. Популярность Алексѣя, его правдивость и сердечность сказались въ искренней скорби дѣтей горъ!

Захаръ остался одинъ. Доходы съ имѣнія пошатнулись. Одинокій помѣщикъ уже не такъ занимался энергично хозяйствомъ, которое уже было заложено по случаю поѣздки Алексѣя въ Сербію съ отрядомъ добровольцевъ. Захаръ скучалъ и часто ѣздилъ въ Москву. Онъ былъ страстнымъ любителемъ оперы и все, что касалось этого рода искусства, его интересовало очень. Къ этому времени относится его знакомство съ дѣвушкой, готовившейся для поступленія на сцену, и скорая женитьба на ней. Послѣ свадьбы образованіе пѣвицы пошло быстрыми шагами: Италія, уроки, дорогіе маэстро—все это, конечно, вліяло на разстройство въ Крыму когда-то богатой экономіи. Все безъ хозяйскаго глаза шло по пути разрушенія, долги росли, управляющіе мѣнялись. Кто могъ, та-

щилъ, что попадалось подъ руки. Захаръ не могъ засѣсть хладнокровно въ своемъ Орталанѣ, не могъ оставить театра и семьи. Надо было хлопотать о поступленіи жены на сцену императорскаго театра, на что требовались деньги и деньги. Вотъ тутъ-то и произошла ошибка непоправимая. Орталанъ былъ заложенъ уже во второй разъ, и среди театральной суматохи Захаръ своевременно не внесъ процентовъ, надѣясь на управляющаго, который, какъ говорятъ злые языки, получилъ за свою разсѣянность порядочный кушъ отъ тѣхъ, которые сдѣлались владѣльцами богатѣйшаго имѣнія. Они были одесскіе «иностранцы». Пораженный, какъ громомъ, Захаръ пріѣхалъ въ Крымъ и началъ метаться, доставать денегъ, но уже поздно. Тогда наступила катастрофа: Захаръ, нервно потрясенный, запилъ съ отчаянія и скоро умеръ въ Симферополѣ. Такъ погибли два хорошихъ человѣка, около которыхъ сравнительно хорошо жилось татарамъ.

Откуда у богатыхъ помѣщиковъ проявился такой широкій и искренній демократизмъ? Въ Орталанѣ уважали человѣческое достоинство, тамъ практиковались равенство и свобода. Работникъ-татаринъ привезъ дрова изъ лѣса, сложилъ около кухни и идетъ къ паничу (все равно къ «балабану» или кучукъ-паничу) [1]). Ему нужны деньги, онъ женитъ своего сына.

Утро. Наша компанія за чаемъ и кофе.

— А, Суинъ!.. — говоритъ Захаръ и показываетъ работнику мѣсто за столомъ.

Но Суинъ не садится тотчасъ... Онъ воспитанный человѣкъ, привѣтствуетъ и подаетъ сухую, рабочую руку каждому. Для всѣхъ ясно, что Суинъ работникъ и человѣкъ. Здѣсь за чаемъ въ столовой хозяина онъ равный, на одинаковыхъ правахъ гостепріимства. Онъ пришелъ по дѣлу; но это послѣ, и Суинъ весело вступаетъ въ общую бесѣду, разсказывая свои иногда интересныя наблюденія изъ лѣсной жизни. Присутствіе простого и свободнаго работника на всѣхъ насъ дѣйствуетъ положительно освѣжающе, мы хорошо себя чувствуемъ, и каждый старается съ нимъ перекинуться двумя-тремя словами. У Суина такое открытое лицо, онъ такъ привѣтливо улыбается: и ему хорошо съ нами!..

Мнѣ кажется, что демократизму, который я встрѣтилъ въ этой мѣстности, служили главнымъ образомъ основаніемъ высокія нравственныя качества горцевъ (татовъ, какъ ихъ здѣсь называютъ), выражавшіяся въ безусловной честности и непосредственной деликатности. Прибавлю кстати, работникъ-татаринъ прежде всего преданный хозяину человѣкъ, конечно, не всякому, а такимъ, какъ

[1]) Большому или маленькому.

Зотовы, безусловно. Помню, какъ-то заѣхали изъ Симферополя въ Орталанъ важные гости-чиновники переговорить о какомъ-то лѣсномъ подрядѣ. По обычаю была подана закуска, кофе. Чинно и важно происходила бесѣда, во время которой вошли два горца изъ аула Айсирезъ. Въ живописныхъ лохмотьяхъ, подъ которыми бились благородныя сердца, они были посажены за столъ хозяиномъ, который послалъ по ихъ дѣлу относительно покоса за управляющимъ. Горцы сидѣли и закусывали, спокойно, учтиво поглядывая на хозяина и перекидываясь съ нимъ фразами по-татарски. Чиновники смотрѣли и молчали. Но какъ? О, сколько было презрѣнія во взглядахъ деревянныхъ бюрократовъ, безмолвно говорящихъ: «И мы, мы должны сидѣть за однимъ столомъ съ этими... татарами!.. нѣтъ, это слишкомъ!» И когда Захаръ наполнилъ ихъ стаканы старымъ, добрымъ виномъ, то они, отстранивъ вино своими бѣлыми, холеными руками, сказали, скрививъ губы: «Благодарствуйте! мы не хотимъ и просимъ позволенія встать!»

— Пожалуйста!—предупредительно отвѣчалъ Захаръ, видимо, обиженный.

Онъ долго бесѣдовалъ съ татарами даже и тогда, когда пришелъ управляющій. Гости ходили по террасѣ, особенно какъ-то покашливая и сдерживая, повидимому, свое негодованіе. Я наблюдалъ и думалъ: «Вотъ сюжетъ для жанровой кисти талантливаго художника!»

XVII.

Отголоски «движенія» въ Крыму.—Пропагандисты и татары.

Пріѣхалъ Чарушинъ и сталъ усиленно заниматься чтеніемъ. Онъ былъ несообщительный человѣкъ и удалялся общества; его можно было видѣть въ саду, въ тѣни громадныхъ орѣховыхъ деревьяхъ, неизмѣнно съ книгой въ рукахъ, съ серьезнымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица и невидимыхъ подъ темно-синими очками глазъ. На его очки татары смотрѣли съ удивленіемъ и одинъ даже спросилъ меня: «А что,—онъ не слѣпой?»

Какая разница между нимъ, культурнымъ пропагандистомъ, и ловкими, сильными крымчаками! Для одного природа мать, для другого мачеха невѣдомая. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на крымчака въ горахъ, въ лѣсу, онъ тамъ свой человѣкъ! А на конѣ? Какая посадка, легкая и граціозная! Интеллигентный крымчакъ все знаетъ и умѣетъ. Онъ и пашетъ, и коситъ, и навѣрно мастеритъ по столярной части. Еще бы! онъ выросъ среди горъ и трудового населенія. Въ Крыму природа самый трудъ облагораживаетъ; развѣ не лестно быть садоводомъ, знать виноградную культуру?

Я собирался на прогулку верхомъ. На время моего пребыванія мнѣ былъ предоставленъ Зотовыми молодой, довольно горячій жеребчикъ съ иноходью. Чарушинъ пожелалъ меня сопровождать, такъ какъ я ѣхалъ къ интереснымъ людямъ, сопровождать, если дадутъ смирную лошадь. Ему осѣдлали маштака. Это былъ универсальный, лѣтъ двадцати конь, на которомъ ѣздили всѣ боязливые всадники и дамы. Онъ былъ умный конь съ хорошимъ шагомъ (айянъ) и еще бодрый.

Мы поѣхали въ Топлу. Рвался, задирая голову, мой иноходецъ. Прыгалъ около него маштакъ и болтались длинныя ноги его всадника.

— Пріятно,—сказалъ Чарушинъ,—чувствовать подъ собой такую силу! хорошій жеребецъ!

А иноходецъ словно понималъ, что имъ любовались, и весело игралъ, продѣлывая разные аллюры. Бесѣда наша не клеилась, мой товарищъ былъ занятъ своимъ конемъ, я залюбовался замѣчательно красивой балкой, ярко освѣщенной солнцемъ Какая сильная, густая зелень! Но что это? Послышался какой-то звукъ, и маштакъ безъ всадника бѣжалъ довольно быстро къ рѣчкѣ. Чарушинъ поднимался съ земли, безъ очковъ и шляпы.

— Не убились?—спросилъ я быстро.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ.—Вотъ очки...

Я помчался за коварнымъ конемъ, скоро поймалъ его за уздечку и привелъ на дорогу, гдѣ, немного смущенный, ждалъ насъ мой товарищъ.

— Отчего случилось это? Что, онъ споткнулся?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Чарушинъ:—я, видите, чихнулъ, а онъ въ сторону...

— Чихнули!..—не могъ я воздержаться отъ смѣха.—Ну, садитесь! Я подержу коня.

Чарушинъ, усаживаясь въ сѣдло, сказалъ: «Нѣтъ, ужъ Богъ съ ней, съ верховой ѣздой!» Мы подъѣзжали къ Топлу, расположенному по предгорью красивому мѣстечку, верстахъ въ 4—5 отъ Орталана. Жители состояли изъ грековъ и русскихъ, а порядочная часть земель, десятинъ, кажется, 700, принадлежала четверымъ двоюроднымъ братьямъ Зотовыхъ съ двумя сестрами.

Довольно высоко въ горахъ на открытомъ и живописномъ мѣстѣ возвышался женскій монастырь въ память св. Параскевы, на земляхъ, пожертвованныхъ тетками Зотовыхъ. Въ то время игуменьей была бывшая настоятельница Страстного монастыря въ Москвѣ, извѣстная Валерія, замѣшанная въ дѣлѣ Митрофаніи, по имени которой названъ въ московскомъ окружномъ судѣ самый большой судебный залъ. Водворенная въ глуши Крыма столичная монахиня энергично взялась за устройство простого монастыря, что, впрочемъ, весьма печально отразилось на хозяйствахъ нѣко-

торыхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, которыхъ матушка ввела въ значительные расходы. Правда, былъ построенъ отличный двухъэтажный каменный домъ и роскошный фонтанъ въ саду, приведенномъ въ порядокъ и засаженномъ хорошими сортами фруктовыхъ деревьевъ.

Въ то время всѣ топлунскіе Зотовы были налицо и проживали въ Топлу. Въ большомъ домѣ жилъ средній братъ Николай, арендуя нѣкоторыя части братьевъ, другіе селились по своимъ хатамъ. Старшій братъ, кандидатъ университета св. Владимира Александръ Зотовъ, занималъ съ женою и младшимъ братомъ Володей, только что вышедшимъ изъ гимназіи, вновь выстроенный небольшой домъ, въ одной изъ комнатъ котораго была ссыпана пшеница и другіе продукты сельскаго производства. Глиняный полъ, совершенно простая крестьянская обстановка, устроенная на дворѣ печка, все это было оригинально, но непрочно и носило характеръ, такъ сказать, временнаго лагеря. Въ полуогороженномъ дворѣ стояла маджара, въ безпорядкѣ были раскиданы еще неколотыя дрова, валялся топоръ, лежалъ на боку плугъ. Подъ вліяніемъ тогдашняго движенія Александръ Зотовъ бросилъ мѣсто педагога и отправился къ себѣ въ Крымъ, чтобы жить трудами рукъ своихъ. Его жена, Ольга Евгеніевна (урожденная Суханова), величайшая идеалистка, была въ восторгѣ отъ жизни простоты и лишеній. Она производила всѣ домашнія работы, до стирки бѣлья включительно, и совершенно сторонилась знакомства съ мѣстнымъ культурнымъ элементомъ. Володя былъ сильный юноша и ловкій работникъ, влюбленный въ своего старшаго брата и товарища Александра. Этотъ маленькій и оригинальный хуторокъ производилъ на меня тогда большое впечатлѣніе, и я думалъ: «Вотъ бы мнѣ такъ устроиться!.. но нѣтъ у меня земли, нѣтъ умѣнья, сноровки къ работѣ!» Прибавьте ко всему этому то воодушевленіе и увлеченіе гуманитарными идеями, которое царило въ маленькомъ общежитіи, прибавьте чудную крымскую природу и близость къ послѣдней идеалистовъ, и станетъ ясна прелесть такой жизни, несмотря на трудъ, можно сказать, черный въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Александръ и Володя палили уголь и возили этотъ, довольно дорогой, продуктъ на продажу въ Ѳеодосію и Керчь.

Кандидатъ университета и дворянинъ, извѣстный, свой человѣкъ по окрестностямъ и въ вышеупомянутыхъ городахъ, весь почернѣвшій отъ угля, везетъ его самъ въ городъ, на базаръ, гдѣ самолично продаетъ свой черный товаръ, и на пустой маджарѣ возвращается съ деньгами домой. Это ли не интересно для культурныхъ знакомыхъ? Это ли не удивительно для татаръ, занимающихся производствомъ угля.

Чурбаджи [1]) и работаетъ ихъ работу!

Горскіе татары, несмотря на свои практическія знанія по садоводству и виноградарству, большей частію, за рѣдкими исключеніями, народъ безземельный, живущій «палкой» угля и рубкой дровъ. Имъ негдѣ и не на чемъ разводить сады и огороды, нужда заставляетъ заниматься только лѣсомъ.

Разумѣется, татары ни къ какой политикѣ непричастны, никакой пропаганды имъ не нужно, а приложить къ жизни свои практическія культурныя знанія они могли бы на пользу края. Татары въ Крыму полезный, но вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный народъ, почему и распространена эмиграція въ Турцію. Посмотрите на русскихъ, особенно молоканъ, а тѣмъ болѣе на болгаръ и колонистовъ-нѣмцевъ; это зажиточные люди и коренные эгоисты, которые смотрятъ на татаръ съ полнымъ презрѣніемъ и пользуются ими, какъ батраками. А что эти колонизаторы для Крыма? что они для него сдѣлали? Распахали мягкую черноземную степь, посѣяли пшеницу, дающую самъ тридцать и болѣе урожая. Развѣ такая легкая эксплоатація заслуга? Если да, то невысокой степени. Но виноградники горной и приморской частей Крыма, великолѣпные фруктовые сады, все дѣло рукъ татаръ, у которыхъ ни кола, ни двора и которыхъ во всякое время помѣщикъ можетъ прогнать, выселить со своей земли. Это ли не земельная зависимость, притомъ рабская совершенно?

Вотъ что выяснилось изъ бесѣды съ Александромъ Зотовымъ, который весело смѣялся, угощая насъ прекраснымъ кофе.

— Совершенно вѣрно,—говорилъ онъ Чарушину:—что пропаганда среди татаръ не имѣетъ смысла! Но развѣ образъ нашей жизни не пропаганда идей равенства и братства?

— Овчинка выдѣлки не стоитъ!—замѣтилъ Чарушинъ.

— А я вамъ докажу, что стоитъ... Чего мы добились въ самое короткое время?—спрашивалъ Зотовъ.—Добились мы ненависти мурзаковъ и закоснѣлыхъ русскихъ помѣщиковъ и безусловнаго довѣрія со стороны татаръ-работниковъ. Татары видятъ въ насъ людей, а не идоловъ...

— Что же изъ этого?—возразилъ Чарушинъ.—Все-таки вы тратите даромъ силы!

— Ну, нѣтъ! Эксплоатація, особенно мурзаками, сельскаго татарскаго населенія должна безусловно сократиться... Вы не знаете, что мурзаки за право имѣть на ихъ землѣ усадьбу берутъ съ каждаго хозяина чуть не мѣсяцъ безплатной работы въ самое горячее время, а Захаръ только одинъ день, да и то съ музыкой и угощеніемъ... Я думаю, разница большая?

— Все это одни мечтанія,—возражалъ Чарушинъ:—у татаръ свое духовенство, оно, конечно, будетъ противъ васъ...

---

[1]) Баринъ, помѣщикъ.

— Мы не объ однихъ татарахъ думаемъ, но и вообще. Развѣ интеллигентному человѣку, да еще идейному, не нужно, не практично прочно устроиться? на новыхъ началахъ?

— И обуржуазиться!..

— Зачѣмъ? Развѣ трудъ буржуазенъ; надѣюсь, всякій трудъ благороденъ, если онъ производителенъ. Вотъ на фабрикахъ и на сколькихъ вырабатывается шелкъ, бархатъ... Но что нужнѣе, послѣдніе предметы, или хлѣбъ и дрова?

Я горячо присоединился къ Зотову и идеѣ, что интеллигентные люди должны демократизироваться, жить среди природы, работать, безъ всякой тенденціозной программы, входить въ общеніе съ народомъ.. Что можетъ быть лучше, непосредственнѣе, живѣе личныхъ отношеній и притомъ постоянныхъ? Впрочемъ, спорили много, на сцену появились разныя теоретическія программы дѣятельности въ народѣ. Но странно, никто не считался съ невѣжествомъ народа и его собственными требованіями.

Такъ было тогда, такъ есть и теперь! Интеллигенція такъ же далека отъ земледѣльческаго крестьянства и сблизилась только съ рабочимъ сословіемъ центровъ, да и то не вполнѣ, такъ какъ и рабочіе находятся до нѣкоторой степени въ зависимости отъ деревни.

Разговоръ наконецъ перешелъ на обыденныя темы. Александръ былъ прекрасный охотникъ и отличный стрѣлокъ. Онъ разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ лѣсной и степной охоты. Мы уже охотились въ горахъ на козъ, но въ степи съ ружьемъ я не былъ.

— Поѣдемте,—сказалъ онъ:—скоро скосятъ хлѣба... Охота будетъ отличная и по куропаткамъ, стрепетамъ и дрофамъ.

— Даже дрофамъ?—удивился я.

— Да, по выводкамъ,—продолжалъ онъ.—Надо охотиться только въ самую сильную жару и съ собакой, искать ихъ около кресцовъ съ пшеницей. Тогда они очень жирны и съ трудомъ поднимаются... сначала бѣгутъ, нерѣдко саженъ десять...

— А далеко ѣхать?

— Нѣтъ, верстъ пятнадцать... Впрочемъ, дальше степь богаче дичью... Мы тогда поѣдемъ къ Желябову.

— А кто этотъ Желябовъ?

— Студентъ изъ Одессы, сынъ мѣстнаго крестьянина... онъ интересный человѣкъ!—замѣтилъ Зотовъ.

Я думалъ: «Какое богатство и разнообразіе природы! вотъ благодатный, сильный край!»

Зотовы между тѣмъ собрались проѣхаться съ нами въ Орталанъ и послали къ брату Николаю за сѣдлами. Подъ вечеръ, когда съ горъ, а особенно изъ балокъ неслась прохлада, мы, переѣхавъ пять или шесть рѣчекъ, не спѣша двигались по прекрасной богатой растительностью долинѣ. Какая пшеница! Замѣчательно дружный

и сильный табакъ; въ низинѣ около рѣчки протянулся фруктовый садъ. Мелькнулъ бѣлый домикъ вверху среди зелени горъ, откуда бѣжала чистая, какъ слеза, горная рѣчка, впадая въ Мокрый Ендолъ, протекавшій вдоль долины.

— Вотъ мѣстечко-то! — воскликнулъ, обращаясь ко мнѣ, Александръ Зотовъ. — Прямо золотое мѣсто... какая земля! сколько воды и вѣчное солнце! Прелесть!

— Да, дѣйствительно!—любовался я мѣстомъ, которое съ сѣвера защищали высокія горы, а къ югу было открыто для солнца, жизни и тепла.

— А знаете,—спрашивалъ меня Зотовъ, и на его лицѣ играла коварная улыбка:—знаете, чьи это владѣнія?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—не знаю. Развѣ не орталанскія?

— Орталанскія выше,—и онъ указалъ на сѣверъ:—а это владѣнія Сашины,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

Саша была Александра Константиновна, родная сестра Зотовыхъ, гостившая въ настоящее время со своей подругой въ Орталанѣ.

Я смутился, а Александръ продолжалъ:

— Вотъ женитесь, да земледѣльческую колонію въ этомъ мѣстѣ и устройте... будетъ хорошее дѣло!

Я молчалъ. Въ это время въ моемъ воображеніи всталъ образъ другой дѣвушки, безземельной, но близкой моему сердцу, грустный и деликатный образъ. Остальную дорогу Зотовъ бесѣдовалъ съ Чарушинымъ все о томъ же, о партіяхъ и направленіяхъ ихъ; мы съ Володей уѣхали впередъ. Насъ встрѣтили барышни словами: «Что вы пропали? А, и Володя здѣсь!».

XVIII.

Молодое рѣшеніе.—Отъѣздъ изъ Крыма.—Одесса и Желябовъ.

Не выдержавъ «угольнаго дѣла», Александръ Зотовъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ онъ получилъ хорошее мѣсто директора какого-то училища.

— Что же,—сказалъ я,—очень скоро покончили съ хуторомъ? А я думалъ, что вы совсѣмъ обосновались.

— Такъ и полагаю,—отвѣчалъ онъ:—напротивъ, хочу устроиться прочно и на этотъ предметъ добыть «гроши»; домъ на зимнее время поставить и мало ли что.. А вы какъ? не думаете у насъ поселиться?

Мнѣ показалось, что въ его глазахъ мелькнулъ коварный огонекъ.

— Зачѣмъ же?—отвѣчалъ я сухо.—Мнѣ надо въ академію, работать, учиться...

— Ахъ, да, да!—воскликнулъ Александръ.

Я и забылъ упомянуть, что передъ отъѣздомъ въ Крымъ мои бумаги уже находились въ канцеляріи Петровской академіи, куда я долженъ былъ прибыть въ срединѣ сентября. Теперь еще былъ августъ, и мы собирались всѣ, дамы и кавалеры, въ Судакъ, на винодѣліе. У матери и другой сестры Зотовыхъ тамъ были большіе виноградники и цѣлое хозяйство. Поѣздка предвидѣлась веселая и интересная. Помилуйте, виноградъ, вино и морское купанье! Я дѣйствительно сблизился съ сестрой Зотовыхъ. Это была еще молодая, не опредѣлившаяся дѣвушка, лѣтъ 18-ти, живая и смѣлая. Мы проводили съ ней цѣлые дни, вмѣстѣ читали, мечтали. Мнѣ было двадцать лѣтъ и неопредѣленное, странное чувство испытывалъ я къ ней въ этой близости. Любви сознательной, конечно, не было, потому что мы сами были безсознательны и вполнѣ находились во власти природы, и какой природы—сильной, жгучей!

Въ коварномъ Судакѣ мы рѣшили быть мужемъ и женой и обвѣнчаться въ Москвѣ или Петербургѣ, куда она съ замужней сестрой поѣдетъ въ октябрѣ или ноябрѣ. Рѣшеніе было хотя молодое, но твердое. Всякія препятствія могли только ускорить женитьбу: въ молодости все горитъ, спѣшитъ, а въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ раздѣлывается, распутывается въ прежнихъ, горячихъ рѣшеніяхъ.

Такъ было прежде, такъ осталось и теперь, а то не было бы отчаянныхъ романовъ и потрясающихъ драмъ. Что дѣлать?

Судакъ далеко не изъ красивыхъ долинъ Крыма, но намъ тогда онъ казался живописнѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ. Генуэзская крѣпость, безлюдный каменистый берегъ моря и скучнѣйшая нѣмецкая колонія,—все это было восторгъ и блаженство!

Время проходило быстро и мнѣ надо было покидать Крымъ и разставаться съ друзьями и невѣстой. Былъ сентябрь, жаркій, солнечный, ничто не напоминало объ осени, а тамъ, въ Москвѣ, вѣроятно, и холодъ и сѣрое, хмурое небо. Человѣкъ привыкаетъ къ теплу и солнцу и не мудрено, что мнѣ не хотѣлось ѣхать и мы день за днемъ откладывали, по разнымъ и, конечно, пустымъ причинамъ, мою поѣздку. Но наконецъ тронулись съ Чарушинымъ въ Ѳеодосію. Тогда желѣзной дороги изъ Севастополя не было, и нашъ путь былъ на Одессу. Помню бурное море, отчаянную качку и старый пароходъ «Коцебу». Помѣщались мы на палубѣ и натерпѣлись и страха и разныхъ непріятностей. Особенно разбушевалось море, когда мы вышли изъ Севастополя. Нѣкоторые пассажиры молились, свирѣпыя волны трепали со всѣхъ сторонъ пароходъ, катясь черезъ верхнюю палубу. Среди дождя ревѣлъ и стоналъ вѣтеръ и, казалось, нашему плаванью не будетъ конца. Въ дни осенняго равноденствія всегда бываетъ грозно Черное море. Какіе эпизоды, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, какія картины я на-

блюдалъ въ этомъ сердитомъ морѣ! Растерзанныя, съ безумными глазами женщины лежали въ крытой палубѣ, безъ силъ, безъ сознанія, за нихъ своими маленькими ручонками цѣплялись дѣти въ паническомъ страхѣ. Никто не обращалъ вниманія на другого. Эгоизмъ, животный эгоизмъ, царствовалъ на пароходѣ, и, казалось, люди потеряли образъ человѣческій! Нѣкоторые напились пьяными, но море очень скоро ихъ вытрезвило.

— Сорвало! упалъ, упалъ въ море!—раздался отчаянный чей-то крикъ.

Произошло нѣчто въ родѣ паники, когда пароходъ, дрогнувъ всѣмъ корпусомъ, рухнулъ въ пучину, но черезъ секунду, накренившись въ сторону, снова сталъ взбираться на сѣдые гребни волнъ. Еще и еще! Уже послѣ я узналъ, что дѣйствительно сорвало вышедшаго на палубу человѣка. Это былъ солдатъ изъ оркестра музыкантовъ, состоявшихъ при покойной императрицѣ Маріи Александровнѣ въ Ливадіи, гдѣ она въ то время лечилась.

Итакъ, сорвало человѣка... Брр!.. Страшно, въ самомъ дѣлѣ. И когда же это кончится? когда мы увидимъ землю, когда ступимъ на материкъ? Кругомъ ни зги! Наступаетъ жестокая, таинственная, полная ужаса ночь. Сонъ не смыкаетъ глазъ, рѣдко кто спитъ, многіе, особенно женщины, лежатъ въ обморокѣ. Я искалъ Чарушина, но не нашелъ и, пріютившись въ углу и закрывъ глаза, находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Качало страшно, вѣтеръ вылъ, визжалъ, не слабѣя. На пароходѣ зловѣщая тишина прерывалась подавленными стонами и плачемъ дѣтей. Думы набѣгали, но тотчасъ же, какъ вѣтеръ бурный, отлетали прочь. Голова не работала, сердце тоскливо ныло въ груди. Было тяжко!

Разсвѣтало медленно. Шквалъ слѣдовалъ за шкваломъ, и вдругъ стало будто легче, или я привыкнулъ за ночь къ этому адскому грохоту бури. Наступало утро и счастіе, гдѣ-то тамъ, за сѣрой далью блеснули слабые лучи. Мы подходили къ Одессѣ. Какая перемѣна! Удивительно. Эти полумертвые люди ожили, и какъ скоро. Ихъ воскресило магическое слово «Одесса!» Наконецъ земля, желанная, родная земля! Мы, русскіе, дѣйствительно земляные люди! Море не наша стихія, не стихія людей равнинъ и степей. Одесса!— и страха какъ не бывало: всѣ собирались, укладывались и приводили себя въ порядокъ, хотя городъ былъ еще далеко, едва виднѣлся, а море ревѣло и стонало почти попрежнему. Но... но земля близко! Черезъ часъ или полтора красивый городъ развертывался въ пеструю картину домовъ, зданій и церквей. Наконецъ!

Шатаясь, блѣдные и измученные, выходили на пристань пассажиры. Что это? меня качнуло въ сторону, разъ, два, и я едва не потерялъ сознанія. Я нанялъ извозчика по имѣвшемуся у меня адресу Александра Зотова и попросилъ его ѣхать тише: дома, люди, лошади и экипажи прыгали и качались передъ моими гла-

зами, и я дурно себя чувствовалъ. Кое-какъ доѣхалъ до квартиры, позвонилъ. Мнѣ отворилъ дверь какой-то молодой человѣкъ съ живымъ, красивымъ лицомъ и сказалъ, что хозяинъ на службѣ въ училищѣ, а хозяйка на урокѣ.

— Васъ ждали,—говорилъ онъ.—Пожалуйста располагайтесь... я закажу сейчасъ самоваръ, закусить подадутъ! Если отдохнуть желаете... Впрочемъ, я сейчасъ.

И онъ убѣжалъ, повидимому, въ кухню, но очень скоро вернулся.

— Позвольте познакомиться...

— Я васъ знаю, слышалъ,—перебилъ онъ меня.—Моя фамилія Желябовъ, а зовутъ Андрей Ивановъ.

— А, а!—воскликнулъ я.—Вѣдь мы сколько разъ къ вамъ на охоту собирались, но все неудачно: то дождь, то вообще какія-нибудь препятствія.

— Да, я васъ ждалъ, и напрасно. Впрочемъ, Александръ былъ съ Володей.

Меня вдругъ опять качнуло и даже позеленѣло въ глазахъ. Желябовъ это замѣтилъ.

— Васъ, вѣроятно, укачало въ морѣ?—спросилъ онъ.

— Здорово!—отвѣчалъ я, не зная просто, куда дѣться.

— Да вы прилягьте вотъ на диванъ. Выпейте чаю съ лимономъ.

И онъ опять убѣжалъ на кухню. Самоваръ появился. Мнѣ казалось, что диванъ качается. Я взялъ подушку и легъ на полъ...: но и полъ шалилъ. И горько и смѣшно. Что было дѣлать! Желябовъ смѣялся и рекомендовалъ чай съ лимономъ. Не помогало.

— Самое лучшее,—предложилъ любезный человѣкъ,—это итти и прогуляться! Кстати я вамъ и городъ покажу... Вѣдь вы не знаете нашей Одессы?

Я на все былъ согласенъ, лишь бы прійти въ нормальное состояніе. Мы пошли. Съ лѣстницы трудно было сходить, но потомъ ничего, стало будто лучше, хотя я ничего не замѣчалъ и мало интересовался тѣми предметами, на которые мнѣ указывалъ Андрей Ивановичъ.

— А вотъ и университетъ.

Я посмотрѣлъ на уголъ зданія, и у меня подкосились ноги.

— Усталъ я, знаете... Нельзя ли куда зайти?—взмолился я.

— А вотъ студенческая биръ-галле. Пойдемте!

Мы вошли въ большую свѣтлую комнату со множествомъ столовъ и столиковъ. Я спросилъ пива. Желябовъ отказался и потребовалъ какой-то минеральной воды.

— Развѣ совсѣмъ не пьете пива?

— Ничего хмельного въ ротъ не беру,—засмѣялся мой товарищъ, обнаруживая два ряда сверкающихъ бѣлизною зубовъ.

Мнѣ стало лучше и я засмотрѣлся на Желябова, который сидѣлъ отъ меня въ полоборота, разговаривая съ подошедшимъ

къ нему студентомъ. Смуглый цвѣтъ южанина замѣчательно шелъ къ густымъ каштановаго цвѣта волосамъ на головѣ и небольшой бородѣ, облегавшей правильный оvалъ его лица. Живые каріе глаза такъ и блестѣли, искрились, и вся его фигура дышала жизненностью и молодой упругой энергіей. Онъ былъ гибокъ и, пожалуй, граціозенъ. Пріемы его были быстры, предупредительны и деликатны. Въ журналѣ «Былое» имѣется портретъ Желябова въ студенческое время. Я хорошо тогда запомнилъ черты его лица, и долженъ сказать, что сходства нѣтъ никакого. Это другое лицо, тяжелаго, семинарскаго склада, но не студента Желябова.

Мы стали уходить, и я удивился многочисленному знакомству Желябова, вообще его популярности среди студентовъ университета. Онъ кланялся, пожималъ руки, перекидывался фразами и необыкновенно заразительно смѣялся. Знакомые, смотря на него, улыбались. Вообще онъ былъ, повидимому, общественный человѣкъ.

— Желябовъ, будете сегодня тамъ-то,—спрашивалъ одинъ.

— Желябовъ, приходите сегодня вечеромъ къ такому-то,—приглашалъ другой.

Когда мы вышли на улицу, Андрей Ивановичъ быстро заговорилъ: «Жизнь у насъ кипитъ... Сходки, собранія постоянныя... Споры, партійныя состязанія, увлеченіе народомъ небывалое, словно диковиннымъ звѣремъ... Удивительно, право!»

— Вы въ этомъ принимаете большое участіе?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—да мнѣ и некогда. Сейчасъ я очень занятъ концертомъ въ пользу недостаточныхъ учительницъ и гувернантокъ... хлопоты большія! Впрочемъ, у насъ на квартирѣ каждый вечеръ собираются. Вотъ сегодня увидите и услышите.

Мы скоро пришли и застали Зотовыхъ дома. Желябовъ, сдавъ меня на руки хозяевамъ, сейчасъ же скрылся. Я помню шумный вечеръ и споры, споры безъ конца. Послѣ тихой жизни въ Орталанѣ, послѣ очаровательной природы въ горахъ и у моря эти комнаты, наполненныя возбужденными людьми, несогласными между собой, невнимательно слушающими другъ друга, перебивающими въ нетерпѣніи противниковъ, производили на меня прямо ошеломляющее впечатлѣніе сумятицы и сумбура. Я не могъ разобраться въ томъ, что происходило, но тѣмъ не менѣе и меня подмывало вступить въ споръ, что-то доказывать и непремѣнно не соглашаться. Почему? такъ, раздраженіе какое-то, нервы, что ли, играли!

Желябовъ пришелъ поздно, когда половина народа разошлась. Я ему обрадовался, потому что всѣ были незнакомые, да и сердитые какіе-то.

— Что, горячее было дѣло?—спросилъ меня онъ, улыбаясь.

Я разсказалъ ему о моемъ впечатлѣніи.

— Да,—сказалъ онъ задумчиво,—революцію хотятъ устроить. Но, по моему мнѣнію, въ Россіи, если съ тактомъ и не горячась, можно

съ пользой работать совершенно на легальной почвѣ. Ахъ, кстати!—вскричалъ онъ:—я и забылъ. Васъ очень хочетъ видѣть Лермонтовъ, онъ въ Одессѣ. Вотъ его адресъ, по которому завтра утромъ застанете его дома.

Дѣйствительно, Лермонтовъ ждалъ меня. Онъ былъ не такой сдержанный, какъ прежде, напротивъ, очень возбужденный и нервный. Вечеромъ я покинулъ Одессу, не думая, что Лермонтова и Желябова я видѣлъ въ послѣдній разъ.

XIX.

Москва.—Трагедія сердца.—Опять кружки и знакомства.—Семейство Армфельдовъ.

На Руси встрѣчаются такія женскія натуры, что по внѣшности нельзя опредѣлить, кто передъ вами, заурядная ли мѣщанка-дѣвушка, или натура рѣдкая, одаренная талантомъ, да еще такимъ, отъ котораго духъ захватываетъ, «мурашки» по тѣлу пробѣгаютъ.

Немудрено, что встрѣча съ такой дѣвушкой, которую я не столько зналъ, сколько чувствовалъ, наложила печаль и тоску въ сердце на долгое время, заставивъ меня убѣдиться, и очень скоро, что я не любилъ жены, а полюбилъ деликатной, тихой любовью эту дѣвушку. Познакомился я съ ней во Владыкинѣ и все время переписывался, когда жилъ въ Крыму. Когда я «это» почувствовалъ и понялъ, то было поздно. Въ моихъ воспоминаніяхъ я не стану касаться этого тонкаго въ психологическомъ отношеніи обстоятельства, да и нельзя коротко на немъ останавливаться, когда это цѣлый романъ или по крайней мѣрѣ солидная повѣсть. Долженъ, однако, прибавить, что когда я женился на З. и когда мы жили въ Москвѣ, то дѣвушка бывала у насъ, какъ знакомая.

Вотъ именно тогда я и понялъ и свою любовь, и свою ошибку, которая, повторяю, долгіе годы стояла на моей дорогѣ. Не потому ли я нѣкоторое время былъ положительно отчаяннымъ человѣкомъ, нисколько не жалѣвшимъ себя, своихъ силъ, своего будущаго.

Мало-по-малу презрѣніе къ сытой, буржуазной жизни росло во мнѣ, потому, вѣроятно, что и самъ въ сущности я сталъ буржуа и по женѣ богатымъ человѣкомъ и даже помѣщикомъ. И вотъ рѣзкимъ укоромъ всегда стояли передо мной моя ошибка и мое положеніе. Вѣдь нѣтъ выхода, читатель, а молодая, въ сущности еще чистая натура рвалась, какъ соколъ рвется къ поднебесью.

Идеализація въ тѣ годы развилась во мнѣ до такой степени, которая граничила съ болѣзненностью. Помню, я слушалъ въ Маломъ театрѣ «Орлеанскую Дѣву» и забылся, охваченный новымъ міромъ чистаго страданія, охваченный идеей, которая доходила до самаго неба. Пораженный молитвой дѣвы, я забылъ окружающее,

и когда спектакль кончился, я продолжалъ сидѣть въ театрѣ, пока меня не вывела прислуга, принявъ, вѣроятно, за опьянѣвшаго зрителя.

Да, я былъ пьянъ, не отъ вина, но отъ потрясшаго мою душу впечатлѣнія, которое чуть не довело меня до сумасшествія. Всю ночь я ходилъ по московскимъ улицамъ, не зная, по какимъ; меня куда-то влекло, несло, и я не могъ сопротивляться. Послѣ этого я упорно искалъ одиночества и находилъ удовольствіе въ винѣ, которое развивало чуть не до галюцинацій и безъ того мое развитое воображеніе.

Конечно, къ работѣ, требующей вдумчивости, анализа, я былъ неспособенъ. Я стоялъ на распутьи молодой еще жизни: сдѣлаться пузатымъ крымскимъ помѣщикомъ, или искать, искать того, что бы дало покой сердцу и душѣ. Съ женой отношенія были неопредѣленныя, она уѣхала въ Крымъ къ матери, предполагая быть скоро сама матерью.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда я встрѣтился съ Н. А. Армфельдомъ, который былъ моимъ товарищемъ по гимназіи, только младше меня классомъ или двумя. Это былъ необыкновенно высокаго роста съ узкой грудью молодой человѣкъ, симпатичный и душевный. Наша встрѣча была не мимолетная, я познакомился съ его семьей, съ почтенной матушкой Анной Васильевной, вдовой извѣстнаго профессора московскаго университета, его братомъ А. А. и сестрами, одна изъ которыхъ, Наталья Александровна, кончила крайне печально, будучи сослана, послѣ вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ, на Кару въ каторжную работу, гдѣ она умерла, кажется, прибѣгнувъ къ самоубійству. Сильная духомъ и энергичная мать, Анна Васильевна, два раза ѣздила въ каторгу на Кару навѣщать свою дочь. Какъ живая, и теперь стоитъ передо мной гордая, величавая старуха-мать. Высокаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, глубокимъ взоромъ карихъ глазъ, она казалась неизмѣнной въ своемъ настроеніи: напрасно было искать печали и страданія на ея лицѣ... я видѣлъ ее въ гостиной во время свѣтской бесѣды и видѣлъ во второй разъ только что вернувшейся изъ Сибири: та же выдержанность и та же благородная гордость. Такъ велика была сила воли у А. В. Армфельдъ. Да, это была мать-спартанка!

Ея дѣти были замѣчально воспитаны, выдержанныя и всѣ высокаго роста. Забылъ сказать о старшемъ, недавно умершемъ профессорѣ скотоводства Александрѣ Александровичѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ ученый спеціалистъ, имѣвшій постоянныя личныя сношенія съ Англіей по дѣламъ скотоводства. Другая дочь была вдова извѣстнаго изслѣдователя-ученаго Федченко.

Вотъ семья, съ которой я довольно близко познакомился въ то время. Особенно для меня были симпатичны мать и сынъ Николай, кстати тоже погибшій отъ чахотки во время кратковременнаго

одиночнаго заключенія въ одной изъ московских частей. Николай былъ любимцемъ матери.

Надо сознаться, что смерть сына страшнымъ образомъ повліявшая на старуху, лишила ее холоднаго спокойствія, и Анна Васильевна на старости лѣтъ не только приняла оппозиціонное отношеніе къ правительству, но явно стала на сторону революціоннаго движенія.

Особенно послѣднему способствовалъ прокуроръ московской судебной палаты Муравьевъ, дерзко относившійся къ старухѣ-матери и озлобленно къ ея дѣтямъ, когда они были въ заключеніи.

— За что онъ меня оскорбляетъ? и какъ онъ смѣетъ?—говорила гордая генеральша, когда М. на всѣ ея просьбы, даже самыя пустыя, отвѣчалъ отказомъ.

Впрочемъ, этотъ прокуроръ былъ вообще несдержанный человѣкъ. Онъ со мной учился тоже въ одной гимназіи, и его характеръ былъ рѣзкимъ еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ. Онъ, какъ и Армфельды, шли по параллельному классическому отдѣленію. Однимъ словомъ, М. былъ и прокуроромъ и строгимъ тюремщикомъ, тоже и его помощники, за исключеніемъ одного, А. А. Саблина, замѣчательно добраго и деликатнаго человѣка.

Въ семьѣ Армфельдовъ чувствовалось хорошо. Они жили въ одномъ изъ глухихъ переулковъ улицы Арбатъ, занимая деревянный одноэтажный домъ-особнякъ. Это была не конспиративная квартира пропагандистовъ, въ которой собирались люди одного кружка, одного направленія. О, нѣтъ! въ гостиной Анны Васильевны можно было застать почтенныхъ людей изъ общества, въ комнатѣ старшаго сына ученыхъ людей, а у Николая и Натальи увлекающуюся молодежь разныхъ оттѣнковъ. Были и постоянные посѣтители и друзья Николая, молодые люди А. и П., симпатичные и крайне горячіе. Близкимъ лицомъ и постоянной подругой Натальи Александровны была В. Н. Батюшкова, тоже погибшая идеалистка. Въ высокой, стройной фигурѣ дѣвушки съ ея блѣднымъ и очень серьезнымъ лицомъ было нѣчто загадочное и вмѣстѣ съ тѣмъ монашеское въ чистомъ смыслѣ этого слова. Я, конечно, пребывалъ въ комнатѣ Николая, куда собиралась молодежь и гдѣ сосредоточивались всякія новости и возникали разныя предпріятія, въ родѣ, напримѣръ, столярной или сапожной мастерскихъ, переплетной и проч.

Сближеніе интеллигенціи съ народомъ было главною цѣлью организаціи такихъ мастерскихъ. Надо помнить, что въ то время народъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ сфинксъ и вмѣстѣ съ тѣмъ идолъ, которому молодежь поклонялась, какъ страдальцу и богатырю, вынесшему на своихъ могучихъ плечахъ русское государство и русскую культуру, къ которой, конечно, долгъ идейной молодежи причастить хотя самую малую часть этого народа.

Живое дѣло увлекло живыхъ людей, и у Николая всегда обсуждались такого рода предпріятія. О революціи не было рѣчи, но пропаганда идей, выработанныхъ міровой культурой, была на первомъ планѣ. Что было мило и привлекательно у Армфельдовъ—это ихъ душевное искреннее отношеніе къ молодежи. Правда, Наталья и Батюшкова держались отъ насъ нѣсколько въ сторонѣ, но Анна Васильевна всегда относилась къ намъ, какъ мать и другъ, и это мы высоко цѣнили и это насъ влекло къ такой семьѣ, гдѣ о насъ заботились, какъ дома, и гдѣ голодными и безъ привѣта насъ не оставляли. Въ наше жестокое теперешнее время смѣшно, но тогда романтизмъ и мечта играли среди насъ большую роль. Были случаи любопытные. Разскажу одинъ изъ такихъ.

Въ то время изъ земледѣльческой школы Парижа пріѣхалъ въ Москву нѣкто М. Онъ былъ сынъ довольно состоятельнаго помѣщика Черниговской губерніи и учился земледѣлію и высшимъ культурамъ во Франціи. Пріѣхалъ М. по особенному дѣлу и скоро появился у Армфельдовъ. Это былъ симпатичный, довольно энергичный человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, очень похожій лицомъ на Гамбетту. Я познакомился съ нимъ, съ интересомъ слушая, какъ организовано высшее земледѣльческое образованіе во Франціи. Разсказывалъ онъ много, очень толково и обстоятельно.

Черезъ нѣсколько дней Николай Армфельдъ таинственно мнѣ сообщилъ, по какому именно дѣлу пріѣхалъ въ Россію М. и какого рода услугу онъ проситъ оказать ему.

— Видите ли,—разсказывалъ Николай:—арестована и сослана въ городъ Буй Костромской губерніи его невѣста Константиновичъ...

— Буй и Кадуй, говорятъ, города, которые чортъ три года искалъ... Но продолжайте, Николай Александровичъ!

— Понимаете, невѣста, дѣвушка, которую онъ любитъ, теперь живетъ въ Буѣ.

— Понимаю,—отвѣчалъ я.

— Надо ее освободить!—важно молвилъ Николай.—Онъ женится на ней, и они уѣдутъ во Францію. Въ этомъ должны вы помочь.

— Какимъ образомъ?

— Поѣдете съ М. въ Буй и увезете ее... вотъ и все!

Такое предпріятіе мнѣ было по душѣ, и я охотно согласился. Помилуйте, посмотрѣть городъ Буй и затѣмъ соединить два любящія сердца! Какъ можно было отказаться? Но, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось совершить такую интересную поѣздку чисто по семейнымъ обстоятельствамъ. На другой день я получилъ настоятельное приглашеніе ѣхать въ Крымъ, гдѣ у меня родился сынъ, а молодая мать заболѣла. Пришлось отказаться, говорю, съ большимъ сожалѣніемъ. Впрочемъ, мое амплуа тотчасъ же было за-

нято П., другомъ Николая, молодымъ, сильнымъ и бойкимъ человѣкомъ.

Николай, сначала встревоженный, потомъ успокоился, когда П. согласился ѣхать. Они прекрасно, но нѣсколько наивно для города Буя организовали поѣздку для увоза невѣсты. Дѣло вышло неудачное, и я по возвращеніи изъ Крыма отъ П. услышалъ печальныя вѣсти о молодыхъ.

— Поѣхали мы въ Нижній,—разсказывалъ П.: — гдѣ рѣшили купить лошадей и экипажъ. Наканунѣ нашъ парижанинъ вынулъ изъ чемодана книгу на французскомъ языкѣ и сталъ ее штудировать. Книга была о лошадяхъ. Съ этой книгой мы отправились на конскій рынокъ выбирать коней. «Намъ нужны сильныя, но и легкія лошади», говорилъ М. Я съ нимъ соглашался, но мнѣ было смѣшно, да и не мнѣ одному, когда онъ, разсматривая части коня, справлялся тутъ же на мѣстѣ по книжкѣ. Мѣрилъ грудь, ноги и проч. Я думалъ, что насъ надуютъ напропалую, но нѣтъ, купили довольно хорошихъ и здоровыхъ лошадей. Пріобрѣли удобный и крѣпкій экипажъ и двинулись въ знаменитый городъ Буй. Ѣхали мы дремучими лѣсами, проѣзжали ѳдва проходимыя болота, натерпѣлись мы и холода и голода, когда приходилось проводить ночи среди дремучаго лѣса. Но наконецъ прибыли въ Буй! Ну, и городъ! одна только улица и одинъ постоялый дворъ, жители какіе-то дикари. Однимъ словомъ, попали въ чортову трущобу. Обыватели сбѣжались на насъ смотрѣть, мальчишки и дѣвчонки такъ и не отходили отъ постоялаго двора. Да, забылъ сказать, что передъ въѣздомъ въ городъ мы должны были легализироваться въ такомъ отношеніи: онъ, М., помѣщикъ Черниговской губ., а я его кучеръ Петръ. Я вполнѣ удачно занялъ свое скромное положеніе и когда, спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ, пошелъ къ рѣчкѣ поить лошадей, навстрѣчу мнѣ, не безъ намѣренія, вѣроятно, вышелъ исправникъ и грозно спросилъ: «Чьи это лошади и кто ты?»—Лошади помѣщика Черниговской губерніи М., а я его кучеръ, отвѣчалъ я съ почтительностью, разумѣется. Тогда исправникъ задумался и какъ бы про себя проговорилъ: «Кой чортъ занесъ сюда черниговскаго помѣщика!» Ссыльная невѣста не только узнала, но увидала въ этотъ же день своего жениха, и они уже не разлучались. Между тѣмъ исправникъ не дремалъ и пріѣзжаго окружилъ со всѣхъ сторонъ своей командой. Очень скоро, дня черезъ три, ночью я просыпаюсь... а спалъ я въ сараѣ около лошадей, и слышу разговоръ: «Сейчасъ только и отвели въ самую тюрьму, самъ видѣлъ...» — «Да кто же онъ такой?» спрашиваетъ другой голосъ.—«Фальшивый, слышь, монетчикъ, и кучеръ такой же»!.. О, о! — думаю я и начинаю уже приготовляться къ бѣгству. Конечно, если барина арестовали, то не миновать бѣды кучеру. И вотъ я наутекъ изъ этого самаго Буя, конечно, въ лѣсъ,

въ которомъ дня два скитался, пока не вышелъ на проселочную дорогу. Ну, тогда шабашъ! деньги у меня были, и я благополучно добрался до Москвы. Жаль только мнѣ лошадей! привыкъ къ нимъ, право! да онѣ такія умныя да добрыя—просто прелесть... И еще жаль, что познакомиться съ Константиновичъ не пришлось...

Но что случилось съ парижаниномъ М., мы узнали послѣ. Въ Буѣ онъ обвѣнчался съ любимой дѣвушкой, которая послѣ этого была переведена въ Вятку, а съ ея мужа была взята подписка, обязывавшая его жить при женѣ.

Каково административное остроуміе?

XX.

Продолженіе.—Кружокъ Фигнеръ.

Какъ-то вечеромъ въ комнатѣ Николая я засталъ молодую, лѣтъ 20 дѣвушку, чрезвычайно живую, сообщительную. Помню, мы провели время незамѣтно и хорошо. Стройная блондинка, съ мечтательнымъ взоромъ голубыхъ глазъ, она вызывала въ моемъ воображеніи образъ Гретхенъ. Несомнѣнно, воспитанная, образованная, дѣвушка была просто, но со вкусомъ одѣта и совсѣмъ по внѣшности не походила на нашихъ радикалокъ, весьма небрежно относящихся къ своимъ костюмамъ. Помилуйте, модная кофточка и идея! Развѣ это совмѣстимо?

Не знаю, но намъ съ Николаемъ нравилась изящная фигура Надежды Дмитріевны Субботиной, когда она намъ разсказывала эпизоды изъ жизни въ Швейцаріи, откуда она только что пріѣхала и гдѣ она была студенткой въ какомъ-то высшемъ, кажется, медицинскомъ, заведеніи.

Помню, мы съ ней вышли вмѣстѣ отъ Армфельдовъ и когда она узнала, что я студентъ Петровской академіи, то выразила желаніе побывать въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

— Много слышала о вашей академіи, — говорила Субботина:—что очень поэтичное и красивое мѣсто, но побывать не удалось.

— Милости просимъ, когда угодно... только назначьте время!

— Въ самомъ дѣлѣ...—задумалась дѣвушка.—Знаете что, поѣдемте послѣзавтра, если будетъ хорошая погода.

— Отлично,— сказалъ я:—кстати я буду въ Москвѣ и зайду за вами.

Субботина сообщила мнѣ свой адресъ, и мы разстались. Въ назначенный срокъ я, конечно, явился къ ней, и мы поѣхали въ академію, гдѣ между прочимъ я познакомилъ ее съ нѣкоторыми товарищами, К. Вернеромъ и Г. Послѣдніе были люди интересные, особенно К. Вернеръ, нынѣ умершій профессоръ этой же академіи.

Другой, Г., въ то время представлялъ тоже интересъ, котораго нынѣ лишился, ставъ шаблоннымъ карьеристомъ. О, молодость, гдѣ ты? Оба эти студента перешли въ Петровскую академію изъ военной инженерной академіи, а прежде они были саперными офицерами въ Кіевѣ. Г. еще и по сіе время носилъ военный мундиръ. Вернеръ же совсѣмъ преобразился въ студента-петровца Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1903 года были напечатаны мои воспоминанія о профессорѣ К. А. Вернерѣ, но тамъ я не касался особенностей его студенческой жизни.

Но мнѣ и теперь вспоминается его худощавая блѣднолицая фигура въ отрепанномъ пиджачишкѣ и высокихъ сапогахъ, въ то время, когда мы подъ парусомъ, сдѣланнымъ изъ лѣтняго одѣяла, плавали на лодкѣ по академическому пруду и были такъ хорошо и живо настроены. Тогда онъ былъ крайне увлеченнымъ народникомъ и работалъ въ одной сапожной мастерской гдѣ-то на Смоленскомъ рынкѣ. Онъ хорошо былъ знакомъ съ кружкомъ Армфельдовъ и другими.

Это былъ одинъ изъ моихъ близкихъ товарищей по академіи, о которомъ впереди придется сказать еще нѣсколько словъ. Скоро я познакомился съ кружкомъ заграничныхъ студентокъ, вернувшихся въ Россію. Это были все молодыя дѣвушки, подруги, восторженныя, находившіяся подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашней пропаганды «движенія въ народъ». Онѣ пріѣхали въ Россію, считая своимъ нравственнымъ долгомъ принять участіе въ облегченіи трудовой жизни и въ просвѣщеніи народа. О, смѣлость нравственнаго подъема, о идеализмъ! Подумайте, хрупкая, воспитанная барышня—и народъ, почти не вышедшій еще изъ рабства, наивный и невѣжественный! Но тогда этого не замѣчалось, лучшая интеллигенція вѣрила, что стоитъ только подойти къ этому народу съ открытою душою и любящимъ сердцемъ и конецъ,—народъ отвѣтитъ и сольется съ интеллигенціей. Но народъ недоумѣвалъ!..

Оказалось, что Субботиныхъ цѣлое семейство, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться. Оно состояло изъ старухи-матери, безумно и разумно любящей своихъ дѣтей, которыхъ было еще двѣ, кромѣ описанной: Марья и Евгенія Дмитріевны. Сестры довольно рѣзко отличались другъ отъ друга: Марія, сухая, болѣзненная, была лишена той восторженности и отзывчивости, которыя отличали Надежду. Евгенія, невысокаго роста, плотно сложенная, представляла собой неутомимаго работника, всегда находящагося при дѣлѣ... Это былъ симпатичный въ высшей степени человѣкъ, превосходный товарищъ, уступчивый и артельный. Семья Субботиныхъ обладала большими средствами; онѣ, кажется, были елецкія, Орловской губерніи. Къ этой семьѣ, повидимому, самымъ близкимъ человѣкомъ была Лидія Николаевна Фигнеръ, очень серьезная молодая дѣвушка съ выдержаннымъ характеромъ. Сестры Лю-

батовичъ, Ольга и Вѣра (послѣднюю называли «Волченокъ»), входили въ составъ кружка, какъ и Варвара Ивановна Александрова, Катерина Борисовна Туманова (впослѣдствіи Гамкрелидзе) и Бардина.

Туманова была изъ Ѳеодосійскаго уѣзда, товарка по гимназіи моей жены. Дѣвушка она была странная, совершенно неразговорчивая, молчаливая даже въ большой оживленной компаніи. Впрочемъ, долженъ прибавить, что и братья ея были не безъ странности: младшій покончилъ жизнь самоубійствомъ, будучи студентомъ, старшій, Сергѣй, былъ большимъ оригиналомъ, но мало понятнымъ человѣкомъ.

В. И. Александрова представляла собой ярко выраженный типъ чистѣйшей русской дѣвушки, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннему содержанію. По выдержанности и не особенному увлеченію въ кружкѣ главенствовала Лидія Фигнеръ,—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Правда, она была разсудительна, недовѣрчива и, пожалуй, суха, какъ вообще приличествуетъ дѣловому человѣку.

Всѣ эти дѣвушки собирались итти въ народъ, совершенно не зная этого народа, приготовлялись какъ-то особенно, изучая народъ по книгамъ и добывая для себя всякія свѣдѣнія.

Впрочемъ, итти онѣ не особенно спѣшили, организуя болѣе обширный кружокъ, запасаясь на этотъ случай книгами и разными брошюрами. Дѣвушки довольно долго проживали въ Москвѣ, покидая столицу ненадолго, по «дѣламъ». Квартировали они на Тверской, въ меблированныхъ комнатахъ, но потомъ сняли квартиру на Спиридоновкѣ. Я часто бывалъ у нихъ въ комнатахъ и очень рѣдко на квартирѣ, гдѣ появился «кавказскій элементъ»: князь Циціановъ, Гамкрелидзе, Здановичъ и другіе — народъ воинственный, горячій и экспансивный. Мнѣ странно казалось соединеніе такихъ не совсѣмъ сродныхъ элементовъ въ тѣсный кружокъ, въ одну семью. Несомнѣнно, русская поэзія, идеализмъ были присущи дѣвушкамъ, между тѣмъ мужчины-кавказцы представляли собой боевой народъ съ задачами далеко не мирныхъ пропагандистовъ. Выстрѣлъ въ квартирѣ Циціанова во время обыска, направленный имъ въ жандармскаго офицера, произвелъ тогда и на меня и на многихъ народниковъ тяжелое, непріятное впечатлѣніе. Кровь отталкивала насъ, пугала, мы были готовы страдать, но сами лично не заставляя страдать другихъ, и въ этомъ мы находили принципъ и старались быть самоотверженными, великодушными. Мы вѣрили во вліяніе личности, вполнѣ признавая энергію, силу воли, но въ пассивномъ сопротивленіи. Можетъ быть, это было нѣчто толстовское—не знаю, но что русское—несомнѣнно!

Помню, въ Москвѣ много говорили о выстрѣлѣ князя Циціанова и говорили не въ его пользу. Было какъ-то грубо для того времени.

Да и что такое тогда собой представляли жандармскіе офицеры? Можно ли было въ нихъ стрѣлять? Это были молодые люди весьма вѣжливые и крайне обязательные. Эти люди, повидимому, безъ всякой вражды относились къ намъ, мирнымъ пропагандистамъ. Изъ своей практики я могу привести случаи довольно характерные.

Когда я былъ арестованъ и привлеченъ къ дознанію по «дѣлу 193», я сначала до допроса былъ привезенъ въ Петровскія (жандармскія) казармы въ Москвѣ. Мнѣ была предоставлена комната дежурнаго офицера, которымъ въ тотъ несчастный для меня день состоялъ князь Ч. Онъ былъ очень любезенъ со мной, предложилъ закуску и чаю съ коньякомъ и не отказалъ въ просьбѣ послать жандарма къ матери съ запиской, въ которой я просилъ мнѣ прислать пледъ и какую-нибудь книгу.

Князь бралъ это на свою отвѣтственность и, разставаясь со мной, искренно желалъ моего скораго освобожденія.

Меня заключили въ Рогожскую часть. Камера была отвратительная, на содержаніе выдавалось мнѣ деньгами каждый день по 25 копеекъ, которыя утромъ жандармскій унтеръ-офицеръ приносилъ мнѣ «мѣдяками». Жандармская команда подъ начальствомъ послѣдняго смѣнялась черезъ сутки, когда приходилъ другой составъ подъ командой другого унтеръ-офицера, затѣмъ опять первый составъ и т. д.

Одинъ унтеръ былъ русскій, другой полякъ. Съ русскимъ я подружился, полякъ же держался со мной крайне холодно и корректно. А съ русскимъ поздними вечерами чѣмъ мы занимались, читатель? Орѳографіей. Онъ писалъ, я ему диктовалъ, а затѣмъ съ объясненіями исправлялъ ошибки. У него была большая охота научиться правильно писать.

— Наша семья большая,—говорилъ онъ:—а земли мало. Вотъ скоро въ отставку выйду, можетъ быть, мѣсто помощника волостного писаря добуду. Вотъ хорошо бы!

И мой тюремщикъ задумывался, сидя на моей койкѣ, а я ходилъ по камерѣ и тоже думалъ, думалъ... Довольно часто навѣдывался жандармскій офицеръ, очень любезный, вступалъ со мной въ разговоръ.

Помню, я читалъ какой-то романъ Теккерея, онъ посмотрѣлъ книжку и сказалъ: «Если не читали Диккенса «Записки Пикквикскаго клуба», то прочтите».

Я попросилъ прислать «Пикквика» и прочелъ съ наслажденіемъ крайне интересное произведеніе знаменитаго писателя. Этотъ же офицеръ, кажется, въ какой-то праздникъ, очень шумно, спѣша, вошелъ въ мою камеру, со сверткомъ въ рукахъ.

— Ѣхалъ очень скоро, гналъ извозчика,—говорилъ онъ:—чтобы пирожки не остыли! Получайте, это вамъ матушка прислала.

И онъ мнѣ передалъ еще теплые пирожки.

Развѣ это не любезность? не отношенія, которыя въ тяжелые дни одиночнаго заключенія вносятъ по крайней мѣрѣ пріятное разнообразіе?

Конечно, теперь, во время бомбъ и браунинговъ острая вражда не прекращается и въ стѣнахъ тюрьмы, но тогда... тогда было другое время, и тюремщики относились къ намъ съ уваженіемъ. Доброе, свѣтлое время! Время и движеніе, не понятое правительствомъ, и мирная пропаганда, раздутая до революціи саратовскимъ прокуроромъ Жихаревымъ.

— Надо было открыть клапанъ, — говорилъ мнѣ позже А. Н. Энгельгардтъ.—Какую пользу можно было бы извлечь изъ народническаго движенія, пользу и для народа, и для интеллигенціи... Пусть пропагандисты стали бы земледѣльцами, пусть жили бы и работали среди народа, результаты были бы прекрасные!

Пожалуй, это вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда нравственныя основы личности и ея самоусовершенствованіе были на первомъ планѣ, стояли выше принциповъ экономическихъ, а тѣмъ болѣе политическихъ.

Молодежь, что ни говорите, извѣстная подъ именемъ семидесятниковъ, была молодежь благородная!

Я нѣсколько уклонился.

Итакъ, въ Москвѣ прогремѣлъ выстрѣлъ, надѣлавшій много шуму. Общество отнеслось къ этому несочувственно. Мнѣ тогда приходилось много говорить и выслушивать много упрековъ по адресу «революціонеровъ».

— Что же, пропагандисты думаютъ выступать противъ правительства съ оружіемъ въ рукахъ?

— Чѣмъ виноватъ жандармскій офицеръ?! Тогда и въ городового стрѣлять... тогда и городовой правительство!

Въ Москвѣ въ то время проживалъ нѣкто Б. Онъ былъ изъ потерпѣвшихъ. Очень образованный, съ солидными средствами человѣкъ, Б. сочувствовалъ тогдашнему движенію среди молодежи, поддерживалъ съ ней связи, былъ знакомъ хорошо съ семействомъ Армфельдовъ, съ Субботиными и другими. По убѣжденіямъ онъ былъ соціалъ-демократъ, страстно слѣдилъ за соціалистической литературой и былъ въ курсѣ ея западнаго развитія. Въ его квартирѣ собиралось много интереснаго, идейнаго народа. Гостепріимство, душевная молодость и всестороннее образованіе хозяина всякаго живого человѣка влекли въ его домъ, къ его тихимъ всестороннимъ бесѣдамъ.

Б. въ тотъ же день узналъ о выстрѣлѣ и сообщилъ при встрѣчѣ мнѣ. Помню, онъ былъ сильно взволнованъ, какимъ я его не видалъ.

— Какая страшная ошибка! какой вредъ для дѣла!—говорилъ онъ. — Вѣдь если идетъ борьба со старымъ строемъ, если въ за-

щиту народныхъ интересовъ работаетъ и отдаетъ свои силы молодежь, то это борьба мирнаго характера, борьба, которая не преслѣдуется ни въ одномъ западномъ государствѣ... Но убійство или покушеніе на таковое, согласитесь, уже уголовное дѣло! Я убѣжденъ, что народническому движенію этотъ роковой выстрѣлъ повредитъ сильно и перемѣнитъ взглядъ правительства. Посмотримъ, что завтра напишетъ Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

До тѣхъ поръ я продолжалъ видѣться съ членами женскаго кружка и даже имъ оказывалъ нѣкоторыя услуги. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ были такія деликатныя, воспитанныя дѣвушки! Онѣ тоже посѣщали меня въ Москвѣ, на квартирѣ моей матери, гдѣ я очень часто бывалъ. Помню, я какъ-то засталъ Е. Д. Субботину лежащею на диванѣ. Она извинилась, что не можетъ встать.

— Вы больны?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нисколько. Я такъ много ходила, что положительно не чувствую ногъ,—онѣ словно одеревенѣли!

И она разсказала, гдѣ, въ какихъ частяхъ Москвы успѣла побывать. Это было дѣйствительно большое разстояніе.

— Отчего же извозчика не взяли?—удивился я.

— Мы рѣшили теперь не ѣздить больше, а только ходить... Помилуйте, собираемся итти въ народъ, надо привыкать...

«Резонно,—подумалъ я,—хотя и наивно!»

Не помню, кто изъ барышень былъ въ квартирѣ моей матери, когда мы собирались обѣдать. Конечно, и гостью я попросилъ къ столу. Къ моему удивленію, она не только отказалась, но и взволновалась.

— Помилуйте, что вы? Обѣдать... Это совсѣмъ буржуазно, и мы такую привычку совсѣмъ бросили!

— Это не совсѣмъ здорово!—пытался возразить я.

— Русскій народъ ѣстъ одинъ гнилой хлѣбъ, а мы станемъ супы и соусы кушать... Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста!..

Мнѣ было досадно и, конечно, я не сталъ настаивать.

Итакъ, онѣ не обѣдали и ходили пѣшкомъ.

Дѣйствительно, я почти всегда заставалъ ихъ за самоваромъ. Онѣ питались колбасой и хлѣбомъ. Припоминая разные факты, я думаю, что это были крайне непрактичныя, увлекающіяся дѣвушки, кромѣ того, связанныя между собой рѣдкой дружбой. Вмѣстѣ онѣ жили, вѣрили и страдали въ тюрьмахъ и ссылкѣ, и я увѣренъ, не жалѣютъ, что ихъ молодые годы прошли въ вихрѣ благородныхъ альтруистическихъ увлеченій. Въ самомъ дѣлѣ, русская молодежь въ своихъ увлеченіяхъ не видитъ края, не знаетъ предѣла. Что эта особенность славянской расы: неустойчивость или чувство, которое влечетъ, влечетъ?...

XXI.

Каравеловъ.—Его знакомство съ пропагандистами.—Приключенія съ чемоданомъ.

П. С. Каравеловъ въ то время былъ учителемъ, кажется, исторіи, въ военномъ училищѣ, жилъ очень скромно въ меблированныхъ комнатахъ у Курскаго вокзала. Повидимому, всѣ его мысли и думы сосредоточивались тамъ, на далекой родинѣ, гдѣ подготовлялись великія событія. Очень часто при моихъ посѣщеніяхъ я заставалъ у него болгаръ, всегда сильно возбужденныхъ, съ которыми онъ велъ споры и крайне оживленныя бесѣды. Болгары относились къ Петру Станиславовичу съ несомнѣннымъ уваженіемъ, что было замѣтно простому наблюдателю. Помню крайне ожесточенный споръ, рѣзкіе крики, сопровождаемые жестикуляціями. Болгары уходили, снова возвращались и, повидимому, въ чемъ-то убѣждали Каравелова. Возбужденіе было страстное. Наконецъ они совсѣмъ ушли. Хозяинъ взволнованный долго ходилъ по своей комнатѣ. Наконецъ, остановившись передо мной, онъ спросилъ:

— Вы ничего не поняли, что тутъ происходило? о чемъ они просили, настаивали?

— Понялъ нѣкоторыя отдѣльныя фразы, слова, да и то не совсѣмъ; очень они быстро говорятъ! О чемъ же просили васъ?

— Да просили занять должность архіерея. Они пріѣхали изъ Болгаріи съ этой миссіей. Но я отказался... У меня другіе виды!— прибавилъ Каравеловъ и задумался.

— Какъ? Вамъ быть архіереемъ?—изумился я.

— Конечно, изъ политическихъ видовъ!—отвѣчалъ онъ.—Васъ, русскихъ, это удивляетъ, но у насъ духовенство, особенно высшее, стоитъ близко къ политикѣ, да и къ народу.

Мнѣ почему-то было пріятно, что Каравеловъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Живой, сообщительный, образованный, П. С. зналъ, кромѣ европейскихъ, древне-греческій и даже еврейскій языки. Онъ много читалъ на послѣднихъ языкахъ, и его бесѣды подчасъ были крайне интересны. Бывало, моя мать и молодежь слушаютъ разговорившагося Каравелова, который такъ и сыплетъ цитатами изъ древнихъ писателей. Онъ прекрасно былъ знакомъ съ исторіей христіанства, а съ судьбами и положеніемъ славянства и говорить нечего. Въ общемъ по впечатлѣнію Каравеловъ скорѣй походилъ на солиднаго ученаго, нежели на живого, страстнаго агитатора и патріота. Впрочемъ, послѣднимъ онъ былъ среди своихъ болгаръ, а съ русскими велъ себя осторожно, хотя внимательно присматривался, что дѣлалось въ Россіи. Его очень интересовало тогдашнее движеніе въ народъ, какъ и люди, принимавшіе въ этомъ непосредственное участіе.

Къ Каравелову пропагандисты относились нѣсколько свысока.

— Кто онъ? Болгаринъ и учитель въ русской школѣ!

Впрочемъ, неблизкое ихъ знакомство скоро почти прекратилось. Въ этомъ немалую роль сыгралъ случай съ чемоданомъ.

У Каравелова была одна знакомая, русская. Крайне скромная женщина, не принимавшая рѣшительно никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, жила въ меблированныхъ комнатахъ недалеко отъ Каравелова съ маленькимъ сыномъ, воспитаніемъ котораго она занималась. Съ ней познакомились между прочимъ Субботины, и это знакомство надѣлало немало переполоха бѣдной женщинѣ.

Младшая Субботина, возвращаясь изъ Петербурга, взяла съ собой чемоданъ, наполненный народными брошюрами, «Дѣдушка Егоръ» и проч. Молодой дѣвушкѣ показалось, что за ней слѣдятъ, что ее арестуютъ. Надо, конечно, спасаться и спасать чемоданъ. Но какъ? Куда? Въ эту минуту она ѣдетъ мимо знакомой Каравелова. Отличное мѣсто! Особа благонамѣренная, ни въ чемъ не замѣшанная. «Извозчикъ, стой! Швейцаръ, скорѣй неси чемоданъ въ №...».

Превосходно! Никого и ничего подозрительнаго. Къ N. N. влѣзаетъ съ чемоданомъ знакомая дѣвушка, взволнованная, и быстро говоритъ: «Можно у васъ на время оставить чемоданъ?» Деликатная женщина соглашается, не зная, въ чемъ дѣло.

Въ углу стоитъ старый, почти пустой, съ какими-то тряпками чемоданъ, который Субботина, уходя, беретъ съ собой со словами: «Я возьму этотъ вашъ чемоданъ, чтобы не было подозрѣнія!» Г-жа NN окончательно ничего не понимаетъ, но нѣкоторый страхъ закрадывается въ ея сердце. Она поставила къ сторонѣ блестящій новый чемоданъ съ запертымъ замкомъ. Проходитъ короткое время, и швейцаръ приноситъ ея старый чемоданъ, спрашивая: «Это вашъ чемоданъ?» Испуганная, ничего не понимающая NN говоритъ: «Нѣтъ».—«Странно,—бормочетъ швейцаръ:—отъ васъ ушла барышня съ чемоданомъ и вотъ нашли...»—«Гдѣ нашли?»—«Недалеко отъ нашего подъѣзда у самаго забора лежитъ... Что такое? думаю, и взялъ его... Значитъ, чемодана не знаете?»

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ NN.

Швейцаръ уходитъ, но о своей находкѣ заявляетъ полиціи, которая присылаетъ за чемоданомъ, приказывая въ то же время въ участокъ явиться и швейцару.

Въ небольшихъ меблированныхъ комнатахъ все это стало извѣстно. Бѣдная женщина не знаетъ, что дѣлать, какъ быть съ таинственнымъ чемоданомъ? что въ немъ заключается. Она бѣжитъ по сосѣдству къ знакомой портнихѣ, разсказываетъ, что случилось, и проситъ помочь ей. Знакомая, болѣе опытная, говоритъ: «Перенесите вещи ко мнѣ и больше ничего!»

— Да у меня ключа нѣтъ.. я не знаю, какія вещи!

— Все равно! сломайте замокъ, пойдемте!

Открыли чемоданъ и, найдя книги, по частямъ перенесли въ комнату портнихи: цѣлый чемоданъ было переносить, по ихъ мнѣнію, опасно, да и тяжело.

Дѣйствительно, въ ночь у знакомой Каравеловой былъ произведенъ обыскъ, страшно ее перепугавшій. Портниха оказалась тоже не храбраго десятка и потребовала, чтобы отъ нея немедленно были взяты книги. Началась цѣлая суматоха, во время которой появилась Субботина, на которую накинулись обѣ женщины. Пришелъ также Каравеловъ, которому, конечно, такая исторія показалась крайне легкомысленной. Но все-таки что дѣлать?

Субботина пріѣхала ко мнѣ и просила спасти чемоданъ и книги. Я было отказался наотрѣзъ, но, узнавъ подробности, а главное, что этотъ непріятный случай касается нѣкоторымъ образомъ Каравелова, рѣшилъ поѣхать на мѣсто происшествія. Былъ жаркій лѣтній день, каменная Москва накалилась отъ солнца. Тихо и душно; дребезжатъ колеса извозчичьей пролетки. Помню, я былъ въ отвратительномъ настроеніи: въ самомъ дѣлѣ, попасться, благодаря не своему, а чужому легкомыслію. Но что дѣлать, въ нѣкоторомъ родѣ рыцарская помощь!

Когда мы пріѣхали и вошли въ небольшую, опрятную комнату, то застали хозяйку около чемодана, снова наполненнаго брошюрами. Она была въ большомъ волненіи и только повторяла: «Пожалуйста, унесите чемоданъ; ради Бога!»

Замокъ былъ сломанъ. Надо было связать злосчастный чемоданъ веревками, за которыми я сходилъ въ ближайшую лавчонку и въ это время обдумалъ свои дѣйствія и нанялъ извозчика, который долженъ былъ меня ждать у подъѣзда.

Было часовъ двѣнадцать съ небольшимъ, и прислуга должна была скоро обѣдать. Это для меня было важно.

Связавъ чемоданъ, я время отъ времени ходилъ по коридору и дожидался. Вотъ коридоръ опустѣлъ, въ концѣ его послышались звонъ тарелокъ, веселые голоса обѣдающихъ, смѣхъ.. Я мигомъ взвалилъ на плечи чемоданъ (пуда четыре, не меньше) и бѣгомъ сбѣжалъ по крутой лѣстницѣ со второго этажа. Извозчикъ дожидался, и мы благополучно заковыляли по московскимъ булыжнымъ мостовымъ. По дорогѣ встрѣчались знакомые, между прочимъ жандармскій офицеръ, подъ надзоромъ котораго я пребывалъ въ тюрьмѣ. Мы съ нимъ вѣжливо раскланялись, и я подумалъ: «О если бы онъ зналъ, какой таинственный чемоданъ ѣдетъ со мной!»

Наконецъ послѣдній доставленъ. Его приняла Л. Н. Фигнеръ, замѣтивъ, что надо сдѣлать замокъ.

Я ушелъ. Но мои злоключенія не кончились. Едва я успѣлъ позавтракать, какъ встревоженная появилась Субботина и просила взять проклятый чемоданъ и увезти куда только возможно.

— Помилуйте!—говорилъ я.—Куда же я дѣну...

— Пожалуйста!—умоляла дѣвушка.—У насъ нельзя оставлять, подумайте..

Скрѣпя сердце, я опять поѣхалъ съ ней на мѣсто пребыванія чемодана, который находился въ томъ же видѣ, т. е. безъ замка.

— Какъ же вы замокъ не починили?—спрашивалъ я.

Пропагандистки развели руками. Дѣлать нечего: опять на плечи чемоданъ, и я снова ѣду теперь неожиданнымъ гостемъ къ Т., одной изъ дѣвушекъ, жившихъ на дачѣ во Владыкинѣ.

Надо описать топографію мѣстности, гдѣ она жила съ матерью, занимая крохотную квартиру въ подвальномъ этажѣ. Надо потому, что опять произошелъ «случай» съ дьявольскимъ чемоданомъ. Пустынный переулокъ и церковь на большомъ дворѣ, гдѣ расположены деревянныя постройки. Желѣзныя ворота и калитка, близъ которыхъ помѣщалась будка полицейскаго. Это былъ постъ городового, который вяло и лѣниво исполнялъ свои дежурные часы.

Вотъ и теперь, когда я подъѣхалъ на извозчикѣ, полицейскій остановился, съ невиннымъ любопытствомъ смотря на меня. Ему было скучно, его томило отъ жары. Мнѣ нужно было войти въ калитку, пройти дворъ и спуститься въ квартиру Т. Привычнымъ пріемомъ, можетъ быть, слишкомъ энергично, я приподнялъ за веревки чемоданъ и о ужасъ!... ослабѣвшія веревки развязались, чемоданъ вырвался изъ рукъ и всевозможныя многочисленныя брошюры разсыпались по тротуару.

Что дѣлать?

Первою мыслью было бѣжать. Я оглянулся: въ переулкѣ не было ни души. Подошедшій городовой подбиралъ книжечки, благодушно меня спрашивая: «Какъ же это такъ случилось?»

— Да видите, замокъ сломался,—отвѣчалъ я въ понятномъ смущеніи.—Веревки-то ослабѣли...

— Такъ, такъ!—говорилъ городовой, и мы подбирали и укладывали книжки въ чемоданъ.

— Хорошія книжечки,—продолжалъ мой оригинальный помощникъ.—Ишь какія аккуратныя. Подарили бы мнѣ парочку, для сыночка, онъ хорошо въ училищѣ обучается...

«Вотъ-те фунтъ!» думалъ я, когда городовой уже собирался самыя радикальныя брошюры положить въ свой карманъ.

— Нѣтъ, не могу,—говорилъ я:—всѣ книжки у меня на отчетѣ.

— Ну, дѣлать нечего!—горевалъ хорошій человѣкъ:—а картинокъ въ нихъ нѣтъ?

— Книги безъ картинокъ...

Общимъ усиліями чемоданъ былъ связанъ, городовой предложилъ свои услуги помочь донести, но я отказался, давъ ему полтинникъ на чай.

Наконецъ чемоданъ былъ водворенъ, поставленъ въ уголъ спальни. Мать Вѣры Васильевны очень жалѣла, что ея дочери не было дома, предложила мнѣ чаю, отъ котораго я отказался, обѣщая скоро зайти. Мнѣ очень хотѣлось уйти отъ чемодана и на нѣкоторое время остаться одному.

Черезъ десять минутъ я сидѣлъ на лавочкѣ бульвара, въ тѣни густой липы и отдыхалъ, отдыхалъ не только тѣломъ, но и душою.

Я былъ одинъ, безъ чемодана!

«Отчего онѣ,—думалъ я,—не обратились за такой услугой къ кавказцамъ? или тѣ не смогли этого сдѣлать? или слишкомъ для нихъ не важное это дѣло?».

Между тѣмъ барышни хлопотали и страстно конспирировали. Время ихъ итти въ народъ приближалось. Онѣ предпочли пропаганду на фабрикахъ, а не въ деревняхъ. Я не знаю, когда мои знакомыя покинули Москву, хотя онѣ скоро обнаружились въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, гдѣ и были арестованы на фабрикахъ.

Года черезъ два въ Петербургѣ разбирался процессъ такъ называемыхъ «50-ти». Рабочій Петръ Алексѣевъ произнесъ рѣчь, Бардина сказала свое смѣлое слово. Защитникъ Бордовскій написалъ стихи:

> **Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій**
> **Суди, судья, но проще, но скорѣй...**
> **и т. д.**

Все это производило на молодежь извѣстное впечатлѣніе въ извѣстномъ направленіи. Кромѣ того, въ это время свирѣпствовалъ прокуроръ Жихаревъ, подвергавшій аресту стариковъ и чуть ли не младенцевъ.

На другой годъ, это было въ концѣ русско-турецкой войны, разбиралось другое, болѣе громкое дѣло «193-хъ», въ которомъ я участвовалъ, какъ свидѣтель, вызванный присяжнымъ повѣреннымъ Стасовымъ въ защиту Ф. Н. Лермонтова.

XXII.

Судьба Фалина.—Обстановка процесса «193-хъ».—Отношеніе общества.

А. З. Зотовъ тоже былъ вызванъ Стасовымъ и пріѣхалъ въ Москву изъ Одессы. Помню, я получилъ повѣстку, на которой было грозно начертано, кромѣ срока, что я вызываюсь «по дѣлу о пропагандѣ въ имперіи». Мы отправились въ Петербургъ и заняли скромную комнату близъ Литейнаго, недалеко отъ окружнаго суда. Въ то время настроеніе среди молодежи было повышенное, появилась и вела пропаганду такъ называемая партія бунтарей, нѣкоторые изъ революціонеровъ называли себя якобин-

цами. Типъ идейнаго народника встрѣчался рѣже, со стороны крайнихъ подвергался рѣзкой критикѣ. Политическая революція мало-по-малу выступала на первый планъ, причемъ предстоящій процессъ «193» въ этомъ отношеніи игралъ очень солидную роль. «Посмотрите,—говорили революціонеры:—сколько народа забрано, который будутъ судить... За что? за то только, что съ крестьянами о «кисельныхъ берегахъ» бесѣдовали... Развѣ можно итти такъ дальше? что ваша мирная пропаганда? Выступать, такъ выступать съ боевыми цѣлями, тогда и народъ поднимется, а то съ книжечками въ рукахъ... Кому отъ этого польза!?»

Они были правы, что пропаганда не удалась и потерпѣвшихъ было много, черезчуръ много... Немудрено, что долгое тюремное заключеніе (3 и 4 года) до суда измучило, озлобило арестованныхъ пропагандистовъ, и ихъ настроеніе передавалось изъ-за тюремныхъ стѣнъ на волю. Однимъ словомъ, слишкомъ крутая расправа съ «семидесятниками» послужила къ тому, что оппозиціонное настроеніе молодежи начало выливаться въ болѣе рѣзкой формѣ разныхъ выступленій, напримѣръ, въ родѣ демонстраціи 6 декабря на Казанской площади, когда погибъ «ни за что, ни про что» мой близкій пріятель и сожитель Н. Я. Фалинъ.

Фалинъ передъ этимъ цѣлое лѣто и осень проживалъ у меня въ Крыму, гдѣ также жилъ мужъ старшей сестры моей жены Н. С. Серебренниковъ, который уѣхалъ въ Петербургъ раньше, за нимъ послѣдовалъ Фалинъ, а я пріѣхалъ въ Москву, помнится, въ самый день демонстраціи 6-го декабря. Въ эту или на другую ночь я былъ арестованъ въ квартирѣ матери, у которой остановился. Это былъ для меня рѣшительный сюрпризъ!

Привезли меня въ жандармское управленіе (на Театральной площади) и посадили въ подвалъ. Тогда былъ крѣпкій морозъ, а изъ Крыма я пріѣхалъ налегкѣ, безъ шубы. Я окоченѣлъ въ буквальномъ смыслѣ въ моемъ отвратительномъ помѣщеніи и просилъ перемѣстить меня куда-нибудь, лишь бы не замерзнуть. Но солдатъ-жандармъ отвѣчалъ на мои сѣтованія грубо, рѣзко. Не забыть мнѣ той ужасной, леденящей ночи! Только молодой и сильный организмъ могъ вынести такой морозъ. Подвалъ былъ обширный и находились въ немъ, кромѣ меня, еще и другіе, прямо кричавшіе отъ невѣроятнаго холода.

Часовъ въ 11 утра меня повели на допросъ, спрашивали про Фалина, дѣйствительно ли онъ жилъ у меня въ Крыму; когда я пріѣхалъ, и прочее; затѣмъ немедленно выпустили.

Скоро я узналъ объ обстоятельствахъ ареста Фалина на Казанской площади. Фалинъ съ 5-го на 6-е ночевалъ у Серебренникова, которому сказалъ, что на Казанской площади предполагается послѣ обѣдни какая-то демонстрація, и приглашалъ пойти посмотрѣть. Серебренниковъ отказался и не совѣтовалъ ходить и

Фалину, говоря, что мало ли что можетъ случиться, просилъ его остаться и обѣдать у него, такъ какъ онъ былъ именинникъ. Фалинъ все-таки ушелъ, обѣщая непремѣнно возвратиться къ обѣду. Случилось же вотъ что: когда съ демонстрантами сурово расправлялась полиція и казаки, Фалинъ, человѣкъ слабый физически, спѣшилъ уйти съ площади, но наткнулся случайно на возмутительную сцену дикой расправы полицейскихъ съ совершенно молоденькой дѣвушкой (кажется, 17 лѣтъ) Шефтель, которую били, таскали за распущенные волосы и т. д. Фалинъ заступился за нее и даже ударилъ городового. Конечно, избили защитника, еще добавили дѣвушкѣ, съ которой вмѣстѣ онъ и былъ арестованъ. Въ то время Треповъ (старшій) сурово отнесся къ «казанской демонстраціи». Побоище дѣйствительно происходило, что называется, «во всю»: досталось участникамъ и любопытнымъ зрителямъ.

Я былъ увѣренъ, что моего бывшаго сожителя скоро выпустятъ. Но мѣсяцы шли, а Фалинъ содержался. Наконецъ мы узнали, что обвиняемымъ въ этой демонстраціи вручили обвинительные акты и въ число подсудимыхъ былъ включенъ и Николай Яковлевичъ.

Мы были поражены и стали принимать мѣры спасти дѣйствительно несчастнаго. Серебренниковъ хлопоталъ, какъ юристъ, чтобы его и меня вызвали въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Но почему въ этомъ было отказано—я не понимаю. Вѣрно, намъ не было мѣста среди городовыхъ и дворниковъ процесса!

Итакъ, человѣкъ пропалъ, какъ говорятъ, ни за грошъ. Фалинъ былъ лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Западную Сибирь на поселеніе. Первоначальнымъ мѣстомъ его ссылки былъ городъ Сургутъ, въ которомъ онъ очень скоро сошелъ съ ума. И не мудрено: слабый, убитый нравственно человѣкъ не перенесъ произвольнаго и несправедливаго суда. Онъ билъ отправленъ въ Казань, въ психіатрическую больницу для арестантовъ, гдѣ и умеръ. А между тѣмъ передъ покойнымъ открывалась цѣлая жизнь, серьезная карьера: онъ уже кончалъ технологическій институтъ. За что же, за что погубили человѣка? за любопытство, за защиту избиваемой на его глазахъ дѣвушки?

Но согласитесь, въ послѣднемъ случаѣ вѣдь всякій человѣкъ поступилъ бы, какъ Фалинъ. Въ его семьѣ судьба покойнаго произвела сильный переполохъ. Отецъ Фалина, типичный московскій купецъ, сначала было проклялъ сына, задумавшаго итти противъ правительства, но когда узналъ всѣ обстоятельства дѣла, притихъ и замолчалъ. Хирѣлъ, хирѣлъ молча и умеръ. Любимая сестра Николая сошла съ ума.

Вотъ что произошло и отчего погибла скромная купеческая семья. Говорю—погибла, ибо безъ средствъ и воспитанія остались маленькія дѣти.

Этотъ жестокій случай вызываетъ во мнѣ другое воспоминаніе, оригинальное, которое мнѣ разсказывалъ одинъ очень богатый помѣщикъ, зиму постоянно проживавшій въ Парижѣ, а лѣто въ своей превосходной усадьбѣ въ Смоленской губерніи.

Между прочимъ онъ, подъ разными предлогами, всегда уклонялся отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя. Но, забывъ ранѣе совершить какую-то формальность, онъ долженъ былъ все-таки отбыть сессію въ небольшомъ уѣздномъ городѣ.

И что же?

Съ тѣхъ поръ ярый западникъ и поклонникъ европейской цивилизаціи добровольно и съ большимъ интересомъ отбывалъ повинность присяжнаго засѣдателя.

— Помилуйте,—говорилъ онъ мнѣ:—такого суда, справедливаго и вдумчиваго, не знаютъ въ Европѣ! Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, но нашъ смоленскій мужикъ судитъ обстоятельно, тонко и по существу справедливо. Вѣдь большинство присяжныхъ состоитъ изъ пахарей деревенскихъ. Я разскажу случай, поразившій меня въ первое время... Сѣрыми людьми я былъ выбранъ предсѣдателемъ. Судили сына священника за кражу изъ желѣзнодорожнаго буфета ложекъ и ножей. Обвиняемый былъ пойманъ съ поличнымъ,—кажется, чего тутъ разговаривать? Но дѣло оказалось сложное: священника крестьяне знали, нѣкоторые были изъ того села, гдѣ онъ служилъ. Священникъ былъ превосходной души человѣкъ, истинный христіанинъ и пользовался среди народа огромнымъ уваженіемъ и любовью. Старшій его сынъ, умный, состоялъ студентомъ университета, но былъ сосланъ въ Сибирь за какую-то «политическую исторію». Отецъ переживалъ страшное горе, и это знали крестьяне, какъ и то, что второй сынъ вышелъ неудачнымъ. И вотъ на совѣщаніи строгіе судьи говорятъ: «Видимое дѣло—виноватъ... но отпустить надо... для батюшки это сдѣлать! Вѣдь послѣдній сынокъ-отъ, плохой,—это вѣрно, а для него сынъ... ослобонить надо, для батюшки, а онъ все равно, если не исправится, нашихъ рукъ не минуетъ!

«И оправдали! да-съ, оправдали изъ любви къ хорошему священнику, не желая причинять обвинительнымъ приговоромъ непріятности хорошему человѣку. Вотъ это судьи! судьи, которые смотрятъ впередъ, взвѣшиваютъ послѣдствія!»

Я думаю, если бы такіе судьи судили Фалина, то они, конечно, оправдали его по существу, не разбираясь въ семейныхъ условіяхъ. Да, великое дѣло для всякой націи судъ. Онъ безусловно имѣетъ огромное воспитательное значеніе, особенно для молодежи: уваженіе къ суду, мнѣ кажется, должно быть такое, какъ уваженіе къ наукѣ. Но у насъ на почвѣ особенныхъ судовъ развивался анархизмъ, культивировались злоба и месть. Почему «политическихъ» отстранили отъ суда присяжныхъ и предали суду особенному?

Чтобы вѣрнѣе наказать, чтобы ихъ присяжные засѣдатели не оправдали?..

Неужели, можно думать здравому русскому человѣку, что эти смоленскіе мужики оправдаютъ террориста, посредствомъ бомбы убившаго административное лицо?

Нѣтъ, ошибаетесь! убійцу мужики не оправдаютъ никогда, а тѣмъ болѣе сознательнаго, убійцу по убѣжденію. Дѣло въ томъ, что настоящіе полевые мужики строже относятся къ преступленіямъ, нежели военные судьи, но справедливѣе, по совѣсти. Развѣ анархисты не потеряли бы окончательно почвы, когда обвинительные приговоры исходили бы отъ людей общества и народа? Императоръ Александръ II палъ безусловно жертвой злобы и мести, но не опредѣленной политической партіи.

Анархистская борьба, также и нравственная (административная сторона) приняли безсознательный характеръ какой-то травли. Администрація травила революціонеровъ (и похожихъ на нихъ), а послѣдніе императора, котораго та же администрація не могла охранить, администрація слѣпой злобы.

Выдающихся, дѣятельныхъ анархистовъ далъ процессъ 193. Я не стану перечислять личностей, желающіе пусть обратятся къ источникамъ, назову только имена Желябова и Перовской. А почему это такъ? Потому, что люди въ сущности за пустяки понесли трехъ и четырехлѣтнее одиночное заключеніе и само собой озлобились и незамѣтно для нихъ пожелали мести. Кому? тому, конечно, режиму, благодаря которому они потеряли любовь, взамѣнъ которой получили злобу.

Выдающіеся впослѣдствіи террористы судомъ были оправданы, но ни суду, ни тому, кто и ихъ довелъ до послѣдняго, они не простили.

Желябова тюрьма сдѣлала анархистомъ-революціонеромъ. Мнѣ говорили, что онъ былъ арестованъ изъ-за пустяковъ, давалъ свой адресъ для какой-то конспиративной переписки. Его роль была пассивная, какъ сочувствующаго, а не дѣятеля. И вотъ тюрьма, арестъ, а главное режимъ административный превратили жизнерадостнаго, цвѣтущаго молодого человѣка въ мстительнаго, суроваго заговорщика, человѣка, жаждущаго крови. Захаръ Зотовъ, богатый помѣщикъ, братъ моей бывшей жены, передъ преступленіемъ 1-го марта встрѣтилъ случайно въ Петербургѣ Желябова въ разгаръ его террористической дѣятельности и не узналъ его, хотя хорошо былъ знакомъ по Крыму. Худой, нервно больной, не походилъ Андрей Ивановичъ на прежняго крымчака.

— Онъ очень мнѣ обрадовался,—разсказывалъ Захаръ,—и все спрашивалъ о Крымѣ, о нѣкоторыхъ знакомыхъ, о томъ, когда я туда поѣду, зачѣмъ пріѣхалъ въ этотъ гнилой городъ?.. Завидовалъ мнѣ и говорилъ: «А мнѣ не видать болѣе ни милыхъ горъ,

ни моря, которымъ васъ прошу кланяться.. Я человѣкъ обреченный, можетъ быть, послѣдніе дни доживаю!»

Зотовъ прибавилъ, что онъ на него произвелъ прямо тяжелое впечатлѣніе. Его пріемы, выраженіе лица были и нервны и страшно перемѣнчивы.

И вотъ всѣхъ этихъ революціонеровъ мнѣ пришлось видѣть въ судѣ.

Но разскажу по порядку.

Мы съ Александромъ Зотовымъ въ назначенный день и часъ явились (помнится, 17 октября) въ зданіе окружнаго суда. Помимо насъ, народа, вызваннаго свидѣтельствовать тамъ, было много: всевозможнаго рода полицейскіе, становые, урядники, городовые составляли преобладающій элементъ, были и просто люди въ чуйкахъ и въ «спинжакахъ», немного какихъ-то странныхъ женщинъ и наконецъ родственники заключенныхъ. Послѣдніе рѣзко отличались отъ остальной, довольно несимпатичной, публики своимъ выраженіемъ печали и страданія.

Послѣ того, какъ мы объявили себя приставу и насъ записали, мы попали подъ надзоръ, безъ котораго не могли сдѣлать шага. Къ моему удивленію, всѣ свидѣтели-полицейскіе тоже очутились подъ усиленнымъ наблюденіемъ своихъ товарищей-несвидѣтелей. Почему? чье это странное распоряженіе? я не знаю. Мы не могли ступить свободно никуда, за нами слѣдовала стража и притомъ крайне грубая.

«Однако,—подумалъ я:—вотъ что значитъ быть свидѣтелемъ въ политическомъ процессѣ!»

Мое настроеніе было удрученное, я чувствовалъ и понималъ, что моя личность теперь не свободна и этотъ грубый полицейскій чинъ можетъ со мной сдѣлать недоброе. Мнѣ показалось, что и провинціальные чины чувствовали себя плохо и выглядѣли боязливо.

Наконецъ насъ повели въ залъ засѣданія къ общей присягѣ. Когда я вошелъ туда, то былъ оглушенъ шумомъ и хохотомъ. Предсѣдатель звонилъ въ колокольчикъ, но это не помогало: весь залъ продолжалъ гудѣть. Я вошелъ отъ входной двери съ лѣвой стороны и тотчасъ услыхалъ свою фамилію. За деревянной рѣшеткой, достигающей до пояса, стояли, толпились и передвигались подсудимые, которые между собою разговаривали, смѣялись. Въ самомъ дѣлѣ, знакомые между собой ранѣе, хотя и пребывали въ зданіи однѣхъ стѣнъ, но видѣлись послѣ трехъ, четырехъ лѣтъ сравнительно свободно впервые. Какой же предсѣдательскій звонокъ могъ остановить бесѣду людей, молчавшихъ годы и теперь встрѣтившихъ товарищей! не звонокъ, а цѣлый колоколъ былъ бы здѣсь безсиленъ. Всѣ лица находились въ лѣвомъ отъ входа углу, за упомянутой рѣшеткой, которая почти доходила до судейскаго

стола. Ни скамей, ни стульевъ для подсудимыхъ не было, особенной стражи тоже. Направо, гдѣ размѣщены были болѣе важные обвиняемые, приспособлены были скамьи, расположенныя амфитеатромъ. Вверху съ обнаженными саблями стояли жандармы. Вообще видъ правой (а отъ суда лѣвой) стороны былъ довольно внушительный и тамъ такого оживленія, какъ среди большинства, и такого шума не было.

Посрединѣ находился длинный столъ, за которымъ возсѣдали судья и сенаторы подъ предсѣдательствомъ Чемадурова при оберъ-прокурорѣ Желиховскомъ, находившемся за отдѣльнымъ столомъ. Всѣ судьи были въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, что производило странное впечатлѣніе среди огромной толпы блѣдныхъ, измученныхъ молодыхъ людей въ разнообразныхъ костюмахъ: пиджакахъ, блузахъ и лѣтнихъ пальто. Нѣкоторые обросли длинными волосами, ниспадавшими имъ до плечъ, между тѣмъ какъ сенаторы были чисто, аккуратно выбриты и коротко острижены. Лица у судей были строгія, выраженіе совершенно неподвижное, какъ бы застывшее, что напоминало въ общемъ маски.

На меня произвели впечатлѣніе не столько блѣдность и истомленность подсудимыхъ, сколько ихъ искусственная полнота и одутловатость лицъ съ непріятнымъ желто-зеленоватымъ оттѣнкомъ. Такое лицо было у Ф. Н. Лермонтова, сидѣвшаго во второмъ ряду амфитеатра, среди важныхъ преступниковъ подъ стражей. Я едва его узналъ, такъ дьявольски измѣнило узника долгое тюремное содержаніе (4 года), сдѣлавшее изъ здороваго, полнаго жизни и силъ человѣка какую-то неподвижную мумію. Положительно Лермонтова невозможно было узнать, если бы не глаза, выраженіе которыхъ оставалось прежнее, подернутое лишь внутреннимъ страданіемъ. Онъ былъ боленъ, его дни были сочтены, но живой мертвецъ хотѣлъ страстно жить и работать. Странно! онъ надѣялся на нашу свидѣтельскую защиту.

Между тѣмъ я пожималъ руки знакомымъ студентамъ-подсудимымъ и обмѣнивался бѣглыми отвѣтами на разные возгласы и привѣтствія. Увидалъ и Милоглазкина, съ которымъ короткій разговоръ остался у меня въ памяти.

— Провалилось наше дѣло,--говорилъ Милоглазкинъ.

— Какимъ образомъ?

— А такимъ... что ни народъ насъ не понялъ, ни мы народа. А послѣдствія за опытъ, какъ видите, налицо!

— Какъ же вы попались?

— Да запутался съ товарищами, которые тоже запутались.. Всѣ, батюшка, влѣзли въ эту путаницу, не исключая начальства и полиціи.. Ужъ очень намъ придали большое значеніе.. Ошибка вышла недурная, положимъ, теперь хотя немного интеллигенція познакомилась съ народомъ.

Нѣкоторые обвиняемые слушали насъ и, смѣясь, кивали головами.

— Путаница, говорите?

— Еще бы! а судъ этотъ?!—и Милоглазкинъ кивнулъ въ сторону судей,—тоже путаница! Смотрите, что еще будетъ... Вамъ бы не слѣдовало соглашаться быть свидѣтелемъ..

— Нельзя,—отвѣчалъ я:—вызвала защита...

— Знаю, по дѣлу Лермонтова.. чепуха! онъ самъ совсѣмъ ненадеженъ и ему слѣдовало бы отказаться отъ этой тяжелой комедіи.

Въ это время кто-то осторожно коснулся моего плеча: это былъ приставъ, который заявилъ, что разговоръ съ подсудимыми не допускается.

Кончилась присяга, и мы снова были отданы подъ надзоръ полиціи. Каждое утро мы являлись въ судъ, ходили по мрачнымъ комнатамъ съ городовыми, а вечеромъ, часамъ къ пяти возвращались домой.

По правдѣ сказать, тяжело было!

Общество страшно интересовалось процессомъ 193, но мы вначалѣ ничего не знали, что дѣлалось за стѣной. Единственный источникъ свѣдѣній была Перовская, подсудимая на свободѣ, которая являлась, какъ и мы, свидѣтели, съ воли въ судебное засѣданіе, гдѣ на ея глазахъ происходила удивительная путаница: протесты подсудимыхъ, ихъ насильственный приводъ и разные скандалы.

Судья не могли справиться, теряя самообладаніе, и даже ихъ маски превращались въ живыя, возбужденныя лица.

Рѣчь Мышкина тогда произвела огромное впечатлѣніе; она разошлась среди молодежи въ тысячахъ экземпляровъ. Много говорили о случаѣ съ Рогачевымъ [1]) и вообще по городу носились разные, сильно преувеличенные разсказы, напримѣръ, одному подсудимому разорвали ротъ, чтобы онъ не могъ говорить, другому оторвали ухо, и прочее.

Меня знакомые спрашивали съ торопливымъ, страстнымъ любопытствомъ: «Ну, что у васъ въ судѣ? правду ли говорятъ, что и т. д.»

Я и мой товарищъ Зотовъ находились въ постоянномъ волненіи и ждали своихъ показаній, чтобы скорѣй уѣхать изъ Петербурга. Перовская, которую мы встрѣчали по дорогѣ въ судъ или по возвращеніи изъ суда, разсказывала намъ все происходящее. Одним словомъ, судъ былъ сорванъ.

Дѣйствительно, когда насъ вызвали къ допросу, въ залѣ суда была пустыня: за рѣшеткой налѣво ни одного человѣка, на мѣстахъ

[1]) Борьба въ залѣ суда съ жандармами.

амфитеатра сидѣли только нѣкоторые, главнымъ образомъ раскаявшіеся (Рабиновичъ и др.) и Лермонтовъ, неузнаваемый, со своимъ вздутымъ желтымъ лицомъ. Я никогда не забуду его взгляда, устремленнаго на меня, долгаго, пристальнаго, глубокаго, который безмолвно говорилъ: «вотъ ты какой!» И смотрѣли, смотрѣли на меня его сѣрые глаза, я чувствовалъ это, хотя не глядѣлъ на Лермонтова. Меня въ это время допрашивалъ первоприсутствующій, и я свидѣтельствовалъ въ пользу Лермонтова—подсудимаго, этого хорошаго и благороднаго человѣка изъ народа.

Поднялся прокуроръ Желиховскій.

— Свидѣтель! вы къ дознанію по этому дѣлу привлекались?

— Да!—отвѣчалъ я.

— Мнѣ больше ничего не нужно!—обратился онъ къ суду и сѣлъ, сѣлъ такъ, какъ умѣютъ садиться одни прокуроры: быстро, но не теряя собственнаго достоинства.

Послѣ моихъ показаній на меня смотрѣли съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а Лермонтовъ съ любовной благодарностью. Показанія я давалъ исключительно для него: такъ хотѣлось доставить измученному, больному при смерти человѣку нѣкоторое удовольствіе.

С. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННО-СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ [1].

IV.

Дѣло о нанесеніи побоевъ греческому митрополиту Діонисію.

РАНО утромъ 17 февраля 1879 года я получилъ депешу слѣдующаго содержанія: «По приказанію главнокомандующаго пріѣзжайте немедленно въ Адріанополь и прямо съ вокзала явитесь его высокопревосходительству». Подписано: «Начальникъ штаба князь Имеретинскій».

Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выѣхавъ изъ Филиппополя, я въ шесть часовъ вечера былъ уже въ Адріанополѣ и тотчасъ поѣхалъ въ домъ, занимаемый генераломъ Тотлебеномъ, гдѣ немедленно былъ принятъ главнокомандующимъ, который обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы помогли мнѣ распутать крайне важное дѣло, которое, какъ мнѣ кажется, умышленно затемняютъ и не хотятъ найти виновныхъ, а между тѣмъ въ него вмѣшалась дипломатія, и французскій и англійскій посланники въ Константинополѣ донесли своимъ правительствамъ, что въ мѣстности, занятой русской арміею, безнаказанно допускаются нападенія болгаръ на другія національности, при чемъ не щадятъ ни пола, ни возраста, ни высокаго положенія лицъ, про-

[1]) См. «Истор. Вѣстн.», т. CXII, стр. 117.

тивъ которыхъ учиняются насилія, нагляднымъ доказательствомъ чего служитъ истязаніе, среди бѣлаго дня, греческаго митрополита Діонисія толпою болгаръ, которые не только не понесли наказанія, но даже не привлечены къ законной отвѣтственности. Это донесеніе французское и англійское министерства иностранныхъ дѣлъ довели до свѣдѣнія нашего министра, и, по докладѣ тождественной ноты ихъ государю императору, его величество приказалъ передать ее мнѣ при телеграммѣ, въ которой государь требуетъ, чтобы я принялъ всѣ мѣры для разъясненія дѣла и привлеченія къ законной отвѣтственности виновныхъ. Изъ доклада Ахшарумова я узналъ, что по жалобѣ митрополита было произведено предварительное слѣдствіе, на которомъ виновные не были обнаружены, вслѣдствіе чего, по соглашенію военно-прокурорскаго надзора съ адріанопольскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ Скобелевымъ 2, дѣло прекращено. Я вытребовалъ дѣло, прочиталъ его самъ и нахожу, что обвиняемые не разысканы потому, что ихъ никто не искалъ, и что слѣдствіе такъ неполно, что не представляется возможности опредѣлить, какого рода преступленіе совершено въ домѣ митрополита и на улицахъ, окружающихъ этотъ домъ. Пожалуйста, возьмите дѣло, подите въ отведенную въ моемъ домѣ комнату и не выходите оттуда, пока не изучите все производство и не составите себѣ опредѣленный взглядъ, что нужно сдѣлать, чтобы добиться истины. Если вы успѣете изучить дѣло сегодня до одиннадцати часовъ вечера, то прошу сегодня же доложить мнѣ, въ противномъ случаѣ жду васъ завтра съ десяти часовъ утра; но обѣщайте мнѣ до доклада не видѣться ни съ кѣмъ изъ вашихъ судейскихъ товарищей и вообще до окончанія слѣдствія ни съ кѣмъ не говорить по этому дѣлу.

Около 7 часовъ вечера, взявъ прекращенное дѣло, депешу, ноты французскаго и англійскаго правительствъ, я удалился въ отведенную мнѣ комнату и принялся за изученіе дѣла.

Установленными оказались слѣдующія обстоятельства. До занятія русскими войсками Адріанополя и вообще до войны, существовала сильная вражда между греческимъ и болгарскимъ духовенствомъ, и ожесточенная паства этихъ духовенствъ, несмотря на принадлежность всѣхъ къ православной вѣрѣ, нерѣдко устраивала побоища на улицахъ города и въ его предмѣстьяхъ, расправляясь ножами и ятаганами съ противниками. Во главѣ греческаго духовенства стоялъ умный и ловкій митрополитъ Діонисій, умѣвшій заслужить такое довѣріе у Порты, что греки, за указанныя побоища, кончавшіяся убійствами и нанесеніемъ увѣчій, никогда не подвергались наказаніямъ, вся тяжесть которыхъ обрушивалась на болгаръ. Во время войны митрополитъ Діонисій сдѣлался турецкимъ шпіономъ и, вывѣдывая черезъ приближенныхъ къ нему грековъ настроеніе именитыхъ болгаръ, заподозрѣнныхъ

въ намѣреніи способствовать русскимъ войскамъ занять Адріанополь, онъ, послѣ іюльскаго 1878 года вторженія Гурко въ Восточную Румелію, когда русскія войска отступили, составилъ списки болгаръ Старой и Новой Загры, Хаскіоя, Сливны, Мустафа-Паши и Адріанополя, которые будто бы подготовили это вторженіе, и передалъ эти списки адріанопольскому генералъ-губернатору.

Послѣдствіемъ этого доноса было арестованіе около двухсотъ знатныхъ и богатыхъ жителей этихъ городовъ, секвестръ ихъ имущества, казнь нѣкоторыхъ признанныхъ виновными при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ и заточеніе или ссылка остальныхъ въ отдаленныя крѣпости Малой Азіи.

Ко всѣмъ этимъ качествамъ надо прибавить крайнее сладострастіе Діонисія, избиравшаго своими жертвами молодыхъ болгарокъ. Черезъ послушника Атанаса митрополитъ заманивалъ въ свой домъ намѣченную жертву, подъ предлогомъ сообщить ей свѣдѣнія о томившемся въ заключеніи отцѣ или братѣ, и здѣсь, надругавшись надъ ней, передавалъ Атанасу, который ночью вывозилъ потерпѣвшую за городъ. Сколько было обезчещено болгарокъ, не удалось выяснить, но изъ того, что въ числѣ напавшихъ на митрополита оказалось десять матерей обезчещенныхъ и двѣ его жертвы - сироты, можно заключить, что число это было значительно. Жалобы, обращенныя къ турецкимъ властямъ, оставались безъ послѣдствій, такъ какъ власти эти легко смотрѣли на подобныя дѣла, да и митрополитъ не зѣвалъ, во время успѣвая затушить дѣло.

Такъ продолжалъ свою дѣятельность Діонисій до занятія русскими войсками Адріанополя, изъ котораго онъ, наканунѣ вступленія нашего авангарда, бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ пробылъ съ февраля по декабрь 1878 года.

Думая, что все успокоилось и враги забыли объ его доносахъ и дѣятельности во время турецкаго управленія, Діонисій въ началѣ декабря вернулся въ Адріанополь, гдѣ снова вступилъ въ управленіе греческою епархіею.

Между тѣмъ, матери жертвъ сладострастія и нѣкоторыя жертвы-сироты, сговорившись отомстить ему, назначили днемъ возмездія первое воскресенье новаго 1879 г. послѣ обѣдни, когда митрополитъ обыкновенно отдыхалъ. Въ назначенный день женщины по одиночкѣ подошли къ дому Діонисія и, ворвавшись въ незапертую дверь, связали дежурившаго въ передней ненавистнаго послушника, избили его и толпою двинулись въ покои митрополита, гдѣ застали его спящимъ. Здѣсь озлобленныя матроны стащили его съ дивана, раздѣли донага и стали вымещать на немъ обиды, царапая ногтями и нанося куда попало побои.

Вслѣдствіе крика митрополита и послушника, на улицѣ собралась толпа народа, изъ которой нѣсколько человѣкъ вошли въ

домъ и оттащили разъяренныхъ женщинъ, а случайно ѣхавшій верхомъ предсѣдатель полевого военнаго суда генералъ Величковскій, поровнявшись съ толпой, приказалъ ей разойтись, что было немедленно исполнено; прибывшіе вслѣдъ за тѣмъ полицейскіе нижніе чины на улицѣ никого не застали, а въ домѣ митрополита арестовали двѣнадцать болгарокъ и пять мужчинъ, которыхъ доставили въ военно-полицейское управленіе, гдѣ они переночевали, а на другой день были освобождены генераломъ Скобелевымъ 2-мъ.

Вслѣдъ за тѣмъ на имя военнаго губернатора поступила жалоба митрополита Діонисія, въ которой онъ требовалъ суда и наказанія болгарамъ, напавшимъ на его домъ и причинившимъ ему и его послушнику тяжкіе побои, увѣчья и поврежденіе здоровья, грозящіе имъ смертью, при этомъ хотя не названы имена и фамиліи обвиняемыхъ, но митрополитъ утверждалъ, что они узнаны и могутъ быть указаны его послушникомъ. Къ жалобѣ приложено медицинское свидѣтельство врача-грека, которымъ удостовѣрено, что совокупность нанесенныхъ митрополиту тѣлесныхъ поврежденій тяжко отозвалась на его здоровьѣ, при осложненіяхъ же можетъ угрожать жизни.

При надписи военнаго губернатора, безъ дознанія, дѣло передано подлежащему военному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія, какъ о происшествіи, безъ привлеченія кого-либо въ качествѣ обвиняемаго.

Принявъ дѣло къ производству, военный слѣдователь въ тотъ же день пригласилъ врача-эксперта и понятыхъ для освидѣтельствованія Діонисія, у котораго, кромѣ царапинъ и незначительныхъ кровоподтековъ на разныхъ частяхъ тѣла, другихъ поврежденій не найдено, у послушника же остались лишь слѣды отъ веревокъ, которыми онъ былъ связанъ, на кистяхъ рукъ и на голеностопныхъ суставахъ. По заключенію врача-эксперта, всѣ поврежденія относятся къ безусловно легкимъ, причинены руками безъ употребленія въ дѣло какого-либо орудія, никакого вліянія на здоровье и тѣмъ болѣе на жизнь не имѣли и не могутъ имѣть и, по характеру своему, не должны быть причислены къ упоминаемымъ въ законѣ истязаніямъ и мученіямъ.

Послѣ допроса свидѣтелей установлено, что толпа собралась случайно и состояла изъ гулявшихъ на улицахъ, по случаю праздника, мужчинъ и женщинъ разныхъ національностей, что толпа никакого участія въ нанесеніи побоевъ митрополиту не принимала, властямъ не сопротивлялась и по первому требованію случайно проѣзжавшаго генерала разошлась.

Закончивъ слѣдствіе, военный слѣдователь, ссылаясь на то, что митрополитъ требуетъ наказанія виновныхъ, привлекъ къ отвѣтственности по 135 ст. уст. о нак., налаг. мировыми судьями, тѣхъ двѣнадцать женщинъ, часть которыхъ была указана послушни-

комъ, а остальныя болгарами, вошедшими въ домъ митрополита и оттащившими отъ него этихъ женщинъ, каковое свое постановленіе направилъ на зависящее распоряженіе къ бывшему военному губернатору.

Генералъ Скобелевъ 2-й, разсмотрѣвъ постановленіе, не согласился на привлеченіе женщинъ въ качествѣ обвиняемыхъ, мотивируя свой отказъ указаніемъ, что потерпѣвшій долженъ былъ назвать поименно тѣхъ лицъ, противъ которыхъ онъ возбудилъ обвиненіе и представить относительно каждой обвиняемой доказательства виновности, а не предоставлять слѣдователю разыскивать женщинъ и собирать противъ нихъ улики. Послѣ этого слѣдствіе было закончено и распоряженіемъ военнаго губернатора прекращено.

Разсмотрѣвъ дѣло, я вынесъ убѣжденіе, что отъ начала до конца оно произведено съ нарушеніемъ порядка и правилъ, установленныхъ военно-судебнымъ уставомъ: 1) жалоба потерпѣвшаго, въ которой онъ обвинялъ въ нанесеніи ему тяжкихъ побоевъ и увѣчій, требуя суда надъ виновными и наказанія ихъ по закону, не послужила поводомъ къ производству дознанія для выясненія именъ и фамилій обвиняемыхъ; 2) вопреки категорическаго обвиненія въ преступленіи, слѣдствіе назначено какъ о происшествіи, безъ привлеченія обвиняемыхъ; 3) военный слѣдователь, выяснивъ нанесеніе потерпѣвшему только легкихъ побоевъ, привлекъ женщинъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ, упустивъ изъ вида, что ни онъ, ни военное начальство не уполномочены закономъ возбуждать дѣла въ порядкѣ частнаго обвиненія; 4) хотя военный губернаторъ не согласился на привлеченіе, но не поставилъ митрополита въ извѣстность, что обвиненіе въ нанесеніи ему тяжкихъ побоевъ, увѣчья и истязаній не подтвердилось, что указанныя послушникомъ женщины не привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ; кромѣ того, Діонисію не объявлено о прекращеніи дѣла, вслѣдствіе чего онъ не могъ обжаловать дѣйствій военнаго губернатора высшему въ порядкѣ подчиненности начальнику, и 5) нанесшія побои женщины вовсе не были допрошены и въ дѣлѣ не осталось слѣдовъ ихъ мѣстожительства.

Въ 10 часовъ вечера всѣ эти дефекты были доложены главнокомандующему и мною дано заключеніе, что, въ силу 570 и 571 статей военно-судебнаго устава, отъ его высокопревосходительства зависитъ возобновленіе предварительнаго слѣдствія въ двоякомъ направленіи: а) если считать жалобу митрополита о нанесеніи ему тѣлесныхъ поврежденій, какъ возбужденіе, въ частномъ порядкѣ, уголовнаго преслѣдованія противъ женщинъ, то дѣло должно быть направлено, прежде преданія ихъ полковому суду, къ примирительному разбирательству, для склоненія сторонъ къ миру; б) ежели признать, что предложеніе бывшаго военнаго губернатора о производ-

ствѣ предварительнаго слѣдствія, какъ о происшествіи, не соотвѣтствуетъ, вслѣдствіе указанія обвиняемыхъ, требованіямъ закона, то главнокомандующій въ правѣ привлечь указанныхъ женщинъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ нанесеніи побоевъ и увѣчій, предписавъ военному слѣдователю произвести о нихъ предварительное слѣдствіе.

— Какому наказанію подлежатъ обвиняемыя въ первомъ и второмъ случаѣ,—спросилъ генералъ Тотлебенъ?

— Въ первомъ случаѣ аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, а во второмъ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на срокъ отъ $2^1/_2$ до 4 лѣтъ, съ замѣною для женщинъ тюрьмою на тотъ же срокъ,—отвѣчалъ я.

— Это совсѣмъ мало, я не могу согласиться на такую незначительную кару, дѣло получило черезчуръ большую огласку, и въ подобныхъ дѣйствіяхъ скопомъ въ мѣстности, занятой арміею, я усматриваю всѣ признаки возстанія,—возразилъ генералъ.

— Ваше высокопревосходительство, для примѣненія законовъ о возстаніи необходимо, чтобы обвиняемые имѣли цѣлью не допустить правительственную власть исполнить ея обязанности, или принудить ее къ чему-либо несогласному съ долгомъ; кромѣ того, возстаніе, о которомъ говорится въ 263 ст. улож. о наказ., должно быть направлено противъ какого-нибудь закона или правительственнаго распоряженія, а не противъ частнаго лица, хотя бы принадлежащаго къ высшему духовенству, не пользующагося при томъ никакою властью и не принадлежащаго къ составу нашего управленія. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы объектомъ преступленія была русская власть, установленная въ Адріанополѣ, которой никто не оказывалъ сопротивленія.

— Я смотрю на это дѣло иначе и считаю, что объектомъ была именно русская власть, такъ какъ при занятіи Адріанополя объявлено, что всякія столкновенія между разными національностями не будутъ допущены и виновные понесутъ установленныя въ законѣ наказанія, а потому эти двѣнадцать болгарокъ, расправившіяся съ греческимъ митрополитомъ, должны быть наказаны за возстаніе,—возразилъ Тотлебенъ.—Вы скажете,—продолжалъ онъ:—что смѣшно предавать женщинъ суду за такое тяжкое преступленіе противъ власти, выразившееся лишь въ избіеніи попа, но, зная здѣшніе обычаи, я увѣренъ, что женщины дѣйствовали не самостоятельно, а подъ вліяніемъ разныхъ агитаторовъ, которые побудили ихъ совершить преступленіе, разсчитывая на безнаказанность и на покровительство нѣкоторыхъ нашихъ администраторовъ, думающихъ, что для болгаръ пробилъ часъ возмездія. Помогите мнѣ разыскать этихъ агитаторовъ и я скажу вамъ большое спасибо, а теперь прочитайте мнѣ указанные вами законы.

Послѣ прочтенія статей военно-судебнаго устава и уложенія о наказаніяхъ главнокомандующій предложилъ мнѣ взять бланкъ,

на которомъ, съ его словъ, я написалъ слѣдующее предложеніе военному слѣдователю:

«По высочайшему повелѣнію, разсмотрѣвъ оконченное дальнѣйшимъ производствомъ дѣло о нанесеніи побоевъ митрополиту Діонисію и признавая неправильнымъ производство слѣдствія о происшествіи, тогда какъ были указаны и задержаны обвиняемыя, имена и фамиліи которыхъ должно было выяснить дознаніе, возвращаю военному слѣдователю прекращенное дѣло и предписываю возобновить слѣдствіе, принявъ его снова къ своему производству по обвиненію поименованныхъ въ донесеніи военному губернатору двѣнадцати женщинъ: 1) въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ и увѣчій греческому митрополиту Діонисію (ст. 1489 улож. о наказ.) и 2) въ томъ, что, согласившись между собою нарушить объявленный приказъ, который угрожалъ наказаніями за столкновеніе между разными національностями въ мѣстностяхъ, занятыхъ арміею, онѣ, въ числѣ двѣнадцати, напали на домъ греческаго митрополита Діонисія и нанесли ему и послушнику его упомянутые выше побои, каковой самосудъ предусмотрѣнъ 263 ст. улож. о наказ. Въ случаѣ обнаруженія лицъ, подстрекнувшихъ болгарокъ на преступленіе, немедленно донесите мнѣ, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности и совмѣстнаго сужденія. Наблюденіе за слѣдствіемъ поручаю военному прокурору филиппопольскаго военнаго суда подполковнику Мордвинову, ему же представьте на заключеніе оконченное предварительное слѣдствіе».

. Отпуская меня, главнокомандующій сказалъ, что въ моемъ распоряженіи полевой жандармскій эскадронъ для посылокъ, всѣ административно-полицейскія учрежденія и его канцелярія, и просилъ окончить скорѣе слѣдствіе и помнить, что черезъ четыре дня мы эвакуируемъ Адріанополь, а до отъѣзда его онъ долженъ сдѣлать окончательное по дѣлу распоряженіе.

Откланявшись главнокомандующему, я поѣхалъ на общую квартиру военно-прокурорскаго надзора, гдѣ засталъ нѣсколькихъ товарищей, которые уже знали о моемъ вызовѣ, а потому, сильно заинтересованные, просили разсказать, въ чемъ дѣло.

— Не могу, господа,—отвѣчалъ я:—связанъ словомъ не разсказывать ничего до полнаго выясненія дѣла слѣдствіемъ; прошу дать мнѣ бумаги, перо, чернила и поставить какое-нибудь ложе, на которомъ я могъ бы выспаться послѣ окончанія занятій.

Мнѣ была отведена отдѣльная комната отсутствовавшаго помощника военнаго прокурора, гдѣ я нашелъ необходимыя канцелярскія принадлежности и прекрасный турецкій диванъ съ шелковыми подушками и такими же стегаными одѣялами. Принявшись за дѣло, я къ 12 часамъ ночи написалъ нѣсколько бумагъ: сообщилъ военному слѣдователю, что къ 7 часамъ утра буду у него; начальнику полевого жандармскаго эскадрона предложилъ къ 8-ми

часамъ утра прислать въ камеру военнаго слѣдователя пять конныхъ вѣстовыхъ для посылокъ; правителю канцеляріи—прислать туда же переводчиковъ съ греческаго, болгарскаго и турецкаго языковъ на русскій; въ штабъ—о прибытіи врачей-экспертовъ, хирурга и по внутреннимъ болѣзнямъ и двухъ экипажей для поѣздокъ по дѣлу. Когда все это было исполнено и пакеты съ помѣткою «экстренно» отправлены съ дежурившими при канцеляріи конными вѣстовыми, я, не раздѣваясь, прилегъ на диванъ и моментально заснулъ, проспавъ до шести часовъ утра.

Въ семь часовъ я былъ уже въ камерѣ военнаго слѣдователя, опытнаго и хорошаго юриста, которому вручилъ предписаніе главнокомандующаго и предложилъ немедленно составить постановленіе о принятіи дѣла къ производству.

На мой вопросъ, почему не были допрошены женщины, указанныя послушникомъ и болгарами, и даже нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ ихъ жительства, военный слѣдователь откровенно разъяснилъ, что генералъ Скобелевъ 2-й требовалъ производить слѣдствіе такъ, чтобы можно было прекратить дѣло, не доводя его до суда, и что онъ просилъ не помѣщать въ постановленіе о привлеченіи фамилій болгарокъ, указанныхъ послушникомъ и задержанныхъ болгарами; когда же слѣдователь не счелъ себя въ правѣ пропустить указанныя фамиліи женщинъ, генералъ былъ очень недоволенъ. Слѣдователь добавилъ, что воздѣйствіе военнаго губернатора поставило его въ безвыходное положеніе производить слѣдствіе о происшествіи при наличности обнаруженныхъ обвиняемыхъ. Предвидя, что этимъ слѣдствіемъ дѣло не окончится, слѣдователь, вмѣстѣ съ постановленіемъ о привлеченіи, заготовилъ повѣстки обвиняемымъ, въ которыхъ обозначилъ имена, фамиліи и мѣстожительство ихъ. Эти повѣстки слѣдователь вручилъ мнѣ.

Я былъ очень доволенъ, что, благодаря предусмотрительности слѣдователя, не было надобности черезъ полтора мѣсяца послѣ происшествія разыскивать разныхъ Златъ Трояновыхъ и др. Такой розыскъ особенно затруднителенъ при наличности въ одномъ городѣ множества женщинъ, носящихъ тѣ же имена и фамиліи.

Готовыя повѣстки были тотчасъ разосланы съ конными вѣстовыми въ разныя части города, съ предъявленіемъ мѣстнымъ мухтарамъ или старшинамъ требованій немедленно вручить ихъ вызываемымъ, которыхъ доставить къ четыремъ часамъ пополудни въ фаэтонахъ въ камеру военнаго слѣдователя.

Прибыли военные врачи-эксперты и, кромѣ того, слѣдователь вызвалъ врача-грека, давшаго первоначальное свидѣтельство. Всѣ мы, вмѣстѣ съ переводчикомъ и понятыми, поѣхали въ домъ митрополита, котораго застали въ вожделѣнномъ здравіи. Это былъ видный, красивый брюнетъ атлетическаго тѣлосложенія. На предложеніе раздѣться для освидѣтельствованія врачами Діонисій от-

казался, мотивируя отказъ тѣмъ, что прошло уже болѣе полутора мѣсяца и слѣды побоевъ исчезли, но внутренности повреждены, хотя этихъ поврежденій врачи опредѣлить не могутъ. Черезъ переводчика слѣдователь предложилъ ему исполнить требованіе, ибо въ числѣ экспертовъ есть опытный врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ, который совмѣстно съ докторомъ-грекомъ, свидѣтельствовавшимъ его въ день нанесенія побоевъ, обнаружитъ и опредѣлитъ внутреннія страданія. Начался подробный наружный осмотръ. Передъ нами былъ человѣкъ съ великолѣпно развитой мускулатурой, на тѣлѣ котораго не было ни пятна, ни ссадины, ни вообще какого-либо поврежденія покрововъ. Докторъ-грекъ объяснялъ нашимъ экспертамъ, на какихъ частяхъ тѣла въ день происшествія онъ видѣлъ кровоподтеки и ссадины, но слѣдовъ рубцеванія не усмотрѣно и всѣ эксперты категорически заявили, что если допустить наличность ссадинъ, то послѣднія были очень поверхностныя и не проникали глубже эпителія кожи.

Послѣ сего приступлено было къ выстукиванію и выслушиванію всѣхъ внутреннихъ органовъ. Черезъ переводчика эксперты предлагали потерпѣвшему объяснить, въ чемъ заключаются страданія, и указать мѣста, гдѣ чувствовалась боль. Очевидно, митрополитъ не подготовился къ подробному выспрашиванію и не посовѣтовался съ спеціалистомъ, а потому отвѣты его обнаружили симуляцію и вызывали улыбки врачей и неудовольствіе на лицѣ грека. Болѣе получаса изслѣдовали сердце, легкія, печень, селезенку, почки и желудокъ, и никакихъ признаковъ поврежденія здоровья не обнаружили, о чемъ послѣ совѣщанія составленъ надлежащій актъ, подписанный въ числѣ другихъ и врачомъ-грекомъ безъ оговорокъ; присутствовавшимъ онъ объяснилъ, что Діонисій въ день первоначальнаго осмотра не давалъ ему дотронуться до тѣла и такъ кричалъ и стоналъ, что допустима была возможность осложненій и внутреннихъ кровоизліяній, опасныхъ для здоровья и жизни. Затѣмъ былъ изслѣдованъ послушникъ Атанасъ, который признанъ совершенно здоровымъ.

Отпустивъ экспертовъ, мы приступили къ допросу Діонисія, стараясь между прочимъ выяснить, чѣмъ была вызвана ненависть его къ болгарамъ и выдача многихъ изъ нихъ турецкому правительству. Въ показаніяхъ своихъ потерпѣвшій отрицалъ свою шпіонскую дѣятельность и изнасилованіе болгарокъ, доказывая, что, какъ митрополитъ греческой епархіи, онъ защищалъ свою паству отъ постоянныхъ нападеній многочисленныхъ прихожанъ болгарской церкви, а такъ какъ греки, занимаясь торговлею и мастерствами, не бунтовали противъ султана, то турецкое правительство относилось къ нимъ благосклоннѣе, чѣмъ къ заговорщикамъ-болгарамъ. Послѣдніе, несправедливо приписывая ему обнаруженіе заговоровъ и взятіе виновныхъ подъ стражу, возненавидѣли его,

и этимъ только онъ объясняетъ подсылъ къ нему женщинъ для изувѣченія.

Усматривая, что обвиненія въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, въ увѣчьѣ и въ разстройствѣ здоровья не подтвердились и не могутъ подтвердиться и что главнокомандующій ни въ какомъ случаѣ не согласится назначить примирительное разбирательство, необходимое для преданія виновныхъ полковому суду, вслѣдствіе чего военный судъ, отвергнувъ тяжкіе побои и признавъ наличность легкихъ, будетъ не въ правѣ назначить за нихъ наказанія, мы съ слѣдователемъ рѣшили хотя отчасти восполнить отсутствіе примирительнаго разбирательства предложеніемъ митрополиту вопроса: если не подтвердится первоначальное обвиненіе, то не пожелаетъ ли онъ помириться со своими обидчицами и на какихъ условіяхъ онъ можетъ простить ихъ?

Діонисій склонилъ голову, подумалъ и тихимъ голосомъ сказалъ, что по монашескому смиренію и заповѣдямъ Господнимъ онъ до сихъ поръ прощалъ своимъ обидчикамъ, но это дѣло имѣетъ особый характеръ; голосъ его загремѣлъ, кровь прилила къ лицу, зрачки глазъ расширились, и онъ прокричалъ намъ:

— Никакого примирительнаго разбирательства я не допущу, никогда преступницъ этихъ и тѣхъ, которые ихъ подговорили, не прощу, признавайте въ чемъ хотите виновными, но накажите ихъ, иначе всему міру будетъ извѣстно, что русская армія, занимая болѣе года Адріанополь, покровительствовала только бунтовщикамъ-болгарамъ, оставляя беззащитными всѣхъ остальныхъ вѣрноподданныхъ султана.

Затѣмъ переводчикъ объяснилъ, что Діонисій произноситъ бранныя слова. Ему предложено замолчать и только отвѣчать на вопросы. Митрополитъ отказался отъ дачи дальнѣйшихъ показаній, заявляя, что въ судъ не явится и что въ тотъ же день пошлетъ нарочнаго въ Константинополь просить защиты у Блистательной Порты.

Иного характера были показанія послушника Атанаса. Сначала онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ, но затѣмъ разговорился и подтвердилъ, что осенью 1877 г. и зимою 1878 г., передъ вступленіемъ русскихъ войскъ, митрополитъ часто посылалъ его въ предмѣстья, заселенныя болгарами, съ тѣмъ, чтобы къ нему пришли жены, сестры или дочери находившихся въ тюрьмѣ болгаръ, для полученія ихъ писемъ и поклоновъ. Исполняя эти приказанія всегда въ сумерки, подъ предлогомъ опасенія полиціи, онъ ѣздилъ въ закрытыхъ фаэтонахъ къ указаннымъ женщинамъ, привози[illegible] ихъ по одиночкѣ въ домъ митрополита, впускалъ во внутрен[illegible] покои, а самъ оставался въ передней. Никакого крика и пла[illegible] онъ никогда не слыхалъ, а привезенная часа черезъ два и больше выходила изъ покоевъ и на заранѣе оплаченномъ изв[illegible]

чикѣ препровождалась домой. Изъ числа женщинъ, бывшихъ у митрополита, узналъ семь, которыхъ онъ привозилъ, остальныхъ не знаетъ, можетъ быть, онѣ были въ его отсутствіе, когда обязанности послушника исполнялъ другой инокъ, нынѣ умершій.

Въ три часа мы возвратились въ камеру, куда уже были доставлены вторые экземпляры повѣстокъ и подписки мухтаровъ, что къ назначенному времени обвиняемыхъ привезутъ въ нанятыхъ экипажахъ. Намъ всѣмъ страшно захотѣлось ѣсть и, воспользовавшись свободнымъ часомъ, мы поѣхали въ гостиницу пообѣдать. Входя въ залу, я встрѣтилъ стараго знакомаго, дипломатическаго агента Хитрово, человѣка остроумнаго и талантливаго поэта. Онъ пригласилъ насъ за свой столъ, и когда мы усѣлись, серьезно спросилъ:

— Если вы пріѣхали разслѣдовать дѣло Діонисія, прошу васъ допросить меня въ качествѣ свидѣтеля; мною заготовлено письменное показаніе, которое вамъ вручаю.

Развернувъ листъ, я прочелъ:

ДІОНИСІАДА.

Какъ на досугахъ судейскихъ,
Величковскій лихой генералъ
Отъ семи mères Angôt Эбирнейскихъ
Попа Діонисія спасалъ...

Далѣе очень остроумныхъ, смѣшныхъ, но крайне нескромнаго содержанія куплетовъ не печатаю.

Въ четыре часа пополудни, подъѣзжая къ канцеляріи, мы услышали такой гвалтъ и крики, что предположили, не произошла ли потасовка между свидѣтелями, но встрѣтившій насъ полицейскій солдатъ-малороссъ объяснилъ:

— Это булгарки, всѣ вмѣстѣ говорятъ, никакъ ихъ нельзя образумить.

Когда обвиняемыхъ ввели въ камеру, онѣ опять подняли крикъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ нельзя было объяснить имъ, за что онѣ привлечены къ отвѣтственности. Наконецъ совокупными усиліями переводчиковъ удалось водворить порядокъ и предъявить обвиненія. Послѣ этого одиннадцать обвиняемыхъ были удалены въ отдѣльныя комнаты и мы приступили къ допросу двѣнадцатой—учительницы, показавшейся намъ болѣе толковой. Не отрицая, что онѣ сговорились побить митрополита за поруганную честь дочерей, обвиняемая утверждала, что досталось ему очень мало, такъ какъ связанный псаломщикъ поднялъ крикъ, на который вошли въ домъ мужчины, греки и болгары, и едва онѣ успѣли раздѣть Діонисія и растянуть его, при чемъ каждую руку и ногу

пришлось держать двумъ женщинамъ, а остальныя четыре нанесли по 3—5 ударовъ, какъ ворвались мужчины, оттащили ихъ и прогнали въ сосѣднюю большую комнату, гдѣ и заперли ихъ.

Съ негодованіемъ, крикомъ и плачемъ отвергла обвиняемая виновность свою въ возстаніи противъ русскихъ властей; упавъ на колѣни и ударяя себя кулаками въ грудь, она доказывала, что болгарки не могли возстать противъ ихъ ангела, царя Александра, который освободилъ ихъ изъ турецкой неволи; «не смѣйте мнѣ это говорить, никто вамъ не повѣритъ, что насъ можно заподозрѣть въ преступленіяхъ противъ русскихъ властей». Такія же показанія дали остальныя одиннадцать женщинъ, при чемъ каждая изъ нихъ неистовствовала, когда предъявлялось обвиненіе въ возстаніи; нѣкорыя заявляли, что скорѣе лишатъ себя жизни, чѣмъ позволятъ тяготѣть надъ ними такому позорному обвиненію. Послѣ прочтенія обвиняемымъ протоколовъ допроса свидѣтелей, дававшихъ показанія въ ихъ отсутствіи, когда переводчикъ передавалъ показаніе митрополита, всѣ двѣнадцать женщинъ, возмущаясь ложью этого показанія, требовали допросить Діонисія въ ихъ присутствіи. Мы приведемъ нашихъ загубленныхъ дѣтей, и тогда онъ не осмѣлится отрицать истину, и вы подвергнете его казни. Съ трудомъ удалось имъ разъяснить, что преступленія, въ которыхъ онѣ обвиняютъ митрополита, совершены до вступленія русскихъ войскъ въ Адріанополь, а потому подсудны турецкимъ судомъ, къ которымъ онѣ должны обратиться съ жалобами.

Чтобы не отпускать обвиняемыхъ въ отдаленныя предмѣстья, я приказалъ нанять въ ближайшей гостиницѣ четыре комнаты, гдѣ онѣ были помѣщены и накормлены... Мѣрою пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда для всѣхъ обвиняемыхъ избрана—отдача подъ надзоръ полиціи. Затѣмъ мы занялись просмотромъ всѣхъ прокламацій главнокомандующаго, объявленныхъ послѣ перехода Балканъ, и только въ одной изъ нихъ, касающейся занятія Филиппопольскаго санджака, упомянуто, что никакихъ столкновеній между разными національностями допущено не будетъ и что къ виновнымъ въ самосудѣ будетъ примѣнена высшая мѣра наказанія за то преступленіе, которое было послѣдствіемъ самосуда. Въ прокламаціи о занятіи Адріанополя не упоминалось даже о такомъ усиленіи наказанія и не было издано особаго карательнаго закона, приравнявшаго столкновеніе между національностями къ возстанію противъ властей. Изъ этого вытекало, что не было никакихъ данныхъ для юридическаго обоснованія, обвиненія въ возстаніи, тѣмъ не менѣе, въ виду предписанія главнокомандующаго, слѣдователь обязанъ былъ разслѣдовать и это обвиненіе.

Рѣшили на завтра вызвать свидѣтелей изъ мѣстныхъ полицейскихъ, нашихъ и турецкихъ, для выясненія, не было ли нападеніе на митрополита организовано какими-либо агитаторами;

выяснить, когда именно состоялось соглашеніе побить митрополита; не принадлежали ли женщины къ какой-нибудь революціонной организаціи и т. п. Написали повѣстки вызываемымъ и, сильно утомленные, отложили дальнѣйшую работу до утра. Ночевать я остался у слѣдователя. Утромъ 19-го февраля получена записка отъ начальника штаба, что главнокомандующій проситъ меня прибыть къ нему въ 12 часовъ дня для доклада о ходѣ слѣдствія по дѣлу митрополита. Вслѣдъ затѣмъ получаю другую записку, слѣдующаго содержанія: «Иванъ Дмитріевичъ Ахшарумовъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его высокоблагородію Николаю Викторовичу, покорнѣйше проситъ пожаловать къ нему завтра, 19 числа, не позже десяти часовъ утра, для совмѣстнаго доклада главнокомандующему дѣла о нанесеніи оскорбленія греческому митрополиту. 18 февраля 1879 г.».

Сильно недовольный, что въ такое горячее время отрываютъ отъ дѣла, только для удовлетворенія любопытства, я рѣшилъ выѣхать къ главнокомандующему не раньше половины двѣнадцатаго, къ Ахшарумову же вовсе не ѣздить, ибо не имѣлъ надобности дѣлать совмѣстный съ нимъ докладъ, а по запрету Тотлебена не могъ говорить съ нимъ о дѣлѣ до окончанія слѣдствія.

Едва начался допросъ вызванныхъ свидѣтелей, какъ явился ординарецъ генерала Скобелева 2-го, поручикъ Узатисъ (впослѣдствіи убійца его матери) и передалъ мнѣ просьбу генерала, чтобы прежде поѣздки къ главнокомандующему (откуда онъ узналъ объ этомъ—вѣдаетъ Аллахъ) я заѣхалъ переговорить съ нимъ.

— Доложите генералу, что буду у него въ $11^1/_2$ ч. утра и что вчера не успѣлъ представиться ему, потому что работалъ цѣлый день.

Допросомъ турецкихъ заптіевъ выяснено, что рѣшимость отомстить митрополиту за опозореніе женщинъ созрѣла еще въ январѣ 1878 г.; полиція знала объ этомъ, и къ дому Діонисія ежедневно наряжался жандармъ. Не только болгарки, но и гречанки и другія христіанки вечеромъ въ закрытыхъ фаэтонахъ ѣздили въ домъ митрополита. Было нѣсколько жалобъ иностранокъ, которыя, послѣ уплаты денегъ, онѣ брали обратно. Въ нынѣшнемъ году день избіенія митрополита хранился въ такой тайнѣ, что полиція о немъ не знала, иначе нападеніе было бы предупреждено. Никакихъ агитаторовъ, подговорившихъ женщинъ сдѣлать нападеніе, не было и не имѣлось въ нихъ надобности, вѣдь болгарки рѣшительнѣе мужчинъ, и онѣ дѣйствуютъ на мужей и на сыновей, а не наоборотъ. Чѣмъ далѣе шелъ допросъ, тѣмъ яснѣе становилось, что никакого матерьяла для поддержанія обвиненія въ возстаніи, мы не соберемъ, и что обвиненіе это, какъ ни на чемъ не основанное, провалилось, а потому, оставивъ слѣдователя допрашивать остальныхъ свидѣтелей, я поѣхалъ къ генералу Скобелеву.

Михаила Дмитріевича я засталъ въ комнатѣ нижняго этажа, разговаривавшаго по-англійски съ двумя высокими, свѣтлорусыми джентльменами. Разговоръ, или, лучше сказать, споръ, шелъ о возможности проникнуть въ Индію съ сѣвера. Скобелевъ до такой степени увлекался, что долго не замѣчалъ моего присутствія въ комнатѣ. Простоявъ нѣсколько минутъ, я подошелъ къ генералу и представился ему. Генералъ сказалъ, что ждалъ меня еще вчера и, извинившись передъ гостями, что служба отрываетъ его, на короткое время, отъ бесѣды, взялъ меня за руку и повелъ по винтовой лѣстницѣ во второй этажъ. Мы вошли въ его спальню; и здѣсь, остановившись, онъ неожиданно сказалъ мнѣ:

— Я слышалъ еще въ Санъ-Стефано, что вы вполнѣ русскій человѣкъ, энергичный и любящій Россію; теперь вамъ предстоитъ доказать это. Дѣло митрополита должно быть прекращено, этого требуетъ честь и достоинство Россіи. Не выдавать и не наказывать несчастныхъ, пытавшихся расправиться съ лютымъ звѣремъ, врагомъ ихъ родины и ихъ обидчикомъ, а защитить и укрыть ихъ должны мы всѣ, вѣрные сыны Россіи и славянства. Если вы таковы, какимъ я васъ считаю, то дѣло будетъ прекращено.

— Я человѣкъ вполнѣ русскій и люблю мою родину, но ваше превосходительство упускаете изъ виду, что я въ то же время вѣрноподданный моего государя и разъ его величеству угодно, чтобы виновные были разысканы и наказаны по закону, съ своей стороны, приму всѣ мѣры для исполненія этого повелѣнія.

— Не государю это угодно, а Тотлебену, чтобы потѣшить иностранцевъ и похвастаться своею лояльностью.

— Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, это личная воля его величества, депеша государя у меня.

— Не государь писалъ депешу, а тѣ самые чиновники, которые не задумались расписаться въ Берлинскомъ договорѣ, сведя на нѣтъ всѣ наши военные успѣхи. Неужели вы, русскій человѣкъ, не понимаете, что это за люди. Итакъ, вы не считаете себя въ правѣ прекратить дѣло,—продолжалъ генералъ:—тогда ищите обвиняемыхъ на лунѣ, здѣсь же искать ихъ безполезно. Прощайте, полковникъ.

Я тогда былъ молодъ и задоренъ, самоувѣренность Скобелева раздражила меня, и я отвѣтилъ:

— Такъ далеко искать обвиняемыхъ не будемъ, списокъ ихъ у меня въ карманѣ и допросъ съ нихъ снятъ. Честь имѣю кланяться вашему превосходительству,—и, повернувшись, я спустился внизъ.

Прибывъ въ домъ главнокомандующаго и войдя въ расположенный около передней кабинетъ начальника штаба, я увидѣлъ тамъ князя Имеретинскаго, раскладывавшаго пасьянсъ, и Ахшарумова, сидѣвшаго около стола. Послѣдній всталъ и, показывая часы, сказалъ:

— Я приказалъ вамъ явиться ко мнѣ въ 10 часовъ, прождалъ васъ до одиннадцати и пріѣхалъ сюда, гдѣ уже жду около часу; такая служебная небрежность непростительна.

— Некогда было, ваше превосходительство,—коротко отвѣтилъ я.

— Для исполненія приказанія начальника должно всегда найти время.

Чтобы прекратить эти замѣчанія, я доложилъ, что, по приказанію главнокомандующаго, не имѣлъ права до окончанія слѣдствія говорить съ нимъ по этому дѣлу.

— Отчего же вы не донесли мнѣ о такомъ распоряженіи?

Въ это время князь, прерывая Ахшарумова, сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, вы здѣсь ничего не дѣлаете, болтаетесь неизвѣстно для чего, а между тѣмъ позволяете себѣ дѣлать неумѣстныя замѣчанія человѣку, который уже непрерывно работаетъ около двухъ сутокъ. Главнокомандующій васъ не звалъ и приметъ одного подполковника.

Ахшарумовъ скривилъ лицо, но тотчасъ съ улыбкой подошелъ къ князю и спросилъ, сходится ли пасьянсъ и на что онъ задумалъ?

— Задумалъ, не потонетъ ли пароходъ, на которомъ вы будете переходить Черное море; право, Россія отъ этого ничего не потеряетъ..

— Ваша свѣтлость все шутите,—сказалъ Ахшарумовъ и, простившись, вышелъ изъ кабинета.

Когда я доложилъ Тотлебену, что обвиненія въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, увѣчій и разстройство здоровья не подтвердились, и указалъ, что въ настоящее время оканчивается допросъ послѣднихъ свидѣтелей, вызванныхъ для выясненія обвиненія въ возстаніи, причемъ не обнаружено никакихъ данныхъ для поддержанія и этихъ обвиненій и что въ объявленной жителямъ Адріанополя прокламаціи даже не упоминается о назначеніи наказанія за столкновеніе между разными національностями, главнокомандующій сказалъ:

— Неужели не объявили, вѣдь я самъ слышалъ приказаніе великаго князя объявить жителямъ, что за самосудъ они будутъ наказаны, какъ за преступленіе, направленное противъ русскихъ властей.

Далѣе Тотлебенъ высказалъ, что ему рѣшительно все равно, какого рода насиліе причинено Діонисію, но отъ мнѣнія своего, что въ уговорѣ причинить это насиліе есть признаки возстанія, онъ не отступится. Мѣру пресѣченія—надзоръ полиціи—призналъ недостаточною, замѣнивъ ее взятіемъ подъ стражу, съ приказаніемъ препроводить, немедленно по окончаніи слѣдствія, обвиняемыхъ въ Филиппополь, дѣло же о нихъ направить въ филиппопольскій полевой военный судъ. Заключеніе по дѣлу я дол-

женъ былъ составить и доложить не позже вечера 21-го февраля, такъ какъ отъѣздъ въ Одессу назначенъ на 23-е.

Когда я вернулся въ камеру, допросъ свидѣтелей былъ оконченъ и слѣдователь вызвалъ обвиняемыхъ для предъявленія всего слѣдственнаго производства. До поздняго вечера продолжалось предъявленіе. Никакія убѣжденія не дѣйствовали на нашихъ mères Angôt Эбирнейскихъ: При переводѣ каждаго показанія поднимался неистовый крикъ, отъ котораго трещала голова. Всѣ говорили разомъ, требуя суда и лютой казни ненавистнаго митрополита. Въ неподсудность его русскимъ судамъ не вѣрили, доказывая, что разъ русскій царь покорилъ Турцію, то онъ въ правѣ отомстить всѣмъ обидчикамъ болгаръ. Говорили, что какой-то гулямъ-паша, т. е. важный генералъ, обѣщалъ имъ повѣсить митрополита, и теперь они требуютъ исполненія этого обѣщанія. На предложеніе указать этого важнаго генерала отвѣчали, что самого генерала не видѣли, а пріѣзжалъ отъ его имени юнакъ, который и передалъ это обѣщаніе. Одинъ изъ турецкихъ заптіевъ разъяснилъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ, но уже послѣ нанесенія Діонисію побоевъ, въ предмѣстье пріѣзжалъ, верхомъ на бѣлой лошади, какой-то молодой человѣкъ, повидимому, унтеръ-офицеръ болгарской дружины, котораго обступила толпа болгарокъ, о чемъ-то съ нимъ разговаривавшая.

Кто былъ этотъ молодой человѣкъ, выяснить не удалось.

Въ 11 ч. вечера составлено заключительное постановленіе и объявлено объ окончаніи слѣдствія. Обвиняемыя, по распоряженію главнокомандующаго, взяты подъ стражу, но я распорядился не препровождать ихъ въ мрачную турецкую тюрьму, а содержать арестованными въ нанятыхъ номерахъ гостиницы. Имъ объявлено, что дѣло будетъ разсматриваться въ Филиппополѣ, куда ихъ завтра отвезутъ, а потому, если желаютъ, могутъ увѣдомить объ этомъ родныхъ, которые завтра могутъ съ ними увидѣться, о чемъ поставленъ въ извѣстность начальникъ караула. Послѣ этого слѣдователь сталъ приводить дѣло въ надлежащій канцелярскій порядокъ, пообѣщавъ мнѣ прислать его не позже 9 ч. утра, а я уѣхалъ въ прокурорскій надзоръ, мечтая тотчасъ же завалиться спать. Послѣднее, однако, не скоро удалось; я засталъ большую компанію судейскихъ, штабныхъ и другихъ гостей. Завязалась оживленная бесѣда, пришлось сыграть три робера въ сибирскій вистъ, и только въ два часа ночи я ушелъ въ свою комнату.

Весь слѣдующій день былъ занятъ составленіемъ заключенія. Доказаннымъ я призналъ лишь нанесеніе легкихъ побоевъ, по предварительному между собою соглашенію, лицу, по положенію своему имѣющему право на особое уваженіе, а потому полагалъ всѣхъ обвиняемыхъ предать полковому суду по обвиненію въ про-

ступкѣ, предусмотрѣнномъ 135 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями. Всѣ остальныя обвиненія, какъ не подтвердившіяся на предварительномъ слѣдствіи, считалъ подлежащими прекращенію. Эта послѣдняя часть заключенія потребовала много труда. Я зналъ, что главнокомандующій предастъ суду за возстаніе вопреки моего заключенія, а потому пришлось развить мотивы, выясняющіе невозможность примѣненія закона о возстаніи. Описавъ составъ преступленія и указавъ, когда допустимо примѣненіе этого закона, я разобралъ весь слѣдственный матеріалъ и доказалъ, что ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны нѣтъ и намека на возстаніе.

Въ 9 ч. вечера, окончивъ заключеніе, я отдалъ его въ канцелярію для переписки, а начальнику штаба послалъ увѣдомленіе, что заключеніе готово, прося его доложить главнокомандующему, въ какое время завтра, послѣ двѣнадцати часовъ дня, будетъ угодно назначить докладъ.

21-го утромъ князь увѣдомилъ, что докладъ назначенъ того же числа, въ восемь часовъ вечера.

Къ назначенному времени въ квартиру главнокомандующаго, кромѣ меня, прибыли Ахшарумовъ, членъ кассаціоннаго присутствія генералъ Максимовъ и князь Имеретинскій.

Главнокомандующій занялъ мѣсто у большого письменнаго стола, имѣя по правую руку начальника штаба. Мѣсто напротивъ занялъ я, съ правой моей стороны сѣлъ Ахшарумовъ, съ лѣвой Максимовъ.

Я читалъ заключеніе около часа и по мѣрѣ того, какъ развивались доказательства относительно невозможности преданія суду за возстаніе, генералъ Тотлебенъ, видимо, волновался, стучалъ пальцами по столу, выражая свое нетерпѣніе, но тѣмъ не менѣе выслушалъ заключеніе до конца.

— Итакъ,—сказалъ онъ:—волю государя отыскать виновныхъ въ возстаніи и подвергнуть ихъ наказанію вамъ не удалось исполнить; теперь иностранныя правительства дѣйствительно въ правѣ сказать, что въ мѣстности, занимаемой ввѣренной мнѣ арміей, не всѣ національности находились подъ одинаковой защитой законовъ.

— Ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я: — воля его величества, въ томъ видѣ, какъ она выражена въ депешѣ, исполнена, обвиняемыя найдены и дадутъ отчетъ за дѣйствительно совершенные ими проступки передъ судомъ; что же касается иностранныхъ правительствъ, то гласнымъ разборомъ дѣла, съ допущеніемъ въ засѣданіе всѣхъ проживающихъ въ Филиппополѣ консуловъ и корреспондентовъ газетъ, будетъ установлено, что первоначальное донесеніе пословъ, вызвавшее дипломатическую ноту, какъ основанное на пристрастномъ и невѣрномъ донесеніи

греческаго консула, опровергнуто на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи.

Я говорилъ горячо, сосѣди справа и слѣва поминутно щипали меня за ноги, чтобы обратить вниманіе на возрастающее неудовольствіе главнокомандующаго, который затѣмъ рѣзко сказалъ, что мнѣніе его составлено и никто его не переубѣдитъ.

— Я вижу въ заговорѣ отомстить митрополиту преступленіе, которымъ оказано пренебреженіе къ русской власти, и за него предамъ ихъ суду.

Обращаясь къ Ахшарумову, Тотлебенъ предложилъ ему высказать свое мнѣніе. Иванъ Дмитріевичъ отвѣтилъ, что всякое преступленіе можетъ быть разсматриваемо, какъ направленное противъ властей, а потому, съ общей точки зрѣнія, нельзя отрицать въ уговорѣ женщинъ наличности этого признака, хотя подъ законъ о возстаніи оно прямо не подходитъ. Затѣмъ генералъ Максимовъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній, изъ которыхъ можно было вывести, что возстанія онъ не усматриваетъ.

Испросивъ разрѣшенія возразить Ахшарумову, я объяснилъ, что всякое преступленіе есть нарушеніе закона, которымъ оно воспрещено подъ страхомъ наказанія; въ числѣ преступленій есть и направленныя противъ власти и онѣ перечислены въ особыхъ статьяхъ, уголовнаго закона, мнѣніе же, что всякое преступленіе можетъ быть разсматриваемо, какъ направленное противъ властей, не находитъ подтвержденія ни въ теоріи уголовнаго права, ни въ дѣйствующемъ законодательствѣ.

— Я не понимаю этой юридической казуистики, но, кажется, имѣю право предавать суду за тѣ преступленія, въ которыхъ признаю обвиняемыхъ виновными,—сказалъ Тотлебенъ, обращаясь ко мнѣ.

— Право это настолько категорически высказано въ уставѣ, что военный прокуроръ, при несогласіи вашего высокопревосходительства съ его мнѣніемъ, не имѣетъ права возраженія, а обязанъ всѣ обвиненія, упомянутыя въ приказѣ о преданіи суду, внести въ обвинительный актъ и поддерживать на судѣ высказанныя начальникомъ соображенія.

— Значитъ, вопросъ исчерпанъ. Князь, отдайте завтра въ приказѣ, что эти двѣнадцать обвиняемыхъ предаются мною отдѣльному филиппопольскому военному суду за нанесеніе легкихъ побоевъ митрополиту Діонисію (обращаясь ко мнѣ: — дѣлаю вамъ уступку) и за заговоръ нанести эти побои, вопреки запрещенія русскими властями самосуда, каковой заговоръ онѣ привели въ исполненіе, то есть за возстаніе противъ властей въ мѣстности, занятой арміею; послѣднее обвиненіе мотивируйте тѣми соображеніями, которыя я высказалъ здѣсь и сегодня утромъ вамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мы были отпущены, но меня главнокомандующій придержалъ за руку и сказалъ:

— Жаль, что на этотъ разъ я не могъ согласиться съ вами, но считаю, что иначе поступить не могъ, и въ дальнѣйшемъ умываю руки; благодарю васъ за быстрое окончаніе дѣла.

На другой день вечеромъ я выѣхалъ въ Филиппополь, гдѣ тотчасъ же предложилъ суду обвинительный актъ.

Такъ какъ армія эвакуировала Турцію, то пришлось вызывать свидѣтелей черезъ наше константинопольское посольство, а потому засѣданіе нельзя было назначить ранѣе начала апрѣля. По прибытіи въ Филиппополь обвиняемыя подали императорскому комиссару въ Болгаріи, князю Дондукову-Корсакову, прошеніе объ измѣненіи мѣры пресѣченія и были немедленно освобождены изъ-подъ стражи съ отдачею подъ надзоръ полиціи.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ телеграмму Ахшарумова изъ Одессы съ просьбою сообщить, для доклада главнокомандующему, о результатахъ дѣла, на которую отвѣтилъ сообщеніемъ дня назначеннаго судебнаго засѣданія.

Наканунѣ засѣданія опять получена телеграмма главнокомандующаго, чтобы немедленно сообщить, чѣмъ кончилось дѣло.

Засѣданіе происходило при открытыхъ дверяхъ; приглашены были всѣ консулы, корреспонденты газетъ «Phare du Bosphore», «Journal de Constantinople», «Neue Freie Presse» и другіе, которымъ даны нужныя справки. Никто изъ свидѣтелей, проживающихъ за границей, ко дню засѣданія не явился; пришлось читать ихъ письменныя показанія. Обвиняемыя женщины подняли крикъ, ругая митрополита и турокъ. Едва удалось успокоить ихъ и убѣдить, что судятся онѣ, а не митрополитъ.

Семь женщинъ признаны виновными по 135 ст. мирового устава и приговорены къ аресту на срокъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; по обвиненію въ возстаніи оправданы не только по недоказанности обвиненія, но и по недоказанности самаго событія преступленія.

Въ тотъ же день во всѣ газеты посланы обширныя корреспонденціи, въ которыхъ подробно описанъ ходъ дѣла и доказывалась неосновательность вмѣшательства въ него дипломатіи. Константинопольскія газеты исказили отчетъ о процессѣ до неузнаваемости, особенно отличился «Phare du Bosphore». По закрытіи засѣданія я послалъ въ Одессу генералу Тотлебену депешу, въ которой объяснилъ, въ чемъ обвиняемыя признаны виновными и какому подвергнуты наказанію.

Н. Мордвиновъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ СМУТЫ.

(«Малиновское дѣло»).

«Малиновское дѣло—дѣло рѣдкостное, замѣчательное, знаменующее духъ времени, типическое, и весьма возможно, что впереди насъ ожидаетъ не одно такое дѣло...»

(Изъ защитительной рѣчи присяжнаго повѣреннаго князя Девлетъ-Кильдеева).

Въ ПАМЯТНЫЕ для Россіи «октябрьскіе» дни 1905 года, когда «крестьянское движеніе» широкою волною прошло по многимъ мѣстамъ нашего обширнаго отечества и поглотило за собой массу помѣщичьихъ усадебъ, экономій и хуторовъ, въ селѣ Малиновкѣ, Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи, совершилось преступленіе, которое, выражаясь словами прокурора мѣстнаго суда, «по ужасу содѣяннаго врядъ ли имѣетъ себѣ равное во всей исторіи русскаго суда».

Объ этомъ-то преступленіи или, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, «малиновскомъ погромѣ», я и хочу разсказать на страницахъ «Историческаго Вѣстника», полагая, что замѣтка моя будетъ имѣть особый интересъ для тѣхъ, кто впослѣдствіи займется изслѣдованіемъ переживаемой нами бурной эпохи.

Заранѣе дѣлаю оговорку, что матеріаломъ для этой замѣтки послужили письма сестры моей А. С. К., имѣніе которой расположено рядомъ съ селомъ Малиновкой, полученныя въ ноябрѣ

1905 года, письма мѣстнаго волостного писаря, личныя бесѣды мои лѣтомъ 1906 года съ мѣстнымъ духовенствомъ и многими крестьянами-очевидцами; наконецъ въ мѣстныхъ газетахъ («Саратовскій Листокъ» и «Волга») о «малиновскомъ дѣлѣ» былъ данъ подробный судебный отчетъ, который я тоже имѣлъ подъ рукой.

Лѣто 1905 года я съ своей семьей проводилъ въ нашемъ родовомъ имѣніи, принадлежащемъ сестрѣ моей А. С. К. Имѣніе это расположено по одну сторону рѣчки Изнаира, а по другую лежитъ огромное село Малиновка, въ которомъ имѣются церковь съ полнымъ причтомъ, волостное правленіе и сельская школа.

Уже во время лѣта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда по ночамъ происходили поджоги помѣщичьихъ усадебъ, но это были единичные случаи, которые не возбуждали опасеній. Въ нашей мѣстности было тихо и спокойно...

15 августа я уѣхалъ въ Петербургъ. Сестра осталась зимовать въ деревнѣ.

Послѣ 17 октября «крестьянское движеніе» усилилось. Начались открытые грабежи и поджоги помѣщичьихъ экономій. Движеніе изъ уѣздовъ Аткарскаго и Балашевскаго перешло и въ Сердобскій...

27 октября утромъ сестра моя написала мнѣ письмо, гдѣ сообщала, что у нихъ «все пока благополучно», а въ 5 часовъ вечера того же дня она буквально бѣжала къ сосѣднему помѣщику Ш., а оттуда на ближайшую станцію и дальше въ Саратовъ.

Здѣсь я сдѣлаю необходимое отступленіе.

Село Малиновка, ко времени описываемаго событія, раздѣлялось на двѣ, почти одинаковыя половины, или конца.

Въ одномъ концѣ жили крестьяне наиболѣе благоразумные, зажиточные люди, такъ сказать, «старыхъ завѣтовъ».

Въ другой же половинѣ села, гдѣ жилъ сыгравшій огромную роль въ «малиновскомъ дѣлѣ» крестьянинъ Глѣбъ Синевъ, элементъ былъ совершенно противоположный.

Крестьянинъ Синевъ, бывшій солдатъ, еще задолго до 1905 года основалъ нѣчто вродѣ секты, отрицающей бытіе Божіе и при томъ въ грубой и оскорбительной формѣ для вѣрующаго человѣка.

Такъ, на судебномъ слѣдствіи, напримѣръ, выяснилось, что разъ, будучи выпивши, онъ сказалъ мѣстному священнику Н.: «Батюшка, а ты вѣруешь въ Бога?»—«Вѣрую».—«А я тебя считалъ ученымъ человѣкомъ! Вѣдь вѣра въ Бога—бабушкины сказки».

Въ другой разъ, бесѣдуя съ однимъ своимъ односельчаниномъ, Синевъ сказалъ ему: «Если нарядить его жену въ ризы Богородицы, то ей размолишься» и «что нѣтъ Бога и нѣтъ ничего».

Молва о невѣріи Синева перешла и въ другія селенія, и около него сталъ образовываться кружокъ послѣдователей.

Священникъ зорко слѣдилъ за Синевымъ, но послѣдній формально оставался прихожаниномъ церкви и до осени 1905 года никакихъ «активныхъ дѣйствій» не проявлялъ.

Когда же въ Саратовской губерніи началось «крестьянское движеніе», то Синевъ сбросилъ маску, и около него стали группироваться всѣ недовольные: началась широкая критика существующаго порядка.

Синевъ открыто сталъ отрицать необходимость властей, до царской власти включительно, а также указывать на необходимость уравненія благъ путемъ насильственнаго отнятія имущества у помѣщиковъ и вообще богатыхъ. По словамъ мѣстнаго священника Н., манифестъ 17-го октября 1905 года былъ понятъ въ темномъ населеніи по разному. Очень многіе крестьяне говорили, что этотъ манифестъ изданъ «для господъ», а «крестьянскій» о надѣлѣ землей господа спрятали.

Такіе слухи приводили въ сильное смущеніе благоразумную часть населенія, вызывая неудовольствіе и ропотъ въ другихъ. Синевъ и его послѣдователи объявили, что настала полная свобода, и немедленно приступили къ своей разрушительной работѣ.

Утромъ 27 октября погромщики, во главѣ съ Синевымъ, отправились на хуторъ Сусанова, который въ семи верстахъ отъ Малиновки арендовалъ удѣльную землю.

Они разграбили и сожгли хуторъ и съ торжествомъ возвратились въ село, гдѣ, подѣливши добычу, перепились и стали собираться на новые подвиги.

Мнѣ передавали, что событіе это произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ жителей села Малиновки.

Случилось доселѣ небывалое: среди бѣлаго дня безнаказанно ограбили землевладѣльца...

«Мы имѣемъ право на уравненіе», говорили единомышленники Синева.

А на возраженіе: «Вѣдь это преступленіе, за это накажутъ»,— отвѣчали: «Нѣтъ, теперь наша власть, наше право, вы же должны красть во имя общихъ интересовъ».

И малодушные заколебались и стали переходить на сторону Синева.

Благоразумные же молчали, такъ какъ были буквально терроризованы: ихъ приглашали къ дальнѣйшимъ грабежамъ, грозили, въ случаѣ несогласія, истребить ихъ собственныя постройки и т. д...

Въ то время, какъ погромщики отправились къ Сусанову, къ сестрѣ моей пришли изъ Малиновки четыре молодыхъ парня (новобранцы) и стали просить денегъ «на водку».

«Я была,—пишетъ сестра,—въ домѣ одна съ дѣтьми, а прислуга обѣдала въ кухнѣ. Я категорически имъ отказала въ деньгахъ (меня возмутило ихъ нахальство; тогда еще дико было ихъ безцеремонное плеванье сѣмечекъ въ «прихожкѣ» нашего стараго дома—это было первое его оскорбленіе!). Я имъ сказала, что русскимъ солдатамъ побираться водкой стыдно, особенно когда плохой годъ.

«Они мнѣ сказали: «мы тѣ же нищіе». Я отвѣтила, что, если бы вы просили на хлѣбъ, я должна была бы дать, а на водку не желаю. Тогда они мнѣ сказали, что малиновскіе крестьяне на 70 подводахъ поѣхали къ Сусанову сегодня, гдѣ «все возьмутъ сами». Я сказала: «васъ четверо—я одна, возьмите все сами, а ужъ подавать вамъ водку и на водку я не буду», и прибавила: «что же вы не поѣхали къ Сусанову»? Они что-то пробормотали и ушли.

«Пришли мои прислуги и говорятъ: «что вы имъ не дали; они говорятъ: «вотъ придемъ вечеромъ».

«Я не обратила особеннаго вниманія на это, но когда пришелъ Егоръ-работникъ, слѣдомъ за ними, и сталъ просить расчета, то я встревожилась и стала его допрашивать, почему онъ такъ неожиданно уходитъ за нѣсколько дней до годового срока. Онъ сказалъ, что его братъ-рекрутъ заболѣлъ въ Сердобскѣ и что онъ сейчасъ идетъ туда (но потомъ оказалось, что онъ запрягъ свою лошадь и уѣхалъ къ Сусанову вмѣстѣ съ другими). На мои предположенія, что ему, вѣрно, велятъ уйти малиновскіе крестьяне, онъ отвѣтилъ, что всѣ эти разговоры чепуха, и чтобы я ничего не боялась...

«Въ 3 часа пришелъ крестьянинъ Г. и сталъ просить у меня ключи отъ амбара, чтобы увезти свою рожь (она была ссыпана въ нашемъ); я и тутъ не испугалась и рѣшила поѣхать къ Н. Д. С. (близъ живущая помѣщица), чтобы узнать, что это за разговоры. Тамъ я застала страшный переполохъ, плачъ, волненіе и сборы.

«По ихъ совѣту я рѣшила уѣхать на ночь къ Ш., чтобы не напугать дѣтей, такъ какъ Н. Д. мнѣ сказала, что она, послѣ разныхъ намековъ о пожарѣ и погромѣ своей прислуги, поѣхала въ волостное правленіе, гдѣ испуганный старшина ей сказалъ самъ, что «бунтари жгутъ уже Сусанова, а ночью будутъ васъ».

«Возвратившись домой, я, не раздѣваясь, стала одѣвать дѣтей и велѣла Григорію запрячь лошадей. Онъ, видимо, колебался... но пока я собиралась, вся наша деревня сбѣжалась ко мнѣ на дворъ; староста и другіе крестьяне вошли въ домъ и стали меня уговаривать не ѣздить, глядя на ночь, и ночевать у нихъ въ деревнѣ; но я же не вѣрила имъ, такъ какъ не знала, враги это, или доброжелатели.

«Но когда я выразила сомнѣніе, позволятъ ли они Григорію меня отвезти, то они сказали, что дадутъ мнѣ даже провожатыхъ, если я боюсь; но я взяла только одну подводу, и на нее сѣла гор-

ничная Маша, взяла часть своего имущества и небольшой узелъ бѣлья для дѣтей, такъ какъ я думала пробыть у Ш. нѣсколько дней, т. е. оставить тамъ дѣтей.

«Мужики, бабы и дѣвки стали меня спрашивать: «что же намъ дѣлать со всѣмъ этимъ?» т. е. съ моимъ имуществомъ. Я взяла ключи, положила ихъ на столъ и сказала: «Дѣлайте, что хотите, только образа спасите», перекрестилась и вышла изъ дому. На крыльцѣ стояла цѣлая толпа. «Съ коровами какъ быть?» спрашиваютъ.

«Я просила ихъ поберечь и главное—пощадить садъ...

«Ночь была лунная и небольшой морозъ; дорога была сухая, но очень кочковатая, и потому ѣхали шагомъ.

«Во всю дорогу по деревнямъ и полямъ мы встрѣтили только двѣ подводы и больше ни души; по сторонамъ было до 7 заревъ...

«У Ш. всю ночь мы не раздѣвались и не ложились, кромѣ дѣтей. Говорили о томъ, куда бѣжать, если придутъ погромщики. Я стала уговаривать Н. Н. убрать серебро, вещи, образа, но самъ Ш. волновался и говорилъ, что прятать все равно некуда, а отдать на храненіе крестьянамъ онъ не желаетъ; но Н. Н. даже нѣсколько узловъ связала и отдала горничной и лакею, которые отнесли это все домой, на деревню, подъ видомъ своего имущества.

«Утромъ Г. Х. поѣхалъ къ М. Н. Л. и узналъ, что они уѣхали въ Тамбовъ. До насъ Г. Х. не доѣхалъ, такъ какъ у Л. уже ломали двери и печки и таскали все изъ дому...

«Вторую ночь мы тоже не ложились, ходили отъ окна къ окну и ждали—вотъ-вотъ нагрянутъ сюда. Лакей Никифоръ и старикъ-ключникъ сказали мнѣ, что на усадьбѣ нѣтъ рабочихъ—всѣ ушли на деревню, и если случится пожаръ, то некому будетъ выпустить скотину. Въ это время пришелъ управляющій П. П. и сказалъ, что онъ все свое имущество уложилъ на подводы и утромъ отправитъ все на станцію Ртищево.

«Тогда Ш. тоже рѣшили выѣхать всей семьей въ Саратовъ съ нами вмѣстѣ; конечно, собрали самое необходимое. Съ разсвѣтомъ подали намъ 4 экипажа.

«Когда мы садились, то увидѣли, что съ нашей стороны опять разгорается новое зарево (потомъ оказалось, что это жгли дома церковнаго причта, а наши дома и постройки сожгли еще наканунѣ).

«Въ Ртищевѣ мы застали массу народа, точно на войнѣ—всѣ съ узлами и семьями; плачъ, страшные разговоры и т. д. А офицеръ, завѣдующій охраной, преспокойно пилъ пиво и на всѣ просьбы послать охрану отвѣчалъ, что у него осталось только 7 человѣкъ.

«Ш. съ нами не поѣхалъ. Конечно, если бы не случилось въ Малиновкѣ «побоища», то имъ бы не сдобровать.

«Когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, то между Ртищевомъ и Салтыковкой опять были зарева»...

Я умышленно привелъ письмо сестры, которое показываетъ, до какой степени внезапно поднялось у насъ крестьянское движеніе; оно было полною неожиданностью для помѣщиковъ и для мѣстныхъ властей!..

Продолжаю далѣе. Послѣ разгрома хутора Сусанова, т. е. 28 октября, тѣ же грабители утромъ отправились цѣлымъ обозомъ въ имѣніе г-жи Б., лежащее въ $4^1/_2$ верстахъ отъ Малиновки и въ 150 сажен. отъ Платицынскаго разъѣзда по Рязанско-Уральской ж. д.

Владѣльцевъ ужъ не было. Имѣніе было разграблено и сожжено. Здѣсь грабителямъ досталось много оружія. Мнѣ передавали, что грабежъ этотъ происходилъ на глазахъ 6 солдатъ, которые были присланы для охраны разъѣзда. Послѣдніе хотѣли дать въ грабителей залпъ, но унтеръ-офицеръ воспротивился, не имѣя на это распоряженій отъ начальства.

Грабители видѣли «бездѣйствіе» солдатъ, и это придало имъ, конечно, нахальства и силъ.

Возвращаясь въ Малиновку черезъ нашу деревню, полупьяные грабители открыто призывали крестьянъ къ дальнѣйшимъ погромамъ и, показывая на наши дома и постройки, кричали, что «вечеромъ будемъ здѣсь».

Наши крестьяне мнѣ лично передавали, что послѣ этой угрозы они сами пошли къ намъ во дворъ и разобрали все имущество по своимъ дворамъ [1]).

А вечеромъ, когда часть погромщиковъ уѣхала грабить имѣніе г-жи Л. при с. Каменномъ Врагѣ, другая явилась къ намъ и сожгла нашъ старый домъ, мою дачу, всѣ постройки и домъ и постройки младшей моей сестры, расположенныя въ полуверстѣ отъ нашего стараго дома.

Коровъ увели въ Малиновку, гдѣ зарѣзали и подѣлили.

По словамъ очевидцевъ, вечеромъ 28 октября Малиновка приблизительно представляла такую картину.

Вернувшіеся изъ Каменнаго Врага погромщики начали «гулять». Одинъ изъ грабителей надѣлъ на себя офицерскій сюртукъ и шашку, добытые въ имѣніи г-жи Б., и разъѣзжалъ по селу на тройкѣ помѣщичьихъ лошадей, приглашая къ дальнѣйшимъ погромамъ и грозя «оружіемъ» неповинующимся.

Пьянство было страшное. Послѣдователи Синева рубили окна и двери въ земской школѣ, а большую икону святителя Николая Чудотворца выбросили и осквернили.

Вслѣдъ за симъ громилы подожгли дома мѣстнаго причта.

---

[1]) Отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ крестьянъ я слышалъ, что все происшедшее т[illegible]къ на нихъ подѣйствовало, что они были увѣрены, что мы уже не вернемся в свое «попелище». Многіе въ теченіе 2—3 дней боялись выходить изъ дома. Н[illegible]чью ставили особый караулъ, боясь, что грабители «пустятъ краснаго пѣт[illegible]а».

На глазахъ всей деревни облили они керосиномъ уголъ дома діакона, а затѣмъ одинъ изъ нихъ схватилъ горящую головню и съ бранью бросилъ ее въ домъ священника.

Въ это же время изъ горѣвшихъ домовъ причта расхищалось имущество.

Священникъ еще наканунѣ скрылся въ сосѣднемъ селѣ Змiевкѣ. Діаконъ мнѣ передавалъ, что, услышавъ, что громилы будутъ «пытать духовенство», онъ бросился на гумна, и всю ночь просидѣлъ въ старой мельницѣ.

Псаломщика таскали за уши. Беременную діаконницу раздѣли догола и подвергли издѣвательству.

Сбѣжавшемуся на пожаръ народу (дома причта расположены посреди села) расходившіеся грабители не позволили тушить. «Если будете тушить, то вамъ смерть», кричали они и грозили огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Всю ночь подъ 29-е продолжалась пьяная вакханалія.

Въ деревнѣ прошелъ слухъ, что громилы хотятъ поджечь церковь и волостное правленіе [1]), а затѣмъ громить не ѣздившихъ на грабежъ.

Чаша терпѣнія переполнилась...

Немедленно было дано знать въ сосѣднія деревни съ просьбою прійти на помощь, и къ утру въ Малиновкѣ собралась масса народу.

Начался страшный «самосудъ» надъ поджигателями: это было что-то стихійное.

Крестьяне звѣрски убивали, громили кольями, вилами, ружьями, скребками, топорами и т. д.

Первымъ, говорятъ, погибъ Синевъ. Онъ спрятался на гумно, но его нашли и убили среди села и трупъ бросили на дорогу.

Самосудъ продолжался 29-го и 30-го октября, и жертвами его пало 42 человѣка.

Событіе это произвело потрясающее впечатлѣніе на всю окрестность: движеніе сразу остановилось.

Невольно является вопросъ:—гдѣ же были мѣстныя власти?

На судѣ выяснилось, что малиновскій волостной старшина своевременно доносилъ исправнику и земскому начальнику о сборахъ на грабежъ Сусанова и о слухахъ поджечь волостное правленіе. Урядникъ давалъ нѣсколько разъ телеграммы, предупреждая о безпорядкахъ, но никто не являлся.

Потомъ оказалось, что исправникъ подавлялъ безпорядки въ другой части уѣзда, а нашъ земскій начальникъ, къ сожалѣнію,

---

[1]) На судѣ выяснилось, что нѣкоторые изъ грабителей грозились сжечь и «каланчу», т. е. церковь. Во время погрома домовъ церковнаго причта поджигатели открыто говорили, что «они цари, они боги», въ это же время имѣли мѣсто два случая кощунственнаго отношенія къ иконамъ.

оказался не на высотѣ своего положенія и уѣхалъ въ Саратовъ. Власти явились спустя 8—9 дней послѣ убійства.

Такимъ образомъ, здѣсь было не только бездѣйствіе власти, но и безсиліе.

Не мудрено, что населеніе, въ виду этого бездѣйствія и безсилія, вынуждено было обратиться къ «самосуду»...

Въ іюлѣ 1906 года по «малиновскому дѣлу» было произведено «судебное слѣдствіе», а 8-го марта 1907 года обвиняемые, въ числѣ 61 человѣка, предстали передъ судомъ съ присяжными засѣдателями.

Это громкое дѣло привлекло въ Сердобскъ массу публики изъ уѣзда.

Въ виду его важности предсѣдательствовалъ самъ предсѣдатель саратовскаго окружнаго суда, а обвиняли самъ прокуроръ и его товарищъ.

Разборъ дѣла продолжался нѣсколько дней. Однихъ свидѣтелей было 240 человѣкъ.

Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные Аничковъ, Ждановъ и кн. Девлетъ-Кильдеевъ. Прекрасная защитительная рѣчь послѣдняго произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

14 марта, въ началѣ четвертаго часа, присяжные засѣдатели вынесли всѣмъ 61 подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

Рѣшеніе присяжныхъ произвело глубокое впечатлѣніе на подсудимыхъ.

Всѣ молились и большинство плакали.

Радостное настроеніе всей публики, находившейся въ залѣ суда, и одобреніе, громко высказанное ею оправданію подсудимыхъ, свидѣтельствовали, что рѣшеніе суда общественной совѣсти — справедливое и желанное для общества.

Изъ суда оправданные малиновцы направились прямо въ соборъ, гдѣ приглашеннымъ ими соборнымъ протоіереемъ была отслужена панихида по убіеннымъ; всѣ стояли на колѣняхъ и плакали.

Послѣ панихиды былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ, здѣсь же у церкви, всѣ 61 человѣкъ дали обѣщаніе обезпечить семейства убитыхъ односельцевъ, а помимо этого открыть въ Малиновкѣ безплатную столовую для бѣднѣйшаго населенія...

Лѣтомъ 1907 года я нѣсколько разъ былъ въ нашемъ имѣніи. Приходилось мнѣ неоднократно бесѣдовать съ участниками «побоища», или, какъ ихъ теперь называютъ, «бойцами».

Все это тихіе, скромные и искренніе крестьяне. Въ жизни ихъ «малиновское дѣло» было тяжелымъ, страшнымъ сномъ...

И. С. С—въ.

МОЛДАВАНСКАЯ КОСНОСТЬ.

(Изъ воспоминаній).

Извѣстно, что сынъ нашего генералиссимуса, генералъ-лейтенантъ, князь Италійскій, графъ Аркадій Александровичъ Суворовъ-Рымникскій, сдѣлался жертвой своего крайняго упорства.

1811-й годъ засталъ его начальникомъ дивизіи и отрядовъ, занимавшихъ, по случаю разрыва съ Турціей, часть турецкихъ владѣній, прилегавшихъ къ южной части Россіи,—княжества Молдавію и Валахію. Однажды лѣтомъ онъ торопился на перекладныхъ изъ Яссъ черезъ Фокшаны и Рымникъ въ Бухарестъ; подъ городомъ Рымникомъ разливъ рѣки того же названія остановилъ его проѣздъ. Не разъ ему доводилось раньше переѣзжать эту рѣчку,—иначе, какъ въ бродъ, въ тѣ времена черезъ нее не переправлялись; а тутъ вдругъ явилась остановка изъ-за того, что рѣчка разлилась и разбушевалась.

Генералъ рѣшилъ переѣхать черезъ нее, несмотря ни на что; префектъ города Рымника (по тогдашнему spravnikû), старый его знакомый Константинъ Николеско, уговаривалъ, умолялъ обождать, но Суворовъ-сынъ настойчиво и даже грозно приказалъ ямщикамъ переѣхать. Какъ только карета, запряженная восьмерикомъ лошадей цугомъ въѣхала въ воду, ее тотчасъ же снесло, разметало, и молодой генералъ, сынъ героя, погибъ въ пучинѣ бурныхъ водъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ его сынъ, внукъ генералиссимуса, генералъ-адъютантъ князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ на мѣ-

стѣ гибели своего отца поставилъ памятникъ: одна колонна-пирамида, очень художественно выточенная изъ особаго бѣлаго камня, обычно добываемаго въ горахъ Трансильваніи, была поставлена подъ самымъ городомъ на томъ мѣстѣ, на которомъ послѣдовалъ роковой въѣздъ безумнаго храбреца-генерала въ воду, а другая—тамъ, гдѣ тѣло его было найдено выброшеннымъ послѣ того, какъ разбушевавшаяся, разметавшая вдребезги экипажъ рѣчонка притихла и вошла въ свои берега.

Это второе мѣсто пришлось какъ разъ у подножья холма, насыпаннаго на берегу рѣчки за городомъ въ видѣ большой горы, скрывшей подъ собой огромныя массы турокъ, сраженныхъ Суворовымъ-отцомъ въ неравномъ Рымникскомъ бою, когда 65 тысячъ «союзниковъ восточнаго воинственнаго навода» дрались съ дивизіей отважныхъ богатырей суворовскихъ (1789 г., дѣйствія арміи Репнина́).

Въ 1876 году рѣчка Рымникъ въ одинъ изъ своихъ обычныхъ, періодически повторяющихся бурныхъ разливовъ смела оба памятника. Среди мѣстныхъ жителей ходитъ разсказъ, будто бы это случилось въ годъ столѣтія со дня рожденія погибшаго генерала и въ самый день годовщины его гибели.

Генералъ-адъютантъ Суворовъ очень скоро вновь поставилъ такіе же памятники на тѣхъ же мѣстахъ; при этомъ инженеры, слѣдуя послѣднимъ указаніямъ техники, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы новыя колонки-пирамиды были укрѣплены прочнѣе и могли бы съ наибольшимъ упорствомъ противостоять стихіямъ. Въ апрѣлѣ 1877-го года, передъ самымъ вступленіемъ нашихъ славныхъ войскъ въ предѣлы Румыніи, состоялось, въ присутствіи генералъ-адъютанта Суворова, торжество освященія новыхъ памятниковъ.

Важный, большой генералъ (marele generalul), какъ разсказывали потомъ окрестные румыны, прибылъ въ Рымникъ съ сыномъ, съ дочерью (нынѣ вдова убитаго въ 1906 году въ Петергофѣ генералъ-майора Козлова) и съ адъютантомъ, полковникомъ Енгалычевымъ (они его называли князь Галичевъ—printul Galicew).

Министръ-президентъ, онъ же министръ внутреннихъ дѣлъ, Иванъ Братіано и военный министръ Сланичано пріѣхали на торжество, какъ представители князя румынскаго Карла (нынѣ король Карлъ I); собрались мѣстныя и окрестныя власти—военныя и гражданскія, а также въ большихъ массахъ жители обширной округи.

Князю Суворову тамъ же представился глубокій старикъ Мачедонеско; это былъ когда-то лихой офицеръ одного изъ нашихъ гусарскихъ полковъ, по фамиліи Македонскій, прожившій большое состояніе, помѣщикъ Харьковской или Полтавской губерніи. Послѣ

турецкой войны 1828 года правительство наше назначило отъ каждаго рода войскъ по два офицера въ видѣ инструкторовъ при нарождавшихся въ эту пору молдо-валахскихъ войскахъ; въ числѣ прочихъ Македонскій былъ тамъ оставленъ отъ кавалеріи для формированія конныхъ частей. Впослѣдствіи офицеры-инструкторы вернулись въ Россію, но онъ остался въ Валахіи, пустилъ тамъ корни, женился, перемѣнилъ свою фамилію на молдавскій ладъ, вступилъ въ ряды молдо-валахской, тогда еще сбродной арміи, омолдаванился и доживалъ свой вѣкъ подъ Рымникомъ въ обширныхъ виноградникахъ, взятыхъ въ приданое за красавицей-валашкой.

Со свойственной глубокимъ старикамъ болтливостью, онъ много разсказалъ князю объ его отцѣ, съ которымъ, какъ говорилъ, былъ лично очень хорошо знакомъ.

Передъ окончаніемъ богослуженія, которое торжественно совершалъ архіепископъ Діонисій изъ Бузео (городокъ на половинѣ пути между Рымникомъ и Бухарестомъ), князь Суворовъ обратилъ вниманіе на то, что старикъ Мачедонеско очень оживленно и горячо разговаривалъ съ громадной толпой царанъ (такъ въ Румыніи и въ части Бессарабіи именуются крестьяне отъ слова цара—страна).

Оказалось, что Мачедонеско, не сомнѣваясь въ томъ, что эти царане, представители народа, давно уже считающаго себя наиболѣе развитымъ, образованнымъ и интеллигентнымъ изо всѣхъ народностей Балканскаго полуострова, знаютъ, понимаютъ и чувствуютъ всю важность посѣщеннаго ими торжества, завелъ съ ними бесѣду на этомъ предметъ. Напомнивъ имъ о богатырскихъ подвигахъ великой россійской арміи, искони подвизавшейся на пользу и въ защиту маленькихъ, забитыхъ Исламомъ, православныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи,—старый ветеранъ, въ простой, отеческой бесѣдѣ, указалъ имъ, что торжество, на которомъ имъ довелось присутствовать, не являлось только торжествомъ русскихъ или торжествомъ князя Суворова, а представляетъ собою съ тѣмъ вмѣстѣ и торжество румынской націи, ибо оно воскрешаетъ самыя дорогія въ исторіи этой націи воспоминанія о временахъ борьбы великой Россіи за освобожденіе православныхъ братьевъ, затертыхъ и придавленныхъ игомъ мусульманскимъ.

Велико было удивленіе и огорченіе старика, когда онъ, въ отвѣтъ на свои, вылившіяся изъ глубины сердца, пламенныя слова, услышалъ отъ царанъ просьбу о томъ, чтобы и имъ, въ болѣе отдаленныхъ отъ Рымника селахъ, каковы Слободзея, Сальчіоре, Андреешты, Браништаръ-де-Жоссъ и др., были поставлены на рѣкѣ такіе же «знаки», какіе князь поставилъ у города Рымника.

Старикъ едва сообразилъ и усвоилъ себѣ мысли и желанія царанъ, этихъ дѣтей практическаго вѣка; они вообразили и серь-

езно увѣряли, что при наличности этихъ «знаковъ» можно будетъ всегда, и въ бурю и въ ураганъ, свободно переѣзжать рѣчку, какъ бы жестоко она ни разбушевалась, для того будто бы «знаки» эти и ставятся.

Кто вселилъ въ нихъ такое убѣжденіе, нельзя сказать, но оно представлялось тѣмъ болѣе нелѣпымъ заблужденіемъ, что памятники, обращенные ихъ косными понятіями въ «знаки», ставились не въ первый разъ; они уже простояли въ томъ мѣстѣ на рѣкѣ у города Рымника болѣе шестидесяти лѣтъ, причемъ никогда ни одинъ царанинъ и вообще ни одинъ путникъ не переѣхалъ благополучно черезъ рѣчку, не только во время бури, но даже и во время простого, тихаго разлива.

Въ пространной, горячей бесѣдѣ во время и послѣ богослуженія Мачедонеско старался образумить царанъ, но всѣ усилія его были совершенно безуспѣшны: румыны упорно стояли на своемъ, увѣряя, что Рымникъ несправедливо и незаслуженно получилъ такую льготу. За лукулловскимъ обѣдомъ, который при этомъ случаѣ былъ данъ княземъ Суворовымъ всѣмъ присутствовавшимъ, царане, разгоряченные мѣстнымъ виноградньмъ, лившимся въ изобиліи виномъ, заявляли свою претензію очень нетерпѣливо, а просьбу о постановкѣ имъ «знаковъ» обратили даже почти въ дерзкое требованіе.

Князь Суворовъ смѣялся надъ этой закоренѣлой косностью, но, видимо, все торжество было для него испорчено этимъ инцидентомъ; невозможно было представить себѣ вѣроятность чего-либо подобнаго.

Вотъ какъ восточный человѣкъ бываетъ тупъ, лѣнивъ и какъ далекъ онъ отъ того, чтобы пошевелить мозгами, вдуматься, понять, сообразить.

Впослѣдствіи, во время пребыванія государя Александра Николаевича со свитой въ Плоештахъ, князь Суворовъ, человѣкъ вообще очень разговорчивый, часто разсказывалъ этотъ эпизодъ, при чемъ, по своей забывчивости, однимъ и тѣмъ же лицамъ повторялъ разсказъ нѣсколько разъ.

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ своихъ государь, выслушавъ изъ устъ Суворова повтореніе этого разсказа, сказалъ со свойственною ему мягкостью и съ вѣрой въ будущее: «Видно, рано еще молдо-валахамъ кичиться своей школой и грамотностью народа; но хоть и не сегодня и не завтра, а настанетъ время, когда съ Божіею помощью все такое отойдетъ на Балканскомъ полуостровѣ въ область невѣроподобныхъ преданій».

Е. Андреевскій.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

(Литературный портретъ).

I.

СОШЕЛЪ съ жизненной арены послѣдній представитель литературной эпохи сороковыхъ годовъ: 25 марта с. г. не стало Алексѣя Михайловича Жемчужникова, «поэта Божіей милостью» и «гражданина» земли русской, всю свою долгую жизнь стоявшаго на стражѣ «отечественной свободы». Наименованіе «поэта-гражданина» давно и прочно установилось за старѣйшимъ представителемъ русскаго Парнаса, и самъ почившій писатель занесъ это опредѣленіе своего поэтическаго profession de foi въ свой литературный послужной списокъ, сказавъ въ стихотвореніи «Завѣщаніе»:

> Названье мнѣ дано поэта-гражданина
> За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ;
> Что былъ глашатаемъ забытыхъ старыхъ истинъ,
> И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ и слабъ,
> Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ,
> И самъ я съ юности не рабъ.

Поэтъ, вышедшій изъ литературной среды, тѣснѣйшимъ образомъ связанной традиціями и преемственностью съ эпохой Пушкина Грибоѣдова, Гоголя и прочихъ корифеевъ нашей изящной словесности, впитавшій въ себя всѣ лучшіе соки освободительной эпохи

шестидесятыхъ годовъ,—Жемчужниковъ являлъ собою въ наше время интересный типъ литературнаго дѣятеля, въ памяти и на глазахъ котораго развернулась и протекла вся наша исторія литературы отъ дней Бѣлинскаго и до послѣднихъ лѣтъ включительно. Такой громадный періодъ находилъ себѣ въ его произведеніяхъ, хотя, правда, и не всегда одинаково рельефно, то или иное отраженіе и при томъ преимущественно съ той стороны, которая ближайшимъ образомъ соприкасалась съ общими вѣяніями отечественной жизни въ ихъ наиболѣе яркихъ и знаменательныхъ проявленіяхъ. При этомъ какъ особую оригинальность его творчества необходимо отмѣтить, что оно съ теченіемъ долгихъ лѣтъ его жизни становилось все плодотворнѣе, колоритнѣе и шире. Его талантъ точно крѣпъ съ годами, выросталъ въ своемъ общественномъ значеніи, становился вліятельнѣе и авторитетнѣе. Жемчужниковъ на зарѣ литературной дѣятельности въ пятидесятыхъ годахъ и онъ же на склонѣ лѣтъ, перешагнувъ за седьмой десятокъ жизни, двѣ величины не одинаковаго общественнаго порядка. Въ первомъ періодѣ онъ какъ бы тонетъ въ ряду прочихъ поэтовъ однозвучащей лиры или меркнетъ передъ блескомъ другихъ; онъ, такъ сказать, уступаетъ дорогу болѣе сильнымъ, полагая, что рядомъ съ ихъ голосами его голосу не слѣдуетъ раздаваться, и сознательно, не изъ тщеславія или обиженнаго самолюбія, а во имя высшихъ соображеній обрываетъ свои пѣсни. Такъ, въ своемъ автобіографическомъ предисловіи къ полному собранію сочиненій онъ говоритъ: «Когда, въ эпоху новыхъ вѣяній, я вышелъ въ отставку именно съ тѣмъ, чтобы имѣть право и возможность мыслить и чувствовать съ бо́льшею свободою и независимостью, во мнѣ родилось сомнѣніе въ дѣльности моихъ литературныхъ занятій. Мнѣ казалось, что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время. Поэзія на «гражданскіе мотивы» была бы очень умѣстна въ эпоху пробужденія ума и совѣсти. Я сознавалъ все высокое ея значеніе, и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я, конечно, не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне...»

Уступая другимъ дорогу, онъ, однако, даже въ тотъ періодъ новыхъ «вѣяній» пріобрѣтаетъ популярность, какъ одинъ изъ создателей знаменитаго въ свое время Козьмы Пруткова съ его баснями, сатирическими стихотвореніями, афоризмами и глубокомысленными сентенціями. Но въ этомъ кругу творчества его значеніе, какъ опредѣленной общественной величины, имѣетъ вѣсъ постольку, поскольку оно растворялось въ собирательной работѣ другихъ — Владимира и Александра Жемчужниковыхъ и графа Ал. Толстого,—а также поскольку оно питало эту работу. Здѣсь строгую грань въ движеніи и выраженіи мыслей каждаго изъ

поименованныхъ авторовъ невозможно провести и въ наличности остается одно общее явленіе, служащее отраженіемъ работы мысли и чувства цѣлыхъ четырехъ писателей. Въ семидесятыхъ годахъ, во время его бытности за границею, муза поэта звучитъ нѣсколько громче и творчество ея напряженнѣе, но тутъ снова наступаетъ нѣкоторый перерывъ, вызванный личнымъ горемъ—смертью жены. Только со второй половины восьмидесятыхъ годовъ и вплоть до конца минувшаго 1907 г. литературная работа Алексѣя Михайловича становится постояннѣе, и онъ каждый годъ уже регулярно даритъ публикѣ рядъ значительныхъ стихотвореній, гдѣ мотивы гражданской скорби тѣсно переплетаются съ мотивами «чистой красоты». Эти послѣднія два десятилѣтія получаютъ особенное значеніе въ его литературномъ формулярѣ. Имя Жемчужникова все чаще мелькаетъ на страницахъ журналовъ, широкая публика ближе съ нимъ знакомится, и его поэтическая проповѣдь на темы о правдѣ, о долгѣ, о свободѣ и пр. получаетъ характеръ настоящаго общественнаго учительства, которому современники начинаютъ внимать съ особенною чуткостью и почтеніемъ. За выбытіемъ изъ жизненнаго строя всѣхъ сверстниковъ и товарищей по стихотворству, онъ остается въ русской литературной дѣйствительности одинокимъ, единственнымъ и настоящимъ поэтомъ «Божіей милостью», которому весь окружающій его міръ говоритъ понятнымъ и внятнымъ языкомъ и которому онъ отвѣчаетъ въ свою очередь, какъ только одни помазанники чистой поэзіи могутъ говорить. Иногда, когда событія окружающей жизни уже слишкомъ возбуждаютъ негодующее чувство писателя и онъ весь въ гнѣвѣ и порицаніи, въ его стихахъ слышится нѣкоторая прозаическая неуклюжесть, рѣжущая ухо дисгармонія стихотворной рѣчи, но это случается только въ видѣ немногихъ и нечастыхъ исключеній. Жемчужниковъ никогда не былъ версификаторомъ публицистической прозы и газетныхъ передовицъ или фельетоновъ: говоря о «пыли земли», онъ умѣлъ придавать своимъ словамъ необходимую поэтичность, вкладывалъ въ нихъ тотъ «глаголъ», который проникалъ въ самое сердце и сожигалъ его особымъ огнемъ, имѣющимся въ распоряженіи только у настоящихъ поэтовъ. Поэтому тотъ дуализмъ, который, несомнѣнно, наблюдается въ его литературной дѣятельности—поэта «гражданскихъ мотивовъ» и поэта «чистой красоты»,—въ немъ достаточно сглаживается, въ результатѣ чего получается оригинальное и красивое единство, которое позволяетъ поставить его въ разрядъ выдающихся отечественныхъ поэтовъ, гдѣ значатся такіе корифеи нашей литературы, какъ Некрасовъ, Тютчевъ, Хомяковъ, Ал. Толстой, въ чьихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ красивое выраженіе поэтическаго чувства, изящное и вдохновенное изображеніе окружающей природы и отзывчивый, чуткій откликъ на

современныя событія отечественной жизни. Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своего творчества онъ близко соприкасается и съ Фетомъ, этимъ типичнымъ представителемъ поэзіи чистой красоты и пѣснопѣвцемъ великорусской природы въ разные моменты ея расцвѣта и увяданія. Жемчужниковъ, какъ немногіе въ нашей литературѣ, именно великорусскій поэтъ, для котораго красоты серединной Россіи съ ея нѣсколько сѣрыми и мягкими тонами особенно близки и дороги. Въ этихъ-то тонахъ онъ и почерпалъ неизмѣнно краски для своей поэтической кисти и палитры, смѣшивая и комбинируя эти краски сообразно временамъ года и своему настроенію. Послѣ Пушкина и Фета ни въ чьихъ стихахъ эта природа не нашла себѣ такого мастерского и любящаго фотографа, какъ именно въ стихахъ Жемчужникова, и ни въ чьихъ стихахъ, кромѣ Фета, природа вообще не встрѣтила такого обоготворенія, какъ именно у только что скончавшагося нашего писателя. Во всей природѣ для него было разлито видимое божество, которому онъ всю жизнь благоговѣйно и восторженно молился, пѣлъ ему хвалебные гимны и почерпалъ у него высшую мудрость жизни. Далѣе мы подтвердимъ образцами стиховъ самого поэта это наше положеніе, а пока остановимся на тѣхъ краткихъ біографическихъ данныхъ, которыя самъ Жемчужниковъ повѣдалъ о своей жизни въ предисловіи къ двухтомному собранію своихъ стихотвореній [1]).

II.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ родился въ 1821 г. въ зажиточной барской семьѣ. Отецъ его дослужился до званія сенатора и пользовался въ Петербургѣ репутаціей русскаго стариннаго барина-хлѣбосола и крупнаго сановника, въ домѣ котораго процвѣтало широкое гостепріимство и гдѣ каждаго, явившагося къ хозяину дома съ доброй рекомендаціей, принимали отечески-тепло и ласково. Особенною любовью пользовалась молодежь, которая обильно и стекалась въ гостепріимный домъ Жемчужниковыхъ, внося въ жизнь чиновнаго хозяина свой юный смѣхъ, шумъ и веселіе. Кромѣ нашего будущаго поэта, у него было еще два сына, Александръ и Владиміръ, изъ которыхъ въ особенности послѣдній заслужилъ въ столицѣ репутацію неисправимаго повѣсы, остроумнаго весельчака и школьника, заставлявшаго говорить о себѣ столичное общество своими проказами, въ которыя неоднократно приходилось вмѣшиваться и администраціи. Когда въ нашей литературѣ говорятъ о молодыхъ «людяхъ сороковыхъ годовъ» и именно съ той стороны, гдѣ проявлялось ихъ жизне-

[1]) Стихотворенія А. М. Жемчужникова въ двухъ томахъ. Спб. 1901.

радостное настроеніе, съ подчасъ мальчишескими шалостями, включая сюда столкновенія съ чванными тогдашними сановниками и добродушными бутырями, то по большей части имѣютъ въ виду именно ту среду, въ которой вращались молодые братья Жемчужниковы и настроеніе которой до нѣкоторой степени давалось Владиміромъ Михайловичемъ.

До 14-лѣтняго возраста Алексѣй Михайловичъ воспитывался въ отчемъ домѣ, гдѣ и получилъ прекрасное образованіе, при широкомъ знакомствѣ съ духовными сокровищами западной культуры, каковое было добрымъ удѣломъ большинства тогдашнихъ зажиточныхъ и интеллигентныхъ дворянскихъ круговъ, создавшихъ нашу знаменитую изящную литературу сороковыхъ годовъ. Въ 1835 г. юный Жемчужниковъ поступилъ въ здѣшнюю первую гимназію, но вскорѣ оттуда вышелъ и былъ опредѣленъ въ только что основанное тогда принцемъ Ольденбургскимъ училище правовѣдѣнія. Вспоминая годы своего пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи, Жемчужниковъ говоритъ: «Еще на училищной скамьѣ я сдѣлалъ запасъ возвышенныхъ идеаловъ и честныхъ стремленій. Духъ училища въ мое время былъ превосходный. Этимъ духомъ мы были обязаны не столько нашимъ профессорамъ, между которыми были очень почтенные люди, но Грановскихъ не было, сколько самому основателю и попечителю нашего училища— принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Онъ, своимъ личнымъ характеромъ и обращеніемъ съ нами и нашими наставниками, способствовалъ къ развитію въ насъ чувства собственнаго достоинства, человѣчности и уваженія къ справедливости, законности, знаніямъ и просвѣщенію. Составъ моихъ товарищей былъ также очень хорошъ. Я былъ близокъ почти со всѣми воспитанниками трехъ первыхъ выпусковъ. Мы были воодушевлены самыми лучшими намѣреніями. Какъ добрыя начала, вынесенныя изъ училища, такъ и доходившія до меня потомъ вѣянія отъ людей сороковыхъ годовъ не дозволяли мнѣ безповоротно увлечься шумною, блестящею, но пустою жизнью».

По выходѣ изъ училища правовѣдѣнія въ 1841 г., Жемчужниковъ поступилъ на службу въ сенатъ; но въ слѣдующемъ году былъ уволенъ отъ канцелярской работы и прикомандированъ для занятій къ ревизовавшему Орловскую и Калужскую губернію сенатору Д. Н. Бѣгичеву, автору романа «Семейство Холмскихъ». Пробывъ въ этой ревизіи годъ времени, онъ въ 1844 г., послѣ отпуска, принялъ участіе въ ревизіи отцомъ его таганрогскаго градоначальства. Эти разъѣзды по Россіи и занятія при сенаторахъ-ревизорахъ позволили ему еще въ юныхъ годахъ ознакомиться близко съ жизнью провинціальной Россіи и разными ея общественными классами. Въ 1846 г. онъ ѣздилъ за границу, въ 1847 году перешелъ изъ сената на должность помощника юрискон-

сульта, а въ 1849 поступилъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ съ 1855 г. былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. 1 января 1858 г. Жемчужниковъ вышелъ въ чистую отставку, покинулъ Петербургъ и въ качествѣ вольнаго гражданина и профессіональнаго писателя проживалъ сначала въ Калугѣ, гдѣ женился, потомъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, а затѣмъ за границей—преимущественно въ Германіи, Швейцаріи, Италіи и на югѣ Франціи. «Моя продолжительная жизнь за границей—говоритъ онъ,—которая была, впрочемъ, прервана возвращеніемъ на нѣкоторое время домой, была для меня не менѣе полезна, чѣмъ жизнь въ провинціи. Я убѣдился на опытѣ въ разумности и въ высоко-нравственномъ значеніи многихъ сторонъ западно-европейскаго быта и проникся глубокимъ къ нимъ уваженіемъ и сознательнымъ сочувствіемъ». Потерявъ на чужбинѣ жену, Жемчужниковъ съ 1884 г. навсегда переселился въ Россію, проживая то въ Орловской, то въ Рязанской, то въ Тамбовской губерніи, или у своихъ родственниковъ, или въ собственномъ имѣніи. Нашъ поэтъ дѣлитъ въ своей автобіографіи жизнь на два періода, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по внутреннему содержанію: до отставки въ 1858 г. и послѣ отставки. «Въ первомъ періодѣ, — повѣствуетъ онъ, — было болѣе внѣшнихъ перемѣнъ и движенія, знакомствъ, обязанностей и такихъ занятій, которыя служащими чиновниками называются «дѣломъ...» Во второмъ періодѣ было болѣе сосредоточенности, размышленія и критики. Критическое отношеніе къ окружавшему меня обществу заставило меня обернуться задомъ ко всему прошлому и пойти другой дорогой. Именно съ той минуты, когда я оказался безъ обязательнаго служебнаго имени, я началъ сознавать, что могу быть дѣльнымъ человѣкомъ. Я искренно уважалъ государственныхъ людей, достойныхъ этого дѣла; но, достигнувъ 37-лѣтняго возраста, я началъ сомнѣваться въ томъ, что во мнѣ есть данныя для занятія когда-нибудь между ними мѣста. За все время моей службы я успѣлъ составить себѣ репутацію искуснаго редактора. Дѣйствительно, я умѣлъ хорошо писать бумаги и доклады и ловко редактировалъ чужія мнѣнія; и нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ я могъ бы «составить себѣ карьеру»; но меня—могу похвалиться—такая перспектива не привлекала. Въ мои лѣта пора уже было позаботиться о возможности выражать свои собственныя мнѣнія, вмѣсто того, чтобы редактировать чужія, да притомъ еще нерѣдко мнѣ антипатичныя. А потому я рѣшился, къ немалому удивленію многихъ моихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, разстаться и съ званіемъ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, и съ званіемъ камеръ-юнкера.

«Въ первомъ періодѣ моей жизни я убилъ много времени даромъ. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно надъ

духовною. Не столько служба, сколько свѣтская жизнь нерѣдко засасывали меня, какъ болото. Проявлялись, конечно, и тогда болѣе или менѣе продолжительные свѣтлые промежутки. Они-то и подготовляли возможность совершившейся со мной послѣ перемѣны. ...Послѣ моей отставки я, на полной свободѣ частной жизни, сблизился съ обществомъ писателей и съ многими лучшими представителями направленія сороковыхъ годовъ, къ которымъ питаю до сихъ поръ особую симпатію и глубокое уваженіе. Они всегда были лучшими моими друзьями и наставниками».

Въ драматическихъ произведеніяхъ Жемчужникова—«Странная ночь» и «Сумасшедшій»—мы видимъ отраженіе той свѣтской жизни, про которую писатель упоминаетъ въ автобіографіи. Отношеніе автора и къ изображаемой средѣ и къ ея представителямъ отрицательное, съ тенденціей обличенія царящей здѣсь духовной пустоты и отсутствія крѣпкихъ и чистыхъ устоевъ жизни. Пьеса «Сумасшедшій» носитъ на себѣ несомнѣнное вліяніе автора «Горе отъ ума», и въ лицѣ Валунина мы имѣемъ, нѣкоторое повтореніе Чацкаго, при чемъ оба они въ отповѣдяхъ, прочитанныхъ кругу «своихъ людей», за которую въ награду получаютъ отъ послѣднихъ опредѣленіе «сумасшедшаго», отражаютъ въ значительной мѣрѣ ходъ мыслей и настроеніе чувствъ ихъ создателей. Что въ лицѣ Валунина Жемчужниковъ имѣлъ въ виду самого себя, усматривается также изъ неоконченной имъ поэмы «Мой знакомый», гдѣ этимъ знакомымъ является именно Валунинъ, страстная любовь къ природѣ у котораго напоминаютъ намъ то, что мы знаемъ о раннихъ годахъ жизни нашего поэта.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этимъ драматическимъ произведеніямъ, необходимо отмѣтить, что въ свое время обѣ пьесы были поставлены на сценѣ, имѣли успѣхъ, но съ теченіемъ времени оказались забытыми; а вмѣстѣ съ тѣмъ эти комедіи заслуживаютъ лучшей памяти и могли бы даже въ наши дни быть возобновлены, особенно въ исполненіи молодыхъ представителей того самаго общества, изъ жизни котораго они берутъ свой сюжетъ и которое, какъ извѣстно, часто «съ благотворительными цѣлями» ставитъ разные «любительскіе спектакли».

III.

«Писать» Жемчужниковъ началъ рано — еще на школьной скамьѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ издавался воспитанниками рукописный журналъ подъ названіемъ «Собраніе упражненій воспитанниковъ такого-то класса». Нашъ поэтъ былъ однимъ изъ его редакторовъ и дѣятельныхъ вкладчиковъ. Въ первый періодъ казенной службы онъ писалъ мало

и, по собственному признанію, «лѣниво, какъ бы въ минуты пробужденія». О дальнѣйшихъ періодахъ писательства сказано выше, при чемъ отмѣчено, что, кромѣ стиховъ, онъ писалъ и прозой, каковой, однако, изъ-подъ его пера вышло не Богъ вѣсть сколько. Къ послѣдней относится его статья «Современный просвѣтитель народа», въ которой подвергнута критическому разбору брошюра «Печатная правда», обращенная къ русскому народу съ цѣлью приготовить его, будто бы, къ пониманію объявленнаго уже правительствомъ преобразованія крестьянскаго быта; далѣе слѣдовала статья «Физіономіи и силы», гдѣ авторъ, съ точки зрѣнія наступившаго переходнаго времени, старался отмѣтить черты нашего дореформеннаго быта. Кромѣ поименованныхъ статей, имъ были напечатаны еще двѣ-три обличительнаго и полемическаго характера и рядъ писемъ изъ-за границы во время и послѣ франко-прусской войны. Статьи его печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его либеральнаго періода, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей В. Ѳ. Корша и въ «Днѣ» И. С. Аксакова, а заграничныя письма—въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Письма изъ нѣмецкаго захолустья» и «Письма изъ нѣмецкаго города», и были подписаны цифрами: I, VII. Также передъ послѣднею русско-турецкою войною имъ было помѣщено въ «Голосѣ» А. А. Краевскаго письмо о тогдашнемъ настроеніи нашего общества.

Какъ поэтъ, въ печати онъ появился лишь не ранѣе 1850 г., а послѣднее его произведеніе было напечатано въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1907 г. въ видѣ воскрешеннаго имъ къ жизни Козьмы Пруткова съ его «Посмертнымъ произведеніемъ». Стихи А. М. Жемчужникова помѣщались въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для чтенія» (редакція Дружинина), «Искрѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Сборникѣ въ память В. М. Гаршина» и «Сборникѣ въ пользу голодающихъ», изданномъ редакціею «Русскихъ Вѣдомостей» въ 1891 г. Главное его сотрудничество за послѣднюю четверть вѣка принадлежало почти исключительно «Вѣстнику Европы», съ редакціей котораго онъ былъ тѣсно связанъ узами личной дружбы, единомыслія и единства политическаго направленія. Его стихотворенія, появлявшіяся постоянно подъ красною обложкою этого нашего старѣйшаго ежемѣсячника какъ нельзя болѣе подходили подъ общій тонъ тамошней политической публицистики и общественной хроники, служа отраженіемъ тѣхъ либеральныхъ и просвѣтительныхъ идей, главныя основы которыхъ заложены въ эпохахъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Общее литературное наслѣдіе Жемчужникова относительно невелико по своему объему — два небольшихъ тома стихотвореній, собранныхъ воедино и изданныхъ впервые въ 1892 г., и за симъ также небольшой томикъ стиховъ, подъ заглавіемъ «Пѣсни ста-

росги», изданный въ 1899 г., и обнимающій собою его произведенія, относящіяся къ періоду 1892—1898 гг. Сюда, конечно, не успѣли войти тѣ его творенія, которыя довольно обильно появлялись въ послѣднее десятилѣтіе на страницахъ «Вѣстника Европы», и которыхъ соберется достаточное количество для посмертнаго изданія.

Мы видѣли изъ авто-біографическаго признанія писателя и отрывка изъ такого же авто-біографическаго стихотворенія, съ какимъ идеалистическимъ міровоззрѣніемъ вступилъ онъ на литературное поприще. Гуманитарныя идеи сороковыхъ годовъ съ ихъ «философическимъ», какъ тогда говорили, содержаніемъ, были тѣми путеводными звѣздами, которыя освѣщали раскрывавшійся передъ поэтомъ жизненный путь. Вспоминая начало своей жизни, онъ на склонѣ дней (1897 г.), въ стихотвореніи «Прежде и теперь», писалъ:

Я помню школьные года
И возрастъ отрочества нѣжный.
Моя душа была тогда
Чиста, какъ даль вершины снѣжной.

Въ то время,—ближе къ небесамъ,
Чѣмъ къ той юдоли, гдѣ родился,—
Въ слезахъ я пламенно молился,
Безъ словъ, о чемъ не зная самъ.

Съ насильемъ жизни подневольной
Вседневно шла во мнѣ борьба;
И жутко было мнѣ, и больно,
Что такъ дѣйствительность груба.

Я не хотѣлъ ни игръ, ни смѣха:
Въ часы досуга рѣзвый шумъ
Мнѣ былъ докученъ, какъ помѣха
Для созерцанія и думъ.

Мнѣ чувство грусти сладко было.
Взамѣнъ всѣхъ радостей земныхъ
Душа скорбящая однихъ
Блаженствъ евангельскихъ просила.

И такъ росла молитвы сила
Въ ту пору вѣры и любви,
Что я, паря къ Христову раю,
На мой призывъ: благослови!
Слыхалъ привѣтъ: благословляю.

Но вотъ прошло много лѣтъ, и поэтъ, озираясь на настоящее и сравнивая его съ своимъ прошлымъ, приходитъ къ слѣдующему признанію:

Прошли чредою времена.
Давно съ земною жизнью друженъ,
Я съ ней сроднился. Мнѣ она
Покуда все еще нужна;
Но я ужъ больше ей ненуженъ.
Пора признать утрату силъ
И сильнымъ уступить дорогу.
Я жизни путь уже свершилъ;
И отъ позора, слава Богу,
Я душу уберегъ мою
Средь жизни суетной и ложной;
Но, долгій путь пройдя, стою
Покрытый пылью придорожной.
Все чаще вспоминаю я
Передъ концомъ о томъ началѣ,
Когда въ преддверьѣ бытія
Душа безгрѣшная моя
Святыя вѣдала печали;
Когда свободно къ небесамъ
Она молитвы возносила,
Какъ въ храмѣ Божіемъ кадило
Возноситъ къ сводамъ ѳиміамъ.
Ужъ не вернуть того, что было;
Мнѣ тѣхъ молитвъ не вознести...
И я теперь не ожидаю,
Когда твержу:— прости! прости!
Чтобъ мнѣ послышалось:—прощаю!

Въ этомъ красивомъ лирическомъ «прежде» и «теперь» Жемчужниковъ полагаетъ, что «придорожная пыль» жизни какъ будто легла тяжелымъ налетомъ на его былой идеализмъ, затемнила его былую юношескую вѣру и лишила его надежды на «прощеніе», на ту Божію милость, гдѣ слышатся всеразрѣшающія великія слова: «Нынѣ отпущаеши раба твоего». Но, знакомясь изъ стихотворенія въ стихотвореніе съ развитіемъ мысли и чувства нашего поэта, мы должны признать, что въ данномъ случаѣ прозвучавшій у него порывъ идеалистической безнадежности долженъ быть отнесенъ къ случайности настроенія, когда у человѣка, противъ его воли даже, вырывается недовольство собою и раскаяніе въ такихъ прегрѣшеніяхъ, коими онъ на самомъ дѣлѣ не грѣшенъ. Врядъ ли кто могъ разсчитывать на громкое и всесильное «прощаю» за чистоту идеализма, вѣры въ промыселъ Божій и высшую благость,

какъ нашъ поэтъ, ибо именно онъ никогда, до послѣдняго своего вздоха, не терялъ этой вѣры, былъ полонъ ею, жилъ ею, былъ самъ воплощеніемъ высшей в ѣ р ы, л ю б в и и н а д е ж д ы.

Чѣмъ, какъ не глубочайшимъ идеализмомъ и горячей вѣрой въ Бога, звучатъ его старческія пѣсни, когда онъ, раздумывая о своей отчизнѣ, молитъ, обращаясь къ всесильному благостному Духу, исходящему отъ Бога:

Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва,
Просите Его, и Онъ дастъ.
Лишь только бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и частъ.

Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ сухомъ и холодномъ;
Изъ камня добудемъ огня,
И, въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ безплодномъ,
Помолимся, сердцемъ стеня.

Ты дышишь, гдѣ хочешь, о, Духъ, призывающій къ жизни!
Дай жизни познать намъ пути;
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ!
Дохнуть на нее захоти!

Тѣмъ же мягкимъ, любовнымъ чувствомъ примиренія звучатъ его пѣсни, посвященныя ожиданію послѣдняго жизненнаго часа. Въ стихотвореніи «Ожиданіе» (1897 г.) онъ молитъ:

Еще молитвеннаго зова
Въ колокола не прозвучало;
Но храмъ открытъ и все готово;
Ужъ близко всенощной начало.

Онъ наполняется народомъ;
Предъ образами ставятъ свѣчи;
И въ тишинѣ, подъ гулкимъ сводомъ,
Звучатъ шаги и говоръ рѣчи.

Но все смолкаетъ понемногу.
Стоятъ и ждутъ безмолвно люди;
И только вздохъ невольно къ Богу
Порою вырвется изъ груди...

О, если бъ былъ я удостоенъ
Съ грядущей смертью тихой встрѣчи;
И таялъ, свѣтелъ и спокоенъ,
Какъ предъ иконой таютъ свѣчи;

И ждалъ конца, какъ ждешь, что скоро
Наступитъ строгое мгновенье
Удара въ колоколъ собора,
Чтобъ началось богослуженье!

Или въ другомъ стихотвореніи на ту же тему, относящемся къ 1898 году:

О, когда бъ мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ еще, владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью землею.
Въ благодатную погоду
Выйду я на воздухъ сельскій;
И укрытый темнымъ лѣсомъ,
Иль среди полей пустынныхъ,
Такъ я съ ней прощаться стану:
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу: прости, міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ:
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность зá хлѣбъ, зá соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ:
Онъ теперь покоя проситъ;
Упокой его навѣки.

IV.

Страстная любовь къ землѣ, къ ея покровамъ и нарядамъ, ко всему, что она производитъ и кто ее населяетъ, составляетъ отличительную черту поэзіи Жемчужникова подобно тому, какъ это мы видимъ и у Фета съ тою только существенною разницею, что Фетъ обоготворяетъ землю какъ природу, внѣ людей, а Жемчужниковъ любитъ ее во всемъ ея органическомъ цѣломъ со всѣми ея жизненными радостями и горестями. У Фета въ его

чувствѣ боготворенія земного міра звучитъ страсть, торжественное вдохновеніе, у Жемчужникова—видится теплое сердечное чувство, вызывающее въ читателѣ, какъ и въ самомъ авторѣ, начало примиренія, легкой гармоніи между земнымъ и небеснымъ и сознаніе ихъ тѣснаго взаимоотношенія и взаимодѣйствія. Свой взглядъ на природу, ея обоготвореніе онъ наиболѣе полно и рельефно выразилъ въ стихотвореніи «Святая пора», гдѣ мы читаемъ:

Есть пора святая въ жизни деревенской—
Осени прозрачной тихая пора.
Въ ясный день природа—это храмъ вселенскій;
Въ немъ богослуженье—до ночи съ утра!
Лишь съ долинъ росистыхъ волны ѳиміама
Возлетятъ навстрѣчу утренней зари,
Для молитвъ открыты на просторѣ храма
Всюду алтари.

На холмѣ высокомъ, и подъ скромной ивой,
И въ лугу безмолвномъ, гдѣ стоятъ стоги,—
Алтари повсюду, гдѣ благочестиво
Остановитъ путникъ взоры и шаги.
Паутиной чистой серебрятся жнивья;
Нивы въ изумрудный облеклись нарядъ;
Какъ паникадила, стройныя деревья
Золотомъ горятъ.

Время грозъ щемящихъ, время нѣги знойной
Отъ земли умчалось... Ей его не жаль.
Все теперь объято думою спокойной;
Взоръ она возноситъ въ голубую даль.
Небу за былое шлетъ благодаренье:
Знаетъ, что ей нынѣ дни ужъ сочтены;
И готова къ смерти, чая воскресенья
Отъ лучей весны.

Въ этотъ храмъ природный, храмъ нерукотворный
Приходите, люди, бросивъ города!
Въ немъ—пріютъ свободный мысли непокорной,
Утѣшенье въ горѣ, отдыхъ отъ труда.
Въ этотъ храмъ любовно распахнуты двери;
Всѣмъ умамъ широкимъ, всѣмъ благимъ сердцамъ,
Всѣмъ людскимъ ученьямъ, и мечтамъ, и вѣрѣ—
Входъ свободенъ въ храмъ.

Богомъ именуемъ, о, великій Зодчій!
Осенью прозрачной, въ сельской тишинѣ
Ты передъ природой мнѣ съ любовью отчей
Снялъ съ очей завѣсу и открылъ ихъ мнѣ.
И твой храмъ я вижу просвѣтленнымъ взоромъ,
Храмъ, гдѣ вѣчно служба въ славу бытія;
И духовнымъ слухомъ слышу пѣнье хоромъ.
Аллилуія.

Особенною любовію поэта, какъ уже сказано выше, пользовалась именно великорусская деревня, на лонѣ которой онъ находилъ себѣ полное успокоеніе, гармоничный отвѣтъ трепету своего сердца и теченію мыслей. Это влеченіе къ природѣ серединной Россіи съ особенною наглядностью выяснено имъ въ цитированномъ уже автобіографическомъ стихотвореніи «Мой знакомый», гдѣ поэтъ вкладываетъ одушевляющія его чувства въ характеръ и наклонности своего героя Валунина. Онъ говоритъ про Валунина:

Любилъ великорусскую природу
Онъ такъ же послѣ, какъ и въ старину—
За скромность, за просторъ, за тишину,
За то, что, созерцанью давъ свободу,
Она ничѣмъ намъ не стѣсняетъ духъ...
Привольно бродитъ взоръ, спокойно внемлетъ слухъ.

. . . .
. . . .

А онъ всегда своею прелестью спокойной,
Всегда влечетъ къ себѣ, мой край родной!
Подъ липою кудрявою и стройной
Сидишь и все глядишь передъ собой,
Любуясь свѣжей тѣнью въ полдень знойный;
На днѣ оврага шепчущимъ ручьемъ;
Віющейся по нивамъ золотистымъ
Дорогой черной; ковромъ цвѣтистымъ
Лужаекъ и холмовъ, а тамъ—селомъ
Раскинутымъ, и далью темно-синей,
И строгой простотой волнующихся линій.

Забудешься и слушаешь порой
Жужжанье пчелъ, и трели птичьихъ пѣсенъ,
И скрипъ колесъ телѣжныхъ подъ горой.
Кругъ впечатлѣній свѣтелъ и нетѣсенъ...
Сидишь и все глядишь передъ собой!
Настроенъ духъ съ природой дружно, ладно.

Такъ дѣйствуетъ на сердце и на умъ,
Изящнымъ сочетаньемъ чувствъ и думъ,
Не громкой, но торжественной и складной
Поэмы тихошественная рѣчь,
И увлекаетъ васъ, не думая увлечь...

Если такія чувства владѣли нашимъ поэтомъ въ дни молодости, то таковыми же они остались на закатѣ дней, что ясно усматривается изъ длиннаго ряда его произведеній, посвященныхъ описанію всѣхъ временъ года на деревенскомъ просторѣ, гдѣ онъ такъ любилъ искать уединенія отъ шума жизни. Обращаясь въ «Пѣснѣ объ уединеніи» къ родной великорусской природѣ и своей сельской усадьбѣ, поэтъ восклицаетъ:

Обитель мирная, пріютъ благословенный,
Обѣтованная мнѣ Господомъ земля!
Мнѣ краше и милѣй, о, вы, во всей вселенной—
Мой сельскій домъ, и садъ, и роща, и поля.

Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашелъ. Такъ ветхій челнъ,
Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ.

За все, что есть въ тебѣ, за все, что слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что ненавижу,
Родимый уголъ мой, тебя я такъ люблю.

Прими же ты меня подъ сѣнь свою радушно!
Покой цѣлительный дай сердцу и уму!
На людяхъ—какъ въ тюрьмѣ становится мнѣ душно;
Мнѣ хочется пожить на волѣ одному.

Свободы, тишины, безмолвія хочу я,
Съ природой бы родной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почуя,
Хотѣлъ бы хоть въ окно успѣть проститься съ ней.

А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

Изображенію сельской природы, восторгу передъ деревенскимъ просторомъ и тишиною въ стихотвореніяхъ Жемчужникова отведено очень широкое мѣсто, и съ этой стороны послѣ Пушкина онъ рядомъ съ Фетомъ и отчасти Некрасовымъ долженъ быть разсматриваемъ именно какъ пѣвецъ великорусскаго раздолья, съ его полями, садами и тихими рощами. Онъ весь въ этой природѣ и только на ея лонѣ поэтъ находилъ себѣ отдыхъ и успокоеніе отъ тѣхъ гражданскихъ болей, которыя такъ часто захватывали мучительными тисками его чуткое и нѣжное сердце. И чѣмъ эти тиски становились болѣзненнѣе, тѣмъ чаще обращалъ онъ свой взоръ въ глубь рязанскихъ, тамбовскихъ и орловскихъ полей, откуда на него вѣяло такимъ примиреніемъ, такою благостью и тихимъ дыханіемъ счастья.

Но далеко не всегда даже передъ лицомъ этой умиротворяющей природы смолкала его тоска о счастьѣ родины и родного народа. Порою даже именно эта самая природа вызывала въ немъ тяжкое раздумье объ этомъ счастьѣ, и онъ становился какъ бы въ недоумѣніи, какъ въ этой столь любимой имъ сельской обстановкѣ можетъ найти себѣ мѣсто горе и несчастье? И когда эта мысль возникала въ немъ, онъ забывалъ о воспѣваемой имъ красотѣ и цѣликомъ отдавался гражданскимъ мотивамъ своихъ пѣсенъ, которымъ въ его литературномъ творчествѣ отводилось столько страницъ и которыя создали ему репутацію «поэта-гражданина» по преимуществу. Характернымъ произведеніемъ, гдѣ обрисовывается бѣгъ его мысли отъ красоты окружающей природы къ горю и невзгодамъ населенія, служитъ стихотвореніе «На родинѣ» (1884 г.). Вотъ оно:

Опять пустынно и убого;
Опять родимыя мѣста...
Большая пыльная дорога
И полосатая верста!

И нивы вплоть до небосклона,
Вокругъ селеній, гдѣ живетъ,
Все такъ же, какъ во время оно,
Подъ страхомъ голода народъ;

И всѣ поющіе на волѣ
Жильцы лѣсовъ родной земли—
Кукушки, иволги; а въ полѣ—
Перепелы, коростели;

И трели, что въ небесномъ сводѣ
На землю жаворонки льютъ...

Повсюду гимнъ звучитъ природѣ,
И лишь ночныхъ своихъ мелодій
Ей соловьи ужъ не поютъ.

Я опоздалъ къ порѣ весенней,
Къ мольбамъ любовнымъ соловья,
Когда онъ, въ хорѣ пѣснопѣній,
Поетъ звучнѣй и вдохновеннѣй,
Чѣмъ вся пернатая семья...

О, этотъ видъ! О эти звуки!
О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки,
Какія радости и муки
Въ моей душѣ ты пробудилъ!...

Твоя природа такъ прелестна;
Она такъ скромно хороша!
Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа...

О край ты мой! Что жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ
Такъ дары жизни не клянетъ?

Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Поэтъ «гражданскихъ мотивовъ» А. М. Жемчужниковъ занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣ Некрасова второе мѣсто и недаромъ же онъ въ пору полнаго расцвѣта своихъ силъ преднамѣренно смолкалъ передъ пѣснями «музы мести и печали». Идеалистъ сороковыхъ годовъ, нашъ поэтъ, какъ уже сказано выше, подъ вліяніемъ всей сопровождавшей его юности, домашней, школьной и общественной обстановки выступилъ на жизненное поприще борцомъ за правду, поборникомъ свѣта и свободы, палачомъ искусственной условности, фарисейства, насилія, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ они не проявлялись.

Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ напечатанныхъ стихотвореній онъ выступаетъ передъ читателями именно съ мотивомъ пѣсни на гражданскій ладъ, хотя этотъ мотивъ и нѣсколько не-

ясенъ и какъ бы требуетъ своего отгадыванія. Въ «Притчѣ о сѣятелѣ и сѣменахъ» онъ говоритъ:

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ;
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей прилетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли,—
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь терній дикихъ заглохло оно...
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою;
Одни за другими проходятъ года—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко, и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...

Имѣющій уши, чтобъ слышать,—да слышитъ!

Въ интересахъ борьбы съ старымъ порядкомъ вещей, Жемчужниковъ примыкаетъ въ 50-хъ годахъ къ той группѣ писателей, которые ставили цѣлью своей литературной дѣятельности обличительныя тенденціи. Отсюда явилось его сотрудничество въ «Искрѣ», «Ералашѣ» и «Свисткѣ» и ближайшее участіе въ созданіи знаменитаго Козьмы Пруткова съ его афоризмами, которые почти цѣликомъ были написаны именно Алексѣемъ Михайловичемъ. Прутковъ — миѳическое лицо, возведенное его издателями въ званіе директора пробирной палатки,—является воплощеніемъ въ нашей жизни началъ чваннаго самодовольства и самоувѣренности, столь свойственныхъ бюрократической тогдашней дореформенной средѣ, изъ тщеславія занимается литературой, на которую его подвигли знакомые ему молодые писатели въ лицѣ гр. А. Толстого и братьевъ Жемчужниковыхъ. Прутковъ въ своей комической особѣ воплотилъ въ себѣ знаменія переходнаго времени. По показаніямъ его біографіи [1]), «въ періодъ подготовленія реформъ прошлаго царствованія онъ какъ бы растерялся. Сначала ему казалось, что изъ-подъ него уходитъ почва, и онъ сталъ роп-

[1]) «Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова». Предисловіе.

тать, повсюду крича о рановременности всякихъ реформъ, и о томъ, что онъ врагъ всѣхъ такъ называемыхъ вопросовъ!» Однако потомъ, когда неизбѣжность реформъ сдѣлалась несомнѣнною, онъ самъ старался отличиться преобразовательными проектами, и сильно негодовалъ, когда проекты его браковали, по ихъ очевидной несостоятельности. Онъ объяснялъ это завистью, неуваженіемъ опыта и заслугъ, и сталъ впадать въ уныніе, даже приходить въ отчаяніе... Вскорѣ, однако, онъ успокоился, почувствовавъ вокругъ себя прежнюю атмосферу, и подъ собою—прежнюю почву. Онъ снова сталъ писать проекты, но уже стѣснительнаго направленія, и они принимались съ одобреніемъ. Это дало ему основаніе возвратиться къ прежнему самодовольству и ожидать значительнаго повышенія по службѣ». Прутковъ, какъ явленіе общественнаго порядка, согласно замыслу своихъ создателей,—то зеркало, которое въ карикатурномъ видѣ должно было отражать смѣшное и фальшивое въ нашей литературно-общественной жизни, съ чѣмъ возможно было бороться, по условіямъ времени, только при помощи бичующей сатиры и веселой шутки-пародіи. На этотъ-то путь борьбы и вступили молодые пріятели-литераторы, создавъ своимъ коллективнымъ трудомъ въ исторіи нашей словесности очень оригинальный типъ, получившій широкую, хотя нѣсколько и преувеличенную въ своихъ достоинствахъ, популярность. Алексѣю Михайловичу выпала на долю значительная роль въ разработкѣ разныхъ чертъ характера Пруткова и, если поэтическія произведенія послѣдняго являются главнымъ образомъ плодомъ творчества гр. А. Толстого, то проза директора пробирной палатки обязана остроумію А. Жемчужникова, изъ которой многія выраженія по своей лаконической краткости, стильности выраженія и комическому глубокомыслію получили широкое распространеніе и сдѣлались обычными выраженіями русской шуточной рѣчи, какъ, напр.: «Никто не обниметъ необъятнаго», «если у тебя есть фонтанъ, заткни его: дай отдохнуть и фонтану», «смотри въ корень», «бди», «щелкни кобылу въ носъ, она махнетъ хвостомъ», «и терпентинъ на что-нибудь полезенъ», «не все стриги, что растетъ», «если хочешь быть счастливъ, будь имъ», «и устрица имѣетъ враговъ», «спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя», «что имѣемъ—не хранимъ; потерявши—плачемъ», «всегда держись на чеку», «козыряй» и т. д. Всѣ эти выраженія сами по себѣ, и какъ таковыя, имѣютъ мало значенія и подчасъ смысла—весь вопросъ во времени, тонѣ и случаяхъ ихъ произнесенія. Они могутъ быть и кстати и некстати, имѣть дѣйствительно сокровенный смыслъ и быть смѣшны, какъ французы говорятъ, «drôle à force d'être bête».

Литературная дѣятельность Пруткова закончилась въ 1863 г.; наступившая въ нашемъ отечествѣ «эпоха реформъ» выдвину. а

на очередь иныя литературныя задачи и потребовала новыхъ методовъ литературной борьбы, которыя были уже не по плечу и по характеру знаменитому директору пробирной палатки. О немъ пришлось вспомнить лишь черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, когда Жемчужниковъ снова воскресилъ передъ нами тѣнь Пруткова, напечатавъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1907 г., № 11) его «посмертное произведеніе», снабдивъ послѣднее слѣдующимъ письмомъ на имя издателя журнала. «Русская неразбериха дошла до того,— писалъ онъ г. Стасюлевичу,—что кому-то пришла мысль обратиться за совѣтомъ даже къ Пруткову, и я, 86-тилѣтній старецъ, нахожу, что, хотя, безъ сомнѣнія, очень ограниченный, но вполнѣ искренній членъ «черной сотни» былого времени долженъ отнестись (къ актамъ нашего времени) именно такъ, какъ отнесся, вызванный спиритомъ, почтенный Козьма Прутковъ». Вотъ это посмертное письмо:

Спиритъ мнѣ держитъ рѣчь подъ гробовую крышку:
«Мудрецъ и патріотъ! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутковъ! Ты слышишь?»—Слышу
Я!

Перомъ я ревностно служилъ родному краю,
Когда на свѣтѣ жилъ... И, кажется, давно ль!?
И вотъ, мертвецъ, я вновь въ ея судьбахъ играю—
Роль.

Я власти былъ слуга; но, страхомъ не смущенный,
Изъ тѣхъ, которые не клонятъ гибкихъ спинъ,—
И гордо я носилъ звѣзду и заслуженный—
Чинъ.

Я старый монархистъ, на новыхъ негодую:
Скомпрометируютъ они—весьма боюсь—
И власть верховную, и вмѣстѣ съ ней святую—
Русь.

Торжественный обѣтъ родилъ въ странѣ надежду,
И съ одобреніемъ былъ встрѣченъ міромъ всѣмъ...
А исполненія его не видно, между
Тѣмъ.

Ужъ черносотенцы къ такой готовятъ сдѣлкѣ:
Когда на званый пиръ сберется сонмъ гостей—
Ихъ чинно размѣстить и дать имъ по тарелкѣ —
Щей.

И роль правительства, по мнѣ, не безопасна;
Есть что-то д'inachevé... Нѣтъ! Надо власть беречь,
Чтобъ не была ея съ поступкомъ не согласна—
Рѣчь.

Я, вѣрноподданный, такъ думаю объ этомъ:
Разъ властію самой надежда подана—
Пускай же просьба:—Дай! вѣнчается отвѣтомъ:—
На!

Я главное сказалъ; но, изъ любви къ отчизнѣ,
Охотно мысли тѣ еще я преподамъ,
Которымъ тщательно я слѣдовалъ при жизни—
Самъ.

Правитель! дни твои пусть праздно не проходятъ;
Хоть камешки бросай, коль есть на то досугъ;
Но наблюдай: въ водѣ какой они разводятъ—
Кругъ?

Правитель! Избѣгай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И въ путь не выступай, коль нѣтъ въ ночную пору—
Зги.

Давъ отдохнуть игрѣ служебнаго фонтана,
За мнѣніемъ страны попристальнѣй слѣди;
И, чтобы жертвою не стать самообмана,
Бди!

Напомню истину, которая поможетъ
Моимъ соотчичамъ въ оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не можетъ
Власть.

Ученіе мое, мнѣ кажется, такое,
Что средь борьбы и смутъ инымъ помочь могло бъ...
Для всѣхъ же вѣрное убѣжище покоя—
Гробъ.

Таковъ общественный и политическій standtpunkt нашего поэта по отношенію отечественной современности въ ея послѣднихъ проявленіяхъ. Такую же позицію занималъ онъ по отношенію всѣхъ явленій русской жизни и въ эпоху ея реформированія и въ послѣдующіе періоды.

VI.

Гражданскіе мотивы, послѣ аккордовъ восхищенія передъ природою, играютъ у Жемчужникова, какъ уже сказано было въ началѣ статьи, рѣшающую роль въ развитіи его литературнаго творчества. Онъ поэтъ-гражданинъ либеральнаго лагеря и, какъ таковой, зорко слѣдитъ за перипетіями русской жизни и каждый разъ считаетъ долгомъ поднять свой громкій голосъ, когда усматри-

ваетъ уклоненія въ ходѣ и развитіи этой жизни отъ тѣхъ началъ, которыя были предуготованы прогрессивными силами сороковыхъ годовъ и были до извѣстной степени осуществлены въ освободительную эпоху «шестидесятыхъ годовъ».

Воскликнувъ въ началѣ своей литературной дѣятельности: «имѣющій уши, чтобъ слышать, — да слышитъ», онъ къ этимъ слушающимъ и обращаетъ главнымъ образомъ свою рѣчь, строя ее въ томъ направленіи и тонѣ, камертонъ которымъ давался главными активными дѣятелями русскаго прогресса. Пятидесятые годы въ этомъ отношеніи не дали для его творчества обильнаго матеріала (если не считать произведеній Пруткова), хотя въ это десятилѣтіе имъ написано было порядочное количество стихотвореній. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи, бѣдномъ плодами его писанія, необходимо отмѣтить стихотвореніе «Сословныя рѣчи» (1864 г.), явившееся отвѣтомъ на регрессивныя теченія въ нашей общественной жизни, гдѣ съ особенною силою выдвигались сословныя начала, въ интересахъ привилегированнаго дворянскаго сословія. Онъ говоритъ:

Вслѣдъ за рѣчью рѣчь звучала:
«Народъ, законность, власть, права...»
Что жъ это? громкія ль слова?
Или гражданскія начала?
Нѣтъ! гражданинъ сословныхъ правъ
Ярмомъ на земство не наложитъ!
И возглашать никто не можетъ,—
Народной думы не узнавъ
И отъ земли не полномоченъ,—
Что строй его правдивъ и прочень!
Тотъ строй законенъ и живучъ,
Гдѣ равноправная свобода,
Какъ солнце надъ главой народа,
Льетъ всѣмъ живительный свой лучъ.
Во имя блага съ мыслью зрѣлой,—
И кромѣ блага—ничего!
Такъ вѣковое зиждутъ дѣло
Вожди народа своего.
А вотъ, сословные витіи,
Васъ духъ недобрый подучилъ
Почетной стражей стать въ Россіи
Противъ подъема русскихъ силъ!

Какъ читатели видятъ, это стихотвореніе своего рода политическая программа въ ея положительныхъ и отрицательныхъ моментахъ, причемъ положительное обнимаетъ собою проповѣдь не-

обходимости свободнаго строительства земли русской, согласно «голосу народному», а отрицательное — указываетъ на необходимость борьбы со всѣми тѣми, кто стоитъ на дорогѣ такого строительства и кто является противникомъ народнаго голоса, какъ коллективнаго выраженія воли всей земли. Согласно такой программѣ, разрабатываются темы въ послѣдующихъ его поэтическихъ произведеніяхъ и съ особенною рельефностью, по причинамъ «независящимъ», выступаютъ въ данномъ направленіи стихотворенія полемическія съ элементомъ борьбы въ нихъ за знамя свободы. Не называя имени, онъ съ особенною силою возстаетъ противъ покойнаго редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова за тотъ «патріотизмъ», который становился на дорогѣ свободнаго служенія общественныхъ силъ интересамъ родной земли.

Его негодующій голосъ становится съ годами все сильнѣе и достигаетъ своего рода crescendo въ десятилѣтіе восьмидесятыхъ годовъ, доводя писателя, напримѣръ, до утѣшенія въ смерти сына на томъ соображеніи, что, останься онъ живъ, онъ неминуемо сталъ бы жертвою реакціоннаго террора и погибъ бы. «Нѣтъ сына у меня; онъ умеръ, слава Богу» — восклицаетъ онъ въ одномъ стихотвореніи и объясняетъ это чувство такъ:

Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
Которая у насъ на утрѣ жизни гложетъ,
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
Онъ преждевременный покой.

Общественный и политическій обликъ Россіи въ это десятилѣтіе приводилъ поэта въ ужасъ и глубокую скорбь и излить эти свои чувства съ указаніемъ, какъ же быть при такомъ положеніи дѣлъ, онъ счелъ нужнымъ въ получившемъ тогда широкую извѣстность стихотвореніи «Духа не угашайте». Этотъ обликъ нарисованъ имъ такъ:

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй;
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ...
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ ходы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ;
И ползаетъ въ немъ гадъ, и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

Что же дѣлать? какъ быть? Поэтъ отвѣчаетъ:

О, если чувство въ насъ еще не вовсе глухо,
Дѣтей и родину спасемъ, разсѣявъ сонъ!
Завѣтъ апостола: «не угашайте духа!»
Напомню вамъ. Какъ знать? Въ дали временъ,
Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется силѣ...

Ходъ дальнѣйшихъ событій во внутренней жизни Россіи не вызывалъ въ немъ полета радостнаго настроенія, и гимна наступившей свободѣ въ широкомъ ея смыслѣ ему такъ до конца дней и не удалось пропѣть. Мы видѣли изъ «Посмертнаго стихотворенія» Пруткова душевное состояніе автора и отношеніе къ моменту сегодняшняго политическаго дня. Въ этомъ стихотвореніи развернулась обличительная сторона его политической программы, положительную же, съ призывомъ къ «нравственной силѣ», онъ представилъ въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи «На Страстной недѣлѣ» [1]), гдѣ дѣлаетъ попытку вызвать въ современномъ обществѣ примиреніе, прощеніе и конецъ царящимъ среди насъ началамъ насилія, казнямъ и братоубійственно-гражданской войнѣ. Онъ говоритъ:

Намъ, русскимъ, не родны законность и свобода;
Мы попирали ихъ, предъ родиной грѣша;
Но мы незлобивы; у русскаго народа
Не черствая душа.

Онъ набоженъ; его духовный міръ не тѣсенъ;
Лишь волю разума сковала рабства цѣпь;
Но въ чувствахъ воленъ онъ, и ширь народныхъ пѣсенъ
Напоминаетъ степь.

На рядъ родныхъ картинъ его похожа дума—
На Волгу-матушку; на тихій синій Донъ;
На жуткую тоску лѣсного въ бурю шума;
На мирный храма звонъ.

О, русскій человѣкъ! Ты не былъ безучастнымъ
Къ людскимъ страданіямъ; ты мести не знавалъ
И, милосердья полнъ, преступнаго—несчастнымъ
Печально называлъ.

Такимъ ты мнѣ знакомъ по пѣснямъ, по былинамъ;
Такимъ въ твоемъ быту тебя я знать привыкъ...
Зачѣмъ же исказилъ ты образомъ звѣринымъ
Свой человѣчій ликъ?

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1907 г., іюнь.

Покайся въ дни страстей! Съ молящимся собратомъ
Во храмъ войди и ты—грабитель и палачъ.
Христосъ тебя проститъ; а ты передъ распятьемъ
Повергнись и заплачь!

Къ покаянію, къ молитвѣ во храмѣ на Страстной недѣлѣ въ прошломъ году звалъ насъ поэтъ, а черезъ годъ его самого не стало. Голосъ его не былъ услышанъ современниками въ свое время, «нравственная сила», о которой мечталъ маститый поэтъ, не получила среди насъ преобладающаго значенія и первенства мѣста, и мы все еще остались не въ родствѣ съ законностью и свободою. Но если тотъ историческій часъ пробьетъ, и мы всѣ стечемся въ обширный общій храмъ, чтобы передъ распятіемъ принести нашу исповѣдь за былые грѣхи и возблагодарить Создателя за наступленіе для нашей родины міра и тишины, то не забудемъ въ своемъ моленіи и того поэта-гражданина, который всю долгую жизнь свою и личнымъ жизненнымъ примѣромъ и своими звучными стихами, какъ яркій свѣтильникъ, освѣщалъ намъ трудный путь въ этотъ храмъ.

Б. Г.

ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКА СТРАЖДУЩИХЪ И „НЕСЧАСТНЫХЪ“ (В. Н. НИКИТИНА).

Въ 1817 году въ Петербургъ пріѣхалъ богатый молодой англичанинъ Вальтеръ Венингъ. Страстный приверженецъ идей основателя тюремной филантропіи, Джона Говарда, членъ лондонскаго общества попеченія о тюрьмахъ, онъ задался цѣлью распространить принципы послѣдняго и въ Россіи. Сблизившись, благодаря своимъ вліятельнымъ землякамъ, съ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, В. М. Поповымъ, а чрезъ него и съ министромъ народнаго просвѣщенія А. Н. Голицынымъ, бывшимъ въ то же время предсѣдателемъ Библейскаго и Человѣколюбиваго обществъ, Вальтеръ Венингъ скоро получилъ доступъ и къ императору Александру Павловичу, который разрѣшилъ ему ознакомиться съ русскими мѣстами заключенія и представить о нихъ «подробное доношеніе». Потрясающая картина состоянія тогдашнихъ съѣзжихъ избъ, казематовъ управы благочинія, кордегардій губернскаго правленія и петербургской городской тюрьмы—заставила императора содрогнуться и немедленно принять предлагаемыя Вальтеромъ Венингомъ въ особой представленной имъ запискѣ «мѣры къ лучшему содержанію тюремъ». 19 февраля 1819 года императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ «Правила для попечительнаго общества о тюрьмахъ», которое съ 11 октября того же года и открыло дѣятельность въ лицѣ своего исполнительнаго органа, «тюремнаго комитета». Вальтеръ Венингъ былъ, конечно, въ числѣ первыхъ директо-

ровъ комитета и немало своимъ опытомъ и знаніями содѣйствовалъ развитію дѣятельности послѣдняго. Восемь лѣтъ спустя послѣ открытія, комитетъ получаетъ въ свое вѣдѣніе все тюремное хозяйство и является образцовымъ разсадникомъ подобныхъ же комитетовъ въ провинціяхъ. Энергія и честность первыхъ филантроповъ не могли, конечно, не столкнуться съ закоренѣлой рутиной разныхъ административныхъ учрежденій и въ особенности полиціи и не вызвать антагонизма со стороны тюремныхъ смотрителей, ставленниковъ полиціи, изъ-за завиднаго для нихъ тюремнаго хозяйства. Чтобы избѣгнуть лишнихъ пререканій и сосредоточить власть надъ администраціею и обществомъ въ однѣхъ рукахъ, въ 1855 году общество попечительное о тюрьмахъ, съ его комитетами— мужскимъ и дамскимъ, было причислено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а министру послѣдняго присвоено званіе президента общества. Ставъ изъ самостоятельнаго подчиненнымъ, тюремный комитетъ невольно долженъ былъ уступить часть своей власти полиціи и тюремной администраціи и снисходительно смотрѣть на всевозможныя упущенія и даже злоупотребленія последней, которыя росли и росли, а со временемъ, при постепенно измѣнявшихся взглядахъ и ослабленіи энергіи тюремныхъ филантроповъ, достигли такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что грозили полнымъ разрушеніемъ великаго дѣла Вальтера Венинга.

Но... судьба послала ему освободителя отъ этого краха и обновителя всей дѣятельности комитета въ лицѣ Виктора Никитича Никитина, всю почти жизнь свою посвятившаго заботамъ о «несчастныхъ» и борьбѣ съ неправдой и скончавшагося 9 нынѣшняго марта, на 69-мъ году отъ роду, послѣ 45-лѣтней литературной и 36-лѣтней тюремно-филантропической дѣятельности.

Замѣчательна судьба этого рѣдкаго дѣятеля.

«Десяти лѣтъ отъ роду, — пишетъ онъ въ своей автобіографіи, предоставленной намъ еще въ 1904 году [1]),— въ 1849 году я былъ взятъ въ кантонисты неранжированнаго батальона 4-го учебнаго карабинернаго полка, расположеннаго тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ» (покойный, по происхожденію, былъ сынъ еврея-солдата). Три года продолжалась его «учеба» въ этой «живодернѣ», какъ онъ характеризуетъ школу кантонистовъ въ своихъ живо написанныхъ «очеркахъ»—«Многострадальные».

Всевозможными побоями кантонистовъ сопровождались уроки фронтового ученья, ариѳметики, грамоты, производимые ефрейторами и унтерами, которымъ тоже доставалось за малоуспѣшность

---

[1]) Подробныя авто-біографическія свѣдѣнія находятся и въ «Воспоминаніяхъ» В. Н. Никитина, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1906—1907 гг.; но они, къ сожалѣнію, доведены только до 1872 года. «Автобіографическія свѣдѣнія» и положены, главнымъ образомъ, въ основаніе настоящаго очерка.

ихъ учениковъ и за недосмотръ за ними; но еще болѣе жестокимъ экзекуціямъ подвергали несчастныхъ кантонистовъ гг. офицеры за самыя малѣйшія уклоненія отъ дисциплины и провинности во время молитвы, обѣда, ученья и т. д.

Едва наученный читать, писать и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, В. Н. Никитинъ въ 1852 г. былъ перемѣщенъ въ

Викторъ Никитичъ Никитинъ.

полковую канцелярію, для приготовленія въ писаря; въ 1854 — 1855 гг. участвовалъ съ полкомъ въ походѣ въ Петербургъ, Выборгъ и Боровичи, уже въ званіи рядового. Въ концѣ 1856 года ему удалось устроиться писаремъ въ Петербургѣ, въ департаментѣ военныхъ поселеній, гдѣ онъ своею аккуратностью и усердіемъ снискалъ расположеніе брата извѣстнаго историка, И. Г. Устрялова, поручившаго ему занятія въ законодательномъ отдѣленіи и

въ департаментской библіотекѣ, и писателя, тамошняго чиновника, Д. А. Саранчова, который и впослѣдствіи много содѣйствовалъ развитію и образованію Виктора Никитича. Онъ же исправилъ и способствовалъ напечатанію перваго его литературнаго опыта, которымъ было его письмо, помѣщенное въ «Прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду» (1862 г.) и заключавшее въ себѣ опроверженіе статьи о военныхъ писаряхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Вмѣстѣ съ нравственнымъ удовлетвореніемъ, нѣ горымъ подъемомъ духа, этотъ первый опытъ навлекъ на автора и неудовольствіе вице-директора канцеляріи Д. С. Мордвинова (впослѣдствіи генералъ-адъютанта), изъ-за чего онъ долженъ былъ просить о переводѣ въ канцелярію петербургскаго полицеймейстера. Прослуживъ здѣсь съ годъ и занимаясь одновременно у полковника Шабельскаго, поручавшаго ему составленіе довольно сложныхъ бумагъ и завѣдываніе библіотекою, В. Н. Никитинъ, благодаря покровительству барона Медема, опредѣлился въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ и оставался здѣсь до 1906 года, пройдя почти всѣ ступени іерархической лѣстницы отъ канцелярскаго чиновника до управляющаго инспекторскимъ дѣлопроизводствомъ.

Любознательный отъ природы, пристрастившійся къ чтенію, Викторъ Никитичъ, конечно, не ограничивался одними служебными занятіями, а всячески старался пополнять свое образованіе и затѣмъ поскорѣе повѣдать свѣту о наболѣвшемъ для него вопросѣ, о бытѣ многострадальныхъ кантонистовъ. Одинъ его мелкій разсказъ изъ этого быта навлекъ на него угрозы военнаго цензора Штюрмера, а болѣе полный очеркъ едва удалось спасти послѣ ареста Н. Г. Чернышевскаго, который взялъ его для прочтенія; только одинъ небольшой разсказъ «Свадьба нищихъ» попалъ на столбцы «Народной Газеты» Кушнарева и далъ автору... пять рублей гонорара.

Но вотъ открываются въ 1866 г. камеры выборныхъ мировыхъ судей въ столицѣ; В. Н. Никитинъ, чрезъ Д. А. Саранчова, знакомится съ нѣкоторыми изъ нихъ, проникаетъ въ ихъ камеры и почти съ стенографическою точностью записываетъ происходящія тамъ сценки. Представленныя въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», эти «сценки» охотно были приняты редакторомъ-издателемъ В. Ѳ. Коршемъ и одно время составляли едва ли не главное содержаніе газеты. Впослѣдствіи онѣ были напечатаны покойнымъ въ видѣ отдѣльнаго сборника, подъ заглавіемъ: «Обломки разбитаго корабля» (1891). Такъ продолжалось года два съ половиной; интересъ къ «сценкамъ» въ публикѣ сталъ падать, да и сама публика «перестала въ прежней мѣрѣ выносить на улицу свои житейскія дрязги». Тогда Викторъ Никитичъ пристраивается чрезъ профессора Кавелина къ «Судебному Вѣстнику», редакти-

ровавшемуся профессоромъ Чебышевымъ-Дмитріевымъ, и помѣщаетъ тамъ массу своихъ «критическихъ и практическихъ замѣтокъ изъ судебной практики», которыя впослѣдствіи вошли въ его отдѣльную книгу «Общественныя и законодательныя погрѣшности» (1872 г.).

Ознакомившись съ камерами мировыхъ судей, В. Н. Никитинъ, естественно, пожелалъ вслѣдъ за осужденными послѣдовать и въ тюрьмы. Съ дозволенія попечителя исправительнаго заведенія графа Ламздорфа, онъ въ началѣ 1870 г. приступилъ къ изученію быта тамошнихъ аборигеновъ, но дальше, въ другія тюрьмы проникнуть не могъ. Тогда директоръ с.-петербургскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ В. Я. Фуксъ посовѣтовалъ ему поступить въ число директоровъ комитета и обратиться съ этой цѣлью къ его предсѣдателю, генералъ-лейтенанту сенатору А. А. Волоцкому. Послѣдній, въ то время уже болѣзненный старецъ, лѣнивый и нерѣшительный отъ природы, на многое смотрѣвшій сквозь пальцы и слывшій больше за «краснобая», чѣмъ за дѣльца, встрѣтилъ губернскаго секретаря Никитина такими словами:

— Мой комитетъ состоитъ изъ родовитыхъ и сановитыхъ лицъ. А какъ вы, мелкій чиновникъ, додумались войти въ его составъ.

Но, узнавъ изъ дальнѣйшаго разговора, что этотъ мелкій чиновникъ владѣетъ перомъ и можетъ быть полезенъ ему въ его изданіяхъ и литературныхъ работахъ, онъ, въ видѣ исключенія, обѣщалъ его представить въ директора комитета. Потянулась послѣ этого освѣдомительная о В. Н. Никитинѣ переписка; продолжалась она болѣе года и, если бы не вмѣшательство супруги одного сановнаго лица министерства земледѣлія, дѣйствовавшей чрезъ директора департамента исполнительной полиціи, П. П. Косаговскаго, ему не скоро бы удалось поступить въ число директоровъ комитета, которые, въ большинствѣ случаевъ, уже были предубѣждены противъ него за нѣкоторыя разоблаченія комитетской дѣятельности. Но какъ бы то ни было, въ маѣ 1871 г. онъ получилъ увѣдомленіе о зачисленіи его директоромъ и не замедлилъ явиться къ А. А. Волоцкому.

— Вы появляетесь,— встрѣтилъ его предсѣдатель,— противъ нашего желанія, сверхъ всякаго ожиданія...—и затѣмъ добавилъ:— Члены комитета здороваться съ вами не станутъ, заниматься съ вами не захотятъ.

— Этимъ они докажутъ только,— отвѣтилъ Викторъ Никитичъ:—что не правы, а меня отъ дѣла не оттолкнутъ.

— Вы фантазеръ: въ благоустроенномъ обществѣ важна солидарность его членовъ, а ихъ дѣйствія вразбродъ никуда не годятся...

«Черезъ недѣлю, — пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Никитинъ, — я явился прямо въ засѣданіе комитета, поклонился

по сторонамъ и сѣлъ. Начиная съ предсѣдательствовавшаго за Волоцкого генералъ-лейтенанта П. П. Пущина, почти всѣ встрѣтили меня враждебно. Это меня воодушевило, и я сразу горячо возсталъ противъ выдачи надзирателю мастерскихъ пособія въ 200 р., въ безотчетное распоряженіе самого Волоцкого 400 р. и директору, завѣдывавшему хозяйствомъ замка, 11.400 р. 48 к. безъ оправдательныхъ документовъ, причемъ упрекалъ членовъ въ расточительности и вынудилъ ихъ закрытою баллотировкою отказать въ этихъ расходахъ».

— Хотя вы насъ изрядно поконфузили,—сказалъ ему, уходя, въ передней пожилой князь Суворовъ, гофмейстеръ:—но засѣданіемъ я вполнѣ доволенъ; вы дали намъ поучительный урокъ.

За этимъ дебютомъ слѣдовали другіе, и чтобы умѣрить нѣсколько «пылъ», какъ выражались, новаго директора, постарались возложить на него рядъ сложныхъ порученій — по завѣдыванію пріютомъ, выпискѣ паспортовъ и т. д. Но трудолюбивый Викторъ Никитичъ нимало не тяготился этимъ и все больше и больше знакомился съ тюремными порядками и комитетскимъ хозяйствомъ; къ концу года онъ успѣлъ даже напечатать цѣлую книгу о петербургскихъ тюрьмахъ, подъ заглавіемъ: «Жизнь заключенныхъ. Обзоръ с.-петербургскихъ тюремъ и относящихся до нихъ узаконеній и административныхъ распоряженій». Эта книга сразу поставила его въ ряды свѣдущихъ и серьезныхъ тюремныхъ дѣятелей и обратила особое вниманіе военнаго министра Д. А. Милютина. До послѣдняго доходили слухи о весьма недобромъ состояніи военно-исправительныхъ арестантскихъ ротъ въ крѣпостяхъ, и онъ рѣшилъ, помимо «благополучныхъ» отчетовъ свитскаго генерала М. П. Анненкова, произвести подробное изслѣдованіе на мѣстѣ и поручилъ это дѣло именно В. Н. Никитину.

Снабженный добрыми напутствіями министра, въ которыхъ была выражена и подробная программа дѣйствій, и офиціальными бумагами, Викторъ Никитичъ цѣлыхъ четыре мѣсяца посвятилъ разслѣдованію на мѣстѣ состоянія военно-исправительныхъ арестантскихъ ротъ въ Ригѣ, Динабургѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ и Бобруйскѣ; много непріятностей и невзгодъ пришлось ему вынести отъ жестокихъ и лихоимныхъ смотрителей и еще больше удалось раскрыть тамъ вопіющихъ злоупотребленій и беззаконій. Но донесеніе обо всемъ этомъ, хотя и было принято министромъ съ искреннею признательностью, благодаря настоянію М. П. Анненкова, пять лѣтъ подъ рядъ ревизовавшаго роты и находившаго тамъ все «обстоящимъ благополучно»,—свѣта не увидало и въ печать проникло съ большими пропусками лишь въ 1873 г. («Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ»).

Во время этого путешествія В. Н. Никитинъ вдругъ получаетъ предложеніе фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга явиться къ нему въ Варшаву. Не зная совершенно о цѣли приглашенія, онъ вскорѣ робко стоялъ въ роскошной пріемной намѣстника; послѣдній встрѣтилъ его милостиво, выдѣлилъ изъ ряда представлявшихся и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь Бергъ сначала разспросилъ его о томъ, что онъ видѣлъ въ ротахъ, и, получивъ откровенный отвѣтъ, почти приказалъ ему сейчасъ же обслѣдовать уголовную варшавскую тюрьму. Пробывъ въ тюрьмѣ около десяти часовъ и изложивъ затѣмъ на бумагѣ всѣ видѣнные имъ тамъ безобразія и безпорядки, Никитинъ утромъ другого дня явился къ намѣстнику.

— Здравствуйте, здравствуйте, — торопливо заговорилъ онъ, указывая ему напротивъ себя на кресло, и продолжалъ: — садитесь и разсказывайте, пожалуйста, только правду, какъ люди содержатся, довольствуются, работаютъ, наставляются и т. д.

Никитинъ охарактеризовалъ обстановку, видъ арестантовъ и перешелъ къ воспаленію колѣнъ.

— Что-о?—съ недоумѣніемъ прервалъ онъ его. — Да ксендзъ и смотритель сумасшедшіе, что ли? А докторъ почему допускаетъ мучить людей?

Никитинъ изложилъ ему о свиньяхъ.

— Ка-акъ?.. Въ тюрьмѣ откармливаютъ свиней. Это ни на что не похоже!.. Еще нашли вы что?

Послѣдовалъ докладъ о противозаконной задержкѣ ткачихъ.

— Ну, нѣ-ѣтъ-съ, такъ нельзя, нельзя!.. Онъ рѣзко позвонилъ.—Дайте-ка мнѣ вашу записку.

Никитинъ подалъ. Вошелъ флигель-адъютантъ.

— Поѣзжайте сію минуту въ уголовную тюрьму,—приказалъ онъ вошедшему,—и тамъ, по этой вотъ запискѣ, провѣрьте все, черезъ часъ вернитесь сюда, я буду васъ ждать...

— А вы, — обратился графъ къ Никитину,—сядьте вонъ къ тому столу и почитайте газеты, а я займусь бумагами.

— Все вѣрно по запискѣ,—доложилъ вернувшійся посланный.— «Тяжкое бремя,—пишетъ въ «Воспоминаніяхъ» покойный,— свалилось съ моихъ плечъ, я протеръ глаза, оправился и смѣло стоялъ предъ столомъ».

Огорченный до глубины души графъ объяснилъ затѣмъ, что эта тюрьма находится въ вѣдѣніи его жены, горячо поблагодарилъ Никитина и пригласилъ его въ тотъ же день на обѣдъ къ 6 часамъ.

За обѣдомъ, кромѣ графа, графини и адъютанта графа Толстого, сидѣли еще три генерала. Среди разговора графъ, между прочимъ, сказалъ:

— На дняхъ я случайно прочелъ одну книгу, которая навела меня на мысль освѣдомиться, что дѣлается въ здѣшнихъ граж-

данскихъ тюрьмахъ, надъ которыми всѣ вы, господа, суть непосредственные начальники, потому, конечно, быв-ваете тамъ и знак-комы съ тамошними пор-рядками!

— Бываемъ... знаемъ... тамъ, кажется, все какъ слѣдуетъ,— тихо, робко слышались голоса..

— Прекрасно,—иронически отвѣтилъ графъ.—Вы, не сомнѣваюсь, просвѣщенные, гуманные начальники, радѣете о ввѣренныхъ вамъ частяхъ. Однако, въ какомъ, полагаете вы, находится положеніи уголовная, напр., тюрьма? По-вашему, вѣроятно, въ безукоризненномъ, а по-моему—въ безобразномъ, да, въ безобразномъ состояніи, а почему? Да потому лишь, что вы туда не заглядываете, такъ какъ, если бы хоть изрѣдка бывали тамъ, вникали, допрашивали арестантовъ, разслѣдовали и взыскивали съ виновныхъ, то, разумѣется, искоренили бы разныя мерзости,

Онъ смолкъ и пронизывалъ генераловъ негодующимъ взоромъ, а они краснѣли, морщились и глядѣли въ тарелки, ища въ нихъ облегченія.

Перечисливъ затѣмъ «мерзости», онъ сказалъ:

— Не я ли долженъ бы обо всемъ этомъ услышать отъ васъ, а не вы отъ меня? Постыдитесь, господа, постыдитесь!.. Вы, напримѣръ,—адресовался онъ къ жандармскому,—«царское око», обязанное все знать, обо всемъ доносить, какъ изволите поступать?

Спрошенный растерянно бормоталъ что-то, остальные временами кидали на меня подозрительные взгляды. Графиня предложила мужу прекратить тягостный разговоръ.

— Да и ты, матушка, хороша,- -рѣзко замѣтилъ онъ ей.—Бываешь въ тюрьмѣ и ровно ничего не знаешь, или, по пословицѣ, «смотришь въ книгу, а видишь фигу»... Не вы ли, господа,—снова обратился онъ къ генераламъ,—осыпаны царскими милостями за свою ревностную и полезную службу? А какова она—вотъ образчикъ!.. Если я хоть что-нибудь подобное еще услышу—не пеняйте на меня; примѣню законъ во всей его строгости,—заключилъ онъ уже послѣ десерта, всталъ и ушелъ.

Послѣ такого обѣда Виктору Никитичу, хотя и осыпанному благодарностями со стороны графа, пришлось тотчасъ же бѣжать изъ Варшавы, что онъ успѣшно и сдѣлалъ при помощи графа Толстого.

По возвращеніи въ Петербургъ, для Виктора Никитича наступилъ боевой періодъ его дѣятельности въ тюремномъ комитетѣ, тянувшійся почти десять лѣтъ и стоившій ему крупныхъ нравственныхъ и физическихъ усилій и терзаній. Несмотря на всю свою недальновидность, «высокопарный краснобай», предсѣдатель комитета А. А. Волоцкой не могъ не видѣть въ Никитинѣ дѣятельнаго и полезнаго члена, почему онъ и предоставилъ ему пол-

ное завѣдываніе любимымъ имъ пріютомъ арестантскихъ дѣтей; но всѣ мѣропріятія и предложенія послѣдняго къ упорядоченію пріютскихъ порядковъ, пріютскаго хозяйства встрѣчали въ Волоцкомъ только словесныя одобренія; а исполненіе откладывалось и откладывалось пресловутымъ—«ужо, подпишу». На одно только могъ поднять покойный малоподвижнаго предсѣдателя, это на ходатайство чрезъ комитетъ объ отмѣнѣ публичной казни; хотя въ 1872 года офиціально была отмѣнена только послѣдняя часть 963 ст. уст. угол. судопр., т. е. объ избавленіи священника отъ тягостной обязанности сопровождать преступниковъ на площадь и оставаться тамъ до окончанія всей процедуры, но на практикѣ съ тѣхъ поръ часто, во вниманіе къ различнымъ просьбамъ, многихъ арестантовъ не выводили на площадь, а прямо отсылали по назначенію, что и вызвало, наконецъ, высочайшее повелѣніе 27 сентября 1878 года объ отмѣнѣ «обряда публичной казни».

Въ хозяйственныхъ дѣлахъ комитета Волоцкой во всемъ полагался на своего приближеннаго директора, г. Хрыпова, который вмѣстѣ съ полковниковъ Михѣевымъ, начальникомъ тюремнаго замка, производили, какъ оказалось, крупныя хищенія. Викторъ Никитичъ, которому предсѣдатель поручилъ и контрольное дѣло, не могъ, конечно, спокойно смотрѣть на подвиги Хрыпова и Михѣева, раскрывалъ ихъ предъ Волоцкимъ и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія близорукостью послѣдняго, представилъ объ этомъ докладъ комитету. Составилась контрольная комиссія, и въ результатѣ ея дѣйствій — удаленіе Хрыпова и оставленіе А. А. Волоцкимъ комитета, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ и президента комитета, А. Е. Тимашева.

Вступилъ новый предсѣдатель князь А. И. Шаховской; несмотря на свой преклонный возрастъ и глухоту, онъ повелъ дѣло энергично и, опираясь во всемъ на Никитина, сталъ устранять разныя неурядицы, предложивъ, между прочимъ, комитету выработанныя Никитинымъ новыя правила счетоводства. Но многимъ членамъ комитета такая дѣятельность предсѣдателя въ союзѣ съ Никитинымъ, котораго пытались даже устранить посредствомъ ложныхъ доносовъ на него градоначальнику, была далеко не по нутру, и они чинили ему всяческія препятствія. Послѣ того, какъ они большинствомъ голосовъ отвергли проектируемыя новыя правила счетоводства, старикъ не выдержалъ и заявилъ:

— Съ этого момента я больше не предсѣдатель. Коль скоро вы, по легкомыслію, отвергли и это полезное дѣло,—мнѣ дольше не приходится здѣсь оставаться. Прощайте.

На смѣну князя Шаховского былъ назначенъ князь А. И. Кропоткинъ, стоявшій во главѣ комитета болѣе трехъ лѣтъ. Время его управленія комитетомъ—самая плачевная страница въ исторіи комитетской жизни; прежніе безпорядки, хищенія заправилъ и без-

дѣятельность громаднаго большинства директоровъ достигли своего апогея. И странное дѣло! никто и не хотѣлъ ничего замѣчать, все шло якобы «благополучно» и какъ слѣдуетъ. Но не таковъ былъ Никитинъ. Ставъ съ 1874 года безсмѣннымъ членомъ контрольной комиссіи, онъ постарался все распознать и заручиться документами. Не безъ труда и иногда горькихъ непріятностей удавалось ему это разслѣдованіе, но еще труднѣе было заручиться поддержкой своихъ сочленовъ. Немного среди нихъ (всѣхъ директоровъ было больше 70) нашлось людей дѣла, людей, сознавшихъ всю правоту словъ и дѣйствій Никитина и рѣшившихся выступить въ союзѣ съ нимъ. Но и эти немногіе, съ О. И. Квистомъ, Ѳ. В. Кривцовымъ, К. Ф. Хартулари, княземъ С. Д. Эристовымъ, писателями—А. П. Пятковскимъ и Е. П. Карновичемъ и епископомъ выборгскимъ Варлаамомъ во главѣ, помогли восторжествовать правому дѣлу, несмотря на всѣ ухищренія противниковъ, и спасли комитетъ отъ близкаго погрома. Кропоткинъ былъ удаленъ, а его послѣдній секретарь высланъ изъ Петербурга [1]). Тяжело досталась эта побѣда В. Н. Никитину; помимо всѣхъ трудовъ по комитету, ему почти постоянно приходилось оправдываться и защищаться противъ клеветническихъ доносовъ предъ градоначальникомъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ, не разъ грозившимъ его выслать изъ столицы, и предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который, наконецъ, понялъ его и помогъ восторжествовать его дѣлу.

Два года еще, при новомъ предсѣдателѣ, умномъ, энергичномъ и честнѣйшемъ Ѳ. Н. Смирномъ, продолжалъ дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ на половину обновленный въ своемъ составѣ тюремный комитетъ; но пережитыя имъ потрясенія отъ хозяйничанія А. А. Волоцкого съ Хрыповымъ и князя А. И. Кропоткина не прошли для него даромъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило отнять отъ него хозяйство въ тюрьмахъ, а съ послѣднимъ отпадали и многіе капиталы, что, въ свою очередь, вызывало вопросъ о закрытіи самого комитета.

Но и тутъ опять Викторъ Никитичъ явился спасителемъ; хорошо знакомый съ финансовою частью комитета, онъ доказалъ правоспособность его существованія, съ этой стороны [2]), и намѣтилъ пути къ его новой организаціи, которыя въ значительной мѣрѣ и вошли потомъ въ уставъ 1893 г. Заботы о нравственномъ воздѣйствіи на заключенныхъ, воспитаніе дѣтей арестованныхъ,

---

[1]) Подробности всего этого см. въ книгѣ Никитина. — «Благотворительные подвиги. Записки маленькаго человѣка съ большими претензіями» (1886 г.), гдѣ кн. Кропоткинъ выставленъ подъ именемъ Подметкина, а его главный защитникъ, мимолетный членъ комитета, нынѣ высокочинный сановникъ, подъ фамиліей Подслужникова.

[2]) См. составленный имъ «Очеркъ дѣятельности Спб. тюремнаго комитета за 9 лѣтъ (1884—1893 г.)».

пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ и заботы о выпускаемыхъ изъ мѣстъ заключенія,—вотъ, говорилъ онъ, главныя задачи комитета. И дѣйствительно, позднѣйшая практика, особенно послѣднихъ лѣтъ, доказала, что покойный былъ вполнѣ правъ.

Участвуя во всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ и начинаніяхъ комитета почти до конца жизни, В. Н. Никитинъ послѣдніе годы преимущественно отдавался заботамъ о пріютѣ арестантскихъ дѣтей, къ которымъ относился съ рѣдкою любовью. Въ 1902 г., наконецъ, за свою болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю, чисто труженическую, дѣятельность на пользу «страждущихъ и несчастныхъ» онъ былъ избранъ «почетнымъ членомъ с.-петербургскаго мужского благотворительнаго тюремнаго комитета».

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о литературной дѣятельности покойнаго[1]). Едва ли не главнѣйшими изъ всѣхъ его произведеній слѣдуетъ признать тѣ изъ нихъ, которыя касаются «страждущихъ» и «несчастныхъ» и которыми онъ много способствовалъ улучшенію быта послѣднихъ. Помимо уже упомянутыхъ: «Жизнь заключенныхъ» и «Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ», назовемъ здѣсь: «Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ-подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы до нашихъ дней. 1560—1880» (Спб. 1880); «Обзоръ дѣятельности высочайше утвержденнаго попечительства надъ арестантами Спб. исправительной тюрьмы (1871—1882)»; «Попеченіе объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. Историческій очеркъ. 1891—1894 г.»; «Покровительство дѣтямъ заключенныхъ. Историческій очеркъ. 1819—1894 г.» и др.

Всѣ эти очерки, основанные на строгомъ изученіи законодательнаго матеріала и близкомъ знакомствѣ автора съ тюремнымъ дѣломъ вообще, тѣмъ болѣе цѣнны, что едва ли не впервые раскрыли въ такой мѣрѣ затронутый имъ вопросъ.

Слѣдующій не менѣе интересный отдѣлъ произведеній В. Н. Никитина составляютъ, во-1-хъ, его «Очерки изъ прошлаго», изъ пережитаго и видѣннаго имъ, въ живой и литературной формѣ передающіе жизненную правду во всей ея неприглядности, и, во-2-хъ, многочисленные разсказы, записанные имъ со словъ пострадавшихъ. (Послѣдніе сборники ихъ—«Разнообразіе» (1895) и «Пройдоха» (1900). Тѣ и другіе можно охарактеризовать однимъ общимъ

---

[1]) В. Н. Никитинъ помѣщалъ свои многочисленныя замѣтки и разсказы въ различныхъ газетахъ и журналахъ, но мы здѣсь коснемся лишь его отдѣльно изданныхъ работъ и журнальныхъ статей самаго послѣдняго времени, минуя также его многочисленные отчеты, проекты и т. п.

именемъ — «литературно-обличительныхъ очерковъ», богатыхъ въ то же время яркими характеристиками дѣльцовъ отрицательнаго направленія, нерѣдко направляющихся съ повинною, и лицъ, обиженныхъ судьбою.

Далѣе идутъ его «Воспоминанія» (въ «Русской Старинѣ») и историко-повѣствовательнаго и біографическаго характера статьи въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» (1900—1903 гг.), каковы, напр., «Забытое дѣло», «Одинъ изъ русскихъ историковъ» (М. Д. Хмыровъ), «Одинъ изъ дѣятелей эпохи реформъ» (Н. В. Исаковъ)[1]), «Должники» и много другихъ.

Наконецъ, остается еще упомянуть стоящіе особо два труда покойнаго: 1) «Евреи-земледѣльцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе южныхъ поселеній, со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней, 1802—1887» (Спб. 1887) и 2) «Еврейскія поселенія сѣверо- и юго-западныхъ губерній. 1835—1890 гг.» (Спб. 1894). Первый изъ нихъ, награжденный золотою медалью Вольно-Экономическимъ обществомъ, надѣлалъ въ свое время много шуму.

Этимъ мы и заканчиваемъ свою настоящую замѣтку о В. Н. Никитинѣ, какъ о даровитомъ самоучкѣ-писателѣ, рѣдкомъ по своему трудолюбію и энергіи тюремномъ дѣятелѣ и безусловно честномъ и добрѣйшемъ человѣкѣ.

В. Рудаковъ.

---

[1]) Генералъ-адъютанту Н. В. Исакову В. Н. помогалъ при составленіи и изданіи имъ 10 обширныхъ томовъ: «Благотворительность въ Западной Европѣ и въ Россіи.

ѲЕДОРЪ ИЛЬИЧЪ БУЛГАКОВЪ.

(Некрологъ).

Въ УСТЬ-НАРОВѢ 31 марта с. г. скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, связанной съ сильнѣйшими физическими страданіями, «второй» редакторъ «Новаго Времени», Ѳедоръ Ильичъ Булгаковъ. Покойный состоялъ въ первое десятилѣтіе существованія «Историческаго Вѣстника» его дѣятельнымъ сотрудникомъ, помѣстилъ на его страницахъ рядъ интересныхъ статей и явился, особенно въ формаціонный періодъ жизни журнала (1880—1882 г.), тою дѣятельною рабочею силою, которая понесла немало труда для твердой постановки молодого органа печати на ноги. Впослѣдствіи Булгаковъ отъ времени до времени помѣщалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» свои обстоятельно составленные очерки съ темами по преимуществу изъ западно-европейской жизни, и только въ дальнѣйшемъ теченіи времени, когда отвѣтственная редакціонная работа сначала исключительно въ большой политической газетѣ, а засимъ и въ собственномъ ежемѣсячномъ журналѣ цѣликомъ поглотила его силы и время, онъ отсталъ отъ нашей журнальной семьи сохранивъ, однако, съ редакціей самыя дружескія отношенія. Поэтому, соболѣзнуя печальной утратѣ, понесенной нашей журналистикой въ лицѣ Ѳедора Ильича, какъ просвѣщеннаго, энергичнаго и даровитаго дѣятеля, мы вмѣстѣ съ тѣмъ съ грустью вспоминаемъ его образъ, какъ старѣйшаго сотрудника, плодотворно поработавшаго въ свое время на пользу «Историческаго Вѣстника» и его читателей.

Ѳ. И. Булгаковъ родился въ 1852 г. въ городѣ Тимѣ, Курской губерніи. Дѣтство его протекло невесело—вѣчные побои, наказанія розгами по всякому случаю, вотъ тѣ вѣчные спутники раннихъ лѣтъ, которые не могли развить въ немъ особенно нѣжныхъ чувствъ въ отношеніи родителей, и главнымъ образомъ матери, предпочитавшей ему старшаго сына. За всякій проступокъ послѣдняго наказанію подвергался нашъ писатель. Поэтому, естественно, ея смерть не вызвала у него не только какого-либо потрясенія, но даже скорбнаго чувства. Вдовый отецъ помѣстилъ его въ мѣстный губернскій пансіонъ; наступилъ, повидимому, благопріятный періодъ жизни, но онъ длился недолго. Вскорѣ не стало и отца, а съ его смертью, благодаря недобросовѣстности опекуна, исчезла и та недвижимая собственность, которая обезпечивала молодому Булгакову правильное полученіе необходимаго образованія. Но мальчикъ уже тогда обнаруживалъ природныя свойства своего характера: живость, энергію и удивительную настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли. Наступившіе черные дни вызываютъ даже приливъ жизненныхъ силъ, и мы видимъ его въ гимназической курткѣ, окруженнымъ книгами, пріютившимся на постояломъ дворѣ, откуда онъ аккуратно посѣщаетъ курскую классическую гимназію, а свободное отъ обязательныхъ занятій время посвящаетъ частнымъ урокамъ, дающимъ ему средства къ ученію и существованію. Въ гимназіи Булгаковъ выдѣляется среди товарищей способностями, особенно въ области изученія языковъ, и обращаетъ на себя серьезное вниманіе педагоговъ и начальства недюжинными познаніями въ красотахъ латинской рѣчи. «Нашъ латинистъ»—таковъ аттестатъ Булгакову, когда гимназію посѣщаетъ насаждавшій въ тѣ годы на отечественной нивѣ плоды классическаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой. Въ послѣдній годъ своего ученія Булгаковъ почему-то бросаетъ курскую гимназію, переходитъ въ харьковскую, гдѣ и кончаетъ курсъ. Тутъ въ жизни его совершается почти необыкновенное событіе: онъ женится на молоденькой дѣвушкѣ и оказывается передъ порогомъ высшаго учебнаго заведенія въ положеніи семейнаго человѣка. Молодая жена, тоже почти ребенокъ, не принесла ему матеріальнаго благополучія, и вотъ полудѣти-супруги очутились въ Петербургѣ на положеніи интеллигентныхъ пролетаріевъ со всѣми аксессуарами пролетарской жизни — ея голодомъ. нуждою и борьбою за существованіе на каждый день и изъ-за каждаго рубля. Булгаковъ, сначала студентъ-филологъ петербургскаго университета, а потомъ слушатель восточнаго факультета по отдѣленію санскритско-зендско-персидскаго языка, могъ бы, несомнѣнно, найти на томъ или иномъ филологическомъ поприщѣ широкое примѣненіе своимъ выдающимся лингвистическимъ способностямъ, но долгъ передъ семьей

и семейныя обязанности, когда съ Лахты, гдѣ онъ съ женою и дѣтьми ютился, приходилось пѣшкомъ путешествовать въ Петербургъ въ поискахъ одного рубля на кормъ, положили предѣлъ его научнымъ занятіямъ: онъ вышелъ изъ университета, не окон-

Ѳедоръ Ильичъ Булгаковъ.

чивъ здѣсь курса, и отдался цѣликомъ свободнымъ научно-литературнымъ занятіямъ, позволившимъ ему хоть нѣсколько болѣе спокойно смотрѣть въ ближайшую даль грядущаго дня. Кончилась голодная полоса жизни и наступила новая, полная нервнаго труда, которая и выдвинула его довольно скоро въ рядъ выдающихся своими познаніями и трудолюбіемъ русскихъ журналистовъ,

оставившихъ по себѣ видный слѣдъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

Русская литература и журнальная работа уже на зарѣ юной жизни привлекали къ себѣ вниманіе и наклонности нашего писателя. Еще въ курской гимназіи онъ основательно дополнилъ свое среднее образованіе обильнымъ и разностороннимъ чтеніемъ, причемъ его симпатіями пользовались въ области языкознанія нѣмецкій ученый Максъ Мюллеръ, а въ области критики—знаменитый властитель думъ молодежи шестидесятыхъ годовъ, Д. И. Писаревъ. Тогда же онъ совмѣстно съ двумя товарищами — Чуриловымъ и Ярошемъ—приступилъ къ изданію гимназическаго еженедѣльнаго журнала «Сатира», гдѣ и состоялъ не только руководителемъ этого юношескаго органа, но и сотрудникомъ по разнымъ литературнымъ областямъ, до басенъ включительно. Голодная полоса жизни не заглушила въ немъ литературныхъ порывовъ и стремленія къ самообразованію; онъ въ этотъ періодъ успѣлъ основательно изучить главнѣйшіе новые языки, близко ознакомиться съ выдающимися произведеніями западно-европейской литературы и науки, а также испробовалъ свои силы на журнальномъ поприщѣ въ «Народной Школѣ» Ѳ. Н. Мѣдникова, въ «Недѣлѣ» П. А. Гайдебурова, «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Полетики. Тотъ періодъ нашей общественной жизни, къ которому относится начало литературной дѣятельности Булгакова, отмѣченъ нарастаніемъ интереса къ педагогическимъ вопросамъ. Реформы школы, низшей и средней, стояли на очереди, педагогическіе идеалы Ушинскаго, барона Корфа, Стоюнина и другихъ волновали общество; журналы, посвященные народному образованію и воспитанію юношества, пользовались распространеніемъ и вниманіемъ читателей. Казалось, что вотъ-вотъ и волна просвѣщенія покроетъ своей благодатной пѣной поверхность русской земли, смоетъ народное невѣжество и создастъ золотой вѣкъ народнаго знанія и народной просвѣщенной мудрости. Лучшія литературныя и ученыя силы охотно шли работать въ педагогическіе журналы, видя въ этой работѣ свой гражданскій долгъ и историческую обязанность передъ родиной и народомъ. Въ числѣ многихъ, отдавшихъ душу свою дѣлу педагогики въ теоретической ея постановкѣ на страницахъ нашихъ ежемѣсячниковъ, оказался и пылкій, увлекающійся и отзывчивый студентъ университета Ѳ. Булгаковъ, посвящающій очереднымъ вопросамъ русскаго образованія и реформѣ школы первыя свои литературныя статьи. Кульминаціонной точки работы въ этомъ направленіи достигаетъ онъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, съ основаніемъ П. И. Роговымъ ежемѣсячнаго журнала «Педагогическій Музей», гдѣ Ѳедоръ Ильичъ становится однимъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ, помѣщая здѣсь въ каждомъ нумерѣ одну или двѣ статьи по вопросамъ школьнаго дня, подчасъ съ характеромъ полемиче-

скимъ по адресу корифеевъ тогдашней педагогики, каковыми были баронъ Корфъ, Евтушевскій, Иверсенъ, Миропольскій и другіе, признанный авторитетъ которыхъ не останавливалъ, однако, молодого писателя отъ иногда рѣзкихъ критическихъ выпадовъ и насмѣшливыхъ замѣчаній по поводу теоретическихъ односторонностей и увлеченій господъ педагоговъ.

Свой взглядъ на задачи тогдашней школы имъ былъ развитъ въ сжатой небольшой статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу современнаго состоянія общаго образованія» [1]), гдѣ онъ говоритъ, что на первый планъ въ дѣлѣ школьнаго образованія долженъ быть выдвинутъ принципъ — «образованіе человѣка для жизни». Чтобы удовлетворить такому требованію, необходима, по его мнѣнію, «неразрывная связь различныхъ ступеней—отъ низшей до высшей—общеобразовательной школы и въ то же время законченность каждой изъ нихъ, дабы, пройдя одну изъ такихъ ступеней, учащійся могъ безъ затрудненія получать доступъ къ дальнѣйшему образованію, или же, въ случаѣ выхода его изъ школы данной ступени, вступать въ жизнь съ вполнѣ опредѣленной подготовкой. Отсюда школа не можетъ игнорировать сообщеніе полезныхъ свѣдѣній чисто утилитарнаго свойства, какъ въ общеобразовательныхъ своихъ цѣляхъ должна сообразоваться съ силами самихъ учащихся. Ограничиваться же однимъ развитіемъ умственныхъ силъ, какъ то преслѣдуетъ современная школа, не давая знаній, прямо приложимыхъ къ жизни, уже потому непедагогично, что это значило бы пробуждать въ учащемся множество такихъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ школа не даетъ и не можетъ дать ему средствъ. По нашему мнѣнію, только тогда молодежь не будетъ безвыходно теряться въ жизни (насколько, конечно, въ данномъ случаѣ факторомъ является школа), когда образованіе дастъ ей знанія и средства для успѣшной борьбы съ ней. Только тогда поступки и предпріятія всѣхъ и каждаго на пользу общаго блага примутъ характеръ постоянства и разумности и станетъ невозможнымъ появленіе въ средѣ интеллигенціи людей, съ одной стороны, замкнутыхъ въ себѣ, а съ другой—презрительно издѣвающихся надъ всякой общественной дѣятельностью и хорошими увлеченіями,—когда каждый членъ общества научится понимать и справляться прежде всего съ своими страданіями, съ своимъ личнымъ счастьемъ».

Вкусъ къ литературной работѣ и интересъ къ педагогическимъ вопросамъ настолько захватили Булгакова, что въ 1879 г. онъ пріобрѣтаетъ отъ Рогова «Педагогическій Музей» и приступаетъ къ его издательству на свой страхъ и рискъ. Но тутъ онъ впервые знакомится съ тяжестью тогдашнихъ цензурныхъ требованій и, недолго пробившись въ тискахъ цензурнаго давленія, оказывается

---

[1]) «Педагогическій Музей» 1877 года, № 3.

вынужденнымъ спустить свой издательскій флагъ и прекратить изданіе. Это было первое литературное разочарованіе молодого писателя, изъ категоріи тѣхъ, коими, увы! его жизненный путь былъ достаточно обиленъ.

Выше было уже сказано, что университетскаго курса ему кончить не удалось по причинамъ матеріальныхъ невзгодъ, которыя и побудили его перемѣнить званіе свободнаго студента на подневольную должность секретаря комитета иностранной цензуры, гдѣ Булгаковъ, благодаря своему знанію иностранныхъ языковъ, былъ цѣннымъ служащимъ. Тогда же онъ принимаетъ на себя секретарство въ основанномъ княземъ П. П. Вяземскимъ «Обществѣ древней письменности», а также дѣятельно работаетъ во Фребелевскомъ обществѣ и комиссіи военно-учебныхъ заведеній. Во всѣхъ названныхъ учрежденіяхъ Булгаковъ является удивительно трудолюбивымъ, энергичнымъ и просвѣщеннымъ сотрудникомъ, оставляя вездѣ плодами своей дѣятельности богатые слѣды. Такъ, по обществу древней письменности имъ, за четырехлѣтнее пребываніе здѣсь, были изданы комментированные труды—«Стафонитъ и Ихнилитъ», «Повѣсть о семи мудрецахъ», «Шемякинъ судъ», нѣсколько отчетовъ общества съ этюдами и девять книгъ затѣяннаго имъ періодическаго изданія «Памятники древней письменности». Всѣ эти спеціальные труды, изданные чрезвычайно тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла, заслужили почетные отзывы такихъ ученыхъ, какъ Ягичъ, И. Мартыновъ и знаменитый Бенфей и др.; какъ дѣятель «педагогической комиссіи», онъ во время русско-турецкой войны организовалъ народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ — «Геройская оборона Баязета» и «Ардаганъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳедоръ Ильичъ не покидалъ своей работы и по педагогическимъ вопросамъ въ журналистикѣ и даже въ 1879 г., когда прекратилъ свое существованіе «Педагогическій Музей», приступилъ къ изданію новаго педагогическаго журнала — «Земская Школа»; однако недостатокъ матеріальныхъ средствъ снова побудилъ его вскорѣ прекратить это изданіе. Къ этому же времени относится и начало его постояннаго сотрудничества въ «Голосѣ», гдѣ тогдашній руководитель этой вліятельной газеты, извѣстный историкъ В. А. Бильбасовъ, очень цѣнилъ обширныя познанія своего сотрудника и часто пользовался пыломъ его пера для задирательныхъ полемикъ и возбужденія въ читателяхъ интереса къ нѣкоторымъ острымъ моментамъ обывательскаго дня. Развертывая такимъ образомъ свою кипучую дѣятельность на разныхъ поприщахъ нашей учено-литературной общественности, Булгаковъ, повидимому, постепенно достигалъ здѣсь прочности положенія и даже нѣкотораго матеріальнаго благополучія. Но горе было не за горами и оно вскорѣ обрушилось всею тяжестью на нашего писателя, чуть не выбивъ его окончательно изъ только что завоеванной жизненной колеи и, во всякомъ

случаѣ, сыгравъ въ его судьбѣ значительную роль со всѣми ея печальными послѣдствіями.

Дѣло въ томъ, что Ѳедоръ Ильичъ былъ отъ природы, съ юныхъ лѣтъ и до послѣднихъ дней, человѣкомъ очень живымъ, отзывчивымъ, довѣрчивымъ и увлекающимся, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда шелъ вопросъ о помощи ближнему и поддержкѣ его въ трудный моментъ. Благодаря этимъ свойствамъ своей натуры, онъ сдѣлался жертвою чужого прегрѣшенія, которое и обошлось ему такъ дорого. Познакомившись черезъ извѣстную дѣятельницу по народному образованію госпожу Алчевскую съ извѣстнымъ впослѣдствіи писателемъ Дьяковымъ-Незлобинымъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ, драпировавшимся въ запрещенный политическій костюмъ, Булгаковъ отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и ради его «спасенія» отъ преслѣдованія полиціи необдуманно одолжилъ ему свой паспортъ, дабы дать ему возможность эмигрировать за границу. Съ этимъ паспортомъ Дьяковъ-Булгаковъ дѣйствительно и очутился за предѣлами родины, сошелся съ средой эмигрантовъ, но вскорѣ началъ обливать эту среду грязью на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» и въ художественной беллетристической формѣ съ опредѣленными тѣнями и свѣтовыми тенденціями выводить передъ читателями тѣхъ, кто гостепріимно впустилъ его въ свой кругъ. Эти описанія дѣлались за подписью Булгакова, и можно себѣ представить, теперь нѣсколько забытый, шумъ, который тогда поднялся въ газетахъ около имени сотрудника «Голоса» и какого труда ему стоило установить свою непричастность къ произведеніямъ чужого пера, вышедшимъ, однако, подъ его флагомъ. Тщетно молилъ Ѳедоръ Ильичъ о возвращеніи своего жизненнаго документа, лже-Булгаковъ не внималъ этимъ просьбамъ, и положеніе секретаря комитета иностранной цензуры и общества древней письменности стало совершенно невозможнымъ. Газеты его травили, а опытный руководитель «Голоса», понимая, насколько поднятый шумъ выгоденъ для котировки газеты, поддавалъ, что называется, жару полемическимъ отвѣтамъ своего сотрудника, плодя ему безъ всякой надобности лишнихъ враговъ и придавая его писательской физіономіи какой-то двусмысленный и нѣсколько таинственный смыслъ. Конечно, въ результатѣ все, какъ говорится, «образовалось»: Дьяковъ вернулся на родину, былъ судимъ, принесъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ покаяніе, былъ прощенъ и сдѣлался впослѣдствіи виднымъ публицистомъ съ ядовитымъ перомъ и желчною, но талантливою, газетною рѣчью, живо откликавшеюся на вопросы дня. Получилъ свой жизненный документъ обратно и Булгаковъ, успѣвъ разсѣять въ общественной атмосферѣ тотъ туманъ, который окуталъ его писательскій обликъ, но весь эпизодъ не прошелъ для него, однако, даромъ: онъ вынужденъ былъ

покинуть свои столь хорошо наладившіяся секретарства и остаться съ больною женою и дѣтьми при одномъ случайномъ литературномъ заработкѣ и съ неувѣренностью въ благополучіе завтрашняго дня, жизненный горизонтъ снова заволокся черными тучами, наступила опять борьба за существованіе. Въ такомъ положеніи застаетъ нашего писателя только что основанный С. Н. Шубинскимъ при содѣйствіи А. С. Суворина «Историческій Вѣстникъ», и вотъ съ перваго же года жизни журнала Ѳ. И. Булгаковъ является въ редакцію съ предложеніемъ своихъ литературныхъ услугъ, которыя охотно и принимаются. Онъ становится здѣсь постояннымъ сотрудникомъ, наполняя журналъ самыми разнообразными работами по разнымъ отдѣламъ — «смѣси», «библіографіи», «мелочей», а также печатая здѣсь статьи исключительно компилятивныя, изъ исторической области какъ отечественной, такъ и западно-европейской жизни. Въ архивѣ «Историческаго Вѣстника» сохранились письма писателя за тотъ періодъ и, пробѣгая ихъ въ настоящее время, изумляешься разносторонности научныхъ интересовъ покойнаго журналиста, его трудоспособности, аккуратности и тщательности выполненія принятыхъ на себя литературныхъ обязательствъ и готовности не брезгать никакимъ трудомъ, если только таковой отвѣтствуетъ запросамъ читателей и требованіямъ редакціи. Его письма къ С. Н. Шубинскому цѣнный матеріалъ для обрисовки духовнаго облика сотрудника «Историческаго Вѣстника», и въ нихъ сказываются тѣ типическія особенности его натуры, о которыхъ говорено выше, съ одной стороны, и съ другой—въ нихъ же почерпаемъ мы свѣдѣнія о томъ, съ какою борьбою, съ какимъ трудомъ доставался ему каждый прожитый день и сколько тревожныхъ волненій приходилось переживать по пути къ извѣстности и прочности жизненнаго положенія. Особенной тревоги достигло его душевное состояніе, когда онъ въ 1880 г. ожидалъ результатовъ переговоровъ С. Н. Шубинскаго съ А. С. Суворинымъ по поводу его сотрудничества въ «Новомъ Времени», послѣ того, какъ ему стало не въ моготу сотрудничество въ «Голосѣ», гдѣ Бильбасовъ, держа его въ черномъ тѣлѣ, побуждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ интенсивной работѣ въ направленіи, часто ему приходившемся не по душѣ. «Ваше молчаніе меня истомляетъ—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ редактору «Историческаго Вѣстника».—Видно, ничего отраднаго мнѣ ждать не приходится. Сегодня уже 17-е іюня, котораго я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, но пока вѣсти никакой. Не стѣсняйтесь, пожалуйста, скажите, что вамъ отвѣтилъ Суворинъ? Пока меня все-таки не оставляетъ надежда, и я не ищу, да и гдѣ искать,—итти на службу, значитъ, только самого себя обманывать, ибо я рѣшительно не годенъ для канцелярскаго прозябанія; кромѣ того, меня и не потерпятъ долго. Иное дѣло—знай я какое-нибудь ремесло или имѣй

хоть какой-нибудь капиталъ, тогда бы я сумѣлъ обернуться въ своемъ убійственномъ положеніи. Какъ подумаешь, что въ Россіи нѣтъ мѣста сколько-нибудь независимому умственному труду, становится тошно не столько за себя, сколько за свою семью. Простите, что вамъ надоѣдаю со своими «жалкими словами»; къ несчастію, я не властенъ надъ собою, чтобы удержать ихъ про себя».

Черезъ нѣсколько дней ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ его свиданіе съ издателемъ «Новаго Времени» состоялось, и А. С. Суворинъ принялъ Ѳедора Ильича въ число сотрудниковъ своей газеты, но его работа здѣсь не сразу наладилась, и онъ только постепенно овладѣлъ своимъ новымъ положеніемъ и приспособился къ новой литературной средѣ. «Газетчикъ» въ немъ выработался не сразу, и въ первое время его сотрудничества въ «Новомъ Времени», какъ это усматривается изъ тѣхъ же его писемъ къ С. Н. Шубинскому, мы видимъ у него большее тяготѣнье къ журнальной работѣ. Такъ, лѣтомъ 1881 г. онъ писалъ: «Вообще я горю желаніемъ писать и писать серьезно не для желудка только, но и для души. Лишь бы вещь [1]) попадалась могущая обогатить умственный кругозоръ. Не бѣда, что иногда не хватитъ свѣдѣній, ихъ пріобрѣсти можно при случаѣ и надобности. За этимъ не постоимъ. Откровенно скажу вамъ, я не гонюсь вовсе за жирной платой, только бы хватило на жизнь. Къ сожалѣнію, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» мало мѣста для моей плодовитости. Будь побольше сверстанныхъ листовъ въ году, можно бы поуменьшить гонораръ и въ интересахъ долговѣчности журнала и въ виду собственнаго спокойствія и личной пользы отъ случайной дѣятельности. Газетная же только развращаетъ человѣка, надрываетъ его силы, въ результатѣ не вознаграждая ничѣмъ потерю ихъ и массою мелочныхъ дрязгъ угнетая всякую бодрость духа. Я, къ счастію, теперь очень замѣчаю за собою всякое проявленіе угнетеннаго состоянія и стараюсь побѣждать его, чтобы не впасть въ безразличіе. Вотъ откуда у меня теперь отъ газетныхъ воротъ такой поворотъ и такое тяготѣніе къ журналу».

Эти строки были писаны въ тотъ періодъ жизни, когда его журнальный путь еще окончательно не опредѣлился; дальнѣйшія событія не подтвердили его мнѣнія о «поворотѣ», или, скорѣе, опредѣлили этотъ поворотъ въ обратномъ направленіи, именно къ газетѣ, съ существованіемъ которой такъ неразрывно связалась его жизнь. Но пока эта связь не оформилась и не закрѣпилась, Ѳ. И. Булгаковъ въ промежутокъ 1880 — 1882 гг. явился чрезвычайно продуктивнымъ сотрудникомъ «Историческаго Вѣстника», почерпая изъ работы здѣсь значительную часть своего общаго литератур-

---

[1]) Т. е. книга, по поводу которой онъ собирался писать.

наго заработка. За все время его работы въ журналѣ имъ было напечатано здѣсь болѣе ста статей и замѣтокъ въ разныхъ отдѣлахъ, а также приведены въ надлежащій порядокъ для напечатанія нѣсколько цѣнныхъ чужихъ трудовъ, изъ коихъ имъ сдѣланы экстракты и снабжены комментаріями и объяснительными примѣчаніями. Изъ главнѣйшихъ его работъ для «Историческаго Вѣстника» надлежитъ назвать: «Іовъ, Прометей и Фаустъ», опытъ этико-исторической параллели; «Бисмаркъ въ карикатурѣ», «Калейдоскопъ московской жизни. 1818, 1819, 1820 годы. (Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ князю П. А. Вяземскому)», «Русскій государственный человѣкъ минувшихъ трехъ царствованій» (Къ характеристикѣ гр. П. Д. Киселева)», «Лебедевъ, Герасимъ Степановичъ русскій путешественникъ-музыкантъ по Индіи въ концѣ XVIII вѣка», «Характеристика Пирогова, какъ педагога» и т. д. Таковы его работы въ области изслѣдованія и популяризаціи русской жизни; немало очерковъ, напримѣръ, о Наполеонѣ, о Фридрихѣ Великомъ, о Карлейлѣ и пр., относящихся до культурной жизни Западной Европы и основанныхъ на новѣйшихъ источникахъ, также разбросано въ видѣ отдѣльныхъ монографій по страницамъ журнала. Изъ числа обработанныхъ къ печати мемуаровъ надлежитъ отмѣтить: «Дневникъ В. И. Аскоченскаго», который онъ выжалъ изъ семи обширныхъ томовъ, снабдивъ дневникъ біографическимъ предисловіемъ и основательными примѣчаніями. Читая попадавшіяся ему иностранныя газеты, Булгаковъ спѣшилъ дѣлать изъ нихъ соотвѣтствующія вырѣзки, переводилъ и помѣщалъ въ отдѣлѣ «Смѣси»; такъ же поступалъ онъ съ русскими газетами. Онъ внимательно слѣдилъ за нововыходящими книгами, основательно и съ большимъ знаніемъ вопросовъ рецензировалъ ихъ, охотно просматривалъ присылаемыя ему редакторомъ журнала новыя изданія и всѣ эти работы къ установленному сроку доставлялъ редакціи, охотно подчиняясь ея требованіямъ въ надлежащихъ случаяхъ сокращенія и передѣлокъ.

Интенсивность его сотрудничества въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была, однако, непродолжительна: вскорѣ газетная работа поглотила его всецѣло, онъ спѣлся съ редакціей, обрѣлъ свое надлежащееe въ ней мѣсто и сдѣлался въ ней полезнымъ и необходимымъ сотрудникомъ. Начавъ съ печатанія здѣсь мелкихъ замѣтокъ, потомъ передовыхъ статей, онъ специализировался на отдѣлѣ иностранной жизни съ той ея стороны, которая содержала въ себѣ проявленія западно-европейскаго генія въ области науки, литературы и искусства. Его фельетоны (по четвергамъ) подъ заглавіемъ: «Съ того берега», «Заграничная лѣтопись», «Новости иностранной литературы», содержали въ себѣ интересныя и разнообразныя свѣдѣнія о культурной жизни Запада и являлись живо и съ большимъ знаніемъ написанной энциклопедіей по разнообраз-

нымъ вопросамъ европейскаго просвѣщенія. Онъ въ доступной формѣ и легкомъ изложеніи популяризировалъ новѣйшіе труды въ области исторіи литературы, театра, искусства, знакомилъ съ послѣднимъ словомъ знанія «страны чудесъ», рисовалъ портреты выдающихся представителей тамошней культурной жизни и такимъ образомъ вводилъ читателей въ курсъ всего того выдающагося, что могло служить нашей родинѣ поучительнымъ примѣромъ и источникомъ новаго опыта и знанія. Эти фельетоны пользовались широкимъ интересомъ читателей газеты и являлись богатымъ дополненіемъ къ тому, что давали политическіе отдѣлы газеты. Фельетоны эти прекратились послѣ того какъ работа по редактированію газеты и веденію собственныхъ изданій потребовала отъ него почти всего времени дня и доброй половины ночи. Издатель «Новаго Времени», узнавъ поближе Ѳедора Ильича и убѣдившись въ его литературной отзывчивости, добросовѣстности и трудоспособности, уже со второй половины восьмидесятыхъ годовъ отводитъ ему въ газетѣ видное положеніе, сначала какъ постоянному еженедѣльному фельетонисту, потомъ какъ лицу, исполняющему опредѣленныя редакціонныя порученія и затѣмъ какъ замѣстителю въ лѣтніе мѣсяцы должности офиціальнаго редактора, за отсутствіемъ изъ города уѣзжавшаго на отдыхъ М. П. Ѳедорова. Впослѣдствіи Булгакову поручается исключительное редактированіе субботнихъ приложеній къ газетѣ, а послѣ смерти Ѳедорова онъ дѣлается «вторымъ» редакторомъ самой газеты, на каковомъ посту и постигла смерть Ѳедора Ильича. Въ качествѣ редактора большой политической газеты Булгаковъ былъ цѣннымъ работникомъ. Увлекающійся въ вопросахъ личныхъ, онъ былъ крайне сдержанъ и остороженъ въ трудной и отвѣтственной должности цензора чужихъ статей и ихъ печатанія; онъ неизмѣнно и выше всего ставилъ интересы и благополучіе газеты, какъ длительнаго явленія жизни, охраняя ее отъ всякихъ случайностей, увлеченій сотрудниковъ и тѣхъ вѣяній дня, которымъ онъ по опыту жизни не всегда довѣрялъ, усматривая здѣсь преходящій моментъ, послѣ котораго можетъ наступить горькое разочарованіе и будничное отрезвленіе со всѣми печальными вытекающими отсюда послѣдствіями.

Вступивъ сотрудникомъ въ большую газету, Ѳ. И. Булгаковъ, кромѣ «Историческаго Вѣстника», печатался также еще въ журналахъ «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» и «Новь», а въ 1895 году принялъ приглашеніе г. Пантелѣева редактировать послѣ смерти извѣстной переводчицы г-жи Энгельгардтъ его журналъ «Вѣстникъ Иностранной Литературы». Это редактированіе не принесло, однако, нашему писателю ожидаемыхъ радостей—вскорѣ интересы издателя и редактора рѣзко разошлись, и Булгаковъ вынужденъ былъ покинуть то дѣло, которое успѣлъ полюбить и въ которомъ усматри-

валъ полезность для русской жизни. Знаменитый въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевъ выдалъ литератора-редактора головою купцу-издателю: Пантелѣевъ отказалъ Булгакову и собственной персоной сталъ во главѣ редакторства органомъ печати, для руководства которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовались значительная литературная освѣдомленность и опытность. Между бывшимъ редакторомъ и издателемъ журнала начался процессъ, который, однако, въ своемъ заключительномъ эпилогѣ кончился для перваго неблагополучно.

Отойдя отъ «Вѣстника Иностранной Литературы», Ѳедоръ Ильичъ какъ бы почувствовалъ себя осиротѣлымъ и тотчасъ же рѣшилъ пополнить образовавшійся пробѣлъ въ жизни; онъ въ 1897 г., сейчасъ же послѣ разлада съ Пантелѣевымъ, основываетъ собственный журналъ—«Новый Журналъ Иностранной Литературы, Искусства и Науки», который, благодаря умѣлой его постановкѣ и руководству, вскорѣ завоевываетъ себѣ вниманіе широкаго круга читателей и становится очень распространеннымъ органомъ нашей печати, гдѣ вопросы литературы, искусства и науки нашихъ западныхъ сосѣдей получаютъ прекрасное освѣщеніе и искусную популяризацію. Широкому распространенію «Новаго Журнала» въ значительной степени содѣйствовало то обиліе иллюстрацій, которыми были снабжены статьи и въ воспроизведеніи которыхъ редакторъ-издатель находилъ удовлетвореніе своей любви къ художеству и своему артистическому чувству.

Приступивъ къ новому изданію, Булгаковъ не имѣлъ въ запасѣ нужныхъ ему оборотныхъ средствъ, дѣло было поведено съ большимъ размахомъ, но въ кредитъ, и всѣ печальныя послѣдствія такой постановки журнала сказались въ трудные годы нашего освободительнаго и революціоннаго движенія. Интересъ къ вопросамъ чисто культурнымъ значительно понизился, на авансцену жизни выступили вопросы политическіе, а тутъ еще забастовки въ типографіяхъ нарушили порядокъ выхода журналовъ. Все вмѣстѣ взятое внесло въ ходъ развитія издательскаго предпріятія Булгакова безпорядокъ, кредиты оказались затрудненными и сократились, и дѣло, основанное безъ нужнаго запаснаго и оборотнаго капитала, пошло на ущербъ, внося въ жизнь нашего писателя одно изъ тягчайшихъ разочарованій и огорченій, которыя въ значительной мѣрѣ содѣйствовали сокращенію его дней. Ѳедоръ Ильичъ напрягалъ всю энергію, чтобы спасти родное дѣтище отъ истощенія, но... обстоятельства оказались сильнѣе энергіи одного человѣка, и изданіе нужно было, обсуждая вопросъ съ его практической стороны, ликвидировать; но на такой рѣшительный шагъ у редактора-издателя не хватало рѣшимости, и онъ продолжалъ его поддерживать, губя вмѣстѣ съ тѣмъ свое надорванное уже тяже-

лымъ жизненнымъ путемъ здоровье и угасавшія силы и вкладывая въ него всѣ свои прочія средства, получаемыя и по редактированію газеты, и по продажѣ отдѣльныхъ своихъ многочисленныхъ изданій. Тутъ разыгрывалась тяжкая драма: человѣкъ взялъ все свое жизненное отъ литературы и ей же все это отдалъ — «твоя отъ твоихъ...», не имѣя возможности обезпечить себѣ спокойнаго послѣдняго часа жизни и жизни тѣхъ, кого оставлялъ послѣ себя. Булгаковъ вступилъ въ жизнь бѣднякомъ, настоящимъ интеллигентнымъ пролетаріемъ и послѣ многихъ лѣтъ упорнаго труда, коимъ онъ былъ дѣйствительно полезенъ своимъ соотечественникамъ, таковымъ же сошелъ въ могилу.

Братья писатели, въ вашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое...

Страстное тяготѣніе къ издательству причиняло вообще въ жизни Ѳедору Ильичу, какъ мы видѣли, немало огорченій, но оно же создало ему и крупное издательское имя. Его энергія въ этой области была неистощима и воистину поразительна; онъ каждый годъ, начиная со второй половины восьмидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени включительно, поставлялъ на книжный рынокъ значительное количество тѣхъ или иныхъ переводныхъ или спеціально-иллюстраціонныхъ изданій, назначеніемъ которыхъ было внесеніе въ нашу общественность полезныхъ знаній въ сферѣ науки, литературы и искусства. Если при началѣ литературной дѣятельности Булгакова въ семидесятыхъ годахъ мы видимъ въ немъ сильное увлеченіе вопросами педагогическими, то въ слѣдующемъ десятилѣтіи его увлеченіе переходитъ на кругъ вопросовъ художественныхъ, и онъ послѣ В. В. Стасова дѣлается у насъ какъ бы патрономъ дѣла живописи, своего рода чичероне русскихъ художниковъ среди равнодушнаго къ вопросамъ просвѣтительнаго и эстетическаго знанія русскаго общества. Въ этомъ отношеніи его заслуги передъ исторіей отечественной образованности очень велики, и несомнѣнно его умѣлая и популярная пропаганда путемъ выпуска въ широкую публику репродукцій выдающихся произведеній русской живописи немало содѣйствовала установленію у насъ правильнаго взгляда на воспитательное значеніе въ жизни художественныхъ произведеній, академическихъ выставокъ и на оцѣнку дѣятельности выдающихся представителей русской живописи, какъ И. Айвазовскій, В. Орловскій, К. Маковскій, И. Шишкинъ, Г. Семирадскій и др.

Именно Ѳедоръ Ильичъ съ 1887 г. положилъ начало такъ называемымъ иллюстрированнымъ каталогамъ ежегодныхъ художественныхъ выставокъ въ цѣляхъ дать наглядное напоминаніе о всѣхъ выдающихся произведеніяхъ русскаго искусства, какія

изъ года въ годъ появляются на академическихъ выставкахъ. Съ 1890 г. онъ внесъ сюда значительное усовершенствованіе, примѣнивъ для репродукціи ежегодныхъ выставокъ фототипію. Съ 1888 г. онъ приступаетъ къ цѣнному изданію—«Альбомовъ русской живописи», гдѣ даетъ обзоры дѣятельности наиболѣе крупныхъ силъ отечественной живописи и въ отчетливыхъ репродукціяхъ собираетъ обширную галерею образцовъ русскаго художества. Такимъ образомъ имъ изданы альбомы картинъ В. Д. Орловскаго, Г. И. Семирадскаго, К. Е. Маковскаго, И. И. Шишкина, Р. Г. Судковскаго, И. А. Айвазовскаго, причемъ всѣ эти выпуски снабжены основательными критико-біографическими очерками тѣхъ дѣятелей нашей живописи, чьи произведенія были имъ репродуцируемы. Въ тѣхъ же видахъ ознакомленія широкой публики съ исторіею и развитіемъ художественнаго дѣла въ Россіи имъ былъ изданъ капитальный трудъ «Наши художники», гдѣ помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности 757 русскихъ художниковъ съ приложеніемъ фототипическихъ и автотипическихъ снимковъ съ ихъ портретовъ и главнѣйшихъ произведеній ихъ кисти. Это изданіе вышло въ двухъ томахъ съ однимъ «дополненіемъ» и можетъ быть разсматриваемо какъ единственная до сихъ поръ у насъ энциклопедія художественнаго дѣла въ Россіи за вторую половину XIX вѣка. Кромѣ того, имъ были составлены и изданы двѣ обширныя иллюстрированныя монографіи, посвященныя русскимъ художникамъ—П. А. Ѳедотову и В. В. Верещагину съ воспроизведеніемъ въ нихъ важнѣйшихъ ихъ произведеній и цѣнными автобіографическими свѣдѣніями.

Кромѣ вниманія дѣятелямъ русской живописи, имъ было удѣлено также время для популяризаціи свѣдѣній и о развитіи художественнаго дѣла на Западѣ. Въ этихъ видахъ имъ были выпущены въ изданіяхъ А. С. Суворина слѣдующіе цѣнные переводные и оригинальные труды: «Любке. Иллюстрированная исторія искусства», «Художественная энциклопедія», гдѣ изложены исторія, теорія и техника изящныхъ искусствъ (архитектуры, скульптуры и живописи) по національнымъ особенностямъ, съ синхронистическими таблицами и отдѣльными характеристиками важнѣйшихъ эпохъ и стилей; «Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства» съ 6-ю хромолитографическими и 8-ю автотипическими приложеніями и множествомъ снимковъ историческихъ шрифтовъ, заглавныхъ листовъ, иниціаловъ и заставокъ. Къ кругу его трудовъ по исторіи западно-европейской живописи относятся тѣ, гдѣ онъ ознакомилъ своихъ соотечественниковъ съ жизнью, творчествомъ и произведеніями—Альмы Тадемы, Л. Кнауса, Менцеля, Мейссонье и др. Интересуясь развитіемъ исторіи не только живописи, но и прочихъ родовъ искусства, онъ включилъ въ серію своихъ изданій и «Альбомъ русской

скульптуры», гдѣ далъ свѣдѣнія о личности проф. М. М. Антокольскаго и фототипическую репродукцію его главнѣйшихъ твореній.

Дѣятельностью въ обрисованномъ направленіи не ограничилась, однако, его издательская работа. Имъ были и лично переведены и выпущены въ переводѣ своихъ сотрудниковъ обширнѣйшая серія произведеній западно-европейскихъ писателей, французскихъ и англійскихъ по преимуществу. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній поступили на книжный рынокъ въ доступныхъ широкимъ кругамъ потребителей изданіяхъ, другія въ роскошныхъ, иллюстрированныхъ. Къ числу послѣднихъ, главнѣйшихъ, должны быть отнесены: «Тысяча и одна ночь. Арабскіе разсказы Шахразады», «Атмосфера. Популярная метеорологія Камилла Фламмаріона», «Поэзія флоры», «Миѳы въ искусствѣ старомъ и новомъ», «Плутархъ XIX вѣка», «Музыка въ XIX вѣкѣ», «Танцы, ихъ исторія и развитіе», «Сто шедевровъ искусства» и т. д.

Такова была обширнѣйшая, кипучая и плодотворная дѣятельность покойнаго Θедора Ильича Булгакова, буквально пожиравшая его силы и требовавшая отъ него непрерывнаго, упорнаго труда, безъ отдыха и свободы отъ напряженной работы. Понятно, что, сжигая свѣчу своей жизни съ обоихъ ея концовъ, онъ не могъ разсчитывать на долголѣтіе и сошелъ, удрученный болѣзнями и горестями жизни, такъ преждевременно въ могилу. Раннія невзгоды, лишенія на зарѣ жизни, борьба за существованіе, неудачи по издательству послѣдняго журнала сломили его кипучія силы. Параличъ сердца въ самый день перевоза больного на свѣжій воздухъ любимаго имъ Гунгербурга прекратилъ и страданія больного писателя и поставилъ послѣднюю точку къ его столь плодотворно и полезно прожитой жизни. Русская журналистика и русское издательство потеряли въ его лицѣ выдающагося дѣятеля, который вложилъ всю свою душу въ дѣло своей жизни.

Л. Г. И.

ИВАНЪ ВАЗОВЪ—НАРОДНЫЙ БОЛГАРСКІЙ ПОЭТЪ-ГРАЖДАНИНЪ.

(Очеркъ).

I.

ИВАНЪ Минчовичъ Вазовъ пишетъ давно — около 40 лѣтъ. Для литературнаго творчества это цѣлая эпоха.

Продержать стойко на передовомъ посту знамя свободнаго слова въ такомъ краю, какъ Болгарія, никогда не измѣнять ему, влiять на развитіе общественной мысли обаяньемъ чистаго художественнаго образа, пробуждать добрыя чувства въ молодомъ народѣ горячимъ стихомъ, выливающимся изъ глубины великой души,—громадный подвигъ Вазова, дающій ему право считаться истиннымъ народнымъ поэтомъ-гражданиномъ возрожденной страны.

Каждое его новое произведеніе, въ стихахъ ли оно, или въ прозѣ, прочитывается на родинѣ Вазова съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ болгаринъ, молодой и старикъ, всегда находитъ въ немъ смѣлый, прямой отвѣтъ на запросъ наболѣвшаго сердца, разгадку мучительнаго сомнѣнья, утѣшенье въ минуты горя и душевнаго разлада, въ часы досуга—пріятный отдыхъ послѣ житейскихъ бурь и невзгодъ.

Имя Вазова извѣстно далеко за предѣлами отечества; лучшія изъ его стихотвореній и беллетристическихъ вещей переведены на многіе иностранные языки, не говоря уже о русскомъ [1]).

[1]) «Славянскіе поэты» Гербеля. «Славянская муза» В. Уманова-Каплуновскаго, «Міръ Божій» (1898 г.), «Русское Богатство» (1900 г. и 1902 г.), «Славянскіе поэты» фонъ-Штейна и др. переводы.

«Общечеловѣческое» этихъ произведеній отодвигаетъ «узконаціональное» и дѣлаетъ ихъ близкими всякому, кто умѣетъ чувствовать.

Самая жизнь Вазова выдѣляется надъ уровнемъ обыкновенныхъ, заурядныхъ біографій. Буржуазнымъ шаблонамъ—нѣтъ въ ней мѣста.

Вотъ она въ нѣсколькихъ наиболѣе яркихъ чертахъ.

Годъ рожденія—1851-й.

Мѣсто рожденія—Сопотъ, незначительный посадъ у южнаго склона Балканъ, вблизи Пловдива.

Въ Сопотѣ, Карловѣ и Пловдивѣ проходило ученье Вазова. Мать-природа, столько разъ воспѣтая имъ, съ ея солнцемъ, долиною розъ, скалами и горами, затѣмъ начальное училище, потомъ главное училище съ наставникомъ Бѣльчевымъ, наконецъ четыре класса пловдивской гимназіи—воспитали и образовали будущаго даровитаго писателя, бросая въ его воспріимчивую душу благородныя сѣмена истины.

Петръ Великій, Суворовъ, Ломоносовъ, Хомяковъ, Пушкинъ, Гоголь, Викторъ Гюго—вотъ пантеонъ, что́ окружалъ его со школьной скамьи, вліялъ на его развитіе, дѣйствовалъ на фантазію. На Россію отрокъ Вазовъ смотрѣлъ какъ на страну, призванную освободить его порабощенную отчизну.

> Русскіе, вѣдь,—братья
> И одной же съ нами вѣры!—

говоритъ поэтъ въ поэмѣ «Громада» устами мудраго столѣтняго старца Анта, и эти слова великолѣпно оттѣняютъ взглядъ самого Вазова, не отрока, а уже зрѣлаго мужа, на значеніе Россіи для Болгаріи. А въ одной изъ революціонныхъ своихъ пѣсенъ, привѣтствуя русскаго Царя-Освободителя и называя его «болгарскимъ царемъ», поэтъ, между прочимъ, обращается съ такимъ воззваніемъ къ родственному по крови народу:

> Русия! тасъ земля велика
> По брой, по ширъ, по сила, тя
> Съ небето имя си прилика
> И само съ русската душа!

До 1876 г. Вазовъ пробылъ на родинѣ въ качествѣ народнаго учителя, но вскорѣ долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія турокъ за участіе въ возстаніи, вспыхнувшемъ во Ѳракіи.

Освободительная война 1877 года застала его въ Румыніи. Отецъ Вазова, занимавшійся торговлей, желалъ, чтобы сынъ познакомился тамъ съ коммерческимъ дѣломъ, но практическая дѣятельность купца ничего не говорила чуткой поэтической душѣ молодого

эмигранта, и мы очень быстро уже видимъ его членомъ бухарестскаго революціоннаго общества («Центральный болгарскій комитетъ»), занимавшагося составленіемъ партіи добровольцевъ въ Сербію и Болгарію.

Здѣсь произошло, между прочимъ, его сближеніе съ дѣятелями славянскаго освободительнаго движенія, поэтами - журналистами Любеномъ Каравеловымъ и Христомъ Ботевымъ [1]), которые обратили вниманіе на выдающіяся способности Вазова (писать стихи и печататься началъ онъ съ 1870 г.).

Вернувшись домой незадолго до объявленія братоубійственной сербско-болгарской войны, онъ посвятилъ себя исключительно усидчивому писательству, а также редактировалъ нѣсколько газетъ и другихъ періодическихъ изданій.

Внутренняя смута, приведшая къ террору, заставила его покинуть Болгарію и жить въ Одессѣ, въ роли эмигранта.

Къ этому времени, собственно говоря, можно пріурочить полный расцвѣтъ его богатаго художественнаго таланта, пробужденіе лучшихъ силъ души. Въ 1889 г. Вазовъ, этотъ несомнѣнный родоначальникъ болгарскаго реализма, возвратился на родину уже міровымъ писателемъ, согрѣтымъ лучами примиренья и любви, безъ мести и ненависти, съ безконечнымъ запасомъ живыхъ наблюденій. Онъ, какъ и его идейный учитель, Пушкинъ, судитъ историческія событія съ объективнымъ спокойствіемъ, относясь къ порочнымъ людямъ безъ затаенной злобы, напротивъ того,— жалѣя ихъ и стараясь понять и объяснить не понимающимъ тѣ причины, которыя сдѣлали людей нравственно-испорченными.

Проникнутый идеей братства всѣхъ народовъ, Вазовъ сталъ издавать лучшую въ тотъ переходный періодъ критико-литературную газету «Денница».

Человѣкъ съ кипучей жаждой дѣятельности, онъ ни на минуту не отдыхалъ, отдавая всю свою трудоспособность, все вдохновеніе— созданію новыхъ и новыхъ поэтическихъ произведеній, не забывая въ то же время посвящать себя и служенію обществу не какъ писатель, а какъ гражданинъ. Такъ, напримѣръ, въ 1890-хъ годахъ (не помню точно хронологической даты) ему выпало на долю еще разъ послѣ эмиграціи побывать въ Россіи (главнымъ образомъ въ Петербургѣ) въ числѣ депутаціи и ходатайствовать передъ русскимъ правительствомъ о примиреніи съ Болгаріей [2]).

Я значительно раньше передъ этимъ сталъ переписываться съ Вазовымъ, какъ переводчикъ его стихотвореній для издаваемой мной

---

[1]) См. о нихъ замѣтку В. Уманова-Каплуновскаго «Борцы за славянскую свободу» («Историч. Вѣст.» 1907 г., № 8).

[2]) Помнится, въ одномъ изъ нумеровъ «Петербургской Жизни» (прилож. къ газетѣ «Новости») была помѣщена фотографическая группа, изображающая эту депутацію на дачѣ въ Лѣсномъ у графа Голенищева-Кутузова.

«Славянской Библіотеки», но лично познакомился лишь въ этотъ его пріѣздъ, при чемъ вынесъ впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ съ могучимъ духомъ и желѣзной волей.

Богатырская внѣшность Вазова удивительно соотвѣтствуетъ его внутреннимъ качествамъ—живучести духа и продуктивности та-

Иванъ Минчовичъ Вазовъ.

ланта, котораго онъ никогда не зарывалъ въ землю; собственнымъ примѣромъ жизни учитъ онъ другихъ любить плодотворную, мирную работу; въ ней лишь одной видитъ залогъ будущихъ успѣховъ страны.

Соотечественники, сначала было холодно встрѣчавшіе его сборники, такъ что Вазовъ подумывалъ даже о переѣздѣ за границу,

изъ года въ годъ все болѣе и болѣе проникались его гуманной поэзіей, и въ 1895 г. съ теплой любовью и сердечной признательностью отпраздновали 25-лѣтній литературный юбилей «своего» поэта. Они уже гордились имъ!

Теперь Вазовъ живетъ постоянно въ Софіи и состоитъ предсѣдателемъ болгарскаго славянскаго благотворительнаго общества (журналъ его «Славянски Гласъ», поддерживающій связь Россіи съ Болгаріей, издается при непосредственномъ участіи Вазова).

II.

Заслуги Ивана Вазова, какъ болгарскаго поэта, состоятъ въ томъ, что онъ первый выработалъ литературный языкъ, отдѣлалъ технику стиха, создалъ новыя формы, внесъ въ родную поэзію народный элементъ. До него, исключая опытовъ Любена Каравелова и Христа Ботева, всѣ стихотворенія болгарскихъ версификаторовъ были или неудачными переводами, или мотивами съ чужого голоса, нерѣдко просто компиляціями, въ родѣ хотя бы произведеній почтеннаго Славейкова-отца.

Какъ и стихи, вазовская проза чаруетъ своей задушевностью и простотой слога и блещетъ искрами чисто гоголевскаго юмора.

Спокойный, объективный языкъ поэта изображаетъ тонкими штрихами мастерскіе образы героевъ современной Болгаріи. Его мелкія и крупныя беллетристическія вещи—мѣткія копіи дѣйствительныхъ картинъ, одухотворенныхъ фантазіей художественнаго перевоплощенія.

Конечно, не все, написанное имъ, имѣетъ общечеловѣческое значеніе, но большинство его произведеній, крупныхъ и мелкихъ, выноситъ читателя далеко за предѣлы болгарской національной среды, такъ какъ въ основѣ ихъ постоянно лежитъ мысль о человѣкѣ вообще, а не о болгарскомъ человѣкѣ, съ «вѣчными» настроеніями, присущими любому народу.

Чуткое ощущеніе природы, сродство съ нею и проникновеніе въ тайны ея составляютъ также одну изъ положительныхъ сторонъ вазовскаго дарованія.

Юморъ и художественная простота Гоголя, творческая концепція Пушкина, то же пушкинское пониманіе красотъ родной рѣчи, нѣкоторая доля паѳоса отъ Виктора Гюго, мистическое настроеніе Тютчева, замѣтный налетъ панславизма отъ Хомякова—вотъ тѣ незыблемыя начала, подъ вліяніемъ которыхъ росъ и укрѣплялся прекрасный талантъ Вазова—здоровый, многосторонній, съ свѣтлыми горизонтами, свободный отъ ложныхъ путей мученическаго новшества, согрѣтый любовью къ родинѣ...

Между лирическими пьесами и поэмами «прежняго» Вазова (о Вазовѣ послѣднихъ 5 лѣтъ я упомяну въ послѣдней главѣ) особенно выдѣляются: «Видулъ», «Загорка», «Громада», «Эпопея на Забравенитѣ» (объ умершихъ герояхъ-мученикахъ за свободу), «Боръ», «Природа», «Въ окопахъ», «Эхо», помѣщенныя въ сборникахъ: «Прѣпорецъ», «Гусла», «Избавление», «Поля и гори», «Сливница», «Скитнишки пѣсни», «Звуки», «Подъ нашето небе» и другихъ.

Изящная литература зарубежнаго славянства такъ же, какъ и народный эпосъ славянъ, состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ: въ ней отражаются и государственный строй, и политическая жизнь, нравы, обычаи, культура; сквозь слезы и стоны слышатся въ ней голоса грозныхъ мстителей за поруганную свободу; мотивы любви и пѣсни личнаго счастья отходятъ на заднiй планъ, уступая мѣсто элегiи и боевымъ пѣснямъ

Какимъ страстнымъ негодованьемъ звучатъ противъ Милана и «героя Сливницы», Баттенберга, небольшiя, но чудныя по своей законченности и силѣ выраженiя: «Въ окопахъ», «Къ орлу» и «Не хочу я видѣть ликованья», гдѣ глубоко скрытый драматизмъ содержанiя соединяется съ простотой фабулы, сжатостью стиха, выпуклостью фигуръ и высокой художественной объективностью, такъ что читатель невольно проникается ужасомъ братоубiйственной сербско-болгарской войны!

Поэтъ набрасываетъ картину Алексинацкаго боя твердыми увѣренными мазками, оставаясь самъ невидимымъ для читателя.

Конченъ [1],—конченъ бой кровавый!
Вотъ нисходитъ мракъ ночной.
Въ ровъ упалъ болгаръ безсильный,
Рядомъ—сербъ полуживой...
 То—невольные убiйцы:
 Выстрѣлъ былъ штыку отвѣтъ.
 Духъ слабѣетъ... Скоро оба
 Навсегда покинутъ свѣтъ!
«Братъ мой милый», сербъ промолвилъ:
«Это ты?.. Мой взглядъ погасъ...»
«— Я, братъ Iово, доброй встрѣчи!
Свелъ Господь-то снова насъ.
 Жаль мнѣ, жаль тебя, бѣднягу,—
 Ты, вѣдь, съ кучею дѣтей...»
 «Благодарствуй... Память гаснетъ...
 Кто ты? Дай признать скорѣй!
Гдѣ, когда съ тобой встрѣчались?»
«— Въ Алексинацкомъ бою
Вмѣстѣ турокъ мы рубили».
«Петко? братъ мой? узнаю...

[1]) Переводъ этого стихотворенiя и другихъ, помѣщенныхъ здѣсь, принадлежитъ автору настоящаго очерка.

О, прости!.. Тебя я вспомнилъ.
Безъ тебя бы смерть пришла.
Мать моя, старуха, свѣчи
За тебя частенько жгла!»
«— Полно, Іово, что за счеты!
Квиты, ну—и по рукамъ!
Подрались мы, какъ собаки...
Отпусти Ты, Боже, намъ!»
«Братъ мой!..»—«Іово, умираю...
Жжетъ... воды мнѣ!.. я горю...»
«Вотъ три капли:.. пей, родимый...
Здѣсь мнѣ смерть, какъ посмотрю...»
«— Полно, Іово... Ну, прощай же!
Тутъ костямъ моимъ лежать».
«Петко, я иду съ тобою...
Вѣчно рядомъ будемъ спать».
Смерклось. Надъ кровавымъ полемъ
Разлилась ночная мгла...
И лежатъ съ спокойнымъ видомъ
Почернѣвшія тѣла.. («Въ окопахъ»)

Неудивительно, что такія мрачныя картины вызвали негодующій стихъ поэта:

Не хочу я видѣть ликованья,—
Дорогъ намъ достался лавръ! Не стану
Ликовать! Восторгъ зажжетъ страданья,
Какъ ножомъ, внесетъ мнѣ въ сердце рану.

Сколько слезъ мои мнѣ пѣсни стоятъ!..
Каждый кликъ восторга это—злоба.
Ей одной алтарь безумно строятъ...
Каждый лавръ красуется у гроба.

Прочь же,—прочь отъ радости безумной!
Кровь, что льютъ, вѣдь,—наша, не чужая!
О, зачѣмъ вы ждете пѣсни шумной!
Горе въ ней живетъ не изсякая...

Шумъ борьбы въ васъ пробудилъ желанья;
Васъ волнуетъ славы лучъ блестящій,
А могилы, матерей рыданья?
Ихъ пойметъ одинъ поэтъ всезрящій.

Сынъ народа, Вазовъ глубоко страдаетъ за участь его и, видя пролетающаго орла, обращаетъ къ нему вопль измученнаго сердца:

Орелъ! и я, и ты, безгласный,
Летимъ на поле бранной битвы;
Обоихъ насъ влечетъ ужасный
Зловѣщій духъ людской ловитвы.
Когда бъ я былъ орелъ могучій,
Я скрылся бы за облаками;
Тутъ—кровь, убійство, воздухъ жгучій,
Земля здѣсь полита слезами!

Останки всюду предо мною
Погибшихъ въ цвѣтѣ лѣтъ, безъ славы;
Рыдаютъ тѣни надъ рѣкою
И вѣетъ смертью отъ Нишавы [1]).
О, братья-сербы, я страдаю!
Надежду здѣсь мы схоронили...
Все кровь одна! Къ родному краю
Мы слѣдъ кровавый положили... («Къ орлу»)

Поэма «Громада», основанная на народной легендѣ или, быть можетъ, на романтическомъ вымыслѣ, удачно рисуетъ уголокъ жизни шоповъ (болгарскаго племени), живущихъ въ западной части Болгаріи, сѣверной Македоніи и восточной Сербіи. Сюжетомъ послужила бытовая черта: если шопы кого-нибудь предаютъ проклятью за какое-либо великое преступленіе,—выходитъ за городъ священникъ, вбиваетъ въ землю колъ, произноситъ соотвѣтствующее заклинаніе съ именемъ грѣшника и первый бросаетъ камень; каждый проходящій обязанъ дѣлать то же самое; спустя нѣкоторое время, образуется большая груда камней, которая и называется громадой.

Такое проклятіе заслужилъ туркофилъ-богачъ, Цéко, тѣснившій не только односельчанъ, но даже родную дочь, Цéну, влюбленную въ красиваго, храбраго, но бѣднаго парня, Кáмена.

Молодые люди убѣжали въ горы, но Цéко догналъ дочь и, въ наказанье, отдалъ ее въ рабство агѣ Халиду. Кáменъ скрылся.

Мало-по-малу нарасталъ народный гнѣвъ противъ Цéка. Считая его виновникомъ несчастья, постигшаго село,—именно страшной засухи, шопскіе крестьяне рѣшили проклясть лихого человѣка: вбили колъ, бросили камни...

И громада, какъ живая,
Чудно выростаетъ
И, виднѣясь издалека,
Путникамъ чернѣетъ.

Заклятье сдѣлало роковое свое дѣло относительно Цéка:

Сталъ онъ одинокимъ
Даже въ собственномъ семействѣ.
Скоро Божья кара
Цека грѣшнаго постигла
За его злодѣйства:
Смерть въ семьѣ его открылась,
Всѣхъ глотая жадно,
И въ недолгій срокъ три сына
Цековы скончались;

---

[1]) Небольшая рѣчка, отдѣляющая на незначительномъ разстояніи Болгарію отъ Сербіи.

Истребленъ былъ лѣсъ пожаромъ,
Солнце хлѣбъ спалило,
И въ амбарахъ не осталось
Никакихъ запасовъ;
Вдругъ товары потонули;
Скотъ пропалъ, и въ полночь
Загорѣлся домъ роскошный.
Превратились въ пепелъ
Домъ, имѣнье и товары,
И въ мгновенье ока
Все завидное богатство
Разлетѣлось прахомъ.
Сталъ богатый Цеко нищимъ;
Помутился разумъ;
Воля твердая сломилась.
И ходить онъ началъ
Съ наклоненной головою.
Богъ кого накажетъ,—
Не простятъ того и люди;
Кто жъ претерпитъ много,—
Месть ужасную готовитъ!..

Цеко отправился въ городъ и обвинилъ село въ заговорѣ противъ турокъ. Турки уже готовили кровавую месть, но, къ счастью, явился на помощь «дѣдъ Иванъ»—такъ называли болгары всѣхъ русскихъ изъ боязни, чтобы не догадывались турки, о комъ они говорятъ. Цеко бѣжалъ, но его, «непокрытаго, худого, съ мутными глазами», быстро поймали, и стали придумывать казнь, подходящую для этого Іуды. Въ рѣшительную минуту, когда подошелъ часъ возмездья,—съ шумомъ изъ-за лѣса появилась дружина Камена, вернувшаго изъ рабства свою невѣсту, Цену.

Я вернулъ бѣдняжку,
А Халида въ адъ отправилъ,
Но Халидъ—не первый;
Я насытилъ душу местью
И кинжалъ мой кровью...
Цека съ миромъ отпустите,—
Самъ Господь разсудитъ...
Пусть найдетъ онъ въ нашемъ счастьи
Вѣчное страданье!

Такимъ аккордомъ примиряющей любви, которая прощаетъ всѣ обиды, заканчивается эта шопская эпопея,—въ высшей степени простая по формѣ, трогательная по сюжету, съ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, и глубокая по психологическому анализу.

Дивное славословіе христіанскому Пану представляетъ небольшая лирическая поэма «Природа», полная красокъ и вдохновенья.

Мать-природа, воспитавшая Вазова и наградившая на всю жизнь цѣннымъ запасомъ творческихъ силъ, изображена имъ въ

величавомъ одухотворенномъ образѣ чарующей дѣвственницы, къ которой обращается поэтъ съ такими словами:

...каждый годъ весна предъ нашими глазами
Приходитъ убирать все новыми цвѣтами
Тебя, какъ красную дѣвицу для вѣнца,
И, дѣвство чистое любовно соблюдая,
Ты брачный пиръ ведешь, ничѣмъ не нарушая,
И нѣтъ ему конца.
Подъ небомъ голубымъ ты—точно подъ фатою,
А солнце! То—вѣнецъ, блестящій надъ тобою;
Подъ дымкой облаковъ сокрытъ источникъ гревъ;
Твой страстный вздохъ живетъ въ ласкающемъ зефирѣ;
Въ росѣ брильянтовой—родникъ послѣднихъ въ мірѣ
Твоихъ дѣвичьихъ слезъ.
Ты—вѣчно молода и ясною улыбкой
Не разъ смущала насъ въ юдоли нашей зыбкой;
Еще никто рукой не смялъ фаты твоей
И не коснулося пятно твоей лазури;
Ни одного луча не затушили бури
Изъ тысячи лучей.
Потокъ вѣковъ прошелъ, но нѣтъ слѣдовъ морщины
На молодомъ челѣ; щадятъ тебя сѣдины
И цѣлъ попрежнему роскошный твой вѣнецъ,
И ты такая же, все юная, живая,
Какъ будто бы вчера явилъ тебя, родная,
Предвѣчный нашъ Творецъ.

Поэта возмущаетъ, что въ то время, когда природу благословляетъ вся живущая тварь,—

Одинъ лишь человѣкъ, несчастное созданье,
Погрязшій въ суетѣ и въ чувственномъ желаньѣ,

не найдетъ мгновенья, чтобы воздать ей хвалу и вдохнуть въ себя «миръ и ароматъ, и сладость» природы, раздѣляя съ нею «божественную радость—святую благодать».

Зачѣмъ ему судьба дала такія муки—
И жить въ тебѣ, и быть всегда съ тобой въ разлукѣ,
Свободу знать твою и изнывать рабомъ?
Языкъ твой—для него бездушенъ, непонятенъ;
Тѣхъ звуковъ—цѣлый міръ, но онъ душѣ невнятенъ,—
Душа объята сномъ.
Зачѣмъ онъ, червь и богъ, дитя суетъ, волненій,
Одинъ не могъ постичь твою красу и геній,
Просторъ твой безъ границъ, гармонію міровъ
И, сердцемъ тронутый,—не выронилъ привѣта,
Тебѣ, хаосъ-эѳиръ, тебѣ, причина свѣта,
Начало всѣхъ вѣковъ?
Зачѣмъ ему не ты, а ржавый мечъ—надежда?
Зачѣмъ ему своя отраднѣе одежда
Твоей—всей въ золотѣ? Къ тебѣ онъ глухъ и нѣмъ...

Звонъ серебра, свистъ пуль, лязгъ сабель, гулъ военный
Милѣй, чѣмъ дивный хоръ природы вдохновенной?..
Зачѣмъ,—зачѣмъ,—зачѣмъ?..

На эти вопросы поэта природа не даетъ отвѣта, любуется своей вѣчной красотой и ждетъ къ себѣ невѣдомаго счастливаго жениха.

Совсѣмъ своеобразный видъ сатиры даетъ Вазовъ въ ѣдкихъ строфахъ, обращенныхъ «Къ Ватикану». Привожу ихъ цѣликомъ.

Когда высокій умъ устами Галилея
Вѣщалъ, что движется земля,—
Мракъ суевѣрій шевеля,
Изъ глубины твоей все громче, все сильнѣе
Неслись проклятья по странѣ:
«Смерть сатанѣ!..»

Когда безсмертный Гуссъ живымъ горячимъ словомъ
Разсѣялъ вѣковой туманъ,
Такъ мудро обличивъ обманъ,
И все минувшее предстало въ блескѣ новомъ,—
Подпольный стонъ звучалъ въ странѣ:
«Смерть сатанѣ!»

Когда и Гуттенбергъ, открывшій дверь свободы,
Далъ первый отпечатокъ словъ,
И вырвался, какъ птица изъ силковъ,
Отрадный лучъ, благословившій всходы,—
Вновь крикъ разнесся по странѣ:
«Смерть сатанѣ!»

Когда затѣмъ Вольтеръ съ отвагою пророка
И съ нимъ борцовъ несмѣтный рой
Громили современный строй,
Законы, догматы, убожество порока,—
Стоялъ призывъ во всей странѣ:
«Смерть сатанѣ!»

Шли годы и вѣка. Борцы шагали смѣло,
Безъ страха смерти, напрямикъ,
Но вызывалъ зловѣщій крикъ
Ихъ каждый новый шагъ... Вотъ солнце заблестѣло!
Пой, Ватиканъ, въ своей странѣ
Гимнъ сатанѣ!..

Личность самого автора, въ большинствѣ стихотвореній остающаяся какъ бы въ тѣни (ее чувствуютъ, но не видятъ), если и выступаетъ въ нѣкоторыхъ, то почти всегда въ элегическихъ очертаньяхъ.

Блуждая, напримѣръ, среди развалинъ древней Помпеи, Вазовъ говоритъ своему проводнику:

Развалины, кладбища
Я вижу не впервой;

Ты знаешь ли, съ Помпеей
Я по душѣ—родной!
Въ груди моей таится
Міръ, наводящій страхъ,—
Разбитъ алтарь, и боги
Повержены во прахъ.
Ихъ кроетъ тьма ночная
И не даетъ имъ встать,
И чичеронъ не можетъ
Ихъ помысловъ узнать... («Въ Помпеѣ»)

Или, находясь среди моря, онъ такъ передаетъ свои настроенія:

Замечтавшись надъ волнами,
Видѣлъ я ужасный сонъ,—
Будто я тонулъ въ пучинѣ,
Бурнымъ валомъ окруженъ.
Просыпаюсь—воздухъ нѣженъ,
Спитъ волна, спокоенъ путь;
Но въ житейскомъ океанѣ
Продолжаю я тонуть. («Во снѣ и наяву»)

«Скиталецъ»—любимый эпитетъ, которымъ награждаетъ себя поэтъ.

Неожиданно средь моря
Птичка робко пролетала
И отъ страха или съ горя
Вдругъ у ногъ моихъ упала.
«Здравствуй, милая! Откуда?..
И тебя тѣснила злоба?
Отдохни со мной покуда,—
Мы съ тобой—скитальцы оба»... («Скитальцы»)

«Глухіе стоны земли» давятъ мягкое сердце поэта, и оно напрасно ищетъ родственной души.

Скитальцемъ по міру блуждая,
Безъ друга вѣрнаго грущу.
Душа, душѣ моей родная,
Тебя вездѣ давно ищу,—
Открыть хочу я предъ тобою,
Что̀ давитъ сердце съ давнихъ поръ.
Но гдѣ же ты? Одинъ укоръ
Да смѣхъ я слышу за стѣною...
И съ гнѣвомъ я сказалъ врагамъ:
«Разбитъ кумиръ, разрушенъ храмъ...
Проклятье—вотъ мой кличъ побѣдный!...»
Но вторитъ эхо: «бѣдный!.. бѣдный!..» («Эхо»)

Этотъ темный пессимизмъ, весьма характерный для «прежняго» Вазова, изъ года въ годъ стушевывается, уступая мѣсто яснымъ настроеніямъ, вѣрѣ въ будущее, нѣжнымъ полутонамъ загорающагося разсвѣта.

III.

Изъ прозаическихъ сочиненій необходимо отмѣтить слѣдующія: «Подъ игото» (подъ игомъ), «Нова земля», «Наши чичовци» (дяди), «Немили—недраги» (немилы—нелюбы), «Единъ кътъ въ Стара Планина» (уголокъ въ старой Планинѣ), «Митрофанъ», «Драски и Шарки», «Видено и чуто», «Службогонци» (комедія), «Казаларската царица».

Романъ «Подъ игомъ» — ярко написанныя картины внутренняго быта болгарскаго народа до періода освобожденія отъ турецкаго владычества. Это, такъ сказать, болгарское «наканунѣ» съ современными той эпохѣ апостолами правды и свободы. Толпѣ удѣляется здѣсь также видное мѣсто.

Другой романъ, менѣе удачный, «Новая земля», изображаетъ общественно-политическую жизнь болгаръ въ первыя восемь лѣтъ послѣ освобожденія, т. е. съ 1877 по 1885 годъ. Тутъ рядъ эпизодовъ семейнаго и соціальнаго распорядка, цѣлая галерея занимательныхъ лицъ и характеровъ (честный, трудолюбивый, но недалекій идеалистъ, талантливый, но безсердечный матеріалистъ, политическій шарлатанъ, студенты-соціалисты).

Этими двумя большими произведеніями Вазовъ положилъ основанье болгарскому политическому роману. Новелла «Митрофанъ» осмѣиваетъ страсть болгаръ во всемъ подражать русскимъ, хотя, надо замѣтить, это болѣе остроумно, чѣмъ исторически вѣрно: болгары скорѣе подражаютъ нѣмцамъ, а русскимъ только въ дурномъ, что̀ ими заимствовано отъ нѣмцевъ же, но никакъ не въ хорошемъ.

Не менѣе занимательны сценки, миніатюры и небольшіе разсказы Вазова, то сверкающіе юморомъ чистой воды, то высокодраматическіе. Считаю не лишнимъ передать содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе оригинальныхъ по мысли, рельефныхъ по исполненію или почему-либо особенно характерныхъ для творчества Вазова [1]).

«Два врага»—самая удачная вещь. Разсказъ выдвигаетъ апоѳеозъ побѣды человѣка надъ звѣремъ.

Между собою страшно враждовали Ламбо и Перванъ, при встрѣчахъ бросали другъ на друга кровожадные взоры и угрожали одинъ другому выпустить кровь и разбить «змѣиную башку». Если бы они были звѣрями, а не людьми, то давно бы вцѣпились другъ въ друга.

---

[1]) Цитаты изъ разсказовъ привожу по прекраснымъ переводамъ И.-К., помѣщеннымъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (1900 и 1902 гг.).

«Но они были людьми, а людская злоба только кипитъ въ груди и сверкаетъ въ очахъ; это дѣлаетъ ее еще болѣе ужасною». Въ народѣ толковали, что вражда происходила оттого, что Перванъ отбилъ у Ламба—Найду Гечову, которую они оба любили. Ламбо сталъ тогда бродить въ горахъ съ разбойничьей шайкой, ища случая, какъ бы убить соперника. Перванъ не ударилъ лицомъ въ грязь, собралъ дружину, загналъ разбойниковъ въ тѣсное ущелье и храбро сразился съ ними, при чемъ Ламбо попалъ къ нему въ плѣнъ. Девять мѣсяцевъ просидѣлъ преступникъ въ предварительномъ заключенiи, но въ день суда его не оказалось въ пловдивской тюрьмѣ. Перванъ ежеминутно сталъ ожидать выстрѣла изъ-за угла. Годъ или два спустя, разнесся слухъ, что Ламбо «палъ гдѣ-то въ горахъ подъ турецкими пулями». Перванъ могъ считать себя внѣ опасности. Между тѣмъ загорѣлась сербско-болгарская бойня, начатая по почину злого генiя Сербiи, короля Милана. Въ рядахъ воюющихъ оказался и Перванъ. Однажды, подъ вечеръ, эскадронъ болгарской армiи, засыпанный гранатами, очутился гдѣ-то въ сторонѣ отъ Пирота. Шальная бомба упала передъ эскадрономъ и разорвалась. Испуганныя лошади бросились въ сторону. Когда потомъ осмотрѣлись солдаты, то увидѣли, что недоставало ефрейтора Первана Лазарова; зато конь его, Король, съ окровавленнымъ ухомъ прискакалъ къ эскадрону.

«Наступила тихая звѣздная ночь. Мѣсяцъ поднялся надъ Руйскими горами и облилъ поле битвы блѣдными лучами. Тамъ и сямъ по склонамъ горъ и на равнинѣ между ними заблистали лагерные огни обоихъ непрiятелей, а на полѣ битвы, въ окрестныхъ виноградникахъ и на холмахъ валялись окровавленные трупы сотенъ человѣческихъ существъ,—вчера еще братьевъ, а сегодня—кровожадныхъ, озвѣрѣвшихъ враговъ. О нихъ уже забыли, никто о нихъ не думаетъ и менѣе всего тѣ, которые привели ихъ сюда, на это пиршество смерти».

Перванъ, впрочемъ, не былъ убитъ, а только находился въ безсознательномъ состоянiи. Взрывъ пиротской крѣпости, произведенный сербами, разбудилъ его громовымъ ударомъ. Онъ очнулся и понялъ, что не раненъ. Оглядѣвшись и соображая, гдѣ долженъ находиться болгарскiй лагерь, онъ побрелъ на востокъ, но заблудился и попалъ въ Пиротъ, который, однако, не былъ еще ни болгарскимъ ни сербскимъ. Сначала ему удалось обмануть сербскихъ солдатъ, но скоро выдалъ его мундиръ. Первану пришлось бѣжать по узкой и темной улицѣ. Гибель его была неизбѣжна. Къ счастью, онъ наткнулся на дверь какой-то лавки, куда и упалъ полуживой на полъ, а преслѣдователи, не замѣтивъ, проскакали мимо. Тутъ явилась новая бѣда: въ хозяинѣ мелочной лавки Перванъ внезапно узналъ злѣйшаго врага.

«Что, узналъ, небось?» проговорилъ тотъ съ налитыми кровью глазами. — «Убей меня!» — «Небось, не пожалѣю... Два съ половиной года поджидалъ тебя. Наконецъ дождался...»

У Вазова мастерски описана встрѣча соперниковъ, и при чтеніи этой страницы у васъ невольно ползутъ по тѣлу мурашки. Вамъ такъ и кажется, что смерть Первана неизбѣжна. Въ мысляхъ несчастнаго раненаго мгновенно пронеслись вереницы воспоминаній: и Руйскія горы, и долина Марицы, и родной домъ, и образъ дорогой матери, и Найда, и маленькій сынъ... а передъ глазами продолжалъ стоять македонецъ съ ножомъ въ рукѣ, всклокоченной бородой и зловѣщими огнями въ очахъ. И вдругъ, точно совершилось какое-то чудо. Ламбо спросилъ Первана: «Ты былъ подъ Сливницею?» т. е. тамъ, гдѣ «доблестно дралось и побѣждало молодое, неопытное болгарское войско, безъ хлѣба, безъ патроновъ, безъ резервовъ сзади, безъ полководца впереди». Утвердительный отвѣтъ Первана вдругъ вызываетъ на озвѣрѣвшемъ лицѣ врага странную улыбку и въ глазахъ слезы.

«Болгарское ли чувство заговорило въ немъ, или ему просто стало стыдно передъ этимъ беззащитнымъ и безстрашнымъ въ своей беззащитности врагомъ», только Ламбо поднялъ Первана, взялъ его подъ мышки и осторожно повелъ по крутой лѣстницѣ наверхъ.

«Посмотрю твою рану... Ляжешь спать на моей постели... Гостемъ моимъ будешь эту ночь...»—произнесъ тихо бывшій разбойникъ, и въ темнотѣ исчезли и герой, и тотъ, который, незадолго передъ этимъ, былъ кровожаднымъ звѣремъ.

Не правда ли какая высота художественнаго типа? Авторъ выдержалъ реальный тонъ повѣствованія до конца, не впадая въ сантиментальность, и создалъ удивительную по своей законченности картину проявленія высшей человѣчности въ грубой фигурѣ страшнаго разбойника.

Очеркъ «Первый болгаринъ, который...» важенъ по затронутому въ немъ государственному вопросу.

Въ Болгаріи со времени освобожденія сильно укоренился нежелательный духъ бюрократизма.

«Семья, училище, казармы, политическія партіи—все дѣлаетъ изъ болгарской молодежи претендентовъ на государственную службу, изощряетъ въ этомъ направленіи умы и аппетиты», а «широкое поле физическаго, полезнаго, независимаго труда»—въ пренебреженіи и «является достояніемъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя въ Болгаріи чужимъ, кто не родился подъ ея небомъ». Стремленіе къ легкой наживѣ съ помощью службы насаждается еще въ дѣтскія души, и «страна теряетъ здоровыя руки, здоровые умы, здоровыя силы, увеличивая на ихъ счетъ число претендентовъ на казенный пирогъ».

Эта болѣзнь свойственна, конечно, не одной Болгаріи, а также и другимъ славянскимъ странамъ, хотя бы, напримѣръ, Чехіи, гдѣ любой отецъ непремѣнно желаетъ видѣть въ своемъ сынѣ будущаго врача, священника или чиновника, пожалуй, даже техника на фабрикѣ, но отнюдь не торговца. Въ результатѣ получается то, что сыновья земледѣльцевъ или мелкихъ купцовъ учатся до 24-лѣтняго возраста, расшатываютъ родительскій капиталъ и, окончивъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, опредѣляются на службу въ почтовые чиновники или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы получать 40 гульденовъ за тяжелую 18-часовую работу, тогда какъ болѣе богатые нѣмецкіе родители предпочитаютъ отдавать дѣтей, по окончаніи ими курса 3—4-классной средней школы, въ спеціальныя училища и затѣмъ уже прямо направлять въ практическую жизнь. Такимъ образомъ, къ 20 годамъ молодой чешскій нѣмецъ зарабатываетъ себѣ изрядныя деньги и ведетъ самостоятельныя дѣла. Эта ненормальность болгарскаго и чешскаго воспитанія невольно бросается въ глаза и поднимаетъ вопросъ о необходимости заводить побольше торгово-промышленныхъ училищъ и направлять молодежь на самостоятельную дорогу, путемъ техническаго и коммерческаго образованія, вмѣсто рутинной чиновничьей работы.

Напрашивается тутъ на сравненіе и современное положеніе нашего русскаго школьнаго дѣла...

Возвращаюсь, однако, къ Вазову.

Разсуждая на политико-экономическую тему, поэтъ съ едва уловимымъ юморомъ передаетъ о томъ, что ему все-таки пришлось какъ-то встрѣтиться съ молодымъ, развитымъ и энергичнымъ болгариномъ, который, убѣдившись, что съ чиновничествомъ далеко не уйдешь, бросилъ государственную службу и занялся въ Софіи сѣдельнымъ ремесломъ. Авторъ почувствовалъ къ предпріимчивому молодому дѣльцу искреннее уваженіе, такъ какъ «въ его лицѣ встрѣчалъ впервые человѣка, вступившаго въ жизнь съ довѣріемъ къ своимъ собственнымъ силамъ, съ стремленіемъ, при помощи физическаго труда, добиться независимаго существованія».

Слово за слово, и у нихъ завязался интимный разговоръ.

«Вы откуда родомъ?» — «Я здѣшній, родился въ Софіи».— «А гдѣ вы научились нѣмецкому языку?» — «Здѣсь». — «Практически?»—«И практически, и въ школѣ».—«Въ гимназіи, значитъ?» — «Нѣтъ, въ еврейскомъ училищѣ».

Вазовъ не ожидалъ этого и удивился. Молодой человѣкъ, въ свою очередь, изумился его удивленію. «Да, вѣдь, я — еврей», сказалъ онъ.

Вазовъ нашелъ одного только болгарина, постигшаго пользу занятія ремесломъ, да и тотъ оказался евреемъ. Финалъ — совер-

шенно неожиданный и не особенно утѣшительный для подрастающей Болгаріи, хотя выводъ и смѣшной на первый взглядъ.

Чудесно умѣетъ Вазовъ въ двухъ словахъ охарактеризовать то или другое явленіе болгарской жизни! По его произведеніямъ отлично можно изучить всю исторію болгаръ отъ временъ турецкаго владычества до нашихъ дней. Чуткая отзывчивость!

«Сценка на соборной площади» принадлежитъ къ числу беллетристическихъ бездѣлокъ, доказывающихъ, впрочемъ, что авторъ остроумный наблюдатель-философъ. «Образъ невѣрной жены, которую подъ ударомъ кулаковъ заставляли возлюбить своего мужа, образъ мужа, покинутаго и обезчещеннаго, но тѣмъ страстнѣе и крѣпче привязаннаго къ женѣ своей; образъ городового, который, въ качествѣ орудія закона, охранялъ право сильнаго, — всѣ эти элементы картины,—простые, потому что ежедневно повторяются на нашихъ глазахъ, становились въ своей совокупности сложными, загадочными и трагическими, обращались въ мрачную и неразрѣшимую загадку...»

Вазовъ оканчиваетъ разсказъ страшнымъ вопросомъ, отвѣта на который не даетъ, предоставляя его дать самимъ читателямъ: «Гдѣ же тайна этой фатальной дисгармоніи между двумя половинами человѣческаго рода,—въ условіяхъ жизни скрывается ли она, или въ исторіи человѣчества, или въ капризномъ, какъ волна, человѣческомъ сердцѣ?..»

«Будущій литературный кружокъ» раскрываетъ антагонизмъ пищущей братіи по отношенію другъ къ другу. Въ лицо сыплются комплименты, какъ изъ мѣшка, а чуть кто за порогъ—потокъ самыхъ грязныхъ инсинуацій и безпощадныхъ приговоровъ.

Въ «Травіатѣ» Вазовъ говоритъ объ ужасахъ «стамбуловщины». Вы съ содроганіемъ читаете, какъ несчастный мученикъ деспотическаго режима стонетъ и задыхается въ предсмертной агоніи съ запачканнымъ кровью ртомъ, а докторъ, приглашенный къ умирающему, ругается и приговариваетъ: «Такъ тебѣ, проклятому, и надо! Лопни!..» Вотъ гдѣ настоящій дантовскій адъ!

Разсказъ «Потерянный вечеръ» посвященъ быту захолустныхъ артистовъ. Арена «Пиза» вотъ уже въ теченіе нѣскольких дней тонула въ полумракѣ, навѣвая чувство невыразимаго унынія и меланхоліи, такъ какъ представленіе постоянно откладывалось за недостаткомъ зрителей, а тѣ два-три человѣка, которые приходили въ театральный залъ, получали изъ кассы обратно билеты. Наконецъ антрепренеръ не выдержалъ и вывѣсилъ афиши съ такимъ воззваніемъ: «Умоляемъ почтенную публику пожаловать на сегодняшнее представленіе изъ милости и человѣколюбія, потому что я и мое семейство умираемъ съ голоду».

Посѣтители въ смущеніи переглядывались, видя такое зловѣщее объявленіе, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился потребовать

обратно денегъ. «Вотъ и тутъ трагедія! — воскликнулъ офицеръ, бывшій въ числѣ зрителей.—А я отъ такихъ трагедій шелъ сюда въ поискахъ за развлеченіемъ... Проклятая жизнь!»

Въ немногихъ словахъ—глухая драма вѣчной борьбы за существованіе.

«Единственный исходъ»—краткая, но выразительная эпопея человѣка, предавшаго своего друга. Онъ спряталъ золото и отправился на родину, когда трупъ его жертвы еще не былъ снятъ съ веревки. «Самъ Іуда проявилъ бы больше чувства!..» Но въ столицѣ вокругъ него тотчасъ же образовалась мертвая пустота; общественная совѣсть осудила его по своему собственному кодексу, не похожему на писанный законъ. Предатель началъ, въ концѣ концовъ, терять мужество, и собственная совѣсть осудила его, впилась, какъ хищная гіэна, острыми зубами въ сердце «нравственнаго трупа».

«Одно только могу сказать вамъ, одинъ только совѣтъ могу подать вамъ: умрите!» сказала мать преданнаго имъ друга.

Предатель застрѣлился, и общественная совѣсть была отомщена. «Почему она не употребляетъ чаще свою несокрушимую, уничтожающую силу? Можетъ быть, на свѣтѣ было бы меньше позорныхъ дѣлъ!» восклицаетъ авторъ, и въ этой заключительной фразѣ звучитъ какъ бы надорванная струна.

Въ заключеніе передамъ еще краткое содержаніе маленькаго художественнаго эскиза, гдѣ подъ добродушнымъ юморомъ скрывается довольно-таки ѣдкая сатира.

Разсказъ называется «Наводненіе».

Прелестная, чувствительная софійская дама Милица, бросивъ на полстраницѣ чтеніе занимательнаго романа Дюма, отправилась съ мужемъ полюбоваться съ коляски на ужасы наводненія. «Килжевская рѣчонка вышла изъ береговъ и затопила весь Югъ-Бунаръ, обративъ его въ озеро; дома, какъ островки, показывались изъ воды; утонуло нѣсколько дѣтей...»

Милица пришла въ восторгъ отъ такихъ извѣстій и горѣла любопытствомъ. Столько соблазнительныхъ зрѣлищъ! Но ожиданія не сбылись. Подъѣзжаютъ и вдругъ узнаютъ, что вода, слава Богу, спала, разрушенныхъ домовъ даже вовсе не было и, удивительно, ни одинъ человѣкъ не погибъ.

« — Что же осталось отъ твоихъ извѣстій?—съ горечью обратилась Милица къ мужу: — положительно не стоило изъ-за этого прерывать романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ!..»

Во всѣхъ приведенныхъ разсказахъ выступаетъ глубоко симпатичная, свѣтлая личность автора, согрѣвающаго ихъ огнемъ искренняго вдохновенія; въ каждомъ—таится нравственная идея. Поэтому-то любое изъ вазовскихъ произведеній имѣетъ безусловно воспитательное значеніе, въ особенности для народныхъ массъ.

Среди читающей русской публики Вазовъ, къ сожалѣнію, еще мало распространенъ, что́, конечно, объясняется ограниченнымъ количествомъ переводовъ его сочиненій.

VI.

Виртуозный талантъ гуманиста-поэта Вазова, котораго смѣло можно поставить на одной линіи съ самыми почтенными именами міровой литературы, въ послѣднее пятилѣтіе принялъ новое направленіе.

Болгарская исторія, полная драматическихъ событій, почему-то до нынѣшняго времени не только остававшаяся неразработанной мѣстными литераторами и учеными, но даже какъ бы признанная недостойной серьезнаго изученія, обратила вниманіе и вдохновила вдумчиваго бытописателя Вазова. Онъ задался цѣлью популяризовать ее очерками, стихотвореніями, разсказами, драмами.

Такъ появился рядъ поэмъ и балладъ подъ общимъ заглавіемъ: «Легенды при Царевицѣ», написанныхъ на сюжеты изъ старо-болгарской исторіи, именно изъ періода второго, терновскаго, царствованія, затѣмъ историческій романъ «Святославъ Тертеръ» и повѣсть (тоже историческая) «Иванъ Александръ».

Въ репертуарѣ истекшаго сезона Народный театръ въ Софіи имѣлъ его историческую драму «Къ пропасти». Вазовъ приготовилъ къ постановкѣ и другую—«Бориславъ».

Само собою разумѣется, что, помимо перечисленныхъ историческихъ вещей, Вазовъ написалъ немало разсказовъ и стихотвореній на темы изъ современной жизни болгаръ.

Большое дарованіе растетъ, крѣпнетъ, углубляется и дѣлается все свѣжѣй и кристальнѣй.

Съ болгарской литературой приходится считаться уже по одному тому, что у нея есть Вазовъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЭПОХА РЕФОРМЪ [1].

(Историческіе очерки)

XX.

ПЕРВЫЙ нумеръ нелегальнаго изданія «Великоруссъ» былъ разбрасываемъ и разсылаемъ по разнымъ намѣченнымъ адресамъ въ іюлѣ 1861 года. Содераніе его было слѣдующее [2]):

«Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ожидать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

«Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты вынуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались образованные классы. Сначала же попробуемъ; быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXII, стр. 254.
[2]) «Былое», 1906 г., іюль.

то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

«Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

«Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?

«Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а, опредѣливъ способы дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать».

На поставленные вопросы редакціей «Великорусса» были, повидимому, получены надлежащіе отвѣты, которые она и резюмировала въ слѣдующемъ № листка, вышедшемъ въ первой половинѣ сентября. Отвѣты обнимаютъ собою три главныя стороны русской жизни: крестьянскій вопросъ, польскій вопросъ и о конституціонной формѣ правленія. По первому пункту редакція устанавливаетъ положеніе, что «для мирнаго водворенія законности необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи».

Что касается польскаго вопроса, то по этому пункту утверждается, что русскіе приверженцы законности должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. «Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же,— говорится здѣсь.—Наша власть надъ Польшей основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми царство Польское было соединено съ Россіей на Вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную чисто-національную армію. Мы измѣнили этому слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками». Указавъ на финансовую невыгодность порабощенія Польши и на необходимость рано или поздно отозвать оттуда наши войска, «Великоруссъ» приходитъ къ заключенію, что «вопросъ о Польшѣ для насъ, русскихъ, состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебной намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ».

Далѣе въ прокламаціи устанавливается необходимость дать населенію южной Россіи полную свободу располагать своею судьбою

по собственной волѣ. «Теперь этотъ народъ,—читаемъ мы здѣсь,—еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого,—мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшилъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою». Заключительная часть прокламаціи посвящена вопросу объ утвержденіи въ нашемъ отечествѣ конституціи. «Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція, — говорится въ этомъ заключеніи. — Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому, подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики».

Черезъ двѣ недѣли по выходѣ № 2 «Великорусса» вышелъ и № 3, посвященный вопросу «о династіи» и съ проектомъ адреса государю. Свои разсужденія о царствующей династіи «Великоруссъ» начинаетъ съ нѣкоторой справки объ общественной анкетѣ, сдѣланной по сему предмету, и говоритъ: «Мнѣнія о томъ, способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добро-

совѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ о произнесенныхъ будто бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, наклоннымъ къ спокойному пользованію почетностью и матеріальными выгодами своего положенія. Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцемъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія, и пріобрѣтенной имъ привычкѣ пользоваться неограниченною властью, и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ, и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты боязнью политической свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

«Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, попрежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій, совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску Неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластія добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію конституціи. Но, будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи—дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ».

Въ виду такого разногласія во мнѣніяхъ о династіи таинственный комитетъ, руководившій «Великоруссомъ» и намѣчавшій опредѣленное политическое движеніе въ нашемъ отечествѣ, предполагалъ «дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью, совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ», оговариваясь, что самъ комитетъ «вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ» полагаетъ, что «законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить». Тѣмъ не менѣе комитетъ предлагаетъ всѣмъ единомышленникамъ нѣсколько потерпѣть и помочь «умѣренной партіи» сдѣлать нѣкоторую пробу настроенія представителей династіи, въ каковыхъ цѣляхъ и подать государю адресъ, написанный въ умѣренномъ духѣ.

XXI.

Проектъ этого адреса былъ приложенъ къ № 3 «Великорусса» въ такой редакціи:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Положеніе нашей русской родины тяжко и опасно.

«Дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права рѣшено въ смыслѣ, противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19 февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года, и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ, которыхъ вознаградитъ государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19 февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ,—то и другое продолжаетъ существовать во всей силы. Бюрократическіе формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ.

«Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которое не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

«Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ

одной изъ столицъ нашей родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ.

«Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи».

Комитетъ «Великорусса» не только спроектировалъ текстъ адреса, но обсудилъ также способы, какъ осуществить его подачу. По мнѣнію редакціи, слѣдовало воспользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать принципы адреса и мысль о необходимости подачи его Александру II. «Сначала,—говоритъ комитетъ,—пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти, руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ, въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ итти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надо спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденіе».

Такова была задача общая, но для людей «сильныхъ умомъ и характеромъ» комитетъ намѣчалъ и иную обязанность, болѣе трудную, сложную и отвѣтственную, а именно «организовать и дисциплинировать движеніе», въ каковыхъ цѣляхъ эти люди должны были составлять по всей Россіи комитеты, которые бы систематически руководили партіями и держались слѣдующихъ конспиративныхъ правилъ: 1) ничего не ввѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ; всѣ дѣла должны были вестись изустно; 2) никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего городу, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого комитета.

Когда такая организація будетъ установлена, комитеты, по мнѣнію «Великорусса», могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ ихъ открытія, ихъ нельзя будетъ даже назвать тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою и

предотвращающихъ напрасныя столкновенія. На ихъ же обязанности лежало «озаботиться заслужить довѣріе молодежи», «давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды» и удерживая ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, грозящихъ имъ гибельнымъ концомъ. «Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступитъ въ сношеніе съ ними,—заявляетъ редакція «Великорусса».— Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ нужно знать ихъ для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ нумерѣ «Великорусса» мы съ расчетомъ только ставили вопросы, и притомъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ программу, которую потребовали они сами.

«Итакъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія, собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстимости нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь... Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь». Въ заключеніе «комитетъ» заявляетъ съ нѣсколько грознымъ предостереженіемъ: «Этимъ нумеромъ и проектомъ наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не остается выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить ужъ не такимъ

языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ».

Таково содержаніе трехъ номеровъ перваго нелегальнаго русскаго политическаго листка, напечатаннаго на родной землѣ, распространеннаго въ значительномъ количествѣ экземпляровъ среди обывателей обѣихъ столицъ и вызвавшаго въ обществѣ обширные толки—съ одной стороны, а съ другой — въ правительственныхъ кругахъ—сознаніе и пониманіе, что зарево домашняго политическаго пожара уже занимается и что съ этимъ пожаромъ необходимо бороться самыми рѣшительными средствами. Въ связи съ разыгравшимися въ тѣ дни студенческими безпорядками Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» занесъ подъ 30-е сентября: «...Не одно университетское юношество замѣшано въ настоящемъ движеніи. Ему сочувствуютъ рѣшительно всѣ здѣшнія высшія учебныя заведенія, да и не одни здѣшнія, а и провинціальныя. Всѣ теоретики-либералы, журналисты также на ихъ сторонѣ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что происшествія послѣднихъ двухъ дней связаны съ прокламаціями «Великорусса» и «Къ молодому поколѣнію», гдѣ провозглашается открыто революція. Словомъ, это симптомъ революціонной лихорадки, которая охватила множество легкихъ пишущихъ и велерѣчащихъ умовъ. Явленіе это, пожалуй, вполнѣ естественно, но ему надо противодѣйствовать разумно и энергически, иначе оно поведетъ насъ къ анархіи, а анархія, какъ извѣстно, оканчивается страшнѣйшимъ изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмомъ реакціоннымъ». Итакъ, Никитенко, человѣкъ обширнаго знакомства въ столицѣ и часто вѣрно отражавшій своими записями въ «Дневникѣ» настроенія, царившія въ широкихъ общественныхъ и бюрократическихъ кругахъ, не усомнился придать «Великоруссу» большое значеніе и поставить его въ непосредственную связь съ волненіями молодежи, приковавшими къ себѣ въ тѣ дни всеобщее вниманіе. Это вліяніе на ходъ тогдашнихъ событій «Великорусса» онъ раздѣлилъ и съ появившейся тогда же прокламаціей «Къ молодому поколѣнію». Въ интересахъ послѣдовательности изложенія прежде, чѣмъ обратиться къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу «Великорусса» и къ изложенію судьбы лицъ, замѣшанныхъ въ его распространеніи, отмѣтимъ сначала содержаніе второй прокламаціи, которой либеральный цензоръ придалъ такое большое значеніе и которая сыграла въ исторіи нашей журналистики дѣйствительно значительную роль съ ея печальными послѣдствіями.

XXII.

Прокламація «Къ молодому поколѣнію» явилась продуктомъ заграничнаго тисненія и плодомъ работы герценовской типографіи. До нѣкоторой степени ее можно разсматривать, какъ отголосокъ движенія мысли, созданнаго комитетомъ «Великорусса», и развитія тѣхъ положеній, которыя были изложены на страницахъ «Колокола» въ отвѣтъ первому русскому нелегальному листку.

Когда вышелъ № 1 «Великорусса», Герценъ съ радостью его привѣтствовалъ, какъ первое проявленіе свободнаго русскаго голоса, раздавшагося на пространствѣ родной земли, внѣ соображеній цензурной дозволенности. Онъ помѣстилъ привѣтственную статью[1]) своему младшему политическому собрату подъ заглавіемъ: «Заводите типографіи! Заводите типографіи!», гдѣ говорилъ: «Теперь самое время. Мы съ восторгомъ узнали, что у насъ начали печатать въ тиши, не безпокоя цензуру, мы видѣли даже одинъ листокъ «Великорусса». Это второй необходимый шагъ; вездѣ такъ было. Дома стѣсненная мысль ныряла и появлялась вдругъ гдѣ-нибудь въ чужой странѣ; на время это удовлетворяетъ. Но какъ только мысли, печатаемыя за границею, начинаютъ осуществляться, имъ нужна родная почва, близость, вдохновенье дня. Печатайте ручными типографіями, печатайте кое-какъ, тутъ не до эльзевировскихъ изданій, имѣйте буквъ на полъ-листа, чтобы разомъ можно было спрятать отъ долгихъ рукъ и короткихъ умовъ тайной полиціи. Нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ легче заводить типографіи, какъ у насъ, вездѣ тѣснѣе живутъ. Но не намъ васъ учить, да еще публично, мы ограничиваемся братскимъ совѣтомъ: заводите типографіи! заводите типографіи!»

Совѣтъ Герцена былъ впослѣдствіи осуществленъ, домашнія тайныя типографіи сыграли въ развитіи русскаго революціоннаго движенія выдающуюся роль, доставивъ полицейской власти немало заботъ въ раскрытіи ихъ мѣстопребыванія и выясненіи личностей ихъ организаторовъ и руководителей, но все же значительная доля нелегальщины, какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ послѣдующія десятилѣтія проникала въ населеніе изъ-за границы. Въ ряду этой заграничной нелегальщины значится и прокламація «Къ молодому поколѣнію», снабженная эпиграфомъ изъ Рылѣева: «Я ль буду въ роковое время позорить гражданина санъ...» и съ помѣткой, что она «напечатана безъ цензуры въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1861 года». Начало ея посвящено крестьянскому вопросу съ утвержденіемъ, что освобожденіе сдѣлано вопреки интересамъ народа и что потому самодержавная власть правительства должна

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 105.

быть сметена, если она только не пойдетъ на надлежащія уступки. «Молодое поколѣніе,—восклицаетъ авторъ листка,—не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію--вы настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное намъ императорскою властью, вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого помазанія, что Богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила — духъ тьмы, а этотъ-то духъ и есть русская императорская власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ. Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ. Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ. Объясните все это народу и солдатамъ, но не забудьте прибавить, что помѣхой всему— царь и его министры, для которыхъ это невыгодно».

Далѣе въ прокламаціи слѣдуетъ полемическая часть по адресу умѣренныхъ русскихъ конституціоналистовъ и отрицаніе необходимости для Россіи итти тѣмъ государственнымъ путемъ, изъ котораго возникли учрежденія Запада. «Въ послѣднее время, — сказано здѣсь,—расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придешь ли къ благосостоянію? односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копеечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется — деньги. А эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; онѣ черствятъ человѣка, онѣ ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общее съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ?

Мы ужъ довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

> Нѣтъ, нѣтъ. нашъ путь иной,
> И крестъ не намъ нести...

«Пусть несетъ его Европа... (мы) имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени. Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдуютъ намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рошера и Гнейста. Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значитъ, она намъ не учитель въ экономическомъ вопросѣ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы, русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новомъ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлать свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлалась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика. Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно».

Далѣе идутъ длинныя разсужденія о безсиліи власти, ничтожествѣ дворянства и т. д., въ заключеніе чего ставится вопросъ: чего же мы хотимъ? и дается такой отвѣтъ: мы хотимъ свободы, чтобы число свободныхъ людей росло все больше, чтобы они тѣснѣе приставали одинъ къ другому и, наконецъ, потребовали бы перемѣны существующихъ порядковъ. «Къ этимъ-то людямъ свободы мы и обращаемся—они поймутъ насъ, чего мы хотѣли! Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ — выборная и ограниченная. Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры. Мы хотимъ развитія

существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне имѣютъ это право, если они избираютъ сами отъ себя старшинъ и головъ, если общинамъ предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы, зачѣмъ же этими правами выборнаго начала и самоуправленія не пользуется вся остальная Россія?.. Наша сельская община есть основная ячейка, собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало. Вотъ что намъ нужно. Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало, чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала... Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы денежные сборы съ страны не шли неизвѣстно куда; чтобы ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ. Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи—явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины... мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки... мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель Европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19 февраля по міру... мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ; мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно... мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостного права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи... мы хотимъ полнаго обновленія страны... уничтоженія мѣщанства—имъ должна быть дана земля... мы хотимъ сокращенія расходовъ на безполезную громадную армію... мы хотимъ сокращенія расходовъ на все управленіе... уничтоженія вредныхъ для народа управленій, какъ министерство государственныхъ имуществъ, министерство двора, удѣльное управленіе... мы хотимъ сокращенія расходовъ на царскую фамилію... мы хотимъ освобожденія изъ казематовъ и возвращенія изъ ссылки всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія... возврата на родину всѣхъ политическихъ выходцевъ... мы хотимъ совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ».

Выставивъ такую программу хотѣній, авторъ прокламаціи спрашиваетъ: кто же будетъ ее выполнять? и отвѣчаетъ: надежду Рос-

сіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола,—вотъ къ этимъ-то элементамъ и обращается воззваніе, восклицая: «Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку и разсказывать все одни и тѣ же разсказы объ однихъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать... пора приступить къ дѣлу теперь же, не теряя ни минуты. Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть: насъ милліоны, а злодѣевъ сотни. Стащите съ пьедестала, въ мнѣніи народа, всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами, объясните народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять ту простую вещь, что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ изъ носа мужицкаго. Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами къ той роли, какую вамъ придется играть: зрѣйте въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14 декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ, право, умирать не легче!»

XXIII.

Тѣ мысли и положенія, которыя мы встрѣчаемъ въ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», также были изложены и въ «Отвѣтѣ Великоруссу», помѣщенномъ въ «Колоколѣ» [1]), отъ 15 сентября н. с. Здѣсь, послѣ привѣтствія первому вольному голосу у себя на родинѣ, высказано и несогласіе съ программой «комитета» и сказано: «Великоруссъ» сознаетъ неизбѣжность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее «общество». Но если онъ серьезно взялся за дѣло и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Надо обращаться не къ «обществу», а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучшаго быть не можетъ, пока власть въ царскихъ рукахъ. Шевелить одержимое спячкой общество, конечно, не вредно—но вѣдь этимъ дѣла не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь некогда. «Общество» никогда

---

[1]) «Колоколъ», 1861 г., № 107.

не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, что тому нужно. Общество — это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій, стало, серьезной борьбы быть не можетъ; могутъ быть только размолвки о томъ, чтобы поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ. Да къ тому же это общество точно такъ же дрябло и безсильно, какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней. Оно, въ массѣ, пропитано до мельчайшихъ клѣточекъ организма черствымъ доктринерствомъ, лакейскимъ раболѣпіемъ, или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя».

Если нельзя надѣяться на общество въ полномъ его составѣ большинства, то имѣется въ наличіи выходъ: это — соединеніе меньшинства, и при томъ радикально настроеннаго, рѣшительнаго и альтруистическаго, съ народомъ. «Надо, чтобы это меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть. Если бъ такой союзъ существовалъ раньше, не текла бы теперь понапрасну неповинная кровь народная и не прошло бы правительству даромъ его преступное лже-освобожденіе. Но еще не все потеряно. Тупость самодержавія послужила впрокъ, обративъ противъ него силу, которая могла бы поддержать его всѣмъ своимъ могуществомъ. Настоящее освобожденіе упрочило бы его на сотню лѣтъ, позволивъ ему пренебречь всевозможными противниками. Лже-освобожденіе погубитъ его. Съ ребяческимъ довѣріемъ ждетъ обманутый народъ черезъ два года полной воли и найдетъ—новое крѣпостное право. Въ этотъ промежутокъ меньшинство должно сдѣлать дѣло».

Но какъ же приняться за дѣло? Отвѣтъ одинъ—организовать рядъ энергичныхъ тайныхъ конспиративныхъ кружковъ, которые и должны выдѣлить необходимыхъ «бойцовъ», быть можетъ, даже по своему происхожденію вышедшихъ изъ народа. «Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго, какъ тайные союзы, — говоритъ авторъ письма въ «Колоколѣ».—Они образуютъ бойцовъ, соединяютъ силы, подготовляютъ движеніе; безъ нихъ массы не поднимутся или, поднявшись неподготовленныя, не выдерживаютъ борьбы съ организованнымъ врагомъ. Назовите изъ цѣлой исторіи хотя одно удавшееся народное движеніе, совершенное безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся? Такихъ примѣровъ не найдется. У насъ обыкновенно ссылаются на неудачи 25 и 48 годовъ [1]). Тутъ неудачи произошли не оттого, что тайные союзы вообще средства негодныя,

---

[1]) Здѣсь авторъ разумѣетъ исторію кружковъ «декабристовъ» и «петрашевцевъ».

а потому, что начала этихъ союзовъ были невѣрны. Для насъ они служатъ предостереженіемъ отъ двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего-либо силами одного общества безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ».

Опорою тайныхъ союзовъ въ ихъ борьбѣ съ правительствомъ должны быть «несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его. На эти массы мы и обопремся». Въ чемъ же долженъ заключаться кругъ дѣйствія союзовъ? Онъ долженъ быть широкъ, чтобы всякъ нашелъ себѣ работу: «надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, заводить братства въ полкахъ, сближать солдатъ съ народомъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія, привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія, завести торговыя и промышленныя заведенія и готовить денежныя и всякія средства».

Авторъ ставитъ въ заключеніе и послѣдній вопросъ: къ чему стремиться — къ конституціи или къ чему иному? и отвѣчаетъ: «За конституцію стало бы, вѣроятно, почти все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь. Пусть они идутъ своей дорогой, мы своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собраній и свободу печати. Мы не знаемъ, вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она цѣль и послѣднее слово».

«Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и полный союзъ областей».

Мы намѣренно привели большія выдержки, какъ изъ прокламаціи «Великоруссъ», такъ и «Къ молодому поколѣнію» съ добавленіемъ и выдержекъ изъ письма въ «Колоколъ», дабы ознакомить читателей подробно съ двумя главнѣйшими теченіями политической мысли, оформившимися въ русскомъ опозиціонномъ обществѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Оба эти теченія надолго опредѣлили собою и группировку общественныхъ силъ въ ихъ натискѣ на правительственную власть, намѣтили разные между собою методы борьбы съ нею и конечныя вожделѣнія, неминуемо вытекающія изъ этой борьбы. Дальнѣйшія событія отечественной жизни

въ кругу этихъ теченій и расположились въ двоякомъ направленіи и порядкѣ мыслей, какъ то намѣтилъ комитетъ «Великорусса» и составители прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Одна общественная группа, наиболѣе численная и вліятельная, приняла программу «комитета» и сдѣлала, какъ это видно будетъ далѣе, нѣкоторую попытку столковаться съ правительствомъ и мирнымъ путемъ добиться отъ него уступокъ по пути желательныхъ реформъ, другая—значительно менѣе численная, но зато рѣшительная и смѣлая, отбросила всякую мысль о возможномъ союзѣ съ правительствомъ и «обществомъ», или, правильнѣе, интеллигенціей, вышедшей изъ нѣдръ дворянскаго сословія, и пошла путемъ конспирацій, революціонной пропаганды, сближенія съ народомъ въ интересахъ политической агитаціи, не останавливаясь на пути своихъ дѣйствій передъ жертвами, ни даже передъ лицомъ смерти. Оба эти теченія получаютъ свое реальное осуществленіе именно со второй половины 1861 г., причемъ на первыхъ порахъ наблюдается какъ бы перевѣсъ успѣха на сторонѣ идейной проповѣди «Великорусса», а въ дальнѣйшемъ ходѣ событій—возобладаніе началъ, выдвинутыхъ авторомъ письма въ «Колоколъ», въ чемъ читатели убѣдятся въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія нашихъ историческихъ очерковъ. Пока же остановимся на вопросахъ, кто же были авторы приведенныхъ прокламацій, какова была ихъ дальнѣйшая судьба и какъ правительственная власть отозвалась на брошенный ему вызовъ.

Несмотря на то, что въ настоящее время въ нашей литературѣ опубликованы во всѣхъ подробностяхъ свѣдѣнія о процессѣ «Великоруссцевъ» [1]), а также напечатаны воспоминанія «Изъ пережитаго» [2]) В. Обручева, привлекавшагося къ суду по дѣлу распространенія № 2 прокламаціи «Великоруссъ», тѣмъ не менѣе происхожденіе организаціи комитета «Великоруссъ», имена его членовъ и авторовъ, составителей самихъ прокламацій, остались не выясненными. Надъ всѣмъ этимъ эпизодомъ изъ политической жизни нашей интеллигенціи и посейчасъ виситъ густой туманъ, и только по догадкамъ, предположеніямъ и нѣкоторымъ сопоставленіямъ можно съ большею или меньшею достовѣрностью допустить, чьихъ рукъ было дѣло созданія этихъ прокламацій и кто, повидимому, былъ идейнымъ вдохновителемъ таинственной организаціи. В. А. Обручевъ въ интересныхъ воспоминаніяхъ о своей роли въ распространеніи нумера «Великорусса» не пожелалъ сообщить, отъ кого онъ получилъ пакеты съ прокламаціей для опусканія ихъ въ почтовые ящики столицы, каковы были детальныя обстоятельства даннаго

---

[1]) «Былое» 1906 г., № 7.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1907 г., №№ 5 и 6.

ему порученія, и ограничился главнымъ образомъ передачей событій примѣнительно къ собственной личности и постигшей его печальной судьбѣ. Не выясняетъ интересующаго насъ вопроса и отчетъ о процессѣ, опубликованный нынѣ г. М. Лемке на страницахъ «Былого», ибо ни слѣдствію, ни суду не удалось установить виновниковъ происхожденія «Великорусса». Правительство, употребившее всѣ силы къ раскрытію организаціи и къ поимкѣ виновниковъ, заполучило въ свою власть лишь второстепенныхъ персонажей, роль которыхъ была, повидимому, довольно случайною и исключительно исполнительною по распространенію прокламаціи, согласно кѣмъ-то заранѣе составленнымъ адресамъ. Привлеченными по дѣлу «Великоруссцевъ» къ слѣдствію и суду оказались всего пять человѣкъ:—отставной офицеръ Обручевъ, студентъ Данненбергъ, студентъ Лобановъ, студентъ Сваричевскій и отставной лекарь Боковъ. Приговореннымъ оказался лишь Обручевъ къ каторжной работѣ на три года, остальные или были совершенно оправданы, или отданы подъ надзоръ полиціи послѣ сдѣланнаго имъ высочайшаго выговора. Вообще самый процессъ «Великоруссцевъ» ни въ какомъ отношеніи не представляетъ выдающагося интереса и не оставилъ по себѣ въ русской жизни значительнаго слѣда съ вытекающими изъ него чреватыми послѣдствіями. Но одно, что самый фактъ процеса обнаружилъ: это— наличіе въ столичномъ обществѣ сплоченной группы людей единомышленныхъ, уже готовыхъ вступить въ борьбу съ правительственной властью и уже дѣлающихъ реальные шаги къ тому, чтобы свернуть эту власть съ занятаго ею пути на новый.

Лица, занимавшіяся процессомъ «Великоруссцевъ» и опубликовавшія результаты своихъ изслѣдованій (М. Лемке[1]), А. Корниловъ[2]), Л. Кульчицкій[3]), а также современники процесса, составившіе воспоминанія о томъ періодѣ (Л. Пантелѣевъ[4]), г. Стахевичъ[5]), за исключеніемъ А. Корнилова, полагаютъ, что прокламаціи «Великорусса» были такъ или иначе дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Г. Стахевичъ такъ говоритъ объ этомъ, вспоминая свою близость съ Чернышевскимъ во время ссылки въ Сибирь: «Я замѣтилъ, что Чернышевскій съ явнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки надъ заглавіемъ «Великоруссъ»; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей, и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоми-

[1]) «Былое» 1906 г. № 7.
[2]) «Крестьянская реформа».
[3]) «Исторія русскаго революціоннаго движенія».
[4]) «Изъ воспоминаній прошлаго».
[5]) «Закаспійское обозрѣніе» 1905 г., № 243.

наютъ мнѣ листокъ «Великорусса», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листковъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій». Въ такомъ же духѣ высказывается и Л. Пантелѣевъ, говоря про нѣкоего Захарьина, съ которымъ былъ знакомъ: «Близость Захарьина съ Чернышевскимъ даетъ мнѣ основаніе думать, что Ник. Гавр. былъ, можетъ быть, не совсѣмъ чуждъ дѣлу «Великорусса». Къ тому же манера говорить съ публикой, стиль «Великорусса» очень напоминаютъ Н. Г.» Это лингвистическое соображеніе очень мѣтко; дѣйствительно, если вспомнить хотя бы «Письма безъ адреса» Чернышевскаго съ строго-логическимъ развертываніемъ здѣсь основныхъ положеній, отступленіями, преобладаніемъ въ нихъ соображеній экономическаго порядка, нѣкоторой стилистической скупостью и сравнить эти свойства письма Николая Гавриловича съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ изложеніи прокламацiей «Великорусса», то сходство авторскихъ манеръ изложенія мысли явно бросается въ глаза и вызываетъ предположеніе о тождествѣ литературнаго пера. Если единоличное авторство Чернышевскаго въ интересующей насъ прокламаціи остается фактически бездоказательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ остается то положеніе, что «Великоруссъ» вышелъ изъ нѣдръ близкихъ редакціи «Современника», былъ ею одобренъ и съ ея благословенія пущенъ по бѣлому свѣту. Недаромъ же сотрудникъ «Современника» и лицо, находившееся подъ покровительствомъ Чернышевскаго, В. А. Обручевъ оказался виновнымъ въ распространеніи этой прокламаціи, и недаромъ цѣлый рядъ именъ, согласно воспоминаніямъ дѣятелей того времени, какъ-то связанъ, прямо или косвенно, какъ съ редакціей этого вліятельнѣйшаго и передового политическаго органа оппозиціоннаго характера, такъ и съ легендами и смутными слухами, сохранившимися отъ того періода нашей общественной жизни, о происхожденіи и дѣятельности общества «Великоруссъ».

Была ли дѣйствительно правильно поставлена организація «комитета», отъ имени котораго говорилъ первый русскій нелегальный листокъ, напечатанный въ типографіи академіи генеральнаго штаба, невозможно сказать, но вотъ тѣ нѣкоторыя имена, которыя состоятъ въ исторической связи съ появленіемъ «Великорусса»—Н. Г. Чернышевскій, В. А. Обручевъ, братья А. и Н. Серно-Соловьевичи, Лучининъ [1]), Жукъ, Захарьинъ, А. Слѣпцовъ, къ нимъ же примыкали, по словамъ А. Кульчицкаго, и нѣкоторые офицеры, «вышедшіе въ періодъ 1857—62 г. изъ двухъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній—академіи генеральнаго штаба... и артилле-

---

[1]) Выведенный, по предположеніямъ г. Пантелѣева, въ «прологѣ прологовъ» Чернышевскаго надъ именемъ Нивельгина.

рійской академіи—и позже погибшіе преимущественно въ царствѣ Польскомъ, до и послѣ возстанія, за сочувствіе польскому движенію».

Когда-то Герценъ изъ своего далека взывалъ къ русскимъ людямъ — «vivos voco», и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда пробилъ часъ для русскихъ реформъ и послѣднія пошли не по тому пути, который намѣчался для нихъ передовою политическою мыслью того времени, эти «живые» люди отозвались на его призывъ. Во главѣ ихъ, какъ дающіе тонъ и направленіе политической работѣ и агитаціи, стали представители литературы, а въ качествѣ выполнителей явилась учащаяся молодежь изъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній, постепенно съ того времени и перешедшая въ составъ дѣйствующей арміи революціоннаго набора.

XXIV.

Если весь эпизодъ съ «Великорусеомъ» остался въ нашей литературѣ слабо выясненнымъ, съ широкимъ полемъ для гаданій и предположеній, то иначе обстоитъ дѣло съ прокламаціей «Къ молодому поколѣнію». Авторъ этого нелегальнаго творенія (по крайней мѣрѣ въ большей части его написанія) и онъ же, какъ корреспондентъ въ «Колоколѣ», былъ обнаруженъ въ ближайшіе дни появленія прокламаціи, отданъ подъ судъ и кончилъ свою жизнь въ далекихъ рудникахъ Сибири [1]). Талантливый писатель, прекрасный переводчикъ изъ Гейне, Гуда, Лонгфелло и др., поэтъ— Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, вотъ то имя, съ которымъ связана судьба этого радикальнаго литературнаго памятника, явившагося въ средѣ нашей общественности отвѣтомъ на умѣренный относительно призывъ «Великорусса» и тѣмъ первымъ ударомъ домашняго революціоннаго колокола, оповѣстившаго населеніе, что разрывъ наиболѣе пылкихъ общественныхъ элементовъ съ правительственною властью фактъ совершившійся и что дни отечественной смуты не за горами, какъ то и предсказывалъ въ свое время К. Аксаковъ.

Сношенія русскихъ писателей, какъ равно и очень многихъ дѣятелей нашей родины въ ихъ побывкѣ за границею, съ Герценомъ и его редакціей, начавшіяся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, стали съ теченіемъ времени все тѣснѣе и тѣснѣе. Въ числѣ лицъ, ставшихъ въ близкія отношенія къ редактору «Колокола», были и супруги Н. В. и Л. П. Шелгуновы и М. И. Михайловъ. Въ бытность свою за границею, лѣтомъ 1861 г., Шелгуновъ и Михайловъ, составившіе, повидимому, совмѣстно прокламацію «Къ молодому поколѣнію», рѣшили ее напечатать, вопреки

---

[1]) Мих. Лемке. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ документамъ). Спб. 1907.

совѣтамъ Герцена, что и было выполнено Михайловымъ въ типографіи «Колокола». Въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ приложилъ свою руку къ этому литературному произведенію, осталось недостаточно выясненнымъ; впрочемъ, по существу дѣла это и не представляетъ особаго интереса въ общемъ ходѣ событій тогдашняго дня. Значительный пакетъ этой прокламаціи былъ въ заклеенномъ на днѣ сундука видѣ доставленъ Михайловымъ въ Петербургъ и здѣсь распространенъ. Племянникъ историка Н. И. Костомарова, корнетъ В. Д. Костомаровъ, состоявшій съ поэтомъ въ дружескихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ на него доносъ, въ результатѣ каковаго Михайловъ былъ арестованъ, преданъ суду и приговоренъ послѣ высочайшей конфирмаціи къ 6 годамъ каторжной работы. Съ начала царствованія это былъ первый политическій процессъ, съ участіемъ въ немъ, вдобавокъ, виднаго представителя литературы, потому неудивительно, что и самый арестъ Михайлова, и судъ и осужденіе его произвели въ обществѣ большое волненіе, возбудили значительные толки и приподняли еще болѣе и безъ того взмыливщуюся въ тѣ дни общественную волну. Михайловъ судился одинъ и сумѣлъ своими отвѣтами и всѣмъ поведеніемъ на судѣ никого не замѣшать въ процессѣ и никого не подвести подъ карающее дѣйствіе закона. Онъ, такъ сказать, закрылъ собою Шелгунова, и, если послѣдній въ дальнѣйшемъ не избѣгъ участи арестованнаго, то это случилось уже потомъ, когда сотрудникъ «Русскаго Слова» сдѣлалъ попытку къ освобожденію поэта изъ Сибири, пріуготовляя и себѣ съ женою и Михайлову побѣгъ за границу.

Въ литературныхъ кружкахъ отнеслись къ авторству Михайлова въ прокламаціи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и недоумѣніемъ, а арестъ его вызвалъ среди петербургскихъ и московскихъ литераторовъ намѣреніе подать государю императору адресъ, каковой и былъ обсуждаемъ на квартирѣ у Каткова; но вслѣдствіе возникшихъ здѣсь несогласій подъ нимъ не собралось должнаго количества подписей. Вотъ этотъ любопытный проектъ адреса [1]) который и приводимъ здѣсь полностью, дабы впослѣдствіи читатели могли провести параллель между этимъ документомъ и тѣмъ, который на высочайшее имя былъ поданъ русскими писателями во второй половинѣ девяностыхъ годовъ по иниціативѣ Г. К. Градовскаго:

«Ваше императорское величество!

«Опасаясь, чтобы несчастное происшествіе, въ которомъ замѣшано нѣсколько литературныхъ именъ, не повредило интересамъ всей литературы, а слѣдовательно и правильному ходу общественнаго развитія, мы, ниже подписавшіеся, представители отечественной литературы, считаемъ

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 113.

священною обязанностью всеподданнѣйше просить ваше императорское величество принять во вниманіе всѣ обстоятельства, способныя умалить въ вашихъ глазахъ значеніе совершеннаго преступленія и доказать независимость его отъ общихъ стремленій литературы.

Законы, управляющіе ходомъ общественныхъ событій, государь, повсюду одинаковы и непреложны. Человѣческій разумъ неспособенъ вы-

Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ.

работать никакой истины, если предъ нимъ нѣтъ никакихъ заблужденій. Только по сравненію хорошаго съ дурнымъ можно оцѣнить хорошее; только при свободной и безпрепятственной борьбѣ истины съ заблужденіемъ можетъ торжествовать истина. Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ правильная борьба невозможна, гдѣ человѣческое слово и разумъ стѣснены цензурою—тамъ всякаго рода заблужденія и страсти получаютъ особую силу, ибо ничто, кромѣ разума, не въ состояніи побѣдить ихъ. Всякая попытка истребить заблужденія полицейскими мѣрами вела только къ усиленію ихъ. Такъ было вездѣ, во всѣ времена, во всѣхъ го-

сударствахъ, и ваше величество лучше другихъ сознали эту истину, повелѣвъ прекратить преслѣдованіе раскола, который до вступленія вашего на престолъ постоянно увеличивался и разрастался. Политическія заблужденія и страсти подчинены тѣмъ же законамъ, ибо вытекаютъ изъ того же источника. Имъ нерѣдко подвергаются люди весьма благородные и доброжелательные, но столько же нетерпѣливые и пылкіе. Заблужденія этого рода совершенно безвредны и безсильны тамъ, гдѣ противъ нихъ всегда на сторожѣ разумныя и консервативныя силы общества, готовыя во время изобличить всякую ошибку, умѣрить и охладить всякій излишній пылъ, остановить всякое неразумное требованіе. Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе подавлено и не смѣетъ возвысить голоса въ пользу истины, тамъ оно никогда не возвыситъ его открыто и противъ заблужденія; гдѣ преслѣдованіе мысли беретъ на себя полиція, тамъ уже литература дѣйствовать не можетъ, не унижая своего достоинства.

Въ такомъ именно положеніи находится русская литература, лишенная всякой возможности дѣйствовать по внушеніямъ общественнаго разума. Многое изъ того, что нынѣ огорчаетъ и затрудняетъ правительство, устранилось бы само собой при свободномъ обсужденіи, и общественное мнѣніе само осудило бы и сдѣлало бы смѣшными тѣ крайнія увлеченія молодости, которыя, распространяясь подъ обольстительнымъ покровомъ тайны, имѣютъ видъ опаснаго дѣла. Полицейскія преслѣдованія этихъ попытокъ, придавая имъ серьезное значеніе, способствуютъ только къ ихъ распространенію; суровыя же наказанія виновныхъ дѣлаютъ ихъ мучениками въ глазахъ общества, и вмѣсто порицанія, на которое разсчитываетъ законъ, пріобрѣтаютъ имъ, напротивъ, всеобщее уваженіе. Положеніе литературы, сознающей всѣ эти истины, становится невыносимо тягостнымъ. Не имѣя никакой возможности противодѣйствовать какимъ бы то ни было заблужденіямъ, литература обречена на двоякую отвѣтственность: предъ умственными потребностями общества, которымъ удовлетворить не можетъ,—и предъ правительствомъ, которое обвиняетъ ее въ недостаткѣ сочувствія и помощи. Между тѣмъ она нисколько не виновна въ обоихъ случаяхъ.

Литература неоднократно выражала искреннюю готовность помогать правительству во всѣхъ благихъ его стремленіяхъ, но каждый разъ предложенія ея были отвергаемы. Ваше царствованіе, государь, привѣтствовано было съ любовью, ваши благія намѣренія вызывали въ литературѣ искреннюю благодарность и горячія надежды. Но правительству угодно было остановить потокъ этого добраго чувства и запретить выраженія преувеличенныхъ надеждъ. Нынѣ, по неизбѣжному закону отраженія, преувеличенія эти впали въ противоположную крайность.

Мы понимаемъ, государь, какое огорченіе должны были принести вашему сердцу проявленія этой послѣдней крайности. Но великодушіе ваше извѣстно всѣмъ. Въ немъ почерпали силу всеобщія надежды Россіи, въ немъ же должны найти свое безсиліе вспышки частной безнадежности. Твердо увѣренные въ добротѣ вашего сердца, мы не страшимся за участь виновныхъ, увлекшихся въ политическое преступленіе. Мы умоляемъ ваше величество измѣнить тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ зарожденію подобныхъ преступленій, и предупредить развитіе ихъ на будущее время. Дайте свободу русскому общественному разуму, дозвольте ему обнажить свой мечъ на защиту своихъ правъ и, повѣрьте, государь, вы найдете въ русскомъ словѣ побѣдоносное оружіе, которое, если и не станетъ защищать безъ разбора всякое убѣжденіе правительства, то всегда заодно съ нимъ стремиться будетъ къ поддержанію правды, законности и всеобщаго благоденствія».

Авторомъ этого адреса и лидеромъ на собраніи у Каткова былъ жандармскій офицеръ Громека, принимавшій въ тѣ дни широкое участіе въ литературныхъ органахъ либеральнаго пошиба. Собраніемъ, однако, адресъ, какъ выраженіе коллективнаго мнѣнія всей русской журнальной корпораціи, принятъ не былъ, и главными оппонентами по сему предмету были московскіе профессора Соловьевъ и Чичеринъ, доказывавшіе, что вмѣшательство частныхъ людей въ дѣла правительства не будетъ явленіемъ честнымъ [1]). Арестъ Михайлова въ значительной мѣрѣ, въ связи съ другими тогдашними обстоятельствами нашей столичной жизни, о чемъ рѣчь будетъ далѣе, содѣйствовалъ революціонизированію нашего общества, вызвавъ рядомъ съ выраженіями сожалѣнія и сочувствія въ сторону потерпѣвшаго и озлобленіе противъ правительственныхъ начинаній, носившихъ репрессивный характеръ, а также и представителей администраціи и тѣхъ началъ государственности, во имя которыхъ репрессіи примѣнялись. По адресу Михайлова и во время его пребыванія въ крѣпости и въ моментъ произнесенія ему приговора было выражено немало сочувствій манифестаціоннаго характера, а предстоявшій ему дальній путь слѣдованія въ Сибирь былъ напутствованъ самыми горячими пожеланіями, краснорѣчиво свидѣтельствовавшими объ общемъ настроеніи интеллигентныхъ тогдашнихъ сферъ.

Студенты петербургскаго университета, заключенные въ Петропавловскую крѣпость послѣ извѣстной исторіи, о которой мы еще будемъ говорить, узнавъ, что въ крѣпость привезенъ авторъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», прислали ему слѣдующее привѣтственное стихотвореніе, принадлежавшее перу студента Н. Утина:

УЗНИКУ.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать!

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

---

[1]) «Колоколъ» 1861, № 112.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ,

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Михайловъ поспѣшилъ отвѣтить своимъ юнымъ, невѣдомымъ корреспондентамъ также стихотворнымъ письмомъ, гдѣ говорилъ:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!..

Огаревъ съ береговъ Темзы, когда сюда пришла вѣсть объ осужденіи и ссылкѣ Михайлова, благословилъ его на дальній путь слѣдующимъ стихотвореніемъ [1]):

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь—
Грядущихъ подвиговъ предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ,
И надо было жертвы вновь—
Разжечь ихъ немощную кровь.

---

[1]) «Колоколъ» 1862 г., № 119—120.

Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ—
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!..
И гнѣва трепетъ боевой
Объемлетъ вдохновенный строй.
Впередъ, впередъ! разрушенъ страхъ—
И гордый врагъ падетъ во прахъ.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропалъ—
Онъ чары страха разорвалъ;
Иди жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ—не жалѣй!
. . . .
. . . .
Но ты пройдешь чрезъ тѣ мѣста,
Гдѣ безъ молитвы и креста
Недавно брошенъ свѣжій трупъ
Бойца, носившаго тулупъ [1]).
Нашъ старшій братъ изъ мужиковъ,
Онъ первый всталъ противъ враговъ
И волей царскою былъ онъ
За волю русскую казненъ.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Дальнѣйшіе куплеты кончаются повторными стихами:

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Уже на мѣстѣ ссылки Михайловымъ были получены также привѣтственные стихи П. Л. Лаврова, будущаго извѣстнаго эмигранта и главы русскаго революціоннаго движенія въ нѣкоторыхъ сторонахъ его развитія, а тогда только что начавшаго завоевывать себѣ популярность, какъ профессоръ артиллерійской академіи и писатель-философъ. Лавровъ писалъ своему пострадавшему собрату [2]):

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летитъ бурный вѣтеръ свободно;
Несетъ онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несетъ вздохъ тоски всенародной.....
Несетъ онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому милому другу...
Несетъ онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...

---

[1]) Здѣсь авторъ подразумѣваетъ разстрѣлъ вожака Безднинской исторіи крестьянина Петрова. Авт.

[2]) «Былое» 1906 г., № 5.

И шепчетъ: «Я слышалъ, въ поляхъ, городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Блѣднѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря;
Заблещетъ свѣтило свободы...
И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникѣ томъ ужъ готовятъ тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждутъ, чтобъ мгновенье приспѣло...
И шлютъ издалека сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья...
И твердую вѣру: свобода придетъ—
И скоро.... Борецъ, до свиданья!

Приведенныя поэтическія привѣтствія выбывшему изъ строя политику чрезвычайно ярко рисуютъ настроеніе передовыхъ тогдашнихъ общественныхъ элементовъ:

....За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.

Эти слова были пророческими. Михайловъ началъ собою длинный строй русскихъ жертвъ, которыя были принесены во имя борьбы съ старымъ порядкомъ вещей. За нимъ густой цѣпью потянулись въ казематы, тюрьмы и дальніе рудники многочисленные представители интеллигенціи, и русская жизнь вся превратилась въ какой-то длительный кровавый кошмаръ, конца которому, увы, мы не видимъ и до сихъ поръ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АНДИЖАНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ И ЕГО ПРИЧИНЫ.

Въ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1907 г. помѣщена интересная статья г. Ювачева подъ заглавіемъ «Курбанъ-Джанъ-датха, каракиргизская царица Алая».

Въ этой статьѣ, между прочимъ, сказано нѣсколько словъ объ извѣстной попыткѣ минь-тюбинскаго ишана Дукчи поднять газаватъ—попыткѣ, закончившейся андижанской рѣзней въ маѣ 1898 года и казнью виновныхъ.

Въ печати нѣсколько разъ передавалась фактическая сторона андижанскаго возстанія, причемъ какъ раньше, такъ и въ статьѣ, о которой я упоминалъ выше, событіе это излагалось не достаточно полно по своему внутреннему смыслу, съ пропускомъ нѣкоторыхъ характерныхъ оттѣнковъ и къ тому же всѣми оно освѣщалось нѣсколько односторонне, безъ попытки дать иную, болѣе глубокую и безпристрастную оцѣнку причинамъ, вызвавшимъ этотъ прискорбный эпизодъ. Мнѣ кажется, нынѣ настало время пролить нѣсколько свѣта на эту темную страничку въ исторіи нашего управленія Туркестанскимъ краемъ.

Изложу вкратцѣ фактическую сторону этого дѣла.

Въ ночь съ 17-го на 18-е мая 1898 года вспыхнуло въ Ферганской области возстаніе мусульманъ, которое хотя было чрезвычайно кратковременно и имѣло характеръ по внѣшнему виду мѣстный, но въ глубинѣ своей хранило причины большой важности.

По имени города Андижана, на гарнизонъ котораго обрушились послѣдствія возстанія, возстаніе носитъ у насъ имя «андижанскаго».

Главныя обстоятельства этого происшествія были слѣдующія:

Шайка мусульманъ, въ составѣ около 2000 человѣкъ (1000 человѣкъ конныхъ и 1000 пѣшихъ) подъ предводительствомъ миньтюбинскаго [1]) ишана Магометъ-Али-Халифа, вдохновленная фанатизмомъ, подъ знаменемъ пророка (газаватъ) напала на лагерь войскъ андижанскаго гарнизона. Пользуясь темнотой, мусульмане подкрались къ крайнему бараку, въ которомъ спали люди трехъ взводовъ 4-ой роты 20-го Туркестанскаго линейно-кадроваго батальона, окружили баракъ и, ворвавшись въ него, начали убивать безпомощныхъ солдатъ. Благодаря присутствію духа пробудившихся нижнихъ чиновъ, нападающіе были вскорѣ отбиты, причемъ жертвой нападенія были 21 убитыхъ, 14 тяжело раненыхъ и 5 легко раненыхъ нижнихъ чиновъ. Какъ оказалось изъ произведеннаго разслѣдованія, нападеніе это не было слѣдствіемъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, но носило характеръ заблаговременно обдуманнаго предпріятія, которое если не разразилось въ катастрофу болѣе ужасную, то лишь благодаря случайности, соединенной съ отсутствіемъ у нападающихъ надлежащихъ средствъ къ борьбѣ, а также низкому уровню культуры нападающихъ, не имѣвшихъ возможности бороться съ противникомъ, превосходящимъ значительно ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ высшей степени интересна личность главы заговора—ишана Магомета-Али; будучи еще мальчикомъ, ишанъ обнаруживалъ склонность къ религіознымъ размышленіямъ и сталъ сначала послѣдователемъ пайтокскаго ишана Султанъ-хана-Тюри, а впослѣдствіи его ближайшимъ мюридомъ. Послѣ смерти своего учителя, ишанъ сталъ его преемникомъ, принявъ званіе «халифа» [2]); преемство же Султанъ-хана въ халифствѣ возводилось къ Магомету-Богаэтдину, знаменитому святому Средней Азіи, основателю самаго вліятельнаго изъ средне-азіатскихъ дервишскихъ орденовъ, носящаго названіе «Накши-бенди». Въ 1887 году ишанъ совершилъ «хаджи» въ Мекку, гдѣ, по преданію, у гроба пророка Магомета получилъ откровеніе отъ Бога, что онъ долженъ ишанствовать 10 лѣтъ, а по истеченіи этого времени объявить «газаватъ». По возвращеніи своемъ на родину, ишанъ пріобрѣлъ большую популярность среди правовѣрныхъ своимъ постояннымъ сочувствіемъ къ бѣднымъ и своей особой религіозной силой, которою, по повѣрью простого народа, онъ обладалъ. По мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность, росло число его послѣдователей («мюри-

---

[1]) Названнаго такъ по имени кишлака Минь-тюбе Ошскаго уѣзда, гдѣ родился ишанъ.

[2]) Что значитъ—намѣстникъ пророка Магомета.

довъ»); какъ духовный руководитель и наставникъ вѣры, отличавшійся строгимъ безкорыстіемъ, блюститель нравственности и обычаевъ предковъ, врачъ и совѣтникъ во всевозможныхъ вопросахъ жизни, Магометъ-Али пользовался громаднымъ авторитетомъ среди населенія и слава объ его святости распространялась далеко за предѣлами Ферганы (напримѣръ, у одного изъ его самыхъ приближенныхъ мюридовъ, Идоятъ-хана, нашли письмо, въ которомъ одинъ изъ учениковъ («суфій») сообщалъ, что даже въ Токмакѣ, Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области, есть заочные послѣдователи ишана).

Зимою 1897 года къ ишану явился нѣкто Хаджи-Абду-Джалиля-Миръ-Садыкъ-Карыевъ, выходецъ изъ Константинополя, который будто бы передалъ ишану волосъ изъ бороды пророка, а также грамоту, присланную отъ турецкаго султана, вмѣстѣ съ халатомъ отъ падишаха и уговаривалъ ишана отъ имени султана начать «газаватъ» противъ невѣрныхъ.

Нужно знать экзальтированную натуру мусульманъ и ту громадную энергію, которую возбуждаетъ въ нихъ всякій жизненный вопросъ, связанный съ вопросами религіи и непосредственнымъ соприкасающійся съ священными мѣстами или лицами, чтобы понять состояніе фанатика-ишана въ этотъ моментъ, помнившаго еще къ тому же откровеніе Божіе, котораго онъ будто бы удостоился у гроба пророка.

Подогрѣтый откровеніемъ и посылкой грамоты съ халатомъ отъ самого падишаха [1]), ишанъ началъ энергично и весьма умѣло дѣйствовать на умы и сердца своихъ послѣдователей въ желаемомъ направленіи. Достиженіе этой цѣли значительно облегчалось настроеніемъ туземнаго населенія Ферганы, покоренной нами недавно, населенія, пытавшагося неоднократно поднимать вооруженное возстаніе противъ русскихъ: въ 1878 году было возстаніе подъ предводительствомъ Джетымъ-хана, повѣшеннаго въ Андижанѣ; въ 1882 году объявленъ газаватъ съ ханомъ во главѣ и виновные были повѣшены въ Андижанѣ; въ 1885 году замѣчалось движеніе въ уѣздахъ Маргеланскомъ и Андижанскомъ, созданное Дервишъ-ханомъ; въ 1893 году была попытка объявить газаватъ со стороны Собыръ-хана и наконецъ возстаніе 1898 года. Я пока не буду касаться причинъ этихъ возстаній, къ изложенію которыхъ перейду ниже, здѣсь же постараюсь закончить фактическую сторону дѣла.

День объявленія «газавата», хранился въ тайнѣ; ближайшіе довѣренные люди ишана узнали о немъ лишь 13—14-го мая; большинство же до кануна происшествія не было совершенно посвя-

[1]) Достовѣрность того, что посланникъ былъ отъ султана, подвержена до настоящаго времени большимъ сомнѣніямъ.

щено въ это дѣло, имъ лишь было объявлено, чтобы по приказанію они собрались въ извѣстныя мѣста и исполняли то, что будетъ приказано.

Этимъ отчасти объясняется, почему наша администрація узнала такъ поздно о готовящемся событіи.

Для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ въ серединѣ февраля 1898 года въ Кокандѣ появились подложныя письма къ богатымъ туземцамъ съ требованіями, чтобы они приготовили «зякетъ» [1]) за послѣднія 15 лѣтъ, чтобы люди «Сахиби-хуруджа» [2]), въ случаѣ газавата, могли имѣть эти деньги. Подобный фактъ нашей администраціей былъ сочтенъ за обыкновенный шантажъ.

Между тѣмъ въ домѣ ишана происходили совѣщанія, которыя привлекали все большее число послѣдователей; самъ ишанъ въ этихъ совѣщаніяхъ лично не участвовалъ, а дѣйствовали его приближенные, какъ, напримѣръ, Мулла-Зіяутдинъ, казначей и главнѣйшій приближенный, и другіе.

Въ апрѣлѣ у ишана было такое громадное сборище народа, что многіе, за неимѣніемъ мѣста на дворѣ и въ мечети, молились на улицѣ. Въ концѣ апрѣля ишанъ далъ своимъ приближеннымъ для раздачи 190 «чакрукатъ», или пригласительныхъ писемъ, за малой печатью самого ишана; эти письма были развезены вліятельнымъ мусульманамъ, жившимъ между Нарыномъ и Кара-Дарьей, и въ нихъ заключалось распоряженіе собраться всѣмъ близъ кишлака Минь-тюбе.

Въ подтвержденіе своей вѣрности нѣкоторыя должностныя лица туземной администраціи приложили печати къ особенному письменному воззванію ишана [3]).

Организація газавата была предположена слѣдующая: главное нападеніе, подъ начальствомъ самого ишана, должно было быть произведено на Андижанъ, гдѣ, вырѣзавъ гарнизонъ и овладѣвъ крѣпостью, мусульмане покончили бы съ остальнымъ русскимъ населеніемъ; это главное нападеніе должны были сопровождать

---

[1]) Подать.

[2]) Въ переводѣ: «вновь воцарившагося».

[3]) Воззваніе гласило слѣдующее:

«Богъ создалъ изъ ничего 18,000 міровъ, въ которыхъ далъ человѣку совершенный образъ, возвысивъ его надъ остальными существами, и отца нашего Адама короновалъ халифомъ. Весь міръ создалъ для нашего пророка, сдѣлалъ его къ себѣ болѣе близкимъ и, посадивъ его на почетный тронъ, Богъ обратился къ нему, говоря: «О пророкъ, да будетъ война съ немусульманами и отступниками отъ вѣры», за что обѣщалъ рай, если будутъ вѣрными и приближенными его рабами. Четыре преемника пророка, давая наставленіе народу, сказали: «Кто пожертвуетъ для Бога и пророка своимъ имуществомъ и жизнью ради газавата, тотъ будетъ подобенъ намъ». Для удержанія недостойныхъ людей написали книгу и послали для памяти. Слѣдовательно, теперь намъ нужно и обязательно, какъ

другія, на Ошъ и Маргеланъ. Для организаціи нападенія на Ошъ сообщники ишана должны были собраться въ горахъ Науката, на мѣстности Акъ-Терекъ, подъ предводительствомъ Умарбека; сборный пунктъ — Тамчи-Вулакъ, въ 12 верстахъ отъ Оша; сюда должны были собраться Умарбекъ-датха, жители яппалакскаго общества, Сатты-бай съ ошцами и мелкія партіи изъ остальныхъ мѣстъ.

Руководителемъ нападенія на Маргеланъ былъ назначенъ старо-маргеланскій житель, ишанъ Инаятъ-ханъ. Послѣднія два нападенія не состоялись.

Въ ночь на 14-ое и 16-ое мая у ишана послѣдовательно собирались сходки: изъ нихъ на первой онъ объявилъ свой планъ и раздавалъ халаты, на второй же было объявлено, что, по сверженіи русскаго владычества, ханомъ предназначался племянникъ ишана Абдула-Азисъ, 14-тилѣтній мальчикъ. Кромѣ того, въ послѣдніе дни ишанъ при всякихъ собраніяхъ объявлялъ въ мечети о полученіи клятвы отъ вліятельныхъ лицъ, подтверждалъ о безпрекословномъ повиновеніи и прибавлялъ, что сборъ назначается на воскресенье вечеромъ у Замберъ-биля, что на холмахъ подъ Андижаномъ.

Вечеромъ 17-го мая, въ 8 часовъ, ишанъ во главѣ толпы въ 200 человѣкъ выступилъ изъ кишлака Минь-тюбе, выславъ впередъ особый отрядъ киргизовъ подъ начальствомъ Мулла-Ахмеда, съ приказаніемъ прервать телеграфное сообщеніе; отрядъ ишана состоялъ изъ двухъ частей, имѣвшихъ каждая свой значокъ (байракъ); первой частью начальствовалъ Мулла-Зіяутдинъ—душа заговора. Всѣ участвовавшіе были снабжены «мисвяками» (палочками въ видѣ зубочистокъ), розданными ишаномъ какъ амулетъ, предохраняющій отъ смерти. Изъ Минь-тюбе путь ишана шелъ на кишлакъ Кутчи, гдѣ къ нему присоединилось еще 200 человѣкъ, на кишлаки Кара-Курганъ и Охчи; здѣсь ишаномъ былъ совершенъ намазъ, послѣ чего послѣдовали далѣе на Кулю; въ этомъ кишлакѣ волостной управитель согналъ народъ, а за Кулей къ ишану вышли навстрѣчу 150 человѣкъ андижанцевъ, высланныхъ бо-

---

признающимъ себя рабами Бога и послѣдователями пророка, объявить газаватъ. Во-первыхъ, для Бога и пророка, мы должны быть побѣдителями на священной войнѣ, и, во-вторыхъ, пожертвовать жизнью въ священной войнѣ. Мы, ниже приложившіе печати, давъ обѣщаніе Богу и пророку и имѣя среди себя коранъ, совершили договоръ съ халифомъ своимъ. Послѣ этого, если по наущенію шайтана изъ себялюбія или изъ опасенія за свою жизнь, мы, оробѣвъ, откажемся и не исполнимъ нашего обѣщанія, да будемъ мы достойны ада, да почернѣютъ въ обоихъ мірахъ наши лица, да будемъ въ день страшнаго суда посрамлены и опозорены. Въ удостовѣреніе чего приложили печати».

Собственно, вѣрнѣе, это не воззваніе, а клятвенное обѣщаніе, которое ишанъ, вѣроятно, взялъ, желая прозондировать надежность своихъ послѣдователей; на судѣ оно служило несомнѣнной уликой противъ подписавшихся.

гатымъ андижанскимъ купцомъ Алибай-бай-бачей. Далѣе шествіе направлялось черезъ Раватъ-Дарханъ, Сары, Куи, Найдыкъ, Кунчи-Каирму и Шамсутдинъ (или Данъ-кишлакъ) къ Андижану. Передъ въѣздомъ въ Андижанъ ишанъ снова совершилъ намазъ на холмахъ городского предмѣстья и направился къ лагерю, гдѣ мирно, не ожидая готовящейся имъ ужасной опасности, спали русскіе солдаты.

Результатъ нападенія и дальнѣйшія событія извѣстны.

Такимъ образомъ, изъ изложеннаго можно видѣть, что андижанская рѣзня была лишь незначительнымъ проявленіемъ широко задуманнаго плана сверженія русскаго владычества въ Ферганѣ.

Свободолюбивое, какъ вообще всѣ народы, населяющіе горы и предгорья, населеніе Ферганы попыталось лишній разъ напрячь свои силы, чтобы освободить себя отъ чего-то тяжелаго, что не укладывалось одновременно съ жизнью мусульманина.

Что же это за цѣпи, которыя пытались сбросить съ себя жители Ферганы; явилось ли это какъ слѣдствіе фанатизма изувѣровъ, или же иныхъ причинъ?

Точно рѣшить эту задачу не представляется возможнымъ; можно лишь подвергнуть анализу обстановку, какъ предшествовавшую, такъ и сопровождавшую андижанскій эпизодъ.

Офиціальное слѣдствіе, произведенное съ цѣлью раскрытія истинной причины возстанія 1898 года, выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно въ фанатизмѣ мусульманъ, имѣющемъ въ своемъ основаніи религіозную нетерпимость къ своимъ повелителямъ—кяфирамъ; тлѣвшій въ населеніи фанатизмъ ждалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы развиться въ пламя. Въ офиціальныхъ дѣлахъ посему андижанская рѣзня ставилась въ исключительную зависимость отъ появленія ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участіе въ этомъ дѣлѣ турецкаго султана и афганскаго эмира, но далѣе этого не шло. Власти, выяснявшія причины этого прискорбнаго эпизода, по упущенію или же умышленно, совсѣмъ исключали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь тамъ, гдѣ для этого есть благопріятная почва.

Слѣдовало бы имѣть гражданское мужество выяснить, не было ли и въ этомъ случаѣ благопріятствующихъ катастрофѣ внутреннихъ обстоятельствъ.

Считаю необходимымъ добавить, что живущіе, или же жившіе болѣе или менѣе продолжительное время въ Средней Азіи русскіе врядъ ли ощущали на себѣ, безъ всякаго повода съ своей стороны, проявленіе фанатизма отъ туземныхъ жителей. Я не говорю о случаяхъ исключительныхъ; фанатики среди туземцевъ Средней Азіи есть, но случаи встрѣчъ съ ними настолько рѣдки и число ихъ такъ невелико, что подобные случаи разсматриваемы какъ обычное явленіе быть не могутъ.

Взглядъ на этотъ вопросъ нашей высшей административной власти получилъ свое объясненіе въ рапортѣ по этому дѣлу командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа на имя военнаго министра въ августѣ 1898 года.

Въ доказательство того, что единственной причиной возникновенія андижанской рѣзни являются фанатизмъ мусульманъ и побочныя причины, исходившія извнѣ нашихъ владѣній въ Туркестанѣ, приводилось слѣдующее: въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 года, имѣлись положительныя свѣдѣнія, что въ Среднюю Азію султаномъ было послано 8 офицеровъ генеральнаго штаба, вѣроятно, съ цѣлью вызвать броженіе туземнаго населенія на религіозной почвѣ въ какихъ-либо политическихъ цѣляхъ.

Офицеры эти найдены не были, а поэтому и посылка ихъ подвержена большому сомнѣнію.

Тамъ же, въ донесеніи командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа говорилось, что со стороны Афганистана, *надо думать* [1]), также производилась агитація; предположеніе это базировалось главнымъ образомъ на донесеніи начальника памирскаго отряда о появленіи въ Ферганѣ трехъ таджиковъ, относительно которыхъ есть *основаніе предполагать* [1]), что они явились въ качествѣ лазутчиковъ и прибыли въ Маргеланъ какъ разъ передъ самымъ нападеніемъ на Андижанъ.

Не трудно видѣть, что эти основанія очень шаткія для того, чтобы допустить въ этомъ дѣлѣ участіе Турціи и Афганистана. Кто эти таджики? Зачѣмъ они пріѣхали? Все это не выяснено.

Далѣе тамъ же, въ подтвержденіе вышеуказанныхъ предположеній, приводилось донесеніе начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, въ февралѣ 1897 года, которое гласило, что въ январѣ того же года изъ Константинополя въ Хиву пріѣзжалъ вліятельный мусульманинъ Сеидъ-Селихъ-Эффенди, привезшій хивинскому хану священные финики и воду; посланецъ останавливался у дяди хана, часто посѣщалъ нашего вассала и получалъ отъ него значительные подарки деньгами и вещами; при опросѣ въ Петро-Александровскѣ посланецъ предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ Константинополя, и сообщилъ, что былъ въ Хивѣ по торговымъ дѣламъ, прожилъ тамъ 28 дней и товару имѣлъ на 800 рублей. Сообщить, какую сумму денегъ имѣетъ при себѣ, отказался, но заявилъ, что въ сундукѣ у него есть значительная сумма.

Кто онъ былъ, этотъ Сеидъ? Дѣйствительно ли посланецъ султана, или, быть можетъ, обыкновенный «хаджи», который, чтобы получить отъ хана подарки, привезъ ему финики и воду изъ колодца «зямзенъ»—обычныя приношенія хаджей? Правда или ложь

---

[1]) Курсивъ нашъ.

его показанія? Обо всемъ этомъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ офиціальныхъ документахъ не имѣется.

Въ томъ же донесеніи туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа совершенно голословно говорилось, что имѣются будто бы и другія свѣдѣнія, что турецкіе эмиссары не только занимались сборомъ пожертвованій въ пользу халифа, но, по слухамъ, иногда занимались пропагандой идеи «газавата»; фактовъ, какъ доказательствъ, къ этому не приводилось.

Въ заключеніе дѣлался выводъ, что, несмотря на всѣ выгоды, которыя даетъ туземцамъ наше господство въ Средней Азіи, едва ли туземное населеніе въ состояніи помириться съ нашимъ владычествомъ и врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ слiянія его въ чувствахъ преданности государю и государству съ остальнымъ народомъ русскимъ.

Заключеніе нѣсколько поспѣшное, не обоснованное и съ большой дозой личнаго предположенія.

Итакъ, казалось бы, что на основаніи сказаннаго мною выше, участіе въ андижанскомъ возстаніи эмиссаровъ мусульманскихъ государствъ можно считать не доказаннымъ, а религіозная нетерпимость мусульманъ къ русскимъ въ данномъ случаѣ являлась скорѣе всего средствомъ, но не цѣлью.

Сдѣлаемъ попытку освѣтить вопросъ о причинахъ андижанскаго и подобныхъ ему возстаній съ другой стороны.

Если внимательно разсмотрѣть исторію отдѣльныхъ мусульманскихъ ханствъ и даже государствъ, то можно увидѣть, что всѣ перевороты, совершавшіеся въ области правленія, внѣшне не выражались въ проведеніи въ жизнь какой-либо глубокой идеи; въ мусульманскихъ владѣніяхъ не было революцій, а были только перевороты съ цѣлью, свергнувъ одного тирана, поставить надъ собой другого, болѣе худшаго. Отсутствіе глубокой идеи въ причинахъ историческихъ переворотовъ восточныхъ мусульманскихъ ханствъ объясняется сравнительно низкимъ уровнемъ культуры мусульманскаго народа, его забитостью и своеобразнымъ духовнымъ міромъ, и въ то время, когда въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ совершались революціи во имя идей равенства, свободы, братства и др., у мусульманъ, при выраженіяхъ протеста, неизмѣнно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывавшее собою всѣ истинныя причины событій. Такимъ образомъ фанатизмъ являлся лишь маской, такъ какъ другой великой, побуждающей къ протесту, силы, кромѣ религіи, въ народѣ не было. Слѣдовательно, фанатизмъ былъ побочной причиной, за которой слѣдовало искать другихъ—истинныхъ причинъ недовольства мусульманъ.

На допросахъ своихъ ишанъ показывалъ, что его постоянно безпокоила сильная порча нравовъ въ народѣ, которая, насколько

можно было понять, выразилась въ развратѣ, пьянствѣ, азартныхъ играхъ, въ ослабленіи семейныхъ началъ и въ разнообразныхъ отступленіяхъ отъ требованій и законовъ шаріата. Замѣчая все это, ишанъ описывалъ подробно положеніе дѣлъ въ Ферганѣ турецкому султану и, скорбя душой, будто бы просилъ его заступничества предъ нашимъ императоромъ о принятіи мѣръ къ возстановленію жизни по шаріату, опасаясь, чтобы уклоненіе отъ сего «не вызвало гнѣва Божія на русскія власти».

Завоевавъ Туркестанъ, русскіе встрѣтили малознакомый имъ міръ—міръ мусульманскій; необходимъ былъ опытный государственный умъ, который далъ бы сразу надлежащее направленіе будущему управленію новымъ краемъ,—управленію строго согласованному съ бытомъ религіей и вѣрованіемъ вновь — покореннаго народа. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, сознавалъ вполнѣ важность подобнаго вопроса и слѣдствіемъ сего явилось положеніе объ управленіи краемъ, введенное въ 1867 году; наименовавъ управленіе края «военно-народнымъ», генералъ Кауфманъ видѣлъ, что русскимъ нѣтъ никакой надобности ломать вѣковые обычаи въ жизни и управленіи мусульманскаго народа, а потому, сохранивъ за русской администраціей лишь высшій контроль по наблюденію въ краѣ русскихъ интересовъ, частности предоставилъ самимъ туземцамъ. Хотя въ его управленіи были тѣ же уѣздные начальники, что и нынѣ, но дѣятельность ихъ опиралась на болѣе прочные устои, чѣмъ теперь; она (т. е. дѣятельность) находила полезную помощь въ административныхъ лицахъ, выбранныхъ изъ надежныхъ туземцевъ, съ хорошими окладами содержанія и съ сохраненіемъ управленія вполнѣ по упрочившемуся вѣками шаріату. Положеніе объ управленіи краемъ генерала Кауфмана, умершаго въ 1882 году, замѣнено было новымъ, и съ этого времени замѣчается полный упадокъ существовавшаго доселѣ порядка; новое положеніе радикально измѣнило существовавшее доселѣ, введя участковыхъ приставовъ, помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ—русскихъ офицеровъ, лишь съ переводчиками при управленіяхъ изъ туземцевъ[1]),—это положеніе совершенно изъяло изъ участія въ управленіи туземный элементъ, передавъ это дѣло исключительно въ русскія руки [2]), а самый общій строй управленія народомъ не отвѣчалъ представленію мусульманъ о власти, которая должна была, по ихъ понятіямъ, совмѣщаться въ одномъ лицѣ, во всѣхъ отношеніяхъ.

При выработкѣ этого положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ русскими властями ошибочно была принята за руководящее

---

[1]) Къ тому же отрицательной нравственности.

[2]) Вѣрнѣе, въ руки переводчиковъ—лицъ большей частью сомнительной нравственности.

основаніе мысль, что шаріатъ въ жизни мусульманъ, которая до мелочей регламентирована этимъ шаріатомъ, является силой, съ которой надобно было бороться. Къ этому присоединилась другая неправильная мысль: въ цѣляхъ наиболѣе быстраго обрусѣнія края, бороться съ мусульманиномъ на почвѣ религіи и принять всѣ усилія къ обращенію мусульманъ въ православіе. Послѣднее признавалось единственнымъ средствомъ къ сліянію побѣжденныхъ съ побѣдителями. Если бы съ самаго начала вопросъ былъ поставленъ правильно: кто лучше для насъ—истинный ли преданный намъ мусульманинъ, или же мусульманинъ оцивилизовавшійся, мусульманинъ-ренегатъ, то этимъ, быть можетъ, были бы устранены всѣ дальнѣйшія столкновенія мусульманъ съ нашей административной властью въ краѣ. Быть можетъ, генералъ Кауфманъ былъ правъ, выставляя себя врагомъ того, чтобы туземцы Туркестана принимали православіе.

Въ опроверженіе моихъ словъ могутъ возразить, что мусульманство, имѣя въ своемъ корнѣ ученіе борьбы съ невѣрными, являлось для насъ элементомъ крайне вреднымъ, съ которымъ необходимо было бороться, ограничивать его распространеніе и стремиться къ постепенному сліянію мусульманства съ русской народностью при посредствѣ именно религіи. Въ опроверженіе этого можно представить то, что у насъ въ арміи до настоящаго времени состоятъ на службѣ офицеры-мусульмане, слѣдовательно, по своей религіи, обязаны войной съ невѣрными, т. е. съ русскими, въ рядахъ которыхъ они служатъ; между тѣмъ никому въ голову не придетъ заподозрѣть ихъ въ какой-либо ненадежности, исповѣдываніе же ими мусульманства можетъ послужить только лучшимъ доказательствомъ того, что на этихъ людей можно вполнѣ положиться, такъ какъ кто измѣняетъ религіи, для того ничего нѣтъ болѣе, чему бы онъ не измѣнилъ.

Наконецъ, чѣмъ объяснить заявленіе генералъ-адъютанта Кауфмана въ проектѣ своего всеподданнѣйшаго отчета, что населеніе средне-азіатскихъ ханствъ приходится сдерживать отъ слишкомъ сильнаго тяготѣнія къ намъ? Чѣмъ объяснить донесеніе нашего императорскаго консула въ Кашгарѣ, что тамошніе мусульмане удивляются безумію жителей Ферганы, возставшихъ противъ власти, давшей имъ спокойствіе и благосостояніе? Чѣмъ наконецъ объяснить свидѣтельства о тяготѣніи къ намъ афганскаго Туркестана и Бадахшана? Развѣ это не тѣ же мусульмане, знающіе, что они симпатизируютъ невѣрнымъ-кяфирамъ вопреки своей религіи, повелѣвающей нещадно избивать невѣрныхъ для распространенія ислама. Нѣтъ? Корень недоразумѣній лежитъ глубже и ограничиваться, при изысканіи причинъ къ обоюднымъ недоразумѣніямъ, поверхностнымъ-фанатизмомъ, это значитъ никогда не узнать истинныхъ причинъ и не устранить ихъ, а въ будущемъ предоставить

законную почву для повторенія эпизодовъ, подобныхъ андижанской катастрофѣ. Наконецъ, самое сліяніе вновь завоеванныхъ мусульманскихъ областей съ русскими могло быть совершено, но для этого потребны были не десятилѣтія, а болѣе продолжительный срокъ, и исторія доказываетъ, насколько гибельны бываютъ стремленія людей произвести въ кратчайшій срокъ коренныя реформы тамъ, гдѣ принятый образъ правленія образовывался вѣками.

Я не считаю себя лицомъ компетентнымъ въ такихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, какъ выработка наиболѣе цѣлесообразнаго управленія Туркестанскимъ краемъ; я только задаюсь мыслью, дѣйствительно ли одинъ фанатизмъ мусульманъ былъ причиной во всѣхъ туркестанскихъ неурядицахъ, или же здѣсь крылись причины, исходящія непосредственно отъ насъ.

Ставъ при оцѣнкѣ андижанскаго событія на нѣсколько иную точку зрѣнія, можно допустить, что наша администрація, которая одна почти понесла всѣ укоры за происшедшее, если и виновата въ чемъ-либо, то наименѣе всего въ томъ, что не предупредила андижанской катастрофы.

За происшедшее понесъ суровую кару бывшій въ то время ферганскимъ губернаторомъ генералъ Повало-Швейковскій.

Высшая административная власть въ краѣ, обозрѣвая дѣятельность губернатора въ излагаемомъ событіи, именно поставила ему въ вину, что генераломъ не была своевременно замѣчена и предупреждена подготовка возстанія, занявшая, повидимому, предварительно много времени.

Кажется, что если этотъ упрекъ и справедливъ, то не только по отношенію къ одному генералу Повало-Швейковскому. Въ докладѣ по сему генералъ Повало-Швейковскій выставлялся: совершенно незнакомымъ съ мусульманствомъ, по невыдержанному своему характеру не подходящимъ для трудной роли губернатора и др. Оказалось, что пятилѣтняя дѣятельность Повало-Швейковскаго съ его безтактными отношеніями къ главнымъ сотрудникамъ, особенно къ уѣзднымъ начальникамъ, *намѣренно и явно* [1]) передъ населеніемъ дискредитированнымъ въ ихъ власти, постепенно растворяла двери движенію мусульманскихъ народовъ. Въ заключеніе даже ходатайствовалось объ объявленіи Повало-Швейковскому, уже уволенному отъ службы, высочайшаго выговора въ приказѣ по военному вѣдомству. Идя ниже, строго разбирались дѣйствія въ данномъ событіи уѣздныхъ начальниковъ и одного изъ нихъ, въ наказаніе, предлагали даже перевести въ строй на соотвѣтствующую его чину должность. Вотъ до чего доходило увлеченіе въ желаніи возможно точнѣе опредѣлить причины происшедшей катастрофы. Между тѣмъ несомнѣнно было дознано, что предупрежде-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

нія о готовящемся возстаніи администрація не получала по причинѣ строгой тайны, въ которой держались всѣ приготовленія; эти предупрежденія были получены лишь наканунѣ 17 мая; если бы не нѣкоторыя несчастныя обстоятельства, о которыхъ упоминать я здѣсь не буду, можно было бы, несмотря и на такое позднее предупрежденіе, предотвратить катастрофу. Во всякомъ случаѣ, благодаря распорядительности уѣзднаго начальника, не состоялось нападеніе на Ошъ. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что броженія туземнаго элемента и его ненадежность были не новостью, и слухи, сопровождаемые донесеніями, получались часто, но почти всегда эти слухи оставались лишь слухами; точно также и въ этомъ случаѣ никто не предполагалъ, чтобы этотъ миѳъ перешелъ въ дѣйствительность.

Нельзя сильно винить нашу администрацію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи массу обязанностей и ничтожныя средствъ, мало знакомую съ бытомъ и внутреннимъ міромъ туземнаго населенія.

Но тогда почему же не назначить въ составъ администраціи людей знающихъ, опытныхъ?

Трудно добыть то, чего нѣтъ! Нѣтъ у насъ людей, знающихъ хорошо духовный міръ мусульманина; мало администраторовъ, пригодныхъ для совершенно (увы!) невѣдомаго намъ Туркестана.

С. Т—овъ.

ПО РУССКОЙ БУКОВИНѢ.

(Путевой набросокъ).

> **Ты знаешь край, гдѣ...**
> **Среди садовъ деревья гнутся долу**
> **И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?**
>
> **А. Толстой.**

I.

Поѣздка въ городъ. — Хотинъ. — Встрѣча. — Дорога отъ Хотина въ село Недобоуцы.—Буковина.—Занятія буковинскаго населенія.

ОБЫКНОВЕННО я каждый годъ пріѣзжаю въ сѣверную Бессарабію и въ теченіе нѣкотораго времени живу въ ней.

Въ послѣднее пребываніе мнѣ понадобилось съѣздить изъ подгороднаго села въ пограничное мѣстечко Новоселицу. Такъ какъ пора была страдная, то достать лошадей нельзя было ни за какія деньги. Каждый спѣшилъ съ уборкой своего хлѣба. Куда я ни обращался, вездѣ встрѣчалъ неутѣшительный отказъ. Но и помимо горячаго рабочаго времени, мѣстные русины народъ вообще довольно тяжелый на подъемъ. Порою иной изъ нихъ предпочтетъ проваляться у себя безъ дѣла цѣлый день, а не согласится на поѣздку, особенно дальнюю. Если же выразитъ готовность поѣхать, то заломитъ такую цѣну, что только руками разведешь. И удивительно! Объяснить это отсутствіемъ нужды въ случайномъ заработкѣ нельзя уже потому, что тотъ, кто отказывается, продолжаетъ нерѣдко у себя дома философски

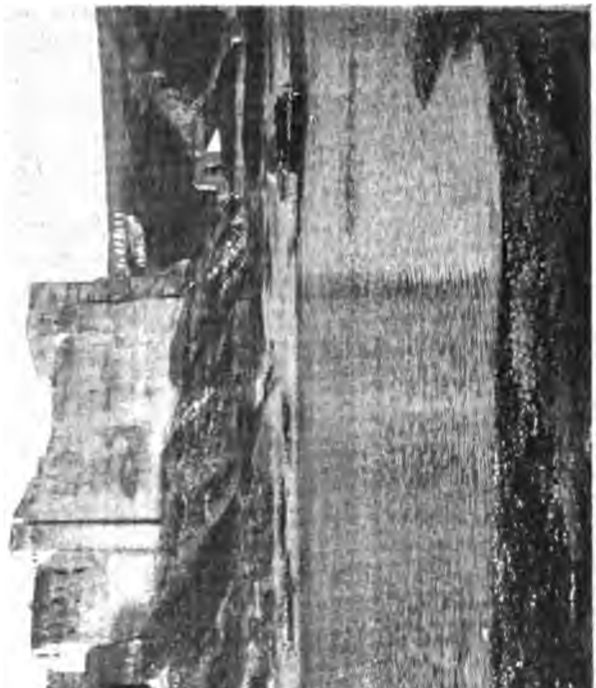
жевать одинъ черствый хлѣбъ или ѣсть въ дырявой, подбитой вѣтромъ, хатѣ прогорклую мамалыгу съ кислыми огурцами. Занятіе извозомъ среди нихъ не въ ходу. На все сравнительно немалое село наберется едва десятокъ человѣкъ, промышляющихъ между дѣломъ перевозкой товаровъ или случайными поѣздками по найму.

Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ отправиться въ близлежащій Хотинъ и ужъ оттуда добраться до Новоселицы. Это не представляло особаго затрудненія, и приблизительно черезъ часъ я былъ въ городѣ.

Хотинъ, или по мѣстному мягкому народному выговору—Хотинь, теперешній главный административный и наиболѣе оживленный торговый пунктъ уѣзда, является городомъ съ выдающимся прошлымъ и весьма жалкимъ настоящимъ. Когда-то за обладаніе имъ пролилось немало крови. Въ эпоху турецкаго господства Хотинъ былъ даже красивымъ городомъ. Въ немъ были прекрасныя зданія, удобныя мостовыя и роскошные сады. Теперь же отъ прошлаго, кромѣ руинъ когда-то сильной крѣпости, не осталось и слѣда. Хорошихъ зданій и богатыхъ магазиновъ въ немъ почти нѣтъ. Центръ города, гдѣ главный нервъ жизни, представляетъ въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи нѣчто невозможное. Какихъ-нибудь современныхъ удобствъ и обычныхъ аттрибутовъ порядочнаго по нынѣшнимъ временамъ города, въ родѣ приличнаго освѣщенія, хорошихъ мостовыхъ, театра и т. п., въ немъ и помина нѣтъ. Трудно разсчитывать, чтобы всего этого Хотинъ скоро дождался. Для этого, по крайней мѣрѣ сейчасъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Пріѣхавъ въ городъ и отпустивъ обратно домой привезшаго меня возницу, я сначала сходилъ въ почтовую контору за корреспонденціей, которая получалась въ ней на мое имя. Мнѣ выдали письмо и нѣсколько нумеровъ газеты. Изъ почтовой конторы я рѣшилъ пойти къ содержателю земской почты или, въ случаѣ невозможности достать у него лошадей, на мѣстную извозчичью биржу. Когда я проходилъ мимо костела, со мной столкнулся господинъ выше средняго роста, въ круглой соломенной шляпѣ и съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ уходилъ отъ кого-то. Одѣтъ онъ былъ въ легкую лѣтнюю пару песочнаго цвѣта, ловко обхватывавшую его корпусъ. Черты лица его были мнѣ отчасти знакомы, но гдѣ и когда я видѣлъ или знавалъ этого господина, я сразу никакъ не могъ сообразить. Съ своей стороны и онъ, повидимому, былъ пораженъ нечаянной встрѣчей, но, имѣя память лучшую, чѣмъ я, безъ труда меня призналъ и тотчасъ остановился. Видя мои безуспѣшныя потуги вспомнить его фамилію, онъ назвалъ себя.

Мы дружески пожали руки.



Видъ Хотинской крѣпости со стороны Днѣстра.

Оказалось, что встрѣтившійся со мной человѣкъ былъ когда-то моимъ хорошимъ знакомымъ по Варшавѣ. Одно время я часто съ нимъ встрѣчался въ знакомомъ семействѣ. Затѣмъ онъ исчезъ съ моего горизонта. Говорили, что онъ перешелъ на службу въ Бессарабію, но объ этомъ я между прочимъ успѣлъ позабыть.

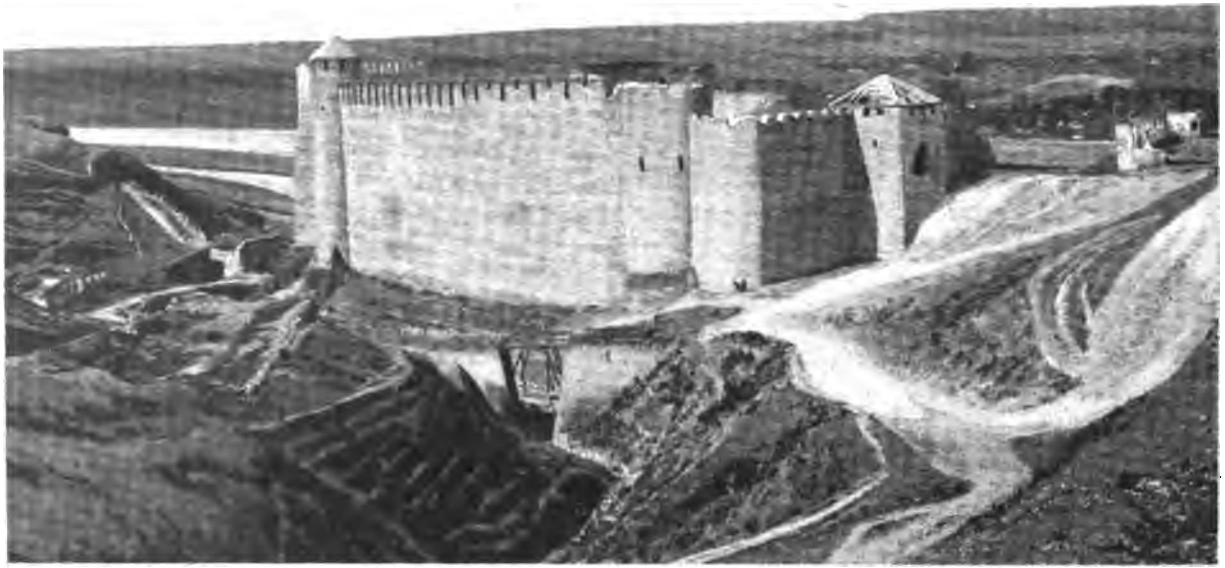
Мы разговорились. Я, какъ водится, сталъ разспрашивать С., какъ ему живется. поддерживаетъ ли онъ связи съ общими нашими знакомыми, служитъ ли и т. п. На его разспросы, я въ свою очередь сообщилъ кое-что о себѣ. Узнавъ изъ моихъ словъ, что я пріѣхалъ въ Хотинъ съ тѣмъ, чтобы нанять лошадей въ Новоселицу, С. съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вы ѣдете въ Новоселицу?! Но и я сейчасъ ѣду туда же! Вѣдь я забылъ сказать, что въ ней живу. До встрѣчи съ вами я спѣшилъ на почту, чтобы отправить депешу, и разсчитывалъ тотчасъ же выѣхать. По-моему, вамъ не зачѣмъ тащиться на извозчичьихъ лошадяхъ, когда у меня есть свои. Такъ какъ я одинъ, то ѣдемте вмѣстѣ: не такъ будетъ скучно. Только...—вдругъ запнулся онъ:—мнѣ по дорогѣ придется на нѣкоторое время завернуть въ Буковину, въ село Грозинцы, а вы, чего добраго, торопитесь?

Въ годы ученія мнѣ неоднократно приходилось бывать въ русской Буковинѣ. Этотъ небольшой край лежитъ въ сѣверной Бессарабіи, почти на самой границѣ трехъ государствъ: Россіи, Австріи и Румыніи, въ холмистой и даже гористой мѣстности. Подобно прилегающей къ нему части Австріи, онъ представляетъ въ Россіи полосу довольно захолустную. Такой характеръ Буковины зависитъ отъ того, что находится она далеко въ сторонѣ отъ бойкихъ торгово-промышленныхъ центровъ, обыкновенно оживляющихъ мѣстность. Лишь сравнительно недавно появилась въ этой части Бессарабіи желѣзная дорога, да и то она выстроена была больше по стратегическимъ соображеніемъ. Пока же Новоселицкая вѣтвь не была проведена, это было въ буквальномъ смыслѣ слова медвѣжье захолустье, такъ какъ до ближайшей русской желѣзно-дорожной станціи было больше сотни верстъ.

Русская Буковина примыкаетъ къ австрійской провинціи съ тѣмъ же названіемъ. До 1775 года она съ послѣдней составляла одно неразрывное цѣлое. Самовольный захватъ Австріей Буковины отъ Молдавіи раздѣлилъ политически и этнографически однородную страну на двѣ неравныя части. Значительно меньшая досталась Россіи въ 1812 году по Бухарестскому миру, когда была присоединена къ Россіи и вся Бессарабія.

Протекшія послѣ этого раздѣла болѣе чѣмъ сто лѣтъ хотя сдѣлали свое дѣло, измѣнивъ до извѣстной степени физіономію края, однако старинныя традиціи, природа, бытъ и нравы населенія во многомъ остались прежними, буковинскими, такими же, какими отличается и прилегающая къ ней австрійская сторона.



Видъ Хотинской крѣпости съ бессарабской стороны.

Со времени моего послѣдняго посѣщенія Буковины прошло около восьми лѣтъ. «Отчего не проѣхаться снова по этому живописному уголку Хотинскаго уѣзда и притомъ въ обществѣ такого обязательнаго и добраго знакомаго, какъ С..?» подумалъ я. Торопиться меня ничто не заставляло, и на предложенный собесѣдникомъ вопросъ я отвѣтилъ, что дѣло мое не спѣшное, и я съ удовольствіемъ и благодарностью готовъ воспользоваться его предложеніемъ.

— Вотъ и прекрасно!—замѣтилъ С.—Можетъ быть, у васъ есть еще какія-нибудь дѣла въ городѣ?—спросилъ онъ меня.

— Рѣшительно никакихъ,—отвѣтилъ я.

— Если такъ, то какъ только я раздѣлаюсь съ почтой, мы тотчасъ поѣдемъ.

Контора, которую до встрѣчи съ С. я только что оставилъ, была отъ насъ въ двухъ шагахъ. Я вернулся съ нимъ обратно, и черезъ минутъ пять мы вышли изъ нея и затѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ остановился мой спутникъ и гдѣ были его лошади. Она находилась вблизи бульвара и носила громкое названіе «Портъ-Артуръ», данное ей хозяиномъ въ разгаръ русско-японской войны, когда пошла мода на разныя имена, имѣвшія отношеніе къ этой войнѣ.

Черезъ ворота мы вошли во дворъ, дурно вымощенный неровнымъ камнемъ. Середину его занималъ колодецъ. Подлѣ деревяннаго забора сиротливо жалась куча камней, и протянулись три большія бревна, на одномъ изъ которыхъ валялось какое-то тряпье. Въ глубинѣ двора возвышалась лѣстница, приставленная къ надстройкѣ, отведенной для склада сѣна.

Приведя меня въ свой номеръ, С. тотчасъ оставилъ комнату и пошелъ распорядиться насчетъ лошадей.

Номеръ представлялъ небольшую четырехугольную комнату съ стѣнами, разукрашенными блѣдно-сѣрыми цвѣточками. На одной изъ нихъ висѣло ободранное зеркало, все усѣянное мелкими черными точками—слѣдами мухъ, на другой было объявленіе компаніи Зингеръ съ аляповатымъ изображеніемъ улыбающагося малоросса посрединѣ. Меблировка комнаты вообще была неказиста. Противъ зеркала стоялъ столъ, покрытый ветхой красной скатертью съ синими полосками, на которомъ были два пустыхъ подсвѣчника и пепельница. Въ лѣвомъ углу отъ входа раскинулась широкая кровать съ матрацомъ подозрительной свѣжести, а въ правомъ—находились: высокая нескладная оттоманка, ломберный столъ и нѣсколько стульевъ съ вздутыми, дырявыми, грязными сидѣніями. Противъ окна помѣщался письменный столъ. На его зеленомъ, выцвѣтшемъ сукнѣ было изображеніе сапога, сдѣланное синимъ карандашомъ рукою скучающаго постояльца.

Изъ окна открывался непривѣтливый видъ на часть двора гостиницы. Взоръ затѣмъ упирался въ чахлыя деревья бульвара

Турецкій минаретъ въ Хотинской крѣпости.

и стѣны кондитерской, на одной изъ которыхъ по красному полю было крупными буквами написано: «Кондитерская Соломона Капа. Принимаются заказы на торты, мороженое, желе и проч.». Въ уголку, пониже, виднѣлась маленькая вывѣска. На синемъ фонѣ ея я съ трудомъ разобралъ: «Каменецкія колбасы». Внизу темнѣлись какія-то неясныя буквы.

Мои наблюденія были прерваны появленіемъ С., который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ успѣлъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія.

Отъѣзда не пришлось долго ждать. Когда лошади были приготовлены и вещи С. вынесены и уложены (я былъ безъ всякаго багажа), когда прислуга гостиницы получила свою обыкновенную съ русскаго обывателя дань, мы вышли, усѣлись въ широчайшія дрожки и мимо казначейства, черезъ обширную городскую площадь, на которой по понедѣльникамъ, въ день ярмарки, кишмя кишитъ народъ, выѣхали изъ Хотина.

Чтобы попасть изъ Хотина въ Новоселицу, обыкновенно ѣдутъ сначала въ село Недобоуцы (первое буковинское село, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое село на пути), а оттуда направляются большой дорогой мимо Керстинецъ черезъ села: Диноуцы и Строинцы прямо въ мѣстечко. На этотъ разъ намъ предстоялъ нѣсколько иной маршрутъ. Необходимо было доѣхать только до Недобоуцъ, оттуда же оставивъ въ сторонѣ новоселицкій трактъ, мы должны были, прежде, чѣмъ очутиться въ Новоселицѣ, проѣхать всю центральную Буковину, состоящую изъ десяти большихъ селъ.

Тотчасъ за Хотиномъ дорога вообще довольно однообразна. Съ одной стороны ея, кромѣ широкаго простора полей, далеко уходящихъ къ горизонту или скрывающихся за небольшими возвышенностями, ничего не видно; съ другой—въ отдаленіи тянется съ небольшими перерывами темно-зеленая масса лѣса, въ которую, словно клиномъ, врѣзываются крайніе дома неподалеку лежащаго большого села Рукшина. Всего села не видно; оно прячется гдѣ-то въ сторонѣ. Мелькаютъ лишь крайніе его дома да близлежащая роща.

Отъ Хотина до Недобоуцъ двѣнадцать верстъ. Въ будній день ѣхать скучно: кругомъ сѣро и тихо; ни видовъ, ни оживленія. Медленно плетется одинокая согнувшаяся фигура да дребезжатъ колеса расшатаннаго тарантаса, или проскрипитъ нагруженная доверху кладью мѣстная арба. Не то въ воскресенье или понедѣльникъ, когда въ городѣ ярмарка. Всюду жизнь и движеніе. Даже придорожные обглоданные и поблеклые стебли кукурузы и тѣ словно оживаютъ.

Такъ какъ мы выѣхали въ воскресный день, то дорога почти сплошь была покрыта, точно муравьями, движущимися повозками русиновъ, то направляющихся въ городъ, то возвращающихся

изъ него. Среди русиновъ встрѣчались и молдаване, это тѣ, которые живутъ поближе къ Хотину. Неопытный взглядъ не сразу сумѣетъ отличить по внѣшности потомка даковъ отъ славянина-русина. Одѣяніе у того и другого въ общемъ сходно: высокая овечья шапка или соломенная, собственной выдѣлки, шляпа да длинная бѣлая полотняная сорочка съ широкими рукавами поверхъ узкихъ бѣлыхъ полотняныхъ штановъ. Все это одинаково и у того и другого. Но существующаго отличія не замѣтитъ только незнакомый съ краемъ, впервые въ него попавшій. На самомъ дѣлѣ оно есть. Вотъ мимо насъ ѣдетъ высокій, стройный, несмотря на лѣта, крестьянинъ. На головѣ у него соломенная шляпа. Лицо, съ бритою бородою, открытое и энергичное. По плечамъ раскинулись уже рѣдко встрѣчающіеся длинные волосы—патли. Длинная бѣлая рубаха у пояса стянута широкимъ кожанымъ «чересомъ». На ногахъ, тоже рѣдкіе теперь, тяжелые черевики съ желтыми кистями спереди и сзади наподобіе тѣхъ, какіе носятъ русины въ австрійской Буковинѣ.

Это и есть бессарабскій русинъ-буковинецъ. Позади него въ глубокой повозкѣ, поджавши ноги, сидятъ двѣ женщины: мать и дочь. Первая, съ продолговатымъ лицомъ, держитъ новую соломенную корзину съ покупками. Сразу при взглядѣ на нее чувствуется, что въ ея одѣяніи есть что-то ее безобразящее. Гляжу на головной уборъ, и все становится понятнымъ. Онъ замысловатъ, съ разными тонкостями, но некрасивъ. Представьте себѣ продолговатый четвероугольникъ изъ длиннаго, бѣлаго, съ мелкими узорами, полотенца, плотно окутывающаго голову, кромѣ лица, — и вы получите нѣкоторое понятіе объ этомъ уборѣ. Одна сторона его прикрываетъ переднюю верхнюю часть кофты и бѣлой рубашки. Въ уборѣ что-то восточное. Отъ пояса до пятокъ на женщинѣ широкій кусокъ шерстяной матеріи—«горботка»,—подпоясанный цвѣтными узенькими шерстяными «баюрами». У дочери бѣлое лицо съ черными бровями и тонкими губами, точь-въ-точь какъ поется въ одной русинской пѣснѣ:

Файна дивка кучерява,
Файна, Файна, гарно робы,
Бо за нею Иванъ ходы:
Биле лычко, чорни бровы
Тонки губы до розмовы

Голова ея покрыта яркимъ, желтымъ платкомъ. На шеѣ, чуть не до самаго пояса, висятъ бусы съ маленькимъ крестикомъ посрединѣ. Вмѣсто «горботки» на ней широкая, некрасивая юбка.

Буковинецъ искусно правитъ парой сытыхъ лошадокъ и, стегнувши ихъ короткимъ кнутомъ, обгоняетъ «каруцу» медленно ѣдущаго молдаванина, національность котораго, помимо тяжело-

медлительныхъ движеній, изобличаютъ ярко-красный поясъ поверхъ рубахи да крѣпкая, выразительная молдавская брань, срывающаяся съ его устъ по адресу лѣниво передвигающихъ ногами гнѣдыхъ лошадей.

Чѣмъ ближе къ Недобоуцамъ, тѣмъ ѣхать становится хуже, но зато виды веселѣе. Одинъ холмъ смѣняется другимъ. Въ землѣ много мелкаго камня, задерживающаго ѣзду. По сторонамъ, за неуклюжимъ зданіемъ бывшаго постоялаго двора, прежде «Недобоевскаго ратуша», на мѣстѣ котораго появился хуторъ, много сложеннаго въ квадраты камня, который добываютъ изъ земли тутъ же на мѣстѣ. Дорога развѣтвляется. Мы продолжаемъ ѣхать по широкой, хорошо укатанной; узенькая сворачиваетъ влѣво, въ сосѣднее историческое село Ставчаны, гдѣ два столѣтія тому назадъ Минихъ разбилъ на голову турокъ. Село лежитъ въ долинѣ, и его не видимъ.

Впереди, на высокомъ холмѣ, на который взбираемся незамѣтно, столпилось восемь игрушечныхъ вѣтряныхъ мельницъ, похожихъ издали со своими выдавшимися въ сторону боками на восемь исполиновъ, несущихъ подъ мышками небольшіе предметы. Двѣ лѣниво, словно усталыя, ворочаютъ своими ободранными на концахъ крыльями. Шесть меланхолично и задумчиво смотрятъ на нихъ.

Подъѣзжаемъ къ спуску. Съ него открывается широкій видъ на окрестности: съ лѣвой стороны дороги виднѣется внизу изрытое зеленѣющими холмами и низкими долинами одно необъятное поле, по которому узенькой лентой сперва внизъ, а затѣмъ въ гору, такъ называемую «Керстинецкую», змѣится дорога; съ правой—по громадной покатости, далеко уходящей впередъ и пропадающей въ синевѣ, тянется непрерывная цѣпь селъ, возлѣ одного изъ которыхъ заводскія трубы и сбившіяся строенія — это Буковина.

Въ сторонѣ Буковины сплошной лѣсъ деревьевъ, но это на самомъ дѣлѣ не лѣсъ, а громадное множество садовъ, большихъ и малыхъ, молодыхъ и старыхъ, слившихся въ одно безграничное море зелени, въ которой то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ мелькаютъ опрятныя, словно принарядившіяся къ празднику, русинскія мазанки.

По неудобному спуску, посрединѣ котораго убитая камнемъ дорога, а по сторонамъ рытвины и ухабы, мы въѣхали въ село. Возлѣ третьей отъ въѣзда избы, передъ окнами которой вбитъ низкій столбъ съ колоколомъ, вижу стоящаго солдата, одѣтаго въ форму пограничной стражи. Онъ разсѣяннымъ взглядомъ смотритъ на дорогу. Оказывается, здѣсь наблюдательный пунктъ второй пограничной линіи. Первую линію составляетъ самая граница, до которой еще не близко. Эту линію охраняетъ отъ кор-

дона до кордона цѣпь солдатъ. Вторая отодвинута нѣсколько въ глубь уѣзда, въ села, лежащія по новоселицкому тракту. Здѣсь отъ поры до времени производится солдатами обыскъ подозрительныхъ пассажировъ. Этой непріятной процедурѣ подвергаются чаще всего пассажиры, ѣдущіе на балагулахъ, своеобразный звонъ бубенчиковъ которыхъ всегда заставляетъ настораживаться солдатъ. Такія балагулы бываютъ постоянно биткомъ набиты про-

Русинскій домъ въ с. Клишковцахъ.

ѣзжающими по торговымъ и другимъ дѣламъ изъ Хотина въ Новоселицу и обратно.

Ѣдемъ дальше. Дорога опять раздваивается: одна сворачиваетъ на Новоселицу, другая ведетъ уже прямо въ Буковину черезъ весь длинный рядъ селъ. Нашъ кучеръ выбираетъ послѣднюю.

Среди деревьевъ, то у самой дороги, то вблизи ея, стоятъ бѣлыя хаты, каждая совершенно обособленно одна отъ другой. Всѣ онѣ чрезвычайно похожи одна на другую. Вотъ у самой дороги одиноко стоитъ хата средней величины. Верхъ ея камышевый. На крышѣ дымовая труба. По общему устройству и по расположенію оконъ видно, что въ домѣ двѣ комнаты: одна большая, другая меньшая. Между той и другой виднѣются сѣни. Кругомъ хаты, на длинныхъ висячихъ шестахъ, подъ самой крышей, навѣшаны какія-то гирлянды. Присматриваясь тщательнѣе, видимъ, что гирлянды состоятъ изъ сплетенныхъ близко одна къ другой головокъ чесноку.

Чеснокъ послѣ садоводства наиболѣе характеризуетъ буковинскую промышленность. Не даромъ на югѣ Бессарабіи буковинцевъ въ насмѣшку называютъ «чеснокарями». Чеснокъ разводится въ Буковинѣ въ большомъ количествѣ и не только на огородахъ, но даже на поляхъ. Идетъ онъ въ пищу, но главное его значеніе торгово-промышленное. Предпріимчивый буковинецъ не ограничивается тѣмъ, что сбываетъ его въ близлежащихъ торговыхъ пунктахъ. Нагрузивъ чеснокомъ доверху свою телѣгу, онъ отправляется на далекій югъ и иногда въ своихъ разъѣздахъ достигаетъ даже Херсонской губерніи.

Поѣздки съ чеснокомъ, для его продажи, случается, соединяются съ тѣмъ буковинскимъ отхожимъ промысломъ, который извѣстенъ подъ именемъ «фалечъ». «Фальчи» состоятъ въ слѣдующемъ. Русины-бѣдняки, по большей части взявши, при посредствѣ спеціально занимающихся этимъ лицъ, авансомъ деньги у какого-нибудь бессарабскаго землевладѣльца-южанина, обязываются за это лѣтомъ убрать извѣстное количество пахотной земли, или скосить нѣсколько «фалечъ», т. е. участковъ земли. Съ этой цѣлью они, соединяясь въ небольшія артели, въ своихъ крытыхъ повозкахъ, напоминающихъ кибитки, предъ наступленіемъ страдной поры, тянутся длинными вереницами съ крайняго сѣвера Бессарабіи на югъ, употребляя на эти переѣзды изрядное количество времени.

Интересно бываетъ понаблюдать остановку на ночлегъ этихъ артелей гдѣ-нибудь въ открытомъ полѣ возлѣ постоялаго двора, такъ какъ внутрь его «фальчевники» никогда не забираются; это имъ не по карману, да и не вызывается необходимостью; поѣздки совершаются въ теплое лѣтнее время, когда ночлегъ подъ открытымъ небомъ, на свѣжемъ воздухѣ, несравненно пріятнѣй шести-семичасового пребыванія въ грязномъ и душномъ постояломъ дворѣ; къ тому же всѣ они со своими повозками даже не помѣстились бы внутри двора. Разбиваясь на мелкія группы, «фальчевники» разводятъ костеръ, на которомъ готовятъ всегдашнее вечернее блюдо простолюдина-бессарабца—мамалыгу, уничтожаемую вмѣстѣ съ чеснокомъ въ видѣ особо приготовленнаго блюда «саламахи» или же съ овечьимъ сыромъ, брындзой. Спятъ тутъ же, у повозокъ, на голой землѣ, даже въ дождливую пору. Въ такомъ обозѣ есть что-то старинное, чумацкое. Для полноты картины недостаетъ только чумацкихъ воловъ, которыхъ буковинцы и другіе русины для такихъ дальнихъ поѣздокъ никогда не берутъ, замѣняя ихъ лошадьми. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя этотъ уходъ на косовицу мало имѣетъ въ себѣ соблазнительнаго, отвлекая «фальчевниковъ» во время уборки хлѣба отъ собственнаго хозяйства, и нерѣдко сопровождается явной эксплоатаціей рабочаго труда буковинцевъ, однако онъ все же является подспорьемъ

для бѣднаго люда, для котораго малоземелье и даже, что совсѣмъ не рѣдкость, полное безземелье служитъ настоящимъ бичомъ, заставляющимъ хвататься за всякое болѣе или менѣе сподручное занятіе.

Земли у буковинскихъ крестьянъ совсѣмъ мало. Большая часть ея въ рукахъ разныхъ частныхъ владѣльцевъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ это ни странно, въ рукахъ заграничныхъ монастырей. А между тѣмъ спросъ на землю, при увеличивающемся съ годами количествѣ населенія, прогресивно растетъ. Аренда ея, благодаря искусственнымъ пріемамъ разныхъ мѣстныхъ спекуляторовъ, тяжела. Отсюда вѣчное недовольство и жалобы крестьянъ на недостаточность земли.

Старинный русинскій домъ въ с. Клишковцахъ.

Не взирая на острый характеръ аграрнаго вопроса, крестьянскихъ безпорядковъ въ Буковинѣ не было, хотя возникновенію волненій, помимо указаннаго, немало могло способствовать то, что народъ здѣсь вовсе не тихій и спокойный и нрава далеко не такого кроткаго, какъ въ остальной Бессарабіи. По единодушному отзыву всѣхъ сосѣдей, буковинцы первые забіяки и буяны на всю округу. Безъ сомнѣнія, волненія произошли бы, да, собственно говоря, они уже и зачинались, если бы своевременно не были приняты мѣры. Какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ Буковинѣ существовало глухое броженіе, вскормленное малоземельемъ и уси-

ливаемое буйнымъ характеромъ населенія. Въ посторонней агитаціи, сыгравшей, къ слову сказать, видную роль въ крестьянскихъ волненіяхъ, въ Буковинѣ нужды не было: она сама взяла на себя роль агитатора въ отношеніи своихъ сосѣдей. На ярмаркахъ и другихъ крестьянскихъ сборищахъ буковинцы произносили зажигательныя и возбуждающія противъ пановъ и начальства рѣчи. Встрѣчаясь въ Хотинѣ на ярмаркахъ съ крестьянами сосѣдней Подольской губерніи, они и тѣхъ вооружали противъ помѣщиковъ и уговаривали дѣйствовать за одно, грозя въ противномъ случаѣ тѣмъ, что будутъ палить и разорять ихъ имущество. А каково въ ту пору было отношеніе ихъ къ начальству, можно судить по слѣдующему случаю, имѣвшему мѣсто въ Хотинѣ, о которомъ мнѣ повѣдалъ мой спутникъ.

На ярмарочной площади въ одинъ изъ понедѣльниковъ, когда въ городъ собираются сотни крестьянъ, у какого-то буковинскаго запаснаго солдата, вернувшагося съ послѣдней войны, возникъ споръ съ мѣщанкой, продававшей хлѣбъ. Въ споръ, съ цѣлью водворенія порядка, сунула носъ полиція въ лицѣ близъ стоявшаго городового, но грубо. Толпа крестьянъ, главнымъ образомъ буковинцевъ, образовавшаяся вокругъ споривших, прогнала городового. Но на помощь ему явились другіе полицейскіе съ надзирателемъ во главѣ. Между крестьянами и полиціей произошла драка, окончившаяся пораженіемъ и избіеніемъ блюстителей порядка и въ томъ числѣ полицейскаго надзирателя. Дали знать помощнику исправника. Явился съ нѣсколькими десятками стражниковъ и помощникъ исправника. Онъ приказалъ толпѣ расходиться. Куда тамъ. Послѣдняя стала расти, напирать на стражниковъ и осыпать полицію и помощника исправника бранью. По приказанію послѣдняго, стражники приняли боевой видъ, но въ нихъ полетѣли камни, а когда они сдѣлали попытку окружить особенно бунтовавшихъ, толпа вооружилась чѣмъ только могла и заставила ихъ отступить. Видя форменный бунтъ, помощникъ исправника обратился въ бѣгство, а его примѣру послѣдовали и всѣ остальные чины полиціи.

Нужно было такимъ образомъ ждать лишь какого-нибудь толчка извнѣ для того, чтобы тлѣвшія искры разгорѣлись огнемъ. Хотя въ Буковинѣ знали, что крестьянство въ Россіи волнуется, но самыя волненія происходили гдѣ-то далеко; до буковинцевъ достигали лишь слабые ихъ раскаты. Начинать самимъ бунтъ казалось опаснымъ. Но вотъ вспыхнуло крестьянское движеніе въ Румыніи, соприкасающейся съ Бессарабіей и находящейся, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ Буковины. Послѣдняя, долго крѣпившаяся, наконецъ не выдержала, и первая на сѣверѣ Бессарабіи сдѣлала попытку произвести безпорядки, которые начались по сосѣдству съ Зарожанской экономіей и въ селѣ Клишковцахъ.

Мѣстечко Новоселица.

Начальство, уже бывшее насторожѣ и богатое въ дѣлѣ подавленія волненій чужимъ опытомъ, такъ какъ въ самой Бессарабіи крестьянскаго движенія почти не было, тотчасъ нагрянуло. Изъ Кишинева пріѣхалъ губернаторъ, появилось и войско. Всѣ немедленно присмирѣли, такъ какъ хорошо поняли, что разыграться страстямъ не дадутъ. Благодаря такимъ образомъ во время принятымъ мѣрамъ, все ограничилось сущими пустяками, хотя при иныхъ обстоятельствахъ могло выйти и похуже.

Возвращаюсь, однако, къ описанію занятій населенія въ Буковинѣ.

Склонные по природѣ своей къ хлѣбопашеству, крестьяне вынуждены вслѣдствіе малоземелья обращаться къ другимъ занятіямъ и особенно къ садоводству, которое занимаетъ первенствующее мѣсто среди всѣхъ другихъ. Буковинское садоводство славится во всей Бессарабіи и особенно заслуживаетъ вниманія потому, что имѣетъ торгово-промышленное значеніе. Его процвѣтаніе ведетъ свое начало съ давняго времени и, помимо прочаго, объясняется благопріятными естественными условіями той мѣстности, въ которой расположена Буковина. У нѣкоторыхъ сады бываютъ очень велики: площадь ихъ достигаетъ нѣсколькихъ десятинъ земли. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а также и тѣмъ, что сады существуютъ положительно у каждаго домохозяина, объясняется тотъ характеръ, какой носитъ буковинская деревня. Это не деревня въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какую каждый изъ насъ привыкъ встрѣчать, это скорѣй какой-то сплошной садъ, въ которомъ, точно послѣдніе весенніе остатки зимняго снѣга, бѣлѣютъ дома. Нечего и говорить, что воздухъ въ Буковинѣ замѣчательно чистый и здоровый, а весной, когда все цвѣтетъ, когда фруктовыя деревья покрываются пахучими бѣлыми лепестками, буковинское село представляетъ картину очаровательную, которая такъ и просится на полотно. Добавьте къ этому безконечные переливы соловьинаго пѣнія на зарѣ, минорное кукованіе зазули, и вамъ не захочется оторваться отъ этой прекрасной, чисто поэтической обстановки.

Какія же фруктовыя деревья культивируютъ буковинцы?

Чтобы отвѣтить на это, стоитъ лишь присмотрѣться къ тѣмъ самымъ садамъ, мимо которыхъ почти непрерывно приходится ѣхать.

Если бы не отчаянный лай собакъ, срывающихся при стукѣ колесъ съ высокихъ завалинокъ и съ ожесточеніемъ подскакивающихъ къ самымъ мордамъ лошадей, если бы не перебѣгающія дорогу куры, да, наконецъ, не мелькающія бѣлыя хаты, дорога живо напоминала бы аллею въ большомъ паркѣ. Въ воздухѣ носится еле уловимый, тонкій ароматъ поспѣвающихъ яблокъ и грушъ. Южное солнце весело купается въ живительной прохладѣ

густыхъ садовъ. Мѣрное покачиваніе дрожекъ начинаетъ оказывать свое снотворное дѣйствіе. Я смыкаю глаза и продолжаю сквозь легкую дремоту чувствовать яркость и блескъ солнечныхъ лучей, проникающихъ всюду. Экипажъ звучно катится по сухой убитой дорогѣ. Но вотъ звонкій топотъ лошадиныхъ копытъ неожиданно смѣнился глухими ударами; колеса экипажа шуршатъ по чему-то мягкому. По лицу вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ хлестать нависшія вѣтви. Открываю глаза и, вмѣсто прежняго яркаго солнца, вижу какой-то полумракъ. Оказывается, мы уже ѣдемъ подъ непроницаемымъ зеленымъ сводомъ, сквозь который лишь слабо проникаютъ блестящія бѣлыя полоски солнечныхъ лучей. Экипажъ проѣзжаетъ по слегка подсохшей землѣ между двухъ оградъ исполинскихъ орѣховыхъ деревьевъ. Съ одной стороны дороги и съ другой выросла высокая орѣховая стѣна, а вверху одинъ ярко-зеленый, почти непроницаемый покровъ изъ перепутавшихся вѣтвей.

Орѣхъ—самое крупное и довольно часто встрѣчающееся дерево въ буковинскихъ садахъ. Чаще всего усадьба русина обсаживается рядомъ орѣховъ, которые, достигая порой гигантскихъ размѣровъ, образуютъ, благодаря постепенному разрастанію, одну сплошную стѣну. Орѣхъ бываетъ крупной и мелкой породы. И тотъ и другой имѣютъ сбытъ. Иногда съ одного орѣховаго дерева можно собрать нѣсколько десятковъ тысячъ плодовъ.

Съ орѣховыми поминутно чередуются деревья: сливовыя, вишневыя, грушевыя, яблоневыя, черешневыя, изрѣдка персиковыя и абрикосовыя.

Наибольшее значеніе въ быту мѣстнаго населенія имѣетъ безусловно слива и именно порода, называемая венгеркой. Сливу эту сушатъ въ «лозницахъ», или сушильняхъ, изъ которыхъ однѣ бываютъ примитивнаго устройства, другія болѣе усовершенствованныя, что зависитъ отъ владѣльца сада и тѣхъ, кто сушитъ сливу. Скупкой сливы, какъ и вообще скупкой садовъ, занимаются преимущественно евреи.

Сборъ фруктоваго урожая осенью доставляетъ не только удовольствіе, но и заработокъ нѣкоторой части буковинскаго населенія, а нерѣдко и пришлому элементу, заднѣстровскому. Для сбора созрѣвшихъ плодовъ скупщики садовъ нанимаютъ десятка два мальчиковъ, дѣвочекъ и дѣвушекъ, которые, вооружившись длинными деревянными шестами, начинаютъ сбивать ихъ. Наиболѣе шустрые и ловкіе взбираются на верхушки большихъ деревьевъ, особенно орѣховъ, и сбиваютъ ихъ оттуда палками или простымъ отряхиваніемъ вѣтвей, отъ чего плоды градомъ сыплются на землю, награждая часто находящихся подъ деревьями изрядными шишками. Всюду веселый говоръ, шутки, смѣхъ.

II.

Село Широуцы.—Изъ Широуцъ въ Зарожаны.—Сахарный заводъ.—«Фигура.»— Бродячіе горшколатники. — Зарожаны. — Школьное дѣло въ Буковинѣ. — Типы буковинскихъ батюшекъ.—Разведеніе винограда.

Проѣхавъ Недобоуцы, добрыхъ двѣ трети которыхъ расположены по все понижающемуся къ слѣдующему селу большому холму, мы незамѣтно очутились въ Широуцахъ, такъ называемыхъ «Высшихъ» въ отличіе отъ «Низшихъ», находящихся южнѣе; хотя въ томъ же Хотинскомъ уѣздѣ. Въ Бессарабіи вообще есть немало селъ съ однимъ и тѣмъ же названіемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ лишь Хотинскомъ уѣздѣ есть нѣсколько Кишлъ.

Гдѣ кончаются Недобоуцы и гдѣ начинаются Широуцы — незнакомый съ мѣстностью не скажетъ, такъ какъ между тѣмъ и другимъ селомъ чего-либо раздѣляющаго ихъ, въ родѣ: поля, горы или лѣса, не существуетъ. Въ этомъ между прочимъ и оригинальная особенность буковинскихъ селъ, которыя часто отдѣляются одно отъ другого лишь обыкновенной дорогой.

Широуцы село большое. Это даже не одно село, а цѣлыхъ два: Владычна и собственно Широуцы. Типъ его обычный, буковинскій: сады по скатамъ непрерывныхъ холмовъ, разсѣченныхъ большими и малыми долинами, а въ нихъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ привѣтливыя мазанки, выглядывающія изъ-за густыхъ деревьевъ, словно солнце изъ-за тучъ. Передъ хатками часто маленькій цвѣтничекъ. Цвѣты самые простые, деревенскіе: яркіе и пестрые, иногда съ удушливо-тяжелымъ запахомъ, но въ самой ихъ посадкѣ видна любовь населенія къ изящному и красотѣ, проглядывающая порой и въ другихъ мелочахъ. Хатки чисто-начисто выбѣлены. Фасадъ чаще всего выходитъ на маленькую веселую лужайку, а затыльная сторона прячется въ густой и прохладной тѣни сада. Огороды мало замѣтны, но они есть. Вотъ, вопреки обычной картинѣ, значительная часть усадьбы желтѣетъ созрѣвающимъ анисомъ. А вотъ добрый кусокъ ея покрытъ еще почему-то не собраннымъ чеснокомъ, невысокіе пожелтѣвшіе стебли котораго уже начинаютъ печально сохнуть. Иногда проглянетъ въ изобиліи и низко растущая свекла, широкіе приземистые листья которой торчатъ во всѣ стороны, словно развѣваемые вѣтромъ. Всѣ эти растенія посажены съ извѣстными цѣлями, цѣлями торговыми. Печать трудолюбія и упорныхъ усилій сказывается на многомъ. Хотя земли, этого наиболѣе вѣрнаго и надежнаго источника благосостоянія русскаго крестьянина, у мѣстнаго русина вообще немного, однако достатокъ и довольство замѣтны у нѣкоторыхъ. Среди хотинскихъ русиновъ «фрунташи», то есть зажи-

точные, состоятельные люди, вообще явленіе незаурядное, но если гдѣ ихъ слѣдуетъ искать, то во всякомъ случаѣ скорѣй въ Буковинѣ, въ которой встрѣчаются крестьяне, обладающіе даже десятками тысячъ рублей. А въ крестьянскомъ быту подобное явленіе рѣдкое, если не исключительное. Вотъ въ тѣхъ же Широуцахъ, при выѣздѣ изъ нихъ, по одной сторонѣ дороги видна усадьба очень состоятельнаго русина: параллельно дорогѣ идетъ справа высокій заборъ; въѣздъ во дворъ закрытъ крѣпкими, выкрашен-

Русинъ и русинка изъ села Недобоуцъ.

ными зеленой краской, воротами, изъ-за которыхъ какъ будто украдкой выглядываетъ прочный и просторный домъ, съ конюшней, сараемъ, амбаромъ и прочими хозяйственными постройками. Возлѣ дома «кошницы», полныя кукурузы. На гумнѣ стога немолоченнаго хлѣба. Домъ упирается въ большой, старый садъ.

Оставляемъ Широуцы и ѣдемъ дальше по дорогѣ, направляющейся въ слѣдующее, сосѣднее село. Въ видѣ исключенія она на нѣкоторомъ разстояніи вьется между нивами. Впереди показываются Зарожаны. Крайніе дома этого села уже подбираются къ такимъ же широуцкимъ домамъ.

По правой сторонѣ начинаютъ мелькать кресты: одинъ, другой, третій... Скоро десятки ихъ предстаютъ предъ нашими глазами на рядѣ разбросанныхъ могилъ. Кладбище, видно, новое, такъ какъ кругомъ масса незанятаго пустыря, отгороженнаго отъ поля оградой, и сравнительно малое количество могилъ съ деревянными, еще вездѣ сохранившимися крестами. За насыпью кладбища и у самой дороги раскинулся большой лѣсъ высокой, темнозеленой кукурузы. Все поле, сколько можетъ глазъ охватить, покрыто густыми стеблями кукурузы, настолько высокими, что человѣка изъ-за нихъ совершенно не видно. Это уже не то чахлое, низкое растеніе, съ преждевременно пожелтѣвшими стеблями и листьями, которое встрѣчалось намъ неподалеку Хотина. Здѣсь кукуруза въ полной силѣ и развитіи, вѣроятно, благодаря лучшей почвѣ или болѣе старательному уходу.

Съ лѣвой стороны цѣлая плантація низко растущей свеклы, или бурака, крупнаго, отборнаго, очевидно, поднявшагося на хорошо удобренномъ полѣ. По полю пролегаетъ большая долина. Она покрыта высоко растущимъ тростникомъ, а за нимъ сверкаетъ на солнцѣ прудъ, и показывается длинный рядъ домовъ, вытянувшихся въ одну прямую линію. Внизу отъ домовъ куча строеній, среди которыхъ высоко уходятъ въ небо заводскія трубы, казавшіяся столь маленькими при спускѣ въ Недобоуцы. Тутъ свекло-сахарный заводъ, единственный не только въ Буковинѣ, но и во всей Бессарабіи. Теперь становятся понятны и поля, засаженныя свеклой, и огороды, отведенные подъ это растеніе. На заводѣ работаетъ много временно проживающихъ въ Россіи австрійско-подданныхъ, которыхъ вообще на крайнемъ сѣверѣ Хотинскаго уѣзда околачивается много. Но и для буковинцевъ прилегающихъ къ заводу селъ послѣдній имѣетъ нѣкоторое значеніе. Культура свеклы для завода, а равно доставка ея производятся между прочимъ и при посредствѣ русиновъ. Но на ряду съ пользой заводъ приноситъ и вредъ для такой полезной мѣстной промышленности, какъ садоводство. Нѣкоторые крестьяне, соблазняясь легкостью сбыта свеклы, за которую имъ хорошо платятъ на заводѣ, выкорчевываютъ свои сады, замѣняя ихъ свекловичными огородами.

Черезъ четверть часа, самое большее, въѣзжаемъ въ Зарожаны.

На краю села колодецъ, а возлѣ него высокій, зеленый вверху и темно-красный внизу, деревянный крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя. Это по-мѣстному «фигура». На крестѣ доморощенный маляръ даетъ картину распятія. Тутъ есть на самомъ верху креста маленькій деревянный пѣтушокъ краснаго цвѣта, по сторонамъ изображенія распятаго Христа два копія, точно два часовыхъ, щипцы, молотокъ, лѣсенка и даже на дощечкѣ тридцать бѣлыхъ сребренниковъ. Эти кресты съ невзыскательной деревенской живописью, съ безграмотной надписью, чьимъ иждиве-

ніемъ они воздвигнуты, но безъ обычныхъ на Волыни тряпочныхъ прибавленій,—частое украшеніе дорожнаго буковинскаго колодца. Они сообщаютъ мѣстности галиційскій колоритъ.

По узенькой тропинкѣ, проложенной рядомъ съ дорогой, медленно шагаетъ темная запыленная фигура какого-то пѣшехода. Нагоняемъ ее. Русскаго въ идущемъ ничего нѣтъ. Это по всѣмъ даннымъ австріякъ. Вотъ онъ при стукѣ колесъ оборачивается и приподнимаетъ свою ветхую войлочную шляпу, обмытую не

Русины изъ села Шиловецъ.

однимъ дождемъ. Горшколатникъ. Это показываетъ нѣсколько свертковъ проволоки и нѣсколько ситъ и готовыхъ мышеловокъ да кожаная сумка черезъ плечо. Горшколатникъ парень высокій, здоровый. Усатое, безбородое лицо его покрыто сильнымъ загаромъ. Видно, что съ комнатнымъ воздухомъ оно мало знается. Хотя по одѣянію горшколатникъ какъ будто и венгерецъ, но на самомъ дѣлѣ это славянинъ-словакъ; въ лицѣ проглядываетъ выраженіе мягкое, славянское.

Когда-то, замѣчаетъ Реклю, значеніе бродячихъ ремесленниковъ было велико, во всякомъ случаѣ значительно больше, чѣмъ

обыкновенно думаютъ. Они походили на нервную и кровеносную систему громаднаго общественнаго организма, т. е. человѣчества. Переходя изъ одной страны въ другую, странствующіе ремесленники заносили съ собой новыя идеи. А о роли ихъ, какъ людей, передающихъ новости, нечего и говорить. Въ настоящее время, съ развитіемъ почты, телеграфовъ и телефоновъ, эта роль ихъ низведена къ нулю. Остается за ними значеніе только ремесленниковъ, часто довольно дешевыхъ, которые отдаютъ за небольшое вознагражденіе свои трудъ и умѣнье на мѣстѣ, дома, что для мѣстностей, удаленныхъ отъ городскихъ центровъ, очень цѣнно.

Горшколатниковъ-словаковъ (сами себя они обыкновенно называютъ венгерцами) по буковинскимъ селамъ бродитъ немало. По большей части всѣ они уроженцы Тренчинскаго комитата. Запасшись нѣсколькими свертками проволоки, они въ одиночку, иногда по двое, бродятъ, выкрикивая отъ поры до времени по селу: «горшки лататы (чинить)». Когда такого горшколатника попросятъ что-либо починить, онъ усаживается передъ домомъ на завалинку, а чаще прямо на землю, и неторопливо исполняетъ за небольшое вознагражденіе данную ему работу. Чтобы не перебивать другъ у друга работы, горшколатники заранѣе уговариваются съ другими своими соотечественниками, куда кому итти. Съ собою горшколатникъ, кромѣ необходимаго для его ремесла да глиняной коричневой трубки, ничего не носитъ. Платье его насквозь пропитано жиромъ и носитъ всѣ слѣды долгаго скитанія по дорогамъ. Никогда почти горшколатникъ не мѣняетъ его на чужбинѣ. Въ чужеземномъ платьѣ, если крайняя необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ нему, онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ и несчастнымъ и при первой возможности съ радостью разстается съ нимъ. Въ этомъ отношеніи словакъ глубоко консервативенъ. Сколотивъ кое-какую копейку, горшколатникъ немедленно возвращается къ своей семьѣ, а если нужда заставляетъ, то снова беретъ сумку черезъ плечо, трубку въ зубы и, повѣсивъ свертки проволоки, долго странствуетъ по чужбинѣ, собирая изъ грошей и копеекъ десятки рублей, но избѣгая безплодныхъ жалобъ на свою недолю. Глубоко симпатиченъ по своему трудолюбію и привязанности къ родинѣ этотъ представитель маленькаго словацкаго народа, котораго мадьяры и нѣмцы дѣлаютъ нищимъ и гостемъ на собственной родинѣ.

Поднимаемся на гору съ тѣмъ, чтобы снова, съ еще болѣе крутой горы, спуститься внизъ, уже черезъ средину села. Наше путешествіе становится похожимъ на ныряніе судна въ вздымающихся морскихъ волнахъ. Такое ныряніе предстоитъ еще не разъ впереди: оно—особенность буковинской дороги, извивающейся по нескончаемымъ покатостямъ и холмамъ.

День праздничный. Неподалеку отъ себя видимъ большую пар[illegible]ную толпу народа, сбившуюся точно стадо. Тутъ парубки, дѣвуш[illegible],

молодыя женщины, мальчики и дѣвочки. Изъ пестрой бѣлѣющейся кучи народа несутся заливающіеся звуки скрипки и въ тактъ имъ гудящіе переливы цимбальныхъ струнъ. Средина толпы колышется. Звуки музыки то задорно рѣжутъ воздухъ, то гдѣ-то пропадаютъ среди деревьевъ окружающихъ садовъ. Порой ихъ смѣняетъ громкое уханье танцующихъ парубковъ и глухое гудѣніе земли отъ топота десятковъ ногъ. Танцующихъ не видно, только голова и плечи ихъ то покажутся поверхъ сотенъ головъ, то снова скроются. Тѣсное

Русинъ изъ села Клишковецъ.

кольцо зрителей, словно ширмой, заслоняетъ ихъ. Такъ какъ дорога большая, проѣзжая, по которой снуетъ самый разнообразный людъ, то на насъ не обращаютъ вниманія; двѣ-три ближайшія головы оборачиваются, кидаютъ слегка любопытный взглядъ и черезъ минуту принимаютъ прежнее положеніе. Больше мы интересуемъ аленькую группу самой зеленой молодежи. Старшему не болѣе есяти лѣтъ. Ухватившись за руки, нѣсколько малышей неистово ружатся, подражая старшимъ. Но при видѣ постороннихъ цѣпь вется... и на насъ таращатся три пары любопытныхъ дѣтскихъ азокъ. У всѣхъ на лицѣ веселье и оживленье, особенно сіяетъ

личико самаго маленькаго. Всѣ одѣты, хотя въ грубое, но чистое и бѣлое бѣлье: сорочку и штаны. Головы открыты, ноги босыя. У одного длинные волосы, у двухъ стриженные. Очевидно, учатся. Тутъ же слѣва, подъ бокомъ, скрываясь въ глубинѣ двора, школа съ соотвѣтственной надписью. Школа двухклассная, министерства народнаго просвѣщенія Въ Буковинѣ да и во всей округѣ это единственная школа подобнаго типа.

Школьное дѣло въ Буковинѣ поставлено плохо. Хотя каждое село имѣетъ школу, если не земскую, то какую-нибудь церковную, однако грамотность развита слабо. Такое положеніе дѣла зависитъ отъ того, что школы, особенно церковныя, оборудованы не надлежащимъ образомъ. Все сшито, какъ говорится, бѣлыми нитками и поминутно трещитъ по швамъ. Кромѣ того, спрашивается, что можетъ дать одна школа для такихъ большихъ селъ, какъ Коленкоуцы, Широуцы или Малинцы? Это ничтожная подачка. Крестьяне, сознавая, что жить по старинѣ, безъ грамоты, нельзя, стремятся отдавать дѣтей въ училище, а имъ говорятъ, что принять некуда. Изъ какихъ-нибудь трехъ сотенъ дѣтей школьнаго возраста едва шесть десятковъ попадаетъ въ училище. Далѣе, что предпринимается для того, чтобы одолѣвшіе деревенскую школьную премудрость съ годами ее не растеряли? Ровно ничего. Отсюда школа, по правдѣ говоря, лишь скользитъ по большинству, не оставляя послѣ себя почти ничего или въ лучшемъ случаѣ одно умѣніе писать и читать по складамъ. Отдѣльныхъ школъ для дѣвочекъ, кромѣ села Клишковецъ, нигдѣ нѣтъ. Нѣтъ также, кромѣ одного въ томъ же селѣ Клишковцахъ, профессіональныхъ училищъ. А между тѣмъ гдѣ бы имъ быть, какъ не въ Буковинѣ. Населеніе, благодаря скудному земельному обезпеченію, склонно къ ремесламъ и промысламъ. Кромѣ того, есть и благопріятныя естественныя условія для насажденія школъ именно этого типа: богатые сады, большіе лѣса.

Неподалеку отъ школы, на возвышенномъ мѣстѣ, красуется небольшая церковь съ привѣтливо глядящими на изумрудномъ фонѣ окружающихъ садовъ свѣтлыми стѣнами. Архитектура простая, незатѣйливая, но болѣе или менѣе современная.

Старинный церковный стиль уже отошелъ въ Буковинѣ въ область прошлаго. Такихъ церквей, отъ которыхъ вѣетъ восемнадцатымъ столѣтіемъ и какую, напр., еще сохранили Грозинцы въ образѣ своей старой церкви, въ Буковинѣ, уже нельзя встрѣтить. Исчезли въ ней и служители церкви прежняго стариннаго закала, тѣ служители, которые по своему міросозерцанію, по складу своей жизни мало чѣмъ отличались отъ простыхъ крестьянъ. Всѣ с[illegible]я уже вымерли. Ихъ мѣсто заняли священики болѣе современн[illegible], уже съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, что прежде, ср[illegible]я общей массы недоучекъ, встрѣчалось лишь въ видѣ рѣдк[illegible]о

исключенія. Полученное образованіе вызываетъ новые запросы, перекраиваетъ жизнь теперешнихъ священниковъ на другой ладъ. Старинный батюшка духовно жилъ интересами своихъ сельскихъ прихожанъ. Его занимало исключительно деревенское хозяйство. Тревоги и радости, его волновавшія, не шли далѣе его прихода. Съ крестьяниномъ онъ былъ крестьяниномъ не потому, что снисходилъ до міропониманія послѣдняго, а потому, что другимъ по своему образованію и воспитанію онъ даже не могъ быть. Онъ любилъ бывать у своего прихожанина запросто, любилъ порой съ нимъ выпить, и не одинъ, а пріобщая къ этому и свою семью. Разныя крестбины, молитвины и тому подобныя семейныя торжества крестьянина рѣдко обходились безъ участія въ нихъ на ряду съ батюшкой и матушки. Одѣяніе его и его семьи, разный домашній скарбъ были не «панскіе», а тѣ же простые, крестьянскіе, что и окружающихъ его сельчанъ. Теперешній батюшка уже другой закваски. Онъ любитель извѣстнаго комфорта, любитель удобнаго экипажа и хорошихъ лошадей, любитель подчасъ повеселиться, но уже не въ компаніи простого крестьянина-русина. Онъ иногда даже устраиваетъ вечера, на которыхъ и музыка, и нарядныя модныя платья женъ и дочерей, и карты, и все то вообще, что полагается въ городской жизни и въ городскомъ обществѣ. Имъ и журналъ и газета выписываются, правда, больше дешевые: «Нива», Биржевыя Вѣдомости», «Свѣтъ». Онъ готовъ, чего и не снилось его предку, и о политикѣ потолковать, а сына безъ борьбы въ университетъ отдать. Словомъ, другія времена, другія лица, другіе и нравы! Прежнее кануло въ Лету. Не исчезло только стремленіе копить, сберегать деньгу, столь необходимую для обезпеченія обыкновенно большой семьи. Извѣстно, вѣдь, что благословеніе Божіе пребываетъ на нашемъ духовенствѣ. А приходы буковинскіе все хорошіе, большіе. Такія громадныя села, какъ Клишковцы, Коленкоуцы и Широуцы, могутъ содержать по два причта и на самомъ дѣлѣ имѣютъ ихъ. Вообще, мѣстное духовенство довольно состоятельное. Чеховскій типъ недоѣдающаго священника Якова Смирнова въ Буковинѣ совершенно непонятенъ.

Продолжу описаніе нашего путешествія. Вотъ по примыкающему къ дорогѣ откосу, сжатому съ двухъ сторонъ безпорядочно растущими молодыми сливовыми и широкими яблоневыми деревьями, толпятся зелеными рядами кусты винограда, которые со своими сѣрыми шестами, кажется, точно ползутъ въ гору, опираясь на толстыя палки. Сочно выглядываютъ крупныя ягоды на нависшихъ отъ тяжести вѣтвяхъ. Виноградникъ невеликъ, но, видно, пользуется тщательнымъ и заботливымъ уходомъ, въ которомъ онъ такъ нуждается. Въ сторонѣ, на удобномъ обсерваціонномъ пунктѣ, маленькій соломенный шалашъ съ темнымъ зіяющимъ отверстіемъ, куда, однако, можно проникнуть лишь по способу четвероногаго. Шалашъ не

безполезенъ: виноградникъ лежитъ у самой дороги, а по ней днемъ и ночью пройдетъ и проѣдетъ много всякаго народа, подчасъ не безъ легкомыслія относящагося къ чужой собственности.

Разведеніе винограда въ Буковинѣ стоитъ въ общемъ на низкой ступени. Промышленнаго характера, подобно садоводству или культурѣ разныхъ другихъ растеній, оно не имѣетъ. Виноградники у крестьянъ нерѣдки, хотя большихъ немного. Всѣ они устраиваются въ садахъ; на полѣ, какъ это заведено на югѣ Бессарабіи, виноградниковъ не разводятъ. По большей части виноградъ идетъ для собственнаго употребленія. Производится изъ него и выдѣлка вина, но рѣдко. Какъ самый виноградъ, такъ и добываемое изъ него вино невысокаго качества. Нельзя забывать, что Буковина—крайній сѣверъ Бессарабіи, гдѣ климатъ несравненно холоднѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь Кишиневскомъ или Аккерманскомъ уѣздахъ, выдѣлывающихъ извѣстныя бессарабскія вина. Кромѣ того, способы выдѣлки вина въ этой части Бессарабіи еще хуже, чѣмъ на югѣ.

III.

Село Клишковцы.—Евреи.—Клишковскіе парубки и сельскіе нравы.— Остановка въ Грозинцахъ.—Грозинецкій лѣсъ и лѣса въ Буковинѣ. — Село Коленкоуцы.— Изъ Коленкоуцъ въ мѣстечко Новоселицу. — На вершинѣ горы. — Конецъ пути.

Рядомъ неширокихъ улицъ и узенькихъ переулковъ, а въ сущности той же прежней дорогой попадаемъ въ Клишковцы—центральное буковинское село, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое многолюдное и самое бойкое.

Клишковцы—первое село не только въ Буковинѣ, но и во всемъ Хотинскомъ уѣздѣ по количеству населенія. Такъ какъ его, вѣроятно, будетъ не менѣе семи тысячъ, а можетъ и больше, то въ этомъ отношеніи оно даже, можно сказать, маленькій городокъ. Обыкновенно города и мѣстечки Юго-Западнаго края въ составѣ своего населенія имѣютъ и евреевъ. Евреи живутъ и въ Клишковцахъ и даже больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Буковинѣ. О пребываніи ихъ въ большомъ количествѣ говоритъ то, что по дорогѣ и по улицамъ села начинаютъ чаще, чѣмъ прежде, попадаться евреи въ обычномъ типичномъ одѣяніи. Но ужъ что убѣдитъ насъ непремѣнно въ многолюдствѣ еврейской колоніи въ Клишковцахъ, это—раскинувшееся въ срединѣ села по правую сторону отъ дороги, при спускѣ съ горы, большое еврейское кладбище съ сѣроватыми на немъ камнями-памятниками.

Евреевъ въ Буковинѣ живетъ много. Кромѣ Клишковецъ, ихъ много въ Коленкоуцахъ. Въ другихъ деревняхъ меньше. Еврейскіе дома въ Клишковцахъ и Коленкоуцахъ сбиты въ одномъ мѣстѣ. Отсутствіе обыкновенныхъ въ деревнѣ хозяйственныхъ построекъ,

сада, огорода и т. п. дѣлаетъ въ селѣ площадь, занятую еврейскими строеніями, мѣстечкомъ или городкомъ въ миніатюрѣ. Да и жизнь здѣсь течетъ своя, мало имѣющая сходства съ жизнью окружающихъ крестьянъ. Интересы такой колоніи почти исключительно коммерческіе, но, само собою разумѣется, приспособленные къ деревнѣ.

Евреи занимаются въ буковинскихъ селахъ главнымъ образомъ скупкой у крестьянъ садовъ и сбытомъ ежегодно получаемаго отъ

Русины изъ села Недобоуцъ.

нихъ урожая. Такъ какъ главное коммерческое значеніе имѣетъ слива, то они занимаются ея сушкой, а затѣмъ разсылкой по большимъ русскимъ рынкамъ въ родѣ Одессы, Кіева, Варшавы и т. п. Кромѣ этого преобладающаго занятія, они скупаютъ у крестьянъ: хлѣбъ, скотъ, птицу, яйца и т. п., занимаются въ своихъ деревенскихъ лавочкахъ мелочной торговлей и отчасти разными ремеслами.

Какъ въ центральномъ и многолюдномъ селѣ, въ Клишковцахъ находятся больница съ соотвѣтствующимъ медицинскимъ персоналомъ — докторомъ и фельдшерами, аптека, отдѣленіе почтово-

телеграфной конторы, волостное правленіе. Въ немъ есть три училища, живетъ лѣсничій монастырскихъ лѣсовъ, становой приставъ и т. д. Село дѣлится на части—«куты»: Галичанку, Цыганку, Каланарію и Лышцу. Крестьяне—типичные буковинцы: народъ по большей части рослый, здоровый, франтоватый, съ пріятными чертами лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по сравненію съ русинами другихъ частей уѣзда, буйный, заносчивый и подчасъ дерзкій.

Вотъ по дорогѣ, намъ навстрѣчу, идетъ съ громкими пѣснями группа парубковъ. Идутъ обнявшись. Дорога во всю ширину занята ими, такъ что нашъ кучеръ долженъ попридержать лошадей, чтобы не наѣхать на идущихъ. На каждомъ бѣлоснѣжная сорочка, доходящая до колѣнъ. Стройный станъ нѣкоторыхъ облегаетъ «лейбикъ»—безрукавка, иначе гуцулякъ, разукрашенный сафьяномъ, изъ-подъ котораго виднѣется то высокій кожаный «чересъ», то красивая шерстяная «крайка». У кожанаго пояса и у «крайки» висятъ на узенькомъ ремешкѣ ножикъ въ мѣдно-желтой оправѣ и кисетъ для табаку. На головѣ высокая сѣрая смушковая шапка и красивый сѣрый войлочный «капелюхъ»—заграничное австрійское издѣліе. На шеѣ кокетливо опущенный концами книзу свернутый тонкій шерстяной платокъ. Ноги обуты въ крѣпкіе сапоги съ высокими, подбитыми желѣзомъ, каблуками и въ обыкновенные башмаки. Взглядъ у всѣхъ смѣлый, но вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкій. Малѣйшее неосторожно брошенное слово по адресу подгулявшихъ парубковъ, или просто ихъ полупьяное озорство, и насъ съ нашимъ экипажемъ и въ придачу съ возницей мигомъ переворотятъ, а затѣмъ ищи вѣтра въ полѣ.

Клишковецкіе нравы, по сравненію съ нравами другихъ сосѣднихъ селъ, не отличаются особенной строгостью. Многолюдство, оживленность, сосѣдство завода и нѣкоторыя другія побочныя обстоятельства оказываютъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, свое дурное вліяніе на населеніе. «Франца», французская, или дурная болѣзнь, мало извѣстная у сосѣдей, въ Клишковцахъ не рѣдкость, Для ея искорененія и борьбы съ распущенностью, чуждой вообще русинскому духу, должны быть приняты серьезныя мѣры.

Черезъ сплошной лѣсъ роскошныхъ тѣнистыхъ садовъ ѣдемъ Клишковцами и Малинцами. Предъ глазами, куда ни глянешь, одна переливающаяся разными оттѣнками зелень. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ массой деревьевъ. Надъ всѣми ими гордо возвышается величавый орѣхъ со своимъ крупнымъ свѣтло-сѣрымъ стволомъ и съ громадными раскидистыми вѣтвями, начинающимися чуть не у самаго корня. Хотя яркое солнце изрядно припекаетъ, но подъ зеленымъ широкимъ сводомъ, часто насъ прикрывающимъ, дышится легко и свободно. Меньше и ѣдкой, удушливой пыли. Копыта дружно бѣгущихъ лошадей мягко ступаютъ по влажной землѣ.

Тѣни постепенно начинаютъ уступать мѣсто яркимъ полосамъ свѣта, врывающагося чрезъ неподвижно висящія вѣтви деревьевъ. Горизонтъ прочищается. Направо, кромѣ живой зеленой стѣны, еще ничего не видно, налѣво, скользя по двумъ-тремъ послѣднимъ деревьямъ сада, взоръ упирается въ широкую, все понижающуюся, а затѣмъ круто поднимающуюся вверхъ площадь желтѣющихъ и зеленѣющихъ полей. Мы поднялись выше. За нивами снова показывается синева садовъ съ бѣлѣющимися пятнами среди нихъ.

Русины изъ села Зарожанъ.

Это Грозинцы. Исчезаетъ стѣна и справа, и глазамъ открываются большіе шиловецкіе сады, раскинувшіеся по впадинамъ, косогорамъ и небольшимъ возвышенностямъ.

Дорога огибаетъ шиловецкія усадьбы. Осторожно спускаемся съ горы по неровностямъ, ухабамъ и торчащимъ изъ земли камнямъ и въѣзжаемъ въ глубокую долину. Непріятно пахнетъ намокшей коноплей, и чувствуется сырость. Подъемъ открывается источникомъ у невысокой земляной стѣны съ чистой холодной водой, стекающей въ деревянный желобъ. Останавливаемся на нѣсколько минутъ, чтобы напоить лошадей.

Шиловцы уже позади насъ, но часть ихъ, подобно длинной тѣни, продолжаетъ еще тянуться по лощинѣ рядомъ съ дорогой, все поднимающейся въ гору. Подъемъ нелегкій: вспотѣвшія лошади тяжело дышатъ. У дороги вырастаетъ небольшая куча хатъ. Видно, новая часть села.

Мы на вершинѣ горы, съ которой открывается широкій видъ на лежащія въ громадной впадинѣ села: Грозинцы и Бочкоуцы. Оба села тянутся параллельно другъ другу. Ихъ отдѣляетъ только дорога съ новымъ подъемомъ. Сады съ одной и другой стороны, но по мѣрѣ подъема они отходятъ отъ дороги. Бочкоуцкія усадьбы и дома въ нихъ, сползающіе по краямъ продолговатой котловины, открыты со всѣхъ сторонъ. Вершину котловины, точно бордюръ, опоясываетъ лѣсъ, который поворачиваетъ на сѣверо-западъ по направленію къ Грозинцамъ, и скоро дорога врѣжется въ него. Въ Грозинцахъ предстояла остановка. Знавшій объ этомъ кучеръ своротилъ съ дороги, по которой мы доселѣ ѣхали, въ сторону и повезъ насъ по тѣнистымъ грозинецкимъ переулкамъ.

Спустя нѣкоторое время мы были возлѣ общественной квартиры, такъ называемой «газды», гдѣ обыкновенно останавливаются разныя должностныя лица, имѣющія соприкосновеніе съ деревней.

У порога хаты насъ встрѣтилъ молодой черноусый русинъ. С., очевидно, уже бывалъ здѣсь, такъ какъ его появленіе на «газдѣ» не вызвало особаго удивленія на лицѣ русина. Необычнымъ лишь былъ его спутникъ, т. е. я, такъ какъ русинъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня. Крестьянинъ провелъ насъ въ просторную, чисто убранную комнату. Она была пуста. Завсегдатаи общественной квартиры: писарь, староста и т. п. лица, на этотъ разъ отсутствовали. По словамъ открывшаго намъ двери хаты, они находились въ мѣстномъ волостномъ правленіи.

Когда мы остались одни, мой спутникъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Теперь я долженъ буду васъ оставить; думаю, что недолго заставлю васъ ждать моего возвращенія.

Такъ какъ оставаться одному въ хатѣ было бы довольно скучнымъ дѣломъ, то, чтобы убить какъ-нибудь бывшее въ моемъ распоряженіи время, я рѣшилъ прогуляться въ сосѣдній Грозинецкій лѣсъ, въ которомъ когда-то мнѣ не разъ приходилось бывать.

Я сообщилъ С. о своемъ намѣреніи. Онъ одобрилъ его и пожалѣлъ, что дѣло не позволяетъ ему отправиться со мной.

Принесли воды умыться. Умывшись и нѣсколько почистившись отъ пыли, мы вмѣстѣ вышли изъ хаты. С. отправился по своему дѣлу, а я, мимо школы и дома помѣщицы, пошелъ дорогою въ гору къ темнѣвшей въ отдаленіи сплошной массѣ деревьевъ.

Справа отъ дороги вскорѣ показались ворота, которыми отдѣляются нивы отъ села. Я полуоткрылъ ихъ и по неровной, еже-

минутно мѣняющей направленіе, узкой дорогѣ спустился къ опушкѣ лѣса. Возлѣ нея стояла изба, которой почти касался большой прудъ, или ставъ, съ ветхой, покривившейся купальней.

Когда-то въ этомъ мѣстѣ былъ «броварь», или пивоваренный заводъ, славившійся своимъ превосходнымъ чернымъ пивомъ. Въ ту пору тутъ было шумно и людно. Въ нависшемъ надъ прудомъ лѣсу устраивались веселые пикники. Теперь отъ завода не оста-

Дѣвушка русинка изъ села Широуцъ.

лось и слѣда, а привлекалъ ли попрежнему лѣсъ къ себѣ шумныя компаніи, я уже не зналъ, такъ какъ давно не посѣщалъ Буковины.

Кругомъ царилъ мертвенный покой. Я вошелъ въ буковый лѣсъ. Деревья, стройныя, высокія и прямыя, внизу были совершенно оголены; только высоко-высоко поднималась густая, зеленая корона изъ листьевъ. Дерево къ дереву почти вплотную. Изрѣдка покажется маленькая прогалина, покрытая свѣжей, зеленой травкой, перемѣшанной съ крупнымъ папоротникомъ. На смятой пожелтѣвшей травѣ я увидѣлъ большое срубленное дерево. Тутъ же возлѣ него лежали въ безпорядкѣ куски срѣзанныхъ длинныхъ

сучьевъ. Верхушка протянулась по низкому валу, а нижняя часть ствола вся ушла въ густыя заросли папоротника. Кругомъ одни гладкіе, безъ сучка внизу, высокіе стволы бука. Ни кустарника, ни рощи. Тихо и прохладно.

Кстати, по поводу этого вала замѣчу, что онъ представляетъ своего рода историческую достопримѣчательность, такъ какъ является остаткомъ тѣхъ редутныхъ укрѣпленій, которыми когда-то, въ эпоху русско-турецкихъ войнъ при императрицѣ Екатеринѣ II, покрыли лѣсное пространство между селами Рухотиномъ, Ржавинцами и Коленкоуцами. Остатки такихъ же полевыхъ укрѣпленій, относящихся къ концу XVIII в., встрѣчаются еще и во многихъ другихъ мѣстахъ по рѣкамъ Днѣстру и Пруту.

Площадь буковыхъ лѣсовъ, давшихъ самое имя мѣстности, въ настоящее время значительно сузилась. Буковое дерево часто идетъ вперемежку съ другими породами: дубомъ, берестомъ, грабомъ.

Лѣсовъ въ этой части Хотинскаго уѣзда вообще много. Начиная́сь у Хотина «Варницей», они идутъ почти непрерывно въ районѣ селъ: Рукшина, Рашкова, Рухотина, Поляны, Ржавинецъ и Коленкоуцъ. Населеніе, благодаря обилію лѣса, занимается выдѣлкой разныхъ предметовъ изъ дерева: телѣгъ, боченковъ для сушеной сливы, мебели и домашней утвари, Не ограничиваясь этимъ, прилегающія къ Днѣстру села сплавляютъ лѣсъ внизъ по теченію этой рѣки.

Крупныхъ животныхъ въ буковыхъ и лѣсахъ смѣшанной породы не встрѣчается. Попадаются лишь дикіе кабаны, козы, волки и лисицы. Да и относительно кабановъ и козъ слѣдуетъ замѣтить, что больше ихъ набѣгаетъ изъ смежныхъ австрійскихъ лѣсовъ, лучше оберегаемыхъ, чѣмъ наши.

Лѣса русской и австрійской Буковины очень часто отдѣляются одной только дорогой, на которой на извѣстномъ разстояніи вбиты пограничные столбы. По одной и той же дорогѣ ѣздятъ русскіе и австрійцы. Охрана границы производится сторожевой цѣпью солдатъ, для чего разбиты кордоны, которые составляютъ первую непрерывную пограничную линію. Нечего говорить, что контрабанда не особенно боится надзора, и контрабандисты сплошь и рядомъ провозятъ заграничные товары. Перейти границу совсѣмъ нетрудно. Въ началѣ русско-японской войны, когда въ Бессарабіи была объявлена мобилизація, изъ уклонявшихся отъ набора не уходилъ черезъ границу только тотъ, кто не хотѣлъ. Особенно излюбленнымъ мѣстомъ перехода сдѣлалось мѣстечко Новоселица, такъ что о массовыхъ переходахъ возлѣ него заговорили даже въ газетахъ.

Заведенная въ подспорье пограничной цѣпи корчемная стража, живущая по пограничнымъ селамъ, хотя до нѣкоторой степени и парализуетъ успѣхи контрабанды, но уничтожить ее, понятно, не можетъ. Да и мудрено это сдѣлать, когда многіе старые, опытные

контрабандисты всегда знаются съ нѣкоторыми солдатами и коe-съ кѣмъ изъ корчемной стражи, готовыми за извѣстную мзду ничего не видѣть и ничего не знать. Лучше всего контрабанду провезти лѣсомъ, гдѣ легко скрыться отъ стоящаго на посту солдата. Если контрабандисты въ соглашеніи съ солдатами, то за пропускъ оставляютъ въ условленномъ мѣстѣ соотвѣтственное вознагражденіе. Бываютъ случаи, когда у древеснаго пня въ лѣсу находятъ деньги, очевидно, еще не взятыя солдатомъ. Способы передачи денегъ практикуются, конечно, самые разнообразные. Чаще всего, однако, провозъ контрабанды происходитъ на собственный рискъ тѣхъ, кто ею занимается. Доставляютъ обыкновенно изъ-за границы водку, чрезвычайно крѣпкую, въ бычачьихъ пузыряхъ, такъ называемыхъ «бордюгахъ», ромъ, разные галантерейные товары, въ родѣ шляпъ, платковъ и предметовъ домашняго обихода. Въ Австрію переносятъ преимущественно табакъ. По отзыву нѣкоторыхъ, провозъ контрабанды въ настоящее время, съ удешевленіемъ многихъ издѣлій въ Россіи, значительно сократился. Имъ занимаются крестьяне и въ одиночку и партіями, иногда большими.

Я продолжалъ оставаться въ лѣсу. Хорошо было въ немъ въ эту предвечернюю пору! Окружающія деревья окутывалъ таинственный полумракъ. Безмолвіе лѣса нарушалось лишь методичнымъ шелестомъ верхушекъ прямыхъ буковъ да рѣдкимъ пѣніемъ лѣсныхъ птичекъ. Какое-то бодрящее чувство овладѣвало мною. Изъ головы исчезли тревожныя будничныя мысли. Онѣ ушли куда-то далеко-далеко. Жизнь съ ея волненіями, съ радостями и горестями казалась тутъ, въ могучей лѣсной обстановкѣ, блѣдной, сѣрой...

Я посмотрѣлъ на часы. Было пять. Пора. Слѣдовало возвращаться. Я всталъ съ пня, на которомъ отдыхалъ, и, путаясь въ широкихъ листьяхъ папоротника, спустился къ опушкѣ, а затѣмъ вышелъ изъ лѣсу.

Черезъ полчаса ходьбы я былъ въ хатѣ. Своего спутника я засталъ за разборкой бумагъ. Передъ столомъ, на которомъ въ большой мискѣ аппетитно возвышалась горка недавно сорванныхъ спѣлыхъ яблокъ и грушъ, неподалеку отъ дверей, стоялъ худощавый русинъ, лѣтъ за пятьдесятъ. Въ одной рукѣ у него была высокая самодѣльная палка, а въ другой облѣзлая овечья шапка, которой онъ поминутно смахивалъ садившихся на лицо мухъ. Онъ слѣдилъ за движеніями С., изрѣдка поглядывая въ мою сторону.

Найдя разыскиваемую бумагу, С. вложилъ ее въ конвертъ и запечаталъ. Потомъ онъ сдѣлалъ на немъ надпись и, вручая крестьянину, сказалъ:

— Вотъ отдай эту бумагу и передай, что въ четвергъ я самъ буду.

— Та вже зроблю, якъ кажыты, баринъ!—отвѣтилъ русинъ, осторожно беря пакетъ рукой, и, видимо, придумывая, куда бы лучше его спрятать.

— И скажи, что я заѣду этакъ около полудня,—сказалъ С.— Ну, а теперь можешь итти,—добавилъ онъ.

— То оставайтыся здорови!—сказалъ русинъ, отходя отъ стола къ двери и опуская пакетъ въ узенькое отверстіе своей бѣлой сорочки, начинавшееся у самой шеи.

— Иди счастливо!—пожелалъ ему отъ себя С.

Дверь затворилась за крестьяниномъ. С. съ облегченіемъ вздохнулъ и произнесъ:

— Наконецъ сбылъ обузу съ плечъ! Однако надо попробовать здѣшнихъ яблокъ, — сказалъ онъ, когда взглядъ его остановился на мискѣ.

— Не угодно ли?—предложилъ онъ мнѣ, придвигая фрукты, и самъ взялъ спѣлое яблоко.

Я съ удовольствіемъ поддержалъ компанію, такъ какъ яблоки и груши были дѣйствительно на рѣдкость превосходны.

Увидѣвъ черезъ окно своего проходящаго кучера, С. подозвалъ его и сказалъ:

— Приготовь, Митро, лошадей. Мы сейчасъ ѣдемъ.

Спустя минутъ десять мы вышли изъ комнаты, сѣли въ дрожки и черезъ послѣднее буковинское село Коленкоуцы выѣхали на новоселицкій трактъ.

Коленкоуцы, соединяющіеся крайними садами и огородами съ Грозинцами, послѣ Клишковецъ самое значительное село. За нимъ идутъ села уже австрійской Буковины, изъ которыхъ первымъ являются Топороуцы, видимые изъ Коленкоуцъ.

Коленкоуцы замѣчательны въ томъ отношеніи, что въ нихъ уже слышится молдаванская рѣчь, которая изрѣдка раздается даже въ Грозинцахъ. Многія данныя говорятъ за то, что въ Коленкоуцахъ произошла румынизація русиновъ, сдѣлавшая уже первый шагъ и въ Грозинцахъ. Нравы, обычаи, фамиліи крестьянъ, ихъ типъ, названія урочищъ остались прежніе, русинскіе. Все ограничивается пока утратой языка, да и то лишь частью населенія.

За Коленкоуцами мы на время забывали о буковинскихъ волнообразныхъ возвышенностяхъ, объ опасныхъ дорожныхъ спускахъ и тяжелыхъ подъемахъ, особенно донимающихъ путешественника въ дождливое время года, т. е. осенью и раннею весною.

Лѣса и сады скрылись. Кругомъ одни ровныя поля кукурузы, пшеницы, ржи, ячменя и овса, смѣняемыя изрѣдка небольшими лугами. Справа дороги, въ началѣ ея, тянется пограничная линія, на которой то покажется, то скроется фигура солдата, зорко всматривающагося во все окружающее или безмятежно покоящагося въ непринужденно-апатичной позѣ. Мелькаютъ красная крыша и бѣлыя верхушки стѣнъ кордона съ нѣсколькими деревьями подлѣ. Тоскливо чернѣютъ въ сторонѣ изгороди села Ракитны, съ большимъ пустыннымъ, выжженнымъ солнцемъ, выгономъ и придорожнымъ колодцемъ. Незамѣтно начинается подъемъ въ гору. Мы

видимъ далеко позади себя перекинувшуюся черезъ холмъ линію коленкоуцкихъ и грозинецкихъ домовъ и огибающій ее съ сѣвера лѣсъ. Неожиданно вынырнуло какое-то незнакомое село, изъ котораго къ облакамъ поднимаются розовато-свинцовыя струйки дыма. Взбираемся еще выше. Гора настолько высока, что лошадямъ нужно передохнуть. За все время пути у насъ горы съ такой высотой не было, да и нѣтъ въ окружности. Поднимаемся на самую ея вершину и останавливаемся.

У канавы, на низкомъ зеленомъ курганчикѣ, отдыхаетъ русинъ, направляющійся, повидимому, въ мѣстечко. По щекамъ его сползаютъ крупныя капли пота. Изъ-подъ разстегнутаго ворота сорочки видна волосатая загорѣлая грудь. Онъ вынимаетъ изъ узла желтый кукурузный хлѣбъ и сырыя спѣлыя сливы, собираясь ими подкрѣпиться.

Впереди насъ на сѣверо-западѣ длинная цѣпь горъ: это Карпаты. Останавливаю свой взоръ на широкой круглой возвышенности, окутанной прозрачной дымкой. На ней что-то сѣро-бѣлое, съ синеватымъ отливомъ; городъ не городъ, не то лѣсъ, не то садъ. Разобрать невозможно. Спрашиваю русина, не знаетъ ли онъ, что такое виднѣется на возвышенности.

— Гей, пане, та-то жъ Чернивци,—отвѣчаетъ онъ, отламывая большой кусокъ хлѣба и искоса взглянувши въ ту сторону, гдѣ виднѣется возвышенность.

Оказывается—главный городъ австрійской Буковины.

— А далеко ли до нихъ отсюда..?—интересуюсь я.

— Чы далеко?—переспрашиваетъ русинъ, выбрасывая на землю изъ узелка нѣсколько помятыхъ, негодныхъ сливъ.—Воно, пане, и далеко и блыско.

— Какъ такъ?

— А такъ. Якъ иты направци оцымъ полемъ, шо бачыты,— и онъ указалъ своей жилистой рукой на простиравшееся передъ нами поле,—то буды верстивъ зъ двадцать, а може, шобы ны вбрыхаты, трохи бильше. А якъ йихати машыною зъ Новоселыци, то треба класты цилыхъ сорокъ.

Слова русина очень похожи на правду.

До Черновецъ съ горы рукой подать. Напрягаю все свое зрѣніе, но, кромѣ бѣлыхъ, неясныхъ линій и дрожащей синевы, ничего простымъ глазомъ не различаю. Досадно.

Оглядываюсь назадъ. Чудный видъ! Вся Буковина, какъ на ладони. Она вся, со своими роскошными садами, съ высоко идущей бахромой чернѣющихъ лѣсовъ съ одной стороны и желтѣющими и зеленѣющими нивами съ другой, у нашихъ ногъ. Сплошное море зелени унизано, точно гребни волнъ, бѣлыми пятнами, то увеличивающимися, то превращающимися въ чуть замѣтныя точки. Въ прозрачномъ воздухѣ темно-зеленыя краски сливаются съ бѣ-

лыми, желтыми и синими. На горизонтѣ, захватывающемъ десятки верстъ вокругъ, холмы, долины, села, нивы. Отъ обилія красокъ и ихъ переливовъ въ глазахъ рябитъ; имъ больно.

Здѣсь мы окончательно разстаемся съ Буковиной и ѣдемъ дальше. Мѣстность возвышенная. Кругомъ одни поля и поля, засѣянныя преимущественно кукурузой. Вотъ у дороги маленькое обожженное мѣсто, не больше аршина въ окружности. Слѣдъ костра. Очевидно, здѣсь пекли кукурузу, такъ какъ только что начался періодъ ея созрѣванія. Въ этотъ періодъ поля во многихъ мѣстахъ покрываются обожженными кружками. Костры для поджариванія кукурузы разводятся и взрослыми и подростками, но особенно послѣдними. Для нихъ это любимое удовольствіе. Кукурузу они ломаютъ гдѣ попало, на первомъ попавшемся полѣ, но зато и достается маленькимъ грабителямъ, если хозяева такого поля застаютъ ихъ на мѣстѣ преступленія.

Начинается постепенный наклонъ мѣстности къ Новоселицѣ. Дорога въ общемъ мало оживленна и даже пустынна, особенно послѣ буковинской дороги, гдѣ намъ часто попадались ѣдущіе въ разныя стороны русины и евреи. Деревень почти не видно. Слѣва внизу чуть выглянуло русинское село Рынгачъ и снова затѣмъ спряталось. Наклонъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Въ отдаленіи, на заграничной сторонѣ, сквозь синеву деревьевъ, тамъ и сямъ выступаютъ небольшія поселенія. Они спускаются къ рѣкѣ Пруту по возвышенному берегу ея. На бессарабской, низменной сторонѣ тянется по рѣкѣ мѣстечко. Отъ него, въ сторону мѣстечка Липканъ, идутъ села: Маршинцы, Тарасоуцы и Ванчикоуцы. Все это большія прирѣчныя села, но уже не русинскія, а молдавскія. Съ русской Новоселицей граничитъ австрійская, состоящая всего изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, среди которыхъ особнякомъ желтѣютъ зданія вокзала и таможни. Черезъ маленькое село Строинцы мы спустились съ горы и, поминутно огибая пограничную линію, всю заросшую молодой вербой, наклонившейся надъ узкимъ ручейкомъ, по хорошо убитому щебнемъ шоссе въѣхали въ Новоселицу.

Тутъ конецъ моего пути.

Я слѣзъ съ дрожекъ и отъ души поблагодарилъ С. за оказанную услугу.

— Надѣюсь, вы меня навѣстите,—сказалъ онъ мнѣ на прощаніе.—Живу я неподалеку дома учебной команды. Спросите квартиру С. Вамъ укажутъ.

Я далъ слово. Экипажъ тронулся, а я направился къ дому-особняку, къ которому отъ дороги велъ дрожащій отъ ветхости плохонькій мостикъ.

П. А. Несторовскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Томъ второй (К—П). Спб. 1908.

По поводу появленія въ свѣтъ перваго тома «Московскаго Некрополя» мы имѣли уже случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1908 г., № 1, стр. 309 — 311). Отдавая должное составителямъ этого цѣннаго въ историко-генеалогическомъ отношеніи труда, В. И. Саитову и Б. Л. Модзалевскому, мы позволили себѣ указать нѣсколько замѣченныхъ нами недочетовъ и высказать нашъ основной взглядъ, что «Московскій Некрополь», представляющій собою справочный историческій указатель лицъ, жившихъ въ XIV—XX столѣтіяхъ и погребенныхъ въ Москвѣ, и долженствующій быть «цѣннымъ по своей точности біографическимъ, хронологическимъ и генеалогическимъ матеріаломъ, пригоднымъ для историческихъ изслѣдованій» (страница V),—долженъ сообщать къ скуднымъ по содержанію надгробіямъ побольше данныхъ изъ печатныхъ источниковъ, въ особенности, если рѣчь идетъ о болѣе или менѣе выдающихся ученыхъ, литературныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, и именно въ цѣляхъ справокъ, за которыми, прибавлю, могли бы обращаться къ «Московскому Некрополю» не одни только «компетентные генеалоги», а и прочіе смертные изъ пишущей братіи. Въ отвѣтъ на этотъ нашъ отзывъ поступила въ редакцію «Историческаго Вѣстника» «замѣтка» не В. И. Саитова или Б. Л. Модзалевскаго, какъ главныхъ составителей «Московскаго Некрополя», а г. А. Голомбіевскаго,

сообщавшаго составителямъ, какъ сказано на страницѣ XXIII предисловія къ I тому, нѣкоторыя надгробія и справки. Замѣтка эта (см. «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., № 3, стран. 1163—1164), написанная тономъ глубоко обиженнаго автора и къ тому же вносящая разногласія съ мнѣніями, высказанными въ предисловіи къ I тому «Некрополя» главными его составителями и даже самимъ издателемъ, нѣсколько меня удивляла, и я считаю нелишнимъ сказать здѣсь два-три слова по поводу ея.

Выразивъ, прежде всего, благодарность за указанные мною пропуски, съ прибавкою сожалѣнія, что мною сдѣлано «такихъ указаній недостаточно много (?) и не съ достаточной точностью» (а въ чемъ и гдѣ именно эта «недостаточная точность»—не сказано), г. А. Голомбіевскій бросаетъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я «произвольно расширилъ задачи изданія, предпринятаго великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, причисляя къ числу недостатковъ изданія то, что не входило въ его программу» (страница 1163). Вся задача изданія, по его словамъ, заключалась лишь въ томъ, чтобы дать «сухой перечень, прежде всего, по возможности всѣхъ надгробныхъ надписей на московскихъ кладбищахъ, затѣмъ указатель и тѣхъ лицъ, надгробія которыхъ уже не сохранились, но въ литературѣ имѣются указанія на мѣсто ихъ погребенія». Слово «сухой» онъ заимствуетъ изъ предисловія составителей, которые говорятъ, что составленный ими преимущественно на основаніи уцѣлѣвшихъ надгробныхъ надписей «Московскій Некрополь», представляя собою справочный историческій указатель лицъ, жившихъ въ XIV—XX столѣтіяхъ и погребенныхъ въ Москвѣ, даетъ сухой, но цѣнный по своей точности біографическій, хронологическій и генеалогическій матеріалъ, пригодный для историческихъ изслѣдованій» (стр. V),—и придаетъ ему своеобразный смыслъ какого-то фотографическаго снимка, который, по нашему крайнему убѣжденію, безъ провѣрки и дополненій, врядъ ли когда будетъ «цѣннымъ и вполнѣ точнымъ и полнымъ матеріаломъ», какъ утверждаетъ г. Голомбіевскій, тѣмъ болѣе, что, по словамъ составителей, «всѣ вообще надписи передаются въ пересказѣ всего существеннаго, въ нихъ заключающагося, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ приводятся дословно» (стр. VI). Эти слова составителей г. Голомбіевскому, взявшемуся за нихъ возражать мнѣ, очевидно, остались совершенно неизвѣстными, въ противномъ случаѣ онъ не взялъ бы на себя смѣлости утверждать, что «Московскій Некрополь» есть только «копія надгробной литературы», долженствующая «замѣнить собою надписи при возможномъ ихъ исчезновеніи» (стр. 1163). Читатель, я полагаю, согласится со мною, что безъ дополнительныхъ разъясненій г. А. Голомбіевскаго трудно было бы установить взглядъ на историко-генеалогическій «справочный указатель лицъ, жившихъ въ XIV—XX вѣкахъ и погребенныхъ въ Москвѣ», какъ на «сухой перечень» надгробій или «копію надгробной литературы», безъ всякихъ поправокъ и дополненій изъ литературныхъ источниковъ. Если же при этомъ принять во вниманіе слова издателя: «Я часто останавливался на мысли издать современемъ Некрополь Москвы и Петербурга, т.-е. собрать, по возможности, всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя и напечатать ихъ на ряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, ко-

торыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы» (стр. III) и далѣе: «изданіе надписей сохраняетъ ихъ навсегда отъ исчезновенія и даетъ полезный матеріалъ для исторіи и особенно для генеалогіи, сообщая подробныя даты жизни различныхъ дѣятелей, выясняя ихъ родственныя отношенія, давая свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ ихъ положеніи» (стр. IV),—то станетъ яснымъ, что не въ мѣру обиженный г. А. Голомбіевскій бросилъ въ меня совершенно незаслуженный упрекъ въ «произвольномъ расширеніи» мною программы изданія, предпринятаго великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ. Вѣдь сообщенія «безъ датъ» или указанія однихъ цифровыхъ данныхъ о смерти, однихъ только именъ и фамилій, встрѣчающіяся въ «Некрополѣ» по преимуществу, не говорятъ ни о родственныхъ отношеніяхъ, ни объ общественномъ и служебномъ положеніи. Ставя себѣ болѣе широкія рамки, чѣмъ тѣ, которыя приписываетъ имъ г. А. Голомбіевскій, издатель и составители не могли, по-моему, не имѣть въ виду намѣренія придать своей работѣ характеръ болѣе широкаго полнаго справочника.

Далѣе, мои дополненія, сдѣланныя на основаніи трудовъ княгини Волконской «Родъ князей Волконскихъ» и г. Власьева «Потомство Рюрика», г. А. Голомбіевскій прежде всего принялъ за упрекъ, брошенный мною и издателю и составителямъ, въ незнаніи ими названныхъ трудовъ (это болѣе, чѣмъ странное сужденіе: я же хотѣлъ только подчеркнуть, что составители, видимо, при спѣшности работы, не пожелали воспользоваться столь извѣстными сочиненіями), и вообще внесеніе подобныхъ дополненій въ «Некрополь» признаетъ «недостаткомъ изданія, безусловно его обезцѣнивающимъ» (страница 1163). Трудно ему на это что-либо и возразить, развѣ только то, что онъ плохо знакомъ съ содержаніемъ защищаемаго имъ изданія, гдѣ самими составителями внесено нѣсколько подобныхъ дополненій къ надгробіямъ изъ печатныхъ источниковъ. Затѣмъ г. А. Голомбіевскій утверждаетъ, что «внесеніе всего того, о чемъ мечтаетъ г. Рудаковъ» (а мечты мои сводятся всего лишь къ тому, чтобы при цифровыхъ датахъ надписей о болѣе выдающихся дѣятеляхъ были прибавлены слова: писатель, историкъ, профессоръ, докторъ, урожденная такая-то и т. п.), «не только увеличило бы и удорожило изданіе, еще потребовало бы много времени и массы непроизводительной работы (!), совершенно измѣнило бы программу труда, и изданіе тогда, конечно, не могло бы дѣйствительно служить для генеалоговъ и историковъ вполнѣ точнымъ и полнымъ источникомъ» (?!) На это можно сказать только одно: не въ мѣру обиженный г. А. Голомбіевскій, защищая собственную программу изданія, впадаетъ въ преувеличенія и въ противорѣчія. Неужели сдѣлать справку по словарямъ и указателямъ къ періодическимъ изданіямъ, гдѣ могутъ быть помѣщены некрологи болѣе крупныхъ дѣятелей, за свѣдѣніями о которыхъ только и обратятся къ «Некрополю», потребуетъ много времени, денегъ и массы непроизводительнаго труда»! Да если бы и дѣйствительно пришлось затратить немного болѣе труда и денегъ, чѣмъ это сдѣлано теперь, вѣдь отъ этого только выиграло бы изданіе, которое не скоро повторится. А какъ г. А. Голомбіевскій, безъ поправокъ и дополненій, при указанной выше передачѣ

надгробныхъ надписей (въ пересказѣ всего существеннаго), придастъ «Некрополю» характеръ «вполнѣ точнаго и полнаго источника», въ которомъ къ тому же трудно отдѣлить слова надписи отъ заимствованнаго изъ печатныхъ пособій, это не только для меня, да и для него самого станетъ неразрѣшимой задачей.

Я печатаюсь и занимаюсь историческими и генеалогическими изысканіями уже двадцать лѣтъ и отлично понимаю, что предпринятое великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ изданіе—дѣло чрезвычайно тяжелое, кропотливое, но въ то же время при удачномъ и болѣе широкомъ выполненіи составитъ цѣннѣйшій и вѣчный вкладъ въ нашу историко-генеалогическую литературу. Дѣлая свои замѣчанія на первый томъ «Некрополя» и зная его ближайшихъ сотрудниковъ, я, признаюсь, только такого вклада и ожидалъ отъ «Некрополя» и до сихъ поръ не перестаю надѣяться, что «Петербургскій Некрополь» долженъ превзойти своего собрата; я вовсе не желалъ и не желаю быть въ сонмѣ тѣхъ «компетентныхъ генеалоговъ», которые, по признанію г. Голомбіевскаго, указываютъ только на одни «достоинства изданія».

По поводу лежащаго передо мною второго тома «Московскаго Некрополя» могу сказать, что онъ еще болѣе «сухой перечень» надгробій, нежели первый. Блистая отсутствіемъ прибавокъ необходимыхъ, по нашему мнѣнію, словъ, напр., «профессоръ московскаго университета» при именахъ: Тита Алексѣевича Каменецкаго, Павла Николаевича Кильдюшевскаго, о которыхъ сообщена только дата смерти, Степана Ивановича Клименкова (1805—1858), оставленнаго «безъ всякихъ датъ», и др., «собиратель древностей» при имени Павла Өедоровича Карабанова; «этнографъ-писатель» при имени Вадима Васильевича Пассекъ; «писатель» при имени Алексѣя Николаевича Плещеева; «ученый и писатель» при имени Нила Александровича Попова и мн. др.,—онъ въ то же время изобилуетъ указаніями на литературныя пособія, одновременно съ указаніями кладбищъ, о которыхъ приведена литература въ предисловіи къ I т., и даже одно и то же сочиненіе повторяется дважды при имени одного брата и другого (см. Кантемиры, стр. 13). Встрѣтились намъ, даже при бѣгломъ обзорѣ, и пропуски лицъ «дѣйствительно умершихъ» и погребенныхъ въ Москвѣ, каковы: докторъ-медицины Н. Н. Кауфманъ (†1870), писатель Николай Михайловичъ Пановскій (1802—1892), писатель-славянофилъ Василій Алексѣевичъ Пановъ (†1872), писатель Александръ Ивановичъ Перепечинъ (†1801) и др.

Все это заставляетъ меня еще разъ повторить свое пожеланіе, чтобы «Некрополь» болѣе отвѣчалъ справочнымъ цѣлямъ для широкаго круга пишущей братіи и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ значеніе дѣйствительно цѣннаго и полнаго источника.

В. Рудаковъ.

Переворотъ 1762 года. «Русская Быль». М. 1908.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла книга, гдѣ, по словамъ предисловія, помѣщены «сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ» переворота 1762 года, а точнѣе говоря—«Исторія и анекдоты революціи въ Россіи в

1762 г.» Рюльера (въ русскомъ переводѣ) и выдержки изъ XII тома собранія сочиненій императрицы Екатерины II (академическаго изданія), изъ XXV т. Архива кн. Воронцова и отрывки изъ сочиненія Бильбасова «Исторія Екатерины II» (лонд. изд., т. II).

Интересъ представляетъ переводъ книжки Рюльера. Въ моментъ переворота Рюльеръ былъ въ Россіи и, состоя секретаремъ при французскомъ посольствѣ, имѣлъ значительныя связи въ придворной сферѣ. Возвратившись на родину, онъ написалъ «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762», но его работа, распространившись во многихъ спискахъ, благодаря вмѣшательству русскаго правительства, не была напечатана при жизни Екатерины II, а вышла въ свѣтъ только въ царствованіе Павла I (Paris, 1797 года). На русскомъ языкѣ пытались напечатать эту книгу М. П. Лонгиновъ и П. И. Бартеневъ, но по цензурнымъ условіямъ эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Въ настоящемъ изданіи переводъ печатается съ рукописи, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда и кѣмъ былъ сдѣланъ этотъ переводъ, составитель книги не знаетъ; переводъ за исключеніемъ пропущенныхъ 3—4 строкъ и измѣненіемъ нѣсколькихъ словъ напечатанъ полностью, съ сохраненіемъ правописанія архивной рукописи.

Если бы составитель книги ограничился напечатаніемъ перевода Рюльера, то онъ поступилъ бы совершенно правильно. Но онъ присоединилъ сюда разныя «историческія свидѣтельства и документы», которые, по его словамъ, «приводятся нарочно въ возможно большемъ числѣ, чтобы освѣтить событіе со всѣхъ сторонъ» (стр. 6), а въ томъ числѣ присоединилъ и выдержки изъ Бильбасова, полагая, очевидно, что работа Бильбасова тоже относится къ «историческимъ свидѣтельствамъ и документамъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ того, эти «историческія свидѣтельства и документы» совершенно механически повыдерганы изъ разныхъ книгъ (указанныхъ мною выше), перепечатка ихъ исполнена весьма небрежно и безъ соблюденія даже элементарныхъ правилъ, которымъ обычно слѣдуютъ въ такихъ случаяхъ. Такъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ точныхъ указаній, откуда взятъ перепечатываемый текстъ. «Записки» Екатерины II воспроизводятся со всѣми опечатками и пропусками, которые имѣются въ академическомъ изданіи; составитель даже не заглянулъ въ конецъ книги (XII т.), гдѣ эти опечатки и пропуски оговорены и исправлены. Текстъ Бильбасова прямо изуродованъ. Если сравнить, напр., перепечатки на стр. 117 — 120 съ подлиннымъ текстомъ, то четыре страницы перепечатокъ выкроены изъ девяти страницъ бильбасовскаго текста (т. II, 44—52), который мѣстами пропущенъ, мѣстами сокращенъ и измѣненъ, а иногда и просто добавленъ новыми фразами, не имѣющимися въ текстѣ у Бильбасова. Курьезнѣе всего то, что составитель «Переворота 1762 г.» пытался придать своей книжкѣ характеръ учености и, слѣдуя за Бильбасовымъ, сопровождаетъ свои перепечатки учеными примѣчаніями. Но изъ этихъ попытокъ выходитъ что-то курьезное. Напр., на стр. 119 въ примѣчаніи составитель страннымъ образомъ перепуталъ всѣ указанія литературныя и архивныя, на которыя ссылается въ своей

книгѣ Бильбасовъ (II, 51—52 стр.). Въ другихъ мѣстахъ (стр. 135 и сл.) составитель и съ примѣчаніями Бильбасова расправляется такъ же, какъ съ текстомъ, сокращая и измѣняя отдѣльныя выраженія, пропуская не только отдѣльныя слова и фразы, но иногда болѣе значительныя части, строкъ въ двадцать (ср. II т., 114—115).

Приведенными указаніями, полагаю, въ достаточной мѣрѣ характеризуются пріемы составителя книги. **М. К.**

Историческіе очерки и разсказы С. Н. Шубинскаго. Пятое изданіе, дополненное и исправленное. Съ 89 портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. Ц. 4 р.

Пятое изданіе «Историческихъ очерковъ и разсказовъ» С. Н. Шубинскаго значительно отличается отъ предыдущихъ четырехъ. Въ него вошло десять новыхъ разсказовъ, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ слѣдующіе: «Княгиня Волконская и ея друзья», составленный исключительно на основаніи архивныхъ документовъ, гдѣ рисуется борьба за власть, въ царствованіе Екатерины I, любимца Петра Великаго князя А. Д. Меншикова и трагизмъ судьбы его противниковъ, въ числѣ которыхъ находился предокъ Пушкина арапъ Абрамъ Ганнибалъ; «Богомъ данный генералъ-прокуроръ», такъ названный императоромъ Павломъ Обольяниновъ, личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная; «Княгиня Ловичъ», симпатичная вторая жена великаго князя Константина Павловича, имѣвшая сильное вліяніе на этого необузданнаго человѣка, чѣмъ воспользовались поляки для организаціи возстанія 1831 года. Въ остальныхъ разсказахъ, общее число которыхъ 52, очерчены домашній бытъ Петра Великаго, императрицы Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, типы разныхъ дѣятелей XVIII и начала XIX столѣтій, фаворитовъ, аристократовъ, аристократокъ, авантюристовъ, помѣщиковъ, чудаковъ, самодуровъ и т. п. Очерки написаны очень живо и иллюстрированы прекрасно исполненными портретами и рисунками. Въ книгѣ слишкомъ 45 печатныхъ листовъ; изданіе снабжено указателемъ личныхъ именъ и иллюстрацій.

В. Г.

Русская Историческая Библіотека, издаваемая императорскою археографическою коммиссіею. Томъ XXI. Дѣла Тайнаго приказа. Книга первая. Спб. 1907.

Вышедшій изъ печати въ концѣ прошлаго года XXI томъ «Русской Исторической Библіотеки» заключаетъ въ себѣ много интереснаго историческаго матеріала изъ эпохи царя Алексѣя Михайловича.

Со смертью Алексѣя Михайловича (29-го янв. 1676 г.) пересталъ существовать и учрежденный имъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Подчиненныя этому приказу мѣста и лица были подчинены другимъ учрежденіямъ. Документы и дѣлопроизводство по разнымъ вопросамъ также были переданы въ другіе при-

казы. Окончательная разсылка дѣлъ послѣдовала по указу царя Өеодора Алексѣевича отъ 6-го декабря 1676 года: «дѣла, которыя были при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ приказѣ его государевыхъ тайныхъ дѣлъ, осмотрѣть боярамъ: князю Н. И. Одоевскому, князю М. Ю. Долгорукову, печатнику Д. М. Башмакову и думному дьяку Ө. Михайлову, и тѣ дѣла при нихъ... разобрать, переписать и закрѣпить дьякамъ, которые изъ подьячихъ приказа тайныхъ дѣлъ, и отослать въ приказы, въ которые какія пристойно». Разсылка этихъ документовъ продолжалась все царствованіе Өеодора Алексѣевича и закончилась лишь въ 1683 года.

XXI томъ «Русской Исторической Библіотеки» содержитъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы, относящіеся къ приказу тайныхъ дѣлъ: I) Переписную книгу документовъ приказа тайныхъ дѣлъ 1676 г., II) О разсылкѣ документовъ приказа тайныхъ дѣлъ по другимъ приказамъ въ 1676—1683 годахъ, III) Роспись дѣлъ и книгъ Тайнаго приказа, сданныхъ дьякомъ Арт. Волковымъ по случаю поѣздки въ понизовые города 1677 года, IV) Роспись, что изъ дѣлъ Тайнаго приказа взнесено въ царскіе хоромы и что отослано въ разные приказы 1685 года, и V) Записныя книги приказа тайныхъ дѣлъ съ сентября 1660 года по августъ 1674 года.

Четыре первыхъ отдѣла имѣютъ цѣнность для историка, такъ какъ показываютъ все то, что осталось послѣ приказа Тайныхъ дѣлъ, и перечисляютъ всѣ дѣла, бывшія въ немъ, а «записныя книги» выясняютъ, въ чемъ состояла дѣятельность приказа. Содержаніе записей весьма разнообразно, какъ, напр., онѣ касаются «пушечнаго кожанаго дѣла», пушекъ изъ кожи, мѣдныхъ денегъ, написанія иконъ, раскольниковъ, непристойныхъ словъ и государева дѣла, московскихъ церквей, рожденія царевича Петра, учителя царя Өеодора Алексѣевича и т. д. Вообще, «записныя книги» даютъ богатый матеріалъ для изученія быта этой эпохи, а отчасти и самой личности «Тишайшаго» царя. Онѣ рисуютъ намъ Алексѣя Михайловича, какъ заботливаго хозяина, вникающаго во всѣ мелочи громаднаго царскаго хозяйства, напр., постройку зданій въ дворцовыхъ селахъ, устройство садовъ, заготовку въ прокъ разнаго рода мяса, приготовленіе наливокъ, шитье платья и т. п.

Алексѣй Михайловичъ принимаетъ большое участіе въ духовныхъ лицахъ, нищихъ, больныхъ и т. д. Первыхъ царь надѣляетъ и разнаго рода вещами и различными яствами и питіями; особенно часто въ подобныхъ указахъ встрѣчается имя благовѣщенскаго протопопа Андрея Савинова: то приказывается для него «сдѣлать на казенномъ дворѣ охабень объяринной черной, каөтанъ таөтяной, шапку бархатную черную, однорядку кармазиновую гвоздичную, мятель сукна кармазиноваго тмовишневаго, шляпу властелинскую», (ст. 1176), то дается для «ево имянинъ з Дворцовъ: Сытного: вина двойного, алкану, меду вишневого, меду малинового по ведру, раманѣи 2 ведра, меду паточнаго 10 ведръ; съ хлѣбеннаго: муки толченой, крупичетой по чети» (ст. 1476) и т. д. Можно встрѣтить записи, изъ которыхъ видно, что царь старается смягчить, загладить суровость наказаній того времени своею заботою о пострадавшихъ отъ нихъ; такова слѣдующая: «Апрѣля въ 15 день по указу великаго государя взятъ и(с) Стрелецкого Приказу колодникъ каж-

неной, отсѣчена рука да нога, Мануйликъ Ѳедоровъ и куплено ему платья каѳтанъ теплой, заячей подъ киндякомъ, шапка, рубаха, портки и посланъ онъ въ Екатерининскую рощу въ больницу, и память о приемѣ ево и что ему дать въ больнице мѣсто и кормить і всѣмъ покоить довольно, послана къ прикащику къ Ивану Кирилову того-жъ числа» (ст. 1291). Приведемъ еще распоряженіе «Тишайшаго», указывающее, насколько онъ входилъ въ детали жизни тѣхъ лицъ, въ которыхъ принималъ участіе: «Февраля въ 14 день посланъ нищей Аврамъ Вахромѣевъ въ Переславской уѣздъ, въ село Кабанское къ Матвѣю Докучаеву, а велено ему ево держать у себя во дворѣ, и поить и кормить довольно, и покоить, и къ церковному пѣнию относить всегда; а хмельнову питья давать ему по чарке вина да меду или пива по полукружке въ день, а больши того хмельного питья отнюдь не давать. А буде ево Матвѣевымъ небереженьемъ учнутъ ему Авраму хмельного питья давать больши указного, и ему отъ великого государя за то быть въ опале. Да и того ему смотрѣть, чтобъ онъ Аврамъ ни съ кѣмъ матерны и никакою бранью не бранился и скаредныхъ словъ не говорилъ; а будетъ учнетъ съ кѣмъ бранитца и скаредные слова говорить, и ему Матвѣю отъ того ево унимать, и о томъ къ нему Матвѣю послана память» (ст. 1502).

По «записнымъ книгамъ» человѣкъ, чуткій къ родной старинѣ, можетъ возсоздать цѣлую картину этой эпохи, полную яркихъ красокъ.

Напечатанъ первый томъ «дѣлъ тайнаго приказа» подъ наблюденіемъ члена корреспондента академіи наукъ С. А. Бѣлокурова. Къ изданію приложены указатели личныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ немъ. **В. Тр—ій.**

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1907 г. Книга четвертая.

Въ этой книгѣ «Чтеній» среди матеріаловъ помѣщены: 1) Чиновники московскаго Успенскаго собора, съ предисловіемъ и указателемъ А. П. Голубцова (на предисловіе сдѣлано два указанія, но самаго предисловія не напечатано); 2) Особая повѣсть объ Азовѣ; 3) Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ Г. Геннади, т. III (окончаніе).

Въ рубрикѣ «изслѣдованій» находимъ окончаніе работы А. П. Голубцова: «Соборные чиновники и особенности службы по нимъ».

Въ отдѣлѣ смѣси: 1) Правая грамота на лугъ 1521 г.; 2) Разъѣзжая грамота на землю 1534 г.; 3) Данная Ю. В. Кокошкина на четыре деревни отъ 1542 г.; 4) Грамота изъ патріаршаго казеннаго приказа о землѣ 1696 г. Всѣ эти документы извлечены изъ архива Голохвостовыхъ С. А. Бѣлокуровымъ. 5) Духовные стихи, записанные въ Тульской губерніи въ 1845 г.; 6) Изъ бумагъ Дмитрія Паглиновскаго (матеріалы для изученія масонства); 7) О походѣ великихъ государей Ивана и Петра Алексѣевича съ царицами и царевнами изъ Москвы и о смертной казни князей Хованскихъ 1682 года.

Въ этомъ все содержаніе книги. Послѣ просмотра ея остается впечатлѣніе, что она почти вся (точнѣе изъ 600 стр.—450, а остальныя 150 посвящены

словарю Геннади и др. матеріаламъ) занята или текстомъ соборныхъ чиновниковъ, или изслѣдованіемъ о нихъ (да и то окончаніемъ). Конечно, для историка церкви эти тексты и изслѣдованія имѣютъ значеніе, но для русскаго историка они ничего не даютъ. Жаль, что цѣлая книга забивается однороднымъ и узко-спеціальнымъ матеріаломъ, и нѣтъ возможности, за исключеніемъ мелочей, хоть на чемъ-либо остановиться вниманіемъ и отдохнуть душой.

М. К.

---

1) Грибовскій, В. М. Памятники русскаго законодательства XVIII ст. Вып. I, Спб., 1907. 2) Акты царствованія Екатерины II. Изданіе моск. высш. женск. курсовъ, подъ редакціей Г. Н. Шмелева. М. 1907.

Обѣ книги, заглавія которыхъ выписаны выше, изданы съ учебною цѣлью. Всякій, кому приходилось вести практическія занятія по русской исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, знаетъ, какъ велики подчасъ затрудненія, обусловленныя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рукахъ у слушателей нѣтъ текста источниковъ, съ которыми требуется не только одно знакомство, но и умѣнье пользоваться. До XVIII в. подобное руководство имѣется—это прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ «Хрестоматія по исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. «Что же касается XVIII и XIX столѣтій, то, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ отношеніи пособій указаннаго рода существуетъ ничѣмъ не заполненный пробѣлъ»; нельзя поэтому не порадоваться появленію книги г. Грибовскаго и въ особенности появленію книги въ изданіи «московскихъ женскихъ курсовъ», которыми предпринято изданіе важнѣйшихъ источниковъ такъ, чтобы они были вполнѣ доступны по цѣнѣ. Такъ, настоящій выпускъ, содержащій въ себѣ: 1) «Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи», 2) «Жалованную грамоту дворянству» и 3) «Грамоту на права и выгоды городамъ Россійской имперіи», стоитъ всего лишь 60 коп., хотя объемъ выпуска равенъ 160 стр. 4°. Что касается книги г. Грибовскаго, то нельзя сказать, чтобъ она, въ сравненіи съ предыдущей, отличалась дешевизной: книга содержитъ 208 стр. текста (8°) и стоитъ—1 р. 50 коп. Но зато она имѣетъ другія достоинства, именно въ ней собраны важнѣйшіе акты всей законодательной дѣятельности великаго преобразователя. Впрочемъ, «въ учебныхъ цѣляхъ—какъ говоритъ авторъ—нѣкоторые памятники воспроизводятся не цѣликомъ; части чисто техническаго и спеціальнаго содержанія, напримѣръ, въ воинскомъ уставѣ или духовномъ регламентѣ опущены». Каждый отдѣльный памятникъ авторомъ снабженъ краткимъ историческимъ введеніемъ, соотвѣтствующими литературными указаніями, подстрочными примѣчаніями и ссылками на отдѣльныя монографическія работы. Иногда «введеніе» сплошь почти состоитъ «изъ отрывковъ спеціальныхъ соотвѣтственныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ», какъ, напримѣръ, «Вступительныя замѣчанія» къ «Регламенту главному магистру». Всѣ акты расположены подъ слѣдующими рубриками: 1) Указъ о сенатѣ, 2) Сенатскій надзоръ, 3) Воинскій уставъ, 4) Генеральный регламентъ, 5) Регламентъ главному ма-

гистрату, 6) Регламентъ или уставъ духовной коллегіи, 7) Табель о рангахъ и 8) Указъ о формѣ суда. Въ «приложеніи помѣщены: 1) «Обрядъ како обвиняемый пытается» и 2) Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества, долженствующія «характеризовать наше уголовное матеріальное право и процессъ въ XVIII столѣтіи». **Я. Бирюковъ.**

Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. VII (1883 — 1885 г.).

Изданіе этихъ любопытнѣйшихъ записокъ близится къ концу, благодаря неутомимой энергіи ихъ издателя Генн. Ѳед. Виноградова, племянника преосвященнаго Саввы. По его словамъ, остаются два послѣднихъ тома (8 и 9) и предметный указатель, чтобы закончить изданіе. Все это будетъ напечатано и изданіе закончено въ 1908 году.

Характеръ изданія остается прежній: а) при каждомъ томѣ предисловіе издателя, указывающее существенное содержаніе; б) самая «Хроника», куда входитъ и вся переписка, включающая и самыя незначительныя записки, и в) алфавитный указатель именъ.

Хроника обнимаетъ собою шесть царствованій. Преосвященный Савва помнитъ, какъ приносили присягу Константину, а потомъ Николаю Павловичу, и былъ близкимъ наблюдателемъ реформъ Александра II. Въ третьемъ томѣ приводятся два текста «дворянской» конституціи, чрезвычайно интересные, въ виду нашего недавняго прошлаго [1]). Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ привести ихъ цѣликомъ. Выдающійся интересъ представляетъ описаніе быта и нравовъ Западнаго края (по поводу витебской епархіи (въ томъ же III томѣ). Но приводится, напр., таблица цвѣтовъ, составленная дамами для преосвященнаго Леонида Маковскаго. Настоящій VII томъ заключаетъ въ себѣ, выдѣленный въ особую часть, разсказъ о двухгодичномъ (1883—1885) пребываніи преосв. Саввы въ Петербургѣ (куда онъ былъ вызванъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ изъ тверской своей епархіи). Томъ обнимаетъ 592 страницы. Преосв. Савва много разъ бывалъ въ Петербургѣ и хорошо зналъ разныя отношенія представителей высшей администраціи. Его указаніями въ этомъ отношеніи пользовался даже митрополитъ Филаретъ, бывшій въ контрахъ съ митрополитомъ Исидоромъ, и самъ, какъ извѣстно, не въѣзжавшій въ Петербургъ.

На этотъ разъ преосв. Савва рѣшилъ пооснователънѣе и ближе изучить Петербургъ. Онъ поселился на Васильевскомъ островѣ, а послѣ на Загородномъ проспектѣ. Его поражали низкопоклонство, двоедушіе и лицемѣріе «сферъ» (стр. 15 и 27, 109, 357 и слѣд.).

Существенной работой его въ эти два года было собираніе и изданіе бумагъ митрополита Филарета, по порученію оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, и составленіе положенія о военномъ духовенствѣ.

---

[1]) Т. III, стр. 222—225. Въ этомъ же томѣ разборъ извѣстной книги св. Белюстина: «О русскомъ духовенствѣ», стр. 339—348.

Характеристика К. П. Побѣдоносцева проведена очень ярко, хотя не сгруппирована въ одномъ мѣстѣ. Особенно интересны указанія на отношенія К. П. къ Лорисъ-Меликову (стр. 17). Съ такою же ненавистію относился къ послѣднему и графъ Деляновъ (стр. 17), несмотря на землячество [1]). Замѣчательно тонко указано ничтожное значеніе членовъ синода при такихъ «случайныхъ» лицахъ, какъ Побѣдоносцевъ и митрополитъ Исидоръ (стр. 109 и 357). Исидора преосв. Савва считалъ своимъ врагомъ и, не скрывая, говоритъ о вліяніи на Исидора г-жи Базилевской и ея племянницы, баронессы Врангель (стр. 558). Нелестный отзывъ дѣлается и о русскомъ духовенствѣ, по поводу «неладовъ» харьковскаго Амвросія съ его паствой (стр. 108) [2]). Разсказъ о дѣлѣ Булахъ, въ связи съ болѣзнью кіевскаго митрополита Филоѳея(стр. 18), не представляетъ ничего новаго. Въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ и на этотъ разъ, преосв. Савва ограничивается выдержками изъ «Новаго Времени». Большой общій интересъ представляетъ характеристика сперва кіевскаго, потомъ московскаго митрополита Іоанникія и его отношеніе къ памяти знаменитаго митрополита Филарета и примѣры крайней «невоздержанности» митрополита Іоанникія въ его рѣчахъ (стр. 345 и 346).

Благодаря объективности изложенія, книга читается очень легко, а благодаря массѣ писемъ имѣетъ разнообразный интересъ и даетъ богатый матеріалъ, историческій и бытовой. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что интрига, удалившая преосв. Савву изъ Петербурга, помѣшала его засѣданіямъ въ комиссіи о церковно-приходскихъ школахъ и свѣдѣніямъ о ходѣ этого дѣла.

Есть одна строка въ «Хроникѣ», объясняющая очень многое. Противъ вѣнчанія вел. кн. Сергія Александровича въ воскресенье на масленицѣ высказался въ синодѣ одинъ преосв. Савва. Узнавъ о томъ, императоръ Александръ III сказалъ: «Слава Богу, что хотя одинъ нашелся честный человѣкъ» (стр. 248—1, 2, 3 строчки сначала).

Будемъ надѣяться, что Г. Ѳ. Виноградовъ при своей энергіи окончитъ свое изданіе къ предположенному сроку и обогатитъ, такимъ прекраснымъ и по внѣшности изданіемъ, число все чаще и чаще появляющихся въ послѣднее время біографій-хроникъ новымъ и цѣннымъ трудомъ.

В. А. Лебедевъ.

Сочиненія Ѳ. И. Буслаева. Томъ первый. Сочиненія по археологіи и исторіи искусствъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Съ 40 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908.

Въ послѣднее десятилѣтіе императорская академія наукъ приступила къ изданію полными собраніями сочиненій нѣсколькихъ своихъ покойныхъ академиковъ: извѣстнаго археолога К. К. Герца, И. Н. Жданова, В. Гр. Васильев-

---

[1]) Интересенъ разсказъ Делянова о паденіи Н. П. Игнатьева (стр. 42).

[2]) Въ синодѣ можно услышать такія повѣсти «о художествахъ духовныхъ персонъ, какія и въ голову не придутъ».

скаго, Ѳ. И. Буслаева и др. Передъ нами только что вышедшій изъ печати первый томъ «Сочиненій Ѳ. И. Буслаева», скончавшагося въ 1897 г. Этотъ томъ, редактированный академикомъ Н. П. Кондаковымъ, заключаетъ въ себѣ труды покойнаго ученаго по русской археологіи и исторіи искусства. Объясняя выдѣленіе названныхъ трудовъ на первый планъ, редакторъ говоритъ: «въ то время какъ ученые труды покойнаго по русскому языку и словесности стали уже съ давнихъ поръ общимъ достояніемъ и явились въ нѣсколькихъ изданіяхъ, перепечаткахъ, учебникахъ и руководствахъ, археологическія сочиненія Буслаева незаслуженно остаются въ полной неизвѣстности, по крайней мѣрѣ для большой публики. Сочиненія эти, изданныя въ спеціальныхъ изданіяхъ и сборникахъ, а также и въ общихъ журналахъ, не перепечатанныя впослѣдствіи, досёлѣ продолжаютъ быть извѣстными только спеціалистамъ, высоко цѣнящимъ ихъ достоинства» (стр. I). Признавая за ними и сейчасъ значеніе «великолѣпной пропедевтики художественно-историческаго характера, которою могла бы гордиться всякая западная литература», Н. П. Кондаковъ старался сохранить при перепечаткѣ не только самый текстъ, но и орѳографію, и выдвинулъ на первый планъ, «какъ общеруководящіе трактаты», тѣ статьи покойнаго академика, которые были имъ напечатаны въ «Сборникѣ общества древне-русскаго искусства» за 1866 г., а остальныя статьи расположилъ въ общемъ хронологическомъ порядкѣ. Во главѣ этихъ «общеруководящихъ трактатовъ» стоитъ изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Общія понятія о русской иконописи», которому самъ авторъ придаетъ слѣдующую двоякую цѣль: во-первыхъ, объяснить главнѣйшія особенности русской иконописи... и во-вторыхъ, обратить вниманіе интересующихся русскою иконописью на тѣ данныя въ обширномъ кругу христіанскаго искусства вообще, которыя состоятъ съ нею въ тѣсной связи, и знакомство съ которыми необходимо для составленія о ней яснаго и отчетливаго понятія» (стр. 1).

Помѣщенныя за этимъ изслѣдованіемъ остальныя 23 статьи покойнаго академика въ большинствѣ случаевъ вызваны появленіемъ новыхъ трудовъ русскихъ и иностранныхъ изслѣдователей по интересующему его вопросу и только нѣкоторыя—личнымъ обозрѣніемъ предметовъ древностей. Не перечисляя здѣсь всѣхъ его статей, отмѣтимъ только наиболѣе крупныя изъ нихъ. Таковы: 1) «Краткое обозрѣніе исторіи византійскаго искусства по сочиненіямъ Лабарта и Гасса», 2) «Сказаніе о созданіи церкви св. Софіи. Предисловіе и текстъ», 3) «О русскихъ народныхъ книгахъ и лубочныхъ изданіяхъ» [1]), по поводу сочиненія Ив. Снегирева: «Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ» (М. 1861) и двухтомнаго труда Пизара: «Histoire des livres populaires» (Paris, 1854); 4) «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ»—разборъ извѣстнаго труда того же названія И. Е. Забѣлина, представившаго его на конкурсъ по соисканію Демидовской преміи; 5) «Замѣтки изъ исторіи чешской живописи»; 6) «Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ», рецензія о двухтомномъ изслѣдованіи Отто Каспари: «Die Ur-

---

[1]) Эта обширная статья была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. 138, № 9.

geschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwickelung des frühesten Geistenslebens» (Лейпцигъ, 1873); и наконецъ 7) «Клинообразныя надписи Ахеменидовъ въ изданіи проф. К. А. Коссовича» («Inscriptiones Palaeo-Persicae» etc). Двѣ послѣднія статьи были первоначально напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1873 г., №№ 10 и 12.

Кромѣ 40 рисунковъ въ текстѣ, въ началѣ тома помѣщенъ и портретъ Ѳ. И. Буслаева. **В. Р—въ.**

А. С. Пушкинъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его произведеній для учащихся. Составилъ Ал. Соловьевъ. Спб. 1908.

Отъ всей души жалѣемъ тѣхъ несчастныхъ учащихся, которые вздумаютъ взять пособіемъ при изученіи Пушкина книжку г. Соловьева. Біографическій очеркъ очень небреженъ и плохъ. «Посланіе къ сестрѣ» вовсе не было помѣщено въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ, никакой «статьи на пріѣздъ принца Оранскаго» Пушкинъ не писалъ. Упоминая о такой сравнительно малозначащей вещи, какъ «Зимняя дорога», авторъ забылъ про «Капитанскую дочку». Разсказывая, что гробъ Пушкина былъ отправленъ въ Святогорскій монастырь «въ сопровожденіи жандармовъ и А. И. Тургенева», авторъ не сказалъ, кто былъ этотъ Тургеневъ, и учащіеся легко могутъ рѣшить, что А. И. Тургеневъ былъ что-то вродѣ жандарма. На 10-й стр. г. Соловьевъ усматриваетъ въ одѣ «Клеветникамъ Россіи» «офиціальный патріотизмъ, къ которому Пушкинъ прибѣгнулъ какъ къ средству для своей реабилитаціи въ глазахъ правительства», а на 16-ой стр. оказывается, что «въ одѣ слышится возбужденное патріотическое чувство; по тону видно, какъ глубоко затрагивали душу Пушкина тогдашнія политическія событія». Таковъ взглядъ автора на личность Пушкина. Еще забавнѣе «критика» г. Соловьева, состоящая въ пошлѣйшемъ пересказѣ Пушкина своими словами и въ самыхъ нежданныхъ выводахъ. Пушкинъ, по мнѣнію автора, «считаетъ поэта человѣкомъ, одареннымъ высочайшими (?) чувствами». «На лонѣ природы поэтъ долженъ стремиться къ художественному воспроизведенію современной ему дѣйствительности». Общія «свойства лирики» Пушкина таковы: «содержаніе его стихотвореній не только для (!) русскаго, но и для человѣка всякой другой національности»; «стихотворенія его всегда (!) кратки; въ нихъ немного словъ, но зато всѣ они весьма мѣтки». Частныя замѣчанія г. Соловьева великолѣпны, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ нихъ два-три: «Черкешенка цѣлыя ночи проводила въ бесѣдахъ съ плѣнникомъ, дополняя непонятное выразительными взглядами. Плѣнникъ слушалъ и уважалъ эту простую дѣвушку». «Гирея не радуетъ власть; это происходитъ оттого, что онъ не можетъ дождаться взаимности молодой плѣнницы Маріи». Многое у новаго критика достойно Козьмы Пруткова. Напримѣръ: «не всякій умретъ отъ голода на порогѣ хижины, въ которой когда-то жила дорогая ему дѣвушка». Какой смѣлый отрицатель не согласится съ этой удивительно вѣрной сентенціей! А вотъ замѣчаніе еще тоньше. Знаете, какая мысль развивается въ «Мѣдномъ Всадникѣ»? Вотъ какая: «Петръ Великій не могъ отказаться отъ рѣшеній исто-

рической задачи русскаго народа по той только причинѣ, что въ 1824 году случилось роковое наводненіе». Форма вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Алеко — «добровольный изгнанный общества»; Петръ Великій «отодралъ Мазепу за усы». Есть очень милые цвѣты краснорѣчія. «Сердце Ленскаго было непорочно и чисто, какъ нераспускавшійся бутонъ розы, не билось жаждой счастья (?) и готово было распустить свои лепестки отъ одного солнечнаго луча»... «Очень хорошо!» какъ говорилъ въ такихъ случаяхъ Пушкинъ, но горе учащимся, которыхъ введетъ въ заблужденье заглавной страницей этотъ жалкій лубокъ.

Н. Л.

Покровскій, В. И. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1908.

Сборники г. Покровскаго уже достаточно оцѣнены нашей критикой: если имъ далеко еще до полнаго совершенства, то во всякомъ случаѣ они стоятъ гораздо выше подобныхъ изданій, наприм., Зелинскаго, который, не стѣсняясь, сокращаетъ тѣ или иныя критическія статьи или разбрасываетъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, отчего теряется цѣльность впечатлѣнія. Въ настоящее 2-ое изданіе, являющееся значительно дополненнымъ противъ прежняго, вошли слѣдующія статьи, числомъ около 18. Во-первыхъ, «Смерть Тургенева, проводы его останковъ на родину и рѣчи, произнесенныя въ Парижѣ» г. Евстаѳіева, во-вторыхъ, «Встрѣча тѣла на русской границѣ и похороны въ Петербургѣ»; статья эта взята изъ «Новостей». Такимъ образомъ статьи эти въ связи съ предыдущей:—«Послѣдніе годы жизни Тургенева»—создаютъ довольно цѣльное представленіе у читателя не только о послѣднихъ дняхъ жизни маститаго писателя, но и о его смерти и о томъ, какъ отозвалось извѣстіе о его кончинѣ въ Россіи. Затѣмъ идетъ статья: «Основная идея» Записокъ охотника» и художественное ея воплощеніе» г. Венгерова, «И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ»; статья эта взята изъ новой монографіи о Тургеневѣ г. Гутьяра. Отмѣтимъ также статью г. Овсянико-Куликовскаго: «Люди 40-хъ годовъ и Рудинъ, какъ типичный представитель этой эпохи», и статью г. де-Пуле: «Лиза, какъ величавый образъ русской женщины, съ ея смиреніемъ, добровольнымъ мученичествомъ и жаждою искупительнаго добра». Кромѣ того, заслуживаютъ упоминанія еще статьи г. Николева, Сухомлинова, Ашевскаго и Анненкова; изъ нихъ первому принадлежитъ: «Живая вѣра, любовь къ Богу, вѣчныя начала, воспринятыя изъ религіи и роднящія съ народомъ—обаятельныя черты Лизы», второму—«Отношенія Тургенева къ искусству, наукѣ, народности и русскому языку», третьему—«Тургеневъ и народное образованіе» и, наконецъ, г. Анненкову: «Тургеневъ—любимецъ крестьянъ своего села».

Я. Бирюковъ.

М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908.

Широкъ и новъ взглядъ автора. «Едва ли,—говоритъ онъ,—найдется еще другой родъ литературы, который стоялъ бы у насъ на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ исторія духовной жизни нашего общества. Можно подумать, что законы научнаго мышленія для нея не писаны. Ни однородность изслѣдуемыхъ явленій, ни строгая опредѣленность понятій, ни единство метода—здѣсь ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Все свалено въ кучу: поэзія и политика, творческіе умы и масса, мысль и чувство, дѣло и слово,—и изъ всего этого силятся выжать какую-то единую идею, которая должна представлять собою схему развитія русской общественной мысли». И г. Гершензонъ горячо возстаетъ противъ узкаго фанатическаго увлеченія только политической идей,—если можно такъ выразиться, противъ интеллигентнаго варварства, благодаря которому—«сколько умственныхъ теченій замолчано, сколько забыто высокихъ помысловъ, свѣтлыхъ образовъ, глубокихъ исканій!» Но «даже эта картина развитія политической мысли, взятая внѣ своей глубокой связи съ общей исторіей русскаго общественнаго сознанія, оставалась какъ бы висящей въ воздухѣ и воспринималась только умомъ, но не заражала читателя инстинктивно, т.-е. теряла три четверти своей воспитательной цѣнности». Авторъ говоритъ: «пора поискать тропинокъ, съ раздѣленія мы должны начать»... Изученіе классовъ, поколѣній никогда не дастъ тѣхъ живыхъ, конкретныхъ чертъ и впечатлѣній, которыя можно вынести только изъ близкаго знакомства съ жизнью отдѣльныхъ, яркихъ личностей. Въ книгѣ г. Гершензона нѣсколько такихъ характерныхъ фигуръ: Михаилъ Орловъ, Александръ Раевскій («Демонъ»), Печоринъ, Станкевичъ, Галаховъ и Огаревъ. Каждый изъ нихъ—яркая личность и въ то же время олицетвореніе, символъ. Орловъ съ его законченнымъ политическимъ сознаніемъ, заполнившимъ всю его душу, заслонившимъ отъ него все остальное въ жизни,—типическій декабристъ, человѣкъ, для котораго жить значило быть общественнымъ дѣятелемъ... Подъ рукой удивительнаго мастера художественной историко-психологической характеристики озаряются новымъ свѣтомъ знакомыя фигуры Станкевича, Грановскаго, Печорина, и возникаетъ новый образъ—Галахова, интереснаго представителя умственнаго движенія 40-хъ годовъ, сумѣвшаго въ личной любовной драмѣ пережить коренныя страданія своей эпохи.

Очерки г. Гершензона, кажется, всѣ уже были напечатаны въ разныхъ изданіяхъ. Собранные въ одну книгу, они дали нѣсколько художественныхъ портретовъ представителей молодой Россіи. Авторъ прекрасный, увлекательный стилистъ и умѣлый литературный техникъ, избѣгающій всего рутиннаго, оригинальный и глубокій. Разсказъ течетъ легко, красиво и плавно. Не совсѣмъ подходитъ къ книгѣ ея заглавіе—она еще не «Исторія», а только начало исторіи, для которой въ хорошо забытомъ нашемъ прошломъ найдется рядъ благодарныхъ фигуръ.

Н. Л.

А. И. Яцимирскій, приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета. Новѣйшая польская литература отъ возстанія 1863 года до нашихъ дней. Т. I—420 стр.; т. II—494 стр.; ц. 4 р. Спб. 1908.

Авторъ настоящаго труда хорошо извѣстенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника», какъ многолѣтній и постоянный сотрудникъ, рецензіи котораго появляются на страницахъ журнала ежемѣсячно по разнообразнымъ вопросамъ науки и литературы. Вмѣстѣ съ удивительной работоспособностью и разнообразіемъ дарованія г. Яцимирскій соединяетъ въ себѣ и глубокія знанія, критицизмъ и ясную форму изложенія. Всѣ эти достоинства какъ нельзя лучше отразились на послѣдней его работѣ. «Новѣйшая польская литература» составляетъ въ общей сложности болѣе 900 страницъ (причемъ почти третья часть напечатана петитомъ), и нѣтъ ни одной страницы, которую при чтеніи можно было бы пропустить, какъ неинтересную или ненужную. Сжатыя характеристики, захватывающіе по своему движенію моменты въ біографіяхъ и литературныхъ образцахъ, ироническія замѣчанія, иногда не сразу даже прозрачныя, ясная передача содержанія произведеній, умѣлый выборъ небольшихъ, яркихъ образцовъ, приведенныхъ цѣликомъ, всегда тактичная и въ то же время мѣткая полемика съ критиками—на это обращаетъ прежде всего вниманіе читателя исторія новѣйшей польской литературы г. Яцимирскаго. Въ своей работѣ г. Яцимирскій предстаетъ предъ нами въ роли совершенно самостоятельнаго критика-художника, обладающаго несомнѣннымъ эстетическимъ вкусомъ. Онъ хорошо понимаетъ, кромѣ того, соціальныя теченія, внѣ которыхъ не признаетъ явленій литературныхъ.

Послѣднія онъ разсматриваетъ въ широкомъ масштабѣ и, при всей доброжелательности къ польскому народу, остается въ роли такого наблюдателя, которому дорогъ польскій народъ, какъ «великій славянскій народъ». Крайней нетерпимости или исключительности у нашего автора не найти. Первая глава заканчивается у г. Яцимирскаго слѣдующими словами:

«Въ борьбѣ за свои національныя и индивидуальныя права польскій народъ долженъ былъ обладать силой болѣе грозной, чѣмъ кустарное оружіе повстанцевъ и даже ихъ усмирителей. Лучшіе люди конца 60-хъ годовъ желали видѣть эту силу въ высшей культурѣ на національныхъ началахъ. Ей не страшна та грубая сила, имя которой—насиліе, такъ какъ можно разрушить и уничтожить что угодно, но нельзя сломить творческій духъ, нельзя согнуть живую мысль. Польскій поэтъ К. Свидзинскій удачно воплотилъ это сравненіе въ антитезѣ:

> Не сверкающій мечъ
> И не пѣсни боговъ
> Могутъ души людскія зажечь.
> Только знанье и трудъ,
> Только трудъ и любовь
> Ихъ огнемъ лучезарнымъ зажгутъ.

«Такова идеологія «органической работы»—перваго положительнаго «догмата», выработаннаго возстаніемъ. Если къ возстановленію политической

«старой Польши», какъ правовой единицы, не привели три крупныхъ и нѣсколько частичныхъ возстаній, а послѣднее изъ нихъ показало всю непригодность подобныхъ увлеченій, то отсюда еще не слѣдуетъ «примиреніе съ судьбой». Мощь польскаго народа выражается въ «новой Польшѣ»—этнографической, экономической, соціальной, литературной и художественной. Ни одинъ народъ въ мірѣ (?) не выказалъ столько жизнеспособности при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, какъ польскій, сумѣвшій на опустошенныхъ развалинахъ стараго создать прочное и красивое зданіе. Вотъ почему невѣрно мнѣніе, будто государственная Польша пала вслѣдствіе паралича, поразившаго народное тѣло. «Пасть можетъ и великій народъ,—писалъ историкъ Сташицъ:—но исчезнуть можетъ только ничтожный». Новѣйшая польская литература лучше всего докажетъ справедливость этой мысли».

Эту мысль доказываетъ вся книга г. Яцимирскаго. Наиболѣе удачными отдѣлами мы признаемъ: «Упадочный романтизмъ эпохи безвременья», «Идеализація королевскаго прошлаго, аристократіи и костела», «Могиканы мелкопомѣстной шляхетской культуры предъ нарождающейся буржуазіей», «Идеологія польской мѣщанки», «У поворота отъ романтизма «безъ догмата» къ неоромантизму», «Первые шаги на пути освобожденія самоцѣнной личности и литература одиночества», «Восходящій пролетаріатъ и его пѣвцы», «Отраженіе въ литературѣ соціалистическихъ доктринъ», «Борьба съ капиталистическимъ строемъ и небомъ, которое терпитъ этотъ строй», «Реакція противъ грядущаго Хама-толпы. Сверхъ-индивидуализмъ» и затѣмъ все, что касается модернизма и созданія художественно-національной «молодой Польши».

Модернизму авторъ сочувствуетъ, видимо, понимаетъ его, хотя черезчуръ переоцѣниваетъ отдѣльныхъ поэтовъ, особенно—изъ самыхъ молодыхъ. Глава о началѣ модернизма начинается такимъ красивымъ вступленіемъ: «Среди обезличивающей обстановки борьбы польскаго народа за существованіе, прозаическихъ условій борьбы за національныя и экономическія права, среди будничныхъ интересовъ и систематичнаго угасанія духа въ литературѣ обывателей—душа затосковала по сказкѣ, по царству фантазіи, по міру сновъ, красивыхъ грезъ, волшебныхъ мечтаній. «Хлѣбъ единый» пріѣлся; искусство-поученіе превратилось въ шаблонную публицистику; искусство-забава перешло въ ординарную порнографію. Нужны были новые идеалы. Крайности реализма привели литературу къ естественной реакціи—и воскресъ попранный идеализмъ. Если западный модернизмъ явился закономѣрнымъ результатомъ развитія капиталистическаго строя, то на расцвѣтъ польскаго модернизма, въ лицѣ многихъ своихъ представителей затмившаго западные образцы, нужно смотрѣть, какъ на явленіе болѣе чѣмъ закономѣрное... Развитіе промышленности въ царствѣ Польскомъ привело бы къ модернизму даже безъ всякаго отношенія къ одинаковымъ условіямъ существованія искусства и на Западѣ, и у поляковъ. Кромѣ того, у великановъ польской романтики, особенно у Словацкаго, новѣйшіе поэты находили сродныя черты—и «великій Юлій» становится предметомъ особаго культа въ модернистическихъ кружкахъ Варшавы Кракова, считается непосредственнымъ предшественникомъ польскаго модернизма, который при иныхъ общественныхъ условіяхъ, какъ казалось,

пришелъ бы много раньше. Въ этомъ много правдоподобія... Возрожденная романтика—весна въ поэзіи, всегда юная, чистая, каждый годъ ожидаемая съ трепетомъ. Недаромъ въ такомъ восторгѣ были отъ нея гуманисты старой романтики, недаромъ нѣмецкіе критики приняли Гофмана за стараго поэта. Возрожденная романтика воскрешаетъ языческій міръ, міръ видѣній, нимфъ, лѣшихъ, водяныхъ, задумчивыхъ цвѣтовъ, гордыхъ скалъ, мечтательныхъ облаковъ. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ни долга, ни морали. Человѣкъ—богъ. Онъ—свободенъ и творитъ. Въ этомъ мірѣ нѣтъ кошмара Креста, который своей тяжестью давитъ къ землѣ и острыми краями терзаетъ тѣло. Христосъ романтики—прекрасный юноша, похожій на созданную тѣмъ же романтизмомъ католическую Мадонну—ясную, въ платьѣ небеснаго цвѣта, съ массой звѣздъ, въ розовыхъ цвѣтахъ. Христосъ романтики—не Богъ мукъ въ терновомъ вѣнцѣ, окруженный страдающими и обремененными, а Орфей съ пѣвучей цѣвницей, среди стада на зеленомъ лугу—и опять среди цвѣтовъ».

Изъ писателей, о которыхъ говорится въ обоихъ томахъ, А. И. Яцимирскому вполнѣ удались живыя, пластичныя и законченныя характеристики Крашевскаго, Сенкевича, Милковскаго, Юноши, Свентоховскаго, Ожешко, Пруса, Пшибышевскаго, Асныка, Гомулицкаго, Сѣрошевскаго, Тетмайера, Берента, Конопницкой, Немоевскаго, Реймонта, Жеромскаго, Даниловскаго, Каспровича, Дыгасинскаго, Пшесмыцкаго (Миріама), Новицкаго, Оркана, Оппмана, и особенно ярко охарактеризовано мистическое, неразгаданное творчество «Мицкевича нашихъ дней», Станислава Выспянскаго.

Книга снабжена 32 портретами, по два на отдѣльномъ листѣ. Портреты по исполненію не оставляютъ желать лучшаго за исключеніемъ развѣ совсѣмъ плохого портрета Пшибышевскаго: вѣдь хорошій оригиналъ нашелся бы всегда, даже при русскихъ переводахъ его драмъ или романовъ. Въ концѣ каждаго тома приложены указатель и подробное оглавленіе въ видѣ конспекта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «Новая польская литература» г. Яцимирскаго завоюетъ скоро вниманіе широкаго круга читателя, станетъ обязательною для всякаго, интересующаго судьбами развитія славянскаго генія и съ полнымъ правомъ займетъ въ библіотекахъ мѣсто наравнѣ съ извѣстнымъ трудомъ Пыпина и Спасовича по исторіи славянскихъ литературъ.

В. Г.

Проф. А. Л. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907). Спб. 1907.

Въ послѣднее время польскій вопросъ силою вещей выдвинулся впередъ. Появился цѣлый рядъ новыхъ публикацій, изъ которыхъ нѣкоторыя очень важны и любопытны для ознакомленія съ истинной сущностью польско-русскихъ отношеній. Но большинство этихъ сочиненій принадлежитъ перу польскихъ писателей и потому уже до нѣкоторой степени является одностороннимъ. Рѣдко когда русскій ученый займется изученіемъ польской исторіи и еще рѣже занимаются серьезно современной польской жизнью наши политики и соціологи. Книга профессора варшавскаго университета А. Л. Погодина—

одно изъ такихъ рѣдкихъ исключеній. Она тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что авторъ могъ изучить вопросъ на мѣстѣ. Для характеристики главныхъ теченій польской политической мысли послѣ возстанія 1863 года имъ просмотрѣно множество газетъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, партійныхъ публикацій и иногда самыхъ рѣдчайшихъ изданій. Много цѣннаго матеріала авторъ собралъ въ краковскихъ библіотекахъ. Наконецъ, для своей книги онъ воспользовался личными воспоминаніями многихъ дѣятелей послѣдняго сорокалѣтія. Одинъ изъ лидеровъ народно-демократическаго направленія ввелъ его въ психологію этой главнѣйшей теперь польской партіи. Покойный Спасовичъ и его друзья раскрыли много темнаго въ исторіи «угодовцевъ», извѣстный своими трудами и въ Россіи Людвикъ Крживицкій помогъ оріентироваться въ исторіи польскаго соціализма. Основанная на документальныхъ данныхъ, чрезвычайно обстоятельная по изложенію, книга проф. Погодина является незамѣнимымъ источникомъ для всякаго, кто, не зная польскаго языка, не можетъ черпать своихъ свѣдѣній изъ перваго источника. Но и другіе найдутъ въ ней много любопытнаго. Не всякій согласится, можетъ быть, кое-гдѣ съ освѣщеніемъ, которое даетъ картинѣ авторъ, но въ книгѣ столько цѣнныхъ выдержекъ, столько документальныхъ источниковъ, что каждый на основаніи ихъ можетъ составить себѣ свое собственное мнѣніе.

Книга распадается, собственно говоря, на четыре главныхъ отдѣла. Очертивъ для своей работы историческія рамки во вступленіи, авторъ затѣмъ переходитъ къ послѣдовательной характеристикѣ трехъ главныхъ направленій польской политической мысли въ ихъ историческомъ развитіи: соціализма, націонализма и теорій лоялизма и примиренія, т. е. такъ называемаго «угодовства» (отъ польскаго ugoda—договоръ). Особенно обстоятельно изложена имъ исторія возникновенія и постепеннаго развитія соціалистическихъ тенденцій въ польскомъ обществѣ. События 1904—1907 г., которыхъ авторъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ, изложены имъ въ особой главѣ. Книга заканчивается краткимъ обзоромъ положенія поляковъ въ Пруссіи, характеристикой польской автономіи въ Галиціи и указаніемъ тѣхъ задачъ, которыя, по мнѣнію автора, подлежатъ въ настоящее время осуществленію въ царствѣ Польскомъ.

Указать на все богатство матеріала, собраннаго авторомъ—въ книгѣ около 700 страницъ—невозможно въ предѣлахъ краткой рецензіи. Мы ограничимся только указаніемъ на нѣкоторые главнѣйшіе изъ выводовъ, которые сами собой напрашиваются при чтеніи книги.

И первый изъ нихъ:—это явная зависимость польскихъ политическихъ партій отъ русской политической жизни. Давно ли во всей Польшѣ раздавался девизъ: Rossica non leguntur? Народная вражда, казалось, поставила несокрушимыя преграды русскому вліянію. И что же? наперекоръ всѣмъ «обязательнымъ» постановленіямъ, прорвавъ всѣ плотины, потокъ польской общественной и политической мысли полился по одному руслу съ русскимъ, не сливаясь съ нимъ, конечно, и сохраняя свой особый, польскій цвѣтъ, но образуясь не безъ его явнаго вліянія. Это документально показано въ книгѣ г. Погодина. Несторъ польскаго соціализма, одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ будущей польской соціалистической партіи (П. П. С.), Болеславъ Лимановскій — воспитан-

никъ московскаго университета, ученикъ Грановскаго, Леонтьева и Кудрявцева. Перейдя затѣмъ на естественный факультетъ, онъ въ Москвѣ же подъ вліяніемъ занятій біологіей вырабатываетъ самостоятельно планъ соціологіи. Сосланный въ 1861 г. въ Архангельскъ, онъ тамъ среди ссыльныхъ поляковъ впервые сходится съ ремесленнымъ классомъ и тамъ же изъ русскаго «Современника» знакомится съ лассалевской «программой», которая окончательно заставила его увѣровать въ политическую силу соціализма. Изъ Россіи же впервые вышли представители и другой польской соціалистической партіи—соціалъ-демократы. Всѣ они «получили революціонное крещеніе» въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы. Душа «Пролетаріата» Людвикъ Варынскій былъ воспитанникомъ бѣлоцерковской гимназіи и петербургскаго технологическаго института. Конечно, идеи соціализма можно найти и въ польской эмиграціонной литературѣ, развивавшейся послѣ 1830 г. въ Парижѣ, но любопытно, что не эта литература, а столкновеніе съ русской политической жизнью внесло броженіе въ консервативную и боязливую послѣ 1863 г. Варшаву.

Еще удивительнѣе, что безъ русскаго вліянія не обошлось и возникновеніе самой шовинистической и узко-національной изъ польскихъ политическихъ партій, народовой демократіи. Въ то время, какъ за границей Антонъ Гиллеръ устраивалъ «Народную казну», а Станиславъ Милковскій «Польскую лигу», въ Варшавѣ возникъ кружокъ молодыхъ патріотовъ, которые сгруппировались вокругъ газеты «Glos» («Голосъ»). Анализъ статей этой газеты, сдѣланный г. Погодинымъ, съ полной ясностью устанавливаетъ и безъ того, впрочемъ, извѣстный фактъ вліянія на польскихъ націоналистовъ русскаго народничества въ лицѣ Юзова (Каблица), В. В. и ряда беллетристовъ. По свидѣтельству Фельдмана, одинъ изъ корифеевъ теперешней народовой демократіи, Поплавскій, ходилъ тогда даже въ русской рубашкѣ и охотно говорилъ по-русски. Конечно, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и между тогдашнимъ широкимъ и благороднымъ польскимъ народничествомъ и теперешней теоріей «національнаго эгоизма», какъ она развита въ книгахъ Сигизмунда Балицкаго и Романа Дмовскаго, легла цѣлая пропасть, но фактъ вліянія теорій Юзова на польскихъ націоналистовъ остается внѣ сомнѣнія.

Объ угодовцахъ и говорить нечего: основатель и руководитель этой партіи покойный В. Д. Спасовичъ всю жизнь свою прожилъ въ Петербургѣ и писалъ, пожалуй, больше по-русски, чѣмъ по-польски. Примирительное теченіе всегда шло не столько изъ Варшавы, сколько изъ Петербурга и редакціи «Края».

Кромѣ вліянія русской общественно-политической мысли, книга г. Погодина отмѣчаетъ и дѣйствіе на польскую жизнь русской правительственной политики. Это, впрочемъ, наиболѣе слабый отдѣлъ книги и результаты нашей политики въ Польшѣ мало оттѣнены авторомъ. А они громадны. Русская политика за послѣднія 40 лѣтъ создала въ царствѣ Польскомъ третій классъ населенія, польское мѣщанство и купечество; отстраняя поляковъ отъ должностей, она развила въ нихъ духъ частной предпріимчивости, возбудивъ въ крестьянахъ народное чувство, засыпала пропасть между польскимъ крестьянствомъ и шляхтою и сплотила всѣ сословія въ одинъ народъ. Отвѣчали ли ре-

зультаты цѣли, это другой вопросъ, но теперешняя сила польскаго народа окрѣпла именно за послѣднее сорокалѣтіе.

Одного, впрочемъ, не удалось достигнуть русской политикѣ — измѣнить отношеніе польскихъ политическихъ партій къ Россіи. И это второй важный выводъ изъ книги г. Погодина. Авторъ старается его смягчить. Отсюда частыя многоточія въ выдержкахъ изъ народно-демократической печати, отсюда очень бѣглая характеристика вышеупомянутыхъ книжекъ Дмовскаго и Балицкаго, гдѣ въ сущности развивается культъ силы, ничѣмъ не отличающійся отъ прусскаго гакатизма. Несомнѣнно, что событія послѣднихъ 3—4 лѣтъ значительно понизили тонъ всѣхъ партійныхъ программъ. Даже польская соціалистическая партія, по крайней мѣрѣ ея лѣвое крыло, отказалась отъ мысли о возстаніи, народовцы, когда имъ пришлось вступить на путь реальной политики, и совсѣмъ стали угодовцами, впрочемъ, безъ такта, образованности и политическаго искусства этихъ послѣднихъ. Но при оцѣнкѣ этого факта не слѣдуетъ смѣшивать программъ, приспособленныхъ къ условіямъ данной минуты, съ идеалами, которые, поскольку они касаются народнаго вопроса, у всѣхъ польскихъ партій одинаковы. Съ этой точки зрѣнія нельзя согласиться и съ освѣщеніемъ, приданнымъ г. Погодинымъ партіи угодовцевъ. Вообще трудно ждать въ скоромъ времени коренного улучшенія въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Ростки новаго будущаго почти еще не вышли наружу. Какъ примѣръ новой трактовки русско-польскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ Россіи, можно бы указать на послѣднюю главу въ любопытной книгѣ Кульчицкаго (есть и на русскомъ языкѣ) объ автономіи и федераціи. Большинство, однако, польскаго общества и теперь еще держится взгляда, который выразилъ между прочимъ на дняхъ въ своей русской книгѣ о Польшѣ (Спб. 1908) варшавскій публицистъ, г. Студницкій: въ понятіе Польши входятъ здѣсь не только царство Польское, Познань, Галиція и Силезія, но и Литва и Русь, даже, что рѣдко можно встрѣтить и въ польской публицистикѣ, Восточная Пруссія.

Книга г. Погодина, какъ мы уже сказали, заканчивается обозрѣніемъ ближайшихъ задачъ русской политики въ Польшѣ. Мы не войдемъ въ эту область вслѣдъ за авторомъ, но скажемъ только одно: разрѣшеніе польско-русскихъ недоразумѣній и споровъ лежитъ не въ тѣхъ плоскостяхъ, гдѣ его обыкновенно ищутъ. Его можно найти, стремясь къ третьей и высшей точкѣ, гдѣ сходятся одинаково интересы русскаго и польскаго народа. Эта общая обоимъ народамъ точка—славянская идея. Но ее еще надо воспитать не только въ польскомъ обществѣ, гдѣ она совершенно не пользуется популярностью, но— не позабудемъ этого — и въ русскомъ. Такъ какъ книга г. Погодина знакомитъ насъ обстоятельно съ современнымъ состояніемъ польской мысли, она, несомнѣнно, принесетъ пользу будущему русско-польскому сближенію.

Андрей Сиротининъ.

Вѣстники Грузіи. Кн. I. Тифлисъ. 1907. Цѣна 60 к.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ предпринято изданіе книжекъ съ цѣлью, съ одной стороны, усиленія фонда имени покойнаго грузинскаго поэта кн. И. Г. Чавчавадзе, а съ другой стороны, въ видахъ популяризаціи «въ русскомъ обществѣ свѣдѣній о грузинской литературѣ и народности, съ ея задачами и нуждами». Первая книжка «Вѣстниковъ» посвящена произведеніямъ кн. И. Чавчавадзе. Въ составъ ея вошли: автобіографія поэта, отрывки изъ его повѣстей «Человѣкъ ли онъ» и «Разсказъ нищаго», нѣсколько стихотвореній въ переводѣ Ив. Тхоржевскаго, В. Величко и др. и «Сцены изъ эпохи освобожденія крестьянъ въ Грузіи». Неумѣстной является здѣсь поэма кн. Н. Бараташвили «Судьба Грузіи», въ переводѣ г. Рчеулова. Цѣль изданія заслуживаетъ полнаго сочувствія и поощренія. Жаль только, что лица, организовавшія это предпріятіе, недостаточны сильны въ русскомъ языкѣ и снабдили свое изданіе предисловіемъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ пренебрежительномъ отношеніи къ русскому стилю и грамматикѣ. Желательно, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ были устранены шероховатости языка.

А. Хахановъ.

Густавъ Лебонъ. Психологія соціализма. Полный переводъ съ французскаго 5-го изданія. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ его къ русскому изданію. Спб. 1908.

Имя Густава Лебона давно извѣстно въ наукѣ. Кромѣ спеціальныхъ сочиненій по физикѣ и сравнительной антропологіи, извѣстны его критико-историческія сочиненія въ области психологіи: «La Vie. Traité psychologique» (Жизнь, психологическое изслѣдованіе); «L'homme et les sociétés» (Человѣкъ и общество); «Les lois psychologiques de l'évolution des peuples» (Психологическіе законы развитія народовъ); «Psychologie des foules» (Психологія толпы); «Psychologie de l'éducation» (Психологія воспитанія) и, наконецъ, «Psychologie du socialisme»» (Психологія соціализма). Всѣ эти книги болѣе или менѣе извѣстны русской публикѣ по извлеченіямъ и пересказамъ, печатавшимся въ повременныхъ изданіяхъ; въ настоящее же время предлагается читателямъ полный переводъ послѣдняго сочиненія, сдѣланный чрезвычайно тщательно и умѣло.

Приступая къ изданію своего перевода, г. С. Б. обратился къ автору съ просьбою написать предисловіе къ русскому переводу его сочиненія. Въ предисловіи этомъ авторомъ высказаны основныя положенія его труда, а также его отношеніе къ трактуемому предмету.

«Я пытался изучать вопросы, относящіеся къ соціализму,—говоритъ авторъ,—какъ если бы я изучалъ какія-либо физическія явленія. Могу предполагать, что задача эта исполнена съ безпристрастіемъ, судя по многочисленнымъ статьямъ, появившимся въ многочисленныхъ изданіяхъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ партіямъ». Далѣе авторъ выясняетъ то основное положеніе, которое составляетъ выводъ изъ его труда: народы не могутъ вы-

бирать свои учрежденія; они подчиняются тѣмъ, къ которымъ ихъ обязываетъ ихъ прошлое, ихъ вѣрованія, экономическіе законы, среда, въ которой они живутъ. Народъ въ данную минуту можетъ разрушить путемъ революціи ненавистныя ему учрежденія, что нерѣдко наблюдалось въ исторіи, но та же исторія ни разу не показала, чтобы навязанныя силой искусственныя учрежденія удержались сколько-нибудь продолжительное время: вскорѣ все прошлое входитъ въ свою силу, такъ какъ народы всецѣло созданы этимъ прошлымъ и оно является ихъ верховнымъ властителемъ. Учрежденія, конечно, преобразуются путемъ медленной эволюціи, но никогда при помощи революцій, которыя, несмотря на свое кровавое проявленіе, не могутъ коснуться основныхъ идей и чувствъ народа.

Въ заключеніе своего предисловія авторъ говоритъ, что для изученія учрежденій даннаго народа нужно изучить его умственный складъ и только тогда можно понять, какія учрежденія для него пригодны. Либеральныя учрежденія, напримѣръ, превосходныя для народа однороднаго состава, оказываются совершенно негодными для другого, состоящаго изъ элементовъ разнородныхъ. «Одна лишь мощная рука властелина можетъ тогда поддерживать равновѣсіе и миръ между разнородными интересами; слишкомъ большая свобода привела бы ихъ къ неизбѣжной борьбѣ».

Разсматривая соціализмъ въ отношеніяхъ политическомъ, экономическомъ, философскомъ и какъ вѣрованіе, авторъ посвящаетъ немного страницъ разсмотрѣнію его доктринъ, въ виду ихъ очевидной несостоятельности, но признаетъ тѣмъ не менѣе ихъ живучесть и способность къ распространенію и подробно уясняетъ причины такого успѣха. Причины эти заключаются въ томъ, что соціализмъ, будучи очень слабъ какъ догма, вмѣстѣ съ тѣмъ силенъ какъ вѣрованіе, какъ обѣщаніе, какъ надежда на лучшее. Современный строй жизни, неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, повышеніе потребностей въ зависимости отъ успѣховъ промышленности и техники, при ослабленіи средствъ къ ихъ удовлетворенію, порождаетъ недовольство, живущее въ душѣ массъ. Эти легіоны недовольныхъ (а кто теперь къ нимъ не принадлежитъ!) надѣются, что торжество соціализма будетъ улучшеніемъ ихъ судьбы. Совокупность всѣхъ этихъ мечтаній, всѣхъ этихъ недовольствъ, всѣхъ этихъ надеждъ придаетъ новой вѣрѣ неоспоримую силу. Къ тому же соціализмъ появился въ ту рѣдкую въ исторіи эпоху, когда старыя вѣрованія пошатнулись, когда люди извѣрились въ своихъ боговъ и жаждутъ новыхъ вѣрованій. Удастся ли соціалистическимъ теоріямъ замѣнить эти вѣрованія—это вопросъ; но не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ авторъ, что ему не придется удержать своего мѣста сколько-нибудь продолжительное время. При этомъ соціализмъ мнитъ достигнуть своихъ цѣлей — перерожденія общества — насильственнымъ путемъ, путемъ революцій, забывая, что созидательная сила покоится на времени и не подчиняется нашей волѣ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію условій, способствующихъ развитію соціализма у разныхъ народовъ, авторъ придаетъ огромное значеніе особенностямъ той или другой расы, душѣ народовъ, сложившейся подъ вліяніемъ времени и обстановки. Народы латинской расы — французы, итальянцы,

испанцы — талантливые и съ весьма живымъ, нѣсколько легкомысленнымъ характеромъ, обладаютъ малою долею самостоятельности, упорства въ достиженіи реальныхъ цѣлей и потому весьма склонны къ опекѣ, къ предоставленію въ руки власти попеченія объ ихъ участи и устройствѣ, и потому весьма склонны къ воспріятію соціализма, берущаго на себя не только опеку каждаго гражданина, но и полную тиранію надъ всѣми его дѣйствіями. Такое психологическое состояніе народовъ латинской расы, подтверждаемое всею ихъ исторіей и особенно ихъ революціями, поддерживается въ значительной степени установившимся у нихъ воспитаніемъ, отнимающимъ у молодежи всякую самостоятельность.

Совершенно иначе поставлено воспитаніе у англо-саксовъ. Англійскій юноша выходитъ изъ школы съ небольшими теоретическими познаніями, но въ ней онъ сталъ человѣкомъ, умѣющимъ руководить собою въ жизни и разсчитывать только на самого себя. Разительный примѣръ разницы результатовъ въ политической жизни, даваемыхъ расовыми особенностями, представляютъ собою Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и республики Южной Америки. Въ то время какъ первые, населенные англо-саксами, въ какія-нибудь сто лѣтъ достигли высокой степени богатства и культуры, вторыя, расположенныя въ богатѣйшей въ мірѣ странѣ, съ неисчерпаемыми источниками торговли и промышленности, но населенныя по преимуществу латинскими племенами, находятся въ бѣдности, въ состояніи полной анархіи и близки къ разложенію или захвату.

Въ книгѣ Лебона читатель найдетъ не только одно изученіе соціализма; желая глубже проникнуть въ сущность вопроса и ярче освѣтить условія развитія соціализма въ современномъ обществѣ, авторъ подробно разбираетъ всѣ факторы, обусловливающіе современное состояніе обществъ, вліяніе экономическихъ условій на жизнь народовъ, вліяніе громадныхъ техническихъ изобрѣтеній и открытій послѣдняго времени, экономическую борьбу между Западомъ и Востокомъ, даетъ интереснѣйшія свѣдѣнія о ростѣ народонаселенія и его послѣдствіяхъ, разсматриваетъ основныя черты характера различныхъ расъ, вліяніе прошлаго на сформированіе умственнаго склада даннаго народа, зависимость его отъ «воли мертвыхъ», и, наконецъ, даетъ указанія для будущаго, насколько это возможно въ научномъ изслѣдованіи. На каждой страницѣ этого труда читатель убѣждается въ его достоинствахъ. Громадная эрудиція, острый умъ, безпощадная логика, смѣлость выводовъ и, наконецъ, тонкое и изящное изложеніе. Авторъ не навязываетъ своихъ выводовъ, но шагъ за шагомъ ведетъ читателя къ предназначеннымъ заключеніямъ.

Во всемъ трудѣ Лебона проведено объективное и безпристрастное отношеніе къ изслѣдуемому предмету, настолько безпристрастное, что даже соціалисты, обыкновенно игнорирующіе несогласные съ ихъ теоріями взгляды, обращаютъ вниманіе на книгу Лебона и удостоиваютъ ее своею критикой. Съ другой стороны, Лебонъ, подводя развитіе современныхъ обществъ подъ такіе неодолимые законы, какъ законъ необходимости, борьбы, конкуренціи, вліянія прошлаго, среды, независимыхъ отъ воли человѣка, почти не даетъ

указаній для ближайшаго будущаго и впадаетъ въ пессимизмъ, коротко выражающійся словами: «горе слабымъ». Казалось бы, въ эти мрачныя картины слѣдуетъ ввести смягчающій элементъ, ввести именно понятіе о любви, почти не встрѣчающееся на страницахъ его труда. А между тѣмъ любовь, будучи сама по себѣ закономъ природы, можетъ проявить могучую созидательную силу вопреки всѣмъ другимъ естественнымъ законамъ.

Л. Н.

А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908.

Новая книга г. Фаресова «Пробужденный народъ» является интереснымъ вкладомъ въ исторію развитія русскаго народа за послѣдніе годы. Правда, «пробужденіе» народа не загорается подъ перомъ г. Фаресова революціонными вспышками, а начинается медленно, «съ низовъ», вступая на путь эмансипаціи личности изъ-подъ гнета семейныхъ, государственныхъ, дворянско-землевладѣльческихъ и церковныхъ властей.

Статья «Война и народъ» раскрываетъ намъ критическое отношеніе крестьянъ къ японской войнѣ и господствующимъ порядкамъ. Въ началѣ войны настроеніе народное выливалось въ извѣстныя формы шовинизма: «шапками закидаемъ!» Затѣмъ, смущенные извѣстіями о морскихъ пораженіяхъ, крестьяне успокаивають себя надеждами: «Пускай-ка японцы на суходолъ покажутся... Вотъ тутъ-то мы и покажемъ себя. На водѣ что за война? Японцы разбили нашихъ въ обмашку... Нечаянно... Не хвастай пріѣздомъ, а хвастай отъѣздомъ... Какъ-то «японецъ» домой пойдетъ. Поглядимъ, что будетъ... Японецъ покушаетъ нашего луку, а послѣ и горько и тошнить его станетъ... Никогда не бывало иначе. Чѣмъ дольше война продлится, тѣмъ больше у насъ будетъ побѣдъ надъ врагами. Теперь ихъ верхъ... Но мы, какъ пчелы: всѣ навалимся на чужого, одна за другой. Этихъ перебьютъ у насъ, другіе пойдутъ... Довольно руки мазать навозомъ, царю надо помогать. Дорого схватить веревку за конецъ, а будешь хвататься за середину, то концы будутъ болтаться и веревку не натянешь... Японцы кидаются, кидаются, хватаются за все, а концы веревки все не въ ихъ рукахъ... Не натянуть имъ веревки».

Но уже къ концу печальной войны надежды мужиковъ на торжество не оправдались, и ихъ взгляды изъ «шовинистскихъ» приближаются къ революціоннымъ. Всюду народъ говоритъ: «Безъ начальниковъ нельзя воевать. Лучше мириться и домой вернуться. У насъ и своего дѣла много, и безъ японскихъ земель проживемъ... А то господа все покрали у солдатъ, а хотятъ, чтобы они побѣждали... Пей—на морскую воду, если томитъ солдата жажда и ѣсть хочется. А напьешься ли морской воды? Вотъ такъ и все у господъ. На судъ бы ихъ къ намъ: мы бы ихъ ногами стоптали...» «Стоптать ногами господъ», замѣчаетъ авторъ, является во многихъ мѣстностяхъ Россіи мечтой крестьянства, и всѣ разговоры съ ними на злободневныя темы сводятся къ одному и тому же знаменателю.

Измѣнились не только политическія взгляды крестьянъ на законъ и власть, но даже и семейные нравы.

Во мракѣ гнета и раболѣпія встаетъ «пробужденная» крестьянская женщина, съ живымъ протестомъ противъ женскаго бездолья. Она упрекнула своего мужа въ невѣрности и отказывается «постель стлать». Вся деревня всколыхнулась отъ новыхъ словъ протестующей жены. «Не мила я тебѣ,— крикнула она гнѣвно своему мужу:—да и ты мнѣ теперь не больно дорогъ... Силенъ медвѣдь, а меду нѣтъ. Жить съ тобой только поганить душу, а думать намъ вмѣстѣ не о чемъ... Безъ меня проживешь, а батракомъ на тебя и на твою семью не хочу быть. Проживу и одна... Зато не буду бита... Ты думаешь, что баба—собака... Ее можно бить, а она, какъ въ старые годы, станетъ приговаривать: «Это не боль, что мужъ побилъ да бросилъ, а то боль, что повалилъ, да колѣнками придавилъ»... Вотъ, какъ въ старые годы было, а теперь не будетъ того болѣе. Не тѣ времена... Я тоже человѣкъ и работать могу не хуже тебя...»

Когда и волостной судъ оказывается не на сторонѣ мужа, то старики повторяютъ съ отчаяніемъ: «Мужу кориться не хочетъ, а въ своей избѣ мужъ хозяинъ женѣ, и воленъ съ нею дѣлать, что хочетъ... А тутъ на-ка, молодуха ругаетъ мужа, а тотъ и бить не смѣй ее за это... Да у насъ прежде родами помирали женщины отъ побоевъ мужа, и то ничего имъ не бывало... А теперь какіе порядки? Наши бабы покорливы мужьямъ, а эта въ школу ходила и свой характеръ имѣетъ... Эти бабы безпремѣнно сбѣгутъ жить къ маткѣ или батькѣ, а не покорятся мужу. Сколько у насъ такихъ случаевъ... Къ студентамъ приписамшись! По новому жить хотятъ...» («Семейное счастье»).

Тотъ же народъ, двинутый съ оскудѣвшей земли на фабричные заработки, кричитъ въ городахъ: «Мы наслышаны довольно о продуктивности труда европейскаго рабочаго и нашей безпечности... Ничего другого начальство не сказало намъ и не скажетъ... А между тѣмъ мы оскотинились отъ трудовъ то на фабрикахъ, то на истощенныхъ земляхъ. Хочется и намъ не усиленія труда, а добиться досуга для умственной и соціальной жизни. Хочется и намъ, выносящимъ бремя государственной жизни не менѣе другихъ сословій, быть не хуже ихъ и не менѣе толково понимать общіе вопросы» («Изъ жизни забастовщиковъ»).

Авторъ подмѣчаетъ даже въ дѣтяхъ петербургскаго городского пролетаріата отраженіе выбитой, послѣ событій 9 января 1905 года, изъ прежнихъ рамокъ жизни рабочихъ («Дѣти улицы и революціи»).

Посѣщеніе сельской школы («На озерѣ Але») въ Псковской губерніи приводитъ автора также къ убѣжденію о пробужденіи въ крестьянскихъ дѣтяхъ интереса къ чтенію книгъ, посѣщенію школы и любви къ ея порядкамъ и укладу жизни по сравненію съ ихъ домашней обстановкой. Зачастую дѣти не хотятъ уходить изъ школы домой и остаются въ ея стѣнахъ на праздники, прибѣгая иногда даже и къ маленькой лжи: «ноги болятъ», говорятъ школьники родителямъ, не желая уходить изъ школы.

Въ очеркахъ «Богатыри» и «Цари» Псковской губерніи выливается чисто поэтическое настроеніе псковитянъ о томъ, какъ прежніе ихъ богатыри защищали Русь отъ Литвы и отъ звѣрства собственныхъ помѣщиковъ.

Авторъ ведетъ обширную лѣтопись освободительнаго настроенія народныхъ массъ за послѣдніе годы, отмѣчая его не только въ событіяхъ политическаго характера, но въ его художественномъ языкѣ. «Если бы ничего не было въ русской исторіи,—замѣчаетъ авторъ:—но остался бы въ ней этотъ художественный языкъ великоросса, то одного этого достаточно, чтобы вѣрить въ близкое пробужденіе народа». Каждая мысль мужика жива и образна.. Всякій юморъ полонъ находчивости и остроумія... Блестящая форма, въ которую мужики г. Фаресова облекаютъ свои понятія о жизни, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о глубинѣ ихъ мыслительныхъ способностей и пробужденіи къ новой сознательной жизни. Начиная отъ легкаго остроумія, разговоры героевъ г. Фаресова часто исполнены богатства чисто былиннаго языка.

Сравнивая турецкую войну съ японской, старуха говоритъ речитативомъ: «Въ турецкую-то войну хлѣбомъ собирали... Урожаи бывали!.. Бывали урожаи, а теперь деньгами. Мы то льномъ занявшись, то войной,.. То войной, то расчеты за ссуды съ казной! Ждать-то тяжело новаго хлѣба, а ржаные мѣшки давно безъ муки. Давно безъ муки мужики! Ѣдятъ овсяную, ячменную... А житный хлѣбецъ, яровой хлѣбецъ, твердѣетъ, какъ камень, безъ ржаной муки... Безъ ржаной муки пухнутъ желудки!»

Читая очерки г. Фаресова, не видишь въ нихъ ни конца, ни начала, въ смыслѣ обычныхъ въ беллетристикѣ завязки и развязки фабулы, какъ не видно ни начала, ни конца залежамъ юмора русскаго мужика и его души, живущей вѣчно образами и сравненіями. Тѣмъ не менѣе въ этихъ «очеркахъ» отражается русская земля, всколыхнувшаяся за послѣдніе годы.

Каждая мысль и каждая фраза въ «Пробужденномъ народѣ» г. Фаресова свидѣтельствуютъ, что онѣ родились не въ досужей фантазіи автора въ тиши его кабинета, а взяты имъ прямо «съ мѣста», «изъ первыхъ рукъ», записаны почти стенографически съ голоса самого народа.

Въ той же книгѣ имѣются интересные очерки о Г. А. Гапонѣ, о священникѣ Г. С. Петровѣ, о «Дворянскихъ гнѣздахъ» наканунѣ крестьянскихъ погромовъ и т. д. **А. М. Нечаева.**

Ник. Вашкевичъ. Исторія хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. Выпускъ 1-й. Москва. 1908.

Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ сначала «обрисовать общій характеръ расъ, національностей и типичнѣйшихъ для этого искусства (танца) эпохъ культуры», затѣмъ—психологическое содержаніе каждаго плясового вида (??) и въ частности каждой пляски и каждаго танца отдѣльно, а въ-третьихъ— возстановить средства техническаго выполненія плясокъ и танцевъ всѣхъ національностей и культурныхъ эпохъ. По ознакомленіи съ такой необъятной и труднѣйшей задачей становится страшно за автора и невольно является сомнѣніе, удастся ли ему даже отчасти выполнить такую грандіозную работу. Сомнѣніе это переходитъ въ недоумѣніе, когда то же самое предисловіе сообщаетъ, что уже въ слѣдующемъ выпускѣ вся эта необъятная тема будетъ исчерпана. Въ еще большее смущеніе повергаетъ читателя, мало-мальски зна-

комаго съ предметомъ, списокъ источниковъ пособій (?) автора (стр. V). Тщетно будетъ онъ искать здѣсь капитальныхъ трудовъ по теоріи и исторіи танца: Гроссе — о происхожденіи искусства, В. Вундта—Volkerpsychologie (2-ой томъ), К. Заттля—о жестахъ древнихъ; нѣтъ ссылки и на спеціальную работу Г. Флаха о греческихъ танцахъ (Берлинъ, 1881), зато есть ссылки на труды, для автора совершенно безполезные. Когда, убѣдившись въ плохомъ вооруженіи автора для разрѣшенія такихъ сложныхъ задачъ, приступаемъ къ ознакомленію съ самимъ текстомъ настоящаго выпуска, посвященнымъ танцамъ Индіи, Египта, Греціи и Рима, то убѣждаемся, что широкимъ и блестящимъ планамъ автора соотвѣтствуетъ самое плачевное ихъ выполненіе. Характеристика расъ, народовъ и культурныхъ эпохъ сводится къ нагромо-жденію ни на чемъ не основанныхъ общихъ мѣстъ и патетическихъ восклицаній. Насколько далеко возстановленіе «средства техническаго выполненія танца» отъ дѣйствительной науки, видно изъ того, что для характеристики танцевъ древней Греціи авторъ пользуется по преимуществу пресловутыми пѣснями Билитисъ, не подозрѣвая въ простотѣ душевной, что онѣ не что иное, какъ пошлая фальсификація французскаго порнографа П. Люиса, и къ дѣйствительной Греціи рѣшительно никакого отношенія не имѣютъ. Для пущей важности авторъ любитъ украшать свое изложеніе греческими и латинскими именами и словами, но всѣ они приводятся въ совершенно искаженной формѣ. Мало помогаютъ дѣлу и рисунки, щедро разбросанные по брошюрѣ; они подобраны болѣе чѣмъ небрежно. Достаточно указать, что на стр. 12 подъ однимъ рисункомъ даны двѣ подписи. Степень общей просвѣщенности автора обнаруживается изъ того, что онъ любитъ ссылаться на сокровища «Германскаго» музея. Поразителенъ также слогъ автора, считающаго излишнимъ присутствіе въ каждой фразѣ подлежащаго и сказуемаго. Послѣдняя глава проливаетъ истинный свѣтъ на значеніе всей этой «исторіи». Она посвящена прославленію до небесъ знаменитой босоножки Айседоры Дунканъ и ея школы въ Грюневальдѣ для голоногихъ дѣвицъ. Жаль, что восторженный почитатель miss Дунканъ не ограничилъ свой «трудъ» одной этой главой: свои симпатіи онъ обнаружилъ бы достаточно, но зато скрылъ бы свое невѣжество и незнакомство и съ исторіей танцевъ и съ русской грамотой. Во всякомъ случаѣ для поклонниковъ «босоножки» дано подробное либретто ея танцевъ. Можетъ быть, на этомъ г. Вашкевичъ и остановится, и почтенной московской фирмѣ Кнебель, издавшей беззастѣнчивое его писаніе, не придется вторично раскаиваться въ оплошно оказанномъ довѣріи. В. В.

А. Розенбергъ. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ О. Ѳ. Павловской подъ редакціей проф. А. А. Павловскаго. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. А. Павловскаго. Спб. 1907. Выпускъ I.

Мы знаемъ два главныхъ типа историковъ искусства.

Къ первому и самому рѣдкому принадлежатъ немногіе избранные. Это— тѣ, чей духъ не засыпаетъ никогда и непрестанно горитъ въ мятежномъ бун-

тарствѣ, въ безпокойныхъ исканіяхъ правды и красоты; онъ ищетъ и не находитъ, взлетаетъ на высочайшія вершины и часто падаетъ въ безсильномъ отчаяньи, расшибается и умираетъ физически—но не сдается. Вѣчно горя въ несгораемомъ пламени, этотъ творческій духъ мощнымъ порывомъ обнимаетъ весь міръ, въ прошломъ и настоящемъ, и умѣетъ одинаково находить безсмертную красоту въ твореньяхъ признанныхъ человѣчествомъ лучезарныхъ свѣточей міра, равно какъ и чувствовать дыханіе истины-вѣчности въ одинокомъ фантастѣ, безумномъ мечтателѣ, безплодно и безцѣльно сгорающемъ отъ неразгаданныхъ чаръ и обмановъ жизни. Плавать и утопать въ волнахъ упоенья, безтрепетной и чуткой душой смертельно рыдать въ Геѳсиманскомъ саду, доходить до послѣдней степени скорби и муки, умирать, воскресать къ новой жизни въ блескѣ мощнаго возрожденія, упиваться безпримѣрными, сказочными завоеваніями пытливаго труженика ума,—и снова безутѣшно томиться огненнымъ сознаніемъ беззащитности и безсилія человѣка наканунѣ новаго Возрожденія и Искупленія—вотъ золото пѳэзіи, выкованное тысячелѣтними страданіями людей, вотъ неумирающій и благоуханный міръ искусства.

И исторія искусства, написанная съ такой точки зрѣнія, одушевленная чудодѣйственной страстью къ прекрасному и творцамъ его, будетъ дышать живой и неувядаемой прелестью творчества артиста. Во многомъ съ нею можно не соглашаться, спорить, оставаться при своемъ мнѣніи; но въ цѣломъ она увлечетъ и унесетъ за собой на идеальныя вершины безсмертія. Она всегда останется однимъ изъ немногихъ «вѣчныхъ спутниковъ», волшебнымъ зеркаломъ волшебнаго міра.

Но такая исторія искусства еще ждетъ своего могучаго рыцаря. Пока же книжный рынокъ заполняется добросовѣстными поставщиками книгъ по искусству второго рода, историками искусства по профессіи, схоластиками, бездарностями, убивающими «душу живу»...

Соберите многочисленныя свѣдѣнія, добытыя наукой раскопокъ; осмотрите лично или изучите по иллюстрированнымъ каталогамъ западно-европейскія сокровищницы искусства; наконецъ, аккуратно разложите всѣ полученные матеріалы по установленнымъ давно ящичкамъ—«Искусство древняго Востока», «Греческое и италійско-римское искусство», «Искусство среднихъ вѣковъ», Искусство Возрожденія» и т. д., снабдите текстъ посредственными общераспространенными иллюстраціями—и передъ вами объемистая «исторія искусства» трудолюбиваго и навыкшаго въ своемъ дѣлѣ ремесленника-компилятора вообще, и въ частности—«Исторія искусства» А. Розенберга. Къ такимъ книгамъ мы уже привыкли, и чего-нибудь новаго, хотя бы одной новой мысли, одного штриха,—онѣ не дадутъ. Жалка книга и Розенберга. Здѣсь есть почти всѣ свѣдѣнія,—и по исторіи живописи, архитектуры, скульптуры, только нѣтъ самаго искусства. **А. Я.**

Русскій біографическій словарь. Бетанкуръ—Бякстеръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцева. Спб. 1908.

Съ прискорбной медленностью, но все же изданіе «Русскаго біографическаго словаря» подвигается. Медленность эта объясняется, конечно, отчасти сложностью подобнаго труда и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ нему редакторовъ и издателя. Новый томъ «словаря», заключающій въ себѣ почти всю букву «Б», составленъ съ тщательностью и знаніемъ дѣла. Многія біографіи въ немъ представляютъ собою не одни только сухія данныя, но обширныя изслѣдованія, гдѣ обрисовывается не только личность, но также общество и разнообразныя вліянія, среди которыхъ приходилось дѣйствовать этой личности. Особенно подробно и хорошо написаны біографіи: Бецкаго (П. М. Майковымъ), Бибикова (Павловымъ-Сильванскимъ), Бирона (А. М. Ловягинымъ), Болтина (проф. Иконниковымъ), Бориса Годунова (К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, съ обширнымъ дополненіемъ С. Ѳ. Платонова), Боткина (г. Кульбинымъ), Бѣлинскаго (г. Лернеромъ). Разумѣется, что въ изданіи всякихъ словарей невозможно избѣжать ошибокъ и недосмотровъ. Такъ, при бѣгломъ просмотрѣ и въ настоящемъ томѣ «Русскаго біографическаго словаря» мы замѣтили нѣкоторые незначительные пропуски, которые и указываемъ главнымъ образомъ потому, что ихъ легко вписать карандашомъ на поляхъ книги.

Въ біографіи Андрея Богданова, автора извѣстнаго сочиненія «Историческое, географическое и топографическое описаніе Петербурга съ 1703 по 1751 года» (теперь библіографическая рѣдкость, изрѣдка попадающаяся у антикваріевъ по цѣнѣ 40—50 рублей), не указано, что въ 1903 г. А. А. Титовымъ было найдено и издано отдѣльной книжкой г. Фокинымъ оставшееся въ рукописяхъ Богданова дополненіе къ его труду, заключающее въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній. Въ біографіи графини Александры Васильевны Браницкой не указана весьма существенная для ея характеристики статья« Племянница Потемкина», напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г., ноябрь. Кромѣ того, трудно понять, по какимъ соображеніямъ въ русскій біографическій словарь включены біографіи пѣвицъ Бозіо и Брамбилла. Правда, онѣ пѣли нѣкоторое время въ Россіи, но вѣдь иностранныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пѣвшихъ у насъ, можно насчитать чуть не сотню. Неужели и ихъ нужно вносить въ словарь русскихъ дѣятелей?

О. Ш.

Профессоръ Евгеній Бобровъ. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ. 1907.

Неутомимый изслѣдователь философскихъ, историческихъ и общественныхъ вопросовъ профессоръ Е. Бобровъ выпустилъ въ свѣтъ новую весьма интересную книгу, озаглавивъ ее: «Дѣла и люди». Книга составлена изъ статей и рецензій, часть которыхъ уже была напечатана въ разныхъ повремен-

ныхъ изданіяхъ, а часть появляется впервые. Здѣсь мы находимъ статьи о графѣ Л. Н. Толстомъ, Н. В. Гоголѣ, А. И. Полежаевѣ, Е. А. Баратынскомъ и друг., здѣсь же помѣщены любопытные разсказы объ «Аутодафе надъ философской книгой» магистра Д. С. Аничкова въ 1769 г., о «Путешествіи изъ Казани въ Москву сто лѣтъ назадъ» С. А. Москатильникова и другіе. Изъ числа философовъ и философскихъ явленій разсматриваются восточная философія Парменидъ, Лейбницъ въ его перепискѣ и т. д. Самою интересною статьею является очеркъ «Изъ жизни русской учащейся молодежи начала XIX вѣка», составленный на основаніи данныхъ, сохранившихся въ архивѣ казанскаго университета.

Съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и объективностью профессоръ Е. А. Бобровъ работаетъ надъ возстановленіемъ культурнаго прошлаго нашего отечества съ его свѣтлыми и новыми сторонами, не чуждаясь утомительныхъ и кропотливыхъ изысканій въ области архивныхъ документовъ и старинныхъ позабытыхъ книгъ и журналовъ.

Желаемъ занимательно написанной и прекрасно изданной книгѣ почтеннаго автора успѣха среди читателей.

Профессоръ М. Красноженъ.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ 3-й. Годъ третій. М. 1907.

Содержаніе разсматриваемаго выпуска «Лѣтописи» составляютъ: двѣ замѣтки Н. фонъ-Баумгартена—«Къ родословію послѣднихъ великихъ князей Рязанскихъ» (колѣна XVII—XXIII отъ Рюрика) и «Къ родословію князей Мезецкихъ» (вводятся два новыхъ лица: правнукъ родоначальника Юрія Михайловича князя Торусскаго Всеволодъ Андреевичъ и сынъ послѣдняго Андрей Всеволодовичъ князь Мезецкій «Шутиха»); далѣе, пространная рецензія Ю. В. Татищева на трудъ Г. А. Власьева: «Потомство Рюрика» (ч. I и II), подъ заглавіемъ: «Новый вкладъ въ литературу русской генеалогіи», въ которой рецензентъ, признавая за разсматриваемымъ трудомъ большое значеніе для историко-генеалогической литературы, сообщаетъ цѣлый рядъ поправокъ и дополненій; замѣтка В. С. Арсеньева «Къ родословію потомства Аслана-Мурзы-Челебея. Кременецкіе» и сообщеніе А. А. Титова «Кто былъ въ мірѣ старецъ Іона Чеботаевъ?» Задаваясь этимъ вопросомъ и совѣтуя изслѣдователямъ выяснить его, авторъ склоненъ видѣть въ «старцѣ Іонѣ Чеботаевѣ» племянника боярина Ивана Яковлевича Чеботаева, умершаго въ 1566 г.,—Ивана Ивановича Чеботаева, котораго хорошо зналъ при жизни царь Иванъ Грозный IV и далъ по немъ щедрый по тому времени вкладъ—200 рублей—въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. **В. Р—въ.**

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1908 годъ. Составлена подъ редакціей члена секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1908.

Въ ряду памятныхъ книжекъ, издаваемыхъ губернскими статистическими комитетами, «Памятныя книжки Воронежской губерніи», въ числѣ ихъ и книжка на текущій 1908 годъ, должны занять видное мѣсто и даже служить образцамъ для тѣхъ изъ этихъ изданій, которыя по своей программѣ, когда-то установленной и остающейся понынѣ не измѣненной, являются рѣшительно никому и ни для чего негодными.

«Воронежская памятная книжка на 1908 годъ» открывается историческимъ календаремъ Воронежской губерніи и затѣмъ раздѣляется на четыре отдѣла, а въ концѣ, въ видѣ приложенія, помѣщены два алфавитныхъ указателя; кромѣ того, въ книжкѣ находится недурно исполненный портретъ извѣстнаго мѣстнаго поэта Ив. Сав. Никитина; самое изданіе «Памятной книжки» съ своей внѣшней стороны совершенно прилично: бѣлая бумага, чисто и четко отпечатана. И въ послѣднемъ отношеніи разсматриваемое нами изданіе во многомъ превосходитъ такія же изданія другихъ статистическихъ комитетовъ, мало чѣмъ отличающіяся отъ лубочныхъ изданій московскихъ подворотенъ.

Въ первый отдѣлъ книжки входятъ свѣдѣнія общекалендарнаго справочнаго характера: Императорскій Домъ, личный составъ министерствъ и главныхъ управленій, разныя узаконенія и распоряженія правительства, какъ общегосударственныя, такъ и мѣстныя. Намъ думается, что этотъ отдѣлъ слѣдовало бы выдержать нѣсколько строже, для чего нужно было бы перенести изъ него свѣдѣнія о личномъ составѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ мѣстныхъ учрежденій въ IV отдѣлъ, «Адресъ-Календарь», въ которомъ имѣются соотвѣтствующія для того рубрики; что же касается другихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ подъ IV рубрикой, какъ-то: «Дѣленіе Воронежской губерніи въ административномъ и другихъ отношеніяхъ», то они могли бы образовать собою особый отдѣлъ, предшествующій IV, къ которому тяготѣютъ.

II отдѣлъ «Памятной книжки» носящій наименованіе «статистическаго» и заключающій въ себѣ обзоръ губерніи въ этомъ отношеніи за 1906 годъ по земледѣлію, скотоводству, фабричной и заводской промышленности, народной нравственности, образованію и проч., подробно и обстоятельно обработанъ, въ немъ встрѣчается немало довольно характерныхъ и не лишенныхъ интереса указаній. Всѣ мы привыкли думать, что Воронежская губернія искони принадлежала къ губерніямъ исключительно земледѣльческимъ и какъ таковая должна была развиваться и усовершенствоваться. Но изъ данныхъ «Памятной книжки» узнаемъ, что хотя посѣвная площадь въ губерніи почти ежегодно увеличивается, тѣмъ не менѣе культурныя интенсивныя земледѣльческія хозяйства съ разнаго рода улучшеніями въ области сельско-хозяйственной техники встрѣчаются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній,

въ громадномъ же большинствѣ случаевъ преобладаетъ рутинная «трехпольная система»; что количество скота въ губерніи за одинъ только 1906 годъ уменьшилось на 15%, и только въ частномъ коневодствѣ произошло «нѣкоторое улучшеніе». Кромѣ этого, въ статистическомъ отдѣлѣ отмѣчается также и отраженіе на экономической и общественной жизни переживаемаго нами лихолѣтія: сокращеніе спроса на сельско-хозяйственныя работы, сокращеніе промышленной дѣятельности и т. п., но зато въ области нравственной, благодаря «освободительному движенію», виденъ большой прогрессъ: очень замѣтно увеличилось количество преступленій «противъ порядка управленія»— на 85%, «противъ вѣры и церкви», «появились также отсутствовавшія ранѣе преступленія противъ Священной Особы Государя Императора и членовъ Царствующаго Дома» и вообще «число преступниковъ подъ вліяніемъ политическаго движенія увеличилось на 145,5%». Далѣе въ этомъ же отдѣлѣ находятся тщательно разработанныя свѣдѣнія по народному просвѣщенію, о народномъ здравіи и медицинской части, нѣсколько таблицъ о движеніи населенія и другія.

III отдѣлъ—«Научно-литературный»—начинается статьей А. Путинцева о Ив. Сав. Никитинѣ, раздѣляющейся на двѣ части: «О жизни И. С. Никитина» и «О сочиненіяхъ И. С. Никитина». Позволяемъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на первой части этой статьи, касающейся жизни покойнаго поэта. Описаніе жизни И. С. Никитина, строго говоря, является лишь пересказомъ его біографіи, написанной М. Ѳ. де-Пуле, но авторъ статьи пытается и съ своей стороны характеризировать личность поэта. Такъ, г. Путинцевъ между прочимъ говоритъ, что Никитинъ «совсѣмъ не зналъ простого народа, такъ какъ почти не выѣзжалъ изъ города». Едва ли однако это основаніе можно признать для такого сужденія достаточно убѣдительнымъ по той простой причинѣ, что можно «не выѣзжать изъ города» и все же знать народъ и, наоборотъ, можно выѣзжать очень часто и все-таки не знать народа. Приведенное предположеніе г. Путинцева въ отношеніи Никитина тѣмъ болѣе сомнительно и неправдоподобно, что онъ, будучи хозяиномъ простого постоялаго двора, былъ постоянно окруженъ деревенскимъ людомъ, мужичками, съ которыми, кромѣ дѣловыхъ сношеній, любилъ помногу разговаривать и разспрашивать о ихъ житьѣ-бытьѣ. Если бы Ив. Сав. «совсѣмъ не зналъ народа», какъ думаетъ г. Путинцевъ, то и не могъ бы возсоздать его въ своихъ твореніяхъ, не могъ бы быть «печальникомъ бѣдности горемычной», какимъ его называютъ и признаютъ. Мы полагаемъ, что такое мнѣніе г. Путинцева скорѣе приложимо къ А. В. Кольцову, такъ какъ послѣдній встрѣчалъ «простой народъ» лишь изрѣдка при развозѣ отцовскаго товара по разнымъ мѣстамъ, и то въ образѣ извозчиковъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему слагать народную пѣсню,—Никитинъ же въ теченіе многихъ лѣтъ былъ среди народа ежедневно. Говоря о знакомыхъ Никитина, съ которыми онъ встрѣчался на тогдашнихъ кружковыхъ собраніяхъ, г. Путинцевъ утверждаетъ, что «поэтъ всегда чувствовалъ себя стѣсненнымъ» въ ихъ кругу, что друзья его «то и дѣло приставали къ нему съ совѣтами о передѣлкахъ» стиховъ, и даже болѣе того,

«каждый изъ знакомыхъ старался учить поэта», а это было «не по нраву Никитину», и что «въ концѣ концовъ терпѣніе поэта истощилось и онъ рѣшилъ писать по-своему». Мы не знаемъ, на чемъ авторъ основываетъ сказанное имъ, но не можемъ не замѣтить, что оно не вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью и что самъ авторъ, не замѣчая того, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если бы было такъ, то какъ же Никитинъ, «робкій и нелюдимый», чувствовавшій себя въ этихъ кружкахъ «всегда стѣсненнымъ», находившій обращеніе съ нимъ себѣ «не по нраву», не бросилъ такихъ нахальныхъ знакомыхъ, не бѣжалъ отъ нихъ, а, напротивъ, сталъ «тѣсно» сближаться съ ними, нашелъ среди нихъ друзей: Н. И. Второва, И. Придорогина, А. Нордштейна, М. де-Пуле. Правда, авторъ статьи какъ бы поясняетъ, говоря, что поэтъ близко сошелся только съ Н. Второвымъ, даже «полюбилъ» его, и полюбилъ лишь будто бы «за его деликатность». Кто же могъ заставить и что могло побуждать Никитина часто посѣщать кружковыя собранія, происходившія по отъѣздѣ Н. Второва изъ Воронежа, у И. Придорогина, М. де-Пуле, читать среди собиравшихся на нихъ столь невоспитанныхъ и неделикатныхъ людей «свои новые стихи»? Надо, слѣдовательно, допустить, что все высказанное г. Путинцевымъ объ отношеніяхъ къ Никитину его знакомыхъ было основано главнымъ образомъ на слухахъ, продолжающихъ еще и понынѣ жить въ мѣстномъ обществѣ, но, за давностью времени, искаженныхъ. Возможно, конечно, что при чтеніи поэтомъ своихъ новыхъ стихотвореній присутствующіе высказывали о нихъ свое мнѣніе, спорили, но вѣдь это не одно и то же, что «приставать съ совѣтами о передѣлкахъ», «стараться учить поэта». Еще живы нѣкоторыя лица, которыя имѣли удовольствіе встрѣчаться съ Никитинымъ на воронежскихъ кружковыхъ собраніяхъ и они-то могутъ засвидѣтельствовать г. Путинцеву, что никакихъ «то и дѣло приставаній» ими не наблюдалось, что Никитинъ не казался въ ихъ обществѣ «стѣсненнымъ», какимъ-то букой, а, напротивъ, всегда былъ душою собраній, и что на нихъ безъ него скорѣе было скучновато, монотонно. Невѣрно также указаніе автора статьи на то, что Никитинъ «хлопоталъ по изданію сборника «Воронежская Бесѣда», вышедшаго въ 1861 году,—всѣ хлопоты о немъ лежали на М. Ѳ. де-Пуле, какъ редакторѣ, и на П. П. Глотовѣ, какъ издателѣ. И. С. Никитина просили быть сотрудникомъ «Бесѣды», на что онъ охотно согласился и помѣстилъ въ ней: поэму «Тарасъ», «Дневникъ семинариста» и стихотворенія «Портной» и «За прялкою баба въ понявѣ сидитъ». Еще одно замѣчаніе: г. Путинцевъ говоритъ, что текстъ сочиненій И. С. Никитина «не вездѣ вѣренъ»; мы не знакомы съ изданіями сочиненій И. С. Никитина, выпущенными К. Шамовымъ позднѣе 1886 года; что же касается этого изданія, то положительно утверждаемъ, что всѣ помѣщенныя въ немъ произведенія поэта были провѣрены по оригиналамъ.

Далѣе, въ томъ же отдѣлѣ находятся слѣдующія статьи: Поликарпова—«Крестьянская свадьба въ селѣ Перелевкѣ, Землянскаго уѣзда», В. Литвинова—«Памятныя книжки Воронежской губерніи 1856—1906 гг.)» и наконецъ «Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», какъ-то: описаніе платежныхъ книгъ разныхъ уѣздовъ и писцовыя книги. Изъ на-

званныхъ статей обращаемъ вниманіе на статью г. Литвинова, какъ заключающую въ себѣ хорошій библіографическій указатель по исторіи губерніи. Послѣдній IV отдѣлъ составляетъ подробный мѣстный адресъ-календарь.

Все высказанное нами объ изданіи «Памятной книжки Воронежской губерніи на 1908 г.», кажется, достаточно подтверждаетъ наше мнѣніе о ней.

Л. Н. Павленковъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 123-й. Спб. 1907.

Содержаніе 123-го тома вышеназваннаго «Сборника» составляютъ «Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи» (или «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія») выходящіе въ настоящемъ году уже одиннадцатымъ томомъ и заключающія въ себѣ крестьянскіе и городскіе наказы Архангельской губерніи. Эти наказы, вообще представляющіе собой весьма интересный и цѣнный матеріалъ въ смыслѣ историческомъ, юридическомъ и бытовомъ, по отношенію къ нашему обширному Сѣверному краю имѣютъ свой особый интересъ. «Въ половинѣ XVIII вѣка,—говоритъ редакторъ и издатель «Матеріаловъ», проф. Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, — Архангельская губернія включала въ себѣ всю Вологодскую и еще три уѣзда Костромской: Галичъ, Чухлому и Солигалицкъ. Напечатанные теперь документы свидѣтельствуютъ, что въ ней до самой половины XVIII вѣка сохранились остатки почтенной, еще до-московской старины. На ряду съ этой глубокой древностью мы наблюдаемъ здѣсь и новости московскія, петровскія, елизаветинскія. До-московская старина встрѣчается здѣсь съ нововведеніями XVII и XVIII вѣковъ. Однимъ изъ послѣдствій этой встрѣчи было появленіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, которое дожило и до нашихъ дней... и которое въ Архангельской губерніи не старѣе половины XVIII вѣка», хотя многіе думали и думаютъ, что общинное землевладѣніе—нашъ исконный порядокъ вещей, стоящій въ непосредственной связи съ доисторическимъ родовымъ бытомъ. Указывая далѣе остатки - «особенности архангельской старины», проф. В. И. Сергѣевичъ останавливаетъ вниманіе на наслѣдственномъ владѣніи крестьянскими и городскими землями, наблюдавшемся и въ половинѣ XVIII вѣка; на упоминаемыхъ въ наказахъ «печищныхъ земляхъ», которыя, по его мнѣнію, есть «общая собственность родственниковъ»; на результатахъ въ здѣшнемъ краѣ введенія подушной реформы Петра Великаго; на межевой инструкціи 1754 г., которую онъ называетъ «образчикомъ чрезвычайно радикальнаго законодательства», «древнѣйшимъ опытомъ законодательства въ чисто соціалистическомъ направленіи», а также и на другихъ законодательныхъ памятникахъ XVIII вѣка, упрочившихъ преобладаніе общиннаго землевладѣнія и приравнявшихъ государственныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ.

Всего наказовъ отъ крестьянъ обширной тогда Архангельской губерніи поступило 230, а отъ городскихъ жителей—20. Въ концѣ обширнаго тома приложенъ указатель личныхъ именъ.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Самый древній городъ.—Честь открытія самой древней цивилизаціи, какая только была обнаружена до сихъ поръ на нашей планетѣ, а именно за шесть тысячъ четыреста лѣтъ до нашего времена—принадлежитъ американскимъ археологамъ. Эта побѣда досталась имъ послѣ трехлѣтнихъ попытокъ добиться у турецкаго султана разрѣшенія приступить къ археологическимъ работамъ въ городѣ Уръ, остававшемся до сихъ поръ недоступнымъ для невѣрныхъ. Американскій археологъ Банкъ, помѣстившій въ «Putman's Magazine» отчетъ о своемъ открытіи, тщетно хлопоталъ въ теченіе означеннаго срока получить ирадэ Абдулъ-Гамида, но ничего не добился. Только появленіе въ турецкихъ водахъ американской эскадры, по причинѣ другихъ недоразумѣній болѣе важнаго характера, заставило султана дать разрѣшеніе на раскопки, но не города Уръ, какъ просилъ Банкъ, а Бистріи.

Работа по раскопкамъ началась при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: потребовался почти цѣлый годъ лишь для обезпеченія рабочимъ воды, чтобы они не умерли отъ жажды,и только тогда было приступлено къ раскопкамъ. На глубинѣ пяти метровъ наконецъ показались первыя развалины города, расположеннаго на площади въ полтора километра съ половиною длины и около километра ширины, и раздѣленной на двѣ части ложемъ древняго канала. Произведенныя по берегу этого канала раскопки открыли самый древній храмъ, какой только былъ извѣстенъ до настоящаго времени. Первая найденная надпись на кирпичѣ обозначена датой въ двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ до Р. Х. Продолжая раскопки на 14 метровъ въ глубину, Банкъ открылъ еще платформу изъ кирпичей «plano-connexes», какъ называютъ археологи матеріалъ, употреблявшійся при вавилонскихъ постройкахъ за четыре тысячи пятьсотъ лѣтъ до Р. Х. Такимъ образомъ на два

метра съ половиной глубины открылась исторія цивилизаціи Мессопотаміи въ продолженіе періода 1750 лѣтъ.

Самые древніе документы, найденные тамъ Банкомъ, относятся къ времени за 4500 л. до Р. Х., самые же новые за 2750 л. Всѣ они произведены на мраморѣ или кирпичахъ и подлинность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Самыми замѣчательными остатками этой умершей сѣдой цивилизаціи, въ точности еще не изслѣдованной археологами, являются головка алебастровой статуэтки, относящейся ко времени за 3800 лѣтъ до Р. Х. и цѣльная статуя, у которой только не хватало головы, впрочемъ, вскорѣ отыскавшейся.

Первая изъ нихъ, произведеніе искусства, теряющагося во мракѣ доисторическаго времени, заслуживаетъ особаго вниманія по своему рѣзко выдающемуся семитическому характеру, какой еще ни разу не встрѣчался среди вавилонскихъ статуй. Лицо этой статуи продолговатое и тонкое, губы тонкія, носъ орлиный, глаза изъ слоновой кости, вѣки же не обозначены. Вторая статуя относится къ школѣ скульптуры, процвѣтавшей за 6400 л. до Р. Х. и въ настоящее время это самая древняя изъ всѣхъ статуй, существующихъ на нашей планетѣ; время ея появленія обозначено на ней 4500 до Р. Х.

Археологамъ было немало хлопотъ еще съ мессопотамскими арабами-антикваріями, которые настолько практичные цѣнители искусства, что не останавливаются ни предъ какими средствами для захвата древнихъ художественныхъ произведеній. Поэтому, узнавъ объ открытіи американскаго археолога, они организовали вооруженный набѣгъ на бисмійскія находки и, овладѣвъ самыми древними произведеніями халдейскаго искусства, увезли ихъ въ пустыню. Послѣ долгихъ переговоровъ Банка съ начальникомъ племени, ему наконецъ удалось добиться выдачи оттоманскимъ властямъ самой древней изъ статуй. Однако, несмотря на это, турецкій султанъ приказалъ прекратить раскопки, лишь только удалилась американская эскадра изъ турецкихъ водъ. Банку такъ и не удалось достигнуть первоначальнаго слоя, который лежитъ на 11 метровъ глубины; но его заслуга и безъ того достаточно велика, потому что онъ открылъ намъ новые горизонты для выясненія давности существованія нашей планеты, которое все болѣе и болѣе отодвигается въ глубину древности по мѣрѣ новыхъ археологическихъ изысканій.

— Коринѳскія гетеры.—Въ Парижѣ немало шуму надѣлала поставленная на сценѣ театра Сарры Бернаръ новая пьеса «Коринѳскія куртизанки», по поводу которой извѣстный французскій историкъ Греціи Пьеръ Луи помѣстилъ въ «Journal» небольшой очеркъ быта древне-греческихъ гетеръ.

Античная Греція представляла изъ себя нѣчто въ родѣ обширнаго пріюта любви, и греческой женщинѣ всѣхъ классовъ общества предоставлялось не только право, но даже считалось ея священной обязанностью приносить на алтарь греческой богинѣ Афродитѣ свою молодость и красоту. Особенно изобиловалъ гетерами громадный торговый городъ Александрія, бывшій въ три-четыре раза обширнѣе теперешней Александріи. Однако и онъ былъ ничто въ сравненіи съ главнымъ святилищемъ любви—Коринѳомъ, игравшимъ за нѣсколько вѣковъ до ея существованія тождественную роль. Это былъ исклю-

чительно пріютъ всякаго рода гетеръ, какъ въ настоящее время Досонъ— городъ золота, а Крезо—стали. Туда стекались со всѣхъ концовъ Греціи громадныя толпы, съ единственною цѣлью купить себѣ наслажденіе и спросить совѣтовъ у богини, которыми она надѣляла своихъ вѣрныхъ сыновъ. Поэтому Коринѳъ является городомъ сладострастія, но прежде всего пилигримства.

Гетеры здѣсь раздѣлялись на два разряда: священныхъ и свѣтскихъ, которыхъ, по мнѣнію Пьера Луи, правильнѣе было дѣлить на монашествующихъ и священныхъ, такъ какъ и тѣ и другія были одинаково набожны и считали, что, принося на алтарь любви свое тѣло, онѣ одинаково были пріятны Афродитѣ.

Монашествующихъ гетеръ, заключенныхъ въ великолѣпномъ храмѣ, насчитывалось до 10.000. Къ сожалѣнію, относительно ихъ быта осталось мало свѣдѣній, во-первыхъ, потому, что его сожгли римляне, а кромѣ того христіанскіе монахи, якобы сохранившіе намъ сокровища древней греческой литературы, уничтожили всѣ трактаты, относившіеся до греческихъ гетеръ. Для монаховъ Афродита была олицетвореніемъ сатаны, потому что со времени основанія монашества до XVI вѣка сатана являлся имъ какъ Венера въ видѣ женщины съ головой быка—ея священнаго животнаго. Монахи, взявшіеся за переписку исторіи гетеръ, считались бы исторіографами ада и его главы, и потому не удивительно, что среди нихъ нашлось не болѣе двухъ-трехъ, отважившихся на этотъ смѣлый шагъ

Тѣмъ не менѣе свѣдѣній осталось достаточно для представленія въ общихъ чертахъ этого колоссальнаго храма или монастыря любви. Десять тысячъ женщинъ, находившихся тамъ, являлись живымъ ex-voto, приносимымъ вѣрными сынами въ даръ богинѣ за оказанныя ею милости или исполненныя просьбы.

Дѣвушка-рабыня стоила тогда дорого, особенно если она считалась достойной быть предложенной въ жертву богинѣ красоты. Для этого требовался, въ виду климатическихъ условій, возрастъ отъ 12 до 15 лѣтъ, красивое въ совершенствѣ тѣло, а также и лицо. Такой ex-voto былъ доступенъ не для всѣхъ кошельковъ; однако попадались граждане, приносившіе въ даръ монастырю за разъ двухъ, трехъ и даже десять гіеродулъ за исполненную богиней просьбу. Атлетъ Ксеноѳонтъ Коринѳскій однажды обѣщалъ Афродитѣ въ даръ сто гетеръ, если онъ окажется побѣдителемъ на всѣхъ бѣгахъ и въ борьбѣ пяти гимнастическихъ искусствъ. Афродита исполнила его просьбу: онъ одержалъ полную побѣду и принесъ ей въ даръ обѣщанныхъ гетеръ, затративъ все свое состояніе.

Собственно говоря, эти женщины не были жрицами: онѣ не приносили богинѣ другихъ жертвъ, кромѣ себя, своего тѣла на алтарь любви. Имъ приписывалось прямое вліяніе на богиню, господствующую надъ божествами и людьми, а слѣдовательно и надъ ихъ судьбою. Греки не вѣрили, что олимпійцы одарены всевѣдѣніемъ и вездѣсущностью, а потому, когда они молились, то не были убѣждены, что богиня ихъ слышитъ. Но они не могли сомнѣваться въ томъ, что она устремляла свой взоръ на святилище, въ которомъ набожная Греція приносила ей въ даръ 10.000 невольницъ, подчи

ненныхъ ея закону любви и преданныхъ ея статуту. Поэтому, когда греческій городъ долженъ былъ взывать къ ней о своемъ обогащеніи или о своей независимости, то поручалъ публичныя моленія всѣмъ коринескимъ гіеродуламъ, которыя отъ его имени просили богиню объ успѣшной побѣдѣ и благополучіи страны.

Кромѣ монашествующихъ гетеръ, въ Коринеѣ жили еще другія, очень многочисленныя гетеры, но свѣтскія, не носящія священнаго характера первыхъ. Онѣ занимались своей профессіей на законномъ основаніи и даже платили прямые налоги, что служило признакомъ законности ихъ ремесла и ихъ правъ на гражданство. Онѣ платили за патентъ, взамѣнъ котораго городъ защищалъ ихъ не только противъ побоевъ ихъ друзей сердца, но и злоупотребленія ихъ довѣріемъ нѣкоторыхъ гражданъ, безвозмездно воспользовавшихся ихъ гостепріимствомъ. Никогда въ Греціи эти патенты не служили источникомъ для шантажа. Торговля гетеръ своимъ тѣломъ также не служила матеріаломъ для скандаловъ, и самые серьезные греки открыто совершали поѣздки въ Коринеъ.

Свѣтскія гетеры принадлежали къ различнымъ слоямъ общества, начиная отъ класса рабынь до высшаго, проходя по различнымъ ступенямъ зависимости и свободы. Самыя бѣдныя, не имѣвшія средствъ купить себѣ дорогихъ матерій и драгоцѣнныхъ украшеній, не одѣвались въ лохмотья, а предпочитали оставаться обнаженными. Стоя на порогѣ своихъ жилищъ, въ нижнихъ этажахъ узенькихъ уличекъ, гдѣ царила бѣднота, онѣ зазывали къ себѣ прохожихъ. Ступенью выше ихъ стояли колоніи рабынь, уже имѣвшихъ во что одѣться и втянутыхъ въ развратъ порнобосками. Кромѣ того, на улицахъ Коринеа можно было видѣть на ночныхъ празднествахъ еще классъ гетеръ— танцовщицъ, пѣвицъ, флейтистокъ, акробатокъ и т. д., которыя также являлись своего рода рабынями, потому что вынуждены были отдавать по утрамъ всѣ заработанныя деньги своимъ хозяевамъ.

Выше ихъ стояли свободныя гетеры, пользовавшіяся исключительнымъ положеніемъ: онѣ могли предъявлять свои требованія на все—на славу, богатство, почетъ и даже на доступъ во дворецъ. Имъ принадлежало три четверти города; онѣ одаряли храмы золотыми памятниками, и зато ихъ изображенія красовались на алтаряхъ божествъ. По словамъ современниковъ, эти гетеры были олицетвореніемъ лучшаго произведенія искусствъ, по совершенству своихъ формъ. Что же касается ихъ умственнаго развитія, о которомъ такъ много говорили, то Луи сомнѣвается, чтобы это преданіе не было преувеличено.

— Лѣтописи ислама. Такъ озаглавленъ второй томъ ученаго труда [1]) итальянскаго историка Леонэ Каэтани, князя Теано, посвятившаго много лѣтъ изученію громаднаго множества лѣтописей Аравіи. Ровно шестьсотъ лѣтъ тому назадъ другой князь, только арабскій, Абдулъ-Фида Хамахскій, одинъ изъ преемниковъ Саладина, собралъ и составилъ «Мусульманскіе анналы» на арабскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ, который съ тѣхъ

---

[1]) Leone Caetani, principe di Teano. Annalli dell'Islam, vol. II, Milano. 1908.

поръ былъ для европейскихъ историковъ главнымъ источникомъ исторіи о сарацинахъ. Цѣнность этой книги заключалась въ собраніи мѣстныхъ современныхъ документовъ арабскихъ лѣтописцевъ, и, хотя мало-по-малу выходили подлинные тексты этихъ документовъ, но всё-таки князь Хамахскій, благодаря найденнымъ имъ матеріаламъ, пользовался предпочтеніемъ. Въ наше время его превзошелъ князь Теано какъ количествомъ приведенныхъ авторитетовъ, такъ и болѣе здравымъ примѣненіемъ критическихъ принциповъ. Ученикъ извѣстнаго профессора, онъ не только доподлинно знаетъ арабскій языкъ, но, по примѣру своего учителя, избѣгаетъ невѣрныхъ преданій. Онъ много лѣтъ работалъ надъ первымъ томомъ своего историческаго труда, а второй томъ, состоящій изъ двухъ частей, перерабатывалъ три раза и писалъ его въ продолженіе десяти лѣтъ. Имѣя въ виду, что онъ обнимаетъ всего семь лѣтъ, отъ 628 до 634 г., можно судить, какой монументальный трудъ задуманъ княземъ Теано. Въ литературѣ арабской исторіи это сочиненіе не имѣетъ себѣ равнаго по значенію, свѣдѣніямъ и здравой оцѣнкѣ изложенныхъ обстоятельствъ. Его объемъ такъ громаденъ, что даже невозможно предположить, когда оно будетъ окончено. Такъ, напримѣръ, пятый томъ будетъ обнимать 700 годъ, или вторую половину эпохи дамасскаго калифата, а когда настанетъ очередь паденія Багдада въ XIII вѣкѣ—невозможно и опредѣлить. Во всякомъ случаѣ появленіе каждаго тома этого колоссальнаго труда составляетъ цѣнный вкладъ для исторіи.

Начиная со второго тома, князь Теано измѣнилъ планъ своего труда до 10 года, бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину, и исторія послѣдняго разсматривается ученымъ авторомъ, какъ нѣчто въ родѣ предисловія. Настоящія же мусульманскія лѣтописи начинаются только съ этой эпохи, и здѣсь прекращается методъ послѣдовательнаго разсказа, основаннаго на авторитетахъ, и замѣненъ отдѣльными матеріалами, разграниченными параграфами и добавленными въ концѣ примѣчаніями и поправками мелкимъ шрифтомъ. Конечно, такого рода писаніе читается не такъ легко, но зато оно авторитетнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ соединеніе въ одномъ текстѣ противоположныхъ свѣдѣній. Авторъ также собралъ многовидную библіографію и не упустилъ изъ вида ни одного арабскаго ученаго, не изучивъ его. Такимъ образомъ мы впервые имѣемъ полное дословное собраніе оригинальныхъ мусульманскихъ преданій; кромѣ того, у Теано находятся подлинные критическіе отзывы объ этихъ преданіяхъ всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ. Однако онъ считаетъ эти матеріалы еще недостаточными, а изучаетъ методъ веденія войны съ сарацинами, характеръ ихъ войнъ и калифатовъ, причины паденія византійскихъ и сасанидскихъ имперій и т. д.

По мнѣнію ученаго автора, арабская нація скрывала въ себѣ зародышъ паденія и она была могущественна и образована до эпохи Магомета, но доведена до изнуренія климатомъ и почвой, а ея распространеніе зависѣло только отъ проповѣди Магометомъ ислама. Тутъ и Теано находится на почвѣ противорѣчій, но что исламъ одинъ изъ факторовъ движенія арабовъ — не подлежитъ сомнѣнію. Вообще подобной основательной и ученой исторіи магометанской имперіи еще никогда не появлялось.

— Лотереи.—Въ послѣдніе годы особенно замѣтно проявилась страсть къ лотереямъ не только въ Италіи, классической странѣ лотерей, но во Франціи и другихъ европейскихъ странахъ. Это явленіе обратило на себя вниманіе журналовъ, и въ «Nouvelle Revue» [1]) г-жа Крозъ приводитъ исторію постепеннаго развитія лотереи въ различныхъ государствахъ. Въ Италіи національная лотерея существовала уже цѣлые вѣка и служила чѣмъ-то въ родѣ первобытнаго проявленія латинской цивилизаціи; еще Светоній упоминалъ, что лотерея уже была во времена римскихъ императоровъ. Она вліяла на интимную жизнь народа, что значительно отражалось и на публичной жизни. Въ Италіи всѣ играли—и богатые, и бѣдные. Вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ лотереи собиралась цѣлая толпа неизбѣжныхъ ворожей, колдуновъ, assistiti, то есть вдохновителей свыше и жрецовъ черныхъ мессъ, пользовавшихся народнымъ суевѣріемъ. Игроки прибѣгали къ предсказанію счастливыхъ нумеровъ, пользуясь между прочимъ всевозможными физическими явленіями, поражающими народное воображеніе, какъ, напримѣръ, землетрясеніемъ и проч. Иногда случалось лотереѣ терпѣть большія потери, какъ это было во время смерти Виктора-Эмануила.

Страсть къ лотереямъ перешла во Францію не болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ и она проявлялась тамъ столь же сильно, какъ теперь въ Италіи. Кромѣ правительственной лотереи, во Франціи ютилась масса частныхъ лотерей, билеты на которыя брались съ бою. Одинъ итальянскій монахъ, Лети, въ своей забавной «Критикѣ лотерей», напечатанной въ Амстердамѣ въ 1697 году, представляетъ интересную картину тогдашняго настроенія умовъ. По его словамъ, повсюду говорили, бесѣдовали и разсуждали только о лотереяхъ: судьи, засѣдая на своихъ трибунахъ, вели разговоры о лотереѣ въ то время, какъ допрашивались стороны, адвокаты защищали подсудимыхъ или пока произносились обвинительныя рѣчи. «О чемъ говорятъ въ консисторіяхъ и другихъ духовныхъ собраніяхъ? О лотереяхъ. О чемъ говорятъ генералы, офицеры, капитаны, даже простые солдаты въ лагеряхъ или походахъ? О лотереяхъ». Профессора, лекторы, учителя—всѣ увлекались лотереей до такой степени, что ни о чемъ болѣе не бесѣдовали, какъ о ней, забывая въ разговорахъ о своихъ лекціяхъ. Въ академіи происходило то же самое; о наукѣ не говорили: этотъ обычай прошелъ, и не книги и грамота были въ модѣ, а лотерея.

Хотя въ своей сатирѣ Лети сгустилъ краски, описывая увлеченіе лотереей, но все-таки, по словамъ г-жи Крозъ, въ этомъ была доля правды. Когда Людовику XV понадобились деньги на военную школу и онъ не зналъ, гдѣ ихъ взять, а государственная казна была опустошена несчастными войнами, онъ учредилъ королевскую лотерею. Идею о лотереяхъ во Францію завезли три итальянскіе авантюриста, изъ которыхъ одинъ былъ Казанова, прославившійся своимъ бѣгствомъ изъ венеціанской тюрьмы. Эта новая игра имѣла громадный успѣхъ; богатые и бѣдные наперерывъ покупали билеты; тѣ и другіе такъ вѣрили въ выигрышъ, что не колеблясь занимали деньги для

---

[1]) «Les Loteries». Par M. C. Croze. «La Nouvelle Revue». 15 Avril 1908.

уплаты за билетъ, закладывали обстановку и если все-таки не хватало денегъ, то билеты покупались въ складчину по двое, по трое и такъ далѣе.

Такой же азартъ царилъ и въ Голландіи: женщины несли въ закладъ или продавали фарфоровыя вещи, серебро, мебель, платье и прочее для покупки билета. И это были женщины не только изъ народа, но также изъ зажиточныхъ семействъ, которыя доходили до совершеннаго разоренія.

Лотерея, завезенная во Францію итальянцами, была настоящей азартной игрой, къ тому же очень сложной; она состояла изъ комбинированія между собою всѣхъ чиселъ отъ 1 до 90. На одно колесо, содержащее 90 билетовъ, 5 билетовъ приходились съ выигрышами. Публикѣ предлагалось держать пари на одно число или нѣсколько, наудачу или въ опредѣленномъ порядкѣ, что означало на спеціальномъ языкѣ игроковъ—экстрэ, амбы, терны, кватерны и квинтерны. Лотерея играла навѣрняка; въ двухъ послѣднихъ комбинаціяхъ ей приходилось прибыли $85^1/_3$ на сто и 98 на сто и однако, какъ самыя трудныя, эти комбинаціи всего болѣе дѣйствовали на воображеніе публики, и многіе игроки тратили всю свою жизнь на отысканіе квинтерны, которая никогда не выходила и всегда должна была выйти въ будущемъ тиражѣ.

Эта «итальянская чума», заразившая весь народъ, влекла за собою воровство, преступленія и семейный разладъ. Суевѣріе народа росло; всякаго рода шарлатанамъ было раздолье. Книгопродавцы вывѣшивали публикаціи о кабалистическихъ предсказаніяхъ; игроки осаждали ясновидящихъ и предсказателей. Женщины умоляли Каліостро предсказывать имъ нумера, которые ихъ обогатили бы. Большую роль стали играть сновидѣнія; Каліостро не только ихъ объяснялъ, но еще изобрѣлъ систему, по которой сновидѣнія имѣли соотношенія съ счастливыми нумерами лотереи, и въ книгѣ «Настоящій Каліостро» приводятся эти соотвѣтствія, отчасти ничтожныя, отчасти забавныя. Игроки, ослѣпленные суевѣріемъ, считали эту книгу въ своемъ родѣ евангеліемъ.

Правительство не колеблясь пользовалось этимъ азартомъ и поощряло его. Плодами этого безумія, разорившаго, обезчестившаго и убившаго столькихъ легковѣрныхъ, правительство воспользовалось для построенія св. храмовъ, какъ, напримѣръ, св. Женевьевы, Магдалины и еще нѣсколькихъ другихъ, да, кромѣ того, больницы для покинутыхъ дѣтей и военной школы. Людовикъ XV поощрялъ вкусъ народа къ этимъ «добровольнымъ налогамъ», которые, по исчисленію Неккера, приносили государству ежегодно 14 или 15 милліоновъ. Правда, что этотъ «добровольный налогъ» вызывалъ у тогдашнихъ моралистовъ взрывы негодованія, и отенскій епископъ Талейранъ-Перигоръ писалъ, что хорошъ налогъ, который можно взимать съ народа лишь тогда, какъ у него помутится разумъ; хорошъ налогъ, основанный на отчаяніи народа. «Существуютъ ли на свѣтѣ болѣе незаконные сборы съ народа, чѣмъ лотерея, — говорилъ онъ. — Цѣною девяти милліоновъ, извлекаемыхъ самыми постыдными и несправедливыми средствами, въ дѣйствительности получается гибель націи; больницы и тюрьмы переполняются новыми жертвами, народъ дошелъ до отчаянія, впалъ въ пороки и обѣднѣлъ; тысячи гражданъ развращены и доведены иллюзіями о выигрышѣ до умопомѣшательства и предпочитаютъ лучше мечтать о богатствѣ, чѣмъ составлять его себѣ».

И, однако, несмотря на протесты членовъ законодательнаго корпуса, этотъ «добровольный налогъ» не долго былъ въ изгнаніи во время революціи и республики, и въ 1799 году національная лотерея была снова возстановлена и просуществовала до обнародованія закона 27 мая 1836 года, который существуетъ до сихъ поръ. Но, несмотря на этотъ законъ, всевозможныя лотереи продолжаютъ спокойно существовать.

— Шекспиръ и Гёте въ области сверхъестественнаго.—Съ нѣкоторыхъ поръ въ англійской литературѣ сталъ замѣтно входить въ моду оккультизмъ, и многіе стараются усмотрѣть его зародышъ въ твореніяхъ такихъ старыхъ и геніальныхъ писателей, какъ Шекспиръ и Гёте. Это заставило профессора кембриджскаго университета Поля Джибсона [1]) прочесть лекцію о сверхъестественномъ въ Шекспирѣ, за что онъ получилъ Гарнесскую премію. Его критика оказалась далеко не глубокомысленной, но онъ собралъ въ означенномъ очеркѣ всѣ мѣста изъ Шекспира, гдѣ говорится о волшебствѣ, колдунахъ, вѣдьмахъ и т. д. Этотъ трудъ можетъ служить полезнымъ пособіемъ для изслѣдованія оригинальной стороны «божественнаго Вильяма».

Что касается до Гёте, то въ англійскомъ журналѣ «Open Court» д-ръ Карусъ посвящаетъ довольно большую статью сверхъестественному значенію «Фауста». По его словамъ [2]), «Фаустъ»—представитель мнѣнія, господствовавшаго въ Германіи вслѣдствіе реформаціи и возбуждавшаго гуманитарныя стремленія, а также любовь къ естественнымъ наукамъ. «Фаустъ,—говоритъ Карусъ,—является типомъ стремящагося впередъ человѣчества и старается показать смѣлый путь къ болѣе благороднымъ и глубокимъ условіямъ жизни тѣмъ изъ своихъ послѣдователей въ исторіи, литературѣ и легендѣ, которые не нашли себѣ въ жизни удовлетворенія».

Такимъ образомъ Фаустъ пытается осуществить тѣ черты, которыя Гёте хотѣлъ изобразить и которыми онъ самъ обладалъ въ высшей степени. Правда, Фаустъ съ отчаяніемъ сомнѣвается въ возможности знанія и въ пользѣ науки. А если наука является несостоятельной, знаніе становится немыслимымъ, на разумъ нельзя опереться, то человѣкъ остается безъ руководителя. Поэтому у Гёте отчаяніе Фауста замѣняется циническимъ совѣтомъ Мефистофеля, который онъ далъ студенту. Этотъ совѣтъ полонъ сатиры и критики надъ практическимъ состояніемъ науки въ рукахъ посредственныхъ людей.

Въ старинной легендѣ, само собою разумѣется, дьяволъ уноситъ Фауста въ концѣ исторіи; но, по словамъ д-ра Каруса, протестантскіе писатели интересуются этой исторіей болѣе, чѣмъ католики, и рѣшаютъ ее въ пользу спасенія его души, потому что онъ рисковалъ собою ради побѣды знанія надъ природой. «Гёте чувствуетъ,—прибавляетъ Карусъ,—что Фаусту нельзя поставить въ грѣхъ внушеніе науки и духа изобрѣтательности. Человѣкъ, смѣло сказавшій себѣ: «Ни адъ, ни дьяволъ меня болѣе не испугаютъ»,—доказываетъ, что его сила и мужество—непреодолимы.

---

[1]) Shakespeare's Use of the Supernaturel. By Paul S. R. Gibson. Cambrige. 1908.

[2]) The Significance of Goethe's Faust. By Paul Carus. «Open Court» March. 1908.

Такимъ образомъ, не доказывая, что спасеніе Фауста произошло благодаря его собственнымъ достоинствамъ, Гёте, по убѣжденію его критики, заставляетъ Мефистофеля потерять свой закладъ, благодаря небрежности отъ охватившаго его неожиданно сластолюбія при видѣ ангела.

По словамъ писательницы г-жи Норы Александръ въ апрѣльскомъ «Occult Review» [1]), Гёте происходилъ изъ семейства, безъ всякаго сомнѣнія, обладавшаго различными проявленіями психической силы, напримѣръ, странными сновидѣніями, составившими ему славу во всемъ околоткѣ. По увѣренію автора, поэтъ имѣлъ въ жизни любопытное и странное видѣніе. Однажды, выѣзжая изъ Сезенгейма, онъ увидѣлъ на дорогѣ своего двойника, но въ такомъ костюмѣ, какого онъ тогда не имѣлъ. Чрезъ восемь лѣтъ на томъ же мѣстѣ онъ вспомнилъ объ этомъ случаѣ и замѣтилъ, что онъ находился тогда въ такомъ точно костюмѣ, какой былъ на видѣніи.

— Молодость внучки Бирона.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій писатель Этьенъ Лами объявилъ въ «Revue des deux mondes», что у него случайно находятся мемуары герцогини Дино, жены племянника Талейрана, которая во время своей продолжительной жизни послѣдовательно называлась различными именами, начиная отъ дочери герцогини Курляндской до графини Перигоръ, герцогини Дино, Талейранъ и Саганъ. Затѣмъ объ этомъ любопытномъ документѣ съ тѣхъ поръ ничего не было извѣстно, и только въ апрѣлѣ настоящаго года журналъ «La Revue de Paris» [2]) началъ печатать «Воспоминанія» герцогини Дино съ предисловіемъ ея внучки, графини Кастеллянъ. По ея словамъ, авторша этихъ мемуаровъ во время своего пребыванія въ Берлинѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, на Вѣнскомъ конгрессѣ, въ Парижѣ при реставраціи Бурбоновъ и Орлеановъ, а также въ Германіи во время прусско-французской войны видѣла много событій и политическихъ дѣятелей, занимающихъ видное мѣсто въ современной исторіи. Но она смотрѣла на все и на всѣхъ такъ своеобразно, что, строго говоря, ея произведенія нельзя назвать ни воспоминаніями, ни мемуарами, а скорѣе чѣмъ-то въ родѣ памятки, написанной безъ всякой системы и послѣдовательности. Она сама говоритъ, что начала писать свои воспоминанія по совѣту одного пріятеля въ 1822 г. и во всемъ, что она написала, заключается только откровенная правда, насколько она ее запомнила и насколько можетъ ее изобразить, хотя отрывочно и несистематично.

Поэтому совершенно естественно, что герцогиня Дино начинаетъ эти воспоминанія не съ своего рожденія и своего семейства, а съ совершенно посторонняго человѣка, именно князя Адама Чарторыйскаго, друга Александра. Онъ былъ уже назначенъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, когда въ Петербургъ пріѣхалъ аббатъ Піаттоли, который занимался воспитаніемъ Доротеи Курляндской, будущей герцогини Дино, и ея мать поручила ему похлопотать въ Россіи о своихъ финансовыхъ дѣлахъ, разстроенныхъ послѣ смерти ея мужа, герцога Петра Курляндскаго, сына Бирона. Ловкій аббатъ сумѣлъ

---

[1]) Goethe as a mystic. By Nora Alexander. «Occult Review» April, 1908.

[2]) Duchesse de Dino, «Souvenirs», «Revue de Paris», 1 Avril 1908.

заинтересовать дѣлами герцогини Чарторыйскаго и даже поселился въ его домѣ. Не довольствуясь этимъ, Піаттоли мало-по-малу вкрался въ довѣріе Чарторыйскаго и такъ подружился съ нимъ, что сталъ его уговаривать жениться на своей воспитанницѣ, хотя князь Адамъ былъ на 25 лѣтъ старше ее. Аббату однако было трудно добиться успѣха, но это его не смущало, и онъ продолжалъ упорно стоять на своемъ, пока наконецъ не вселилъ въ Чарторыйскаго желанія этого брака.

Въ свою очередь онъ расхваливалъ Чарторыйскаго въ письмахъ къ молодой дѣвушкѣ и безъ конца распространялся о его достоинствахъ, а также о величайшемъ счастіи, которое ихъ бракъ могъ доставить всѣмъ тремъ. Кромѣ письменныхъ увѣщаній, онъ убѣждалъ ея гувернантку, дѣвицу Гофманъ, хлопотать о томъ же самомъ, зная, что она не желала ничего лучшаго, какъ выдать свою воспитанницу за польскаго князя.

«Письма аббата и бесѣды моей гувернантки,—пишетъ будущая герцогиня Дино,—вскружили мою тринадцатилѣтнюю голову; въ моемъ воображеніи постоянно носились романическія мечты, героемъ которыхъ былъ князь Чарторыйскій. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я дошла до того, что желала этого брака такъ же пламенно, какъ оба придумавшія его лица, которыя видѣли главную пользу своего плана въ томъ, что они пріобрѣли бы безусловную власть надъ нашими личностями, соединенными ихъ стараніями».

Предполагаемые женихъ и невѣста обмѣнялись даже портретами, такъ какъ аббатъ передалъ князю полученный имъ отъ молодой дѣвушки портретъ, а самъ переслалъ ей подаренное ему княземъ изображеніе его уже пожилого лица. Герцогиня Курляндская съ неудовольствіемъ смотрѣла на предполагаемый бракъ дочери и хотя ему не противодѣйствовала, однако не считала полезнымъ поощрять такой заглазный выборъ. Это не разстраивало брачнаго плана, такъ какъ Доротея была не очень предана матери и дружна съ нею. Впрочемъ, аббатъ Піаттоли писалъ изъ Петербурга не объ одномъ только князѣ Чарторыйскомъ, но и о ходѣ курляндскаго процесса, который, по его словамъ, никакъ не могъ успѣшно окончиться безъ щедрыхъ подачекъ, начиная съ министровъ до послѣдняго лакея. «Мы непремѣнно потеряли бы нашъ процессъ,—говоритъ герцогиня Дино,—а слѣдовательно лишились бы бо̀льшей части нашего состоянія, если бы мать смѣло не рѣшила лично ходатайствовать въ пользу своихъ дѣтей».

Въ маѣ 1806 г. герцогиня Курляндская отправилась въ Петербургъ. По дорогѣ она встрѣтила самый радушный пріемъ со стороны своихъ прежнихъ подданныхъ и жившей тогда въ Митавѣ французской королевской семьи. Въ іюнѣ она пріѣхала въ русскую столицу и на другой же день, когда она еще была въ утреннемъ нарядѣ, къ ней неожиданно явился молодой офицеръ, въ которомъ находившійся у нея аббатъ Піаттоли узналъ государя. Александръ поцѣловалъ ей руку и нашелъ ее красивой, любезной аристократкой, какія рѣдко встрѣчались въ русскомъ обществѣ. Потомъ она была приглашена на Каменный островъ, гдѣ въ то время проживала царская семья, и въ другіе загородные императорскіе дворцы. Ровно чрезъ два мѣсяца она окончила свое дѣло вполнѣ удовлетворительно и уѣхала изъ Петербурга въ восторгѣ отъ

радушнаго пріема императрицъ и дружбы, а также довѣрія Александра, которыя онъ надолго сохранилъ къ ней.

Возвратясь въ Курляндію, она хотѣла остаться тамъ только шесть недѣль, но по обстоятельствамъ ей пришлось провести въ своей бывшей странѣ весь памятный 1807 г. Во время ея отсутствія она оставляла дочь съ гувернанткой въ Берлинѣ, гдѣ, тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ, родилась будущая герцогиня Дино, и съ тѣхъ поръ находилась подъ покровительствомъ прусскаго королевскаго семейства. Когда большая часть Пруссіи и Берлинъ были взяты французскими войсками, будущая герцогиня Дино была принуждена уѣхать съ гувернанткою сначала въ Данцигъ, а потомъ въ Кенигсбергъ и Мемель.

Узнавъ о выѣздѣ дочери изъ Берлина, герцогиня Курляндская выписала ее въ Митаву, гдѣ проживала сама въ домѣ одного изъ дядей молодой дѣвушки, который уступилъ имъ свой великолѣпнѣйшій во всемъ городѣ домъ.

Доходы герцогиня Курляндская получала съ русскихъ имѣній, а потому ей не надо было сокращать расходовъ; напротивъ, ея дочь пользовалась доходомъ съ имѣнія въ Пруссіи, которое въ то время было разорено французской арміей, а потому въ матеріальномъ отношеніи она зависѣла отъ матери, потому что ей приходилось обращаться къ ней за поддержкой, что не подходило къ ея независимому характеру. «Моя мать,—пишетъ Доротея,—всегда противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ и вкусамъ; притомъ она выказывала во всемъ нетерпѣніе, что мнѣ казалось несправедливостью. Однимъ словомъ, съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе не ладили между собою». Только возвращеніе изъ Петербурга аббата Піаттоли примирило будущую герцогиню съ Курляндіей, и хотя аббатъ, собственно говоря, не занимался болѣе ея образованіемъ, но она съ удовольствіемъ постоянно совѣтовалась съ нимъ насчетъ своего чтенія и даже, благодаря его бесѣдамъ, вела себя приличнѣе съ матерью; конечно, они всего чаще говорили о князѣ Чарторыйскомъ. Такимъ образомъ, привыкнувъ къ мысли о пожиломъ женихѣ и зная, что онъ любилъ науки, она стала заниматься учеными вопросами и, несмотря на то, что была крайне молода, старалась всячески пріучать себя не только къ научнымъ предметамъ, но и къ языку ученыхъ.

Впрочемъ, и помимо бесѣды съ аббатомъ Піаттоли, молодая дѣвушка стала привыкать къ обществу французскихъ эмигрантовъ, жившихъ вмѣстѣ съ королемъ въ Митавѣ, и часто посѣщала будущаго Людовика XVIII, который очень любезно обращался съ нею, ласкалъ ее и называлъ «своей маленькой итальянкой» по причинѣ ея черныхъ волосъ. Вскорѣ, какъ самъ король, такъ и его первый любимецъ, маркизъ д'Аварэ, вздумали женить наслѣдника Бурбонскаго дома, герцога Беррійскаго, на какой-нибудь богатой представительницѣ знатной аристократіи. Ихъ выборъ почему-то остановился на Доротеѣ Курляндской. Самолюбіе дѣвицы Гофманъ было пріятно польщено этимъ выборомъ, и она перестала рекомендовать молодой дѣвушкѣ въ женихи князя Чарторыйскаго. Она сговорилась о новомъ планѣ съ маркизомъ и когда онъ уѣхалъ съ королемъ въ Швецію, то переписывалась съ нимъ особыми шифрами о любезномъ ея сердцу дѣлѣ. Герцогъ Беррійскій находился тогда въ Лондонѣ, и будущей герцогинѣ Дино нравился новый планъ ея замужества. «Я не знаю,—

пишетъ она,—годилась ли бы я принцу, но я часто думала, что была бы не прочь сдѣлаться посредницей между полубогами и обыкновенными смертными». Повидимому, герцогу Беррійскому суждено было имѣть невѣстами полекъ, такъ какъ въ 1798 г. тотъ же д'Аварэ предлагалъ ему жениться на польской магнаткѣ Аннѣ Тышкевичъ, впослѣдствіи графинѣ Потоцкой. Но судьбѣ было угодно, чтобы онъ женился въ 1816 г. на Маріи-Каролинѣ, принцессѣ Неаполитанской.

Такимъ образомъ въ воспоминаніяхъ герцогини Дино о ея юности рельефно выступаютъ два обстоятельства, именно брачные проекты съ княземъ Чарторыйскимъ и герцогомъ Беррійскимъ. На этомъ и оканчивается первая часть ея воспоминаній.

— Памятникъ русско-французской разсказчицѣ.—На дняхъ Люксембургскому саду въ Парижѣ предстоитъ украситься пріятнымъ для русскаго самолюбія памятникомъ въ честь нашей соотечественницы графини Софіи Өедоровны Ростопчиной, по мужу графини Сегюръ. Хотя она не сдѣлала никакого открытія въ области науки или философіи, но нѣтъ ни одной культурной страны на земномъ шарѣ, гдѣ бы ея знаменитая въ дѣтскомъ мірѣ «Розовая библютека» не была бы переведена на мѣстный языкъ и маленькіе граждане этой страны не упивались бы ея живыми образными разсказами. Поэтому неудивительно, что желаніе почтить ея память вызвало появленіе статей въ различныхъ французскихъ журналахъ, единогласно отнесшихся къ нему сочувственно.

Дочь извѣстнаго русскаго героя 1812 г., генералъ-губернатора Москвы, даровитая дѣтская писательница укоренилась на чужой почвѣ сначала по причинѣ опалы отца и перехода матери въ католичество, а затѣмъ вслѣдствіе брака съ французомъ, графомъ Сегюромъ. Софья Өедоровна родилась въ Петербургѣ 19 іюля 1799 г., и ея крестнымъ отцомъ былъ императоръ Павелъ. Мать ея, графиня Екатерина Протасова, дочь гражданскаго губернатора Петербурга, была женщина красивая, остроумная и образованная, извѣстная еще своимъ переходомъ въ католичество.

Во время своей опалы Ростопчинъ проживалъ съ 1806 г. до 1812 г. въ своемъ имѣніи Вороновѣ, гдѣ маленькая Софалетта, какъ ее звали домашніе, развивалась физически и умственно. Изъ письма Ростопчина къ графу Воронцову мы узнаемъ, что Софалетта, настоящій деревенскій крѣпышъ, играла въ домѣ роль маленькаго шута, настолько она была забавна. Какъ-то, списывая съ книги, она сдѣлала ошибку, но за собою не хотѣла ее признать, а потому принялась по-своему исправлять чернилами текстъ книги; на бѣду она сдѣлала чернильное пятно, и ея преступленіе было открыто. На упреки матери, что ея писаніе никто не понимаетъ, она говорила: «Да зачѣмъ вамъ читать, что я написала: у васъ столько своихъ книгъ».

Ростопчинъ писалъ Воронцову, что его дочери имѣютъ съ нимъ общую черту—вспыльчивость, но умолчалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ дочь Софія унаслѣдовала отъ него еще его острословіе, немного злословія и склонность къ писательству. Впрочемъ, писательницей она сдѣлалась уже въ зрѣломъ возрастѣ, но въ дѣтствѣ она только любила сочинять различныя исторіи, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ для другихъ.

Выросшая въ деревенской обстановкѣ, которая способствовала развитію главнымъ образомъ ея физическаго здоровья, она совсѣмъ не проявляла въ дѣтствѣ нервной впечатлительности. Когда во время московской катастрофы взволнованный Ростопчинъ вошелъ къ женѣ, спѣша удалить ее съ семьею какъ можно скорѣе изъ пылающей Москвы, дѣвочка ѣла пирожное: драматизмъ ихъ положенія ея не трогалъ; не произвелъ на нее впечатлѣніе и отецъ, на колѣняхъ вымаливавшій у матери прощеніе за причиненныя ей огорченія: ее пугало всего болѣе, какъ бы у нея не отняли любимаго пирожнаго, и, зажавъ крѣпко въ рукѣ сладкое колечко, она спрятала его за спиною.

Нравственно и физически дѣвочка напоминала скорѣе своего отца. Гибкая и стройная, она не отличалась правильными чертами лица, но его выраженіе было привѣтливое, искреннее и доброе. Какъ и отецъ, она не умѣла скрывать своихъ чувствъ и была даже слишкомъ откровенна, но вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшлива, капризна и упорна. Послѣдняя черта перешла къ ней отъ отца и матери, выказавшей ее въ отношеніи перемѣны религіи. Ростопчинъ связывалъ понятіе о патріотизмѣ съ вѣрностью государственной религіи, и поэтому его страшно поразилъ переходъ жены въ католичество. Перемѣна въ религіозныхъ убѣжденіяхъ произошла у нея не вдругъ; сначала она находилась только подъ вліяніемъ философовъ XVIII вѣка, затѣмъ въ Петербургѣ на нее подѣйствовали бесѣды съ Жозефомъ де-Местромъ и она перешла въ католичество. Зная убѣжденія Ростопчина, она не рѣшалась ему признаться и девять мѣсяцевъ скрывала отъ него эту тайну. Наконецъ она призналась мужу и такъ его поразила, что цѣлую недѣлю онъ не произнесъ съ нею слова. Чрезъ недѣлю онъ сказалъ ей: «Ты мнѣ причинила горе, но ты повиновалась своей совѣсти. Это воля Божія. Не будемъ болѣе объ этомъ говорить». И съ тѣхъ поръ онъ никогда не упоминалъ ей о происшедшемъ. Это была единственная туча на горизонтѣ ихъ супружеской жизни. Ея сестры тоже перешли въ католичество. Гнѣвъ императора не испугалъ графини Ростопчиной, и она написала, что никакія наказанія ее не устрашатъ и она не измѣнитъ своихъ убѣжденій.

Съ этихъ поръ Ростопчинъ сдѣлался частнымъ человѣкомъ и отдался вполнѣ свѣтской жизни, семьѣ и путешествіямъ. Въ то время дочь Софья была еще мала и не думала о религіозныхъ убѣжденіяхъ, но въ 1814 году, когда ея мать вела религіозные споры съ митрополитомъ Филаретомъ, и дѣвушка стала вникать въ нихъ, то и она, послѣдовавъ примѣру матери, перешла въ католичество.

Критикуя французовъ и выказывая къ нимъ непріязнь изъ патріотизма, Ростопчинъ въ сущности любилъ Францію и французовъ. Нѣмецъ Варнгагенъ, встрѣтившій его въ Баденѣ, писалъ, что «Франція и французы, Парижъ и парижане совершенно овладѣли его мыслями», и въ 1817 года онъ въ письмѣ къ женѣ просилъ ее пріѣхать въ Парижъ осенью со всею семьею и челядью. Въ это время Софьѣ Ѳедоровнѣ было 18 лѣтъ. Ея мать совершенно отдалась набожности и дѣламъ благотворительности. Въ Парижѣ они поселились въ улицѣ Монъ-Бланъ, и графъ задавалъ тамъ балы. Онъ велъ шумную свѣтскую жизнь, посѣщалъ театры по вечерамъ, а днемъ осматривалъ и покупалъ кар-

тины и книги. Съ нимъ выѣзжали и дочери, приводя въ смущеніе извѣстную католичку Lise Голицыну, ихъ двоюродную сестру, которая по этому случаю забила тревогу и упрекала ихъ. «Наташа,—писала она Софьѣ про младшую дочь Ростопчина,—говорила мнѣ, что вы предполагаете ходить два раза въ недѣлю на спектакли; ради Бога, дорогой другъ, если ужъ безусловно необходимо туда ходить изъ повиновенія папѣ, то дѣлайте это такъ, чтобы возвращаться оттуда безъ ущерба для себя. По-моему, это самое опасное удовольствіе на свѣтѣ и болѣе всего воспламеняющее воображеніе. Естественно, что ваше воображеніе живо, и потому, ради Бога, не ходите туда, не помолясь Богу, чтобы онъ васъ предохранилъ отъ зла, какое находится въ зрѣлищахъ, и настолько бойтесь соблазна во время представленій, что чувствуйте скуку тамъ, гдѣ люди, не вѣрящіе въ существованіе души, безконечно веселились бы».

Однако, несмотря на эти предостереженія ярой католички, молодыя дѣвушки продолжали веселиться. Графъ Ростопчинъ задавалъ балы, на которыхъ собиралось до пятисотъ человѣкъ—и среди нихъ ни одного маршала Наполеона, какъ хвастался русскій патріотъ. Такъ прошло два года, и Софьѣ Ѳедоровнѣ исполнилось двадцать лѣтъ. Близкій другъ ея матери, г-жа Свѣчина, тоже перешедшая въ католичество, сблизила молодую дѣвушку съ графомъ Сегюромъ, мать котораго была ея пріятельница. Несмотря на то, что графъ Ростопчинъ бранилъ французовъ и ворчалъ, что пока существуетъ французская нація, міръ никогда не будетъ спокоенъ, онъ не сопротивлялся этому сближенію, и 14 іюля 1819 г. состоялась свадьба графа Сегюра съ графиней Софьей. Впрочемъ, и послѣ свадьбы русскій патріотъ продолжалъ негодовать на французовъ, пока не родился у его дочери сынъ, маленькій французъ, и ярый патріотъ, забывъ свою вражду къ ненавистной націи, сталъ осыпать его подарками и всячески заботиться о немъ.

Замужняя жизнь Софьи Ѳедоровны протекала самымъ буржуазнымъ образомъ—тихо, мирно. Молодая парочка мечтала о собственномъ уголкѣ, гдѣ бы она была совершенно у себя. Въ это время въ Нормандіи продавалось имѣніе Нуэтъ генерала Лефевра, но вся бѣда была въ томъ, что имъ не хватало на покупку денегъ, ста тысячъ франковъ. Приходилось отложить этотъ планъ до того времени, когда они разбогатѣютъ. Наступилъ 1820 г., и утромъ 1 января къ нимъ пришелъ Ростопчинъ. Поздравляя дочь съ Новымъ годомъ, онъ протянулъ ей бумажникъ со словами: «Вотъ тебѣ подарокъ». Послѣдній оказался какъ разъ кстати: въ бумажникѣ находились сто тысячъ франковъ на пріобрѣтеніе Нуэта, и супруги Сегюръ переѣхали туда. Съ этого момента трудно было отдѣлить имя графини отъ названія имѣнія: онѣ слились въ одно; какъ Жоржъ-Зандъ сливалась съ «Ноаномъ», такъ Софья Ѳедоровна—съ Нуэтомъ, и всѣ окрестные жители знали «bonne Sophie».

Годы пролетали, и въ 1826 г. умеръ графъ Ростопчинъ. Въ это время у графини Софьи Сегюръ было уже восемь человѣкъ дѣтей—четверо мальчиковъ и четверо дѣвочекъ; благодаря этому обстоятельству, изъ нея сформировалась будущая писательница. Сохраняя всю жизнь юное, жизнерадостное настроеніе, она раздѣляла съ ними, какъ старшая сестра, ихъ игры и забавы. Но вскорѣ недугъ, вызванный усталостью, частымъ материнствомъ и неумѣніемъ врачей,

заставилъ ее слечь въ постель и тринадцать лѣтъ не разставаться съ нею. Несмотря на болѣзнь, она попрежнему сохраняла хорошее настроеніе и веселость, никогда ни на что не жаловалась и если безпокоилась, то лишь о своихъ дѣтяхъ, составлявшихъ теперь для нея весь интересъ жизни. Она не могла болѣе съ ними играть, и они собирались вокругъ кровати матери послушать ея разсказы, которые то заставляли ихъ смѣяться, то плакать. Вотъ при какихъ условіяхъ графиня Сегюръ сдѣлалась разсказчицей, писательницей же она выступила въ 1856 г. по совѣту Евгенія Сю, посѣщавшаго часто Нуэтъ и даже написавшаго тамъ часть своего «Вѣчнаго жида». Она уже поправилась отъ своей болѣзни, а также отъ огорченія, что ея сынъ, подъ вліяніемъ бабушки, графини Ростопчиной, задумалъ посвятить себя духовной жизни, что матери казалось равносильно смерти. Остальныя дѣти всѣ не только выросли, но уже поженились и имѣли дѣтей, которымъ бабушкѣ приходилось разсказывать сказки. Теперь она стала ихъ записывать, и такимъ образомъ собрался матеріалъ для будущей «Розовой библіотеки». Эту рукопись читали ея гости и въ томъ числѣ Евгеній Сю съ Луи Вёльо. Послушавъ совѣта перваго, она продала ее издателю за 6000 франковъ каждый томъ, принесшій послѣднему цѣлое состояніе. Эти разсказы были переведены на всевозможные языки въ различныхъ странахъ, и въ первыя двѣнадцать лѣтъ ея «Mémoires d'un âne» разошлись болѣе чѣмъ въ 70.000 экземплярахъ, а всѣ ея разсказы составили знаменитую въ дѣтскомъ мірѣ «Розовую библіотеку.»

Прекрасное знаніе французскаго языка и образованіе, которое Ростопчинъ далъ своимъ дѣтямъ, помогли немало Софьѣ Өедоровнѣ. Ея французскій стиль былъ ясный, классическій и живой, и она писала, какъ говорила, а говорила она, по свидѣтельству современниковъ, прекрасно. Часто, садясь за рабочій столъ, у нея не было въ головѣ опредѣленнаго плана, а только идея, и и въ этомъ случаѣ ей много помогала неистощимая фантазія. Особенно «Auberge de l'ange gardien» и «General Dourakine», легко и ловко составленные отъ начала до конца, имѣли громадный успѣхъ, Ея талантъ признавали достойнымъ не сказочницы, а романистки и въ ея сказкахъ для маленькихъ дѣтей находили болѣе дѣйствительности и наблюдательности, чѣмъ въ романахъ той эпохи, предназначенныхъ для юношества. Въ «Генералѣ Дуракинѣ» есть такія сильныя комическія положенія, которыя заставляютъ приравнивать ее къ лучшимъ писателямъ.

Съ ея смертью въ 1814 г. «Розовая библіотека» продолжала дополняться произведеніями ея дочерей, виконтессы Питрэ и г-жи Фрэно, а также ея внучки маркизы Муссакъ. Судьба ее ввела въ не менѣе талантливую семью Сегюръ, насчитывавшую среди своихъ членовъ нѣсколько писателей, а ея внукъ, извѣстный историкъ Сегюръ, на дняхъ былъ избранъ въ безсмертные.

— Новый трудъ профессора Мартенса.—Нашъ соотечественникъ профессоръ Мартенсъ написалъ введеніе къ XV тому своего «Собранія трактатовъ и конвенцій», которое уже появилось въ Парижѣ въ апрѣльскомъ «Revue d'histoire diplomatique» ранѣе, чѣмъ напечатано въ Петербургѣ. Этотъ томъ касается отношеній между Франціей и Россіей отъ 1815 г. до 1830 г., и главный интересъ сосредоточивается на отзывахъ и депешахъ русскаго посла

при Тюльерійскомъ дворѣ—Поццо ди Борго. Представивъ въ довольно ироническомъ свѣтѣ противорѣчивую политику русскаго правительства, медленность въ его дѣйствіяхъ и увертки Александра I и Николая I, Мартенсъ не щадитъ и французскаго правительства, нерѣшительнаго и прибѣгавшаго последовательно къ самымъ разнообразнымъ дипломатическимъ комбинаціямъ.

Эта противорѣчивая политика Франціи, въ которой ее обвиняли Россія и Англія, происходила по той простой причинѣ, что Англія и Россія теребили въ противоположныя стороны французское правительство, и послѣднее хотѣло держаться на равномъ разстояніи отъ той и другой и не поддерживать анти-русскихъ намѣреній Англіи и анти-англійскихъ Россіи, какъ было съ испанскимъ вопросомъ въ 1820—23 гг. или въ восточныхъ дѣлахъ, когда испанскій вопросъ служилъ дивертисментомъ въ антрактѣ. Россія хотѣла показать Франціи, что революція въ Испаніи, была дѣломъ Англіи, преисполненной эгоизма и мечтавшей только о томъ, какъ бы потрясти миръ всей континентальной Европы и простершей свою враждебность до угрозъ войной.

Основой переписки Поццо ди Борго служили постоянное наступленіе Россіи на Англію, всегдашнія заботы отдалить ее отъ Франціи, безпрестанное вмѣшательство въ дѣла ея правительства съ цѣлью вооружить его противъ Англіи и такимъ образомъ поддержать свое господствующее положеніе въ континентальныхъ дѣлахъ. Зная самолюбіе французовъ, которое пробудилось бы отъ слишкомъ явнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, Александръ совѣтовалъ Поццо ди Борго дѣйствовать на этой почвѣ осматрительно, съ разумной сдержанностью. Однако, нѣкоторое время спустя, графъ Нессельроде пишетъ посланнику, что если во главѣ правительства были злополучные люди, то ему слѣдуетъ объясниться объ этомъ съ самимъ королемъ. Отсюда проистекаетъ первое противорѣчіе въ политикѣ русскаго правительства.

Говоря о несогласіи между французскимъ королемъ и его братомъ, графомъ Артуа, Мартенсъ остроумно замѣчаетъ, что оно мало-по-малу улеглось въ 1822 г. и вслѣдъ за бурными отношеніями послѣдовалъ періодъ добраго согласія, такъ какъ король и наслѣдникъ престола сочувственно оба засыпали въ совѣтѣ министровъ. Между Поццо ди Борго и Виллелемъ царило трогательное согласіе въ мысляхъ, но затѣмъ Мартенсъ приводитъ всѣ серьезныя недоразумѣнія, разъединявшія ихъ.

По мнѣнію Поццо ди Борго, Франція могла бы служить Россіи противъ Англіи только при условіи существованія сильнаго французскаго правительства. Отсюда проистекаетъ повторяющееся вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Франціи и частыя подробныя донесенія Поццо ди Борго своему правительству обо всѣхъ перипетіяхъ, переживаемыхъ французской политикой въ концѣ царствованія Людовика XVIII. Такъ въ своемъ докладѣ отъ 5 (17) іюня 1824 г. Поццо ди Борго представляетъ мрачную картину политическаго положенія Тюльери. Людовикъ XVIII былъ, повидимому, склоненъ вернуться къ временамъ Людовика XV и «секретамъ короля». Хотя онъ едва могъ позволить себѣ по отношенію своей фаворитики г-жи Кэйля лишь столь незначительныя вольности, сколько и смѣшныя, но во всякомъ случаѣ онъ предоставлялъ ей значительно влiять на внутреннюю политику, что отражалось и

на внѣшней. Дворъ,—пишетъ Поццо ди Борго,—ведетъ себя, какъ во времена дряхлости старой монархіи: проявляя слабость, допуская фаворитизмъ, женщинъ съ потерянной репутаціей (настоящій любовникъ фаворитки былъ Состэнъ де-Ларошфуко), интриги, траты денегъ и всѣ сопровождающія ихъ послѣдствія. Вліяніе женщины при представительномъ правительствѣ, при старомъ, слѣпомъ королѣ, приходящемъ въ разложеніе отъ самой изнурительной болѣзни, является аномаліей».

Поццо ди Борго съ удивительной проницательностью предсказывалъ паденіе Бурбоновъ и обвинялъ въ этомъ князя Полиньяка, фаворита Карла X, въ то время бывшаго посланикомъ въ Лондонѣ. Въ донесеніяхъ по поводу восточныхъ дѣлъ Поццо ди Борго старается выставить на видъ нерѣшительность французской политики, относящейся до прежде приведенныхъ дѣлъ. Что касается до русской политики, то мартовскій протоколъ 1826 г., относящійся до греческихъ дѣлъ, даетъ еще одно доказательство противорѣчія русскаго правительства. Россія заключаетъ соглашеніе съ Англіей, соглашеніе, именно которое Поццо ди Борго представляетъ какъ пламя раздора въ Европѣ. Мартенсъ соглашается съ тѣмъ, что Поццо ди Борго былъ не въ курсѣ дѣлъ и совершенно изумленъ этой авантюрой. Онъ даже не подозрѣвалъ столь внезапной перемѣны со стороны своего правительства.

Между тѣмъ нерѣшительность французскаго правительства все усиливалась; сначала она проявлялась во внутреннемъ положеніи страны, которое Поццо рисовалъ все болѣе и болѣе мрачными красками по мѣрѣ того, какъ приближался 1830 г. «Повсюду господствуютъ патеры, конгрегаціонисты и роялисты,—доносилъ онъ правительству:—Виллеля ненавидятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Князь Полиньякъ дѣлаетъ все, чтобы вызвать его паденіе; положеніе ухудшается во всѣхъ отношеніяхъ. Я принужденъ признать, что король съ каждымъ днемъ теряетъ уваженіе и любовь своихъ подданныхъ».

Были еще другія причины нерѣшительности французскаго правительства: оно ожидало отъ Россіи уступокъ, которыхъ она не могла ему сдѣлать. Оно сдалось бы на ея просьбы, если бы она предложила ему лѣвый берегъ Рейна, чего такъ желали какъ крайніе правые, такъ и либералы. Но Россія не могла итти на эту уступку, не поссорившись съ Пруссіей и даже Австріей. Напротивъ, она требовала, чтобы Тюльерійскій дворъ поддержалъ ее на послѣднемъ открытіи парламента своимъ полнымъ и безусловнымъ согласіемъ (депеша Нессельроде отъ 20 іюля 1827 г.). При такихъ условіяхъ французское правительство непрестанно стремилось ускользнуть отъ усиленныхъ настояній Россіи, зная, что не добьется отъ нея никакихъ желаемыхъ выгодъ.

Поццо ди Борго дѣлалъ отвѣтственными правыхъ за энергичную политику Франціи, или, вѣрнѣе, за ихъ покушеніе на независимость по отношеніи Россіи. Онъ думалъ, что либералы, которые въ ихъ глазахъ представляли дѣйствительную Францію, будутъ послушнѣе; но эти также желали вознагражденія, т. е. лѣваго берега Рейна, и если они казались рѣшительнѣе относительно союза съ Россіей, то потому, что въ отличіе отъ крайнихъ правыхъ они не знали ихъ истинныхъ намѣреній вслѣдствіе удаленія отъ власти. А между тѣмъ Поццо ди Борго съ проницательностью дипломата немного ихъ опасался.

«Если что меня и затрудняетъ,—писалъ онъ,—то это ихъ дружба. Ею не слѣдуетъ пренебрегать, потому что они съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе; но не надо ея домогаться, такъ какъ они склонны злоупотреблять ею и поставить насъ въ непріятное положеніе», т. е. потребовать отъ Россіи слишкомъ многаго.

Въ 1829 г. князь Полиньякъ добился власти, а Поццо ди Борго болѣе всего опасался назначенія того, кого онъ называлъ «любимцемъ короля». Это назначеніе онъ считалъ самымъ крупнымъ бѣдствіемъ для Франціи и для всей Европы. Дѣйствительно, вскорѣ Карлъ X, повинуясь своимъ неотступнымъ идеямъ, которыя онъ лелѣялъ всю жизнь, тѣмъ идеямъ, что внесли смуту въ царствованіе его брата, издалъ указъ 1830 г. Ничего не оставалось дѣлать, и Поццо ди Борго самъ написалъ своему правительству: «Остается только одно—или подчиненіе, или гражданская война, т. е. революція».

Русскій союзъ не пережилъ событій 1830 г.; самъ король и неосторожный министръ порвали его, безсознательно вызвавъ революцію, а Николай, недовольный и встревоженный ихъ образомъ дѣйствій, отдалился отъ Франціи, оставивъ ее на произволъ судьбы со всѣми внутренними затрудненіями, которыя минутами были такъ серьезны, какъ, напримѣръ, въ 1815 г. Но, несмотря на всю нерѣшительность французской политики, Поццо ди Борго былъ убѣжденъ, что союзъ съ Россіей покоился не на увлеченіи и преходящемъ чувствѣ правящихъ классовъ, но на политическихъ неизмѣнныхъ интересахъ, географическомъ положеніи обѣихъ странъ и на историческихъ традиціяхъ. «Я всегда безъ колебанія буду утверждать,—писалъ онъ:—что бы ни случилось, Россія должна покровительствовать Франціи, какъ націи и государству, и сохранить ее въ ея теперешней неприкосновенности, такъ какъ относительное могущество этого государства служитъ единственнымъ препятствіемъ, мѣшающимъ другимъ государствамъ составить коалицію противъ нея».

Союзъ, который Поццо ди Борго находилъ необходимымъ въ 1830 г., осуществился шестьдесятъ лѣтъ спустя и по тѣмъ же самымъ причинамъ, на которыя онъ указывалъ. Во время реставраціи союзъ не могъ состояться, такъ какъ сторонники его въ то время думали пользоваться имъ только для побѣдъ; а онъ долженъ былъ служить прежде всего умиротворительнымъ и защитительнымъ союзомъ, стремящимся поддерживать территоріальное status quo, враждебное политикѣ авантюръ и переворотовъ.

—Продолженіе воспоминаній лэди Рэндольфъ Черчиль.—Съ декабря прошедшаго года до апрѣля нынѣшняго, за исключеніемъ марта мѣсяца, въ каждой книжкѣ «Centure Magazine» помѣщались послѣдующія части «Воспоминаній» [1]) лэди Черчиль, начавшей въ ноябрѣ знакомить читателя съ разнообразными фазами своей жизни. Вторая часть этихъ мемуаровъ начинается съ апрѣля 1874 г. послѣ ея брака съ лордомъ Рэндольфомъ Черчилемъ, сыномъ герцога Марльборо. Ловкая, красивая американка сразу очутилась въ самомъ центрѣ лондонской аристократической жизни. Первый сезонъ она провела

---

[1]) The Remeniscences of Lady Randolph Churchill «Century Magazine» December, January, February, April.

среди шумныхъ, блестящихъ увеселеній столицы. Съ особеннымъ удовольствіемъ она вспоминаетъ о празднествѣ, устроенномъ въ Чизвигъ-Гаузѣ, отданномъ герцогомъ Девонширскимъ внаймы принцу Уэльскому по случаю пріѣзда двухъ русскихъ великихъ князей. Празднество началось пышнымъ обѣдомъ, послѣ котораго лэди Черчиль съ сестрою играли въ четыре руки вальсы Вальтейфеля, тогда еще не дошедшіе изъ Тюльери до Лондона. Прощаясь, принцъ и принцесса Уэльскіе любезно кланялись всѣмъ гостямъ и каждому сказали что-нибудь пріятное. Напротивъ, по словамъ лэди Рэндольфъ, русскіе великіе князья вышли изъ гостиной, ни съ кѣмъ не раскланявшись и не сказавъ ни одного привѣтливаго слова присѣдавшимъ предъ ними дамамъ. Всѣ это замѣтили и съ ропотомъ восклицали: «Казаки! Grattez les russes!».

Едва ли не самое пріятное впечатлѣніе произвело на молодую американку великолѣпное зрѣлище въ Роттнъ Ро, гдѣ ежедневно катались блестящіе англійскіе аристократы и аристократки на кровныхъ коняхъ.

Одинъ изъ свѣтскихъ обычаевъ, строго соблюдавшійся двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ лондонскомъ высшемъ обществѣ, заключался въ томъ, что ранѣе мѣсяца послѣ свадьбы молодые не выѣзжали въ общественныя собранія. «Вскорѣ послѣ моего брака,—разсказываетъ лэди Черчиль,—меня представили Александру II на балу, данномъ въ его честь въ Стэфордъ-Гаузѣ. Узнавъ, что я вышла замужъ только нѣсколько недѣль передъ этимъ, онъ устремилъ на меня съ неодобреніемъ свои холодные сѣрые глаза и произнесъ: «Et ici déjà!».

Конецъ второй части воспоминаній лэди Рэндольфъ Черчиль посвященъ описанію великолѣпнаго историческаго замка Блэнгейма, принадлежавшаго роду Марльборо, главнымъ представителемъ котораго первое время былъ отецъ ея мужа. Показывая ей этотъ живописный уголокъ Англіи, Рэндольфъ съ гордостью говорилъ: «Это красивѣйшее мѣсто во всей Англіи». Для приданія большей прелести своему описанію Блэнгейма, лэди Черчиль прибавила къ своей статьѣ нѣсколько видовъ замка и прекрасные портреты родоначальника семьи Марльборо, знаменитаго англійскаго полководца и его жены, не менѣе извѣстной политической интриганки эпохи королевы Анны. Блестящая роскошь и живописное мѣстоположеніе Блэнгеймскаго замка до сихъ поръ привлекаютъ толпы любопытныхъ. Лэди Черчиль, просто одѣтая, часто примѣшивалась къ толпѣ съ своими родственниками, чтобы послушать разговоры посѣтителей. Однажды какой-то американецъ, разсматривая семейные портреты Марльборо, воскликнулъ: «Какіе у этихъ Черчилей странные глаза; красные, словно піоны». Еще любопытнѣе анекдотъ о французѣ, который не могъ выдержать, какъ его чичероне восхвалялъ англійскія побѣды надъ французами, одержанныя первымъ герцогомъ Марльборо, и разорвалъ палкою старинную ткань съ изображеніемъ одной изъ побѣдъ, громко восклицая: «Ce n'est pas vrai, ce n'est pas vrai!».

Хотя лордъ Черчиль засѣдалъ въ нижней палатѣ, какъ представитель сосѣдняго съ Блэнгеймомъ мѣстечка Вудстока, онъ рѣдко участвовалъ въ парламентскихъ преніяхъ и не игралъ никакой политической роли. Только въ 1876 г., по назначеніи его отца вице-королемъ Ирландіи, онъ согласился

принять должность его частнаго секретаря, совершенно безплатно. Лордъ Черчиль усердно исполнялъ свои обязанности въ продолженіе двухъ лѣтъ, пока его отецъ оставался въ Ирландіи, и въ это время онъ съ женою особенно пристрастились къ охотѣ, въ которой часто принимали участіе знатные иностранцы, въ томъ числѣ австрійская императрица Елизавета съ сыномъ Рудольфомъ. Въ свободное время Черчили часто предпринимали поѣздки по Ирландіи, которая имъ очень нравилась. Изъ всѣхъ ирландскихъ экскурсій лэди Черчиль одна особенно осталась въ ея памяти; она осматривала Кильмэнгамскую тюрьму по настоянію самого ея начальника, и во время этого осмотра случилось не совсѣмъ обыкновенное происшествіе; начальникъ, къ своему удивленію, узналъ, что въ тюрьму пріѣхалъ инспекторъ всѣхъ мѣстъ заключенія; а такъ какъ осмотръ посторонним лицамъ воспрещался безъ разрѣшенія инспектора, то лэди Черчиль пришлось спрятать въ одну изъ свободныхъ тюремныхъ камеръ. Такимъ образомъ ей пришлось минуть двадцать провести въ заключеніи, и онѣ показались ей цѣлымъ вѣкомъ.

Вслѣдъ за этой частью воспоминаній лэди Черчиль слѣдуетъ четвертая часть, посвященная исключительно политической дѣятельности лорда Черчиля, въ которой принимала живое участіе его жена. Она все чаще и чаще появлялась въ неблаговидной клѣткѣ, служащей дамской галереей въ нижней палатѣ, и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ слѣдила за рѣчами своего мужа и знаменитѣйшихъ парламентскихъ ораторовъ. Хотя по семейнымъ преданіямъ, Черчиль принадлежалъ къ тори, но онъ задумалъ въ то время, именно отъ 1880—84 г., образовать независимую четвертую партію вмѣстѣ съ сэромъ Джономъ Горстомъ, сэромъ Генри Вольфомъ и Артуромъ Бальфуромъ, который впослѣдствіи сдѣлался первымъ министромъ и главою тори. Въ сущности, эта небольшая партія ограничивалась тремя членами, такъ какъ послѣдній держалъ себя очень нерѣшительно и, по словамъ лэди Черчиль, ожидалъ только случая «retirer son epingle du jeu». Естественно держась въ оппозиціи съ своими товарищами, Черчиль находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ выдающимися либералами: сэромъ Вильямомъ Гаркортомъ, сэромъ Чарльзомъ Дилькэ и Джозефомъ Чемберлэномъ. Они часто посѣщали его домъ, что очень не нравилось отцу, который называлъ Чемберлэна «вреднымъ соціалистомъ».

Кромѣ этихъ ближайшихъ къ Черчилю политическихъ дѣятелей, его жена видѣла еще много другихъ. Особенно ея вниманіе привлекали лордъ Сольсбери и Гладстонъ, которые, по ея словамъ, оба были пріятнѣйшими собесѣдниками за обѣдами. Что касается послѣдняго, то сидѣть за банкетомъ рядомъ съ нимъ было въ высшей степени занимательно, тѣмъ болѣе, что приходилось только слушать и изрѣдка произносить: «да» или «нѣтъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно любезенъ и обращался, особенно съ дамами, очень предупредительно. Однажды лэди Черчиль обѣдала у лорда Спенсера и его жены послѣ того, какъ только что пріѣхала изъ палаты, гдѣ слушала краснорѣчивыя нападки своего мужа на Гладстона. Первый человѣкъ, котораго она встрѣтила въ домѣ Спенсера, былъ Гладстонъ; онъ прямо подошелъ къ ней со словами: «Я надѣюсь, что лордъ Черчиль не очень сильно усталъ

отъ своей великолѣпной рѣчи». Лэди Черчиль замѣчаетъ, что это былъ объективный урокъ тѣмъ иностраннымъ политикамъ, которые считаютъ оскорбленіемъ встрѣчаться съ своими политическими соперниками.

Осенью 1883 г. была основана лига Бѣлой Буквицы, имѣвшая большое вліяніе на консервативную партію. Ее задумала основать главнымъ образомъ четвертая партія, и она же составила уставъ этой лиги въ честь недавно тогда умершаго лорда Биконсфильда. Съ самаго начала туда вступили знатнѣйшія аристократки, въ томъ числѣ и жена лорда Черчиля; много лѣтъ она горячо и энергично содѣйствовала этому обществу, которое чрезвычайно живо дѣйствовало на парламентскихъ выборахъ. Въ этотъ же сезонъ, бывшій особенно великолѣпнымъ, распространилась мода на такъ называемыхъ «профессіональныхъ красавицъ», которыя приглашались въ великосвѣтское общество, несмотря на то, что обыкновенно онѣ были не аристократки, не богаты, и даже актрисы. Особый эффектъ производили двѣ красавицы: актриса мистриссъ Лангтри и мистриссъ Вилеръ. Лордъ Черчиль однажды писалъ своей женѣ, гостившей у знакомыхъ въ Ирландіи: «Я сегодня сидѣлъ за обѣдомъ у лорда Ворнклифа рядомъ съ мистриссъ Лангтри, чрезвычайно прелестной особой, совершенно неизвѣстной, бѣдной и до того бѣдной, что у нея одно только черное платье». Несмотря на это торжество профессіональныхъ красавицъ, лэди Черчиль однако замѣчаетъ, что все же тогда было много очаровательныхъ аристократокъ, а именно: лэди Дудлей, лэди Лондондери, лэди Дальгузи и т. д. Во главѣ всѣхъ красавицъ стояла, по ея мнѣнію, тогдашняя герцогиня Уэльская, а теперешняя королева Александра.

Въ томъ же году умеръ отецъ лорда Черчиля и герцогомъ Марльборо сдѣлался его старшій братъ, а на слѣдующій годъ глава четвертой партіи предпринялъ пятимѣсячное путешествіе въ Индію, одинъ безъ жены, тогда какъ прежде онъ два раза ѣздилъ въ Америку вмѣстѣ съ нею. По возвращеніи въ Англію, онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что въ управленіе министерствомъ вступили тори, во главѣ съ лордомъ Сольсбери, который предоставилъ ему мѣсто министра по индійскимъ дѣламъ. Черчиль на это согласился лишь подъ условіемъ, чтобы его товарищи по четвертой партіи также получили министерскія мѣста. Хотя лордъ Сольсбери не стоялъ за эти назначенія, но принужденъ былъ уступить. Однако Черчиль ненадолго сохранилъ власть, такъ какъ въ томъ же году пало министерство Сольсбери, но лэди Черчиль все же успѣла воспользоваться тѣмъ, что ея мужъ былъ министромъ, для полученія лично отъ королевы Викторіи индійскаго ордена, установленнаго для обоихъ половъ. Она также удостоилась чести обѣдать съ мужемъ у королевы въ Виндзорѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лордъ Сольсбери снова вернулся на прежній постъ перваго министра; Черчиль на этотъ разъ былъ назначенъ министромъ финансовъ и главою тори въ палатѣ общинъ. Онъ и особенно его жена торжествовали, одержавъ эту необыкновенную побѣду; но ихъ торжество длилось только нѣсколько мѣсяцевъ. На этотъ разъ въ томъ же 1886 г. Черчиль самъ подалъ въ отставку, разссорившись со всѣми служащими въ министерствѣ финансовъ и съ товарищами по министерству, въ виду того, что онъ хотѣлъ провести нѣкоторыя важныя финансовыя реформы и отстаивалъ особенно энергично

экономію въ финансахъ. Для всего политическаго міра и особенно для лэди Черчиль это обстоятельство было самымъ неожиданнымъ и необыкновеннымъ. Помощникъ Черчиля, въ качествѣ министра финансовъ, объявилъ ей съ разстроеннымъ видомъ: «Вашъ мужъ самъ бросился съ вершины лѣстницы и никогда болѣе ея не достигнетъ».

«Увы, онъ былъ вѣрнымъ пророкомъ,—говоритъ лэди Черчиль: —смотря на нѣсколько прошедшихъ мѣсяцевъ, казавшихся мнѣ столь побѣдоносными и полными надеждъ, я тѣмъ болѣе сознавала, какъ велико было наше крушеніе. Я была увѣрена, что мой мужъ долго будетъ пользоваться плодами своей службы, и потому чрезвычайно сожалѣла, лишившись этихъ плодовъ, уже не говоря о чести и славѣ. Но въ этомъ отношеніи онъ былъ непоколебимъ. «Политика и деньги не имѣютъ ничего общаго,—говорилъ онъ, когда я заговаривала объ этомъ предметѣ:—такъ, пожалуйста, отложи въ сторону всякую подобную мысль». Этими строчками начинается пятая часть воспоминаній лэди Черчиль, которая никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что ея мужъ неожиданно и преждевременно окончилъ свою блестящую политическую карьеру. Однако, несмотря на это, они продолжали вести веселую свѣтскую жизнь, посѣщая между прочимъ Сандрингамъ, гдѣ ихъ радушно принимали принцъ и принцесса Уэльскіе. Въ то же время тамъ гостили графиня Парижская и лэди Сольсбери. Первая въ особенности много говорила съ ней о лигѣ Бѣлой Буквицы, такъ какъ она хотѣла устроить во Франціи подобную же лигу, подъ названіемъ лиги Розы, съ цѣлью возвращенія монархіи.

Лэди Черчиль отзывается о женѣ тогдашняго перваго министра съ большой симпатіей. «Я ее хорошо не знала,—говоритъ она:—но лэди Сольсбери производила на меня впечатлѣніе женщины съ твердой волей и замѣчательно здравомыслящей. Нельзя было не цѣнить ее высоко, хотя она отличалась нѣкоторой рѣзкостью. Я полагаю, что она не любила всякаго рода аффектаціи, и ея умъ презиралъ обыкновенную свѣтскую болтовню, которую она принуждена была слушать въ гостиныхъ. Я помню, что она однажды высказала свое мнѣніе объ обязанностяхъ, лежащихъ на женѣ политическаго дѣятеля. По ея словамъ, эти обязанности были очень серьезны и заключали въ себѣ необходимость основательно изучать всѣ разнообразные политическіе вопросы дня». Что же касается до лорда Сольсбери, то авторша мемуаровъ съ печалью вспоминаетъ, что онъ, также посѣщая въ то время Сандрингамъ, снялся однажды рядомъ съ Черчилемъ на большой фотографіи, изображавшей всѣхъ посѣтителей Сандрингама. «Какъ я тогда не подозрѣвала,—пишетъ лэди Черчиль:—что между ними произойдетъ неожиданный и окончательный разрывъ. Въ пріятномъ и веселомъ обществѣ я была совершенно счастлива и нимало не воображала, что политическій горизонтъ заволакивало туманомъ».

Въ 1887 г. вся Англія праздновала пятидесятилѣтній юбилей королевы Викторіи, и лэди Черчиль, какъ жена бывшаго министра, получила приглашеніе на всѣ придворныя торжества. Она говоритъ, что никогда не забудетъ, какъ плачевно выглядѣла королева, когда исполняли «Te Deum», сочиненія ея покойнаго мужа: она плакала, и слезы медленно струились по ея щекамъ. Въ этомъ же году Черчиль, пользуясь свободнымъ временемъ вслѣдствіе от-

ставки, сталъ много заниматься скачками и завелъ собственную скаковую конюшню. Поэтому онъ съ женою часто посѣщалъ Ньюмаркэтъ, гдѣ нерѣдко бывали самыя видныя изъ аристократокъ, какъ герцогиня Манчестэръ, лэди Кадоганъ, лэди Брадфордъ и другія. Самая популярная изъ лошадей Черчиля была «Abbesse de Jouarre», такъ названная въ честь тогда модной философской драмы Ренана. Эта лошадь принесла своимъ хозяевамъ немало призовъ, и въ томъ числѣ на знаменитомъ Дерби.

— Кто будетъ охранять Балтійское море?—Во второмъ мартовскомъ нумерѣ «La Revue» шведскій писатель Эрикъ Свёстедтъ помѣщаетъ свой взглядъ на аландскій вопросъ, возбудившій въ послѣднее время значительное вниманіе. Какъ извѣстно, Аландскій архипелагъ состоитъ изъ одного большого острова и трехсотъ маленькихъ островковъ; онъ находится между Швеціей и Финляндіей и по своему положенію господствуетъ надъ Финскимъ заливомъ. Аландскіе острова перешли отъ Швеціи къ Россіи по Фридрихгамскому миру въ 1808 г., ровно сто лѣтъ тому назадъ, и это обстоятельство окончательно завершило присоединеніе Финляндіи къ Россіи. При этомъ надо вспомнить, что хотя Аландскіе острова раздѣлили судьбу Финляндіи, но они никогда не принадлежали къ финской территоріи, а съ незапамятныхъ временъ входили въ составъ Швеціи.

Въ 1856 г. Англія и Франція ввели особую статью въ парижскій трактатъ съ цѣлью установить нейтралитетъ этихъ острововъ и обязали русскихъ отдѣльной конвенціей не укрѣплять Аландскихъ острововъ и не содержать на нихъ военныхъ или морскихъ учрежденій. Но по недавнему англо-французскому соглашенію и англо-русскому сближенію, казалось, установлено подобное же соглашеніе въ скандинавскихъ и балтійскихъ вопросахъ, при чемъ главный пунктъ заключался въ уничтоженіи для Россіи конвенціи о невооруженіи Аландскихъ острововъ. Въ этомъ новомъ положеніи Швеція имѣла бы необходимость также прибѣгнуть къ вооруженію, такъ какъ созданіе Россіей морского базиса на Аландскихъ островахъ угрожало бы безопасности Швеціи, какъ нейтральнаго государства, и пошатнуло бы равновѣсіе сѣверныхъ государствъ. Къ этому дѣлу приложила руку Германія во время недавняго свиданія Вильгельма II съ русскимъ императоромъ въ Свинемюнде, и безъ всякаго вмѣшательства Даніи, хотя она подписала конвенцію. Въ Швеціи это обстоятельство надѣлало много шуму, и соціалистскій предводитель Брантингъ сказалъ, что новый русскій флотъ въ новомъ Портъ-Артурѣ въ шести часахъ отъ шведской столицы будетъ колоссальными воротами въ Швецію. Всѣ шведы съ этимъ согласны, но, по замѣчанію Свёстедта, Швеція могла бы разсчитывать на разрѣшеніе этого вопроса, разрѣшеніе вполнѣ достойное Россіи, а именно уничтоженіе конвенціи подъ условіемъ дѣйствительной нейтрализаціи Аландскихъ острововъ.

СМѢСЬ.

ОСВЯЩЕНІЕ въ Москвѣ памятника-креста. На мѣстѣ кончины великаго князя Сергія Александровича 2 апрѣля съ большою торжественностью состоялось освященіе памятника-креста въ Кремлѣ. Дивный солнечный день вполнѣ благопріятствовалъ торжеству. Освященію памятника предшествовало заупокойное богослуженіе въ Сергіевскомъ храмѣ-усыпальницѣ, гдѣ покоятся останки великаго князя и въ которомъ къ нынѣшнему знаменательному дню были окончены живописныя работы, художественно исполненныя академикомъ К. П. Степановымъ. Въ храмѣ при богослуженіи присутствовали: ихъ императорскія высочества великій князь Владиміръ Александровичъ, великая княгиня Елизавета Өеодоровна, великій князь Дмитрій Павловичъ, великая княжна Марія Павловна, принцъ и принцесса Гессенскіе, а также нѣкоторыя высокопоставленныя лица, прибывшія на открытіе памятника. Въ двѣнадцатомъ часу дня на Сенатской площади, гдѣ сооруженъ памятникъ, размѣстились войска. Ровно въ 12 часовъ дня изъ Алексѣевскаго храма Чудова монастыря, при колокольномъ звонѣ, выступилъ крестный ходъ; хоругви и св. иконы несли кіевцы. Во главѣ духовенства шествовалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій; впереди его слѣдовали викаріи московской епархіи: преосвященные—Трифонъ, епископъ дмитровскій, Евдокимъ, епископъ волоколамскій, Анастасій, епископъ серпуховскій, и Василій, епископъ можайскій, намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній, протоіерей К. П. Звѣревъ и военное духовенство. По Сенатской площади крестный ходъ слѣдовалъ при звукахъ военной музыки; войска взяли «на караулъ». Въ половинѣ перваго часа дня началось молебствіе съ водоосвященіемъ, которое совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій, соборнѣ съ преосвященными Трифономъ, Евдокимомъ, Анастасіемъ и Василіемъ, архимандритомъ Арсеніемъ, прото-

іереемъ К. П. Звѣревымъ и военнымъ духовенствомъ. Стройно пѣлъ хоръ Кіевскаго полка. Къ памятнику были принесены знамена. По совершеніи водоосвященія высокопреосвященный Владиміръ направился къ памятнику-кресту и окропилъ его св. водой. За митрополитомъ слѣдовалъ великій князь Владиміръ Александровичъ. Потомъ митрополитъ окропилъ знамена. Въ то же время преосвященные Евдокимъ и Анастасій направились по линіямъ расположенныхъ войскъ и окропили ихъ св. водой. Молебствіе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Великому князю Сергію Александровичу была возглашена вѣчная память, причемъ ихъ высочества и другія лица опустились на колѣни. По окончаніи молебствія крестный ходъ и духовенство отбыли въ Чудовъ монастырь, послѣ чего состоялось возложеніе вѣнковъ къ подножію памятника. Были возложены вѣнки: отъ преображенцевъ—«своему командиру» (серебряный), отъ лицъ свиты ея высочества, отъ чиновъ штаба московскаго военнаго округа—«августѣйшему командующему войсками», отъ 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка—«незабвенному шефу», отъ императорскаго историческаго музея—«незабвенному предсѣдателю», отъ московскихъ лейбъ-драгунъ, отъ Сергіевскаго народнаго дома столичнаго попечительства о народной трезвости. Торжество закончилось въ половинѣ второго часа дня, и августѣйшія особы отбыли въ Николаевскій дворецъ. Памятникъ-крестъ на мѣстѣ убіенія великаго князя Сергія Александровича сооруженъ по рисунку профессора живописи Виктора Михайловича Васнецова. Онъ исполненъ въ древне-русскомъ стилѣ и представляетъ выдающееся художественное произведеніе. Массивный бронзовый восьмиконечный крестъ, украшенный цвѣтною эмалью, водруженъ на высокомъ трехгранномъ пьедесталѣ изъ превосходнаго черного гранита. Замѣчательно по своему исполненію и замыслу рельефное изображеніе распятаго Спасителя. Вверху крестъ, по образцу древнихъ намогильныхъ памятниковъ, имѣетъ покрытіе, подъ которымъ помѣщено чудное изображеніе скорбящей Богоматери; немного ниже по сторонамъ креста размѣщены херувимы. Подъ распятіемъ внизу на крестѣ сдѣлана надпись: «Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ». Лицевая сторона памятника обращена къ Никольскимъ воротамъ. На другой сторонѣ, обращенной къ соборамъ, помѣщены изображенія Нерукотворнаго Спаса, Радонежскаго чудотворца, и двухъ херувимовъ. Здѣсь на крестѣ сдѣланы надписи: 1) «Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есьмы»; 2) «Вѣчная память Великому Князю Сергію Александровичу, убіенному 4 февраля 1905 г.»; 3) «Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ». На гранитѣ съ лицевой стороны памятника сдѣлана слѣдующая надпись: «Поставленъ на доброхотныя пожертвованія, собранныя 5-мъ гренадерскимъ Кіевскимъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны полкомъ, въ память своего бывшаго шефа Великаго Князя Сергія Александровича, на семъ мѣстѣ убіеннаго, и на пожертвованія всѣхъ, почтившихъ память Великаго Князя». Памятникъ обнесенъ металлической, художественной работы рѣшеткой; предъ нимъ будетъ теплиться неугасаемая лампада, помѣщенная въ оригинальномъ фонарикѣ, исполненномъ въ древне-рус-

скомъ стилѣ. Освященный памятникъ является украшеніемъ московскаго Кремля и производитъ сильное впечатлѣніе какъ по своему замыслу, такъ и по исполненію. Стоимость его 16.000 рублей.

Императорское русское военно-историческое общество. 22 марта въ главномъ штабѣ состоялось собраніе разряда военной археологіи и археографіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта А. З. Мышлаевскаго. Присутствовало 64 члена общества. Секретаремъ разряда Д. П. Струковымъ доложенъ журналъ прошлаго собранія. Первымъ былъ заслушанъ рефератъ С. Ф. Огородникова, сообщившаго о ходѣ развитія историческихъ трудовъ по морскому вѣдомству и о полномъ пріостановленіи ихъ въ настоящее время. Разрядъ единодушно присоединился къ пожеланіямъ докладчика о необходимомъ возобновленіи этихъ трудовъ и постановилъ просить совѣтъ общества принять къ тому зависящія отъ него мѣры. Вслѣдъ затѣмъ К. А. Военскій познакомилъ собраніе съ интересными документами по исторіи Курляндіи 1812 года и обрисовалъ положеніе послѣдней въ періодъ занятія ея французскими войсками. Професоръ Н. И. Веселовскій сообщилъ историческій очеркъ крѣпости Копорье и разработанныя имъ данныя для организаціи предположенной разрядомъ научной экскурсіи въ крѣпость. Собраніемъ постановлено установить время для экскурсіи конецъ мая или начало іюня и поручить ближайшую разработку матеріальныхъ условій ея особой комиссіи, подъ руководствомъ Н. И. Веселовскаго, въ составѣ членовъ: Г. П. Кондратенки, І. І. Вивіенъ-де-Шатобренъ, Н. М. Печенкина и М. О. Бендера. Н. М. Печенкинъ доложилъ разработанныя имъ данныя для подобнаго же рода экскурсіи членовъ въ городъ Нарву. Собраніе постановило намѣтить ее въ слѣдующую очередь. А. З. Мышлаевскимъ возбужденъ вопросъ объ организаціи экскурсіи на поле битвы подъ Лѣсной, при условіи командированія туда, для строго научнаго изученія мѣста и обстановки боя, спеціалистовъ отраслей военной исторіи, въ составѣ трехъ лицъ. Собраніемъ предложеніе принято. Далѣе, руководитель экспедиціи по сбору матеріаловъ полтавскаго періода Сѣверной войны, А. К. Баіовъ, въ крайне интересныхъ данныхъ ознакомилъ собраніе съ ходомъ работъ экспедиціи. Въ заключеніе собраніемъ заслушаны отзывы П. Ф. Рерберга, М. М. Бородкина и П. Н. Симанскаго о желательности изданія обществомъ дневника генерала А. К. Баумгартена. Постановлено пріобрѣсти дневникъ для напечатанія и издать его вслѣдъ за выходомъ трудовъ по исторіи Сѣверной войны. На слѣдующее собраніе намѣчены рефераты: профессора С. Ф. Платонова, Н. А. Энгельгардта, Н. Ф. Зезюлинскаго и Н. И. Вертоградскаго.

Императорское русское военно-историческое общество въ Москвѣ. 17 марта въ залѣ московскаго военно-окружнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ генерала Глазова состоялось открытіе московскаго императорскаго военно-историческаго общества. Открывая собраніе, генералъ Глазовъ познакомилъ присутствующихъ съ основной идеей общества, обративъ вниманіе на два обстоятельства: 1) что Москва—неисчерпаемый источникъ историческихъ богатствъ и 2) что среди присутствующихъ огромное большинство работниковъ съ крупными именами на нивѣ историческаго прошлаго нашей ро-

дины. Оба эти обстоятельства служатъ какъ бы залогомъ плодотворной работы отдѣла, на который возлагаются большія надежды. При выборахъ должностныхъ лицъ предсѣдательствующимъ единогласно избранъ генералъ В. Г. Глазовъ, секретаремъ П. Х. Поповъ и казначеемъ Н. П. Поликарповъ. Послѣ выборовъ было прочтено привѣтствіе отъ генерала Скалона — предсѣдателя совѣта этого общества въ Петербургѣ. Затѣмъ собраніе приступило къ выясненію ближайшихъ задачъ отдѣла и намѣтило къ обсужденію на слѣдующемъ засѣданіи 3 вопроса: 1) Мѣстные архивы и составленіе краткаго, но систематизированнаго ихъ описанія. 2) Трехсотлѣтній юбилей 1613 года. 3) Столѣтіе 1812 года.

Засѣданіе комитета по устройству музея Отечественной войны въ Москвѣ. 19-го марта въ помѣщеніи московскаго военно-окружнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ помощника командующаго войсками московскаго военнаго округа генерала-отъ-инфантеріи Глазова состоялось первое засѣданіе высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ историческаго музея 1812 года. Помимо обсужденія вопросовъ общаго характера, относящихся до историческаго музея Отечественной войны, собраніе постановило открыть подписку на музей, а также съ осени нынѣшняго года устроить «выставку 1812 года». Мѣстомъ для этой выставки предположено зданіе историческаго музея. Въ исполнительный комитетъ избраны: предсѣдатель—генералъ В. Г. Глазовъ; членами: П. И. Щукинъ, С. А. Бѣлокуровъ, графъ Т. С. Шереметевъ и А. П. Воронцовъ-Вельяминовъ; секретаремъ В. А. Афанасьевъ и казначеемъ комитета И. А. Колесниковъ.

Собраніе общества славянской культуры. Въ московскомъ литературно-художественномъ кружкѣ состоялось учредительное собраніе общества славянской культуры. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ, секретаремъ Ѳ. А. Чудовскій. Ѳ. Е. Коршъ, прочитавъ привѣтственныя телеграммы, присланныя отъ академика А. А. Шахматова, профессора Н. И. Карѣева, А. С. Лаппо-Данилевскаго, профессора П. А. Лаврова, профессора П. И. Новгородцева и другихъ, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ въ краткихъ чертахъ исторію возникновенія общества, цѣли и задачи его. Ораторъ указалъ, что мысль о славянскомъ единеніи, какъ вполнѣ естественная, пришла въ голову еще въ XVII вѣкѣ хорвату Юрію Крижаничу и съ тѣхъ поръ возрождалась время отъ времени то тамъ, то здѣсь, пока, наконецъ, въ XIX вѣкѣ, поддержанная твердыми и умѣлыми попытками чеховъ въ этомъ направленіи, не заняла прочнаго положенія въ обиходѣ сознанія всѣхъ славянъ. Несправедливо было бы объяснить ее исключительно тяжелыми условіями существованія нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и стремленіемъ ихъ къ защитѣ своей народности отъ грозящихъ опасностей (хотя можно ли не признать такого стремленія не только законнымъ, но и достойнымъ сочувствія?): потребность славянъ во взаимномъ общеніи основывается прежде всего на такомъ сходствѣ между языками отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, какого нѣтъ въ языкахъ ни германскихъ, ни романскихъ. Много сходнаго замѣчается у славянъ и въ обычаяхъ, и еще болѣе—въ характерѣ, за который они всѣ подвергаются или одинаково вы-

сокой оцѣнкѣ, или одинаковому порицанію. Казалось бы, что при такой близости антропологической, этнографической, психической и лингвистической славяне должны хорошо знать другъ друга. Но развѣ мы знаемъ другихъ славянъ? А другіе славяне развѣ знаютъ насъ? Общеніе на основаніи племенного родства—этого многимъ изъ насъ довольно для недружелюбнаго отношенія къ новому кружку, потому что такую основу нельзя не признать націоналистической, а національнмъ можетъ казаться не чѣмъ инымъ, какъ расширеннымъ эгоизмомъ. Вѣрнѣе же видѣть, по мнѣнію Ѳ. Е. Корша, въ національнмѣ чувство самосохраненія и чувство собственнаго достоинства народа; но если даже допустить, что это — тотъ же эгоизмъ, то надо быть слѣпымъ, чтобы эгоизмъ коллективный, ограничивающій частные эгоизмы, ставить на одну доску съ эгоизмомъ единоличнымъ, вступающимъ въ противорѣчіе съ эгоизмомъ всенароднымъ, то есть съ общими интересами данной этнографической или политической коллективной единицы. Каждая народность имѣетъ право на свой національнмъ, какъ широкій, напримѣръ, славянскій, такъ и узкій, напримѣръ, русскій и даже великорусскій или малорусскій, чешскій, польскій, сербскій и такъ далѣе; но признаніе этого права за каждой народностью равняется, очевидно, отказу отъ посягательствъ одной народности на цѣлость другой. Къ этому побуждаетъ не только справедливость, а и забота о благѣ человѣчества, такъ какъ народность есть собирательная личность, а безъ личности немыслимъ прогрессъ. Національнмъ заслуживаетъ осужденія лишь тогда, когда онъ становится вразрѣзъ съ справедливостью и съ уваженіемъ къ индивидуальности и потому въ самомъ дѣлѣ уподобляется грубому личному эгоизму, не считающемуся съ общимъ благомъ. Нѣкоторая доля эгоизма, хотя безсознательнаго или, точнѣе сказать, эгоистической узости, примѣшивалась иногда къ самымъ возвышеннымъ стремленіямъ такъ называемыхъ панславистовъ, мечтавшихъ о политическомъ или по крайней мѣрѣ религіозномъ единствѣ славянъ посредствомъ пріобщенія ихъ къ тому государству или къ той вѣрѣ, духомъ которыхъ былъ проникнутъ каждый изъ этихъ благородныхъ мечтателей въ отдѣльности. Но мечты о такихъ способахъ объединенія славянъ пора сдать въ архивъ, какъ несбыточныя, да и небезвредныя. Зато тѣмъ ярче и настоятельнѣе выдвигается потребность въ культурномъ единеніи славянскихъ племенъ, которое должно помочь имъ въ развитіи ихъ духовныхъ особенностей, дающихъ имъ самостоятельное положеніе въ рядахъ работниковъ на почвѣ умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣчества. Желательно при этомъ и общеніе экономическое, безъ котораго трудно достиженіе задачъ культурныхъ. Итакъ, забота о поддержкѣ и поднятіи общеславянской культуры съ сохраненіемъ жизнеспособности чертъ отдѣльныхъ племенъ, забота объ экономическомъ сближеніи, напримѣръ, въ торговлѣ, и ни малѣйшей примѣси политики—таковы основы будущей дѣятельности общества славянской культуры въ Москвѣ. Послѣ этого былъ утвержденъ уставъ и была произведена запись членовъ.

Менделѣевскій институтъ. Въ распорядительный комитетъ перваго Менделѣевскаго съѣзда, происходившаго съ 20 по 30 декабря 1907 г., въ числѣ

различныхъ предложеній о способахъ увѣковѣченія памяти Д. И. Менделѣева поступило предложеніе московскихъ химиковъ, подписанное профессорами Н. Д. Зелинскимъ, И. А. Каблуковымъ, В. Е. Павловымъ, Л. А. Чугаевымъ. Считая обычные способы увѣковѣченія памяти выдающихся ученыхъ учрежденіемъ стипендій, премій, медалей и т. п. недостаточными для памяти столь великаго народнаго генія, какимъ былъ Д. И., авторы предложили русскому физико-химическому обществу взять на себя починъ организаціи сбора пожертвованій на учрежденіе химическаго института имени Д. И. Таковой институтъ долженъ служить для научныхъ изслѣдованій въ области чистой и прикладной химіи и близко соприкасающихся съ нею отдѣловъ физики. Распорядительный комитетъ сочувственно отнесся къ этой идеѣ, но съ своей стороны находилъ болѣе умѣстнымъ назвать предполагаемое учрежденіе просто Менделѣевскимъ институтомъ, полагая, что этотъ институтъ долженъ служить для изысканій не только по химіи, но въ равной мѣрѣ и по физикѣ, въ виду того, что Д. И. былъ не только химикъ, но и физикъ. Съ этимъ согласились и сами инииціаторы предложенія, и оно было принято единогласно всѣми членами распорядительнаго комитета. Послѣднее собраніе Менделѣевскаго съѣзда отнеслось весьма сочувственно къ идеѣ учрежденія Менделѣевскаго института. На этомъ собраніи предсѣдатель распорядительнаго комитета выразилъ надежду, что идея объ учрежденіи подобнаго института будетъ сочувственно встрѣчена многими представителями промышленности. Въ Западной Европѣ и Америкѣ на средства частныхъ лицъ, преимущественно фабрикантовъ и заводчиковъ, уже основаны подобныя учрежденія, и дѣятельность ихъ много способствовала успѣшному развитію промышленности въ этихъ странахъ. Распорядительный комитетъ возбудилъ ходатайство предъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть повсемѣстно въ Россіи сборъ пожертвованій на «Менделѣевскій институтъ». Это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ въ 4-й день февраля сего 1908 г. Высочайше соизволилъ разрѣшить русскому физико-химическому обществу при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ открыть таковой сборъ.

Сампсоновскій храмъ, какъ историческій памятникъ. Съ благословенія митрополита Антонія при Сампсоновскомъ храмѣ образованъ комитетъ по организаціи 200-лѣтняго юбилея основанія сего храма, представляющаго собою не только рѣдкую по своей старинѣ столичную святыню, но и великій историческій памятникъ. 27 іюня 1709 г. императоръ Петръ I одержалъ подъ Полтавой знаменитую побѣду надъ шведами. Съ этого времени Россія стала великой европейской державой, страшной врагамъ и дорогой друзьямъ. По отношенію къ нашей сѣверной столицѣ Полтавская побѣда имѣла исключительное значеніе: она обезпечила существованіе юнаго стольнаго города на берегахъ Невы. По возвращеніи въ Петербургъ Петръ Великій тотчасъ же заложилъ въ память этого событія храмъ Сампсона Страннопріимца. Черезъ 19 лѣтъ вмѣсто деревяннаго храма былъ заложенъ болѣе прочный памятникъ— каменный храмъ, существующій доселѣ. Надъ входомъ въ храмъ есть над-

пись о построеніи его. Внутри храма, именно на противоалтарной стѣнѣ главнаго придѣла, есть высоко-оригинальное изображеніе вѣнценоснаго основателя сего храма. Здѣсь Петръ Великій изображенъ въ тотъ моментъ, когда онъ объявляетъ своимъ войскамъ о побѣдѣ подъ Полтавой. И этотъ памятникъ, когда приближается 200-лѣтній юбилей его основанія (27 іюня 1909 г.), забытъ столичнымъ населеніемъ. Достаточно посмотрѣть на него извнѣ и на его убогое внутреннее убранство, чтобы прійти къ этому грустному заключенію.

Дары библіотекѣ петербургскаго университета. Библіотека петербургскаго университета за послѣднее время получила въ даръ довольно крупныя собранія книгъ заслуженнаго профессора В. И. Сергѣевича, ассистента петербургскаго университета С. А. Совѣтова, подарившаго часть библіотеки своего покойнаго отца профессора А. В. Совѣтова, и бывшаго питомца петербургскаго университета М. А. Якимова. Въ обмѣнъ на изданія университета получены всѣ изданія упсальскаго университета, и въ томъ числѣ изданія по случаю юбилея Карла Линнея, а также большое собраніе изданій сѣверо-американскихъ университетовъ и знаменитаго Карнеги. Изъ числа своихъ дублетовъ библіотека уступила большое количество книгъ историческому семинарію историко-филологическаго факультета петербургскаго университета по выбору профессора И. М. Гревса.

Памяти профессора И. М. Сѣченова. 20 марта въ залѣ Пироговскаго музея состоялось торжественное засѣданіе общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, посвященное памяти знаменитаго русскаго физіолога И. М. Сѣченова. Почтить память покойнаго ученаго собрались многіе профессора, врачи и студенты-медики, такъ что небольшой залъ музея былъ переполненъ собравшейся публикой. Среди присутствовавшихъ находились: директоръ женскаго медицинскаго института С. С. Салазкинъ, академикъ В. М. Бехтеревъ, лейбъ-отіатръ Н. П. Симановскій, профессоръ В. Н. Сиротининъ, профессоръ Н. П. Кравковъ и мн. др. Около каѳедры съ правой стороны, увѣнчанный тропической зеленью и пальмами, возвышался портретъ И. М. Сѣченова. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя общества академика И. П. Павлова, который въ душевныхъ словахъ охарактеризовалъ свѣтлую личность И. М. какъ человѣка, всю свою жизнь посвятившаго служенію наукѣ. И. П. Павловъ свою рѣчь иллюстрировалъ выдержками изъ автобіографическихъ замѣтокъ И. М., недавно появившихся въ печати и дающихъ представленіе о немъ не только какъ объ ученомъ, но и какъ о человѣкѣ съ прекрасной и чистой душой. Между прочимъ интересенъ фактъ близкаго знакомства Менделѣева съ Сѣченовымъ послѣ того, какъ послѣдній вышелъ изъ состава профессоровъ военно-медицинской академіи, когда конференція академіи забаллотировала выдвигаемую имъ профессорскую кандидатуру тогда молодого еще ученаго Мечникова. Оставшись безъ мѣста и дѣла, И. М. отправился къ Менделѣеву, который принялъ его очень привѣтливо и предоставилъ свои лабораторіи для его работъ, поручивъ сдѣлать нѣкоторыя химическія изысканія. Свою рѣчь И. П. Павловъ закончилъ предложеніемъ почтить память И. М. вставаніемъ. Научная часть

вчерашняго засѣданія была посвящена докладамъ И. П. Павлова и д-ровъ Л. А. Орбели и М. И. Эльясона о физіологіи большихъ полушарій въ рамкахъ метода условныхъ рефлексовъ.

Постановка доски въ память А. Н. Островскаго. 31-го марта, въ день исполнившейся 85-й годовщины рожденія Александра Николаевича Островскаго, по распоряженію московскаго городского общественнаго управленія была совершена на домѣ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что въ Голикахъ, въ которомъ родился Островскій, торжественная постановка мраморной доски съ надписью золотыми буквами: «Здѣсь родился Александръ Николаевичъ Островскій 31-го марта 1823 года». Домъ этотъ находится на церковномъ дворѣ между малой Ордынкой и Голиковскимъ переулкомъ; онъ—небольшой, двухъэтажный, оштукатуренный, довольно хорошо сохранившійся. По случаю торжества лицевой фасадъ дома былъ декорированъ національными флагами и лавровыми деревьями. Въ 12 часовъ дня въ церкви Покрова была совершена мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора пѣвчихъ панихида по А. Н. Островскомъ. Въ церкви присутствовали: сестры покойнаго, М. Н. и Н. Н. Островскія, бывшій личный секретарь А. Н—ча Н. А. Кропачевъ, и. д. товарища городского головы Д. Д. Дувакинъ, члены московскаго комитета русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ съ предсѣдателемъ И. В. Шпажинскимъ во главѣ, предсѣдатель русскаго театральнаго общества А. А. Бахрушинъ, артисты императорскаго Малаго театра, А. М. Кондратьевъ, режиссеръ Н. А. Поповъ, М. П., О. О., П. М. и Е. М. Садовскіе, А. А. Яблочкина, Н. А. Никулина, В. Н. Рыжова-Музиль, М. М. Варравинъ, О. А. Правдинъ, А. А. Остужевъ. Послѣ панихиды всѣ находившіеся въ церкви перешли къ церковному дому. Здѣсь И. В. Шпажинскій перерѣзалъ шнуръ, и съ дома спала пелена, заграждавшая прикрѣпленную въ серединѣ его мраморную доску. Сооруженіе мраморной доски приняло на свой счетъ общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, основателемъ котораго былъ покойный А. Н. Островскій.

Памятникъ С. Дежневу. Пріамурскій отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго общества обращается къ инженерамъ, архитекторамъ, художникамъ и прочимъ лицамъ, желающимъ посильно содѣйствовать дѣлу сооруженія памятника казаку Семену Дежневу, первымъ прошедшему и открывшему Беринговъ проливъ въ 1648 году, составить и прислать въ отдѣлъ проектъ и смѣту памятника при условіи, что строиться онъ будетъ въ Хабаровскѣ и стоимость его не должна превышать 5000 рублей. Не имѣя возможности за недостаткомъ средствъ предложить матеріальное вознагражденіе, отдѣлъ рѣшилъ, что имя автора лучшаго проекта, по которому будетъ построенъ памятникъ, будетъ увѣковѣчено на самомъ памятникѣ соотвѣтствующей надписью.

Отъ академіи наукъ. Комиссія по изданію «Академической библіотеки русскихъ писателей», образованная при разрядѣ изящной словесности императорской академіи наукъ, приступая нынѣ къ изданію полныхъ собраній сочиненій Е. А. Баратынскаго, Д. В. Веневитинова, А. С. Грибоѣдова, А. В. Кольцова и М. Ю. Лермонтова, имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ

правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, а равно и къ частнымъ лицамъ, располагающимъ рукописными матеріалами, касающимися поименованныхъ писателей, съ просьбой сообщить разряду изящной словесности возможно подробныя свѣдѣнія объ имѣющихся у нихъ матеріалахъ (подлинникахъ, фотографическихъ снимкахъ или рукописныхъ спискахъ произведеній и писемъ означенныхъ писателей, писемъ къ нимъ; офиціальныхъ документахъ, прямо или косвенно ихъ касающихся; дневникахъ и запискахъ; генеалогическихъ данныхъ; портретахъ и т. д.). При этомъ комиссія покорнѣйше проситъ не отказать въ сообщеніи даже въ тѣхъ случаяхъ, если эти матеріалы имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ упомянутымъ писателямъ и даже если эти матеріалы уже стали достояніемъ печати, были уже использованы издателями и изслѣдователями. Всѣ сообщенія, а равно и матеріалы комиссія проситъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, въ императорскую академію наукъ, въ разрядъ изящной словесности.

НЕКРОЛОГИ.

Балинскій, И. В. 15 апрѣля внезапно скончался отъ паралича сердца, на 67 году жизни, инженеръ-архитекторъ Игнатій Васильевичъ Балинскій. Покойный, по окончаніи курса въ бывшемъ строительномъ училищѣ (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ), поступилъ на коронную службу въ тамбовскую строительную комиссію, затѣмъ служилъ въ Херсонѣ и во Владимирѣ. Въ 1866 году вышелъ въ отставку и занялся исключительно производствомъ работъ въ качествѣ частнаго подрядчика, главнымъ образомъ по желѣзнодорожному дѣлу, избравъ спеціальностью постройку мостовъ и кессоновъ. Съ 1866—1870 г. онъ въ Петербургѣ занялся перестройкой цѣпного Пантелеймоновскаго моста, сооруженіемъ пристани у Невской заставы, очистилъ рѣки и каналы. Съ 1871—1876 г., когда началась постройка въ Бессарабіи Кишиневско-Ясской желѣзной дороги (нынѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ), покойный взялъ съ подряда постройку всѣхъ зданій, мостовъ, трубъ, здѣсь же на границѣ Бессарабіи и Румыніи построилъ большой желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Прутъ. Въ 1877—1882 г.г. соорудилъ желѣзнодорожные мосты на кессонныхъ основаніяхъ, черезъ рѣки: Пселъ, Днѣпръ, Друть и Ворго. Въ 1883—1884 г. имъ съ подряда былъ сооруженъ желѣзнодорожный путь отъ Пинска (черезъ Лунинецъ) до города Видибора (Вильно-Ровенской желѣзной дороги), и здѣсь же имъ былъ построенъ громадный желѣзнодорожный мостъ, въ 6 пролетовъ, черезъ рѣку Припеть, и къ мосту черезъ Припеть воздвигнута дамба, каждая сторона которой длиною въ 10 верстъ. Съ 1885—1886 г. покойный построилъ желѣзнодорожные мосты на кессонныхъ основаніяхъ черезъ рѣки Цну и Днѣпръ (Лун.-Ком. ж. д.). Въ 1887—1891 г. И. В. занимался строительствомъ въ Закаспійскомъ краѣ. Вѣнцомъ энергіи и инженернаго искусства покойнаго было сооруженіе имъ въ періодъ 100 рабочихъ дней длиннѣйшаго въ мірѣ деревяннаго моста (въ $2^1/_2$ версты) черезъ рѣку Аму-Дарью. Эта по-

стройка вызвала изумленіе даже англичанъ, снарядившихъ особую комиссію и почтившихъ покойнаго почетнымъ дипломомъ. Съ 1892—1898 г. покойный былъ занятъ сооруженіемъ части Тифлисско-Карсской желѣзной дороги и моста на рѣкѣ Окѣ. Въ сферѣ желѣзнодорожной техники имя покойнаго пользуется заслуженнымъ авторитетомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11528).

† **Влангали, А. Г.** Въ Римѣ скончался извѣстный русскій дипломатъ, членъ государственнаго совѣта, д. т. с. статсъ-секретарь Александръ Георгіевичъ Влангали. Покойный получилъ образованіе въ горномъ институтѣ и довольно долгое время занимался избранной спеціальностью. По окончаніи института въ 1843 г. А. Г. былъ произведенъ въ прапорщики и оставленъ при институтѣ, затѣмъ короткое время былъ командированъ на Алтайскіе заводы и въ 1846 г. назначенъ преподавателемъ геогнозіи и горнаго искусства въ Барнаульскомъ окружномъ училищѣ. Въ 1850 г. А. Г. совершилъ успѣшную командировку за отыскиваніемъ рудъ и золотоносныхъ розсыпей въ Киргизской степи и былъ назначенъ приставомъ Петровскаго и Карамышевскаго рудниковъ; черезъ два года А. Г. получилъ должность смотрителя главной физической обсерваторіи, а затѣмъ старшаго адъютанта корпуснаго штаба. Во время Крымской войны А. Г. состоялъ при штабѣ главнокомандующаго дѣйствующею арміей, а затѣмъ въ качествѣ старшаго инженернаго офицера завѣдывалъ оборонительными работами на Корниловскомъ бастіонѣ. Въ 1858 г. А. Г. былъ командированъ въ Черногорію съ особымъ порученіемъ, которое выполнилъ съ отличнымъ успѣхомъ. Съ этого времени начинается дипломатическая карьера покойнаго; въ 1860 г. А. Г. назначается генеральнымъ консуломъ въ Сербіи, а уже черезъ три года чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Пекинѣ. Въ 1873 г. А. Г. оставилъ службу по разстроенному здоровью и оставался въ отставкѣ до 1882 г., когда былъ назначенъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ 1889 г. покойный былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, въ 1891 г. назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при королѣ Италіи, а въ 1897 г.—членомъ государственнаго совѣта. Скончался А. Г. на 85-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11504).

† **Гербстъ, В. Ѳ.** 30 марта отъ паралича сердца скончался механикъ Василій Ѳедоровичъ Гербстъ, стяжавшій себѣ извѣстность, какъ изобрѣтатель и художественный исполнитель точныхъ научныхъ приборовъ. В. Ѳ. родился 20 іюня 1842 г. въ Лифляндіи и учился сперва въ Юрьевѣ, въ граверной и рисовальной школѣ, затѣмъ въ С.-Петербургѣ, въ мастерской Андризена и, наконецъ, въ Пулковѣ, у Брауера. Послѣ ухода послѣдняго онъ былъ приглашенъ занять мѣсто механика обсерваторіи и за двадцатилѣтнее пребываніе въ Пулковѣ построилъ множество астрономическихъ приборовъ, часть которыхъ заслужила особенную похвалу участниковъ русскихъ экспедицій для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца въ 1874 году. Извѣстность пулковскаго механика проникла и за границу, откуда Гербстъ неоднократно получалъ заказы: его пассажные инструменты служатъ и нынѣ

въ обсерваторіяхъ Германіи, Швеціи и даже въ Америкѣ. Съ 1890 по 1901 г. онъ состоялъ конструкторомъ точныхъ приборовъ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ послѣднее время онъ упростилъ и усовершенствовалъ такъ называемый солнечный треугольникъ—приборъ для приближеннаго опредѣленія времени, получившій широкое распространеніе среди любителей астрономіи. За свои инструменты получилъ нѣсколько медалей и почетныхъ отзывовъ на выставкахъ въ Россіи и за границей и избранъ членомъ астрономическихъ обществъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11518).

† **Густавсонъ, Г. Г.** 13 апрѣля скончался на 66 году жизни профессоръ Гавріилъ Гавріиловичъ Густавсонъ. Уроженецъ Петербурга, воспитанникъ 3-й петербургской гимназіи, Г. Г. окончилъ курсъ петербургскаго университета въ 1864 году и вскорѣ былъ назначенъ лаборантомъ при каѳедрѣ технической химіи, которую въ то время читалъ Д. И. Менделѣевъ. Въ 1869 г., когда Д. И. Менделѣевъ занялъ каѳедру неорганической химіи, а органическую началъ читать А. М. Бутлеровъ, Г. Г. перешелъ ассистентомъ къ А. М. Бутлерову. Въ 1873 г. Г. Г. получилъ степень магистра химіи, а въ 1875 г. былъ приглашенъ одновременно въ новороссійскій университетъ и петровскую академію. Онъ выбралъ послѣднюю, гдѣ до конца 1890 г. былъ профессоромъ по каѳедрѣ органической и агрономической химіи. Выйдя въ этомъ году въ отставку, онъ возвратился въ Петербургъ, нѣсколько лѣтъ читалъ органическую химію и велъ по ней практическія занятія на высшихъ женскихъ курсахъ. Пошатнувшееся здоровье заставило его покинуть курсы и вообще преподавательскую дѣятельность. Но науки онъ не оставилъ. Г. Г. былъ человѣкъ совсѣмъ одинокій, въ деньгахъ не нуждался, внѣшнихъ почестей и отличій всячески избѣгалъ; въ наукѣ сосредоточивались всѣ его интересы. Въ своей маленькой квартиркѣ, при крайне скромной лабораторной обстановкѣ онъ продолжалъ свои научныя занятія и почти ежегодно печаталъ результаты своихъ цѣнныхъ, интересныхъ работъ. Послѣдняя изъ нихъ напечатана всего за мѣсяцъ до его смерти. Его работы носятъ строго научный, отчетливый, вполнѣ законченный характеръ. Что сдѣлалъ Густавсонъ, въ томъ нечего было ни поправлять, ни передѣлывать. Работы его касаются: реакцій обмѣннаго разложенія въ отсутствіи воды (магистерская диссертація), отношенія органическихъ соединеній къ галоиднымъ слоямъ алюминія (докторская диссертація 1883 г.), изученія триметилена и другихъ полиметиленовыхъ соединеній и т. д. Нельзя не вспомнить его прекрасныя «Двадцать лекцій агрономической химіи». Широко образованный и начитанный человѣкъ, Г. Г. былъ выдающимся профессоромъ. Ясное, увлекательное изложеніе, громкій, пріятнаго тембра голосъ, изящная дикція и благородная внѣшность Гавріила Гавріиловича навсегда останутся въ памяти его учениковъ и тѣхъ, кому приходилось слышать его научныя сообщенія или его серьезныя, глубокія по содержанію рѣчи, которыя бывали украшеніемъ съѣздовъ естествоиспытателей и различныхъ торжественныхъ собраній. Научныя заслуги Г. Г. были по достоинству оцѣнены ученымъ міромъ. За границей онъ пользовался почетною извѣстностью; императорская академія наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ; отдѣленіе химіи

русскаго физико-химическаго общества дважды присуждало ему премiи (Н. Н. Соколова и А. М. Бутлерова) за его научныя работы. Выражая свою благодарность за оказанную честь, Г. Г. Густавсонъ оба раза жертвовалъ эти премiи на научныя нужды того же отдѣленiя химiи. Оставшiйся послѣ его смерти капиталъ (еще не приведенный въ извѣстность), за исключенiемъ нѣкоторой суммы на погребенiе и лицу, окружавшему его своими заботами въ послѣднiя 10 лѣтъ его жизни, Г. Г. завѣщалъ отдѣленiю химiи русскаго физико-химическаго общества на устройство научной лабораторiи. (Некрологъ его: «Слово» 1908 г., № 433).

† **Ивановъ, И. А.** Въ Петербургѣ скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей Ближняго Востока тайный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Ивановъ. Покойный окончилъ кандидатомъ курсъ петербургскаго университета въ 1858 г. и былъ отправленъ въ Константинополь, потомъ на о. Критъ, а въ 1867 г. въ Скутари въ Албанiи уже консуломъ. Оттуда княземъ Горчаковымъ, который очень цѣнилъ И. А., онъ былъ посланъ съ особымъ порученiемъ къ черногорскому князю Николаю. Эта миссiя Иванова привела къ первой поѣздкѣ князя въ Петербургъ: до того черногорскiй князь находился еще всецѣло подъ влiянiемъ французской враждебной Россiи политики Наполеона III. Переведенный затѣмъ консуломъ въ Адрiанополь, И. А. дѣятельно помогалъ болгарамъ отстаивать свои нацiональныя права, а когда началась война 1877 г., онъ былъ назначенъ состоять при главной квартирѣ императора Александра II и пользовался всемилостивѣйшимъ расположенiемъ и довѣрiемъ государя. Благодаря умѣлымъ разспросамъ Иванова плѣнныхъ и перебѣжчиковъ подъ Плевной, русской главной квартирѣ стало заблаговременно извѣстно рѣшенiе Османа-паши сдѣлать попытку прорваться сквозь русскiя линiи. Во время оккупацiи И. А. былъ губернаторомъ въ Адрiанополѣ и велъ дѣло гражданскаго управленiя въ полномъ согласiи съ нашими военными властями. Изъ Адрiанополя И. А. былъ переведенъ первымъ драгоманомъ посольства въ Константинополь и въ этой должности въ теченiе 12 лѣтъ былъ правой рукой посла Нелидова. Затѣмъ И. А. былъ много лѣтъ начальникомъ учебнаго отдѣленiя восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и читалъ лекцiи по арабскому языку и мусульманскому праву, которыхъ онъ былъ глубокимъ знатокомъ. При немъ въ число слушателей отдѣленiя были включены и офицеры. Постигнутый тяжелой болѣзнью, И. А. провелъ послѣднiе годы своей жизни въ отставкѣ, почитаемый всѣми, кто его зналъ, какъ честный, скромный русскiй дѣятель, посвятившiй себя родинѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г.).

† **Епископъ Лаврентiй.** 26 марта отъ воспаленiя легкихъ скончался преосвященный Лаврентiй, бывшiй епископъ тульскiй и бѣлевскiй, въ началѣ марта назначенный настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря. Почившiй, въ мiрѣ Михаилъ Ивановичъ Некрасовъ, родился въ 1836 году въ орловской епархiи; среднее образованiе получилъ въ мѣстной семинарiи, а высшее—въ кiевской духовной академiи, въ которой окончилъ курсъ со степенью магистра богословiя. Въ 1861 году М. И. былъ назначенъ въ воронежскую духовную семинарiю преподавателемъ русской словесности и нравственнаго бого-

словія. Черезъ три года онъ принялъ священническій санъ, съ назначеніемъ на должность законоучителя воронежскаго кадетскаго корпуса. Одновременно покойный былъ назначенъ редакторомъ «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ Воронежѣ дѣятельность покойнаго съ каждымъ годомъ становилась все сложнѣе; онъ сталъ принимать участіе въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, религіозно-просвѣтительныхъ обществъ и, кромѣ того, занялъ мѣсто въ Маріинской женской гимназіи. Въ 1884 году протоіерей Некрасовъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, а въ 1889 году—предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ этой послѣдней должности онъ много потрудился въ дѣлѣ насажденія церковно-приходской школы. Въ 1892 году за особо плодотворные труды покойный былъ награжденъ палицей. Въ 1894 году протоіерей Некрасовъ принялъ монашество, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Покровскаго миссіонернаго монастыря въ Москвѣ. Здѣсь онъ оставался недолго, такъ какъ въ 1895 году состоялось назначеніе его ректоромъ московской духовной академіи. Въ 1898 году архимандритъ Лаврентій былъ назначенъ епископомъ курскимъ и бѣлгородскимъ, оттуда былъ перемѣщенъ на тульскую каѳедру въ 1904 году, гдѣ оставался до увольненія на покой, послѣдовавшаго въ февралѣ текущаго года. Назначеніе преосвященнаго Лаврентія на должность настоятеля Высокопетровскаго монастыря послѣдовало лишь 7 марта. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 74).

† **Линевичъ, Н. П.** Вечеромъ 10 апрѣля послѣ тяжкихъ страданій скончался одинъ изъ главныхъ дѣятелей минувшей войны, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Петровичъ Линевичъ. Покойный былъ военнымъ по призванію, спеціально военнаго образованія онъ не получилъ и тѣмъ не менѣе дослужился до высшаго военнаго чина и былъ главнокомандующимъ русской арміи въ концѣ русско-японской войны. Н. П. родился въ Черниговской губерніи 24 декабря 1838 года, окончилъ курсъ черниговской гимназіи и поступилъ унтеръ-офицеромъ въ 58-й пѣхотный Прагскій полкъ. Черезъ годъ, въ 1856 году, онъ былъ произведенъ въ офицерскій чинъ. Боевое крещенье онъ получилъ уже молодымъ офицеромъ, участвуя въ дѣлахъ съ чеченцами и дагестанцами на Кавказѣ въ періодъ 1859—1864 гг., причемъ участвовалъ при покореніи Восточнаго Кавказа и при взятіи въ плѣнъ Шамиля. Въ 1861 году Н. П. былъ переведенъ на Западный Кавказъ въ 75-й пѣхотный Севастопольскій полкъ, въ которомъ участвовалъ при покореніи Западнаго Кавказа, между прочимъ при взятіи укрѣпленія Сочи въ 1864 г. Тогда еще поручикъ, Н. П. Линевичъ первымъ съ ротой вошелъ въ Сочи. Въ русско-турецкой войнѣ онъ принималъ участіе уже въ качествѣ командира 2-го кавказскаго стрѣлковаго батальона и участвовалъ во многихъ бояхъ. При отраженіи атаки турокъ на Муха-Эстатскую позицію Н. П. командовалъ колонной Кобулетскаго отряда, во время штурма Цихисъ-Дзирскихъ высотъ былъ раненъ въ стопу съ раздробленіемъ кости и лѣвую кисть руки и контуженъ въ лѣвый бокъ. Положеніе было таково, что доктора считали уже неизбѣжной ампутацію ноги; раны однако зажили, но съ того времени Н. П. ходилъ уже всегда съ тростью. При занятіи нами города Батума Н. П. первымъ поднялъ въ Ба-

тумѣ русскій флагъ на батареѣ Бурунъ-Табія. За отличія въ бояхъ съ турками Н. П. былъ награжденъ орденами св. Георгія 4 ст., Станислава и Анны 2 ст. съ мечами, золотымъ оружіемъ и чиномъ полковника. По окончаніи войны Н. П. 6 лѣтъ командовалъ 84 пѣхотнымъ Ширванскимъ полкомъ, а въ 1885 г., внѣ правилъ въ чинѣ полковника, получилъ назначеніе начальникомъ 2-й закаспійской стрѣлковой бригады, а въ 1888 году состоялъ начальникомъ отряда на афганской границѣ. Въ 1891 году Н. П. былъ произведенъ въ первый генеральскій чинъ, а въ 1895 г. назначенъ командующимъ войсками южно-уссурійскаго отдѣла пріамурскаго военнаго округа; здѣсь онъ дѣятельно работалъ надъ развертываніемъ и устройствомъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Въ 1899 году Н. П. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Когда въ 1900 году былъ образованъ первый сибирскій армейскій корпусъ, онъ былъ назначенъ его командиромъ и весною того же года двинулся во главѣ печилійскаго отряда на Пекинъ для освобожденія посланниковъ. Подъ его командованіемъ русскія войска, иногда совмѣстно съ иностранными отрядами, одержали рядъ блестящихъ побѣдъ, начатыхъ дѣлами подъ Бейтономъ и Янцуномъ и закончившихся молодецкимъ штурмомъ Пекина. Послѣ взятія Пекина Н. П. былъ занятъ водвореніемъ мира въ столицѣ богдыхана и привлекъ на общія совѣщанія всѣхъ союзныхъ командировъ. Въ то же время генералъ близко ознакомился съ боевыми качествами японцевъ. За заслуги въ подавленіи боксерскаго движенія Н. П. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. Въ 1901 году Линевичъ изъ Южно-Уссурійскаго края черезъ Хунчунъ совершилъ походъ въ Нанганскую провинцію Китая также для успокоенія боксеровъ, причемъ и этотъ походъ блестяще окончилъ полнымъ успокоеніемъ всей провинціи. Въ 1903 г. Н. П. назначенъ былъ пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ, командующимъ войсками пріамурскаго военнаго округа и наказнымъ атаманомъ пріамурскихъ казачьихъ войскъ. Когда послѣдовалъ разрывъ между Россіей и Японіей, на Н. П., до пріѣзда на Дальній Востокъ генерала Куропаткина, было возложено формированіе манчжурской арміи и ея полевого штаба. Съ пріѣздомъ Куропаткина Н. П. возвратился во Владивостокъ, откуда все же сильно тревожилъ японцевъ въ Сѣверной Кореѣ, причемъ его конница доходила даже до Гензана, а при образованіи новыхъ армій былъ назначенъ командующимъ 1-ой манчжурской арміей. Свою боевую славу здѣсь онъ вновь отлично оправдалъ, причемъ, по засвидѣтельствованію самого Куропаткина, 1-я армія и Линевичъ въ сраженіи подъ Мукденомъ выполнили свою задачу блестяще. Послѣ боя при Мукденѣ Н. П. смѣнилъ Куропаткина въ должности главнокомандующаго. Какъ только онъ вступилъ въ должность главнокомандующаго, первымъ распоряженіемъ его было отступавшую изъ-подъ Мукдена въ безпорядкѣ армію остановить на Сыпингайской позиціи и привести въ порядокъ. Съ этой позиціи онъ уже не отступилъ ни на шагъ, причемъ всѣмъ повторялъ, что если на него нападутъ японцы, то они сильно будутъ раскаиваться. И японцы дѣйствительно не рѣшились атаковать Линевича. Послѣ заключенія мира Н. П. остался съ войсками въ Манчжуріи, руководилъ эвакуаціей войскъ и былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго въ февралѣ 1906 года. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.524).

† **Новомѣйскій, С. Ф.** 13 апрѣля въ Тифлисѣ скончался на 67 году жизни одинъ изъ видныхъ дѣятелей на Кавказѣ—начальникъ кавказскаго округа путей сообщенія, инженеръ тайный совѣтникъ Северинъ Феликсовичъ Новомѣйскій. Окончивъ въ 60 годахъ курсъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія (нынѣ институтъ путей сообщенія), С. Ф., былъ командированъ на Кавказъ въ распоряженіе намѣстника, великаго князя Михаила Николаевича, и занималъ въ теченіе свыше 40 лѣтъ послѣдовательно всѣ должности по своему вѣдомству. Будучи начальникомъ дистанціи на Военно-Грузинской дорогѣ, онъ впервые примѣнилъ въ Дарьяльскомъ ущельи систему постройки мостовъ, стоящихъ понынѣ и не поддающихся разливамъ и заваламъ, а также устроилъ обходную отъ заваловъ галерею, чѣмъ сдѣлалъ сообщеніе съ Владикавказомъ безпрерывнымъ. Имъ же была произведена новая трасировка дороги, сокращавшая путь и дѣлавшая ее болѣе безопасной. Когда былъ поднятъ вопросъ о прорытіи туннеля черезъ Кавказскій хребетъ, что совпало съ устройствомъ С.-Готардскаго туннеля, великій князь командировалъ С. Ф. въ Швейцарію для наблюденія за работами, и по возвращеніи оттуда онъ представилъ проектъ кавказскаго туннеля, который хотя и былъ одобренъ, однако, за отсутствіемъ средствъ и возгорѣвшейся турецкой войной, въ исполненіе не приведенъ до сихъ поръ. При главноначальствующемъ графѣ Шереметевѣ С. Ф. былъ назначенъ состоять при немъ инженеромъ для порученій и много способствовалъ улучшенію шоссейныхъ дорогъ всего кавказскаго округа, а также закончилъ постройку новаго казеннаго театра. Должность главнаго инженера для порученій С. Ф. исполнялъ послѣдовательно при всѣхъ главноначальствующихъ, удерживая за собой свой постъ, несмотря на перемѣны направленій, не вмѣшиваясь и не участвуя въ интригахъ и занимаясь исключительно своимъ спеціальнымъ дѣломъ. Въ прошломъ году противъ своего желанія, по настоянію намѣстника графа Воронцова-Дашкова, С. Ф. занялъ должность начальника кавказскаго округа путей сообщенія. Выборъ намѣстника палъ на С. Ф., какъ на человѣка безпартійнаго, независимаго, честнаго и вполнѣ справедливаго—для приведенія въ порядокъ округа, въ виду происходившихъ тамъ упущеній и даже злоупотребленій. Назначеніе это привело къ видимымъ результатамъ, такъ какъ за свое почти полувѣковое служеніе на Кавказѣ покойный пріобрѣлъ репутацію неподкупнаго и безпристрастнаго человѣка. С. Ф. пріобрѣлъ въ Тифлисѣ большую популярность и былъ постояннымъ третейскимъ судьей при всякихъ недоразумѣніяхъ. Покойный предсѣдательствовалъ почти во всѣхъ техническихъ комитетахъ и былъ сторонникомъ устройства на Кавказѣ высшаго учебнаго заведенія, на что въ виду популярности С. Ф. охотно отозвались мѣстные богачи во главѣ съ Манташевымъ, предлагавшимъ на это дѣло 100,000 рублей. С. Ф. скончался послѣ непродолжительной болѣзни въ кругу своей семьи въ Свѣтлый праздникъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11528).

† **Рагозинъ, Л. Ѳ.** Въ гор. Бреславлѣ 30 марта скончался предсѣдатель медицинскаго совѣта, докторъ медицины, тайн. сов. Левъ Ѳеодоровичъ Рагозинъ. Покойный находился во главѣ сперва медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ медицинскаго совѣта въ теченіе двадцати

лѣтъ и принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ разнообразнѣйшихъ мѣропріятіяхъ министерства по врачебно-судебной и врачебно-санитарной части, а также по организаціи медицинскаго дѣла въ Россіи на болѣе правильныхъ и научныхъ основаніяхъ. Л. Θ. родился въ 1846 г., медицинское образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ со степенью лекаря. Врачебную дѣятельность началъ въ московской Преображенской больницѣ, но вскорѣ перебрался въ Петербургъ, опредѣлившись медицинскимъ чиновникомъ въ медицинскій департаментъ. Одновременно прикомандировался къ медико-хирургической академіи, въ 1877 г. былъ назначенъ врачомъ клиники душевныхъ болѣзней при клиническомъ военномъ госпиталѣ. Л. Θ. избралъ своей спеціальностью психіатрію и въ 1882 г. защитилъ диссертацію: «Результаты графическаго изслѣдованія пульса и дыханія душевно-больныхъ» на степень доктора медицины. Затѣмъ былъ штатнымъ врачомъ артистовъ императорскихъ театровъ, медикомъ-консультантомъ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, въ 1884 г. назначенъ директоромъ казанской больницы душевно-больныхъ. Подъ его руководствомъ больница въ Казани, выстроенная съ примѣненіемъ новѣйшихъ приспособленій, явилась одной изъ лучшихъ спеціальныхъ больницъ. Черезъ четыре года Л. Θ. былъ назначенъ директоромъ медицинскаго департамента, и дѣятельность его, какъ руководителя высшаго врачебнаго учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ, пріобрѣла обширную извѣстность и была безусловно производительной. Однако, онъ не забывалъ и своей психіатрической спеціальности, участвуя съ 1890 г. въ совѣтѣ по управленію хозяйственной частью дома призрѣнія душевно-больныхъ императора Александра III на Удѣльной. Кромѣ того, принималъ участіе въ военно-медицинскомъ ученомъ комитетѣ, медико-филантропическомъ комитетѣ и былъ предсѣдателемъ отдѣленія пособій православнымъ паломникамъ императорскаго православнаго палестинскаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11516).

† **Савичъ, Г. Г.** Въ пасхальную ночь скончался Георгій Георгіевичъ Савичъ. Служебная карьера Г. Г. началась, по окончаніи имъ курса въ училищѣ правовѣдѣнія, въ кодификаціонномъ отдѣлѣ, а затѣмъ въ государственной канцеляріи и, благодаря блестящимъ способностямъ и трудоспособности его, протекала необычайно быстро. На 35 году жизни покойный назначенъ былъ управляющимъ земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Черезъ пять лѣтъ, когда на постъ министра былъ назначенъ В. К. Плеве, Г. Г. оставилъ земскій отдѣлъ и, пробывъ нѣсколько лѣтъ членомъ совѣта министра, предался излюбленной имъ дѣятельности по изданію различныхъ сборниковъ законовъ, преимущественно касающихся крестьянскихъ порядковъ и мѣстнаго самоуправленія. Всѣмъ причастнымъ къ крестьянской и вообще мѣстной жизни людямъ извѣстны прекрасно составленные и изданные Г. Г. сборники законовъ и юридическіе труды вообще. Въ числѣ этихъ изданій надлежитъ отмѣтить: «Сборникъ правилъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія», Спб. 1900 г., «Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного Края», Спб. 1903 г., «Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ Россіи», Спб. 1903 г., «Русское

горное законодательство», Спб. 1905 г., «Къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Село Павлово и его устройство», Спб. 1906 г., «Новый государственный строй. Справочная книга», Спб. 1907 г. При всякаго рода работѣ, требующей знанія законовъ и мѣстныхъ порядковъ, участіе Г. Г. было незамѣнимымъ. Онъ работалъ не только по министерству внутреннихъ дѣлъ, но и по другимъ учрежденіямъ, гдѣ только возникали усиленные труды по выработкѣ новыхъ законовъ. Выйдя въ отставку въ 1906 году, всего лишь 45 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ тайнаго совѣтника, Г. Г. не долго оставался внѣ крупнаго дѣла. Его кипучая натура не могла мириться съ бездѣятельностью. Въ 1907 году покойный Савичъ былъ сдѣланъ редакторомъ газеты «Сельскій Вѣстникъ».

† **Филиповъ, А. М.** 5 марта скончался послѣ тяжелой болѣзни (опухоль мозга) сотрудникъ «Новаго Времени» Александръ Михайловичъ Филипповъ. По спеціальности естественникъ, онъ по окончаніи въ 1893 году курса въ петербургскомъ университетѣ былъ нѣсколько лѣтъ лаборантомъ сначала при главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ, потомъ по каѳедрѣ химіи при петербургскомъ университетѣ. Впослѣдствіи А. М. избралъ своею спеціальностью географію, посвятивъ себя по преимуществу изученію сѣверныхъ приполярныхъ странъ и особенно Сѣвера Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ онъ на педагогическомъ поприщѣ, состоя преподавателемъ географіи и естествознанія въ реальномъ училищѣ Богинскаго, въ Петровскомъ коммерческомъ училищѣ и въ гимназіи и реальномъ училищѣ Штемберга. А. М. совершилъ двѣ поѣздки на Мурманъ (съ экспедиціей Книповича) и одну на Новую Землю (вмѣстѣ съ художникомъ А. А. Борисовымъ). Въ 1906 г. принималъ онъ дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи по улучшенію быта русскихъ поморовъ. Большая часть работъ А. М. посвящены изученію Сѣвера. Отдѣльно изданы имъ брошюры: «Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ» (о попыткѣ Андрэ), переводъ извѣстнаго труда Нансена «Въ странѣ льда и ночи», любопытная работа «Русскіе въ Лапландіи въ XVI в.» (Спб. 1901 г.), «Рѣчной путь въ Сибирь черезъ полуостровъ Ялліалъ». Съ 1895 г. въ теченіе десяти лѣтъ А. М. помѣстилъ въ иллюстрированномъ приложеніи къ «Новому Времени» рядъ статей о нашемъ Сѣверѣ, о его прошломъ, о новыхъ экспедиціяхъ и изслѣдованіяхъ его. Кромѣ того, А. М. принималъ участіе въ «Новомъ журналѣ литературы, искусства и науки», въ «Литературномъ Вѣстникѣ», журналѣ «Природа и люди», «Море и его жизнь», «Естествознаніе и географія» и др. изданіяхъ. Скончался А. М. на 37 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г.).

† **Шуваловъ, П. А., графъ.** Въ Ялтѣ скончался одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, боевой генералъ, членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. По окончаніи Пажескаго корпуса П. А. служилъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, затѣмъ два года военнымъ агентомъ при французскомъ императорѣ Наполеонѣ III, затѣмъ П. А. былъ приглашенъ на постъ директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но послѣ двухлѣтней

службы здѣсь опять перешелъ въ строевую службу, былъ назначенъ сперва командиромъ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго Его Величества батальона, а затѣмъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 1867 г. П. А. получилъ назначеніе начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, затѣмъ нѣсколько лѣтъ состоялъ помощникомъ августѣйшаго предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, а въ 1879 г. получилъ въ командованіе 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію. Строевая служба покойнаго закончилась въ должностяхъ командира корпуса сперва гренадерскаго (съ 1879 по 1881 г.), а затѣмъ гвардейскаго (съ 1881 по 1885 г.). Въ слѣдующія десять лѣтъ покойный выступилъ въ качествѣ дипломата: онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при императорѣ германскомъ. Въ короткое время графъ П. А. завоевалъ здѣсь исключительный авторитетъ и уваженіе. Графъ считался однимъ изъ близкихъ друзей императора Вильгельма II. При немъ между прочимъ былъ заключенъ русско-германскій торговый договоръ. Затѣмъ графъ перешелъ на высшую административную должность—варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа. Здѣсь онъ оставался недолго, но и за это время успѣлъ сыскать большую популярность своей неизмѣнной доступностью и широкой терпимостью. Въ 1896 г. графъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Какъ въ административной, такъ и дипломатической службѣ покойный оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Военная служба его отмѣчена рядомъ выдающихся заслугъ. Графъ принималъ участіе въ четырехъ кампаніяхъ. Въ 1854 г. за отличіе и мужество въ сраженіи подъ Инкерманомъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ; за особыя отличія подъ Горнымъ Дубнякомъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., за отличія подъ Правцемъ и Ташкисеномъ и за переходъ чрезъ Балканы награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. Послѣ трехдневнаго боя съ 3-го по 5-е января 1878 г. у Кадыкіоя, Дерменъ-Дере и Карагача онъ разбилъ армію Сулейманъ-паши и заставилъ турокъ отступить, отбивъ 110 пушекъ; за это графъ былъ награжденъ золотою, брильянтами украшенною шпагою. Покойный имѣлъ всѣ русскіе ордена и много иностранныхъ высшихъ степеней. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.521).

† **Щербовичъ-Вечоръ, О. К.** Въ ночь на 13 апрѣля скончался одинъ изъ старѣйшихъ судебныхъ дѣятелей военнаго вѣдомства, членъ главнаго военнаго суда генералъ-лейтенантъ Ольгердъ Карловичъ Щербовичъ-Вечоръ. О. К. получилъ образованіе въ слуцкой классической гимназіи, выдержалъ экстерномъ экзаменъ въ 1-омъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ и поступилъ на службу въ 8-й драгунскій великаго князя Николая Николаевича полкъ. Съ 1875 года О. К. перешелъ на службу по военно-судебному вѣдомству, окончилъ курсъ Александровской военно-юридической академіи и былъ назначенъ исполняющимъ должность помощника военнаго прокурора московскаго военно-окружнаго суда. Въ 1883 году О. К. занялъ должность прокурора кіевскаго военно-окружнаго суда, а черезъ пять лѣтъ—кавказскаго. Въ 1901 г. покойный былъ назначенъ предсѣдателемъ сибирскаго военно-окружнаго суда.

Въ 1904 г., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, О. К. былъ назначенъ предсѣдателемъ кассаціоннаго присутствія, учрежденнаго въ районѣ театра войны на Дальнемъ Востокѣ. Въ слѣдующемъ году О. К. былъ назначенъ предсѣдателемъ кавказскаго военно-окружнаго суда и въ прошломъ году — членомъ главнаго военнаго суда. Помимо судебной дѣятельности, О. К. много работалъ и на педагогическомъ поприщѣ, преподавалъ законовѣдѣніе въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ тифлисскомъ кадетскомъ корпусѣ. Ровное, спокойное отношеніе въ исполненіи обязанностей, неизмѣнное доброжелательство и безпристрастіе оставили свѣтлую память о покойномъ во всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Между прочимъ О. К. былъ въ числѣ судей верховнаго суда, назначеннаго по дѣлу Стесселя. Умеръ О. К. на 65 году. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11528).

† **Эккъ, Н. В.** Умеръ докторъ Николай Владимировичъ Эккъ. Еще будучи студентомъ военно-медицинской академіи, Н. В. представилъ въ видѣ зачетной работы описаніе созданной имъ операціи, которая такъ и осталась въ наукѣ подъ названіемъ «операція Экка». Медицинская семья не всегда относилась къ Н. В. одобрительно. Его пріемы нерѣдко считались слишкомъ смѣлыми. На самомъ дѣлѣ они были только логическимъ выводомъ изъ особенныхъ соображеній и наблюденій, и результаты леченія Н. В. приводили въ изумленіе завзятыхъ скептиковъ. Въ послѣднее время вокругъ Н. В. образовался кружокъ врачей, какъ бы его учениковъ. Какъ человѣкъ, Н. В. былъ предметомъ уваженія и любви всѣхъ знавшихъ его. Ничего для себя—все для другихъ. Нелѣпая русская жизнь всѣми силами отвлекала Н. В. отъ его настоящаго дѣла: занимался покойный и горнымъ дѣломъ, и женскимъ техническимъ образованіемъ, но не таковъ былъ талантъ его, чтобы все это могло отразиться на медицинской его дѣятельности. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.518).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Письмѣ въ редакцію» герцога Г Н. Лейхтенбергскаго, напечатанномъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 1162, вкралась существенная опечатка: годъ смерти герцога Евгенія Виртембергскаго обозначенъ 1834, тогда какъ онъ скончался въ 1824 году.

враговъ, члены совѣта сидѣли въ оцѣпенѣніи. Но по мѣрѣ того, какъ къ нимъ возвращалось хладнокровіе, ихъ энергичный патріотизмъ смѣнился малодушіемъ. Каждый изъ нихъ думалъ только о себѣ, понимая, что если бы отставка Терно и Божара была принята, то за нихъ пришлось бы отвѣчать имъ самимъ. Обнаружилось колебаніе; поднялись робкія и лицемѣрныя возраженія; нѣкоторые заговорили о томъ, что Баръ—совершенно беззащитный городъ и что категорическій отказъ подвергъ бы жителей ужасамъ военной экзекуціи, другіе старались найти какую-нибудь отговорку, которая дала бы удовлетвореніе прусскимъ властямъ и въ то же время спасла бы достоинство совѣта.

Пока обсуждали положеніе, подъ окнами управленія образовалась цѣлая буря. Ренаръ и его друзья разсказали толпѣ о приказаніяхъ герцога Брауншвейгскаго. Юный президентъ клуба очень ловко направилъ эгоистическія страсти невѣжественнаго и обезумѣвшаго населенія противъ обоихъ вышедшихъ въ отставку членовъ. Въ толпѣ тамъ и сямъ появлялась Жилотъ и разбрасывала сѣмена возмущенія. Страхъ придавалъ дерзость даже самымъ робкимъ, и яростные крики становились все громче и громче.

— Не надо отставки! Въ Верденъ!—кричали голоса.

— Слышите,—сказалъ одинъ членъ совѣта, высказавшійся за изъявленіе покорности:—народъ волнуется... Подумайте объ отвѣтственности, которую мы беремъ на себя, и о безпорядкахъ, которые могутъ возникнуть изъ-за нашего упрямства.

Въ эту минуту въ передней послышался шумъ, похожій на ревъ прорвавшейся плотины!

Дверь въ залу засѣданій распахнулась настежь, и появился Юліусъ-Юніусъ въ сопровожденіи буйной толпы, которую онъ едва могъ сдержать.

— Граждане, — сказалъ онъ рѣзко, — населеніе Баръ-Сюръ-Орненъ жестоко взволновано рѣшеніемъ, которое приняли президентъ и прокуроръ-синдикъ. Оно видитъ уже гибельныя послѣдствія военной расправы. Отъ его имени я прошу васъ оградить беззащитный городъ отъ грабежа и пожара. Конечно,—продолжалъ онъ коварно:—граждане Терно и Божаръ воодушевлены самыми патріотическими чувствами и ихъ отказъ исполнить приказаніе дерзкаго врага дѣлаетъ честь ихъ характеру. Но бываютъ обстоятельства, при которыхъ личное достоинство должно быть принесено въ жертву общественному благу. Принимая должность президента и прокурора-синдика, они заранѣе должны были знать, какія обязанности налагаетъ она на нихъ. Теперь они не имѣютъ права отступать передъ опасностью. Какъ только что сказалъ гражданинъ Божаръ, «нашему городу нечего бояться, если каждый исполнитъ свою обязанность». Настало для нихъ время исполнить свой долгъ. Не надо отставки! Пусть Терно и Божаръ немедленно отправляются

въ Верденъ. Подобно Регулу пусть они покажутъ врагу, какъ ведутъ себя свободные граждане. Пусть ихъ мужественное поведеніе и суровость явятся для рабовъ живымъ доказательствомъ республиканской доблести. Она посрамитъ ихъ планы противъ свободы и отвратитъ отъ нашего города непоправимыя бѣды.

— Да, да, въ Верденъ. Не надо отставки!—завыла толпа, запрудившая переднюю.

Члены совѣта переглядывались въ страхѣ.

— Граждане!—сказалъ вице-президентъ Робино, котораго подталкивали сосѣди:—я думаю, что поступлю по желанію товарищей и цѣлаго города, если поставлю на голоса такое предложеніе:

«Совѣтъ департамента не принимаетъ отставки Терно и Божара и, обращаясь къ ихъ самоотверженію, проситъ ихъ отправиться въ Верденъ въ качествѣ делегатовъ отъ совѣта». Пусть тѣ, кто согласенъ, поднимутъ руку.

Всѣ члены совѣта, за исключеніемъ Клода Гарніе, подняли руки.

— Предложеніе принято,—пробормоталъ вице-президентъ, оборачиваясь къ президенту и прокурору-синдику.

Поблѣднѣвшіе Божаръ и Терно тихо обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Господа, наша честь, также какъ и наша кровь принадлежатъ отечеству,—заявилъ президентъ рѣшительнымъ голосомъ.—Вы хотите, чтобы мы отправились въ Верденъ, мы повинуемся... Закрываю засѣданіе.

Благородная покорность обстоятельствамъ этихъ двухъ людей, которые отдавали себя въ жертву за цѣлый городъ, подѣйствовала даже на наиболѣе озлобленныхъ. Чувствуя безпокойство и неловкость, толпа, наполнявшая переднюю, разошлась молча. Только одинъ Юліусъ-Юніусъ Ренаръ едва скрывалъ свое удовольствіе. Наконецъ-то онъ отомстилъ за себя и, гордясь успѣхомъ своихъ интригъ противъ Божара, онъ мысленно повторялъ: «Онъ не будетъ больше стоять на моей дорогѣ!»

Зала мало-по-малу пустѣла: члены совѣта уходили украдкою, стыдясь въ глубинѣ души той роли, которую они сыграли. Терно прошепталъ прокурору-синдику:

— Божаръ, я прикажу почтмейстеру приготовить для насъ экипажъ и пару хорошихъ лошадей, а затѣмъ пойду обнять мою жену и дѣтей... Черезъ часъ я буду съ вами.

Не отвѣтивъ, Божаръ нервно пожалъ руку президента и пошелъ въ свой кабинетъ, примыкавшій къ залѣ засѣданій. Оставшись одинъ, онъ съ грустью облокотился на подоконникъ. Толпа, запрудившая площадь, уже разсѣялась. Деревья садовъ нижняго города качались отъ бурныхъ порывовъ вѣтра съ дождемъ. Смѣлыя надежды, честолюбивыя мечты, мужественныя рѣшенія, какъ листья этихъ деревьевъ, разсѣивались одна за другой, уничтожен-

ныя припадкомъ отчаянія. Онъ не обманывалъ себя надеждой, что его роковая миссія, которую на него возложили насильно, окончится благополучно. Какой бы оборотъ ни приняло дѣло, его карьера все равно была кончена. Если союзники, какъ онъ надѣялся, будутъ разбиты, то ему не пройдетъ даромъ, что онъ былъ въ Верденѣ, откуда онъ вернется, погубивъ свою репутацію. Если же побѣдятъ, къ несчастью, пруссаки, то онъ сочтетъ своей обязанностью сопротивляться ихъ приказаніямъ, и побѣдители заставятъ его за это сопротивленіе поплатиться жизнью. Нравственное паденіе или смерть—вотъ что ждало его. Не лучше ли было покончить съ собой сейчасъ же и, какъ Борепѳръ, пустить себѣ пулю въ лобъ?

И вдругъ ему ясно представилась пара пистолетовъ, висѣвшая надъ каминомъ въ его квартирѣ въ верхнемъ городѣ. Блестящіе стальные стволы мелькали у него передъ глазами и гипнотизировали его. Онъ посмотрѣлъ на часы. Со времени отъѣзда Терно прошло уже четверть часа. Время летѣло. Онъ схватилъ свою шляпу и быстро спустился по лѣстницѣ. Въ то время, какъ онъ сходилъ съ крыльца, направляясь къ дому, онъ услыхалъ сзади себя шаги. Оглянувшись инстинктивно, онъ замѣтилъ еврея, который доставилъ пакетъ отъ пруссаковъ.

— Имѣю честь говорить съ г. Франсуа Божаромъ?—спросилъ онъ заискивающимъ тономъ.

— Что вамъ угодно?—отрывисто спросилъ Божаръ.—Говорите скорѣе, я тороплюсь.

— Извините,—продолжалъ еврей конфиденціальнымъ тономъ.—У меня есть письмо къ вамъ. Письмо отъ одной дамы, которое я долженъ передать въ собственныя руки.

— Давайте же!

Сердце прокурора-синдика билось сильно, пока еврей рылся въ своей блузѣ. Онъ вытащилъ грязную сумку, потихоньку развязалъ кожаный шнуръ, которымъ она была завязана, и наконецъ вынулъ изъ нея запечатанное письмо.

— Благодарю васъ,—сказалъ Божаръ, отпуская посланца.

Онъ тотчасъ же узналъ почеркъ и нервно сталъ срывать печать. Въ письмѣ было всего двѣ строчки:

«Я въ Верденѣ. Я знаю, что вы должны туда пріѣхать. Тетя и я ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ. Гіацинта».

Гіацинта! Послѣ всякаго рода непріятныхъ извѣстій и потрясеній, которыя пришлось испытать, Божаръ совсѣмъ забылъ о канониссѣ. И теперь, въ эту важную минуту между нимъ и его мрачными планами вдругъ сталъ очаровательный образъ Гіацинты. Она въ Верденѣ и ждетъ его. Онъ почувствовалъ, что сердце его смягчается и поднявшаяся въ немъ нѣжность расплавляетъ его героическое рѣшеніе. Нѣсколько словъ этого письма отдались въ

немъ, какъ отдаленный призывъ къ жизни. У него не было уже силы умереть, не повидавъ еще разъ женщину, которую онъ такъ горячо любилъ.

Его сограждане гнали его въ Верденъ какъ разъ въ то самое время, когда его звала туда и Гіацинта. Не было ли это дѣломъ неизбѣжной судьбы? Да, онъ хотѣлъ еще разъ видѣть канониссу, еще разъ прижать ее къ своему сердцу. А потомъ онъ покончитъ съ собой безъ всякихъ сожалѣній... Онъ бросился къ себѣ, спѣшно уложилъ все въ чемоданъ, бросилъ туда пистолеты и въ девять часовъ встрѣтился съ Терно на дворѣ почтовой станціи.

IV.

Верденъ.

Послѣ остановки въ Суйлли, чтобы перемѣнить лошадей и закусить, Божаръ и президентъ Терно около 2 часовъ приближались къ Вердену. Такъ какъ они подъѣзжали со стороны Франціи, то имъ пришлось посторониться и пропустить цѣлый рядъ военныхъ обозовъ, которые подъ конвоемъ направлялись къ деревушкѣ Глоріе, гдѣ была главная квартира прусскаго короля.

Дождь пересталъ. Тусклое солнце освѣщало грязную дорогу, луга, обсаженные рядами тополей, и холмы, покрытые виноградниками. Божаръ печально смотрѣлъ на эту цвѣтущую долину Мааса, гдѣ поднимался теперь дымъ отъ прусскихъ бивуаковъ. Онъ вспомнилъ свою юность, когда онъ верхомъ ѣзжалъ по этимъ самымъ долинамъ. Ожили въ памяти тихая лѣсистая мѣстность Фуръ-о-Муана и шаловливая фигура Гіацинты въ дѣтствѣ. Онъ думалъ про себя, что въ этотъ моментъ она живетъ подъ одной изъ этихъ островерхихъ крышъ, которыя тамъ и сямъ выглядывали изъ-за сѣрой городской стѣны. Желаніе увидѣть Гіацинту и предчувствіе грядущихъ опасностей сдавили ему грудь.

— Вотъ здѣсь дорога почти свободна,—сказалъ Терно:—и мы можемъ, наконецъ, въѣхать въ городъ.

Но въ тотъ моментъ, когда коляска только что хотѣла въѣхать на мостъ, въ сводчатыхъ воротахъ стѣны произошло новое загроможденіе. Изъ нихъ показалась длинная телѣга, на которыхъ возятъ сѣно. Четыре лошади волокли ее съ трудомъ. Поперечины телѣги были украшены цвѣтами и гирляндами изъ листьевъ. Между гирляндами стояли, держась за перекладины, чтобы не упасть отъ толчковъ, молодыя женщины и дѣвушки, одѣтыя въ бѣлую кисею. Они оглашали воздухъ громкимъ смѣхомъ. Впереди этой повозки гарцовалъ всадникъ въ формѣ полка Конде. Онъ подъѣхалъ къ коляскѣ и закричалъ кучеру:

— Посторонись, малый, и дай дорогу дамамъ, которыя везутъ сладости его величеству королю прусскому.

Гнѣвъ овладѣлъ Франсуа Божаромъ, и онъ готовъ былъ дать рѣзкій отпоръ, какъ вдругъ между молодыми женщинами онъ замѣтилъ тонкій профиль Гіацинты. Широкая соломенная шляпа съ бѣлымъ перомъ скрывала лицо и бѣлокурые кудри канониссы, въ этой полутьмѣ ея зеленые глаза сверкали, какъ два настоящихъ изумруда. Она также узнала Божара, ея щеки вспыхнули, она слегка поклонилась въ его сторону. Прокурора-синдика била лихорадка, и онъ поблѣднѣлъ, какъ будто кто-нибудь ударилъ его въ грудь.

Повозка была уже шагахъ въ двѣнадцати позади, и коляска членовъ совѣта въѣзжала подъ сводъ, когда къ ней подскочилъ всадникъ, сопровождавшій молодыхъ женщинъ, и загородилъ ей дорогу.

— Господа,—спросилъ онъ, нагибаясь къ коляскѣ:—кто изъ васъ Божаръ?

— Я,—отвѣчалъ прокуроръ-синдикъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ офицеръ, слегка приподнимая свою треуголку,—позвольте представиться: я капитанъ д'Эспондейланъ и имѣю къ вамъ порученіе отъ одной изъ дамъ. Канонисса д'Эризель просила меня передать вамъ, что она живетъ на улицѣ Бель-Віержъ, въ домѣ де-ла-Гериньеръ и что она будетъ очень рада васъ видѣть около пяти часовъ, когда она вернется.

Божаръ только молча кивнулъ головой. Д'Эспондейланъ далъ шпоры своей лошади и поскакалъ по дорогѣ въ Глоріе.

Терно съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего товарища.

— Какъ, вы знакомы съ одной изъ этихъ дамъ, которыя везутъ конфеты прусскому королю?

Божаръ покраснѣлъ и отвѣчалъ отрывисто:

— Да, въ такія времена это бываетъ и во враждебныхъ партіяхъ встрѣчаешь лицъ, которыхъ привыкъ съ дѣтства любить и уважать.

Они ѣхали теперь по узкой улицѣ, носившей повсюду слѣды недавней бомбардировки. Мѣстами разрушенная мостовая была покрыта лужами грязи, сквозь разбитыя ядрами окна магазиновъ видны были валявшіеся въ безпорядкѣ товары—результатъ начавшагося грабежа, вдоль домовъ тяжело ходили кучки прусскихъ солдатъ. На площади Мозель черезъ окна кондитерскихъ виднѣлись группы офицеровъ въ шарфахъ, которые пили ликеръ и начиняли карманы конфетами. Въ нижнемъ этажѣ гостиницы «Трехъ Мавровъ» за сытнымъ обѣдомъ сидѣлъ весь главный штабъ. Запахъ съѣстныхъ припасовъ несся по улицѣ, и слышался громкій смѣхъ высшихъ офицеровъ, чокавшихся между собою. Зрѣлище этого города, отдававшагося врагамъ, какъ продажная женщина,

вызвало въ обоихъ патріотахъ отвращеніе и озлобленіе. Городская ратуша была въ двухъ шагахъ отъ гостиницы, и они направились прямо туда.

Черезъ четверть часа, разбитые отъ путешествія, они остановились въ передней передъ залой, гдѣ герцогъ Брауншвейгскій предсѣдательствовалъ на военномъ совѣтѣ. Засѣданіе кончалось. Они видѣли, какъ выходили генералы, волоча свои сабли и тяжело пережевывая свои нѣмецкія фразы. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ ввели къ главнокомандующему.

Высокаго роста и крѣпкаго сложенія, герцогъ Брауншвейгскій отличался благороднымъ лицомъ съ голубыми проницательными глазами. Пренебрежительная складка поднимала его смѣющіяся губы и придавала его лицу выраженіе тщеславія, которое портило пріятное выраженіе его открытаго лба и огненнаго взгляда. Онъ сдѣлалъ обоимъ членамъ совѣта знакъ привѣта, посмотрѣлъ имъ прямо въ лицо и остановилъ снисходительный взглядъ на серьезномъ и задумчивомъ лицѣ прокурора-синдика. Терно назвалъ себя и представилъ своего товарища. Герцогъ, въ началѣ старавшійся быть любезнымъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они не замедлили послѣдовать его приглашенію, и сказалъ, обращаясь къ Божару:

— Мы воюемъ, г. прокуроръ-синдикъ, но мы хотимъ воевать, соблюдая гуманность.

— Долженъ вамъ замѣтить, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Божаръ:—что начало не оправдываетъ вашихъ желаній... Деревни разграблены и мирные граждане перебиты.

— Мирные? Не совсѣмъ. Они осмѣлились стрѣлять въ насъ. Всякій обыватель, который носитъ оружіе, долженъ погибнуть.

— Всякій французъ солдатъ. Но нужно же щадить женщинъ и дѣтей.

— Ихъ и будутъ щадить, ручаюсь вамъ! Мы здѣсь для того, чтобы возстановить порядокъ и миръ, вернуть королю свободу и его права. Развѣ это не справедливое дѣло и развѣ вы не должны бы присоединиться къ намъ для его осуществленія?

— Мы служимъ свободной Франціи.

— Скажите: Франціи партійной.

— Хорошій гражданинъ не знаетъ партій. Онъ повинуется только законамъ.

— Ну! вамъ придется измѣнить эту точку зрѣнія,—возразилъ герцогъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

— Никогда!

Герцогъ сдѣлалъ жестъ, означавшій нетерпѣніе. Маска учтивости слетѣла съ него. Лицо его приняло болѣе суровое выраженіе, губы сжались. Въ глазахъ мелькнуло раздраженіе. Онъ понялъ, что ему не сломить упорства прокурора-синдика, и напустился на президента Терно, который показался ему не столь твердымъ.

— Господинъ президентъ,—сказалъ онъ:—вы должны посовѣтовать вашему коллегѣ быть поуступчивѣе... даже въ интересахъ подчиненной вамъ мѣстности... Мы готовы обращаться съ вами, какъ съ друзьями, если вы присоединитесь къ намъ, чтобы вырвать вашего короля изъ рукъ его тюремщиковъ. Чего вы достигнете, если будете служить революціи? Ничего... Наоборотъ, если вы поможете возстановить вашего законнаго короля, то мы наградимъ васъ по заслугамъ.

— Не трудитесь продолжать, ваша свѣтлость,—мужественно перебилъ Терно:—я раздѣляю мнѣніе своего товарища.

— Мы никогда не будемъ измѣнниками!—гордо прибавилъ Божаръ.

— Я не настаиваю,—возразилъ герцогъ рѣзко:—вы упрямые якобинцы!.. Но берегитесь, господинъ Божаръ, вы можете жестоко поплатиться за ваше сопротивленіе!

— Мы не обманываемъ себя и не ждемъ ничего хорошаго отъ враговъ родины.

— Пусть такъ... Не хотите быть друзьями, тогда я буду говорить съ вами, какъ съ врагами. Полковникъ Гравертъ сообщитъ вамъ завтра требованія, которыя мы считаемъ нужнымъ предъявить вашему департаменту. Я надѣюсь, что вы не будете упрямиться и подпишете ихъ. Отказъ съ вашей стороны подвергнетъ вашихъ согражданъ всей строгости военной организаціи. Подумайте же. Утро вечера мудренѣе. До свиданія, господа, не задерживаю васъ болѣе.

Величавымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недовольнымъ жестомъ онъ отпустилъ ихъ. Оба члена совѣта печально прошли черезъ переднюю, переполненную нѣмецкими офицерами, которые смотрѣли на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и эмигрантами, которые бросали по ихъ адресу бранныя слова.

— Товарищъ,—сказалъ со вздохомъ Терно, когда они вышли на дворъ:—попали мы въ бѣду.

Божаръ поднялъ руку и показалъ на окна комнаты въ первомъ этажѣ, которую занималъ комендантъ Борепеpъ.

— Если наше положеніе станетъ слишкомъ плохо,—отвѣчалъ онъ, глядя ему прямо въ глаза,—всегда успѣемъ послѣдовать примѣру того, кто умеръ тамъ.

Они остановились въ гостиницѣ, но когда пробило пять часовъ, прокуроръ-синдикъ оставилъ своего товарища сидѣть въ креслѣ и направился прямо на улицу Бель-Вьержъ.

Какой-то мальчишка, игравшій около воротъ, показалъ ему домъ де-ла-Гериньеръ. Божаръ постучалъ желѣзнымъ молоткомъ. Старая служанка отперла дверь и ввела его въ первый этажъ, въ залу, въ которой отъ полуотворенныхъ ставней царилъ полумракъ. Мебель въ комнатѣ была очень простая—всего нѣсколько креселъ и

качалка, обитая зеленымъ бархатомъ. По стѣнамъ висѣли запыленные портреты. Божаръ, котораго била лихорадка, разсѣянно смотрѣлъ на эту старую мебель и въ волненіи ходилъ по полу, который блестѣлъ, какъ стекло.

Легкій шелестъ юбокъ въ сосѣдней комнатѣ заставилъ его вздрогнуть. Отворилась боковая дверь, и передъ нимъ предстала Гіацинта, все еще въ своемъ бѣломъ платьѣ, стянутая широкимъ зеленымъ поясомъ, къ пряжкѣ котораго была прикрѣплена пышная роза. Видя, что Божаръ блѣдный и сосредоточенный неподвижно стоитъ посреди комнаты, шаловливая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Я смутила васъ давеча,—сказала она:—но прошу васъ не сердиться на меня.

Обворожительная улыбка, какъ солнце, согрѣла душу Божара. Онъ опять почувствовалъ, что онъ весь въ ея власти. Онъ забылъ непріятность своего ложнаго положенія и печальное зрѣлище взятаго города и видѣлъ только эти прекрасные, свѣтившіеся въ темнотѣ глаза.

Гіацинта открыла окна, распахнула ставни и подошла къ Божару.

— Страшно рада васъ видѣть, — прошептала она, протягивая ему руки.

Онъ крѣпко пожалъ ихъ и продолжалъ молчать.

— Да, я рада,—повторила она:—я вамъ правду предсказала, что мы увидимся въ лучшіе дни.

Божаръ печально покачалъ головой.

— Вы называете это лучшими днями, когда Франція наводнена и подавлена иностранными войсками, когда я вижу васъ привѣтствующей главу этихъ войскъ.

— Васъ непріятно поразила эта встрѣча съ телѣгой. Я догадывалась объ этомъ. Вы забываете, что монархъ, котораго мы привѣтствовали, помогаетъ намъ возстановить тронъ нашего короля. Будьте, впрочемъ, увѣрены,—прибавила она смѣясь,—наше усердіе было награждено плохо. Фридрихъ-Вильгельмъ не пожелалъ даже принять насъ. Пропали даромъ всѣ наши цвѣты и сласти!

Онъ слушалъ ее, удивляясь ея неисправимому легкомыслію. Въ то же время, ослѣпленный ея блестящей красотой, онъ не имѣлъ мужества противорѣчить ей.

— Оставимъ это,—сказалъ онъ,—и поговоримъ лучше о васъ... Какъ поживаетъ ваша тетушка?

— Прекрасно. Наши успѣхи оживили ее. Она обѣдаетъ у одной своей пріятельницы, но также будетъ рада видѣть завтра васъ, если вы зайдете къ намъ.

Божаръ посмотрѣлъ на нее своими влюбленными глазами, какъ бы для того, чтобы запечатлѣть навсегда образъ боготворимой имъ молодой женщины.

— Завтра,—повторилъ онъ,—меня, вѣроятно, здѣсь не будетъ.

Гіацинта бросила на него разочарованный взглядъ.

— Только что пріѣхавъ, вы уже думаете уѣзжать отсюда. Это нехорошо. Я думала, что вы явились, чтобы уладить съ герцогомъ Брауншвейгскимъ дѣла вашего департамента?

— Я никогда не буду служить врагамъ моего отечества.

— Не врагамъ вы будете служить, а вашему королю,—горячо вскричала канонисса.—Прошу васъ, ради любви ко мнѣ, будьте благоразумны и не защищайте съ упорствомъ проиграннаго дѣла. Вы не хотите уступить очевидности! Вы, у котораго такой широкій взглядъ на вещи и такое благородное сердце, развѣ вы не видите, что Франція начинаетъ понимать, что ее обманули? Крѣпости сдаются, принцевъ вездѣ принимаютъ съ радостью. Меньше чѣмъ черезъ три недѣли наша побѣдоносная армія вступитъ въ Парижъ. Королевская власть будетъ возстановлена. Какъ вы можете обманывать себя относительно исхода этой траги-комедіи?

— Увы! Обманываютъ себя ваши друзья. Вы ходите, какъ во снѣ, отъ котораго васъ сразу разбудитъ ударъ грома. Франція ненавидитъ старый порядокъ и проклинаетъ иностранцевъ, которые помогаютъ вамъ возстановить его. Ваши эмигранты сначала были опьянены первыми успѣхами, которые уже не повторятся; солдаты французской свободы будутъ такъ же страшны, какъ и свободы американской. Въ этотъ самый часъ весь народъ идетъ на враговъ. Онъ сумѣетъ ихъ побѣдить, будьте увѣрены. А когда онъ побѣдитъ, онъ будетъ страшно мстить. Но, — воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что у Гіацинты готово сорваться рѣзкое возраженіе, — къ чему омрачать напрасными спорами короткій срокъ, когда мы можемъ возстановить былую дружбу...

Онъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ее за руки.

— Гіацинта, забудьте политику, какъ я забываю ее, и побесѣдуемъ, какъ друзья, которымъ посчастливилось свидѣться послѣ столькихъ бурь!.. Вообразимъ, что мы еще подъ вязами въ Фуръ-о-Муанѣ въ тотъ моментъ, когда вы приготовлялись эмигрировать. Я не думалъ васъ увидѣть и потому рѣшился тогда открыть вамъ сердце. Вы сами были въ нетерпѣніи, въ виду предстоявшей неизбѣжной разлуки, не хотѣли лишить меня на прощанье всякой надежды. Сегодня я прошу васъ быть столь же доброй. Вчера я думалъ, что потерялъ васъ навѣки. Въ ураганѣ, въ которомъ мы теперь живемъ, нельзя быть увѣреннымъ, что снова увидишься. Будьте снисходительны къ моему безразсудному чувству. Позвольте мнѣ насладиться очарованіемъ, которое окружаетъ васъ, и повторить вамъ, что я обожаю васъ!..

Эти нѣжныя слова въ устахъ такого суроваго и строгаго патріота тронули Гіацинту. Въ ея глазахъ блеснула нѣжность, и я грудь волновалась подъ бѣлой накидкой.

— Другъ мой,—прошептала она:—къ чему повторять мнѣ эти слова отчаянія? Къ чему сомнѣваться въ моей всегдашней привязанности къ вамъ. Если бы вы могли раздѣлять мою вѣру! Я больше вѣрю въ судьбу, чѣмъ вы, и надѣюсь, что въ одинъ прекрасный день, когда я буду вполнѣ располагать собою...

Онъ сталъ цѣловать ей руки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—не будемъ думать о вчерашнихъ невзгодахъ и о неизвѣстности будущаго. Будемъ вполнѣ наслаждаться настоящими минутами, ходъ которыхъ я хотѣлъ бы остановить навсегда!..

Въ глубинѣ этого холоднаго провинціальнаго салона образовался какъ бы оазисъ нѣжности и забвенія. Они не замѣчали ни бѣдности украшеній, ни холодной симметріи, съ которой была разставлена мебель. Они отдались убаюкивающей сладости первыхъ клятвъ и сладостнаго молчанія. Вокругъ нихъ сгущался мракъ раннихъ сумерекъ. Тишина уединенной улицы навѣвала на нихъ чувство покоя и безопасности. Божаръ забылъ уже о мрачномъ рѣшеніи, на которомъ онъ остановился, чтобы избавиться отъ исполненія требованій герцога Брауншвейгскаго. Его взгляды тонули въ глубокихъ зеленыхъ глазахъ Гіацинты. Свѣтлый лучъ этихъ магнетизирующихъ зрачковъ казался ему электрической цѣпью, которая привязываетъ его къ жизни. Онъ держалъ молодую женщину за руки и чувствовалъ, что ея пальцы отвѣчаютъ на его пожатіе...

Неожиданно раздавшійся на улицѣ шумъ нарушилъ это нѣжное свиданіе. Подъ окнами появилась кавалькада. Кто-то постучалъ въ дверь салона. Вошла служанка и сказала нѣсколько словъ на ухо Гіацинтѣ, которая быстро встала.

— Другъ мой,—сказала она:—я должна васъ покинуть. Внизу прусскій принцъ. Онъ желаетъ переговорить со мною о чемъ-то важномъ. Извините меня и заходите какъ-нибудь поскорѣе... Завтра, если хотите. Обѣщаете? Итакъ, до завтра!

Не владѣя болѣе собою, Божаръ былъ возмущенъ этой аристократкой, которая такъ капризно желаетъ распоряжаться его судьбой. Но улыбка канониссы опять вернула его къ подчиненію. Онъ чувствовалъ, что воля его слабѣетъ, и пробормоталъ:

— Да, да... до завтра.

На лѣстницѣ онъ столкнулся съ высокимъ человѣкомъ въ расшитомъ золотомъ мундирѣ. Бѣлокурый, съ голубыми задумчивыми глазами, этотъ нѣмецкій гость имѣлъ въ себѣ что-то вертеровское. Божаръ, проходя мимо, задѣлъ его локтемъ. Въ немъ шевельнулась ревность при мысли, что этотъ иностранецъ сейчас будетъ имѣть съ Гіацинтой интимный разговоръ. И снова ему стало казаться, что она никогда не будетъ принадлежать ему вполнѣ: ее слишкомъ затянула аристократическая среда, въ котор

она жила, слишкомъ она отдалась своимъ мечтамъ о возстановленіи монархіи. И, несмотря на все это, онъ долженъ былъ сознаться, что послѣ каждой встрѣчи онъ все сильнѣе и сильнѣе любитъ Гіацинту. Когда любовь захватываетъ насъ вполнѣ, то даже то, что намъ не нравится, образуетъ узы, которыя крѣпко связываютъ насъ. Несходство характера, разница политическихъ и религіозныхъ взглядовъ, уколы ревности, все это, вмѣсто того, чтобы отдалять насъ, только сильнѣе возбуждаетъ жгучее желаніе овладѣть.

Проклиная тѣхъ, кто заставилъ его разстаться съ Гіацинтой, Божаръ приходилъ въ лихорадочное возбужденіе при мысли, что онъ можетъ еще увидѣть ее завтра.

Тоскливо шелъ онъ по крутымъ улицамъ, которыя вели къ собору. Дойдя до верхняго города, онъ задумчиво сталъ ходить по откосу де-ла Рошъ, который тянется между домомъ епископа и цитаделью.

Солнце погрузилось уже въ темныя облака, грозившія на завтра ненастьемъ. Западный вѣтеръ шкваломъ налеталъ на несчастнаго Божара, отчего лихорадка его усилилась.

Проходя вдоль стѣнъ, онъ увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ за рѣшеткой виднѣлся внутренній дворикъ, какую-то тѣнь, которая его окликнула. Подойдя ближе, онъ узналъ своего товарища по учредительному собранію, варенскаго мэра Жоржа, котораго пруссаки арестовали по доносу эмигрантовъ.

— Это вы, Жоржъ,—воскликнулъ онъ съ горечью.—Бѣдный другъ, при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ мы встрѣчаемся!

— Ну,—отвѣчалъ бодро старый республиканецъ,—вѣтеръ можетъ еще перемѣниться, и тогда будетъ на нашей улицѣ праздникъ. Они разграбили мой домъ въ Варенѣ и приволокли меня сюда, какъ преступника... Но я исполнилъ только свой долгъ, и совѣсть моя спокойна. А вы какимъ образомъ въ Верденѣ?

Божаръ разсказалъ ему о полученномъ приказаніи.

— Дѣло ваше плохо, — покачалъ своей сѣдой головой бывшій депутатъ:—но держитесь стойко и не уступайте... Въ этомъ мірѣ есть, знаете, только два сорта людей: хорошіе и дрянные. Нужно быть въ числѣ первыхъ и вмѣнить себѣ въ обязанность противиться послѣднимъ. Наши враги, если имъ угодно, могутъ меня казнить. Я ничего не жду отъ нихъ хорошаго, но и они ничего не добьются отъ меня. Да здравствуетъ нація!

V.

Круа-о-Буа.

Когда принцъ прусскій появился на порогѣ салона де-ла Геріньеръ, Гіацинта встрѣтила его церемонно и почтительно. Тотъ, въ свою очередь поклонившись, расшаркался передъ нею и по-

цѣловалъ ей руку. Усѣвшись затѣмъ въ кресло, онъ съ улыбкой попросилъ сѣсть и ее. Онъ старался придать себѣ беззаботный видъ, но, несмотря на всѣ усилія, на его бѣломъ лбу лежала складка озабоченности. Гіацинта замѣтила это плохо скрываемое безпокойство.

— Съ вашимъ высочествомъ, повидимому, произошла непріятность,—сказала она вопросительнымъ тономъ.

— Совершенно вѣрно. Я только что былъ на военномъ совѣтѣ. Высказанныя тамъ мнѣнія заставляютъ опасаться, что мы пустились въ предпріятіе, которое не принесетъ намъ ни славы, ни выгодъ.

— О, ваше высочество, какъ можете вы поддаваться подобнымъ страхамъ послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзными войсками? Лонгви и Верденъ уже сдались. Развѣ не идетъ все по нашему желанію?

— Нѣтъ, мы натыкаемся на неожиданныя препятствія. Ваши эмигранты увѣряли насъ, что дѣло гораздо легче. Они утверждали, что населеніе приметъ насъ съ распростертыми объятіями. Если вѣрить имъ, то горожане и крестьяне только и дожидались появленія нашихъ войскъ, чтобы открыто заявить о своихъ монархическихъ чувствахъ. Коменданты крѣпостей должны были отворить передъ нами ворота, войска повернуть фронтъ и перейти подъ наши знамена. Все это оказалось вздоромъ, мыльными пузырями, мечтаніями несвѣдущихъ и легковѣрныхъ людей! Съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли границу, ни одно изъ этихъ прекрасныхъ предсказаній не оправдалось. Крестьяне стрѣляютъ по намъ или убѣгаютъ въ лѣса, горожане относятся къ старому порядку съ ненавистью. Ни одинъ полкъ не перешелъ на нашу сторону. А здѣшній комендантъ Бореперъ пустилъ себѣ двѣ пули въ лобъ, чтобы не подписывать условій капитуляціи. Прибавьте еще, что съ тѣхъ поръ, какъ мы во Франціи, дождь льетъ, какъ изъ ведра. Наши солдаты отъ постояннаго пребыванія въ грязи болѣютъ. Дороги становятся непроходимыми... Согласитесь, что есть отъ чего безпокоиться!

— Возможно ли?—пробормотала въ страхѣ канонисса:—неужели король, вашъ отецъ, отличающійся такимъ благороднымъ сердцемъ, остановится на полдорогѣ и откажется итти на Парижъ?

— Мой отецъ хочетъ только одного: возстановить Людовика XVI на престолѣ. Но главнокомандующій, герцогъ Брауншвейгскій, болѣе осмотрителенъ. Онъ полагаетъ, что прежде, чѣмъ углубляться въ страну, мы должны закрѣпить за собою восточныя ея провинціи, перезимовать на правомъ берегу Мааса, дождаться весны и тогда уже сокрушить Парижъ!

— А въ это время, — съ жаромъ возразила Гіацинта, — якобинцы убьютъ короля и все королевское семейство. Я не обладаю

военнымъ образованіемъ и не могу оспаривать плановъ герцога Брауншвейгскаго, но инстинктъ и сердце подсказываютъ мнѣ, что для спасенія монархіи необходимо нанести быстрый и сильный ударъ. Съ каждымъ упущеннымъ днемъ опасность возрастаетъ. Вмѣсто того, чтобы терять въ пререканіяхъ драгоцѣнное время, слѣдовало бы дать сраженіе войскамъ революціонеровъ и одной изъ тѣхъ блестящихъ побѣдъ, которыя сразу мѣняютъ положеніе вещей, нагнать страху на якобинцевъ...

— Мадамъ,—галантно возразилъ принцъ:—вы достойная соотечественница Жанны д'Аркъ и можно справедливо сказать, что въ вашихъ жилахъ течетъ кровь Маріи Стюартъ. Вы обладаете горячей вѣрой первой и,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—неотразимой прелестью второй... Будьте покойны!.. Мнѣніе главнокомандующаго не одержало верха, и мы идемъ на Парижъ. Но что меня озабочиваетъ, это то, что въ Шампань мы направимся черезъ Арденскій лѣсъ. Вы знаете, что генералъ Дюмурье занимаетъ всѣ проходы до Излеттъ. Придется брать одинъ изъ нихъ и углубиться въ лѣса. Это будетъ большая игра, и есть опасность потерять все... Ахъ! если бы только узнать слабое мѣсто этой стѣны лѣса, которая стоитъ между нами и непріятелемъ!

— Принцъ, — сказала канонисса, глаза которой засверкали: — вѣрите ли вы мнѣ?

— Я вполнѣ вѣрю въ вашу дружбу и въ ваше желаніе быть намъ полезной.

Гіацинта покраснѣла. Мягкіе упреки Божара звучали еще въ ея ушахъ. Ей казалось, что строгій взглядъ депутата, который только что былъ здѣсь, съ горечью устремился на нее. Она почувствовала себя оскорбленной въ національной гордости неловкимъ отвѣтомъ пруссака и сухо отвѣтила:

— Я служу только своему королю и стараюсь быть полезной только тѣмъ, кто помогаетъ намъ его спасти... Только любовь къ нему и къ Франціи заставляетъ меня говорить такъ, какъ я это дѣлаю. Выслушайте же меня. Я провела часть своего дѣтства въ Аргонѣ. У меня есть вѣрные друзья среди дворянъ-стеклозаводчиковъ, которые живутъ тамъ уже три вѣка. Родившись среди этихъ лѣсовъ, они знаютъ въ нихъ самыя незамѣтныя тропинки. Одинъ изъ нихъ, который приходится мнѣ сродни и преданъ мнѣ безконечно, живетъ какъ разъ напротивъ. Онъ можетъ дать вашему высочеству драгоцѣнныя свѣдѣнія... Вы позволите мнѣ оставаться при вашемъ разговорѣ?

— Пожалуйста.

Канонисса вышла. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась въ сопровожденіи Іереміи Данлупа.

Стеклозаводчикъ хмуро и недовѣрчиво оглядывалъ прусскаго офицера, а его взъерошенная, лохматая собака обнюхивала ари-

стократическую ливретку принца, съ лоснящейся шерстью и въ серебряномъ ошейникѣ. Съ своей стороны, принцъ съ любопытствомъ осматривалъ этого страннаго, оборваннаго дворянина, покрытаго рубцами. На своихъ высокихъ ногахъ, затянутыхъ въ гетры, Данлупъ едва сохранялъ равновѣсіе на натертомъ полу: его башмаки съ подковами такъ и скользили.

— Его высочество, принцъ прусскій,—сказала Гіацинта Іереміи.—Мой родственникъ, Іеремія Данлупъ,—прибавила она, представляя его.

Стеклозаводчикъ неловко поклонился, потомъ бросилъ на канониссу безпокойный взглядъ, какъ бы требуя разъясненія.

— Іеремія,—начала Гіацинта,—вы преданы дѣлу короля. Желаете ли вы, какъ и мы всѣ, видѣть его опять на тронѣ? Войска его величества, короля Фридриха-Вильгельма, идутъ разгромить революціонную армію и освободить королевскую семью. Его высочество желалъ бы теперь воспользоваться вашимъ усердіемъ и опытностью, и я поручилась передъ нимъ, что на васъ можно разсчитывать.

Іеремія въ знакъ согласія наклонилъ голову.

— Вы хорошо знаете Аргонскій лѣсъ?—спросилъ принцъ.

— Какъ свой собственный карманъ, — фамильярно отвѣчалъ Іеремія.

— Всѣ проходы заняты?

— Всѣ.

— Какой изъ этихъ проходовъ, по вашему мнѣнію, можно было бы атаковать безъ особенной потери людей?

— Гмъ! О дорогѣ въ Излеттъ нечего и думать. Она защищена пушками и многочисленными войсками. Въ Гранпре находится Дюмурье съ главными силами. Шень-Попюле занятъ тремя тысячами. Но между Шень-Попюле и Гранпре есть узкій проходъ, такъ называемый Круа-о-Буа. Мой другъ Эли Курувръ, который хитеръ, какъ кошка, пробрался туда черезъ Брикенейскій лѣсъ. Бродя вокругъ ущелья, онъ замѣтилъ, что этотъ проходъ охраняется всего какою-нибудь сотнею добровольцевъ. Эти канальи увѣрены, что они въ полной безопасности, такъ что выставили всего одну пушку. Они воображаютъ, что засѣки сами по себѣ представляютъ достаточную защиту. Но если потихоньку пробраться черезъ Брикенейскій лѣсокъ, то можно было бы поймать въ сѣть всѣхъ этихъ якобинцевъ и меньше чѣмъ черезъ часъ проходъ былъ бы расчищенъ.

Принцъ слушалъ Іеремію внимательно. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ поднялъ голову.

— Можете ли вы показать дорогу нашимъ войскамъ, если бы мы рѣшились нанести ударъ съ этой стороны?

Іеремія бросилъ на канониссу вопросительный взглядъ.

— Іеремія,—отвѣчала та рѣшительно,—будетъ къ вашимъ услугамъ.

— Прекрасно, благодарю васъ,—сказалъ принцъ.—Будьте къ этому готовы. Черезъ нѣсколько дней васъ увѣдомятъ о рѣшеніи, которое будетъ принято. Какъ бы тамъ ни было, я разсчитываю на вашу преданность, господа.

— Можете быть покойны,—гордо отвѣчалъ стеклозаводчикъ.—Когда Данлупъ даетъ слово, то это все равно, какъ если бы онъ отдалъ свою голову.

Принцъ улыбнулся, снова расшаркался, стукнулъ каблуками и простился съ канониссой, поцѣловавъ ей руку.

Черезъ четыре дня Іереміи было предложено присоединиться къ главнымъ силамъ прусской арміи, выступившимъ изъ Регре четырьмя колоннами. Погода, которая одно время обѣщала улучшиться, снова испортилась. Утромъ, въ день выступленія, шелъ мелкій дождь, пронизывавшій до костей солдатъ, которые вязли въ глинистой почвѣ.

На соединеніи дорогъ Глоріе и Регре Данлупъ, ѣхавшій въ сопровожденіи Курувра и еще нѣсколькихъ другихъ эмигрантовъ, увидѣлъ короля прусскаго, который выѣхалъ изъ своей главной квартиры въ сопровожденіи огромнаго штаба и графовъ Прованскаго и Артуа. Чтобы ободрить свои войска, Фридрихъ-Вильгельмъ, несмотря на проливной дождь, лихо гарцовалъ въ парадномъ мундирѣ и безъ плаща. Не рѣшаясь показать себя изнѣженнымъ въ сравненіи съ прусскимъ королемъ, графъ Прованскій и его братъ также ѣхали въ однихъ мундирахъ, согнувъ спину и втянувъ голову въ плечи. Графъ Артуа старался придать себѣ бодрый видъ, но будущій Людовикъ XVIII, котораго мучила уже подагра, не очень-то жаловалъ такой способъ путешествія и казался сильно не въ духѣ.

Эмигранты, находившіеся при выступленіи, глухо роптали при видѣ столь легко одѣтыхъ принцевъ.

— У меня сердце надрывается,—бормоталъ капитанъ д'Эспондейланъ:—суровость прусскаго короля просто возмутительна. Какъ ни мало у меня денегъ, но я все отдалъ бы за то, чтобы принцы, отъ которыхъ зависитъ спасеніе Франціи, ѣхали въ хорошей каретѣ.

— Капитанъ, — сурово возразилъ Данлупъ, дуя на свои пальцы,—у ихъ высочествъ не больше поводовъ жаловаться, чѣмъ у этихъ бѣднягъ, которые шлепаютъ по грязи, ожидая, что вотъ-вотъ имъ переломаютъ кости. На войнѣ, какъ на кладбищѣ, всѣ равны, короли и нищіе...

Къ вечеру всѣ вымокшіе прибыли въ Малонкуръ. При видѣ домовъ солдаты, умиравшіе отъ голода и холода, испускали радостные крики, но ихъ радость была непродолжительна. Деревня

была пуста. Ни одного хлѣба въ шкапу, ни одной коровы въ стойлѣ. Житницы и погреба были пусты. Люди впали въ ярость. Чтобы отомстить за свою неудачу, они разложили огромные костры и бросали въ нихъ мебель и двери домовъ. Многіе на другой день проснулись съ пустыми желудками и снова двинулись въ походъ подъ не прекращавшимся ливнемъ.

Армія шла по возвышенностямъ, которыя тянутся между долиною Эра и долиной Мааса. Иногда дорога шла вдоль виноградниковъ и тогда, несмотря на запрещеніе офицеровъ, цѣлыя роты скрывались среди мокрыхъ лозъ и старались обмануть свой голодъ, пожирая еще сырой виноградъ.

Когда въ сумеркахъ достигли наконецъ деревни Ландръ, гдѣ назначенъ былъ привалъ, войска были совершенно истощены. Въ большей части полковъ люди страдали дезинтеріей, которая производила среди союзниковъ большія опустошенія, чѣмъ пули. Къ довершенію несчастья, проводники сбились съ пути, и сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Пока Данлупъ и Курувръ старались отыскать себѣ уголокъ, гдѣ бы обсушиться, изъ штаба имъ прислали приказъ снова сѣсть на лошадей и присоединиться къ отряду гусаръ, который въ ту же ночь долженъ былъ выступить въ Бюзанси, гдѣ австрійскій генералъ Клерфе стоялъ лагеремъ въ разстояніи одного лье отъ Круа-о-Буа.

Часа черезъ два показались огни города, и Іеремія, не сбиваясь съ дороги, достигъ стоявшаго уединеннаго дома, гдѣ помѣщалась главная квартира Клерфе.

Когда поздно ночью вернулся онъ въ сарай, гдѣ помѣстился Клерфе, его товарищъ уже храпѣлъ на кучѣ соломы.

— Вставай, товарищъ,—сказалъ Іеремія.—Вотъ хлѣбъ и бутылка вина. Поѣдимъ, чтобы собраться съ силами. Завтра чуть свѣтъ двигаемся дальше.

И дѣйствительно, въ четыре часа, двигаясь ощупью въ темнотѣ, которая еще болѣе усилилась отъ густого тумана, Данлупъ и Курувръ присоединились на площади къ двумъ отрядамъ гусаръ и стрѣлковъ, которымъ они должны были показывать дорогу къ проходу Круа-о-Буа. Пошли прямо полемъ. Сырая глина заглушала шаги солдатъ и лошадей, черная масса двухъ отрядовъ таинственно погружалась въ мракъ ночи. Молчаніе нарушалось только ругательствами стрѣлковъ, падавшихъ въ скользкой грязи. Когда отрядъ подошелъ къ деревнѣ Брикеней, стало разсвѣтать. Не входя въ деревню, отряды раздѣлились: гусары, которыхъ велъ Курувръ, должны были итти на Бу-о-Буа, а стрѣлки съ Іереміей направились къ Брикенейскому лѣсу.

— Курувръ,—посовѣтовалъ Іеремія товарищу:—веди гусаръ до дороги въ Вузье и, когда услышишь стрѣльбу, скажи капитану, чтобы онъ приказалъ людямъ броситься въ проходъ...

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

ІЮНЬ, 1908 Г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

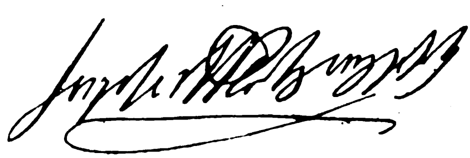
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

ІЮНЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1908 г.

(См. слѣд. стран.).



АРМЯНСКІЙ ПАТРІАРХЪ МКРТИЧЪ I.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1].

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Напутствіе.

ПАВЕЛЪ Корнильевичъ Радожицкій готовился отбыть изъ генералъ-фельдмаршальской квартиры подъ Яссами для слѣдованія нарочнымъ за границу, на Венецію и Парижъ. Осѣдланные и завьюченные кони нетерпѣливо били копытами у палатки; въ расходившіяся ея полотнища заглядывало длинное, желтое лицо вѣрнаго слуги Митрофана; болѣе, чѣмъ когда-либо, на немъ выражено было крайнее неодобреніе дѣйствій молодого господина. Вечерѣло. Обширная, пустая степь кругомъ затуманилась. Небо было пасмурно. Дулъ холодный, непріятный вѣтеръ.

Павелъ Корнильевичъ сидѣлъ, склонившись надъ ящикомъ, опрокинутымъ вверхъ дномъ и служившимъ ему столомъ. При свѣтѣ огарка сальной свѣчки писалъ онъ письма. Два были окончены и запечатаны гербомъ фамильнаго перстня: одно къ родителямъ, извѣщавшее объ отъѣздѣ за границу съ порученіями свѣтлѣйшаго, и другое, благодарственное, ста-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 401.

рому графу Мелину. Но третье письмо не давалось, хотя уже немало бумаги перевелъ Павелъ Корнильевичъ и переломалъ гусиныхъ перьевъ въ тоскѣ и волненіи. То было письмо къ графинѣ Аннѣ.

Выйдя изъ шатра прекрасной гречанки, молодой человѣкъ сначала видѣлъ одну ее въ мірѣ. Всѣ чувства и воображеніе были упоены ею. Казалось ему, что весь воздухъ наполненъ золотымъ сіяніемъ и въ немъ неотступно предъ нимъ парилъ манящій призракъ прелестной. Остальную часть дня онъ провелъ въ безчисленныхъ хлопотахъ. Онъ получалъ всевозможныя порученія парижскихъ покупокъ отъ дамъ. Товарищи заходили съ нимъ прощаться. Правитель дѣлъ свѣтлѣйшаго генералъ Поповъ нѣсколько разъ призывалъ его. Наконецъ, къ вечеру, передъ самымъ отъѣздомъ онъ уединился въ своей палаткѣ, и тутъ, когда подумалъ о необходимости написать домой, ему впервые представилась вся глубина перемѣны судьбы его за эти два дня, протекшіе съ роковой встрѣчи на Днѣстрѣ. Да, бездна уже отдѣляла его отъ столь недавняго прошлаго, и отъ первой любви его, казалось ему, не осталось и слѣда... Или, лучше сказать, остались однѣ тягостныя цѣпи обязательства, остались угрызенія совѣсти за нарушенную клятву. Онъ вынулъ портретъ графини Анны, и долго смотрѣлъ на поблекшія для чувствъ черты дѣвушки, терзаемый жгучимъ раскаяніемъ, но уже неспособный побороть тяготѣвшія надъ нимъ чары. Тутъ нравственный голосъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ немедленно написалъ всю правду графинѣ Аннѣ. Онъ этому голосу повиновался. Но слово ему не повиновалось. Чувствовалъ онъ, что письмо выходитъ то слишкомъ сухо, рѣзко, то слащаво и слезливо, то откровенно до грубости, то полно притворнаго сожалѣнія и лживыхъ увѣреній.

Наконецъ онъ бросилъ перо и, снявъ съ шеи миніатюръ, завернулъ его въ листокъ чистой бумаги, вложилъ въ толстый конвертъ, осторожно запечаталъ и, написавъ на немъ дрожащей рукой имя графини Анны, съ отчаяніемъ въ душѣ отдалъ Митрофану вмѣстѣ съ двумя другими письмами для отсылки съ курьеромъ. Такое чувство въ немъ было, словно онъ выкопалъ своими руками могилу прошлому, всему святому и чистому въ немъ, своимъ юношескимъ свѣтлымъ чувствамъ, своему счастью... Вдругъ въ палатку вошелъ генералъ-майоръ Мелиссино.

— Итакъ, молодой человѣкъ, вы ѣдете?—спросилъ онъ, садясь на голыя доски покидаемаго молодымъ адъютантомъ походнаго одра и сочувственно вглядываясь въ взволнованное лицо Павла Корнильевича.

— Точно такъ, генералъ,—отвѣчалъ онъ:—ѣду и даже сію минуту, какъ вы могли усмотрѣть по осѣдланнымъ конямъ.

— Да! да! вашъ Митрофанъ держитъ ихъ наготовѣ. Вотъ честный, вѣрный человѣкъ у васъ. Но, кажется, онъ недоволенъ

назначеніемъ вашимъ, если судить по унылымъ его взорамъ?— улыбаясь, говорилъ Мелиссино.

— Настолько недоволенъ, что даже совѣтовалъ мнѣ уклониться. Онъ освѣдомленъ о парижскомъ бунтѣ и опасается быть ограбленнымъ въ этой столицѣ міра!

— Должно признать, что опасенія вашего Митрофана весьма разумны,—серьезно сказалъ Мелиссино.—Хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что должно вамъ уклониться отъ порученія свѣтлѣйшаго и нашихъ прелестныхъ дамъ. Извѣстенъ также я, что такого рода служба не входила въ расчеты вашихъ благородныхъ намѣреній, молодой человѣкъ!

— Вы правы, генералъ, служба эта не по мнѣ и далека отъ истинныхъ моихъ желаній сражаться противъ враговъ отечества и проходить поприще чести подъ командой боевыхъ командировъ. Желаніе свѣтлѣйшаго въ ту самую минуту отбросило меня отъ цѣли моихъ стремленій, когда я былъ передъ нею. Я покоряюсь.

— Да! да! да! Все это мнѣ извѣстно. Но...—Мелиссино опасливо оглянулся,—но я пришелъ напутствовать васъ, ибо миссія ваша, по видимости незначительная и смѣхотворная, есть весьма трудная и опасная миссія. Однако, чистое ваше сердце и здравый умъ будутъ руководствовать вами въ томъ лабиринтѣ, въ коемъ отнынѣ блуждать имѣете. Каковъ маршрутъ вашъ?

— Я сначала черезъ Венгрію отправляюсь въ Венецію, по особливому порученію графини Витте, и затѣмъ уже въ Парижъ.

— А, васъ она посылаетъ въ Венецію,—воскликнулъ Мелиссино.—Но и въ Венеціи вы найдете друзей, какъ и всюду. Знайте, что о васъ уже послано предвареніе, и вы всюду будете находить людей, готовыхъ оказать всякую вамъ помощь. А для того, чтобы удостовѣрить ихъ въ личности своей, передаю я вамъ это кольцо.

И Мелиссино вынулъ кольцо, продѣтое въ широкую фіолетовую ленту. Странные знаки и фигуры были вышиты серебромъ на лентѣ. Кольцо тоже имѣло черненое изображеніе сфинкса въ пламенѣющемъ треугольникѣ, а съ внутренней стороны загадочные иниціалы и цифры.

— Это кольцо носите на лентѣ на шеѣ и тщательно утаивайте отъ взглядовъ стороннихъ. Когда же спросятъ васъ о немъ такъ: «имѣете ли пламенѣющій треугольникъ сфинкса?» тому показуйте безъ всякаго сумлѣванія. То вашъ другъ. Что бы вы у него ни спросили, онъ во всемъ васъ удовлетворитъ. Но ежели будете въ крайней опасности, то разрѣшается вамъ самому объявить о кольцѣ, и тогда, что бы вамъ ни угрожало,—васъ минуетъ. Ибо нѣтъ власти, которая предъ высшей властью, эту реликвію вамъ вручившей, не склонилась бы!.. А теперь прощайте, дорогой юноша! Отправляйтесь въ путь спокойно. Въ грядущемъ предназначеніе прекраснѣйшее васъ ожидаетъ!

LI.

Загадочное порученіе.

Путешествіе Павла Корнильевича до Венеціи было совершено благополучно и пришлось на время сбора винограда, когда населеніе всюду выказывало наибольшее благодушіе и сообщительность довольства. Однако, на областяхъ, подвластныхъ императору Іосифу, сказывалась столь же для него несчастная, насколько была счастливой для россійской императрицы, борьба съ турками. Въ Венгріи открыто повсюду въ мѣстахъ остановки путниковъ за кружкой вина или пива громко выражалось недовольство императоромъ, опустошавшимъ Венгрію военными поборами, посягнувшимъ на ея старыя вольности и отнявшимъ у населенія всякую свободу системой правительственной регламентаціи всѣхъ проявленій жизни. Къ русскимъ, однако, не замѣчалось никакой враждебности, и Павелъ Корнильевичъ всюду добродушно бесѣдовалъ на употребительной въ Венгріи своеобразной латыни. Красивый, стройный, молодой русскій военный привлекалъ благосклонные взоры женщинъ и дѣвушекъ... Въ Италіи царилъ невозмутимый миръ, и никто бы не предузналъ, что черезъ немного лѣтъ вся страна покроется французскими легіонами, и закипитъ борьба и смута. Наконецъ увидѣлъ Павелъ Корнильевичъ и развѣнчанную владычицу морей, прекрасную Венецію. Съ глубокимъ волненіемъ пересѣлъ онъ съ судна (онъ прибылъ водою по Брентѣ) въ остроносую черную гондолу, въ то время какъ сумрачный Митрофанъ вмѣстѣ съ пожитками скрылся во внутренности другой. Гондолы потерялись затѣмъ въ сѣти узкихъ каналовъ между высочайшими фасадами каменныхъ древнихъ зданій, залитыхъ сіяніемъ безоблачнаго утра, тысячами играющихъ бликовъ отраженнаго въ водахъ, служащихъ здѣсь улицами и переулками.

Но истинный восторгъ наполнилъ грудь молодого русскаго, когда гондола вдругъ изъ-подъ узкаго, дугообразнаго моста вышла на широкое водное зеркало, именуемое площадью св. Марка, и жаднымъ взорамъ представилась великолѣпная панорама полукружіемъ обступившихъ площадь дворцовъ и храмовъ. Неподалеку находилась извѣстная гостиница подъ вывѣской «Королева Англіи». Тамъ Павелъ Корнильевичъ и занялъ высоко подъ крышей просторный покой, гдѣ удивила его кровать подъ балдахиномъ, вѣроятно, еще средневѣковой постройки, каминъ съ аллегорическими фигурами, глубина оконныхъ амбразуръ и хитрые узоры и эмблемы на потолкѣ и на полу. Стѣны обтянуты были старинными штофными обоями.

Едва устроившись на новомъ мѣстѣ, Павелъ Корнильевичъ сейчасъ же поспѣшилъ выполнить данное ему порученіе и отыскать

человѣка, которому предстояло передать треугольное письмецо графини Софіи и получить нѣчто, ей потребное. Слуга гостиничный подавалъ ему скромный обѣдъ. Но едва Павелъ Корнильевичъ назвалъ улицу, домъ и имя человѣка, къ которому имѣлъ порученіе, крайнее изумленіе и даже ужасъ изобразились на лицѣ слуги, и онъ сталъ подозрительно посматривать на русскаго путешественника и желтолицаго, печальнаго его сопутника. Пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, слуга исчезъ и черезъ четверть часа возвратился съ хозяиномъ, коротенькимъ и толстенькимъ итальянцемъ. Вѣжливо выслушавъ отъ Радожицкаго имя и адресъ нужнаго послѣднему въ Венеціи грека, съ видомъ судьи, желающаго собственными ушами изъ устъ обвиняемаго услышать признаніе, полученное слѣдователемъ, онъ затѣмъ сказалъ, что «синьоръ руссо можетъ нанять гондольера, которые знаютъ всѣхъ въ Венеціи, самъ же онъ не слыхалъ о такомъ лицѣ». Вслѣдъ за тѣмъ онъ удалился, окинувъ постояльцевъ своихъ пронзительнымъ взглядомъ.

— Что за дьяволъ!—подумалъ Павелъ Корнильевичъ.—Кажется, лицо, которому я долженъ передать письмо графини, не пользуется хорошей репутаціей въ Венеціи...

Пообѣдавъ, Павелъ Корнильевичъ однако почувствовалъ себя слишкомъ утомленнымъ послѣ дороги, чтобы сейчасъ же пуститься въ розыски. Онъ прилегъ на средневѣковое ложе и крѣпко заснулъ. Уже смеркалось, когда молодой человѣкъ проснулся. Приказавъ Митрофану ожидать его возвращенія, Павелъ Корнильевичъ вышелъ изъ «Королевы Англіи» и, добравшись до ближайшей стоянкѣ гондолъ, сталъ объяснять одному изъ гондольеровъ, куда ему нужно. Дѣйствіе имени и адреса было то же, что и на хозяина гостиницы. Гондольеръ сверкнулъ глазами, и странная улыбка скользнула по его устамъ.

— Вы знаете лицо, которое я вамъ назвалъ?—спросилъ Радожицкій не безъ досады, припоминая уроки итальянскаго языка, вынесенные имъ изъ шкловскаго благороднаго училища генералъ-майора Зорича.

— Конечно, знаю,—отвѣчалъ гондольеръ:—но лучше бы синьору для такого посѣщенія дождаться ночи и темноты.

— Что вы хотите этимъ сказать?—удивился Павелъ Корнильевичъ.

Гондольеръ пожалъ плечами и не отвѣчалъ ни слова. Павелъ Корнильевичъ не почелъ нужнымъ его далѣе разспрашивать. Онъ подумалъ, что кто бы ни былъ тотъ, кому привезъ онъ письмо гречанки, дѣло его только исполнить порученіе. Поэтому онъ вскочилъ въ гондолу и приказалъ везти себя немедленно.

Была ли въ самомъ дѣлѣ длинна дорога, или гондольеръ блуждалъ въ лабиринтѣ узкихъ каналовъ съ намѣреніемъ, пользуясь

невѣдѣніемъ мѣстности иностранца, но только уже ночь сошла на прекрасный городъ, а гондола все неслышно скользила, держась тѣневой стороны каналовъ. Она остановилась наконецъ у пристани дома, на узкомъ фасадѣ котораго замѣчались только окошки подъ самымъ карнизомъ крыши, такъ что онъ напоминалъ скорѣе крѣпостную башню. Небольшая дверь чернѣла внизу. Выйдя, Павелъ Корнильевичъ замѣтилъ молотокъ, висѣвшій на цѣпи, и ударилъ имъ въ гулкую поверхность дубовой, окованной желѣзными украшеніями двери. Она, однако, не отворялась. Прошло нѣкоторое время. Дверь не отворялась. Радожицкій опять ударилъ въ нее молоткомъ, но грохотъ разнесся такъ звучно, отражаясь между стѣнами, что Радожицкому стало не по себѣ. Но вдругъ послышался скрипъ отодвигаемыхъ засововъ и звонъ открываемыхъ замковъ. Дверь распахнулась, и нѣкто, весьма небольшого роста, поднялъ къ лицу его горящій фонарь. Ослѣпленный послѣ ночного сумрака блескомъ огня, Радожицкій не сразу разсмотрѣлъ стоявшее передъ нимъ существо. Но когда зрѣніе ему возвратилось, увидѣлъ онъ туловище съ горбами спереди и сзади, дряблое, толстое и злое лицо подъ обильнымъ парикомъ съ локонами изъ сырцоваго шелка, кривыя ноги въ чулкахъ и башмакахъ, ручку пистолета, заткнутаго за камзолъ. Освѣщая фонаремъ лицо гостя, въ другомъ, не по росту объемистомъ кулакѣ уродливый придверникъ держалъ, поднявъ на манеръ кистеня, связку огромныхъ ключей, однимъ ударомъ которыхъ легко было проломить человѣческій черепъ. Такой пріемъ нѣсколько удивилъ Радожицкаго, хотя онъ уже освоился съ необыкновенностью приключеній своей новой службы.

— Вы одни, кавалеръ?—спросилъ придверникъ высокимъ фальцетомъ кастрата.

— Одинъ,—отвѣчалъ Радожицкій.

Придверникъ, вытянувъ шею, насколько позволяли горбы, заглянулъ на улицу и удостовѣрился, что набережная передъ домомъ совершенно пустынна.

— Что же вамъ угодно?—спросилъ придверникъ.

— Я привезъ письмо изъ Россіи къ аспиду въ чашѣ,—сказалъ Радожицкій условный пароль, которому научила его графиня Софія.

— Изъ Россіи? Войдите! Пожалуйте!—низко кланяясь, вскричалъ горбунъ. И, отступивъ, указалъ ключами на крутую каменную лѣстницу, этимъ жестомъ предлагая гостю карабкаться по ея неудобнѣйшимъ истертымъ и выщебленнымъ ступенямъ, самъ же, повѣсивъ фонарь на гвоздь, торчавшій изъ стѣны подъ огромнымъ пятномъ копоти, очевидно, скопленной годами на привычномъ мѣстѣ свода, захлопнулъ толстѣйшую входную дверь и принялся задвигать задвижки и запирать замки. Потомъ еще выдви-

нулъ и заперъ рѣшетку изъ желѣзныхъ прутьевъ. Такъ прочно заградивъ входъ, венеціанскій горбунъ опять снялъ фонарь, а на гвоздь повѣсилъ ключи и сталъ подниматься за Радожицкимъ, освѣщая сводъ и ступени лѣстницы.

Странныя, уродливыя, фантастическія тѣни падали отъ обоихъ, изламываясь и растягиваясь. Восхожденіе было долгое и трудное. Наконецъ достигли они площадки. Дверь съ начертанными на ней іероглифами и пентаграммами выходила на нее. За дверью слышались глухой шумъ, гулъ и шипѣнье.

— Подождите здѣсь, — сказалъ горбунъ. — Я доложу о васъ доктору,—онъ исчезъ за дверью, поставивъ на полъ фонарь.

— Войдите,—отворяя дверь черезъ минуту, сказалъ онъ.

LII.

Венеціанскій алхимикъ.

Радожицкій вступилъ въ покой и съ изумленіемъ оглядѣлся. То была комната со сводомъ, сведеннымъ къ центру потолка. Узкія окна въ глубокихъ амбразурахъ съ покатыми внутрь подоконниками ничѣмъ занавѣшены не были, и яркій лунный свѣтъ лился въ покой, странно смѣшиваясь съ красноватымъ отблескомъ огня, горѣвшаго подъ огромнымъ колпакомъ печи, напоминавшей не то каминъ, не то горнъ кузницы. Въ самомъ дѣлѣ, къ нему былъ приспособленъ мѣхъ, который дѣйствовалъ самъ собой, помощью хитраго часового механизма съ большимъ, щелкавшимъ маятникомъ. Вой и происходилъ отъ поддуванія мѣха. Пламя охватывало большой, раскаленный тигель, въ которомъ что-то, шипя, плавилось. Стѣны комнаты, голыя, штукатуренныя, были изрисованы іероглифами, чертежами, кругами и цифрами, покрыты еврейскими, арабскими и греческими письменами. На тяжелыхъ столахъ громоздились фоліанты въ пергаментныхъ переплетахъ, свитки, разные инструменты, колбы, склянки, банки. Множество диковинныхъ приборовъ и груды книгъ навалены были по угламъ и у стѣнъ, все это покрывала пыль, паутина и, видимо, никогда рука слуги не перебирала и не приводила въ порядокъ наполнявшихъ комнату вещей.

На табуретѣ сидѣлъ хозяинъ этой по всей видимости алхимической лабораторіи. То былъ изсохшій, безкровный старикъ съ рѣзкимъ профилемъ, длинной, клинообразной сѣдой бородою и мохнатыми, сѣдыми, насупленными бровями. Вся жизнь въ мертвомъ лицѣ его сосредоточивалась въ глазахъ, сверкавшихъ въ надбровныхъ впадинахъ. Голый черепъ его прикрывала черная шапочка, и черная, подбитая мѣхомъ мантія одѣвала его тощее, длинное туловище.

Устремивъ на вошедшаго посланца огненный взглядъ, старикъ приподнялъ надъ черепомъ шапочку и насмѣшливо сказалъ по-французски:

— Мой привѣтъ Гермесу, присланному Афродитой, изъ пѣны рожденной! Пожалуйте намъ посланіе, пожалуйте!—и старикъ при этомъ сталъ, посмѣиваясь и обнажая десны съ одинокими обломками немногихъ зубовъ, потирать руки.

— Я не знаю, сударь,—холодно отвѣтилъ Павелъ Корнильевичъ, убѣдившись изъ обстановки покоя, что онъ попалъ къ какому-нибудь шарлатану, приготовляющему эликсиры, притиранья, возстановляющія молодость лекарства отъ всѣхъ болѣзней, любовные напитки, да кстати отыскивающему и секретъ превращенія металловъ,—я не знаю, кого вы именуете Афродитой, самъ же я не Гермесъ, но секундъ-майоръ россійской гвардіи и адъютантъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго!

Тонъ, принятый Павломъ Корнильевичемъ, возымѣлъ дѣйствіе. Старикъ поднялся съ табурета, снялъ шапочку и, держа ее обѣими руками, съ умильной улыбкой, фальшь которой ярко выступала при сопоставленіи съ злобными и хитрыми, горящими глазками его, отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Привѣтъ мой храброму кавалеру!—воскликнулъ онъ.—Да здравствуетъ свѣтлѣйшій князь, надежда несчастной, порабощенной Эллады! Да осѣнитъ могучая десница его...

— Вы ли подлинно то лицо, къ которому адресовано сіе посланіе?—строго остановилъ кривлянья алхимика Павелъ Корнильевичъ, вынимая письмо. И прочелъ адресъ.

— Это я, подлинно я, храбрый мой кавалеръ! я! я!..—прошамкалъ старикъ.

— Въ такомъ случаѣ, назовите особу, вручившую мнѣ письмо.

— О, кто же иная могла вручить вамъ сіе посланіе, если не божественная Софія, цвѣтокъ царственнаго древа Византіи! Она, конечно, она, мой осторожный кавалеръ! Она!—умиленно восклицалъ старецъ.

— Въ такомъ случаѣ, получите.—И Павелъ Корнильевичъ подалъ алхимику треугольный кувертъ.

Благоговѣйно взявъ его, старикъ приложилъ письмо сначала къ сердцу, потомъ ко лбу, прочелъ внимательно адресъ, разсмотрѣлъ печать, покачивая головою, и вдругъ, устремивъ смѣющійся и слезящійся взглядъ на посланца, протянулъ изсохшіе пальцы, какъ бы алкая еще нѣчто въ нихъ получить.

Радожицкій холодно смотрѣлъ на него.

Поигравъ пальцами въ воздухѣ, старецъ прошамкалъ:

— Развѣ это все, что божественная роза Эллады, имя коей— Мудрость, поручила вамъ мнѣ передать, доблестный кавалеръ?

— Все,—отвѣчалъ Радожицкій.

— Все? Вы говорите, все?—покачивая головой, съ упрекомъ сказалъ алхимикъ.—О, мой хитрѣйшій кавалеръ! Но развѣ божественная не приложила къ сему мѣшочекъ съ звенящими кружечками? хе! хе! хе!

Старикъ дѣлалъ жестъ, словно позванивалъ кошелькомъ съ золотомъ.

— Доставайте, хитрѣйшій мой кавалеръ, доставайте и приложеніе! Магическій взоръ стараго алхимика проницаетъ всѣ вмѣстилища, гдѣ шевелится золото, и утаить его отъ меня вы не можете!

— Чортъ побери!—гнѣвно сказалъ Радожицкій.—Говорятъ вамъ, что ничего, кромѣ письма, я не получалъ. Извольте прочесть письмо. Думаю, найдете тамъ въ семъ удостовѣреніе.

Лицо старца омрачилось. Онъ сломалъ золотистую печать и, вынувъ листокъ, развернулъ его и принялся читать. Глубокія морщины его чела означились рѣзче, брови еще угрюмѣе насупились.

— Въ уплату по старымъ счетамъ! Въ уплату по старымъ счетамъ!—пробормоталъ онъ, видимо, фразу изъ письма.—Она обращаетъ меня въ негра. Я долженъ работать безъ конца на нее, какъ будто я духъ, не знающій земныхъ потребностей. Матеріалы стоятъ денегъ. А старые счета неоплатны... Положительно неоплатны!.. Она взыскиваетъ сложные проценты съ такой безпощадностью, словно у ней въ жилахъ не эллинская, а жидовская кровь!

Старикъ прошелся по покою, опустивъ на грудь голову, горбя высокій станъ и зябко пожимаясь.

— Вы правы, храбрый кавалеръ,—сказалъ онъ наконецъ,—и устами вашими глаголетъ сама истина! Вы не скрыли отъ стараго эллина столь нужное ему для опытовъ приложеніе, ибо его и не было. Вы сейчасъ получите все то, что желаетъ божественная Софія!—Но...—старикъ торжественно поднялъ руку,—но тотъ, кто приближается къ кладезю мудрости съ чужимъ порученіемъ, будетъ непредусмотрителенъ, ежели не зачерпнетъ и для себя отъ его живительныхъ струй! Знайте, молодой человѣкъ, что искусство мое превышаетъ искусство извѣстнаго графа Каліостро! Что говорю! это мальчишка передо мною! Я владѣю секретами каббалы, тайнами индійскихъ и египетскихъ жрецовъ! Посмотрите на сіи литеры!—указывая на стѣну, продолжалъ алхимикъ. — Вы видите: V. I. T. R. I. O. L. Знаете ли вы, что значатъ сіи литеры? Не знаете? Я вамъ открою ихъ значеніе безвозмездно, безвозмездно! Литеры значатъ: Visita interiora terrae, rectificando invenies occultum lapidem! То-есть: проникни во внутренность земли, перегонкою найдешь сокрытый камень! Философическій меркурій...

— Государь мой,—перебилъ алхимика Радожицкій, которому уже не разъ доводилось слышать подобныя рѣчи отъ стараго графа Мелина въ его лабораторіи:—я не намѣренъ проникать съ вами во внутренность земли. Я долженъ только выполнить возло-

женное на меня порученіе. Выдайте мнѣ предметъ, потребный графинѣ Софіи, и разстанемся.

— Сейчасъ! сейчасъ, мой нетерпѣливый кавалеръ! сейчасъ!—прошамкалъ старикъ.—Вы получите потребное, сейчасъ получите!

Онъ подошелъ къ окованному желѣзомъ сундуку, стоявшему въ углу и покрытому книгами и рукописями. Сложивъ все это на полъ, алхимикъ поднялъ крышку сундука и досталъ оттуда нѣчто, съ чѣмъ и обратился къ Радожицкому.

— Вотъ даръ Аспида изъ чаши Пемандра!—торжественно проговорилъ онъ.

Радожицкій увидѣлъ въ рукахъ его три плоскихъ, длинныхъ, узкихъ флакона. Содержимое одного было красно, словно кровь, другое напоминало черный сокъ каракатицы, изъ чего дѣлается тушь, въ третьемъ содержимое было золотисто - изумруднаго цвѣта.

— Препараты высокаго качества!—кривя беззубый ротъ и пронзительно изъ-подъ насупленныхъ бровей глядя въ лицо Радожицкаго, говорилъ алхимикъ.—Какой дивный цвѣтъ! Посмотрите, мой предпріимчивый кавалеръ! Работа на совѣсть. Прекраснѣйшая роза Эллады, свѣжій побѣгъ царственнаго корня Византіи, божественная Софія будетъ довольна мною?

— Вотъ это,—продолжалъ онъ многозначительно и таинственно, поднимая на свѣтъ флаконъ съ алымъ снадобьемъ,—это—новое. Вытяжки индѣйскаго корня. Секретъ отысканъ мною въ старомъ фоліантѣ великаго Парацельза. Я три мѣсяца бился надъ разгадкой шифровъ и анограммъ. Да! Великіе мужи прятали тайны знанія подъ тремя замками и тремя ключами. Но я нашелъ ключи и отперъ замки. Посмотрите, какъ нѣженъ и ярокъ этотъ алый сокъ! Какъ чистѣйшій пурпуръ зари! Какъ лепестокъ розы! Какъ кровь дѣвственницы! Пять капель производятъ полное, волшебное дѣйствіе. А вотъ это—корица,—взбалтывая черный составъ, говорилъ алхимикъ.—Прибавляется въ пирожное. Дѣйствуетъ медленно. Но замѣчательнѣе всѣхъ—золотистая зелень, вытяжка изъ зубовъ маленькой змѣйки, водящейся въ Эѳіопіи. Влейте пятую часть флакона въ шоколадъ, вино, пиво; подѣйствуетъ не сразу, а черезъ нѣсколько дней. Впрочемъ, вамъ все это не запомнить, любознательный мой господинъ. Я приложу маленькое наставленіе.

— Что же это такое? лекарства?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ, недоумѣвая.

— Хе! хе! хе!—засмѣялся дряблымъ, старческимъ смѣшкомъ алхимикъ.—Хе! хе! хе! Какъ вамъ сказать! Если хотите, то и лекарство, но такое лекарство, которое излечиваетъ навсегда отъ всѣхъ земныхъ болѣзней!

— Это ядъ!—съ ужасомъ вскричалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Ядъ?! Скажите лучше—лекарство отъ жизни. И въ самомъ дѣлѣ, что такое земная, человѣческая жизнь? Это непрерывная, мучительная болѣзнь! Мы осуждены на страданія, не имѣемъ покоя, вѣчно томитъ насъ то скука ожиданія, то горесть утраты! Кто былъ счастливъ на землѣ? Не растворены ли желчью всѣ наши радости? Такъ, кавалеръ, въ этихъ флаконахъ вѣрное лекарство, лекарство отъ жизни, отъ жизни, отъ жизни!

Голова сѣдого алхимика затряслась и поникла на грудь.

Холодная дрожь прошла по членамъ Радожицкаго. «Венеціанскіе яды! Но зачѣмъ же они понадобились прекрасной гречанкѣ?» мелькнуло въ его головѣ.

— Зачѣмъ эти лекарства понадобились той, чье имя—Мудрость, чье поприще—царственно, чей образъ—красота, спросите вы?— словно угадывая мысли молодого человѣка, сказалъ алхимикъ.— Но постойте, я напишу наставленіе.

Алхимикъ подошелъ къ пульту, гдѣ высилась свинцовая чернильница съ пучкомъ гусиныхъ перьевъ, торчавшихъ изъ нея, и на длинной полоскѣ сталъ выводить странные знаки, въ видѣ разныхъ клѣтокъ съ точками и безъ точекъ въ нихъ. Кончивъ, онъ засыпалъ рецептъ пескомъ и, обернувъ имъ флаконы, подалъ Павлу Корнильевичу. «Нарочный» досталъ свой объемистый бумажникъ и спряталъ плоскіе и тонкіе флаконы въ одно изъ его отдѣленій, гдѣ лежалъ кредитивъ свѣтлѣйшаго.

Затѣмъ онъ хотѣлъ удалиться, но алхимикъ взялъ его за руку.

— Вы уже покидаете меня, торопливый кавалеръ?—сказалъ онъ.—Но, быть можетъ, вы пожелали бы и для себя малую дозу сихъ снадобій, а? Подумайте! Сокъ Аспида дѣйствуетъ безболѣзненно, неуслѣдимо... Кто знаетъ?—понижая голосъ до шопота, продолжалъ алхимикъ.—Можетъ быть, на пиршествѣ вы будете сидѣть рядомъ съ заклятымъ врагомъ, который отнялъ у васъ все, чѣмъ вы дорожили, что любили и лелѣяли. Тогда—маленькая восковая капсюлька подъ отрощеннымъ ногтемъ... Вы наполняете его бокалъ виномъ и нажимаете ногтемъ о край... Безцвѣтная капля изъ восковой кельи незамѣтно стекаетъ по стеклу... Вы предлагаете ему выпить за здоровье той, которая владѣетъ его сердцемъ... Онъ пьетъ безпечно... И черезъ нѣсколько дней...

Алхимикъ шепталъ, приблизивъ свое мертвое лицо съ горящими глазами почти къ самому лицу Радожицкаго.

Павелъ Корнильевичъ отшатнулся.

— Мнѣ не надо вашихъ адскихъ снадобій!—крикнулъ онъ.— Мнѣ было приказано передать вамъ письмо и получить нѣкоторую вещь. Что это за вещь—мнѣ до того нѣтъ дѣла. Я исполнилъ порученіе. А теперь прощайте!—онъ двинулся къ выходу.

— Постойте! Постойте!—схвативъ его за руку, сказалъ алхимикъ.—Ну, если вы не хотите снадобья для врага, то я могу,

очень дешево, дать вамъ чудное средство для привлеченія любимыхъ предметовъ. Женщины, дѣвушки почувствуютъ къ вамъ неодолимую пріязнь, только смажьте лезвіе ножа моимъ эликсиромъ и надрѣжьте имъ кожицу яблока или персика и дайте скушать...

— И этого мнѣ не надо,—угрюмо отвѣтилъ Радожицкій, съ отвращеніемъ вырывая руку изъ холодныхъ пальцевъ зловѣщаго старика.

LIII.

Въ Парижѣ.

Безъ особыхъ приключеній Павелъ Корнильевичъ достигъ Парижа. Правда, еще на границѣ Франціи видѣлъ онъ толпу бѣглецовъ-аристократовъ, сообщавшихъ о кровавыхъ безпорядкахъ въ ихъ отечествѣ, о ежеминутно грозящихъ всякому имущему и титулованному гражданину разореніи и казни на уличномъ фонарѣ, но затѣмъ путешественникъ въ пути до столицы не встрѣтилъ ничего, что бы подтвердило эти страхи бѣглецовъ. Онъ видѣлъ толпы нищихъ, осаждавшихъ нанятую имъ карету, при каждой остановкѣ; изъ деревень, которыми онъ проѣзжалъ, выбѣгали грязные ребятишки и бѣжали за каретой, прося милостыню. Но рядомъ съ этими признаками нищеты и голода Павелъ Корнильевичъ видѣлъ и безпечное, довольное, поющее и пляшущее населеніе. Замѣчалъ онъ всюду какъ бы два рода людей. Большинство имѣло восторженное выраженіе лица, ходило съ гордо поднятой головой и словно устремляло широко раскрытые глаза въ плѣнительную даль, гдѣ грезилась имъ разгорающаяся заря счастья и свободы ихъ родины. Между ними скользили, какъ привидѣнія, молчаливыя, исхудалыя, блѣдныя фигуры, робко жавшіяся по сумрачнымъ угламъ почтовыхъ домовъ и трепетно озиравшіяся. Эти, наоборотъ, казалося, оставляли за собой зловѣщее зарево разгорающагося пожара. Скоро Павелъ Корнильевичъ пришелъ къ тому заключенію, что робкіе бѣглецы напуганы призраками собственнаго разстроеннаго воображенія. Въ томъ его утвердили и дорожныя бесѣды съ бодрыми и самоувѣренными путниками. Всѣ они говорили о провозглашенной національнымъ собраніемъ деклараціи правъ человѣка и не сомнѣвались, что отнынѣ ихъ добрый король поведетъ Францію къ величію и благу. Если въ Парижѣ срубили нѣсколько головъ и воткнули на пики, то когда же народныя волненія обходились безъ жертвъ?

Муниципалитетъ найдетъ средства обуздать чернь Гревской площади; образована милиція гражданъ, и вооруженный народъ самъ защититъ короля и свободу. Когда узнавали, что Павелъ Корнильевичъ—русскій, то выражали чрезвычайный интересъ къ

его странѣ и восторженно говорили о сѣверной Семирамидѣ, императрицѣ Екатеринѣ, переписывавшейся съ Вольтеромъ и Дидро. Знаніе молодымъ русскимъ французскаго языка въ достаточной степени совершенства изумляло и трогало. Когда же затѣмъ Павелъ Корнильевичъ сообщалъ, что ѣдетъ прямо изъ лагеря подъ Яссами, изъ войскъ, сражающихся на другомъ концѣ Европы съ турками, а посланъ княземъ Потемкинымъ въ Парижъ за башмаками для «прекрасной фанаріотки», то впечатлительные французы приходили въ полный восторгъ! Такое посольство соотвѣтствовало ихъ представленію о варварской роскоши русскихъ бояръ и вельможъ. Мало-по-малу извѣстіе о прибытіи русскаго съ такимъ необыкновеннымъ порученіемъ распространилось и даже опередило Радожицкаго.

По мѣрѣ приближенія его къ Парижу, все чаще уже при выходѣ изъ дорожной кареты на остановкахъ его окружали любопытные, особенно дивившіеся на желтолицаго служителя Митрофана, котораго они почему-то произвели въ калмыки—un Kalmouk. Вниманіе зѣвакъ чрезвычайно сердило Митрофана, и онъ пускалъ въ дѣло перенятыя имъ отъ господъ гвардейцевъ французскія выраженія, и при своеобразномъ произношеніи производилъ тѣмъ чрезвычайный эффектъ. Сообщая всѣмъ о своеобразной, на него возложенной миссіи, Павелъ Корнильевичъ дѣйствовалъ по преподанной ему генераломъ Поповымъ инструкціи всячески стараться распространять о томъ слухи среди впечатлительныхъ французовъ. И онъ до такой степени успѣлъ въ этомъ, что, когда прибылъ въ первыхъ числахъ октября въ Парижъ, опередившая его вѣсть о русскомъ, пріѣхавшемъ по порученію Потемкина за башмачками для той «belle fanariote», за которой такъ еще недавно ходили по улицамъ восхищенныя толпы, уже обошла всѣ салоны, мѣста общественныхъ собраній, попала въ уличные листки, такъ что у дверей гостиницы, гдѣ остановился Радожицкій, постоянно толпились зѣваки, ожидая выѣзда его для закупки башмаковъ. Можно положительно сказать, что въ то утро легкомысленные парижане забыли и національное собраніе, и недостатокъ въ столицѣ печенаго хлѣба, и революцію, и декларацію правъ гражданина и человѣка, забыли Лафайета и графа Мирабо, и только и толковали что о сѣверной Семирамидѣ, Потемкинѣ и его посланцѣ. И Павелъ Корнильевичъ, съ точностью сообразуясь съ преподанной ему инструкціей, вполнѣ удовлетворилъ парижскихъ зѣвакъ первымъ выѣздомъ своимъ за покупками. Онъ нанялъ великолѣпныхъ лошадей и стеклянную раззолоченную карету, нѣсколькихъ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ, и между ними одного негра въ восточномъ костюмѣ, въ чалмѣ и при саблѣ и выѣхалъ, одѣтый въ полную парадную форму, со всей этой челядью на запяткахъ и на козлахъ.

Прежде всего направился онъ къ банкиру, на имя котораго былъ написанъ кредитивъ свѣтлѣйшаго. Предъявленіе кредитива вызвало со стороны банкира знаки глубочайшаго почтенія къ русскому посланцу.

Онъ подробно затѣмъ изложилъ Павлу Корнильевичу политическое положеніе дня, отношеніе партій и Версаля къ Пале-Роялю и Люксембургскому дворцу. Онъ много разъ завѣрялъ о своей преданности князю Потемкину; что же касалось таинственной маркизы де-Z., то, взявъ передачу ей суммы на себя, вмѣстѣ предложилъ онъ Радожицкому устроить свиданіе съ нею, для чего должно было ему выѣхать въ Версаль, но по возможности не обращая на себя вниманія. Тамъ его уже найдетъ посланный маркизы, которая будетъ предупреждена о его прибытіи.

— Вамъ это легко будетъ сдѣлать, если вы переодѣнетесь въ черное платье и, незамѣтно покинувъ гостиницу раннимъ утромъ, пройдете подъ арки Пале-Рояля, чтобы затѣмъ, смѣшавшись съ толпой, съ нею вмѣстѣ отправиться въ Версаль. Дѣло въ томъ,— пояснилъ банкиръ:—что утромъ пятаго октября въ Версаль должна двинуться къ королю депутація, чтобы доложить ему о бѣдствіяхъ парижскихъ бѣдняковъ по причинѣ недостатка печенаго хлѣба у булочниковъ и муки на рынкахъ. Пойдутъ толпы, и вы съ ними. И никто васъ не замѣтитъ.

Выйдя отъ банкира, Павелъ Корнильевичъ принялся разъѣзжать по магазинамъ, исполняя порученія дамъ. Прежде всего, конечно, посѣтилъ онъ лучшаго башмачника, при чѣмъ у дверей лавки и въ ней самой собралась огромная толпа зѣвакъ, такъ что лишь подъ эскортомъ своего негра и ливрейныхъ лакеевъ могъ Павелъ Корнильевичъ проникнуть внутрь лавки, гдѣ хозяинъ, уже знавшій о прибытіи русскаго посланца и ожидавшій его, разсыпался въ любезностяхъ и за выбранные башмачки спросилъ неслыханную цѣну, безпрекословно уплаченную нарочнымъ. Дальнѣйшія закупки въ магазинахъ модъ нарочный свѣтлѣйшаго совершилъ при томъ же общемъ вниманіи легкомысленныхъ парижанъ. Обиліе пріобрѣтенныхъ имъ вещей и огромныя цѣны, которыя онъ за нихъ безпрекословно по первому требованію уплачивалъ, возбудили общее удивленіе богатствомъ и варварствомъ русскихъ бояръ; однако, новое для Парижа чувство демократической зависти къ роскошничающему богатству въ этомъ случаѣ не пробудилось. Конечно, если бы кровный парижанинъ вздумалъ тогда выѣхать такъ, въ раззолоченной стеклянной каретѣ съ лакеями и бросать деньги въ магазинахъ, онъ, вѣроятно, былъ бы не только побитъ, но и вздернутъ на фонарь... Болѣе того, голову его, по отдѣленіи отъ туловища какимъ-нибудь любителемъ съ Гревской, могли воткнуть на пику и принести въ ратушу, дабы напомнить муниципалитету, что народъ голодаетъ. Ничего этого

не случилось потому, что съ представленіемъ о русскомъ у парижской толпы связывалось представленіе о Востокѣ съ его варварской роскошью. Русскому свойственно было швырять золото горстями, какъ турку запирать въ гаремъ красавицъ и курить трубку, а новозеландцу плясать нагишомъ и лакомиться человѣческимъ мясомъ. Поэтому толпа благодушно окружала магазины и встрѣчала аплодисментами лакеевъ, выносившихъ коробки и свертки вслѣдъ за русскимъ бояриномъ, въ то время какъ содержатель торговли отвѣшивалъ ему низкіе поклоны. Давно уже торговцы модами не торговали такъ. Революція лишила ихъ большинства кліентовъ. Иностранцы покинули взволнованный Парижъ, ужасаясь кровавыхъ сценъ уличной черни. Эмиграція усиливалась со дня на день. Оставшіеся богатые люди боялись тратиться на покупку предметовъ роскоши на глазахъ у подозрительной, завистливой и всезрящей демократіи. Поэтому наѣздъ русскаго боярина былъ для магазинщиковъ чистымъ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что дикій москвитъ оказался превосходно говорящимъ по-французски.

— Ахъ, сударь! тяжелыя, тяжелыя для насъ времена!—жаловался одинъ изъ торговцевъ, развертывая предъ Радожицкимъ матеріи и подбирая ихъ къ лоскуткамъ, даннымъ «нарочному» красавицами генералъ-фельдмаршальской квартиры подъ Яссами,— тяжелыя времена! Военные портные—тѣ отлично работаютъ.

— Почему же? Кажется, ваше отечество не ведетъ ни съ кѣмъ войны!—удивился Павелъ Корнильевичъ.

— Совершенно вѣрно. Но учрежденіе милиціи гражданъ вызвало потребность въ новыхъ мундирахъ. Повѣрите ли, теперь нѣтъ буржуа, который чѣмъ-нибудь не командовалъ бы и не носилъ каски съ перьями, эполетъ и аксельбантовъ. И такъ какъ граждане-патріоты сами себѣ придумываютъ форму и въ каждомъ кварталѣ разную, то военные портные прекрасно зарабатываютъ.

— Ну, въ этомъ отношеніи и мы, русскіе, отъ васъ не отстаемъ, — сказалъ смѣясь Радожицкій: — въ русской арміи тоже каждый командиръ по-своему одѣваетъ своихъ солдатъ, и каждый офицеръ шьетъ себѣ форму по собственному вкусу.

— Такъ, сударь, такъ!—подхватилъ магазинщикъ.—Но, кромѣ того, въ вашихъ столицахъ царствуетъ полное спокойствіе и миръ, и ваши вельможи, которые несмѣтно богаты, украшаютъ великолѣпно дома, ваши женщины беззаботно наряжаются, и артисту есть надъ чѣмъ поработать. У насъ же... Ахъ, сударь, не подумайте, что я дурной гражданинъ и патріотъ!—тутъ магазинщикъ, понизивъ голосъ, многозначительно шепнулъ: — меня слушаютъ мои приказчики! Не думайте, что для отечества я чѣмъ-либо подорожу,—громко продолжалъ онъ.—Я участвовалъ во всѣхъ патріотическихъ складкахъ и подпискахъ. Моя жена, сударь, отдала свои серьги на голодающихъ Парижа! Я патріотъ, добрый патріотъ,

сударь! Но... шить наряды дамамъ только патріотическихъ трехъ цвѣтовъ, краснаго, синяго и бѣлаго, имѣя запасы тканей тысячи оттѣнковъ, это разорительно, сударь! Товаръ тлѣетъ, сударь! Его никто не покупаетъ, сударь! Обойщики вамъ то же скажутъ. Три патріотическіе цвѣта только и идутъ на обивку. А между тѣмъ милиціонныя формы гражданъ-патріотовъ блещутъ всѣми цвѣтами и оттѣнками, и военные портные богатѣютъ! Гдѣ же справедливость, сударь?!.

LIV.

Въ кафе де-Фуаръ.

Утомленный закупками, проголодавшійся Павелъ Корнильевичъ помышлялъ о завтракѣ, когда подъ аркадами Пале-Рояля къ нему подошелъ одѣтый во все черное, высокаго роста человѣкъ и, назвавъ себя гражданиномъ Майаромъ, сказалъ, что въ кафе де-Фуаръ его ожидаетъ молодой знатный русскій, проживающій въ Парижѣ съ своимъ воспитателемъ для изученія науки свободы. Этотъ русскій послалъ его, гражданина Майара, пригласить въ кафе соотечественника, такъ какъ онъ желаетъ познакомиться съ нимъ.

— Кто же это такой?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Строканѳфъ! Графъ де-Строканѳфъ!—назвалъ Майаръ.

— Строгановъ! Очень радъ свидѣться съ нимъ. Гдѣ же это кафе де-Фуаръ?

— Какъ, вы не знаете, гдѣ кафе де-Фуаръ?—изумился Майаръ.— Но кафе де-Фуаръ подъ аркадами Пале-Руаяля—что Пале-Руаяль среди Парижа, Парижъ среди Франціи, а Франція среди вселенной! Это—мозгъ и сердце! Да, да! Мозгъ и сердце! Тамъ сходятся всѣ патріоты. Тамъ всѣ политическія новости! Тамъ все, все...

Говоря это, высокій Майаръ дѣлалъ широкіе жесты правой рукой, какъ бы обнимая возможно большее пространство.

— Ваши слова,—улыбаясь, сказалъ Павелъ Корнильевичъ,— напоминаютъ мнѣ знаменитый соритъ остроумнаго Сирано де-Бержерака: «Прекраснѣйшее королевство міра—Франція; прекраснѣйшій городъ Франціи—Парижъ, прекраснѣйшій коллежъ Парижа—коллежъ де-Бове, прекраснѣйшая комната этого коллежа—моя комната, я прекраснѣйшій человѣкъ моей комнаты, слѣдовательно, я прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Майаръ нахмурился и сложилъ руки на груди крестомъ.

— Молодой русскій воинъ!—торжественно сказалъ онъ.—Нѣкогда Франція была дѣйствительно лишь прекраснѣйшимъ королевствомъ и только! Нынѣ здѣсь запылалъ свѣточъ свободы, равенства и братства, который скоро простретъ лучи свои до отдаленнѣйшихъ предѣловъ земли! И тогда всѣ короли и тираны затрепещутъ на своихъ престолахъ! Но идемте. Вашъ соотечественникъ нетерпѣливо васъ желаетъ видѣть.

— Если съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ мой желудокъ— позавтракать, то надо спѣшить!—сказалъ Павелъ Корнильевичъ, котораго напыщенный тонъ гражданина Майара побуждалъ къ дурачеству.

Майаръ, не отвѣчая ни слова, надвинулъ шляпу на глаза и пошелъ впередъ размѣреннымъ шагомъ трагическаго актера. Кафе де-Фуаръ занимало семь аркадъ Пале-Рояля. Въ огромныя окна кафе можно было видѣть всю его внутренность: зеркала на стѣнахъ, бѣло-мраморные столы и стоящихъ, сидящихъ и расхаживающихъ между ними военныхъ и буржуа, въ облакахъ табачнаго дыма жарко споровшихъ о политикѣ дня. Снаружи, подъ окнами постоянно собирались зѣваки, сквозь стекла съ благоговѣніемъ разсматривавшіе знаменитыхъ патріотовъ, рѣшавшихъ судьбы отечества. Но такъ какъ Павелъ Корнильевичъ не зналъ никого изъ нихъ и былъ пока мало освѣдомленъ въ томъ, что происходило во Франціи, то онъ вошелъ въ кафе безъ всякаго благоговѣнія, думая больше о завтракѣ.

Вступивъ въ кафе, Майаръ подошелъ къ прелестному юношѣ, почти мальчику, въ бѣлокурыхъ локонахъ, но тоже одѣтому во все черное, который сидѣлъ верхомъ на стулѣ и, беззаботно улыбаясь, слушалъ горячій споръ толстаго буржуа, юркаго аббата и милиціоннаго гражданина-генерала, фабриканта сальныхъ свѣчей, въ фантастическомъ мундирѣ національныхъ цвѣтовъ съ позументами, выпушками, петличками, съ богатой портупеей и темлякомъ на шпагѣ.

Бѣлокурый мальчикъ былъ молодой графъ Павелъ Строгановъ. Возлѣ стоялъ воспитатель графа, Роммъ, физіономія котораго удивительно напоминала жабу.

— Гражданинъ, я привелъ вашего соотечественника!—торжественно возвѣстилъ Майаръ.

Строгановъ съ живостью обратился къ Павлу Корнильевичу, радостно кивая ему головой.

— Вы—русскій? Изъ Петербурга? Давно ли пріѣхали? не слыхали ли чего-нибудь о моемъ родителѣ? Въ какомъ вы полку? Не гнѣвается ли на меня государыня? Скажите, скажите поскорѣе!...

Этими вопросами, на русскомъ языкѣ съ самымъ смѣшнымъ произношеніемъ закидалъ молодой графъ Павла Корнильевича, который едва, наконецъ, смогъ объяснить, что онъ не изъ Петербурга, а посланъ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ изъ лагеря подъ Яссами нарочнымъ, а слѣдовательно, ничего не можетъ сообщить ни о родителѣ графа, ни о государынѣ.

Разочарованіе выразилось на нѣжномъ личикѣ прекраснаго мальчика.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ уже по-французски,—что послѣднія событія въ Парижѣ, особенно взятіе Бастиліи, были

въ ложномъ свѣтѣ представлены и родителю моему, и государынѣ. Родитель подумалъ, что мнѣ здѣсь угрожаетъ какая-то опасность, представьте! Онъ даже разгнѣвался, что я принялъ избраніе меня въ клубъ якобинцевъ, составивъ себѣ неправильное понятіе о патріотахъ, собирающихся тамъ! Представьте, онъ пишетъ, чтобы я возвратился въ Россію, теперь, когда начинается самое интересное.

— Только что прибывъ въ Парижъ, не могу судить, что здѣсь начинается,—сказалъ Радожицкій, садясь къ свободному столу и распорядившись служителю подать завтракъ:—не могу судить о начинающемся, но то, что было до сихъ поръ, у насъ въ Россіи всѣ считаютъ ничтожнымъ само по себѣ возмущеніемъ черни, однако могущимъ породить большія несчастія, если король и правительство попрежнему будутъ оказывать нераспорядительность и слабость. А въ такомъ случаѣ понятны опасенія вашего батюшки, графъ. Въ столь нѣжномъ возрастѣ вы, среди возмущенія народнаго, подвергаете себя всѣмъ опасностямъ бунта и въ чужомъ пиру вамъ можетъ при несчастной случайности выпасть прегорькое похмелье.

— Ха! ха! ха! — беззаботно расхохотался мальчикъ. — Да мы здѣсь въ бóльшей безопасности, чѣмъ хотя бы въ Польшѣ или Нидерландахъ! Французы перемѣнили уже свою constitution на лучшую, и скоро все придетъ въ цвѣтущее благосостояніе и порядокъ!

— Возмущеніе черни! — вмѣшался Роммъ: — позвольте вамъ назвать себя—я воспитатель молодого графа Роммъ. Вы сказáли: возмущеніе черни. Неужели у васъ въ Россіи въ великихъ событіяхъ, совершившихся здѣсь, видятъ только возмущеніе черни! Какъ! Великія истины провозглашены національнымъ собраніемъ! Тиранія и произволъ смѣнены закономѣрной властью короля-гражданина, который здѣсь, посреди вѣрнаго ему Парижа, надѣлъ трехцвѣтную кокарду! Предразсудки разрушены! Факелъ свободы, равенства и братства водруженъ въ сердца гражданъ! Начало преображенія міра положено! Феодальный строй уничтоженъ! Сію минуту въ Версалѣ, въ національномъ собраніи епископъ Талейранъ, преданный другъ свободы, и пламенный аббатъ Грегуаръ требуютъ отчужденія церковныхъ имуществъ! Великій шагъ! И все это въ глазахъ вашихъ соотечественниковъ не болѣе, какъ бунтъ уличной черни, ничтожное возмущеніе?!.

— Великія перемѣны сами по себѣ, а возмущеніе черни само по себѣ, — сказалъ Радожицкій: — какъ я слышалъ, господинъ Роммъ, вы проживали нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что государыня наша тоже созывала народныхъ представителей отъ неизмѣримаго своего государства и преподала имъ мудрый наказъ, въ коемъ заимствованы ею изъ твореній Монтескьё и Беккаріи тѣ самыя великія истины, кои лишь нынѣ

провозглашены вашимъ собраніемъ. На семъ поприщѣ мы опередили васъ, какъ видите, двадцатью годами. А что касается церковныхъ имуществъ, то отчужденіе ихъ государыня у насъ давно произвела своею властью. Значитъ, чему же поучаться въ Парижѣ молодому графу и на что смотрѣть? На возмущеніе черни?

— Во Франціи нѣтъ черни! — вскричалъ, вслушавшись, Майаръ.—Во Франціи есть только народъ, нація!

— Которая рубитъ головы и втыкаетъ на пики? — спросилъ Радожицкій.

— Да, рубитъ и втыкаетъ, — свирѣпо отвѣтилъ Майаръ: — измѣнникамъ отечества и шпіонамъ иностраннымъ!

— Успокойтесь, гражданинъ Майаръ, — остановилъ расходившагося патріота Роммъ.—Успокойтесь! мы всѣ знаемъ вашъ непоколебимый цивизмъ. Дайте нашему гостю пожить немного въ Парижѣ, и онъ пойметъ разницу между свободой и тираніей, хотя бы и просвѣщенной. Родитель графа пишетъ мнѣ выраженія неудовольствія, что я съ воспитанникомъ моимъ остаюсь въ Парижѣ, что мы посѣщаемъ клубы, собранія, участвуемъ во всѣхъ народныхъ подвигахъ. Но гдѣ лучше можетъ изучить молодой графъ всѣ пружины политики, какъ не въ Парижѣ теперь, когда всѣ эти пружины обнаруживаютъ себя? Какіе великіе уроки мудрости слышитъ графъ въ рѣчахъ народныхъ представителей! Какія высокія чувства народной души передъ нимъ раскрываются! Зрѣлище единственное! Но... еще нѣсколько дней, и наступитъ полное успокоеніе. Новый политическій строй Франціи получитъ завершеніе и незыблемую основу. Свобода въ союзѣ съ закономъ. Король среди преданнаго ему народа! Довѣріе, какъ связующее звено власти и общества! Равенство всѣхъ гражданъ, какъ обезпеченіе довольства каждаго!.. Вотъ сіяющее будущее, которое завтра или послѣзавтра станетъ настоящимъ! Увидѣть этотъ прекрасный день свободы—какое счастіе! Какое блаженство! Вы прибыли къ намъ наканунѣ великихъ событій! Вы и графъ — двое русскихъ! Исключительное блаженство послала вамъ судьба! Какъ сказано въ писаніи: многіе патріархи и пророки желали бы видѣть то, что вы увидите! Радуйтесь и благодарите, сыны Сѣвера!

Жабья физіономія Ромма растянулась блаженной улыбкой, и онъ простеръ руки, какъ благословляющій жрецъ, надъ головами обоихъ русскихъ.

LV.

5 октября 1789 года.

Насколько въ первый день пріѣзда Радожицкаго Парижъ представлялъ картину полнаго мира и спокойствія, настолько съ ранняго утра 5 октября уподобился онъ взволнованному морю. Въ

сопровожденіи вѣрнаго Митрофана, оба въ черномъ, въ широкополыхъ, надвинутыхъ на глаза шляпахъ и плащахъ, Радожицкій загодя пробрался въ Пале-Рояль, но здѣсь уже происходило шумное собраніе. Молодой человѣкъ въ кафтанѣ съ широкими лацканами и въ ботфортахъ, подпоясанный шарфомъ національныхъ цвѣтовъ, стоя на стулѣ и прижимая къ груди пару пистолетовъ, которые держалъ въ обѣихъ рукахъ, что-то выкрикивалъ тѣснившимся къ нему патріотамъ. Высокій Майаръ маячилъ въ шумномъ сходбищѣ и издали закивалъ Радожицкому. На вопросъ послѣдняго: кто этотъ юноша съ пистолетами? Майаръ сказалъ, что это знаменитый ораторъ Камиллъ Демуленъ. Вскорѣ появился и молодой Строгановъ съ своимъ воспитателемъ Роммомъ. Среди озабоченныхъ, нахмуренно махавшихъ руками и споръвшихъ тощихъ и жирныхъ фигуръ политикановъ поразительно было видѣть улыбающееся, безпечное славянское курносоватое лицо мальчика.

— Великій день наступилъ! Великій день наступилъ! — воскликнулъ Роммъ. — Блаженны очи ваши, чада Сѣвера, видящія этотъ день!

Пока, однако, ничего, кромѣ толкотни и криковъ, Радожицкій не замѣчалъ. Но вдругъ Камиллъ Демуленъ, потрясая пистолетами надъ толпой, неистово закричалъ, покрывая силой могучихъ легкихъ говоръ собранія:

— Въ ратушу, граждане! Свобода и отечество!

— Свобода и отечество! Свобода и отечество!—подхватило все столпленіе патріотовъ и подняло стулъ, на которомъ стоялъ Демуленъ, и понесло его вмѣстѣ съ нимъ.

Популярный ораторъ съ большимъ искусствомъ балансировалъ на зыбкомъ, движущемся пьедесталѣ, сохраняя равновѣсіе помощью протянутыхъ въ рукахъ пистолетовъ и не теряя вдохновенной и гордой осанки народнаго трибуна.

Увлеченный толпою, и нарочный свѣтлѣйшаго князя Потемкина, секундъ-майоръ Павелъ Корнильевичъ Радожицкій съ крѣпостнымъ человѣкомъ своимъ Митрофаномъ послѣдовалъ къ ратушѣ. Утро было пасмурное. Небо затянуто тучами. Начиналъ моросить мелкій дождь и переставалъ. Личико графа Строганова раскраснѣлось отъ холода. Шедшій около Радожицкаго воспитатель Роммъ шепнулъ ему:

— Графъ неравнодушенъ къ одной прекрасной жрицѣ свободы! Вы ее увидите. О, юность! О, природа! ты зажигаешь сердца нѣжнымъ пламенемъ!

Говоря это, Роммъ осклабилъ умильно жабью свою физіономію.

Толпы женщинъ со всѣхъ сторонъ стремились къ ратушѣ, которая была уже переполнена ими. Однѣ изъ нихъ были въ лохмотьяхъ и блѣдны отъ голодовки; другія, повидимому, жены и дочери состоятельныхъ буржуа, одѣты опрятно и даже нарядно,

въ бѣлыхъ платьяхъ, причесаны, напудрены; послѣднія пересмѣивались и переговаривались съ страннаго облика молодыми людьми, у которыхъ подъ изношенными плащами обнаруживались кружева, кашемировые штаны, шелковые камзолы и чулки.

Прибывшіе патріоты не вошли въ ратушу, а остановились передъ ней, и Камиллъ Демуленъ, манипулируя своими пистолетами, обратился съ рѣчью къ женщинамъ. Онъ завывалъ, принимая различныя позы на покачивавшемся надъ головами патріотовъ стулѣ, но можно только было разслышать отдѣльныя слова: «дочери свободы... матери отечества... нѣжная слеза женщины... молоко свободы въ сосцахъ гражданки-матери...»

Вдругъ съ Гревской площади нахлынула новая толпа женщинъ, по преимуществу торговокъ. Во главѣ ихъ въ телѣжкахъ, запряженныхъ ослами, ѣхали — Рена Одю, «королева рынка», актриса Роза Лакомбъ и хорошенькая гризетка Пьеретта Шабри. Съ ними ѣхала на ворономъ конѣ странная дѣвушка, съ огненными черными глазами, съ смуглымъ, энергичнымъ, красивымъ лицомъ, облеченная въ ярко-красную амазонку, разстегнутую такъ, что одна ея дѣвственной формы, но смуглая, съ большимъ крѣпкимъ соскомъ грудь была совершенно обнажена, какъ бы иллюстрируя слова Камилла Демулена; каштановые, густые волосы ея раскинулись по плечамъ, черная съ султаномъ шляпа осѣняла ея бѣлый, низкій лобъ; въ рукахъ она держала пику.

То была знаменитая Теруань де-Мерикуръ. Едва она, подъѣхавъ къ ратушѣ, остановилась, какъ Роммъ взялъ за руку своего воспитанника и поспѣшно подвелъ его къ дѣвушкѣ, при чемъ оба съ глубокимъ реверансомъ сняли шляпы и привѣтствовали ее. Теруань де-Мерикуръ равнодушно кивнула обоимъ, не обращая вниманія на страстный взоръ обожанія, который устремилъ на нее молодой Строгановъ.

— О, мадемуазель!—сказалъ галантно Роммъ:—въ этомъ нарядѣ вы возрождаете столь же мужественныхъ, сколь и прекрасныхъ амазонокъ великой древности!

Дѣвушка не отвѣчала. Смуглыя щеки ея рдѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Глаза пламенѣли. Она пошатывалась въ сѣдлѣ, точно опьяненная экстазомъ патріотизма. Вдругъ она взмахнула палкой и, широко открывъ большой некрасивый ротъ съ толстыми губами,—самая отталкивающая черта ея физіономіи, такъ много страсти и животности было въ этихъ грубыхъ губахъ,—неистово закричала:

— Въ Версаль, дочери Франціи!

— Въ Версаль! Въ Версаль!—закричали всѣ женщины.

— Въ Версаль!—пронзительно завизжала «королева рынка», потрясая аттрибутомъ своей власти—шестомъ съ привязаннымъ мочалой къ концу его бубномъ.

Вдругъ новыя толпы хлынули съ Гревской. То были уже не женщины, но та армія оборванцевъ, нищихъ, бродягъ и бѣглыхъ съ галеръ, армія черни, спеціальная армія Гревской, которой такъ страшились сами муниципалы, властью коммуны распоряжавшіеся теперь еще недавно королевскимъ городомъ Парижемъ. Эта толпа лохматыхъ полу-звѣрей, полу-людей несла пики, палки, окованныя желѣзомъ дубины, отточенные желѣзные прутья и полосы. Тутъ были дикіе уроженцы южныхъ областей Франціи, угольщики изъ горъ съ длинными бородами, въ остроконечныхъ колпакахъ—причудливыя, страшныя существа, вынесенныя впередъ бурей революціи. Ими предводительствовалъ «капитанъ желѣзной палки» и «генералъ пики», сквозь рубища которыхъ во всѣхъ мѣстахъ и сзади, и спереди просвѣчивало косматое тѣло. Они должны были сопровождать въ видѣ охраны семь тысячъ парижскихъ женщинъ, отправлявшихся въ Версаль къ королю доложить о бѣдствіяхъ вѣрныхъ его подданныхъ, голодающихъ по причинамъ дороговизны и недостатка муки и печенаго хлѣба.

Вдругъ въ дверяхъ ратуши показалась высокая, черная фигура гражданина Майара съ барабаномъ. За нимъ толпа женщинъ вынесла охапки пикъ и ружей. Майаръ, ставъ на ступеняхъ, ведшихъ въ ратушу, съ изступленнымъ видомъ принялся бить въ барабанъ, въ то время какъ женщины таскали оружіе изъ ратуши и раздавали его своимъ товаркамъ.

— Въ Версаль! въ Версаль! въ Версаль!—подъ громъ барабана Майара пронзительно повторяли женщины.

Тутъ, какъ бы въ отвѣтъ, загрохотали барабаны въ отдаленномъ углу Гревской. То былъ отрядъ городской милиціи. Но онъ остановился тамъ неподвижно. А ѣхавшій впереди генералъ на бѣломъ конѣ отдѣлился отъ отряда и среди наполнявшихъ площадь волнующихся толпъ шагомъ поѣхалъ къ ратушѣ. То былъ генералъ Лафайетъ.

Почти одновременно ударилъ набатный колоколъ собора Парижской Богоматери и мѣдный голосъ его разнесся надъ столицей и вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ церквахъ принялись часто и отрывисто бить набатъ. Небо нахмурилось, потемнѣло. Пошелъ дождь.

LVI.

Снисходительный генералъ.

Генералъ Лафайетъ, подъ дождемъ, шагомъ пробирался къ тѣснившейся къ нему толпѣ, привѣтствовавшей криками восторга популярнаго героя освободительной американской войны. Онъ съ любезной улыбкой кланялся, посылалъ поцѣлуи женщинамъ, въ то же время предостерегая тѣснившихся къ его коню слишкомъ близко поклонницъ:

— Поберегитесь, красоточки! Моя лошадка шалить любитъ!

Добравшись, наконецъ, къ ратушѣ, онъ привѣтствовалъ съ изысканной учтивостью предводительницъ женскаго похода въ Версаль и заявилъ, что, какъ начальникъ парижской милиціи, онъ обязанъ не допустить шествія толпами въ королевскую резиденцію, но что, съ другой стороны, онъ затрудняется выполнить предложеніе магистрата разогнать толпу вооруженной силой.

— Генералъ! мы увѣрены, что вы не примѣните силу противъ безоружныхъ женщинъ, дочерей и матерей французской націи, идущихъ къ своему королю доложить о голодѣ его подданныхъ!— заявилъ воспитатель Роммъ, терпѣливо мокшій подъ усиливавшимся дождемъ съ краснощекимъ воспитанникомъ своимъ, который не сводилъ глазъ съ Теруань де-Мерикуръ, согрѣваемый пламеннымъ обожаніемъ эксцентричной наѣздницы. Сама она и всѣ женщины до того были воспламенены патріотизмомъ, что не только накрапывавшій дождь, но ливень, снѣгъ, градъ и буря не могли бы обратить на себя ихъ вниманіе и остановить въ исполненіи задуманнаго предпріятія.

— Въ Версаль! въ Версаль! въ Версаль!—неистово закричали «безоружныя» женщины, махая пиками и ружьями, розданными Майаромъ, вновь ударившимъ въ барабанъ.

Въ отвѣтъ на это вся площадь загремѣла, и лохматники потрясали своими пиками и желѣзными палками. Но Лафайетъ, казалось, не видѣлъ ни ружей въ рукахъ женщинъ, ни ревущей толпы оборванцевъ.

Онъ далъ знакъ, что хочетъ говорить. Крики стихли. Майаръ пересталъ барабанить. Только гудѣлъ отрывисто и грозно набатъ. затихая въ одномъ концѣ Парижа и подхватываемый въ другомъ,

— Женщины французскаго народа!—возгласилъ генералъ.— Обѣщайте мнѣ, что вы не обезпокоите короля и его семейства, но тихо, мирно остановитесь на приличномъ разстояніи отъ рѣшетки дворца и вышлете къ его величеству депутацію!

— Мы согласны,—сказала «королева рынка», кивнувъ головой генералу изъ своей телѣжки.

— Я вамъ вѣрю, женщины Парижа!—сказалъ генералъ, снялъ шляпу, махнулъ ею и поѣхалъ назадъ къ своимъ милиціонерамъ.

— Въ Версаль!—закричала вновь Теруань де-Мерикуръ, махая пикою.

— Сударыня, одно мгновеніе вниманія! — возопилъ вдругъ Роммъ.—Одно мгновеніе вниманія! Здѣсь среди насъ иноземцы, сыны Сѣвера, дѣти снѣговъ и льдовъ, трое русскихъ,—мой воспитанникъ Поль Строканофъ, пріѣхавшій на дняхъ отъ князя Потемкина молодой русскій бояринъ и князь калмыковъ (prince des Kalmouks) Митрò-фанò! Они прибыли, привлеченные свѣточемъ свободы, желая согрѣть члены, закоченѣлые отъ жестокой стужи

полярнаго рабства и тираніи! Возьмите ихъ съ собою! Пусть они будутъ свидѣтелями трогательнаго единенія матерей Франціи съ королемъ ея! Пусть они, возвратясь въ свою страну, разскажутъ дикимъ племенамъ снѣговъ о великомъ днѣ, когда женщины Франціи возвратили короля своему народу!

Предложеніе Ромма встрѣчено было общимъ восторгомъ, и трое русскихъ не успѣли оглянуться, какъ дюжія нормандки, засученныя рукава которыхъ выказывали великолѣпныя, не уступающія мужскимъ, мышцы, подхватили ихъ подъ руки и разсадили по телѣжкамъ.

Графъ Павелъ Строгановъ оказался о бокъ съ «королевой рынка», Реной Одю, нарочный свѣтлѣйшаго князя Таврическаго, секундъ-майоръ Радожицкій—въ телѣжкѣ хорошенькой гризетки Пьеретты Шабри, а крѣпостной его человѣкъ Митрофанъ, неожиданно получившій титулъ «князя калмыковъ», рядомъ съ актрисой Розой Лакомбъ. Затѣмъ высокій Майаръ загрохоталъ въ барабанъ и открылъ шествіе, за нимъ тронулась Теруань де-Мерикуръ и одна за другой телѣжки съ предводительницами похода и депутатами сѣверныхъ льдовъ и снѣговъ, далѣе двинулась толпа женщинъ, а за ними и вооруженная армія Гревской подъ предводительствомъ достойныхъ генерала пики и капитана желѣзной палки.

Мало-по-малу подъ гулъ набата необозримая толпа, надъ которой стояли тучей испаренія, втягивалась въ узкія, прилегавшія къ площади улицы, и пелена сыпавшагося изъ угрюмо нависшаго темнаго неба мелкаго дождя затянула послѣдніе ряды. Тогда и Лафайетъ, скомандовавъ отряду миліціонеровъ двинуться, шажкомъ пустился впередъ, похлопывая по лоснящейся шеѣ бѣлую свою лошадку, которая играла и шалила подъ популярнымъ генераломъ.

LVII.

Хлѣба и короля!

Павелъ Корнильевичъ трясся въ телѣжкѣ подъ дождемъ о бокъ съ хорошенькой Пьереттой, по дорогѣ въ Версаль, и все происходившее вокругъ казалось ему сномъ. Еще такъ недавно онъ на другомъ концѣ Европы, среди русскихъ войскъ дивился необычайной ставкѣ свѣтлѣйшаго, его землянкѣ, окруженный генералами, дипломатами, представителями древнѣйшихъ фамилій Франціи! Еще сказочный міръ, тотъ сонъ наяву былъ ярокъ въ его воображеніи, и вотъ онъ съ внутреннимъ изумленіемъ находилъ себя среди ревущей толпы воспаленныхъ женщинъ, среди отбросовъ Гревской, ужасающихъ фигуръ революціонной толпы, ѣдущимъ въ Версаль, къ королю Франціи не то въ качествѣ знатнаго гостя, не то плѣнника этой толпы. Вотъ куда привела его прихоть свѣтлѣйшаго и

«прямая служба»! Пьеретта оказалась веселой, простодушной, милой дѣвушкой, истой гризеткой Парижа, и Радожицкій легко разговорился съ ней. Она напомнила ему собою одну изъ французскихъ актрисъ Эрмитажа, театра Зимняго дворца въ Петербургѣ, съ которой онъ частенько бесѣдовалъ за кулисами въ бытность уборнымъ сержантомъ. Походъ въ Версаль Пьеретта объясняла тѣмъ, что народъ голодаетъ, муки на рынкѣ нѣтъ, печенаго хлѣба такъ мало, что приходится стоять часами въ хвостахъ у булочныхъ, а между тѣмъ король, добрый король, ничего не знаетъ! Сеніоры и богачи спрятали муку и даже сыплютъ ее въ Сену, такъ что рѣшетки черезъ рѣку, которыя поставлены съ тою цѣлью, чтобы задерживать утопленниковъ, залѣпило тѣстомъ. Это многіе видѣли! Все это дѣлаетъ «австріячка», королева, на зло народу, чтобы ослабить его голодомъ и предать врагамъ Франціи. Король же ничего не знаетъ! Поэтому женщины и рѣшили итти къ королю и все, все ему разсказать! Король добръ, онъ любитъ народъ, лишь бы до него дойти, онъ все сдѣлаетъ. На сомнѣнія Радожицкаго, допустятъ ли такую толпу даже до резиденціи, не только что до короля, Пьеретта хитро улыбалась и говорила, что король предупрежденъ черезъ слесаря, который учитъ его дѣлать замки; что король выйдетъ на террасу, къ народу.

— Лишь бы намъ добыть короля, и у насъ будетъ хлѣбъ!— повторяла Пьеретта.

Радожицкій былъ убѣжденъ, что толпу остановитъ гвардейская стража еще на дорогѣ, тѣмъ болѣе, что впереди ѣхали двѣ неизвѣстно откуда взявшіяся пушки. Но, къ его изумленію, толпа безпрепятственно вступила въ Версаль. Зрители высыпали изъ домовъ на улицы.

Парижане запѣли:

Vive Henri Quatre!

перемежая пѣніе возгласами: «Да здравствуетъ король!» Жители Версаля кричали въ отвѣтъ: «Да здравствуютъ парижанки!» Толпа достигла уже Парижскаго проспекта и выходившей на нее дворцовой ограды, когда лейбъ-гвардейцы и Фландрскій полкъ, выйдя изъ казармъ, стали передъ оградой. Было уже три часа дня.

Дождь, не крупный, но частый и упорный, шелъ и шелъ. Толпа топталась въ грязи, видя передъ собой солдатъ и высокую, неприступную ограду дворца. Усталая, голодная, подкрѣпивъ себя по мѣрѣ возможности въ кабачкахъ по пути, она приходила съ минуты на минуту въ большее и большее возбужденіе. Гвардейцы стояли безмолвно, неподвижно. Толпа ревѣла. Тысячи рукъ потрясали дубинами, мечами, крючьями, ножами, палками, пиками и ружьями. Часть женщинъ отправилась въ національное собраніе,

и скоро оттуда вышелъ президентъ Мунье, сопровождаемый нѣсколькими депутатами.

Между ними выдѣлялась степенностью и почтенной внѣшностью черная фигура доктора Гильотена въ ученой мантіи. Избравъ изъ женщинъ депутацію, въ которую вошла и спутница Павла Корнильевича, гризетка Пьеретта, президентъ Мунье отправился съ ними во дворецъ просить аудіенціи у короля.

— Смотри, Пьеретта,—кричали ей остающіяся товарки:—не робѣй! Скажи королю все. Скажи ему, что парижскій архіепископъ запрещаетъ мельникамъ муку молоть! Скажи, что хлѣбъ стоитъ три ливра двѣнадцать су за четыре фунта!

Теперь Павелъ Корнильевичъ и его вѣрный Митрофанъ оказались между зловѣщими лохмотниками въ высокихъ колпакахъ, видимо сторожившими иностранцевъ и то и дѣло помахивавшими желѣзными палками, бросая на нихъ достаточно краснорѣчивые взгляды. Строганова куда-то увелъ Майаръ.

Время шло. Дождь не переставалъ. Павелъ Корнильевичъ видѣлъ потомъ издали, какъ изъ дворца съ сіяющими лицами возвращались женщины и скоро въ толпѣ стали передавать, что король ихъ принялъ очень милостиво, что съ Пьереттой отъ волненія стало дурно, «король давалъ ей нюхать спиртъ изъ своего флакона и поилъ виномъ изъ золотой своей чаши, поцѣловалъ и назвалъ хорошенькой...»

— Да здравствуетъ король! Долой австріячку! — закричала толпа.

— А хлѣба? Обѣщалъ ли онъ народу хлѣба? — спрашивали скептики.

— Король сказалъ, что распорядится, прикажетъ настрого, и хлѣбъ будетъ!

— А сеніоры спрячутъ приказъ, и все останется по-старому! Нѣтъ, пусть насъ впустятъ за ограду и король выйдетъ къ народу на террасу!

— Короля! Мы хотимъ видѣть короля!—завопили въ толпѣ.— Хлѣба! Короля! Хлѣба! Короля! — стало чередоваться въ толпѣ.

Между тѣмъ стали подавать одну за другой придворныя кареты. Но въ нихъ садились тѣ женщины, которыя были одѣты въ хорошія платья, толстыя, сытыя, веселыя, хотя и промокшія до послѣдней нитки, и кареты одна за другой уѣзжали въ Парижъ.

— Измѣна! Ихъ подкупили!—завопили въ толпѣ.

Быстро смеркалось. Озлобленная голодная толпа ругалась. Въ городкѣ ничего нельзя было достать. Всѣ окна были закрыты ставнями, лавки заперты. Жители попрятались, разсмотрѣвъ, что за личности явились вмѣстѣ съ парижанками. Въ церквахъ били набатъ. Толпа передъ дворцовой оградой съ большимъ трудомъ развела костры и грѣлась. Въ темнотѣ изъ-за деревьевъ парка

сіялъ огнями фасадъ дворца. Вдругъ раздались невѣдомо откуда выстрѣлы. Нѣсколько человѣкъ изъ толпы упали, истекая кровью. Неистовый вопль издала толпа, и изъ всѣхъ ружей и пистолетовъ грянула залпомъ въ гвардейцевъ. Нѣсколько лошадей рухнуло. Гвардейцы тоже отвѣтили залпомъ, но безвреднымъ. И вдругъ двинулись прочь отъ рѣшетки парка.

На мѣстѣ остались только убитыя и раненыя лошади. Лохмотники кинулись къ нимъ, прикончили еще живыхъ и бившихся, потащили къ кострамъ, и съ удивительной быстротой и искусствомъ принялись ножами и топорами драть съ нихъ шкуры, свѣжевать туши, рѣзать мясо на куски и обжаривать въ горящихъ угольяхъ костровъ. Потомъ жадно ѣли это жаркое сами и другихъ угощали. Между тѣмъ толпа сломала желѣзную калитку воротъ и съ глухимъ ропотомъ стала вливаться за ограду королевскаго дворца.

LVIII.

Депутатъ сенешальства Э.

Радожицкій съ ужасомъ наблюдалъ происходившее вокругъ него, сидя у тлѣвшаго, дымившаго и постоянно грозившаго угаснуть подъ сѣявшимъ дождемъ костра. Кругомъ раздавались непонятные ему говоры французскихъ провинцій. Женщины-мегеры ходили между кострами, возбуждая чернь. Видимо, Радожицкаго стерегли, и караулъ голодранцевъ правильно смѣнялся время отъ времени. Но его не трогали, такъ же, какъ и вѣрнаго Митрофана, желтое, вытянутое лицо котораго выражало величайшую степень презрѣнія къ окружавшему «побѣдоносному народу». Время отъ времени между кострами появлялись тѣ странные молодые люди въ поношенныхъ плащахъ третьяго сословія и въ богатыхъ дворянскихъ костюмахъ подъ ними, которыхъ можно было замѣтить еще на Гревской въ Парижѣ. Видимо, они отдавали какія-то распоряженія и опять исчезали въ темнотѣ.

Вдругъ вопль толпы, все время, подобно морскому прибою, то стихавшій, то грохотавшій и завывавшій громче и громче, достигъ степени неистоваго рева, и съ ужасомъ, въ столбѣ дыма, искръ и свѣта отъ костровъ, Радожицкій увидѣлъ двѣ отрубленныя человѣческія головы, вздѣтыя на пики и рѣявшія надъ толпой. Кровь лила изъ нихъ, и капли ея падали на оравшихъ, хохотавшихъ, плясавшихъ и бѣсновавшихся голодранцевъ и страшныхъ, растерзанныхъ площадныхъ бабъ.

То были головы двухъ убитыхъ офицеровъ королевской лейбъгвардіи.

Къ костру, гдѣ сидѣли русскіе, поспѣшно подошелъ гражданинъ Майаръ.

— Полагаю, что хотя вы, дѣти снѣговъ и льдовъ, привыкли въ своихъ степяхъ къ перемѣнамъ стихій и къ кочеванью подъ открытымъ небомъ, около костровъ,—напыщенно сказалъ онъ:— но, конечно, не откажетесь согрѣться, закусить, выпить стаканъ вина и провести остатокъ ночи подъ кровлей, въ сухой постели съ грѣлкой!

— Отъ послѣдняго мы не откажемся,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.—Но вы ошибаетесь относительно Россіи. У насъ кочуютъ только цыгане да дикіе инородцы, и во всякомъ случаѣ не становятся таборомъ въ резиденціи нашей государыни, подъ окнами ея дворца.

— Да, да! Русскіе привыкли къ рабскому обоготворенію земного кумира деспотизма!—отвѣчалъ Майаръ:—имъ непонятны движенія свободныхъ сыновъ братской націи!

— Въ особенности эти движенія русскимъ чужды и непонятны!—возразилъ Радожицкій, указывая на головы гвардейцевъ на пикахъ, которыя въ эту минуту толпа прикладывала одну къ другой, съ хохотомъ вопя: «поцѣлуйтесь!»

— Народъ вообще добръ, какъ великанъ-ребенокъ, но когда голодъ, насилія, несправедливость, отчаяніе доведутъ его до взрыва, то онъ ужасенъ въ своей ярости! Впрочемъ, я читалъ о возстаніи крестьянъ въ Россіи въ царствованіе вашей императрицы. Гражданинъ Пугатшовъ и его товарищи поступали еще ужаснѣе съ тиранами-помѣщиками. Однако, идемте!

На послѣднія слова Майара Павелъ Корнильевичъ не нашелся, что отвѣтить, и молча послѣдовалъ за нимъ съ Митрофаномъ. Майаръ привелъ ихъ къ дому, выходившему на Парижскую дорогу. Въ нижнемъ помѣщеніи, въ ярко освѣщенныхъ залахъ пировала за столами толпа женщинъ и мужчинъ—парижскаго сброда. Но Майаръ провелъ русскихъ по узкой лѣстницѣ на третій этажъ высокаго, крытаго черепицей дома, въ комнату, гдѣ пылалъ каминъ, приготовлены были двѣ постели, а на столѣ сервированъ изрядный ужинъ съ заманчивыми бутылками.

— Прошу васъ располагаться здѣсь, какъ дома!—сказалъ любезно Майаръ.—Издержки приметъ на себя парижскій муниципалитетъ. Вы здѣсь гости французской націи.

И, раскланявшись, Майаръ удалился.

Павелъ Корнильевичъ промокъ и продрогъ, а кромѣ того, не ѣлъ съ утра; поэтому теплота, сухая постель и видъ ужина возбудили въ немъ самыя пріятныя ощущенія. Радъ былъ онъ и возможности отдохнуть отъ созерцанія той «націи», гостепріимствомъ которой теперь пользовался по прихоти случая и свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго.

Съ помощью Митрофана, онъ снялъ съ себя промокшую одежду, и въ то время, какъ вѣрный слуга сушилъ ее у камина, завер-

нувшись въ одѣяло, принялся ѣсть и пить, какъ только можетъ молодой, сильный человѣкъ его возраста и сложенія.

Совершенно согрѣвшись и утоливъ голодъ, онъ подумывалъ уже о постели, когда вдругъ деревянная лѣстница заскрипѣла подъ тяжкими шагами и въ комнату ввалился необыкновенно тучный, астматически громко дышавшій господинъ. Его шея съ тройнымъ подбородкомъ и подзобкомъ тонула въ великолѣпныхъ кружевахъ жабо, вишневый кафтанъ и пестрый жилетъ съ модными пуговицами облекали жирныя плечи и объемистое чрево, толстые пальцы унизаны были перстнями, шелковыя чулки облекали жирныя икры. Лицо его было важно, надменно, въ особенности благодаря чернымъ, приподнятымъ на лобъ піявкообразнымъ бровямъ, и носило явные слѣды распутной жизни и грязныхъ привычекъ.

Войдя въ комнату, онъ еще больше поднялъ на лобъ брови, видя русскихъ въ болѣе чѣмъ легкомъ костюмѣ.

Павелъ Корнильевичъ все же прикрытъ былъ одѣяломъ, но Митрофанъ, какъ мать родила, сидѣлъ на корточкахъ у камина и по-солдатски просушивалъ у пламени части своего и господскаго костюма, грѣя въ то же время и собственное желтое, худое и сморщенное тѣло.

— Не вы ли посланникъ свѣтлѣйшаго князя россійскаго Потемкина?—спросилъ толстякъ.

— Такъ точно, я нарочный князя, хотя и не россійскаго, а только Таврическаго,—отвѣчалъ Радожицкій, подбирая голыя ноги подъ одѣяло.

— Пусть будетъ по-вашему,—согласился толстякъ.—Хотя Потемкинъ вполнѣ достоинъ наименованія именно Всероссійскаго князя. Ибо что ему не подвластно въ вашей имперіи?

— Императрица,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.—Съ кѣмъ, однако, имѣю честь говорить?

— Я—графъ Мирабо, депутатъ отъ общинъ сенешальства Э и покорнѣйшій слуга его свѣтлости князя Потемкина!—сказалъ толстякъ

— Весьма пріятно. Но что же вамъ отъ меня угодно? И къ тому же вы застаете меня и моего служителя въ костюмѣ праотцевъ. Митрофанъ! да накинь на себя что-нибудь, невѣжа!

— О, не безпокойтесь, пожалуйста,—съ любезной улыбкой сказалъ графъ Мирабо.—Сегодня мы насмотрѣлись и не такихъ еще одѣяній. А зачѣмъ я пришелъ къ вамъ, вы сейчасъ узнаете. Въ сію же минуту, признаюсь вамъ, меня привлекаютъ болѣе всего эти щедроты муниципалитета, отпущенныя къ вашему ужину,—подходя къ столу, продолжалъ депутатъ отъ общинъ сенешальства Э,—эти бутылочки, фрукты, яства! Признаюсь, сегодня въ собраніи столько было шума, толкотни, возни съ парижскими бабами и

гревской сволочью, съ этимъ осломъ Майаромъ, что положительно не имѣлъ минуты свободной перекусить порядкомъ.—Говоря это, графъ растиралъ у себя подъ ложечкой.

— Сдѣлайте милость, графъ, садитесь и кушайте!—съ славянскимъ гостепріимствомъ предложилъ Павелъ Корнильевичъ.

Депутатъ не заставилъ просить себя дважды, сейчасъ же сѣлъ за столъ, заправилъ за жабо конецъ салфетки и принялся смачно ѣсть и пить, чмокая плотоядными губами. Когда онъ удовлетворилъ первый голодъ и глаза его наполнились влагой сытости, а жирныя, дряблыя щеки покрылись румянцемъ, онъ посмотрѣлъ вино на свѣтъ и сказалъ:

— Что бы кто ни говорилъ, а добрый ужинъ, паштетъ изъ дроздовъ, хорошо изжаренная на вертелѣ часть дикой козули, фаршированная трюфелями кабанья голова, лосось подъ соусомъ изъ пѣтушьихъ гребешковъ, двѣ-три груши, десятокъ-другой устрицъ, кисть винограда, кусъ стараго рокфора да три-четыре бутылки добраго вина, да подъ каждую руку по веселой, податливой, хорошенькой бабенкѣ-дѣвчонкѣ,—выше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ! Но перейдемъ къ дѣлу.

— Перейдемъ къ дѣлу,—согласился Павелъ Корнильевичъ, котораго начиналъ клонить сонъ.

LIX.

Дѣло графа Мирабо.

— Прежде всего я долженъ передать вамъ благодарность моей племянницы,—важно началъ депутатъ.

— Мнѣ это весьма лестно, графъ,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ, останавливая судорогу зѣвоты:—очень лестно. Только не могу понять, какая причина этой благодарности незнакомому ей иностранцу.

— О, пусть вы ей незнакомы, но кредитивъ, переданный вами ея парижскому банкиру—лучшее рекомендательное письмо въ мірѣ!—улыбаясь, сказалъ графъ Мирабо.

— Кредитивъ! Но при чемъ же тутъ ваша племянница?—изумился Радожицкій.

— Какъ при чемъ?—изумился и Мирабо.—Но вѣдь племянница моя получила даже предупрежденіе о вашемъ прибытіи въ Версаль и прислала изъ Пасси своего камердинера съ запиской ко мнѣ. По этой запискѣ я и поспѣшилъ разыскать васъ, мой русскій другъ!

— А, такъ извѣстная мнѣ подъ анонимомъ маркизы Z. есть ваша племянница?—спросилъ Радожицкій, преодолѣвая новый приступъ зѣвоты.

— А вы не знали этого? Маркиза Арагонская, моя племянница.

— Если такъ, то я могу передать вамъ письмо къ ней отъ принца де-Линь.

Радожицкій досталъ письмо изъ бумажника и передалъ графу Мирабо.

— Письмо отъ принца де-Линь!—съ живостью принимая, сказалъ графъ.—И что же, вамъ извѣстно сколько-нибудь его содержаніе?

— О, да! Принцъ читалъ его при мнѣ въ кружкѣ пріятелей въ своей палаткѣ въ лагерѣ свѣтлѣйшаго. Это изящнѣйшее произведеніе его остроумнаго пера.

— Изящнѣйшее произведеніе остроумнаго пера!—повторилъ графъ, оттопыривая чувственныя губы.—Но, скажите, нѣтъ ли при письмѣ менѣе поэтическаго, но столь же краснорѣчиваго, сколь переводъ Потемкина, распоряженія кому-либо изъ парижскихъ банкировъ?

— Принцъ при мнѣ клалъ въ кувертъ посланіе, и ничего подобнаго банковому кредитиву или переводу я не замѣтилъ!

— А! Только цвѣты краснорѣчія!—пренебрежительно засовывая письмо за обшлагъ малиноваго кафтана, сказалъ разочарованный депутатъ.—Но у насъ нынѣ краснорѣчія цѣлыя моря. Тысяча двѣсти болтуновъ съѣхались со всей Франціи и неустанно заливаютъ словесной водой бѣдную страну. И что это за люди!.. Ахъ, что за люди! Что за несносные провинціальные болтуны и невѣжды! Всѣ засидѣвшіеся въ своихъ медвѣжьихъ замкахъ, обойденные при дворѣ виконты, прогнившіе отъ зависти и честолюбія умники провинціальныхъ клубовъ, тупоумные аббаты и остроумные аббатики, всѣ крикуны и нахалы—бездарные адвокаты безъ практики, всѣ площадные шуты Гаскони и знакомцы графа Прованскаго, доблестные мужи Тараскона! Послушали бы вы ихъ южное краснорѣчіе, смѣшеніе выговоровъ разныхъ провинцій, языкъ Франціи, передаваемый то итальянскими, то испанскими, то бретонскими губами! И все это топорщится, пыжится, надувается и говоритъ, говоритъ, говоритъ безъ конца!.. Что за фигуры!—восклицалъ графъ Мирабо, забывая, что онъ самъ представляетъ едва ли не самую яркую фигуру національнаго собранія.—Откуда только явились эти лица! Маратъ, еще недавно служившій коноваломъ при конюшняхъ графа д'Артуа, теперь объявляетъ, что онъ, изволите видѣть, «око народа»! А этотъ паточный фразеръ, самовлюбленная добродѣтель, Робеспьеръ, который голосомъ папскаго кастрата заявлялъ вчера: «Нужны не насильственныя мѣры, а мудрые декреты!»

Графъ Мирабо умолкъ въ волненіи и жадно потянулъ изъ объемистаго кубка муниципальное вино.

— Ахъ, мой русскій пріятель!—продолжалъ онъ:—какъ вы счастливы, что родились въ степяхъ Россіи! У васъ есть просторъ для выдающагося человѣка! Но Францію опутали интриги, она

прогнила, какъ старый сыръ, и кишитъ подлецами! Моему генію не хватаетъ воздуха! Я задыхаюсь между Неккеромъ и Лафайетомъ! Неккеръ не что иное, со всей своей финансовой каббалистикой, какъ презрѣнный шарлатанъ, не обладающій даже смѣлостью и изобрѣтательностью Джона Ло! Вашъ Потемкинъ надѣлалъ не менѣе государственныхъ долговъ, чѣмъ Неккеръ, но зато онъ раздвинулъ ваши предѣлы до Буга и Дуная, и черезъ полгода, можетъ быть, вѣнчается въ Константинополѣ короной византійскихъ императоровъ! Не возражайте! Я знаю честолюбіе князя Потемкина. Оно столь же необъятно, какъ власть его повелительницы и просторъ русскихъ степей! Да, пустите меня въ русское море! Посмотрите, въ какую щуку я тамъ выросту! А здѣсь, въ этой лужѣ, я—пискарь, жалкій пискарь!

Мирабо налилъ до краевъ кубокъ и жадно осушилъ его до дна.

— Лафайетъ! Это низкій обманщикъ!—продолжалъ онъ.—Да! да! Я обманутъ имъ самымъ низкимъ образомъ. Ну, вы знаете мои роскошныя привычки! Я привыкъ къ питанію. Я не могу одѣваться въ лохмотья. Я люблю женщинъ. Я порочен̆ъ, я развратенъ. Да! Но кто не развратенъ? Кто не порочен̆ъ? Только другіе скрываютъ, а я открыто... Этотъ подлецъ Ламаркъ мнѣ шепчетъ: «Лафайетъ готовитъ вамъ къ понедѣльнику крупное пособіе!» Ладно. На другой день съ трибуны я сказалъ великолѣпное похвальное слово Лафайету! Что же я получилъ? Ничего или почти ничего. Этотъ Кромвель-Грандиссонъ, этотъ богъ Морфей французской короны, Лафайетъ обманулъ всѣ мои ожиданія!

— Кто заплатитъ мои долги!?—восклицалъ представитель сенешальства Э черезъ полчаса.

Онъ разстегнулъ камзолъ, развязалъ душившее его подзобокъ жабо, чулокъ спустился съ толстой икры его правой ноги. Онъ пилъ и пилъ.

— Кто заплатитъ мои долги, спрашиваю я? Мнѣ негдѣ голову преклонить. У меня нѣтъ ни одного экю. Дайте мнѣ сколько-нибудь взаймы, прошу я. Мнѣ даютъ смѣшныя суммы. Другіе живятся, а я подожди, а я посиди! Милостивый государь, меня угнетаетъ бѣдность и мое сладострастіе. Мнѣ не даютъ дѣйствовать. Вокругъ меня пѣшки, пѣшки! Глухіе раскаты предвѣщаютъ бурю. Подвозъ продовольствія затрудняется съ каждымъ днемъ. Нація отвыкла отъ труда. Потребовалось бы нѣсколько лѣтъ, чтобы возмѣстить то, что разрушено за послѣдніе полгода!—Народъ голоденъ и раздраженъ. Онъ со дня на день нетерпѣливѣе. Если спускать съ цѣпи звѣря, то надо умѣть выбрать время и приготовить средства вновь посадить его на цѣпь, когда травля кончена. Но у насъ работаютъ Майары, Майары и разные дворянчики, которые сыплютъ золото Орлеановъ въ шелковые карманы и потомъ устраиваютъ глупѣйшій маскарадъ въ поношенныхъ плащахъ

отъ торговцевъ ветошью, изъ-подъ которыхъ сквозятъ шелкъ и бархатъ!

— Я, дѣйствительно, видѣлъ сегодня такихъ молодыхъ людей, вставилъ Павелъ Корнильевичъ, едва успѣвая слѣдить усталой, сонной головой за трескомъ неистощимыхъ рѣчей полупьянаго депутата.

— Да, и вы замѣтили этихъ молодчиковъ? Вотъ они-то и получатъ всѣ мѣста и аренды. А меня—въ королевскій совѣтъ, безъ управленія отдѣльной частью! Слуга покорный! Я еще не разрушаюсь въ своей кожѣ, чтобы съ допотопными пугалами сидѣть въ совѣтѣ! Я—ничто. А Неккеръ—первымъ министромъ, Лафайетъ—маршаломъ Франціи, генералиссимусомъ! О, проклятіе! И ничего не будетъ, ничего! Орлеанскій уже колеблется. Онъ слабѣе самого короля. А кто, спрашиваю я васъ, слабѣе нашего короля? Улитка, ползающая въ куртинахъ Тріанона, его сильнѣе. Но Орлеанскій, устроивъ сегодняшнюю пантомиму, хочетъ уже просить назначенія въ Англію. Да! да! Онъ трусливъ, какъ вороватый лакей! Бѣжитъ—и когда! Онъ не стоилъ хлопотъ, предпринятыхъ изъ-за него.

— Долженъ признаться, что эти интриги, о которыхъ вы мнѣ сообщаете,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ, воспользовавшись тѣмъ, что уста Мирабо опять прильнули къ кубку,—меня не интересуютъ и не касаются цѣли моей поѣздки!

— Нѣтъ, мой русскій другъ, все, что я вамъ говорю, очень можетъ заинтересовать князя Потемкина! Ахъ, Россія! Востокъ! Вотъ гдѣ поприще генію! Тамъ просто. Тамъ перевороты совершаются въ стѣнахъ сераля, и народъ въ нихъ не принимаетъ участія. А у насъ рыночныя торговки кричали проѣзжавшей королевѣ, когда у нея еще не было сына: «Что ты не родишь дофина? это твое дѣло—родить намъ дофина!» Вы спросите: А Monsieur? Люксембургъ теменъ. Графъ Прованскій переученъ отцами іезуитами. И хотя осмотрительность его поступковъ обусловливается именно смѣлостью его поползновеній, но и онъ со своими проволочками погубитъ все дѣло. Необходимо кончить. Убрать безполезный чурбанъ! Вы меня понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Ну, я говорю о королѣ.

— Какъ? Вы хотите уничтожить во Франціи монархію?—изумился Радожицкій.

— Э, нѣтъ! Вы меня не поняли. Кто вамъ говоритъ, что короля не нужно? Только не все ли равно, кто будетъ королемъ? И на что намъ такой рубаха-парень въ правителяхъ?

— Что же, вы хотите свергнуть короля съ престола?

— О, да и чудакъ же вы! Кто вамъ про это говоритъ? Но окружить короля, окружить. Вы понимаете? Провести Monsieur въ министры... Сдѣлать Monsieur настоящимъ лоцманомъ новаго

экипажа, безъ котораго судно уже не можетъ плыть. А король пусть сидитъ и слесаритъ въ Тюльери.

— Въ Версали, хотите вы сказать?

— Э, нѣтъ! Развѣ вы не знаете? Вѣдь его завтра перевезутъ въ Парижъ, и всему конецъ... конецъ!

Графъ Мирабо поникъ головою.

— Конецъ тебѣ, прекрасная, старая, королевская Франція! Конецъ вамъ, гроты, боскеты, лужайки Тріанона! Конецъ вамъ, тонкая, артистическая жизнь! Конецъ съ ними и тебѣ, графъ Мирабо, старый ты лизоблюдъ и развратникъ! Конецъ тебѣ, старый ты королевскій пролазъ и шутъ! конецъ! конецъ! конецъ!

И графъ Мирабо захлипалъ, и все жирное лицо его расплылось въ гримасу плача. Онъ вытащилъ раздушенный мускусомъ кружевной платокъ, отеръ имъ глаза, съ грохотомъ просморкалъ набухшій сине-багровый носъ и, оправившись, заговорилъ элегически, съ осанкой благороднаго человѣка:

— Я близокъ къ закату жизни. Бодрость не оставила меня. Но я усталъ. Да, я чувствую себя древнимъ, какъ египетская пирамида, и усталымъ, какъ неаполитанскій оселъ! Обстоятельства ввергли меня въ одиночество. Я болѣе, чѣмъ всѣ думаютъ, жажду покоя и достигну его въ тотъ день, когда буду имѣть возможность пріобрѣсти его съ честью и безопасностью. Тогда, если у меня окажется достаточно состоянія, я постараюсь быть счастливымъ, хотя бы играя въ кегли; вотъ и все...

— Я вижу, милостивый государь, — поднимаясь, заключилъ онъ:—что вы утомлены. Я удаляюсь. Но надѣюсь еще до вашего отъѣзда свидѣться съ вами не одинъ разъ. Пока прощайте. На всякій случай прошу васъ передать свѣтлѣйшему князю Потемкину, что я весь къ его услугамъ! Ахъ, можетъ быть, я именно кончу тѣмъ, что брошу это болото, этихъ грошевыхъ людишекъ, оловянныхъ герцоговъ и короля изъ пареной рѣпы и уѣду къ вамъ, въ великую Россію, страну богатырей и геніальныхъ предпріятій! Князь Потемкинъ и графъ Мирабо! Какое созвѣздіе!

LX.

Consummatum est.

Графъ Мирабо ушелъ, и Павелъ Корнильевичъ могъ наконецъ протянуть усталые члены на муниципальномъ ложѣ. Но сонъ его былъ прерывистъ и полонъ кошмарныхъ видѣній, повторявшихъ событія дня. Къ тому же его будили то вопли толпы на парижской дорогѣ, то грохотъ барабановъ, то начинавшійся набатъ. И когда онъ открывалъ глаза, окна озаряло зарево костровъ и факеловъ; тогда ему казалось, что уже началась осада королевскаго

дворца разъяренной чернью. Но онъ снова забывался, и предъ нимъ начинали рѣять страшныя, точащія ручьи крови мертвыя головы на пикахъ... Къ утру утомленіе наконецъ оцѣпенило воспаленный мозгъ молодого человѣка, и тяжкое, темное забвеніе приняло его въ свое лоно. Его разбудилъ громкій стукъ въ двери. Приподнявшись на кровати, Павелъ Корнильевичъ увидѣлъ, что покой залитъ яркимъ солнцемъ, за окнами голубѣетъ небо и вѣтеръ едва колеблетъ вершины деревьевъ королевскаго парка. Стукъ въ двери повторился.

— Митрофанъ, посмотри, кто тамъ?—приказалъ служителю Павелъ Корнильевичъ. Спавшій, не на постели, а на коврѣ около нея, подложивъ свернутый плащъ подъ голову, Митрофанъ отворилъ дверь, и въ комнату вошли графъ Павелъ Строгановъ и воспитатель его Роммъ.

— Вставайте, Радожицкій!—закричалъ весело Строгановъ.— Вставайте скорѣе! Свѣтлое утро свободы наступило! Вставайте! Не то пропустите процессію, которая сейчасъ тронется мимо вашихъ оконъ.

Розовый, улыбающійся, въ своихъ бѣлокурыхъ локонахъ, мальчикъ сіялъ жизнью и свѣжестью.

— Consummatum est! Совершилось!—торжественно вскричалъ Роммъ, растягивая жабью свою физіономію въ упоительную улыбку торжества.—Революція окончена.

— Какъ? что?—спрашивалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Революція окончена, говорю я вамъ. Скорѣе одѣвайтесь.

И въ то время, какъ Павелъ Корнильевичъ поспѣшно облекался въ разныя части костюма, высушенныя и тщательно сложенныя Митрофаномъ на деревянномъ рѣзномъ креслѣ, едва ли не работы XV столѣтія, Роммъ и Строгановъ наперерывъ другъ передъ другомъ принялись сообщать великую новость дня.

— Короля перевозятъ въ Парижъ! Процессія сейчасъ двинется!

— Король въ Луврѣ! Національное собраніе въ Тюльери!

— Пути сообщенія очищаются!

— Рынокъ переполненъ мѣшками съ зерномъ и мукой!

— Національная касса наполняется!

— Мельницы дѣйствуютъ! Измѣнники бѣгутъ!

— Попы повергнуты во прахъ!

— Аристократія умерла!

— Патріоты побѣдили!

Роммъ казался пьянымъ отъ восторга. А Строгановъ съ такимъ воодушевленіемъ принималъ участіе въ патріотическомъ восторгѣ наставника, словно дѣло шло о счастьи его собственной родины.

— Признаюсь вамъ, господа,—сказалъ Радожицкій:—что весьма мало могу понять изъ вашихъ восклицаній. Изъяснитесь вразумительнѣе.

Физіономія Ромма выразила важное и торжественное глубокомысліе. Онъ взялъ за руку Радожицкаго и сказалъ:

— Когда вы вернетесь въ ваше отечество, разскажите, какъ женщины Франціи примирили народъ съ его королемъ! Разскажите суровымъ сынамъ снѣговъ и льдовъ, привыкшимъ къ желѣзному скипетру деспотизма, какъ нѣжныя руки женщинъ и дѣвушекъ отворили врата дворца и волнующійся народъ бурными, но кроткими волнами влился въ залы, которыя до тѣхъ поръ наполняла лишь одна низкая лесть, низкопоклонство и чванство челяди сеньоріи! Разскажите, какъ народъ расторгъ золотыя цѣпи, которыми оковали короля интриги аристократовъ, и, поднявъ его на свой могучій хребетъ, левъ-народъ съ громоподобной лаской довольнаго рычанія мѣрнымъ шагомъ понесъ короля въ его вѣрный и древній городъ Парижъ! Разскажите...

Тутъ слова Ромма были прерваны торжественными звуками трубной фанфары, перезвономъ колоколовъ, громомъ барабановъ и воплями толпы. Строгановъ бросился къ окну и распахнулъ его настежь. Вмѣстѣ съ свѣжимъ дыханіемъ свѣтлаго утра всѣ эти звуки хлынули торжественной волной въ комнату. Радожицкій и Роммъ бросились тоже къ окошку и, высунувшись, насколько было возможно, увидѣли голову необычайной процессіи.

Впереди шелъ огромный человѣкъ въ широкополой шляпѣ и въ длинномъ до земли черномъ плащѣ. Онъ несъ на высокой палкѣ большой золотой треугольникъ, на концѣ же древка надѣтъ былъ красный фригійскій колпакъ съ трехцвѣтной кокардой. За этимъ человѣкомъ шелъ отрядъ парижскихъ миліціонеровъ. Каждый несъ на штыкѣ по воткнутому хлѣбу. Затѣмъ шла смѣшанная толпа всякаго люда—гревская «золотая рота» съ пиками, рабочіе изъ предмѣстій, женщины, однѣ въ блестящихъ латахъ гвардейцевъ, верхомъ на пушкахъ и на везшихъ ихъ лошадяхъ; другія женщины съ развѣвающимися изъ-подъ гвардейскихъ шлемовъ, которыми онѣ завладѣли и украсили себя, волосами, съ обнаженными грудями, гарцовали на гвардейскихъ коняхъ. Горцы и угольщики въ колпакахъ съ длинными бородами, люди съ бляхами на спинѣ и груди, цыгане въ яркихъ лохмотьяхъ, нищіе, ужасающія фигуры едва ли не бѣглыхъ каторжниковъ съ галеръ, буйно плясали на ходу, выкрикивая «карманьолу».

Далѣе тянулись захваченныя въ Версалѣ телѣги съ кулями муки, прикрытыми свѣжей листвой, сорванной съ деревьевъ королевскаго парка. Непосредственно за ними, восьмеркой по двѣ лошади цугомъ, съ форейторами и лакеями въ пудрѣ и чулкахъ на запяткахъ, шагомъ ѣхала огромная, парадная колымыга въ стеклахъ, украшенная лѣпными фигурами и живописью по филенкамъ. Въ ней сидѣли король, королева, маленькій дофинъ и его гувернантка. Королевская чета хранила торжественное и вели-

чественное выраженіе, какъ будто то былъ обыкновенный парадный выѣздъ. Высокая пудреная прическа королевы была такъ же тщательно сооружена. Огромный парикъ Людовика такъ же расчесанъ, и фамильный профиль его въ окнѣ кареты выражалъ спокойное благоволеніе. Маленькій дофинъ, прелестный, какъ амуръ кротко улыбался толпѣ, тѣснившейся вокругъ кареты. И странно, въ этой части процессіи возбужденіе народа стихало. Ни криковъ, ни рѣзкихъ движеній толпа себѣ не позволяла. Лица были серьезны, и взгляды, устремлявшіеся на королевскую чету, выражали смущеніе и невольное какъ бы благоговѣніе. А огромные, пудренные, надменные лакеи на запяткахъ кареты прямо внушали почтеніе толпѣ.

Но далѣе картина измѣнялась.

Двигались вперемежку съ необозримой народной толпой спѣшенные драгуны, швейцарская стража и лейбъ-гвардейцы. Послѣдніе напоминали плѣнниковъ въ древнихъ тріумфальныхъ шествіяхъ, съ обнаженными головами, обезоруженные, оборванные, повѣсившіе головы на грудь...

Толпа пѣла, кричала, ухала, ревѣла, плясала.

— Теперь-то у насъ будетъ хлѣба вдоволь!—кричали одни.

— Вотъ они—пекарь съ пекарихой!—кричали другіе, указывая на королевскую карету.

Вперемежку съ пиками и штыками тысячи рукъ несли убранныя лентами зеленыя вѣтви тополя, наломанныя въ версальскихъ садахъ! Казалось, движется лѣсъ.

Едва главная часть процессіи прошла мимо оконъ, Роммъ и Строгановъ заторопились уходить.

— А за вами Майаръ заѣдетъ съ каретой отъ муниципалитета,—сказалъ Роммъ Павлу Корнильевичу. — Мы его встрѣтили, идя сюда. Онъ просилъ васъ немного подождать.

Предпочитая возвратиться въ Парижъ болѣе комфортабельно, нежели какъ онъ прибылъ въ Версаль, Павелъ Корнильевичъ остался ждать.

Было уже около часа дня. Время, однако, шло, а Майаръ не являлся. Послѣднія толпы прошли по дорогѣ въ Парижъ, и настало полное спокойствіе. Колокола перестали звонить. Только одушевленное воробьиное щебетаніе неслось изъ свѣжаго, озареннаго солнцемъ версальскаго парка.

LXI.

Урокъ патруліотизма.

Въ ожиданіи Павелъ Корнильевичъ занялся подведеніемъ счета покупокъ въ бумажникѣ. Вдругъ въ открытое окно вмѣстѣ съ вѣяніемъ вѣтра до обонянія его достигла струя крѣпчайшаго и

сквернѣйшаго табаку. Взглянувъ въ окно, Павелъ Корнильевичъ сейчасъ же нашелъ источникъ зловонія. Четыре милиціонера, опершись на карабины съ примкнутыми штыками, стояли у дверей дома на улицѣ и такъ курили въ четыре трубки, что отъ нихъ поднимался столбъ дыма.

Не обративъ особаго вниманія на этихъ солдатъ, какъ онъ полагалъ, идущихъ въ Парижъ и по пути остановившихся у гостиницы покурить и выпить кружку вина, Павелъ Корнильевичъ продолжалъ занятія.

Время шло. Небо стали заволакивать тучи. Совсѣмъ насупилось. Заморосилъ дождь. Слуга угрюмо принесъ завтракъ, при чемъ странно посмотрѣлъ на постояльцевъ. На вопросъ, можно ли достать экипажъ въ Парижъ, слуга, скосивъ глаза и поджавъ губы, отвѣчалъ: «Невозможно. Всѣ экипажи Версаля разобраны. Но пусть господинъ не безпокоится. За нимъ скоро пріѣдутъ!» Слуга засмѣялся себѣ подъ носъ и удалился.

Было уже около пяти часовъ. Дождь сталъ усиливаться, и наконецъ полилъ косой ливень. Запирая окно, Павелъ Корнильевичъ увидѣлъ концы штыковъ милиціонеровъ, жавшихся въ дверяхъ дома.

«Чортъ возьми!—подумалъ онъ.—Что если Майаръ обманетъ? Не пѣшкомъ же возвращаться въ Парижъ подъ этимъ ливнемъ!»

Едва онъ подумалъ это, загремѣли колеса, и карета подкатила къ дому. Вслѣдъ за тѣмъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ раздались на деревянной лѣстницѣ, которая скрипѣла и стонала подъ ними.

Вдругъ четверо милиціонеровъ со штыками вошли въ комнату и поспѣшно стали по четыремъ угламъ ея.

За ними вошли Майаръ, опоясанный по камзолу трехцвѣтнымъ шарфомъ, и милиціонный офицеръ въ треугольной шляпѣ, надѣтой съ поля, украшенной огромной красно-синей кокардой, въ фантастическомъ мундирномъ кафтанѣ съ эполетами, аксельбантами, множествомъ галуновъ, выпушекъ, петличекъ, пуговичекъ и какихъ-то кисточекъ, въ ботфортахъ и съ грохочущей при каждомъ движеніи огромной саблей на боку.

— Именемъ свободы, равенства и братства!—возгласилъ милиціонный офицеръ, ставъ среди комнаты и доставая изъ-за обшлага бумагу.—Гражданинъ приставъ Майаръ! Эти лица суть ли тѣ иностранцы, которыхъ мнѣ приказано, взявъ подъ стражу, представить?

— Гражданинъ Ромулюсъ!—съ официіальной важностью отвѣтилъ высокій Майаръ:—это подлинно тѣ самыя лица.

Тогда офицеръ, протянувъ руку и коснувшись плеча Радожицкаго, который совершенно остолбенѣлъ отъ изумленія, произнесъ:

— Иностранецъ! Властью коммуны и націи, по приказанію парижскаго муниципалитета, изложенному въ семъ декретѣ, я,

Кайюсъ Ромулюсъ Сцевола милиціонный комиссаръ, 23—28 округовъ города Парижа, 13-го легіона, арестую васъ для препровожденія въ 43-ю кордегардію и потомъ на 6-ю гауптвахту для допроса и передачи муниципальной власти! Слѣдуйте за мною!

— Государь мой,—сказалъ Радожицкій, отступая и положивъ руку на шпагу, — я подданный ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, секундъ-майоръ и кавалеръ и прибылъ въ Парижъ, какъ частное лицо, для закупокъ товаровъ, по приказанію генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго и при себѣ имѣю видъ, удостовѣряющій личность мою и благонамѣренія, контрасигнованный чрезвычайнымъ посланникомъ его величества французскаго короля при россійскомъ дворѣ графомъ де-Сегюромъ! То какое же право имѣетъ парижскій муниципалитетъ меня арестовать? Для этого потребенъ собственноручный приказъ короля.

— Власть королей и тирановъ низложена во Франціи! Я арестую васъ властью коммуны!—сказалъ запальчиво офицеръ.

— А я не признаю никакой коммуны и не намѣренъ вамъ повиноваться.

— Иностранецъ! не заставляйте меня прибѣгать къ силѣ!

— Къ тому же,—продолжалъ Радожицкій,—я отлично припомнилъ ваше лицо, несмотря на этотъ маскарадный костюмъ! Вы—приказчикъ въ модномъ магазинѣ въ Пале-Руаялѣ и отмѣривали мнѣ тамъ муслинъ!

Щеки милиціоннаго комиссара покрылись багровой краской.

— Чортъ побери, милостивый государь! Если я въ частной жизни главный приказчикъ торговаго дома, то при исполненіи обязанностей—я представитель военной власти! Не заставляйте меня примѣнять насиліе и помните: законъ—это сабля!—и милиціонеръ ударилъ рукой по рукояти.

— Я подчиняюсь насилію, но протестую и увѣренъ, что россійскій посланникъ съ своей стороны сдѣлаетъ представленія по поводу незаконнаго моего задержанія.

— Очень хорошо, милостивый государь. Я радъ, что мнѣ не придется прибѣгнуть къ силѣ. Знайте, прислужникъ королей, что ихъ власть на землѣ кончена! Скоро освобожденный французскій народъ на концѣ сабли понесетъ новую власть и новую правду всѣмъ народамъ, потрясетъ всѣ престолы, на выяхъ людскихъ взгроможденные, и низвергнетъ съ нихъ земныхъ идоловъ, которымъ поклоняются ослѣпленныя націи вмѣсто единаго бога—Натуры! Царство истины, свободы и добродѣтели соединитъ въ одну семью родъ человѣческій отъ полюса до тропиковъ и отъ Гибралтара до Панамы!

— Все это прекрасно, господинъ комиссаръ,—съ досадой возразилъ бѣдный Павелъ Корнильевичъ:—но пока что, вмѣсто вашего

царства истины и прочихъ прелестей, вы тащите меня, не объясняя причинъ, просто въ кордегардію и на гауптвахту. Не объясните ли мнѣ хотя вы, г. Майаръ, что все это значитъ?

— Некогда! Некогда!—сердито отвѣчалъ приставъ.—Вамъ все объяснятъ въ Парижѣ! Гражданинъ Ромулюсъ, ведите арестантовъ!

— Именемъ коммуны и націи! Иностранцы, вы послѣдуете за мной,—обнажая саблю и взявъ на плечо, провозгласилъ комиссаръ.—Граждане легіонеры! приблизьтесь! Иностранецъ! отдайте вашу шпагу!

— Матерь Божія Одигитрія Смоленская Владычица, помилуй насъ!—возгласилъ тутъ плачевно Митрофанъ.—Вотъ не послушали, батюшка, глупаго моего холопскаго разсужденія, не отказались нарочнымъ ѣхать, вотъ и попали въ лапы французскимъ разбойникамъ! Видано ли такое дѣло, природнаго россійскаго дворянина и гвардіи секундъ-майора молодецъ изъ портновской лавки, пѣтухомъ разодѣвшись, за пристава беретъ!

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

XII.

Обсужденіе смѣты на постройку желѣзной дороги.—Послѣдствіе этого для меня.—Реформы въ главномъ управленіи путями сообщенія.—Составъ моей канцеляріи.—Столкновеніе съ графомъ Клейнмихелемъ. — Мельниковъ. — Дѣятельность графа Канкрина. — Врончевко. — Вражда князя Меншикова съ Киселевымъ. — Неудовольствіе государя на князя Меншикова.—Дѣло Тарасова.—Бутурлинскій комитетъ.—Враждебныя отношенія Клейнмихеля къ Меншикову.—Разговоръ государя съ Меншиковымъ о Николаевскомъ мостѣ.—Отношеніе государя къ Меншикову.—Посольство Меншикова въ Константинополь.—Увольненіе Меншикова. — Взглядъ на царствованіе императора Николая.—Дѣятельность графа Клейнмихеля.—Моя просьба объ увольненіи.

ЦЕСАРЕВИЧЪ позволилъ мнѣ являться къ нему, когда сочту нужнымъ. Это право перешло ко мнѣ отъ Чевкина; но Чевкинъ имъ воспользовался и ходилъ къ цесаревичу до самаго вступленія его на престолъ; я не воспользовался имъ; подносилъ журналъ къ подписанію утромъ, ожидая пріема въ бильярдной, гдѣ познакомился съ княземъ Барятинскимъ, тогдашнимъ его адъютантомъ (теперь фельдмаршалъ), прекраснымъ тѣломъ и душою.

Едва принялись мы за работу, какъ стало ясно шарлатанство предварительной смѣты въ 37 милліоновъ рублей. По моему расчету, нужно было отъ 70 до 75 милліоновъ. Клейнмихель, стараясь нравиться только устраненіемъ всякаго непріятнаго ощущенія, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, силился сократить цифры и, не успѣвъ

---

[1]) Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 426.

въ соглашеніи со мною, сочинилъ смѣту самъ, сколько помнится, въ 55 милліоновъ рублей, и прислалъ мнѣ ее для подписанія часа за два до засѣданія. Я поѣхалъ къ нему объявить, что не могу скрѣпить смѣты; онъ ужасно разсердился, взялъ смѣту назадъ и привезъ ее съ собою въ комитетъ съ переписаннымъ послѣднимъ листомъ, на которомъ прежде была приготовлена подпись: Директоръ... — Смѣта докладывалась не подписанная никѣмъ. При чтеніи и обсужденіи смѣты Киселевъ былъ пораженъ ничтожествомъ суммы по одной статьѣ и спросилъ меня тихо: «Неужели этого довольно?» Комитетъ засѣдалъ, какъ я уже упоминалъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: столъ, составленный изъ пяти или шести столовъ, кажется, ломберныхъ, а можетъ быть и иныхъ, но узкихъ. Посреди длинной стороны садился цесаревичъ; я, какъ правитель дѣлъ,—противъ него; по обѣимъ сторонамъ подлѣ цесаревича сидѣли Канкринъ и Левашовъ; мои сосѣди были Киселевъ и Клейнмихель. Въ такой обстановкѣ я не могъ ничего отвѣчать Киселеву, чтобы отвѣтъ мой не былъ слышимъ ни предсѣдателемъ, ни моимъ начальникомъ. Я не отвѣчалъ ни слова, но поворотилъ послѣдній листъ къ нему, никѣмъ не подписанный. Смѣтливый Киселевъ понялъ жестъ, и сказалъ тихо:

— А!

Кажется, цесаревичъ замѣтилъ это. Когда кончилось засѣданіе, онъ спросилъ меня ласково (цесаревичъ показывалъ мнѣ необыкновенную благосклонность):

— Вы надѣетесь, что этой суммы будетъ довольно? Мы на васъ полагаемся.

Этотъ адресъ ко мнѣ, а не къ Клейнмихелю, не понравился послѣднему. Онъ отвѣчалъ наслѣднику живо:

— Я могу вполнѣ надѣяться, что будетъ достаточно.

— А вы какъ думаете, господинъ директоръ?

Я отвѣчалъ, что въ работахъ столь огромныхъ и продолжительныхъ трудно предвидѣть съ точностью результаты, потому что они зависятъ отъ постороннихъ вліяній: если правительство уменьшитъ другія работы, то смѣта, можетъ быть, не потребуетъ дополненій; если же другія работы, особенно каменотесныя, будутъ усилены, то рабочіе значительно вздорожаютъ.

— Нѣтъ, ваше высочество! Я ручаюсь за смѣту! — сказалъ съ сердцемъ Клейнмихель.

Цесаревичъ же прибавилъ, что онъ совершенно согласенъ съ директоромъ. Этого довольно было, чтобы Клейнмихель меня остерегался. Я завелъ самъ разговоръ съ нимъ объ этомъ засѣданіи и объяснилъ ему, что мой отвѣтъ служилъ ему скорѣе гарантіею, чѣмъ противорѣчіемъ; что, по моему мнѣнію, теперь было бы осторожнѣе написать даже лишнее, потому что первая смѣта не его, и что онъ, сокративъ цифру, защитилъ только Чевкина, но себѣ

готовитъ затрудненія. Графъ понялъ это, а черезъ два года надо было составлять опять новую смѣту; она вышла въ 78 милліоновъ рублей, и государь ужасно разбранилъ Клейнмихеля за то, что онъ такъ грубо ошибся въ расчетѣ. При всемъ томъ онъ не пускалъ уже меня ни къ цесаревичу, ни къ другимъ членамъ, къ которымъ я и безъ того никогда не ѣздилъ. Онъ отвозилъ журналы цесаревичу самъ, и самъ посылалъ ихъ къ подписанію другимъ членамъ. Сдѣлавшись главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ сталъ все ломать. Изъ канцеляріи, которой я былъ директоромъ, образованъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ онъ непремѣнно хотѣлъ учредить общее присутствіе, но я не согласился быть директоромъ при общемъ присутствіи,—и это осталось безъ исполненія. Комиссію проектовъ и смѣтъ, весьма раціональное учрежденіе, гдѣ инженеры-ветераны разсматривали техническую сторону дѣла, преобразовалъ въ департаментъ съ начальниками отдѣленія, столоначальниками и помощниками, офицерами полудѣтскаго возраста, не умѣвшими отличить еловаго бревна отъ сосноваго. Вмѣсто того, чтобы раздѣлить дѣла по мѣстностямъ, учреждены департаменты искусственный, хозяйственный, счетный,— а какъ всякая будка требовала проекта, написанія контракта, заключенія подряда и расчетовъ, то дѣло о постройкѣ каждой будки заводилось во всѣхъ трехъ или четырехъ департаментахъ. Онъ хотѣлъ было, чтобы я написалъ штаты, но когда я сказалъ ему свою програму,—онъ обидѣлся, что я хотѣлъ сократить его министерство.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы лица, занимающія болѣе одной должности, оставлены были при одной изъ нихъ. Клейнмихель и распорядился мною, не спрося меня; однако я подалъ рапортъ князю Меншикову, что желаю остаться при немъ. Князь вошелъ съ докладомъ къ государю, Клейнмихель протестовалъ, спорили, спорили, и, наконецъ, высочайше повелѣно, не въ примѣръ другимъ, оставить меня при всѣхъ должностяхъ.

Канцелярія моя, долго некомплектная, требовала укомплектованія, но людей не было. Смѣтная сумма расходовъ отъ 10 до 15 милліоновъ въ годъ вызвала всѣхъ плутовъ, какъ крысъ — приманка. Что за рожи ко мнѣ являлись! А молодыхъ людей образованныхъ я не могъ имѣть, потому что, по особому высочайшему повелѣнію, дворяне и всѣ кончающіе университетскій курсъ не могли поступать въ центральныя управленія, не прослуживъ трехъ лѣтъ въ губерніи. Я просилъ для своего вѣдомства исключенія и выпросилъ его; пригласилъ къ себѣ юношей неопытныхъ, но чистыхъ, просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ.

Вдругъ является ко мнѣ какой-то статскій совѣтникъ Штюмеръ и докладываетъ, что онъ опредѣленъ докторомъ департамента желѣзныхъ дорогъ. — «Зачѣмъ?» — «Пользовать больныхъ

чиновниковъ!» — «Развѣ больные выбираютъ врачей для своего пользованія по начальству?» — «Свидѣтельствовать больныхъ чиновниковъ».—«Зачѣмъ?»—«Сказывающихся больными».—«Такихъ у меня нѣтъ!» Послѣ этого разговора я объявилъ ему, что онъ мнѣ не нуженъ, поѣхалъ къ графу, сказалъ ему, что такими мѣрами онъ разгонитъ у меня лучшихъ людей, и настоялъ, чтобы Штюмера взяли назадъ.

Черезъ годъ пришлось дѣлить остаточную сумму, до трехъ тысячъ рублей. Я назначилъ суммы наградныя только младшимъ, т. е. не начальникамъ отдѣленій, потому что они были въ комплектѣ, а остатокъ образовался отъ некомплекта, и въ размѣрѣ отъ 300 до 600 рублей каждому, обѣщая другимъ дать то же въ слѣдующемъ году. Графъ написалъ: раздѣлить между всѣми! Я опять протестовалъ: я не хотѣлъ, чтобы чиновники получали на водку, поголовно, но желалъ дать средство бѣднымъ поправиться. И это состоялось.

Такія дрязги повторялись безпрестанно. Хотя я одерживалъ верхъ, но онѣ сердили и меня и Клейнмихеля. Онъ, не смѣя меня оскорблять въ глаза, сталъ отзываться обо мнѣ недоброжелательно за глаза, а это подало поводъ Мельникову, начальнику работъ сѣверной дирекціи, интриговать.

Лѣтъ за пять до начала сооруженія дороги или позже, графъ Толь выбралъ полковника Крафта для посылки за границу, изучить желѣзныя дороги, предоставя ему избрать себѣ товарища. Онъ указалъ на Мельникова. Говорятъ, что Мельниковъ, письмами изъ-за границы, распускалъ слухъ, будто Крафтъ помѣшался, и что, такимъ образомъ, центръ тяжести перешелъ на Мельникова. Когда они воротились, то Крафта какъ-то дичились, а Мельникова разспрашивали. Протяженіе желѣзной дороги раздѣлили между обоими, и Мельниковъ всячески старался блеснуть передъ Крафтомъ бережливостью работъ; для этого онъ сталъ обсчитывать всѣхъ подрядчиковъ, и когда, по ихъ жалобамъ, департаментъ сталъ требовать объясненій, Мельниковъ увѣрилъ графа, что департаментъ платитъ лишнее. C'était de l'eau sur son moulin [1]).

Всякій разъ, что искусственное отдѣленіе департамента исправитъ расчетныя нормы и департаментъ предпишетъ ихъ къ исполненію, Мельниковъ входилъ съ рапортомъ къ главноуправляющему, а этотъ утверждалъ всегда то представленіе, по которому приходилось платить меньше. Департаментъ представлялъ офиціально, что дѣла принимаютъ незаконный ходъ, что контракты не исполняются казною, и даже, что департаментъ не беретъ на себя отвѣтственности за послѣдствія. Все это бѣсило Клейнмихеля и утраивало мнѣ работу,—портило мнѣ глаза, кровь и характеръ.

---

[1]) Ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Къ этимъ личнымъ дрязгамъ присовокупилось вліяніе и общей административной деморализаціи. Какъ испортили систему государя окружающіе его, это видно было уже изъ тѣхъ несвойственныхъ ему дѣйствій въ отношеніи къ Бенкендорфу, Толю и Меншикову, которыми онъ удивилъ многихъ при открытіи дѣйствій по устройству желѣзной дороги; двое изъ нихъ сошли въ могилу, унеся съ собою огорченія. Меншиковъ болѣе и болѣе слабѣлъ; и даже Канкринъ долженъ былъ удалиться.

Со времени оставленія министерства финансовъ, я потерялъ изъ виду графа Канкрина, въ отношеніи къ его личности. Въ первый разъ послѣ того я увидѣлъ его, а онъ меня, въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ того я ѣздилъ къ нему нѣсколько разъ по порученіямъ князя Меншикова; когда порученіе было исполнено, онъ меня спрашивалъ, имѣю ли я время, — и на утвердительный отвѣтъ говорилъ: «Такъ покафаримъ немножко», и мы говорили о томъ или другомъ. Разъ онъ выразилъ мнѣ нѣкоторую досаду на Чевкина. Когда я замѣтилъ, что онъ, кажется, умный человѣкъ, то Егоръ Францовичъ нашелъ, что онъ уменъ, «только жаль, что у него умъ, какъ спина» (горбатая). Онъ обманываетъ своимъ «умомъ сперва самого себя, а потомъ и другихъ». Признаться, я бы хотѣлъ прибавить, что онъ наглъ: это я испыталъ; онъ меня экзаменовалъ и находилъ, что безъ англійскаго языка нельзя быть директоромъ канцеляріи желѣзныхъ дорогъ, а вскорѣ оказалось, что онъ самъ не зналъ по-англійски. Когда инженеръ Вистлеръ въ технической комиссіи сказалъ свое мнѣніе, я отомстилъ Чевкину тѣмъ, что передалъ ему это мнѣніе, и потомъ его отзывъ передалъ Вистлеру.

Канкринъ принялъ въ 1823 г. министерство при величайшемъ разстройствѣ финансовъ; онъ поднялъ промышленность, и сохранялъ балансъ въ бюджетѣ. При немъ не было ни одного дефицита, несмотря на то, что онъ выдержалъ персидскую, турецкую и польскую войну. Въ благодарность отняли у него государственныя имущества, и государь сталъ уговаривать его взять товарища. Какъ Канкринъ ни отговаривался, волю эту надо было исполнить. Канкринъ выбралъ Вронченко, дурака, потому что считалъ лишнимъ товарища министра, да при томъ думалъ, что этотъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ интриговать. Въ этомъ-то онъ и ошибся! При первомъ отъѣздѣ въ отпускъ министра, товарищъ его успѣлъ увѣрить государя, что онъ самъ отличный министръ финансовъ, и что ему нуженъ только секретарь, не такой упрямый, какъ Канкринъ. Вронченко роняетъ Канкрина! О tempora! Вронченко былъ бѣднякъ, малороссъ, просившій Дружинина опредѣлить его въ службу. Дружининъ взялъ его на козла своей коляски, привезъ въ Петербургъ и опредѣлилъ въ канцелярію свою писаремъ на 300 рублей. Въ 1823 г. Вронченко былъ начальникомъ 3-го отдѣ-

ленія канцеляріи съ Владимиромъ на шеѣ. Когда узнали, что Гурьева смѣняютъ, Вронченко отправился къ камердинеру Гурьева, спросилъ его, правда ли, что говорятъ, расплакался, бросился къ Гурьеву на шею. За такую нѣжность Гурьевъ, уходя изъ министерства, далъ ему звѣзду. Когда канцелярія помѣщалась въ домѣ Шуваловой, Вронченко ставилъ свою лошадь противъ оконъ столовой Канкрина, и оставался въ канцеляріи до шести часовъ: Канкринъ видѣлъ это. Произведя его за усердіе въ д. ст. совѣтники, Канкринъ образовалъ изъ 3-го отдѣленія особенную канцелярію по кредитной части, и Вронченко сдѣланъ ея директоромъ,— а затѣмъ товарищемъ, потомъ министромъ. Грубый, какъ мужикъ, онъ понялъ, что министръ долженъ быть вѣжливъ,—и сталъ вѣжливымъ. Подчиненному говорилъ: «имѣю честь покорнѣйше просить, садитесь на диванъ!» и потомъ вдругъ сорвется на свою обычную колею. Его выразилъ очень точно Гревеницъ: «учтивъ, какъ лакей, и грубъ, какъ лакей». Канкринъ оставилъ министерство въ 1844 г., и въ 1845 г. былъ уже дефицитъ въ 14½ мил. руб.; въ 1846—21 м. р.; въ 1847—45 м. р.; въ 1848—46 м. р.; въ 1849—57 м. р.; въ 1850—83 м. руб. Какъ частный человѣкъ дѣлается расточительнѣе и безрасчетливѣе, когда запутается, такъ и правительство. Съ 1845 г. по 1857 г. издержано сверхъ бюджета, «въ даръ потомству»:

На сооруженіе крѣпостей	42½	мил.
На постройку дворцовъ	8	»
На казармы и госпитали	7½	»
На сооруженіе церквей	15	»
На пути сообщенія	208	»

Въ какой степени усиливались расходы по управленіямъ, можно заключить по одной статьѣ: штабъ военно-учебныхъ заведеній стоилъ въ 1840 г.—24.000 р., а въ 1854 г.—316.000 рублей.

Меншиковъ тоже видимо упадалъ. Къ его врагамъ присоединился Киселевъ, самый опасный, потому что былъ умнѣе Чернышева, злѣе Грейга и смѣлѣе Воронцова и Орлова, который не взлюбилъ Меншикова съ тѣхъ поръ, что надѣлъ голубой мундиръ. Ему казалось, что Меншиковъ надъ нимъ смѣется. Киселевъ и Меншиковъ были друзьями; между ними началась борьба съ 1839 г.— борьба политическая, не имѣвшая вліянія на ихъ дружбу. Предметомъ борьбы былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Киселевъ хотѣлъ, чтобы они были освобождены съ землей, остающейся въ общинномъ владѣніи, а Меншиковъ находилъ, что освобожденіе должно совершаться, какъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Разрѣшеніе этого вопроса, кажется, въ 1844 г., было таково, что не удовлетворило ни того, ни другого. Въ нѣкоторомъ распространеніи

правъ крестьянъ Меншиковъ видѣлъ торжество Киселева, и сталъ надъ нимъ подтрунивать; Киселевъ же, не успѣвшій провести свои демократическіе виды, приписывалъ свое пораженіе Меншикову. Другіе, видя, что Киселевъ уже раненъ, стали изобрѣтать на его счетъ остроты отъ имени Меншикова; двѣ особенно его оскорбили. Киселевъ жилъ на Мойкѣ, а противъ дома, имъ занимаемаго, выстроили деревянный балаганъ, кажется, для звѣринца. Разсказывали во время его постройки, будто князь Меншиковъ, спрошенный, для чего строятъ этотъ балаганъ, отвѣчалъ: «Здѣсь графъ Киселевъ будетъ показывать благосостояніе государственныхъ крестьянъ въ маломъ видѣ». Другая острота состояла въ томъ, будто князь Меншиковъ пріѣхалъ въ клубъ на баллотировку статсъ-секретаря Карнѣева и сказалъ, что Карнѣевъ авторъ того антидворянскаго ученія, которое Киселевъ выдаетъ за собственное произведеніе. Первой остроты я не слышалъ отъ князя Меншикова, но она очень похожа на него; о второй я знаю навѣрное, что она изобрѣтена Неклюдовымъ. Киселевъ пересталъ кланяться Меншикову. Князь былъ очень огорченъ разрывомъ съ Киселевымъ, искалъ случая объясниться съ нимъ; наконецъ, мнѣ удалось навести Киселева на этотъ предметъ; я убѣждалъ его въ томъ, что князя оболгали, но онъ остался непоколебимъ, сказавъ мнѣ: «Между нимъ и мною—кончено!»

Съ государемъ стали происходить столкновенія тоже чаще; иногда по винѣ князя, а чаще—по благороднымъ побужденіямъ; явились случаи, которые вооружили противъ Меншикова дамскую половину дворца, и какъ эта половина всегда ловче дѣйствуетъ и чаще нападаетъ, то она сильнѣе всего расширяла тотъ оврагъ, который сталъ отдѣлять государя отъ его министра, котораго онъ еще въ 1830 г. считалъ почти за единственнаго честнаго и способнаго совѣтника.

Государь пожелалъ переименовать морскіе чины въ сухопутные. Князь, не успѣвъ переубѣдить его, сдѣлалъ изъ этого предмета une question de portefeuille [1]); мысль оставлена,—но впечатлѣніе осталось неблагопріятное.

Потомъ возникла мысль о введеніи въ Финляндіи рекрутскаго набора. Меншиковъ возставалъ противъ этого энергически, одержалъ верхъ, но понизился у двора. Государь звалъ его посмотрѣть Новогеоргіевскую крѣпость. Меншиковъ, на вопросъ, какъ онъ ее находитъ, представилъ, что низенькія стѣнки передъ бастіонами, не принося особой пользы, служатъ непріятелю способомъ засыпать ими ровъ, при штурмованіи,—и что цитадельскія орудія полощатъ крѣпостныя стѣны, такъ что если непріятель завладѣетъ цитаделью, то онъ сгонитъ нашими же орудіями гар-

[1]) Министерскій вопросъ.

низонъ со всѣхъ крѣпостныхъ бастіоновъ: государь прогнѣвался и почти прогналъ его.

Такъ пріобрѣлъ онъ мало-по-малу у государя названіе спорщика. Снисходительность князя тоже не всегда одобрялась. Когда сгорѣлъ корветъ «Фершампенуазъ», сгорѣлъ не отъ небрежнаго исполненія устава командиромъ, а, напротивъ, вслѣдствіе педантическаго соблюденія его,—и когда, несмотря на это, аудиторіатъ присудилъ командира, прослужившаго 30 лѣтъ, къ разжалованію въ матросы, князь поручилъ мнѣ выбрать изъ архива всѣ судныя дѣла о крушеніяхъ во время Екатерины. Изъ нихъ князь выбралъ два. Екатерина, имѣвшая врожденную боязнь воды, съ великимъ усиліемъ рѣшалась на плаваніе; одинъ разъ рѣшилась на это и, какъ нарочно, фрегатъ ударился объ мель. Императрица упала въ обморокъ. Очнувшись, она сказала съ гнѣвомъ: «Арестовать лейтенанта!» Когда поднесли ей сентенцію морского суда на конфирмацію, она положила слѣдующую резолюцію: «Для благороднаго офицера самое тяжкое наказаніе быть арестовану въ глазахъ императрицы,—а потому болѣе не наказывать». По другому дѣлу, гдѣ корабль потерпѣлъ крушеніе, Екатерина, въ день Пасхи, написала: «Для праздника Христова прощаются!» Князь понесъ эти дѣла, вмѣстѣ съ докладомъ о «Фершампенуазѣ» на Страстной недѣлѣ, но это было принято очень дурно, потому что «то, что было простительно за 80 лѣтъ,—теперь непростительно».

Охтянинъ Тарасовъ поставкою паркетовъ и мебели разбогатѣлъ и вздумалъ освободиться отъ званія охтенскаго поселянина, вопреки закону Петра I, основавшаго это поселеніе для вѣчной прочности флота, съ строжайшимъ запрещеніемъ увольнять кого бы ни было изъ этого званія. Онъ поднялъ на ноги весь городъ и весь дворъ. Князя просили о немъ великія княгини и великія княжны; государь говорилъ князю Меншикову, что ему не даютъ покоя; Перовскій, умирая, просилъ князя не упрямиться, полагая, что отъ этого дѣла зависитъ его собственный кредитъ. Дѣло дошло до государственнаго совѣта. Баронъ Корфъ, государственный секретарь, сказался больнымъ въ день доклада его; весь государственный совѣтъ полагалъ освободить Тарасова; одинъ Меншиковъ утверждалъ, что одинъ примѣръ изъятія поведетъ къ уничтоженію всего учрежденія Петра Великаго. Государь согласился съ Меншиковымъ, но дворецъ разгнѣвался. Стоило труда! Не успѣлъ князь уѣхать изъ Петербурга, какъ Тарасова освободили!

Слѣдующій случай еще важнѣе: императрица давала вечеръ въ Монплезирѣ и желала, чтобы кадеты морского корпуса выѣхали на катерахъ съ пѣснями; она приказала статсъ-секретарю Гофману сказать князю Меншикову, чтобы онъ сдѣлалъ о томъ распоряженіе. Князь обидѣлся; онъ отвѣчалъ Гофману, что кадеты дворяне, что родители ихъ ввѣрили правительству для того, чтобы

образовать изъ нихъ защитниковъ отечества, и что потому онъ не считаетъ себя въ правѣ употреблять ихъ официально какъ пѣсенниковъ, но совѣтовалъ Гофману попросить командира эскадры, чтобы онъ пригласилъ кадетъ гулять на катерахъ; «когда катера подойдутъ,—вышлите имъ фунтовъ 10 конфектъ и попросите, чтобы спѣли: такъ дѣло устроится». Гофманъ донесъ императрицѣ, что Меншиковъ не считаетъ себя въ правѣ высылать кадетъ для публичнаго пѣнія.

Она прогнѣвалась и послала его къ государю. Государь отозвался, что объ этомъ надо сговориться съ Меншиковымъ. — «Я былъ у него, государь!» — «Ну, что жъ онъ говоритъ?» Гофманъ передалъ первую половину отзыва князя. — «И онъ совершенно правъ!» сказалъ государь. Пѣсенъ на водѣ не было, но зато во дворцѣ стали напѣвать на Меншикова безъ умолку.

Травимый, какъ дикій звѣрь, Меншиковъ пришелъ въ ожесточеніе. Государь написалъ собственноручно программу батальоннаго ученья канонирской флотиліи и прислалъ къ нему при очень любезной запискѣ, гдѣ писалъ, что желаетъ общими силами уладить это, въ свободное для него и для князя время. Князь написалъ отвѣтъ, что какъ онъ часто бываетъ боленъ, то не изволитъ ли государь предпочесть графа Гейдена, эскадръ-майора. Я изъявилъ князю свое удивленіе. Онъ отозвался съ горькой усмѣшкой:

— Графъ Гейденъ интригуетъ противъ меня, но не находитъ довольно случая: я хочу доставить ему удобный случай.

Сильнѣйшій же ударъ нанесенъ князю Меншикову назначеніемъ великаго князя, генералъ-адмирала, въ его товарищи. Великій князь считалъ себя если не старшимъ, то равнымъ князю Меншикову и обижался, что онъ не совѣтуется съ нимъ предварительно о дѣлахъ, подносимыхъ государю. Помню, какъ одинъ разъ пріѣзжалъ Лутковскій къ князю, по порученію генералъ-адмирала, выразить ему неудовольствіе его высочества. Князь сказалъ Лутковскому:

— Пусть его высочество самъ мнѣ скажетъ это; я возьму его за руку и отведу къ папашѣ.

Я неоднократно совѣтовалъ князю отказаться отъ морского управленія. Князь утверждалъ, будто онъ это и дѣлалъ, но безъ успѣха; будто онъ говорилъ государю, что «два флага вдругъ на гротъ-мачтѣ развѣваться не могутъ», будто онъ при генералъ-адмиралѣ просилъ государя оставить его при Финляндіи, и на отзывъ государя, что не имѣетъ кѣмъ замѣнить его, указалъ на его высочество, какъ на особу, вполнѣ могущую управлять министерствомъ, но государь отозвался: «Какъ? этому мальчику?!» Все это такъ, но тѣмъ болѣе слѣдовало настаивать, и если бы князь

желалъ уйти серьезно, то, конечно, сумѣлъ бы достигнуть цѣли. Дѣло въ томъ, что l'art de s'en aller est difficile! [1])

Никто, однако, не можетъ отрицать въ князѣ Меншиковѣ гражданскаго мужества, хотя онъ по наружности, являясь на разводы, на рекрутскіе смотры, имѣетъ видъ мелочнаго куртизана. Припоминаю случай, въ какомъ не всѣ поступили бы, какъ Меншиковъ.

Государь передалъ ему записку неизвѣстнаго, доказывавшую, что министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ поощряетъ въ журналистикѣ статьи республиканскаго направленія или раздражающія,—передалъ съ тѣмъ, чтобы въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Меншикова разсмотрѣть дѣйствія Уварова. «Я ему покажу!—заключилъ государь:—а вашу свѣтлость прошу со мной не шутить; я знаю, что у васъ всегда правы тѣ, которые передо мною провинились!» C'était fort [2]).

Неизвѣстный авторъ былъ баронъ Модестъ Корфъ, страдавшій издавна не удовлетворенною страстью быть министромъ. Въ комитетъ посажены: Бутурлинъ (историкъ военный), графъ А. Г. Строгановъ, баронъ Корфъ, Дубельтъ (начальникъ штаба корпуса жандармовъ), Дегай, статсъ-секретарь, пріятель Корфа, а я, правитель дѣлъ, запасся журналами за три года и сталъ перелистывать ихъ. Дубельтъ указалъ на статьи Бѣлинскаго, дѣйствительно скверныя; Корфъ молчалъ и удивлялся, съ чего взяли всю эту исторію; Дегай прочиталъ изъ «Отечественныхъ Записокъ»: «Молодой человѣкъ, оставя школьную скамью, находитъ свѣтъ далеко не такимъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ; онъ озирается, иногда озлобляется, иногда дѣлается врагомъ общества etc.». Зашумѣли! По странному случаю, я читалъ эту статью, разборъ дѣтскихъ повѣстей Чистяковой. Рецензентъ, хваля эти повѣсти, говорилъ, что у насъ недовольно обращаютъ вниманіе на то, чтобъ юношеству дать правильное понятіе о свѣтѣ; оно, оставаясь безъ руководства, создаетъ себѣ свѣтъ идеальный, непохожій на свѣтъ дѣйствительный; оттого, молодой человѣкъ, оставляя etc. Я заявилъ это комитету; Дегай прочиталъ только конецъ и такимъ образомъ бросилъ на всю статью ложный свѣтъ. Дегай обидѣлся, оспаривалъ мое право вмѣшиваться въ диспуты членовъ, на что я доложилъ, что я не изъявлялъ мнѣнія, а только представилъ справку. Сѣть раскрыта; предсѣдатель предложилъ членамъ раздѣлить между собою журналы и просмотрѣть ихъ. Онъ хотѣлъ выиграть время.

Между тѣмъ онъ поручилъ мнѣ съѣздить къ Уварову, предупредить его объ интригѣ и просить у него какихъ-нибудь поло-

---

[1]) Искусство уходить—трудно.

[2]) Это было слишкомъ.

жительныхъ средствъ къ его оправданію. Уваровъ далъ мнѣ съ десятокъ дѣлопроизводствъ, въ которыхъ я нашелъ собственноручные брульоны, гдѣ онъ очень сильно подтверждаетъ цензурному комитету не допускать ни въ журналахъ, ни на сценѣ опозоренія высшихъ сословій или осмѣиванія чиновниковъ высшей іерархіи. Меншиковъ повезъ эти дѣла къ государю. Государь отозвался: «Я вижу, что его оболгали»,—и члены комитета получили повѣстки, что по высочайшему повелѣнію комитетъ считается закрытымъ.

Наконецъ, къ врагамъ князя Меншикова присоединился и Клейнмихель, слабый для защиты его, но опасный въ толпѣ нападающихъ. Вражда произошла совершенно независимо отъ Меншикова. Онъ стоялъ на набережной, опершись на парапетъ, и смотрѣлъ на достраивающійся Николаевскій мостъ. Въ то время ударяетъ его кто-то по плечу: это государь, вышедшій изъ экипажа.

— Что ты дѣлаешь?

— Гляжу на мостъ.

— Что ты думаешь?

— Ничего, государь, смотрю, какъ любопытный.

— Нѣтъ, я видѣлъ твою гримасу: значитъ, думаешь!

— Я размышлялъ, государь, о возможностяхъ. Мостъ построенъ на сваяхъ въ 30 футовъ вышины; сваи эти связаны желѣзными обручами и залиты пуццоланомъ, такъ что теперь представляютъ сплошную массу, но дерево никогда не теряетъ упругости; каждое движеніе экипажей производитъ дрожаніе, какъ это замѣтно и въ каменныхъ домахъ. Мнѣ приходило на мысль, что если отъ этого дрожанія отдѣлятся небольшія зерна гидравлической извести, вода тотчасъ вымоетъ ихъ и оставитъ пустоту, а отъ этого дрожаніе усилится и усилитъ отдѣленіе извести. Я спрашивалъ себя, сколько лѣтъ пройти можетъ, пока обнаженіе свай сдѣлаетъ ихъ способными къ вибраціи, опасной для цѣлости моста.

— Ты совершенно правъ! C'est clair comme le jour [1]).

— Государь, — сказалъ князь, — во всякомъ случаѣ вопросъ о прочности можетъ родиться не прежде 50 лѣтъ.

Государь, пріѣхавъ во дворецъ, телеграфируетъ Клейнмихелю: «Меншиковъ доказалъ мнѣ, что твой мостъ провалится».

Можно себѣ представить его трепетъ и гнѣвъ. Онъ скачетъ во дворецъ; государь разсказываетъ ему сужденіе Меншикова; тотъ не понимаетъ ни слова! Собираетъ комиссію изъ 10 генераловъ и 20 штабъ-офицеровъ для освидѣтельствованія прочности работъ. Комиссія написала толстѣйшую тетрадь, въ которой доказывала, что матеріалы самаго лучшаго качества, что работы превосходны

[1]) Это ясно какъ день.

etc, etc. и съ драматизмомъ заключила, что одна злоба или интрига осмѣлится выставить свое жало противъ этой добросовѣстной работы. Клейнмихель съ торжествомъ посылаетъ докладъ государю, и получаетъ обратно съ резолюціей: «Ты меня вовсе не понялъ, — и дѣлу конецъ».

Какъ бы ни было, Меншиковъ, видимо, лишился благоволенія царскаго, но государь былъ такой патріотъ, что, дозволя себѣ иногда противъ лицъ, его разсердившихъ, нѣкоторыя несправедливости, des mortifications [1]), никогда не устранялся отъ совѣтовъ, если считалъ ихъ умными. Онъ былъ такъ честенъ, что никогда не бросалъ стараго слуги отечества, хотя бы и неблаговолилъ къ нему. Досаду свою на Меншикова государь не скрывалъ, но, когда возбуждался серьезный вопросъ, онъ не рѣшалъ его, не спрося Меншикова, что онъ думаетъ. Браня его, онъ между тѣмъ склонялся почти всегда на сторону Меншикова въ совѣтахъ. Доклады Меншикова были ему пріятны; на балахъ, когда государь бывалъ озабоченъ какой-либо вновь полученной депешей, онъ подзывалъ Меншикова и съ нимъ совѣщался. Можно сказать: съ его врагами онъ жилъ,—съ нимъ онъ царствовалъ, съ нимъ и съ Паскевичемъ, когда онъ бывалъ здѣсь. Ясно, что надобно было удалить Меншикова; этимъ достигались двѣ цѣли: отлученіе его слова отъ слуха царскаго и фактическое введеніе его товарища въ управленіе министерствомъ. Случай представился: государь возбудилъ восточный вопросъ и хотѣлъ послать Орлова въ Константинополь, сказавъ, какъ обыкновенно, свои мысли князю Меншикову. Вотъ что я писалъ въ докладѣ государю, по порученію князя: «Время для вобужденія этого вопроса кажется вообще неудобнымъ, но если ваше величество остановились на исполненіи своего намѣренія постановить ультиматумъ, то не изволите ли отложить это до іюля мѣсяца. Въ іюлѣ черноморскій флотъ крейсируетъ ежегодно въ морѣ для практики. Послу вашего величества останется только приказать слѣдовать флоту за нимъ къ Босфору; тогда законныя требованія вашего величества, подкрѣпляемыя присутствіемъ 1000 орудій, получатъ надлежащій вѣсъ предъ Диваномъ, колеблющимся подъ вліяніемъ Франціи и Англіи». Это не слово въ слово, но совершенно точно по содержанію, и, кажется, писано было 11 января. Нессельродъ, боявшійся взрыва и не довѣрявшій умѣренности Орлова, старался объ избраніи Меншикова для этого чрезвычайнаго посольства. Киселевъ, который тоже былъ въ виду, отклонилъ отъ себя это порученіе, и Меншиковъ назначенъ. Въ это время постигъ его сильнѣйшій припадокъ подагры; онъ пролежалъ три недѣли, и отправился въ Севастополь уже въ распутицу.

---

[1]) Оскорбленія,

Едва онъ выѣхалъ,—едва прошелъ мѣсяцъ, въ который государь ожидалъ подписаннаго фирмана, все бросилось чернить его, кромѣ Нессельрода, но послѣдній и самъ утратилъ уже свой политическій вѣсъ; со времени 1848 г., когда, не знаю почему, мы думали, что Австрія добровольно будетъ намъ цѣловать ноги,—военная партія прозвала Нессельрода австрійцемъ; Орловъ острилъ на его счетъ, называя его prince Circulairski,—и государь мало его слушалъ. Управляющій морскимъ министерствомъ «приготовился» къ оборонѣ и говорилъ самодовольно про англичанъ и французовъ: «Милости просимъ!»—Вице-адмиралъ Корниловъ, выведенный Меншиковымъ въ люди, писалъ сюда на него жалобы; сухопутные начальники тоже. Государь, посылая флигель-адъютантовъ своихъ, отзывался съ такою досадою о князѣ Меншиковѣ, что эта молодежь не церемонилась съ главнокомандующимъ. Государь требовалъ отъ князя партикулярнаго сообщенія своихъ мыслей; князь Меншиковъ не отвѣчалъ на это съ должною откровенностью, и государь гнѣвался еще болѣе; дисциплина ослабѣла; отдѣльные войсковые начальники портили дѣло; пороху было недостаточно; ругательства сыпались на князя при дворѣ, въ салонахъ, въ клубахъ и въ газетахъ. Меншиковъ писалъ изъ Севастополя: «Kotzebue a décrit une année de sa vie! j'en ai une aussi, mais je me tairai» [1]). Наконецъ, дошло до того, что приказано было сказать Меншикову, что если онъ видитъ свою неспособность, то долгъ его проситься въ отставку,—а Меншиковъ отвѣчалъ на это, что военный, стоящій подъ бомбами, не имѣетъ права проситься въ отставку, но что если его величество убѣжденъ въ его неспособности, то напрасно медлитъ отставленіемъ его безъ просьбы. Въ Севастополѣ комендантъ не далъ главнокомандующему камень для оборонительныхъ работъ, говоря, что безъ разрѣшенія военнаго министра не можетъ выдать камень, заготовленный для оборонительной казармы. Изъ Петербурга не давали ему даже канцеляріи. Князь Меншиковъ писалъ мнѣ 17 октября 1853 года: «Depuis huit mois que la presse s'occupe de moi, je suis devenu parfaitement indifférent à tout ce que l'on dit, écrit et imprime sur mon compte, ainsi qu' à ma mise en scène par M-lle Bloudoff et aux mauvais propos de D. Nesselrode [2]) et du B-n Meyendorff. Je suis fatigué physiquement et moralement, au milieu de toutes les pérégrinations, que je suis obligé de faire; je suis obéré d'une correspondance immense, tant en français qu'en russe; mes archives, depuis mon retour de Constantinople, forment une masse de plus de 700 feuilles. N'ayant ni secrétaire, ni employé, je suis dans la né-

---

[1]) Коцебу описалъ годъ своей жизни! у меня имѣется такой же, но я помолчу.

[2]) Сынъ канцлера, отъявленный дуракъ.

cessité de tout rédiger et de tout copier moi-même; l'écrivain Ляянъ est mon seul aide. Bien des fois, j'ai passé dix heures et même plus, dans une journée, à ma table à écrire» [1]). И въ этомъ жалкомъ положеніи онъ былъ еще въ состояніи шутить. Онъ оканчиваетъ это письмо словами: «Il est temps que je finisse cette longue lettre; c'est presque du Worontzoff, qui m'écrit des épitres qui vont de 12 à 22 pages!» [2]) Но ни заботы, ни огорченія не заглушали въ немъ добраго участія и привѣтливости. Передо мной письмо его отъ 9 декабря 1854 г., когда половина Севастополя уже пылала. Меншиковъ пишетъ мнѣ: «J'ai eu la satisfaction d'apprende, que vous avez reçu le St. Wladimir de la 2-de classe, et qu'on apprécie vos talens et votre service. En me rappelant à votre amitié, dont vous m'avez donné tant de preuves, je retourne aux bastions bombardés par l'ennemi» [3]).

Великій князь Константинъ Николаевичъ послалъ къ нему Комовскаго, безъ просьбы князя. Князь писалъ мнѣ: «Une girouette pourra m'être utile; elle me dira de quel côté tourne le vent» [4]).

Въ 1855 году, въ минуты, когда кончался императоръ, Меншиковъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго,—и странно, въ тотъ же день, почти въ тотъ же часъ, какъ государь отдавалъ Богу душу въ Петербургѣ,—Меншиковъ сдавалъ команду по болѣзни, и лежалъ безъ признаковъ жизни передъ А. Д. Крыловымъ, сидѣвшимъ у постели въ недоумѣніи, передъ трупомъ, или передъ живымъ сидитъ онъ! Такъ Меншиковъ предупредилъ фактически свое увольненіе.

Два года передъ симъ я выражалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что первое десятилѣтіе царствованія Николая было эпохою приве-

---

[1]) «Восемь мѣсяцевъ, какъ печать занимается мною, и съ этихъ поръ я сталъ совершенно равнодушенъ ко всему, что про меня говорятъ, пишутъ и печатаютъ, также какъ и къ постановкѣ меня на сцену г-жею Блудовою и къ злословію Д. Нессельрода и барона Мейендорфа. Я усталъ физически и нравственно среди странствованій, которыя я обязанъ дѣлать; я обремененъ громадной корреспонденціей, какъ французской, такъ и русской; мои письменные документы, со времени моего возвращенія изъ Константинополя, составляютъ груду болѣе 700 листовъ. Не имѣя ни секретаря, ни чиновника, я вынужденъ составлять и переписывать все самъ; писарь Ляличъ мой единственный помощникъ. Много разъ я проводилъ въ день за моимъ письменнымъ столомъ по десяти часовъ и даже болѣе».

[2]) Пора кончить это длинное письмо; это почти по-воронцовски, который пишетъ мнѣ посланія отъ 12 до 22 страницъ!

[3]) Я съ удовольствіемъ узналъ, что вы получили Владиміра 2-й степени и что цѣнятъ ваши таланты и вашу службу. Напомнивъ о себѣ вашей дружбѣ, доказательства которой вы мнѣ давали столько разъ, я возвращаюсь на бастіоны, бомбардируемые непріятелемъ.

[4]) Флюгарка можетъ быть мнѣ полезна; она покажетъ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ.

денія въ порядокъ дѣлъ имперіи, и что съ 1835 года началась другая эра. Перечитывая теперь свои записки и приводя на память событія, я не только не беру назадъ своего заключенія, но дополняю его,—я скажу, что это царствованіе раздѣляется на три періода равной длины во времени: періодъ возвышенія, періодъ кульминаціи и склоненія, и періодъ паденія. Съ 1835 по 1845 годъ—торжество внѣшней силы государя, отсюда преувеличенная самонадѣянность и вслѣдствіе того упадокъ внутренней политики. Въ Петербургѣ сходили со сцены вѣрные и умные помощники государевы, и замѣнялись эгоистами, или алчными, или бездарными,—но еще настолько сохранившими чувство собственнаго достоинства, что вели интриги только въ своемъ кругу. Съ 1845 или 1846 г. эти вельможи или временщики привлекаютъ въ свое сообщничество канцелярскую грязь: Киселевъ входитъ въ сообщничество съ подлыми чиновниками, какъ Заблоцкій и пр., чтобы водворить демократическія начала; Орловъ вступаетъ въ заговоры съ Суковкиными и Гвоздевыми; Чернышевъ учреждаетъ золотопромышленную компанію изъ себя, Позена, Брискорна и Якобсона, своихъ подчиненныхъ,—словомъ, обманываетъ государя сообща съ канцеляріями. Съ этого же времени начинаютъ навѣвать съ Запада и проникать въ Россію болѣзненныя доктрины новѣйшей либеральной школы, ученіе своеобразнаго деспотизма, отрицающаго исторію и боготворящаго деньги, кидающаго грязь на памятники и преклоняющагося передъ милліонерами. Преданіе, патріотизмъ, чувство чести, любовь славы, всѣ силы, возбуждающія духовную природу человѣка, подъ вліяніемъ которыхъ государственные люди жертвуютъ достояніемъ и жизнію отечеству, уступили мѣсто любостяжанію. Въ вопросахъ объ улучшеніи администраціи или финансовъ никому не приходило въ голову искать улучшенія нравственности чиновниковъ въ возвышеніи ихъ политическаго значенія; всѣ толковали о самостоятельности, въ смыслѣ матеріальнаго довольства. Никто не вспомнилъ, что человѣку присуще чувство привязанности къ своему творенію, что онъ любитъ собаку, имъ излеченную, деревцо, спасенное имъ отъ засухи, что человѣкъ любитъ то, что ему отдано на вѣру, и надъ чѣмъ онъ трудился. Проповѣдывали только возвышеніе окладовъ, какъ единственный рычагъ, одушевляющій силы человѣческія. На такомъ основаніи, вмѣсто того, чтобы вывести чиновниковъ изъ рабства, вывести честныхъ людей изъ мелочнаго контроля и оскорбительнаго начета за копейку, чтобы дать каждому извѣстную сферу дѣятельности по закону,—вмѣсто того, чтобы вѣрить незапятнанному дворянину болѣе, чѣмъ нечесанному становому приставу,—начали увеличивать штаты,—и какъ увеличивать! Не повсемѣстно, а только «для привлеченія лучшихъ людей» въ какое-нибудь привилегированное управленіе,—какъ будто государство можетъ бла-

годенствовать, когда въ одну часть управленія собраны всѣ лучшіе люди, а во всѣхъ другихъ—оставлены негодяи, не говоря уже о томъ, что добытіе мѣста съ высшимъ окладомъ весьма мало доказываетъ доблесть добившагося.

Такую канцелярскую политику провозгласилъ прежде всѣхъ Киселевъ при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ. Этотъ полицейскій способъ улучшенія нравственности администраціи увѣнчался такимъ успѣхомъ, какого слѣдовало ожидать отъ подобныхъ мѣръ. Въ министерство попали Гамалѣя, Карнѣевъ, Заблоцкій—грабители-циники. Во всѣхъ палатахъ воцарилось взяточничество; даже крестьяне въ волостныхъ правленіяхъ до того развращены, что брали взятки не для кабака, не для наживы, а чтобы распивать шампанское; недоимки оброковъ возрастали съ году на годъ, несмотря на то, что продавали крыши за недоимки. Въ 1857 году сложено недоимокъ съ 9 мил. душъ государственныхъ крестьянъ 11 мил. руб., тогда какъ на 11 мил. душъ помѣщичьихъ было въ недоимкѣ 3½ милліона. При первомъ заподрядѣ рабочихъ-землекоповъ подрядчиками департамента желѣзныхъ дорогъ управляющіе палатами потребовали съ нихъ взятки по 1 руб. съ человѣка (60 т. человѣкъ), а когда подрядчики не согласились дать это, то палаты вошли съ докладомъ къ министру, что подрядчики департамента пріѣзжаютъ въ селенія въ масленицу, спаиваютъ крестьянъ и заключаютъ съ пьяными контракты, для нихъ убыточные. Въ попеченіи о благѣ крестьянъ палаты находили полезнымъ постановить, чтобы только тѣ контракты считались дѣйствительными, которые будутъ утверждены палатою или окружнымъ начальникомъ.

Умный Киселевъ, котораго чиновники водили за носъ, какъ глупца, понесъ представленіе къ государю и испросилъ высочайшее его утвержденіе. На слѣдующій годъ чиновники прямо объявили нашимъ подрядчикамъ Шарвину и К°, что за наемъ каждаго рабочаго имъ слѣдуетъ 3 рубля и объяснили, что они такъ уладятъ, что это имъ самимъ будетъ прибыльно. И сдержали слово: въ первые большіе заподряды Шарвинъ платилъ бѣлорусскому рабочему въ лѣто 52 и 53 рубля, а въ этотъ годъ чиновники выставили имъ рабочихъ за недоимки, по 48 руб.; слѣдовательно, подрядчики, приплачивая 3 р. взятки, сберегали еще 1 или 2 р., но зато рабочіе лишались отъ 4-хъ до 5-ти рублей. Честный Шарвинъ возмущенъ былъ этимъ грабительствомъ; пошелъ жаловаться Киселеву; этотъ поднялъ шумъ, который кончился ничѣмъ, но чиновники возвысили таксу. Я узналъ объ этомъ по слѣдующему случаю. Подрядчики наши имѣли по контракту право получать на задатки каждую весну 300 т. руб. безъ залога. Кажется, въ 1849 году Клейнмихелю вдругъ вздумалось не давать имъ этихъ денегъ, потому, говорилъ онъ, что въ случаѣ неисправности не

изъ чего было бы взыскать. Видя, что образумить его невозможно, я предложилъ ему послать чиновника съ деньгами, съ тѣмъ, чтобы онъ расходовалъ ихъ по указанію подрядчика, но только для задатковъ рабочимъ. Сначала подрядчики были очень благодарны за эту согласительную мѣру, но на другой день явились ко мнѣ и изложили свое недоумѣніе, какъ будетъ чиновникъ записывать въ шнуровую книгу взятки, которыхъ надобно раздать 120 т. руб. Я пересказалъ это Клейнмихелю, и онъ сталъ втупикъ; сердился, ругался, ходилъ по кабинету, и кончилъ откровеніемъ, что «тутъ дѣлать нечего! надо дать 120 т. руб.!» Я послалъ съ подрядчиками графа Гейдена, давъ ему 180 т. руб. съ книгой, и самимъ подрядчикамъ 120 т. руб. Вслѣдъ за тѣмъ я оставилъ должность директора, но графъ Гейденъ, не зная еще объ этой перемѣнѣ, увѣдомлялъ меня письмомъ о ходѣ найма и доносилъ, что взятки кому слѣдуетъ разданы. Таковы были подвиги «лучшихъ людей» въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; но первый шагъ сдѣланъ,—второй не заставилъ долго ждать себя. Всѣ министерства возопили, что у нихъ берутъ лучшихъ людей, и всѣ сравнены въ штатахъ съ министерствомъ имуществъ; приманка уничтожилась обобщеніемъ права, а на государственное казначейство легло новое бремя. Затѣмъ, министерство военное нашло, что ему особенно нужны лучшіе люди: Позена было недостаточно. Возвысили оклады военнаго министерства, а вслѣдъ за симъ оказалось, что лучшіе люди всѣ налицо, и прежніе чиновники продолжали наживаться отъ подрядовъ, при высшихъ окладахъ. За этимъ министерствомъ потянулись другія,—новая нивеллировка, новый расходъ по бюджету. Возвышеніе окладовъ сдѣлалось мѣриломъ политической силы министровъ, и они пошли обгонять другъ друга. Когда начальникомъ морского управленія сталъ великій князь, онъ возвысилъ оклады настолько, насколько его особа была выше всѣхъ другихъ.

Не такъ дѣйствовалъ Канкринъ, насадившій своими руками парки лѣсного института и Александровскій, а между тѣмъ Канкринъ чаще терпѣлъ пораженія, чѣмъ Вронченко.

Такъ опутывали новые дурные элементы нашего честнаго государя, который 30 лѣтъ трудился и мучился для того, чтобы на смертномъ одрѣ убѣдиться, что онъ ошибся! И это тяжкое возмездіе понесъ онъ за одну главную ошибку, за то, что ввѣрился льстецамъ болѣе, чѣмъ откровенію правды.

Департаментъ желѣзныхъ дорогъ открылъ мнѣ всѣ язвы нашей администраціи, но открылъ и то, что многія язвы исцѣлимы.

Приторгахъ на перевозку рельсовъ изъ Кронштадта къ петербургской станціи состязаніе остановилось съ повышеніемъ на 2 коп. съ пуда. Замѣтивъ одну честную физіономію, я спросилъ у этого господина, отчего цѣна такъ дорога для насъ, когда мнѣ извѣстно,

что купцы платятъ по 4 коп. ассигнаціями. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ условіяхъ сказано: въ случаѣ погибели перевознаго судна, подрядчикъ ставитъ вмѣсто утонувшихъ рельсовъ другіе».—«Откуда же намъ ихъ взять?—говорилъ онъ.—Намъ даже не позволятъ выписать ихъ изъ-за границы». Я приказалъ исключить это условіе. Начальникъ хозяйственнаго отдѣленія сталъ протестовать, доказывая, что это противно пользамъ казеннаго интереса. Я велѣлъ записать его протестъ въ журналъ и то, что я оставилъ его безъ уваженія; стали торговаться, и цѣну сбили до $^4/_7$ коп. съ пуда. Это составляло на 5 мил. пудовъ рельсовъ сбереженіе больше 62 т. руб. противъ прежней цѣны. Случилось, что 1.200 штукъ потонули; я нанялъ водолазовъ, которые вытащили рельсы и заплатилъ имъ 200 рублей, и эти 200 руб. хотѣли начесть на меня, не сказавъ спасибо за сбереженіе 62 т. руб.! Разумѣется, мое усердіе нѣсколько охладилось чувствомъ самосохраненія.

Въ контрактѣ было сказано: перевозка не болѣе 1.500.000 пуд. въ годъ. Реформа Пиля была причиной, что кердифскій поставщикъ рельсовъ Guest не могъ зафрахтовать судовъ болѣе какъ на 300 т. пудовъ. Я позвалъ перевозчика рельсовъ отъ Кронштадта и объявилъ ему это, чтобы онъ не заподрядилъ лишнихъ судовъ. Онъ благодарилъ меня за предупрежденіе, но когда я предложилъ ему дать мнѣ подписку, что онъ претендовать не будетъ на столь малую пропорцію, онъ объявилъ мнѣ, что эта подписка будетъ стоить 10 т. руб. Подрядчикъ, требующій взятку съ директора департамента! Я его разругалъ и объявилъ ему, что притѣснять его не буду, а прикажу только, чтобы ему выдавали деньги на 10-й день, какъ контрактомъ условлено, а не на 3-й, какъ ему выдавали доселѣ. Онъ кинулся мнѣ въ ноги, говоря: «Берите съ меня, что хотите,—только не погубите!» Я прогналъ его и, разумѣется, угрозы не исполнилъ. Послѣ того этотъ Полосухинъ вѣрилъ въ меня, какъ въ Евангеліе; онъ подрядился развозить рельсы и поперечины для желѣзной дороги, а когда пришлось класть ихъ и вообще дѣлать верхнее полотно, департаментъ встрѣтилъ затрудненіе. Никто не явился къ торгамъ на это неизвѣстное въ Россіи дѣло, кромѣ американцевъ, которые просили 3.600 руб. съ версты, тогда какъ, по расчету департамента, эта работа должна была стоить около 2.000 руб. Я позвалъ Полосухина и просилъ его взять работу за 2 т. руб. Онъ сталъ отказываться, говоря, что вовсе не знаетъ, чего такая работа будетъ стоить, но когда я ему далъ честное слово, что онъ въ убыткѣ не будетъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Слово ваше для меня дороже, чѣмъ мои расчеты; вы говорите, убытку не будетъ,—беру! только прибавьте 100 рублей (безъ этого русскій человѣкъ не можетъ обойтись). Я былъ радъ, что нашелъ охотника; заключили контрактъ; Полосухинъ разбогатѣлъ, а казна выиграла по этой статьѣ 800 т. руб. Узнавъ,

что я оставляю департаментъ, подрядчики-мужики пришли ко мнѣ благодарить за справедливость, и бородачъ-Полосухинъ сказалъ мнѣ: «Самое вѣрное доказательство, какъ мы васъ уважаемъ, что пришли къ вамъ «съ пустыми руками»; и очень желали бъ благодарить, да не посмѣли». Я видѣлъ изъ этого, что подрядчики въ Россіи плуты оттого, что плуты чиновники.

Непріятности съ графомъ Клейнмихелемъ усиливались. Гамбсъ, мебельный мастеръ, разсказалъ мнѣ, что Клейнмихель при немъ и при Погребовѣ ударилъ карандашомъ по носу полковника Кроля, моего вице-директора, что Кроль сказалъ: «Помилуйте, ваше сіятельство! Я 30 лѣтъ въ службѣ, я полковникъ, у меня Владиміръ на шеѣ»,—а Клейнмихель отвѣчалъ: «Врешь! ты дуракъ въ полковничьемъ мундирѣ!» Я отправился къ графу просить, чтобы онъ взялъ отъ меня полковника Кроля и далъ мнѣ другого вице-директора.—«Отчего?» спросилъ графъ. Я отвѣчалъ, что Кроль, вѣроятно, и ему извѣстенъ, какъ человѣкъ замаранной нравственности, когда онъ обращается съ нимъ такъ, какъ было при Гамбсѣ и Погребовѣ, и что я не могу имѣть своимъ помощникомъ человѣка, публично обезчещеннаго. Графъ перевелъ Кроля въ департаментъ проектовъ и смѣтъ, мнѣ далъ, по моему желанію, милаго Латраверса,—но въ душѣ готовъ бы былъ истребить меня, по крайней мѣрѣ въ эту минуту.

Между тѣмъ дѣла болѣе и болѣе путались; главноуправляющій болѣе и болѣе произвольничалъ. Въ первые годы я удерживалъ его отъ несправедливости, дѣлая видъ, будто считаю за нимъ рыцарскій характеръ; онъ дорожилъ такимъ мнѣніемъ и остерегался,—но, «прорвавшись» одинъ разъ, онъ пересталъ уже церемониться и обсчитывалъ подрядчиковъ напропалую. Дирекція работъ, сѣверная; стала насчетъ всѣхъ подрядчиковъ дѣйствовать сама, прежде, чѣмъ департаментъ объявлялъ ихъ несостоятельными; вмѣсто выдачи квитанцій, по которымъ департаментъ долженъ былъ расплачиваться, Мельниковъ требовалъ денегъ туда, о чемъ Клейнмихель давалъ предписанія департаменту, несмотря на его рѣзкіе протесты. Шарвинъ, 40 лѣтъ считавшійся патріархомъ честности, молилъ о выдачѣ ему 300 т. р. въ счетъ квитанціи, чтобы расплатиться съ рабочими; департаментъ настаивалъ на скорѣйшемъ доставленіи квитанцій, просилъ графа, жаловался ему,—все напрасно! Старикъ Шарвинъ умеръ съ горя, а черезъ годъ оказалось, что было ему недоплачено 1.200.000 р. Инженеры тратили на мѣстахъ сотни тысячъ; обтесанный гранитъ называли необтесаннымъ; матеріалы, забракованные у одного подрядчика, принимали на счетъ другого, смежнаго. Смѣтныхъ денегъ опять не хватало. Въ главномъ комитетѣ, при чтеніи смѣты суммъ, нужныхъ на достройку дороги, Врonченко игралъ роль шута. Услышавъ большую сумму, мною названную, онъ комически подпрыгнулъ на стулѣ,—общій хохотъ!

Успѣхъ поощрилъ его добрую волю, и онъ послѣ каждой цифры прыгалъ на стулѣ, сидя дѣлая полуобороты то вправо, то влѣво. Комитетъ наслаждался! Бѣдная Россія! думалъ я, глядя на этого министра финансовъ, видя, что фиглярство его ведетъ скорѣе къ утвержденію его на министерскихъ креслахъ, чѣмъ къ удаленію. Наши министры такъ мало любятъ Россію, такъ мало любятъ государя и долгъ свой, что каждый старается только, какъ бы захватить больше денегъ, чтобы блеснуть передъ государемъ или заслужить — честолюбіе новаго произведенія—отъ подчиненныхъ репутацію щедраго начальника. Оттого серьезный Канкринъ сидѣлъ предъ ними какъ бѣльмо на глазу, а холопъ въ родѣ Вронченки былъ настоящимъ кладомъ. Клейнмихель компрометировался инымъ способомъ: взявъ силу, онъ пересталъ стыдиться своего невѣжества: и въ приказахъ, и въ резолюціяхъ. Весной онъ приказалъ, во время разлива Волги, навести мостъ для проѣзда государя. Инженеры объявили, что это физически невозможно. Тогда онъ приказалъ исполнить это своему адъютанту Серебрякову. Между тѣмъ вода спала: мостъ наведенъ. Объявляя о томъ въ приказѣ, Клейнмихель прибавилъ, что «усердіе и знаніе дѣла все превозмогаютъ!» Такъ онъ дополнилъ девизъ своего герба. Государь, съ своей стороны, видѣлъ болѣе и болѣе, что Клейнмихель его обманываетъ. Одинъ разъ, приглашенный къ нему обѣдать, я ждалъ обѣда до 5 часовъ. Графиня, полагая, что государь оставилъ его обѣдать у себя, велѣла подавать кушанье,—но только что мы отобѣдали, пріѣзжаетъ графъ, полумертвый, и требуетъ съ азартомъ обѣда! Государь спрашивалъ его въ это утро, что дѣлается на дамбѣ у Смольнаго монастыря? — «Готова, ваше величество», «Готова? Поѣзжай же еще разъ, посмотри и доложи мнѣ». Графъ поѣхалъ къ Смольному на работы, далеко еще не готовыя, и къ ужасу своему узналъ, что государь былъ самъ на работахъ. Разругавъ всѣхъ и каждаго, Клейнмихель поѣхалъ во дворецъ. Государь уѣхалъ въ Царское. Графъ отправился туда. Государь нащипалъ ему руку въ кровь (такъ онъ наказывалъ его за ложь), приговаривая: «не лги! не лги!» и не оставилъ его у себя обѣдать. Въ присутствіи многихъ приглашенныхъ Клейнмихель долженъ былъ ѣхать назадъ съ первымъ поѣздомъ; пока другіе кушали у царя,—онъ, любимецъ, ждалъ поѣзда!

Все это мнѣ опротивѣло, и я попросилъ уволить меня изъ главнаго управленія путей сообщенія. Графъ сопротивлялся, онъ говорилъ, что не пуститъ меня, потому что меня любитъ; что я 7 лѣтъ трудился, что онъ имѣлъ въ виду удивить меня наградою, а я предъ самымъ окончаніемъ работъ ухожу. Я возражалъ на это, что именно потому и не могу оставаться, что подрядчики всѣ до одного обсчитаны и всѣ бросятся съ жалобами въ сенатъ; что я буду поставленъ въ необходимость или давать сенату объясне-

нія непосредственно, въ которыхъ не могу не сказать, что департаментъ дѣйствовалъ по его резолюціямъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, или отказывать въ скрѣпѣ тѣхъ объясненій, которыя графъ захочетъ писать самъ,—и я уволенъ. Нашъ разговоръ заключалъ пресмѣшные эпизоды. Графъ, желая мнѣ польстить, сказалъ:

— Развѣ вы не видите, какъ я васъ отличаю! Я ни съ кѣмъ не обращаюсь такъ, какъ съ вами; другихъ директоровъ я не пускаю къ себѣ въ переднюю, а вы другъ моего дома!

Поблагодаривъ его за личное расположеніе, я отвѣчалъ, что теперь еще менѣе могу оставаться; что я считалъ званіе директора департамента почетнымъ, но если оно недостойно даже мѣста въ передней, то оно унижаетъ меня. Графъ разсердился:

— Константинъ Ивановичъ! какой ты желчный человѣкъ!... да ты, пожалуй, и этимъ обидишься? Я самъ желчный; слѣдовательно, не хочу тебя обидѣть, называя желчнымъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРУМИЛОВСКАЯ КОЛОБРОДА.

(Изъ семейной хроники).

НАШЪ родъ—старинный служилый родъ дворянъ Струмиловыхъ—считался не ниже княжескаго и отличался издавна рѣзкими особенностями: всѣ мужчины были картежниками и расточителями, хотя слыли умниками и какъ бы по наслѣдству занимали въ своемъ городѣ судейскія должности; а изъ женщинъ старшая въ родѣ непремѣнно «колобродила», т. е. прямо-таки сходила съ ума. И семь поколѣній подъ рядъ у Струмиловыхъ старшими дѣтьми родились дѣвочки.

Эти несчастныя созданія какъ будто несли на себѣ кару за преступленія предковъ, какъ будто впитывали въ себя всю порочность своей расы и неизбѣжно сумасшествовали, перейдя за 20-тилѣтній возрастъ. Ихъ не лечили, но окружали надзоромъ и содержали по-барски въ отдѣльномъ флигелѣ.

Нѣкоторыя изъ нихъ, пробывъ въ полуживотномъ состояніи лѣтъ десять, выздоравливали и снова вступали въ семью; но всѣ оставались старыми дѣвами, хотя были красивы и имѣли приданое.

Помѣшательство ихъ было тихое, по бо́льшей части религіозное, хотя иногда выражалось въ формѣ безсмысленно-злобныхъ выходокъ.

Такъ, колобродѣ Фенюшкѣ не понравилась чѣмъ-то молоденькая жена младшаго брата, которую тотъ, вскорѣ послѣ свадьбы,

привезъ къ своимъ родителямъ. И когда молодыхъ уложили спать въ роскошной постели изъ голубого атласа и кружевъ, Фенюшка забралась въ спальню и вылила на головы злосчастныхъ новоженовъ сосудъ съ нечистотами.

Преступленія предковъ, за которыя карался судьбою родъ Струмиловыхъ, не были доподлинно извѣстны. Но сохранилось преданіе, что одинъ изъ Струмиловыхъ проигралъ въ какую-то азартную игру значительную часть своего состоянія. Чтобы вернуть счастье, жена посовѣтовала ему въ пасхальную заутреню, когда священникъ провозгласитъ «Христосъ воскресе», отвѣтить ему вмѣсто «во истину» богохульнымъ словомъ. Съ тѣхъ поръ этому Струмилову пошла во всемъ удача, и онъ нажилъ огромное богатство. Но жена его, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, лишилась разсудка. Она-то и была матерью первой струмиловской колоброды.

Въ началѣ 40-хъ годовъ старшимъ ребенкомъ росла я, Марія Струмилова. Въ предшествовавшемъ поколѣніи у старшихъ дочерей двухъ братьевъ Струмиловыхъ болѣзнь проявлялась значительно слабѣе, поэтому мои родители позволяли себѣ надѣяться, что меня и совсѣмъ пощадитъ, тѣмъ болѣе, что Струмиловы-предки брали женъ изъ именитыхъ, часто родственныхъ семействъ и этимъ какъ бы закрѣпляли болѣзнь въ своемъ роду. А мой отецъ женился на простенькой дворянкѣ изъ чужой губерніи. И лицомъ я вышла больше въ мать—не такая смуглянка, какъ всѣ Струмиловы.

Отцу моему было далеко за 40, а матери всего 13 лѣтъ, когда ее, по сиротству и бѣдности, выдали за благообразнаго, но тучнаго и носившаго темный парикъ судью Струмилова. И среди скуднаго приданаго, присланнаго съ нею, немаловажное мѣсто занималъ сундучокъ съ куклами. Мнѣ привелось играть этими скромными, самодѣльными куклами.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ свадьбы отецъ мой умеръ внезапно, за карточнымъ столомъ. Онъ оставилъ молодой вдовѣ двухъ дѣтей—меня и брата Ваню—и большое, но заложенное имѣніе съ запущеннымъ хозяйствомъ. На долю матери выпало немало заботъ и труда, пока удалось привести въ порядокъ дѣла и спасти отъ продажи съ аукціона наше село Высокое.

Мнѣ было 8 лѣтъ, когда меня отвезли въ харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Тамъ я оставалась безвыѣздно до 16-ти лѣтъ. Брата Ваню тоже мать вскорѣ отдала въ орловскій Бахтина кадетскій корпусъ. Пристроивъ дѣтей, она вторично вышла замужъ за красиваго майора венгерскаго происхожденія, случайно попавшаго съ полкомъ въ нашъ край. И когда я вернулась изъ института подъ родной кровъ, то за юбку матери цѣплялся мой трехлѣтній братецъ Васенька, а на рукахъ у няни сидѣла

сестрица моя Людмилочка, прехорошенькая дѣвочка съ темными глазками и свѣтлыми кудрями.

Я хотѣла приласкать эту живую куколку, но она сморщилась и громко заплакала. Я заткнула уши и объявила, что такую крикунью слѣдовало бы выбросить за окно. Въ институтѣ я не видала маленькихъ дѣтей, не слыхала ихъ плача. Понятно, что Васенька и Людмилочка казались мнѣ любопытными, но не всегда пріятными звѣрьками.

На другой день моего пріѣзда былъ въ селѣ храмовой праздникъ и ярмарка. На горкѣ противъ нашего дома, въ сторонѣ церкви, раскинулись палатки съ товарами, устроены были качели. Площадка передъ церковью кишѣла народомъ. Стояла прекрасная весенняя погода.

Я сидѣла въ залѣ у открытаго окна и любовалась на картину ярмарочнаго оживленія. Пришла молодая няня Параша съ Людмилочкой, усадила ее на закрытое окно и убѣжала въ лакейскую поболтать. Окно, на которое она посадила ребенка, было притворено, но не заперто на щеколду. Дѣвочка нѣсколько разъ толкнула спинкой переплетъ рамы,—окно распахнулось, и дѣвочка мгновенно очутилась на дворѣ, на кучѣ щебня и камня, заготовленныхъ для поправки фундамента. Домъ былъ одноэтажный, но на высокомъ фундаментѣ и поэтому почти равнялся двухъэтажному.

Когда дѣвочку подняли, на лбу у ней виднѣлась круглая рана, похожая на третій глазъ, и все личико было залито кровью.

На крикъ ребенка сбѣжалась вся семья.

— Убила, искалѣчила ребенка! Выбросила Людмилочку за окно эта колоброда!—закричала мать и бросилась на меня съ поднятыми кулаками. Но отчимъ отвелъ ее отъ меня и сталъ уговаривать заняться ребенкомъ, не перестававшимъ кричать.

Я хотѣла было оправдаться, объяснить, какъ все вышло. Но взглянула на помертвѣвшее отъ страха лицо няни Параши и мгновенно поняла сердцемъ, что лучше взять на себя чужую вину, чѣмъ подвести подъ наказаніе безотвѣтную рабу. И не стала оправдываться.

Людмилочку повезли въ городъ къ доктору. Рана оказалась неглубокой, перебитая бровь впослѣдствіи срослась и не портила хорошенькой рожицы ребенка. Но между мною и матерью легла пропасть, которую ничто не могло заполнить. Зато вся наша дворня признала меня «своей настоящей струмиловской барышней, до рабовъ милостивой».

Замкнутая институтская жизнь навсегда наложила на меня отпечатокъ и заставила рѣзко отличаться отъ окружающихъ. Восемь лѣтъ я не дѣлала ни шагу за стѣны института, за исключеніемъ обычныхъ катаній въ закрытой каретѣ на Рождество и

Пасху. При этомъ кареты наши всегда сопровождались по обѣимъ сторонамъ конными жандармами. Дѣлалось это лишь ради эффекта, а не изъ боязни, что насъ могутъ похитить. Но наше праздное воображеніе находило въ этой охранѣ немало пищи: мы представляли себѣ, что студенты университета вѣчно стремятся похитить которую-нибудь изъ нашихъ красивыхъ дѣвицъ. Тѣмъ болѣе, что скандальныя событія городской жизни проникали иногда сквозь толстыя стѣны института и жадно передавались изъ устъ въ уста.

— Знаете ли, медамочки,—говорила подругамъ какая-нибудь дѣвица зеленаго, т. е. старшаго, класса:—мамашу нашей Нарочки чуть не застрѣлилъ студентъ-обожатель. Она отъ него въ окно выскочила и черезъ весь городъ раздѣтая пробѣжала. Студентъ этотъ самъ себя застрѣлилъ, а Нарочкина мамаша новаго обожателя себѣ взяла.

— Откуда ты это знаешь?—съ любопытствомъ спрашивали подруги.

— Отъ самой Нарочки. Она терпѣть не можетъ своей мамаши и все про нее разсказываетъ.

Нарочка была дочерью начальствующаго лица, прикосновеннаго къ университету и институту, жила въ казенной квартирѣ отца и находилась на правахъ приходящей ученицы. Она-то да наши горничныя и посвящали насъ въ тайны жизни за стѣнами института.

— Зачѣмъ ты, Нарочка, разсказываешь всякія глупости про свою мамашу?—упрекали нѣкоторыя подруги эту замѣчательно красивую, но туповатую дѣвушку.

— Отчего жъ не говорить, когда это правда? Мамаша меня не любитъ, я ее—тоже. Она боится, что я буду красивѣе ея и обожателей у ней отобью. Она только мальчиковъ любитъ, а дочерей ненавидитъ. А развѣ мы виноваты, что родились дѣвочками?

И Нарочка пускалась въ такія описанія разницы между мальчиками и дѣвочками, о какихъ мы, по мнѣнію нашихъ классныхъ дамъ, понятія не могли имѣть въ институтѣ.

Кстати, скажу здѣсь нѣсколько словъ о нашихъ классныхъ дамахъ. Ихъ перебывало у насъ много—однѣ лучше, другія хуже,— но не было ни одной, которую бы мы любили. Мелочно-придирчивыя, злобныя, онѣ становились слащаво-добрыми только изъ-за подарковъ. Моя мать, ежегодно пріѣзжавшая провѣдать меня, всегда привозила класснымъ дамамъ подарки. Сколько браслетовъ, дамскихъ часовъ, брошекъ и кошельковъ съ полуимперіалами стоило матери пребываніе мое въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ! Зато я была избавлена отъ множества наказаній, выпадавшихъ на долю дѣвушекъ, родители которыхъ не были столь щедрыми.

И мы съ раннихъ лѣтъ убѣждались, что богатство—все, что для богатыхъ все возможно; и привыкли гордиться своей привилеги-

рованностью, считать себя высшими существами. А тѣ изъ нашихъ подругъ, у которыхъ не было богатыхъ родныхъ, привыкали льстить, подслуживаться, ухаживать за богатыми и знатными и тоже считали себя въ правѣ требовать, чтобы все въ мірѣ было къ ихъ услугамъ и чтобы другіе работали на нихъ.

Здоровье свое мы портили самымъ основательнымъ образомъ: пили уксусъ, ѣли мѣлъ, чтобы похудѣть и лишиться яркаго румянца, считавшагося у насъ признакомъ плебейской натуры. Пища, которую намъ давали, тоже немало способствовала превращенію нашему въ эѳирныхъ созданій. Не могу вспомнить безъ отвращенія габеръ-супа, похожаго на мыльную воду, бурой чечевицы, котлетъ изъ жилъ и другихъ прелестей нашего питанія.

Но, несмотря на всю непривлекательность нашего житья, мы все-таки загрустили, когда наступило время выпуска. Жаль было разставаться съ подругами, жаль было зданія института—пріюта нашихъ дѣвическихъ мечтаній. И пугала невѣдомая жизнь на міру, къ которой мы инстинктивно чувствовали себя неподготовленными.

Перенесенная сразу въ чуждую обстановку деревни, я совсѣмъ не знала, чѣмъ себя занять. Мечтала о поѣздкѣ въ Италію и грустила о подругахъ.

Въ нашемъ Высокомъ все казалось мнѣ мизернымъ, начиная отъ дома, просторнаго и удобнаго, но маленькаго по сравненію съ институтскимъ зданіемъ. Мнѣ становилось стыдно при мысли, что подруги могутъ узнать, въ какой скромной обстановкѣ я живу. А обстановка была довольно богатая, только совсѣмъ не такая, о какой я мечтала съ подругами... Привычка думать о себѣ, какъ о существѣ возвышенномъ, считать свое я центромъ вселенной, лишала внутренней скромности насъ, по виду столь скромныхъ дѣвицъ, заставляла съ презрѣніемъ относиться къ заурядным благамъ жизни и давала обильную пищу для разочарованій.

Я скучала и томилась. Только катанье верхомъ—отчимъ подарилъ мнѣ прекрасную лошадь и дамское сѣдло—было моей усладой. Это развлеченіе какъ бы поднимало меня надъ обыденностью: я была единственной наѣздницей, какъ и единственной институткой въ нашемъ уѣздѣ, а отецъ мой былъ когда-то первымъ студентомъ университета въ этомъ краѣ. Я гордилась всѣмъ этимъ, такъ какъ больше гордиться было нечѣмъ.

Мать постоянно занята была хозяйствомъ, опекунскими отчетами, а отчимъ стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ. Братъ Ваня пріѣзжалъ изъ корпуса только на Рождество и лѣтнія каникулы. Только его пріѣздъ и вносилъ радость и оживленіе въ мою жизнь. Съ нимъ всегда пріѣзжалъ товарищъ его Валерьянъ Лишинъ,

круглый сирота, охотнѣе проводившій каникулы у насъ, чѣмъ у своего дяди-опекуна.

Лишинъ былъ однихъ лѣтъ со мной и такъ же мечтателенъ, такъ же мало замѣчалъ жизнь, какъ и я. Онъ отличался рѣдкой правдивостью—совсѣмъ не умѣлъ лгать. Нелегко жилось ему съ такой особенностью въ корпусѣ, гдѣ ложь процвѣтала. Но онъ настолько завоевалъ расположеніе окружающихъ, что ему прощали его особенность. И онъ еще въ корпусѣ осмѣлился проповѣдывать, что ложь отравляетъ жизнь и губитъ солгавшаго; что даже такъ называемой невинной лжи нельзя допускать, чтобы не пріучать дѣтей говорить неправду.

Онъ много читалъ и привозилъ съ собою хорошія книги. Благодаря ему, я прочитала Гоголя и восхищалась этимъ авторомъ, видя вокругъ себя немало гоголевскихъ типовъ.

Лишинъ увлекался также поэзіей Лермонтова, Кавказомъ, писалъ самъ плохіе стихи и посвящалъ ихъ мнѣ. Въ моемъ альбомѣ сохранилось его шуточное четверостишіе:

Тихъ и нѣженъ, благовонный
Лѣтній вечеръ настаетъ —
Но читатель благосклонный
Тщетно продолженья ждетъ!

Съ Лишинымъ у меня было болѣе общаго, чѣмъ съ братомъ. Нашъ Ваничка любилъ поиграть въ карты, любилъ хорошо покушать и не особенно увлекался поэзіей.

Отголоски Крымской войны нѣсколько нарушили строй нашей деревенской жизни. Сосѣдки-помѣщицы съѣзжались къ намъ по вечерамъ щипать корпію для раненыхъ, я съ матерью тоже ѣздила въ гости и просиживала цѣлые вечера съ кусочкомъ стараго полотна въ рукахъ, прислушиваясь къ разговорамъ о военныхъ событіяхъ. Мнѣ и даже маленькой Людмилочкѣ сшили модныя «патріотки» изъ тонкаго сѣраго сукна, съ красными кантами и блестящими пуговицами—совсѣмъ на манеръ офицерскихъ пальто.

Когда дошли слухи о нашихъ пораженіяхъ, никто не хотѣлъ имъ вѣрить. Но вотъ мимо нашего дома, по большой дорогѣ, потянулись съ юга темные полки пѣхоты, застучали обозы артиллеріи, засновали повозки, наполненныя ранеными. Въ нашемъ селѣ часто останавливались на отдыхъ истомленные отряды. Являлся квартирмейстеръ и спрашивалъ, можно ли размѣстить столько-то людей. Мать принимала офицеровъ въ домъ, а солдатъ размѣщали по избамъ. Угощенья ни для кого не жалѣли. Мать помнила, что и любимый ею мужъ въ походѣ, что она тоже — военная дама, и старалась быть радушной хозяйкой. Да и жалки были эти изму-

ченные, запыленные или облѣпленные грязью люди, съ жадностью бросавшіеся на хорошую пищу и считавшіе счастьемъ помыться въ банѣ.

Иногда попадалась между офицерами молодежь, жаждавшая повеселиться. Собирались барышни-сосѣдки, и устраивались танцы. Веселились отъ души нѣсколько вечеровъ и затѣмъ прощались навсегда съ случайными кавалерами.

Но вотъ надъ нашимъ домомъ разразился нежданный ударъ: умеръ мой отчимъ, этотъ добрый и всѣми любимый человѣкъ. Умеръ онъ отъ горячки въ польскомъ мѣстечкѣ Антополѣ, гдѣ стоялъ съ полкомъ. Въ свинцовомъ гробу привезли его хоронить въ Высокое. Мать пожелала взглянуть въ послѣдній разъ на дорогія черты мужа и велѣла открыть гробъ; но вмѣсто лица увидѣла ужасное гнѣздо червей. Отъ потрясенія или отъ заразы она тоже заболѣла горячкой.

Послѣ болѣзни мать медленно поправлялась и мнѣ, несмотря на всю мою оторванность отъ жизни и неумѣнье обращаться съ дѣтьми, пришлось заняться Васей и Людмилочкой. Я стала учить ихъ читать и писать. Это занятіе помогло мнѣ коротать невеселое время, когда трауръ по отчимѣ царилъ въ домѣ и мать плакала, не осушая глазъ.

Занимаясь съ дѣтьми, я скоро наткнулась на педагогическое затрудненіе: Вася обычнымъ порядкомъ переходилъ отъ азбуки къ складамъ и чтенію, но Людмила не признавала такой методы. Эта шестилѣтняя крошка прошла азбуку вмѣстѣ съ Васей и принялась читать сама, безъ прохожденія складовъ. Я обратилась къ матери за совѣтомъ, надо ли учить ее складамъ? Мать подумала и отвѣчала:

— Конечно, надо. Неправильно будетъ читать. Что за ученье безъ складовъ!

И дѣвочку, уже читавшую бѣгло самоучкой, мы заставили твердить склады. Она плакала отъ скуки, таскала у меня книжки и читала ихъ потихоньку. У нея была неудержимая страсть къ чтенію, и вообще это была не по лѣтамъ способная дѣвочка.

Поощряемая матерью, я принялась и дальше набивать головы дѣтей тѣми обрывками ни къ чему непригодныхъ, сумбурныхъ знаній, которые на нашемъ институтскомъ жаргонѣ мѣтко опредѣлялись выраженіемъ: «Климатъ Россіи имѣетъ плодородную почву».

Наконецъ братъ Ваня и Валерьянъ Лишинъ кончили курсъ въ корпусѣ и пріѣхали къ намъ выпускными офицерами. Съ осени Ванѣ предстояло ѣхать на Кавказъ, по назначенію къ своему полку, а Лишину—въ Варшаву; но онъ хлопоталъ, чтобы его тоже назначили на Кавказъ.

Наступилъ май, такъ чудно прекрасный въ нашемъ краѣ, граничащемъ съ Малороссіей. А въ томъ году май выдался совсѣмъ лучезарный и такимъ навсегда остался въ моей памяти. Вѣдь это былъ единственный счастливый май въ моей жизни.

Наши молодые офицеры поселились въ отцовскомъ кабинетѣ, увѣнчанномъ портретами струмиловскихъ предковъ. На старинномъ пузатомъ бюро, на столахъ и диванахъ валялись теперь новенькія фуражки, эполеты и книги, много книгъ! Просторная комната наполнилась табачнымъ дымомъ, веселымъ говоромъ и смѣхомъ.

Къ нашимъ офицерамъ стали наѣзжать друзья, чаще всего артиллеристы изъ арсенала сосѣдняго города Б. Пріѣзжалъ Митрофанъ Надѣинъ, или «бѣсъ во муракѣ», прозванный такъ за привычку сидѣть, задумавшись, въ темномъ углу комнаты. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣзжалъ и другъ его Флорентій Павленковъ, жизнерадостный артиллеристъ, любившій веселье и шутки, что не мѣшало ему вѣчно возиться съ книгами. Благодаря ему, я прочитала Шекспира, Диккенса, Теккерея и первыя повѣсти Тургенева. Павленковъ постоянно привозилъ что-нибудь новенькое. Впослѣдствіи онъ сдѣлался извѣстнымъ издателемъ, а «бѣсъ во муракѣ» додумался до какого-то изобрѣтенія.

Въ старинномъ отцовскомъ кабинетѣ велись теперь оживленные споры и разговоры о литературѣ, объ освобожденіи крестьянъ, объ отношеніи родителей къ дѣтямъ. Присутствовать при этихъ разговорахъ было для меня высшимъ наслажденіемъ. Мой разумъ точно просыпался, я начала вдумываться во все. Безусловное повиновеніе старшимъ стало казаться мнѣ рабствомъ, бурный духъ сопротивленія охватилъ даже меня...

— Ты все торчишь въ кабинетѣ, безстыдница! — закричала какъ-то мать, увидѣвъ, что я выхожу оттуда съ кипой книгъ въ рукахъ.—Не смѣй больше ходить туда, не годится барышнѣ мужскіе разговоры слушать!

Грубый окрикъ матери не заставилъ меня, однако, повиноваться. Черезъ день она застала меня тамъ съ Ваней и Лишинымъ. Мы сидѣли на турецкомъ диванѣ и оживленно болтали.

— Ты опять здѣсь? Вѣдь я запретила тебѣ ходить сюда... Безъ дѣла шляешься и не знаешь, куда себя дѣвать. Сидѣла бы за пяльцами—все больше пользы, чѣмъ съ книжками возиться!

— Мари вовсе не теряетъ времени даромъ, мамаша! — вступился за меня Ваня.—Она пополняетъ свое образованіе, изучаетъ литературу...

— Зачѣмъ это? Мало ее въ институтѣ учили, мало я за нее денегъ переплатила? Чего только этотъ институтъ стоилъ! А она не хочетъ даже музыкой съ младшими дѣтьми заняться...

— Я занимаюсь съ ними по-русски и по-французски,—возразила я:—но музыкой не могу. Мнѣ до того опротивѣли гаммы въ

институтѣ... Къ тому же я признаю, что музыкой нельзя заниматься безъ дарованія.

— Ты признаешь!.. Ты должна прежде всего безпрекословно повиноваться матери! Убирайся вонъ отсюда, довольно наслушалась здѣсь всякаго вздора!

И она схватила меня за руку. Я стала вырываться.

Мать, женщина сильная и грузная, толкнула меня къ двери. Но я отлетѣла къ печкѣ и ударилась головой объ выступъ. Ударъ былъ настолько силенъ, что черепаховый гребень въ моей косѣ раскололся и зубья его впились мнѣ въ затылокъ.

Эта тяжелая сцена была какъ бы прологомъ къ безконечнымъ ссорамъ въ нашей семьѣ. Приближалось совершеннолѣтіе Вани, матери приходилось уступить ему управленіе имѣніемъ. Но ей хотѣлось хотя бы на время пребыванія его на Кавказѣ хозяйничать попрежнему самостоятельно. А между тѣмъ старая дворня жадно ждала отъ «настоящаго струмиловскаго барина» всякихъ льготъ и поблажекъ, да и молодому помѣщику не терпѣлось проявить свои новые взгляды.

Нашу мать нельзя было назвать жестокой, но въ ней было много стариннаго самодурства. А времена наступали иныя, требовались уступки. Она ихъ не допускала—и наша семейная жизнь обратилась въ сущій адъ.

Младшихъ дѣтей удалили отъ меня, чтобы я не портила ихъ своимъ примѣромъ непокорной дочери. Друзьямъ брата, Надѣину и Павленкову, которыхъ мать считала сѣятелями вредныхъ идей, прекращенъ былъ доступъ въ нашъ домъ. Даже Лишинъ принужденъ былъ уѣхать къ дядѣ.

Разыгрывались невозможныя сцены. Въ одинъ темный августовскій вечеръ, послѣ цѣлаго дня ссоръ и пререканій, мать ушла съ Людмилочкой къ церкви. Взобравшись на колокольню, она зазвонила. На селѣ подумали, что пожаръ, сталъ собираться народъ. Мать во всеуслышаніе заявила, что старшія дѣти обижаютъ ее, что съ ними сладу нѣтъ и она больше къ нимъ въ домъ не пойдетъ.

Крестьяне не знали, кто въ ближайшемъ будущемъ возьметъ власть надъ ними, и потому держали себя политично: молодого барина уговаривали слушаться маменьку, а послѣднюю просили успокоиться.

Пока происходили эти переговоры, разыгралась гроза, полилъ дождь. Мать сдалась на предложеніе попадьи укрыться въ ея домикѣ. Кого мнѣ жаль было въ эту несчастную ночь, такъ это Людмилочку. Нервная дѣвочка всегда волновалась во время ссоръ, а тутъ еще гроза, безсонная ночь... Но въ мое время не щадили дѣтской впечатлительности.

Отъ своей дочери Вареньки, съ которой я дружила, наша попадья знала всѣ наши планы и сумѣла уговорить мать на дру-

гой же день вернуться домой. Вся суть нашихъ плановъ состояла въ томъ, чтобы мнѣ уѣхать съ братомъ на Кавказъ. Оставаться съ матерью послѣ всѣхъ ссоръ я не считала возможнымъ, да и путешествіе увлекало. Кавказъ являлся единственнымъ спасеніемъ отъ скуки и домашнихъ дрязгъ.

Попадья убѣдила мать, что ей слѣдуетъ воспользоваться случаемъ—избавиться на время отъ обоихъ супротивниковъ. И всѣ мы такъ устали ссориться, что готовы были на уступки.

Мать согласилась, чтобы я, по ея выраженію, «крутилась на Кавказѣ», но требовала, чтобы управленіе имѣніемъ оставалось безконтрольно въ ея рукахъ. Ей хотѣлось повластвовать на полной свободѣ: кое-кого изъ дворовыхъ услать подальше, крестьянъ переселить. Вотъ чему, собственно, обязана была я своей свободой. Тѣмъ не менѣе, мы ликовали, и Ваня согласился на всѣ условія матери, лишь бы она дала намъ побольше денегъ на дорогу.

Мы себя не помнили отъ радости, что заживемъ самостоятельно, увидимъ новую страну, море и горы. Я даже поповну Вареньку звала съ собою, но эта дѣвица предпочла сочетаться бракомъ съ семинаристомъ, которому и принесла въ приданое священническое мѣсто въ Высокомъ.

Лишинъ продолжалъ жить у дяди и надѣялся, что его тоже назначатъ на Кавказъ. Но, узнавъ, что мы уже выѣзжаемъ туда, написалъ мнѣ очень грустное письмо, оканчивавшееся такими словами: «Дядя называетъ меня безмозглымъ за то, что на Кавказъ стремлюсь. Пусть буду я безмозглый, а все-таки вы, Мари, увидите меня—живого или мертваго». Слова эти были какъ бы предсказаніемъ. Живымъ не привелось мнѣ увидѣть друга моей юности, но мертвымъ я увидѣла его, и при какихъ обстоятельствахъ—разскажу впослѣдствіи.

Въ октябрѣ 1860 г. пріѣхали мы въ Ставропольскую губернію, въ крѣпость Чиръ-Юртъ—мѣсто стоянки полка Вани. Путешествіе наше не обошлось безъ приключеній: мы едва не потонули при бурѣ, застигшей нашъ пароходъ на Каспійскомъ морѣ, едва не свалились въ пропасть при бѣшеной ѣздѣ по горной дорогѣ—вообще немало испытали сильныхъ ощущеній.

Зато въ Чиръ-Юртѣ жизнь потянулась самая однообразная. Сначала насъ занимали и горы, и черкесы, и наша квартирка съ глинянымъ поломъ, въ которой мы все-таки устроились довольно удобно. Но скоро скука стала донимать насъ. Женскаго общества почти не было, а бурбоны-армейцы выводили меня изъ себя своей неотесанностью. Я не могла себѣ представить, какъ можно жить на свѣтѣ безъ заграничныхъ духовъ, тонкаго бѣлья и т. п., а отъ армейцевъ несло подчасъ такимъ «бергамотомъ», какимъ помадились въ Высокомъ лакеи. Что нравилось мнѣ больше всего

на Кавказѣ, такъ это шелковыя матеріи. Я накупила себѣ множество канаусовъ и рѣшила не носить иныхъ платьевъ, кромѣ шелковыхъ.

Изъ Чиръ-Юрта мы почти не выѣзжали. Путешествія по Кавказу были въ то время затруднительны, да и денегъ у насъ на это не хватало. Проклятыя эти деньги! Я совсѣмъ не знала имъ цѣны, поэтому когда пришлось вести хозяйство, онѣ таяли въ моихъ рукахъ.

Среди бездѣйствія и скуки полковой жизни картежная игра процвѣтала въ Чиръ-Юртѣ. Карты и вино соединяли общество въ военномъ клубѣ.

Удивительная эта страсть къ картамъ и нелегко съ нею бороться. На Кавказѣ отъ нея гибло людей не меньше, чѣмъ отъ пьянства. Ваня долго боролся со своимъ наслѣдственнымъ влеченіемъ къ азартнымъ играмъ, но наконецъ не выдержалъ и сталъ присаживаться къ зеленому столу. Сначала былъ въ выигрышѣ и, что называется, ходилъ гоголемъ, надѣясь вѣчно выигрывать. Но скоро спустилъ не только все выигранное, но и забранное впередъ жалованье. Тутъ съ нимъ произошелъ такой случай: цѣлый вечеръ онъ проигрывалъ и все-таки не могъ заставить себя бросить карты. Чтобы заглушить гнетущую тоску, онъ воткнулъ въ руку булавку и шевелилъ ею, но никакой боли не чувствовалъ. И только отыгравшись немного, замѣтилъ, что булавка по самую головку сидитъ въ рукѣ и кровь течетъ не переставая.

Барышни, пріѣзжавшія въ тѣ времена на Кавказъ, непремѣнно выходили замужъ. Жениховъ среди офицеровъ было множество, поэтому самыя забракованныя невѣсты находили здѣсь сбытъ. Пріударяли и за мной женихи, но я съ презрѣніемъ продолжала относиться къ неизящнымъ армейцамъ.

А между тѣмъ братъ Ваня быстро освоился въ чиръ-юртскомъ обществѣ, среди искательницъ жениховъ и приключеній. Вскорѣ онъ цѣликомъ поддался обаянію мѣстной львицы, Липочки Закурдаевой. Его увлеченіе закончилось законнымъ бракомъ. Я не успѣла опомниться, какъ въ нашей квартирѣ принялась хозяйничать жирная дамочка не первой молодости, одѣвавшаяся до невозможности пестро. Она энергично оттѣснила меня отъ брата, по уши въ нее влюбленнаго. Глядя тогда на Ваню, я не разъ вспоминала Титанію Шекспира, съ любовью гладившую ослиныя уши...

Мое положеніе становилось крайне непріятнымъ. Съ невѣсткой я не могла ужиться и мѣшала развеселому образу жизни, заведенному ею въ нашей квартирѣ.

Отъ Лишина не было писемъ. Что съ нимъ, гдѣ онъ—я не знала. Не женился ли и онъ на какомъ-нибудь подобіи нашей накрашенной Липочки? думалось мнѣ.

Тяжело жилось въ Высокомъ, но теперь я готова была со многимъ помириться... И я объявила брату и невѣсткѣ, что собираюсь домой.

— Не торопитесь, машеръ, скоро мы всѣ поѣдемъ въ Высокое,— отвѣчала Липочка. — Срокъ Ваничкиной службы кончается, и я горю желаніемъ обнять нашу милую маманъ!

Вскорѣ мы всѣ втроемъ двинулись въ путь. Какое это было грустное путешествіе! Вдохновенная идеализація всего окружающаго, дружба съ братомъ, мечты и надежды, наполнявшія наше первое путешествіе, смѣнились самой грубой дѣйствительностью. Братъ, раньше такъ любившій меня и баловавшій, теперь почти не замѣчалъ моего присутствія. Онъ весь былъ поглощенъ исполненіемъ желаній своей капризной повелительницы. А такъ какъ денегъ было немного, то всякіе копеечные расчеты обременяли его, меня же ставили въ неловкое положеніе. Получая отъ матери деньги, я цѣликомъ отдавала ихъ брату и брала у него понемногу на свои расходы. Теперь, когда наша общая касса очутилась въ рукахъ Липочки, я не могла добиться ни рубля. Чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи сколько-нибудь денегъ, я продала, какъ только мы сѣли на каспійскій пароходъ, торговцу-греку прекрасную нитку чернаго жемчуга. Я продала эту нитку за 25 рублей. Впослѣдствіи, по нѣсколькимъ оставшимся у меня зернамъ, я узнала, что вещь эта стоила не менѣе 500 рублей.

Въ Высокое мы вернулись глубокой осенью, пробывъ въ отсутствіи немного болѣе года. Мать встрѣтила насъ ласково, съ невѣсткой обошлась привѣтливо. Но вскорѣ начались ссоры. Липочкѣ не терпѣлось забрать поскорѣе имѣніе въ свои руки. Со всей женской находчивостью принялась она сѣять раздоръ въ семьѣ, и безъ того недружной. И она добилась своего: мать объявила, что переѣзжаетъ въ губернскій городъ для воспитанія младшихъ дѣтей.

Переѣзда матери я уже не помню. Мрачная завѣса спустилась надо мной, и память моя сохранила лишь обрывки того, что происходило вокругъ меня въ теченіе 8-ми лѣтъ. Разсудокъ мой помутился, я стала струмиловской колобродой. Одна ли наслѣдственность тому виной, или повліяли и грустныя условія жизни послѣднихъ лѣтъ—одинъ Богъ вѣдаетъ.

Я плохо помню, что происходило со мной въ первые годы болѣзни. Помню только, что меня часто и жестоко били. Чаще всего била Липочка, которая забрала себѣ и носила всѣ мои дорогія вещи, платья, бѣлье... Била меня и грубая прислуга, приставленная Липочкой. Моя болѣзнь обнаружилась въ тотъ годъ, когда освободили крестьянъ. Нашихъ старыхъ дворовыхъ, преданныхъ

мнѣ, Липочка поспѣшила разогнать и для ухода за мной нанимала какихъ-то нищенокъ.

Жила я въ кухнѣ полуразрушеннаго флигеля. Зимой я очень страдала тамъ отъ холода, поэтому залѣзала въ печку и грѣлась въ золѣ. Одежда моя состояла лишь изъ толстой посконной рубахи. Подъ предлогомъ, что я все рву, мнѣ не давали больше никакой одежды.

Спала я на полу, на соломенной подстилкѣ. Ѣла руками изъ миски, которую ставили возлѣ меня на полу. Никакой мебели въ моемъ помѣщеніи не полагалось.

Никто не посѣщалъ меня, никому не было до меня дѣла. Говорили, что братъ однажды заглянулъ ко мнѣ. Но такъ ужаснулся, увидавъ меня остриженною, перепачканною въ золѣ и сажѣ, что больше не приходилъ. Вскорѣ его выбрали мировымъ судьей, онъ переѣхалъ въ уѣздный городъ и повелъ обычную для Струмиловыхъ жизнь съ картежной игрой.

Лѣтомъ жилось мнѣ нѣсколько лучше. Попадья Варенька, моя бывшая подруга, уводила меня иногда къ себѣ и кормила до отвала. Но сердобольной попадьѣ нерѣдко влетало за это отъ Липочки, не терпѣвшей вмѣшательства въ свои распорядки.

Мать долго не пріѣзжала въ Высокое. Ей нелегко жилось на новомъ мѣстѣ. Липочка почти не высылала ей денегъ съ имѣнія за ея вдовью часть, а полковничьей пенсіи за службу второго мужа едва хватало на прожитье. Васю приняли было въ корпусъ на казенный счетъ, но онъ тамъ плохо учился, пришлось его взять и помѣстить на свой счетъ въ гимназію. Людмила была записана въ институтъ; но по неимѣнію денегъ у дворянства О—скій институтъ нѣсколько лѣтъ стоялъ безъ оконъ и дверей. Пришлось и Людмилу воспитывать на свой счетъ въ гимназіи.

Наконецъ мать выбралась провѣдать меня. Увидавъ мой звѣриный образъ жизни, она возмутилась и жестоко разбранилась съ Липочкой. Однако, съ этой особой не легко было сладить: ей вовсе не хотѣлось отдавать мои вещи и выплачивать матери мою часть дохода съ имѣнія. Она подняла сущій бунтъ. Чтобы выручить меня, матери пришлось обратиться къ предводителю дворянства.

Въ городѣ О. мать занимала квартирку изъ четырехъ небольшихъ комнатъ. Одну изъ нихъ она уступила мнѣ, вообще всячески себя стѣснила, лишь бы придать мнѣ человѣческій обликъ.

Почувствовавъ разницу въ житьѣ, я старалась какъ можно лучше вести себя; но болѣзнь брала свое, и я порядочно-таки отравляла жизнь семьѣ. Людмилочка не разъ горько плакала, когда я, забравшись въ ея комнату, безжалостно искалывала булавкой тщательно переписанныя ею тетрадки. У меня была манія выка-

лывать буквы, цифры и слова на каждомъ попадавшемся мнѣ клочкѣ бумаги. Затѣмъ у меня развилась страсть къ поджигательству: я собирала въ кучу одежду, подушки, мебель, устраивала и поджигала костеръ. Спички трудно было уберечь отъ меня, такъ какъ я немилосердно курила. Прислуга у насъ была всего одна, матери приходилось днемъ и ночью приглядывать за мной. Это такъ утомило ее, что она слегла въ постель. Въ положеніе семьи вмѣшались сосѣди, и меня, по освидѣтельствованіи умственныхъ способностей въ губернскомъ правленіи,—причемъ я торжественно признала себя антихристомъ, — помѣстили въ домъ призрѣнія сумасшедшихъ.

Тамъ мнѣ жилось не лучше, чѣмъ у Липочки. Тамъ меня также жестоко и часто били. Грубыя, пьяныя сидѣлки обращались съ больными, какъ съ животными. Одна изъ этихъ фурій чуть не задушила меня и такъ изорвала покровы шеи, что рубцы остались на всю жизнь. Счета днямъ я не знала, поэтому не могу сказать, сколько времени прожила въ этомъ аду.

Когда мать выздоровѣла, она принялась хлопотать, чтобы меня перевели въ московскую Преображенскую больницу. Братъ тоже хлопоталъ объ этомъ. И меня перевели туда. Здоровье мое въ О—скомъ домѣ умалишенныхъ настолько ухудшилось, что въ Преображенской меня записали въ разрядъ неизлечимыхъ.

Условія жизни въ Преображенской были несравненно лучше. Конечно, больныхъ и тутъ бивали, да и пища отпускалась неважная; но обильныя пожертвованія со стороны пополняли недостатокъ питанія, а доктора были преданы своему дѣлу и старались искоренить безпорядки, между тѣмъ какъ въ О. до больныхъ никому не было дѣла.

Я стала понемногу оживать, мысли мои приходили въ порядокъ. Я перестала величать себя антихристомъ и не устраивала больше костровъ съ цѣлью пріучить къ огню вѣчному свое грѣшное тѣло...

Въ Преображенской стали въ то время вводить работы и развлеченія для больныхъ. Мнѣ, взамѣнъ безсмысленныхъ выкалываній на бумагѣ, дали вышиваніе крестиками, и я съ охотой принялась за эту работу.

Всегда вспоминаю добромъ незабвенныхъ дѣятелей больницы, докторовъ Державина, Буцке и др. Имъ я обязана своимъ выздоровленіемъ. Не знаю, на всѣхъ ли больныхъ обращали они столько вниманія, или же я возбуждала въ нихъ особую жалость: бывшая институтка, сыпавшая и въ безуміи французскими фразами, дворянская дочь, очевидно, знавшая лучшую жизнь, а теперь—стриженная, изуродованная, худая, какъ щепка, и забитая, какъ собака...

Черезъ 5 лѣтъ пребыванія моего въ Преображенской доктора признали меня выздоровѣвшей. Брату, какъ опекуну, предложено было взять меня изъ больницы.

Переполохъ въ семьѣ вышелъ большой. Братъ и невѣстка отказывались вѣрить, чтобы я, записанная въ графѣ неизлечимыхъ, могла поправиться. Въ особенности воевала Липочка. Мою часть имѣнія она уже присвоила и теперь находила, что я прямо-таки грабила своимъ выздоровленіемъ.

Мать попрежнему жила въ О. Она изъявила желаніе взять меня къ себѣ, а братъ — вносить ей за мое содержаніе тѣ же 6 рублей въ мѣсяцъ, что и въ больницѣ.

И вотъ я снова живу у матери. Стараюсь быть полезной въ семьѣ, но это не легко для меня. Ничего не умѣю я дѣлать, въ домашнемъ хозяйствѣ ничего не смыслю и если примусь «помогать», то непремѣнно что-нибудь разобью или испорчу. Непривычны мои руки къ труду, да и родные не вполнѣ довѣряютъ мнѣ, все еще считаютъ больной.

Только вышиванье крестиками идетъ успѣшно. Я безъ конца вышиваю рубашки, фартуки, полотенца. Людмилочка какъ куколка разодѣта въ мои вышивки. Съ ней я постоянно говорю по-французски — ей нужна практика этого языка — и радуюсь, что хотя этимъ могу быть полезной въ семьѣ. Жаль только, что братъ такъ мало за меня платитъ матери, трудно ей жить на пенсію при барскихъ привычкахъ... Кое-какъ удалось добиться отъ Липочки моихъ золотыхъ вещей и фамильнаго серебра. Продали мы все это и немного поправили дѣла.

Слаба еще моя память, сбиваюсь я во времени и событіяхъ. Едва не забыла описать, какъ привелось мнѣ въ послѣдній разъ увидѣть Лишина.

Квартира наша въ О. находилась на улицѣ, ведущей къ кладбищенской церкви Іоанна Крестителя. Выйдя однажды прогуляться, я услыхала военную музыку и увидѣла похороны. Офицеры несли малиноваго цвѣта гробъ, на крышкѣ котораго лежала шпага, а въ рукахъ стараго унтера виднѣлась бархатная подушка съ знаками отличія.

Звуки любимаго мною похороннаго марша повлекли меня за гробомъ, ради нихъ я рѣшила проводить неизвѣстнаго мнѣ покойника къ мѣсту послѣдняго успокоенія.

Дорогой, поровнявшись съ однимъ изъ офицеровъ, я спросила:

— Кого это хоронятъ?

— Офицера Н—скаго полка Лишина,— отвѣчалъ тотъ.

— Какъ, Валерьяна Лишина?—едва выговорила я отъ волненія.

— Да, Валерьяна Павловича Лишина. А вы развѣ знали его?—освѣдомился офицеръ.

Я отвѣтила, что Лишинъ былъ товарищемъ моего брата по корпусу и что мнѣ очень хотѣлось бы знать, какъ и отчего онъ

умеръ. Когда мы подошли къ кладбищу, офицеръ предложилъ мнѣ сѣсть на скамейкѣ у паперти и разсказалъ слѣдующее.

Лишинъ велъ службу со своей обычной манерой правдивости. Когда его сдѣлали ротнымъ командиромъ, онъ наткнулся на множество злоупотребленій. Солдатъ кормили гнилымъ мясомъ, не давали достаточнаго приварка и квасу, отчего цынга и куриная слѣпота царили въ казармахъ; посылали на частныя работы, а плата за ихъ трудъ поступала начальству. Умершихъ только отпѣвали въ гробу, а хоронили прямо въ землю, такъ что одинъ и тотъ же гробъ служилъ сотнямъ мертвецовъ, хотя въ графу расходовъ неизмѣнно записывались 4 рубля на гробъ при каждомъ покойникѣ.

Собравъ матерьялъ относительно подобныхъ злоупотребленій, Лишинъ горячо запротестовалъ. Но его не хотѣли слушать; всѣ его донесенія по начальству клались подъ сукно. Тогда Лишинъ пожаловался министру.

Это происходило въ 60-хъ годахъ, когда обличенія были въ ходу. Министръ назначилъ комиссію для строгаго разслѣдованія. Но во главѣ комиссіи очутилось лицо, благоволившее къ командиру полка. Замять все дѣло не удалось, зато явилась возможность отомстить Лишину. Его обвинили въ нарушеніи дисциплины: не по чинамъ жаловался. И онъ получилъ бумагу, угрожавшую ему дисциплинарнымъ взысканіемъ. Бѣдняга скоро почувствовалъ, что находится въ рукахъ своихъ враговъ, и не вынесъ ихъ издѣвательства. Выстрѣломъ изъ пистолета онъ снесъ себѣ верхушку черепа, такъ что мозгъ вытекъ. Обрадованное начальство объяснило всю жалобу душевнымъ разстройствомъ самоубійцы и разрѣшило парадно похоронить его.

Я сейчасъ же узнала въ покойникѣ друга моей юности, его тонкія, благородныя черты. Вѣнчикъ едва прикрывалъ зіявшую на лбу рану, но лицо не было изуродовано.

Глубокая тоска охватила меня. Неужели это я, сѣдая, старая дѣва, стою у гроба единственнаго человѣка, меня любившаго. Неужели всѣ мечты похоронены, вся жизнь ушла и остается только медленное угасаніе безъ вспышки чувства, безъ просвѣта?

Мнѣ разсказывали, что когда я была въ состояніи полнаго безумія, Лишинъ пріѣзжалъ въ Высокое. Ему показали меня въ моемъ звѣриномъ видѣ: стриженную, перепачканную, одѣтую въ рубище. Онъ схватился за голову и зарыдалъ. Потомъ уѣхалъ къ моей матери въ О. и настоялъ, чтобы она ѣхала въ Высокое и взяла меня къ себѣ.

На нашемъ институтскомъ жаргонѣ меня прозвали бы «гіэной гробокопательницей»—я только и толкую, что объ умершихъ да о гробахъ. Что дѣлать, такова моя судьба... Мертвымъ и подобаетъ хоронить мертвыхъ.

Со времени выздоровленія я ни разу не была въ Высокомъ. Мнѣ пришлось поѣхать туда на похороны брата Вани,—онъ умеръ тамъ совсѣмъ одинокимъ. Липочка давно оставила его и уѣхала на Кавказъ. Но прежде, чѣмъ уѣхать, она распродала всѣ рощи и луга, всѣ доходныя части имѣнія. Наше Высокое представляло собою какой-то выморочный клочокъ, наслѣдницей котораго являлась я, послѣдняя струмиловская колоброда.

Когда брата похоронили, я съ попадьей Варенькой осмотрѣла въ первый разъ въ жизни нашъ фамильный склепъ. Это былъ огромный, съ нѣсколькими отдѣленіями, подвалъ подъ церковью, освѣщаемый лишь узкими окнами фундамента. Гробы стояли въ немъ длинными рядами, а тѣ, что истлѣли и развалились, лежали грудами по угламъ.

— Вотъ здѣсь стоялъ гробъ того Струмилова, что проклятье на свой родъ навлекъ,—объяснила мнѣ Варенька.—Его тѣло къ себѣ черти утащили. Когда гробъ развалился, только и нашли въ немъ, что сѣдой парикъ съ пуклями да чашку саксонскую старинную.

— Чашка-то туда какъ попала?

— Струмиловскихъ покойниковъ всегда духами и мастями пропитывали. А остатки духовъ при покойникѣ оставляли. Возлѣ гроба вашего папеньки и теперь стоитъ чашка съ розовымъ масломъ. Очень онъ эти духи любилъ изъ-за границы ихъ выписывалъ за большія деньги. Когда прачки его бѣлье мыли, такъ отъ нихъ даже розовый духъ шелъ.

Мы подошли къ гробу моего отца. Дѣйствительно, между стѣной и гробомъ оказалась большая чашка севрскаго фарфора, съ двумя голубками на крышкѣ. Я съ трудомъ открыла герметически прилаженную крышку. Духи высохли, но ароматъ розъ еще держался въ сосудѣ.

Когда я вышла на свѣжій воздухъ, запахъ тлѣнія и розъ долго преслѣдовалъ меня. Вспоминалась роскошная, бездѣятельная жизнь игроковъ Струмиловыхъ, и понятной становилась гибель пресыщеннаго рода.

Я поселилась въ старинномъ отцовскомъ кабинетѣ. Эта комната только и сохранилась въ порядочномъ видѣ въ нашемъ запущенномъ домѣ.

Чувствую, что смерть не за горами, и принимаюсь писать свое завѣщаніе.

Я завѣщаю, чтобы меня похоронили не въ мрачномъ фамильномъ склепѣ, а на кладбищенской горкѣ за церковью, гдѣ хоронятъ всѣхъ сельчанъ Высокаго. Оттуда прекрасный видъ на рѣку, и тамъ я часто сиживала съ Липинымъ, любуясь на необъятный просторъ луговъ и полей.

Затѣмъ я завѣщаю, чтобы въ нашемъ домѣ была открыта сельская школа, на содержаніе которой отдаю лужокъ Рѣпище, самый доходный клочокъ имѣнія. Наслѣдницей своей дѣлаю сестру мою Людмилу; ей же поручаю завѣдывать школой, если пожелаетъ, и въ ея распоряженіе отдаю мои записки.

Своимъ завѣщаніемъ я, послѣдняя струмиловская колоброда, какъ бы отрицалась отъ традицій рода и становилась ближе къ народу, вскормившему меня. Поступить такъ заставляли меня совѣсть и мое пробудившееся сознаніе. Пусть всѣ видятъ, что немыслимъ поворотъ къ старому, когда даже такіе обломки старины, какъ я, отрицаются отъ нея и преклоняются предъ новыми путями.

Погибъ Лишинъ, этотъ человѣкъ съ кристально-чистою душою, едва вступивъ въ активную борьбу со зломъ. Погибла я, больное наслѣдіе когда-то сильнаго рода, не сдѣлавъ никому ни зла, ни добра. Одновременно съ нами отошло въ вѣчность цѣлое поколѣніе, которое стремилось къ идеаламъ личнаго одухотворенія и романтизма. Оно отжило, какъ отживаетъ все, что свершило свое назначеніе, какъ отпадаютъ съ дерева пожелтѣвшіе листья.

Безслѣдно скроемся мы, гробы повапленные романтизма, во мракѣ нашихъ могилъ. Мы только успѣли заявить протестъ злу и наше стремленіе къ свободѣ. Но на смѣну намъ идетъ иное, живое и бодрое поколѣніе. Оно затмитъ насъ, печальныхъ и хрупкихъ романтиковъ, ибо оно будетъ «творить жизнь».

Е. Поливанова.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ. [1]

XXIII.

Безпорядки въ Петровско-Разумовской академіи.

Процессъ «193» имѣлъ огромное значеніе въ развитіи революціоннаго движенія въ Россіи. Дѣло мирной пропаганды кончилось, и начались всевозможнаго рода «выступленія». Я помню это время, время теоретическихъ споровъ народниковъ съ террористами. Эти партіи и ихъ дѣятели имѣли постоянныя связи съ русскими студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ существовали тѣсно сплоченные революціонные кружки.

Петровская академія не отставала въ этомъ отношеніи, напротивъ, едва ли въ другихъ заведеніяхъ господствовалъ демократическій духъ въ такой степени, какъ въ академіи. Близость къ природѣ, самая наука и практическія занятія—все толкало и вело думы студента къ народу, его судьбѣ и выходу изъ тяжелаго положенія. Большинство студентовъ принадлежало къ бѣдному классу трудовыхъ сословій, причемъ былъ довольно большой процентъ семинаристовъ, исключительно дѣтей сельскаго духовенства. Дѣти помѣщиковъ тоже были въ числѣ слушателей, но въ небольшомъ процентѣ. Нынѣшній сельско-хозяйственный институтъ имѣетъ мало общаго

---

[1] Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXII, стр. 491.

съ академіей 70—80 годовъ. Академія сложилась и жила въ демократическомъ духѣ, а реформированный институтъ... скорѣй безличное или безразличное заведеніе, хотя въ основу его реформъ положена идея создать аристократическое помѣщичье высшее учебное заведеніе.

Но вышло... дышло!

Я отлично помню этотъ 79-ый годъ. Еще съ осени началось у насъ движеніе, охватившее рѣшительно всѣхъ студентовъ всякихъ партій и направленій. Дѣло было дѣйствительно общее, студенческое. При этомъ нужно замѣтить, что намъ, петровцамъ, было по условіямъ легче знакомиться, узнавать другъ друга, нежели студентамъ городскихъ заведеній: мы жили не разбросанно, а тѣсно, почти всѣ вмѣстѣ.

Директоромъ академіи въ то время былъ Ф. Н. Королевъ, человѣкъ далеко не мягкій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже грубый. Я не стану приводить примѣровъ его отношеній къ студентамъ, прибавлю только, что они были нетактичны и именно въ то время не могли пройти безслѣдно.

Жизнь студентовъ ограничивалась многими стѣснительными правилами, особенно тѣхъ, которые квартировали въ общежитіи. Надо по правдѣ сказать, что въ чемъ хотите можно было обвинять тогдашнихъ студентовъ-петровцевъ, но не въ отсутствіи нравственности. Даже малѣйшаго намека на развратное поведеніе допустить было не мыслимо. Если временами и бывали пирушки, во время которыхъ поглощалось немало пива, то онѣ кончались обыкновенно усиленнымъ хоровымъ пѣніемъ, и только. Между тѣмъ правила не допускали посѣщать квартиры студентовъ женщинамъ, кто бы онѣ ни были: мать, сестра, невѣста. Послѣ 12 часовъ опоздавшій студентъ съ трудомъ допускался въ общежитіе, при условіи штрафной платы. Первое правило оскорбляло петровцевъ, какъ молодежь чистую и честную, второе казалось нелѣпымъ и стѣснительнымъ: многіе часто посѣщали въ Москвѣ театры, спектакли въ которыхъ почти всегда кончались около 12 часовъ; слѣдовательно, не было физической возможности пріѣхать въ академію, не заплативъ штрафа.

Можетъ быть, это мелочи, но ихъ было много и, кромѣ раздраженія, они ничего не вносили въ студенческую жизнь. Потомъ все это сказалось, и Королевъ и нѣкоторые студенты поплатились.

Большинство петровцевъ были бѣдняки и перебивались, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Обѣдъ въ субсидированной столовой изъ двухъ блюдъ стоилъ 20 коп., но и это для многихъ было дорого. Прачка, квартира, дешевыя вообще для имѣющаго средства, для бѣдняковъ казались и дѣйствительно были дороги.

И вотъ организовалась студенческая касса изъ взносовъ самихъ студентовъ, болѣе или менѣе состоятельныхъ, и изъ разныхъ

пожертвованій. Между прочимъ не могу не указать на одного жертвователя.

Это былъ извозчикъ, давшій въ кассу съ чувствомъ особеннаго удовольствія, кажется, 200 рублей. Почему? спроситъ читатель. При чемъ тутъ извозчикъ? Дѣло въ томъ, что когда-то пришелъ изъ дальнихъ губерній мужичокъ на заработки въ Москву. Онъ долго искалъ работы, но не находилъ, а на бѣду еще заболѣлъ. Очутившись какъ-то въ окрестностяхъ академіи, онъ встрѣтилъ студентовъ, которые его пригрѣли, вылечили, и, ставъ на ноги, мужичокъ нашелъ (или ему пріискали) мѣсто. А затѣмъ ему повезло, и лѣтъ черезъ десять онъ сдѣлался хозяиномъ-извозчикомъ.

Задачей кассы было оказывать пособіе членамъ-студентамъ двояко: давать на опредѣленные сроки деньги взаймы, разумѣется, безъ процентовъ и, во-вторыхъ, помогать ежемѣсячно и безвозвратно особенно нуждающимся студентамъ. Въ первое время по учету капитала касса установила норму безвозвратной субсидіи 8 рублей, послѣ платили 12 рублей.

На таковую сумму имѣлъ право студентъ, ничего не получающій изъ дома и ничего не зарабатывающій. Были такіе, которые получали 3—5 рублей изъ дома каждый мѣсяцъ—такимъ касса доплачивала, также и тѣмъ, кто не зарабатывалъ до установленной нормы.

Однимъ словомъ, касса работала, часто происходили общія собранія, преслѣдуемыя инспекціей. Собранія, хотя были и дѣловыя, но оживленныя. Выступали ораторы, говорившіе недурно, которыхъ съ удовольствіемъ слушала молодая публика. Бывали, напримѣръ, и такіе случаи: студентъ-бѣднякъ, получавшій полную субсидію, держалъ такую рѣчь: «гг., я крайне благодаренъ за пособіе, жить теперь можно, и я не голодаю, какъ прежде... Но... но, господа, смотрите, въ чемъ я хожу», и онъ поднялъ ногу, на которую, вытянувшись, въ толпѣ глядѣли студенты. «Это старыя женскія галоши... неприличныя, надѣюсь, для истиннаго петровца и радикала».

Раздавался искренній смѣхъ, и сходка единогласно постановила: выдать студенту N безвозвратно семь рублей на покупку сапогъ. Между тѣмъ репрессіи со стороны директора не прекращались, даже возрастали, и между нимъ и студентами отношенія обострялись. Изъ академической библіотеки прекратили выдавать на домъ студентамъ научныя книги, вводился болѣе строгій режимъ. Какъ-то при встрѣчѣ одного студента съ директоромъ первый прошелъ мимо, не поклонившись Королеву, что, конечно, не совсѣмъ вѣжливо. Но директоръ поступилъ еще безтактнѣе: догнавъ студента, потребовалъ, чтобы тотъ снялъ шапку. Глухое, сдержанное недовольство наконецъ выразилось въ формѣ протеста и требованіяхъ, посланныхъ съ коллективнымъ подписомъ почти всѣхъ студентовъ на имя министра государственныхъ имуществъ.

Протестъ былъ серьезный, а требованія сводились къ ограниченію надзора со стороны администраціи, пользованію на дому книгами изъ академической библіотеки, отмѣнѣ штрафовъ, допущенію женщинъ въ квартиры студентовъ и проч. Я былъ однимъ изъ тѣхъ, кто собиралъ эти подписи. Двое другихъ были В. Н. Григорьевъ и В. Г. Короленко. Мы понимали, что нашъ протестъ совершался на незаконной почвѣ и просили студентовъ не подписываться легкомысленно, не взвѣсивъ всѣхъ послѣдствій.

Помню, я ходилъ по выселкамъ, посѣщая убогія комнаты студентовъ, и помню тяжелыя порой впечатлѣнія, которыя пришлось переживать.

Вечеръ. Дождь уныло стучитъ въ окно. На трехногомъ столѣ горитъ и коптитъ дешевая лампа. Студентъ ходитъ изъ угла въ уголъ. Скучно, тоскливо. Вхожу съ листомъ для подписи. Студентъ сначала молчитъ, видимо что-то обдумывая. Онъ усиленно крутится по убогому помѣщенію, подергивая молодую жидкую бороденку.

— Я понимаю, что все это правда, что подписать надо! очень хорошо понимаю...—и вдругъ раздражительнымъ голосомъ, чуть не плача, добавляетъ:—но вѣдь у меня вдовая мать и маленькіе братья и сестры, и вся ихъ надежда на меня, когда я кончу курсъ и получу мѣсто!..

— Тогда не подписывайте,—говорю я:—еще бы, такое семейное положеніе...

Собираюсь уходить. Несчастный студентъ останавливаетъ меня, и я вижу, какъ онъ мучается и страдаетъ.

— А вы меня за подлеца не считаете?—рѣзко спрашиваетъ, смотря строгими, воспаленными глазами.

— Помилуйте, что съ вами! Вы такъ искренно относитесь къ товариществу, что никто не посмѣетъ дурно подумать о васъ! Лучше во всякомъ случаѣ не подписаться, нежели потомъ, когда придетъ гроза, отказаться и смириться...

— Подождите еще... Двѣ минуты!—говоритъ онъ, замѣчая, что собираюсь уходить.

И я жду и намъ обоимъ тяжело! Наконецъ онъ крѣпко жметъ мою руку и ласково и виновато заглядываетъ въ глаза.

По правдѣ сказать, нельзя было безъ уваженія отнестись къ такимъ молодымъ людямъ, они навѣрно въ жизни, въ своей трудовой дѣятельности честно исполняли свой долгъ, и человѣчество не было имъ чуждо, и они ему. Но были и другіе, которые быстро соглашались и также быстро послѣ отказывались и извинялись за свое участіе. Вспоминается мнѣ одинъ, фамилію его я не назову. Онъ несомнѣнный карьеристъ, всегда имѣетъ выгодныя мѣста, его цѣнятъ «высшія лица», онъ извѣстенъ даже нѣкоторыми, впрочемъ, неважными, научными работами. Неглупый, съ живыми голубыми глазами, воспитанный, съ удовольствіемъ всегда велъ

теоретическіе споры съ радикалами, которыхъ называлъ благородными противниками. Фальшивая фарисейская душа! Когда былъ финалъ этихъ печальныхъ безпорядковъ, то К. извинялся въ угоду князю Ливену, хотя подписи его подъ протестомъ не было. Это уже интеллигентное лакейство!

Григорьевымъ и Короленкой протестъ съ подписями былъ переданъ директору Королеву для посылки на имя министра. Королевъ указалъ на совершенную незаконность такой бумаги, но представители настаивали. Дополнительныя подписи собиралъ я и долженъ былъ тоже передать директору, но случилось иначе. Въ самый разгаръ «безпорядковъ» въ академію пришелъ К. А Вернеръ, который работалъ въ Москвѣ, кажется, въ слесарной мастерской. Онъ взялъ у меня эти списки, сказавъ, что соберетъ еще подписи и подастъ ихъ самъ, такъ какъ ранѣе привлекавшемуся по разнымъ дѣламъ это неудобно, а онъ человѣкъ чистый, внѣ всякихъ подозрѣній. Къ моему сожалѣнію, такъ и было сдѣлано.

Протестъ былъ посланъ, и академія ждала послѣдствій. Начальство притихло и, видимо, трусило, устали отъ волненія и студенты.

Прошло нѣсколько дней. Подъ вечеръ вдругъ забѣгали по академіи сторожа, инспекторъ и субъ, особенно послѣдній. Вся администрація искала Вернера, Григорьева и Короленку. Пріѣхалъ товарищъ министра государственныхъ имуществъ, свѣтлѣйшій князь Ливенъ. Онъ остановился въ одной изъ аристократическихъ гостиницъ въ Москвѣ и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ трехъ представителей безпокойнаго студенчества. Подана была коляска, запряженная казенными лошадьми, и депутаты уѣхали. Дальнѣйшія обстоятельства разыгрались съ изумительной быстротой, сцена слѣдовала за сценой, и комедія кончилась, для нѣкоторыхъ, впрочемъ, превратившись въ драму. На другой день по пріѣздѣ въ академію свѣтлѣйшаго, на квартиру къ директору были вызваны нѣкоторые студенты: Пругавинъ, Ортынскій, я и другіе. Григорьевъ, Вернеръ и Короленко уже находились тамъ. Они были ночью арестованы и заключены въ отдѣльную комнату.

Мы пришли. Пождали въ гостиной недолго, пока не вышелъ высокаго роста шатенъ, лѣтъ сорока пяти, съ грудью колесомъ и рѣшительнымъ, непобѣдимымъ видомъ. Это былъ князь Ливенъ, впослѣдствіи герой на почвѣ земельныхъ уфимскихъ хищеній. Какъ совершенный джентльменъ поздоровавшись съ нами, онъ началъ приблизительно такъ, держа въ рукахъ бумагу: «Я, господа, получилъ эту бумагу, которую прочелъ бѣгло, не разбирая по существу... Для меня было совершенно ясно одно, что это бумажка незаконная и подписавшіяся на ней лица подвергаются по закону наказанію. Мнѣ оставалось послѣднее исполнить, т. е. удалить изъ академіи тѣхъ, кто позволилъ себѣ эту дерзость, оставалось исклю-

чить ихъ, но... но сердце мое дрогнуло, я бросилъ въ Петербургѣ всѣ дѣла и пріѣхалъ сюда, къ вамъ, чтобы искренно и дружески разобрать и покончить это дѣло. Помогите мнѣ въ этомъ, я прошу васъ!»

Мы молчали, и намъ было неловко.

— Вы, господа, этой бумагой... я не знаю, какъ ее назвать... протестъ, заявленіе ли,—все равно, незаконной бумагой оскорбили директора, какъ представителя власти, и потому прежде, нежели перейти къ существу вашихъ жалобъ или просьбъ, я предлагаю вамъ извиниться передъ директоромъ. Согласны?

Мы продолжали молчать.

— Господа!—говорилъ князь Ливенъ. — Я самъ былъ студентомъ, у насъ тоже были... исторіи... но мы во время одумались и прекратили безцѣльную борьбу съ правительствомъ которое раздавитъ васъ, вышвырнетъ, и что вы станете дѣлать безъ образованія, безъ диплома?.. жизнь искалѣчитъ васъ... повѣрьте... ну, куда вы пойдете? итакъ, извиняйтесь! Это единственный выходъ для соглашенія.

— Ваше свѣтлость! — сказалъ я. — Извиниться передъ директоромъ, какъ передъ властью, значитъ отказаться отъ своихъ подписей...

— Ваши подписи незаконныя и больше ничего, — перебилъ меня князь.

— Отказаться и извиниться, — сказалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ Ортынскій:—значитъ, самому себѣ плюнуть въ рожу.

Князь Ливенъ такъ и подскочилъ отъ вульгарнаго выраженія нашего товарища.

— Я вижу, вы несогласны,—продолжалъ онъ: — что жъ дѣлать? Я поговорю еще со студентами, можетъ быть, найдутся благоразумнѣе васъ!..

Мы поднялись со своихъ мѣстъ, но князь еще задержалъ насъ.

— Я попросилъ бы васъ, господа, не упоминать о нашемъ разговорѣ студентамъ, пусть наша бесѣда не выйдетъ изъ этихъ стѣнъ.

Мы отказались, сказавъ, что это общее дѣло, что студенты ждутъ и мы отъ нихъ не можемъ скрывать ничего.

Тогда князь Ливенъ сказалъ: «Ну, хорошо, правительство жало вамъ руку, а теперь покажетъ кулакъ!»

Нечего сказать, знаменитое изреченіе!

Мы вышли. Было поздно, часовъ десять вечера. Все зданіе академіи было освѣщено. Въ общежитіи собралась сходка, слышались горячія рѣчи, видны были взволнованныя лица, глаза нѣкоторыхъ горѣли, голосъ дрожалъ. Вездѣ толпились студенты: передъ квартирой директора, передъ зданіемъ академіи, нѣкоторая часть о чемъ-то совѣщалась въ паркѣ. Три представителя нахо-

дились подъ домашнимъ арестомъ. Понемногу, но ихъ имена начали повторяться въ толпѣ, пока, наконецъ, не выразилось единогласно требованіе ихъ освобожденія. Шумъ былъ ужасный—и это называлось безпорядками. Когда мы передали товарищамъ, что князь Ливенъ проситъ ихъ извиниться передъ директоромъ, всѣ пришли въ негодованіе.

— Никогда!—кричали нѣкоторые, какъ изступленные.

— Вооружайтесь, господа! — ни съ того, ни съ сего кричалъ Эдемскій.

Всѣ пошли въ аудиторіи, куда студентовъ звали профессора, просившіе ихъ прекратить безпорядки и извиниться передъ директоромъ, не какъ передъ человѣкомъ, а какъ передъ властью. Помню, кто-то прокричалъ: «Передъ десятымъ томомъ свода законовъ не извиняются». Помню рѣчь священника-богослова и профессора Иванюкова, который лично мнѣ доказывалъ, что извиниться слѣдуетъ, доказывалъ это чуть ли не по Марксу.

— Мы извинимся, если отпустите Вернера, Григорьева и Короленку,—кричали студенты.

Пришли еще профессора, инспекторъ, субъ и стали убѣдительно просить расходиться по курсамъ въ разныя аудиторіи.

Была уже полночь. Я ушелъ въ общежитіе, въ комнату Пругавина, гдѣ собрались немногіе, которые понимали, что дѣло проиграно и что студенты одурачены.

Грустно было!

А въ главномъ, освѣщенномъ огнями зданіи академіи, совершался послѣдній актъ комедіи: студенты, собранные по курсамъ въ разныхъ аудиторіяхъ, «извинялись». Какъ это происходило? Во время шума и споровъ молодежи въ аудиторію входилъ князь Ливенъ со свитой, въ числѣ которой былъ директоръ Королевъ. Товарищъ министра что-то говорилъ, студенты молча смотрѣли, не понимая, въ чемъ дѣло. Группа, со свѣтлѣйшимъ во главѣ, быстро удалялась, навѣщая такимъ же образомъ другую аудиторію.

На четвертомъ курсѣ «это» произошло нѣсколько иначе. При появленіи князя Ливена голубоглазый блондинъ К. вышелъ впередъ и, смѣло посмотрѣвъ на ликъ свѣтлѣйшаго, извинился за весь курсъ.

Какъ я упоминалъ, онъ не подписывался подъ коллективнымъ протестомъ. Это былъ современный Чичиковъ!

Что жъ прибавить въ заключеніе?

Съ Григорьевымъ и Вернеромъ поступили строго: перваго сослали административно въ Пудожъ, Олонецкой губерніи, и даже этапнымъ порядкомъ, пѣшкомъ, второго въ Вятскую губернію, въ городъ Глазовъ, а Короленку отправили въ Кронштадтъ, откуда, впрочемъ, скоро освободили. Человѣкъ пятнадцать исключили изъ академіи, какъ не подписавшихся подъ особыми листиками извиненія и обя-

зательства исполненія студенческихъ правилъ. Это былъ результатъ Ливенской политики. Королевъ былъ устраненъ, на его мѣсто назначенъ болѣе гуманный и тактичный директоръ Арнольдъ.

К. А. Вернеръ въ 90-хъ годахъ занималъ съ честью и достоинствомъ каѳедру профессора сельско-хозяйственной экономіи, но уже не академіи, а реформированнаго института.

XXIV.

Кружковые типы.—Арестъ и ссылка.

Московскіе кружки были разнообразны по характеру и составу членовъ. Во многихъ преобладалъ женскій элементъ, который давалъ извѣстный тонъ и направленіе. Помимо идейной искренности, существовали кружки съ нѣкоторымъ буржуазнымъ оттѣнкомъ, кружки, которые организовала модная современность. Во главѣ одного изъ такихъ кружковъ стояла молодящаяся, среднихъ лѣтъ, дама М., разошедшаяся съ мужемъ. М. была человѣкомъ общества, и все у ней было поставлено на «приличную ногу». Собирались, пили чай, закусывали и вели солидныя бесѣды. Въ салонѣ М. можно было встрѣтить извѣстнаго адвоката, писателя съ именемъ и революціонера. Ближайшими подругами М. были двѣ дѣвушки-курсистки, довольно развитыя, но вялыя, безжизненныя, между тѣмъ какъ М. кипѣла и рвалась. Куда?—спроситъ читатель. Да, вѣроятно, она и сама не знала, но ей было пріятно играть роль, что-то будто дѣлать, спѣшить и волноваться.

— Слышали! N арестованъ! Ахъ, Боже мой! Вѣдь онъ боленъ, бѣдняжка... и вдругъ въ тюрьмѣ! Надо помочь непремѣнно, надо хлопотать. Я поѣду къ присяжному повѣренному N, а вы, душенька, съѣздите къ доктору, у котораго онъ лечился, пусть дастъ свидѣтельство!..

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ курсистка.

— Какъ зачѣмъ?—при этомъ М. дѣлаетъ большіе глаза (охъ, какъ она умѣла это дѣлать!)—Что съ вами, милочка, какъ зачѣмъ? Мы представимъ свидѣтельство прокурору или генералу, и его выпустятъ... ясное дѣло!

И онѣ бѣгали, хлопотали, шумѣли, просили съ арестованными свиданія, доставляли ему продукты до шоколада включительно. Волновался весь кружокъ со всѣми принадлежащими къ нему мужчинами. Помню одного изъ нихъ съ двойной фамиліей Р.-С., онъ изучалъ Маркса, но какъ изучалъ! даже страшно дѣлалось. Онъ читалъ, дѣлалъ выписки и съ остервенѣніемъ ихъ рвалъ, писалъ еще, кричалъ, грозя кому-то пальцемъ... Въ такомъ видѣ часто его заставала М. съ товарищами. Въ волненіи, съ всклоко-

ченными волосами онъ говорилъ имъ о товарномъ обмѣнѣ, о рентѣ, хлесталъ ихъ тяжеловѣсными фразами изъ «Капитала» и вечеромъ назначалъ у себя собраніе.

— Удивительно энергичный человѣкъ! — говорила М. — Вотъ будетъ дѣятель, ого... го!..

— Очень кричитъ! зачѣмъ такъ?—замѣчала курсистка.

— Кричитъ? Душенька, это такой темпераментъ. Вы не знаете и не понимаете, что значитъ мужчина съ темпераментомъ!—въ восхищеніи говорила М., и глаза ея туманились, — вѣроятно, отъ воспоминаній.

А мужчина съ темпераментомъ рвалъ и металъ и... заикался!.. Да, онъ былъ заика, и это шло къ нему, такъ рѣшили М. и ея друзья. Большая часть людей кружка были тамбовскіе, связанные собой узами землячества.

Вслѣдствіе своего то шумнаго, то конспираторскаго поведенія въ одно прекрасное утро М. была арестована. Боже! что произошло тогда среди членовъ кружка, этихъ начитанныхъ дѣвицъ и изучающихъ Маркса мужчинъ.

— М. арестована! Вы знаете? слышали?—кричали, какъ бѣшеные, ея адепты.

Ужасная вѣсть разнеслась по Москвѣ, и забѣгали дамы, дѣвицы и кавалеры. Помню, я ихъ встрѣтилъ грустныхъ, но мужественныхъ. Они спѣшили и извинялись, что некогда имъ со мной говорить.

— Куда же вы?—спросилъ я.

— За цвѣтами! мы каждый день доставляемъ М. свѣжіе цвѣты въ тюрьму.

— И позволяютъ жандармы?..

— Да! генералъ разрѣшилъ послѣ усиленныхъ хлопотъ. До свиданія!

Утопая въ цвѣтахъ, за рѣшеткой томилась узница. Мимо тюрьмы проѣзжали на лихачахъ, пробѣгали на своихъ двоихъ ея поклонники и поклонницы, посылая воздушные поцѣлуи.

Но скоро М. была выпущена. Я, впрочемъ, понять не могу, за что и почему была арестована эта милая и совершенно безвредная дама? Ея освобожденіе было ея торжествомъ, которое праздновали горячо и восторженно. Сколько цвѣтовъ! сколько пылкихъ, благородныхъ рѣчей! Даже Р.-С. бросилъ на время Маркса и Энгельса и вечера проводилъ у М.

Да, это была цѣлая эпоха! Съ тѣхъ поръ М., когда начинала что-нибудь разсказывать, непремѣнно прибавляла: «это было до», или «послѣ моего ареста».

Господи! сколько наивной чепухи вмѣстѣ съ истиннымъ горемъ переживали мы въ то время! Вспоминается мнѣ другой симпатичный, благородный и слишкомъ довѣрчивый типъ дѣвушки Лиза-

веты Петровны Дурново. Она принадлежала къ хорошей семьѣ и была единственная дочь. Восторженная, добрая безъ границъ и искренняя, она жила и горѣла желаньемъ приносить пользу. Отецъ оборудовалъ и выхлопоталъ разрѣшеніе имѣть школу, которая помѣщалась въ одномъ изъ флигелей собственнаго владѣнія въ Москвѣ.

Впрочемъ, когда Л. П. познакомилась съ кружкомъ пропагандистовъ, она забросила школу и вся отдалась тогдашнему движенію, которое немало зацѣпило и исковеркало на свой ладъ молодежи изъ общества. Ея знакомый, бывшій гусаръ, князь К. К. Голицынъ тоже былъ увлеченъ, потерпѣлъ и потомъ сошелъ со сцены. Гдѣ онъ? что съ нимъ? я не знаю. Это былъ молодой человѣкъ, не блиставшій ни умомъ, ни образованіемъ, но обладавшій добрымъ и искреннимъ сердцемъ. На него имѣлъ огромное вліяніе Н. А. Саблинъ, его другъ, котораго онъ называлъ Коко.

Не могу при этомъ случаѣ не разсказать довольно смѣшного анекдота, героемъ котораго былъ Саблинъ, а восторженнымъ свидѣтелемъ князь Голицынъ, проживавшій въ то лѣто на дачѣ подъ Москвою, въ с. Волынскомъ.

Какъ-то мы съ Лизаветой Петровной собрались къ нему на дачу. Ей нужно было узнать отъ проживавшаго у князя Саблина адресъ П. С. Ивановской.

Поѣхали. Былъ жаркій день, и мы долго искали дачу князя. Наконецъ вошли на террасу, гдѣ Голицынъ, красный, задыхавшійся отъ душившаго его смѣха, не могъ насъ ни привѣтствовать, ни говорить. Онъ махалъ руками и изрѣдка выговаривалъ: «Коко! Коко!» Наконецъ мы узнали, что случилось или что устроилъ Саблинъ. Послѣдняго разыскивали и напали на слѣдъ. Жандармамъ стало извѣстно, что Н. А. проживалъ въ с. Волынскомъ, но гдѣ именно, на какой дачѣ—не знали. Мѣстный урядникъ взялся за это дѣло и по даннымъ ему примѣтамъ неустанно разыскивалъ «политическаго». Саблинъ и князь прознали про это. Первый, къ удивленію князя, познакомился, а черезъ нѣсколько дней подружился съ урядникомъ, съ которымъ сталъ вмѣстѣ разыскивать самого себя. Они ходили по цѣлымъ днямъ, соображали и во время отдыха пили пиво, любителемъ котораго былъ урядникъ. Дружба завязалась прочная. Наконецъ Саблинъ нашелъ Саблина. Это былъ чиновникъ, кажется, контрольной палаты, человѣкъ одинокій, ведшій замкнутую жизнь, жизнь, такъ сказать, подозрительную.

— Это онъ! непремѣнно онъ!—говорилъ Саблинъ, приводя довольно убѣдительныя для урядника соображенія.

Чиновникъ былъ отправленъ куда слѣдуетъ, но и Саблинъ перебрался отъ князя въ Петровскую академію.

Голицынъ, разсказывая намъ это приключеніе, былъ въ восторгѣ отъ Саблина.

— Вотъ человѣкъ!—кричалъ онъ.—Да помилуйте, знавалъ я отчаянныхъ людей... такіе въ полку у насъ были, но самообладанія и остроумія такого не обнаруживали!

Мы охотно соглашались съ княземъ, который заставилъ провести у него вечеръ и переночевать. Голицынъ жилъ хорошо, хотя со своимъ богатымъ отцомъ былъ не въ ладахъ и всячески старался досадить старому князю-крѣпостнику. Бывало, когда выйдутъ новыя прокламаціи или особенно рѣзкія революціонныя брошюры, молодой князь вкладывалъ ихъ въ конвертъ съ адресомъ отца, написаннымъ чужой рукою, отправлялъ по городской почтѣ и, разсчитывая время, отправлялся къ отцу, чтобы видѣть и радоваться, когда старикъ получитъ посланное. Раздражительный и надменный старый князь выходилъ изъ себя, читая возмутительные призывы и мысли революціонеровъ. Потрясая въ воздухѣ брошюрами, онъ проклиналъ «безумныхъ» и въ то же время ругалъ правительство, допускавшее существованіе партій.

— Всѣхъ до одного перевѣшать надо!.. Покойный Николай Павловичъ не потерпѣлъ бы... Ну, нѣтъ... и всѣхъ писателей расплодившихъ своеволіе, перепоролъ бы непремѣнно!

Молодой князь сидѣлъ и радовался. Мало того, онъ подзадоривалъ старика, разсказывая, что онъ знакомъ съ революціонерами и что они прекрасные люди. Кончалось тѣмъ, что старикъ рвалъ брошюры и, обращаясь къ сыну, говорилъ грозно: «прошу меня оставить, ваше сіятельство, а то...» онъ поднималъ здоровую съ крючкомъ палку, съ которой никогда не разставался.

Константинъ Константиновичъ, довольный, что довелъ своего отца «до бѣлаго каленія», покидалъ старика до новаго выхода какой-нибудь особенно злостной прокламаціи.

Итакъ, въ московскихъ революціонныхъ кружкахъ вращались и аристократы. Волна движенія 70-хъ годовъ захватила и этотъ далекій отъ трудового народа классъ. Надо правду сказать, что тогдашнее общество, не представляя собой положительнаго, не могло бороться со свѣжимъ притокомъ народническихъ идей, хотя бы и романтическихъ. Всякому свое время. Народъ въ общемъ былъ мало извѣстенъ интеллигенціи и въ своей неизвѣстности возбуждалъ симпатію и идеализацію. Мнѣ кажется, въ то время лучшая часть общества и молодежь вполнѣ уже доросли до свободы личности, о чемъ и понятія не было въ народѣ, жившемъ непосредственно, безъ какихъ бы то ни было идеаловъ, политическихъ и соціальныхъ. Вся трагедія Русскаго государства заключается въ рѣзкой границѣ между темнымъ народомъ и интеллигенціей съ ея крайними требованіями до соціальной республики включительно.

По правдѣ сказать, народъ начали изучать съ 70-хъ только годовъ, да и то съ предвзятой цѣлью и оптимистическими пріемами и взглядами.

Немногіе трезво относились къ народу, главнымъ образомъ тѣ, кому этотъ прекрасный народъ хорошо помялъ бока и кого за пропаганду свели на распоряженіе начальства. Думается, что и терроризмъ русскій имѣетъ своимъ началомъ безпросвѣтное народное невѣжество. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не проберешь нашего народа, ни страстной рѣчью о справедливости, ни хорошей книжкой... ничѣмъ! И вотъ рѣшено было поднимать механически эту сырую, грубую силу... А тамъ—что будетъ... Дѣло мудреное и опасное даже для самой интеллигенціи...

Мое настроеніе въ то переходное отъ пропаганды къ терроризму время было далеко нерадужное, и мысль о тихой пристани, о полезной, но маленькой работѣ меня мало-по-малу отвлекла отъ широкихъ, но фантастическихъ задачъ революціи.

Въ это время безпредметной тоски и раздумья я былъ арестованъ и посаженъ въ Тверскую часть. Рѣшетчатое окно выходило на площадь, и я могъ сколько мнѣ угодно созерцать домъ генералъ-губернатора и вѣчно двигавшуюся толпу людей, которые куда-то спѣшили. Они были свободны. Генералъ-губернатору я не завидовалъ, а этимъ людямъ—да! Впрочемъ, не особенно, думая, что пусть меня держатъ, пусть ссылаютъ, пусть будутъ дураками: во мнѣ ни въ мысляхъ, ни въ сердцѣ не было ничего противозаконнаго, кромѣ того, что я хотѣлъ жить и работать.

Что жъ, ссылайте, тупоумные люди, а я посмотрю, перечувствую, что изъ этого выйдетъ. Я знаю одно, что не выработаете изъ меня террориста, какъ бы ни старались!.. Я жить хочу, любить... Мое сердце бьется спокойно, и тѣнь злобы не коснется моей тюрьмы, я въ этомъ увѣренъ...

Я смотрѣлъ на площадь сквозь желѣзную рѣшетку, смотрѣлъ механически, безъ всякаго вниманія.

Но что это?

Мое сердце сжалось до боли, и что-то жгучее, острое пронизало грудь. Я смотрѣлъ и теперь видѣлъ... Черезъ площадь, шатаясь, какъ пьяная, шла моя мать. Она была вся въ черномъ, и въ платьѣ, и въ шляпкѣ. Я зналъ, что это ея парадный костюмъ, я зналъ и былъ убѣжденъ, что она шла «отъ начальства» послѣ отказа въ моемъ освобожденіи.

Эти минуты были для меня тяжки, мнѣ было жалко матери, больно за ея страданія.

Меня охватило негодованіе къ мрачной, отвратительной тюрьмѣ, которая предназначена лишить меня свободы. Ну, нѣтъ, мой духъ свободенъ, какъ никогда... Не справиться съ полетомъ свободной мысли и чувства ни тюремщикамъ, ни грязнымъ этимъ стѣнамъ. Посмотримъ!

Подъ вечеръ въ мою камеру вошли полицейскіе и повели въ контору участка, гдѣ меня ждали жандармы. Послѣ нѣсколькихъ

словъ я вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи унтеръ-офицера Дорожкина и рядового Серегина, жандармовъ, которые были мрачны и таинственны. Подали карету, отворили дверцы, спустили оконныя сторы, и мы двинулись въ путь. Куда? Я не зналъ, да и не спрашивалъ... мнѣ было все равно!

Извозчичьи клячи везли насъ медленно, карета колыхалась изъ стороны въ сторону. Наконецъ экипажъ остановился. Дорожкинъ соскочилъ и, отворивъ дверцы, пригласилъ меня выходить. Я оглядѣлся и узналъ вокзалъ Московско-Ярославской дороги.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ я про себя.—Посмотримъ, что будетъ дальше.

XXV.

По дорогѣ въ ссылку.

На вокзалѣ меня ждали мать, сестра и товарищи. Послѣ я узналъ, что маленькій писарекъ участка увѣдомилъ мать, когда и куда меня повезутъ. Бываютъ добрые люди и въ участкахъ. Писарекъ рисковалъ, ибо выдалъ «государственную тайну».

Строгіе жандармы не позволили мнѣ проститься съ родными и даже смотрѣть на нихъ черезъ окно вагона. Насилу добились провожавшіе, чтобы передать мнѣ бѣлье и нѣкоторую одежду, а также пятьдесятъ рублей денегъ.

Унтеръ-офицеръ Дорожкинъ (и фамилія-то какая!) сталъ мнѣ противенъ: я ни разу не встрѣчалъ такого поспѣшно-грубаго жандарма; онъ горѣлъ исполненіемъ долга, въ немъ не было ничего человѣческаго, — это былъ циркулярный жандармъ, для котораго секретный циркуляръ былъ Богъ и законъ.

Я рѣшилъ игнорировать Дорожкина, не вступать съ нимъ ни въ какія бесѣды, однимъ словомъ, не говорить ни одного слова. Другой, Серегинъ, былъ дуракъ, какъ огня боявшійся своего непосредственнаго начальника. Я увѣренъ, что если бы Дорожкинъ приказалъ убить меня, то Серегинъ ни на минуту не задумался и уничтожилъ бы меня хладнокровно, по-дурацки, какъ муху.

Раздался третій звонокъ, прогудѣлъ свистокъ, вагонъ тихо тронулся съ мѣста, и я всталъ, чтобы подойти къ окну и кивнуть головой въ послѣдній разъ матери и друзьямъ. Дорожкинъ схватилъ меня за плечи, я рванулся и толкнулъ жандарма такъ, что онъ покатился на полъ. Я помню безсмысленно устремленные на меня глаза Серегина: они были круглые и стоячіе. Я засмѣялся громко и нервно. Послышались сочувственныя мнѣ фразы. Дорожкинъ, красный отъ волненія и злобы, сталъ прогонять публику съ нашего края вагона, при этомъ пхнулъ въ шею какого-то крестьянина съ мѣшкомъ за плечами. Помѣщались мы въ третьемъ классѣ, но сопровождавшій жандармъ на ходу поѣзда требовалъ,

чтобы насъ перевели въ отдѣльное купе второго класса, но, къ моему удовольствію, это требованіе оберъ-кондукторомъ не было исполнено.

Я устроился и растянулся на лавкѣ, слушая враждебные возгласы по отношенію жандармовъ и жалостливые по отношенію ко мнѣ. Я скоро уснулъ и проснулся въ Ярославлѣ, куда поѣздъ прибылъ рано утромъ. Дорожкинъ меня торопилъ и, когда мы вышли съ вокзала, сейчасъ же посадилъ на извозчика и сѣлъ со мной, конечно, рядомъ, и мы двинулись. Скоро прибыли на почтовую станцію, гдѣ забѣгали ямщики, засуетился смотритель. Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ была подана тройка, и мы помчались. Куда? неизвѣстно. Я видѣлъ, что мы ѣхали по берегу Волги, по которой красиво плыли внизъ и вверхъ пароходы. Былъ конецъ августа, кажется, 30-е число, погода стояла превосходная.

Ранняя осень была ясна и грустна, что удивительно подходило къ моему настроенію.

Мы проѣзжали станціи, быстро мѣняли лошадей и спѣшили. Зачѣмъ? Такъ надо было по циркуляру. По циркуляру же мы ѣхали изъ Ярославля до Костромы на почтовыхъ лошадяхъ, а не на пароходѣ, что, конечно, было бы дешевле. Но что за экономія? что деньги для администраціи, когда у ней свои таинственныя соображенія? Послѣ выяснилось, что отъ Костромы мы мчались впередъ не по почтовому тракту, а какими-то окольными путями, чтобы меньше народа могло лицезрѣть нашу мирную компанію.

Итакъ, впередъ! Бѣшено мчатся кони, грозно сидитъ рядомъ со мной Дорожкинъ, держась одной рукой за бѣлокурый усъ, другой за кобуръ револьвера, на груди у него кожаная сумка съ секретнымъ предписаніемъ: «Ѣдетъ С. Васюковъ въ сопровожденіи Дорожкина и Серегина, и давать ему, Васюкову, немедленно лошадей, предпочтительно даже передъ почтой».

Каково?.. Ѣдетъ, а не везутъ неизвѣстно куда... Не правда ли— деликатно?

Подъ вечеръ пріѣхали въ Кострому, гдѣ жандармы кушали, а я отъ ужина отказался, что, повидимому, смутило Дорожкина.

— Пожалуйста, заказывайте, что хотите... я расплачусь казенными деньгами!—важно проговорилъ жандармъ.

Я продолжалъ молчать. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ ужъ сутки, какъ у меня ничего не было во рту, и ѣсть мнѣ не хотѣлось. Я чувствовалъ горечь въ желудкѣ и такъ же горько было у меня на сердцѣ. Отъ ѣзды меня разбило, ныла спина, болѣли плечи; я предполагалъ, что въ городѣ мы переночуемъ. Но нѣтъ, мы тронулись дальше и ѣхали всю ночь. Я дремалъ, мнѣ было все равно, куда меня везутъ. По временамъ Дорожкинъ заговаривалъ со мною.

— Вотъ бы переночевать на станціи хорошо! но запретъ отъ начальства... день и ночь ѣхать по циркуляру!

Я молчалъ.

— Непривычно для васъ, — продолжалъ мой невольный спутникъ.—Еще бы!

Я продолжалъ упорно молчать.

На станціи жандармы закусывали, пили чай, предлагали мнѣ. Я продолжалъ отказываться.

— Не заболѣли ли чѣмъ?—съ тревогой спрашивалъ меня Дорожкинъ.—Покушали бы!..

И мы ѣхали, спѣшили, и мнѣ было томительно-грустно.

Пошли костромскіе лѣса, которые густыми стѣнами стояли по сторонамъ широкой дороги. Было превосходное свѣжее утро, когда мы проѣзжали между живыхъ стѣнъ еще зеленаго, но уже начинавшаго желтѣть лѣса. Было видно, какъ кружились и падали на землю отжившіе листья березы и осины.

Ямщикъ для отдыха пустилъ лошадей шагомъ.

— И грибовъ же здѣсь по опушкамъ—страсть!—проговорилъ онъ, закуривая трубку.—Все бѣлые...

— Вотъ бы зажарить въ сметанѣ!—проговорилъ я невольно.

Дорожкинъ оживился.

— Въ самомъ дѣлѣ, кушать будете? Пойдемте собирать грибы!

Я отказался.

Тогда Дорожкинъ приказалъ Серегину слѣзть съ брички, ямщикъ соскочилъ тоже и, бросивъ мнѣ вожжи, сказалъ:

— Не трогайте только, онѣ будутъ итти шагомъ?

Всѣ трое пошли на опушку, и я видѣлъ, какъ они нагибались, собирая грибы. Лошади шли тихимъ, ровнымъ шагомъ. Это была хорошая тройка молодыхъ и сильныхъ коней, которыми я нѣкоторое время любовался. Потомъ я легъ на дно брички и сталъ смотрѣть на голубое небо. Въ моемъ воображеніи проносились обрывки минувшихъ впечатлѣній, я думалъ почему-то о Достоевскомъ, думалъ объ огромной неустроенной Россіи, которую кучка революціонеровъ желала упорядочить и ввести въ какія-то рамки. Я думалъ о сѣромъ, непосредственномъ мужикѣ, котораго любилъ, самъ не зная почему.

«Но вѣдь и Дорожкинъ мужикъ, только жандармской, а не сермяжной шкуры... и всѣ полицейскіе и тюремщики тоже мужики!» шепталъ мнѣ какой-то голосъ.

Въ нетерпѣливомъ волненіи я рванулся, чтобы встать: вожжи были подо мной. Не знаю, дернулъ ли я ихъ, или лошади просто испугались моего быстраго появленія со дна брички, но онѣ схватились съ мѣста и понесли.

Боже, что произошло!

За мной загремѣли выстрѣлы, послышались крики.

Я взялъ въ руки вожжи и безъ труда остановилъ тройку. Оглянувшись, я увидѣлъ бѣжавшихъ съ револьверами въ рукахъ мо-

ихъ спутниковъ-жандармовъ, за которыми спѣшилъ ямщикъ, роняя грибы изъ своей шапки, которую онъ на ходу надѣвалъ. Всѣ были взволнованы, особенно Дорожкинъ, который, вскочивъ въ экипажъ и обнявъ довольно крѣпко мой станъ рукою, блѣдный, съ волненіемъ закричалъ: «Пошелъ! скорѣй!» Ямщикъ, пробормотавъ: «эхъ, баринъ», хлестнулъ лошадей, которыя бѣшено помчались.

— А гдѣ же грибы?—спросилъ я со смѣхомъ.

Дорожкинъ не отвѣчалъ, прижимая меня крѣпче, какъ свою невѣсту, которую влюбленный оберегалъ отъ опасности.

Мнѣ было смѣшно и грустно.

Пріѣхали на станцію безъ грибовъ, но мнѣ такъ захотѣлось ѣсть, что я попросилъ молока и хлѣба. Дорожкинъ сталъ успокаиваться.

Мы продолжали ѣхать почти безъ сна день и ночь. Жандармамъ было плохо, но я ухитрялся не только дремать, но даже спать, устраиваясь на бричкѣ въ полулежачемъ положеніи. Жандармы охраняли мою персону бдительно—это были какіе-то нервные жандармы и, надо отдать справедливость, совершенно глупые.

Въ началѣ нашего пути я предлагалъ имъ отдохнуть на одной изъ станцій, но Дорожкинъ рѣзко отказался, сославшись на циркуляръ. Но вотъ пришло время, когда онъ утомился дѣйствительно и сказалъ мнѣ: «а можно бы на слѣдующей станціи отдохнуть часика два-три?»

— А какъ же циркуляръ?—спросилъ я жандарма.

Дорожкинъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на меня внимательно.

— Если не хотите, будемъ ѣхать...

И мы ѣхали, хотя отношенія между нами смягчились, и мы, хотя коротко, но иногда разговаривали. Дорожкинъ, усматривая во мнѣ врага императора, на каждой станціи, останавливаясь передъ государевымъ портретомъ, хвалилъ красоту его, осанку, думая, вѣроятно, этимъ мнѣ досадить. Потомъ онъ пересталъ это дѣлать и даже выдалъ мнѣ «государственный секретъ», таинственно сказавъ, что меня везутъ въ Вятку.

— Жаль, что не въ Вологду,—прибавилъ онъ.

— Почему же?

— Въ Вологдѣ губернаторомъ Дараганъ. Онъ хорошо принимаетъ изъ вашего сословія, сейчасъ чай предоставляетъ, закуску разную. Ну, а этого губернатора я не знаю, какой онъ, строгій, или нѣтъ?

Мнѣ было все равно, куда ѣхать, въ Вологду, въ Вятку, или къ «чорту на кулички».

Мы проѣзжали села, какіе-то заштатные города съ повалившимися и съ забитыми окнами домами, города, гдѣ, кромѣ тощихъ, съ опущенными хвостами собакъ, мы никого не видѣли. Было

уныло и грустно въ этой части Россіи. Правда, нѣкоторая холмистая половина Кологривскаго уѣзда отличается своеобразной прелестью. Прочны и хороши въ селахъ постройки, сравнительно зажиточно живутъ крестьяне... Какія вычурныя крыльца! Что за вырѣзныя ворота! Холмы и перелѣски и живописныя рѣчки—все это дѣйствовало хорошо на душу ссыльнаго, но грусти, томительной грусти изгнать изъ сердца не могла эта русская, красивая, но все-таки сѣрая природа.

Впередъ и впередъ, ближе къ сѣверу, къ вологодскимъ болотамъ. Вотъ унылыя, гнетущія мѣста! Мы проѣзжали Никольскій уѣздъ (Вологодской губерніи), гдѣ каждаго оптимиста, я увѣренъ, посѣтитъ мысль о самоубійствѣ. Среди болотъ, можжевельника и хвойнаго, нездороваго лѣса расположены починки изъ трехъ-четырехъ хатъ, жалкихъ, бѣдныхъ. Отъ этого починка до другого такого же двадцать и болѣе верстъ... Что за дороги! Какіе пути! Мы ѣхали на четверкѣ, и лошади съ трудомъ, шагъ за шагомъ вытягивали бричку изъ колдобинъ и всякихъ препятствій большой дороги. Мы прыгали по обнаженнымъ корнямъ деревьевъ, колыхались, какъ въ лодкѣ по волнамъ, гнулась наша бричка то направо, то налѣво. Трудно было и безпредѣльно мрачно!

Опять ничего, когда мы катились по Орловскому уѣзду Вятской губерніи. Деревни такъ себѣ, какъ слѣдуетъ, народъ, впрочемъ, мелкій, съ выговоромъ на *ц* вмѣсто *ч*, что на первый разъ смѣшно и непріятно. Конечно, послѣ Никольскаго уѣзда благодать, но въ общемъ сѣро и уныло. Теперь было недалеко до города Вятки, и мы спѣшили до нѣкоторой степени сознательно. По правдѣ сказать, и надоѣло же это безсмысленное путешествіе съ глупыми моими спутниками.

Ѣхали мы прекрасно. Небольшого роста, некрасивыя сухія вятскія лошади сильны и быстры на бѣгу. Приходилось прямо удивляться: запряжена и стоитъ, понуря головы, унылая тройка. Ни красы, ни радости, клячи, да и только. Но сѣлъ ямщикъ, подобралъ вожжи, гикнулъ по-своему, и полетѣла таратайка до слѣдующей почтовой станціи.

— Удивительно,—сказалъ я ямщику:—такія невзрачныя лошади и такъ бѣгутъ...

— Потому у нихъ кровь такая,—отвѣчалъ ямщикъ:—черезъ кровь, значитъ, и бѣгъ ихній...

«Черезъ кровь». Это, пожалуй, вѣрно. Вятская порода шведскаго происхожденія и по сіе время сохранилась. Это небольшія, но удивительно выносливыя, живыя лошадки!

Городъ Вятка на рѣкѣ того же имени, городъ неважный, безъ всякихъ примѣчательностей, смѣшаннаго характера построекъ, между которыми преобладаютъ деревянныя. Имѣются, конечно, со-

боръ съ базарною площадью и губернская тюрьма, съ которой мнѣ скоро пришлось познакомиться. Мы лихо подъѣхали къ губернаторскому дому. Было шесть часовъ вечера. Дорожкинъ приказалъ доложить немедленно. Мы вошли и стали ждать въ передней. Скоро вышелъ небольшого роста человѣкъ, который и былъ начальникъ губерніи Тройницкій. Онъ попросилъ войти меня въ комнаты, а отъ жандармовъ принялъ пакетъ, въ полученіи котораго расписался.

— Вы не имѣете на нихъ никакой претензіи?—спросилъ меня губернаторъ.

— Нѣтъ, не имѣю,—отвѣчалъ я.

— Тогда вы можете итти...

Жандармы звякнули шпорами и быстро удалились. Г. Тройницкій попросилъ меня въ слѣдующую комнату, пригласилъ сѣсть и затѣмъ обратился съ вопросомъ: «Скажите, пожалуйста, за что это васъ препроводили въ нашу губернію?»

Я крайне былъ удивленъ этимъ вопросомъ и выразилъ свои предположенія относительно причины ссылки.

— Да, пожалуй, это вѣрно!—сказалъ губернаторъ и добавилъ:—къ сожалѣнію, я не могу оставить васъ въ Вяткѣ, въ этой «бумагѣ» мнѣ предписано поселить васъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ.

— Отъ васъ именно зависитъ, въ какомъ городѣ?

— Да, отъ меня. А что?—спросилъ Тройницкій.

— Я просилъ бы жить въ городѣ по Нижегородскому тракту.

— Это почему?

— У меня родные и друзья, переписываться будемъ; все-таки письма скорѣй будутъ доходить.

— Хорошо. Есть ли у васъ деньги?—спросилъ Тройницкій.

— Пятьдесятъ рублей,—отвѣчалъ я.—Вообще я не буду нуждаться...

Послѣ чая меня отправили къ полицеймейстеру, фамилію котораго я забылъ, но это былъ тотъ же Дорожкинъ, только въ офицерскомъ чинѣ. Полицеймейстеръ препроводилъ меня въ тюрьму, въ отдѣленіе для привилегированныхъ, въ отдѣльную камеру, дверь которой на замокъ не запиралась. Рядомъ со мной находился тоже политическій. Я посмотрѣлъ въ форточку двери: какая-то фигура, стоя на колѣнахъ, усердно творила поклоны. Я не сталъ мѣшать молиться. Потомъ я съ нимъ разговаривалъ. Это былъ удрученный горемъ чиновникъ изъ мелкихъ, но уже не молодой. Одѣтъ онъ былъ въ форменномъ пальто и фуражкѣ. Онъ былъ страшный трусъ и жалкій человѣкъ, написавшій какое-то прошеніе крестьянамъ Владимирской губерніи. Вотъ за это-то прошеніе (гдѣ онъ сказалъ сущую правду) онъ и препровождался въ городъ Глазовъ. Такого суроваго наказанія «за правду» онъ не

ожидалъ и плакалъ и молился, прося у Бога защиты не для себя, но для своей оставленной безъ всякихъ средствъ семьи.

— Вотъ вы,—говорилъ онъ:—знаете, за что васъ ссылаютъ, идете противъ правительства, а я ничего этого не понимаю, человѣкъ маленькій, задавить легко...

Мнѣ было его жалко, я написалъ письмо Вл. Короленкѣ, который тогда находился въ Глазовѣ, и просилъ его пожалѣть чиновника.

Черезъ дня два произошло мое препровожденіе въ городъ Котельничъ этапнымъ порядкомъ. Рано это было. Солдаты съ ружьями, люди въ кандалахъ и просто люди, типичные крестьяне, препровождались кто куда. Мнѣ дана была одноконная подвода, на которую я сначала усѣлся, но потомъ пошелъ пѣшкомъ, предоставивъ ѣхать старому больному человѣку. Нѣкоторые арестанты положили на телѣгу свои вещи, а впослѣдствіи солдаты свои ружья. Мы шли дружно, бесѣдовали и смѣялись. Этапное путешествіе мнѣ понравилось больше, нежели торжественная поѣздка съ Дорожкинымъ и Серегинымъ.

Мы шли, отдыхали, я что-нибудь разсказывалъ, декламировалъ стихи Некрасова, что очень нравилось партіи и солдатамъ.

Дошли до Орлова, гдѣ значилась дневка. Намъ отвели очень маленькую камеру, въ которой находилась одна деревянная скамейка. Было душно, смрадно, тюремщики были люди злые и грубые. Вся партія предложила мнѣ занять скамейку. Я было сталъ отказываться въ пользу больного старика, но случайные товарищи и самъ старикъ настояли на моемъ комфортѣ.

Право, въ общемъ было недурно мое путешествіе, по крайней мѣрѣ оно меня оживило. Были и трогательныя сцены. Помню, мы проходили какую-то деревеньку. Изъ крайней избы вышла и заковыляла за нами старая старуха, въ ея рукахъ была горбушка хлѣба. Трудно было ей нагонять насъ, и я остановился. Трясущимися руками подала она мнѣ кусокъ хлѣба со словами: «покушай, родименькій, хлѣбецъ только изъ печи!» Не знаю почему, но только это «подаяніе» или слова, сказанныя старой, произвели на меня большое впечатлѣніе, и на моихъ глазахъ навернулись слезы.

Да, я преступникъ, а это подаяніе отъ теплаго сердца бабушки!

Скоро показался Котельничъ, до котораго отъ Вятки считалось что-то около ста верстъ. Конвойные попросили меня «для порядка» сѣсть на подводу. У полицейскаго управленія остановились. Вслѣдствіе полученной отъ губернатора телеграммы меня ждалъ исправникъ, внимательно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣвшій на меня.

XXVI.

Въ ссылкѣ.

Хотя было воскресенье, но въ полицейскомъ управленіи работали. Конечно, всѣ писаря смотрѣли на меня «во всѣ глаза», когда я проходилъ въ кабинетъ исправника, гдѣ находился и его помощникъ, худой и высокаго роста старикъ. Исправникъ Михайловъ, напротивъ, представлялъ собою мужчину лѣтъ 45-ти, плотнаго, здороваго брюнета съ неглупымъ и привѣтливымъ лицомъ. Правда, онъ хмурилъ брови, старался казаться грознымъ, но все это было и оказалось потомъ административнымъ пріемомъ, Михайловъ же былъ средней доброты и средняго ума человѣкъ.

Я сѣлъ на предложенное мѣсто, и исправникъ предложилъ мнѣ расписаться въ слѣдующемъ: 1) не выходить за черту города, 2) не имѣть огнестрѣльнаго оружія и 3) не давать уроковъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что отъ казны мнѣ полагается 8 рублей пособія въ мѣсяцъ.

— Я отказываюсь отъ такого пособія и буду жить своими средствами, вообще не взялъ бы отъ нихъ ни копейки даже тогда, когда умиралъ бы съ голода.

— Извините пожалуйста, кто же это они?—спросилъ Михайловъ.

— Тѣ, кто меня сюда отправилъ!...

Онъ усмѣхнулся и предложилъ подписаться, что отъ казеннаго пособія я отказываюсь, что я и исполнилъ съ удовольствіемъ.

— Не посовѣтуете ли мнѣ относительно квартиры?

— Можно. Свистуновъ, поди сюда!—крикнулъ исправникъ.

Появился полицейскій «чинъ».

— Что прикажете, вашбродь!—прохрипѣлъ Свистуновъ.

— Сведи ихъ къ лѣсничихѣ... у нея квартира есть...

— Такъ точно, вашбродь!

Мы пошли по досчатымъ настилкамъ, которыя изображали тротуаръ, до деревяннаго, довольно высокаго дома съ двухъэтажнымъ флигелемъ. Во дворѣ насъ встрѣтила высокаго роста худая женщина, весьма похожая на чухонку. Я объяснилъ цѣль нашего прихода.

— Вотъ квартира!—ввела насъ хозяйка въ нижній этажъ флигеля.—Съ улицы парадный ходъ, а вотъ смотрите комнаты.

Послѣднихъ было четыре, кромѣ кухни и передней. Слабо меблированныя комнаты были свѣтлы и уютны, кромѣ большой, въ которой кстати совсѣмъ почти отсутствовала всякая обстановка.

«Куда мнѣ?—думалъ я.—Вѣдь это помѣщеніе для большой семьи, а я одинъ!»

— Мнѣ бы одну только комнату!—сказалъ я вслухъ.

— Мнѣ все равно,—отвѣчала лѣсничиха.—Берите одну, живите во всѣхъ...

Я хотѣлъ было уйти, но добродушная женщина стала меня разспрашивать. Мы разговорились.

— Вамъ обѣдать и ужинать надо, бѣлье стирать,—соображала хозяйка.

— Да,—отвѣчалъ я,—хотѣлось бы жить на полномъ пансіонѣ. Вотъ любопытно, сколько бы вы взяли въ мѣсяцъ за все?!

Хозяйка задумалась.

— Двѣнадцать рублей!

— Вѣдь всю квартиру придется зимой отапливать...

— А то какъ же... и прислугу имѣть тоже постоянную. Дорого для васъ?

Я недоумѣвалъ. Помилуйте, за двѣнадцать рублей я получалъ прекрасную квартиру, меблированную, съ отопленіемъ, обѣдомъ, ужиномъ, стиркой бѣлья и услугами.

— А сегодня пообѣдать можно?—спросилъ я.

— Черезъ часъ обѣдъ будетъ готовъ.

Мы пошли съ полицейскимъ за моимъ имуществомъ. Исправникъ еще не уходилъ изъ канцеляріи, и на вопросъ, нашелъ ли я квартиру, я разсказалъ объ условіяхъ.

— Да что вы? цѣны московскія практиковать у насъ думаете? вѣрно, у васъ денегъ много!.. Больше семи рублей въ мѣсяцъ не стоитъ и квартира и хлѣба.

— А я думаю, что дешево очень...

Исправникъ смѣялся, вѣроятно, думая: съ такимъ хлопотъ не будетъ.

Я спросилъ его о ссыльныхъ.

— Какъ же живутъ,—отвѣчалъ онъ:—Молчановскій, студентъ кіевскаго университета, и нѣкто Смѣльскій, тоже политическій изъ Кіевской губерніи. Съ первымъ рекомендую познакомиться—прекрасный человѣкъ, а со вторымъ не стоитъ!..

Я тогда подумалъ: можетъ быть, наоборотъ; вѣдь это полицейская рекомендація! Однако послѣдствія и мое знакомство съ обоими ссыльными оправдали характеристику исправника.

Отправивъ свои вещи на новую квартиру съ полицейскимъ, я пошелъ побродить по городу, который расположенъ въ котловинѣ, какъ бы въ котлѣ, почему и названіе его Котельничъ, расположенъ онъ на правомъ берегу рѣки Вятки. Главная улица съ недурными нѣкоторыми магазинами обоими концами поднимается въ горы. Большая площадь, гдѣ происходитъ торгъ лошадьми въ мартѣ мѣсяцѣ; этотъ торгъ въ послѣднія времена значительно упалъ, а прежде Алексѣевская ярмарка гремѣла на всю Вятскую губернію. Эта ярмарка установлена была еще царемъ Алексѣемъ.

Гостиница «Москва» съ бильярдомъ, два-три трактира, нѣкоторыя довольно солидныя постройки богачей Зыриныхъ и другихъ, фамиліи которыхъ я забылъ,—вотъ и все, что бросилось мнѣ тогда въ глаза. Двѣ церкви въ городѣ и одна за городомъ, кладбищенская, пивной заводъ и земская больница, тоже за городомъ, дополняли картину захолустнаго города, гдѣ проживало тысячи три жителей.

Пройдя нѣсколько второстепенныхъ улицъ-переулковъ, я возвратился на свою квартиру, одну комнату которой успѣли вычистить и убрать. Во время моей небольшой прогулки встрѣчные люди и торговцы смотрѣли на меня съ любопытствомъ, перешептываясь между собою.

Я не могу не упомянуть объ обѣдахъ, завтракахъ и проч., о той дешевизнѣ и вниманіи со стороны хозяйки. Мнѣ было подано: 1) окрошка, 2) супъ, 3) жареная курица и стаканъ кофе. На другой, на третій день тоже, пока я не попросилъ рыбной перемѣны. Тогда пошла въ разныхъ видахъ стерлядь, которой славится рѣка Вятка.

Жить было сытно и покойно. Вставая утромъ, я поднималъ занавѣску окна, выходящаго на дворъ. Это былъ условный знакъ. Черезъ пять минутъ несли самоваръ, сливки и ежедневно горячіе, очень вкусные пирожки. Часа въ два обѣдъ, вечеромъ ужинъ, при чемъ въ молокѣ хоть утопись.

Въ первый же вечеръ я отправился къ Молчановскому[1]), у котораго просидѣлъ до полуночи. Милый, деликатный, очень образованный, Никандръ Васильевичъ произвелъ на меня великолѣпное впечатлѣніе. Послѣ нѣкоторыхъ фразъ, наша бесѣда приняла искренній, душевный характеръ. Молчановскій съ нескрываемымъ ужасомъ разсказывалъ о той знаменитой встрѣчѣ, которую имъ устроили охотнорядцы въ Москвѣ.

— Ни раньше, ни послѣ,—говорилъ онъ,—мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ глупыхъ и свирѣпыхъ физіономій... Здоровые, краснолицые, какъ они били встрѣтившихъ и провожавшихъ насъ студентовъ. Такой возмутительной картины никогда не забыть... Всѣ люди, какъ люди, а тѣ просто звѣри... или ихъ кровавая профессія такими сдѣлала... Вотъ посмотрите на котельническихъ жителей... Добродушіе полное, суевѣрія хоть отбавляй, но жить съ ними можно!..

— Какъ вы себя чувствуете здѣсь? исправникъ, кажется, ничего?

— Прямо хорошій человѣкъ!.. Вообще къ намъ, ссыльнымъ, относится по-человѣчески. Чего же больше?..

---

[1]) Скончался въ 1907 г. въ должности правителя дѣлъ кіевскаго генералъ-губернатора. Эту должность Н. В. занималъ долго, такъ какъ не былъ допущенъ къ профессурѣ.

«Вотъ она ссылка!—думалъ я.—Да, здѣсь проживать великолѣпно, дешево и покойно... Общество имѣется, и даже есть частная библіотека Кошурниковой... А я думалъ...»

— Жить можно,—продолжалъ Молчановскій:—но, знаете, порой нападаетъ такая тоска, такъ грызетъ сердце, томитъ душу, что не знаешь, куда дѣться, что дѣлать... Ни работа, ни чтеніе не идутъ на умъ... За тоской или во время такого самочувствія появляется безпредметная ненависть рѣшительно ко всему живому, даже къ людямъ своимъ, которыхъ любишь...

— Не можетъ быть?! вѣдь это въ родѣ болѣзни...

— Вѣроятно! поживете и узнаете, что это такое!

— Скажите, пожалуйста, Никандръ Васильевичъ, а Смѣльскій, кто онъ такой?.. исправникъ его не одобряетъ...

— Завтра навѣрно васъ посѣтитъ! Какъ вамъ сказать?.. ничего себѣ человѣкъ, неразвитый, но только сильно увлекается водкой. Болтунъ ужасный... У меня онъ не часто бываетъ, и я изъ непьющихъ... Еще есть одинъ ссыльный и даже поэтъ, но этотъ окончательно спился... Онъ дьяконъ, и знаете за что сосланъ? За то, что выкололъ лучинкой глазъ попу. Не угодно ли, какой субъектъ?! Кажется, дѣло было такъ: какой-то купецъ подарилъ на церковь вино, которое попъ все выпилъ одинъ. Дьяконъ, узнавъ это, промолчалъ и въ то же время рѣшилъ отмстить жадному священнику. Купилъ водки, приготовилъ закуску и ждетъ гостя, который, конечно, не замедлилъ. Угощаются честь честью. А дьяконъ въ это время навострилъ лучинку, налилъ водки и говоритъ: «выпьемъ, святой отецъ!» и когда этотъ отецъ подносилъ ко рту содержимое въ стаканѣ, именно въ эту сладкую минуту выкололъ ему глазъ. «Вотъ тебѣ, попъ!—вскричалъ злодѣй.—За то, что выпилъ безъ меня вино, будь теперь одноглазый!»

— А еще никого нѣтъ изъ ссыльныхъ?

— Есть поляки, да они съ нами не знакомятся,—отвѣчалъ Молчановскій, прибавивъ:—не безпокойтесь, скоро свѣженькихъ привезутъ!

Немало Н. В. разсказывалъ мнѣ о нравахъ котельническихъ обывателей, бывшихъ когда-то, какъ упомянуто въ старомъ календарѣ, «свирѣпыми республиканцами», ибо Котельничъ встарину имѣлъ республиканскую форму правленія. Котельничане большею частію приверженцы старой вѣры, а всѣ богачи непремѣнно. Они люди совершенно мирнаго характера, религіозны, чистоплотны, но крайне любопытны. При каждомъ домѣ всегда имѣется баня, и зимой, когда въ ней моются обыватели, то всегда выскакиваютъ, несмотря на морозъ, и купаются въ сугробахъ чистаго снѣга, что считается крайне полезнымъ для здоровья.

Поздно простился я съ Молчановскимъ и когда возвращался, то не встрѣтилъ ни души, не свѣтилось нигдѣ огонька, только

пара большихъ собакъ безъ всякаго лая пробѣжала мимо меня. Впослѣдствіи я случайно узналъ, что это были волки.

Началась однообразная ссыльная жизнь. Положимъ, я очень скоро нарушалъ административныя распоряженія, въ исполненіи которыхъ расписался всего нѣсколько дней назадъ. Виноватъ, впрочемъ, больше Никандръ Васильевичъ, который, узнавъ, что я охотникъ, горячо рекомендовалъ мнѣ отправиться на тотъ берегъ, гдѣ дичи пропасть.

— А ружье? а лодка?—говорилъ я.—Наконецъ подписка...

Молчановскій весело смѣялся, произнося: «на милость Бога!»

— На милость Бога!—говорилъ онъ.—Кто эти подписки исполняетъ? Въ Россіи законы и тѣ не исполняются, издаются для видимости, для Европы! Пойдемъ на пристань...

Пошли, и черезъ какихъ-нибудь десять минутъ я сталъ обладателемъ небольшой, но крѣпкой лодки всего за три рубля. Отправились послѣ этого въ магазинъ желѣзныхъ издѣлій, гдѣ я купилъ одностволку, пороху и дроби и заплатилъ, помнится, четыре рубля съ копейками. На другой день отправился въ своей лодкѣ на тотъ берегъ. Среди мелкаго, но густого кустарника встрѣчались небольшія заводи, гдѣ «кишмя кишѣли» утки. Онѣ взлетали массой, кружились и тутъ же садились неподалеку. Въ чащѣ кустарниковъ на небольшихъ полянкахъ пребывали гуси и, какъ болѣе осторожные, не скоро покидали свои сравнительно безопасныя мѣста и не взлетали, какъ утки, при каждомъ подозрительномъ шумѣ.

Я открылъ пальбу, собралъ убитую птицу и отнесъ въ лодку. Затѣмъ отправился бродить. Очень скучный этотъ низменный берегъ, болотистый и пустынный. Ни жилья, ни культуры. Я бродилъ и видѣлъ вылетавшихъ бекасовъ, дупелей, но мое ружье висѣло за плечами. Я думалъ, думалъ...

Свобода! гордое, благородное слово. Свобода! она влечетъ, поднимаетъ духъ, въ груди особенно бьется сердце, и жажда широкой, вольной жизни и презрѣніе къ смерти въ одно время охватываютъ существо человѣка... Впередъ! впередъ!

Назадъ!.. нѣтъ, тамъ смерть медленная, длительная, смерть рабовъ! А тамъ, впереди—«блаженная страна»!

Свобода! по существу поймешь и оцѣнишь ее только въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Да, поймешь, какъ свобода дорога, нужна человѣку, какъ воздухъ птицѣ, какъ рыбѣ вода. Пойметъ и познаетъ цѣну благородной свободы, кто ея лишенъ, пойметъ до детали, до тонкости. Какая пропасть между свободнымъ трудомъ и работой раба! Геній и производительный трудъ — это свобода, ихъ мать, ихъ начало...

Я бродилъ и думалъ...

А тамъ, въ столицѣ шумной, они, мои друзья, свободны. Могутъ итти и ѣхать куда угодно. А я? черта города Котельнича...

но я ее перешагнулъ, переѣхавъ рѣку. Вездѣ и для всѣхъ имѣется черта, граница. Свобода относительная! Но гдѣ она во всей своей царственной гордости и силѣ? гдѣ эта благородная свобода? гдѣ??

Въ сердцахъ... только благородныхъ, высокихъ по духу людей!.. тамъ ея центръ, тамъ ея огонь, вѣчный, не потухающій.

Томительная грусть охватила меня, когда я возвращался къ лодкѣ. Эти печально повисшія вѣтвями ели, эти грустныя березы и сосны и низкіе кустарники и песчаный берегъ рѣки, тоже грустно-задумчивой... Кўда катятся твои волны? почему такъ трепетно блещетъ вода? почему уныла твоя даль? Я медленно переплывалъ рѣку, не близко до другого берега... Наконецъ вотъ онъ...

На берегу стоялъ исправникъ. Я смутился. Онъ качалъ головой и добродушно говорилъ: «Скоро, скоро нарушили правила! эхъ, господинъ Васюковъ!..» И пошелъ своей дорогой, а я сталъ привязывать лодку и выбирать дичь.

Послѣ я часто плавалъ на тотъ берегъ, гдѣ всегда грустилъ и думалъ о свободѣ и свободныхъ. Такъ протекало время, и я привыкалъ къ тихому житью. Ходилъ за книгами въ библіотеку Кошурниковой, бесѣдовалъ съ ней или ея мужемъ о Салтыковѣ-Щедринѣ, съ которымъ Кошурниковъ служилъ въ вятскомъ губернскомъ правленіи. У меня бывали Молчановскій и Смѣльскій. Первому я всегда былъ радъ, второй, признаюсь, мнѣ надоѣдалъ, надоѣдалъ своей ненавистью къ полиціи, собственно къ мелкимъ ея агентамъ... Дѣйствительно, это было скучно. Ну, кто они? особенно мѣстные.

Вотъ меня ежедневно посѣщаетъ Свистуновъ—это его обязанность и, замѣтьте, важная, которой онъ гордится. Какъ же! онъ надо мной въ нѣкоторомъ родѣ начальство.

— Доброе утро, ваше благородіе,— привѣтствуетъ меня мой стражъ.

— А, это ты, Свистуновъ... Хочешь чаю?

— Покорно благодаримъ!

Я наливаю чай, онъ садится въ углу, у окна, и начинается наша бесѣда.

— Что новаго, Свистуновъ?

— Г. Смѣльскій оченно шумѣли вчера вечеромъ въ бильярдной, выгнали всѣхъ...

— Ну, это неинтересно! Придетъ сегодня почта?

— Къ вечеру будетъ... Въ уѣздъ исправникъ собирается...

— Что, недоимки?

— Никакъ нѣтъ... Селеніе нашли!..

— Что это значитъ? какъ селеніе нашли?

— Вчерась изъ уѣзда надзиратель возвратился и докладывалъ исправнику: такъ, молъ, и такъ.

— Ну, ну?

— Снѣжокъ, значитъ, былъ... Ну, надзиратель съ дороги-то сбился... Кругомъ-то лѣсъ... какъ быть?.. а выбираться надо... Вотъ и видятъ они свѣжій слѣдъ. А подморозило, снѣгъ пересталъ. Они по слѣду въ лѣсъ, да въ лѣсъ... испужались, не знаютъ, что дѣлать? назадъ... да куды назадъ-то?.. вотъ и ѣдутъ, да ѣдутъ... Глянь, собаки лаютъ, сарай... и избы пошли... народъ, который, значитъ, бѣжать... Не тутъ-то было, захватилъ надзиратель... смирные оказались, бабы плачутъ, дѣти тоже... Понимаютъ, что нашли... Сколько теперь недоимокъ съ нихъ соберутъ, и, Господи!

— А часто въ уѣздѣ находятъ деревни?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ полицейскій.—Въ прежнее время кажинный годъ, а нонѣ рѣдко! Все больше сталовѣры эфтимъ займаются...

— Чѣмъ же собственно?

— А чтобы не значиться, податей не платить и жить безъ начальства!

— Съ начальствомъ-то лучше?! какъ по-твоему?..

— Веселѣй,—заявилъ Свистуновъ.—Оно, значитъ, веселитъ!..

— Кулакомъ по шеѣ!.. Такъ, что ли?—смѣялся я.

— Зачѣмъ же... Начальство порядки заводитъ!..

— Веселые?

— А то какъ же! Хотя вы вотъ... Мы знаемъ, что вы не убьете, не украдете, человѣка не обидите... а слѣди за вами, чтобы на виду! оченно смѣшное это дѣло, а мы вами довольны, потому понимаемъ... смѣемся межъ собою... а то что же?

Свистуновъ уходитъ для доклада, что я цѣлъ и живъ. Пожалуй, да, это смѣшно!

Когда мы съ Молчановскимъ гуляли по городу, то полицейскіе «чины» дѣлали подъ козырекъ. Они считали насъ «за своихъ»!

Жизнь текла, время проходило. Наступила зима, съ сорокаградусными морозами и постоянной, мертвой тишиной. Я ходилъ въ тепломъ пальто, нужды не было въ шубѣ. Въ длинные, длинные вечера мы скучали, охваченные тоской, чего-то ждали, томились и тогда не посѣщали другъ друга. Безпредметная тоска держала насъ крѣпко въ своей власти, и мы ощущали ссылку и чувствовали, что мы несвободны.

А обыватели? они пили водку, играли безъ устали въ карты, справляли именины, крестины, враждовали и мирились. Дни тянулись крайне однообразно. Въ Петербургѣ во дворцѣ произошелъ взрывъ, и къ намъ донесся слухъ, что произвелъ его вятскій крестьянинъ Халтуринъ. Исправникъ вызвалъ меня въ полицейское управленіе.

С. И. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ХОЛМСКОЙ РУСИ.

(Путевой очеркъ).

НИ ОДНА изъ русскихъ окраинъ по сложности историческаго и бытового матеріала не представляетъ въ настоящее время такого живого интереса для наблюдателя, какъ Холмская Русь. Въ то время, когда коренная Россія, сознавъ печальныя послѣдствія бюрократическаго режима, ведетъ тяжелую борьбу за обновленіе всего государственнаго строя, Холмская Русь до настоящаго времени не можетъ покончить еще со своимъ вѣковѣчнымъ религіозно-національнымъ вопросомъ, который, отвлекая другіе, насущные вопросы момента, прошелъ черезъ всю исторію этого края, измучилъ, исковеркалъ народъ, а теперь, повидимому, окончательно поставленъ на карту. Россія или Польша, православіе или латинство,—а вмѣстѣ ужиться невозможно... И опять началась борьба — упорная, тяжелая, не на жизнь, а на смерть... Не драма, а цѣлая трагедія!..

Прежде, чѣмъ начать свой путевой очеркъ, я хочу вкратцѣ обрисовать главнѣйшіе эпизоды изъ исторіи Холмщины, — безъ этого статья моя не всѣмъ будетъ понятна.

Холмской, или Забужной, Русью именуются, главнымъ образомъ, двѣ губерніи нынѣшняго Привислинскаго края—Люблинская и Сѣдлецкая: первая называется Холмщиной, отъ главнаго города Холма, а вторая—Подляшьемъ, отъ сосѣдства съ громадными лѣсами Бѣлоруссіи, а можетъ быть и отъ сосѣдства съ польскими племенами ляховъ или лѣховъ. Холмщина и южная часть Подляш-

испоконъ вѣковъ населены были племенами, родственными нынѣшнимъ малороссамъ, а въ сѣверной части Подляшья обитали бѣлоруссы, ятвяги, а отчасти и мазуры. Обѣ эти губерніи почти цѣликомъ входили когда-то въ составъ Кіевскаго княжества и получили христіанскую вѣру и письменность частью изъ Кіева, а частью изъ Моравіи, отъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Ятвяги не могли нарушить чистоты этой славянской расы, такъ какъ это слабое и немногочисленное племя было частью истреблено болѣе сильными сосѣдями, между прочимъ Владиміромъ Святымъ и Ярославомъ Мудрымъ, частью же слилось со своими побѣдителями, усвоивъ ихъ языкъ и религію. Въ періодъ развитія на Руси удѣльной системы Холмско-Подляшскій край, оставаясь все время во власти потомковъ Владиміра Святого, вошелъ впослѣдствіи въ составъ Галицко-Владимірскаго княжества. Границы этого княжества, благодаря сосѣдству съ Литвой и Польшей, были, правда, неустойчивы: то одно, то другое государство, воюя съ перемѣннымъ счастьемъ, либо захватывало у сосѣда отдѣльные города, либо свои уступало. Но въ XII и XIII вв., особенно при Даніилѣ Романовичѣ, оно обнимало собою нынѣшнюю Галицію, Волынь, Подолію, часть Молдавіи, а также земли Холмскую, Люблинскую и Брестскую съ Подляшемъ. Съ Даніиломъ считалась тогда вся Европа, передъ нимъ заискивалъ папа, и даже ханъ Золотой Орды, державшій въ страхѣ половину Европы, долженъ былъ вести съ нимъ осторожную политику.

Даніилъ отстроилъ и укрѣпилъ городъ Холмъ, построилъ въ немъ нѣсколько церквей [1]), перенесъ туда изъ Угровска епископскую каѳедру и сдѣлалъ Холмъ своимъ стольнымъ городомъ. Много церквей было имъ построено и въ другихъ городахъ, между прочимъ и въ Дрогичинѣ, гдѣ въ 1255 году онъ возложилъ на себя княжескую корону.

Въ это время, какъ свидѣтельствуетъ исторія, въ предѣлахъ Холмско-Подляшскаго края не было еще ни одного католическаго костела, не слышно было польской рѣчи...

Но могущество Галицко-Владимірскаго княжества было непродолжительно. При преемникахъ Даніила Романовича оно стало дробиться на удѣлы, ослабѣвать, и въ концѣ XV вѣка окончательно утратило свою независимость: часть его еще раньше была захвачена Литвою, а другая, въ 1462 году, отошла къ Польшѣ; послѣ же Люблинской уніи весь этотъ край вошелъ въ составъ польско-литовской короны. Вмѣстѣ съ перемѣной гражданскаго управленія начался, само собою, поворотъ и въ духовной жизни народа. Въ этомъ отношеніи населеніе русскихъ областей испытало такую же

---

[1]) Первая церковь въ Холмѣ, по преданію, была построена Владиміромъ Святымъ въ 1001 году.

участь, какую испытываютъ вообще въ клерикальныхъ государствахъ всѣ иновѣрцы. А съ этого времени Польша вступила именно на путь клерикализма. Литовскій князь Ягелло получилъ руку польской княжны Ядвиги и благословеніе изъ Рима, при непремѣнномъ условіи окатоличить Литву и искоренить всякую ересь. И онъ выполнялъ это обязательство съ ревностью самаго пламеннаго католика. Городельскимъ сеймомъ въ 1413 году нанесенъ былъ первый ударъ русскому населенію. На этомъ сеймѣ католическая религія объявлена господствующей, при чемъ права православнаго населенія были ограничены: высшія, напримѣръ, должности въ государствѣ — воеводъ, каштеляновъ, сенаторовъ — опредѣлено было замѣщать исключительно католиками. Этими мѣрами, при наличности и другихъ условій, поляки перетянули на свою сторону русскую интеллигенцію. Такіе поборники православія и русской гражданственности, какъ Острожскіе, Сангушки, Сапѣги, Друцкіе, Збаражскіе, Крупскіе, Глѣбовичи, въ силу сложившихся обстоятельствъ, одинъ за другимъ стали переходить въ католичество; такимъ образомъ, лишенное поддержки интеллигенціи, православное населеніе края было въ значительной степени деморализовано.

Но этимъ стѣсненія не ограничились. Ягелло упразднилъ православную епископію въ Галичѣ, передавъ всѣ имѣнія каѳедры львовскому католическому епископу; съ 1400 года пересталъ назначать православнаго епископа и въ Львовъ. Въ 1423 году онъ предоставилъ львовскому католическому епископу право наказывать «схизматиковъ», какъ еретиковъ, такъ что, когда холмскій православный владыка Филаретъ, по просьбѣ прихожанъ, вздумалъ въ 1511 году посѣтить церкви львовской епархіи, то былъ немедленно арестованъ латинскимъ епископомъ Вильчикомъ и отпущенъ на свободу лишь по полученіи королевскаго приказа. Въ 1436 г. въ Литвѣ учрежденъ былъ трибуналъ священной инквизиціи, съ правомъ разыскивать и карать еретиковъ и русскихъ отщепенцевъ, а впослѣдствіи, для борьбы съ тѣми же еретиками, учрежденъ былъ и орденъ іезуитовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ русскихъ областяхъ Польши, гдѣ только появлялось два-три католика, а часто и тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, одинъ за другимъ воздвигались костелы; строились они, значитъ, не потому, что въ нихъ являлась неизбѣжная надобность, а просто для пропаганды. Такимъ образомъ, когда въ XIII вѣкѣ въ Холмщинѣ не было еще ни одного костела, въ XIV вѣкѣ ихъ было уже 14, въ XV вѣкѣ — 31, въ XVI — 60 и такъ далѣе.

При такихъ условіяхъ латинство распространялось очень успѣшно, такъ что король Сигизмундъ I, въ грамотѣ своей отъ 20 октября 1533 года, писалъ, вѣроятно, не безъ основанія, что «всѣ почти подданные, особенно болѣе знаменитые изъ рыцарей

или военнаго сословія Холмской области, уже перешли изъ православія въ римское католичество». Этой грамотой, «слѣдуя въ похвальномъ подражаніи начатому предшественниками дѣлу», король Сигизмундъ отнялъ отъ холмской православной каѳедры села Чешинъ, Стрыжовецъ и Плаваничи и передалъ ихъ «на вѣчныя времена латинскому епископству».

Успѣху католицизма много способствовало еще то обстоятельство, что въ церкви православной начался тогда сильный упадокъ. До начала XVI вѣка православные епископы обыкновенно избирались духовенствомъ и народомъ; съ этого же времени, за рѣдкими исключеніями, стали назначаться королемъ, которому, несомнѣнно, чужды были интересы церкви иновѣрческой. Мало того, знакомство съ нравственнымъ обликомъ православнаго духовенства этой эпохи, съ дѣятельностью и положеніемъ его въ обществѣ — невольно наталкиваетъ на мысль, что польскими клерикалами умышленно создавалось такое уродливое явленіе, чтобы дискредитировать ненавистное православіе въ глазахъ общества.

Иногда на епископскія должности король назначалъ своихъ людей, какъ, напримѣръ, въ 1504 году «своего нотарія Ивашку Сосновскаго, во вниманіе къ его честности, особенно же за его опытность въ русской грамотности»; въ большинствѣ же случаевъ какой-нибудь обѣднѣвшій шляхтичъ, изъ честолюбія и матерьяльныхъ выгодъ, добывалъ себѣ при помощи вліятельныхъ лицъ королевскую грамоту на занятіе каѳедры и затѣмъ вводился во владѣніе «владычнымъ дворомъ, всѣми драгоцѣнностями, имѣніями, фольварками, селами, полями, лѣсами, корчмами, прудами, мельницами и всѣмъ имуществомъ епископіи». Хоть значительная часть этого имущества годъ за годомъ отчуждалась въ пользу латинской каѳедры, но и остающаяся часть для любителей наживы служила все-таки солидной приманкой. Въ судебныхъ актахъ Холмской Руси сохранилась, напримѣръ, опись имущества, похищеннаго въ 1569 году у владыки Захаріи Ильяшовича его зятемъ [1]), извѣстнымъ бандитомъ и грабителемъ, Ѳеодоромъ Омнисомъ. По донесенію вознаго, производившаго дознаніе, похищено: наличными деньгами 150 золотыхъ, записями 1526 золотыхъ, откормленныхъ воловъ 28, лошадей выѣздныхъ 5, табунныхъ 17, рогатаго скота 61 штука, овецъ и козлятъ 60, свиней и борововъ 51, куръ, утокъ и гусей 205, водчаныхъ котловъ съ трубами 3, пивной котелъ 1, молоченаго овса корцевъ 80, ржи 6, пшеницы 101, сѣна 13 стоговъ, овса 7, гороху 200 мѣръ, ячменя 400 и т. п. Не менѣе цѣнное

---

[1]) Русскіе владыки того времени были женаты и часто передавали каѳедру своимъ сыновьямъ или зятьямъ.

имущество похищено и у владычнаго сына Левка. Послѣ этого опустошительнаго набѣга у епископа Захаріи осталось однако: обычнаго скота 39 штукъ, откормленныхъ воловъ 3, овецъ и козъ 45, борововъ и свиней 32, гусей 15, овса 8 стоговъ, яровой ржи 8, водчаныхъ котловъ съ трубами 3, пивной 1 и прочее мелкое имущество.

При такихъ условіяхъ владыкамъ мудрено было найти время для занятій по дѣламъ церкви. Кромѣ того, назначаемыя королемъ лица въ большинствѣ случаевъ вообще недостойны были епископскаго сана ни по образованію и семейному положенію, ни по нравственнымъ своимъ качествамъ [1]). Одинъ владыка занимается, въ полномъ значеніи слова, ростовщичествомъ, ссужая дворянъ и мѣщанъ довольно значительными суммами подъ залогъ имѣній и крестьянъ, и ведетъ вѣчную тяжбу со своими должниками; другой, побѣднѣе, тоже даетъ небольшія суммы и принимаетъ въ залогъ золото, серебро, платье и всякую мелочь; третій самъ одолжаетъ деньги у всякаго встрѣчнаго, часто подъ залогъ собственнаго и даже церковнаго имущества, и, какъ неисправный плательщикъ, преслѣдуется судомъ; четвертый разными происками добываетъ себѣ грамоту для замѣщенія желаемой каѳедры и вооруженной силой изгоняетъ оттуда своего коллегу, не пожелавшаго добровольно уступить ему мѣсто; при этомъ, пользуясь случаемъ, попутно учиняетъ погромъ чужого имѣнія изъ личной мести къ владѣльцу; пятый назначаетъ себѣ въ помощники своего зятя (Ѳеодора Омниса), который, ограбивъ сначала тестя-владыку, держитъ впослѣдствіи въ страхѣ всю округу...

Судебная хроника того времени отмѣтила и сохранила потомству безчисленное множество жалобъ на епископовъ отъ крестьянъ, священниковъ, діаконовъ, мѣщанъ и евреевъ: владыкъ обвиняютъ и судятъ за поборы и вымогательство, за вооруженное нападеніе и грабежи, за побои и увѣчья, за подлоги и укрывательство, за брань и сквернословіе, за расхищеніе или продажу церковнаго имущества, за погромъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ и даже за убійство [2]).

Откуда, спрашивается, брались такіе уроды, какъ терпѣло ихъ общество, какъ терпѣлъ ихъ король? Между тѣмъ они, эти ставленники короля, стояли во главѣ церкви и носили даже почетный титулъ «Reverendissimus». Но эти «Reverendissimi» не были, однакожъ, застрахованы отъ насилій со стороны общества. Короли

---

[1]) Размѣръ статьи не позволяетъ мнѣ сообщить подробнаго фактическаго матеріала, а потому я ограничиваюсь лишь обобщеніями.

[2]) Въ убійствѣ обвинялся епископъ Ѳеодосій Лазовскій, извѣстный въ исторіи подъ кличкой «буйнаго пастыря», и затѣмъ Діонисій Збируйскій. Лазовскій былъ оправданъ, дѣло же Збируйскаго тянулось очень долго и было прекращен лишь по принятіи имъ уніи.

давали этотъ титулъ каждому встрѣчному и поперечному, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотно отдавали избранное лицо, какъ и всю «схизму», на посмѣшище. Толкнуть владыку въ грудь, ущипнуть его за бороду, подбить ему глазъ, обругать, напасть на его дворъ, избить его семью или челядь, разгромить церковь или монастырь—обычные подвиги польскаго шляхетства...

При такихъ условіяхъ о церковномъ благочиніи не могло быть и рѣчи. Архипастыри не пользовались никакимъ авторитетомъ даже среди низшаго духовенства, не говоря уже о высшемъ обществѣ; дисциплина пала; священники погрязли въ невѣжествѣ, предавались пьянству и разнымъ порокамъ... О паствѣ они не заботились, а заботились лишь о томъ, чтобы угодить своимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ зависѣли; церкви обѣднѣли; богослуженіе совершалось нерадиво и утратило свою торжественность; народъ отвыкъ отъ проповѣдей и нравственной поддержки; духовная связь его со всѣми пастырями оборвалась...

Въ такомъ-то состояніи находилось въ Холмщинѣ православіе въ концѣ XVI вѣка. Въ то время, когда молодое, нарождающееся католичество пышно расцвѣтало; когда блестящее латинское духовенство, хорошо воспитанное и дисциплинированное, ловко скрывало отъ народа свои дефекты,—въ то самое время одряхлѣвшее православіе, претерпѣвая гоненія, еще и само себя пожирало... «Всѣ вы знаете,—писалъ князь Константинъ Острожскій Ипатію Поцѣю:—что люди нашей вѣры сдѣлались до того равнодушными, лѣнивыми и невнимательными, что не только не заступаются за церковь Божію и за вѣру свою старожитную, но многіе сами насмѣхаются надъ нею и убѣгаютъ въ разныя секты. А все это умножилось оттого, что въ насъ не стало учителей, не стало проповѣдей слова Божія, не стало науки. Пришло на насъ, наконецъ, то, что не останется у насъ ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ: все ниспровerглось и упало, со всѣхъ сторонъ сѣтованіе, скорбь и бѣда, и если еще не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что будетъ съ нами...»

И этотъ чуть ли не единственный въ это время ревнитель «старожитнаго закону» принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы поднять православіе на должную высоту. Но усилія его были тщетны... Дни православія были сочтены: оно, къ великой радости латинниковъ, быстро катилось внизъ по наклонной плоскости...

Съ такимъ врагомъ не трудно было сразиться. И вотъ въ 1596 году православію наносится второй рѣшительный ударъ: на Брестскомъ соборѣ горсть ополяченныхъ пастырей церкви подписала и

объявила въ краѣ церковную унію съ Римомъ. Православная интеллигенція, уже значительно ополяченная, приняла эту унію довольно равнодушно. Но совсѣмъ иначе посмотрѣлъ на нее простой народъ. Своихъ пастырей, правда, онъ давно уже пересталъ почитать, но завѣты «старожитнаго закону» впитывались имъ съ материнскимъ молокомъ и бережно хранились въ тайникахъ его души; на пастырей своихъ онъ давно махнулъ рукой, но въ стѣнахъ обветшалой «церковки» своей попреженему черпалъ моральную силу... «Церковку отнимаютъ»—стономъ разнеслось по всей Холмщинѣ—и народъ запротестовалъ... Отъ Томашова и до Дрогичина, отъ Городла, Холма и Бреста до Парчева, Радина, Люблина и Бѣлгорая[1]) поднялся народъ на защиту своей вѣры. «Церковку отнимаютъ»... И онъ защищалъ свою церковку отъ непрошенной опеки: изгонялъ уніатскихъ священниковъ, пряталъ ключи отъ церквей, живой стѣной окружалъ святыни, стараясь прикрыть ихъ собственною грудью, устраивалъ братства, жаловался королю, искалъ защиты и у московскаго царя и у запорожскихъ казаковъ...

Но сила свое взяла. Мы не будемъ повторять того, какія жестокія гоненія претерпѣвалъ народъ за стойкость свою въ вѣрѣ,— имена Збируйскихъ, Терлецкихъ, Кунцевичей, Пильчицкихъ и безчисленное множество другихъ не въ мѣру усердныхъ ревнителей уніи и латинства хоть и забыты народомъ, но не забудутся исторіей... Жертвенникъ римскаго Ваала достаточно пропитанъ былъ тогда кровью порабощеннаго народа, ибо фанатизмъ и деспотизмъ всегда требуютъ жертвъ... И сила побѣдила: православіе шагъ за шагомъ уступало свои позиціи и къ концу владычества Польши совсѣмъ угасло; въ присоединенныхъ впослѣдствіи въ Россіи Холмщинѣ и Подляшьи оказался уцѣлѣвшимъ одинъ лишь Яблочинскій монастырь...

Итакъ, триста лѣтъ тяжелаго режима пріучили народъ мириться съ уніей во всѣхъ ея видахъ, начиная съ уніи бумажной, какою была она вначалѣ, и кончая уніей фактической — со звонками, органами, монстранціями, кантычками, литаніями, рожанцами, полякующимъ духовенствомъ и прочими наслоеніями позднѣйшаго времени; и примирился онъ настолько, что окончательно забылъ завѣты старой вѣры...

Но, усвоивъ новый культъ, народъ не утратилъ однако національныхъ особенностей пламени: разлагающійся организмъ шляхетской Польши не обладалъ такимъ запасомъ духовной мощи, чтобы убить въ народѣ національное самосознаніе, и оно сохранилось въ немъ въ достаточной чистотѣ. Правда, западные уѣзды Люблинской и Сѣдлецкой губерній, примыкающіе къ коренной

---

[1]) Я касаюсь лишь предѣловъ Холмщины. Унія была введена во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ.

Польшѣ и населенные смѣшаннымъ элементомъ, въ значительной степени поддались польскому вліянію; но восточные уѣзды, съ населеніемъ около шестисотъ тысячъ, до самаго послѣдняго времени ничѣмъ почти не отличались отъ коренной Малороссіи. Въ церкви подъ звуки органа народъ пѣлъ «литанію», а дома и на улицѣ затягивалъ «волы половыи» и «зеленую руту»; при случаѣ онъ шелъ молиться и въ костелъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тысячами отправлялся на богомолье въ Кіевъ и Почаевъ; въ Люблинѣ и въ Ченстоховѣ, въ время «отпуста», онъ безсознательно записывался въ орденъ сердца «Pana Jezusa», а въ Кіевѣ и Почаевѣ преднамѣренно вносилъ лепту «на поминовеніе душъ сродственниковъ умершихъ»; съ полякомъ онъ коверкалъ по-польски, а въ своемъ родномъ кругу отпускалъ по адресу его самые ядовитые сарказмы... Уніатъ по вѣрѣ, полякъ по своей политической зависимости, въ душѣ онъ никогда не переставалъ быть русскимъ, такъ и называлъ себя...

Въ такомъ-то состояніи находилось русское населеніе Холмщины въ періодъ обратнаго присоединенія ея къ Россіи. Осторожное, умѣлое проведеніе нѣкоторыхъ реформъ, здоровый лучъ свѣта, капля дружественнаго участія—и народъ освободился бы отъ всѣхъ наслоеній, какія наложила на него неумолимая судьба. Но случилось однако нѣчто другое,—случилось то, о чемъ приходится теперь горько пожалѣть каждому, кто связанъ съ этимъ обездоленнымъ народомъ узами родства, дружбы или даже простого знакомства. Не успѣлъ народъ отдохнуть отъ прежней ломки и свыкнуться съ новымъ положеніемъ, не успѣлъ залечить свои раны и насладиться душевнымъ покоемъ, какъ вдругъ на голову его обрушился новый «поворотъ», или, вѣрнѣе, новая серія страданій. Захвативъ Польшу, русская администрація, съ ревностью самаго усерднаго столоначальника, набросилась на этотъ край со своей излюбленной политикой обрусенія. Быстро и неуклонно стала она ломать, разрушать и уничтожать тамъ все, что, по ея мнѣнію, противно было русскому духу,—и на развалинахъ тысячелѣтняго сооруженія наскоро сколотила зданіе русской государственности. Насколько привилась и разрослась тамъ эта чиновничья государственность—мы ясно теперь видимъ...

Покончивъ такимъ образомъ съ польскимъ вопросомъ, администрація стала выручать уніатовъ и... сразу ударила ихъ по самому больному мѣсту... «Сознаніе пробудилось, вопросъ назрѣлъ,—пора покончить», сказала она себѣ. И вотъ горсть чиновниковъ-карьеристовъ, незнакомыхъ ни съ настроеніемъ массы, ни съ прочими условіями времени и мѣста, взялась пересоздать духовный міръ народа. Несмотря на основательныя предостереженія, стали они строчить отъ имени народа просьбы, петиціи и тому подобныя

ходатайства о немедленномъ уничтоженіи ненавистной уніи. Это дѣло въ свое время породило цѣлую канцелярскую литературу и, кстати, создало чуть ли не отдѣльное министерство по уніатскимъ дѣламъ. Но всѣ эти ссылки на желанія народа, за малыми исключеніями, являлись самымъ грубымъ подлогомъ, который вскорѣ и обнаружился, хоть, конечно, не былъ взвѣшенъ своевременно. Еще задолго до окончательнаго возсоединенія уніатовъ, когда бюрократія начала лишь очищать уніатскій обрядъ отъ латинизма, на Подляшьи возмутились 56 приходовъ; когда же въ 1875 году былъ обнародованъ самый актъ возсоединенія, волненіе охватило всю Холмщину. «Церковку отнимаютъ», опять завопилъ народъ и запротестовалъ... И старъ и младъ оставлялъ свои мірскія заботы, оставлялъ жилища и бѣжалъ спасать свою святыню...

«Церковку отнимаютъ»... И всѣ бѣжали къ ней, ложились плашмя, закрывали всѣ входы своими тѣлами, сооружали живыя баррикады... Но это былъ не бунтъ: толпа не носила красныхъ флаговъ, не произносила зажигательныхъ рѣчей на политическія темы. То былъ невинный протестъ безсознательной черни, которая не знала и не просила ничего, кромѣ органовъ, звонковъ, бритаго духовенства и прочихъ аттрибутовъ своего божества...

Но администрація «по высшимъ соображеніямъ» не нашла возможнымъ уважить желаніе народа. Наѣзжали казаки, нагайками прокладывали себѣ дорогу къ церкви и водворяли въ ней православіе. Народъ толпился тутъ же и съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ выносились оттуда его дорогіе органы, иконы, звонки, анелки, какъ кощунственно глумились надъ ними братья-русскіе, какъ эти божки сваливались потомъ въ церковный сарай или увозились куда-то... Въ каждомъ поуніатскомъ храмѣ Холмщины и Подляшья, на чердакѣ церкви или поповскаго дома, на колокольнѣ, въ притворѣ или прямо въ приходскомъ сараѣ, и до настоящаго времени можно найти еще уцѣлѣвшіе остатки этихъ уніатскихъ реликвій: иконы, кресты, статуи, кіоты, хоругви; въ свое же время обрусители края съ ними ничуть не церемонились; въ Щебрешинѣ, напримѣръ, всѣ эти священные предметы были свалены на дворѣ городского магистрата, у еврейскихъ отхожихъ мѣстъ; и лишь впослѣдствіи, когда значительная часть ихъ была расхищена еврейскими ребятишками, администрація вняла ропоту народа и торжественно сожгла остатки...

Большаго оскорбленія нельзя было нанести религіозному чувству народа: то, что онъ считалъ своей святыней, предъ чѣмъ возносилъ горячія молитвы,—чужой насильственной рукою было отъ него отобрано и повергнуто во прахъ; то, что вчера признавалось божествомъ, сегодня попиралось ногами...

Но вотъ прошла гроза; войска разошлись по своимъ квартирамъ; непокорные уніатскіе священники и главари народа частью

сосланы, частью бѣжали за границу; уніатскія церкви обращены въ православные храмы и очищены отъ ереси. Православіе восторжествовало... Но какъ жалко было оно здѣсь, это хваленое православіе! Значительная часть населенія, несмотря на самыя жестокія наказанія карательныхъ отрядовъ, а можетъ быть и благодаря таковымъ, совсѣмъ не пошла въ церковь и образовала враждебную православію и всему русскому дѣлу партію упорствующихъ, или калакутовъ, и, вопреки ожиданіямъ обрусителей, стойко выдержала свое упорство до манифеста о свободѣ совѣсти; остальная же часть, уступая силѣ, хоть и примирилась съ православіемъ, но постоянно вздыхала объ уніи, нервничала и при всякомъ удобномъ случаѣ обратно бѣжала изъ церкви: пошелъ священникъ съ крестнымъ ходомъ «навпаки» [1])—въ толпѣ начинался ропотъ, переходившій иногда въ открытое возмущеніе, и народъ расходился по домамъ; зазвонили по православному, а не по «старосвицькому закону» [2])—неудовольствіе; заперъ священникъ царскія врата [3]), во-время не покадилъ, во-время не выполнилъ извѣстнаго жеста, возгласа или колѣнопреклоненія—народъ начиналъ убѣгать; отрастилъ онъ бороду или волосы, завелъ рукавастую рясу—бѣжать, бѣжать безъ оглядки!..

Вотъ какое тамъ было православіе; темный народъ понималъ его, какъ и всякое вообще богопочитаніе, по-своему; и не нашлось никого, кто показалъ бы ему настоящаго Бога. Напротивъ, и католическое и православное духовенство безпрестанно твердило ему, что въ этихъ фетишахъ и содержится квинтъ-эссенція истиннаго богопочитанія. Весь споръ, слѣдовательно, сводился къ тому, чтобы доказать народу, чьи фетиши лучше—поповскіе или ксендзовскіе. И если, примѣрно, ксендзъ съ извѣстной цѣлью вышучивалъ православныхъ за то, что у нихъ не поются «литаніи» и «кіріелейсонъ», нѣтъ звонковъ и органовъ, закрывается алтарь, что пріобщаются они булкой и виномъ, съ крестнымъ ходомъ идутъ противъ солнца и попамъ своимъ бороды лижутъ,—священникъ въ отвѣтъ разражался грозной филиппикой, въ которой, ссылаясь на авторитетъ святыхъ отецъ, писаній и преданій, разбивалъ и литаніи, и органы со звонками, и облатки, и крестные ходы по солнцу, и ксендзовскія сутаны, целибатъ, бритье и стрижку... И онъ всячески старался очистить свою церковь отъ малѣйшихъ остатковъ уніатско-католической ереси, обнаруживая этимъ свою недальновидность, такъ какъ опытъ впослѣд-

---

[1]) Навпаки—направо, противъ солнца; католическіе и уніатскіе крестные ходы направляются влѣво, по солнцу.

[2]) Католическій и уніатскій звонъ производится раскачиваніемъ цѣлаго колокола, а православный—одного била.

[3]) Въ костелахъ иконостасовъ нѣтъ, а въ уніатскихъ церквахъ они хоть и были до нѣкотораго времени, но царскія врата совсѣмъ не раскрывались.

ствіи показалъ, что православіе, за малыми исключеніями, привилось и уцѣлѣло лишь тамъ, гдѣ народу обезпеченъ былъ извѣстный максимумъ уніатской обрядности.

Отъ такого заблужденія не свободна была и высшая духовная іерархія. Владыки, объѣзжая свою епархію, слѣдили больше за всѣми тонкостями обряда, нежели за тѣмъ, посѣщаетъ ли народъ церковь и доволенъ ли онъ своими пастырями. Епископъ Германъ въ одномъ изъ приходовъ Подляшья велѣлъ стражникамъ разогнать огромную толпу калакутовъ, собравшихся у церковной ограды поглазѣть на православнаго архіерея.

— Не хотите въ церковь—такъ не мозольте передъ глазами!..

Въ другой церкви тотъ же владыка, замѣтивъ, что одинъ изъ присутствующихъ перекрестился по-католически, публично сдѣлалъ священнику строгое внушеніе.

— Латинщину вводите!—кричалъ онъ, не сообразивъ того, что перекрестился такъ чистокровный католикъ, пришедшій сюда въ числѣ прочихъ единовѣрцевъ изъ любопытства.

Подобныхъ фактовъ, характеризующихъ дѣятельность этого епископа, можно разсказать безчисленное множество. Въ селѣ Дубъ, Томашовскаго уѣзда, онъ придрался, напримѣръ, къ церковному звону.

— Не могу войти въ уніатскій храмъ!—заявилъ онъ, и успокоился лишь послѣ того, когда прикрѣпили колокола и зазвонили по православному. Но тутъ случился вдругъ новый инцидентъ. Въ церкви, на самомъ видномъ мѣстѣ, владыка увидѣлъ старинную уніатскую икону.

— Это что такое?—строго прикрикнулъ онъ на священника, указывая ему на эту икону.

— Николай Чудотворецъ!—отвѣтилъ смущенный священникъ.

— Николай Чудотворецъ? Неправда! Это какой-то капуцинъ, а можетъ быть и самъ папа. Убрать ее!..

Приказалъ и самъ уѣхалъ, поставивъ весь причтъ въ безвыходное положеніе. Какъ убрать икону, которая пользовалась особымъ вниманіемъ прихожанъ и цѣлой округи? Вынести ее—разбѣжится вся паства. Поговорили, подумали—и рѣшили... учинить въ церкви маленькій пожаръ, отъ котораго пострадала только эта злополучная икона. Послѣ этого нетрудно было, конечно, уничтожить ее совсѣмъ и замѣнить новой...

Въ такомъ же духѣ дѣйствовали и всѣ почти епископы. Одинъ подляшскій священникъ, несмотря на неоднократныя и настойчивыя требованія начальства, до начала девяностыхъ годовъ не рѣшался закрывать при богослуженіи царскія врата, не направлялъ противъ солнца крестныхъ ходовъ и не отращивалъ слишкомъ длинныхъ волосъ и бороды. Но въ концѣ концовъ, при епископѣ Гедеонѣ, долженъ былъ уступить. Но эта реформа настолько

обострила его отношенія съ прихожанами, что онъ вынужденъ былъ уйти въ другой приходъ, гдѣ православную обрядность могъ вводить безбоязненно, такъ какъ былъ тамъ чуть ли не единственнымъ прихожаниномъ.

Епископъ Гедеонъ вообще любилъ нагонять страхъ на свою паству. Въ селѣ Городищѣ, Влодавскаго уѣзда, онъ велѣлъ, напримѣръ, арестовать калакутскую депутацію за то, что она отказалась согласиться съ его доводами и не пожелала принять отъ него крестики. Но еще большее впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ присутствовавшихъ другой эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Замостьскомъ уѣздѣ, надо замѣтить, значительно ополяченномъ. Въ одной изъ церквей, противъ ожиданія, епископъ нашелъ очень много народу и необычайно радушный пріемъ. Все, кажись, хорошо; а между тѣмъ владыка сильно морщилъ брови—и наконецъ-таки высказался.

— Это что за безобразіе!.. А это? А это?..

И т. д... И началась проборка—строгая и откровенная: владыка указалъ священнику на его слишкомъ узкую рясу, на короткую бородку и волоса, замѣтилъ также, что въ церкви имѣется нѣсколько уніатскихъ иконъ...

— Какой ты священникъ, какая у тебя церковь!..

Народъ смутился, обезкураженъ былъ и старичокъ-священникъ изъ бывшихъ уніатовъ. Однако у него хватило еще мужества сказать епископу нѣсколько словъ.

— Господи!—отвѣтилъ онъ.—Никогда не ожидалъ, чтобы меня владыка такъ «бештавъ» при народѣ... Въ то время, когда весь уѣздъ разбѣжался по костеламъ, я сберегъ для него полную церковку народа... А онъ смотритъ на мою бороду да на рясу...

Владыка понялъ, что слишкомъ погорячился.

— Простите!—заявилъ онъ.

Однако тутъ же добавилъ, что не мѣшало бы священнику отрастить бороду и расширить въ рясѣ рукава...

Я нарочно подольше остановился на этомъ вопросѣ, чтобы яснѣе оттѣнить его и затѣмъ сдѣлать выводъ. Сто почти лѣтъ русская администрація ревниво искореняла въ краѣ польско-латинскую культуру и не создала своей, не позаботилась также о томъ, чтобы поднять умственный уровень народа, улучшить его бытъ. Мало того, угнетая уніатовъ, не пожелавшихъ принять православіе, она озлобила противъ себя добрую половину чисто русской народности края и ускорила соединеніе ея съ латино-поляками.

Цѣлыхъ тридцать лѣтъ затѣмъ православное духовенство Холмщины занято было мелочами, ничуть не заботясь о томъ, чтобы свести дружбу съ народомъ, озарить его свѣтомъ истиннаго бого-

познанія и вывести его такимъ образомъ изъ дебрей грубаго идолопоклонства. И не удивительно: можно ли, напримѣръ, ласкать не любя, можно ли указать другому дорогу, когда самъ стоишь на перепутьи?.. И то и другое сравненіе въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстны. Заманчивая кличка и привилегіи миссіонера, а, главное, жажда наживы привлекали сюда и галичанъ, и нижегородцевъ, и москвичей, часто совсѣмъ непригодныхъ для этой роли и, вдобавокъ, незнакомыхъ ни съ исторіей, ни съ бытовыми особенностями края. Кромѣ того, съ этой ролью вообще связывались извѣстныя задачи, часто несогласныя съ дѣйствительными потребностями народа. Такія причины, несомнѣнно, создавали извѣстную ненормальность: либо сознательную профессіональную фальшь, либо заблужденіе по недомыслію. Съ другой стороны, блестящее правовое и матеріальное положеніе духовенства, при отсутствіи истиннаго призванія, вселяло въ него нескромный духъ заносчивости и гордыни. Священникъ, не говоря уже про епископа, никогда не мирился со скромной ролью служителя алтаря. Напротивъ, пользуясь широкой поддержкой власти, онъ не зналъ границъ своимъ властолюбивымъ поползновеніямъ. Онъ держалъ въ страхѣ и учителя, и писаря, и войта, не говоря уже о простомъ мужичкѣ; вмѣшивался и въ судъ, и въ дѣйствія высшей администраціи... Достаточно было батюшкѣ написать куда слѣдуетъ маленькій доносъ, и тотчасъ же, безъ суда и расправы, устранялось неугодное ему лицо или цѣлое предпріятіе...

При такихъ условіяхъ миссіонерская роль его сама собой отодвигалась на задній планъ; она интересовала его ровно столько, сколько чиновника канцелярія: отсидѣлъ свои часы, а потомъ пускай она себѣ и совсѣмъ сгоритъ... Еще меньше интересовалъ его мужикъ; если батюшка зналъ и Клима, и Петруся, и Вакулу, то только потому, что въ извѣстныхъ случаяхъ эти вонючіе обрубки являлись къ нему на кухню, охая и вздыхая вручали ему вмѣстѣ съ поцѣлуемъ руки извѣстную монету и опять уходили копаться въ навозѣ. А откуда Климъ взялъ эту монету, далъ ли онъ ее отъ избытка, или отъ скудости—такими вопросами батюшка не любилъ задаваться. Напротивъ, послѣ всякой получки онъ почему-то всегда былъ увѣренъ, что у этого Клима денегъ и куры не клюютъ. «И дрянной однако народъ это мужичье! — говорилъ онъ тогда своей матушкѣ: — взять хоть бы этого Клима: вчера корову продалъ и подсвинка раститъ, а торгуется за каждый грошъ...»

Батюшка никогда не любилъ ни Клима, ни Петруся, ни Вакулы, а когда впослѣдствіи потерялъ ихъ, то пожалѣлъ постольку, поскольку потеря эта отразилась на его личномъ благополучіи...

Такимъ образомъ положеніе Холмщины до послѣдняго времени было въ общемъ таково: православное населеніе края, посѣщая церковь, не забывало, однакожъ, и уніи, и, сохраняя неизмѣнными свои національныя черты, не любило ни своего духовенства, ни администраціи: калакуты со дня введенія православія пошли въ костелъ и, смѣшивая національность съ религіей, наотрѣзъ отказались отъ своего кровнаго родства съ Россіей. И тѣ и другіе коснѣли въ невѣжествѣ и изнемогали отъ тяжелаго экономическаго и административнаго гнета, и тѣ и другіе мечтали о лучшихъ дняхъ, ждали перемѣны...

Ждало лучшихъ дней и польское населеніе, но оно понимало ихъ по-своему: ксендзы обусловливали ихъ полнымъ господствомъ католицизма, а паны и шляхта—возстановленіемъ «Рѣчи Посполитой...» И тѣ и другіе нянчились съ этими идеями и при всякомъ удобномъ случаѣ навязывали ихъ простому народу, развивая въ немъ религіозно-націоналистическія страсти...

При такихъ условіяхъ событія послѣднихъ лѣтъ, особенно же апрѣльскій манифестъ, не могли не оставить въ Холмщинѣ замѣтныхъ слѣдовъ...

Теперь я могу уже начать свой путевой очеркъ.

I.

Еще одинъ довольно крутой поворотъ, поѣздъ вынырнулъ изъ густого лѣса — и вдали, на высокой горѣ, показались золоченые купола каѳедральнаго собора. Живописный видъ! Городъ Холмъ, сердце Забужной Руси, столица Даніила...

На вокзалѣ довольно многолюдно,—одни спѣшатъ къ поѣзду, другіе такъ себѣ прогуливаются. Всюду слышится польская рѣчь — чистая и ломанная. Даже станціонные служащіе, по привычкѣ или въ угоду кому-то, объясняются по-польски.

— Юшъ готово? Не? Прендзы, прендзы!—кричитъ кому-то дежурный въ красной шапкѣ.

Впечатлѣніе довольно-таки неожиданное...

То же и въ городѣ — на улицахъ, въ лавкахъ, въ садахъ и бульварахъ... Пройдетъ иногда типичный хохолъ въ соломенной шляпѣ и бѣлыхъ «нагавыцяхъ». Да и тотъ «по-людски балакае» только въ своемъ кругу, со всякой же «сыней латкой» [1]) уже заговариваетъ по-польски, коверкаетъ: «проше пана... ныхай що, цо... тое та овое...»

Во всякой сыней латкѣ онъ уже видитъ пана, а слѣдовательно и поляка; а такимъ онъ привыкъ угождать!

---

[1]) «Сыней латкой» малороссъ въ шутку называетъ всякаго, кто носитъ нѣмецкій костюмъ, или, какъ говорятъ они, «не своей работы».

— Що-жъ!— говоритъ онъ своимъ.—Ныхай соби буде й такъ, абы тыхо—лыхо...

Я опоздалъ на одинъ день,—попади сюда вчера, былъ бы свидѣтелемъ великаго торжества: пріѣзжалъ католическій епископъ. Событіе, повидимому, не изъ важныхъ, а здѣсь — и не новинка, особенно въ послѣдніе три года. Но для всякаго правовѣрнаго католика такое событіе—великій праздникъ; о немъ только и говорятъ потомъ, имъ только и гордятся.

— Ай, якъ шкода, же панъ не былъ у насъ вчерайшего дня!— заявила мнѣ одна набожная старушка, убиравшая вмѣстѣ съ другими остатки декорацій на погостѣ костела.

— Ай, якъ шкода!—повторили и другія.

Костелъ былъ декорированъ отъ земли и до самаго купола, декорированы были и улицы, по которымъ долженъ былъ пройти епископскій кортежъ. И старъ и младъ спѣшилъ туда въ праздничныхъ одеждахъ, бѣжалъ народъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ деревень. Помѣщики, графы и магнаты въ національныхъ костюмахъ возсѣдали на разубранныхъ коняхъ въ качествѣ епископской гвардіи; молодыя дѣвушки были въ подвѣнечныхъ нарядахъ... Вѣнки, гирлянды, букеты живыхъ цвѣтовъ, оваціи многотысячной толпы, которая бросалась къ епископскому экипажу, желая нести своего архипастыря на собственныхъ плечахъ или коснуться хоть краешка его одежды; многіе падали на колѣни и возносили къ нему свои руки...

Нѣчто вродѣ библейскаго «Осанна въ вышнихъ!..»

Запѣли было даже «Boże coś polskie»; но послѣднее не удалось: нагрянули «москали», устроили свалку—и въ концѣ концовъ арестовали нѣсколько человѣкъ. Эти москали, какъ и само русское правительство, вообще любятъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла поляковъ... Стѣснили ихъ, лишили правъ, — дышать невозможно: въ то время, когда русскому открыты всѣ дороги,—полякъ «може быць тилько стружемъ и жемесникемъ...»

Но Польша все-таки будетъ, — объ этомъ говорятъ всѣ: и «księży i panowie». Она будетъ, тогда «запануемъ и мы, а русиновъ вшисткихъ выпендзимъ за Бугъ, до Москвы: не хцешь быць католикемъ—идзь соби до Москвы...»

Дальше собесѣдница моя перешла уже въ область чистой легенды.

Польша будетъ, недаромъ же «японичкъ» два года воевалъ съ русскимъ «цесажемъ». «Дашь вольность Польскому краю?» спрашиваетъ онъ.—«Не́ дамъ!»—«А, не́ дашь? То машь же тоби...» И послалъ онъ противъ него свои войска. Но прежде, однако, по совѣту своей «жоны-католички», онъ поѣхалъ въ Римъ «до свентего ойца». «Благослови,—говоритъ,—святой отецъ!» А тотъ ему на это: «Дзецко мое! ты же недовярекъ». Бросилъ японичкъ свой

мечъ и говоритъ: «Хочу быть католикомъ!» Крестилъ его «свенты ойцецъ» и благословилъ; япончикъ разбилъ «русскего цесажа», забралъ у него «кавалекъ земи» и опять спрашиваетъ: «Дашь вольность Польскому краю?»—«Дамъ!» И далъ ему япончикъ сроку три года; ежели же къ этому сроку вольности не будетъ — въ Польшѣ начнется мятежъ, и на Россію тогда пойдутъ уже «тши крули, вшистко едно, якъ пши Божемъ народзенню...»

Итакъ, религіозно-національный праздникъ поляковъ, благодаря вмѣшательству «москалей», не вполнѣ удался.

Спустя нѣсколько дней услыхалъ я о такомъ же праздникѣ православныхъ въ селѣ Наброжѣ, Томашовскаго уѣзда. Уцѣлѣвшая горсточка прихожанъ собралась у церкви встрѣчать своего епископа. Собрались и ждутъ. Не успѣлъ, однако, епископъ выйти изъ экипажа и выслушать обычное привѣтствіе, какъ изъ деревни, на нѣсколькихъ подводахъ, наѣзжаетъ вдругъ польская свадьба, съ шумомъ, свистомъ, крикомъ врѣзалась она прямо въ толпу, сшибла съ ногъ діакона, ушибла нѣсколькихъ крестьянъ, чуть-чуть не задѣла оглоблей самого епископа—и промчалась дальше... Что это происшествіе не было простою случайностью, можно видѣть хотя бы изъ того, что, подъѣзжая къ крестному ходу, свадьба свернула даже съ дороги, чтобы ударить, какъ говорятъ поляки, «въ саме глове». Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Насмѣхаются!..

Владыку, какъ это всегда бываетъ, сопровождали казаки; пустились они вдогонку — и началась расправа... Она была дика и безчеловѣчна... Но виноваты въ этомъ больше тѣ, кто налаживалъ эту не менѣе дикую демонстрацію: они не взвѣсили обстоятельствъ...

Сердце Забужной Руси, а Руси что-то совсѣмъ не видать: Господь ее знаетъ, куда она дѣвалась!.. И если бъ не этотъ великолѣпный соборъ да не полдюжины другихъ храмовъ, нынѣ посѣщаемыхъ лишь чиновниками да военными, но хранящихъ въ своихъ стѣнахъ богатыя воспоминанія о лучшихъ дняхъ—можно было бы подумать, что Руси здѣсь никогда и не было... Впрочемъ, впослѣдствіи я нашелъ ее, — она ушла уже изъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, уступивъ эти мѣста пришельцамъ, но живетъ еще въ селахъ и деревушкахъ... Притаилась, съежилась и стонетъ отъ натиска польско-латинской культуры; ждетъ, не пройдетъ ли мимо эта страшная напасть, ждетъ своей участи...

А натискъ существуетъ, его нельзя не видѣть. Иначе, положимъ, и быть не могло; въ Польшѣ очень вулканическая почва; малѣйшая причина—и тамъ начинается уже цѣлое землетрясеніе...

Еще задолго до объявленія религіозной и гражданской свободъ, когда «япончикъ» день за днемъ сталъ доказывать міру, какъ

призрачна наша хваленая мощь,—на широкихъ поляхъ Польши тотчасъ же загремѣли литавры, и раздалось радостное «vivat!..» «Мужайтесь!—открыто заявляли ксендзы тѣмъ, кто имѣлъ основаніе быть недовольнымъ своимъ положеніемъ.—Богъ не забываетъ вѣрныхъ; скоро, скоро святой костелъ откроетъ для всѣхъ свои алтари, и нечестіе погибнетъ!..» А на духу еще добавляли: «Ни одного схизматика не останется въ краѣ, такова воля Pana Boga...» Паны же, поддерживая ксендзовъ, начали тѣмъ временемъ намѣчать границы будущаго «крулевства»—и съ своей стороны заявляли кому слѣдуетъ: «Польша для истинныхъ поляковъ!..»

И первая свобода наступила, она пришла скорѣе даже, чѣмъ могли ея ожидать, точно съ дождикомъ выпала...

— Свобода!—раздалось вдругъ со всѣхъ костельныхъ амвоновъ.—Свобода! Торопитесь же воспользоваться ею!..

— Свобода!—эхомъ отозвалось во всемъ краѣ, и народъ зашевелился...

Торжественный день, а для Холмщины—историческій!.. Никогда еще въ голубое небо Забужья не глядѣлось столько радостныхъ очей, какъ 17 апрѣля, но едва ли наслушалось оно когда-либо такъ много... горькихъ упрековъ... Это былъ какой-то волшебный день, когда и смѣхъ и слезы, и радость и горе, и дружба и ненависть одновременно зажили въ одномъ и томъ же городѣ, селѣ и деревнѣ, подъ одной кровлей, въ одной и той же семьѣ,—дали волю своимъ чувствамъ, закружились и смѣшались въ бѣшеной пляскѣ...

— Въ костелъ! скорѣе въ костелъ! Свобода вѣдь всего на двѣ недѣли дана!—кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Людкове! Громада! Церковку отбираютъ!.. Сломали крестъ!.. Изъ села выгоняютъ!..—вопили въ другомъ.

— И выгонимъ... Вонъ! вонъ! до Мóсквы!..

— Батюшка, защитите!.. Окна выбили... сломали соху... сына окровавили...

— Конецъ попамъ, конецъ схизматицкой вѣрѣ!.. Самъ царь отъ нея отрекся!..

И всѣ шли въ костелъ,—одни по влеченію сердца, другіе по недоразумѣнію или просто подъ напоромъ стихійной силы... Иные—по принужденію: мужъ тянулъ туда свою жену, мать—дочь, братъ—сестру, зять—свекровь, взрослый—ребенка, опекунъ—сироту, баринъ—слугу, помѣщикъ—батрака...

И на полѣ этой безумной, дикарской брани, въ самомъ огнѣ, неизмѣнно выдѣлялся ксендзъ съ крестами, хоругвями, образами, звонками, облатками,—наскоро строилъ «каплички», алтари, совершалъ молебствія, очищалъ отъ скверны прозелитовъ, открывалъ школы—и самодовольно потиралъ руки, какъ торгашъ на хорошей ярмаркѣ...—«Смотрите, длинногривые!—можно было прочесть на

его лицѣ.—Смотрите, какъ управляемся мы съ этимъ быдломъ! Съ него можно соскоблить весь жиръ, можно даже косточку обглодать—и онъ хоть бы что!.. А вы вотъ и не сумѣли!..»

А длинногривые и безъ того не на шутку растерялись.

— Батюшки! Да какъ же это такъ?—заговорили они.—Мы вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ... миссіонеры... Жалованье намъ и прочее, такъ сказать, содержаніе... И вдругъ ни съ того ни съ сего эта свобода... Что это правительство затѣяло?.. Да это вѣдь цѣлое свѣтопреставленіе!..

Когда же спустя нѣкоторое время горизонтъ настолько прояснился, что можно было видѣть результаты; когда оказалось, напримѣръ, что у другого, какъ говорится, и кадило некому подать, они и совсѣмъ взмолились:

— Братцы! Голубчики! Что же это вы такъ бѣжите?.. Что васъ тамъ такъ прельщаетъ? Звонки? Монстранціи? Кантычки?.. Такъ погодите... и мы все это умѣемъ...

Собралось духовенство на соборчикъ, и тамъ рѣшили примѣняться къ обстоятельствамъ и даже допустить нѣкоторую вольность въ обрядности. Священники стали понемножку подстригаться, суживать рукава, пускать по солнцу крестные ходы и т. п., а въ одномъ приходѣ на Подляшьи появились даже солидные провозвѣстники уніи—звонки и монстранція... Не будемъ говорить, насколько эти мѣры цѣлесообразны. «Оглянувся куцый, якъ хвоста не стало», острятъ по этому поводу калакуты, а ксендзы говорятъ иначе: «Сознали свои заблужденія, теперь вотъ и возвращаются къ истинной вѣрѣ...»

По официальнымъ извѣстіямъ, во всей Холмщинѣ перешло изъ православія въ католичество, вмѣстѣ съ калакутами, около ста двадцати тысячъ; но лицо, дававшее мнѣ эту справку, предупреждало меня, что цифра эта гораздо ниже дѣйствительной; по неофиціальнымъ извѣстіямъ, число отпавшихъ во всякомъ случаѣ не меньше двухсотъ тысячъ. Впрочемъ, точной цифры пока установить невозможно, такъ какъ значительная часть прозелитовъ не оформила еще своего перехода, и на бумагѣ поэтому многіе изъ нихъ числятся пока православными.

Дѣло было сдѣлано скоро и чисто. Уже въ первыя двѣ недѣли послѣ объявленія манифеста результаты превзошли всѣ ожиданія, а черезъ годъ пришлось уже упразднить до 20 приходовъ; упразднились при этомъ лишь тѣ приходы, гдѣ буквально не осталось ни одного прихожанина. Вполнѣ уцѣлѣвшихъ приходовъ очень мало,—каждый изъ нихъ пострадалъ въ той или иной степени: то на половину, то на двѣ трети, то на три четверти; сноснымъ приходомъ считается еще тотъ, гдѣ уцѣлѣло 100, 50, 30 прихожанъ, а есть много такихъ, гдѣ осталось не больше двухъ-трехъ семействъ, и такіе приходы пока не упраздняются.

Вмѣстѣ съ католичествомъ, малороссу внушалась мысль, что онъ теперь ужъ «не русинъ» и поэтому долженъ отказаться отъ всего того, что дѣлало его русиномъ. Вчерашній Грыць сталъ именоваться «Гжегожемъ», вчерашній «парубокъ» сегодня превратился уже въ мазура и сталъ коверкать по-польски... Русскія школы подверглись бойкоту и опустѣли, такъ какъ новоиспеченный полякъ послалъ своихъ дѣтей въ школки «Матицы», заботливо открытыя для него его новыми друзьями...

Какъ однако неумолимо-жестоки бываютъ иногда историческія судьбы народовъ! На нашихъ глазахъ происходитъ теперь національное вырожденіе чисто русской народности края. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и значительная часть ея станетъ достояніемъ одной лишь исторіи...

Холмъ—небольшой и, надо правду сказать, очень даже нечистоплотный уѣздный городокъ Люблинской губерніи. Смотришь и никакъ не можешь признать въ немъ великолѣпной столицы Галицко-Владимирскаго княжества. Впрочемъ, давно все это было; съ той поры этотъ злополучный городъ многое пережилъ: въ свое время его не разъ опустошали татары, литовцы, поляки и русскіе; нѣсколько разъ онъ выгоралъ до тла, пережилъ и голодъ и моровую язву; было время, когда онъ лежалъ въ развалинахъ...

Лучшая часть города—невысокій, но довольно обширный холмъ, давшій городу свое названіе. Отсюда открывается великолѣпный видъ на городъ и его окрестности. Въ свое время этотъ холмъ былъ сильно укрѣпленъ и въ такомъ видѣ представлялъ собою нѣчто вродѣ кремля, гдѣ сосредоточены были высшія правительственныя учрежденія и княжескій дворъ. Теперь же здѣсь архіерейское подворье. На видномъ мѣстѣ возвышается великолѣпный каѳедральный соборъ, существующій въ настоящемъ видѣ съ первой половины XIX вѣка. Возлѣ собора—архіерейская квартира, канцелярія братства, церковный музей, народная читальня, братская лавочка и т. д. Въ читальнѣ, кромѣ брошюръ и книгъ, по преимуществу религіозно-нравственнаго содержанія, имѣются «Московскія Вѣдомости», «Русское Чтеніе», «Вѣче», «Крестьянинъ», «Колоколъ», почаевскіе листки и три мѣстныя клерикальныя газетки. Но такой подборъ матеріала, повидимому, не вполнѣ удовлетворяетъ даже самаго неприхотливаго читателя, по крайней мѣрѣ, кромѣ мѣстнаго сторожа да какого-либо пріѣзжаго батюшки, никого я въ этой читальнѣ не встрѣчалъ.

Неподалеку отъ собора, на самой макушкѣ горы, возвышается очень красивая по стилю и изящная по отдѣлкѣ Кирилло-Меѳодіевская часовня, построенная въ память возсоединенія уніатовъ. Хорошій памятникъ, но лучше бы его и совсѣмъ не было... Это гробъ, братская могила, ибо подъ нею схоронена уже половина

русской народности края... Пройдутъ сотни лѣтъ,—то, что теперь ново, покроется мхомъ сѣдой старины, а памятникъ останется, напоминая всякому о былыхъ временахъ, о жестокой борьбѣ и постыдномъ пораженіи...

Памятниковъ глубокой старины въ самомъ Холмѣ теперь уже не существуетъ. Въ стѣнахъ каѳедральнаго собора похороненъ когда-то Даніилъ Романовичъ Галицкій съ семьей, но отъ этихъ гробницъ и слѣдовъ ужъ не осталось: огромные погреба собора—усыпальница епископовъ—замурованы, и проникнуть въ нихъ невозможно.

Заслуживаютъ вниманія лишь двѣ башни въ окрестностяхъ Холма: Бѣлавинская въ трехъ верстахъ отъ города и Столпынская—въ девяти. Ни о времени основанія, ни о назначеніи этихъ башенъ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ не имѣется; извѣстно лишь, что онѣ существовали уже при Даніилѣ Романовичѣ, т. е. въ XIII вѣкѣ, но и тогда, кажется, служили лишь памятниками отжившей старины. Можно предположить, что въ свое время башни эти служили передовыми укрѣпленіями города. Въ настоящее время отъ нихъ уцѣлѣли однѣ лишь стѣны, выстроенныя, какъ видно, изъ чистаго камня и прекрасно цементированныя. Смотришь теперь на эти жалкія руины и невольно вздохнешь о томъ, что нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ...

Мы уже убѣдились, что Холмъ, какъ административный и духовный центръ Забужной Руси, заслужилъ въ прошломъ недобрую славу. Въ свое время онъ не сдѣлалъ ничего для поднятія умственнаго уровня народа, не заискалъ въ немъ ни дружбы, ни довѣрія... И блудящій народъ пошелъ туда, откуда ему пальцемъ покивали...

Остается теперь выяснить, что дѣлаетъ онъ въ настоящее время для сохраненія уцѣлѣвшей горсточки русскаго населенія, что вообще даетъ онъ народу. Въ данное время онъ долженъ бы проявить особенно интенсивную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что значительная часть населенія обнаруживаетъ еще къ нему тяготѣніе и ждетъ отъ него помощи и защиты.

На этотъ вопросъ, въ числѣ прочихъ, я постараюсь дать отвѣтъ во второй части своего очерка.

II.

Изъ Холма я отправился въ Люблинъ; поѣхалъ я туда потому, что по какому-то странному недоразумѣнію этотъ городъ считается составною частью Холмской Руси; въ дѣйствительности же ни Люблинъ, ни примыкающіе къ нему западные уѣзды гу-

берніи въ настоящее время ничего общаго съ Холмщиной не имѣютъ. Когда-то, на зарѣ исторіи, онъ имѣлъ, правда, съ этимъ краемъ нѣкоторое соприкосновеніе, такъ какъ входилъ въ составъ обширной Червенской Руси, обнимавшей собою юго-западную часть нынѣшней Люблинской губерніи [1]). Но чисто русскимъ городомъ онъ никогда не былъ, такъ какъ, служа яблокомъ раздора, поочередно переходилъ то къ русскимъ, то къ полякамъ и одинаково населялся ими. Съ половины же XIII вѣка онъ безвозвратно отошелъ къ Польшѣ и съ той поры порвалъ духовную связь съ Холмщиной.

Въ настоящее время Люблинъ—типичный польскій городъ, не уступающій съ этой стороны даже прекрасной сосѣдкѣ своей Варшавѣ, отъ которой, кромѣ духовнаго начала, онъ позаимствовалъ также и наружный лоскъ.

Памятниковъ русской старины въ Люблинѣ уцѣлѣло очень немного. Въ тупикѣ глухой улицы скромно ютится Спасо-Преображенская церковь, которая, какъ говорятъ документы, «зъ давныхъ вековъ уфондована и збудована». Въ свое время, въ періодъ острой религіозной борьбы, она служила оплотомъ православія въ Люблинѣ, хоть и сама не разъ попадала въ руки уніатовъ. Теперь же этотъ памятникъ глубокой русской старины, надо замѣтить, очень оригинальный по стилю, среди множества великолѣпныхъ католическихъ храмовъ совсѣмъ почти не замѣтенъ.

Неподалеку отъ Спасо-Преображенской церкви, на небольшомъ холмѣ, обращаетъ на себя общее вниманіе другой историческій памятникъ—это замокъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Романъ Галицкій, завладѣвъ Люблиномъ, построилъ при немъ круглую каменную башню, а Даніилъ Романовичъ открылъ въ ней православную часовню. И башня и часовня существуютъ и теперь. Въ свое время этотъ замокъ служилъ мѣстопребываніемъ королей при посѣщеніи ими города, а съ 1825 года превращенъ въ тюрьму, въ которой томится теперь до семисотъ преступниковъ.

Свои странствованія по деревнямъ Холмщины я началъ отъ станціи Раевецъ, Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ. Отсюда идетъ прекрасная шоссированная дорога на югъ, черезъ Красноставъ, Замостье, Томашовъ до самой границы, съ развѣтвленіями на Люблинъ, Щебрешинъ и Бѣлгорай. Эти шоссе—единственные въ этомъ районѣ пути сообщенія, такъ какъ проселочныя дороги здѣсь невозможны: въ мокрую погоду на нихъ непролазная грязь,

---

[1]) Впослѣдствіе Червенская Русь вошла въ составъ Галицко-Владимірскаго княжества, но очень рано, еще при Даніилѣ Романовичѣ, была захвачена Польшей.

а въ сухую груды и ухабы. Желѣзными же дорогами Люблинская губернія похвалиться не можетъ,—южная, напримѣръ, часть ея, пространствомъ не менѣе восьми тысячъ квадратныхъ верстъ, совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Между тѣмъ этотъ медвѣжій уголъ больше другихъ нуждается въ желѣзной дорогѣ, такъ какъ по своимъ естественнымъ богатствамъ считается однимъ изъ лучшихъ уголковъ всего Привислинскаго края: въ Холмскомъ уѣздѣ, напримѣръ, имѣются огромныя залежи бѣлаго камня «опока», представляющаго прекрасный строительный матеріалъ; въ Красноставскомъ, Замостьскомъ, а отчасти и Грубешовскомъ уѣздахъ—богатые торфяники, въ Бѣлгорайскомъ—желѣзо и каменный уголь. Всѣ эти естественныя богатства края эксплоатируется очень слабо, благодаря отсутствію удобныхъ путей сообщенія. Кромѣ того, Грубешовскій, Томашовскій уѣзды и вся вообще юго-восточная часть губерніи представляетъ богатѣйшую житницу края; между тѣмъ хлѣбъ и всѣ сельскохозяйственные продукты, по причинѣ неблагопріятныхъ условій перевозки, обезцѣниваясь на мѣстныхъ деревенскихъ рынкахъ, дорожаютъ въ городахъ.

Неподалеку отъ станціи Раевецъ расположено мѣстечко того же названія; оно небольшое, но очень оживленное. Населеніе жалуется на недостатокъ земли, но кое-какъ изворачивается, занимаясь, кромѣ земледѣлія, то извозомъ, то торговлей, то ремесломъ. Послѣ апрѣльскаго манифеста всѣ почти перешли въ католичество и теперь спѣшно воздвигаютъ костелъ. Говорятъ по-польски и къ русскимъ относятся враждебно; такое отношеніе, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, обнаруживаютъ всѣ новоиспеченные католики. Школа уже два года бойкотируется; учитель показывалъ мнѣ два увѣсистыхъ камня, пущенныхъ въ окно училища въ то время, когда онъ, собравъ горсть болѣе сговорчивыхъ ребятишекъ, вздумалъ было заниматься. Населеніе требуетъ польскихъ школъ, и въ настоящее время въ мѣстечкѣ хоть и тайно, но успѣшно работаетъ пресловутая «Матица» [1].

Такое непріятное, а съ точки зрѣнія государственной и нежелательное явленіе происходитъ, главнымъ образомъ, отъ усиленной польской агитаціи, такъ какъ русскія школы бойкотируются повсемѣстно даже тамъ, гдѣ еще до самаго послѣдняго времени населеніе не знало и не требовало другого языка, кромѣ родного русскаго. Но оно имѣетъ еще и другія причины, лежащія, такъ сказать, въ самой основѣ русской школы. Францію, говорятъ, побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель. Вполнѣ понятно,—тамъ между обществомъ и школой установилась такая тѣсная дружба, что никакія темныя силы не могутъ поколебать ея. Иначе

---

[1]) Я путешествовалъ въ то время, когда школы Матицы еще не были закрыты.

и быть не можетъ, ибо Карлуша и его школа—близкая родня, они другъ друга прекрасно понимаютъ, другъ другу служатъ. И гдѣ только заживутъ двое или трое Карлушъ, первымъ дѣломъ воздвигаютъ себѣ школу, оборудываютъ ее великолѣпно и затѣмъ лелѣютъ, какъ дѣти—мать, какъ отцы—родное дѣтище.

Ничего подобнаго нельзя сказать про современный типъ русской школы вообще, а въ Холмщинѣ—въ частности. Этотъ жалкій выкидышъ бюрократіи не заинтересовалъ и не привязалъ къ себѣ даже чисто русскаго населенія края, не говоря уже о полякахъ или полякующихъ. Не заинтересовала же школа крестьянина потому, что не отвѣчала его дѣйствительнымъ потребностямъ. «Довольно тебѣ байки учить! — говорилъ онъ обыкновенно своему сыну, когда тотъ поучился одну или двѣ зимы.—Пора и за дѣло приниматься...» И онъ безъ сожалѣнія бралъ сына изъ школы, часто даже въ такихъ случаяхъ, когда дома могъ безъ него обойтись. «Пора за дѣло приниматься!...» Ученіе онъ не называлъ дѣломъ, ибо не извлекалъ изъ него никакой практической выгоды. И съ этого дня юный грамотей окончательно порывалъ связь со школой, а года черезъ два-три забывалъ всѣ «байки» и опять превращался въ первобытное состояніе. Иначе и быть не могло, такъ какъ бюрократія не создала тамъ народной аудиторіи, не создала утилитарной школы—она навязала народу какую-то узкомиссіонерскую коллегію, не имѣющую ничего общаго съ живой дѣйствительностью.

Учитель не могъ оживотворить этого мертворожденнаго урода, такъ какъ, кромѣ строгой программы, связанъ былъ еще разными циркулярами и, вдобавокъ, находился подъ бдительнымъ надзоромъ грознаго батюшки, который, на правахъ ближайшаго начальства, диктовалъ ему свои законы и не давалъ спуску.

Учебная дирекція и другія подлежащія учрежденія хранятъ въ своихъ канцелярскихъ архивахъ немало анонимныхъ или именныхъ доносовъ, въ которыхъ батюшка приписываетъ сельскому учителю самые непозволительные качества и поступки. Одинъ подляшскій учитель передалъ мнѣ въ копіи всю переписку съ учебной дирекціей по поводу жалобы на него мѣстнаго законоучителя. «Вонъ отсюда, вонъ! — кричалъ на него въ классѣ при ученикахъ этотъ разъяренный служитель алтаря.—Я тебя въ бараній рогъ согну, въ порошокъ сотру!...» Накричалъ, а потомъ донесъ... И напрасно этотъ молодой юноша искалъ въ дирекціи правды и защиты: его смѣстили... Такимъ же образомъ устранялъ онъ и всѣхъ предшественниковъ этого учителя, а теперь стеръ въ порошокъ и всю свою паству, разогнавъ ее по костеламъ. Осталось всего одиннадцать душъ, но и съ этой маленькой семьей онъ ужиться не можетъ: девять прихожанъ уже подали епископу жалобу, умоляя его избавить ихъ отъ такого пастыря, и лишь двое пока его поддерживаютъ...

Я передалъ фактъ изъ жизни министерской школы, которая всегда была для духовенства бѣльмомъ на глазу. Но не лучше обстоитъ дѣло и съ церковно-приходской школой, роднымъ дѣтищемъ духовенства. Учителя и учительницы этихъ школъ очень часто состоятъ у своихъ отцовъ-блюстителей въ роли домашней прислуги, выполняя иногда самыя унизительныя порученія. Малѣйшіе же протесты влекутъ за собою самыя печальныя послѣдствія. Одна такая учительница, молодая интеллигентная дѣвушка, разсказала мнѣ цѣлую драму изъ своей учительской практики въ Яновскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи. Дѣло началось изъ-за пустяковъ—она не захотѣла цѣловать руки у священника,—и кончилось тѣмъ, что оскорбленная дѣвушка должна была уйти оттуда и искать себѣ пристанища въ другомъ благочиніи и даже въ другой губерніи. Я не буду подробно разсказывать этой тяжелой эпопеи,—скажу лишь, что батюшка, между прочимъ, на исповѣди допрашивалъ мѣстныхъ крестьянъ о поведеніи учительницы: «Честная ли она дѣвушка, нѣтъ ли у нея любовника?...» «Какъ смѣлъ онъ говорить такъ?»—закончила она свой разсказъ и зарыдала.—Вѣритъ ли онъ послѣ этого въ Господа Бога?...»

Я привелъ два краснорѣчивыхъ факта, но подобныхъ фактовъ можно разсказать сколько угодно...

Не могъ учитель оживотворить школы и по другимъ причинамъ. 250—300 рублей годового содержанія—слишкомъ скудное обезпеченіе даже для самаго неприхотливаго холостяка, не говоря уже о семейномъ человѣкѣ. При такихъ матеріальныхъ средствахъ учитель никогда не могъ выйти изъ положенія жалкаго пролетарія и въ погонѣ за кускомъ хлѣба убѣгалъ при первомъ удобномъ случаѣ. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не могъ отдаться своему дѣлу всей душою...

Направляюсь дальше. Мѣстность волнистая, изрѣдка прорѣзываемая неширокими ручьями и лужайками. Озимые и яровые хлѣба довольно хороши,—земля, повидимому, не плохая.

Показалось село Крупы,—растянулось вдоль большого помѣщичьяго пруда, спряталось въ лощинѣ, его и не видать. А за прудомъ, на возвышенности, гордо красуется богатая помѣщичья усадьба, съ парками, садами, полями, лугами, лѣсами, водяной мельницей и остатками средневѣковаго феодальнаго замка; раскинулась она вдоль и вширь, охватила половину горизонта и надменно глядитъ оттуда на обветшалыя деревенскія избы и неширокія мужицкія поля. А въ деревнѣ дѣйствительно тѣсновато,—вся она какъ-то съежилась, сползла къ самому пруду, кажись, вотъ-вотъ бросится въ воду... Но тутъ граница, не только переплыть, но и корову напоить недозволительно...

— Тѣсно!—жалуются крестьяне.—Хоть бы немного податься. Цѣлаго надѣла во всей деревнѣ ни у кого теперь не найдешь, мало половинчаковъ и третьяковъ,—всѣ такъ подѣлились, что у иного хлѣба и до Рождества не хватаетъ... Скотину держать не на чемъ, такъ какъ пастбища плохія, луговъ же и совсѣмъ нѣтъ, волей-неволей приходится итти къ помѣщику: заарендуешь у него, примѣрно, моргъ луга,—три копны сѣна ему и лишь четвертая твоя. И долженъ ему все это убрать и свезти, куда онъ прикажетъ... И не одно лишь сѣно,—возьмешь у него, когда нужно, и зерна, и муки, и сѣмянъ, а тутъ еще случайно коровка на панское поле забрела — надо, значитъ, платить штрафъ... Придетъ лѣто—и отрабатывай ему за все. Крѣпостное право!.. Зимою же какіе заработки? Десять или пятнадцать копеекъ въ день, да и на нихъ охотниковъ слишкомъ много!.. Подати между тѣмъ платить надо: поземельный налогъ дай, подымный дай, на канцелярію, на стойку, на школу, на стражниковъ—на все подавай, смотришь—десять, а то и двѣнадцать злотыхъ[1]) на моргъ наберется... А откуда взять все это, когда другой разъ и соли купить не на что?..

Всѣ говорятъ по-польски, но поляками себя не называютъ. «Мы русины»!.. «По-польску мувимъ отъ дзядувъ и прадзядувъ, но мы русске»... И говорятъ это вполнѣ сознательно, по убѣжденію. Отъ этихъ русиновъ ничего, положимъ, кромѣ одной религіи (всѣ почти православные), не осталось, но и этого слишкомъ много для здѣшняго околотка, такъ какъ во всемъ Красноставскомъ уѣздѣ и такихъ русскихъ почти совсѣмъ не осталось.

Жалуются на окрестныхъ католиковъ: окружили они деревню тѣснымъ кольцомъ и проходу на даютъ. «Погодите,—говорятъ,—скоро будетъ Польша, тогда мы съ вами поговоримъ иначе!..»

Про автономію Польши слышали, но имѣютъ о ней смутное представленіе; кто же понимаетъ—открещивается: «Довольно натерпѣлись мы отъ пановъ во время крѣпостного права!..» Проектомъ о выдѣленіи Холмщины заинтересованы мало, батюшка нѣсколько разъ собиралъ какія-то подписи, а для какой цѣли—не говорилъ, они, положимъ, и не спрашивали; и Богъ съ нимъ,—пусть себя собираетъ ихъ, сколько хочетъ, лишь бы за требы плату немного сбавилъ, а то имъ ужъ невмоготу становится. Относительно этой платы они прицѣнивались уже и у ксендзовъ, но тѣ, оказывается, берутъ еще больше... «И Богъ одинъ знаетъ ихъ, этихъ духовныхъ особъ! Жалованье получаютъ большое, земли много, а бѣдному человѣку безъ рубля и не подойти»..

Такія жалобы на чрезмѣрныя вымогательства духовенства приходится слышать повсемѣстно. Рѣдкій священникъ довольствуется тѣмъ, что ему предложатъ, напротивъ, каждый норовитъ содрать

---

[1]) Польскій «злотый» = 15 коп.; моргъ = ²/₃ десятины.

съ мужика гораздо больше того, что тотъ въ состояніи заплатить, не щадя при этомъ ни сироты, ни вдовицы. Похороны съ пѣніемъ и безъ пѣнія съ проводами или безъ нихъ, съ обѣдней, панихидой или простымъ окропленіемъ покойника на кладбищѣ—разновидности одной и той же обрядности—находятся въ тѣсной зависимости отъ того или иного гонорара: дашь много — проводятъ твоего покойника на тотъ свѣтъ въ полной, такъ сказать, аммуниціи, дашь мало—не прогнѣвайся... То же и съ бракомъ, крестинами, поминальными субботами, освященіемъ домовъ, полей и т. п.

Нерѣдко крестьяне жалуются также на дурное съ ними обращеніе. «Батюшка кричитъ, батюшка топаетъ ногами, бранится и сквернословитъ, батюшка невозможный сосѣдъ въ хозяйствѣ»— обычныя заявленія прихожанъ. И часто эти причины создаютъ непріятныя послѣдствія. «Мы ушли въ костелъ потому, что у насъ очень плохой священникъ»,—говорятъ многіе; такихъ же батюшекъ, которые пользуются любовью своихъ прихожанъ, — увы! очень немного...

Школа очень бѣдна: учителю 250 рублей жалованья и полморга огорода, народу—ограниченное число сухихъ учебниковъ; ни книжекъ или брошюръ для чтенія, ни газетки или журнала. То же и въ цѣлой дирекціи. Но и такихъ школъ очень мало: въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ, напримѣръ, одна школа приходится на 2214 человѣкъ населенія, въ Замостьскомъ—на 1898, въ Красноставскомъ—на 3354, въ Любартовскомъ—на 4168, въ Яновскомъ— на 5316 и т. д. Если же исключить отсюда церковно-приходскія школы, которыхъ въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ 28 на 26 министерскихъ, въ Замостьскомъ 33 на 42 министерскія, во всей же губерніи не меньше двухсотъ, то получатся еще болѣе плачевные результаты. Эти же школы можно исключить хотя бы потому, что, являясь чисто клерикальными учрежденіями, онѣ разжигаютъ лишь народныя страсти, большого же просвѣтительнаго значенія не имѣютъ и посѣщаются при томъ очень неохотно даже чисто русскимъ населеніемъ края, не говоря уже о полякахъ.

Кромѣ школъ, никакихъ другихъ умственныхъ и духовныхъ центровъ во всей Холмщинѣ до настоящаго времени совсѣмъ не было. И лишь въ послѣднее время мѣстная интеллигенція стала проявлять въ этомъ отношеніи нѣкоторую заботливость. Въ Холмѣ, напримѣръ, недавно организовалось «Народно-просвѣтительное общество», задавшееся цѣлью открывать въ краѣ для русскаго населенія разныя профессіональныя школы, издавать книги, брошюры и газеты, устраивать публичныя чтенія, содѣйствовать и руководить крестьянскими обществами въ дѣлѣ законнаго пріобрѣтенія ими земли, однимъ словомъ, такъ или иначе стремиться къ поднятію «національнаго, умственнаго, нравственнаго, обще-

ственно-политическаго и экономическаго развитія русскаго населенія Холмщины и Подляшья». Но это многообѣщающее общество, находящееся, надо замѣтить, подъ флагомъ Холмскаго церковнаго братства, пока ничего не дало народу, кромѣ еженедѣльной узко-клерикальной газетки «Братская Бесѣда». Эта газетка, при посредствѣ сельскаго духовенства, распространяется въ деревняхъ, но не пользуется симпатіями крестьянъ, такъ какъ совершенно игнорируетъ наиболѣе насущные вопросы момента. «Намъ даютъ такую газету, въ которой ничего нѣтъ», отзываются о ней грамотные крестьяне.

Въ Грубешовѣ кружкомъ прогрессивной интеллигенціи организовано украинское общество «Просвита», но, за недостаткомъ средствъ, оно пока ровно ничего не сдѣлало.

Соорганизовавшійся было съ просвѣтительной цѣлью кружокъ учителей уничтоженъ въ самомъ зародышѣ, причемъ многіе изъ лучшихъ учителей пострадали.

Если къ сказанному добавить еще, что въ настоящее время въ Холмщинѣ хоть малоуспѣшно, но очень энергично работаетъ союзъ русскаго народа, завербовавшій въ свой лагерь почти все духовенство края, то этимъ будетъ исчерпано все, что даетъ крестьянину интеллигенція.

Неудивительно послѣ этого, что русское населеніе Холмско-Подляшскаго края находится пока на самой низкой ступени развитія. Народъ сознаетъ свое тяжелое положеніе, понимаетъ также, что вокругъ него совершается что-то новое, необычайное, но оріентироваться въ окружающихъ явленіяхъ не можетъ. Думой интересуется мало, такъ какъ ничего о ней не знаетъ, кромѣ развѣ неодобрительныхъ отзывовъ духовенства. Слышалъ, правда, что она хочетъ дать ему землицы, но къ слухамъ этимъ относится скептически. «Дозволятъ ли министры?»—вотъ та грозная скала, о которую разбиваются его розовыя надежды... «Дозволятъ ли министры?..» Думу онъ невольно смѣшиваетъ съ извѣстнымъ ему институтомъ мѣстнаго самоуправленія, гминнымъ сходомъ, на которомъ обыкновенно дѣло рѣшается такъ, какъ захочетъ начальникъ уѣзда, комиссаръ или представитель земской стражи, причемъ наиболѣе упорные оппоненты начальства попадаютъ еще въ холодную...

«Министры не дозволяютъ»... Крестьянинъ прекрасно понимаетъ это и мирится съ такой печальной неизбѣжностью, мирится потому, что пока никто не говорилъ еще ему о такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ самовластныхъ министровъ, гдѣ нѣтъ грознаго начальства. У него нѣтъ земли, нѣтъ заработковъ, половина дѣтей его умираетъ отъ плохого питанія, самъ онъ тоже еле живъ отъ усиленныхъ работъ и хроническихъ недостатковъ; тысячами уѣзжаетъ онъ въ Сибирь искать себѣ земли, когда и здѣсь ея очень много;

тысячами уѣзжаетъ онъ въ Америку на заработки, когда и тутъ уголъ не початый... И онъ со всѣмъ этимъ мирится, терпитъ и молчитъ...

Но въ этомъ удивительномъ молчаніи нѣтъ уже и тѣни прежней безсознательной покорности окружающимъ обстоятельствамъ. Кто зналъ деревню десять лѣтъ назадъ—теперь ее не узнаетъ: деревня стала думать. Событія послѣднихъ дней пробудили ее отъ многовѣковой спячки, встряхнули до основанія—и она стала думать... Остановишь самаго захудалаго мужика, обмолвишься двумя-тремя словами и сразу поймешь, что онъ занятъ глубокой думой; проѣзжаешь черезъ самыя глухія деревушки и нигдѣ не видишь спящихъ,—всѣ бодрствуютъ и думу думаютъ... И въ этой напряженной сосредоточенности кроется что-то знаменательное, пожалуй, даже зловѣщее... «Гдѣ правда»? спрашиваютъ одни. «Что намъ дѣлать»? спрашиваютъ другіе. «У насъ были сицилисты—говорятъ намъ одно, были народовцы — говорятъ другое, батюшка проклинаетъ и тѣхъ и другихъ и проповѣдуетъ свое... Гдѣ же правда, что намъ дѣлать?..» И всѣ настоятельно требуютъ отвѣта, прислушиваются къ каждому слову.

Народъ еще теменъ, онъ представляетъ пока сырой матеріалъ, требующій большой обработки, но съ этимъ матеріаломъ надо, однако, умѣло обращаться, надо знать его. Сегодня, хоть не твердо, властвуетъ надъ деревней священникъ, а къ кому перейдетъ она завтра—неизвѣстно...

Въ Крупахъ, въ помѣщичьей усадьбѣ, находятся развалины древняго феодальнаго замка, принадлежавшаго когда-то богатымъ магнатамъ Крупамъ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Крупа, по преданію, былъ ревностнымъ защитникомъ православія и долго не хотѣлъ признавать надъ собою власти короля католика Ягелло. Но въ концѣ концовъ долженъ былъ сдаться, и замокъ былъ разрушенъ. Отстроенный затѣмъ въ XVI вѣкѣ, онъ вновь былъ разрушенъ шведами и съ той поры превратился въ руины. Теперь отъ него остались однѣ стѣны, построенныя частью изъ кирпича, частью же изъ мѣстнаго бѣлаго камня «опока». Когда-то, повидимому, здѣсь была довольно сильная крѣпость,—объ этомъ свидѣтельствуютъ грозныя башни съ бойницами, глубокіе рвы, колодцы, погреба и подземные ходы, идущіе, говорятъ, до самаго Красностава.

III.

Верстахъ въ семи отъ Крупъ, при рѣкѣ Вепрѣ, расположенъ небольшой уѣздный городъ Красноставъ съ населеніемъ около четырехъ тысячъ. Древнее русское селеніе Щекаревъ переименовано поляками въ городъ Красноставъ, который, благодаря долго-

временному пребыванію въ немъ католическаго епископа, очень рано ополячился. Не обходилась, конечно, эта миссія безъ насилій съ одной стороны и протеста съ другой. Когда въ 1620 году холмскій уніатскій епископъ Аѳанасій Пакоста пріѣхалъ туда для совершенія богослуженія въ церкви св. Троицы, которая тогда была еще православной, то встрѣтилъ серьезное сопротивленіе. Возмущенный народъ собрался со всѣхъ концовъ города и заперъ церковь; на требованіе же Пакосты отдать ему ключи отвѣтилъ проклятіями, не желая признавать уніата своимъ епископомъ; прибывшіе съ нимъ уніатскіе священники были народомъ обратно вывезены изъ города. За такой открытый протестъ нѣсколько виновныхъ мѣщанъ города Красностава люблинскимъ трибуналомъ были приговорены къ смертной казни. И протестъ не помогъ: въ 1632 году православныя красноставскія церкви, — ихъ было тамъ двѣ,—насильно обращены въ уніатскія. Теперь въ Красноставѣ православныхъ почти совсѣмъ нѣтъ, исключая развѣ солдатъ и чиновниковъ. Въ городѣ имѣется нѣсколько народныхъ школъ, изъ нихъ одна русская. Другихъ учебныхъ заведеній нѣтъ. Для уѣзднаго города немножко маловато.

Отъ Красностава до Замостья у меня былъ очень любознательный и интересный собесѣдникъ въ лицѣ моего возницы изъ мѣстныхъ крестьянъ-католиковъ. Это былъ не простой мужикъ-замарашка, а въ нѣкоторомъ родѣ интеллигентъ, такъ какъ, не прерывая связи съ деревней, кое-гдѣ бывалъ, кое-что слышалъ. Онъ долго мялся на своихъ козлахъ, не рѣшаясь вступить со мной въ разговоръ, но въ концѣ концовъ натура взяла таки-свое.

— Вы, я вижу, человѣкъ бывалый и знающій,—началъ онъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ.—Много, видно, читали и слышали,— не то, что мы, темные мужики. Скажите же мнѣ, чѣмъ все это кончится?

— О чемъ это вы говорите?—спросилъ я въ отвѣтъ.

— Да о томъ, что теперь вотъ происходитъ.

При этомъ онъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, стараясь, повидимому, узнать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Не каждому можно сказать то, что думаешь... Разный народъ бываетъ... Я хотѣлъ вотъ поговорить съ вами... Бѣда вѣдь кругомъ какая!..

Слово за словомъ—и полилась непринужденная мужицкая рѣчь; все, что наболѣло въ душѣ и лежало тамъ тяжелымъ бременемъ, выливалось теперь оттуда пламеннымъ потокомъ...

— Бѣда, большая бѣда!.. А мужику хуже всего,.. Взять хотя бы меня. Насъ три брата и двѣ сестры, я самый старшій. Земли у насъ десять морговъ,—дѣлиться по закону нельзя, да и нечѣмъ.

А между тѣмъ каждый требуетъ свою часть. Сестеръ выдалъ замужъ,—каждой устроилъ свадьбу и далъ по коровѣ и по сто рублей сплатки; теперь долженъ сплатить и братьямъ, по двѣсти рублей хотятъ. Откуда же, спрашивается, возьму я такія деньги? На сестеръ одолжилъ, а для братьевъ, выходитъ, долженъ продать землю. Обносился съ платьемъ, каждую свинку, курицу и овечку везешь на базаръ, продаешь и зерно; но этого хватаетъ только на подати да на проценты... Какой же я послѣ этого хозяинъ?.. И ихъ на ноги не поставлю... Зерно долженъ продавать, а самъ по три дня сижу безъ хлѣба. Заработаешь нѣсколько копеекъ—купишь пару фунтовъ, а не заработаешь—картофель ѣшь, если Господь уродитъ... Лѣтомъ, слава Богу, не бѣда: есть крапива, щавель, лебеда—сваришь, забѣлишь молокомъ и похлебаешь... А зимою-то!.. Про мясо же и говорить нечего: на Пасху только пробуемъ... Такъ и всѣ... Каждая почти хата ежегодно даетъ краю хоть одного безземельнаго. И что они должны дѣлать? Идутъ къ помѣщику: «не угодно ли, говоритъ, 20—25 копеекъ?» А зимою и того меньше... И не удивительно,—рабочихъ рукъ очень много... Въ Америку бѣгутъ, въ Сибирь ѣдутъ; а какъ тамъ имъ живется, Господь одинъ знаетъ...

— Вы знаете,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.— Вы замѣчаете, что деревня совсѣмъ пѣть перестала... Соберется, бывало, молодежь на вечеринки,—поютъ, играютъ, веселятся... А теперь этого совсѣмъ нѣтъ, не видно даже, чтобы кто-нибудь и посмѣялся вволю... Всѣ стали какіе-то задумчивые, серьезные, какъ будто передъ смертью... И дѣти даже играть перестали... И такъ вообще испортился народъ: про воровство, бывало, никто и не слыхалъ, конокрадъ развѣ иногда безпокоилъ, а теперь, не стану грѣха таить, въ каждой деревнѣ жулья разнаго много расплодилось... Крадутъ, грабятъ, убиваютъ... Городъ сильно людей портитъ, да и жить тяжело стало...

— Что же слышно про Думу?—спросилъ онъ съ особеннымъ интересомъ.—Говорятъ, наши требуютъ автономіи. У, сволочи! Знаютъ, чего имъ надо... Паны вѣдь все!.. Что мнѣ съ твоей автономіей, когда у меня земли нѣтъ?.. Нѣтъ, ты раньше отрѣжь мнѣ земли, чтобы я могъ начхать тебѣ на голову, а не кланяться въ ноги за каждый гарнецъ ржи, за каждый сучокъ дровъ, за каждый клокъ сѣна... Говорилъ я не разъ своимъ: выбирайте мужика, посылайте въ думу простого мужика! Такъ что жъ подѣлаете съ дурачьемъ? Послали ксенжульковъ да панульковъ... А этотъ ксенжулько съ мужика готовъ послѣднюю шкуру содрать за каждую требу... А этотъ панулько сдираетъ ее съ насъ ежедневно... «Польскіе крестьяне, говорятъ, по три, по четыре рубля въ день зарабатываютъ»... А чтобъ тебѣ счастья не было, что врешь такъ нахально... «Мы, говоритъ, о землѣ сами поговоримъ

съ мужиками»... Знаемъ мы, какъ ты съ нами тогда заговоришь... Посмотрите, господинъ, на эти поля да на лѣса,—всѣ они панскіе... А попробуйте купить ихъ,—я не говорю уже—даромъ взять, а купить...—ни одного морга не продастъ: земля хорошая и потому каждый держится, другъ за друга ручается, а имѣнія мужикамъ никогда не продастъ... Вотъ и поговори съ нимъ... Нѣтъ, надо было послать мужика, только онъ можетъ всю правду разсказать... Да и ваши тоже хороши!.. «Владыка, владыка!..» Я съ владыкой не дралъ лыка—и дѣло ясно... Не сердитесь, господинъ, что я такъ сказалъ,—я полякъ—это правда, но не вѣрю ни въ польскаго Бога, ни въ русскаго, а вѣрю въ того, что на небѣ... И люди ваши и наши для меня одинаково дороги...

Подъ Замостьемъ начинаются имѣнія ординаціи графа Замойскаго. Ординація обнимаетъ почти пять уѣздовъ и заключаетъ въ себѣ, говорятъ, до трехсотъ имѣній и фольварковъ; это только въ Россіи, а есть еще его владѣнія и за границей. Цѣлое удѣльное княжество!..

Крестьянамъ при ординаціи живется, говорятъ, хуже, чѣмъ при другихъ имѣніяхъ. При надѣленіи землею имъ не дали ни лѣсу, ни сносныхъ пастбищъ; вмѣсто этого отпускается ежегодно извѣстное число возовъ дровъ изъ графскаго лѣса и опредѣленное количество строевого матеріала, а для пастьбы отведены извѣстные участки пустырей. Это называется здѣсь сервитутомъ. Но эта панская милость крестьянъ ничуть не облагодѣтельствовала; напротивъ, сервитутный вопросъ служитъ предметомъ вѣчныхъ недоразумѣній между помѣщикомъ и крестьянами, при чемъ беззащитный мужикъ всегда является страдательнымъ элементомъ. Крестьянину, напримѣръ, нужно бревно для починки дома или сарая, а ему отпускаютъ корявую жердь,—ничего не подѣлаешь, долженъ покупать на наличныя; ему полагается извѣстное число возовъ топлива,—изволь, поѣзжай иногда верстъ за пятнадцать-двадцать и получай, но можешь брать только то, что лежитъ на землѣ, рубить нельзя. Ходитъ мужикъ по лѣсу, ищетъ, но тамъ и щепочки нѣтъ, все давно собрано. Вынимаетъ онъ изъ-за пазухи топоръ и начинаетъ рубить сухостой, набралъ возъ и ѣдетъ. Но на опушкѣ лѣса его встрѣчаетъ стража—никогда не пропуститъ. «Стой! Съ топоромъ вѣдь нельзя». Начинается слѣдствіе и судъ—и въ результатѣ этотъ невольный преступникъ платитъ иногда больше штрафу, чѣмъ стоитъ его возъ вмѣстѣ съ лошаденкою. Иногда на всю деревню начисляется такихъ штрафовъ до двухъ тысячъ, отдѣльныя же лица платятъ сто рублей и больше. И взыскиваются эти штрафы съ неумолимой аккуратностью. Налогъ приличный!

То же и съ пастбищемъ. Отпущенъ, напримѣръ, для пастьбы крестьянскаго скота извѣстный участокъ помѣщичьей земли; вдругъ помѣщикъ почему-либо переставилъ межевые знаки и не пускаетъ туда крестьянскій скотъ. Начинается дѣло, но пока судъ да расправа, крестьянинъ находится въ безвыходномъ положеніи. Да и на судъ надежды плохи. Для защиты крестьянскихъ интересовъ въ Привислинскомъ краѣ введенъ институтъ комиссаровъ; но защитникомъ крестьянина онъ считается только на бумагѣ, въ дѣйствительности же «комысаръ стоить за пана»... Когда отправляется онъ въ деревню для разбора извѣстнаго дѣла, то «до мужыка не заиде, а йде просто до пана, въ его исць, пье, ночуе»... Идетъ къ нему мужикъ съ самаго утра, стучится... Выходитъ панъ: «Чего хцешь?»—«До комысара прышовъ...»—«Онъ еще спи!»... Постоишъ, почыкаешъ и знову стукаешъ... «Комысаръ, кажуть, чай пье»; постукаешъ ще разъ—комысаръ обидае, потомъ спыть, цы въ карты грае.,. Простоишъ такъ цилы день, почухаешъ голову и йдешъ до дому...»

Наѣвшись же и напившись вволю, наигравшись въ карты и поохотившись съ панами, комиссаръ на этотъ разъ уже серьезно сзываетъ мужиковъ,—подъ диктовку пана дѣлаетъ допросъ, подъ диктовку его пишетъ постановленіе и опять уѣзжаетъ... Почешетъ мужикъ въ затылкѣ—и дѣлу конецъ...

Взамѣнъ сервитута въ свое время помѣщики предлагали крестьянамъ по 5—6 морговъ лѣса и пастбищъ. Многіе пошли на такую сдѣлку и теперь жалѣютъ, другіе же требовали больше, но теперь имъ и этого не даютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на предназначенныхъ къ отдачѣ крестьянамъ участкахъ помѣщики уже истребили лѣсъ, у кого же онъ уцѣлѣлъ, тотъ теперь спѣшно его вырубаетъ. Предусмотрительный народъ!..

Во всей почти Люблинской губерніи крестьяне перестали носить платье домашняго производства,—вмѣсто суконныхъ «сукмановъ», «спанцеровъ», барашковыхъ шапокъ теперь появились фабричные «кабаты», шапки съ козырьками и т. п. Мужикъ постепенно сталъ превращаться въ ту «сыню латку», надъ которой прежде издѣвался. Такая перемѣна объясняется, отчасти, вліяніемъ польской культуры, но главная причина ея заключается въ томъ, что, за недостаткомъ пастбищъ, крестьяне совсѣмъ перестали держать овецъ; по той же причинѣ они и всякаго вообще скота очень мало держатъ.

Православное населеніе жалуется на помѣщиковъ вообще и на ординацію въ особенности еще и за то, что, наравнѣ съ ксендзами, они служатъ разсадниками католицизма. Въ обширныхъ помѣстьяхъ ординаціи служащихъ много. До апрѣльскаго манифеста и православные и католики пользовались одинаковыми правами; послѣ же

манифеста православнымъ предложено было либо принять католичество, либо оставить службу. Нѣкоторые не приняли такихъ постыдныхъ условій и оставили свои насиженныя мѣста, большинство же служащихъ, въ силу необходимости, должны были согласиться. Такъ или иначе, но ни въ ординаціи, ни въ другихъ имѣніяхъ Холмщины православныхъ служащихъ теперь совсѣмъ почти нѣтъ.

Показался уѣздный городъ Замостье, дѣтище великаго гетмана Польши Яна Замойскаго. Въ противовѣсъ іезуитамъ, наводнившимъ своими коллегіями всю Польшу, этотъ просвѣщенный гетманъ открылъ здѣсь въ 1593 году образцовую академію, далъ ей заграничныхъ профессоровъ и снабжалъ ее затѣмъ достаточными средствами. Такимъ образомъ, въ свое время этотъ городъ служилъ разсадникомъ просвѣщенія въ цѣломъ краѣ. Нынѣшнее же назначеніе его видно по физіономіи. Еще далеко за городомъ начинаются огромныя казармы, склады и прочія принадлежности чисто военнаго поселка. До самаго послѣдняго времени здѣсь была первоклассная крѣпость; теперь она упразднена, но городъ не утратилъ все-таки своей военной физіономіи. Здѣсь, между прочимъ, на здорово живешь я впервые испыталъ на себѣ всю прелесть современнаго положенія. Пріѣхавъ въ Замостье, я отправился прежде всего въ старинную Николаевскую церковь, одну изъ достопримѣчательностей этого города. Былъ праздничный день, въ церкви было много молящихся. На меня, какъ на свѣжее лицо, повидимому, тотчасъ же обратили вниманіе. Послѣ обѣдни на паперти меня остановили городскіе стражники и, несмотря на мои документы, удостовѣряющіе мою личность и цѣль путешествія, обыскали при народѣ по всѣмъ правиламъ современнаго искусства. Кромѣ записной книжки да дорожнаго фотографическаго аппарата, ничего у меня, конечно, не нашли, но это не помѣшало имъ, однако, отвести меня подъ конвоемъ въ полицейское управленіе. Тамъ меня обыскали вторично, пересмотрѣли малѣйшія записки, вскрыли и прочитали имѣвшіяся у меня рекомендательныя письма къ разнымъ лицамъ, открыли аппаратъ и подвергли самому грубому допросу. Невѣжественные стражники въ данномъ дѣлѣ представляютъ собою власть и потому церемониться съ кѣмъ бы то ни было не привыкли. Я не знаю, что они со мною сдѣлали бы дальше, если бы случайно не зашелъ туда одинъ изъ служащихъ. Я упросилъ его доложить обо мнѣ начальству, и меня тотчасъ же освободили, продержавъ, однако, до этого не меньше трехъ часовъ...

Объ этомъ фактѣ я могъ бы совершенно умолчать, но мнѣ пришлось бы тогда обойти молчаніемъ самую, можно сказать, яркую страничку изъ жизни провинціи. Пользуясь властью, страж-

ники учинили надо мною извѣстное насиліе; къ другому, конечно, они отнесутся еще построже, а подвернется мужикъ—его и подзатыльниками наградятъ... А зачѣмъ все это? Неспокойно у насъ—это правда, но такія мѣры при всемъ томъ едва ли можно назвать цѣлесообразными: онѣ могутъ терроризовать населеніе, могутъ зародить въ немъ недобрыя чувства, но изгнать ими крамольный духъ такъ же невозможно, какъ невозможно палкой накормить голоднаго...

Населеніе терроризовано слѣва и справа. Но терроръ слѣва ему не страшенъ, ибо мужички, въ случаѣ надобности, умѣютъ посвоему расправиться со всякимъ неблагоразумнымъ «сицилистомъ», отъ террора же справа у нихъ нѣтъ спасенія... Въ деревнѣ, наравнѣ съ духовенствомъ, властвуетъ стражникъ, налагая на все живое и мертвое свою тяжелую руку. Не такъ еще давно, живя въ деревнѣ, я не разъ присутствовалъ на хороводахъ и «вечорницахъ», наслаждаясь задушевной молодіей малорусской пѣсни, радуясь за непринужденное веселье молодежи... Теперь ничего этого нѣтъ. «Почему вы не собираетесь?—спрашиваю въ каждой деревнѣ — Почему не поете?» — «Нельзя! — отвѣчаютъ повсюду:— стражникъ не позволяетъ»... И пѣсня и обычаи народа скованы цѣпями; въ деревнѣ стало тихо, какъ въ мертвомъ царствѣ... Говорите послѣ этого о національномъ самосознаніи!..

Населеніе напугано. Куда ни зайдешь, съ кѣмъ ни заговоришь, каждый отдѣлывается незначительными фразами. «Кто ты?—читаешь на лицѣ каждаго собесѣдника.—Скажи мнѣ, кто ты, дабы зналъ я, какъ говорить съ тобою?..» Даже старые знакомые и товарищи—и тѣ проявляютъ нѣкоторое недовѣріе. «Кто ты теперь?—читаешь на лицѣ тотъ же молчаливый вопросъ. — Каковы твои цѣли?..» И какое тягостное чувство испытываешь въ обществѣ, чувствуя, что всѣ тебя стѣсняются, всѣ тебя боятся! И какъ замѣтно оживляется бесѣда, когда тебѣ наконецъ довѣрятся!..

Петръ Кореневскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОКОЛО ЯПОНЦЕВЪ.

(Изъ дневника плѣннаго офицера).

Въ мои руки попалъ дневникъ русскаго офицера, раненаго подъ Мукденомъ и тогда же (26 февраля 1905 г.) попавшаго въ плѣнъ, гдѣ ему пришлось прожить болѣе 10 мѣсяцевъ (до января 1906 г.). Авторъ дневника—боевой оберъ-офицеръ, сдѣлавшій оба китайскихъ похода, и второй—въ отвѣтственной роли ротнаго командира, человѣкъ серьезный и наблюдательный. Его дневникъ представляетъ значительный интересъ, выдѣляясь изъ другихъ записокъ о плѣнѣ, появившихся въ печати, какъ серьезностью тона и содержанія, такъ и бьющею въ глаза правдивостью. Дневникъ писался постепенно въ Японіи, изо дня въ день, въ теченіе 10 мѣсяцевъ, писался отъ нечего дѣлать, при массѣ свободнаго и ничѣмъ почти не заполненнаго времени. Авторъ писалъ для себя и своей семьи, никогда не разсчитывая, чтобы дневникъ могъ появиться въ печати. И ко мнѣ онъ попалъ только по родству съ авторомъ, убѣдить котораго въ возможности напечатанія его дневника стоило нѣкоторыхъ усилій. Смущало его особенно то обстоятельство, что въ печати уже появилось немало всякаго рода воспоминаній о японскомъ плѣнѣ, изложенныхъ въ болѣе изящной формѣ (даже въ чисто беллетристической), чѣмъ сухія подневныя записи скромнаго домашняго дневника, не предназначавшагося для большой публики.

Дѣйствительно, форма дневника неудобна для печати, и я совершенно отбросилъ ее, излагая содержаніе дневника въ своей передачѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ удерживая подлинныя выраже-

нія автора (въ кавычкахъ). Вначалѣ идетъ послѣдовательный разсказъ, близкій къ подлиннику, но дальше я группирую матеріалъ по предметамъ, собирая однородныя данныя со многихъ страницъ дневника. Полагаю, что въ такомъ изложеніи содержаніе дневника представитъ большій интересъ для читателей.

Во всякомъ случаѣ, предлагаемыя извлеченія изъ дневника плѣннаго офицера представляютъ цѣнныя дополненія и поправки къ тому, что уже извѣстно о плѣнѣ по воспоминаніямъ другихъ лицъ. Многія стороны плѣна получаютъ совершенно новое освѣщеніе, благодаря сухимъ, но трезвымъ и правдивымъ указаніямъ нашего автора, записаннымъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, а не спустя много времени, по сбивчивымъ и туманнымъ воспоминаніямъ ненадежной человѣческой памяти.

Цѣнны въ дневникѣ факты, рисующіе отношенія къ побѣжденнымъ нашихъ счастливыхъ противниковъ. Всякимъ баснямъ о высокой якобы культурности японцевъ нашъ скромный авторъ наноситъ немалый изъянъ... Онъ не отвергаетъ внѣшней, чисто матеріальной культурности японцевъ, но отъ нея черезчуръ еще далеко до той подлинной «европейской культуры», къ каковой облыжно причисляютъ себя сами японцы и ихъ ослѣпленные поклонники. Въ сущности первые остались тѣми же дикарями, какими всегда были, но съ нѣкоторымъ культурнымъ налетомъ, весьма неглубокимъ даже и болѣе интеллигентныхъ представителей этой азіатской націи. Дикость японцевъ всего рельефнѣе сказалась именно въ ихъ возмутительныхъ отношеніяхъ къ нашимъ плѣннымъ, какихъ русскіе люди не запомнятъ чуть ли не со временъ монгольскаго ига...

Не менѣе цѣнны данныя дневника для характеристики русскаго офицерства—именно того рядового офицерства, которое «дѣлаетъ войну». О «пушечномъ мясѣ» указаній мало, такъ какъ въ Японіи офицера помѣщались отдѣльно и не соприкасаясь съ солдатами. Но объ офицерахъ—матеріалъ богатѣйшій и очень цѣнный, какъ высоко правдивый, ничѣмъ не прикрашенный и оттого производящій болѣе сильное впечатлѣніе.

И когда читаешь чуть ли не на каждой страницѣ дневника о крайней разрозненности офицерскаго состава, чисто по-славянски не сумѣвшаго слиться въ дружную семью даже въ одинаково для всѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ плѣна, тогда начинаешь прозрѣвать насчетъ истинныхъ причинъ нашихъ неудачъ на войнѣ... И невольно думается, что съ такимъ «боевымъ составомъ» не могли бы имѣть успѣха въ японской войнѣ не то что «бездарные ученики» великихъ стратеговъ, но и эти послѣдніе—ни Скобелевъ, ни Кутузовъ, ни самъ Суворовъ!..

Съ изумленіемъ слѣдишь по дневнику, какъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ бездѣльничали офицеры, не умѣя устроиться по-человѣ-

чески, не находя, чѣмъ бы занять себя въ своей вынужденной праздности... Естественно, что они убивали свое время пьянствомъ, картами, ссорами, скандалами до дракъ включительно, причемъ пальма первенства принадлежала пресловутымъ «заурядамъ»... Конечно, бывали исключенія въ хорошую сторону, но ихъ было такъ ужасно мало!..

Любопытны указанія автора на острую рознь между армейскимъ офицерствомъ и моряками, какъ и между «сѣверянами» (Манчжурской арміи) и «артурцами». Послѣдніе, какъ и моряки, считали себя какъ бы вылѣпленными изъ особаго тѣста (моряки даже послѣ Цусимы-то!..), но въ японскихъ тискахъ эта фикція быстро разсѣялась, и всѣ аристократы сравнялись по жизни съ плебеями, хотя на словахъ продолжали носиться съ своей фикціей...

Много и другихъ любопытныхъ указаній найдемъ въ предлагаемыхъ извлеченіяхъ изъ дневника, напримѣръ, о розни поляковъ и русскихъ, о революціонной пропагандѣ японцевъ среди плѣнныхъ и проч. **О—нъ.**

I.

Первые дни плѣна.

Послѣдніе выстрѣлы замолкли. Жалкіе остатки разбитаго полка, представлявшаго теперь безпорядочную кучу человѣческаго стада, окруженнаго со всѣхъ сторонъ стройными, дисциплинированными массами японцевъ, не могли болѣе думать о сопротивленіи. Люди болѣе сутокъ не ѣли и не спали, бродя всю ночь, сами не зная, куда идутъ, но подгоняемые послѣдней призрачной надеждой уйти отъ японцевъ и соединиться съ русской арміей, бѣжавшей изъ-подъ Мукдена. Но полкъ, къ которому примкнули остатки другихъ разрозненныхъ частей, шелъ куда глаза глядятъ, никѣмъ не руководимый, и не могъ спастись отъ японцевъ.

Начальникъ отряда—офицеръ генеральнаго штаба—бросилъ свой отрядъ, когда стала выясняться безвыходность его положенія, и удралъ съ поля битвы, спасая свою драгоцѣнную для отечества особу, хотя именно самъ онъ и былъ виноватъ, что поставилъ отрядъ въ отчаянное положеніе и направилъ его прямо въ руки японцевъ... Полковой командиръ совершенно растерялся и не могъ руководить разстроеннымъ полкомъ, но онъ по крайней мѣрѣ искупилъ свой грѣхъ кровью—былъ убитъ на мѣстѣ послѣдняго боя своего полка съ японцами. Другіе старшіе офицера также растерялись и бездѣйствовали, да и не имѣли уже власти надъ этою безпорядочною толпою людей, измученныхъ до крайней степени, растерзанныхъ физически и нравственно.

Всѣ думали только о томъ, чтобы скорѣе наступилъ какой-нибудь конецъ—все равно какой—ихъ мукамъ, длившимся такъ

долго. И конецъ наступилъ... Кто-то догадался выкинуть бѣлый флагъ, люди побросали оружіе. Выстрѣлы умолкли. Японцы окружили русскихъ и сбили ихъ въ одну кучу, выдѣливши офицеровъ отдѣльно.

Тяжело раненыхъ куда-то унесли, а легко раненымъ (въ томъ числѣ и автору дневника, раненому пулей въ лѣвую руку) сдѣлали перевязку тутъ же, на мѣстѣ боя.

Два часа отдыхали здѣсь русскіе, но какой это былъ «отдыхъ»!.. Вновь переживались весь ужасъ и позоръ послѣдняго бѣгства полка, приведшаго не къ спасенію, а къ новому позору—сдачѣ въ плѣнъ. Ужасы послѣдняго еще не чувствовались, но уже чуялось впереди что-то недоброе и болѣе позорное, чѣмъ все, только что пережитое...

Офицеры лежали молча, угрюмые, сосредоточенные. Ни о чемъ не хотѣлось говорить, даже избѣгали глядѣть другъ на друга. Всѣмъ было совѣстно, больно до слезъ и безконечно чего-то жаль, что было потеряно съ перваго же момента плѣна. Прощай первое благо человѣка—свобода!.. Какъ ни хотѣлось вѣрить въ ходячіе толки о гуманности новоявленныхъ «европейцевъ Дальняго Востока», но многіе факты, извѣстные арміи и отчасти проникшіе уже въ печать, сильно подрывали эти толки, обнажая подъ маскою европейца настоящаго варвара-азіата.

И дѣйствительно, эта маска стала спадать съ первыхъ же моментовъ знакомства нашихъ плѣнныхъ съ японцами. Люди были страшно голодны, ничего не ѣвши болѣе сутокъ, но никто не подумалъ о томъ, чтобы накормить ихъ. Впрочемъ, офицеровъ угостили... коньякомъ!.. Понятно, всѣ сразу охмѣлѣли, выпивши коньякъ на голодные желудки. Нѣкоторые же офицера, изрядно выпившіе, дебютировали предъ японцами въ роли совершенно пьяныхъ, подтверждая вѣрность старорусскому девизу, что «Руси веселіе есть пити» всегда и вездѣ, даже на позорныхъ мукденскихъ поляхъ.

Черезъ 2 часа здоровыхъ плѣнныхъ куда-то увели, а раненыхъ проводили въ полевой госпиталь, т. е. въ большую палатку, очень холодную (былъ конецъ февраля) и безъ всякой обстановки. На землѣ была постлана солома, прикрытая одѣялами. Раненыхъ переписали, сдѣлали вторичныя перевязки и стали кормить. Каждому дали по 2 пачкѣ галетъ (по 4 штуки въ каждой) и консервированнаго молока, разведеннаго въ горячей водѣ. «Это былъ нашъ обѣдъ и ужинъ!»—горько замѣчаетъ авторъ дневника. Каково это было русскому желудку, да еще изголодавшемуся вдоволь!..

Въ сосѣднихъ палаткахъ, биткомъ набитыхъ нашими ранеными солдатами, раздавались крики и стоны тяжело раненыхъ, которымъ еще не успѣли сдѣлать перевязки. Многіе такъ и не дождались ихъ, и умерли отъ страшной потери крови...

Съ раненыхъ и умирающихъ японцы стаскивали сапоги и валенки, давая взамѣнъ свои дырявые опорки... Японскіе доктора не могли этого не видѣть и—ноль вниманія...

Какъ солдаты, такъ и офицеры пролежали всю ночь не раздѣваясь. Холодъ былъ страшный. Караульные развели костеръ въ палаткѣ и грѣлись около него. Но раненымъ было отъ того не теплѣе, а дымъ ѣлъ глаза и мѣшалъ спать.

Къ вечеру слѣдующаго дня легко раненыхъ вывели изъ госпиталя и посадили на ручныя телѣжки, которыя везли китайскіе кули. Обращались они съ ранеными отвратительно, стараясь пограбить все, что возможно. Авторъ такъ описываетъ «осадное положеніе» отъ кули на протяженіи 25 верстъ:

«Я былъ въ легкихъ сапогахъ и калошахъ, а эти предметы были для кули большой приманкой. Чуть отведешь глаза въ сторону, какъ чувствуешь, что тебя уже тянутъ за ногу. Повернешься къ нему, а онъ со сладкой улыбкой объясняетъ, что ему нравятся мои сапоги и проситъ обмѣнить ихъ на его опорки. Ногу выдернешь изъ его рукъ, тогда онъ съ угрозами пристаетъ съ своими требованіями. Но я остаюсь непреклоннымъ и думаю: будь что будетъ!.. Отъ сапогъ кули переходитъ къ погонамъ, которые очень ихъ прельщали, вѣроятно, считались дорогими. Отъ погонъ тянется къ карману, пробуетъ запустить туда руку. Съ досады не выдержишь и оттолкнешь его отъ себя, ожидая. что сейчасъ полѣзетъ въ драку. Но онъ только осклабится, какъ звѣрь, выругается по-своему и отойдетъ прочь...»

Дорогою встрѣтили пѣшую партію плѣнныхъ офицеровъ. Авторъ восклицаетъ: «Боже! что за жалкій видъ былъ у нихъ!..»

Въ темнотѣ добрались до этапа «Краснаго Креста», разсчитывая тутъ хорошенько отдохнуть. Увы! Это была холодная китайская фанза съ разбитыми стеклами. Чаю хотѣлось до зарѣзу. Раздобыли какую-то посудину, вскипятили воду, нашелся и чай у офицеровъ, но сахару не было. Пришлось просить его у солдатъ, и они подѣлились своимъ запасомъ.

Позже, въ подобныхъ случаяхъ, «совѣстно стало одолжаться у солдатъ, видя ихъ дурное отношеніе къ намъ, офицерамъ... Конечно, теперь нечего было и спрашивать воинскаго чинопочитанія. Но у солдатъ не было даже простого человѣческаго вниманія людей здоровыхъ къ раненымъ. На остановкахъ здоровые солдаты первымъ дѣломъ старались занять для себя лучшія мѣста и поскорѣе напиться чаю, а ужъ потомъ Христа ради иной дастъ и офицеру... Иногда встрѣчались и вполнѣ хорошіе, добрые, внимательные къ намъ солдаты, но всякая мразь старалась сбить ихъ съ толку и отвратить отъ насъ...»

Черезъ часъ дали плѣннымъ по пачкѣ галетъ и по грязному, скомканному куску варенаго риса. Не хотѣлось дотрогиваться до этой ѣды, но голодный желудокъ принудилъ...

Докторовъ на этапѣ не было, и раненые остались безъ перевязокъ... Спасибо еще, что дали по 2 одѣяла, а то передрогли бы. Несмотря на страшный холодъ въ фанзѣ, миріады «легкой кавалеріи» атаковали спящихъ: «наши тѣла горѣли какъ въ огнѣ...»

«Больно было видѣть японскаго часового съ нашимъ ружьемъ... Мысли, какъ ураганъ, неслись въ головѣ, одна мрачнѣе другой. Сердце отъ нихъ леденѣло... Ночью то одинъ, то другой изъ насъ вскакивалъ съ какими-то дикими, непонятными криками и долго съ недоумѣніемъ озирался, пока не приходилъ въ сознаніе и не давалъ себѣ отчета—гдѣ мы и что съ нами?!.. Часто слышались невольно вырывавшіеся вопли: за что? за что?!.. Вообще настроеніе было настолько тяжелое, что я готовъ былъ покончить съ собою... Но мысли о семьѣ удерживали меня...»

Наступилъ день, ясный, солнечный, такой радостный, но и онъ не могъ разогнать мрачное настроеніе плѣнныхъ. «Природа улыбалась, а мы какъ преступники были пригвождены къ своей тюрьмѣ и лицезрѣли застывшую физіономію своего тюремщика, ежившагося отъ утренняго холода... Раненая рука моя была парализована и совсѣмъ одеревенѣла...»

Утромъ стали сортировать плѣнныхъ, и здоровыхъ сейчасъ же отправили дальше пѣшкомъ.

«Всю нашу несчастную группу офицеровъ сфотографировали, для увѣковѣченія русскаго позора... Въ 3 часа дня насъ положили на конныя повозки и, какъ свиней, перекрутили веревками... Обращеніе санитаровъ было самое нахальное!.. Опять начались покушенія на сапоги, погоны и наши карманы. Руками мы не могли дѣйствовать, такъ какъ были перевязаны веревками, и только лягались ногами, какъ лошади... Наши погоны срывали безцеремонно, а если кто пробовалъ сопротивляться, японцы нагло пускали въ ходъ кулаки и тесаки... На свои часы мы боялись смотрѣть, такъ какъ ихъ, несомнѣнно, сейчасъ бы ограбили!..»

«Все это продѣлывалось надъ беззащитными ранеными и уже не дикими китайскими кули, а «культурными» японцами!..

«Слѣдующій этапъ, гдѣ заночевали, былъ еще хуже перваго: фанза безъ оконъ, стѣны проломаны, холодъ адскій. И голодъ давалъ себя чувствовать... Къ счастью, китаецъ, хозяинъ фанзы, занимавшій другую половину ея, сжалился надъ нами и съ большою осторожностью принесъ, за деньги, нѣсколько яицъ и чаю, умоляя, чтобы мы скрыли это отъ японцевъ, такъ какъ ему «за то достанется»...

На этомъ этапѣ прожили 2 дня, а на третій, оставивши здѣсь тяжело раненыхъ, легко раненыхъ повезли дальше на китайскихъ подводахъ. Тряска на нихъ была настолько мучительная, что раненые часто вставали и предпочитали итти пѣшкомъ, хотя ноги еще плохо слушались.

Кормили въ дорогѣ такъ же скудно—галетами и рисомъ, да чаемъ безъ сахару.

Слѣдующій день ѣхали на ручныхъ телѣжкахъ, которыя везли японцы, обращавшіеся съ плѣнными все хуже и хуже. Нерѣдко они безцеремонно толкали въ спины и офицеровъ, безъ всякаго повода, за одно здорово живешь... «Вотъ когда приходилось вспоминать «терпѣніе генерала Куропаткина»...

На 5-й день плѣна партію легко раненыхъ повели уже пѣшкомъ, хотя они съ трудомъ двигались... Первый переходъ былъ въ 25 верстъ. «И когда мы пришли на этапъ, то бросились на голые каны и заснули, какъ убитые...»

Авторъ замѣчаетъ, что дорогою они почти не видѣли японскихъ войскъ. «Очевидно, что у нихъ подъ Мукденомъ все было поставлено на карту—никакихъ резервовъ не было... Почти весь обозъ у японцевъ ручной (только очень большія тяжести перевозятъ на лошадяхъ), и потому подвижность его поразительная, особенно по сравненію съ нашимъ тяжелымъ, неуклюжимъ, громоздкимъ обозомъ», требующимъ очень хорошихъ путей сообщенія, какихъ почти нѣтъ въ Манчжуріи. Оттого русскіе обозы вѣчно затрудняли и страшно замедляли движенія войскъ и безполезно гибли въ громадномъ количествѣ.

II.

Путь до Японіи.

Послѣ 3 дней пѣшаго путешествія партія плѣнныхъ прибыла въ госпиталь на Янтайскихъ копяхъ. Больно было смотрѣть на хорошія постройки, полное оборудованіе копей, громадные склады угля, еще недавно устроенные русскими, а теперь перешедшіе къ японцамъ...

5 офицеровъ, находившихся въ партіи, помѣстили въ одной комнатѣ съ кроватями, которыхъ они не видѣли около 2 мѣсяцевъ. Докторъ Итто сдѣлалъ, наконецъ, имъ перевязки—первыя за цѣлую недѣлю... Тутъ раненые отдохнули 2 дня, получая, благодаря любезности доктора, мясной завтракъ съ бутылочкой коньяку.

На третій день къ вечеру офицеровъ посадили въ товарный вагонъ, вмѣстѣ съ нижними чинами, и отправили на югъ. Всѣмъ приходилось лежать на голомъ полу, подостлавши выданныя одѣяла. Ѣзда медленная, выходить было нельзя—часовые не пускали. На каждой остановкѣ вагоны окружали китайцы и японцы, которые съ любопытствомъ осматривали русскихъ, ругали ихъ, грозили кулаками...

На дорогу выдали «нѣкоторую провизію», но на станціяхъ нельзя было достать даже воды. Китайцы подходили къ поѣзду

съ лотками какой-то провизіи, но японцы гнали ихъ прочь, не позволяя русскимъ ничего покупать... Утромъ кое-какъ раздобыли горячей воды и напились какой-то бурды вмѣсто чаю. На ночь вагоны запирали снаружи, оставляя людей въ темнотѣ и духотѣ.

Въ полдень прибыли въ Лаоянъ, гдѣ плѣнныхъ отвели въ госпиталь, набитый русскими и японскими ранеными солдатами. Офицеры едва отыскали свободное мѣстечко въ углу и расположились на цыновкахъ. Грязь невозможная... Массы насѣкомыхъ на одѣялахъ и на платьѣ... Доктора и японскіе офицеры «извинялись за помѣщеніе», увѣряя, что «въ Японіи будетъ лучше»...

Послѣ перевязки дали какую-то ѣду, къ которой, несмотря на голодъ, офицеры не могли прикоснуться, ограничиваясь однимъ чаемъ... И только вечерами они немного утоляли голодъ, когда молодой японскій докторъ «тайкомъ приносилъ кое-что закусить», видя, что офицеры не могутъ ѣсть «обычной госпитальной порціи—грязныхъ кусковъ рису и вонючей рыбы»...

Отдохнуть въ госпиталѣ не удалось. Днемъ безпокоила навязчивая любознательность японцевъ, которые толпами окружали офицеровъ, нахально трогая ихъ платье, вещи и пр. Еще болѣе не давали покоя стоны тяжело раненыхъ, которымъ «перевязокъ не дѣлали и никакого ухода за ними не было»... Ночь провели почти безъ сна, хотя и предыдущую, въ вагонѣ, также не спали. Къ утру по сосѣдству очутился покойникъ, котораго не убирали до полудня...

Здѣсь партія промучилась двое сутокъ. 7 марта ее снова посадили въ товарный поѣздъ, выдавши на дорогу по 2 банкѣ консервированнаго молока и по банкѣ такой же капусты. За $1^1/_2$ часа до посадки плѣнныхъ вывели изъ госпиталя, выстроили рядами и «20 разъ пересчитали, пока все сообразили». Всѣхъ посадили въ «скотскіе вагоны», съ тѣми же «удобствами» и съ такимъ же безобразнымъ обращеніемъ конвоя. Офицеры сидѣли вмѣстѣ съ солдатами, всѣ на полу, подостлавши выданныя легкія одѣяла. Изъ вагоновъ не выпускали, воды не давали, «на всѣ обращенія съ просьбами смѣялись»... На ночь вагоны заперли, и раненые мучились отъ духоты и холода. Утромъ сталъ голодъ донимать, хотя и выдали маленькія порціи рису съ кусочками мяса.

На станціяхъ желѣзной дороги остались еще русскія надписи. Путь былъ суженъ, и шла прокладка второго пути, строились новые мосты. Вездѣ по дорогамъ масса японскихъ укрѣпленій.

Утромъ 8 марта прибыли въ городъ Дальній. Послѣ долгой провѣрки, повторявшейся нѣсколько разъ, плѣнныхъ повели черезъ красивый «русскій городъ» въ госпиталь Краснаго Креста, занимавшій бывшую русскую гостиницу, съ электрическимъ освѣщеніемъ, чистыми комнатами, кроватями и другими удобствами. Здѣсь помѣщались одни раненые офицеры, русскіе и японскіе.

«Тутъ мы вздохнули послѣ всѣхъ пережитыхъ мытарствъ, въ первый разъ перемѣнили бѣлье, какъ слѣдуетъ умылись» и прочее. Доктора сдѣлали перевязки и относились вообще внимательно.

Кормили изрядно. По пріѣздѣ дали чай, молоко, бифштексъ съ лукомъ, рюмку марсалы. По утрамъ давали чай, булку, «сырое яйцо и чашку коньяку».

«Прислуживавшій намъ японскій служитель Ябо было просто прелесть въ своей азіатской наивности. Если бы не онъ, то не очень бы мы попользовались у господъ хозяевъ, а благодаря ему, мы всегда имѣли хорошую ѣду и даже выпивку, которую онъ умильно разносилъ намъ въ чашечкахъ...»

Черной работой въ госпиталѣ занимались китайцы, которые очень плакались на низкую плату и тяжелое обращеніе у японцевъ.

Плѣнные покупали папиросы, фрукты, коньякъ. Русскихъ серебряныхъ денегъ китайцы не брали, а изъ бумажныхъ почему-то охотно брали выпуска 1894 г., но со скидкою 10%.

Каждое утро фельдшера опредѣляли—кто можетъ изъ раненыхъ двигаться дальше, и отправляли на пароходы, отваливавшіе въ Японію. Для автора дневника и его спутниковъ очередь настала черезъ двое сутокъ. Въ полдень дали по куску рыбы и по 2 куска хлѣба, отобрали халаты и на рикшахъ отправили на пароходъ.

Сначала русскихъ офицеровъ помѣстили въ каютахъ, вмѣстѣ съ японскими офицерами. Но когда прибыли платные пассажиры, русскихъ безъ церемоніи удалили изъ классныхъ каютъ и помѣстили въ трюмѣ, вмѣстѣ съ ранеными японскими солдатами... Помѣщеніе отвратительное, вонючее, полутемное. А тутъ еще нестерпимая надоѣдливость японцевъ, вѣчно толпящихся около русскихъ и нахально ихъ разглядывающихъ... «Чистые типы дикарей! Когда приносятъ имъ пищу, поднимается такой ревъ, словно въ звѣринцѣ. Послѣ ѣды звѣри примолкли, и только кое-гдѣ послышались заунывныя пѣсни...»

10 русскихъ офицеровъ накормили рисомъ и тухлой копченой рыбой. Кромѣ голода, донималъ и холодъ. «Настроеніе наше самое отчаянное... держимся вкупѣ».

Всю ночь пароходъ шелъ у береговъ Кореи. Утромъ 11 марта, въ $7^1/_2$ часовъ, разбудилъ звонокъ. Ночь прошла безпокойно и почти безъ сна, отъ холода, неудобнаго лежанья на полу и безпрерывнаго шума машины.

Плѣннымъ подали завтракъ: рисъ съ кореньями и теплое мясо съ яичницей. Въ 12 часовъ происходило «кормленіе звѣрей»: имъ давали рисъ съ приправой въ родѣ капусты. Черезъ часъ накормили обѣдомъ плѣнныхъ. «Все грязно, невкусно, а самое главное—лишены кипятку (для чая), даютъ кипяченую воду, но теплую. Еще даетъ себя сильно чувствовать отсутствіе хлѣба, безъ котораго мы вѣчно голодны... Рису даютъ въ изобиліи, и мы ѣдимъ его съ сахаромъ, къ удивленію японцевъ».

На пароходѣ «никому перевязокъ не дѣлали», ни русскимъ, ни японскимъ раненымъ. Очевидно, ни доктора, ни фельдшеровъ не было на пароходѣ...

Единственное, что было отрадно для плѣнныхъ, это — разрѣшеніе выходить на палубу и подолгу сидѣть тамъ, благо погода стояла теплая. Но и здѣсь мѣшало назойливое любопытство японцевъ, толпившихся всегда около русскихъ.

На слѣдующій день съ утра поднялось въ морѣ сильное волненіе. Всѣ попрятались и улеглись. Чувствовалась ломота во всемъ тѣлѣ и приступы головной боли.

«Рядомъ со мною помѣстился японскій унтеръ-офицеръ, очень степенный и видимо состоятельный человѣкъ, державшійся очень скромно и тактично». Но такія исключенія рѣдки среди японскихъ солдатъ, у большинства же «дисциплина шаткая».

Къ 4 часамъ дня усилившееся волненіе заставило пароходъ войти въ какую-то корейскую бухту и бросить якорь подлѣ парохода Краснаго Креста. Позже укрылся тамъ же англійскій пароходъ. Къ утру еще одинъ пароходъ вошелъ въ бухту. «Хотя она почти закрытая съ моря, но насъ изрядно качаетъ; видно, въ морѣ сильная буря».

Здѣсь пароходъ простоялъ болѣе сутокъ. И отъ волненія, и отъ дождя нельзя было выходить на палубу и приходилось все время лежать въ вонючемъ трюмѣ, гдѣ «надъ моимъ мѣстомъ изрядно протекало...» А тутъ еще «японцы показываютъ награбленныя въ Дальнемъ вещи... Тоска ужасная!..»

14 марта, несмотря на продолжавшееся въ морѣ волненіе, пароходъ вышелъ изъ бухты и въ полдень попалъ въ полосу порядочнаго шторма. Подходя къ острову Цусимѣ, японцы пропѣли какой-то побѣдный гимнъ въ честь побѣды надъ нашей владивостокской эскадрой.

Ночь простояли на якорѣ у какихъ-то береговъ. Утромъ вышли въ море и скоро вернулись, вслѣдствіе сильнаго волненія.

Подошли двѣ японскихъ миноноски. Офицеры съ нихъ явились посмотрѣть на плѣнныхъ и угостили офицеровъ—дали «по пачкѣ папиросъ... Совѣстно было, но взяли... Тоска съ каждымъ днемъ дѣлается невыносимѣе... Питаніе становится хуже, вслѣдствіе задержки отъ бури и уменьшенія запасовъ на пароходѣ. Но всего болѣе даетъ себя знать отсутствіе чистаго бѣлья...»

16 марта рано утромъ снялись съ якоря, а въ 4 часа дня подошли къ городу Модзи, на островѣ Кіу-Сіу. Это большой военный и торговый портъ, откуда идетъ желѣзная дорога въ Нагасаки. Погода чисто лѣтняя: видны купающіеся.

Здѣсь высадили съ парохода часть раненыхъ японцевъ. «Какая радость на ихъ лицахъ!.. А намъ стало еще грустнѣе, какъ вспомнили свое плачевное положеніе... Каждый изъ насъ предпочелъ бы выдержать нѣсколько боевъ, лишь бы быть въ кругу своихъ!..»

Въ 6 часовъ пароходъ отвалилъ и пошелъ узкимъ проливомъ. Виды чудесные, природа богатая.

Три офицера ходили на перевязку въ каютъ-компанію и принесли печальныя новости: «Японскія войска за Телиномъ, положеніе нашей арміи незавидное... Въ Россіи безпорядки. Народъ будто бы даетъ 300 милліоновъ, чтобы война была прекращена...» Такъ увѣряли японцы, очевидно, сами жаждавшіе прекращенія войны...

«Эти извѣстія грустно отозвались на насъ, но не на всѣхъ: изъ офицеровъ есть такіе, что живутъ исключительно животною жизнью. Имъ лишь бы только поѣсть да поспать, а на все остальное наплевать... Обидно смотрѣть на такихъ паразитовъ русской арміи, которые за всякій лишній кусокъ готовы кланяться японцу. Нѣтъ у насъ выдержки и мужества стойко переносить плѣнъ, со всѣми его лишеніями...»

На другой день продолжали двигаться около острововъ. Останавливались у города Тадозу, на островѣ Нипонѣ, гдѣ снова высажена часть раненыхъ японцевъ.

Къ пароходу подошли лодки съ товарами — предлагали папиросы, апельсины, мандарины, «печенья въ родѣ нашихъ маковниковъ» и прочее. Торговцы брали съ русскихъ вдвое дороже: японцы за 10 мандариновъ платили 10 коп., а русскіе за тѣ же 10 коп. получали 5 штукъ. Русскія деньги неохотно брали и за полцѣны.

Съ каждымъ днемъ пища плѣнныхъ на пароходѣ становилась хуже: давали соленую рыбу или консервированное мясо да рисъ, замѣнявшій хлѣбъ. Помѣщались офицеры все въ томъ же трюмѣ, хотя за высадкою японскихъ офицеровъ и были свободныя каюты.

Около полудня пароходъ отвалилъ. Большую часть дня плѣнные проводили, благодаря чисто лѣтней погодѣ, на палубѣ, любуясь чудными видами японскихъ острововъ. «Это было наше лакомство», замѣчаетъ авторъ. Его поражала масса деревень, аккуратно обработанныя поля, вездѣ «чистота замѣчательная».

Къ вечеру подошли къ большому промышленному городу Удзино, съ массою фабрикъ и заводовъ. Здѣсь стояли недолго и черезъ часъ вошли въ какой-то заливъ на сѣверо-восточномъ берегу острова Нипона. Тутъ окончилось плаваніе, и плѣнные провели на пароходѣ послѣднюю ночь.

III.

Первыя впечатлѣнія въ Японіи.

Утромъ 18 марта плѣнныхъ высадили и направили въ городъ Нерушиму, гдѣ размѣстили въ чистыхъ баракахъ госпиталя, окруженнаго часовыми. Днемъ плѣнныхъ выпускали на прогулки

вблизи бараковъ, но съ 8 часовъ вечера они должны были сидѣть взаперти. Кормили здѣсь порядочно, но пища однообразная, невкусная. «Настроеніе духа улучшилось» послѣ пароходныхъ злоключеній.

По пріѣздѣ сдѣлали дезинфекцію платья и бѣлья плѣнныхъ и дали имъ помыться въ деревянныхъ ваннахъ. Одна ванна была на 4 человѣка. «Мы полоскались, какъ чушки, но все же и это облегчило насъ», хотя послѣ ванны пришлось надѣть то же немытое бѣлье, только побывавшее въ дезинфекціонной камерѣ.

Въ Нерушимѣ было построено 16 бараковъ для русскихъ. Тяжело раненые отправлялись куда-то дальше, а здѣсь оставались для дезинфекціи легко раненые. 19 марта прибыло 300 раненыхъ солдатъ и нѣсколько офицеровъ. Когда дѣлали партіи дезинфекцію, у солдатъ совершенно погибли отъ сухого пара до одной тысячи бумажныхъ денегъ, оставленныхъ ими въ платьѣ.

«Откуда у солдатъ такія деньги?.. очевидно, въ Манчжуріи они занимались мародерствомъ...»

Разговоры съ офицерами о послѣднихъ военныхъ событіяхъ «начинаютъ раздражать и всегда хочется спросить разсказчиковъ: а какъ на самомъ дѣлѣ было?!..» Въ дѣйствующей арміи масса фельдфебелей произведены въ зауряд-прапорщики, «и этотъ совершенно новый элементъ даетъ въ чужой странѣ русскому офицерству темную окраску...»

Режимъ на карантинной станціи былъ строгій, особенно для нижнихъ чиновъ. На повѣркѣ держатъ по два часа. Посылка на родину писемъ и телеграммъ воспрещена.

Погода рѣзко измѣнилась: наступилъ холодъ, пошли дожди. Стало очень холодно въ деревянныхъ баракахъ.

При карантинѣ были двѣ японскихъ лавочки, въ которыхъ, однако, нельзя было достать самаго необходимаго для плѣнныхъ— бѣлья. И приходилось ходить въ одной смѣнѣ. Впрочемъ, однажды русскій солдатикъ вымылъ ее... Потомъ одинъ офицеръ досталъ отъ Краснаго Креста русскаго полотна, и русскій же солдатъ сшилъ офицерамъ рубахи.

За всѣ вообще товары японцы берутъ съ русскихъ много дороже, чѣмъ съ своихъ покупателей. Нашъ бумажный рубль цѣнили въ 98 коп., серебряный въ 95 коп.

По правиламъ, въ карантинѣ ничего нельзя пить, кромѣ пива, которое держатъ въ буфетѣ, да и то въ ограниченномъ количествѣ. Но желающіе всегда могли добыть и японской водки, очень невкусной, какъ и пиво. Группа офицеровъ разъ устроила вечеринку и имъ было разрѣшено купить вина. Былъ какой-то японскій праздникъ, и многіе госпитальные служители, и даже часовые были выпивши...

Пріѣзжалъ какъ-то изъ Токіо медицинскій инспекторъ и молча обошелъ бараки, никого ни о чемъ не разспрашивая. А между тѣмъ

было бы о чемъ ему позаботиться... Въ одинъ день умерло 6 раненыхъ, именно благодаря полному отсутствію леченія. «За долгое пребываніе на карантинной станціи изрѣдка кое-какъ дѣлались раненымъ перевязки, но леченія и въ заводѣ не было. И это по цѣлымъ недѣлямъ!...»

Была панихида по умершимъ стрѣлкамъ. «Какъ особенно грустны на чужбинѣ похоронныя мелодіи!..»

21 марта прошелъ слухъ, что всѣ офицеры будутъ куда-то отправлены, гдѣ устроено общежитіе. Многихъ «это не порадовало, такъ какъ масса офицеровъ такова, что жить съ ними нежелательно...» Отправлять будутъ безъ русскихъ денщиковъ, которыхъ раньше дать обѣщали, а теперь рѣшили оставить лазаретными служителями при карантинѣ. Позже, однако, японцы перерѣшили, и денщики были присланы въ новую стоянку плѣнныхъ.

22 марта «обѣдъ поднялъ цѣлую бурю среди офицерства. Нѣкоторые куски мяса оказались протухшими, а супъ чистыми помоями, которыхъ никто не ѣлъ... Приходилъ японскій офицеръ, повертѣлся, но попробовать супа не захотѣлъ, и съ тѣмъ ушелъ... На ужинъ дали свѣжаго мяса».

Въ тотъ же день пьяный русскій солдатъ сталъ буйствовать, явился въ офицерское помѣщеніе и ругался... Не безъ труда удалили его при помощи переводчика. Вообще наши солдаты цѣлые дни проводили въ пивной и напивались. На какія же деньги, когда раздачъ никакихъ не было? Оказывается, что многіе солдаты были съ большими деньгами—«отъ 100 до 800 рублей и больше...» Несомнѣнно, какъ уже сказано раньше, мародерничали въ Манчжуріи...

23 марта, когда погода улучшилась, произошла отправка 43 офицеровъ въ городъ Ямагуцу (родина генерала Куроки). Сначала ѣхали на катерахъ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ. Передъ посадкой въ вагоны офицеры долго стояли, въ ожиданіи поѣзда, затѣмъ усѣлись на разложенныхъ цыновкахъ, окруженные толпою любопытствующихъ японцевъ. Вагоны тѣсные, въ каждомъ купе по 11 плѣнныхъ, да двѣнадцатый часовой. На дорогу выдали по куску хлѣба и по маленькой рыбкѣ на человѣка.

Въ 7 часовъ вечера поѣздъ тронулся. На станціяхъ ждали массы любопытныхъ. Отъ тѣсноты въ вагонахъ спать не пришлось. Ѣхали «какъ арестанты», подъ строгимъ карауломъ. Выпускали только «по нуждѣ», и то въ сопровожденіи часового. «Обращеніе караульныхъ самое нахальное, и не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ, которые недалеко ушли отъ первыхъ...»

На станціяхъ вездѣ электрическое освѣщеніе, а въ вагонахъ масляное (фонари въ потолкѣ). Буфетовъ нѣтъ, въ виду малыхъ разстояній. Но на одной станціи разносили по вагонамъ чай, котораго «было достаточно», къ удивленію проголодавшейся публики.

24 марта, въ 5 часовъ утра высадились въ Ямагуцѣ, гдѣ наскоро угостили офицеровъ «какою-то темно-рыжеватою бурдою, напоминавшею что-то въ родѣ консервированнаго кофе».

Затѣмъ усадили въ 8 линейкахъ, въ одну лошадь, съ мальчикомъ-погонщикомъ, который все разстояніе, около 12 верстъ, бѣжалъ рысью, держась за уздцы коня. По сторонамъ поѣзда ѣхали полисмены на велосипедахъ.

Въ Ямагуцѣ стояли толпы народа, но молча, чинно. На окраинѣ города находилось отведенное для плѣнныхъ помѣщеніе — домъ во дворѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ (болѣе сажени), съ карауломъ на гауптвахтѣ и часовымъ у главныхъ воротъ.

Офицеровъ размѣстили въ 3 комнатахъ нижняго этажа, а въ верхнемъ помѣщалась столовая, оборудованная по-европейски — со столами и стульями. Въ домѣ было электрическое освѣщеніе, но холодъ стоялъ изрядный, благодаря рѣшетчатымъ окнамъ съ промасленной бумагой вмѣсто стекла. Перегородки между комнатами бумажныя.

Три подполковника и одинъ капитанъ заняли самую меньшую комнату, а въ остальныхъ двухъ размѣстились прочіе офицеры до зауряд-прапорщиковъ включительно. Началась томительная жизнь плѣнныхъ, очутившихся, вопреки ожиданіямъ, на арестантскомъ положеніи...

IV.

Отношенія японцевъ.

Ровно мѣсяцъ прожили нѣкоторые офицеры (авторъ дневника и другіе) въ Ямагуцѣ и не добромъ всегда поминали эту самую тяжелую для нихъ стоянку. Именно здѣсь они всего болѣе очутились на «арестантскомъ» положеніи, съ трудомъ переваривая его, пока не попривыкли, какъ ко всему привыкаетъ человѣкъ.

Японцы сразу же дали понять плѣннымъ, что смотрятъ на нихъ, какъ на арестантовъ, не смѣющихъ помышлять даже о призракахъ свободы. На другой же день пріѣзда, въ 7 часовъ утра, японскій солдатъ «сталъ будить насъ, безцеремонно стаскивая одѣяла...» Потомъ завели звонки: въ 7 часовъ вставать, въ 8 часовъ къ чаю и т. д. Въ 9 часовъ вечера по звонку офицеры должны собираться по своимъ комнатамъ «для провѣрки». Авторъ замѣчаетъ: «Если такъ придется прожить годъ, можно будетъ въ любой монастырь поступить...»

Въ первые же дни запрещались прогулки даже по дворамъ, окружающимъ помѣщеніе плѣнныхъ. Заборъ дѣлается еще выше. «День ото дня становится все грустнѣе... о пользованіи хотя бы тѣнью свободы нечего и думать, наоборотъ...»

Плѣнные страшно нуждались въ купаньѣ и никакъ не могли его добиться: «Японцы все кормятъ завтраками...» Еще болѣе страдали они отъ невозможности сноситься съ родиной, что вначалѣ было запрещено. Потомъ это запрещеніе было снято, но письма проходили строжайшую цензуру, и рѣдкія изъ нихъ отправлялись по назначенію... За малѣйшій намекъ на тяжелое положеніе плѣнныхъ и за неодобрительные отзывы о японцахъ письма уничтожались. Переводчикъ говорилъ, что онъ уничтожаетъ всѣ письма, въ которыхъ есть хотя намекъ на присылку денегъ изъ Россіи... Офицерамъ вернули часть писемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «надо оставлять свободною половину конверта». Авторъ восклицаетъ: «такова подлая натура японцевъ, увѣряющихъ, будто можно писать письма на родину!..» Письма и телеграммы (очень дорогія— за слово 2 р. 60 к.) были разрѣшены послѣ посѣщенія плѣнныхъ какимъ-то «членомъ государственнаго совѣта», увѣрявшимъ о «скоромъ» заключеніи мира.

Плѣнные хотѣли телеграммой вызвать французскаго консула, чтобы пожаловаться на всѣ стѣсненія, но японцы рѣшительно въ томъ отказали... Когда пріѣхалъ французскій миссіонеръ и отправилъ службу для католиковъ-офицеровъ, японцы запретили ему бесѣдовать потомъ по-французски, а заставили его говорить по-японски, чрезъ своего переводчика, который такъ путалъ и многое пропускалъ, что «ничего нельзя было понять» изъ его рѣчей. «Добрые японцы» прилагали всѣ мѣры къ тому, чтобы изъ ихъ избы не выносился ни малѣйшій соръ...

Кромѣ разрѣшенныхъ позже прогулокъ по дворамъ, около дома плѣнныхъ, иногда устраивались прогулки подъ конвоемъ въ городскіе сады, по пустымъ улицамъ, гдѣ вмѣсто народа стояли солдаты. Офицерамъ позволяли покупать папиросы и фрукты въ садовыхъ кіоскахъ. Многіе не могли пользоваться этими прогулками, благодаря своимъ истрепаннымъ костюмамъ. Въ самый городъ не водили гулять, такъ какъ-де «еще не могутъ поручиться» за спокойное отношеніе жителей.

Плѣнныхъ нерѣдко посѣщали разныя высокія особы. Послѣ упомянутаго члена государственнаго совѣта посѣтилъ какой-то японскій генералъ-лейтенантъ, который держалъ рѣчь, никѣмъ не понятую, благодаря плохому переводчику. Отвѣчалъ русскій подполковникъ К—въ и немало отличился, брякнувши прямо жалобой, что «даютъ мало ѣсть...» Положимъ, это была правда, отъ которой всѣмъ было горько, но нельзя же было такъ отвѣчать на привѣтствіе генерала. «Такъ вышло неловко, что не знали, куда глаза дѣвать...» Послѣ отъѣзда генерала офицеры рѣшили выбрать своимъ представителемъ подполковника В—ва и просили его на будущее время вести всякіе разговоры и переговоры. К—въ разобидѣлся...

Черезъ нѣсколько дней военный чиновникъ привезъ письмо этого генерала, собралъ офицеровъ и заставилъ ихъ выслушать

чтеніе письма стоя... Офицеры были возмущены такимъ нахальнымъ требованіемъ, восклицая: «За что мы терпимъ всякія униженія на каждомъ шагу?!.» Но вынуждены были подчиниться и выслушать стоя нравоучительное, очень обидное письмо, смыслъ котораго былъ такой: «Въ Манчжуріи-де вамъ было скверно, а здѣсь вамъ очень хорошо (sic!) живется, а потому-де вы должны вести себя прилично, иначе вамъ грозитъ бѣда» и т. п. Затѣмъ чиновникъ объявилъ, что утромъ офицеры должны пить чай всѣ вмѣстѣ, огни будутъ тушиться въ 10 часовъ вечера и пр. и пр. «Невольно приходили на умъ слова г. Куропаткина: терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе!..»

22 апрѣля явился къ плѣннымъ тотъ же генералъ самолично, отрекомендовался въ званіи начальника мѣстнаго гарнизона и пожелалъ офицерамъ скораго возвращенія домой.

Но автору дневника и другимъ офицерамъ, прожившимъ мѣсяцъ въ Ямагуцѣ, не пришлось ближе познакомиться съ этимъ генераломъ, такъ какъ на другой день партію въ 20 человѣкъ (а черезъ недѣлю еще 30 человѣкъ) отправили въ новую стоянку. Многимъ это переселеніе не понравилось, такъ какъ «разбивались составившіяся за это время партіи», всѣ попривыкли къ мѣсту, а неизвѣстное будущее пугало. Но авторъ былъ радъ перемѣнѣ, «какъ маленькому развлеченію въ нашей сѣренькой жизни».

23 апрѣля партію офицеровъ отправили по желѣзной дорогѣ въ гор. Симоносеки, гдѣ простились съ о. Нипономъ, и на пароходѣ, черезъ 20 минутъ, достигли гор. Модзи, на о. Кіу-Сіу, откуда въ поѣздѣ прибыли черезъ 3 часа въ гор. Фукуону—мѣсто окончательной стоянки этой партіи плѣнныхъ.

Еще дорогою сюда офицеры вздохнули: «насколько прежде обращались съ нами грубо, настолько теперь мило и почтительно». Всего же болѣе понравилось отсутствіе въ дорогѣ караульныхъ солдатъ: плѣнныхъ сопровождали только офицеръ съ переводчикомъ, хорошо говорившимъ по-русски.

Помѣщеніе для плѣнныхъ находилось на краю города, обнесено заборомъ, съ большимъ дворомъ и прудомъ на немъ. Зданіе только что отстроенное, а потому съ порядочною сыростью. Зато каждому офицеру отведена отдѣльная комната, съ электрическимъ освѣщеніемъ. Столовая въ особомъ зданіи, ходъ черезъ дворъ. Есть баня и лавочка.

Новоселье не обошлось безъ выпивки, и три офицера изрядно напились, но «все обошлось благополучно... Все болѣе и болѣе поражаемся перемѣною къ лучшему въ обращеніи съ нами японцевъ. Что за притча?..»

На другой день посѣтилъ майоръ, начальникъ мѣстнаго гарнизона, обошелъ всѣ номера и пригласилъ штабъ-офицеровъ въ столовую закусить. Когда майоръ уѣхалъ и всѣ плѣнные собрались

на обѣдъ, съ ними усѣлись японскій капитанъ и переводчикъ. Послѣ Ямагуцы «какъ-то странно было видѣть» эти новые порядки...

Черезъ 2 дня плѣнные «устроили отвѣтный завтракъ» капитану, доктору и переводчику. Послѣ обѣда ходили съ ними гулять въ садъ, совершенно свободно, безъ караула. Японцы угощали въ саду пивомъ и чаемъ. Вернулись въ 7 часовъ вечера.

Въ слѣдующей прогулкѣ авторъ дневника не участвовалъ, а вечеромъ явился къ нему въ комнату японскій капитанъ и «приказалъ принести изъ лавки закуски и выпивки, и хотя у насъ такъ не практикуется, но, въ виду слабости рессурсовъ, я не сталъ вводить своего устава въ чужомъ монастырѣ...»

Продолжались и дальше свободныя прогулки, во время которыхъ японцы угощали плѣнныхъ чаемъ, пивомъ, фруктами. Въ садахъ и другихъ мѣстахъ прогулокъ народъ попадался въ маломъ количествѣ.

Но иногда кое-кто изъ японцевъ заглядывалъ въ помѣщеніе плѣнныхъ. Разъ пріѣзжалъ полковникъ, состоящій при дворѣ микадо. Плѣнные угостили его выпивкой и своимъ хоромъ.

Въ другой разъ явился какой-то женскій пріютъ. Офицеры собрались въ столовой. Начальница сказала привѣтствіе и поднесла рукодѣлья своихъ питомицъ — «два вязаныхъ цвѣточка». Потомъ всѣ вмѣстѣ снялись.

Въ началѣ іюля уѣхалъ въ армію майоръ **Кодама**, завѣдывавшій плѣнными и установившій для нихъ облегченный режимъ. На прощанье онъ угостилъ русскихъ японскимъ «печеньемъ съ буквами».

При его преемникахъ отношенія обѣихъ сторонъ сдѣлались нѣсколько шероховатыми. Правда, они не всегда были гладкими и при Кодамѣ, когда, напримѣръ, онъ прислалъ «воззваніе» насчетъ прогулокъ, рекомендуя офицерамъ, какъ «высшему классу», вести себя корректно на улицахъ, «не задѣвать женщинъ» и т. п. Офицеры разобидѣлись, но должны были признать, что «воззваніе» вызвано дѣйствіями нѣкоторыхъ плѣнныхъ, которые во время первой же прогулки «позволяли себѣ нѣкоторыя вольности, не терпимыя и у насъ...»

Но Кодама умѣлъ сглаживать всѣ возникавшія шероховатости, чѣмъ не отличались его преемники, очень грубо относившіеся къ плѣннымъ. Въ концѣ іюля они «представились» новому майору «съ препротивной физіономіей». Помощникъ Кодама, капитанъ, также уѣхалъ, а на его мѣсто прислали поручика. Новые завѣдующіе потребовали, чтобы офицеры подписали особыя «расписки» относительно своего поведенія во время «свободныхъ прогулокъ...» Текстъ «расписокъ» былъ составленъ самими плѣнными и, по мнѣнію автора дневника, «не былъ согласованъ съ духомъ понятія объ офицерѣ Русскаго государства...»

Несмотря на всѣ «расписки», «правила» и т. д., придирчивыя отношенія японцевъ къ плѣннымъ продолжались во все время плѣна. Разъ, напримѣръ ночью всѣхъ офицеровъ безцеремонно разбудили и произвели провѣрку, на основаніи сообщенія полиціи, что «трое русскихъ гуляютъ ночью по городу». Однако, провѣрка показала, что въ офицерскихъ баракахъ «всѣ были налицо».

Нечего говорить, что съ денщиками русскихъ офицеровъ японцы обращались еще безцеремоннѣе. Такъ, уже послѣ заключенія мира авторъ отмѣчаетъ, что для «утренней провѣрки» денщиковъ «будятъ метлой!...»

Понятно, что при такихъ отношеніяхъ японцевъ русскіе избѣгали всякихъ поводовъ къ сближенію съ ними. Однажды явился фотографъ, и «японцы предлагали сняться вмѣстѣ съ ними, но мы не захотѣли, такъ какъ они стали дерзко къ намъ относиться».

Въ своихъ неладахъ съ японцами плѣнные очень разсчитывали на поддержку французскаго консула, такъ какъ во время войны русскіе въ Японіи были отданы подъ покровительство Франціи. Но эти надежды не оправдались. Болѣе 5 мѣсяцевъ плѣнные не видѣли у себя никого изъ французскаго консульскаго корпуса!... И только 14 августа пріѣхалъ секретарь консула изъ Кобе и устроилъ общее собраніе офицеровъ на дворѣ. Было шумное и безалаберное толковище о «свободныхъ прогулкахъ», о безобразныхъ отношеніяхъ японцевъ, о выдачѣ пособій и пр. Получился страшный сумбуръ, который съ трудомъ остановилъ консульскій секретарь, потребовавшій вести бесѣду чрезъ одного представителя. Избрали штабсъ-капитана В—ва, хорошо говорившаго по-французски. Особенно горячились гг. артурцы, «да возмущали нѣкоторые зауряда-прапорщики, требовавшіе офицерскаго жалованья...» Любопытное извѣстіе сообщилъ секретарь, очевидно, «къ свѣдѣнію требовательныхъ плѣнныхъ, что въ Мацуямѣ сидятъ въ тюрьмѣ 50 нашихъ офицеровъ...»

Изъ этой бесѣды ничего не вышло—никакого облегченія для плѣнныхъ и никакихъ улучшеній въ отношеніяхъ японцевъ... Также безрезультатно было посѣщеніе плѣнныхъ самимъ консуломъ, уже въ концѣ ноября. Онъ бесѣдовалъ о скоромъ возвращеніи плѣнныхъ въ Россію и угостилъ ихъ русскими папиросами—только-то и всего...

V.

Жизнь плѣнныхъ.

Дома, въ которыхъ жили плѣнные въ Ямагуцѣ и Фукуонѣ, были построены на скорую руку и не отличались удобствами. Плѣнные очень страдали отъ сырости и холода, наживая ревма-

тизмы и другія болѣзни. Въ Фукуонѣ было до того сыро въ комнатахъ, что къ утру «верхнее одѣяло все мокрое» бывало. Въ ноябрѣ—замѣчаетъ авторъ—«холодъ адскій въ нашихъ картонныхъ домикахъ, нѣтъ возможности сидѣть въ комнатахъ, хотя и сидимъ въ шубахъ...»

Также недовольны были плѣнные и столомъ. Японцы не имѣли понятія о русскихъ аппетитахъ и мѣрили ихъ на свою, очень скромную, мѣрку. Оттого офицеры вѣчно «волновались, что мало даютъ ѣсть», на что постоянно жаловались японцамъ. Но въ началѣ мая кухня перешла въ руки русскихъ поваровъ и былъ выбранъ комитетъ для завѣдыванія столовой. Пища улучшилась, хотя продукты попрежнему доставлялись японцами, а потому повторялись такіе случаи, какъ отмѣченный авторомъ въ сентябрѣ, когда «начали отвратительно кормить—тухлой солониной. У нижнихъ чиновъ сегодня супъ съ червями...»

Съѣстные припасы доставляли японцы и не особенно хлопотали о свѣжести продуктовъ. Сами офицеры могли покупать только разныя мелочи въ лавкѣ, устроенной во дворѣ, чтобы устранить хожденія офицеровъ въ городъ. Въ лавкѣ продавались залежалые товары по очень повышеннымъ цѣнамъ.

Офицеры въ началѣ плѣна очень нуждались въ деньгахъ и только въ концѣ марта получили отъ японскаго правительства маленькое пособіе на обзаведеніе разными мелочами (мыло, щетки и т. п.)—по 10 р. штабъ-офицерамъ, по 6 р. оберъ-офицерамъ и по 5 р. прапорщикамъ. Полученная 14 апрѣля телеграмма о высылкѣ перваго жалованья вызвала «всеобщій восторгъ». Жалованье выдавалось въ той же градаціи—по 75 р., по 50 р. и по 40 рублей.

Эти деньги дали возможность сильно обносившимся офицерамъ одѣться поприличнѣе, въ штатское платье. Многіе, несмотря на жару, продолжали щеголять въ папахахъ, но теперь замѣнили ихъ шляпами. Костюмъ и ботинки обошлись автору дневника всего въ 16 р. Японцы хотѣли заказать для плѣнныхъ зимнее платье, но «мы отказались и пожелали получить деньгами».

Очень страдали офицеры отъ отсутствія бани и не могли привыкнуть къ японскимъ ваннамъ, гдѣ приходилось нѣсколькимъ лицамъ мыться въ одной и той же водѣ безъ перемѣны. Въ первый разъ повели плѣнныхъ мыться только 31 марта, толпою въ 48 человѣкъ, за 4 версты, къ сѣрному горячему источнику. Въ вырытыя ямы вставлены деревянные чаны, куда напускается горячая вода изъ источника. Внизу помѣщенія снималась обувь, затѣмъ поднимались наверхъ и тамъ раздѣвались, а оттуда голышомъ шли внизъ, къ ваннамъ, проходя «чрезъ жилое помѣщеніе, гдѣ присутствовали и женщины, которыхъ, повидимому, нисколько не смущали наши адамовскіе костюмы!...» На мытье дали лишь

три четверти часа и «вода не перемѣнялась», такъ что многіе отказались мыться.

Потомъ стали водить къ этимъ ваннамъ разъ въ недѣлю (въ Ямагуцѣ). Лѣтомъ, въ Фукуонѣ, офицеры почти каждый день купались. Здѣсь была выстроена купальня, за 150 р., кои японцы хотѣли вычесть съ офицеровъ. Осенью опять стали водить въ горячія ванны, гдѣ снаружи «чистота безукоризненная, но приходится нѣсколькимъ влѣзать въ одну ванну». Своеобразное понятіе о «чистотѣ!»...

Со всѣми этими недостатками внѣшней обстановки плѣнные офицеры могли бы еще помириться, если бы ихъ не изводила страшная пустота ихъ жизни—полное отсутствіе какихъ-либо занятій, вѣчная праздность. Конечно, японцы тутъ были ни при чемъ, и русскіе сами виноваты, что не сумѣли устроиться по-человѣчески, найти себѣ занятія и разумныя развлеченія.

Какъ изнывали офицеры отъ своего бездѣлья, на это авторъ дневника плачется постоянно, въ теченіе всѣхъ 10 мѣсяцевъ плѣна. То и дѣло встрѣчаются у него такія, напримѣръ, горькія замѣчанія: «дѣлать положительно нечего, тоска съ каждымъ днемъ увеличивается», или: «скука становится полнѣйшей пыткой... ни книгъ, никакого труда физическаго—это по истинѣ Божіе наказаніе!...»

Въ первое время не было ни газетъ, ни журналовъ, ни книгъ. Американскій пасторъ присылалъ англійскіе журналы и газеты, мѣстные и американскіе, но среди офицеровъ не было знатоковъ этого языка. Иногда доходили до насъ польскія газеты, которымъ плѣнные были очень рады, за отсутствіемъ русскихъ. Послѣднія попадались очень рѣдко. «Попечительство о военно-плѣнныхъ» (японское?) прислало въ апрѣлѣ нѣсколько русскихъ книгъ и газетъ за январь—февраль. 16 іюля попалось «Новое Время» отъ 4 марта.

Въ концѣ іюня русскій епископъ Николай прислалъ нѣсколько русскихъ книгъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Образовалась крошечная библіотечка, куда входили—двѣ книги «Вѣстника Европы», «Нива» за два года, собранія сочиненій Григоровича и Боборыкина, разрозненные томы Поля Бурже и Вальтеръ-Скотта, нѣсколько французскихъ журналовъ и еще кое-что. Все это было быстро прочитано, и офицеры снова оказались «окончательно безъ занятій».

Стали искать всякаго рода развлеченій. Офицеры изготовляли самодѣльные шахматы и играли по цѣлымъ днямъ. Японцы устроили лаунъ-теннисъ и городки. Они же поставили русскій бильярдъ, но брали по 60 к. за часъ игры. Несмотря на такую дороговизну, было много играющихъ. Чтобы еще болѣе привлечь игроковъ, «добрые японцы» стали дѣлать имъ «подарки»—каж-

дому давали по бутылкѣ пива и десятку папиросъ... «И цѣлый день игра шла безконечная».

Лѣтомъ многіе офицеры увлекались рыбною ловлею на удочкахъ.

Нѣкоторые хотѣли заняться изученіемъ иностранныхъ языковъ, но не могли достать руководствъ. Авторъ дневника купилъ руководство японскаго языка, но самостоятельныя занятія имъ, безъ опытнаго руководителя, «подвигались очень плохо».

Иногда устраивалось хоровое пѣніе. Организовался хоръ пѣвчихъ для церковныхъ службъ. Были хорошіе голоса, но пѣли безъ нотъ, по памяти и слуху. Службы отправлялись лѣтомъ на дворѣ, то подъ открытымъ небомъ, то подъ навѣсомъ, зимою въ помѣщеніи. Совершалъ ихъ въ Фукуонѣ о. Андрей, православный японецъ.

Кладбище для плѣнныхъ хорошо устроено на горѣ, на каждой могилѣ каменный памятникъ, съ русскою и японскою надписями. «Во всемъ видна забота молодого православнаго японскаго кружка» въ Фукуонѣ. Отъ епископа Николая плѣнные получили альбомъ съ портретами священниковъ, миссіонеровъ и другихъ дѣятелей «Общества утѣшенія военно-плѣнныхъ». Однако, никакихъ «утѣшеній» плѣнные не получали, если не считать церковныхъ службъ и единственной присылки книгъ.

Нѣкоторое развлеченіе вносили большіе праздники, съ ихъ церковными службами. Довольно торжественно отпразднована Пасха (въ Ямагуцѣ). Большая часть офицеровъ пожелала Страстную недѣлю ѣсть постное. Изъ Токіо епископъ Николай прислалъ японскаго священника о. Петра, который немного говоритъ порусски и уже 14 лѣтъ священствуетъ, но «службу знаетъ плохо, зато служитъ съ благоговѣніемъ». Исповѣдь въ субботу была общая для всѣхъ. Причащались за пасхальной обѣдней. Служба продолжалась 4 часа. Большихъ усилій стоило добиться, чтобы японцы «позволили нарушить правила»—разрѣшили ночную службу и не тушили электричества до 8 часовъ утра. «Было устроено розговѣнье, и, конечно, братія напилась». Черезъ три дня было получено письмо отъ епископа Николая, съ пасхальнымъ привѣтствіемъ отъ него и православныхъ японцевъ.

Но на всѣ эти занятія и развлеченія уходило немного времени, а гораздо усерднѣе убивали его картами и виномъ. Процвѣтали какъ азартныя игры, такъ и скромныя—въ преферансъ и др., «по очень маленькой». Въ концѣ плѣна «дошли до того, что въ дурачки играли съ азартомъ по 6 часовъ сряду... потребовались новыя карты...»

О пьянствѣ плѣнныхъ офицеровъ авторъ упоминаетъ чуть ли не на каждой страницѣ своего дневника. Оно началось еще въ Ямацугѣ, напримѣръ: «по вечерамъ нѣкоторые офицеры предаются

пьянству, пользуясь финансами какой-нибудь дойной коровки...» Тамъ же авторъ отмѣчаетъ: «наше общежитіе становится нестерпимымъ. Братія мѣшаетъ по ночамъ спать; подражая японцамъ, напивается ночью и вообще ведетъ себя чистыми школьниками, по-мальчишески...»

По малѣйшему поводу устраивались пирушки: «день ангела С—го—веліе пьянство...» Подарили часы японскому мальчику, приказчику лавочника, и, «конечно, началась придирка, чтобы попьянствовать...» Пили и по разнымъ поводамъ, и безъ всякихъ поводовъ, лишь бы убить время и какъ-нибудь развлечься...

Въ концѣ плѣна авторъ рисуетъ такую картинку обычнаго времяпрепровожденія офицерства:

«Безпробудное пьянство,—вотъ чѣмъ заняты многіе наши офицеры. Напиваются просто до чертиковъ... Стыдно за нихъ передъ японцами... Благодаря этимъ пьяницамъ, наша жизнь становится адомъ. Нѣтъ силъ переносить весь этотъ сумасшедшій гамъ... Въ одномъ мѣстѣ идетъ дрессировка кота, въ другомъ блеянье поддразниваемаго козленка подполковника К—ва, тутъ пьяный бредъ капитана М—са, тамъ хмельные крики, зазорная пѣсня, здѣсь «политическіе разговоры» безусыхъ воиновъ, смѣло рѣшающихъ судьбы Россіи!..»

Въ какомъ-то другомъ городѣ плѣнные русскіе солдаты и зауряд-прапорщики завели корчемное винокуреніе... Изъ муки и другихъ припасовъ они выкуривали довольно хмельный напитокъ, въ родѣ браги. Увы! японцы закрыли «потайный заводъ и кабачокъ», къ огорченію изобрѣтательныхъ головъ.

Въ Ямагуцѣ и Фукуонѣ пьянствовала преимущественно молодежь. Въ «инцидентахъ» разнаго рода, но всегда почти происходившихъ на пьяной почвѣ, главную роль играли пресловутые прапорщики запаса и заурядъ-прапорщики. Особенно прославились своими подвигами представитель первыхъ П—въ и представитель вторыхъ Ф—въ. «Инциденты» съ участіемъ ихъ разыгрывались очень часто и выходили изъ всякихъ границъ.

Подъ 19 августа авторъ пишетъ: «Сегодняшній день закончился скандаломъ, который ляжетъ пятномъ на русское офицерство. Прапорщикъ П. и заурядъ-прапорщикъ Н. напились пьяными, перелѣзли черезъ заборъ и отправились въ городъ, но вскорѣ были пойманы японцами и водворены въ карцеръ. Вышло это слишкомъ глупо, и тѣмъ болѣе, что вѣдь немного осталось жить на условіяхъ замкнутости, а благодаря ихъ глупой выходкѣ, всѣ мы будемъ стѣснены»... На другой день бѣглецовъ освободили изъ карцера и подвергли на 5 сутокъ «домашнему аресту».

Не успѣлъ истечь этотъ срокъ, какъ буйный П. снова отличился: «произошелъ довольно гнусный инцидентъ: П. по пьяному дѣлу ударилъ пивной бутылкой по лицу прапорщика С—а...»

П—ва взяли подъ караулъ, 17 сентября «окончательно выселили изъ нашего барака».

Живя гдѣ-то отдѣльно отъ офицеровъ, П—въ сталъ водить компанію съ нижними чинами, и тутъ скоро вновь отличился—«взялъ деньги у матросовъ, чтобы устроить театръ, и пропилъ ихъ, за что былъ битъ матросами и японцами. Онъ скрылся въ нашемъ баракѣ, такъ какъ матросы рѣшили его убить...»

Въ концѣ ноября «прапорщикъ П—въ посаженъ въ тюрьму за грабежъ...» Потомъ его выпустили и «разрѣшили гулять съ провожатымъ... Вотъ до чего дошли подонки нашего общества!..»

Не менѣе П—ва отличался и зауряд-пропорщикъ Ф—въ. То онъ избиваетъ японскаго часового, то бьетъ русскихъ денщиковъ и даже офицеровъ до подполковниковъ включительно, то пьянствуетъ съ солдатами и пр. и пр. День рожденія микадо Ф—въ почтилъ особо: напился съ двумя солдатами вдрызгъ, привелъ ихъ въ офицерскій баракъ и сталъ нецензурно ругать штабъ-офицеровъ, а его компаньоны кричали, что «они знамя спасли и имѣютъ какія-то грамоты...» и пр. Авторъ дневника восклицаетъ по поводу этой сцены: «Это была пытка изъ пытокъ!.. Мы ничего не можемъ подѣлать съ нижними чинами, а японцы смѣются, видя наше безсиліе... Каждый нижній чинъ тебя оскорбляетъ, а ты не можешь сократить его...»

Послѣ этой исторіи Ф—ва посадили на гауптвахту на 10 дней, затѣмъ выпустили на слово, что больше пить не будетъ. Разумѣется, слово было скоро нарушено, и Ф—въ «опять сталъ проявлять энергію по пьяному дѣлу». Онъ допился до бѣлой горячки и до того, что кровь пошла горломъ. Подъ 21 декабря авторъ отмѣчаетъ, что «ночь прошла слишкомъ шумно: съ одной стороны пьяная компанія артурцевъ, восхвалявшая свои подвиги въ Артурѣ, съ другой полусумасшедшій Ф—въ, всю ночь напролетъ кричавшій. Финалъ для него былъ очень печальный: былъ битъ японцами и уведенъ подъ арестъ...»

Отъ П—ва и Ф—ва не отставали и другіе офицеры, и не изъ одной молодежи: въ пьяныхъ кутежахъ и даже дракахъ принимали иногда участіе и почтенные подполковники... Въ ноябрѣ у автора есть такая глухая запись, смыслъ которой, однако, ясенъ: «Къ ночи разыгрался грандъ-концертъ, окончившійся рукоприкладствомъ г-ну К—ву (подполковнику), съ безплатнымъ приложеніемъ С—ва (подполковника) и Ф—ва (знаменитаго зауряда). Лишь къ двумъ часамъ ночи прекратилось это безобразіе...»

Но, конечно, пальма первенства принадлежала тутъ молодежи. «Зауряды устраивали скандалы даже въ городѣ», такъ что одно время японцы «перестали пускать въ гостиницы» офицеровъ. Прапорщики и зауряды, водившіе пьяную компанію съ нижними чинами, доходили и до дракъ съ ними. Былъ случай, когда одинъ

прапорщикъ ударилъ солдата, а тотъ хватилъ его пивной бутылкой по головѣ. Оба были пьяны. Солдата отдали «въ руки японцевъ».

Офицеры, пріѣзжавшіе въ Фукуону изъ Ямагуцы, разсказывали, что и у нихъ было немало пьяныхъ инцидентовъ среди офицерства. Такія же вѣсти шли и изъ другихъ пунктовъ стоянки плѣнныхъ.

VI.

Отношенія офицеровъ.

Помимо пьяныхъ инцидентовъ, жизнь плѣнныхъ шла очень ненормально, благодаря большой розни между разными группами офицерства. Къ несчастью ихъ, ни въ Ямагуцѣ, ни въ Фукуонѣ не явилось среди нихъ ни одного авторитетнаго лица, которое сумѣло бы объединить и связать въ дружную семью всѣ разрозненные элементы офицерскаго общества. Старшими по положенію лицами были штабъ-офицеры (сначала подполковники, потомъ явились и полковники), но они не обладали ни малѣйшимъ авторитетомъ и, напротивъ, вызывали одно ироническое отношеніе къ себѣ, благодаря непомѣрнымъ претензіямъ и крайней мелочности характера.

Еще въ Ямагуцѣ авторъ отмѣтилъ: «подполковникъ N полка пристаетъ все съ какими-то претензіями, на которыя отвѣчаютъ ему дерзостями...» Въ Фукуонѣ, въ первые же дни, подполковники К—въ и С—въ едва не разодрались между собою по великому вопросу о... мойкѣ коридора... Въ іюлѣ авторъ упоминаетъ объ «инцидентѣ полковника С., ударившаго денщика подпоручика К—ва...» О дракѣ подполковниковъ К—ва и С—ва упомянуто выше.

Но такихъ трагическихъ исторій было немного, и штабъ-офицеры больше служили предметомъ шутокъ и издѣвательства. «Въ сентябрѣ въ нашемъ районѣ появилась обезьяна, которую наши солдаты приняли за чорта... И на нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ она нагнала страха: они стали запираться въ комнатахъ... Черезъ нѣсколько дней былъ пущенъ слухъ, будто на прогулкѣ японецъ бросилъ въ офицера какимъ-то предметомъ, который взорвался. Оказалось, это выдумка для запугиванья подполковника С—ва...» Этотъ же подполковникъ попалъ въ мѣстную фукуонскую газету, которая «сравнила его съ бонзой, такъ какъ онъ не куритъ, не пьетъ, а все время сидитъ дома...»

Подполковникъ К—въ посвящалъ свои досуги дрессировкѣ козленка, котораго держалъ въ своей комнатѣ. Нижнимъ чинамъ доставляло большое удовольствіе дразнить козленка, къ великому огорченію подполковника.

Понятно, что подобные типы не пользовались ни малѣйшимъ вліяніемъ на офицеровъ, дѣлившихся на разные кружки и партіи, отчасти по полкамъ, а больше по другимъ основаніямъ. Такъ, существовала рѣзкая грань между артурцами и сѣверянами, т. е. офицерами изъ арміи Куропаткина. По прибытіи первой партіи артурцевъ авторъ замѣчаетъ: «артурцы держатся совершенно отдѣльно, считая себя выше насъ, простыхъ смертныхъ... особенно недоступны такъ называемый «ученый кантъ»—артиллеристы...»

Съ однимъ артиллерійскимъ прапорщикомъ пріѣхала изъ Артура жена его, которая, переодѣвшись въ солдатскій костюмъ, сначала ѣхала вмѣстѣ съ солдатами, но потомъ японцы узнали и разрѣшили ей ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ. Съ нимъ же она провела весь плѣнъ въ Японіи.» На что только женщины способны и сколько у нихъ силы воли!..»

Въ сентябрѣ артурцы получили пособіе за потерю имущества при сдачѣ крѣпости: отъ 250 руб. прапорщикамъ до 900 руб. полковникамъ. Авторъ замѣчаетъ: «каково было смотрѣть на это намъ, мукденцамъ, также потерявшимъ все свое имущество...»

Еще болѣе были огорчены нижніе чины-сѣверяне, когда артурцы солдаты получили по 25 руб. пособія. Благодаря этому, «въ пріютѣ нижнихъ чиновъ возгорѣлся сильнѣйшій антагонизмъ между артурцами и сѣверянами... Правительство сдѣлало ошибку, устроивши эту выдачу въ Японіи: слѣдовало отложить ее до возвращенія въ Россію...» Обойденные солдаты негодовали на правительство.

Не менѣе велика была рознь между армейскими солдатами и матросами. Послѣдніе прибыли въ Фукуону послѣ Цусимы, и даже Цусима не сбила спеси съ русскихъ моряковъ!

Матросы безобразничали, пьянствовали и ни въ грошъ ставили русскихъ офицеровъ, нанося имъ ничѣмъ не вызванныя оскорбленія, говоря дерзости, тыкая ихъ. Увидѣвши какъ-то японскихъ моряковъ, авторъ очень хвалитъ ихъ: «что за прелесть народъ!.. въ каждомъ лицѣ читается удаль и осмысленность... На улицахъ ведутъ себя чинно и благоприлично, не то, что наши разбойники (матросы), безобразія и нахальство которыхъ принимаютъ невозможные размѣры...» Между прочимъ матросы «угрожали, что на обратномъ пути перерѣжутъ всѣхъ армейскихъ офицеровъ... Выясняется, что подъ Цусимой они убили командира одного изъ броненосцевъ, который хотѣлъ итти въ бой...» Все свое имущество матросы продали и «занимаются только пьянствомъ, скандалами и драками».

Передъ отъѣздомъ посѣтилъ ихъ морской офицеръ—«какой-то шпютъ. Мы хорошо ему отчитали за поведеніе матросовъ...»

Но также ненормальны были отношенія къ офицерамъ и армейскихъ солдатъ. Послѣдніе, по волѣ японцевъ, помѣщались отдѣльно

отъ офицеровъ, лишенныхъ вначалѣ даже права посѣщать своихъ солдатъ. Естественно, что связь между тѣми и другими совершенно порвалась, и всѣ требованія воинской дисциплины исчезли. Солдаты живо все это почувствовали и стали обращаться съ офицерами запанибрата, чему немало содѣйствовали пресловутые прапоры и зауряды, сами искавшіе или не чуждавшіеся солдатскаго общества.

При случайныхъ встрѣчахъ солдаты обращались съ офицерами крайне грубо, дерзко, нахально. Даже въ госпиталѣ, гдѣ больные офицеры помѣщались вмѣстѣ съ нижними чинами, послѣдніе, особенно матросы, безцеремонно и вслухъ ругались и всячески поносили первыхъ... «Доходя до послѣднихъ предѣловъ грубости», солдаты не слушались не только офицеровъ, но и фельдфебелей, жившихъ съ ними и постоянно жаловавшихся на «крайнюю распущенность» нижнихъ чиновъ. У нихъ процвѣтали пьянство и азартныя игры въ орлянку и др. Особенно все это было развито въ началѣ плѣна, пока у солдатъ водились свои деньги и когда не выпускали изъ бараковъ, кормя очень плохо.

Позже офицерамъ было дозволено посѣщать солдатскіе бараки, и болѣе серьезные представители офицерства дѣлали попытки вновь сблизиться съ солдатами и повліять на нихъ въ хорошую сторону. Когда было получено извѣстіе о «конституціи 17 октября», полковникъ С—въ и нѣкоторые другіе офицеры ходили въ бараки и разъясняли суть дѣла. Манифестъ вызвалъ броженіе среди солдатъ, особенно среди поляковъ и евреевъ, которые жили отдѣльно отъ русскихъ, въ двухъ баракахъ.

Авторъ дневника встрѣтилъ въ баракахъ остатки своей роты и поддерживалъ съ нею постоянныя сношенія, то посѣщая своихъ стрѣлковъ въ баракахъ, по ихъ приглашенію, то принимая ихъ у себя, причемъ угощалъ ихъ, давалъ деньги и проч. Вообще у него сохранились вполнѣ порядочныя отношенія съ своими солдатами, чѣмъ могли похвалиться очень немногіе офицеры...

Въ концѣ плѣна нижніе чины устроили нѣсколько спектаклей, до чего не додумались и офицеры, несмотря на всю свою скуку и жажду развлеченій... На солдатскіе и матросскіе спектакли приглашались нѣкоторые офицеры. Авторъ, посѣтившій одинъ спектакль, нашелъ, что «игра была неважная, но встрѣчались лица очень способныя къ сценическому искусству».

Но такія свѣтлыя черточки въ жизни плѣнныхъ были крайне рѣдки, а въ общемъ она тянулась нескончаемой мрачной полосой. Недаромъ и солдаты, и офицеры покушались на побѣги, всегда неудачные. Еще въ Ямагуцѣ подпоручикъ С—й и прапорщикъ П—въ (см. о немъ выше) «допились до того, что вздумали бѣжать, и сейчасъ же стали приводить въ исполненіе свой планъ», толкуя о немъ во всеуслышаніе. Желая отвлечь ихъ отъ несбы-

точнаго предпріятія, которое могло неблагопріятно отозваться на всѣхъ плѣнныхъ, офицеры попросили старшаго подполковника отговорить С. и П. Послѣдній былъ такъ пьянъ, что, «не понимая, что творится вокругъ, наговорилъ дерзостей офицеру своего полка Д—у, вообразивши, якобы тотъ хотѣлъ донести на бѣглецовъ японцамъ...» Во всякомъ случаѣ побѣгъ не состоялся. На другой день происходило «общее собраніе» офицеровъ, на которомъ рѣшили «П—ва удалить изъ нашей компаніи, но какъ это сдѣлать—вопросъ остался нерѣшеннымъ». Однако, П. не удалили, и онъ переѣхалъ въ Фукуону, гдѣ допился до чертиковъ, но болѣе не покушался на побѣгъ.

Въ Фукуонѣ былъ одинъ случай побѣга, окончившійся, разумѣется, поимкой бѣглецовъ. 24 іюня бѣжали два зауряд-прапорщика, артиллерійскій чиновникъ и два денщика. На другой день бѣгство открылось, и японцы заволновались. «Въ отместку за побѣгъ» они стали утромъ и вечеромъ дѣлать строгую провѣрку офицерамъ, перестали пускать ихъ въ городъ, начали строить заборъ и проч. Майоръ, завѣдывавшій плѣнными, прислалъ рѣзкое письмо съ выговоромъ и бранью по адресу бѣглецовъ, которыхъ величалъ «собаками», «звѣрями» и т. п.

Японцы грозились въ два дня поймать бѣглецовъ, но поймали ихъ только 5 іюля, хотя тѣ могли уйти лишь на 7 верстъ отъ города...» 12 іюля привели бѣглецовъ, а черезъ нѣсколько дней отправили въ другой городъ, гдѣ они приговорены къ 4-лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Остались ли они въ Японіи послѣ отъѣзда плѣнныхъ въ Россію—авторъ не упоминаетъ.

VII.

Отголоски русской революціи.

Въ началѣ пребыванія въ Японіи плѣнныхъ очень мучило полное отсутствіе правдивыхъ извѣстій о ходѣ войны. Японцамъ же нельзя было вѣрить, такъ какъ они «врали напропалую». Приходилось довольствоваться свѣдѣніями иностранныхъ газетъ, гдѣ правда была перемѣшана съ ложью. Не могли плѣнные не согласиться съ отзывами польскихъ газетъ о русскихъ офицерахъ, «прожигавшихъ жизнь» въ Харбинѣ, или англійскихъ газетъ о разногласіяхъ и ссорахъ русскихъ генераловъ на театрѣ войны. Все это подтверждали и собственныя наблюденія плѣнныхъ. Такъ, артурцы прямо говорили, что «Стессель велъ себя преотвратительно», какъ во все время осады, такъ особенно при сдачѣ крѣпости, когда въ хлопотахъ о своей персонѣ позабылъ выговорить болѣе почетныя условія капитуляціи.

Словомъ, война оставила у плѣнныхъ одни горькія разочарованія. Отголоски ея иногда прорывались и въ плѣну. Такъ, много шума надѣлала исторія плѣннаго офицера Т—ча, который какъ-то прямо заявилъ въ собраніи офицеровъ: «я нарочно сдалъ редутъ японцамъ, такъ какъ не обязанъ (sic!) биться съ врагами русскихъ, когда я полякъ»... Это дикое заявленіе русскаго офицера, связаннаго присягой и получавшаго жалованье отъ русскаго правительства, такъ возмутило большинство офицеровъ, что слова Т—ча были «занесены въ протоколъ»... Данъ ли былъ ходъ этому «протоколу»—неизвѣстно.

Въ ноябрѣ въ солдатскихъ баракахъ «русскіе избили поляковъ, которые говорили, что дрались съ японцами по приказу лишь начальства...» Въ газетѣ «Кобе Герольдъ» сообщалось, будто «12.000 плѣнныхъ поляковъ и евреевъ изъявляли готовность принять подданство Японіи»...

Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о войнѣ плѣнные стали получать отъ католическихъ миссіонеровъ, навѣщавшихъ офицеровъ-католиковъ. Страшный позоръ Цусимы отозвался мучительной болью въ сердцахъ плѣнныхъ... Положеніе ихъ было тѣмъ тяжелѣе, что они видѣли ликованіе японцевъ, которые не могли воздержаться, чтобы не пріобщить плѣнныхъ къ своему торжеству; празднуя побѣду надъ русскимъ флотомъ, они въ тѣ дни угощали русскихъ дессертомъ—«печеньемъ въ формѣ рыбы» и проч... У японцевъ были флаги, шествія, фейерверки, музыка и пѣніе («музыка кошачья, пѣніе гортанное, съ дикими выкрикиваньями») и пр. и пр. Такъ они праздновали Мукденъ, Цусиму, Сахалинъ, встрѣчи возвращающихся войскъ, рожденіе микадо и пр.

Вездѣ наталкиваясь на «глубокій патріотизмъ» японцевъ, русскіе плѣнные «невольно обращали взоры на сѣверъ: что-то тамъ творится? какъ тамъ встрѣчаютъ наши опозоренныя войска?.. Стыдно показаться на улицахъ (въ дни празднованія японскихъ побѣдъ) и радъ куда-либо убѣжать, чтобы не видѣть этой всеобщей радости и не слышать этихъ побѣдоносныхъ кликовъ—«банзай» и русское «ура», которому научились японцы. Несмотря на массу пьяныхъ японскихъ солдатъ и горожанъ, «порядокъ и тишина въ городѣ поразительные. Опять сравненіе не въ нашу пользу: сколько у насъ разыгралось бы пьяныхъ скандаловъ, дракъ, шуму, всякаго позору!..»

Извѣстія о заключеніи мира, съ одной стороны, обрадовали плѣнныхъ, такъ какъ указывали на скорый конецъ мучительнаго плѣна, но, съ другой, они «никакъ не ожидали, что Россія пойдетъ на такія уступки», когда было извѣстно (между прочимъ отъ вновь прибывшаго, въ половинѣ августа, плѣннаго офицера изъ отряда Ренненкампфа, захваченнаго на развѣдкѣ), что «Линевичъ стоитъ твердою ногой», что «догадались, наконецъ, пополнить

армію запасными послѣднихъ сроковъ службы» (т. е. лучшимъ цвѣтомъ арміи) и проч. И вдругъ миръ на такихъ тяжелыхъ условіяхъ!..

Японцы были «страшно недовольны миромъ, особенно отсутствіемъ контрибуціи»... Начались противоправительственныя демонстраціи. При безпорядкахъ въ Токіо ранено до 200 человѣкъ, разрушены костелъ, кирка и пр. Но русской церкви не тронули. Англійскія газеты увѣряли, что «японцы вытащили своихъ боговъ на улицу и публично ихъ выпороли»...

Шанхайскія газеты доказывали, что «вовсе не гуманность японцевъ повліяла на заключеніе мира, а полное истощеніе японскихъ средствъ къ продолженію войны...»

28 августа былъ бунтъ въ Фукуонѣ, причемъ толпа бросила двухъ полисменовъ въ воду (одинъ спасся). 2 сентября снова ожидался бунтъ, и плѣнныхъ не пускали въ городъ. Ночью японскій часовой «спросонья закричалъ благимъ матомъ и перепугалъ насъ»... 3-го сентября чернь и школьники покушались сдѣлать нападеніе на бараки плѣнныхъ солдатъ, «изрѣзали» сопротивлявшагося толпѣ японскаго часового. Но нападеніе было отбито.

Скоро, однако, безпорядки вездѣ прекратились. Католическій миссіонеръ, давно и хорошо знающій Японію, увѣрялъ, что «безпорядки были вызваны полиціей, которая отъ нихъ же и пострадала»... Этой комедіей хотѣли повліять на дипломатическіе переговоры о мирѣ, т. е. вырвать уступки въ пользу Японіи...

Но всего болѣе волновали плѣнныхъ извѣстія о внутреннемъ положеніи Россіи. Прямыхъ сношеній съ Россіей почти не было, такъ какъ письма оттуда шли очень медленно—по 2—3 мѣсяца. Приходилось довольствоваться газетными извѣстіями да сообщеніями японцевъ и немногихъ европейцевъ, съ которыми сталкивались плѣнные.

Отовсюду шли страшно преувеличенныя вѣсти о русской революціи, разыгравшейся послѣ объявленія «конституціи 17 октября». Напримѣръ, о «московскомъ мятежѣ» англійскія газеты увѣряли, будто тамъ было 5 тысячъ убитыхъ и 14 тысячъ раненыхъ. Тѣ же газеты сообщали, что «заграничные евреи собирали деньги для дальнѣйшей революціонной борьбы»...

По свѣдѣніямъ плѣнныхъ, бунтъ во Владивостокѣ «былъ дѣломъ поляковъ, евреевъ и японцевъ... Японскій переводчикъ разсказывалъ, что бунтъ начался съ разгрома винныхъ лавокъ и «легкихъ заведеній». Когда начались въ городѣ поджоги, пожарныя команды не тушили водой, а поливали пожарище керосиномъ»...

Революціонное броженіе шло и между плѣнными, благодаря японской пропагандѣ, поддержанной русскими и даже въ генеральскомъ чинѣ... О петербургскихъ событіяхъ 9 января офицеры

узнали въ мартѣ, «изъ очень безграмотныхъ тощихъ брошюрокъ (японскаго издѣлія?), переданныхъ какимъ-то японскимъ генераломъ русскому плѣнному генералу Н—ву, который, посылая брошюрки офицерамъ, просилъ передать для чтенія нижнимъ чинамъ (sic), и хотя офицеры не исполнили генеральской просьбы, но навѣрное добрые японцы постарались сами снабдить нашихъ солдатъ этою пакостью»...

И, дѣйствительно, благодаря японцамъ, среди плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ постоянно распространялись брошюры самаго революціоннаго содержанія, такія же газеты («Наши Дни» и др.) и политическія карикатуры, осмѣивавшія все русское, напр., одна изображала «Куропаткина, который хочетъ бѣжать, но его держитъ Линевичъ»... Однажды авторъ дневника «получилъ письмо отъ своего стрѣлка, сообщавшаго, что у нихъ появились революціонныя брошюры, насчетъ которыхъ онъ просилъ совѣта. Оказались прежнія революціонныя издѣлія, уже извѣстныя офицерамъ»...

Естественно, что среди офицерской молодежи не замедлили появиться своего рода «революціонеры», которые «поверхностно нахватались тощихъ брошюрокъ и стали считать себя вершителями судебъ Россіи... Просто стыдно слушать ихъ бредни... Только и слышно отъ нихъ: «долой буржуазію! теперь время пролетаріевъ!..» Впрочемъ, дальше этихъ нелѣпыхъ криковъ они не шли, продолжая отъ души отдаваться всякимъ буржуазнымъ вожделѣніямъ...

Гораздо серьезнѣе было революціонное броженіе среди нижнихъ чиновъ, многіе изъ которыхъ прямо говорили, что «въ Россіи они примутъ сторону бунтовщиковъ...» Въ ноябрѣ ходили слухи, будто «нижніе чины собираются поджечь наши бараки и убить всѣхъ офицеровъ...» Тревога была настолько серьезная, что «японцы на всякій случай указали намъ путь къ своему гарнизонному собранію, гдѣ мы могли бы укрыться отъ своихъ бунтовщиковъ»... Одинъ русскій солдатъ сказалъ на прогулкѣ офицеру: «гуляй пока!.. а скоро не будешь гулять... всѣхъ васъ перебьемъ!..»

Въ виду этихъ угрозъ и извѣстій объ убійствѣ офицеровъ во Владивостокѣ плѣнные офицеры стали запасаться револьверами.

Въ началѣ ноября прошелъ слухъ, что «въ Нагасакахъ бунтовали два русскихъ парохода, пришедшіе за плѣнными, и были усмирены японцами!..» 10 ноября вернулся оттуда полковникъ С—въ съ печальными новостями: «Ни одинъ изъ нашихъ пароходовъ еще не отправился (съ плѣнными). Въ Нагасакахъ былъ бунтъ среди русскихъ нижнихъ чиновъ, которые хотѣли убить адмирала Рожественскаго. Они кричали, что «теперь свободны и могутъ дѣлать все, что хотятъ»... Усмиряли ихъ японскія миноноски... Какой позоръ!..»

Всѣ подобные отголоски русской революціи немало огорчали и тревожили русскихъ плѣнныхъ, особенно въ послѣдніе дни плѣна, передъ отъѣздомъ въ Россію, когда они не могли дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ въ дѣйствительности на родинѣ. Какъ она встрѣтитъ ихъ? и какъ отнесется къ нимъ революція?—эти вопросы были мучительной загадкой для плѣнныхъ...

VIII.

Знакомство съ японцами.

Хотя русскіе плѣнные не пользовались въ Японіи свободою, все-таки они успѣли отчасти познакомиться съ этою страною и сдѣлать тамъ кое-какія интересныя наблюденія. Японцы сами старались знакомить русскихъ съ лучшими сторонами своей внѣшней, матеріальной культуры, явно хвастались ею и выставляли на видъ. И, дѣйствительно, эта показная сторона ихъ жизни была безукоризненна и поражала русскихъ...

Осенью, когда плѣнные уже пользовались нѣкоторою свободою, авторъ дневника замѣчаетъ: «ходишь, ко всему присматриваешься, и вездѣ находишь удивительный порядокъ и наблюдаешь необыкновенную трудоспособность японцевъ... Какъ далеко намъ до нихъ!.. Какая тщательная обработка полей, производимая главнымъ образомъ женщинами. Вездѣ искусственное орошеніе, образцовый уходъ, неустанная работа. Любопытно, что днемъ никогда не увидишь ни одного пьянаго японца, хотя вечерами они выпиваютъ съ большимъ успѣхомъ...»

Особенно поражало русскихъ обиліе школъ (до 30 тысячъ учащихся) въ Фукуонѣ, сравнительно незначительномъ городѣ, и благоустройство ихъ. Японцы показали офицерамъ всѣ свои школы, начиная съ сельской, для обозрѣнія которой нѣкоторые плѣнные ходили за три версты, въ подгородную деревню. Какъ-то приходили взглянуть на русскихъ мальчики изъ одной сельской школы, лежащей въ 60 верстахъ отъ города. Это не маленькое разстояніе они сдѣлали въ два дня. «По истинѣ можно сказать, что духъ воспитанія ихъ чисто спартанскій...»

По личному приглашенію директора земледѣльческой школы офицеры ѣздили за городъ осматривать его заведеніе. Обстановка школы бѣдная, но устроена она практично. 150 учениковъ сами все работаютъ на поляхъ, огородахъ, въ птичникѣ, свинарникѣ и проч. Ученіе безплатное.

Въ среднихъ школахъ Фукуоны вездѣ образцовый порядокъ, чистота, обширныя помѣщенія. Воспитаніе ведется въ военномъ духѣ, и мальчики проходятъ военныя упражненія, не говоря уже

о гимнастикѣ, которой обязательно обучаются и дѣвочки. «Такое воспитаніе поставлено во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ».

Въ учительской семинаріи, на 600 человѣкъ, есть лабораторія, анатомическій залъ и проч. «Въ каждомъ классѣ всего по 12 учениковъ», отчего обученіе идетъ продуктивнѣе.

Въ мужской гимназіи отличный физическій кабинетъ со всѣми новѣйшими открытіями—есть радій и проч.

Въ мореходной школѣ обучаются мальчики 8—15 лѣтъ. Обученіе практическое: «недаромъ выходятъ такіе чудные моряки!..»

Посѣщали офицеры и женскія училища. Въ одной школѣ дѣвочки между прочимъ танцовали, послѣ чего и наши офицеры показали имъ европейскіе танцы—мазурку, венгерку и другіе, которые очень понравились японкамъ.

Въ «высшей школѣ рукодѣлій» каждый офицеръ получилъ по вышитому ридикюлю. Здѣсь показывали «замѣчательную работу ученицъ: олень, вышитый 75 красками».

Кромѣ школъ, офицеры осматривали госпиталь и музей древностей. Первый хорошо устроенъ, масса воздуха и свѣта, безукоризненная чистота, но обстановка бѣдная. Музей помѣщается въ небольшой комнатѣ, гдѣ собраны каменныя и желѣзныя орудія и проч.

Японцы позволяли офицерамъ ходить въ паркъ, гдѣ шло обученіе новобранцевъ. «Все продѣлывалось ими такъ быстро и аккуратно, что не вѣрилось, что это новобранцы... Сигнализація доведена до совершенства. Видя, какъ они старательно обучаются каждый день, приходилось только удивляться ихъ выносливости... Въ недѣлю они проходили то, чего наши новобранцы съ трудомъ достигаютъ черезъ мѣсяцъ. Гимнастика преподается въ широкихъ размѣрахъ. Нашей «словесности» очень мало...»

Японскіе «запасные солдаты совсѣмъ не то, что наши: это молодые люди, 26—28 лѣтъ, крѣпкіе, выносливые. Несмотря на большой ихъ наплывъ (въ Фукуонѣ), въ городѣ прежній порядокъ и тишина. Нигдѣ не слышно ни отвратительной русской брани, ни мерзкой гармошки, не видно дракъ и скандаловъ. Если и встрѣтится изрѣдка пьяный японскій солдатъ, то онъ держится гораздо приличнѣе русскаго трезваго солдата...»

Какъ-то офицеровъ пригласили на плацъ, гдѣ ученики учительской семинаріи и гимназистки младшихъ классовъ показывали разныя игры, а затѣмъ дѣвочки танцовали. Была между прочимъ «игра въ войну, гдѣ стрѣльбу производили легкими мячиками. Гдѣ больше «раненыхъ» (т. е. задѣтыхъ мячиками), та сторона проигрывала. Этимъ «раненымъ» дѣвочки дѣлали перевязки по всѣмъ правиламъ искусства.

Очень распространены въ Японіи фехтовальные залы и цирки, гдѣ всего болѣе привлекаетъ военная гимнастика. То и другое

было и въ Фукуонѣ, и наши офицеры частенько ихъ посѣщали. На сценѣ фехтовальнаго зала шло фехтованье и борьба, довольно искусная, напоминающая «французскую борьбу». Фехтованье происходило «на палкахъ, можетъ быть, по-японски и хорошо, но для насъ это было какъ-то дико и театрально». Затѣмъ 2 японки фехтовали съ японцемъ «на какомъ-то допотопномъ оружіи».

На это представленіе явилось нѣсколько нашихъ солдатъ и, по приглашенію японцевъ, приняли участіе въ борьбѣ. «Вышли японецъ и нашъ, и первый въ одинъ мигъ лежалъ на землѣ. Съ другимъ японцемъ повторилось то же самое. Но нашъ солдатъ вошелъ уже въ азартъ—сталъ колотить японца объ полъ. Дѣло могло скверно разыграться, и пришлось прекратить единоборство...»

Чрезъ нѣсколько дней вновь состоялась борьба, съ участіемъ нашихъ солдатъ. Когда одинъ изъ нихъ повалилъ японца, распорядитель сталъ помогать своему борцу и далъ ему возможность вывернуться, схватить солдата за горло и такъ его сдавить, что тотъ упалъ въ обморокъ. Японская публика «сильно гоготала» при этомъ... «Вообще, подполковникъ К—въ очень нетактично поступилъ, что позволилъ нашимъ солдатамъ бороться съ японскими профессіональными борцами, которыхъ нарочно выбирали лучшихъ...»

Въ циркѣ, сооруженномъ на скорую руку, въ родѣ нашихъ ярмарочныхъ балагановъ, хороши были эволюціи велосипедиста, а наѣздники и лошади производили жалкое впечатлѣніе.

Бывали офицеры и въ театрѣ, гдѣ представленія идутъ съ 10 ч. утра до 10 вечера, такъ что японцы проводятъ тамъ цѣлые дни, являясь съ семьями, своими закусками и пр. Уставшіе зрители тутъ же растягиваются и спятъ. «Костюмы артистовъ очень богатые, зато публика сидитъ почти голая, прикрываясь лишь поясами стыдливости...» Въ антрактахъ ходятъ разносчики съ лакомствами. Русскіе не засиживались въ театрѣ, такъ какъ ничего не понимали въ содержаніи пьесъ,

Гораздо интереснѣе для нихъ было демонстрированіе въ театрѣ синематографа, съ довольно интересными картинами, но при неудачномъ освѣщеніи.

Въ концѣ плѣна, пользуясь нѣкоторою свободою, русскіе офицеры завели знакомства съ гейшами. Визиты къ нимъ постоянно отмѣчались репортерами фукуонскаго листка... Нѣкоторыя гейши говорили немного по-русски и охотно толковали о незавидномъ положеніи женщины въ Японіи. «Японка—положительно раба и только самка, и больше ничего. Своего я у ней нѣтъ. Воспитаніемъ дѣтей занятъ исключительно отецъ. Мужъ можетъ взять и вторую жену, или выгнать первую, если онъ взялъ ее въ свой домъ, хотя бываютъ и обратные случаи, когда мужа прогоняютъ изъ дома родителей жены...»

«Обращеніе японцевъ съ женщинами самое грубое, циничное и вульгарное. Продажа дѣвушекъ на время не возбраняется, и цѣна имъ колеблется отъ 25 до 50 рублей. Черныя работы несутъ женщины. Въ присутствіи мужчины онѣ не смѣютъ садиться...»

«Нагота нисколько не шокируетъ японцевъ и японокъ. Тѣ и другія вмѣстѣ купаются и моются въ ваннахъ. Лѣтомъ на улицахъ постоянно встрѣчаются мужчины и женщины съ однимъ лишь поясомъ стыдливости. На вокзалѣ, передъ отходомъ поѣзда, японки безцеремонно переодѣваются при публикѣ въ дорожные «киремоны...» Нѣтъ лучшаго способа извести японца, какъ если сказать ему, что они воевали-воевали, а на штаны себѣ не заработали...»

Къ климату Японіи русскіе привыкли. Донимала ихъ только сильнѣйшая жара, доходившая въ августѣ до 46° по Реомюру, когда «положительно нечѣмъ дышать и все время обливаешься пόтомъ».

Напугалъ еще ихъ сильнѣйшій тайфунъ, разразившійся 26 іюля. Ураганъ былъ настолько сильный, что офицерскіе бараки качались и трещали, съ одного барака сорвало крышу и вырвало стѣну въ одной комнатѣ, всѣ стекла въ окнахъ выбиты. Болѣе же легкія помѣщенія—столовая, кухня, лавка и другія—совершенно развалились. «Несмотря на полное разрушеніе столовой, образъ и лампадка уцѣлѣли»...

Изъ развалившейся лавки, хозяева которой разбѣжались, денщики стали тащить товары... Заборъ развалился, и японцы поспѣшили окружить бараки цѣпью часовыхъ, очень безпокоясь, какъ бы офицеры не разбѣжались... Къ ночи тайфунъ утихъ, надѣлавши немало бѣдъ въ городѣ, особенно въ садахъ. Такой силы ураганы бываютъ тамъ черезъ 10—15 лѣтъ.

IX.

Послѣдніе дни плѣна.

Положеніе плѣнныхъ офицеровъ нѣсколько облегчилось послѣ ратификаціи мирнаго договора. 6 октября японскій майоръ Итсу, завѣдывавшій плѣнными, собралъ всѣхъ офицеровъ и объявилъ, что «теперь мы не считаемся военно-плѣнными и можемъ пользоваться свободными прогулками, кромѣ зауряд - прапорщиковъ, которые попрежнему будутъ ходить съ провожатыми. Заурядъ остались недовольны, хотѣли протестовать... Возвратили шашки артурцамъ и тѣмъ изъ мукденцевъ, которые взяты изъ госпиталей. «Обидно становилось» остальнымъ раненымъ, взятымъ въ плѣнъ на полѣ битвы, что имъ не вернули оружія...

«7 октября—первый свободный день!.. Майоръ снова собралъ офицеровъ и показалъ районъ хожденія по городу на сегодня, такъ какъ полиція еще не сдѣлала распоряженій жителямъ, а съ завтрашняго дня можно ходить повсюду и даже выѣзжать въ другія мѣста. Теперь мы подчинены полиціи, которая можетъ накладывать на насъ взысканія за нарушеніе порядка и проч. Однако, «свободныя прогулки» разрѣшены только до 10 ч. веч., такъ что въ сущности мы очутились на положеніи не свободныхъ гражданъ, а воспитанниковъ старшаго возраста...»

Какъ и подобаетъ «великовозрастнымъ воспитанникамъ», офицеры сейчасъ же стали нарушать установленныя правила, и черезъ недѣлю японцы объявили, что «такъ какъ офицеры не возвращаются въ указанное время, то свободныя прогулки будутъ прекращены»... Однако, этой нахальной угрозы они не привели въ исполненіе... Неудобно было ссориться съ «гостями», съ которыми только что роспили «чашу мира»...

Ратификацію мирнаго договора отпраздновали обѣ стороны. 9 октября японцы устроили обѣдъ нижнимъ чинамъ, который «прошелъ не совсѣмъ благополучно—солдаты заболѣли желудками»... Черезъ день японцы устроили въ гостиницѣ пиршество для офицеровъ (безъ заурядовъ), съ участіемъ японскаго православнаго священника, французскаго миссіонера и... гейшъ. Собрались въ 5 ч. дня и сначала шло чаепитіе, при чемъ чай подавали гейши, а затѣмъ былъ «ужинъ въ японскомъ вкусѣ», въ присутствіи тѣхъ же гейшъ, которыя не возсѣдали за столомъ, а только разносили гостямъ «саке» и пиво. «Многіе японцы были навеселѣ, а нѣкоторые показывали видъ, что пьяны. Всюду натянутость и неискренность... Пиръ продолжался до 10 час. веч., а потомъ всѣ разошлись кто куда...»

Для обойденныхъ зауряд - прапорщиковъ японцы устроили обѣдъ въ столовой офицерскихъ бараковъ, но заурядцы, обиженные, что ихъ выдѣлили отъ офицеровъ, имѣли мужество отказаться отъ даровой выпивки...

Офицеры отвѣтили японцамъ—угостили ихъ шампанскимъ въ своей столовой, предварительно снявшись съ ними. Были тосты съ обѣихъ сторонъ, довольно неудачные.

Словомъ, дружескаго сближенія не могло зародиться между обѣими сторонами, черезчуръ далекими другъ отъ друга и по природѣ, и по культурѣ. Тяжелые удары войны и страшно тяжелый плѣнъ, конечно, еще болѣе оттолкнули русскихъ отъ японцевъ. И обѣ стороны разъѣхались въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, не сохранивши одна о другой пріятныхъ воспоминаній...

Мечты о скорѣйшемъ отъѣздѣ изъ Японіи занимали русскихъ чуть ли не съ перваго дня пребыванія въ плѣну и, конечно, страшно усилились послѣ заключенія мира. Еще въ сентябрѣ

переводчикъ порадовалъ плѣнныхъ, что перевозка ихъ въ Россію начнется съ 1 октября. Французскій миссіонеръ подтверждалъ это извѣстіе, увѣряя, что «японцы желаютъ поскорѣе избавиться отъ плѣнныхъ, которые имъ ужасно надоѣли своими претензіями»...

«Отъ этихъ извѣстій публика оживилась. Повсюду слышался стукъ забиваемыхъ ящиковъ». Но слухи не подтвердились, и— «всѣ бродятъ, какъ сонныя мухи, у всѣхъ на языкѣ одинъ вопросъ: а когда мы ѣдемъ?..»

Въ октябрѣ миръ былъ окончательно подписанъ, а плѣнные уже знали, что имъ еще долго сидѣть здѣсь. Французскій консулъ увѣдомилъ офицеровъ, что передъ отъѣздомъ имъ будутъ выданы двухмѣсячные оклады жалованья, а «нуждающимся» пособіе по 100—150 руб. «Вся наша публика записалась на оное пособіе...»

Всѣхъ волновала неизвѣстность маршрута: поѣдутъ ли они прямо въ Россію, чрезъ Одессу, или въ Сибирь, чрезъ Владивостокъ? Перспектива послѣдняго, т. е. возврата въ дѣйствующую армію, ужасала почти всѣхъ...

Въ половинѣ октября прибылъ въ Нагасаки генералъ Даниловъ, русскій комиссаръ по перевозкѣ плѣнныхъ, съ большимъ штатомъ офицеровъ и чиновниковъ (31 чел.) съ русскими докторами, сестрами милосердія и др. Удивительно, что ни комиссару, ни его помощникамъ не пришло въ голову «объѣхать плѣнныхъ, успокоить ихъ, разсказать толкомъ, что творится въ Россіи, объявить сроки и условія нашей отправки и пр. Полная же неизвѣстность была страшно обидна для томящихся въ заключеніи и жаждущихъ воздуха и свѣта родной страны... Такое пренебрежительное отношеніе къ плѣннымъ можетъ въ будущемъ вызвать среди нихъ большіе безпорядки...»

Какъ извѣстно, это предсказаніе автора дневника, записанное имъ въ ноябрѣ, дѣйствительно оправдалось при возвращеніи плѣнныхъ въ Россію, когда среди нижнихъ чиновъ происходили большіе безпорядки въ Нагасакахъ, Владивостокѣ и т. д.

Единственнымъ знакомъ вниманія генерала Данилова къ плѣннымъ въ Фукуонѣ была его телеграмма къ офицерамъ, чтобы они «не ходили въ офицерской формѣ... очень утѣшилъ!..» Да еще раньше пришла отъ него бумага съ мудрымъ совѣтомъ—«терпѣливо ожидать отправки» въ Россію...

Первый транспортъ съ больными плѣнными вышелъ изъ Кобе 12 октября. Затѣмъ первыми стали удирать изъ Японіи русскіе генералы и адмиралы, за ними офицера со средствами, имѣвшіе возможность доѣхать на свой счетъ до Владивостока.

Въ половинѣ декабря уѣхало изъ Фукуоны первая партія больныхъ—6 офицеровъ и 300 солдатъ. Здоровый полковникъ С—въ «имѣлъ порядочное нахальство устроиться съ больными и отстранить отъ первой очереди дѣйствительно больного офицера...»

Остальные плѣнные «до того истомились, что мѣста не находимъ, а о нижнихъ чинахъ нечего и говорить—положеніе ихъ крайне бѣдственное, оттого и бунтуютъ они...» Только 20 декабря нѣсколько порадовала телеграмма отъ генерала Данилова, что отъѣздъ состоится не позже 10 января.

Рождественскіе праздники прошли очень томительно и тоскливо. 31 декабря получили, наконецъ, телеграмму о томъ, что 1 января (1906 г.) выѣзжаютъ «артурцы», а 2 числа «мукденцы». Встрѣтили Новый годъ очень радостно и въ приподнятомъ настроеніи...

2 января плѣнные оставили Фукуону, а 5 числа отрясли прахъ Японіи и сѣли въ Нагасакахъ на пароходъ Добровольнаго флота «Тамбовъ», который шелъ до Владивостока 5 сутокъ, выдержавши дорогою ледяной штормъ. «Пароходъ велъ молодой лейтенантъ, а не капитанъ, который благоразумно остался въ Нагасакахъ», въ виду ожидавшихся во Владивостокѣ волненій.

9 января плѣнные, наконецъ, ступили на русскую землю и «эшалонъ еле успѣлъ проскочить» на желѣзную дорогу, такъ какъ во Владивостокѣ уже начинался извѣстный бунтъ... Плѣнные направлялись въ Манчжурскую армію.

Н. Н.

ПАМЯТИ ПАТРІАРХА МКРТИЧА.

Съ этимъ чуднымъ патріархомъ-старцемъ мнѣ пришлось познакомиться девять лѣтъ тому назадъ въ горахъ и дебряхъ Кавказа. По своей должности уѣзднаго начальника я получилъ предписаніе отъ губернатора выѣхать на границу своего уѣзда и, встрѣтивъ патріарха, сопровождать по уѣзду, который онъ намѣревался осмотрѣть, т. е. всѣ имѣющіеся здѣсь монастыри и церкви. Взявъ съ собой переводчика, нѣсколько всадниковъ земской стражи, я выѣхалъ въ тотъ же день и къ вечеру остановился на ночлегъ въ деревушкѣ на границѣ уѣзда, куда завтра къ часу дня долженъ былъ прибыть католикосъ. На другой день, около 11 часовъ утра, по откосу идущихъ грядой горъ, гдѣ съ одной стороны шла страшная пропасть, въ бинокль отлично можно было различить развѣвающіяся знамена шедшихъ впереди пѣшеходовъ, массу конныхъ и фаэтоновъ, запряженныхъ въ четверку. Все это двигалось длинной вереницей. Не было сомнѣнія, что это ѣдетъ католикосъ. Свѣтло-голубое небо, горный чистый и прозрачный воздухъ, какой только и можетъ быть въ горахъ, разстилающаяся дивная картина мѣстности, поросшей травами и зелеными лѣсами на вершинахъ и покатостяхъ горъ, вздымавшихся все выше и выше къ небесамъ, и кое-гдѣ въ ложбинахъ шумящіе водопады чистой и пѣнящейся, до бѣлизны гигроскопической ваты воды, невѣдомо откуда-то тянувшейся и ниспадавшей въ ущелья. Мертвая тишина въ горахъ и ущельяхъ дополняла картину этого торжественнаго шествія... Они были очень далеко, по крайней мѣрѣ

верстъ за 5—6, но по воздушной линіи, быть можетъ, всего 1—2 версты, не больше. Я сѣлъ на коня и, проѣхавъ это разстояніе, остановился ожидать ихъ прибытія, пока не подъѣхалъ ко мнѣ его фаэтонъ. Я узналъ сразу этого старца уже потому, что его фаэтонъ особенно былъ окруженъ верховыми; тутъ были всадники въ различныхъ костюмахъ: въ черкескахъ различныхъ цвѣтовъ, въ статскомъ платьѣ, монахи въ остроконечныхъ клобукахъ. Все это сразу остановилось. Я снялъ шапку и привѣтствовалъ его теплымъ словомъ съ пожеланіемъ ему счастливаго пути по моему уѣзду, выразивъ при этомъ, что очень счастливъ привѣтствовать святѣйшаго патріарха. Католикосъ сидѣлъ одинъ въ фаэтонѣ, на немъ была надѣта мягкая шелковая шапочка и темноголубого цвѣта шелковая ряса съ широкими рукавами; слѣзши съ коня, одинъ изъ монаховъ-архимандритовъ тотчасъ же перевелъ мое привѣтствіе, на что патріархъ, говоря по-армянски, высоко поднялъ правую руку и, сложивъ крестомъ, благословилъ меня, перекрестивъ мою голову. Переводчикъ передалъ, что его святѣйшество глубоко тронутъ моимъ ласковымъ привѣтствіемъ и проситъ принять благословеніе Божіе надо мной. Затѣмъ мы всѣ двинулись въ путь. Нужно ли говорить, что это была за прогулка: все веселое, полное жизни на рѣзвыхъ коняхъ, не взирая на возрастъ; тутъ были и пожилые, и совсѣмъ старики, и молодежь, молодежь безъ конца! Помимо армянъ тутъ было нѣсколько татарскихъ бековъ, тутъ были и чиновники, и адвокаты, и врачи; они то обгоняли, то ѣхали съ нимъ рядомъ, разговаривая черезъ переводчика. Я разглядывалъ его съ любопытствомъ; его черные проницательные умные глаза не переставали жизнерадостно улыбаться. Онъ безпрестанно курилъ, свертывая крученки. Я попробовалъ предложить ему готовыхъ папиросъ, за что онъ съ добродушной улыбкой поблагодарилъ и воспользовался моимъ предложеніемъ. Вотъ мы опять проѣзжаемъ тѣмъ селеніемъ, гдѣ былъ мой ночлегъ, къ намъ пристаютъ новые всадники на легкихъ коняхъ, въ изящныхъ бѣлаго и гранатоваго цвѣтовъ черкескахъ и бѣлыхъ папахахъ. Молодежь открыла скачку, гарцуя впереди, а тамъ, на вершинахъ и по узкимъ тропинкамъ горъ, гдѣ едва можно пройти пѣшему, виднѣлись кучки крестьянъ и крестьянокъ въ своихъ нарядныхъ праздничныхъ костюмахъ. Они пришли и пріѣхали изъ сосѣднихъ горныхъ селеній привѣтствовать своего айрика. Не умолкая ни минуты, толпа эта махала шапками, крича ему: «Геце-айрикъ! Геце-айрикъ! Да здравствуетъ святой отецъ!» Когда наступилъ вечеръ, рѣшено было ночевать на дачѣ одного богатаго армянина, который такъ умѣло устроилъ шатеръ и массу палатокъ для всей свиты и такъ иллюминовалъ фонарями въѣздъ къ нему на дачу, что все это представлялось чѣмъ-то сказочнымъ; только начавшій накрапывать дождь испор-

тилъ нѣсколько настроеніе. На утро, послѣ довольно сытнаго завтрака, предложеннаго радушными хозяевами, мы тронулись въ путь. До города, гдѣ мы должны были остановиться на нѣсколько дней, оставалось еще проѣхать 17 верстъ. Настала опять чудная погода, вѣтеръ разогналъ тучи, и августовское солнышко весело озарило окрестность. Часовъ въ 11 мы въѣзжали въ городъ, изукрашенный флагами, коврами, гирляндами цвѣтовъ и зелени, зелени безъ конца, на крышахъ домовъ, балконахъ, окнахъ и дверяхъ; въ воздухѣ понесся радостный, торжественный кликъ: «Гецеайрикъ! Геце-айрикъ!» Кричали десятки тысячъ народа, — мужчины, женщины и дѣти всѣхъ возрастовъ махали платками, шапками... все это слилось въ общій гулъ, привѣтствуя спокойно сидящаго патріарха, направо и налѣво благословлявшаго весь этотъ кричавшій до неистовства народъ. Минуты были дѣйствительно захватывающія, многіе плакали отъ преисполненныхъ чувствъ, видя среди себя въ первый разъ въ жизни такого высокаго гостя всего многочисленнаго населенія города. Это было похоже на царскую встрѣчу. Патріархъ проѣхалъ прямо въ соборъ, пробылъ въ немъ нѣсколько минутъ и вышелъ оттуда съ шедшими впереди двумя гайдуками въ красныхъ кафтанахъ и съ булавами; сѣвъ въ фаэтонъ, мы двинулись къ дому, гдѣ ему было отведено помѣщеніе. Ночью домъ былъ иллюминованъ фонарями и стаканчиками, а на улицѣ въ саду горѣли плошки и жгли магній; тысячная толпа, стоявшая предъ домомъ, все время кричала ему привѣтствіе. Въ 11 часовъ вечера патріархъ попросилъ себѣ отдыха, и толпа разошлась безъ всякаго принужденья. У дверей съ улицы мною была поставлена почетная стража изъ конныхъ и пѣшихъ всадниковъ, а также и отъ городской полиціи. На слѣдующее утро было назначено торжественное богослуженіе въ древнемъ соборѣ; самъ католикосъ не принималъ въ немъ участія, а сидѣлъ въ креслѣ подъ особымъ балдахиномъ; пѣлъ хоръ пѣвчихъ на армянскомъ нарѣчіи. Народъ заполнилъ весь храмъ. По окончаніи обѣдни, патріархъ, вставъ съ кресла и взявъ поданный ему посохъ въ руку, взошелъ на амвонъ, прежде всего благословилъ народъ, а затѣмъ, оперщись на посохъ обѣими руками, началъ говорить. Его осанка, интонація голоса, сначала мягкая, полная ласки, обращенная къ своимъ духовнымъ чадамъ, незамѣтно стала переходить во что-то сердитое и недовольное. Переводчикъ передалъ потомъ вкратцѣ, что онъ упрекалъ своихъ духовныхъ дѣтей въ ихъ непостоянствѣ, въ отсутствіи чувства уваженія къ ихъ духовнымъ пастырямъ, а поставленнаго къ нимъ не такъ давно архимандрита они почему-то постарались удалить отъ себя... «Что же, вы хотите, чтобъ я, что ли, былъ у васъ вмѣсто удаленныхъ вами? Вотъ я теперь среди васъ, вы кричите мнѣ привѣтствіе, а черезъ нѣсколько дней вся ваша любовь и

вниманіе разсѣются, и вы такъ же прогоните меня отъ себя, какъ прогнали моихъ ставленниковъ!» Глаза его сдѣлались темными, и лицо нѣсколько поблѣднѣло отъ волненія; мертвая тишина была ему отвѣтомъ. Его звучный голосъ расходился по древнимъ сводамъ собора, который не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ патріарха болѣе 50 лѣтъ. Патріарху былъ отведенъ одинъ изъ лучшихъ домовъ одного богатаго армянина, уже много лѣтъ отсутствовавшаго. Въ богатомъ огромномъ залѣ былъ накрытъ столъ, но патріархъ уклонился отъ общаго обѣда и, какъ оказалось, ѣлъ только одну простоквашу и пилъ очень много кофе. Всѣ армянскія церкви въ городѣ онъ осматривалъ съ большимъ вниманіемъ, дѣлалъ замѣчанія священникамъ, давалъ указанія и проч. Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали въ уѣздъ. Не взирая на завѣренія сопровождавшихъ его почетныхъ лицъ изъ населенія, что можно весь путь проѣхать въ фаэтонѣ, Мкртичъ ни за что не согласился на такую роскошь, а предложилъ ѣхать всѣмъ верхомъ, что ужасно удручило сопровождавшихъ его монаховъ-архимандритовъ, которые никогда бы не поѣхали въ сѣдлѣ. Мы двинулись въ путь; я захватилъ съ собою человѣкъ 15 казаковъ-терцевъ и столько же всадниковъ земской стражи; мы выѣхали въ 8 часовъ утра въ мужской монастырь, заброшенный въ горахъ Акъ-Огланъ. Въ этотъ день мы сдѣлали около 30 верстъ; остановились по дорогѣ въ одной горной деревушкѣ только для того, чтобъ немного дать отдохнуть отъ крутого подъема нашимъ лошадямъ. Къ 5 часамъ дня мы подъѣзжали къ монастырю, расположенному въ котловинѣ окружавшихъ его горъ и обнесенному вокругъ бѣлой каменной стѣной. Для того, чтобъ попасть внутрь двора, нужно было проѣхать двое воротъ съ тяжелыми дверями; сначала былъ маленькій дворъ, а затѣмъ уже, пройдя другія ворота, открывался огромный дворъ, въ которомъ справа и слѣва отъ входа тянутся галереи съ каменными навѣсами. Это бывшія кельи монаховъ, частью съ дверями, частью безъ дверей; говорю—бывшіе, такъ какъ монаховъ въ сущности говоря тамъ не было, а жилъ только одинъ настоятель съ послушникомъ и нѣсколько человѣкъ рабочихъ или сторожей. Настоятель монастыря былъ здѣсь скорѣе управляющій имѣніемъ, такъ какъ всѣ окрестныя земли, принадлежащія монастырю, отдавались въ аренду. Внутри двора стоитъ большая каменная церковь, вокругъ которой сдѣлана широкая панель изъ бѣлаго камня мѣстной породы. Насъ встрѣтилъ въ воротахъ красавецъ-монахъ немного выше средняго роста, брюнетъ съ начинавшей едва сѣдѣть черной бородой, въ шелковой черной рясѣ и остроконечномъ клобукѣ. Онъ подошелъ подъ благословеніе къ патріарху, а затѣмъ къ намъ и познакомился со всѣми, съ весьма радушной улыбкой подавая руку; казалось, что онъ встрѣчалъ у себя давно знакомыхъ ему добрыхъ товарищей. Нѣкоторые изъ сопровожда-

вшихъ патріарха монаховъ знали его раньше и отзывались о немъ очень лестно, какъ о неустрашимомъ защитникѣ своего монастыря отъ недавнихъ и довольно частыхъ нападеній разбойниковъ. На дворѣ монастыря подъ сѣнью чинаръ накрытъ былъ столъ, и грозды крупнаго винограда, персики и гранаты дополняли обиліе тѣхъ яствъ, что пришлось ѣсть за ужиномъ, а кахетинское лилось рѣкой. Въ 9 часовъ вечера поднялась изъ-за окрестныхъ горъ съ юго-восточной стороны красавица-луна и озарила своимъ нѣжнымъ и мягкимъ свѣтомъ нашъ кружокъ, все еще сидѣвшій за столомъ. Давно уже выпито было все кахетинское, а мы все сидѣли и чего-то ждали, какъ вдругъ кому-то пришла мысль осмотрѣть погребъ настоятеля монастыря; сказано, сдѣлано. Нѣсколько человѣкъ отправились туда, въ какую-то преисподнюю, и вскорѣ бережно былъ принесенъ бурдючекъ съ бѣлымъ кахетинскимъ, которое оказалось еще лучше, чѣмъ поданное раньше. Настоятель слабо сопротивлялся, онъ имѣлъ въ виду угостить насъ на утро. Патріархъ уже давно спалъ, а мы все еще допивали вино; ночь была такъ хороша, что никому не хотѣлось покидать оживленной компаніи. Мертвая тишина въ окрестныхъ горахъ и склонившіяся надъ нами вѣтви съ огромными листьями громады-чинары давали уютъ въ этой зелени царственныхъ деревьевъ. Горѣвшія въ садовыхъ колпачкахъ свѣчи и кое-гдѣ прицѣпленные разнаго цвѣта фонари озаряли эту живописную группу въ нарядныхъ кавказскихъ костюмахъ. Спать не хотѣлось, и я съ поручикомъ княземъ Ц., бывшимъ у меня приставомъ, вышли изъ-за стола и пошли гулять. Обошли вокругъ храма нѣсколько разъ и вышли на просторъ. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ скошенныхъ травъ, до того пахучихъ, что становилось душно. Кузнечики стрекотали свой несмолкаемый концертъ, а по дорогѣ вправо и влѣво всюду блестѣли Ивановы червячки. Мы шли, поднимаясь незамѣтно въ гору; вправо отъ насъ тянулись дивныя чинары, и ихъ бѣлые стволы такъ далеко виднѣлись въ голубомъ свѣтѣ лунной ночи. А луна стояла почти надъ нашими головами.

Во время прогулки, продолжавшейся часа два, князь Ц. много разсказывалъ интереснаго объ исторіи монастыря Акъ-Огланъ и между прочимъ о томъ, какъ въ него стрѣляли со стѣны этого монастыря, среди бѣлаго дня, когда онъ проѣзжалъ со своими стражниками по дорогѣ мимо святой обители... Виновнаго такъ онъ и не нашелъ, хотѣлъ было притянуть настоятеля, но... махнулъ рукой, такъ и оставивъ въ забвеньи это покушеніе на свою жизнь; а пролетѣвшая надъ его головой пуля могла бы, конечно, уложить его.

На другой день мы спускались въ склепъ монастыря, гдѣ лежатъ останки какихъ-то чтимыхъ армянскихъ святыхъ. Въ склепъ, довольно глубокій, шла крутая лѣстница, довольно скользкая отъ

страшной сырости; вѣчный мракъ, царящій тамъ, производилъ непріятное впечатлѣніе. Патріархъ спускался туда и прикладывался къ каменнымъ гробницамъ, пробывъ тамъ съ четверть часа. Было большимъ наслажденіемъ покинуть это ужасное подземелье выйти на свѣтъ и тепло. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ бараньяго плова, кстати сказать, довольно вкусно приготовленнаго, мы двинулись на село Енги-Кендъ. Прибывъ туда поздно вечеромъ, мы расположились на отведенныхъ намъ квартирахъ. Только что я собрался съ своимъ компаньономъ К. пить чай на открытой верандѣ, какъ къ намъ наверхъ вошли нѣсколько человѣкъ савандаровъ, или, какъ ихъ зовутъ, зурначи (музыканты, играющіе исключительно на инструментахъ восточнаго типа), съ просьбой разрѣшить имъ играть подъ окнами католикоса; отказать имъ значило прямо ихъ обидѣть. Я послалъ ихъ къ состоявшему при немъ архимандриту М. Черезъ нѣсколько минутъ среди ночной тиши полились дивные звуки восточной мелодіи. Они то замирали, то вдругъ съ силою выливались во что-то могучее. Долго они играли и, видимо, съ душой, пока, наконецъ, его святѣйшество заявилъ имъ, что онъ собирается спать. На утро мы двинулись на границу Д. уѣзда. Мы ѣхали по ужасному солнцепеку. Дорогой патріархъ спрашивалъ меня, какъ понравилась мнѣ вчерашняя музыка? На мой отвѣтъ, что я, къ сожалѣнію, совсѣмъ не понимаю такой музыки, онъ справедливо замѣтилъ, что «дѣйствительно, нужно родиться и жить на Востокѣ, чтобы понимать ее»; при этомъ онъ выразилъ свое восхищеніе, что вотъ уже лѣтъ тридцать, какъ онъ не слыхалъ такихъ чудныхъ исполнителей этой дивной восточной мелодіи. Мы ѣхали голой выжженной степью, кругомъ все было безжизненно. Мы проѣзжали долиною среди горныхъ кряжей, раздвинувшихся въ обѣ стороны верстъ на 20, если не больше. Только темная синева вправо и влѣво, похожая на тучки, могла указать опытному глазу, что эта синева не тучки, а довольно высокія горы, покрытыя густыми лѣсами. Солнце жгло невѣроятно, а мы двигались все впередъ въ сѣверо-западномъ направленіи, приближаясь къ другому уѣзду, на границѣ котораго намъ, т. е. мнѣ и сопровождавшему католикоса почетному конвою, предстояло разстаться на нѣсколько дней. Казаки, непривычные къ такой ѣздѣ, начали одинъ за другимъ отставать. Мы ѣхали мелкой рысцой, точно куда торопились; я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего восхищенія такой неутомимостью патріарху, на что послѣдній отвѣтилъ съ добродушною улыбкою: «Если бы мнѣ да ваши годы, то я, не слѣзая съ коня, сдѣлалъ бы 100 верстъ». Повѣрить этому было легко. Видя, что мои казаки и всадники земской стражи начали раскисать, я рѣшилъ ихъ немного приободрить: «А ну-ка, молодцы, спойте вашу кавказскую, слѣпцовскую!» И казаки точно обрадовались этому, быстро подтянулись и запѣли:

«Съ краевъ полуночи на полдень далекій могучій, державный орелъ прилетѣлъ!..» Стройная, мелодичная пѣсня сразу произвела впечатлѣніе на всѣхъ, даже патріарха, не понимавшаго русскаго языка, и тотъ, подозвавъ къ себѣ переводчика, попросилъ его въ точности перевести слова этой мелодичной пѣсни. Мы проѣхали уже 25 верстъ, а объ остановкѣ патріархъ и не думалъ, все такъ же продолжалъ шутить, какъ бы сознавая свое полное превосходство надъ всѣми. Мы только переглядывались и удивлялись такой мощи, какая еще сохранилась въ немъ. Проѣхавъ такъ еще верстъ пять пыльной дорогой, онъ, наконецъ, сжалился надъ нами, вдругъ круто повернулъ коня къ дереву (мы въѣзжали въ небольшой лѣсокъ), и, быстро спрыгнувъ съ него, онъ отдалъ подбѣжавшему гайдуку поводья.

Возлѣ деревьевъ былъ брошенъ коверъ и подушки. На одну изъ нихъ патріархъ предложилъ мнѣ прилечь, а самъ, отойдя нѣсколько шаговъ, расположился отдыхать подъ деревомъ, куда приказалъ подать другой коверъ и подушку; этимъ онъ далъ понять, что заботится болѣе о сопровождавшихъ его, чѣмъ о себѣ. Подозвавъ архимандрита М., онъ сказалъ ему что-то. Тотъ поклонился въ отвѣтъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ ему изъ вьюка небольшую шкатулку. Патріархъ взялъ бережно ее въ руки, положилъ на коверъ, затѣмъ оглядѣлъ ее, поднялъ крышку и началъ вынимать деньги. Затѣмъ подозвалъ одного изъ гайдуковъ и передалъ ему отсчитанное золото и бумажки. Я задремалъ, чувствуя усталость и отекъ ногъ отъ недвижнаго сидѣнія въ сѣдлѣ. Гайдукъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Эти деньги католикосъ проситъ васъ передать вашей стражѣ, которая насъ сопровождала». Казаки оказались очень довольны такою щедростью почтеннаго айрика, и я приказалъ имъ подойти къ нему съ переводчикомъ и благодарить его, на что патріархъ, выслушавъ ихъ признательность, благословилъ всѣхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ собираться въ путь, а я долженъ былъ возвратиться къ себѣ домой. На предложеніе мое взять хотя часть конвоя, айрикъ наотрѣзъ отказался, сославшись на то, что до границы уѣзда осталось всего лишь 3—4 версты и тамъ ихъ ждетъ новый конвой. Дѣлать нечего, пришлось его послушать. Мы простились. Отъ усталости и непривычной ѣзды въ сѣдлѣ, сдѣлавъ за это время болѣе ста верстъ, у меня ныли ноги, и мнѣ казалось, что пѣшкомъ я могъ бы пройти какое угодно разстояніе, но верхомъ и версты сдѣлать не могъ бы. Отдохнувъ еще немного, я пошелъ пѣшкомъ, что сдѣлали и казаки и вся моя земская стража; имъ это доставляло большое удовольствіе, и они, видимо, чувствовали себя также утомленными. Страшная жара истомила насъ всѣхъ окончательно. Мы прошли такъ, должно быть, верстъ 10. По дорогѣ попадались перелѣски, но вотъ мы вошли во фруктовые сады, гдѣ по обѣимъ

сторонамъ дороги тянулись за невысокой изгородью грецкій орѣхъ и инджирь, а виноградъ переплелъ всѣ эти деревья, образовавъ справа и слѣва безконечный зеленый сводъ. На Кавказѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградъ прививается на деревьяхъ. Какъ тутъ было хорошо!.. Повѣяло прохладой, а свѣжіе гроздья крупнаго винограда свѣшивались тяжелыми пучками, и казалось, что все это скоро начнетъ падать на землю... Казакамъ достаточно было только сказать, чтобъ сорвали мнѣ гроздку винограда утолить жажду, какъ нѣсколько человѣкъ сразу бросились исполнять это пріятнѣйшее порученіе. Не забывъ, конечно, и себя, набравъ въ полы черкесокъ и въ папахи, они спѣшили подать мнѣ каждый наперерывъ свой трофей.

Я забылъ здѣсь упомянуть небезынтересный и назидательный примѣръ для насъ, русскихъ. По окончаніи богослуженія въ старинномъ соборѣ, гдѣ патріархъ, обратясь къ своимъ духовнымъ чадамъ, сталъ упрекать ихъ за безтактность поведенія къ духовнымъ пастырямъ, онъ, сѣвъ послѣ этого въ фаэтонъ, пожелалъ навѣстить православную церковь, гдѣ на паперти его встрѣтилъ нашъ священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и благословилъ его, сопровождая привѣтственной прекрасной рѣчью. Утромъ я предупредилъ священника, что патріархъ намѣревается быть въ церкви. Патріархъ, выслушавъ его привѣтствіе, черезъ переводчика, поцѣловалъ крестъ, высоко поднялъ правую руку, благословилъ его, въ свою очередь, а затѣмъ, войдя въ церковь, направился прямо въ алтарь, гдѣ, приложившись къ антиминсу и обойдя вокругъ престола, вышелъ обратно. Простившись съ священникомъ, мы отправились въ татарскую мечеть. Десятки тысячъ татаръ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, въ черкескахъ, съ кинжалами, татарки въ чадрахъ и дѣти усѣяли крыши домовъ, балконовъ и улицъ, образовавъ изъ себя живую улицу къ мечети; здѣсь не нужна была полиція, не нужно было въ помощь ей присланныхъ воинскимъ начальникомъ солдатъ; толпа стояла неподвижно, мертвая тишина царила всюду; взоры всѣхъ магометанъ были устремлены на этого почтеннаго старца съ окладистой большой сѣдой бородой, бодро выступавшаго среди общаго безмолвія. Никто не шевельнулся, всѣ стояли какъ вкопанные, молча кланяясь... Какъ воспитана эта азіатская толпа! Поучиться намъ, русскимъ, нужно, какъ слѣдуетъ стоять въ такихъ случаяхъ. Никого не нужно было расталкивать, убѣждать, принимать энергичныя мѣры, какъ у насъ, когда, напримѣръ, жандармы осаживаютъ конями народъ, чтобъ увеличить просторъ. Я не могъ не высказать своего восхищенія по адресу татаръ своему переводчику. Какъ они хороши всѣ въ этой тысячной толпѣ! А когда вернулись домой, то и католикосу выразилъ свое удивленіе и восхищеніе благовоспитанностью татаръ, на что и онъ отвѣчалъ

похвалой. Войдя въ мечеть, патріархъ былъ встрѣченъ почтенныхъ лѣтъ престарѣлымъ муллою, который привѣтствовалъ его на турецко-армянскомъ языкѣ, на что патріархъ, выслушавъ его съ добродушной улыбкой, живо отвѣтилъ ему, и послѣ этого съ благоговѣніемъ поцѣловалъ страницы поднесеннаго ему корана. На другой день патріархъ посѣтилъ реальное училище, гдѣ занятія еще по случаю вакаціоннаго времени не производились. Послѣ привѣтствія, сказаннаго ему инспекторомъ классовъ (директоръ былъ въ отпуску), католикосъ обратился съ рѣчью къ собраннымъ ученикамъ. Онъ долго говорилъ съ увлеченіемъ, глаза его часто поднимались какъ бы къ небу. Въ концѣ рѣчи своей онъ, благословляя всѣхъ учениковъ, подходившихъ къ нему, выразилъ глубокое сожалѣніе, что въ молодости своей не выучился говорить по-русски, что теперь очень его стѣсняло. «Хотѣлось бы подѣлиться и поговорить съ вами о многомъ, но мы не поймемъ другъ друга, да и какъ ни былъ бы хорошъ переводчикъ, нѣтъ того удовольствія обмѣна мыслями, когда говорящіе свободно понимаютъ другъ друга». Откланявшись и благословивъ еще разъ, патріархъ вышелъ изъ училища.

Прошло три-четыре года. Я служилъ въ Кагызманѣ, Карсской области. Возвращаясь осенью изъ Россіи, куда ѣздилъ въ отпускъ, узнаю, что сегодня пріѣхалъ сюда католикосъ. Улицы хоть и бѣдно были иллюминованы кое-гдѣ, но все же флаги давали знать, что здѣсь кто-то есть изъ выдающихся пріѣзжихъ. Переодѣвшись съ дороги, я поспѣшилъ къ нему на квартиру; онъ остановился у одного изъ подрядчиковъ нашего полка, богатаго армянина. Мнѣ недолго пришлось ожидать входа къ нему. Въ пріемной я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ знакомыхъ монаховъ; они любезно встрѣтили меня, а одинъ изъ нихъ пошелъ обо мнѣ доложить. Затѣмъ я вошелъ въ комнату, гдѣ принималъ патріархъ. Онъ сразу узналъ меня и я подошелъ къ нему подъ благословеніе. Онъ немало былъ удивленъ встрѣчей со мною здѣсь; затѣмъ мы стали пить кофе и курить его крученки и вспоминали наше путешествіе по горамъ и ущельямъ уѣзда. Просидѣвъ у него съ полчаса, я сталъ откланиваться, пожелавъ ему покойной ночи; было уже около 12 часовъ. Прощаясь, онъ взялъ съ меня слово навѣстить его въ патріаршей резиденціи Эчміадзинѣ, куда звалъ не ранѣе августа, когда созрѣютъ всѣ дары Кавказа: виноградъ, персики, абрикосы, гранаты и прочіе фрукты; но мнѣ не суждено было исполнить свое слово. За эти три года онъ въ общемъ мало измѣнился, только его могучая спина нѣсколько согнулась; но все-таки онъ былъ атлетъ по сложенію. Высокій ростъ, могучая грудь, широкія плечи и красивая голова дѣлали его импонирующимъ надъ всѣми. На утро онъ покинулъ Кагызманъ. Говорили, что поводомъ къ его пріѣзду послужила

недостроенная церковь и возникшія по сему поводу недоразумѣнія. Собравъ всѣхъ прихожанъ-армянъ, онъ выразилъ свое порицаніе небрежной постройкѣ храма, гдѣ должны возноситься молитвы. «А вы что же сдѣлали? безъ денегъ хотите создать такой большой и красивый храмъ, вы задумали варить пловъ на водѣ?» Вчернѣ храмъ былъ совсѣмъ почти готовъ, нужна была только внутренняя отдѣлка.

Несомнѣнно, весь армянскій народъ понесъ въ лицѣ его тяжелую утрату. При событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, когда все Закавказье объято расовой враждой между армянами и татарами, этотъ любвеобильный айрикъ всѣ свои силы, всѣ импульсы своего недюжиннаго ума направлялъ къ тому, чтобъ умиротворить страсти этихъ ужасныхъ людей, способныхъ ежеминутно всадить кинжалъ другъ другу. Онъ молился за всѣхъ ихъ, говоря: «Господи, прости имъ, они не вѣдаютъ бо, что творятъ!»

Великій старецъ патріархъ! Твоя чистая, какъ горный ключъ Кавказа, душа не разбирала религій, она одинаково за всѣхъ возносила Творцу небесному горячія молитвы. Пусть же наша грѣшная молитва будетъ услышана Богомъ о принятіи и успокоеніи души этого молитвенника христіанина-старца въ нѣдра Авраама, Исаака и Іакова. Ты весь былъ отданъ молитвѣ и любви къ ближнему, памятуя эти великія слова нашего Великаго Учителя: «Возлюби ближняго своего, какъ самого себя». Если кто-либо когда видѣлъ разъ этого святѣйшаго патріарха, тотъ никогда не забудетъ его свѣтлый образъ. Да будетъ тебѣ вѣчная память!

Пав. Ефимовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТІЙЦА.

День 28 іюля 1866 года въ городѣ Поти [1]) выдался на диво чудный: дулъ легкій восточный (береговой) вѣтеръ и слегка рябилъ темно-голубую поверхность моря, а восходящее солнце щедро заливало его своими яркими теплыми лучами, въ которыхъ то тамъ, то сямъ въ лазуревой выси купались съ рѣзкимъ крикомъ бѣлыя морскія чайки.

Жизнь шла своимъ чередомъ. Солдаты линейнаго № 37 батальона, находившагося на работахъ по постройкѣ потійскаго порта, были давно разведены по работамъ и вмѣстѣ съ вольнонаемными рабочими и мастеровыми въ одномъ мѣстѣ подкатывали къ копрамъ сваи, въ другомъ на копрахъ вбивали ихъ около берега, въ третьемъ мѣсили цементъ съ пескомъ и щебнемъ и дѣлали бетонные массивы, въ четвертомъ вертѣли колесо землечерпательницы.

---

[1]) Поти расположенъ у устья рѣки Ріона, на обоихъ рукавахъ рѣки и на дельтѣ ея—такъ называемомъ Большомъ островѣ. На южномъ рукавѣ стояла нѣкогда турецкая крѣпость Поти, а на сѣверномъ — велись въ описываемую эпоху работы по постройкѣ порта. Портовое управленіе было расположено на правомъ берегу сѣвернаго рукава, а казармы для солдатъ—на лѣвомъ, недалеко отъ устья. Въ описываемый періодъ портовыя работы главнымъ образомъ заключались въ укрѣпленіи береговъ рѣки Ріона набережными изъ деревянныхъ свай, заготовленіи бетонныхъ массивовъ для мола, углубленія сѣвернаго рукава Ріона путемъ вычерпыванія и т. д. Отъ Поти къ юго-востоку подходитъ Гурія—Озургетскій уѣздъ, а съ сѣвера—Мингрелія—Зугдидскій и Сенакскій уѣзды, за которыми, перейдя Ингуръ, начинаются земли Абхазіи, тянувшіяся до Гагръ. Административнымъ центромъ Абхазіи при русскомъ владычествѣ, или Сухумскаго округа, былъ всегда Сухумъ. Абхазцы представляютъ собой совершенно особое племя между остальными кавказскими племенами мусульманскаго вѣроисповѣданія.

На рѣкѣ Ріонѣ маневрировалъ паровой катеръ «Инженеръ», буксировавшій плавучіе копры, шаланды, землечерпательницы. По серединѣ рѣки, словно бѣлая чайка, неслась на веслахъ изящная бѣлая, съ голубой каймой гичка съ начальникомъ работъ, управляемая севастопольскимъ героемъ и георгіевскимъ кавалеромъ боцманомъ Яковенко—какъ бы начальникомъ морской части портовыхъ командъ, состоявшей изъ матросовъ, видѣвшихъ и Синопъ и севастопольскіе верки и плававшихъ на славныхъ судахъ великаго черноморскаго флота. А далѣе, въ старомъ городѣ, шла своя сутолока на базарѣ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ и домахъ, а по улицамъ мелькали фигурки дѣтей, шедшихъ въ школу.

Надъ обширной площадью работъ стоялъ цѣлый концертъ разнородныхъ звуковъ. Вдали лилось залихватское «Эй, дубинушка, ухнемъ!» и раскатистые удары бабки копра о сваи. Около лодокъ и шаландъ, нѣжно и поэтично журча, плескались рябь и струи теченія рѣки. Всюду стукъ топоровъ и трамбовокъ, громкій говоръ и смѣхъ, слова команды, всюду тотъ характерный гомонъ, стоящій надъ работами, гдѣ рабочему работается хорошо. Отъ времени до времени вдругъ разольется русская пѣснь, то залихватская, въ которую вложилъ всю свою удаль старый кавказскій солдатъ, то печальная, захватывающая душу, проникающая въ ея самыя затаенныя глубины, въ которой русская душа, занесенная въ этотъ чудный, но чужой край, тоскуетъ о далекомъ сѣверѣ, о его черныхъ еляхъ среди снѣжнаго савана, о его травкѣ-муравкѣ, о веселой Танькѣ, о всемъ томъ, что дорого сердцу русскаго мужичка. А тамъ зажужжитъ вдругъ сперва густымъ басомъ, а потомъ, поднимая тонъ все выше и выше, пила на паровой лѣсопильнѣ— вотъ дошла она до самыхъ верхнихъ нотъ своей гаммы и оборвалась—бревно распилено, начинай сначала.

Вся свободная часть населенія, пользуясь чуднымъ утромъ до наступленія полуденнаго іюльскаго жара, высыпала на берегъ моря. Дамское общество разбилось на мелкія группы, оживленно бесѣдовавшія между собой, а дѣти веселой и шумной толпой бѣгали по сѣрому песку пляжа, топча воду, гоняясь за бабочками и собирая раковинки, которыми былъ обильно усыпанъ берегъ.

Никто изъ многочисленныхъ участниковъ этого оживленія не подозрѣвалъ, что произойдетъ здѣсь черезъ какихъ-нибудь 1½—2 часа, и только тогда явилось ожиданіе чего-то необычайнаго, когда вдругъ на горизонтѣ показался несущійся на всѣхъ парахъ пароходъ. Прежде всего замѣтили его гулявшіе на берегу моря, начавшіе слѣдить за нимъ, а когда окончательно выяснилось, что онъ направляется въ Поти, то стали наблюдать и работавшіе.

Быстро разсѣкая лазурь моря, несся военный пароходъ подъ горделиво развѣвавшимся андреевскимъ флагомъ, еще такъ недавно увѣнчаннымъ неувядаемой славой, прямо въ устье Ріона. Совсѣмъ

близко подлетѣлъ онъ и вдругъ, словно по волшебству, остановился, какъ вкопанный, загромыхавъ якорной цѣпью. Черезъ нѣсколько секундъ бортъ окутался облачкомъ дыма, и пушечный выстрѣлъ гулко разостлался по водѣ, затѣмъ еще и еще выстрѣлъ—три выстрѣла, возвѣщавшіе о прибытіи на рейдъ русскаго военнаго судна,—обычай, твердо соблюдавшійся въ тѣ времена.

Но вотъ засвистали дудки, и отъ борта тихо покачивавшагося на якорѣ корвета «Воинъ», золотыя верхушки мачтъ котораго горѣли на солнцѣ, отвалила бѣлая шлюпка съ его командиромъ. Лихо подлетѣла шлюпка съ тѣмъ особеннымъ шикомъ, которымъ щеголяли тогдашніе черноморскіе моряки, къ пристани передъ управленіемъ портовыхъ работъ, и изъ нея проворно выскочилъ командиръ судна капитанъ 1-го ранга Гавришевъ, одинъ изъ многочисленной плеяды славныхъ защитниковъ Севастополя, еще моложавый, видный, красивый мужчина съ благороднымъ лицомъ и грудью, увѣшанной знаками отличія, полученными въ бою, между которыми бѣлѣла и высшая награда воина — георгіевскій крестъ. Быстро исчезъ капитанъ за дверью канцеляріи, и надъ происходившимъ тамъ для остальныхъ опустилась завѣса.

Толкуя и обсуждая только что совершившееся событіе, продолжали солдатики и матросы свою работу, какъ вдругъ воздухъ прорѣзалъ рѣзкій звукъ трубы горниста, и полились хорошо знакомые старымъ кавказцамъ, но давно не слышанные ими звуки боевой тревоги...

Въ одно мгновеніе вся картина измѣнилась; отовсюду бѣгомъ понеслись люди въ цейхгаузъ сдать инструментъ, а оттуда въ казармы за оружіемъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ стояли батальонъ и 2 стрѣлковыя роты №№ 31 и 32 линейныхъ батальоновъ въ полной боевой готовности и вполнѣ снаряженные къ боевому походу, выстроенные на площади вокругъ аналоя, около котораго духовенство приготовлялось къ молебну. Передъ фронтомъ своего батальона стоялъ доблестный полковникъ Фульгинъ—старый кавказскій герой, видѣвшій и дагестанскіе походы, и Башкадыкларъ, и Карсъ, и Гунибъ, и Даховскую битву, а отдѣльно стояло портовое начальство: инженеръ-полковникъ Шавровъ, инженеръ-капитаны Божеряновъ и Жебровскій, военный врачъ Вишневскій и другіе и только что прибывшіе моряки. А за батальономъ стояла густая толпа обитателей города и рабочихъ.

Наступила торжественная минута—шумъ работъ и слова команды смѣнились торжественными звуками церковнаго пѣнія. Глубокое умиленіе разлилось на лицахъ стоящихъ. Истово крестились солдатики. «И колѣно преклонше Господу Богу помолимся»—густо прозвучалъ голосъ батальоннаго діакона, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, за усачами-героями опустилась на колѣна.

Окончилась молитва. «Поздравляю батальонъ съ походомъ»— раздался голосъ полковника Шаврова, и раскатистое «урра!» прокатилось по всей толпѣ и строю и долго висѣло въ воздухѣ, подхваченное командой корвета. А затѣмъ полились торжественные звуки народнаго гимна. «Полковникъ Фульгинъ, выступайте!»—и всколыхнулась вся сѣрая полоса строя, совершавшаго быстро и отчетливо построеніе въ колонну, и вотъ съ развернутымъ истрепаннымъ въ бояхъ знаменемъ, подъ звуки побѣднаго марша, стройной колонной, блестя штыками, двинулся батальонъ къ пристани.

Здѣсь его ожидали моряки, портовые и съ корвета, съ лодками и шаландами, буксируемыми паровымъ катеромъ, на которомъ боцманъ Яковенко послѣдній разъ въ жизни перевозилъ войсковую часть въ бой. Посадка совершалась быстро. Пока люди располагались на палубѣ, корветъ принималъ въ трюмъ провіантъ, палатки, боевые припасы. Каждую отплывающую часть священникъ осѣнялъ крестомъ. Но вотъ отбыли послѣдніе люди и отчалила послѣдняя лодка со священникомъ, докторомъ, фельдшеромъ, инженеръ-капитаномъ Божеряновымъ, командированнымъ для инженерныхъ работъ. Вотъ отчалили обратно портовыя лодки и паровой катеръ отъ судна, и опять облака дыма окутали борта корвета, посылавшаго прощальный салютъ. Запѣнилось море подъ его кормой, и снова, быстро разсѣкая поверхность моря, понесся полнымъ ходомъ вдаль «Воинъ», унося всѣхъ бойцовъ, бывшихъ въ наличности въ Поти. Громкое «урра!» собравшихся на берегу обывателей и рабочихъ провожало отплывавшихъ и не менѣе громкимъ «ура!» отвѣчали на него они. Къ $10^1/_2$ часамъ утра онъ скрылся за горизонтомъ. Въ теченіе около 3 часовъ прибылъ корветъ, снялся съ работъ и снарядился бывшій на работѣ батальонъ, помолился, погрузился и уплылъ. Быстро привыкли работать старые кавказцы, когда надо было исполнять свой долгъ и итти выручать своихъ и умирать за вѣру, царя и отечество! И начальствующія лица безъ всякой канцелярской переписки принимали отвѣтственность на себя за иниціативу и распоряженія въ случаѣ экстренной надобности, не ожидая приказаній.

Но что вызвало весь этотъ переполохъ? Что случилось? Случилось вотъ что.

Вскорѣ послѣ покоренія Восточнаго Закавказья владѣтель Абхазіи князь Михаилъ Шервашидзе, состоявшій у насъ въ подданствѣ, открыто перешелъ на сторону сосѣднихъ горныхъ племенъ и поддерживалъ ихъ въ борьбѣ съ нами, а затѣмъ, видя, что ему не справиться съ русскими войсками, рѣшилъ переселиться со всѣмъ абхазскимъ народомъ въ Турцію и отправилъ депутацію въ Константинополь къ султану съ просьбой принять абхазскій народъ въ свое подданство и разрѣшить ему переселиться въ Малую Азію. Просьба была удовлетворена, и въ Константинополѣ

приготовлены были суда для посылки въ Сухумѣ за абхазцами. Переговоры объ этомъ велись въ такой тайнѣ, что русское правительство узнало о нихъ, когда все было окончено, отъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, объявившаго о предстоящемъ увозѣ абхазцевъ. Выселеніе это не было допущено, но тѣмъ не менѣе часть абхазцевъ, наиболѣе фанатичныхъ и упорныхъ, выѣхали въ Батумъ и далѣе на кочермахъ. Много ихъ погибло въ морѣ, но много высадилось въ Малой Азіи и образовало рядъ поселковъ по берегу моря. Тѣмъ временемъ окончилось покореніе Западнаго Закавказья въ 1864 году и приступлено было къ проведенію въ жизнь вновь покореннаго края либеральныхъ рефоръ, ознаменовавшихъ собой начало царствованія Александра II. Первой изъ нихъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостиой зависимости, въ которой они находились въ Абхазіи, и первымъ шагомъ къ этому былъ выкупъ въ казну земельныхъ имуществъ владѣтеля Абхазіи князя Михаила Шервашидзе и членовъ его семьи, у которыхъ большая часть населенія Абхазіи находилась въ крѣпостной зависимости. Въ подготовительныхъ работахъ прошли 1864 и 1865 и первая половина 1866 года.

Тѣмъ временемъ владѣтель Михаилъ умеръ, оставивъ старшимъ въ родѣ сына своего князя Георгія, состоявшаго адъютантомъ главнокомандующаго. По мѣрѣ приближенія времени освобожденія крестьянъ, недовольство абхазскихъ дворянъ и князей росло все больше и больше, и они всѣми силами разжигали простой народъ противъ русской власти, сообщая ему разныя небылицы. Имъ усердно помогали турецкіе муллы и эмиссары, наводнившіе Абхазію, старавшіеся разжечь среди абхазцевъ мусульманскій фанатизмъ и побудить ихъ выселиться въ Турцію. Для этого не надо было большихъ усилій—легко воспламенявшіеся полудикіе абхазцы, еще не забывшіе войны и экскурсій для грабежей къ своимъ сосѣдямъ, прекращенныхъ русской властью, заволновались быстро, и скоро броженіе охватило всю Абхазію. Начальникъ Сухумскаго округа, полковникъ Коньяръ, отправился въ резиденцію владѣтельныхъ князей Шервашидзе, селеніе Лыхны, и остановился въ домѣ князя Георгія Шервашидзе съ другими чиновниками. Конвой его изъ казаковъ помѣстили въ отдѣльномъ зданіи, вдали отъ дома хозяина. 26 іюля онъ принялъ депутацію отъ абхазскаго народа, состоявшую изъ дворянъ и князей, которые ему объяснили, что распоряженіе русскаго правительства отобрать отъ помѣщиковъ крестьянъ для нихъ невыносимо, что для нихъ очевидно, что это дѣлается по произволу мѣстнаго начальства и что они просятъ его не дѣлать этого. Объясненія, что это дѣлается въ силу закона, что въ этомъ благо народа, ничего не помогли, и собравшаяся толпа абхазцевъ, все увеличивавшаяся, бросилась къ дому владѣтеля, куда укрылся полковникъ Коньяръ съ дру-

гими чинами, и къ арестному дому, откуда она освободила заключенныхъ. Одна часть скопища окружила домъ владѣтеля, а другая пошла на казаковъ и начала ихъ разстрѣливать. Съ большимъ трудомъ удалось казакамъ, нѣсколько человѣкъ изъ которыхъ было убито, постепенно отступить къ каменной церкви и тамъ засѣсть. Въ то же время абхазцы, окружившіе домъ владѣтеля, ворвались въ него и изрубили полковника Коньяра и его спутниковъ. Этотъ кровавый, жестокій, безсмысленный актъ дикаго народа послужилъ сигналомъ къ общему возстанію всей Абхазіи.

Такимъ образомъ, 26 іюля 1866 года и вспыхнуло предпослѣднее возстаніе въ Абхазіи. Вѣсть объ этомъ разнесена была гонцами во всѣ концы Абхазіи, и отовсюду выступили къ Сухуму вооруженные отряды мятежниковъ. Быстро подступили они къ Гудаутамъ, откуда едва удалось бѣжать таможенному чиновнику и нѣсколькимъ казакамъ и другимъ чинамъ на фелюгѣ на стоявшую на рейдѣ военную паровую шхуну «Суокъ-су», которой пришлось сдерживать мятежниковъ артиллерійскимъ огнемъ. Шхуна, однако, продолжала стоять на рейдѣ въ ожиданіи возвращенія полковника Коньяра, въ распоряженіи котораго находилась, и только на слѣдующій день, узнавъ о его печальной участи, снялась съ якоря и возвратилась въ Сухумъ, куда и принесла извѣстіе о возстаніи. Но это уже замѣтили сами сухумцы, такъ какъ къ городу съ утра 27-го іюля стали подступать полчища вооруженныхъ абхазцевъ, а къ 3 часамъ дня къ городу подступили и главныя силы мятежниковъ со стороны Гудаутъ.

Тогда еще живы были традиціи славной кавказской арміи, и растерянности власти ни при какихъ обстоятельствахъ не полагалось. Поэтому никто изъ бывшихъ на мѣстѣ военныхъ не растерялся. Случайно бывшій въ Сухумѣ помощникъ начальника мѣстныхъ войскъ на Кавказѣ полковникъ фонъ-Кульманъ безъ малѣйшаго колебанія, какъ старшій, принялъ начальство надъ всѣми силами, находившимися въ Сухумѣ, и немедленно распорядился защитой города. Жителей и больныхъ перевезли въ крѣпость [1]), войска—4 роты—привели въ боевую готовность и расположили въ ней и на позиціяхъ у входа въ городъ. Оказалась въ наличности и артиллерія: 3 полевыхъ орудія были поставлены на площади передъ церковью, а остальныя—на бастіонахъ крѣпости. Корветъ «Вепрь» и шкуна «Суокъ-су» поставлены были крейсировать вдоль берега, около крѣпости, корветъ «Воинъ» послали въ Поти за 37-мъ линейнымъ батальономъ, а шхуну «Редутъ-Кале»—въ Гагры за подкрѣпленіемъ. Всѣ мѣры были приняты и затѣмъ дано знать въ Тифлисъ о вспыхнувшемъ возстаніи...

---

[1]) Сухумская крѣпость являлась остаткомъ турецкой крѣпости и была обнесена стѣнами, сложенными изъ булыжника; она расположена у самаго отрѣза воды; въ настоящее время она находится въ развалинахъ.

Вотъ почему 28 іюля утромъ корветъ «Воинъ» очутился въ Поти и произвелъ переполохъ, о которомъ мы говорили.

По уходѣ батальона въ Поти потянулись скучные дни—городъ какъ-то сразу опустѣлъ, работы продолжались, но уже не было прежняго оживленія, въ воздухѣ висѣла какая-то тревога... Всѣ были въ ожиданіи вѣстей и безпокоились за близкихъ и ушедшихъ друзей, о которыхъ не было никакихъ прямыхъ вѣстей, но косвенно черезъ туземцевъ шли весьма тревожныя извѣстія о томъ, что Сухумъ штурмуется огромными силами непріятеля, что масса жителей и войскъ перебиты, что крѣпость едва держится... «Теперь, вѣроятно, уже она взята, и всѣ ваши перебиты», прибавляли съ величайшимъ злорадствомъ и ядовитостью мингрельцы въ видѣ соболѣзнованія.

А въ Сухумѣ тѣмъ временемъ происходило въ дѣйствительности слѣдующее. Первое нападеніе абхазскія полчища произвели 27 іюля къ вечеру, полагая застигнуть защитниковъ города врасплохъ: стремительно бросились они къ городу, но здѣсь они были остановлены стрѣлковыми ротами, уже стоявшими на позиціяхъ наготовѣ, которыя 10 разъ переходили въ атаку и штыками отбивали въ 20 разъ болѣе сильнаго непріятеля. Съ досады абхазцы подожгли всѣ строенія, до которыхъ могли добраться, и кругомъ поднялся пожаръ. Багровое зарево поднялось надъ городомъ и озарило всю бухту. На этомъ багровомъ фонѣ темноту по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали огненныя линіи выстрѣловъ нашихъ и вражескихъ и отъ времени до времени вспыхивали орудійные выстрѣлы съ судовъ, обдавая картечью нападавшихъ абхазцевъ. Картина была величественная, но жуткая. Тѣснимыя превосходными силами противника, геройскія роты понемногу отошли къ крѣпости, и всѣ дѣйствія сосредоточились вокругъ нея. Всю ночь трещала перестрѣлка, а отъ времени до времени пушечный выстрѣлъ умѣрялъ пылъ нападавшихъ. Тяжелую ночь провели въ крѣпости спасшіеся въ нее жители съ женами и дѣтьми и больные—каждую минуту можно было ожидать, что наэлектризованныя фанатизмомъ массы абхазцевъ ворвутся въ крѣпость и произведутъ жестокую рѣзню. Каждый дѣлалъ, что могъ, и мужское населеніе вооружилось, кто чѣмъ могъ, и помогало въ укрѣпленіи и защитѣ крѣпости.

Утромъ 28 іюля дѣло приняло еще болѣе серьезный оборотъ: получивъ значительныя подкрѣпленія, непріятель снова началъ атаку, стараясь оттѣснить наши войска къ морскому берегу, уничтожить ихъ и захватить крѣпость до прибытія подкрѣпленій. Но маленькій гарнизонъ оказалъ геройское сопротивленіе и не только отбивалъ приступы, но и самъ ходилъ въ атаку, выбивая абхазцевъ изъ домовъ, въ которые они проникали. Во много десятковъ разъ болѣе многочисленный непріятель, разсчитывая на числен-

ность, бросался бѣшено на крѣпость безъ перерыва, но съ жестокимъ урономъ бывалъ отбитъ каждый разъ. Сила вещей, однако, беретъ свое, и геройскій маленькій гарнизонъ началъ совсѣмъ изнемогать отъ усталости. Какъ разъ къ этому времени, т. е. къ тремъ часамъ пополудни, на сухумскій рейдъ влетѣлъ корветъ «Воинъ», привезшій войска изъ Поти. Подойдя близко къ берегу подъ прикрытіемъ остальныхъ судовъ, не допускавшихъ мятежниковъ близко картечью, онъ приступилъ къ высадкѣ привезенныхъ войскъ на берегъ. Старые кавказцы не только подъ выстрѣлами непріятеля быстро высадились, но немедленно атаковали его на всѣхъ его позиціяхъ и разбили его, потерявъ 3 убитыми и 14 ранеными нижнихъ чиновъ. Несмотря на понесенное сильное пораженіе, непріятель все же еще не терялъ надежду на успѣхъ, и 29 іюля снова весь день абхазцы штурмовали Сухумъ безъ перерыва, но снова отбрасывались съ большимъ урономъ. На слѣдующій день къ абхазцамъ подошли еще подкрѣпленія, и снова густыя колонны ихъ стремительно пошли на штурмъ и снова разбились о стойкость русскихъ войскъ, малыхъ числомъ, но сильныхъ духомъ. Это была послѣдняя попытка ихъ. Потерпѣвъ неудачу, они упали духомъ и къ вечеру, потерявъ надежду на успѣхъ, отступили отъ города за р. Гумисту, занявъ позиціи вокругъ города. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней наши продолжали выбивать непріятеля съ позицій, и къ 2 августа отъ нихъ были очищены ближайшія горы, 3 августа жители Сухума возвратились уже въ свои дома, а 4 августа прекратилась перестрѣлка, и возстаніе собственно окончилось... Тѣмъ временемъ отовсюду стали прибывать войска—изъ Кутаиса, изъ Новороссійска, изъ Кубанской области черезъ горы, и къ 20 августа вся Абхазія была занята подоспѣвшими со всѣхъ сторонъ войсками, численность которыхъ стала настолько велика, что дальнѣйшее сопротивленіе было бы явнымъ безуміемъ, и потому всѣ общества изъявили свою полную покорность и сложили оружіе. Такъ кончилась эта безсмысленная кровавая эпопея, длившаяся около мѣсяца и стоившая жизни нѣсколькимъ стамъ людей. Къ 1 сентября войска были распущены, и черезъ нѣсколько дней военныя суда доставили въ Поти батальонъ и стрѣлковыя роты.

Съ радостью и весельемъ встрѣчали потійцы своихъ героевъ, еще разъ покрывшихъ славой свои знамена. Почти всѣ вернулись цѣлы и невредимы, но все же нѣсколько скромныхъ героевъ остались на полѣ чести, и ихъ кости легли рядомъ съ костями многихъ другихъ безотвѣтныхъ героевъ, положившихъ раньше этого животъ свой за вѣру, царя и отечество.

Въ честь возвратившихся изъ похода былъ устроенъ народный праздникъ, и до поздняго вечера продолжались пѣсни, музыка и пляска. Такъ кончился эпизодъ, взволновавшій потійцевъ, и мѣсячное царствованіе князя Георгія...

Впослѣдствіи обнаружилось, на что разсчитывали абхазцы, что было причиной ихъ упорства, что послужило базой возстанія и какой опасности подвергались потійцы: на помощь къ возставшимъ должны были прибыть нѣсколько десятковъ тысячъ горцевъ и абхазцевъ, переселившихся раньше въ Турцію, скопища которыхъ собрались по ту сторону р. Чороха. Быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ они должны были занять и уничтожить Поти и явиться въ Абхазію. Но отъ сильныхъ дождей въ горахъ вода въ р. Чорохѣ поднялась, и переправа черезъ него стала невозможной, а когда вода спала—возстаніе въ Абхазіи было подавлено, и скопищамъ осталось только разойтись по домамъ. Если бы не вмѣшательство природы, за выбытіемъ въ Сухумъ батальона и стрѣлковыхъ ротъ, оставшійся совершенно беззащитнымъ городъ былъ бы разгромленъ и сожженъ, а жители вырѣзаны фанатиками...

Когда это обнаружилось, каждый изъ потійцевъ въ душѣ возблагодарилъ Бога за чудесное спасеніе.

Вспоминая объ описанномъ эпизодѣ, стрясшемся совершенно неожиданно для всѣхъ и прошедшемъ у меня передъ глазами и сравнивая его съ событіями, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ послѣднее время, я не могу не отмѣтить той бездны, которая лежитъ между ними. Гражданскія власти, такія же бюрократичныя, какъ и теперь, проморгали готовящееся возстаніе, и оно застало всѣхъ врасплохъ. Путей сообщенія почти не существовало, и среди многочисленнаго населенія было разбросано нѣсколько малочисленныхъ командъ. Всѣ были заняты мирными дѣлами, и войска, въ виду того, что военныя дѣйствія совершенно не предвидѣлись, были даже поставлены на строительныя работы. И вотъ, какъ громъ среди яснаго неба, вспыхиваетъ возстаніе, десятки тысячъ вооруженныхъ нафанатизированныхъ мятежниковъ, привыкшихъ къ боямъ, бросаются совершенно неожиданно на единственный русскій городокъ, гдѣ оказалась горсточка солдатъ и нѣсколько начальствующихъ лицъ, и вдругъ, словно на ученіи по расписанію, въ нѣсколько часовъ, разоруженная и лежавшая въ развалинахъ крѣпость и гарнизонъ настолько приводятся въ боевую готовность, что съ перваго же шага наносятъ рядъ пораженій непріятелю. Затѣмъ, внезапно въ городъ, гдѣ ничего не знаютъ о возстаніи, является корветъ за батальономъ, стоявшимъ на работахъ, и въ какихъ-нибудь три часа онъ приведенъ въ боевую готовность, накормленъ, посаженъ на судно при всевозможныхъ неудобствахъ, и черезъ шесть часовъ послѣ посадки высаживается подъ огнемъ непріятеля и наноситъ жестокое пораженіе ему, прямо съ мѣста высадки. А вѣдь около полутора лѣтъ батальонъ стоялъ на работахъ и почти не имѣлъ времени заниматься военными упражненіями. Всѣ начальствующія лица дѣйствуютъ дружно, энергично, не ожидая письменныхъ указаній отъ центральнаго начальства,—отъ

этого и могло произойти, что опасное возстаніе подавлено съ ничтожными силами и ничтожными потерями меньше чѣмъ въ недѣлю. Случись нѣчто подобное теперь, то, по пережитымъ нами примѣрамъ, катастрофа приняла бы грандіозные размѣры. Пока стали бы докладывать начальству и ждать его приказаній, Сухумъ былъ бы взятъ, гарнизонъ его и жители уничтожены, и фактически вся страна попала бы въ руки мятежниковъ, пока начальство занято было бы канцелярской перепиской. Но тогда—сорокъ лѣтъ тому назадъ—живы были еще традиціи доблестныхъ кавказской арміи и черноморскаго флота, живы были герои, покорившіе горы Кавказа и отстаивавшіе бастіоны Севастополя. Тогда всѣ военные и моряки служили родинѣ беззавѣтно и проникнуты были сознаніемъ своего долга. Иниціатива не была искоренена...

А вотъ передъ нами развертывается другая картина событій 1905 и 1906 года—какой поразительный контрастъ, какое отсутствіе авторитетности, отсутствіе иниціативы, дезорганизація власти, какое отсутствіе сознанія долга и подчасъ прямо стыда!...

Кажется, изъ непосредственныхъ участниковъ описаннаго мной событія не осталось ни одного въ живыхъ—скромные герои Севастополя, Гуниба, Башкадыклара отошли въ вѣчность... Но неужели отошли въ вѣчность и тѣ чувства патріотизма, преданности долгу и чести, святого блюденія присяги, гражданской и воинской доблести, которыя ихъ одушевляли и которыя считались прирожденными русскимъ? Неужели они канули въ вѣчность безвозвратно? Дай Богъ, чтобы нѣтъ. Дай Богъ, чтобы то отсутствіе патріотизма, пренебреженіе присягой, трусость, предательство, которыя характеризуютъ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, были лишь результатомъ временнаго упадка душевныхъ силъ народа, чтобы эта нравственная короста скорѣе спала и снова въ немъ пробудились тѣ могучіе нравственные элементы, которыми во всѣ времена былъ такъ силенъ русскій народъ и которые вели его по пути славы, мирнаго преуспѣванія, человѣчности и прогресса и выводили его изъ тяжелыхъ испытаній, которымъ подвергалась его родина въ дни монгольскаго ига, польскихъ нашествій, борьбы съ турками, съ Наполеономъ и т. д. Да не будетъ намъ, потомкамъ славныхъ тѣней, стыдно передъ ними.

Н. Ш.

КЪ БІОГРАФІИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Мой знакомый, членъ саратовской ученой архивной комиссіи Г. Г. Дыбовъ (младшій), живя въ 1905 г. нѣкоторое время въ Петербургѣ, отыскалъ въ архивѣ петербургскаго университета дѣло совѣта этого университета «объ опредѣленіи г. Костомарова на вакантную каѳедру русской исторіи съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора» (№ 90, началось 19 сентября 1859 г., кончено 12 мая 1862 г.) и выписалъ изъ него нѣкоторые документы, относящіеся до ученой дѣятельности Николая Ивановича. Думая, что и эти отрывочныя данныя будутъ небезынтересны въ біографіи извѣстнаго историка, такъ какъ въ жизни выдающагося человѣка всякій важный и неважный документъ, малѣйшій фактъ, ничтожная, казалось бы на первый взглядъ, замѣтка могутъ имѣть большое значеніе для уясненія его характера, дѣятельности, сношеній съ окружающими и прочее, я рѣшаюсь привести на страницахъ историческаго изданія добытыя свѣдѣнія.

Какъ извѣстно, живя въ Саратовѣ, въ должности переводчика тамошняго губернскаго правленія, Костомаровъ хлопоталъ (въ 1857 г.) «о допущеніи его къ преподаванію русскихъ древностей» въ казанскомъ университетѣ [1]), хотя хлопоты эти не увѣнчались

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» за 1903 г., III, стр. 604, статья профессора Боброва «Эпизодъ изъ жизни Костомарова».

желаннымъ успѣхомъ, вслѣдствіе интригъ со стороны тамошнихъ профессоровъ. И ему пришлось еще слишкомъ два года жить въ ненавистномъ Саратовѣ. Въ это время какъ разъ въ петербургскомъ университетѣ, «за увольненіемъ въ отставку заслуженнаго профессора и декана историко-филологическаго факультета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Устрялова», открылась вакантная каѳедра русской исторіи съ окладомъ ординарнаго профессора. Ученая и литературная дѣятельность Костомарова въ ту пору уже была извѣстна, къ тому же многіе изъ членовъ университетскаго совѣта находились съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ (напримѣръ: П. Плетневъ, И. Срезневскій, К. Кавелинъ, Н. М. Благовѣщенскій). Поэтому, «нѣкоторые изъ членовъ совѣта, на основаніи § 77 общаго устава россійскихъ университетовъ» предложили избрать на освободившуюся вакансію «извѣстнаго (какъ сказано въ протоколѣ) ученаго Н. И. Костомарова» [1]). «Кромѣ того, изъявили желаніе поступить на эту каѳедру экстраординарный профессоръ того же университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Касторскій и ординарный профессоръ русской исторіи въ университетѣ св. Владимира статскій совѣтникъ, докторъ историческихъ наукъ, Платонъ Васильевичъ Павловъ. Впослѣдствіи одинъ изъ этихъ конкурентовъ, Касторскій, отказался отъ своего заявленія, а потому не былъ подвергнутъ баллотировкѣ».

По произведенному 15 сентября 1859 г. въ совѣтѣ университета баллотированію, магистръ Костомаровъ получилъ 20 избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ шара, а докторъ Павловъ 4 избирательныхъ и 20 неизбирательныхъ.

«Принимая въ соображеніе столь значительное большинство избирательныхъ голосовъ, данныхъ въ пользу г. Костомарова и выражающихъ общее уваженіе ученаго сословія университета къ ученымъ трудамъ этого конкурента, университетскій совѣтъ, «на основаніи бывшихъ уже примѣровъ опредѣленія магистровъ исправляющими должность профессоровъ», въ засѣданіи того же 15 числа постановилъ: «на вакантную каѳедру русской исторіи опредѣлить коллежскаго асессора магистра Николая Ивановича Костомарова и присвоить ему званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора со всѣмъ содержаніемъ, принадлежащимъ этому званію, изъ имѣющагося вакантнаго оклада ординарнаго профессора».

Донося объ этомъ (19 сентября, за № 1419) попечителю петербургскаго учебнаго округа, совѣтъ просилъ «объ утвержденіи

---

[1]) Изъ донесенія ректора университета попечителю петербургскаго учебнаго округа, отъ 19 сентября 1859 г., № 1419. Въ ожиданіи должности Костомаровъ въ это время проживалъ по Садовой, противъ Гостинаго двора, близъ Публичной библіотеки, въ гостиницѣ Балабина.

изъясненнаго постановленія», при чемъ были приложены подлинный баллотировочный листъ [1]) и аттестатъ объ отставкѣ Костомарова, выданный ему изъ саратовскаго губернскаго правленія отъ 27 апрѣля 1859 г. за № 6350.

Въ аттестатѣ этомъ, между прочимъ, значилось, что «помощникъ старшаго секретаря и переводчикъ саратовскаго губернскаго правленія коллежскій асессоръ Н. И. Костомаровъ холостъ, православнаго испов҃ѣданія, изъ купеческихъ дѣтей», имѣлъ отъ роду (въ 1859 г.) тридцать девять лѣтъ [2]). За нимъ «состояло»: родовое имѣніе въ слободѣ Горасовкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, съ 18 душъ крестьянъ мужского пола и 300 десятинъ земли. По окончаніи курса наукъ въ харьковскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1836 г. и по выдержаніи экзамена на степень кандидата въ 1837 г., Костомаровъ былъ исключенъ (указомъ сената 13 іюня 1838 г.) изъ купеческаго званія.

Дальнѣйшее прохожденіе службы Костомарова не показано. Можетъ быть, по выходѣ изъ университета онъ нигдѣ не служилъ, хотя становится довольно страннымъ, что 26 августа 1842 года онъ сразу былъ опредѣленъ на должность помощника инспектора студентовъ харьковскаго университета, гдѣ пробылъ, однако, недолго, до 30 апрѣля слѣдующаго года, когда «уволенъ отъ означенной должности по прошенію». Годъ спустя, Костомаровъ выдерживаетъ испытаніе на степень магистра, и 4 октября получаетъ дипломъ. 13-го числа того же мѣсяца его назначаютъ старшимъ учителемъ историческихъ наукъ въ ровенскую гимназію, съ выдачею ему третного, не въ зачетъ жалованья 133 р. 33 к., а черезъ годъ (28 іюля 1845 года) состоялся переводъ его въ первую кіевскую гимназію, гдѣ онъ настолько показалъ свои познанія по избранному предмету, что совѣтъ университета св. Владимира избралъ его адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи, въ каковомъ званіи Костомаровъ утвержденъ попечителемъ кіевскаго округа 1 августа 1846 года.

Неудачное участіе Костомарова въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ испортило его служебную карьеру: по высочайшему повелѣнію 23-го мая 1847 года его уволили отъ должности адъюнктъ-про-

---

[1]) Подъ баллотировочнымъ листомъ стояли (какъ можно разобрать) подписи слѣдующихъ профессоровъ: П. Плетнева, И. Срезневскаго, В. Будиловскаго, Д. Чудинова, Н. Благосвѣтлова, И. Березина, А. Савича, Куторги, П. Калмыкова, Д. Хвольсона, К. Кавелина, М. Касторскаго, А. Фишера, Гофмана, Э. Лемма А. Н. Фицтумъ-фонъ-Экстедта, Н. Благовѣщенскаго.

[2]) Мы нарочно выписываемъ нѣкоторыя подробности изъ этого аттестата, чтобы дополнить сообщенныя нами свѣдѣнія о службѣ Николая Ивановича въ Саратовѣ къ статьѣ нашей (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1905, IV, стр. 142—149).

фессора, выдержали цѣлый годъ въ Петропавловской крѣпости и въ 1848 году сослали въ Саратовъ. Тамъ, также по высочайшему приказу 13 января 1849 года, онъ былъ опредѣленъ помощникомъ старшаго секретаря и переводчикомъ губернскаго правленія. Затѣмъ съ 1852 года, по распоряженію начальника тамошней губерніи, состоялъ дѣлопроизводителемъ губернскаго статистическаго комитета. Уволенъ отъ службы по постановленію губернскаго правленія, 24 апрѣля 1859 года, по прошенію, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности. За время своего служенія въ Саратовѣ «къ полученію знака отличной службы препятствій» не имѣлъ, въ походахъ, штрафахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ, аттестовался способнымъ и достойнымъ [1]).

Позднѣе, по требованію ректора петербургскаго университета, саратовское губернское правленіе исправило нѣкоторыя допущенныя въ этомъ аттестатѣ несообразности. Напримѣръ, являлось очень страннымъ, что Костомаровъ, имѣя въ 1859 году 39 лѣтъ отъ роду, кончилъ университетскій курсъ въ 1836 году, слѣдовательно 16 лѣтъ, «чего не могло случиться по той причинѣ, ибо для поступленія въ студенты, на основаніи существовавшихъ тогда правилъ, нужно было имѣть не менѣе 16 лѣтъ». И, кромѣ того, въ аттестатѣ не было указано, когда Костомарову присвоенъ чинъ коллежскаго асессора. Въ высланномъ 10 іюня 1860 года новомъ аттестатѣ губернское правленіе добавило: лѣта отъ роду 43; жалованье по (послѣдней должности) 200 руб., квартирныхъ 143 руб. и пребываніе въ отставкѣ съ 23 мая 1847 года по 13 января 1849 года; чинъ коллежскаго асессора предоставленъ ему, согласно 717 ст. пунк. 3 уст. о службѣ по опред. отъ прав., изд. 1842 года (какъ это видно изъ отношенія попечителя кіевскаго учебнаго округа саратовскому губернатору 13 октября 1854 года).

Приказомъ министра народнаго просвѣщенія 6 ноября 1859 года № 27, Костомаровъ былъ утвержденъ въ званіи исполняющаго должность экстраординарнаго профессора петербургскаго университета, и по предложенію ректора, согласно расписанія, сталъ читать лекціи по русской исторіи для студентовъ 3-го и 4-го курсовъ историко-филологическаго и 2-го курса юридическаго факультетовъ по понедѣльникамъ и пятницамъ, съ $1^1/_2$ часа до 3 часовъ пополудни. Первая лекція прочитана была имъ въ пятницу 20 ноября, о чемъ ректоръ за два дня донесъ попечителю и сообщилъ инспек-

---

[1]) Былъ въ отпускахъ съ 5 іюня по 31 іюля 1845 г.; съ 14 іюня 1852 г. на три мѣсяца и къ должности явился прежде срока, именно 5 августа; съ 28 ноября 1855 г. на два мѣсяца, каковой отпускъ отсроченъ ему еще на два мѣсяца, но до истеченія отсрочки явился 10 марта 1856 г.; съ 20 мая 1857 г. на четыре мѣсяца и явился по истеченіи срока 5 октября, просрочка признана уважительною, и съ 30 іюня 1858 г. на два мѣсяца (явился 1 сентября). Въ отставкѣ съ 30 апрѣля 1843 г. по 13 октября 1844 года.

тору студентовъ, совѣту университета и деканамъ обоихъ факультетовъ.

Въ концѣ мѣсяца Костомарову, чрезъ декана историко-филологическаго факультета, было предложено представить въ совѣтъ программу курса русской исторіи и назначить расписаніе лекцій еще для студентовъ 3-го и 5-го курсовъ этого факультета, обоихъ разрядовъ 1-го курса факультета юридическаго и всѣхъ разрядовъ 1-го курса факультета восточныхъ языковъ.

Такъ началась ученая служба Н. И. въ Петербургѣ. За время по 1860 годъ ему мало приходилось безпокоить университетское начальство своими просьбами. Изъ дальнѣйшихъ выписокъ видно только, что 22 декабря 1859 года онъ входилъ въ канцелярію совѣта съ слѣдующимъ, однако не относящимся къ службѣ прошеніемъ [1]):

«По возникшему въ Сохранной Кассѣ Опекунскаго Совѣта недоумѣнію относительно сходства подписи моей на поданномъ мною въ Коммерческій банкъ объявленіи о перемѣнѣ билетовъ Опекунскаго Совѣта на пятипроцентные съ надписью на объявленіи при вкладѣ денегъ, необходимо свидѣтельство о личности моей и о дѣйствительности подписи на объявленіи, почему, представляя означенное объявленіе, имѣю честь покорнѣйше просить засвидѣтельствовать оное надлежащимъ порядкомъ и вообще удостовѣрить, что я есть, дѣйствительно, то лицо, которое въ объявленіи значится и что это объявленіе подано мною».

Конечно, просимое удостовѣреніе было сдѣлано безъ замедленія (въ тотъ же день), и выдано ему свидѣтельство на свободное проживаніе въ Петербургѣ въ теченіе года.

Въ томъ же году, приказомъ министра народнаго просвѣщенія (отъ 31 декабря № 31), Костомаровъ былъ назначенъ членомъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи [2]).

Назначеніе это, видимо, побудило его 10 іюня слѣдующаго года обратиться въ правленіе университета съ такимъ прошеніемъ:

«Желая воспользоваться вакаціоннымъ временемъ для знакомства съ краемъ, составлявшимъ земли Великаго Новгорода, въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, честь имѣю покорнѣйше просить снабдить меня билетомъ на свободное путешествіе по губерніямъ Санктпетербургской, Новгородской, Выборгской, Псковской, Тверской и Московской по 1 августа текущаго года».

---

[1]) Приводится съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

[2]) Кромѣ того, предложеніемъ попечителя петербургскаго округа, 10 августа 1860 г. за № 3598, согласно представленія университетскаго совѣта, Костомаровъ былъ назначенъ для руководства кандидатовъ-педагоговъ въ теоретическихъ и научныхъ занятіяхъ по русской исторіи и членомъ попечительнаго совѣта по дѣламъ, касающимся до учебной части, срокомъ на два года, съ 1 августа 1860 г.

На другой же день просимое свидѣтельство было выдано. Но Н. И. не ограничился этимъ путешествіемъ. 25 августа исполняющій должность декана историко-филологическаго факультета Благовѣщенскій писалъ совѣту университета:

«Профессоръ русской исторіи Костомаровъ заявилъ факультету о желаніи своемъ посѣтить Волоколамскій монастырь, для ознакомленія съ находящимися тамъ рукописями.

«Историко-филологическій факультетъ, находя такое желаніе г. Костомарова совершенно сообразнымъ съ пользами занимаемой имъ каѳедры, имѣетъ честь ходатайствовать о командированіи профессора Костомарова въ означенный монастырь срокомъ по 25 сентября 1860 года».

Къ сожалѣнію, на этомъ выписки г. Дыбова кончаются, и неизвѣстно, былъ ли командированъ въ Волоколамскъ Н. И. отъ университета, или ѣздилъ туда на свой счетъ.

П. Юдинъ.

ПАМЯТИ Н. П. ЛИНЕВИЧА.

Въ 1904 году я отправился на Дальній Востокъ военнымъ корреспондентомъ московской газеты «Русскій Листокъ». Въ крѣпко-морозный Касьяновъ день мы переправлялись черезъ Байкалъ по ледяной дорогѣ, а 9 марта подъѣзжали къ Мукдену, гдѣ въ штабѣ намѣстника происходило посвященіе въ корреспонденты, а для наблюдательнаго глаза развертывалась типично-китайская жизнь безъ замѣтнаго вліянія европеизма. Здѣсь я разсчитывалъ оставаться до момента «посвященія», но это—увы!—не допускалось «высшими соображеніями» военной администраціи и мнѣ, какъ и другимъ, предложено было оставить Мукденъ въ 24 часа и поселиться въ Харбинѣ и ждать, когда наступитъ торжественный моментъ перевязки руки алымъ кускомъ матеріи. Конечно, Харбинъ, какъ пыльный городъ, не представлялъ собою ничего привлекательнаго, и я просилъ позволенія уѣхать въ Хабаровскъ.

— Въ Хабаровскъ? — сдвигая брови, переспросилъ дежурный олимпіецъ алексѣевскаго штаба.

— Да.

— Что Харбинъ, что Хабаровскъ—все равно.

— Ну, вотъ оттого, что все равно, я и уѣду въ Хабаровскъ.

— Нѣтъ, вы поѣзжайте въ Харбинъ, гдѣ находятся всѣ ваши...

Въ Хабаровскъ тянуло меня не потому, что этотъ городъ Ероѳея Хабарова живописно разбросался на амурскихъ кручахъ, а оттого, что въ немъ пребывалъ генералъ Линевичъ. Суровый и

холодноватый на видъ, онъ былъ въ сущности добрѣйшій и обязательный человѣкъ, и что главное—прямикъ. Въ противоположность многимъ сомнительнымъ «львамъ и орламъ», Линевичъ и понималъ и цѣнилъ работу журналиста и оказывалъ свое содѣйствіе, не скрывая отъ печати того, что представляло интересъ для общества. Просто являлись къ нему въ канцелярію сотрудники дальне-восточныхъ газетъ и такъ же просто, какъ должное, а не благодѣяніе, получали свѣдѣнія. Линевичъ былъ доступенъ и обходителенъ, причемъ онъ не различалъ большой политической газеты и сѣренькаго листка. Всѣмъ одинаковыя свѣдѣнія! Мудрено ли, поэтому, что извѣстность его, какъ «друга журнальной братіи», перевалила за Уралъ, изъ Азіи въ Европу, и что насъ влекло къ привѣтливому «дѣдушкѣ»? Для корреспондента пріятнѣе всего быть освѣдомлену, а въ данномъ случаѣ, вдобавокъ, всякому предоставляется черпать изъ одного и того же и ужъ, разумѣется, не мутнаго источника. Но странное дѣло: безусловное расположеніе Линевича къ печати не способствовало всероссійской популярности его и не связало его крупнаго имени съ собраніемъ анекдотовъ, которые не разъ служили фундаментомъ для извѣстности, въ особенности въ военномъ мірѣ. Обладай Линевичъ скобелевскимъ темпераментомъ, анекдотъ цѣплялся бы и за него, но у нихъ были не совсѣмъ сходные темпераменты; служебные пути обоихъ также лежали различно, хотя Бѣлый генералъ и Линевичъ одинаково стояли на стражѣ свободы мысли и слова, одинаково любили и заботились о солдатѣ и офицерѣ и оба въ равной мѣрѣ отличались неустрашимостью и пониманіемъ момента и психологіи войсковыхъ массъ.

— Ваше высокопревосходительство, — говорятъ Линевичу на опасномъ мѣстѣ:—вы служите цѣлью для японскихъ шимозъ.

Онъ сдержанно усмѣхается:

— Полноте, ихъ цѣль гораздо шире, чѣмъ я.

Шимозы падаютъ, какъ градъ, какъ горохъ, а старый богъ войны преспокойно идетъ по позиціи. Это не удаль, это разсужденіе храбраго. На севастопольскихъ бастіонахъ слышалось то же изъ устъ Нахимова, Корнилова, Истомина... Линевичъ не любилъ войны, какъ войну, ибо это—страшное дѣло; но разъ она вспыхнула,—онъ придерживался скобелевскаго взгляда, именно: на войнѣ нельзя быть «рябчикомъ»... штатскимъ... Разъ начавъ войну, нечего говорить о гуманности. Или я задушу тебя, или ты—меня. Штатскія теоріи тутъ неумѣстны. Я пропущу моментъ уничтожить врага—онъ меня уничтожитъ. Нерѣшительные люди не должны надѣвать на себя военнаго мундира. Въ сущности нѣтъ ничего вреднѣе, и даже болѣе—никто не можетъ быть такъ жестокъ, какъ вредны и жестоки по результатамъ своихъ дѣйствій сантиментальные люди. Вотъ символъ военной вѣры и вотъ почему Линевичъ

всю жизнь порывался впередъ, такъ что ему некогда было остановиться и попросить «княгиню Марью Алексѣвну» замолвить за него карьерное словечко. Оттого ему нечего было дѣлать и во время послѣдней «терпѣливо-медлительной кампаніи», когда так-

Николай Петровичъ Линевичъ.

тика русскаго Квинта Фабія Максима принесла иниціативу въ жертву японскому «маэ-э!» (впередъ!). Куропаткинъ придерживался осторожности, провозгласивъ: «терпѣніе»; Линевичъ доказывалъ необходимость энергичнаго напора на врага. Кто былъ болѣе правъ, исторія скажетъ; но уже теперь очевидно, что убѣжденіе стараго воина имѣло въ виду менѣе численность арміи, чѣмъ духъ ея. Онъ полагался на солдатскій духъ такъ же твердо, какъ и на

мускульную силу. Въ пору мукденской страды Линевичъ посылалъ вмѣсто подкрѣпленій на позиціи—георгіевскіе кресты, и это вновь воспламеняло духъ, и родились герои, казалось, изъ «конченныхъ».

Когда первые удачные шаги нашей кавалеріи были парализованы Тюренченскимъ боемъ, начавшимъ собою рядъ нашихъ военныхъ неудачъ; когда командующему манчжурской арміей приходилось все только считаться съ новыми безплодными жертвами,— взоры солдатъ и офицеровъ стали обращаться къ Линевичу. И этотъ старый, заслуженный рубака и талантливый полководецъ представлялся Палѣемъ. Какъ тотъ, «обезоруженный», но не дряхлый, онъ сиротѣлъ, оставаясь не у дѣлъ. Какія чувства должны были разъѣдать его душу, понять не трудно. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ изучалъ этотъ Востокъ и японцевъ, воспитывалъ по-своему войска... зачѣмъ? чтобы въ бранное время оказаться почти ненужнымъ и видѣть, какъ неудачно пользуются его закаломъ. Любопытно отмѣтить, что съ годами Куропаткинъ какъ будто бы отрѣшался отъ скобелевской рѣшительности, Sturm'а und Drang'а, между тѣмъ Линевичъ проникался ими, имѣя въ виду свойства и характеръ азіатовъ, не исключая японцевъ. Но отсюда нельзя выводить заключеніе, что онъ принадлежалъ съ тѣмъ мундирнымъ семидесятникамъ, которые увѣряли, что азіатъ бѣжитъ при видѣ солдатскихъ сапожищъ, прославившихъ россійскихъ интендантовъ. Линевичъ былъ уменъ и наблюдателенъ: онъ цѣнилъ японское «пушечное мясо» настоящею монетой; не отрицая у японцевъ ума, отдавая должное ихъ дисциплинѣ и выдержкѣ, онъ, однако, не преклонялся ни предъ быстрой сообразительностью и находчивостью, ни предъ выносливостью ихъ. Линевичъ говорилъ:

— Какое можетъ быть сравненіе между русской и японской выносливостью: японецъ, пробывъ одинъ день безъ пищи, становится нервенъ и прямо обузою, а нашему солдату сполáгоря и послѣ трехдневной голодовки...

— Зато японцы мало ѣдятъ.

— Да, мало. А по скольку разъ въ день? По 4—5 разъ.

— Однако, они очень выносливы...

— Помню массы отсталыхъ въ 1900 году, какъ же, какъ же!— смѣялся глазами генералъ.

Линевича держали не у дѣлъ, проча,—какъ говорили въ Харбинѣ тогда,—для «обходнаго движенія». Въ этихъ послѣднихъ словахъ звучала иронія, пускай даже помимо чьего бы ни было желанія... Кто кого хотѣлъ обойти: японцы ли русскихъ, или наши ихъ? Богъ знаетъ. Но Линевичъ изнывалъ безъ дѣла, и обида была тѣмъ острѣе, что некому было ею излиться. До слуха стараго полководца долетали отдѣльныя выраженія сочувствія. «Линевичъ ди-бу-го» (непобѣдимый), говорили китайцы; военные корре-

спонденты изъ-за рубежа (напр., Гедке) относились съ полнымъ уваженіемъ къ талантамъ «героя Пекина»; и самъ онъ чувствуетъ, что еще есть «порохъ въ пороховницѣ». Но что же? Руки связаны. Это гнетущее зрѣлище: видѣть въ клѣткѣ орла или льва.

Между тѣмъ, старый орелъ оказался какъ разъ въ клѣткѣ. Орелъ ли?—Да, орелъ: послужной списокъ—свидѣтель. Бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое покойнаго полководца: оно безъ пятнышка, безъ сучка, безъ задоринки; понятно, поэтому, что Линевичъ не облекалъ его тайною. Николай Петровичъ родился въ 1838 году въ Черниговской губерніи и учился въ мѣстной гимназіи. Какъ Александра Македонскаго съ раннихъ лѣтъ плѣняла «Иліада» тѣмъ, что въ ней воспѣвался Ахиллъ; какъ Суворова, предназначавшагося отцомъ въ гражданскую службу, увлекалъ не Плутархъ, а Юлій Цезарь, не столько литература, сколько записки Монтекукули,—такъ и Линевича-гимназиста захватили полководцы древности, дѣянія которыхъ указывали ему его собственный житейскій путь; призваніе опредѣлилось рано: семнадцати лѣтъ (1855) Линевичъ уже юнкеръ въ запасномъ батальонѣ 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка, черезъ годъ—прапорщикъ, а въ 1857 онъ стремится въ «край, облитый русской кровью»,—на Кавказъ, гдѣ, назначенный (въ 1856 г.) главнокомандующимъ, кн. А. И. Барятинскій рѣшительно измѣняетъ характеръ борьбы съ горцами, и вялая до сихъ поръ эта борьба становится лихорадочной и пылкой. Порывистый девятнадцатилѣтній Линевичъ окунулся въ свою стихію, но само собою разумѣется, что самыя обстоятельства и условія боевой службы обращали жизнь юноши въ существованіе мотылька: «сегодня живъ, а завтра что Богъ дастъ». Съ другой стороны, они же закаляли духъ,—тотъ скрытый огонь, по выраженію графа Л. Н. Толстого, который служитъ элементомъ побѣды. Семь лѣтъ кавказской службы привили къ Линевичу опытъ, боевое благоразуміе и придали ему закваску Барятинскаго, Евдокимова, не говоря о другихъ, менѣе извѣстныхъ, но даровитыхъ воинахъ.

Пріобрѣтя около Сочи небольшой дачный участокъ, я захотѣлъ узнать, кто изъ русскихъ первый обратилъ вниманіе на этотъ восхитительный уголокъ «Русской Ривьеры». Тутъ обнаружилось нѣчто болѣе занимательное; оказалось, что былой Даховскій посадъ чуть ли не перваго русскаго увидѣлъ именно Линевича, который, не обращая вниманія на черкесскія пули, ворвался съ нѣсколькими десятками лихихъ стрѣлковъ. Это—въ эпоху Барятинскаго.

Старые солдаты говорятъ, что страшна первая битва; разъ обстрѣлянный смѣло идетъ въ бой; вотъ почему одинъ георгіевскій крестъ, будто бы, и вызываетъ обыкновенно жажду. Оттого, думается, и война за освобожденіе славянъ вновь подхватила уже почти 40-лѣтняго Н. П. Линевича и бросила его на «родной» кавказскій театръ. Будь на его груди академическій знакъ или

имѣй онъ покровителей, развѣ Линевичъ былъ бы черезъ 20 слишкомъ лѣтъ службы только командиромъ (2-го кавказскаго стрѣлковаго) батальона?

Памятенъ кавказскій театръ войны 77—78 годовъ: 12 апрѣля 1877 года былъ объявленъ манифестъ о началѣ военныхъ дѣйствій, а недѣлю спустя изъ Азіи уже шли вѣсти о томъ, что турки выслали свой флотъ къ черноморскому побережью и въ донесеніи впервые мелькнули Муха-Эстатскія высоты, занятыя приріонскимъ отрядомъ. Наша цѣль была взять Карсъ и Батумъ. И они пали, и если небо бросало побѣдителямъ лавры, то немало ихъ досталось и Линевичу, который возвратился съ войны полковникомъ, украшеннымъ золотымъ оружіемъ и орденами до Георгія включительно. Но знаки отличія дались недаромъ: Линевичъ, по его выраженію, еще ранѣе получилъ «внутренніе знаки отличія», тѣ раны, одна изъ которыхъ сдѣлала его хромымъ; подполковникъ Линевичъ остался все тѣмъ же лихимъ воиномъ, какимъ его зналъ Кавказъ въ 57—64 годахъ. Онъ грудью встрѣтилъ турецкую атаку 1 августа 1877 г., когда Мухтаръ-паша опрокинулъ большую силу на Муха-Эстатскія высоты; онъ орломъ влетѣлъ въ Батумъ и поднялъ русскій флагъ. Пылъ Линевича соотвѣтствовалъ значенію этого города,—огромному значенію, которое лордъ Биконсфильдъ напрасно хотѣлъ затушевать сарказмомъ. Вы помните это засѣданіе англійскаго парламента послѣ закрытія Берлинскаго конгресса? Англійскіе «лучшіе люди» гомерически хохочутъ, потому что глава министерства далъ волю своему остроумію и сравниваетъ Батумъ съ ихъ Портсмутомъ, а Портсмутъ ничтожная изъ гаваней.

«Въ Батумѣ умѣщаются два-три судна».

«Батумъ—это коузъ (коровья стоянка)».

Внутреннія и внѣшнія отличія были силою, которая двинула впередъ Линевича, выдѣливъ его изъ сѣрыхъ, какъ солдатская шинель, дюжинъ. Ему данъ Ширванскій полкъ, достойный талантливаго и храбраго командира, родной и близкій ему по духу и воспоминаніямъ. Еще въ бытность свою прапорщикомъ, Линевичъ былъ свидѣтелемъ славныхъ подвиговъ ширванцевъ на Кавказѣ; ихъ трофеи зажигали молодое сердце, отъ нихъ молодежь училась побѣждать или умирать. Послѣ шестилѣтняго командованія полкомъ Линевичъ получаетъ (1885 г.) 2-ую закаспійскую стрѣлковую бригаду, а въ 1888 году начальствуетъ отрядомъ на границѣ съ Афганистаномъ. Это были годы политическаго напряженія, когда разрывъ нашихъ мирныхъ отношеній съ Англіей казался неизбѣжнымъ. Гроза, впрочемъ, миновала.

Произведенный въ 1891 г. въ генералъ-майоры, Линевичъ въ 1895 назначается командующимъ войсками южно-уссурійскаго отдѣла пріамурскаго военнаго округа. Изъ закаспійской глуши

является онъ въ глубь русско-«сибирскихъ» владѣній выполнять работу, отвѣтственную и незамѣтную, какъ работа режиссера. Талантливый режиссеръ подготовляетъ великолѣпное зрѣлище, но онъ не имѣетъ права разсчитывать на то, что навѣрно будетъ оцѣненъ по достоинству; нѣтъ, скорѣе онъ останется въ тѣни, и въ то время, когда другіе станутъ пожинать лавры, ему останется, можетъ быть, довольствоваться сознаніемъ честно исполненнаго долга предъ царемъ и отечествомъ... И только. Не больше того.

Отъ Хабаровска до Владивостока, по сторонамъ торопливой Уссури—полутаинственная, молчаливая и мрачная Русь. Великолѣпныя въ своемъ угрюмомъ величіи горы, дѣвственные лѣса и неоглядныя, перемежающіяся болота, гдѣ отдыхаютъ послѣ охоты на почтальоновъ тигры. Въ ядрѣ этой полутаинственной, молчаливой и мрачной Руси находится Никольскъ, съ 1898 года городъ, а до того времени село. Центръ всего южно-уссурійскаго округа, Никольскъ служитъ квартирою командующаго войсками; сюда-то въ 1895 году прибылъ Линевичъ. Съ его прибытіемъ окраинный муравейникъ зашевелился, ожилъ. Надо согласиться, что внѣшнимъ показателемъ роста и духовныхъ запросовъ города является наличность печатныхъ органовъ и обществъ просвѣтительнаго характера. А развитію тѣхъ и другихъ способствуетъ столько же населеніе, сколько и власти.

Щедринскій Угрюмъ Бурчеевъ, поставленный во главѣ города, разумѣется, не сдѣлаетъ его новыми Аѳинами, но станетъ душить всякое проявленіе общественной иниціативы и творческой мысли; онъ превратитъ живой и жизнеспособный организмъ въ «издыхающій Ташкентъ». Съ уссурійскимъ Никольскомъ случилось при Линевичѣ наоборотъ. Если постройка Китайской Восточной желѣзной дороги подняла его экономически, то возникновеніе газеты, ростъ войсковой библіотеки и мѣстнаго общества любителей садоводства и огородничества и благотворительныхъ обществъ такъ или иначе обязаны благорасположенію Линевича. Человѣкъ съ общекультурнымъ, а не кастовымъ взглядомъ, наблюдательный, вдумчивый, весьма начитанный и прошедшій основательную житейскую школу, онъ понималъ, какое важное значеніе имѣетъ работа интеллигенціи въ глухихъ мѣстахъ. И онъ, насколько это было въ его средствахъ, облегчалъ эту работу.

Въ квартиру генерала шли и сотрудникъ «Никольско-Уссурійскаго Листка» за хроникою, и купецъ по дѣлу, и казакъ подѣлиться своимъ горемъ. Пріемныхъ часовъ не было—доступъ къ командующему войсками во всякое время. Рано утромъ онъ на ногахъ, когда иной безусый офицеръ еще не прочь увидѣть новый сонъ; поздно вечеромъ, когда городъ засыпаетъ, генералъ не спитъ... работаетъ! Работать же приходилось, не покладая рукъ, ибо Линевичъ былъ честный администраторъ.

Война съ Японіей, явившаяся неожиданною для населенія Европейской Россіи, въ сущности, давно уже предвидѣлась въ Забайкальѣ, гдѣ ее считали неизбѣжною. Когда мы возмущались ночнымъ нападеніемъ японцевъ на портъ-артурскую эскадру прежде объявленія войны, сибиряки, пріамурцы и харбинцы только дивились нашему «счастливому невѣдѣнію». Оттого мы—за Волгою и за Ураломъ—выходили изъ себя, теряли сонъ и аппетитъ, между тѣмъ какъ въ Манчжуріи ртуть общественнаго возбужденія поднялась лишь немного. Волновались только тѣ, кто проигралъ крупное пари: еще бы! ждалъ человѣкъ, что кампанія оттянется до весны, а японцевъ прорвало въ январѣ!.. ну, и прощай крупная ставка...

Линевичъ не могъ не видѣть положенія дальне-восточныхъ дѣлъ и чувствовалъ, какъ много электричества скопилось и все скопляется въ атмосферѣ. Онъ чуялъ грозу и прилагалъ всѣ свои недюжинныя силы на то, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ электрическими разрядами; поэтому, работая съ ранняго утра до поздней ночи, генералъ рѣшалъ не только прямо предложенную ему задачу «развертывать и устраивать сибирскіе стрѣлковые полки», но также не упускалъ изъ виду нравственныхъ накопленій, чтобы учесть ихъ въ нужный моментъ. Отсюда проистекло его стремленіе къ объединенію военнаго и гражданскаго элементовъ и отеческая заботливость о всѣхъ и каждомъ, не различая русскихъ отъ китайцевъ, корейцевъ и т. д. Обиженный туземецъ приходилъ къ «больша̀ капитану» просить заступничества, и Линевичъ, дѣйствительно, заступался за обиженнаго.

Онъ разносилъ по-скобелевски, не церемонясь, но, какъ тотъ, и отходчивъ былъ. Солдаты и офицеры знали, что за провинность нечего ждать поблажки со стороны «папаши» и «дѣдушки» и потому не распускались. Въ 1900 г., при усмиреніи боксеровъ, когда въ особенности важно было опираться на «нравственный элементъ», въ войскахъ завелись было мародеры, которые стали захватывать, между прочимъ, китаянокъ, должно быть, для улучшенія породы... Мирные китайцы взвыли. Дошло до Линевича.

— Повѣсить!

Вздернули восьмерыхъ молодцовъ—и какъ рукой сняло мародерство. И что же? чуткое сердце солдата не осудило грознаго приговора командующаго, понявъ, что этотъ приговоръ былъ подсказанъ не кровожадностью, а справедливостью.

— Линевичъ зря не повѣсилъ бы.

Дѣйствительно, зря онъ не поступалъ. Въ Синминтинѣ, близъ Мукдена,—этомъ знаменитомъ гнѣздѣ хунхузовъ,—мнѣ разсказывали, что «вождь» ихъ, генералъ Ма, попался въ руки нашему «папашѣ» и уже считалъ себя однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на тотъ свѣтъ; но время шло, а хунхузскій генералъ оставался

здравъ и невредимъ, и вотъ онъ сталъ усмѣхаясь пожимать плечами:

— Говорятъ, что русскіе—добрый народъ... оно и видно!

— Вы-то, генералъ, какъ можете сомнѣваться?

— Ха!.. Были бы добры, такъ давно бы меня казнили...

Но его отпустили съ миромъ, оставивъ «въ подозрѣніи». Четыре года спустя Ма, по слухамъ, не разъ подъ видомъ простого манчжура проникалъ, куда не слѣдовало, и служилъ японцамъ, какъ лазутчикъ; имѣйся вѣскій доводъ, Линевичъ едва ли бы задумался срѣзать это китайское йеу (дурно пахнущее растеніе).

Бичъ Пріамурья и Пріуссурья—наводненія. Вы плывете по Уссури, встрѣчая на правомъ берегу ея казачьи поселки. Это не живописныя станицы низоваго Дона, нѣтъ,—это кладбища, гдѣ мало-по-малу хоронятся розовыя надежды на красную, т. е. красивую жизнь. Полвѣка назадъ (1858 г.), поселились здѣсь первые колонисты изъ забайкальскихъ казаковъ. Въ мрачную гущину брошена была молодецкая сила, которая не растерялась передъ грознымъ ропотомъ уссурійскихъ волнъ, но затерялась въ лѣсной трущобѣ—и трущоба эта какъ бы сдавила, стѣснила, сжала въ себѣ молодецкую силу... Потревоженная дичь распахнулась—и казацкаго слуха коснулся отвратительный гортанный ревъ тигра изъ тростниковъ и лѣсныхъ чащъ. Казакъ поневолѣ насторожился и долженъ былъ навсегда остаться на-сторожѣ. Но противъ тигра—пуля. Между тѣмъ, прелесть новоселья увеличилась съ появленіемъ безчисленныхъ москитовъ, обычныхъ лѣтнихъ насельниковъ этого края. Тигры да москиты—скотоводству не процвѣсти! Въ запасѣ—дары земли; облей ее пóтомъ, и она подастъ ихъ. Не тутъ-то было! Въ нѣсколько десятковъ минутъ Уссури губитъ посѣвы и насажденія, кидая свирѣпые валы съ сѣдою пѣною на гребняхъ... Вотъ отчего и теперь, какъ во времена Пржевальскаго—40 лѣтъ тому,—вамъ видятся лишь чахлые огородцы да крохотныя пашни, достойныя не Пріуссурья, а развѣ только холодной Исландіи либо Фарерскихъ острововъ. А лѣвый уссурійскій берегъ—совершенная пустыня, оживить которую не берется даже испытанное вѣками китайское терпѣніе.

Въ 1896 г. рѣка Уссури разыгралась свыше мѣры, и наводненіе причинило краю немало бѣдъ, смывъ всѣ огороды. Наименѣе пострадавшіе, какъ водится, заявились къ Линевичу первые и давай жаловаться на рѣку, «характеръ» которой они знали, конечно, лучше, чѣмъ онъ, недавній мѣстный житель. Генералъ выслушалъ слезоточивыхъ гражданъ и съ обычной своей солдатской прямотой промолвилъ:

— Господа, корейцы - огородники пострадали больше всѣхъ васъ...

«Господа» осторожно переглянулись.

— Но, ваше превосходительство, они, однако, молчатъ...

— Оттого и молчатъ, что бѣдствіе само говоритъ за нихъ.

Въ немногихъ выраженіяхъ обрисовался образъ генерала, который, однако, не ограничился только словеснымъ сочувствіемъ, но оказалъ корейцамъ денежную помощь—и желтолицые огородники, безъ которыхъ краю пришлось бы туго, воспрянули духомъ. А главное—они, какъ и китайцы, поняли, что «больша̀ капитанъ» Линевичъ справедливъ, безпристрастенъ и человѣколюбивъ. И въ самомъ дѣлѣ, его коробило, когда онъ слышалъ про грубость нашихъ «гастролеровъ» въ полосѣ отчужденія; онъ, который всю жизнь имѣлъ дѣло съ дѣтьми природы, отлично понималъ вредъ сантиментализма и еще большій вредъ этихъ «цу-ба!» (прочь!) съ аплодисментомъ по физіономіи туземца и послѣдующей отплатой за нанесенное оскорбленіе. Оскорбленіе рѣдко забывается, а «цу-ба»,— говорилъ онъ,—это тотъ вѣтеръ, сѣя который, непремѣнно пожнешь бурю. Ему возражали:

— Но эти желтолицые кого же не выведутъ изъ себя!

— Да, но они у себя,—усмѣхался Линевичъ глазами.—Не они къ намъ, а мы къ нимъ явились. Оскорбляемъ, а потомъ, какъ купцы у Островскаго, за безобразіе платимъ. Европейцы, нечего сказать!

Кажется, никто не видѣлъ Линевича смѣющимся, но никто не видѣлъ, чтобы онъ и далъ праваго въ обиду. Его заступничество, его вліяніе обобщались весьма широко и о нихъ передавалось изъ устъ въ уста. Помню пасхальный вечеръ въ Харбинѣ. Война съ Японіей помаленьку разгоралась. У Мищенки уже были стычки съ японцами на Ялу. Иду на пристани — навстрѣчу молодецъ; смуглое лицо, черная бородка, на груди два Георгія. Хромаетъ.

— Слышали,—останавливаетъ онъ меня:—наши стали пощипывать японца?

— На Ялу? да, отрадное извѣстіе...

— Казакъ не ударитъ въ грязь лицомъ. Позвольте познакомиться: я вахмистръ первой уссурійской сотни Маньковъ. Возилъ въ Красноярскъ плѣнныхъ японцевъ..

— Что же, возвращаетесь за новой партіей?

Онъ загорѣлся весь. Глаза, какъ у кошки, позеленѣли.

— Э, нѣтъ! теперь я въ строй. Подмываетъ — силъ нѣтъ со стороны глядѣть.

— Но вы хромой...

— Вотъ она, бѣда моя. Такъ и комиссія рѣшила, а я помириться съ этимъ не могу. Поѣду въ Лаоянъ и стану проситься въ дѣйствующую армію; тамъ откажутъ—къ Линевичу пойду: папаша пойметъ... онъ пойметъ кавалера! Хромой—ну, что жъ! а на сѣдлѣ я не могу, что ли, держаться? Да мы оба хромые, такъ и браковать Линевичей?!

Линевичъ понималъ солдата, солдатъ—Линевича После переправы черезъ Байкалъ пришлось долго ждать посадки въ вагонъ, чтобы отправиться въ Манчжурію. На станціи Танхой собралось изрядно чающихъ движенія поѣзда. Къ группѣ запасныхъ, только что погрѣвшихся около «очищеннаго», подошелъ фартовый (щеголеватый, на языкѣ сибиряковъ) санитаръ. Я сидѣлъ неподалеку съ врачомъ, ѣхавшимъ въ Читу. Слышно, «фартовый» процѣдилъ, присѣвъ на корточки:

— Куропаткинъ... это я понимаю, а Линевичъ...

— А что Линевичъ?—подбоченился бородатый стрѣлокъ:—какое ты имѣешь сужденіе о немъ?

— Много такихъ генераловъ въ Россіи.

— А ты 1900-й годъ помнишь? Большихъ кулаковъ знаешь?

— Страсть бѣда! Въ родѣ халатниковъ...

— Какъ?

— Такъ...

Едва успѣлъ «такнуть»—и распластался, какъ черепаха. Кругомъ—хохотъ. Кто-то зоветъ:

— Эй, товарищи! подбирай своего санитара!..

Но тотъ самъ приподымается, съежился и виновато лопочетъ:

— За что?

— Не за что, а во что... въ лобъ!

— Нѣтъ, за что, а?

— За обиду дѣдушкѣ...

Съ «героемъ Пекина» случилось то же, что и прежде бывало у насъ. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, имя Черняева благоговѣйно произносится каждымъ сербскимъ школьниковъ, въ чемъ я убѣдился, дважды побывавъ въ Сербіи,—у насъ до сихъ поръ находится немало охотниковъ ставить недвусмысленный вопросъ: «а что Черняевъ сдѣлалъ?»—равносильный: «да развѣ онъ не достоинъ забвенія?» Послѣ того, какъ имя Скобелева прогремѣло въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, а лордъ Сольсбери, котораго нельзя было упрекнуть въ расположеніи къ русскимъ, заявилъ, что въ знойныхъ степяхъ Средней Азіи Скобелевъ и Куропаткинъ сдѣлали въ нѣсколько недѣль то, что должно было бы занять цѣлую жизнь, — мы, соотечественники Бѣлаго генерала, только пожимали плечами да ехидно посмѣивались.

— Скобелевъ—выдающійся герой! Ахъ, какой подвигъ одолѣть «халатниковъ!»

Довелось выдвинуться и заставить говорить о себѣ Линевичу,—всероссійскіе Жомини тутъ какъ тутъ съ холоднымъ душемъ «критическаго разсмотрѣнія». У насъ уровень заслугъ и дарованій охотно измѣряется количествомъ анекдотовъ, лѣпящихся къ цѣнимому. На бѣду Линевича онъ не плодилъ анекдотовъ. Онъ имѣлъ свой особый взглядъ на «внѣшнее», не гонялся за славой и не

терпѣлъ рисовки. Домъ командующаго войсками въ Никольскѣ Уссурійскомъ отличался простотою и, если хотите, даже черниговской патріархальностью, ласковой, мягкой, грѣющей. Если бы Линевичъ захотѣлъ, то развѣ о немъ не появилась бы цѣлая литература? Человѣкъ, прослужившій отечеству 45 лѣтъ, знавшій цѣлую галерею блестящихъ современниковъ, знакомый съ каждымъ уголкомъ Кавказа, знатокъ Дальняго Востока, герой кавказской эпопеи и турецкой кампаніи, — такой ли дѣятель не могъ дать обильнаго матеріала для біографа? Требовательный, но добрѣйшій «отецъ-командиръ», общій доброжелатель, онъ ли не былъ бы любопытенъ для множества-множествъ читателей? Между тѣмъ, какъ мало обрисованъ Линевичъ даже въ спеціальной литературѣ!.. Значитъ ли, что крупнаго дѣятеля надо замалчивать, если онъ самъ скроменъ? Достаточно было хоть разъ слышать искреннее «хау! хау!», которымъ китайцы привѣтствовали Линевича, чтобы задуматься надъ личностью генерала, у котораго столь хмурыя брови и такіе сердитые усы... За границей высоко цѣнили героя Пекина, а у себя дома онъ не пользовался популярностью.

Не были ли вы, если не въ Пекинѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Манчжуріи?.. Мукденъ [1]) весьма похожъ на Пекинъ, но въ немъ нѣтъ одного, что еще недавно бросалось въ глаза въ китайской столицѣ и заставляло васъ невольно вздрагивать: я говорю о разрушенной башнѣ надъ Чанмыньскими воротами, которая осѣняла вѣка и видѣла цѣлыя поколѣнія богдыхановъ, когда они шествовали въ храмъ Неба. Она разрушена огнемъ боксерской сволочи въ 1900 году. Послѣ этого началась осада Пекина безшабашной, озвѣрѣлой массою, и европейцы очутились на волосокъ отъ мученичества. Въ Тянь-Цзинѣ, подъ которымъ тогда длиннокосые пролили много-много крови европейцевъ, три кладбища: русское, англійское и французское, могутъ навести на горькія думы. Отрицать можно что угодно, все равно какъ не трудно и умалять, въ особенности на словахъ и изъ уютнаго кабинета. Ваятель можетъ «игнорировать», напримѣръ, сѣверное сіяніе, не будучи въ состояніи изобразить его рѣзцомъ, но умаляется ли отъ этого величіе небеснаго явленія? Думать, что одолѣніе китайцевъ—не Богъ вѣсть какой подвигъ, значитъ не имѣть понятія о нихъ, какъ «военномъ матерьялѣ», и закрывать глаза на существенную черту характера китайцевъ: поразительное равнодушіе ихъ къ жизни. Извѣстный знатокъ Востока архимандритъ Хрисанѳъ давно указывалъ въ своихъ трудахъ, что китайцы при жизни заказываютъ себѣ гробы. И вотъ, принявъ къ свѣдѣнію вообще китайское равнодушіе къ жизни [2]) и еще то, что хунхузы и «большіе кулаки» суть вольница,

---

[1]) Южно-манчжурскій городъ.

[2]) Среди японцевъ наблюдается вѣдь то же.

которой нечего терять и которой рано или поздно не миновать-таки плахи («сы-син'а»); помня, наконецъ, что пекинское правительство въ ушахъ этой вольницы—не что иное, какъ пустые звуки,—позволительно ли, за всѣмъ тѣмъ, дѣлать выводъ, что заслуга Линевича, какъ главы печилійскаго отряда, походъ его на Пекинъ и освобожденіе европейскихъ посланниковъ,—что все это не выдѣлялось изъ ряда вонъ? Что же, въ такомъ случаѣ, называется подвигомъ, если не подвигъ — смотрѣть смерти въ глаза и жертвовать собою для спасенія другихъ?

Тургеневъ описалъ казнь Тропмана; я бы могъ дать, хотя и блѣдныя, картины казни двоихъ японскихъ шпіоновъ: капитана О-ки и подполковника Ю-ко-ка, и хунхузовъ. Въ минуты этихъ ужасающихъ актовъ правосудія бросалось въ глаза именно равнодушіе къ жизни казнимыхъ. Улыбающій и «спокойно» ласкающій чью-то собаку О-ки; хунхузы, весело кричащіе палачу: «хао!» (хорошо!) и издѣвающіеся надъ «некрасивымъ» размахомъ его ножа за минуту до смерти,—это грозный врагъ, а не что-то жалкое, какъ многіе у насъ полагаютъ. Европеецъ, какъ болѣе культурный, привязанный къ жизни и носящій въ себѣ теплоту евангельскаго ученія,—на войнѣ можетъ пощадить врага и сохранить ему жизнь, ну, вотъ, въ силу собственныхъ культурно-христіанскихъ накопленій, а не христіанинъ азіатъ? Я слышалъ отъ кавказскихъ мухаммеданъ: война—охота, такъ не щади врага!.. Я слышалъ бурятскіе отзывы о раненыхъ и плѣнныхъ: раненый—горе, плѣнный—зло; нянчись съ нимъ за то, что онъ у тебя паекъ отнимаетъ. А добилъ ты его—то ли дѣло: сапоги съ него снялъ, рубаху и т. д. и хлопотъ никакихъ... Въ 1900 году Линевичъ представилъ міру азіата, какъ военный матеріалъ, какъ боевого врага, какъ стихійную силу,—но что же? Развѣ Россія, напримѣръ, разложила это взрывчатое вещество на составныя части и учла борьбу съ нимъ?..

Отлично усвоившій военную исторію и психологію солдатской массы, Линевичъ понималъ, что ничѣмъ нельзя такъ подавить духа «святой сѣрой скотинки», какъ отступленіями и кунктаторствомъ; поэтому онъ любилъ повторять слова своего кавказскаго боевого товарища генерала Лазарева, въ которыхъ таился секретъ лазаревскихъ побѣдъ: «Предупреждаю, что у меня отступленій не будетъ; не возьмемъ фортовъ къ утру,—будемъ драться до вечера; не возьмемъ къ вечеру,—будемъ драться опять до утра»... Такъ Линевичъ и самъ дѣйствовалъ въ 1900 году.

По взятіи Тянь-Цзина, когда Линевичъ горѣлъ желаніемъ скорѣе выручить осажденныхъ въ Пекинѣ европейцевъ, вышелъ приказъ остановиться. Вслѣдствіе дождей дороги стали невозможны. Какъ двигаться печилійскому отряду?! Но Линевичъ распорядился:—Впередъ! Не намъ, обстрѣлянным съ боковъ и фронта, бояться

слякоти! Стыдъ!.. И по своему обыкновенію первымъ вошелъ въ Пекинъ съ могучею «сѣрою скотинкою». Русское «ура!» уже потрясало воздухъ надъ городомъ, когда японцы, мечтавшіе о первыхъ лаврахъ, еще только готовились къ штурму. Не зависть и не славолюбіе руководили генераломъ, когда онъ торопился съ «руссаками» предупредить японцевъ своею побѣдою, а просто—патріотическія соображенія. Въ головѣ этого русскаго съ головы до ногъ человѣка не укладывалась мысль, чтобы русскій солдатъ могъ оказаться на второмъ планѣ, если онъ можетъ по обстоятельствамъ быть на первомъ планѣ; все равно какъ не совсѣмъ онъ понималъ и американскій «энтузіазмъ», подъ вліяніемъ котораго была безпощадно разрушена (сожжена) одна историческая, древняя башня.

Вѣра въ непобѣдимость нашего оружія жила въ немъ до послѣдняго мгновенія. «Развернувъ и устроивъ» сибирскіе стрѣлковые полки, командиръ армейскаго сибирскаго корпуса (съ 18 іюня 1900 г.) Линевичъ убѣжденно ждалъ грозы на Дальнемъ Востокѣ и имѣлъ полное право надѣяться на то, что имъ, заслуженнымъ солдатомъ, воспользуются, а ужъ онъ-то приложитъ всѣ свои дарованія, долголѣтній опытъ и желѣзныя силы духа, чтобы съ честью выйти изъ борьбы съ неиспробованнымъ еще и полутаинственнымъ врагомъ. Случилось иное. Командующій войсками пріамурскаго военнаго округа появляется въ роли «временно-командующаго манчжурской арміей», но появляется, какъ метеоръ, на время, пока Куропаткинъ проѣдетъ тѣ тысячи верстъ, что отдѣляютъ Исаакіевскую площадь отъ Лаояна. Куропаткинъ показался на фонѣ неудавшейся «Желтороссіи», и Линевичъ отошелъ въ тѣнь... куда-то въ тѣсноту корейскихъ нѣдръ. Къ нему никто не порывался, никто, кромѣ облитаго горечью смѣняющихся неудачъ, истосковавшагося по побѣдамъ солдатскаго сердца. Какъ норвежскій, или, что еще красивѣе, варяжскій Брандъ, онъ только и могъ повторять себѣ: «Выдержи, сердце, твердо до конца! Въ тяжеломъ долгѣ скрыта побѣда. Твои потери—вотъ твое достояніе; только утраченное принадлежитъ тебѣ навсегда». Но утѣшаетъ ли, хотя бы даже и варяжская, философія? Издали слѣдя за дѣйствіями нашихъ войскъ, Линевичъ видѣлъ крушеніе богатырской силы и вносилъ въ свой завѣтный дневникъ горькія думы. И опять одиночество рѣзало его душу. Время раскроетъ тайну нашихъ неудачъ въ послѣднюю кампанію, такъ не зачѣмъ забѣгать впередъ; но уже и въ настоящее время позволительно спросить: а не былъ ли бы Линевичъ, старый, но пылкій Линевичъ, двигателемъ куропаткинскихъ побѣдъ, какъ Куропаткинъ, въ свое время, былъ регуляторомъ, сдерживавшимъ пылъ Скобелева, если бы герой Пекина не оказался затѣненнымъ? Его призвали къ арміи, когда осторожность на половину сгубила дѣло побѣды, но и тутъ Лине-

вичъ еще вѣрилъ въ возможность поправленія его. Ставъ во главѣ первой манчжурской арміи, онъ успѣлъ укрѣпить въ ней тотъ нравственный элементъ, который, по выраженію Скобелева, относится на войнѣ къ физическому, какъ 3 : 1. «Папаша», «дѣдушка», чей лозунгъ—впередъ! а пароль—непобѣдимая русская армія!—да вѣдь его-то только и ждали эти горящіе солдатскіе глаза, эти бьющіяся сердца «сѣрой скотинки». Но вѣра стараго воина въ наше торжество надъ «упорнымъ врагомъ» и всѣ его священные порывы разрушались, съ одной стороны, о ту же все осторожность и терпѣніе, а съ другой—о новые виды Петербурга. Кому-то уже мерещился заокеанскій Портсмутъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Линевичъ успѣлъ показать, съ какимъ достоинствомъ и въ какомъ порядкѣ можно отступать, но когда онъ получилъ возможность вести войска впередъ, когда онъ захотѣлъ вырвать иниціативу у японцевъ и побѣда, казалось, уже улыбалась окрыленной арміи сѣверной великой державы, тогда изъ Петербурга крикнули: довольно! Графъ Витте—теперь, а въ 1904 году просто всесильный С. Ю. Витте, заботившійся о мирѣ, ошеломилъ генерала.

Линевичъ имѣлъ право сказать: не слѣдовало доводить до войны, если хотѣли мирнаго житія.

Онъ вложилъ шпагу въ ножны и тяжело вздохнулъ.

Итакъ, война кончилась. Казалось бы, Линевичу оставалось съ гордо поднятой головой уйти изъ «Желтороссіи»; казалось бы, онъ-то не заслуживаетъ упрека ни въ чемъ, а между тѣмъ—этого человѣка, беззавѣтно преданнаго царю и отечеству, чуть было не посадили на скамью подсудимыхъ... за сношенія со стачечнымъ комитетомъ. Это было въ разгаръ революціоннаго движенія, когда все и всѣ бастовали. Отрѣзанное отъ Европейской России Забайкалье, вслѣдствіе того, что почта, телеграфъ и желѣзныя дороги бездѣйствовали, представляло себѣ не вѣсть что: всеобщую рѣзню, государственный переворотъ и т. д., и т. д. Солдаты послѣ войны и такъ рвались къ семьямъ, а тутъ еще распространяется ужасъ за ужасомъ,—и эти ужасы, и невозможность уѣхать домой были настоящими искрами, падавшими на пороховые погреба, чѣмъ являлась озлобленная и пропитанная агитаціоннымъ ядомъ солдатская масса. Линевичъ стоялъ во главѣ арміи, видѣлъ все происходящее вокругъ него, но не зналъ, что творится за Ураломъ,—и какъ онъ долженъ былъ поступить: дать взорваться «пороховымъ погребамъ», не заботясь о послѣдствіяхъ, или предупредить взрывы и внести нѣкоторое успокоеніе въ солдатскую семью? Онъ избралъ второе: принялъ заправилъ стачки и, потолковавъ съ ними, не какъ грозный генералъ, а какъ любящій армію отецъ, обезпечилъ выѣздъ ея изъ «непрекраснаго далека». Такимъ образомъ, не была пролита капля человѣческой крови, престижъ «папаши» нисколько не пострадалъ, да и правительственные агенты избавились отъ многихъ страховъ и хлопотъ.

И вотъ Линевича не стало. Гдѣ еще могикане?.. Умеръ «старикъ Линевичъ», и угасъ съ нимъ цѣлый міръ русской доблести. Будь онъ язычникъ, онъ бы, можетъ, сказалъ, умирая, словами поэта Виргилія: «изъ костей моихъ нѣкогда возстанетъ мститель», но онъ былъ христіанинъ; съ нимъ легли въ могилу жажда побѣды и раненое и не залеченное благородное самолюбіе патріота... Спи съ миромъ, непобѣжденный! Кавказско-турецко-китайскіе трофеи склоняются надъ твоимъ изголовьемъ, и не сожжетъ ихъ во вѣки солнце, восходящее тамъ, гдѣ раскинулась торжествующая Японія...

Павелъ Россіевъ.

ТОЙ[1].

(Очеркъ изъ жизни сартовъ).

Всякаго новичка въ Туркестанѣ нерѣдко озадачиваютъ необычные, странные звуки, которые слышны порою въ туземныхъ селеніяхъ. Иной разъ, еще только забрезжитъ свѣтъ, какъ въ открытыя окна первыми врываются они въ комнату и заставляютъ вздрогнуть свѣжаго человѣка. Они слѣдуютъ одинъ за другимъ, иногда сразу вырываются изъ нѣсколькихъ мѣстъ и дружнымъ эхомъ перекатываются въ утреннемъ воздухѣ. Эти звуки обязаны своимъ происхожденіемъ весьма оригинальной трубѣ, въ которую оповѣщается населеніе о началѣ праздника въ домѣ богатаго сарта по случаю тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. По внѣшнему виду труба представляетъ мѣдный инструментъ около сажени длиною и составляетъ необходимую принадлежность сартовской музыки, въ которой онъ извѣстенъ подъ названіемъ «корнай». Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуются услуги «корная», игрокъ на немъ, «корнай-чи», забирается на крышу дома, пригласившаго сарта, и тамъ на высотѣ приступаетъ къ дѣйствію. Легко подхватываетъ онъ свою саженную трубу, поднимаетъ ее высоко надъ собою и, поддерживая только двумя пальцами каждой руки инструментъ, сильно набираетъ въ легкія воздухъ, выпучиваетъ отъ напря-

---

[1]) Пиршество, устраиваемое богатыми сартами въ честь обрѣзанія сына.

женія глаза и, сразу вдувая въ него весь набранный воздухъ, извлекаетъ отрывистый, стонущій звукъ. Такъ реветъ «корнайчи» часа два или больше, пока не начнетъ собираться народъ, а затѣмъ прекращаетъ концертъ и становится въ ряды музыкан-

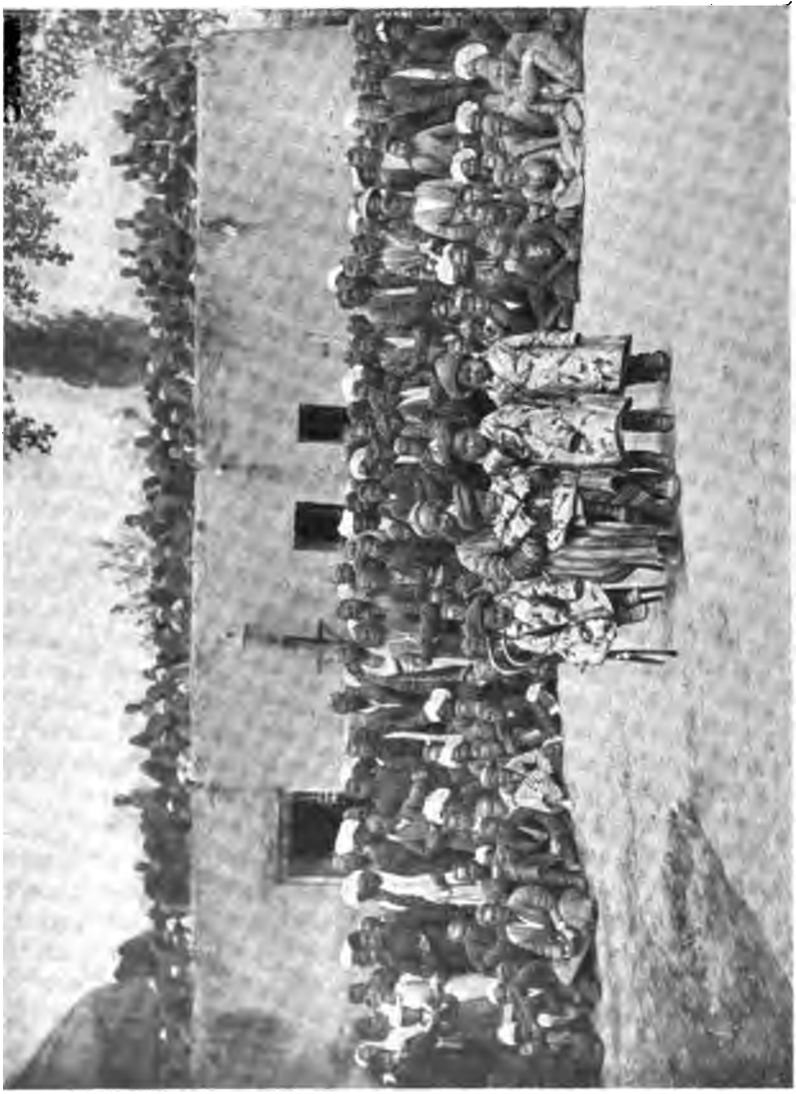
Одна изъ улицъ туземнаго Оша.

товъ. Всякій, кто услышитъ трубу, не дожидаясь особыхъ какихъ-либо приглашеній, можетъ свободно итти на «тамашу [1]) и провести

---

[1]) «Тамаша» сартовское слово, въ переводѣ—зрѣлище.

тамъ весело время. Обыкновенно такъ и бываетъ, и на этихъ праздникахъ, благодаря ихъ полной доступности и возможности даромъ поѣсть, скопляются тысячи сартовъ. Особеннымъ обиліемъ стола и понятнымъ многолюдствомъ отличаются «тои», на кото-



Нурметъ-бай съ сыновьями на «тоѣ».

рыхъ зачастую цѣлую недѣлю кормится и поится чаемъ масса народа, расходуются сотни пудовъ риса, лепешекъ, баранины, и тысячи рублей бросаются на устройство всевозможныхъ зрѣлищъ, какъ танцы «бачей», скачки съ богатыми призами, наемъ музы-

кантовъ, актеровъ и прочее. Въ небольшихъ городахъ Ферганы, вродѣ Оша, въ такихъ случаяхъ нерѣдко приглашается на «тамашу» почти все русское населеніе городка, нанимается военная музыка, и тогда устроителемъ «тоя» прилагаются еще большія усилія къ тому, чтобы сдѣлать возможно интереснѣе програму развлеченій и заставить долго говорить о «тоѣ» приглашенныхъ гостей.

Первый «той», который мнѣ пришлось увидѣть, былъ «той» у Нурмета, арбяного «караванъ-баши» и весьма популярнаго ошскаго сарта. Онъ пригласилъ все русское населеніе на свой праздникъ, обѣщавшій быть интереснымъ особенно для меня, мечтавшаго давно познакомиться съ мѣстными нравами. Въ назначенный день я собрался, захватилъ свою камеру и поѣхалъ въ туземный городъ къ Нурмету. Погода стояла восхитительная, ясная, съ теплымъ ласкающимъ воздухомъ. Высокіе тополи городского проспекта неподвижными великанами стояли вдоль улицы и тихо шелестѣли пожелтѣвшей листвою; акаціи и айлантусы съ пышными перистыми листьями словно замерли отъ яркаго солнца и отчетливо рисовались на безоблачномъ небѣ. Было тихо подъ сводами тополей единственной улицы, только заморенная пара моего извозчика мѣрно позвякивала бубенчиками, да журчали мѣстами «арыки» [1]), снабжая водой ненасытную землю. Скоро мелькнула тюрьма, послѣднее зданіе русскаго города, и потянулись сѣрыя стѣны сартовской части. Экипажъ катился какъ по коридору среди сѣро-желтыхъ «дуваловъ» [2]), опушенныхъ наверху поблекшей зеленью абрикоса, тута, орѣха, изъ массы которыхъ вырывались стрѣлки пирамидальныхъ тополей или темная шапка могучаго карагача, перевитая лозой винограда. Вся домашняя жизнь сартовъ скрыта отъ посторонняго глаза высокими стѣнами, въ которыхъ мѣстами пробиты калитки, и только на базарѣ можно наблюдать туземную жизнь—шумную и красочную, какова она вообще на Востокѣ. Торговля производится здѣсь подъ открытымъ небомъ, въ легкихъ навѣсахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ тѣсной улицы и устроенныхъ самымъ примитивнымъ образомъ изъ земли и тонкихъ столбиковъ дерева. Подъ навѣсомъ земля выстилается «кошмою» [3]) и коврами, на нихъ складывается товаръ, и среди послѣдняго оставляется небольшое мѣсто для хозяина лавки. На туземномъ базарѣ почти всегда есть народъ, а въ торговые дни онъ производитъ прямо оглушающее впечатлѣніе на новаго человѣка необыкновеннымъ оживленіемъ, пестрой картинной толпой и яркими красками

---

[1]) Оросительный каналъ.

[2]) Глиняный заборъ.

[3]) Войлокъ.

одеждъ и товаровъ. Множество тканей, разноцвѣтныхъ платковъ, шелковыхъ нитокъ, развѣшенныхъ въ лавкахъ, колышется воздухомъ; сверкаютъ на солнцѣ подносы, дешевыя лампы, посуда, стекло; мелькаютъ въ глазахъ ремешки, пояски, «тюбетейки», шитыя шелкомъ, чалмы, подвѣски для женскихъ волосъ; всевозможные фрукты: персики, дыни, айва, виноградъ—разложены въ круглыхъ корзинахъ и прикрыты листвой, чтобы скоро не вяли; тамъ и тутъ шныряютъ сартята, продавая лепешки въ возбужденной торгующей массѣ, которая кричитъ, продаетъ, покупаетъ подъ оглушающій стукъ молотковъ многочисленныхъ кузницъ.

Бачи.

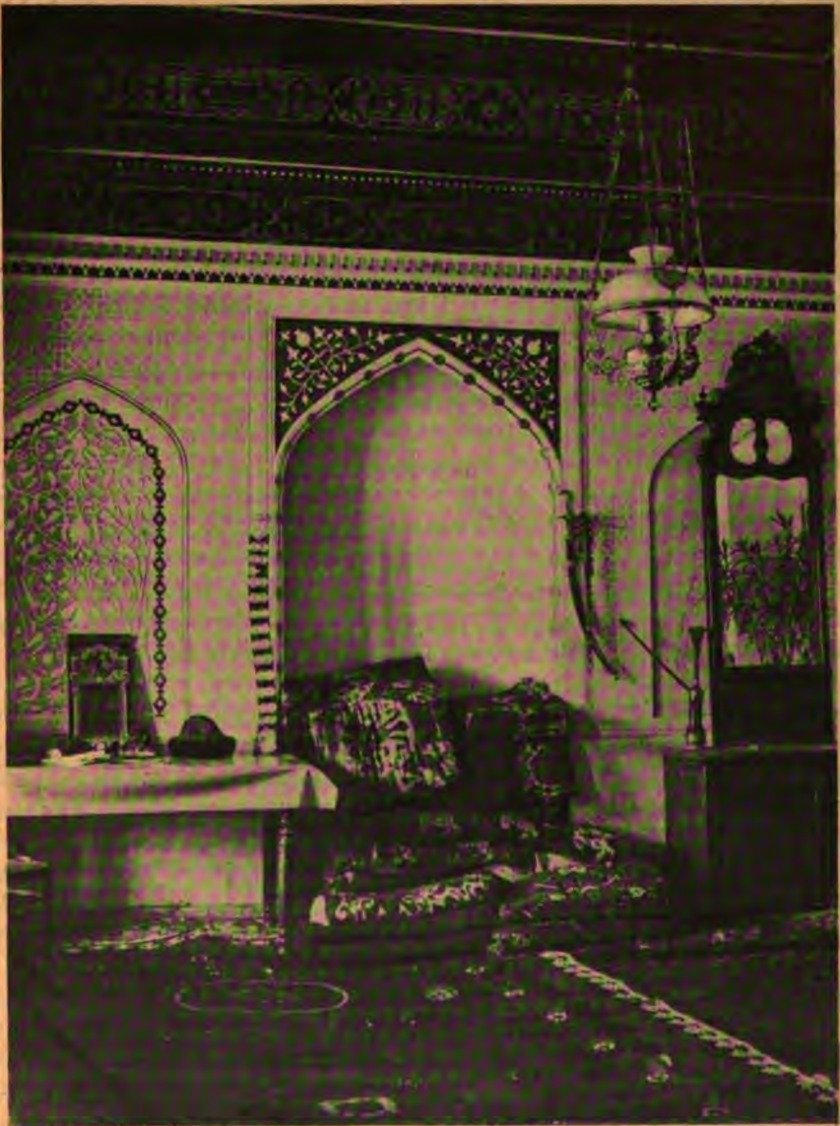
Тянется мимо, раздвигая толпу, съ пронзительнымъ скрипомъ арба съ необъятными колесами и насквозь пропыленнымъ арбакешемъ, напѣвающимъ пѣсню, то ѣдутъ киргизы навстрѣчу, возвращаясь съ покупками въ снѣжныя горы, то появляется сартъ верхомъ на маленькомъ осликѣ, задѣваетъ ногами за землю и, погоняя животное палкой, куда-то торопится, то съ тихимъ звономъ колокольцевъ, съ цвѣтными султанами на головахъ, мѣрными спокойными шагами идетъ караванъ верблюдовъ, направляясь въ Кашгаръ съ мануфактурнымъ товаромъ; глядя на нихъ, невольно тянетъ въ туманную даль, хочешь примкнуть къ каравану, пожить съ нимъ привольнымъ житьемъ и дальше итти навстрѣчу все новымъ и новымъ картинамъ...

Но вотъ мы миновали базаръ и снова въѣхали въ пыльную улицу. Близость конечнаго пункта поѣздки становилась съ каждымъ шагомъ впередъ все виднѣе. Множество пѣшихъ и конныхъ туземцевъ, сартянокъ въ своихъ безобразныхъ мѣшкахъ «фаренджи», подростковъ обоего пола стремилось вмѣстѣ съ нами на «той». «Хошъ, хошъ!» кричалъ непрерывно татарченокъ-возница, раздвигая запрягомъ толпу и безцеремонно въѣзжая въ самую гущу. Наконецъ ѣхать дальше стало нельзя, пара рѣшительно стала. Пришлось теперь бросить извозчика и пѣшкомъ пройти до воротъ Нурметова дома, гдѣ стояли «джигиты» для встрѣчи русскихъ гостей. Они быстро окружили меня и, усердно очищая дорогу, провели на внутренній дворъ, гдѣ находился хозяинъ. Поздоровавшись съ нимъ, я оглядѣлся. Весь обширный, чисто подметенный дворъ представлялъ собою одну цвѣточную клумбу изъ разноцвѣтныхъ халатовъ тысячи зѣвакъ и приглашенныхъ туземцевъ. Тѣснясь насколько возможно, вытянулась около стѣнъ масса зрителей, окаймляя живымъ и плотнымъ кольцомъ небольшую площадь двора, на которой стояли шатры съ пившими чай почетными сартами. Надъ ними выше, на плоскихъ крышахъ хозяйскаго дома и дворовыхъ построекъ, помѣщались сартянки съ дѣтьми и съ любопытствомъ оттуда смотрѣли на интересное зрѣлище. Въ свободной части двора, въ тѣни огромныхъ карагачей, тяжело склонившихся надъ мутнымъ прудомъ, расположилась живописная группа музыкантовъ. Впереди другихъ съ кларнетомъ въ рукахъ стоялъ дирижеръ, одѣтый въ красныя шаровары и зеленую куртку съ свѣтлыми пуговицами; нѣсколько сзади находился второй кларнетистъ, одѣтый просто въ халатъ, два-три барабана съ тарелками и пять «корнай-чи» съ громадными мѣдными трубами. Вотъ фантастическій дирижеръ что-то сказалъ, приложилъ къ губамъ инструментъ, «корнай-чи» подняли къ небу гигантскія трубы, и грянулъ изумительный маршъ. Свирѣпо выдувая рѣзкіе звуки, кларнетисты словно старались заглушить своихъ товарищей и, не считаясь съ законами музыки, извлекали все, что могъ дать инструментъ, барабанщики колотили въ тарелки и бубны, какъ кому нравилось, а дюжіе «корнай-чи», вперивши мѣдныя трубы въ спокойно-прозрачное небо, рѣшительно никому не внимая, ревѣли и выли такъ потрясающе, что нетрудно было представить, какъ погибъ Іерихонъ...

Немного поодаль отъ музыкантовъ, въ распахнутой пестрой палаткѣ сидѣли «бачи», женоподобные стройные мальчики, около которыхъ суетились, предупреждая одинъ другого въ любезности, ихъ покровители «баи» [1]. Бачи со своими танцами составляютъ излюбленный пунктъ всякой «тамаши» въ Туркестанѣ, и при от-

---

[1]) Бай—богатый человѣкъ.



Комната богатаго сарта.

сутствіи женскаго элемента въ обществѣ сартовъ бачи являются въ немъ предметомъ общаго вниманія и ухаживанія со стороны многочисленныхъ поклонниковъ ихъ красоты. Всѣ три мальчика были въ шелковыхъ костюмахъ, плотно облегавшихъ гибкое тѣло, холеныя руки украшались цѣнными кольцами, а на головахъ находились повязки, изъ-подъ которыхъ струились тонкими косич-

ками волосы, со множествомъ серебряныхъ и коралловыхъ украшеній...

Обширная комната, куда провожали русскихъ гостей, была набита знакомыми лицами, и въ клубахъ табачнаго дыма стоялъ раскатистый смѣхъ и живой разговоръ. Насколько можно было видѣть, комната почти нисколько не отличалась отъ обычныхъ сартовскихъ комнатъ безъ столовъ и безъ мебели. Стѣны были чисто оштукатурены и заключали въ себѣ нѣсколько нишъ съ красивой отдѣлкой изъ гипса. Въ нихъ находилась кое-какая домашняя утварь, а въ одной, имѣвшей наружу трубу, лежала куча углей и грѣлся «кунганъ» [1]). Полъ комнаты былъ выстланъ толстыми киргизскими коврами, а съ потолка, затѣйливо расписаннаго красками, спускалась обыкновенная столовая лампа. Теперь, по случаю праздника, въ этой комнатѣ находился внушительный столъ, нагруженный разными винами, была разставлена вѣнская мебель и чистый столовый сервизъ, взятый наканунѣ изъ русскаго города. На столѣ, кромѣ винъ, находилось, кажется, все, чѣмъ богата туземная кухня. Въ огромныхъ тарелкахъ дымился излюбленный сартами пловъ изъ риса и нѣжной жирной баранины, «шурна», «кавардакъ» съ такимъ количествомъ перца, что глаза лѣзутъ на лобъ; былъ и цѣлый баранъ, изжаренный по особому способу въ ямѣ, чѣмъ достигается тонкій вкусъ бараньяго мяса, груды лепешекъ, миндаля, винограда, фисташекъ, орѣховъ и разныхъ сластей мѣстныхъ кондитеровъ. Въ шумной массѣ пирующихъ неслышно скользила прислуга и проворно разносила желающимъ чай. Хозяина постоянно въ этой комнатѣ не было, онъ появлялся здѣсь только періодически, раздѣляясь между нами и почетными сартами, чинно сидѣвшими отдѣльно въ шатрахъ; тамъ они, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, угощались бараниной и курили молча «чилимъ» [2]). Каждый «бай» поочередно принималъ отъ «малайки» мундштукъ, втягивалъ дымъ чрезъ клокотавшую воду и затѣмъ выпускалъ клубами обратно.

Этимъ временемъ шли приготовленія къ пляскѣ «бачей». Нѣсколько проворныхъ «малаекъ» быстро вытащили изъ нѣдръ хозяйскихъ кладовыхъ огромный коверъ, разостлали его на землѣ и принесли для гостей нѣсколько стульевъ. Простая публика придвинулась ближе къ ковру, и какъ только веселая гурьба почетныхъ гостей размѣстилась на стульяхъ, столпилась непроницаемымъ кругомъ. Пришли музыканты дунгане съ оригинальными инструментами вродѣ длиннаго ящика, сѣли на корточки и начали настраивать ихъ, поколачивая тонкими, гибкими палочками струны, натянутыя на ящикѣ какъ на обыкновенной цитрѣ. Тутъ же

[1]) Особой формы мѣдный сосудъ для согрѣванія воды.

[2]) Приборъ для куренья табаку, вродѣ кальяна.

около дунганъ устроились съ бубнами сарты и, оживленно болтая, ожидали начала. Черезъ нѣсколько минутъ толпа зашумѣла, торопливо раздвинулась, и передъ нами предстали «бачи». Чуть-

Танецъ бачей въ лодкахъ.

чуть улыбаясь на шумное одобреніе зрителей, они сняли калоши, поклонились и стали втроемъ на коврѣ. Музыканты подняли тонкія палочки, затѣмъ разомъ опустили ихъ на звучныя струны,

и полились неожиданно грустные звуки. Одинъ «бача» отдѣлился и тихо пошелъ по ковру, слегка покачивая корпусомъ и плавно разводя руками въ тактъ монотонной игрѣ. Такъ прошелъ весь коверъ, повернулся наноскахъ вблизи музыкантовъ и, вздрагивая еле замѣтно плечами, возвратился обратно. Этого было достаточно, чтобы сарты пришли въ возбужденье; они хлопали себя по плечу, поднимались на корточкахъ и шумно выражали свое удовольствіе. Вслѣдъ за первымъ «бачей» выступилъ на сцену другой, одѣтый въ бѣлый костюмъ стройный юноша; дѣлая такія же па, какъ товарищъ, онъ легко подвигался по кругу и поводилъ выразительно бедрами. Возбужденіе сартовъ росло съ каждымъ движеніемъ «бачи», толпа зрителей то затихала, жадно слѣдя за фигурами танца, то вдругъ разражалась бурнымъ восторгомъ. Музыка между тѣмъ учащала свой темпъ, становилась все болѣе увлекающей, палочки дунганъ скользили по струнамъ съ неуловимой быстротой, бубны стучали, какъ только могли, и звонъ ихъ летѣлъ далеко по окрестности. «Бача» на минуту остановился и затѣмъ вдругъ изъ размѣренныхъ, полныхъ нѣги движеній перешелъ въ стремительный танецъ. Чуть касаясь ковра, перебирая быстро ногами, то наклоняясь,то откидываясь красиво назадъ, онъ кружился взадъ и впередъ передъ нами; бросивъ улыбку однимъ, въ слѣдующій мигъ былъ у другого конца, гдѣ снова плясалъ, принимая все разныя позы...

Послѣ небольшого перерыва кругъ раздвинули еще шире и къ «бачамъ»-танцорамъ поднесли небольшія лодки безъ дна, корпусъ которыхъ былъ устроенъ изъ пестраго ситца. Къ бортамъ были прикрѣплены деревянныя башенки, украшенныя полосками жести и разноцвѣтной бумагой. Помѣстившись подъ башенками лодокъ, «бачи» начали танцовать вмѣстѣ съ ними, лавируя одинъ возлѣ другого. Образуя шеренгу, они медленно плыли впередъ, кружились порою на мѣстѣ, затѣмъ снова расходились и такъ однообразно танцовали до конца. На смѣну имъ явились борцы. Нѣсколько сартовъ, одѣтыхъ въ шутовскіе костюмы, воспроизводили борьбу силачей. Одинъ изъ нихъ состязался даже съ палкой, которая съ помощью повѣшеннаго на нее рваного халата должна была изображать его противника. Онъ то налегалъ на мнимаго соперника, то самъ гнулся подъ его могучимъ напоромъ и наконецъ, подъ гомерическій хохотъ присутствующихъ, перекинулъ себя черезъ плечо и положилъ на обѣ лопатки. Вслѣдъ за борцами съ шумомъ и крикомъ прибѣжали актеры. Всѣ они свои роли кричали насколько возможно. Сарты не оставались спокойными зрителями и выкрикивали отъ себя замѣчанія, такъ что отъ этого представленія гвалтъ и неистовый хохотъ можно было слышать за нѣсколько верстъ... Уже темнѣло и появились звѣзды, когда развлеченія «тоя» были исчерпаны, и, отблагодаривъ хозяина, я вернулся домой. **Н. Корженевскій.**

СЕЛО ЦАРЕВО-НИКОЛЬСКОЕ.

НА ПРАВОМЪ берегу Волги, ниже города Сызрани и въ трехъ верстахъ отъ него, пріютилось маленькое сельцо, всего въ 75 дворовъ, съ 400 душъ обоего пола. Тихо дремлетъ оно... Незамѣтно и неслышно его межъ огромныхъ и бойкихъ приволжскихъ селъ... Словно какой-то рокъ повелѣлъ ему коснѣть въ одномъ и томъ же положеніи...

И дѣйствительно, у села есть недобрый рокъ, историческій, вызвавшій и самое начало его...

Село это называется Царево-Никольское или Образцовое.

Возникновеніе его, поучительное и для нашего времени, интересно въ историческомъ отношеніи, какъ плодъ административнаго усмотрѣнія «добраго» стараго времени, какъ образецъ искусственной ломки къ лучшему сельско-хозяйственнаго быта при ошибочныхъ основаніяхъ системы, какъ результатъ твердой централизаціи землеустройства, годной только на одну внѣшнюю подгонку.

Передо мною дѣло бывшей сызранской удѣльной конторы, по архиву № 1800, «О постройкѣ Образцоваго села, наименованнаго селомъ Царево-Никольскимъ. Началось 1 мая 1845 года».

Въ 1833 году департаментомъ удѣловъ было открыто около Петербурга земледѣльческое училище для мальчиковъ съ цѣлью впослѣдствіи водворять ихъ близъ удѣльныхъ селеній въ качествѣ образцовыхъ земледѣльцевъ, усадьбы которыхъ могли бы служить примѣромъ раціональнаго веденія хозяйства. Имѣлось въ виду привести крестьянъ къ убѣжденію, что «обширность угодій и естественное ихъ плодородіе не составляютъ исключительной необходимости въ сельскомъ хозяйствѣ, что при наукѣ, умѣніи и трудолюбіи пески и болота обращаются въ пашни и луга, а улучшенные способы земледѣлія обезпечиваютъ бытъ поселянина».

Дальнѣйшее покажетъ, какъ практика оправдала это прекрасное положеніе.

Какъ и полагалось въ то время, приступъ къ дѣлу былъ самый рѣшительный и прямолинейный.

Управляющій сызранской удѣльной конторой надворный совѣтникъ и кавалеръ Петръ Петровичъ Каблуковъ, пользующійся въ симбирскомъ Поволжьи до нашего времени легендарною извѣстностью насильника и вора, писалъ, отъ 1 мая 1845 г. за № 6099, байдеряковскому приказу:

«Департаментъ удѣловъ, отъ 22 марта за № 5439, предписать изволилъ немедленно срубить лѣсу въ Аннинскомъ поселкѣ 15 десятинъ для постройки образцоваго селенія...»

А своей конторѣ этотъ типичный дѣятель писалъ предложеніе:

«А какъ построеніе образцоваго селенія и всѣ исполненія по оному принимаю я лично на свою отвѣтственность, то предлагаю сызранской удѣльной конторѣ на наемку рабочихъ людей и покупку матеріаловъ для постройки образоваго селенія на первый разъ отчислить изъ доходовъ удѣла на счетъ хлѣбнаго капитала тысячу рублей серебромъ и вручить мнѣ подъ расписку...»

Какъ же отнеслось къ начинанію, которое должно было «обезпечить бытъ поселянина» окрестное крестьянское населеніе, съ взглядами котораго верха, разумѣется, не считались?

Головы пятнадцати подвѣдомственныхъ сызранской удѣльной конторѣ приказовъ, на предписаніе Каблукова пріискать и выслать плотниковъ и каменщиковъ для строительныхъ работъ, рапортами доносили, что изъ крестьянъ «никого желающихъ не оказалось», «желанія на сіе никто не изъявилъ», «хотя и занимаются, но не объявили желанія», и т. д. Въ концѣ концовъ Каблукову пришлось заключить контракты по постройкѣ села съ нижегородскими и владимирскими крестьянами-подрядчиками. Даже въ августѣ Каблуковъ писалъ управляющему корсунскимъ удѣльнымъ отдѣленіемъ: «По невозможности пріискать чернорабочаго народа... предписываю вамъ немедленно выслать съ шести приказовъ по 25 человѣкъ...»

Въ этомъ отказѣ отъ платной работы, видимо, таился скрытый бойкотъ казенной затѣѣ, насчетъ которой крестьянъ не обманывало чутье: домоводство подъ казенной ферулой не могло не пугать даже крестьянина того времени... Земледѣльческій бытъ самый естественный по простотѣ, самый разнообразный и поэтическій по труду, а потому казенный распорядокъ, того времени въ особенности, менѣе всего согласовался съ нимъ...

Какъ бы то ни было, однимъ годомъ было выстроено цѣлое село. Но заселить его все недостало охотниковъ. Въ немъ были поселены крестьяне, «неизбыточные» по состоянію, вперемежку съ бывшими воспитанниками земледѣльческаго училища, всего 200 душъ обоего пола. Имъ было отмежевано до 1300 десятинъ

удѣльной земли и выстроено 16 жилыхъ домовъ, изъ которыхъ 8 были въ два этажа и 8 одноэтажные. Каждый домъ имѣлъ свою баню. Построили церковь, домъ для священника и училища, домъ для старшины и пріѣзда чиновниковъ, двѣ кузницы, два хлѣбныхъ амбара, сараи, овины, погреба для овощей, ледники, мастерскую для земледѣльческихъ орудій, пожарный сарай, общественный запасный магазинъ, три караулки при въѣздахъ въ село, тротуары и сельскую ограду.

По инструкціи изъ Петербурга, на каждый дворъ отмѣрено было 25×11 саженъ. Всѣ клѣти и сараи сдѣланы были рубленными и со всѣхъ сторонъ крытыми, «подобно какъ въ образцовыхъ усадьбахъ». Предписано было «въ уваженіе просьбы крестьянъ, водворяющихся въ образцовомъ селеніи, отмежевать по полудесятинѣ на душу въ каждомъ полѣ и продажею урожаевъ съ сей земли уплачивать капиталъ, употребленный на постройку крестьянскихъ дворовъ...» съ разсрочкою на 16 лѣтъ.

Дома, ворота, фасады холодныхъ строеній, пожарный сарай и мастерскія были окрашены дикой масляной краской, карнизы бѣлилами; бани, овины, кузницы, амбары и караулки—охрою на маслѣ.

Внѣшній видъ селенія производилъ самое благопріятное впечатлѣніе, какъ контрастъ съ видомъ обыкновенныхъ русскихъ селъ. Одинъ изъ ревизоровъ, директоръ земледѣльческаго училища Потуловъ, далъ такой отзывъ:

«Наружность этого села доведена до того уже совершенства, что отдѣлка строеній, заборовъ, колодцевъ и другихъ принадлежностей представляется въ видѣ какой-то противоположности съ жителями селенія, очевидно, мало еще привыкшими къ новому образу жизни» (1849 г.). Но при послѣдовавшихъ вскорѣ ревизіяхъ обнаружились и внутреннія качества построекъ. Церковная колокольня склонилась на сторону... Въ стѣнахъ ея образовались трещины... Крыша стала протекать... Черепичныя кровли на церкви и домахъ начали проваливаться, и вскорѣ пришлось перекрыть ихъ тесомъ... Всѣ печи дымили...

Такъ закончилось «образцовое» казенное строительство. Потомъ крестьянамъ разрѣшили строить дома и дворы по собственному усмотрѣнію, согласно съ характеромъ крестьянской жизни.

Хозяйство крестьянъ въ смыслѣ пашни, скотоводства, садоводства и огородничества оказалось въ несравненно лучшемъ состояніи. Скотоводство, при сопоставленіи съ нынѣшнимъ, представляется прямо сказочнымъ. На 18 поселенныхъ семействъ приходилось 185 лошадей, 155 головъ крупнаго рогатаго скота, 565 овецъ и 155 свиней!

Однако, несмотря на такое видимое благосостояніе, охотниковъ переселяться въ Образцовое село было трудно находить, а потому и не всѣ избы были заселены. Причину этого нельзя не видѣть хотя бы въ строгой административной регламентаціи поселяемыхъ

хозяевъ. Жить, пахать, ухаживать за скотомъ, одѣваться, ѣсть и пить, вступать въ бракъ, отлучаться изъ села они могли только согласно установленныхъ правилъ, и за ослушаніе или ошибки подвергались наказанію управляющаго удѣльнымъ имѣніемъ или его помощника. Да и матеріальное состояніе ихъ было болѣе кажущимся. На постройку села всего затрачено было 65.500 рублей серебромъ, причемъ исключительно крестьянскія постройки обошлись въ 23.434 руб., каковую сумму крестьяне и должны были выплачивать обработкою каждый въ лѣто шести слишкомъ десятинъ земли, отведенной имъ для уплаты долга. Но эта задолженность такъ обременила ихъ, что они не въ состояніи были выпутаться изъ нея, и она впослѣдствіи была съ нихъ сложена.

Да и какъ имъ было выпутаться, когда все дѣло по продажѣ общественнаго хлѣба въ уплату долга безотчетно велъ такой хищникъ, какъ Каблуковъ. Наконецъ онъ сошелъ со сцены, отданный подъ уголовный судъ за кражу казенныхъ денегъ при постройкѣ Образцоваго села. Но крестьяне долго помнили его управленіе. Это былъ типичный для того времени деспотъ-самоуправецъ, грабившій и безжалостно сѣкшій крестьянъ и даже особъ духовнаго званія, чѣмъ-либо не угодившихъ ему. Можно представить, какъ онъ расхищалъ крестьянское благосостояніе, заботясь только о показной сторонѣ дѣла, объ окраскѣ домовъ, чистотѣ улицъ и балансѣ въ отчетности денежныхъ суммъ. Крестьяне сложили про него пѣсню-сатиру, которую пѣло все село и которая до сего времени памятна въ губерніи. Начинается она такъ:

Петръ Петровичъ Каблуковъ
Разорилъ насъ, мужиковъ.
Дѣвки улицу мели,
Каблукова проклинали.
Изъ Орловки житель-бытель,
Окаянный воръ, мучитель,
Петька Каблуковъ!
Передъ нимъ въ струну тянися,
По струнѣ велитъ пройтися,
Не пройдешь—деретъ:
Кровь пускаетъ, зубы правитъ,
Къ поясницѣ банки ставитъ—
Только ой-ой-ой!..
А ужъ бабамъ онъ уважитъ:
Какъ доить коровъ—разскажетъ,
Какъ дѣтей родить—покажетъ...
Надо понимать, и т. д.

Въ пѣснѣ есть и о томъ, какъ однажды онъ приказалъ высѣчь дьячка, подвернувшагося ему въ недобрую минуту.

Петръ Александровъ.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ ВОЛХОВА.

(Путевые очерки).

I.

ПАРОХОДЪ оставилъ уже позади Успенскій островокъ, полоской протянувшійся вдоль рѣки Волхова, островокъ, когда-то пустынный, но теперь застроенный многими зданіями самой затѣйливой, причудливой архитектуры. Это нѣчто въ родѣ благотворительной колоніи для вдовъ и сиротъ, которая своимъ возникновеніемъ и существованіемъ обязана недавно умершему священнику Колоколову и людямъ, чуткимъ къ нуждамъ обездоленныхъ судьбою.

Вскорѣ привалили къ берегу у Гостинополья, дальше пароходу итти нельзя, ибо дальше Волховъ уже вертитъ, крутитъ, неистово шумитъ и пѣнится въ порогахъ.

Большое село Гостинополье расположено по обоимъ высокимъ, обрывистымъ берегамъ. Та сторона, гдѣ остановился пароходъ, очевидно, богатая, торгово-промышленная. Дома длинные, двухъэтажные, съ прихотливыми балконами и террасами. Рѣдкій домъ не украшается вывѣской, аппетитно зазывающей закусить и попить чайку. Линія села почти безъ просвѣтовъ; я замѣтилъ только два-три прогалка, съ нежилыми строеніями, убѣгающіе куда-то вдаль, въ поля. Вообще дома или плотно прилегаютъ другъ къ другу, или отдѣляются густыми зеленѣющими садиками.

Противоположная сторона имѣетъ видъ совершенно иной. Это какая-то мрачная деревня, наподобіе тѣхъ, которымъ на Руси

имя легіонъ. Правда, избъ въ ней немало, насѣяно ихъ какъ сквозь сито, но всѣ онѣ стары и убоги.

Сейчасъ видно, что здѣсь ютится бѣдный людъ. И дѣйствительно, какъ оказалось, это сторона рабочая, въ тяжелыя годины судоходства перебивающаяся съ хлѣба на квасъ.

Вмѣсто пристани пришлось сходить на какой-то животрепещущій плотъ и балансировать ручнымъ багажомъ. Пароходство здѣсь ужасное. Пароходъ «Андрей Забѣлинъ» ходитъ такъ тихо, что одинъ изъ пассажировъ, нѣмецъ, справедливо замѣтилъ, что скорѣе можно попасть изъ Берлина въ Америку, чѣмъ изъ Соснинки въ Гостинополье. Надзора на пароходѣ никакого, администрація дошла до послѣднихъ предѣловъ самоуправства: гдѣ захотятъ, тамъ и высадятъ; гдѣ захотятъ, тамъ и возьмутъ на бортъ. Прислуга настолько груба и невѣжественна, что, если вы спросите о чемъ-нибудь относительно пути, слуга сядетъ преспокойно рядомъ съ вами и начнетъ фамильярно объясняться. Каюты душныя, тѣсныя. Кормятъ по высокимъ цѣнамъ, провизія недоброкачественная; кухня грязная, съ убогимъ поваромъ. Это для интеллигента. Спрашивается, какія лишенія переноситъ на пароходѣ рабочій? Онъ, не взирая ни на какую погоду, прямо спитъ на палубѣ подъ открытымъ небомъ, среди багажныхъ вещей, грязи, плевковъ и разной гадости. Ѣстъ, положимъ, въ каютѣ, но что это за каюта? Помимо столовъ, покрытыхъ слоемъ просаленной грязи, чего стоитъ одна атмосфера. Воздухъ спертый, пропитанъ букетной вонью, способный вызвать головокруженіе и рвоту. Въ общемъ рабочая каюта—настоящій хлѣвъ для свиней.

Съ плота я полѣзъ сзади другихъ въ гору по плоской лѣстницѣ. Всѣ поднимались гужомъ, очень медленно и съ такою осторожностью, какъ бы не поскользнуться и не скатиться въ воду.

Наверху стояли громоздкіе допотопные экипажи, запряженные тройкой-четверкой лошадей.

— Пожалуйте, баринъ, до Дубовиковъ,—предлагалъ мнѣ одинъ ямщикъ.

— Не угодно ли, свезу за пороги,—повторялъ другой.

— Сегодня не надо, — отклонилъ я и спросилъ: — развѣ въ такихъ рыдванахъ возите?

— Нѣтъ, въ каретахъ,—послѣдовалъ обидчивый отвѣтъ.

Впервые на эти «кареты» нельзя посмотрѣть безъ смѣха. Длинный двухстѣнный кузовъ. Съ открытыхъ сторонъ видны скамейки, на которыя садятся ѣдущіе спинами вмѣстѣ. Чтобы не сунуться ничкомъ, ѣдущій держится за ремешки, болтающіеся около его носа.

Здѣсь подобныя повозки именуются «сарафанной почтой». Конечно, не въ настоящемъ промыслѣ ямщики окрестили такимъ именемъ «кареты», теперь въ нихъ никакой почты не возятъ, это

имя, вѣрнѣе, осталось отъ прежнихъ временъ, когда, дѣйствительно, въ такихъ рыдванахъ возили почту, и притомъ въ передвиженіи ея, вѣроятно, немалую роль играла деревенская баба. Отъ прежнихъ содержателей «сарафанная почта» поступила въ наслѣдіе гостинопольскимъ крестьянамъ, и для нихъ она составляетъ промыселъ. Отъ Гостинополья до Дубовиковъ берутъ съ каждаго пассажира 40—50 коп. Дорога идетъ въ обходъ пороговъ и считается по длинѣ 12 верстъ. У Дубовиковъ уже нѣтъ пороговъ, тамъ снова пароходъ и вплоть до Ладожскаго озера.

Я остановился въ первыхъ попавшихся меблированныхъ комнатахъ — Гордѣевскихъ, гдѣ любятъ останавливаться судовладѣльцы, приказчики, довѣренные и вообще промысловой людъ. Надо просто удивляться цѣнамъ, какія мнѣ были объявлены: за одинъ рубль весь суточный коштъ; номеръ съ такою чистотою, какая бываетъ въ домахъ старообрядцевъ, столы, окна, полъ точно вылизаны, для продовольствія самоваръ, обѣдъ и даже ужинъ. Блюда, положимъ, по внѣшности и приготовленію уступаютъ ресторанному искусству, но это настоящія русскія блюда—чистыя, сытныя и обильныя. Словомъ, кто любитъ русскую кухню, тотъ безусловно можетъ отъѣдаться здѣсь до отвала.

Отдохнувъ, я пошелъ прогуляться. Обогнулъ все село. На «задахъ» меня заинтересовали ямы, наполненныя водою. «Какъ же это, такая высокая мѣстность, — думалъ я, — и вдругъ вода?» Но скоро мое недоумѣніе разсѣялъ какой-то субъектъ, копавшійся чего-то въ огородѣ.

— Позвольте побезпокоить.

— Съ чѣмъ прикажете?

— Объясните, пожалуйста, меня удивляютъ эти ямы съ водою.

— А что?—очевидно, не понявъ вопроса, переспросилъ субъектъ.

— Горное мѣсто и неужели болото?

— Ахъ, да. Оно, дѣйствительно, немножко не того... Нѣтъ, земля сухая, болота никакого. Здѣсь, видите ли, позади всего села стояли кирпичные заводы, при нихъ изобки для рабочихъ—вотъ и остались ямы, а въ нихъ вода съ дождей.

— Ужъ ямъ-то больно много?

— Было больше, да сколько зарыли. Вѣдь дѣло-то, сударь, оборачивалось на милліоны.

— Крестьяне работали?

— Имъ недосугъ въ лѣтнюю пору. Приходили отовсюду, работали и жили въ изобкахъ. А заводчикомъ былъ такой купецъ Быстрый, богатѣйшій человѣкъ.

— Отчего же погибло предпріятіе?

— Хозяинъ померъ, а у поколѣнія все пошло прахомъ. И теперь въ селѣ есть дома, бывшіе Быстраго. Сами знаете, безъ хозяина домъ сирота. А милліонщикъ былъ.

— Сбывалъ на крупныя суммы, значитъ, приготовлялъ кирпичъ хорошій.

— Превосходный, можно сказать. Прежде мяли плотно, досуха и въ формы не клали, а прямо раскатывали пластами и нарѣзали. Получался кирпичъ крупный, красный, крѣпостью—камень.

— Поэтому ранѣе впереди села кипѣла жизнь—судоходная, а сзади—заводская.

— Именно такъ, — подтвердилъ субъектъ, довольный моимъ сравненіемъ.—Лѣтомъ на задворкахъ идетъ работа горячая, а зимою совсѣмъ тише—возятъ товаръ гужомъ въ Дубовики. По веснѣ же грузятъ въ барки и сплавляютъ. Я думаю, не одинъ десятокъ домовъ въ Питерѣ сложенъ изъ гостинопольскаго кирпича.

— Это, конечно, было давно?

— Да какъ вамъ сказать? Мнѣ пятьдесятъ, а я не помню кирпичнаго дѣла.

— Почему же вы знаете всю исторію?

— Батюшка мой служилъ на заводахъ, такъ мнѣ доводилось слыхать отъ него еще въ молодости.

— Значитъ, вы не коренной житель.

— А кто у насъ коренной?—возвысилъ голосъ разсказчикъ.— Есть новгородскіе, витебскіе, курскіе. Отцы наши были кирпичники, а мы пошли другой дорогой—по части судоходной, торговой.

— Не сохранилось ли у васъ гдѣ-нибудь камней съ высѣченными надписями?

— Не видалъ и не слыхалъ.

— Нѣтъ ли какихъ-нибудь развалинъ, слѣдовъ старинныхъ зданій?

— Ничего такого не осталось. Живемъ мы по новому, а старое забыли,—улыбнулся субъектъ.

Я тоже улыбнулся, но только улыбкой горести. Тутъ мнѣ сразу представилось Гостинополье отдаленныхъ временъ: какъ голландскіе и нѣмецкіе купцы, оставивъ за порогами ладьи съ товарами, пріѣзжали къ новгородцамъ для сговора, а послѣ купли-продажи веселились и пиршествовали. Тогда, дѣйствительно, было широкое поле для гостей, а теперь на этомъ мѣстѣ не найдется даже малѣйшаго намека на бывшую здѣсь знаменитую Ганзу. Здѣсь теперь обыкновенное село, населенное выходцами. Съ глубокимъ вздохомъ я отошелъ отъ субъекта. Противъ Гордѣевскихъ комнатъ, на краю обрыва, есть большая скамья, гдѣ непрестанно перемежается народъ, въ ожиданіи перевоза. Мнѣ сказали, что здѣсь я могу почерпнуть кое-что о «всякой» жизни Гостинополья. Вечеркомъ я пошелъ посидѣть туда.

Моимъ сосѣдомъ на скамьѣ очутился молодой крестьянинъ, одѣтый по-деревенски прилично: въ синемъ кафтанѣ, новомъ картузѣ и «лоснучихъ» сапогахъ. Онъ повѣдалъ мнѣ о перевозѣ.

— Это общественная переправа,—говорилъ молодой крестьянинъ.

— А именно?

— Сельскимъ обществомъ содержится. Общество и лодку купи или старую справь, и плоты пристрой, и жалованье рабочему положь—за все оно въ отвѣтѣ.

— Странно, въ Новгородской губерніи всѣ перевозы на счетъ земства.

— Тамъ, значитъ, земство бережетъ нашего брата. Вотъ всѣ ѣздятъ даромъ, а на нашего крестьянина ложится расходъ.

Гостинополье (торговая сторона).

— Развѣ никто не платитъ?

— Одно слово, всякій,—подтвердилъ крестьянинъ тономъ, не допускающимъ возраженій.—Хоть бы, къ примѣру, вы поѣхали—и можете ни гроша не платить.

— Отчего же не дать за трудъ.

— Все единственно обществу пользы никакой — это пойдетъ на чай.

— Тогда обложите обязательной платой всѣхъ, кромѣ земляковъ.

— А кто ихъ знаетъ, земляков'ъ-то, тутъ народу пришлаго много. Нѣтъ, ужъ правду вы говорите,—ежели бъ земству вступиться.

— Это тоже перевозятъ?—спросилъ я, указывая на лодочки, скользившія поперекъ рѣки.

— Вольная переправа. Кому надо поскорѣе, такъ такимъ манеромъ, а наша лодка идетъ тихо. Да вонъ она ползетъ.

Дѣйствительно, къ плоту медленно плыла большая лодка, человѣкъ на 50. Люди сидѣли на полу и плотной стѣной на бортахъ, точно обрамляли лодку живымъ бордюромъ.

— Охъ, такъ ѣздить опасно,—воскликнулъ я.

— Народъ привычный.

— Однако, бывали несчастные случаи и именно на переправахъ.

— Ничего не будетъ, Богъ помилуетъ,—какъ бы успокаивалъ меня крестьянинъ, затѣмъ приподнялъ картузъ и сталъ спускаться подъ гору.

Говорившаго о перевозѣ смѣнилъ другой крестьянинъ, небольшого роста, на видъ лѣтъ шестидесяти, какой-то невзрачный, лохматый, съ утомленнымъ, усталымъ лицомъ, и главное, чѣмъ онъ обращалъ на себя вниманіе, такъ это одеждой, которая у него была съ ногъ до головы мокрая.

Мужичокъ немножко опоздалъ попасть на перевозъ; просилъ привалить снова, кричалъ, ругался—и все напрасно, лодка удалялась отъ берега.

Потерявъ всякую надежду, онъ плюнулъ и заключилъ: «черти!»

— Ты отчего же весь мокрый?—спросилъ я его.

— Эхъ, баринъ, дѣло было большое,—грустно отвѣтилъ мужичокъ и сѣлъ подальше.—Кругомъ сутки работали, смаялись.

— Какое же дѣло?

— Двѣ барки разбило въ порогахъ и завалило ворота, такъ очищали. Надо живо освободить, чтобъ не было задержки другимъ судамъ.

— Если трудно, зато плата хорошая.

— Мы безплатно,—равнодушно сказалъ вопрошаемый, оглядывая себя, и добавилъ.—Мокрый-то плевое дѣло, а вотъ оборвешься.

— Почему же безъ найма?

— Зачѣмъ наниматься. Я—лоцманъ, тридцать лѣтъ хожу на этой должности; кто лоцмана Горюна не знаетъ. У насъ круговая порука по расчисткѣ фарватера.

— Это какая же порука?

— Вотъ нонѣ, скажемъ, набралось насъ 120 лоцмановъ. Идемъ мы въ путейскую контору и даемъ присягу, перво-наперво, чтобъ являться всѣмъ на расчистку, чья бы барка ни разбилась, потомъ, что служить будемъ хозяину правдой, по-божески, знаете—подмигнулъ лоцманъ,—безъ всякихъ шалостей, не наваливать руля, чтобъ не задѣть краешкомъ.

— И подписываетесь?

— Какъ же, честь честью.

— Да ты грамотный?

— Нѣтъ, неграмотный; я вѣдь старой школы, имя крестиками пишу.

— Новой не сподобился,—засмѣялся я.

— Сохранилъ Богъ; говорятъ, мудреная гораздъ,—лоцманъ покачалъ головой.—Ну, за присягой, конечно, условьице: кто не

явился на заломъ, поставь за себя другого, или 2 рубля штрафу въ сутки, значитъ, безъ тебя наймутъ.

— А если ни того, ни другого?

— Нельзя. У насъ общество даетъ удостовѣреніе, что лоцманъ трезвый, дѣло свое знаетъ, условіе исполняетъ. Это удостовѣреніе требуетъ контора.

— Что же значитъ—«краешкомъ»?

— Задѣнетъ бокъ камнемъ.

— А когда носомъ ударится?

— Что вы!—удивился лоцманъ и остановилъ на мнѣ глаза.— Судите сами. Ширина воротъ на Вельскомъ порогѣ 5—6 саженъ, на Петропавловскомъ немного побольше. Ширина барки до 4½ саженъ. Вотъ тутъ и проведи судно, чтобъ не зацѣпиться. Вода бьетъ, теченіемъ несетъ сильно, чуть кокнулось—и готово. Зато ежели по деревяннымъ гвоздямъ съѣздитъ, потому только потрещитъ да слизнетъ шляпки. А ежели, какъ вы говорите, носомъ ткнуться, да этакъ съ размаху, такъ барку-то въ щепки смолотитъ и кусочковъ не собрать.

— Вы бы фарватеръ вѣхами обставили.

— Вѣхи не помогутъ, ихъ все равно снесетъ, да и куда намъ онѣ. Всѣ лоцмана каждый камень знаютъ. Коли грѣху случиться, такъ и вѣхи ни по чемъ.

— Но, я думаю, тѣхъ камней, которые отламываются и падаютъ на фарватеръ, лоцмана не знаютъ.

— Изволите правду говорить—не знаютъ. Да бѣды тутъ, почитай, нѣтъ, камней валится совсѣмъ малость. Вотъ надо бояться, которые приплываютъ.

— Это какъ же?—удивился я.

— Чего проще, — спокойно замѣтилъ лоцманъ, вздрогнулъ и пощупалъ свой зипунъ, желая узнать, достаточно ли онъ просохъ.—Изъ воды торчатъ камни. Зимою они вмерзнутъ. Придетъ весна, ледъ поднимется и камни съ нимъ, потомъ льдины поплывутъ, а въ порогахъ имъ ужъ не сдобровать, ну, камни и упадутъ на дно.

— Путейское вѣдомство облагораживаетъ пороги?

— Это какъ же по-нашему?

— Возьмемъ, напримѣръ, Свирь. Тамъ никогда не убираются съ береговъ вороты, которыми таскаютъ камни съ фарватера.

— Тутъ нѣтъ никакихъ вóротовъ. При мнѣ разъ, кажись, таскали что-то.

— Давно!

— Лѣтъ пятнадцать назадъ. Да это какое тасканье,—махнулъ рукою лоцманъ.—Скажемъ, повыберутъ камешки, что навалились или водой принесло, а чтобы фарватеръ раздвинуть, пошире сдѣлать—ни, Боже мой.

— Отчего же?

— Говорятъ, трудъ большой. Оно, дѣйствительно, не легко. Плита безъ слоевъ. Ежели бъ слои, такъ отковырнулъ бы, а то она словно вылитая, какъ булыжный камень, и сверху скользкая. Тутъ наши лоцмана захотѣли покупаться въ порогахъ и дальше трехъ саженъ не пройти въ глубь: вода боемъ валитъ, ноги разъѣзжаются, какъ на гладкомъ льду.

— Нынѣ изобрѣтены разные способы разбивать камень.

— Только эти самые способы до нашихъ пороговъ еще не дошли.

Лоцманъ снова вздрогнулъ.

— Ты, братецъ, озябъ.

— Вѣрно, баринъ, знобитъ,—согласился онъ со мной и полѣзъ въ карманъ.—Надо согрѣться.

— Обязательно, судя по такому прохладному вечеру.

— Вотъ жду перевоза.

Лоцманъ положилъ на ладонь какую-то монету и крѣпко зажалъ ее въ кулакѣ, а другой рукой обратно опустилъ кошелекъ.

— Слѣдуетъ «монопольки» хватить.

— Именно, сотку.

— Лавка на томъ берегу?

— Какое на томъ, здѣсь недалеко.—Лоцманъ ткнулъ за своимъ плечомъ въ пространство пальцемъ. — Сегодня суббота, такъ заперта и ни подъ какимъ видомъ.

— Но тамъ развѣ можно?

— Чего другого, а этого добра сколько угодно. Что ни изба, то кабакъ. Конечно, держатъ немного, «для себя» и продаютъ по двойной цѣнѣ.

— Вѣдь за это тюрьма.

— Сидѣли и опять торгуютъ. Выгодно гораздо.

— Говорили, бѣднота, а выходитъ—тоже сторона «торговая».

— Что за торговля. Вѣдь дѣломъ этимъ больше бабы занимаются. Кутузка ими не переводится, съ малыми ребятишками сидятъ.

— Какъ не стыдно семейнымъ женщинамъ!

— Извините, сударь, по моему мужицкому разуму спросилъ бы я: за что ихъ сажаютъ?

— Никто не имѣетъ права торговать виномъ, кромѣ казны.

— Хорошо. Вѣдь баба торгуетъ тоже казеннымъ виномъ. Вотъ ежели бъ она свое вино курила и продавала, ну, тогда сажай.

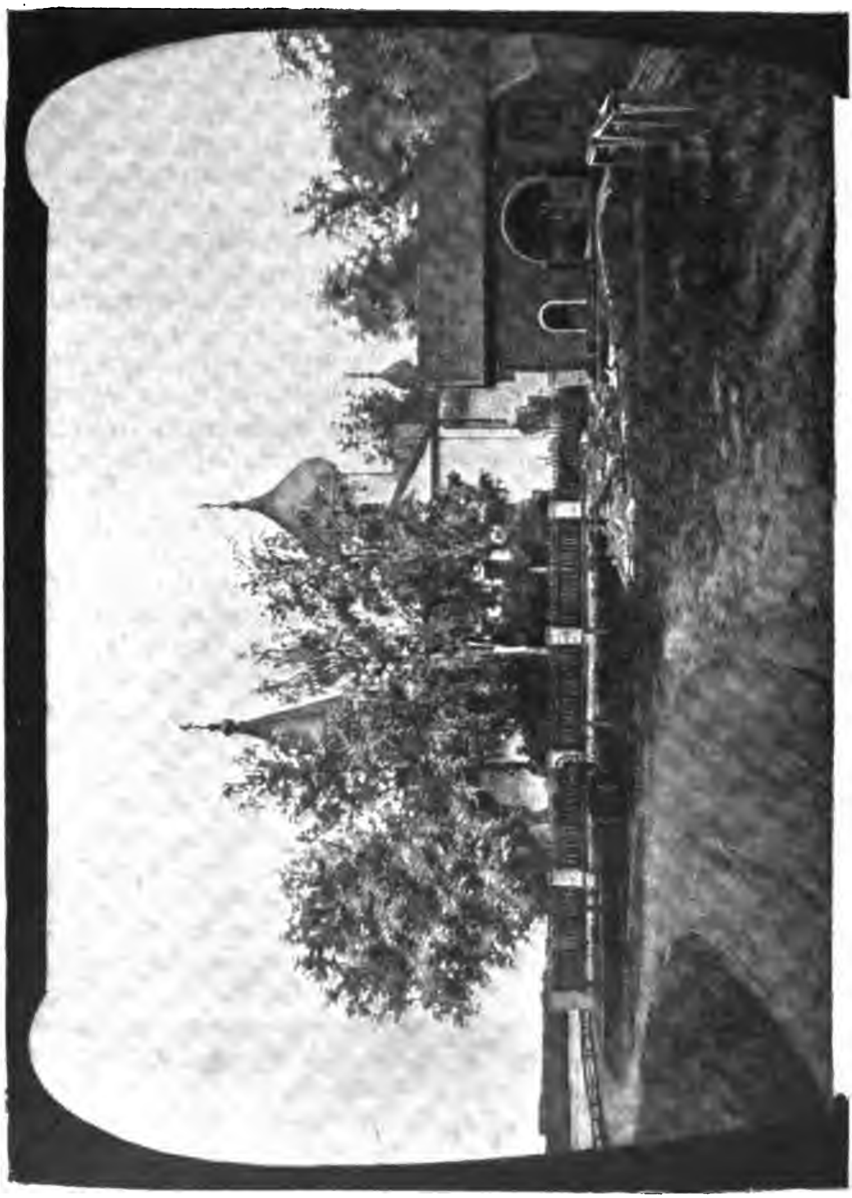
— Понимаешь—законъ.

Лоцманъ какъ будто испугался этого слова и умолкъ. Потомъ чрезъ нѣсколько минутъ снова заговорилъ:

— И досаждаютъ же онѣ.

— Кто «онѣ»?

— Эти самыя бабы. Матери сушатъ пеленки, вонь распускаютъ, ребятишки кричатъ, плачутъ. А, говорятъ, запретить нельзя, берутъ съ собой тоже по закону.



Храмъ гостинопольскій.

— Ишь, у васъ мѣсто какое преступное.

— Вездѣ не лучше. Посмотрите-ка, что дѣлается въ порогахъ. Тамъ рыбакъ не выѣдетъ безъ бутылки за сигами.

— Кто же тамъ продаетъ?

— Все онѣ же, бабы. Берутъ оптомъ, четвертями, а продаютъ въ розливъ.

— Но вѣдь могутъ замѣтить въ лавкѣ.

— Сначала одна идетъ, потомъ другая. Ужъ кто этой коммерціей занимается, такъ умѣетъ отвести глаза. Баба хитрѣе мужика.

Позади насъ вдругъ раздался колокольчикъ. Остановился тарантасъ, изъ котораго вылѣзъ господинъ въ фуражкѣ акцизнаго вѣдомства.

— Смотри, акцизный чиновникъ,—сказалъ я лоцману, кивнувъ головою по направленію къ тарантасу.

— А мнѣ ѣхало здорово. Я—покупатель. Да и бабамъ они ни по чемъ. Эти самые акцизные нарочно бабъ не замѣчаютъ. Сколько бы торговала лавка безъ нихъ? Гроши катались бы въ выручкѣ. А теперь, по крайности, форменная торговля.

«Перевозъ!» послышался голосъ изъ-подъ горы.

— Батюшки, опять прозѣваю,—спохватился лоцманъ и опрометью бросился бѣжать.

Жизнь на рѣкѣ замѣтно сокращалась, какъ будто уставала за день. Съ того берега доносилась какая-то разбитная пѣсня рабочихъ, успѣвшихъ уже сходить подъ устную вывѣску «для себя».

Но и пѣсня умолкла. Въ природѣ и въ людяхъ наступала тишь.

Я вернулся въ свой номеръ.

На другой день я отправился вверхъ по рѣкѣ.

Прошелъ съ версту, очарованный теплымъ, тихимъ солнечнымъ утромъ. Вдоль береговъ вереницами тянулись суда разныхъ типовъ, а больше барки-коробки, съ дровами, тесомъ, подѣлочнымъ матеріаломъ.

Окинешь глазомъ всю эту деревенскую махину и съ сокрушеннымъ сердцемъ вздохнешь: «Господи, сколько лѣсу валятъ изъ года въ годъ!» Дѣйствительно, валятъ лѣса очень много и, вѣроятно, больше, чѣмъ его выростаетъ. Не даромъ же схватились уже защищать и охранять лѣса посредствомъ разныхъ обществъ и комитетовъ. Даже тамъ, гдѣ лѣсъ цѣнился по грошамъ, гдѣ хищническія порубки почти не преслѣдовались, теперь установлены правильный надзоръ и нормальная такса, какъ, напримѣръ, въ Архангельской, Пермской, Вологодской губерніяхъ. Но существующія мѣры охраны слишкомъ слабы, чтобы остановить вырубки цѣлыхъ дачъ, безъ раціональнаго хозяйства. А все это происходитъ оттого, что умѣютъ обходить законъ. Значитъ, законъ выработанъ узко и обобщительно. Кажется, мы только, русскіе, неспособны и нерадивы хранить лѣсныя богатства, думая, что лѣсу

у насъ еще гибель; можно его рубить направо и налѣво. Положимъ, на нашъ вѣкъ хватитъ, но какъ поблагодарятъ насъ будущія поколѣнія, которымъ придется ухаживать, пожалуй, больше за прутомъ, чѣмъ намъ за бревномъ. Слѣдуетъ непремѣнно поучиться, какъ берегутъ лѣсъ за границей. Англія хранитъ свой лѣсъ, какъ зѣницу ока, не тронетъ его до тѣхъ поръ, пока Россія не вырубитъ свои лѣса; она ежегодно таскаетъ къ себѣ съ Кемскихъ заводовъ, Архангельской губерніи, лѣсныхъ матеріаловъ на милліоны рублей. Мы отпускаемъ въ Англію лѣсъ и его же покупаемъ обратно уже въ обдѣланномъ видѣ. Пароходы Мурманскаго общества, рейсирующіе по Бѣлому морю и Ледовитому океану, были заказаны на англійскихъ заводахъ, и только металлическія части принадлежатъ мѣстной производительности, а деревянныя все изъ русскаго лѣса. Мнѣ говорилъ бывшій архангельскій, нынѣ саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, что пароходы англійскіе, а дерево у нихъ архангельское.

Интересуясь паузкой судовъ, я собралъ объ этомъ свѣдѣнія отъ рабочихъ. Паузить—значитъ разгружать большое судно, которое, вслѣдствіе низкой осадки, не можетъ пройти пороги. Товаръ грузится на маленькія лодки, именуемыя паузками, и переправляется чрезъ пороги, затѣмъ уже проводится судно и снова грузится у деревни Дубовиковъ, гдѣ оканчивается порожистая опасность.

Маріинки, тихвинки, соминки разгружаются въ Гостинопольѣ, а большихъ размѣровъ суда—каюки, унжаки въ 4×18 саж., выше верстъ на 10, у деревни Пчевы, но въ полноводные года и послѣдніе спускаются къ мѣсту первыхъ. Какъ паузки, такъ и рабочихъ, занимающихся паузнымъ промысломъ, доставляютъ ближайшія къ порогамъ селенія. Каждый рабочій зарабатываетъ въ лѣто не менѣе 100 руб., а если онъ знаетъ лоцманское дѣло, то до 150 руб. Паузка съ рабочими достаетъ въ навигацію слишкомъ 500 руб. Порожнія паузки поднимаются посредствомъ лошадиной тяги за отдѣльную плату. Лѣтомъ тянутъ 4 лошади за 4—5 руб., а весною 6 за 12 руб.

Стоя на самомъ берегу, я видѣлъ, какъ у моихъ ногъ быстро неслась вода, какая-то красноватая, будто бы, по преданію, обагренная кровью въ древнія войны. Дѣйствительно, цвѣтъ ея, при воспоминаніи историческихъ событій на Волховѣ, производитъ жуткое, непріятное впечатлѣніе.

На противоположномъ берегу поднималась бурлацкой бечевой порожняя паузка. Это были не тѣ бурлаки, которые лямкой рѣжутъ собственную грудь; волховскіе бурлаки садятся верхомъ на лошадей и только управляютъ чужой силой, дающей имъ хлѣбъ и на бечевникѣ, и въ полѣ.

Благородное животное шло понуро, плелось тихимъ, мѣрнымъ шагомъ и, казалось, хотѣло взобраться на крутизну, но судно отъ

встрѣчнаго теченія оттягивало назадъ, и лошадиный гужъ двигался прямо, вдоль берега. Бурлаки посвистывали, пощелкивали кнутами. Положимъ, и имъ было не легко на этой работѣ пробыть нѣсколько часовъ въ непогоду или на палящемъ солнцѣ, а иной разъ сидѣть цѣлыми днями въ суднѣ тоже не шутка.

За первой паузкой почти въ одинаковомъ разстояніи по-черепашьи ползли другія. Человѣческое изнуреніе, напряженіе животныхъ, сильное, до растяжки, придавали этой картинѣ слишкомъ мрачный колоритъ. И если бы бурлаки затянули пѣсню, то оказался бы правъ поэтъ Некрасовъ, когда говорилъ, что «этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется». Дѣйствительно, при подобномъ трудѣ пѣсня была бы стономъ.

Но вотъ одна паузка сдѣлала привалъ. Я спѣшилъ на другой берегъ, чтобы перекинуться съ бурлаками двумя-тремя словами насчетъ ихъ тяжелой доли. Пока пріискивалъ лодку и переѣзжалъ рѣку, бурлаки успѣли уже расположиться бивуакомъ. Они сидѣли и лежали вокругъ таявшаго огня на прохладной, сырой землѣ. Невдалекѣ деревенскіе «кони», лохматые, неуклюжіе, съ путанными гривами, безобразными холками, апатично пощипывали травку.

Бурлаки видомъ были ужасны, точно сейчасъ выскочили изъ пламени, черные, изуродованные вѣтромъ, дождемъ и знойными лучами. На головахъ цѣлыя копны волосъ, покрытыя, вмѣсто шапокъ, какими-то подмазками. Ноги голыя до колѣнъ, оборваны, на ссадинахъ кровь. Изъ одежды только два рваныхъ, грязныхъ предмета, да, пожалуй, у иныхъ есть третій—нѣчто въ родѣ жилетки. Мысль о томъ, что это отдыхаетъ рабочій людъ на берегахъ культурнаго Волхова, далеко отлетала; этотъ людъ скорѣе напоминалъ дикарей, кочующихъ гдѣ-нибудь въ степяхъ или тундрахъ.

— Здравствуйте, ребята!—привѣтствовалъ я бурлаковъ.

Рабочіе удивленно посмотрѣли на меня и сняли свои подмазки.

— Давно тянете?

— Три дня, алиболѣ,—отвѣтилъ одинъ, по внѣшности старше всѣхъ.

— Болѣ, Трофимычъ,—пояснялъ другой и пошевелилъ палочкой въ кострѣ.

— И то, слава Богу,—продолжалъ старшій:—боковичкомъ маленько прихватило. На пятый день будемъ къ мѣсту, потому выше села еще надо полверсты.

— Васъ четверо на суднѣ?

— Четверо, и у каждаго по лошадкѣ.

— Сколько же берете съ паузки?

— Нонѣ дешево—35 рублей. Не стоило бы работать, да сызмальства привычка.

— Раньше лучше платили?

— Хлѣбныя были времена,—со вздохомъ вспоминалъ старшій:—бурлаки-то лопатой загребали денежки.

— А вотъ какъ загребали, я вамъ доложу,—вмѣшался третій бурлакъ, очевидно, ободренный моими простыми вопросами.—Шестьдесятъ рубликовъ въ день, по пятнадцати на брата.

При этомъ онъ всталъ и показалъ свою оригинальную фигуру. На тонкой шеѣ вращалась косматая голова, черная, какъ чугунъ; плечи узкія; туловище поддерживали длинныя тощія ноги, на которыхъ онъ ходилъ, точно на ходуляхъ.

— Лошадокъ кормите овсомъ?

— Подсыпаемъ маленько,—отвѣчалъ старшій.—А болѣ на подножномъ. Вонъ онѣ сердешныя.

Онъ указалъ рукою на разбредшихся по берегу лошадей.

— Какъ же сами прокармливаетесь?

— Чѣмъ Богъ пошлетъ.Варимъ уху, похлебку, кашу, по праздникамъ въ харчевнѣ чайкомъ забавляемся.

— Зачѣмъ же у васъ костеръ, если ничего не варите?

— Положеніе такое; веселѣе отдыхать и кому погрѣться, посушиться. Да и время не для варева, у насъ тоже полагается свой часъ на обѣдъ и ужинъ. Утромъ горяченькаго и каши, а по вечеру одной каши. Мы насчетъ пищи не форсимъ, потому въ домъ ничего не останется.

— А гдѣ же ночуете?

— Ночуемъ-то?..

— У насъ квартира широкая,—перебилъ, улыбаясь, тотъ, который шевелилъ въ кострѣ.—Въ любомъ суднѣ ночлегъ.

— И этакъ все время?

— Да, съ Николы до Ильи. Вотъ ежели кто ближній, ну, уходитъ недѣли на двѣ домой сѣно косить, а дальній безъ малаго три мѣсяца у Бога на глазахъ: ѣстъ, спитъ, скотину содержитъ.

— Вы всегда по этому берегу тянете?

— Иначе нельзя,—снова заговорилъ старшій.—Тутъ проходъ судамъ положенъ и бечевникъ сдѣланъ.

— Нелегкая работа?

— Нелегкая и опасливая,—слегка потрясъ головою бурлакъ.

— Почему же?

— А вотъ паузка должна итти прямо,—старшій разрѣзалъ передъ собою рукою воздухъ:—на средину ни-ни. Какъ это самое случится—бѣда, лошадямъ не удержать, будь ихъ въ десять разъ больше. Это значитъ паузка въ зарѣзъ пошла.

— И часто случается?

— Да, бываетъ.

— Что же тогда дѣлаете?

— Сейчасъ рубимъ бурундукъ.

— Какой бурундукъ?

— Снасти. Иначе онѣ лопнутъ и убьютъ лошадей, а коли не лопнутъ, такъ стащатъ ихъ въ воду. Эхъ, на все сноровка,—крякнулъ разсказчикъ и обратился къ долговязому бурлаку:

— Ну-ка, Шумиха, гони лошадокъ; покормилися, и мы отдохнули.

Шумиха зашагалъ на своихъ ходуляхъ и началъ выкрикивать имена лошадей. Прочіе бурлаки встали. Ихъ видъ показался мнѣ болѣе ужаснымъ. Къ вышесказанному надо прибавить еще согнутыя спины, впалыя груди, кривыя ноги.

Пришли лошади; ихъ живо впрягли. Бурлаки справились, и гужъ тронулся въ путь.

Весь слѣдующій день я посвятилъ окрестностямъ Гостинополья.

На пути къ порогамъ осматривалъ крестъ, стоящій на высокомъ берегу, близъ деревни Вельца. По своей старости крестъ крайне меня заинтересовалъ, но, къ сожалѣнію, добиться несомнѣнной истины, въ воспоминаніе какихъ событій онъ поставленъ, было трудно, хотя на немъ и существуетъ надпись, и держится о немъ народное преданіе. Крестъ деревянный, толстый, восьмиугольный. Онъ такъ ветхъ, такъ расщелился и поросъ грибками, что невозможно уловить содержанія надписи.

По близости церковь; крайне своеобразенъ внѣшній видъ ея, вродѣ частнаго дома, высотою на два этажа, но на самомъ дѣлѣ виденъ одинъ верхній, съ 4 окнами. Церковь на чрезвычайно высокомъ берегу и такъ близко отъ края, что еле разъѣдутся двѣ повозки. Береговая стѣна выложена булыжникомъ, который спускается даже въ воду, предохраняя, такъ сказать, навѣрняка отъ размоя въ самомъ ея основаніи. Церковь была заперта, но, къ моему удовольствію, вскорѣ пришелъ батюшка и отворилъ ее. Свѣдѣнія я получилъ отъ него самыя краткія и отрывочныя, да онъ и самъ въ концѣ концовъ заявилъ, что относительно храма немного знаетъ и мало понимаетъ. Чему это приписать? Недавно ли батюшка священникомъ здѣсь, или онъ вообще не интересуется своимъ кормиломъ.

— Наша церковь XII вѣка,—говорилъ іерей, очевидно, гдѣ-то вычитавъ дату.—Прежде былъ монастырь Николо-Гостинопольскій.

— Видно по стѣнописи.

— Много тутъ разныхъ писаній.

— И есть, кажется, интересныя.

— А не знаю, надо полагать; запрещено всякое подновленіе.

Я обошелъ храмъ и смотрѣлъ русскія фрески; онѣ первобытны и хорошо сохранились. Изъ иконъ я долго остановился на иконѣ Божіей Матери. Образъ большой, безъ ризъ и вѣнчиковъ, Богоматерь въ коронѣ, попираетъ ногою змія и полумѣсяцъ. Въ одной рукѣ четки, другою держитъ Спасителя, у котораго скипетръ и корона.

Батюшка что-то копошился у иконостаса. Я вернулся къ нему и спросилъ:

— А что это за крестъ деревянный, подъ навѣсомъ, рядомъ съ церковью?

— Богъ его вѣдаетъ, — безучастно отвѣчалъ священникъ.— Археологи глядѣли и ничего не поняли; что тамъ написано, и не разобрать. Знаю, онъ недавно стоялъ подъ горой; размывало его и перенесли повыше. Когда выкапывали, много нашли подъ нимъ человѣческихъ череповъ и костей.

«Должно быть, братская могила», подумалъ я и спросилъ:

— А еще что-нибудь неизвѣстно о крестѣ?

— Ничего не слыхалъ,—уклончиво и какъ-то неохотно отозвался батюшка.

Выйдя изъ церкви, я спустился въ нижній этажъ ея, который былъ безъ оконъ. Это оказался подвалъ въ нѣсколько отдѣленій съ отверстіями для входа, въ одномъ даже сохранилась дверь, окованная желѣзомъ. Подвалъ въ запустѣніи, заваленъ кирпичнымъ мусоромъ; надо полагать, прежде, когда существовалъ монастырь, имѣлъ хозяйственное назначеніе, служилъ теплыми погребами.

Осмотрѣвъ храмъ, я направился по берегу. Онъ, казалось, поднимался все выше и выше. Вотъ и деревня Вельцъ, противъ которой шумитъ «Вельская голова»—первый волховской порогъ.

Деревня, видимо, зажиточная, обстроена прочными избами подъ тесовыми крышами, населена, какъ передавали мнѣ ранѣе, раскольниками. Избы смотрятъ сквозь стволы кудрявыхъ березъ прямо на порогъ, чрезъ который перекатываются желтовато-красноватые гребни, таютъ въ пучинѣ; за ними выростаютъ новые—и такъ вѣчно. За сотни лѣтъ деревня Вельцъ уже привыкла и къ шуму, и къ созерцанію порога; она была совершенно спокойна и равнодушна ко всему, что совершалось подъ ея бокомъ.

Я сѣлъ на скамейку, чтобы полюбоваться на пороги; страшная сила сказывалась въ этихъ гребняхъ, всесокрушительная сила. Мнѣ думалось, что человѣкъ много уже одержалъ побѣдъ надъ природой, быть можетъ, придетъ и сюда на борьбу.

Моимъ дальнѣйшимъ думамъ помѣшалъ подошедшій крестьянинъ. Онъ приподнялъ шапку и заискивающе сказалъ:

— Вонъ какъ порожекъ-то, баринъ, рветъ и мечетъ.

— Разгулялся,—отвѣтилъ я.

— Проѣздомъ изволите, дальше?..

— Да. А ты здѣшній?

— Туточный, съ Вельца,—кивнулъ онъ въ сторону избъ и несмѣло сталъ опускаться на конецъ скамейки.

— Ты крестьянинъ, конечно?

— Мы были господскіе, барина Моллера. Вонъ и его усадьба за рощей.

Крестьянинъ показалъ на густой темнозеленѣющій лѣсъ, спускавшійся къ рѣкѣ.

— Хорошій баринъ?

— Мягкій былъ. Онъ теперь покоится. Берегъ закрѣпленъ, березки посажены—все по его приказу.

— Кто же въ настоящее время владѣетъ?

— Наслѣдникамъ досталось. У покойнаго разныя заведенія были: полевое хозяйство, лѣсъ гоняли, пароходъ, сиголовни содержали.

— Наслѣдники продолжаютъ дѣла въ имѣніи?

— Эхъ,—вздохнулъ мужичокъ,—не нынѣшнимъ господамъ на землѣ сидѣть.

— А что?

— Все продано купцу Забѣлину за 22 тысячи, только воды удержали, такъ сдаютъ Абросимову за 1200 руб. Диву даешься, какіе нонѣ господа стали,—крестьянинъ подперъ ладонью подбородокъ и продолжалъ:—Получатъ дѣти землю, лѣса, скотину, все хозяйство въ лучшемъ видѣ, и сами не токмо править, такъ въ имѣніе ни ногой; пришлютъ управляющаго, ну, тотъ и сводитъ въ куриное яйцо, набиваетъ карманы, а господамъ убытокъ, потому какіе это хозяева, ежели онъ освѣдомляетъ ихъ: сѣно въ стогахъ загорѣлось, значитъ, крѣпко промочило, а они ему: отчего пожаръ приключился? Въ наши времена не такъ было, барское хозяйство изъ рода въ родъ шло. Тамъ гдѣ сынокъ ни служи, а умеръ отецъ, онъ сейчасъ службу бросаетъ и ѣдетъ самъ хозяйничать. Возьмемъ, къ примѣру, моихъ господъ. Зналъ я отца покойнаго, дѣда помнилъ, и всѣ въ усадьбѣ имѣли свой глазъ.

— Да тебѣ много ли лѣтъ?

— Съ Николы лѣтняго 95-й пошелъ.

Я уставился на него удивленными глазами, потому что со мною сидѣлъ не совсѣмъ еще сѣдой старикъ, довольно бодрый, подвижной и, очевидно, обладающій прекрасной памятью. У меня снова воскресла мысль о крестѣ.

— Ты, дѣдушка, не знаешь, по какому случаю у васъ деревянный крестъ поставленъ?

— Это что при дорогѣ-то?

— Да, старый, древній такой.

— Говаривали старики, вишь наши воевали со шведами здѣсь; мы на этомъ берегу, а они на томъ. Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ была битва смертоносная, народу положили ужасти сколько. Нашихъ зарыли въ одной могилѣ здѣсь и поставили крестъ. А шведы закапывали на томъ берегу десятками. Тамъ есть много горушекъ—все могилы ихъ. Пробовали разрывать, такъ костья сколько хочешь.

— Оружіе находили въ землѣ?

— Случалось, да вѣдь кому нужна ржавая старина—бросали. Иная вещь такая попадалась, не знаешь, куда приложить. Разъ нашли мудреную штуку: пистолетъ—не пистолетъ, ружье—не ружье, посмотрѣли, повертѣли и бросили въ воду.

Слушая дѣдушку, я соображалъ: несомнѣнно, здѣсь происходило одно изъ важныхъ сраженій давно прошедшаго времени, но съ кѣмъ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ—пока рѣшить невозможно, потому что мы, русскіе, невѣжды, уничтожили братскую могилу и перенесли крестъ на пустое мѣсто, мы находимъ свидѣтелей битвы—оружіе—и хоронимъ ихъ еще дальше—въ водѣ, какъ ничтожный обломокъ чугуна, желѣза, стали. Однако могилы шведовъ или тамъ кого другого сохранились; нынѣшнее поколѣніе и теперь можетъ найти кости своихъ предковъ, даже на чужой территоріи. Положимъ, здѣсь нѣтъ нашихъ кургановъ, зато намъ

Деревня Дубовки.

оставленъ краснорѣчивый свидѣтель—крестъ—и при томъ съ надписью, къ сожалѣнію, настолько не поддержанной, что въ ней слова единаго не разобрать. Когда же мы одумаемся беречь старину—эту великую исторію нашихъ родичей. Я всталъ.

— Вы бы, баринъ,—заговорилъ старикъ,—сходили на другой порогъ—«Петропавловская голова», тотъ побольше, и тоже около него деревня называется Петропавловской?

— А далеко?

— Версты четыре будетъ. У моллеровской мызы Вельскій порогъ прикончится, и пойдутъ версты на двѣ каменныя гряды до самой деревни Вáли. Отсюда—другой порогъ, все поднимается

въ гору и въ гору, у деревни Петропавловской, такъ чуть не вылѣзаетъ изъ воды, а тамъ опять на нѣтъ. Для судовъ грознѣй этого порога нѣтъ—ухъ, мигомъ слопаетъ!—старика даже передернуло.—Вотъ рыбаки его любятъ.

— Почему?

— Сига тамъ больше бьется и ловится хорошо. И на нашемъ порогѣ есть сигъ, да малость. На «Петропавловской головѣ» чудесныя сиголовни. Знатно промышляютъ. Тоже посмотрѣть любопытно, ежели вамъ такихъ лововъ нигдѣ не доводилось видѣть.

— Нѣтъ, не доводилось.

— Ну, такъ останетесь довольны.

— Спасибо.

Я пошелъ дальше, вдоль берега. Солнце пекло ужасно, даже влага не помогала, и жаръ разслабляюще дѣйствовалъ на организмъ. Съ другой стороны начиналась не то трава, не то атава, а тамъ, чередуясь, тянулись яровыя и озимыя поля. А вотъ и мыза Моллера. Большой барскій домъ, полинялый, облѣзлый, какъ-то опустившійся, уже не дышитъ прежней крѣпостной широкой жизнью, онъ точно умеръ, закрылъ глаза. Кто-то въ окнѣ показался, кто-то стукнулъ калиткой палисадника, гдѣ-то кучеръ покрикивалъ на лошадей—и больше никого. Но роща, должно быть, стала прелестнѣе, густая, тѣнистая, выдѣляющая здоровый, ароматичный запахъ смолы. Не вышелъ бы изъ этой рощи, вбиралъ бы воздухъ до опьянѣнія.

Но дѣлать нечего, я снова зашагалъ подъ пекломъ, мало обращая вниманія на поля и Волховъ, въ которомъ вода крутилась по каменнымъ грядамъ безчисленными кругами; было не до того; я смотрѣлъ только впередъ, скоро ли покажется деревня Валя, за которой останется итти недалеко до порога.

Въ Валѣ мнѣ не было цѣли останавливаться, и еще черезъ часъ томительной ходьбы я, наконецъ, подхожу къ Петропавловскому селенію. Оно и меньше, и по внѣшности хуже Вельца. Избы старенькія, сгорбленныя, ушли подальше отъ берега, словно устрашились шума порога. И дѣйствительно, шумитъ онъ необычайно, то ослабѣвая, то усиливаясь, будто хочетъ пожаловаться на свою судьбу, которая обрекла его дѣлать человѣку безконечное зло. Высокіе гребни перекатываются, широко расплываются по рѣкѣ; вода клокочетъ, кипитъ и выбрасываетъ на поверхность мыловатую пѣну. Истинно, что «Петропавловская голова»—голова всѣмъ волховскимъ порогамъ. Пройдя ее, каждый лоцманъ не разъ сотворитъ молитву, что судно не разбилось вдребезги и самъ онъ остался живъ.

По указаніямъ прохожаго, я нашелъ спускъ къ сиголовнямъ. Спускъ саженъ въ 15, крутой и узкій. Пройдя его довольно осторожно, я очутился на «подгорьѣ». Это неширокое пространство

между прибоемъ волнъ и скалистой береговой стѣной. «Подгорье» сплошь покрыто мелкимъ плитнякомъ, именуемымъ «гольемъ». Недолго я шелъ по «голью», какъ наткнулся на первую сиголовню. Къ стѣнѣ прижималась соломенная будка на случай дождя и ночлега.

На сиголовнѣ было три рыбака: старикъ и рыжебородый, среднихъ лѣтъ рыбакъ сидѣли у будки, на табуретахъ изъ плитъ, сложенныхъ одна на другую; третій, молодой безусый парень, свѣсивъ въ воду ноги, помѣщался на доскѣ, надводный конецъ которой ложился на столбикъ изъ плитняка. Этотъ рыбакъ держалъ въ рукахъ длинную хворостину съ загнутымъ концомъ и сѣткой въ видѣ мѣшка—это сачокъ; онъ водилъ предъ собою сачкомъ, какъ гребецъ въ челнокѣ съ однимъ весломъ,—значитъ, ловилъ сиговъ.

Я недоумѣвалъ, въ чемъ заключается сиголовня.

— Какъ это вы, ребята, ловите?—спросилъ я.

— Самое простое дѣло,—отвѣтилъ старикъ.

— Однако, меня удивляетъ.

Старикъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Штука немудреная,—началъ онъ.—Отъ берега укладываемъ изъ каменьевъ заборъ.

— Какой заборъ?

— Ну, стѣнку или грядку. Гдѣ оканчиваемъ заборъ, оттуда вдоль рѣки выскребываемъ въ порогѣ рубочекъ. Тоже не знаете?—задалъ вопросъ старикъ и улыбнулся.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Да желобокъ такой, что на водопоѣ употребляется. Вонъ онъ махаетъ сачкомъ по желобу, — говорилъ старикъ о безусомъ парнѣ.

— Какъ же туда сигъ попадаетъ?

— Это его мѣсто полюбовное. Изъ Ладожскаго сигъ идетъ по рѣкамъ. Въ Волховъ онъ тянется гужомъ и все наровитъ вглыбь, лупитъ по срединѣ. У порога ему запинка, сбоемъ воды его внизъ претъ. Онъ на гребешокъ—его назадъ, онъ опять лѣзетъ—ничего не подѣлать. Побьется, помается и броситъ, сердешный, прыгать. А подниматься надо, потому задумано итти вверхъ, икру метать. Онъ въ тишь, къ берегу искать проходца. Идетъ пока въ удовольствіи, а тутъ заборъ и стой. Куда итти? Никакъ пуще прежняго запутался. Пойдетъ вдоль забора и увидитъ рубочекъ, обрадуется, нашелъ, дескать, ходъ, пойду, мѣсто подходящее, а тутъ сачокъ,—цапъ-царапъ и готово.

Я машинально взглянулъ на парня и замѣтилъ, какъ сачокъ его погнулся и быстро выскочилъ изъ воды. Въ сѣткѣ попрыгивая блеснулъ серебристой чешуей сигъ и шлепнулся въ корзину, стоящую на доскѣ. Въ корзинѣ еще нѣсколько прыжковъ, и красавицъ угомонился.

— Дѣдушка, Андрюха смахнулъ одного, — замѣтилъ рыжій рыбакъ.

— Ладно, пущай другого, а тамъ твоя линія.

— У васъ очередь соблюдается?

— А какъ же,—говорилъ старикъ:—по условію артели.

— Какое условіе?

— Ловимъ мы на купца Абросимова, потому онъ снимаетъ воду у нашего барина. Слыхали помѣщика Моллера?

— Да. Я ѣхалъ мимо его усадьбы.

— Вотъ-вотъ. Скажемъ, старый-то баринъ померши, а остались дѣтки. Насъ собирается артель въ 10—15 человѣкъ. Записываемся у хозяина и кладемъ залога 5 рублей.

— Это зачѣмъ?

— Ежели кто продастъ сига на сторону, погонится продать подороже, того залогъ пропадетъ. Потомъ, какъ взглянется хозяину,—не пуститъ и напредки на сиголовню. Послѣ залога сговариваемся, въ какіе дни и на какую сиголовню способно ходить артели, кидаемъ жребій, кому послѣ кого ходить. Каждый рыбакъ воленъ сидѣть съ сакомъ дотолѣ, пока не словитъ пару сиговъ.

— Сколько же вашихъ сиголовенъ?

— Нашихъ двѣ. Вотъ эта — «Петровъ ловъ» — и повыше — «Вальмъ». Мы вольные рыбаки,—потрясъ головою старикъ:—ловимъ со штуки, колькое количество въ день представимъ, за то и получимъ. При баринѣ было еще вольнѣе. Плати ему 15 копеекъ ассигнаціями за сига и продавай какъ знаешь.

— Сколько же теперь получаете?

— По 20 коп. за штуку, а хозяинъ продаетъ оптовикамъ разно: 40—60 коп. Вотъ ниже еще двѣ сиголовни: «Рябинка» и «Щель». Тамъ ловятъ работники за получку въ лѣто 40 — 60 рублей. Въ тѣхъ мѣстахъ лучше сигъ ловится, спервоначала на нихъ идетъ и насъ туда пускать невыгодно, достается намъ сигъ прыткій или котораго прозѣваютъ. Возьмемъ, къ примѣру, нонѣшнее лѣто. Сигъ поднимался знатно. На работницкихъ сиголовняхъ въ одинъ махъ вытаскивали по 5—8 штукъ, а мы болѣе двухъ не ловили. Лѣтники для хозяина выгоднѣе.

— А вы въ лѣтникахъ не пробывали ловить?

— Намъ состоять въ работникахъ несподручно. Ежели ты работникъ, такъ при этомъ дѣлѣ будь все лѣто, а у насъ земля своя, значитъ, ловимъ въ свободный день.

— У работниковъ, вѣроятно, нѣтъ дома земли.

Старикъ посмотрѣлъ пренебрежительно куда-то въ сторону и отрывисто сказалъ:

— Народъ пришлый,—какая у нихъ земля.

— А, можетъ быть, и есть, какъ у васъ.

— Еще бы,—продолжалъ онъ, обидѣвшись, вѣроятно, за сравненіе его съ работниками.—Есть своя земля на погостѣ.

— Андрюха другого,—замѣтилъ рыжій рыбакъ.

— Ну, ему шабашъ. Становись ты, Елизаръ, а потомъ меня пущай.

Елизаръ засучилъ штаны выше колѣнъ, взялъ сакъ и самодовольно сказалъ:

— У меня не долго.

Произошла смѣна. Я остался съ дѣдушкой вдвоемъ.

— А на томъ берегу ловятъ? — спросилъ я послѣ минутнаго молчанія.

— Тѣмъ берегомъ владѣетъ пароходчикъ Набоковъ; купилъ онъ его у помѣщика Чичерина. Тамъ сиголовенъ нѣтъ, а ловятъ стѣнкой.

— Это сѣтка безъ мѣшка?

— Зачѣмъ сѣтка. Съ ней невозможно двухъ шаговъ двинуться, вся разорвется на камняхъ.

— Такъ какъ же?

— А вотъ заходятъ въ воду человѣкъ двадцать и тихонько шагаютъ поперекъ рѣки. Какъ нащупаютъ рубокъ, и почнутъ водить сачками.

— Откуда же тамъ рубокъ?

— А ужъ такъ, само дно треснетъ и въ камнѣ щель дастъ. На такихъ мѣстахъ завсегда идетъ сигъ. Подойдетъ хорошій ловъ, такъ стоятъ долго, а то ищутъ другой рубокъ, потомъ третій, пока не смаются.

— И долго бываютъ въ водѣ?

— Да часа 2 — 3, а выходятъ въ день раза четыре. Работа тяжелая. Ловятъ работники Набокова.

— Трудная работа, говоришь, дѣдушка?

— А какъ же. Ходить по плитняку босикомъ невозможно, а въ сапогахъ или лаптяхъ такъ скользко. Вотъ они и подвязываютъ желѣзныя подошвы, съ четырьмя острыми шипами. Какъ вопьются шипы въ плитнякъ—и стоитъ человѣкъ твердо. Ну-ка, попробуйте ходить съ такими колодками. Шипы во каки!

Старикъ отмѣтилъ половину указательнаго пальца.

— Такой способъ несомнѣнно и опасенъ,—вывелъ я заключеніе.

— Еще бы не опасно. Особливо ежели нога угодитъ въ щель.

— А что?

— Зажметъ и спасенья мало. Помню, одного парня зажало. Пока товарищи добирались на выручку, его быстротою нагнуло и утонулъ.

На другомъ берегу показались люди.

— Это ужъ не на стѣнку ли вышли?—замѣтилъ я.

Старикъ приложилъ руку козырькомъ.

— Иначе куда же. На стѣнку. Сейчасъ пойдутъ.

Люди установились въ шеренгу и едва замѣтно стали подвигаться къ руслу, точно они переправлялись къ намъ чрезъ рѣку. Но вдругъ шеренга остановилась и замахала сачками.

— Ишь, нашли рубочекъ, — какъ бы съ завистью заявилъ старикъ.

— А сколько, дѣдушка, вылавливаютъ въ лѣто сиговъ на порогахъ?

— Точно гдѣ же сосчитать, хозяинъ не одинъ.

— Ну, приблизительно.

— Въ прошлое лѣто, пожалуй, до 5 тысячъ сиговъ.

— Отчего бы вамъ обществомъ не взять въ аренду ловы?

— По христіански-то слѣдовало бы намъ отдать, потому какъ отцы и дѣды наши служили помѣщику, къ тому же нынѣ кончается аренда.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Помѣха есть. Богатые не гонятся за промысломъ, а бѣднымъ не оправдать аренды. Ежели бъ платить послѣ лововъ, такъ ништо бы. Говорили, будто молодой баринъ обѣщалъ дать воду крестьянамъ, да вотъ хотятъ просить о разсрочкѣ платы.

— И надѣетесь на разсрочку?

— Богъ вѣдаетъ, какъ угодно будетъ барину.....

Старикъ грустно склонилъ голову.

Я пошелъ дальше, побывалъ на другихъ сиголовняхъ, но новаго ничего не узналъ, тѣмъ болѣе, что ловятъ тамъ работники, которые, кромѣ полѣтней платы, иныхъ свѣдѣній дать не могли.

Чтобы добраться до Дубовиковъ и ѣхать дальше въ Старую Ладогу, надо было снова вернуться въ Гостинополье и сѣсть въ знакомую карету «сарафанной почты».

На другой день утромъ я вышелъ въ Гостинопольѣ къ пароходу и вмѣстѣ съ прибывшими пассажирами сѣлъ въ карету. Насъ было трое: я и двое промышленниковъ, ѣхавшихъ въ Дубовики освѣдомиться, благополучно ли добрались черезъ пороги ихъ барочки.

Сначала карета тащилась по грязи, вязла въ ямахъ, потомъ такая ѣзда вознаградилась пріятнымъ впечатлѣніемъ. Мы поѣхали по гладкой, ровной дорогѣ, среди хлѣбныхъ полей. Что за прелесть! Возможно ли представить себѣ, чтобы сѣверная губернія имѣла уголки, одаренные такой прекрасной природой. Направо и налѣво разноцвѣтныя полосы мѣнялись, точно въ калейдоскопѣ: то золотистые спѣлые колосья жита кланялись василькамъ, въ изобиліи возросшимъ на полосахъ, то слегка шелеститъ овесъ среди душистаго горошка, то тяжело покачивалась рожь, утопая въ бѣлоснѣжной ромашкѣ. Глазъ не отрывался и хотѣлъ созерцать все больше и больше. Какъ ни грустно было разставаться съ такою картиною, но тѣмъ не менѣе мы приблизились къ обрывистому берегу и по краешку понеслись внизъ; затѣмъ попрежнему вернулись вглубь и опять очутились на берегу. Такъ колесили съ полчаса. Наконецъ показалась деревня Дубовики. Какъ помогъ ей Богъ взобраться на такую высокую крутизну, съ которой даже

на Волховъ смотрѣть страшно. По склонамъ спускаются безконечныя лѣстницы, люди у воды копошатся словно муравьи. Деревня не изъ бѣдныхъ, промышляющая чайными лавками, закусочными, харчевнями и постоялыми дворами.

Пришлось ожидать парохода. Видъ открывался на противоположный берегъ, болѣе низменный, гдѣ широко раскинулось богатое село Михаило-Архангельское. Неподалеку отъ села бѣгали вагонетки, гремѣли рельсами на будущей Сѣверной дорогѣ, которая пойдетъ здѣсь чрезъ мостъ. Въ селѣ красивый храмъ, волостное, министерская школа. Что село богатое, объ этомъ говоритъ и его внѣшность—крашеные, двухъэтажные дома, крытые желѣзомъ, и отчасти внутренняя жизнь—пищала бродячая шарманка, и подъ ея звуки пѣлъ женскій надтреснутый голосъ.

Къ плоту, куда долженъ былъ привалить пароходъ, и сейчасъ уѣхать обратно внизъ, то и знай причаливали утлые челноки, нагруженные до того полно корзинками, что едва не захлебывались при спокойной поверхности воды.

— Вонъ, ужъ сиговъ везутъ къ плоту,—замѣтилъ какой-то крестьянинъ, стоя со мною на высокомъ берегу.

— А что?

— Къ пароходу, значитъ.

— Скоро будетъ?

— Полагаемъ, что сейчасъ. Коли сиги плывутъ, нагрузка будетъ въ Питеръ. Вы, баринъ, внизъ?—спросилъ онъ меня, оглядывая мои вещи.

— Да, въ Старую Ладогу.

— Ну, такъ не зѣвайте, а то до вечера просидите. Какъ нагрузится—и пошелъ. Особливой нужды въ пассажирахъ онъ не имѣетъ, не дожидаетъ, потому полтора человѣка бываетъ ихъ здѣсь.

Крестьянинъ пристально посмотрѣлъ вдаль.

— Пыхтитъ, сердешный.—Вонъ труба изъ-за колѣна торчитъ. Вамъ, баринъ, съ поклажей спускаться-то мудрено. Ужо-тко я возьму, — и, не дождавшись отвѣта, крестьянинъ потащилъ мои вещи.

Мы спускались тихо и долго по лѣстницѣ, зигзагами проложенной среди плитняковыхъ уступовъ. Плотъ былъ просто загроможденъ корзинами, стоявшими другъ на другѣ цѣлыми столбами. Между ними оставался проходъ, въ ширину для одного человѣка.

— Это все сиги?—спросилъ я своего спутника.

— Безъ исключенья сиги. Теперь каждый день ихъ возятъ. Ловъ нынѣ большой.

— Дешевые, конечно.

— Надо быть дешевымъ въ такой ловъ, а въ одиночку не выкупишь, дай 25 коп. за штуку, а то и всѣ 30 копеекъ.

Корзины широкія, очень низкія, покрыты мокрымъ холстомъ, безъ всякихъ приспособленій для сохраненія рыбы.

— А такъ, въ корзинахъ, не портится въ дорогѣ?

— Ни, Боже мой. Помилуйте, сейчасъ съ лова, свѣжій. Только тряпочкой прикрою отъ солнца и въ лучшемъ видѣ доставятъ.

— Ледъ не кладутъ отъ порчи?

— Какой ледъ!—иронически усмѣхнулся спутникъ.—Гдѣ его здѣсь достанешь? Да и въ провозѣ за него заплати, а онъ что?—вода.

Пришелъ пароходъ, нагрузился, взялъ меня и снова отвалилъ.

Берега здѣсь совсѣмъ измѣняются, тянется почти сплошной плитнякъ. Стали попадаться каменоломни и плитняковыя печи, пережигаемыя въ известь. Изрѣдка слышались взрывы. Посмотришь въ ту сторону и видишь столбъ пыли и осколковъ. Это динамитомъ рвутъ плиту. Отъ каменоломенъ кормятся сотни людей, хотя трудъ тяжелый, мускульный, опасный для рукъ и ногъ; рабочій зарабатываетъ въ сутки 1 р.—1 р. 40 к. Даютъ такіе берега хлѣбъ народу—и хорошо, но дурно то, что мелкіе остатки плиты сваливаютъ въ воду, суживая и засоряя тѣмъ Волховъ. Конечно, для каменоломенъ такъ дѣлать ближе и удобнѣе, но однако не слѣдуетъ забывать интересовъ и другихъ промысловъ, при которыхъ требуется глубокій и широкій проходъ въ рѣкѣ.

А. Г. Слезскинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ

Отношенія Александра I къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной.

ПОЯВЛЕНІЕ въ свѣтъ такихъ новинокъ, какъ изданныя на французскомъ языкѣ великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ неофиціальныя донесенія Наполеону французскаго посланника при русскомъ дворѣ Коленкура и напечатанное въ «Архивѣ» Нессельроде письмо графини Нессельроде къ мужу, гдѣ находится интересное свѣдѣніе о Маріи Антоновнѣ Нарышкиной,— вносятъ новый матеріалъ для характеристики отношеній къ женщинамъ «сущаго прельстителя», какъ называлъ Сперанскій императора Александра I.

Первая изъ новинокъ составляетъ VI томъ «Les Relations diplomatiques de la Russie et de la France» [1]), заключающій въ себѣ «Nouvelles et On Dit» Коленкура, которыя служатъ дополненіемъ къ его офиціальнымъ донесеніямъ. «Nouvelles et On Dit» начинаются съ 13 января 1808 г. и продолжаются до 8 мая 1811 г., а 124 депеши генерала Лористона отъ 12 мая 1811 г. по 28 іюня 1812 г. Для настоящей статьи мы извлекаемъ все то, что касается отношеній императора Александра I къ женщинамъ и, главнымъ образомъ, его многолѣтней сердечной привязанности къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, почти исключительно изъ «Nouvelles et On Dit», мало пользуясь депешами Лористона въ виду того, что у послѣдняго находится

---

[1]) Grand Duc Nicolas Mikhailovitch. Les Relations diplomatiques de la Russie et de la France d'après les rapports des ambassadeurs d'Alexandre et de Napoléon 1808—1812.

только одно касающееся до нея донесенiе. «Новости и Слухи» Коленкура такъ разбросаны и отрывисты, что для поясненiя ихъ смысла приходится прибѣгнуть къ другимъ источникамъ — иностраннымъ и отчасти русскимъ.

Маркизъ Арманъ Коленкуръ (родился въ 1772 г., умеръ въ 1827 г.) явился въ Петербургъ съ трудной миссiей—не допустить Россiю перешагнуть за Дунай, отвлекая ее отъ этого шага грандiозными проектами. Министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, герцогъ Кадорскiй, писалъ ему: «Императоръ желаетъ, чтобы дѣла остались въ томъ положенiи, какъ было рѣшено въ Тильзитѣ. Отказаться отъ Молдавiи, Валахiи и совершить раздѣлъ Турцiи— значило бы заплатить за союзъ съ Россiей слишкомъ дорогою цѣною. Постарайтесь доказать (кому слѣдуетъ), что было бы выгоднѣе отсрочить эту мѣру, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока удастся побороть владычество англичанъ на Средиземномъ морѣ, ибо это дало бы возможность захватить самую лучшую долю турецкаго наслѣдства». Для отвлеченiя русскихъ силъ отъ Балканскаго полуострова, Наполеонъ совѣтовалъ Александру I приступить къ завоеванiю Финляндiи.

Между тѣмъ Александра I волновало неопредѣленное положенiе Польши и загадочное поведенiе Наполеона относительно поляковъ, возлагавшихъ на него свои надежды. Упорно добиваясь конвенцiи, которая разъ навсегда покончила бы съ вопросомъ о возстановленiи польскаго королевства, Александръ упрекалъ Коленкура въ неискренности. Въ доказательство своего расположенiя къ Россiи послѣднiй прибѣгалъ къ уловкамъ, давая государю нѣкоторые совѣты относительно военныхъ дѣйствiй въ Финляндiи, и тѣмъ усыплялъ его подозрительность.

Наконецъ, 8 октября 1809 г., министръ иностранныхъ дѣлъ прислалъ ноту на имя Румянцова, гдѣ говорилось: «Его величество согласенъ на то, чтобы слова: «Польша и поляки», исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже изъ исторiи». Однако все это были одни слова, на дѣлѣ же Наполеонъ продолжалъ вести относительно поляковъ прежнюю политику, лаская ихъ надеждами. Тогда канцлеръ Румянцовъ предложилъ Коленкуру просить у своего правительства полномочiя на заключенiе особой конвенцiи, которая была подписана Коленкуромъ. Но въ Парижѣ она вызвала неудовольствiе, и Наполеонъ отказался отъ ратификацiи этого временнаго договора, требуя его измѣненiя. Переговоры затянулись, и Коленкуру пришлось пережить въ Петербургѣ непрiятныя минуты: Александръ упрекалъ его за недобросовѣстность Наполеона и говорилъ, что присоединенiемъ части Галицiи къ герцогству Варшавскому онъ нарушилъ всѣ бывшiе трактаты.

Русская аристократiя была недовольна заключенiемъ Тильзитскаго договора и французскимъ союзомъ; сначала съ Коленкуромъ

всѣ были любезны, но затѣмъ послѣдовало замѣтное охлажденіе, и свое неудовольствіе общество выражало ему въ различныхъ мелочахъ. Однажды у него былъ маскарадъ; всѣхъ приглашали явиться въ маскахъ, домино или другихъ маскарадныхъ костюмахъ. Дипломатическій корпусъ и всѣ иностранцы подчинились этому распоряженію, но русскіе воспользовались случаемъ доказать французскому посланнику, что они не имѣли ни малѣйшаго желанія сдѣлать ему пріятное, и всѣ явились въ обыкновенныхъ бальныхъ нарядахъ. Увидя подобные туалеты дамъ, Коленкуръ съ трудомъ могъ скрыть свою досаду, но, не имѣя возможности высказать неудовольствіе всему обществу, онъ постарался скрыть свою злобу, и вечеръ прошелъ благополучно.

Впрочемъ, только одна русская дама исполнила желаніе посланника и явилась на балъ въ роскошномъ туалетѣ, заказанномъ для нея въ Парижѣ самимъ Коленкуромъ. Это была жена камергера, госпожа Влодекъ, внучка княгини Вяземской, женщина красивая, честолюбивая и большая кокетка. Съ мужемъ она разошлась и мало того, что открыто выставляла напоказъ свою связь съ Коленкуромъ, но даже гордилась названіемъ любовницы французскаго посла.

По прибытіи въ Петербургъ, Коленкуръ, которому Наполеонъ поручилъ не только офиціальную миссію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и роль тайнаго агента, слѣдилъ за каждымъ шагомъ Александра и не упускалъ изъ виду ни одного малѣйшаго слуха интимнаго характера, ни одной сплетни, о которыхъ не донесъ бы Наполеону. «Коленкуръ являлся съ разрѣшенія императора обѣдать, когда ему желалось,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—и онъ извѣщалъ о семъ поутру оберъ-гофмаршала графа Толстого. Онъ приходилъ иногда во дворецъ, не предувѣдомя никого, и говорилъ графу Толстому: «Доложите обо мнѣ государю, я имѣю надобность видѣться съ его величествомъ». Однажды государь намѣренъ былъ ѣхать въ Финляндію; Коленкуръ сказалъ: «И я поѣду съ его величествомъ, потому что въ моихъ инструкціяхъ приказано мнѣ именно не отлучаться отъ государя»; вслѣдствіе сего отзыва поѣздка въ Финляндію была отмѣнена». Имѣя свободный доступъ къ императору, Коленкуръ, конечно, дѣлалъ наблюденія надъ его интимной жизнью и особое вниманіе удѣлялъ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, къ которой, какъ извѣстно, Александръ I былъ крѣпко привязанъ. Она тѣмъ болѣе интересовала посланника, что, какъ полька, не могла, по его мнѣнію, остаться безучастной къ судьбѣ своей родины.

I.

Марія Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, появилась на свѣтъ 3 февраля 1779 г. въ Польшѣ. Четвертинскіе происходили изъ Рюриковичей, но ополячившихся, и полный ихъ титулъ—князья Святополки на четвернѣ Четвертинскіе. Ея мать, рожденная Капенгаузъ, была тоже полька, поэтому Марію Антоновну крестили по обряду римско-католической церкви, и всю жизнь она оставалась ревностной католичкою. Людвигъ Цѣшковскій говоритъ въ своемъ «Дневникѣ», что отецъ Маріи Антоновны, князь Антонъ-Станиславъ Четвертинскій, кастелянъ перемышльскій, горячо отстаивалъ свою родину на сеймѣ 1777 г. и не желалъ подписывать раздѣла Польши; его знаменитый протестъ былъ внесенъ въ городскія книги Варшавы и напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Держась правила, что всякая иностранная партія только погубитъ Польщу, онъ долженъ былъ, однако, примкнуть къ одной изъ нихъ и избралъ—русскую, за что поплатился жизнью. Происки прусскаго правительства поднять всѣхъ поляковъ противъ Россіи и заставить ихъ просить у Пруссіи покровительства и защиты противъ нея принудили сторонниковъ Россіи обратиться къ русскому правительству, для чего въ Петербургъ ѣздили делегаты, въ томъ числѣ Четвертинскій. Возвратясь оттуда, онъ громко жаловался на холодность русскаго двора, «отъ которой руки опускаются у польскихъ сторонниковъ Россіи».

Когда русскія войска вступили въ предѣлы Польши для поддержанія Торговицкой конфедераціи, составленной русской партіей противъ новой конституціи, несимпатичной Екатеринѣ, Пруссія измѣнила полякамъ и перешла на сторону Россіи. Король Станиславъ-Августъ созвалъ новый сеймъ для совмѣстнаго объявленія Россіей и Пруссіей новаго раздѣла Польши, на которомъ виленскимъ епископомъ Масальскимъ и большинствомъ депутатовъ былъ подписанъ актъ ея раздѣла. Это подняло цѣлую бурю среди польскихъ патріотовъ, результатомъ которой было возстаніе съ Костюшкой во главѣ въ 1794 г. Овладѣвъ Варшавой, народъ заключилъ въ тюрьму епископа Масальскаго, Четвертинскаго, Ожаровскаго и другихъ сенаторовъ, обвиняя ихъ въ государственной измѣнѣ. Тѣмъ временемъ пруссаки разбили поляковъ и захватили Краковъ. Костюшко съ остатками войскъ бѣжалъ въ Варшаву, и когда объ этомъ несчастіи распространилась вѣсть, то чернь, по почину ксендза Колонтая и подъ предводительствомъ его слуги Конопки, снова возмутилась. Опасаясь появленія русскихъ, которые освободятъ заключенныхъ «измѣнниковъ», чернь бросилась къ Брюлевскому дворцу, выломала двери и, связавъ руки и ноги заключеннымъ, потащила ихъ по улицамъ Варшавы,

останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, чтобы отыскать удобный столбъ для висѣлицы. Наконецъ она остановилась предъ церковью, сооруженной самимъ же епископомъ Масальскимъ, наскоро устроила четыре висѣлицы и первымъ повѣсила Масальскаго и Четвертинскаго, а затѣмъ Ожаровскаго и четвертаго сенатора.

Ужасная смерть князя Четвертинскаго за принадлежность къ русской партіи была оцѣнена Екатериной. Она озаботилась обезпечить судьбу его вдовы, урожденной Холоневской, двухъ дочерей отъ перваго брака съ дѣвицей Капенгаузъ—Жанетты и Маріи, лишившихся въ дѣтствѣ своей матери,—и его сына отъ второго брака, Бориса, родившагося около 1784 г., воспріемницей котораго была сама императрица, хотя онъ также окрещенъ по обряду католической церкви. Она немедленно выписала всю семью въ Петербургъ, назначила княгиню Четвертинскую статсъ-дамою и пожаловала ей 1500 душъ крестьянъ въ Гродненской губерніи. Сынъ Борисъ былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ, откуда, несмотря на двѣнадцатилѣтній возрастъ, былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Преображенскій полкъ.

Въ Россіи судьба привѣтливо улыбнулась сестрамъ, покоривъ имъ сердца державныхъ братьевъ—Александра и Константина. Юныя польки были обласканы Екатериной, помѣщены во дворцѣ и пожалованы во фрейлины. 17-лѣтняя Жанетта, родившаяся въ 1777 г., была не такая красавица, какъ младшая сестра, Марія, но къ ней можно было примѣнить слова Екатерины: «Сказать правду, я никогда не думала про себя, что была особенно хороша, но я нравилась всѣмъ, и полагаю, что въ этомъ заключалась моя сила». Впрочемъ, эти слова простой и привѣтливой Екатерины примѣнимы къ Жанеттѣ лишь отчасти, такъ какъ ей нехватало ни привѣтливости, ни простоты въ обращеніи, чѣмъ, наоборотъ, отличалась ея сестра Марія. Тѣмъ не менѣе предъ нею открывалась блестящая будущность, едва ли не блестящѣе, чѣмъ судьба ея сестры: она могла сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ была впослѣдствіи княгиня Ловичъ, рожденная Жанетта Грудзинская.

Вторая сестра, 15-лѣтняя Марія, родилась въ 1779 г. Это была идеальная красавица Рафаэлевскаго типа. Ея красота, по словамъ Вигеля, была до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною. Безукоризненность ея формъ и чертъ лица еще рѣзче выступала при всегдашней простотѣ ея наряда, и она была прекрасна, даже когда являлась «только въ простомъ бѣломъ крепововъ платьѣ съ незабудками въ волосахъ», какъ выразилась о ней ея современница графиня Шуазель-Гуфье. Ея красота еще болѣе выигрывала и казалась прелестнѣе и заманчивѣе отъ своеобразной манеры вести себя на блестящихъ балахъ, гдѣ она появлялась всегда скромно одѣтой, держалась особнякомъ, потупивъ свои прелестные глаза. При такой чарующей наружности

Марія еще обладала высокими качествами ума и сердца, и ея «доброта отражалась не только въ ея взорѣ, но и въ голосѣ и каждомъ пріемѣ».

Въ это время будущему наслѣднику Александру Павловичу исполнилось семнадцать лѣтъ и физически онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Эта ранняя зрѣлость вызвала еще въ 1791 г. замѣчаніе его воспитателя Протасова: «Отъ нѣкотораго времени замѣчаются въ Александрѣ Павловичѣ сильныя физическія желанія, какъ въ разговорахъ, такъ и сонныхъ грезахъ, которыя умножаются по мѣрѣ частыхъ бесѣдъ съ хорошими женщинами». По словамъ одного современника, Мартенса, державный юноша первою любовью воспылалъ къ Маріи Четвертинской и даже хотѣлъ тайно съ нею обвѣнчаться, но Екатерина, узнавъ объ этомъ намѣреніи, помѣшала его осуществленію, однако сердечныя чувства, связывавшія Александра съ нею, никогда не были порваны[1]). Однако, едва ли это могло случиться, такъ какъ семья Четвертинскихъ пріѣхала въ Петербургъ послѣ смерти отца, въ 1794 г., Александръ же женился на молоденькой Луизѣ Баденской въ 1793 году.

Такой ранній бракъ великаго князя вызвалъ у многихъ различныя опасенія. Ростопчинъ по этому случаю писалъ: «Весьма боюсь, не повредила бы женитьба великому князю: онъ такъ молодъ, а его жена такъ хороша собою». Въ своихъ сѣтованіяхъ на поведеніе Александра Протасовъ тоже ссылался на этотъ бракъ: «Причина сему—ранняя женитьба и что увѣрили его высочество, будто уже можно располагать собою». Онъ обвинялъ въ развращеніи великаго князя Александра — графиню Шувалову, находящуюся при великой княгинѣ, «женщину пронырливую, имѣющую нѣкоторую остроту, но безъ разсужденія, чуждую не только добродѣтели, но и благопристойности, наполненную духомъ французскихъ щеголихъ, почитающую скромность лишь въ томъ, чтобы лучше обмануть».

Чрезъ годъ по своемъ прибытіи въ Петербургъ, 16-лѣтняя княжна Марія Четвертинская уже сдѣлалась красавицей Маріей Антоновной Нарышкиной, выйдя замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина, сына одного изъ самыхъ богатыхъ вельможъ екатерининской эпохи, оберъ-шталмейстера Льва Александровича, женатаго на племянницѣ графа Разумовскаго, Маринѣ Осиповнѣ Закревской, отличавшагося необыкновеннымъ комическимъ талантомъ и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ государыни. Его домъ, извѣстный своимъ гостепріимствомъ, былъ пріютомъ самой непринужденной веселости, куда, по словамъ Храповицкаго, «приходили безъ приглашенія и уходили безъ поклоновъ». Эта

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem kriegerischen und politischen Leben eines officiers. Ein Beitrag zur Geschichte der 1800—48 Jahre von c. v. Martens.

черта гостепріимства перешла и къ его сыновьямъ—Александру, оберъ-гофмаршалу, и Дмитрію, оберъ-гофмейстеру, которые были страшно расточительны, особенно первый, отличавшійся унаслѣдованнымъ отъ отца остроуміемъ.

Дмитрій Нарышкинъ родился 30 мая 1764 г. и пользовался расположеніемъ императрицы, какъ сынъ одного изъ ея ближайшихъ сановниковъ. 1 января 1793 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры, 6 августа 1798 г. получилъ званіе егермейстера, а въ 1804 г., когда звѣзда Маріи Антоновны уже начала показываться на горизонтѣ, его сдѣлали оберъ-гофмейстеромъ. По отзыву его современника Булгарина, Дмитрій Львовичъ былъ «прекрасный мужчина истинно аристократической наружности». Вигель говоритъ, что онъ принадлежалъ «къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени; со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но такъ же, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ». Обладая 25.000 душъ крестьянъ, Нарышкинъ славился своимъ изысканнымъ хлѣбосольствомъ и оркестромъ роговой музыки, увеселявшимъ игрою на золоченыхъ рогахъ аристократическое общество, собиравшееся на роскошной дачѣ Нарышкина на Каменномъ островѣ. Однимъ словомъ, какъ мѣтко опредѣлилъ Левенштернъ, «о немъ можно сказать словами г-жи Сталь: это былъ человѣкъ, желавшій, чтобы у него вѣчно былъ праздникъ».

Его бракъ съ княжною Четвертинской былъ воспѣтъ Державинымъ въ стихотвореніи «Новоселье молодыхъ», гдѣ онъ называлъ Нарышкина Дафнисомъ, а Марію Антоновну Дафной, сулилъ имъ счастье и гдѣ Дафнисъ увѣрялъ: «Лишь ты, хозяйка молодая, своихъ пребудешь счастье дней». На это Дафна отвѣчала: «Нѣтъ, ты».

Блестящая партія дала Маріи Антоновнѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ. Зимою Нарышкины жили въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (теперь графини Шуваловой), а лѣтомъ на дачѣ «Ma Folie» на Крестовскомъ островѣ. Жили они съ чрезвычайной роскошью, очень открыто, принимая у себя, какъ говорится, весь городъ и давая блестящіе празднества и балы. По словамъ Левенштерна, въ домѣ Нарышкина собиралось «самое изысканное мужское общество и, чтобы прослыть человѣкомъ хорошаго тона и быть вхожимъ въ другіе дома,—необходимо быть принятымъ у него въ домѣ». Многіе, находя хозяйку дома красавицей, очаровательной и прелестной, говорили, что она привлекала своими манерами и привѣтливымъ обращеніемъ болѣе, чѣмъ красотою. Она задавала тонъ, и тотъ же Левенштернъ говоритъ: «Эта любезная, остроумная женщина была душою петербургскаго общества. Она держала себя безупречно, была очаровательна и изящна, какъ

никто, и всѣ женщины старались подражать ей». Жена русскаго посла въ Лондонѣ, княгиня Ливенъ, находила, что Марія Антоновна привлекала не столько своей красотою, сколько привѣтливыми, любезными манерами. Кутузовъ по-своему курилъ въ ея честь ѳиміамъ. «Скажи—писалъ онъ женѣ—что она ангелъ и что если я обожаю женщинъ, то это только для того, что она того пола; если бы она была мужчина, тогда бы мнѣ всѣ женщины были равнодушны». Близость къ Александру, конечно, усиливала успѣхъ Маріи Антоновны и, быть можетъ, всего вѣрнѣе его опредѣлилъ Левенштернъ слѣдующими словами: «Обаяніе, которое придаетъ ежедневное общество и дружба очаровательнаго и могущественнаго императора, у котораго не должно быть соперниковъ, окружало эту красавицу какимъ-то ореоломъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ ея враговъ отзывались о ней неблагопріятно и, вѣроятно, вслѣдствіе этого графиня Нессельроде, въ письмѣ къ мужу называла ее — непостоянной: «сегодня она васъ любитъ, а завтра ненавидитъ». Но такъ какъ добродѣтель торжествуетъ рѣже, чѣмъ пороки, то этотъ маленькій недостатокъ могъ служить своего рода притягательною силою. Къ тому же графъ Нессельроде опровергалъ его, говоря, что «въ сущности она вовсе не такой чортъ, какимъ кажется». Какъ бы то ни было, но для Александра I Марія Антоновна была, какъ сказалъ Державинъ въ своемъ посланіи «Аспазіи»: «Всѣхъ Аспазія милѣй: черными очей огнями, грудью пышною своей... Она чувствуетъ, вздыхаетъ, нѣжная видна душа, и сама того не знаетъ, чѣмъ всѣхъ больше хороша».

Привѣтствуя молодыхъ пастушеской эклогой «Новоселье молодыхъ», Державинъ вложилъ въ уста Дафны надежду «вкушать златыхъ дней токъ» съ своимъ Дафнисомъ; но, увы, «пламенные черные очи, пышная грудь» и «неестественная, невозможная красота» нашептывали ей другія надежды, и «злыя молвы» не пощадили Маріи Антоновны.

Дмитрій Львовичъ, вѣроятно, благодаря своей любви къ вѣчнымъ празднествамъ, равнодушно относился къ измѣнамъ жены, вообще будучи, по словамъ графа Головкина, «снисходительнымъ мужемъ», котораго «грація и красота жены, обворожительной Маріи Антоновны, совсѣмъ не трогала; между тѣмъ эти прелести были достаточно плѣнительны, чтобы завоевать сердце могущественнаго монарха».

Въ краткой біографіи, приложенной къ портрету [1]) Дмитрія Львовича Нарышкина, говорится, что онъ занималъ невидное и довольно двусмысленное положеніе среди «свободнопочтительнаго»

---

[1]) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича.

съ хозяйкой веселаго общества въ своемъ роскошномъ домѣ, получившемъ отъ Александра I названіе «Капуи» за исполненную нѣги и наслажденій атмосферу «храма красоты», какъ Вигель называлъ внутренніе аппартаменты Нарышкиной. Впрочемъ, Дмитрій Львовичъ, съ своей стороны, тоже утѣшался, и Коленкуръ доносилъ своему правительству 9 декабря 1808 г., что Дмитрій Нарышкинъ занялъ мѣсто Бенкендорфа у актрисы Жоржъ, послѣ отъѣзда его въ Финляндію.

Объ увлеченіи Александра Павловича женою Дмитрія Львовича впервые заговорили въ началѣ царствованія Павла. «На масленицѣ 1801 г.,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ графиня Головина,—императоръ приказалъ великому князю Александру Павловичу давать у себя балы, и въ это время онъ началъ ухаживать за «la belle Нарышкиной» У него уже завязывалась интрига, и онъ разсчитывалъ на успѣхъ, когда князь Зубовъ, выказывавшій ему большую привязанность, пошутилъ надъ великимъ княземъ относительно его ухаживаній за г-жею Нарышкиной и, выслушавъ отъ него откровенное признаніе въ подаваемой надеждѣ, сообщилъ ему, въ свою очередъ, что и онъ могъ быть доволенъ ея обращеніемъ. Взаимное признаніе произвело новаго рода условіе. Великій князь и князь Зубовъ обѣщали давать другъ другу полный отчетъ въ успѣшномъ ходѣ своихъ дѣлъ и подтвердили честнымъ словомъ, что имѣющій менѣе успѣха уступитъ тому, кто предоставитъ доказательства бóльшаго расположенія. Соперники соблюдали условія договора съ самой добросовѣстной точностью, когда, наконецъ, нѣсколько времени спустя князь Зубовъ показалъ великому князю записочки, которыя были ему вручены Нарышкиною во время полонеза. Великій князь, которому приходилось повѣрять только одни еще слова, удалился безъ сожалѣнія. Онъ даже выразился съ презрѣніемъ относительно этой женщины и обо всѣхъ, способныхъ на подобнаго рода поступки».

Перемѣна въ чувствахъ къ молодой женѣ стала проявляться у Александра, по словамъ графини Головиной, со времени прибытія князей Чарторыйскихъ въ 1795 года. Онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ молодыми поляками, почти не разставаясь съ ними и съ другомъ старшаго Чарторыйскаго—молодымъ графомъ Строгановымъ. «Общество окружавшихъ его молодыхъ людей,—говоритъ она,—привело къ связямъ, достойнымъ осужденія». Князь Адамъ влюбился въ Елизавету Алексѣевну, а Константинъ въ великую княгиню Анну, которой онъ нравился. Съ этихъ поръ Елизавета Алексѣевна стала замѣчать перемѣну въ своемъ мужѣ и ей приходилось каждый день встрѣчать въ своемъ домѣ человѣка, повидимому, любившаго ее, и эту любовь, казалось, поощрялъ самъ Александръ, доставлявшій ему случай видѣть великую княгиню и даже нарочно оставлявшій ихъ наединѣ ужинать; самъ же тѣмъ

временемъ засыпалъ на диванѣ. Предчувствуя опасность, Елизавета Алексѣевна убѣгала въ садъ, гдѣ ее однажды застала графиня Головина, которой она все разсказала. Герцогиня Дино [1]), наоборотъ, расхваливаетъ въ своихъ только что вышедшихъ «Воспоминаніяхъ» поведеніе Чарторыйскаго, который, по ея словамъ, сначала старался водворить между супругами любовь и согласіе, когда Елизавета Алексѣевна повѣдала ему свое горе. Но Александръ не слушалъ его словъ и въ отвѣтъ повторялъ, что ему, какъ другу, слѣдуетъ утѣшать «прекрасную Елизавету». Въ то же время, по словамъ герцогини, Елизавета Алексѣевна выказывала къ Чарторыйскому такое вниманіе, что весь Петербургъ вскорѣ повѣрилъ, что князь Адамъ послѣдовалъ дружескому совѣту Александра. Возвратясь изъ опальнаго изгнанія, въ которое его послалъ Павелъ изъ ревности, будучи тоже влюбленъ въ невѣстку, Чарторыйскій все еще былъ влюбленъ въ Елизавету, но она уже забыла о своемъ прежнемъ увлеченіи среди новыхъ увлеченій. Ростопчинъ обвинялъ Чарторыйскаго въ томъ, что онъ поощрялъ слабости Александра къ женщинамъ, съ цѣлью имѣть къ нему болѣе доступа. Самъ же Чарторыйскій, еще отправляясь въ Сардинію, 30 августа 1799 года говорилъ про Александра: «Онъ успѣлъ уже ознакомиться съ дѣйствительною жизнью, и она начала вліять на него. Часть его мечтаній, въ особенности часть, которая касалась его лично и о которой мы уже бесѣдовали, разсѣялась. Впрочемъ, великій князь не въ силахъ былъ оказать твердаго сопротивленія окружающимъ его примѣрамъ и искалъ также развлеченія въ ухаживаніи за самыми красивыми женщинами того времени». Совѣты графини Шуваловой и ея старанія развратить супруговъ, какъ говоритъ Ростопчинъ, ея увѣренія, что «на свѣтѣ нѣтъ вещи вѣчной и что самая любовь не можетъ быть навсегда»—все вмѣстѣ взятое произвело въ Александрѣ перемѣну къ женѣ, которую впослѣдствіи, въ бесѣдѣ съ Парротомъ, онъ упрекалъ въ холодности.

Презрѣніе къ красавицѣ Нарышкиной, о которомъ говорила графиня Головина, если и было, то скоро стушевалось, и Руничъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «Во время коронаціи Александръ Павловичъ плѣнился женою егермейстера Нарышкина, красавицею Маріей Антоновной, которая, впрочемъ, не играла такой роли, какъ фавориты Екатерины или фаворитки королей Франціи. Молодой монархъ, женатый на такой особѣ, какой была императрица Елизавета, молодая, красивая, привѣтливая и кроткая, рѣдко находитъ какое-либо оправданіе своему увлеченію. Болѣе религіозно-нравственное воспитаніе дало бы ему силу избѣгнуть этой ошибки. Супружеская невѣрность на престолѣ можетъ быть еще менѣе извинена, нежели подобное поведеніе въ частной жизни.

[1]) Duchesse de Dino. Souvenirs, «La Revue de Paris». 1 Avril 1908.

Тщетны бываютъ попытки скрыть подобную связь; даже сновидѣнія неограниченнаго монарха угадываются окружающими. Царедворческое искусство имѣетъ много общаго съ волшебствомъ: у него тонкое обоняніе».

По собственному признанію Александра Павловича, сдѣланному Коленкуру въ 1808 году, его сердечная близость съ Маріей Антоновной длилась шесть лѣтъ, т. е. съ 1802 года. «Сначала она держалась въ тайнѣ, какъ того требовало уваженіе къ скромной и добродѣтельной императрицѣ,—доносилъ своему правительству баварскій повѣренный въ дѣлахъ Оларъ,—и обнаружилась только послѣ возвращенія Александра Павловича изъ кампаніи 1805 года. Съ возвращеніемъ молодого монарха наступила новая эра для всѣхъ сторонниковъ и недоброжелателей министровъ, для императрицъ—вдовствующей и царствующей и ихъ соперницъ. Обѣ императрицы выѣхали его величеству навстрѣчу въ Гатчину; императрица-мать не только для того, чтобы увидѣть и обнять своего сына, но въ тайной надеждѣ вернуть нѣкоторую долю своего померкшаго политическаго вліянія и значенія, а царствующая императрица—съ скромнымъ желаніемъ вернуть любовь своего супруга. Изъ придворныхъ дамъ однѣ признавали за собою права на благосклонность императора, другія возлагали надежды на прежнія отношенія, наконецъ, третьи разсчитывали на новыя побѣды, и среди нихъ началось соревнованіе по поводу того, кто выкажетъ наиболѣе патріотической радости; при этомъ въ одинаковой степени были задѣты любовь, низкопоклонство, самолюбіе и тщеславіе.

«Г-жа Кочубей (супруга министра внутреннихъ дѣлъ), года два предъ тѣмъ привлекшая на короткое время взоры императора, и Воронцовы вмѣшались съ ранняго утра въ толпу, желая выказать этимъ преданность, которая давала право быть замѣченной и вознагражденной.

«Одна изъ Чернышевыхъ помѣстилась во дворцѣ, въ коридорѣ, чтобы поцѣловать въ плечо императора, когда онъ будетъ проходить мимо,—а Нарышкина, которая могла гордиться особымъ благоволеніемъ, была настолько самоувѣрена, что стала ожидать личнаго посѣщенія монарха. Во время вынужденной разлуки ей служила утѣшеніемъ переписка, которая пересылалась съ особыми курьерами. Соперничество этихъ дамъ продолжалось и вечеромъ, когда онѣ старались превзойти одна другую во время иллюминаціи аллегорическими транспарантами, устроенными возлѣ ихъ домовъ.

«У г-жи Кочубей горѣлъ вензель государя съ надписью: «Царю и отечеству», г-жа Нарышкина избрала имя «Александръ» съ надписью: «au bienfaiteur du monde», и хотя эта надпись подала поводъ къ злымъ шуткамъ, но она одержала блестящую побѣду. Императоръ, тотчасъ послѣ пріѣзда, посѣтилъ г-жу Нарышкину. На другой день она заболѣла, разумѣется, отъ избытка радост-

ныхъ чувствъ; какъ извѣстно, императоръ собственноручно давалъ очаровательной больной прописанное врачомъ лекарство. Со времени возвращенія государя, Марія Антоновна уже не скрывала болѣе оказываемаго ей вниманія: тотъ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, долженъ быть у ея ногъ».

Разоблаченіе тайны сердечнаго сближенія Александра Павловича съ Маріей Антоновной не могло поколебать ея положенія въ обществѣ, чему много способствовали ея врожденный тактъ и умѣнье держать себя въ свѣтѣ. Императоръ, съ своей стороны, старался не проявлять къ ней своего чувства привязанности внѣшними знаками отличія и почета, которые могли бы послужить пищей для толковъ. Впрочемъ, судя по донесеніямъ Коленкура, Марія Антоновна не прочь была порисоваться своею близостью съ императоромъ. Во время свадьбы великой княжны Екатерины, когда на торжество бракосочетанія пріѣхалъ прусскій король съ королевой Луизой, которую Марія Антоновна имѣла поводъ считать временной соперницей, несмотря на то, что Чарторыйскій это отрицалъ, называя увлеченіе императора платоническимъ свѣтскимъ ухаживаніемъ, она «старалась, чтобы ей оказывали болѣе почестей, чѣмъ обыкновенно; государь за нею ухаживалъ, какъ всегда, и даже посѣщалъ ее болѣе обыкновеннаго».

Отличительной чертой этой близости служили обоюдныя частыя измѣны, которыя еще болѣе скрѣпляли любовь Александра Павловича. Чѣмъ болѣе измѣняла ему Марія Антоновна, тѣмъ сильнѣе государь ее любилъ. Пылкая черноокая Аспазія довольно открыто заводила себѣ друзей сердца и, какъ обыкновенно бываетъ, государь узнавалъ объ этомъ послѣдній. Не менѣе характерно, что послѣ подобныхъ открытій и слѣдовавшихъ за ними ссоръ Марія Антоновна всегда отправлялась путешествовать. Между прочимъ у Строганова въ письмѣ къ женѣ отъ 10 мая 1806 года находится указаніе на такого рода обычай: «Красавица Нарышкина уѣзжаетъ чрезъ нѣсколько дней. Я не могу постичь причины этого путешествія; говорятъ, что она попрежнему хороша, между тѣмъ она уѣзжаетъ, что мнѣ кажется неестественнымъ. Говорятъ, она ѣдетъ на воды для здоровья, потому что начинаетъ толстѣть, но этотъ отъѣздъ страненъ и неясенъ».

Императоръ, съ своей стороны, не отставалъ отъ Маріи Антоновны въ измѣнахъ, и Коленкуръ приводитъ имена женщинъ всѣхъ классовъ общества, начиная съ высшаго и кончая иностраннымъ купечествомъ. Быть можетъ, не одинъ платоническій или не платоническій флиртъ заставлялъ государя дѣлать путешествія въ Парголово къ женѣ придворнаго банкира Северина. По словамъ генерала Колочковскаго [1]), императоръ Александръ умѣлъ втягивать

[1]) Польша въ 1814—1831 г. «Русская Старина», мартъ 1902.

женщинъ въ свои интересы, спрашивалъ ихъ мнѣнія и даже совѣтовался съ ними о томъ, какъ сдѣлать людей счастливыми. Чрезъ женщинъ онъ зналъ многое, чего не говорилъ ему даже родной братъ; этимъ можно объяснить упоминаемые Коленкуромъ визиты Александра къ нѣкоторымъ женамъ купцовъ, какъ, напримѣръ, къ г-жѣ Сиверсъ, которую онъ самъ извѣстилъ, что выбралъ ея мужа однимъ изъ трехъ членовъ комиссіи по продажѣ конфискованныхъ судовъ. Его ухаживанье за красавицами, о которомъ Чарторыйскій говоритъ, что оно не грозило добродѣтели женщинъ, было обыденнымъ явленіемъ, и королева Гортензія, за которой онъ началъ сильно ухаживать еще въ Эрфуртѣ, между прочимъ писала ему: «Кстати о недостаткахъ: свѣтъ приписываетъ вамъ одинъ, очень печальный для вашихъ друзей,—легкомысліе. Я говорила только о вашемъ кокетничаніи и осталась при своемъ мнѣніи, но я не хочу вѣрить въ другой».

Благодаря взаимнымъ измѣнамъ государя и красавицы Нарышкиной, петербургское общество уже давно ожидало разрыва между императоромъ и Маріей Антоновной; поэтому у Коленкура попадаются довольно часто слѣдующія донесенія: «Эта связь приходитъ къ концу, безъ дѣтей она давно окончилась бы». Но за время пребыванія посланника, отъ 1808 года до 1811 года, все ограничивалось только толками; на самомъ же дѣлѣ въ концѣ 1811 года привязанность Александра Павловича къ Маріи Антоновнѣ все болѣе укрѣплялась, и ея вліяніе усиливалось.

Сердечную связь императора съ Маріей Антоновной скрѣпляло рожденіе у нея дѣтей, которыя, на несчастіе императрицы, жили долѣе ея законныхъ дѣтей. Это приводило ее въ отчаяніе и когда у второго ея ребенка проявлялись тѣ же болѣзненные припадки, какъ и у перваго во время прорѣзыванія зубовъ, то, по словамъ Раевской въ ея воспоминаніяхъ, Елизавета Алексѣевна бросилась къ ногамъ доктора, рыдая, обнимала его колѣни, умоляя спасти ребенка, единственное звено, соединявшее ее съ Александромъ,—но все было тщетно. За три мѣсяца до смерти послѣдней законной дочери Александра, великой княжны Елизаветы, умершей въ апрѣлѣ 1808 года, у Маріи Антоновны родилась горячо любимая императоромъ вторая дочь Софья, которую всѣ называли Софа. Именно съ этого эпизода и начинаетъ свои донесенія Коленкуръ.

«Г-жа Нарышкина,—доноситъ онъ 13 января 1808 года,—разрѣшилась отъ бремени девяти мѣсяцевъ и пяти дней со дня отъѣзда императора; утверждаютъ, что это опозданіе вызвало семейный разладъ и отцовскія права приписываютъ племяннику Льву Нарышкину; онъ однако попрежнему въ гвардейскихъ гусарахъ въ Петербургѣ».

Въ тотъ же день посолъ доноситъ, что «молоденькая г-жа Влодекъ считается послѣдней побѣдой императора; утверждаютъ,

что полной побѣды онъ добился послѣ придворнаго бала, состоявшагося на дняхъ».

Изъ дальнѣйшихъ извѣстій мы узнаемъ, что г-жа Влодекъ жена адъютанта императора, которая, повидимому, не отличалась супружеской добродѣтелью, такъ какъ мужъ нашелъ у нея письма къ ней Перигора, и многія изъ нихъ обличали ея невѣрность. Мужъ много шумѣлъ въ продолженіе двухъ дней, на третій смягчился, потому что императоръ ему сказалъ, что она хорошенькая, и что мужъ знаетъ, что его величество встрѣчалъ ее, гулялъ съ нею и хвалилъ ее».

Впрочемъ, семейный разладъ между Александромъ Павловичемъ и черноокой Аспазіей также длился недолго и обошелся безъ обычкаго путешествія Маріи Антоновны. 29 января, согласно донесенію Коленкура, она была на балу у императрицы, гдѣ «императоръ танцовалъ съ нею семь или восемь разъ, болѣе, чѣмъ когда, ухаживалъ за нею, и очень открыто. Тамъ былъ и его соперникъ, съ которымъ онъ обходился милостиво».

Почти чрезъ мѣсяцъ, 28 февраля, Марія Антоновна опять овладѣла императоромъ, и Коленкуръ увѣдомлялъ Наполеона: «Г-жа Нарышкина снова одержала побѣду надъ соперницами. На балахъ государь былъ съ нею предупредителенъ и не разставался во время ужина; онъ ее встрѣчаетъ по пяти-шести разъ каждое утро, то верхомъ, то въ саняхъ».

II.

Положеніе императрицы было незавидное, и только ссоры съ Маріей Антоновной, ея путешествія, исключительные случаи, какъ смерть дочери и другія семейныя несчастія, доставляли ей возможность чаще видѣть императора. Она не скрывала непріязни къ Маріи Антоновнѣ, которая въ бытность государя въ Петергофѣ видѣлась съ нимъ у г-жи Маршовской, своей наперсницы, жившей въ Англійскомъ паркѣ въ шалэ. Въ 1809 г. Марія Антоновна жила на дачѣ мужа все время, пока находился въ Петергофѣ дворъ, и часто встрѣчалась съ императрицей, которая приходила отъ этого въ дурное расположеніе духа. Тамъ же императоръ посѣщалъ въ 1808 г. жену нѣмецкаго купца, г-жу Северинъ. «Императоръ на третій день своего пребыванія въ Петергофѣ утромъ пилъ чай у молодой, красивой жены нѣмецкаго купца—доносилъ Коленкуръ:— это она жила въ Парголовѣ». Ранѣе онъ уже писалъ Наполеону, что «императоръ Александръ два-три раза въ недѣлю совершаетъ любовныя путешествія въ Парголово. Часто онъ ѣздитъ окольными путями чрезъ поля; нѣсколько дней тому назадъ крестьяне, недовольные, что кто-то ѣздитъ по ихъ посѣвамъ, сдѣлали рвы и, не зная, кто это такой, подали жалобу. Императоръ объ этомъ узналъ и велѣлъ уплатить убытки».

Толстой и еще нѣкоторые другіе приближенные Александра уговаривали его и умоляли сблизиться съ императрицей, хотя настолько, чтобы имѣть отъ нея ребенка. «Но тщетно,—говоритъ Коленкуръ:—императоръ любитъ г-жу Нарышкину, рѣшительно какъ рыцарь. Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ, что его замучило бы угрызеніе совѣсти, если бы онъ ее въ чемъ-нибудь обманулъ, что онъ любитъ ее ради нея, ради двоихъ дѣтей, а также за то, что она никогда не говоритъ съ нимъ о дѣлахъ, что въ тотъ день, когда она захочетъ вмѣшиваться въ нихъ, все будетъ кончено. Онъ меня увѣрялъ, что такого рода жизнь дѣлаетъ его счастливымъ, что къ тому же эта связь, длившаяся шесть лѣтъ, не тягостна для государства, такъ какъ Марія Антоновна никогда не хотѣла принимать отъ него денегъ».

«Сожалѣю императора (Наполеона),—прибавилъ Александръ,—если онъ никого не любитъ; это доставляетъ отдохновеніе, когда много работалъ; бываютъ минуты, когда необходимо не быть болѣе государемъ, а быть увѣреннымъ, что любимъ не за то, что государь; что заботы и ласки, расточаемыя вамъ, не жертва, которую приносятъ изъ тщеславія или корыстолюбія,—и это такъ полезно. Чернышевъ мнѣ разсказывалъ о парижскихъ красавицахъ и между прочимъ о г-жѣ Кизани: онъ говорилъ, что это самое прекрасное созданіе, какое только можно видѣть, и императоръ избралъ ее себѣ. Я такъ хотѣлъ бы знать, что онъ счастливъ. Ему необходимъ отдыхъ, хотя онъ слишкомъ уменъ для сантиментальностей. Впрочемъ, все это для индивидуума и ничего для дѣла: это не даетъ ни тому, ни другому изъ насъ дѣтей, которыя обезпечили бы будущность. Васъ также касается этотъ вопросъ, генералъ».

Марія Антоновна не оставалась равнодушной къ увлеченіямъ императора, и потому появленіе въ Петербургѣ актрисы Жоржъ вызвало въ ней не только неудовольствіе, а даже ссору съ братомъ мужа, завѣдывавшимъ въ то время театрами и выписавшимъ эту драматическую звѣзду. «Она захотѣла ее видѣть и нашла достаточно красивой, чтобы тревожиться ея пребываніемъ здѣсь», доносилъ Коленкуръ. Г-жа Жоржъ жила съ Бенкендорфомъ и хотѣла его заставить жениться на себѣ; она даже отказалась дебютировать, если онъ на ней не женится. Эта драматическая звѣзда, по словамъ посланника, разыгрывала изъ себя разочарованную и мало показывалась въ обществѣ, но была окружена молодежью. Императоръ видѣлъ ее въ Павловскѣ у матери и нашелъ «красивой, но блѣдной, настоящій царскій кусокъ» — какъ онъ сказалъ на парадѣ Коленкуру. «Г-жа Нарышкина очень встревожена, потому что императоръ находитъ, что г-жа Жоржъ въ его вкусѣ, и велѣлъ ей это сказать». Великій князь Константинъ Павловичъ, проводившій у Маріи Антоновны большую часть времени ежедневно, какъ влюбленный въ ея сестру Жанетту Антоновну, раздѣлялъ неудовольствіе пер-

вой, и когда г-жа Жоржъ дебютировала въ «Федрѣ», то онъ отвѣтилъ расхваливавшему ее Александру Нарышкину (директору театровъ): «Вы лучше бы сдѣлали, пополнивъ комическую оперу, чѣмъ заставлять насъ смотрѣть на трагедіи. Впрочемъ, что бы вы ни говорили, а ваша г-жа Жоржъ въ своемъ родѣ не стоитъ моей парадной лошади въ своемъ родѣ». «Г-жа Нарышкина,—докладывалъ Коленкуръ,—отказалась принять своего деверя по причинѣ пріѣзда г-жи Жоржъ и обвиняетъ его въ томъ, что онъ выписалъ ее по подстрекательству императрицы-матери. Старались ихъ примирить, но миръ не послѣдовалъ».

Однако, недовольство Маріи Антоновны имѣло свое дѣйствіе, и 24 августа 1808 г. контрактъ съ г-жею Жоржъ все еще не былъ подписанъ, и она не могла добиться отъ Нарышкина отвѣта: онъ не осмѣливался предпринять никакого рѣшенія, такъ какъ императоръ на него дулся и бранилъ его. Г-жа Жоржъ написала императору, прося его сдѣлать распоряженіе, чтобы ей не оставаться въ затруднительномъ положеніи. Дѣло отчасти устроилось, такъ какъ мужъ Маріи Антоновны выручилъ ее, занявъ мѣсто уѣхавшаго въ Финляндію Бенкендорфа.

Въ это же время у Маріи Антоновны появляются новые поклонники; о молодомъ Львѣ Нарышкинѣ посланникъ болѣе не говоритъ, а сообщаетъ, что «на датскаго посланника немного дулись, что онъ бывалъ два-три раза въ недѣлю у красавицы Нарышкиной». Затѣмъ появился адъютантъ императора генералъ Ожаровскій, котораго, по его словамъ, императоръ къ ней ревновалъ. «Эта связь,—докладывалъ Коленкуръ,—на исходѣ; безъ дѣтей о ней не было бы вопроса». Но чрезъ короткое время посланникъ опровергалъ сообщеніе, что только благодаря дѣтямъ держится связь императора съ красавицей Нарышкиной. Близость ея съ генераломъ Ожаровскимъ была извѣстна въ петербургскомъ свѣтѣ и вызывала насмѣшки. «Надо сдѣлать императора монахомъ, — говорили остряки: — онъ будетъ поддерживать миръ въ монастырѣ; Нарышкину — монахиней: она будетъ прислуживать милостынераздавателю и садовнику, особенно, если они поляки» (намекая этимъ на Ожаровскаго). Императоръ, по словамъ Коленкура, засталъ врасплохъ Ожаровскаго у Маріи Антоновны, но не подалъ ему вида, а она такъ разубѣдила государя, что ничего особеннаго не было между ними, что Александръ повѣрилъ. Однако, онъ очень его ревновалъ, и связь съ Ожаровскимъ прервалась. «Говорятъ, — писалъ Коленкуръ 11 іюля 1810 г., — что г-жа Нарышкина уже десять дней, какъ уволила Ожаровскаго, къ которому императоръ долго ее ревновалъ, и теперь у нея любовникомъ князь Сергѣй Гагаринъ, тотъ, что жилъ въ Парижѣ съ актрисой Марсъ».

Незадолго предъ этимъ Марія Антоновна поссорилась съ императоромъ изъ-за своего брата Бориса Четвертинскаго и по обыкно-

венію собралась путешествовать. Поэтому въ обществѣ дѣлались догадки, кѣмъ ее замѣнитъ Александръ на время ея отсутствія. По этому поводу Коленкуръ доносилъ: «Говорятъ, что все уже устроено для отъѣзда г-жи Нарышкиной, которая ѣдетъ на воды. Ея опалу приписываютъ французскому посланнику, устроившему императора съ г-жею Алопеусъ, въ обществѣ которой онъ обыкновенно бываетъ». Другіе намекали на актрису Бургоэнъ, которою Александръ интересовался еще въ Эрфуртѣ и не прочь былъ отъ сближенія съ нею, но его остановилъ Наполеонъ. «Въ Эрфуртѣ императоръ Александръ совѣтовался со мною насчетъ актрисы Бургоэнъ,—разсказывалъ Наполеонъ во время заточенія на островѣ св. Елены:—и я съ удовольствіемъ отказался отъ всякихъ на нее правъ, но уговорилъ его не компрометировать себя, такъ какъ на другой день двадцать писемъ увѣдомили бы Парижъ объ этомъ». Вотъ почему пріѣздъ этой звѣзды въ Петербургъ возбудилъ въ свѣтѣ толки. «Говорятъ, что императоръ уже нѣсколько дней занятъ г-жею Бургоэнъ, что она не уѣдетъ въ Москву и останется въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока не должна будетъ отправиться въ Парижъ къ окончанію отпуска. Другіе говорятъ, что взоры императора устремлены на жену банкира г-жу Северинъ. Еще не извѣстно, которому слуху вѣрить».

По словамъ Коленкура, когда г-жѣ Бургоэнъ сдѣлали предложеніе развлекать императора въ отсутствіе Маріи Антоновны, то она заставила себя упрашивать, ссылаясь на то, что не можетъ нарушить срока своего отпуска.

О Маріи Антоновнѣ сложилось мнѣніе, которое высказывалъ самъ Александръ Павловичъ, что она добровольно не вмѣшивается ни во внѣшнія, ни во внутреннія дѣла страны, хотя одно время на нее возлагалось много надеждъ, какъ ея соотечественниками, мечтавшими о возрожденіи Польши, такъ и сильною придворною партіей, стремившейся отклонить государя отъ союза съ Наполеономъ. Когда Румянцовъ, стоявшій за союзъ съ Наполеономъ, совѣтовалъ Александру, впавшему въ уныніе и неувѣренность, отправиться въ Эрфуртъ, то обѣ императрицы дѣлали неимовѣрныя усилія, чтобы заставить Александра отказаться отъ свиданія съ Наполеономъ. Императрица-мать, по словамъ Коленкура, особенно была противъ этого, когда въ Балтійское море вошелъ англійскій флотъ. Къ ней примкнули Орловъ и Куракинъ. Она не скрывала своей досады на графа Толстого, которому сказала предъ его отъѣздомъ съ Александромъ, что онъ отвѣтитъ предъ Богомъ и Россіей за эту поѣздку. Но о вліяніи на Александра въ этомъ дѣлѣ Маріи Антоновны посолъ не упоминаетъ, хотя графиня Головина говоритъ: «Даже Нарышкина, пользовавшаяся тогда громаднымъ успѣхомъ, не могла ничего достигнуть».

Марія Антоновна непремѣнно хотѣла, чтобы Александръ возвратился въ Петербургъ чрезъ Польшу, но и это желаніе не было исполнено императоромъ. «Г-жа Нарышкина,—доносилъ Коленкуръ,—отправившаяся въ Гродно, подъ предлогомъ повидаться съ своей семьею, но имѣя намѣреніе заставить императора вернуться чрезъ Польшу и тамъ съ нею видѣться, не могла его на это склонить; съ своей стороны, она не хотѣла ѣхать въ Ригу, назначенную ей мѣстомъ свиданія. Ея отсутствіе вернуло императрицѣ всѣ ея права: возвратясь изъ Эрфурта, императоръ оставался у матери въ Гатчинѣ три четверти часа, въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ 2 часа утра и тотчасъ же вошелъ къ императрицѣ-супругѣ, которая лежала въ постели. На другой день они оба обѣдали у императрицы-матери.

Невмѣшательство Маріи Антоновны въ дѣла было скорѣе вынужденное, чѣмъ добровольное, такъ какъ, по словамъ Коленкура, императоръ взялъ съ нея обѣщаніе не вмѣшиваться въ дѣла, иначе ей грозилъ разрывъ съ своимъ державнымъ другомъ. Случалось, что она нарушала это условіе, и тогда императоръ гнѣвался, и соглашался на примиреніе только подъ письменнымъ условіемъ съ ея стороны—никогда не вмѣшиваться въ дѣла. Между прочимъ Коленкуръ, перепутывая имена министровъ, говоритъ, что когда «министромъ финансовъ былъ покровительствуемый Маріей Антоновной Голубцовъ, соединившій министерство финансовъ и удѣловъ въ одно, петербуржцы поговаривали о торговлѣ мѣстами въ министерствѣ и о томъ, что тамъ все дѣлалось за деньги. Говорятъ, — доноситъ Коленкуръ, опять путая имена, — о большихъ перемѣнахъ въ министерствѣ, о новыхъ налогахъ и новой системѣ обложенія: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Куракина замѣнитъ Сперанскій. Поговариваютъ о торговлѣ мѣстами и что все дѣлается за деньги. Теперешній министръ удѣловъ Гурьевъ будетъ министромъ казначействъ, Кочубей — финансовъ, Голубцовъ, соединившій теперь оба министерства, будетъ уволенъ отъ службы, какъ бы ему ни покровительствовали императрица-мать и г-жа Нарышкина». Чрезъ нѣсколько дней посланникъ говоритъ, что большая партія, во главѣ которой находится Нарышкина, и вся англійская клика и банкиры желаютъ сохранить казначея Голубцова, который былъ также министромъ финансовъ: военный министръ Аракчеевъ, его другъ, едва не лишился мѣста за то, что отстаивалъ его. На удаленіе Голубцова смотрятъ какъ на побѣду французской партіи или, по крайней мѣрѣ, анти-англійской, по причинѣ его сношеній со всѣми англійскими банкирами, Новосильцовыми, Головиными и Серра-Капріоли. Говорятъ, что Франція поставила Гурьева въ министерство финансовъ, Барклая де-Толли въ военное, Северина Потоцкаго и князя Голицына изъ синода въ совѣтъ. Миръ съ г-жею Нарышкиной былъ заключенъ только подъ пись-

менныиъ условіемъ больше не вмѣшиваться ни въ политическія, ни во внутреннія дѣла государства и никогда болѣе объ этомъ не открывать рта. И дѣйствительно, съ іюня мѣсяца ея дверь закрылась даже для самыхъ близкихъ людей и открылась только 4 января. Марія Антоновна сама сказала французскому посланнику на послѣднемъ балу, что вышла изъ своего уединенія только для того, чтобъ думать о весельѣ и не заниматься дѣлами.

Коленкуръ намекаетъ и на ея вмѣшательство въ польскія дѣла, приводя нѣсколько фактовъ, въ которыхъ австрійскій посланникъ Шварценбергъ игралъ нѣкоторую роль. «Говорятъ,—доноситъ Коленкуръ:—что г-жа Нарышкина приголубливаетъ князя Шварценберга, котораго знала въ Вѣнѣ во время своего путешествія по Германіи. Дѣло въ томъ, что онъ за нею очень ухаживаетъ, но, какъ и всѣ, видитъ ее мало. Много говорили о данномъ въ гостиницѣ на Петергофскомъ трактѣ балѣ, на которомъ присутствовали князь Шварценбергъ, г-жа Нарышкина и русскіе, которые были въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ. Балъ былъ данъ нѣкіимъ Свиртиновымъ, пріѣхавшимъ изъ Вѣны. Утверждаютъ, что въ тотъ же день данный другими членами дипломатическаго корпуса пикникъ въ противоположномъ домѣ, въ теплицахъ княгини Вяземской, былъ устроенъ въ пику Австріи; особенно великолѣпенъ балъ, данный французскимъ посломъ, гдѣ были самыя красивыя дамы столицы». Чрезъ недѣлю Коленкуръ выясняетъ положеніе Шварценберга относительно Нарышкиной: «Князь Шварценбергъ обходитъ г-жу Нарышкину по порученію всей польско-австрійской партіи Вѣны. Императоръ сказалъ: «Эти поляки повсюду интриганы: это для нихъ они работаютъ; но они ошибаются».

Однако князь Шварценбергъ продолжалъ интриговать и послѣ своего отъѣзда велъ дѣятельную переписку не только съ Маріей Антоновной, но и съ ея сестрою, которою Константинъ Павловичъ все сильнѣе увлекался, встрѣчая ее ежедневно у Маріи Антоновны, гдѣ не только обѣдалъ, но и проводилъ съ нею остальную часть дня. Марія Антоновна и ея сестра сдѣлали неосторожность, вручивъ Чернышеву письмо къ Шварценбергу. Отослалъ ли онъ письмо г-жи Нарышкиной къ императору, проч алъ ли его канцлеръ,—доносилъ Коленкуръ,—или, наконецъ Бутягинъ, бывшій у него вмѣстѣ съ другимъ его пріятелем , распорядился его депешами и вещами, пока онъ ходилъ къ канцлеру за послѣдними приказаніями; Бутягинымъ или кѣмъ другимъ, но письмо было похищено, и Чернышевъ долженъ былъ написать г-жѣ Нарышкиной извиненіе; она метала громъ и молнію противъ него и не было такого ужаса, какого бы она не сказала про него. Онъ взялъ съ собою письмо ея сестры».

По словамъ современниковъ, Марія Антоновна отличалась добротой и доступностью, а потому къ ея покровительству прибѣ-

гали очень часто. Коленкуръ упоминаетъ о тяжбѣ незаконныхъ дѣтей Булгакова по поводу наслѣдства ихъ отца, который по приказу Екатерины узаконилъ ихъ и составилъ собственноручно духовное завѣщаніе, по которому отказалъ имъ послѣ своей смерти все свое благопріобрѣтенное состояніе, но умеръ, оставивъ только не подписанный проектъ и безъ обозначенія именъ. Его двѣ сестры, зная объ этомъ распоряженіи въ пользу молодыхъ Булгаковыхъ, не требовали себѣ его благопріобрѣтенныхъ имѣній, а племянница возбудила дѣло противъ его сыновей. Всѣ вліятельные члены совѣта и Марія Антоновна горячо отстаивали предъ императоромъ интересы молодыхъ Булгаковыхъ, но неудачно: у Александра Павловича хватило твердости отказать въ ея просьбахъ. Коленкуръ приводитъ еще случай, когда она не могла упросить государя исполнить желаніе ея брата, князя Четвертинскаго, котораго императоръ осыпалъ милостями, о переводѣ его изъ гвардіи въ армію съ обычнымъ повышеніемъ чина. Четвертинскій, получивъ отказъ, заговорилъ объ отставкѣ и прежде, чѣмъ подалъ прошеніе, ему вручили ее чрезъ двадцать четыре часа безъ всякаго повышенія, какое всегда полагается отставнымъ гвардейцамъ. Напрасно Марія Антоновна хлопотала у государя, онъ такъ и не исполнилъ ея желанія и, какъ обыкновенно случалось послѣ ссоръ, она собралась путешествовать въ Швейцарію на воды—«если,—прибавляетъ въ своемъ донесеніи Коленкуръ,—мужъ соберетъ необходимыя для этого деньги, потому что ихъ не просятъ у императора; впрочемъ, ихъ и не даютъ».

Если Марія Антоновна не пользовалась привязанностью императора въ матеріальномъ отношеніи, то ея близкимъ родственникамъ государь оказывалъ помощь. Когда въ 1816 году ея сестра, увлекшая Константина Павловича и уже мечтавшая сдѣлаться его законной женою, должна была разстаться съ столь соблазнительнымъ планомъ и, упустивъ другія довольно блестящія предложенія, согласиться на бракъ съ давно за ней ухаживавшимъ графомъ Вышковскимъ, то Александръ пожаловалъ ей 200.000 рублей и заплатилъ за наемъ дома, въ который переѣхали молодые. Графъ Северинъ Вышковскій (род. 1771 г.), ярый польскій патріотъ, ненавидѣвшій русскихъ, не имѣлъ никакихъ средствъ, но Жанеттѣ Антоновнѣ не оставалось другого выбора, и она принуждена была опуститься съ облаковъ на землю.

Что же касается до Дмитрія Львовича, то, повидимому, онъ не пользовался близостью императора къ Маріи Антоновнѣ. Былъ ли этому причиной «его нетвердый умъ и характеръ», или что другое, но уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 года Коленкуръ говоритъ, что дѣла Нарышкина не блестящи. «Дмитрій Нарышкинъ,—доноситъ онъ,—возвратился изъ Москвы, гдѣ онъ продалъ прекрасное имѣніе, чтобы привезти женѣ шали и жемчуга. Публика замѣтила это

постоянное вниманіе къ женѣ, хотя близость ея съ императоромъ не измѣнилась».

Если императрица Елизавета Алексѣевна молча переносила свое невеселое положеніе нелюбимой жены, то общественное мнѣніе стало въ 1810 году уже настойчивѣе выражать желаніе сближенія государя съ нею и разрыва съ «полькой». Когда Александръ Павловичъ возвратился изъ Москвы, куда ѣздилъ съ великой княгиней Екатериной Павловной и былъ восторженно принятъ, нѣкоторыя лица, по словамъ Коленкура, говорили государю объ этомъ сближеніи, о желаніи народа видѣть отъ государя дѣтей и о ненависти къ великому князю Константину Павловичу. Дѣйствительно, около этого времени Парротъ писалъ государю 15 октября 1810 года длинное письмо въ томъ же духѣ и между прочимъ говорилъ: «Единственная причина великихъ заблужденій слѣдующая: вы пренебрегли достоинствомъ семейной жизни. Вы оплакивали потерю вашихъ дѣтей. Это была благопріятная минута, чтобы прійти въ себя и почувствовать, чѣмъ вы можете быть. Не ослѣпляйте себя увѣренностью въ существованіи страсти, которая не можетъ тянуться такъ долго. Уже давно не сердечное расположеніе влечетъ васъ, а коварство, поступокъ безчестный и всѣмъ извѣстный, и въ этомъ я убѣдился самъ, а не по однимъ только слухамъ. Не обманывайтесь также мыслями о холодности (со стороны Елизаветы Алексѣевны), о чемъ вы мнѣ говорили. Вы легко могли бы побѣдить эту холодность, естественно объяснимую вашимъ отдаленіемъ отъ семьи...».

По словамъ Коленкура, одинъ моментъ ему казалось, что это сближеніе случится. Посолъ обѣдалъ во дворцѣ у императора 12 мая 1810 года, и послѣдній спросилъ у него: получилъ ли онъ извѣстія изъ Парижа, а затѣмъ сообщилъ, что ему разсказывали, будто императрица (Марія-Луиза) уже беременна. «Я увѣренъ, — прибавилъ онъ: — что это не замедлитъ случиться и что у нея родится мальчикъ; я искренно этого желаю».—«Я отвѣтилъ императору, — доноситъ Наполеону Коленкуръ: — что и онъ долженъ слѣдовать примѣру вашего величества и дать себѣ тоже наслѣдника, что этимъ онъ исполнитъ желаніе тѣхъ, кто къ нему привязанъ. Императоръ пошутилъ на этотъ счетъ, однако, какъ человѣкъ, не далекій отъ сближенія, которое, впрочемъ, предстоящее путешествіе г-жи Нарышкиной дѣлаетъ возможнымъ».

Въ скоромъ времени Марія Антоновна предприняла поѣздку въ Швейцарію и 27 іюня явилась откланяться императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. «Всѣ замѣтили, — доноситъ Коленкуръ: — что царствующая императрица говорила съ нею такъ же любезно, какъ со всѣми. Разставаясь съ нею, она сказала: «Желаю вамъ добраго пути!» При этихъ словахъ г-жа Нарышкина залилась слезами. Она ѣдетъ въ Вѣну, Карлсбадъ и, можетъ быть, въ Швейцарію

если хватитъ денегъ, такъ какъ императоръ ничего не даетъ: она не хочетъ ничего принимать».

Однако ожидавшагося Коленкуромъ сближенія императора съ супругою не послѣдовало, и 11 іюня онъ доносилъ сначала, что императоръ уѣзжаетъ въ Тверь, а затѣмъ перемѣнилъ ее на Одессу, чтобы лично слѣдить за военными операціями арміи на Дунаѣ. Потомъ онъ говоритъ опять о поѣздкѣ въ Тверь, исключительно для развлеченія отъ скуки, причиненной отъѣздомъ Маріи Антоновны, «которую онъ дѣйствительно любитъ».

Въ это время, 29 іюля 1810 г., умерла маленькая дочь Маріи Антоновны, Зинаида, которую государь очень любилъ. На время отсутствія матери онъ перевезъ дѣтей въ Царское Село, въ павильонъ, нарочно для нихъ устроенный. При нихъ находилась гувернантка г-жа Датье, швейцарка, такъ какъ императоръ не хотѣлъ оставить дѣтей на англичанку. Когда дѣвочка заболѣла, государь самъ ухаживалъ за нею день и ночь и былъ такъ потрясенъ ея смертью, что писалъ Аракчееву: «Домашнее несчастіе, со мной случившееся, помѣшало мнѣ съ тобою увидѣться въ послѣднее твое пребываніе въ Петербургѣ. Потеря горячо любимаго ребенка лишила меня дня три всякой возможности заниматься дѣломъ...» Объ этомъ печальномъ событіи Коленкуръ доносилъ своему правительству 1 іюля 1810 г.: «Императоръ Александръ, повидимому, глубоко потрясенъ только что случившейся потерей младшаго ребенка отъ г-жи Нарышкиной. Его величество сдѣлалъ мнѣ честь много разъ говорить со мною о своихъ тревогахъ. Онъ не видѣлъ никого изъ своихъ министровъ; графъ Толстой, единственное лицо, которое видѣлось съ нимъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ не хотѣлъ принимать другихъ; онъ не покидалъ ни днемъ, ни ночью постели больной. Императоръ вернется сегодня вечеромъ или завтра утромъ, и все войдетъ въ свою колею». Коленкуръ говоритъ, что публика при этихъ грустныхъ обстоятельствахъ выказала Александру Павловичу такую привязанность, на которую онъ не разсчитывалъ. «Порицаютъ мать,—прибавляетъ посолъ,—которая уѣхала, оставивъ больного ребенка. Великій князь Константинъ при похоронахъ несъ уголъ покрова—одни говорятъ, что онъ это сдѣлалъ какъ кузенъ Нарышкиныхъ, другіе говорятъ—какъ первый царедворецъ имперіи. Въ общемъ его порицаютъ». Дмитрій Львовичъ, «снисходительный мужъ», ежедневно бывалъ въ Царскомъ Селѣ у больной, оставался всю ночь предъ ея смертью и много плакалъ на отпѣваніи.

Коленкуръ, все еще надѣявшійся на сближеніе государя съ супругою, доносилъ въ началѣ іюня: «Лица, посвященныя въ придворныя тайны, говорятъ, что сближенія не состоялось, но все возвѣщаетъ, что оно будетъ, такъ какъ утѣшенія, которыя необходимы при данныхъ обстоятельствахъ, приведутъ къ этому».

Однако ему пришлось разочароваться въ своемъ предвидѣньѣ: императоръ послѣ перенесеннаго имъ лишенія сдѣлался, напротивъ, еще холоднѣе съ императрицей. «Всѣ замѣтили,—доносилъ Коленкуръ:—что онъ даже не проводилъ ее до перваго почтоваго дома, когда она ѣхала въ Петергофъ, хотя это было ему по дорогѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ въ тотъ же день ночевать въ Ораніенбаумѣ, чтобы отправиться на другой день въ Кронштадтъ».

Между тѣмъ постигшее Александра Павловича горе не помѣшало ему искать развлеченій, и Коленкуръ сообщаетъ о его ухаживаніи за пріѣхавшей въ Петербургъ послѣ двухлѣтняго отсутствія г-жею Бакаратъ, женой купца, которая когда-то привлекала вниманіе императора. Она была также въ Эрфуртѣ, но тамъ онъ ухаживалъ за многими дамами и особенно за голландской королевой Гортензіей, а потому не замѣтилъ первой. Наконецъ императрица уѣхала на морскія купанья, и по возвращеніи ожидаемаго сближенія все-таки не послѣдовало. «Повидимому,—доносилъ Коленкуръ, — она не разсчитываетъ на очень нѣжный пріемъ со стороны императора, который, какъ говорятъ, очень занятъ мадемуазель Муравьевой; ея отецъ былъ посланникомъ въ Испаніи; она же оставалась во время войны съ Россіей въ Парижѣ и была воспитана своею матерью, также какъ и ея сестра, вышедшая замужъ за камергера Ожаровскаго, который также былъ въ Парижѣ. Теперь мадемуазель Муравьева компаньонкой у великой княгини Екатерины Павловны, и послѣдняя разжигаетъ любовное пламя государя. Этому обстоятельству приписываютъ частыя поѣздки императора въ Павловскъ съ тѣхъ поръ, какъ его сестра тамъ».

Такимъ образомъ, сближенія императорской четы опять не послѣдовало, и Коленкуръ увѣдомилъ, что императрица была принята не лучше обыкновеннаго и что они попрежнему очень холодны между собою, хотя разговариваютъ чрезвычайно любезно. Между тѣмъ приближалось возвращеніе Маріи Антоновны изъ-за границы, и императоръ былъ болѣе, чѣмъ когда, далекъ отъ императрицы. Прошелъ слухъ, что Елизавета Алексѣевна беременна, но близкія къ ней лица отрицали это. Возвратившаяся въ Петербургъ Марія Антоновна еще сильнѣе царила въ сердцѣ Александра I, и государь проводилъ у нея каждый вечеръ около часа. Даже возвращеніе Гагарина, котораго публика считала ея любовникомъ, не измѣнило отношеній къ ней императора; напротивъ, это, повидимому, еще болѣе привязало къ ней Александра I, какъ доносилъ Коленкуръ.

Такъ посланнику и не суждено было дождаться сближенія русской императорской четы, и «полька» не только попрежнему царила въ сердцѣ вѣнценоснаго «прельстителя», но въ это время ея могущество все болѣе усиливалось. Она не приняла визита посланника, явившагося къ ней откланяться предъ своимъ отъ-

ѣздомъ изъ Россіи, ссылаясь на то, что болѣе не можетъ принимать французскаго посланника, но, добавила она, посѣщенія маркиза Коленкура ей всегда будутъ пріятны. Когда эти слова сдѣлались извѣстны, то всѣ были увѣрены въ скоромъ объявленіи войны, такъ какъ голосъ этой женщины выражалъ сокровенныя мысли императора.

Это было послѣднее донесеніе Коленкура, такъ какъ онъ наконецъ добился своего отозванія изъ Россіи. Хотя отношенія къ нему Александра I замѣтно измѣнились, но со временемъ это непріязненное чувство стушевалось, и при водвореніи Бурбоновъ онъ не только выказывалъ къ нему благоволеніе, но даже оказалъ услугу. Въ только что появившемся «Дневникѣ»[1]) англичанина Ундервуда приведенъ слѣдующій эпизодъ. Коленкуръ одинъ изъ первыхъ явился въ Тюльери съ цѣлью поухаживать за графомъ д'Артуа, братомъ короля, но тотъ его выпроводилъ, рѣзко замѣтивъ: «Васъ обвиняютъ въ ужасномъ преступленіи (арестъ герцога Энгіенскаго): надѣюсь, что вы можете оправдать себя; до тѣхъ поръ я не могу принять васъ». Коленкуръ отправился къ Александру съ жалобою. Выслушавъ его, императоръ воскликнулъ: «Какая щепетильность! Я окруженъ убійцами моего отца, и это мои самые вѣрные подданные. Будьте спокойны: я все устрою». Онъ пригласилъ брата короля къ обѣду и посадилъ возлѣ него Коленкура; щепетильность Бурбоновъ была побѣждена.

Замѣстителемъ Коленкура былъ назначенъ Батистъ Лористонъ, о которомъ деверь Маріи Антоновны, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, хотя и сострилъ въ отвѣтъ на вопросъ государя: какъ онъ его находитъ? — что «Батистъ тоньше коленкора», но это, конечно, была пустая игра словъ. Генералъ Лористонъ былъ человѣкъ честный и прямолинейный, но плохой дипломатъ.

III.

Новый посланникъ не доносилъ Наполеону, какъ его предшественникъ, объ интимныхъ дѣлахъ русскаго двора, да притомъ онъ оставался въ Россіи недолго, поэтому въ нѣсколькихъ словахъ приведемъ дальнѣйшую судьбу Маріи Антоновны по другимъ источникамъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Коленкура она отправилась съ больною дочерью, любимицею государя Софьей, на югъ Россіи. Въ Одессѣ имъ былъ оказанъ царскій пріемъ. Онѣ остановились на великолѣпной дачѣ графа Потоцкаго, и ихъ пребываніе вызвало цѣлую серію всякаго рода удовольствій: балы смѣнялись концертами, прогулками верхомъ, въ экипажахъ и мор-

[1]) Journal inédit de madame de Marigny, augmenté du journal de T. R. Underwood. Paris, 1908.

скими. Серьезная болѣзнь Софы не допускала и мысли о возвращеніи въ Петербургъ прежде, чѣмъ будетъ пройденъ весь курсъ климатическаго леченія, поэтому въ сентябрѣ Марія Антоновна отправилась изъ Одессы въ Крымъ чрезъ Севастополь. Она поѣхала въ коляскѣ четверней со всею свитою въ сопровожденіи герцога Ришелье, Рошешуара, графа Растиньяка и прочихъ офицеровъ штаба генералъ-губернатора. Они посѣтили послѣдовательно Херсонъ, Перекопъ, Акмечеть, Бахчисарай и Севастополь. Особенно здѣсь ей былъ оказанъ царскій пріемъ, который Ришелье описалъ слѣдующимъ образомъ: «Знатныя путешественницы проѣхали предъ великолѣпно разукрашеннымъ флагами флотомъ, стоявшимъ въ гавани; затѣмъ онѣ присутствовали на парадномъ обѣдѣ и балу въ адмиральскихъ салонахъ. Вечеромъ была дана «Ифигенія», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, согласно преданію, произошла драма. Рошешуару, переодѣтому въ женскій нарядъ, удалось провести Марію Антоновну въ гаремъ мусульманскаго главы. Затѣмъ весь караванъ оставался дней пять въ Гурзуфѣ для морскихъ купаній, а потомъ всѣ отправились въ Каффу, гдѣ оставались 48 часовъ». На другой день Ришелье объявилъ, что теперь праздники окончились и вскорѣ начнется серьезное дѣло. Дѣйствительно, внезапно пришелъ приказъ овладѣть гаванью Суджукъ-Калэ на Черномъ морѣ, но Маріи Антоновнѣ во что бы то ни стало хотѣлось сопровождать герцога Ришелье въ Анапу, гдѣ былъ собранъ экспедиціонный корпусъ. Тамъ всѣ, не исключая дамъ, спали на матрасахъ, расположенныхъ прямо на землѣ; это приводило свѣтскихъ барынь въ восторгъ. На слѣдующій день Марія Антоновна отправилась дѣлать смотръ всему войску, собранному для предстоящей кампаніи. Вечеромъ, подъ звуки полковой музыки, былъ устроенъ въ палаткахъ балъ. Однако дальше Маріи Антоновнѣ ѣхать было невозможно, и она отправилась въ Тамань и Каффу въ восторгѣ отъ своего путешествія и оказанныхъ ей почестей. «Наша поѣздка въ Анапу,—писалъ Ришелье государю,—совершилась очень хорошо; мы видѣли, съ какимъ удивленіемъ кавказскія войска смотрѣли на г-жу Нарышкину и ея свиту, прогуливавшихся среди нихъ».

По возвращеніи Марія Антоновна была встрѣчена государемъ еще привѣтливѣе прежняго, и на этотъ разъ предположенія нѣкоторой части общества не оправдались: разрыва Маріи Антоновны съ державнымъ другомъ не только не послѣдовало, но, наоборотъ, ея звѣзда поднималась все выше надъ горизонтомъ: послѣ тринадцатилѣтней близости съ государемъ Марія Антоновна родила сына 30 іюля 1813 г. Въ это время Александръ уже былъ увлеченъ волною мистицизма, охватившаго петербургскій свѣтъ. Зарожденію въ государѣ этого увлеченія не могла не способствовать Марія Антоновна, со свойственной полякамъ экзаль-

таціей и сама увлекавшаяся мистицизмомъ и еще въ 1807 г. посѣщавшая иллюминатскую ложу «Новаго Израиля», устроенную полякомъ графомъ Грабянкою, главою мистическаго общества, основаннаго въ Авиньонѣ. Г-жа Криденеръ уже нашла подготовленной почву для своихъ проповѣдей, а графиня Ловичъ, по словамъ ея родственника, генерала Колочковскаго, много постаравшаяся надъ примиреніемъ Константина Павловича съ католицизмомъ, заключила ихъ работу.

Въ біографіи Нарышкиной въ «Русскихъ портретахъ XVIII и XIX столѣтій» [1]) говорится: «Единственный ея сынъ, получившій необычное мистическое имя Эмануила, родился 30 іюля 1813 г. († 1902 г.), въ то время, когда «Съ нами Богъ» сдѣлалось девизомъ побѣдоноснаго, но уже начавшаго склоняться къ мистицизму императора Александра. Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого событія послѣдовалъ, 30 августа 1813 г., такой собственноручный рескриптъ Александра Павловича Д. Л. Нарышкину:

«Принимая искреннее участіе въ благосостояніи семейства вашего, я, согласно съ желаніемъ вашимъ, полагаю сдѣлать слѣдующее распоряженіе: 1) Все движимое и недвижимое имѣніе, какое оставаться будетъ по кончинѣ вашей, раздѣлить между братомъ Эмануиломъ и сестрами его Мариною и Софіею, на законномъ основаніи; 2) такимъ образомъ имѣніе, доставшееся Эмануилу и Софіи, оцѣнить съ тѣмъ, что сумма, какая за оное причтется, заплачена будетъ дочери вашей Маринѣ изъ моего Кабинета. По предстоящей вамъ надобности въ деньгахъ вы получите при семъ триста тысячъ рублей. Сумма сія въ свое время должна быть вычтена изъ той, которая выше сего назначается въ пользу старшей сестры Марины. Ежели при жизни моей не могъ бы я привести къ совершенію сего постановленія, я возлагаю на наслѣдниковъ моихъ исполнить во всей силѣ и со всей точностью сію столь близкую къ сердцу моему обязанность».

Сторонники разрыва многолѣтней сердечной привязанности государя Александра Павловича были непріятно поражены этимъ событіемъ, и графиня Нессельроде сообщала мужу изъ Вѣны 12 сентября 1813 г. [2]): «Изъ Петербурга пишутъ, что Марія Антоновна скоро пріѣдетъ сюда. Штакельберга и меня это очень безпокоитъ и совершенно разстраиваетъ мое всегдашнее намѣреніе быть отъ нея, насколько возможно, подальше. Надо будетъ съ нею видѣться, ее посѣщать; у нея несносный по своей неровности характеръ: одинъ день она васъ обожаетъ, другой—она васъ ненавидитъ; меня не заботитъ ни то, ни другое, но все-таки, какъ

---

[1]) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михаиловича. Т. I, вып. 3-й, № 105.

[2]) Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Tome V. Paris. 1908.

соотечественница и по причинѣ твоего положенія при императорѣ, я должна оказывать ей вниманіе. Я думаю быть строго-сдержанной, но и это еще слишкомъ большое усиліе, на которое я должна себя приневолить. Какое горестное впечатлѣніе произведетъ на нашего ангела-императрицу рожденіе сына и этотъ отъѣздъ».

Лористонъ предъ своимъ удаленіемъ изъ Петербурга сообщилъ своему правительству 4 іюня 1812 г., что «г-жа Нарышкина должна была отправиться въ Вильну къ императору, гдѣ находилась главная квартира, но получила извѣстіе объ отмѣнѣ приказа; жены, отправившіяся туда съ своими мужьями, получили приказъ возвратиться обратно». Но затѣмъ она слѣдовала за императоромъ повсюду, гдѣ было возможно съ нимъ видѣться. Что же касается императрицы, то ея желаніе сопровождать императора не было удовлетворено и она ограничилась тѣмъ, что, выѣхавъ изъ Петербурга въ самомъ концѣ года, издали слѣдовала за мужемъ. Такимъ образомъ она побывала въ Веймарѣ и Берлинѣ. Г-жа Стурдза, сопровождавшая ее, сообщала г-жѣ Свѣчиной, что послѣ взятія Парижа въ перепискѣ императрицы съ императоромъ, относящейся до взятія Парижа, есть пробѣлъ, который сильно огорчалъ Свѣчину, такъ какъ помѣшалъ императрицѣ «вкусить во всей полнотѣ и чистотѣ радость отъ столь счастливыхъ событій».

Первое свиданіе русской императорской четы послѣ реставраціи Бурбоновъ заронило въ сердца сторонниковъ императрицы лучъ надежды на ихъ сближеніе. Слухи о разрывѣ съ «красавицей Нарышкиной» снова распространялись и все настойчивѣе; Вигель, которому Марія Антоновна покровительствовала, лѣтомъ 1814 г. выражалъ сожалѣніе, что «царственная связь, увы! уже совершенно разорвана», а графиня Эдлингъ говорила, что «Марія Антоновна сама порвала эту связь, которую не умѣла цѣнить». Какъ всегда появлявшіеся при каждой измѣнѣ Маріи Антоновны подобные слухи, и на этотъ разъ были вызваны тождественной причиною: она увлеклась, и сильнѣе обыкновеннаго, княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ, женатымъ на Екатеринѣ Петровнѣ Соймоновой, сестрѣ г-жи Свѣчиной. Результатомъ новаго увлеченія было обычное въ этихъ случаяхъ путешествіе Маріи Антоновны за границу, о чемъ и графъ Ѳедоръ Головкинъ впослѣдствіи упоминалъ въ письмѣ изъ Флоренціи 13 ноября 1816 г.: «Здѣсь князь и княгиня Гагарины оба очень пріятные люди; но они только проѣздомъ. Онъ своего рода знаменитость: красавица Нарышкина влюбилась въ него; ихъ любовь была неосторожна: красавица получила приказъ отправиться путешествовать, а государственный совѣтникъ былъ уволенъ. Это примирило его съ женою, съ которою онъ разстался, благодаря своему увлеченію, и они, повидимому, счастливы».

Во время опальнаго путешествія Марія Антоновна побывала въ Лондонѣ, гдѣ очаровала регента. «Марія Антоновна,—пишетъ княгиня Ливенъ 30 октября 1816 г.,—у насъ гостила пять недѣль и имѣла большой успѣхъ не столько по своей красотѣ, какъ по привѣтливымъ и любезнымъ манерамъ. Она очень понравилась принцу-регенту, и онъ чрезвычайно за нею ухаживалъ. Я нашла ее обворожительной и, очевидно, имѣвшей намѣреніе быть со мною въ добрыхъ отношеніяхъ; а такъ какъ я ничего лучшаго не желаю, какъ быть на дружеской ногѣ со всѣми русскими, которые этого желаютъ, то мы съ нею вскорѣ подружились. Я нашла, что она много выигрываетъ отъ близкаго съ нею знакомства. Она отличается замѣчательнымъ тактомъ, яснымъ сужденіемъ, не имѣетъ никакихъ претензій и во всемъ снисходительна и благоразумна».

Новая измѣна Маріи Антоновны поразила императора не болѣе прежнихъ, и временный разрывъ былъ скорѣе вызванъ настойчивыми желаніями его сторонниковъ. Изъ письма[1]) къ Александру королевы Гертензіи отъ 5 октября 1814 г. видно, что именно эта причина отдалила императора отъ «черноокой Аспазіи». Она писала: «Какъ, вы опечалены? Ваше письмо меня растрогало. Какъ я вамъ благодарна, что вы подѣлились со мною вашимъ сердечнымъ горемъ. Я живо его чувствую. Я считала васъ счастливымъ, и все-таки любила. Посудите, насколько теперь должна усилиться моя къ вамъ дружба. Я уже думаю, что я для васъ необходима, такъ какъ мнѣ кажется, что горе сближаетъ со мною всѣхъ страждущихъ. Но васъ по крайней мѣрѣ могутъ радовать благородныя и возвышенныя чувства той, кому вы отдали всю вашу жизнь. Все это я понимаю и все это еще болѣе возвышаетъ ее въ моемъ мнѣніи; разставшись съ нею, развѣ вы не останетесь навсегда ея лучшимъ другомъ; развѣ это не счастье въ жизни, когда два сердца понимаютъ другъ друга. Я хотѣла бы васъ утѣшить, но вы найдете утѣшеніе въ самомъ себѣ. Но скажите мнѣ, когда ваши страданія стихнутъ; мнѣ необходимо знать, когда вы успокоитесь: ваше горе затронуло мое сердце, и можно ли быть счастливой, когда страдаютъ друзья».

«Я вамъ благодарна, что вы мнѣ сказали объ этомъ; это доказываетъ вашу дружбу ко мнѣ, а она мнѣ такъ необходима. Какое бы для меня было счастье находиться возлѣ васъ! Какъ хорошо поняла бы я васъ! Какъ должно быть печально потерять, что представляло весь интересъ жизни? И кто вамъ будетъ признателенъ на этомъ свѣтѣ за принесенную жертву? Развѣ для самоудовлетворенія: сдѣлаешь, что считаешь долгомъ сдѣлать, а вознагражденіе за это найдешь въ своемъ сердцѣ и въ сердцѣ друзей. Думайте немного о той, которая васъ такъ цѣнитъ, и если

---

[1]) Reine Hortense. Lettres à Alexandre. «Revue de Paris». 15 octobre 1907.

ея нѣжная дружба можетъ хотя немного утѣшить васъ въ вашихъ страданіяхъ, знайте, что это будетъ для нея большимъ счастьемъ».

Очевидно, горе Александра Павловича еще не улеглось, и 14 октября Гортензія писала:

«Я много о васъ думаю; вы мнѣ представляетесь среди блестящаго свѣта; вы стараетесь забыться, но вамъ это едва удается, такъ какъ сердечная печаль такой недугъ, отъ котораго не избавишься. Особенно по возвращеніи въ Петербургъ вамъ не будетъ хватать этого привычнаго счастія. Но зачѣмъ вамъ совсѣмъ съ нею расходиться? Я знаю, что это желаніе всѣхъ окружающихъ потому что я объ этомъ вамъ сама когда-то говорила, но отплатятъ ли вамъ за эту жертву нѣжною привязанностью; прожитое не возвращается. Исполните вашъ долгъ, но пользуйтесь, по крайней мѣрѣ, дружбою личности, заслужившей вашего уваженія. Я думаю, что совершенно разстаться съ вами было бы большою жертвою; я тревожусь за ваше счастье. Скольких любимыхъ существъ вы лишаетесь».

Разрывъ съ Маріей Антоновной длился дольше обыкновеннаго, и, какъ видно изъ писемъ Гортензіи, былъ вынужденный. Марія Антоновна для здоровья дочери жила часто за границей и въ Россію возвращалась ненадолго. Въ 1818 г. она выдала свою старшую дочь Марину за графа Гурьева, а въ 1819 г. была съ мужемъ и семьею въ родовой подмосковной вотчинѣ, с. Покровскомъ на Филяхъ, и Дмитрій Львовичъ, какъ патріархальный помѣщикъ, благословилъ своихъ крестьянъ образомъ Спасителя; надпись на немъ гласитъ: Д. А. Нарышкинъ «благословилъ своихъ крестьянъ въ 1819 г. въ бытность свою въ с. Покровскомъ со всею фамиліею».

Любимица Александра Павловича, дочь Маріи Антоновны Софа́, была просватана за графа Андрея Шувалова. «Какъ всѣ Шуваловы,— говорится въ «Запискахъ» Залѣсова, — онъ былъ честолюбивъ, искателенъ и вкрадчивъ. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ, чтобы упрочить свое положеніе, задумалъ жениться на побочной дочери государя отъ извѣстной М. А. Нарышкиной, и только смерть невѣсты помѣшала его намѣренію». Онъ утѣшился, женившись на вдовѣ фаворита князя Зубова, простой виленской шляхтянкѣ Валентиновичъ, которая принесла ему болѣе милліона приданаго и польско-католическія тенденціи».

Зато для императора смерть любимой дочери Маріи Антоновны была тяжелымъ ударомъ. Еще 14 іюня 1824 г. онъ писалъ Аракчееву: «Моя личная печаль часъ отъ часу увеличивается, ибо больная ежедневно становится хуже». Государь узналъ о ея смерти 23 іюня 1824 г. Болѣзнь ея очень озабочивала императора; каждое утро и вечеръ фельдъегерь привозилъ его величеству бюллетени о ходѣ ея болѣзни. По выступленіи гвардейскаго корпуса

въ лагерь, государь переѣхалъ изъ Царскаго въ Красное Село. Въ это утро было назначено ученье всей гвардейской артиллеріи. Въ девятомъ часу утра съ дачи Нарышкина фельдъегерь привезъ роковую вѣсть о кончинѣ Софіи Нарышкиной и подалъ ее князю Волконскому. Объявить такую ужасную для государя вѣсть взялся послѣ долгихъ колебаній баронетъ Вилліе. Государь находился въ кабинетѣ и поджидалъ его для осмотра и перевязки больной ноги. Вилліе подошелъ ближе къ императору и, взглянувъ на ногу его, сказалъ по-французски, что «дѣло идетъ хорошо». У двери стоялъ молча князь Волконскій. Государь, какъ бы встревоженный, спросилъ его: «Какія новости?» Князь молчалъ, сохраняя свой печальный видъ. Вилліе принялъ на себя отвѣчать его величеству; государь, обратясь къ Вилліе, повторилъ вопросъ по-англійски. Вилліе отвѣчалъ: «Все кончено: она болѣе не существуетъ!» Императоръ не сказалъ ни слова, возвелъ глаза свои вверхъ и залился горючими слезами, такъ что вся сорочка на груди его была смочена. Чрезъ четверть часа государь вышелъ, скрывъ свое горе, и отправился на ученье. «По окончаніи ученья,—говорится у Н. К. Шильдера [1],—государь, возвратясь во дворецъ и переодѣвшись наскоро, сѣлъ въ коляску, запряженную четвернею по загородному, и поскакалъ во весь карьеръ на дачу Нарышкиной. Въ пятомъ часу государь возвратился только парою въ коляскѣ, а другая пара лошадей пала на дорогѣ отъ неимовѣрно быстрой ѣзды. Въ этотъ вечеръ его величество не требовалъ обѣда; вечеромъ переѣхалъ въ Царское Село». Въ тотъ же день онъ написалъ Аракчееву: «Не безпокойся обо мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ! Воля Божья, и я умѣю ей покоряться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобы онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствія съ тобою видѣться завтра и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣютъ нѣсколько печальныя мои мысли. Навѣкъ тебя искренно любящій и благодарный за твое участіе въ моей скорби».

По словамъ г-жи де-Буань, видѣвшейся послѣ этого несчастія съ г-жею Нарышкиной, смерть дочери возстановила ея отношенія съ государемъ, продолжавшіяся почти до его кончины. Однако его сближеніе съ Елизаветой Алексѣевной все-таки состоялось въ Таганрогѣ.

Послѣ смерти Александра, Марія Антоновна жила очень уединенно, почти нигдѣ не показывалась, а въ 1835 г. она поселилась съ мужемъ въ Одессѣ.

Съ этого времени въ ея жизни начинаетъ играть нѣкоторую роль бывшій флигель-адъютантъ генералъ Брозинъ, когда-то ярый

---

[1]) «Императоръ Александръ I» Н. К. Шильдера. Томъ IV.

масонъ, съ которымъ она была ранѣе знакома и, какъ говорится въ біографіи [1]), есть указанія родословныхъ, что, овдовѣвъ въ 1838 г., она вышла за него замужъ. Однако надгробная надпись на ея могилѣ гласитъ: «Ici repose de depouille mortelle de Marie Narischkin, née princesse Czetwertynska».

Послѣдніе годы жизни Марія Антоновна жила большею частью за границей, изрѣдка лишь пріѣзжая въ Одессу. Она скончалась на озерѣ Старенбергъ и похоронена въ Мюнхенѣ.

Расточительность Дмитрія Львовича привела его къ печальному концу: на склонѣ дней надъ нимъ было учреждено попечительство, по требованію Маріи Антоновны, немало способствовавшей разстройству его состоянія, и онъ получалъ на расходъ лишь 40.000 рублей ассигнаціями въ годъ.

Ея сынъ Эмануилъ скончался въ 1902 г.

Сестра Нарышкиной, Жанетта Антоновна, большую часть своей замужней жизни провела за границей и скончалась 18 августа 1854 г. въ Мюнхенѣ. Могила ея исчезла и даже мѣсто погребенія перешло въ другія руки.

В. Тимирязевъ.

---

[1]) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Романъ императрицы. Екатерина II императрица всероссійская. К. Валишевскаго. Съ 35 портретами на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1908. 629 стр. Цѣна 5 руб.

ЭТО обширное историческое изслѣдованіе первоначально было написано на французскомъ языкѣ, какъ и другія произведенія г. Валишевскаго, и вышло въ Парижѣ. Цензурныя условія стараго режима дѣлали невозможнымъ переводъ книги и свободную продажу французскаго подлинника. Дарованіе гражданскихъ и политическихъ правъ и свободъ измѣнило положеніе науки и литературы. Получилась возможность свободнаго изслѣдованія русской старины въ полномъ объемѣ. Но, къ сожалѣнію, реформы не коснулись одного учрежденія; оно осталось не преобразованнымъ, неприкосновеннымъ пережиткомъ недавняго прошлаго, которое трудно не поминать лихомъ всякому писателю, ученому и публицисту, начавшему свою дѣятельность во времена гг. Ѳеоктистовыхъ и Соловьевыхъ. Мы говоримъ о комитетѣ цензуры иностранной. Забытое учрежденіе продолжаетъ «функціонировать» по старымъ регламентамъ:—рѣжетъ, кладетъ «икру», запрещаетъ книги къ продажѣ. Получилась такая вопіющая нелѣпость: книги свободно продаются въ переводѣ, а въ подлинникѣ—запрещены. Множество классическихъ иностранныхъ сочиненій; въ особенности въ дешевыхъ изданіяхъ,— запрещены по старымъ спискамъ. Конечно, все это рутина и остается такъ, пока Дума не выработаетъ новыхъ законовъ о печати.

Во всякомъ случаѣ, именно переводъ на русскій языкъ даетъ книгѣ г. Валишевскаго права гражданства и надо пожелать, чтобы и остальныя

произведенія даровитаго автора были усвоены русской литературѣ. Г. Валишевскій отвелъ на страницахъ своего изслѣдованія большое мѣсто той отчасти трагической, отчасти скандальной сторонѣ царствованія Екатерины II, которая именно съ одной стороны привлекала любопытство, а съ другой побуждала старую цензуру прибѣгать къ губительнымъ ножницамъ... Выступая предъ заграничной публикой съ повѣствованіемъ о такихъ запретныхъ страницахъ лѣтописи екатерининскихъ дней, легко было увлечься; къ этому могли побудить и традиціи обличительнаго либерализма. Кромѣ того, авторъ—полякъ. Блестящее, остроумное, даровитое перо, но польское перо, поставило себѣ задачу изобразить Екатерину, виновницу послѣдняго раздѣла Польши, и разгадать тайну ея громкаго царствованія. И вотъ, читая теперь на прекрасномъ русскомъ языкѣ то, что польское перо написало сначала на французскомъ, съ глубокимъ удовлетвореніемъ признаешь, что задача выполнена мастерски, что авторъ сумѣлъ быть безпристрастнымъ.

Во предисловіи г. Валишевскій такъ опредѣляетъ основную задачу своего труда:

«Она царствовала,—говоритъ онъ о Екатеринѣ,—сосредоточивъ вокругъ себя все величіе, все счастье и все торжество, а со всѣхъ концовъ Европы поднимался гулъ удивленія и восторга... Побѣдоносная за границами своей имперіи, Екатерина внушала и внутри ея сперва уваженіе, затѣмъ и любовь къ себѣ. Въ ней воплощались несознанные еще геній и сила огромнаго народа; славянская раса неожиданно пышно въ ней расцвѣла и внезапно устремилась гигантскими шагами по пути къ величавому своему удѣлу.

«Однако исторія намъ указываетъ, что эта обаятельная государыня, эта женщина, предъ которой преклонялись всѣ державы цивилизованнаго міра, эта «матушка-царица», колѣнопреклоненно, какъ икона, чтимая милліонами крестьянъ, была маленькой нѣмецкой принцессой, попавшей въ Россію, благодаря случайности».

Конечно, отвѣтить, какимъ это образомъ «маленькая принцесса» сумѣла стать великой императрицей, не трудно: она была геніальной женщиной. Но какъ могла принцесса нѣмецкая, одна и единственная изъ многихъ нѣмецкихъ принцессъ, всходившихъ на русскій тронъ за петербургскій періодъ, воплотить въ себѣ геній и силу всего русскаго народа, еще для него самого несознанные, неясные? Какъ это въ маленькой нѣмецкой принцессѣ могла пышно расцвѣсть «славянская раса»?

Огромная задача для историка-психолога. Екатерина, эта «катеринизированная цербстская принцесса», смогла стать русской государыней, русской писательницей, русской женщиной! Удивительная загадка! Г. Валишевскій идетъ такъ далеко, что признаетъ не только усвоеніе Екатериной русской сути, но, въ свою очередь, какъ бы зараженіе ею собою русскаго народа. Она во многихъ отношеніяхъ вылѣпила русское общество по своему образцу и наложила на него неизгладимую печать своей могучей личности: «чтобы проникнуть въ тайну,—пишетъ г. Валишевскій,—великой политической и соціальной организаціи, огромную тяжесть которой уже начинаетъ чувствовать Европа, слѣдуетъ прежде всего обратиться къ Екатеринѣ: современная Россія въ боль-

шей своей части является лишь наслѣдіемъ великой государыни; къ ней же слѣдуетъ обращаться для проникновенія въ тайны нѣкоторыхъ русскихъ душъ: въ каждой изъ нихъ кроется нѣчто, свойственное Екатеринѣ Великой». Замѣчаніе въ высшей степени интересное, такъ какъ наблюдатель—польскій писатель, хотя и владѣющій международной рѣчью, но полякъ, которому ничто польское не чуждо; онъ смотритъ со стороны и, тонкій наблюдатель, видитъ отраженіе духа великой жены во многихъ русскихъ душахъ! Ширь, свобода, геній, отсутствіе педантизма, невоздержность въ страстяхъ—да, это все было въ Екатеринѣ Второй!

Для разрѣшенія поставленной задачи г. Валишевскій не пожалѣлъ трудовъ и не только привлекъ весь огромный печатный матеріалъ избраннаго предмета (библіографическій указатель въ концѣ книги занимаетъ ровно печатный листъ), но и дополнилъ личными изысканіями въ различныхъ архивахъ, въ особенности въ богатыхъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи. Можно назвать книгу г. Валишевскаго своего рода энциклопедіей екатерининскаго времени, столько здѣсь собрано чертъ и черточекъ, анекдотовъ, цитатъ, искусно расположенныхъ по рубрикамъ и дающихъ разнообразную ткань этого «романа безъ вымысла». Монографія читается легко и пріятно. Мы можемъ только указать на одинъ lapsus почтеннаго автора: это его выходки противъ православія: такъ, на первыхъ же страницахъ, разсказывая о первыхъ годахъ жизни ангальтъ-цербстской принцессы и будущей императрицы всероссійской, г. Валишевскій выражается такъ: «Вскорѣ послѣ ея рожденія родители ея переселились въ штеттинскій замокъ, занявъ лѣвое его крыло, находившееся возлѣ церкви. Фигхенъ были отведены три комнаты; изъ нихъ одна—ея спальня—была рядомъ съ колокольней. Такимъ образомъ ей представилась возможность подготовить свой слухъ къ оглушительному перезвону православныхъ церквей. Можетъ быть, само Провидѣніе это устроило!»

Къ чему это? Область религіозныхъ обычаевъ и вѣрованій должна быть неприкосновенной для всякаго просвѣщеннаго, проникнутаго терпимостью писателя. **Н. А. Энгельгардтъ.**

К. Дьяконовъ. Духовныя школы въ царствованіе императора Николая I. Сергіевъ Посадъ. 1907.

Переживаемый современною Россіею, надолго затянувшійся, тяжелый болѣзненный кризисъ, раскрывъ съ очевидною ясностью многочисленные недуги родной намъ общественной и государственной жизни, въ ряду другихъ разнообразныхъ вопросовъ выдвинулъ на видное мѣсто и вопросъ о преобразованіи устарѣвшихъ и требующихъ серьезнаго обновленія духовно-учебныхъ заведеній. Между тѣмъ находящіяся наканунѣ назрѣвшей и необходимой реформы наши духовныя школы въ своемъ недалекомъ прошломъ пережили уже не одно крупное и важное преобразованіе, существеннымъ образомъ затрогивавшее самые основные принципы духовнаго просвѣщенія. Вполнѣ понятно, что при

наличности подобныхъ условій обстоятельное и добросовѣстное знакомство съ историческимъ прошлымъ нашихъ школъ, подвергавшихся въ духѣ времени различнымъ преобразованіямъ, должно быть признано какъ нельзя болѣе желательнымъ.

Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ и работа г. Дьяконова, направленная къ обслѣдованію двухъ важнѣйшихъ періодовъ въ исторической жизни русскихъ духовныхъ школъ; интересъ къ ней еще болѣе повышается отъ того, что авторъ не ограничился скромною ролью простого повѣствователя, но и принялъ на себя смѣлость дать посильную критическую оцѣнку достоинствъ и недостатковъ крупнѣйшихъ реформъ: 1808 г. и послѣдовавшей за ней, такъ называемой, протасовской реформы 1840-хъ годовъ.

Послѣ краткаго введенія, посвященнаго выясненію основныхъ началъ духовно-училищной реформы 1808 года, г. Дьяконовъ отводитъ первую главу своего сочиненія внѣшней и внутренней администраціи духовныхъ школъ. Здѣсь читатель получаетъ довольное ясное и опредѣленное представленіе объ организаціи и характерѣ дѣятельности извѣстной комиссіи духовныхъ училищъ и не безъ удовольствія узнаетъ отъ автора, что ни до, ни послѣ уничтоженія комиссіи въ администраціи духовной школы ничего лучшаго не существовало. Говоримъ «не безъ удовольствія», такъ какъ въ настоящее время, время усиленной разработки всевозможныхъ преобразовательныхъ проектовъ, должны имѣть важное значенія указанія исторіи не столько на различныя ненормальности и нежелательныя явленія, имѣвшія мѣсто въ прошломъ, но и на тѣ положительныя стороны, возстановленіе и реставрированіе которыхъ могутъ лишь принести несомнѣнную пользу для дѣла. Судя по восторженному отношенію автора къ комиссіи духовныхъ училищъ и ея просвѣтительной дѣятельности, можно даже подумать, что онъ готовъ видѣть въ ней до извѣстной степени идеальное учрежденіе, способное поставить духовное образованіе на надлежащую высоту, въ силу своей совершенной организаціи. А отсюда недалеко и до вывода, что стоитъ только организовать современное высшее управленіе духовно-учебными заведеніями по типу покойной комиссіи, какъ половина дѣла будетъ уже сдѣлана и расцвѣтъ духовнаго просвѣщенія окажется вполнѣ обезпеченнымъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Правда, за время существованія комиссіи школьное духовное образованіе, дѣйствительно, было поставлено на значительную высоту сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. Но объяснять такія благопріятныя явленія въ исторіи просвѣщенія одними мнимыми совершенствами въ самой организаціи высшаго органа управленія духовными школами, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ научно. Историкъ не долженъ забывать, что въ новой Россіи духовное просвѣщеніе никогда не стояло особнякомъ, и его постепенное развитіе, а равнымъ образомъ и временныя, періодическія ухудшенія всегда находились въ тѣсной и неразрывной связи съ общимъ состояніемъ свѣтскаго образованія и обусловливались характеромъ идей, господствовавшихъ въ данный моментъ среди русскаго общества.

Извѣстно, что съ учрежденіемъ спеціальнаго министерства народнаго просвѣщенія молодое, либеральное правительство Александра I выработало грандіозный планъ систематическаго распространенія образованія въ Россіи и стало довольно усердно работать надъ улучшеніемъ самой системы просвѣщенія, стараясь обосновать ее на свѣжихъ гуманныхъ идеяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ лучшимъ передовымъ умамъ того времени. Несомнѣнное улучшеніе въ общей постановкѣ всей системы духовнаго образованія и явилось результатомъ примѣненія къ духовному просвѣщенію передовыхъ педагогическихъ идей, проведенныхъ уже въ жизнь реформированныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, а не было плодомъ самостоятельной творческой дѣятельности комиссіи. По самой своей организаціи комиссія духовныхъ училищъ, являвшаяся какъ бы особымъ министерствомъ духовнаго просвѣщенія, представляла изъ себя обыкновенное бюрократическое учрежденіе, руководившееся въ своей дѣятельности измѣнчивымъ настроеніемъ высшихъ правящихъ круговъ. И самъ авторъ не отрицаетъ, что съ наступленіемъ реакціи въ правящихъ сферахъ та же самая комиссія стала работать въ совершенно иномъ направленіи.

Съ не меньшею рѣшительностью отзывается г. Дьяконовъ и о замѣнившемъ комиссію, по волѣ оберъ-прокурора Протасова, духовно-учебномъ управленіи, замѣчая, что если лучше и цѣлесообразнѣе комиссіи, какъ административнаго учрежденія, въ жизни нашей духовной школы ничего не существовало, то и хуже духовно-учебнаго управленія тоже ничего не было (61 стр.). Правда, духовноучебное управленіе было офиціально объявлено не самостоятельнымъ, а лишь исполнительнымъ мѣстомъ по постановленіямъ и распоряженіямъ, относящимся къ образованію духовнаго юношества. Правда и то, что оно отличалось чисто канцелярскимъ характеромъ и совершенно не имѣло въ своемъ наличномъ составѣ ученыхъ силъ, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о комиссіи духовныхъ училищъ; не было оно компетентнымъ и въ разрѣшеніи спеціально сословныхъ вопросовъ, такъ какъ не имѣло духовнаго характера. Но, во-первыхъ, необходимо замѣтить, что во вторую половину своего существованія и комиссія училищъ стала постепенно утрачивать прежнюю относительную самостоятельность и фактически превращаться въ исполнительный органъ оберъ-прокурорской воли. А во-вторыхъ, и замѣнившій духовно-учебное управленіе учебный комитетъ при св. синодѣ съ теченіемъ времени превратился въ простую канцелярію при оберъ-прокурорѣ и, по словамъ обстоятельнаго изслѣдованія его прошлой дѣятельности, едва ли чѣмъ существенно отличался отъ своего предшественника.

Посвятивъ нѣсколько страницъ характеристикѣ внутренней администраціи духовныхъ школъ, авторъ не оставляетъ безъ историческаго освѣщенія и интересный вопросъ объ отношеніяхъ къ реформированнымъ учебнымъ заведеніямъ епархіальной власти, не вездѣ добровольно мирившейся съ законными ограниченіями своихъ прежнихъ правъ и полномочій.

Переходя къ изслѣдованію самаго главнаго и существеннаго вопроса о постановкѣ учебнаго дѣла въ духовныхъ школахъ, г. Дьяконовъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, повидимому, прочно закрѣпленному художе-

ственной литературою въ массахъ широкой публики, стремится установить въ значительной степени иной взглядъ на достоинства и недостатки образовательной системы своей родной школы. Не отрицая извѣстной доли правды въ многочисленныхъ отзывахъ художественной литературы, успѣвшей наложить на старую духовную школу позорное клеймо, отъ котораго она въ глазахъ общества не успѣла еще освободиться и до настоящаго времени, авторъ находитъ возможнымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что отрицательные отзывы литературы носятъ на себѣ чрезвычайно сильную субъективную окраску ихъ авторовъ, не любившихъ родной школы и въ большинствѣ случаевъ оказывавшихся совершенно неспособными спокойно судить о былыхъ школьныхъ впечатлѣніяхъ. На самомъ же дѣлѣ, по его словамъ, въ духовныхъ школахъ, по крайней мѣрѣ до реформы Протасова, «поставленъ былъ истинный принципъ образованія и были даны сравнительно удовлетворительныя условія его осуществленія» (140 стр.).

Находя немало хорошихъ сторонъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ духовныхъ школахъ изучаемой эпохи и даже вдаваясь здѣсь въ нѣкоторый оптимизмъ, авторъ въ слѣдующей главѣ высказываетъ уже довольно пессимистическіе взгляды на господствовавшую въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ воспитательную систему и рисуетъ крайне непривлекательными красками дѣйствительно непригляднУю картину ненормальной школьной жизни.

Уже при бѣгломъ обзорѣ содержанія разсматриваемой книги не трудно убѣдиться, что трудъ г. Дьяконова представляетъ собою значительный интетесъ и въ особенности для настоящаго времени, когда происходятъ усиленныя подготовительныя работы къ задуманному реформированію духовно-учебныхъ заведеній. Конечно, далеко не всѣ выводы и заключенія начинающаго автора, не имѣвшаго возможности широко использовать обильный архивный матеріалъ по затронутому вопросу, являются безусловно убѣдительными въ глазахъ читателей, знакомыхъ съ трактуемымъ вопросомъ, но при всемъ томъ изслѣдованіе г. Дьяконова по справедливости заслуживаетъ быть отмѣченнымъ на страницахъ историческаго изданія.

Ѳ. Благовидовъ.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ IV. Царствованіе Екатерины II (1762—1795 г.г.). Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій (1770—1783 г.г.) Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1907.

Четвертый томъ «Актовъ и документовъ» по плану не отличается отъ предыдущихъ. Попрежнему книгѣ предшествуетъ введеніе, въ которомъ Н. И. Петровъ даетъ интересный біографическій очеркъ жизни и дѣятельности митрополита Гавріила Кременецкаго; далѣе, акты и документы приводятся въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ 17 іюля 1770 года и февраля 1773 г.—«О наймѣ учителей для преподаванія французскаго языка и о пособіяхъ по сему предмету»—и кончая первой частью (1762—1783 г.г.) «Авто-

біографическихъ записокъ преосвященнаго Иринея Фальковскаго» и «Своднымъ спискомъ начальствующихъ лицъ и профессоровъ кіевской академіи съ 1770 по 1783 годъ», а также учащихъ и начальствующихъ лицъ изъ воспитанниковъ академіи.

Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія можетъ почерпнуть изъ этихъ списковъ историкъ русской культуры. Кіевская академія издавна не чуждалась оживленныхъ сношеній съ западными университетами. Въ средѣ ея «начальствующихъ лицъ» нерѣдко можно было встрѣтить старыхъ студентовъ иностранныхъ университетовъ. Какъ примѣръ, укажемъ хотя бы на нѣкоего Андрея, въ монашествѣ Анатолія Ставискаго или Ставицкаго. По происхожденію разночинецъ, онъ родился въ селѣ Клюсовѣ Черниговскаго намѣстничества въ 1748 г. «Обучался сначала въ черниговской семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики, потомъ до 1776 года въ кіевской академіи; затѣмъ слушалъ философію и польскій языкъ въ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ, наконецъ въ Венгріи, въ Пресбургѣ, слушалъ философію, исторію, географію, ариѳметику, еврейскій и нѣмецкій языки. По возвращеніи въ Россію въ 1782 году, того же года опредѣленъ учителемъ нижняго класса латинской грамматики». (Взято изъ рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской академіи). Фактъ— не единичный и, несомнѣнно, стоящій въ извѣстной связи съ интереснымъ явленіемъ, о которомъ говоритъ далѣе Н. И. Петровъ, что «кіевскіе воспитанники... оказывались гораздо культурнѣе воспитанниковъ московской академіи и вообще великоруссовъ и только они одни поддерживали какой-либо порядокъ и дисциплину въ семинаріяхъ владимирской и суздальской». Въ великорусскія семинаріи принимали воспитанниковъ кіевской академіи при Екатеринѣ съ большими препятствіями. Но, безспорно, ими дорожили, и ректоровъ—бывшихъ студентовъ академіи—за періодъ 1770—1783 г.г. мы находимъ въ семинаріяхъ: александро-невской, владимирской, вологодской, казанской—два ректора подъ рядъ изъ академіи, съ 1772 по 1788 г., крутицкой, новгородской, переяславской, рязанской, словенской (въ Полтавѣ въ 1777 г.), суздальской, тамбовской, тобольской, въ харьковскомъ коллегіумѣ. Кромѣ того, во всѣхъ 23 семинаріяхъ было иногда по нѣсколько учителей, префектовъ и другихъ начальствующихъ лицъ изъ бывшихъ воспитанниковъ кіевской академіи.

Цѣнныя свѣдѣнія о числѣ «духовныхъ богатствъ» академіи даетъ документъ «О составѣ академической библіотеки». Общее число книгъ за данный періодъ доходитъ до 3304, «гліобусовъ 4, прописей россійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ 50». «Снабдѣли» этими книгами почти все митрополиты. Больше всего книгъ, конечно, досталось отъ Петра Могилы—2131, остальные митрополиты жертвовали значительно меньше,—отъ 30 и 20 до 100 и рѣдко до 600 (епископъ крутицкій Иларіонъ). Подавляющее большинство академической библіотеки составляли, конечно, книги латинскія. Такъ, напримѣръ, въ «каталогѣ книгъ архимандрита Варлаама Лящевскаго, завѣщанныхъ имъ кіевской академіи» (1776 г.), книгъ на латинскомъ языкѣ было: in folio 247 томовъ, in octavo 289, in duodecimo 35 и in quarto 172. Русскихъ же книгъ было: въ листъ—только 45, въ четвертку—50 и въ ось-

мушку—34, изъ нихъ нѣкоторыя рукописныя. Итого, на 743 латинскихъ книги русскихъ приходилась всего шестая часть—129. Приблизительно такое же соотношеніе даетъ «реестръ книгамъ, поданнымъ пречестнымъ Іеронимомъ, іеромонахомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, сочиненный 1782 іюня 5 дня». Латинскихъ книгъ 158, польскихъ 13 и русскихъ 43. Въ «реестрѣ книгъ архимандрита бѣлозерскаго Іакинфа Карпинскаго» (1783) находились только латинскія книги въ количествѣ 191 экземпляра. Наконецъ, «реестръ книгамъ для умноженія библіотеки, купленнымъ по смерти протопопа роменскаго Константина Крижановскаго 1783 года», содержитъ болѣе полутораста книгъ, также исключительно латинскихъ. Общее число книгъ въ періодъ 1772—76 г.г. доходило до 2200 экземпляровъ, а въ 1780 году, по донесенію Гавріила Кременецкаго, число изъ составляло уже 8632. Слѣдовательно, за небольшой промежутокъ времени библіотека увеличилась почти вдвое—на 4000 слишкомъ. Полагая, что такое грамадное число книгъ не могло быть пріобрѣтено покупкой, Н. И. Петровъ дѣлаетъ догадку, что, можетъ быть, въ 8 тысячахъ книгъ 1780 года была и студенческая бурсацкая библіотека, помѣщавшаяся съ 1772 года въ академической фундаментальной библіотекѣ и заключавшая свыше 1080 томовъ. Но эта догадка Н. И. Петрова не разъясняетъ дѣла,—откуда же взялись остальныя 3 тысячи книгъ, которыхъ не было въ 1772 году? Очевидно, были совершены покупки или пожертвованія, документы о которыхъ какъ-нибудь затерялись. Въ февралѣ 1780 года почти вся цѣнная академическая библіотека «въ четвертомъ часу съ полудня подъ часъ бурнаго вѣтра, невѣдомо съ чего» (доношеніе митр. Гавріила св. синоду) выгорѣла. Изъ цѣнныхъ книгъ осталось только нѣсколько книгъ съ надписью Петра Могилы, нѣсколько изданій и рукописей, пожертвованныхъ въ 1758 г. сарскимъ епископъ Иларіономъ Григоровичемъ, и немного другихъ.

Ограничимся этими статистическими свѣдѣніями о библіотекѣ кіевской академіи. IV томъ «Актовъ и документовъ» даетъ еще значительное число сырого матеріала для историка культурныхъ отношеній Юго-Западнаго края, во главѣ съ разсадникомъ просвѣщенія—кіевской академіей. Упомянемъ хотя бы о такихъ характерныхъ бытовыхъ и политическихъ документахъ, какъ «Доношеніе магистра инфимы и еврейскаго языка въ кіевской академіи Антона Злотковскаго кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому, съ просьбою содѣйствовать браку его съ дочерью бывшаго митрополичьяго дворецкаго Ивана Семенова» (1771 г.), «указъ кіевской дух. консисторіи іеромонаху Іустину Фальковскому о назначеніи его капелланомъ церкви при русской миссіи въ Токаѣ» (1775), «о вызовѣ двухъ студентовъ въ церковники къ русской польской церкви въ Константинополѣ (1777), «о вызовѣ студентовъ кіевской академіи къ обученію медико-хирургической наукѣ», «указъ св. синода объ отправленіи учительнаго іеромонаха въ Токайскую миссію», характерный «указъ св. синода объ оштрафованіи повѣреннаго Кіево-Братскаго монастыря іеромонаха Кирилла за напрасное утружденіе императрицы ненадлежащею просьбою» (1780 г.) и др.

Во введеніи къ IV тому, кромѣ біографіи митрополита Гавріила Кременецкаго, Н. И. Петровъ даетъ краткій очеркъ мѣръ, принятыхъ правитель-

ствомъ для уравненія Малороссіи съ остальными частями имперіи. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель именъ, причемъ издатель раскрываетъ нѣкоторыя фамиліи упоминаемыхъ въ «Актахъ» монашествующихъ лицъ, главнымъ образомъ, по «Списку іерарховъ» П. Строева.

А. Я.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XII. Юрьевъ. 1907.

Ко дню десятилѣтняго юбилея учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ вышелъ новый обширный томъ трудовъ членовъ этого общества.

Возникшее десять лѣтъ тому назадъ при весьма трудныхъ условіяхъ, первое въ Юрьевѣ русское ученое общество за этотъ періодъ своего существованія сослужило большую службу русской наукѣ на прибалтійской окраинѣ. Шли года, мѣнялись люди, перемѣнилась наша политика по отношенію къ здѣшнему краю, а первое русское учено-литературное общество неизмѣнно продолжало выполнять свою задачу—«содѣйствовать разработкѣ русской науки»—и не прекращало своей дѣятельности даже во время бездѣйствія (вслѣдствіе закрытія на нѣсколько семестровъ) юрьевскаго университета. Безпристрастный историкъ отмѣтитъ, сколь важную роль сыграло это общество въ дѣлѣ культурнаго сближенія прибалтійской окраины съ нашимъ обширнымъ отечествомъ.

Составленъ XII томъ сборника весьма интересно. Въ началѣ сборника помѣщена статья предсѣдателя общества профессора М. Красножена на современную тему: «Наканунѣ церковной реформы» (стр. 1—33). Вмѣстѣ съ реформой въ области государственной, говоритъ авторъ, наступила у насъ въ Россіи потребность преобразованій и въ строѣ отечественной церкви. Это вполнѣ понятно. При той тѣсной органической связи, которая искони вѣковъ существуетъ въ нашемъ отечествѣ между церковью и государствомъ, жизнь и дѣятельность одного изъ этихъ организмовъ неизбѣжно отражается на жизни и дѣятельности другого. Въ нашей церковной жизни постепенно росло, ширилось и наконецъ совершенно укрѣпилось общее убѣжденіе въ необходимости обновленія устарѣвшихъ и преобразованія несовершенныхъ формъ внѣшняго церковнаго строя. Ожидаемый помѣстный соборъ православной русской церкви долженъ положить начало новому періоду въ нашей церкви и подготовить возможность лучшихъ условій для развитія церковной жизни. Для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію этого собора, было учреждено особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита Антонія, причемъ въ интересахъ успѣшности работъ было образовано семь отдѣловъ, въ которыхъ подробно обсуждались различные церковные вопросы. Большая часть постановленій, выработанныхъ въ отдѣлахъ, была разсмотрѣна на общихъ собраніяхъ присутствія, а прочіе вопросы, признанные менѣе важными, изъ отдѣловъ переданы непосредственно на разсмо-

треніе святѣйшаго синода, вмѣстѣ съ опредѣленіями общихъ собраній присутствія. Авторъ настоящей статьи, бывшій, по высочайшему повелѣнію, членомъ этого присутствія, даетъ любопытную характеристику какъ засѣданій присутствія, такъ и его отдѣловъ. Между членами присутствія, говоритъ онъ, опредѣлились два направленія: одни стояли на почвѣ строго канонической; другіе, желая въ преобразованіи церковной жизни итти навстрѣчу времени, находили возможнымъ измѣненіе даже тѣхъ началъ церковной жизни, которыя до сихъ поръ считались неизмѣнными «Будемъ надѣяться,—такъ заканчиваетъ профессоръ Красноженъ свою работу:—что всѣми ожидаемый церковный помѣстный соборъ не отложится на долго и что скоро наступитъ желанный моментъ обновленія нашей церковной и общественной жизни» (стр. 33).

Слѣдующая статья, содержащая въ себѣ «матеріалы для біографіи Е. А. Бѣлова»—извѣстнаго педагога, автора большого курса русской исторіи, статей о значеніи русскаго боярства, о Грозномъ, о расколѣ, о патріархѣ Никонѣ и друг.—принадлежитъ извѣстному изслѣдователю въ области исторіи русской литературы и философіи, профессору варшавскаго университета Е. А. Боброву (стр. 34—72). Статья г. Боброва объ Е. А. Бѣловѣ, игравшемъ большую роль среди такъ называемаго «саратовскаго кружка», составлена на основаніи архивныхъ данныхъ.

Вниманія педагоговъ заслуживаетъ помѣщенная въ «Сборникѣ» (стр. 73—128) работа представителя московской школы математиковъ профессора В. Алексѣева, подъ заглавіемъ «Л. Г. Штрюмпель и его педагогическая система». Профессоръ Алексѣевъ дѣлаетъ подробную характеристику научно-педагогической дѣятельности Штрюмпеля и указываетъ на взаимное отношеніе между его трудами и трудами извѣстнаго педагога Гербарта.

Далѣе слѣдуетъ статья I. I. Змиградскаго, подъ заглавіемъ: «Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 г.» (стр. 129—186), имѣющая цѣлью «пополнить пробѣлъ въ исторіи знаменитой Екатерининской комиссіи». Г. Змиградскимъ подробно изложены предвыборныя дѣла, самые выборы и отправка юрьевскаго депутата Ф. К. Гадебуша, а также его дѣятельность. Окончаніе интересной, въ особенности для мѣстнаго края, статьи I. I. Змиградскаго будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Сборника».

Въ концѣ «Сборника» помѣщена статья профессора Е. Боброва «О преподаваніи философіи въ университетахъ» (стр. 187—238). Авторъ настоящей статьи, преподававшій философію въ трехъ русскихъ университетахъ (Юрьевскомъ, Казанскомъ и Варшавскомъ), съ самымъ разнообразнымъ составомъ слушателей, отличавшихся другъ отъ друга національностью, общимъ возрѣніемъ, степенью и качествомъ культуры, возрастомъ, предварительною подготовкой, ходомъ образованія и т. д., затрогиваетъ весьма важный вопросъ о наиболѣе простыхъ и цѣлесообразныхъ пріемахъ преподаванія философіи, этой «науки мышленія par excellence» (стр. 191). «Результаты современной системы преподаванія философіи,—говоритъ профессоръ Бобровъ,—въ общемъ ничтожны и даже могутъ быть приравнены нулю. Необходимо пробудить фи-

лософскую самодѣятельность, заставить учениковъ мыслить и съ любовью искать самимъ, а не довольствоваться усвоеніемъ готовыхъ результатовъ» (стр. 192—238). Профессоръ Бобровъ даетъ цѣлый рядъ интересныхъ указаній къ «дружной живой и постоянной» работѣ профессоровъ съ ихъ слушателями. П—ръ.

Извѣстія тамбовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 52. Подъ редакціей правителя дѣлъ Н. А. Щеглова. Тамбовъ. 1906.

Открывается разсматриваемый нами 52-й выпускъ «Извѣстій» тамбовской ученой архивной комиссіи статьею П. Г. Тарасова: «Новооткрытое доисторическое поселеніе. (Предварительное изслѣдованіе)». Самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что представляемыя имъ свѣдѣнія «суть только апріорныя предположенія», выработанныя имъ на основаніи нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, поэтому мы не будемъ останавливаться здѣсь на названной статьѣ и ограничимся только сообщеніемъ, что вновь открытые курганы находятся въ Моршанскомъ уѣздѣ и сдѣланныя въ нихъ находки относятся къ неолитической эпохѣ.

Вслѣдъ за этою статьею помѣщены генеалогическія замѣтки В. С. Арсеньева о маркизахъ де-ла-Губле, дворянахъ Волжиныхъ и графахъ Кенсонъ. Болѣе всего свѣдѣній сообщается о дворянахъ Волжиныхъ, но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія, несмотря на домашніе архивы, которыми пользовался авторъ, весьма неполны и неточны, что бросается въ глаза даже при бѣгломъ обзорѣ дворянскихъ дѣлопроизводствъ рода Волжиныхъ, хранящихся въ архивѣ департамента герольдіи и въ архивѣ курскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Для примѣра обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующее. На стр. 50 сообщается, что Аѳанасій Максимовичъ Волжинъ майоръ въ 1809 г., на самомъ же дѣлѣ грамота на чинъ секундъ-майора выдана ему еще 4 февраля 1780 г. Изъ его дѣтей названа только дочь Анна, и ни одного слова о двухъ его сыновьяхъ: Александрѣ и Николаѣ, съ ихъ многочисленными потомками. На стр. 53 подъ №№ 88 и 89 помѣщены братья Николай Николаевичъ и Александръ Николаевичъ. Первый, по сообщенію г. В. С. Арсеньева, родился въ 1858 г., а на самомъ дѣлѣ по имѣющейся въ дѣлѣ метрикѣ родился 4 ноября 1854 г., и второй—18 мая 1862 г., а на самомъ дѣлѣ 8 мая 1860 г. Неизвѣстная для нашего автора жена Петра Николаевича Волжина (№ 82) была Ѳеодосія Алексѣевна Аладьина. Нельзя, конечно, не быть благодарнымъ автору за сообщенія о родѣ, о которомъ въ печати до сихъ поръ не было свѣдѣній, но для полноты и точности этихъ сообщеній необходимо посовѣтовать справляться съ архивными дворянскими дѣлами. Тогда мы узнали бы, что существуютъ графы Кенсонъ, которыхъ указомъ правительствующаго сената 13 марта 1861 г. предписано было московскому дворянскому депутатскому собранію исключить изъ V части губернской родословной книги.

Въ довольно любопытной статейкѣ: «Аграрный вопросъ въ эпоху Фридриха Великаго въ Пруссіи» г. Вульфертъ сообщаетъ о предпринятыхъ Фридрихомъ Великимъ мѣрахъ къ подъему производительности сельско-хозяйственнаго труда, «для чего у насъ въ Россіи,—говоритъ онъ,—не сдѣлано, къ сожалѣнію, ничего за всѣ 45 лѣтъ, истекшихъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; приводитъ затѣмъ, какъ образецъ заботливости Фридриха Великаго о процвѣтаніи сельскаго хозяйства, его наказъ и послѣ краткаго очерка современнаго русскаго хозяйства дѣлаетъ тотъ главный выводъ, что «аграрный вопросъ у насъ не столько результатъ крестьянскаго малоземелья, сколько послѣдствіе небрежнаго отношенія къ крестьянскому хозяйству въ прошломъ», съ чѣмъ, я думаю, согласятся очень многіе.

Далѣе идутъ сообщенія: 1) В. Конобѣевскаго—объ академикѣ-иконописцѣ А. Д. Надежинѣ; 2) П. Пискарева—объ академикѣ А. В. Ступинѣ и его художественной школѣ, находящейся въ Арзамасѣ, и 3) проф. П. Никольскаго—«Ружное жалованье сибирскому причту въ новоустроенномъ городѣ Усмани». Въ концѣ книги помѣщены «Описанія дѣлъ №№ 4727 — 4882 тамбовскаго историческаго архива, разобранныя М. Т. Поповымъ». Эти «описанія дѣлъ», главнымъ образомъ о крестьянахъ, «ищущихъ вольности», составленныя довольно подробно, сообщаютъ немало любопытныхъ данныхъ историко-юридическаго и бытового характера самаго конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія.

В. Рудаковъ.

Записки Восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемыя подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Т. XVIII, вып. I (съ приложеніемъ 3 таблицъ и одного портрета). Спб. 1907.

Только что вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ «Записокъ» былъ послѣднимъ, изданнымъ подъ редакціей скончавшагося 10 января 1908 года академика барона В. Р. Розена. Вступивъ 27 февраля 1885 года въ должность управляющаго Восточнымъ отдѣленіемъ, баронъ Розенъ уже въ 1886 году выпускаетъ въ свѣтъ первую книжку созданнаго по его иниціативѣ самостоятельнаго органа отдѣленія подъ названіемъ «Извѣстій Восточнаго отдѣленія», переименованнаго затѣмъ въ «Записки». Съ тѣхъ поръ подъ его редактированіемъ вышло 17 томовъ «Записокъ». Сообщая о выходѣ послѣдняго выпуска, нельзя не остановиться на характеристикѣ значенія «Записокъ» и участія въ изданіи ихъ покойнаго В. Р., сдѣланной нашимъ извѣстнымъ востоковѣдомъ академикомъ П. К. Коковцовымъ въ засѣданіи общаго собранія императорской академіи наукъ 19 минувшаго января [1]).

«Съ того времени, какъ у В. Р. родилась мысль объ изданіи «Записокъ»,—говоритъ П. К.,—всѣ личныя ученыя работы его отходятъ на задній планъ

---

[1]) «Извѣстія императорской академіи наукъ» 1907 г. «Памяти барона В. Р. Розена». СПБ., февраль 1908 г.

и отлагаются на неопредѣленное время; всѣ силы и весь досугъ посвящаются новому важному дѣлу. Мысль объ изданіи самостоятельнаго органа по востоковѣдѣнію возникла еще въ самомъ началѣ существованія императорскаго русскаго археологическаго общества, но попытка практическаго осуществленія ея уже въ 1858 году потерпѣла рѣшительную неудачу. Для того, чтобы снова поднять и прочно поставить на ноги это дѣло при обычной инертности, разрозненности и небольшомъ числѣ русскихъ ученыхъ силъ, нужно было соединить въ себѣ всѣ тѣ качества, которыми обладалъ въ совокупности В. Р. Нужно было имѣть огромный ученый авторитетъ въ области востоковѣдѣнія, большія организаторскія способности, полное сознаніе важности дѣла и вытекавшую отсюда твердую рѣшимость всецѣло отдать себя ему, наконецъ нуженъ былъ тотъ общительный и привѣтливый характеръ, которымъ всегда отличался покойный и который привлекалъ къ нему общее расположеніе всѣхъ тѣхъ, кто его зналъ. Въ интересахъ привлеченія большого числа сотрудниковъ была съ самаго же начала значительно расширена программа новаго органа: въ немъ начали находить себѣ мѣсто не только статьи по археологіи, но и по другимъ областямъ востоковѣдѣнія. Такимъ образомъ, изъ «Записокъ Восточнаго отдѣленія» создался постепенно спеціальный органъ, котораго недоставало русскимъ востоковѣдамъ, органъ, который Россія могла наконецъ противопоставить соотвѣтствующимъ органамъ, издавна существовавшимъ въ Западной Европѣ. Разнообразіе и научный интересъ содержанія «Записокъ» были предметомъ постоянныхъ заботъ Виктора Романовича. Въ этихъ видахъ къ участію въ нихъ были привлечены всѣ наличные русскіе оріенталисты. Само собою разумѣется, что доступъ въ «Записки» былъ открытъ исключительно для работъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Здѣсь необходимо замѣтить, что, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, Викторъ Романовичъ былъ большимъ русскимъ патріотомъ-націоналистомъ и всегда горячо ратовалъ за то, чтобы русскіе ученые, и, въ частности, востоковѣды, писали свои сочиненія на русскомъ языкѣ. Покойный совершенно основательно полагалъ, что при систематическомъ, упорномъ проведеніи этого принципа нужда должна будетъ, наконецъ, заставить западно-европейскихъ ученыхъ ввести постепенно въ свой лингвистическій обиходъ, наряду съ изученіемъ другихъ европейскихъ языковъ, также изученіе русскаго языка. Личное участіе Виктора Романовича въ «Запискахъ Восточнаго отдѣленія», кромѣ весьма кропотливой и утомительной редакторской дѣятельности, выразилось въ многочисленныхъ, значительныхъ по объему и всегда содержательныхъ и интересныхъ статьяхъ, замѣткахъ и рецензіяхъ, разсѣянныхъ во всѣхъ 17-ти томахъ «Записокъ». Обстоятельства не позволяли В. Р. Розену осуществить многое изъ того, что онъ собирался сдѣлать и могъ сдѣлать, и чего отъ него ожидали его товарищи по наукѣ. Но важнѣйшее съ точки зрѣнія интересовъ русской науки покойному посчастливилось исполнить. Созданіе русскаго періодическаго органа по востоковѣдѣнію, обезпечившее прогрессъ русской науки въ этой области, является всецѣло дѣломъ патріотизма и энергіи покойнаго, не остановившагося для этого передъ самопожертвованіемъ. Заслуга эта такъ велика, что одна обезпечиваетъ покой-

ному ученому полную признательность не однихъ востоковѣдовъ, но и всего русскаго образованнаго общества. Можно смѣло сказать, что имя барона В. Р. Розена останется навсегда связаннымъ въ памяти потомства съ воспоминаніемъ объ одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія».

I выпускъ XVIII тома «Записокъ» содержитъ некрологъ, посвященный характеристикѣ покойнаго П. М. Меліоранскаго, спеціалиста по турецко-татарской словесности, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Записокъ». Изъ 38 его ученыхъ трудовъ — 19 помѣщены были на страницахъ «Записокъ». Некрологъ снабженъ прекрасно выполненнымъ портретомъ покойнаго.

Статьи «Копто-сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева», «Коптскія надгробныя надписи», «Такла-хайманотъ у коптовъ», принадлежащія Б. А. Тураеву и, какъ дополненіе къ нимъ, статья Крачковскаго «Арабская версія «псалій» Такла-хайманоту», переносятъ читателя въ далекую экзотическую страну единовѣрцевъ нашихъ, христіанъ Африки.

Изъ нѣсколькихъ имѣющихся въ богатой коллекціи извѣстнаго русскаго собирателя древностей Египта В. С. Голенищева папирусовъ дѣлового характера, наиболѣе трудныхъ для уловимости ихъ смысла, Б. А. Тураевъ разобралъ и перевелъ одинъ, наиболѣе сохранившійся. Относится папирусъ приблизительно къ VII вѣку нашей эры и содержитъ письмо, имѣющее интересъ для культуры монашескаго Египта. Авторъ письма поручаетъ своему корреспонденту, къ которому онъ обращается съ подобострастіемъ, отличающимъ письма къ старшимъ, и котораго называетъ своимъ учителемъ, принять на себя заботы по наблюденію за писаніемъ псалтири для нѣкоего Ѳеофилакта, причемъ рукопись должна быть пергаментная. Въ литературномъ отношеніи папирусъ интересенъ тѣмъ, что даетъ новый типъ вступительной и заключительной формулъ письма и содержитъ такія выраженія, какъ уподобленіе какого-то уважаемаго и отправителемъ и адресатомъ лица мужу тарсянину, т.-е. апостолу Павлу. Изъ коллекціи Н. П. Лихачева Б. А. избралъ папирусъ, написанный на ахмимскомъ діалектѣ. По содержанію онъ представляетъ собою родъ заклинанія. Изъ китайскихъ надгробныхъ надписей Б. А. сообщаетъ о четырехъ: 1) найденной Я. И. Смирновымъ въ Московскомъ историческомъ музеѣ, относящейся приблизительно къ VII—VIII вѣкамъ по Р. Х., 2) изъ коллекціи Н. П. Лихачева,—представляющей рѣдкій случай надгробной надписи двухъ лицъ, причемъ одно изъ нихъ названо «папой». Этотъ титулъ, попадавшійся въ надписяхъ очень рѣдко, по мнѣнію Б. А., прилагался къ священникамъ. 3) и 4) надписи принадлежатъ коллекціи В. С. Голенищева; одна изъ нихъ имѣетъ форму двери, аналогичной съ древне-египетскими стэлами. Такла-хайманоту, абиссинскому подвижнику и святому коптской церкви, посвящены двѣ статьи: Б. А. Тураева и И. Ю. Крачковскаго. Такимъ образомъ, свѣдѣнія объ этомъ святомъ, заключающіяся въ «псаліяхъ» въ честь его, извлечены какъ изъ коптскихъ, такъ и изъ арабскихъ источниковъ. Интересъ этихъ образчиковъ религіозной поэзіи, по словамъ Б. А., заключается въ томъ, что объектомъ своимъ они имѣютъ иностраннаго святого, въ канонизаціи котораго коптскій клиръ не принималъ

участія; это нѣчто подобное тому, если бы въ какой-либо греческой рукописи оказалась служба преподобному Сергію Радонежскому. Въ этомъ отношеніи копты оказались съ весьма широкимъ кругозоромъ. «Псалія» эти относятся къ VII—XVII вѣкамъ и принадлежатъ къ небольшому числу наиболѣе позднихъ произведеній коптской письменности. «Псалія» даютъ очень немного біографическихъ намековъ: переводъ имени святого, указанія на его просвѣтительную, миссіонерскую дѣятельность въ странѣ эѳіоплянъ, упоминанія о его родителяхъ, о духовномъ его происхожденіи, о подвигѣ стоянія на камнѣ. Наконецъ, интересенъ эпитетъ святого: «мученикъ безъ крови». Этотъ эпитетъ заимствованъ изъ обѣтованія, полученнаго Таклахайманотомъ передъ кончиной: «Ты умрешь отъ болѣзни моровой повѣтрія, и я вмѣню тебѣ сіе, какъ убіеніе, какъ кровь мучениковъ».

Статья Э. Пекарскаго «Миддендорфъ и его якутскіе тексты» переноситъ насъ съ юга на далекій сѣверо-востокъ Сибири, въ Якутскую область. Авторъ посвятилъ свою статью изслѣдованію собраннаго въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія русскимъ естествоиспытателемъ А. О. Миддендорфомъ лингвистическаго матеріала якутовъ. Въ статьѣ приводится текстъ хороводной пѣсни, которая поется якутами на кумысныхъ праздникахъ. Миддендорфъ путешествовалъ въ то время, когда еще были налицо народные праздники и другіе обычаи, нынѣ совершенно исчезнувшіе. Теперь праздники эти устраиваются только въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, устроенъ былъ въ 80-хъ годахъ праздникъ въ честь посѣщенія Якутска генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ. Въ 1902 году въ селеніи Чурапча устроенъ былъ праздникъ по иниціативѣ и на счетъ В. И. Іохельсона, путешествовавшаго въ области по порученію нью-іорскаго музея. Приводимая въ статьѣ пѣснь представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ образчиковъ, которые если и поются, то уже не при такой обстановкѣ, какъ раньше, когда у якутовъ было много лошадей, а, слѣдовательно, и кобыльяго молока для приготовленія кумыса—любимаго напитка, нынѣ замѣненнаго чаемъ. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующія качества якутовъ: якуты отличаются замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ; они строго отличаютъ хорошаго пѣвца отъ дурного не только по качеству голоса, но и по многообразности удачныхъ выраженій и эффектныхъ сравненій. Извѣстна импровизація дѣвушки-якутки, прямо-таки дышащая истинной поэзіей. Якуты отличаются вообще поразительной наблюдательностью. Въ приведенномъ текстѣ пѣсни находятся два слова, явно заимствованныя изъ русскаго языка: солко и шолко—шелкъ, и узуоръ и учуоръ—узоръ. Интересны наблюденія изъ разговоровъ съ якутами. Въ рѣчахъ, произносимыхъ ими при какихъ-либо особыхъ случаяхъ, якуты употребляютъ необыденныя выраженія, но объяснить точно значеніе ихъ не могутъ. Въ отвѣтъ изслѣдователи слышали: «это такъ слѣдуетъ», «это именно и прекрасно», «такъ нужно изстари», «такъ говорятъ въ пѣсняхъ». Итакъ, въ языкѣ якутовъ осталось много старинныхъ преемственныхъ формъ, которыя, придавая рѣчи особую торжественность, уже стали совершенно непонятными современнымъ представителямъ этого народа. Статья А. Грюнведеля «Краткія замѣтки о буддійскомъ искусствѣ въ

Турфанѣ» даетъ интересныя данныя о слѣдахъ древней и величавой культуры китайскаго Туркестана. Искусство Турфана въ древности находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Индіи. А. Любимовъ сообщаетъ о богатомъ рукописномъ матеріалѣ, найденномъ имъ въ библіотекѣ казанской духовной академіи: о трудахъ отца Іакинфа Бичурина по исторіи и географіи Китая и о рукописяхъ проф. монголиста Ѳ. М. Ковалевскаго. Въ нихъ также содержатся интересные матеріалы, относящіеся къ Китаю. К. Веберъ, А. Ивановъ В. Котвичъ, И. А. Рудневъ въ статьѣ «Къ вопросу о русской транскрипціи китайскихъ іероглифовъ» предлагаютъ для широкаго употребленія неспеціалистами и признанія официальной разработанную ими новую транскрипцію. К. К. Иностранцевъ приводитъ нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся своеобразнаго, весьма интересующаго археологовъ способа погребенія костей покойника въ ящикахъ и урнахъ, распространеннаго нѣкогда въ Туркестанѣ. **А. Мироновъ.**

Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ (за 1880—1904 гг.). Составилъ Б. М. Городецкій. Спб. 1908. Стр. VI + 744. Ц. 5 р.

Статья за статьей составляется каждая книга журнала, книга за книгой — годовой комплектъ, годъ за годомъ—тѣ періоды существованія журнала, которые считаются обыкновенно показателями его возраста. 10, 20, 25 лѣтъ и т. д.— такими сроками принято опредѣлять этотъ возрастъ, и каждый разъ всѣ, кто причастенъ журналу, начиная съ редактора и кончая постоянными читателями, могутъ оглянуться на пройденный путь, могутъ подвести итоги. Вѣдь при самомъ процессѣ составленія каждой отдѣльной книги и даже при ея чтеніи мелочи отвлекаютъ вниманіе отъ главнаго: не видно общихъ линій, какъ за деревьями не видно лѣса.

Указатель къ журналу за извѣстный срокъ даетъ возможность лучше всего оглянуться на пройденный путь и подвести итоги. Вереницы авторовъ, ихъ произведеній, иллюстрацій, обыкновенно ничего или же очень мало говорящихъ въ отдѣльности,—взятыя вмѣстѣ, говорятъ очень много. Онѣ говорятъ въ такихъ случаяхъ краснорѣчивѣе любыхъ юбилейныхъ рѣчей и привѣтствій на праздникѣ журнала, потому что на первомъ мѣстѣ здѣсь фактическая сторона и отсутствіе всякихъ лишнихъ словъ. Сколько разнообразныхъ историческихъ вопросовъ, которые трактовались на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ, проходитъ передъ нами, когда мы перелистываемъ «Указатель» къ журналу, сколько толковъ и мнѣній вызывали статьи и замѣтки былыхъ годовъ! И все-таки «Указатель» говоритъ не о прошломъ исторической науки и не только о былыхъ годахъ журнала. Это не отчетъ о минувшей, хотя и почтенной, дѣятельности, которую всегда можно почтить вставаніемъ... Это — то, что каждую новую его книгу неразрывно связываетъ съ 25-лѣтнимъ прошлымъ, потому что только по «Указателю» и редакторъ, и сотрудники, и читатели могутъ убѣдиться, что каждая книга журнала не была

альманахомъ статей, рисунковъ и замѣтокъ на историческія темы, а частью живого организма, какимъ всегда старался быть «Историческій Вѣстникъ».

Тѣ ссылки на «Историческій Вѣстникъ», которыя постоянно можно встрѣтить въ ученыхъ и популярныхъ работахъ историческаго содержанія, говорятъ, повторяемъ, о томъ, что почти не было вопроса въ данной области, на который не давалъ въ свое время отвѣта нашъ журналъ. По однѣмъ такимъ ссылкамъ видно, что и теперь читается журналъ за прошлые годы, что статьи, напечатанныя давно, служатъ матеріаломъ, безъ котораго трудно обойтись историку. Но всякія библіографическія разысканія сопряжены съ неимовѣрными трудностями, если нѣтъ хорошаго указателя. Въ этомъ смыслѣ указатель напоминаетъ опытнаго путеводителя. Много цѣннаго и интереснаго ускользаетъ отъ вниманія путешественника, если онъ не пользуется указаніями такого гида, и интересная мѣстность или памятникъ старины покажется ему чѣмъ-то мертвымъ. Занимающія нѣсколько полокъ въ любой общественной, школьной, полковой и многихъ частныхъ библіотекахъ книги «Историческаго Вѣстника» тоже покажутся своего рода мертвымъ капиталомъ, если къ нимъ нѣтъ указателя. Теперь ихъ оживляетъ обширный библіографическій трудъ въ 750 страницъ убористой печати и разбитый для легкости всякихъ разысканій на 11 отдѣловъ: внѣшняя исторія Россіи, внутренній бытъ русскаго народа, начиная съ далекихъ эпохъ и кончая новыми, исторія церкви, просвѣщенія, литературы, искусства, военнаго дѣла, путешествія, біографіи, мемуары, беллетристика и т. д. Много мѣста занимаетъ здѣсь указатель къ библіографическому отдѣлу, на полноту котораго редакція всегда обращала серьезное вниманіе (стр. 303—504). Здѣсь сосредоточено по возможности все выдающееся, появлявшееся въ исторической наукѣ за послѣднія 25 лѣтъ. Далѣе слѣдуютъ «Заграничныя историческія новости и мелочи» и указатель портретовъ и рисунковъ, составляющій болѣе 3000 номеровъ. Два алфавита личныхъ именъ еще больше помогаютъ отыскать любую статью, рецензію или портретъ. Прибавимъ еще, что два такихъ же указателя къ «Историческому Вѣстнику», за первыя 10 лѣтъ существованія, а затѣмъ за слѣдующія пять (до 1894 года), теперь разошлись, и ихъ замѣняетъ новый, болѣе полный «Указатель».

А.

Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. К. Ф. Ординъ. Т. I. Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Спб. 1908. 301 стр. Ц. 2 р.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Кесарь Филипповичъ Ординъ напечаталъ, въ 1888 г., сдѣланный имъ переводъ сочиненія извѣстнаго финляндца Мехелина «Precis du droit public du grand duché de Finlande» подъ заглавіемъ: «Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Льва Мехелина», выступивъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ переводу рѣшительнымъ и вполнѣ основательнымъ противникомъ ученія Мехелина о самостоятельности Финляндіи, возведенной послѣднимъ въ положеніе отдѣльнаго государства, которое находится только въ личной уніи съ Россійской имперіей. Ординъ уже тогда,

основываясь на несомнѣнныхъ документахъ, доказывалъ всю пустоту этихъ финляндскихъ притязаній и утверждалъ, что Финляндія была завоевана Россіею, навсегда присоединена къ Россіи и отличается отъ прочихъ губерній имперіи только особымъ порядкомъ управленія, дарованнымъ ей милостями какъ императора Александра I, такъ и его державныхъ преемниковъ и т. д. Съ того времени до самой кончины своей въ 1892 г. К. Ф. Ординъ не переставалъ заниматься исключительно финляндскимъ вопросомъ и проводить тѣ же взгляды, какъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Покореніе Финляндіи» 1889 г., такъ и во многихъ отдѣльныхъ статьяхъ, болѣе или менѣе обширныхъ и напечатанныхъ своевременно въ различныхъ журналахъ, какъ-то: «Русскомъ Вѣстникѣ» 1888 г., «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1881 г. и также въ газетахъ «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время». Во всѣхъ этихъ своихъ произведеніяхъ К. Ординъ горячо отстаивалъ русское государственное достоинство, русскіе имперскіе интересы на финляндской окраинѣ, раскрылъ длинную цѣпь неправильныхъ толкованій финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ, начиная съ перваго ея звена, Боргскаго сейма, и т. д. Въ настоящее время сынъ преждевременно умершаго, съ глубокимъ благоговѣніемъ къ свѣтлой памяти почившаго труженика, предпринялъ издать собраніе сочиненій своего отца по финляндскому вопросу и въ первый вышедшій недавно томъ включилъ исключительно различныя небольшія статьи К. Ф. Ордина, уже помѣщенныя имъ ранѣе въ газетахъ («Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени»), а также появляющіяся въ первый разъ въ печати, но написанныя еще въ 1888—1890 годахъ. Передавать содержаніе этихъ небольшихъ по объему статей мы, конечно, не будемъ, но предоставимъ самимъ читателямъ ознакомиться съ ними, обративъ ихъ вниманіе на статьи, озаглавленныя: «Финляндскій отпоръ почтовому объединенію съ Россіею», «Финляндская оппозиція въ таможенномъ дѣлѣ» и т. д. Чтеніе этихъ и другихъ подобнаго рода статей лучше всего даетъ характеристику пріемовъ финляндцевъ по отношенію къ довѣрявшему имъ русскому правительству, вслѣдствіе чего дѣло о болѣе тѣсномъ единеніи Финляндіи съ Россіею находится въ настоящее время далеко въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ оно находилось въ днижизни К. Ф. Ордина. Указанія его прошли въ свое время безслѣдно для лицъ, коимъ надлежало на нихъ обратить вниманіе; послѣдніе вовсе не хотѣли почему-то догадываться о цѣляхъ, которыя преслѣдовались финляндскими политиками. Но будемъ надѣяться, что историческая правда, основанная на фактахъ и документахъ, опубликованныхъ К. Ф. Ординымъ въ его трудахъ, понемногу пробьетъ себѣ дорогу и разсѣетъ на дѣлѣ мракъ хитросплетеній, въ который погруженъ такъ называемый финляндскій вопросъ исключительно умышленіями финляндскихъ сепаратистовъ и преимущественно нашимъ равнодушіемъ къ общественному дѣлу, неумѣстною довѣрчивостью, небрежностью и незнаніемъ тѣхъ, кто обязанъ былъ не допускать осуществленія множества дѣяній, вредныхъ Россіи. Разсѣять этотъ мракъ, конечно, могутъ статьи такого въ высшей степени добросовѣстнаго и трудолюбиваго писателя, какимъ былъ К. Ф. Ординъ. Поэтому, пожелавъ полнаго успѣха предпринятому Б. Ор-

динымъ изданію сочиненій его отца, мы въ заключеніе нашей замѣтки не можемъ не пожалѣть, что издатель, сообщивъ свѣдѣніе о томъ, что побудило К. Ф. Ордина приняться за изученіе исторіи русско-финляндскихъ отношеній, не пожелалъ познакомить читателей хотя бы съ краткими біографическими о немъ свѣдѣніями, безъ сомнѣнія, ему хорошо извѣстными. Такого рода свѣдѣнія обыкновенно помѣщаются въ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій и знакомятъ читателя съ личностью писателя. Другое замѣчаніе касается помѣщенныхъ въ концѣ перваго тома приложеній; по нашему мнѣнію, всѣ они болѣе относятся къ сочиненію «Покореніе Финляндіи», гдѣ уже нѣкоторыя изъ нихъ и помѣщены въ изданіи этого послѣдняго сочиненія въ 1890 году. Казалось бы, можно было удобно присоединить эти приложенія къ предстоящему новому изданію вышеназваннаго сочиненія.

Коснувшись Финляндіи, позволяемъ себѣ обратить вниманіе г.г. занимающихся финляндскимъ вопросомъ непосредственно по первоисточникамъ, по документамъ на языкахъ шведскомъ и финскомъ, на новое, очень полезное изданіе комиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ послѣднихъ. Мы говоримъ о «Словарѣ параллельномъ русскомъ, финскомъ и шведскомъ по общему уложенію и постановленіямъ великаго княжества Финляндскаго». Первый выпускъ этого словаря (русская часть) появился въ свѣтъ въ 1905 году, а послѣдній, финско-русскій, въ концѣ минувшаго 1907 года, чѣмъ и завершилось это практически очень удобное изданіе. Означенный словарь, конечно, не имѣетъ характера самостоятельной филологической работы, какъ это и заявлено отъ издателей, но составленъ на основаніи различныхъ имѣющихся уже словарей (какъ-то Я. К. Грота и Мермана 1846 г., Мермана—1895 г., Лерхе—1896 г., Палландера—1900 г., Рингваля и Кіяненъ—1902 г.) и другихъ источниковъ, причемъ существеннымъ образомъ отличается отъ указанныхъ словарей тѣмъ, что сіи послѣдніе только двухъязычные словари, т. е. или русско-шведскіе, или русско-финскіе, тогда какъ изданный комиссіею является, какъ видно уже изъ оглавленія, словаремъ къ тремъ языкамъ. Этотъ словарь образованъ посредствомъ сопоставленія текстовъ законовъ въ офиціальныхъ ихъ изданіяхъ, причемъ слова и выраженія устарѣвшія, замѣняемыя въ текстѣ позднѣйшихъ постановленій новыми терминами, ставятся въ скобкахъ рядомъ съ нынѣ употребляемыми. Немало такихъ замѣнъ встрѣчается въ финскихъ словахъ, такъ какъ самый финскій языкъ, ставъ весьма недавно литературнымъ, находится въ періодѣ чрезвычайно быстрыхъ измѣненій, вызывающихъ частую замѣну прежнихъ словъ и выраженій новыми. Это же самое явленіе вызвало и совмѣстное параллельное изложеніе словаря на всѣхъ трехъ языкахъ въ трехъ отдѣленіяхъ, выпускахъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою самостоятельный параллельный словарь, очень полезный и въ дѣлопроизводствѣ, и при чтеніи подлинныхъ юридическихъ документовъ. Нельзя не поблагодарить комиссію для составленія свѣдѣній по финляндскимъ дѣламъ за это полезное изданіе, доведенное до конца, какъ, впрочемъ, и всѣ ея остальныя изданія, къ сожалѣнію, мало распространяющіяся въ публикѣ.

П. Майковъ.

М. Газенкампфъ. Мой Дневникъ 1877—1878 г.г. 5 приложеній. Спб. 1908.

«Дневникъ» г. М. Газенкампфа, печатавшійся въ прошломъ году въ «Вѣстникѣ Европы», изданъ нынѣ отдѣльно довольно объемистою книгою, исправленъ и дополненъ тѣми частями, которыя, по редакціоннымъ соображеніямъ, были исключены въ журналѣ. Несмотря на цѣлую литературу, вызванную войной 1877—78 г.г., «Дневникъ» г. М. Газенкампфа нисколько не теряетъ своего значенія, ибо заключаетъ въ себѣ такіе факты, которые обыкновенно весьма слабо выясняются въ военно-историческихъ изслѣдованіяхъ; мы говоримъ о той интимной обстановкѣ, при которой дѣйствуютъ главнокомандующій и его штабъ. Эта обстановка, выясняющая психическую сторону дѣла и тѣ обстоятельства, при которыхъ происходила работа мысли главнокомандующаго, даетъ ключъ къ разгадкѣ иногда малопонятныхъ его распоряженій и дѣйствій. Не менѣе важно знать настроеніе и работу главной квартиры, служащей распорядительнымъ органомъ главнаго начальника. Отвѣтъ на эти вопросы даетъ именно «Дневникъ», авторъ котораго находился въ исключительно-освѣдомленномъ положеніи при главной квартирѣ. Избранный главнокомандующимъ для веденія журнала военныхъ дѣйствій, авторъ «Дневника» былъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, пользовался его полнымъ довѣріемъ и, кромѣ своей прямой обязанности, велъ секретную переписку, составлялъ телеграммы и отчеты о военныхъ дѣйствіяхъ и завѣдывалъ иностранными и русскими корреспондентами. Къ этой сложной и отвѣтственной роли авторъ былъ какъ нельзя лучше подготовленъ, какъ профессоръ военной академіи, обладающій иностранным языками, необходимыми ему для сношеній и переписки; къ этому надо прибавить его наблюдательность, объективность и выдающуюся изъ ряда трудоспособность, ибо одно веденіе журнала, при плохой организаціи штабной работы, должно было поглотить массу времени, а тутъ ему приходилось еще ежедневно исполнять спѣшныя и отвѣтственныя работы. Наблюдательность автора дала ему возможность охарактеризовать главныхъ дѣятелей этой войны: главнокомандующаго, рѣшительнаго и прямаго, способнаго многое взять на свою отвѣтственность, но непривычнаго къ веденію сложныхъ операцій, его начальника штаба Непокойчицкаго, слишкомъ апатичнаго, и помощника начальника штаба Левицкаго, слишкомъ нервнаго и суетливаго. Не менѣе интересно описаніе настроенія главной квартиры, въ зависимости отъ различныхъ перипетій войны.

Въ «Дневникѣ» выясняется также значеніе пребыванія императорской главной квартиры на театрѣ военныхъ дѣйствій. Присутствіе государя, несомнѣнно, имѣло хорошее вліяніе на духъ войскъ, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, неминуемо отзывалось на свободѣ дѣйствій главнокомандующаго, связывало его самостоятельность и лишало той «полной мощи», которая необходима для главнаго руководителя военными дѣйствіями. Такое же неблагопріятное вліяніе на дѣйствія нашихъ войскъ оказало вмѣшательство дипломатіи, особенно въ послѣдній періодъ кампаніи, когда войска наши, остановленныя

подъ стѣнами Константинополя, лишены были возможности использовать плоды своихъ побѣдъ.

Вообще, въ теченіе этой кампаніи были выяснены нерѣдкія нарушенія основныхъ законовъ военнаго искусства, а также недостатки нашей арміи, въ смыслѣ организаціи, вооруженія и неподготовленности командного состава. Съ тѣхъ поръ до 1904 года прошло 26 лѣтъ, но опытъ войны не научилъ насъ, и мы явились на театрѣ Манчжуріи съ тѣми же недостатками: та же двойственность командованія, установленная съ самаго начала войны, то же воздѣйствіе телеграфныхъ указаній изъ Петербурга, та же несостоятельность командного состава, недостатки вооруженія (артиллеріи) и снаряженія; одинъ только солдатъ съ присущими ему свойствами народнаго духа попрежнему умѣлъ безропотно переносить тягости войны и умирать въ крѣпостяхъ и на поляхъ сраженій. Что же дастъ намъ опытъ послѣдней войны? Трудно загадывать о будущемъ, но нельзя не замѣтить, что пока не видно творческой мысли въ дѣлѣ преобразованія нашей арміи, нѣтъ подъема духа въ этомъ направленіи.

«Дневникъ» написанъ живо, читается легко, а главное,—знакомитъ съ закулисною стороной военнаго дѣла, которая имѣетъ столь важное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Книга издана хорошо, со многими портретами и картинами и съ 5-ю весьма цѣнными приложеніями. Л. Н.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Спб. 1908. Стр. 273. Ц. 1 р. 25 к.

Продолженіе «воспоминаній» г. Пантелѣева, о началѣ которыхъ въ свое время былъ данъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», представляетъ значительный интересъ для исторіи освободительной эпохи шестидесятыхъ годовъ въ нашемъ отечествѣ. Авторъ, участникъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ общественныхъ событій, уже на университетской скамьѣ окунулся съ головою въ закипавшее въ тѣ дни революціонное русское море, соприкасался со многими видными и второстепенными дѣятелями отечественной революціонной дѣйствительности и состоялъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ представителямъ польской революціонной мысли и повстанья 1863 года. Вотъ обо всѣхъ-то этихъ сторонахъ своей ранней жизни онъ нынѣ, на склонѣ своихъ лѣтъ, достаточно обстоятельно повѣствуетъ, внося такимъ образомъ въ лѣтопись русской политической исторіи немало новыхъ данныхъ, правда, не первокласснаго значенія, но часто вносящихъ свѣтъ въ нѣкоторые закоулки тогдашней дѣйствительности, остававшіеся доселѣ въ потемкахъ. Обладая хорошей памятью или имѣя въ своемъ распоряженіи хорошо сохранившійся архивъ, онъ заноситъ въ свое повѣствованіе немало свѣдѣній, имѣющихъ особенное значеніе для такъ называемаго «польскаго вопроса». Г. Пантелѣевъ рано былъ «ликвидированъ» изъ русской жизни и именно въ связи съ политическимъ движеніемъ въ царствѣ Польскомъ и его отраженіемъ на берегахъ Невы; поэтому и его лѣтопись событій не особенно длинная—она пре-

рывается собственно на 1865 г., когда онъ былъ сосланъ въ Сибирь, о путешествіи въ которую, въ связи съ общимъ вопросомъ о ссылкѣ, въ книгѣ дается также немало любопытныхъ свѣдѣній. Центральнымъ мѣстомъ «воспоминаній» является дѣло извѣстнаго польскаго дѣятеля Огрызко, къ которому авторъ питаетъ особенно теплое чувство и подъ вліяніемъ котораго, быть можетъ, въ значительной степени сложились и первые годы сознательной жизни нашего писателя. Польскій вопросъ для г. Пантелѣева сдѣлался поэтому какъ бы роднымъ вопросомъ, и въ его лицѣ наша литература имѣетъ такого рода свидѣтеля, который въ откровенныхъ автобіографическихъ признаніяхъ зарегистрировалъ свое служеніе этой сложной сторонѣ нашей политической жизни. Такими признаніями наша литература не богата, и это обстоятельство придаетъ особенную цѣнность «воспоминаніямъ» г. Пантелѣева. Мы знаемъ, что у насъ имѣются адепты разныхъ инородческихъ тенденцій, но эти господа старательно скрываютъ такого рода свои симпатіи и обнаруживаютъ ихъ лишь въ своихъ теоретическихъ работахъ, избѣгая говорить о практикѣ жизни. Л. Ф. Пантелѣевъ сознательный поклонникъ польской идеи и, какъ таковой, выступаетъ въ литературѣ съ откровенными признаніями о своей реальной близости къ былымъ патріотамъ «повстанья». Отсюда становится вполнѣ понятнымъ и то освѣщеніе, которое имъ наложено на «воспоминанія», и тѣ точки зрѣнія, изъ коихъ онъ исходитъ при характеристикѣ такихъ дѣятелей, какъ, съ одной стороны, Муравьевъ, Кауфманъ и др. и съ другой—Огрызко и всѣ тѣ, кто былъ замѣшанъ въ польскихъ смутахъ. Одни задрапированы въ темныя ткани, другія—въ свѣтлыя, цвѣтныя... Очень много мѣсто удѣлено въ «воспоминаніяхъ» пребыванію автора въ виленскихъ тюрьмахъ, тюремному быту, характеристикѣ начальства и узниковъ-поляковъ, допросамъ и разнымъ свѣдѣніямъ о тогдашнихъ виленскихъ настроеніяхъ и ихъ взаимоотношеніяхъ къ петербургскимъ властямъ. Г. Пантелѣевъ подчасъ уже очень дорожитъ разными деталями и возстановляетъ въ своей памяти такія мелочи о своей собственной личности, которыя безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть и опущены.

Настоящія воспоминанія имѣютъ ту особенную цѣнность, что они относятся къ очень раннимъ днямъ начала русскаго революціоннаго движенія, большинство участниковъ котораго, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, нынѣ сошли съ жизненной арены, не оставивъ по себѣ никакой исповѣди. Позднѣйшіе дѣятели оказались въ болѣе счастливомъ положеніи и въ теченіе двухъ лѣтъ на страницахъ нынѣ запрещеннаго журнала «Былое» съ такими деталями повѣдали читателямъ все касающееся своихъ особъ, что становилось даже томительно скучно и страшно за обиліе сіянія вокругъ ихъ «историческихъ» именъ. Такимъ образомъ, если эпоха семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ имѣетъ своихъ многихъ лѣтописцевъ, то по отношенію предыдущаго десятилѣтія мы не находимся въ столь счастливомъ положеніи, и вотъ тутъ-то г. Пантелѣевъ и приходитъ къ намъ на выручку съ своими историческими справками, которыми неизбѣжно и приходится нынѣ пользоваться всякому занимающемуся исторіей того періода отечественной дѣйствительности.

Къ главнымъ страницамъ «прошлаго» авторъ присоединилъ еще свои воспоминанія о Салтыковѣ-Щедринѣ и Чернышевскомъ. Новаго и цѣннаго о нашемъ сатирикѣ онъ ничего не далъ, но о Чернышевскомъ біографы послѣдняго найдутъ у него кое-что любопытное для характеристики настроенія покойнаго писателя за время пребыванія въ Астрахани. **В. Г.**

Алексѣй Ремизовъ. Лимонарь сирѣчь Лугъ Духовный. Издательство «Оры». Спб. 1907.

Еще недавно, можно сказать «вчера», наши писатели индивидуалисты-символисты представляли собой не болѣе, какъ тѣсно сплоченную группу. «Сегодня» эта группа является передъ нами уже дифференцированной. И теперь всѣ они остаются индивидуалистами, и теперь всѣ они — поклонники символа; но формы, въ которыя они претворяютъ свой индивидуализмъ, представляютъ уже значительное разнообразіе. Ѳ. Соллогубъ соединяетъ свой индивидуализмъ съ началомъ метафизики, идетъ по пути къ абсолютному, къ сверхъ-индивидуализму. В. Брюсовъ становится «классикомъ». З. Гиппіусъ и Мережковскій одѣваютъ свой индивидуализмъ въ одежды религіи, въ ткани мистицизма. Наконецъ Бальмонтъ, Городецкій и Ремизовъ ищутъ новыхъ путей, новыхъ нитей, которыя связали бы ихъ индивидуализмъ съ коллективнымъ, «народнымъ» (терминъ, конечно, условный) индивидуализмомъ, проявившимся въ старинномъ «народномъ» творчествѣ, въ старинной «народной» миѳологіи. Такую эволюцію уже успѣла подмѣтить критика (А. Бѣлый), и общую набросанную ею картину приходится признать правильной.

Этотъ интересъ къ миѳу—отличительная черта писателей послѣдней категоріи. При этомъ наблюдаемый у нихъ интересъ къ миѳу нисколько не похожъ на обычный историческій или этнографическій интересъ; по преимуществу это—интересъ чисто эстетическій. Художникъ-индивидуалистъ далекъ отъ безстрастнаго ученаго-изслѣдователя. Онъ не столько изучаетъ, сколько чувствуетъ, не столько анализируетъ, сколько возсоздаетъ. И эта особенность художника-индивидуалиста зависитъ отъ того, что онъ какъ бы самъ переживаетъ плѣнившіе его образы народной фантазіи, онъ какъ бы самъ проникается народной психологіей; народныя вѣрованія и космическія представленія для него самого становятся какъ бы родными, близкими.

Передъ нами—новый сборникъ разсказовъ и миніатюръ одного изъ писателей этой школы, А. Ремизова. Его литературная эволюція прошла, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Если въ своемъ первомъ романѣ, «Прудъ», онъ находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ западныхъ индивидуалистовъ, то въ слѣдующемъ сборникѣ, «Посолонь», сталъ на дорогу отъ индивидуализма къ творческому коллективизму, отъ символа—къ миѳу и окончательно пошелъ по ней въ послѣднемъ сборникѣ — «Лимонарь». Въ глубинѣ своей личности онъ нашелъ, по удачному выраженію критиковъ, старые образы старыхъ боговъ—элементы славянской миѳологіи. Русская природа и русская старина стала ему родной и понятной. На творчество Ремизова легла печать стихійности и коллективности, но онѣ смягчены и все еще подчинены

его собственной индивидуальности. И это понятно: до всеобъемлющаго синтеза народнаго миѳологическаго міросозерцанія — еще слишкомъ далеко. Къ нему пока лишь бѣгутъ болѣе или менѣе узкія тропинки, и одной изъ этихъ тропинокъ, даже не самой замѣтной, являются произведенія А. Ремизова. Его собственная индивидуальность пока не позволила ему въ совершенствѣ усвоить народную психологію, но зато въ области языка онъ достигъ многаго. Его строй рѣчи, его фразеологія—настоящая динамика народной рѣчи, хотя все же на ряду съ «забытыми» старинными русскими словами попадаются и неологизмы; но нужно признаться, что они не рѣжутъ слуха и вполнѣ умѣстны. Впрочемъ, съ этой характеристикой А. Бѣлаго согласиться трудно. У Ремизова недостаетъ именно чуткости въ области стариннаго языка.

Не будемъ входить въ подробный разборъ его новаго сборника, «Лимонарь или Лугъ Духовный», а лишь укажемъ, что главнымъ содержаніемъ его является художественная обработка апокрифическихъ сказаній, напр., «О безуміи Иродіадиномъ, какъ на землѣ зародился вихорь», «О мѣсяцѣ и звѣздахъ, и откуда они такіе», «Гнѣвъ Ильи пророка» и др. Этнографія является здѣсь въ синтетической обработкѣ художника, правда, мало чуткаго къ специфически-славянскимъ красотамъ. Чтобы дать читателю понятіе о техникѣ Ремизова, приведемъ отрывокъ изъ первой картины.

«Задрожала гора, вздрогнулъ теремъ, выбило кровлю, согнулся желѣзный тынъ, подломились ворота. Попадали чаши и гости. Кто куда, какъ попало: царь, царица, глупцы, скоморохи, кони, волки, кобылы, лисицы, старухи, козлы, турицы, аисты, туры, павлины, журавли, пѣтухи и Береза-Коза и медвѣди—пусто́ мѣсто...

«Злая вѣдьма, а съ нею ея сестры, одна другой злѣе, безъ зазора, безъ запрета ринулись по черной горѣ прямо въ теремъ. И другія червями ползли по черной горѣ прямо въ теремъ. Тамъ заиграли волынку — чортовъ плясъ. Шипѣли полосатые черви, растекались, подползали, чтобы живьемъ заѣсть поганаго козара—царя Ирода. Слышенъ ихъ свистъ за семь верстъ. Въ вихрѣ вихремъ унесло Иродіаду.

«Красная панна Иродіада—несется неудержимо, навѣкъ обращенная въ вихорь—буйный вихорь—плясовица проклятая и пляшетъ по пустынѣ, вдоль долины, вверхъ горы,—надъ лѣсами, по рѣкамъ, по озерамъ, по курганамъ, по могиламъ, по могильнымъ холмамъ, по могильникамъ—и раздираетъ черную гору, сокрушаетъ нагорное царство, нагоняетъ на небо сильныя тучи, потемняетъ свѣтъ, крутитъ вѣтры, виритъ волны, валъ на валъ—пляшетъ плясея проклятая...

«Бѣлая тополь, бѣлая лебедь — и тѣсно ей, тѣснитъ грудь, и красный знакъ вокругъ шеи красной огненной ниткой жжетъ, но пляшетъ — не можетъ стать, не знаетъ покоя, вся сотрясаясь, все сотрясая. Такъ вѣчно-навѣчно́, до скончанія вѣка, на вѣки безконечные».

Среди громаднаго множества «новыхъ словъ» и новыхъ «талантовъ», наводнившихъ теперь русскую литературу, едва ли не самымъ интереснымъ является художественно-націоналистическое теченіе, однимъ изъ мало удачныхъ представителей котораго является Алексѣй Ремизовъ. **А. Я.**

Проф. Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. Спб. 1907. 275 стр., ц. 1 р. 25 к.

Профессоръ Котляревскій поставилъ себѣ цѣлью составить такую книгу для читателей широкихъ круговъ, которая въ общихъ чертахъ дала бы представленіе о русской художественной литературѣ александровской эпохи. Въ задачу автора входило прежде всего указать наиболѣе характерныхъ представителей художественной литературы той эпохи, отмѣтить, какіе изъ второстепенныхъ писателей заслуживаютъ вниманія, затѣмъ указать тѣ ихъ произведенія, въ которыхъ наиболѣе ярко отразилась ихъ литературная физіономія, и, наконецъ, сгруппировать тѣ выводы, къ которымъ пришли изслѣдователи, изучающіе эту эпоху. Задача, поставленная проф. Котляревскимъ, весьма симпатична, и вотъ по какой причинѣ. У насъ имѣется довольно много изслѣдованій по литературѣ александровскаго времени, но всѣ они носятъ монографическій характеръ, авторы преслѣдуютъ чисто научныя задачи. Такой же работы, которая, имѣя въ виду широкій кругъ читателей, свела бы къ одному цѣлому выводы отдѣльныхъ изслѣдованій и нарисовала бы общую картину нашей литературы за это время, у насъ нѣтъ. Въ силу этого, широкая публика, не имѣя возможности знакомиться со спеціальными трудами, очень плохо знакома съ литературой александровской эпохи, которая въ исторіи нашей литературы имѣетъ важное значеніе. Въ силу этого, желаніе проф. Котляревскаго заполнить этотъ пробѣлъ—составить книгу, въ которой научность и популярность были бы два элемента, тѣсно связанныхъ между собой, заслуживаетъ большого вниманія. Насколько же удалось автору дать сжатую характеристику русской художественной литературы александровскаго времени?

Мы знаемъ читателей того круга, для котораго предназначается книга, и думаемъ по этому поводу слѣдующее. Если книга проф. Котляревскаго дастъ читателямъ этого круга представленіе о литературѣ той эпохи болѣе яркое, чѣмъ любая учебная книга, то это представленіе не будетъ по существу достаточно яркимъ и опредѣленнымъ. Хотя читатели и уловятъ основную черту литературы того времени, но рядъ другихъ чертъ, хотя и отмѣченныхъ авторомъ, ускользаютъ отъ вниманія читателей, а картина лишь тогда ярка, когда въ ней соблюдена полная гармонія всѣхъ штриховъ и каждая черта выступаетъ ярко; тогда только картина хорошо запоминается. И если книга проф. Котляревскаго является весьма полезной, то нужна еще со стороны автора переработка книги, чтобы она вполнѣ удовлетворяла той задачѣ, безъ сомнѣнія, очень симпатичной, которую ставитъ себѣ авторъ.

Намъ думается, было бы гораздо лучше, если бы проф. Котляревскій расширилъ рамки своей книги и не ограничивалъ бы ихъ лишь художественной литературой въ тѣсномъ смыслѣ слова. То обстоятельство, что авторъ разсматриваетъ лишь художественную литературу, привело къ тому, что читатель не получаетъ яркаго представленія объ общей картинѣ состоянія русской литературы въ александровскую эпоху. Обращая вниманіе лишь на художественную литературу, авторъ оставилъ въ сторонѣ, напримѣръ, Нарѣж-

наго, а между тѣмъ представленіе о литературѣ александровскаго времени получается неполное, если не остановиться болѣе или менѣе на этомъ писателѣ, котораго очень мѣтко называютъ «предтечей Гоголя». Проф. Котляревскій останавливается на историко-литературномъ значеніи, напримѣръ, Пушкина, а пропускаетъ Нарѣжнаго, произведенія котораго, не обладая художественностью, имѣли тѣмъ не менѣе довольно серьезное историко-литературное значеніе.

Такова книга, если ее брать въ цѣломъ и оцѣнивать какъ книгу для самообразованія. Если же оцѣнивать ее со стороны чисто научной, то надо указать, что въ ней обнаружилось хорошее знаніе авторомъ предмета: съ этой стороны упрека книгѣ сдѣлать нельзя. Нѣкоторыя части труда довольно интересны по своимъ мыслямъ. Безъ сомнѣнія, сюда нужно отнести, напримѣръ, главу о Грибоѣдовѣ. Разбирая «Горе отъ ума», авторъ высказалъ рядъ интересныхъ соображеній, способныхъ вызвать у читателя оживленную дѣятельность мысли.

Мы не указываемъ, конечно, отдѣльныхъ взглядовъ автора, съ которыми можно не согласиться, такъ какъ частныя мысли не играютъ особенно важной роли, но укажемъ лишь, что въ разсчитанной на широкую публику книгѣ въ частныхъ мысляхъ нужно быть очень осторожнымъ. Мы можемъ увѣрить автора, что читатель придетъ въ недоумѣніе, прочитавъ, что «на нашей общественности такая личность правителя, какимъ былъ Александръ Павловичъ, въ общемъ отразилась благотворно... Несмотря на аракчеевщину во всѣхъ вѣдомствахъ, общественная самодѣятельность въ его царствованіе не замирала а скорѣе разгоралась». Конечно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ недостаточной точностью выраженія, но, повторяемъ, выраженіе очень много значитъ для того читателя, которому предназначается книга.

Въ концѣ книги приложенъ обзоръ того, что, по мнѣнію проф. Котляревскаго, нужно прочитать желающему познакомиться съ литературой александровской эпохи. Такой обзоръ имѣетъ важное значеніе, и его польза несомнѣнна. Говоря объ этомъ обзорѣ, нужно указать, что нельзя согласиться съ авторомъ, что недавно вышедшая книга г. Сиповскаго «Пушкинъ, его жизнь и творчество» является «лучшей для перваго ознакомленія съ біографіей и исторіей творчества Пушкина». Знатоки Пушкина указали столько дефектовъ въ этой книгѣ, что такая ея рекомендація проф. Котляревскаго совершенно необъяснима. Лучше было бы указать на прекрасную статью проф. Кирпичникова въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона», которая должна быть поставлена первой для прочтенія желающимъ познакомиться съ жизнью и творчествомъ Пушкина.

А. Фоминъ.

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. III. Примѣчанія В. И. Саитова. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1908.

В. И. Саитовъ дѣятельно продолжаетъ свои интересныя примѣчанія къ «Остафьевскому архиву», доставившія ему крупное имя въ исторической литературѣ. Теперь неутомимый изслѣдователь выпустилъ примѣчанія къ III тому

переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, обнимающей 1824—1836 годы. Они составлены съ обычной тщательностью и обстоятельностью, съ удивительнымъ терпѣніемъ, съ той кропотливостью, которая дается только любовью къ предмету. Это рѣдкій образчикъ добросовѣстнаго труда. Съ помощью такихъ примѣчаній легко разобраться во всѣхъ частностяхъ переписки двухъ выдающихся и интересныхъ людей эпохи, озаренной именемъ Пушкина. Безъ «Остафьевскаго архива» и богато иллюстрирующихъ его примѣчаній В. И. Саитова не обойдется ни одинъ изслѣдователь русской общественности и литературы первой половины XIX вѣка. Примѣчанія поражаютъ своею щедростью. Не говоря уже о множествѣ мелкихъ, но необходимыхъ справокъ, ихъ талантливый составитель, не пожалѣвъ тяжелаго труда, далъ цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ, которые снабдилъ обстоятельными библіографическими указаніями. Отмѣтимъ болѣе или менѣе крупные очерки—графъ С. П. Румянцовъ, А. А. Мухановъ, графъ З. Г. Чернышевъ (декабристъ), М. И. Пущинъ, А. Н. Раевскій (пушкинскій «Демонъ»), Н. Н. Муравьевъ, князь П. Б. Козловскій, С. С. Теплова, А. О. Смирнова, баронъ А. К. Мейендорфъ, Н. М. Рожалинъ, князь А. Н. Волконскій, А. К. Шернваль-Демидова-Карамзина, И. Т. Калашниковъ, М. А. Салтыковъ, Ф. Ф. Вигель, К. С. Сербиновичъ, А. П. Степановъ, баронъ Г. Ѳ. Розенъ, графъ С. П. Потемкинъ, князь Э. П. Мещерскій, князь Г. П. Волконскій, баронъ Ф.-А. Леве-Веймарсъ, князь И. С. Гагаринъ. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ (напримѣръ, о графѣ С. П. Румянцовѣ) представляютъ единственные біографическіе опыты, посвященные цѣлому ряду дѣятелей. На стр. 482—483 помѣщено печатаемое впервые письмо Е. А. Баратынскаго къ А. И. Тургеневу. «Вы ни на кого не похожи,—писалъ Баратынскій добрѣйшему Тургеневу:—нѣтъ такого человѣконенавистника, который не помирился бы съ людьми, встрѣтя васъ между ними». Очень хорошо сдѣлалъ В. И. Саитовъ, что перепечаталъ изъ старыхъ журналовъ нѣсколько вызванныхъ полемикой о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» статей князя П. А. Вяземскаго, не вошедшихъ въ изданное графомъ С. Д. Шереметевымъ извѣстное собраніе его сочиненій. Примѣчанія занимаютъ около 24 печатныхъ листовъ крупнаго формата, и одинъ видъ этой огромной работы, пестрящей множествомъ именъ, справокъ, ссылокъ, внушаетъ уваженіе. Съ чрезвычайнымъ умѣніемъ составитель распоряжается неисчерпаемымъ арсеналомъ цитатъ, выбирая все лучшее, наиболѣе цѣнное и характерное. Указатель занимаетъ 168 столбцовъ. Нельзя не отмѣтить крайнюю дешевизну огромной, красиво изданной книги—два рубля. **Н. Л.**

Проф. Н. И. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Москва. 1908.

Книга эта представляетъ собою общій курсъ лекцій, читанный покойнымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Въ основу изданія, какъ заявляютъ его редакторы изъ учениковъ Н. И., положены подлинныя рукописи

профессора, а тамъ, гдѣ онѣ оказались утерянными, студенческое литографированное изданіе, тщательно провѣренное.

«Очеркъ» является прекраснымъ пособіемъ для ознакомленія съ главнѣйшими фактами западно-европейской литературы именно для большой публики. Начавъ изложеніе со средневѣковой литературы, которая весьма остроумно сгруппирована вокругъ трехъ основныхъ явленій средневѣковой жизни —высшаго вліянія церкви, феодализма и возникновенія буржуазіи, профессоръ Стороженко въ живомъ, увлекательномъ разсказѣ ведетъ читателя къ Данте, отъ него къ эпохѣ возрожденія въ ея проявленіи въ главнѣйшихъ странахъ Запада, отсюда дѣлается переходъ къ французской и англійской литературѣ XVII и XVIII вѣковъ, наконецъ въ послѣдней главѣ дается обозрѣніе нѣмецкой литературы, кончая Гёте и Шиллеромъ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги.

О научныхъ достоинствахъ ея едва ли нужно даже упоминать. Будучи однимъ изъ выдающихся шекспирологовъ въ мірѣ, профессоръ Стороженко былъ, безспорно, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ всеобщей литературы въ Россіи. Поэтому его книга, несмотря на небольшой для такого обширнаго предмета объемъ и бѣглость изложенія, богата фактическимъ матеріаломъ, обработаннымъ строго научно, хотя безъ всякихъ внѣшнихъ аттрибутовъ учености: въ ней нѣтъ ни ссылокъ, ни текстовъ, ни цитатъ, но зато имѣется послѣ каждой главы списокъ главнѣйшихъ пособій по затронутымъ вопросамъ, составленный редакторами изданія. Правда, библіографическія указанія эти не исчерпываютъ литературы предмета, но составители ихъ, какъ заявляютъ сами, и не стремились къ особенной полнотѣ, заранѣе ограничивъ себя такими сочиненіями, которыя были бы доступны большой публикѣ.

Помимо глубокой эрудиціи, въ курсѣ проф. Стороженки чувствуется еще одно достоинство, которое мы напрасно будемъ искать во многихъ другихъ сочиненіяхъ по исторіи всеобщей литературы. Покойный ученый самъ былъ надѣленъ значительнымъ литературнымъ талантомъ и большимъ художественнымъ вкусомъ. Это давало ему возможность тонко понимать духъ и красоту того или другого автора и оцѣнить его не только исторически, но и съ художественной стороны. Въ нѣсколькихъ словахъ Н. И. Стороженко умѣлъ ярко характеризовать отдѣльнаго писателя или цѣлыя умственныя теченія и выяснить передъ слушателями ихъ значеніе въ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса. Если прибавить къ этому умѣнье автора выдвинуть на первый планъ все свѣтлое, прогрессивное и мягко, но рѣшительно осудить все затхлое, задерживающее поступательный ходъ исторіи, то станетъ понятно, что разбираемая книга имѣетъ не только образовательное, но и воспитательное значеніе.

Поэтому мы можемъ только горячо рекомендовать ее вниманію читателей, тѣмъ болѣе, что весь доходъ отъ продажи этого изданія будетъ употребленъ, какъ заявляютъ въ предисловіи редакторы, на печатаніе другихъ трудовъ профессора Стороженки. Среди нихъ уже намѣчены къ печати: исторія западно-европейской драмы новаго времени, лекціи о Шекспирѣ, очеркъ исторіи англо-американской литературы и др. Всѣ эти труды явятся безусловно цѣн-

[illegible]

Проф. Т. Д. Флоринскій. Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] ...нія и значеніе.

Книга раздѣляется на девять отдѣловъ. Разсмотрѣвъ въ первомъ отдѣлѣ славянское племя въ его цѣломъ, остальныя восемь проф. Флоринскій посвящаетъ отдѣльнымъ славянскимъ народностямъ: русскимъ, болгарамъ, сербо-хорватамъ, словинцамъ, чехамъ, словакамъ, лужичанамъ, полякамъ и наконецъ кашубамъ. Въ предѣлахъ каждаго отдѣла авторъ разсматриваетъ границы территоріи, занятой каждымъ народомъ, его сосѣдей, инородцевъ, живущихъ на его землѣ, указываетъ на разновидности даннаго народа и его частныя названія, опредѣляетъ его численность, даетъ общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи каждой народности и наконецъ указываетъ на литературу предмета.

Точка зрѣнія, на которую при этомъ становится авторъ, едва ли удовлетворитъ всѣхъ его славянскихъ читателей, но въ этомъ не его вина. Спорные вопросы славянской этнографіи такъ тѣсно переплетаются съ политическими интересами, что при недостаточной еще научной обслѣдованности предмета, гдѣ многое шатко и не установлено точно, трудно угодить на всѣхъ. Какъ ни рѣшай тотъ или другой вопросъ, всегда найдется сторона, которая будетъ считать себя обиженной. Особенно затруднительны для изслѣдователя три вопроса: о количествѣ славянскихъ народовъ, о междуплеменныхъ этнографическихъ границахъ и о численности каждой народности.

Въ предѣлахъ перваго вопроса изслѣдователю приходится рѣшить, составляютъ ли малороссы, словаки и кашубы особыя этнографическія единицы, или они являются только разновидностями народовъ русскаго, чешскаго и польскаго. Профессоръ Флоринскій отвѣчаетъ на эти вопросы не одинаково. Не отрицая важности и значенія малорусской словесности, онъ разсматриваетъ малороссовъ въ общемъ отдѣлѣ о русскомъ народѣ и поступаетъ, по нашему мнѣнію, правильно. Наоборотъ, кашубовъ, вопреки мнѣнію большинства польскихъ ученыхъ, онъ выдѣляетъ въ особую народную группу и ставитъ ее на ряду съ народами польскимъ, лужицкимъ и чешскимъ, принимая такимъ образомъ точку зрѣнія на кашубовъ Рамульта. Въ особую группу выдѣлены и словаки. Касательно македонцевъ, которыхъ болгары относятъ къ болгарскому народу, а сербы къ сербскому, проф. Флоринскій держится средняго мнѣнія: македонцевъ скопской, зетовской и кратовской областей онъ вслѣдъ за Цвинчемъ относитъ къ сербамъ, а остальную Македонію готовъ признать болгарскою. Одно только онъ рѣшительно отрицаетъ—существованіе особаго македонскаго народа.

Еще труднѣе дать безспорный отвѣтъ на вопросъ объ этнографическихъ границахъ отдѣльныхъ племенъ. Болѣе или менѣе точныя этнографическія карты имѣются только для меньшихъ славянскихъ народностей, словаковъ, кашубовъ, лужичанъ. Кромѣ того, между нѣкоторыми славянскими народами, какъ, напр., между чехами и поляками, провести строгую разграничительную линію мѣшаетъ существованіе переходныхъ діалектовъ, которые почти съ одинаковымъ правомъ можно отнести къ тому и другому народу. Профессоръ Флоринскій думаетъ, что правильное установленіе границъ сдѣлается возможнымъ «только послѣ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія славянскими филологами и этнографами всѣхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ по разграниченію славянскихъ языковъ и народностей и обстоятельнаго разслѣдованія на мѣстѣ коренныхъ славянскихъ областей спеціальными учеными комиссіями». Но надо еще, чтобы сама жизнь признала постановленія конгресса ученыхъ, а она нерѣдко перепутываетъ всѣ предположенія, не говоря уже о томъ, что, вѣчно мѣняющаяся и подвижная, она въ очень короткій промежутокъ совершенно измѣняетъ всѣ отношенія. Факты показываютъ, что за какіе-нибудь два-три десятка лѣтъ граница совершенно мѣняется. Такъ, сѣверная пограничная линія между словинцами и нѣмцами, по изслѣдованіямъ Анте Бега, на нашихъ глазахъ далеко передвинулась на югъ. Сербы-лужичане въ Пруссіи вымираютъ безостановочно, и все меньше и меньше становится заливаемый волнами нѣмецкаго моря этотъ маленькій славянскій островокъ. Въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ почти то же самое происходитъ съ кашубами, и еще недавно по всей польской линіи раздавался поднятый Косцинскимъ тревожный окликъ: «кашубы гибнутъ!» На западной русской границѣ на востокъ отъ Пряшева только уніатское богослуженіе да сохранившееся еще въ народѣ названіе «русинъ» напоминаютъ о томъ, что еще недавно въ этойословачившейся странѣ жили русскіе; въ Холмской Руси, въ Замостскомъ уѣздѣ, нѣтъ и такихъ воспоминаній, и лишь по старой малорусской привычкѣ вѣшать на плетнѣ опрокинутые горшки можно узнать, что современные замост-

скіе поляки — потомки русскихъ. При такой зыбкости границъ сегодня установленное положеніе завтра становится уже устарѣвшимъ.

Въ вопросѣ о численности каждаго славянскаго народа къ перечисленнымъ выше помѣхамъ для установленія точныхъ свѣдѣній присоединяется новая — постоянный приростъ населенія. Профессоръ Флоринскій въ основаніе своего расчета беретъ для Россіи перепись 1897 г., для Болгаріи — перепись 1900 г., для Австро-Венгріи 1900 и отчасти 1903 года, для Сербіи — 1903 г., для Пруссіи 1900 г. Число турецкихъ славянъ можетъ быть опредѣлено только гадательно. Принимая приблизительно коэффиціентъ прироста славянскаго населенія въ 1,7%, можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ касательно численности славянства къ 1907 году. Русскихъ всего 102.840,000 (въ томъ числѣ 65.054,000 великоруссовъ, 30.925,000 малороссовъ, 6.861,000 бѣлоруссовъ), поляковъ 19.200,000, сербо-хорватовъ 9.135,000, чеховъ 7.237,000, болгаръ 5.440,000, словаковъ 2.671,000, словинцевъ 1.475,000, кашубовъ 366,000 и сербовъ-лужичанъ 157,000, всего славянъ 148.521,000, тогда какъ сосѣди ихъ въ Европѣ, взятые всѣ вмѣстѣ, не превышаютъ 133.526,000 человѣкъ. Считая ежегодный приростъ славянскаго населенія около 2½ милліоновъ, можно думать, что въ 1925 году всѣхъ славянъ будетъ 200 милліоновъ.

Эти цифры могутъ вселить оптимистическое представленіе о силахъ славянства. На самомъ дѣлѣ дѣло обстоитъ вовсе не такъ хорошо, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Во-первыхъ, нѣкоторыя славянскія племена, какъ было уже сказано, явно вымираютъ. Таковы сербы-лужичане, и надо очень энергичныя дѣйствія, чтобы сохранить для славянства эту народность. Другія остановились въ своемъ развитіи: такъ, число словаковъ вотъ уже много лѣтъ не увеличивается. Иныя, не имѣя ни интеллигенціи, ни литературы, ни школъ на родномъ языкѣ, какъ, напримѣръ, кашубы, все еще стоятъ на ступени этнографическаго матеріала и, хотя увеличиваются численно, но культурно не представляютъ никакой силы. Все это невольно вызываетъ опасенія за ихъ будущее.

Изъ прочихъ славянъ только русскіе, болгары и отчасти сербо-хорваты (въ Сербіи и Черногоріи) живутъ самостоятельной политической жизнью. Остальные не имѣютъ своихъ государствъ, а въ чужихъ должны по большей части отстаивать свои права на самое существованіе. Болѣе важную роль играютъ славяне въ Австро-Венгріи, гдѣ они составляютъ 40,5% всего населенія имперіи, особенно въ Австріи, гдѣ ихъ 60,5%, но и здѣсь ихъ согласному дѣйствію часто мѣшаютъ вѣроисповѣдная рознь и особенно узко понятые интересы каждаго народа въ отдѣльности.

По религіи славяне распредѣляются такъ: главная масса славянства — русскіе, болгаре, сербы — всего около 70%, исповѣдуютъ православную вѣру; около 23%, поляки, чехи, хорваты, словинцы, кашубы, сербы-лужичане и отчасти словаки — принадлежатъ къ вѣрѣ римско-католической; уніаты составляютъ 2,7%, русскіе сектанты 2,3%, протестанты и мусульмане по 1%. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ полнымъ отсутствіемъ единства. Но это еще полбѣды. Словаки протестанты и католики, несмотря на рознь

вѣроисповѣдную, чувствуютъ себя единымъ народомъ. Къ сожалѣнію, въ славянствѣ, какъ цѣломъ, очень мало еще развито племенное единство: отсюда братоубійственныя распри— болгаро-сербская, русско-польская и другія, отъ которыхъ выигрываютъ больше всего нѣмцы и мадьяры. Отъ того, удастся ли славянамъ выработать себѣ общеплеменное сознаніе, зависитъ не только будущее цѣлаго славянства, какъ политической и культурной силы, но и самое существованіе болѣе мелкихъ славянскихъ народностей. Какъ ни сильно однако въ славянскомъ мірѣ «бранныя свирѣпствуютъ метели», есть, къ счастью, и признаки взаимныхъ тяготѣній. Такъ, чехи поддерживаютъ, сколько могутъ, лужичанъ. Помогаютъ имъ и поляки: достаточно будетъ указать здѣсь на дѣятельность члена русской государственной думы отъ Калишской губерніи г. Парчевскаго. Всего сильнѣе развито общеславянское сознаніе у словаковъ. Наконецъ, не будь славянской идеи, не была бы создана русскою кровью Болгарія. Все это позволяетъ надѣяться на лучшее будущее, тѣмъ болѣе, что отъ насъ самихъ зависитъ выработка общеплеменнаго сознанія. Книга г. Флоринскаго, будучи между прочимъ выраженіемъ этого сознанія, сама будетъ содѣйствовать его росту. Поэтому ее нельзя не привѣтствовать.

Къ книгѣ приложены литература предмета и 2 карты. Библіографическія указанія весьма полезны, хотя они могли бы быть и полнѣе. Этнографическая карта славянства, составленная по проекціи Д. И. Менделѣева, даетъ ясное представленіе о размѣрахъ славянщины въ настоящую минуту; сравнивая ее съ картой разселенія славянъ въ IX вѣкѣ, можно видѣть, какія измѣненія произошли на славянской территоріи за истекшее тысячелѣтіе. Авторъ обѣщаетъ издать въ видѣ дополненія къ книгѣ еще двѣ карты, представляющія подробную картину юго и сѣверо-западныхъ славянскихъ народовъ. Будемъ ждать исполненія этого обѣщанія: эти карты необходимы.

Андрей Сиротининъ.

Сергѣй Штейнъ. «Славянскіе поэты». Переводы и характеристики. Спб. 1908. 230 стр. Ц. 1 р.

Книга составлена случайно, и въ этой случайности—ея несомнѣнное достоинство. Обнять всѣ славянскія литературы для одного переводчика—трудъ непосильный и неблагодарный, такъ какъ, при желаніи представить всѣхъ поэтовъ зарубежнаго словянства, пришлось бы нерѣдко поступаться собственными вкусами и настроеніями. Сергѣй Штейнъ выбралъ лишь то, что было близко его поэтической душѣ. Всего 9 поэтовъ, но зато произведенія ихъ переданы очень близко къ подлиннику и по техникѣ стиха, и по внутреннему содержанію, съ сохраненіемъ своеобразныхъ красотъ славянской рѣчи. Особенно удался Іованъ Змай-Іовановичъ съ его трогательной задушевностью и глубиной лирическаго порыва и Гавличекъ Боровскій съ его «Тирольскими элегіями», въ которыхъ немало чисто гейневскихъ переживаній. Хорошо переданъ черногорскій боевой гимнъ «Туда», принадлежащій перу вѣнценоснаго поэта, Николая I, удачно названный переводчикомъ «сербской марсе-

пьезой». Къ сожалѣнію, нѣсколько расхолаживаетъ послѣдняя строка: «И сербъ не будетъ уже рабомъ». Невольно дѣлается удареніе на «уже», между тѣмъ центръ тяжести вовсе не въ этомъ словѣ.

До безыскусственности наивный сербъ Іованъ Иличъ, тонкій элегикъ Войславъ Иличъ, меланхоликъ Іованъ Дучичъ съ полетомъ лермонтовскихъ грезъ, бодрый, жизнерадостный гуманистъ Ашкерцъ, проникнутый идеей всеславянства, талантливый философистъ Зупанчичъ, не лишенный нѣкоторой дозы мистическаго символизма, яркій индивидуалистъ Тетмайеръ, родоначальникъ чешской политической сатиры Боровскій, пылкій патріотъ князь Николай Черногорскій и обаятельно-изящный Змай-Іовановичъ нашли въ лицѣ нашего молодого поэта-переводчика весьма даровитаго возсоздателя своихъ образовъ и настроеній.

Не гоняясь за красивой фразой, онъ, видимо, старательно изучалъ подлинникъ, переживалъ тѣ же вдохновенья, что и авторъ его, и перевоплощалъ то или другое произведеніе въ легкихъ, звучныхъ стихахъ.

Стилистическихъ погрѣшностей вообще немного, но онѣ все-таки находятся. При чтеніи интересной баллады Ашкерца: «Фирдуси и дервишъ», вначалѣ непріятно рѣжетъ ухо неправильное слово «ткетъ», а затѣмъ «Мàхмудъ»—съ удареніемъ, несвойственнымъ этому имени.

«Кòнямъ», «пàновъ», «нежель», «сèредь»—все это надо отнести къ недосмотрамъ, также какъ и стихъ въ 7-й «Тирольской элегіи»—

«Самъ не зная, куда ѣдешь...»

Можно было бы посовѣтовать избѣгать такихъ выраженій, какъ, напримѣръ, «интернировать...»

Въ общемъ, повторяю, книга г. Штейна производитъ отрадное впечатлѣніе и составляетъ несомнѣнный вкладъ въ русскую переводную литературу, крайне бѣдную славянскимъ отдѣломъ.

Пояснительный словарь и характеристики поэтовъ составлены тщательно.

Въ концѣ книги перечислены источники, которыми авторъ пользовался при составленіи характеристикъ,—рѣдкая добросовѣстность въ наше время.

«Славянскіе поэты», вѣроятно, найдутъ большой кругъ читателей.

Г. Штейну слѣдуетъ обратить вниманіе и на болгарскую поэзію, и на хорватскую, гдѣ онъ также найдетъ немало родственнаго своему сердцу.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Методъ исторіи. Извѣстный французскій профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ Габріэль Моно, зять Герцена, помѣстилъ въ двухъ апрѣльскихъ книжкахъ «Revue Bleue» свой новый трудъ по исторіи: «Методъ исторіи» [1]), гдѣ горячо отстаиваетъ права исторіи на званіе науки. Подраздѣливъ его на двѣ части, анализъ и синтезъ, онъ, въ свою очередь, разбилъ первый на анализъ, критику источниковъ, критику фактовъ и труды по исторической критикѣ, а второй—на историческія построенія и обобщенія, понятіе цѣнности фактовъ и историческій символизмъ, психологію въ исторіи, философію исторіи, историческое изложеніе и результаты исторической работы. Истиннымъ понятіемъ слова «исторія» въ самомъ широкомъ значеніи онъ считаетъ совокупность проявленій дѣятельности человѣческой мысли, разсматриваемыхъ въ ихъ послѣдовательности, развитіи и отношеніи къ общей связи. Смыслъ слова «исторія» онъ не беретъ, какъ это иногда дѣлаютъ, только въ узкомъ смыслѣ, относя его лишь къ политической исторіи, къ исторіи образованія государствъ и ихъ взаимныхъ отношеній; для него «исторія» является большимъ тѣломъ, членами котораго наравнѣ съ политической исторіей онъ считаетъ также исторію литературы, искусствъ, философіи, религіи, правъ, экономіи, даже нравовъ и цивилизаціи. Но всѣ онѣ, какъ и сама политическая исторія, собственно говоря, только части исторіи, отдѣльныя точки зрѣнія, съ которыхъ разсматривается дѣятельность человѣческой мысли; слѣдовательно, идеальною цѣлью исторіи онъ считаетъ возстановленіе жизни человѣчества въ серіи временъ.

---

[1]) La méthode en histoire. Par Gabriel Monod. «Revue Bleue» 11 april 1908.

Конечно, это возстановленіе не можетъ быть цѣльнымъ и совершеннымъ, съ одной стороны вслѣдствіе безслѣднаго исчезновенія большинства историческихъ фактовъ, относящихся до древнихъ временъ, а съ другой—благодаря массѣ документовъ новѣйшаго времени, ознакомиться съ которыми и использовать ихъ всѣ до одного—невозможно. Но если бы даже это оказалось возможнымъ, то еще остается опредѣлить важность ихъ значенія и относительную цѣнность фактовъ, которыхъ они касаются, что невозможно исполнить съ безусловною точностью. Поэтому, во всѣхъ нашихъ историческихъ свѣдѣніяхъ есть неизбѣжная доля сомнѣній, и предметомъ историческаго метода служитъ именно указаніе, посредствомъ какого способа изслѣдованія и объясненія можно успѣшнѣе ограничить эти сомнѣнія и, насколько возможно, добиться хотя бы приблизительной истины. Вслѣдствіе этихъ сомнѣній и субъективности, неразлучныхъ при историческомъ построеніи и изложеніи, исторію иногда лишаютъ званія «науки». Но эта часть субъективности носитъ характеръ общій всѣмъ, такъ называемымъ, моральнымъ наукамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ человѣка, его дѣйствія или мышленіе. Что же касается сомнѣній, то Моно справедливо указываетъ на тотъ фактъ, что въ большемъ или меньшемъ количествѣ ихъ имѣется во всѣхъ наукахъ, исключая чистой математики; въ прикладной же математикѣ и астрономіи онѣ существуютъ, въ физикѣ и химіи становятся замѣтнѣе, а въ естественныхъ и біологическихъ наукахъ еще замѣтнѣе. «Правда, — говоритъ Моно, — естественныя науки имѣютъ то преимущество, что всегда могутъ быть провѣрены посредствомъ прямыхъ наблюденій и опыта надъ фактами, на которыхъ онѣ основаны, а примѣнимые къ этимъ наукамъ анализъ и синтезъ не могутъ быть перенесены, какъ они есть, въ моральныя науки; однако изъ этого не слѣдуетъ, что пріемы изслѣдованій и анализа исторіи и историческіе синтезы лишены научнаго характера. Метеорологія,—говоритъ Моно,—которой не отказываютъ въ имени «науки», до сихъ поръ представляетъ гораздо болѣе сомнѣній, чѣмъ исторія. Приписывать характеръ науки только тѣмъ изъ нашихъ познаній, которыя могутъ формулироваться въ законъ, и вѣрить, что свойствомъ закона является возможность предсказывать возвращеніе извѣстныхъ явленій,—равнялось бы незнанію самой природы нашихъ научныхъ познаній. Наука ничего не предсказываетъ навѣрняка, такъ какъ всегда содержитъ въ себѣ условія: «впрочемъ, всѣ вещи оставаясь равными» и т. д.

Приведя еще другіе вѣскіе доводы, Моно приходитъ къ заключенію, что исторія не только наука, но и искусство, въ томъ смыслѣ, что представленіе результатовъ историческихъ изслѣдованій много зависитъ отъ таланта, темперамента и интеллектуальныхъ качествъ каждаго историка. «Если,—говоритъ онъ,—риторика является наукой, начертывающей правила искусства, называемаго краснорѣчіемъ, то можно сказать, что историческія изслѣдованія составляютъ науку, доставляющую матеріалъ искусству исторіи. Однимъ словомъ, въ методѣ исторической критики и въ ея результатѣ состоитъ наука исторіи». Большая или меньшая степень научнаго характера исторіи зависитъ отъ того, будутъ ли считать проявленіе человѣческой дѣятельности болѣе или менѣе подчиненнымъ законамъ детерминизма. Когда вполнѣ убѣждены,

что историческій фактъ, какъ всѣ естественныя явленія, имѣетъ свою причину и объясненія въ предшествовавшихъ фактахъ, то можно приступить къ разработкѣ соотношеній и обобщеній съ гораздо большей достовѣрностью, чѣмъ когда вообразишь себѣ, что найдешь въ человѣческой свободной волѣ и причину независимости, которая каждый моментъ можетъ измѣнить ходъ исторіи. «По правдѣ сказать,—прибавляетъ Моно,—всѣ историки всегда повѣствовали исторію, какъ составляющую прерываемую цѣпь причинъ и слѣдствій. Но есть и такіе, которые представляютъ великихъ людей играющими въ исторіи отдѣльную, независимую роль, стоящую выше главныхъ причинъ, дѣйствующихъ ранѣе появленія первыхъ; но бываютъ философы, какъ, напримѣръ, Паскаль, которые видятъ въ ходѣ исторіи серію случайностей, послѣдовательность которыхъ ускользаетъ отъ всякихъ объясненій. Лично Моно смотритъ на этотъ вопросъ иначе: не отрицая въ исторіи такъ называемыхъ случайностей или случая, онъ не только не вѣритъ, что если бы носъ Клеопатры былъ покороче, то отъ этого измѣнилась бы поверхность земного шара, но думаетъ, что Клеопатра и самъ Цезарь зависятъ отъ міроваго хода, развившагося въ I вѣкѣ нашей эры, впрочемъ, имѣя въ виду, что Цезарь и Клеопатра, а также длина носа египетской царицы съ извѣстной точки зрѣнія столь же необходимые факты, какъ преобразованіе Римской республики въ имперію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагаетъ не забывать, что во всѣхъ явленіяхъ жизни есть индивидуальный, личный элементъ, который присоединяется къ произведшимъ его предшествовавшимъ элементамъ, и обязанность исторической науки распознать въ человѣческихъ дѣйствіяхъ эту часть сознательной индивидуальности. Заранѣе предвидѣть ее и опредѣлить невозможно, хотя бы она была условна, какъ все остальное, что присоединяется къ извѣстнымъ, распознаваемымъ причинамъ.

Не будемъ касаться подраздѣленій критики источниковъ, приведенныхъ профессоромъ Моно, а укажемъ на нѣкоторые его личные взгляды. Онъ находитъ, что свидѣтельства какого-нибудь факта, написанныя страстнымъ тономъ, иногда болѣе достовѣрны и безпристрастны, чѣмъ изложенные холодно, съ расчетомъ. По его мнѣнію, гораздо опаснѣе ошибки честныхъ свидѣтелей, которымъ, не опасаясь, довѣряютъ, чѣмъ неточности страстныхъ свидѣтелей или лгуновъ, тѣмъ болѣе, что неправильности послѣднихъ уже сами въ себѣ носятъ доказательства ихъ ложности. Также съ оговоркою онъ относится и къ, такъ называемымъ, подлиннымъ актамъ, которымъ обыкновенно отдаютъ предпочтеніе передъ историческими сочиненіями, потому что первые носятъ опредѣленную дату, современны и лишены страстной окраски. Съ одной стороны, они дѣйствительно даютъ средство для провѣрки и критики работъ хроникеровъ, а также составителей мемуаровъ, и свидѣтельство ихъ—цѣнно, если оно современно и сдѣлано тотчасъ же; но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько актовъ написано пристрастными свидѣтелями, сколько изъ нихъ написано съ умысломъ, съ цѣлью измѣнить дѣйствительность фактовъ, сколько оффиціальныхъ исторій войнъ и переговоровъ удаляются отъ истины! «Существуетъ выраженіе,—говоритъ Моно:—лгутъ, какъ эпитафія, но можно также сказать: лгутъ, какъ Желтая, Зеленая, Голубая книги». Сколько надписей и

медалей не что иное, какъ ничтожная, тщеславная ложь. Слѣдовательно, нѣтъ безусловнаго правила, которое могло бы a priori заставить отдать предпочтеніе одному роду источниковъ передъ другимъ, и лучше всего подобные источники сличать съ другими, присоединяя критику фактовъ къ критикѣ источниковъ.

Представя всевозможные способы для провѣрки источниковъ и фактовъ, а также затрудненія и сомнѣнія, встрѣчающіяся при этомъ, Моно замѣчаетъ. что если бы захотѣли приложить къ исторіи принципъ «testi unus testi nullus», который, впрочемъ, нигдѣ строго не примѣняется, даже въ юрисдикціи, то мы были бы на долгіе періоды приговорены къ молчанію и сомнѣніямъ относительно фактовъ капитальной важности. Безъ сомнѣнія, надо оберегаться наивныхъ иллюзій, благодаря которымъ мы расположены принимать факты за достовѣрные только потому, что, почерпнутые изъ единственнаго источника, они никогда не были оспариваемы. Но, по различнымъ причинамъ, для знакомства съ исторіей намъ позволяется пользоваться источниками, которые никакой другой независимый источникъ не можетъ провѣрить. Прежде всего, по его словамъ, не надо забывать, что всѣ историческіе документы уже сами по себѣ являются историческими фактами, доступными для постояннаго прямого наблюденія, и что если они не всегда даютъ вѣрныя свѣдѣнія относительно историческихъ фактовъ, то вѣрно передаютъ, что именно ихъ авторы и чаще всего также ихъ современники знали объ этихъ фактахъ и чему въ нихъ вѣрили.

Тѣсно связывая прошедшее съ настоящимъ, вводя субъективный элементъ въ работу критики и толкованія отдѣльныхъ фактовъ, Моно говоритъ, что волей-неволей мы не можемъ видѣть историческихъ фактовъ прошедшаго и судить о нихъ иначе, какъ черезъ знакомство съ историческими фактами настоящаго времени. Представленіе о прошедшемъ образуется аналогично съ настоящимъ, все равно, поражены ли мы сходствомъ, которое ихъ сближаетъ, или замѣчаемъ раздѣляющее ихъ несходство. Этотъ неизбѣжный субъективный элементъ для поверхностнаго наблюдателя можетъ быть причиной страшной ошибки, заставивъ послѣдняго исказить прошедшее вынужденной ассимиляціей съ настоящимъ или дѣлая прошедшее непостижимымъ придачей ему воображаемой странности. Напротивъ, для добросовѣстнаго, способнаго къ тонкой критикѣ историка этотъ элементъ становится цѣннымъ руководителемъ. Посредствомъ внимательнаго сравненія фактовъ прошедшаго съ другими аналогичными фактами изъ различныхъ эпохъ и странъ, но особенно съ фактами наиболѣе намъ знакомыми, съ фактами настоящаго, прямо нами наблюдаемыми, мы добиваемся извѣстнаго успѣха. Иногда говорятъ, замѣчаетъ Моно, что исторія помогаетъ намъ понимать наше время, но, быть можетъ, еще вѣрнѣе, наше время помогаетъ намъ понимать исторію, или, скорѣе, методическое сравненіе исторіи и нашего времени помогаетъ намъ понимать то и другое.

Проводя параллель между исторіей и естественными науками, Моно говоритъ, что естественная исторія изучается, чтобы знать цѣлое природы и понять ея механизмъ, а также механизмъ законовъ ея жизни и ея развитія; исторію же изучаютъ, чтобы знать и понять цѣлое жизни и условія общества и если

не законы, то, по крайней мѣрѣ, главныя черты человѣческаго развитія. Въ естественныхъ наукахъ есть часть гипотезъ, воображенія и субъективныхъ разсужденій, когда дѣло идетъ относительно объясненія происхожденія и развитія естественныхъ явленій: въ исторіи есть, естественныя явленія, какъ, напримѣръ, въ исторіи рѣки, вулкана и проч., представляющія часть случайнаго и необъяснимаго. Но явленія, изучаемыя естественными науками, будучи по большей части постоянными и производящимися причинами, силами и законами неизмѣнными, могутъ постоянно подвергаться наблюденіямъ и провѣркѣ.

Въ изученіи человѣчества все представляетъ исторію, даже настоящее, такъ какъ съ того момента, какъ мы его начинаемъ наблюдать, оно сдѣлалось уже прошедшимъ. Поэтому все представляющее исторію — случайно, а все случайное является необъяснимымъ. Изъ этого слѣдуетъ: все, что мы можемъ сказать о происхожденіи и развитіи историческихъ явленій, является чистой гипотезой, воображеніемъ, субъективнымъ и недоказаннымъ разсужденіемъ.

Однако это не такъ, говоритъ Моно, мы знаемъ, что историческія явленія, также какъ и естественныя, составляютъ неразрывное цѣлое причинъ и слѣдствій, что среди этихъ причинъ есть же и такія, сила которыхъ безконечно значительнѣе, чѣмъ у другихъ причинъ, что если подробности въ исторіи часто сомнительны и оспоримы, то существенные факты и общій характеръ различныхъ моментовъ исторической эволюціи довольно хорошо установлены, чтобы описать ихъ и оспаривать ихъ цѣнность. Поэтому, хотя историческія событія схватить во всей ихъ субъективной реальности гораздо труднѣе, чѣмъ естественныя явленія, все же большую часть изъ нихъ можно установить съ помощью критики. Впрочемъ, нѣкоторые изъ документовъ, какъ, напримѣръ, законы и экономическая статистика сами по себѣ — историческіе факты, да еще одни изъ самыхъ важныхъ для усвоенія эволюціи человѣчества.

Защищая значеніе обобщеній, Моно говоритъ, что хотя его утвержденіе съ перваго взгляда можетъ показаться парадоксальнымъ, но онъ находитъ, что обобщенность въ исторіи часто представляетъ болѣе правды и вѣроятности, чѣмъ подробности, которыя служатъ ей основой. Это все равно, какъ можно знать человѣка, не анализируя всѣхъ его дѣйствій и не проникая во всѣ ихъ движенія; въ исторіи есть общая истина, которая выдѣляется изъ совокупности фактовъ, даже если въ знаніи этихъ фактовъ есть неточности. Говоря о цѣнности фактовъ, Моно между прочимъ замѣчаетъ, что историкъ, составляя картину изъ фактовъ, долженъ ихъ расположить перспективой и группировать соотвѣтственно ихъ важности. Выбирая, по его словамъ, только самые живописные, историкъ является простымъ увеселителемъ, а не историкомъ.

По мнѣнію Моно, символизмъ, на который въ наше время смотрятъ дурно, благодаря злоупотребленію имъ въ эпоху романтизма, находясь въ тѣсной связи съ цѣнностью факта, играетъ значительную роль въ исторіи. Когда захотятъ понять въ исторіи смыслъ эволюціи человѣчества, постигнуть элементы цивилизаціи, разглядѣть подъ внѣшнимъ видомъ скрытыя пружины, которыя управляютъ ими, тогда будутъ избѣгать символизма не болѣе, чѣмъ оцѣнки цѣнностей. Но Моно беретъ символизмъ въ его буквальномъ смыслѣ, когда въ

немъ видятъ просто матеріальное изображеніе спиритуальнаго факта. По его мнѣнію, въ мірѣ исторіи все является символомъ: фигура и дѣйствія человѣка—символъ его ума и души; монументы и акты прошедшаго — символъ мыслей и чувствъ людей, которые ихъ создали. Всякая исторія, которая не будетъ имѣть цѣлью выразить серію идей посредствомъ изображеній и которая не считаетъ факты выраженіемъ необходимости, воли, мышленія и человѣческихъ страстей, будетъ исторіей сухой, краткой и безполезной. Впрочемъ, онъ оговаривается, что символизмъ не долженъ переходить въ манію, иначе исторія превратится въ фантасмагорію, въ какой-то волшебный фонарь.

Имѣя въ виду, что цѣль исторіи—по мѣрѣ возможности представить полную жизнь человѣчества, поэтому и повѣствованія историческихъ событій должны имѣть предметомъ знакомство съ образомъ жизни, мышленія и чувствованій человѣка въ разныя эпохи, т. е. представить всѣ его дѣйствія. Но дѣйствія человѣка не что иное, какъ жесты, и они интересны только по передаваемой ими внутренней жизни; поэтому исторія является также коллективной психологіей.

Польза исторіи для человѣчества часто оспаривалась, и, по замѣчанію Моно, изъ нея дѣлали и школу морали, и политики, и даже религіи. Лично онъ признаетъ, что она можетъ освѣтить всѣ эти области. Что же касается до ея пользы для человѣчества, то этой пользы, по его словамъ, не слѣдуетъ искать внѣ самой исторіи. Какъ естественная исторія имѣетъ предметомъ познаніе матеріальной жизни земного шара и всего, что входитъ въ его составъ, такъ исторія имѣетъ цѣлью познаваніе матеріальной и моральной жизни человѣчества. Если полезно познать самого себя, то познать другихъ людей, какъ прежнихъ временъ, такъ и нынѣшняго времени, степень ихъ цивилизаціи и проч., представляетъ не меньшій интересъ. Нерѣдко выражались сомнѣнія, — замѣчаетъ Моно,—чтобы психологія могла вмѣшиваться въ исторію, при этомъ ссылались на то, что если намъ такъ трудно познать даже самихъ себя и окружающихъ насъ, то какъ же мы можемъ изучать личность давно минувшихъ временъ, личность, о которой мы имѣемъ разбросанныя, противорѣчивыя свѣдѣнія, уже не говоря о цѣломъ народѣ или цѣлой эпохѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что дѣйствительно въ данномъ случаѣ это нелегкая задача, Моно, однако, говоритъ, что, если душа Лютера представляетъ загадку, то душу Кальвина легко опредѣлить. Онъ замѣчаетъ, что исторія наталкиваетъ насъ на важныя затрудненія въ двухъ пунктахъ: наблюдая нашу жизнь, мы признаемъ, что наша судьба существенно зависитъ отъ двухъ вещей: съ одной стороны, отъ обстоятельствъ, которыя намъ или благопріятствуютъ, или оборачиваются противъ насъ, а съ другой—отъ характера. То же самое происходитъ и съ коллективностью. Характеръ людей — индивидуальный или коллективный—долженъ имѣть на ихъ коллективную судьбу рѣшающее вліяніе. Слѣдовательно, если можно узнать идеи людей, даже ихъ страсти въ данный моментъ,—ихъ коллективный характеръ, степень великодушія или эгоизма, энергіи или дряблости, тщеславія или скромности опредѣлить трудно. А между тѣмъ именно въ этомъ находится одинъ изъ существенныхъ факторовъ исторіи, хотя до сихъ поръ мало занимались тѣмъ, чтобы его выдѣлить.

Другой вопросъ состоитъ въ томъ, что «являются ли великіе люди выразителями ихъ времени и среды, руководители ли они, или просто представители? Велики ли они по возвышенному выраженію высшихъ стремленій или общихъ качествъ, или потому, что имѣютъ нѣчто свое оригинальное, отличное отъ другихъ?» Этотъ вопросъ вызываетъ различныя рѣшенія; что же касается Моно, то онъ думаетъ, что великихъ людей нельзя понять внѣ ихъ среды и эпохи, и роль ихъ надо разсматривать не иначе, какъ одну изъ случайныхъ причинъ, которыя могутъ ускорить или замедлить кризисъ, заставить движеніе уклониться съ пути и придать событіямъ особую окраску. Ни одинъ изъ нихъ не представляется необходимымъ въ общемъ ходѣ человѣчества, и безъ нихъ онъ продолжался бы другими съ нѣкоторою случайною разницею но въ томъ же смыслѣ.

— **Женщина-стратегъ XVI вѣка.**—Въ исторіи войнъ нерѣдко встрѣчаются имена женщинъ-воиновъ, хотя почти въ единичныхъ случаяхъ, но среди нихъ совсѣмъ не попадается женщинъ-стратеговъ, поэтому неудивительно, что личность Маріи Австрійской, сестры Карла V, заставляетъ историковъ остановить на ней свое вниманіе. Въ недавно вышедшемъ III-мъ томѣ «Исторіи Бельгіи» [1]) ученый профессоръ гентскаго университета Пиреннъ даетъ прекрасную характеристику Маріи Австрійской и ея тетки Маргариты Австрійской—двухъ замѣчательныхъ женщинъ XVI вѣка, отличавшихся необыкновенными дипломатическими и административными способностями, а послѣдняя даже стратегическимъ талантомъ. Вѣрный традиціямъ предковъ своей матери, герцоговъ ~~Бурбонскихъ~~ Бург: Филиппа Добраго и Карла Смѣлаго, Карлъ V почти тотчасъ же по воцареніи принялся за территоріальное объединеніе Нидерландовъ. Трудно было ему отыскать лучшихъ помощниковъ для исполненія задуманнаго плана, какъ эти двѣ женщины. Маргарита Австрійская, герцогиня Савойская, дочь императора Максимиліана I и Маріи Бургундской, дочери Карла Смѣлаго, родилась въ Брюсселѣ въ 1480 г. Оставшись вдовою послѣ смерти герцога Филиберта Савойскаго, за которымъ она была замужемъ только три года, Маргарита не пожелала вступить въ новый бракъ, и въ 1506 г. отецъ поручилъ ей управленіе Нидерландами. Она была правительницей до совершеннолѣтія своего племянника Карла V въ 1515 г., когда передала ему управленіе страною. Но на слѣдующій годъ онъ не только возвратилъ ей всѣ прежнія права, но даже еще увеличилъ ихъ. Отличаясь дипломатическими способностями, Маргарита Австрійская въ 1512 г. заключила лигу противъ Венеціанской республики между императоромъ, папою и французскимъ королемъ, а впослѣдствіи вела переговоры съ Луизой Савойской и подписала миръ въ Камбрэ, между Карломъ V и его соперникомъ Францискомъ I, съ которымъ онъ велъ безконечныя войны въ продолженіе почти тридцати лѣтъ.

Но едва ли не болѣе энергичной помощницей Карла V была его сестра, «двадцатипятилѣтняя красивая блондинка, полная силъ и здоровья, съ черными глазами, бр[illegible]ой и твердый взглядъ», какъ ее рисуетъ Пи-

ренн. Родившись въ Брюсселѣ въ 1505 г., она впослѣдствіи вышла замужъ за Людвига II, венгерскаго короля, но лишилась его во время одного сраженія въ 1526 г. и сдѣлалась помощницею брата въ осуществленіи его плановъ. Съ чисто мужскою энергіей она управляла Нидерландами во все время царствованія брата, выказывая замѣчательный дипломатическій и административный талантъ и рѣдкій для женщины даръ стратегіи. Она была не только организаторомъ арміи, но въ полномъ смыслѣ слова стратегомъ. Одна, безъ совѣтовъ министровъ, генераловъ или просто близкихъ людей, Марія составляла планы военныхъ дѣйствій и согласно обстоятельствамъ измѣняла и поправляла ихъ сама, никогда никому не довѣряя руководительства своей арміей.

Правда, во время сраженій она предоставляла командованіе избраннымъ генераламъ, которые иногда осмѣливались выражать свои личныя замѣчанія относительно плановъ, поручаемыхъ имъ для выполненія, но иниціатива, рѣшающій голосъ и отвѣтственность лежали на ней. Карлъ V обыкновенно соглашался на всѣ ея планы, никогда ей не противорѣчилъ и не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Чаще всего онъ находился вдали отъ Бельгіи и, убѣжденный въ высокихъ умственныхъ способностяхъ сестры, ея мужской энергіи и безграничной къ нему преданности, вполнѣ полагался на нее.

Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ оставаясь во главѣ правительства (1531—1555), ей пришлось подготовить и вести около двѣнадцати войнъ, не считая тѣхъ, которыми руководилъ самъ Карлъ V. Конечно, ее нельзя причислять къ категоріи высокоталантливыхъ генераловъ, но своей энергіей, предусмотрительностью и изворотливостью она способна вызвать удивленіе. Эти качества она выказала особенно во время войны между Карломъ V и Францискомъ I въ 1536 г. На этотъ разъ пунктомъ главныхъ операцій являлась если не сама Италія, то все-таки франко-итальянская граница; но чтобы отвлечь непріятельскія силы для облегченія задачи брата, который отправился съ цѣлью произвести вторженіе въ Провансъ, Марія сдѣлала наступленіе на сѣверныя провинціи Франціи. Въ ея распоряженіи находились армія, болѣе многочисленная и лучше вооруженная, чѣмъ у французовъ, и не лишенные таланта генералы, какъ, напримѣръ, принцъ Нассаускій, графъ Рёлъ и герцогъ Эршо.

Принцъ въ качествѣ главнокомандующаго предложилъ приступить къ завоеванію какой-нибудь важной крѣпости, напримѣръ, Перонны или Сенъ-Кентена, чтобы открыть путь къ Соммѣ, отъ Иль-де-Франсъ. Это былъ излюбленный маневръ въ стратегіи того времени и даже позднѣйшаго — до средины XVII вѣка. Но Марія опередила свою эпоху и въ своихъ планахъ она приближалась скорѣе къ нашей современной стратегіи; она посовѣтовала принцу не останавливаться для осады крѣпости, а дать противнику генеральное сраженіе. Французскіе генералы были очень слабы, чтобы принять эту борьбу: напротивъ, въ ихъ интересахъ было избѣгать крупныхъ военныхъ дѣйствій. Съ другой стороны, это представляло для нихъ выгоду: у Маріи не было достаточно времени для правильной организаціи войска, и среди послѣдняго замѣчался недостатокъ дисциплины, а слѣдовательно и твердости духа; къ тому

же солдатамъ платили плохо. Всѣ эти причины заставили Марію отложить свой планъ и вмѣсто генеральнаго сраженія ограничиться осадой Перонны, которая такъ упорно оборонялась, что утомила непріятеля. Въ это время къ осажденнымъ на помощь подоспѣли возвращавшіяся войска, и послѣ неудачнаго похода Карла V эта кампанія въ общемъ окончилась въ его пользу.

Въ 1537 г. Францискъ I рѣшился завоевать Артуа и Фландрію и во главѣ 25,000-ой арміи отправился въ походъ. Предусмотрительная правительница хорошо предвидѣла это наступленіе и хотя недостатокъ въ деньгахъ увеличивался, она все-таки приняла мѣры для необходимой самозащиты. Эти мѣры оказались настолько энергичными, что французскій король, потерявъ много времени, отказался отъ своего предпріятія. Теруанское перемиріе, подписанное для всей сѣверной области, подготовило Ниццскій трактатъ, который въ іюнѣ 1538 г. установилъ на нѣсколько лѣтъ миръ. Въ 1542 г. однако онъ былъ снова нарушенъ, и на этотъ разъ Марія опять очутилась въ еще болѣе затруднительномъ положеніи: за годъ предъ тѣмъ ея братъ испыталъ неудачу въ Алжирѣ, и Францискъ возобновилъ союзъ съ герцогомъ Гельдрскимъ, войскомъ котораго командовалъ знаменитый маршалъ Мартенъ ванъ-Россемъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ того времени. Но правительница не допустила застать себя врасплохъ: она поняла, что главнымъ недостаткомъ ея арміи была плохая организація, и поэтому, воспользовавшись данной отсрочкой, ввела необходимыя реформы. Болѣе того, она выказала необыкновенную дѣятельность при усиленіи всѣхъ своихъ пограничныхъ крѣпостей: лично разсматривала съ тщательнымъ вниманіемъ планы своихъ инженеровъ и при случаѣ собственноручно ихъ исправляла, наблюдала за ходомъ работъ и даже не отставала отъ мужчинъ въ жестокости, прибѣгая къ суровымъ средствамъ наказанія и къ насильственному набору рабочихъ, которыхъ иногда въ случаѣ ихъ дезертированія, не задумываясь долго, приказывала вѣшать на сосѣднихъ деревьяхъ — «для примѣра».

Благодаря такой неусыпной энергіи «правительницы», французы со своими союзниками хотя и добились нѣкотораго успѣха, но все-таки не получили всего, что могли бы извлечь. «Правительница» вездѣ и во всемъ стойко выдерживала невзгоды и опасности, и никогда ею не овладѣвало отчаяніе. Однако, несмотря на всю ея необыкновенную энергію и способности, ей все-таки не могли простить ея пола, и нѣкоторые недостатки въ стратегіи и администраціи, какіе иногда выказывали даже позднѣйшаго времени полководцы, приписывались именно ея полу. Напримѣръ, генералъ Верстретъ говорилъ: «По ошибкѣ, совершенно естественной для женщины, стремящейся находиться во главѣ сложныхъ военныхъ дѣйствій довольно тяжелой кампаніи, правительница безусловно хотѣла защищаться повсюду, гдѣ подозрѣвала присутствіе врага. Этимъ она до крайности раздробляла свою армію, толкала свои войска въ самые отдаленные пункты и оказывалась захваченной врасплохъ именно на тѣхъ, гдѣ непріятель производилъ серьезныя атаки...» Несмотря на ея въ высшей степени развитой умъ, она не постигла великаго принципа войны, въ то время еще не возведеннаго въ аксіому: «Кто хочетъ быть силенъ повсюду — нигдѣ не бываетъ силенъ». Впрочемъ, этотъ принципъ или не былъ извѣстенъ

всѣмъ полководцамъ, или презирался ими, но подобная досадная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обычная ошибка не разъ совершалась стратегами мужского пола, слѣдовательно она умаляетъ значеніе правительницы ровно настолько, насколько умаляла бы славу любого стратега-мужчины.

Марія Австрійская оставалась правительницей Бельгіи во все время царствованія Карла V, т. е. до 1555 г., когда онъ, утомленный войнами и властью, отрекся отъ престола въ пользу своего брата Фердинанда; Испанію же, доставшуюся ему въ 1516 г. по наслѣдству послѣ Фердинанда Католика, а также американскія колоніи онъ передалъ своему сыну Филиппу II, а самъ поселился въ монастырѣ Санъ-Юста въ Эстремадурѣ, гдѣ и умеръ въ 1558 г. Занимаясь государственными дѣлами, правительница не забывала эстетическихъ наслажденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась страстью собирать рукописи и покровительствовать артистамъ.

Она умерла въ Сигалэ въ 1558 г.

— Еще Наполеоніана. Хотя въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ, протекшихъ со времени паденія декабрьской имперіи, во Франціи почти исчезъ бонапартизмъ, но современные французы всѣхъ классовъ продолжаютъ питать культъ къ Наполеону. Онъ проявляется и фактически, какъ, напримѣръ, въ ожидаемомъ на дняхъ открытіи Наполеоновскаго музея въ Мальмезонѣ, любимомъ мѣстопребываніи Наполеона и Жозефины, и теоретически, какъ относительно обильнаго чтенія французами всего, касающагося до Наполеона, такъ и громаднаго количества наполеоновской литературы. Въ послѣднемъ отношеніи преобладаетъ Наполеоніана, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовалъ рядъ юбилеевъ наполеоновскихъ побѣдъ и крупныхъ событій его эпохи; и никогда не выходило о немъ такъ много книгъ, брошюръ, журнальныхъ этюдовъ и газетныхъ статей, какъ съ начала нынѣшняго года. При этомъ замѣчательно, что не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи и Италіи появляются, если не столь многочисленные, то не менѣе замѣчательные труды по Наполеоніанѣ. Еще не лишне замѣтить, что въ числѣ этихъ произведеній занимаютъ видное мѣсто, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, публичныя лекціи, появляющіяся впослѣдствіи въ печати.

Быть можетъ, въ новѣйшей наполеоновской литературѣ всего замѣчательнѣе та ея отрасль, которая касается Германіи. Почти въ теченіе ста лѣтъ нѣмецкіе историки выставляли Наполеона I, какъ чудовище въ человѣческомъ образѣ и какъ ненавистнаго солдафона, питавшаго страсть къ войнѣ ради войны. Напримѣръ, извѣстный нѣмецкій историкъ Генрихъ Тречке говорилъ: «Наполеонъ, безъ сомнѣнія, не былъ государственнымъ человѣкомъ, потому что настоящій государственный человѣкъ гораздо величественнѣе въ дѣлахъ мира, чѣмъ войны, а Наполеонъ никогда не былъ таковымъ». Въ настоящее же время произошла удивительная перемѣна въ германскихъ историкахъ: они стали относиться къ Наполеону гораздо снисходительнѣе и симпатичнѣе. Французскій публицистъ Антуанъ Гильянъ въ «Semaine littéraire» объясняетъ эту странную перемѣну тѣмъ, что нѣмцы перестали смотрѣть на Францію, какъ на своего естественнаго врага, роль котораго теперь заняла Англія.

Такими новыми оригинальными нѣмецкими историками являются два пруссака: Клейнъ Гаттингенъ и Максъ Ленцъ, а также баварецъ Биттерауфъ. Трудъ о Наполеонѣ Клейна Гаттингена еще не законченъ, но въ томъ, что уже напечатано, видны демократическія стремленія и сочувственные къ своему герою взгляды. Онъ полагаетъ, что Наполеонъ увлекалъ Германію на путь прогресса и что созданная имъ Рейнская конфедерація была настоящимъ благодѣяніемъ для Германіи. Кромѣ того, онъ считаетъ, что его взгляды на Наполеона и французскую націю въ настоящее время раздѣляются большинствомъ образованныхъ нѣмцевъ.

Ленцъ въ своемъ сочиненіи «Napoleon» беретъ ту же точку зрѣнія; по его словамъ, обыкновенно всѣ считаютъ, что Наполеонъ велъ свои войны изъ яраго самолюбія, а въ сущности онъ сражался только съ одною цѣлью — одержать побѣду надъ Англіей. «Напрасно обвиняютъ героя,—говоритъ Ленцъ:— что онъ геній разрушенія. Сколько новыхъ либеральныхъ реформъ введено въ Пруссіи, благодаря его побѣдоноснымъ преслѣдованіямъ. Прежде всего, въ самой Франціи Наполеонъ ввелъ правильныя администрацію, армію и право». И здѣсь очевидно, что Ленцъ совершенно противорѣчитъ взглядамъ Генриха Тречке. Мюнхенскій профессоръ Биттерауфъ въ своей новой книгѣ выясняетъ, что историки чрезвычайно преувеличили ненасытное самолюбіе корсиканскаго завоевателя. Напротивъ, онъ увѣряетъ, что колоніальная и коммерческая политика Наполеона доказываетъ искренность его усилій сохранить миръ. Во всякомъ случаѣ политика Англіи въ ту эпоху, по мнѣнію баварскаго ученаго, была болѣе подстрекательной, чѣмъ наполеоновская. Биттерауфъ оправдываетъ также германскую политику Наполеона. «Если Наполеонъ,—говоритъ онъ,—опережаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ третью коалицію, то онъ вполнѣ правъ и поступаетъ такъ же, какъ Фридрихъ Великій наканунѣ Семилѣтней войны. Это вполнѣ доказываетъ, что Наполеонъ желалъ мира, по крайней мѣрѣ, на континентѣ».

Въ Англіи и Италіи наполеоновская литература обогатилась по одному любопытному произведенію. Профессоръ лондонскаго университета Г. Фишеръ прочелъ въ нынѣшнемъ году небольшой рядъ лекцій «О бонапартизмѣ», которыя потомъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ, какъ блестящую монографію [1]). Въ сущности это короткія, но занимательно составленныя характеристики Наполеона I и Наполеона III, но первая изъ нихъ гораздо рельефнѣе и художественнѣе, чѣмъ вторая. Что касается до соединительнаго звена обѣихъ имперій, книги Наполеона III «Наполеоновскія идеи», то о ней Фишеръ говоритъ слишкомъ мало хотя она служитъ базисомъ для второй имперіи, возникшей въ сущности изъ воспоминаній о первой имперіи. Еще надо замѣтить, что трудъ Фишера отличается прекраснымъ стилемъ и обстоятельнымъ изложеніемъ. Только относительно сравненій политики дяди и племянника по папскому вопросу о національностяхъ не мѣшало бы Фишеру высказаться яснѣе и полнѣе. Дѣйствительно, въ религіозномъ отношеніи они дѣйствовали почти одинаково, но только первый выказывалъ опредѣленную, ясную рѣшительность,

---

[1]) Bonapartism. By H. A. Fisher. Oxford. 1908.

а второй—туманную, двуличную систему. Что касается до политики національности, то у дяди и племянника она совершенно разнилась, и нерѣшительное отношеніе Наполеона III къ итальянскому и германскому національнымъ движеніямъ вполнѣ содѣйствовало его паденію.

Что касается до появленія итальянскаго сочиненія о Наполеонѣ, то хотя оно вышло два года тому назадъ, но до сихъ поръ имѣетъ значительный успѣхъ. Это «Napoleone e Pio VII» [1]) итальянскаго писателя Иларіо Риніери, ученый историческій трудъ въ двухъ томахъ, основанный на доселѣ невѣдомыхъ документахъ Ватикана относительно коронаціи Наполеона, занятія Рима, отлученія отъ церкви императора, удаленія папы изъ Квиринала, развода Наполеона, церковнаго собора 1811 года и конкордата въ Фонтенебло. Но самая интересная часть книги Риніери составляетъ подробное описаніе поѣздки папы Пія VII въ Парижъ, обстоятельное изложеніе переговоровъ, предшествовавшихъ коронаціи, и блестящая картина торжественной церемоніи коронованія Наполеона въ соборѣ Парижской Богоматери 2 декабря 1804 г.

Вопросъ о коронаціи Наполеона составляетъ переходъ отъ иностранныхъ литературъ къ французской, въ которой, конечно, поражаетъ изобиліе новѣйшей Наполеоніаны. Извѣстный наполеоновскій историкъ Фредерикъ Массонъ, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ написалъ двадцать томовъ о Наполеонѣ, на дняхъ выпустилъ новую книгу подъ заглавіемъ «Le sacre et la couronnement de Napoléon» [2]), гдѣ изложилъ съ мельчайшими подробностями торжество коронаціи. «Благодаря тому,—говоритъ Массонъ,—что его короновалъ папа, Наполеонъ вообразилъ себя государемъ, равнымъ всѣмъ коронованнымъ особамъ и помазанникамъ Божьимъ». Хотя Массонъ не можетъ не признать многихъ мелочей церемоніала просто смѣшными, но все-таки онъ выражается восторженно объ этомъ торжественномъ зрѣлищѣ, какъ бы довершившемъ легендарное величіе Наполеона.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ въ Испаніи начались неблагопріятныя событія, которыя въ концѣ концовъ повели Наполеона къ паденію. Онъ самъ говорилъ на островѣ святой Елены, что не Москва его побѣдила, а Мадридъ. «Эта несчастная война,—прибавлялъ онъ,—меня погубила: всѣ обстоятельства моего погрома произошли отъ этого рокового узла. Она осложнила всѣ мои затрудненія, разсѣяла всѣ мои усилія и уничтожила мое нравственное значеніе въ Европѣ. Въ массѣ испанцы вели себя какъ люди благородные». По случаю этого перваго юбилея непріятныхъ наполеоновскихъ событій, Жофруа де-Гранмэзонъ напечаталъ второй томъ своей исторіи борьбы Испаніи съ Франціей въ началѣ XIX столѣтія. Первый ея томъ былъ озаглавленъ: «Французское посольство въ Испаніи во время революціи», а второй томъ, только что вышедшій, носитъ названіе: «Испанія и Наполеонъ (1804—1809)» [3]); третій же и послѣдній томъ будетъ носить заглавіе: «Паденіе Наполеона». Въ настоящей части этого замѣчательнаго труда изложена вся исторія борьбы испанцевъ съ

---

[1]) Napoleone e Pio VII. Di Ilario Riniero. Torino. 1906.
[2]) Le sacre et le couronnement de Napoléon. Par Fréderic Masson. Paris. 1908.
[3]) L' Espagne et Napoléon I. Par Geoffroy de Grandmaison. Paris. 1908.

Франціей, и передъ читателями проходитъ рельефно разсказанный романъ военныхъ и политическихъ дѣйствій, разыгранный испанскимъ народомъ съ своими врагами французами. При этомъ разсказъ Гранмэзона логически выведенъ изъ историческихъ событій и твердо основанъ на неоспоримыхъ документахъ. Въ «Figaro» 18 мая Додэ помѣстилъ блестящій очеркъ подъ заглавіемъ: «Сто лѣтъ тому назадъ».

Наибольшій успѣхъ въ новѣйшей Наполеоніанѣ имѣла блестящая и популярная серія восьми публичныхъ чтеній о Наполеонѣ. Онѣ состоялись въ обществѣ конференцій», въ залѣ географическаго общества, и лекторами были академики Массонъ, Вандаль и Уссэ, а также спеціалисты по военному, театральному и юридическому вопросамъ: генералъ Бонналь, актеръ Мунэ-Сюлли и бывшій предсѣдатель совѣта парижскихъ адвокатовъ Сабатье. По прочтеніи эти лекціи были напечатаны въ «Revue Hebdomadaire». Самое большое участіе въ нихъ принялъ обычный наполеоновскій писатель Массонъ, и первая его статья[1]) касается молодости Наполеона. Съ присущимъ ему мастерствомъ, онъ изложилъ въ короткихъ, но мѣткихъ выраженіяхъ пребываніе Наполеона въ Бріенской школѣ и въ парижскомъ военномъ училищѣ. Затѣмъ онъ описываетъ, какъ Наполеонъ вышелъ въ чинѣ поручика въ королевскій артиллерійскій полкъ, стоявшій въ Валансѣ, гдѣ въ свободное время онъ пристрастился къ чтенію Жанъ-Жака Руссо. По словамъ Массона, идеи его юности освѣтили всю его жизнь, и, чтобы понять консула и императора, раздавателя европейскихъ троновъ, надо близко познакомиться съ Наполеономъ—ученикомъ французскихъ школъ того времени, и съ поручикомъ въ Валансѣ; все въ немъ представляетъ сцѣпленіе: въ его исторіи нѣтъ ни одного часа, который не являлся бы необходимымъ для полнаго понятія всей его жизни.

Вторая лекція Массона озаглавлена «Наполеонъ и женщины» [2]), и хотя, судя по заглавію, въ ней должна бы заключаться общая характеристика всѣхъ многочисленныхъ любовныхъ похожденій Наполеона, но Массонъ упоминаетъ только о первой публичной женщинѣ, съ которой будущій императоръ познакомился въ Пале-Роялѣ, и его юной любви къ Дезирэ Клари, впослѣдствіи женѣ Бернадотта и королевѣ шведской. Все же вниманіе Массонъ обращаетъ на первую жену Наполеона, Жозефину, и мастерски разсказываетъ ея характеристику; о второй же императрицѣ, Маріи-Луизѣ, онъ говоритъ вскользь. Наконецъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи, названномъ «Миссіонеры св. Елены», онъ разсказываетъ въ краткихъ, но рельефныхъ выраженіяхъ, какъ дѣйствовали въ пользу великаго узника его агенты, отправленные имъ въ Европу съ мѣста его заточенія, а также прибывшіе къ нему изъ Европы. Изъ числа первыхъ, по мнѣнію Наполеона, долженъ былъ сдѣлать всего болѣе для него пользы генералъ Гурго, но въ результатѣ онъ ничего не добился, хотя разсказываемыя Массономъ подробности о переговорахъ Гурго съ англійскимъ правительствомъ оказываются несправедливыми. Массонъ увѣряетъ, что Гурго не только не хлопоталъ о смягченіи участи Наполеона, но даже объявилъ

---

[1]) La jeunesse de Napoléon. Par Frédéric Masson. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[2]) Napoléon et les femmes. Par F. Masson. «Revue Hebdomadaire». 1908.

англійскому правительству, что всѣ его жалобы на болѣзненное состояніе— одна комедія. Эти слова возбудили горячую полемику въ «Figaro»[1]) между внукомъ Гурго и Массономъ. Въ доказательство того, что Гурго пламенно хлопоталъ о Наполеонѣ, его внукъ приводитъ четыре письма, написанныя генераломъ Гурго русскому императору Александру I, австрійскому императору Францу-Іосифу, бывшей императрицѣ Маріи-Луизѣ и принцу Евгенію съ цѣлью доказать, что Наполеонъ умираетъ отъ ужаса роковой агоніи. Что касается до агентовъ, присланныхъ изъ Европы къ узнику св. Елены, то слѣдуетъ упомянуть о патерѣ Буоновитѣ и докторѣ Антоммарки, на которыхъ очень надѣялись отправившіе ихъ мать Наполеона и его дядя, кардиналъ Фешъ; но имъ вскорѣ пришлось вернуться въ Европу по причинѣ дурного климата острова. Наконецъ Монтолонъ написалъ Полинѣ, сестрѣ Наполеона: «Онъ умираетъ на этомъ страшномъ утесѣ, его агонія ужасна». Полина тотчасъ же собралась къ брату, но лордъ Ливерпуль, тогдашній первый министръ Англіи, отказалъ ей въ разрѣшеніи отправиться на св. Елену. 5-го мая 1821 г. Наполеонъ умеръ.

Историкъ Вандаль вкратцѣ повторяетъ въ своей лекціи о 18 брюмера то, что онъ подробно и обстоятельно разсказалъ въ своемъ капитальномъ трудѣ [2]) о томъ же предметѣ, а Анри Уссэ [3]) дѣлаетъ то же съ исторіей возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Генералъ Бонналь[4]) излагаетъ вполнѣ художественно военную психологію Наполеона, а Сабатье[5])—его юридическую психологію Наконецъ, извѣстный актеръ Мунэ-Сюлли[6]) разсказываетъ о Тальмѣ и театрѣ во времена имперіи, хотя о первомъ онъ говоритъ гораздо болѣе, чѣмъ вообще о судьбѣ театра при Наполеонѣ.

— Бракъ внучки Бирона.—Какъ первая часть «Воспоминаній» герцогини Дино посвящена двумъ ея предполагаемымъ женихамъ, такъ вторая [7]) наполнена подробностями ея третьяго сватовства, которое вскорѣ окончилось бракомъ. Что касается до ея перваго жениха, князя Адама Чарторыйскаго, то въ 1807 г. Доротея наконецъ увидѣлась съ нимъ. Въ это время происходило знаменитое Тильзитское свиданіе между Александромъ и Наполеономъ и Чарторыйскій вышелъ въ отставку изъ русской службы вслѣдствіе своего сопротивленія новой политикѣ императора, дружившаго тогда съ Наполеономъ. Желая повидаться съ своимъ другомъ аббатомъ Піаттоли и съ молодой дѣвушкой, быть можетъ, будущей своей женой, Чарторыйскій ожидалъ возвращенія императора изъ Тильзита въ Митавѣ, гдѣ онъ три недѣли провелъ

---

[1]) Les Missionnaires de Sainte Hélène. Par F. Masson. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[2]) Psychologie militaire de Napoléon. Par Albert Vandal. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[3]) Le Vol de l'Aigle. Par Henry Houssaye. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[4]) Psychologie militaire de Napoléon. Par général Bonnal. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[5]) Psychologie juridique de Napoléon. Par M. Sabatier. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[6]) Talma et le théâtre au temps de l'Empire. Par Mounet Sully. «Revue Hebdomadaire». 1908.

[7]) Duchesse de Dino. «Souvenirs». «Revue de Paris». 15 Avril 1908.

почти безвыходно у герцогини Курляндской, которая была рада любезно его принять, за его хлопоты въ Петербургѣ о ея дѣлахъ.

«Князь увѣрялъ меня впослѣдствіи,—пишетъ Доротея:—что онъ нашелъ меня пріятной; не знаю, правда ли это, но я замѣтила только, какъ онъ внимательно меня разглядывалъ. Онъ никогда не разговаривалъ со мною и лишь наканунѣ своего отъѣзда выразилъ желаніе, чтобы я поѣхала въ Берлинъ черезъ Варшаву, гдѣ находилась въ то время его мать, и онъ хотѣлъ, чтобы я съ нею увидѣлась. Холодное обращеніе и почти угрюмое молчаніе князя Адама, а также его разглядываніе, предметомъ котораго онъ сдѣлалъ меня, оттолкнули бы отъ него всякаго, предупрежденнаго менѣе меня въ его пользу. Но случилось обратное: меня заинтересовала его суровость, его мрачный видъ; мнѣ казалось, что я уловила на его лицѣ слѣды сильныхъ страстей и тронувшаго меня горя; въ его наблюдательномъ взглядѣ я усмотрѣла только лестное для меня любопытство. Я была слишкомъ молода, чтобы ожидать съ его стороны формальнаго предложенія. Хотя князь и желалъ вскорѣ мнѣ его сдѣлать, но прежде, чѣмъ взять на себя какое-либо обязательство, онъ хотѣлъ, чтобы его мать, которую онъ обожалъ, увидѣла бы меня и одобрила его выборъ».

Пока такимъ образомъ они оба слѣдили другъ за другомъ, окончилось Тильзитское свиданіе, и Александръ на возвратномъ пути въ Петербургъ заѣхалъ въ Митаву. Онъ остановился у герцогини Курляндской и былъ чрезвычайно любезенъ съ матерью и дочерью. По словамъ Доротеи, онъ совершенно обворожилъ бы ее, если бы не такъ холодно обращался съ Чарторыйскимъ, который послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ, намѣреваясь покончить въ Россіи кое-какія дѣла и потомъ пріѣхать въ Германію, какъ онъ объявилъ герцогинѣ Курляндской. Вскорѣ послѣ отъѣзда Чарторыйскаго, герцогиня вмѣстѣ съ дочерью перебралась въ Берлинъ и повела тамъ ихъ обычную жизнь. Молодая дѣвушка постоянно носила черное платье въ знакъ траура по случаю постигшаго Пруссію несчастья и принимала по вечерамъ прежнихъ своихъ друзей, съ которыми оплакивала политическія невзгоды. Напротивъ, герцогиня Курляндская, сочувствовавшая политикѣ Александра I въ пользу французовъ, выражала наполеоновскимъ генераламъ, находившимся въ Пруссіи, самое живое вниманіе. Она даже объявила дочери, что, какъ только вернется въ Берлинъ королевская чета, ей будетъ непріятно оставаться въ этомъ городѣ, и она переѣдетъ на нѣкоторое время въ свое помѣстье въ Саксонію, а потомъ отправится во Францію, куда уже давно ее влекло.

Доротея согласилась ѣхать съ матерью, и въ 1808 г. онѣ переѣхали въ Лобихау, какъ называлось саксонское помѣстье герцогини; но молодая дѣвушка поселилась въ принадлежавшемъ ей отдѣльномъ домикѣ въ полумилѣ отъ жилища матери. Тогда ей было почти пятнадцать лѣтъ, и разные знатные и богатые принцы и вельможи ухаживали за ней, предлагая ей свое сердце и руку, такъ какъ ея воспитаніе и положеніе были изъ самыхъ блестящихъ. Поэтому герцоги Кобургскій, Готскій, принцъ Августъ Прусскій и Флорентинъ Сальмскій добивались брака съ нею.

Мать Доротеи принимала всѣхъ этихъ жениховъ очень любезно, но они ей порядочно надоѣдали. Что же касается молодой дѣвушки, то она самымъ

равнодушнымъ образомъ смотрѣла на всѣ ухаживанія, особенно на приставанія герцога Мекленбургскаго и принца Рейса, которые не покидали дома ея матери ни днемъ, ни вечеромъ. Между тѣмъ князь Чарторыйскій, жившій въ то время въ Варшавѣ, постоянно писалъ аббату Піаттоли, что онъ попрежнему намѣренъ жениться на Доротеѣ, почему собирается пріѣхать въ Лобихау съ своей матерью. «Но,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня Дино,—княгиня Чарторыйская въ глубинѣ сердца желала, чтобы ея сынъ женился на дѣвицѣ, которую она сама воспитала и очень любила, а потому съ каждымъ днемъ откладывала свой отъѣздъ, и такимъ образомъ пришлось оставить его до слѣдующаго года. Моя мать за меня была обижена этимъ нерасположеніемъ старухи и постоянно выговаривала аббату Піаттоли за то, что онъ меня привязалъ исключительно къ этому плану. Я не могла съ нею отчасти не согласиться, но спокойно переносила уколы самолюбія, полагая, что князь былъ одинаково разочарованъ поведеніемъ матери». Такъ шли дѣла до октября мѣсяца, когда неожиданно герцогиня Курляндская получила изъ Эрфурта письмо отъ императора Александра, извѣщавшаго ее, что онъ заѣдетъ къ ней на обратномъ пути въ Россію съ флигель-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ и французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Коленкуромъ.

16 октября, въ 5 часовъ утра, Александръ I прибылъ въ Лобихау, и герцогиня Курляндская настояла, чтобы ея дочь участвовала въ пріемѣ императора, который особенно любезно относился къ ней. Онъ увѣрялъ, что она очень выросла и похорошѣла, причемъ замѣчалъ, что молодая дѣвушка, какъ Пенелопа, была окружена претендентами на ея руку. За столомъ императора отдѣляли отъ нея мать и Коленкуръ, такъ что разговоръ между ними происходилъ громко, во всеуслышаніе. Неожиданно Александръ спросилъ ее, не находитъ ли она большого сходства между княземъ Чарторыйскимъ и господиномъ Перигоромъ.—«О комъ изволите вы говорить, ваше величество?» спросила, покраснѣвъ, Доротея.—«Да о молодомъ человѣкѣ, который сидитъ противъ васъ,—отвѣчалъ государь:—о племянникѣ герцога Беневентскаго; онъ сопровождаетъ герцога Виченцскаго въ Петербургъ». — «Простите, ваше величество, я не замѣтила адъютанта князя Виченцскаго, — возразила молодая дѣвушка:—я такъ близорука, что не могу отсюда разсмотрѣть его лица». Императоръ замолчалъ, а Коленкуръ объяснилъ Доротеѣ, что племянникъ герцога Беневентскаго, Александръ Талейранъ-Перигоръ, не его адъютантъ, а временно прикомандированъ къ петербургскому посольству.

Послѣ обѣда императоръ попросилъ герцогиню Курляндскую пройти съ нимъ въ ея кабинетъ, гдѣ они оставались два часа. Удаляясь туда, она поручила дочери быть какъ можно любезнѣе съ герцогомъ Виченцскимъ, и Доротея послушно принесла себя въ жертву, хотя предпочитала разговаривать съ нѣмецкими гостями. Вѣроятно, она очень понравилась Коленкуру, потому что на слѣдующій день онъ писалъ герцогу Беневентскому: «Красавица Доротея, пятнадцати лѣтъ, кажется, хорошо воспитана; мы видѣли въ замкѣ немало ея знаменитыхъ жениховъ, но величайшаго соперника тутъ не было». Въ тотъ же вечеръ государь уѣхалъ, и герцогиня Курляндская не сказала дочери ни слова о своемъ разговорѣ съ нимъ, а только на слѣдующее утро спросила ее,

какъ ей понравился господинъ Перигоръ. «Но, мама,—отвѣчала она:—я не обратила на него вниманія; къ тому же, кажется, онъ все время сидѣлъ въ другой гостиной».

Послѣ этого эпизода всѣ въ домѣ были какъ-то недовольны и пріуныли. Мать послала за Піаттоли, который, прибывъ въ Лобихау, оставался болѣе часу наединѣ съ герцогиней; послѣ этого онъ былъ также сумраченъ и печаленъ. Что касается дѣвицы Гофманъ, то ее, очевидно, оскорбляли недовѣріе и холодность герцогини; поэтому гувернантка предложила Доротеѣ ѣхать въ Берлинъ, на что послѣдняя согласилась. Въ февралѣ же 1809 г. она снова вернулась къ матери въ виду наступавшаго дня ея рожденія. По дорогѣ она заѣхала къ аббату Піаттоли, который постоянно ей писалъ самыя безтолковыя и скучныя письма, не упоминая ни слова о Чарторыйскомъ. Поэтому теперь она прежде всего спросила его, имѣетъ ли онъ извѣстіе объ ея суженомъ.—«Я ничего о немъ не знаю,—отвѣчалъ онъ,—и это должно служить вамъ доказательствомъ, что наши мечты были только химерой».—«Боже избави!» воскликнула молодая дѣвушка.—«Не будемъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ,—возразилъ аббатъ:—онъ слишкомъ для меня непріятенъ».

Встрѣча, оказанная герцогиней дочери, была необыкновенно радушная и любезная, что обезпокоило молодую дѣвушку, тѣмъ болѣе, что у матери гостилъ графъ Батовскій, только что пріѣхавшій изъ Франціи. Черезъ нѣсколько дней появился еще новый гость, Перигоръ, и тогда, по словамъ Доротеи, она поняла, въ чемъ дѣло: ее хотѣли выдать замужъ за этого француза. На другой день все объяснилось: герцогиня Курляндская утромъ потребовала къ себѣ дочь и приняла ее еще въ постели, окруженная массою писемъ.

«Пора объяснить тебѣ настоящую причину недавняго посѣщенія русскаго императора по возвращеніи изъ Эрфурта,—сказала она.—Онъ считаетъ, что многимъ обязанъ князю Беневентскому, и желаетъ отплатить ему за его услуги. Его величество высказалъ ему, что хотѣлъ бы сдѣлать для него что-нибудь пріятное, и тотъ попросилъ его поддержки у меня, такъ какъ хотѣлъ бы просить твоей руки для своего племянника. Александръ далъ Талейрану честное слово, что этотъ бракъ состоится, и потому онъ пріѣхалъ объявить мнѣ объ этомъ, и прибавилъ, что слишкомъ разсчитываетъ на мою дружбу, чтобы не быть увѣренному въ моей помощи удовлетворить желаніе человѣка, котораго онъ любитъ и которому хочетъ дать единственное доказательство дружбы, исполнивъ его желаніе. Я отвѣчала императору, что всячески желала доказать ему благодарность за его милости, но, по несчастію, я не въ состояніи исполнить требуемой имъ отъ меня услуги. Вы знаете, государь, сказала я ему, какими анти-французскими идеями полны всѣ нѣмецкія головы, въ томъ числѣ и моей дочери. Она очень самовольна, и къ тому же ея положеніе независимое; кромѣ того, ея сестры, родственники, друзья, прусскій дворъ и вся Германія будутъ противъ этого брака. Я ничего не могу сказать противъ Доротеи, но, признаюсь, я очень мало имѣю на нее вліянія и должна сознаться вамъ, государь, что уже давно идетъ рѣчь о бракѣ моей дочери съ однимъ изъ вашихъ старыхъ друзей. Она предпочитаетъ всѣмъ князя Адама Чарторыйскаго, и я не имѣю никакой причины помѣшать ей выйти за него

замужъ въ будущемъ году».—«А вы этого желаете?» спросилъ императоръ.—«Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчала я:—меня, напротивъ, отдаляетъ отъ этого брака большая разница лѣтъ жениха и невѣсты, тяжелый характеръ старой княгини и непріязнь, выказываемая ею до сихъ поръ въ этомъ дѣлѣ».—«Въ такомъ случаѣ,—произнесъ императоръ:—я не признаю ни одного изъ вашихъ доводовъ; юной Доротеѣ теперь пятнадцать лѣтъ, и она не можетъ имѣть опредѣленныхъ политическихъ мнѣній; къ тому же ваша дочь съ вами вмѣстѣ поселится во Франціи и вамъ будетъ все равно, что о васъ станутъ кричать въ Германіи. Я полагаю, что молодая дѣвушка слишкомъ хорошо воспитана, чтобы на нее не дѣйствовало вліяніе матери, когда та рѣшится его обнаружить. Что же касается Адама Чарторыйскаго, то увѣряю васъ, что онъ нимало не заботится о своей свадьбѣ и что всегда имъ будетъ управлять его мать, старая полька и опасная интриганка. Я не вижу во всей этой исторіи ничего другого, какъ молодую экзальтированную голову, потому что Адамъ, конечно, хорошій человѣкъ, но онъ сталъ такъ печаленъ и дикъ въ послѣднее время, что ничто въ немъ не можетъ соблазнить молодой 15-лѣтней дѣвушки. Наконецъ, милая герцогиня, я не принимаю никакого повода къ отказу; я далъ слово и прошу васъ дать мнѣ точно такое же слово въ доказательство вашей дружбы, которую вы мнѣ обѣщали и которой я вполнѣ заслуживаю».

Окончивъ эту длинную исповѣдь, герцогиня прибавила: «Ты знаешь. мое дитя, какой благодарностью я обязана императору Александру; ты также знаешь, какъ въ Россіи ненадежна доброта государя, потому что все зависитъ отъ его фантазіи. Значитъ, для меня очень важно сохранить его милость. Я ему обѣщала, что всячески постараюсь убѣдить тебя согласиться на желаемый имъ бракъ, и потому прошу тебя не отказать въ этой просьбѣ прежде, чѣмъ ты обсудишь здраво всю пользу, какая произойдетъ отъ этого брака для всего нашего семейства». Съ этими словами герцогиня подала дочери два письма, полученныя ею отъ Александра и Талейрана. По словамъ Доротеи, въ первомъ изъ нихъ было лишь повтореніе тѣхъ доводовъ, которые императоръ на словахъ приводилъ герцогинѣ и которые казались молодой дѣвушкѣ лишь злоупотребленіемъ самодержавной властью. Второе письмо показалось ей удивительнымъ образцомъ дипломатическаго искусства. Прочитавъ то и другое, Доротея отвѣчала матери: «Если бы я не считала себя помолвленной съ княземъ Адамомъ уже много лѣтъ и не считала его съ 12 лѣтъ моимъ женихомъ, который долженъ составить мое счастье въ жизни, то я постаралась бы уничтожить отвращеніе къ этому браку и согласиться на то, чего вы, повидимому, такъ желаете. Но я увѣрена, что замедленіе, встрѣтившееся въ исполненіи намѣренія князя Адама, зависитъ не отъ него, а потому я полагаю, что нарушу всѣ свои обязательства въ отношеніи его, согласясь на другой бракъ. Къ тому же покинуть мою родину, отправиться ко двору Бонапарта, отдалиться отъ моихъ друзей и выйти замужъ за человѣка, котораго я не знаю, можетъ побудить меня лишь одно, если бы вы дѣйствительно находились въ такомъ положеніи, что должны были бы требовать отъ меня исполненія вашего желанія для поддержанія добрыхъ отношеній съ им-

ператоромъ Александромъ. Но, милая мама, по счастью, ваше положеніе не такъ дурно, чтобы заставить меня пожертвовать ради васъ тѣмъ, что я считаю счастьемъ своей жизни».

Герцогиня до слезъ разсердилась на свою дочь и увѣряла ее, что она нарушитъ всѣ ея интересы. Въ тотъ же день Батовскій имѣлъ съ молодой дѣвушкой продолжительную бесѣду, и оказалось, что это онъ посовѣтовалъ Талейрану устроить бракъ его племянника съ Доротеей. Что же касается до всѣхъ Талейрановъ, то Батовскій безъ конца распространялся объ ихъ достоинствахъ, выхваляя стараго герцога Беневентскаго за его необыкновенный умъ и выставляя молодого Эдмонда Перигора, какъ человѣка необыкновенно храбраго и пріятнаго въ обращеніи. Что касается до самого Перигора, то онъ все молчалъ, и потому невозможно было рѣшить, каковъ у него былъ характеръ. Наконецъ Батовскій отправился къ аббату Піаттоли, чтобы рѣшить съ нимъ дѣло о бракѣ Доротеи. Онъ вернулся въ тотъ же день и передалъ ей письмо отъ аббата, который писалъ: «Всѣ наши надежды уничтожены: я получилъ извѣстія изъ Польши отъ моего пріятеля, который увѣдомилъ меня, что князь Чарторыйскій женится, къ великому удовольствію своей матери, на ея воспитанницѣ, дѣвицѣ Матусевичъ». Прочитавъ это письмо, Доротея тотчасъ собралась въ путь и поѣхала къ аббату, который неохотно ее принялъ и едва могъ говорить отъ тяжелой болѣзни. «Будьте счастливы,—сказалъ онъ:—и вмѣстѣ съ тѣмъ преданны вашей матери; меня пугаетъ ваше воображеніе; но вы умны, и я надѣюсь, что вашъ умъ выведетъ васъ изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ послѣдніе годы вы меня очень интересовали, но простите меня, что я дурно направлялъ вашу будущность, и теперь довѣряйтесь всегда вашей матери». Онъ замолчалъ и сдѣлалъ знакъ рукою, прося Доротею удалиться. Черезъ нѣсколько дней Піаттоли умеръ, и впослѣдствіи она узнала, что Батовскій, по порученію герцогини, уговорилъ аббата написать молодой дѣвушкѣ ложное извѣстіе о бракѣ князя Чарторыйскаго. Впрочемъ, вернувшись домой, Доротея узнала отъ старой подруги матери, Олинской, что Чарторыйскій дѣйствительно женится на Матусевичъ. Конечно ее научила солгать герцогиня, такъ какъ Адамъ женился только въ 1817 г. на княжнѣ Сапѣгѣ. Какъ бы то ни было, но будущая герцогиня Дино была такъ разстроена всѣми извѣстіями, что объявила матери о своемъ согласіи выйти замужъ за Перигора, такъ какъ Чарторыйскій ей измѣнилъ. Это привело въ восторгъ герцогиню, и она тотчасъ побѣжала сообщить счастливую для нея новость Перигору, который все еще оставался въ ея домѣ. Всю ночь молодая дѣвушка проплакала, а на другое утро мать повела ее насильно къ нему и оставила ихъ наединѣ, говоря: «У васъ, вѣроятно, много есть о чемъ поговорить».

Молодые люди долго сидѣли молча, и наконецъ Доротея сказала: «Я надѣюсь, что вы, сударь, будете счастливы въ бракѣ, который для насъ устроили другіе; но я должна вамъ сказать, какъ, вѣроятно, вамъ уже извѣстно, что я уступаю желанію матери, по правдѣ, безъ отвращенія, но съ полнымъ равнодушіемъ къ вамъ. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что я буду съ вами счастлива, но вы должны знать, что мнѣ жаль покинуть мою родину и моихъ друзей;

это очень ясно, и вы не можете за это на меня обижаться, по крайней мѣрѣ, въ первое время».

«Боже мой,—воскликнулъ Эдмонъ Перигоръ: — я нахожу это совершенно естественнымъ; къ тому же я также женюсь только по желанію дяди; въ мои годы любятъ холостую жизнь».

Въ тотъ же вечеръ герцогиня Курляндская написала радостныя письма въ Петербургъ и Парижъ, а черезъ день Перигоръ и Батовскій уѣхали обратно. Что же касается до Доротеи, то она очень печально проводила дни, предшествовавшіе ея свадьбѣ, и ее вовсе не занимало приготовленіе приданаго; вообще она согласилась на свой бракъ съ Перигоромъ только съ досады. Къ концу второй части своихъ воспоминаній герцогиня Дино прибавляетъ три письма Талейрана къ герцогинѣ Курляндской и выдержку изъ его мемуаровъ, касающихся брака племянника.

— Бодлэръ.—Въ «Preussische Jahrbucher» появилось настоящее психопатологическое изслѣдованіе генія главы символическаго направленія, французскаго поэта Бодлэра. Авторъ этой литературной операціи Оппельнъ-Бронниковскій рѣшительно признаетъ Бодлэра выродкомъ и во всякомъ случаѣ тронувшимся умомъ, а подъ фразой Эдгара Поэ: «темпераментъ геніальнаго человѣка представляетъ смѣсь меланхоліи, чувствительности и энтузіазма» подразумѣваетъ: «болѣзнь воли, нервную слабость и притупленіе самыхъ верхнихъ мозговыхъ центровъ».

Пьеръ-Шарль Бодлэръ родился въ Парижѣ въ 1821 г. отъ шестидесятилѣтняго отца, и это обстоятельство Оппельнъ-Бронниковскій склоненъ считать отчасти причиной той особенности въ творчествѣ поэта, которая сдѣлала его предвозвѣстникомъ декадентства. По его словамъ, Бодлэръ уже носилъ въ себѣ зародыши болѣзни, быстро созрѣвшей, благодаря различнымъ излишествамъ, и наконецъ выразившейся въ параличѣ. Уже съ дѣтства Бодлэръ выказывалъ неуравновѣшенность, а впослѣдствіи изъ него вышелъ романтикъ-революціонеръ, человѣкъ желчный и всегда несчастный. Онъ считалъ своего отчима смертельнымъ врагомъ и питалъ къ нему столь же упорную, сколько несправедливую ненависть. Въ гимназіи Бодлэръ возненавидѣлъ всѣхъ—и товарищей и учителей: онъ чувствовалъ себя среди нихъ одинокимъ, охваченнымъ черной меланхоліей.

Семнадцати лѣтъ его исключили изъ гимназіи по очень печальной причинѣ. Тогда его отчимъ, генералъ Опикъ, хотѣлъ избрать для него дипломатическую карьеру, но онъ энергично отказался и цѣлыхъ два года провелъ въ полной бездѣятельности. Наконецъ отчимъ рѣшился отправить его съ коммерческой цѣлью на острова св. Маврикія, Мадагаскаръ, Цейлонъ и въ Индостанъ, разсчитывая, что это путешествіе измѣнитъ направленіе его мыслей. Бодлэръ отправился, но дѣломъ совсѣмъ не занимался и, по выраженію его друга и критика Теофиля Готье, «принесъ изъ дальняго путешествія ослѣпленіе великолѣпіемъ, которое сохранилъ на всю жизнь». Впослѣдствіи онъ всегда тосковалъ по восточной жизни, ея сладострастной безпечности и продолжительнымъ грезамъ. Желая лучше возстановить въ своей памяти и воображеніи эти полуденныя страны, онъ и въ Парижѣ продолжалъ употреблять гашишъ и даже

завелъ себѣ любовницу-мулатку, Жанну Дюваль. Эти два произведенія тропическихъ странъ подѣйствовали на физическое и нравственное здоровье поэта самымъ плачевнымъ образомъ: Дюваль была закоснѣлая алкоголичка и вмѣстѣ съ тѣмъ истеричка, кончившая жизнь въ больницѣ въ припадкѣ delirium. Бодлэръ ее презиралъ и ненавидѣлъ, считалъ за колдунью, называлъ паукомъ и жабой, но разстаться съ нею не могъ.

По мнѣнію Оппельна, у Стендаля, Барбей д'Орвилли и Бодлэра есть много общихъ чертъ; это три прекрасные типа романтиковъ. Стендаль, подвергшійся вліянію XVIII вѣка и оставшійся классикомъ, возвышеннѣе, здоровѣе и уравновѣшеннѣе остальныхъ двухъ. Бодлэръ, напротивъ, совершенный выродокъ и, по выраженію Оппельна, «прекрасное олицетвореніе романтическаго анархизма». Онъ считаетъ ихъ какими-то дэнди, которые все время позируютъ и мистифицируютъ. Въ нихъ всегда чувствовалась неискренность или, по крайней мѣрѣ, аффектація, манерность, постоянное желаніе производить сильное впечатлѣніе и иногда намѣреніе испугать своихъ снисходительныхъ читателей. Они любили чрезмѣрности и парадоксы, презирали буржуазное мнѣніе и старались всячески ему противорѣчить.

Стендаль, сначала неистовый якобинецъ, вообразилъ себя впослѣдствіи, по выраженію Оппельна, чѣмъ-то въ родѣ ницшеанскаго аристократа и принялся позировать въ качествѣ сверхъ-человѣка. Барбей д'Орвилли, видя, что большинство писателей его времени вольнодумцы въ религіи и либералы въ политикѣ, объявилъ себя неограниченнымъ властителемъ и гордо задрапировался въ католицизмъ дурного качества, усиленный нѣкотораго рода сатанизмомъ. Что касается Бодлэра, то онъ приправилъ свое религіозное вольнодумство чѣмъ-то въ родѣ діавольскаго мистицизма; въ политикѣ прежде всего онъ былъ революціонеръ и въ февральскіе дни выходилъ на улицу, но впослѣдствіи онъ признался, что онъ это дѣлалъ съ единственною цѣлью подстрѣлить генерала Опика. Затѣмъ ему опротивѣло его время и онъ объявилъ себя врагомъ прогресса, утилитаризма и филантропіи.

Всѣ трое питали отвращеніе ко всему естественному и простому: они придумывали себѣ позы, разыгрывали роли и до крайности были озабочены производимымъ на окружающихъ впечатлѣніемъ. Стендаль присвоилъ себѣ роль человѣка, ничѣмъ не восхищавшагося, ничему не удивлявшагося; онъ позировалъ въ качествѣ безстрашнаго сверхъ-человѣка и старался озадачить, скандализировать своего собесѣдника. Онъ слѣдилъ за собой даже въ припадкѣ веселости и придавалъ ей неестественный видъ. Онъ стыдился выдавать волненіе, когда ему приходилось его испытывать, и по возможности старался его скрыть. Барбей д'Орвилли подражалъ Брюммелю, «наглому, безстрастному англійскому дэнди». Какъ всѣ дэнди, онъ воспѣвалъ дэндизму похвалы и даже посвятилъ цѣлый томъ разсужденію о дэндизмѣ ex professo. Онъ одѣвался съ той изученной эксцентричностью, которая заставила бы взвыть Брюммеля, какъ всѣ истые дэнди, наоборотъ, предпочитавшаго изученную простоту.

Самъ Бодлэръ одѣвался скромно, корректно и былъ простъ въ обращеніи; но этотъ «утонченный мистификаторъ, безстрастный болтунъ, фанфаронъ съ

закоснѣлыми пороками создалъ себѣ невозможно-отвратительную репутацію». Такъ, во время своего пребыванія въ Брюсселѣ онъ забавлялся тѣмъ, что распускалъ о себѣ самые позорные слухи, говоря, что у него безнравственно-противоестественныя наклонности и потому за нимъ слѣдитъ тайная полиція. Вскорѣ и этого ему было недостаточно: его нелѣпыя изобрѣтенія не произвели ожидаемаго скандальнаго впечатлѣнія. Тогда онъ сталъ выдавать себя за отцеубійцу, которому послѣ совершеннаго преступленія парижская полиція дозволила убѣжать въ благодарность за оказанныя имъ тайныя услуги. И все это дѣлалось съ цѣлью привлечь побольше публики на лекціи, для чтенія которыхъ онъ пріѣхалъ въ Брюссель, и расположить ее въ свою пользу. Правда, замѣчаетъ Оппельнъ, онъ объ этомъ писалъ своему другу, г-жѣ Мерисъ, а потому неизвѣстно, кого онъ мистифицировалъ, брюссельцевъ или ее. Онъ часто признавался въ дурныхъ поступкахъ, которыхъ онъ и не думалъ дѣлать. Однажды онъ признался, что убилъ одного добраго старика безъ всякой причины, только по злобѣ, толкнувъ его съ лѣстницы. Онъ даже назвалъ его имя; между тѣмъ въ дѣйствительности поэтъ не имѣлъ желанія причинять зла даже мухѣ и совершалъ преступленія только въ своемъ воображеніи, въ воображеніи, на которое, по личному признанію, его толкало настроеніе, называемое докторами «истеріей», а глубокомыслящими людьми — «сатанизмомъ».

Другою общею чертою этихъ трехъ литературныхъ дэнди Оппельнъ называетъ манію само-анализированія, разсматриванія, какъ они живутъ, тщательнаго разбиранія по косточкамъ каждой своей идеи, каждаго чувства до скоро преходящаго включительно; всѣ сдѣланныя надъ собою наблюденія они заносили въ свою записную книжку.

Оппельнъ находитъ, что когда слишкомъ занимаются собою, когда проводятъ время въ самонаблюденіи и саморазборѣ, то притупляютъ свою впечатлительность и чувства; вкусъ къ дѣятельности теряется, и люди впадаютъ въ скуку, въ сплинъ и равнодушіе ко всему. Стендаль, Барбей д'Орвилли и Бодлэръ были великіе «скучники». Автора «Краснаго и чернаго» часто посѣщала мысль о самоубійствѣ. Что касается Барбей д'Орвилли, то изъ его «Memorandum'a», напечатаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, видно, какъ онъ тщетно отбивался на каждой страницѣ отъ одолѣвавшей его скуки.

Въ 1842 году, по возвращеніи изъ Индіи, Бодлэръ, которому въ то время исполнилось 21 годъ, потребовалъ, чтобы ему выдали состояніе отца. Тогда онъ принялся такъ швырять деньгами, что надъ нимъ назначили опеку, съ цѣлью спасенія хотя остатковъ его состоянія. Поэтъ въ это время окунулся въ самый ужасный развратъ, который возбуждалъ въ немъ отвращеніе, истощалъ его, но не удовлетворялъ. Въ 1845 году онъ уже усталъ жить и хотѣлъ застрѣлиться. Въ письмѣ къ пріятелю онъ сообщалъ: «Я хочу убить себя потому, что безполезенъ для другихъ и опасенъ для себя». Нѣкоторое время спустя онъ писалъ: «Мой страшный примѣръ доказываетъ, что безпорядокъ въ мысляхъ и развратное поведеніе роковымъ образомъ ведутъ къ самому мрачному отчаянію и полнѣйшей гибели».

Соціальное банкротство слѣдуетъ по пятамъ за нравственнымъ и финансовымъ, какъ выразился Оппельнъ-Бронниковскій, а потому, когда Бодлэра преслѣдовали и осудили за «Цвѣты Зла», какъ посягателя на добрую нравственность, родные и нѣкоторые друзья отъ него отвернулись, а генералъ Опикъ сталъ называть его не иначе, какъ «этотъ человѣкъ». Поэтъ все болѣе и болѣе погрязалъ въ развратѣ и отуманивалъ себя гашишемъ. Его физическія силы угасали вмѣстѣ съ моральными въ ожиданіи умственнаго разложенія, что не заставило долго себя ждать. Утонченный дэнди, такъ презиравшій демократію, теперь сталъ менѣе требователенъ относительно окружавшаго его общества и кончилъ тѣмъ, что сталъ жить среди самыхъ грубыхъ людей, которые, впрочемъ, ему не нравились и надоѣдали. «Я не люблю дурного общества,—писалъ онъ Шамфлери въ 1863 году:—оно всегда меня даже приводило въ ужасъ. Пьянство, глупость и преступленіе имѣютъ какой-то вкусъ, который можетъ мнѣ нравиться нѣсколько минутъ; но подонки общества—невозможно». А между тѣмъ онъ продолжалъ проводить большую часть времени въ этомъ обществѣ. Его связь съ пьяной мулаткой была неразрывна, хотя самъ онъ сознавалъ, что «его связь позорна и онъ точно каторжникъ въ цѣпяхъ», но разорвать ихъ онъ все-таки не могъ.

Произнося такой приговоръ надъ Бодлэромъ, Оппельнъ не отказываетъ ему и въ похвалѣ за то, что онъ остался до конца честнымъ и даже благороднымъ человѣкомъ. Относительно матери онъ выказалъ себя любящимъ и преданнымъ сыномъ, а когда заболѣла его мулатка, онъ ухаживалъ за ней и продолжалъ заботиться даже, когда она лежала въ больницѣ. Живя среди богемы, Бодлэръ не заразился ихъ примѣромъ и платилъ всѣ свои долги. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1866 году онъ пишетъ, что давно бы застрѣлился, если бы его не озабочивали кредиторы и не желаніе оставить свои дѣла въ порядкѣ. Правда, ему не хватало энергіи Стендаля, который тоже почти разорился, но, принявшись за работу, худо или хорошо, поправилъ свои дѣла. Бодлэръ, напротивъ, не имѣлъ болѣе смѣлости приняться за перо и почти ничего не писалъ, однакожъ все-таки не дошелъ, по замѣчанію Оппеля, до самой низшей ступени, какъ Верлэнъ.

Противъ скуки у Бодлэра не нашлось другого средства, какъ гашишъ, развратъ и музыка Вагнера, которая, по его признанію, производила на него дѣйствіе аналогичное гашишу. «Бодлэръ пробовалъ, — говоритъ Оппельнъ,— всплыть надъ внутренней пустотой, надъ безцѣльной тревогой, которую онъ ощущалъ въ глубинѣ себя, какъ всѣ выродки. Но онъ дѣлалъ эту попытку съ помощью такихъ средствъ, послѣ которыхъ, по наступленіи часа пробужденія, онъ оставался отравленнымъ, погруженнымъ въ еще болѣе ужасную пустоту».

Бодлэръ, по мнѣнію Оппельна, не былъ безсознательнымъ развратникомъ, какъ Верлэнъ: онъ признавалъ существованіе нравственнаго закона и моральныхъ принциповъ, даже когда онъ богохульствовалъ. У него были идеи о Богѣ и безсмертіи. «Дурно бы тотъ понималъ Бодлэра,—говоритъ Оппельнъ:—кто его выраженія: Богъ, дьяволъ, адъ и небо, такъ часто выходящія изъ-подъ его пера, понялъ бы въ чисто метафорическомъ смыслѣ»; изъ этихъ вѣрованій или, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ религіозныхъ и нравственныхъ тревогъ

вышелъ сатанизмъ Бодлэра: эти крики возмущенія, полуискреннія воззванія къ духу зла, и этотъ родъ кажущагося наслажденія, которое ему даетъ грѣхъ, потому что онъ грѣхъ.

Бодлэру все наскучило, все противно; у него не сохранилось никакихъ иллюзій, онъ видитъ во всемъ только неестественное удовольствіе и истинную скуку. У него совсѣмъ нѣтъ того наивнаго культа любви—страсти, который былъ религіей всѣхъ романтиковъ и даже Стендаля, совсѣмъ не романтика съ другой точки зрѣнія.

Фанатическій поклонникъ Нирваны, къ тому же систематически презирающій все здоровое и естественное, онъ не допускалъ, чтобы любовь могла приносить плодъ, поэтому материнство приводило его въ ужасъ. Онъ любилъ только все искусственное, ненавидѣлъ природу; море, лѣсъ приводили его въ ужасъ. Онъ не могъ видѣть свободно протекающей воды: каналъ ему могъ нравиться, а рѣка была противна. Пѣніе птицъ его раздражало; онъ предпочиталъ имъ механическаго соловья или музыкальный ящикъ. Женская красота ему нравилась только подправленная и исправленная. «Легкій слой румянъ на свѣжей щекѣ,—писалъ по этому поводу его другъ Теофиль Готье,—мушки, помѣщенныя возбуждающимъ образомъ въ углу рта или глаза, подкрашенныя рѣсницы, выкрашенные въ рыжій цвѣтъ и посыпанные золотой пудрой волосы, рисовая пудра на шеѣ и плечахъ, кончики пальцевъ, оживленные карминомъ,—не могли ему не нравиться».

Бодлэръ не любилъ цвѣтовъ, духи же обожалъ. Эту страсть къ искусственному Оппельнъ называетъ остаткомъ романтизма (хотя другіе романтики любили природу), такъ какъ это происходитъ отъ той жажды невозможной новизны, отъ того догмата безусловной свободы искусства, которые были главными принципами эстетики и романтики. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, Бодлэръ типъ выродившагося романтика. Позывъ къ новымъ ощущеніямъ, вкусъ къ чрезмѣрному и странному атрофировали его геній и вмѣстѣ съ тѣмъ разстроили его здоровье. Послѣ «Цвѣтовъ Зла» онъ ничего не могъ болѣе написать, кромѣ перевода Поэ и подражанія Квинси. «Бодлеръ слишкомъ искалъ, во что бы то ни стало, всегда оригинальнаго, а потому не могъ создать ничего оригинальнаго. Онъ уже не зналъ о чемъ мечтать. Онъ такъ усиленно восторгался прекраснымъ, что забылъ, какъ выражать это прекрасное», говорилъ Готье. Бодлэръ сознавалъ свою умственную несостоятельность и объявилъ себя недовольнымъ другими и самимъ собою. Онъ дѣлалъ грандіозные планы, придумывалъ названія романовъ и пьесъ, но дальше этого не шелъ. Его скука и отвращеніе ко всему все болѣе росли, и онъ уже «не находилъ очарованія въ скучномъ зрѣлищѣ безсмертнаго грѣха» и признавался въ прозѣ и стихахъ, что самъ былъ своимъ палачомъ.

Въ результатѣ Бодлэръ является поэтомъ ненасытности, безплодности, истеріи, безсилія и страсти. Поэтъ циничный и болѣзненный, онъ былъ грубый реалистъ, артистъ патологическихъ утонченностей. Его вліяніе было велико и сложно. Оно имѣло свое дѣйствіе на самыя противоположныя литературныя школы: на натурализмъ Золя, психологическій анализъ Поля Бурже, утонченности и распредѣленіе искусства символистовъ, туманную мечтательность

Метерлинка. Многіе изъ писателей съ тѣхъ поръ пробовали заставить звучать новыя струны подобно Бодлэру, какъ, напримѣръ: Верлэнъ, Малларме, Роденбахъ, Анри, Ренье, которые были его поклонниками и отчасти учениками.

Въ заключеніе Оппельнъ, отдавая должныя похвалы Бодлэру, который умѣлъ обнажить всѣ раны, какія производятъ въ душѣ пресыщеніе, разочарованіе ко всему, говоритъ: «Мы знаемъ, какою цѣною пріобрѣталось странное дарованіе Бодлэра».

— Посѣщеніе Россіи лордомъ Р. Черчилемъ и его женою въ 1887 г.—Шестая часть [1]) воспоминаній лэди Черчиль, появившаяся въ майской книжкѣ «Century Magazine», посвящена исключительно тому, что она видѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ провела «интересный и очаровательный мѣсяцъ». Хотя авторша не приводитъ въ ней ничего новаго и оригинальнаго, но все-таки ея довольно подробный разсказъ обо всѣхъ русскихъ впечатлѣніяхъ представляетъ нѣкоторый интересъ. По ея словамъ, все для нея было въ Россіи занимательной новинкой: народъ казался ей очаровательнымъ, гостепріимнымъ и очень добродушнымъ и она не видѣла никакихъ признаковъ убійственныхъ деспотизма и тираніи, которые обыкновенно служатъ синонимами русской жизни.

Лэди Черчиль находила, что петербургскіе дома устроены по парижскому образцу, по крайней мѣрѣ внутри и, хотя они не такъ изящны, какъ въ Парижѣ, зато вообще русскія гостиныя гораздо лучше англійскихъ по аристократическому тону ихъ украшеній. Особенно ей понравился избытокъ свѣта въ комнатахъ, освѣщенныхъ по вечерамъ множествомъ свѣчей и въ изобиліи электрическими лампочками. Она отмѣчаетъ, что во всѣхъ домахъ царитъ теплота, несмотря на стужу снаружи, а пріѣзжіе иностранцы, разсчитывая мерзнуть въ Россіи отъ холода, напротивъ, задыхаются отъ духоты, такъ какъ окна никогда не открываются, и приходится довольствоваться маленькими форточками. Но зато она вполнѣ наслаждалась катаніемъ на саняхъ, преимущественно на тройкахъ. Ей не менѣе нравилось кататься на конькахъ въ Таврическомъ саду, гдѣ, кромѣ того, устроены отличныя ледяныя горы, съ которыхъ спускаются на конькахъ; хотя это, по ея замѣчанію, очень опасно, но доставляетъ большое удовольствіе.

Изъ числа общественныхъ увеселеній первое мѣсто занимали театры, и ей особенно пришлись по вкусу опера Глинки «Жизнь за Царя» и балетъ «Эсмеральда», въ которомъ отличалась извѣстная танцовщица Цукки, по ея выраженію, «удивительная балерина старой школы». Авторша нѣсколько разъ завтракала съ мужемъ у Кюба, который, какъ извѣстно, былъ прежде придворнымъ поваромъ и получалъ въ годъ жалованья 10.000 ф. стерлинговъ. Въ его ресторанѣ, по ея словамъ, кушанья подавались въ такомъ изобиліи, что можно было накормить цѣлый полкъ, а не маленькое общество, въ которомъ она находилась, состоявшее, кромѣ ея мужа, изъ маркиза Бретеля и мистера Трифорда, сопровождавшихъ Черчилей въ ихъ поѣздкѣ по Россіи.

[1]) The Reminiscences of Lady Randolph Churchill. The May «Century Magazine» 1908.

Вообще она сдѣлала наблюденіе, что русскіе очень много ѣдятъ и пьютъ. Въ послѣднемъ отношеніи она разсказываетъ анекдотъ, который врядъ ли справедливъ. Одинъ преображенскій полковникъ былъ однажды вечеромъ такъ пьянъ, что когда его представили лэди Черчиль, то онъ упалъ головою къ ней на плечо при общемъ смѣхѣ всѣхъ окружающихъ, которые, повидимому, не находили ничего дурного въ его выходкѣ.

О впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на лэди Черчиль императорскимъ пріемомъ въ Гатчинѣ, она пишетъ, что Гатчина представляетъ странное соединеніе великолѣпія и простоты; ее особенно удивило небольшое количество часовыхъ; при въѣздѣ во дворецъ на большой дорогѣ она видѣла всего только одного часового. Она нашла, что дворецъ не представлялъ архитектурныхъ достоинствъ, но его шестьсотъ комнатъ и безчисленные коридоры были украшены рѣдкимъ восточнымъ фарфоромъ, драгоцѣнными тканями и всевозможными художественными сокровищами. Скороходы въ черныхъ и желтыхъ ливреяхъ, а также два арапа въ тюрбанахъ, стоявшіе при входѣ въ царскіе аппартаменты, придавали всей картинѣ нѣсколько дикій видъ. «Въ ожиданіи пріема,—пишетъ она,—насъ привели въ комнату, украшенную по стѣнамъ посредственными картинами. Здѣсь намъ подали завтракъ, послѣ котораго последовалъ императорскій пріемъ. Рэндольфъ оставался у царя около часа. Императрица, которую я видѣла въ Англіи наслѣдницей, безъ конца разспрашивала меня о политическихъ и соціальныхъ новостяхъ Англіи. Когда же она дошла до bout de son latin, и Рэндольфъ все-таки не появлялся, то меня повели осматривать дворецъ. Меня особенно тамъ поразила большая комната, наполненная удобными креслами, письменными столами и этажерками съ разными игрушками; мнѣ сказали, что здѣсь ихъ величества любили обѣдать и проводить вечера. Это мнѣ показалось страннымъ, такъ какъ во дворцѣ было столько сотенъ комнатъ, но вкусы царской семьи вообще отличались простотою».

Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга Черчили получили приглашеніе на спектакль въ гатчинскій дворецъ. По словамъ лэди Черчиль, въ этотъ вечеръ представленіе состоялось на трехъ различныхъ языкахъ. Ее посадили въ третьемъ ряду, но когда вошла въ залъ императрица Марія Ѳеодоровна, то перевели во второй рядъ, и государыня часто къ ней оборачивалась съ любезнымъ выраженіемъ.

На придворныхъ балахъ въ Зимнемъ дворцѣ Черчилямъ не удалось присутствовать по причинѣ отъѣзда въ Москву, но они были на новогоднемъ парадномъ пріемѣ, въ которомъ участвовала вся царская семья. Лэди Черчиль особенно понравилась придворная капелла, о которой она передаетъ слышанный ею анекдотъ относительно малиновыхъ кафтановъ пѣвчихъ. Сначала, сообщаетъ она, хоръ носилъ черную одежду, но какъ-то одна любимая фрейлина котораго-то изъ императоровъ сказала ему, что она не любитъ этой траурной одежды, и на другой день вся капелла явилась въ малиновой одеждѣ съ золотыми галунами, какую носитъ до сихъ поръ. При выходѣ изъ дворца Черчили съ удивленіемъ разсматривали великолѣпную шапку императрицы изъ черныхъ соболей, стоившую 60.000 фунтовъ стерлинговъ, которую охранялъ

часовой. Изъ русскихъ придворныхъ обычаевъ Черчилей очень удивлялъ одинъ' а именно, что на царскихъ ужинахъ подавали кушанья на маленькихъ столахъ, и царь не садился за столъ, а обходилъ всѣхъ гостей. Вообще лэди Черчиль сочувственно отзывается о томъ, что при русскомъ дворѣ нѣтъ такого строгаго этикета, какъ въ Англіи и Германіи.

Что касается многочисленныхъ знакомыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми лэди Черчиль познакомилась въ Петербургѣ, то она упоминаетъ о графѣ Шуваловѣ, котораго знала еще въ Лондонѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, Гирсѣ, графѣ Игнатьевѣ, князьяхъ Салтыковѣ и Воронцовѣ, а также Побѣдоносцевѣ. Съ послѣднимъ она долго разговаривала и была особенно поражена его желтыми зубами. Особенно рѣдкое гостепріимство оказалъ ей Половцовъ съ женою, пріемною дочерью милліонера Штиглица. Упоминая о Половцовѣ, лэди Черчиль дѣлаетъ не часто встрѣчающуюся въ ея воспоминаніяхъ ошибку, называя его предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а не государственнымъ секретаремъ. «Въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ,— замѣчаетъ лэди Черчиль,—никогда не говорятъ ни о внѣшней, ни о внутренней политикѣ».

Изъ Петербурга Черчили отправились на нѣсколько дней въ Москву, которая ихъ поразила своеобразнымъ и живописнымъ видомъ. Тамъ все ихъ удивляло и забавляло, начиная съ толпы людей въ мѣховыхъ одеждахъ, до множества торчавшихъ кверху мерзлыхъ мясныхъ тушъ и рыбъ, уже не говоря о великолѣпныхъ дворцахъ и церквахъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на нихъ Третьяковская галерея съ несмѣтнымъ количествомъ картинъ, «изображающихъ жестокіе тиранические эпизоды изъ русской исторіи». Лэди Черчиль отзывается очень сочувственно о тогдашнемъ московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Долгорукомъ. Это былъ, по ея словамъ, красивый восьмидесятилѣтній grand seigneur старой школы. Онъ говорилъ ей, что 22 года былъ начальникомъ Москвы и 56 лѣтъ служилъ въ русской арміи при трехъ царяхъ. Онъ былъ очень любезенъ съ Черчилями и приставилъ къ нимъ своего адъютанта князя Урусова, который показывалъ имъ весь городъ, начиная съ Воробьевыхъ горъ, откуда открывался великолѣпный видъ на Москву. Лэди Черчиль видѣла въ Кремлѣ мраморную статую Наполеона, которую, какъ ей объяснили, онъ привезъ въ Москву въ знакъ своей побѣды надъ русскими, но которая, наоборотъ, послужила для русскихъ трофеемъ.

Князь Долгорукій доставилъ лэди Черчиль большое удовольствіе пѣніемъ хора цыганъ, которыхъ онъ пригласилъ тотчасъ же, когда узналъ о ея желаніи ихъ послушать. На балу въ дворянскомъ собраніи лэди Черчиль танцовала до изнеможенія съ русскими офицерами. Въ день ихъ отъѣзда изъ Москвы генералъ-губернаторъ проводилъ ихъ на вокзалъ и привезъ лэди Черчиль дорогой букетъ орхидей, который немедленно замерзъ при 20-градусномъ морозѣ. «Я съ большимъ сожалѣніемъ уѣзжала изъ Москвы,—пишетъ лэди Черчиль:— такъ какъ, кромѣ замѣчательныхъ диковинъ, видѣнныхъ мною, я познакомилась со многими прелестными и очень пріятными женщинами. Я узнала отъ нихъ, что русскія женщины не любятъ никакого спорта и вообще очень мало занимаются физическими упражненіями, посвящая все свое время образованію

и занятію искусствомъ, поэтому онѣ знаютъ многіе иностранные языки, читаютъ массу книгъ и вообще составляютъ пріятное общество. Говорятъ, что русскіе не любятъ сближаться съ иностранцами, но это несправедливо, и я знаю много русскихъ мужчинъ и женщинъ, которые въ иностранномъ обществѣ являются «personae gratae».

Въ числѣ избранныхъ лицъ, дружбою которыхъ пользовалась лэди Черчиль, она упоминаетъ о великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, впослѣдствіи герцогинѣ Эдинбургской и Саксенъ-Кобургъ-Готской. Она знала ее въ Англіи и въ доказательство близкихъ съ нею отношеній приводитъ ея три любезныхъ письма изъ Штутгарта, Петергофа и съ острова Мальты. Въ заключеніе она упоминаетъ о бывшемъ русскомъ посланникѣ въ Лондонѣ баронѣ Сталѣ, который находился съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и поражалъ ее своимъ добрымъ обращеніемъ и даромъ очаровательнаго собесѣдника. За нѣсколько времени до своей смерти онъ прислалъ ей свою фотографическую карточку и записку со слѣдующими словами на французскомъ языкѣ: «Chère madame et amie! Вотъ очень старое лицо очень стараго человѣка, полумертваго, но очень васъ любящаго. Не примите слишкомъ дурно этой карточки. Преданный вамъ Сталь».

— Смерть герцога Девоншира, сэра Генри Кампбель-Банермана, Жебара и Галеви. Въ послѣднее время Англія лишилась двухъ либеральныхъ государственныхъ людей, а Франція двухъ академиковъ. Первымъ скончался герцогъ Девонширъ, который былъ образцовымъ англійскимъ джентльменомъ и принадлежалъ къ исторической партіи виговъ. Сынъ и наслѣдникъ герцога Девоншира, онъ сначала назывался маркизомъ Гартингтономъ и подъ этимъ именемъ долго былъ извѣстенъ политической Англіи. Родился маркизъ Гартингтонъ въ 1839 г. и воспитывался въ кембриджскомъ университетѣ. Въ политикѣ онъ дебютировалъ состоящимъ при посольствѣ лорда Гренвиля въ Россіи по случаю коронаціи императора Александра II, а на слѣдующій годъ онъ вступилъ въ нижнюю палату отъ Сѣвернаго Ланкашира и тотчасъ примкнулъ къ либеральной партіи. Съ тѣхъ поръ и до 1891 г., когда онъ наслѣдовалъ отцу и перешелъ въ палату лордовъ, какъ герцогъ Девонширъ, онъ засѣдалъ въ нижнемъ парламентѣ. При этомъ Гартингтонъ былъ долгіе годы ревностнымъ послѣдователемъ Гладстона и занималъ много различныхъ министерскихъ должностей; одно время онъ даже былъ главою либеральной партіи въ нижней палатѣ. Въ концѣ своей политической дѣятельности онъ разошелся съ Гладстономъ изъ-за ирландскаго вопроса и присоединился съ уніонистской партіей къ тори. Это, впрочемъ, не помѣшало ему оставаться либераломъ и когда торійскій министръ Бальфуръ сдѣлался протекціонистомъ, то Банерманъ отказался послѣдовать за нимъ и въ послѣдніе годы игралъ роль независимаго либерала. Вообще онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ умѣренно-либеральный политическій дѣятель, и Брайтъ охарактеризировалъ его словами: «Здоровое тѣло и основательная голова». Извѣстная же лэди Черчиль въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, дѣйствовавшемъ медленно, но основательно и отличавшемся какъ тактомъ, такъ и безошибочнымъ сужденіемъ. Кромѣ своего политическаго положенія, герцогъ Девон-

ширъ занималъ еще посты канцлера кембриджскаго университета и гросмейстера ланкаширскихъ масоновъ. Послѣднее время онъ провелъ въ Каннѣ, въ Италіи, и умеръ на семьдесятъ четвертомъ году.

Другой англійскій либералъ, скончавшійся 9 апрѣля, былъ сэръ Генри Кампбель-Банерманъ, также не первостепенный государственный мужъ, но человѣкъ умѣренный и отличавшійся здравымъ смысломъ и тактомъ политическій дѣятель. Онъ родился въ 1836 г. и принадлежалъ къ семьѣ шотландскихъ дворянъ. Воспитаніе онъ получилъ въ глазговскомъ университетѣ, а потомъ въ Кембриджѣ Сначала онъ занимался торговыми дѣлами и служилъ въ отрядѣ волонтеровъ, а въ 1866 г. вступилъ въ нижнюю палату, гдѣ и оставался до своей смерти, не желая перейти въ палату пэровъ. Не отличаясь замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, онъ постоянно забавлялъ своихъ товарищей шотландскими шутками и и часто занималъ министерскія мѣста, въ которыхъ главнымъ образомъ предоставлялъ своимъ сослуживцамъ дѣйствовать, какъ они хотѣли, что привело его къ потерѣ поста военнаго министра въ 1895 г. Въ послѣдніе годы онъ былъ главой либеральной партіи, и въ 1905 г., послѣ побѣды либераловъ на выборахъ, сдѣланъ первымъ министромъ. Онъ обнаружилъ въ своемъ непродолжительномъ министерствѣ много стремленій къ либеральнымъ реформамъ и высказалъ искреннее желаніе сблизиться съ Россіей, но тяжелая болѣзнь заставила его недавно выйти въ отставку, а затѣмъ онъ скоро скончался 72-хъ лѣтъ, оплакиваемый всѣми, какъ либералами, такъ и консерваторами, за его доброе, простое и тактичное обращеніе.

Въ числѣ умершихъ французскихъ академиковъ заслуживаетъ особаго вниманія Эмиль Жебаръ, по происхожденію изъ Лотарингіи, а слѣдовательно правильнѣе—Гебгардъ. Онъ родился 19 іюля 1839 г. въ Нанси и, окончивъ университетское образованіе, получилъ профессорскую каѳедру въ Ниццѣ, гдѣ оставался недолго и перешелъ въ аѳинскую школу, гдѣ основательно изучилъ классиковъ. Потомъ онъ долго пребывалъ въ Римѣ и сдѣлался знатокомъ Италіи. Возвратившись во Францію, Жебаръ выдержалъ экзаменъ на доктора литературы и занялъ каѳедру профессора въ своемъ родномъ городѣ Нанси, гдѣ и оставался четырнадцать лѣтъ. Въ 1879 г. онъ былъ избранъ парижскимъ университетомъ на каѳедру южно-европейскихъ литературъ, а четыре года тому назадъ занялъ мѣсто безсмертнаго во французской академіи. Изъ его сочиненій особеннымъ успѣхомъ пользовались историческіе труды по классическимъ предметамъ, итальянской философіи эпохи Возрожденія и т. д. Кромѣ того, онъ постоянно помѣщалъ публицистическія статьи въ «Journal des Débats» и «La Revue des Deux Mondes». Большая часть его произведеній отличалась не только ученымъ знаніемъ, но и блестящимъ художественнымъ изложеніемъ.

Хотя Людовикъ Галеви, скончавшійся въ Парижѣ 8 мая, былъ однимъ изъ литературныхъ ветерановъ французской академіи, но въ сущности онъ нимало не походилъ на обыкновеннаго академика. Это былъ извѣстный опереточный либретистъ и легкомысленно-игривый беллетристъ. Онъ родился въ 1834 г. и былъ сыномъ Леона Галеви, профессора политехнической школы, и племянникомъ знаменитаго Галеви, творца «Жидовки». Покойный Галеви началъ свою карьеру чиновникомъ, а потомъ былъ секретаремъ законодательнаго корпуса

при герцогѣ Морни, но съ 1865 г. онъ вышелъ въ отставку и предался легкомысленной литературѣ. Въ 1864 г. онъ написалъ вмѣстѣ съ Мельякомъ либретто «Прекрасной Елены», которое имѣло колоссальный успѣхъ вмѣстѣ съ музыкою Оффенбаха. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ оперетокъ, либретто къ которымъ Галеви писалъ вмѣстѣ съ своимъ постояннымъ сотрудникомъ Мельякомъ. Кромѣ того, онъ былъ самостоятельнымъ авторомъ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній самаго легкомысленно-игриваго рода. Изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались «Monsieur et Madame Cardinal», «Criquette» и «Abbé Constantin». Въ послѣднее время Галеви совсѣмъ пересталъ писать, но продолжалъ являться въ академію почти до дня смерти.

СМѢСЬ.

Въ литературномъ фондѣ. 4 мая въ залѣ географическаго общества состоялись подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева два общихъ собранія литературнаго фонда: обыкновенное и чрезвычайное. Въ первомъ, послѣ того, какъ почтена была вставаніемъ память А. М. Жемчужникова, прочитанъ отчетъ по секретарской части съ 1 января по 4 мая. Прошеній о пособіяхъ подано было 209, удовлетворено же 167. Денежныхъ единовременныхъ пособій было выдано 112 лицамъ на 3,043 рубля. Всего же на денежныя пособія израсходовано 10,663 рубля. Комитетомъ была избрана комиссія изъ своей среды въ составѣ 4 лицъ для выработки программы порядка празднованія 50-лѣтняго юбилея литературнаго фонда въ будущемъ году. Отъ продажи изданій фонда получено 8,329 рублей. Какъ видно изъ отчета казначея за 4 мѣсяца текущаго году, денежныхъ суммъ фонда на 1 января 1908 года состояло 710,685 рублей 74 копейки. Поступило по май мѣсяцъ 25,753 рубля 38 копеекъ. Израсходовано 16,219 рублей 37 копеекъ (въ томъ числѣ на пенсіи 2,376 рублей). Состоитъ на 1 мая 720,219 рублей 75 копеекъ. Предметомъ чрезвычайнаго общаго собранія было окончательное рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ существованіи дома писателей имени В. Ф. Голубева. Еще въ апрѣлѣ 1907 года возникла мысль о продажѣ этого дома. Чрезвычайное общее собраніе фонда 13 мая 1907 года образовало спеціальную комиссію для выясненія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи этого дома. Комитетъ литературнаго фонда въ прошломъ году высказался за ликвидацію дѣла по дому, что поддержано было и бывшею ревизіонною комиссіею. Въ настоящемъ собраніи сдѣланъ былъ подробный докладъ о возникновеніи дома писателей на капиталъ В. О. Михневича и на пожертвованные инженеромъ Голубевымъ

150,000 рублей на устройство общежитія для писателей. Оказалось, что домъ для писателей и теперь даетъ до тысячи рублей доходности, а можетъ приносить гораздо болѣе. Комиссія рѣшительно высказалась противъ ликвидаціи и намѣтила рядъ мѣръ къ улучшенію положенія дѣла. Къ мнѣнію комиссіи примкнули наслѣдники жертвователя на домъ для писателей покойнаго Голубева и г-жа Михневичъ. Къ тому же склонился въ послѣднее время и комитетъ литературнаго фонда. Въ настоящемъ собраніи вопросъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе П. И. Вейнбергъ, В. С. Кривенко, Г. К. Градовскій, Я. Н. Колубовскій, С. Ф. Годлевскій, М. В. Ватсонъ и нѣкоторые другіе. Въ конечномъ результатѣ, согласно мнѣнію комиссіи, общее собраніе постановило: 1) ликвидаціи не производить и домъ для писателей будетъ продолжать существовать; 2) поручить совѣту управленія домомъ изыскать способы, чтобы двѣ трети участка земли, прилегающей къ Песочной улицѣ, или сдать въ выгодную долгосрочную аренду, или продать не дешевле 55 рублей за кв. саж.; 3) измѣнить условія пользованія общежитіемъ въ томъ смыслѣ, чтобы допускались въ него одинокія писательницы; 4) въ совѣтѣ управленія домомъ долженъ участвовать съ правомъ голоса и представитель живущихъ въ домѣ писателей.

Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 6 мая въ помѣщеніи собранія экономистовъ, состоялось, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Бородина, годовое общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Прежде всего почтена была вставаніемъ память умершихъ членовъ кассы: А. И. Чупрова, С. Н. Кулябко, В. Н. Никитина. Предсѣдатель правленія Я. Н. Колубовскій обрисовалъ отчетный минувшій 17-й годъ кассы, какъ благополучный, сравнительно съ 1906 годомъ. Касса имѣетъ отдѣленія: московское, кіевское, юрьевское и одесское. Всѣхъ членовъ кассы на 1908 годъ состоитъ 762, изъ нихъ по центральному управленію 471 и по отдѣленіямъ 291. Было въ отчетномъ году 20 случаевъ, вызвавшихъ выдачу поразрядныхъ суммъ, коихъ выдано 30,719 руб. 18 к. Пенсіями пользовались 14 лицъ на годовую сумму 5,700 руб. Въ пенсіонный капиталъ кассы поступило пожертвованій 3,103 руб. 57 коп. и на другія цѣли 501 руб. 45 коп. Особый видъ пожертвованій въ пенсіонный капиталъ кассы составляютъ взносы издателей періодическихъ изданій за перепечатки статей и извѣстій изъ другихъ изданій. Поступило въ отчетномъ году за перепечатки 1,177 руб., а всего за девять лѣтъ сбора за перепечатки 14,010 руб. 19 коп. Касса имѣетъ въ процентныхъ бумагахъ 203,250 руб. и наличными 1,602 руб. 27³/₄ коп. Кромѣ того, кассѣ на правахъ совладѣнія принадлежитъ четвертая часть двухъ земельныхъ участковъ въ Старомъ Крыму. Общимъ собраніемъ было постановлено: 1) Отчетъ правленія кассы за 1907 годъ утвердить. 2) Выразить особую благодарность предсѣдателю правленія Я. Н. Колубовскому за 15 лѣтъ труда по веденію сложнаго и отвѣтственнаго дѣла по кассѣ. 3) Выразить благодарность за труды казначею кассы Л. З. Слонимскому, секретарю М. В. Барро и всѣмъ членамъ правленія. 4) Благодарить одесское отдѣленіе за увеличеніе пенсіоннаго капитала. 5) Пополнить составъ комиссій: а) по санаторіямъ и б) по изысканію средствъ. 6) Разрѣшить правленію особый кредитъ въ 100 руб.

на приглашеніе артельщика для посылки его къ столичнымъ недоимщикамъ. 7) Поручить правленію разработку вопроса объ организаціи агентуры по сбору денегъ за перепечатки. Учредитель кассы Г. К. Градовскій, въ виду рѣшительнаго отказа предсѣдателя правленія Я. Н. Колубовскаго баллотироваться вновь въ правленіе, сдѣлалъ предложеніе объ основаніи особаго капитала имени Я. Н. Колубовскаго въ числѣ другихъ. Собраніемъ единогласно это было принято. Въ заключеніе были избраны въ члены правленія гг. Слонимскій и Груздевъ. 18 мая состоялось въ томъ же помѣщеніи собранія экономистовъ продолженіе годового собранія. Послѣ долгаго и страстнаго обсужденія одного литературнаго инцидента, далеко отклонившаго собраніе отъ текущихъ вопросовъ, поставленныхъ на повѣстку, наконецъ, былъ принятъ собраніемъ отказъ продолжать свою дѣятельность трехъ членовъ бюро по спросу и предложенію литературнаго труда. Рѣшено просить лицъ, желающихъ участвовать въ бюро, заявить объ этомъ правленію, которое должно изъ числа желающихъ намѣтить кандидатовъ и поставить ихъ на баллотировку въ общемъ собраніи. Затѣмъ состоялось избраніе двухъ представителей кассы въ соединенную комисію для разрѣшенія и обсужденія поступка сотрудниковъ «Руси», гг. Попова и Климкова. Избраны: К. К. Арсеньевъ и Я. Н. Колубовскій. Кромѣ того, общее собраніе единогласно постановило поручить предсѣдателю общаго собранія выразить г. Милюкову свое сочувствіе по случаю прискорбнаго событія. Въ заключеніе состоялись выборы новыхъ членовъ. Избранными оказались: Г. Б. Блаубергъ, С. И. Бондаревъ, Н. Н. Виноградовъ, С. А. Иванчина-Писарева, Ѳ. А. Мельниковъ, А. К. Семеновъ и В. Н. Цѣховская.

Съѣздъ представителей губернскихъ архивныхъ комиссій. 17 апрѣля въ помѣщеніи археологическаго института состоялось открытіе съѣзда представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. На открытіи присутствовали 35 членовъ съѣзда, среди которыхъ находились: членъ государственнаго совѣта Б. В. Штюрмеръ, новгородскій губернаторъ, директоръ императорскаго археологическаго института профессоръ Н. В. Покровскій, директоръ с.-петербургскаго женскаго педагогическаго института профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Султановъ и другіе. Предсѣдателемъ съѣзда единогласно избранъ былъ профессоръ Н. В. Покровскій. Предметомъ обсужденія служили: вопросъ реорганизаціи комиссій и окончательная разработка проекта новаго положенія о комиссіяхъ. Комиссіи по вновь выработанному на съѣздѣ проекту состоятъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оживленныя и долгія пренія возбудилъ вопросъ о цѣляхъ комиссій. Исходя изъ соображенія, что въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ находятся среди дѣлъ существующихъ учрежденій дѣла и документы большой исторической важности, для учрежденія же представляющіе лишь излишній баластъ, на обязанность комиссій возложенъ разборъ архивовъ упраздненныхъ учрежденій. Кромѣ архивовъ правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій, на обязанности комиссій возложена забота и объ архивахъ частныхъ лицъ. Важные бумаги и документы и послужатъ матеріаломъ для образованія въ каждомъ губернскомъ городѣ мѣстныхъ историческихъ архивовъ. Задача комиссій устроить эти архивы вполнѣ удобными и доступными для ученыхъ занятій,

снабдивъ ихъ необходимыми каталогами и указателями. Одною изъ задачъ комиссій намѣчается также образованіе мѣстныхъ историко-археологическихъ музеевъ. Ученыя архивно-археологическія учрежденія по проекту положенія предполагается передать подъ почетное предсѣдательство августѣйшаго предсѣдателя императорской академіи наукъ. Ходатайствовать объ этомъ передъ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ поручено особой депутаціи. 18 апрѣля состоялось второе и послѣднее засѣданіе съѣзда. Закончена была выработка проекта новаго положенія объ ученыхъ архивно-археологическихъ комиссіяхъ. Центромъ тяжести преній послужилъ параграфъ объ утвержденіи чиновъ комиссіи мѣстнымъ губернаторомъ. Въ защиту этого параграфа выступилъ рядъ ораторовъ, указывающихъ, что комиссіи, какъ учрежденія правительственныя, будутъ пользоваться извѣстными правами и правительственными средствами, поэтому дѣятели ихъ должны быть хорошо извѣстны мѣстной административной власти въ лицѣ губернатора, какъ непремѣннаго попечителя комиссій. Съ другой стороны, являлось возраженіе, что такая полная зависимость комиссій, учрежденій исключительно ученыхъ, отъ мѣстной администраціи излишня; достаточно утвержденія предсѣдателя комиссіи — министромъ внутреннихъ дѣлъ, товарища предсѣдателя, правителя дѣлъ и другихъ должностныхъ лицъ — губернаторомъ. Незначительнымъ большинствомъ голосовъ послѣднее предложеніе было принято. Ежегодные отчеты о своей дѣятельности комиссіи по новому положенію должны представлять въ учреждаемое при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое совѣщаніе, а также президенту академіи наукъ и въ археологическій институтъ. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ объ организаціи центральнаго органа въ С.-Петербургѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, учрежденнаго для обсужденія вопросовъ объ открытіи новыхъ архивныхъ комиссій, для разсмотрѣнія ихъ отчетовъ, распредѣленія между ними правительственной субсидіи и объединенія ихъ ученой дѣятельности. Въ составъ совѣщанія входятъ представители какъ высшихъ ученыхъ учрежденій, такъ и представители различныхъ вѣдомствъ. По принятіи проекта положенія съѣздъ постановилъ: возбудить передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о правительственной субсидіи комиссіямъ по 2,000 руб. на каждую ежегодно.

Засѣданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. На послѣднемъ засѣданіи симбирской губернской ученой архивной комиссіи предсѣдательствовавшій В. Н. Поливановъ сдѣлалъ крайне интересный докладъ о раскопкахъ, производимыхъ въ Кіевѣ мѣстными археологами, гг. Хвойко и Хоненко, которые любезно познакомили его съ добытыми предметами старины, моделями раскопокъ и рукописнымъ матеріаломъ, подготовляемымъ для подробнаго доклада императорской археологической комиссіи. Уже давно кіевскихъ археологовъ интересовала мѣстность, расположенная на спускѣ къ Днѣпру и носящая названіе «Княжаго двора» или «Княжей горы», гдѣ, по преданію и по топографіи Кіева, съ вѣроятностью предполагали мѣстонахожденіе княжескихъ палатъ Владимировой эпохи. Мѣстность эта находится невдалекѣ отъ той, на которой нѣкогда находилась извѣстная «Десятинная» церковь, построенная св. княземъ Владиміромъ и на которой нынѣ стоитъ храмъ апостола Андрея Первозваннаго. До послѣдняго времени препятствіемъ

къ производству раскопокъ служило то обстоятельство, что данная площадь земли находится въ частномъ владѣніи кіевскаго жителя, доктора Петровскаго. Но и послѣ того, какъ это затрудненіе было устранено, производство раскопокъ пришлось ограничить незначительнымъ пространствомъ, стѣсненнымъ находящимися вблизи строеніями. Но разъ раскопки начаты и на первыхъ же порахъ дали блестящіе результаты, то можно надѣяться, что сдѣлаютъ возможнымъ и продолженіе ихъ во что бы то ни стало. При началѣ раскопокъ прежде всего пришлось поднять слой наносной земли глубиною въ двѣ сажени, подъ которымъ тысячелѣтіе скрыты были вещественные памятники первой христіанской эры на Руси. Открыто то, что теперь иллюстрируетъ самую сѣдую старину въ такомъ древлехранилищѣ, какимъ является мать русскихъ городовъ Кіевъ. Раскопаны каменныя стѣны дворца съ ходами, причемъ найдено много остатковъ изразцовъ, черепковъ посуды, каменныхъ формъ для отливки крестовъ и др. Въ этихъ развалинахъ предполагаютъ «Ольгинъ дворецъ». Тутъ же найдена святыня, археологическая цѣнность которой для Россіи едва ли не выше всего. Это—большой крестъ изъ бронзы, византійскаго происхожденія, четырехконечный, съ круглымъ медальономъ по серединѣ, въ которомъ изображеніе св. Ѳеодора съ надписью по-гречески «Ѳеодоросъ». На крестѣ видна еще мѣстами покрывавшая его эмаль. Нѣкоторые склонны вѣрить, основываясь на историческихъ датахъ, что этимъ именно крестомъ крещена была Русь. Затѣмъ, на одной изъ найденныхъ каменныхъ досокъ уцѣлѣла надпись, въ которой можно предположить монограмму святого Владимира. Кромѣ всего перечисленнаго, при раскопкахъ найдена масса сложенныхъ череповъ. Высокій интересъ и значеніе, представляемые открытыми древностями, вызвали поѣздку г. Ханенко въ Царское Село, и для этого имъ была изготовлена точная модель мѣста раскопокъ, стѣнъ открытаго дворца и найденныхъ древностей. Въ настоящее время какъ модель, такъ и древности представлены въ императорскую археологическую комиссію.

Освященіе часовни-музея. 27-го апрѣля состоялось торжественное освященіе только что отдѣланной часовни-музея при храмѣ Воскресенія Христова на мѣстѣ смертельнаго пораненія императора Александра II, на Екатерининскомъ каналѣ. Предъ освященіемъ часовни-музея въ Воскресенскомъ храмѣ совершена была литургія, которую служилъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ петербургскій и ладожскій, при участіи благочиннаго, митрофорнаго протоіерея Николая Георгіевскаго, лаврскаго архимандрита Геннадія, настоятеля храма, протоіерея П. П. Лепорскаго, соборнаго ключаря, о. Н. Р. Антонова, священника Путилина и прочаго духовенства. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. По окончаніи литургіи у сѣни надъ мѣстомъ смертельнаго пораненія была отслужена панихида по въ Бозѣ почивающемъ Царѣ-Освободителѣ. Послѣ совершенія службы въ храмѣ къ часовнѣ-музею направился при пѣніи пасхальныхъ пѣснопѣній крестный ходъ. Духовенство вошло внутрь часовни, а народъ густою толпою стоялъ на набережной Екатерининскаго канала. Владыка-митрополитъ совершилъ чинъ освященія часовни-музея, окропивъ св. водою стѣны, иконы и другіе находящіеся въ часовнѣ предметы. Часовня Воскресенскаго храма представляетъ собою

особое, довольно большое зданіе въ византійскомъ стилѣ, находящееся съ лѣвой стороны храма. Въ часовнѣ-музеѣ размѣщены всѣ тѣ иконы и предметы, которые были пожертвованы со дня кончины императора Александра II. Въ центрѣ часовни установлена главная святыня—образъ Иверской Божіей Матери, точная копія съ московской чудотворной иконы, что у Воскресенскихъ воротъ. Предъ иконой виситъ чудной работы лампада на трехъ цѣпяхъ съ царской короной наверху. Образъ этотъ былъ сооруженъ на средства московскаго съѣзда мировыхъ судей. Кромѣ Иверской иконы Божьей Матери, обращаютъ на себя вниманіе въ часовнѣ музеѣ художественно исполненные масляными красками на полотнѣ большіе образа: «Распятіе Господа», написанное, какъ говорятъ, знаменитымъ художникомъ Боровиковскимъ, «Вознесеніе Господне», «Взятіе Богоматери на небо», «Святое Семейство», «Смерть св. праведнаго Іосифа, обручника Пресвятой Дѣвы», и другіе. Нѣкоторыя изъ этихъ пожертвованныхъ иконъ оцѣниваются въ десятокъ тысячъ рублей. Много пожертвованныхъ предметовъ (евангелій, чашъ, крестовъ, кадилъ и т. п.) хранится въ ризницѣ при часовнѣ. Въ этой ризницѣ будутъ находиться и одежды священно-церковнослужителей. Послѣ освященія часовня-музей была открыта для обозрѣнія

Музей двѣнадцатаго года. Начало девятнадцатаго вѣка принесло Россіи тяжелыя бѣдствія Отечественной войны. Великія слова императора Александра I: «не вложу шпаги въ ножны, пока хоть одинъ непріятель будетъ оставаться на родной землѣ»—какъ нельзя лучше выражали искреннюю рѣшимость русскихъ людей съ непоколебимой надеждой на Всевышняго спасти родину-мать отъ грознаго врага. Черезъ четыре года Москва во главѣ всей Россіи будетъ праздновать свой свѣтлый праздникъ, избавленіе отъ «нашествія дванадесяти языкъ». Празднованіе этого великаго событія, безъ сомнѣнія, должно привлечь къ себѣ всѣхъ русскихъ. Необходимо возродить изъ праха забвенія великія дѣла, великіе подвиги русскихъ героевъ, воскресить и увѣковѣчить ихъ имена. Тяжелый кошмаръ манчжурскихъ пораженій поблекнетъ, измученныя души русскихъ людей отдохнутъ на воскресшихъ старыхъ образцахъ. Въ Москвѣ по Высочайшему повелѣнію образована особая комиссія для постройки музея 1812 года. Ей поручено изыскать необходимыя средства, исполнить самую постройку, а также собрать все относящееся къ великой эпохѣ, что въ качествѣ священныхъ реликвій должно быть сохранено на вѣчныя времена и передано въ наслѣдство грядущимъ поколѣніямъ. Дѣло это потребуетъ значительныхъ средствъ, которыхъ въ настоящее время въ государственной казнѣ нѣтъ и врядъ ли удастся собрать ихъ путемъ частныхъ пожертвованій. Поэтому приходится обратиться къ эксплоатаціи имѣющагося уже цѣннаго имущества: историческихъ зданій и т. п. Въ печати уже появлялись сообщенія, что предположено приспобить подъ музей 12-го года Сухареву башню. Трудно сказать, насколько будетъ удаченъ такой планъ: придется такъ перестроить башню, что выйдетъ ни музей при Сухаревой башнѣ, ни башня при музеѣ. Но въ Москвѣ уже есть небольшой частный музей, отчасти посвященный Отечественной войнѣ. Владѣлецъ д. с. с. П. И. Щукинъ преподноситъ нынѣ его въ даръ для устройства большого музея 12-го года. Находится онъ хотя и не въ центрѣ города, но все же въ довольно оживленной мѣстности, на улицѣ Малые Грузины, состоитъ изъ большого участка земли съ двумя

домами въ московско-кремлевскомъ стилѣ, соединенными между собою подземнымъ коридоромъ, довольно длиннымъ, широкимъ и сверху освѣщеннымъ. Въ большемъ домѣ, выходящемъ на улицу, одинъ залъ—двухсвѣтный съ хорами. Въ этомъ домѣ помѣщаются въ настоящее время библіотека, картины, памятники и реликвіи 1812 года, восточный отдѣлъ и другія замѣчательныя по исторіи собранія и коллекціи. Второй домъ, также каменный и двухъэтажный, но меньшихъ размѣровъ, расположенъ въ саду. Въ немъ помѣщены цѣнныя коллекціи образовъ, матерій, картинъ, орудій, оружія, колецъ, перстней, табакерокъ, самоваровъ и т. п. бытовыхъ и историческихъ предметовъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи комиссіи имѣются уже два большихъ зданія: одинъ—близъ Кремля, другой въ Малыхъ Грузинахъ. Въ послѣднемъ можно весьма удобно и легко устроить стеклянное въ желѣзѣ перекрытіе, соединяющее оба дома—для размѣщенія орудій, экипажей, конныхъ манекеновъ и т. п. громоздкихъ предметовъ, относящихся къ 12 году. Кромѣ постройки музея, необходимо почтить героевъ Отечественной войны особо—сооруженіемъ памятниковъ, размѣстивъ ихъ вокругъ храма Христа Спасителя. Здѣсь можно было бы устроить и «аллею славы 1812 года». Время не терпитъ, необходимо теперь же начинать работы, чтобы легко и къ сроку исполнить высочайшее повелѣніе и чтобы достойно приготовиться къ всероссійскому свѣтлому празднику.

Высочайшій даръ г. Нижнему-Новгороду. 13 мая отправлена по Николаевской ж. д. въ Нижній-Новгородъ громадная картина проф. К. Е. Маковскаго «Мининъ Сухорукъ на нижегородской площади». Картина отправлена черезъ министерство императорскаго двора на имя нижегородскаго генералъ-губернатора и будетъ помѣщена, по усмотрѣнію послѣдняго, въ одномъ изъ помѣщеній, доступныхъ для постояннаго и безплатнаго обозрѣнія широкой публики. Это художественное произведеніе, надъ которымъ художникъ работалъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, снято для перевозки съ подрамника и холстъ накатанъ на валикъ. Громадная художественной работы рама, вѣсомъ 101 пудъ, перевозится на отдѣльной платформѣ, прицѣпленной къ поѣзду большой скорости. Все застраховано въ одномъ изъ столичныхъ страховыхъ обществъ въ суммѣ 50 тысячъ рублей (за которые и пріобрѣтена эта картина).

50-лѣтіе женскихъ гимназій. 19 апрѣля въ Смольномъ Воскресенскомъ всѣхъ учебныхъ заведеній соборѣ, по случаю 50-лѣтія женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи, преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ гдовскимъ, первымъ викаріемъ, было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе. Въ служеніи молебна приняли участіе маститый настоятель собора митрофорный Н. I. Розановъ и законоучители всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Изъ собора всѣ присутствовавшія на богослуженіи лица перешли въ зданіе гимназіи ея императорскаго высочества принцессы Ольденбургской, гдѣ состоялся актъ. Актъ былъ открытъ главноуправляющимъ учрежденій вѣдомства императрицы Маріи генераломъ-отъ-кавалеріи Оливъ, который огласилъ Высочайшее повелѣніе — именовать Маріинскую гимназію въ память августѣйшей основательницы женскихъ гимназій императрицы Маріи Александровны — «гимназія императрицы Маріи Александровны». Слѣдующимъ былъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Затѣмъ нача-

лись привѣтствія: отъ городского самоуправленія Н. А. Рѣзцовъ и П. А. Потѣхинъ указали на то, что полвѣка тому назадъ свѣтъ науки озарялъ умы лишь рѣдкихъ русскихъ женщинъ, счастливыхъ дочерей богатыхъ и родовитыхъ родителей; только съ учрежденіемъ женскихъ гимназій плоды просвѣщенія стали доступны и широкимъ слоямъ населенія нашего отечества. Давая своимъ питомицамъ твердыя основы общечеловѣческаго образованія и развитія, женскія гимназіи открыли русскимъ женщинамъ путь наравнѣ съ мужчинами къ высшимъ ступенямъ знанія; безъ женскихъ гимназій не были бы мыслимы тѣ высшія учебныя заведенія, которыми мы теперь можемъ гордиться. Высоко цѣня заслуги этихъ образованныхъ truженицъ, съ беззавѣтной любовью помогающихъ городу въ дѣлѣ осуществленія одной изъ его главныхъ задачъ, с.-петербургская городская дума привѣтствуетъ петербургскія женскія гимназіи въ день ихъ полувѣкового юбилея. Далѣе привѣтствовали отъ с.-петербургскаго университета И. И. Боргманъ, отъ высшихъ женскихъ курсовъ—профессора Фаусекъ и Гревсъ, отъ женскаго медицинскаго института—профессора Салазкинъ, Кадьянъ и Лихачевъ, отъ Пажескаго корпуса—генералъ Шильдеръ, отъ женскаго взаимно-благотворительнаго общества—И. М. Лебедкина и А. Н. Шабанова и др. Была прочитана телеграмма изъ Гагръ отъ ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Остальная часть торжества была посвящена музыкальному отдѣленію. Была исполнена кантата ко дню юбилея; далѣе нѣсколько номеровъ исполнила солистка Его Величества М. И. Долина. Въ заключеніе былъ исполненъ народный гимнъ.

Экспедиція въ Камчатку. Въ Камчатку выѣхала обширная экспедиція, организованная Ѳ. П. Рябушинскимъ и на его средства, при дѣятельнѣйшемъ содѣйствіи географическаго общества. Экспедиція задумана широко; въ сущности она состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ совершенно отдѣловъ, имѣющихъ каждый свою задачу. Всего устроено пять отдѣловъ: геологическій, ботаническій, зоологическій, метеорологическій и этнографическій. Геологическій состоитъ подъ руководствомъ молодыхъ геологовъ гг. Круга и Конради; часть отдѣла будетъ работать по всему восточному побережью Камчатки отъ Петропавловска къ сѣверу до бухты барона Корфа; другая первое лѣто займется подробнымъ изученіемъ центральнаго вулканическаго района Камчатки, никѣмъ еще никогда не тронутаго. Ботаническій отдѣлъ находится подъ руководствомъ В. Л. Комарова и будетъ работать первое лѣто между Петропавловскомъ и Кроноцкимъ озеромъ, а второе — къ югу отъ Петропавловска до мыса Лопатки. Зоологи, подъ руководствомъ П. Ю. Шмидта, основываются главнымъ образомъ въ долинѣ рѣки Камчатки, какъ главной артеріи рыбныхъ богатствъ полуострова, и устраиваютъ тутъ три станціи для изученія главнымъ образомъ біологіи лососевыхъ породъ. По метеорологіи устраиваются три станціи: въ Тигилѣ, селѣ Кинчевскомъ на рѣкѣ Камчаткѣ и въ Петропавловскѣ. Наконецъ этнографическій отдѣлъ займется сперва изученіемъ алеутовъ на Алеутскихъ и Беринговыхъ островахъ и только осенью 1909 г. появится на Камчаткѣ, гдѣ не только будетъ посѣщенъ весь полуостровъ съ этнографическою цѣлью, но также будутъ произведены и археологическія изслѣдованія въ поискахъ за остатками древнѣйшихъ аборигеновъ страны. Всѣ отдѣлы широко снабжены научными средствами, какъ на средства Ѳ. П. Ря-

бушинскаго, такъ и благодаря той отзывчивости, которую проявили къ ходатайствамъ географическаго общества военно-топографическое управленіе и морское министерство, давшее возможность экспедиціи и ея грузамъ воспользоваться однимъ изъ рейсовъ военныхъ транспортовъ изъ Владивостока въ Петропавловскъ; кромѣ того, главное гидрографическое управленіе снабдило экспедицію рядомъ приборовъ. Экспедиція разсчитана на восемнадцать мѣсяцевъ работы на мѣстѣ. Общее число интеллигентныхъ лицъ, принимающихъ въ ней участіе, доходитъ до 20.

Мозгъ Д. И. Менделѣева. Чрезвычайно интересное сообщеніе сдѣлали 1 мая профессора В. М. Бехтеревъ и Р. Л. Вейнбергъ—о мозгѣ Д. И. Менделѣева въ аудиторіи клиники душевныхъ болѣзней. На сообщеніи присутствовали супруга покойнаго Д. И. Менделѣева и много профессоровъ. На столѣ въ особенной банкѣ находился мозгъ Д. И. Занимаясь изученіемъ мозговыхъ извилинъ, можно замѣтить, что геніальные люди отличаются одностороннимъ развитіемъ нѣкоторыхъ частей мозга. Такъ, у лицъ, отличающихся особеннымъ даромъ слова, необыкновенно сильно развиты нижнія лобныя извилины, у философовъ—средняя теменная область, у художниковъ и композиторовъ—передняя и височная части мозга (Бахъ, Бетховенъ), у естествоиспытателей—верхняя часть теменной доли (Либихъ) и т. д. Перейдя къ мозгу Менделѣева, профессоръ Вейнбергъ демонстрировалъ видъ мозга сверху и указалъ, что Роландовы борозды образуютъ большой уголъ, что является характернымъ признакомъ короткоголовыхъ. Особенностью мозга Менделѣева является большая ассиметрія между правымъ и лѣвымъ полушаріями. Правое полушаріе нормальное и очень хорошо развито, между тѣмъ какъ лѣвое представляетъ большое отступленіе. Въ верхней теменной долѣ замѣчается очень рѣдкое явленіе — намекъ на удвоеніе центра извилины. Такое явленіе было замѣчено только у знаменитаго математика Гауса. Затѣмъ, на нижней сторонѣ мозга можно замѣтить очень небольшой валикъ, который является отличительной чертой низшихъ расъ. Послѣ профессора Вейнберга докладъ прочелъ профессоръ В. М. Бехтеревъ. Онъ указалъ, что вѣсъ мозга вообще не можетъ служить показателемъ умственныхъ способностей его владѣльца. Въ настоящее время принимаютъ во вниманіе отношеніе вѣса большого мозга, какъ выразителя умственнаго развитія, къ вѣсу мозгового ствола. Но вѣсъ нормальнаго мозга также весьма различенъ. Такъ, напримѣръ, у Бишофа онъ равнялся 1,350—60 граммамъ, у Брока 1,321 грамму и т. д. У геніальныхъ лицъ этотъ вѣсъ гораздо больше. Такъ, мозгъ Шиллера выситъ 1,785 граммовъ, Гауса 1,492 грамма, Германа 1,590 граммовъ. Мозгъ Скобелева вѣсилъ 2,000 граммовъ. Мозгъ Менделѣева занимаетъ четвертое мѣсто. Онъ вѣсилъ въ свѣжемъ состояніи 1,570 граммовъ. Удѣльный вѣсъ мозга также имѣетъ большое вліяніе на умственное развитіе человѣка, и въ этомъ отношеніи мы должны указать, что, въ среднемъ, удѣльный вѣсъ нормальнаго мозга равняется 1,035, а у Менделѣева онъ равенъ 1,053. Переходя къ характеристикѣ личности Менделѣева съ психо-физіологической точки зрѣнія, Бехтеревъ указалъ, что отличительной особенностью Менделѣева является ясность и пластичность образовъ, комбинирующая способность, богатая аргументація. Его безсмертная періодическая система могла быть создана лишь благодаря его комбини-

рующимъ способностямъ. Другіе указываютъ также на математическія способности Менделѣева. Изслѣдуя мозгъ Менделѣева, профессоръ Бехтеревъ замѣтилъ также одну особенность—слабое развитіе передняго отдѣла первой височной извилины, что указываетъ на отсутствіе музыкальныхъ способностей. И, дѣйствительно, Д. И. Менделѣевъ не обладалъ музыкальнымъ слухомъ. Заканчивая свой докладъ, Бехтеревъ благодарилъ семью Менделѣева за то, что она дала возможность произвести изслѣдованіе мозга этого геніальнаго человѣка.

Отъ учебнаго комитета при св. синодѣ: I. На соисканіе преміи покойнаго преосвященнаго Макарія, митрополита московскаго, за лучшіе учебники и учебныя пособія по предметамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, въ 1907 году были представлены разными авторами 9 сочиненій. Журнальнымъ заключеніемъ учебнаго комитета, утвержденнымъ опредѣленіемъ св. синода 16—31 января 1908 года за № 222, ни одно изъ представленныхъ сочиненій не было удостоено вышеназванной преміи и преміальная сумма конкурса 1907 года, въ количествѣ 1,576 р. 29 к., отнесена къ конкурсу 1908 года. **II.** Учебный комитетъ симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что, согласно высочайше утвержденному 12 марта 1883 г. опредѣленію святѣйшаго синода отъ 15 — 26 декабря 1882 года, въ настоящее время открытъ конкурсъ на соисканіе преміи покойнаго преосвященнаго Макарія, митрополита московскаго, назначаемой, согласно волѣ жертвователя, за лучшіе учебники по предметамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также за лучшія учебныя пособія, соотвѣтствующія программамъ семинарскаго и училищнаго образованія, какъ, напримѣръ, хрестоматія съ надлежащими объясненіями и руководствомъ, словари и т. п. Учебный комитетъ, озабочиваясь составленіемъ учебниковъ по нѣкоторымъ предметамъ семинарскаго курса, особенно необходимымъ считаетъ появленіе учебниковъ по нравственному богословію, гомилетикѣ, церковной исторіи (общей) и психологіи, причемъ составителями учебниковъ должны быть приняты въ соображеніе программы, разосланныя отъ учебнаго комитета въ 1906—7 учебномъ году, съ объяснительными къ нимъ записками. Полная премія преосвященнаго Макарія состоитъ изъ пятисотъ (500) рублей. Сочиненіе, не заслуживающее полной преміи, можетъ быть удостоено преміи половинной въ 250 рублей. Желающіе представить свои сочиненія на соисканіе преміи преосвященнаго Макарія должны представить оныя не позже 1 сентября 1908 года. Къ соисканію премій принимаются оригинальныя сочиненія, написанныя на русскомъ языкѣ. Изъ печатныхъ сочиненій могутъ быть представляемы только явившіяся первымъ изданіемъ за годъ до вышеозначеннаго срока (съ 1 сентября 1907 года по 1 сентября 1908 года). Послѣдующія изданія представляются только въ томъ случаѣ, если въ нихъ произведены существенныя исправленія и дополненія. Присылаемыя на конкурсъ рукописи должны быть четко написаны, причемъ не требуется, чтобы онѣ предварительно были одобрены цензурою къ напечатанію. Къ соисканію преміи принимаются сочиненія, представляемыя самими авторами или ихъ законными наслѣдниками; сочиненія, представляемыя книгопродавцами и издателями, не принимаются къ конкурсу на полученіе преміи. О результатахъ конкурса послѣдуетъ своевременное извѣщеніе.

НЕКРОЛОГИ.

БАКЪ, Ю. Б. 18 апрѣля окончилъ жизнь самоубійствомъ (повѣсился) инженеръ путей сообщенія Ю. Б. Бакъ, издатель газеты «Рѣчь». Покойный родился въ Свѣнцянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ интеллигентной еврейской семьѣ, окончилъ курсъ въ двинскомъ реальномъ училищѣ и институтѣ путей сообщенія. Занявшись затѣмъ желѣзнодорожною строительною дѣятельностью, покойный, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики подъ начальствомъ генерала Анненкова на постройкѣ Каспійской желѣзной дорогѣ, занялся главнымъ образомъ желѣзнодорожными подрядами, на которыхъ и нажилъ крупное состояніе; имъ были построены Пермь-Котласская и другія дороги. Послѣдніе годы, не прекращая участія въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и подрядахъ, покойный взялся за газетно-издательское дѣло, пріобрѣлъ сначала влачившую послѣдніе дни газету «Новости», а затѣмъ основалъ кадетскую «Рѣчь». Недавно имъ же были пріобрѣтены права на изданіе газетъ «Современное Слово» и «Наша Газета», выходъ въ свѣтъ которыхъ ожидался въ ближайшемъ будущемъ. Въ Петербургѣ покойный владѣлъ огромнымъ домомъ (на Кирочной). Покойный оказывалъ широкую матеріальную помощь своимъ единовѣрцамъ. Послѣднее время состояніе его сильно пошатнулось вслѣдствіе разстройства дѣлъ одного крупнаго заводскаго предпріятія въ Ревелѣ, въ которомъ онъ былъ заинтересованъ значительной частью своего капитала. Разстройству дѣлъ содѣйствовала также газетная антреприза, которая поглотила значительныя средства покойнаго, но не дала ожидаемымъ благихъ результатовъ. «Игра» на лидеровъ кадетской партіи оказалась достаточно неудачною и руководство газетою «Рѣчь» со стороны столповъ партіи гг. Гессена и Милюкова не оправдало ожиданій г. Бака. Умеръ онъ на 48 году отъ рожденія.

† **Богишичъ, В., д-ръ.** 11 (24) апрѣля скоропостижно скончался извѣстный ученый, бывшій профессоръ новороссійскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ законодательствъ д-ръ Валтасаръ В. Богишичъ.

Смертью его славянской наукѣ, а въ особенности исторіи славянскаго права, имѣющей въ настоящее время такъ мало работниковъ на этой нивѣ, нанесенъ весьма тяжелый ударъ. Профессоръ Богишичъ родился 20 декабря 1834 г., въ Цавтатѣ (въ Далмаціи у Дубровника), въ зажиточной семьѣ. Уже въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ недюжинныя способности, но родители не желали отпустить сына на чужбину для довершенія образованія, и Богишичъ только послѣ смерти отца въ 1856 г. окончилъ гимназическій курсъ въ Венеціи. Высшее образованіе онъ получилъ въ университетахъ вѣнскомъ, берлинскомъ и мюнхенскомъ, посѣщалъ въ то же время и другіе университеты Запада (въ Гиссенѣ, Гейдельбергѣ и Парижѣ), занимаясь не только юридическими науками, но и филологіей, философіей и исторіей. Докторскую степень В. В. получилъ сначала въ Гиссенѣ (1862 г.), а потомъ и въ вѣнскомъ университетѣ (въ 1864 г.); въ 1869 г. Новороссійскій университетъ удостоилъ его степени доктора государственнаго права honoris causa; въ 1870 г. онъ занялъ въ этомъ университетѣ каѳедру. По предложенію черногорскаго князя Николая, В. В. въ 1870 г. взялъ на себя трудъ составленія для Черной горы «Гражданскаго Законника», дѣйствующаго въ странѣ и донынѣ. (Општи имовински законник за княжевину Црну Гору, изд. 1888 г.). Составленіе его потребовало огромной подготовительной работы по изученію обычнаго права, главнымъ образомъ положеннаго въ основаніе законника. Заслуга В. В. и заключается въ томъ, что онъ первый изъ славянскихъ ученыхъ-юристовъ обратилъ вниманіе на особенную важность изученія обычнаго права, отражающаго юридическія представленія народа. Еще въ 1866 году онъ написалъ спеціальное разсужденіе на эту тему: «О важности собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ» (на хорватскомъ яз., въ ж. Knjizevnik, III), вышедшее затѣмъ и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Pravni obicaji u Slovena» (Загребъ, 1867). Здѣсь В. В. собралъ значительное число славянскихъ пословицъ и поговорокъ юридическаго характера, относящихся къ праву семейному, супружескимъ отношеніямъ, взглядамъ народа на наслѣдованіе, обязательства и т. д. и при этомъ описалъ и сравнилъ юридическіе обычаи всѣхъ славянъ. Болѣе богатымъ по содержанію и значительно обширнѣе былъ второй его трудъ въ этой же области: «Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih Slovena», изданный загребской академіей въ 1874 г. Первая работа В. В. основана была исключительно на матеріалахъ и источникахъ книжныхъ; въ основу второй онъ положилъ богатѣйшій матеріалъ, живущій въ народѣ и собранный впервые его заботами и по его плану. Предварительно имъ напечатана была «Программа для собранія юридическихъ обычаевъ» (Naputak za opisivanje pravnijeh obicaja, koji u narodu zivu, въ ж. Knjizevnik, III), разосланная затѣмъ загребской академіей въ 4 тысячахъ экземпляровъ духовенству и образованнымъ людямъ въ Хорватіи, Далмаціи, Славоніи и пр.; самъ В. В. распространялъ свою программу въ Венгріи, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ, Черной Горѣ и Болгаріи. Собранный этимъ путемъ матеріалъ и вошелъ въ «Zbornik». Замѣтимъ, что образцовая программа В. В. выдержала три изданія, была переведена на языки чешскій, болгарскій и малорусскій и послужила основаніемъ для такой же програмы польской, изданной краковской академіей. Въ 1872 г. загребская академія наукъ издала первый выпускъ задуманнаго В. В. свода юго-славянскихъ законовъ,

«Pisani zakoni na slavenskom jugu», какъ вступительную часть къ «Codex juris slavorum meridionalium»; самое изданіе кодекса перешло затѣмъ въ другія руки. На русскомъ языкѣ В. В. написано нѣсколько работъ; изъ нихъ—главнѣйшія: важная по методологическимъ указаніямъ статья «О научной разработкѣ исторіи славянскаго права» (Спб., 1870; «О несложной сельской семьѣ у сербовъ и хорватовъ» (Ж. М. Н. Пр., 1885), «Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адріатики» (Спб., 1873) и др. Статья профессора Леонтовича: «Замѣтки о разработкѣ обычнаго права» (по поводу Zbornika В. В.) вызвала обширныя возраженія его въ «Ж. М. Н. П.» 1880, отмѣтившія цѣлый рядъ ошибокъ критика. Сербской «задругѣ» посвящена еще работа В. В. на французскомъ языкѣ: «D'une forme particullière de la famille rurale chez les Cerbes et les Croates» (Paris, 1884), переведенная на сербскій языкъ Іов. Ачимовичемъ (Бѣлградъ, 1884). Нѣсколько статей посвящено спеціально Дубровнику и его юридическимъ учрежденіямъ. Живя послѣднее время преимущественно въ Парижѣ, В. В. занялся изученіемъ французскаго государственнаго архива и опубликовалъ весьма цѣнные матеріалы къ исторіи заговора Зринскаго и Франкопана (Acta conjurationem Petri a Zrinio et Francisci de Frankopan nec non Francisci Nadasty illustrantia, 1663—1671, въ 19 вып. Monum. Nist., изд. загребской академіи); кромѣ того, имъ издана корреспонденція Степана Малаго (лже-Петра III), весьма важная для исторіи этого самозванца, а также матеріалы для исторіи перваго сербскаго возстанія 1804 года подъ предводительствомъ Карагеоргія. И въ области изученія юго-славянской народной поэзіи В. В. сказалъ новое слово, обративши вниманіе на историческіе и соціальные мотивы сербской эпической пѣсни въ своемъ изданіи т.-н. «бугарштицъ» (Народное піесме, Београд, 1878). Таковы вкратцѣ ученыя заслуги В. В. Онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ знатокамъ славянскаго міра и зналъ его не по книгамъ только. Исторія славянскаго права потеряла въ немъ выдающагося работника. Изученіе славянскаго права поставлено было имъ на историческую основу и направлено по новымъ путямъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 92).

† **Добряковъ, А. В.** 17 апрѣля скончался профессоръ императорскаго училища правовѣдѣнія, членъ совѣта главноуправляющаго земледѣлія и землеустройства тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Добряковъ. Покойный родился въ 1841 году. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ историко-филологическаго факультета, онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Ларинской гимназіи и занялся спеціальнымъ изученіемъ исторіи Западной Россіи. При пособіи отъ министерства народнаго просвѣщенія посѣтилъ вновь открытые въ 60-хъ годахъ въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ центральные архивы, въ которыхъ были собраны многочисленные документы и акты по исторіи Западной Руси. Ознакомленіе съ источниками дало покойному богатый матеріалъ для «Писемъ изъ исторіи Западной Руси», напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этихъ письмахъ покойный доказалъ съ документальной точностью, что въ вѣковомъ спорѣ Россіи и Польши за обладаніе Литвой и ея бывшими русскими владѣніями историческая правда находится на сторонѣ Россіи. Работы покойнаго въ 1863—64 году въ «Кіевскомъ Ар-

живѣ» вызвали предложеніе совѣта кіевскаго университета Добрякову занять каѳедру исторіи. Съ 1865 года онъ послѣ непродолжительнаго преподаванія русской исторіи въ петербургской третьей гимназіи, занялъ каѳедру исторіи въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и непрерывно занималъ ее въ теченіе 43 лѣтъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ покойный былъ націоналистомъ, онъ любилъ Россію и все русское и въ своихъ воспитанникахъ укрѣплялъ любовь къ отечеству. Преподаваніе исторіи въ этомъ отношеніи давало ему благодарный матеріалъ, и онъ умѣлъ имъ пользоваться. Въ своей книгѣ «О преподаваніи отечественной исторіи» (1888 г.) онъ подробно останавливается на задачахъ учителя русской исторіи и на томъ, какъ слѣдуетъ укрѣплять въ ученикахъ любовь къ отчизнѣ. Покойнымъ составленъ и изданъ въ 1865 г. цѣнный «Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи», затѣмъ изданы хронологическія таблицы по исторіи. Кромѣ профессуры, А. В. занимался въ святѣйшемъ синодѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ правителемъ дѣлъ и членомъ учебнаго комитета при синодѣ. Досуги своей службы онъ посвящалъ занятіямъ по плодоводству и былъ членомъ правленія императорскаго общества плодоводства. Въ своихъ многочисленныхъ воспитанникахъ и среди товарищей по училищу правовѣдѣнія и святѣйшему синоду онъ оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Умеръ 67 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.530).

† **Ефименко, П. С.** Скончавшемуся Петру Саввичу Ефименко принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи русской этнографіи. Онъ родился въ 1835 году и въ молодости, состоя студентомъ харьковскаго университета, входилъ въ составъ одного тайнаго кружка. Хотя кружокъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ цѣли самообразованія и культурной работы, дѣло кончилось для его участниковъ довольно печально: они были разосланы по отдаленнымъ городамъ, а П. С., какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей кружка, попалъ въ Красноуфимскъ Пермской губерніи. Здѣсь онъ, впрочемъ, пробылъ недолго и по новому дѣлу—объ открытіи въ Перми рукописи «Посланіе старца Кондратія»—былъ переведенъ въ Архангельскую губернію. На новомъ мѣстѣ П. С. занялся этнографическими изслѣдованіями. Обладая недюжинными организаторскими способностями, онъ сумѣлъ привлечь къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ значительное число лицъ, ведя параллельно съ тѣмъ и собственныя изысканія. Главныя работы его посвящены вопросамъ обычнаго права: «О народныхъ юридическихъ обычаяхъ Архангельской губерніи», «Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи», «Договоръ найма пастуховъ», «Наслѣдованіе зятьевъ-пріемышей», «Договоръ купли-продажи», «Семья архангельскаго крестьянина», «Юридическіе знаки» и т. д. Большая часть этихъ работъ помѣщена въ «Запискахъ Географическаго Общества», въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Къ этой же области относятся составленныя П. С. программы изслѣдованія гражданскаго обычнаго права и общиннаго землевладѣнія. Изъ другихъ работъ П. С. самыми крупными являются двухтомные «Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи» (въ «Трудахъ» этнографическаго отдѣла О. Л. Е., А. и Э.), «Заволоцкая Чудь», «Сборникъ малороссійскихъ заклинаній»; рядъ статей по малорусской этнографіи («Братства и союзы

нищихъ», «Судъ надъ вѣдьмами» и др.) помѣщенъ имъ въ «Кіевской Старинѣ». По возвращеніи изъ Архангельской губерніи онъ жилъ въ Воронежѣ, Самарѣ, Черниговѣ и Харьковѣ, продолжая свои работы надъ изученіемъ народнаго быта: «Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Сумскаго уѣзда» и др. За послѣдніе годы преклонный возрастъ и плохое здоровье мѣшали уже ему работать. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 107).

† **Михѣевъ, В. М.** Скончавшійся 8 мая писатель Василій Михайловичъ Михеевъ извѣстенъ въ литературѣ цѣлымъ рядомъ повѣстей, романовъ и драмъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ», «Мірѣ Божьемъ», «Нивѣ» и другихъ изданіяхъ, а также изданныхъ отдѣльно. Покойный родился въ 1859 г. въ Иркутскѣ. Юность и молодые годы проведены имъ въ Сибири, гдѣ онъ основательно ознакомился съ жизнью рабочаго и крестьянскаго населенія. Въ 80-хъ годахъ началъ сотрудничать въ «Восточномъ Обозрѣніи» и напечаталъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, изданныхъ имъ въ 1884 г. особымъ сборникомъ «Пѣсни о Сибири». Въ 1889 г. появилась его пьеса изъ сибирской народной жизни «По хорошей веревочкѣ», въ 90-хъ годахъ повѣсти и романы, обратившіе на себя вниманіе критики. Въ 1894 г. В. М. издалъ романъ въ двухъ частяхъ «Золотыя розсыпи» и очерки и разсказы «Художники», въ слѣдующемъ году новый томъ разсказовъ «Въ семьѣ и внѣ семьи», затѣмъ углицкое преданіе «Отрокъ-мученикъ», иллюстрированное художниками М. В. Нестеровымъ, В. Н. Суриковымъ и Е. М. Бемъ. Изданія эти создали ему извѣстность и завоевали мѣсто среди писателей-народниковъ и отчасти послѣдователей В. М. Гаршина, такъ что покойнаго къ плеядѣ народниковъ отнести всецѣло нельзя. Его пьесы (изъ нихъ назовемъ «Арсеній Гуровъ», «Ложные итоги», «Весенняя дума», «Гёте въ Страсбургѣ») въ общемъ уступали его разсказамъ, но въ свое время имѣли тоже успѣхъ. Въ годы расцвѣта своей беллетристической дѣятельности В. М. жилъ въ Москвѣ, въ послѣдніе же годы переселился въ Ярославль и тамъ редактировалъ мѣстную газету «Сѣверный Край». (Некрологъ его «Новое Время» 1908 г. № 11.552).

† **Михельсонъ, М. И.** 19 апрѣля скончался Морицъ Ильичъ Михельсонъ, принадлежавшій къ числу дѣятельныхъ гласныхъ петербургской думы конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Кромѣ того, онъ былъ хорошо извѣстенъ, какъ педагогъ и авторъ крупнаго труда: «Русская мысль и рѣчь», отмѣченнаго академіей наукъ макарьевской преміей. Покойный родился въ 1825 году, образованіе окончилъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ. Избравъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, М. И. учительствовалъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ (Ларинской гимназіи и др.), преподавая русскій языкъ; былъ помощникомъ инспектора классовъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 90-хъ годахъ окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа. Избранный въ 1877 году гласнымъ петербургской думы, покойный явился однимъ изъ крупнѣйшихъ городскихъ дѣятелей, всегда считался съ интересами обывателей и горячо отстаивалъ городскія суммы отъ непроизводительныхъ тратъ, отказываясь лично отъ платныхъ мѣстъ. Хорошій ораторъ, М. И. имѣлъ большое вліяніе на городскія дѣла. Въ 1886 году онъ не былъ избранъ гласнымъ и вновь попалъ въ гласные только въ 1904 г. по квартиронанимательскому цензу, но еще раньше

онъ былъ приглашенъ В. К. Плеве участвовать въ особой комиссіи по выработкѣ новаго городового положенія. Досуги своей педагогической дѣятельности М. И. посвятилъ литературнымъ занятіямъ. Онъ занялся собираніемъ крылатыхъ словъ, издалъ «Мѣткія и ходячія слова»—сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій (выдержалъ два изданія) и «Русская мысль и рѣчь: свое и чужое»—опытъ русской фразеологіи. Кромѣ того, имъ составлено нѣсколько учебныхъ руководствъ по русской грамматикѣ и словесности. Въ 90-хъ годахъ онъ пожертвовалъ академіи наукъ капиталъ на преміи для выдачи за научные труды о русскомъ языкѣ. Въ общественной дѣятельности покойнаго достойны вниманія его заботы о безпріютныхъ дѣтяхъ. Имъ учреждено общество попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ, въ которомъ до конца своей жизни въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ. Педагогическое общество взаимопомощи, которому М. И. пожертвовалъ 18 тыс. рублей, отмѣтило заслуги покойнаго избраніемъ его въ свои почетные члены. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11535).

† **Мордвиновъ, В. П.** 3 мая скончался сенаторъ Владиміръ Павловичъ Мордвиновъ, присутствовавшій въ послѣдніе годы во второмъ общемъ собраніи сената. Покойный родился въ 1838 году, кончилъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія съ золотой медалью. Службу началъ въ министерствѣ юстиціи, въ 1864 г. назначенъ оберъ-секретаремъ святѣйшаго синода. Эта служба позволила ему въ теченіе семи лѣтъ хорошо ознакомиться съ синодскими дѣлами юридическаго характера. Съ 1875 г. онъ занималъ должность редактора, сперва департамента министерства юстиціи по гражданскому отдѣленію, потомъ межевого департамента, затѣмъ исполнялъ обязанности юрисконсульта консультаціи при министерствѣ юстиціи и занимался попрежнему въ управленіи гражданскимъ отдѣленіемъ департамента. Съ 1881 г. по 1884 г. былъ помощникомъ управляющаго канцеляріей святѣйшаго синода, по 1890 г. юрисконсультомъ при оберъ-прокурорѣ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевѣ, одновременно состоя членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Съ этимъ временемъ связана его дѣятельность по выборамъ: кандидатомъ дворянства и почетнымъ мировымъ судьей по Новоладожскому уѣзду. Съ 1890 г., когда покойный былъ назначенъ сенаторомъ, присутствовалъ въ разныхъ департаментахъ сената; но особенно продолжительное время въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ. В. П. принималъ дѣятельное участіе въ разъясненіи и пересмотрѣ множества узаконеній. Между прочимъ работалъ по установленію новаго порядка разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго синода, по разработкѣ правилъ о церковномъ хозяйствѣ, по выработкѣ узаконеній о земскомъ обложеніи и друг. Его путешествія по славянскимъ землямъ и въ Константинополь дали ему интересный матеріалъ для его печатныхъ трудовъ: «Церковное судоустройство и судопроизводство въ Сербіи», «Православная церковь въ Буковинѣ» и др. Имъ составленъ также «Сборникъ законоположеній, распоряженій и разъясненій о бракѣ и разводѣ» (1895 г.). Кромѣ того, покойный принималъ участіе во многихъ благотворительныхъ обществахъ. Умеръ 70 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.547).

† **Покотиловъ, Д. Д.** Въ Пекинѣ внезапно скончался отъ паралича сердца чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при китайскомъ дворѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Димитрій Димитріевичъ Покотиловъ. Покойный родился въ 1865 году. Образованіе онъ получилъ въ историко-филологической гимназіи и с.-петербургскомъ университетѣ, который окончилъ по восточному факультету. Его служебная карьера началась въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и протекла преимущественно на Дальнемъ Востокѣ. Долгое время покойный служилъ по министерству финансовъ, въ качествѣ лица, пользовавшагося большимъ довѣріемъ С. Ю. Витте. Тогда же онъ вѣдалъ на мѣстѣ въ Китаѣ дѣла Русско-Китайскаго банка и состоялъ членомъ правленія Восточно-Китайской желѣзной дороги въ С.-Петербургѣ. Прекрасно владѣя китайской разговорной рѣчью, Д. Д. игралъ видную роль въ Пекинѣ съ 1896 по 1897 г. При боксерскомъ возстаніи жизнь его подвергалась большой опасности, но онъ спасся—и все-таки судьба, именно тамъ же, въ расцвѣтѣ силъ, при блестящемъ положеніи, уготовила ему безвременную кончину... Къ Пасхѣ Д. Д. долженъ уже былъ вернуться въ Россію. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1908 г., № 46).

† **Рѣдинъ, Е. К.** 28 апрѣля сего года въ Харьковѣ скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ профессоръ императорскаго харьковскаго университета по каѳедрѣ исторіи изящныхъ искусствъ, Е. К. Рѣдинъ. Почтенный ученый родился въ Тифлисѣ, въ 1865 году, въ семьѣ крестьянина Курской губерніи, по профессіи каменотеса. Несмотря на свою неграмотность, онъ сумѣлъ дать своимъ дѣтямъ серьезное, религіозно-нравственное воспитаніе. Старшій сынъ его, будущій профессоръ, получилъ свое среднее образованіе въ тифлисской второй гимназіи. Дома онъ увлекался чтеніемъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ 1884 году Е. К. поступилъ на историко-филологическій факультетъ новороссійскаго университета. Здѣсь своими необычайными успѣхами въ наукахъ онъ сразу обратилъ на себя вниманіе профессоровъ Н. П. Кондакова, А. И. Кирпичникова и нѣкоторыхъ другихъ. Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ молодой студентъ представилъ по различнымъ предметамъ много рефератовъ и вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и другомъ, нынѣшнимъ профессоромъ императорскаго с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ изящныхъ искусствъ Д. В. Айналовымъ написалъ солидную работу подъ заглавіемъ: «Кіево-Софійскій соборъ». Выдержавъ въ 1890 года магистрантскій экзаменъ, покойный получилъ командировку на два года за границу. Работы его по исторіи искусствъ и археологіи сосредоточились, главнымъ образомъ, въ городахъ Италіи, письма изъ которой, представляющія громадный научный интересъ, позже были собраны Рѣдинымъ и изданы отдѣльной книгой: «Италія. Изъ писемъ къ друзьямъ». (Харьковъ 1903 года). По возвращеніи въ Петербургъ въ 1893 году Е. К. былъ назначенъ на каѳедру исторіи изящныхъ искусствъ въ императорскій харьковскій университетъ. Въ послѣднемъ и сосредоточилась его весьма плодовитая и многополезная и для науки, и для общества учено-педагогическая дѣятельность. Изъ трудовъ молодого привать-доцента въ этотъ промежутокъ, времени вышли въ свѣтъ: «Диптихъ Эчміадзинской библіотеки», «Мозаика и фрески Кіево-Софійскаго собора», «Выставка VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ

1890 году», «Рукописи съ византійскими миніатюрами въ библіотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи», «Пластинка отъ кресла епископа Максиміана въ Равеннѣ», «Харьковъ, какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи», «Памяти Джіованни Баттиста де-Росси, основателя христіанской археологіи», «Харьковская школа изящныхъ искусствъ», «Половая мозаика церкви святого евангелиста Іоанна въ Равеннѣ» и много другихъ статей въ «Византійскомъ Временникѣ», въ «Запискахъ императорскаго харьковскаго университета» и другихъ художественныхъ журналахъ. Е. К. принялъ на себя въ университетѣ завѣдываніе музеемъ изящныхъ искусствъ и сдѣлался дѣятельнымъ членомъ харьковской общественной библіотеки. Въ 1896 году Е. К. защитилъ въ с.-петербургскомъ университетѣ свою магистерскую диссертацію «Мозаики равенскихъ церквей». Рѣдинъ принималъ живое, горячее участіе въ археологическихъ раскопкахъ и на археологическихъ съѣздахъ въ Ригѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и постоянно печаталъ подробные отчеты о ходѣ ихъ занятій. Послѣдніе годы Е. К. готовилъ капитальный трудъ о Козьмѣ Индикопловѣ, который уже началъ печататься, но тяжкая болѣзнь, много лѣтъ истощавшая его организмъ, и усидчивая, кропотливая ученая дѣятельность постепенно подорвали его физическія силы и не дали возможности всѣ его разрозненныя работы отдѣлать и объединить въ болѣе крупные труды. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года съ изнуреннымъ труженикомъ произошло первое кровоизліяніе въ мозгъ, которое глубоко опечалило горячо любившихъ этого гуманнаго, сердечнаго и неустаннаго общественнаго дѣятеля друзей, товарищей и многочисленныхъ учениковъ. (Некрологъ его: «Слово» 1908 г., № 449).

† **Степановъ, П. Т.** Въ ночь съ 8 на 9 марта скоропостижно скончался профессоръ харьковскаго университета, докторъ зоологіи Павелъ Тихоновичъ Степановъ, 69 лѣтъ. Онъ былъ прирожденный харьковецъ. Въ Харьковѣ окончилъ онъ гимназію и университетъ. Здѣсь же былъ онъ по выходѣ изъ университета въ 1861 году учителемъ первой гимназіи, а затѣмъ съ 1862 по 1864 годъ провелъ за границей, куда командированъ былъ университетомъ. Въ 1864 г. П. Т. получилъ степень магистра зоологіи, въ 1868 — доктора, а въ 1869 г. получилъ каѳедру зоологіи и занималъ ее до 1904 года, когда сдѣлался директоромъ второй гимназіи. Послѣднее мѣсто занималъ онъ недолго: народившаяся черная сотня выжила гуманнаго человѣка, желавшаго повысить уровень средней школы. Занятія наукой не препятствовали П. Т. быть выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Особенно много поработалъ онъ для харьковскаго общества грамотности, въ которомъ съ 1894 г. состоялъ предсѣдателемъ правленія. П. Т. послѣ манифеста 17 октября зачислился въ партію народной свободы. До самой смерти онъ принималъ близкое участіе въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Несмотря на преклонный возрастъ, П. Т. до послѣднихъ дней сохранилъ энергію, всѣ свои духовныя силы, свои широкіе, прогрессивные взгляды, глубокое уваженіе къ наукѣ, необыкновенную гуманность и рѣдкую чуткость къ требованіямъ времени. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1908 г., № 60).

Самъ онъ углубился съ своимъ небольшимъ отрядомъ въ лѣсъ, повелъ его по боковой тропинкѣ, гдѣ люди могли двигаться только гуськомъ, съ трудомъ отстраняя отъ себя мокрыя вѣтви. Черезъ полчаса они достигли рѣдкой дубовой и березовой рощицы, покрывавшей песчаные края оврага, гдѣ шла дорога изъ Круа въ Вузье.

Свѣдѣнія, доставленныя Курувромъ, оказались точными. Проходъ былъ занятъ всего сотнею батальона парижскихъ добровольцевъ. Они питали такую увѣренность въ недоступности оврага, что не принимали никакихъ предосторожностей и не выставили боковыхъ карауловъ. Они только что проснулись и разводили огонь, чтобы приготовить себѣ похлебку. Въ глубинѣ оврага слышались громкіе голоса, сыпавшіе ходячими прибаутками предмѣстій. Одинъ солдатъ пѣлъ во все горло насмѣшливый куплетъ, сложенный батальоннымъ острякомъ по поводу эмигрантовъ.

— Негодяй,—пробормоталъ Іеремія про себя, приготовляя свое ружье:—ты у меня запоешь сейчасъ другое! И съ этими словами онъ выстрѣлилъ въ пѣвца.

Это былъ сигналъ. Австрійскіе стрѣлки, разсыпанные по гребню опушки, открыли по добровольцамъ частый огонь. Тѣ, растерявшись отъ неожиданности и сталкиваясь между собою, только кричали: «къ оружію, къ оружію»! Затѣмъ, послѣ минутной суматохи, они рѣшились храбро защищаться и дорого продать свою шкуру. Укрываясь за бревнами, они въ свою очередь стали стрѣлять въ австрійцевъ. Пули рѣзко жужжали, срывая на своемъ пути вѣтви деревьевъ и взрывая песокъ откоса. Какъ только кто-либо изъ стрѣлковъ осмѣливался показаться изъ-за кустовъ въ своемъ зеленомъ мундирѣ съ желтыми пуговицами, снизу сейчасъ же начиналась стрѣльба по немъ. Не разсчитывавшіе на такое сопротивленіе, стрѣлки не рѣшались выйти изъ-за деревьевъ.

— Эй, вы, нѣмецкіе чижи,—неслись изъ глубины ущелья насмѣшливые голоса,—спускайтесь же сюда! Дайте посмотрѣть на ваши зеленые мундиры.

Вдругъ направо послышался топотъ кавалеріи. То были гусары съ Курувромъ. Съ саблями наголо они бросились на звукъ перестрѣлки, одолѣвъ на дорогѣ нѣсколько засѣкъ.

— Впередъ!—закричалъ Іеремія Данлупъ.

Онъ увлекъ за собою волонтеровъ, которые бросились по откосу въ оврагъ и стали стрѣлять въ парижанъ. Атакованные спереди и сзади, тѣ снова пришли въ замѣшательство и кричали объ измѣнѣ. Разстрѣливаемые стрѣлками и тѣснимые гусарами, они отступили въ лѣсъ по направленію къ Гранпре. Нѣкоторые, убѣгая, останавливались за деревомъ, прицѣливались и посылали пули въ стрѣлковъ. Одинъ изъ нихъ прицѣлился въ Іеремію Данлупа, который упорно его преслѣдовалъ.

— А, каналья,—воскликнулъ Данлупъ:—ты находишь, что моя физіономія недостаточно еще искалѣчена. Подожди...

Онъ бросился на бѣглеца, чтобы пронзить его штыкомъ. Тотъ отскочилъ въ сторону и спустилъ курокъ. Зарядъ угодилъ Іереміи прямо въ грудь. Онъ упалъ на откосъ. Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ Курувра, который скакалъ съ гусарами.

— Ко мнѣ, товарищъ!

При тускломъ свѣтѣ ранняго утра тотъ узналъ Іеремію и, остановивъ отрядъ, который доканчивалъ расчистку дороги, опустился на землю возлѣ него.

— Въ меня всадили пулю, старина,—прошепталъ онъ.—Но это все равно, вѣдь проходъ въ нашихъ рукахъ. Когда я закрою глаза, похорони меня подъ деревомъ. Передай Гіацинтѣ, что Іеремія сдѣлалъ все, что могъ.

На губахъ у него показалась кровавая пѣна. Икота прерывала его рѣчь. Его ротъ открывался широко, стараясь забрать въ себя побольше воздуха. Затѣмъ челюсти его стали неподвижны. Онъ упалъ на колѣни. А гусары шумно кричали, что австрійцы вполнѣ овладѣли проходомъ.

VI.

Вальми.

18 сентября, черезъ шесть дней послѣ атаки Круа-о-Буа, около полудня Гіацинта д'Эризель ѣхала верхомъ по дорогѣ изъ Гранпре въ Муронъ въ сопровожденіи офицеровъ корпуса эмигрантовъ и прикомандированныхъ къ главному штабу. Пока маленькій отрядъ войскъ двигался вдоль Эра, канониссу догналъ покрытый грязью всадникъ, ѣхавшій на тощей клячѣ.

— Курувръ!—воскликнула Гіацинта.—Вы одинъ? Что случилось съ нашимъ Іереміей?

Эли де-Курувръ снялъ свою шляпу и вздохнулъ:

— Бѣдняга остался на мѣстѣ съ пулей въ груди.

— Раненъ! Смертельно?

— Увы!... Да... на этотъ разъ... я былъ при немъ, и послѣднія его слова были: «Скажи Гіацинтѣ д'Эризель, что Іеремія сдѣлалъ все, что могъ»...

Канонисса отвернулась. При воспоминаніи объ этомъ бѣднягѣ, столь жизнерадостномъ, котораго она послала на вѣрную смерть, ея грудь тяжело поднималась. Угрызаемая совѣстью, она вдругъ громко разрыдалась. Офицеры молча смотрѣли на этотъ внезапный взрывъ горя. Черезъ нѣсколько минутъ Жаржей подошелъ къ ней.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.—У васъ большое горе?

Гіацинта вытерла свои мокрые глаза и сказала:

— Я оплакиваю смерть одного стараго друга... бѣднаго Данлупа, который служилъ проводникомъ австрійцамъ и который былъ убитъ при Круа-о-Буа.

— Смерть на полѣ брани!—отвѣчалъ офицеръ тономъ равнодушной вѣжливости.—У него, по крайней мѣрѣ, будетъ утѣшеніе въ томъ, что онъ оказалъ справедливому дѣлу выдающуюся услугу. Благодаря ему, мы могли, въ свою очередь, пройти Шень-Попюле, а Дюмурье, опасаясь, что его отрѣжутъ, отступилъ. Такимъ образомъ мы на дорогѣ къ Парижу.

— Это все обошлось не такъ-то легко,—возразилъ капитанъ д'Эспондейланъ.—Главнокомандующій сдѣлалъ большую ошибку, оставаясь въ бездѣйствіи цѣлыхъ три дня. Онъ могъ бы преслѣдовать якобинцевъ по пятамъ.

— Милостивый государь,—прервалъ его грубымъ тономъ прусскій майоръ Массенбахъ:—вы разсуждаете о томъ, чего не знаете. Наши войска были утомлены, нужно было дождаться подвоза хлѣба изъ Вердена. Впрочемъ, мы разсчитывали, что Дюмурье будетъ защищать проходъ Гранпре. Когда его величество король Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что французскій генералъ ночью отступилъ, онъ сильно разгнѣвался, и мы получили приказъ выступать.

— Все хорошо, что хорошо кончается,—весело сказалъ Жаржей. — Вотъ мы наконецъ и выбрались изъ этихъ знаменитыхъ Аргонскихъ проходовъ, которые должны были для Дюмурье сыграть роль Ѳермопилъ. Завтра или послѣзавтра мы разгромимъ эту армію мастеровыхъ и парикмахеровъ. Посмотрите, господа, небо проясняется, и само солнце выглядитъ по праздничному.

Дождь пересталъ уже около часу. Въ узкія голубыя полосы сквозь облака пробивались солнечные лучи, освѣщавшіе сырой песокъ, быструю рѣку и мокрый лѣсъ. Впереди на фонѣ зелени и нагроможденныхъ облаковъ вырисовывался замокъ Гранпре. По дорогѣ тяжело тянулся цѣлый рядъ экипажей: военныхъ фургоновъ, повозокъ съ мукой, деревенскихъ телѣгъ, колясокъ высшихъ начальствующихъ лицъ. Впереди дорога круто спускалась внизъ. На ней черными пятнами кишѣли полки пѣхоты, эскадроны кавалеріи и артиллерійскія батареи. Отряды уланъ гарцовали по мокрому полю, на которомъ тамъ и сямъ курились выжженныя до тла деревни. Въ промежуткѣ между рядомъ экипажей и главными силами арміи скакали офицеры генеральнаго штаба, оживляя картину своими мундирами разныхъ цвѣтовъ. Лошади ржали и становились на дыбы. Вѣтеръ приносилъ сильный осенній ароматъ лѣса, и повеселѣвшіе всадники полной грудью вдыхали лѣсной ароматъ.

— Согласитесь, господа,—продолжалъ Жаржей:—что мы представляемъ красивое зрѣлище. Недостаетъ только Вандермейлена [1]), чтобы увѣковѣчить наше шествіе.

— Къ несчастью,—возразила канонисса съ горечью:—здѣсь умираютъ люди, горятъ деревни, и это уже портитъ вашу живописную картину.

— Вы находите?— сказалъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ ѣхавшій рядомъ съ нею всадникъ, весь закутанный въ плащъ.— Хотя ему было уже за сорокъ, но его мужественная красота обращала на себя общее вниманіе. Широкій лобъ, глубокіе глаза, твердое выраженіе и классическая красота его лица придавали ему видъ древняго бога. Дымъ и огонь,—продолжалъ онъ съ спокойной улыбкой,—какъ нельзя болѣе идутъ къ батальной картинѣ

— Кто этотъ господинъ?—спросила Гіацинта Жаржея, возмущенная олимпійскимъ спокойствіемъ этого собесѣдника.

— Это Гёте, совѣтникъ его свѣтлости герцога Веймарскаго. Онъ написалъ романъ, который надѣлалъ шуму въ Германіи, и его соотечественники считаютъ его талантомъ...

Въ это время подскакалъ уланъ и сообщилъ Гіацинтѣ, что съ ней желаетъ говорить принцъ Прусскій. Отдѣлившись отъ спутниковъ, она поскакала по направленію, которое ей указалъ курьеръ.

Время отъ времени ей встрѣчались больные и отставшіе солдаты. Прислонившись къ откосу дороги, они сидѣли согнувшись, держась руками за грудь и опустивъ голову на колѣни. Если съ высоты птичьяго полета армія имѣла живописный видъ, то, наоборотъ, вблизи—представляла жалкое зрѣлище. Грязные и сгнившіе отъ дождя мундиры висѣли лохмотьями, дизентерія терзала добрую половину дѣйствующей арміи. Осунувшіеся, усталые, съ потухшимъ взоромъ, люди походили на больныхъ чахоткою.

Канонисса все это видѣла, но надежды, возбужденныя въ ней движеніемъ впередъ, такъ ярко горѣли въ ней, что не давали ея вниманію остановиться на этомъ грустномъ зрѣлищѣ. Она отвернулась, не желая поддаваться жалости и такимъ образомъ разрушать блестящіе миражи, представившіеся ей во всемъ блескѣ на равнинахъ Шампани. Она только и думала, что о предстоящей рѣшительной битвѣ, которая должна была обезпечить побѣду союзнымъ войскамъ, открыть дорогу на Парижъ и освободить королевское семейство. Чрезмѣрное возбужденіе, въ которомъ она теперь находилась, заставило ее забыть даже несчастнаго Божара, котораго она оставила въ Верденѣ и который терзался тамъ отъ неудачъ французской арміи, отъ отъѣзда Гіацинты и наконецъ отъ своихъ собственныхъ невзгодъ.

---

[1]) Голландскій живописецъ (1634—1690), сопровождавшій въ походахъ Людовика XIV. Прим. перев.

Нельзя было однако отрицать, что Гіацинта д'Эризель питала къ Божару очень нѣжное чувство. Но въ этой романической душѣ, привыкшей съ дѣтства смотрѣть на героизмъ, какъ на высшую цѣль жизни, это нѣжное чувство временами какъ бы замирало. Словно огонь маяка въ открытомъ морѣ, перемежающаяся любовь Гіацинты то вспыхивала яркимъ пламенемъ, то холодно потухала. Именно эти-то капризныя вспышки и привлекаютъ даже самаго стойкаго мужчину.

Въ это время Гіацинта была совершенно поглощена своими рыцарскими химерами. Зрѣлище этой арміи, надежда на скорый тріумфъ, мечта о возстановленіи королевской власти и освобожденіи Франціи овладѣли всѣмъ ея сердцемъ и не оставляли тамъ мѣста для ослабляющей нѣжности. Ея взгляды устремились на равнины, которымъ скоро предстояло сдѣлаться славнымъ полемъ сраженія. Ей казалось, что она уже слышитъ звонъ колоколовъ и привѣтственные крики толпы, которая привѣтствуетъ короля въ его версальскомъ дворцѣ.

Ея мечты были внезапно прерваны стукомъ лошадиныхъ копытъ. Она увидѣла, что на освѣщенную солнцемъ дорогу выѣхалъ принцъ Прусскій. Молодой человѣкъ самъ былъ полонъ увлеченія и жаждалъ подвиговъ.

— Извините меня,—сказалъ онъ съ поклономъ:—что я заставилъ васъ разстаться съ вашими друзьями. Но мнѣ хотѣлось поговорить съ вами о неотложныхъ дѣлахъ... Вы знаете, какъ я вѣрю въ вашу преданность. Я дамъ новое доказательство этому, приглашая васъ къ участію въ предпріятіи, которое было рѣшено сегодня ночью на военномъ совѣтѣ.

Онъ ловко повернулъ свою лошадь и поѣхалъ съ лѣвой стороны Гіацинты.

— Герцогъ Брауншвейгскій, — продолжалъ онъ, — изложилъ намъ свой великолѣпный планъ. Онъ предполагаетъ окружить непріятеля, чтобы лишить его съѣстныхъ припасовъ и отрѣзать ему отступленіе. Для этого онъ рѣшилъ, что авангардъ подъ командой князя Гогенлоэ соединится черезъ Аргонскій лѣсъ съ австрійскими и гессенскими войсками, которыя стоятъ въ Клермонѣ и Варенѣ. Князь долженъ овладѣть Вьенъ-ле-Шато, перейти затѣмъ на старую римскую дорогу и выйти на перекресткѣ около лѣса, который называется Пьеръ-Круазэ.

— Я знаю эту мѣстность,—прервала его Гіацинта:—это недалеко отъ стеклянныхъ заводовъ моей тетки С.-Андре.

— Какъ только наши войска вступятъ въ лѣсъ, они могутъ сообразовать свои движенія съ австрійскими полками, которые занимаютъ Варенъ, потомъ—атаковать французскій отрядъ, расположенный въ Шаландѣ, перейти долину Біэма и принудить генерала Дильона покинуть Излеттъ. Затѣмъ мы избѣгнемъ длин-

наго обхода на Гранпре, австрійцы, освободивъ себѣ руки, отбросятъ Дюмурье на поля, гдѣ королевская армія, подкрѣпленная корпусомъ Клерфе и эмигрантами, дастъ ему битву...

— Успѣхъ которой несомнѣненъ! — воскликнула канонисса, блестя глазами:—ибо за него ручаются наше право и наша численность. Этотъ планъ достоинъ генія герцога Брауншвейгскаго.

— Я въ восторгѣ отъ вашего энтузіазма,—отвѣчалъ принцъ,— и я надѣюсь, что вы не откажете намъ въ вашемъ содѣйствіи. Вы, кажется, отлично знаете эту лѣсистую мѣстность, и у васъ тутъ есть многочисленные друзья?

— Моя тетка живетъ на стеклянномъ заводѣ Фуръ-о-Муанъ возлѣ Шалада, и всѣ дворяне этого округа душой и тѣломъ преданы королю. Бѣдный Іеремія Данлупъ доказалъ это при Круа-о-Буа!

— Намъ нужны будутъ надежные люди, чтобы слѣдить за движеніями непріятеля и поддерживать наши сообщенія съ Вареномъ. Герцогъ Брауншвейгскій поручилъ мнѣ спросить васъ, не согласитесь ли вы воспользоваться вашимъ вліяніемъ на кого-либо изъ вашихъ друзей и уговорить ихъ помочь намъ.

— Располагайте мною! — воскликнула она пылко. — Дайте мнѣ инструкцію, и я ее исполню во всей точности.

— Итакъ, приготовьтесь итти съ корпусомъ князя Гогенлоэ, который стоитъ въ деревнѣ Сервонъ. Операціи начнутся завтра очень рано. Когда авангардъ займетъ Вьенъ-ле-Шато и освободитъ дорогу на Шаладъ, вы поѣдете къ вашей теткѣ и установите сношеніе между нами и вашими друзьями-стеклозаводчиками.

— Принцъ, можете разсчитывать на меня... Съ сегодняшняго вечера я буду въ Сервонѣ съ моими вѣрными друзьями Даніелемъ де-Вандіеромъ и Эли де-Курувромъ и ужъ не мы будемъ причиной, если главнокомандующій не одержитъ вновь побѣды.

На другой день съ ранняго утра авангардъ началъ движеніе, которое герцогъ Брауншвейгскій считалъ рѣшительнымъ. Одинъ отрядъ подъ командой принца Гогенлоэ шелъ на городъ Вьенъ, перешелъ Біэмъ и занялъ деревню Аразе, лежавшую на опушкѣ лѣса. Гіацинта, Вандіеръ и Курувръ присоединились къ главному штабу князя.

Первые выстрѣлы съ аванпостовъ генерала Дюваля подѣйствовали на канониссу самымъ возбуждающимъ образомъ, она только и ждала приказанія отправиться черезъ Балантскій лѣсъ въ Фуръ-о-Муанъ. Въ то время, какъ пруссаки готовились къ нападенію на французскій отрядъ, стоявшій на другой сторонѣ Біэма, у воротъ гостиницы, гдѣ находилась главная квартира князя Гогенлоэ, остановился всадникъ. Выглянувшіе въ окна офицеры узнали майора Массенбаха.

— Ваше сіятельство, — сказалъ онъ, быстро входя къ Гогенлоэ:—король приказалъ вамъ отступать на Массижъ.

Князь Гогенлоэ былъ сильно удивленъ такимъ противоположнымъ приказаніемъ и просилъ объяснить, въ чемъ дѣло.

— Что прикажете дѣлать, — отвѣчалъ Массенбахъ недовольнымъ тономъ. — Мы мѣняемъ свои планы чаще, чѣмъ сорочки. Часъ тому назадъ, когда его величество садился за столъ, ему доложили, что Дюмурье оставляетъ свои позиціи у С.-Менехульда. При этомъ извѣстіи Фридрихъ-Вильгельмъ такъ и подпрыгнулъ: «Ага! — вскричалъ онъ, ударяя кулакомъ по столу, — онъ хочетъ ускользнуть, какъ при Гранпре. Но я не дамъ ему времени, и на этотъ разъ мы встрѣтимся носъ къ носу». Затѣмъ, не посовѣтовавшись съ герцогомъ и не считаясь съ его планомъ, его величество приказалъ всей арміи итти прямо по Шалонской дорогѣ и загородить путь французамъ. Мнѣ приказано увѣдомить васъ объ этомъ и предложить вамъ безотлагательно присоединиться къ главной арміи.

Ружейные выстрѣлы, доносившіеся съ опушки лѣса, указывали, что генералъ Дюваль самъ имѣлъ намѣреніе занять Аразе. Князь Гогенлоэ сѣлъ верхомъ и противъ своего желанія отдалъ приказаніе прекратить огонь. Вдругъ онъ замѣтилъ перепуганную Гіацинту.

— Извините меня, — пробормоталъ онъ: — это приказаніе мнѣ очень прискорбно, но я надѣюсь, что герцогъ убѣдитъ въ концѣ концовъ его величество. Вы всего въ полумилѣ отъ Шалада, я попросилъ бы васъ пробраться туда лѣсомъ и повидаться съ вашими друзьями. Вы могли бы намъ быть полезными. Тамъ вы въ большей безопасности могли бы ожидать развитія событій. До скораго свиданія.

Войска уже отступали. Разстроенная канонисса обмѣнялась взглядомъ съ Курувромъ и Вандіеромъ.

— Князь правъ, — сказалъ послѣдній съ своей обычной осторожностью. — Если мы послѣдуемъ за Гогенлоэ, то рискуемъ быть захваченными революціонными войсками, тогда какъ, скрываясь въ лѣсъ, мы здравыми и невредимыми достигнемъ Фуръ-о-Муана, гдѣ м-ль Гертруда будетъ очень рада насъ видѣть.

Эли де-Курувръ раздѣлялъ мнѣніе кавалера. Впрочемъ, времени терять было нечего, ибо слышно было, какъ на другой сторонѣ Біэма французскіе батальоны пѣли громовое «Ça ira». Гіацинта и оба ея спутника вскочили на лошадей и исчезли на лѣсной тропинкѣ, по которой приблизились къ Фуръ-о-Муану на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Солдаты Гогенлоэ быстрымъ шагомъ догоняли главныя силы дѣйствующей арміи.

Королевскія войска остановились въ Массижѣ, гдѣ назначена была дневка. Только что разставили кавалерійскіе пикеты, а фуражиры разсыпались въ поискахъ воды, дровъ и соломы, какъ вдругъ было приказано снова укладываться. Фургоны, повозки,

санитарныя кареты, словомъ, все, что могло замедлять движеніе отряда, было оставлено, и къ тремъ часамъ вся армія тремя колоннами направилась къ долинѣ Турбы.

Для сокращенія пути полки шли прямо полями. Въ прозрачномъ воздухѣ отчетливо было видно, какъ черные ряды двигались по порѣдѣвшему жнивью. Черезъ правильные промежутки люди скрывались въ ложбинахъ и тогда отъ нихъ видны были только одни штыки, какъ будто двигалась какая-нибудь рѣка съ металлическимъ отливомъ. Когда затѣмъ, преодолѣвъ покрытые грязью крутые всходы, солдаты строились въ ряды, то казалось, что эта стальная рѣка какъ будто прыгала съ камня на камень.

Теперь приходилось итти уже настоящей Шампанью, безплодной и обнаженной мѣстностью, гдѣ между чахлыми берегами, пересѣченными мѣловыми трещинами, лѣниво катила свои воды рѣка Турба. Больше не видно было веселой зелени лѣсовъ и виноградниковъ. Только тощій колючій кустарникъ торчалъ, или же тамъ и сямъ разбросанныя группы низкорослыхъ елей нарушали однообразіе желтой плоской равнины. Иногда попадалась покинутая деревушка, въ которой всѣ двери и окна были выбиты. Время отъ времени, когда войска проходили по единственной деревенской улицѣ, какой-нибудь озлобленный крестьянинъ, мстя за разграбленіе, стрѣлялъ изъ окна. Отдѣлялось нѣсколько солдатъ, которые и доканчивали его штыками, сжигали его домъ, и на тускломъ фонѣ сжатаго поля среди нависающихъ сумерекъ загорался пожаръ.

Наступала ночь, и дождь опять принимался хлестать. Онъ лилъ бурными потоками изъ низкаго неба, на которомъ едва можно было различить неясную линію горизонта. Скоро густая тьма спустилась на войска. Они едва шли, скользя въ размокшей глинѣ и попадая въ наполненныя водою рытвины. Такъ какъ разсчитывали захватить армію Дюмурье въ самый разгаръ ея отступленія, то приказано было итти безъ шума. Войска были лишены даже возможности заглушить свою смертельную усталость пѣснями, исполненіе которыхъ облегчаетъ тяжесть ранца и подбадриваетъ даже самыхъ измученныхъ. Эти ряды людей, падавшихъ отъ усталости, промокшихъ до костей и дрожавшихъ въ лихорадкѣ, слышали лишь рѣзкое завываніе вѣтра и шумъ падающаго дождя. То и дѣло передъ колоннами появлялись офицеры, желая побудить ихъ итти скорѣе. Отставшихъ подгоняли саблями. Время отъ времени какой-нибудь бѣдняга, выбившись изъ силъ, падалъ въ грязь и лежалъ недвижимо, тяжело дыша, пока не затихалъ вдали тяжелый шагъ полка.

Къ тремъ часамъ утра войска могли наконецъ перевести духъ въ окрестностяхъ Соммъ-Турбъ, гдѣ остановились главные штабы короля и герцога Брауншвейгскаго. Всѣ снова разсыпались по покинутой деревнѣ, обшаривая и грабя, что можно. Въ поискахъ

за съѣстными припасами и въ особенности за дровами, солдаты не брезгали ничѣмъ: стулья, столы, шкапы, бочки, экипажи — все летѣло въ костеръ. Иногда, чтобы согрѣться хорошенько, зажигали цѣлый сарай или конюшню. Возлѣ составленныхъ въ козлы ружей сидѣли скорчившись передъ огромными кострами люди и молча, удрученные усталостью и отсутствіемъ сна, смотрѣли, какъ пламя прыгало передъ ихъ загипнотизированными глазами.

20 сентября разсвѣтать стало довольно поздно. Стоялъ густой туманъ, сквозь который въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Огни погасли, оцѣпенѣвшіе солдаты потягивались. Приказано было строиться въ ряды. Видно было, какъ въ бѣлесоватой мглѣ мелькали силуэты, направлявшіеся къ ружьямъ, слышался звонъ оружія, отрывистая команда.

Авангардъ двинулся двумя колоннами по дорогѣ, которая вела отъ Меца въ Парижъ. Авангардъ подходилъ уже къ фермѣ Менье, какъ вдругъ красноватое пламя прорѣзало туманъ и глухо прозвучалъ пушечный выстрѣлъ, словно утренній салютъ непріятеля. Пруссаки, не отвѣчая, продолжали двигаться дальше черезъ поле, съ намѣреніемъ какъ можно скорѣе занять большую дорогу. Эскадроны герцога Веймарскаго бросились къ дорогѣ и скакали наугадъ между двумя рядами мокрыхъ отъ тумана тополей. Канонада съ французской стороны все усиливалась. Въ густомъ сѣромъ туманѣ вспыхивалъ огонь и раздавались громовые удары въ двухъ мѣстахъ сразу: съ высотъ горы Ивронъ, гдѣ стояла артиллерія Дюпре-Крассіе, и возлѣ гостиницы Луны, гдѣ находились батареи Келлермана.

Сбитый съ толку, напрасно стараясь открыть непріятеля, который, пользуясь туманомъ, вѣроятно, сталъ отступать, прусскій авангардъ началъ атаку и сквозь непроницаемую сѣть тумана, раздѣлявшаго обѣ арміи, сталъ обмѣниваться выстрѣлами.

Мало-по-малу французскія батареи смолкли. Обѣ стороны на нѣкоторое время остановились, какъ будто бы враги, сдѣлавъ попытку найти другъ друга, убѣдились въ невозможности сражаться ощупью. Въ это время главныя силы союзной арміи вышли наконецъ на возвышенность, гдѣ стояла ферма Менье. Король, герцогъ Брауншвейгскій и офицеры генеральнаго штаба выѣхали впередъ и остановились, сердясь на густую пелену, которая скрывала отъ нихъ непріятеля.

Къ полудню дождь пересталъ. Небо стало выше, чаще, показались даже голубыя мѣста. Порывъ вѣтра, неожиданно разогнавшій туманъ, погналъ бѣлыя дымчатыя полосы. По мѣрѣ того, какъ окрестности становились виднѣе, лица королевской свиты вытягивались все болѣе и болѣе. Безпокойное нетерпѣніе перешло въ остолбенѣніе. Всѣ главныя начальствующія лица, вытянувъ шеи, осматривали въ бинокль непріятельскія позиціи.

Французская армія расположилась по обѣимъ сторонамъ возвышенности Вальми, причемъ оба ея крыла были нѣсколько оттянуты назадъ. Впереди, на равнинѣ неподвижно стояла многочисленная кавалерія, а сзади возвышенность была занята пѣхотой въ полномъ боевомъ порядкѣ. Солнце бросало яркіе лучи на развѣвавшіяся отъ западнаго вѣтра трехцвѣтныя знамена, на полки гренадеръ и играло блестками на штыкахъ. Въ сыромъ воздухѣ гремѣла бурная марсельеза. Въ полевые бинокли видно было, какъ двигались офицеры. Они бодро шли передъ своими батальонами, надѣвъ шляпы на кончикъ своихъ сабель. Громкій крикъ: «Да здравствуетъ нація», выходившій изъ десятковъ тысячъ устъ, доносился до ушей остолбенѣвшихъ пруссаковъ. То была армія парикмахеровъ и ремесленниковъ, которая должна была разсѣяться при первомъ же пушечномъ выстрѣлѣ. Эти войска, которыя разсчитывали найти въ безпорядкѣ, бѣжавшими въ ужасѣ, спокойно и неустрашимо ждали удара врага и готовились къ битвѣ съ криками энтузіазма...

VII.

Разочарованіе.

Въ Фуръ-о-Муанѣ, куда канонисса и ея оба спутника прибыли наканунѣ здравыми и невредимыми, первые часы прошли во взаимныхъ вопросахъ и интимныхъ разговорахъ между теткою и племянницей, которыя не видались съ іюня 1791 г. Гертруда де-Сентъ-Андре, выражавшаяся попрежнему свободно и сохранившая свои либеральныя мысли, хмурила брови, слушая полныя энтузіазма рѣчи Гіацинты. И тамъ канониссѣ пришлось убѣдиться, что не всѣ раздѣляютъ ея воззрѣнія. Гертруда, правда, не мирилась съ низложеніемъ Людовика XVI и относилась съ состраданіемъ къ королевскимъ злоключеніямъ, но, съ другой стороны, она проклинала пруссаковъ и желала успѣха французской арміи. Она не скрывала отъ племянницы, что пребываніе ея на стеклянномъ заводѣ сопряжено съ нѣкоторыми опасностями. Войска генерала Дюваля были расположены въ Шаладѣ, и малѣйшее подозрѣніе могло привлечь солдатъ въ Фуръ-о-Муанъ. Поэтому она начала съ того, что запрятала Гіацинту и ея двухъ друзей въ самыя отдаленныя комнаты дома и посовѣтовала имъ не выходить оттуда. Гіацинта всю ночь не спала въ своей тѣсной комнатѣ и заснула только подъ утро. Вдругъ она проснулась отъ глухого гула, похожаго на отдаленный ревъ бури, и стала прислушиваться. Это были пушечные выстрѣлы, которые неслись изъ-за лѣса, со стороны С.-Менехульда. Навѣрно завязалось рѣшительное сраженіе. Она поспѣшно одѣлась, написала въ волненіи записку на клочкѣ бу-

маги и стала стучать въ дверь комнаты, гдѣ спали Курувръ съ Вандіеромъ:

— Вставайте,—кричала она:—мнѣ нужно поговорить съ вами.

Когда стеклозаводчикъ съ слипающимися глазами вышелъ къ ней въ коридоръ, она прошептала:

— Слышите? стрѣляютъ изъ пушекъ. Обѣ арміи встрѣтились. Я не могу оставаться здѣсь въ невѣдѣніи. Окажите мнѣ услугу. Осѣдлайте вашу лошадь и отыщите полкъ принца Прусскаго. Для васъ, которому отлично извѣстны всѣ здѣшнія дороги, это дѣло какихъ-нибудь двухъ часовъ. Повидайтесь съ принцемъ, передайте ему эту записку и скажите, что я жду его приказаній. Потомъ вечеромъ возвращайтесь сообщить мнѣ о результатѣ сегодняшняго дня.

— Чортъ возьми,—пробормоталъ Курувръ, почесывая голову:— если тамъ дерутся, то, можетъ быть, не время теперь ѣхать къ вашему принцу. Но я люблю ѣздить, а при случаѣ могу пустить пулю. Будьте покойны, я привезу вамъ извѣстіе о битвѣ, или самъ останусь тамъ костьми. До свиданія!

Черезъ четверть часа онъ усѣлся на свою клячу и скрылся въ лѣсу.

Гіацинта вернулась къ себѣ въ комнату, терзаемая муками ожиданія. Она задыхалась въ этой герметически закупоренной комнатѣ; не обращая вниманія на предостереженія Гертруды, открыла выходившее въ садъ окно и, облокотившись на подоконникъ, вперила глаза въ сѣрый паръ, поднимавшійся съ полей.

Вдали все еще слышались пушечные выстрѣлы. Звуки долетали до Гіацинты, нѣсколько смягченные, окутанные туманомъ, словно ватой. Все ея вниманіе было приковано къ этимъ звукамъ. Къ десяти часамъ гулъ сталъ затихать, звуки выстрѣловъ доносились рѣже и наконецъ прекратились. Сначала ей показалось, что она ошибается.

— Какъ, неужели все кончено?

Но вдругъ одна мысль утѣшила ее. Битва, должно быть, кончилась потому, что врагъ бѣжалъ въ безпорядкѣ. Это навѣрно такъ. Развѣ не говорили заранѣе, что якобинская армія пустится бѣжать при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Прусской пѣхотѣ стоило только показаться и ударить въ штыки, чтобы всѣ эти говоруны бѣжали. Теперь, очевидно, союзники идутъ уже на Шалонъ. Тѣмъ лучше. Курувръ вернется скорѣе въ Фуръ-о-Муанъ и тогда ей, въ свою очередь, можно будетъ присоединиться къ корпусу эмигрантовъ. Она отошла отъ окна въ болѣе спокойномъ настроеніи.

Она стала искать въ комнатѣ какую-нибудь книгу, чтобы обмануть свое нетерпѣніе чтеніемъ. Въ полуоткрытомъ ящикѣ стола ей попалась подъ руку забытая старая газета. Со времени отъѣзда изъ Вердена она не имѣла никакихъ извѣстій изъ Парижа. Она

сѣла, чтобы прочитать эту газету отъ 8 сентября. Вдругъ она поблѣднѣла. На первомъ мѣстѣ ей бросилось въ глаза такое сообщеніе:

«Во вчерашнемъ засѣданіи законодательное собраніе, заслушавъ сообщеніе гражданина Токо, рѣшило возбудить судебное преслѣдованіе по обвиненію въ измѣнѣ отечеству противъ членовъ административнаго совѣта департамента Мааса Терно и Божара, которые вошли въ преступные переговоры съ врагами націи и явились въ Верденъ, чтобы скрѣпить своею подписью требованія герцога Брауншвейгскаго».

Съ сокрушеннымъ сердцемъ Гіацинта бросила газету и снова подошла къ окну. При видѣ мокрыхъ и пожелтѣвшихъ уже вязовъ она еще живѣе вспомнила объ этомъ любящемъ и преданномъ другѣ. Душа ея снова была смущена. Ее охватила нѣжность при мысли, что Божаръ согласился явиться въ Верденъ только для того, чтобы быть къ ней поближе. Теперь вожди его партіи отшатнулись отъ него, обвинили его въ измѣнѣ; они грозятъ даже его жизни и все это ради нея. Уколы совѣсти возбудили въ ней желаніе поправить зло, которое она причинила, и она дала себѣ обѣщаніе послѣ побѣды союзныхъ войскъ посвятить себя счастью Божара. Онъ отличается возвышеннымъ умомъ и ясно понимаетъ, что его друзья, якобинцы, ведутъ Францію къ гибели. Послѣдняя несправедливость должна его оттолкнуть отъ нихъ окончательно, и тогда онъ станетъ на сторону праваго дѣла.

«Онъ найдетъ во мнѣ,—думала канонисса,—утѣшеніе. Я буду ему вѣрной подругой. Мнѣ одной онъ будетъ обязанъ своимъ спасеніемъ и своей политической карьерой. Онъ мечталъ служить мятежному народу. Я сдѣлаю изъ него слугу возстановленной монархіи...»

Эта мысль о своей апостольской миссіи и о нѣжномъ покровительствѣ льстила ея химерической мечтѣ, и она ухватилась за нее съ энтузіазмомъ. Въ полной увѣренности, что вечеромъ она услышитъ о побѣдоносномъ шествіи союзной арміи къ Парижу, она строила честолюбивые воздушные замки.

Появленіе де-Вандіера и Гертруды вернуло ее къ дѣйствительности. Осторожная Гертруда рѣшила подать ужинъ, который она приготовила сама, въ комнатѣ Гіацинты. Въ тотъ самый моментъ, когда оба затворника садились за столъ, туманъ поднялся, и лучъ солнца сквозь деревья упалъ на бѣлую скатерть.

— Это хорошее предзнаменованіе,—сказала Гіацинта съ нервической веселостью.

— Выпьемъ же, другъ мой,—сказала она Даніелю, наливая ему въ стаканъ вина,—за успѣхъ нашихъ армій и за возстановленіе короля!

— Ну,—воскликнула Гертруда, пожимая плечами:—выпейте лучше за миръ и за удаленіе этихъ проклятыхъ нѣмцевъ. Возста-

новленіе короля—это, конечно, хорошо, но если война будетъ продолжаться мѣсяцъ, другой, то намъ придется пить за здоровье короля только воду.

— Будьте покойны, тетя,—воскликнула Гіацинта тономъ пророчицы.—У васъ въ одно и то же время будутъ и король, и миръ. Прежде, чѣмъ наступитъ вечеръ, якобинцы получатъ урокъ, котораго они давно заслуживаютъ.

— Ты вѣчно останешься неисправимой. Какъ Донъ-Кихотъ, ты принимаешь свои мечты за дѣйствительность. Вѣчно вѣтряныя мельницы.

Не успѣла она докончить, какъ снова послышались пушечные выстрѣлы со стороны С.-Менехульда.

— Слышите?—пробормоталъ кавалеръ:—опять началось.

Канонада разгоралась съ небывалою яростью.

Канонисса выронила вилку и внезапно подняла голову. Зрачки ея расширились. Она нервно свертывала салфетку, прислушиваясь къ артиллерійскому гулу. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно. Звуки ихъ становились все явственнѣе. Утренняя канонада была ничто въ сравненіи съ этимъ грохотомъ, наполнявшимъ весь лѣсъ. Гіацинта съ тоскою спрашивала себя, не ошиблась ли она въ своихъ расчетахъ. Стало быть, революціонныя войска не разсѣялись, какъ она ожидала, такъ какъ огонь участился. Стало быть, то, что она слышала утромъ, было только схваткой, а настоящая битва началась только теперь.

Аппетитъ у нея пропалъ, и, отодвинувъ стулъ, она вышла изъ-за стола. Сжавъ губы и нахмуривъ брови, она молча расхаживала по тѣсной комнаткѣ, волнуясь все болѣе и болѣе. Канонада лишила аппетита и кавалера. Изъ осторожности онъ закрылъ окно и остановился за занавѣской: заячья натура взяла въ немъ верхъ и лишила его всякаго хладнокровія. При каждомъ выстрѣлѣ онъ содрогался, какъ будто стрѣляли прямо въ него.

Грохотъ батарей становился все сильнѣе и сильнѣе. Когда вѣтеръ дулъ по долинѣ Біэма, въ домѣ дрожали стекла. Можно было подумать, что налетѣвшій ураганъ хотѣлъ вырвать съ корнемъ весь лѣсъ. Въ комнаткѣ всѣ сидѣли безмолвно. Сама Гертруда де-Сентъ-Андре казалась испуганной. Она сидѣла и, вытащивъ изъ кармана вязанье, машинально перебирала спицами. Всѣ трое чувствовали, что этимъ страшнымъ грохотомъ рѣшается что-то страшное. За этими холмами столкнулись и наносили другъ другу страшные удары двѣ расы, два міра. Кто возьметъ верхъ? Кто одержитъ побѣду—вѣковая монархія, или новый порядокъ?..

Взволнованная Гіацинта приходила въ нетерпѣніе отъ вздоховъ и ужасовъ кавалера. Она принудила его отойти отъ окна и открыла его настежъ. Съ бьющимся сердцемъ наклонилась она въ садъ, какъ бы спрашивая въ тревогѣ глубокую рощу и бѣлесо-

ватыя разорванныя облака, которыя черезъ поле сраженія бѣжали дальше на западъ.

Такъ шли ужасные часы. Небо снова покрылось облаками. Стали спускаться сумерки, и гулъ канонады началъ затихать. Слышны были только глухіе рѣдкіе выстрѣлы, затѣмъ все смолкло. Битва кончилась. Аргонскій лѣсъ снова, погрузился въ свое обычное молчаніе. Неподвижно стоя у окна, Гіацинта слышала только шелестъ желтѣющихъ листьевъ. Ближе къ ней въ вязахъ щебетала малиновка, напѣвая свою осеннюю пѣсенку.

Канониссу била лихорадка. Несмотря на предостереженія Гертруды и мольбы кавалера, она упрямо оставалась у окна, надѣясь услышать топотъ лошади Эли Курувра. Ночью разразился страшный ураганъ, какъ будто бы въ потрясенной канонадой атмосферѣ сорвавшіяся съ цѣпи стихіи захотѣли стать эхомъ битвы. Частый дождь принудилъ молодую женщину закрыть окно. Она снова принялась нервно ходить по комнатѣ.

Было около девяти часовъ, когда вниманіе Гіацинты было привлечено двумя выстрѣлами, раздавшимися по направленію къ деревнѣ. Черезъ минуту слышно было, какъ кто-то быстро прошелъ по двору. Гертруда де-Сентъ-Андре, спустившаяся внизъ, чтобы узнать о томъ, что тамъ произошло, появилась снова съ фонаремъ въ рукѣ, толкая передъ собою Эли Курувра.

— Въ васъ стрѣляли!—воскликнула, задыхаясь, Гіацинта.

— Канальи подкараулили меня у опушки лѣса,—отвѣчалъ тотъ запыхавшись:—досталось моему бѣдному коню... Я бросилъ его подъ деревьями. А я... ничего.

— Была битва?

— Да! и стрѣляли изъ пушекъ.

— Якобинцы разбиты!

— Нѣтъ... Они стоятъ на своихъ позиціяхъ... и нѣмцы тоже.

— Стало быть, битва начнется опять?

— Не сомнѣваюсь!

Возбужденіе Гіацинты пало. На всей фигурѣ ея отражалось мрачное уныніе.

— Видѣли вы принца Прусскаго?—спросила она не своимъ голосомъ.

— Это было не такъ-то легко... Меня посылали то къ одному, то къ другому. Наконецъ я нашелъ его возлѣ фермы Менье. Онъ не могъ писать вамъ и только поручилъ мнѣ сказать вамъ, что нужно какъ можно скорѣе отправляться въ Верденъ.

— Въ Верденъ? Почему же? Я приготовилась слѣдовать за главнымъ штабомъ.

Стеклозаводчикъ подмигнулъ съ лукавымъ видомъ.

— Почему? Потому, что вы будете предшествовать ему, а не слѣдовать за нимъ.

— Что это значитъ? Королевская армія не пойдетъ на Парижъ? Курувръ пожалъ плечами.

— Увы! Они потеряли голову. Солдаты страдаютъ желудками, сами начальники не знаютъ, что дѣлать. Между нами будь сказано, война, кажется, порядочно надоѣла имъ, и они преспокойно вернутся домой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Исходъ.

Несмотря на осторожные совѣты принца Прусскаго, канонисса откладывала со дня на день свой отъѣздъ въ Верденъ. Она не рѣшалась покинуть Аріонъ, надѣясь еще получить извѣстіе о второй битвѣ, болѣе рѣшительной, чѣмъ канонада при Вальми. Ей казалось невозможнымъ, чтобы герцогъ Брауншвейгскій могъ отступить уже послѣ того, какъ онъ прошелъ ущелье и преодолѣлъ самыя трудныя препятствія. Но, вспомнивъ рыцарскія чувства Фридриха-Вильгельма, она успокоилась. Каждую минуту она прислушивалась, не дойдетъ ли до нея грохотъ пушекъ. Перваго октября Курувръ отправился въ лѣсъ, по направленію Вилъ-сюръ Турдъ и, вернувшись въ тотъ же вечеръ, объявилъ, что прусскій авангардъ уже въ Массижѣ и главная часть арміи, несомнѣнно, отступаетъ. Всякая надежда была потеряна и дальнѣйшее пребываніе въ Фуръ-о-Муанѣ становилось опаснымъ. Слѣдовало безъ промедленія пользоваться тѣмъ, что дорога изъ Варена въ Верденъ была еще свободна. 3 октября Гіацинта, простившись съ m-lle де-Сентъ-Андре, въ сопровожденіи Курувра и де-Вандіера, поспѣшно отправилась лѣсомъ въ путь.

Въ Верденѣ партія роялистовъ потерпѣла пораженіе. Стало извѣстно, что союзная армія быстро отступаетъ. Пошли неопредѣленные слухи о тайномъ договорѣ, заключенномъ пруссаками съ Дюмурье, и озлобленные эмигранты стали кричать объ измѣнѣ. Тѣ изъ нихъ, которые оставались еще въ городѣ, убѣдились въ значительной перемѣнѣ въ настроеніи жителей. Дружескія семьи, оказывавшія имъ гостепріимство, начинали опасаться за самихъ себя и принимали все съ большей холодностью этихъ опасныхъ гостей. Патріоты становились смѣлѣе. Въ людныхъ мѣстахъ не боялись уже всячески оскорблять бѣдныхъ дворянъ, которые еще отваживались показываться на улицѣ.

Каждый день новыя и новыя происшествія заставляли прозрѣвать тѣхъ, кто еще упрямо сохранялъ кой-какія надежды. 30 сентября стало извѣстно, что король прусскій издалъ приказъ объ освобожденіи Жоржа, мэра Варена, который былъ арестованъ на другой день послѣ сдачи. Его освобожденіе было выговорено Дюмурье при обмѣнѣ плѣнныхъ. Послѣ освобожденія бывшій членъ учредительнаго собранія бросился въ то же утро къ своему старинному другу Божару.

При его появленіи Божаръ сидѣлъ въ гостиницѣ, облокотившись о рабочій столъ въ своей узкой комнаткѣ. Черты его лица обострились, а глаза казались унылыми и усталыми.

— Вотъ я и на свободѣ, милый другъ!—вскричалъ Жоржъ, кидаясь ему на шею:—и я думаю, что родная земля будетъ быстро освобождена отъ пруссаковъ!.. Что вы думаете объ этомъ?.. Какія новости изъ арміи?

— Дюмурье заставилъ врага отступить, и я полагаю, какъ и вы, что республика спасена,—отвѣтилъ Божаръ мрачнымъ голосомъ.

— И вы мнѣ это говорите такъ, какъ будто дѣло идетъ о несчастіи!—воскликнулъ старикъ:—почему вы такъ унылы? Развѣ обстоятельства сложились плохо для васъ?

— Очень плохо... Одинъ изъ послѣднихъ декретовъ законодательнаго собранія объявляетъ Терно и меня измѣнниками отечества...

— Чортъ возьми!—пробормоталъ бывшій членъ учредительнаго собранія, качая головой.—Однако вы, вѣдь, исполнили приказанія департамента и вамъ не въ чемъ себя упрекнуть, не правда ли?..

— Конечно... Я, правда, подписалъ нѣсколько заявленій, но для того, чтобы избавить несчастныя деревни отъ военной расправы.

— Тогда просите надъ собою суда и снимите съ себя скорѣй это несправедливое обвиненіе.

— Мой товарищъ Терно уже уѣхалъ въ Баръ и тамъ готовится къ защитѣ... я разсчитываю съ нимъ тамъ встрѣтиться, какъ только я окончу нѣкоторыя безотлагательныя дѣла и повидаюсь кое съ кѣмъ,—отвѣтилъ Божаръ съ оттѣнкомъ замѣшательства.

— Ну, я бѣгу въ Варенъ обнять жену и дѣтей... Мужайтесь, милый другъ! если я могу вамъ помочь чѣмъ-нибудь, то напишите, и я предоставлю себя въ ваше распоряженіе...

Они разстались, и Божаръ опять впалъ въ состояніе глубокаго нравственнаго унынія. Его несчастіе состояло въ томъ, въ чемъ онъ не рѣшался признаться Жоржу. Онъ оставался въ Верденѣ потому, что никуда не хотѣлъ уѣхать, не повидавъ снова Гіацинты. Со времени отъѣзда канониссы онъ получилъ только два письма отъ нея: одно, написанное подъ впечатлѣніемъ первыхъ успѣховъ Фридриха-Вильгельма, гласило, что она намѣревалась ѣхать въ

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13